



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Doc 3977.44(30-31)



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

30-21

0
L Soc 3977.44

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.



ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЫЙ.

30.



МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1901.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЫЙ



МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

1901.

Печатаю по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стран.</i>
Иванъ Ивановъ. Сень-Симонъ и сень-симонизмъ.....	1—VIII, 1—737.
Романъ Брандтъ. Краткая фонетика и морфология Болгарскаго языка.	1—36.



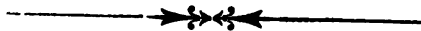
THE
LAW
OF
THE
STATE
OF
NEW
YORK
IN
RELATION
TO
THE
MARRIAGE
RELATION
AND
THE
PROPERTY
OF
WOMEN

И В. И В А Н О В Ъ.

Сенъ-Симонъ

"

сенъ-симонизмъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стран.

I. Основная культурная черта XIX-го вѣка.—Поиски за міросозерцаніемъ.—Признанія Жюффрау и Литтре.—Начало борьбы со скептицизмомъ XVIII-го вѣка.—Общепринятое представленіе о критицизмѣ просвѣтительной философіи.—Односторонность этого представленія.....	1
II. Источникъ отрицательнаго направленія XVIII-го вѣка.—Гоненіе на „системы“ и на духъ систематизаціи у Кондильяка, Даламбера, Вольтера, Руссо.—Критика и скептицизмъ какъ прогрессивная сила у Кондорсе.—Вопросъ объ энтузіазмѣ у Гольбаха.....	15
III. Созидательскія идеи просвѣтителей.—Два типа созидателей: <i>метафизики—резомеры</i> и <i>метафизики натуралисты</i> .—Кодификація естественныхъ догматовъ у Вольтера.—Вопросъ о <i>спирѣ</i> у Даламбера и Руссо.....	27
IV. Психологія Руссо, какъ философа.— <i>Естественная</i> и <i>гражданская</i> религія.—Вопросъ о политической организаціи религіозной системы.....	38
V. Систематики-натуралисты.—Значеніе открытія Ньютона.—Попытки распространить законъ тяготѣнія на всю область человѣческаго вѣдѣнія.—Основная психологическая черта „естественно-научнаго“ мышленія въ XVIII вѣкѣ.—Дидро, какъ систематизаторъ опытовъ и наблюденій.....	51
VI. Натуралистическая систематизирующая метафизика у Ламеттри, Гольбаха и Гельвеція.—Протестъ Дидро и неустойчивость его личнаго міросозерцанія.....	63
VII. Созидательскія попытки на почвѣ философско-историческихъ идей.—Понятіе о <i>прогрессѣ</i> въ XVIII вѣкѣ.— <i>Чувствительный</i> и <i>полемиическій</i> характеръ этого понятія.—Вопросъ о точномъ изствдованіи моральныхъ и общественныхъ явленій—у Докка, Кондильяка, Даламбера.—Критическая и систематизирующая философія Тюрго.—Ея <i>положительный</i> характеръ, исключительный среди современныхъ умственныхъ теченій.....	82
VIII. Ученіе Тюрго о прогрессѣ, какъ эволюціи.—Схема трехъ культурныхъ стадій.—Положительное содержаніе „десятой“ эпохи	

Кондорсе.—Вопросъ о методѣ историческаго изслѣдованія.—Понятіе *philosophie générale* въ связи съ понятіемъ *позитивная философія*.—Общій выводъ о попыткахъ философскаго строительства въ философіи XVIII-го вѣка..... 94

IX. Схема культурнаго движенія, — смѣна эпохъ — догматической и критической.—Приложеніе схемы къ XVIII вѣку и къ революціи.—Вопросъ о міросозерданіи въ революціонныхъ собраніяхъ.—Переходъ церковной реформы въ религіозную.—Борьба доктринъ при конвентѣ.—Попытки религіознаго и церковнаго творчества на почвѣ просвѣтительной философіи..... 107

X. Робеспьеръ какъ представитель религіозной и политической реакціи.—Связь культа Верховнаго Существа съ реставраціей католичества.—*Теофилантропія*, какъ послѣдняя революціонная попытка извлечь религіозную систему изъ философіи XVIII вѣка.—Постепенное оффиціальное оживаніе католичества.—Культурное значеніе Конкордата, какъ свидѣтельства о моральномъ разложеніи старой доктрины..... 122

XI. Внѣоффиціальныя стремленія современниковъ революціи — найти доктрину. Вопросъ объ обновленіи христіанства и о сліянніи религіи съ наукой.—Религіозныя теченія — реакціонное, философское и мистическое.—Ихъ внутренняя взаимная связь.—Труды по исторіи религіозной идеи.—Появленіе эволюціонныхъ представленій въ области религіи.—Воздѣйствіе идей опытныхъ наукъ на религіозныя теченія пореволюціонной эпохи и связь этого воздѣйствія съ научно-преобразовательными мѣрами революціи..... 142

XII. Научно-энциклопедическое и научно-систематизирующее теченіе при революціи.—Вопросъ о созданіи и распространеніи новой морали и политики путемъ усовершенствованія наукъ и просвѣщенія націи.—Гражданская роль ученыхъ.—Учрежденіе политехнической школы.—„Революціонныя“ курсы и преподаватели.—Дѣятельность Биша.—Нормальная школа и ея отчеты. Національный институтъ, — его философско-организаторское значеніе.—Естественное-научное движеніе въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.—Философское значеніе трудовъ Лавуазье, Ламарка, Кабаниса и Галля.—Вопросъ о системѣ принциповъ на научной почвѣ..... 162

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Судьба Сень-Симона въ историко-философской литературѣ.—Автобиографическіе отрывки и самооцѣнительныя характеристики въ сочиненіяхъ Сень-Симона.—Полемика съ Лампасомъ..... 182

II. Вопросъ объ *жизненіи* въ признаніяхъ Сень-Симона.—*Lettres philosophiques et sociales*.—Послѣдній актъ биографическаго отрывокъ и обращенія Сень-Симона къ оффиціальнымъ лицамъ 195

III. Ближайшіе наблюдатели личности и жизни Сень-Симона.— Его учебник — Тьерри, Контъ, Родригъ. — Личныя и идейныя отношенія съ Тьерри. — Вопросъ о взаимныхъ влияніяхъ учителя и ученика. — Внутреннее разногласіе историческихъ и политическихъ воззрѣній Сень-Симона и Тьерри..... 219

IV. Конституціонный либерализмъ, освобожденіе общинъ и политическая роль легистовъ по представленіямъ Сень-Симона и Тьерри. — Общій выводъ о значеніи для Сень-Симона сотрудничества Тьерри.. 226

V. Сень-Симонъ и Контъ. — Контъ до знакомства съ Сень-Симономъ. — Раннія сообщенія Конта о личности Сень-Симона, — и рѣзкая перемена ихъ характера. — Polemica сень-симонистовъ съ Контомъ. — Позднѣйшіе отзывы Конта объ отношеніяхъ съ Сень-Симономъ, объ его личности и философіи. — Рѣшеніе вопроса у мѣренныхъ и рѣшительныхъ послѣдователей Конта. — Участіе въ вопросѣ сень-симонистовъ. — Рѣшеніе его въ историко-философской литературѣ.. 239

VI. Первичный философскій матеріалъ для рѣшенія конто-сень-симоновскаго вопроса. — Сопоставленіе идей Конта до и послѣ знакомства съ Сень-Симономъ. — Polemica Конта съ Сень-Симономъ во время личнаго отношенія съ нимъ. — Участіе Конта въ сборникѣ Сень-Симона *Индустрія*. — Связь его идей съ сень-симоновскими. — Сопоставленіе текстовъ. — Идеи, преподаваемые Контомъ въ его письмахъ къ Сень-Симону. — Вопросъ о самостоятельности Конта въ эпоху писемъ..... 259

VII. Личная переписка Конта, какъ отраженіе идей Сень-Симона. — Участіе Конта въ сборникѣ *Политикъ*. — Вопросъ объ *общественномъ мнѣніи* въ доктринѣ Конта. — Толкованіе Лафитта. — Статьи Конта, напечатанныя Лафиттомъ. — Статья Конта въ сборникѣ *Организаторъ*. — Практическая программа Конта..... 287

VIII. Сопоставленіе статьи Конта изъ *Организатора* съ ученіемъ Сень-Симона до его знакомства съ Контомъ. — Вопросъ о „способностяхъ“ и „властяхъ“ и о политическомъ развитіи общинъ. — Различныя сужденія Конта при Сень-Симонѣ и въ *Курсѣ позитивной философіи*. — Идея диктатуры у Конта. — Вопросъ объ анализѣ историческихъ явленій и о комбинаціяхъ культурныхъ силъ въ Англии и во Франціи. — „Мелкія работы, относящіяся къ основанію социальной науки“, напечатанныя Лафиттомъ. — Контъ и Кондорсе. — *Система позитивной политики*, вошедшая въ составъ сочиненія Сень-Симона. — Сужденія Сень-Симона и Конта объ ихъ взаимныхъ философскихъ разногласіяхъ. — Вопросъ о способностяхъ *индустриальной, философской и научной*. — Односторонность Конта. — Процессъ организаціи доктрины у Сень-Симона и Конта. — Мѣсто *индустриальной способности* въ философіи Сень-Симона. — Патетическій вопросъ въ философіи Конта. — Смыслъ объясненій философскихъ..... 302

IX. Исторія соціологическаго закона Конта.—Судь Конта надъ своими предшественниками.—Отношеніе къ Кондорсе и къ Тюрго.—Элементы соціологическаго закона въ сочиненіяхъ Сень-Симона.—Вопросъ о промежуточной или метафизической стадіи.—Другія идеи *Системы позитивной политики* и ихъ связь съ ученіемъ Сень-Симона.—Вопросы о свободѣ совѣсти, объ эволюціонномъ взглядѣ на исторію, о личности..... 326

X. Психологическая почва отношеній Конта къ Сень-Симону.—Отношенія Конта къ Ламенэ, Миллю, Блэнвиллю, Луттре.—Общій выводъ 346

XI. Третій ученикъ Сень-Симона—Олэндъ Родригъ.—Его участіе въ сочиненіи Сень-Симона *Новое христіанство*.—Встрѣча съ Анфантэномъ и Базаромъ.—Роль Анфантэна въ судьбѣ сень-симонизма.—Междоусобица Анфантэна и Базара.—Вопросъ о мистическомъ настроеніи и его догматизаціи.—Возникновеніе іерархіи.—Начало расколовъ и сецессій.—Догматы о *реабилитации матерн*, его отношеніе къ ученію Сень-Симона и выводы Анфантэна.—Разрывъ съ Базаромъ и Родригомъ 358

XII. Судьба имени Сень-Симона во время преобразованія школы въ церковь.—Прославленіе Сень-Симона и равнодушіе сень-симонистовъ къ распространенію и выясненію его ученія.—Предпріятіе Родрига.—Исторія сочиненій Сень-Симона при его жизни.—Изданія Родрига и душеприказчиковъ Анфантэна.—Современное положеніе бібліографическаго сень-симонистскаго вопроса..... 381

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. Высшая неупорядоченность писаній и идей Сень-Симона и ея психологическая основа.—Семья, молодость и воспитаніе Сень-Симона.—Пребываніе въ Америкѣ и вліяніе американскихъ омытовъ на идеи Сень-Симона.—Странствія Сень-Симона.—Вопросъ объ его философскихъ задачахъ наканунѣ революціи..... 407

II. Противорѣчія между философскими идеями и политическими законами революціи.—Вопросъ о собственности.—Соціальныя мѣры революціи и крайнія соціальныя идеи.—Возникновеніе практическаго соціального вопроса и его идейная связь съ заявленіями умѣренныхъ дѣятелей революціи.—Развитіе соціальной смуты и демократическая конституція..... 418

III. Борьба классовъ въ якобинской идеологіи.—Охранительный характеръ конституціи III года.—Бабувизмъ и его связь съ политическимъ якобствомъ и съ романтическимъ социализмомъ XVIII-го вѣка.—Экономическій деспотизмъ въ ученіи бабувистовъ и его практическіе результаты..... 434

IV. Поведеніе Сень-Симона во время революціи.—Сень-Симонъ—политическій радикалъ: рѣчь и адресъ.—Отрезвленіе Сень-Симона.—

Операції съ національними имуществами.—Вліяніе революціонныхъ опытовъ на воззрѣніа Сенъ-Симона.—С'юзъ съ Редерномъ.—Общественное положеніе Сенъ-Симона при революціи.—*Необходимо считать революцію.*—Вопросъ о *физико-политическомъ* поприщѣ.—Сношенія Сенъ-Симона съ учеными.—Блэнвилль.—Бюрдэнъ.—Способъ Сенъ-Симона пользоваться чужими идеями..... 445

V. Бесѣда съ Бюрдэнномъ въ 1798 году.—Схема культурной эволюціи.—Стадіи—гадательная и позитивная.—Классификація наукъ.—Организаторская роль науки и философіи.—Бугонъ и Эльснеръ—помощники Сенъ-Симона въ установленіи физиологическаго и культурно-историческаго рядовъ по принципу эволюціи.—Практическое выполненіе Сенъ-Симономъ физико-политической задачи.—Слушаніе лекцій и путешествіе.—Вопросъ о германской *общей наукѣ.*—Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, какъ возможные учителя Сенъ-Симона.—Первое сочиненіе Сенъ-Симона.—Отголоски идей XVІІІ-го вѣка и событій революціи.—Новая общественная организація на основаніи комбинаціи четырехъ элементовъ: ученыхъ, артистовъ, собственниковъ и несобственниковъ.—Философскій и практическій смыслъ организаціи 464

VI. Стремленіе Сенъ-Симона построить социальную организацію на почвѣ систематизированныхъ точныхъ и опытныхъ наукъ.—*Введеніе къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка.*—Планъ сочиненія и его выполненіе.—Сужденія Сенъ-Симона о Декартѣ и Ньютонѣ.—Законъ тяготѣнія въ его философіи.—Энциклопедическое и культурно-историческое древо.—Сужденіе Сенъ-Симона объ идеѣ прогресса у Кюндорсе.—Вопросъ объ эволюціи религиозныхъ воззрѣній.—*Физиками* Сенъ-Симона.—Взглядъ Сенъ-Симона на организаторскую политику Наполеона.—Истинный смыслъ восторговъ философа предъ его личностью и дѣятельностью.—Первая схема культурной и психологической эволюціи *общей науки.*—Соціальные мотивы во *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка* 484

VII. Эволюція философіи Сенъ-Симона.—Переходъ отъ космологіи къ соціологіи.—Выясненіе идеи энциклопедіи наукъ и понятія позитивной философіи.—Идея Бога.—Вопросъ о религіи, какъ историческомъ явленіи.—Появленіе публицистической струи въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона.—Политическая программа, предписываемая философомъ Наполеону.—Политически-просвѣтительное значеніе исторической науки.—Культурная оцѣнка среднихъ вѣковъ.—Литературный характеръ сочиненій Сенъ-Симона *Travail sur la gravitation* и *Mémoire sur la science de l'homme.*—Послѣдніе отголоски *физичизма.*—Философская и фактическая картина естественной эволюціи челоѣчества.—Культурныя стадіи.—Значеніе духовной власти въ средніе вѣка.—Вопросъ о позитивной доктринѣ и позитивной духовной власти.—Публицистическіе инстинкты Сенъ-Симона и ихъ значе-

ніе въ развитіи его философскихъ идей. — Вопросъ о координаціи философскихъ и политическихъ моментовъ эволюціи 504

VIII. Основы культурной *статикъ* и *динамикъ* въ космологическихъ работахъ Сень-Симона. — Вопросъ объ исключительно-философскомъ содержаніи ранняго мышленія Сень-Симона. — Сень-Симонъ—политическій писатель. — *Индустрія* и *индустриализмъ*. — Вопросъ о происхожденіи *индустриальнаго* течения въ философіи Сень-Симона. — Журнальныя статьи философа. — Связь его мышленія съ современнымъ развитіемъ политико-экономическихъ идей и промышленнаго труда. — Вопросъ о вліяніи на Сень-Симона Адама Смита, Сэя. — Понятіе о *производителѣ*. — Нравственно-соціальное направленіе въ политической экономіи. — Наблюденія Сисмонди и отношеніе ихъ къ социальнымъ воззрѣніямъ Сень-Симона 525

IX. Смыслъ индустриальнаго прогресса по толкованію Сень-Симона, Монлозье и Тьерри. — Бурбоны и индустриалы. — Вопросъ о совпаденіи нѣкоторыхъ философско-историческихъ идей Сень-Симона съ воззрѣніями реакціонной политики и съ идеями политико-экономовъ. — „Индустриальный матеріализмъ“ у Сень-Симона. — Экономическое ученіе о правительственномъ невмѣшательствѣ въ философіи Сень-Симона. — *Правительство* и *администрація*. — Культурный и философскій смыслъ, извлеченный Сень-Симонемъ изъ современной политической экономіи. — Сень-Симонъ, какъ конституціонно-либеральный политикъ. — Вопросъ о *цѣли* и *формѣ* общественной организаціи. — Философское ученіе въ сочиненіи, подписанномъ Сень-Симонемъ и Тьерри. — Непрерывность и устойчивость основнаго сень-симоновскаго философскаго принципа 540

X. Общій характеръ сочиненій Сень-Симона во второй—соціологической—періодъ его дѣятельности. — Логическая эволюція соціальной мысли Сень-Симона. — Понятіе о XIX вѣкѣ, какъ эпохѣ изобрѣтательной и органической. — Общая основа соціальной организаціи. — Процессъ выработки организаторскаго принципа. — Общее заключеніе о *статикѣ* и *динамикѣ*. — Вопросъ о вмѣшательствѣ личности въ историческій процессъ. — Сравненіе соціальной динамики Сень-Симона съ соціологическимъ закономъ Конта. — Вопросъ объ органической связи элементовъ матерьяльнаго и умственнаго прогресса въ каждой стадіи. — Представленіе Конта о взаимныхъ отношеніяхъ теологіи и феодализма, индустріи и науки. — Рѣшеніе вопроса въ сень-симонистской школѣ. — Искусственность и тенденціозность контовскаго закона. — Координація элементовъ у Сень-Симона. — Сущность исторической эволюціи у Сень-Симона и Конта. — „Научный“ и „индустриальный“ *ряды фактовъ*. — Сень-симоновское толкованіе индустриальнаго прогресса и его перваго момента освобожденія общинъ. — Понятіе новой собственности. — Культурная роль легистовъ и духовенства. — Два направленія „плебейскаго“ труда. —

Прогрессивный характер средне-вѣковой теологической власти и отношеніе ея къ индустріальному и научному движенію. — Необходимость раздѣльнаго изученія теологіи и феодализма, какъ взаимно-независимыхъ элементовъ одной и той же эволюціонной стадіи 556

XI. Критическая оцѣнка философіи XVIII-го вѣка, революціи и конституціоннаго строя съ точки зрѣнія сень-симоновскаго философско-историческаго ученія. — Эволюціонное понятіе о *свободѣ* — и сравненіе его съ метафизическимъ. — Политическая *форма* и экономическая *основа*. — Англійская конституція, какъ режимъ переходной. — Критика современной конституціонной политической борьбы. — Партіи — неподвижная, ретроградная и либеральная. — Бонапартизмъ, его связь съ либерализмомъ. — *Буржуа* и *индустриалы*, какъ основные классы современнаго общества. — *Парабола*. — Перечисленіе и опредѣленіе индустріаловъ. — Вопросъ о классовой дифференціаціи индустріаловъ. — Политическіе и экономическіе интересы предпринимателей и рабочихъ. — Отношеніе Сень-Симона къ вопросу о классовой борьбѣ. — Элементъ чувствительности и идеализма въ его соціальныхъ планахъ 575

XII. Организаторскіе планы Сень-Симона. — Путь и способъ ихъ осуществленія. — Подготовительные и частные проекты. — Мотивы ихъ современной парламентской политики. — Политическое значеніе движимой собственности. — Вопросъ о мобилизаціи недвижной собственности и превращеніи ея въ индустріальную. — Замѣна профессиональной юстиціи индустріальною. — Роль монархической власти въ соціальныхъ преобразованіяхъ. — *Бюджетъ* и *доктрина*. — Вопросъ о распространеніи нравственнаго ученія, независимаго отъ церковнаго. — Соціальныя системы Сень-Симона. — Общія основы ихъ и различныя комбинаціи основныхъ принциповъ. — Взаимныя отношенія индустріи и духовной власти. — Верховная координирующая коллегія. — Вопросъ объ организаторской роли артистической способности. — Участіе въ организаціи „теологовъ“ и вопросъ о религіозномъ мотивѣ въ философіи Сень-Симона. — Нравственное и соціальное значеніе чувства. — Сужденія Сень-Симона о христіанствѣ. — Философское понятіе божественной воли. — Всеобъемлющій смыслъ евангельской морали и историческая эволюція ея практическихъ приложений. — Кодексъ чувствъ и комбинація интересовъ. — Соціальный идеаль на почвѣ интересовъ. — *Associés* и *sociétaires*. — Принципъ интересовъ въ системѣ народнаго образованія. — *Новое христіанство*. — Еретическій характеръ католичества и протестантства. — Критическія заслуги Лютера и недостатки его организаторской дѣятельности. — Мораль, догма и культъ. — Формула евангельской морали въ приложеніи къ современному уровню цивилизаціи. — Обращеніе къ государямъ. — Невыполненные планы Сень-Симона. — Элементы культа и догмы сень-симоновской религіи. — *Символъ вѣры*. — Смерть Сень-Симона 594

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. Философскіе и соціальные вопросы, не разрѣшенные Сень-Симономъ, — неясности, противорѣчія и незаконченность нѣкоторыхъ его идей. — Возникновеніе журнала <i>Producteur</i> . — Программа основателей. — Ближайшіе выводы изъ ученія Сень-Симона. — Развитие индустріальнаго ряда. — Идея дифференціаціи индустріальнаго класса. — Общій характеръ ученія сень-симонистовъ въ эпоху <i>Производителя</i>	631
II. Полемика. — Вопросы о догматизмѣ, о свободѣ совѣсти. — Идея авторитета. — Роль политехнической школы.	642
III. Распространеніе доктрины. — <i>Exposition de la doctrine</i> . — Дополненія и разъясненія къ идеямъ Сень Симона. — Вопросъ о реорганизаціи собственности. — Исторія права собственности. — Вопросъ о коммунизмѣ. — Попытки современнаго государства — организовать индустрію. — Значеніе банковъ.....	651
IV. Осуществленіе сень-симонисткаго индустріальнаго принципа. — Назначеніе и психологія <i>художественной способности</i> . — Вопросъ о гениі, вдохновеніи и о гипотетическомъ элементѣ. — Практическое значеніе чувства. — <i>l'Homme général</i> . — Взаимное отношеніе вѣры и знанія.....	
V. Идея <i>священника</i> . — Единство соціального строя и единство доктрины. — Пантеизмъ сень-симонистовъ. — Практическіе вопросы въ сень-симонизмѣ. — Воспитаніе, образованіе и законодательство. — <i>La loi vivante</i> . — Ассоціація и теократія.....	668
VI. Политика сень-симонистовъ. — Вліяніе іюльской революціи на сень-симонизмъ. — Періодъ проповѣдничества. — Услѣхи пропаганды.	681
VII. Политическое содержаніе <i>Проповѣдей</i> . — Борьба съ либерализмомъ. — Защита пролетаріата. — Религіозно-соціальный догматъ. — Переходъ къ практической дѣятельности. — „Банкъ работниковъ“. — Докладъ Фурнеля. — Разцвѣтъ анфантанізма и разложеніе сень-симонизма. — Процессъ и возвращеніе къ индивидуализму. — Общій взглядъ на роль Анфантана.	690
VIII. Литература о Сень-Симонѣ и сень-симонизмѣ съ тридцатыхъ до конца шестидесятыхъ годовъ.....	701
IX. Литература о Сень-Симонѣ и сень-симонизмѣ отъ семидесятыхъ до конца девяностыхъ годовъ.....	715
X. Выводы и заключеніе.....	725

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Среди многочисленныхъ характеристикъ, какія изобрѣтались для девятнадцатаго столѣтія учеными, поэтами и мыслителями самой распространенной отъ начала до конца остается одна: нашъ вѣкъ лишень опредѣленной и цѣльной системы нравственныхъ воззрѣнй, у него нѣтъ міросозерцанія, нѣтъ вѣры и религіи въ широкомъ общечеловѣческомъ смыслѣ. Это — вѣкъ *потрясенный*, вѣкъ *безъ доктрины*, живущій въ *шатразахъ*, утратившій прочную надежду и смѣлый размахъ идей ¹⁾. У наиболѣе впечатлительныхъ душъ, — у поэтовъ, — его наступленіе сопровождалось грустными и даже мрачными мотивами разочарованія, сарказма отчаянія. Поэзія говорила о навсегда поблекшей жизни, объ опустѣломъ мірѣ, о безнадежно застывшихъ сердцахъ, — и самая громкая слава встрѣчала именно тѣхъ поэтовъ, кто умѣлъ особенно сильными красками рисовать безплодное прошлое челоѣчества и его столь же беспросвѣтное будущее.

И все-таки не самыя разочарованные поэты дали основной и убѣдительный тонъ безпріютнымъ поколѣніямъ. Тоска поэтовъ очень часто могла быть пріурочена къ источникамъ, не имѣвшимъ положительнаго — нравственнаго и культурнаго значенія. Къ Чайльдъ-Гарольдамъ мелкаго и даже крупнаго масштаба можно было безошибочно примѣнить психологическое наблюденіе Вовенарга: «когда наслажденія истожили насъ, мы начинаемъ вѣрять, что мы истожили наслажденія и говоримъ, ничто не можетъ наполнить сердца чело-

¹⁾ Renan. *L'Avenir de la science*. P. 1890, 383, 493.

вѣка». Біографіи разочарованныхъ героевъ, обстоятельно излагавшіяся поэтами, краснорѣчиво иллюстрировали эту истину. Современники и потомство могли вполнѣ спокойно примириться съ фактомъ, что нѣтъ *доктрины* у донъ Жуана, у Ролла и прочихъ «сыновей вѣка» и «героевъ времени».

Но совершенно другой смыслъ получало явленіе, когда предисловіемъ ему служили не первыя строфы байроновской поэмы, а автобіографическій разсказъ Фауста, когда французскій писатель не зналъ, что дѣлать и что любить среди *неопредѣленности принциповъ*, а нѣмецкій поэтъ произносилъ смертный приговоръ всѣмъ старымъ источникамъ принциповъ — свѣтскимъ и священнымъ наукамъ ¹⁾. Послѣ цѣлой жизни, потраченной на эти науки, ученый восклицалъ: *Da steh'ich nun, ich armer Thor!* — и сознание *глупости* и *безусловнаго несодѣлннн*—жгло его сердце отчаяніемъ. И рядомъ съ нимъ то же состояніе долженъ испытать представитель другого еще нежившаго поколѣнія. «Духъ отрицанія» въ единственномъ случаѣ оказался единомышленникомъ Фауста, когда не въ порывѣ тоски, а въ блескѣ злобнаго издѣвательства подвергъ казни тѣ же науки и тѣ же принципы. По существу онъ выполнилъ порученіе обманутаго идеалиста и заставилъ *ученика* почувствовать также *безсильную глупость* и *одуряющее юловокруженіе* ²⁾.

Вотъ въ эти именно моменты открывался длинный мартирологъ, именуемый умственной исторіей XIX-го вѣка. Съ этихъ поръ не проходило ни одного поколѣнія, не заявившаго жалобъ на свою идейную безпріютность и нравственную безпочвенность среди самыхъ шумныхъ событій политики и ослѣпительныхъ успѣховъ науки. И жалобы шли не отъ чувствительныхъ поэтовъ, а отъ мужественныхъ мыслителей и трезвыхъ ученыхъ. Бодрые въ практической борьбѣ и въ научныхъ изслѣдованіяхъ,—они превращались въ меланхолическихъ мечтателей, лишь только заходила рѣчь о *доктринахъ*, объ общей нравственно-одушевляющей принципиальной истинѣ.

Тогда эти люди говорили:

¹⁾ Senancour. *Réveries*: «Que faire et qu'aimer au milieu de la folie des joies et de l'incertitude des principes?».

²⁾ Mir wird von alle dem so dumm.

Als ging' mir ein Mubirad im Kopf herum

«Существовали доктрины, сохраненныя преданіемъ, развитыя временемъ,—онѣ представляли одно цѣлое—сущность человѣческаго разума и основу общества. Что сталося съ нимъ? Что создано на мѣсто ихъ? Гдѣ истины, ихъ замѣнившія? Что теперь есть виолнѣ определенное? Во что вѣруютъ, что знаютъ относительно того, что больше всего интересуется человѣка? Сходятся ли на какомъ-либо принципѣ, на основаніи котораго разумъ, утратившій свое древнее достоиніе, могъ бы совершать новыя побѣды? Нѣтъ! Все отвергнуто, все низвержено и съ этихъ самыхъ развалинъ современная гордость провозглашаетъ славу вѣка, который не завѣщаетъ наслѣдникамъ ничего, кромѣ сомнѣній»¹⁾.

Это—слова философа и политика, совершившаго необыкновенно бурный путь къ тщетно-искомой истинѣ. Въ то же время и такое же настроеніе переживалъ ученый естествоиспытатель, казалось бы, совершенно поглощенный безграничными горизонтами своей науки. Она не принесла ему прочнаго душевнаго мира. Среди великихъ изслѣдованій и выводовъ онъ чувствовалъ себя «одинокимъ путникомъ». «Печальныя отвлеченія философин» оставляли его холоднымъ; не могъ онъ присоединиться и къ «поверхностнымъ умамъ», беззаботно забывающимъ о великихъ загадкахъ, потому что онѣ кажутся неразрѣшимыми. И тогда голосъ поэта, говорившій о вѣчныхъ вопросахъ,—показался ему желаннымъ голосомъ друга,—даже голосъ Ламартина—Жоржу Кювье!²⁾.

Поэтъ говорилъ о мучительности сомнѣній, воспѣвалъ счастье наивной надѣющейся души, съ юношеской искренностью изображалъ восторги просвѣтленнаго вѣрою сердца, и всѣ эти рѣчи вызвали радостный и благодарный откликъ.

Но это было только впечатлѣніемъ, — и даже самъ поэтъ нуждался въ чужой помощи, чтобы излѣчиться отъ сомнѣній. Вскорѣ онъ выпустилъ книгу еще болѣе гармоническихъ стиховъ и здѣсь сознавался, что въ самыя лирическія минуты, среди тщательнѣйшихъ

¹⁾ Lamennais. *Seconds Mélanges*, P. 1835, p. 211—2. *De l'orgueil dans notre siècle* (1820).

²⁾ Рѣчь Кювье во франц. академіи. *Réponse de M. le baron Cuvier au discours de réception de M. de Lamartine, séance du 1-e avril, 1830*. Кювье вспоминалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при появленіи *Méditations poétiques*. 1820.

поисковъ истины—«всегда недоставало какой-нибудь стертой буквы въ божественномъ имени», и ему на своемъ музыкальномъ и вѣжномъ языкѣ приходилось повторять суровыя мысли Фауста ¹⁾).

А другіе, менѣе чувствительные и не знавшіе наслажденія поэтической музыкой, тѣ видѣли передъ собой фаустовскую драму во всей ея логической послѣдовательности, безъ всякаго вмѣшательства романа и фантазіи. Духъ времени охватывалъ ихъ знобящихъ холодомъ не потому, что они разочаровывались въ радостяхъ жизни, преимущественно въ любви, а потому что послѣ разрушенныхъ вѣковыхъ доктринъ предъ ними лежалъ путь безъ цѣли и смысла. «Разъ авторитетъ христіанства былъ подвергнутъ сомнѣнію въ глазахъ разума,—говоритъ представитель того же поколѣнія,—разумъ почувствовалъ, какъ колеблется въ основѣ всѣ его убѣжденія. Чтобы укрѣпить ихъ, онъ долженъ былъ изслѣдовать ихъ цѣнность, и съ какимъ бы безпристрастіемъ онъ ни велъ это изслѣдованіе, онъ заканчивалъ его скептицизмомъ» ²⁾).

И эта разрушительная работа, по разъ данному толчку, совершалась медленно, вела неуклонно къ пропасти свою жертву, даже мимо ея сознанія. Это—*невольная*, стихійная работа анализа—неизбѣжная и непреодолимая съ того самого момента, когда сомнѣніе поразило первичную и всеобъемлющую основу всякихъ принциповъ. Процессъ, наконецъ, приходитъ къ окончательному результату, — и мы слышимъ все ту же фаустовскую исповѣдь, въ формѣ совершенно прозаической, но тѣмъ болѣе искреннюю и исторически-реальную.

Предъ нами два тождественныхъ признанія, хотя они идутъ отъ людей, различныхъ по своей личной психологии и по направленіямъ философскаго ума. Но время настигло ихъ однимъ и тѣмъ же несчастьемъ, и они именно такъ называютъ свое нравственное состояніе и единодушно приписываютъ его эпохѣ, ихъ воспитавшей.

Рѣчь одного по глубинѣ чувства и красотѣ выраженія можетъ стать рядомъ съ какимъ угодно драматическимъ монологомъ. Философъ рассказываетъ, какъ онъ въ ранней молодости былъ счастливъ счастьемъ, какое дается живой и прочной вѣрой въ доктрину, разрѣшающую всѣ великіе вопросы, нужные человѣку... «Но въ то

¹⁾ *Harmonies poétiques et religieuses. смх.* Pourquoi mon ame est-elle triste?

²⁾ Jouffroy. *Nouveaux Melanges philosophiques.* P. 18^o2, p. 82—3.

время, когда я родился; это счастье не могло быть продолжительнымъ, и насталъ день, когда изъ вѣдръ мирнаго зданія, которое меня приютило въ день моего рожденія и подъ сѣнью котораго протекла моя первая молодость, на меня пахнулъ духъ сомнѣннй, который со всѣхъ сторонъ бился о его стѣны и потрясалъ его до самыхъ основаній. Мое любопытство не могло скрыться отъ этихъ могущественныхъ возраженій, разсѣянныхъ какъ пылъ духомъ двухвѣкового скептицизма, въ атмосферѣ, которою я дышалъ. Напрасно мое дѣтство съ его поэтическими впечатлѣннми, моя молодость съ религиозными воспоминаннми, величїе, древность и авторитетъ той вѣры, которую мнѣ преподавали, вся моя память, все воображеніе, вся моя душа—поднимались и возмущались противъ этого вторженія, глубоко ихъ оскорблявшаго: мое сердце не могло защитить моего разсудка.

«Я никогда не забуду того декабрьскаго вечера, когда разсѣялось облако, скрывавшее отъ меня мое безвѣріе. Я слышу еще звукъ моихъ шаговъ въ этой узкой и пустой комнатѣ, по которой долго спустя послѣ обычнаго часа сна я продолжалъ ходить. Я вижу еще полускрутую за облаками луну, по временамъ освѣщавшую холодныя окна. Цѣлые часы проходили, и я ихъ не замѣчалъ. Съ тоской слѣдилъ я за своей мыслью,—она постепенно опускалась въ самую глубь моего сознанія и, развѣивая всѣ иллюзіи одна за другой, до сихъ поръ заслонявшія его отъ меня, съ каждымъ мгновеннмъ все больше раскрывала его изгибы.

«Напрасно хватался я за остатки вѣрованнй, какъ утопающій за обломки своего корабля; напрасно ошеломленный невѣдомымъ мнѣ пространствомъ, по которому я долженъ буду плыть, въ послѣдннй разъ бросился я съ этими вѣрованнми къ моему дѣтству, семьѣ, родинѣ, ко всему, что для меня было дорого и свято. Неудержимый потокъ мыслей оказывался сильнѣй. Онъ заставлялъ меня отказаться отъ всего, отъ родителей, семьи, воспоминаннй, вѣрованнй. Испытанне продолжалось и становилось все упорнѣе и суровѣе, по мѣрѣ того, какъ оно приближалось къ концу, и только тогда прекратилось, когда достигло его. Я узналъ тогда, что въ глубинѣ моей души не удержалось ничего.

«Это мгновенне было ужасно и когда на разсвѣтѣ я бросился въ изнеможеннн на постель, мнѣ казалось, что я чувствую, какъ моя первая, такъ улыбающаяся и такая полная жизнь угасаетъ, а за

мною открывается другая, мрачная и пустынная, гдѣ отнынѣ я долженъ буду жить одинъ, одинъ съ моею роковой мыслью, которая изгнала меня туда и которую я готовъ былъ проклясть. Дни, послѣдовавшіе за этимъ открытіемъ, были печальнѣйшими днями моей жизни. Рассказывать, какія чувства меня волновали тогда, было бы слишкомъ долго. Хотя мой умъ съ нѣкоторой гордостью созерцалъ совершенное имъ дѣло, но душа не могла примириться съ состояніемъ, такъ мало приспособленнымъ къ человѣческой слабости. Могучими порывами она старалась возвратиться къ берегамъ, которые потеряла изъ виду; въ пеплѣ своихъ прежнихъ вѣрованій она отыскивала искры, которыя по временамъ, казалось, снова разжигали ее вѣру. Но убѣжденія, опровергнутыя разумомъ, только имъ могутъ быть возстановлены,—и эти искры вскорѣ угасали.

Послѣ этой драмы человѣкъ могъ бы успокоиться въ единственномъ случаѣ, если бы, утративъ вѣру, онъ утратилъ одновременно и всякій интересъ къ вопросамъ, какіе разрешались ниспровергнутой доктриной. Тогда высшая духовная жизнь замерла бы въ скептицизмъ и безнадежномъ равнодушіи. Но ни съ нашимъ философомъ, ни съ другими его благороднѣйшими сверстниками этого не произошло. Они съ особенной ясностью почувствовали значеніе великихъ проблемъ съ тѣхъ поръ, какъ потеряли ключъ къ нимъ. «Я былъ невѣрующимъ»,—говоритъ нашъ авторъ, — «и проклиналъ невѣріе». Онъ сталъ искать новой вѣры, новаго міросозерцанія, и отдалъ этой цѣли всѣ силы своего разума ¹⁾.

Мы не можемъ подозревать этихъ изліяній въ неискренности, какъ бы риторичны они не казались намъ. Смыслъ ихъ подтвержденъ человекомъ, не чувствовавшимъ склонности ни къ какимъ цвѣтамъ краснорѣчія и не обладавшимъ игрой воображенія. Литтре, безупречный представитель строго-научнаго труда и положительной мысли, пишетъ собственную элегію и сопровождаетъ ее влоднѣ лирическимъ обобщеніемъ. Это воспоминаніе жизни, испытанной долготѣною работою принципиальнаго и критическаго ума.

«Въ бѣдѣ и въ преклонной старости. — говоритъ Литтре, — предъ моимъ умомъ воскресло много минувшаго и между прочимъ я вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ у меня исчезли мои вѣ-

¹⁾ 1. 1. 22-23

рованія. Я былъ деистомъ: Богъ, душа, безсмертіе. Я все это прямо почерпнулъ изъ среды, гдѣ я жилъ. Однажды вечеромъ, въ моей небольшой комнаткѣ, возвратившись изъ коледжа, я намѣренъ былъ приступить къ занятіямъ. Вдругъ я остановился и безъ всякихъ предварительныхъ размышленій спросилъ у себѣ, на чемъ основывается моя вѣра? Къ великому моему изумленію и ужасу, я долженъ былъ отвѣтить, что моя вѣра основывалась на болѣе или менѣе удачныхъ доказательствахъ, но въ сущности не составляла несомнѣннаго и положительнаго факта. Это было неожиданнымъ и необыкновенно болѣзненнымъ ударомъ¹⁾.

И Литтре также оказался на распутьи, но и у него ни на минуту не угасло желаніе найти путь къ новому міровоззрѣнію. Онъ не могъ признать ни богословской, ни метафизической системы, «стройное міросозерцаніе» приходилось создавать разумомъ и наукой. Руководителемъ Литтре явился Контъ съ своей системой позитивной философіи, — она и стала вѣрой Литтре: «мой умъ успокоился и я обрѣлъ, наконецъ, ясность». Ученый былъ спасенъ отъ «чистаго отрицанія», и предъ этимъ благодѣяніемъ всѣ ошибки Бюта казались ему совершенно ничтожными²⁾.

Литтре распространяетъ эту исторію на свое поколѣніе. Онъ помнитъ по именамъ многихъ, пережившихъ ту же душевную драму, какъ и онъ самъ. «Они знали весь ужасъ сомнѣній, гложущихъ сердце днемъ и заставляющихъ ночью обливать слезами изголовье»³⁾.

«Страшный разрывъ въ умахъ» *un vaste déchirement dans les esprits*, такъ характеризуетъ послѣдователь Конта нравственное состояніе своихъ современниковъ. Это — *поколѣніе смущенное*, выражается позднѣйшій историкъ, — поколѣніе, пославшее впослѣдствіи многочисленныхъ энтузіастовъ въ школу Сень-Симона и въ церковь сень-симонистовъ⁴⁾.

По этимъ примѣрамъ можно судить, какой неизбежной и въ то же время страстной явилась борьба новаго вѣка противъ скепти-

¹⁾ *La philosophie positive*, 1877, № 2. *De la situation théologique du monde.*

²⁾ Littré. *Auguste Comte et la phil. posit.*, deuxième édition, p. 529.

³⁾ *La phil. posit.*, 1880, № 6. *Pour la dernière fois.*

⁴⁾ *La génération troublée* въ ст. Caro: *Emile Littré, Revue des deux mondes.* 1882, 1 mai.

цизма за новую систему положительных воззрѣній. И всѣ борцы вполне опредѣленно указали намъ на своего врага. Каждый, кто чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ въ атмосферѣ чистаго отрицанія и разрушительной критики, видѣлъ источники холода и опустошенія только что увлекавшей весь мѣръ философіи просвѣщенія. Восемнадцатый вѣкъ съ его неограниченно смѣлой насмѣшкой, съ его беспощаднымъ «здравымъ смысломъ», съ его самоувѣренными покушеніями на какія угодно преданія и вѣрованія, — этотъ вѣкъ разсѣялъ въ воздухѣ будто пыль «могущественныя возраженія» противъ христіанства Жюфруа, противъ деизма Литтре, вообще противъ всякой наслѣдственной вѣры, противъ непосредственно-идеальныхъ представленій и чувствъ. «Просвѣтитель» и «философъ» неизмѣнно возставалъ въ образѣ мѣфистофеля и повергалъ въ отчаяніе и зрѣлаго ученаго и юнаго мечтателя совершенно такъ же, какъ это онъ производилъ въ нѣмецкой драмѣ. И тотъ же авторъ этой драмы еще до хронологическаго начала девятнадцатаго столѣтія предвосхитилъ ощущенія будущихъ жертвъ отрицанія и скептическаго смѣха.

Гете разсказалъ, какъ онъ и его товарищи въ молодости встрѣтили книгу Гольбаха — *Система природы*: «она казалась намъ до того мрачной и до того убійственной, что мы старались даже не терпѣть ея присутствія и чуралась ея будто злого духа»¹⁾. Какъ бы этотъ духъ не оказывался легкомысленнымъ, даже малосвѣдущимъ и поверхностно-задорнымъ, съ нимъ приходилось считаться. Онъ искусно пользовался логическимъ и фактическимъ матеріаломъ, какимъ только могъ располагать, чтобы истолковать по своему вкусу и науку, и философію, и религію. И мракъ и дрожь почувствовали не только нѣмецкіе студенты. Всякому, кто не могъ жить въ шатрѣ и безъ драмы, приходилось начинать съ пересмотра удручающихъ завѣтъ философскаго скептицизма, въ свою очередь, подвергнуть критику критику Бахтера. Дрожа и все изъ культурное вліяніе. Создать картину значило парализовать надрокленіе восемнадцатаго вѣка, къ всѣмъ соизволенію послѣдовательно обьявляютъ войну энциклопедистамъ какъ разоруженнымъ войскамъ.

¹⁾ Гете, *Сочиненія*, т. 1, стр. 100.

Вполнѣ естественно — защитники католичества вступаютъ въ смертный бой съ вольтерьянцами: Вольтеръ ихъ вѣру обзывалъ *l'infâme* и противъ нея преимущественно расточалъ свой талантъ и энергію. Но ту же самую задачу берутъ на себя люди, отнюдь не желающіе новаго расцвѣта католическаго ученія. Для нихъ вопросъ съ средневѣковой доктриной поконченъ безвозвратно, но этотъ фактъ доказываетъ только необходимость другой доктрины и, слѣдовательно, настоятельность разрыва съ вольтерьянствомъ.

Еще не успѣваетъ закончиться революціонный періодъ, — въ самомъ центрѣ смуть, въ Парижѣ разыгрывается междоусобица между «просвѣщеніемъ», его материализмомъ и скептицизмомъ и искателями новаго положительнаго идеала. Поле битвы — только что открывшаяся Нормальная школа, созданная конвентомъ для распространенія и укрѣпленія во Франціи новой системы нравственныхъ и политическихъ идей. Правительство вызвало въ школу гражданъ изъ всѣхъ мѣстностей Франціи воспринять новый свѣтъ и разсвѣять его потомъ по всей странѣ. На философской кафедрѣ появился блестящій ученикъ «просвѣщенія», государственный дѣятель революціи, бывший министръ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ Гара. Онъ рѣшилъ наставить свою аудиторію въ философіи Кондильяка, въ самомъ прозрачномъ и осязательномъ психологическомъ ученіи, какое только было развито эмпирической мыслью XVIII-го вѣка.

Но съ первыхъ же лекцій въ аудиторіи нашлись протестанты. Происхожденіе всѣхъ рѣшительно идей изъ ощущеній имъ показалось слишкомъ смѣлой и не вполнѣ доказательной теоріей, и Гара пришлось выслушать настойчивыя возраженія «невѣдомаго философа», упорнаго искателя Бога и души — Сень-Мартэна. Знаменитый впослѣдствіи мистикъ пока не вооружался таинственными формулами и пророческими изреченіями, онъ просто возставалъ противъ догматическаго материализма, опровергалъ гипотезу Кондильяка о статуѣ, требовалъ болѣе глубокой вдумчивости въ психическія явленія и меньше довѣрія къ материалистической идеологіи.

Сень-Мартэнъ въ 1795 году, можетъ быть, самъ не вполнѣ сознавая культурное значеніе своего шага, написалъ первую страницу въ исторіи долголѣтней борьбы *религіознаго* духа съ *философскимъ*, т. е. созидательной тенденціи съ критической. Онъ свидѣтельствуетъ, что зала Нормальной школы не была на сторонѣ его крас-

норѣчиваго противника, и мы можемъ принять это свидѣтельство: подобныя событія съ тѣхъ поръ безпрестанно повторялись во французскихъ аудиторіяхъ и имъ усердно вторила литература ¹⁾).

Еще раньше похода Сень-Мартена на сенсуализмъ просвѣтительной философіи, ея несостоятельность была ясна гораздо болѣе положительному уму и доказывалась при полномъ почтеніи къ либеральнымъ идеямъ эпохи. Бенжамэнъ Констанъ задумываетъ сочиненіе о религіи за два года до революціи и уже самая постановка такого вопроса знаменуетъ рѣзкую оппозицію противъ основного тона просвѣтительной философіи, и Констанъ не скрываетъ крупнѣйшихъ, по его мнѣнію, прорѣхъ въ дѣятельности самого Вольтера. Онъ говоритъ о его «плачевномъ легкомысліи», о его «глубокомъ невѣжествѣ», изобличаетъ философское непониманіе основъ нравственности, религіознаго чувства и его историческаго значенія. Властители думъ XVIII-го вѣка ему поминутно представляются незрѣлыми школьниками, не понимавшими самыхъ существенныхъ культурныхъ вопросовъ, и Констанъ спокойно, вооруженный логикой и фактами, работаетъ надъ книгой, на взглядъ просвѣтителей дикой и безцѣльной.

Г-жа Сталь вступила въ тотъ же бой, только съ другимъ оружіемъ. Она воздвигла гоненіе на «французскую философію», на ея «догматическое невѣріе», на ея ученіе о «матеріалистическомъ фатализмѣ», объ эпикурейской и эгоистической основѣ морали,—воздвигла гоненіе — во имя энтузіазма, во имя благородныхъ сторонъ человѣческой природы, наконецъ, во имя необходимой для человѣка — возвышающей и утѣшающей доктрины. Для г-жи Сталь самый духъ философіи XVIII-го вѣка — носитель нравственнаго маразма, отчаянія и даже умственнаго отупѣнія. Онъ убиваетъ энтузіазмъ, вѣру человѣка въ свою личную свободу, разрушаетъ религію — источникъ высшихъ утѣшеній. Констанъ обширнымъ сочиненіемъ подрывалъ авторитетъ Вольтера, какъ историкъ и діалектикъ, г-жа Сталь писала также цѣлую книгу *О Германіи*, съ цѣлью возстановить права поэтическаго чувства, вѣрующаго сердца, энтузіастической натуры. Но въ одномъ обвинительномъ пунктѣ оба писателя сходились, и трудно сказать, кто съ болѣшимъ блескомъ выполнялъ свою роль.

¹⁾ S. *Martin le Philosophe inconnu*, par M. Matter. Paris. 1864, chap. XVI.

Констанъ фактами доказывалъ невѣжество философовъ въ исторіи и психологіи, г-жа Сталь объясняла общую почву печальнаго явленія, приводила его въ связь съ цѣлымъ философскимъ направленіемъ. Французы выучились у Вольтера смѣяться надъ метафизикой, особенно надъ нѣмцами и ихъ философіей: они лишены легкости и изящества! И одна изъ главныхъ причинъ этого легкомысленнаго отношенія, говоритъ Сталь, философія оцущеній. Разъ душа нѣчто пассивное, ея не стоитъ заниматься. Въ мірѣ нѣтъ ничего таинственнаго, всѣ идеи происходятъ отъ зрѣнія и слуха, истинно только то, что осязательно для физическаго чувства, и люди, наслаждающіеся прекраснымъ здоровьемъ,—настоящіе философы ¹⁾).

Съ такой мудростью, очевидно, нельзя и излишне заниматься сложными психологическими и философскими вопросами, и эта мудрость—наслѣдіе XVIII-го вѣка, его психологическаго и нравственнаго ученія. Мы видимъ, впечатлѣнія Гете-студента переживаютъ десятилѣтія и возрождаются на той самой почвѣ, гдѣ расцвѣла *Система природы*.

Тождественная борьба загорается на профессорскихъ кафедрахъ, лишь только «послѣ сна имперіи просыпается философское движеніе». И здѣсь воюющія стороны стоятъ другъ противъ друга подъ тѣми самыми знаменами, подъ какими сражались Гара и Сень-Мартэнъ: на одномъ—метафизика Кондильяка и неразрывно связанная съ ней философія XVIII вѣка, на другомъ—искатели новой положительной системы, враги скептицизма и рыцари доктрины. Въ той же Нормальной школѣ вновь возникаетъ поединокъ между сенсуалистомъ Ларомигьеромъ и спиритуалистомъ—Ройа-Колларомъ и электикомъ—Кузэномъ. И снова *философскій духъ*, тотъ *esprit philosophique*, о которомъ съ такой гордостью говорили представители анализа и критики, подвергается усиленному развѣнчиванію. Борются съ философскими преданіями XVIII-го вѣка значить ратовать за созидательную работу въ области нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ. Это двѣ стороны одного и того же вопроса, и въ послѣдствіи Сень-Симонъ установитъ два рѣшительныхъ термина—*эпоха критическая* и *органическая*, и первый неуклонно будетъ примѣняться къ эпохѣ Вольтера и энциклопедіи.

¹⁾ De l'Allemagne. 3-e partie, chap. IV. Du persiflage introduit par un certain genre de philosophie.

Обозначеніе, повидимому, вполне заслуженное: *Философскій словарь* и *Энциклопедія* представили неистощимый арсеналъ всевозможнаго оружія: философскаго, научнаго и беллетристическаго, и все оно было направлено противъ вѣры и религіи, вообще противъ системы отвлеченныхъ принциповъ. Дѣтище философіи—революція, закончила эту работу. «Ея закономъ, ея страшнымъ закономъ было порвать религіозную традицію». Въ этожь, говорятъ намъ, состояла ея ближайшая миссія, — человекъ долженъ былъ совершать свой путь одинъ и показать, что онъ можетъ сдѣлать безъ Бога ¹⁾).

И въ самомъ дѣлѣ, позидѣйшіе скептики и атеисты не прибавили по существу ни одного довода къ соображеніямъ Вольтера, Дидро, Гольбаха. За восемнадцатымъ вѣкомъ остается первое и неотъемлемое мѣсто во всякомъ скептическомъ натискѣ на традиціонную религію и мораль, и новѣйшій врагъ религіи вообще и христіанства въ частности Ницше съ точностью повторить укоризны Кондорсе и Руссо по адресу ученія, защищающаго все немощное и безсильное и обновить резонерство *Системы природы* и «философскіе» сарказмы *Кандида*.

Фактъ, слѣдовательно, установленъ идейной исторіей дѣлага вѣка и, можно сказать, инстинктивной наклонностью систематизирующихъ или критическихъ умовъ.

Но тѣ же самые умы, отождествляя самое понятіе скептицизма съ представленіемъ о философіи XVIII вѣка, допускаютъ неожиданныя оговорки. Правда, — умы желаютъ этими оговорками объяснить свое рѣзкое воинственное отношеніе къ критической эпохѣ, но оговорки носятъ общій психологическій характеръ. слѣдовательно, должны быть допущены безразлично относительно того и другого философскаго лагеря.

Жуффруа, съ блестящимъ краснорѣчіемъ изобразивъ критическое состояніе своего ума, невыносимо мучительное, спѣшитъ объяснить причину мучительности: это состояніе не совмѣстимо съ человеческой слабостью. Это — мотивъ чувствительный, боль сердца. Другіе, еще болѣе плачевныя доказательства XVIII-го вѣка, сень-симонизма, мажоран принциповъ: тождество — сродство человеческой природы, критика можетъ быть только временнымъ переходнымъ

настроениемъ. Мы по всему складу своего нравственнаго существа стремимся къ *доктринѣ*, къ систематизаціи положительныхъ идей и достигаемъ ея во что бы то ни стало, становясь даже рѣзко—рѣшительными, абсолютными, исключительными. Это—*психологія* Сень-Симона и его учениковъ, по ихъ мнѣнію, *общечеловѣческая*, слѣдовательно, примѣнимая къ какой угодно эпохѣ.

Не примѣнима ли она къ эпохѣ будто бы исключительно скептической и критической? Другими словами, не пытался ли XVIII-й вѣкъ создать какое-либо положительное міросозерцаніе, установить догматъ и доктрину? Онъ уничтожилъ религіозную *традицію*, но не религіозную *психологію*, и, если вѣрить психологическимъ наблюденіямъ самихъ догматиковъ, врядъ ли могъ ее уничтожить. Энциклопедисты принадлежали къ той же зоологической породѣ, *homo sapiens* и, слѣдовательно, должны были осуществлять *естественный* законъ человѣческой природы. Навстрѣчу нашему предположенію идетъ общее психологическое заявленіе одного изъ главнѣйшихъ героевъ *критической* эпохи. Стало общепризнанной истиной, что *энциклопедія* — *machina destruens non aedificans* ¹⁾, а между тѣмъ дѣятельнѣйшій соорудитель этой машины разсуждаетъ совершенно въ духѣ сень-симонистскаго догматизма. Скептиковъ вовсе не существуетъ. За исключеніемъ математическихъ наукъ, во всѣхъ другихъ человѣческихъ знаніяхъ всегда имѣется и *за* и *противъ*. Равновѣсіе не достижимо, вѣсы постоянно склоняются на сторону то той, то другой вѣроятности и человѣкъ попеременно является догматикомъ то въ ту, то въ другую сторону, но онъ непремѣнно во что-нибудь вѣрить. Если же ему кажется, что онъ проникнуть совершеннымъ скептицизмомъ, значить, онъ просто не занимается извѣстными вопросами. Но стоитъ спросить его по совѣсти, какъ друга, какого рѣшенія онъ держится, онъ долженъ будетъ искренне дать положительный отвѣтъ и перестанетъ играть роль бурданова осла. Всегда, слѣдовательно, при всѣхъ колебаніяхъ, въ насъ живетъ чувство, къ которому мы чаще всего возвращаемся ²⁾.

Такова, по наблюденіямъ Дидро, психологія всѣхъ мыслителей.

¹⁾ Caro. *La fin du XVIII e.* P. 1880. I, 346.

²⁾ *Entretien entre D'Alembert et Diderot.* O. Compl. P. 1875, II, 120—1.

даже тѣхъ, кто желаетъ пребывать въ области сомнѣній и скептицизма.

Дидро эту психологію скептика дополняетъ психологіей догматика, и обѣ психологіи по существу совпадаютъ. По его мнѣнію, мало существуетъ умовъ, исповѣдующихъ постоянно одно и то же міросозерцаніе. Дидро перечисляетъ всевозможныя теоріи, общіе принципы—теизмъ, атеизмъ, политеизмъ, демонизмъ, и находитъ, что въ дѣйствительности не встрѣчается ни одного воззрѣнія въ чистой и устойчивой формѣ. Даже самыя религіозныя люди переживаютъ настроенія, колеблюція ихъ вѣру въ высшій разумъ. Вообще, *мнѣніе чловѣка въ высшей области идей—гипотеза, къ которой онъ чаще всего возвращается, и въ его духовномъ мірѣ безпрестанно чередуются вліянія разнообразныхъ системъ рядомъ съ наиболее привычнымъ чувствомъ*. Опредѣленіе, совпадающее съ извѣстной намъ характеристикой скептика ¹⁾. Мы увидимъ краснорѣчивѣйшія доказательства этой истины въ идеяхъ самого Дидро, въ самой основѣ его философской организаціи.

И онъ — не исключеніе. Подобную психологію скептицизма и догматизма мы встрѣчаемъ и у другихъ «разрушителей». Вольтеръ рѣшительно отказывался вѣрить въ существованіе чистыхъ пирронистовъ, какъ философовъ. По его мнѣнію, они не заслуживаютъ даже разговора, по крайней мѣрѣ, со стороны Паскаля. Высшее проявленіе скептицизма, атеизмъ также, по словамъ Вольтера, фактъ сомнительный, т.-е. врядъ ли возможно, чтобы *умъ успокоился на сомнѣніи, какъ на геометрической теоремѣ* ²⁾. И если мы въ состояніи изъ философіи Вольтера извлечь какое-либо безусловно опредѣленное положеніе, это будетъ именно отрицаніе абсолютнаго пирронизма, такъ же какъ и непоколебимаго догматизма. Но это не будетъ также и освященіе вѣчнаго и послѣдовательнаго сомнѣнія: оно и на взглядъ Вольтера состояніе менѣе всего удовлетворяющее чловѣческую природу, съ нимъ можно помириться только путемъ самоотреченія, отнюдь не свѣтлой резиньяціи, а скорѣе пессимистическаго

¹⁾ *Essai sur le merite et la vertu. O. Compl. I, 21—3.*

²⁾ *Dernières remarques sur les Pensées de Pascal. O. Compl. Deux. édition. XI, III, 89.*

вынужденнаго отчаянія въ силахъ человѣческаго разума и въ самой судьбѣ человѣка.

Это сомнѣніе въ самомъ сомнѣніи — одна изъ основныхъ чертъ мысли XVIII-го вѣка, и естественно она должна была сообщить своеобразный характеръ разрушительной дѣятельности философовъ. Они неуклонно, отъ начала до конца, пытались *созидать*, разрушая старую систему религіи и науки, они усиленно искали, по крайней мѣрѣ, матеріаловъ для новаго міросозерцанія. Это — фактъ перво-степенной важности. Онъ вноситъ существенную поправку въ великую культурную борьбу позднѣйшей органической мысли съ такъ называемой критической эпохой и заставляетъ насъ поставить вопросъ: сама органическая мысль не обязана ли въ своемъ развитіи многими философскими положеніями наслѣдству враждебнаго направленія? И притомъ положеніями *принципальными*, данными *системы* и *догмата*. При взглядѣ писателей XVIII-го вѣка на психологію скептицизма и, слѣдовательно, разрушенія, мы должны ожидать встрѣтить въ ихъ произведеніяхъ неизбѣжныя попытки систематизаціи фактовъ и идей, попытки создать свое *единое* и *цѣльное* взаимѣнъ разрушеннаго и разрозненнаго. И эти попытки не могли остаться безцѣльными и безслѣдными: въ нихъ таится преемственная связь между отрывочной и боязливой созидательной работой критической эпохи съ неограниченнымъ творческимъ стремленіемъ позднѣйшихъ поколѣній.

II.

Страстный скептицизмъ «просвѣтителей» въ области догматическаго міросозерцанія объясненъ самими критиками и ихъ современниками. Откровеннѣе другихъ выразился Гольбахъ, собирая въ «систему» свои и чужія разрушительныя идеи. Атеизмъ, по его мнѣнію, возникаетъ непремѣнно въ связи съ угнетательнымъ суевѣріемъ. Если во имя его совершаются жестокости, если его именемъ освѣщается рабство, у людей естественно является протестъ противъ самаго источника бѣдствій и несправедливостей и борьба съ преслѣдователями и священниками переходитъ въ войну противъ религіи¹⁾. Эту идею впоследствии развилъ государственный дѣятель,

¹⁾ *Système de la nature* P. 1821. II, 490.

хлопотавший послѣ революціи о возстановленіи церковнаго и религіознаго мира. Дореволюціонная церковь отождествила свои догматы и «религіозную практику» съ моралью. Монастыри и семинаріи своей наукой и дѣятельностью подмѣнили совѣсть и религіозное чувство. Въ результатѣ, ошибки науки и злоупотребленія дѣятельности вызвали вообще противорелигіозное движеніе и даже противонравственное ¹⁾. И, дѣйствительно, основное чувство, одушевляющее философскую литературу, «ужасъ предъ сверхъестественнымъ въ происхожденіи вещей и въ ихъ развитіи» ²⁾, борьба съ сверхъестественными идеями неумолимая, фанатическая, — на всѣхъ поприщахъ, какія только доступны уму и литературному таланту. Совершенно послѣдовательный результатъ этого отвращенія къ «сверхъестественному» — такой же ужасъ предъ системой, предъ систематизаціей отвлеченныхъ понятій. Вѣдь католическая вѣра и представляла именно такую систематизацію, и философы отрещиваются, будто отъ величайшаго душевнаго недуга, отъ *вкуса къ системамъ*, отъ *духа системы*. Это ихъ злѣйшій врагъ, и они не жалѣютъ противъ него ни критики, ни лиризма. Всѣ ихъ сочиненія въ стихахъ и прозѣ полны схватками съ людьми системъ, съ самой психологической склонностью человѣка создавать системы, и трудно сказать, кому слѣдуетъ отдать преимущество въ этой общей философской задачѣ просвѣтителей.

Заслуженнымъ истребителемъ *ипотетическаго и систематизирующаго духа* считается Кондильякъ. Даламберъ приписываетъ ему великую славу: онъ нанесъ смертельныя удары врагу истины и знанія ³⁾. И Кондильякъ дѣйствительно посвятилъ вопросу не мало страницъ, написалъ даже цѣлую книгу — *Трактатъ о системахъ*. Здѣсь онъ изобразилъ психологію систематиковъ, ихъ «смѣшныя» притязанія путемъ обобщеній и отвлеченныхъ словъ рѣшать труднѣйшіе вопросы философіи и нравственности. Они часто привязываются къ одной идеѣ, даже не зная хорошо — почему, и хватаются за всѣ слова, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣютъ какое-либо отношеніе въ излюбленной идеѣ. Такъ, напримѣръ, желающій работать надъ ме-

¹⁾ Portalis. *De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophique durant le XVIII s.* P. 1820. II, 46.

²⁾ Caro. *O. c.* I, 189.

³⁾ *Discours preliminaire de l'Encyclopedie Bibl. Nat.*, 114.

тафизикой, привязывается къ словамъ: *бытіе, субстанція, сущность, причина, слѣдствіе, свобода, вѣчность* и пр. Набравши такихъ словъ, систематикъ подыскиваетъ имъ опредѣленія *по своему капризу*, съ единственной цѣлью выбрать опредѣленія, наиболѣе выгодныя для своей задачи. А дальше онъ считаетъ себя въ правѣ дѣлать умозаключенія и философствовать веривъ и вкось ¹⁾.

Столь же отрицательно судить Кондильякъ и объ отвлеченныхъ принципахъ вообще, о гипотезахъ, т.-е о самомъ основаніи системъ. Эти принципы не представляютъ собой никакихъ знаній, даже не являются средствомъ приобрѣтать знанія. Они только формула, конспектъ—*une expression abrégé*—нашихъ знаній и не даютъ намъ ничего новаго. Въ поискахъ за истиной отвлеченные принципы вредны или, по меньшей мѣрѣ, бесполезны, они хороши только какъ изреченія или пословицы, служащія сокращеннымъ выраженіемъ нашихъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ путемъ опыта ²⁾.

Даламберъ на этихъ и многихъ другихъ подобныхъ разсужденіяхъ Кондильяка основываетъ свое удивленіе предъ французскимъ ученикомъ Локка. Самъ Даламберъ, истинный предшественникъ позднѣйшаго позитивизма. Онъ даже предвосхищаетъ выраженія и образы, какими впоследствии будутъ пользоваться ученики Конта, напримѣръ, Милль и Литтре, возставая противъ поползновеній своего учителя изобрѣтать системы—даже въ ущербъ фактическому изслѣдованію предмета ³⁾. По мнѣнію Кондильяка, системы едва достижимы даже въ опытныхъ наукахъ. Для этого надо знать *всѣ* факты и связать ихъ съ какимъ-нибудь *однимъ* всеобъединяющимъ фактомъ, какъ принципомъ. Но въ области физики намъ недоступны элементы вещей, а въ области физиологіи—первоисточники жизненныхъ процессовъ, и наши умозаключенія не простираются дальше объясненія однихъ фактовъ другими, которые въ свою очередь зависятъ отъ невѣдомыхъ намъ причинъ. Даламберъ высказывая тѣ же мысли, приходитъ къ еще болѣе рѣшительному заключенію. Системы вообще невозможны и врядъ ли когда станутъ осуществимы. Чѣмъ глубже мы изучаемъ матерію, тѣмъ больше философу представляется тайнъ

¹⁾ *Traité des systèmes*. P. 1821, chap. III.

²⁾ *Ib.* chap. XII.

³⁾ Милль. О. *Конта и позитивизмъ*, русск. изд., стр. 9.—Littre. *philosophie positive. Revue des deux Mondes*, 15 août, 1866, p. 861.

и загадокъ. Мы произносимъ слова: непроницаемость, пространство, но они только увеличиваютъ для насъ область невѣдомаго, даже сущность движенія для насъ тайна. И въ великой загадкѣ міра мы отгадываемъ всего нѣсколько слоговъ и не можемъ добиться ихъ смысла. «Если бы истины представлялись нашему уму въ непрерывной послѣдовательности, не было бы необходимости создавать связующія звенья, все сводилось бы къ единой истинѣ, и всѣ другія истины были бы только различными преобразованиями ея одной. Науки тогда представляли бы необъятный лабиринтъ, но отнюдь не таинственный. Всѣ его изгибы высшій умъ охватывалъ бы однимъ взоромъ, и мы держали бы въ рукахъ путеводительную нить. Но у насъ нѣтъ именно этого необходимаго руководителя; въ тысячи мѣстахъ цѣпь истинъ прерывается, и мы только съ особеннымъ стараніемъ, путемъ попытокъ, даже уклоненій отъ истины, можемъ охватить звенья цѣпи: нѣкоторыя соединены другъ съ другомъ и представляютъ какъ бы разныя вѣтви одного ствола: другіе же являются *изолированными, блуждающими*, въ пространствѣ, представляютъ совершенно отрывочныя истины».

И Даламберъ подробно выясняетъ эту *отрывочность и разединенность* истинъ въ главнѣйшихъ отрасляхъ человѣческаго знанія. Кондильякъ также сравнивалъ міръ, подлежащій нашему изученію, съ лабиринтомъ, гдѣ тысячи путей готовы привести насъ къ заблужденію и смѣялся надъ будто бы спасительными обобщеніями философовъ. Даламберъ прибавляетъ еще одно сравненіе; оно впоследствии часто будетъ встрѣчаться у позитивистовъ. «Вселенная—обширный океанъ: на поверхности его мы видимъ лишь нѣсколько болѣе или менѣе пространныхъ острововъ, но связь ихъ съ континентомъ сокрыта отъ насъ»²⁾.

Даламберъ за много лѣтъ предупреждаетъ крайнія увлеченія фізіологовъ и экспериментальныхъ психологовъ. Онъ не можетъ постигнуть смѣлости «медиковъ алгебраистовъ», рѣшающихся разлагать человѣческое тѣло будто самую простую и самую разложимую машину. Въ глазахъ Даламбера это «забавы ума, которымъ природа не обязана подчиняться». Даламберъ укоряетъ даже первостепенныхъ

¹⁾ Condillac. O. C. chap. XIV.

²⁾ Disc. prѣm. 29—30, 57.—*Elémntes de philosophie. O. compl.* P. 1821, I. 130.

представителей науки и философии Бэкона и Декарта. Они не принесли всей пользы наукъ, какую могли бы принести, потому что были гораздо больше спекулятивными физиками, чѣмъ практическими. Они находили праздное удовольствіе въ отвлеченныхъ размышленіяхъ и догадкахъ. Они многое предприняли и немногое привели къ концу, предоставивъ черную работу другимъ. «Такимъ образомъ,— заключаетъ Даламберъ,— одни думаютъ и мечтаютъ, а другіе дѣйствуютъ и работаютъ, и дѣтское состояніе наукъ остается неизмѣннымъ». Энциклопедистъ, очевидно, желалъ бы скромной, но параллельной дѣятельности строго-научнаго изслѣдованія и философской мысли ¹⁾.

Критическая мысль XVIII-го вѣка нашла себѣ жертву среди самыхъ блестящихъ систематиковъ. Вольтеръ, Кондильякъ, Даламберъ, Дидро единодушно нападаютъ на Спинозу, и съ особенной рѣзкостью даетъ тонъ Кондильякъ. Энциклопедисты не могутъ помириться съ дерзостью автора *Этики*, употребляющаго математическіе термины,—аксіома, теорема, королларій въ области, совершенно недоступной точному анализу. «Надо остановиться на томъ, чего не знаешь,—говоритъ Даламберъ,—и не думать, что слова *теорема* и *королларій* могутъ съ помощью какой-то тайной силы помочь доказательству и если написать въ концѣ предложенія, *что и требовалось доказать*,—будто на самомъ дѣлѣ предложеніе доказано» ²⁾. Именно отвѣтъ Спинозы въ систематизаціи идей возмущаетъ нашихъ философовъ; его идеи заранѣе осуждены благодаря методу автора.

Вольтеръ не обладалъ точнымъ аналитическимъ умомъ Даламбера и не могъ чувствовать такого уваженія къ точности научныхъ выводовъ и вообще къ строгости научнаго мышленія, какимъ былъ проникнутъ даровитый геометръ. Но у литературно-талантливаго Вольтера была другая причина воевать противъ системъ, причина самая популярная и именно потому составлявшая силу писателя и увѣнчавшая его славой философа.

Ее самъ Вольтеръ безпрестанно называетъ тождественными именами—*bonsens, sens commun, sens le plus raisonnable*. На этотъ «здравый слыслъ» Вольтеръ ссылается во всѣхъ своихъ воинственныхъ

¹⁾ *Eléments*. lb. 340.

²⁾ D'Alembert, *O. c.* 345, Diderot. *O. compl.* XVII, 196 etc. Voltaire, *Causes Finales*, section I. Condillac *Traité des systèmes*, chap. X.

предпріятіяхъ противъ системъ вообще и католической въ частности. Это его единственное привычное оружіе и въ высшей степени благодарное—по общедоступности для публики и по легкости для самого бойца. Обычная формула вольтеровской критики такая: «я не могу понять моимъ слабымъ разсудкомъ» или «никогда здравый смыслъ не подвергался болѣе неприличному и недостойному оскорбленію»¹⁾. Вся полемика Вольтера не что иное, какъ философское видоизмѣненіе извѣстнаго религіознаго изреченія, т.-е, я не вѣрю, потому что нелѣпо, т.-е. непонятно, смѣшно, логически-противорѣчиво.

И именно эти понятія Вольтеръ прилагаетъ къ системамъ—все равно философскимъ или чисто-религіознымъ. Въ поэмѣ *Les systèmes* онъ заставляетъ проходить предъ Богомъ философовъ и богослововъ—изъ нихъ «каждый создалъ свою систему»,—и поэтому всѣ кажутся клентами сумасшедшаго дома. Вольтеръ не входитъ въ оцѣнку относительныхъ достоинствъ той или другой системы,—и не можетъ входить по складу своего ума. Въ статьѣ о *Мысляхъ Паскаля* онъ обмолвливается очень краснорѣчивымъ признаніемъ: безумно приходитъ въ отчаяніе отъ неразрѣшимыхъ философскихъ вопросовъ,—это все равно, что сѣтовать, почему у человѣка не четыре ноги и два крыла. Стѣдовательно, всякая философская система—нелѣпа и безцѣльна, потому что превосходить силы и потребности здраваго смысла здороваго человѣка.

Естественно,—Вольтеръ всѣми силами отрещивается отъ всякаго намека на систему: всѣ системы — *зablужденія, мечтанія, романы*; Вольтеръ *дрожитъ* въ ту минуту, когда его разсужденія начинаютъ *погодить* на систему. Геніальность мыслителя онъ измѣряетъ по его равнодушію къ систематизаціи общихъ принциповъ,—напримѣръ Бэйль: «достаточно мудръ, достаточно великъ, чтобы быть безъ системы». «Боже меня сохрани создавать систему», восклицаетъ Вольтеръ устами одного изъ героев своихъ философскихъ диалоговъ²⁾. И Вольтеръ безпрестанно говоритъ о своемъ невѣдѣніи,

¹⁾ *Sermon des cinquante. Les questions de Zupata*, и проч. *O. compl.* XLIII. 216-409, 431.

²⁾ *Dialogues d'Émémère*. 2 dial. *O. Compl. L.* 294. *La Loi naturelle* («Ecartons ces romans qu'on appelle systèmes»). *Poème sur le désastre de Lisbonne.—L'Histoire de Jenni* и *l'Atée et le Siège*, etc.

изобрѣтаетъ далѣе новое слово для изображенія своей психологіи. «*Tout douteur que je suis*», на тысячу ладовъ повторяетъ *je ne sais rien*, все тайна, «только шарлатаны обладаютъ увѣренностью», сомнѣніе не особенно пріятно, но увѣренность—смѣшна ¹⁾). И все это справедливо относительно и спиритуалистовъ и матеріалистовъ: мудрецы одинаково не знаютъ, ни что такое душа, ни что такое матерія,—и для Вольтера такъ же какъ и для Даламбера, нисколько не убѣдительно такъ называемыя свойства матеріи ²⁾).

Легко представить, какъ разрѣшаетъ Вольтеръ высшіе вопросы философіи? Онъ не знаетъ никакого опредѣленнаго отвѣта на нихъ. Существуетъ ли Богъ, Провидѣніе, бессмертная душа—всѣ эти задачи можно рѣшать въ противоположныхъ направленіяхъ и съ одинаковой основательностью, точнѣе съ одинаковой бесплодностью. И мы совершенно безцѣльно стали бы искать у Вольтера вѣры или невѣрія,—эти понятія неприменимы къ вѣчному носителю сомнѣнія. Чтобы не вѣрить—надо рѣшительно отрицать, *догматически* критиковать,—но это будетъ система, т.-е. на взглядъ Вольтера—продуктъ фантазіи и чувства, а не логики и знанія.

Можно указать множество разсужденій Вольтера о религіи и о Богѣ въ положительномъ смыслѣ,—этими разсужденіями даже часто пользовались съ назидательными цѣлями—изъ изреченій Вольтера составляли сборники во славу христіанской вѣры ³⁾). Но столько же сборниковъ можно составить съ противоположными цѣлями и съ не менѣе краснорѣчивыми разсужденіями. Вольтеръ одно знаетъ безусловно: мы на берегу необитаемаго океана, намъ многое предстоитъ открыть,—но сколько тайнъ навсегда останется за предѣлами нашихъ знаній! ⁴⁾ Можно ли послѣ этого брать на себя утвердительный отвѣтъ на счетъ смысла міровой и человѣческой жизни? Въ одномъ изъ философскихъ діалоговъ Вольтеръ нѣсколькими строчками предупредилъ всякіе споры и изысканія—касательно его системы: «я ни въ чемъ не увѣренъ. Я думаю,—существуетъ разумное существо,

¹⁾ „Il n'y a que des charlatans qui soient certains“.—письмо къ принцу Фридриху 28 nov. 1770.

²⁾ *Dictionnaire Philosophique. Matière.*

³⁾ Ср. Nourrisson. *Voltaire et le voltairianisme*, 658.

⁴⁾ *Philosophie de Newton*, III p. chap. XV.

творческая сила, Богъ. Я брожу ощупью въ темнотѣ относительно всего остального. Сегодня я утверждаю одно, завтра сомнѣваюсь, послѣ завтра отрицаю, — и, можетъ быть, ошибаюсь и сегодня, и завтра, и послѣ завтра». Вольтеръ убѣжденъ, что и всѣ философы въ такомъ же положеніи ¹⁾).

Въ этомъ признаніи звучить, повидимому, нѣчто положительное, — вѣра въ Бога. Но на вольтеровскомъ языкѣ Богъ не идея, еще менѣе живая потребность совѣсти и чувства, а просто логическая посылка, спасающая здравый смыслъ отъ нѣкоторыхъ нелѣпостей — безъ Бога «приходится проглатывать нелѣпости». Но тотъ же здравый смыслъ чувствуетъ себя не совсѣмъ удобно и съ Богомъ: ему «приходится преодолевать великія затрудненія» ²⁾). Но такъ какъ *нелѣпость* — естественный и самый отталкивающий врагъ здраваго смысла, то онъ скорѣе готовъ помириться на затрудненіяхъ. Здѣсь процессъ, — слѣдовательно, болѣе или менѣе выгодная сдѣлка, — и построения философа не идутъ глубже чисто практическаго разсудочнаго соображенія. Мы во всѣхъ «религіозныхъ» размышленіяхъ Вольтера не встрѣтимъ ни одной сколько-нибудь оригинальной, новой идеи, никакого одушевленія, — и философъ охотно пользуется изрѣченіями изъ древнихъ писателей, не прибавляя къ ихъ смыслу ничего новаго. Множество разъ и съ особеннымъ удовольствіемъ приводится стихъ Виргилія: «*Mens agitat molem et magno se corpore miscet*», стихъ Лукана: «*Jupiter est quodcumque vides quocumque moveris*», — пантеистическое опредѣленіе божества, но одновременно повторяются разсужденія Лактанція о внѣміровой творческой силѣ: именно, отъ Лактанція заимствуются затрудненія — признать Бога: онъ долженъ быть или не всеблагъ или не всемогущъ, — наконецъ, цитируется Ксенофанъ для подтвержденія мысли, что Богъ не подлежитъ опредѣленію. Своеобразное компиляторство со стороны философа — какъ разъ по самому философскому вопросу. Въ результатъ, — полная растерянность мысли, располагающей только ресурсами здраваго смысла и практическаго разсудка, — мысли, не одушевленной идеальными стремленіями

¹⁾ L'A. B. C., *Dix-septième entretien sur des choses curieuses*. O. C. I., 158—9.

²⁾ „On a des absurdités à dévorer“, „de grandes difficultés à surmonter“, *Elements de philos. de Newton*. I p. chap. 1.

высшаго разума и поэтическаго сердца. И Вольтеръ, повидимому, самой природой былъ какъ нельзя болѣе приспособленъ уживаться безъ системы, безъ доктрины,—и вести побѣдоносную борьбу именно противъ системъ.

Ту же самую вражду къ систематизаціи обобщеній заявляетъ писатель, по своей психологіи и своимъ идейнымъ вдохновеніямъ далеко стоящій отъ Вольтера, во многихъ отношеніяхъ его непримиримый врагъ. Руссо завѣщаль революціи самые догматическіе идеалы, какіе только могъ выставить восемнадцатый вѣкъ,—и тотъ же Руссо вполне соглашается съ Кондильякомъ и Даламберомъ: «общія и отвлеченныя идеи — источники величайшихъ человѣческихъ заблужденій», яростно возстаетъ противъ метафизическаго жаргона, противъ «неуловимыхъ словъ»—въ родѣ «всеобщая сила», «необходимое движеніе»... Все, что мы читаемъ у энциклопедистовъ—вольтерьянцевъ. Рассказывая о религиозныхъ чувствахъ, Руссо спѣшитъ оговориться: онъ отнюдь не устанавливаетъ системы, онъ даже не *поучаетъ*, а только *излагаетъ*. И поученіе, надо полагать, даже немислимо для автора: онъ полонъ религиозныхъ настроеній чисто созерцательнаго характера: «чѣмъ меньше постигаю, тѣмъ больше обожаю», И вообще — для познанія тайнъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ насъ, у человѣка имѣется только воображеніе,—отнюдь не разумъ ¹⁾. Вольтеръ былъ лишенъ воображенія,—и Руссо пришлось защищать религиозное чувство отъ его холоднаго разсчетливаго резонерства.

Вся эта принципиальная ненависть философовъ нашла исходъ въ борьбѣ съ католичествомъ. Одну и ту же задачу выполняли неуклонно всѣ вожди просвѣтительной мысли. Больше всего разсужденій посвятилъ этому дѣлу Вольтеръ, въ нѣсколько приемовъ излагая исторію христіанства, критикуя Ветхій и Новый завѣтъ, принимая разнообразныя роли — то открытаго и ожесточеннаго бойца, то лукаваго искателя смысла и истины ²⁾. У остальныхъ писателей повторяются тѣ же доводы—фактическіе и логическіе,—и здѣсь Руссо кажется компиляторомъ Вольтера или наоборотъ. Дидро и Даламберъ стоятъ на противоположныхъ полюсахъ: *Философскія мысли* Дидро—

¹⁾ *Emile*, livre VI. *O. compl.* P. 1827, IV, 151, 157, 161, 179, 137.

²⁾ Образцы—*Sermon des cinquante* и *Homélie*s, *O. compl.*, XLIII, *Examen important de Milord Bolinbrocke*.

крайне рѣзкія эпиграммы, — до такой степени злобныя, что именно къ нимъ можно примѣнить негодующую статью Даламбера—*О злоупотребленіи критикой въ вопросѣ о религіи*. Даламберъ говоритъ о неприличныхъ нападкахъ на христіанство въ литературѣ, — самъ онъ съ величайшей осторожностью уклоняется отъ искушенія, а во *Вступленіи* къ энциклопедіи даже признаетъ необходимость откровенной религіи, открывающей намъ много—инымъ путемъ—непостижимыхъ тайнъ¹⁾. Эта оговорка, разумѣется, имѣла чисто-дипломатическій смыслъ, — но Даламберъ при всѣхъ случаяхъ сохранялъ сдержанность. Вопросъ о религіи не долженъ входить въ область философіи, — это обычное правило Даламбера; философы должны помнить, что безуміе нападать на религію, если она истинная, — и очень мало заслугъ—если она ложная. Самое большое, — если Даламберъ позволить себѣ высказать ехидное соображеніе, что оскорбительно для истинной религіи защищать ее тѣми же средствами, какъ и чисто-человѣческое изобрѣтеніе, или бросить мимоходомъ двусмысленное замѣчаніе о народахъ, «имѣющихъ счастье пользоваться истинной религіей», или, наконецъ, отождествить богословскія доказательства съ геометрическими, разъ существуетъ откровеніе²⁾. Даламберъ видимо рассчитывалъ на проницательность современниковъ и потомства: они распознаютъ, что именно философъ желалъ сказать и чего не могъ.

Но, при всей осторожности и хладнокровіи, Даламберъ шелъ однимъ путемъ со своими товарищами,—а въ вопросѣ о системѣ, о доктринахъ онъ долженъ былъ производить даже болѣе внушительное впечатлѣніе, чѣмъ они. Онъ основывалъ свои доводы противъ общаго врага изъ положительныхъ данныхъ науки, боролся съ «духомъ системы» во всеоружіи математическаго анализа и опытнаго знанія. Такая борьба своимъ качествомъ, несомнѣнно, превосходила полемическій задоръ вольтеровскаго здраваго смысла — въ глазахъ богослововъ и философовъ. Даламбера не спасла его осмотрительность и его обращеніе къ рѣзкимъ спорамъ, — что онъ считалъ

¹⁾ *Pensées philosophiques*, особенно *Addition aux Pensées*, XIV etc.—*De l'abus de la critique en matière de Religion*. (I. compl. I, 550.

²⁾ *Disc. prélim.*, 27—8.

³⁾ *Eléments.*, Ib. 223—4, 179.

однимъ изъ своихъ достоинствъ ¹⁾). Ядъ анализа и разрушительной критики чувствовался на каждой страницѣ философа, упорно поддерживавшаго несомвѣстимость откровенной религіи съ «истинной философіей».

Мы видимъ,—«философскій духъ» дѣйствительно дышалъ разрушеніемъ, и послѣдовательно оставался критическимъ, въ какой бы формѣ ему не приходилось обнаруживаться, какая бы личная психологія не лежала въ его основѣ. Догматизмъ встрѣтилъ враговъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ — въ общераспространенной сенсуалистской метафизикѣ Кондильяка, въ здравомыслящей логикѣ Вольтера, въ пылкой трибунской публицистикѣ Дидро, въ научномъ аналитическомъ талантѣ Даламбера. Противъ *духа системы* возстало новое ученіе о человѣческомъ умѣ, новое позитивное воззрѣніе на науку и ея истины, наконецъ, вся новая «философія» — въ особомъ смыслѣ слова,—какъ проповѣдь естественной логики и гуманности. И этотъ воинственный натискъ страстно воодушевлялся временной цѣлью философскаго движенія, — необходимостью ниспровергнуть господствующую систему идей, подчинившую себѣ и мораль, и науку, и даже общественныя отношенія. Въ разгаръ борьбы ненавистная система догматовъ должна была дискредитировать догматизмъ вообще, — и анти-католическая философія непосредственно становилась революціонной, создавала *критическую* эпоху.

Съ теченіемъ времени она не только упрочила господствующій тонъ за идейной борьбой съ настоящимъ, — она подчинила своему духу прошедшее и будущее культурнаго развитія. *Критика*, какъ символъ вѣры, *сомнѣніе*, какъ исходный моментъ поступательнаго движенія цивилизаціи, а *система*, какъ характерная черта застоя и реакціи — такая философія исторіи логически была подсказана просвѣтителямъ практическимъ смысломъ современнаго умственнаго движенія. И одинъ изъ самыхъ горячихъ апостоловъ «просвѣщенія» — Кондорсе — построилъ на этой почвѣ свою теорію прогресса чело-вѣческаго ума.

Впослѣдствіи его сочиненіе станетъ предметомъ рѣзкаго осужденія среди представителей систематическаго направленія, намѣренныхъ создать свою *органическую* эпоху, — и рѣзкость будетъ вызвана

¹⁾ *Portrait de l'Auteur fait par lui-même O. c., 9.*

именно одностороннимъ освѣщеніемъ прогресса исключительно съ точки зрѣнія критики. Кондорсе признаетъ плодотворными, *прогрессивными* исключительно періоды воинствующаго скептицизма. Онъ упрекаетъ греческихъ и римскихъ ученыхъ за полное отсутствіе у нихъ «духа сомнѣнія», «суровой критики разума». Этотъ упрекъ, несомнѣнно, является заслуженнымъ многими писателями древности,— но Кондорсе спѣшитъ однимъ цвѣтомъ окрасить весь періодъ исторіи, чтобы ярче оттѣнить положительное значеніе критическихъ движеній,— и упрекъ древности является только скромнымъ вступленіемъ къ безповоротному осужденію среднихъ вѣковъ. По убѣжденію Кондорсе, они прервали человѣческой прогрессъ, заволокли сплошной тьмой человѣческую мысль и создали неограниченное царство «богословскихъ бредней и суевѣрныхъ обмановъ». Первоисточникъ бѣдствій— христіанство,— и Кондорсе даетъ самую мрачную характеристику «этому бичу». Духъ «секты» какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ упадку римской доблести. Въ чемъ же соотвѣтствіе? Въ отвѣтъ Кондорсе указываетъ на энтузіазмъ, увлекавшій христіанъ даже на смерть за ученіе, за доктрину ¹⁾.

Подобное толкованіе исторіи вопіющимъ образомъ противорѣчило самой идеѣ прогресса, превращало его «картину» не въ исторію, а въ смѣну счастливыхъ и несчастныхъ проявленій человѣческаго ума. И вскорѣ другимъ философамъ исторіи придется внести рядъ существенныхъ поправокъ въ представленіе Кондорсе о прогрессѣ. Но просвѣтитель строго выполнялъ современную публицистическую программу и своей работой только лишній разъ подчеркивалъ торжествующій «духъ сомнѣнія», борьбу съ догматическимъ энтузіазмомъ, съ наклонностями «метафизиковъ» создавать доктрины и системы.

Этотъ вѣрующій энтузіазмъ— величайшій недугъ нашей природы. По мнѣнію Гольбаха,— именно онъ лежитъ въ основѣ всякой вѣры. Онъ вмѣстѣ съ невѣжествомъ подѣлилъ трудъ въ созданіи Бога и вообще религіозной системы. Благодаря энтузіазму такъ мало на свѣтѣ атеистовъ. «Толпа несчастныхъ энтузіастовъ»,— эти три слова весьма удовлетворительно характеризуютъ всѣ проявленія религіознаго чувства,— и Гольбахъ съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ борется именно противъ энтузіазма ²⁾.

¹⁾ *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. O. compl.* P. 1804. VIII. 129, 137, 140.

²⁾ *Système de la nature.* P. 1821, I, VIII, XX; II, 486 etc.

Очевидно — критика и анализъ возведены въ своего рода догматы. Съ ними отождествленъ прогрессъ въ прошломъ и будущемъ, истинно-философская дѣятельность въ настоящемъ. Можетъ ли здѣсь быть мѣсто какой-либо системѣ?

Въ отвѣтъ прежде всего представляется книга самого Гольбаха: она прямо именуется «*Система природы*». Потомъ припоминается другое сочиненіе того же автора съ еще болѣе любопытнымъ заглавіемъ «*Le bon sens ou Idées naturelles opposées aux Idées surnaturelles*» на ту же тему, какъ и «*Система природы*». Мы знаемъ, война просвѣтителей противъ системъ и догматовъ вдохновлялась преимущественно ненавистью къ *сверхъестественнымъ идеаламъ*, облеченнымъ въ систему католической церкви. Было бы послѣдовательно, — только и ограничиться этой ненавистью, расчищать загроможденный путь прогресса, осуществляя до конца страхъ предъ новой систематизацией новыхъ идей. Тогда, дѣйствительно, восемнадцатый вѣкъ являлъ бы чисто-критическую эпоху, развернулъ бы сплошное движеніе скептицизма и сомнѣнія. Мы и на самомъ дѣлѣ безпрестанно слышимъ объ этомъ идеалѣ отъ руководителей движенія, но идеалъ остается *реторическимъ*: философъ, написавшій сатиру «*Системы*», сочинилъ обширную поэму «*Естественный законъ*», а его ученый соревнователь, остроумнѣйшій и положительнѣйшій мыслитель эпохи, Даламберъ намѣтилъ самую рѣшительную по духу философскую систему. Другіе, менѣе ужливчивые съ сомнѣніемъ и менѣе научные, пытались пройти открытый путь до конца и создать столь же догматическую систему изъ «естественныхъ идей», какая вызывала ихъ презрѣніе и гнѣвъ — но только изъ «сверхъестественныхъ». Произшла перемѣна въ *матеріаль*, духъ архитекторовъ и планъ зданія остались прежніе.

III.

Въ философскомъ словарѣ XVIII-го вѣка мы встрѣчаемъ всѣ старыя метафизическія понятія, только съ другимъ опредѣленіемъ: раньше говорилось: откровенная религія, божескій законъ, христіанскій культъ, религіозный человекъ, христіанская мораль, теперь столь же увѣренно и также часто произносится: *la religion naturelle, la loi naturelle, le culte naturel, l'homme naturel, la morale naturelle.*

Это цѣлое богословіе и впоследствии, въ эпоху революціи, оно попытается формулировать свои катихизисы, установить свое богослуженіе, украсить его проповѣдями и пѣснопѣніями, однимъ словомъ, соревновать съ католичествомъ въ догматахъ, и въ культѣ, даже въ нетерпимости и самомъ подлинномъ фанатизмѣ. Онъ такъ и будетъ именоваться *философскимъ фанатизмомъ* и обставитъ себя практическими иллюстраціями, которымъ мало въ чемъ придется завидовать старому, католическому фанатизму.

Идейную основу этимъ явленіямъ положить философія энциклопедистовъ, вмѣстѣ съ ней и «внутренній голосъ» Руссо. Краеугольный камень новой системы—идея природы, и догматическая мысль просвѣтительной эпохи можетъ быть сведена къ извѣстному патетическому восклицанію еще шекспировскаго героя, короля Лира: *Nature, dear goddess!*.. и вполне опредѣленно выражена молитвеннымъ обращеніемъ къ этому божеству одного изъ самыхъ отважныхъ гонителей «суетвѣрій»: «О Природа, верховное среди всѣхъ существъ! и вы ея обожаемая дщери — Добродѣтель, Разумъ, Истина! Будьте вѣчно нашими единственными божествами, вамъ принадлежать фіміамъ и почести земли»¹⁾.

Здѣсь единодушны Вольтеръ, Руссо, Дидро, Гольбахъ—представители крайней и умѣренной идеологій, таланты здравомыслящей публицистики и философско-ученаго просвѣщенія. Всѣ они систематики естественнаго міросозерцанія, изобрѣтатели естественной религіи и морали, не одинаковы только пути и средства ихъ созидательной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи философовъ можно раздѣлить на два лагеря, точнѣе на два типа, такъ какъ разница между ними въ сущности психологическая, а не научная и не идейная. Цѣли у всѣхъ одинаковы: создать систему изъ *естественныхъ* данныхъ, въ сильной степени совпадаютъ и *приемы*: творчество совершается въ самый разгаръ критики и само творчество является прежде всего орудіемъ той же критики, въ результатъ, слѣдовательно, работа чистопублицистическая, не научная и не философская въ строгомъ смыслѣ. Но несомнѣнная разница въ наклонностяхъ строителей пользоваться тѣмъ или другимъ матеріаломъ. Одни остаются вѣрными легчайшему способу разрушать и творить,

¹⁾ *Système de la Nature*. P. 1821, II, 420—1.

какой у всѣхъ имѣется подъ руками, — вольтеровскому здравому смыслу. Это *метафизики* новой натуральной теологіи. Они ограничиваются почти исключительно *общими* понятіями, для нихъ квалифікація *естественный* имѣеть такую же логическую убѣдительность и неограниченный жизненный смыслъ, какой старая система придавала своимъ терминамъ: божественный, откровенный, святоотеческій. Другой типъ воспринялъ современное научное движеніе въ области опытныхъ наукъ. Философы этого типа сочли необходимымъ воспользоваться фактами естествознанія и на нихъ построить философское и научное воззрѣніе. Это философы *натуралисты*, идеологи не логическихъ посылокъ здраваго смысла, а опытовъ и наблюдений.

Философы перваго типа — самые доступные и популярныя и въ то же время наименѣе оригинальныя. Ихъ разсужденія объ естественномъ нравственномъ законѣ предвосхищены во всей полнотѣ древней философій, преимущественно стоицизмомъ, и это извѣстно самимъ просвѣтителямъ: они охотно ссылаются на стоиковъ, какъ своихъ предшественниковъ. У нихъ энциклопедисты находятъ понятіе природы, какъ единственнаго практическаго и нравственнаго руководителя жизни, и впоследствии возстановители религіознаго алтара будутъ укорять философовъ въ приверженности къ стоическому атеизму. Но это подробность стоической философій, для XVIII-го вѣка поучительнымъ оказался ея основной принципъ, выраженный въ формѣ совѣта Сенекой: *Ad legem naturae revertamur-divitiae paratae sunt* ¹⁾). Въ поискахъ за *естественными* сокровищами и заключается религіозная и нравственная философія просвѣтителей-метафизиковъ. Поиски, по ихъ мнѣнію, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ распоряженіи всѣхъ, кому ненавистна традиціонная система сверхъестественныхъ идей, имѣется *уложение природы* — *le code de la nature*.

Усерднѣйшій толкователь этого «кодекса» — Вольтеръ. Его поэма *Объ естественномъ законѣ* одновременно и гимнъ новому божеству и изложеніе догматовъ. Природа снабдила человѣка щедрой рукою всѣмъ необходимымъ: «силами души и физическими инстинктами», и благодѣтельствовала его *единообразной, всемірной и вѣчной* моралью. Эти опредѣленія естественнаго закона нравственности — при-

¹⁾ Ep. mor. Lib. III, ep. IV.

ципальны и неопровержимы. «Во всѣ вѣка и во всякомъ мѣстѣ» природа является «апостоломъ вѣчнаго культа», т.-е. здраваго смысла и совѣсти. Всѣ язычники и варвары одинаково различаютъ добро и зло и претерпѣваютъ укоризны оскорбленнаго нравственнаго чувства: «всѣ одновременно съ разумомъ получили отъ неба узду справедливости и совѣсти». Золото вездѣ одно и то же—въ Перу и въ Китаѣ.

Это убѣжденіе, повидимому, — наиболѣе устойчивое въ многообразной философіи Вольтера. Онъ не мѣняетъ его на пространствѣ десятилѣтій. Спустя шестнадцать лѣтъ послѣ поэмы *Объ естественномъ законѣ*, Вольтеръ посвящаетъ тому же предмету разсужденіе въ прозѣ и на вопросъ — существуетъ ли мораль, отвѣчаетъ: «чѣмъ больше я видѣлъ людей различныхъ по климату, нравамъ, языку, законамъ культу, силамъ своего ума, тѣмъ больше я замѣчалъ, что у нихъ у всѣхъ одна и та же основа морали; всѣ они имѣютъ первичное представленіе о справедливости и несправедливости, не зная даже слова—теологія; они приобрѣли это представленіе въ томъ возрастѣ, когда развивается разумъ, все равно какъ отъ природы они приобрѣли умѣніе поднимать тяжести на палкахъ, переправляться черезъ ручьи на обрубкахъ дерева, не учившись математикѣ». Вольтеръ перечисляетъ рядъ фактовъ, у всѣхъ одиноково нравственныхъ или преступныхъ, и вообще, по убѣжденію философа «идея справедливости и несправедливости такъ же ясны и всеобщы, какъ идеи здоровья и болѣзни, правды и лжи, приличія и неприличія». Разница только въ отгнѣнкахъ этихъ понятій, все равно какъ трудно съ точностью разграничить здоровье и болѣзнь. Но вѣра въ справедливость *безусловно необходима*, она—результатъ развитія ума ¹⁾).

Вольтеръ даже прямо отождествляетъ возникновеніе въ человѣческомъ разумѣ нравственныхъ идей съ математическими аксіомами. Мы начинаемъ различать порокъ и добродѣтель въ то время, когда усваиваемъ, что дважды два—четыре. Это не значить, будто намъ врождены идеи добра и зла,—Вольтеръ какъ и всѣ энциклопедисты, послѣдователь Локка и Кондильяка и рѣшительный врагъ врожденныхъ идей. Не идеи врождены человѣку, а организація, способная развиваться по непереложнымъ законамъ, одинъ изъ моментовъ этого развитія—естественная мораль ²⁾). Вольтеръ, восхищаясь психологіей

¹⁾ *Le Philosophe ignorant*. Y a-t-il une morale? *O. compl.* XLIV, 55 etc.

²⁾ *Dictionnaire philosophique*. Du juste et de l'injuste.

Локк, возстаетъ противъ его взгляда на сущность морали. Локк, отрицая врожденныя идеи, отрицаетъ и всеобщность нравственныхъ понятій. Люди въ разныхъ концахъ земного шара имѣютъ различныя представленія о справедливости и несправедливости; существуютъ, напримѣръ, людоеды. Вольтеръ готовъ отрицать существованіе людоедовъ и безусловно возстаетъ противъ общаго вывода Локка, не разрѣшая все-таки необходимаго вопроса: чѣмъ обуславливается неизбѣжность и всеобщность морали, если она не коренится на извѣстныхъ врожденныхъ основахъ? Вольтеръ до такой степени настойчиво защищаетъ *ограниченный* смыслъ морали, что даже не отступаетъ отъ сравненія нравственнаго закона съ физическимъ закономъ тяготѣнія. Это одна изъ любопытнѣйшихъ идей, высказанныхъ вообще въ XVIII вѣкѣ, идея съ блестящимъ будущимъ во французской философіи нравственной и соціальной. Законъ тяготѣнія дѣйствуетъ во всемъ матеріальномъ мірѣ, основной законъ нравственности дѣйствуетъ также среди всѣхъ народовъ ¹⁾. Для Вольтера здѣсь только *сравненіе*, позже оно будетъ замѣнено прямымъ отождествленіемъ, т.-е. законъ тяготѣнія будетъ истолкованъ и какъ *физическій* и какъ *нравственный принципъ*. Но и у Вольтера онъ рѣшительно устанавливаетъ *стихийный* характеръ нравственнаго развитія и опредѣляетъ *естественную религію*.

Какъ всякая другая, она имѣетъ свои догматы, и Вольтеръ излагаетъ ихъ: существованіе единаго Бога, Онъ—отецъ всѣхъ людей, и они братья и должны по отношенію другъ къ другу быть добрыми и справедливыми, а Богъ вознаградитъ ихъ за добродѣтели и накажетъ за преступленія ²⁾. Этотъ катихизисъ Вольтеръ повторяетъ неоднократно, неизмѣнно подчеркивая его *фатальное* и *общечеловѣческое* происхожденіе. Иногда символъ вѣры выражается нѣсколько короче: «дѣлать добро—вогь культъ; быть покорнымъ Богу—вогь доктрина» или «любите Бога и любите смертныхъ—вогь весь человѣкъ и весь его законъ» ³⁾. Слѣдовательно, праздно заявленія философа, будто въ его религіи нѣтъ догматовъ, такъ же какъ и культа. Догматы имѣются и, на положительный философскій взглядъ, не менѣ спор-

¹⁾ *Le Philos. ignor. Ib. p. 68. Nature partout la même.*

²⁾ *Sermon des cinquante. XLIII, 228.*

³⁾ *Dict philos. Théiste.—Discours en vers sur l'homme, septième discours.*

партий, ничто не помѣшаетъ совершать какія угодно преступленія. Если атеистъ-лакей расхититъ собственность своего господина, атеистъ-государь или папа явится Цезаремъ Боржіа и Александромъ VI. Религія «единственная узда для людей могущественныхъ, нагло совершающихъ публичныя преступленія; религія единственная узда для людей, искусно совершающихъ тайныя преступленія»¹⁾. Эти соображенія освобождаютъ Вольтера отъ тщательной обработки философскихъ основъ своего воззрѣнія и сообщаютъ идейной задачѣ чисто дипломатическій характеръ. Въ результатъ представляется вопросъ, почему Вольтеръ такъ жестоко возмущается изобрѣтателями догматовъ и культа? Развѣ эти изобрѣтатели не могли держаться совершенно вольтеровскаго политическаго взгляда на дѣло и по необходимости «изобрѣтать Бога», какъ *узду*, какъ *страхъ*, какъ *надежду*? Всѣ эти опредѣленія религіи принадлежатъ Вольтеру и всѣмъ имъ соотвѣтствуетъ всякое церковное вѣроисповѣданіе.

Очевидно,—искони установившаяся за Вольтеромъ слава—бойца противъ «маніи системъ», истребителя «систематическаго духа»²⁾—не вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вольтеръ не прочь создать свою систему на мотивъ естественной морали и религіи, и онъ работалъ надъ ней въ теченіе всей жизни, видоизмѣняя и разъясняя ея символы. Мы видѣли,—система вдохновлялась прежде всего политическими цѣлями автора, но это не мѣшало ей усвоить съ самаго начала догматическія наклонности и взывать, по самому существу своихъ положеній, къ чувству и воображенію читателей. Вольтеръ не одинъ разъ вполне опредѣленно принимался объяснять религиозную миссію своей философіи. Онъ ставилъ философскую дѣятельность XVIII-го вѣка въ преимущественную связь съ рационалистическими сектами. «Наши предки» освободились отъ нѣкоторыхъ заблужденій и суевѣрій,—но они оставили дѣло недоконченнымъ. Ученіе о пресуществленіи, обожаніе святыхъ и мощей, устная исповѣдь, индульгенціи и многое другое отжило свой вѣкъ. Отчего же не идти тѣмъ же путемъ дальше, и окончательно не *очистить религію*? Вольтеръ возстаетъ противъ священника Мелье, завѣщавшаго

¹⁾ О. с. XLIII, 355—7.

²⁾ (р. *Avertissement des éditeurs de Kehl*. О. с. XLI 2.

ненависть противъ всякой религіи. Онъ не правъ: «религія *хорошо очищенная* явилась бы первой основой общества»¹⁾. И Вольтеръ строитъ храмъ Богу съ надписью *Deo erexit Voltaire* и даже рисуетъ образъ идеальнаго *curé*.

Всѣ эти факты имѣютъ первостепенную историческую важность— независимо отъ качества Вольтеровской искренности. Впослѣдствіи революція найдетъ цѣлую программу именно религіознаго содержания въ просвѣтительной философіи и, между прочимъ, въ разсужденіяхъ Вольтера. Его *curé de campagne* многимъ будетъ представляться идеаломъ истиннаго гражданина-священника: Это — проповѣдникъ христіанской морали, никогда не говорящій о церковныхъ догматахъ; освѣдомленный во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ, необходимыхъ для отеческаго попеченія о прихожанакъ: онъ юристъ, и медикъ, и агрономъ и совершенно чуждъ обрядовому ханжества и нетерпимости; Собесѣдникъ *curé* въ восторгѣ отъ его идей и желаетъ быть его прихожаниномъ²⁾.

Подобныя размысленія внушительны на страницахъ *Философскаго словаря*. Политическій ихъ смыслъ устанавливаетъ самъ Вольтеръ коротко и ясно: «желаете ли вы, чтобы ваша нація была могущественна и наслаждалась миромъ? Пусть законы государства господствуютъ надъ религіей».

Выводъ въ сомнѣніи: *очищенная религія* — мораль выведена съ нѣкоторыми *простѣйшими* догматами, освященная, точнѣе предписанная государственными законами. Къ такому результату мысль Вольтера пришла подъ вліяніемъ трехъ побужденій: во-первыхъ — *полемическаго*, — желанія не только «раздавить» католичество, но и противопоставить ему религію болѣе совершенную; во вторыхъ — *практическаго*, — въполнѣ искренняго убѣжденія въ необходимости *системы*, обуздывающей, устрашающей и утѣшающей въ цѣляхъ мирнаго развитія человѣческаго общества, наконецъ, — нельзя отрицать и *философскаго* мотива въ созидательной мысли Вольтера. Его излюбленное оружіе — *здравоу смыслъ*, т. е. резонерствующая логика — оказавшись неспособнымъ вести разрушеніе до конца, установить рѣшительный:

¹⁾ *Sermon des cinquante*. O. c. XLIII, 226—7; *Lettres à son Altesse M-gr le prince de Brunswick*. O. c. XLIV, 362—3.

²⁾ *Dictionnaire philos. Curé de Campagne, cathédrale du curé*.

скептицизмъ безъ отгѣнковъ и оговорокъ; при совершенномъ отрицаніи нѣкаго духовнаго принципа въ мірѣ получается рядъ нелѣпостей—*absurdités*—съ чисто логической точки зрѣнія. Онѣ не могли уполномочить талантъ Вольтера на безповоротную систематизацію нравственно-философскаго ученія,—но ихъ было достаточно, чтобы философъ постоянно возвращался отъ сомнѣнія къ догматизму, отъ критики къ системѣ. Для того, чтобы окончательно исчезли колебанія, требовалось особое свойство природы. Его превосходно понималъ тотъ самый Паскаль, который встрѣтилъ у философовъ XVIII-го вѣка осужденіе за *легкомыріе* и *боязливость*. Особенно сурово отнесся къ Паскалю Вольтеръ, даже укоряя Кондорсе въ излишней «скромности» по поводу, нацримеръ, «заднихъ мыслей» Паскаля. Знаменитый противникъ іезуитовъ догадалъ, что мыслителю слѣдуетъ держаться своихъ особыхъ воззрѣній, а говорить какъ народъ»¹⁾. Вольтеръ съ негодованіемъ подчеркиваетъ эту мысль—забывая смыслъ своего собственнаго принципиальнаго разграниченія *идей* для философовъ, вообще для «почтенныхъ людей» и *спры* для непросвѣщенныхъ, для черни. Іезуитизмъ, слѣдовательно, въ извѣстной степени явился неизбежнымъ и въ философской системѣ. Но Паскаль, совершенно незаслуживающій упрековъ со стороны писателей XVIII-го вѣка въ двуличіи и лукавствѣ,—долженъ считаться ихъ краснорѣчивымъ предшественникомъ, именно въ рѣшеніи высшихъ философскихъ задачъ.

Онъ пережилъ моменты скептицизма, неравномерно болѣе глубокаго, чѣмъ вольтеровское «сомнѣніе»,—и выразилъ его со всею силой души, алкавшей успокоенія въ вѣрѣ и не обрѣтшей его. Предъ нами нѣсколько *мыслей*, равныхъ по содержанию страницамъ Вольтера или Дидро. «Несчастны тѣ, которые обязали меня говорить о сущности религіи. Я вижу грѣшниковъ очищенныхъ безъ раскаянія, праведниковъ, оправданныхъ безъ любви, христіанъ безъ благодати Иисуса Христа, Бога безъ власти надъ волею людей, предопредѣленіе безъ таинственности, искушеніе безъ несомнѣнности». Или другая *мысль*, безчисленное число разъ повторяемая Вольтеромъ. «Одинаково непостижимы положенія, что есть Богъ и что

¹⁾ Напр. Diderot. *Pensées philosophiques* XIV. А. с. I. 181 и особенно Voltaire.—*Remarques sur les pensées de M. Pascal.* О. с. XLIII.—Condorcet. *Eloge de Pascal.*

нѣтъ Его, что есть душа въ тѣлѣ и что нѣтъ въ насъ души, что сотворенъ міръ и что не сотворенъ, что есть природный грѣхъ и что нѣтъ его¹⁾.

Мыслитель, столь опредѣленно выразившій содержаніе скептицизма и страстно искавшій исцѣленія отъ недуга,—долженъ былъ додуматься, по крайней мѣрѣ, до сущности спасенія. И Паскаль указалъ на нее,—опять предупредивъ философію XVIII-го вѣка,—и притомъ самаго вдумчиваго изъ философовъ.

Даламберъ, разсуждая о психологій религіозности, ссылается на Паскаля. Почему одни примираются съ системами и догматами, а другіе нѣтъ? Паскаль на янсенистскомъ языкѣ отвѣчаетъ: вѣра дается *благодатью*; Даламберъ выражается иначе: вѣра—шестое чувство, даруемое Творцомъ по усмотрѣнію, тому или другому человѣку. Паскаль подробно объяснилъ, гдѣ коренится это чувство. «Мы,—говоритъ онъ,—сознаемъ истину не только разумомъ, но и сердцемъ; послѣднимъ именно способомъ мы познаемъ первые принципы». Паскаль это истолкованіе религіи считаетъ высшимъ, чѣмъ разумъ. Люди были бы счастливы, если бы познавали всѣ вещи «инстинктами и чувствомъ»,—и окончательный выводъ Паскаля: «сердце чувствуетъ Бога, а не разумъ²⁾»).

Эта психологія вѣры, т.-е. сознанія общихъ принциповъ, осталась неизмѣнной и для философіи XVIII-го вѣка. Вольтеръ былъ лишень «шестого чувства». Натура, чуждая лиризма и непосредственнаго энтузіазма, логическая и разсудочная по преимуществу—Вольтеръ тщетно старался даже лично убѣдиться въ какой-либо догматической системѣ. Недостатка въ усиліяхъ не было и не могло быть по многимъ причинамъ, но отсутствовалъ творческій объединяющій духъ.

Нимъ, повидимому, обладалъ сильнѣйшій соперникъ Вольтера по таланту и славѣ. За нимъ и современники и потомство признали великую власть именно въ области чувства и самъ онъ, создавая систему, увѣрялъ своихъ читателей. «Для меня достаточно изложить вамъ то, что я думаю въ простотѣ моего сердца. Прислушайтесь къ

¹⁾ Pascal, *Pensées* Chap. XXIV; LXXVI, LXXVIII.

²⁾ О. с. I, 128.

³⁾ Pascal. О. с. Chap. X, XIX, XX.

голосу вашего, пока я буду говорить, — больше ничего я отъ васъ не требую». — *Consultons la lumière intérieure!* — восклицалъ Руссо, имѣя, очевидно, всѣ данныя совершить несовершенное Вольтеромъ ¹⁾).

IV.

Трудно назвать писателя, вызывавшаго столько страстныхъ и совершенно разнородныхъ чувствъ, какъ Руссо. Обогащеніе его при революціи имѣеть рѣзкій противовѣсъ въ отзывахъ о немъ и современниковъ очевидцевъ, и потомства. Руссо лично засвидѣтельствовалъ поразительную пестроту мнѣній о своей личности и дѣятельности. О его книгахъ, говоритъ онъ, высказывались *противоположныя* сужденія, скорѣе даже—объ авторѣ этихъ книгъ. Послѣ перваго же *Разсужденія* онъ сталъ человѣкомъ парадоксовъ, который забавляется, доказывая то, чего онъ не думаетъ. Потому онъ прослылъ врагомъ французской націи, почти заговорщикомъ, атеистомъ, мизантропомъ, защитникомъ христіанскаго нравственнаго ученія, человѣкомъ нѣжнымъ и сладостнымъ, наконецъ нечестивымъ. Всѣ эти приговоры произносились по поводу разныхъ произведеній Руссо; «скоро, прибавляетъ онъ, можетъ быть я превращусь въ ханжу».

Какъ объяснить эту своеобразную судьбу?

Объясненіе самого Руссо самое рѣшительное: неустойчивость *глухой публики*: она одинаково мало знаетъ, за что презираетъ и за что любитъ его — Руссо, — а между тѣмъ онъ всегда остается *одинъ и тотъ же*. «Я писалъ, заявляетъ Руссо, о разныхъ предметахъ, но всегда въ одинаковомъ направленіи, всегда одно и то же нравственное ученіе, одни и тѣ же вѣрованія и, если угодно, одни и тѣ же мнѣнія» ²⁾).

Какъ же могла послѣ этого возникнуть подобная разногласица? Тѣмъ болѣе, что въ ней принимаетъ участіе не одна «глухая публика». Нельзя придавать непогрѣшимаго смысла отзывамъ философовъ, современниковъ Руссо: съ ними женеvскій философъ состоялъ въ ожесточенной литературной и даже личной враждѣ, особенно съ

¹⁾ *Emile*, livre IV. () c. IV, 132. 138.

²⁾ *Lettre à M. de Beaumont. Petits chefs-d'oeuvre de J. J. Rousseau*. Paris, 1870, 296—7.

Вольтеромъ. Но одинъ отзывъ о Руссо изъ лагеря энциклопедистовъ заслуживаетъ вниманія при всей своей рѣзкости; онъ исходитъ отъ человѣка, несомнѣнно, наиболѣе искренняго и добродушнаго среди первостепенныхъ писателей-философовъ, потому этотъ именно приговоръ встрѣтилъ сочувствіе уже въ нашемъ вѣкѣ у публициста, въ своей враждѣ противъ Руссо, одушевленнаго принципиальными побужденіями и, наконецъ, общій смыслъ приговора чаще всего повторяется и новѣйшими критиками идей Руссо и находитъ подтвержденіе въ этихъ идеяхъ.

Дидро утверждаетъ, что Руссо—писатель весь изъ противорѣчій. Руссо нападаетъ на театръ и сочиняетъ комедію, восхваляетъ дикаго человѣка, чуждаго воспитанія, и сочиняетъ разсужденіе о воспитаніи: философія Руссо, по мнѣнію Дидро, состоитъ изъ отрывковъ и кусковъ, въ ней нѣтъ единства.

Дидро приписываетъ это свойство идей Руссо природной склонности философа къ софизмамъ и къ эффектамъ. Руссо, ради сильнаго впечатлѣнія на воображеніе читателя, ради занимательныхъ образовъ, ради волнующихъ картинъ, ради возбужденія ума и страстей готовъ пожертвовать истиной. Онъ болѣе заботится о краснорѣчьи, чѣмъ о правдѣ, о блескѣ, чѣмъ о логикѣ, и старается скорѣе ослѣпить читателя, чѣмъ просвѣтить его¹⁾.

Руссо настаиваетъ на своей неизмѣнной искренности—«даже въ ущербъ себѣ»—*même contre moi*, т. е.—надо понимать, — даже цѣной противорѣчій съ самимъ собой. Признаніе, не уничтожающее сужденія Дидро. Руссо, естественно, по прирожденному таланту могъ быть артистомъ, художественной натурой, это и значить искренне увлекаться блестящими, хотя бы и мало доказательными идеями, сенсационными положеніями и эффектными оборотами логики и слова. Артистъ и художникъ философической метафизики въ противоположность Вольтеру — чисто-разсудочному резонеру; и если противорѣчія въ философіи Вольтера обуславливались или идейной сложностью и трудностью разрѣшаемыхъ вопросовъ, или сознательнымъ политическимъ отклоненіемъ мысли философа въ болѣе благоразумную сторону,—у Руссо еще болѣе многочисленныя противорѣчія могли возникнуть на почвѣ художественнаго вдохновенія,

¹⁾ *Refutation de l'ouvrage d'Helvetius. O. c. II, 317, 292.*

артистической фантазіи. Отвлеченность задач и даже математическій дух построеній здѣсь не могли повліять на результатъ. Въ архитектурной стройности силлогизмовъ, сравненій, противоположеній есть извѣстная художественная красота, и артистическое чувство можетъ находить немалое утѣщеніе въ прихотливыхъ комбинаціяхъ изъ посылокъ и формулъ и, слѣдовательно изъ софизмовъ: такъ какъ стройность и красивая эффектность неминуемо возобладаютъ надъ естественной запутанностью и многообразіемъ данныхъ какого угодно философскаго или нравственнаго вопроса.

Руссо мыслилъ какъ артистъ: этотъ выводъ слѣдуетъ изъ его собственныхъ заявленій о сердцѣ и воображеніи, какъ единственныхъ источникахъ его философіи. Тайны окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, намъ кажется, мы можемъ разгадать ихъ умомъ. Нѣтъ! Помнѣнію Руссо, *только воображеніе* можетъ служить намъ на этомъ пути¹⁾. Оно, слѣдовательно, даетъ окончательный отвѣтъ, оно же и руководитъ философомъ. И философія Руссо слагается изъ двухъ, повидимому, трудно примиримыхъ стихій: одна—вдохновенія, подсказанная рѣже всего *познаніемъ* дѣйствительности, управляемая крайне развитой впечатлительностью, при чемъ для возбужденія ихъ одинаково могущественны и предметы реальныя и созданія воображенія; другая стихія—французскій *классическій духъ*, т.-е. страсть къ симметріи, не столько къ логичности построеній, сколько къ архитектурной правильности—хотя бы исключительно внѣшней, не одухотворенной жизненной правдой и способной уклониться отъ нея до полного противорѣчія съ ней. Если французскіе поэты могли создать классическую трагедію вопреки исторіи, психологіи и нравственной логикѣ, отчего же было Руссо, также одаренному воображеніемъ и чувствомъ, не повторить подобныхъ сооруженій въ области политики?

И онъ повторилъ и увлекъ своимъ творчествомъ нѣсколько поколѣній. За этотъ соблазнъ и обрушился на Руссо Прудонъ. Онъ обозвалъ *Общественный договоръ* «образцомъ ораторскаго жонглерства», приписалъ ему многочисленныя заблужденія общественной совѣсти среди французскихъ партій и больше лишениій и позора,

¹⁾ *Emile*, livre IV. O. c. IV, 132, 138.

чь даже «возмутительному царствованію куртизанокъ» Людовика XV¹⁾.

Другіе говорили болѣе спокойнымъ языкомъ, но заключеніе Дидро — на счетъ противорѣчій въ философіи Руссо повидимому становится признанной истиной. *Социальный романъ*, именуемый *Общественными договорами*, разложенъ на составныя части, приведенъ въ связь съ другими произведеніями автора, и установлено безысходное странствованіе политическаго ума Руссо между двумя идеями — народнаго самодержавія и свободы личности²⁾. И эта безысходность не мѣшала Руссо явиться однимъ изъ самыхъ догматическихъ ораторовъ, каково только могъ создать классическій умъ, — истиннымъ Боссюэ новой метафизики.

Лично Руссо съ самаго начала стремился къ *вѣрѣ*, «шестое чувство» развернулось у него во всю ширь, рисуя естественное состояніе. Это была цѣлая система и въ полномъ смыслѣ догматическая, такъ какъ доказать ее фактами авторъ рѣшительно отказывался. Руссо читалъ исторію человѣка не въ книгахъ, которыя живы, а въ природѣ, которая никогда не лжетъ, т.-е. создавала вдохновенную поэму о состояніи, увлекавшемъ его чувствительное сердце и художественное воображеніе. Столь смѣлое творчество доказывало неуверенное стремленіе къ системѣ идей, хотя бы даже цѣной фактовъ и строгой логики.

Неуверенность и *сомнѣніе* для Руссо настроенія *безпокойнаго* и *млостнаго*; они не могутъ длиться, развѣ только не тѣмнѣется *свокорыстѣе порока* или *лжность души*. У савойскаго икарія, на примѣръ, сердце не достаточно монотонно, чтобы находить удовольствіе въ сомнѣніи. Руссо, слѣдовательно, вопросъ о положительномъ возвращеніи ставитъ въ неразрывную связь съ нравственнымъ и умственнымъ достоинствомъ человѣка³⁾. Въ письмѣ къ Вольтеру Руссо выражается еще опредѣленнѣе: «состояніе сомнѣнія слишкомъ мучительно для моей души; когда мой рассудокъ колеблется; вѣра моя

¹⁾ Proudhon. *Idee générale de la Révolution au XIX-e s.*, O. compl. Nouv. éd. P. 68. 125.

²⁾ Ср. *Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques. Section des sciences économiques et sociales. Congrès des sociétés savantes de 1897.* Мемуаръ проф. Dry *Influence du contrat social de Rousseau*, p. 23, 44 etc.

³⁾ *Emile*. II. p. 134—5.

не может долго находиться въ выжидательномъ положеніи и опредѣляетъ себя безъ участія разсудка»¹⁾).

И Руссо не въ состояніи понять, какъ можно быть скептикомъ послѣдовательно и искренне. Человѣческій умъ, по его мнѣнію, отъ природы предпочитаетъ скорѣе обманываться, чѣмъ ни во что не вѣрить. Руссо рѣшается даже утверждать преимущества фанатизма предъ отсутствіемъ религіозности, вообще предъ духомъ резонерскимъ и философскимъ. Фанатизмъ — страсть великая и сильная, она возвышаетъ сердце; заставляетъ презирать смерть, сообщаетъ человѣку громадную энергію и, хорошо направленная, она способна на самыя возвышенныя доблести. Духъ философскаго резонерства, т.-е. сомнѣнія и критики напротивъ расслабляетъ и опошляетъ душу, сосредоточиваетъ всё страсти на низменныхъ личныхъ интересахъ, постепенно подрываетъ истинныя основы всякаго общества²⁾).

Эта защита фанатизма, необыкновенно эффектная именно среди просвѣтительной философіи, сдѣлаетъ въ послѣдствіи свое дѣло въ рукахъ апостоловъ Верховнаго существа, — не останется она безслѣдной и у самого Руссо. Только неудержимому стремленію во что бы то ни стало создать систему можно приписать едва вѣроятныя противорѣчія, завѣщанныя потомству женевицкимъ философомъ. Они не менѣе рѣзки, чѣмъ христіанское ученіе о любви и всепрощеніи, и церковная политика, вооруженная инквизиціей.

Разладъ поражаетъ мысль Руссо въ самой основѣ, въ нѣдрахъ ея, повидимому, драгоценнѣйшаго идеала. Естественное состояніе было воспріято съ чисто религіознымъ явизмомъ; идея вполне уподоблялась символу вѣры, — и все-таки здѣсь же, непосредственно за восторгомъ, послѣдовала рѣчь о «священныхъ узахъ обществъ», даже о божественномъ голосѣ, призывавшемъ весь человѣческій родъ къ просвѣщенію и счастью небесныхъ разумныхъ созданій³⁾). Эта несжданность — истинное предназначеніе. Восемь лѣтъ спустя она разрѣшилась въ новую политическую систему. Въ основу ея положенъ принципъ, совершенно разрушающій мечту объ естественномъ состояніи. Общественный порядокъ — явленіе неестественное,

¹⁾ *Correspondance. O. c. XX, 328.*

²⁾ *Emile. II: 244.*

³⁾ *Notes къ Discours sur l'orig. et les fondem. de l'inég. ib. p. 122.*

но онъ — *священное право* — un droit sacré. Переходъ отъ естественнаго состоянія въ гражданское создаетъ для человѣка рядъ преимуществъ: вмѣсто инстинкта онъ приобретаетъ понятія справедливости и нравственности, его способности развиваются, идеи расширяются, чувства облагораживаются ¹⁾.

Совершенно такое же приключеніе переживаетъ философія Руссо и въ другой области — въ религіозной. Въ полѣтѣхъ философъ представилъ двѣ системы — естественный идеаль и гражданскій, договорный, въ религии можно насчитать также не меньше двухъ вѣроисповѣданій.

Первое соотвѣтствующее идеализаціи естественнаго состоянія, вложено въ *Исповѣди савойскаго епископа*. Оно ничто иное какъ *естественная религія* по понятіямъ всего XVIII-го вѣка. Здѣсь съ Руссо могли согласиться и Вольтеръ и Дидро. Вольтеръ выразилъ свое одобреніе разужденіямъ своего врага, даже ужасаясь, какъ такому есқиш удалось создать савойскаго епископа. Духъ этого произведенія, дѣйствительно не противорѣчилъ философскимъ настроеніямъ Вольтера, — тѣмъ болѣе что «наложеніе» естественной религіи у Руссо переплетается съ очень настойчивымъ разрушеніемъ историческихъ религій. Столь же рѣшительно восставалъ Руссо и противъ матеріализма и взаи́мъ всего призывалъ *внутренній светъ*, прислушивался къ голосу сердца, изъ созерцанія красоты природы и изъ просвѣщенныхъ мыслей «внутренняго убѣжденія» желалъ вывести необходимость, естественность религіознаго чувства. Не давалъ Руссо пощадъ и «жаргону метафизики», «общимъ и отвлеченнымъ идеямъ», согласно съ Кондильякомъ и его учениками, перечислялъ «смутныя слова», замѣняющіе у метафизиковъ истины. Наконецъ, Руссо подвергалъ безповоротной критикѣ попытку *опредѣлить* Бога, изложить его откровеніе, установитъ культъ: всѣмъ этимъ идеямъ могъ только существовать Вольтеръ. Ему даже нрѣдка приходилось понадать въ специальную область Руссо, менѣе всего свойственную его собственному таланту, рисовать трогательныя картины природы, занимавшія первое мѣсто въ религіозныхъ чувствахъ Руссо ²⁾. У Руссо идея естественной религіи выросла на поэтическомъ чувствѣ природы и

¹⁾ Du contrat social. Livre I, chap. 1, 8.

²⁾ Напр. Histoire de Jenni, ou l'Athée et le Sage, chap. X.

на идеальномъ представленіи объ естественномъ процессѣ стихійной жизни, и его «изложеніе» безпрестанно готово перейти въ молитвенное изліяніе, превратиться въ восторженную рѣчь совершенно какъ и въ разсужденіи объ естественномъ состояніи. И савойскій викарій не забываетъ восхвалять прелести этого состоянія и воскликнуть: *Otez nos finestes progrès!*

Слѣдовательно, *Исповѣдь* должно считать непосредственнымъ раскрытіемъ первобытнаго сердца, невольно и неудержимо возносящаго къ Твердцу прекрасной и благой природы. Но въ этомъ смыслѣ *Исповѣди* заключается ея роковая участь, одинаковая съ вдохновенной картиной миѳическаго первобытнаго счастья:

Естественное состояніе уступило мѣсто гражданскому строю, и Руссо безусловно отказался воевать съ этимъ порядкомъ вещей, напротивъ, онъ представилъ даже свои соображенія на отчетъ болѣе разумнаго осуществленія идеи гражданственности. Но если общественныя связи *священны*, что же тогда остается *естественной религіи*? Очевидно, она должна приспособиться къ политическому устройству, изъ *естественной* стать *гражданской*. Можетъ быть, объ религіи могутъ совпасть? никомъ образомъ: вѣдь *естественное состояніе* не совпадаетъ съ *гражданскимъ*, а религія всегда являлась *основой государства*. Слѣдовательно, должна быть создана нѣкоторая комбинація—политико-религіозное ученіе,—не художественное изложеніе чувствъ и настроеній, а доктрина, договоръ, законъ со всѣми своими спутанками:

Почти одновременно съ разсужденіемъ о естественномъ состояніи Руссо въ письмѣ къ Вольтеру высказываетъ желаніе, чтобы въ каждомъ государствѣ существовало «нравственное уложеніе или нѣчто въ родѣ символа гражданской вѣры, предписывающаго положительно социальныя правила, для всѣхъ обязательныя и отрицательно — нетерпимыя правила, всѣми обязательно отвергаемыя, не какъ нечестивыя, а какъ бунтовщическія». Эта гражданская религія въ свою очередь должна обладать опредѣленной нетерпимостью: отвергать всякую религію, несогласную съ уложеніемъ. Такая книга, по мнѣнію Руссо, явилась бы самой полезной изъ книгъ, когда-либо сочиненныхъ, и, можетъ быть, *единственною необходимою для людей*. А такъ какъ Руссо здѣсь же различаетъ естественную религію и гражданскую, то естественную слѣдуетъ признать не необходимою, пре-

оставить на усмотрѣніе каждаго отдѣльно, позаботиться только, чтобы она не противорѣчила гражданской религіи. Окончательный выводъ—исключительное право на существованіе за гражданскимъ религіознымъ ученіемъ,—и Руссо предлагаетъ наложить его Вольтеру: онъ написалъ поему объ естественной религіи, пусть напишетъ теперь «катехизисъ гражданина» ¹⁾).

Вольтеръ, мы знаемъ, исповѣдовалъ идею о зависимости религіи отъ политическихъ задачъ государства, но онъ не рѣшился обставить свои догматы уложеніемъ о наказаніяхъ; призракъ фанатизма казался ему самымъ ненавистнымъ. Руссо при его взглядѣ на фанатизмъ, какъ одно изъ проявленій нравственной силы, не отступилъ предъ задачей. Боссюа извлекалъ политику изъ св. писанія, разумѣется, не упуская изъ виду политики Людовика XIV, — Руссо совершенно откровенно изъ политики извлекъ свое св. писаніе, къ обществу договору, присоединилъ кодексъ гражданской религіи.

Для насъ поучителенъ фактъ, что идея политической религіи не составляетъ исключительнаго достоянія Руссо. Это одна изъ идей всей просвѣтительной философіи,—только разными философами она выражена съ различной опредѣленностью и силой. У Вольтера она намѣчена, то же самое у Тюрго. Знаменитый министръ тоже защитникъ естественной религіи и даже заслугу христіанства видитъ въ разъясненіи и распространеніи естественной религіи: Въ то же время онъ возлагаетъ на государство обязанность—слѣдить за нравственнымъ и политическимъ смысломъ религіозныхъ ученій и преслѣдовать религію съ догматами, враждебными принципами политической власти. Тюрго прямо называетъ одинъ изъ такихъ догматовъ—именно «препятствующій увеличенію числа браковъ и легкости ихъ заключенія» ²⁾).

Гораздо энергичнѣе рѣшаетъ вопросъ Рейналь въ *Философской исторіи обитавшихъ Индіи*, очень широко пользовавшійся сотрудничествомъ Дидро. Первымъ принципомъ политики Рейналь считаетъ: «не государство создано для религіи, а религія для государства». Выводы ясны: только государственной власти принадлежитъ право изслѣдовать догматы и дисциплину религіи—въ интересахъ общественнаго спокойствія,

¹⁾ *Correspondance.* (1759). О. с. XX, 331—2.

²⁾ Turgot. *Lettres sur la tolérance.* (1768). *Oeuvres* P. 1808. II, 360.

«патріотическаго духа», гражданскаго мужества, промышленности брака: Только государство может уничтожить существующій культъ, учредить новый, или совсѣмъ обойтись безъ культа. Другого собора въ государствѣ нѣтъ, кромѣ собранія министровъ. Когда государство высказалось—церкви ничего не остается говорить. Божественное право—благо республики ¹⁾).

Что можно прибавить къ этимъ изреченіямъ? И у Руссо по существу ничего лѣтъ оригинальнаго,—ни въ *Общественномъ договорѣ* ни въ проектѣ польской конституціи. Его основной идеаль—единство политической организаціи, — все, что противорѣчитъ этому единству «никуда не годно», ne vaut rien, слѣдовательно и религія должна войти въ государство, какъ часть политическаго тѣла. Душа этого тѣла —патріотизмъ, и Руссо, подписывавшійся женеvскимъ гражданиномъ, неутомимо прославляетъ эту добродѣтель. Античный міръ, разумѣется, является самымъ блестящимъ поясненіемъ истины: «величайшія чудеса доблести были совершены любовью къ отечеству». Руссо Катона предпочитаетъ Сократу, потому что римлянинъ—патріотъ, а отечествомъ Сократа былъ весь міръ. Въ жертву тому же убѣжденію Руссо приноситъ и евангельское христіанство,— «религія святая, возвышенная, истинная», но лишенная патріотическаго духа. Она не привязываетъ сердце гражданъ къ государству, она—противна соціальному духу какъ нельзя болѣе: отечество христіанина не отъ міра сего,— и Руссо, какъ гражданинъ, изгоняетъ христіанство изъ своего государства, видитъ въ немъ даже проповѣдь рабства ²⁾).

И Руссо предлагаетъ свое евангеліе. Сущность его онъ будетъ внушать и полякамъ, совѣтуя развивать чувство патріотизма до высшей степени, до опьяненія имъ: безъ этого чувства свобода останется пустымъ звукомъ и законодательство—призракомъ ³⁾).

У вѣрующаго, слѣдовательно, должно быть то же отечество, что и у гражданина, т. е. религіозное ученіе должно слиться съ полити-

¹⁾ *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les Deux Indes*. Genève 1781, X, 114—7. Point d'autres conciles que l'assemblée des ministres du souverain. Quand les administrateurs de l'état sont assemblés, l'église est assemblée. Quand l'état est prononcé, l'église n'a plus rien à dire.

²⁾ *Econ. polit. O. compl.* I, 431. *Du contrat social*. O. C. 262—4.

³⁾ *Considérations sur le gouv. de Pologne*, ch. XII.

честнымъ, небо съ землей, догматы съ конституціей. Дальше—послѣдствія логическія: гражданская религія обставлена тѣми же гарантіями, какъ и политическій строй. Нечестивецъ — измѣнникъ или бунтовщикъ, нечестіе—государственное преступленіе, наказаніе за него—смерть. Руссо перечисляетъ положительныя и отрицательныя догматы гражданской религіи: Божество — могущественное, разумное, благое, провидящее и будущая жизнь — съ наградами и карами, святость общественаго договора и законовъ, — отрицательный догматъ — единственный: нетерпимость должа быть исключена. Это значить: государство должно быть нетерпимымъ съ нетерпимыми, т.-е. съ говорящими: «вѣтъ дерева нѣтъ спасенія». Они должны быть изгнаны.

Во время революціи эти предписанія будутъ выдоднены съ буквальной точностью. Въ законодательномъ собраніи съ трибуны будетъ сказано: «Пусть тѣ, кто говорили *Вѣтъ чертаи нѣтъ спасенія*: убѣдятся, что вѣтъ общества: нѣтъ надежды ни на пенсію, ни на покровительство закона»¹⁾. И этотъ принципъ вдохновить изгнанія и даже убійства католическихъ священниковъ.

Съ католической точки зрѣнія буквально оправдалось пророчество, высказанное самимъ Руссо въ 1756 г. о «нетерпимыхъ невѣрующихъ». Этимъ *incrédules intolérants*, писалъ Руссо, недостаетъ только власти, чтобы преслѣдовать вѣрующихъ съ такой же жестокостью, съ какой фанатики преслѣдовали ихъ самихъ²⁾. Руссо и впоследствии творцы культа Верховнаго Существа не считали себя невѣрующими, но и ихъ патріотическая религія допускала секты, такъ какъ состояла изъ догматовъ, требовавшихъ для своего признанія сердца и воображенія. Самъ Руссо далеко не всегда чувствовалъ себя твердымъ въ своей вѣрѣ. Рассказываютъ о слѣдующемъ его призваніи. Иногда, въ глубинѣ кабинета, склонивши голову на руки, въ ночной темнотѣ Руссо готовъ бывалъ уступить идеямъ материалистовъ. Но настроеніе совершенно мѣнялось при восходѣ солнца, при блескѣ утренняго пейзажа: солнце, разсвѣвая туманы ночи, въ то же время разсвѣвало мракъ и на душѣ философа. Онъ обрѣталъ вѣру и Бога, преклонялся предъ нимъ до земли³⁾.

¹⁾ Edmond de Pressensé. *L'Eglise et la révolution française*. Paris, 1890, 249—50.

²⁾ *Correspondance*. XX. 331.

³⁾ *Mémoires de M-me d'Épinay*. P. 65. I, 394.

Если для вѣры самого Руссо требовалась обстановка, для него, не пропускавшаго случая публично—письменно и устно заявлять о своемъ религіозномъ чувствѣ,—чего же было ожидать отъ обыкновенныхъ людей—современниковъ просвѣтительной философіи! Они безпрестанно рисковали вызвать дѣятельность кодекса гражданской религіи во всеоружіи его политической власти. Дидро предсказывалъ, что ученики Руссо, преувеличивъ его принципы, превратятся въ безумныхъ ¹⁾. Дидро оставался далеко позади истины: въ преувеличеніи не ощущалось нужды, чтобы новая гражданская религія обнаружила фанатическія наклонности. Совершенно напротивъ. Даже Робеспьеръ на первыхъ порахъ не рѣшался выполнять съ точностью предписанія своего вдохновителя. Нашлись апостолы, требовавшіе послѣдовательнаго осуществленія религіозныхъ идей *Общественнаго договора*, т. е. изгнанія изъ республики всѣхъ невѣрующихъ въ Божество. Робеспьеръ отступилъ предъ такой мѣрой, признавъ необходимымъ изгнать только заговорщиковъ противъ свободы. Несомнѣнно, этому толкованью можно было дать самый широкій смыслъ,—но слѣдуетъ отмѣтить, что одну изъ основныхъ истинъ религіознаго уложенія философа Робеспьеръ призналъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ,—на время «оставить въ произведеніяхъ Руссо» и не примѣнять на практикѣ ²⁾:

Къ такимъ результатамъ пришла мысль Руссо, столь краснорѣчиво поражающаго откровенныя религіи и побѣдоносно отражающаго гоненія парижскаго архіепископа! И иного результата не могло быть, лишь только писатель рѣшилъ установить догматы религіи, какъ государственнаго учрежденія. Въ самихъ догматахъ,—именно въ самомъ главномъ,—заклучалась двусмыслица и источникъ «мятежа». Богъ у Руссо именуется «могущественнымъ», *la Divinité puissante*, т. е. упраздняется обычное представленіе о всемогуществѣ Божества. Новый догматъ долженъ былъ вызвать не меньше сомнѣній и недоразумѣній, чѣмъ церковный въ критикѣ философовъ. Оказывается,—Руссо пошелъ на сдѣлку съ Вольтеромъ, пессимистическимъ авторомъ поэмы о Лиссабонскомъ землетрясеніи. Защищая неограниченный оптимизмъ, женеvскій философъ все-таки не рѣшился

¹⁾ *Réfutation. O. c. II, 316.*

²⁾ Aulard. *Le culte de la Raison et le culte de l'Être Suprême. Paris 1892, 289.*

признать всемогущества Божьяго рядомъ съ несомнѣнно-отрицательными явленіями міровой и человѣческой жизни. Получился догматъ, безусловно нуждающійся въ огражденіи. И Руссо даже съ излишкомъ позаботился о *политической* устойчивости всего символа вѣры. Задумывая нѣчто въ родѣ инквизиціи при установленіи государства, Руссо не ограничился только этимъ подражаніемъ откровеннымъ религіямъ,—онъ воспользовался ихъ основной идеей,—той самой, какую онъ подвергъ беспощадной критикѣ. Онъ призналъ цѣлесообразнымъ, чтобы законодатель его государства вмѣшалъ небеса въ свою дѣятельность. Это даже *необходимо*: только при условіяхъ сверхъестественнаго участія въ законахъ государства—народы будутъ нести «покорно иго общественнаго благоденствія». И Руссо ссылается на Макиавелли, какъ на авторитетнаго свидѣтеля. Законодатели, влагавшіе въ уста безсмертныхъ свои постановленія, были не обманщикамъ, какъ полагаетъ «гордая философія», а истинными политиками ¹⁾).

Слѣдовательно,—въ системѣ Руссо предъ нами не столько «очищенная религія», по выраженію Вольтера, сколько возрожденное религіозно-политическое сектанство—по идейному и практическому духу,—точнѣе женевская церковно-гражданская идеологія. Недаромъ Руссо не забываетъ восхвалять политическій геній Кальвина, говоря *О законодатель*. Оставалось только прибавить подробности для полнаго возсозданія философской церкви на древнихъ основахъ: избрѣсти новыхъ святыхъ, новые праздники, новый календарь и новый культъ. Обо всемъ этомъ позаботятся ученики Руссо.

Въ заключеніе предъ нами два религіозныхъ творчества женевского гражданина: одно—чисто идеальное, лирическое, оно сполна исчерпывается великолѣпнымъ гимномъ *совѣсти* въ романѣ *Эмиль* и многочисленными восторженными отзывами о «внутреннемъ голосѣ», о «внутреннемъ свѣтѣ», о «культѣ сердца», наконецъ, о божественной красотѣ нравственнаго ученія Евангелія ²⁾). Это—«религія человѣка» «католизисъ человѣка», «естественная религія»,—но *должна* существовать другая—*можетъ быть единственно необходимая*—«религія гражданина». Съ одной стороны, философъ возмущается, что

¹⁾ С. soc, I. chap. VII.

²⁾ О. с. 190—1, 212, 235 etc.

«вѣра каждаго не предоставлена на полную его свободу», съ другой—рядъ догматовъ, столь же непоколебимыхъ, какъ нравственный долгъ служить отечеству. Полная параллель—политическимъ воззрѣніямъ философа! Съ одной стороны—идеальная красота естественнаго состоянія, съ другой—священныя узы общества.

Можно думать, каждому предоставляется выборъ между неограниченной свободой и деспотической системой. Предоставляется, съ единственнымъ условіемъ, если человѣкъ удалится въ лѣса и осуществить состояніе, которое, по признанію самого философа, больше не существуетъ, можетъ быть и вовсе не существовало и, вѣроятно, никогда не будетъ существовать ¹⁾. Остается выбрать—гражданскій порядокъ и, слѣдовательно, гражданскую религію, т. е. строго опредѣленную систему.

Послѣднія слова философіи Руссо важны не только по отношенію къ нему самому: они—заключительная грань одной изъ самыхъ излюбленныхъ идей просвѣтительной философіи — идеи *естественной религіи*. На первый взглядъ, — идея не заключаетъ въ себѣ ничего догматическаго и не подлежитъ систематизаціи, какъ чувство, какъ природженное человѣку настроеніе. Но постепенно изъ ученія объ *естественной религіи*, будто изъ смутнаго поэтическаго тумана первобытной мечты, вырисовывается система логическихъ и практическихъ положеній. У Вольтера—положенія неустойчивы, философъ лично не ощущаетъ потребности въ строго-очерченныхъ догматахъ и въ стремительной вѣрѣ,—Руссо—организація другого типа и общее философское достояніе онъ заключаетъ въ религиозный катихизисъ. Вольтеръ привѣтствуетъ это произведеніе, и вполне естественно, но Руссо дѣлаетъ рѣшительный шагъ и обставляетъ свой катихизисъ политическими гарантіями,—вырастаетъ государство-церковь, возрождается государь-папа. Это предпріятіе выходитъ за предѣлы чисто-философскихъ представленій Вольтера и прочихъ энциклопедистовъ, отзывается фанатизмомъ, грозитъ насиліями надъ личностью,—и гражданская религія остается личнымъ творчествомъ Руссо. Но между этой религіей и поэмой Вольтера объ естественномъ законѣ нѣтъ непроходимой пропасти: систематизація назрѣвала въ этой самой поэмѣ, проникала разсужденія Вольтера, оста-

¹⁾ *Discours sur l'orig. Préface.*

важъ въ зачаточномъ состояніи. Руссо разбилъ скорлупу и вывелъ на свѣтъ дѣтище, окрыленное чувствительнымъ лиризмомъ, классическимъ духомъ и инстинктами «женевского гражданина». Революція должна была воспринять завѣтъ Руссо, какъ самый наглядный, рѣшительный и, слѣдовательно, практически наиболѣе соблазнительный для стремительныхъ преобразователей и религіи, и государства, и даже «человѣческой природы».

Аналогичное развитіе философской мысли совершилось и среди представителей другого метода—естественно-научнаго. Основы философствованія здѣсь были положительнѣе, строже, *фактичнѣе*, чѣмъ у критиковъ-метафизиковъ. Систематическія построенія, повидимому, встрѣчали больше затрудненій и мы видѣли, съ какой оторопью отступалъ предъ ними Даламберъ, какъ остроумно разоблачаль психологию систематиковъ Кондильякъ, а Дидро, главный стронитель энциклопедической разрушительной машины,—«систематическій духъ» и авторитетъ призналъ главными помѣхами прогрессу философіи ¹⁾. Окончательные результаты этого процесса мысли далеко ушли отъ его исходныхъ точекъ.

V.

Величайшій научный фактъ, господствующій надъ философской мыслью XVIII вѣка, распространившій свою власть на многіе умы и слѣдующаго столѣтія — открытіе Ньютономъ закона тяготѣнія. Смыслъ открытія заключался въ подчиненіи всѣхъ явленій извѣстной области одному точноустановленному принципу. Путь къ нему—тщательное собраніе фактовъ, группировка по ихъ взаимной зависимости, наконецъ, подчиненіе каждой группы одному принципу и групповыхъ принциповъ — всеобъединяющему закону. До Ньютона существовали законы Кеплера, въ свою очередь основанные на выводахъ раннихъ астрономовъ, — и теорія Ньютона явилась самымъ широкимъ обобщеніемъ вѣками накопленнаго астрономическаго матеріала. Слѣдовательно, законъ тяготѣнія былъ высшимъ торжествомъ индуктивнаго метода и, по своей глубинѣ и всеобщности представлялся идеаломъ для всякой другой науки.

¹⁾ *Dictionn. encyclop., art. Philosophie.*

Этот именно философскій смысл ньютоновскаго открытія произвелъ неотразимое впечатлѣніе на ученыхъ и идеологовъ. Вольтеръ оказалъ славу Ньютона громадную услугу: онъ первый въ общедоступной формѣ познакомилъ французовъ съ теоріей тяготѣнія— въ *Письмахъ объ англичанахъ*, а черезъ три года издалъ особое сочиненіе объ *Основахъ философіи Ньютона*. Въ *Письмахъ* Вольтеръ представилъ сравнительную критику астрономическихъ взглядовъ Декарта и Ньютона, отдалъ рѣшительное предпочтеніе теоріи притяженія предъ «вихрями» — въ то время, когда французскіе ученые все еще не желали разстаться съ астрономіей отечественнаго философа. Книга Вольтера о философіи Ньютона даже не могла быть издана безъ препятствій со стороны картезианцевъ¹⁾. Въ *Письмахъ* Вольтеръ усиленно подчеркивалъ *реальный* характеръ ньютоновской теоріи, объяснялъ ее какъ *чисто-механическій* законъ, не имѣющій ничего общаго съ идеями древнихъ о «скрытыхъ свойствахъ», вообще съ метафизикой²⁾. Годъ спустя появилось и ученое разсужденіе Мопертюи. Открытіе Ньютона могло считаться достояніемъ континентальной науки и литературы.

Столь наглядный успѣхъ астрономіи не могъ пройти безслѣдно для всѣхъ, сколько-нибудь причастныхъ къ современному умственному движенію. Идея тяготѣнія быстро перешла изъ области науки въ обширное царство популярнаго философствованія, приобрѣла здѣсь— столь настоящую по времени—полемическую боевую окраску, превратилась въ символъ новой философской вѣры, въ догматъ индуктивной религіи. Прежде всего, опытная наука ухватилась за новую теорію, какъ за надежду свои собственные факты объединить такимъ же яснымъ принципомъ. Въ химіи самъ Ньютонъ законъ средства готовъ былъ считать видоизмѣненіемъ закона тяготѣнія. Физиологи пытались подчинить науку о живомъ организмѣ математическому методу; медики свои наблюденія приспособляли къ выводамъ физиковъ и астрономовъ, рассчитывали, что приложеніе математики къ объясненію органическихъ явленій сообщитъ физиологіи и медицинѣ такое же быстрое научное развитіе, какимъ гордился физика, оптика, астрономія. Мопертюи, усвоившій астрономію Ньютона, послѣдствіемъ

¹⁾ Уэвелль. *Ист. инд. наукъ*. Спб. 1867. II. 265—7.

²⁾ *Lettres sur les Anglois*. Franckfort s. l. M. 1735, 100—1.

ея принципъ ввести въ фізіологію и написалъ сочиненіе, основывавшее всю органическую жизнь на законъ притяженія. Онъ управляетъ одинаково и движеніемъ небесныхъ тѣлъ, и кристаллизацией земныхъ тѣлъ, и химическими реакціями, и зарожденіемъ и развитіемъ организмовъ ¹⁾. Бюффонъ, величайшій популяризаторъ естественныхъ наукъ въ XVIII вѣкѣ, исповѣдовалъ ту же самую механическую теорію, объемлющую явленія неорганическаго и органическаго. Законъ притяженія управляетъ органической жизнью, — такъ же какъ теплота, свѣтъ, магнетизмъ — слѣдствія одной и той же причины. Знаменитѣйшіе фізіологи XVIII вѣка начинали свое научное образованіе съ математики и вносили математическій духъ въ свои позднѣйшія работы. Такой путь прошли Бюффонъ и Бургава—голландскій профессоръ, создавшій школу ²⁾. Между прочимъ Ламетри слушалъ его лекціи и на его механическомъ ученіи построилъ свою систему «человѣка-машины». Центробѣжная и центростремительная сила, притяженіе и отталкиваніе — эти термины кажутся одинаково спасительными и химикамъ и фізіологамъ, — вполнѣдствіи они перейдутъ въ область морали и политики, законъ тяготѣнія будетъ распространенъ на соціальныя явленія. Восемнадцатый вѣкъ подготовитъ почву для самыхъ крайнихъ увлеченій «величественной аксіомой».

Онъ съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаетъ о ней — при всякомъ случаѣ — желаетъ ли доказать теологамъ силу научнаго разума, освободить отъ вліянія религіозной метафизики — нравственныя идеи — или начертать безграничную перспективу умственнаго прогресса. Мечта объ единомъ реальномъ принципѣ, о всеподчиняющемъ естественномъ законѣ не покидаетъ самыхъ осмотрительныхъ мыслителей и приводитъ въ лихорадочное волненіе наиболее увлекающихся. Явленія природы получаютъ исключительный философскій интересъ, каждое изъ нихъ представляется звеномъ цѣпи, которая должна охватить всю природу, шагомъ ко всеобъемлющей опытной и разумной истинѣ. Познавать природу значитъ творить новую философію, созидать новую мораль и религію. А такъ какъ потребность въ новыхъ нравственныхъ воззрѣніяхъ сознается всѣмъ просвѣщен-

¹⁾ Georges Cuvier. *Hist. des sciences naturelles*. Paris 1841. 173. 278 (соч. Мангреттис.—*Venus phisique* 1744).

²⁾ Blainville. *Hist. des sciences de l'organisation*. P. 1845. II. 436. Cuvier. III. 281. O Boerhave—Blainville, II, 477.

нымъ обществомъ,—естествознаніе становится любопытнѣйшимъ занятіемъ, столь же популярнымъ, какъ и игра философскаго критическаго ума. Чрезвычайно усердными наблюдателями являются люди изъ общества и даже оказываютъ наукѣ цѣнныя услуги. Такова исторія Леруа — одного изъ офицеровъ охотничьяго королевскаго парка. Страстный охотникъ, онъ умѣетъ извлечь изъ своей страсти глубокое знаніе природы, тонкія наблюденія надъ инстинктами животныхъ и пишетъ на эту тему статьи въ *Энциклопедіи*. Въ основѣ его выводовъ лежитъ философская цѣль — доказать разумность животныхъ, приблизить ихъ организацію къ человѣческой, подорвать одно изъ главнѣйшихъ положеній стараго міросозерпанія—о непроеходимой пропасти между человѣкомъ и остальными существами. Тѣмъ же путемъ идетъ другъ Тюрго—Дюпонъ де Немуръ, подтверждающій идею родства инстинкта съ разумомъ новыми наблюденіями. Изъ нихъ вытекаетъ рѣшительная критика врожденныхъ идей—другого основнаго ученія Декарта рядомъ съ теоріей вихрей ⁴⁾.

Но первое мѣсто въ популяризаціи естественныхъ наукъ должно принадлежать, несомнѣнно, Бюффону. Его *Естественная исторія* по своему культурному вліянію на умы философской эпохи должна быть поставлена рядомъ съ *Духомъ законовъ*. Монтескье первый въ изящной общедоступной формѣ знакомилъ писателей съ основами и отношеніями человѣческихъ обществъ, той же самой цѣли Бюффонъ достигалъ въ области природы. Бюффонъ, рядомъ съ безчисленнымъ множествомъ фактовъ, пытался представить цѣльную исторію земли, предлагалъ настоящую энциклопедію естественныхъ знаній и идей, восхвалялъ «широкіе взгляды пламеннаго генія, все обнимающаго однимъ взоромъ», и излагалъ свои идеи чрезвычайно выработаннымъ языкомъ. Съ 1749 года, когда вышли первые три тома сочиненія Бюффона, онъ становится однимъ изъ самыхъ любимыхъ и уважаемыхъ авторовъ эпохи и только съ Вольтеромъ дѣлитъ привилегію на неослабное вниманіе современныхъ государей, какъ читателей. «Успѣхъ великаго труда Бюффона, — говоритъ историкъ-естествоиспытатель, — былъ эпохой переворота въ умахъ. Его книги нельзя читать, не чувствуя желанія, по крайней мѣрѣ, бросить взглядъ на природу, естественная исторія превратилась почти въ науку толпы

⁴⁾ Cuvier V, 215 etc.

и направила умы къ основѣ истинной философіи; Бюффонъ воспламенилъ людей съ благороднымъ воображеніемъ; они попытались пойти по его слѣдамъ и распространили въ массахъ — хотя бы поверхностный вкусъ — къ гармоническимъ явленіямъ природы»¹⁾).

Эти выраженія сравнительно скромны. Даламберъ гораздо смѣлѣе изображаетъ своеобразную психологію своей эпохи. Въ предисловіи къ *энциклопедіи* онъ недоволенъ «философскимъ духомъ», т.-е. его злоупотребленіями. Этотъ духъ проникъ даже въ художественную литературу, ввелъ въ моду холодныя разсужденія, анализъ и метафизику даже въ вопросахъ чувства. Въ обществѣ воцарилась анатомія сердца. Больше не разговариваютъ, а разсуждаютъ и, по мнѣнію Даламбера, французское общество утратило «жаръ и веселость»²⁾).

Но, очевидно, жаръ отнюдь не исчезъ, а даже повысился въ температурѣ, онъ только нашелъ другое примѣненіе, помимо салонныхъ разговоровъ. Какое именно, указываетъ самъ Даламберъ. Изученіе природы, благодаря новому методу, одушевилось «чѣмъ-то въ родѣ энтузіазма»; онъ сопровождаетъ научныя открытія; зрѣлище вселенной вызываетъ у людей XVIII вѣка подъемъ идей. Все вмѣстѣ производитъ въ умахъ сильное броженіе, и это броженіе набрасывается на всѣ предметы, подлежащія наблюденію, — съ какой-то неудержимой стремительностью, подобно рѣкѣ, прорвавшей плотину. Все подвергнуто обсужденію, анализу, ничто не осталось нетронутымъ. Всеобщее кипѣніе умовъ освѣтило новымъ свѣтомъ одни вопросы, успѣло осложнить другіе, все равно какъ приливъ и отливъ океана одни предметы выбрасываетъ на берегъ, а другіе уноситъ. Наблюдателю кажется, будто разумъ спалъ въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ варварства и теперь, проснувшись, стремится возмѣстить свой сонъ двойнѣ мощными усиліями³⁾).

Если спокойный Даламберъ употреблялъ выраженія *fermentation*, *violence*, *l'effervescence générale*, — мы должны ждать вполнѣ убѣдительныхъ фактическихъ данныхъ. И они, дѣйствительно, изобилуютъ. Всѣмъ извѣстны лирическіе восторги XVIII вѣка предъ природой, какъ живымъ отрицаніемъ культуры, предъ естественнымъ состоя-

¹⁾ Blainville. II, 459. (р. Dastre. *Buffon et les critiques de l'histoire naturelle. Revue des deux Mondes*. 1 janvier 1900. 213 etc.

²⁾ *Discours*, 116—7.

³⁾ *O. c.* I, 122—3.

ніємъ, — еще выше должны считаться восторги предъ природой, какъ неистощимой сокровищницей поучительныхъ явленій, предъ природой, какъ предметомъ опытовъ. Поэтическое созерцаніе Руссо, по своей устойчивости и глубинѣ далеко уступаетъ изслѣдовательской страсти философовъ къ мельчайшимъ и менѣе всего поэтическимъ урокамъ природы. Руссо чувствовалъ себя счастливымъ только предъ трогательной и прекрасной природой, когда она подсказывала ему вѣру въ Бога и въ провидѣніе. Философы, одаренные менѣе поэтической созерцательностью, жадно слѣдили за всякимъ процессомъ естественной жизни, независимо отъ ея художественной гармоніи, искали въ своихъ наблюденіяхъ не сладостныхъ волненій сердца, а логическаго закона, управляющаго неорганизованнымъ и организованнымъ міромъ. Искомый результатъ приводилъ къ другому воззрѣнію, противоположному религіи Руссо, — на взглядъ страстныхъ враговъ преданія, — къ философскому по преимуществу, такъ какъ оно основывалось на опытахъ и наблюденіяхъ. Возникалъ матеріализмъ, вдохновленный «всеобщимъ кипѣніемъ умовъ», энтузіазмомъ предъ естественно-научными открытіями.

Не трудно опредѣлить заранѣе положительную философскую цѣнность такимъ путемъ созданнаго міросозерцанія. Во главѣ энтузіастовъ предъ успѣхами естествознанія стоитъ Дидро, и можно думать, будто Даламберъ съ него рисовалъ типъ современнаго мыслителя. Именно Дидро неудержимо стремился къ обобщеніямъ и идейному осмысливанью опытовъ и фактовъ. Онъ требовалъ, чтобы ученики естествознанія, увлеченные жаждой науки, превращались въ *любителей*, а потомъ и въ *философовъ*. И Дидро горячо настаивалъ на популяризаціи философіи: «приблизимъ народъ къ той точкѣ, на которой стоятъ философы»¹⁾.

Энциклопедія являлась средствомъ къ цѣли, и Дидро былъ созданъ для самаго воодушевленнаго шествія по этому пути. Совершенно справедливо по поводу его психологіи было указано на совпаденіе ужаса предъ сверхъестественнымъ происхожденіемъ вещей и страстной вѣры въ положительное знаніе. Дѣйствительно, Дидро «былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые не терпятъ границъ своей

¹⁾ *De l'interprétation de la nature*, XXXIX, XL. O. c. II, 37—8.

способности постигать, и они скорѣе заполняютъ пропасть даже фантастическими идеями, чѣмъ останоятся предъ невѣдомымъ¹⁾.

Врядъ ли поэтому основательно мнѣніе, будто Дидро нуждался во внѣшнихъ воздѣйствіяхъ на пути къ смѣлымъ матеріалистическимъ выводамъ, ждалъ толчка отъ Гольбаха и даже отъ Ламетри²⁾. Вѣроятнѣе противоположное заключеніе: Дидро скорѣе могъ отступить предъ выводами Ламетри и гольбаховскаго кружка, хотя эти выводы и были его же идейными дѣтищами. И Дидро дѣйствительно не рѣшился пойти за Гельвеціемъ и даже написалъ опроверженіе на его книгу. Еще менѣе долженъ былъ произвести на него положительное впечатлѣніе машинный человѣкъ Ламетри. Энтузіазмъ Дидро могъ только оторопѣть предъ крайними выводами метафизическаго матеріализма и редакторъ *Энциклопедіи* наговорилъ не мало весьма рѣзкихъ словъ по адресу фанатиковъ новой религіи.

Но это случилось именно потому, что прозелиты обнаруживали наклонность окончательно утратить здравый смыслъ, забыть нагляднѣйшіе факты ради матеріалистическаго правовѣрія. До критики на радикаловъ положительной науки Дидро самъ стремится по тому же пути. Высказывая пренебрежительные отзывы о Ламетри, онъ проявляетъ то же самое легковѣріе во имя вражды къ суевѣрію и пытается постронть философскую систему съ помощью менѣе всего научныхъ и логическихъ приѣмовъ.

Въ раннихъ сочиненіяхъ Дидро работаетъ надъ излюбленнымъ представленіемъ своего времени—о естественной религіи, о естественномъ нравственномъ законѣ. По обыкновенію онъ одновременно нападаетъ на «систематическій духъ», на ненаучность метафизическихъ поисковъ за конечными причинами». Ученый *умитъ*, а не *созидаетъ*, его занимаетъ вопросъ *какъ*, а не *почему*. Но это не значить, будто для нашего философа не существуетъ вполнѣ определенныхъ данныхъ для міросозерцанія. Они—«первичныя и очевидныя понятія, запечатлѣнныя въ сердцахъ всѣхъ людей. Религія, основанная на этихъ простыхъ понятіяхъ, не можетъ встрѣтить невѣрующаго. Она должна создать одинъ народъ изъ всего человѣче-

¹⁾ Caro. *La Fin du XVIII s.* P. 1880, I, 189. Cp. Bersot. *Etudes sur la Phil du XVIII s.—Diderot.* P. 1851, 2.

²⁾ Lange. *Gesch. des Materialismus* Leipzig 1896. I, 301—1.

ства». Всѣ прочія религіи созданы невѣжественными энтузіастами и честолюбивыми эгоистами, и Дидро прославляетъ вѣчную и всеобщую *совѣсть* ¹⁾).

Но причины психологическаго характера помѣшали Дидро остановиться на вольтеровскихъ догматахъ. Дидро сталъ во главѣ *Энциклопедіи*, цѣль этого предпріятія онъ понималъ въ высшей степени любопытно. По его мнѣнію, энциклопедія должна представить *общую систему* знаній, чтобы потомки стали *образованнѣе* и въ то же время *добродѣтельнѣе* и *счастливѣе* ²⁾). Это означало,—Дидро своей научной системѣ приписывалъ значеніе *нравственнаго* ученія, т. е. намѣревался замѣнить ею религіозную мораль. При такихъ планахъ философъ не могъ не подчиниться систематическому духу, такъ какъ всякій фактъ, всякій научный выводъ заключалъ для него зерно практической истины и являлся основаніемъ для нравственно-поучительнаго вывода. *Толкованіе* естественно-научныхъ данныхъ, слѣдовательно, заранѣе предназначалось для извѣстной цѣли, тѣмъ самымъ предполагалось—систематическимъ и философскимъ.

Дидро охотно останавливается на мысли, что, можетъ быть, въ природѣ существуетъ *центральное явленіе*, которое объединяетъ и заключаетъ въ *систему* всѣ извѣстные и еще неизвѣстные факты міровой жизни ³⁾). Выставляя это предположеніе въ 1754 году, Дидро повторялъ мысли, высказанныя восемью годами раньше привилегированнымъ разрушителемъ «духа системъ». Кондильякъ въ *Опытъ о происхожденіи человѣческихъ знаній* изображалъ «порядокъ въ поискахъ за истиной». Онъ одинаковъ во всѣхъ наукахъ, и для примѣра Кондильякъ беретъ математику. У философа рисуется увлекательная лѣстница истинъ: изслѣдователь отъ наиболѣе простыхъ истинъ «нечувствительно» восходитъ къ наиболѣе сложнымъ, простые идеи соединяются въ «различныя группы»—*en différentes collections*, и группы эти обозначаются «знаками», «особыми наименованіями» ⁴⁾). Кондильякъ думаетъ, что въ метафизикѣ и морали можно

¹⁾ О. с. II, 53, 83—4, 96. Въ сочин. *De l'Interpr. de la Nature*. (1754) и *Introduction aux grands principes*. (1763). ²⁾ *Religion Naturelle* въ *Pensées philosophiques* (1764 и особое сочиненіе *De la suffisance de la Religion Naturelle* (1747) идеи и доводы, аналогичные съ разсужденіями всѣхъ другихъ писателей о томъ же предметѣ.

³⁾ *Dictionnaire*, art. *Encyclopédie*.

⁴⁾ О. с. II, 42.

⁵⁾ О. с. ed. 1821. I, 486 etc.

разсуждать съ такой же точностью, какъ и въ геометріи и составлять столь же правильныя идеи, какія составляютъ геометры, опредѣлять смыслъ возраженій точно и неизмѣнно. А что касается метода, какимъ достигается очевидность, то можно установить методъ достаточно простой и достаточно легкій, можетъ быть, думаетъ Кондильякъ, даже лучше, чѣмъ въ геометріи ¹⁾).

Самъ Кондильякъ не представилъ попытокъ систематизаціи въ области новой философской мысли. Онъ поступилъ гораздо проще, въ противорѣчіе съ своимъ ученіемъ о происхожденіи идей, признавъ *два* различныхъ состоянія человеческой души: до первороднаго грѣха душа не зависѣла отъ чувствъ, напротивъ, повелѣвала ими и видоизмѣняла по своей волѣ,—слѣдовательно, владѣла идеями, предшествующими чувствамъ. Только послѣ грѣхопаденія душа получаетъ всѣ свои идеи при посредствѣ чувствъ. Для Кондильяка это—исходная точка его психологіи, хотя онъ немедленно оговаривается, что его единственная цѣль—слѣдовать опыту и разсуждать на основаніи фактовъ, которыхъ никто не можетъ подвергнуть сомнѣнію ²⁾).

При такой послѣдовательности Кондильяку легко было поставить вопросъ, *какъ человекъ приобретаетъ познаніе Бога?* и отвѣтить на него вполне въ духѣ традиціонной философіи: «существуетъ естественный законъ, т.-е. законъ, имѣющій своимъ основаніемъ волю Бога,—его мы открываемъ путемъ простаго пользованія своими способностями». Въ заключеніе — признаніе истинъ откровенія, какъ высшей цѣли человеческого разума ³⁾).

Получалась, дѣйствительно, точная система; Дидро не могъ помириться на ней, но замѣчанія Кондильяка могли только его ободрить. Другой философъ, не менѣе Кондильяка строгій къ системамъ, могъ согласиться съ нимъ насчетъ цѣли, начала и конца философской систематизаціи. Даламберъ отказывался вмѣшиваться въ область религіозныхъ вопросовъ, старался разграничить философію и метафизику, но косвенно онъ противопоставилъ имъ и новую религію и новую метафизику. По его мнѣнію, самое дѣйствительное средство противъ инквизиторовъ — *изученіе точныхъ наукъ*. И онъ обращается

¹⁾ *Ib. Introduction.*

²⁾ *Ib.* pp. 22—5.

³⁾ *Traité des sensations* O. c. III, 588, 592.

На основаніи одной операціи въ мозгу получился «любозытный фактъ»: отправления органовъ зависятъ отъ состоянія мозга, такъ что человѣка можно по желанію «оживлять и убивать». Заключение слѣдующее: психическая жизнь человѣка то же самое, что явленія, наблюдаемая въ паутинѣ съ паукомъ въ центрѣ. Малѣйшее прикосновеніе къ одной изъ нитей мгновенно вызываетъ движеніе во всей сѣткѣ. Можно также привести сравненіе съ роємъ пчелъ, только что вылетѣвшимъ изъ улья. Онъ собирается въ длинную гирлянду на вѣткѣ дерева и, оказываясь, представляетъ изъ себя цѣльное животное, индивидуумъ. Движеніе отдѣльной пчѣлы мгновенно приводитъ въ движеніе весь рой, будто это одно существо съ пятью или шестью стами головъ. Этихъ сравненій для философа достаточно, чтобы объяснить въ человѣкѣ сознаніе своего единства, чувство личности, хотя онъ и состоитъ только изъ матеріальныхъ органовъ.

Такимъ путемъ устраненъ дуализмъ, признанный Кондильякомъ. Онъ не видѣлъ въ «матеріальной массѣ» единства, и носителемъ его призналъ идеальное начало¹⁾. Это помогло Кондильяку представить въ послѣдствіи соображенія въ пользу требуемой отвлеченной системы. Дидро также нуждался въ системѣ и установилъ единство на сравненіяхъ. Онъ и не скрываетъ своей цѣли. Вопросъ объ единствѣ всѣхъ царствъ природы для него рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. «Всякое животное болѣе или менѣе человѣкъ; всякій минераль болѣе или менѣе растеніе, всякое растеніе—болѣе или менѣе—животное. Въ природѣ ничего нѣтъ рѣзко разграниченнаго... все смыкается одно къ другому... все составляетъ непрерывную цѣпь». Никакихъ сущностей не существуетъ, нѣтъ даже индивидуальностей, существуетъ лишь одна индивидуальность—*все*. Существо—это сумма извѣстнаго количества тенденцій... Виды — тенденціи къ свойственному имъ предѣлу... Жизнь — результатъ дѣйствій и воздѣйствій... Живой—я дѣйствую и воздѣйствую въ массѣ... мертвый—я дѣйствую и воздѣйствую въ частицахъ... Рождаться, жить, умирать—значитъ мѣнять формы».

Это подлинная система,—скажете вы. Несомнѣнно, отвѣтитъ философъ: это *очень возвышенная и систематическая философія*, и фи-

¹⁾ *Essai sur l'origine... O. C. I, 22—3.*

лософъ думаетъ, чѣмъ больше успѣховъ будутъ дѣлать человѣческія знанія, тѣмъ больше эта философія будетъ подтверждаться ¹⁾).

Объединяя отдѣльныя умозаключенія въ систему, философъ бросаетъ попутно упрекъ «слишкомъ узкому воображенію» ученыхъ, въ случаѣ если они не признаютъ его единства. Въ этомъ упрекѣ—дѣлая психологія уже извѣстная намъ на основаніи другихъ данныхъ. Въ энциклопедической статьѣ о *философiи* Дидро позаботился разграничить философію отъ учености. Ученый собираетъ факты, и эти факты образуютъ часто «непереваримый хаосъ». «Быть философомъ значитъ имѣть прочные принципы и въ особенности хорошій методъ, чтобы отдать отчетъ въ этихъ фактахъ и извлечь изъ нихъ правильныя слѣдствія»—*de légitimes conséquences*.

Мы только что видѣли, какъ философъ склоненъ извлекать слѣдствія и насколько они «законны». Изображеніе пагубнаго «систематическаго духа», представленное въ той же статьѣ, во многихъ чертахъ походить на невольную исповѣдь автора, особенно слѣдующее замѣчаніе объ авторахъ системъ: «они очень тщательно сохраняютъ и запоминаютъ все, что можетъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, подтвердить ихъ систему, и, напротивъ, не замѣчаютъ почти ни одного возраженія, сколько бы ихъ ни представлять, или отдѣлываются отъ нихъ какимъ-нибудь легкомысленнымъ замѣчаніемъ».

Дидро не только отчасти характеризуетъ свой философскій методъ, но даже даетъ понять его современное значеніе: «научный характеръ произведенія»—*l'air scientifique*—по его словамъ, не въ модѣ у читателей ²⁾). Вѣрнѣйшая оцѣнка «систематической философіи» «грезящаго» Даламбера! Но это нисколько не помѣшало ея очарованію для автора и для многихъ современниковъ и потомковъ, тѣмъ болѣе, что главная творческая сила системы была щедро удѣлена природой не одному философу.

VI.

Идеи Дидро, вѣроятно, сохранили бы ту самую форму, какую имъ придалъ *Сонъ Даламбера*, можетъ быть Дидро и еще энергич-

¹⁾ *Entretien entre d'Alembert et Diderot.—Le Rêve de d'Alembert* (1769). O. C. II, 116, 120—7, 130—9, 140—9, 150—9.

²⁾ *Lettre sur les Sourds et Muets*. O. C. I, 347.

нѣе выразилъ бы отдѣльныя частности и сущность своей системы, но на пути его энтузіазма встрѣтился беззавѣтный прозелитизмъ новой вѣры, и Дидро вынужденъ былъ, возставая противъ чужихъ увлеченій, внести существенныя поправки въ свои собственныя.

Мы знаемъ, самыя крайнія увлеченія отрывочными свѣдѣніями изъ области естествознанія являлись совершенно естественными, при увлекательности и новизнѣ предмета, и особенно при страстномъ желаніи отыскать систему на смѣну католической доктрины. Уже Дидро въ высшей степени любительски пользовался фактическимъ матеріаломъ, могли найтись еще болѣе смѣлые любители: весь вопросъ заключался въ воображеніи, въ степени его горячности. У Дидро воображеніе было широко, у Ламеттри, по словамъ Фридриха II, — *пламенное*, у Гольбаха, по наблюденіямъ Вольтера, — *чувствительное*, а у Гельвеція такое, что Дидро находить нужнымъ поминутно заявлять по его адресу: *Mon ami vous extravaguez!* ¹⁾.

Какое изъ этихъ трехъ воображеній было первоисточникомъ — вопросъ неразрѣшимый. По времени сочиненія Ламеттри — наиболѣе ранній, важнѣйшее изъ нихъ *L'Homme-Machine* вышло въ 1748 году, когда Дидро еще разсуждалъ о *Достаточности естественной религіи* и годомъ раньше въ *Прогулкѣ скептика* признавалъ два начала, одинаково вѣчныхъ, хотя и не рѣшался высказаться безусловно за вѣру въ Бога. Ламеттри понималъ колебанія Дидро, но не желалъ вступать съ нимъ въ споръ, призналъ даже *Философскія мысли* — «возвышеннымъ произведеніемъ», а самого Дидро назвалъ «медикомъ» — высшая похвала въ устахъ Ламеттри для философовъ ²⁾. Дидро, несомнѣнно, съ интересомъ прочиталъ сочиненіе Ламеттри, можетъ быть, знаменитое наблюденіе надъ полипомъ узналъ сначала не изъ первоисточника, а отъ Ламеттри; фактъ упоминается въ книгѣ *Человѣкъ-машина*, а самъ Дидро говоритъ о немъ въ первый разъ только шесть лѣтъ спустя въ *Мысляхъ объ истолкованіи природы*. Можетъ быть и отождествленіе *бодрствующаго* медика съ *врезаннымъ* философомъ, т.-е. Даламберомъ, создающимъ философскую

¹⁾ Отзывъ Фридриха II о Ламеттри въ *Eloge. Oeuvres philosophiques de la Mettrie*. Berlin, 1796, I, II. Вольтеръ о Гольбахѣ. — *Dieu, Réponse*, p. 4. Дидро о Гельвеція *Pefutation*. O. C. II, 307 etc.

²⁾ *L'Homme-Machine*. O. ph. III, 117, 164.

систему, навѣяно идеей Ламеттри¹⁾). Но все это—догадки, и писатель, вздумавшій было видѣть въ лицѣ Ламеттри вдохновителя Дидро, сознается въ невозможности опредѣленнаго отвѣта: извѣстныя идеи составляли духъ времени и не принадлежали исключительно той или другой личности²⁾). Что касается самихъ энциклопедистовъ, они ни подъ какимъ видомъ не считали Ламеттри своимъ учителемъ. Единственный болѣе или менѣе терпимый отзывъ о Ламеттри, какъ о философѣ, встрѣчается у Вольтера да и то съ очень сильной оговоркой. «Жаль»,—говоритъ Вольтеръ,—«что Ламеттри написалъ довольно плохую книгу о чловѣкѣ-машинѣ, заглавіе было восхитительно». Въ другой разъ Вольтеръ благосклоннѣе отзывается вообще о Ламеттри, называетъ его «лучшимъ комментаторомъ» Бургаве. Но благосклонность, видимо, внушена желаніемъ высказать лишній разъ похвалу философской терпимости Фридриха II³⁾). Ламеттри, вынужденный покинуть Францію за свой образъ мыслей, получилъ при Фридрихѣ должность чтеца и мѣсто въ Берлинской академіи наукъ. Дидро не считалъ Ламеттри сколько-нибудь серьезнымъ писателемъ⁴⁾) и для энциклопедической философіи авторъ разсужденій о душѣ и особенно о счастіи исключительно чувственнымъ являлся весьма сомнительнымъ союзникомъ такъ же, какъ впоследствии Гольбахъ и Гельвецій. Но сочиненія всѣхъ трехъ систематиковъ материализма важны именно по безавѣтной рѣшительности совершить до конца разъ избранный путь, по неуклонной логикѣ тамъ, гдѣ другіе отступали, пускались въ оговорки и въ противорѣчія.

Отъ Гольбаха и Гельвеція открещивались знаменитѣйшіе члены философскаго общества, отъ Ламеттри отрекся даровитѣйшій ученикъ Бургаве—Галлеръ, но не его послѣдователь. Галлеръ возсталъ противъ механическихъ объясненій физиологическихъ явленій и выдвинулъ два основныхъ свойства организованной матеріи—чувствительность и раздражимость. Оба свойства независимы отъ какого-либо духовнаго начала, и также неразрывны съ организмами, какъ притяженіе и тяжесть нераздѣльны съ неорганизованной матеріей. Жи-

¹⁾ *La Mettrie*, ib. 164. *Diderot*. *O. C.* II, 189, 127 (*Rêve de d'Alembert*).

²⁾ *Lange*, I, 356.

³⁾ Lettre à M-me du Deffand, 7 août, 1769. *Lettres sur les Français*, VII. *O. C.* XLIV, 364.

⁴⁾ *Diderot*. *O. C.* III, 217.

вотныя, лишенные души, чувствительны и раздражимы, напримеръ, полипы, и вообще всѣ органическія явленія объясняются этими двумя свойствами. Ламеттри, какъ подлинный энтузіастъ, вывелъ изъ этихъ основаній заключеніе о полномъ отсутствіи не-матеріальнаго начала въ человѣкѣ, призналъ Галлера учителемъ матеріализма и ему посвятилъ *Человѣка-машину*, какъ *ученикъ* и *другъ*. Поэтическій талантъ Галлера ободрилъ Ламеттри на горячую рѣчь о воображеніи, о чувствительномъ сердцѣ въ области изученія природы. Но Галлеръ при всей поэтической даровитости въ наукѣ умѣлъ лучше владѣть своимъ воображеніемъ, чѣмъ медикъ, и противорелигіозныя выходки Ламеттри произвели на него самое тягостное впечатлѣніе. Онъ не нашелъ нужнымъ отвѣчать прямо своему «ученику», но заботливо выполнилъ эту задачу косвенно, въ своихъ научныхъ трудахъ. Ламеттри пришлось оправдываться передъ публикой въ своемъ неосмотрительномъ посвященіи, признать «двойнымъ сумасбродствомъ» (*extravagance*)—посвящать столь смѣлое сочиненіе ученому, въ 50 лѣтъ не освободившемуся отъ предразсудковъ дѣтства¹⁾.

«Система» Ламеттри—такъ онъ самъ называетъ свои идеи—въ высшей степени проста. Это — азбука прямолинейнаго, можно сказать, вульгарнаго матеріализма, неоднократно и въ XIX вѣкѣ смущавшаго умы съ «пламеннымъ воображеніемъ» или съ философій «медицинскаго» характера. Наблюденія надъ болѣзненными состояніями человѣческаго организма привели Ламеттри къ убѣжденію въ безусловной зависимости души отъ отпавленій тѣла, отъ нищцы, отъ температуры, отъ голода, отъ беременности. Сравнительная анатомія животныхъ и человѣка приводитъ Ламеттри къ идеѣ о необходимыхъ соотношеніяхъ состояній души съ состояніями тѣла. Организациа — основа всѣхъ отличій человѣка отъ остальныхъ существъ. Душа — «пустое слово», совѣсть вовсе не врождена человѣку, никакого «естественнаго закона», «познанія добра и зла», будто бы отличающаго человѣка отъ животныхъ, не существуетъ. Все это — результатъ воспитанія, «предразсудки воспитанія» — *des préjugés de l'éducation*, Ламеттри въ порывѣ человѣческаго самоуниженія даже

1) *O. ph.* I, 62 rem. *Discours Préliminaire.*

забываетъ собственный неоднократно повторяемый взглядъ на преимущества организаціи человѣка. Онъ находитъ, что природа насъ предназначила быть ниже животныхъ и только «чудеса воспитанія» возвышаютъ насъ и, наконецъ, ставятъ выше животныхъ.

Естественно, о духовномъ началѣ не можетъ быть и рѣчи. Правда, Ламеттри согласенъ,—весьма многое остается непонятнымъ и послѣ выводовъ сравнительной анатоміи. Какимъ образомъ матерія косная и простая становится дѣйствующей и органической?—Сущность движенія и матеріи одинаково неизвѣстна. Но эти вопросы совершенно безразличны для насъ. Ламеттри такъ же спокоенъ въ своемъ невѣдѣніи, какъ примиряется, напримѣръ, съ необходимостью смотрѣть на солнце сквозь цвѣтное стекло. Природа вообще не создала насъ быть учеными и философами. Только злоупотребляя нашими способностями, мы становимся тѣмъ и другимъ, создаемъ бремя для государства, прокармливающего толпу тушеядцевъ. Природа произвела насъ съ единственною цѣлью — быть счастливыми, какъ и всякую тварь отъ пресмыкающагося червя до орла, парящаго въ облакахъ. Высшіе вопросы, слѣдовательно,—пустое занятіе. Для нашего спокойствія все равно, вѣчна ли матерія или сотворена, есть ли Богъ или нѣтъ Юго. «Какое безуміе мучиться изъ-за того, чего нельзя знать и что не сдѣлало бы насъ счастливыми, даже если бы мы и достигли цѣли!» Религіозная вѣра въ глазахъ Ламеттри просто пугало, воплощеніе ада и дьявола.

Послушать Ламеттри относительно нравственной человѣческой природы—пугало, пожалуй, является необходимымъ. Въ разсужденіи *О счастіи* Ламеттри горячо доказываетъ несвойственность человѣку добродѣтели. Даже послѣ воспитанія и привычекъ она похожа на птичку, сидящую на вѣткѣ и сжеминутно готовую улетѣть. Для нея опасно растлѣвающее чтеніе, дурное общество. Часто одинъ примѣръ, одна бесѣда разрушаютъ прекраснѣйшія предосторожности воспитанія, и порочная природа вступаетъ въ свои права—*la nature vicieuse s'applaudit de le redevenir*.

Заявленія Ламеттри весьма рѣшительны—повидимому, противорѣчія здѣсь невозможны. На самомъ дѣлѣ, только развѣ Вольтеръ могъ бы поспорить съ «философомъ-медикомъ» наклопностью къ исключаяющимъ другъ друга истинамъ. Ламеттри оградилъ себя отъ самаго обильнаго источника недоразумѣній и колебаній логической

мысли—примирился съ непознаваемою сущности мірового процесса. Вольтеръ не отказался отъ вылазокъ въ эту темную область,—и вся его метафизика рядъ противорѣчій, оговорокъ и даже безнадежныхъ восклицаній. Но и осторожность Ламеттри не помогла его системѣ явиться цѣльной и ясной во всѣхъ подробностяхъ. Сочиненіе *Человѣкъ-машина* заканчивается такимъ вызовомъ: «Вотъ моя система, или скорѣе истина,—если только я не ошибаюсь. Она кратка и проста. Пусть теперь спорить кто захочетъ!»

Этотъ «спорщикъ» прежде всего самъ же Ламеттри. По важнѣйшимъ вопросамъ «системы» онъ далъ по два непримиримыхъ отвѣта,—даже тамъ, гдѣ онъ, въ качествѣ «медика», долженъ бы обладать однимъ какимъ-либо рѣшеніемъ.

Въ разсужденіи *О душѣ* Ламеттри говоритъ: «совершенное сходство между человѣкомъ и животнымъ поражаетъ знатоковъ». Въ сочиненіи *Человѣкъ-машина* читаемъ: «Организація первая заслуга человѣка и напрасно всё писатели о нравственности не считаютъ важными качествами тѣхъ, которыя даны природой, и цѣнять только таланты, пріобрѣтенные размышленіемъ и трудомъ. Откуда же у насъ, спрашивается, ловкость, знаніе и добродѣтель, если не отъ предрасположенія, дѣлающаго насъ способными стать ловкими, учеными и добродѣтельными? А откуда же у насъ это самое предрасположеніе, если не отъ природы? Всѣми своими достоинствами мы обязаны ей,—обязаны всѣмъ, что мы есть». Дальше та же идея выражается еще сильнѣе: «всѣ способности души до такой степени зависятъ отъ организаціи мозга и всего тѣла, что самыя способности, очевидно, не что иное какъ эта именно организація». Выводъ логическій «человѣкъ—самая совершенная субстанція. Въ сравненіи съ обезьяной и самыми умными животными это то же самое, что планетарій Гюйгенса съ обыкновенными карманными часами».

Какъ примирить эти мысли съ «совершеннымъ сходствомъ» организаціи человѣка и животныхъ? И какое значеніе имѣетъ теперь воспитаніе, единственный виновникъ добродѣтели и даже совѣсти? Вопросъ окончательно запутывается послѣ того какъ авторъ, отвергнувъ особый *естественный законъ* человѣческой нравственности, черезъ нѣсколько страницъ говоритъ слѣдующее: «естественный законъ не что иное какъ внутреннее чувство—un sentiment intime... Очевидно, поэтому, онъ не предполагаетъ ни воспитанія,

ни откровения, ни законодателя,—развѣ только вы, подобно смѣшнымъ богословамъ, пожелаете его отождествить съ гражданскими законами»¹⁾).

Столь же разнообразны взгляды Ламеттри и на метафизическіе вопросы,—и даже на самый основной изъ нихъ, на сущность всей системы матеріализма. Философъ отказался разсуждать о сущности матеріи и движенія, но онъ не могъ уклониться отъ опредѣленія взаимныхъ отношеній этихъ принциповъ: отъ этого опредѣленія зависитъ философское содержаніе всей его системы. Свойственно ли движеніе самой матеріи или оно для нея внѣшній принципъ? У Ламеттри и тотъ и другой отвѣтъ—и въ одномъ и томъ же разсужденіи *О души*. На одной страницѣ говорится: «матерія сама по себѣ начало пассивное, обладаетъ только силой *косности*,—и всякій разъ, когда она находится въ движеніи, можно заключить, что ея движеніе исходитъ отъ другого начала». И Ламеттри настаиваетъ, чтобы эти начала не смѣшивались, они такъ же различаются другъ отъ друга, какъ активное и пассивное. На другой страницѣ—матеріи приписывается способность двигаться самой по себѣ—*par elle même*; правда, свойство это признается только послѣ того, какъ матерія «облечена извѣстными формами»,—но формы не есть принципъ, внѣшній для матеріи и ей противоположный—«онѣ возникаютъ въ самой матеріи», матерія вмѣстѣ силу принимать различныя формы», и «благодаря имъ она можетъ пріобрѣтать двигательную силу и способность чувствовать»²⁾).

Какъ разобраться во всѣхъ этихъ положеніяхъ? Наиболѣе очевидное,—матерія сама-по-себѣ можетъ изъ себя же создавать формы, а тѣ въ свою очередь создаютъ движеніе. Выводъ, противоположный рѣзкому разграниченію понятій *активный* и *пассивный*.

• Не менѣе важенъ для *системы* Ламеттри и вопросъ о безсмертіи души—основной въ философіи идеальнаго начала. И на него у философа нѣтъ одного опредѣленнаго отвѣта. Въ сочиненіи *Человѣкъ-машинѣ* Ламеттри остается въ предѣлахъ скептицизма, считаетъ даже «нелѣпымъ» отрицать безусловно безсмертіе «машинъ»—

¹⁾ *Traité de l'Âme*, I, 82. *L'Homme-Machine*, III, 144, 168, 185; *o loi naturelle*, III, 151, 161.

²⁾ I, 66; 68, 80.

не менѣе нелѣпимъ, чѣмъ разсужденіе гусеницъ, которыя вздумали бы горько оплакивать судьбу другихъ гусеницъ, по ихъ мнѣнію погибающихъ. «Душа ихъ слишкомъ ограничена, чтобы повяты естественныя преобразованія. Никогда даже самая проникательная гусеница не могла бы вообразить, что ей предстоитъ превратиться въ бабочку. То же самое и относительно насъ. Что мы знаемъ больше гусеницы о нашей судьбѣ и о нашемъ возникновеніи? И такъ покорился непреодолимому невѣдѣнію, отъ котораго зависитъ наше счастье».

Въ общемъ предисловіи къ сочиненіямъ Ламеттри обнаруживаетъ болѣе положительный взглядъ. Теперь онъ безусловно знаетъ, что существуетъ только одна жизнь, идея безсмертія просто результатъ эгоистическаго желанія людей: «они повѣрили, что комокъ организованной грязи можетъ быть безсмертнымъ». — «Гордый монархъ умираетъ всецѣло такъ же, какъ и скромный подданный и вѣрная собака». Это—*истина*, хотя и страшная для умовъ, пребывающихъ въ вѣчномъ дѣтствѣ ¹⁾).

Наконецъ, Ламеттри не спасся и отъ противорѣчія, свойственнаго другимъ болѣе остроумнымъ философамъ XVIII вѣка. Онъ, подобно Вольтеру, системы вообще считаетъ «фантазіями и заблужденіями», и въ то же время выдаетъ себя самого за автора системы и матеріализмъ признаетъ единственной настоящей философіей. Матеріализмъ, по его мнѣнію, очевидный результатъ всѣхъ наблюденій и опытовъ величайшихъ философовъ и медиковъ; это *система*, установленная послѣ внимательнаго изслѣдованія природы, одинаково тщательнаго изученія царства животныхъ и человѣка во всѣхъ его возрастахъ и состояніяхъ ²⁾).

Слѣдовательно окончательный выводъ Ламеттри—вѣра въ философскую систему. Эта вѣра до такой степени для самого философа несомнѣнна, что онъ позаботился рѣшить вопросъ о нравственномъ и политическомъ вліяніи своей философіи. Но и здѣсь Ламеттри не успѣлъ дать точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Защищая философію отъ обвиненій въ пагубномъ вліяніи на мораль и религію, Ламеттри заявляетъ: «Философія и политика вовсе не перекрещиваются на

¹⁾ I, 8, 9; III, 196.

²⁾ *Abregé des Systèmes*, I, 232, 15.

своихъ путяхъ, у нихъ нѣтъ ни единого существеннаго повода для междоусобицы.» Немного спустя слѣдуетъ разсужденіе, если не вполне противоположное, во всякомъ случаѣ врядъ ли логически связанное съ предыдущимъ. «Философія до такой степени вліяетъ на искусство управлять, что государи, побывавшіе въ школахъ мудрости, должны были оказаться и дѣйствительно оказались лучше тѣхъ, кто не воспитывался на правилахъ философіи,—доказательства — императоръ Юліанъ и король-философъ, столь знаменитый въ настоящее время». Слѣдовательно, религіозная политика римскаго императора и направленіе Фридриха II приписываются воздѣйствіямъ философскихъ ученій, т.-е. философія признается большой политической силой и это подтверждается безъ всякихъ оговорокъ: философія, по мнѣнію Ламеттри, имѣетъ столь значительное вліяніе на общественное благо, вліяніе—весьма часто косвенное, что она именно является ключомъ къ природѣ и къ наукамъ, славой ума, факеломъ разума, законовъ, и человѣчности ¹⁾).

Очевидно, философіи безпрестанно приходится вести счеты съ политикой, съ религіей и моралью и, разумѣется, у матеріализма также нельзя отнять практическаго значенія. И Ламеттри даже объясняетъ его. Такъ какъ на философскій взглядъ—добродѣтель нѣчто въ родѣ придатка—*une espèce de hors d'oeuvre*, украшеніе постороннее, всегда готовое исчезнуть, то къ преступникамъ и порочнымъ людямъ слѣдуетъ относиться снисходительно, а добродѣтельныхъ вознаграждать съ особеннымъ усердіемъ ²⁾).

По обыкновенію, мы не можемъ остановиться и на этомъ заключеніи, во-первыхъ, потому что немедленно слѣдуетъ оговорка: во имя общественной пользы слѣдуетъ убивать бѣшеныхъ собакъ и давить змѣй, а потомъ признается существованіе людей съ прирожденной добродѣтелью; у нихъ врожденное чувство тѣжноты запечатлѣло законъ человѣчности въ сердцахъ ³⁾).

Мы видимъ, какое своеобразное явленіе представила философія, съ одной стороны притязающая на строго-обоснованную систему, — научно и логически, а съ другой—дѣйствительно обладавшая наиболѣе простыми средствами—создать систему. «Пламенное вообра-

¹⁾ О. С. I, 41, 43, 52.

²⁾ *Discours sur le Bonheur*. II, 184; I, 29.

женіе Ламеттри увлекало его до такой степени далеко отъ дѣйстви- тельно-научныхъ основаній, что его же учителю, настоящему уче- ному, пришлось отклонить отъ себя его непрошенныя чувства. При такихъ условіяхъ, повидимому, не предстояло большихъ затрудненій— пользоваться для извѣстной цѣли какими угодно фактами и какъ угодно. Ламеттри и не преминулъ призвать къ отвѣту «сравнитель- ную анатомію», и все-таки не сумѣлъ систематизировать своихъ за- ключеній. А между тѣмъ, среди всѣхъ философовъ XVIII-го вѣка Ламеттри самый гордый и «чистый» мыслитель—по принципу. Именно, онъ могъ дать впоследствии въ руки Робеспьера страшное оружіе противъ атеизма, какъ аристократическаго ученія. Онъ рѣзко раз- граничиваетъ философовъ и толпу: для однихъ истина, для другой— заблужденіе. «Если»,—говоритъ онъ, «давать «безнадежно больному сильное средство, значить безчестить это средство, то бесѣдовать о священномъ познаніи вещей съ людьми, не посвященными въ тайны, имѣющими глаза и не видящими, уши и не слышащими, значить по- крывать позоромъ (prostituer) науку». Черепаха не можетъ бѣгать, пресмыкающееся летать, слѣпые видѣть, такъ и народы,—и философъ желаетъ только одного, чтобы правители были немного философами¹⁾.

Сущность этого разсужденія—не единоличное достояніе Ламеттри, Идея двухъ непримиримыхъ міровоззрѣній—одно для избранныхъ, дру- гое для толпы, опасной своими инстинктами,—весьма распространен- ное ученіе философіи XVIII-го вѣка. Но никто не выразилъ его съ такой откровенностью и для многихъ философовъ неудобной прямо- линейностью. Ламеттри не успѣлъ привести въ стройный порядокъ своихъ матеріалистическихъ мыслей, и въ то же время обнаружи- валъ чрезвычайную самоувѣренность полета и этимъ несоотвѣтстві- емъ силъ и притязаній наносилъ ущербъ вообще систематической философской мысли новаго направленія. Услужливость подобныхъ друзей становилась опаснѣе вражды.

Подобную роль сыграли единомышленники Ламеттри—Гольбахъ и Гельвецій. Не только умѣренной философской партіи, въ лицѣ Вольтера и Даламбера, пришлось отречься отъ солидарности съ этими авторами, но самъ Дидро горячо возсталъ на Гельвеція и попутно нанесъ немало ударовъ даже самому себѣ.

¹⁾ *Discours préliminaire*. 1, 38, 52—3.

Книгу Гольбаха — *Système de la Nature* Даламберъ призналъ «страшной», а Вольтеръ поспѣшилъ выпустить *Otteuilz* въ защиту «Бога честныхъ людей и мудрецовъ»¹⁾.

Оба философа обошлись съ Гольбахомъ сравнительно любезно. Книга вышла за подписью покойнаго секретаря академіи — Мирабо и даже съ его біографіей, но въ философскомъ лагерѣ не могло быть тайной имя настоящаго автора и особенно широкое сотрудничество Дидро. Позднѣйшая критика отнеслась къ Гольбаху гораздо почтительнѣе, чѣмъ къ Гельвецію, выставила на видъ его познанія въ естественныхъ наукахъ, особенно въ химіи и замѣтила, что Гольбахъ былъ «систематической головой»²⁾. Послѣдняя черта — самая существенная: таланты Гольбаха въ области химіи не выходили за предѣлы компилятивнаго труженничества и ученически отважныхъ обобщеній. Напримѣръ, вопросъ о температурахъ онъ рѣшаетъ буквально однимъ почеркомъ пера: вся чувствительность челоуѣка, по его мнѣнію, зависитъ отъ того самаго *флогистона*, которымъ химики объясняютъ процессы горенія и окисленія. Всего три года спустя послѣ выхода книги Гольбаха, т.-е. въ 1773 году, Лавуазье опубликовалъ опыты, разрушившіе окончательно теорію флогистона, слѣдовательно, подрывавшую въ самомъ основаніи психологію Гольбаха³⁾. Но для Гольбаха имѣло значеніе не научное естествознаніе, а философское — въ смыслѣ XVIII-го вѣка, т.-е. рядъ фактовъ, дающихъ автору съ «чувствительнымъ воображеніемъ» создать систему противокатолическаго, т.-е. противорелигіознаго содержания. И Гольбахъ идетъ къ цѣли такимъ же путемъ, какъ и Дидро, опираясь на сравненія, предположенія, аналогіи, а преимущественно на *эмпиризмъ* въ естественныхъ законамъ въ борьбѣ противъ сверхъестественности.

¹⁾ Въ письмѣ къ Вольтеру. *Lettres de Voltaire*, Ed. 1784. II, 687; „C'est un terrible livre“.

²⁾ „Der systematische Kopf“. Lange. 1, 362. Ср. Lalande — *Quelques idées de baron d'Holbach*, гдѣ принципы системы природы составлены съ новѣйшей позитивистской философійю, и Гольбахъ, представившій „систему, цѣлостный синтезъ научныхъ и нравственныхъ идей своей эпохи“, признается однимъ изъ основателей позднѣйшей „эволюціонной морали“. *Revue philosophique*. 1892, juin.

³⁾ *Système de la Nature ou des lois du monde physique et du monde morale*. Paris, 1821. I, 150. Ed. Grimaud. *Lavoisier*. P, 1888 p., 104—5.

Боевой вопрос для материализма о происхождении *разума* въ природѣ *неразумной* — Гольбахъ рѣшаетъ легко и просто. «Мы, — говоритъ онъ, — не можемъ назвать природу *разумной* въ смыслѣ нѣкоторыхъ существъ, входящихъ въ ея царство, но она можетъ создавать разумныя существа, сочетая матеріальныя части, способныя образовывать организованныя тѣла особымъ способомъ, откуда пронстекаетъ свойство, именуемое нами разумомъ и образъ дѣйствій, неразлучный съ этой способностью». Слѣдовательно, разумъ является въ результатѣ извѣстныхъ комбинацій матеріи.

Вольтеръ на это отвѣчалъ Гольбаху: «Мнѣ кажется, вы впадаете въ ту же ошибку, въ какой вы основательно укоряете богослововъ, — именно съ самаго начала предполагаете то, что еще требуется доказать. Надо знать, возможно ли, чтобы матерія организовалась сама собой и чтобы она производила одновременно — ротъ для ѣды, зубы для жеванья, желудокъ для пищеваренія, сердце для пріема крови изъ венъ и для возврата ея артеріямъ... Вы утверждаете, что все производимое матеріей составляетъ ея сущность — свойство, безъ котораго предметъ совершенно не можетъ существовать: организовано же только незначительное количество матеріи, — слѣдовательно, эта организація не является ея сущностью»¹⁾.

Вольтеръ шагъ за шагомъ изобличаетъ произволь положеній Гольбаха и нагляднѣйшую противорѣчивость его выводовъ. Вольтеръ не въ состояніи понять, какъ можно признать разумъ въ человѣкѣ и отвергать его въ природѣ, и какъ, признавая разумъ, можно отрицать *планъ, намѣреніе*? Это до такой степени не логично, что Гольбахъ безпрестанно впадаетъ въ оговорки и бьетъ самого себя. Онъ, напримѣръ, считаетъ существованіе зла необходимымъ для того, чтобы человѣкъ умѣлъ различать добро и зло. Но это значитъ, признавать извѣстную цѣлесообразность въ творествѣ природы, въ противорѣчіе съ слѣдой необходимостью, основой материалистическаго воззрѣнія.

Гольбахъ, единодушно со всѣми современными философами, уничтожаетъ невѣжественныхъ изобрѣтателей разныхъ неопредѣленныхъ словъ. «Люди, — говоритъ онъ, — вообразили, что знаютъ матерію, всѣ ея свойства, всѣ ея способности, ея силы и разнообраз-

¹⁾ *Systeme*. I, 82. *Voltaire. Reponse*. 7—8.

ныя сочетанія, потому что подмѣтили нѣкоторые поверхностныя свойства». Подобное обвиненіе Гольбаху приходится выслушать отъ Вольтера: *природа* Гольбаха — тоже только слово, ничего не объясняющее ¹⁾).

Умозаключенія Гольбаха—аналогичны съ разсужденіями метафизиковъ: только старыя слова подмѣнены новыми.

Вольтеръ не касается одного любимаго приѣма Гольбаха доказывать философскія истины—общаго у него со всѣми метафизиками-натуралистами. Идею — о способности матеріи организоваться для разума, въ извѣстныхъ сочетаніяхъ создать умственную дѣятельность—Гольбахъ поясняетъ ссылкой на свойство вина вызывать остроуміе и мужество у людей, при обыкновенныхъ условіяхъ, повидимому, не обладающихъ этими качествами. Но вѣдь и въ винѣ нѣтъ ни остроумія, ни мужества, — они должны находиться слѣдовательно у самого человѣка только въ скрытомъ состояніи и пробуждаются отъ чисто случайной матеріальной причины. И Гольбахъ окончательно отождествляетъ природу человѣка съ его матеріальнымъ составомъ. Человѣкъ навсегда останется тайной для глазъ, извращенныхъ богословіемъ,—для философа — это сочетанія матеріи, обусловливающія темпераментъ, страсти, наклонности. Наименѣе удобная для наблюденій—такъ называемая *нервная жидкость* — по мнѣнію Гольбаха—просто *электрическая матерія*, — и «разница въ ея дозахъ и пропорціяхъ—одна изъ главныхъ причинъ различія между людьми и ихъ способностями». На характеръ человѣка можно воздѣйствовать по произволу,—стоитъ только перемѣнить родъ пищи ²⁾).

Изъ этихъ данныхъ вполне ясно: Гольбахъ дѣйствительно желалъ создать *систему*, объяснить природу и человѣка. По обыкновенію — эта жажда системы стоитъ въ противорѣчій съ положительнымъ взглядомъ вообще на человѣческое знаніе. Гольбахъ не годуетъ на богословіе, рѣшающее труднѣйшіе вопросы «рѣзко и положительно», — истинная философія отвѣчаетъ: «я не знаю». Но Гольбахъ для себя лично забылъ объ этой философіи — и *une manière tranchante et positive* отличаетъ всю его книгу. Въ заключеніе онъ пишетъ *Сущность улаженія природы*, т.-е. даетъ свой кати-

¹⁾ *Systeme*. I, 95. *Rep.* 6.

²⁾ *Systeme*. I, 83—4, 150—1.

хизисъ, гдѣ первый символъ вѣры: «человѣкъ — существо чисто физическое». Истина—вполнѣ понятная съ полемической точки зрѣнія и метафизическая съ научной. Въ результатѣ, — Гольбахъ и богословъ и метафизикъ только съ новыми терминами: вмѣсто *Богъ*—*Природа*, вмѣсто *душа*—*организация*, вмѣсто *нравственнаго міра*—*электрическая матерія*. И даже энтузіазмъ, столь гонимый имъ въ области историческихъ религій, одушевляетъ его рѣчь объ естественной религій. «Приведемъ, — восклицаетъ онъ,— заблудшихся смертныхъ къ алтарямъ природы!» И Гольбахъ даже даетъ новое опредѣленіе Бога: «Энергія великаго цѣлаго, сущность котораго—дѣйствіе»; это «матерія дѣйствующая во времени и наполняющая пространство». — *O homme, reviens donc à la nature!* — послѣднее слово философа, проникнутое негодованіемъ на *сверхъестественное*. Истокователи природы—*разумъ* и *опытъ*. Гольбаху они подсказываютъ въ высшей степени благородныя нравственныя правила: «человѣчество образуетъ одну большую семью изъ всѣхъ дѣтей природы» ¹⁾. Это—также система, — по вѣдь ли легко примиримая съ общимъ философскимъ представленіемъ о природѣ, какъ царствѣ необходимости, какъ дѣятелѣ — по математическимъ опредѣленнымъ законамъ безъ всякаго отношенія къ человѣческимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ. Наконецъ, не менѣе затруднительна задача оправдать эту мораль опытнымъ изслѣдованіемъ царства природы—въ человѣческой идеологіи.

Систематическій духъ новой философіи оказался неистребимымъ,—и у философовъ-натуралистовъ онъ обнаружился еще рѣзче, чѣмъ у философовъ-резонеровъ: Вольтеру пришлось возстать противъ легковѣрія «ученаго» Гольбаха, и задать ему вопросъ: «Возможно ли, милостивый государь, чтобы такой философъ, какъ вы, могъ увлечься столь смѣшнымъ и ложнымъ опытомъ, какъ опытъ Нидгема?» ²⁾. Мы видѣли — и Дидро не прочь былъ воспользоваться этимъ опытомъ—и все въ порывѣ *энтузіазма* предъ систематизаціей естественныхъ идей въ противовѣсъ *сверхъестественнымъ*. Здравый смыслъ Вольтера проявилъ больше осторожности и логической силы, чѣмъ ученость современныхъ страстныхъ послѣдователей естествознанія.

¹⁾ *Ib.* I, 97; II, 405, 425, 154; *Discours prélim.* V, XXII, VII.

²⁾ *Réponse.* 10.

Дидро среди нихъ занималъ первое мѣсто и по страстности и по талантливости, — и ему-то пришлось обуздывать рвеніе своихъ современателей.

Послѣдовательное опроверженіе произведенія Гельвеція — «Человѣкъ» — одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій Дидро и вообще въ философской литературѣ XVIII вѣка. Вольтеръ и Даламберъ, возмущаясь Гольбахомъ, оставались вѣрными своимъ воззрѣніямъ, — Дидро, какъ критикъ Гельвеція, въ сильной степени критиковалъ самого себя, — и этому обстоятельству, можетъ быть, слѣдуетъ приписать раздражительность тона: такъ долженъ негодовать учитель, увидѣвшій во что превращаются его восторги и «грезы» въ рукахъ наивнаго компилятора. Съ другой стороны Дидро, какъ вдохновителю, становилось жаль своего идейнаго питомца: все-таки въ его увлеченіяхъ онъ находилъ отголоски своего философскаго энтузіазма, — и онъ готовъ взять свои жестокія замѣчанія назадъ, признать Гельвеція хорошимъ писателемъ, вполне честнымъ человѣкомъ и добрымъ гражданиномъ. Но философія Гельвеція такого рода, что нѣжныя чувства критика на каждомъ шагу подвергаются испытанію, — и послѣ самой снисходительной оговорки вдругъ слѣдуетъ заявленіе: «Гельвецій все извращаетъ» — *Helvetius denature tout* и въ естественно-научныхъ размышленіяхъ «организацию головы сравниваетъ съ организаціей ноги», — и о самыхъ существенныхъ идеяхъ философа приходится восклицать: *cela fait pitié!*¹⁾

Вообще Дидро не поскупился на сильныя выраженія: опроверженіе писалось два года спустя послѣ смерти Гельвеція и должно было остаться неизданнымъ.

Дидро начинаетъ съ «любимаго парадокса» Гельвеція и на него преимущественно налагаетъ во всей своей критикѣ, — именно будто одно только воспитаніе устанавливаетъ различіе между людьми, — отъ природы всѣ люди, нормально организованные, на все способны. Гельвецій посвящаетъ этому вопросу пятнадцать главъ и Дидро шагъ за шагомъ разбиваетъ всѣ его «опрометчивыя» и даже «сумасбродныя» утвержденія. По мнѣнію Дидро, «система Гельвеція — созданіе человѣка очень умнаго, но который каждой строчкой доказываетъ,

¹⁾ *Refutation suivie de l'ouvrage d'Helvetius intitulé l'Homme. O. C. II, 358, 366, 410, 369.*

что могущественное внушеніе генія ему чуждо и что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Дидро не въ силахъ даже спокойно представить, какъ можно не признавать прирожденности способностей и талантовъ? Гельвецій всякую геніальность приписываетъ воспитанію, соревнованію, внѣшнимъ обстоятельствамъ, случайностямъ. Дидро переноситъ вопросъ на чисто естественную почву: изъ лягавой собаки никакое воспитаніе не сдѣлаетъ таксы, — и какое угодно искусство дрессировщика не превратитъ злое отъ природы животное въ доброе. Какъ же можетъ заключать Гельвецій, что Руссо написалъ свое разсужденіе только благодаря случайному разговору съ Дидро, Мильтонъ случайно создалъ свою поэму, Шекспиръ, — въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ — вышелъ геніальнымъ драматургомъ, а не торговцемъ шерстью? Дидро готовъ потерять терпѣніе, читая подобныя пелѣности: случайность создала генія, — это все равно, что сказать: искра сдѣлала порохъ, — и Руссо такъ же не былъ произведеніемъ случая, какъ и случай — произведеніемъ Руссо. Вся психологія Гельвеція основана на недоразумѣніи. Онъ утверждаетъ, будто по желанію можно сдѣлаться поэтомъ, ораторомъ, живописцемъ или геометромъ: это значитъ — смѣшивать способность — учиться и талантъ — творить. Многіе могутъ выучиться геометріи, — но не быть геометрами. Гельвецій ставитъ условіемъ — *хорошую организацію*, — но что значитъ быть хорошо организованнымъ? Условіе самое смутное, самое невразумительное, самое неопредѣленное, потому что нѣтъ возможности точно установить вопросъ относительно мозга и прочихъ частей тѣла. Одинъ человекъ сегодня поражаетъ всѣми признаками здоровья, а завтра его постигаетъ смерть, другой кажется слабымъ и истощеннымъ, стоитъ одной ногой въ могилѣ, — и живетъ вполне благополучно цѣлые годы ¹⁾.

Дидро, увлеченный негодованіемъ на слишкомъ смѣлую философію Гельвеція, договаривается до соображеній, вполне желательныхъ съ точки зрѣнія даже идеалистической философіи. Еле Вольтеръ выражалъ сомнѣніе въ крайнихъ выводахъ сенсуализма и не желалъ смѣшивать *пяти чувствъ съ здравымъ смысломъ* ²⁾: Дидро еще рѣзче ставитъ тоже самое возраженіе Гельвецію. Онъ предлагаетъ фило-

¹⁾ *Ib.* 341, 284—6, 334, 407, 339, 347, 367.

²⁾ *Extrait des Sentiments de Jean Meslier. O. C.* XLIII, 246.

софу обратить вниманіе на обитателей сумасшедшаго дома: у нихъ всѣ чувства дѣйствуютъ прекрасно,—не хуже чѣмъ у самого Гельвеція,—страдаетъ только одинъ разумокъ. Очевидно, — разстроены центръ умственной жизни, и безъ этого центра всѣ ощущенія оказываются бесполезными. Безъ *общаго судьи всѣхъ ощущеній*, безъ органа, запоминающаго всѣ наши впечатлѣнія, чувствительный аппаратъ всякаго чувства обладать бы, можетъ быть, мгновеннымъ сознаниемъ, — но не было бы сознанія — ни цѣльнаго животнаго, ни цѣльнаго человѣка. Въ результатѣ, — основа равнообразія талантовъ и умовъ остается *ничтожествомъ*.

«Нелѣпный» въ психологическихъ разсужденіяхъ, — Гельвецій не менѣе страшенъ и въ нравственномъ ученіи. Въ психологіи онъ безпрестанно *условія* явленія принимаетъ за его *причины* и доходитъ до отождествленія существа *физическаго* и *нравственнаго*: по мнѣнію Дидро, — они такъ же различны, какъ животное чувствующее и животное разсуждающее. *Физическое ощущеніе* только необходимое *условіе* для умственной дѣятельности, — но отнюдь не тождественно съ способностью размышлять. Мораль Гельвеція построена на ложной психологіи и, слѣдовательно, также ложна. Дидро теряетъ всякую хѣру въ опроверженіяхъ, издѣваясь надъ идеей Гельвеція объ эгоистической основѣ нравственныхъ дѣйствій и о чисто-физическомъ страхѣ, какъ источникѣ мукъ совѣсти. Дидро ничего не стоитъ доказать, что Децій и Кодръ навѣрное не ждали никакого физическаго наслажденія въ пропасти и что иногда легкой знакъ презрѣнія мучительнѣе для человѣка припадка подагры.

У Дидро, при всѣхъ его сильныхъ чувствахъ противъ увдеченія Гельвеція, нѣтъ ни малѣйшаго желанія перейти въ лагерь идеалистовъ. Матеріализмъ попрежнему близокъ его сердцу и его «уваженіе» принадлежитъ тому, кто путемъ опыта и наблюденія строго докажетъ, что физическая чувствительность такое же основное свойство матеріи, какъ и непроницаемость, или неопровержимо приурочить чувствительность къ организаціи. И Дидро приглашаетъ физиковъ и химиковъ рѣшить вопросъ, что такое животная, чувствительная и живая субстанціи? Но философъ немедленно предостерегаетъ противъ опрометчивыхъ отвѣтовъ, — даже если ему самому приходится давать подобные отвѣты. Напримѣръ, Дидро спѣшитъ опровергнуть свое собственное разсужденіе о процессѣ зарожденія.

Раньше онъ приписывалъ этотъ процессъ простому движенію матеріальнаго содержимаго яйца, — теперь онъ говоритъ: «я вижу ясно въ развитіи яйца и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣйствіяхъ природы, какъ матерія, повидимому, косная, но организованная, переходитъ— при посредствѣ чисто-физическихъ дѣятелей изъ состоянія косности въ состояніе чувствительности и жизни,—но необходимая связь этого перехода ускользаетъ отъ меня». Очевидно, заключаетъ Дидро, наши представленія о матеріи, объ организаціи, о движеніи, о теплотѣ, о тѣлѣ, о чувствительности и о жизни еще очень несовершенны. Приходится сознаться, что организація или комбинація косныхъ частицъ вовсе не имѣетъ послѣдствіемъ чувствительность, и общая чувствительность матеріальныхъ молекулъ одно только предположеніе: весь его смыслъ въ томъ, что оно спасаетъ насъ отъ затрудненій, — но этого недостаточно настоящему философу ¹⁾).

Значеніе этихъ замѣчаній не можетъ быть преувеличено: Дидро, разбирая книгу Гельвеція, написалъ краснорѣчивую критику на одну изъ распространенныхъ философскихъ системъ,—тѣмъ болѣе краснорѣчивую критику, что самъ критикъ принадлежалъ къ горячимъ апостоламъ матеріализма. Дидро и послѣ Гельвеція не перешелъ въ лагерь Руссо или даже Вольтера,—онъ не упускаетъ случая заявить, что «Богъ—плохая машина, съ которой ничего нельзя сдѣлать путнаго»,—но и матерія и природа оказываются призраками, изъ нихъ также невозможно создать сколько-нибудь убѣдительнои системы. И Дидро даже не вѣритъ въ возможность близкаго творчества въ этомъ направленіи. Онъ договаривается до чрезвычайно поучительной идеи — о прочной культурной или даже психологической основѣ религій. Онъ не согласенъ съ Гельвеціемъ, будто «легко перемѣнить религіозныя мнѣнія народа». На взглядъ Дидро, — «неизвѣстно, какъ предрасудокъ устанавливается среди народа и какъ онъ исчезаетъ». Существуетъ только одно средство — ниспровергнуть культъ: сдѣлать его служителей презрѣнными—по ихъ порокамъ и бѣдности. И Дидро предупреждаетъ стремительныя мѣры революціи—создать на мѣсто христіанства новую философскую религію. Гельвецій вѣритъ въ возможность именно подобнаго творчества,—Дидро называетъ эту вѣру «мечтой, не осуществимой и въ

¹⁾ О. С. 363—6, 337, 327, 303—4, 301—2.

тысячу лѣтъ». Очевидно, Дидро не трудно было додуматься до историческаго взгляда на религіозныя явленія, — полемическія обязанности не допустили логическаго развитія идеи, — но онъ въ то же время не заслонили предъ глазами Дидро прорѣховъ новаго филозофскаго прозелитизма. Черезъ два или три года послѣ опроверженія книги Гельвеція Дидро написалъ *Разговоръ философа съ Маршаллей*. Философъ Крудели—убѣжденный врагъ религіи и вообще вѣры въ Бога: она не только не вліяетъ спасительно на нравы, но даже можетъ поощрять преступленія. Въ порывѣ протеста противъ спиритуализма, Крудели снова приближается къ идеямъ крайнихъ матеріалистовъ, человекъ называетъ «немного болѣе совершеннымъ животнымъ, чѣмъ другое животное», даже прибѣгаетъ къ энтузіастическимъ заимствованіямъ и толкованіямъ фактовъ изъ области естествознанія, — по поводу вопроса о безсмертіи души напоминаетъ разсказъ путешественника о возрожденіи высушенной змѣи ¹⁾).

Споръ съ Гельвеціемъ, очевидно, не имѣлъ безусловно цѣлебныхъ послѣдствій для пламеннаго ума Дидро,—такъ же какъ и восторги предъ опытами съ полипами и змѣями не спасали философа отъ настроеній, иногда совпадавшихъ даже съ молитвеннымъ экстазомъ Руссо предъ лицомъ Верховнаго существа ²⁾). У энциклопедиста нѣбось большой запасъ чувствительности и художественной впечатлительности, — и онъ, въ союзъ съ здравой и добросовѣстной логикой безпрестанно подкапывались подъ систему, восхищавшую воображеніе воинствующаго философа. Неустанно стремясь къ *единству*, къ систематизаціи новыхъ идей и фактовъ, Дидро столь же упорно вступалъ въ борьбу съ противорѣчіями, съ вымыслами, съ логическими несообразностями, съ философскимъ фанатизмомъ. Положеніе, сродное съ участіемъ метафизиковъ-резонеровъ: мы видѣли, — и въ этомъ лагерѣ, при всемъ желаніи, не могли *логически* придти къ цѣльному міросозерцанію, — и Руссо вышелъ изъ затрудненія, воспользовавшись средствами старой религіозной доктрины, — *догма-*

¹⁾ Л. 287—9 520—1.

²⁾ Напр. разсказъ Гримма о слѣдующей его бесѣдѣ съ Дидро во время прогулки въ паркѣ. Дидро сорвалъ василекъ и колосъ и погрузился въ размышленіе. «Что вы дѣлаете?» — спросилъ Гриммъ. — Я слушаю. — Кто же разговариваетъ съ вами? — Богъ. — О чемъ же? — Это еврейскій языкъ; сердце понимаетъ, но умъ не достаточно смелъ въ своемъ полетѣ. Ср. Caro. O. c. I. 352.

тически закрѣпилъ извѣстные символы новой *эры*. Въ области философскаго натурализма къ той же цѣли съ «пламеннымъ воображеніемъ» устремились писатели второй и третьей величины: Дидро не прслѣдовалъ за ними и остался на распутьи. Но это не значило, что философъ превратился или: могъ превратиться въ пиррониста. Система до конца манила и очаровывала его *l'esprit fermentant*—и онъ жаждалъ воздвигнуть «алтарь противъ алтаря и скипетръ противъ скипетра»,—тѣмъ болѣе, что современные умы, повидимому, по своей природѣ мало доступные «броженію», также полагали основанія системы. И сооруженіе обѣщало выйти настолько величественнымъ и всеобъемлющимъ, что позднѣйшей философіи и наукѣ оставалось только его совершенствовать и достраивать.

VII.

Матеріалистическія возрѣнія отдѣльныхъ писателей XVIII вѣка считались и у враговъ философіи и у ея умѣренныхъ представителей—опаснымъ и ненавистнымъ явленіемъ. Враги съ цѣлью рѣшительнаго пораженія просвѣтительной партіи сознательно отождествляли ее съ единомышленниками Гельвеція и Гольбаха,—естественно здравый смыслъ и особенно дипломатическій талантъ Вольтера смотрѣли на обоихъ философовъ какъ на истинное бѣдствіе для философской церкви. Дидро стоялъ на той же линіи. Одно изъ самыхъ, дорогихъ для него произнеденій, можетъ быть даже самое дорогое—*Сонъ Даламбера*—вызвало горячій протестъ у благоразумнаго геометра. Даламберъ настойчиво потребовалъ сожженія работы, о которой самъ Дидро полагалъ: «это высшее сумасбродство и въ то же время глубочайшая философія». И, разумѣется, несмотря на волю Даламбера, драгоценный текстъ не исчезъ окончательно и явился на свѣтъ, хотя и много лѣтъ спустя послѣ смерти автора, въ 1830 году. Онъ свидѣтельствовалъ о неограниченной смѣлости резонирующаго ума и именно эта смѣлость въ глазахъ самого Дидро вела къ глубинѣ: *безумной* философіей могла казаться только слишкомъ *узкому воображенію*. Въ стремительномъ полетѣ она далеко опередила современное положительное знаніе и впустила вдохновенному энциклопедисту не мало «грезъ», воскресшихъ впоследствии въ наукѣ XIX-го вѣка. Первоисточникомъ естественнонаучныхъ знаній Дидро былъ Галлеръ:

его *Физиологию* Дидро перечиталъ дважды съ перомъ въ рукѣ, дѣлалъ изъ нея обширныя извлеченія, но ни на минуту не помышлялъ подчиниться осторожнымъ выводамъ учителя. *Энтузіазмъ* неотступно сопровождалъ читателя и еще болѣе пламенный, чѣмъ воображеніе Ламеттри: въ результатъ получился рядъ гипотезъ, соображеній, предсказаній — вплоть до идей трансформизма, — неразрывной органической цѣпи, охватывающей весь міръ какъ одно необъятное царство эволюціи. Дидро понимаетъ значеніе фактовъ приспособленія и наследственности. Онъ часто говоритъ какъ *предшественникъ* Ламарка и Дарвина и безпрестанно готовъ опередить ихъ во имя чистаго матеріализма, какъ единственной религіи и философіи. Онъ договаривается до представленія о Богѣ изъ матеріи, даже объ «эпидеміи добрыхъ и злыхъ геніевъ», вообще до «всевозможныхъ чудесъ», такъ какъ разумъ обуславливается комбинаціями матеріальныхъ частицъ.

Но вся эта отвага въ дѣйствительности создавала гораздо больше удовольствія самому философу, чѣмъ опасностей идеалистическому міросозерцанію. Дидро несомнѣнно стремился къ единству и къ системѣ, но путь, избранный имъ, представлялъ мало убѣдительности даже на взглядъ самихъ философовъ. Экскурсіи автора въ область естествознанія оказывались весьма часто фейерверкомъ, эффектнымъ освѣщеніемъ заранѣе надуманнаго общаго воззрѣнія. Факты брались изъ области опытныхъ наукъ, но самый духъ разсужденія не становился — ни научнымъ, ни даже просто индуктивнымъ. Создавалась своего рода живописная философія, гдѣ многія иллюстраціи являлись спорными не только для безусловно враждебныхъ читателей. Энтузіазмъ и воображеніе отодвигали на второй планъ анализъ и логику. Ламеттри до такой степени искренне увлекался основной двигательной силой философскихъ системъ, что всѣ «части души» сводилъ къ одному только воображенію. Отъ воображенія зависятъ умъ и геній, въ сущности «всѣ эти слова синонимы»¹⁾. Ламеттри своей психологіей разоблачалъ тайну гораздо болѣе философскихъ и талантливыхъ современныхъ умовъ, чѣмъ онъ самъ, и до тѣхъ поръ пока этотъ стронтельскій методъ преобладалъ въ системахъ просвѣтителей, старому міросозерцанію не угрожала смѣна его другимъ всесторонне обоснованнымъ положи-

¹⁾ *L'Homme-Machine*. О. III, 141, 147.

тельными возрѣніемъ. Воображеніе—сильнѣйшій врагъ логики, и краснорѣчивѣйшіе создатели грозной материалистической системы безпрестанно вступали во взаимныя противорѣчія, часто даже не выдерживали послѣдовательнаго развитія идей—каждый отдѣльно. Единственнымъ выходомъ изъ этого лабиринта оставался тотъ «научный духъ», какового, по сознанію Дидро, не доставало литературѣ XVIII-го вѣка, т. е. путь наведенія спокойнаго и послѣдовательнаго осмысливанія историческихъ фактовъ. Писатели, воздвигшіе гоненіе на старую метафизику и религію, несомнѣнно обладали большими литературными талантами, блестящимъ остроуміемъ и нерѣдко весьма обширными свѣдѣніями. Но примѣненіе всѣхъ этихъ достоинствъ на практикѣ выходило часто партійнымъ, воодушевлялось или какимъ либо апріорнымъ принципомъ, въ родѣ идей объ естественной морали, о здоровомъ смыслѣ; объ естественной религіи или просто подчинялось оппозиціонному настроенію и полемическому духу. Во многихъ отношеніяхъ критика получалась очень краснорѣчивая и основательная: недостатка въ благодарномъ матеріалѣ не было,—но по существу религіозно-метафизическое міросозерцаніе не могло считаться упраздненнымъ. Его *философская* и *культурная* основа оставалась непоколебимой, такъ какъ характеръ исходныхъ моментовъ новой мысли оказывался также *метафизическимъ* и *гипотетическимъ*, и представленіе объ исторической законмѣрности и необходимости ненавистной системы не могло пострадать отъ критикѣ ея теоретическихъ или практическихъ частныхъ. Вся критика уподоблялась возстанію, бунту въ нѣдрахъ вѣкового порядка,—вновь образовавшейся партіи—протестующей и революціонной рядомъ съ другими охранительными силами общества. Могло настать такое стеченіе обстоятельствъ, когда именно эти силы возобладаютъ надъ разрушительными порывами, и тогда старая система вновь предъявить свои права на идейную власть надъ обществомъ, произойдетъ своего рода смѣна правительствъ въ парламентѣ общественнаго мнѣнія, и оппозиціи придется снова браться за прежнее оружіе и повторять уже разъ выдержанную борьбу. То, что раньше называлось *философіей* и *суетвріями*, теперь будетъ носить наименованіе *либерализма* и *реакціи*, но философскій и культурный смыслъ борьбы останется неизмѣннымъ, т. е. борьбой партій: изъ нихъ одна исполнена протестующаго энтузіазма, другая—вѣрнъ въ свою исто-

рическую правоспособность, и протест тщетно стремится сокрушить въру,—для этого ему слѣдовало бы доказать ея беспочвенность, т. е. отнять у нея опору въ исторической дѣйствительности, привести общество къ сознанию, что старая система воззрѣній должна быть упразднена не на основаніи кихихъ бы то ни было благородныхъ патетическихъ движеній сердца или здраваго смысла, а потому что эта система мертва исторически, представляетъ изъ себя отжившій идейный организмъ—въ силу естественнаго роста цивилизаціи. Онъ не столько осуждается его противниками, сколько уже осужденъ неотразимыми законами исторической жизни общества. Это вопросъ не гуманнаго чувства, не *чувствительной философіи*, а высшаго безстрастнаго и безличнаго разума: онъ столь же послѣдовательно осуществляется въ замѣнѣ одного культурнаго періода другимъ, какъ и въ любомъ физическомъ законѣ. Вопросъ о міросозерцаніяхъ, слѣдовательно, рѣшается не партійно и не политически, а стихійно и исторически. Возникновеніе партій только симптомъ явленія, поставленнаго на очередь не какимъ-либо отдѣльнымъ либеральнымъ или консервативнымъ умомъ, не открытіемъ естествоиспытателя и трактатомъ философа, а нѣкоей таинственной силой—съ разнообразными наименованіями въ разныя эпохи.

Въ XVIII вѣкѣ эта сила называлась *прогрессомъ*.

Зная основной духъ эпохи, мы не должны ожидать отъ нея идиллическо-философскаго и строго-научнаго характера. Въ самомъ терминѣ *прогрессъ* уже заключается элементъ чувства и воображенія,—въ общемъ энтузіазмъ предъ идеей—не столько доказанной фактами и логикой, сколько воспринятой патетически, какъ настроеніе, какъ вѣра. Прогрессъ—значитъ приближеніе къ извѣстному положительному идеалу, и человечество приближается къ этой дѣли не только вообще, въ результатъ всего своего историческаго движенія, но и отдѣльными эпохами, носящими непременно поступательный характеръ—поступательный въ смыслѣ самого историко-философа. Въ результатъ, существуетъ собственно не прогрессъ, а рядъ *прогрессовъ*, т. е. прогрессивныхъ состояній человечества. И писатели XVIII вѣка слово прогрессъ употребляютъ во множественномъ числѣ *les progrès de l'esprit humain*. Очевидно, здѣсь съ самаго начала предвосхищено толкованіе историческихъ явленій, дано имъ освѣщеніе партійно философское, т. е. субъективное, и самое понятіе

прогрессъ является идеей чувствительной и полемической. Въ этомъ отношеніи просвѣтительный вѣкъ остался вѣренъ себѣ, своему энтузіазму предъ фактами какого бы то ни было порядка—естественнаго или историческаго—лишь бы только они знаменовали торжество «человѣческаго ума».

Но въ идеѣ прогресса заключался не только патетическій элементъ. Вопросъ объ успѣхахъ разума былъ поставленъ на историческую почву, т. е. взятъ въ неограниченной перспективѣ культурныхъ фактовъ. Уже такая постановка неминуемо вызвала представление о *постепенномъ* накопленіи разумности, о *послѣдовательности* умственного совершенствованія. Тюрго такъ и выражается — *les progrès successifs*. А разъ признана послѣдовательность,—этимъ самымъ установлена и неизбѣжность, необходимость, историческая закономерная логичность. Идея прогресса, слѣдовательно, превращается въ законъ прогресса, *желаніе найти* въ прошломъ непреодолимое движеніе человѣчества къ разуму переходитъ въ *обязанность доказать* прошлымъ законность настоящаго. Позднѣйшая теорія эволюціи начинаетъ возникать въ размышленіяхъ философовъ XVIII-го вѣка—не въ силу ихъ научныхъ настроеній, а по самому существу задачи—не только восхвалить разумъ, но и оправдать и объяснить его торжество. Можно даже сказать: идеи прогресса и эволюціи находятся будто въ извѣстномъ соревнованіи у различныхъ просвѣтителей,—сообразно съ преобладаніемъ энтузіазма или изслѣдовательскаго историческаго таланта. Но во всѣхъ случаяхъ попытки систематизировать исторію должны были придать совершенно новое освѣщеніе философіи. Они создавали для нея несравненно болѣе убѣдительныя и прочныя основы, чѣмъ полемическое остроуміе и «естественная» метафизика. Они возводили ее на степень *послѣдовательнаго* историческаго факта, долженствующаго жить и развиваться взаимнѣ упрядняемыхъ исторіей преданій. Они сообщали новой мысли значеніе звена въ *непрерывной* цѣпи подобныхъ же прогрессивныхъ явленій и этимъ самымъ предназначали элементы будущей системы—не изъ метафизическихъ понятій, а изъ логическихъ данныхъ вѣкового процесса. Слѣдовательно, къ новой истинѣ мысль шла путемъ индуктивнымъ, не вполне совершеннымъ и осматрительнымъ, но неизмѣримо болѣе вѣрнымъ—при великой сложности и симпатическихъ свойствахъ задачи—чѣмъ здравый

смысль Вольтера, внутренний голос Руссо, «истолкованіе природы» Дидро.

Сущность идеи прогресса въ высшей степени проста, — можно сказать наивна: ея первоисточникъ — аналогія между человѣкомъ и челоѳчествомъ. Каждая отдѣльная личность переживаетъ дѣтство, юность, возрастъ мужества и старости, тотъ же путь проходить и челоѳчество, но съ одной разницей — оно никогда не дряхлѣетъ, а вѣчно обновляется. Этой мыслью Тюрго начинаеть свою рѣчь о *Послѣдовательныхъ прогрессивныхъ движеніяхъ челоѳческаго ума* и Кондорсе убѣжденъ, — «прогрессъ подчиняется тѣмъ же самымъ общимъ законамъ, которые наблюдаются въ развитіи способностей у отдѣльныхъ личностей». Оба писателя не сказали здѣсь ничего новаго, оригинальнаго для своей эпохи. Въ XVII-мъ вѣкѣ та же идея повторялась безпрестанно. Паскаль челоѳчество называетъ *l'homme universel*. По его мнѣнію, всякое поколѣніе людей слѣдуетъ разсматривать какъ одного и того же челоѳка, вѣчно существующаго и непрерывно приобрѣтающаго знанія. На этомъ основаніи Паскаль считаетъ несправедливымъ — почетъ питаемый нами къ древности въ лицѣ ея философовъ: они — дѣти сравнительно съ нами ¹⁾.

Этотъ взглядъ на древность и новый мѣръ даль содержаніе разсужденіямъ Перро — автора *Параллели между древними и новыми*. Въ основу параллели положено то же сравненіе челоѳчества съ челоѳкомъ, возрастовъ отдѣльной личности съ историческими періодами народовъ. Защитникъ новой цивилизаціи обладалъ по нѣкоторымъ историческимъ вопросамъ болѣе глубокимъ сужденіемъ, чѣмъ позднѣйшіе проповѣдники прогресса. Напримѣръ, Перро не полагалъ въ среднихъ вѣкахъ сплошнаго умственного мрака. Работа челоѳческаго ума продолжалась, — она только временно заслонялась смутами и насиліями, и Перро для своей мысли использовался сравненіемъ, какое впоследствии повторитъ Тюрго: наука и поэзія въ средніе вѣка будто рѣки, на время скрывшіяся тѣ пропасть, — онѣ продолжаютъ течь подъ землей и, найдя выходъ проявляются на поверхности въ прежней силѣ ²⁾

¹⁾ Préface sur le traité du vide. Pensées. Ed. Paris. 1876, 589.

²⁾ Perrault. Parallèle des anciens et des modernes en ce qui regarde les arts et les sciences. Nouvelle édition. Amsterdam 1693, 33—234—5 etc.

Восемнадцатому вѣку пришлось возобновить не мало старыхъ идей и иносказаній и привести ихъ въ стройную логическую систему.

Прежде всего представился вопросъ вообще о возможности систематизаціи историческихъ явленій. Въ виду признанной аналогіи прогресса съ развитіемъ личности вопросъ сводился къ задачѣ — вообще систематизировать нравственные явленія, т.-е. подыскивать имъ точныя опредѣленія, строгія логическія доказательства и классифицировать ихъ. Возможно ли это въ области психологіи морали?

Утвердительный отвѣтъ мы слышали отъ Кондильяка. Онъ находилъ, что «въ метафизикѣ и въ морали можно разсуждать съ такой же точностью, какъ и въ геометріи» и достигать очевидныхъ результатовъ даже можетъ быть еще легче. Это разсужденіе, какъ и вообще философія Кондильяка, — преувеличенное заимствованіе изъ Локковского *Опыта о человеческомъ разумѣ*. Локкъ убѣжденъ, что нравственные идеи подлежатъ такой же доказательности, какъ и идеи количества, т.-е. математическія: надо только заниматься нравственными изслѣдованіями «съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ какимъ ищутъ математическихъ истинъ». Величайшее препятствіе на пути къ нравственнымъ истинамъ — партійность. Разъ она будетъ устранена и «партіи предоставятъ истинѣ вести открытую игру». немедленно установятся мѣры правды и неправды изъ предложеній самоочевидныхъ путемъ выводовъ необходимыхъ и столь же безспорныхъ, какъ выводы математики. И Локкъ приводитъ нѣсколько такихъ моральныхъ аксіомъ, распространяющихся одинаково на личную и соціальную жизнь человѣка ¹⁾.

Легко видѣть, — перенесеніе математическаго метода въ область духа, должно лежать въ основѣ всякой философіи исторіи и, слѣдовательно, теоріи прогресса, притязающей на логическую убѣдительность. А что именно такая теорія заключаетъ въ себѣ боевой философскій смыслъ, — тѣ же писатели XVIII-го вѣка представляли столь же ясно и вѣровали вполне откровенно. Мы знаемъ, Даламберъ самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ противъ «суевѣрія» считалъ философію на почвѣ физики и геометріи, т.-е. разработку нравственныхъ и, слѣдовательно, соціальныхъ явленій по математическому ме-

¹⁾ *The Works of Locke*. London. 1823. II. *Of Human Understanding*. Book. IV, ch 3.

тому. Мы могли оцѣнить чрезвычайную философскую осторожность Даламбера, знакомы также съ профессиональной непослѣдовательностью Кондильяка, общезвѣстны и уступки Локка, воззрѣніямъ, заставившимъ и его французскаго ученика круто измѣнить своей системѣ,—и эти именно писатели, менѣе всего отличавшіеся философскимъ энтузіазмомъ и смѣлостью воображенія, дали ключъ къ самымъ рѣшительнымъ системамъ. Доказать возможность точнаго изслѣдованія вопросовъ морали и политики и, слѣдовательно, исторіи значить всю духовную жизнь человѣка и человѣчества, поставить въ условія естественнаго органическаго развитія, сообщить исключительно историческій характеръ отдѣльнымъ событіямъ и цѣлымъ періодамъ,—въ результатѣ устранить идею чудеснаго и сверхъестественнаго и отнять убѣдительный смыслъ въ оговоркахъ Локка, Кондильяка и Даламбера. Именно въ ихъ увѣренности—видѣть мораль систематизированной, по методу алгебры — заключалось настоящее торжество естественнаго надъ сверхъестественнымъ, неизмѣримо болѣе грозное для *l'infâme*, чѣмъ остроумные памфлеты Вольтера и матеріалистическіе восторги Дидро. Замѣчательно тотъ же Локкъ и открылъ неограниченную перспективу успѣховъ человѣческой мысли въ изученіи нравственныхъ отношеній: эти «дальнѣйшія усовершенствованія опредѣлять не легко »¹⁾. Болѣе опредѣленной темы нельзя было дать самому отважному энтузіасту естественнаго прогресса — Кондорсе. Но и независимо отъ энтузіазма—идея не могла не вызвать практическихъ слѣдствій именно въ XVIII-мъ вѣкѣ, знавшемъ по части ученія о прогрессѣ — вполне авторитетныхъ предшественниковъ еще изъ классической эпохи.

Ея историческимъ продолжателемъ въ этой области явился писатель, игравшій среди просвѣтителей мало соперниковъ по глубинѣ и разносторонности ума, по строгой вдумчивости мысли, по истинно-философской широтѣ культурныхъ возрѣній. Философскія произведенія Тюрго, нерѣдко — только *планы, проекты, наброски* — должны считаться классическими по продуманности и послѣдовательности идей. Во французской философій исторіи онъ истинный родоначальникъ не только философскаго отношенія къ историческимъ явленіямъ, но и руководящихъ идей позднѣйшей позитивной системы,

¹⁾ Ib. II, 368—9.

легшей въ основу позитивизма какъ философіи и какъ религіи. Онъ, слѣдовательно, виновникъ дѣйствительно новой научно-нравственной системы, общавшей болѣе или менѣе цѣльное и жизненное развитіе—не въ примѣръ логической и «натуральной» метафизикѣ его современниковъ.

А между тѣмъ, Тюрго далеко уступаетъ имъ и силой языка и смѣлостью заключеній. Онъ — вполнѣ *умренный* мыслитель. Онъ, разумѣется, противникъ беллетристическаго матеріализма, въ книгахъ Гельвеція не находитъ ни логики, ни вкуса, ни даже добродѣтели въ нравственныхъ идеяхъ. Но этого мало: Тюрго не во всемъ согласенъ и съ философскимъ апостоломъ эпохи — съ Кондильякомъ. Онъ неспособенъ въ качествѣ философа признать одинъ принципъ, а въ качествѣ вѣрующаго — подписаться подъ истиной, необъяснимой философскимъ принципомъ. Поэтому Тюрго отказывается всю духовную жизнь человѣка свести къ ощущеніямъ и ихъ комбинаціямъ. Есть нѣчто независимое отъ внѣшнихъ чувствъ и впечатлѣній,—именно идея причинности, — принципъ, по мнѣнію Тюрго, апіорный, и потому идея существованія личности и внѣшняго ей міра, т.-е. идея сущностей, основанная на сознаніи или внутреннемъ чувствѣ ¹⁾. Эта идея не представляла исключительнаго достоинства Тюрго. Она буквально встрѣчается въ *Prospectus*'ѣ *Encyclopedii*: здѣсь она выражена Даламберомъ, — но и Дидро по временамъ готовъ былъ исповѣдывать ее. Когда Тюрго нравственныя отличія людей приписываетъ *дѣйствительному неравенству душъ*—une inégalité réelle:—намъ *нездомому*, — припоминается тожественное возраженіе Дидро на чрезвычайно простое рѣшеніе вопроса Гельвеціемъ ²⁾. Но Дидро только въ гнѣвѣ на опаснаго союзника могъ сознаться въ необходимости ограничить матеріалистическій всеобъясняющій принципъ, у Тюрго это сознаніе—результатъ обдуманнаго философскаго воззрѣнія.

Еще любопытнѣе другое отступленіе Тюрго отъ прямолинейной современной философіи. Онъ вмѣстѣ съ другими врагъ духа систематизаціи, понимаетъ вредъ, причиняемый имъ наукамъ. Тюрго обраца-

¹⁾ Turgot. *Oeuvres*. P. 1808, III, 106—7, 122.

²⁾ *Prospectus*. Diderot *O. c.* XIII, 148: „L'Homme qui est sûr de son existence par conscience du sens interne“. *Réfulation*; I, 327.—Turgot. *Ebauche du second Discours dont l'objet devait être les progrès de l'esprit humain* O. II, 268.

еть свои упреки не только противъ старыхъ метафизическихъ, но и современныхъ материалистическихъ системъ — всякій разъ, когда встрѣчается съ *esprit de système* и весьма рѣзко выражается о «вкусѣ къ аналогіямъ», дѣйствительно, какъ намъ извѣстно, весьма распространеннымъ среди новыхъ философовъ. Все это говорили и сами философы, — но нападки на системы не помѣшали имъ создавать свои собственныя при помощи даже старыхъ средствъ. Тюрго и здѣсь остается послѣдовательнымъ. Онъ подробно выясняетъ, что такое вредоносный духъ системъ: пренебреженіе къ наблюденію, стремительность увлекаться отдаленными аналогіями и путемъ ихъ частный фактъ преобразовывать въ общій принципъ, о необъятномъ цѣломъ судить на основаніи поверхностнаго взгляда, брошеннаго на одну его часть: слѣпое притязаніе все—пока еще неизслѣдованное—приурочить къ немногому извѣстному и всюду видѣть излюбленную идею, все объяснить, все расположить въ стройномъ порядкѣ, все неисчерпаемое разнообразіе природы подчинить произвольнымъ и ограниченнымъ методамъ, ограничить безжовечное загнѣтъ, чтобы обнять его ¹⁾).

Болѣе мѣткой и пронизательной критикой не представилъ ни одинъ писатель XVIII-го вѣка, но зато ни у одного изъ признанныхъ истребителей систематизирующаго духа не хватило искренности или глубокомыслія признать значеніе системъ, построенныхъ изъ другого — не метафизическаго — матеріала. Философы поступали еще нелогичнѣе: возмущаясь сооруженіями изъ произвольно-опредѣляемыхъ отвлеченныхъ понятій и аналогій, они въ то же время соперничали другъ съ другомъ въ подобномъ же творчествѣ. Тюрго мыслилъ какъ истинный философъ и ученый, и только Даламберъ можетъ стоять здѣсь рядомъ съ нимъ. Энциклопедистъ также указалъ на разницу *духа системы* и *систематическаго духа*: одинъ дѣйствительно методъ противонаучный и не философскій, другой — свидѣтельствуетъ о вѣрномъ направленіи въ ученое изслѣдованіи, стремятся накоплять возможно большее количество фактовъ и располагать ихъ со всевозможной осторожностью въ наиболѣе естественномъ порядкѣ, сводя группы къ принципамъ и продолжая путь обобщенія на самыхъ принципахъ ²⁾).

¹⁾ *Eloge de Gournay. Oeuvres* III, 366.

²⁾ *Discours Préliminaire. Bibl. Nat.* 23—4.

Тотъ же методъ имѣеть въ виду и Тюрго, защищая систематическое направленье мысли. Система — мнѣніе принятое по зрѣломъ размышленіи, основанное на доказательствахъ, и провѣренное въ своихъ слѣдствіяхъ. *Такой* системой обладаетъ каждый мыслящій человѣкъ, и кто не имѣеть никакой системы, т.-е. никакой связи въ своихъ идеяхъ, тотъ или глупецъ или сумасшедшій ¹⁾...

И Тюрго далежь отъ мысли осуждать системы во что бы то ни стало. Каждая изъ нихъ — шагъ къ истинѣ, хотя иногда повѣрннй и колеблющійся. Онѣ вызываютъ новыя изслѣдованія и этимъ приносятъ положительную пользу, — такъ же, какъ и гипотезы. При извѣстномъ положеніи знанія онѣ представляютъ истину, хотя по необходимости несовершенную. Но вновь добытые факты внесутъ дополненія и поправки и ложную систему замѣнятъ болѣе правильной. «Первый шагъ», — говоритъ Тюрго, — «открыть систему, второй — разочароваться въ ней» ²⁾. Слѣдовательно, прогрессъ, по представленію Тюрго, смѣна міросозерцаній, общихъ философскихъ и нравственныхъ принциповъ: идея, — которой предстаетъ самый почетный приемъ въ философіи будущаго вѣка.

Естественно, личныя воззрѣнія Тюрго облеклись въ стройную и всеобъемлющую систему. Такъ его психологію и понялъ Кондорсе, составляя его жизнеописаніе, «его — гения обширнаго и глубокаго». Онъ «во всѣхъ отрасляхъ знанія создалъ себѣ прочныя и точныя принципы, къ нимъ онъ приурочивалъ всѣ свои мнѣнія и ими руководился во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ». Ни одинъ государственный человѣкъ, прибавляетъ Кондорсе, не достоинъ раздѣлить этой славы съ Тюрго ³⁾.

И не только государственный человѣкъ, но и ни одинъ философъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Философія исторіи у Тюрго единственная въ эту эпоху по полнотѣ и положительности идей. Прежде всего Тюрго самый прогрессъ понимаетъ иначе, чѣмъ другіе защитники той же идеи. Для Вольтера и Кондорсе прогрессъ — не что иное какъ программа будущаго, начертанная по идеаламъ XVIII-го вѣка и они вѣрятъ въ него не столько на основаніи уроковъ прошлаго,

¹⁾ *Eloge de Gournay. Ib.* 367—8.

²⁾ *Ebauche du second Discours. O. II.* 292—3.

³⁾ *Vie de Voltaire. Oeuvres. P.* 1804. VI, 214.

сколько подъ вліяніемъ восторга предъ современнымъ «пробужденіемъ разума». Это ясно изъ пріема исторической критики: она цѣликомъ состоитъ изъ сравненія событій и эпохъ прошлаго съ идеаломъ, философскаго просвѣщенія и факты восхваляются или порицаются сообразно съ ихъ соответствіемъ или противорѣчіемъ этому идеалу. Въ результатъ выходитъ не столько картина *прогресса*, сколько перечисленіе *прогрессовъ*, перемежающихся съ *регрессами*, — картина свѣтлыхъ и темныхъ моментовъ. И вполнѣ понятно, почему сочиненіе Кондорсе въ рукописи называется не *Esquisse*, а *Programme*, *Программа исторической картины прогрессивныхъ движеній человѣчества* ¹⁾). Такое заглавіе можно толковать не только въ смыслѣ подготовительнаго наброска обдуманной работы, но и въ соответствіи съ самой сущностью ея. Просвѣтитель не изслѣдовалъ законовъ исторіи, а самъ предписывалъ ей таковыя, принося безопытный приговоръ надъ ея преступленіями и составляя для нея точную почти математическую программу дѣйствій въ будущемъ. И главнѣйшій интересъ разсужденій Кондорсе именно въ этой программѣ: она — истинное идейное завѣщаніе XVIII-го вѣка, во многихъ пунктахъ воспринятое и по крайней мѣрѣ теоретически выполненное послѣднѣйшей эпохой. Какъ идеаль, эта программа примыкаетъ и къ системѣ Тюрго, но философія Кондорсе чуждо дѣйствительно систематическое обоснованіе идеала, т.-е. объективное осмысливаніе культурныхъ судебъ человѣчества. Эта заслуга принадлежитъ исключительно Тюрго. Было справедливо указано превосходство историческаго мышленія знаменитаго министра надъ исторической философій двухъ популярнѣйшихъ французскихъ историковъ XVIII-го вѣка — Монтескье и Вольтера ²⁾). Одинъ также стремился отдать себѣ отчетъ въ каждомъ историческомъ фактѣ, но не представлялъ ясно общаго движенія цивилизаціи, т.-е. прогресса. Другой проповѣдывалъ царство разума, какъ цѣль прогресса, но не понималъ значенія прошлыхъ стадій въ движеніи человѣчества къ этой цѣли. Только Тюрго сумѣлъ оцѣнку прошлаго связать съ идеаломъ будущаго.

¹⁾ Robinet. *Condorcet, sa vie, son oeuvre*, 301.

²⁾ Mastier. *Turgot, sa vie et sa doctrine*. Paris. 1862, 411.

VIII.

Тюрго предназначался родителями къ духовному званію и прошелъ духовную школу, изучалъ въ Сорбоннѣ богословскія науки. Можетъ быть отчасти это обстоятельство заставило будущаго государственнаго дѣятеля глубже вдуматься въ вопросъ, чрезвычайно рѣзко и односторонне разрѣшавшійся въ современной философской литературѣ. Тюрго единственный среди первостепенныхъ писателей эпохи могъ отдать себѣ отчетъ въ исторической роли христіанства, какъ религіи и какъ церкви,—и не по догадкамъ только разграничить развитіе католичества и культурный смыслъ евангельскаго ученія. Еще только Руссо, повидимому, искренно былъ готовъ на это разграниченіе, но оно не внесло ни малѣйшаго свѣта въ своеобразную культурную философію женеваго гражданина. Энциклопедисты въ общемъ были согласны съ мнѣніемъ Дидро, возмущеннаго замѣчаніемъ Гельвеція о разницѣ между религіей Иисуса Христа и религіей священника. На взглядъ Дидро—это—«легкомысленное разграниченіе»: въ дѣйствительности все одно и то же ¹⁾).

Отсюда—гоненіе на христіанство изъ-за католичества. Кондорсе прошелъ общій путь. Въ молодости страстный полемистъ противъ духовенства, онъ задумалъ оригинальный *Противорелигіозный календарь*. Это исторія—по днямъ года—суевѣрій и жестокостей католической церкви ²⁾). Кондорсе остался вѣренъ этому настроенію до конца дней, осудилъ безповоротно не только католичество и христіанство, но и вообще религію, вычеркнулъ изъ программы прогресса средніе вѣка, призналъ великимъ успѣхомъ разума «равнодушіе къ религіямъ, помѣщеннымъ въ число суевѣрій или политическихъ изобрѣтеній», вообще безрелигіозность отождествилъ съ просвѣщеніемъ ³⁾).

Другой взглядъ у Тюрго. Его убѣжденіе: «разумъ говорить, но дѣйствовать заставляетъ религія» ⁴⁾). Опять идея, долженствующая создать, своимъ общимъ смысломъ, одинъ изъ основныхъ принци-

¹⁾ *O. compl.* II, 448.

²⁾ *Almanach antisuperstitieux* остался недоконченнымъ и не изданнымъ. Robinet. *O. c. Annexes.* 329.

³⁾ *Esquisse d'un tableau historique.* *O. c.* 1804. VIII, 257, 329.

⁴⁾ *O. II,* 32.

повь будущаго научно-философскаго міросозерцанія. Тюрго въ рѣчи, произнесенной въ Сорбоннѣ, примѣнилъ ее цѣликомъ къ христіанству. Онъ исторически доказывалъ необходимость появленія новой религіи одинаково для знатныхъ и бѣдныхъ явческаго міра, для философовъ и для народа. Дальнѣйшая исторія христіанства столь же важна въ послѣдовательномъ развитіи человѣчества. Даже схоластика европейская философія обязана благодѣянiami: пока это—защита христіанства. Съ теченіемъ времени Тюрго создастъ цѣльную картину прогресса и опять средніе вѣка, столь преизраемые просвѣтителами, найдутъ почетное мѣсто. Попутно мусульманская культура будетъ оцѣнена весьма высоко,—новый существенный фактъ въ исторіи идеи прогресса. Онъ также столя воспримется наслѣдниками XVIII-го вѣка и именно съ тѣмъ значеніемъ, какое опредѣлитъ ему Тюрго. Арабы распространили математическія науки, химію, механическія искусства, и историкъ перечисляетъ изобрѣтенія и открытія, завѣщанныя потомству «варварскими вѣками». На всевозможныя заблужденія, смуты, революціи, періоды упадка Тюрго смотритъ совершенно спокойно: не заблужденія вредятъ прогрессу, а изнѣженность, духъ рутинны, отсутствіе энергіи, поэтому полезны даже сильныя и опасныя страсти: онѣ — начало дѣятельности и, слѣдовательно, прогресса. Борьба съ преступленіями и зломъ упрочиваетъ познаніе добра и будитъ совѣсть. Вообще, «міръ, разсматриваемый съ высшей точки зрѣнія въ его неразрывномъ цѣломъ и на всемъ пространствѣ его прогрессивнаго развитія, представляетъ зрѣлище достославнѣйшее для мудрости имъ управляющей».

Въ окончательномъ выводѣ Тюрго свою теорію считаетъ «не оскорбительной для Провидѣнія». Это несомнѣнно: теорія полна вѣры и оптимизма,—авторъ ея—человѣкъ XVIII-го вѣка, вѣрующій въ торжество разума и, слѣдовательно, истины и блага. Но Тюрго во имя своего идеала не насилуетъ фактовъ. Онъ признаетъ и зло, и заблужденія, и упадокъ, и даже въ весьма широкихъ размѣрахъ: онъ только думаетъ, что при наличности нравственной энергіи и органической жизненности у людей, тьма непремѣнно уступаетъ мѣсто свѣту, все болѣе яркому. Вѣра въ нравственную силу человѣка—аксіома для Тюрго и онъ находитъ, что при объясненіи культурныхъ явленій слѣшкомъ большое значеніе придаютъ влиянію внѣшнихъ условій, напримѣръ, климата. Онъ желаетъ центръ тяжести

перенести на «нравственные причины» и только необъяснимое ими относить къ «физическимъ причинамъ»¹⁾. Это—единственный *до-матъ* Тюрго, не столько философскій, сколько психологическій, не помѣшавшій самой полной и объективной теоріи прогресса за весь французскій XVIII-й вѣкъ.

Соединеніе психологическаго анализа съ историческимъ изслѣдованіемъ привело Тюрго къ замѣчательному обобщенію. Установивъ непрерывную послѣдовательность прогрессивныхъ моментовъ, признавъ идеи наслѣдіемъ одного поколѣнія въ пользу другого, философъ намѣтилъ знаменитый впослѣдствіи законъ трехъ стадій. Славой этотъ законъ обязанъ Конту, полагавшему въ открытіи его одну изъ своихъ главнѣйшихъ заслугъ. Послѣдователямъ Конта пришлось упорно и долго защищать права своего учителя и врядъ ли вопросъ можетъ считаться поконченнымъ въ его пользу. Самъ Контъ, называя однимъ изъ своихъ предшественниковъ Кондорсе, не упоминаетъ о Тюрго. Этотъ фактъ кажется вполне убѣдительнымъ даже для наименѣ поработченныхъ послѣдователей философа,— въ дѣйствительности онъ не имѣетъ никакого значенія²⁾. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ основатель позитивизма понималъ преемственность своихъ идей и съ какимъ безпристрастіемъ оцѣнивалъ своихъ предшественниковъ. Именно самые внушительные и *естественные* среди нихъ не попали въ списокъ Конта. Тюрго подвергся остракизму наравнѣ съ Сень-Симономъ. Это совпаденіе несравненно знаменательнѣе, чѣмъ почести Кондорсе рядомъ съ Деместромъ.

Фанатическіе контисты употребили все усилія доказать бесполезность для Конта «взгляда» Тюрго. Смысла его нельзя было отвергнуть: Тюрго, оказывается, дѣйствительно понималъ сущность трехъ стадій, но онъ «не почувствовалъ всей важности своего представленія, потому что никогда не возвращался къ нему, не разширилъ его и не пополнилъ», а въ особенности—ни разу не упомянулъ о немъ въ перепискѣ съ Кондорсе, а Кондорсе въ свою очередь, *кажется*, не понялъ идеи Тюрго и не воспользовался ею³⁾.

¹⁾ Ib. 23, 24, 83—4, 225—6, 227—8, 267—8, 343.

²⁾ Littré. *Auguste Comte et la philosophie positive*. P. 1864, 39.

³⁾ Robinet. *Notice sur l'oeuvre et la vie d'Auguste Comte*. P. 1891, 142 Cp. E. Sémérie—*La loi des trois états*, P. 1875. По тому же вопросу Renouvier въ *Critique philosophique*, 1881, I, 361 и отвѣтъ на книгу Литтре *Essai critique sur la philosophie positive*, par Charles Pellarin, Paris. 1864, 112.

Относительно Кондорсе даже нечего и употреблять осторожныя выраженія: мы знаемъ, онъ *не могъ* раздѣлять идеи Тюрго по самому ея существу, такъ какъ его *прогрессъ* не знаетъ принципа послѣдовательности и историческое прошлое Кондорсе не анализировалъ, какъ постепенное и преемственное накопленіе умственнаго и нравственнаго свѣта. Прогрессъ у Тюрго принимаетъ форму эволюціи, совершающейся въ известномъ порядкѣ,—Контъ впоследствии заключить этотъ ясно намѣченный порядокъ въ законъ,—воззрѣніе Кондорсе на исторію чуждо какой бы то ни было планомѣрной идеи, для него исходный пунктъ—XVIII-й вѣкъ, и онъ не философъ прошлаго, а творецъ надеждъ на будущее. Естественно, эволюціонное ученіе Тюрго прошло предъ нимъ или незамѣченнымъ, или даже неудобопріемлемымъ для ума и сердца.

Ученіе это излагается такъ:

«Раньше чѣмъ узнать взаимную связь физическихъ явленій, естественноѣ всего предположить, что они производятся разумными существами, невидимыми, подобными намъ, потому что на кого же еще имъ походить? Все, что совершалось и въ чемъ человѣкъ не принималъ участія—имѣло своего бога; страхъ или надежда скоро создавали въ честь его культъ и культъ этотъ создавался соотвѣтственно уваженію, какое люди питали къ людямъ могущественнымъ, такъ какъ и боги были не что иное какъ люди болѣе могущественные и болѣе или менѣе совершенные, сообразно съ тѣмъ какъ эпоха, ихъ создававшая, понимала истинныя совершенства человѣческой природы.

«Когда философы признали вѣтлость этихъ басенъ, но въ то же время не приобрѣли правильныхъ понятій объ естественной исторіи, они вздумали объяснять причины явленій отвлеченными выраженіями, въ родѣ *сущности* и *способности*. Выраженія эти однако ничего не объясняли и о нихъ рассуждали будто они были *существа*, новыя божества, замѣнившія старыя. Аналогіи развивались, количество *способностей* умножалось, чтобы подыскать основаніе каждому явленію.

«Только очень поздно, наблюдая механическое воздѣйствіе однихъ тѣлъ на другія, люди вывели изъ этой механики другія гипотезы, которыя математика можетъ развить и опытъ провѣрить. Вотъ почему физика перестала вырождаться въ плохую метафизику только

послѣ того, какъ продолжительный прогрессъ искусствъ и химіи умножилъ сочетанія тѣлъ, благодаря болѣе тѣсному общенію людей расширились географическія знанія, факты получили большую достовѣрность и сами искусства стали развиваться подъ наблюденіемъ философовъ. Книгопечатаніе, литературные и ученые журналы, записки академій до такой степени упрочили достовѣрность свѣдѣній, что въ настоящее время только подробности вызываютъ сомнѣнія¹⁾.

Разсужденіе Тюрго соответствуетъ социологическому закону Конта трехъ стадій: теологическая, метафизическая и позитивная. У Тюрго встрѣчается только одинъ изъ этихъ терминовъ—второй, первая стадія не расчленена, какъ у Конта, на различныя формы теологій—фетишизмъ, политеизмъ, монотеизмъ, третья очерчена въ томъ же смыслѣ какъ и у Конта: стадія *научная*. Но сущность не въ терминахъ и не въ подробностяхъ, а въ магистральной идеѣ. Въ этомъ отношеніи Контъ ничего не могъ прибавить къ концепціи Тюрго. Идея Тюрго имѣла всѣ свойства *вдохновляющаго* принципа—тѣ именно свойства, какими обладали для того же Конта и идеи Сень-Симона,—и позднѣйшему философу оставалось только разсмаковать чужую мысль и представить ее въ логической и фактической оправѣ. Это именно и сдѣлалъ авторъ позитивной философіи, своимъ умолчаніемъ только подчеркнувши неотразимое господствующее значеніе «арегси» Тюрго для его «курса». Кондорсе называлъ Тюрго однимъ изъ «первыхъ апостоловъ» ученія о «неограниченномъ совершенствованіи» человѣчества, это ученіе признавалъ послѣднимъ рѣшительнымъ ударомъ «колеблющемуся зданію предрасудковъ» и все-таки не обратилъ вниманія на самыя боевыя идеи Тюрго²⁾. Именно благодаря систематическому освѣщенію прогрессивнаго содержанія всѣхъ эпохъ исторіи, низведенію теологическаго и метафизическаго воззрѣнія на степень *состояній* человѣческаго духа и провозглашенію научнаго изслѣдованія современной и исторически-необходимой стадіей цивилизаціи,—«суевѣрія» теряли почву для своего роста и утрачивали право на существованіе. Кондорсе заявлялъ, что ученіе о прогрессѣ принадлежитъ десятой эпохѣ, т. е. будущему, и философъ обязанъ *пространно*

¹⁾ О. II, 294—5.

²⁾ Condorcet. O. c. 259—260.

развить «доктрину» именно для этого будущаго. Кондорсе выполнилъ обѣщаніе, составлявшее основную задачу его предсмертнаго труда.

«Десятая эпоха» Кондорсе—необходимое дополненіе къ «рѣчамъ» Тюрго, завершеніе намѣченнаго имъ зданія—въ духѣ XVIII-го вѣка. Философъ берется за предсказанія,—какія у него основанія? Отвѣтъ Кондорсе сначала тотъ самый, какимъ впоследствии будутъ пользоваться создатели позитивнаго міросозерцанія. Разъ извѣстны законы явленій,—можно предсказывать ихъ будущее. Но у Кондорсе *нѣтъ* законовъ историческаго развитія: онъ будетъ прозрѣвать будущее на основаніи опытовъ прошлаго. Позитивисты позаботятся непременно установить законы. Кондорсе удовлетворится «опытомъ» и притомъ весьма кратковременнымъ—второй половиной XVIII-го вѣка и въ особенности революціей. Уже девятую эпоху онъ закончилъ рѣшительнымъ предсказаніемъ: современные успѣхи просвѣщенія обезпечиваютъ человѣчество противъ реакціи и варварства. Людямъ остается только философскій свѣтъ разума распространять на весь земной шаръ. Свѣтъ этотъ философъ считаетъ непогрѣшимымъ, т. е. идею французскаго просвѣщенія,—и «десятая эпоха» не что иное какъ послѣдовательное осуществленіе ихъ. Идеаль будущаго—водвореніе равенства между націями и между членами каждой націи отдѣльно и «дѣйствительное совершенствованіе человѣка». Любопытно эту программу сопоставить съ «интересами націй»—какъ ихъ понималъ Тюрго: «они сводятся къ религіозному почтенію предъ свободой личностей и труда, къ ненарушиму охраненію правъ собственности, къ справедливости относительно всѣхъ»¹⁾. Революціонно-теоретическое настроеніе философа и практическій взглядъ политика и психолога ясно сказались въ этихъ надеждахъ на будущее. Правда, Кондорсе спѣшитъ оговориться: онъ не мечтаетъ совершенно уничтожить неравенство, источники его коренятся въ самой природѣ,—онъ желаетъ только «уменьшать его непрерывно» разными экономическими мѣропріятіями и особенно распространеніемъ просвѣщенія. Философа все время не покидаетъ самый вѣрующій оптимизмъ: «если образованіе болѣе равномерно, создается больше равенства въ промышленности и, слѣдовательно, въ

¹⁾ Condorcet. 320; Turgot. 351.

матеріальнихъ состояніяхъ»; «хорошо направленное образованіе исправляетъ естественное неравенство способностей»... Последняя истина находитъ опроверженіе у самого Кондорсе, настаивающаго на учрежденіи всемірной республики ученыхъ, такъ какъ между искателями истины и народомъ всегда будетъ существовать «громадное разстояніе» и надежда проникнуть въ тайны природы навсегда останется «несбыточной мечтой», пока выдающіеся умы не выдѣлятся изъ среды заурядныхъ людей въ особое общество. Очевидно, какъ разъ высшая культура обусловливаетъ неравенство и ея интересы связаны именно съ неравенствомъ способностей и аристократизмомъ умственной дѣятельности. Кондорсе, какъ вообще философы XVIII-го вѣка, не представлялъ съ полной ясностью всю громадную, нравственную и политическую трудность вопроса о совмѣщеніи равенства со справедливостью, правъ личности и массы. Философъ высоко ставилъ индивидуальную свободу и въ то же время сѣтовалъ на пристрастіе исторіи политической и научной къ избраннымъ личностямъ и равнодушіе къ рабочей массѣ, «на самомъ дѣлѣ составляющей родъ человѣческой». Но эта благородная защита массы встрѣчается съ разсужденіемъ мальтузіанскаго характера. Философъ не можетъ себѣ и представить, какихъ предѣловъ достигнетъ искусство превращать «элементы въ продукты потребленія», но въ то же время онъ разсчитываетъ и на другой прогрессъ въ области разума и нравственныхъ воззрѣній. Люди должны понять слѣдующую истину: если на нихъ лежатъ обязательства предъ будущимъ еще не народившимся поколѣніемъ, обязательства эти состоятъ въ томъ, чтобы дать этому поколѣнію не жизнь, а счастье. Цѣль людей—общее благосостояніе человѣческаго рода или общества, среди котораго они живутъ, семья, къ которой они принадлежатъ, а не «дѣтская задача, обременять землю существами бесполезными и несчастными»¹⁾.

Кондорсе не касается вопроса, какъ—раньше столь идеальнаго развитія самосознанія и соціальной мудрости въ массахъ, примирить его крайній демократическій принципъ съ разумными «обязательствами»? Очевидно, планы философа на будущее не успѣли подчиниться одному строгоопредѣленному принципу, предъ нами безпрестанно разго-

¹⁾ Condorcet. 339—340, 519—521, 314, 350—1.

рающаяся борьба между чувствительнымъ сердцемъ идеолога XVIII-го вѣка и невольнымъ внимательствомъ въ идеальныя построения реального ума, воспитаннаго на точныхъ наукахъ. Сущность явленія сводится къ самому простому факту: Кондорсе вздумалъ опредѣлить социальную систему будущаго независимо отъ результатовъ, какіе должны получиться на основаніи имъ же предложеннаго метода изученія вопроса. Философъ поспѣшилъ оставить завѣщаніе современникамъ и потомству и предвосхитилъ *выводы*, только намѣтивши *путь* къ нимъ.

Кондорсе ясно представлялъ слѣдующія истины. Одна — многочисленность чрезвычайно сложныхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію раньше созиданія новой системы. До сихъ поръ анализъ умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка крайне несовершенъ; социальныя отношенія мало изслѣдованы съ цѣлью точно опредѣлить объемъ личныхъ правъ человѣка и правъ, какими онъ можетъ обладать какъ членъ общества по отношенію къ другимъ. Самые способы рѣшать эти вопросы не удовлетворительны: Кондорсе желалъ въ области политики примѣнить теорію вѣроятностей, т. е. сообщить характеръ математической достовѣрности нравственнымъ и социальнымъ задачамъ. Путь въ этомъ направленіи предстоить громадный, начиная съ усовершенствованія самихъ терминовъ и кончая логическимъ вліяніемъ общихъ фактовъ морали на практическую нравственность и политику. Кондорсе поторопился изобразить цѣли къ какимъ долженъ привести этотъ путь. Онъ не могъ, разумѣется, ни представить ихъ въ формѣ цѣльной, всеобъемлющей системы, ни еще менѣе доказать ихъ: предъ нами рядъ отрывочныхъ идеальныхъ пожеланій и надеждъ. Научно-философское значеніе разсужденій Кондорсе не въ этихъ мечтахъ, а въ другой истинѣ, имъ освѣщенной, въ анализѣ пути, какой, по его мнѣнію, будущимъ поколѣніямъ предстоить совершить къ идеальному социальному строю. Здѣсь именно Кондорсе — продолжатель идей Тюрго и одинъ изъ предшественниковъ позднѣйшихъ философскихъ и философско-религиозныхъ системъ.

Кондорсе по излюбленному предмету занятій и по таланту — математикъ, и приемы математическаго ума лежатъ въ основѣ его воззрѣній. Въ этомъ единственная существенная разница между *научными* идеями Кондорсе и Тюрго и здѣсь же лежитъ разгадка

значенія его построеній для будущихъ попытокъ французской мысли систематизировать мораль и политику въ широкомъ смыслѣ. Въ разсужденіяхъ *Объ общественномъ просвѣщеніи* Кондорсе усердно защищалъ необходимость «изученія политической арифметики». Политическіе факты должны быть сводимы въ таблицы, къ нимъ долженъ быть примѣняемъ приемъ комбинацій, законъ вѣроятностей. Кондорсе различаетъ логическое и математическое объясненіе фактовъ—*une explication raisonnée, une explication calculée*: одно можетъ привести къ ошибкамъ, другое дастъ положительные результаты. Въ области политики, кромѣ того, по мнѣнію Кондорсе, помощь «разума» ограничена, въ будущемъ она будетъ окончательно исчерпана и единственнымъ средствомъ останется математическій методъ, т.-е. собираніе фактовъ, классификація ихъ, объединеніе общими идеями и приложеніе выводовъ на основаніи прошлаго къ событіямъ будущаго, по теоріи вѣроятностей ¹⁾. Легко видѣть,—самъ Кондорсе въ своихъ «результатахъ» примѣнялъ *une explication raisonnée*—относительно данныхъ современности и, можетъ быть, только смерть помѣшала философу воспользоваться другимъ методомъ въ философіи исторіи. Во всякомъ случаѣ, онъ достаточно установилъ его въ любопытнѣйшемъ отрывкѣ *Объ Атлантидѣ*. Эту Атлантиду слѣдуетъ считать первообразомъ перваго научно-философскаго и философско-религіознаго міросозерцанія, возникшаго на почвѣ XVIII-го вѣка и революціонныхъ событій.

Атлантида—это общество людей, посвятившихъ всю жизнь свою поискамъ за истиной. Они возвышаются надъ общимъ уровнемъ человѣчества—просвѣщеніемъ, гениемъ, силой разума, добровольнымъ единодушіемъ во взглядахъ и принципахъ, постоянствомъ въ безпристрастномъ и самоотверженномъ преслѣдованіи идейныхъ цѣлей. Духъ партій, тщеславіе, мелкое самолюбіе должны отсутствовать въ работахъ и взаимныхъ отношеніяхъ членовъ этого общества. Единственная цѣль ихъ «прогрессъ наукъ». Исчезнетъ и тщеславное соревнованіе между отдѣльными науками,—не будетъ ни почитаемыхъ, ни презираемыхъ отраслей знанія. Всѣ онѣ составляютъ одну тѣсно сплоченную цѣпь, математика неразрывно связана съ физикою, социальныя науки и съ той и съ другой, естественная исторія съ

¹⁾ *Mémoires sur l'instruction publique. O. c. IX, 160—1, 576—7, 566—7.*

метафизикой. Ни одной изъ наукъ нельзя удалить изъ общей связи, не причинивъ вреда другимъ наукамъ. Слѣдовательно, и работа ученыхъ должна отличатся единствомъ, взаимной освѣдомленностью въ открытіяхъ и методахъ другъ друга. Это не значить, будто каждый ученый съ одинаковыми подробностями долженъ знать всѣ науки, ему достаточно внимательно слѣдить за «важными выводами, полезными примѣненіями».

Единство работы «всемирной республики наукъ» должно быть обезпечено прежде всего «общимъ планомъ наблюдений», *хорошо обдуманной системой* изслѣдованія. Слѣдуетъ точно установить, какія наблюденія произвести, какіе опыты и кому поручить,—и Кондорсе предлагаетъ примѣрную программу ближайшихъ изслѣдованій; начиная съ естественной исторіи человѣка. Всюду на первомъ планѣ должны стоять таблицы фактовъ. Напримѣръ, въ медицинѣ и въ гигиенѣ—статистика—основа всѣхъ выводовъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣка, объ его социальномъ благосостояніи. Результаты этого метода неограниченны въ матеріальной и нравственной области.

Путемъ изслѣдованій мы можемъ оцѣнить сравнительное вліяніе различныхъ дѣятелей на человѣческую природу,—наслѣдственности, воспитанія, образованія, законодательства, профессій, привычекъ и даже развлеченій. Если мы точно установимъ разницу и предѣлы всѣхъ этихъ вліаній, развѣ намъ не откроется возможность нравственно и даже физически совершенствовать человѣческую расу? Научный анализъ и всестороннія наблюденія должны просвѣтить насъ насчетъ труднѣйшаго вопроса—о связи физической организаціи съ духовными способностями и рѣшить задачу: нельзя ли, совершенствуя органы совершенствовать и эти способности? Естественно, столь основательное знакомство съ физической и нравственной природой человѣка должно отразиться на его долговѣчности: Кондорсе готовъ вѣрить въ способность будущей науки, вредить столь краткую въ настоящее время жизнь людей.

Но и самъ философъ эту надежду склоненъ считать «несбыточной мечтой», для него гораздо важнѣе логическіе результаты его метода. Они—совершенно ясны. Если науки будутъ разрабатываться по общему плану и духовно-объединеннымъ обществомъ ученыхъ, онѣ должны привести научно-развитую мысль къ великой цѣли—

philosophie générale. Эта идея заслуживаетъ всего нашего вниманія: ея настойчивыя отголоски надолго водворятся во французской мысли XIX-го вѣка. Что же Кондорсе понималъ подъ *общей философией*? То же самое, что впоследствии Сень-Симонъ и его школа будутъ развивать подъ именемъ *общей науки*—*la science générale*. «Эта общая философія,—говоритъ Кондорсе,—обнимающая въ своихъ воззрѣніяхъ, въ своихъ стремленіяхъ, въ своихъ комбинаціяхъ принципы, слѣдствія и содержимое всѣхъ человѣческихъ знаній,—она не что иное какъ расширенный разумъ, вооруженный изслѣдованіемъ, и она неизбежно станетъ общимъ достояніемъ просвѣщенныхъ людей во всѣхъ странахъ, гдѣ человѣческій умъ завоюетъ свои права и свободу».

Подобная *философія* тождественна *наукѣ*, потому что она добыта строгимъ научнымъ методомъ. Ей въ то же время можно присвоить позднѣйшее наименованіе, установленное Сень-Симономъ и окончательно использованное Контомъ—*позитивная философія*. Наконецъ, ее можно приравнять къ религіозному ученію, въ которомъ догматы не преподаются, а доказываются, т. е. къ религіи въ смыслѣ тѣхъ же сень-симонистовъ. Кондорсе вполне опредѣленно указываетъ именно на этотъ характеръ результатовъ, полученныхъ послѣ научныхъ изслѣдованій по его плану и методу. Онъ надѣется на исчезновеніе въ будущемъ духа партій, секты и школы послѣ того, какъ будутъ открыты и приняты «истинные методы». Между учеными водворится «общее мнѣніе», признанные принципы—*une opinion commune, des principes avoués*, и ученые не будутъ имѣть возможности отступать отъ нихъ, *не измѣняя своему внутреннему чувству*, не подвергаясь опасности быть обвиненными въ невѣжествѣ или въ недобросовѣстности. При такихъ условіяхъ философу возможно предполагать, что со временемъ и своекорыстные интересы и страсти будутъ оказывать столь же мало вліянія на волю, какъ въ настоящее время—на чисто научныя мнѣнія. Подобнаго ждетъ отъ будущаго и Тюрго. Онъ надѣется, что хаотическое состояніе понятій экономическихъ и политическихъ прекратится и «правительственная наука станетъ легка и доступна для людей, одаренныхъ простымъ здравымъ смысломъ». Кондорсе желаетъ систематизировать этотъ смыслъ въ формѣ научныхъ идей, понимая его съ точки зрѣнія науки, какъ удостовѣренный философскій разумъ и сдѣлать

его общимъ состояніемъ—въ формѣ таблицъ безусловно доказанныхъ истинъ. Таблицы эти, разумѣется, должны быть составлены «нѣсколькими людьми, основательно знакомыми со всѣми отраслями знанія» и съ достаточно развитымъ философскимъ воззрѣніемъ, чтобы отличать истины отъ мѣтній, факты отъ гадательныхъ объясненій. Это будутъ періодическіе катихизисы научно-философскаго міросозерцанія и воображеніе философа отказывается намѣтить предѣлъ, когда должна возникнуть окончательно формулированная *общая философія*. Каждое десятилѣтіе таблицы должны исправляться и доводиться до всеобщаго свѣдѣнія.

Мы оцѣнимъ вполнѣ всю культурную важность этой программы, этого «чистаго культа истины»,—какъ называетъ самъ Кондорсе свою систему. Для насъ также выяснится существенная разница въ великомъ вопросѣ объ *авторитетѣ*, разрѣшаемомъ различными способами мыслителемъ XVIII-го вѣка и его пореволюціонными преемниками. Кондорсе остается до конца вѣренъ идеалистическому настроенію: онъ изгоняетъ всякій авторитетъ изъ нѣдръ своей республики, оставляетъ мѣсто лишь изслѣдованію и разуму. *Правительство*, т. е. власть, стоитъ внѣ общества ученыхъ и даже слѣдовало бы, чтобы оно не помогало научной работѣ матеріальными средствами,—они должны быть добыты подпиской на ученые труды ассоціаціи. Общественной власти предоставляется судить, что въ проектахъ общества заслуживаетъ поощренія и щедрости. Философъ питаетъ надежду, что со временемъ этотъ вопросъ будетъ разрѣшаться по внушеніямъ одного лишь разума¹⁾.

Легко видѣть,—такая постановка дѣла грозитъ на неопредѣленное время осудить культъ истины на практическую безплодность. Даже если бы ассоціація ученыхъ успѣла добыть научные принципы нравственности и политическихъ и социальныхъ отношеній, общественная власть могла бы слѣдовать своимъ «интересамъ и страстямъ». Истина, вполнѣ убѣдительная для разума, можетъ быть лишена всякаго значенія для эгоизма, вооруженнаго силой. Истребить же окончательно въ человѣческой природѣ эгоистическія побужденія Кондорсе врядъ ли могъ съ увѣренностью рассчитывать. Даже у

¹⁾ О. с. VIII—*Fragment sur l'Atlantide* 521—9, 531—9, 542—3, 548, 550—4, 557, 562, 588—9, 594—8. Turgot, 351.

высшихъ геніевъ онъ признаетъ «много самолюбія» и достойнѣйшихъ оберегаетъ отъ интригъ вмѣшательствомъ третъестепенныхъ талантовъ, неспособныхъ будто бы притязать на первыя мѣста и всегда готовыхъ по справедливости рѣшить споръ между первыми и вторыми величинами. Разсчитываетъ Кондорсе и на другое средство. Идея распространить господство всѣхъ наукъ до такой степени велика и возвышена, что должна одушевить энтузіазмомъ истинно-философскія головы и явиться противовѣсомъ эгоистическимъ наклонностямъ. Значеніе энтузіазма въ торжествѣ научнаго міросозерцанія будетъ оцѣнено и преемниками Кондорсе, но они поймутъ также, что далеко не вездѣ можно разсчитывать одинаково на способность людей усваивать очевидныя истины и приходить отъ нихъ въ энтузіазмъ. Вопросъ объ авторитетѣ остается открытымъ. Мыслитель, одержимый «революціоннымъ духомъ» *) и восторженными надеждами, не представлялъ всего психологическаго и политическаго значенія этой задачи, а между тѣмъ именно она требовала отъ позднѣйшихъ создателей научно-философскаго міросозерцанія сильнѣйшаго напряженія изобрѣтательности, логики и социальной проникательности и она же преимущественно сообщила оригинальный независимый характеръ по-революціонному движению мысли сравнительно съ идеями XVIII-го вѣка. Мы хотимъ сказать, — вопросъ о комбинаціи общественной власти и выработаннаго наукой и философій воззрѣнія, далъ новое содержаніе умственной и политической дѣятельности наслѣдниковъ просвѣтительной и революціонной эпохи. Этимъ фактомъ опредѣляется взаимное отношеніе того и другого течения и освѣщается *положительное* значеніе философій XVIII-го вѣка въ великомъ культурномъ стремленіи просвѣщеннаго человѣчества — открыть новый символъ вѣры на мѣсто традиціоннаго. Мы могли убѣдиться, это значеніе далеко не исчерпывается одной критикой, разсудочнымъ, политическимъ или болѣе или менѣе научнымъ разрушеніемъ стараго міросозерцанія. Попытки созиданія были не менѣе настойчивы, разнообразны и весьма часто страстны, чѣмъ чисто-критическая борьба, и безъ этихъ попытокъ позитивная созидательная дѣятельность философской мысли явилась бы своего

*) Выраженіе Конта о настроеніи Кондорсе—автора *Esquisse. Cours de la philosophie positive*. Deuxième edition. P. 1864. IV, 191.

рода чудеснымъ откровеніемъ, исключительно личнымъ вдохновеніемъ отдѣльныхъ пророковъ неожиданнаго ученія.

На самомъ дѣлѣ—произошло и должно было произойти нѣчто другое, понижающее блескъ оригинальности единичныхъ мыслителей, но зато упрочивающее историческій закономерный смыслъ всего явленія.

IX.

Представленіе о XVIII вѣкѣ, какъ эпохѣ исключительно критической, осталось до такой степени неотразимымъ для исторической и философской литературы слѣдующаго столѣтія—одинаково и враждебной и дружественной, что оно возникаетъ неминуемо даже послѣ самыхъ, повидимому, краснорѣчивыхъ оговорокъ. Эти оговорки должны встрѣчаться преимущественно у писателей, заинтересованныхъ какимъ-либо положительнымъ вѣрованіемъ, религіознымъ или философскимъ. Самый естественный приемъ—доказать необходимость и разумность такого вѣрованія, прослѣдить историческую судьбу созидательныхъ наклонностей человѣческаго ума и показать непрерывность ихъ развитія. Такъ поступаетъ самый страстный защитникъ вѣры въ началѣ пореволюціонной эпохи—Ламеннэ. Онъ неутомимо ссылается прежде всего на Руссо, нѣсколько разъ пользуется его изреченіемъ изъ *Общественнаго договора*: «Ни одно государство не было основано безъ того, чтобы религія не служила ему основой». Ламеннэ находитъ, что сердце влекло Руссо къ христіанству и только одна гордость удерживала его ¹⁾, но Руссо не исключеніе. Ламеннэ готовъ распространить присутствіе вѣры на всѣхъ вождей философской партіи. Онъ въ ихъ перепискѣ находитъ идеи, явно противорѣчащія ихъ открытому невѣрію. Ему *кажется*, будто Вольтеръ никогда не отвергалъ верховнаго существа и это даже единственная истина, оставшаяся непоколебимой при его «подвижномъ воображеніи». Ламеннэ ссылается на выходку Вольтера противъ атеистовъ-правителей, этихъ «псадій ада». Даже у Дидро Ламеннэ находитъ мысли, враждебныя атеистическому обществу. И все-таки фи-

¹⁾ Lamennais. *Essais sur l'indifférence en matière de religion*. O. c. P. 1836—7. I. 21, 312, 342. *Mélanges religieux et philosophiques*. VI, 120.

лософія XVIII-го вѣка, на его взглядъ, *разрушительная философія* и онъ взываетъ: *écrasez cette philosophie destructive!* ¹⁾.

Другой не менѣ рѣшительный защитникъ религіи—только философской—сень-симонистъ Пьеръ Леру, повидимому, ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ. «Жалко становится слушать,—говоритъ онъ,—будто философія XVIII-го вѣка желала ниспровергнуть всякую религію. Философы XVIII-го вѣка, съ цѣлью разрушить христіанство, безраздѣльно завладѣвшее, въ глазахъ всѣхъ, именемъ и идеей религіи, принуждены были воздвигнуть другое знамя и напасть на христіанство подъ именемъ религіи. Большая часть противорелигіозныхъ произведеній, написанныхъ ими въ этомъ смыслѣ, относятся къ религіи прошлаго. Но гдѣ же былъ бы источникъ ихъ генія, ихъ энтузіазма и ихъ власти надъ народами, если бы они не нашли въ сердцахъ зародыша новой религіи человѣчества?»

Леру ссылается на Руссо и приводит длинную выдержку изъ доклада Кондорсе объ общественномъ просвѣщеніи, какъ первоисточникъ одного изъ основныхъ положеній сень-симонистской школы: «всѣ социальныя учрежденія должны имѣть цѣлью нравственное, умственное и физическое улучшение класса наиболѣе многочисленнаго и наиболѣе бѣднаго». И все-таки въ результатѣ онъ находитъ, что восемнадцатый вѣкъ не зналъ «философіи исторіи», а она именно въ союзѣ съ естественными науками и должна привести къ «великимъ задачамъ» ²⁾.

Мы знаемъ, насколько точно это заключеніе. Ни одинъ писатель просвѣтительной эпохи не имѣлъ отдѣльно философіи исторіи,—это справедливо, но столь же несомнѣнно, что идеи Тюрго и Кондорсе положили главныя основы будущей науки. Тюрго намѣтилъ тотъ самый законъ, къ какому позитивная философія XIX вѣка поставается свести развитіе человѣчества, а Кондорсе указалъ, въ чемъ долженъ заключаться наиболѣе прогрессивный моментъ этого развитія, и сдѣлалъ это съ такими подробностями, что позднѣйшимъ философамъ исторіи пришлось исчерпывать весь его планъ. «Великая проблема», слѣдовательно, была поставлена и, что особенно важно,

¹⁾ *Réflexions sur l'état de l'église en France pendant le XVIII s.* VI, 35—6; I. 337, 22; VI, 37.

²⁾ *Aux politiques. De la politique sociale et religieuse qui convient à notre époque.* *La Revue Indépendante.* 1841. I. 127, 97, 129, 327—8.

объясненъ методъ ея разрѣшенія и идеаль окончательнаго результата. Мы встрѣтимся съ сентъ-симонистской философiей исторiи, т. е. съ той самой, которая вдохновила самого Леру на религиозную проповѣдь, и убѣдимся, что выводы Тюрго совсѣмъ не подвергались критикѣ, а Кондорсе былъ опровергаемъ съ успѣхомъ тамъ, гдѣ нельзя видѣть его силу философа исторiи, гдѣ онъ только публицистъ-просвѣтитель.

Наконецъ, существуетъ взглядъ, повидимому, самый естественный, внушаемый однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ писателей XVIII вѣка. Руссо считалъ себя по преимуществу защитникомъ Бога, Провидѣнія и, слѣдовательно, религиі, и на этой почвѣ велъ борьбу противъ «пошлой философiи». Нѣкоторые новѣйшіе историки признали это исключительное положеніе женевского философа и увидѣли въ немъ *созидателя* не въ примѣръ его современникамъ. Луи Бланъ выразилъ этотъ взглядъ съ особенной горячностью. По его мнѣнію, вся философская работа прошлаго столѣтія рѣзко распределяется между двумя направленіями—*разума* и *чувства*. Одна—дѣло энциклопедистовъ, другая—Руссо. Одна—раціонализмъ, союзъ для разрушенія, ведущій къ «умственной анархіи», противоположную задачу взялъ на себя Руссо: «превозносили разумъ, который раздѣляетъ,—онъ указывалъ на чувство, которое сближаетъ и объединяетъ». И Луи Бланъ пишетъ восторженно чувствительный портретъ Жакъ-Жака—«безсмертнаго и несчастнаго». Эти опредѣленія—безспорны, но объединительныя свойства чувствительности Руссо подлежатъ сильному сомнѣнію. Луи Бланъ считаетъ аксіомой, будто «разумъ разъединяетъ, а вѣра сплачиваетъ». Если это такъ, у Руссо не было именно сплачивающей вѣры, по многимъ причинамъ. Прежде всего, вѣра Руссо не столько органическое, неизмѣнно живое чувство, сколько поэтическое настроеніе, потому, самъ же онъ призналъ необходимымъ сообщить своей вѣрѣ *извѣстную* сплачивающую силу, въ формѣ законодательныхъ постановленій и, наконецъ, всякое единство требуетъ извѣстной идейной опоры, извѣстнаго мировоззрѣнія, своему же *чувству* Руссо отказывался придать общій философскій смыслъ, пока оно не выходило за предѣлы «внутренняго голоса»: оно—чисто-субъективное явленіе и поэтому не можетъ быть *преподано*, а только *изложено*. Когда же «вѣра» Руссо становится дѣйствительно *связью*, она по существу является полити-

ческим и на практикѣ принудительнымъ учениемъ. Въ созданіи міросозерцанія на основаніи чувства авторъ *Эмиля* имѣлъ не больше удачи, чѣмъ авторъ *Философскаго словаря* на основахъ разума, и мы указывали тождественность логическихъ положеній религій у Руссо и у Вольтера. Нѣтъ, слѣдовательно, данныхъ противопоставлять Руссо-созидателя энциклопедистамъ - разрушителямъ. И самъ Луи Бланъ неоднократно оговаривается въ пользу положительнаго и творческаго элемента въ энциклопедической философіи. Въ намѣреніяхъ энциклопедистовъ, говоритъ онъ, не было завѣщать будущимъ поколѣніямъ только разрушеніе и мракъ. «Они непоколебимо и неустанно поражали древнія вѣрованія, потому что рассчитывали оставить книгу съ матеріалами для преобразования знаній и воображали, что послѣ потопа человѣческихъ возрѣній ихъ ковчегъ всплыветъ, наполненный всѣмъ необходимымъ для возсозданія умственнаго міра». Это объясненіе гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ выдѣленіе организующаго чувства Руссо изъ хаоса, создаемаго разумомъ. Наконецъ, революціонную борьбу Луи Бланъ сводитъ къ философской борьбѣ *доктринъ*, къ реализаціи наслѣдства Дидро и Вольтера и Жанъ-Жака ¹⁾. Это справедливо—въ отношеніи доктрины ставитъ рядомъ представителей раціонализма и чувствительности. Всѣ однаково были заинтересованы въ воссозданіи міра идей и всѣ однаково тщетно старались ограничиться чисто-идейной созидательной работой и въ одной логикѣ, въ данныхъ науки или во внушеніяхъ сердца и сознанія отыскать цѣльный объединительный символъ. Луи Бланъ, закрывая глаза на внутреннюю разногласію религіознаго проповѣдничества Руссо—автора *исповѣди Савойскаго отцаря* и уложенія *О гражданской религіи*—обходитъ молчаніемъ глубокой культурный смыслъ идей Тюрго и Кондорсе, таящихъ въ себѣ болѣе очевидные мотивы идейнаго объединенія и принципиальной вѣры, чѣмъ вдохновенныя, но разрозненныя изліянія и настроенія Руссо.

Наиболѣе поучительное сужденіе вообще о борьбѣ міросозерцаній высказалъ Жюффруа въ знаменитой статьѣ: *Какимъ образомъ разрушаются догматы?* Здѣсь очень картинно въ общихъ чертахъ представлена борьба, пережитая восемнадцатымъ вѣкомъ и вѣчно

¹⁾ Louis Blanc. *Histoire de la revolution française*. P. 69. I, 362—9, 371—5, 377, 382—8, 398; VI, 312; IX, 464.

переживаемая человечествомъ въ прогрессивныя эпохи умственнаго бытія. Но картинность вышла слишкомъ архитектурной, логически разчлененной, въ дѣйствительности событія совершаются не съ такой послѣдовательностью, не идутъ другъ за другомъ будто послышки силлогизма, а заключаютъ въ себѣ самыя разнообразныя теченія, и критическія и творческія.

Жуффруа полагаетъ, что во время разрушенія изжитого догмата, само отрицаніе замѣняетъ вѣру: вѣрить, что прежняя доктрина—ложна, уже значить вѣровать во что-то, и отрицаніе сначала одушевляетъ людей усердіемъ и жаромъ. Но когда положеніе вполне доказано и врагъ сраженъ, остается только смѣяться надъ его нелѣпностью, усердіе падаетъ за отсутствіемъ оппозиціи, кругомъ оказывается пустыня, люди укротили старую вѣру и не приобрѣли новой, они пользуются совершенной свободой духа, она имъ льститъ и нѣкоторое время ихъ тѣшитъ, но наконецъ настаетъ усталость, такъ какъ слабость человѣческой природы не выноситъ сомнѣнія. По мнѣнію Жуффруа, скептицизмъ разрушаетъ старину и переживаетъ свою жертву. Онъ уступаетъ мѣсто догматизму на основаніи непереложнаго психологическаго закона. «Мы нуждаемся въ вѣрѣ, такъ какъ знаемъ, что существуетъ истина. Сомнѣніе есть состояніе духа, которое можетъ увлекать насъ только какъ свобода отъ ложной доктрины. Когда это удовлетвореніе исчерпано, мы стремимся къ новому вѣрованію, лишь только ложь разрушена, мы желаемъ истины». Тогда, думаетъ Жуффруа, выполняется *вся* задача—создать новое міросозерцаніе на мѣсто стараго,—и это выпадаетъ на долю уже другого поколѣнія, дѣтей скептиковъ,—«отцовъ, видѣвшихъ только первую половину задачи»¹⁾.

Это разсужденіе слишкомъ стройно, чтобы вполне соответствовать исторической дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, чистый скептицизмъ, неограниченно-царствующая критика не являются культурнымъ теченіемъ именно накануне смѣны одного вѣрованія другимъ,—развѣ только у отдѣльныхъ личностей. Большинство въ интересахъ убѣдительности критики принуждено критиковать во имя какого-либо положительнаго принципа. Объявить какое-нибудь ученіе

¹⁾ *Comment les dogmes finissent. Globe* 24 mai 1824. Перепеч. въ *Mélanges philosophiques*. P. 1833, 12—3, 22.

нелѣпымъ значить сопоставить его съ другимъ, по мнѣнію критика, истиннымъ, потому что нелѣпость—контрастъ чего-либо очевидно разумнаго. Это—элементарная психологія всякаго *серьезнаго отрицанія*, о каковомъ именно и говоритъ Жюффруа. Понятіе зла не-премѣнно предполагаетъ понятіе добра и наоборотъ, слѣдовательно «вѣра въ зло заблужденія» не что иное какъ тавтологическій перефразъ выраженія «вѣра въ благо истины». И мы снова повторяемъ, идеально-критическихъ эпохъ не существуетъ, критическое теченіе не-премѣнно несетъ съ собою матеріалы для предстоящей постройки. Такъ это и было, между прочимъ, въ XVIII вѣкѣ и мы знаемъ и убѣдимся впоследствии, какое положительное наслѣдство скептики завѣщали организаторамъ.

«Необходимость истины» чувствуютъ не только наслѣдники «скептиковъ», но и сами скептики, только практическая возможность—открыть ее не одинакова у обоихъ поколѣній. У скептиковъ истина по необходимости пребываетъ въ области теоретическаго идеала, и остается въ такомъ положеніи, пока между «ложью» и «истиной» не возгорится общественная борьба и этой борьбой не будутъ провѣрены и дополнены новые идеалы. Тогда новымъ поколѣніямъ остается создавать новое вѣрованіе не только на основаніи разума и совѣсти, но и по указаніямъ историческаго опыта.

Эту существенную стадію—практическаго приложенія и развитія идеала, возникающаго еще въ эпоху скептицизма—пропустилъ Жюффруа, а именно она и установила основное психологическое и культурное различіе между отрицателями XVIII-го вѣка и вѣрующими дѣятелями пореволюціоннаго періода. Революція подвергла практическому испытанію старое и новое ученіе, попыталась приложить къ жизни готовые элементы философскаго міросозерцанія и, естественно, снабдила современныхъ и позднѣйшихъ работниковъ на томъ же поприщѣ краснорѣчивыми указаніями на жизнеспособность того или другаго воззрѣнія.

Взаимное отношеніе идейнаго содержанія революціи къ движенію XVIII-го вѣка прекрасно опредѣлили одинъ изъ ея восторженныхъ и искреннихъ историковъ—Мишле. «Революція не увеличивала наслѣдія жизненныхъ идей, которое завѣщала ей современная философія. Она осуществляла въ учрежденіяхъ часть этихъ идей,

но прибавляла къ нимъ мало. Обильная законами, она бѣдна догматами, она не удовлетворяла вѣчнаго голода человеческой души, всегда жаждущей и алчущей Бога. 1).

Послѣднія слова не точны: революція весьма усердно стремилась къ догматамъ и даже къ удовлетворенію «вѣчнаго голода». Если ей не удалось достигнуть цѣли, причина лежитъ не въ недостаткѣ догматизма революцій. Леру ближе къ истинѣ; онъ находитъ, «революція во всемъ своемъ развитіи кипитъ религіозной идеей» 2). Точнѣе—вопросъ о социальнo-религіозной доктринѣ присутствуетъ въ важнѣйшихъ событіяхъ революціи. Стоитъ припомнить простую хронологію фактовъ, чтобы убѣдиться въ громадномъ, часто исключительномъ значеніи вопроса о міросозерданіи—отъ начала переворота до возникновенія на его почвѣ новыхъ идеаловъ.

Въ началѣ революціи не обнаруживала ни радикализма, ни страстности предъ той самой задачей, какую даже политически-одаренный Вольтеръ выражалъ рѣзко и безпощадно *écrasez l'infâme!* Революція, преобразовывая государство и общественныя отношенія, не желала касаться священныя догматовъ и рѣшила удовлетвориться только переиѣнами въ церкви, какъ учрежденіи. Рѣшеніе—последовательное, разъ оказалось возможной замѣна старой монархіи новой—конституціонной, и съ точки зрѣнія именно конституція должны были измѣниться отношенія духовенства, какъ сословія, къ государству. Отсюда идея гражданскаго устройства духовенства. Въ основѣ ея лежать двѣ задачи—огражденіе новаго государственнаго строя отъ сословныхъ посягательствъ и практическое обезпеченіе вѣротерпимости. Обѣ задачи разрѣшались единственными средствами—подчиненіемъ духовенства общему гражданскому порядку и уничтоженіемъ монопольнаго политическаго положенія католичества.

Духовенство, разумѣется, не могло согласиться на такую участь и такъ какъ вопросы католической церкви, какъ организациі, искони и неразрывно переплетались съ вопросами о доктринѣ, борьба изъза общественнаго положенія духовенства неминуемо вызвала догматическую, принципиальную полемику. И первое же революціонное собраніе—учредительное—превращается въ соборъ всякій разъ,

1) Michelet. *Hist. de la rev. fr.* Ed. définitive. VI, 459.

2) *Ann Politiques. R. Indép.* 1841, I, 99.

когда на очереди вопрос о духовенствѣ и церкви, а ораторы волею неволею становятся историками церкви и даже ея «отцами» и «первосвященниками», по ядовитому, но вѣрному замѣчанію защитниковъ старины. Рѣчь о вѣротерпимости непосредственно переходитъ въ вопросъ о совѣсти, о «величіи религіи»: именно такъ ставитъ его Мирабо. Вопросъ объ имуществахъ духовенства становится каноническимъ вопросомъ, такъ какъ влечетъ за собой вѣковую задачу объ отношеніяхъ религіи къ свѣтской власти, о правахъ государства надъ церковью, о различіяхъ между первобытной христіанской общиной и позднѣйшей іерархіей. Уже Мирабо говоритъ объ одинаковой необходимости Бога и свободы, разбираетъ сущность христіанства, противорѣчащую идеѣ національной религіи, разбираетъ психологію религіознаго чувства и религіозной совѣсти, говоритъ о «безконечномъ существѣ», о «міровомъ духѣ», о «божественной мысли», оцѣниваетъ смыслъ евангельскихъ завѣтовъ, какъ исключительно духовный, отнюдь не политическій. Подлинное богословіе и—собраніе восторженно ему рукоплещетъ. Печать, разумѣется, отражаетъ этотъ духъ и щедряетъ статьями-проповѣдями, историко-церковными изслѣдованіями и богословскими трактатами. Достойный соревнователь Мирабо—Камилль Демундэнъ, уличающій епископовъ примѣрами Спасителя, апостоловъ, древнихъ архиастрей. Не остается въ забвеніи ни одного мотива изъ многовѣковой исторіи христіанства и церкви, изъ эпохъ Римской имперіи, средневѣковой борьбы папства съ свѣтской властью, изъ воспоминаній о смутахъ реформаціи. Легко представить, къ какому результату должна придти борьба: противъ католиковъ одновременно сражались бойцы, вооруженные небывало разнообразнымъ оружіемъ: свободомыслящіе ученики философіи, янсендисты, протестанты и, можно сказать, предъ учредительнымъ собраніемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгралась дополненная и усюсердечствованная тяжба двухъ міросозерцаній, до тѣхъ поръ въ теніи вѣковыхъ разгоравшаяся періодически и по разрозненнымъ доводамъ. Но въ законодательство революція пока не рѣшалась внести противохристіанскій духъ, и правовѣрные католики называли собраніе только «схизматическимъ и пресвитеріанскимъ» ¹⁾.

¹⁾ Pressensé. *L'église et la révolution française*. P. 1890. 112, 121, 128, 131, 170—3.

Гражданская организациа духовенства рѣзко двинула борьбу дальше—по пути радикализма. Защитники этой организациа уважали первообразъ ея въ первобытной христіанской церкви, когда епископы и священники выбирались народомъ. Указаніе — не вполне точное: въ новой демократической церкви ея служителей могли выбирать всё политическіе избиратели, т. е. иновѣрные и иносповѣдные. Избранники приносили присягу въ вѣрности націи, закону, королю и конституціи. Имъ предоставлялось определенное жалованье и весьма слабая іерархическая зависимость низшихъ отъ высшихъ. Для правовѣрныхъ епископовъ это значило: «религія умалчена, ея служители низведены къ прискорбному положенію приказчиковъ на жалованья у разбойниковъ». А въ собраніи въ то же время раздавались слова: «Церковь въ государствѣ, а не государство въ церкви. Мы—національный конвентъ; мы несомнѣнно имѣемъ власть измѣнить религію»¹⁾.

Мирнаго разрѣшенія такой коллизіи не существовало, и началась междоусобная война старой церкви съ новымъ государствомъ и съ новой церковью. Новое духовенство избиралось торжественно, нередко съ патріотическимъ энтузіазмомъ²⁾. Даже позднѣйшіе зирондисты, завѣдомые философы, въ эпоху гражданской конституціи принимаютъ дѣятельное участіе въ торжествахъ по случаю церковныхъ выборовъ и Верньо, Гаде, Жансонне произносятъ рѣчи во славу «нашей святой религіи», «вѣры нашихъ отцовъ», желая чувствовать совместно религію и отечество³⁾. Впослѣдствіи эти же ораторы усвоятъ другой языкъ, и не только они. Вопросъ о судьбѣ новаго устройства церкви превращается въ вопросъ о безопасности отечества, такъ какъ духовенство распадается на два непримиримо враждебныхъ лагеря—присягнувшихъ конституціи и не присягнувшихъ и среди послѣднихъ многіе вспоминаютъ старое средство католичества—добиваться своихъ цѣлей—политическую смуту. Только четыре епископа рѣшаются присягнуть, другіе—присоединяются къ эмиграціи или ведутъ борьбу противъ революціи внутри страны.

¹⁾ Слова одного бретонскаго епископа и депутата Камюса. *Иб.* 138, 133.

²⁾ Bertrand Robidou. *Histoire du clergé pendant la révolution française.* P. 1889. II, 23.

³⁾ Aulard. *Les orateurs de la Législative et de la Convention.* P. 1885. I, 171—2.

При такихъ условіяхъ учредительное собраніе смѣняется законодательнымъ, оно уноситъ съ собой укоризну Андре Шенье, за то, что члены его оказались болѣе способными быть богословами, чѣмъ законодателями. Новое собраніе гораздо больше заслуживаетъ подобнаго упрека. При немъ разыгрывается кровавая трагедія, карающая представителей непокорной церкви съ безпощадной жестокостью. Сначала veto, наложенное королемъ на рѣшенія собранія противъ неприсягнувшихъ священниковъ, явилось однимъ изъ источниковъ униженій монархіи и ея паденія—привело къ 20-му іюня и 10-му августа и, наконецъ, также религиозная междоусобица разожгла ярость сентябрьскихъ дней. Ей предшествовалъ рядъ постановленій, дышавшихъ фанатизмомъ религиозныхъ войнъ. Въ собраніи раздавались требованія объявить преступныхъ священниковъ «виѣ общества», т.-е. съ буквальной точностью выполнить предписаніе Руссо о «гражданской религіи», свобода вѣроисповѣданія отмѣнилась постановленіемъ—пользоваться церквами для культа только присягнувшимъ священникамъ, при чемъ революціонные ораторы доказывали законность—лишить свободы тѣхъ, кто всегда гналъ ее. Революція, очевидно, готовилась вступить на путь своего собственнаго религиознаго фанатизма. Король съ своимъ veto являлся представителемъ терпимости и свободы предъ инквизиторами философіи, требовавшими и вскорѣ осуществившими средневѣковые ужасы надъ виновными и невинными. Сентябрьскіе дни должны занять мѣсто Варфоломеевской ночи въ исторіи революціонной борьбы съ католичествомъ и якобинское сравненіе священниковъ съ гусенницами, подлежащими истребленію,—достойный противовѣсъ громамъ старой инквизиціи противъ еретиковъ ¹⁾.

Такую форму приняла борьба доктринъ уже при второмъ революціонномъ собраніи. Оно почти ежедневно занималось религиознымъ и церковнымъ вопросомъ и вносило въ него всю страсть и гнѣвъ, воспламеняемые въ народныхъ представителяхъ внутренними и виѣшними событіями. На сцену выступили наиболѣе нервные темпераменты и партійныя крайности. Съ этихъ поръ великая культурная задача попадаетъ въ руки отдѣльныхъ группъ, единичныхъ личностей.

¹⁾ О религиозномъ характерѣ сентябрьскихъ убійствъ.—Pressensé, 284—5. Robidoux, II, 250, 285—7.

Преобразовательная политика окончательно превращается въ сѣть революціонныхъ заговоровъ и центральное собраніе безпрестанно оказывается только партеромъ или хоромъ въ зрѣлищахъ, задуманныхъ и поставленныхъ на сцену клубами, комитетами или даже просто случайными депутациями и импровизированными любителями-артистами. Но въ высшей степени замѣчательнъ фактъ: самыя шумныя пьесы—неизмѣнно на тему религіознаго вопроса, партійная междоусобица создаетъ фарсы и драмы на той же почвѣ, возникаютъ и падаютъ вліянія и диктатуры среди религіозно-политическихъ ненавистей и увлеченій. Третье революціонное собраніе—конвентъ—не столько участвуетъ въ накопленіи капитала, полученнаго отъ предшественника, сколько присутствуетъ при событіяхъ.

Они заключаются въ междоусобной борьбѣ *философскихъ партій*. Учредительное собраніе возбудило вопросъ о церковной практикѣ, онъ немедленно слѣлся съ вопросомъ о церковной догмѣ и о католическомъ ученіи, и подъ вліяніемъ вызванныхъ событій перешелъ, наконецъ, въ чисто религіозный. Крѣпкій расколъ, оказавшійся неизбежнымъ при устройствѣ и возвращеніяхъ католической церкви, привелъ наиболѣе рѣшительныя умы не къ реформаторской, а къ революціонной программѣ въ области самой догмы и вдохновилъ на попытку замѣнить вообще традиціонную религію новой, откровеніе философій, св. писаніе—*Философскимъ словаремъ, Общественнымъ договоромъ*, или даже *Системой природы*. Уже въ учредительномъ собраніи Робеспьеръ обнаружилъ завѣтную мечту—поступить съ католичествомъ по правиламъ Руссо о гражданской религіи,—законодательное собраніе расчистило путь и этому, и другимъ «философскимъ» идеаламъ.

Въ Конвентѣ умѣренное свободомысліе, вольтерьянское сомнѣніе представляли жирондисты, нѣкоторые склонялись къ подному спектицизму и были бы довольны, если бы вопросъ о религіи совершенно сошелъ со сцены ¹⁾. Монтаньяры очень близко принимали его къ сердцу, хотя далеко не въ одномъ и томъ же смыслѣ. Здѣсь можно было найти поклонниковъ міроваго разума, природы, Верховнаго существа и просто человѣческаго разсудка, фанатическихъ сектантовъ въ духѣ Робеспьера, беззаботныхъ матеріалистовъ дантоновскаго

¹⁾ Aulard. *Les Orateurs*. I, 190—2.

типа, и мистическихъ жрецовъ «идеи человѣчества», въ родѣ пророка «Господа нашего рода человѣческаго»—Анахарсиса Клоотца. Міросозерцаніе всѣхъ этихъ пророковъ отнюдь нельзя признать ни яснымъ, ни устойчивымъ. Жирондистъ Гаде, свидѣтельствовавшій раньше о своемъ католициствѣ на выборахъ епископа въ Бордо, теперь возставалъ противъ Робеспьера даже за идею Провидѣнія. Радикалы также никакъ не могли согласиться насчетъ понятія разума, то отождествляя его съ Божествомъ и переходя въ католицизмъ, то ограничивая его простымъ здравымъ смысломъ, то—наконецъ, ища его воплощенія въ философіи и въ наукѣ. Смута религиозныхъ идей, царствовавшая въ Конвентѣ, увеличилась еще благодаря бурнымъ вторженіямъ извнѣ. За стѣнами собранія также создавали доктрины и учреждали культы—въ комитетахъ, въ парижской коммунѣ и, наконецъ, въ департаментахъ. Вандейское возстаніе, рѣзко окрашенное въ религиозный цвѣтъ, служило неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ пророческихъ вдохновеній, даже болѣе стремительныхъ, чѣмъ въ Парижѣ. По крайней мѣрѣ, пламя атеизма разгорѣлось раньше въ провинціи, благодаря усердію комиссаровъ Конвента.

Они первые объявили войну католицизму во имя *разума* и явились инициаторами перваго революціоннаго культа. Больше всѣхъ отличался Фуше: его дѣятельность служила образцомъ. Онъ объявилъ своей задачей всѣ «суевѣрные и лицемерные культы» замѣнить однимъ «культомъ республики и естественной нравственности», перемѣнить священниковъ, получающихъ содержаніе отъ правительства, а пока самъ лично крестилъ своего новорожденнаго сына, издавалъ декреты и устраивалъ церемоніи въ духѣ новой религіи. Начиналось разкатоличиваніе Франціи словомъ и дѣйствіемъ. Оно быстро приняло формы дикой расправы съ беззащитнымъ противникомъ. Современники,—въ особенности два изъ двухъ различныхъ лагерей, радикальный писатель Мерсье и «гражданскій» епископъ Грегуаръ, оставили въ высшей степени яркія изображенія бурныхъ событій, знаменовавшихъ войну философіи съ откровеніемъ. Всевозможныя кошунства, маскарадныя зрѣлища—съ богинями разума, актрисами, пѣвицами и просто свободными красивыми женщинами, съ ослами въ священническихъ облаченіяхъ съ символическими горами въ церквахъ, съ алтарями отечеству, природѣ, свободѣ, равенству, «всеобщей нравственности», со статуями философовъ и даже

Марата; все это свидетельствовало о довольно богатой разрушительной и сатирической фантазии ¹⁾). Но въ чемъ же заключалось положительное ученіе новаго культа?

У насъ два главныхъ источника рѣшить вопросъ: заявленія католическихъ священно-служителей, отрекавшихся отъ своей старой вѣры во имя новой, и гимны, катихизисы, рѣчи пророковъ и жрецовъ разума.

Отреченія, несомнѣнно, — самыя эффектныя сцены въ исторіи «Разума». Въ Парижѣ священники являютъ въ Конвентѣ во главѣ съ парижскимъ епископомъ Гобелемъ. Епископъ отказывается отъ своего сана и признаетъ только культъ *свободы* и *святого равенства* ²⁾). Заявленія другихъ отступниковъ, принесшихъ отреченіе въ разное время въ Парижѣ и въ провинціи, составлены также въ общихъ выраженіяхъ: говорится о «философіи» побѣдительницъ фанатизма, о «соціальныхъ добродѣтеляхъ», о «философской морали», о «шарлатанствѣ жрецовъ», о «нелѣпности догматовъ, унижавшихъ величіе Бога», упоминается и Верховное существо рядомъ съ разумомъ ³⁾). Всѣ эти рѣчи сильно походятъ на формулы и менѣе всего свидетельствуютъ о личномъ участіи, сердечномъ или умственномъ, самихъ авторовъ въ представляемомъ текстѣ. Несомнѣнно, весьма часто онъ составлялся подъ давленіемъ страха или матеріальнаго разсчета и отступники иногда отдѣлывались просто крѣпкими словами, въ родѣ—*обманщики, шарлатанъ*— по адресу своего сана и здѣсь же ходатайствовали о вещественной наградѣ, представляя въ то же время собранію своихъ молодыхъ женъ—«добрыхъ республиканокъ». Впослѣдствіи Дантонъ потребовалъ, чтобы Конвентъ запретилъ въ залѣ своихъ засѣданій «противорелигіозныя маскарады» ⁴⁾.

Весь интересъ опредѣлить новую вѣру былъ на сторонѣ ея основателей, и они дѣйствительно усердно старались это сдѣлать. Прежде всего необходимо создать новую св. исторію, такъ какъ св.

¹⁾ Mercier. *Paris pendant la Révolution, ou le Nouveau Paris*. I, 1862. II, 92. Grégoire.—*Histoire des sectes religieuses*. P. 1828. I, chap. V.

²⁾ Mercier. II, 97. Grégoire. I, chap. IV. Авторъ приписываетъ отреченіе епископа Гобеля отъ сана, а не отъ догмы—„ужасу“ предъ парижской думой и предъ Шометтономъ. Ср. Aulard. *Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être Suprême*. P. 1892. 45.

³⁾ Образчики отреченій въ *La Revolution française*. 1882, 14 avril, 878 etc.

⁴⁾ Aulard. *Le Culte*. 221—2. Ср. Louis Blanc. *Hist. de la rev.* IX, 477.

писаніе уже имѣлось въ произведеніяхъ философіи. Конвентъ постановляетъ напечатать официальный сборникъ героическихъ и гражданскихъ подвиговъ французскихъ республиканцевъ. Есть, следовательно, новые святцы, должны быть и праздники въ честь ихъ. Изобрѣтается республиканскій календарь. Идея его всецѣло поконится на борьбѣ съ христіанствомъ, что видно изъ доклада Ромма: уничтоженію подлежить христіанская эра и особенно христіанское воскресенье. Мѣсяцы сначала предполагается назвать принципами и событіями революціи, потомъ имъ даются имена изъ круговорота природы подъ широтой Парижа. Воскресенье замѣняется декадой, и христіанскій счетъ иначе не называется какъ «стиль рабскій», «стиль суевѣрія». Календарь, несомнѣнно, важнѣйшій творческій актъ въ культѣ Разума: онъ увѣковѣчиваетъ обожаніе явленій природы, идей и фактовъ революціонной политики.

Учредители кудьта стараются набрать побольше отвлеченныхъ и аллегорическихъ укоризнъ католичеству. На праздникъ 20 брюмера въ соборѣ Парижской Богоматери была воздвигнута гора, на ней храмъ въ греческомъ стилѣ съ надписью *A la philosophie*, у дверей храма бюсты четырехъ философовъ—эпохи просвѣщенія. Въ честь богини Разума пѣлся гимнъ о «святой свободѣ—дочери природы» и раздавались крики—*да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Гора!* Изъ философовъ больше всего почестей досталось на долю Руссо, упоминается и Иисусъ Христосъ, но только какъ «честный санкиюлотъ», «лучшій якобинецъ». Вышло нѣсколько катихизисовъ. Здѣсь крещеніемъ называется 14-е іюля, миропомазаніемъ открытіе Конвента, исправившаго многочисленныя ошибки двухъ первыхъ собраній, т.-е. окончательно уничтожившаго монархію и учредившаго республику. Въ гимназахъ занималъ почетное мѣсто Марать рядомъ съ Брутомъ. Его имя дается новорожденнымъ при гражданскомъ крещеніи, наравнѣ съ именемъ Муція Сцеволы, взрослые также присваиваютъ его, подписываясь «Марать—*бывшій* такой-то». Пытаются заключить новый культъ въ одну опредѣленную форму, издается книга *Обряды въ честь равенства, свободы и Разума*, подробно излагается устройство храма, ходъ богослуженія, печатаются проповѣди для декады, проектируется цѣлая іерархія священнослу-

⁴⁾ Grégoire, I, chap. VI.

жителей. Въ провинціи появляется даже періодическое изданіе, посвященное новому культу—*les Documents de la Raison*. Издатель—ревностный почитатель Вольтера, а также и Руссо, онъ излагаетъ критику философа и религію савойскаго викарія, его остроуміе заимствовано изъ *Кандида*, паеосъ изъ *Эмilia* и слова *la religion naturelle* пестрять его страницы ¹⁾).

По этимъ даннымъ можно опредѣлить философскій и политическій смыслъ религіи Разума. Философскій истощивается самой стремительною оппозиціей христіанству, заимствовалъ свои вдохновенія изъ идей Руссо, Вольтера, отчасти Мабли—онъ иногда упоминается рядомъ съ ними и отнюдь не изъ произведеній материалистовъ. Гольбахъ и Гельвецій будто не существуютъ для поклонниковъ Разума, какъ религіи, — похвалу Гельвецію мы слышимъ изъ устъ Бриссо жирондиста, не намѣреннаго «изобрѣтать Бога». Но это единственное вполнѣ точное заключеніе, какое можно сдѣлать о догматѣ новаго культа. Во всемъ остальномъ онъ—смутнаго и пестраго состава. Самое понятіе *Разумъ* остается до такой степени неопредѣленнымъ, что даже въ парижской думѣ—очагѣ новой религіи; не понимаютъ, разумѣть ли міровой или человѣческой разумъ? Нѣкоторые прославляютъ одновременно *Разумъ и Верховное Существо*—«Бога свободныхъ людей». Издатель *Документовъ Разума* признаетъ также оба вѣроисповѣданія. Но главные пророки философскаго культа—Шометтъ и Геберъ въ глазахъ апостола *Верховнаго Существа*—Робеспьера, атеисты, подлежащіе карѣ именно за это преступленіе.

Политическій характеръ культа, напротивъ, совершенно ясенъ. Это—якобинская вѣра, якобинская война противъ не только монархическихъ, но и умѣренно-республиканскихъ общественныхъ отношеній. Именно якобинство превратило Разумъ въ одно изъ самыхъ жестокихъ божествъ, когда-либо созданныхъ людьми. Якобинство сообщило инквизиціонный характеръ борьбѣ міросозерпанцій. Учредители культа Разума,—говоритъ очевидецъ,—не имѣли въ своихъ

¹⁾ О празднествахъ Разуму—книга Aulard'a, очень подробно у Grégoire'a I, chap. VIII—XIII и статьи въ *La Rev. française*. 1881, 14 oct. 1887, XIII 146, 406—(въ провинціи). О *Documents de la Raison* и издатель ихъ—*La Rev. fr.* 1887, XIII, 311 etc. Очень живое изображеніе парижскихъ празднествъ у Mercier. II, 99 etc.

идеяхъ и планахъ ничего опредѣленнаго, кромѣ страстнаго желанія искоренить католичество и его слугъ¹⁾. Къ цѣли, разумѣется, можно было придти скорѣе политическимъ путемъ, чѣмъ философскимъ, и исторія «Разума» не что иное какъ исторія философскаго фанатизма, вполне откровенно объявившаго себя карой и возмездіемъ католикамъ за ихъ нетерпимость. Только эта задача и объединяла новыхъ пророковъ и ихъ послѣдователей и если они не прославляли Ламетри, Гольбаха, Гельвеція, какъ своихъ учителей, то единственно потому, что изъ ихъ ученія нельзя было бы извлечь никакого *культа* и никакого *символа* для толпы послѣдователей. Чистый матеріализмъ въ религіозномъ и просто въ политическомъ смыслѣ бесплоденъ, какъ математическая или химическая формула, и такими атеистами не желали быть ни Клоотцъ, ни Геберъ, ни Шометтъ. Робеспьеръ въ ихъ Разумѣ видѣлъ атеизмъ, потому что у нихъ не было никакого положительнаго символа вѣры, не было догматовъ о Провидѣніи и безсмертіи души. Но эти догматы въ глазахъ не только Шометта, но и Гаде являлись «суевѣріемъ», такъ какъ входили въ составъ католической доктрины. Когда ихъ исповѣдывалъ Робеспьеръ, и якобинецъ и жирондистъ были правы: Робеспьеру требовалась не столько доктрина, сколько ея *дисциплинирующія*, непрекословно властныя свойства, требовалась не религія, а своего рода теократія. На этой почвѣ, не религіозно-философской, а религіозно-политической, разыгралась двухъактная драма якобинства.

Первый актъ — гибель «атеизма» въ лицѣ основателей культа Разума; второй—однодневное торжество «Верховнаго Существа» и гибель его пророка.

X.

Если въ гражданской конституціи духовенства практически танлись сѣмена самаго разнуздавнаго «философскаго» гоненія на христіанство, въ знаменитомъ докладѣ Робеспьера Конвенту 18 флореля чутся дыханіе католической реставраціи. Воинственный натискъ философіи на откровенную религію закончился культомъ Разума въ одной изъ «мессъ» Вольтеръ провозглашался «посланникомъ

¹⁾ Grégoire, I, 106—7; ср. Aulard, 121.

²⁾ Grégoire, I, 48—9.

Божьимъ: это было воспроизведеніемъ обращенія Даламбера къ фернейскому патриарху: «Вы — священнослужитель разума ¹⁾». Практика философіи имѣла тотъ же результатъ какъ и теорія: она не пришла къ дѣльному и точно опредѣленному воззрѣнію и не только въ силу неопредѣленности идейныхъ основъ, но еще и подъ вліяніемъ политическихъ страстей, партійныхъ и личныхъ междоусобицъ. Робеспьеръ выступилъ противъ философіи въ роли аналогичной вложению Руссо относительно энциклопедистовъ. Онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало систематизировать идеи и сообщить имъ реальное значеніе религіи—народное и государственное.

Культъ Разума до конца оставался исключительно партійнымъ. Помимо якобинцевъ и всякихъ поддонковъ населенія, къ нему—преимущественно въ провинціи—приставали группы патриотической интеллигенціи, возмущенной противъ-національнымъ поведеніемъ неконституціоннаго духовенства. Въ массѣ Разумъ не встрѣчалъ сочувствія, и его патриотическое значеніе не слѣдуетъ преувеличивать ²⁾. Служеніе новому культу успѣло захватить неизмѣримо болѣе ограниченный районъ, чѣмъ патриотическое движеніе, и оба явленія сошлись хронологически: революціонная Франція самоотверженно боролась противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ до культа и особенно послѣ него, и въ наиболѣе горячіе патриотическіе моменты новое божество совершенно заслонялось фигурами славѣйшихъ, на взглядъ революціонеровъ,—патриотовъ ³⁾. Патриотизмъ занималъ видное мѣсто и въ культѣ Верховнаго Существа, какъ вообще въ событіяхъ революціи.

Робеспьеръ задумалъ вмѣсто партійной религіи учредить національную и Робеспьеръ искусно старается прежде всего повернуть на путь реакціи, остановить революцію въ пользу своей единоличной власти и отнять революціонный характеръ у предполагаемаго національнаго культа, какъ основы порядка. Планъ Робеспьера ясенъ не только изъ его «первосвященнической» дѣятельности, но—изъ по-

¹⁾ Grégoire, I, 109. Письмо Даламбера къ Вольтеру отъ 13 дек. 1764 г.

²⁾ Aulard словомъ все движеніе во славу Разума считать взрывомъ патриотизма. О. с. 199 etc.

³⁾ На это указываетъ и Aulard: „On se détourne de la statue froide et abstraite de la Raison pour ne plus voir, n'honorer que la trinité des victimes du patriotisme (Marata, Cholier и Le Peletier) О. с. 202.

литической и социальной. Монтаньяры, руководимые Робеспьеромъ, оказались подлинными буржуа въ экономическомъ вопросѣ. Комитетъ общественнаго спасенія издавалъ строжайшіе декреты противъ рабочихъ союзовъ, стачекъ и даже собраній. Всѣ взаимныя сношенія рабочихъ ставились подъ неуслышанный контроль администраціи мастерскихъ. Даже коллективныя жалобы и всякія сборища воспрещались рабочимъ подъ угрозой арестовъ и наказаній. Якобинство желало быть консервативнымъ и Робеспьеръ рассчитывалъ явиться предъ Европой мудрымъ законодателемъ и государемъ ⁴⁾.

А первый шагъ въ цѣли, разумѣется, — возстановленіе алтаря. На какой почвѣ, — указывала самая краснорѣчивая дѣйствительность. Католичество отнюдь не склонилось подъ ударами разума. Не только провинціальная народная Франція твердо исповѣдывала старую вѣру, но и новые участники новаго культа въ глубинѣ души оставались католиками, даже негодую на эмиграцію и не сочувствуя Вандеѣ. Неприсягнувшіе священники обрѣжались ореоломъ мученичества, и маскарады и оперы съ богинями Разума мейѣ всего могли омрачить этотъ ореолъ.

Робеспьеръ понималъ сущность дѣла и сдѣлалъ соответственныя заключенія. Совершенно напрасно считать его правовѣрнымъ ученикомъ Руссо: онъ ученикъ-эклектикъ, взялъ изъ *Эмиля* и *Общественнаго договора* только тотъ матеріалъ, какой казался ему пригоднымъ для реставраціонныхъ цѣлей, — при данныхъ условіяхъ. Подъ покровомъ Руссо онъ ведетъ борьбу противъ жирондистовъ, какъ учениковъ энциклопедіи, разбивая бюстъ Гельвеція, произносить компиляцію изъ исповѣди савойскаго викарія, и въ послѣдствіи восторженно нарисованную фигуру Руссо противопоставить презрѣннымъ изображеніямъ «честолюбивыхъ шарлатановъ». Все эта боевая политика, чрезвычайно полезная для оратора-демагога — *противъ* атеистовъ-аристократовъ *за* плебея, «учителя человеческого рода». Пока жирондисты живы — на сценѣ *Эмилъ*. Жирондисты уничтожены, — Шометъ организуетъ культъ Разума — дикій, часто возмутительный и въ общемъ партійный, — Робеспьеру можно позволить себѣ поменьше философіи и побольше политики. Онъ, не переста-

⁴⁾ Ср. *Les origines historiques du socialisme français* par Aulard. *Revue de Paris*, 15 аѳѣт, 1899.

вая восхвалять Провидѣніе въ стилѣ Руссо, прямо переходить къ обвиненію «атеистовъ» въ политической неблагонадежности, даже въ измѣнѣ: религія—единственная основа нравственности въ вѣрности отечеству. Атеизмъ дѣлаетъ французовъ ненавидимыми въ глазахъ народовъ, нечестіе является несмыслимымъ пятномъ на французской республикѣ, и это повредитъ ея достоинству и свободѣ во всемъ мірѣ. Оратору остается закончить открытымъ доносомъ на отдѣльныхъ лицъ, — что Робеспьеръ и выполнилъ.

Такимъ путемъ подведены подъ гильотину Шометтъ и его свята. Дантонъ также палъ, отиодъ не изъ-за мятежническаго атеизма: онъ первый возсталъ противъ фарсовъ новаго культа. Настала очередь Конвента, — освятить заключительный актъ террористической реакціи. Всѣ, кому надлежало, ясно понимали смыслъ робеспьеровскаго плана. Ламеннэ напрасно думаетъ, будто Франція начала «строиться вновь» — *Se reconstituer* съ момента гибели Робеспьера. Грегаръ вѣрнѣе понимаетъ смыслъ событій: съ точки зрѣнія католика, онъ уже появленію *Верховнаго Существа* считаетъ «возвратомъ къ принципамъ», принавая въ то же время «эту мѣру чисто политическую». Къ какимъ именно принципамъ—свидѣтельствовали заманчивые католики и дѣйствія самого Робеспьера. Католики спѣшатъ обращаться къ нему съ просьбами о своихъ религіозныхъ нуждахъ «полныя довѣрія къ его справедливости», они присоединяются къ новому культу, надѣясь на близкое возвращеніе «къ религіи», т. е. къ своей церкви. Самъ Робеспьеръ беретъ подъ свое покровительство католическую вѣру и протестантскаго священника называетъ «чудовищемъ». Наконецъ, распространялись даже слухи, будто конституціонные епископы будутъ приглашены способствовать новому культу ¹⁾

Во всякомъ случаѣ—время краткаго совойскаго викарія миновало, предъ конвентомъ 18 флореала явился «законодатель» во всемъ мрачномъ притязательномъ формализмѣ *Общественнаго договора*. Онъ благословлялъ и проклиналъ, — благословенія звучали чувствительнымъ романомъ и идиллической лирикой, — но проклятія—на всѣхъ, кто «пытается погасить возвышенный энтузіазмъ», на «тирановъ и

¹⁾ Lamennais. O. c. VII, 70. Grégoire. I, 99.

²⁾ Aulard. 238—9, 264, 302. Cp Grégoire. I, 114.

измѣнниковъ», на «аристократовъ», — дышали самой яркой жизненной правдой. Политическій смысл новой религіи усиленно подчеркивался сочувственниками Робеспьера. Во время чтенія доклада республиканскія отмѣчали именно политическія обоснованія культа — его связь съ республикой, какъ говорилось и въ самомъ заглавіи доклада — *Rapport sur les rapports des idées religieuses et morales avec les principes républicains*. Вновь явившіеся исповѣдники даже догмать о бессмертіи души усиливались истолковать въ цѣляхъ патріотизма. Католическая печать не оскорблялась утилитарной постановкой религіознаго вопроса, — она только сътовала, почему Робеспьеръ безъ всякихъ мудреныхъ изворотовъ — *sans tant s'alambrguer* — просто не заявилъ, что онъ вѣруетъ въ Бога? ¹⁾).

Этотъ естественный шагъ будетъ сдѣланъ непосредственными преемниками Робеспьера — въ религіозно-политическомъ возстановленіи Франціи — сотрудниками Бонапарта по конкордату — Симеономъ и Порталисомъ. Ихъ рѣчи въ трибунахъ и въ законодательномъ корпусѣ — но идейнымъ основамъ представляютъ полную аналогію робеспьеровскому докладу. Для нихъ религія не истина сама по себѣ, не органическій фактъ естественнаго развитія человеческой природы, а практическое средство, пускаемое въ ходъ искусными укротителями толпы. Здѣсь главная сила не въ вѣрѣ и въ доказательствахъ, а въ повелѣніи и эффектѣ: Порталисъ эту истину выразить вполне откровенно, — Робеспьеръ сдѣлаетъ больше: устранивъ соперниковъ, онъ утратитъ такъ дѣйствительности и примется разыгрывать ту самую роль, о какой даже Бонапартъ мечталъ только въ Эгиптѣ. Праздникъ 20-го преріала, аранжированный художникомъ Давидомъ въ программѣ поразительно первобытнаго мелодраматическаго содержанія — даже для артистическаго воображенія республиканца XVIII-го вѣка, — обнаружитъ всю близорукость политическаго зрѣнія Робеспьера. Но что еще важнѣе — удивительный день выказалъ во всей яркости его политическое двуличіе и лицемѣрное фразерство. Робеспьеръ въ рѣчи особенно налегалъ на мотивы о невинно-угнетенныхъ и о тиранахъ. Это говорилось въ то время, когда — съ точки зрѣнія столь чувствительно прославляемой массы — политика

¹⁾ Полный текстъ съ отмѣтками впечатлѣній публики — Buchez et Roux *Histoire parlem. de la Revolution*. P. 37. XXXII, 372. Aulard. 285, 294—5.

диктатора была въ полномъ смыслѣ буржуазной, а на взглядъ истинныхъ противниковъ тиранніи — деспотической. И то и другое Робеспьеръ не переставалъ подтверждать рѣчами и проектами законовъ послѣ праздника Верховному Существу, и былъ остановленъ на распоряженіи противъ «невинно-угнетенныхъ» 5-го термидора и на проектѣ проскрипцій противъ «дурныхъ гражданъ» 8 термидора. Пятаго числа былъ опубликованъ максимальный тарифъ заработной платы, — и рабочіе отвѣчали на него свистками въ день казни Робеспьера и его товарищей. Такимъ образомъ, казнь именно Робеспьера среди всѣхъ многочисленныхъ казней революціи оказалась наименѣ партійной, дѣйствительно отвѣчала настроенію и общества и народа. Съ его смертью пока отстрочивалась реставрація въ католическомъ направленіи, но только на парадной государственной сценѣ, — въ глубинѣ населенія она не переставала набираться новыхъ силъ не исключая Паризжа.

Официально оба культа — Разума и Верховнаго Существа, продолжались весьма не долго: Разумъ не царствовалъ и: мѣсяца, а Верховное Существо имѣло въ сущности только одинъ торжественный день. Кое-гдѣ въ провинціи оно привѣтствовалось, какъ легкое видоизмѣненіе Разума, а въ Паризѣ самъ первосвященникъ съ перваго же дня дискредитировалъ религіозный смыслъ культа. «Ты начинаешь наскучивать намъ съ своимъ Верховнымъ Существомъ», замѣтали, говорятъ, Робеспьеру одинъ изъ его товарищей еще 20 преріали. Но какъ бы ни были призрачны и недолговѣчны философскія формулы революціоннаго міро-созерцанія, — не въ нихъ была сущность, а въ совершенно независимой отъ нихъ, но ими прикрываемой дѣйствительности. Оригинальность Робеспьера среди якобинской партіи состояла въ его полномъновеніи падать католичество и прозрѣвать въ немъ своего союзника. Всѣ остальные служители обонхъ культовъ пользовались ими исключительно для страшнаго, чисто-языческаго гоненія на старую религію. Предлогъ былъ безразличенъ, и главнымъ явилась не философская доктрина; а важнѣйшая сторона ея — празднованіе декады. Воскресенье становилось буднями и революціонные философы пустили въ ходъ отнюдь не болѣе философскія мѣры, чѣмъ въ послѣдствіи изъ-за того же воскресенія будутъ примѣнены конгрегаціей при Бурбонахъ — только въ противоположномъ смыслѣ. Красные якобинцы заставляли народъ по воскре-

сеньямъ работать, бѣлье—отдыхать; что же касается фанатизма — Каррье и Фуше врядъ ли могли уступить какому угодно католику. Грегуаръ подробно рассказываетъ исторію декады и заключаетъ рассказъ такими словами: «истомство никогда не будетъ въ состояніи представить вполне точно, сколько денегъ, слезъ, мукъ и крови стоило празднованіе декады». ¹⁾ Алтарь Разума безпрестанно становился эшафотомъ, — и въ провинціи это продолжалось до конца террора. Просвѣтители XVIII-го вѣка менѣе всего могли рассчитывать на такое осуществленіе своихъ идей, и революція въ религіозномъ отношеніи осуществляла не идеи, а чувства глубокой безпощадной ненависти противъ католичества. Адресы департаментовъ Конверту кратко но краснорѣчиво изображали дѣло революціонной религіи, извѣщая, что *l'infâme*—раздавлено. Слова заимствовались изъ сочиненій Вольтера, но все; не соответствовавшее ихъ разрушительному смыслу, — настойчивыя разсужденія о терпимости рѣшительныя осужденія фанатизма, попытки спокойнаго логическаго созиданія новаго міровоззрѣнія, — все это не находило отклика въ воинствующихъ сердцахъ революціонныхъ партій. Въ результатъ онѣ обнаружили не только полное отсутствіе творческаго таланта въ области философско-религіознаго созиданія, но органическую неспособность даже вступить на этотъ путь. Таковъ смыслъ общей дѣятельности *партій*. Попытки отдѣльныхъ личностей «кодифицировать XVIII-й вѣкъ», какъ выражается Мишле, привели къ другому столь же безотрадному концу. Философія, оказалось, не поддавалась кодифицированію въ своихъ религіозныхъ идеяхъ,—по крайней мѣрѣ, кодифицированію—практически-жизненному. Вольтеровскій разумъ, «внутренній голосъ» Руссо остались формулами, не подлежащими оживленію, хотя и свидѣтельствовали о логической и нравственной потребности философской эпохи въ новомъ систематическомъ воззрѣніи. И не партійныя страсти помѣшали жизненному развитію философскихъ формулъ. Послѣ Робеспьера была произведена послѣдняя попытка извлечь изъ философской метафизики XVIII-го вѣка вѣру и культъ,—попытка, самая поучительная и идейная, такъ какъ ей въ первый и въ послѣдній разъ былъ чуждъ философскій фанатизмъ Разума и инквизиторское двуличіе Верховнаго Существа.

¹⁾ Grégoire. I, 339. chap. X—XIII. Cp. Pressensé. 345 ets.

Новый культ—въ лицѣ своихъ основателей—стремился быть философскимъ и нравственнымъ по преимуществу, бороться съ католичествомъ только на почвѣ мысли и морали, не прибѣгая ни къ партійному заговору, ни къ политическому давленію законодательства.

Теофилантропія возникла неофициально, правительство директоріи приняло участіе въ ея судьбѣ, когда теофилантропія могла уже казаться значительнымъ общественнымъ явленіемъ.

Возникла она при совершенно, повидимому, неподходящихъ условіяхъ. Послѣ опытовъ революціи создать какую-либо новую религію—общество, пережившее девятое термидора, должно было относиться къ дальнѣйшимъ попыткамъ—или съ чувствомъ невольнаго страха, или съ полнымъ недоувѣріемъ. Люди желали просто жить и пользоваться жизнью. «Духъ беззаботности, разсѣянія и расточительности овладѣлъ всѣми классами», пишетъ очевидецъ, и Парижъ никогда не видаеть столько зрѣлищъ, концертовъ, баловъ, пировъ и всякаго рода разгула и увеселеній ¹⁾. И это одновременно съ непрерывной жестокой войной, съ безденежемъ правительства, съ голодной нищетою народа. Но Парижъ, по словамъ современной газеты, распадается будто на двѣ національности различныхъ—по платью, по языку, по нравамъ и чувствамъ. Утромъ толпы оборванныхъ нищихъ, истощенныхъ, больныхъ,—вечеромъ—сады, театры, улицы переполнены блестящими веселыми гражданами съ *яростію* ищущими удовольствій ²⁾. Трудно предполагать, чтобы какая-либо изъ этихъ «націй» была заинтересована высшими вопросами. Разложеніе міросозерцанія царствовало полное. Въ основѣ общественной и личной нравственности не оказывалось больше никакого идеала—прочнаго и для всѣхъ убѣдительнаго. На этой неблагодарной почвѣ нѣкоторые мечтатели, не желавшіе возстановленія старой церкви и приходившіе въ ужасъ отъ безпринципности просвѣщеннаго общества, задумали систематизировать «естественную религію» и украсить ее культомъ.

Въ такомъ именно смыслѣ объясняетъ возникновеніе теофилантропіи одинъ изъ директоровъ—Ларевельеръ-Лепо. Двѣнадцатаго

¹⁾ Mercier. *O. c.* II, 429—30.

²⁾ *Courrier français*, 4 fructidor, an III—*La Réaction thermidorienne à Paris* par Aulard. *Revue de Paris*, 15 des. 1898.

флореаля V-го года онъ прочиталъ въ Академіи докладъ—*Размысленія о культѣ, о гражданскихъ обрядахъ и о національныхъ праздникахъ*. Это было первой официальной проповѣдью новаго культа,—но не основаніемъ его, что несправедливо приписывали директору. Рѣчь онъ произнесъ около пяти мѣсяцевъ спустя послѣ возникновенія теофилантропіи. Первое собраніе теофилантроповъ состоялось 20 нивоза V-го года, т.-е. 16-го декабря 1796 года, а Ларевельеръ-Лепо говорилъ о новой религіи 1-го мая слѣдующаго года ⁴⁾. Первымъ пророкомъ былъ Валентинъ Гаюи—знаменитый изобрѣтатель способовъ обученія слѣпыхъ, основатель Института для слѣпыхъ дѣтей обоаго пола. Увлеченіе теофилантропіей стоило ему очень дорого: консулъ Бонапартъ закрылъ его институтъ, и съ 1803 года до реставраціи Гаюи жилъ въ Петербургѣ, основавъ и здѣсь учрежденіе для слѣпыхъ и самоотверженно выдерживая борьбу за безкорыстное гуманное дѣло съ многочисленными темными силами дореформенной Россіи. Идея новой религіи, несомнѣнно, была подсказана Гаюи самыми возвышенными цѣлями. Въ пользу ихъ говорило и сочувствіе такихъ людей, какъ Бернардэнъ де Сень-Пьеръ и Мерсье, оставившій слѣдующее восторженное изображеніе теофилантропіи.

«Вѣчная благодарность философіи: Разумъ торжествуетъ!

«Убѣдительный голосъ естественной религіи начинаетъ проникать во всѣ сердца. Вскорѣ эта мирная религія, сѣмена которой мы носимъ въ себѣ съ самаго рожденія, будетъ нераздѣльно господствующей. Такова религія, проповѣдуемая теофилантропами.

«Истинные друзья Бога—истинные друзья и людей. Простые въ своемъ ученіи, какъ и апостолы Христа, подобно имъ—смиранные, противники пышности и важности—теофилантропы могутъ внушать только довѣріе основательнымъ умамъ, всѣхъ увлекать и сливать во едино своихъ послѣдователей.

«Ихъ культъ, лишенный всякаго великолѣпія, основанъ на вѣрѣ въ Верховное Существо, на догматѣ безсмертія души, на супружеской любви, на уваженіи къ старости, на почтеніи къ родителямъ и на благотворительности.

⁴⁾ Эти даты указаны Грегуаромъ. I, 379. Сами теофилантропы начало своихъ богослуженій относили къ среднѣмъ III-го года. *Dictionnaire historique des cultes religieux*. Versailles. 1821, IV, Supplement p. 62. rem. 1.

«Этотъ культъ устанавливается безъ богословскихъ споровъ, безъ драгонадъ, безъ пролитія крови, потому что теофилантропы никого не принуждаютъ вѣровать. Текстъ ихъ евангелія—небесная твердь и Богъ—смыслъ этой естественной книги, которой мѣсто только въ одномъ—*индексъ*—восторга.

«Они не преклоняются ни предъ какимъ изображеніемъ—произведеніемъ человѣческихъ рукъ, охотно предоставляя католическимъ священникамъ заботу дѣлать своего Бога видимымъ или невидимымъ, смотря по своей жадности.

«Святилище теофилантроповъ вселенная; картина ея развертываетъ предъ близорукими глазами атеиста несказанныя чудеса творенія и повергаетъ вѣрующаго въ неисчерпаемое восхищеніе.

«Цвѣты, первыя произведенія жатвы, плоды, произрастаемые лономъ земли, покрываютъ ихъ алтарь и служатъ единственнымъ украшеніемъ. Они приносятъ все это вѣчному, какъ залогъ своей благодарности... Они внѣдряютъ въ сердца дѣтей уроки мудрости, они проповѣдуютъ женщинамъ любовь къ мужьямъ, они наставляютъ людей—любить другъ друга и взаимно желать другъ другу добра. Они убѣждаютъ ихъ, что смерть начало безсмертія и внушаютъ имъ уваженіе и признательность къ непобѣдимымъ защитникамъ отечества».

Мерсье вѣрить въ будущее теофилантропін. Возвращеніе къ религиознымъ идеямъ—неизбѣжно, а теофилантропія—единственно разумная религія безъ тайнъ, безъ непостижимыхъ догматовъ—исключительно нравственная и просвѣтительная ¹⁾.

То же самое думалъ и Ларевельеръ-Лепо. Къ нему Гаюи обратился за поддержкой, зная его религиозныя воззрѣнія. Директоръ передалъ просьбу товарищамъ, заявляя полное сочувствіе новому культу,—и правительство рѣшило поощрить теофилантроповъ. Ларевельеръ Лепо сочинилъ чрезвычайно обстоятельный докладъ для Академіи. Онъ доказывалъ неизбѣжность и необходимость просвѣщенной религіи: иначе люди впадутъ въ грубѣйшія суевѣрія и попадутъ во власть шарлатановъ, умѣющихъ разжигать воображеніе. Необходимы и догматы и извѣстный внѣшній культъ, иначе нельзя внушить народу принципа нравственности. Нужна *положительная*

¹⁾ Mercier II, chap. CXLI, CCLXII.

опора для гражданского долга, непременно религиозно-догматическая, «холодная выкладки разума» никогда не удержат людей на стезѣ добродѣтели, и ораторъ останавливается на *une couple des dogmes*—двухъ догматахъ, завѣщанныхъ философіей XVIII-го вѣка. Онъ настаиваетъ на учрежденіи культа и праздниковъ: на мѣсто какого бы то ни было разрушеннаго культа непременно нужно создать другой, иначе старый снова возобладаетъ. Католичество можетъ причинить Франціи еще не мало зла, если республика не поспѣшитъ упрочить новую религію. Ораторъ подробно распространяется насчетъ обрядовъ, которые должны сдѣлать эту религію привлекательной въ глазахъ массы. Важнѣйшіе моменты въ человѣческой жизни должны быть сопровождаемы гражданскими церемоніями — рожденіе, бракъ, смерть. Непременно слѣдуетъ заботиться о сильныхъ впечатлѣніяхъ для воображенія, о глубокихъ волненіяхъ для сердца. Празднества должны быть также цѣлесообразны—воспитывать гражданъ добрыхъ, справедливыхъ, сильныхъ волей. Культъ долженъ отличаться простотой, — Ларевельеръ-Лепо приводитъ въ образецъ кальвиническое богослуженіе, произведшее на него сильное впечатлѣніе. Національныя празднества и гражданскіе обряды, напротивъ, должны являться внушительными и даже величественными. Ораторъ въ заключеніе сознается, что его идеи не понравятся и священникамъ, и нѣкоторымъ философамъ, — но онъ во имя усовершенствованія людей и улучшенія ихъ жизни готовъ идти противъ «кинжаловъ кроваваго фанатизма и преслѣдованій гордой философіи»¹⁾.

Теофилантропія, слѣдовательно, стремилась къ *принципамъ*, руководительству дѣйствіями людей въ личныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Принциповъ директоръ совѣтовалъ искать въ сердцѣ: «стучитесь въ сердце: изъ сердца забьетъ ключъ нравственности и только расцвѣтши въ сердцѣ она принесетъ обильные плоды». Чувство, а не разумъ, властитель поведенія людей.

Призывъ не новый, было бы новымъ, если бы пророкъ теофилантропіи показалъ, какимъ путемъ изъ человѣческаго сердца можно извлечь для всѣхъ убѣдительные принципы? Это необходимо, если религія должна воспитывать общество, но, оказывается, врядъ ли возможно. Послѣдніе слова Ларевельера-Лепо: каждый человѣкъ

¹⁾ *La Theophilantropie par Larevellière par Lépaux. La Rev. franç. 14 juin. 1882.*

понимаетъ принципы по-своему и о нихъ можно также спорить, какъ и о богословскихъ вопросахъ — безъ надежды на соглашеніе. Ораторъ не замѣчалъ, что въ этомъ соображеніи заключался разговоръ новой религіи.

Теофилантропы очень дѣятельно принялись за осуществленіе своихъ идей. Разсчитывая объединить и философовъ и христіанъ, они объявляли свою религію — *первобытной* и Иисуса Христа признавали ея основателемъ ¹⁾. Даже больше. Теофилантропы воспользовались опредѣленіемъ, какое Дидро далъ естественной религіи и примѣнили его къ своему культу. Естественная религія, по мнѣнію Дидро, это общая основа всѣхъ религій, освобожденная отъ спеціальныхъ заблужденій каждой исторической религіи ²⁾. Теофилантропія также похожа на всѣ религіи, она зиждется на принципахъ — не поколебимыхъ и священныхъ для всякой другой религіи. Ея Бога возвѣщали всѣ мудрецы и законодатели отъ Нумы и Сократа до Конфуція и Иисуса ³⁾. Теофилантропія поэтому стремилась преподавать самую простую и возвышенную нравственность, идиллически-чистую и мирную. Свѣжія впечатлѣнія революціи заставляли проповѣдниковъ формулировать свои принципы въ высшей степени осторожно, консервативно. Исповѣдуя республиканскія убѣжденія, они очень рѣдко занимались публичнымъ разъясненіемъ политическихъ вопросовъ, и здѣсь сводили задачу къ нравственности и просвѣщенію: надо распространить просвѣщеніе и восполнить пробѣлы общественнаго образованія ⁴⁾. Никакихъ революціонныхъ замысловъ теофилантропы не допускали. Однимъ изъ правилъ они объявили: «не пытаться критиковать гражданское законодательство, еще менѣе возбуждать недовольство законами» и всѣ вопросы общественнаго порядка теофилантропами разрѣшались съ величайшей осторожностью. Напримѣръ, никто усерднѣе ихъ не прославлялъ супружеской вѣрности и вообще семейныхъ добродѣтелей. Новый культъ установилъ особый «праздникъ супруговъ», проповѣдники подробно разбирали

¹⁾ Grégoire на основаніи сочиненій теофилантроповъ о происхожденіи теофилантропіи. I, 370.

²⁾ Diderot. O. c. I, 265 etc.

³⁾ Discours sur l'anniversaire de la Théophilanthropie. Recueil de discours prononcés dans divers temples des Théophilanthropes. A Paris: Années VI et VII.

⁴⁾ Discours pour la fête de la souveraineté du peuple. Recueil.

«священный» смысл брачнаго союза, возставали противъ безразличнаго или снисходительнаго отношенія къ непостоянству и невѣрности супруговъ, вопросъ о разводѣ разрѣшали осмотрительно, считали необходимымъ религиозное освященіе брака и усиливались стѣснить до послѣдней возможности поводы къ его разрыву. Картины семейнаго счастья,—одна изъ самыхъ любимыхъ темъ теофилантропическихъ проповѣдниковъ. Таковую же осторожность наблюдали теофилантропы, касаясь социальныхъ явленій. Они видимо желали въ этой области ограничиться такими же идиллическими изліяніями, восторженно отзывались о рабочемъ классѣ: онъ «лишенъ золота, но богатъ безкорыстіемъ и благородствомъ», земледѣльцамъ и земледѣлю пѣли гимны и въ прозѣ и въ стихахъ. Благотворительность, повидимому, казалась теофилантропамъ вѣрнѣйшимъ рѣшеніемъ социальныхъ задачъ: *il faut des hommes humains*. Путемъ благотворительности теофилантропы основывали школы, въ пользу ихъ печатали и продавали свои проповѣди, зывали къ богатымъ обложить себя «нѣкоторыми жертвами» для даровыхъ или почти даровыхъ школъ ¹⁾.

Вообще болѣе смиреннаго культа не существовало на развалинахъ стараго. Теофилантропы изошрялись преимущественно въ чувствительности и трогательности. Ихъ подозрѣвали въ нетерпимости, въ революціонныхъ покушеніяхъ, или,—совершенно наоборотъ, въ раболѣпствѣ передъ властью; теофилантропы горячо опровергали обвиненія и спрашивали у своихъ слушателей, пришло ли имъ услышать что-либо мятежническое или безнравственное въ храмахъ теофилантропіи? «Какое чувствительное сердце не становилось лучше и добродѣтельнѣе послѣ поученій теофилантроповъ?» ²⁾.

Мирный характеръ новаго культа вполне примирилъ съ нимъ правительство директоріи. Множество церквей въ Парижѣ было отдано въ распоряженіе теофилантроповъ,—или безраздѣльно, или совмѣстно съ католиками. Другъ Ларевельера Лепо внесъ въ совѣтъ пятьсотъ предложеніе объявить *гражданскую религію* со священно-

¹⁾ *Discours sur la bienfaisance et sur les moyens de faire prospérer les écoles.—Discours sur la constance et le courage dans le malheur.—Discours sur le bon ménage.—Sur la fête des époux.—Sur la fête de la reconnaissance.—Sur la fête de l'agriculture.—Du mariage et du divorce.—Discours sur la fête de la veillesse.—Recueil.*

²⁾ Историч. обзоръ развитія теофилантропіи.—*Discours sur l'anniversaire.*

служителями—чиновниками республики. Совѣтъ не принялъ предложенія, но публично въ *Адресъ къ французамъ* косвенно одобрилъ теофилантроповъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ разсылалъ по департаментамъ *Manuel des Théophilantropes*, правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ оплачивало расходы по богослуженію, при иностранныхъ сношеніяхъ старалось обезпечить въ католическихъ государствахъ полную безопасность исповѣдникамъ теофилантропіи ¹⁾. Гражданская религія распространялась въ провинціи, и ею здѣсь пользовались въ обычныхъ революціонныхъ цѣляхъ,—для преслѣдованія католиковъ. И этотъ фактъ только лишній разъ доказывалъ, какъ трудно было революціоннымъ дѣятелямъ остаться въ предѣлахъ идейной борьбы и какую второстепенную роль играло философское содержаніе той или другой доктрины. Но по существу теофилантропія стремилась быть мирной религіей и соревновать съ христіанствомъ высотой нравственнаго ученія и благородной простотой обрядовъ. *Руководство теофилантроповъ* подробно излагало смыслъ двухъ догматовъ, мораль и «ежедневное времяпрепровожденіе», т.-е. молитвы, образъ жизни, общее направленіе поведенія вѣрующаго и, наконецъ, обряды при празднествахъ ²⁾.

Но вся эта система не упрочила единства среди вѣрующихъ. Уже спустя полтора года въ теофилантропіи обнаружился расколъ, именно изъ-за стремленія части вѣрующихъ организовать возможно тѣснѣй. Теофилантропы не могли удержаться отъ искушенія,—не вступить въ соперничество съ католиками не только въ обрядахъ, но и въ церковномъ устройствѣ, создать нѣчто въ родѣ іерархіи, идейнаго обученія вѣрующихъ, особыхъ костюмовъ для проповѣдниковъ,—«центръ доктрины и управленія». Это стремленіе возмутило другую часть теофилантроповъ, находившихъ излишней всякую администрацію и всякій *сектантскій* духъ въ свободномъ республиканскомъ культѣ. Протестанты образовали общество своего *не католическаго* или *первобытнаго кюльта* ³⁾.

Но сильнѣйшимъ врагомъ новой философской вѣры было и осталось до конца католичество. Партийныя преслѣдованія могли только

¹⁾ Договоръ съ Неаполемъ. Grégoire. 407—411.

²⁾ Перепечатано въ *Dictionnaire historique des cultes religieux*, IV, supplément.

³⁾ *Dictionnaire, Supplém.*, 73—5.

возвысить національное значеніе старой религіи. Она изъ всѣхъ испытаній выходила незамѣнимой, по вѣковой укорененности ученія среди народной массы, по прочности внѣшней организаціи, по традиціонной привлекательности идеально упорядоченнаго культа, а гоненія, кромѣ того, укрѣпили и возвысили престижъ внутренней силы церкви. И она, ни на минуту не умирая среди террористическихъ ужасовъ, немедленно обнаружила энергическую жизненность послѣ 9-го термидора. У нея нашлось множество проповѣдниковъ, давно ждавшихъ возвращенія дорогой старины и изощрившихъ свое религіозное чувство до экстаза среди революціонныхъ событій. Эти люди принадлежали къ недѣятельному и непоказному слою парижскаго населенія. Ихъ нѣтъ среди «народа вечера» — *peuple du soir*, и ими не занимается республиканская печать, отмѣчающая разгулъ эпикурейскихъ инстинктовъ на поверхности термидорьянскаго общества.

Заинтересованные наблюдатели единодушно отмѣчаютъ поразительные успѣхи католическаго культа послѣ террора. Побѣдители Робеспьера рѣшили достигнуть двухъ цѣлей: умиротворить Вандею, для этого возстановить фактическую свободу католическаго культа, и окончательно отдѣлать государство отъ церкви. Законъ 3-го вантоза III-го года объявилъ всякій культъ свободнымъ въ предѣлахъ его храмовъ, освободилъ государство отъ всѣхъ обязательствъ предъ какой бы то ни было религіей: «республика», гласила 2-я статья закона, «не оплачиваетъ никакого культа» и католическое духовенство съ образцовой энергіей воспользовалось льготой ¹⁾. Парижъ увидѣлъ сцены, повергавшія въ «восторги радости» вѣрующіихъ. По ихъ словамъ, церкви не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ слушать мессу. Толпы людей стоятъ у церквей, будто ожидая предметовъ первой необходимости. Уже въ въ 1795 году, т.-е. немедленно послѣ закона о свободѣ культовъ, Пасха была отпразднована при большомъ стеченіи народа въ парижскихъ церквяхъ. Возникъ даже ажіотажъ на священныя книги, повсюду сѣвшии записаться евангеліемъ, часословомъ, требниками съ расчетомъ перепродать ихъ за дорогую цѣну. Аббаты стали появляться на улицахъ въ духовномъ платьѣ, чего не видали въ

¹⁾ Ср. *Les Constitutions de la France* avec un commentaire par Hélie. P. 1880. 428—9. Robidou. *Histoire du clergé*. P. 89. II, 371 etc.

Парижъ уже давно. Правда, на нихъ пока еще показываютъ пальцами, тѣмъ болѣе, что еще и закономъ не разрѣшено носить священнической костюмъ внѣ церкви. Но въ воздухѣ не чувствуется больше философскаго фанатизма, даже умѣренная печать начинаетъ выражать опасеніе предъ столь быстрыми успѣхами католичества. Она обращается къ набожнымъ людямъ съ такой отвѣдью: «Прекратите ваши іереміады,—вы оплакивающіе разрушеніе религіи и развалины Сіона! Іерусалимъ возрождается болѣе блестящимъ и болѣе прекраснымъ; никогда культъ не соблюдался строже, никогда его поклонники не бывали набожнѣе». Когда-то полицейскій лейтенантъ со всѣми своими шпионами не могъ добиться, чтобы лавочники закрывали свою торговлю въ день процессіи св. тѣла. Тогда парижскіе купцы были не больше христіанами, чѣмъ арабы. Времена переѣмнились. Теперь они посѣщаютъ всѣ церковныя службы, хотя бы даже было тридцать праздниковъ подъ рядъ.

Въ столицѣ возобновились сцены далекаго прошлаго. Снова у вратъ храмовъ появились кающіеся, десятина и требы опять вскорѣ обогатятъ духовенство, мессы уже стоятъ по двадцати пяти ливровъ, уже отлучаютъ отъ церкви владѣльцевъ національныхъ имуществъ, врагами Бога провозглашаютъ всѣхъ, кто не посѣщаетъ церкви и не тратится на культъ ¹⁾).

Въ департаментахъ стремительность къ старой вѣрѣ обнаружилась еще сильнѣе. Повсюду начали открывать церкви; города и села переполнились священниками. Самъ конвентъ призналъ необходимымъ считаться съ фактами и декретомъ 11-го преріала отдавалъ многочисленныя приходскія церкви въ полное распоряженіе католиковъ,—въ Парижѣ было отдано до 15 церквей, особая статья устанавливала порядокъ пользованія храмами для богослуженія различныхъ культовъ ²⁾).

Католичество дѣятельно принялось за осуществленіе новыхъ правъ. По расчету Грегуара уже въ 1797 году культъ былъ возстановленъ въ 32,214 приходахъ,—по другимъ свѣдѣніямъ болѣе чѣмъ въ 40,000 ³⁾). Государство не несло никакихъ издержекъ, ему

¹⁾ *La réaction thermidorienne à Paris. Revue de Paris*. 15 dec. 98, 857—9.

²⁾ Robidou II, 474—7.

³⁾ Chassin. *Resumé historique des lois et décrets de la Convention réglant en*

оставалось предоставить событія ихъ естественному развитію. Расходы по культу оплачивались прихожанами. Государство удерживало за собой только полицейскій надзоръ. Церковь становилась свободной и добровольной ассоціаціей вѣрующихъ. И церковь повидимому, рѣшалась идти этимъ путемъ. Католическій соборъ 1797 года предложилъ миръ неприсягнувшимъ священникамъ и не выразилъ притязаній на другія благодѣянія государства, помимо свободы. Президентъ собора три года спустя въ пастырскомъ посланіи объявлялъ, что религія Христова будетъ существовать безъ поддержки,—ея недостойной. И епископъ вспоминалъ примѣръ апостоловъ ¹⁾.

Дѣйствительно ли подобныя заявленія шли отъ сердца и можно ли было рассчитывать на самоотверженіе духовенства и въ будущемъ,—во всякомъ случаѣ Бонапартъ энергически вмѣшался въ нравственный и историческій процессъ и придать лично-разсчитанный характеръ уже готовому явленію. Католичество онъ отнюдь не возстановлялъ: оно возстановлялось независимо отъ чьего бы то ни было поощрительнаго содѣйствія. Консулу предстояло рѣшить вопросъ—предоставить ли церковь ея новой участи, т.-е. существованію въ всякой матеріальной и, слѣдовательно, идейной зависимости отъ государства или воспользоваться ею въ цѣляхъ государства, т.-е. возобновить въ той или другой формѣ гражданское устройство духовенства, созданное учредительнымъ собраніемъ. Понимая громадную культурную и социальную силу католической церкви, Бонапартъ естественно рѣшилъ вопросъ во второмъ направленіи. Онъ же нанесъ смертельный ударъ и теофилантропіи, представлявшей родъ свободной идеологіи—республиканской и философской, при всей ея сдержанности и чувствительности. Распоряженіемъ консуловъ у теофилантроповъ были отняты церкви и культъ ихъ умеръ, по крайней мѣрѣ, для общества. У возродившагося католичества также потребовали свободу, но не даромъ, а цѣной сдѣлки.

Правительство признавало необходимой вообще религію и наиболѣе цѣлесообразной въ политическомъ отношеніи, считало католичество. Портались подробно объяснилъ правительственный взглядъ

matière religieuse la liberté de conscience. La Révol. franc. 14 nov. 1881, 435—6. Robidon, II, 409—10. Pressensé, 446—7.

¹⁾ Проповѣдь епископа Лекоза при открытіи собора 1797 года. Pressensé. 446—7.

въ законодательномъ корпусѣ: «люди вообще нуждаются въ томъ, чтобы ихъ на чемъ-нибудь утвердили; имъ нужны больше правила, чѣмъ доказательства». Неизбѣжна однимъ словомъ, *дисциплина*. Религія съ догматами, съ моралью, свыше освященными, съ культомъ, дѣйствующимъ на воображеніе, наилучшее средство управлять «толпой». Католичество какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этимъ условіямъ, и на немъ слѣдуетъ остановиться. «Дѣло идетъ,—говорилъ Порталль,—не о разрушеніи, а укрѣпленіи и созиданіи» ¹⁾.

Но если религія—политическое средство, она должна находиться въ полномъ распоряженіи государства, и новый конкордатъ усвоить всѣ основанія гражданской конституціи духовенства, созданной учредительнымъ собраніемъ,—за исключеніемъ демократическаго элемента. Епископы назначались первымъ консуломъ, все духовенство получало казенное содержаніе и приносило присягу въ вѣрности конституціи. Папа примирялся съ продажей церковныхъ имуществъ.

Мы видимъ, конкордатъ въ отношеніи къ католической церкви воспользовался всѣми завоеваніями и философіи XVIII-го вѣка, и революціи. Откровенная религія трактовалась исключительно съ политической точки зрѣнія, призывалась къ дѣятельности, какъ органъ государства. Конкордатъ по существу заканчивалъ и узаконялъ идейное разложеніе старой доктрины и практическое уничтоженіе церкви, какъ самодовлѣющей свободной силы. Въ этомъ смыслѣ конкордатъ Бонапарта — краснорѣчивый культурный фактъ. Смыслъ не преминулъ подчеркнуть самъ первый консулъ. Раздраженный колебаніями куріи — принять проектъ французскаго правительства, Бонапартъ выразилъ угрозу — оторвать Францію отъ католичества, если Римъ къ извѣстному сроку не уступитъ. Угроза, очевидно, оказалась осуществимой для папской дипломатіи: она успѣшила предотвратить гибель перваго консула.

Бонапартъ не могъ, разумѣется, раскатоличить французскаго народа: онъ ревностно возвращался къ старой вѣрѣ, въ сущности, не покидая ея ни въ какой періодъ революціонныхъ гоненій и опы-

¹⁾ *Recueil de decrets, ordonnances, traités de paix, manifestes, proclamations, Discours etc. de Napoléon Bonaparte et des Membres du gouvernement français, Londres 1813, I, 274 etc. „Les hommes en général ont besoin d'être fixés; il s'agit d'affirmer et d'édifier“.*

товъ съ новыми религіями. Но Франція — просвѣщенная, философствующая, даже официальная привѣтствовала бы полный расколь съ искреннимъ восторгомъ. Она желала неограниченной свободы культовъ, полного равенства между ними и совершеннаго отдѣленія ихъ отъ государства. Лафайеттъ объяснилъ это открыто, и на его сторонѣ оказались генералы и законодательный корпусъ. Одни смѣялись надъ замысломъ Бонапарта, другіе не дерзая на открытую оппозицію, встрѣчали проектъ недовольнымъ молчаніемъ, а законодательный корпусъ выбралъ своимъ президентомъ Дюпон, автора книги *Origine de tous les cultes*, — человѣка безъ всякой религіи, по мнѣнію Бонапарта.

Но народная Франція сама возстановила католичество. Какъ она отнеслась къ конкордату? Мы слышали, — само духовенство не стремилось къ милостямъ правительства. По наблюденіямъ г-жи Сталь, и — вѣрующіе также не подозрѣвали необходимости какого бы то ни было правительственнаго вмѣшательства въ религіозный вопросъ. Они желали только прекращенія гоненій на священниковъ. Вѣротерпимость, на американскій образецъ, вполне удовлетворила бы религіозную Францію. Бонапартъ превращая церковь въ орудіе своей власти, пролагалъ новый путь къ трону: «онъ нуждался въ духовенствѣ все равно какъ въ камергерахъ»¹⁾.

Какъ бы то ни было религія и церковь могли путемъ закона стать въ подчиненное положеніе не только предъ государствомъ, но даже предъ единоличной волей. Бонапартъ особыми «органическими» постановленіями совершенно поработилъ епископовъ и священниковъ — свѣтской власти. Каждый ихъ шагъ былъ предусмотрѣнъ и точно опредѣленъ, начиная съ права передвиженія и кончая подробностями въ костюмахъ. При такой заботливости не всѣ оказались способными превратиться въ «камергеровъ», правовѣрные хранители преданій протестовали не во Франціи, а изъ Англии, изъ лагеря эмигрантовъ. Но даже отсюда, изъ этого самаго лагеря, явился самый восторженный прѣснопѣвецъ новаго «Кира — возстановителя храма» — Шатобрианъ, посвятившій свой *Геній Христіанства* — Бонапарту.

Наблюдая всѣ эти явленія, протестанскій священникъ имѣлъ основаніе осмыслить ихъ слѣдующимъ выводомъ: «религіи переста-

¹⁾ *Considérations sur la Révolution française*. II, 273.

ить существовать сами по себѣ и для себя, онѣ входятъ въ организацію правительства, онѣ становятся предметомъ администраціи».

Бонапартъ завершилъ свою религіозно-организаторскую дѣятельность изданіемъ *Катихизиса французской имперіи*. Это былъ опытъ—приспособить къ интересамъ личности уже не церковь, а религіозную догму, доктрину. Служеніе Наполеону приравнивалось къ служенію Богу, и благодѣянія и доблести Наполеона прославлялись въ самомъ текстѣ катихизиса. «Въ первый разъ съ установленія христіанства,—говоритъ Грегуаръ,—произошелъ такой скандалъ—явился катихизисъ, нарочно приспособленный въ пользу одной личности и одной семьи». И катихизисъ былъ одобренъ кардиналомъ-легатомъ а *latere* съ чрезвычайными полномочіями ¹⁾.

Никакая Каносса не могла до такой степени унижить католичество какъ церковь, какъ религіозную систему. Впослѣдствіи оно могло вновь приобрести политическое вліяніе во Франціи, при Бурбонахъ конгрегація—иезуитская и фанатическая—могла стать вдохновительницей власти, изобрѣсти проектъ новаго конкордата—въ средневѣковомъ стилѣ, даже заставить бывшихъ атеистовъ Директоріи и скептиковъ имперіи—строить часовни, посѣщать церкви и участвовать въ религіозныхъ процессіяхъ, наконецъ, наложить руки на народное просвѣщеніе: все это было только судорожнымъ движеніемъ на смерть пораженнаго организма. Католическая доктрина не могла воскреснуть и снова властвовать надъ умами, какъ философская и нравственная истина ²⁾. Она только своими притязаніями ускоряла политическія катастрофы и, повидимому, консервативнѣйшіе идеалы неизмѣнно оказывались революціонными. Основы новой прочной идеальной организаціи предстояло искать въ области другихъ идей. Что эти идеи могли развиваться внѣ католичества,—допускали даже такіе наблюдатели революціонныхъ событій, какъ Де-местръ. Ему казалось,—всякій истинный философъ—при современномъ разложеніи нравственныхъ принциповъ и разладѣ мнѣній—долженъ выбрать одну изъ двухъ гипотезъ: или возникнетъ новая религія, или христіанство обновится какимъ-нибудь необыкновеннымъ образомъ ³⁾.

¹⁾ Pressensé, 517—546. Robidou. II, 417—8.

²⁾ *Le Concordat de 1817*, A. Devidour. *La Rev. franc.* 1896. XXXI, 501 etc. *La Congrégation* (1821—1830) *La Rev. franc.* 14 janv., 14 févr. 1897.

³⁾ *Considérations sur la France*. P. 1853, p. 73.

Такъ думалъ Деместръ вскорѣ послѣ террора, и самая постановка задачи указывала на болѣе естественное ея рѣшеніе: христіанство, т.-е. въ смыслѣ Деместра католичество, могло обновиться только необыкновеннымъ образомъ—*de quelque manière extraordinaire*: очевидно больше надеждъ оставалось на новую религію, и этотъ вопросъ является на очереди два послѣ страстнаго разрушительнаго религіознаго творчества революціи и чисто-политической реставраціи церкви—Бонапартомъ.

XI.

Мы видѣли, вѣра въ необходимость нравственно-религіозной доктрины—логическая, инстинктивная или политическая—не исчезала окончательно ни въ какую *критическую* эпоху, былъ ли это—періодъ просвѣтительной философіи или разгаръ революціи. Но послѣ террора созидательская тенденція обнаруживается съ особенной яркостью среди наиболѣе жизненныхъ и вдумчивыхъ элементовъ общества. Настоящая потребность въ религіозномъ строительствѣ чувствуется людьми всѣхъ направленій, отъ представителей разрушеннаго общественнаго порядка до его рѣшительныхъ противниковъ. Естественно не всѣ партіи находятся въ одинаково выгодномъ положеніи. У тѣхъ, кто не утратилъ нравственной и политической связи съ дореволюционнымъ прошлымъ, положительный идеалъ—готовъ: возстановленіе старины и притомъ самое воинственное и послѣдовательное, такъ какъ старина должна не только утѣшить обездоленныхъ, но побѣдить торжествовавшихъ и продолжающихъ торжествовать и, наконецъ, отомстить имъ за побѣду. Отсюда фанатическій, якобинскій характеръ реакціонной философіи. Деместръ говорить не только о Богѣ, но о богѣ страшномъ, мстительномъ, несправедливомъ, требующемъ жертвъ и умиловленій. Деместръ требуетъ не только христіанства, но неограниченной папской власти, инквизиціоннаго суда надъ всѣми вѣрующими, палача ставить во главу угла человѣческаго общества. Права Бога, по программѣ Деместра, ведутъ къ тому же террору, какой революціонное якобинство создало во имя правъ человѣка. И если революція призвала фанатизмъ разума противъ откровенія, реакція въ лицѣ единомышленника Деместра-Бональда—переставитъ роли жертвъ и гонителей и открыто потребуетъ жесточайшихъ мѣръ противъ мысли и слова,

вооружится даже противъ опытныхъ наукъ и техническихъ изобрѣтеній. Третій мыслитель—самый блестящій и страстный—объявитъ преступленіемъ не только невѣріе въ католичество, но даже равнодушіе къ нему. «Самый больной вѣкъ, — начинается знаменитая книга,—не тотъ, который увлекается заблужденіемъ, а тотъ который пренебрегаетъ, который презираетъ истину». Логическій выводъ—отожествленіе усердія съ фанатизмомъ, религіозности съ обоготвореніемъ намѣстника Христа. Революція усиливалась церковь поработитъ государству,—теперь обратный идеаль: папа долженъ явиться верховнымъ судьей надъ міромъ.

Какой положительный результатъ могли вызвать подобныя проповѣди? Они были прежде всего партійнымъ отрицаніемъ ненавистныхъ явленій, борьбой фанатизма противъ фанатизма, и все равно какъ красный терроръ не могъ создать грочной системы принциповъ, такъ и бѣлый съ самаго начала осудилъ себя на истощеніе отъ протестующей и мстащей страсти. Но не въ этомъ только заключался смертный приговоръ надъ реакціонной мыслью. Еще болѣе страшнымъ недугомъ ея являлось невѣріе въ собственную вѣру. Можно было сколько угодно возмущаться слишкомъ откровеннымъ политическимъ расчетомъ Бонапарта, возстановлявшаго церковь, но въ сущности та же политика одушевляла религіозную страсть талантливѣйшихъ защитниковъ алтаря. Ни Деместръ, ни Бональдъ, ни даже поэтически-талантливый Шатобрианъ не могли душой переживать того, что они доказывали отъ разума, исторіи или эстетики. Деместръ и Бональдъ—по приемамъ своихъ доказательствъ и по настроеніямъ—не что иное какъ *анти-философы*—въ смыслѣ XVIII-го вѣка, *анти-вольтерьянцы* все равно какъ тѣ были *анти-теологи*—по мѣткому опредѣленію Сень-Самона. Они воюютъ противъ разума тѣми же способами, какими философы пользовались противъ церковной религіи, и основательное знакомство съ Вольтеромъ и Руссо доказывается всѣми произведеніями Деместра и Бональда.

Жуффруа удачно изобразилъ эту психологію обновителей мертвого порядка. «Пусть старый режимъ царствуетъ деспотически,—онъ убѣжденъ въ своей неправдѣ. Онъ самъ сознаетъ свое ничтожество; онъ не можетъ чувствовать того, что ему необходимо исповѣдовать напоказъ, и эта невозможность вѣрять въ собственные

ныхъ противниковъ политическаго преобладанія церкви и вѣроисповѣданія.

Сень-Мартэнъ родился «официальнымъ защитникомъ Провидѣнiя», выступалъ въ этой роли еще противъ энциклопедистовъ, при революціи, мы знаемъ, боролся противъ философіи Кондильяка и на эпоху — непосредственно за терроромъ — падаетъ полный разцвѣтъ его славы. Въ 1795 году вышло его *Письмо къ другу о французской революціи*, написанное раньше его поединка съ Гара въ Нормальной школѣ. Оно доказывало провиденціальное значеніе революціи, приравнивало ее къ страшному суду, находило въ событіяхъ цѣлесообразную высшую волю и приходило къ заключенію, что религіозныя идеи выиграли отъ революціоннаго движенія и должны восторжествовать надъ новымъ обществомъ. Сень-Мартэнъ съ этихъ поръ станетъ рисовать свой особый идеаль—*божественной теократіи*,— не имѣющей ничего общаго съ папскою политикою. Сень-Мартэнъ — противникъ церковнаго христіанства, врагъ іерархіи. Его религія— нравственная и созерцательная, страстное влеченіе человѣческой природы къ божественному свѣту, таинственное слияніе человѣческой души съ божествомъ. Это религія восторговъ, откровеній, неугасимаго горенія духа передъ Богомъ.

Сень-Мартэнъ имѣлъ множество почитателей въ свѣтскомъ обществѣ—французскомъ, англійскомъ и русскомъ. Высокій полетъ его *идей* весьма часто подмѣнялся въ этой средѣ внѣшней *практикой*, разными теургическими операціями. «Жажда Бога» искренняя у Сень-Мартэна имѣла у его многихъ послѣдователей судьбу одинаковую съ художественными влияніями шатобріановскаго *Генія Христіанства*,—съ одной разницей: Шатобріанъ ничего не могъ имѣть противъ религіозныхъ декораций и археологическихъ фантазій въ средневѣковомъ церковномъ стилѣ: у него самого религіозность не поднималась выше этихъ удовольствій,—Сень-Мартэнъ, несомнѣнно, представлялъ глубокое культурное явленіе, хотя и выраженное въ личной своеобразной формѣ.

Мистическая струя—чрезвычайно сильна въ настроеніи людей, стоящихъ во главѣ религіознаго вѣка. Убѣжденіе въ провиденціальномъ характерѣ только что совершившихся событій — непосредственное внушеніе революціи и для политиковъ средневѣковой церкви, и для восторженно-религіозныхъ мечтателей, и для совершенно трезвыхъ

и свободомыслящихъ наблюдателей дѣйствительности. Сень-Мартэнъ и Деместръ единодушно строятъ свои разсужденія о революціи на върѣ въ ея фатальное теченіе. Не люди вели революцію, а она увлекала ихъ и *Божество ни въ одномъ человѣческомъ событіи не обнаруживалось съ такою ясностью*. Деместръ поспѣшитъ прибавить о *сатанинскомъ* участіи въ этомъ фатальномъ явленіи,—но сущность идеи отъ этого не измѣняется. Революція неожиданно-грознымъ и стихійно-разрушительнымъ движеніемъ невольно вызвала у современниковъ настроеніе противоположное духу предыдущей эпохи. Просвѣтители могли опѣивать *ниже* дѣйствительной силы—независимый отъ воздѣйствія личности историческій процессъ и *выше* подлиннаго значенія—творческія способности личности. Законодатель Руссо долженъ быть способнымъ измѣнять даже человѣческую природу и якобинцы возьмутъ на себя эту задачу. Когда столь могущественные законодатели потерпѣли участь, одинаковую съ своими жертвами и когда вообще революція послѣдовательно обнаружила призрочность личнаго геройства и мимолетность личной роли,—свидѣтели невольно—на разные лады — принялись повторять старыя слова шекспировскаго героя, также пережившаго удивительная катастрофы съ личностями: «звѣзды, святыя звѣзды правятъ чело-вѣкомъ».

Одномысленный эпитафій Сень-Мартэнъ ставитъ на своемъ сочиненіи о революціи, къ тому же выводу приходитъ Деместръ — о тѣхъ же событіяхъ, наконецъ, съ буквальной точностью та же истина мистика и инквизитора будетъ повторена либеральнымъ историкомъ революціи, «Люди, по мнѣнію Минье, совершаютъ великія дѣла безсознательно — *avec ignoance*. Богъ, чьимъ орудіемъ они являются, свои намѣренія не столь часто влагаетъ въ ихъ умъ, какъ въ ихъ положеніе. Онъ пользуется ихъ страстями, чтобы выполнить свои планы»¹⁾). Всѣ эти уроки преподала историкамъ и философамъ революціонная эпоха. Не успѣвши создать положительнаго міросозерцанія, она внесла новую черту въ человѣческое стремленіе къ нему. Восемнадцатый вѣкъ признавалъ логическую неизбѣжность системы, политическую необходимость, практическую полезность и только среди особаго типа философовъ—патетическаго по преиму-

¹⁾ Mignet. *Notices historiques* I. 35.

ществу—система являлась внушеніемъ самой природы, истинноиъ, вдохновеніемъ. Но и въ этомъ случаѣ систематизація принциповой или подвергалась общей участи внушеній и вдохновеній т. е. зависѣла отъ чувствъ и настроеній, или переходила въ чисто-разсудочную догматику.

Революція, тщетно усиливаясь осуществить философское творчество, оказала великую услугу нравственному предрасположенію своихъ современниковъ къ такому творчеству. Къ мотивамъ просвѣтительной систематической мысли она прибавила свой—идею нѣкоей органической и цѣлесообразной силы, дѣйствующей въ исторіи. Это не лирическое представленіе Кондорсе о прогрессѣ, не живописное *путешествіе* вольтеровскаго *разума*: и то и другое допускало неограниченное творческое воздѣйствіе личности на процессъ. Теперь—мы видѣли—историческое воззрѣніе близко къ фатализму, склонно къ обезцѣниванію личности въ пользу Провидѣнія. Исторія—есть осуществленіе свыше предназначенныхъ цѣлей, таковъ смыслъ, извлеченный изъ революціонныхъ событій Деместромъ и Минье. Это не прогрессъ Кондорсе и не система Тюрго,—это ни что иное какъ перестановка *личныхъ* факторовъ, подмѣна человѣка Богомъ, разсудочныхъ наведеній и героическихъ обобщеній мистицизмомъ и резиньяціей. Это настроеніе останется наслѣдствомъ для многихъ поколѣній, и будетъ уживаться даже рядомъ съ представленіемъ о закономерной исторической эволюціи.

При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о быломъ философскомъ презрѣніи къ серьезному изслѣдованію религіозныхъ тайнъ. Когда то Вольтеръ пришелъ въ жестокое негодованіе на сочиненіе Сень-Мартэна — *О заблужденіяхъ и объ истинѣ*, гдѣ матерьялизмъ унижался во славу христіанскаго ученія о Словѣ, какъ творческой силѣ ¹⁾. Теперь одинаковымъ уваженіемъ просвѣщеннѣйшей литературы пользуются и религіозное чувство и изслѣдованія въ этой области. Религія великое курьтурное и нравственное явленіе,—въ этомъ убѣждены самые искренніе защитники вѣротерпимости и вообще политической и умственной свободы.

Во главѣ либеральной мысли стоятъ—г-жа Сталь и Бенжамэнъ Констанъ, оба они захвачены современнымъ повѣтріемъ мистицизма

¹⁾ *Des erreurs et de la verité*, 1775 Ср. Matter. O. c. 68 etc.

и независимо от своего настроенія, являются убѣжденными защитниками нравственно-религіозныхъ системъ, какъ естественныхъ историческихъ силъ.

Уваженіе къ религіи у г-жи Сталь было наслѣдственнымъ. Ея отецъ наканунѣ революціи издалъ книгу *О важности религіозныхъ мнѣній*. Онъ доказывалъ тѣсную связь религіи съ администраціей, съ законодательствомъ и нравственностью, — это одно — «великое цѣлое» *ce grand ensemble*. Неккеръ сѣтовалъ на воцаряющіеся повсюду невѣріе, на чисто-личную ожесточенную полемику философовъ и фанатиковъ — безъ истинной любви къ истинѣ и безпристрастнаго исканія ея. У Неккера можно найти программу блестяще выполненнаго вполнѣдствіи похода г-жи Сталь противъ поверхностныхъ идей философіи здраваго смысла и разлагающаго вліянія матеріализма. На эту тему будутъ написаны краснорѣчивѣйшія страницы въ книгѣ о Германіи, — пока дочь Неккера въ сравнительно менѣе энергичной, но вполнѣ определенной формѣ прославляетъ нравственныя достоинства религіи. Въ сочиненіи *О вліяніи страстей*, написанномъ подъ живымъ впечатлѣніемъ террора, религія является спутницей человѣка въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ жизни, и въ примѣръ приводится мужественное поведеніе Людовика XVI предъ смертью. Авторъ спѣшитъ рѣзко разграничить церковный догматизмъ, переходящій въ бездушную набожность и порабощеніе разума, — отъ «религіозныхъ идей болѣе высшаго порядка»: воспитанница гуманной мысли XVIII-го вѣка не можетъ забыть о «суевѣрной вѣтерпимости, квіетизмѣ, иллюминатствѣ». Но все это она сама называетъ «злополучными результатами пустоты бытія, борьбы чедовѣка противъ времени, неудовлетворительности жизни». Все разсужденіе пронизуто глубокой меланхолей, безпрестанно воспѣваемой молодой писательницей въ теченіе революціонной эпохи ¹⁾).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда терроръ успѣлъ стать историческимъ фактомъ и Франція начала успокаиваться и организовываться, — г-жа Сталь отозвалось на злобу дня любопытнымъ сочиненіемъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не изданнымъ. Цѣль работы ясна

¹⁾ *De l'importance des opinions religieuses. Liège, 1788. 2—9; 25 etc.*

²⁾ *De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations. Section II, chap. IV ср. Essai sur les fictions.*

изъ заглавія: г-жа Сталь намѣрена разсуждать о томъ, какъ *кончить революцію* и на какихъ принципахъ основать республику во Франціи ¹⁾).

Настоятельная задача времени—прекратить революціонное состояніе государства, поддерживаемое двумя крайними партіями—реакціонной и якобинской. Средство единственное—установить общественное мнѣніе на прочныхъ и опредѣленныхъ принципахъ: надо *бросить потоки свѣта на принципы и ихъ примѣненія*. Эту обязанность должны взять на себя представители мысли и художественнаго слова. Они должны истребить въ народѣ духъ фанатизма и насилія и преподать ему уроки терпимости и гражданскаго долга. Въ этомъ дѣлѣ наравнѣ съ политиками и ораторами должны принять участіе и ученые,—именно славнѣйшая ученая корпорація Франціи—институтъ,—отъ всѣхъ этихъ людей долженъ возникнуть «толчокъ національному духу». Они представляютъ собой высшую нравственную силу націи,—г-жа Сталь приходитъ въ восторгъ отъ Бонапарта, ставшаго членомъ института: этимъ онъ указалъ истинный путь общественному мнѣнію.

Какимъ же путемъ слѣдуетъ открыть принципы? Отвѣтъ г-жи Сталь заслуживаетъ всего нашего вниманія: онъ—предзнаменованіе для будущихъ поисковъ за новымъ міросозерцаніемъ.

Прежде всего писательница, пережившая безплодное но роковое религиозное резонерство якобинства, — возстаетъ противъ «идеологій», противъ упражненій въ неуловимыхъ отвлеченныхъ теоріяхъ. «Метафизика, говоритъ она,—извлеченная изъ положительныхъ предметовъ, обобщеніе точныхъ идей—прекраснѣйшая работа, на какую только способенъ человѣческій умъ; но метафизика пустаго пространства—одна только иллюзія воображенія». Г-жа Сталь готова вручить государству власть надъ періодической печатью—съ цѣлью создать и дисциплинировать общественное мнѣніе, слѣдить за сообщеніемъ и освѣщеніемъ фактовъ. Бонапартъ за свой счетъ осуществитъ именно эту идею,—г-жа Сталь—не находитъ иного средства—создать и упрочить республиканскіе принципы.

¹⁾ *Des circonstances actuelles qui peuvent terminer la Révolution et des principes qui doivent fonder la République* Рукопись относится къ 1791 году, находится въ Bibliothèque Nationale. О ней сообщ. Paul Gautier—*Revue des deux Mondes*, 1 nov. 1869, 85—113.

Но всякій принципъ, какъ бы онъ ни былъ совершененъ, остается буквой и звукомъ, если не найдется въ пользу его нравственнаго воодушевленія—самоотверженнаго, обще-идейнаго. Г-жѣ Сталь въ печальномъ видѣ представляется современное французское общество. Эпикурейство, любостязаніе и эгоизмъ—глубоко проникли въ умы и страсти людей. Ихъ надо вернуть къ энтузіазму, нравственно возродить и возвысить,—а для этого необходимо возстановить религіозную идею. Но это не значить,—будто религіей слѣдуетъ пользоваться какъ политическимъ средствомъ. Французы утратили религіозность именно потому, что различныя партіи неуклонно стремились направлять религію къ политической цѣли, а между тѣмъ «ничто такъ мало не располагаетъ къ благочестію, какъ пользование религіей ради какого либо другого предмета, а не ради ея самой».

Слѣдовательно,—религія должна только вообще возвышать человѣческую природу, внѣдрять въ нее способность вѣровать въ принципы. Г-жа Сталь, очевидно, заранѣе осуждала Конкордатъ Бонапарта,—но не могла удержаться отъ вѣроисповѣдной проповѣди. Католичество, по ея мнѣнію, совершенно непригодно быть религіей французовъ. Оно опирается на слѣпую вѣру въ таинства, оно тѣсно связано съ старой монархіей. А между тѣмъ религія не должна противорѣчить принципамъ разума, менѣе всего обращать вниманіе по догму и на первый планъ ставить мораль. Протестанство удовлетворяетъ вполнѣ этимъ условіямъ и оно, кромѣ того, по своей организаціи, по своей исторіи—защитникъ свободы и равенства, слѣдовательно, религія по преимуществу республиканская, враждебная католичеству. Только протестанство можетъ разрушить тиранническую церковь. И г-жа Сталь позже не проститъ Бонапарту—его официального востановленія католичества, какъ религіи большинства французовъ.

Эта программа не осталась у автора одинаковой во всѣхъ подробностяхъ. Религія прославляется—и въ книгѣ о *Германіи* и въ романѣ *Коринна*. Здѣсь говорится: *Le sublime en tout genre est un reflet de la Divinité*,—и рѣчь переходитъ въ безпредѣльный восторгъ предъ красотой и силой религіозныхъ волненій. Онъ находится въ неравнѣрной связи съ разсужденіями о религіи нѣмцевъ и особенно съ главой, озаглавленной *О религіозномъ настроеніи именуемомъ мистицизмомъ*. Защита энтузіазма, его могущественнаго вліянія на про-

свѣщеніе—принадлежитъ къ той же области идей и чувствъ. Результатъ знакомства съ религіей и філософіей Германіи расширяетъ культурный взглядъ г-жи Сталь на религію. Она ссылается на сочиненіе Лессинга *Воспитаніе человѣческаго рода* и принимаетъ идею прогресса въ области религіи. Ей вполнѣ понятенъ законъ соответствія религіозныхъ возрѣвій уровню просвѣщенія въ данное время и она готова вѣрить въ новое ближайшее *развитіе христіанства*: «оно соберетъ въ одномъ очагѣ всѣ разсѣянные лучи, оно откроетъ намъ въ религіи больше чѣмъ мораль, больше чѣмъ счастье, больше чѣмъ філософію, больше чѣмъ даже чувство, такъ какъ каждое изъ этихъ благъ возрастетъ благодаря своей связи съ остальными».

Г-жа Сталь не рѣшаетъ вопроса о содержаніи будущей религіи, она поглощена преимущественно изображеніемъ религіозной природы человѣка, души, вдохновляемой энтузіазмомъ, всеобъемлющей вѣрой въ идеаль. Такъ какъ здѣсь догма и культъ имѣютъ второстепенное значеніе,—писательница легко переходитъ къ сочувственному описанію мистицизма, «возношенія души къ Творцу—этого высшаго культа христіанъ мистиковъ». Упомянется Сень-Мартэнъ, какъ «французскій писатель обладающій высшимъ просвѣщеніемъ» и восторженно оцѣниваются произведенія Фенелона. И дальше—энергическая защита мистиковъ вообще, соединяющихъ въ себѣ «спокойствіе стоицизма съ чувствительностью христіанства». Въ заключеніе—отождествляются три понятія—идеалистическая філософія, мистическое христіанство и истинная поэзія: все это въ одинаковой мѣрѣ свойственно Германіи. Представители всѣхъ этихъ направлений стремятся къ одной и той же цѣли: создать людей энергичныхъ, вдумчивыхъ, искреннихъ, благородныхъ—вмѣсто умниковъ безъ идей, шутниковъ безъ веселости, эпикурейцевъ безъ воображенія: всѣ эти люди именуются родомъ человѣческимъ только за недостаткомъ лучшаго ¹⁾.

Отъ такихъ сильныхъ чувствъ недалеко до почтительнаго отношенія къ мистическимъ бесѣдамъ императора Александра I съ г-жей Крюднеръ. Г-жа Сталь не возражаетъ на безграничные восторги одной изъ своихъ великосвѣтскихъ корреспондентокъ предъ г-жей

¹⁾ *De l'Allemagne*. Quatr. p., chap. I, V.

Крюднеръ и спѣшить заявить: «я вѣрю въ мистицизмъ, т. е. въ религію Фенелона, въ религію, имѣющую святилище въ сердцѣ, которая соединяетъ любовь съ дѣлами, я вѣрю въ реформацію *Реформации*, въ развитіе христіанства, въ сліяніе всего хорошаго въ католичествѣ и въ протестантствѣ, и въ совершенное разграниченіе религіи отъ политическаго вліянія священниковъ». Г-жѣ Сталь Александръ I является «чудомъ провидѣнія»; онъ долженъ стать во главѣ двухъ благородныхъ идеаловъ человѣчества — «религіи сердца и представительнаго образа правленія»¹⁾.

Это противопоставленіе двухъ понятій—*la religio in time*—и церкви,—*la religio sacerdotale* основа нравственнаго взгляда на религію у Констана. Онъ писалъ свое изслѣдованіе объ источникѣ, формахъ и развитіи религіи также сильно тяготѣя къ мистицизму. Корреспондентка, г-жи Сталь восхищаясь г-жей Крюднеръ, сообщала о частыхъ свиданіяхъ ея съ Констаномъ. Знаменитый либеральный писатель дѣйствительно усердно посѣщалъ моленную баронессы,—и до какой степени глубоко затрогивали его мистическія настроенія,—мы знаемъ изъ другого источника—изъ воспоминаній герцога Брольи.

Продолжительное изгнаніе, прожитое Констаномъ преимущественно въ Германіи, знакомство съ германскою наукою и философій, окончательно унизили въ его глазахъ философскую метафизику XVIII-го вѣка,—и, напримѣръ, такое «удивительное» явленіе какъ Гольбахъ—Констанъ могъ объяснить только страстностью борьбы противъ фанатизма. Его намѣреніе—разсказать исторію религіи—было предварено Дюшои, бывшима членомъ конвента, а еще раньше ученикомъ католическаго богословія. Дюшои, съ ревностью церковниковъ-отщепенцовъ дореволюціонной эпохи, написалъ громадное сочиненіе противъ религіи, обильное доказательствами рѣдкой учености автора. Еще Вольтеръ перечислялъ цѣлый рядъ служителей католической церкви—съ знаменитымъ Мелье во главѣ—яростныхъ противниковъ не только католичества, но даже религіи вообще²⁾. Дюшои не былъ священникомъ,—но почти до тридцатилѣтняго возраста носилъ церковное платье, какъ лиценціатъ богословія,—и, снявъ его, продол-

¹⁾ Mühlenbeck. *Etude sur les origines de la Sainte-Alliance*. Paris-Strasbourg, 234—6. Письмо къ M-me de Gerando 27 сент. 1815.

²⁾ *Lettres à son Altesse Mgr. le Prince de Brunswick*, VII. O. compl. XLIV, 361—4.

жалъ работать надъ цѣлымъ арсеналомъ противорелигіознаго оружія. Трехтомная работа, стоившая автору безчисленныхъ усилій, вышла фактическимъ комментариемъ къ Гольбаху и послѣдовательнымъ приложеніемъ «великой аксіомы» о происхожденіи всѣхъ нашихъ идей отъ чувства — къ религіозному вопросу. Цѣль автора доказать, что всѣ религіи не что иное какъ обожаніе видимой вселенной, точнѣе аллегорическая астрономія,—даже христіанство съ его ученіемъ о грѣхопадении и искупленіи. Съ этой точки зрѣнія Дюпюи разсматриваетъ содержаніе св. преданій и книгъ— всѣхъ народовъ, оцѣниваетъ религіозные памятники, разъясняетъ таинства, толкуетъ догматы,—и главное вниманіе посвящаетъ «разоблаченію» христіанства и, въ заключеніе,—«полному объясненію» Апокалипсиса. Выводъ Дюпюи стоитъ во главѣ сочиненія и гласитъ: *Вселенная—Богъ*, и культурнѣйшіе народы, по мнѣнію автора, принуждены возвратиться къ религіознымъ представленіямъ дикарей,—къ отождествленію Божества съ природой¹⁾. Дюпюи не удовлетворился изданіемъ одной редакціи своего изслѣдованія,—въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія своихъ идей онъ напечаталъ краткое изложеніе ихъ, по тону еще болѣе энергичное и особенно подробное въ «объясненіи басни о солнцѣ обожасомомъ подъ именемъ Христа»²⁾.

Астрономическое толкованіе всѣхъ религій, подтверждаемое звѣздными таблицами, должно было производить впечатлѣніе на современныхъ читателей не только противорелигіозной тенденціей автора,—но еще особымъ освѣщеніемъ идейнаго смысла астрономическихъ явленій. Этотъ смыслъ придавалъ особый философскій интересъ Ньютонскому закону, столь могущественно дѣйствовавшему на воображеніе людей XVIII-го вѣка и даже позже,—и не могъ остаться безъ вліянія на извѣстные намъ попытки—распространить астрономическій принципъ на міръ органической и нравственной.

Можно думать, и на Константа изслѣдованіе Дюпюи не осталось безъ вліянія. Но это впечатлѣніе было скоротечно и въ напо-

¹⁾ *Origine de tous les cultes ou Religion Universelle*. Par Dupuis citoyen français. A Paris L'an. III. tome I. preface. XIII; chap. I. *L'Univers-Dieu*; chap. II. *Culte de la Nature prouvé par l'Histoire*.

²⁾ *Abrégé de l'origine de tous les cultes*. 1-е изд. 1798. Chap. IX. Ed. Paris 1836, съ биографіей Dupuis.

леоновскую эпоху оно уступило мѣсто открытому мистицизму. Герцогъ Брольи рассказываетъ удивительную сцену, характерную не только для Констанана. Дѣло происходило въ дорогѣ. Герцогъ, сынъ г-жи Сталь и Констанъ возвращались съ дачи въ Парижъ. «Ночь была темная, продолжаетъ Брольи, въ воздухѣ чувствовалась гроза, молніи бороздили небо, вдали гремѣлъ громъ»... Этотъ моментъ Бенжаменъ Констанъ выбралъ для своей странной исповѣди—о томъ, какъ онъ бесплодно старался войти въ сношенія съ врагомъ рода человѣческаго. «Несомнѣнно,—онъ рассчитывалъ подшутить, надъ нами, во въ сущности онъ шутилъ надъ самимъ собой и смѣялся только кончиками губъ; его лобъ былъ блѣденъ, злобно-насмѣшливая улыбка освѣщала его лицо. Онъ началъ рассказъ своимъ обычнымъ тономъ горькой ироніи, но мало-по-малу тонъ становился серьезнымъ и по мѣрѣ того какъ онъ повѣствовалъ о странныхъ упражненіяхъ, какимъ онъ подвергался, о своихъ надеждахъ и разочарованіяхъ, его рассказъ становился до такой степени выразительнымъ и проникновеннымъ, что въ ту минуту, когда онъ его кончилъ,—ни онъ, ни кто изъ насъ не подумалъ засмѣяться. Констанъ и мы также—я признаюсь въ этомъ съ полнымъ самоуничиженіемъ—впали въ тягостную и невыразимо печальную думу. Мы пріѣхали въ Парижъ, не обмѣнявшись другъ съ другомъ ни единымъ словомъ. Когда впоследствии Констанъ, въ своемъ трудѣ, въ книгѣ о политизмѣ у римлянъ, набрасывалъ безотрадную картину суевѣрій, порожденныхъ постепенно-развивавшимся отчаяннымъ невѣріемъ среди лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ грековъ и римлянъ,—среди наслѣдниковъ Фокіона и Цицерона,—мнѣ думается,—Бенжаменъ Констанъ въ это время отчасти имѣлъ въ виду самого себя и личный опытъ приходилъ на помощь его учености¹⁾).

Ученость, въ свою очередь,—теперь вся была направлена—къ одной цѣли реабилитаціи религіознаго чувства. Констанъ неутомимо и въ книгѣ и въ рѣчахъ доказывалъ—*прирожденность* человѣку религіознаго чувства, его возвышенный характеръ и идеальный смыслъ, пока жрецы не воспользовались имъ для политическихъ цѣлей, и не вызвали фанатизма и религіозныхъ смутъ. Но религіоз-

¹⁾ *Souvenirs du duc de Broglie. Les cent jours et la Restauration. Revue de deux Mondes.* 1 avr. 1886, 535—6.

ное чувство всегда боролось и продолжает бороться съ этими «могущественными корпораціями». «Оно стремится совершенствовать формы религіи и старается приводить ихъ въ полную спасительную гармонію съ идеями времени». И вся обширная работа Констана направлена противъ жреческаго вмѣшательства въ религію и въ защиту ея прогрессивнаго развитія ¹⁾. При всякомъ случаѣ обнаруживается мистическій интересъ автора. Констанъ повсюду отличаетъ мистическій элементъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ,—съ другой стороны подчеркиваетъ противорелигіозный характеръ жреческихъ тайныхъ ученій. Онъ изучаетъ прогрессъ религіи «не объявляя войны никакому догмату», «все что касается религіи—заслуживаетъ почтенія»,—но тщательно изслѣдуетъ формы, въ которыя облачается естественное религіозное чувство. Исторія ихъ начинается обоготвореніемъ физическихъ силъ, потомъ, когда законы природы разъясняются,—обожаніе переходитъ на почву морали; еще позже, когда люди успѣваютъ познать причины и слѣдствія въ области нравственности,—религія становится метафизикою и спиритуализмомъ; еще позже, съ исчезновеніемъ метафизическихъ тонкостей, безсильныхъ все объяснить, религія находитъ непреодолимое убѣжище въ нашей душѣ. Каждая религіозная форма имѣетъ три періода: одинъ—цвѣтущій, когда человѣкъ стремится открыть отношенія между собой и невидимыми силами, открываетъ ихъ подобныя съ своимъ умственнымъ развитіемъ и придаетъ имъ опредѣленную форму. Съ теченіемъ времени способности человѣка развиваются и это развитіе нарушаетъ установленную раньше гармонію между религіозными идеями и духовными силами человѣка. Съ этихъ поръ—разрушеніе формы неизбежно и политеизмъ Иліады разлагается въ эпоху Перикла, Эврипидъ является—органомъ нарождающагося нечестія. Но всегда и вездѣ паденіе устарѣвшаго вѣрованія замедляется учрежденіями. Вѣрованіе продолжаетъ жить чисто-механической жизнью, въ религіи нѣтъ ни энтузіазма ни вѣры, остаются только формулы, обряды и священнослужители.

¹⁾ *De la Religion considérée dans sa source, ses formes et ses développements* Deuxième édition. I, préface, XXV—XXVI, Livre I, chap. I. L. II, VII. Tome II, Liv. III, chap. VIII; особенно Tome III, Liv. IV, chap. III. *Coup. d'oeil. R. Encyclopédique.* 1825.

Но это состояніе также должно имѣть конецъ. Загорается борьба не только между установленной религіей и разумомъ, который она оскорбляетъ, но между ею и чувствомъ, котораго она больше не удовлетворяетъ. Борьба заключается третьей эпохой, уничтоженіемъ старой формы. Наступаетъ кризисъ полнаго невѣрія, кризисъ полный смуты и иногда ужасовъ,—но неизбежный: человѣкъ долженъ освободиться отъ оковъ. За этимъ кризисомъ всегда возникаетъ новая форма религіозныхъ идей, лучше приспособленная къ силамъ человѣческаго духа,—и религія выходитъ изъ пепла болѣе юной, болѣе чистой и прекрасной ¹⁾).

По этому плану выполнено изслѣдованіе Констанана,—и авторъ неоднократно, по поводу отдѣльныхъ фактовъ, повторяетъ свою идею религіознаго прогресса. Въ теченіе десятковъ лѣтъ онъ убѣждается въ непреложномъ фактѣ: «тайнственное безпокойство, желаніе вѣрить, жажда надѣяться»—волнуютъ наслѣдниковъ философскаго и революціоннаго вѣка. Какую же форму должно теперь принять религіозное чувство?

Мы слышали отвѣтъ Констанана: внѣшней общеобязательной никакой, чувство должно остаться чувствомъ, замѣниться въ душѣ каждаго человѣка отдѣльно. Метафизика исчезнетъ окончательно изъ области религіи, т.-е. догматы,—а также прекратится власть «жреческой корпораціи» надъ религіей,—это должно повлечь упраздненіе культа. «Догматическое невѣріе невозможно для массы человѣческаго рода»,—но и догматическая вѣра—дѣло не сердечной, а жреческой религіи. Остается—свободная религія, т.-е. гуманная нравственность и духовное общеніе съ верховной силой. Но въ то же время Констананъ настаиваетъ на прогрессивныхъ измѣненіяхъ религіи согласно съ *общими ходами человѣческаго ума*. Это значитъ,—развитіе и совершенствованіе знаній отражается на религіозномъ чувствѣ, т.-е. на его формѣ, на представленіяхъ, человѣка о Божествѣ. Представленія эти непремѣнно существуютъ—но самой сущности вѣрующей человѣческой природы—слѣдовательно и догматы. Разница этихъ догматовъ отъ догматовъ положительныхъ неподвижныхъ религій только въ ихъ прогрессивномъ свойствѣ, и въ свободѣ вѣроисповѣданія. «Во всякую эпоху, говоритъ Констананъ, будемъ требовать религіозной

¹⁾ Tome I, Liv. I, chab. VII, 102—5.

свободы неограниченной, безвечной, индивидуальной; она окружить религію непобѣдимой силой и обезпечить ей совершенство»¹⁾).

Таковы заключенія либеральной пореволюціонной мысли. Она мы видимъ, не порвала всѣхъ нравственныхъ связей съ просвѣтительной философіей. Приговоръ надъ католичествомъ остался въ силѣ,—но теперь онъ былъ обоснованъ не однимъ здравымъ смысломъ Вольтера, скрѣпленъ не философскимъ фанатизмомъ революціи,—а историческимъ міросозерцаніемъ. Оно пользуется старымъ словомъ—прогрессъ, но понятіе, выражаемое этимъ словомъ, новое: для него только не достаетъ пока термина—эволюціи, смыслъ готовъ. Констанъ не желаетъ, чтобы перемѣны, совершившіяся въ религіозныхъ представленіяхъ непременно *провозглашались*: это только можетъ вызвать сопротивленіе стараго ученія,—новое само собой восторжествоуетъ: «въ природѣ все дѣлается постепенно и такъ сказать непримѣтно: люди должны подражать ей»²⁾). Слѣдовательно,—естественная постепенность явленій изъ міра физическаго распространяется на міръ нравственный. Формы религіи—формы органическія и въ то же время прогрессивныя, такъ какъ онѣ видоизмѣняются въ зависимости отъ совершенствованія умственныхъ силъ и слѣдовательно, отъ накопленія знаній, т.-е. отъ научнаго прогресса. Лирическая и субъективная идея XVIII-го вѣка, провѣренная опытами революціи,—преобразовалась въ болѣе спокойное объективное и болѣе самоотверженное представленіе объ органическомъ процессѣ исторіи и труднѣйшій и важнѣйшій вопросъ о міросозерцаніи былъ перенесенъ на почву естественной эволюціи ума и просвѣщенія.

Это убѣжденіе въ одинаковой законмѣрности всѣхъ историческихъ явленій, на какой бы то ни было взглядъ положительныхъ или отрицательныхъ—наканунѣ XIX-го вѣка, становится символомъ вѣры у искреннѣйшихъ христіанъ Франціи, и убѣжденіе въ *религіозной* эволюціи разрушаетъ средневѣковыя возжелѣнія реакціонеровъ—даже въ глазахъ ихъ католическихъ читателей. Балланшъ рѣшается обозвать Деместра и его учениковъ «іудеями стараго закона», а себя причислить къ христіанамъ закона благодати. Балланшъ вѣрить въ

¹⁾ Tome V, Liv, XV, chap. I, 165—180; chap. IV.

²⁾ Tome V, p. 202—3.

провиденціальный смыслъ революціи,—но этого мало,—онъ ждетъ новаго и демократическаго христіанства—въ соотвѣтствіи съ духомъ времени. «Человѣческій умъ идетъ путемъ темнымъ и таинственнымъ, но ему нѣтъ отступленія, нѣтъ даже остановки. Націи вырождаются, а человѣческій умъ все идетъ впередъ. Въ немъ заключена жизнь непрерывно прогрессивная, ея онъ не замѣчаетъ, не можетъ и не долженъ замѣчать,—но тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ ее и она обнаруживается явно только въ извѣстныя эпохи». И въ основѣ всѣхъ переменъ и переворотовъ лежатъ религіозныя вопросы. Съ нихъ, по мнѣнію Балланша, начинаются революціи и съ ними связано возникновеніе новыхъ учреждений. Религія прогрессивна такъ же какъ и все существующее. Истина, неизмѣнная у Бога, — *последовательно* раскрывается людямъ. Балланшъ исповѣдуетъ вѣру Лессинга въ постепенное воспитаніе человѣчества—Провидѣніемъ, и уже готовъ видѣть новое христіанство въ идеяхъ и чувствахъ, распространенныхъ въ мірѣ революціей. Онъ находитъ, что раньше *чувство человечности* — *sentiment d'humanité*—было только религіознымъ, теперь оно стало общественнымъ, социальнымъ. Новое христіанство религія не—посвященныхъ, а всеобщая совѣсть: «христіанскій геній сталъ социальнымъ геніемъ» ¹⁾.

Балланшъ отличался скорѣе талантомъ поэта и мечтателя, чѣмъ философа и историка и его произведенія безпрестанно напоминаютъ поэмы и стихотворенія въ прозѣ. Но смыслъ ихъ всегда ясенъ. Онъ съ драматическимъ воодушевленіемъ, но вполне единодушно съ Констаномъ говорить о «страшныхъ эпохахъ», когда «народы чувствуютъ таинственную потребность возродить свои вѣрованія, очистить и расширить свою религію». И на эту тему Балланшъ пишетъ романтическую исторію *Антигоны*, открывая въ эллинскомъ сказаніи общій культурный и философскій смыслъ, вида въ немъ «изображеніе всѣхъ социальныхъ кризисовъ» ²⁾. Можно бы новую идею выразить проще, не прибѣгая ни къ мифамъ, ни къ аллегоріямъ, не превращая въ «притчу» исторію революціи и осторожниѣ обращаясь съ словами «загадка», «тайна», «судьба», «проблема»,—и все-таки

¹⁾ Ballanche. *Oeuvres*. P. 1830. *Essais sur les institutions sociales dans leur rapport avec les idées nouvelles*. II 41, 143 etc.

²⁾ *Epilogue de l'Antigone et de l'Homme sans nom*.

при всѣхъ романтическихъ цвѣтахъ краснорѣчія—мысль Балланша принадлежитъ новому умственному теченію. Ему не требовалось становиться въ безусловную зависимость отъ Вико, многократно имъ восхваляемаго, чтобы признать существованіе философіи исторіи и прогрессъ—провиденціальнымъ ¹⁾). Можно скорѣе предполагать глубокія вліянія на Балланша со стороны естествознанія. Знаменитый швейцарскій фізіологъ Бонне написалъ сочиненіе *Palingénésie philosophique*. Эту книгу, несомнѣнно, внимательно читалъ Балланшъ: онъ только отсюда могъ заимствовать одно изъ самыхъ любимыхъ своихъ философскихъ выраженій—*palingénésie* и ради него провозгласить автора «браминою естественной исторіи». Бонне доказывалъ законъ постепеннаго совершенствованія всего неорганическаго, органическаго и нравственнаго міра. Всѣ видимыя существа представляютъ непрерывную лѣстницу все болѣе и болѣе развивающихся формъ. На верху лѣстницы—человѣкъ,—и путь его умственнаго совершенствованія—неограниченъ вплоть до идеальныхъ существъ, посредниковъ между человѣкомъ и божествомъ, съ которыми окончательно должны слиться всѣ существа. Палингенезія, слѣдовательно, прогрессъ въ смыслѣ эволюціи: такъ понимаетъ его и Балланшъ, замѣняя выраженіе «конецъ палингенезіи»—другимъ: «граница эволюціи»—*le terme de l'évolution* ²⁾).

Эта связь идей Балланша съ философіей естествоиспытателя—достойна вниманія. Она новой чертой отмѣчаетъ разногласіе Балланша съ реакціонными католиками, въ родѣ Бональда, чувствовавшего глубокое презрѣніе къ естествознанію—какъ *эпиреслууженію*—*zoologie, bestialité*,—и объясняетъ, почему Балланшъ могъ сочувственно относиться къ чужимъ попыткамъ построить историко-философское воззрѣніе—внѣ католическихъ преданій. Онъ могъ послать свое сочиненіе сенъ-симонистамъ и тѣ въ свою очередь могли увидѣть въ немъ—человѣка будущаго въ отличіе отъ «либераловъ», живущихъ въ настоящемъ и «ultra», преданныхъ прошлому ³⁾).

¹⁾ Faguet настаиваетъ на ученическомъ подчиненіи Балланша Вико. *Politiques et moralistes du XIX-e Siècle*. Deuxième serie. P. 1898, 137—8.

²⁾ *Epilogue de l'Antigone*. Oeuvres. d. 1841. (Bibliothèque choisie), 421—2. Oeuvres. P. 1830, III, 63—4. О Бонне—Georges Cuvier. O. c. IV, 248 etc.

³⁾ Посылка *la Palingénésie sociale* и отвѣтъ Авфактэна въ 1829 году. *Oeuvres de S.-Simon et d'Fnfantin*. P. 1865. II, 38—41.

Мы не впервые встречаемъ соприкосновение новой систематизирующей мысли съ областью опытной науки. Деместръ мы, знаемъ, даже рѣшился предположить въ будущемъ тѣснѣйшій союзъ религіи и науки. Какой смыслъ могъ имѣть этотъ союзъ? Только одинъ, охватывающій и научную и религіозную стихію человѣческаго духа. Истины религіи усвоить научный характеръ, а научныя открытія приобрести обязательность и распространенность религіозныхъ учений. Развѣ этотъ идеаль не совпадаетъ съ программой г-жи Сталь— воспользоваться учеными силами для установленія политическихъ и нравственныхъ принциповъ? Идея Деместра въ своемъ послѣдовательномъ развитіи даже превосходитъ систему г-жи Сталь,—по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы XVIII-го вѣка. Свободомыслящая писательница находила предѣлъ высшаго міросозерцанія въ протестантизмѣ, впослѣдствіи остановилась на синтетической религіи изъ католичества и протестанства или на мистической вѣрѣ Фепелона. Въ блестящемъ сочиненіи *О литературѣ, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ* г-жа Сталь защищаетъ прогрессъ, понимаетъ его глубже, чѣмъ противохристіанскій XVIII-й вѣкъ, указываетъ на согласіе религіозныхъ принциповъ—какъ основы общества—съ разумомъ, но у нея нѣтъ идеи о гармоническомъ развитіи разума и религіи, нѣтъ культурно-эволюціонной теоріи міросозерцанія ¹⁾. Эта теорія ясно выражена у Константа, хотя въ самой общей формѣ,—можно сказать какъ тема для будущихъ изслѣдованій. Но въ высшей степени важенъ фактъ: когда—то теоретически намѣченная программа религіозной эволюціи у Тюрго легла въ основу историческаго изслѣдованія этой эволюціи и лирическаго философскаго идеала Кондорсе перешелъ въ область положительной и безпартійной мысли. Такое усвоеніе значительнѣйшаго наслѣдства просвѣтительной философіи по вопросу о міросозерцаніи—людьми пореволюціонной эпохи—отнюдь не основывалось на чисто-теоретическомъ заимствованіи, на субъективно сочувственномъ продолженіи традиціи. Наглядные революціонные опыты и здѣсь произвели всестороннюю сортировку идей,—и если идея о научно-религіозной систематизаціи принциповъ овладѣла сознаниемъ совре-

¹⁾ *De la littérature considérée dans les rapports avec les institutions sociales.* Sec. partie, chap. VI.

менной мысли,—значить имѣлись неопровержимо убѣдительные факты именно въ этомъ направленіи.

XII.

Среди бурной разрушительной дѣятельности апостоловъ разума и верховнаго существа,—въ конвентѣ и въ печати изрѣдка вспыхивала—религіозная идея, не тождественная съ резонерской метафизикой «естественной религіи» и рѣшительно враждебная вѣрѣ Робеспьера. Въ конвентѣ одинъ мало извѣстный представитель прославлялъ науку, какъ религію будущаго, въ печати столь же мало извѣстный журналистъ доказывалъ необходимость замѣнить религію наукой ⁴⁾. Въ этихъ славословіяхъ мы не должны видѣть основательно-обдуманной положительной идеи. Наука была здѣсь такимъ же военнымъ клпчемъ противъ католичества, какъ Разумъ и Природа. И депутатъ и литераторъ не могли подняться выше «грезъ» Даламбера въ діалогѣ Дидро, т. е. простаго изгнанія религіозной метафизики во имя естественно-поэтической игры воображенія на темы странныхъ фактовъ и удивительныхъ открытій. Значеніе науки въ міросозерцаніи раскрывалось не въ полемическихъ декламаціяхъ, а въ положительной и безпартійной дѣйствительности.

Мы видѣли,—вопросъ о нравственно-религіозныхъ принципахъ, какъ основахъ общественнаго порядка, особенно обострился послѣ террора. Минувшіе ужасы и воцарившееся эпикурейство и гражданская бездѣйность—одинаково ярко освѣтили необходимость *убѣжденій* и *опры*. Ларевельеръ-Лепо именно съ этой точки зрѣнія защищалъ теофилантропію, г-жа Сталь съ той же цѣлью искала основъ новой принципиальной личной и общественной жизни, католичество воскресало въ той же атмосферѣ и своимъ воскресеніемъ создало опору политическимъ замысламъ Бонапарта. Но одновременно съ чисто-философскимъ или непосредственно-религіознымъ движеніемъ—въ силу необходимости развить и упрочить жизненные завоеванія революціи возникло гораздо болѣе организаторское теченіе, чѣмъ какой либо философскій культъ или официально-реставрированная церковь.

⁴⁾ Aulard. *Le culte de la Raison*, деп. Jacob Dupont, литераторъ Salaville, p. 18, 86.

Мѣсяць спустя послѣ смерти Робеспьера епископъ Грегуаръ представилъ въ конвентъ—отъ имени комитета: общественнаго просвѣщенія—три доклада о вандализмѣ и средствахъ прекратить его.

Уже одна имя Грегуара ручалось за просвѣдательную цѣль докладовъ. Грегуаръ тщательно перечислялъ ущербы, нанесенныя партійной междоусобицей наукамъ и искусствамъ, говорилъ объ уничтоженіи памятниковъ древности, драгоценныхъ рукописей, картинъ и книгъ. Расхищеніе библиотекъ царствовало по всей Франціи,—и участіе принимали одинаково и республиканцы и монархисты. Съ другой стороны революціонная смута отодвинула вопросъ о народномъ образованіи. При первыхъ же словахъ Грегуара посыпались проклятія на Робеспьера, особенно энергично говорилъ знаменитый химикъ Фуриуа о «тираннѣ, который ничего не знаетъ и отличался грубымъ невѣжествомъ». Лаканаль, одинъ изъ ревностнѣйшихъ работниковъ просвѣщенія при революціи, присоединился къ негодованію Фуриуа. Конвентъ приглашался изъ тѣмъ варварства вступить на путь цивилизаціи: революція должна *морализироваться*. Это выраженіе Грегуара въ высшей степени мѣтко. Оно означало долгъ революціи просвѣтить гражданъ новаго государства, создать новыя народныя школы, открыть высшія учебныя заведенія—для учителей, въ общемъ упрочить и развить принципы новой гражданственности.

Конвентъ немедленно принимаетъ подъ особое попеченіе библиотеки, разсылаетъ въ департаменты требованія—представить каталоги книгъ въ самый непродолжительный срокъ. Эта работа дастъ матеріалъ для выполненія слѣдующихъ задачъ, поставленныхъ комитетомъ образованія: воссоздать заново исторію Франціи, составить словарь анонимныхъ и псевдонимныхъ книгъ, не имѣющихся въ библиотечкахъ; *начертать генеалогическую таблицу человеческихъ знаній; эти подраздѣленія будутъ развиты пространнѣе и точнѣе чѣмъ въ таблицѣ Бэкона, исправленной редакторами энциклопедіи* ¹⁾.

Просвѣднѣйшіе дѣятели революціи, слѣдовательно, понимали культурную важность систематизаціи наукъ и видѣли недостатки въ системѣ энциклопедистовъ. Задача исправить еѣ перейдетъ и въ слѣдующее столѣтіе и ляжетъ въ основу нравственно-религіозныхъ

¹⁾ Despois. *Le Vandalisme révolutionnaire*, chap. XV, XVI.

построеній. Столь плодотворное направлѣніе революціонной мысли долго не могло обнаружиться среди ожесточенной борьбы политическихъ партій. Разрушительныя и мстительныя страсти захватили науку и образованіе и принесли себѣ въ жертву многихъ даровитыхъ представителей таланта и знанія. Фанатики равенства и въ томъ и въ другомъ видѣли поруху своему принципу, только переобитно-невѣжественное и безличное общество могло соответствовать ихъ идеалу. Въ ихъ средѣ возможно было убѣжденіе, что республика не нуждается въ ученыхъ, и что во главѣ дѣла достаточно одного ученаго чловѣка ¹⁾). Таковымъ подразумѣвался Робеспьеръ. Еще до его диктатуры революція успѣла нанести жестокиє удары просвѣщенію. Современникъ, историкъ судебъ науки при революціи, разсказываетъ, въ какое трагическое положеніе попали школы при гражданскихъ смутахъ. Шайки революціонеровъ безпрестанно врывались въ учебныя заведенія и увлекали за собой молодежь. Преподаваніе прекратилось, училища опустѣли ²⁾). Учредительное собраніе вознамѣрилось было возстановить просвѣщеніе,—но не успѣло даже издать закона о начальныхъ школахъ. При законодательномъ собраніи политическая буря, ниспровершая тронъ, вызвавшая сентябрьскія убійства, лишила работу Кондорсе по вопросу объ общественномъ образованіи всякаго практическаго значенія. Вскорѣ погибъ и самъ Кондорсе. Его обвинитель готовъ былъ къ числу его преступленій прибавить его званіе академика и философа. Робеспьеръ, пылавшій ненавистью къ энциклопедистамъ, взялъ въ свои руки просвѣтительное дѣло Кондорсе и вопросъ о народномъ просвѣщеніи постарался превратить въ орудіе якобинской уравнилельной политики. Проектъ, составленный Лепелетье и прочитанный Робеспьеромъ, отнималъ дѣтей у родителей съ пятилѣтняго возраста и отдавалъ ихъ на воспитаніе государству—общее и бесплатное для всѣхъ. Проектъ вызвалъ энергическія возраженія и, несмотря на стремленіе проекта поста-

¹⁾ Фраза, приписываемая Коффиналю, вице-президенту революціоннаго трибунала председательствовавшему во время процесса Лавуазье и другихъ генеральныхъ откупщиковъ. Въ приведенной формѣ фразу передаетъ Фуркрукъ, ученикъ и сотрудникъ Лавуазье. Ср. Grimaux, *Lavoisier*, 302 и критика преданія въ *Appendice*, 376—8. Попытка совершенно отвергнуть преданіе—J. Guillaume *Un mot légendaire. Revue politique et littéraire*, 5 mai 1900.

²⁾ Biot. *Essais sur l'histoire générale des sciences pendant la Révolution française* P. 1803. 36 etc.

вить вопрос на боевую почву классовой борьбы, конвентъ допустилъ волевыми школами рядомъ съ государственными.

Но въ проектѣ заключалась одна общая идея, пока фактически отвергнутая,—не перестававшая господствовать надъ просвѣтельными планами революціи—объединеніе націи путемъ внушенія молодымъ поколѣніямъ единообразныхъ воззрѣній. Въ интересахъ этого *соціального единства* проектъ продолжалъ находить защитниковъ много лѣтъ спустя послѣ революціи ¹⁾. Но якобинское воззрѣніе на единство могло создать его только путемъ приниженія единицы до наиболѣе посредственнаго уровня массы, а не возвышеніемъ массы до уровня едакицы. Приговоръ надъ Лавуазье—подлинное выраженіе робеспьеровской цивилизаторской политики и не противорѣчитъ духу я похода на философовъ-энциклопедистовъ. Только исчезновеніе съ революціонной сцены первосвященника и диктатора могло очистить атмосферу для науки и просвѣщенія,—и доклады Грегуара явились однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ свидѣтельствъ болѣе свободнаго и культурнаго настроенія конвента и общества. Съ этихъ поръ осуществляется цѣлый рядъ учрежденій и мѣръ, дѣйствительно *морализовавшихъ* революцію.

Эта дѣятельность—въ своемъ общемъ направленіи—была подготовлена множествомъ отдѣльныхъ фактовъ, блестятельно доказывавшихъ полезность ученыхъ даже для якобинской республики. Она погубила Балли, Кондорсе, Лавуазье въ то самое время, когда наука деманьше военной доблести работала на спасеніе отечества. Во время террора учеными были открыты средства добывать матерьялъ для пороха и пушекъ. Особенно важно было изобрѣтеніе простѣйшихъ общедоступныхъ способовъ извлекать селитру изъ почвы, такъ какъ привозъ ея изъ за-границы прекратился. Комитетъ общественнаго спасенія поручилъ знаменитѣйшимъ современнымъ ученымъ открыть *революціонные курсы*. Ихъ должны были прослужать избранные артиллеристы національной гвардіи и научиться новымъ усовершенствованнымъ способамъ—добывать селитру, дѣлать порохъ, лить пушки. Преподавателями, между прочимъ, были назначены Фуркруа, Бертоле, Монжъ,—и результаты превзошли самыя смѣлыя надежды. По распоряженію конвента по всѣмъ департаментамъ были учреж-

¹⁾ Самый ревностный—Луи Блапъ. *Histoire de la Rev.* IX, 409.

дены должности завѣдующихъ селитреннымъ дѣломъ. Изданы популярныя *инструкции*—какъ находить и очищать селитру. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ было добыто селитры 12 милліоновъ фунтовъ; раньше годовая добыча достигала едва милліона. Въ такой же пропорціи увеличилось производство пороха и огнестрѣльнаго оружія. Прекращеніе внѣшней торговли заставило французскую науку въ самое короткое время создать новыя отечественныя производства, — и они создавались съ поразительной быстротой. Тридцатого вентоза II года состоялся патриотическій *праздникъ селитры*, восторженно описанный Монжемъ и дѣйствительно бывшій праздникомъ французскаго изобрѣтательскаго генія ⁴⁾. Одновременно, при помощи той-же науки, совершилось объединеніе вѣсовъ и мѣръ. Наконецъ, ученые безпрестанно привывались на службу государству по множеству второстепенныхъ, но по условіямъ времени, настоятельныхъ вопросовъ. Химики не только изобрѣли способъ съ небывалой быстротой молоть порохъ, они указали новыя средства готовить консервы, изслѣдовать доброкачественность военныхъ съѣстныхъ припасовъ. Правительство дѣлало запросы ученымъ по самымъ неожиданнымъ предметамъ: о качествахъ пушечныхъ ядеръ, о матеріалѣ для непромокаемыхъ плащей, о способѣ устанавливать по нѣскольку пушекъ на одномъ лафетѣ, о сохраненіи питьевой воды на корабляхъ, о консервированіи бискупитовъ и овощей. Академія наукъ превращалась въ привѣтственную патриотическую комиссію и блистательно выполняла порученія ⁵⁾.

Легко представить,—какъ много выигрывали науки при такихъ обстоятельствахъ. Польза ихъ обнаружилась слишкомъ очевидно, чтобы революція могла миновать вопросъ объ ихъ дальнѣйшемъ развитіи. И немедленно послѣ террора начинается усиленная организаторская дѣятельность конвента. Энциклопедическій и широко-просвѣтительный духъ XVIII-го вѣка, проклятый и задавленный Робеспьеромъ, внушаетъ правительству рядъ учрежденій—одно другого оригинальнѣе и смѣлѣе.

Законъ 28 сентября 1794 года создаетъ *Политехническую школу*. Намѣченная еще въ мартѣ того-же года,—она была отсрочена Робе-

⁴⁾ *Les sciences pendant la Révolution et l'Empire. La Rev. franç. 1887, XIII. 108 etc. Biot. 81—3.*

⁵⁾ *Le Centenaire de l'Institut. P. 96, 26.*

первостепенной диктатурой, — и теперь Фуркруа воспользовался случаемъ лишній разъ вспомнить о «заговорѣ противъ прогресса человѣческаго разума». Школа должна была замѣнить прежнія спеціальныя училища, почти недоступныя среднему сословію. Независимо отъ спеціальныхъ знаний, необходимыхъ для гражданскихъ и военныхъ инженеровъ, школа, вѣрная энциклопедическимъ задачамъ революціоннаго просвѣщенія, преподавала «общіе принципы наукъ». Во главѣ преподаванія явились первостепенныя силы современныхъ математическихъ и опытныхъ наукъ — Лагранжъ, Монжъ, Бертоле, Фуркруа, Шапталъ. Впослѣдствіи Контъ будетъ видѣть великое значеніе въ самомъ фактѣ возникновенія политехнической школы. Конвентъ, учреждая школу, «инстинктивно создалъ первичную ячейку настоящей философской корпораціи ¹⁾». Ученикъ Конта еще яснѣе опредѣлитъ роль школы въ подготовленіи новаго научно-философскаго міросозерцанія. Она положила начало позитивной классификаціи наукъ, «установила первую часть научнаго ряда, обнимающаго математику, науки физико-математическія и химію. Это было великой идеей въ безсознательной подготовкѣ позитивной философіи». Конту, по мнѣнію Литтре, оставалось закончить начатую лѣстницу ²⁾.

Воспитанники школы получали отъ государства ежегодное содержаніе по 1200 франковъ и принимались по конкурсу. Курсы велись по программамъ, тщательно и философски — разработанной: на первомъ мѣстѣ стояла математика, за ней слѣдовала физика, химія. Въ Политехнической школѣ дѣйствительно съ самаго начала практически выполнялась та самая система, которая впослѣдствіи ляжетъ въ основу всеобъемлющей систематизаціи наукъ у основателей позитивизма.

Неотложная нужда въ практическихъ дѣятеляхъ заставила до послѣдней степени сократить время приготовленія новыхъ инженеровъ, — проходить «революціонныя» курсы. И преподаватели нашли достойныхъ слушателей. Лекціи посѣщались съ энтузіазмомъ, работы современника, съ пламеннымъ усердіемъ, въ три мѣсяца, по словамъ выполнялись профессора успѣвали сообщить свѣдѣнія, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ заняли бы три года. ³⁾

¹⁾ *Lettres inédites de J. S. Mill à A. Comte publiées avec les réponses de Comte*. Par. L. Lévy-Bruhl. P. 1899. 83. Письмо отъ 22 іюля 1842.

²⁾ Littré. *O. c.* 94—5.

³⁾ Biot. 62. Despois. 65.

ученіе о жизненныхъ силахъ и свойствахъ — *les forces et propriétés vitales*, столь же неразрывно связанная съ организмомъ, какъ сила тяжести съ неорганизованной матеріей. Носителями этихъ свойствъ являются ткани, числомъ 21,—изъ ихъ разнообразныхъ комбинацій образуются органы—и Биша посвятилъ громадный трудъ на изученіе свойствъ тканей, взаимной связи физической организаци и нравственныхъ явленій и распространяя свои выводы на всю организованную матерію, кончая человекомъ. Научныя наблюденія и обобщенія Биша излагалъ въ самой доступной формѣ, какую только можно представить въ области науки и его исчерпывающая работа *Recherches physiologiques sur la vie et la mort* приобрѣла такую же широкую популярность, какъ, напримѣръ, сочиненіе его восторженнаго почитателя — Бокля *).

Очевидно,—двѣ основныхъ психологическихъ черты дореволюціонной мысли — систематическое направленіе и энтузіазмъ — пережили самыя бурныя смуты революціи и вступили на новый путь развитія, исправленный и управляемый только что пережитымъ историческимъ опытомъ. Сама революція желала широко воспользоваться талантами задачами и воодушевленіемъ ученыхъ. Всюду, даже въ области специальныхъ знаній, выдвигая на первый планъ энциклопедическое образованіе молодыхъ поколѣній, революціонное правительство безпрестанно призывало себѣ на помощь науку, требовала у нея совѣтовъ не только въ практическихъ, но даже въ философскихъ вопросахъ. Позднѣйшій ученый совершенно вѣрно оцѣниваетъ смыслъ этой тенденціи — «создать государственную доктрину» †). Революція дѣйствительно поставила себѣ подобную задачу и старалась выполнить ее съ помощью научныхъ и учебныхъ учреждений.

Мѣсяць спустя послѣ основанія Политехнической школы декретъ конвента 9 брюмера III года создалъ Нормальную школу. Организуя новое трехстепенное образованіе, конвентъ рѣшилъ подготовить и новыхъ учителей, заставивъ пройти ихъ общую школу. Учителя должны были въ самомъ очагѣ революціи усвоить новыя политическія представленія, научиться новымъ методамъ преподаванія и потомъ завоевать всю Францію новому порядку идей и учреждений!

*) Blainville III, 157. Cuvier V, 56. Русскій переводъ *Recherches*. — Сиб. 1868. со статьей о жизни и трудахъ Биша Ср. *La Rev. franç.* 1887, XII, 135.

†) Jules Simon, *Centenaire de l'Institut*, 26.

Лагранжъ, докладчикъ проекта, называлъ будущую школу школой народа и преподавателями въ нее приглашалъ первостепенныхъ представителей всѣхъ отраслей знанія. Біо говоритъ, что имъ предстояло выполнить назначеніе цивилизаторовъ варварскихъ народовъ. Надлежало создать вновь основныя стѣпи культуры — начиная съ искусства рѣчи, сплывающаго общество и кончая глубокими научными обобщеніями. А времени для дѣйствія было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Нормальная школа съ такимъ усердіемъ принялась выполнять свои обязанности, что постепенно усиливавшаяся реакція признала необходимымъ закрыть курсы. Но и за короткое время школа успѣла оставить прочныя слѣды въ современномъ просвѣщеніи. Составъ ея преподавателей являлся безпримѣрнымъ по блеску именъ — по крайней мѣрѣ половина ихъ ознаменовала эпохи въ исторіи разныхъ наукъ — Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ, Добантонъ, бывший сотрудникъ Бюффона, Бертоле. Помимо лекцій въ школѣ происходили публичныя бесѣды по декадамъ, — и какою свободой они отличались, мы могли судить по исторіи Сентъ-Мартена съ Гара. Лекціи стенографировались, экземпляры ихъ раздавались членамъ конвента, профессорамъ и воспитанникамъ другихъ образцовыхъ школъ, рассылались провинціальнымъ администраторамъ и агентамъ республики за границей. На лекціяхъ могли присутствовать женщины. Современники сообщаютъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ объ энтузіазмѣ слушателей и самихъ преподавателей. Никогда еще популяризація научнаго преподаванія не была поставлена такъ широко и рѣшительно. По словамъ Біо, — отпечатанные экземпляры лекцій распространялись съ непостижимой быстротой по всѣмъ угламъ Франціи. «Наконецъ, прибавляетъ онъ, узнали истинный методъ преподаванія наукъ и впервые познакомились съ философіей ихъ принциповъ». Біо, далеко не благосклонный къ революціи, дѣятельность нормальной школы ставитъ наравнѣ съ заслугами Галилея, Бэкона и Декарта: тѣ велики въ исторіи прогресса наукъ, школа — безсмертна въ исторіи ихъ преподаванія. Сборникъ отчетовъ школы навсегда остался руководителемъ для профессоровъ. Никогда принципы наукъ не излагались съ такою точностью и ясностью и съ такимъ талантомъ и никогда философскій методъ преподаванія не распространялся такъ дѣятельно и съ такимъ прочнымъ успѣхомъ. Само званіе преподавателя получило небывалый блескъ и общественное зна-

ченіе. Араго именно вліянію нормальної школи приписує вѣ возможность поднятійшаго высокаго положенія — профессоровъ Политехнической школы, — весьма часто членовъ государственнаго совѣта, министровъ, президентовъ сената ¹⁾).

Еще болѣе значительное учрежденіе создалъ конвентъ—въ тѣхъ же цѣляхъ, организаціи наукъ и систематизаціи ихъ завоеваній— декретомъ III-го брюмера IV-го года, наканунѣ своего закрытія. Это былъ заключительный актъ многолѣтняго революціоннаго вопроса объ упраздненіи академій и замѣнѣ ихъ новой ученой корпораціей. Еще учредительное собраніе поручило Мирабо представить докладъ объ этомъ вопросѣ. Мирабо не успѣлъ внести своего крайне суроваго доклада, обзывавшаго академіи «школами раболѣпія и лжи». Шамфоръ опубликовалъ докладъ, — но академіи продолжали жить до 8 августа 1793 года, когда конвентъ упразднилъ ихъ по докладу Грегуара—выдѣливъ только академію наукъ впродъ до преобразованія—за ея заслуги предъ государствомъ. Институтъ явился на мѣсто старыхъ учреждений — съ ясно выраженнымъ демократическимъ и неограниченно-просвѣтительнымъ духомъ.

Институтъ долженъ былъ объединить все научно и художественно-даровитое во Франціи и во всемъ мірѣ, безъ различія происхожденія и національности. Институтъ распался на три класса—наукъ физическихъ и математическихъ, наукъ нравственныхъ и политическихъ, литературы и искусствъ. Предполагалось всѣ отрасли духовной дѣятельности чловѣка соединить въ тѣсной взаимной связи и установить между ними непрерывное взаимное вліяніе. Ежегодно институтъ обязывался отдавать отчетъ въ своихъ работахъ предъ національнымъ представительствомъ. Это и выполнялось въ первые годы его существованія въ томъ видѣ, какой установилъ конвентъ. Араго эти отчеты считаетъ «неотъемлемыми главами исторіи наукъ». Такъ смотрѣло на нихъ и національное представительство. Дону, авторъ доклада объ учрежденіи института, членъ класса нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта пятисотъ—при представленіи институтомъ отчета—говорилъ о надеждахъ Франціи на усердіе института—воспитать новыя поколѣнія гражданъ, упрочить культуру, возродить нравы, — «однимъ словомъ

¹⁾ Biot 65—6 Despois. Chap. V.

распространить идеи и чувства, наиболее приличествующія свободнымъ людямъ». «Нѣтъ философіи—безъ патріотизма, говорилъ Дону,— и генія безъ республиканской души».

Очевидно,—на институтъ возлагались не только научныя, но и чисто-гражданскія обязанности, долгъ — развивать и влѣдрять въ духъ націи государственную доктрину. Для этой цѣли были призваны даже артисты: имъ дали шесть мѣстъ. Изъ ста сорока членовъ—половина принадлежала парижскимъ и половина провинціальнымъ ученымъ. Иностранцы принимались въ количествѣ двадцати четверть. Организация выборовъ заслуживаетъ вниманія, какъ настойчивая попытка возможно тѣснѣе сплотить таланты науки и искусства. На каждое вакантное мѣсто представлять три кандидата классъ, гдѣ имѣлась вакансія, — но выборы производились членами всѣхъ классовъ. На столѣтней годовщинѣ института этотъ порядокъ былъ — далеко не въ первый разъ,—подвергнутъ беспощадной критикѣ¹⁾. Но не слѣдовало забывать побудительныхъ соображеній конвента. Основаніе института равнялось воссирененію *энциклопедии* и вообще всѣхъ образовательныхъ учрежденій этого періода были направлены на развитіе нравственно—гражданской идеологіи, извѣстной системы нравственныхъ и политическихъ воззрѣній, противоположныхъ духу старыхъ академій. Предполагалось, слѣдовательно достаточное знакомство всѣхъ членовъ института съ общими результатами всей научной работы,—тѣмъ болѣе, что эти результаты періодически должны были подлежать обсужденію представительнаго законодательнаго собранія.

Идейно-организующій смыслъ плановъ конвента съ полной очевидностью подтвердилъ Наполеонъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ нимъ. Реформы начинаются еще при консульствѣ. Бонапартъ грозитъ разогнать второй классъ института за политическія дебаты—звать «злонамеренный клубъ». Въ 1803 году классъ нравственныхъ и политическихъ наукъ уничтожается,—и институтъ преобразовывается въ духъ прежнихъ академій. Преобразования исходили изъ общей ненависти Наполеона къ *идеологіи* и *темной метафизикѣ*. Разрѣшая вопросъ о государственной доктринѣ новымъ конкордатошъ, Наполеонъ не допускалъ никакихъ другихъ путей къ систематизаціи

¹⁾ Jules Simon. *Le centenaire*, 25.

обидѣхъ принциповъ. Всѣ его идеи въ области науки и просвѣщенія—пряма противоположность энциклопедическому духу. Во всѣхъ отрасляхъ знанія онъ требовалъ только практическихъ непосредственно полезныхъ свѣдѣній, — медицины безъ естественно-математическихъ наукъ, политической экономіи безъ «идеальныхъ вымысловъ экономистовъ», юриспруденціи безъ исторіи и догмы права ¹⁾.

Но эта неограниченная война противъ идеологій не могла привести къ желательному успѣху. Систематическій духъ одинаково прочно водворился въ опытныхъ и въ нравственныхъ наукахъ: Лавуазье пересоздавалъ химію, окончателно разрушивъ старую полу-метафизическую теорію вѣсомой тепловой матеріи и открылъ путь безчисленнымъ научнымъ открытіямъ и практическимъ приложеніямъ науки. Съ именемъ Лавуазье связана первая попытка систематизировать результаты химическихъ открытій. На помощь химикау пришли даровитѣйшіе современные представители другихъ физико-математическихъ наукъ—астрономъ Лапласъ, математикъ Монжъ, *Элементарный трактатъ химіи*, вышедшій въ началѣ 1789 года, явился одной изъ популярнѣйшихъ ученыхъ книгъ всей эпохи и означалъ побѣду совмѣстной работы новаго научнаго анализа надъ средневѣковыми тайнами, служившими основой для физіологіи и психологіи энциклопедистовъ. Революція въ полной мѣрѣ воспользовалась завоеваніями новой науки для своихъ практическихъ нуждъ и этимъ фактомъ сильнѣе всякаго книжнаго разсужденія способствовала ея славі и знаменному значенію.

Въ области изученія организованной матеріи—противъ имени Лавуазье—стоитъ имя Ламарка. Его дѣятельность связана съ однимъ изъ важнѣйшихъ научно-практическихъ учрежденій революціи—съ музеемъ естественной исторіи. Ботаническій садъ при Бюффонѣ съ тремя каедрами—по ботаникѣ, химіи и анатоміи,—по проекту Лаканала былъ превращенъ декретомъ 10 іюня 1793 года въ центральный институтъ естествознанія съ 12 каедрами: по выраженію доклада наукъ открывалась «необъятная книга природы». Ламаркъ, уже давно работавшій подъ руководствомъ Бюффона, занялъ теперь мѣсто среди Фуркюра, Добантона, Жуффруа Сентъ-Илера. Неутомимая дѣятельность его

¹⁾ Stael. XIII, 270. Villemain. *Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature*. P. 62. I, 145.

продолжалась до самой смерти въ 1829 году и оставила въ наслѣдство новому вѣку на ряду съ множествомъ научныхъ фактовъ,— одну изъ самыхъ значительныхъ системъ. «Ламаркъ, говоритъ историкъ-естествоиспытатель, ближе всякаго другого философа подошелъ къ широкому представленію о цѣльности, чедовѣческихъ знаній—съ помощью одного лишь глубокаго изслѣдованія природы»¹⁾. Постоянно слѣдуя одному и тому же методу—располагать организмы въ порядкѣ усложняющейся организаци, Ламаркъ прицель къ знаменитому обобщенію,—къ теоріи измѣненія видовъ въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Онъ попытался постигнуть, путемъ наблюденій, смыслъ творческаго мірового процесса и свести его къ одному естественному закону. Въ результатъ,—естествоиспытатель пришелъ къ выводу, тождественному съ теоріей, извѣстной намъ отъ историковъ и философовъ нравственныхъ явленій,—къ закону эволюціи. Основная идея ламаркизма—передача индивидуально приобретенныхъ органическихъ измѣненій потомству. Новый организмъ создается на почвѣ, измѣненной внѣшними вліяніями и усвоенной предшествовавшимъ организмомъ, та же идея, мы знаемъ, управляетъ и новымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ. Эволюціонное ученіе послѣ революціи является господствующимъ толкователемъ фактовъ физической и духовной природы,—отъ развитія частностей организма до видоизмѣненій религіозныхъ и культурныхъ возрѣній. И это ученіе—результатъ энциклопедическаго духа, т.-е. стремленія систематизировать принципы каждой науки отдѣльно и привести всѣ отрасли чедовѣческаго знанія въ тѣснѣйшую взаимную связь и установить между ними непрерывное идейное взаимодействіе.

Смѣлый и для современниковъ и для потомства очень внушительный шагъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ членовъ института—Кабанисъ. Врачъ и другъ Мирабо, даже его сотрудникъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія, талантливый поэтъ и блестящій профессоръ, Кабанисъ, своими лекціями продолжаетъ начатую институтомъ систематизацію наукъ — выше физико-математическаго ряда. Воспитавшійся среди энциклопедистовъ, горячій поклонникъ самыхъ смѣлыхъ «просвѣтителей»—Кондорсе, Гельвеція, Вольнея,—Кабанисъ явился краснорѣчивымъ пред-

¹⁾ Blainville, III, 463.

ставителемъ сенсуалистскихъ воззрѣній въ нравственной философіи. Онъ самъ ведетъ начало своихъ идей отъ Локка и Кондильяка, принимаетъ безъ критики идею Кондорсе—о приложеніи теоріи вѣроятностей къ нравственнымъ вопросамъ и явленіямъ, восхваляетъ «ясность, простоту и изящество» философіи Гельвеція, восхищается лекціями Вольнея и Гара въ нормальной школѣ и самую эту школу считаетъ «необыкновеннымъ явленіемъ» и «эпохой въ исторіи наукъ». Не меньше восторга вызываетъ у него и учрежденіе института. Онъ ставитъ это событіе въ неразрывную связь съ дѣятельностью энциклопедистовъ, институтъ является какъ бы осуществленіемъ ихъ плана, можетъ считаться «настоящею живою энциклопедіей», потому что онъ выражаетъ собой идею о соединеніи, распредѣленіи и организаціи въ одно цѣлое всего, выработаннаго человѣческимъ разумомъ. Кабанисъ видитъ практическое развитіе этой идеи въ стройной организаціи классовъ. Институтъ ставитъ однѣ науки рядомъ съ другими, руководствуясь ихъ внутренней связью и Кабанисъ привѣтствуетъ соединеніе въ одинъ отдѣлъ—наукъ философскихъ, нравственныхъ и, наконецъ,—изучающихъ физическую природу человѣка. Институтъ призвалъ физиологовъ въ отдѣленіе философскихъ наукъ и этимъ освятилъ научную истину о неразрывной связи изслѣдованій въ области физическихъ и нравственныхъ явленій, и именно изученіе физической стороны человѣческой природы должно служить основаніемъ для философіи и морали. «Физиологія, философія и нравственность»—три вѣтви одной и той же науки о человѣкѣ. Эта мысль положена въ основу двѣнадцати мемуаровъ, прочитанныхъ Кабанисомъ въ качествѣ члена національнаго института. Чтенія, по свидѣтельству Кювье, имѣли очень большой успѣхъ и составили потомъ два тома—подъ заглавіемъ: *Rapports du physique et du moral de l'homme*,—также, по свидѣтельству автора, благосклонно принятые публикой ¹⁾).

Кабанисъ, какъ истинный питомецъ энциклопедической атмосферы XVIII-го вѣка, не побоялся сдѣлать самые рѣшительные выводы изъ

¹⁾ *Curier*. O. c. IV, 326. Кабанисъ—въ предисл. ко 2-му изданію *Отношеній между физической и нравственной природой человека*. Русск. перев. А. Бишкова. Спб. 1865. Ср. Picavet. *Les idéologues* P. 91. Сб. III—IV. *Memoires* Кабаниса были прочтаны въ 1795—6 году, первые шесть напечатаны сначала въ *Recueil des travaux de la classe* въ 1798—9 г., послѣдніе шесть вмѣстѣ съ первымъ изданіи въ 1802 г.

своей основной мысли. Нравственная природа человека—таже физическая, относится къ ней какъ слѣдствіе къ причинѣ. Всѣ умственные процессы объясняются Кабанисомъ съ той же точки зрѣнія, какъ и другія чисто-физиологическія отправленія организма. Вся его психологія заключается въ слѣдующемъ разсужденіи: «чтобы составить себѣ точное понятіе объ отправленіяхъ, результатомъ, которыхъ является мысль, слѣдуетъ разсматривать головной мозгъ, какъ отдѣльный органъ, предназначенный исключительно для ея производства, подобно тому, какъ желудокъ и кишки совершаютъ пищевареніе, печень вырабатываетъ желчь, околушныя, подчелюсныя и подъязычныя железы отдѣляютъ слюну. Впечатлѣнія, дойдя до мозга, возбуждаютъ въ немъ дѣятельность, подобно тому, какъ пища, попадая въ желудокъ, вызываетъ въ немъ болѣе обильное отдѣленіе пищеварительнаго сока и движенія, способствующія ея растворенію. Намъ возразятъ, что органическія движенія, по которымъ совершаются отправленія мозга, намъ неизвѣстны. Но и дѣятельность нервовъ желудка, вызывающихъ различныя отправленія пищеваренія, но и способъ развитія въ пищеварительномъ сокѣ живой растворяющей силы не менѣе скрыты отъ нашего изслѣдованія. Мы видимъ, что пища поступаетъ въ эту полость съ извѣстными качествами, мы заключаемъ, что именно полость эта произвела въ ней испытанныя ею измѣненія. Такимъ же точно образомъ мы заключаемъ, что впечатлѣнія достигаютъ до головного мозга чрезъ посредство нервовъ: они поступаютъ въ него отрывочными и безсвязными. Органъ приходитъ въ дѣятельность, онъ дѣйствуетъ на нихъ, и скоро возвращаетъ ихъ превращенными въ представленія и, наконецъ, выводитъ ихъ наружу при содѣйствіи игры фізіономіи и жестовъ, или звуковъ языка и знаковъ письма. Съ неменьшею достовѣрностію мы заключаемъ, что головной мозгъ въ нѣкоторомъ смыслѣ перевариваетъ впечатлѣнія, что онъ органически выдѣляетъ мысль»¹⁾).

Все сочиненіе посвящено фактическимъ иллюстраціямъ этой идеи. Иллюстраціи часто чрезвычайно жизненны, — на примѣръ, описаніе различныхъ характеровъ въ связи съ типами физической природы²⁾, характеристика возрастныхъ и половыхъ вліяній на нрав-

¹⁾ *Memoire* II, § VII. Русск. изд. стр. 166—7.

²⁾ *Mem.* I, § IV.

ственную жизнь ¹⁾),—при чемъ главной цѣлью автора, по его словамъ, была неизмѣнно одна—общепонятность: несомнѣнно,—книга должна была получить самое широкое распространеніе. И мы встрѣчаемъ Кабаниса въ числѣ вдохновителей Сень-Симона, молодой Контъ беретъ его подъ защиту отъ нападокъ слишкомъ строгихъ научныхъ критиковъ ²⁾), видитъ положительный результатъ въ его работѣ: онъ первый ясно понялъ, что настало время—подчинить нравственныя явленія тѣмъ же законамъ, изслѣдованіямъ, методамъ, какъ и физическія явленія»,— т. е., объясняетъ Контъ, уничтожить между ними основное различіе по природѣ. Контъ привѣтствуетъ задачу Кабаниса—*нравственныя явленія называть мозговыми и нервыми*. Контъ только сожалѣетъ, что работу Кабанисъ не довелъ до конца, скорѣе поставилъ задачу, чѣмъ выполнилъ ее. Естественнымъ продолжателемъ Кабаниса явился Галль,—и ему принадлежатъ всѣ сочувствія учителя позитивизма,—такъ же какъ и пристальное вниманіе Сень-Симона ³⁾).

Мы, слѣдовательно, изъ первоисточниковъ узнаемъ о существенномъ значеніи, какое имѣли естественно-философскія работы конца XVIII-го вѣка для будущихъ создателей новаго научно-философскаго міросозерцанія. Эти работы неуклонно вели дѣло систематизаціи наукъ, объединенія ихъ общими принципами и въ этомъ направленіи достигали крайняго предѣла подчиненія всѣхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія—одной физической основѣ.

Галль, продолжавшій путь Кабаниса, былъ именно однимъ изъ самыхъ отважныхъ объединителей и прямой предшественникъ Контской френологической психологіи. Принципъ ея Контъ исповѣдуетъ уже въ молодости, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ произведеній Кабаниса и Галля.

Галль, нѣмецкій профессоръ, вынужденъ былъ искать убѣжища во французской столицѣ благодаря смѣлости своихъ естественно-нравственныхъ возрѣній. Занимаясь сравнительной анатоміей и сосредоточившись преимущественно на физиологіи мозга,

¹⁾ *Mem. V.*

²⁾ Къ числу ихъ принадлежалъ и Блэнвилль, имѣвшій большое значеніе для умственныхъ работъ Конта. Блэнвилль негодуетъ на „le plus hideux matérialisme“ Кабаниса. *O. c.* III, 282.

³⁾ *Lettres d'Auguste Comte à M. Valut. P.* 1870. 184—8, отъ 8 сент. 1824.

Галль въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ явленія психологическаго порядка въ связи съ ихъ органической почвой и пришелъ къ выводу о непосредственной зависимости умственныхъ силъ и талантовъ отъ устройства мозга—до такой степени, что возможно даже нравственные способности локализовать въ отдѣльныхъ частяхъ мозгового вещества. По устройству черепа можно судить объ анатомическихъ подробностяхъ мозга и дѣлать заключенія о нравственныхъ качествахъ субъекта. Практическіе результаты такой фізіологій очевидны: френологическія указанія должны обусловливать извѣстныя воздѣйствія на даннаго человѣка путемъ воспитанія, законодательства и вообще нравственныхъ средствъ. Такимъ путемъ—анатомія, фізіологія, медицина, педагогика и даже политика сливаются въ одну неразрывную цѣпь. «Функции души выполняются при помощи матеріальныхъ аппаратовъ»,—говоритъ Галль,—и строитъ практическія неограниченно-широкія заключенія на почвѣ, подготовленной изслѣдованіями Биша, Кабаниса и другихъ анатомовъ и фізіологовъ революціонной эпохи. *Всякая способность зависитъ отъ организціи*,—и Галль въ вопросахъ нравственныхъ и психологическихъ пытается достигнуть возможнаго для науки идеала—предвидѣнія, и заключить въ одну логическую систему весь сложный міръ человѣческой природы—индивидуальной и соціальной, доказать необходимость единенія науки объ организмахъ съ філософіей,—и современній ученый естествоиспытатель и убѣжденный врагъ матеріализма и защитникъ нравственно-религіознаго воззрѣнія такъ опѣиваетъ задачу Галля: «самая замѣчательная цѣль въ усиліяхъ Галля и наименѣе спорная,—привести къ единству науки разъединенныя и разноголосныя. Галль вновь доказалъ необходимость неразрывной связи между всѣми науками»¹⁾.

Слѣдовательно, — усовершенствованіе методовъ въ отдѣльныхъ наукахъ, устраненіе метафизическаго содержанія въ принципахъ, воззрѣніе на міръ, какъ одно цѣлое, развивающееся по одному закону и подлежащее одному физико-математическому и фізіологическому анализу, стремленіе и въ результатѣ анализа—получить такую же единую стройную сплоченную систему принциповъ, какую на-

¹⁾ Blainville. III, 334 sp. O Gall's Ferzaz. *Etude sur la philosophie en France au XIX S. Le socialisme, le naturalisme et le positivisme.* P. 77.

блюдаемый міръ представляет какъ царство явленій,—такія задачи поставилъ и передать будущему исправленный и дополненный революціонной эпохой энциклопедическій духъ, т.-е. научно-систематизирующій духъ XVIII-го вѣка.

Идеаль всякой систематизаціи—открытие всеобъединяющаго закона явленій, какъ ихъ первоисточника и принципа. И ученые будто стихійно стремятся къ такой всеобъясняющей аксіомѣ, готовы законъ тяготѣнія распространить на міръ органической и нравственной. Кабанисъ, въ результатѣ своихъ изслѣдованій органическихъ явленій, приходитъ къ «мысли о какой то аналогіи между животною чувствительностью, растительнымъ инстинктомъ, химическимъ сродствомъ и простымъ притяженіемъ, постоянно существующимъ между всѣми частицами матеріи». И его выводъ уполномочить впослѣдствіи Сень-Симона искать въ астрономическомъ законѣ разгадки тайнъ всего жизненнаго круговорота. «Несмотря на существенныя различія», продолжаетъ Кабанисъ, «открываемая въ нихъ наблюденіемъ, нѣтъ сомнѣнія, что три порядка явленій представляютъ одно и то же, непосредственное стремленіе тѣль другъ къ другу, что это стремленіе дѣйствуетъ по болѣе или менѣе разнообразнымъ и сложнымъ законамъ, смотря по состоянію, въ которомъ находятся раздѣленные другъ отъ друга частицы, и по условіямъ, при которыхъ онѣ встрѣчаются, а изъ этого вытекаютъ всѣ новыя свойства, обнаруживающіяся въ различныхъ ихъ сочетаніяхъ ¹⁾».

Всѣ изложенныя задачи подъ влияніемъ ярко выраженнаго настроенія современниковъ эпохи должны были отразить на себѣ влияніе религіозной стихіи — въ широкомъ смѣслѣ слова,—т.-е. чисто научную цѣль слить съ нравственной, и придать всему движенію *политико-научный* характеръ—по мѣткому выраженію современника ²⁾. Философія, въ смѣслѣ системы личной и соціальной морали является спутницей, точнѣе другой стороной—научнаго энциклопедическаго направленія.

Между двумя полюсами—*мистицизмомъ и физичизмомъ* ³⁾, какъ

¹⁾ *Memoire*. X, sect. sec., § II. Русск. изд. II, 256—7.

²⁾ Blainville. III, 336.

³⁾ Выраженіе, изобрѣтенное Сень-Симономъ и вполне точно примѣняемое имъ къ всеобъемлющему господству физико-математическаго метода.

крайними выраженіями двухъ господствующихъ культурныхъ теченій— развиваются новыя нравственно-политическія и научно-религіозныя системы, безпрестанно оправдывая вновь усвоенный законъ эволюціи,—воспроизводя въ многообразныхъ усовершенствованныхъ формахъ элементы созидательной работы, предпринятой просвѣтительной литературой и провѣренной революціонной практикой. Сень-Симонъ — первый обладатель этого наслѣдства—по времени и по значительности реализованнаго имъ идейнаго достоянія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Судьба Сень-Симона, какъ личности и какъ философа, одно изъ самыхъ своеобразныхъ явленій въ исторіи европейской мысли. Дѣятельность писателя хронологически принадлежитъ первой четверти XIX вѣка, протекла она въ Парижѣ, въ центрѣ современной публичности, самъ мыслитель отнюдь не принадлежалъ къ числу идеологовъ-отшельниковъ, работающихъ въ ревниво оберегаемомъ уединеніи исключительно для собственнаго удовлетворенія,—напротивъ, Сень-Симонъ съ величайшей энергіей старался обратить на себя вниманіе представителей науки и политики, наконецъ, онъ пользовался сотрудничествомъ молодыхъ людей, занявшихъ впослѣдствіи первыя мѣста въ новой наукѣ и философіи. И всѣ эти обстоятельства не только не послужили къ всестороннему и точному выясненію характера Сень-Симона и значенія его идей, но именно нѣкоторыя преимущества его положенія способствовали затемненію и усложненію личнаго и идейнаго вопроса. Уже сама нравственная природа философа представляла обильный источникъ недоразумѣній и загадокъ,—личныя отношенія Сень-Симона внесли въ эту смуту рядъ едва разрѣшимыхъ данныхъ, и въ результатѣ писатель XIX вѣка является до сихъ поръ болѣе таинственною и двусмысленною фигурой, чѣмъ какой-нибудь дѣятель наиболѣе отдаленной эпохи нашей цивилизаціи. Только развѣ другой Сень-Симонъ, по мнѣнію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса, можетъ нарисовать во всей истинѣ и неприкрашенной натурѣ «странный типъ» нашего философа ¹⁾.

¹⁾ Paul Janet. *Saint-Simon et le Saint-Simonisme.*

Самъ Сень-Симонъ предвосхитилъ это желаніе: онъ не одинъ разъ принимался говорить о себѣ, и его сообщенія, разумѣется, должны быть оцѣнены впереди всѣхъ другихъ, какъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для рѣшенія трудной задачи.

Сень-Симонъ оставилъ нѣсколько отрывковъ автобіографическаго содержанія и довольно много писемъ — ярко субъективнаго характера. Онъ уже въ первые годы своей дѣятельности ясно понималъ свое обязательство предъ современниками и потомствомъ — представить имъ руководящую нить въ своей исключительной психологіи и въ менѣе всего заурыдной жизни.

Первый отрывокъ относится ко второй половинѣ 1808 г. Сень-Симонъ успѣлъ пережить самыя многообразныя житейскія опыты, совершенно обѣднѣть, пройти чрезъ должность писца съ тысячефранковымъ окладомъ въ годъ за девятичасовую ежедневную работу и, что важнѣе всего, потерпѣть полную неудачу у современныхъ ученыхъ со своими научными произведеніями. Сень-Симона приютилъ его бывшій слуга, разбогатѣвшій на службѣ у него, и далъ ему средства на печатаніе его новыхъ трудовъ. При такомъ положеніи дѣлъ Сень-Симонъ рѣшается познакомить ученую публику со своею личностью и біографіей и рассказываетъ свою жизнь въ предисловіи къ *письмамъ*, направляемымъ въ ученое учрежденіе— *Lettres au Bureau des Longitudes*.

Разказу предпослано краткое замѣчаніе, — оно можетъ объяснить намъ побудительныя причины автобіографа. «Такъ какъ, — заявляетъ Сень-Симонъ, много людей берутся судить о личностяхъ живыхъ писателей раньше изслѣдованія ихъ идей, я счелъ нужнымъ помѣстить сокращенную исторію своей жизни во главѣ моего труда».

Дальше слѣдуетъ *Исторія моей жизни*. Существуетъ двѣ редакціи, — и вообще у насъ нѣтъ ни одного автобіографическаго отрывка въ сочиненіяхъ Сень-Симона одного точно установленнаго содержанія, — при чемъ разногласія касаются самыхъ существенныхъ даныхъ. Въ первомъ отрывкѣ Сень-Симона рассказываетъ факты за тридцать два года своей жизни, — съ октября 1776 года, когда онъ вступилъ въ военную службу, до іюня 1808 года, когда онъ послалъ въ Бюро долготъ свое сочиненіе *Введеніе къ ученымъ работамъ XIX вѣка*.

Одна редакція отрывка появилась въ печати въ 1832 г. и ея сообщенія подробнѣе. Здѣсь Сень - Симонъ обстоятельно объясняетъ, почему онъ во время революціи не принималъ участія въ политической дѣятельности партій, основательно мотивируетъ свое рѣшеніе—тридцати семи лѣтъ начать вновь свое образованіе, вести его въ высшей степени оригинальнымъ путемъ, изучать не только науки, но и самихъ ученыхъ,—именно вліяніе научныхъ занятій на страсти людей, на ихъ умъ и на весь ихъ нравственный складъ. Въ той же редакціи опредѣляется и цѣль всѣхъ подготовительныхъ работъ весьма важнымъ для насъ терминомъ: «Я, — говоритъ Сень-Симонъ, — задумалъ проектъ проложить новый путь человѣческому разуму, — путь *физико-политическій*». Наконецъ, издатель отрывка помѣстилъ въ него весьма важную выдержку изъ *другого* документа,— изъ письма Сень-Симона не въ бюро долготъ, а къ сенатору Буасси д'Англа. Письмо написано 2 ноября 1807 г. и сообщаетъ, что первоначальнымъ образованіемъ Сень-Симона «руководилъ» Даламберъ, и оцѣниваетъ значеніе этого факта ²⁾).

Второй автобіографическій отрывокъ, именующійся такъ въ раннемъ изданіи сочиненій Сень - Симона, въ позднѣйшемъ является «второй частью» посланія въ Бюро долготъ. Здѣсь нарочито рѣшается одинъ вопросъ—о денежномъ положеніи Сень-Симона, рассказывается чисто-фактическая исторія финансовыхъ операцій философа при революціи и его обѣднѣнія. Рассказъ заканчивается сообщеніемъ, что Сень - Симонъ послѣ службы писцомъ въ ломбардѣ живетъ на иждивеніи у своего бывшаго слуги Диара. Въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Сень - Симона исторія сопровождается выраженіемъ сильнаго чувства противъ бывшаго компаньона Сень-Симона по операціямъ — прусскаго графа Редерна: «Какой стыдъ для графа Редерна!»... Этого восклицанія нѣтъ въ ранней перепечаткѣ, нѣтъ также и *примѣчанія*, сообщающаго о двухъ «наглыхъ письмахъ» Редерна въ отвѣтъ на справедливыя жалобы Сень-Симона ³⁾).

²⁾ *Oeuvres de Saint-Simon* publiées en 1832, par Olinde Rodrigues. Paris, 1841. *Vie de Saint-Simon écrite par lui meme*. Premier fragment. Болѣе краткій вариантъ въ изданіи *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*, XV, p. 1868, 64 etc. О письмѣ къ Буасси д'Англа, p. 61—69.

³⁾ Olinde Rodrigues, XXVI, *Oeuvres de S. S. et d'Enf.* p. 71—74.

Мы видимъ, какъ произвольно обращался издатель автобіографіи Сень-Симона съ ея текстомъ. Онъ считалъ себя въ правѣ составлять *отрывки* по собственному усмотрѣнію, сокращая ихъ содержаніе по личному вѣусу и дополняя его изъ постороннихъ рукописей автора. А между тѣмъ, именно при крайне своеобразной и въ общемъ дѣйствительно «странной» психологіи Сень-Симона, для насъ существенно знать съ подлинной точностью, когда, что, въ какой формѣ и съ какой цѣлью онъ чувствовалъ потребность сообщить о себѣ публикѣ. Подобный образъ дѣйствій мы встрѣтимъ у позднѣйшихъ издателей его философскихъ сочиненій.

Необходимость точныхъ данныхъ является особенно настоятельной при знакомствѣ съ «третьимъ отрывкомъ».

На слѣдующій годъ послѣ сообщеній въ Бюро долготъ Сень-Симонъ рѣшилъ написать автобіографію, въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе подробную, именно касательно своей литературной дѣятельности и болѣе откровенную относительно своей личности. Надо полагать, — именно послѣдній вопросъ являлся главнымъ побудительнымъ поводомъ для Сень-Симона снова приняться за свое жизнеописаніе. Предъ нами на этотъ разъ *три* редакціи разсказа и съ еще болѣе существенными вариантами. Различно указывается даже годъ возникновенія отрывка: въ раннемъ изданіи сочиненій Сень-Симона — 1810 г., въ позднѣйшемъ въ двухъ мѣстахъ двѣ различныхъ даты — 1810 и 1809 гг. Въ редакціи подъ 1809 г. послѣ изложенія извѣстныхъ намъ фактовъ де посылки *Писемъ въ Бюро долготъ* Сень-Симонъ продолжаетъ разсказъ признаніемъ: онъ «дурно началъ изложеніе своихъ идей», онъ «на опытѣ убѣдился, что еще не былъ достаточно зрѣлъ для того, чтобы составить и проредактировать задуманную работу», т.-е. *Введеніе къ ученымъ работамъ XIX вѣка*, и рѣшился прибѣгнуть къ формѣ *Писемъ* ⁴⁾.

Этого объясненія нѣтъ въ двухъ другихъ редакціяхъ отрывка. Онъ начинаются одинаково — личной исповѣдью, вскрывающей намъ авторскія цѣли предпринятой работы и характеризующей вообще положеніе вопроса о личности и жизни Сень-Симона.

«Въ обществѣ, — говоритъ онъ, — существуетъ и должно существовать у читателя извѣстное предубѣжденіе противъ меня, потому что

⁴⁾ *Œuvres de S. S. et d'Enf*, XV, 78.

предпріятіе, мной задуманное, уже четвертое по счету, — и первыя три не пришли къ благополучному концу».

Сень-Симонъ не выражается опредѣленно, какія три его предпріятія потерпѣли неудачу. Мы ихъ увидимъ изъ его біографіи.

«Однимъ словомъ, — продолжаетъ Сень-Симонъ, — моя жизнь представляетъ рядъ паденій и все-таки моя жизнь не можетъ быть признана неудачной, потому что я не только не спускался ниже, но напротивъ, постоянно поднимался выше, т.-е. ни одно изъ моихъ паденій не ставило меня ниже того положенія, въ какомъ я находился раньше. Предпріятія, мной начатыя и не доведенныя до конца, должны считаться опытами для меня необходимыми. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на подготовительныя работы, наполнившія дѣятельную половину моей жизни.

«На поприщѣ открытій я встрѣтилъ борьбу прилива и отлива. Я часто спускался внизъ, но моя подъемная сила всегда одерживала верхъ надъ враждебною ей силой. Доживъ почти до пятидесяти лѣтъ, я нахожусь у той грани, когда люди уходятъ на покой, а я только еще начинаю свой путь. Однимъ словомъ, послѣ длинной и тягостной дороги, я достигъ точки своего отпавленія.

«Итакъ, я говорю, публика не должна своего приговора надъ моимъ поведеніемъ считать окончательнымъ, и я взываю къ ея справедливости и требую пересмотра».

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, общимъ для всѣхъ трехъ редакцій, слѣдуютъ оправдательные пункты Сень-Симона, излагаемые въ разныхъ текстахъ различно. Раннее изданіе сочиненій, сдѣланное однимъ изъ ближайшихъ учениковъ философа, и обладателемъ его рукописей, даетъ текстъ сокращенный сравнительно съ одной изъ позднѣйшихъ редакцій, но въ то же время содержитъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ признаній, не имѣющихся въ наиболѣе пространной редакціи. Можно предположить, — въ основѣ всѣхъ редакцій лежатъ двѣ рукописи; одной пользовался первый издатель сочиненій Сень-Симона и составители *Историческихъ свѣдѣній*, предшествующихъ позднѣйшему изданію. Другая рукопись дала матеріалъ редакторамъ сочиненій Сень-Симона въ этомъ изданіи.

Изъ первой рукописи взята слѣдующая краснорѣчивая исповѣдь. Упомянувъ объ извѣстномъ намъ денежномъ положеніи, Сень-Симонъ продолжаетъ:

«Мое нравственное положеніе, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, еще тягостнѣе, чѣмъ денежное; каждый совѣтъ, какой мнѣ приходится принимать; грозить лишитъ меня мужества. И что же? И при такихъ условіяхъ я не унываю, я оказываюсь счастливымъ. Во мнѣ живетъ чувство собственной силы и это ощущеніе самое пріятное для меня, какое только я испытывалъ въ теченіе своей жизни. Я спокойнозираю на трудности, какія мнѣ предстоитъ преодолѣть, я съ улыбкой иду имъ навстрѣчу. Я убѣжденъ, что мои ошибки должны быть приписаны скорѣе несовершенству человѣческой природы, чѣмъ моей личной слабости»⁵⁾).

Дальше Сень-Симонъ переходитъ къ прямому оправданію своего поведенія. Онъ исходитъ изъ убѣжденія, что писатели, разрѣшавшіе теоретически вопросъ о добрѣ и злѣ и устанавливавшіе правила для образа дѣйствій другихъ людей, сами вовсе не были «образцами мудрости и чистоты въ своей личной жизни». Другая рукопись развиваетъ эту тему съ особенными подробностями. Устанавливается законъ, что «теоретическая и практическая философіи существенно различны. Одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ одинаково успѣвать въ обѣихъ областяхъ». Въ доказательство слѣдуютъ ссылки на черты изъ жизни Лютера, Бэкона и Декарта: всѣ три гениальные мыслителя страдали слабостями⁶⁾. Общій выводъ, имѣющійся во всѣхъ редакціяхъ: «Душа тѣмъ доступнѣе страстямъ, чѣмъ она экзальтированнѣе. Но высшая степень экзальтаціи необходима для того, чтобы рѣшать великій научный вопросъ во всемъ его объемѣ. Слѣдовательно не должно изумляться, когда философы-теоретики легче подчиняются игу страстей, чѣмъ всѣ другіе ученые».

Это одно оправданіе для неуравновѣшанной жизни изслѣдователя-философа.

Другое, какъ увидимъ, еще болѣе личное, собственно — прямое обобщеніе собственной жизни автора. Оно находится только въ одной редакціи, въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Сень-Симона. Обобщенію предшествуетъ догматическое разсужденіе философскаго характера.

⁵⁾ Ol. Rodrigues, XXXI—XXXII, *Oeuvres de S. S. et d'Enf. Notices historiques*, I, 42—3.

⁶⁾ *Oeuvres de S. S. et d'Enf.* XV, 79—80.

Основой философіи, — говоритъ Сень - Симонъ, — служатъ двѣ науки — астрономія и фізіологія и всякій, занимающійся *общей наукой*, долженъ изучать вселенную въ *большомъ мірѣ* и въ *маломъ мірѣ*, т.-е. собственно вселенную и человѣка. Они, по мнѣнію Сень-Симона, относятся другъ къ другу какъ стѣнные часы къ карманнымъ: это «двѣ аналогичныя машины, хотя и очень различныхъ размѣровъ». Но наука развивается путемъ опытовъ, слѣдовательно мы должны бы подвергнуть опыту вселенную, — этого мы не въ состояніи сдѣлать, — остается человѣкъ. И одинъ изъ важнѣйшихъ опытовъ, какіе можно продѣлать надъ человѣкомъ, заключается въ томъ, чтобы поставить человѣка въ новыя соціальныя отношенія. При этомъ «всякое новое дѣйствіе, являющееся результатомъ подобнаго опыта, можетъ быть признано хорошимъ или дурнымъ только послѣ наблюденій надъ результатами и всѣ попытки этого рода не могутъ быть счастливы. Такимъ образомъ, человѣкъ, отдающійся изысканіямъ въ области высшей философіи, можетъ и даже долженъ въ теченіе своей экспериментальной жизни, совершить много поступковъ, отмѣченныхъ печатью безумія»¹⁾.

Эти разсужденія приводятъ автора къ четыремъ практическимъ правиламъ: съ ними, очевидно, долженъ считаться всякій, кто вздумаетъ судить жизнь и личность самого Сень-Симона. Правила слѣдующія:

- 1) Въ цвѣтущій возрастъ вести жизнь самую оригинальную и самую дѣятельную.
- 2) Тщательно познакомиться со всѣми теоріями астрономическими и фізіологическими.
- 3) Перебывать во всѣхъ слояхъ общества; лично становиться въ возможно болѣе многочисленныя и разнообразныя соціальныя положенія и даже создавать для себя и для другихъ отношенія еще не бывалыя.
- 4) Въ старости свести наблюденія надъ полученными выводами изъ этихъ опытовъ относительно другихъ и самого себя, и объединить эти наблюденія такимъ образомъ, чтобы получилась новая философская теорія.

¹⁾ Разсужденіе объ основѣ философіи отсутствуетъ у Rodrigues'a и въ *Notices Oeuvres* XV, 80—1.

Окончательный приговоръ надъ человѣкомъ, выполнившимъ эту программу, очевиденъ независимо отъ его личныхъ отдѣльныхъ дѣйствій. Подобному человѣку, заключаетъ Сень-Симонъ, «человѣчество должно оказывать величайшее уваженіе. Именно такого человѣка оно должно считать самымъ добродѣтельнымъ, такъ какъ именно онъ самымъ методическимъ и прямымъ путемъ работаетъ ради прогресса науки, истиннаго источника мудрости».

Высказавъ столь рѣшительное обобщеніе, Сень-Симонъ припомнилъ опасный для своихъ идей случай — жизнь Ньютона. Это воспоминаніе приводится только въ одной редакціи отрывка и заключается въ рѣзкомъ отзывѣ о научной односторонности Ньютона. Онъ умеръ дѣвственнымъ, былъ благороденъ и бережливъ, умѣлъ выполнять всѣ свои обязанности — предъ человѣчествомъ, родиной и семьей, имѣлъ только одну страсть — къ работѣ и вообще во всѣхъ направленіяхъ являлся образцомъ умѣренности.

Сень-Симонъ этимъ добродѣтелямъ противопоставляетъ ограниченный умственный кругозоръ Ньютона. Великій астрономъ — онъ вовсе не занимался физиологіей и не можетъ, слѣдовательно, быть признанъ философомъ. Ньютонъ не изучалъ человѣка и своимъ пренебреженіемъ къ наукѣ объ организмахъ даже повредилъ прогрессу знанія, по его винѣ «общая наука», т.-е. философія, «почти заброшена». Декартъ въ этомъ отношеніи выше Ньютона ⁸⁾.

Сравненіе между двумя мыслителями въ такой формѣ, — видимо подсказывалось инстинктомъ самозащиты, лично-нравственными соображеніями, а не философскимъ анализомъ. И Сень-Симонъ непосредственно обращается къ самому себѣ и уже прямо заявляетъ: его дѣйствія не должны быть судимы по тѣмъ самымъ принципамъ, какъ дѣйствія обыкновенныхъ людей, «его жизнь до сихъ поръ была курсомъ опытовъ — un cours d'expériences». Никто не станеть осуждать физиолога, если онъ занимается вивисекціей съ научными цѣлями, — только вивисекторъ съ жестокими инстинктами достоинъ порицанія. И Сень-Симонъ поясняетъ свою мысль вполне открытымъ, хотя и безличнымъ разговоромъ о своей изслѣдовательной дѣятельности въ области социальныхъ отношеній. Рассказъ довольно

⁸⁾ *Oeuvres*. XV, 83—4.

кратокъ, но неоцѣненъ по богатству фактическаго содержанія и по чрезвычайно краснорѣчивому идейному смыслу.

Сень-Симонъ пишетъ:

«Если я вижу человѣка, который не занимается общей наукой и въ то же время посѣщаетъ игорные и развратные дома, не избѣгаетъ со всевозможнымъ стараніемъ общества лицъ завѣдомо безнравственныхъ, я скажу: вотъ человѣкъ, губящій себя, привычки имъ усвоенныя унизятъ его въ собственныхъ глазахъ и слѣдовательно сдѣлаютъ его до послѣдней степени презрѣннымъ. Но если этотъ человѣкъ занимается теоретической философіей, если цѣль его изысканій—точно опредѣлить предѣльную черту между дѣйствіями добрыми и злыми, если онъ ищетъ средствъ избавить человѣческій умъ отъ страданій, постигающихъ людей на невѣрныхъ путяхъ къ счастью,—я скажу: вотъ человѣкъ, идущій путемъ порока къ цѣли, которая непременно приведетъ его къ высшей добродѣтели».

Именно самъ авторъ является такимъ путникомъ. По его словамъ, онъ стремился съ возможной точностью изучить нравы и возрѣнія различныхъ классовъ общества, при всякомъ случаѣ вступать въ сношенія съ людьми разнообразныхъ характеровъ и нравственности. Эти изысканія сильно повредили ему въ общественномъ мнѣніи,—но Сень-Симонъ не сожалѣетъ объ этомъ. «Мое уваженіе къ себѣ»,—говоритъ онъ,—«всегда повышалось сообразно съ ущербомъ, какой я причинялъ своей репутации. Я имѣлъ всѣ основанія быть довольнымъ своимъ образомъ дѣйствій, такъ какъ чувствую возможность сообщить своимъ современникамъ и потомству взгляды новые и положительные». Въ благопріятный приговоръ потомства Сень-Симонъ твердо вѣритъ.

Здѣсь и заканчивается личная исповѣдь Сень-Симона. Редакція позднѣйшаго изданія его сочиненій перепечатываетъ дальше разсужденіе о сходствѣ жизни человѣческаго поколѣнія съ временами года. Разсужденіе не отличается оригинальностью,—конецъ его снова переходитъ въ субъективный тонъ: авторъ восхваляетъ стариковъ, продѣлавшихъ много опытовъ, сумѣвшихъ оцѣнить результаты и сохранившихъ достаточно энергіи, чтобы отдать отчетъ въ своихъ трудахъ *горячо, ясно и точно*. «Это, — заключаетъ Сень-Симонъ, — философы-изобрѣтатели»⁹⁾.

⁹⁾ П. XV, 87—8.

Таковы важнѣйшія автобіографическія повѣствованія, оставленныя нашимъ философомъ. Мы видимъ,—въ общемъ фактическое содержаніе ихъ не можетъ быть признано достаточно богатымъ. Самъ авторъ сознавалъ этотъ недостатокъ своихъ сообщеній. Съ нимъ случалось «много необыкновенныхъ вещей» и онъ могъ бы рассказать не мало занимательныхъ фактовъ, но ему пока некогда: «Я стану болтать о своей жизни, когда сдѣлаюсь старикомъ»¹⁰⁾. И Сень-Симонъ выбираетъ, можно сказать, отвлеченный способъ самозащиты, — возстановляетъ свое доброе имя и старается обезпечить уваженіе современниковъ и потомства — общими принципиальными сужденіями. Приемъ врядъ ли безусловно убѣдительный именно при «необыкновенныхъ» чертахъ жизни и дѣятельности автора. Но онъ, очевидно, не желалъ измѣнять своей программы. Разныя редакціи только что приведеннаго отрывка могутъ быть объяснены неоднократной обработкой текста самимъ авторомъ. Мы видѣли,—наиболѣе существенная разница между рукописями — въ ссылкахъ на личности великихъ мыслителей, неудовлетворительныя съ точки зрѣнія частной нравственности. Сень-Симонъ видимо придумывалъ постепенно все новыя оправдательныя обстоятельства въ виду недоразумѣній общественнаго мнѣнія насчетъ его дѣятельности и нравственныхъ взглядовъ. Эти недоразумѣнія, очевидно, были очень упорны и грозили подорвать писательское имя автора и отнять идейный авторитетъ у его произведеній. Такое заключеніе непосредственно вытекаетъ изъ приступовъ Сень-Симона къ автобіографическимъ повѣствованіямъ и подтверждается общимъ правиломъ, какое онъ усиливается установить: изъяны въ личной нравственности философа не только уживаются съ его умственной гениальностью, но даже являются ея естественными спутниками. Подобныя соображенія не могли имѣть рѣшающаго значенія для лицъ, кого поражали оригинальные соціальныя опыты Сень-Симона и онъ самъ указывалъ на *результаты* опытовъ, какъ основу окончательнаго приговора. Результаты заключались въ «предпріятіяхъ» философа, а они, по его же словамъ, терпѣли одну неудачу за другой. И послѣдняя самозащита Сень-Симона совпала съ такой же печальной участію его философскаго произведенія: ученые отнеслись къ нему

¹⁰⁾ Ib. 87.

съ оскорбительнымъ равнодушіемъ, нѣкоторые, какъ увидимъ, даже не потрудились разрѣзать *Введеніе къ научнымъ работамъ XIX-ю вѣка*. И авторъ, повидимому, имѣлъ основаніе приписывать такое пренебреженіе къ его труду—предубѣжденію противъ его личности. Оставалось разсѣять это предубѣжденіе, и Сень - Симонъ свою новую научную работу сопровождаетъ автобіографіей и исповѣдью. Но всѣ откровенія философа заключали вопросъ въ волшебный кругъ и не могли установить общественнаго мнѣнія—да еще предубѣжденнаго—на желательной почвѣ.

Сень-Симонъ, вѣроятно, чувствовалъ свою неудачу и на этомъ поприщѣ. Не находя средствъ преодолѣть враждебную силу, — онъ естественно впадаетъ въ раздраженіе и въ философскія разсужденія переноситъ страстную личную полемику съ виновниками своихъ несчастій. Главнымъ изъ нихъ оказывается знаменитый астрономъ Лапласъ,—надо полагать — потому что Лапласъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Бюро долготъ. Сень-Симонъ обрушивается на него съ чрезвычайной запальчивостью вскорѣ послѣ извѣстной намъ автобіографіи. Нападки на Лапласа вставлены въ разсужденіе *Исторія челоѵка*. Оно не перепечатано ни въ одномъ изъ изданій сочиненій Сень-Симона, было издано Сень-Симономъ въ 1810 году ¹¹⁾. Мы имѣли подъ руками рукопись, хранящуюся въ Арсенальной библиотекѣ въ Парижѣ и ею пользуемся въ нашемъ сообщеніи объ *Исторіи челоѵка*. Автобіографическій интересъ представляетъ четвертое прибавленіе, заключающее *Замѣчанія на труды и на Лапласа*. Сень-Симонъ намѣренъ опровергнуть выводы французской астрономической школы и, приступая къ дѣлу, призываетъ на помощь «могущественный гений» «великаго Корнеля», считая именно его гений «героическимъ» и его душу независимой. Призывается также и Бэконъ, какъ ученый. Походъ на Лапласа отърывается заявленіемъ, что у этого астронома слова «истина и справедливость» — такое же шарлатанство, какъ надписи на общественныхъ зданіяхъ — *Равенство, Братство* или *Смерть*. Можетъ быть такой пріемъ полемизировать кому-либо покажется слишкомъ рѣзкимъ, — но, говоритъ Сень-Симонъ, такова именно должна быть ученая полемика. Языкъ салоновъ

¹¹⁾ Перепечатано только *Avertissement* въ *Oeuvres de S. — S. et d'Enf.*, XV 103—4.

долженъ быть языкомъ вѣжливости, «языкъ школь», т.-е. различныхъ философскихъ направленій, все равно какъ «языкъ лагерей» долженъ быть — сама откровенность. Кто беретъ въ руки перо, обязанъ такъ же вооружиться мужествомъ, какъ и берущій ружье. Трусъ - ученый и трусъ - солдатъ одинаково презрѣнны. Двери въ храмъ славы открываются только смѣльчакамъ. Солдатъ подвергается опасности получить физическія раны, ученый — нравственныя. Результатъ одинъ и тотъ же: и тѣ и другія приводятъ къ смерти, разъ онѣ слишкомъ тяжелы.

Дальше слѣдуетъ извѣстная намъ защита страстныхъ, экзальтированныхъ натуръ. Страстный ученый, по мнѣнію Сень-Симона, вполне отождествляется съ идеей, которую онъ защищаетъ, и его мнѣнія по необходимости принимаютъ характеръ личности. «Степень горячности споровъ всегда была и будетъ соразмѣрна съ важностью вопроса, который обсуждается и открытія, которое изслѣдуется. Споръ тѣмъ больше способствуетъ прогрессу науки, чѣмъ онъ оживленнѣе и, слѣдовательно, чѣмъ больше проникнутъ личнымъ характеромъ». И вслѣдъ за этимъ общимъ соображеніемъ Сень-Симонъ откровенно заявляетъ, за что онъ сильно возбужденъ противъ Лапласа.

«Въ теченіе десяти лѣтъ я съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ новыя права на ученое почетное положеніе, и съ каждымъ днемъ мое социальное положеніе ухудшалось, и именно г. Лапласъ отравилъ эти десять лѣтъ моей жизни и я теперь дѣлаю вызовъ г. Лапласу и требую отъ него возмездія за то зло, какое онъ причинилъ мнѣ».

Местъ Сень-Симонъ думаетъ осуществить прежде всего разгромомъ астрономическихъ идей Лапласа. Но критикъ не въ силахъ сосредоточиться на чисто-теоретическомъ анализѣ, онъ пересыпаетъ свое разсужденіе чрезвычайно сильными обращеніями въ личности Лапласа (*).

*) *Histoire de l'homme*. 4-e Appendice. *Observations sur les Ouvrages de M-r de Laplace*. Des successions obtenues par la modération, par la prudence et par l'adresse sont à mes yeux de honteux succès: je préfère plus de danger et plus de gloire. Je vais aborder directement et franchement la question, je vais mettre en évidence les erreurs de l'école astronomique française en combattant les préjugés dont son chef est imbu et sur lesquels il a placé son bonnet carré.

Grand Corneille! J'invoque à mon secours ton puissant génie qu'il me serve de guide, qu'il assure mes pas pour descendre de sommet de la pensée jusqu'aux basses régions habitées par l'astronome Laplace. Et toi, Bacon, dont la génie a été plus

И это предпріятіе Сень-Симона не могло имѣть успѣха въ ученѣмъ мірѣ; отъ своихъ астрономическихъ взглядовъ въ послѣдствіи отказался самъ Сень-Симонъ, и онъ съ самаго начала не могъ разсчитывать на счастливую борьбу въ области астрономіи съ однимъ изъ значительнѣйшихъ представителей этой науки въ XIX вѣкѣ. Эпизодъ любопытенъ лишь для характеристики вообще личности философа и въ частности настроеній, какія ему пришлось переживать послѣ многократныхъ попытокъ создать себѣ имя ученаго мыслителя.

Эти настроенія въ сильной степени обострились жестокою матеріальною нуждой, поразившей Сень-Симона какъ разъ въ 1810 году, когда умеръ его благодѣтель—Діаръ. Сень-Симонъ оказался безъ всякихъ средствъ, съ безнадежно испорченною репутаціей, въ возрастѣ пятидесяти лѣтъ, съ горькимъ наслѣдствомъ неудавшихся попытокъ на поприщѣ «общей науки». Спокойствіе духа становилось недостижимымъ при такихъ условіяхъ,—и Сень-Симонъ общими со-

scientifique et non moins héroïque que celui de Corneille,—donne-moi les moyens de lutter davantage contre tous mes contemporains et de faire rentrer les écoles française et anglaise dans la route que tu leur avais tracée et qu'elles ont totalement perdu de vue...

Nous n'avons eu depuis près d'un siècle que des discussions à l'eau rose... Le langage des salons doit être celui de la politesse, le langage des Ecoles comme celui des camps doit être la franchise. A Capoue les armées sont devenues voluptueuses et polies, elles ont laissé flétrir leurs lauries... Celui qui prend la plume doit s'armer de courage de même que celui qui prend le mousquet. Le savant et le soldat poltrons sont également méprisables. Les portes du temple de la gloire ne s'ouvrent que pour les braves. Le soldat s'expose au danger des blessures physiques et le savant court le risque des blessures morales. Le résultat est le même, car les unes et les autres conduisent au tombeau, quant elles sont graves.

Il n'y a que les hommes passionnés pour la gloire qui soient en état de bien discuter; le savant passionné est complètement identifié avec la proposition qu'il avance, et ses opinions prennent nécessairement le caractère de la personnalité... Le degré de chaleur des discussions a toujours été et sera proportionné à l'importance de la question qu'on traite et à celle de la découverte que l'on examine... Une discussion contribue d'autant plus aux progrès de la science qu'elle est plus animée et par conséquent qu'elle prend au plus haut degré le caractère de la personnalité. A cette réponse générale je vais ajouter une réponse particulière; je vais dire ce qui m'anime personnellement contre M. de Laplace.

Depuis 10 ans j'ai acquis tous les jours de nouveaux droits à la considération scientifique et tous les jours ma position sociale s'est détériorée: c'est M. de Laplace qui a empoisonné ces dix années de ma vie et je fais en ce moment défi à M. de Laplace pour obtenir de lui réparation du mal qu'il m'a fait.

ображеніями насчетъ необходимости страстной личной полемики, опять рисоваль только свою личную психологію. И на этотъ разъ не могло быть рѣчи о сколько-нибудь безпристрастномъ и исторически убѣдительномъ анализѣ фактовъ и характера. Сень-Симонъ являлся еще болѣе настойчивымъ адвокатомъ въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ раньше. Онъ не можетъ сойти съ своего философскаго пути, умственная работа продолжается при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, но онъ не въ силахъ въ то же время устранить изъ своихъ отвлеченныхъ произведеній яркихъ отголосковъ своего личнаго положенія. Сочиненія Сень-Симона въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ періодъ удручающихъ лишеній, носятъ крайне своеобразный характеръ полуислѣдованій, полупризнаній. Къ отвлеченной темѣ непремѣнно прибавляется автобіографическій матеріалъ, въ формѣ посвященій, писемъ или откровенныхъ просьбъ о помощи. При всей странности этого приѣма—разрабатывать «общую науку»,—мы ему обязаны новыми психологическими и историческими данными для характеристики Сень-Симона и его жизни.

II.

Упомянутая нами *Исторія челоѣка* по ходу работъ Сень-Симона представляла «вторую тетрадь» обширнаго труда, первая носила отдѣльное названіе — *Новая энциклопедія* и была издана въ томъ же 1810 году. Сочиненіе это Сень-Симонъ посвятилъ своему племяннику Виктору Сень-Симону. Посвященіе написано во вдохновенномъ наставническомъ тонѣ. Сень-Симонъ, считающій родоначальникомъ своей семьи Карла Великаго, напоминаетъ племяннику о «великихъ обязательствахъ», возлагаемыхъ на него высокимъ происхожденіемъ. О себѣ авторъ говоритъ. «Я бросилъ мечъ, чтобы взяться за перо, такъ какъ чувствовалъ, что природа влекла меня къ великимъ дѣламъ на научномъ поприщѣ». Назначенія мыслителей и героевъ одинаково почетны. Бѣконы столь же рѣдки, какъ и Александры. Сень-Симонъ рекомендуетъ племяннику свои произведенія. Важному синьору недостаточно владѣть военнымъ искусствомъ, онъ долженъ имѣть здравыя идеи въ политикѣ,—иначе онъ будетъ недостойнъ занимать мѣсто среди представителей націи. Но и это не все. «Ваша душа»,—пишетъ Сень-Симонъ,—должна всегда быть возвышенно возбужена, она должна парить въ высшихъ областяхъ мысли». Фило-

софъ въ 1810 г. находить возможнымъ не только взывать къ аристократическому, хотя и безусловно облагороженному честолюбію племянника,—онъ даже основываетъ свое воззваніе на общемъ фактѣ, удостовѣренномъ будто бы исторіей: великія дѣла и великія слова были совершены и высказаны людьми знатнаго происхожденія: Карлъ Великій «нашъ предокъ», Петръ Великій, Фридрихъ Великій и императоръ Наполеонъ родились аристократами,—такъ же какъ и первостепенные мыслители—Галилей, Бэконъ, Декартъ, Ньютонъ. Все это говорится съ цѣлью вдохновить племянника на героическія дѣла. Рѣчь несомнѣнно гордая, и Сень-Симонъ согласенъ съ этимъ,—но Сень-Симоны должны быть гордыми «до надменности», такъ какъ судьба постепенно низвела ихъ съ вершины монаршаго величія до послѣднихъ рядовъ подданныхъ. У автора помимо генеалогическихъ данныхъ, имѣется еще одно основаніе проявлять наивысшую «научную гордость».

Въ эпоху террора онъ попалъ въ люксембургскую тюрьму. Ночью ему явился Карлъ Великій и сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, ни одной семьѣ не доставалось чести произвести и героя, и философа перваго разряда; эта честь выпала на долю моему дому. Мой сынъ, твои успѣхи какъ философа сравниваются съ тѣми, какихъ я достигъ какъ воинъ и какъ политикъ»¹³⁾.

Вслѣдъ за посвященіемъ Сень-Симонъ обратился къ племяннику съ письмомъ, не менѣе оригинальнымъ чѣмъ посвященіе. Если надъ первымъ произведеніемъ философа современный журналъ только смѣялся, второе должно было вызвать полное недоумѣніе насчетъ его психологии и научной цѣнности его идей¹⁴⁾. Сень-Симонъ писалъ племяннику слѣдующее:

«Въ своемъ первомъ письмѣ я употребилъ всѣ усилія восхитить (exalter) вашъ духъ, т.-е. превратить васъ въ безумнаго, потому что безуміе, мой милый Викторъ, не что иное, какъ высшая экзальтація и эта высшая экзальтація необходима для совершенія великихъ дѣлъ». Дальше Сень-Симонъ подчеркиваетъ: *«Въ храмъ славы входятъ только кліенты сумасшедшаго дома, но не всѣ кліенты сума-*

¹³⁾ *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XV, 96—101.

¹⁴⁾ Въ *Journal de l'Empire*, 21 апрѣля 1810 г. была напечатана статья, поднимавшая насмѣхъ *Nouvelle Encyclopédie*.

спешаго дома входить въ храмъ славы. Всего одинъ человекъ на миллионъ успѣваетъ войти, другіе свертываютъ себѣ шею». И чтобы предотвратить опасность для племянника—Сень-Симонъ зажигаетъ предъ нимъ «два маяка», т.-е. объясняетъ ему идеи религіозную и политическую. Письмо заканчивается общимъ философскимъ разсужденіемъ, сжатымъ и яснымъ: оно имѣетъ, какъ увидимъ, большое значеніе въ идейномъ творествѣ Сень-Симона, и вставлено въ личное семейное письмо ⁴⁵⁾.

Это послѣднее произведеніе философа, падающее на 1810 годъ,— для Сень-Симона—одинъ изъ самыхъ критическихъ періодовъ жизни, и внѣшній кризисъ держалъ его, очевидно, въ непрерывномъ возбужденіи. Въ такомъ именно состояніи философъ могъ настойчиво превозносить непрерывное лихорадочное нравственное возбужденіе. Переживая тяжелое время нужды и унижительныхъ лишеній, полный въ то же время згучей жажды явиться философомъ-изобрѣтателемъ, Сень-Симонъ безпрестанно разрывался между ощущеніями личныхъ страданій и кипучимъ потокомъ отвлеченныхъ идей. Мысль объ «общей наукѣ» его не покидала ни при какихъ обстоятельствахъ, и ему естественно было увидѣть въ этомъ свойствѣ своей природы исключительное преимущество предъ другими людьми, признать свою неустанную умственную дѣятельность въ тискахъ нищеты героизмомъ, достойнымъ потомка Карла Великаго. Пылкому отъ природы воображенію не представлялось никакихъ препятствій работать въ этомъ направленіи, и Сень-Симонъ именно униженный и оскорбленный невниманіемъ ученыхъ и общественнымъ мнѣніемъ — могъ въ силу чисто-инстинктивнаго протеста взывать къ гордости до предѣловъ надменности и изображать свиданіе съ своимъ великимъ предкомъ. Во всякомъ случаѣ *экзальтація* — точное выраженіе для душевнаго состоянія Сень-Симона въ то время, когда онъ дарилъ своими признаціями ученыхъ и публику. Почти всѣ они или открыто принимали полемическое направленіе, или во всякомъ случаѣ вызывались необходимостью оправдываться и защищаться. Это фактъ существенной важности и онъ освѣщаетъ истинное значеніе автобіографическихъ сообщеній Сень-Симона.

⁴⁵⁾ *Oeuvres, Notices historiques*, I, 37—9.

Поиски за дневнымъ пропитаніемъ направили мысль Сень-Симона на бывшаго его товарища по финансовымъ операціямъ въ эпоху революціи. Графъ Редернъ, по мнѣнію Сень-Симона, обчислялъ его при дѣлежѣ совмѣстно пріобрѣтеннаго капитала и философъ считалъ графа своимъ должникомъ. Дѣйствительное положеніе тяжбы въ высшей степени запутанное,—намъ придется еще встрѣтиться съ нимъ. Пока для насъ важенъ личный взглядъ на дѣло самого Сень-Симона. Еще при жизни Диара онъ обращался къ Редерну, объяснялъ ему свое бѣдственное положеніе и просилъ пересмотрѣть ихъ счета. Редернъ грубо отвергъ предложеніе. Теперь по смерти Диара Сень-Симонъ снова обращается къ Редерну, и въ результатѣ возникаетъ рядъ произведеній смѣшаннаго содержанія,—философскаго и автобіографическаго.

Сень-Симонъ принялся за свою задачу примириться съ Редерномъ—чрезвычайно оригинально и даже неожиданно послѣ дѣйствій графа въ денежномъ вопросѣ, имъ—Сень-Симономъ—вполнѣ опредѣленно одѣянныхъ. Сень-Симонъ задумалъ пріобщить Редерна къ своей философской дѣятельности и снова сойтись съ нимъ на этомъ пути. Съ этою цѣлью Сень-Симонъ написалъ Редерну рядъ писемъ съ изложеніемъ своихъ идей. Рукописи частью утрачены, но и оставшагося матеріала вполнѣ достаточно, чтобы одѣянить своеобразную политику философа.

Раньше, въ первой біографіи Сень-Симонъ рѣзко разграничивалъ свою психологію отъ стремленій Редерна. «Пути, какими мы шли,—писалъ Сень-Симонъ,—были весьма различны; Редернъ направлялся къ тинистымъ болотамъ, гдѣ богатство воздвигло свой храмъ, въ то время, когда я взбирался на бесплодную и крутую гору, на вершинѣ которой находился алтарь славы». Именно изъ-за разныхъ направленій Сень-Симонъ и Редернъ поссорились ¹⁵⁾.

Теперь Сень-Симонъ находитъ, что они оба «получили отъ природы философскую организацію и сохранять ее на всю жизнь». Ихъ связываетъ сходство призваній, они два путника къ одной цѣли, только временно отдѣлившіеся другъ отъ друга. Сень-Симонъ по обыкновенію старается въ частномъ фактѣ усмотрѣть общій смыслъ и свои отношенія съ Редерномъ представить въ формѣ психологи-

¹⁵⁾ *Notices*, I, 18—9.

ческой теории. Въ юномъ возрастѣ встрѣтились два человѣка. Одинъ одаренъ склонностью къ практической философіи, другой—къ философскимъ открытіямъ. Они будутъ дѣйствовать въ согласіи, пока имъ предстоитъ изслѣдовать уже извѣстные философскіе принципы, но они разойдутся, лишь только достигнуть исходной точки самостоятельной дѣятельности, — одинъ направится по пути практики, другой—по пути открытій. Достигнувъ «осени жизни», они примирятся: совершившій путь открытій откажется отъ экспериментальной жизни, чтобы воспользоваться своими открытіями ради науки, и Редерну, и Сень-Симону предстоитъ «самая пріятная часть пути»: они вѣдь свою жизнь употребили на то, чтобы способствовать развитію просвѣщенія и улучшенію судьбы человѣчества. Теперь они въ полной зрѣлости своихъ талантовъ.

Дальше идетъ одно изъ основныхъ теоретическихъ разсужденій Сень-Симона. Философъ въ крайне сжатой формѣ излагаетъ принципъ «позитивной философіи», — впервые объясняя болѣе или менѣе опредѣленно этотъ въ послѣдствіи столь знаменитый терминъ. Конецъ разсужденія переходитъ опять на личную почву. Для созданія позитивной философіи необходима совмѣстная дѣятельность двухъ силъ— «пламеннаго и смѣлаго воображенія и души совершенно спокойной, разсудка, въ высшей степени обширнаго и здраваго». Надо, съ одной стороны, много думать и очень мало читать, чтобы созрѣть идеи действительно новыя, съ другой — необходимо многому учиться и много размышлять надъ прочитаннымъ, чтобы быть въ состояніи свои идеи сравнить съ чужими. Эти способности прямо противоположны другъ другу и не могутъ совмѣщаться въ одномъ человѣкѣ. Союзъ двухъ людей, слѣдовательно, неизбеженъ, — и этотъ союзъ долженъ состоять изъ Сень-Симона и Редерна.

Это разсужденіе, несомнѣнно, было послано Редерну. Но помню него философъ затѣялъ, съ своимъ предполагаемымъ компаньономъ для развитія позитивной философіи, продолжительную переписку. Она длилась около полутора года, приблизительно со второй половины 1811 года до конца слѣдующаго. Письма къ Редерну Сень-Симонъ называетъ «философскими и чувствительными» — *Lettres philosophiques et sentimentales*.

Величайшая, прекраснѣйшая и полезнѣйшая задача, по мнѣнію Сень-Симона, «организовать хорошую систему философіи, т.-е. со-

здать хорошую *исторію прошедшаго и будущаго человѣческаго рода*. И задача выполнима, если Редернъ согласится исправить и дополнить работу, какую Сень-Симонъ намѣренъ переслать ему. И онъ дѣйствительно начинаетъ ее, подъ заглавіемъ *Histoire du passé et de l'avenir de l'espèce humaine*. Изъ нея мы впоследствии почерпнемъ нѣкоторые основные историческіе взгляды Сень-Симона и вообще позитивной мысли,—но философія неизмѣнно переплетается съ чувствительностью, и насколько логичны и ясны философскія идеи, настолько же наивны и странны чувства. Они даже способны бросить весьма невыгодный свѣтъ на самыя идеи, если только достоинство идей не поставитъ въ полную независимость отъ чувствительныхъ излияній автора. Но тѣмъ, разумѣется, характернѣе эти изліянія и это противорѣчіе для личности философа.

Второе письмо составлено въ такихъ выраженіяхъ:

Я не могу выразить вамъ, до какой степени я чувствую себя счастливымъ съ тѣхъ поръ, какъ постигъ образованіе единого нравственнаго существа, созданнаго изъ вашей души и моей, слита такъ, что они составляютъ однородное цѣлое. Я вижу не въ себѣ самомъ, а въ этомъ именно существѣ, въ образованіи котораго не принимали участія ни мои недостатки, ни ваши несовершенства. Я пережили вчера восхитительный день, я испыталъ состояніе, не поддающееся описанію. Это былъ экстазъ, и во время его я наслаждался, ощущая чистое удовлетвореніе мною самимъ и нами. Въ моихъ ощущеніяхъ было нѣчто сверхъземное, нѣчто божественное. Я сознавалъ, какъ ваше благоразуміе заступаетъ мѣсто моей непредусмотрительности, ваша бережливость замѣняетъ мою расточительность, я наслаждался покоемъ вашей души, тревоженія моей исчезли».

И Сень-Симонъ приглашаетъ «друга» принять участіе въ счастьѣ, прочувствовать наслажденіе идейнаго творчества, поисковъ за средствами стаати отъ золь чловѣчество и въ частности европейское общество.

Сень-Симонъ не получилъ желаннаго отвѣта на свой призывъ. Ему пришлось продолжать переписку въ крайне грустномъ тонѣ. Онъ пишетъ два письма подъ рядъ 14 и 15 октября, объясняетъ свою любовь къ Редерну, несмотря на его суровость, снова настаиваетъ на просмотрѣ посланнаго графу сочиненія и второе письмо настоящій крикъ отчаянія и трогательная исповѣдь. Оно написано

предъ отъѣздомъ Сень-Симона изъ Парижа въ Алансонъ, гдѣ жилъ Редернъ.

«Вотъ уже три ночи, какъ я не смыкалъ глазъ, я невольно не-престанно повторялъ: что со мною будетъ, что со мною будетъ! Я уже говорилъ вамъ нѣсколько разъ и опять повторяю, и напишу по приѣздѣ въ Алансонъ: хлѣба и книгъ, — вотъ все, что у васъ просить вашъ старый другъ, который сознаетъ, что во многомъ погрѣшилъ передъ вами, передъ своей семьей и передъ всѣмъ свѣтомъ, но который чувствуетъ въ себѣ возможность возмѣстить свои прегрѣшенія предъ вами, предъ своей семьей и предъ всѣмъ свѣтомъ, если вы ему дадите необходимыя книги и кусокъ хлѣба».

И на это воззваніе Редернъ отвѣтилъ безъ всякаго снисхожденія. Сень-Симонъ въ письмѣ отъ 23 октября заявляетъ о своемъ огорченіи, снова обѣщаетъ остатокъ своей жизни посвятить на то, чтобы загладить свои проступки, и онъ никогда не откажется отъ желанія и надежды вернуть себѣ своего стараго друга и «съ величайшей тщательностью» будетъ избѣгать чѣмъ-либо причинить ему непріятность.

Редернъ отказался прочитать работу Сень-Симона, вернулъ и приказалъ выдать автору 500 франковъ. Философъ съ этого момента начинаетъ утрачивать терпѣніе. Онъ рѣшается вести открытую войну съ Редерномъ, надо полагать, оскорбленный преимущественно его отношеніемъ къ представленному ему произведенію. Въ Алансонѣ сочиняется *Вступительная записка Сень-Симона о спорѣ его съ Редерномъ*. Здѣсь излагается исторія спора, дѣйствія Редерна, все это въ рѣзкой формѣ, но вторая часть записки опять посвященная отвлеченнымъ вопросамъ, представленъ краткій обзоръ прогресса европейской мысли, объяснено значеніе физиологіи въ общественномъ просвѣщеніи и вообще въ умственномъ развитіи человѣчества, психологія объявляется «вѣтвью» физиологіи и также полагается въ основу образованія, *позитивно* человѣческаго знанія и въ заключеніе — позитивной философіи. Попутно сообщается, что Сень-Симонъ, благодаря помощи современныхъ представителей физиологіи и медицины, можетъ «организовать воспитательное учрежденіе» на позитивныхъ научныхъ основахъ, — и этотъ именно проектъ имѣлся въ виду ассоціаціей его, Сень-Симона и Редерна. Дальше на сценѣ опять личный вопросъ. Въ обращеніи Сень-Симона къ противнику

поучительно слѣдующее разсужденіе. Редернъ предложилъ разрѣшить споръ судомъ, Сень-Симонъ отвѣчалъ:

«Нашъ споръ не такого свойства, чтобы его подвергать суду. Сдѣланное вами предложеніе было новымъ плодомъ злополучнаго направленія вашей организаціи и дурнаго принципа, вами усвоеннаго. Назначеніе суда заключается въ примѣненіи закона. Но не существуетъ закона, который улаживаетъ споры между членами общества, основаннаго для филантропическаго употребленія дохода съ предприятий. Судъ, слѣдовательно, долженъ бы отказаться. Но самолюбіе помѣшаетъ ему поступить такимъ образомъ и онъ осудитъ меня, — во-первыхъ, потому что онъ взглянетъ на дѣло съ финансовой точки зрѣнія; во-вторыхъ, судъ будетъ судить по формальнымъ даннымъ, а формы за васъ».

Но это не значить, — будто Сень-Симонъ считаетъ себя правымъ: «мои заключенія, — говоритъ онъ, — не кажутся мнѣ гласомъ верховнаго существа, я думаю, что я очень способенъ впасть въ заблужденіе, особенно когда являюсь судьей въ собственномъ дѣлѣ». И Сень-Симонъ готовъ перенести вопросъ ни третейскій судъ трехъ лицъ удостовѣренной честности. Сень-Симонъ желаетъ доказать обществу и мнѣнію, что Редернъ «воспользовался его научной экзальтаціей съ цѣлью ограбить его, лично обогатиться и приобрести средства подавить промышленность своихъ сосѣдей».

Редернъ отвѣчалъ печатной и крайне дерзкой *Запиской*, уличая Сень-Симона во лжи, и пустилъ въ ходъ свое мѣстное вліяніе на администрацію, чтобы воспрепятствовать печатнымъ возраженіямъ противника. Префектъ дѣйствительно запретилъ печатать отвѣтную *Записку* Сень-Симона, но она все-таки была напечатана. Для характеристики обоихъ противниковъ и особенно Сень-Симона слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее обстоятельство. *Вступительную записку* Сень-Симонъ сначала не хотѣлъ пускать въ публику. Онъ только передалъ одинъ экземпляръ Редерну, предлагая третейскій судъ и давая восемь дней на размышленіе. Редернъ въ отвѣтъ напечаталъ *Записку*, хотя Сень-Симонъ и послѣ восьми дней все еще ждалъ благосклоннаго отвѣта и придумывалъ новыя средства примириться съ Редерномъ. Тотъ воспользовался временемъ и печатно отвѣтилъ на исключительно-личное обращеніе. Тогда Сень-Симонъ выпустилъ *Вступительную записку* и напечаталъ еще два письма. Второе за-

канчивалось ядовитой уликой: «Ваши принципы»,—обращается Сень-Симонъ къ набожному графу,—«позволили вамъ ограбить меня, мой мнимый атеизмъ побудилъ меня все вручить вамъ. Вы согласитесь, что лучше имѣть товарищемъ такого атеиста, какъ я, чѣмъ такого богомольца, какъ вы»¹⁷⁾.

На этомъ письмѣ закончилась полемика и, повидимому, вообще прекратились всѣ отношенія бывшихъ компаньоновъ. Мы не располагаемъ полнымъ текстомъ изложенныхъ документовъ. Обмѣнъ *Записками* происходилъ въ провинціи, для 1811—1812 годовъ имѣлъ значеніе личныхъ счетовъ между двумя общественно-малозамѣтными личностями, и даже позднѣйшіе издатели сочиненій Сень-Симона не нашли нужнымъ перепечатывать полностью, по крайней мѣрѣ,— *Письма* и *Записки* своего учителя. Корреспонденція была гораздо обширнѣе, чѣмъ она представляется намъ по сочиненіямъ Сень-Симона. Онъ, покидая Алансонъ, оставилъ эту корреспонденцію вмѣстѣ съ другими бумагами подъ залогъ своему квартирному хозяину. Онъ не могъ удовлетворить хозяина деньгами и впоследствии не выкупилъ залога. По смерти кредитора бумаги попали въ табачную лавочку, гдѣ ихъ приобрѣлъ одинъ мѣстный адвокатъ и оставилъ документы неизданными и исключительно своимъ личнымъ достояніемъ¹⁸⁾.

Но даже за отсутствіемъ подробностей, у насъ достаточно материала, чтобы судить объ оригинальныхъ приемахъ Сень-Симона рѣшать практическіе вопросы. Графъ Редернъ, по словамъ философа, воспользовался его *научной экзальтацией*, т.-е. полнымъ пренебреженіемъ законныхъ формальностей въ денежныхъ отношеніяхъ и выдѣлилъ Сень-Симону сумму, какую хотѣлось ему, Редерну, тѣмъ болѣе, что самъ же Сень-Симонъ поручилъ раздѣлъ ему. Графъ удалился въ Нормандію въ 1811 году, натурализовался во Франціи и зажилъ большимъ синьоромъ среди обширныхъ помѣстій. Подачка въ 500 франковъ дополняетъ картину, и все-таки Сень-Симонъ на-

¹⁷⁾ *Oeuvres*, XV, 104—135.

¹⁸⁾ Ср. *Oeuvres choisies de S.-Simon*, Bruxelles, 1859, III, 384. *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XV, 90. Адвокатъ da la Sicotière сообщалъ краткое изложеніе документовъ— „leur piquante analyse“ историкъ синьеріальнаго владѣнія, гдѣ жилъ Редернъ. Намъ предстоитъ воспользоваться данными этого „анализа“ *Histoire de Flers, ses seigneurs, son industrie*. par Nector de la Ferrière. P. 1855.

ходить возможнымъ искушать Редерна философскими и просвѣтительными планами и призывать его, благодарствовать родъ Человѣческой, возможна ли такая непослѣдовательность, особенно послѣ столь рѣшительныхъ отзывовъ, какіе Сень-Симонъ представилъ о Редернѣ три года назадъ? Какъ Редернъ могъ отнестись къ проектамъ философа—тратить деньги на просвѣтительное учрежденіе, послѣ того какъ, по признанію самого Сень-Симона, всѣ его проекты до сихъ поръ терпѣли неудачу и раньше полученная имъ сумма была израсходована на «экспериментальную жизнь», въ которой Сень-Симонъ находилъ нужнымъ оправдываться предъ общественнымъ мнѣніемъ? Мы дальше познакоимся съ подробностями, какъ тратились философомъ деньги, и ни одна изъ нихъ не могла внушить къ нему довѣрія—какъ разъ Человѣку съ «практической организаціей», каковымъ онъ признавалъ Редерна.

Страстную переписку съ Редерномъ послѣ такихъ опытовъ можно объяснить только двумя болѣе или менѣе общепонятными мотивами: жестокой нуждой и все той же неостывающей «научной экзальтаціей». И экзальтація дѣйствовала даже впереди нужды. Она внушала философу обширныя теоретическія разсужденія, заботливо обдуманная и заключенная въ ясную и строгую форму, что, какъ мы неоднократно убѣдимся, далеко не было постояннымъ достоинствомъ произведеній Сень-Симона, по винѣ той же экзальтаціи. Но Редерну, очевидно, онъ желалъ представить свои мысли въ возможно болѣе отдѣланномъ видѣ и не утруждать его «тягостнымъ чтеніемъ», какъ откровенно выражался Сень-Симонъ о своей работѣ ¹⁹⁾. Въ искренности его намѣреній—покорить Редерна идеями, не можетъ быть сомнѣнія, и именно эта искренность выходила за предѣлы обычныхъ психологическихъ представленій и граничить съ тѣмъ возвышеннымъ «безуміемъ», какое Сень-Симонъ рекомендовалъ своему племяннику. Неотступныя лишенія не давали успокоиться духу философа, экзальтація и самая выпрепняя вѣра являлись нравственными противовѣсами внѣшнему гнету.

Онъ не прекратился и послѣ неудачной борьбы съ Редерномъ. Въ раннемъ изданіи сочиненій Сень-Симона, его ученикъ помѣ-

¹⁹⁾ *Mémoire sur la science de l'Homme*. Préface. *Oeuvres de S.-S. et d'Enf*, XL, 10.

стиль слѣдующее объясненіе своего учителя подь наименованіемъ «четвертый отрывокъ».

«Уже двѣ недѣли я ѣмъ хлѣбъ и пью воду; я работаю безъ огня и продать даже свое платье, чтобы имѣть средства на переписку моего сочиненія. Страсть къ наукѣ и общественному благополучію, желаніе—найти средство, покончить мирнымъ путемъ страшный кризисъ, въ которомъ томится европейское общество,—все это ввергло меня въ бѣдствія. И я не красѣя могу сознаться въ своей нищетѣ и просить необходимой помощи, чтобы получить возможность продолжать свой трудъ» ²⁰).

Издатель этотъ «отрывокъ» относитъ къ 1812 году. Но отрывокъ представляетъ часть письма, извѣстнаго намъ въ двухъ редакціяхъ и написаннаго одновременно съ двумя сочиненіями философскаго содержанія: письмо должно было сопровождать эти сочиненія при разсылкѣ разнымъ лицамъ. Эти сочиненія *Memoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation universell*. Письмо возникло въ связи съ этими работами,—намъ необходимо опредѣлять время ихъ появленія.

Въ первый разъ оба сочиненія были напечатаны много лѣтъ спустя по смерти автора, въ 1858 году, но *Мемуаръ* и *Трудъ* были разосланы въ рукописныхъ копіяхъ; копіи *Мемуара* было сдѣлано 60, и *Трудъ о всемирномъ тяготѣніи* со вторымъ заглавіемъ *Средство принудить англичанъ праздновать независимость флаговъ*, — посвященъ императору съ помѣткой «декабрь 1813» ²¹). Вторымъ заглавіемъ, не соотвѣтствовавшимъ общему теоретическому содержанию разсужденія, Сень-Симонъ рассчитывалъ обратить на рукопись вниманіе Наполеона, занятаго вопросомъ о грозномъ морскомъ могуществѣ Англіи. Въ *Трудъ* Сень-Симонъ сообщаетъ, что имъ только что окончены мемуары—*Наука о человѣкѣ*, и онъ разослалъ его ученымъ ²²). Слѣдовательно, оба произведенія приходится отнести къ 1813 году, а также и «четвертый отрывокъ» ²³).

²⁰) Ol. Rodrigues, XXXVIII.

²¹) *Oeuvres de S.-S. et d'Enf*, XV, 138.

²²) *Ib.* L. 277, „un travail que je viens de paraître sur la science de l'homme“.

²³) Это несогласно съ указаніемъ извѣстной *Bibliographie Sain-Simoniennne*, изданной сень-симонистомъ Фурнеземъ въ 1833 году. Здѣсь *Memoire sur la Science de l'homme* и *Memoire* (а не *Travail*) *sur la gravitation* приурочены къ 1811 году. Это, какъ увидимъ, не единственное недоразумѣніе *библиографіи*.

Онъ входилъ въ письмо, предназначавшееся для многихъ лицъ. Сднъ-Симонъ писалъ:

«Будьте моимъ спасителемъ, я умираю съ голоду, мое положеніе лишило меня средствъ представить свои идеи въ достойной формѣ, но цѣнность моего открытія независима отъ формы, какую обстоятельства заставили меня выбрать съ цѣлью скорѣе привлечь вниманіе. Удалось ли мнѣ найти новый философскій путь? Вотъ вопросъ. Если вы возьмете на себя трудъ прочитать мою работу, я спасенъ.

«Отдавшись уже нѣсколько лѣтъ поискамъ за новымъ философскимъ путемъ, я по необходимости долженъ былъ удалиться отъ ученой школы и отъ общества, и въ настоящую минуту, сдѣлавъ въ высшей степени важное открытіе, я долженъ пребывать въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

«Занятый единственно общимъ интересомъ, я пренебрегъ своими личными дѣлами до такой степени, что вотъ въ точности мое положеніе».

Дальше слѣдуетъ извѣстный намъ отрывокъ, но въ различныхъ выраженіяхъ: по одной редакціи, Сень-Симонъ «больше трехъ недѣль» ѣстъ *сухой хлѣбъ*, по другой—«двѣ недѣли», по одной—онъ продалъ «свое платье», по другой—«продалъ все до послѣдней рубашки», наконецъ, въ единственной редакціи письмо заканчивается припиской: «Я жду помощи съ нетерпѣніемъ чловѣка, который ухватился за вѣтку, висящую надъ глубочайшей пропастью» ²⁴) О «страсти къ наукѣ и къ общему благополучію» говорится только въ «отрывкѣ». Очевидно, Сень-Симонъ располагалъ нѣсколькими копіями письма, разнообразя его текстъ по адресатамъ.

Одновременно было послано два особыхъ обращенія: къ государственному совѣтнику барону Жерандо запросъ, въ какой формѣ представить императору *Трудъ о тяготѣннѣи?* и прошеніе императору о помощи. Въ прошеніи Сень-Симонъ сообщалъ о своемъ родствѣ съ знаменитымъ герцогомъ Сень-Симономъ, авторомъ *Мемуаровъ*, о своей военной службѣ и о томъ, что теперь онъ умираетъ съ голоду: «Политическія событія меня разорили, страсть къ наукѣ довела меня до нищеты. Я уже пятнадцать лѣтъ работаю надъ трудомъ,

²⁴) *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XV, 142. *Notices*, I, 51.

который скоро был бы оконченъ, если бы у меня были средства существованія».

Къ императору Сень-Симонъ обратился по совѣту Камбасареса. Совѣтъ пришлось въ смутное время: Наполеону было не до философскихъ сочиненій. Въ концѣ 1813 года войска союзниковъ начинали проходить границы Франціи, имперіи Наполеона грозила близкая и роковая развязка, Сень-Симонъ не могъ рассчитывать на его вниманіе къ прошенію о помощи писателю и нашелъ полезнымъ обратиться къ нѣкоторымъ министрамъ. Философъ просилъ ихъ ходатайства предъ императоромъ, а также и ихъ личнаго вспоможенія,—опять, по обыкновенію, отыскивая общій принципъ въ отдѣльномъ фактѣ. «Богатые и просвѣщенные люди,—писалъ Сень-Симонъ,—должны тратить часть своихъ доходовъ на то, чтобы обезпечивать независимость мыслителямъ, работающимъ въ цѣлесообразномъ философскомъ направленіи. Я именно такъ пользовался своимъ состояніемъ, пока оно у меня было. Вы, м. г., просвѣщены и богаты, я—мыслитель, занятый исключительно задачей—указать средства, *переустроить европейское общество*. Такимъ образомъ, моя просьба къ вамъ о денежномъ вспоможеніи является только почетной для васъ и для меня».

Дальше Сень-Симонъ удостовѣряетъ, что его идеи достаточно выяснились, что онъ можетъ прямо приступить къ рѣшенію вопроса о *переустройствѣ европейскаго общества*, если ему будутъ даны средства существовать. Мемуаръ напишется въ двѣ недѣли. Философъ обѣщаетъ выполнить работу въ самой доступной формѣ, «не пуская въ ходъ ни одной научной идеи» и представить императору полезныя указанія насчетъ борьбы съ Англійей. Письмо заканчивается настойчивымъ выраженіемъ надежды:

«Послѣдняя степень нищеты, нужда въ хлѣбѣ и дровахъ вынуждаетъ меня обращаться къ вамъ съ просьбой о деньгахъ. Полный довѣрія къ благородству чувствъ вашего превосходительства, я осмѣливаюсь надѣяться, что не пройдетъ и двадцати четырехъ часовъ, какъ я получу отъ васъ денежную помощь».

Тонъ этой просьбы, повидимому, до послѣдней степени скромный, и лишена философа, надо полагать, успѣли настроить его на вполне соответственный ладъ по отношенію къ власти. На самомъ дѣлѣ, когда вопросъ идетъ о Сень-Симонѣ, это не такъ просто. Онъ свои

просьбы и жалобы умѣеть сопроводить совершенно неожиданными философскими разсужденіями, способными отнять у его адресатовъ всякую охоту поощрить его къ дальнѣйшимъ работамъ и помочь ему обработать планъ переустройства европейскаго общества. На взглядъ министровъ и самого Наполеона, лучше бы этого плана не существовало у мыслителя съ такими взглядами. И здѣсь замѣчательны не столько взгляды, сколько рѣшительность и искренность философа, при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Въ письмѣ къ министрамъ и «богатымъ просвѣщеннымъ» лицамъ Сень-Симонъ свои домогательства основалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

«Правительство—необходимое зло, оно является благомъ въ томъ отношеніи, что предотвращаетъ величайшее изъ всѣхъ золъ—анархію. Образованные люди должны всегда стремиться къ тому, чтобы низвести силу правительства къ дѣйствіямъ, необходимымъ для поддержанія порядка». Поэтому, совершенно нежелательно, чтобы мыслитель разсчитывалъ получать средства существованія отъ правительства: тогда мыслитель будетъ изощрять свой умъ скорѣе на лесть правительству, чѣмъ на поиски за новыми и полезными мыслями. Именно на основаніи этихъ соображеній богатые и просвѣщенные люди должны поддерживать умственныхъ дѣятелей. Идея оградить независимость умственнаго труда отъ всякаго подчиняющаго вліянія государственной власти, одна изъ любимыхъ въ философіи Сень-Симона, и философъ напелъ возможнымъ проповѣдывать ее министрамъ Наполеона.

Но онъ не ограничился проповѣдью слугамъ, — посвящая свой трудъ господину, обращался и къ нему съ поучительной рѣчью, врядъ ли способной побудить Наполеона исполнить просьбу автора о помощи. Возможность ограничить морское могущество Англии Сень-Симонъ ставилъ въ неразрывную связь съ такими условіями: Наполеонъ долженъ отказаться отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, долженъ очистить Италію, возвратить свободу Голландіи, перестать вмѣшиваться въ дѣла Испаніи,—однимъ словомъ, «долженъ замкнуться въ естественные предѣлы», отказаться отъ завоевательныхъ плановъ. Если же Наполеонъ захочетъ еще приумножить собранные лавры, онъ этимъ раздавитъ Францію и въ результатѣ очутится въ прямой и безусловной оппозиціи съ намѣреніями своихъ

подданныхъ. Въ заключеніе философъ высказываетъ другую основную задачу своихъ работъ, равную по значенію *позитивной философіи*: «Сообщить политикѣ позитивный характеръ—предметъ моего честолюбія»²⁵).

Сень-Симонъ увѣрялъ Наполеона, что его «намѣренія чисты» и «что онъ искренне жаждетъ славы его величества и счастья своихъ соотечественниковъ», и въ то же время основой этого счастья и доказательствомъ своего интереса къ славѣ императора ставилъ «вѣчный миръ» и естественные предѣлы Франціи. Совмѣщеніе идей, напоминающее переписку съ Редерномъ: способность философа впадать въ самыя наивныя иллюзіи въ практическихъ личныхъ вопросахъ и неуклонное стремленіе по излюбленному теоретическому пути. Научная экзальтація окутывала въ глазахъ философа отдѣльныя явленія дѣйствительности, когда вопросъ шель о чужой психологіи и о чужомъ образѣ дѣйствій,—идеалистическимъ туманомъ. Сень-Симонъ чистосердечно переносилъ на другихъ свои настроенія, убѣжденный, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ всѣмъ благоразумнымъ и благороднымъ людямъ иначе и нельзя думать и чувствовать. Отсюда безпримѣрно непосредственныя рѣчи, обращаемаыя Сень-Симономъ къ государственнымъ и ученымъ людямъ, рѣзкая критика поведенія и убѣжденій Наполеона въ произведеніи, къ нему же обращенномъ, и цѣлый курсъ исторіи, читаемый ему же, Наполеону, съ цѣлью научить его истинно-культурной политической дѣятельности. Есть извѣстіе, что въ отвѣтъ на обращенія философа къ императору, позиція принялась наводить слѣдствіе объ авторѣ и только полная непричастность Сень-Симона къ политическимъ интригамъ спасла его. Бонапартъ приказалъ не трогать его²⁶). Императоръ, надо полагать, отступилъ именно передъ искренностью своего страннаго учителя.

Мы по всѣмъ произведеніямъ Сень-Симона встрѣтимъ многочисленныя ярко-субъективныя отраженія его оригинальной личности. Онъ безпрестанно сбивался съ общаго философскаго разсужденія на личную исповѣдь. Послѣ 1813 г. Сень-Симонъ больше не пи-

²⁵) *Oeuvres*, XV, 214—8. Въ *Notices* переизданы отрывокъ, I, 52—3.

²⁶) Сообщеніе защитника Сень-Симона въ процесѣ 20 марта 1820 г. изъ-за знаменитой *параболы*. Ср. Weill: *Saint-Simon et son oeuvre*. Paris, 1894, 72.

саль автобіографическихъ «отрывковъ», хотя неоднократно въ философскія и политическія разсужденія вставлялъ воспоминанія о томъ или другомъ періодѣ своей жизни. Но эти воспоминанія носили болѣе выдержанный историческій характеръ, отчасти даже официальный и переходили въ чувствительно-философскую исповѣдь. Мы ими воспользуемся для дополненія нашихъ свѣдѣній о многообразныхъ общественныхъ и нравственныхъ опытахъ Сенъ-Симона, — теперь намъ остается обратиться къ сообщеніямъ людей, имѣвшихъ возможность особенно близко наблюдать жизнь и личность философа

III.

Ближайшихъ наблюдателей личности Сенъ-Симона и даже участниковъ его философской дѣятельности намъ извѣстно трое: Огюстенъ Тьерри, Огюсть Контъ и Олэндъ Родригъ. Всѣ они сами признали себя учениками Сенъ-Симона и въ то же время могутъ считаться представителями трехъ различныхъ партій по своему отношенію къ учителю. Контъ и Родригъ занимаютъ крайнія мѣста, Тьерри могъ бы олицетворять центръ, если бъ оставилъ намъ столь же пространныя сужденія о философѣ, какія мы имѣемъ отъ другихъ «учениковъ». Эти сужденія слѣдовало бы считать тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ у судьи больше данныхъ на безпристрастіе и спокойное направленіе приговора. Къ сожалѣнію, именно «умѣренное» отношеніе къ Сенъ-Симону не нашло достаточнаго развитія въ личныхъ сообщеніяхъ Тьерри, и мы здѣсь принуждены ограничиться почти одними литературными фактами.

При всей скудости матеріала, мы не можемъ оставить задачу нерѣшенной, какъ вообще вопросъ о положительныхъ или отрицательныхъ отношеніяхъ учениковъ Сенъ-Симона къ его личности и къ его идеямъ. Этотъ вопросъ не можетъ быть признанъ только личнымъ. Среди людей, посвящавшихъ свои силы исключительно идейной работѣ, всѣ увлеченія и недоразумѣнія неминуемо должны были соприкасаться съ принципиальными мотивами, съ вопросами убѣжденій и практическихъ философскихъ задачъ. И исторія Сенъ-Симона и его учениковъ должна раскрыть намъ не только тѣ или другія черты его личной природы. — она принесетъ намъ существенную пользу и для уясненія его умственной эволюціи.

Первую главу въ этой исторіи хронологически занимаетъ Тьерри. Онъ раньше другихъ успѣлъ познакомиться съ философомъ и покинуть его. Знакомство мы можемъ считать съ письма Тьерри къ Сень-Симону — отъ 13 января 1814 года, разлука произошла приблизительно въ лѣтомъ 1817 года: въ маѣ Тьерри еще публично называлъ себя «пріемнымъ сыномъ» Сень-Симона, а въ сентябрѣ произведенія философа издаются уже при сотрудничествѣ другого секретаря и ученика—Конта. Разрывъ не сопровождался никакими заявленіями сторонъ, что впоследствии будетъ имѣть мѣсто въ исторіи съ Контомъ. Но посторонній источникъ даетъ довольно опредѣленное указаніе. Тьерри прервалъ близкія ученическія отношенія съ Сень-Симономъ изъ - за нетерпимости учителя, изъ - за его притязаній быть заправилой «ассоціаціи», т.-е. совмѣстной работы его и Тьерри. Будущій историкъ на это заявилъ, что онъ не понимаетъ ассоціаціи безъ свободы,—и пересталъ работать съ Сень-Симономъ¹⁾.

Это сообщеніе было принято всѣми, кто касался вопроса, и, естественно, отвѣтъ получался не въ пользу деспотически-притязательнаго учителя. Стало обычнымъ—по поводу именно Тьерри—лишний разъ укорить Сень-Симона за его философію или за его личный характеръ. Въ лучшемъ случаѣ отношенія Тьерри съ Сень-Симономъ признавались незначительной «случайностью». Таково мнѣніе Ренана²⁾. Другіе въ разрывѣ увидѣли несомнѣнное доказательство положительныхъ качествъ ума Тьерри—«серьезности и прямоты»³⁾.

Всѣ эти объясненія и заключенія не могутъ быть признаны удовлетворительными. Деспотизмъ Сень-Симона, взятый исключительно въ личномъ значеніи, не объясняетъ всего дѣла. Надо имѣть въ виду, что подобная черта въ характерѣ философа неперемѣнно сопровождалась извѣстными идейными побужденіями: если Сень-Симонъ требовалъ для себя «управленія ассоціаціей», — требованіе, очевидно, предъявлялось во имя какихъ-либо философскихъ или политическихъ взглядовъ, и Тьерри настаивалъ на свободѣ также въ интересахъ

¹⁾ Guigniant. *Notice historique sur la vie et les travaux de M. Augustin Thierry*. P., 1863, p. 50.

²⁾ *Essai de morale et de critique*. P., 1859, p. 116.

³⁾ Littré. *A. Comte et la philos. posit.* P., 1864, p. 17. E. de Guerle. *Historiens modernes de la France. Revue de deux Mondes*. 15 sept. 1858, p. 373. Cp. Guigniant. *O. c.*

идей, — только своихъ, не совпадавшихъ съ идеями «учителя» и «отца».

Эту основу вопроса, повидимому, чувствовали позднѣйшіе судьи. Они готовы обвинить Сенъ-Симона — въ моментъ разрыва съ ученикомъ — въ «неограниченныя и опасныя соціальныя теоріи», даже въ томъ сенъ-симонизмѣ, какой впоследствии возникъ подъ знаменемъ Сенъ-Симона и подъ руководствомъ Редрига и преимущественно Анфантэна. Обвинители такъ и называютъ Сенъ-Симона «пророкомъ» и приписываютъ ему намѣреніе основать туманную религію — какъ разъ во время секретарства Тьерри.

Ни одно изъ этихъ обвиненій не подтверждается простыми фактическими данными. Мы увидимъ, — Сенъ-Симонъ не повиненъ въ позднѣйшемъ анфантэновскомъ сенъ-симонизмѣ, и въ 1817 году онъ не создавалъ катихизиса настолько обязательнаго и властнаго, чтобы Тьерри могъ испугаться порабощенія пророческому догматизму. Источникъ обвиненій — самый распространенный въ представленіяхъ объ ученіи Сенъ-Симона и въ то же время вполне неосновательный: насъ въ этомъ будетъ убѣждать все развитіе подлинныхъ идей нашего философа. Но какъ бы то ни было, ссора его съ Тьерри внесла новую отрицательную черту въ его біографію и характеристику.

Какъ же самъ Тьерри относился къ событію?

Въ отвѣтъ у насъ всего три факта. Когда Сенъ-Симонъ страдалъ уже предсмертнымъ недугомъ, Тьерри прислалъ ему свое сочиненіе — *Исторію завоеванія Англіи норманнами*, только что вышедшую. Сенъ-Симонъ нашелъ книгу превосходной и часто хвалилъ ее, жалѣлъ только о неосновательности точки зрѣнія автора: Тьерри явился историкомъ преимущественно побѣжденныхъ расъ и не разсматрѣлъ прогресса, вызваннаго нашествіемъ норманновъ ⁴⁾. Этотъ упрекъ прочно сохранился въ памяти послѣдователей Сенъ-Симона. Вскорѣ послѣ его смерти Базаръ въ журнальной статьѣ указывалъ какой вредъ принесло Тьерри увлеченіе поэзіей: историкъ принялъ участіе въ борьбѣ, сталъ на сторону слабыхъ и не оцѣнилъ вліянія сильныхъ на цивилизацію ⁵⁾.

⁴⁾ *Notices historiques*. I, p. 118.

⁵⁾ *Considération sur l'histoire. Producteur*. 1826, IV, p. 395—6.

Критика Сень-Симона, при всей краткости, знаменательна: она показывает глубокое разногласіе въ историческомъ мышленіи учителя и ученика, — на одной сторонѣ всестороннее безпристрастное изслѣдованіе, на другой—увлеченіе и сочувствіе. Этотъ выводъ долженъ быть отмѣченъ,—онъ дастъ намъ ключъ къ идейному смыслу разрыва Сень-Симона съ Тьерри.

Другой фактъ изъ личныхъ отношеній Тьерри къ бывшему учителю—его присутствіе на похоронахъ философа—оригинально отмѣняется третьимъ, повидимому, противорѣчающимъ—and присылкѣ сочиненія, и участію въ погребальныхъ почестяхъ. Многіе экземпляры книги, на которой Тьерри подписался *фils adoptif de Henri Saint-Simon*, оказались съ оторванной обложкой. У сень-симонистовъ не оставалось сомнѣнія ни въ виновникѣ этого приема, ни въ чувствахъ, руководившихъ виновникомъ. «Это очень похоже на слабость», замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, другіе ограничиваются сожалѣніемъ^{*)}. Совершенно такой же образъ дѣйствій мы встрѣтимъ и со стороны Конта, представляющаго крайнія враждебныя чувства противъ Сень-Симона. Приходится заключить,—Тьерри не меньше, чѣмъ Конту, хотѣлось по возможности уничтожить внѣшнія свидѣтельства своихъ близкихъ отношеній къ философу. И это желаніе должно было явиться не позже начала тридцатыхъ годовъ: о фактѣ мы узнаемъ уже въ 1833 году. Хронологія имѣетъ здѣсь весьма большое, если не рѣшающее значеніе. Именно съ тридцатыхъ годовъ сень-симонизмъ получилъ окраску, которая вполне естественно могла вызвать не у одного Тьерри опасеніе оказаться въ общественномъ мнѣніи послѣдователемъ Сень-Симона въ духѣ Анфантена. Мы увидимъ, какого свойства была эта окраска и какъ стихійно и для имени Сень-Симона фатально публика распространила ее и на мнимаго вдохновителя анфантенистовъ. Тьерри, слѣдовательно, обнаруживалъ «слабость»: это—несомнѣнно, но вѣтъ никакихъ основаній заключить объ его отвращеніи собственно къ имени Сень-Симона, такъ же какъ и о сочувствіи. Остается безспорный фактъ: бывший «ученикъ» и «приемный сынъ» философа не нашелъ возможности принять иное участіе въ горячемъ вопросѣ о Сень-Симонѣ и сень-симонизмѣ, кромя отреченія отъ всякой солидарности съ тѣмъ и съ другимъ.

^{*)} Fournel. *Bibliographie S.-Simoniennne.—Oeuvres de S.-S. et d'Enf.* XVIII, p. 12.

При извѣстныхъ намъ высокихъ нравственныхъ качествахъ историка, этотъ эпизодъ становится особенно краснорѣчивымъ. И умѣренный представитель посмертнаго суда надъ Сень - Симономъ оказался по меньшей мѣрѣ равнодушнымъ къ его доброй славѣ.

Какъ объяснить это явленіе?

Тьерри не было еще двадцати лѣтъ, когда онъ познакомился съ Сень-Симономъ. Первый шагъ былъ сдѣланъ философомъ: онъ послалъ молодому историку, въ то время учителю въ Компьенѣ, *Mémoire sur la science de l'homme*. Тьерри, слѣдовательно, попалъ въ число избранныхъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей, между которыми Сень-Симонъ распредѣлялъ свое произведеніе—въ количествѣ всего шестидесяти экземпляровъ. На Тьерри Сень-Симону указалъ физикъ Пекле, товарищъ Тьерри по Нормальной школѣ и знакомый Сень-Симона, вѣроятно, въ числѣ многихъ другихъ знакомыхъ философа — представителей опытныхъ наукъ. Тьерри еще ничѣмъ не былъ извѣстенъ публикѣ, но Пекле, — *другъ*, какъ его называетъ Тьерри въ письмѣ къ Сень - Симону, — зналъ благородную натуру будущаго историка, его восторженно - художественный интересъ къ излюбленной наукѣ, его страстное увлеченіе идеалами прогресса и современной политической борьбой за молодую конституціонную свободу. Въ современности преимущественно и коренились историческіе запросы девятнадцатилѣтняго учителя. Переживаемыя событія питали политическіе инстинкты впечатлительныхъ наблюдателей, под-сказывали имъ направленіе дѣятельности и даже ставили темы и задачи въ области историческаго изслѣдованія. Биографы Тьерри признаютъ великое значеніе за уроками дѣйствительности для таланта и умственнаго развитія историка. «Живому чувству эпохи» Ренанъ приписываетъ горячность и блескъ ученой работы Тьерри. «Совокупность идей, которыя реставрація называла либерализмомъ, — душа его исторіи, муза, его вдохновляющая, вѣра, его поддерживающая» ⁷⁾).

Эти слова—точное обобщеніе личныхъ признаній самого Тьерри. Изъ нихъ вполне ясно, съ какими идеями и въ какомъ настроеніи Тьерри вступилъ въ «ассоціацію» съ Сень - Симономъ. Признанія

⁷⁾ Renan. *O. c.*, p. 115- 6

изложены уже послѣ разрыва, — но они имѣютъ въ виду ранній періодъ научно-публицистической работы Тьерри.

Имъ владѣло «живое желаніе способствовать съ своей стороны торжеству конституціонныхъ мнѣній». Онъ «принялся разыскивать въ историческихъ книгахъ доказательства и основанія въ подкрѣпленіе моихъ политическихъ вѣрованій». Тьерри отдался этой работѣ со «всѣмъ пыломъ молодости», и не переставалъ «факты подчинять цѣли, заранѣе поставленной»⁵⁾.

Цѣль настойчиво подсказывалась современной либеральной политикой. Тьерри является дѣятельнымъ сотрудникомъ «самаго значительнаго и въ то же время самаго отважнаго по части теорій» либеральнаго журнала *Европейскій Цензоръ*. Вполнѣ опредѣленнаго, точно и подробно развитога идеала у историка не было. Надъ всѣми частностями и непосредственно-практическими вопросами преобладало — *чувство*, горячая любовь къ свободѣ, къ личному и политическому самоопредѣленію. «Я, — говоритъ Тьерри, — съ энтузіазмомъ стремился къ будущему, — хорошо не зная, къ какому — къ свободѣ, формулируя ее, если я только вообще ее формулировалъ, такъ: какое бы то ни было правительство, съ возможно-наибольшимъ количествомъ личныхъ гарантій и съ возможно-наименьшей административной дѣятельностью. Я былъ увлеченъ нѣкимъ идеаломъ изъ патристическаго самопожертвованія, неподкупнаго безкорыстія, стоицизма безъ притязательности и суровости: все это я видѣлъ воплощеннымъ раньше въ лицѣ Альджерона Сиднея, въ настоящее время въ лицѣ Лафайетта»⁶⁾.

Такъ Тьерри рассказываетъ о періодѣ съ 1817 года. Но несомнѣнно въ общемъ это настроеніе отвѣчаетъ и болѣе раннимъ годамъ и тому именно году, когда Тьерри познакомился съ Сенъ-Симономъ. Настроеніе будущаго публициста не представляло ничего своеобразнаго: оно — духъ реставраціоннаго молодого поколѣнія, воплотившійся въ главныхъ чертахъ и въ лицѣ другихъ дѣятелей гори, — товарища Тьерри по историческимъ работамъ Минье и его товарищей по журнальной публицистикѣ въ *Европейскомъ Цензорѣ* и во *Французскомъ Курьерѣ*. Основной символъ ихъ вѣры — воль-

⁵⁾ *Lettres sur l'histoire de France*. P., 1829, VI.

⁶⁾ *Dix ans d'études historiques*. P., 1842, p. 13—14.

ности англійской конституціи, ихъ священная исторія — англійскія революціи, — два масштаба, неуклонно прикидываемые молодыми историками и политиками къ французской хартіи и къ французской реставраціи.

Вооруженный такой идеологіей, Тьерри прочиталъ сочиненіе Сень-Симона. *Записка* рѣшала вопросы высшей политики съ культурно-философской точки зрѣнія. Авторъ ставилъ задачу «умиротворить Европу» и «переустроить европейское общество», но основы новаго устройства желалъ найти не путемъ усвоенія какихъ-либо готовыхъ политическихъ формъ, а въ анализѣ естественнаго и историческаго процесса, пережитаго человѣкомъ какъ высшимъ организмомъ и какъ социальнымъ существомъ. И философъ призывалъ себѣ на помощь физиологовъ, имѣя въ виду создать «позитивную науку о человѣкѣ» *la science positive de l'homme*. И Сень-Симонъ полагалъ философское основаніе этой науки, устанавливая «рядъ различныхъ наблюденныхъ отѣнковъ въ развитіи человѣческаго разума», т.-е. представляя исторически - связную и естественно - послѣдовательную картину прогресса, точнѣе эволюціи человѣческой природы ¹⁰⁾.

Эта картина не отличалась ясностью и случайностью изложенія и требовала не малаго труда отъ читателя, чтобы среди многочисленныхъ повтореній отступленій, запутанныхъ подраздѣленій и неожиданныхъ лирическихъ обращеній выдѣлить нить основной идеи автора. И именно на эти свойства *Записки*, какъ сейчасъ увидимъ, очень тонко указалъ Тьерри. Но въ *Запискѣ* молодой энтузіастъ либерализма встрѣтилъ не мало чувствъ и мыслей, какъ нельзя болѣе желанныхъ. И этимъ объясняется его горячій откликъ на любовь Сень-Симона.

Прежде всего, главный мотивъ *Записки*, организовать европейское общество на основаніи данныхъ историческаго прогресса, былъ вполне доступенъ сочувствіямъ Тьерри, по священнымъ для него, какъ либерала, преданіямъ XVIII вѣка. Въ отвѣтъ Сень-Симону онъ выдвигаетъ на первый планъ этотъ вопросъ, и желалъ бы, чтобы только ему и была посвящена *Записка* въ интересахъ доступности для большой публики. Потому въ историко-философскомъ об-

¹⁰⁾ *Memoire sur la science de l'homme. Oeuvres*, XI., p. 41, 213, 202, 227.

зорѣ Сень-Симонъ первое мѣсто по умственнымъ и политическимъ успѣхамъ отвелъ англичанамъ, признавъ соціальныя условія ихъ быта наилучшими въ Европѣ, ихъ политическую организацію въ данное время наиболѣе совершенной: она «каждому предоставляетъ наибольшую личную свободу, какой только возможно пользоваться въ странѣ, обремененной населеніемъ». Наконецъ, лирическія отступленія Сень-Симона нашли прямой путь къ сердцу Тьерри. Философъ жестоко укорялъ ученыхъ за равнодушіе къ современному мировому кризису, къ «познанію человѣка», единственно способному указать средства примарить интересы народовъ. Укоризны сопровождались воззваніями, чрезвычайно горячими и настойчивыми. Они звучали нѣсколько наивнымъ лиризмомъ въ устахъ пятидесяти-четырехъ-лѣтняго писателя,—но на Тьерри они не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія. Призывая ученыхъ помочь человѣчеству, Сень-Симонъ восклицалъ: «возвысьте свои сердца до этого чувства; возвысьте свои умы до этой великой мысли, соединимъ открыто наши усилія и въ короткое время мы успѣемъ сдѣлать то, что будетъ полезно для счастья другихъ и для нашего личнаго удовлетворенія» ¹¹⁾.

Философъ обращался ко всѣмъ, у кого «достанетъ жару души заниматься послѣдовательно общимъ благомъ». Онъ проситъ всѣхъ помочь ему. Онъ убѣжденъ, существуютъ люди «безконечно болѣе способные», чѣмъ онъ, выполнить намѣченную работу, и онъ приглашаетъ ихъ стать во главѣ дѣла: «счастливейшемъ днемъ моей жизни будетъ тотъ, когда они опередятъ мои идеи и представятъ возрѣнія болѣе ясныя, чѣмъ мои». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ сознается, что его идеи еще нуждаются въ дальнѣйшемъ уясненіи, и снова повторяетъ желаніе преклониться передъ чужими «болѣе существенными, болѣе полезными и болѣе ясными». Онъ готовъ стать *безпрекословнымъ сотрудникомъ* «болѣе способной личности». Всѣ эти изліянія заключаются сообщеніемъ, что физиологи до сихъ поръ не приняли предложенія автора на счетъ совмѣстной съ нимъ работы и оставили его въ очень тягостномъ одиночествѣ» ¹²⁾.

Тьерри, читая подобныя страницы, не могъ уподобиться физиологамъ. Онъ немедленно даетъ обѣщаніе «первые опыты своего

¹¹⁾ Ibid., p. 151—2, 39—40.

¹²⁾ Ibid., p. 12, 13—4, 69, 170, 185—6, 211.

пера» посвятить «прекраснымъ идеямъ» Сень-Симона, благодарить его за мѣсто секретаря и, насколько хватитъ силъ, онъ пойдетъ навстрѣчу его «благороднымъ намѣреніямъ». Но одновременно Тьерри спѣшитъ опредѣлить и направленіе своихъ услугъ. Онъ желаетъ писать общедоступныя произведенія—*pour les gens du monde* и не не согласенъ съ манерой своего будущаго покровителя, пускать въ ходъ «слишкомъ общую мысль» и соединять въ одномъ трудѣ нѣсколько цѣлей¹³⁾.

Сначала Тьерри, очевидно, не желалъ порывать съ учительствомъ. Онъ проситъ Сень-Симона не сообщать его имени редакторамъ журналовъ: его участь зависитъ отъ людей, менѣе всего обладающихъ здравымъ смысломъ. Но Сень-Симонъ и, можетъ быть, Пекле убѣдили Тьерри покинуть провинцію и промѣнять дѣятельность учителя на публицистику. Уже въ октябрѣ 1814 года явилась книга *О переустройствѣ европейскаго общества*, за подписью Сень-Симона и Тьерри «его ученика».

Въ высшей степени важный и трудный вопросъ: въ чемъ заключалось сотрудничество Тьерри? Одинъ отвѣтъ—касательно стороны кажется естественнымъ съ перваго взгляда на сочиненіе. Уже современная критика отмѣтила изложеніе книги—«твердое, простое и точное»¹⁴⁾. Этихъ опредѣленій нельзя примѣнить цѣликомъ ни къ одному изъ сочиненій Сень-Симона: на этотъ разъ, очевидно, помогъ секретарь. Но для насъ существенъ вопросъ не формы, а содержанія, т.-е. какими идеями обмѣнялись учитель и ученикъ?

Переустройство европейскаго общества бросается въ глаза не только изложеніемъ не обычнымъ подъ перомъ Сень-Симона, но и основной мыслью сочиненія. Мы знаемъ,—Сень-Симонъ имѣлъ въ виду «переустройство», сочиняя *Записку по наукѣ о челоѣкѣ*, но плана никакого не представилъ: старался только подготовить почву для будущаго зданія. Правда,—планъ европейской организаціи существовалъ у Сень-Симона давно, былъ изложенъ въ первомъ его сочиненіи *Письма женеваго обывателя*. Книга была издана въ Женевѣ и осталась неизвѣстной даже ближайшимъ ученикамъ Сень-Симона въ теченіе всей его жизни. И философъ будто забылъ о

¹³⁾ Письмо Тьерри въ *Oeuvres*, XV, p. 150.

¹⁴⁾ *Le Censeur*. 1815. VI, p. 87.

ней и за двѣ недѣли до смерти первымъ своимъ сочиненіемъ призналъ *Введеніе къ ученымъ работамъ XIX вѣка*,—въ дѣйствительности—*второе* ¹⁵⁾. Но и организація, предложенная въ *письмахъ*, совершенно другая, чѣмъ *Переустройство европейскаго общества*. Тамъ Европа находится въ распоряженіи двухъ властей: *духовной*—въ лицѣ представителей математическихъ и опытныхъ наукъ и *практической*—изъ собственниковъ. Этотъ планъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ большое значеніе въ общемъ развитіи идей Сень-Симона, но онъ менѣе всего связанъ именно съ *переустройствомъ*. Оно не что иное какъ приспособленіе англійской конституціи къ политическому преобразованію Европы, какъ цѣлаго, превращенія англійскаго парламента въ международный. Это—новость въ идеяхъ Сень-Симона до 1814 года, и минулетное увлеченіе для идей позднѣйшаго періода. Философъ вернется къ отдѣльнымъ мыслямъ своего ранняго плана и ни разу не возобновитъ проекта воспользоваться англійской политической формой для созданія новой соціальной системы.

Такимъ образомъ—*Переустройство европейскаго общества* является единичнымъ моментомъ въ философіи Сень-Симона,—даже больше,—философъ примется многократно повторять и тщательно доказывать, насколько несовершененъ англійскій политическій строй и какъ глубоко онъ нуждается въ преобразованіяхъ. Наконецъ, излюбленной истиной Сень-Симона станетъ ученіе о второстепенномъ значеніи самаго вопроса о политическихъ формахъ, и англійская конституція получитъ наименованіе «видоизмѣненнаго феодализма», предварительнаго и переходнаго режима ¹⁶⁾. Мы дальше подробно

¹⁵⁾ Fournel. О. с.

¹⁶⁾ Термины Сень-Симона, проходящіе чрезъ всѣ его сочиненія—*le pouvoir spirituel* и *le pouvoir temporel*—заимствованы изъ средневѣковаго философско-политическаго обозначенія двухъ властей. Сообразно съ измѣнившимся духомъ эпохи—оба термина утратили свое *историческое* содержаніе и выражаютъ старинныя формулы новыхъ силъ — власть положительной науки и власть, осуществляющую позитивные философскіе принципы. Въ переводѣ на русскій языкъ одинъ терминъ въ интересахъ возможной точности слѣдовало бы передать *научно-законодательная власть*, другой—*исполнительная власть* или *идеальная* и *матеріальная власть*—такими наименованіями и пользуется Контъ—въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій—*Considérations sur le pouvoir spirituel* (*Syst. de pol. posit.* IV. App. 194, 216). Мы не встрѣтимъ удержба ясности и точности мысли Сень-Симона, если одинъ терминъ оставимъ не-

прослѣдимъ развитіе политической мысли Сень-Симона и увидимъ, какъ онъ далеко былъ, признавши заслуги англійской конституціи предъ индивидуальной свободой, отъ провозглашенія «парламентской формы» наилучшей—безъ всякихъ оговорокъ и безъ ограниченій во времени и пространствѣ. А именно на эту тему пишется вся «первая книга» въ *переустройствѣ*. Послѣ этого мы имѣемъ основаніе считать подобный взглядъ не чисто и не непосредственно сеньсимонистическимъ: мы видимъ здѣсь руку «ученика». Планъ Европейскаго парламента съ двумя палатами и государемъ, мечта видѣть зерно этого парламента въ союзѣ Франціи съ Англійей и въ возникновеніи предварительнаго англо-французскаго парламента—все это не является логическимъ звеномъ въ извѣстныхъ намъ раньше идеяхъ философа. До сихъ поръ онъ не обнаруживалъ столь почтительныхъ чувствъ къ Англии. Впервые онъ высказался объ англичанахъ въ 1808 г. въ автобіографическомъ отрывкѣ и въ сочиненіи *Введеніе къ ученымъ работамъ XIX-ю стѣка*. Оба отзыва одинаково неблагоприятны. Изъ пребыванія въ Англии Сень-Симонъ вынесъ убѣжденіе, что отъ англичанъ нельзя научиться никакою «новой существенной общей идеѣ»¹⁷⁾. Въ сочиненіи онъ высказалъ еще болѣе рѣзкое заявленіе: «англичане могутъ сообщить только идеи старыя и использованныя»¹⁸⁾. Пять лѣтъ спустя въ *Запискѣ по наукѣ о челоѣкѣ* Сень-Симонъ отвелъ англичанамъ первое мѣсто среди новыхъ народовъ въ умственномъ отношеніи по количеству первостепенныхъ ученыхъ, принципалъ ихъ политическую форму наилучшей въ современной Европѣ,—но ни единымъ словомъ не намекнулъ на философски-обоснованное совершенство ихъ государственнаго строя.

Мы не желаемъ настаивать на безукоризненной послѣдовательности воззрѣній Сень-Симона даже въ подробностяхъ: при извѣстномъ намъ принципиальномъ уваженіи философа къ экзальтаціи, такая послѣдовательность недостижима,—но въ то же время спра-

измѣненнымъ, а другой передадимъ словомъ *правительственная власть*. „La regime anglais n'est, dans la réalité, que le régime feudal modifié“. *Du Système industriel*. *Oeuvres*. XXIII, p. 59. „Un régime provisoire“, „un moyen de transition“ XXI, p. 183; *L'Industrie*. XIX, p. 79.

¹⁷⁾ *Oeuvres*. XV, p. 69—70.

¹⁸⁾ *Oeuvres choisies*. I, p. 260.

ведливо было указано на «запасъ прочныхъ идей», даже на «мономанію въ центральной мысли»—при всѣхъ импровизаціяхъ Сень-Симона¹⁹⁾. И въ этомъ запасѣ не имѣлось преклоненія вообще предъ парламентарнымъ строемъ и въ частности предъ англійской конституціей,—напротивъ самый скептическій анализъ.

Дальше другой мотивъ, столь же краснорѣчивый для конституціонныхъ борцовъ реставраціи. *Переустройство* излагаетъ сравнительный обзоръ англійской и французской революцій и находитъ полное соотвѣтствіе событій. Они располагаются по шести эпохамъ, пять пережиты Франціей, шестая, ознаменованная въ Англии изгнаніемъ Стюартовъ, еще угрожаетъ другой странѣ, т. е. изгнаніемъ Бурбоновъ, такъ какъ «ходъ человѣческаго ума—постоянно одинъ, онъ не мѣняется сообразно времени и мѣсту»²⁰⁾.

Для Сень-Симона это утвержденіе слишкомъ рѣшительно и смыслъ его не соотвѣтствуетъ многократному и настойчивому указанію философа на несоотвѣтствіе именно англійской конституціи культурному уровню Франціи XIX-го вѣка. Въ сочиненіи, несомнѣнно принадлежащемъ одному Сень-Симону и отдѣленномъ отъ *Переустройства* тремя съ половиной годами, мы находимъ рѣзкое возмущеніе противъ *безтолковаго* энтузіазма и *необдуманнаго* восторга французовъ предъ англійской конституціей. Ею можно было восхищаться и завидовать ей только во время блужданія по *лабиринту революціи* подъ гнетомъ деспотизма, при всеобщей подавленности мысли. Теперь слѣдуетъ трезво взглянуть на предметъ. Англичане положили основу идей свободѣ сто лѣтъ назадъ. Французская цивилизація успѣла настолько созрѣть, что подражать англичанамъ—значитъ идти цѣлымъ вѣкомъ позади, превращаться въ рабовъ, такъ какъ человѣческій умъ не остается въ состояніи неподвижности²¹⁾.

Если англійская политическая форма является неудовлетворительной для Франціи—вслѣдствіе измѣнившихся условій времени,—очевидно англійская революція не указъ французамъ по той же причинѣ. И дѣйствительно, Сень-Симонъ безпрестанно настаиваетъ

¹⁹⁾ Janet. O. c. p. 71. Fagnet. *Politiques et Moralistes du XIX S. P.*, 1898, p. 3.

²⁰⁾ *Oeuvres*. XV, p. 220.

²¹⁾ *L'Industrie. Oeuvres*. XIX, p. 79, май или июнь 1818 г., какъ значитса на заглавномъ листѣ.

на неосновательности либеральнаго воззрѣнія, будто французская революція обязана повторить англійскую. Одно изъ принципиальныхъ политическихъ убѣжденій Сень-Симона необходимость сохранить династію, и это стремленіе главнѣйшее основаніе безпощадной борьбы философа съ бонапартизмомъ²²⁾. Несомнѣнно, политика министровъ Людовика XVIII-го часто вызывала негодованіе Сень-Симона, всякій разъ, когда склонялась на сторону знатнаго сословія: тогда Сень-Симонъ, помимо историческихъ и логическихъ опроверженій такой политики, могъ позволить себѣ поставить рядомъ *Бурбоновъ и Стюартовъ* въ заглавіяхъ своихъ брошюръ,—собственно одной брошюры и ея «продолженія»,—въ январѣ 1822 года. Но и здѣсь отнюдь не проводился обычный современный бонапартистско-либеральный взглядъ на неизбѣжность участи Стюартовъ для Бурбоновъ, а объяснялся планъ «индустріальной» политики въ противовѣсъ бесплодной борьбѣ чисто-политическихъ партій²³⁾.

Въ результатѣ мы должны придти къ заключенію, что и параллель между судьбой Стюартовъ и будущимъ Бурбоновъ настолько же *одинокая, вѣншняя* идея для основныхъ воззрѣній Сень-Симона, какъ и проектъ извлечь изъ англійской конституціи философскія основы для всевропейской объединительной политической формы. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ эволюціей идей Сень-Симона, мы еще глубже убѣдимся въ принципиальномъ и психологическомъ разногласіи обонихъ взглядовъ съ основой сень-симоновскаго міросозерцанія—философской и политической. Они обязаны своимъ появленіемъ участію правовѣрнаго либеральнаго политика эпохи реставраціи и Сень-Симонъ, допуская ихъ на страницы своей работы, выполнялъ только свое публичное обѣщаніе подчиниться условіямъ идейной ассоціаціи.

Наконецъ, еще одна подробность, стоящая въ рѣзкомъ противорѣчій съ однимъ изъ самыхъ характерныхъ символовъ политики Сень-Симона. Въ *Переустройствѣ* говорится о недовольствѣ судебного сословія политикой правительства. И авторъ сочувствуетъ оби-

²²⁾ *Du système industriel*. XXI, p. 221—2, окт. 1820.

²³⁾ *Des Bourbons et des Stuarts*, съ перепечаткой главы объ англійской конституціи изъ *Réorganisation. Suite à la brochure: „Des Bourbons et des Stuarts“ Oeuvres choisies*. II, p. 431.

женнымъ: главные судьи могли, по крайней мѣрѣ, подобно англійскимъ, засѣдать въ парламентѣ ²⁴⁾).

«Судебное сословіе», значить адвокаты и легисты,—порода людей, по мнѣнію Сень-Симона, причинившая Франціи величайшія бѣдствія съ эпохи революціи. Сень-Симонъ неистощимъ на эту тему: для него нѣтъ болѣе возмутительнаго явленія, чѣмъ политиканствующее адвокатство—*l'avocasserie en politique*. «Позитивная философія» прежде всего должна наложить узду молчанія на «легистовъ»: ни одно требованіе такъ часто и съ такой энергіей не повторяется въ сочиненіяхъ Сень-Симона какъ это. И Сень-Симонъ здѣсь ни разу не сдѣлалъ уступки, допуская юристовъ только на второстепенныя роли въ системѣ «позитивной политики», т.-е. исполнительскія. Сожалѣть объ отсутствіи представителей «судебнаго сословія» въ парламентѣ Сень-Симону не могло придти на умъ, и если бы онъ счелъ нужнымъ указать на недовольство магистратуры, — онъ въ согласіи съ своимъ неизмѣннымъ убѣжденіемъ могъ только привѣтствовать этотъ фактъ. Другое отношеніе къ нему — только новое доказательство существеннаго идейнаго участія секретаря въ работѣ учителя.

Рядомъ не мало идей, которыя мы должны отнести на счетъ Сень-Симона. Мы встрѣтимся съ ними въ гораздо болѣе развитой формѣ, и онѣ уже были установлены Сень-Симономъ до сотрудничества съ Тьерри. Онъ давно призналъ великое культурное значеніе среднихъ вѣковъ. Теперь повторяется та же мысль, но мы должны обратить вниманіе, что она сохраняетъ прежнюю форму, т.-е. средніе вѣка оцѣниваются съ философской точки зрѣнія, какъ эпоха общепризнанной нравственной доктрины. Мы еще не слышимъ о другой столь же важной заслугѣ среднихъ вѣковъ—о политической, выразившейся въ освобожденіи общинъ. Неоднократно излагая исторію европейскаго прогресса, Сень-Симонъ ни разу не коснулся этого факта. Мы дальше оцѣнимъ смыслъ этого умолчанія.

Несомнѣнно Сень-Симону принадлежать также бѣгля, но внушительныя замѣчанія о томъ, что всѣ учрежденія должны быть слѣдствіями *единой концепціи*, что методъ у всѣхъ политическихъ наукъ долженъ быть одинаковъ, и слѣдовательно, у политики, до сихъ поръ

²⁴⁾ Ос. 226.

еще гадательной наукѣ ²⁵⁾. Все это исконныя сень-симонистскія идеи, но *Переустройство* написано не ради ихъ: почти вся сцена отведена политической кинституціонной программѣ, можно сказать, подчинена вдохновенію младшаго автора книги.

Пока явныхъ противорѣчій незамѣтно. Общія философскія идеи учителя уживаются рядомъ съ злободневными либеральными сочувствіями ученика. Философскіе принципы кажутся слишкомъ далекими отъ плановъ, навѣянныхъ современными партійными задачами. Только одна мысль, брошенная вскользь, обѣщаетъ развиваться въ цѣлую систему, принципиально враждебную чистой политикѣ. «Нѣтъ перемѣны въ социальномъ строѣ безъ перемѣны въ собственности», — говорятъ авторы ²⁶⁾. Они оба могутъ подписаться подъ такой формой идеи, но въ дальнѣйшемъ развитіи она цѣлкомъ окажется достояніемъ одного лишь учителя. Изъ нея вырастутъ тѣ «соціальныя теоріи», которыя дѣйствительно могли бы испугать ученика въ самомъ началѣ знакомства съ учителемъ. Но эти теоріи пока не были ни «неограниченными», ни «опасными»: они существовали еще въ зернѣ.

Намъ не надо предвосхищать ихъ, чтобы видѣть достаточно данныхъ для принципиальнаго разномыслія между Сень-Симономъ и Тьерри. Пока миръ не нарушенъ. Сошлись два энтузіаста. Одинъ уже преклонныхъ лѣтъ, но неизмѣнно экзальтированный, весь охваченный желаніемъ облагодѣтельствовать своихъ современниковъ умиреніемъ народовъ и прочной общественно-политической организаціей. У него нѣтъ плана и онъ отовсюду зоветъ себѣ сотрудниковъ. На зовъ, до сихъ поръ не встрѣчавшій отклика, является молодой восторженный любитель политики и ради нея—исторіи. Изъ сочиненія Сень-Симона, написаннаго почти одновременно съ *Замиской по наукѣ о человекѣ*—изъ *Работы о всеобщемъ тяготѣніи* Тьерри могъ узнать возвышенный взглядъ на свою излюбленную науку. Пока исторія еще не наука «она не вышла изъ пеленокъ дѣтства». Пока она только сборникъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактовъ. Они не связаны теоріей, не подчинены порядку причинъ и слѣд-

²⁵⁾ *Ib.* 173, 180, 183.

²⁶⁾ „Il n'y a point de changement dans l'ordre social, sans un changement dans la propriété“. *Ib.* 241.

ствій. Это одинъ недостатокъ—ненаучность, не *позитивность*. Другой примыкаетъ къ нему. Исторія не даетъ намъ необходимыхъ уроковъ. Прошлое не объясняетъ настоящаго и «не сообщаетъ нашему уму необходимой силы, чтобы продолжить и закончить изслѣдованіе общаго будущаго человѣческаго рода»²⁷⁾.

Эти мысли, вмѣстѣ со многими другими намъ извѣстными, должны вызвать искреннее сочувствіе у юноши, считающаго исторію своимъ призваніемъ. Именно ему необходимо въ прошломъ отыскать оправданіе для дорогаго настоящаго. Это будетъ неточнымъ осуществленіемъ запросовъ Сень - Симона: онъ желаетъ видѣть въ исторіи науку, а не публицистическую партійную иллюстрацію и смыслъ прошлаго съ той или другой точки зрѣнія—различенъ. Но пока Тьерри только начинаетъ литературную дѣятельность. Свойства его таланта еще не обнаружили и, вѣроятно, еще ему самому не вполне ясно, какую форму приметъ его работа надъ исторіей. Пока онъ можетъ находить высокое удовлетвореніе въ общихъ философскихъ размышленіяхъ учителя о значеніи исторіи какъ науки.

Но могучій публицистическій инстинктъ теперь же подскажетъ ему искомую учителемъ организацію—идеализированную англійскую конституцію. Это значитъ,—пользованіе прошлымъ не философское, склонное извѣстную политическую форму считать произведеніемъ опредѣленнаго времени и данной среды, а публицистическое, способное фиксировать прошлое въ идеаль ради извѣстныхъ его качествъ, цѣлесообразныхъ въ переживаемой политической борьбѣ. Философъ анализируетъ прошлое съ цѣлью открыть органической процессъ нарастанія новыхъ жизнедѣятельныхъ элементовъ, публицистъ готовъ копировать прошлое независимо отъ его органической цѣльности и исторической правоспособности, копировать въ его отдѣльныхъ чертахъ, кажущихся цѣнными для усовершенствованія настоящаго. Въ результатѣ,—работа философа заканчивается логическимъ приговоромъ, работа публициста—патетическимъ: для одного *послѣдовательно* и *неизбѣжно*, для другого—*желательно* и *должно*.

Эти двѣ психологіи ярко воплощены въ Сень-Симонѣ и въ Тьер-

²⁷⁾ *Oeuvres*, XL, 246, 266.

ри и здѣсь именно лежитъ первоисточникъ неотвратимаго разлада между учителемъ и ученикомъ.

IV.

Второе сочиненіе, написанное Сень-Симонъ вмѣстѣ съ Тьерри—*Мнѣніе о мѣрахъ противъ коалиціи 1815 года*—вышло 18 мая 1815 года. Ему на два мѣсяца предшествовала брошюра за подписью одного Сень-Симона о нашествіи на французскую территорию Наполеона Бонапарта. Брошюра—поучительна для нашего вопроса объ отношеніяхъ автора и его секретаря. Тьерри не участвовалъ въ сочиненіи брошюры и не могъ участвовать: Сень-Симонъ Наполеона приравнивалъ къ Стюартамъ, ставилъ даже ниже ихъ, его— а не Бурбоновъ: напротивъ, онъ горячо призывалъ французскій народъ на защиту Людовика XVIII: желаніе французовъ—быть свободными подъ властью Бурбоновъ. Сень-Симонъ завѣрялъ согражданъ въ призрѣнности всѣхъ обѣщаній Наполеона и его приверженцевъ: эти люди могутъ быть только тиранами²⁸⁾. Тьерри врядъ ли могъ такъ рѣшительно ставить свободу рядомъ съ бурбонской династіей, но онъ вполнѣ могъ принять на свою отвѣтственность вторую брошюру. Она не что иное, какъ развитіе одной изъ идей *Переустрой-ства*, т.-е. планъ англо-французскаго союза. Этотъ союзъ долженъ быть «основой нашей политической системы, такъ сказать, нашей внѣшней конституціей». Ее должна создать сама нація, а не правительство и также вмѣстѣ съ націей англійской, а не съ правительствомъ Англіи. Ради этой цѣли французы возьмутъ на себя обязательство отказаться отъ политики завоеваній и даже договорныхъ присоединеній чужихъ земель. Что касается внутренняго строя,— онъ будетъ опредѣленъ палатой представителей: ей французскій народъ дастъ полномочіе превратиться въ учредительное собраніе, когда она сочтетъ это необходимымъ²⁹⁾.

Очевидно, планъ составлялся подъ воздѣйствіемъ воспоминаній о событіяхъ 1789 года. Авторамъ было бы желательно снова уви-

²⁸⁾ *Profession de foi du conte de Saint-Simon au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte. Paris ce 15 mars 1815. O. choisies. II, p. 329.*

²⁹⁾ *Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815. O. choisies II, p. 335.*

дѣть процессъ созиданія конституціи съ революціонной обстановкой, — желаніе совершенно непримиримое ни съ сужденіями Сень-Симона о революціонномъ учредительствѣ, ни съ его усерднѣйшими заботами найти «мѣры—закончить революцію», ни, наконецъ, съ его неизмѣннымъ убѣжденіемъ всей жизни, что организація общества изобрѣтается не политиками, а открывається учеными путемъ историко-философскаго анализа фактовъ. Для этого взгляда, мы убѣдимся, у Сень-Симона нѣтъ ни періодовъ, ни колебаній и никакія событія не могли заставить его отступить отъ своей задушевнѣйшей идеи о «духовной власти», т.-е. о направляющей силѣ позитивной философіи. Мы, слѣдовательно, опять должны принять два заключенія: уступку со стороны Сень-Симона подписать свое имя подъ разсужденіями, не во всемъ согласными съ его воззрѣніями, и другой выводъ,—боязнь или скромное нежеланіе со стороны двадцатилѣтняго Тьерри явиться предъ публикой самостоятельнымъ авторомъ. Это произойдетъ почти два года спустя: ученикъ какъ писатель вырастетъ, приобрететъ достаточно литературной опытности, онъ сначала единолично подпишется подъ своимъ сочиненіемъ, а потомъ начнетъ и вполне самостоятельную дѣятельность, хотя послѣдній шагъ подъ покровомъ Сень-Симона будетъ ознаменованъ очень трогательнымъ заявленіемъ *филс adoptif de Henri Saint-Simon*. Мы не хотимъ уличать Тьерри въ тонкой политикѣ: разрывъ непременно долженъ былъ совершиться, мы только желаемъ объяснить подпись Тьерри подъ извѣстными сочиненіями и градацію въ его отношеніяхъ къ Сень-Симону.

Въ послѣдній разъ Тьерри принялъ участіе въ сборникѣ Сень-Симона—*Industrie*. Помимо Тьерри, сотрудниками были Сень-Обанъ, членъ срибуната при Бонапартѣ, Шапталъ и, наконецъ, Огюсть Контъ. Тьерри написалъ политическую часть. Она замѣчательна во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего въ началѣ пространное разсужденіе о томъ, что такое *le peuple* и *les honnêtes gens*? Отвѣтъ—въ духѣ многихъ философовъ XVIII в. съ Вольтеромъ во главѣ, даже еще больше рѣзкій: «народъ»—чернь, *vulgus*, по своимъ общечеловѣческимъ культурнымъ взглядамъ и чувствамъ стоитъ на томъ уровнѣ, на какомъ находились двѣ тысячи лѣтъ назадъ римскіе юристы. «Почтенные люди»—тѣ, кто думаетъ и обладаетъ просвѣщеніемъ, и они собственно пред-

ставляютъ націю, а «народъ составляетъ только численность населенія», «народъ является посторонней шайкой, пока онъ остается народомъ»²⁰⁾.

Тьерри, видимо, съ большимъ удовольствіемъ разрабатываетъ эту тему, — подобнаго настроенія нельзя встрѣтить въ сочиненіяхъ Сень-Симона. По поводу революціи ему приходится говорить объ участіи въ событіяхъ «черни» — *la populace*, но онъ неустанно будетъ доказывать однородность народнаго слоя за предѣлами первыхъ двухъ сословій, и подъ чернью философъ разумѣетъ робеспьеровскихъ санкюлотовъ — «самый невѣжественный классъ», а народъ — это всѣ «производители» — *Industriels*, начиная съ крупныхъ капиталистовъ-предпринимателей и кончая рабочими: ихъ больше двадцати пяти милліоновъ²¹⁾.

Мы оцѣнимъ впослѣдствіи соціальныи смыслъ этого распределенія, для насъ пока важно глубокое различіе между воззрѣніями на современныя политическія силы Сень-Симона и его «пріемнаго сына».

Къ какому направленію слѣдуетъ отнести понятіе Тьерри о народѣ, ясно изъ признанія даровитаго публициста Армана Карреля. Оно было высказано позже, въ эпоху іюльскаго переворота, но относится къ чувствамъ и идеямъ либеральной партіи при реставраціи. Каррель говоритъ, что во время борьбы съ правительствомъ они не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія насчетъ того, что происходило ниже ихъ — докторовъ, негоціантовъ, депутатовъ, литераторовъ. Для нихъ не существовалъ «классъ, лишенный политическихъ правъ». Они признавали только націю, читающую газеты, воодушевляющуюся парламентскими преніями, располагающую капиталами, заправляющую промышленностью и владѣющую землей. А у низшихъ слоевъ населенія нѣтъ взглядовъ, и едва ли можетъ быть какая-либо политическая критика. Тамъ кишатъ тысячи существъ, — добрыхъ, честныхъ, простыхъ, — но ихъ легко обмануть и привести въ отчаяніе. Они живутъ день за днемъ и въ ежечасной борьбѣ съ

²⁰⁾ *L'Industrie*. „Le peuple fait bande à part tant qu'il reste peuple“. Seconde partie politique. Mai 1817. *Oeuvres*. XVIII, p. 33—34.

²¹⁾ *L'Organisateur*. *Oeuvres*. XX, p. 43. *Du Système industriel*. *Oeuvres*. XXI p. 44.

нуждой не имѣють ни времени, ни достаточно физическаго и умственнаго покоя, чтобъ иногда поразмыслить, какъ управляется страна ²¹⁾).

Это разсужденіе до послѣдней черты соотвѣтствуетъ идеямъ Тьерри, потому что оно представляетъ точное воспроизведеніе теоретической политики реставраціоннаго либерализма. Она не переходила за предѣлы «политической націи», т.-е. ста тысячъ французовъ, которыхъ цензъ допускалъ къ участию въ парламентской политикѣ. Въ основѣ либеральнаго символа лежало представленіе о собственности, дающей право голоса, дѣлающей гражданина активнымъ. Именно на этой почвѣ Бенжаменъ Констанъ построилъ свою идеальную государственную систему. Она явилась сооруженіемъ классовымъ и замкнутымъ: доступъ въ него для массы, для *populace* оставался одинъ—васильственный и только для отдѣльныхъ членовъ этой массы, успѣвавшихъ занять мѣсто среди собственниковъ, открывался мирный путь такой же классовой политики. Другое понятіе положено въ основу системы Сень - Симона, — понятіе производительнаго труда, не *propriété*, а *industrie*, охватывающая все населеніе государства за исключеніемъ «тунеядцевъ», т.-е. непроизводителей, въ томъ числѣ и собственниковъ, пребывающихъ въ праздности и не прилагающихъ къ своей собственности личнаго производительнаго труда. Результаты этихъ принциповъ получались столь же различные, какъ и первоисточники ихъ. Сень - Симонъ логическимъ путемъ приходилъ къ ученію объ ассоціаціи предпринимателей и рабочихъ, къ уравненію въ политическихъ правахъ земледѣльцевъ - владѣльцевъ инвентаря *les propriétaires mobiliers* съ земельными собственниками, къ проектамъ о наиболѣе свободномъ перемѣщеніи земельной собственности. Либерализмъ на всѣ покушенія низшаго класса прорвать стѣну привелегій средняго мочъ смотрѣть исключительно съ точки зрѣнія узурпаціи и революціи. Поэтому Тьерри и былъ, по его словамъ, такъ потрясенъ февральскими событіями сорокъ восьмого года. Исторія Франціи и сама Франція казались ему «ниспровергнутыми», онъ почувствовалъ упадокъ духа и даже прервалъ свою работу, имѣвшую въ виду историческое обоснованіе либера-

²¹⁾ *Le National*, 22 juillet 1830.

лизма, т.-е. привилегій «почтенныхъ людей»³³⁾. Истинно сенъ - симонистская политическая психологія не могла испытать подобнаго погрома, и развитіе идей Сенъ - Симона должно было привести его настоящаго ученика къ иной встрѣчѣ народнаго движенія.

Всѣ данныя для разногласія были налицо уже въ тотъ моментъ, когда Тьерри именовалъ себя *филс adoptif* Сенъ - Симона. Ученикъ усердно прославлялъ «промышленность»—*industrie*, горячо защищали неограниченную экономическую свободу. Правительственная регламентація можетъ только повредить промышленности и торговлѣ: «всякій человѣкъ — не идиотъ и не калѣка — нуждается только въ свободѣ, чтобы жить». Защищая индустрію, Тьерри страстно нападаетъ на «военный духъ», доказываетъ бесполезность его въ рѣшительныхъ положеніяхъ страны: Францію, напримѣръ, во время революціи спасъ не «воинственный народъ, воспитанный для оружія и понимающій толкъ въ войнѣ», а «люди гражданского ремесла», буржуа, т.-е., — перечисляетъ авторъ, — негоціанты, легисты. Тьерри новѣйшимъ государственнымъ строемъ считаетъ «режимъ конституціонный, режимъ либеральный», т.-е. основанный на индустріи. Авторъ отождествляетъ парламентское устройство государства съ индустриальнымъ и называетъ его еще, со словъ англійскаго писателя, *коммерческимъ правительствомъ, commercial government*³⁴⁾.

Какъ историкъ, онъ ищетъ корней этой формы въ прошломъ и находитъ ихъ въ «революціи XII вѣка», въ освобожденіи общинъ. Съ этого событія индустрія становится государственной силой, здѣсь берутъ начало всѣ революціи въ прошломъ и къ этому же источнику примкнуть всѣ революціи въ будущемъ³⁵⁾. Впослѣдствіи Тьерри освобожденіе общинъ назоветъ «величайшимъ социальнымъ движеніемъ, какое только совершалось съ установленія христіанства до французской революціи». Это движеніе «вступленіе ко всѣмъ движеніямъ, возвысившимъ постепенно положеніе третьяго сословія, здѣсь — колыбель нашей новѣйшей свободы»³⁶⁾. И Тьерри съ тѣхъ поръ свою историческую работу надолго приурочить къ разъясненію великаго переворота, ознаменовавшаго средніе вѣка.

³³⁾ *Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers-état*. P. 1863. Preface. X. Русскій переводъ подъ ред. проф. Виппера. М., 1899 г., стр. 37.

³⁴⁾ *L'Industrie*, 108.

³⁵⁾ О. с., р. 38—40.

³⁶⁾ *Lettres*, v., *Dix ans*, р. 5—6.

Сенъ-Симонъ также обратитъ вниманіе на «соціальную революцію» прошлаго и при многократныхъ обзорахъ европейскаго культурнаго прогресса непрерывно будетъ указывать на освобожденіе общинъ, какъ на центральный фактъ. Еще только одинъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ нимъ—введеніе въ европейскую цивилизацію изученія опытныхъ наукъ, — великая заслуга арабовъ. Это не разъ повторяетъ Сенъ-Симонъ и раньше: опытная наука проложила путь къ преобразованію общаго міросозерцанія, разложили средневѣковую духовную власть; что касается политической организаціи, она, по раннему взгляду Сенъ-Симона, была создана Карломъ Великимъ, одновременно съ организаціей духовной власти на почвѣ христіанской доктрины. Съ XV вѣка ясно обнаружилось разложеніе всей старой системы. Реформація Лютера явилась рѣшительнымъ моментомъ въ возникновеніи новой духовной власти и новаго политическаго строя, такъ какъ уничтожила фактически европейское значеніе папства ³⁷⁾. Мы встрѣтимся со всестороннимъ развитіемъ этого воззрѣнія, но не найдемъ въ немъ одного факта—даже отдаленнаго упоминанія объ общинахъ. Въ первый разъ Сенъ-Симонъ говоритъ объ освобожденіи общинъ въ своемъ сборникѣ *Индустрія*, въ части, изданной въ маѣ или въ іюнѣ 1818 года, т.-е. позже Тьерри и послѣ разлуки съ нимъ. Сенъ-Симонъ объясняетъ читателямъ, что индустрія постепенно добилаcь возможности *выкупить свою свободу*. «Этотъ выкупъ, — продолжаетъ авторъ, — важнѣйшій шагъ изъ всѣхъ, какіе только индустрія дѣлала и сдѣлаетъ впослѣдствіи. Это самый существенный моментъ для нея, начало ея *политическаго бытія*». Сенъ-Симонъ прибавляетъ: этотъ «важный шагъ обыкновенно обозначается наименованіемъ—*освобожденіе общинъ*, и вполне правильно пользуются этимъ выраженіемъ, потому что *общины и индустрія*—одно и то же» ³⁸⁾.

Съ этихъ поръ Сенъ-Симонъ при всякомъ подходящемъ случаѣ будетъ настаивать на важности средневѣковаго соціальнаго перево-

³⁷⁾ *Oeuvres*, XL, p. 15, 170—2. *Mémoire sur la science de l'homme et Travail sur la gravitation universelle*.

³⁸⁾ *Industrie*, tome IV, premier cahier. *Oeuvres*, XIX, p. 143. Эта часть *L'Industrie* носитъ отдѣльное заглавіе *Moyen constitutionnel d'augmenter les richesses de la France*, а въ изданіи Оланда Родрига перепечатана подъ названіемъ *Vues sur la propriété et la législation*, 1 livraison, p. 241.

рота. Теперь для него освобождение общинъ главная, руководящая сила европейскаго прогресса. Духовная или свѣтская власть являются только орудіями общинъ и общины пользуются тою и другою сообразно обстоятельствамъ, пока, наконецъ, двѣ способности, индустриальная и позитивно-научная, окончательно не разрушатъ теологическо-феодалную систему ³⁹).

Исторія общинъ не только займетъ центральное мѣсто въ сень-симоновской картинѣ европейскаго прогресса, она подскажетъ ему программу современной практической политики, могущественно повлияетъ на его сужденіе обо всемъ прошломъ Франціи, и особенно о революціи, и установитъ его взглядъ на недостатки и потребности настоящаго. Выкупы общинами свободы и участіе въ ихъ освобожденіи королевской власти, т.-е. по заключенію Сень-Симона, союзъ короля и общинъ противъ феодализма,—эти два историческихъ урока остаются для Сень-Симона неопровержимыми руководствами въ политикѣ настоящаго и будущаго.

Теперь неизбежно представляется вопросъ, какимъ путемъ представленіе о культурномъ и политическомъ значеніи общинъ, чуждое опубликованнымъ идеямъ Сень-Симона въ теченіе пятнадцати лѣтъ его литературной дѣятельности, заняло въ ней такое исключительное положеніе? Неужели философъ, объясняя средневѣковую политическую систему и ея разложеніе, могъ случайно опустить явленіе, впоследствии признанное имъ за руководящее? Остается признать указаніе, раньше не имѣвшее мѣста. Кѣмъ оно сдѣлано,—разумѣется, въ періодъ между *Запиской по науку о челоѣкѣ* и послѣднимъ томомъ *Индустрии*, т.-е. съ конца 1813 г. по 1818 г.?

Можно предположить только два ближайшихъ источника: одинъ officialный, Хартію 1814 г. Король, жалуетъ французамъ конституціонныя вольности, припоминаетъ примѣры своихъ предковъ: общины обязаны своимъ освобожденіемъ Людовику Толстому, утвержденіемъ и расширеніемъ своихъ правъ св. Людовику и Филиппу Красивому. Рядомъ назывался и Людовикъ XIV, какъ устроитель администраціи ⁴⁰).

³⁹) *L'Organisateur. Oeuvres*, XX, p. 92—3, 96—7.

⁴⁰) *Hélie*, p. 884—5.

Другой источник—Тьерри. Онъ сообщаетъ, что около 1817 года онъ сталъ сосредоточивать свое вниманіе на «общинной революціи», и, вчитываясь въ исторію Франціи, пришелъ къ убѣжденію въ ея громадномъ, до сихъ поръ не понятомъ значеніи⁴¹⁾. Мы видѣли, политическая часть *Индустрии*, впервые развивавшая эту идею, вышла въ маѣ 1817 года, — остается признать, слѣдовательно, что Тьерри самостоятельно, путемъ размышленія надъ историческимъ фактомъ, дошелъ до истинной оцѣнки освобожденія общинъ, — во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ основанія утверждать, будто Тьерри работать надъ исторіей общинъ началъ подъ влияніемъ «разговоровъ съ своимъ учителемъ»⁴²⁾. Напротивъ, учитель молчалъ о предметѣ до публичнаго разговора о немъ ученика. Но имѣемъ ли мы право заключать на основаніи этого, что Тьерри повлиялъ на Сень-Симона въ извѣстномъ смыслѣ?

Въ октябрѣ 1820 года Сень-Симонъ обратился съ письмомъ къ земледѣльцамъ, фабрикантамъ, негоціантамъ, банкирамъ и прочимъ производителямъ, въ *post-scriptum*'ѣ этого письма онъ привѣтствуетъ Гизо, какъ *Vulgarisateur*'а: Гизо воспользовался его идеей о распаденіи французской націи на два народа, о союзѣ королевской власти съ галлами и объ ошибкахъ Людовика XIV, покинувшаго галловъ и вступившаго въ союзъ съ франками⁴³⁾. Союзъ съ галлами, не что иное, какъ освобожденіе общинъ при участіи королевской власти: открытіе важности этого факта Сень-Симонъ приписывалъ себѣ. Мы дальше встрѣтимъ изумительную лояльность философа относительно чужихъ идей: онъ укажетъ намъ вдохновителей своихъ въ лицѣ людей, которыхъ, безъ его указаній, никто не заподозрѣлъ бы во влияніи на него. Мы услышимъ и общее заключеніе Сень-Симона о своей роли систематизатора всего лучшаго, высказаннаго другими. Что ему могло помѣшать сослаться и на Тьерри, вмѣсто того, чтобы публично заявлять свои авторскія права на извѣстную идею? Разница въ возрастѣ между имъ и его «внушительнѣмъ» врядъ ли могла имѣть значеніе. Сень-Симонъ отдавалъ должное публицисту Шарлю Контю, не считаясь съ его молодостью. Но

⁴¹⁾ Dix ans, p. 5.

⁴²⁾ Таково мнѣніе Weill'a *S.-Simon et son oeuvre*, p. 94.

⁴³⁾ *Du système industriel. Oeuvres*, XXI, p. 191—2.

даже если мы и предположимъ болѣе—менѣе вліятельный толчокъ со стороны Тьерри, мы должны и здѣсь признать невозможность идейной гармоніи между учителемъ и ученикомъ, даже на почвѣ одной и той же идеи.

Сень-Симонъ, оцѣнивая значеніе исторіи общинъ для настоящаго, извлекъ изъ нея практическую аксіому: необходимость тѣснаго союза современной королевской власти съ индустріей, такъ какъ въ средніе вѣка общины пріобрѣтали свободу отъ притѣсненій феодаловъ съ помощью королей, въ свою очередь королевская власть расширялась и укрѣплялась благодаря поддержкѣ общинъ. Людовикъ XIV измѣнилъ историческому ходу вещей, вздумалъ за счетъ общинъ вознаградить бывшихъ феодаловъ за утрату политическаго значенія, послѣдовала революція, еще больше углубившая пропасть между королемъ, ставшимъ на сторону знати и производительнымъ классомъ, отсюда всѣ бѣдствія. Людовикъ XVIII, наконецъ, долженъ окончательно возстановить старыя связи: при этомъ условіи только бурбонская династія можетъ рассчитывать на прочность своего существованія: король долженъ быть государемъ *общиннымъ индустриальнымъ* ⁴⁴⁾.

Нельзя не видѣть извѣстнаго отношенія этой программы къ разсужденіямъ *Хартіи*: Сень-Симонъ ничего не имѣлъ возразить противъ ея историческихъ воспоминаній. Совершенно иначе взглянуть на нихъ Тьерри,—и этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о независимости его занятій вопросомъ, во-вторыхъ, подтверждаетъ знакомую намъ психологію Тьерри,—историка непремѣнно во имя какихъ-либо симпатическихъ цѣлей.

Вѣроятно вскорѣ послѣ разлуки съ Сень-Симономъ Тьерри напечаталъ въ *Цензорѣ* статью объ анонимной брошюрѣ *Руководство избирателя* ⁴⁵⁾. Ни одно произведеніе будущаго историка не проникнуто до такой степени духомъ Сень-Симона, какъ эта статья. О ней дѣйствительно можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что не только идеи, но даже форма ихъ навѣяна бесѣдами съ учителемъ. Авторъ рѣзко разграничиваетъ граждавъ на два непримиримыя

⁴⁴⁾ Наиболеѣ ясное и полное изложеніе теоріи въ *Lettres aux jurés. Oeuvres choisies*, II, p. 407 etc.

⁴⁵⁾ *Manuel electoral. Le Cens. europ 1817*, II, p. 107.

ныхъ класса производителей и туеядцевъ, стоящихъ рядомъ съ во-рами. Назначеніе правительства оберегать производительный трудъ отъ его враговъ, къ числу ихъ принадлежатъ и *непроизводительные собственники*. Производители должны образовать сплоченную корпорацію противъ «правителей» и подчинить ихъ своей законодательной волѣ. А они только и способны быть законодателями, т.-е. крупные финансисты, негоціанты, фабриканты, земледѣльцы, ученые, занимающіеся теоріей полезныхъ производствъ. Все это выражено горячо и рѣшительно. Мы встрѣчаемъ одно изъ излюбленныхъ соображеній Сень-Симона въ пользу безземельныхъ производителей сравнительно съ земельными собственниками: война обездоливаетъ первыхъ и не уноситъ земли вторыхъ; слѣдовательно, одни заинтересованы гораздо больше другихъ въ мирномъ прусыіаніи отечественной производительности. Наконецъ, Тьерри рѣшается даже посмѣяться надъ политическими талантами литераторовъ, ученыхъ, теоретиковъ, адвокатовъ, юрисконсультовъ. «Эти люди двадцать пять лѣтъ наполняютъ собранія и собранія превращались въ академіи, гдѣ каждый защищалъ единственный интересъ—своего краснорѣчія и своей логики». Тьерри согласенъ допустить подобныхъ ораторовъ въ «небольшомъ количествѣ», при извѣстныхъ условіяхъ они могутъ сослужить службу здравому смыслу.

Подъ этимъ разсужденіемъ могъ бы подписаться и Сень-Симонъ. Но оно было единственнымъ такимъ яркимъ и точнымъ отголоскомъ сень-симоновскихъ воззрѣній: Тьерри съ жаромъ, — это его слово, — отдался исторической публицистикѣ. «Непреодолимая прелесть» влекла его къ историческимъ занятіямъ и онъ началъ съ восторженнаго изображенія «нашихъ предковъ», т.-е. средневѣковой *gotique*, основательницы общинной свободы. Оказывается, это были тѣ же современные американцы, исполненные простоты; здраваго смысла, гражданского мужества. Молодой публицистъ страстно сътовалъ на историковъ, пренебрегавшихъ этими героями. «Письмо» на эту тему Тьерри называетъ своимъ манифестомъ, и оно—пламенная защита «гражданъ», «подданныхъ», «народа» противъ «вельможъ и прицевъ», «движенія народныхъ массъ къ свободѣ и благосостоянію» противъ «мастеровъ побѣдъ». Отъ историка требуется безстрашная любовь къ свободѣ и чувствительность къ судьбамъ народа, какъ бы отдѣльнаго чловѣка. И самъ историкъ даетъ образ-

чикъ такой чувствительности, изображая полную драматизма судьбу французскаго народа въ лицѣ «Жака Простака» ⁴⁶⁾. Эта *Histoire véritable de Jacques Bonhomme*—подлинная схема всѣхъ историческихъ Тьерри, трудовъ включая самый пространнѣйшій—*Исторію заговора Амьенъ*. Естественно, въ какой формѣ представить онъ «величайшую социальную революцію». Героемъ ея долженъ быть единолично Жакъ, достигающій свободы вопреки волѣ феодаловъ и короля. Тьерри первую статью *Объ освобожденіи общинъ* посвятить исключительно прославленію горожанъ, въ другой онъ разовьетъ мысль, что конституція несправедливо приписываетъ королямъ сочувственное участіе въ освобожденіи общинъ, на самомъ дѣлѣ свобода всегда была плодомъ «счастливаго заговора», короли только констатировали непоправимый фактъ, получая за это деньги. Часто короли даже уничтожали уже данныя хартіи и совершенно не давали ихъ богатымъ и сильнымъ городамъ, признавали общины только второстепенныя, для нихъ вовсе не страшныя своей въ сущности номинальной свободой. И Тьерри въ доказательство приводилъ факты изъ исторіи разныхъ общинъ ⁴⁷⁾.

Сень-Симонъ, мы знаемъ, иначе представлялъ освободительный процессъ. Для Тьерри средневѣковые основатели общинъ были только «герои возрождающейся индустріи», для Сень-Симона неизмѣнные сотрудники королевской власти, и эта власть ихъ защитница: обмѣнъ взаимныхъ услугъ и благодѣяній, и Сень-Симонъ даже вѣрять во взаимную благодарность: Онъ безъ оговорокъ понимаетъ официальную оцѣнку роли Людовика Толстаго, только Людовика XIV безусловно выдѣляетъ изъ совмѣстной исторіи общинъ и короля: Людовикъ — нарушитель исконнаго національнаго союза ⁴⁸⁾.

Оба писателя не остались вполне послѣдовательными и ясными. Сень-Симоновское представленіе объ услугахъ королевской власти общинамъ не соответствуетъ его же мнѣнію о всенаправляющей центральной роли общинъ въ междоусобицахъ средневѣковыхъ властей. Общины преслѣдовали свои цѣли и только пользовались чу-

⁴⁶⁾ *Dix ans* p. 348—9, 326.

⁴⁷⁾ *Lettres* p. 248, 390 eto *Avertissement*, VIII.

⁴⁸⁾ *Du Système industriel. Oeuvres*. XXI, p. 99, 128. *O. choisies*. II, p. 418—9.

жми силами, вовсе не имѣя въ виду чужихъ интересовъ, и короли это понимали, если дѣйствовали по плану, объясняемому Тьерри. Планъ этотъ нашель подтвержденіе и въ позднѣйшей наукѣ: она не признала за королями принципиальной готовности поощрять возникновеніе общинъ. Было указано, что именно при Филиппѣ Красивомъ, упоминаемомъ въ хартіи, не было дано ни одной новой хартіи и очень мало подтверждено. Чѣмъ монархическая централизація становилась могущественнѣе, тѣмъ меньше мѣста оставалось общинной свободѣ⁴⁹⁾. Людовикъ XIV, слѣдовательно, вовсе не былъ нарушителемъ «союза», а напротивъ, продолжателемъ традиціи. Можно полагать, у Сень-Симона примирительная тенденція на этотъ разъ взяла верхъ надъ исторической логикой. Это кажется правдоподобнымъ послѣ того, какъ та же тенденція внушила ему надежду, что зная, подъ вліяніемъ своего благородства, согласится отказаться отъ всякаго политическаго значенія, а нація вознаградитъ ее за это матеріально⁵⁰⁾. Недаромъ Сень-Симонъ такъ стоялъ за экзальтацію во имя общаго блага.

Тьерри былъ не менѣе экзальтированъ, не только въ противоположномъ направленіи. Въ 1820 году, подъ властью Бурбоновъ, было нелиберально проповѣдовать союзъ націи съ реакціонной династіей, т.-е. старымъ порядкомъ, и историкъ подчеркиваетъ самостоятельную дѣятельность націи, даже революционную и консервативную по пути къ свободѣ. Но послѣ іюльской революціи условія переѣнились: царствовала дѣйствительно — въ реставраціонномъ либеральномъ смыслѣ — національная династія, т.-е. буржуазная; Тьерри писалъ исторію этой буржуазіи и находимъ, что она «неразрывно связана съ исторіей королевской власти»: одна будто оборотная сторона другой. Въ 1820 г. Тьерри не находилъ никакой зависимости между успѣхами роткры и сочувствіемъ королей. Теперь говорится слѣдующее: «съ восшествіемъ на престолъ Людовика Толстаго до смерти Людовика XIV каждая рѣшительная эпоха въ развитіи свободы, благосостоянія, просвѣщенія, соціальнаго зна-

⁴⁹⁾ Boutaric. *La France sous Philippe le Bel*. P., 1851. *Tiers-Etat*. Cp. Wallon. *S. Louis et son temps* P., 1875.

⁵⁰⁾ *Du Système industriel. Oeuvres*. XXII, p. 159. *Cathéchichisme des industriels. Oeuvres*. XXXXII, p. 127—8.

ченія различныхъ классовъ риторы соотвѣтствуетъ въ ряду царствованій имени какого-либо великаго короля или великаго министра ⁵¹⁾.

Въ такой формѣ взглядъ Тьерри почти совпадалъ, — за исключеніемъ мнѣнія о Людовикѣ XIV, — съ идеями Сень-Симона. Но въ періодѣ личныхъ отношеній обоихъ писателей, ихъ взгляды были непримиримы, и статьи Тьерри кажутся даже подразумеваемыми возраженіями Сень-Симону.

То же можно сказать и о статьѣ Тьерри *О древнемъ и современномъ духѣ французскихъ листовъ*. Историкъ съ благоговѣніемъ говорилъ объ участіи юридическаго сословія въ революціи: Сень-Симонъ считалъ это участіе величайшимъ бѣдствіемъ, какъ всякое внимательство метафизики въ политику. Дальше Тьерри восхищался заслугами адвокатуры уже въ его время, Сень-Симонъ политиканствующимъ адвокатамъ приписывалъ длящееся революціонное состояніе общества и нескончаемыя безплодныя партійныя междоусобицы въ ущербъ насущнымъ и реальнымъ интересамъ страны. Ни объ одномъ предметѣ философъ не говорилъ съ такой ядовитостію и съ такимъ гнѣвомъ, какъ о «легистахъ» при революціи и послѣ нея ⁵²⁾.

Достаточно было этихъ вопросовъ, чтобы совмѣстная работа «учителя» и «ученика» оказалась невозможной. Тьерри пришлось бы поступиться задушевной цѣлью своей жизни — работать на пользу современнаго парламентарнаго либерализма. И трудно сказать, чѣмъ онъ обязанъ Сень-Симону? Во взглядѣ философа на исторію онъ могъ усвоить только общее представленіе объ ея чрезвычайной социальной важности, о необходимости стать ей наукой. Но какъ разъ старанія Сень-Симона поставить исторію на этотъ путь — стихійно не могли быть восприняты будущимъ историкомъ, и судъ «учителя» надъ величайшимъ трудомъ «ученика», судъ уже предсмертный могъ быть произнесенъ и на десять лѣтъ раньше. Глубже было чистоправственное воздѣйствіе Сень-Симона. Онъ, несомнѣнно, повліялъ на рѣшеніе Тьерри переселиться изъ провинціи въ Парижъ и отдаться литературѣ. Онъ также разсѣялъ страхи молодого учителя и подпись Тьерри появилась на первомъ же совмѣстномъ сочиненіи.

⁵¹⁾ *Essai sur l'histoire du tiers-état. Préface. IX.*

⁵²⁾ *Dix ans. p. 300.*

Наконецъ, неистощимая энергія Сень-Симона должна была заразительно отразиться на первых шагахъ Тьерри-журналиста и сообщить ему больше отваги и самоуверенности.

Послѣдній результатъ, по нашему мнѣнію, явился рѣшительнымъ и прочнымъ благодаря *идейному* вліянію ученика на учителя. Мы не можемъ не приписать хотя бы малой доли участія Тьерри въ стремительномъ переходѣ Сень-Симона къ *публицистическому* сужденію современныхъ политическихъ вопросовъ. Замѣчаніе Тьерри насчетъ полета слишкомъ общей мысли и намека на необходимость писать для обыкновенныхъ смертныхъ — не прошло безслѣдно, — тѣмъ болѣе, что та же тема не могла не занимать устныхъ бесѣд писателей. Сень-Симонъ спускается съ высоты всеобъемлющихъ обобщеній, принимается за злобы дня, приурочиваетъ ихъ не къ общему нравственному закону, а къ фактическимъ преданіямъ исторіи. Въ сочиненіяхъ философа рядомъ съ поисками за научно-философскимъ принципомъ, какъ основой новой духовной власти, является историческій анализъ «свѣтской» власти и научная тема прогресса дополняется политико-экономической. Возникаетъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ позитивной философіи, можетъ быть, даже самый сложный — о координаціи умственной эволюціи человѣчества съ соціальной. Онъ уже будетъ владѣть мыслью Сень-Симона въ тотъ моментъ, когда на мѣсто Тьерри явится другой секретарь и ученикъ — Огюсть Контъ.

V.

Предъ нами труднѣйшая задача во всей исторіи идей Сень-Симона и въ оцѣнкѣ его философской и человѣческой личности. Рѣшеніе до послѣдней степени запутано школой Конта, его крайними и умѣренными послѣдователями. И первоисточникъ путаницы — самъ Контъ, представившій рядъ непримиримо-противорѣчивыхъ данныхъ по идейному и личному вопросу. Междоусобица контистовъ съ памятью Сень-Симона нанесла сильнѣйшій ударъ развитію безпристрастнаго историческаго суда и была одной изъ главнѣйшихъ причинъ недоразумѣній, тагующихъ надъ философскими заслугами Сень-Симона и его нравственнымъ образомъ.

Контъ встрѣтился съ Сень-Симономъ на двадцатомъ году своей жизни. Это обстоятельство впоследствии подчеркивалъ Контъ, ука-

зывая на владѣвшій имъ юношескій энтузіазмъ. Указаніе справедливо. Контъ дѣйствительно былъ энтузіастомъ въ своей первой молодости—отнюдь не оригинальнымъ, а обыкновеннымъ романтикомъ трогательныхъ чувствъ и смѣлыхъ идей въ области отвлеченной политики. Энтузіазмъ щедро питался современными событіями, очень близко затрогивавшими Конта, Конта, какъ питомца политехнической школы. Здѣсь царствовалъ демократическій и даже республиканскій духъ. Онъ не мѣшалъ воспитанникамъ, какъ и многимъ другимъ крайнимъ и болѣе зрѣлымъ политикамъ реставраціонной Франціи, восторженно привѣтствовать Наполеона, покинушаго Эльбу, и считать его защитникомъ свободы. Къ числу восхищенныхъ и вѣрующихъ принадлежалъ и Контъ. Онъ, называя движеніе 1789 года «возвышеннымъ возстаніемъ», думаетъ, что философское пребываніе на островѣ *совершенно* измѣнило императора и у него теперь нѣтъ «другого честолюбія, какъ быть вождемъ свободаго народа и совершенствовать цивилизацію во Франціи». Школа подала Наполеону адресъ, выражая готовность сражаться подъ его знаменами. Наполеонъ посѣтилъ школу. Воспитанники встрѣтили его вооруженные и единодушно и горячо привѣтствовали. Въ отвѣтъ на адресъ Наполеонъ благодарилъ ихъ за сопротивленіе королевскому правительству ⁵³).

Естественно, реставрація позаботилась наказать школу, воспользовалась одной изъ многочисленныхъ исторій—требованіемъ воспитанниковъ удалить слишкомъ грубаго репетитора, и закрыло школу. Контъ редактировалъ требованіе, обращенное къ репетитору, и первый подписалъ его ⁵⁴).

Для Конта закрытіе школы было двойнымъ лишеніемъ—научнымъ и нравственнымъ. По природѣ онъ пламенно искалъ дружбы и любви,—и атмосфера школы отвѣчала этимъ стремленіемъ. Въ ея залахъ воздвигались алтари дружбъ съ чувствительными надписями, происходили братанья новичковъ со старшими и всѣ эти «церемоніи»—говоритъ Контъ,—«сильно волновали» его,—особенно слова свобода и равенство ⁵⁵).

⁵³) *Lettres d'Auguste Comte à M. Valat*. P., 1870. p. 6—11.

⁵⁴) *Littérature*. p. 8.

⁵⁵) *Lettres*. p. 4.

Легко представить, съ какимъ настроеніемъ Контъ очутился за стѣнами школы. Свидѣтельство—его первое политическое произведеніе, написанное въ іюнѣ 1816 года,—школа была распущена въ апрѣлѣ. Произведеніе было напечатано много лѣтъ спустя послѣ смерти Конта и врядъ ли могло появиться въ печати въ свое время. Характеръ и содержаніе его ясны изъ заглавія: *Мои размышленія. Человѣчество, истина, справедливость, свобода, отечество. Сближенія между режимомъ 1793 года и 1816, обращенныя къ французскому народу* ⁵⁴⁾). Размышленія начинаются рѣшительнымъ осужденіемъ террора и военнаго деспотизма Бонапарта. Мюрать и Бонапартъ одинаково объявляются, преступниками, послѣднее предпріятіе «Корсиканца» именуется «безумнымъ»,—но все это прошлое: жесточайшія обвиненія падаютъ на Людовика XVIII, заговорщика, интригана, деспота и тирана, рассказываются ужасы «блага террора», все правленіе реставраціи сближается съ терроромъ 93-го года.

Мысли Конта становятся все безотрадиѣй. Онъ, узнавая людей, все больше разочаровывается въ нихъ, его единственное утѣшеніе—изученіе личности Франклина, подражаніе ему, какъ образцу. Контъ, вообще мечтаетъ объ Америкѣ, какъ объ обѣтованной землѣ «свободы и равенства». А пока онъ занимается математикой, даетъ уроки по этому предмету «думаетъ надъ Кондорсе и Монтескьѣ» ⁵⁵⁾).

Все это мы узнаемъ до 12 февраля 1817 года включительно. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Контъ пишетъ, что не поѣдетъ въ Америку: во-первыхъ, тамъ открытіе политехнической школы рѣшено пока въ принципѣ, а потомъ онъ недурно было устроился и во Франціи. Сначала онъ неудачно взялся за политическую литературу: написалъ «плохую книгу, ничего не принесшую», — но потомъ поступилъ въ секретари къ Сень-Симону за 300 франковъ ежемесячно. Дѣла Сень-Симона разстроились и денежныя отношенія съ нимъ прекратились спустя уже три мѣсяца. Но Контъ остался другомъ и сотрудникомъ этого «превосходнаго человѣка, и человѣка съ большими достоинствами». Ему больше 50 лѣтъ, но

⁵⁴⁾ *Mes réflexions. Rapprochements entre le régime de 1793 et celui de 1816, adressés au peuple français.* Впервые напечатаны Ренувье въ *Critique philosophique*, 10 іюня 1882 г., переиздано въ *Revue Occidentale* 1 sept. 1882, p. 192—208. Съ предисловіемъ Пьера Лафитта.

⁵⁵⁾ *Je médite Condorcet et Montesquieu.* *Lettres*, p. 23.

Контъ не знавалъ юности столь пламеннаго и благороднаго, какъ онъ. Для Конта знакомство съ нимъ было весьма полезно. «Во-первыхъ», пишетъ онъ, «благодари сотруднической и дружеской связи съ однимъ изъ людей, обладающихъ самымъ дальноржимъ взглядомъ въ философской политикѣ, я научился множеству вещей, которыхъ я напрасно искалъ бы въ книгахъ, и мой умъ сдѣлалъ больше успѣховъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, какъ продолжаются наши отношенія,—чѣмъ я могъ бы достигнуть одинъ въ три года. Такимъ образомъ эти занятія развили во мнѣ пониманіе политическихъ наукъ и въ то же время расширили мои идеи относительно всѣхъ другихъ наукъ, такъ что у меня теперь въ мозгу стало больше философія, установился взглядъ болѣе вѣрный, болѣе возвышенный. Во-вторыхъ, этотъ трудъ открылъ мнѣ самому политическую способность, какой я въ себѣ никогда и не подозрѣвалъ, а между тѣмъ всегда полезно знать на что ты годишься. Отче-Симонъ (le Père-Simon) и нѣкоторые публицисты, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться у него же, часто восторгаются моею большою способностью къ философскимъ и социальнымъ наукамъ и говорятъ, что мой талантъ погибъ бы при другихъ условіяхъ. У меня имѣется нѣсколько положительныхъ доказательствъ, что эти похвалы отнюдь не простая вѣжливость и что отче-Симонъ дѣйствительно думаетъ обо мнѣ то, что говорить, а если онъ такъ думаетъ, значить что-то есть»⁵⁴).

Изъ того же письма мы узнаемъ, что Контъ скрываетъ продолженіе своихъ отношеній съ Сень-Симономъ отъ родителей: Сень-Симонъ «слишкомъ извѣстенъ своимъ либерализмомъ» и семья Конта видѣла бы его въ опасности попасть на «грозный судъ исправительной полиціи».

Почти черезъ мѣсяцъ Контъ снова пишетъ о Сень-Симонѣ. «Это—превосходнѣйшій человекъ, какого я только знаю,—изъ тѣхъ, чьи дѣйствія, писанія и чувства въ полнѣйшей гармоніи и неизмѣнно вѣрны себѣ». Контъ восторженно излагаетъ біографію Сень-Симона—сына знатнѣйшей семьи, отбросившаго знатность и феодальныя привычки, совершенно не похожаго на либераловъ благороднаго происхожденія, которые, при всѣхъ своихъ принципахъ, находятъ удо-

⁵⁴) lb. p. 36—9. 18 апр. 1818.

вольствіе въ титулахъ герцога, графа. Сень-Симонъ «обладаетъ въ въ высокой степени важнѣйшими социальными качествами: онъ искренъ, благороденъ, насколько лишь можно. Онъ любимъ всѣми, кто его знаетъ близко, онъ совершенно не причастенъ къ революціоннымъ преступленіямъ (что довольно рѣдко между современными значительными либералами), онъ никогда не льстилъ Бонапарту и при теперешнемъ правительствѣ никогда не искалъ милостей при дворѣ, хотя и могъ легко добиться ихъ по праву своего рожденія».

Дальнѣйшія разсужденія Конта — учительскаго характера. Онъ внушаетъ своему корреспонденту свои новые политическіе взгляды: мы впослѣдствіи оцѣнимъ ихъ смыслъ. Будемъ слѣдить за личными чувствами Конта.

Они возобновляются въ сентябрѣ 1820 года. Контъ сообщаетъ о процессѣ, постигшемъ Сень-Симона за его произведеніе, получившее впослѣдствіи извѣстность подъ именемъ *Параболы*: «у насъ былъ процессъ», пишетъ Контъ, но здѣсь же оговаривается, что онъ лично не участвовалъ въ дѣлѣ, «благодаря предосторожности никогда не подписывалъ своихъ статей». Для Сень-Симона все равно быть повѣшеннымъ единолично, а главное боязнь обезпокоить родителей. Раньше Контъ объяснял и еще одну причину: онъ не объявлялъ своего имени, выжидая пока окончательно упрочится литературное предпріятіе Сень-Симона, будетъ давать солидный доходъ и тогда родители его простятъ. А что касается самолюбія, «оно откровенно говоря, неистребимо⁵⁹⁾».

Вплоть до мая 1824 года у насъ нѣтъ свѣдѣній. Въ маѣ предъ нами два разсказа въ двухъ письмахъ къ двумъ разнымъ лицамъ и оба разсказа полны негодованія на Сень-Симона. Съ нихъ начинается многолѣтній, до сихъ поръ не разрѣшенный процессъ контизма съ сень-симонизмомъ.

Контъ теперь рѣшительно заявляетъ, что между его организаціей и Сень-Симона существуетъ слишкомъ большой разладъ, чтобы не развилось постепенно усиливающееся разногласіе между ними, лишь только отношенія ученика и учителя прекратились. А этихъ отношеній, по словамъ Конта, въ сущности никогда и не было въ настоящемъ смыслѣ слова. И все-таки дѣло кончилось бы просто раз-

⁵⁹⁾ Ib. p. 50—2. 15 май 1818—6 сент. 1820, p. 106—7.

погласіємъ во мнѣніяхъ, если бѣ у Сень-Симона былъ другой нравственный характеръ. И дальше Контъ изображаетъ бывшаго «отче Симона» самыми непривлекательными красками. Онъ — нетерпимый самолюбецъ, съ нимъ можетъ ужиться только посредственный человѣкъ. Онъ убѣжденъ, будто у него одного имѣется способность открывать идеи, а другіе могутъ развѣ только улучшать ихъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ смыслахъ. Онъ считаетъ себя исключеніемъ изъ обычныхъ законовъ физиологіи и думаетъ, что для него лѣтъ не существуетъ и онъ въ настоящее время сильнѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, а между тѣмъ, полагаетъ Контъ, ему самое лучшее было бы отказаться отъ философской дѣятельности. Уже въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ Контъ ничему не могъ научиться отъ Сень-Симона, не покидалъ его изъ благодарности за прежнюю науку и выносилъ его самовластіе, пока, наконецъ, послѣднее происшествіе не надорвало его терпѣнія. И Контъ подробно рассказываетъ о преступленіи Сень-Симона ⁶⁰⁾.

Еще два года назадъ Контъ написалъ сочиненіе. Сень-Симонъ, вмѣсто того, чтобы издать его немедленно, напечаталъ всего нѣсколько оттисковъ для разсылки разнымъ свѣдущимъ лицамъ. Но это не все. Контъ на этотъ разъ пожелалъ подписаться подъ своей работой. До сихъ поръ онъ этого не дѣлалъ, и мы знаемъ почему, — теперь онъ открываетъ еще одну причину: на него вліялъ Сень-Симонъ, «мой милый сотрудникъ», предпочитая, по очень простому расчету, цѣлую славу полуславѣ. Это заявленіе для насъ неожиданно, но Контъ здѣсь же считаетъ нужнымъ оговориться, что въ прошломъ «вліяніе Сень-Симона могущественно послужило его философскому воспитанію». Теперь онъ рѣшилъ сбросить съ себя опеку и родителей, и учителя. Онъ почувствовалъ все значеніе своего послѣдняго произведенія: всѣ позднѣйшія должны быть «прямымъ его слѣдствіемъ», — и заявилъ Сень-Симону, что впредь будетъ подписывать свои труды. А здѣсь еще подоспѣли «очень лестныя поздравленія» лицъ, получившихъ оттиски. Разрывъ оказался неизбежнымъ, такъ какъ Сень-Симонъ стремился попрежнему выдавать публикѣ Конта за литературнаго рабочаго и его идеи — за простое развитіе своихъ собственныхъ. Но какъ бы то ни было,

⁶⁰⁾ Письмо къ Эйхталю, 1 мая 1820 г. Напечатано у Littré, p. 23.

дальше откладывать изданіе сочиненія оказалось невозможнымъ, оно вѣрно, наконецъ, съ именемъ Конта, но «съ нѣкоторыми еще слѣдами его связи съ Сень-Симономъ»: они состоятъ въ словѣ *ученикъ* и въ предисловіи, объясняющемъ его. Эти слѣды, прибавляетъ Контъ, исчезнутъ въ слѣдующемъ изданіи. Но опять Контъ считаетъ нужнымъ прибавить: «Я, несомнѣнно, умственно многимъ обязанъ Сень-Симону, т.-е. онъ могущественно помогъ мнѣ принять философское направленіе, мной теперь окончательно усвоенное, и я буду слѣдовать ему неуклонно всю свою жизнь»⁶¹⁾.

Общій приговоръ Конта надъ личностью Сень-Симона — смертный Контъ теперь считаетъ его «человѣкомъ низкъмъ неуважаемымъ» и, слѣдовательно, радъ разрыву съ нимъ. Теперь Контъ напоминаетъ, что семь лѣтъ назадъ его предупреждали насчетъ «макиавелизма» Сень-Симона: у него, говорили Конту, единственная цѣль — вызывать сенсацию въ свѣтѣ и по пути къ этой цѣли для него всё средства хороши⁶²⁾. Такимъ образомъ Контъ не только отрекся отъ «превосходнѣйшаго и вѣрнѣе любимаго человѣка», но и далъ тонъ для позднѣйшаго суда своихъ учениковъ надъ Сень-Симономъ.

Пока всё эти сужденія оставались частными, публика въ предисловіи къ сочиненію, повлекшему разрывъ, читала даже истинно-ученическія признанія Конта по отношенію къ Сень-Симону. Но первый же случай раскрылъ тайну, давно извѣстную въ сень-симонистской средѣ. И приходится думать, что Контъ нетерпѣливо ждалъ случая: до такой степени ничтожесть поводъ, вызвавшій его пространную отвѣдь.

Сень-симонистамъ, основавшимъ послѣ Сень-Симона религію, пришлось выдержать упорную борьбу съ многочисленными критиками. Въ полемикѣ, между прочимъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей сень-симонистскаго лагеря, Мишель Шевалье, упомянулъ объ обычномъ явленіи: среди всякаго общества не всё его члены способны совершить весь путь прогресса, многіе остаются позади. То же произошло и въ нѣдрахъ сень-симониама, когда въ числѣ другихъ отсталъ отъ него Огюсть Контъ.

⁶¹⁾ *Lettres à Valat.*, p. 112—119.

⁶²⁾ Littré, p. 25. *Lettres*, p. 117—8.

Этого упоминанія, оказалось достаточно, чтобы Контъ пришелъ въ негодованіе и прислалъ въ сень-симонистскую газету *Globe* письмо съ подробнымъ изложеніемъ своихъ отношеній къ Сень-Симону и его послѣдователямъ. Контъ рѣшительно отвергалъ какую-либо связь своего философскаго развитія съ сень-симонистской школой, превратившейся въ церковь. Онъ и съ Сень-Симономъ разстался *отчисти* потому, что замѣтилъ въ немъ религиозную тенденцію. Его направленіе—совершенно другое. Онъ стремится къ положительной социальной наукѣ путемъ продолжительнаго и труднаго предварительнаго изученія всѣхъ основныхъ отраслей естественной философіи, и не пользуется простѣйшимъ и быстрѣйшимъ приемомъ—при помощи ничѣмъ не сдерживаемаго воображенія создавать туманныя утопіи, сочинять широкоувѣщательныя проповѣди, составивъ предварительно три-четыре сакраментальныхъ эпиграфа, и оказаться вдругъ, хотя бы на самое короткое время, великимъ человѣкомъ въ кругу довольно многочисленныхъ почитателей. «Прибавьте къ этому»,—заканчивалъ Контъ,—что сень-симонистскій путь ведетъ къ богатству, а мой къ нищетѣ, и вы, конечно, докажете, что я выбралъ очень дурное направленіе»⁶³).

Мишель Шевалье, возмущенный особенно послѣднимъ соображеніемъ Конта, напечаталъ энергическій отвѣтъ. Контъ подписывается теперь «бывшій воспитанникъ политехнической школы», Шевалье—также политехникъ—напоминаетъ Конту, что когда-то онъ называлъ себя также и ученикомъ Сень-Симона. Онъ въ теченіе семи лѣтъ жилъ подлѣ Сень-Симона, подъ его вдохновеніемъ написалъ свой первый значительный трудъ, впоследствии только развиваемый имъ и являющійся въ свою очередь развитіемъ перваго сочиненія Сень-Симона *Письма женеваго обывателя къ своимъ современникамъ*: когда эти письма писались, Контъ еще былъ въ колѣбелѣ. «Почему же,—спрашивалъ Шевалье,—вы заставляете насъ высказать вамъ, что въ то время, когда Сень-Симонъ лелѣялъ васъ какъ сына, вы никогда не любили его какъ отца? Почему даже теперь вы обязываете меня замѣтить вамъ, что во всемъ вашемъ письмѣ нѣтъ ни слова благодарности, даже уваженія къ человѣку, которому вы всѣмъ обязаны?».

⁶³) *Globe*, 13 janvier 1832, статья Шевалье 3 janvier.

Дальше Шевалье укорялъ Конта, что онъ уничтожилъ имя своего учителя на томъ самомъ сочиненіи, гдѣ самъ же раньше поставилъ его, что друзьямъ своимъ роздалъ экземпляры, предварительно вырвавъ свое же предисловіе, — такъ какъ онъ здѣсь объявлялъ себя ученикомъ Сень-Симона и свою *Систему позитивной политики* называлъ только частичнымъ развитіемъ идей Сень-Симона. Мало этого, Шевалье сообщаетъ, что уже Контъ успѣлъ заявить, будто отношенія съ Сень-Симономъ ему сильно повредили. Гдѣ Контъ сдѣлалъ это заявленіе до 1832 года, намъ неизвѣстно. Можетъ быть, Шевалье имѣлъ въ виду письмо Конта къ Гюставу Эйхталю о разрывѣ съ Сень-Симономъ. Это является правдоподобнымъ, потому что Эйхталь не преминулъ принять участіе въ полемикѣ *противъ* Конта. Рядомъ съ отвѣтомъ Шевалье *Globe* печаталъ «замѣтку» Эйхталя, ставшаго членомъ сень-симонистской церкви. Эйхталь рассказывалъ, что *объѣты* Сень-Симона онъ услышалъ впервые отъ Конта и съ тѣхъ поръ почувствовалъ къ нему «религіозную привязанность ученика къ учителю». Это было въ 1823 году, когда Контъ работалъ еще съ Сень-Симономъ. Вскорѣ Эйхталь получилъ отъ Конта письмо объ его разлукѣ съ философомъ и заявленіе, что онъ и самъ освобождаетъ Эйхталя отъ своего учительскаго авторитета, желаетъ видѣть въ немъ не ученика, а друга. «Огюсть Контъ», — прибавлялъ Эйхталь, — «человѣкъ справедливый; онъ понялъ, что *отрекшемся* отъ своего отца не принадлежитъ право *требовать преданности* отъ сына». Но онъ, Эйхталь, все-таки навсегда сохранить благодарное чувство къ Конту и надѣется, что его примѣръ подѣйствуетъ и на его учителя. Контъ также признаетъ *своего* учителя и воздастъ ему славу.

Отвѣтъ Шевалье сопровождался еще болѣе тягостнымъ для Конта свидѣтельствомъ, отрывками изъ его предувѣдомленія и изъ *предисловія* Сень-Симона, помѣщенныхъ во главѣ рокового сочиненія Конта⁶⁴⁾.

Эти улики не могли не произвести самого тягостнаго впечатлѣнія на Конта и съ тѣхъ поръ онъ, видимо, затаилъ рѣзкое вра-

⁶⁴⁾ *Globe*. Ib. Письмо Конта, отвѣтъ Шевалье и замѣтка Эйхталя перепечатаны въ *Notices historiques*, V, p. 103—124. Отвѣтъ Шевалье на нападки либераловъ, вызвавшій письмо Конта, и самое письмо перепечатаны у Литтре, стр. 190—8, только письмо Конта у Robinet. *Notice sur l'oeuvre et la vie d'Auguste Comte*. P., 91, p. 131—136.

жадебное чувство вообще къ памяти Сень-Симона, какъ человѣка способнаго заслонить независимую славу его таланта. Именно такой характеръ носятъ позднѣйшія откровенія Конта объ его отношеніяхъ къ Сень-Симону.

Послѣ открытой полемики съ сень-симонистами, Контъ не упоминалъ публично о непріятномъ вопросѣ, можетъ быть, потому что во время созданія своего *Курса позитивной философіи* воздерживался отъ всякаго соприкосновенія, даже не полемическаго, съ чужими мнѣніями о себѣ и своихъ трудахъ. Такъ, напримѣръ, онъ съ теченіемъ времени пересталъ даже читать замѣчанія глубоководжаемаго имъ естествоиспытателя Блэнвилля⁶⁵). Это «умственная гигиена» помѣшала вѣроятно, Конту произвести расчетъ съ симонизмомъ. Уже въ послѣднемъ томѣ *Курса позитивной философіи* онъ, рассказывая краткую исторію своего философскаго развитія, сдѣлалъ *примѣчаніе*. «Моя естественная эволюція,—писалъ Контъ,—была глубоко настроена на нѣсколько лѣтъ, хотя, однако, не свернула съ пути и не остановилась, благодаря пагубной связи,—*par une liaison funeste*,—съ писателемъ очень остроумнымъ, но очень поверхностнымъ. Его личная природа, гораздо болѣе практическая, чѣмъ спекулятивная, была несомнѣнно мало философской и въ дѣйствительности управлялась единственной существенной побудительной силой, необъятнымъ личнымъ честолюбіемъ (знаменитый г. Сень-Симонъ)». Дальше Контъ объясняетъ, что Сень-Симонъ такъ же, какъ и самъ онъ почувствовалъ «потребность въ социальномъ возрожденіи на почвѣ умственнаго обновленія», но представленія эти у Сень-Симона оставались «смутными и безсвязными», благодаря «глубокой безалаберности,—*la profonde irrationalité*,—его общаго воспитанія». Это *совпаденіе*,—продолжаетъ Контъ,—явилось основаніемъ злополучнаго вліянія на него—*la base d'une desastreuse influence*, и заставило его заниматься текущей политикой». Контъ готовъ признать, что эти занятія рѣшительно направили его вниманіе на социальное значеніе индустрии, но здѣсь же спѣшить оговориться,—этотъ вопросъ его уже занималъ благодаря современнымъ экономическимъ ученіямъ. Ихъ Контъ называетъ «первой реальной основой направленія, характеризующаго въ особенности

⁶⁵) *Lettres à Vialat*, p. 304.

Сень-Симона». Дальше Контъ рѣшаетъ личный вопросъ. Вѣдшее совпаденіе въ идеяхъ—его и Сень-Симона,—и притомъ «весьма ограниченное», дало поводъ и предлогъ «завистливымъ инсинуациямъ», стали отрицать оригинальность первыхъ произведеній Конта, приписывать небывалое значеніе «неправильному выраженію», какое онъ, Контъ, употребилъ въ 1825 году по своему «дурно понятому благородству». Самъ Сень-Симонъ «недостойно злоупотребилъ дешевымъ личнымъ авторитетомъ»: «крайняя молодость» Конта и «природа, глубоко склонна къ политическому и философскому энтузиазму», создали Сень-Симону этотъ авторитетъ⁶⁾.

Слѣдовательно, въ 1842 году Контъ не только считалъ свое знакомство съ Сень-Симономъ для себя вреднымъ безъ всякихъ ограниченій, но вообще не признавалъ за своимъ бывшимъ «учителемъ» никакихъ философскихъ заслугъ, даже опоспособности къ ясной и устойчивой мысли. Не вполне понятно только, почему связь съ Сень-Симономъ Контъ называетъ *funeste*: она не помѣшала его дальнѣйшему философскому развитію. Сильное опредѣленіе остается приписать впечатлѣнію онъ «завистливыхъ инсинуаций».

Это впечатлѣніе, одиннадцать лѣтъ спустя, вызвало новое заявленіе—еще болѣе рѣзкое. Теперь Контъ говорилъ о «пагубной связи своей первой молодости «съ развратнымъ жонглеромъ»—avec un jongleur de carnaval. Раньше, въ 1842 году, Контъ рѣшительно отрицалъ вину Сень-Симона въ религиозномъ сень-симонизмѣ, и «жонглерами» называлъ послѣдователей Анфантена, теперь, оказывается, «секта» во *всѣхъ отношеніяхъ* достойна главы, котораго она себѣ создала. Эта именно секта и явилась главной распространительницей *басни*, будто философія Конта получила толчокъ отъ идей Сень-Симона, несмотря на опроверженіе въ *Курсѣ позитивной политики*,—Контъ и послѣ встрѣчалъ то же мнѣніе и у «писателей благосклонныхъ къ нему»,—мнѣніе «даже болѣе смѣшное, чѣмъ гнусное». И Контъ считаетъ нужнымъ въ послѣдній разъ вернуться къ «тягостнымъ воспоминаніямъ».

Опять, оказывается, тотъ же энтузіазмъ юноши, въ началѣ знакомства еще не имѣвшего отъ роду двадцати лѣтъ, заставилъ Конта

⁶⁾ *Cours de philosophie positive*, 2 edition. VI. *Préface personnelle*, p. 8.

приписывать Сенъ-Симону всё идеи, какія возникали въ немъ за время сношеній съ философами. Но эта «иллюзія», наконецъ, разсѣялась, и теперь Контъ ставитъ Сенъ-Симона ниже даже обыкновенныхъ литераторовъ, — онъ «менѣе литературенъ, хотя на столько же лишенъ научнаго образованія». Его «мимолетный блескъ» созданъ исключительно «разнузданнымъ шарлатанствомъ, лишеннымъ всякой истинной заслуги». «Сердце и умъ этой личности, — заключаетъ Контъ, — точно обрисовываются въ единической характеристикѣ, какую ему самому было угодно дать собственной жизни: онъ дѣлилъ ее на двѣ половины, одна посвящалась покупкѣ идей, а другая — продажѣ ихъ».

Такъ можно было говорить дѣйствительно въ послѣдній разъ: дальше невозможно идти во враждѣ и злословіи. Только еще однажды, издавая послѣдній томъ *Системы позитивной политики* и перепечатывая нѣкоторыя свои юношескія статьи, Контъ не могъ не упомянуть о *funeste liaison*, внушившій ему «незрѣлѣя писанія»⁶⁷⁾. Читателямъ Конта осталось только развивать этотъ текстъ и снабжать его поясненіями, что они и выполняютъ до послѣдняго времени.

Контисты распадаются на два главныхъ лагеря — послѣдователей Конта, автора позитивной философіи, и покорныхъ учениковъ его — до *Позитивной политики* включительно. Представители обѣихъ лагерей находятся въ жестокой междоусобной враждѣ. Совершенные контисты считаютъ половинчатыхъ контистовъ недругами Конта, — со словъ самого учителя, называвшаго Эмиля Литтре «своимъ главнымъ врагомъ». Сообразно съ этимъ приговоромъ и ученики книгу Литтре *Контъ и позитивная философія* признаютъ «плодомъ ненависти»⁶⁸⁾. Но оба лагеря одинаково усердно отнеслись къ нашему вопросу и представили рѣшенія, различныя въ оттѣнкахъ, но по существу одинаково неблагоприятныя для Сенъ-Симона.

Литтре, какъ умѣренный ученикъ Конта, повидимому, отнесся къ дѣлу хладнокровно. Онъ съ самаго начала устанавливаетъ характерную черту личности Конта, мѣнять свои взгляды на людей въ

⁶⁷⁾ *Système du politique positive*. III. préface. XVI; IV. *Appendice général*, II.

⁶⁸⁾ *Pierre Lafitte*, *Revue Occid.* 1 mai 1882, p. 317. Audiffreat. *Centenaire de la fondation de l'Ecole Polytechnique. Auguste Comte, la plus puissante émanation*. P., 94, p. 1.

зависимости отъ своихъ чувствъ къ нимъ. Мы впоследствии обратимся къ этому факту, для насъ пока важно, какой выводъ сдѣлалъ Литтре, на себѣ испытанный свойство Конта.

Онъ рѣшительно отвергаетъ, будто встрѣча съ Сенъ-Симономъ причинила Конту вредъ. Онъ признаетъ благотѣльное вліяніе учителя, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 1818 по 1820 г. За эти два года Контъ отъ революціонной фазы своего развитія перешелъ къ позитивной и въ 1822 году было напечатано его сочиненіе въ брошюрѣ Сенъ-Симона, называвшейся *Общественный договоръ*, то самое, какое впоследствии повело къ разрыву. Оно и есть грань позитивнаго и, по мнѣнію Литтре, самостоятельнаго развитія Конта. Это подтвердила Литтре и жена Конта, наблюдавшая часто за бесѣдами Сенъ-Симона и мужа и видѣвшая какую силу обнаруживалъ ей мужъ и съ какой почтительностью относился къ нему Сенъ-Симонъ. Г-жа Контъ, на основаніи своихъ наблюденій, полагала, что врядъ ли Сенъ-Симонъ чѣмъ-нибудь умственно могъ снабдить Конта. Но впечатлѣнія г-жи Контъ относятся ко времени позже 1822 года; Литтре согласенъ: въ это время Контъ уже не былъ ученикомъ Сенъ-Симона, другое дѣло раньше. А послѣ уже 1820 года Литтре находитъ слѣды вліянія не Сенъ-Симона на Конта, а наоборотъ. Литтре такимъ образомъ склоненъ приписать исключительно Конту заслугу въ созданіи позитивной философіи. Мысль Литтре не вполне рѣшительна, но именно такой смыслъ должны имѣть слѣдующія слова о Сенъ-Симонѣ, увлеченномъ идеей тяготѣнія, какъ всеобъемлющимъ закономъ физическаго и нравственнаго міра: «этотъ умъ, прикованный своимъ недостаточнымъ образованіемъ къ самому несостоятельному воззрѣнію, какое только могла внушить физика, и во всякомъ случаѣ неспособный подняться до позитивной философіи, былъ, однако, способенъ на нѣкоторыя мысли, частныя, но важныя, передшедшія въ произведенія Конта, и только здѣсь онъ получаютъ правильное освѣщеніе и полную отъѣвку».

Литтре увѣренъ, что и собственныя мысли Сенъ-Симона пришли въ порядокъ подъ вліяніемъ Конта и, забывая хотя бы о *прямомъ* воздѣйствіи Сенъ-Симона на Конта, между революціоннымъ и позитивнымъ настроеніемъ, Литтре заключаетъ: «ни на одну минуту Сенъ-Симонъ не былъ философскимъ учителемъ Огюста Конта, а Огюстъ Контъ часто вліялъ на неустойчивую мысль

Сень-Симона». Но последнее слово Литтре: у Сень-Симона лишь «счастливыя и замѣчательныя изреченія», но не «части системы», система только у Конта⁶⁹⁾.

Мы видимъ, судъ Литтре не можетъ считаться вполне яснымъ, очевидно—только настроеніе судьи: оно, несомнѣнно, въ пользу Конта. Оно, повидимому, и заставляетъ Литтре безпрестанно впадать въ противорѣчія и очень существенныя: одинъ разъ у него Сень-Симонъ «*сю жизнь*» преслѣдуетъ злополучнѣйшую изъ идей—всеобщее тяготѣніе», другой разъ эту идею приходится «извлекать изъ 1808 года», т. е. изъ перваго періода дѣятельности Сень-Симона; Конту принадлежитъ слава впервые оцѣнить положительное значеніе среднихъ вѣковъ, и здѣсь же ссылка на *Mémoire sur la science de l'homme*, написанный за пять лѣтъ до знакомства съ Контомъ и оцѣнивающий средніе вѣка; наконецъ, Литтре за Сень-Симономъ признаетъ мысль о необходимости преобразовать «систему идей» раньше измѣненія соціального строя и безъ всякаго замѣчанія оставляетъ заявленіе Конта, будто эта мысль принадлежитъ ему, а Сень-Симонъ стремился раньше доктринамъ передѣлать учрежденія, и въ этомъ разногласіи таился будто бы первоисточникъ ихъ раздора. Если Сень-Симонъ также требовалъ реформы міросозерцанія и въ послѣдовательную связь съ ней ставилъ преобразование соціального и политическаго строя, какую же цѣну тогда имѣетъ заявленіе Конта? А между тѣмъ Литтре ссылается и здѣсь на тотъ же *Mémoire sur la science de l'homme*, что вполне правильно и особенно краснорѣчиво для рѣшенія вопроса⁷⁰⁾.

Гораздо послѣдовательнѣе правовѣрные контисты. Они и здѣсь, какъ и въ теоріяхъ Конта, пошли за нимъ до конца, до провозглашенія Сень-Симона «развратнымъ жонглѣромъ» и вообще преступникомъ по всевозможнымъ направленіямъ. Обширное сочиненіе доктора Робине, одного изъ душеприказчиковъ Конта, главное вниманіе отдаетъ именно суду надъ Сень-Симономъ, и не столько надъ философомъ, сколько надъ человѣкомъ. Собственно философа или просто мыслителя въ лицѣ Сень-Симона авторъ даже вовсе не видитъ: это «простой утопистъ и аферистъ»—*brasseur d'affaires*, и Робине, не

⁶⁹⁾ *Littre*. p. 12—14, 86—100.

⁷⁰⁾ *Ib* p. 75, 85, 27, 84, 91—6.

разбирая вопроса, зачѣмъ Контъ въ теченіе шести лѣтъ работалъ вѣстѣ съ подобнымъ искателемъ аферъ, переходить къ уничтожающему обвинительному акту противъ личности Сень-Симона.

Въ революціи онъ «хладнокровно спекулировалъ на наши общественныя бѣдствія», занимался ажіотажемъ, потомъ былъ «низкимъ льстецомъ силы даннаго времени, позорнымъ ренегатомъ традиціи XVIII вѣка», онъ прославлялъ «теологическую и военную реакцію», впоследствии изобрѣлъ *физимизмъ*, т. е. «либеральную стратегию», для торжества плутокраціи, для эксплуатаціи богачами бѣдныхъ, открыто проповѣдовалъ союзъ капитала съ интеллигенціей противъ невѣжественнаго и бѣднаго плебса, «прославлялъ гнетъ и систематизировалъ обскурантизмъ, какъ правительственный средства». Что касается убѣждений Сень-Симона, они исчерпываются слѣдующимъ поведеніемъ: при революціи онъ промышленялъ торговлей, при имперіи льстилъ, рассчитывая на денежныя награды, почести и академическія sinecуры, при реставраціи превратился въ роялиста и ново-католика. Сень-Симонъ возвелъ въ систему новѣйшій ажіотажъ, индустриальный матеріализмъ, освятилъ навсегда парламентаризмъ и девизъ, всѣми этими дѣйствіями онъ открылъ пути самымъ прискорбнымъ заблужденіямъ нашего времени и доказалъ низкій уровень своего ума и своей морали.

Обвиненія эти Робине пытается доказать выдержками изъ сочиненій Сень-Симона, при чемъ одно изъ самыхъ крупныхъ *Введеніе къ научнымъ работамъ XIX вѣка* устраняется просто отрицательнымъ отзывомъ біографическаго словаря, современнаго Сень-Симону. Изъ другихъ сочиненій берутся отрывки, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, исключительно съ цѣлью получить возможность напечатать курсивомъ какую-нибудь, по мнѣнію автора, бессмысленную или возмутительную фразу. О сколько-нибудь точномъ изображеніи идей философа не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ обвинитель пользуется преимущественно ранними сочиненіями Сень-Симона и большинство важнѣйшихъ даже не упоминается: *Организаторъ, Индустрія, Индустриальная система*. Въ результатѣ передъ читателемъ одинъ изъ поразительнѣйшихъ образчиковъ не полемики, а фанатическаго пасквилянтства.

¹¹⁾ *Il agiotait!!!*—печатаетъ Робине громадными буквами съ тремя знаками.

Отношенія Сень-Симона къ Конту оцѣнены соотвѣтственно. Сень-Симонъ обнаружилъ, какъ и всегда, «полнѣйшую идейную бесплодность, упорный паразитизмъ». Онъ эксплуатировалъ юнаго энтузіаста и умственно и матеріально, присваивая себѣ его сочиненія и промышляя его трудомъ. Правда, Контъ уже послѣ разрыва съ Сень-Симономъ заявлялъ, что Сень-Симонъ «ничего не пускаетъ въ продажу» ⁷²⁾, а раньше, мы слышали, онъ свидѣтельствовалъ объ идеальной денежной честности своего учителя, но Робине знаетъ больше Конта. Напримѣръ, только отъ него мы узнаемъ, что капиталистъ Терно отказалъ Сень-Симону въ субсидіи и согласился поддерживать исключительно *позитивную политику*, а не «индустриализмъ». Это обстоятельство, сообщаетъ Робине, имѣло два послѣдствія: Сень-Симонъ устроилъ *мнимое* покушеніе на самоубійство, а сочиненіе Конта, наконецъ, было издано. Это «представленіе» *le simulacre du suicide* стоило Сень-Симону глаза и передъ покушеніемъ онъ написалъ Терно въ высшей степени сердечное письмо, прося у него покровительства для своей служанки ⁷³⁾. И, наконецъ, врядъ ли Контъ при тѣхъ чувствахъ, съ какими онъ рассказывалъ въ письмахъ свой разрывъ съ Сень-Симономъ, умолчалъ бы столь для себя лестныхъ сопутствовавшихъ обстоятельствахъ. Онъ не забываетъ сообщить своимъ корреспондентамъ о всѣхъ успѣхахъ своей книги, упоминаетъ о Терно, но ничего похожего на домыслы Робине ⁷⁴⁾.

Но Робине вообще рѣшительнѣе Конта и въ случаѣ неприятныхъ утвержденій учителя не затрудняется опровергать ихъ, напримѣръ, на счетъ постоянства взглядовъ и чувствъ Сень-Симона, безукоризненности его поведенія во время революціи и подъ властью Бонапарта, но за то весьма откровенно подчеркиваются наиболѣе жестокія фразы въ отзывахъ Конта ⁷⁵⁾.

Несмотря на достаточно убѣдительныя особенности суда, устроеннаго Робине надъ Сень-Симономъ, книга его встрѣтила полное сочувствіе у другихъ прямолинейныхъ контистовъ, хотя они все-таки поостереглись пользоваться военными приѣмами Робине ⁷⁶⁾. Эта ли-

⁷²⁾ Письмо къ Эйхталю 6 іюня 1824 г., у Литтре, стр. 148.

⁷³⁾ *Notices historiques*. II, p. 102—2, текстъ письма.

⁷⁴⁾ *Lettres à Valat*. p. 122, къ Эйхталю. *Ib.*

⁷⁵⁾ Robinet. *O. c.* Deuxième partie, II—III. Pièces, justificatives. №№ 11—13.

⁷⁶⁾ Пьеръ Лафиттъ думаетъ, что Робине ранній періодъ дѣятельности Конта изобразилъ „avec beaucoup de netteté et de précision“. *Rev. accid.* 1 mai 1882, p. 317.

тература развивалась и продолжает развиваться въ то самое время, когда множество другихъ болѣе спокойныхъ изслѣдователей всѣхъ національностей старались внести поправки въ притязанія Конта и особенно въ его безповоротные приговоры надъ Сень-Симономъ. Любопытно, что наиболѣе заинтересованные свидѣтели обнаружили меньше всего дѣятельнаго участія въ спорѣ. Послѣ извѣстнаго намъ отвѣта Шевалье сень-симонисты не вступали въ полемику съ Контомъ, даже когда онъ въ 1842 году, отрекаясь отъ Сень-Симона, настаивалъ на необходимости отличать идеи учителя отъ «постыдныхъ эфемерныхъ заблужденій» его мнимыхъ учениковъ. Анфантэнъ, кого непосредственно касалась эта выходка, оставилъ ее безъ отвѣта. Только вскорѣ послѣ смерти Конта Анфантэнъ, издавая *Mémoire sur la science de l'homme* и свое собственное сочиненіе *Science de l'homme, physiologie religieuse*, разразился жестокими укоризнами по адресу «новаго Іуды». Контъ не назывался по имени, но цѣль Анфантэна ни для кого не могла быть загадкой. Новый Іуда отрекся отъ своего учителя, плевалъ ему въ лицо, покрывалъ эту прекрасную голову гасильникомъ и скрывалъ ея живой свѣтъ подъ спудомъ, чтобы его собственные ученики не могли видѣть и восхищаться его учителемъ, его отцомъ; безстыдно объявлялъ, что Сень-Симонъ похитилъ и искажилъ его идеи,—его, чье все ученіе заключалось только въ идеяхъ Сень-Симона, опубликованныхъ въ моментъ его рожденія!... «Несчастный умеръ. Пусть Богъ просвѣтитъ его»¹⁾.

Сень-Симонисты не zapomнили этой рѣчи Анфантэна. Много лѣтъ спустя, его другъ и душеприказчикъ перепечатывалъ сочиненіе Конта, послужившее поводомъ къ разрыву и къ дальнѣйшимъ нападкамъ автора на Сень-Симона,—не воспользовался самымъ, по видимому, благоприятнымъ случаемъ свести счеты сень-симонизма съ позитивизмомъ, — напротивъ, заявлялъ слѣдующее: «Мы всегда сохраняли живое братское чувство къ ученику Сень-Симона, который такъ ясно и такъ энергично доказалъ необходимость превратить политику въ опытную науку, чтобы предохранить общество отъ страш-

Audiffrend считаетъ нужнымъ относиться осторожно къ сочиненію Литтре и безпрепятственно пользоваться книгой Робинса. О. с. р. 1. Къ тому же направленію принадлежатъ сочиненіе Sémérie: *La loi des trois états*.

¹⁾ О. с., р. 73.

ныхъ и анархическихъ взрывовъ, какимъ ей угрожала переживаемый въ то время кризисъ ⁷⁸⁾).

Протесты слышались со стороны непочитателей Сень-Симона, а собственныхъ учениковъ Конта. Мы уже слышали отъ Литтре общее замѣчаніе, что Контъ былъ способенъ мѣнять свои мнѣнія о людяхъ сообразно съ чувствами къ нимъ. Милль выразился еще яснѣе. По его мнѣнію, Контъ былъ несправедливъ къ Сень-Симону <какъ вообще ко всѣмъ, кто ему переставалъ нравиться>. Милль даже <отчаивался> дойти до истины касательно фактовъ контовской біографіи ⁷⁹⁾).

Обыкновенные критики-историки позитивизма попытались найти истину въ нашемъ вопросѣ. Прежде всего въ прямой отвѣтъ послѣдователямъ Конта было выставлено мнѣніе, что не только Контъ не былъ учителемъ Сень-Симона, а напротивъ, <все его социальное ученіе отъ начала до конца находится въ зернѣ въ ученіи Сень-Симона> ⁸⁰⁾).

Это утвержденіе шло изъ лагеря фюррьеристовъ, менѣе всего склонныхъ превозносить талантъ и личность Сень-Симона. Не менѣе убѣжденные враги сень-симонизма съ точки зрѣнія идеалистической философіи еще настойчивѣе подчеркивали зависимость философіи Конта отъ идей отвергнутаго имъ учителя. Только Сень-Симону Контъ могъ быть обязанъ ученіемъ о послѣдовательности историческихъ эпохъ, объ органическомъ или критическомъ характерѣ этихъ эпохъ, о философіи XVIII вѣка, какъ отрицательной, наконецъ, о социальномъ переустройствѣ при помощи науки и объ установленіи новаго авторитета ⁸¹⁾).

Эти заключенія казались другимъ слишкомъ рѣшительными, — и въ новѣйшей литературѣ прочно установился, повидимому, болѣе осторожный но зато довольно неопредѣленный взглядъ.

Самый простой приемъ — составить списокъ идей, общихъ обоимъ философамъ и рассмотреть ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Такой методъ, несомнѣнно, невыгоденъ преимущественно для Сень-

⁷⁸⁾ Laurent (de l'Ardèche), *Oeuvres*. XXXVIII, IX. 1875 годъ.

⁷⁹⁾ *Correspondance inédite avec Gustave d'Eichthal*. P. 98, 201. 30 mars 1864.

⁸⁰⁾ Dr. Pellarin. *Essai critique sur la philosophie positive*. Lettre à M. E. Littré. P. 1864, p. 43—5.

⁸¹⁾ Renouvier. *La critique philosophique*. P. 81, p. 357—8.

Симона; его исключительною собственностью должны быть признаны идеи, высказанные имъ завѣдомо не только безъ всякаго участія, даже безъ присутствія при немъ Конта. Разсматриваются, слѣдовательно, сочиненія, написанныя Сень-Симономъ до знакомства съ Контомъ, а все написанное послѣ этого событія болѣе или менѣе смѣло приписывается внушеніямъ Конта.

Мы видѣли, такого метода держался Литтре,—по существу тотъ же методъ господствуетъ и у простыхъ историковъ философіи. Очевидно, молчаливая презумпція на сторонѣ Конта. Мы также воспользуемся этимъ приѣмомъ съ нѣкоторыми только оговорками, не создающими для Сень-Симона никакихъ новыхъ преимуществъ, а только, по нашему мнѣнію, приводящими вѣсы въ болѣе точное равновѣсіе.

Ни одинъ историкъ, разумѣется, не придаетъ ни малѣйшаго значенія заявленію Конта, будто сношенія съ Симономъ принесли ему одинъ вредъ. Всѣмъ извѣстно, чему Контъ несомнѣнно научился у Сень-Симона;—по мнѣнію одного историка *большинству идей* позитивной философіи ⁸²⁾, другой—перечисляетъ основныя идеи позитивизма, приписывая ихъ Сень-Симону, какъ учителю Конта,—въ томъ числѣ знаменитый законъ трехъ стадій и самое понятіе позитивной философіи ⁸³⁾, третій — видитъ заимствование Конта отъ учителя въ одномъ изъ важнѣйшихъ принциповъ позитивизма о необходимости новой іерархіи взаимнѣй средней ⁸⁴⁾, четвертый—приписываетъ вдохновенію Сень-Симона преимущественно историческія взгляды Конта и путь организациі соціальной науки ⁸⁵⁾, пятый — разбивъ планы и проекты Сень-Симона по группамъ,—находитъ поразительное совпаденіе большинства ихъ съ работами Конта и дѣлаетъ заключеніе, что «Сень-Симонъ далъ Конту рамки и руководящія идеи соціологіи» ⁸⁶⁾, наконецъ, нѣмецкій соціологъ, весьма начитанный

⁸²⁾ Janet. *Les origines de la philosophie d'Auguste Comte. Revue des deux Mondes*. 1 août 1897, p. 615.

⁸³⁾ Waentig. *Auguste Comte und seine Bedeutung für die Entwicklung der Sozialwissenschaft*. Leipzig 1894, p. 54.

⁸⁴⁾ Höffding. *Gesch. der neueren Philosophie*. Leipzig 1897, p. 357.

⁸⁵⁾ Levy-Bruhl. *La philosophie d'Auguste Comte*. P. 1900, p. 9.

⁸⁶⁾ Franck Alengry. *Essai historique et critique sur la sociologie chez Auguste Comte*. P., 1900, p. 466—9.

въ произведеніяхъ Сень-Симона, находить у него «готовую систему» уже въ 1817 году ²⁷⁾. Списокъ авторовъ можно бы увеличить,—но для насъ очевидно, — усиленныя старанія Конта выставить себя идейно независимымъ отъ Сень-Симона остались безуспѣшны. Зависимость можетъ считаться безусловно признанной. Но представляются два вопроса: насколько при этой зависимости сохранилась личная философская оригинальность Конта и потому—для насъ самый существенный — почему Контъ съ такой горячностью преслѣдовалъ Сень-Симона, какъ философа и какъ человѣка?

Первый вопросъ разрѣшается всѣми критиками вполнѣ благоприятно для Конта, — нерѣдко даже въ ущербъ послѣдовательности мысли.

Самое распространенное представленіе такое: Сень-Симонъ способенъ былъ высказать только рядъ отрывочныхъ «озаряющихъ идей», выходилъ «безпорядокъ, безсвязность, многословіе — невѣроятны»; онъ «быстро устанавливаетъ, мало доказываетъ», не изслѣдуетъ предмета основательно и послѣдовательно, пишетъ поспѣшно и мало исправляетъ, сочиняетъ только проспектусы, планы, программы, «всю жизнь носится за блуждающими огнями». Роль Конта при такихъ обстоятельствахъ становится ясной: «У Конта дѣло законченное. Онъ оплодотворилъ сѣмена, сдѣлалъ ихъ своими. Быстрыя наитія, «молніи» Сень-Симона получаютъ дѣйствительную цѣнность только въ законченной системѣ Конта. Онъ дисциплинировалъ, привелъ въ стройный порядокъ массу идей, роившихся въ хаосѣ у Сень-Симона. Такимъ образомъ его мастерское произведеніе такъ же похоже на дѣло Сень-Симона, какъ законченный дворецъ походить на наброски плана, начерченные на бумагѣ».

Повидимому, все еще довольно много остается на долю Сень-Симона. Но фигуры губятъ логику и у одного краснорѣчиваго автора немного спустя Сень-Симонъ по отношенію къ Контѣ оказывается разрядникомъ лейденской банки: разрядникъ вызываетъ искру, но для этого банка должна быть заряжена. Теперь уже идейныя отношенія двухъ философѣвъ являются менѣе ясны,—во всякомъ слу-

²⁷⁾ Бартъ. *Философія исторіи какъ соціологія*. Спб., 1900, р. 24, 57, 61—2.

чаѣ не тѣми, какія выходили на основаніи сопоставленія идей ⁸⁹⁾. Другой авторъ Конту приписываетъ созданіе изъ *membra disjecta* философіи Сень-Симона—«жизнедѣятельнаго цѣлаго»,—но, защищая оригинальность Конта, высказываетъ совершенно неожиданную мысль, будто Сень-Симонъ «отвергъ свои научные планы», а Контъ именно этими «отрывками» и воспользовался и снова «до извѣстной степени заинтересовалъ ими даже Сень-Симона». Мы увидимъ,—ничего подобнаго нельзя открыть въ исторіи идей Сень-Симона и оригинальная роль Конта измышлена авторомъ ⁹⁰⁾.

Ясно, до какой степени трудно въ точности установить философское соотношеніе двухъ умовъ, хотя одинъ работалъ уже двадцать лѣтъ на томъ самомъ поприщѣ, на которое вступилъ новый двадцатилѣтній работникъ. Вопросъ усложняется еще чрезвычайно своеобразнымъ рѣшеніемъ, какое и по существу и по формѣ далъ бывший «ученикъ», а потомъ беспощадный врагъ личности и философской дѣятельности учителя. Этого именно фактъ, при всей своей яркости, не встрѣтилъ должнаго вниманія въ изложенной нами литературѣ. Отзывы Конта признаны «несправедливыми», «жалобы второстепенной важности»,—но психологическая основа чувствъ Конта, прогрессивно ожесточавшихся съ теченіемъ времени,—не изслѣдована и не приведена въ связь съ историко-философскимъ вопросомъ. А между тѣмъ личная психологія и въ этомъ отвлеченномъ спорѣ, какъ во множествѣ другихъ,—источникъ истиннаго и яркаго свѣта.

VI.

Наша задача много упростилась бы, если бы свидѣтельства Конта объ его философскихъ отношеніяхъ къ Сень-Симону и о причинѣ разрыва были послѣдовательными. Но у Конта на каждый изъ вопросовъ, до крайней мѣрѣ, по два отвѣта. Относительно значенія для него идей Сень-Симона—мы видѣли своеобразную градацію мнѣній. Въ началѣ знакомства—Контъ въ восторгѣ: онъ узналъ множество ве-

⁸⁹⁾ Janet O. с. 614—5. Levy-Bruhl. 8. Alengry 469, 478: S.-Simon comme l'excitateur de la bouteille de Leyde"... Booth. *S.-Simon and S.-Simonisme*. London 1871, p. 77—81.

⁹⁰⁾ Wazentig. 57. Ср. Бартъ. 60 прим.

щей—une foule de choses—какихъ напрасно искалъ бы въ книгахъ; его умъ за шесть мѣсяцевъ двинулся дальше, чѣмъ въ одиночествѣ могъ бы развиться въ три года. Проходить около шести лѣтъ, наступаетъ разрывъ, — Контъ возмущенъ личностью Сень - Симона—своего «бывшаго сотрудника» но онъ еще умственно *многимъ* обязанъ Сень-Симону: это—*несомнѣнно*; Сень-Симонъ *могущественно способствовалъ* его вступленію на философское поприще. Проходить еще восемь лѣтъ,—объ обязательствахъ ни слова, только упоминаніе *объ очень тѣсной связи* съ Сень-Симономъ *въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ*. Это затишье предъ грозой, — она разразится надъ памятью Сень-Симона не въ частномъ письмѣ, и не въ письмѣ въ редакцію, а на страницахъ главнаго философскаго труда Конта: теперь рѣчь пойдетъ о «пагубной связи», о «злополучномъ влияніи». Еще однадцать лѣтъ—и уже личность Сень - Симона подвергается казни: онъ «развратный жонглёръ». Наконецъ, въ послѣдній разъ, спустя годъ, снова упоминается о «пагубной связи», вдохновившей автору «скоропѣявшаго произведенія». Оба послѣднія заявленія нашли мѣсто въ другомъ основномъ сочиненіи Конта и должны считаться его публичнымъ послѣднимъ словомъ.

Всѣ эти признанія рѣзко распадаются на двѣ половины—одна—послѣдовательно восторженная отъ «превосходнаго» до «превосходнѣйшаго человѣка», другая столь же послѣдовательно уничижительная отъ «человѣка никѣмъ не уважаемаго» до «развратнаго жонглера». Въ отвѣтахъ на другой вопросъ—о причинахъ разрыва такая же двойственность.

Одно объясненіе — исключительно на личной почвѣ: Сень - Симонъ—эксплуататоръ таланта и трудовъ Конта, тщеславный и «вѣроломный» эгоистъ. Этими чертами, мы видѣли, и воспользовался особенно рьяный послѣдователь Конта. Но въ примѣчаніи къ одному изъ писемъ, рассказывавшихъ исторію разрыва, указывалась еще причина, — чисто - идейная: Сень - Симонъ стремился преобразовать учрежденія раньше доктринъ, — Контъ рѣшительно не соглашался съ этимъ «революціоннымъ планомъ» и желалъ—раньше всего преобразовать доктрины ¹⁾. Спустя восемь мѣсяцевъ Контъ повторяетъ то же самое еще настойчивѣе и подробнѣе. Онъ помышляетъ ис-

¹⁾ Письмо къ Эйхталю. Littré. 27.

ключительно о духовной реорганизации, отнюдь не о свѣтской: «я стремлюсь къ установленію доктринъ, а не учреждений, — и здѣсь по словамъ Конта одинъ изъ существенныхъ пунктовъ, по которому онъ безусловно противъ Сень-Симона: тотъ, желалъ бы начать съ переустройства правительственной власти ²⁾»).

На сколько же убѣдительно личная и справедливая идейная причина разрыва шестилѣтней «тѣсной связи»?

Для рѣшенія всѣхъ вопросовъ у насъ имѣется въ настоящее время довольно обильный матерьялъ. Контъ, издавая послѣдній томъ *Системы позитивной политики*, рѣшилъ подвести итоги постепенному развитію своей философіи и перепечатать свои раннія лучшія, по его мнѣнію, произведенія. Отъ старыхъ онъ отрекся заранѣе, и, по его словамъ, даже уничтожилъ матерьялъ ³⁾. Но, оказалось, — не весь. Пьеръ-Лафиттъ нашелъ рукописи сочиненій давняго времени, но помѣченные, по мнѣнію ученика Конта, около 1854 года, т. е. Контъ не желалъ, повидимому, эти именно рукописи предавать уничтоженію. Это соображеніе уполномочило Лафитта перепечатать статьи и отрывки, не принятые самимъ Контомъ. Тотъ же Лафиттъ получилъ отъ Гюстава Эйхтала два письма Конта къ Сень-Симону — въ высшей степени важныхъ, относящихся къ 1818 году ⁴⁾. Наконецъ тотъ же Лафиттъ издалъ письма Конта къ его другу, математику Вала. Письма — съ извѣстной эпохи философа превращающіяся въ трактаты и лекціи, слѣдовательно, — съ большой пользой восполняющія собранія раннихъ сочиненій Конта. Ученики Сень-Симона, какъ увидимъ, далеко не обнаружили такого цѣлесообразнаго усердія въ вопросѣ о сочиненіяхъ своего учителя и даже не воспользовались весьма существенными данными, представленными Контомъ, — но раннія произведенія Сень-Симона публика имѣла въ рукахъ уже въ 1859 году ⁵⁾. На основаніи всего этого матерьяла мы можемъ

²⁾ *Lettres à Valat.* 156—7. 25 dec. 1824.

³⁾ *Système de politique positive.* P. 1854. IV. *Appendice général. Préface spécial.* II.

⁴⁾ *Revue occid.* 1 mai 1882. 318—9.

⁵⁾ Въ 1859 году вышли *Oeuvres choisies de S.-Simon.* Во II томѣ перепечатаны два важѣйшихъ для конто-сень-симоновскаго вопроса сочиненія Сень-Симона — *Mémoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation universelle.*

разсчитывать рѣшить вопросъ—о зависимости философскаго развитія Конта отъ вліянія Сень-Симона и о причинѣ, создавшей удивительную междоусобицу ученика съ памятью учителя.

Издавая послѣдній томъ *Курса позитивной философіи*, — Контъ бросилъ общій взглядъ на свой философскій путь и сообщалъ, между прочимъ, важный фактъ: «едва достигши четырнадцатаго года, я естественно проходя по всѣмъ ступенямъ революціоннаго духа, уже испытывалъ глубокую потребность во всеобщемъ политическомъ и философскомъ возрожденіи». Пребываніе въ политехнической школѣ, продолжаетъ Контъ, изученіе математики внушило ему идею распространить приемы научности и «разумной позитивности» на весь кругъ наукъ и у Конта начало постепенно развиваться «чувство истинной энциклопедической іерархіи» и «все болѣе возрастающее инстинктивное сознаніе конечной гармоніи между моими умственными и политическими стремленіями, сначала по существу независимыми, но всегда одинаково повелительными». Равновѣсіе, наконецъ, установилось въ 1822 году благодаря основному открытію контовской философіи, т. е. закону трехъ стадій ^{*)}.

Изъ этого, по обыкновенію, тяжеловѣснаго разсужденія получается выводъ: Контъ—*столкнѣнно*—*spontanément*—подавался въ молодости революціонному духу и въ то же время инстинктивно шелькъ философскому переустройству политики, т. е. къ преобразованію ея въ позитивную науку и путь закончился открытіемъ закона, составляющаго основу всего позитивизма, какъ социальной науки.

Обратимся къ нашему матеріалу. Первое изложеніе чувствъ и идей Конта относится къ 2 января 1815 году, т. е. когда Конту черезъ 17 дней наступалъ восемнадцатый годъ,—онъ, слѣдовательно, уже четыре года долженъ былъ испытывать «глубокую потребность во всеобщемъ политическомъ и философскомъ возрожденіи». Въ эту эпоху юношество, говорятъ ближайшіе свидѣтели, зрѣло быстро—подъ вліяніемъ великихъ событій, а Контъ, по мнѣнію Литтре,—единственный изъ философовъ, чья преждевременная зрѣлость особенно замѣчательна ^{*)}. Всѣ данныя—встрѣтитъ въ чрезвычайно откровенныхъ и пространныхъ письмахъ Конта — отраженія его органи-

^{*)} *Cours.* 2 ed. VI, 7—9.

^{*)} Ср. О. с. Реназъ и Guigniaut по поводу Тьерри. Littré. 1—2.

зторскихъ стремленій, — и именно задачу научнаго обоснованія политики.

Сообщенія Конта слѣдующія: онъ—вмѣстѣ съ товарищами все-нѣю проникнуть духомъ свободы, разсуждаетъ о «нѣкоторыхъ вопросахъ политической экономіи», бьется, какъ бы послѣ «возвышеннаго возстанія 1789 года» не возродился королевскій деспотизмъ, заранее оплакиваетъ «законныя права», прибрѣтенныя этимъ возстаніемъ и въ заключеніе восклицаетъ: «если бы духъ былъ повсюду какъ въ школь»!..

Вся эта рѣчь—идеально «революціонная»,—и l'esprit révolutionnaire поднимается въ температурѣ еще выше по случаю вступленія въ Парижъ императора. Контъ въ восторгѣ отъ революціонныхъ гимновъ, отъ «величайшей свободы» печати. Это конецъ апрѣля 1815 года. Въ іюнѣ слѣдующаго—извѣстная намъ статья,—во славу свободы и противъ «страшной лиги королей и священниковъ», статья считающая хартію «мало либеральной», приписывающая даже Людовику XVIII «ярость деспотизма», носящая корсиканца во имя свободы и «прекрасныхъ учрежденій республики»,—вообще обозрѣвающая новѣйшія событія французской исторіи съ точки зрѣнія самаго страстнаго и гнѣвнаго республиканца. Въ письмахъ къ Вала тѣ же чувства, хотя и въ болѣе скромной формѣ, — для насъ любопытно сопоставленіе деклараціи правъ съ порядками реставраціи. Контъ до такой степени раздраженъ правительствомъ и разочарованъ въ людяхъ, что у него возникаетъ планъ—переселиться въ Америку—страну «свободы и равенства», онъ восторженно изучаетъ американскія учрежденія, позволяющія «счастливымъ народамъ пользоваться всѣми благодѣяніями свободы». Франклинъ сталъ его образцомъ и Контъ—«совершенно сдѣлался философомъ»,—*въ теоріи* онъ былъ всегда, но теперь начинаетъ быть и *на практикѣ*. Эта практическая философія состоитъ въ борьбѣ со страстью къ женщинамъ,—другихъ свѣдѣній Контъ не даетъ. Въ февралѣ 1817 года—болѣе цѣнное сообщеніе: Контъ одновременно занимается математикой и «нравственными и политическими науками»: «je médite Condorcet et Montesquieu». Отъ девятнадцатилѣтняго философа, который на четырнадцатомъ году уже испытывалъ потребность всеобщей политической и философской реорганизаціи, — это признаніе неожиданно. Онъ, повидимому, давно бы долженъ былъ основательно изучить та-

Это—грубѣйшая хронологическая ошибка, совершенно извращающая весь идейный вопросъ. Письма написаны по поводу первой тетради IV-го тома *Индустри*, носящей названіе *Конституціонное средство умножить богатства Франціи* ⁴³⁾. Эта тетрадь вышла въ концѣ мая или въ началѣ іюня 1818 года, а Контъ уже 17 апрѣля того же года рассказываетъ не только о своемъ знакомствѣ съ Сень-Симономъ, но и о продолжительной работѣ у него. Онъ успѣлъ въ теченіе *трехъ мѣсяцевъ* получать отъ Сень-Симона жалованье, потомъ пересталъ. За это время подъ его редакціей вышелъ весь или почти весь третій томъ *Индустри*, а первыя три тетради III-го тома появились въ сентябрѣ 1817 года ⁴⁴⁾. Слѣдовательно, до писемъ къ Сень-Симону Контъ находился съ нимъ въ сношеніяхъ около года. Последнее письмо къ Вала отъ 1817 года — 25 февраля, — въ немъ не упоминается о новомъ заработкѣ Конта, и даются новыя свѣдѣнія въ первомъ письмѣ 1818 года, — но они уже были даны, какъ видно изъ письма, — родителямъ Конта и даже сообщено имъ о разрывѣ съ Сень-Симономъ, — на этотъ разъ, — мнимомъ. Слѣдовательно, семья Конта, «замѣчательно католическая и монархическая» ⁴⁵⁾ имѣла время познакомиться съ публицистическими работами сына и настоять на разлукѣ съ такимъ извѣстнымъ «либераломъ», каковъ Сень-Симонъ.

И Контъ подводитъ итоги своихъ сношеній съ Сень-Симономъ, — мы знаемъ — какіе. Но его сообщеніе только одинъ источникъ и его, можетъ быть, и естественно отнести на счетъ юношескаго энтузіазма, хотя для какого угодно энтузіазма долженъ быть мотивъ, а Конту минуло уже двадцать лѣтъ и всего около трехъ оставалось до «основного и руководящаго открытія» всей его философіи: въ апрѣлѣ 1822 года уже былъ напечатанъ *Планъ работъ, необходимыхъ для переустройства общества*, впоследствии — въ 1824 году — перепечатанный подъ заглавіемъ *Система позитивной политики* и заключавшій положеніе закона трехъ стадій.

Но если мы и допустимъ энтузіазмъ въ отъѣвахъ, остаются еще фактическіе слѣды новаго направленія въ мысляхъ Конта. Онъ съ

⁴³⁾ *Oeuvres*. XIX, 45, на основаніи статьи въ *Journal général de France*, 14 іюля 1818.

⁴⁴⁾ Издатели *Oeuvres* приписываютъ Конту редакцію 1, 2 и 3 cahiers, Фурнель — всѣхъ четырехъ.

⁴⁵⁾ Его слова въ *Cours*. VI, 6—7.

особенной силой указывает Вала на переѣну въ своемъ политическомъ развитіи и на расширеніе своего кругозора во всѣхъ другихъ наукахъ. Онъ только благодаря Сенъ-Симону открылъ въ себѣ *политическую способность*. Могъ ли такъ говорить философъ, уже въ теченіе семи лѣтъ носившій въ себѣ «одинаково повелительныя умственныя и политическія стремленія?» — Дальше слѣдуютъ наглядныя доказательства только что полученныхъ вдохновеній.

У Конта—«множество вещей» передать другу, не хватило бы и энциклопедіи—изложить всѣ одолавающія его идеи,—онъ ограничится немногимъ,—но это немного для насъ въ высшей степени цѣнно.

Онъ укоряетъ друга въ томъ, что его политика основана на теоріи человѣческихъ правъ, на идеяхъ *Общественнаго договора*, вообще—на системахъ философовъ послѣдняго вѣка. По мнѣнію Конта,—«эта теорія, эти идеи, эти системы—дурно составлены и ведутъ къ заблужденію». «Ты понимаешь, говоритъ Контъ, что мысль такой важности не можетъ быть доказана въ письмѣ,—я буду просить тебя только объ одномъ—сосредоточить все свое вниманіе на слѣдующемъ фактѣ,—онъ ключъ къ правильной философіи, о которомъ ты навѣрное до сихъ поръ и не подозревалъ: *всѣ* человѣческія знанія идутъ, возрастая изъ вѣка въ вѣкъ и всѣ учрежденія и практическія идеи всякой эпохи извѣстнаго народа должны зависѣть отъ состоянія просвѣщенія этого народа въ данную эпоху». Слѣдовательно,—и политика XVIII-го вѣка не можетъ быть современной,—просто потому, что она была свойственна XVIII-му вѣку. «Однимъ словомъ, всѣ общія идеи, и въ особенности твои социальныя идеи—всѣ онѣ страдаютъ однимъ и тѣмъ же недугомъ—абсолютностью. Ничего нѣтъ абсолютнаго въ этомъ мірѣ, все относительно». Съ цѣлью излеченія, Контъ совѣтуетъ другу хорошенько вбить себѣ въ голову, — «въ политикѣ, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ»,—все должно быть основано на наблюденныхъ фактахъ. Слѣдуетъ поменьше читать произведенія въ родѣ *Общественнаго договора* Руссо и побольше историческія сочиненія—въ родѣ *Исторіи Англій* Юма и *Исторіи Карла V*—Робертсона. Наконецъ, совѣтуетъ Контъ, «примись изучать политическую экономію, т. е. произведенія Смита и Сэя».

Так писалъ Контъ въ маѣ 1818 года,—въ іюнѣ онъ высказываетъ общее признаніе на счетъ своего взгляда касательно политики: онъ снова выражаетъ опасеніе, что идеи друга все еще заражены абсолютнымъ духомъ: «наша нелѣпая система воспитанія, поясняетъ Контъ, всѣмъ намъ внушаетъ чрезмѣрно абсолютныя идеи: *не больше года* какъ я самъ только отдѣлался отъ нихъ». Поэтому онъ и думаетъ, что политическіе взгляды друга все еще абсолютны.

Не больше года,—пишется 15 іюня 1818 года, а, мы видѣли, Контъ именно лѣтомъ 1817 г. долженъ былъ стать секретаремъ Сенъ-Симона. Это—пока хронологическое совпаденіе. Дальше Контъ снова настаиваетъ на изученіи политической экономіи—«науки—не похожей на то, что обыкновенно называютъ *политикой*». Снова рекомендуется Сэй ¹⁶⁾.

Мы пришли къ эпохѣ, когда Контъ послалъ Сенъ-Симону два анонимныхъ письма. Мы сейчасъ перейдемъ къ ихъ содержанію,—пока остановимся на тѣхъ идеяхъ, какія впервые попадаютъ подъ перо Конта. Онѣ всѣ или прямо противорѣчатъ раннимъ взглядамъ и сочувствіямъ философа или являются новостью въ его разсужденіяхъ. Въ 1815 году восхваляется революція, въ 1816 году—пишется революціонная статья, въ концѣ этого года съ отчаяніемъ припоминается декларация правъ, умноживается «свобода и равенство», еще въ 1817 году—проповѣдуются «мнѣнія» на основаніи точныхъ завѣтовъ XVIII-го вѣка,—ни одного слова сомнѣнія въ нихъ, ни одного намека на «смутныя и гипотетическія идеи»,—и вдругъ именно этимъ опредѣленіемъ оцѣнивается политическая философія, еще недавно столь дорогая, на мѣсто ея становятся историческіе и экономическіе факты и въ первый разъ излагаются принципы позитивной практической политики.

Неужели всѣмъ этимъ электричествомъ лейденская банка могла быть заряжена въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ и ни одной искрой не обнаруживать своего заряда? Не проще ли объясненіе, представленное самимъ Контомъ, а потомъ логически вытекающее изъ обзорѣнія идей, окончательно усвоенныхъ Сенъ-Симономъ, до знакомства съ Контомъ?

Новыя приобрѣтенія Конта слѣдующія:

¹⁶⁾ *Lettres à Valat.* 49, 53, 62—3.

1) Критическое отношеніе къ философіи XVIII вѣка вообще и въ особенности къ теоріи правъ человѣка.

Сень-Симонъ неустанно занимался этимъ предметомъ—въ теченіе всей своей философской дѣятельности, и, мы увидимъ, какой ясный приговоръ имѣлся въ его сочиненіяхъ о просвѣтительной философіи — по крайней мѣрѣ съ *Очерка новой энциклопедіи*, т. е. съ 1810 года. Остроумное сравненіе метафизическихъ идей XVIII вѣка съ теологическими было развито въ *Запискѣ по наукѣ о человекѣ*, т. е. въ 1813 году, а во второмъ томѣ *Индустріи*, появившемся предъ самымъ знакомствомъ Сень-Симона съ Контомъ, — *Декларация правъ* приведена въ связь съ отсутствіемъ у французовъ прагматическаго знакомства съ правами гражданина. Сень-Симонъ понимаетъ историческую причинность деклараціи, но—въ политическомъ смыслѣ— не можетъ не приравнять ея къ «смутнымъ и неопредѣленнымъ желаніямъ воображаемаго блага». Это почти буквальные выраженія Конта ¹⁷⁾.

2. Контъ убѣжденъ въ прямой зависимости политическихъ учрежденій и идей отъ уровня просвѣщенія той или другой эпохи.

На этой истинѣ построена вся задача Сень-Симона объяснить организацію прошлаго и представить планъ для будущаго. Въ томъ же второмъ томѣ *Индустріи* смыслъ этой истины выраженъ кратко и рѣзко: «Принципа не создаютъ, его подмѣчаютъ, на него указываютъ». Годомъ раньше, въ письмѣ къ Редерну, Сень-Симонъ подробно доказываетъ, насколько бесполезны идеи, превышающія уровень современнаго просвѣщенія, онѣ просто забываются до тѣхъ поръ, пока человѣческій умъ не приобрѣтетъ способности усвоить ихъ. Въ *Работѣ о всемірномъ жглотъни* представлена такая градация въ переустройствѣ европейскаго общества: «теорія, пропорціональная уровню просвѣщенія», потомъ учрежденіе, соответствующее этой теоріи—общее для всѣхъ и наконецъ рядъ національныхъ учрежденій—сообразно со «степенью просвѣщенія» каждой націи ¹⁸⁾.

3. Контъ провозглашаетъ необходимость—политикѣ подобно другимъ наукамъ построиться на фактахъ и наблюденіяхъ и устранить гадательныя идеи.

¹⁷⁾ *Oeuvres*. XV, 94. XVIII, 158—9.

¹⁸⁾ *Oeuvres*. XVIII, 190. XV, 124. XI., 804, 810.

Въ *Запискѣ по наукѣ о человѣкѣ* Сень-Симонъ предѣломъ своихъ философскихъ стремленій полагаетъ введеніе въ общественное образованіе физиологіи и превращеніе политики въ опытную науку: тогда политическіе вопросы будутъ рѣшаться тѣми, кто изучилъ позитивную науку о человѣкѣ,—и тѣмъ самымъ методомъ и такими же приемами, какими въ настоящее время изучаются вопросы о другихъ явленіяхъ. Эта надежда—развитіе очень давней мысли Сень-Симона, сильно выраженной еще въ *Письмахъ Женевскаго обывателя*. Тогда философъ требовалъ, чтобы социальныя явленія разсматривались какъ физиологическія и чтобы физиологія, наконецъ, была освобождена отъ метафизиковъ подобно тому, какъ астрономія свободна отъ астрологовъ, химія—отъ алхимиковъ. Эта историческая градація совершенствованія наукъ до уровня позитивности пройдетъ чрезъ всѣ сочиненія Сень-Симона и станетъ однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній Конта ¹⁹⁾.

4. Контъ, занимавшійся разговорами о политической экономіи еще въ политехнической школѣ, только два года спустя по выходѣ изъ нея, начинаетъ настойчиво превозносить эту науку и преимущественно одного ея представителя—Сэя.

Когда Контъ познакомился съ Сень-Симономъ,—философъ былъ полонъ интересомъ къ политической экономіи. Съ какой стороны пришелъ этотъ интересъ къ Сень-Симону, — вопросъ нашего подробнаго изученія идей Сень-Симона,—но не можетъ быть сомнѣнія въ первоисточникѣ исключительныхъ восторговъ Конта предъ новой наукой. Въ письмѣ къ Сень-Симону онъ говоритъ: «вы первый ясно высказали идею, что единственная разумная политика — это политическая экономія». Вотъ, слѣдовательно, внушеніе для Конта—искать въ политической экономіи основъ для положительной политики. Сень-Симонъ предупредилъ его во второмъ томѣ *Индустрии*. Здѣсь говорится: «политическая экономія—истинная и единственная основа политики». И не одной политики, но и нравственности. Контъ немедленно усваиваетъ эту идею и въ письмѣ пишетъ: «позитивная нравственная наука такъ же какъ и политика привита къ политической экономіи, потому что—думаю я—нравственныя пра-

¹⁹⁾ *Oeuvres* XI., 190. *O. choisies*. I, 25—6.

вила такъ же какъ и политическія учрежденія должны быть оцѣниваемы по вліянію, какое они оказываютъ или могутъ оказывать на *производство*. Контъ говорить—«я думаю», — Сень-Симонъ схему этой мысли находить у Сэя и его ставить выше Адама Смита ²⁰).

До сихъ поръ мы видѣли послушное и точное воспроизведеніе Контомъ мыслей учителя. Но ученикъ, при большой даровитости, при чрезвычайно живомъ философскомъ темпераментѣ, могъ не во всемъ соглашаться съ учителемъ даже съ самаго начала. И дѣйствительно,—разногласія возникли въ первый же годъ отношеній. Они представляютъ для насъ исключительную важность, такъ какъ прямымъ путемъ ведутъ къ идейной причинѣ разрыва между философами и, слѣдовательно, къ вопросу о существенной оригинальности Конта рядомъ съ Сень-Симономъ. Содержаніе двухъ анонимныхъ писемъ и заключается именно въ полемику.

Письма написаны послѣ напечатанья третьяго тома *Индустрии*. Одни современники приписываютъ Конту редакцію всѣхъ четырехъ тетрадей тома, другіе—трехъ первыхъ—трудно рѣшить положительно этотъ споръ. Въ виду того что всѣ три первыхъ тетради явились въ сентябрѣ 1817 года,—а четвертая въ октябрѣ, можно предположить контовскую редакцію и послѣдней тетради: внѣшняя форма этому предположенію не противорѣчитъ. Лафиттъ принимаетъ сообщеніе сень-симониста, автора *Сень-симонистской библиографіи*, приписывающаго редакцію Конта всѣмъ тетрадамъ третьяго тома, но не согласенъ съ мнѣніемъ того же источника, будто и первая тетрадь четвертаго тома редактирована Контомъ. Причина этой разборчивости характерна для послѣдователя Конта: въ первой тетради третьяго тома онъ можетъ по его мнѣнію, отмѣтить «глубокій взглядъ» Конта, основную *idée-mère* всей его философіи, — какую мы сейчасъ увидимъ, а первая тетрадь четвертаго тома посвящена «довольно специальному» вопросу—сравненію политическаго положенія французской и англійской индустрии, — задача, свойственная—заставляетъ думать Лафиттъ—только Сень-Симону.

Послѣдуемъ за Лафиттомъ. Въ первой тетради третьяго тома, помимо совершенства формы, критика восхищается слѣдующій взглядъ

²⁰) *Revue occid.* 1 mai 1882. 355 - 7. *Oeuvres*. XVIII, 184—5.

²¹) *Revue occid.* 1 janvier 1884, 131, 124.

Конта: всякое социальное преобразование должно покоиться на умственном и нравственном преобразовании и настоятельно необходимо предпріятіе, аналогичное *энциклопедіи* XVIII-го вѣка для того, чтобы создать основаніе для развитія государственной власти Индустріи.

Передавъ эту мысль, Лафиттъ замѣчаетъ: «Вотъ основная идея—прародительница, отъ которой Огюсть Контъ никогда не уклонялся, и, можно сказать, *святость* его жизни заключается въ томъ, что онъ всецѣло, до послѣдняго момента посвятилъ себя этой идеѣ,—и никакое искушеніе не могло возобладать надъ твердостью его убѣжденія и величіемъ его самоотверженія. Вліяніе Сенъ-Симона на молодого философа чувствуется только въ его наивной иллюзіи, заставляющей его вѣрить, будто такіе вопросы могутъ быть разрешаемы по конкурсу, путемъ воззванія къ различнымъ ученымъ Европы». Впослѣдствіи, прибавляетъ Лафиттъ, Контъ убѣдился, что подобное дѣло можетъ быть выполнено только одной личностью²²⁾.

Послѣдователь Конта, читая третій томъ *Индустріи*, чувствовалъ себя въ «новомъ мірѣ»,—мы, напротивъ, узнаемъ только старый міръ, давно уже созданный—и не конкурсомъ, а также одной личностью. Творчество въ этомъ направленіи Сенъ-Симонъ началъ еще съ перваго своего сочиненія. Уже въ *Письмахъ осенескаго обывателя* онъ «духовную власть» отдавалъ въ руки ученыхъ, наукъ приписывалъ всѣ руководящія политическія идеи,—не правительствамъ, а гениальнымъ ученымъ, называлъ ихъ факелами человечества. Эта лирическая мысль съ теченіемъ времени развилась въ стройную теорію. Мы знакомы съ ея смысломъ изъ основного культурно-философскаго положенія Сенъ-Симона: учрежденія должны соответствовать уровню просвѣщенія, создающему извѣстную «теорію» — вдохновительницу учреждений. И Сенъ-Симонъ безпрестанно обращается къ ученымъ съ упреками въ равнодушіи къ современному кризису съ убѣжденіями—организовать «общую теорію наукъ», создать стройную систему «общихъ идей», потому что—говоритъ Сенъ-Симонъ—по самой природѣ вещей—ученые должны стать жреческой корпораціей, основать научно-религіозное учрежденіе, а оно въ свою очередь окажетъ «позитивное политическое дѣйствіе». И Сенъ-Симонъ даже

²²⁾ *Revue occid.* 1 janv. 1884, 124.

представилъ схему историческаго развитія научной теоріи, являющейся основой социальнаго строя: первая стадія—научная, вторая—религіозная, третья—политическая. И Сень-Симонъ свои многочисленныя обращенія къ ученымъ заканчиваетъ проектомъ «прокламаціи новой научной теоріи», которая должна быть объявлена въ Римѣ новымъ папой—избранникомъ представителей отъ всѣхъ европейскихъ ученыхъ обществъ ²³⁾.

Самъ Лафиттъ косвенно призналъ существованіе всѣхъ этихъ фактовъ, порицая Сень-Симона за намѣреніе—рѣшить «такіе вопросы» путемъ воззванія къ ученымъ: слѣдовательно,—Сень-Симонъ рѣшалъ эти вопросы,—только практически не по позднѣйшему способу Конта.

Наконецъ, вопросъ объ энциклопедіи. До знакомства съ Контомъ Сень-Симонъ два раза принимался за планъ новой энциклопедіи. Это—по крайней мѣрѣ, потому что «энциклопедія» была однимъ изъ *полющающихъ* интересовъ Сень-Симона и всей его школы. Достоверно—наброски Сень-Симона по энциклопедіи идутъ съ 1810 года. У насъ имѣются только отрывки многочисленныхъ рукописей,—но ихъ достаточно, чтобы отвергнуть оригинальность идеи Конта. Въ отрывкѣ, напечатанномъ подъ заглавіемъ *Записка объ энциклопедіи*—дано опредѣленіе энциклопедіи: она—«полное собраніе человѣческихъ знаній, приведенныхъ въ такой порядокъ, чтобы читатель могъ по ступенямъ равномерно расположеннымъ спускаться отъ самаго общаго научнаго представленія къ самымъ частнымъ идеямъ и наоборотъ». Это—слѣдовательно—систематизированная наука, и, очевидно, зданіе энциклопедіи должно мѣняться сообразно съ развитіемъ научнаго знанія. Энциклопедія XVIII-го вѣка является непригодной для современной эпохи,—человѣчество никогда не будетъ обладать окончательной, совершенной энциклопедіей, такъ какъ оно не въ состояніи достигнуть научнаго совершенства. Въ *Очеркѣ новой энциклопедіи*—то же опредѣленіе съ прибавленіемъ обязательства для ученыхъ составителей энциклопедіи—«представить новыя средства—ускорить прогрессъ просвѣщенія». Слѣдовательно,—энциклопедія не только систематизація науки въ ея современномъ состояніи, но и программа ея будущаго, система правилъ и принциповъ. Въ результатѣ систематизаціи отдѣльныхъ отраслей знанія получается—

²³⁾ O. choisies I, 11, 18. Oeuvres. XL, 274, 309, 318.

science générale, общая наука или философія даннаго времени. Въ рукописи, принадлежавшей къ перепискѣ съ Редерномъ и возникшей 1811 года, Сень-Симонъ даетъ наиболѣе точное опредѣленіе «общей науки»; «въ пассивномъ смыслѣ—она—*résumé* приобретенныхъ знаній, въ активномъ—она указаніе новыхъ научныхъ путей». Естественно, характеръ «общей науки» зависитъ отъ характера частныхъ наукъ, — если онѣ гадательны—и общая наука будетъ гадательна, если онѣ достигли позитивности—общая наука станетъ—*позитивной философией*. Именно, по мнѣнію Сень-Симона, таково положеніе въ настоящее время и новая общая теорія, организующая мораль и политику, должна возникнуть на почвѣ позитивной энциклопедіи, потому что *idée générale*, т.-е. научно-философскій всеуправляющій принципъ есть «*résumé* общей науки» ²⁴).

Эти идеи вполнѣ выяснены къ 1811 году,—но общій смыслъ ихъ былъ выраженъ еще во *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка*, т.-е. въ 1808 году. Разсуждая о наполеоновскомъ катихизисѣ, Сень-Симонъ дѣлаетъ выводъ: «Единственный катихизисъ, какой могъ бы быть принятъ въ настоящее время просвѣщенными народами,—будетъ очень сжатое извлеченіе изъ энциклопедіи, организующей систему физицизма. Хорошіи катихизисъ напишутъ только послѣ хорошей энциклопедіи» ²⁵).

Пока оставимъ въ сторонѣ «физицизмъ»—раннее сень-симоновское обозначеніе позитивизма,—для насъ ясно, какое значеніе философъ придавалъ «умственному преобразованію» и, слѣдовательно, нравственному: *земная мораль — la morale terrestre* — въ противоположность теологической—также—одна изъ наукъ,—и какъ усердно заботился онъ о новой энциклопедіи, первоосновѣ философской и—логически—общественной организаціи. Почему Сень-Симонъ для созданія энциклопедіи требовалъ участія представителей всѣхъ наукъ, желалъ «соединить усилія писателей XIX-го вѣка» для «философскаго дѣла XIX-го вѣка», т.-е. для *Энциклопедіи позитивныхъ идей*, и самое предпріятіе рисовалось ему, какъ величественное всемірное дѣло, — это ясно изъ самаго смысла энциклопедіи и ея цѣли. И потомъ, Сень-Симонъ,—мы увидимъ—не оставитъ безъ рѣшенія вопросъ о самомъ процессѣ организаціи позитивной доктрины ²⁶).

²⁴) *Oeuvres*. XV, 147—9, 89—93, 109, 129, 92.

²⁵) *O. choisies*. I, 224.

²⁶) О научномъ характерѣ *morale terrestre* и *l'encyclopédie des idées positives*. *Oeuvres*. XVIII, 217—219, 2-й томъ *Industrie*.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что первая тетрадь *Индустри*— по *содержанію* цѣликомъ принадлежитъ Сень-Симону,—форму можно приписать Конту—въ виду болѣе точнаго и послѣдовательнаго изложенія, чѣмъ обычный языкъ Сень-Симона.

Не менѣе важныя оригинальныя идеи Конта находятъ Лафиттъ и во второй тетради,—несомнѣнно редактированной Контомъ.

Здѣсь всего десять страницъ и онѣ посвящены доказательству, что парламентскій строй — переходный. Не столько важна эта частная идея, сколько общій принципъ, по мнѣнію Лафитта, принадлежащій *исключительно* Конту,—именно: между разрушеннымъ прошлымъ и будущимъ, которое слѣдуетъ создать путемъ великой философской работы, неизбѣжно переходное состояніе. Для поясненія мысли Контъ ссылается на особенно краснорѣчивый кризисъ въ прошломъ: философская переменна вызвала христіанство, имѣющее первоисточникомъ идеи Сократа. Потребовалось, по крайней мѣрѣ, два вѣка между созданиемъ и распространениемъ новой системы. То же самое предстоитъ пережить и новому времени. Для нѣкоторыхъ раньше наступитъ счастливая эпоха—для болѣе развитыхъ умовъ,—потому что не всѣ—современники одного вѣка, многіе живутъ въ прошедшемъ, другіе въ будущемъ.

Всѣ эти разсужденія опять повтореніе идей Сень-Симона, не однократно высказанныхъ въ *Запискѣ по наукѣ о человѣкѣ*. Здѣсь именно философская дѣятельность Сократа берется въ примѣръ для иллюстраціи историческаго закона—медленнаго осуществленія идей «общей науки». Вся разница между Контомъ и Сень-Симономъ въ данномъ случаѣ сводится къ размѣрамъ историческаго кругозора. Контъ въ своей философіи исторіи до конца оставался въ предѣлахъ западной Европы—«авангарда человѣчества», его «отборнаго слоя», считая «эволюцію» западно-европейскихъ народовъ «наиболѣе полной и наиболѣе характерной»²¹⁾. Сень-Симонъ желалъ представить міровую картину прогресса и египтяне у него являются создателями одной изъ культурныхъ стадій—политеизма,—Сократъ—творецъ теизма, но только римляне, спустя пять вѣковъ послѣ Сократа, явились теистическимъ народомъ. Вообще, говоритъ Сень-Симонъ, «всегда только въ слѣдующую эпоху осуществляется концепція общей на-

²¹⁾ *Cours de philos. posit.* V, 7.

уки, открытая въ предыдущую». Тогда «идея, открытая *мыслителями* усваивается вѣрующими». И философъ—наглядно, исторически показываетъ одновременное существованіе двухъ различныхъ міросозерцаній въ одну и ту же эпоху²⁵⁾).

Такъ выражается Сень-Симонъ въ сочиненіи,—не можетъ быть сомнѣнія,—тѣ же самыя идеи онъ гораздо полнѣе развивалъ въ бесѣдахъ съ своимъ ученикомъ. Мы должны помнить, — именно устная рѣчь Сень-Симона отличалась особеннымъ блескомъ, импровизаторскимъ талантомъ и поучительностью. Преимущественно разговорамъ Сень-Симона слѣдуетъ приписать громадное впечатлѣніе, какое онъ производилъ на своихъ «учениковъ», хотя бы позже и покидавшихъ его²⁶⁾). И по сочиненіямъ Сень-Симона мы можемъ прослѣдить только сравнительно блѣдный отблескъ внушительнѣйшаго воздѣйствія, какое философъ могъ оказать на Конта въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Но въ этомъ отблескѣ можно различить всѣ основныя черты умственной эволюціи Конта, послужившей неизмѣнной основой всей его философіи.

Что касается частнаго вопроса о переходномъ значеніи парламентскаго строя,—мы видѣли рѣшеніе его у Сень-Симона во второмъ томѣ *Индустріи*. Мы указывали, что именно въ этомъ взглядѣ философа на парламентскую форму правленія заключается одно изъ главныхъ разногласій Сень-Симона съ Тьерри. Не забудемъ, что Сень-Симонъ какъ разъ по поводу конституціонной системы припомнилъ культурный кризисъ въ послѣднюю эпоху язычества: о современныхъ учрежденіяхъ говорятъ то же самое, что Цицеронъ говорилъ о религіозныхъ идеяхъ. И все-таки эти учрежденія «будутъ существовать до тѣхъ поръ пока не возникнетъ новая концепція соціальной организаціи,—концепція такого свойства, что поразитъ своей очевидностью всѣ честные умы».

Этой концепціи Сень-Симонъ желалъ прежде всего съ цѣлью предотвратить грозу новыхъ переворотовъ. Пролетаріевъ можно во-

²⁵⁾ *Oeuvres*. 144, 154, 140, 162.

²⁶⁾ Достоинъ вниманія, наиримѣръ, отзывъ объ этомъ предметѣ изъ недоброжелательнаго лагеря. Та самая газета, которая пыталась поднять на смѣхъ *Очеркъ новой энциклопедіи*, прибавляла слѣдующую оговорку: „M. de Saint-Simon est connu pour un homme de beaucoup d'esprit; sa conversation est l'une des plus interessantes qu'on puisse entendre; elle abonde en aperçus tout à la fois piquants et justes et quelquefois entièrement innattendus“.

считать только новой системой морали,—старая теологическая оставлена французами и представители индустрии въ собственныхъ интересахъ должны позаботиться—о возникновеніи новой доктрины, и прежде всего—объ энциклопедіи позитивныхъ идей *)).

Тагъ писалъ Сень-Симонъ во второмъ томѣ *Индустрии*, заранѣе снабжая Конта не только руководящими идеями, но даже историческими примѣрами, ближайшими политическими идеалами, и—что важнѣе всего—методомъ разработки философскихъ и политическихъ представлений. Наша задача ограничивается исключительно фактическими сопоставленіями и мы далеко еще не пользуемся всѣми фактами, не имѣя пока въ виду подробнаго развитія сень-симоновскихъ воззрѣній. Убѣжденіе послѣдователей Конта въ безусловной оригинальности его идей даже за первый періодъ его философской дѣятельности—остаётся отнести къ отдѣлу самыхъ патетическихъ внушеній,—отнюдь не сознательныхъ завоеваній критическаго ума.

До какой степени эти внушенія обладаютъ способностью—ослѣплять и поддѣлывать факты,—показываютъ краткія замѣчанія Лафитта о третьей тетради. Здѣсь Контъ, называя идею Бога основой старой системы—духовной и правительственной—находитъ, что этой философской основы больше не существуетъ. Лафиттъ замѣчаетъ: «Смѣлость этой полной эмансипаціи поражаетъ насъ,—и она очень характерна предъ лицомъ Сень-Симона, который вскорѣ окончитъ свою жизнь возстановленіемъ новаго христіанства».

Какой религіозной смыслъ заключается въ «новомъ христіанствѣ» Сень-Симона,—мы увидимъ,—но что касается «эмансипаціи» Конта, отрицавшаго современное философское значеніе идеи Бога,—этой эмансипаціи не существовало въ 1818 году. Для доказательства Лафитту стоило только прочесть второй томъ *Введенія къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка*—отрывокъ *Sur l'unité de cause* или позднѣйшее сочиненіе—все ту же *Записку по наукѣ о челоѣкѣ*. При чемъ Лафитту слѣдовало обратиться не къ изданію Анфантэна, а къ *Избраннымъ сочиненіямъ* Сень-Симона. Анфантэнъ, превратившись въ основателя религіи, позаботился вычеркнуть не религіозныя—въ его смыслѣ—мѣста изъ произведенія Сень-Симона. Здѣсь

*) *Oeuvres*. XVІІІ, 181—2.

Сень-Симонъ, разсуждая о прогрессивномъ измѣненіи «общей идеи», — сопоставляетъ вѣру въ Бога съ изученіемъ законовъ природы и находитъ ее—лишнимъ придаткомъ—*une superfétation* и «безусловно бесполезной», если только достигнуто «совершенное познаніе законовъ». Вѣра въ откровеніе, по мнѣнію Сень-Симона также должна «прекратиться» «въ тотъ моментъ, когда знанія ученыхъ окажутся впереди знаній людей, говорившихъ отъ имени Бога и ошибки, заключающіяся въ писаніи, слывущемъ за божественное, стануть очевидными». И Сень-Симонъ приводитъ въ примѣръ значеніе системы Коперника ³¹⁾.

Что могъ прибавить Контъ къ этимъ, несомнѣнно, антитеологическимъ размышленіямъ? Они оказались до такой степени опредѣленны, что «продолжатель» Сень-Симона, какъ «пророка» — призналъ нужнымъ скрыть ихъ отъ публики. Ими не исчерпываются воззрѣнія Сень-Симона на религію вообще и на частныя религіозныя ученія: здѣсь Сень-Симонъ не былъ ни воинственнымъ полемистомъ, ни чистымъ «антитеологомъ» въ духѣ XVIII-го вѣка, — но въ то же время онъ никоимъ образомъ не могъ подать повода — обвинять его въ «теологіи» и на этой почвѣ противопоставлять ему Конта. Робине съ особенной страстью пользуется этой уликой, — но онъ въ то же время защищаетъ *религіозную* сторону ученія Конта. Для защиты ему требуется оговорка: всюду, гдѣ Контъ въ раннихъ произведеніяхъ съ пренебреженіемъ говоритъ о *религии*, — надо понимать *теологию* — «частный случай» религіозной эволюціи ³²⁾. Справедливость требовала, чтобы такой же приѣмъ былъ примѣненъ и къ позднѣйшей религіозной проповѣди Сень-Симона, именно книгу о *Новомъ христіанствѣ* наполнившаго критикой теологическихъ тенденцій въ религіи. Но справедливости послѣдователей Конта мѣшало не только ослѣпленное чувство, но и не достаточно освѣдомленный умъ.

Дальше предъ нами четвертая тетрадь третьяго тома *Индустрии*. Издатели сочиненій Сень-Симона и Анфантэна приписываютъ ее одному Сень-Симону, авторъ *Сень-Симонистской библиографіи* — редакцію ея Конту, — Лафиттъ принимаетъ послѣднее мнѣніе, — по работу Конта считаетъ не редактированіемъ, а, по обыкновенію, сполна приписываетъ и форму и идеи своему учителю.

³¹⁾ *O. choisies*. I, 216—9; II, 125—6, 149. Cp. *Oeuvres*. XL, 163, 192.

³²⁾ Robinet. *O. c.* 134, 118. Lafitte. *R. occid.* 1 janv. 84, 126—7.

Тетрадь дѣйствительно неразрывно связана съ первыми тремя,— она прямо начинается *шестой статьёй*—т. е. продолженіемъ статьи третьей тетради ³³⁾),—и называется эта статья: *Разсужденія въ подкрѣпленіе идей, представленныхъ въ предшествующихъ двухъ статьяхъ*,—т. е. статей второй тетради и третьей—о парламентскомъ строѣ, какъ переходномъ и вообще объ усовершенствованіи учреждений. «Первое разсужденіе» занимается совершенно частнымъ политическомъ вопросомъ, и на этомъ основаніи Лафиттъ долженъ бы отрицать права Конта на эту часть статьи: дѣло идетъ о книгѣ Бентама, обсуждающей парламентскую реформу въ Англии, излагается книга съ цифровыми данными и только попутно высказывается нѣсколько замѣчаній о представительной монархіи какъ—*régime transitoire*. Второе разсужденіе—называется *О переходѣ отъ политеизма къ теизму*. Оно представляетъ пересказъ многихъ страницъ изъ *Записки по наукѣ о челоуцкѣ*, о томъ, что философская революція восходить до Сократа, кончается систематическими работами философовъ-платониковъ александрійской школы, что политическая революція начинается и оканчивается въ эпоху Карла Великаго, когда теизмъ получилъ «самое общее примѣненіе». Все это самый точный пересказъ «предсказанія Сократа», сочиненнаго Сень-Симономъ въ 1813 году ³⁴⁾). Дальше Контъ указываетъ первоисточникъ пережи-

³³⁾ Въ первой тетради 4 статьи, во второй одна, въ третьей одна—начало шестой, въ четвертой—конецъ.

³⁴⁾ *Oeuvres*. XL, 274. Текстъ Сень-Симона: „La prédiction de Socrate s'est complètement vérifiée, car il s'est écoulé cinq à six cents ans depuis sa mort jusqu'au moment où la religion chrétienne a commencé à s'établir en Europe, et pendant ce laps de temps sa doctrine n'a eu que le caractère scientifique; il s'en est écoulé cinq à six cents depuis le moment où la religion chrétienne s'établit en Europe jusqu'à Charlemagne et pendant ce laps de temps, la doctrine de Socrate, qui était le théisme et qui servit de base à la religion chrétienne, s'est évidemment revêtu un caractère religieux. Il s'en est écoulé cinq à six ans depuis Charlemagne, qui a imprimé au système l'idée de Socrate, lequel avait déjà douze cents ans de date, le caractère politique, d'une part en donnant au pape la souveraineté de Rome, et d'une autre part, en forçant les Saxons à reconnaître la juridiction papale, jusqu'au XVI-e ou XV-e siècle, époque où Wicle et Luther ont paru“. На страницѣ 264 объяснялось: „c'est le platonisme qui a servi de base à l'organisation de la religion; car les pères de l'Eglise, qui ont été les seuls savants pendant les premiers siècles de l'ère chrétienne, étaient platoniciens“. Текстъ Конта: „La révolution philosophique remonte jusqu'à Socrate, et se termine par les travaux d'ensemble des philosophes platoniciens d'école d'Alexandrie, qui avaient embrassé le christianisme; la révolution politique commence alors et se termine à l'époque de Charlemagne, où le théisme recut l'application la plus générale dont il était

ваемой въ его эпоху «философской революціи»: онъ находитъ его въ «культурѣ положительныхъ наукъ, введенной арабами въ Европу». Сень-Симонъ также дѣятельности арабамъ приписывалъ «грань» въ европейскомъ прогрессѣ: арабы «вздумали искать законовъ вселенной», ввели апостериорный методъ изслѣдованія, перевели Аристотеля и принялись работать надъ опытными науками. Общую нить этихъ идей Сень-Симонъ, по его словамъ, воспринялъ отъ Эльспера, автора книги о магометанской религіи ³⁵).

Наконецъ,—мы должны обратить вниманіе на заключенія этого разсужденія. Авторъ спѣшитъ подчеркнуть *практическое* значеніе всей философской идеи, разъ мы признали свою эпоху переходной,—мы такъ будемъ и дѣйствовать, составимъ планъ, съ которымъ спасемся отъ всѣхъ бѣдствій. Мы видимъ, гдѣ мы и куда стремимся и, слѣдовательно, можемъ «направлять свой путь наиболѣе выгоднымъ образомъ»,—т. е. усвоить опредѣленный рядъ дѣйствій. Авторъ видимо готовъ предписывать правила злободневной практической политики: онъ это и дѣлаетъ, называя безуміемъ—въ переходномъ состояніи—разрушать представительную монархію ³⁶).

Если это писалъ Контъ,—намъ необходимо запомнить эти мысли для ближайшаго будущаго.

Третье «разсужденіе» посвящено вопросу «о морали», т. е. о той «позитивной и земной морали», какую Сень-Симонъ призналъ одной изъ задачъ XIX-го вѣка во второмъ томѣ *Индустриіи*: тогда были употреблены и тѣ же опредѣленія,—и совершенно непостижимо, какъ Лафиттъ можетъ въ этихъ «замѣчательныхъ статьяхъ» видѣть, будто Контъ полагаетъ задачу—«полнаго философскаго и нравственнаго обновленія» и будто онъ чрезвычайно далекъ отъ Сень-Симона, «считавшаго христіанство послѣднимъ словомъ морали».

succéptible, tous les peuples de l'Europe civilisée étant devenus chrétiens par l'influence des conquêtes de Charlemagne". *Oeuvres*. XIX, 213—4. Сравненіе этихъ текстовъ особенно поучительно: мы видимъ, какъ ученикъ пользовался идеями учителя въ важнѣйшемъ вопросѣ позитивной философіи и политики—въ *общемъ* представленіи о прогрессѣ «авангарда человечества». Такова судьба и отдѣльныхъ идей Сень-Симона въ подготовительныхъ работахъ Конта.

³⁵) *Oeuvres*. XL, 68, 228. Сочиненіе Oelsner'a. *Des effets de la religion de Mahomet*, Paris 1810. Намъ еще придется встрѣтиться съ нимъ.

³⁶) *Oeuvres*. XIX, 26—7. Перепечатано въ *R. occid.* 1 janvier 84.

Это говорится объ авторѣ, писавшемъ по поводу религіознаго кризиса въ языческую эпоху—слѣдующее: «Цицеронъ не вѣрилъ въ возможность установленія новой религіозной системы; многіе въ настоящее время считаютъ невозможнымъ новую систему вѣрованія. Религія, далеко превосходящая политеизмъ своимъ нравственнымъ ученіемъ, тѣмъ не менѣе установилась немного времени спустя послѣ завѣреній Цицерона и множества другихъ мыслителей той же эпохи. Можно съ увѣренностью сказать то же самое и теперь: система вѣрованій съ нравственнымъ ученіемъ, гораздо болѣе высокимъ чѣмъ христіанство, неизбѣжно установится въ скоромъ времени».

Сень-Симонъ въ послѣдствіи дѣйствительно восторженно восхвалялъ евангельскій нравственный завѣтъ, мы увидимъ, какая мысль воодушевляла это чувство. Наконецъ,—*Новое христіанство*—предсмертное произведеніе Сень-Симона, а у насъ вопросъ идетъ объ его совмѣстныхъ трудахъ съ Контомъ,—въ данномъ случаѣ за восемь лѣтъ до смерти, когда прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ онъ заявилъ публикѣ: «философы XIX-го вѣка заставляютъ почувствовать необходимость—подвергнуть всѣхъ своихъ дѣтей изученію одного и того же уложенія земной морали, такъ какъ сходство позитивныхъ нравственныхъ идей—единственная связь, могущая соединять людей въ общество и, наконецъ, совершенствованіе соціальнаго состоянія не что иное какъ совершенствованіе системы позитивной морали»³⁷⁾.

Такими средствами создается независимость и оригинальность мысли Конта—его послѣдователями!

Мы видимъ,—вопросъ о принадлежности Конту сколькихъ угодно тетрадей третьяго тома—не представляетъ интереса для оцѣнки собственно контовской философіи. Этой философіи пока не существуетъ. Предъ нами—простой излагатель чужихъ мыслей, дѣйствительно секретарь, получающій опредѣленное жалованье за свой трудъ. Пока даже не замѣтно попытки освободиться—въ общихъ или частныхъ идеяхъ—отъ внушеній учителя. Наконецъ,—попытка обнаруживается и до вольно энергично—по поводу четвертаго тома *Индустрии*—и страннымъ путемъ—при посредствѣ анонимныхъ писемъ.

³⁷⁾ *Oeuvres*. XL, 167—8. 1813-й годъ. XVIII, 218. Лѣто 1817-го года.

Они заслуживают пристального вниманія: въ нихъ таится зерно позднѣйшей *Системы позитивной политики*, послужившей предлогомъ къ разрыву.

Прежде всего — фактическая причина, вызвавшая письма. Она, повидимому, должна доказать намъ, что о «земной морали» писалъ не Контъ, а Сень-Симонъ. Дѣло въ томъ, что послѣ четвертой тетради, заключающей это разсужденіе, — послѣдовалъ публичный протестъ многихъ именитыхъ подписчиковъ на сборникъ *Индустрія*. Подписчики напечатали въ *Journal des Débats* письмо къ министру полиціи съ заявленіемъ, что они вовсе не раздѣляютъ мнѣній Сень-Симона и даже не знали о нихъ до изданія его произведенія. Подписчики испугались, какъ бы не приняли ихъ за единомышленниковъ Сень-Симона послѣ того, какъ онъ опубликовалъ списокъ именъ вмѣстѣ съ подписными суммами. Протестъ былъ вызванъ идеями Сень-Симона о переходномъ характерѣ парламентарнаго строя и вопросомъ о «земной морали»³³⁾. Контъ и начинаетъ свое письмо сожалѣніемъ о «превратности», постигшей предпріятіе Конта *шесть мѣсяцевъ* тому назадъ. Письмо Конта, мы знаемъ написано послѣ мая или іюня 1818 года, — протестъ подписчиковъ былъ напечатанъ 31 октября, слѣдовательно Контъ жалѣлъ о несчастіи съ той тетрадью, какую Лафиттъ приписываетъ самому Конту, — мало этого, Контъ именно возражалъ на эту тетрадь, слѣдовательно, надо заключить, — она не могла принадлежать ему какъ *автору*. Новое доказательство, до какой степени легко сень-симоновскія идеи приписать Конту — даже при искреннѣйшемъ желаніи запитить его оригинальность³⁴⁾.

³³⁾ *Oeuvres*. XIX, 6—9.

³⁴⁾ Какъ поспѣшно до послѣдняго времени рѣшается существенный вопросъ о философскихъ отношеніяхъ Конта и Сень-Симона, — показываетъ примѣръ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей сень-симонизма — Вейля. (*О. с.* 199). Первое письмо Конта къ Сень-Симону онъ относитъ къ концу 1818 года и считаетъ его результатомъ недовольства Конта исключительно *четвертымъ* томомъ *Индустріи*. Письмо дѣйствительно, написано „на предметъ“ — *au sujet* — этого тома и, можетъ быть, въ концѣ 1818 года, но негодованіе Конта болѣе давняго происхожденія. Вотъ начало письма: „Prenant un vif intérêt à tous les travaux qui me paraissent susceptibles de contribuer au progrès de la science sociale et au développement de la civilisation, j'ai dû être péniblement affecté du revers que votre entreprise a essayé il y a six mois, et je l'ai été d'autant plus qu'il m'a paru que ce revers était en grande partie votre

Въ чемъ же заключаются возраженія Конта?

Все первое письмо посвящено отрицательной характеристикѣ публики, не способной оцѣнить идей Сень-Симона — публицистовъ, ученыхъ, промышленниковъ всякаго рода, легистовъ, министровъ. Замѣчательно, — отзывы Конта также заимствованы изъ произведеній Сень-Симона и письмо его ничего новаго не сообщало философу. Что ученые и особенно математики — либералы только въ теоріи, а въ дѣйствительности уклоняются отъ всякаго дѣятельнаго участія въ судьбѣ общества—это Сень-Симонъ успѣлъ многократно высказать въ своихъ негодующихъ обращеніяхъ къ «*brutiers, infinitésimaux, algébristes et arithméticiens*», — допрашивая ихъ: «Вся Европа рѣжется въ междоусобной войнѣ, а вы что дѣлаете, чтобы остановить эту бойню? ⁴⁰⁾ О равнодушіи и даже презрѣніи «университета» Сень-Симонъ зналъ давно, со времени *Писемъ въ Бюро долготы*. Его сужденія о легистахъ — намъ извѣстны по по-

ouvrage, et le résultat nécessaire de la direction fautive et irréfléchie que vous aviez prise dans votre *troisième* volume». Сень-Симонъ, продолжая Конта, замѣтилъ ошибку и пытается исправиться. Это замѣчаніе относится къ заявленію Сень-Симона вернуться въ IV-мъ томѣ къ прежнему „направленію“, т. е. къ задачамъ первыхъ томовъ *Индустри*, — изслѣдованію финансовыхъ и промышленныхъ вопросовъ. Но, во-первыхъ, мы знаемъ, вопросъ о системѣ новой морали былъ поставленъ во II томѣ такъ же какъ и о переходномъ значеніи конституціонныхъ учрежденій, а тотомъ и въ IV томѣ развивается критика, направленная на естественное революціонное право, на политическія формы и впервые представленъ — планъ, не „землѣдѣльческихъ реформъ“, какъ думаетъ Вейль, а всесторонняго преобразования современнаго конституціоннаго строя въ индустріальный. Именно IV т. *Индустри* даетъ намъ обильнѣйшій матеріалъ изъ области социальныхъ воззрѣній Сень-Симона. Вейль, не оцѣнивъ всего содержанія этой части *Индустри*, въ данномъ случаѣ отстаетъ даже отъ Лафитта: тотъ, по крайней мѣрѣ, въ IV томѣ видитъ „путь индустріальный и практическій“ — т. е. не только „*projets de reformes agricoles*“. Но, мы видимъ, — IV томъ по идейному содержанію невозможно отдѣлать отъ предидущаго, такъ же какъ и предидущій — развитіе II-го. И Конта разумѣется, не могъ въ своемъ неудовольствіи отдѣлать IV-й томъ, — онъ недоволенъ и III и IV по однимъ и тѣмъ же причинамъ: Сень-Симонъ не исправился, несмотря на свое заявленіе. Подлинныя слова Конта — о „ложномъ и необдуманномъ направленіи“ *третьяго* тома: они — веро-подобное противорѣчіе съ взглядомъ Лафитта на участіе Конта въ этомъ томѣ, что и надлежало отмѣтить Вейлю, — т. е. указать, что Сень-Симонъ неизмѣнно и непреодолимо теоретическія изслѣдованія приводилъ въ связь съ современными социальными вопросами и, если бы даже онъ пожелалъ, ему не удалось бы написать или чисто-теоретическое, или только публицистическое произведеніе. Въ этомъ фактѣ и замѣчается коренное отличіе философской организаціи Сень-Симона отъ Контовской.

⁴⁰⁾ *Oeuvres*. XI, 39—40, 81—2.

воду отношеній его къ Тьерри. Что представители промышленности и торговли «воспитаны въ чувствѣ страха и слѣпото подчиненія правительству» — это Сень-Симонъ могъ видѣть изъ письма его подписчиковъ къ министру полиціи: оно подписано крупнѣйшими парижскими *industriels* и потомъ о легистахъ — какъ «истинномъ общественномъ бѣдствіи» и объ *industriels*, какъ пассивныхъ жертвахъ легистовъ, Бонапарта, благородныхъ сословій—подробно говорится въ четвертомъ томѣ *Industrie*, вызвавшемъ критику Конта ⁴¹⁾. Авторъ письма указывалъ Сень-Симону, что его идеи и отзывы не понравятся публикѣ и не будутъ ею поняты и признаны. Указаніе— совершенно бесполезное уже потому, что построено на фактахъ, пережитыхъ самимъ Сень-Симономъ и на соображеніяхъ, имъ же высказанныхъ. Контъ предсказывалъ, что философа постигнетъ и новая неудача. Письмо заканчивается слѣдующимъ общимъ правиломъ: «Люди, пишущіе такъ же, какъ и люди управляющіе, всегда должны винить только себя въ своихъ неудачахъ, а не публику, какъ причину своего неуспѣха. Въ самомъ дѣлѣ, произведенія должны писаться для публики, а не публика должна существовать для писаній. Изумительно, какъ либеральны публицисты, считающіе основнымъ принципомъ, что правители созданы для управляемыхъ, не убѣдились, что писатели созданы для читателей,—а между тѣмъ основаніе одно и то же» ⁴²⁾.

Контъ именно этотъ принципъ предлагаетъ къ свѣдѣнію Сень-Симона.

Что же это значитъ практически? Неужели Сень-Симону не слѣдовало высказывать публично своихъ мнѣній объ ученыхъ и легистахъ и не предлагать идей, способныхъ — новизной — вызвать зависть публицистовъ и страхъ промышленниковъ и земельныхъ собственниковъ — не производителей?

Да, Контъ настаиваетъ, что не слѣдовало связываться съ тѣми, кто обладаетъ политическимъ вліяніемъ. Сень-Симонъ не подумалъ о неудобствахъ неизбѣжныхъ для него, разъ онъ обращается къ «массѣ публики», и вступилъ «совершенно бесполезно» въ борьбу со страстями ⁴³⁾.

⁴¹⁾ *Иб.* 123, 163, 166, 171.

⁴²⁾ Письма перепечатаны въ *R. occid.* 1 mai 1882. 344—358.

⁴³⁾ „Vous vous êtes forcément mis en rapport avec tous ceux qui exercent ou veulent

Какъ же слѣдовало поступить?

Въ отвѣтъ Конта заключается первое предзнаменованіе будущей междоусобицы. «Ваша единственная ошибка на мой взглядъ, пишетъ Контъ, — та, что вы развили свою идею въ ея политическихъ послѣдствіяхъ вмѣсто того, чтобы ограничиться ея научными послѣдствіями». Не слѣдовало касаться практическаго вопроса, т. е. объяснять, какое воздѣйствіе можетъ имѣть идея на существующія учрежденія, стремиться, чтобы ее одобрили законодатели: надо было *прослѣдить ее въ научномъ или теоретическомъ отношеніи*, разобратъ вліяніе идеи на теорію соціальной науки, затѣмъ, чтобы превратить ее въ основной принципъ этой теоріи.

Выигрышъ—несомнѣнный. Прежде всего публика у Сень-Симона состояла бы изъ людей, занимающихся нравственными и политическими науками и они оцѣнили бы его мысли при свѣтѣ логики, а не подъ вліяніемъ страстей. Потому, Сень-Симонъ могъ бы извлечь изъ своего основного положенія множество важныхъ истинъ.

Онъ первый установилъ, что «единственная разумная политика—политическая экономія». Онъ также первый создалъ «дѣйствительную и общую основу» для политической экономіи, какъ науки—своей основной идеей: *собственность — установленіе, важнѣйшее изъ всѣхъ, и она должна быть регулирована способомъ наиболее благоприятнымъ для производительности*. По мнѣнію Конта,—всѣ истинны политической экономіи примыкаютъ къ этой «прекрасной идеѣ» и политическая экономія, благодаря той же идеѣ, даетъ возможность основать истинную политическую науку на экономическихъ наблюденіяхъ. И вотъ,—какая была бы прекрасная задача — созданіе такой системы позитивной политики! Эту политику Контъ теперь отождествляетъ съ политической экономіей.

Но здѣсь не оканчивается значеніе этой науки. Контъ желалъ бы преобразовать и мораль, ея принципъ изъ области чувствъ перенести на научную почву. «Нравственные правила», говоритъ Контъ, «какъ и политическія учрежденія должны быть оцѣниваемы по вліянію, какое они оказываютъ или могутъ оказать на *производительность*», — подчеркиваетъ авторъ, — и считаетъ въ высшей степени

exercer une influence politique quelconque, c'est à dire avec presque tout le monde".
O. c. 353.

любопытнымъ изслѣдованіе всѣхъ «нравственныхъ привычекъ и наклонностей», — напимѣръ, — благотворительности — съ этой точки зрѣнія, — безъ декламацій, путемъ позитивнымъ.

Таково разногласіе — первое, намъ извѣстное, — между Сень-Симономъ и его ученикомъ. Понятіе о позитивной политикѣ и морали — цѣликомъ заимствовано изъ второго тома *Индустри*: на это указываетъ самъ Контъ, и буквально повторяетъ выраженіе изъ четвертой тетради третьяго тома, изъ разсужденія *о морали*. Здѣсь говорится: «Чтобы перейти къ новой системѣ, остается продѣлать необходимыя философскія работы съ цѣлію пересмотрѣть всѣ идеи, чтобы основать ихъ на принципахъ индустри, чтобы свести всю мораль къ производительности — какъ и политику». Эта мысль — повтореніе идеи, высказанной во второмъ томѣ — раньше всякаго участія Конта въ работахъ Сень-Симона ⁴⁾. Въ чемъ же проявляется его личность, самостоятельность?

Единственно — въ вопросѣ, какъ воспользоваться уже высказанной идеей. Сень-Симонъ спѣшитъ приложить ее къ критикѣ современнаго соціального строя, Контъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ остаться въ области теоретическаго развитія идеи. Непосредственно послѣ разрыва съ Сень-Симономъ Контъ въ письмѣ къ Вала объясняетъ вполне опредѣленно свою философскую политику и когда мы сравнимъ ее съ образомъ дѣйствій Сень-Симона, какъ философа, мы поймемъ смыслъ идейнаго различія между двумя писателями и признаемъ совершенно безцѣльными соображенія на счетъ глубокой *философской* пропасти между не поправу притязательнымъ учителемъ и безусловно независимымъ ученикомъ.

Контъ говоритъ о себѣ:

«Для меня все дѣло исключительно въ духовномъ переустройствѣ общества и отнюдь не въ правительственномъ, — т. е. я стремлюсь къ установленію доктринъ, а не учреждений. Когда доктрины будутъ созданы, т. е. приблизительно въ шестьдесятъ лѣтъ, — тогда подумаютъ и объ учрежденіяхъ, которыя будутъ преобразованы согласно доктринамъ. А до тѣхъ поръ я совѣтую управляемымъ уваженіе къ существующимъ учрежденіямъ — самое лучшее, что имъ остается дѣлать, а правителямъ вмѣняю въ обязанность — съ твердостью дер-

⁴⁾ *Oeuvres*. XIX, 39; XVIII, 186—8.

жаться оборонительной системы. Для меня эта предварительная идея составляет всю важность... На всё разсужденія объ учрежденіяхъ я смотрю какъ на чистую глупость—вполнѣ праздную и ни на чемъ не основанную, до тѣхъ поръ пока идеальное переустройство общества не будетъ осуществлено, или по крайней сильно подвинуто къ осуществленію... Такимъ образомъ, не теряя изъ виду, что я емь и желаю быть просто и исключительно теоретикомъ (но не мечтателемъ),—и никоимъ образомъ—практикомъ,— даже практикомъ подающимъ совѣты... Дальше Контъ уподобляетъ свою философскую задачу—возникновенію христіанства. Насколько вопросъ идетъ о «нашей эпохѣ»,—онъ можетъ сказать о себѣ: «царство мое не отъ міра сего» ⁴⁵⁾.

Самъ Контъ въ томъ же письмѣ свою только что объясненную цѣль ставить въ связь съ *оппозиціей* Сень-Симону. Если бы Контъ далъ практической ходъ этой оппозиціи въ 1818 году,—его исторія отношеній съ Сень-Симономъ нисколько не измѣнилась бы по существу; другихъ мотивовъ—протестовать противъ Сень-Симона, какъ философа, Контъ не приобрѣлъ и до 1824 года, когда на всегда разстался съ учителемъ.

VII.

Крайне поучительно вести параллельное сравненіе писемъ Конта и сочиненій Сень-Симона: получается впечатлѣніе рѣдкой силы и глубины учительскаго вліянія. Наполняя письма философіей, Контъ отнюдь не ограничивается «теоретическими» и «научными» идеями,—онъ отражаетъ практическія мысли Сень-Симона иногда съ хронологической послѣдовательностью.

Въ ноябрѣ 1818 года, т. е. приблизительно одновременно съ письмами къ Сень-Симону Контъ пишетъ Вала краснорѣчивую рѣчь противъ постоянныхъ войскъ. «Глубокое изученіе» политики, по его словамъ, убѣдило его, что «это учрежденіе въ настоящее время единственное препятствіе къ усовершенствованію соціальной организаціи». Предъ нами—соотвѣтствующее разсужденіе Сень-Симона, заключающееся выводомъ: «первая мѣра по пути къ установленію свободы — распущеніе постояннаго войска». Сень-Симонъ и Контъ

⁴⁵⁾ *Lettres à Valat.* 155—7. 25 dec. 1824.

одинаково распространяются объ услугахъ, оказанныхъ отечеству въ разныхъ государствахъ—милиціями ⁴⁶⁾.

Дальше у Конта восхваляются Генрихъ IV и аббать Сень-Пьеръ за идею всеобщаго мира. Эти воспоминанія занимаютъ почетное мѣсто въ *Переустройствѣ европейскаго общества* и проектъ аббата, мечтавшаго о союзѣ государей,—въ обоихъ случаяхъ оцѣненъ одинаково.

Обширное письмо отъ 24 октября 1819 года представляетъ особый интересъ. Оно прежде всего содержитъ страстную негодующую рѣчь противъ *празднѣвъ* въ защиту—*рабочниковъ*. *Oisifs* и *travailleurs* два основныхъ понятія социальнаго ученія Сень-Симона и они именно вдохновляющіе мотивы его практической философіи, не одобренной Контомъ. Но ученикъ забываетъ свое неодобреніе и говоритъ своему другу о *долгѣ*—произвести «великую пережѣву»—достигнуть, чтобы трудящійся классъ «пересталъ питать позорную роскошь пошлой праздности господъ, хозяевъ—*maitres*»—подчеркиваетъ авторъ, «чтобы социальный строй, до сихъ поръ организованный въ выгодахъ людей бесполезныхъ, былъ переустроенъ всецѣло въ пользу людей полезныхъ». Долгъ—*un devoir*—работать въ этомъ направленіи лежать въ особенности на Контѣ и его другѣ, какъ дѣтей «класса угнетенныхъ». «Когда цѣль можетъ быть достигнута,—совершенно уединять себя отъ общества, жить простымъ зрителемъ—было бы вѣгвозмомъ.» Контъ свое письмо называетъ «апостольскимъ посланіемъ» и переходитъ къ восторженному изображенію историческаго значенія Иисуса Христа и его апостоловъ—«либераловъ и истинныхъ философовъ» своего времени.

Опять—поучительное составленіе: Сень-Симонъ какъ разъ въ эту эпоху написалъ отрывокъ — *Возникновеніе христіанства* и изобразилъ Христа идеаломъ сверхъ человѣческихъ совершенствъ и преклонился предъ его послѣдователями и проповѣдниками его ученія ⁴⁷⁾. Не будетъ опрометчивымъ—предположить, что эти мысли философа

⁴⁶⁾ Въ отрывкѣ, напечатанномъ у Hubbart'a, составившаго свою книгу подъ ближайшимъ наблюденіемъ Родрига и перепечатавшаго сочиненія Сень-Симона по его рукописямъ. Отрывокъ Гюббаръ относитъ къ 1818 году. *Saint-Simon, sa vie et ses travaux*. P. 1857. 214—5. *Lettres à Valat*. 71—2.

⁴⁷⁾ *Oeuvres*. XV, 275—6. *Lettres*. 73.

⁴⁸⁾ *Lettres*. 79—80. *Oeuvres*. XIX 174.

попутно съ сочиненіемъ философа развивалъ въ бесѣдахъ съ ученикомъ и, какъ всегда, захватилъ его умъ своими воззрѣніями. Но не въ этомъ только интересъ письма Конта.

Мы должны обратить вниманіе на чрезвычайно рѣзко выраженную *практическую* идею. Мы не узнаемъ больше философа, защищавшаго исключительно *научную* умственную работу и желавшаго не вѣшпиваться въ политическія злобы времени, не раздражать страстей, вообще не связываться съ политическимъ міромъ,—а ограничиться исключительно логической разработкой философской теоріи.

Въ письмѣ отъ 28 сентября того же 1818 года Контъ заявляетъ: «мои работы есть и будутъ двухъ родовъ—научныя и политическія», и онъ трудится подъ вліяніемъ двухъ побужденій: работа доставляетъ ему удовольствіе и, потомъ—мысль о пользѣ, какую его труды могутъ оказать его «бѣднымъ ближнимъ». «Я говорю *принципіально*, подчеркиваетъ Контъ,—я весьма не высоко цѣнилъ бы ученныя работы, если бы безпрестанно не думалъ объ ихъ полезности для человѣчества: я тогда предпочелъ бы забавляться разгадкой самыхъ сложныхъ ребусовъ. Я чувствую глубокое отвращеніе къ научнымъ работамъ, когда я не вижу ясно ихъ пользы—непосредственной или отдаленной». Контъ свое чувство называетъ филантропіей. Оно до такой степени могущественно, что заслоняетъ собой личное славоліе. Контъ испытываетъ гораздо больше удовольствія въ идейномъ творествѣ, чѣмъ въ обнародованіи своихъ идей. И «научная извѣстность» его занимаетъ только потому, что она сообщаетъ больше внушительности его «политическимъ рѣчамъ». «Потому что, поясняетъ Контъ, къ стыду ученыхъ—политическія истины, вообще не разрабатываются людьми наиболѣе способными». Кстати, авторъ и объясняетъ, что онъ разумѣетъ «настоящую политику, нравственную политику, а не макиавелизмъ, переряженный въ либерализмъ или если угодно, въ бонапартизмъ».

Какъ съ этими безусловно практическими и даже непосредственно-практическими мыслями примирить критику молодого философа на способъ Сень-Симона—пользоваться политической философіей? Контъ усвоилъ даже основной злободневный политическій взглядъ своего учителя на современный либерализмъ. Сопоставленіе его съ бонапартизмомъ и даже съ макиавелизмомъ—плодъ неотразимаго сень-симоновскаго внушенія, философа не переставалъ именно съ этой точки

зрѣнія разоблачать либеральныхъ парламентаристовъ и публицистовъ эпохи реставраціи и сѣтовалъ на равнодушіе дѣйствительно политически-способныхъ мыслителей къ политикѣ. Обѣ идеи лежать въ основѣ практическихъ задачъ Сень-Симона и управляютъ его часто чрезвычайно живой и настойчивой философской проповѣдью. Мы видимъ,—и та и другая идея были вполне понятны Конту и вызывали въ немъ искреннее, повидимому, сочувствіе ⁴⁹⁾. Очевидно, ученикъ далеко не съ самаго начала обнаружилъ идейную независимость отъ своего учителя, и если обнаружилъ—это не было оригинальностью міросозерцанія, а *выборомъ* одной стороны въ чужомъ міросозерцаніи. Наконецъ, если мы и признаемъ за Контомъ оригинальность въ исключительно теоретической и научной *обработкѣ* политики,—всѣ его практическія стремленія въ этой области мы тѣмъ болѣе должны будемъ отнести на счетъ Сень-Симона—такъ же какъ и теоретическія идеи.

Непосредственно послѣ *Индустрии* Сень-Симонъ предпринялъ изданіе новаго философско-политическаго сборника, не періодическаго, но выходившаго время отъ времени «выпусками». Контъ принялъ участіе въ сборникѣ—за подписью *B*—начальная буква фамильнаго имени его матери *Boyer* ⁵⁰⁾. Сборникъ, подъ названіемъ *Политикъ или опыты о политикѣ какая приличествуетъ модямъ XIX-го вѣка* издавался съ января до половины мая 1819 года. Статьи Конта посвящены текущимъ политическимъ вопросамъ,—о свободѣ печати, о бюджетѣ: разрѣшеніе послѣдняго вопроса, мы увидимъ, Сень-Симонъ полагалъ во главу политическаго осуществленія позитивной политики, т.-е. установленія индустріальнаго строя. Контъ, слѣдовательно, и здѣсь творилъ волю учителя и шелъ его путемъ. За статью о свободѣ печати редакція *Политика* публично изъявляла автору «благодарность за превосходную работу», Лафиттъ придаетъ статьѣ особенное значеніе, — тѣмъ болѣе, что и самъ Контъ, подводя итоги своему прошлому въ послѣднемъ томѣ *Системы позитивной политики*—идею о свободѣ печати выдѣляетъ какъ одну изъ руководящихъ принциповъ по пути къ «позитивной религіи» ⁵¹⁾.

⁴⁹⁾ *Lettres*. 99—100.

⁵⁰⁾ *R. occid.* 1 mai 82. 822.

⁵¹⁾ *Syst. de pol. posit. Préface de l'Appendice générale*. II.

Какая связь между либеральной теоріей и религиознымъ творчествомъ? Лафиттъ пространно объясняетъ ее: печать, какъ доказывалъ Контъ на этотъ разъ единодушно не только съ Сень-Симономъ, но со всѣми либеральными политиками эпохи—съ Констаномъ во главѣ,—создаетъ власть общественнаго мнѣнія. Констанъ защищалъ печать именно какъ органъ «не парламентской націи», т. е.—по недостатку ценза—не имѣющей права участвовать въ выборахъ. Къ 1818 году Констанъ изложилъ полное ученіе объ этомъ предметѣ,—Контъ рѣшительно нечего было прибавить къ исчерпывающимъ доводамъ либеральнаго вождя, и значеніе *общественнаго мнѣнія* было оцѣнено всесторонне⁵¹⁾. Когда позже другой либеральный публицистъ, одинъ изъ редакторовъ *Цензора*—Дюнуайе издалъ брошюру о правѣ петицій и также обсуждалъ вопросъ, какъ возмѣстить недостатки конституціи съ очень высокимъ цензомъ,—Сень-Симонъ посигѣшилъ одобрить идеи Дюнуайе—на счетъ неполноты представительства общественнаго мнѣнія во Франціи при крайне ограниченномъ количествѣ избирателей и избираемыхъ⁵²⁾. Что же могло привести въ восторгъ ученика Конта?

Лафиттъ нашелъ, что Контъ въ статьѣ о свободѣ печати приступилъ къ вопросу о двухъ властяхъ, такъ какъ «теорія общественнаго мнѣнія составляетъ часть наиболѣе отвлеченной и общей теоріи духовной власти». «Впослѣдствіи, говоритъ Лафиттъ, Контъ внесъ только усовершенствованія въ это великое начало, которое вѣчно будетъ перечитываться и обдумываться, какъ одно изъ его самыхъ мощныхъ созданій». Все это—по поводу идеи о двухъ властяхъ въ новую позитивную эпоху—соотвѣтственно двумъ средневѣковымъ властямъ. И Лафиттъ также восторженно рассказываетъ исторію идеи въ философіи Конта,—ни единымъ словомъ не упомянувъ объ его вдохновителѣ⁵³⁾. Если бы не существовало сочиненій Сень-Симона, можно бы дѣйствительно признать Конта творцомъ одного изъ оригинальнѣйшихъ воззрѣній позитивизма. Но сочиненія Сень-Симона предъ нами и въ самомъ раннемъ мы уже находимъ принципъ «духовной» и «свѣтской власти» и ихъ строгое разграниченіе

⁵¹⁾ B. Constant. *Collection complète des ouvrages*, tome II, 3-e et 4-e partie, P. 1818.

⁵²⁾ *Cathéchisme des Industriels. Oeuvres*. XXXVII, 153--4.

⁵³⁾ *R. occid.* 1 sept. 83. 168—9, 170.

и распределение между разными силами общества ⁵⁵). А впоследствии Сень-Симонъ—мы увидимъ—на этой идеѣ построить свое представление о положительной практической сторонѣ средних вѣковъ и превосхитить, слѣдовательно, контовскую, «изумительную оцѣнку католичества», какъ выражается Лафиттъ.

Вся статья Конта замѣчательна не оригинальностью мысли: въ этомъ отношеніи трудно было превзойти того же Констанана именно въ вопросѣ о печати—статья любопытна, какъ новое свидѣтельство *практической* политики автора,—и чрезвычайно замѣчательна слѣдующая мысль. По мнѣнію Конта, «главная политическая способность пребываетъ не среди правителей, даже не въ парламентѣ, а среди управляемыхъ»,—*вз нами*. И свобода печати именно потому и необходима, что предоставляетъ совѣщательный голосъ всякому просвѣщенному гражданину ⁵⁶).

Контъ обѣщаль въ особой статьѣ доказать эту мысль,—эта статья не появилась и Сень-Симонъ врядъ ли могъ ей сочувствовать. Въ одобрительномъ письмѣ онъ обѣщаль «откровенно и подробно» высказать свои мысли объ идеяхъ Конта, — можно предпологать, откровенность имѣла въ виду именно мнѣніе Конта насчетъ пребыванія высшей политической способности. И Лафиттъ правъ, догадываясь, почему Контъ не перепечаталъ этой статьи: она еще носила слѣды «революціоннаго состоянія». Точнѣе—Контъ еще не усвоилъ безповоротно одной изъ основныхъ идей своего учителя— о духовной власти ученыхъ и философовъ и не дошелъ до принципа своей позитивной политики—до «образованія позитивнаго священства»,— «*la formation du sacerdoce positif*». Этотъ принципъ Лафиттъ взялъ эпиграфомъ для своихъ ежегодныхъ циркуляровъ позитивистской церкви,—нельзя было ярче засвидѣтельствовать безсмертнаго духа Сень-Симона, вѣющаго надъ созданіемъ Конта. Въмѣсто словъ признаннаго учителя, Лафиттъ могъ бы взять формулу даже изъ одного ранняго сочиненія Сень-Симона: «*Le sacerdoce placé entre les mains du corps de lettrés laïcs occupé de la culture des sciences mathématiques et physiques*» ⁵⁷.

⁵⁵) *Lettres d'un habitant de Genève. O. choisies.* I, 38.

⁵⁶) Вся статья перепечатана *R. occid.* 1 sept. 83. 175—192.

⁵⁷) *Introduction aux travaux scientifiques. O. ch.* I, 224.

Не менѣе поучительны для насъ и финансовыя статьи Конта, напечатанныя въ *Политикъ*, — особенно остававливаютъ вниманіе первая статья. Мы знаемъ, — Конту приписывается недовольство четвертымъ томомъ *Индустріи*, — и первая статья Конта по финансовымъ вопросамъ ничто иное какъ пересказъ сочиненія Сень-Симона — *Конституціонное средство умножить богатства Франціи*. Основная мысль статьи точно выражена въ заголовкѣ: *Преувеличенная важность, придаваемая новыми народами формѣ правленій; существенная важность закона о финансахъ*. Въ статьѣ доказывается, что вопросъ о политической формѣ — «чисто побочный и второстепенный», есть нѣчто важнѣе раздѣленія властей — именно составленіе бюджета. Это даже по формѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ разсужденію Сень-Симона ⁵⁸⁾.

Дальше Контъ объясняетъ политическое значеніе освобожденія общинъ, связь этого факта съ современными требованіями политики, — вообще вся статья занята не только практическимъ вопросомъ, но, заимствуя его рѣшеніе изъ ранняго разсужденія Сень-Симона, суживаетъ самую постановку вопроса и отвѣта. У Сень-Симона составленіе бюджета только звено въ цѣпи общихъ экономическихъ реформъ, имѣющихъ цѣлью самую широкую мобилизацію земельной собственности и въ результатѣ переходѣ конституціоннаго строя въ «индустріальный». Контъ въ двухъ обширныхъ статьяхъ ограничивается вопросами о порядкѣ составленія и вотиrowанія бюджета, о распредѣленіи налоговъ, о тратѣ государственной казны не на пользу націи, а на содержаніе чиновниковъ, на роскошную обстановку двора и министерствъ. Здѣсь Контъ обнаруживаетъ настоящій публицистическій талантъ, — но, очевидно, вопреки своей программѣ, рискуетъ раздражить страсти и интересы ⁵⁹⁾.

⁵⁸⁾ *R. occid.* 1 sept. 88. 352—3. *Oeuvres*. XIX, 81, 98. — Сень-Симонъ: „Nous attachons trop d'importance à la forme des gouvernements; il semble que toute la politique soit concentrée là, et qu'une fois la division des pouvoirs bien établie tout soit organisé le mieux du monde... La loi plus importante de toutes est sans contredit celle qui règle le budget“. Контъ: „Quant à moi je suis profondément convaincu que l'on s'est étrangement mépris en considérant la question de la forme du gouvernement comme la plus importante de toutes les recherches sociales... Il y a dans l'ordre politique quelque chose de plus important que la division des pouvoirs: ce quelque chose, c'est la composition du budget“.

⁵⁹⁾ Статьи перепечатаны *R. occid.* 1 nov. 88. 352—370; 347—398.

Таковъ характеръ статей написанныхъ Контомъ для сборника Сень-Симона. И подъ этими статьями, какъ и подъ третьимъ томомъ *Индустри* могъ подписаться одинъ Сень-Симонъ. Контъ выполнялъ лишь секретарскія обязанности и проявлялъ въ своемъ трудѣ неизмѣримо меньше личности и самостоятельности, чѣмъ Тьерри. До сихъ поръ мы не могли встрѣтить ни одного вопроса, поднятаго Контомъ единолично, даже постановка вопросовъ — плодъ прямыхъ внушеній учителя. И эти слушенія оказываются до такой степени могущественными, что заставляютъ Конта дѣйствовать въ противорѣчье съ самимъ собой. Сень-Симонъ непреодолимо влечетъ его по своему пути, пока даже не предоставляя спутнику свободы—выбора среди учительскихъ идей. Моментомъ освобожденія будетъ именно этотъ выборъ, сортировка принциповъ и методовъ.

Зависимость Конта отъ Сень-Симона еще краснорѣчивѣе доказывается его работами, написанными въ періодъ изданія *Политика*, но не попавшими въ этотъ сборникъ. Лафиттъ тщательно собралъ ихъ и напечаталъ—за исключеніемъ одной—по рукописямъ.

Опредѣлить точно мѣсяцъ сочиненія каждой статьи—невозможно,—но, повидимому, всѣ онѣ относятся приблизительно ко времени, слѣдовавшему за прекращеніемъ *Политика*. Набрасывались онѣ, можетъ быть, и раньше, когда сборникъ Сень-Симона еще издавался: Лафиттъ напечаталъ нѣсколько отрывковъ въ различныхъ редакціяхъ. Но въ сентябрѣ 1819 года Контъ сообщаетъ, — лишь только *Политикъ* прекратился онъ началъ работать въ *Европейскомъ цензурѣ* и въ июнѣ и въ іюлѣ напечаталъ здѣсь двѣ статьи. Одна—рецензія на книгу — специального содержанія, другую Лафиттъ перепечаталъ: она представляетъ возраженіе на мнѣніе министровъ, будто представительный образъ правленія неизбежно дороже, чѣмъ деспотическій и даже республиканскій ⁶⁰⁾). Въ статьѣ достойно вниманія разсужденіе о равенствѣ—единственное общаго характера. По мнѣнію автора, существуетъ два рода равенства—отрицательное и положительное. Одно—положительное—состоитъ исключительно въ устраненіи всякой привилегіи при распредѣленіи общественныхъ должно-

⁶⁰⁾ Рецензія о книгѣ *Histoire de la navigation interieure*, статья называется *Sur une doctrine singulière professée récemment à la Chambre des Députés. R. occid.* 1 mai 92. 329—380; 359—363.

стей, назначеніе на эти должности только людей способныхъ. Другое «отрицательное и критическое» заключается просто въ распространеніи права жить на счетъ общества — на всѣхъ гражданъ, права, составлявшаго раньше достояніе однихъ привилегированныхъ. Это равенство Контъ называетъ «турецкимъ», во Франціи оно введено Бонапартомъ, развившимъ у французозъ «жадный вкусъ къ власти» — столь выгодный для деспотизма, какъ «орудіе грабежа, рабства и нравственнаго разложенія».

Мысль остроумная и мѣткая по исторической постановкѣ вопроса. Принадлежитъ ли она Конту? На этотъ разъ мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта на основаніи простыхъ хронологическихъ сопоставленій. До сихъ поръ *предшественницъ* всѣхъ контовскихъ идей мы имѣли возможность найти въ сочиненіяхъ Сень-Симона, — разсужденію о «турецкомъ равенствѣ» также соотвѣтствуетъ одно мѣсто въ произведеніи Сень-Симона именно въ *Четвертомъ письмѣ къ промышленникамъ*, — но письмо это издано въ концѣ 1820 года, — и мы не можемъ прямо указать простѣйшаго источника контовской идеи⁶¹⁾. Сень-Симонъ сопоставляетъ *l'égalité turque* и *l'égalité industrielle* — въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлано въ статьѣ Конта. Вопросъ въ философскомъ отношеніи не имѣетъ принципиальнаго значенія, вопросъ — чисто-политическій, неразрывно связанный со всѣмъ социальнымъ міросозерцаніемъ Сень-Симона, основаннымъ на понятіи *carrière*, политической производительной способности. Сень-Симону не представлялось никакой нужды заимствовать изъ чужихъ рукъ — одну изъ иллюстрацій своего принципа. Наконецъ онъ, столь тщательно отмѣтившій вѣрныя, по его мнѣнію, идеи редакторовъ *Европейскаго цензора* — Шарля Конта и Дюнуайе, — не приминулъ бы назвать и ихъ сотрудника, — тѣмъ болѣе что въ 1819 году никакихъ тѣней на отношеніяхъ Сень-Симона и Конта не существовало — и Контъ продолжалъ работать вмѣстѣ съ учителемъ.

Для *Европейскаго цензора* предназначалась тоже довольно обширная рецензія о книгѣ Thouret. Это — самое значительное произведеніе Конта, написанное внѣ изданія Сень-Симона въ 1819 году. Лафиттъ, старательно отмѣтившій нѣсколько страницъ въ *Организаторѣ* Сень-Симона, принадлежащихъ будто бы Конту по новизнѣ

⁶¹⁾ *Du Système Industriel. Oeuvres. VI, 17 ф. V, p. XII.*

идей,—по неизвѣстной причинѣ пренебрегъ подробнѣмъ сопоставленіемъ рецензіи на книгу Thouret съ тѣмъ же *Организаторомъ* ⁶²⁾. Слѣдуя своему методу, Лафиттъ могъ бы уличить Сень-Симона во многихъ заимствованіяхъ изъ ненапечатанной статьи Конта. Совпаденія многочисленныя и *буквальныя*. Статья начинается указаніемъ на ложное положеніе исторіи, какъ науки,—до сихъ поръ почти исключительно «біографіи власти», «отрасли литературы», между тѣмъ какъ она должна быть основана на «рядѣ наблюденій надъ ходомъ цивилизаціи». Эти страницы дадутъ намъ впоследствии основныя представленія Сень-Симона о преобразованіи исторіи въ положительную науку,—и они съ точностью повторяются въ статьѣ Конта. Иногда вставлено нѣсколько фразъ, отсутствующихъ въ *Организаторѣ*,—но онѣ не мѣняютъ главнаго содержанія. Попутно представлена характеристика Кондорсе — автора первой «философской исторіи»; хотя и не выполнившаго своей задачи научно. Упоминается и о неосновательномъ пренебреженіи историковъ къ среднимъ вѣкамъ,—на самомъ дѣлѣ—видѣвшимъ «самыя существенныя событія въ исторіи новыхъ народовъ»: окончательную организацію христіанства, освобожденіе общинъ—все это настоящій отправный пунктъ новой цивилизаціи. Все это болѣе или менѣе въ *буквальныхъ* выраженіяхъ является достояніемъ Конта въ статьѣ и—Сень-Симона въ «седьмомъ письмѣ» *Организатора*. Кто же дѣйствительный авторъ? Если судить по только что приведеннымъ идеямъ — сомнѣнія быть не могутъ: всѣ ихъ мы уже признали собственностью Сень-Симона—до его знакомства съ Контомъ, и для доказательства намъ пришлось бы снова сослаться на *Mémoire sur la science de l'homme* относительно исторіи и среднихъ вѣковъ, на *Introduction aux travaux scientifiques* и на письма къ Редерну — о Кондорсе, на *Industrie* по поводу общинъ. Контъ не изобрѣлъ всѣхъ этихъ мыслей и даже не выработалъ ихъ вмѣстѣ съ Сень-Симономъ, такъ какъ всѣ онѣ принадлежатъ сочиненіямъ Сень-Симона до секретарства у него Конта. Но какъ объяснить совпаденіе текстовъ, доходящее до точной переписки статьи въ письмо? Рукопись подписана Контомъ и если осно-

⁶²⁾ Кн. Thouret: *Abregé des révolutions de l'ancien gouvernement français*. Статья Конта не попала въ *Цензоръ*—изъ за личныхъ отношеній редакціи къ автору книги, не вполне одобренной Контомъ. *R. occid. Ib.* 331, 365—372.

вызваться на его подписи, — придется признать, что Сень-Симонъ внесъ текстъ ненапечатанной статьи ученика въ свое изданіе. Съ другой стороны — въ виду несомнѣнно сень-симоновскаго идейнаго содержанія статьи — необходимо заключить, что Контъ могъ за своей подписью сочинять статьи на основаніи внушеній учителя, — и именно поэтому Сень-Симонъ, переноса текстъ Конта въ свое изданіе и подъ свою подпись, — не считалъ нужнымъ — даже упомянуть составителя текста какъ автора. Мы это ясно видимъ и изъ другихъ отрывковъ, напечатанныхъ Лафиттомъ. Напримѣръ, вслѣдъ за рецензіей на книгу *Thoughts* Лафиттъ печатаетъ *Fragment*, не опредѣляя точно времени его написанія. Въ «отрывкѣ» опять цѣлое разсужденіе, соответствующее сень-симоновскому, — но уже не изъ *Организатора*, а изъ второго тома *Индустри*, — т. е. до-контовскаго періода. Разсужденіе — чрезвычайно для Сень-Симона характерное: онъ находитъ, что приемъ общинъ — приобрѣтать вольности путемъ выкуповъ — самый цѣлесообразный и его слѣдовало примѣнить и въ революцію^{*)}.

На этотъ разъ, по нашему мнѣнію, совершенно ясенъ процессъ контовской работы. Сень-Симонъ, мы увидимъ, очень не высоко цѣнилъ свой писательскій талантъ; неоднократно говорилъ о немъ въ томъ же смыслѣ, какъ его родичъ, герцогъ и перъ оцѣнивалъ съ виѣшной стороны свои знаменитыя *Записки*. Естественно онъ всегда съ готовностью уступалъ обработку болѣе искуснымъ литераторамъ, кто могъ яснѣе и точнѣе изложить его мысли. Это онъ заявлялъ даже публично, — и Контъ въ молодости несомнѣнно былъ однимъ изъ такихъ излагателей. У него еще не успѣлъ выработаться запутанный, педантическій стиль *Курса позитивной философіи*: «революціонный духъ» имѣлъ благотѣльное вліяніе если не на зрѣлость его ума, — то по крайней мѣрѣ на бойкость и силу его языка. Въ этомъ смыслѣ поучительно сравнить, напримѣръ, только что указанное разсужденіе о Кондорсе въ юношеской рецензіи или болѣе подробное развитіе того же вопроса въ *Планъ работъ необходимыхъ для переустройства общества* отъ 1822 года, — и страницы о Кондорсе въ *Курсѣ*: идеи однѣ и тѣ же, — но простота формы ис-

*) *R. occid. Ib.* 373. *Oeuvres.* XV, 197—9, 211.

чезла безвозвратно ⁶⁴⁾. Пока предъ Сень - Симономъ былъ сотрудникъ—лично очень независимый, но идейно покорный даже стихийной покорностью подъ влияніемъ только что развернувшихся философскихъ горизонтовъ.

Такого же происхожденія и «политическое произведеніе», которому Лафиттъ приписываетъ большое значеніе для идей Сень-Симона. Оно также перешло въ *Organisateur* — Сень - Симона, какъ часть «извлеченія» изъ «труда и по теоріи соціальной организаціи». Сень - Симонъ прямо выражается *mon ouvrage*, Лафиттъ находитъ здѣсь заимствованными отъ Конта «идеи дѣйствительно новыя» ⁶⁵⁾. Идеи эти слѣдующія: правители до сихъ поръ смотрѣли на управляемыхъ какъ на свое достояніе, считали народы своей родовой собственностью, о выгодѣ ихъ судили съ точки зрѣнія своихъ страстей и вкусовъ. Въ примѣръ приводится Людовикъ XIV. Новый принципъ политики смотреть иначе: правители только администраторы общества, счастье націи—единственная и исключительная цѣль соціальной организаціи. Одна изъ трехъ конституціонныхъ властей обязана защищать и осуществлять этотъ принципъ. Дальше говорится о неудовлетворительности и этого принципа—слишкомъ неопредѣленнаго. И въ настоящее время публицисты должны «сосредоточить свои мысли на томъ пути, какимъ общество должно достигнуть счастья и заставить общество вступить на этотъ путь». До тѣхъ поръ произволъ все равно будетъ существовать — при какой угодно формѣ правленія.

Здѣсь прерывается разсужденіе Конта. «Извлеченіе» Сень-Симона идетъ дальше, т. е. рѣшаетъ поставленную задачу, объясняетъ условія человѣческаго счастья: новое общество должно воздѣйствовать на природу, оно будетъ управляться не людьми, а принципами—извлеченными «изъ самой природы вещей». И Сень-Симонъ ставитъ вопросы, какіе должна разрѣшить новая система политики. Все клонится къ ясному опредѣленію цѣли соціальной организаціи и послѣдовательному суженію всевозможныхъ произвольныхъ воздѣйствій власти на общество ⁶⁶⁾.

⁶⁴⁾ *Cours*. IV, 189—190. *Prospectus des travaux nécessaires pour réorganiser la société* или *Système de politique positive* въ *Oeuvres*. XXXVIII. О Кондорсе.—146—8.

⁶⁵⁾ *Opuscule politique*. *Ib.* 376—9, 325.

⁶⁶⁾ *Oeuvres*. XX, 191—206.

Въ этомъ разсужденіи мы узнаемъ извѣстный намъ принципъ Сень-Симона—наивозможное ограниченіе «правительственной области» *la matière du gouvernement* и ради этого—установленіе «кодекса земной морали», опредѣляющей цѣль и основы социальной организациі. Раньше система позитивной морали была признана единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ—обеспечить миръ и порядокъ среди современнаго пролетаріата,—теперь Сень-Симонъ утверждаетъ, что при ясной и опредѣленной цѣли социального развитія сама масса населенія является противовѣсомъ антисоциальному меньшинству ⁶⁷).

Таково, общее содержаніе «извлеченія» у Сень-Симона,—у Конта только вступленіе, и именно здѣсь «идеи дѣйствительно новыхъ» мы не замѣчаемъ—характеристика взаимныхъ отношеній правителей и управляемыхъ при старой политической системѣ могла быть написана всякимъ либеральнымъ публицистомъ реставраціи. Опять достоіно замѣчанія: Контъ усиленно занимается полемической и практической политикой и даже рекомендуетъ публицистамъ взять въ свои руки вмѣшательство въ современный социальный строй.

Всѣ разобранные отрывки Контъ ни прианаль достойными перепечатки, хотя и не уничтожилъ рукописей. Часть ихъ, очевидно, служила матеріаломъ для статей новаго періодическаго изданія, предпринятаго Сень-Симономъ. Издавался онъ подъ названіемъ *L'Organisateur* съ ноября 1819 года по февраль слѣдующаго, вышло три изданія перваго выпуска и два изданія втораго;—при чемъ изданія выходили значительно дополненными ⁶⁸). Контъ принималъ въ этой работѣ не менѣе дѣятельное участіе, чѣмъ въ *Политикѣ*,—но совершенно не подписывая своего имени. Впервые публика узнала объ его сотрудничествѣ въ *Организаторѣ* по выходѣ послѣдняго тома *Системы позитивной политики*. Здѣсь онъ перепечаталъ статью, помѣщенную въ сборникѣ Сень-Симона подъ названіемъ «восьмого письма». Неизвѣстно, почему Контъ относитъ свое произведеніе къ апрѣлю 1820 года: послѣднее—«четырнадцатое письмо» *Организатора* написано непосредственно послѣ убійства герцога Беррійскаго, какъ это видно изъ текста письма,—событіе произошло

⁶⁷) *Industrie. II. Oeuvres. XVIII, 130—1, 219.*

⁶⁸) *Oeuvres. XX, 6—11. Fournel. O. c.*

13-го февраля, — следовательно восьмое письмо никак не могло появиться в апрѣлѣ? ⁶⁹⁾ Контъ его перепечаталъ подъ заглавіемъ *Sommaire appréciation de l'ensemble du passé moderne*. Въ *Organisateur* въ началѣ прибавлена почти страница, почему она не перепечатана Контонъ? На этой страницѣ говорится, что всякую великую переменъ можно произвести — двойнымъ способомъ — «раньше или позже эпохи, когда обнаруживается воля осуществить переменъ.» Въ этихъ немногихъ словахъ заключаются двѣ программы философской политики: выжидательная и дѣятельная, программа внимательства. И мы въ одной программѣ узнаемъ слѣдующія слова въ той части *Industrie*, какую, несомнѣнно, редактировалъ Контъ: «Не будемъ насиловать хода вещей; мы не можемъ этого; resignons-nous!» ⁷⁰⁾. Этотъ призывъ къ самоотреченію нельзя встрѣтить въ сочиненіяхъ Сень-Симона, гдѣ и содержаніе и форма зависѣли исключительно отъ него одного. Мы знаемъ, — на примѣрѣ Тьерри — какой широкой терпимостью пользовались сотрудники философа и Контъ, разумѣется, подобно Тьерри имѣлъ право вносить въ текстъ за подписью Сень-Симона мысли, не вполне соответствовавшія воззрѣніямъ учителя. Только у Конта такихъ мыслей на первое время почти вовсе не оказалось или онѣ отступили на задній планъ предъ внушеніями Сень-Симона. Но изрѣдка идейная неуравновѣшенность молодого публициста сказывалось двумя крайностями: или взрывомъ былого «революціоннаго духа», или своеобразнымъ философскимъ фатализмомъ, — разновидность научнаго сень-симоновскаго духа. Съ теченіемъ времени эта разновидность окончательно погасить революціонныя вспышки, — но далеко не сразу. Контъ и послѣ своихъ писемъ къ Сень-Симону, повидимому, окончательно рѣшавшихъ вопросъ о неограниченномъ развитіи только теоріи научности, все еще обнаруживалъ боевыя публицистическія стремленія. Психологи-

⁶⁹⁾ Контъ выражается о статьѣ: „Après avoir en avril 1820 laissé passivement attribuer (l'opuscule) au directeur du recueil (*l'Organisateur*) qui l'inséra, j'en reprends formellement la juste possession“ *Syst. de pol. posit.* IV. lb. Ш. Жанз, следовательно, могъ знать, „какова была доля сотрудничества“ Конта въ *Organisateur*, — на неизвѣстность чего историкъ сень-симонизма жалуется. *R. des deux Mondes*. 1 août. 67. 617.

⁷⁰⁾ Вторая тетрадь III тома. Лафиттъ съ похвалой приводитъ это мѣсто, какъ типично контовское. *R. occid.* 1 janv. 84. 126.

чески это значило: Контъ встрѣтился съ очень сложной личностью, однаково богатой и воинственными способностями для злбодневной политики и глубокими научно-философскими задатками для созиданія новаго позитивнаго міросозерцанія. И та и другая сторона удивительной личности одинаково увлекательны и по импровизаторской даровитости—неотразимы. И Контъ долго оказывается на распутьи. Это неизбѣжно при исключительной впечатлительности его природы. Въ письмахъ къ Валя на этотъ счетъ имѣется множество доказательствъ и сердечныхъ и идейныхъ. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести любопытное сообщеніе Лафитта о причинѣ, заставившей Конта отказаться отъ домашняго учительства у Казимира Перье. По словамъ самого Конта, онъ прочиталъ исторію *Саламанскаго бакалавра* и изображенныя здѣсь тягости должности наставника такъ сильно на него поѣдѣствовали, что онъ рѣшился не подвергаться имъ ¹⁾).

Сопутствуемый этой впечатлительностью, Контъ воспринималъ уроки Сень-Симона и успѣлъ съ одной стороны договориться до лирическаго воззванія о бѣдствіяхъ «нашихъ ближнихъ», съ другой—до резиніяціи. Но молодость и ученичество миновали, Контъ окончательно рѣшилъ утвердиться на теоретической почвѣ и отречься отъ сень-симоновскаго совмѣщенія теоріи и практики. Естественно онъ не могъ сочувствовать заявленіемъ, будто новую систему можно осуществить раньше той эпохи, когда ея приближеніе ясно чувствуется. Въ «восьмомъ письмѣ» *Организатора* говорится именно о такомъ осуществленіи: оно составляетъ задачу *настоящаго поколѣнія*, такъ какъ она создается трудами «нашихъ отцовъ» уже въ теченіе восьми вѣковъ. И Сень-Симонъ, мы увидимъ, дѣйствительно рассчитывалъ ускорить процессъ, какъ вообще онъ вѣрилъ въ возможность положительнаго вмѣшательства личности въ историческій ходъ цивилизаціи, точно оговариваясь — до какихъ именно предѣловъ, и мы увидимъ, — эта вѣра и эти оговорки были усвоены молодымъ Контомъ, но въ 1854 году онъ не сочувствовалъ идеѣ и выпустилъ начало статьи. Но мы должны считаться со статьей—больше чѣмъ съ другими произведеніями философа за то же время. Еще только одно превосходить её по значенію — въ глазахъ самого автора—

¹⁾ *R. occid.* 1 mai 82. 327.

Система позитивной политики, окончательно, по словам Конта, опредѣлившая въ 1822 году его «философское и социальное направление».

Какія же идеи предъ нами въ *Sommaire appréciation*? Какое приобрѣтеніе дѣлалъ Контъ, «взявши, наконецъ, въ законное владѣніе» это сочиненіе?

VIII.

Статья начинается заявленіемъ, что намъ предстоитъ замѣстить систему, состоявшую изъ сочетанія власти духовной или папской и теологической и власти свѣтской или феодальной и военной. Дальше излагается исторія старой системы, уже извѣстная намъ въ общихъ чертахъ: проповѣдь христіанства, окончательное установленіе папской власти и феодализма, значеніе усмирительной дѣятельности Карла Великаго противъ варваровъ, начало разложенія системы одновременно съ ея развитіемъ; введеніе арабами положительныхъ наукъ, освобожденіе общинъ. Всѣ факты и звенья эволюціи указаны Сень-Симономъ до Конта: мы это видѣли и увидимъ при подробномъ анализѣ возрѣвннй нашего философа. Теперь мы встрѣчаемъ больше стройности въ изложеніи, предъ нами точныя и мѣткія опредѣленія, историческія явленія такъ сказать приковываются къ своимъ мѣстамъ, такъ какъ ихъ культурный смыслъ опредѣляется терминами краткими и исчерпывающими. Ничего нѣтъ новаго въ идеѣ о неизбежномъ переходѣ «духовныхъ дѣлъ» къ «позитивной научной способности» — отъ теологіи и метафизики, но въ первый разъ такое рѣзкое противопоставленіе: «свѣтская (правительственная) позитивная способность, т. е. индустриальная возникла рядомъ съ свѣтской властью, достигшей своего полного развитія; позитивная духовная способность, т. е. научная выросла позади духовной власти въ тотъ моментъ, когда та стала развивать всю свою дѣятельность». Безукоризненно энергическая новая форма для старой идеи: — въ нѣсколькихъ словахъ выраженъ историческій параллелизмъ рядовъ двухъ противоположныхъ культурныхъ явленій съ ихъ противоположными культурными смыслами. У Сень-Симона все это содержаніе, сгруппированное здѣсь на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ, разбросано по десяткамъ страницъ *Записки по науцѣ о челоѣкъ и Индустрии*. Столь же остроумно и дальнѣйшее изложе-

не борьбы *способностей съ властями*. Мы знаемъ идею Сень-Симона о неизбѣжности переходныхъ состояній между окончательнымъ устраненіемъ одной соціальной системы и полнымъ торжествомъ другой,—теперь эта мысль очень тонко проведена въ изображеніи борьбы индустріальной способности противъ феодализма и позитивно-научной способности противъ теологіи: обѣ способности пользуются оружіемъ своихъ враговъ,—общины заключаютъ союзы съ извѣстной частью военно-феодальной власти, позитивная способность въ борьбѣ съ теологіей прибѣгаетъ часто къ ея же средствамъ. Мы помнимъ,—дѣятельность общинъ чрезвычайно высоко оцѣнена Сень-Симономъ, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ Тьерри, — теперь общины ставятся въ центрѣ борьбы системъ, т. е. индустріальная способность признается руководящей: сущность не въ борьбѣ королей противъ папъ или феодальныхъ властей другъ противъ друга, а въ борьбѣ общинъ за независимость, выбиравшихъ себѣ вождями то ту, то другую партію феодальной и теологической системы ⁷³⁾).

Если теперь сопоставить позитивно-научную способность и индустріальную и пожелать оцѣнить ихъ относительное значеніе,—какую изъ нихъ придется поставить выше? Изъ второго «основного» труда Конта Сень-Симонъ усмотритъ, что «духовная власть», т. е. научно-философская способность превосходить индустріальную и Сень-Симонъ именно этотъ пунктъ сочтѣтъ ошибочнымъ въ философіи своего ученика. Но пока Сень-Симону нечего возражать, индустріальной способности отдано должное. Правда, остается неразрѣшеннымъ вопросъ, какая связь существовала въ прошломъ между новой духовной и новой свѣтской властью въ ихъ борьбѣ противъ феодально-теологической системы? Другими словами,—можно ли прослѣдить необходимое взаимодѣйствіе индустриіи и позитивной мысли, какъ силъ разрушающихъ и создающихъ? Этотъ вопросъ логически приводитъ къ задачѣ—опредѣлить неразрывную культурную связь между соціальными стадіями и умственными, т. е. свести къ одному началу два ряда явленій—экономическо-политическій и научно-философскій. Мы не разъ встрѣтимся съ этимъ труднѣйшимъ вопросомъ позитивной системы,—Контъ его разрѣшилъ весьма просто: соціальныя ряды подчинилъ научно-фи-

⁷³⁾ *Système de pol. posit.* IV. *Append. gen.* 12.

лософскому. Этот момент онъ призналъ рѣшительнымъ и господствующимъ шагомъ всей своей философіи, Сень-Симонъ не могъ согласиться съ рѣшеніемъ,—и пытался найти другой путь къ единству. Но признанное Сень-Симономъ разногласіе произошло около трехъ лѣтъ позже, — въ *Организаторъ* Контъ отнюдь не оригиналенъ, хотя бы даже оригинальность заключалась въ односторонности.

Борьба способностей и властей должна закончиться рѣшительной битвой,—это было ясно съ эпохи реформаціи,—и битва произошла въ XVIII вѣкѣ. Оцѣнка философской критики—Сень-Симоновская, такъ же какъ и революціи,—и послѣдній фактъ въ высшей степени замѣчательнъ. Вдуматься въ него безусловно слѣдовало ученикамъ Конта, считающимъ разбираемое произведеніе—особенно убѣдительнымъ доказательствомъ *вліянія ученика на учителя* ⁷³⁾.

Въ статьѣ говорится: «разразилась французская революція: она съ самаго начала приняла ложное направленіе—королевская власть была низвергнута». Она немедленно воскресла, потому что, будучи во Франціи головой и сердцемъ старой системы, она можетъ угаснуть только вмѣстѣ съ этой системой, а система перестанетъ существовать, лишь когда ее можетъ непосредственно замѣстить новая ⁷⁴⁾.

Для Сень-Симона эта идея вполне послѣдовательная: для него удостовѣренный историческій фактъ — союзъ королей съ общинами,—слѣдовательно разрывъ этого союза—измѣна прошлому, вѣковому ходу французской цивилизаціи, — т. е. политическое преступленіе. Это онъ будетъ доказывать въ мартѣ того же 1820 года въ *Письмахъ къ присяжнымъ* и во всѣхъ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ: спасеніе Бурбоновъ въ союзѣ съ Индустріей и всѣ выгоды Индустріи въ единеніи съ Бурбонами.

Но какова судьба идеи у Конта?

Ему пришлось ту же самую задачу, какой посвящено письмо въ *Организаторъ*, рѣшать очень подробно въ *Курсѣ позитивной философіи*, изложить исторію критической работы европейской мысли до революціи,—оцѣнить, наконецъ революціонное движеніе. Вотъ въ этой-то оцѣнкѣ имѣются данныя, бросающія, по нашему мнѣнію,

⁷³⁾ *R. occid. Ib.* 325. Ср. Audiffrent. *O.* с. 8—9.

⁷⁴⁾ *Système. Ib.* 18.

истинный свѣтъ на степень контовской оригинальности въ периодъ его сотрудничества съ Сень-Симономъ.

Въ *Курсъ позитивной философіи* Контъ былъ предоставленъ себѣ самому и могъ произносить историко-философскіе приговоры по собственнымъ соображеніямъ — независимо отъ непосредственнаго воздѣйствія чужой мысли. Въ результатѣ получились разсужденія, весьма отличныя отъ раннихъ идей, — и отличие это мы можемъ указать съ совершенной точностью.

Дѣло идетъ о дѣятельности революціонныхъ собраній. Сравнительно конвентъ съ учредительнымъ собраніемъ — Контъ рѣшительно отдаетъ преимущество конвенту. Учредительное собраніе не удовлетворяетъ его «туманными политическими фиджіями», заставлявшими мечтать о «неразрывномъ единеніи монархическаго принципа съ народной властью, такъ же какъ католическаго — строя съ умственнымъ освобожденіемъ». Заблужденіе это, по словамъ Конта, даже не заслуживало бы вниманія, если бы до сихъ поръ не обнаруживало «плачевнаго вліянія» на умы и не приводило ихъ къ безумнымъ подражаніямъ «переходной конституціи, свойственной Англій». Метафизики и легисты учредительнаго собранія цѣлью французской революціи признали усвоеніе англійской конституціи, — режима, по мнѣнію Конта, противорѣчащаго смыслу прошлаго Франціи и «радикально антипатичнаго институтамъ, вытекающимъ изъ дѣйствительнаго социальнаго положенія» французовъ. Осудивъ также законодательное собраніе, — Контъ заявляетъ свое сочувствіе конвенту, — именно за его рѣшеніе «уничтожить совершенно королевскую власть» и въ этомъ уничтоженіи видѣть необходимое вступленіе къ социальному возрожденію — прямой цѣли французской революціи. «Смыслъ нашей исторической теоріи, говоритъ Контъ, неизбежно представляетъ новую королевскую власть какъ единственный существующій остатокъ древняго кастоваго строя», — и слѣдовательно французская революція могла вполнѣ обнаружить свой характеръ — *rouvait être pleinement caractérisée* — только предварительнымъ уничтоженіемъ монархіи.

Конта восхищаетъ «совершенная лояльность» «безопасныхъ отрицательныхъ дѣйствій» конвента — вплоть до разрушенія всѣхъ основъ старой системы — христіанства, старыхъ научныхъ и юридическихъ корпорацій: все это, по мнѣнію Конта, доказывало «непреодолимое стремленіе къ всестороннему обновленію социальной си-

стемы». «Нравственная энергія и умственная прямота», отведуть конвенту навсегда у безпристрастнаго потомства болѣе высокое мѣсто, чѣмъ учредительному собранію. Конвентъ сумѣлъ освободиться отъ «метафизической философіи», понять свое назначеніе—создать революціонную диктатуру—и эта диктатура вызвала «истинныя чувства всеобщаго братства» и «вдохнула въ низшіе классы справедливое сознаніе ихъ политической силы». Контъ находитъ въ диктатурѣ конвента осуществленіе великой и вѣчной культурной идеи—раздѣленіе моральнаго и политическаго правительства,—это стремленіе, между прочимъ, обнаружилось въ возникновеніи «знаменитаго добровольнаго сообщества», извѣстнаго собственно непричастнаго власти, но власть ему обязана «озаряющими указаніями». Контъ не называетъ этого сообщества,—но можетъ разумѣть только якобинцевъ ⁷⁵⁾).

Эта оцѣнка конвента и якобинцевъ, въ высшей степени замѣчательная въ устахъ позитивиста, не мѣшаетъ Конту сѣтовать на жестокія религиозныя гоненія конвента, чрезвычайно рѣзко отзываться о Руссо и Робеспьерѣ, произнести уничтожающій приговоръ Бонапарту—не за диктатуру собственно: она была неизбежна, а за способъ Бонапарта—пользоваться ею. Въ контовской схемѣ культурной эволюціи *la dictature temporelle* является закономѣрнымъ явленіемъ и рѣшающей силой. Революціонное правительство конвента Контъ сравниваетъ съ диктатурой Людовика XI и Рипелье. Это—напоминаніе объ обширномъ изслѣдованіи философа, раньше успѣвашаго подробно выяснить значеніе факта. При окончательномъ разложеніи средневѣковой системы «правительственная диктатура» нанесла смертный ударъ феодализму и ознаменовала близкое неотразимое торжество революціоннаго духа. Это особенно ярко обнаружилось во Франціи гдѣ королевская диктатура достигла высшаго развитія. Съ теченіемъ времени она не только окончательно разложила феодальныя силы и унизила ихъ,—она постепенно подрывала значеніе «военнаго духа», такъ какъ государи перестали являться полковод-

⁷⁵⁾ *Cours*. VI, 290, 292, 295, 298, 300—1: „Sa parfaite loyauté en étendant sans ancien ménagement les opérations négatives“... 304. Излагатель сочиненія Конта—Rigolage—его выраженіе „une célèbre association volontaire“—отъ себя поясняетъ—„celle des Jacobins“. *La Sociologie*. P. 97, 343—4.

цами. Слѣдовательно, «великая правительственная диктатура всецѣло закончила естественное развитіе средних вѣковъ:» такова—говорить Контъ—«соціологическая оцѣнка диктатуры» ⁷⁶⁾.

Слѣдовательно,—она несомнѣнно прогрессивная сила въ прошломъ. Заканчивая свою систему Контъ еще яснѣе выразилъ свою «оцѣнку». Онъ еще до декабрьскаго переворота «совѣтовалъ эту концентрацію» своему отечеству,—въ 1853 году онъ привѣтствовалъ совершившійся фактъ и видѣлъ въ немъ доказательство, что «истинная философія можетъ систематизировать здравую политику». Здравая политика заключалась въ слѣдующемъ: два первыя поколѣнія современной эпохи были—одно ретрограднымъ, другое одновременно революціоннымъ и ретрограднымъ, т. е. парламентарнымъ,—третьему предстоитъ совершить «органический переходъ», т.-е. путемъ диктатуры вступить подъ власть позитивной религіи. Этотъ *transition organique* и есть философское выраженіе для культурной роли диктатора, который прекратитъ, наконецъ, «парламентскую анархію» и удовлетворитъ давнюю жажду народовъ—избавиться отъ революціонныхъ привычекъ и спокойно зажить подъ кровомъ «всемирнаго сооруженія». Диктатура должна своей «матеріальной властью» хранить и облегчить этотъ переходъ къ «соціократіи» ⁷⁷⁾.

Мы видимъ, — идея диктатуры исконно-контская, — но только начиная съ *Курса позитивной философіи*. Идея должна была отличаться особенной привлекательностью для автора, такъ какъ онъ безпрестанно вынужденъ былъ—подъ давленіемъ фактовъ—суживать цѣлесообразную необходимость диктатуры.

Уже въ средніе вѣка пришлось отмѣтить непреодолимый «существенно ретроградный характеръ» диктатуры и увидѣть спасеніе прогресса въ неутомимомъ ростѣ «революціоннаго духа» ⁷⁸⁾. Диктатура конвента также сопровождалась фактами, рѣзко порицаемыми философамъ, а Робеспьеръ,—истинный великій человекъ якобинскаго «сообщества» и подлинный диктаторъ не встрѣчаетъ у Конта ни одного снисходительнаго слова. Такая же участь и позднѣйшей диктатуры удостоившейся привѣтствій Конта. Его ученику пришлось

⁷⁶⁾ *Cours*. V. LV leçon. 425—444 etc.

⁷⁷⁾ *Système de la politique positive*. IV. Chap. V. 362—376.

⁷⁸⁾ *Cours*. V. 433, 453.

негодовать на «неспособность и негодность диктатора все вскорѣ скомпрометировавшаго»⁷⁹⁾. Такимъ образомъ—одна изъ самыхъ дорогихъ историко-философскихъ и политическихъ идей Конта осталась въ области безнадежныхъ иллюзій,—и философъ могъ бы даже задать себѣ вопросъ,—не является ли диктатура—по самой своей природѣ—не *transition organique*'а именно *essentiellement retrograde*, на сколько дѣло идетъ о принципахъ и идеалахъ?

Признать ли вѣру Конта въ диктатуру однимъ изъ многочисленныхъ знаменій его клерикальной и католической природы — разумѣется — въ психологическомъ смыслѣ или приписать её отчасти бессознательному внушенію французской національной стихіи, если принять убѣжденіе Сень-Симона — въ глубокой монархической основѣ этой стихіи,—для нашей задачи вопросъ второстепенный. Для нея важно отмѣтить, что Контъ различно характеризовалъ революціонное движеніе — въ *Организаторъ*, во время работы съ Сень-Симономъ и въ своихъ единоличныхъ произведеніяхъ. Сень-Симонъ, мы увидимъ, остался вѣренъ первому взгляду на ходъ революціи и сужденія его о конвентѣ несравненно послѣдовательнѣе контовскихъ.

Ученикъ, впоследствии поставившій конвентъ выше первыхъ революціонныхъ собраній, — вынужденъ былъ съ такимъ же презрѣніемъ отозваться о слѣпомъ восторгѣ революціонеровъ предъ античнымъ государствомъ, съ какимъ говорилъ раньше о популярности англійской конституціи⁸⁰⁾. Сень-Симонъ въ числѣ политическихъ грѣховъ членовъ конвента считаетъ его поиски за политической формой для французской націи—въ древнемъ мірѣ⁸¹⁾.

Чѣмъ объяснить разногласія Конта въ сужденіяхъ о центральномъ историческомъ явленіи—о революціи? Мы должны снова указать, что критики и историки позитивизма не обратили вниманія на отзывы Конта о революціонныхъ собраніяхъ и усмотрѣли только вообще сходство его мнѣній о революціи съ сень-симоновскими. Мы видимъ,—слѣдуетъ внести существенную поправку въ это сходство и поправка явилась необходимою, по нашему мнѣнію,—только въ силу различныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ различныя ра-

⁷⁹⁾ Andiffrent. O. c. 168.

⁸⁰⁾ Cours. V, 475; VI, 809.

⁸¹⁾ Du Système industriel. Oeuvres. XXI, 184.

боты Конта. Статья для *Организатора* писалась подъ наблюдѣнїемъ Сень-Симона, т.-е. редактировалась, а *Курсъ позитивной философіи* могъ засвидѣтельствовать въ нѣкоторыхъ взглядахъ и самостоятельность ученика. А въ чемъ она состояла во время сотрудничества у Сень-Симона,—мы снова можемъ судить по факту, высоко цѣнному самимъ Контомъ.

Перечисляя достоинства своей статьи въ *Организаторъ*, Контъ указываетъ на параллельный анализъ эволюцій прошлаго—движеній положительнаго и отрицательнаго. Этотъ приемъ Контъ перенесъ и въ *Курсъ позитивной философіи*, т.-е. представилъ два ряда явленій—постепеннаго разложенія теологической и военной системы и прогрессивнаго развитія главныхъ элементовъ позитивной системы⁸²⁾.

У Сень-Симона мы дѣйствительно не находимъ этихъ рядовъ, объясненныхъ въ такой стройной формѣ. Но *idée-mère*—его. Весь матеріалъ въ сооруженіи Конта и сущность плана даны сочиненіями Сень-Симона и, разумѣется, не меньше поясненій мы должны отнести на долю устныхъ сообщеній.

Сень-Симонъ уже давно считалъ *ряды фактовъ*, связанныхъ обобщающимъ разсужденіемъ, — «самымъ важнымъ въ научной работѣ». Въ исторіи онъ требовалъ сравнительныхъ таблицъ человѣческихъ знаній по эпохамъ для доказательства, что «человѣческій умъ никогда не переставалъ идти впередъ и никогда не совершалъ попятнаго движенія». Относительно среднихъ вѣвовъ онъ чувствовалъ заблужденіе писателей XVIII-го вѣка, считавшихъ эпоху ретроградной, — но тщетно старался представить факты такъ, чтобы установить «рядъ непрерывныхъ движеній впередъ». Эльснеръ объяснилъ ему научное значеніе арабской цивилизаціи, — и планъ требуемаго ряда получился. Съ арабовъ, т.-е. съ VIII-го вѣка начинается развитіе позитивныхъ наукъ, философія Аристотеля смѣняетъ религиозное воззрѣніе платонизма и полагаются первыя основы будущей позитивной философіи. Происходитъ это въ ту самую эпоху, когда Карль Великій создаетъ организацію средневѣковой системы, возникаетъ духовная средневѣковая власть и политическая феодальная система. Слѣдовательно,—ростъ позитивизма одновремененъ съ господствомъ феодализма и теологіи. Къ умственной эволюціи впослед-

⁸²⁾ *Système*. IV. *Préf. de l'App. gen.* III. *Cours*. 348—9.

ствіи Сень-Симонъ присоединяетъ политическую—развитіе общинныхъ вольностей³³⁾. Все это вполне ясно установлено до Конта, но Сень-Симонъ не заботился заключить свои мысли въ точныя формулы, предпочиталъ находить свое «наблюденіе»—«очень пикантнымъ». Контъ эту пикантность перевелъ на систематическій философскій языкъ. *Творческая* вдохновляющая половина работы, слѣдовательно,—неотъемлемая собственность Сень-Симона.

Другое достоинство статьи, отмѣчаемое Контомъ, — историческій контрастъ между Франціей и Англійей,—въ одной преобладаніе центральной власти, въ другой—мѣстной. Этотъ контрастъ, спѣшить замѣтитъ Контъ, съ тѣхъ поръ «руководилъ нѣсколькими писателями и они ни разу не указали источника».

Контрастъ заключался въ союзѣ англійскихъ общинъ съ феодалами противъ королевской власти и въ союзѣ французскихъ общинъ съ королевскою властью противъ феодаловъ. Въ результатъ англійская конституція оказалась видоизмѣненіемъ старой феодальной системы, — во Франціи конституція установилась въ эпоху болѣе культурную и, естественно, ея строй представляетъ безконечно болѣе глубокое видоизмѣненіе стараго, чѣмъ англійскій³⁴⁾.

Присутствіе феодальныхъ элементовъ въ англійской конституціи сравнительно съ французскою было подробно объяснено Сень-Симонемъ въ четвертомъ томѣ *Индустриі*, а также и преимущество культурной обстановки французскаго режима предъ англійскою. Контъ совѣтуетъ обѣимъ націямъ усвоить измѣненія, произведенныя той и другою въ старой системѣ. Каждая изъ нихъ достигла ослабленія одной основы феодальнаго строя,—англійская—королевской власти, французская—аристократіи. «Цѣльный результатъ» можетъ осуществиться послѣ взаимнаго усвоенія націями всѣхъ соответственныхъ завоеваній. Сень-Симонъ яснѣе опредѣлилъ цѣль новой индустриальной силы въ Англии и во Франціи и точнѣе указалъ недостатки положенія индустриальнаго класса въ обѣихъ странахъ. Въ силу историческихъ причинъ въ Англии индустрія, какъ масса, менѣе свободна, чѣмъ во Франціи, здѣсь зато менѣе развито чувство личной свободы, чѣмъ въ Англии, между тѣмъ какъ индустрія, какъ поли-

³³⁾ *Mém. sur la science de l'homme*. 22—3, 188—9, 67—8, 163, 244, 261, 161, 154.

³⁴⁾ *Système*. Ib. 13, 31.

ческая сила, не до такой степени обставлена феодальными пережитками. Отсюда—необходимость союза и единения французской индустрии т. е. всей производительной нации—съ английской⁸⁵⁾.

Въ чемъ же оригинальность контовской идеи настолько повелительная, что идея благодѣтельствовала даже другихъ писателей? Только въ точномъ указаніи—на различныя комбинаціи трехъ культурныхъ силъ въ разныхъ странахъ. Но не можетъ быть сомнѣнія,—эти комбинаціи раньше Конта были ясны и Тьерри и Сень-Симону,—такъ какъ только ими можно было объяснить преобладаніе феодальной стихіи въ английской конституціи сравнительно съ французской, т. е. аристократіи, по выраженію Конта,—«мѣстной силы». Сень-Симонъ на этомъ фактѣ основывалъ свое недовольство—восторгами французовъ предъ английской конституціей,—Контъ ту же мысль выразить и позже въ *Курсъ позитивной философіи*, возмущаясь «хронической англоманіей вульгарныхъ публицистовъ» и воспроизводя старую параллель между разложениемъ феодальной системы во Франціи и въ Англіи⁸⁶⁾.

Всѣ другія разсужденія Конта остаются также отголосками Сень-Симоновской философіи. Сень-Симонъ, поднимая вопросъ о позитивной земной морали на мѣстѣ теологической,—доказывалъ возможность ея распространенія какъ всеобщей религіи. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о выборѣ вѣроисповѣданія, какой установила антитеологическая философія XVIII-го вѣка, — такъ какъ новый катихизисъ будетъ основанъ на позитивной общей наукѣ. Контъ продолжаетъ мысль учителя и доказываетъ естественность и неизбежность такой же вѣры народа въ идеи ученыхъ, какую народъ обнаруживалъ при теологической системѣ—въ священниковъ. Одна лишь разница: дееспотизмъ никогда не можетъ водвориться на почвѣ наукъ,—вообразить это — значитъ быть совершенно чуждымъ всякой позитивной идее⁸⁷⁾.

Оцѣнивъ свою статью въ *Организаторъ*, Контъ прямо переходитъ къ знаменитому сочиненію 1822 года—по его словамъ «основному» и первоисточнику всей его философіи, даже больше—ея все-

⁸⁵⁾ *Oeuvres*. XIX, 50—8.

⁸⁶⁾ *Cours*. V, 425—6. Ср. *Oeuvres*. XIX, 79.

⁸⁷⁾ *Système*. Ib. 41—2. *Oeuvres*. XVIII, 217—8.

объемлющей основѣ. Но намъ раньше этой работы, необходимо остановиться на болѣе мелкихъ произведеніяхъ философа, не перепечатанныхъ имъ самимъ. Всѣ они относятся къ періоду между 1819 годомъ и 1821, т. е. являются подготовительными работами для «основной». Лафиттъ перепечаталъ ихъ—всего пять—съ рукописей, оставленныхъ Контомъ и нѣкоторыя изъ нихъ безусловно заслуживали этого вниманія.

Лафиттъ даетъ имъ общее заглавіе: «мелкія работы, относящіяся къ основанію соціальной науки»,—среди нихъ имѣется и довольно пространная «О политическихъ работахъ Кондорсе». Мелкіе отрывки представляютъ неоконченные наброски, очевидно, обширныхъ задуманныхъ статей, предъ нами болѣею частью вступленія къ статьямъ—и въ нѣсколькихъ редакціяхъ—одинаковыхъ по содержанію и различныхъ по объему. Контъ неоднократно принимался за одну и ту же статью и бросалъ ее, тщательно отмѣчая день, часъ и даже минуты работы. Необыченъ приемъ—*не продолжать* начатаго, а всякій разъ писать начало *снова*—даже по три раза и совершенно буквально. Другая своеобразность, прекрасно знакомая всякому читавшему сочиненія Сень-Симона, — отсутствіе систематичности въ изложеніи болѣе пространныхъ отрывковъ, оговорки и опасенія насчетъ запутанности въ разсужденіи, повтореніе одного и того же текста по два раза, обращеніе къ читателю — не смущаться словомъ *appendice*: здѣсь обсуждаются предметы величайшей важности. Все это въ духѣ писательской свободной манеры Сень-Симона, часто граничащей съ наивной откровенностью. Мы не желаемъ этимъ сказать, что отрывки о «соціальной наукѣ» написаны Контомъ съ словъ Сень-Симона, въ полномъ смыслѣ по-секретарски и что обиліе тождественныхъ отрывковъ объясняется только неоднократными приступами къ диктовкѣ и перерывами устной бесѣдой. Мы только обращаемъ вниманіе на частности формы, не свойственныя вообще произведеніямъ одного Конта ⁸⁴).

⁸⁴) Ср. *R. occid.* 1 mai 82. 388 и 391, 387, 395 гелл. Можно указать еще на употребленіе любимѣйшихъ выраженій Сень-Симона для характеристики неизмѣнно—последовательной исторической эволюціи—*la nature des choses* и особенно *la force des choses*. Эти частныя черты не должны быть преувеличиваемы, но онѣ, несомнѣнно, характерны для перваго періода философской дѣятельности Конта. Въ письмахъ къ Валя на каждой страницѣ чувствуется сень-симоновская литературная манера,—даже

Что касается идей, — авторъ меньше чѣмъ когда-либо выходитъ изъ круга сенъ-симоновскихъ воззрѣній и мы безпрестанно встрѣчаемся даже съ фразами учителя, не только съ его мыслями. Въ отрывкѣ о позитивной политикѣ вставлено буквально разсужденіе Сенъ-Симона о счастьѣ общества, объ условіяхъ счастья при новой системѣ — воздѣйствіи челоуѣка на вещи, а не на челоуѣка, повторяется извѣстная намъ оцѣнка метафизическаго содержанія философіи XVIII-го вѣка вообще и въ частности деклараціи правъ ¹⁹⁾. Все это считается «остаткомъ теологіи» — буквально какъ у Сенъ-Симона, политической экономіи приписывается исключительная сила — «возвести политику въ рангъ позитивныхъ наукъ». Статья о Кондорсе представляетъ противорѣчивое и крайне-запутанное разсужденіе послѣ совершенно опредѣленныхъ отзывать Сенъ-Симона объ этомъ философѣ.

Контъ приписываетъ Кондорсе двѣ идеи, другъ друга исключаящія и этимъ приводящія Конта въ крайнее изумленіе. Одна идея: Кондорсе задумалъ основать *соціальную науку* на математической теоріи, другая — даже, по мнѣнію Конта, въ общемъ осуществленная: произвести наблюденія надъ общимъ ходомъ челоуѣческаго ума и, слѣдовательно, «изучить и установить рядъ общихъ фактовъ, которые одни только могутъ служить точной отправленія для позитивной теоріи политики». Контъ хочетъ сказать, что у Кондорсе узкуются два соціологическихъ метода — математическій и историческій. Въ дѣйствительности, историческаго метода у Кондорсе не могло быть уже потому, что исторія представлялась ему не эволюціей, а волнообразнымъ движеніемъ, при чемъ назначеніе девятаго вала — въ смыслѣ окончательнаго устраненія регрессивныхъ паденій, — выполнила революція. Не рядъ наблюденій, а именно современная эпоха послужила для Кондорсе основаніемъ ученія о прогрессѣ. Что же касается математическаго метода, — онъ являлся только усовершенствованной метафизикой. Кондорсе мечталъ о точномъ опредѣленіи нравственныхъ понятій и о составленіи изъ нихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ формулъ. Какъ послѣ этого Контъ могъ обвинять Кондорсе, будто онъ оказался «гораздо ниже своей идеи», будто даже

въ мелочахъ, напримѣръ, Сенъ Симонъ большой любитель нарѣчія *grandement*, — и Контъ о вліяніи на него Сенъ-Симона выражается — *grandement utile*. Позже всѣ эти вліянія отраженія исчезаютъ.

¹⁹⁾ R. Occid. Ib. 381. L'Organisateur. Ib. 381.

потерялъ ее изъ виду? Напротивъ, — *свою* идею Кондорсе выполнилъ блистательно, — а охватить «ходъ цивилизаціи» съ истинно философской точки зрѣнія, а не съ публицистической — въ духъ XVIII-го вѣка, — Кондорсе и не ставилъ своей задачей, — намѣреваясь писать произведеніе боевое, а не изслѣдовательское, и Кондорсе вовсе не «уставалъ» въ поискахъ за историческимъ *закономъ* позитивной политики: онъ и не искалъ его.

Дальше идутъ извѣстныя намъ справедливыя упреки: Кондорсе историческія событія судилъ съ современной ему философской точки зрѣнія, не оцѣнилъ значенія христіанства, вообще не обнаружилъ пониманія простѣйшей истины — *относительности* учрежденій сообразно съ состояніемъ цивилизаціи. Ясно, — безъ этой истины у философа не могло быть представленія объ историческомъ методѣ ⁹⁰⁾.

Впослѣдствіи, въ *Курсѣ позитивной философіи* Контъ охарактеризовалъ философію Кондорсе вполне опредѣленно и указалъ рѣшительно первопричину не-философскаго взгляда Кондорсе на исторію — убѣжденіе въ кульминаціонномъ прогрессивномъ характерѣ XVIII-го вѣка ⁹¹⁾.

Наконецъ, предъ нами, важнѣйшее произведеніе молодого Конта. Сначала оно вышло въ апрѣлѣ 1822 года въ количествѣ пятидесяти оттисковъ, носило названіе *Prospectus des travaux nécessaires pour réorganiser la société* и ему было предпослано предисловіе Сень-Симона; — вся книга называлась *Du contrat social*. Два года спустя то же сочиненіе Конта было напечатано въ тысячѣ экземплярахъ и вышло съ двумя заглавіями — *Catéchisme des Industriels*, третья тетрадь, — т. е. часть изданія Сень-Симона и особое заглавіе — *Système de politique positive* — за подписью Конта ⁹²⁾. Мы знаемъ, — именно этотъ трудъ послужилъ предлогомъ и даже причиной разрыва и, слѣдовательно, всѣхъ позднѣйшихъ воинственныхъ предпріятій Конта противъ своего учителя. Личные мотивы событія — намъ извѣстны, — идейные должны выясниться изъ самаго сочиненія Конта.

Несомнѣнно, — предъ нами должна быть философская междоусо-

⁹⁰⁾ R. Occid. Ib. 400—9.

⁹¹⁾ Cours. IV, 189—190.

⁹²⁾ О 1-мъ изданіи въ *Oeuvres* XXIII, 6; о 2-мъ у Конта *Système. Pref. de l'App. gén.* III. Контъ насчитываетъ сто оттисковъ въ 1 изд. Въ *Oeuvres* — сочиненіе занимаетъ XXXVIII томъ.

бнца,—и она действительно существует и объясняется обѣими сторонами—въ предисловіяхъ къ книгѣ.

Учитель и ученикъ обмѣниваются любезностями, повидимому, вполне убѣдительными, такъ какъ онѣ мотивируются. Сень-Симонъ объявляетъ, что сочиненіе Конта «лучшее изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ объ общей политикѣ». Контъ съ удовольствіемъ объявляетъ себя ученикомъ Сень-Симона — «j'aime à le déclarer»: онъ уже давно размышлялъ надъ его основными идеями и теперь рѣшилъ привести въ систему, развить и усовершенствовать часть этихъ идей. Объясненіе сопровождается слѣдующимъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ: «я призналъ нужнымъ публично сдѣлать это заявленіе, чтобы—въ случаѣ, если мои работы окажутся достойными какого-либо одобренія, — оно должно принадлежать основателю философской школы, въ составъ которой я имѣю честь входить».

Трудно опредѣленнѣе выразить идейную зависимость одного философа отъ другого, — и Контъ въ своихъ заявленіяхъ даже рѣзче подчеркнул этотъ фактъ, чѣмъ Сень-Симонъ. Но зачѣмъ же потребовались публичныя объясненія и предисловія?

Обѣ стороны отвѣчаютъ и на этотъ вопросъ. Учитель и ученикъ не вполне согласны во взглядахъ. Это ясно изъ словъ того и другого,—но не въ одинаковой степени опредѣляется разногласіе,—и у Сень-Симона, несомнѣнно, сильнѣе.

«Онъ, говоритъ Сень - Симонъ о Контѣ, излагаетъ только одну часть нашей системы и отдаетъ преобладающее значеніе обобщеніямъ, которыя мы считаемъ второстепенными».

Контъ ограничивается заявленіемъ, что онъ занялся исключительно одной половиной идей Сень-Симона,—именно научной и ни словомъ не указываетъ, что этимъ идеямъ онъ придаетъ высшую важность надъ другими. Онъ просто только сосредоточился на изученіи ихъ,—почему вопросъ остается открытымъ.

Сень - Симонъ, напротивъ, развиваетъ свое положеніе. На его взглядъ *индустриальная способность* должна стоять на первомъ мѣстѣ; она должна одѣлывать всѣ другія способности и заставлять ихъ работать для своихъ пользы. Контъ, напротивъ, *научную способность* считаетъ первой—выше *индустриальной и философской*;—и не изло-

жилъ въ своемъ сочиненіи «патетической и религіозной части» сень-симоновской философіи⁹³.

Какое заключеніе можно сдѣлать изъ этихъ объясненій?

Такъ какъ Сень-Симонъ говоритъ не только о религіи, но и о философіи,—приходится въ Контѣ признать пренебреженіе вообще ко всѣмъ направленіямъ мысли, кромѣ чисто-научнаго въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, аристотелевскаго, по выраженію Сень-Симона, или еще точнѣе — направленія современной Академіи наукъ — физическихъ и математическихъ. Это очень тяжкое обвиненіе въ устахъ Сень-Симона. Направленіе Академіи—значитъ детальная разработка опытныхъ наукъ безъ всякой идеи о философскомъ синтезѣ, дающемъ въ своемъ развитіи извѣстную научно-политическую доктрину. Сень-Симонъ неоднократно заявлялъ свое недовольство «ученой мастерской», «мелькими счетчиками», спасающимися за оградой X и Z въ то время, когда человѣчество страдаетъ отъ жесточайшаго кризиса. И Сень-Симонъ взывалъ къ сердцамъ ученыхъ, убѣждалъ ихъ заняться вопросомъ реорганизаціи общества⁹⁴).

Неужели теперь Контъ оказывался однимъ изъ такихъ «ремесленниковъ»? Намъ передаютъ фактъ, повидимому, подтверждающій это заключеніе. Говорятъ, Сень-Симонъ еще во время своихъ сношеній съ Контонъ такъ выразился по поводу его: «Эти ученые, если мы не поостережемся, причинятъ намъ больше хлопотъ, чѣмъ теологи»⁹⁵). Слѣдовательно, къ Конту приходится отнести всѣ горячія рѣчи, какія Сень-Симонъ обращалъ къ *Brutiers, infinitésimaux, algébristes et arithméticiens*.

До сихъ поръ мы не могли ожидать ничего подобнаго. Контъ не обнаруживалъ равнодушія ни къ философіи, ни даже къ религіи—въ сень-симоновскомъ смыслѣ. *Philosophia* съ полной очевидностью

⁹³) Сень-Симонъ пишетъ: „la partie *sentimentale* et religieuse“. Передача термина *sentimentale* обычнымъ выраженіемъ—чувствительный не выразитъ мысли философа характеризующаго проповѣдническую, практически-дѣятельную силу своего міросозерцанія. Впослѣдствіи школа изобрѣтетъ еще другой терминъ для выраженія религіозной стороны ученія Сень-Симона—*la capacité sympathique* (*Doctrine de Saint-Simon*. 1-re année. 1881. 272). Эта „способность“, *увлекающая* людей къ научно-опредѣленной цѣли, сообщающая имъ любовь къ этой цѣли, энтузіазмъ,—есть способность *патетическая*.

⁹⁴) *Oeuvres* XL, 39—40.

⁹⁵) *Notices historiques*. II, 120.

признана даже въ письмахъ Конта къ Сень-Симону: тамъ настойчиво требовалась выработка социальной теоріи и только отрицалась своевременность практическаго внимательства въ злободневные вопросы. Слѣдовательно, — Контъ отнюдь не намѣренъ былъ ограничиваться физическими и математическими работами. Въ письмѣ къ Вала мы читали, что и научныя работы онъ цѣнилъ какъ путь къ политически-значительнымъ трудамъ. Наконецъ, уже послѣ разрыва съ Сень-Симономъ Контъ своимъ назначеніемъ считаетъ выработку позитивной политической доктрины, — только попрежнему рѣшительно отрекается отъ всякихъ практическихъ предпріятій. Какъ же понимать упрекъ Сень-Симона, будто Контъ «аристотелевокую» т. е. «физико-математическую» способность ставилъ выше философской? Вѣдь первая способность являлась для него только средствомъ для второй, собирательницей матерьяловъ для философскаго творчества.

Это слѣдуетъ сказать о всей идейной работѣ Конта, — иначе не существовало бы ни позитивной философіи, ни позитивной политики. Оба философа до конца остались единодушными въ ученіи и необходимости единой позитивной нравственной доктрины для реорганизации общества. А такая доктрина создается не учеными специалистами, а философами. И Контъ въ своемъ предисловіи говоритъ о конечной цѣли своей работы — о «системѣ позитивной политики», — и указываетъ не на *разноласіе* свое съ Сень-Симономъ, а только на *односторонность* своего философскаго направленія, — разумѣется, — не въ порицательномъ смыслѣ, а просто, потому что, какъ мы уже знаемъ, Контъ только *научную* разработку позитивной политики считалъ цѣлесообразной. Въ чемъ же его несоласіе съ учителемъ? Отвѣтъ, повидимому, ясный. Контъ стремится преобразовать доктрину, а Сень-Симонъ, *кромѣ того*, еще *обновить и социальныя чувства*, т. е. воспользоваться способностью литературной и художественной. Это значитъ, — одинъ философъ ставитъ своей задачей только теорію, а другой и теорію и *пропаганду* теоріи, осуществленіе ея на практикѣ. Пропаганда и есть патетическая и религіозная часть философіи Сень-Симона. Контъ, мы знаемъ, отрекался отъ такой дѣятельности — *ранше* установленія доктрины: сначала *доктрина*, а потомъ *учрежденія*. Но такого разграниченія онъ не дѣлаетъ въ предисловіи и не обвиняетъ даже косвенно Сень-Симона въ неосновательномъ стремленіи — «начать съ правительственнаго переустрой-

ства»²⁶). Слѣдовательно по существу разногласія нѣтъ, если вѣрять смыслу контовскаго предисловія. Но оно есть—если принять сень-симоновскій упрекъ въ чисто-научныхъ задачахъ, господствующихъ въ глазахъ Конта, надъ индустріальной и философской способностями. Упрекъ этотъ, мы видѣли, не оправдывается относительно философіи. А Контъ, въ свою очередь, въ предисловіи вовсе не думаетъ отвергать и патетической части философіи, считая ее вмѣстѣ съ научной—«одинаковой важности». Остается вопросъ о значеніи для Конта индустріальной способности. Есть ли здѣсь разногласіе между философами?

Сень-Симонъ говоритъ, что «индустріальная способность» должна занимать первое мѣсто, «всѣ» другія должны работать въ ея пользахъ—*pour son plus grand avantage*.

Что это значить—*первое мѣсто*? Можетъ быть только два объясненія: или индустрія должна выработать новую доктрину для социальнаго переустройства—тогда она дѣйствительно займетъ первое мѣсто, какъ творческая сила въ позитивной философіи, — или доктрина должна быть создана въ интересахъ индустрии, — тогда индустрія явится не только первой но и единственной *целью* организаціи.

Сень-Симонъ не могъ имѣть въ виду перваго смысла. Онъ безпрестанно и до Конта и послѣ Конта повторяетъ, что созданіе доктрины—дѣло новой духовной власти, т. е. ученыхъ и философовъ. Въ 1820 году онъ обращается къ представителямъ индустрии: «вы не можете сдѣлать ничего важнаго въ политикѣ безъ помощи философіи»; «обладая въ высокой степени практической способностью, вы не можете обладать теоретической позитивной; она исключительное достояніе ученыхъ,—и имъ однимъ надлежитъ создать теорію»—при участіи, прибавляетъ Сень-Симонъ,—позитивныхъ философовъ, какъ обобщителей. Въ 1821 году Сень-Симонъ повторяетъ, какъ аксіому, свое старое изреченіе: духовную власть надо вѣрять ученымъ, а правительственную индустріаламъ²⁷. И эта истина останется до конца незыблемой для Сень-Симона.

Но научная способность важна только по отношенію къ индустріальной—въ томъ смыслѣ, что развитіе индустрии, т. е. произво-

²⁶) „Commencer par la réorganisation temporelle“. *Lettres*. 156.

²⁷) *Du Système Industriel. Oeuvres*. XXI, 188; XXII, 57—8, 78—9, 120—1.

дительности матеріальной и умственной—цѣль новой соціальной организаціи. Но этого не отрицаетъ и Контъ въ той же *Системѣ позитивной политики*. Онъ со словъ Сень-Симона, считаетъ возможными только двѣ соціальныхъ организаціи — завоевательную и производительную: военная цѣль—свойственна старой системѣ, индустріальная—новой. И первый шагъ въ соціальномъ переустройствѣ долженъ быть—провозглашеніе этой новой цѣли. Это и будетъ началомъ *теоріи*. Сень-Симонъ могъ бы подписаться подъ этимъ плажомъ и до Конта и позже Конта⁹⁹⁾.

Правда, онъ неоднократно и въ высшей степени настойчиво сталъ обращаться съ обширными письмами къ представителямъ индустріи съ 1820 года—послѣ прекращенія полу-періодическихъ сборниковъ. Но эти обращенія, теперь публичныя, были продолженіемъ давнихъ сношеній Сень-Симона съ «производителями»—еще во время изданія *Индустрии*. И онъ объяснилъ свою политику. Въ одномъ изъ писемъ къ индустріаламъ онъ самъ поставилъ вопросъ, не нарушаетъ ли онъ естественнаго порядка, призывая къ организаторской дѣятельности индустрію раньше науки? Сень-Симонъ отвѣчаетъ: изъ его обращеній отнюдь не слѣдуетъ, будто онъ теоретиковъ считаетъ ниже практиковъ. Его просто не занимаетъ вопросъ о распредѣленіи ихъ въ ту минуту, когда онъ практически желаетъ двинуть дѣло реорганизаціи А между тѣмъ представители индустріи по своему положенію — независимы, ученые — живутъ почти исключительно на жалованьѣ отъ правительства. Слѣдовательно,—рискъ начала могутъ взять на себя скорѣе индустріалы, чѣмъ ученые. Наконецъ,—собственно административная власть неотлѣнно должна быть въ рукахъ практиковъ. Ученые, превращенные въ правителей, усвоятъ себѣ всѣ пороки духовенства. Но за ними навсегда останется высшая степень уваженія сравнительно съ тѣми же индустріалами⁹⁹⁾.

Послѣ такого объясненія, — мы никоимъ образомъ не можемъ приписать Сень-Симону идею — индустрію считать *первой* способ-

⁹⁹⁾ *Oeuvres*. XXXVIII, 45—6. Ср. у Сень-Симона *Oeuvres*. XIX, 157; XXII, 184.

⁹⁹⁾ *Du Syst. ind.* XXI, 159—161. Въ *Système de polit. posit.* Контъ также рѣшительно отнимаетъ у „философскаго элемента“ le pouvoir directeur, оставляя за нимъ, какъ за „способностью систематической“ только право „améliorer l'ordre spontané, modifier la vie réelle“. IV, 212. Контъ не приводитъ практическихъ соображеній Сень-Симона: они въ его устахъ могли бы показаться самообличеніемъ.

ностью въ дѣлѣ созданія доктрины. Въ крайнемъ случаѣ, изъ-за практическихъ причинъ,—онъ желалъ бы, чтобы индустрія только первая высказалась о необходимости новой организаціи. Желать этого было естественно послѣ того, какъ философъ потерпѣлъ столько неудачъ съ своими обращеніями къ ученымъ. Потому онъ и настаивалъ, чтобы представители капитала обезпечили предварительно работы ученыхъ—подпиской и вообще выработку новой соціальной доктрины обставили матеріальными гарантіями.

Въ заключеніе,—предисловія обоихъ философовъ къ сочиненію Конта едва ли не самые туманные документы въ разбираемой нами междуособицѣ. Обвиненіе Сень-Симона выражено кратко и опредѣленно: Контъ поставилъ *аристотелевскую* способность выше спиритуализма и выше индустріальной и философской способности ¹⁰⁰). А на повѣрку выходитъ:—Контъ не могъ аристотелевскую способность, т.-е. способность изслѣдованія въ области математическихъ и физическихъ наукъ—полагать первой, такъ какъ стремился къ позитивной философской систематизаціи научныхъ принциповъ; Контъ ставилъ научно-философскую способность выше индустріальной въ томъ смыслѣ, какъ и самъ Сень-Симонъ, т.-е. ее признавалъ творцомъ доктрины. Что касается *спиритуализма*, подъ нимъ Сень-Симонъ, очевидно разумѣетъ политическую и религіозную часть своей философіи,—въ общемъ *платоновскую* научную способность. На это можетъ служить отвѣтомъ заявленіе Конта, что онъ систематизировалъ исключительно научную часть, и оставилъ въ сторонѣ работу, касающуюся «способности литературной и художественной». Но и это не точно.

Контъ именно въ *Системѣ позитивной политики* удѣляетъ достаточно вниманія «патетическому» вопросу и дѣлаетъ это въ духѣ своего учителя. Сень-Симонъ неоднократно старался разграничить назначенія литературы и науки въ установленіи доктрины. Опѣнивая главный трудъ XVIII го вѣка — *Энциклопедію*, онъ неудовлетворительность, поверхностность его объяснялъ неподлежащимъ участіемъ литераторовъ и «артистовъ»,—Дидро преимущественно. Если бы *Энциклопедія* была составлена положительными

¹⁰⁰) „Il a considéré la capacité *aristoticienne* la première de toutes, comme devant primer le spiritualisme, ainsi que la capacité industrielle et la capacité philosophique“.

учеными, если бы главнымъ редакторомъ былъ Даламберъ и сотрудниками его товарищи по Академіи наукъ,—работа, несомнѣнно получила бы позитивное направленіе и социальная реорганизація была бы подготовлена философіей и революція съ ея ужасами — предотвращена на основаніи этого опыта. Сень-Симонъ требовалъ, чтобы научная способность была строго отдѣлена отъ художественной при выработкѣ доктрины: художественная непременно извратить всю работу. Она умѣстна только для популяризаціи уже готовой системы, созданной учеными. Такъ писалъ Сень-Симонъ въ октябрѣ и въ декабрѣ 1820 года,—т.-е. за два года до *Системы* Конта ¹⁰¹⁾. Но идея была со всею энергіей объявлена еще до Конта,—во второмъ томѣ *Индустріи*: «писатели всѣхъ родовъ» привывались для вспоможенія «философскому дѣлу XIX-го вѣка»—даже *chansonniers*.

Контъ перенесъ эти мысли въ свою *Систему*.

Послѣ того какъ доктрина установлена теоретически,—ее слѣдуетъ осуществить, а для этого необходимо, чтобы «масса общества страстно пожелала ея осуществленія». А этого достигнуть возможно не доказательствами, а только «одушевленнымъ изображеніемъ» преимуществъ новой системы, только оно можетъ «извлечь общество изъ апатіи» и подвинуть его на дѣятельность въ желаемомъ направленіи. Сила эта на сторонѣ искусства. И Контъ рисуетъ обязанности всѣхъ способностей—буквально по сень-симоновскому плану: ученые опредѣляютъ планъ новой системы, «артисты» т. е. люди одаренные художественной, патетической способностью привлекутъ всеобщее сочувствіе этому плану, а индустріалы приложатъ систему къ дѣятельности, установивъ необходимыя практическія учрежденія ¹⁰²⁾. Эта мысль ведетъ свое развитіе съ перваго сочиненія Сень-Симона.

Въ чемъ онъ могъ упрекнуть Конта? Въ томъ, что онъ не представилъ анализа патетической части ученія своего учителя,—но это не значило, что Контъ отвергъ вообще эту часть. Вскорѣ послѣ разрыва съ Сень-Симономъ ему пришлось высказаться вполнѣ опредѣленно на счетъ того что учитель называлъ патетической и религиозной частью своей философіи. Въ письмѣ къ Вала Контъ сѣтовалъ на

¹⁰¹⁾ *Du Système ind. Oeuvres XXI, 180—1; XXII, 59 - 60.*

¹⁰²⁾ *Oeuvres XVIII, 219.*

¹⁰³⁾ *Système, въ Oeuvres. XXXVIII, 135—139.*

«упадокъ религіозныхъ доктринъ»: «благородная часть человѣческаго сердца осталась безъ опоры и все свелось къ самому отталкивающему себялюбію». Наступило положеніе въ родѣ послѣдней эпохи язычества,—и Контъ своей задачей называетъ «установить въ обществѣ нѣчто духовное, способное противоборствовать влиянію матеріальнаго, въ чемъ мы въ настоящее время такъ позорно погрязли». Задача—тождественная съ той, какая внушила Сень-Симону *Новое христіанство*. Слѣдуетъ замѣтить, что и самъ Сень-Симонъ не выполнилъ своей религіозной программы, — въ *Новомъ христіанствѣ* представилъ только критическій обзоръ вѣроисповѣдныхъ формъ христіанской религіи и отложилъ до будущаго построеніе и научное обоснованіе истиннаго, по его мнѣнію, христіанства. Философъ умеръ, не исполнивъ обѣщанія — развить свою мысль въ особомъ сочиненіи ¹⁰⁴). Мы увидимъ, какое значеніе возымѣла эта незаконченность труда въ судьбѣ сень-симонизма. Анфантону такъ же какъ и Контъ пришлось самолично изобрѣтать религіозную систему,—и здѣсь сень-симонистъ оказался не менѣе оригиналенъ, чѣмъ основатель позитивной религіи. Но до этого предѣла, т. е. въ области философіи Контъ отъ начала до конца оставался — сень-симонистомъ въ прямомъ сень-симоновскомъ смыслѣ.

Остается еще одинъ вопросъ относительно принципиальнаго разлада между философіей Конта и Сень-Симона. Это—вопросъ довольно запутанный и, на первый взглядъ, способный подать поводъ — признать Конта, автора *Системы позитивной политики* въ 1822 году—принципіально несогласнымъ съ Сень-Симономъ. Вопросъ заключается—въ *процессѣ* организаціи доктрины. Мы встрѣчали въ рбли организаторовъ безразлично и ученыхъ по спеціальнымъ наукамъ и ученыхъ по *общей наукѣ*, т. е. позитивныхъ философовъ. Но кто же изъ нихъ собственно устанавливаетъ теорію, *idée générale*?

Сень-Симонъ не далъ съ самаго начала одного рѣшительнаго отвѣта. Въ *Письмахъ женевскаго обывателя* духовная власть вручается ученымъ, *совету* Ньютона — подъ предѣдательствомъ математика и съ преобладающимъ составомъ изъ представителей математическихъ и опытныхъ наукъ. Объ особомъ классѣ—философовъ—здѣсь нѣтъ

¹⁰⁴) *Lettres à Valat*, 164—6, 30 мрт. 1825. *Nouveau Christianisme. Oeuvres* XXIII, 181, 186.

рѣчи. Во *Введеніи къ ученымъ работамъ XIX-го вѣка* составитель энциклопедіи создаетъ и «общіе принципы» для руководства человечества. Въ первый разъ Сень-Симонъ отдѣляетъ творца общей науки отъ специалистовъ ученыхъ—въ 1811 году. Въ письмѣ къ Редерну онъ даетъ изображеніе человѣка, способнаго создать позитивную философію: онъ долженъ обладать одновременно и пламеннымъ смѣлымъ воображеніемъ и совершенно спокойной думой и самымъ широкимъ здравымъ разсудкомъ, обширными познаніями и вдумчивой критической мыслью. Тогда онъ можетъ съ успѣхомъ составить *gesamte* изъ частныхъ наукъ, служащихъ элементами общей. Въ *Запискѣ по наукѣ о человекѣ* для организаціи теоріи требуются усилія всѣхъ ученыхъ, «*съ особенностями тѣхъ, кто занимается философіей (или общей наукой)*». Въ *Организаторѣ* Сень-Симонъ вызываетъ къ физикамъ, химикамъ и фивіологамъ, закликаетъ ихъ заняться вопросомъ о социальной организаціи, потому что они «способны обсуждать его», — и онъ представляетъ на ихъ судъ свое сочиненіе, — т. е. у специалистовъ требуетъ критики на работу по общей наукѣ. Эта цѣль въ сущности преслѣдовалась всякій разъ, когда Сень-Симонъ разсылалъ ученымъ свои сочиненія. Наконецъ, въ *Индустриальной системѣ* ясно распредѣляются роли специальныхъ ученыхъ и настоящихъ организаторовъ доктрины. Ученые располагаютъ *элементами* для теоріи, но имъ не достаетъ ея *общей идеи, зерна доктрины*, какъ связи для разъединенныхъ элементовъ. «Эту важную функцію, говоритъ Сень-Симонъ, надлежитъ выполнять позитивнымъ философамъ, т. е. «людямъ, занятымъ наблюденіями надъ позитивными обобщеніями и ихъ координированьемъ». И Сень-Симонъ убѣждаетъ присоединиться къ этому дѣлу тѣхъ ученыхъ и артистовъ, чей умъ способенъ возвыситься до философскихъ размышленій¹⁰⁵⁾. Вскорѣ — по тому же пути Сень-Симонъ приходитъ къ идеѣ, освобождающей его отъ извѣстнаго намъ упрека контистовъ за тѣмъ онъ организацію доктрины желалъ поручить *многимъ* лицамъ. Сень-Симонъ задолго до разрыва съ Контомъ говоритъ о новомъ Лякургѣ. «Концепція новой системы, объясняетъ онъ, должна быть едина, т. е. эта концепція должна быть создана единой головой», —

¹⁰⁵⁾ *Oeuvres choisies*. I, 3, 33—5, 243. *Oeuvres* I, 109—110; XL, 298; XX, 239. XXII, 78, 58: „C'est aux philosophes positifs c'est-à-dire aux hommes occupés à observer et à coordonner les generalités positives“.

и афиняне не собраію поручали составить имъ конституцію ¹⁰⁶⁾. И эта идея явилась не столько логическимъ выводомъ представленій философа объ организаціи доктрины, сколько внушеніемъ личныхъ опытовъ.

Контъ рѣшаетъ вопросъ слѣдующимъ путемъ. Первое утвержденіе: только ученые, занятые изученіемъ опытныхъ наукъ, способны организовать доктрину. Второе: въ числѣ ученыхъ разумѣются здѣсь люди, не посвятившіе себя какой-либо специальной опытной наукѣ, но обладающіе научной способностью, достаточно глубоко изучившіе совокупность позитивныхъ знаній—*l'ensemble de connaissances positives*— чтобы проникнуться ихъ духомъ и знать—главные законы естественныхъ явленій. Наконецъ,—третья мысль Конта: специалисты, не способные быть активными дѣятелями въ организаціи доктрины, должны выполнить очень важную пассивную роль,—именно «естественныхъ судей философскихъ работъ и эти работы будутъ имѣть цѣнность и получать вліяніе лишь послѣ одобренія специалистовъ—ученыхъ: они должны подтвердить, что результаты философвъ носятъ тотъ же характеръ, какъ и ихъ специальныя работы» ¹⁰⁷⁾.

Контъ считаетъ это разграниченіе второстепеннымъ, — и помещаетъ его даже въ примѣчаніи, а между тѣмъ замѣчаніе Сень-Симона на счетъ значенія «аристотелевской способности» для Конта могло быть вызвано только этимъ мѣстомъ *Системы*. Самъ Сень-Симонъ обязывалъ философвъ свою доктрину подвергать критикѣ специальныхъ ученыхъ, владѣвшихъ матеріаломъ для доктрины. Только личный образъ дѣйствій учителя, докучавшаго и отдѣльнымъ ученымъ и цѣлымъ ученымъ учреждениямъ своими произведеніями, могъ—если не внушить—по крайней мѣрѣ оправдать планъ Конта.

Результатъ всѣхъ этихъ сопоставленій не подлежитъ сомнѣнію. Объясненія философвъ нисколько не объясняютъ намъ принципиальнаго разлада между ними—по очень простой причинѣ: этого разлада не существовало именно *въ принципахъ* философіи. Косвенно это заключеніе подтверждается любопытнымъ фактомъ: въ первомъ изданіи контовское произведеніе, хотя и подписанное именемъ автора, явилось безъ всякихъ предисловіій — касательно принциповъ.

¹⁰⁶⁾ *Du Système ind.* Lettre au Roi. Апрель 1821. *Oeuvres* XXII, 249.

¹⁰⁷⁾ *O. c.* 61—64.

Если бы основанія для философской междоусобицы были созданы *системой* и если бы, слѣдовательно, эта Система могла ввести читателей — притомъ самыхъ избранныхъ — въ недоумѣніе на счетъ противорѣчій съ прежними идеями Сень-Симона, — предувѣдомленіе являлось необходимымъ. И его все-таки не оказывалось. Возникло оно только два года спустя, когда окончательно рѣшенъ былъ разрывъ и когда Контъ выступалъ на самостоятельное философское поприще — но *съ идеями Сень-Симона*. Мы сейчасъ увидимъ, — Система *позитивной политики* — безусловно сень-симонистское произведение, — и Сень-Симонъ, естественно, счелъ законнымъ — заявить объ этомъ публикѣ, — онъ, охотно предоставлявшій другимъ свои идеи, но отнюдь не желавшій терять своихъ авторскихъ правъ, — такъ же какъ отнимать ихъ у другого. Въ маѣ 1818 года онъ опубликовалъ въ газетахъ оригинальное письмо съ перечисленіемъ идей, занимавшихъ его въ то время: письмо должно было навсегда закрѣпить за нимъ «безспорную собственность» на эти идеи¹⁰⁰⁾. Съ Контотъ, несомнѣнно, уже не разъ поднимался подобный вопросъ. Мы знаемъ, Контъ жаловался Эйхталю, что Сень-Симонъ одного себя считаетъ способнымъ открывать идеи, а другіе могутъ только «улучшать ихъ въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отношеніяхъ», — въ этихъ жалобахъ слышатся отголоски подлинныхъ заявленій Сень-Симона своему ученику. И мы видѣли и увидимъ, основательны ли эти заявленія. Сень-Симонъ, несомнѣнно, настоялъ на объясненіяхъ предъ публикой, могъ даже пригрозить и полемикой. Что Контъ напечаталъ свое предисловіе съ большой неохотой, — это мы знаемъ изъ его же писемъ. Его особенно возмущало слово *élève*. Еще въ 1842 году онъ называлъ его *vicieuse qualification* и приписывалъ его своему «благородству». Это благородство осуществлялось при *существующемъ намѣреніи* — уничтожить всѣ «слѣды» его въ «ближайшемъ изданіи» сочиненія и при въ высшей степени злобныхъ нападкахъ на чловека, кому оказывалась милость. Психологически всѣ эти данныя врядъ ли совмѣстимы. Вѣрнѣе Сень-Симонъ продиктовалъ Конту сущность «предувѣдомленія», въ награду похвалилъ сочиненіе ученика, но не смогъ вполнѣ преодолѣть ревниваго чувства — выста-

¹⁰⁰⁾ Текстъ письма — *Oeuvres*. XIX, 43.

вить отрицательныя, по его мнѣнію, черты, и въ то же время будто предоставляемая имъ въ полную собственность ученика — съ превеличенной рѣзкостью. Контъ вовсе не грѣшилъ указанными недостатками—и совершенно естественно—почему:—онъ не былъ оригиналенъ даже тамъ, гдѣ Сень-Симонъ рѣшался удовлетворить его притязанія на оригинальность. Вышло объясненіе, ничего въ философскомъ смыслѣ не объяснившее, а только свидѣтельствовавшее— правда, издалика—о печальныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ прекращеніе многолѣтней совмѣстной работы двухъ философовъ.

IX.

Главное основаніе, почему Контъ такъ высоко ставилъ *Систему позитивной политики* — заключается въ «основномъ открытіи социалогическаго закона», объясненнаго впервые въ *Системѣ*. Въ этомъ «великомъ философскомъ законѣ» Контъ и его послѣдователи видятъ его главнѣйшій философскій подвигъ: «соціальная наука, говоритъ Лафиттъ, съ тѣхъ поръ была основана, благодаря этому необъятному открытію—*par cette immense découverte*,—и позже эта наука могла быть окончательнѣо установлена¹⁰⁹⁾. Послѣ *Системы позитивной политики* Контъ не переставалъ восхвалять «законъ» и превозносить его всеобъемлющее значеніе въ соціальной наукѣ. Въ сочиненіи, напечатанномъ вскорѣ послѣ смерти Сень-Симона въ сеньсимонистскомъ журналѣ *Producteur* Контъ подробно анализировалъ стадіи и о самомъ законѣ выразился такъ: «Этотъ основной законъ долженъ быть въ настоящее время, на мой взглядъ, точкой отправленія для всякаго философскаго изслѣдованія о человѣкѣ и объ обществѣ»¹¹⁰⁾. Бажнѣйшую работу — *Курсъ позитивной философіи* Контъ началъ выясненіемъ трехъ стадій, совершаемыхъ «каждымъ изъ нашихъ основныхъ возрѣній, каждой отрасли нашихъ знаній», — и весь дальнѣйшій философскій трудъ автора былъ посвященъ одной руководящей цѣли—теоретическому и историческому раскрытію закона, всестороннимъ доказательствомъ его всеобъемлющаго динами-

¹⁰⁹⁾ *Cours*. IV, 468. *Système*. IV. *Préf. de l'App. gén.* III. R. Occid. 1 juillet 82, 27.

¹¹⁰⁾ *Considérations philosophiques sur les sciences et les savants*. *Producteur*, I, 289, ноябрь, 1825. Перепечатано въ *Système de pol. posit.* IV. *Appendice*. 187—176.

ческаго характера ¹¹¹⁾. Очевидно, посягать на убѣдительность закона — значитъ колебать почву всего позитивизма, усомниться въ оригинальности Конта, какъ автора этой истины, — значитъ покушаться на его первѣйшее право — считаться философомъ-творцомъ, «геніемъ-изобрѣтателемъ».

Естественно,—ученики Конта употребили всё усилія — оберечь славу своего учителя отъ подобной опасности. И не только ученики, — но и вообще большинство критиковъ позитивизма заняли положеніе, безусловно успокоительное для Конта. Это вполне логично послѣ известнаго намъ рѣшенія вопроса объ отношеніи контовскаго позитивизма къ сенъ-симоновскому сенъ-симонизму. Но въ данномъ случаѣ пришлось считаться не съ однимъ Сенъ-Симономъ. Выше мы установили мѣсто Тюрго въ философіи исторіи и разобрали его ученіе о развитіи человѣческой культуры ¹¹²⁾. Мы указали въ этомъ ученіи очевидное присутствіе позднѣйшаго позитивнаго соціологическаго закона. Въ разсужденіяхъ Тюрго мы нашли точную характеристику трехъ стадій,—не встрѣтили только двухъ терминовъ, опредѣляющихъ первую и послѣднюю стадію. Вотъ съ этимъ фактомъ предстояло разсчитаться всѣмъ, кто желалъ защитить притязанія Конта на безусловную оригинальность его «основнаго открытія».

Самъ Контъ обошелъ затрудненіе. Онъ называетъ имя Тюрго по поводу Кондорсе, «выражается даже *le sage Turgot* и полагаетъ, что его «первичныя драгоцѣнныя замѣчанія объ общей теоріи человѣческаго совершенствованія несомнѣнно оказали пользу мысли Кондорсе» ¹¹³⁾. Этимъ и ограничивается оцѣнка Тюрго. Впослѣдствіи Контъ, перечисляя своихъ предшественниковъ, не упоминаетъ о Тюрго, но за то Кондорсе называетъ своимъ «духовнымъ отцомъ», своимъ «существеннымъ предшественникомъ», философомъ «знаменитымъ», «выдающимся», «несчастливымъ» ¹¹⁴⁾. Рядомъ съ Кондорсе перечисляется цѣлый рядъ мыслителей XVIII и XIX вѣковъ,— «безсмертная школа Дидро и Юма», горячо превозносится Монтескьё,

¹¹¹⁾ *Cours*. I, 8.

¹¹²⁾ *Введеніе*, глава VIII.

¹¹³⁾ *Cours*. IV, 185.

¹¹⁴⁾ *Cours* IV, 188 etc. *Catéchisme positiviste*, préf. X. Cp. *Cours*. VI, 8. *Syst. de pol. pos.* III, XV.

называются Контъ, Деместръ, Биша, Галль, Лейбницъ,—и ни намека на Тюрго. А между тѣмъ только у него и имѣется хотя бы даже не законченный но вполне опредѣленный очеркъ знаменитаго закона. При такихъ условіяхъ умолчаніе не можетъ не производить страннаго впечатлѣнія даже на самыхъ ревностныхъ послѣдователей,—и они попытались объяснить удивительный пробѣлъ въ воспоминаніяхъ своего учителя.

Наиболѣе разсудительный—Литтре—убѣжденъ, что Контъ «не встрѣтилъ у Тюрго существенныхъ мѣстъ» или забылъ о нихъ; иначе,—онъ, несомнѣнно, упомянулъ бы о немъ рядомъ съ Кондорсе ¹¹⁵⁾. Литтре вполне успокоивается на этомъ соображеніи,—но весьма позволительно усомниться, будто Контъ—если онъ вообще читалъ Тюрго—могъ пропустить разсужденіе напечатанное вмѣстѣ со всѣми его статьями о прогрессѣ. А если Контъ встрѣтилъ эти мысли,—онъ никоимъ образомъ не могъ забыть ихъ—по самому ихъ существу, по ихъ неопѣненному значенію для великаго социологическаго закона.

Болѣе заботливые ученики Конта почувствовали несостоятельность довода Литтре и рѣшились прибѣгнуть къ самому смѣлому утвержденію: Контъ *вовсе не читалъ* сочиненія Тюрго—до 1852 или 1853 года. Такъ сообщаетъ Лафиттъ и за нимъ повторяетъ Робинет ¹¹⁶⁾. Утвержденіе—опять вызывающее сомнѣнія. Во-первыхъ, Контъ читалъ вообще разсужденія Тюрго о прогрессѣ,—иначе онъ вовсе не упомянулъ бы о немъ, какъ предшественникѣ Кондорсе. А всѣ разсужденія Тюрго на эту тему печатались рядомъ, въ одномъ и томъ же томѣ его сочиненій ¹¹⁷⁾. Во-вторыхъ,—въ 1853 году Контъ издалъ третій томъ *Системы позитивной политики*,—въ августѣ и въ предисловіи опубликовалъ извѣстное намъ отреченіе отъ Сень-Симона, попутно объявивъ снова своимъ первоначальнымъ вдохновителемъ Кондорсе. Чтò же могло ему помѣшать—исправить несправедливость по отношенію къ Тюрго и отмѣтить его существенное участіе въ открытіи закона трехъ стадій ¹¹⁸⁾? Наконецъ,—

¹¹⁵⁾ Littré. 39—40.

¹¹⁶⁾ Robinet. 141.

¹¹⁷⁾ II т. въ изданіи сочиненій 1809—11, такъ же и въ изданіи 1844 года.

¹¹⁸⁾ Предисловіе подписано—23 Dante 65, т. е. 7 августа 1853.

упущеніе могло быть исправлено и годъ спустя, въ августѣ 1854 года, когда вышелъ послѣдній томъ *Системы позитивной политики* и Контъ, мы видѣли, подводилъ итоги своей философской эволюціи и опять говорилъ о своемъ знаменитомъ открытіи. Даже по свѣдѣніямъ контистовъ,—онъ тогда уже навѣрное зналъ о разсужденіи Тюрго.

Положеніе, оказывается, гораздо болѣе затруднительное, чѣмъ это казалось ученикамъ философа, не вышли изъ затрудненія и прочіе критики позитивизма, во что бы то ни стало желающіе остаться вѣрными заявленіямъ Конта. Они находятъ возможнымъ «укорить» Конта за умолчаніе о Тюрго,—но эта укоризна совершенно безцѣльна и остается безплоднымъ личнымъ настроеніемъ критика, разъ за Контомъ остаются неприкосновенными всѣ присвоенныя имъ права ¹¹⁹). Другіе признаютъ «удивительнымъ» поступокъ Конта,—но объясняютъ его простой забывчивостью: Контъ могъ читать сочиненія Тюрго въ молодости, поверхностно и даже не въ подлинникъ, законъ трехъ стадій на него не произвелъ впечатлѣнія,—и потому былъ открытъ имъ самостоятельно ¹²⁰). Приводится чрезвычайная добросовѣстность Конта по отношенію къ Кондорсе: не могъ онъ при такой добросовѣстности сознательно вычеркнуть Тюрго изъ списка своихъ предшественниковъ.

И тѣмъ не менѣе вычеркнулъ и, что особенно краснорѣчиво,—одновременно съ Сень-Симономъ. На долю послѣдняго кромѣ того, досталось множество прямыхъ поношеній и одному изъ критиковъ, стремящихся все понять и простить, приходится свои объясненія сопроводить слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Любопытное зрѣлище! Вотъ мыслитель, усиливающійся иногда чрезмѣрно,—найти предшественницъ своимъ теоріямъ, называющій даже духовнымъ отцомъ мыслителя, которому онъ обязанъ меньше, чѣмъ Сень-Симону и не устающій повторять, что онъ ничѣмъ не обязанъ тому, кто снабдилъ его планомъ дѣятельности и поставилъ его на истинный путь! Вопіющая несправедливость. Откуда она?»

Въ отвѣтъ авторъ вынужденъ вспомнить о «мелкихъ сторонахъ

¹¹⁹) Alengry. 471.

¹²⁰) Waentig. 23.

человѣческой природы» и привести извѣстное намъ наблюдение Милля надъ измѣнчивостью контовскихъ сочувствій и ненавистей¹⁴⁾.

Но для насъ не менѣе вопроса о личномъ характерѣ Конта важенъ вопросъ о первоисточникѣ его, какъ видно, удивительнаго поведенія даже для искреннихъ цѣнителей его оригинальнаго философскаго таланта. И мы не можемъ ограничиться лирическимъ замѣчаніемъ или общимъ неопредѣленнымъ психологическимъ соображеніемъ. Отъ рѣшенія поставленнаго вопроса зависятъ не только личное, но и философское достоинство учителя Конта. Если принять—даже съ крайними ограниченіями—отзывы бывшаго ученика,—всякое изслѣдованіе о Сень-Симонѣ, какъ философѣ, является безцѣльнымъ. Контъ явно стремился похоронить о немъ всякую историческую память, безнадежно дискредитировать его имя и дѣятельность и сполна заслонить своей особой личностью ненавистнаго «развратнаго жонглера». Несомнѣнно,—самое усердіе Конта и его послѣдователей на предпринятомъ пути способно само по себѣ внушить сомнѣніе въ искренности и правдивости ихъ суда,—но для историка впечатлѣній не достаточно: ему необходимо имѣть точный и, насколько возможно, фактически обставленный отвѣтъ. Наша цѣль—не положительный или отрицательный приговоръ вообще надъ человѣческой природой Конта, а устраненіе опредѣленій «любопытное», «вопіющее» и замѣна ихъ безстрастнымъ и, слѣдовательно, болѣе убѣдительнымъ идейнымъ освѣщеніемъ дѣйствительно рѣдкостнаго явленія въ исторіи умственныхъ отношеній.

Прежде всего,—предъ нами, на первый взглядъ, трудно разрѣшимая задача и ни кѣмъ изъ изслѣдователей неразрѣшаемая: почему Контъ усиленно подчеркиваетъ заслуги Кондорсе въ исторіи позитивной философіи и опускаетъ Тюрго, намѣтившаго центральную творческую идею этой философіи и уничтожаетъ Сень-Симона, кого онъ же самъ неоднократно и даже послѣ разрыва признавалъ своимъ наставникомъ? Даже Деместръ, вождь реакціонныхъ идеологовъ, слѣдовательно, по самому существу—противникъ позитивизма,—восхваляется Контонъ—за то, что онъ понялъ значеніе «духовной власти», всеподчиняющей доктрины,—а Сень-Симонъ, уяснившій культурный смыслъ не вообще доктрины, а именно позитивной,—

¹⁴⁾ Alengry. 473—4.

отвергается съ сильнѣйшимъ чувствомъ вражды и презрѣнія ¹²²⁾! Какъ все это совмѣстить съ простѣйшимъ представленіемъ не о справедливости, какъ нравственномъ понятіи, а о чистомъ здоровомъ смыслѣ, какъ общеобязательномъ логическомъ явленіи?

Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, представляется ясный и точный,— стоитъ только вчитаться въ сужденія Конта о «духовномъ отцѣ» Кондорсе и сравнить окончательныя, по его мнѣнію, заслуги этого философа съ тѣми, какія слѣдовало бы приписать первымъ творцамъ принципа позитивной философіи и политики.

Мы знаемъ сущность историко-философскихъ представленій Кондорсе и знакомы съ сужденіемъ о нихъ—Сень-Симона и Конта. Въ *Курсъ позитивной философіи* предъ нами окончательный приговоръ. Въ сущности,—во всемъ трудѣ Кондорсе для Конта удовлетворительно только предисловіе къ книгѣ о прогрессѣ: это — «безсмертныя страницы», т. е. планъ изучать въ исторической связи «различныя соціальныя состоянія». Но выполнить планъ—Кондорсе не смогъ,—и Контъ посвящаетъ рядъ страницъ отрицательной критикѣ работы философа XVIII вѣка. Въ основѣ контовская критика—прямое отраженіе давнихъ взглядовъ Сень-Симона на философію Кондорсе. Сень-Симонъ перепечаталъ введеніе въ *Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain* еще въ 1808 году въ своемъ сочиненіи *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*, — перепечаталъ, какъ характернѣйшее выраженіе идей просвѣтительной эпохи о прогрессѣ,—и сопроводилъ перепечатку критическими замѣчаніями на счетъ партійнаго приема Кондорсе—рѣшать философскій вопросъ. Подробнѣе развита эта мысль въ одномъ изъ писемъ Сень-Симона къ Редерну,—здѣсь находится краткое, но чрезвычайно содержательное обобщеніе взглядовъ Сень-Симона на работу Кондорсе: «Онъ первый составилъ планъ написать исторію прошлаго и будущаго человѣческаго разума. Его планъ былъ великолѣпнѣе, но выполненіе ничего не стоило». Вскорѣ Сень-Симонъ снова вернулся къ Кондорсе — въ сочиненіяхъ *Memoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation universelle*. ¹²³⁾),—но фраза въ письмѣ къ

¹²²⁾ О Деместрѣ въ статьѣ, напечатанной въ *Producteur*'s: I, 596; II, 314, 358—*Considerations sur le pouvoir spirituel*.—Appendice. 184, 191—2.

¹²³⁾ *Oeuvres choisies*. I, 98—110; *Oeuvres*. XV, 118; XL, 21, 284 etc.

Редерну должна быть признана точным конспектом разсуждений Конта о Кондорсе, как своем предшественникѣ. Контъ съ особенной тщательностью развилъ вторую часть фразы—отрицательную. Началъ онъ свой трудъ опять-таки съ приговора Сень-Симона надъ идеей Кондорсе о «неограниченномъ совершенствованіи». Мы увидимъ,—Сень-Симонъ подробно разобралъ эту «ошибку» Кондорсе въ томъ же письмѣ къ Редерну ¹²⁴). Контъ отнесся къ ней еще суровѣе. Она уполномочила критика укорить философа за «воображеніе, лишенное всякаго научнаго руководства и всякой научной узды, создаваемыхъ истинными основными законами человѣческой природы». Въ этомъ тонѣ, часто даже повышенномъ, продолжается разборъ идей Кондорсе. Отсутствие позитивнаго метода въ изученіи умственныхъ и нравственныхъ явленій сказывается у него «самымъ плачевнымъ образомъ», роковое воздѣйствіе революціоннаго духа радикально воспрепятствовало научному развитію идеи прогресса. Получился зломучный взглядъ на преимущества революціонной философіи, непосредственно враждебный всякой здоровой оцннкѣ политическаго прошлаго и слѣдовательно всякому истинно разумному представленію о непрерывномъ и постепенномъ прогрессѣ человечества. Все сочиненіе Кондорсе сводится въ сущности къ основному противорѣчію, — настолько же очевидному, насколько странному: съ одной стороны совершенство человѣческаго ума въ концѣ XVIII-го вѣка философу представляется необъятнымъ, съ другой стороны почти всѣмъ важнѣйшимъ доктринамъ, учрежденіямъ и властямъ прошлаго философъ приписываетъ рѣшительно - ретроградное вліяніе. «Такимъ образомъ, говоритъ Контъ, изученіе прошедшаго, по правдѣ говоря, представляется чѣмъ-то въ родѣ непрерывнаго чуда, при чемъ даже запрещается прибѣгать къ вульгарному объясненію— посредствомъ провидѣнія». Въ результатѣ, Кондорсе не открылъ ни одного истиннаго закона человѣческаго развитія, не подозрѣвалъ даже переходнаго смысла революціонной политики и совершенно не имѣлъ представленія о социальномъ будущемъ. Предпріятіе Кондорсе потерпѣло неизбежную и полную неудачу. Его цѣликомъ предстоитъ вновь осуществлять, — и самъ Кондорсе никогда бы его не осуществилъ ¹²⁵).

¹²⁴) *Oeuvres*. XV, 116—8.

¹²⁵) *Cours*. IV. 187—192.

Таковъ приговоръ Конта, — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фактически-преувеличенный въ ущербъ «духовному отцу». Сень-Симонъ поступилъ иначе. Въмѣсто неопредѣленнаго и слабого ограниченія *почти*, — онъ точно перечисляетъ «ошибки» Кондорсе, настаивая особенно на одной — на непониманіи культурнаго значенія религій. Что касается соціальнаго будущаго, — здѣсь приговоръ Конта слишкомъ рѣшителенъ: мы указывали у Кондорсе проблески даже социалистической мысли и видѣли смыслъ его *Атлантиды*. Со стороны Конта было несомнѣнной благодарностью не отмѣтить у своего предшественника идеи «общей философіи», научно-философскаго авторитета, господствующаго надъ умами и учрежденіями человѣчества. Не трудно было распознать въ подобныхъ размышленіяхъ, по крайней мѣрѣ, предчувствія будущей «общей науки», т.-е. позитивной философіи и будущей «духовной власти».

Не оцѣнивъ надеждъ Кондорсе на будущее, Контъ сосредоточилъ свое вниманіе на его несправедливостяхъ къ прошедшему и послѣдшилъ отмѣтить въ этомъ отношеніи «глубокое философское превосходство» Монтескье, который, въ свою очередь, только *по некоторымъ подробностямъ Духа законовъ* ставится впередъ своихъ предшественниковъ — вплоть до Аристотеля, и даже уступаетъ греческому философу, — если принять въ расчетъ разницу эпохъ — логической продуманностью работы. Единственная заслуга Монтескье въ представленіи объ естественной законмѣрности политическихъ явленій, — но эта идея не нашла ни малѣйшаго примѣненія на практикѣ, Монтескье и не подумалъ приурочивать накопленные имъ факты къ какому-либо закону, а ограничился произвольнымъ метафическимъ сближеніемъ ихъ. Въ результатъ у него планъ оказался *совершенно не выполненнымъ* ¹²⁶).

Въ результатъ, — *вся работа* по соціальной наукѣ осталась нерѣшенной задачей послѣ философовъ XVIII-го вѣка. Къ этому выводу пришелъ Контъ послѣ разбора трудовъ своихъ предшественниковъ. Онъ могъ расточать сколько угодно хвалебныхъ эпитетовъ и Монтескье и Кондорсе, — восторги не влекли ни къ какимъ послѣдствіямъ — въ смыслѣ даже отдаленнаго ужаленія или затемненія творческихъ заслугъ самого Конта. Но представимъ, — онъ внимательно раз-

¹²⁶) Л. 179—181.

смотрѣль «ручи» и отрывки Тюрго по философіи исторіи,—могъ бы онъ также заявить, что «предпріятіе все цѣликомъ остается еще совершить?» *Все цѣликомъ—tout entière*—послѣ такого внушительнаго «арегси» Тюрго, что защитникамъ Конта пришлось отрицать даже его знакомство съ произведеніями одного изъ популярнѣйшихъ писателей XVIII-го вѣка! Сопоставленіе фактовъ, на нашъ взглядъ, достаточно краснорѣчиво, чтобы заключеніе подлежало сомнѣнію. Контъ *сознательно* и съ *одинаковой цѣлью* опустил Тюрго и отрекся отъ Сень-Симона: оба философа являются его высшими духовными отцами и сообразно со степенью зависимости отъ каждаго изъ нихъ Контъ распредѣлил свои чувства: для Тюрго, давшаго идею «великаго открытія», — достаточно умолчанія, для Сень-Симона, снабдившаго ученика гораздо болѣе обильнымъ философскимъ достояніемъ, потребовался квалифицированный образъ дѣйствій—самой своей страстностью отгнѣннвшій затаенный смыслъ многократныхъ отреченій. Когда мы теперь обратимся къ *Системѣ позитивной политикѣ*—работѣ, столь важной въ глазахъ Конта,—намъ станетъ еще яснѣе въ сущности очень нехитрая политика.

Центральная идея сочиненія — законъ трехъ стадій. До какой степени Контъ ея создатель? Считать его безусловнымъ и независимымъ авторомъ — не допускаетъ простой здравый смыслъ послѣ Тюрго. Но между Тюрго и Контомъ существуетъ Сень-Симонъ,— не имѣетъ ли онъ части въ идеѣ?

Въ отвѣтъ предъ нами пространное разсужденіе въ *Mémoire sur la science de l'homme*, являющееся развитіемъ очень давней мысли,—еще изъ *Писемъ женеваго обывателя*. Мысль эта, по словамъ Сень-Симона, сообщена ему нѣкимъ Бюрденомъ, военнымъ врачомъ: мы встрѣтимся позже съ этимъ фактомъ. Для насъ пока важно, что Сень-Симонъ не преминулъ назвать подлиннаго автора концепціи, равнозначашей по своему историко-философскому смыслу — закону трехъ стадій.

Въ *Письмахъ женеваго обывателя* впервые представлена классификація наукъ въ порядкѣ ихъ развитія въ позитивномъ направленіи. Мысль выражена очень просто: взято два принципа—*воображеніе* и *наблюденіе*. Сообразно съ *простотой* содержанія, т.-е. изучаемыхъ предметовъ—науки скорѣе или медленнѣе освобождаются отъ власти воображенія и подчиняются одному наблюденію. Астрономія

и хмія уже совершили этотъ путь,—очередь остается за фізіологіей и наукой о соціальныхъ явленіяхъ. Сень-Симономъ намѣчена и промежуточная стадія — между чисто-воображаемымъ и опытнымъ состояніемъ, когда человѣкъ смѣшиваетъ факты наблюдаемые съ воображаемыми, получаетъ «элементарную галиматію», удовлетворяющую его потребность въ предвидѣніи будущаго ¹²⁷⁾.

Это — зерно трехъ стадій. Къ тому же вопросу Сень-Симонъ вернулся во время переписки съ Редерномъ. Здѣсь уже употребленъ терминъ *позитивный* въ противоположность *кадательному* — *conjectural*, науки расположены въ прежнемъ порядкѣ, прибавлена — «общая наука», — т.-е. философія, — она въ своемъ развитіи зависитъ отъ частныхъ наукъ, и предѣлъ ея — *позитивная философія*. ¹²⁸⁾.

Наконецъ, въ *Запискѣ по наукѣ о человѣкѣ* та же идея развита еще подробнѣе, фізіологія признана самой молодой среди наукъ, — еще не вполнѣ позитивной, психологія слѣдуетъ за ней, такъ же какъ мораль и политика, въ вѣнцѣ всего — общая наука и религія, которая должна усовершенствоваться одновременно съ позитивнымъ развитіемъ частныхъ наукъ и философіи, — и не только религія, — но и духовенство, т. е. практическая часть религіи, «организація прижизнителей принциповъ». Въ будущемъ это будетъ «ученая корпорація», такъ какъ сама религія нечто иное какъ «матеріализація научной системы» ¹²⁹⁾.

Въ этихъ сравнительно очень краткихъ, конспективныхъ разсужденіяхъ Сень-Симона заключается тема и планъ всей позитивной политики Конта со всѣми сопутствующими работами, предшественниками *Курса позитивной философіи* и *Системы позитивной политики*, — т.-е. статьями въ *Производителѣ* — о наукѣ и ученыхъ и о духовной власти.

Намѣтивъ двѣ основныхъ стадіи умственного прогресса, Сень-Симонъ далъ имъ еще болѣе точную характеристику. Первая стадія — господство «религіозной системы» разчленена на три — идолопоклонство — *idolâtrie*, политеизмъ и деизмъ. Они соотвѣтствуютъ контовскимъ — фетишизму, политеизму и монотеизму. Послѣдняя ста-

¹²⁷⁾ *O. choisies*. I, 24—26 — „ce galimatias élémentaire“.

¹²⁸⁾ *Ouvres*. XV, 108—9.

¹²⁹⁾ XL, 25—32.

дія имѣеть также два періода: представленіе о нѣсколькихъ законахъ, управляющихъ міромъ и вѣра въ единый законъ: это — цѣль будущаго ¹³⁰⁾.

Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Сень-Симонъ снова перечисляетъ установленныя имъ стадіи, замѣняя терминъ—*деизмъ*—*теизмъ*, очевидно, не придавая значенія рѣзкимъ отгнѣсамъ, какіе видѣль въ этихъ наименованіяхъ восемнадцатый вѣкъ. Для него и то и другое характеризуетъ представленіе объ единомъ личномъ божествѣ. Но не въ этомъ значеніе поправокъ Сень-Симона: онъ теперь употребляетъ терминъ *метафизическій*, говоритъ, что доктрина жрецовъ египетскихъ была болѣе метафизическая, чѣмъ вѣра народа ¹³¹⁾. Философъ не развиваетъ *метафизическое воззрѣніе* въ особую стадію,—но смыслъ метафизики—ясенъ: это—переходное состояніе. Вполнѣ опредѣленно это значеніе раскрывается въ сужденіяхъ Сень-Симона о философіи XVIII-го вѣка и о политической формѣ, созданной этой философіей. Мы знаемъ,—для него эта философія—*критическая*, т.-е. орудіе разрушенія старой системы, подготовительная для созиданія новой—*позитивной*. Также и конституціонный строй—переходный между феодальнымъ и индустриальнымъ,—и онъ покоится на метафизическихъ идеяхъ о правахъ чловѣка. *Метафизики* — обычное имя у Сень-Симона для революціонныхъ политиковъ. Очевидно,—у него имѣлось понятіе о переходной стадіи именно какъ метафизической,—почему же онъ не ввелъ его въ свой обзоръ историко-культурной эволюціи? Можетъ быть, здѣсь Контъ обнаружилъ особенное напряженіе оригинальной мысли и существенно дополнилъ концепцію Сень-Симона?

Обратимся къ самому Конту, — именно къ его метафизической стадіи. Какое имѣеть она значеніе для самого Конта? Замѣтимъ,—если бы это значеніе и было исключительнымъ, — метафизическая стадія — съ своимъ терминомъ — имѣется уже у Тюрго. Но эта справка—излишняя послѣ взглядовъ Конта на предметъ.

Въ сущности существуютъ только двѣ органическихъ стадіи—теологическая и позитивная, — для третьей у Конта нѣсколько пояснительныхъ опредѣленій, совершенно уничтожающихъ ея самостоя-

¹³⁰⁾ *Ib.* 42—3.

¹³¹⁾ *Ib.* 133—5.

тельное значеніе. Еще въ раннемъ сочиненіи «метафизическія воззрѣнія» Контъ опредѣлялъ какъ теологію, видоизмѣненную фізикою,—и описывалъ процессъ метафизическаго созерцанія, состоящій въ изобрѣтеніи отвлеченныхъ сущностей, какъ своего рода эманаций высшей власти. Контъ даже иногда считаетъ *безполезнымъ* говорить о метафизикѣ: *такъ какъ она всегда только—переходъ—transition* ¹³²⁾. Впослѣдствіи въ *Курсъ позитивной філософіи* метафизическая стадія признается «въ основѣ простымъ общимъ видоизмѣненіемъ первой» — *n'est au fond qu'une simple modification générale du premier*, или «послѣдняя существенная фаза древней філософіи», т.-е. теологіи, «послѣднее подготовительное преобразование первичной філософіи» и філософъ указываетъ общія принципиальныя черты теологическаго и метафизическаго воззрѣнія—до такой степени глубокія и многочисленныя, что считаетъ возможнымъ выразиться «режимъ теологико - метафизическій». Метафизическое состояніе ума Контъ считаетъ совершенно равносильнымъ теологическому, насколько идетъ вопросъ о преобладаніи религіозныхъ представленій надъ позитивными. Только позитивная філософія знаменуетъ рѣшительный поворотъ ¹³³⁾.

Всѣ эти разсужденія вполне согласны съ идеями *Системы позитивной политики*—1822 года. Метафизическое понятіе—«воплощенное отвлеченіе», «мистическое наименованіе для сверхъестественной причины» ¹³⁴⁾. Ясно, — метафизическая стадія нѣчто *побочное*—Контъ такъ и выражается: «*son caractère est bâtard*», сравнительно съ двумя другими—неполноправное, не творческое,—а исключительно разлагающее, критическое. Такъ понималъ метафизику и Сень-Симонъ,—Контъ не внесъ въ идею ничего другого: элементы — *переходности* и *критицизма* и у него цѣликомъ исчерпываютъ моментъ, названный имъ второй стадіей.

Имѣлъ ли послѣ этого Контъ право—приписывать себѣ *открытие* соціологическаго закона? Пока мы не касаемся самаго достоинства открытія,—имѣемъ въ виду только его происхожденіе,—и должны по меньшей мѣрѣ раздѣлить трудъ между тремя или четырьмя

¹³²⁾ *Consid. philos. sur les sciences et les savants. App. 144—5, 160.*

¹³³⁾ *Cours. I, 9—10; V, 500—2.*

¹³⁴⁾ *Oeuvres. XXXVIII, 76.*

мыслителями: Тюрго, Бюрдэномъ, Сень - Симономъ и Контомъ и на долю Конта достанется отнюдь не творческая часть, а только нѣкоторая доля организаторской. Умъ—по преимуществу аналитическій и притомъ въ чисто-математическомъ направленіи, Контъ *упорядочилъ* другими созданное зданіе, выровнялъ основныя линіи, сгладилъ лишнія придатки, нарушавшіе чистоту и стройность фасада, вдвинулъ его въ симметрическія часто рѣзко подчеркнутыя формы,—выполнилъ вообще работу не столько умственную, сколько художественную и отнюдь не цѣлостную, а детальную. Не чувствовалъ ли хотя отдаленно этого процесса одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ контовской оригинальности? Робине, переписавъ подлежащее мѣсто изъ *Mémoire sur la science de l'homme* спѣшить заявить, что Сень-Симонъ не показывалъ Конту этого своего сочиненія, желалъ скрыть отъ ученика «съ ревнивой заботливостью»—свою предыдущую фазу развитія, свою бонапартистскую лесть ¹³⁵⁾.

Намъ неизвѣстно, откуда Робине узналъ о такой «заботливости» Сень-Симона, а потомъ учитель могъ сообщить содержаніе «15 или 16 страницъ»—какъ выражается Робине—безъ помощи своего сочиненія: слышалъ же отъ него кое-что Контъ, приписывавшій такое великое значеніе для своего философскаго развитія своему знакомству съ Сень-Симономъ? По неожиданности и удивительному характеру доводовъ фанатическихъ послѣдователей Конта можно только судить о безнадежности ихъ дѣла.

И такъ «необъятное открытіе» Конта, основа всей его философской дѣятельности, сущность его системы и его главнѣйшее право на славу гениальнаго философа-творца — не можетъ быть признано его *открытіемъ*, а развѣ только его *заимствованной* собственностью—усовершенствованной не какъ не больше, чѣмъ, напимѣръ, новый владѣлецъ ремонтируетъ купленный домъ, не нарушая ни его общаго вида, ни расположенія комнатъ. Подобное же заключеніе мы должны сдѣлать и относительно другихъ мыслей Конта, легшихъ въ основу *Системы позитивной политики*. Онѣ второстепеннаго значенія, такъ на нихъ смотреть и Контъ но онѣ любопытны, какъ неуклонное свидѣтельство глубокихъ внушеній Сень-Симона.

¹³⁵⁾ Robinet. 143—4.

Въ началѣ Контъ очень настойчиво доказываетъ необходимость одной для всѣхъ обязательной доктрины. Все разсужденіе пестрить извѣстными намъ философскими мыслями и историческими сопоставленіями Сень-Симона,—ихъ Контъ неоднократно повторялъ уже въ прежнихъ произведеніяхъ. Мы снова читаемъ о процессѣ установленія феодально-теологической системы, о развитіи критическаго течения, о значеніи духовной власти въ средніе вѣка, о близорукости философіи XVIII-го вѣка, о критической роли метафизиковъ и легистовъ: все это очень стройный и ясный сводъ политическихъ и философскихъ воззрѣній учителя. Рядомъ—разсужденія о новой позитивной системѣ, которая должна получить для новаго времени догматическую силу: ученіе о свободѣ совѣсти должно исчезнуть. Оно лишь орудіе борьбы противъ теологической системы, узаконяетъ самодержавіе каждаго личнаго разума и стремится къ полному обособленію умовъ. Все это ничто иное какъ рѣзкое развитіе сень-симоновской идеи изъ второго тома *Индустріи*. Сень-Симонъ взглядъ XVIII-го вѣка на религиозную свободу противопоставляетъ философской *необходимости* XIX-го «подвергнуть всѣхъ дѣтей изученію одного и того же уложенія земной морали»: только позитивная мораль можетъ сплотить людей въ общество ¹²⁶⁾.

Контъ очень тщательно и подробно развиваетъ эту идею, указываетъ, что свободы совѣсти нѣтъ въ астрономіи, въ физикѣ, въ химіи, въ фізіологіи. Пользуясь опредѣленіемъ, какое Сень-Симонъ далъ философіи XVIII вѣка—*анти-теологіи*—Контъ свободу личной совѣсти сопоставляетъ съ папской непогрѣшимостью, аналогичное ученіе о народномъ самодержавіи съ ученіемъ о божественномъ правѣ государей: оба догматы—*анти-теологическіе*, и ихъ роль кончается съ разложеніемъ феодализма и папской власти. Настало время «новой истинно-органической доктрины», взамѣнъ десятка конституцій, возникшихъ и упраздненныхъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Слѣдуетъ извѣстное намъ доказательство необходимости организовать міросозерцаніе раньше учреждений и повторяется планъ Сень-Симона—точно опредѣлить цѣль общественной организаціи, воспитать массу во имя этой цѣли, создать проектъ работъ, предстоящихъ выполнить обществу. Все это буквально предлагалось Сень-Симономъ въ ян-

¹²⁶⁾ *Ouvres*. XXXVIII, 22—5; XVIII, 218.

варѣ 1822 года ¹³⁷). О воспитаніи народа, какъ главной задачѣ новой позитивной организаціи, говорилъ Сень-Симонъ и въ 1817 году ¹³⁸). Контъ навсегда усвоить этотъ принципъ и снова будетъ развивать его въ 1826 году, въ особомъ разсужденіи о духовной власти ¹³⁹.

Много мѣста отведено Контомъ другой важной идеѣ позитивной философіи—эволюціонному взгляду на исторію. Моментъ—особенно поучительный. «Духовный отецъ» Конта Кондорсе не могъ дать ему даже отдаленнаго представленія объ этомъ ученіи. Деместръ, который, по словамъ Конта «дополнилъ» для него Кондорсе—непостижимъ въ этой роли; до такой степени противоположны воззрѣнія восторженнаго пѣвца «прогрессовъ» и идеолога крайней реакціи. Контъ, къ сожалѣнію, не считаетъ нужнымъ пояснить, какъ онъ могъ привести въ идейное цѣльное подобныя міросозерцанія. Одинъ критикъ это заявленіе Конта причисляетъ къ *énormités grotesques*, собственнымъ «основателю секты», равнодушному къ истинѣ, даже къ подобію истины ¹⁴⁰). Обобщеніе, можетъ быть, слишкомъ жестокое,—но признаніе Конта—какъ частное проявленіе психологіи—фактъ, дѣйствительно, удивительный. Мы перестанемъ удивляться, если вспомнимъ, что у Конта было единственное средство — избѣжать «чудовищности» — назвать Тюрго и Сень-Симона, — особенно послѣдняго, такъ какъ раскрытію его излюбленнаго представленія о «силѣ вещей», о «природѣ вещей» посвящено все ученіе Конта объ историческомъ процессѣ и значеніи личности а Деместръ, мы увидимъ, всегда привлекалъ сочувствіе Конта, какъ самый послѣдовательный теоретическій организаторъ не духовной власти, а церковнаго, жреческаго единодержавія.

Мы знаемъ,—идея закономѣрнаго историческаго развитія утвердилась въ умахъ пореволюціонной эпохи непосредственно подъ влияніемъ событій и явилась достояніемъ всѣхъ партій. Политическая мысль—либеральная, желавшая воспользоваться завоеваніями революціи и реакціонная, мечтавшая о возстановленіи стараго порядка,—одинаково старались опираться не на личную волю, а на логику

¹³⁷) *Suite à la brochure: „Des Bourbons et der Stuarts“. O. choisies. II, 437—S.*

¹³⁸) *De l'Industrie. Oeuvres. XVIII, 221.*

¹³⁹) *Append. 194—6.*

¹⁴⁰) *Renouvier. La crit. philosophique. 1881, I, 362.*

фактовъ. Въ реакціонной философіи эта логика превращалась въ предписанія Провидѣнія, у либеральныхъ политиковъ—въ историческій законъ, часто весьма близкій къ фатуму. Контъ имѣлъ всѣ основанія—предостерегать своихъ читателей, чтобы «научное чувство необходимаго подчиненія социальнымъ явленій неизмѣннымъ естественнымъ законамъ никогда не вырождалось въ систематическое расположеніе къ фатализму или къ оптимизму—одинаково уничительнымъ и опаснымъ». И философъ полагалъ, что въ виду этой опасности «соціальной физикой» съ успѣхомъ могутъ заниматься только «возвышенные характеры»¹⁴¹⁾. Другая крайность—систематическое отрицаніе необходимости и полезности великихъ историческихъ явленій—также неразумна и ведетъ исключительно къ отрицательнымъ результатамъ,—примѣръ — Кондорсе. Какъ же найти вѣрный путь, т. е. примирить неотразимую закономерность общаго социальнаго процесса съ самоопредѣленіемъ личности?

Сень-Симону неизбѣжно долженъ былъ представиться этотъ вопросъ—немедленно, лишь только онъ пришелъ къ убѣжденію въ будущемъ научномъ характерѣ исторіи. Если ученый историкъ способенъ выполнять назначеніе, свойственное вообще всякому ученому—т. е. *предвидѣть* явленія—очевидно историческій процессъ совершается по строго опредѣленному плану и роль личности не можетъ быть такою, какъ представляли ее философы XVIII-го вѣка. Какою же?

Просвѣтители вѣрили въ неограниченную творческую силу чловѣка—законодателя, философа,—Сень-Симонъ напротивъ, убѣжденъ, что чловѣкъ не создаетъ принципа, т. е. социальной организующей идеи, а только подмѣчаетъ его, выводитъ его изъ фактовъ¹⁴²⁾. Такъ разсуждалъ Сень-Симонъ въ 1817 году,—и обобщалъ свои частныя мысли, высказанныя уже два года назадъ. Онъ доказывалъ бессиліе правительствъ и націй предъ «силой вещей»—въ то время, когда Контъ до глубины души переживалъ революціонный духъ¹⁴³⁾. Мы знаемъ,—вліяніе Сень-Симона освободило его отъ соблазна и это признаетъ Литтре,—но онъ забываетъ, что плодомъ этого освобож-

¹⁴¹⁾ *Cours*. IV, 190.

¹⁴²⁾ *L'Industrie. Oeuvres* XVIII, 190.

¹⁴³⁾ *Opinion sur les mesures à prendre contre la coal. de 1815.*

денія, между прочимъ, слѣдуетъ считать и рядъ блестящихъ страницъ въ *Системѣ позитивной политики*. Всѣ онѣ, по обыкновенію, написаны на тему, заданную Сень-Симономъ. Точную форму ея можно указать въ слѣдующихъ словахъ учителя: «истинный разумъ—позитивный—состоитъ въ томъ, чтобы предвидѣть ходъ явленій, съ которыми приходится имѣть дѣло, умѣть оберечься отъ тѣхъ, какія угрожаютъ вредомъ и воспользоваться могущими принести пользу» ¹⁴⁴).

Слѣдовательно, во власти личности только філософское предвидѣніе и практическая находчивость,—а не творчество. Находчивость слѣдуетъ понимать какъ искусство комбинировать извнѣ данныя условія и обстоятельства,—напримѣръ въ мірѣ физическихъ явленій—предвидѣть грозу и воспользоваться громоотводомъ,—въ мірѣ соціальныхъ явленій—предвидѣть опасность со стороны неимущей массы и обратиться къ помощи нравственного воспитанія и реорганизации собственности. Но всѣ эти мѣры вовсе не означаютъ, будто человѣкъ можетъ остановить стихію или ходъ цивилизациі и *создать* другое явленіе или направленіе исключительно на основаніи своего идейнаго плана. Напротивъ, Сень-Симонъ убѣжденъ,—всякая жизнеспособная организациа общества должна быть построена «на філософскомъ наблюденіи хода цивилизациі въ предшествующіе вѣка». Онъ предлагаетъ представить историческіе факты въ *двухъ рядахъ*: въ одномъ *факты изобрѣтенные*, т. е. нарочито придуманныя системы политическаго строя,—въ другомъ—*факты наблюденные*, т. е. естественное движеніе исторіи,—и въ результатѣ окажется: изобрѣтенныя системы лишь тогда приводили къ усовершенствованію, когда приближались ко второму ряду ¹⁴⁵).

Человѣкъ, слѣдовательно, плодотворно можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ историческаго процесса и въ его направленіи,—ускоряя эволюцію или замедляя ее.

Эту же мысль развиваетъ и Контъ—два года спустя послѣ Сень-Симона. Мы не намѣрены утверждать, что Контъ путемъ собственныхъ размышленій не могъ додуматься до только что объясненной идеи, особенно при настойчивыхъ современныхъ внушеніяхъ,—

¹⁴⁴) *Mémoire sur la sc. de l'homme*. 182.

¹⁴⁵) *L'Organisate ur. Oeuvres*. XX, 181, 219. Конецъ 1819 и начало 1820 года.

жизненных и литературных. Мы только желаемъ указать, до какой степени ярко отражалась на мышленіи Конта умственная работа Сень-Симона. Говоря объ историческомъ процессѣ, ученикъ не забываетъ воспользоваться старой излюбленной идеей учителя—сравнить законъ развитія человѣческаго рода съ закономъ тяготѣнія—по его *необходимости*, признать его только болѣе подлежащимъ воздействию, чѣмъ тяготѣніе. Онъ почти буквально повторяетъ мысль Сень-Симона о *прочности* только тѣхъ политическихъ дѣйствій, какія совершаются согласно съ стремленіемъ культурныхъ силъ. Человѣкъ можетъ только наблюдать это стремленіе, предвидѣть его результаты и пользоваться ими ради своихъ цѣлей—но непременно сообразно съ ихъ природой. Большая разница, говорить Контъ, повиноваться ходу цивилизаціи безотчетно или сознательно. Цѣль практической политики—избѣгать носильственныхъ переворотовъ, которые возникаютъ благодаря ошибочнымъ преградамъ естественному движенію цивилизаціи. Стремительность революціи происходитъ главнымъ образомъ отъ невѣдѣнія историческихъ законовъ. Всякая революція можетъ быть сведена къ «простому нравственному движенію», хотя и болѣе энергическому, чѣмъ обычная жизнь общества ¹⁴⁶⁾.

Контъ еще разъ сравниваетъ историческій законъ съ астрономическимъ и пользуется оригинальнымъ указаніемъ Сень-Симона, какимъ путемъ слѣдуетъ составлять позитивно-философскую оцѣнку настоящаго и строить организацію будущаго? Настоящее можно понять только при свѣтѣ прошедшаго и *будущаго*. Это значитъ: философъ изъ наблюденій надъ прошедшимъ долженъ логически представить будущее и свои выводы перенести на анализъ настоящаго: тогда только среди окружающаго хаоса явленій онъ увидитъ дѣйствительность—ясную и осязательную и опредѣлитъ свой путь. Критики позитивизма этотъ *философскій* порядокъ, отличный отъ хронологическаго, поспѣшили приписать Конту,—но идея принадлежитъ Сень-Симону, высказана имъ еще въ *Работы о всемірномъ тяготѣніи*. Онъ указалъ, что единственное средство—безпристрастно разобраться въ явленіяхъ современности—подойти къ нимъ со «взорами устремленными на холодную картину самаго отдаленнаго

¹⁴⁶⁾ О. с. 114—5, 113—7.

прошедшаго и будущаго» и взглянуть на настоящее какъ на *соединительное звено двухъ рядовъ* ¹⁴⁷⁾.

Можно все сочиненіе Конта разобрать въ этомъ духѣ,—противъ каждой руководящей мысли поставить соответствующую идею Сень-Симона. Контъ совершенно вѣрно опредѣлялъ компилятивный характеръ своей работы въ *Предувѣдомленіи: систематизировалъ, развилъ и усовершенствовалъ часть взглядовъ* Сень-Симона, относящуюся къ научному направленію ¹⁴⁸⁾. Отрицать у Конта искусство систематизаціи и даже совершенствованія чужихъ идей—невозможно. Въ этомъ отношеніи онъ, несомнѣнно, превосходилъ своего учителя, обладавшаго только въ слабой степени систематическимъ умомъ,—но относительно творческаго философскаго таланта между двумя философами—если и мыслимо сравненіе—то къ крайней невыгодѣ для Конта.

Онъ даже не всегда умѣетъ придумать свои иллюстраціи для какого-либо положенія и заимствуетъ ихъ у Сень-Симона вмѣстѣ съ самой темой разсужденія. Перечисляя общія черты теологическаго и метафизическаго воззрѣнія, указывая на *абсолютный* характеръ ихъ политики,—Контъ припоминаетъ аналогію между естественнымъ состояніемъ у Руссо и теологическимъ взглядомъ на первородный грѣхъ. Эта аналогія основательно развита Сень-Симономъ въ *Mémoire sur la science de l'homme* ¹⁴⁹⁾. Мы знаемъ значеніе сень-симоновской критики философскихъ заслугъ Кондорсе для разсужденій Конта о томъ же предметѣ, вообще весь судъ Конта подъ восемнадцатымъ вѣкомъ—непосредственное отраженіе сень-симонизма: это—мы видѣли—признаютъ даже защитники философской оригинальности Конта. Въ *Системѣ позитивной политики* обсуждаются всѣ эти вопросы,—и, кромѣ того, философія Монтескьё. Ея отрицательныя стороны могли быть постигнуты и самимъ Контомъ послѣ общаго усвоенія сень-симоновскихъ воззрѣній, но могли—и каждое отдѣльно—быть внушены Сень-Симономъ,—напримѣръ преувеличенный взглядъ Монтескьё на значеніе политическихъ формъ, вліяніе климата. По поводу послѣдняго вопроса—у Конта находимъ про-

¹⁴⁷⁾ *Oeuvres*. XL, 287—8. Контъ. О. с. 124.

¹⁴⁸⁾ О. с. 9.

¹⁴⁹⁾ Контъ—91. *Mémoire*. 131.

странное разсужденіе о рѣшающемъ значеніи человѣческой организаціи. Онъ могъ эту истину заимствовать изъ современнаго естествознанія,—такъ же, какъ подъ вліяніемъ Кабаниса и Галля—всю цивилизацію—прошедшую и будущую признать «необходимымъ слѣдствіемъ организаціи человѣка, видоизмѣняемой въ своихъ дѣйствіяхъ внѣшними условіями». Но не слѣдуетъ забывать, что Сень-Симонъ не переставалъ настаивать на физиологическихъ основахъ культурной эволюціи и утверждать, что «умственная лѣстница тождественна органической». Контъ очень удачно формулировалъ смыслъ этого воззрѣнія: «исторія цивилизаціи ничто иное какъ продолженіе и необходимое восполненіе естественной исторіи человѣка» формула, по своему содержанію, соответствующая давнему выраженію у Сень-Симона *физико-политическій* путь¹⁵⁰).

Всѣ эти сопоставленія при всей своей значительности, являются въ сущности роскошью для нашей цѣли—доказать компилятивное происхожденіе *Системы позитивной политики*. Для этой цѣли—на основаніи представленія самого автора о значеніи своего труда — достаточно разрушить легенду о «необъятномъ» оригинальномъ открытіи закона трехъ стадій и привести къ первоисточнику эту позитивистскую истину и неразрывно связанную съ ней классификацію наукъ. Въ томъ, что Контъ только систематизаторъ и развѣ на самый снисходительный взглядъ усовершенствователь чужой идеи относительно «закона» и что онъ простой заимствователь относительно классификаціи,—не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. А если это фактъ установленный,—Контъ долженъ былъ на каждомъ шагѣ чувствовать надъ собой власть чужого вдохновенія, надъ каждой страницей его произведеній тяготѣлъ образъ учителя и каждая основная идея его философіи являлась самымъ живымъ напоминаніемъ объ «отцѣ-Симонѣ». И чѣмъ шире развивалась позитивная философія, тѣмъ напоминанія становились настойчивѣе и стали невыносимотягостными — своей сконцентрированной многолѣтней силой, когда философъ перешелъ къ организаціи теоретической и практической религіи, т.-е. духовной власти. Онъ могъ создать свои подробности догмы и культа,—но самый принципъ—позитивной религіи и пози-

¹⁵⁰) Контъ—142—4, 181; *Memoire sur la science de l'homme*. 48, 158. *Oeuvres publiées par Ol. Rodrigues*. p. XX—1808 годъ, 1-й автоб. отрывокъ.

тивнаго духовенства цѣликомъ принадлежалъ все тому же уже не разъ отвергнутому благодѣтелю. И постепенно, чѣмъ глубже становились аналогія, чѣмъ яснѣе и поведительнѣе сооружаемое зданіе своей общей идеей и подробностями вызывало въ представленіи зрителей невольныя сравненія и сопоставленія съ дѣломъ преднамѣренно-жестокѣ унижаемаго предшественника, — тѣмъ болѣзненно-нетерпимѣе, раздраженнѣе становилось чувство философа, уже привыкшаго считать себя пророкомъ «Запада». Онъ безпощадно разрывалъ давнія дружескія связи во имя своей непогрѣшимости и произносилъ верховныя истинно-папскіе приговоры надъ людьми, когда-то дорогими для него великой умственной помощью.

X.

Въ нашу задачу не можетъ входить всесторонняя характеристика личности Конта, — но мы должны указать на факты, освѣщающіе безпримѣрную несправедливость ученика къ учителю.

Мы указывали на способность систематизаціи, какъ на сильную сторону контовскаго таланта. Въ этой способности, по мнѣнію, на примѣръ, Милля, имѣлась своя слабость: Контъ злоупотреблялъ систематизаціей. Милль разумѣлъ исключительно область философіи, — была сдѣлана попытка распространить основную наклонность природы Конта и на его личныя отношенія къ людямъ. Существуетъ обширная характеристика Конта, тщательно обставленная фактами, на слѣдующую тему: «Контъ судилъ систематически о всякомъ предметѣ—себя самого, своихъ друзей, свою жену; онъ былъ неспособенъ думать иначе, какъ общими идеями и въ этомъ заключается, несомнѣнно, одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ его ума»¹¹⁾.

Въ доказательство авторъ приводитъ отзывы Конта о разныхъ близкихъ ему лицахъ. Къ сожалѣнію, — именно занимающіе насъ отзывы не нашли мѣста въ пространной статьѣ изслѣдователя, — онъ даже смутно, точнѣе совершенно ошибочно представляетъ самыя существенныя личныя отношенія, какія только пережилъ Контъ — за исключеніемъ развѣ отношеній къ Клотильдѣ Во. Сенъ-Симонъ будто «одинъ моментъ» былъ учителемъ Конта и будто объявлялъ себя

¹¹⁾ G. Dumas. *L'état mental d'Auguste Comte. Revue philosophique.* 1898, février 180 (томъ XLV).

«истиннымъ папой», «намѣстникомъ Бога на землѣ»; первыя слова поставлены даже въ кавычкахъ авторомъ, — а между тѣмъ ничего подобнаго нельзя отыскать въ сочиненіяхъ Сень-Симона. Правда, онъ признавалъ себя исполнителемъ «божественной мисси», — но наравнѣ со всѣми, кто успивался подчинить человѣческія учрежденія основному принципу христіанской нравственности ¹⁵²). Изъ-за «момента» Контъ глубоко волновался десятки лѣтъ, — и опустить эти волненія въ нравственномъ изображеніи Конта — значитъ на половину не выполнить поставленной цѣли.

Но можно ли объяснить однимъ лишь систематическимъ духомъ даже приговоры, принятые авторомъ во вниманіе?

Мы оставимъ въ сторонѣ сужденія Конта о женѣ и о Клотильдѣ Во: здѣсь имѣютъ рѣшающее значеніе внушенія любящаго или оскорбленнаго чувства, — хотя слѣдуетъ замѣтить, — обвиненія Конта противъ жены въ революціонныхъ наклонностяхъ не требуютъ толкованій съ точки зрѣнія философской системы. Контъ вполне опредѣленно выражается: «полное отсутствіе склонности ко мнѣ — никогда не позволяло ей неукротимому и деспотическому характеру найти противовѣсъ въ сердечномъ расположеніи по отношенію ко мнѣ — единственномъ привилегированномъ качествѣ, гдѣ женщины не могутъ быть никѣмъ замѣнены» ¹⁵³). Революціонный духъ г-жи Контъ; слѣдовательно, заключался просто въ ея равнодушіи къ мужу, которое она дѣйствительно систематически доказывала въ теченіе всей совмѣстной жизни съ нимъ ¹⁵⁴).

Для насъ имѣютъ существенное значеніе отношенія Конта, аналогичныя съ его исторіей съ Сень-Симономъ, т. е. дружескія на почвѣ общей идейной жизни. Предъ нами три вполне удостовѣренныхъ примѣра, фактически не съ одинаковыми подробностями извѣстныхъ, но по общему смыслу болѣе или менѣе родственны, созданныхъ одной и той же чертой контовскаго характера.

У Конта еще въ ранній періодъ его самостоятельной философской дѣятельности было два искреннихъ цѣнителя его философскаго

¹⁵²) *Nouveau christianisme. Oeuvres.* XXIII, 188. Dumas. 408.

¹⁵³) *Lettres inédites*, 102. Письмо къ Миллю отъ 24 авг. 1842.

¹⁵⁴) Справедливая поправка, внесенная Дюма въ рассказъ Литтре — преднамѣреннаго сторонника г-жи Контъ — въ статьѣ. *La folie d'Auguste Comte.* Revue de Paris. 15 sept. 1897. Поправки внесены на основаніи писемъ Конта къ самому Литтре.

таланта — Ламеннэ и извѣстный намъ историкъ-естествоиспытатель Блэнвилль. Ламеннэ, увлеченный особенно идеями Конта о духовной власти, превозносилъ его съ обычной рѣшительностью какъ «умъ стоящій высоко надъ предрассудками заурядныхъ философовъ», называлъ его «прекрасной душой»,—и Контъ съ своей стороны отвѣчалъ Ламеннэ уваженіемъ. Но это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока Ламеннэ оставался въ лонѣ католической церкви,—лишь только онъ возсталъ противъ Рима, т. е. обнаружилъ революціонный духъ—хотя бы даже во имя высшаго идеала—Контъ уваженіе смѣнилъ на презрѣніе. По мнѣнію Конта—Ламеннэ былъ въ «истинно-нормальномъ состояніи» только въ качествѣ «чистаго и энергическаго вождя откровенной католической реакціи»¹⁵⁵). И Контъ негодованіе противъ новыхъ идей «слишкомъ пресловутаго аббата» переносить на его личность.

Слѣдующій по времени разрывъ съ Миллемъ. Благодаря образцовой сдержанности Милля, у насъ нѣтъ тяжёбныхъ документовъ,—но фактъ достаточно краснорѣчивъ. Сначала многолѣтнія отношенія—настолько близки, что Контъ находилъ возможнымъ подробно рассказывать въ письмахъ къ Миллю о своихъ личныхъ дѣлахъ, даже исторію съ женой,—а потомъ—неумолимая суровость, по обыкновению, безапелляціоннаго суда¹⁵⁶). Чѣмъ объяснить это превращеніе? Системой—невозможно,—по самой простой причинѣ: нѣтъ послѣдовательности въ общемъ представленіи о человѣкѣ: сначала оно—безукоризненно и открыто-дружеское, а потомъ несправедливо-враждебное.

Третій фактъ, самый краснорѣчивый,—приключеніе съ Блэнвиллемъ. Иначе нельзя назвать образъ дѣйствій Конта: до такой степени онъ неожиданенъ и удивителенъ.

Блэнвилль—одна изъ самыхъ почтенныхъ личностей во французской наукѣ первой половины XIX-го вѣка, — личность выдающаяся прямою и благородствомъ характера. «Сама честность», — выражается о немъ Литтре¹⁵⁷),—и Контъ также смотрѣлъ на Блэнвилля. Отзывъ Литтре особенно замѣчательнъ: Блэнвилль, по убѣжденіямъ, представлялъ полнѣйшую противоположность позитивисту, принад-

¹⁵⁵) *Lettres inédites*. 424. Письмо къ Миллю отъ 15 мая 1845.

¹⁵⁶) *Lettres inédites*. X.

¹⁵⁷) *O. c.* 127.

лежалъ къ католической и монархической реставраціи. И Литтре указываетъ на этотъ фактъ, былъ онъ извѣстенъ Конту даже ближе, чѣмъ Литтре. Блэнвилля слѣдуетъ считать однимъ изъ ближайшихъ руководителей Конта,—можно сказать его репетиторомъ. Контъ съ самаго начала своей самостоятельной философской дѣятельности безпрестанно обращается къ Блэнвиллю за совѣтами и указаніями. Онъ подвергаетъ его критикѣ свои произведенія, программу своего курса, радуется его одобреніямъ, еще въ 1843 году въ письмѣ къ Миллю онъ выражается: «Я очень польщенъ честью, какую Блэнвилль оказалъ моей книгѣ внимательнымъ прочтеніемъ и высокимъ одобреніемъ, какое столь высокому уму было угодно засвидѣтельствовать ей» ¹⁵⁸).

И Блэнвиллю трудно было не одобрить сочиненій Конта: такъ часто встрѣчалъ онъ здѣсь свои мысли, прямыя ссылки на свои взгляды съ хвалебными замѣчаніями — особенно въ третьемъ томѣ *Курса позитивной философіи*, излагающемъ философію химіи и біологіи. Здѣсь «великій біологъ» безпрестанно является—«лучше всѣхъ» появившимъ, «точнѣе всѣхъ» выразившимъ — извѣстный фактъ или законъ ¹⁵⁹). Но Блэнвилль не ограничивался только научными услугами Конту,—онъ принималъ въ высшей степени дѣятельное участіе въ его личной жизни. На Блэнвилля возлагается обязанность найти подписчиковъ на курсъ Конта, Блэнвилль горячо старается провести его въ Академію наукъ, самъ Контъ его усердіе считаетъ «выше всякой похвалы», въ письмахъ къ Миллю онъ называетъ его «мой знаменитый» «мой славный другъ»—это обычные эпитеты, — и въ спорномъ вопросѣ съ Миллемъ о природѣ женщины Контъ, по обыкновенію, не забываетъ сослаться на авторитетъ Блэнвилля, своими изслѣдованіями внушающаго заключеніе объ естественной высотѣ мужского пола во всей іерархіи организмовъ ¹⁶⁰).

Еще въ началѣ 1845 года Контъ именуетъ Блэнвилля своимъ другомъ, — и въ этомъ же году происходитъ событіе, повидимому, первоисточникъ всего дальнѣйшаго. Выходитъ извѣстная намъ *Histoire des sciences de l'organisation*. Здѣсь философія Конта называлась

¹⁵⁸) *Lettres à Valat*. 205. Письмо Блэнвилля къ г-жѣ Контъ у Литтре—121. *Lettres inédites*. 286.

¹⁵⁹) *Cours*. III, 46С, 462, 549.

¹⁶⁰) *Lettres inédites*. 74, 147, 201, 203, 213, 277.

математизмомъ и приравнивалась къ материализму, — повторялся давній упрекъ Гизо, въ началѣ тридцатыхъ годахъ обозвавшаго позитивизмъ Конта «математическимъ материализмомъ». Контъ, еще въ *Системѣ позитивной политики* доказывавшій, непригодность математическаго метода въ социальной наукѣ, рѣзко возсталъ противъ Гизо. Теперь то же жесткое слово оказалось въ книгѣ его собственнаго авторитета. Попало оно сюда по винѣ не Блэнвилля, а редактора его лекцій ученаго аббата Монье. Блэнвилль немедленно послѣпилъ навстрѣчу жестоко обиженному философу и предложилъ — сдѣлать все, что только въ его власти — для исправленія досаднаго замѣчанія. Явился къ Конту и самъ Монье — съ тѣмъ же предложеніемъ. Контъ такъ принялъ аббата, что онъ долженъ былъ не забыть этого приѣма всю свою жизнь. Такъ пишетъ Контъ женѣ. Онъ поразилъ аббата «философской отповѣдью»: «надѣюсь, прибавляетъ Контъ, я какъ слѣдуетъ воспользовался благородной привилегіей, перешедшей теперь въ нашъ лагерь, производить судъ и расправу надъ всѣми его противниками». И беспощадный судья здѣсь же противопоставляетъ новый трибуналъ прежнему, — теологическому.

Но Контъ этимъ не ограничился. Онъ заявилъ аббату, что посовѣтуетъ Блэнвиллю уничтожить все изданіе — на что, по расчетамъ Конта, должно хватить средствъ у Блэнвилля — и немедленно приступить ко второму, исправленному — и уже единолично. Конту извѣстно, что расходы обойдутся въ 10,000 франковъ, — но это будетъ «урокомъ» хотя и «нѣсколько дорогимъ».

Блэнвилль лично навѣстилъ Конта и тотъ дѣйствительно, предложилъ ему «выкупить изданіе и вновь напечатать весь трудъ». Контъ сообщалъ женѣ, что, къ его сожалѣнію, Блэнвилль не «почувствовалъ достаточно важности» предложенной «мѣры» и врядъ ли осуществитъ ее ¹⁴¹). И Блэнвилль, дѣйствительно, не послушался совѣта.

Вспомнимъ, что вся исторія загорѣлась буквально изъ-за *четырёхъ* строкъ, въ сущности изъ-за трехъ словъ — *mathématique d'Auguste Comte*, — и ради него требовалось уничтоженіе трехъ большихъ томовъ ученой работы, и въ частности и вообще — безусловно терпимой. На выдержку можно взять главу о Галлѣ и даже о Брюссѣ — крайнемъ материалистѣ: Блэнвилль или редакторъ его лекцій, при-

¹⁴¹) Littré. 632—6, приведено письмо.

¹⁴²) *Hist. des sciences*. II, 289.

зная великое дарованіе Бруссэ, ограничиваются замѣчаніемъ о бесплодности борьбы противъ католичества и теологіи,—и здѣсь же даютъ обстоятельное изложеніе всѣхъ работъ Бруссэ, не посягая ни на одну изъ его научныхъ заслугъ ¹⁶³).

Очевидно, Контъ велъ войну исключительно за свой счетъ и онъ это доказалъ, прервавъ сношенія съ Блэнвиллемъ. Въ 1850 году онъ вспомнилъ о немъ—весьма оригинально,—послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшилъ, наконецъ, внести имя Блэнвилля въ позитивистскій календарь въ качествѣ дополнительнаго святаго къ Ламарку ¹⁶⁴). Считая это большой почестью, онъ поручилъ г-жѣ Контъ сообщить объ этомъ Блэнвиллю. Новый «Sous-Saint» отвѣтилъ на сообщеніе—простой улыбкой.

Въ томъ же году Блэнвилль умеръ,—и теперь начались расчеты Конта съ покойнымъ «знаменитымъ другомъ».

Первое напутствіе со стороны Конта было—«это—вполнѣ смерть эгоиста», потому что Блэнвилль умеръ неожиданно и не могъ ни съ кѣмъ проститься. Потомъ Контъ произнесъ на могилѣ рѣчь,—и немедленно издалъ ее съ надписью *Religion de l'Humanité* и съ девизомъ — *L'amour pour principe, l'ordre pour base, et le progrès pour but*. Контъ говорилъ именно въ качествѣ великаго жреца новой религіи и излагалъ свой символъ вѣры въ формѣ суда надъ католикомъ. Такъ говорилось и въ началѣ рѣчи—«простой философъ является добровольно осуществить священство человечества», и «преподать юношеству спасительное ученіе».

Преподавалось оно въ полномъ противорѣчій съ «принципомъ»,—т.-е. съ любовью. Правда,—ораторъ вспомнилъ біологическій талантъ покойнаго,—но сейчасъ же перешелъ къ ненавистной *Исторіи*, къ своимъ «бесплоднымъ протестамъ» противъ изданія этого сочиненія, къ «умственному вырожденію» Блэнвилля, къ «важнымъ недостаткамъ его нравственной организаціи», вызвавшей это вырожденіе. Контъ не можетъ обойти молчаніемъ рыцарственнаго безкорыстія Блэнвилля, никогда не пользовавшагося своимъ вліяніемъ ради карьеры. Онъ считалъ долгомъ жить для другихъ,—это признаетъ Контъ,—но недоволенъ, почему именно—*домомъ*; это, по мнѣнію философа,

¹⁶³) *Иб.* III, sections III и IV.

¹⁶⁴) Въ мѣсяцъ (13) Бима—26-й день.

¹⁶⁵) Напрямѣрь—I, 402, 405, 435.

эгоизмъ,—и у Блэнвилля не было чувствительнаго сердца. Онъ по-тому и не женился, хотя,—немедленно прибавляетъ Контъ,—«часто и жаловался на свою холостую жизнь». Всѣми этими соображеніями Контъ желаетъ доказать, что Блэнвилль не зналъ великой силы «симпатическихъ инстинктовъ», не испытывалъ «систематическаго воздѣйствія сердца на умъ»,—а этотъ фактъ — «одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ позитивизма», замѣчаетъ философъ, уже въ теченіе пяти лѣтъ переживающій страстныя чувства къ Клотильдѣ Во. Въ *Системѣ позитивной политики* безпрестанно прославляется власть чувства надъ разумомъ. Мы увидимъ,—это прославленіе беретъ свое философское начало въ сенъ симонизмъ,—но для насъ существенъ не источникъ, а результатъ. Философская идея сердца и аффектацій не помѣшала Контъ — на основаніи своихъ личныхъ чувствительныхъ опытовъ—произнести надъ могилой покровителя и учителя обвиненіе въ эгоизмъ и его «печальный конецъ», т.-е. его «непредвидѣнную смерть» объявить естественной для эгоистовъ. Эгоизмъ философъ понималъ съ своей позитивной точки зрѣнія, на общепринятый взглядъ Блэнвилль вовсе не выходилъ эгоистомъ на основаніи заявленій самого Конта, но первосвященникъ новой религіи имѣлъ въ виду не доброе имя покойнаго, — а «священный урокъ позитивной морали» ¹⁶⁶).

«Урокъ» имѣлъ очень грустныя послѣдствія для учителя. Въ самомъ началѣ его рѣчи могилу покинули товарищи и друзья Блэнвилля, не встрѣтила рѣчь сочувствія и среди учениковъ Конта. Литтре рѣшительно ее порицаетъ, даже Робинэ находитъ неудачно-выбраннымъ мѣсто и время для подобнаго краснорѣчія, наконецъ,—одумался и самъ Контъ. Робинэ думаетъ, что печальная судьба надгробной рѣчи заставила Конта узаконить семилѣтній срокъ для подобныхъ приговоровъ ¹⁶⁷).

Но тѣмъ не менѣе—изумительное напутствіе остается фактомъ,—и, при всемъ философскомъ уснащеніи суда, — фактомъ въ высшей степени личнымъ. Очевидцы приписывали Контъ желаніе отомстить Блэнвиллю за то, что тотъ не далъ ему денегъ займа. Произошло это въ тотъ же злополучный годъ, когда вышли лекціи Блэнвилля и

¹⁶⁶) Рѣчь перепечатана у Robinet 470—7.

¹⁶⁷) *Ib.* 478. Littré. 639.

предъ нами письмо Контя къ Блэнвиллю отъ 31 декабря 1845 года. Изъ письма мы узнаемъ, что Блэнвилль—*добровольно*—предложилъ Контю свои средства не только въ данное время, но и на будущій годъ. Контъ воспользовался предложеніемъ, взялъ часть обѣщанной суммы 500—франковъ—и заручился обѣщаніемъ Блэнвилля—ссудить въ будущемъ и остальное. Блэнвилль *случайно* не могъ выполнить обѣщанія — дать всю сумму, — въ 2000 франковъ, — Контъ отвѣчалъ чрезвычайно энергическими жалобами, но тѣмъ не менѣе рассчитывалъ получить еще 500 франковъ ¹⁶⁸).

Дальнѣйшей судьбы этого дѣла мы не знаемъ,—принимая въ расчетъ, что вопросъ о субсидіи игралъ не малую роль въ ссорѣ Контя и съ Миллемъ,—нельзя отрицать во всякомъ случаѣ извѣстнаго значенія за финансовымъ столкновеніемъ съ Блэнвиллемъ но по нашему мнѣнію, главная горечь осталась нъ сердцѣ Контя послѣ отказа Блэнвилля не въ деньгахъ, а въ уничтоженіи его сочиненія. Контъ не забылъ вспомнить объ этомъ и въ надробной рѣчи и постарался представить своего *научнаго* заимодавца человѣкомъ, которому онъ—Контъ—въ дѣйствительности и покровительствовалъ, и теперь продолжаетъ покровительствовать.

Онъ говоритъ, что Блэнвилль «благородно принялъ его первичный очеркъ истинной соціальной науки на основахъ естественной философіи», что тотъ же Блэнвилль «немедленно призналъ свой низшій рангъ» въ позитивистскомъ календарѣ — несмотря на свою «несговорчивую гордость». Получается впечатлѣніе, будто Контъ снисходительно сообщалъ Блэнвиллю свои труды и потому благосклонно опредѣлялъ его мѣсто въ наукѣ. Впечатлѣніе, совершенно противорѣчащее дѣйствительности и собственнымъ заявленіемъ Контя. Несмотря на «мозговую гигиѣну» и на рѣшимость не имѣть дѣла ни съ какой чужой критикой, — Контъ до конца пользовался отзывами Блэнвилля. Это видно изъ простого хронологическаго сопоставленія. Въ сентябрѣ 1842 года Контъ сообщаетъ Вала, что онъ рѣшился не считаться съ замѣчаніями Блэнвилля, а въ декабрѣ слѣдующаго года въ письмѣ къ Миллю онъ въ восторгѣ отъ критики того же Блэнвилля ¹⁶⁹). Или, можетъ быть, Контъ считался съ

¹⁶⁸) Письмо у Robinet. 455—6.

¹⁶⁹) *Lettres à Valat*: 304—5. *Lettres inédites*. 286.

хвалебными замѣчаніями и соблюдалъ «гигіену» исключительно предъ неприятой критикой?

Какъ бы то ни было,—Блэнвилль относительно Конта занималъ совершенно другое положеніе, чѣмъ усиливается представить Контъ. А что касается распредѣлительной справедливости позитивистскаго календаря,—значеніе ея для Блэнвилля настоящаго ученаго и убѣденнаго католика — чистѣйшій плодъ первосвященническаго *воображенія* Конта. Сообщение Литтре въ данномъ случаѣ—несомнѣнно—*исторія*.

И врядъ ли кто могъ серьезно относиться къ приговорамъ Конта въ описываемую эпоху. Судъ надъ Блэнвиллемъ — краснорѣчивый образчикъ степеннн безпристрастія, лояльности и здравомыслія, на которой стоялъ Контъ—въ качествѣ основателя «религія человѣчества». Если въ его личнымъ отношеніяхъ и была какая система,—она сводилась къ нетерпимой притязательности на непогрѣшимость и философское единодержавіе. Все, что хотя бы отдаленно угрожало въ полномъ смыслѣ—клерикальному духовному деспотизму, что могло бросить тѣнь на неограниченно-ослѣпительное философское солнце «запада»,—все это стремительно отталкивалось и подвергалось перунамъ новой папской власти. Объяснять или оправдывать эти дѣйствія по общечеловѣческимъ принципамъ—морали и разума,—нѣтъ возможности. Здѣсь мыслима только одна «правда»: субъективное соизволеніе, *motus proterius* верховной особы,—и естественно,—даже фанатикамъ-контристамъ приходится отступать предъ нѣкоторыми проявленіями практической религіи своего учителя.

А практика у Конта шла непосредственно за теоріей. Говоря о *Sacerdoce de l'Humanité* — Контъ вполне серьезно извлекалъ всѣ житейскія слѣдствія изъ этой идеи,—и не путемъ доказательствъ, а предписаній. Его тяжба за субсидію,—безпримѣрная во всей исторіи человѣческой мысли,—фактъ столь же не вмѣняемый съ точки зрѣнія общечеловѣческаго нравственнаго достоинства и здраваго смысла, какъ надгробная рѣчь надъ Блэнвиллемъ, «воспоминанія» о Сень-Симонѣ. Надо обладать совершенно исключительной психологіей, чтобы написать извѣстное намъ письмо къ Блэнвиллю—почти съ явнымъ негодованіемъ, какъ онъ могъ лишить автора письма «его счастливою философскою беззаботности». Только при такой же психологіи мыслимо знаменитое *Воззваніе къ западной публикѣ* — о

«нравственномъ долгѣ» снабжать средствами основателя позитивизма¹⁷⁰⁾. Циркуляры и предисловія Конта къ разнымъ томамъ *Системы позитивной политики* — сгнѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ энциклами напскаго престола. Это — гипнозъ величія, не просто высшая оценка своего значенія, а вдохновенный, органический культъ своей духовной личности. И не только духовной, — потому что философскій культъ своего я безпрестанно обнаруживаетъ самое реальное себялюбіе и самообожаніе. Первосвященникъ, не переставая заявлять объ «умственной», о «мозговой гигиенѣ» и торжественно отрекаясь отъ полемики за свои истины, — время отъ времени практиковалъ самый доверительный жанръ нравственной и философской критики, до послѣдней степени — злобный и «анти-гигиеничный» въ литературномъ смыслѣ. И критика возникала не во имя принциповъ, т.-е. не вовсе по внушенію философской системы, — а подъ вліяніемъ несомнѣнно «мелкихъ сторонъ» бѣдной человѣческой природы.

Блотильда Во, вполне засвидѣтельствовавшая свою бездарность двумя повѣстями, ставится рядомъ съ Жоржъ - Зандъ и въ ней открывается талантъ — способствовать «необъятному возрожденію» человечества въ XIX вѣкѣ¹⁷¹⁾. И рядомъ съ этою «критикой» — отзывы о Блэнвиллѣ, Сень-Симонѣ, Ламенна, Миллѣ, Литтре.

Милль и Литтре въ особенности должны были почувствовать тяготу контовскаго первосвященства, — Литтре, такъ много и совершенно безкорыстно хлопотавшій о ежегодной субсидіи учителю и такъ горячо восхваленный имъ въ *предисловіи* къ первому тому *Системы позитивной политики*, Милль, такъ искренне восхищавшійся талантомъ Конта и искавшій въ его личности удовлетворенія своихъ высшихъ умственныхъ запросовъ. Оба попали въ разрядъ еретиковъ и вѣроотступниковъ — въ буквальный смыслъ и правилами контовской справедливости были превращены во «враговъ», а Литтре даже въ «главнаго», — и Милль, — идеальный образецъ сдержанности и джентльментства — долженъ былъ «несправедливость» Конта признать *общимъ явленіемъ*.

Это признаніе, мы видѣли, было высказано по поводу отношеній Конта къ Сень-Симону. Милль, очевидно, не удивлялся этимъ отно-

¹⁷⁰⁾ Robinet. 459.

¹⁷¹⁾ Dumas. O. c. 163—4.

шеніямъ,—и совершенно основательно. Если онъ—Милль,—не пожелавшій только слѣдовать за Контомъ въ нѣкоторыхъ *выводахъ* его философіи, оказался достойнымъ гоненія,—чего же можно было ожидать для Сень-Симона, однимъ существованіемъ своихъ произведеній угрожавшаго всему пьедесталу контовской философской славы? Милль и Литтре преклонялись предъ оригинальностью Конта,—а ученики Сень-Симона осмѣливались публично заявлять, что пророкъ новой религіи всѣми своими основными идеями обязанъ Сень-Симону. И что особенно должно было раздражать Конта—это мнѣніе высказывалось ближайшими свидѣтелями личныхъ отношеній учителя и ученика. Напримѣръ, Контъ давалъ подробнѣйшій отчетъ о своей ссорѣ съ Сень-Симономъ Гюставу Эйхталю, ему же сообщалъ, что Родригъ можетъ засвидѣтельствовать, какъ Сень-Симонъ нарушилъ свое обѣщаніе и напечаталъ его *Систему позитивной политики* въ видѣ третьей тетради своего сочиненія. И въ результатъ, — Эйхталь, мы знаемъ, явился свидѣтелемъ *противъ* Конта въ печати и продолжалъ свидѣтельствовать противъ него и въ перепискѣ съ Миллемъ, а Родригъ остался восторженнѣйшимъ почитателемъ личности Сень-Симона. Вообще весь лагерь сень-симонистовъ, считавшій Конта только доссидентомъ сень-симонизма, не давалъ покою—до нестерпимой болѣзненности выросшему самолюбію и славолюбію Конта ¹⁷²⁾

¹⁷²⁾ J. S. Mill. *Corresp. ined. avec. G. d'Eichthal*. P. 98. 62, 71. До какой степени строго Контъ относился къ заимствованіямъ изъ его сочиненій, кромѣ многократныхъ безличныхъ жалобъ,—показываетъ его исторія съ Базаромъ. Въ *Producteur's* Базаръ высказалъ мысль, что въ положительныхъ наукахъ нѣтъ свободы совѣсти. Контъ указалъ, что эта мысль принадлежитъ ему, была напечатана въ 1822 г. въ сочиненіи, позже получившему названіе *Система позитивной политики* и потребовалъ, чтобы это было печатно заявлено Базаромъ, Базаръ отказался и дѣло едва не дошло до дуэли (Littre, 113). Контъ вообще считалъ сень-симонистовъ своими выучениками, хотя, по его словамъ, отнюдь не гордился этимъ. (Письмо къ Эйхталю у Литтре, 173. Но и здѣсь притязанія философа на учительство и оригинальность встрѣчаются съ неблагопріятными фактами. Одинъ особенно яркъ. Сень-симонисты во время устной пропаганды своего ученія, одно изъ собраній посвятили критикѣ *Системы позитивной политики*, написанной въ 1822 году. Сень-симонисты находили, что Контъ слишкомъ рѣзко отрицаетъ роль воображенія въ позитивной стадіи человѣческаго развитія. Воображеніе, напротивъ, сохраняетъ свое значеніе,—именно въ созданіи *гипотезъ*, сопровождающихъ развитіе какихъ угодно положительныхъ наукъ. Не отсутствіе гипотезъ характеризуетъ позитивный уровень наукъ, а *характеръ* гипотезъ. Въ сущности безъ предварительно составленной теоремы и гипотезы не мыслимо никакое обсужденіе наблюденныхъ фактовъ: „une conception précède le

И всё они — вмѣстѣ съ своимъ учителемъ — оказывались «жонглерами» и даже корыстными дѣльцами, — обвиненіе, вполне равносильное уликѣ Блэнвилля въ эгоизмѣ.

raisonnement“ и провѣряется новыми изслѣдованіями. (*Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. P. 1831. 373 — 389*). Это говорилось въ 1829 году. Контъ представлял *тождественную* теорію гипотезъ въ *Курсѣ позитивной философіи*, въ 28 лекціи II-го тома, написанной въ 1835 году (2 изд. II, 266, 297—9). Касательно перемѣнъ взглядовъ у Контъ сообразно съ настроеніемъ, — на что указалъ Милю и съ чѣмъ согласился Литтре, — можно привести иллюстрацію болѣе общаго характера. Извѣстно, съ какою усердіемъ Контъ доказывалъ Милю — естественный инакій уровень женской природы сравнительно съ мужской, обрекающій женщину на жизнь домашнюю (*éminement domestique* — письмо отъ 16 іюля 1848). Взглядъ этотъ не всегда былъ убѣжденіемъ Контъ въ такой рѣзкой формѣ. Въ молодости у него была романтическая связь съ парижской дамой. Контъ восторженно рассказываетъ о своей счастья любовника и отца, весело издѣвается надъ обманутымъ мужемъ, восхищается своей героиней. Счастья хватало немного больше чѣмъ на годъ. Контъ сталъ тосковать свиданіями; горько жаловаться на требовательность своей возлюбленной, — но все-таки считалъ нужнымъ — спускоидти — на основаніи общей принципіи, — крайне жалкаго положенія женщины въ современномъ обществѣ. Контъ негодуетъ на „его величество *мужчину*, который милостью Божіей и силой своихъ мускуловъ сталъ собственникомъ домашнего животнаго, именуемаго *феминизмомъ*“. Контъ говоритъ исключительно о „страшномъ законѣ смѣтливости“, — и дажекъ отъ мысли — доказывать естественность преимуществъ мужчины (*Lettres à Valat 42, 85, etc.*). Совершенно другой тонъ писемъ къ Милю; Контъ испыталъ жестокое горе въ семейной жизни, едва не доведшее его до самоубійства. Его удержала только мысль объ его высокомъ философскомъ назначеніи, — но отношеніе къ женщинамъ, очевидно, приняло другую окраску. Можно думать, — и она не осталась протвой. Клотильда Во, глубоко повліявъ вообще на характеръ даже идей Контъ, еще разъ измѣнила и его отношеніе къ женщинамъ, явившись для философа: „une belle compagne“, „une précieuse conseillère“, „une éminente collègue“ — и даже — предметомъ культа и вдохновительницей чувствъ и идей, изложенныхъ въ *Системѣ позитивной политики* подъ заглавіемъ *Influence féminine du positivisme*. Позитивизмъ, по словамъ Контъ, открываетъ женскому полу такъ же какъ и народу „благородный социальный путь“. Она вмѣстѣ съ пролетаріемъ является „существенной частью новой духовной власти“, и эта власть осуществляется такимъ образомъ: философи — органъ систематизаціи; пролетаріи — политическая гарантія, женщины — „élément affectif“, стихія: чувства; только оно вмѣстѣ съ энергіей народа можетъ обезпечить социальную силу позитивнаго разума (208, 212, 215). Нельзя не вспомнить, что авантюристы — еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ союствовали „женщину и пролетаріа“ и приписывали себѣ ихъ освобожденіе (*Le Proletaire et la Femme, Prédications, P. 78. III, 351*). Авантюристы совсѣмъ иначе понимали освобожденіе женщины, чѣмъ Контъ, — но и ихъ духовная организація слагалась изъ философа — первосвященника, женщины и пролетаріа. Свообразная исторія съ Клотильдой Во сообщила извѣстную окраску системѣ Контъ. Очевидно, его общіе приговоры всегда стояли въ тѣснѣйшей связи съ его личными аффектами и въ этомъ отношеніи онъ иногда оправдалъ свое враніе; „Le sentiment doit toujours dominer l'intelligence“ (*Syst. de pol. posit. I, 435* ср. Dédicace къ I-му тому и *Invocation finale, IV, 545*).

Намъ теперь ясна психологія Конта, какъ безпощаднаго врага Сень-Симона—философа и человѣка. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія,—психологія эта не отличается нравственной высотой и не служитъ къ украшенію пророческаго достоинства философа. Но для насъ руководящее значеніе имѣетъ не этотъ вопросъ,—а психологическая почва невѣроятной войны, какую одинъ изъ знаменитѣйшихъ мыслителей XIX-го вѣка, вель съ личностью своего непосредственнаго предшественника и многолѣтняго учителя. На основаніи сопоставленія идей Конта и Сень-Симона, на основаніи аналогичныхъ субъективно-философскихъ эпизодовъ въ жизни Конта—мы приходимъ къ выводу, не только отвергающему судъ ученика надъ учителемъ, но съ особенной убѣдительною удостовѣряющему прямую идейную зависимость судьи отъ осужденнаго. Въ неизбывномъ чувствѣ этой ненавистной зависимости, въ мучительномъ сознаніи — фактическихъ неопровержимыхъ доказательствъ первенствующаго творческаго значенія сень-симонизма въ возникновеніи и въ развитіи позитивизма—мы видимъ источникъ недостойнаго отношенія Конта къ воспитателю и покровителю своего философскаго таланта. Выводъ этотъ долженъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ идейномъ и личномъ вопросѣ о Сень-Симонѣ. Контъ своимъ авторитетомъ и его послѣдователи своимъ усердіемъ стремились водвигнуть грозную стѣну между общественнымъ мнѣніемъ и подлинной исторіей Сень-Симона и похоронить память философа въ общемъ презрѣніи и забвеніи. Брядъ ли самый неукротимый личный врагъ могъ изобрѣсти болѣе жестокую задачу чѣмъ намѣреніи и дѣйствія самаго знаменитаго ученика Сень-Симона.

Теперь мы обратимся къ самымъ преданнымъ его ученикамъ и посмотримъ, насколько они оказались способными защитить своего учителя отъ посягательства Конта и установить, среди безпристрастной публики, истинное представление о Сень-Симонѣ какъ человѣкѣ и какъ философѣ. Во главѣ его вѣрныхъ почитателей стоитъ Олэндъ Родригъ,—единственный среди сень-симонистовъ — его непосредственный ученикъ и представитель предъ современниками и потомствомъ.

XI.

Въ торжественномъ собраніи сень-симонистовъ Олэндъ Родригъ произнесъ публичную исповѣдь и, между прочимъ, заявилъ: «я ро-

дился иудеемъ, но мой отецъ желалъ создать изъ меня человѣка для будущаго, а не для прошедшаго; я никогда не выполнялъ обрядовъ иудейства».

«Сенъ-Симонъ заставилъ меня понять и почувствовать въ глубинахъ моего сердца возвышенную религію, которая восторжествовала надъ языческими Римомъ и надъ варварами, проявляя высшее могущество самоотреченія, освящая достоинство женщины по крайней мѣрѣ подъ сѣнью домашнего очага, притывая всѣ классы общества къ взаимному общенію, по крайней мѣрѣ, духовному: несомнѣнное предзнаменованіе болѣе реальнаго и болѣе широкаго общенія, величественное предвѣстіе всемірной ассоціаціи всѣхъ дѣтей одного и того же отца.

«Однако я не принялъ христіанства. Мой умъ, развившійся на изученіи опытныхъ наукъ, не могъ усвоить его устарѣвшихъ догматовъ, уже три вѣка тому назадъ павшихъ подъ сѣкирой протестантизма и философіи. Кто же я? Атеистъ? Нѣтъ!

«Я—сенъ-симонистъ»¹¹³).

Дальше слѣдовало восторженное прославленіе сенъ-симонистской религіи, ея верховнаго главы—Анфантена, июльской революціи, народа и, наконецъ,—призывъ къ обществу—объ учрежденіи рабочаго банка.

Въ этой рѣчи ярко и вѣрно отразилась личность «перваго ученика» Сенъ-Симона, какъ именовалъ себя Родригъ,—исполненный искренняго энтузіазма къ личности своего учителя, къ религіи будущаго, всегда готовый на героическое дѣло, на самоотреченіе, до конца оставшійся истиннымъ рыцаремъ сенъ-симонизма въ его религиозно-нравственныхъ задачахъ.

У Олажда былъ братъ—Евгеній, воплощавшій въ себѣ всю глубину семитической религиозной стихіи. «Онъ нашъ святой», говорили о немъ сенъ-симонисты,—и въ этомъ признаніи звучало не только сектантское пристрастіе. Евгеній дѣйствительно напоминалъ своей—двадцати трехлѣтней—жизнью подвижника религіи. Съ самой ранней молодости онъ «питался великими книгами человѣчества», внимательно изучилъ иудейство, христіанство, магометанство,

¹¹³ Рѣчь послѣ объявленія Анфантена „le chef suprême de la religion Saint-Simonienne“ 27 ноября 1831 года. *Oeuvres. Notices historiques. IV*, 209—210. Олаждъ Робригъ обладалъ выдающимся математическимъ талантомъ.

усвоилъ твердую вѣру въ пробужденіе среди новаго человечества религіознаго чувства и съ восхищеніемъ отдался «откровеннію Сень-Симона». Онъ одинъ изъ первыхъ переступилъ границы сень-симонизма, какъ философіи, и явился дѣятельнѣйшимъ апостоломъ сень-симонистской церкви. Его *Письма о религии и политикѣ* возымѣли значеніе одной изъ священныѣхъ книгъ новой религіи и «верховный отецъ» Амфантэнъ постоянно ссылался на нее, какъ на сокровищницу догматовъ. Евгенія посвятилъ въ сень-симонизмъ старшій братъ, руководившій вообще его умственнымъ развитіемъ ¹⁷⁴⁾.

Оландъ Родригъ «жилъ жизнью пророка» два года, познакомился съ Сень-Симономъ въ маѣ 1823 года ¹⁷⁵⁾. Точный срокъ не лишень значенія: вспомнимъ, что именно въ это время разгоралась вражда Конта противъ Сень-Симона, будто бы обманно затянутаго изданіе его сочиненія. Родригу въ точности было извѣстно все дѣло и, принимая во вниманіе его личность, мы врядъ ли можемъ сомнѣваться, что онъ немедленно порвалъ бы съ Сень-Симономъ, если бы жалобы Конта имѣли основаніе. Но Родригъ не только не сталъ на сторону Конта, а по уходѣ его—занялъ его мѣсто сотрудника Сень-Симона и сосредоточился на той сторонѣ его ученія, какая больше всего отвѣчала его природѣ. Вообще, изучая отношенія учениковъ къ нашему философу,—мы видимъ, какъ каждый изъ нихъ спѣшилъ войти въ кругъ идей лично ему близкихъ и въ бесѣдахъ и въ сочиненіяхъ Сень-Симона всѣ находили по меньшей мѣрѣ тотъ толчокъ, то «возбужденіе», какое даже Лафиттъ не рѣшается отрицать по отношенію къ Конту ¹⁷⁶⁾. Тьерри привлекло ученіе Сень-Симона объ исторической наукѣ, Контъ посвятилъ себя воздѣлыванію «общей науки», т. е. позитивной философіи, а Родригъ страстно привязался къ религіознымъ воззрѣніямъ учителя. Сень-Симону до конца не посчастливилось встрѣтить ученика со всеобъемлющимъ философскимъ талантомъ, съ умомъ, способнымъ въ одинаковой полнотѣ усвоить и развить его теоретическую и прак-

¹⁷⁴⁾ *Lettres sur la religion et la politique*. P. 1829 приложеніе переводъ сочиненія Лессинга *O воспитаніи рода человеческого* и краткая характеристика Евгенія Родрига.

¹⁷⁵⁾ Его выраженія: „cet homme est celui qui seul vécut deux ans de la vie du révélateur“. *Not. hist.* VI, 48. *Oeuvres*. XXIII, 8.

¹⁷⁶⁾ *R. occid.* I juillet 82. 38.

тическую философію. И самый преданный и внимательный ученикъ — въ энтузіазмѣ односторонняго увлеченія — сослужилъ едва ли не самую отрицательную службу своему наставнику, какъ мыслителю.

Мы видѣли, — Родригъ приписывалъ Сень-Симону свое посвященіе въ нравственный міръ христіанства. Мы знаемъ, — Сень-Симонъ высоко цѣнилъ христіанскую религію, какъ великую и положительную культурную силу, цѣнилъ за ея организацію духовной власти въ средніе вѣка, т. е. какъ учрежденіе, и еще выше ставилъ христіанство, какъ нравственную систему. Прямые заявленія на этотъ счетъ встрѣчаются въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Сень-Симона, когда социальный вопросъ окончательно ставится рядомъ съ философскимъ, является его логическимъ и практическимъ выводомъ. Около 1819 года возникаетъ отрывокъ *Naissance du Christianisme* и съ этихъ поръ, надо полагать, Сень-Симонъ не перестаетъ заниматься христіанствомъ, какъ моралью: мы могли заключить это изъ откровеній Конта въ письмѣ къ Вала и особенно изъ сочиненій самого Сень-Симона за 1820 и 1821 годы. Прославляется высокая личность основателя христіанства, гениальность апостола Павла, въ обращеніи къ промышленникамъ — евангельское предписаніе о любви къ ближнимъ полагается въ основу разрѣшенія социальнаго вопроса, первые христіане ставятся въ примѣръ современнымъ социальнымъ преобразователямъ, христіанская мораль именуется «божественной»¹⁷¹⁾.

Всѣ эти мысли — вступленіе къ позднѣйшему предсмертному сочиненію *Новое Христіанство*. Родригъ засталъ Сень-Симона въ процессѣ созданія этой книги, — и принялъ въ немъ участіе. Какъ далеко оно простиралось, — у насъ нѣтъ указаній, — но что оно было немаловажнымъ, доказывается — предисловіемъ — пространнымъ и очень внушительнымъ и потому значеніемъ, какое *Новое Христіанство* получило въ рукахъ Родрига для дальнѣйшей судьбы сень-симоніама. Предисловіе написано Родригомъ и «я», говоритъ авторъ, «побудилъ Сень-Симона принять его какъ своего рода переходъ философскаго духа къ религіозному чувству». Въ предисловіи объясняется цѣль сочиненія — «призвать народы и государей къ истинному духу христіанства», «попытаться опредѣлить вліяніе религіознаго чувства.

¹⁷¹⁾ *Oeuvres*. XIX 180. XXII, 84, 85, 127.

въ обществѣ». Сочиненіе имѣетъ въ виду тѣхъ, кто видитъ «существенную цѣль» религіи въ морали, кто усвоилъ все истинное возвышенное и божественное въ первобытномъ христіанствѣ, призналъ преимущество морали надъ культомъ и догмой и понялъ, что культъ и догма должны сосредоточивать вниманіе всѣхъ вѣрныхъ на божественномъ и нравственномъ законѣ.

Такъ писалъ Родригъ, точно передавая взглядъ Сень-Симона на религію, но весьма часто опускаая социальную почву и задачу этого взгляда. Правда, Родригъ сознается, что онъ не понималъ еще всего «необъятнаго значенія» книги Сень-Симона, что Сень-Симонъ только передъ смертью просвѣтилъ его. Учитель говорилъ:

«Послѣдняя часть нашихъ работъ будетъ, можетъ быть, дурно понята.

«Нападая на средневѣковую религіозную систему, доказали въ сущности только одно: эта система не согласовалась съ прогрессомъ положительныхъ наукъ; но ошибочно отсюда заключать, что религіозная система должна вообще исчезнуть, она должна только придти въ соотвѣтствіе съ прогрессомъ наукъ»¹⁷⁸). Дѣло это Родригъ призналъ своимъ назначеніемъ. Онъ извлекъ изъ всего міросозерцанія Сень-Симона религіозную струю и на ней сталъ наощрять свой реформаторскій пылъ и неукротимую энергію: обстоятельства какъ нельзя болѣе помогли этой работѣ.

Незадолго до смерти Сень-Симона Родригъ встрѣтился съ Просперомъ Анфантаномъ—такъ же какъ и онъ сыномъ банкира. Отецъ Анфантана обанкротился и сыну пришлось пережить весьма разнообразную трудовую жизнь. Въ качествѣ учителя политехнической школы, онъ мужественно дрался въ 1814 году, потомъ велъ торговлю винами въ Германіи, въ Петербургѣ, возвратился, наконецъ, въ Парижъ и здѣсь предъ нимъ неожиданно открылось новое прище. Анфантанъ отъ природы чувствовалъ такое же влеченіе къ философіи, какое Родригъ къ религіи, всюду искалъ яснаго отвѣта на грозные вопросы современности и наконецъ, на сочиненія Сень-Симона,—именно на *Катихизисъ промышленниковъ*.

Встрѣча съ Родригомъ, повидимому, окончательно убѣдила его, что Сень-Симонъ — искомый вождь. Родригъ привелъ его къ учи-

¹⁷⁸) *Oeuvres de S. S. par O. Rodrigue*. 2-й выпускъ. 85. Курсъ автора.

телю, Сень-Симонъ былъ уже на смертномъ одрѣ и Анфантэнъ могъ только присутствовать при чтеніи Родригомъ *Новою Христіанства*¹¹⁹⁾. Сень-Симонъ умеръ,—и его трудъ остался въ рукахъ двухъ друзей; какъ завѣщаніе, какъ евангеліе новой религіи, какъ неисчерпаемый источникъ вдохновеній ея апостоловъ. Вскорѣ они приобрѣли себѣ товарища—съ блестящимъ ораторскимъ талантомъ и съ силой воли, закаленной въ политической борьбѣ. Это былъ будущій второй «отецъ»—сень-симонистской религіи—Базаръ.

Предъ нами его пространныя и искренняя исповѣдь изложенная въ письмѣ къ одному изъ членовъ сень-симонистской семьи. Незаконный сынъ, осужденный съ самаго начала на тяжелую житейскую борьбу и во многихъ случаяхъ на унижительное положеніе, Базаръ рано окунулся въ политическую войну. Ему уже въ ранней молодости казалось, что на немъ лежитъ нѣкое призваніе. Это чувство поддерживалось въ немъ небольшимъ сознаніемъ своего превосходства надъ большинствомъ тѣхъ, кому приходилось подчиняться. Отверженіе къ авторитету подобныхъ людей толкнуло его въ опасныя политическія предпріятія. Онъ сталъ однимъ изъ главныхъ вождей карбонаризма. Заговоры не имѣли никакого положительнаго успѣха, Базаръ долженъ былъ спастись отъ смертнаго приговора,—но тяжелѣе всего оказалось разочарованіе «въ критической философіи и въ революціонной политикѣ». Онъ выкопалъ истину ихъ бесплодность,—и въ это время его вниманіе привлекли сочиненія Сень-Симона и Базаръ тотчасъ же почувствовалъ, что въ «воззрѣніяхъ этого смѣлаго новатора заключается зерно новаго міра», къ которому давно «инстинктивно» стремился Базаръ¹²⁰⁾.

И онъ съ энтузіазмомъ принялся за изученіе желанныхъ идей. Мы увидимъ, какую услугу оказала онъ сень-симонизму,—въ полномъ смыслѣ незабвенную. Его убѣдительная рѣчь, простая, всегда небрежательная логика, его исконный навязъ *доказывать* отвлеченная истины,—все это отвело Базару первое мѣсто въ исторіи сень-симонизма послѣ смерти Сень-симона,—но первое по внутренней значительности дѣла, а не по внѣшнему эффекту, не по нравственнымъ результатамъ. Здѣсь Анфантэнъ возымѣлъ всѣ преимущества

¹¹⁹⁾ Эти свѣдѣнія разсыли по разнымъ томамъ *Oeuvres*. Биографія Анфантена—*Not. hist.* I, 185 etc., также *N. hist.* VI, 48; *Oeuvres* XXIII, 11.

¹²⁰⁾ *Not. hist.* VII, 41—62.

надъ политикомъ и діалектикомъ,—Анфантэнъ, обладавшій особымъ стихійнымъ очарованіемъ въ глазахъ толпы, человекъ паэоса и гипнотическаго воздѣйствія, гораздо болѣе красивый, чѣмъ краснорѣчивый, неизмѣримо болѣе чувствительный, чѣмъ даровитый,—неотразимо-симпатичный, чѣмъ логически сильный.

Родригъ немедленно былъ подавленъ своими блестящими соперниками и съ искренней готовностью призналъ себя существомъ низшаго порядка предъ Анфантэномъ и Базаромъ. Но тѣмъ замѣчательнѣе оказалась его апостольская дѣятельность.

Мы видѣли,—его цѣль заключалась въ переходѣ отъ философскаго *духа* къ религіозному *чувству*. Братъ его, несомнѣнно, съ величайшимъ жаромъ поощрялъ эту цѣль,—но обоимъ имъ пришлось подчиниться неотразимо-властному паэосу Анфантана.

Евгеній считался однимъ изъ главныхъ богослововъ новой религіи,—такой смыслъ имѣли заявленія самого Анфантэна,—но Евгеній передавалъ только откровенія «верховнаго отца». Такъ понимало дѣло сенъ-симонистское общество. Эйхталъ опредѣлялъ значеніе Анфантэна слѣдующими словами въ письмѣ къ Олэнду Родригу: «этотъ человекъ далъ намъ догматы, возвѣщенный намъ Сенъ-Симономъ. Онъ далъ намъ новую *политику* и новую *теологию*. Онъ слѣдовалъ больше: онъ открылъ вамъ такъ же какъ и намъ, чѣмъ быть вашъ *учитель*, онъ открылъ намъ его устами Евгенія, устами вашего брата». Слѣдовательно, Анфантэнъ истинный основатель сенъ-симонизма, какъ религіи и церкви ¹⁸¹⁾.

Откуда же онъ заимствовалъ принципы своего созданія? Эйхталъ говорить,—отъ Сенъ-Симона: *ею* Анфантэнъ открылъ даже Родригу. Самъ Анфантэнъ считалъ символомъ своей вѣры—присутствіе въ немъ, въ его личности,—Сенъ-Симона,—и пытался связать логически свое ученіе съ *Новымъ Христіанствомъ* ¹⁸²⁾. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ оно развивалось при восторженныхъ одобреніяхъ Родрига, который давалъ ихъ публично на основаніи своего авторитета — какъ единственнаго непосредственнаго ученика Сенъ-Симона, какъ прямого наслѣдника его идей. Эйхталъ все это напомнилъ ему, когда онъ рѣшилъ отложиться отъ Анфантэна.

¹⁸¹⁾ *Not. hist.* VI, 48—9.

¹⁸²⁾ *Ib.* 5.

Улика была неопровержимая. Безъ горячаго соучастія Родрига Анфантэну трудно было бы занять такъ легко положеніе сень-симонистскаго пророка и устремиться дальше—по пути, испугавшему, наконецъ, самого Родрига.

Мы находимъ его на первомъ мѣстѣ во всѣ моменты возвышенія Анфантэна. По завѣту Сень-Симона возникаетъ журналъ *Производитель* сначала еженедѣльный—Родригъ инициаторъ изданія,—но Анфантэнъ оказывается главнымъ сотрудникомъ: изъ пятидесяти двухъ сень-симонистскихъ редакціонныхъ статей,—ему принадлежитъ сорокъ девять, имъ же написана программа и въ одномъ первомъ томѣ *ежемѣсячнаго Производителя*—не менѣе пятнадцати статей. Въ частной перепискѣ Анфантэнъ говоритъ о журналѣ, какъ хозяинъ, властной рѣчью неограниченнаго представителя сень-симонистской редакціи ¹⁸²⁾. Рядомъ съ нимъ въ журналъ пишутъ Родригъ, Базаръ, Огюсть Контъ, Бюшезъ, Лоранъ и другіе послѣдователи новой философіи: ихъ статьи, мы увидимъ; представляютъ крупную идейную цѣнность,—но направляющая сила, видимо, у Анфантэна,—и прежде всего потому, что носитель сень-симоновскаго преданія явился его преданнымъ спутникомъ,—и въ послѣдствіи издателя сочиненій Сень-Симона и Анфантэна имѣли право *всѣмъ* сень-симонистовъ считать просто сотрудниками одного Анфантэна.

Онъ, независимо отъ кого бы то ни было, принялся развивать и дополнять наслѣдіе Сень-Симона. Преданіе и писаніе его нисколько не смущало. Анфантэнъ, говорится въ исторіи сень-симонизма, обладалъ цѣльной доктриной и не только «въ той формѣ, какъ ее завѣщалъ Сень-Симонъ своему вѣрному ученику, но и въ какой онъ Анфантэнъ—долженъ былъ истолковать ее, дополнить и изложить въ своихъ произведеніяхъ».

Дальше исторія сообщаетъ, что Анфантэнъ неустанно развивалъ «свою религіозную мысль» — во всѣхъ своихъ письмахъ. Онъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ — о міровой жизни, о безсмертіи, о божественномъ провидѣніи, о послѣдовательномъ откровеніи, о скрытомъ смыслѣ чудесъ, о вмѣшательствѣ соціальнаго провидѣнія въ устраненіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, въ превращеніе жен-

¹⁸²⁾ *Oeuvres* XXIV, 51, 71, 96. *Not. hist.* I, 173, 180—1.

щины «въ равную и истинную половину мужчины, долженствующую образовать социальный индивидуумъ»¹⁸⁴⁾.

Находились ли всё эти вопросы въ подлинномъ философскомъ наслѣдствѣ Сень-Симона и завѣщала ли философъ точные отвѣты на тѣ или другія поставленныя Анфантаномъ задачи?—Анфантанъ не имѣлъ нужды справляться съ идеями «учителя».

Онъ *единолично* дѣлалъ «важныя дополненія», становился «отцомъ новыхъ идей вводимыхъ въ доктрину». Такъ выражаются сами сень-симонисты—вполнѣ согласно съ собственнымъ взглядомъ Анфантана на свою роль, признанную—впередѣ всѣхъ—Родригомъ¹⁸⁵⁾.

Что же означали эти *additions importantes*? Въ какой логической связи они съ ученіемъ самого Сень-Симона? Очевидно, въ той какую требовалось устроить Анфантану.

Онъ охотно рассказываетъ о своемъ изученіи сочиненій Сень-Симона. Давалось оно ему очень трудно. Онъ жалуется на чрезвычайно непонятный языкъ философа. Внѣшняя форма его разсужденій иногда отбиваетъ охоту доискиваться ихъ сущности. Требуются усилія—постигнуть его идеи. Иному и трехъ лѣтъ мало—изучить какъ слѣдуетъ доктрину Сень-Симона, — на примѣръ, братъ Анфантана, даже подъ его руководствомъ не успѣлъ за этотъ срокъ проникнуть въ существо дѣла¹⁸⁶⁾.

Прилагая усиленный трудъ къ усвоенію возрѣвній Сень-Симона Анфантанъ относился къ нимъ критически, даже къ *Новому Христианству*, легшему по его словамъ, въ основу его собственной дѣятельности. Именно,—онъ не согласенъ съ Сень-Симономъ, относительно религіозной проповѣди народу. Анфантанъ не знаетъ, что и какъ проповѣдовать народу? У него нѣтъ точнаго представленія о томъ, какое религіозное чувство можетъ испытывать народъ и какимъ языкомъ слѣдуетъ говорить съ нимъ, чтобы вызвать въ немъ общественные интересы?¹⁸⁷⁾.

Слѣдовательно,—надо полагать, Анфантанъ не рѣшится выступить на проповѣдническомъ поприщѣ? Такъ онъ думаетъ вскорѣ

¹⁸⁴⁾ *Not. hist.* II, 19—20.

¹⁸⁵⁾ *Иб.* VI, 48, II, 113.

¹⁸⁶⁾ Письма 23 авг. 1825, 2 февр. 1826. *Oeuvres.* XXIV, 51—3, 84—5. *Not. hist.* II, 17—8, 15 ноября 1828.

¹⁸⁷⁾ *Oeuvres.* XXIV, 77—9, 26 ноября 1825.

послѣ смерти Сень-Симона, — но постепенно религіозный вопросъ захватываетъ его воображеніе и чувство, онъ быстро входитъ въ роль жреца и пророка, даже духовника отъ лица новой религіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи — вполне ясный, онъ рѣзко опредѣляетъ положеніе Анфантѣна въ сень-симонистскомъ обществѣ, — и, прежде всего, — отдѣляетъ его цѣлою пронастью отъ Базара.

Пока еще іерархіи не существуетъ официально. Предъ нами просто кружокъ, одушевленный задачей развивать и распространять идеи Сень-Симона путемъ печати, переписки, устнаго слова. Даже религіозный вопросъ далеко не является общепризнаннымъ въ редакціи *Производителя*. Самъ Анфантѣжъ пишетъ почти исключительно экономическія и финансовыя статьи, — и, ми увидимъ, собственно статья одного Конта *Разсужденія о духовной власти* — настойчиво и пространно развивала идею *отры*. Въ теченіе всего изданія журнала мы только одинъ разъ встрѣчаемся съ ясно выраженнымъ притязаніемъ сень-симонизма — замѣнить въ качествѣ религіи устарѣвшія религіозныя системы, — въ статьѣ второстепеннаго сотрудника ¹⁸⁸). Фурнель называетъ журналъ «последнимъ выраженіемъ непосредственныхъ работъ Сень-Симона» ¹⁸⁹). Въ высшей степени важное замѣчаніе со стороны одного изъ искреннѣйшихъ сень-симонистовъ: оно ставитъ грань между сень-симоновскимъ и анфантѣновскимъ сень-симонизмомъ. Въ чемъ долженъ былъ заключаться *второй* сень-симонизмъ, — ясно изъ сообщенія прямого историческаго источника: «послѣ прекращенія *Производителя* его редакторы въ своихъ тѣсныхъ собраніяхъ занимались преимущественно религіознымъ вопросомъ». Исторія замѣчаетъ, что этотъ вопросъ поставилъ самъ Сень-Симонъ, — замѣчаніе — справедливое, — только, очевидно, Сень-Симонъ поставилъ его не вполне согласно съ намѣреніями «редакторовъ», если имъ пришлось формулировать вопросъ независимо отъ Сень-Симона и въ выраженіяхъ, противорѣчащихъ самому духу его философскаго направленія. Редакторы, продолжаетъ исторія, «спрашивали у себя, допускаетъ ли въ будущемъ человѣческій разумъ, при

¹⁸⁸) Allier. *Examen des faits qui prouvent la tendance de la société à l'organiser Producteur*. II, 298. Первый № журнала вышелъ въ началѣ октября 1826 года и выходилъ еженедѣльно до 1-го мая слѣдующаго года, когда прекратился въ ежемѣсячное изданіе, а 12 декабря было объявлено о приостановкѣ журнала.

¹⁸⁹) „La dernière expression des travaux directs de Saint-Simon“. *O. c.* 63.

своихъ притязаніяхъ на позитивизмъ,—религіозныя вѣрованія, независимыя отъ научнаго наблюденія?»

Опредѣленно, *словами* выраженного отвѣта, въ сочиненіяхъ Сень-Симона не оказывалось,—но отвѣтъ, несомнѣнно, подсказывался самымъ понятіемъ—*позитивизмъ* и Сень-Симонъ никогда не допустилъ бы приписать человѣческому разуму — *des prétentions au positivisme*. По убѣжденію Сень-Симона,—разумъ не *притязалъ* на позитивизмъ, а стремился къ нему, какъ къ своей естественной цѣли. Другой вопросъ, — какое мѣсто надлежитъ отвести вѣрованіямъ независимымъ отъ науки—въ экономіи человѣческой культуры;—мы знаемъ, — Сень-Симонъ рѣшалъ его какъ философъ-позитивистъ, т. е. *объясняя* явленіе безъ всякаго вмѣшательства публицистическихъ настроеній. Но: могъ ли онъ питать намѣреніе—*притязаніямъ* разума на позитивизмъ противопоставить новую систему исключительно — *чувствительнаго происхожденія*? Это, какъ мы видѣли изъ отдѣльныхъ идей философа и увидимъ изъ ихъ общаго развитія,—противорѣчило бы самой сущности его задачи.

Какъ же поступили «редакторы?».

Они раздѣлились на два лагеря. Одни, напитанные философіей XVIII-го вѣка и физиологіей XIX-го—склонились къ отрицательному отвѣту. Анфантэнъ объявилъ противоположный взглядъ. Противъ него ясно говорили «нѣкоторыя мѣста» въ сочиненіяхъ Сень-Симона,—именно отрицаніе сверхестественнаго вмѣшательства и откровенія въ религію: Анфантэнъ былъ съ этимъ согласенъ,—но тѣмъ не менѣе находилъ существеннымъ и естественнымъ слѣдующій фактъ. Человѣкъ одаренъ двойной способностью—чувствовать и разсуждать,—и «участіе чувства въ возникновеніи человѣческихъ знаній и сужденій не менѣе ясно, чѣмъ разума» и, слѣдовательно, «свѣдѣнія и идеи чувствительнаго происхожденія вполне могутъ быть въ религіозномъ смыслѣ отмѣчены печатью истины, не подвергаясь провѣркѣ математическаго доказательства и не являясь изъ-за этого суевѣріемъ».

Таково основное положеніе Анфантэна,—и за нимъ немедленно послѣдовало «вступленіе въ новую теологію»¹⁹⁰). Вся она прежде всего логическое развитіе *равноправія* разума и чувства—равнопра-

¹⁹⁰) „Les prolegomènes de la théologie nouvelle“, N. hist. I, 200.

вія безусловнаго: разумъ можетъ *помыслить* и *знать* и чувство тоже, разумъ *систематизируетъ* свои идеи и чувство также—свои представленія можетъ формулировать «въ социальное учрежденіе, имѣющее характеръ общаго вѣрованія, именуемаго *религіей*»¹³¹⁾. Анфантэнъ безразлично пользуется понятіями *чувство*, *воображеніе* и *способность догадываться*—*la faculté d'imaginer, de conjecturer*. Онъ спѣшитъ указать на значеніе этой способности и въ наукѣ, гдѣ *одогазованіе* часто оказываетъ большія услуги разуму и наблюденію. Но цѣль Анфантэна—не специальная важность чувства и воображенія, отнюдь не ихъ служебная роль, когда подсказанная вдохновеніемъ гипотеза непременно требуетъ опытной и логической провѣрки,—а совершенно независимая власть—создавать общеобязательныя, систематизированныя истины.

Вотъ въ этомъ пунктѣ, въ систематизаціи чувствительныхъ и воображаемыхъ представленій, Анфантэнъ встрѣтилъ противника прежде всего въ лицѣ Базаря,—отнюдь не зараженнаго матеріалистическимъ духомъ XVIII-го вѣка. Въ чемъ заключалось разногласіе,—поясняетъ самъ Анфантэнъ.

Базарь не отрицалъ существованія «мистическаго настроенія, приводящаго человѣка въ чувствительную связь со вселенной и внушающаго ему мысль о вѣчной жизни»,—но по социальному значенію это чувство Базарь ставилъ рядомъ со всѣми другими личными чувствами,—любовью отца къ ребенку, жены къ мужу и проч. Но Анфантэнъ шель дальше. Сердечныя отношенія людей другъ къ другу связаны чувствомъ чловѣколюбія—*филантропіей*, такая же связь должна существовать и въ чувствахъ чловѣка ко вселенной,—т. е. въ мистицизмѣ. Онъ необходимо долженъ быть слить съ филантропіей, потому что филантропъ—атеистъ, не обладающій удовлетворительнымъ объясненіемъ своего бытія, будетъ лишень побудительныхъ мотивовъ къ дѣятельной любви, сосредоточится исключительно на личныхъ интересахъ, дойдетъ до убѣжденія въ тщетѣ славы, въ призрачности совѣсти.

Очевидно,—Анфантэнъ не вѣритъ въ существованіе морали независимо отъ религіи,—помимо любви къ людямъ—чловѣкъ долженъ обладать извѣстными представленіями о Богѣ,—только тогда

¹³¹⁾ Письмо 6 іюля 1827. *Oeuvres*, XXIV, 140—1.

онъ будетъ проявлять въ дѣйствительности свою филантропію. Въ этомъ разсужденіи не было ничего оригинальнаго, — Анфантэнъ пѣликомъ заимствовалъ его изъ старой теологіи. Новизна заключалась въ порицаніи *сверхъестественнаго откровенія*, — но при этомъ признавалась творческая и обязательная сила *односюветія*, т. е., по толкованію самого Анфантэна, — *прогрессивное откровеніе*. Прогрессивно оно потому, что мѣняетъ свое содержаніе сообразно съ эпохами: сенъ-симонисты — не неподвижны, подобно христіанамъ, магометанамъ, іудеямъ и индусамъ съ ихъ священными книгами. «Мы — во имя Сенъ-Симона — люди прогресса». Откровеніе сенъ-симонистовъ сообразуется съ просвѣщеніемъ и потребностями различныхъ поколѣній ¹²²⁾.

При такомъ объясненіи, повидимому, религіозная организація совершенно освобождается отъ произвола отдѣльной личности. Религія становится рядомъ съ принципами соціального строя, — а они, мы знаемъ отъ Сенъ-Симона, подсказываются непосредственно даннымъ уровнемъ цивилизаціи.

Но остается рѣшить вопросъ, — кто будетъ истолкователемъ откровенія, соотвѣтствующаго современному просвѣщенію и потребностямъ? И, наконецъ, кто приведетъ истолкованія въ систему и сообщитъ ей общеобязательную силу, т. е. значеніе догмата?

Анфантэнъ не преминулъ представить рядъ краснорѣчивыхъ практическихъ и теоретическихъ отвѣтовъ, — и практика шла впереди теоріи.

Мы знаемъ, — Анфантэнъ расходился съ Базаромъ по вопросу о необходимости систематизировать внушенія сердца и воображенія и превратить подобную систему въ «соціальное учрежденіе». Базаръ, очевидно, желалъ голосъ сердца оставить въ области субъективныхъ настроеній и представленій, — потому что бывшему корбонару съ самого начала была ясна грядущая роль единоличнаго систематизатора и догматиста, разъ за патетическими побужденіями человѣческой природы будетъ признано идейное и практическое значеніе наравнѣ съ фактами наблюденія и доказательствами разума. Базаръ не могъ безусловно отрѣшиться отъ критическихъ наклонностей своего ума, — а вскорѣ по ходу дѣла оказалось, что отрѣшиться пред-

¹²²⁾ *Oeuvres*. VIII, XXXIII—XXXIV.

стояло не только отъ анализа и критики, а просто отъ личной воли и личнаго здраваго смысла.

Въ ожиданіи пока надуманная теорія приметъ «догматическій характеръ»,—Анфантэнъ рѣшилъ уже приложить ее на практикѣ. Онъ взялъ на себя трудъ—вести корреспонденцію съ бывшими подписчиками *Производителя* и давать имъ разъясненія насчетъ новаго ученія. Разъясненія клонились въ сторону, лично угодную Анфантэну,—и въ такомъ же смыслѣ онъ велъ споры съ своими товарищами по редакціи. Въ семейной перепискѣ, съ двоюродной сестрой и съ братомъ, онъ откровенно является проповѣдникомъ «новаго евангелія», не боясь, что сатирической умъ брата усмотритъ на его головѣ—камилавку¹³³⁾. Онъ сравниваетъ себя съ апостоломъ Павломъ, съ блаженнымъ Августиномъ—предъ скептиками и невѣрующими. Это положеніе ему, видимо, льститъ. Онъ говоритъ уже именемъ Бога, его рѣчь безпрестанно превращается въ проповѣдь и пророчество, онъ чувствуетъ въ себѣ «священника будущаго», онъ распространяется о «привилегированныхъ существахъ», которыя первыя слышатъ голосъ Божій, всходятъ на Синай предъ лицо Всевышняго, почти поднимаются до него и получаютъ отъ него повелѣніе—просвѣтить другихъ, установить между ними «симпатическую цѣпь преданной покорности, любящаго могущества,—цѣпь, безъ которой человечество не можетъ возвыситься до Бога». Анфантэнъ увлекается самымъ процессомъ своей новой дѣятельности. Его же письма оказываютъ сильнѣйшее впечатлѣніе на него самого. Онъ будто поддается самовнушенію и заявляетъ, какъ постепенно въ немъ выросли все новыя идеи—о вѣчной жизни, о женщинахъ. Ему пришлось утѣшать нѣкую даму, потерявшую мужа, прозелита сенсимонизма. Вдова обращается за нравственной помощью къ Анфантэну,—и новый пророкъ, благодаря этому случаю, мѣняетъ всѣ свои взгляды на женщинъ. Мы сейчасъ увидимъ, какое значеніе должна была возымѣть эта перемѣна¹³⁴⁾.

Такъ продолжалось до конца 1829 года. Анфантэнъ успѣлъ окончательно утвердиться въ своемъ религіозномъ саябѣ,—но пока лишь неофициально. Многіе привыкли покорно внимать его открове-

¹³³⁾ *N. hist.* I, 220—1.

¹³⁴⁾ *Not. hist.* II, 17, 21, 99—100, 108—9.

ніямъ, но находились и протестанты. Особенно много безпокойства доставлялъ Бюшезъ, писавшій въ *Производителъ* по естественно-научнымъ и медицинскимъ вопросамъ. Въ немъ, очевидно, жилъ самый упорный критическій духъ и Бюшезъ, по словамъ Анфантэна, «продолжалъ споры, для всѣхъ другихъ исчерпанные, не приходя ни къ какому рѣшенію». Оставалось—покончить съ досаднымъ явленіемъ,—и Анфантэнъ однажды вечеромъ, послѣ собранія, заявилъ братьямъ Родригамъ, что анархія не можетъ дальше продолжаться, что фактическое положеніе вещей должно быть, наконецъ, признано открыто,—т. е. учреждена іерархія—во главѣ съ нимъ—Анфантэномъ—и Базаромъ.

Олэндъ немедленно согласился, а Евгеній, пребывавшій въ состояніи диллагоса энтузіазма, былъ даже «очень счастливъ отъ этого прогресса» Такъ рассказываетъ самъ Анфантэнъ.

Но какъ отнесся къ вопросу Базаръ?

Онъ до сихъ поръ являлся уполномоченнымъ публичнымъ ораторомъ доктрины. Съ декабря 1828 года сенъ-симонисты открыли въ Парижѣ курсъ сенъ-симонизма. Каждое чтеніе предварительно выработывалось на общихъ собраніяхъ,—и Базаръ произносилъ его публично. Впослѣдствіи эти рѣчи составили два тома—*Doctrine saint-simonienne*. Естественно эта важная обязанность создала Базару авторитетъ—въ то время, когда Анфантэнъ велъ пропаганду сенъ-симонизма путемъ переписки¹³⁵⁾. Но Базаръ былъ далекъ отъ мысли—уничтожить «республику» среди сенъ-симонистовъ. Впослѣдствіи Анфантэнъ заявлялъ, что онъ «призвалъ Базара раздѣлить съ нимъ верховную власть». Базаръ просилъ времени на размышленіе, думалъ въ теченіе двухъ недѣль и, наконецъ, согласился, но это не значило, будто возникновеніе религіознаго авторитета было имъ признано навсегда. Напротивъ. По словамъ Анфантэна,—Базаръ и впослѣдствіи, при всякомъ новомъ шагѣ въ развитіи іерархія, всегда просилъ времени для размышленій,—*времени!*—восклицалъ Анфантэнъ не то съ изумленіемъ, не то съ снисходительной жалостью¹³⁶⁾.

Надо полагать,—на первый рѣшительный шагъ Базара повліялъ Олэндъ Родригъ. Онъ игралъ главную роль 31 декабря 1829 года,

¹³⁵⁾ *Not. hist.* II, 110—1, 28.

¹³⁶⁾ *Not. hist.* IV, 158.

когда была объявлена іерархія. Родригъ произнесъ горячую рѣчь, называлъ себя единственнымъ дѣятельнымъ личнымъ ученикомъ Сень-Симона «во мнѣ, говорилъ онъ, живое преданіе», указывалъ на *Новое христіанство* какъ на воплощеніе *всей доктрины*, объяснялъ, что по его настояніямъ читалась, перечитывалась и все болѣе постигалась эта книга. Но уже годъ, какъ распространеніе ученія отъ него перешло въ руки Анфантана и Базара,—онъ теперь передаетъ имъ «управленіе школой Сень-Симона» и чувствуетъ живѣйшую радость, высшее счастье и свое величіе въ Сень-Симонѣ, послѣ того какъ обрѣлъ болѣе великихъ чѣмъ онъ самъ.

Рѣчь Родрига закончилась братскими поцѣлуями слушателей, потомъ говорилъ Базаръ—объ отличіи сень-симонистской религіи отъ христіанской: христіанство предписываетъ унижаться, сень-симонизмъ повелѣваетъ каждому занимать достойное его мѣсто.

Торжество не обошлось безъ раскола. Тщетно Базаръ говорилъ о неразрывной связи соціальной и религіозной реформы,—нашлись непоколебимые диссиденты,—съ Бюшезомъ во главѣ¹²⁷⁾.

Это было дурнымъ предзнаменованіемъ,—но диссиденты имѣли дѣло съ Анфантаномъ,—а его влекло впередъ неудержимо разгоравшееся воображеніе, чѣмъ поразительнѣе являлись мысли, чѣмъ, слѣдовательно, вѣрнѣе онъ могъ разсчитывать на ожесточенную критику и сатиру,—тѣмъ рѣшительнѣе онъ пророчествовалъ, считая своимъ апостолскимъ призваніемъ борьбу съ невѣрными и отступниками¹²⁸⁾.

Съ начала 1830 года мы присутствуемъ при разложеніи сень-симонизма какъ философіи, насколько это зависѣло отъ новой іерархіи. И Анфантанъ буквально день за днемъ хоронитъ все, что только было завѣщано Сень-Симономъ идейно-глубокаго и соціально-мощнаго.

Официально существуетъ одна глава именуемая «Bazard-Enfantin» и одинъ отецъ,—но въ этомъ единствѣ таится глубокій раздоръ. Анфантанъ все выше поднимается въ пророческомъ азартѣ, усваиваетъ чистѣйшій церковный католическій языкъ и быстро достигаетъ папской высоты. Въ маѣ 1830 года онъ сочиняетъ письмо о *calme*, немедленно получающее въ церкви значеніе св. посланія. *Je*

¹²⁷⁾ Дь. II, 113—122.

suis calte,—говорить Анфантэнъ—своему «сыну», одному изъ членовъ церкви и ставить закономъ: «пусть улыбка нашего отца будетъ такъ же могущественна для насъ, какъ всѣ радостныя торжества человечества... Этотъ народъ, необъятное море, которое камень упавшій съ высоты приводитъ въ движеніе на всемъ его пространствѣ до самаго дна; этотъ Юпитеръ, о которомъ язычники говорили *Nutu tremescit olutrit*; вотъ что долженъ *знать*, долженъ *чувствовать*, долженъ *выражать* сенъ-симонистскій папа»¹⁹⁹).

Гдѣ папа тамъ не можетъ не быть *теологii*, ученія, не доказываемаго, а провозглашаемаго. И Анфантэнъ настаиваетъ на необходимости догматики,—помимо морали. Въ его глазахъ сенъ-симонизмъ явленіе—параллельно-враждебное христіанству, и въ немъ *все* должно быть католическое, только другого содержанія, но аналогичнаго происхожденія. Формы, слѣдовательно, были даны,—оставалось создать догматъ. Онъ подсказывался положеніемъ вещей, самымъ смысломъ задачи: новый догматъ долженъ явиться діаметральной противоположностью христіанскому. Это—второй актъ разлагающей дѣятельности Анфантэна. Первый закончился—провозглашеніемъ іерархіи съ *папой* во главѣ, второй—объявленіемъ ученія о *возстановленіи матеріи* вмѣстѣ съ освобожденіемъ женщины.

Идея новаго папства, несомнѣнно, въ сильнѣйшей степени плодъ личнаго темперамента Анфантэна, но нельзя отрицать извѣстной идейной связи ея съ сенъ-симонизмомъ самого Сенъ-Симона. Понятія о духовной власти, о позитивной философіи, о земной морали, имѣющей *общеубыдительное* значеніе, могли привести къ грубой матеріальной аналогіи новаго идеала съ древнимъ. А потому,—мы знаемъ,—Сенъ-Симонъ одинъ разъ обмолвился о «первомъ папѣ новой научной теоріи»,—правда выборномъ отъ всѣхъ ученыхъ европейскихкихъ обществъ,—но для *вдохновенія* Анфантэна было достаточно и простого выраженія.

Но не идея папства внесла непоправимый расколъ въ среду сенъ-симонистовъ и не она дискредитировала всю школу въ глазахъ общественнаго мнѣнія: Констанъ могъ изощрять свое остроуміе надъ новыми евангелиями и мемфисскими жрецами: это было не опасно

¹⁹⁹) Въ этомъ смыслѣ характеристика Анфантэна въ *N. hist.* III, 117—8.

¹⁹⁹) *Oeuvres.* XXVII, 95—100.

ди такихъ защитниковъ сенъ-симонистской философіи, какъ Базаръ, блистательно отвѣчавшій либеральному публицисту¹⁰⁰⁾.

Но когда «верховный отецъ» провозгласилъ догматъ,—Базаръ не только не могъ защитить «новую вѣру» отъ всеобщаго крика негодованія, презрѣнія и смѣха, но даже оказался не въ силахъ остаться въ лонѣ церкви.

Какую же связь анфантэжовскій догматъ имѣлъ съ міровоззрѣніемъ учителя?

Прежде всего,—ученіе о *реабилитации матеріи*.

Все, что самаго сильнаго можно найти въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона на этотъ счетъ,—заключено на нѣсколькихъ страницахъ *Новаго христіанства*. Основная мысль философа: «истинное христіанство должно одѣлать людей счастливыми не только на небѣ, но и на землѣ». Для этой цѣли слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе не на *отвлеченныхъ* идеяхъ, а на *реальныхъ*. Сенъ-Симонъ выражается: *les idées sensuelles*, противопоставляя—*des idées abstraites*. Анфантэнъ, приводя это мѣсто, усиленно подчеркиваетъ слово *sensuelles*, очевидно,—желая извлечь изъ него самый рѣзкій матеріальный смыслъ. Ему это необходимо, чтобы перейти къ ученію о невозбранномъ удовольствіи *чувственныхъ* инстинктовъ, даже о возведеніи ихъ въ одну изъ основъ религіозно-соціального строя. Совершенно другое развитіе мысли у Сенъ-Симона.

У него нѣтъ ни единого слова о *чувственномъ* счастьи, о любви и даже слово женщина не произносится: его *idées sensuelles* означаютъ: «главная цѣль, какую вы должны ставить людямъ въ ихъ трудахъ,—улучшеніе нравственнаго и физическаго существованія наиболѣе многочисленнаго класса». Все разсужденіе Сенъ-Симона—исключительно соціального характера. Онъ востаетъ противъ старой *метафизической* цѣли человѣческой жизни, противъ аскетическихъ подвиговъ, противъ самонистязаній и постовъ,—но затѣмъ, чтобы поставить *реальную* цѣль—завоеваніе трудомъ всего земнаго шара и улучшеніе участи «бѣднаго класса». Это—реабилитация *индустріи*, отвергаемой ученіемъ объ умерщвленіи плоти и презрѣніи къ земному счастью,—но отнюдь не реабилитация плоти, какъ источника чувственныхъ половыхъ наслажденій. Сенъ-Симонъ тре-

¹⁰⁰⁾ Producteur. II, 565—6.

беваль неустаннаго труда и высшаго почета производительному труду,—Анфантэнъ всю задачу учителя свелъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины. Сень-Симонъ аскетизму противопоставилъ дѣятельность, угнетенной природѣ—жизнерадостную нравственную и физическую силу, Анфантэнъ—въ религиозной идеѣ духа усмотрѣлъ грубѣйшій контрастъ матеріи,—и объявилъ не реабилитацию природы—во всей полнотѣ ея способностей, а чувственности ²⁰¹⁾.

Идея эта не принадлежитъ самому «верховному отцу». Впервые ее предложилъ Евгеній Родригъ. Въ одномъ изъ его писемъ говорится: «миссія Сень-Симона была *возстановить, искупить матерію*». Почему? Потому что, отвѣчаетъ авторъ, «миссія Иисуса Христа была *возстановить, искупить духъ*» ²⁰²⁾.

Это, слѣдовательно, обычный простѣйшій приемъ—*творить новое*,—мышленіе по контрасту—приемъ не органический, а критическій. Подобной поверхностности мысли невозможно встрѣтить у Сень-Симона, прекрасно понимавшаго органическую безсодержательность и практическую безплодность — такъ сказать поляризующаго резонанса. Критика революціоннаго естественнаго права достаточно свидѣтельствуетъ о проницательности философа и онъ не могъ допустить столь наивнаго противопоставленія міросозерцаній: для него *реабилитация плоти* въ прямой противовѣсъ *реабилитации духа* — такая же метафизика, какъ и отвлеченныя идеи средневѣковаго аскетизма.

До какой степени Сень-Симонъ былъ далекъ отъ вдохновляющей идеи анфантанистовъ, показываетъ удивительный фактъ: весь анфантанизмъ построенъ на ученіи о трехъ формахъ половой любви, — а Сень-Симонъ касательно женщинъ во всю свою жизнь написалъ единственную фразу—и то въ сочиненіи, о которомъ онъ ни слова не говорилъ своимъ ученикамъ,—въ сочиненіи, будто забытомъ самимъ авторомъ. Проектируя въ *Письмахъ Женевскаго обывателя* учрежденіе научно-философской власти — по подпискѣ, — Сень-Симонъ замѣтилъ: «женщины будутъ допущены къ подпискѣ; онѣ могутъ быть избираемы» ²⁰³⁾. Если вспомнить, что сочиненіе было на-

²⁰¹⁾ *Oeuvres*. XXIII, 147. Цитаты Анфантена изъ *Новаго христіанства въ Епископствахъ*. *Oeuvres*. XIV, 6—15.

²⁰²⁾ *Lettres sur la religion et la politique*. 25.

²⁰³⁾ *O. choisies*. I, 34.

писано въ Женевѣ, поднесено г-жѣ Сталь—съ самыми стремительными чувствами—къ писательницѣ и къ женщинѣ,—не будетъ опрометчивымъ предположить, что исключительная фраза обязана своимъ происхожденіемъ не философіи автора, а его настроенію и джентльменству ²⁰⁴).

Анфантэнъ до конца прошелъ путь, удалявшій его отъ завѣтовъ Сентъ-Симона. Реабилитация материн, породившая задачу опредѣлить новыя отношенія женщины къ мужчинамъ, должна была отодвинуть на задній планъ социальный вопросъ. Именно этотъ вопросъ привелъ къ сентъ-симонизму наиболее отзывчивыхъ, здоровыхъ и даровитыхъ послѣдователей. Пьеръ Леру точно выразилъ притягательную силу сентъ-симоновскаго движенія для современной молодежи. «Полное освобожденіе наиболее многочисленнаго и бѣднаго класса, классификація по способностямъ и дѣламъ — во всякое время были для насъ инстинктивными вѣрованіями — для насъ, вышедшихъ изъ народа и мы цѣнили самихъ себя только по нашимъ способностямъ и по нашей дѣятельности. Подобный догматъ окончательно открывалъ намъ нашу собственную мысль и отвѣчалъ направленію нашего ума, всѣмъ желаніямъ нашего сердца» ²⁰⁵).

И вѣсто этого—возникаютъ безконечныя споры о celibatѣ, о полигаміи, о равноправіи, о постоянствѣ, о супружеской измѣнѣ. Кстаги въ палатѣ поднимается вопросъ о разводѣ, — и Анфантэнъ пользуется случаемъ—взволновать всю свою церковь надуманной темой. Разговоры, по его разсказамъ, идутъ ежедневно, продолжаются отъ двухъ до десяти или одиннадцати часовъ вечера. Члены іерархіи не показываются даже среди своихъ учениковъ. «Нашъ внѣшній видъ, сообщаетъ Анфантэнъ, носилъ отпечатокъ мучительной тревоги и религиозной экзальтаціи, одушевлявшей насъ среди этой великой драмы» ²⁰⁶).

Въ сущности, для него самого не было драмы. Онъ уже рѣшилъ вопросъ. Въ августѣ 1831 года онъ послалъ матери письмо съ изложеніемъ своего догмата. Сущность его слѣдующая. Существуетъ

²⁰⁴) Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ сентъ-симонизма даже совсѣмъ не замѣтилъ приведенной фразы и заявляетъ: „Saint-Simon n'avait pas prononcé le nom de la femme“. Charléty. *Histoire du saint-simonisme*. P. 96. 163.

²⁰⁵) Статя 18 янв. 1831 въ *Globe*.

²⁰⁶) *Not. hist.* IV, 38, августъ—сентябрь 1831 года.

два типа людей—*постоянный* и *переменчивый*, съ увлеченіями *любимыми* и съ *жизельными*. Тому и другому типу надо дать равноправное и цѣлесообразное мѣсто въ социальномъ строѣ. Законъ Христа унижилъ типъ переменчивый,—сень-симонизмъ долженъ его реабилитировать,—онъ создастъ двѣ формы «религіи любви»: одна—одинъ и тотъ же мужчина на всю жизнь съ одной и той же женщиной, другая—разводъ и новый союзъ. Но есть еще третья форма—гораздо болѣе социализирующая и религіозная. Анфантэнъ не сразу рѣшается объяснить ее своей матери, предварительно онъ убѣждаетъ ее—порвать съ прошлымъ міромъ и съ настоящимъ и искать будущаго.

Третья форма—любовь жреца и жрицы новой религіи. Священническая чета должна социализировать разные типы, регулировать ихъ страсти въ интересахъ прогресса, т. е. въ одномъ случаѣ «умѣрять распушенные чувственныя пороки», въ другомъ «разогрѣвать оцѣпенѣлыя чувства». Пары вѣрующіхъ должны учиться любви у жреца и жрицы. Анфантэнъ оговаривался, что для окончательной формулировки догмата ему надо выслушать голосъ женщины,—но что касается его, какъ мужчины,—онъ сознавался: «я понимаю *нѣкоторые обстоятельства*, когда я согласился бы, что только моя жена способна дать счастье, здоровье, жизнь кому-либо изъ моихъ сыновей въ Сень-Симонѣ»²⁰⁷⁾.

Мы не знаемъ, что отвѣтила Анфантэну его мать непосредственно,—но въ январѣ слѣдующаго года она его привѣтствовала восторженно, когда послѣдователи Сень-Симона одинъ за другимъ покидали его²⁰⁸⁾.

Но пока Анфантэнъ не рѣшался говорить съ своими «дѣтьми» такъ же откровенно, какъ съ матерью. Онъ только безусловно отказался отъ социальныхъ задачъ и весь «погрузился въ догматическія изысканія». Это онъ называлъ—стремиться къ цѣлямъ несравненно болѣе великимъ, говорить именемъ Бога, пребывать на высотахъ мысли, презирая мелкіе запросы текущей политики. Когда его убѣждали — заняться социальной реформой, въ отвѣтъ онъ совершалъ «жреческій актъ», т. е. вѣнчалъ молодыхъ людей по сень-симонист-

²⁰⁷⁾ *Oeuvres*. XXVII, 191—201.

²⁰⁸⁾ *Not. hist.* V, 91.

скому обряду. «Экзальтація» охватила его и онъ шелъ къ «необъятнымъ горизонтамъ», не обращая вниманія на видимую дѣйствительность²⁰⁹).

Что же дѣлали Базаръ и Родригъ?

Базаръ, съ своей логикой, философско-политическимъ краснорѣчіемъ, все больше тускнѣлъ предъ Анфантѣномъ, умѣвшимъ вызывать ангузіазмъ до нервныхъ припадковъ, до истерическихъ исповѣдей, до объятій со слезами и криками. Его послѣдній офиціальныи актъ въ качествѣ сень-симонистскаго главы—письмо къ президенту палаты 1 октября 1830 года. Письмо, подписанное и Анфантѣномъ, опровергало рѣчи депутатовъ, приписывавшихъ сень-симонистамъ проповѣдь общенія имуществъ и женщинъ. Письмо объясняло сень-симонистскій принципъ—каждому по способностямъ и каждой способности по ея дѣламъ и заявляло уваженіе къ христіанскому браку,—только жена должна быть безусловно равной мужу и въ будущемъ *соціальная личность* будетъ не одинъ *мужчина*, а *мужчина и женщина*²¹⁰).

Прошелъ годъ,—Анфантѣнъ окончательно утвердился въ своихъ идеяхъ. Уже и въ 1830 году онъ подписалъ письмо изъ политики, христіанскій бракъ онъ отвергалъ гораздо раньше, тѣмъ не менѣе 17 октября 1831 года Олэндъ Родригъ прочиталъ «замѣтку» о бракѣ и разводѣ, весьма далекую отъ задушевныхъ идей Анфантѣна, представлявшую просто либеральный взглядъ на вопросъ.²¹¹

Дѣло не могло остановиться на этой точкѣ. Анфантѣнъ вызвалъ, наконецъ, рѣшительное обсужденіе вопроса. Оба «отца» въ теченіе нѣсколькихъ дней вели жаркій словесный бой нѣкоторые вѣрующіе пришли въ крайнее смущеніе и обратились къ «отцамъ» съ мольбой—возстановить миръ, сосредоточить вниманіе на «наиболѣе многочисленномъ и бѣдномъ классѣ». Но сраженіе окончилось пока только подчиненіемъ Базара Анфантѣну. Къ этому собственно и стремился Анфантѣнъ,—и Родригъ опять, въ качествѣ хранителя преданія,

²⁰⁹) *Not. hist.* IV, 109-111, 117.

²¹⁰) *Ib.* IV, 119—125. Перепечатано въ приложеніи къ I-му тому *Doctrine de S.-Simon*. 3 ed. P. 1831.

²¹¹) Напечатано въ *Not. hist.* IV, 127—134 и въ приложеніи къ *Oeuvres de S.-S.*, въ изданіи Родрига.

освятить перемѣну. Но примиреніе продолжалось не больше четырехъ дней,—Базаръ удался окончательно, объявляя себя «главой новой іерархіи».

Спустя нѣсколько дней ушли Леру, Карно, Жюль Лешевалье, ушли даже самые пламенные энтузіасты—въ родѣ Казо, Трансона, Рейно и всѣ они, покидая церковь, бросали Анфантѣну горькія и подчасъ жестокія укоризны въ скороспѣлости его ученія, въ деспотическихъ притязаніяхъ на чужую личную независимость, а Казо заявлялъ, что доктрина Анфантѣна знаменуетъ всеобщее разложеніе въ политическомъ, гражданскомъ и нравственномъ порядкѣ. Рейно объяснял, что доктрина Анфантѣна отнимаетъ у человѣка достоинство и совѣсть.

Анфантѣнъ остался непоколебимъ и приступилъ къ организаціи новой іерархіи, провозглашая себя «отцомъ человечества». Родригъ немедленно именуетъ его «верховнымъ отцомъ» и готовъ отвѣчать всякому, кто можетъ сказать, будто сень - симонистская религія не тамъ, гдѣ онъ — Родригъ! Онъ произноситъ страстную рѣчь, безпрестанно восклицая: «я сень - симонистъ»! Онъ вспоминаетъ, наконецъ, объ іюльской революціи, восхваляетъ народъ и излагаетъ планъ «банка работниковъ» или «финансовой ассоціаціи сень-симонистовъ». «Верховный отецъ сень-симонистской религіи» — высшій распорядитель. И Анфантѣнъ, дѣйствительно, обладалъ большими финансовыми талантами, — только теперъ онъ поглощенъ мыслию о судьбѣ женщины. «Моя миссія спасти *преимущественно* женщинъ, потому что ихъ преимущественно я люблю и моя миссія въ моемъ сердцѣ»²¹²).

Такъ пишетъ Анфантѣнъ въ январѣ 1832 года. Въ январѣ и февралѣ онъ открыто проповѣдуетъ новую «мораль», отнюдь не примѣняя ея на практикѣ — въ ожиданіи новой женщины-жрицы, для которой послѣ удаленія Базара появилось рядомъ съ мѣстомъ Анфантѣна свободное кресло. Въ теоріи доказывалась мораль будущаго, а на практикѣ рекомендовалось слѣдовать пока христіанской морали. Явится *женщина* и выскажется. Родригъ, недавно провозглашавшій Анфантѣна «самымъ религіознымъ, самымъ нравственнымъ человекомъ своего времени, достойнымъ и истиннымъ послѣдователемъ

²¹²) *Oeuvres*. XXVII, 207—8.

Сень-Симона», — не выдержавъ двойственности положенія и въ февралѣ 1832 года покинулъ «верховнаго отца». Появился его «манифестъ» къ сень-симонистамъ. Родригъ совершенно точно называлъ ученіе Анфантэна — «общеніе женъ», бралъ на себя, какъ «примой ученикъ Сень-Симона» всю задачу учителя и призывалъ мужчинъ и женщинъ основать вмѣстѣ съ нимъ «союзъ мирныхъ работниковъ во имя новаго христіанства». И Родригъ, подобно Базару, подписывался подъ своимъ протестомъ «глава сень-симонистской религіи»²¹³).

Слѣдовательно, — и Родригъ и Базаръ одинаково характеризовали доктрину Анфантэна — *la communauté des femmes, la promiscuité*²¹⁴). Являлось сразу три главы новой религіи, — но двѣ не имѣли сплоченныхъ послѣдователей, — съ Анфантэномъ, уличаемомъ въ тяжелой безнравственности, оставалось довольно многочисленная «семья» и, несомнѣнно, онъ имѣлъ наибольшее фактическое право именовать себя «chef de la religion».

Легко представить, какой плодъ принесли всѣ эти событія для нравственнаго авторитета и общественнаго положенія сень-симонизма.

XII.

Чѣмъ ярче обнаруживался религіозный духъ сень-симонистскаго общества, тѣмъ, повидимому, выше поднималось имя Сень-Симона. Въ періодъ изданія *Производителя* — Сень-Симонъ пока еще «одинъ изъ философовъ со всею страстью увлеченныхъ общимъ благомъ». Такъ выражается Олэндъ Родригъ, авторъ статей о Сень-Симонѣ. Намѣреніе у «единственнаго ученика» было вполне цѣлесообразное: познакомить общество съ личностью и особенно съ произведеніями учителя. Статьи наполнены обширными выдержками изъ брошюръ Сень-Симона, авторъ пытался представить путь его послѣдовательнаго философскаго развитія, дать точное опредѣленіе сень-симонистскимъ понятіямъ, — но статьи прервались общаніемъ: Родригъ

²¹³) *N. hist.* V, 240. Перепеч. въ приложеніи къ *Oeuvres*, изд. Родрига.

²¹⁴) Критика Базара на ученіе Анфантэна въ сборникѣ, посвященъ общему названію *Dissidents*, въ *Bibliothèque d'arsenal, Fond Enfantin* 338. Здѣсь же протестъ Трансова, перешедшаго въ фурьеризмъ и очень рѣзкая критика притязаній Анфантэна, подписанная *Toussaint de Belgique*. Протестующее письмо Базара въ редакцію *Globe* — *Not. hist.* V, 243.

готовился пересмотрѣть всѣ работы, установленныя сень-симонистскую доктрину,—когда онъ окончитъ пересмотръ,—онъ познакомитъ съ результатами публику ²¹⁵).

Общаніе оставалось не выполненнымъ, ни въ какомъ смыслѣ, — т.-е. Родригъ не только не написалъ обѣщанныхъ статей, но до конца изданія журнала не пересмотрѣлъ и сочиненій Сень-Симона. Онъ сосредоточился на *Новомъ христіанствѣ* и на возведеніи Анфантѣна въ санъ «верховнаго отца». Есть извѣстіе, будто онъ сообщилъ ему изреченіе Сень-Симона: «соціальная личность—мужчина и женщина» ²¹⁶). Для Анфантѣна это сообщеніе было цѣннѣе всей остальной философіи «учителя», страннымъ образомъ не оставившаго никакихъ отраженій столь краснорѣчивой идеи въ своихъ произведеніяхъ. Но пока издается *Производитель*,—среди сень-симонистовъ еще нѣтъ релігіозной экзальтаціи. Правда,—Контъ, по обыкновенію, чрезвычайно рѣзко подчеркиваетъ идеи Сень-Симона о духовной власти, указываетъ, какъ глубоко знала человѣческую природу католическая философія, говорить о вѣрѣ, т.-е. о «наклонности вѣрить самопроизвольно» ²¹⁷) безъ предварительнаго доказательства, въ догматы, провозглашенныя компетентнымъ авторитетомъ.

Контъ настаиваетъ на догматизмѣ—до такой степени, что рѣшается признать «очень почетнымъ и даже необходимымъ» политическое вліяніе ретроградной школы: она съ одной стороны предохраняетъ общество отъ безусловнаго преобладанія критическихъ доктринъ, а потомъ побуждаетъ новую цивилизацію создать, наконецъ, надлежащую нравственную систему. Естественно, съ похвалой припоминается

²¹⁵) *Producteur* I (апрѣль—іюль). *De Henri, de Saint-Simon*.

²¹⁶) Ср. Weill. 36.

²¹⁷) *Spontanément*—излюбеннѣйшій терминъ контовской философіи—иногда имъ пестрятъ цѣлыя страницы. Онъ соотвѣтствуетъ понятію — *органической*, встрѣчался часто рядомъ съ нимъ, — (*Syst. de pol. posit.* I, 205), характеризуетъ вообще отсутствіе *раціональнаго*, разсудочнаго, преднамѣннаго элемента въ дѣйствіяхъ. Терминъ полагается въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Конта,—взамѣнъ сень-симоновскаго—*la force de la nature* и *spontanéité*, какъ характерная черта исторической эволюціи, становится типичнымъ выраженіемъ въ контовской школѣ. Пьеръ Лафиттъ даже считаетъ особеннымъ завоеваніемъ контовскаго ума это представленіе, отрицаетъ его у Кондорсе и кстати у Тюрго,—совершенно, какъ мы знаемъ, несправедливо ставя рядомъ этихъ философовъ. *R. Occid*—1 juillet 82. 27.

Деместрь. Контъ спѣшить оговориться, что восстановление старой системы — не мыслимо. Деместрь вчетовѣ только *исторически*, т.-е. онъ помогаетъ оцѣнить «необъятныя благодѣянiя», оказанныя человечеству старой системой. Но съ другой стороны, — реакціонные мыслители укрѣпляютъ общій предрасудокъ противъ духовной власти — именно своей защитой отжившей системы ²¹⁸).

Какъ разобратся въ этихъ разсужденiяхъ? Съ одной стороны — польза для духовной власти, съ другой — вредъ, съ одной стороны — охрана отъ господства критики, съ другой — помѣха системѣ. Контъ, видимо, чувствовалъ себя въ безпомощномъ положенiи на страницахъ *Происходителя*. Недаромъ онъ называлъ его «très vicieux» и свои статьи считалъ «дурно обставленными» ²¹⁹). Дѣйствительно, — пока стремительность Конта по направленiю къ католической организаціи — не раздѣляется сень-симонистской школой ²²⁰).

Контъ, слѣдовательно, опередилъ Анфантана въ *публичномъ* признанiи церковныхъ тенденцій и, несомнѣнно, въ лицѣ его была уже готова та «нравственная сила, правильно организованная», которая обязана внушать каждому «энергію» во имя признаннаго догмата, — одинъ изъ «истолкователей, возникающихъ стихійно», однимъ словомъ — *органъ* для выполненiя религіозныхъ *функций* ²²¹).

Фактъ — достойный вниманiя. Въ средѣ только что возникшей философско-соціальной школы два человѣка почувствовали себя призванными на пророческое подрище — въ самомъ прямомъ — *иерархическомъ* — смыслѣ. Мы видѣли, — и Сень-Симонъ не отказывался признать за собой «божественную миссію», — но это было — высшимъ выраженiемъ убѣжденiя въ своемъ *дѣлѣ*, а не вѣры въ свою *личность*. Напротивъ, — врядъ ли какому философу такъ часто приходила охота — исповѣдовать публично свою несостоятельность и приглашать къ себѣ помощниковъ какъ Сень-Симону, при всѣхъ его «видѣнiяхъ» и даже бесѣдахъ съ Карломъ Великимъ. Тамъ говорила экзальти-

²¹⁸) *Syst. de pol. pos.* IV. App. 197—8, 207.

²¹⁹) *Lettres à Valat.* 189—90.

²²⁰) Контъ уже въ 1826 году считалъ достойной подражанiя организацію католической церкви — *quant à l'étendue et à l'intensité d'action*, — разумеется на основахъ другой «вѣры». *Ib.* 193.

²²¹) *Ib.* 205, 207 rem.: „des intrerprètes, qui se produisent spontanément“, Анфантанъ одному изъ своихъ корреспондентовъ особенно указывалъ на статьи Конта, хотя и находилъ ихъ „durs à digérer pour le vulgaire. *Oeuvres.* XXIV, 76.

рованная, патетическая натура,—Анфантэнъ и Контъ усвоивали идею *позитивнымъ* путемъ,—можно сказать,—политическимъ и политическимъ. И такъ какъ самая идея стояла въ естественномъ противорѣчii съ позитивнымъ характеромъ новой философіи,—Сенъ-Симонъ, вполнѣ послѣдовательно, долженъ былъ потерпѣть жесточайшіе удары своей личности и своему дѣлу—отъ обоихъ перво-священниковъ,—несмотря на несходное ихъ личное отношеніе къ нему.

Въ то время когда Контъ съ годами накоплялъ все болѣе глубокую ненависть противъ Сенъ-Симона,—редакторы *Производителя* проникались все болѣе горячими восторгамъ къ своему учителю.

Анфантэнъ сравнительно хладнокровно говоритъ о немъ въ письмахъ, хотя и съ глубокимъ уваженіемъ,—за то публично сенъ-симонисты не щадятъ никакихъ эпитетовъ. Начавъ излагать свое ученіе въ лекціяхъ,—они заявили свое неограниченное преклоненіе предъ Сенъ-Симономъ, поставили его рядомъ съ Сократомъ, провозгласили его жизнь идеаломъ: она полна жертвъ, униженій и въ то же время невозмутимаго спокойствія даже предъ лицомъ смерти^{***)}. Въ отвѣтъ на нападки враговъ,—они напечатали біографію своего учителя и объяснили общій смыслъ его философской дѣятельности.

Враги припоминали мало назидательную жизнь Сенъ-Симона и по ней желали произнести приговоръ доктринѣ. Сенъ-симонисты отвѣчали указаніемъ, что жизнь ихъ учителя—истинная эмблема его ученія, потому что она эмблема—*совершенствованія*,—и сенъ-симонисты восклицали: «человѣчество!—Сенъ-Симонъ—святой въ твоихъ глазахъ». Дальше излагалось его ученіе—въ очень общихъ чертахъ и больше всего мѣста отводилось восторгомъ предъ религіознымъ пророческимъ подвигомъ Сенъ-Симона,—предъ *Новымъ христіанствомъ* «философъ науки, законодатель промышленности»—явился «пророкомъ закона любви». Онъ слѣдуетъ за Моисеемъ и Иисусомъ Христомъ, онъ—«истинно-божественное существо».

Почти вся довольно длинная статья состоитъ изъ восклицаній и молитвенныхъ обращеній,—и до конца оставалось неизвѣстнымъ, въ чемъ заключалась «философія науки» у Сенъ-Симона, каковы были его законы для промышленности, и какая связь между философіей, за-

***) *Doctrine de Saint-Simon. Première année. P. 1831, 32—3.*

конодательствомъ и *новымъ христіанствомъ* ²²³⁾? Было ясно одно: ученики въ безграничномъ восторгѣ предъ своимъ учителемъ,—но какой же *сектъ* не свойственны восторги и для кого они могутъ быть убѣдительны?

Но на этомъ восторги не остановились. Послѣ *Изложенія доктрины* послѣдовали проповѣди, возникла іерархія—сначала «отецъ» и «глава» въ двухъ лицахъ, а потомъ одинъ *Père suprême*, температура чувства поднялась въ ущербъ логикѣ и Сень-Симонъ—соотвѣтственно іерархическимъ представленіямъ—украсился новыми цвѣтами краснорѣчія ²²⁴⁾. «Божественнымъ человѣкомъ» его называли вскорѣ послѣ возникновенія іерархіи,—теперь онъ окончательно превращается въ идеаль, его жизнь въ священный символъ, всякая черта его біографіи изображается самыми пышными красками—«славное нищенство», «возвышенныя уклоненія» въ поискахъ за истинной, «одинокое откровеніе». Это одиночество—удобный предлогъ прославить братьевъ Родриговъ, Олэндъ—«наслѣдникъ обѣтованія», «связь новаго общества съ Сень-Симономъ», Евгенийъ—первый, пока единственный, кого «новое человѣчество провозгласило святымъ устами нашихъ отцовъ» ²²⁵⁾.

Сопоставленіе Сень-Симона съ Иисусомъ Христомъ—обычно,—такъ же какъ сравненіе быстро чудеснаго роста сень-симонизма съ распространіемъ христіанства. Особенно картинно Родригъ рисуетъ успѣхи новой религіи, смотря на многочисленное собраніе слушателей сень-симонистскихъ бесѣдъ. Другіе думаютъ также: имя Сень-Симона становится великимъ среди людей. Во время собраній безпрестанно слышатся восторженныя восклицанія въ честь «учителя», создавшаго «новый міръ, новое человѣчество» ²²⁶⁾.

Но у Сень-Симона имѣется сильный конкуррентъ. По уходѣ Базара,—Анфантанъ является «верховнымъ отцомъ»,—и предме-

²²³⁾ *A un catholique sur la vie et le caractère de Saint-Simon, organisateur*, 19 mai 1830. Перелеч. въ *Doctrine*. Ib. 59—75.

²²⁴⁾ *Exposition de la doctrine*, редактируемое Базаромъ, начались 17 декабря 1828 года продолжалось весь слѣдующій годъ и начало 1830 го. Съ преобразованиемъ школы въ религію — открылись *Prédications* и продолжались до первыхъ мѣсяцевъ 1832 года, отражая внутреннія перемѣны въ іерархіи все болѣе горячимъ подъемомъ религіозной экзальтаціи. Намъ предстоитъ вернуться и къ *Exposition* и къ *Prédications*.

²²⁵⁾ *Prédications*. P. 1877—8. I, 38, 69, 492—7; II, 196, 391, 204 etc.

²²⁶⁾ *Not. hist.* III, 162, 181, 225; IV, 140; V, 168 etc.

томъ настоящаго культа для нѣкоторыхъ особенно очарованныхъ энтузіастовъ. Одинъ изъ проповѣдниковъ публично обращается къ нему съ такими словами: «я васъ обожаю, какъ высшее проявленіе Божества въ человѣчествѣ» ²²¹⁾. На него съ Сень-Симона переносится наименованіе *Révélateur*. Его считаютъ Христомъ въ новомъ воплощеніи. Гюставъ Эйхталь, послѣ *откровенія*, его осѣниваго, — умоляетъ Анфантэна, чтобы онъ объявилъ себя Мессіей и царемъ народовъ. Анфантэнъ, пока не явилась *женщина*, не рѣшается этого сдѣлать, но онъ дѣйствительно чувствуетъ себя первымъ на лѣстницѣ человѣческихъ существъ» ²²²⁾.

И Анфантэнъ на самомъ дѣлѣ былъ названъ публично «мессіей и царемъ народовъ». Сень-Симонъ отходилъ въ тѣнь, — и Эйхталь говорилъ о немъ, какъ объ ошибочно-предполагавшемся мессіи.

При такихъ условіяхъ нечего было ждать вниманія къ личнымъ идеямъ Сень-Симона и историческаго изученія его философіи и жизни. Въ идеяхъ его не было нужды, — Анфантэнъ развилъ теорію «живого закона». Это — *единичный человекъ, влекущий за собой человечество въ данную эпоху* ²²³⁾. Не могло быть сомнѣнія, что этотъ *loi vivante* воплощенъ въ Анфантэнѣ, — и воплощеніе всегда было на лицо, — и, по мнѣнію Родрига, сила его слова равнялась нагорной проповѣди. А сочиненія Сень-Симона были почти недоступны, — многія даже не напечатаны. Кому могла придти охота вести борьбу съ этимъ хаосомъ?

Охота пришла Родригу. Онъ слышалъ кругомъ, какъ нападавшіе на Анфантэна жаловались на вновь наставшее для нихъ безпріютное нравственное состояніе, какъ нѣкоторые намѣревались создать свою доктрину или найти новую. Самъ Родригъ не могъ не чувствовать себя глубоко оскорбленнымъ въ качествѣ обладателя настѣдїя. Ему оставалось только выдвинуть авторитетъ Сень-Симона противъ узурпатора, — и онъ рѣшаетъ издать сочиненія учителя. Опубликовать *все* сочиненія — онъ признаетъ своей *миссіей*, такъ онъ

²²¹⁾ *Ib.* V, 19 — Барро, одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ секты, литераторъ, вызывавшій въ аудиторіи припадки энтузіазма. Ср. *N. hist.* III, 230.

²²²⁾ *Ib.* VI, 184. Эпизодъ съ Эйхталемъ, безусловно искреннимъ и настолько незауряднымъ, что съ нимъ переписывался о сень-симонизмѣ и Милье, эпизодъ — одинъ изъ характернѣйшихъ въ исторіи релігіознаго сень-симонизма. Подробно — съ примѣчаніями Анфантэна — VI, 184 — 197.

²²³⁾ *Oeuvres.* XIV, 103, 110.

говорить въ обращеніи къ публикѣ, и, очевидно, на свое предпріятіе смотреть, какъ на орудіе борьбы противъ Анфантена и Базара— противъ базаровскаго индивидуализма и ориенталистическихъ доктринъ безсмысленнаго обожанія и чувственной пошлости, ослѣпляющихъ афантенистовъ. «Мнѣ, восклицаетъ Родригъ, вдохнуть энтузіазмъ сень-симонистскимъ апостоламъ!»²³⁰).

Задача Родригу предстала нелегкая. Чтѣ же онъ сдѣлалъ и въ какомъ состояніи оставилъ эту задачу для позднѣйшихъ издателей сочиненій Сень-Симона?

Врядъ ли можно указать писателя съ такой беспорядочностью публиковавшаго свои труды и чьи либо труды, пережившіе и переживающіе до нашихъ дней такую печальную судьбу, — какъ Сень-Симона и его произведенія. Въ то время, когда онъ страстно хлопочетъ о созданіи новой доктрины, считаетъ себя призваннымъ инициаторомъ этого исторически — необходимаго дѣла, усиленно старается познакомить съ своими идеями ученыхъ, — онъ нисколько не заботится объ ихъ распространеніи въ большой публикѣ. Эта публика будто не существуетъ, философъ относится къ ней съ пренебреженіемъ, вызвавшимъ неудовольствіе у Тьерри даже въ самомъ началѣ его знакомства съ «учителемъ». Первое — сочиненіе Сень-Симона — *Lettres d'un habitant de Genève*, въ высшей степени важное въ исторіи его идей, — считаемое даже, какъ мы видѣли, въ кругу сень-симонистовъ за первоисточникъ философіи Конта, — забывается авторомъ немедленно послѣ изданія и объ его существованіи даже «ближайшіе друзья» Сень-Симона узнаютъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти²³¹).

А между тѣмъ это сочиненіе надолго остается единственнымъ — *изданнымъ*, — хотя въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и безъ имени автора²³²).

²³⁰) *Preface* къ 1-му выпуску *Oeuvres de S.-S.* Перепеч. въ *N. hist.* VI, 41. „En ce moment l'orientalisme et les doctrines d'adoration stupide et de lâcheté sensuelle aveuglent tous les *Enfantainistes*. Ceux qui se sont séparés avec Bazard sont retournés à des travaux individuels“.

²³¹) Hubbart. 38. *Journal*. 12. „Нѣсколько лѣтъ“ — у Гюббара, по словамъ Родрига — *Письма* „были найдены“ въ концѣ 1826 года, т.-е. приблизительно чрезъ полтора года послѣ смерти Сень-Симона. — *Oeuvres* XV, 7—8.

²³²) Точная принадлежность *Писемъ* Сень-Симону была установлена въ 1868 году, когда нашелся экземпляръ съ собственноручнымъ письмомъ Сень-Симона къ Бонапарту, первому консулу, — перепечатано *Oeuvres*. XV, 8—9.

Послѣ *Писемъ* слѣдоваль *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*—въ двухъ томахъ, выпущенныхъ въ 1808 году, въ *два* экземплярахъ для раздачи членамъ института. Сочиненіе оставалось въ такомъ положеніи до 1859 года, когда сень-симонистъ Лемоннь перепечаталъ его въ *Oeuvres choisies. Введеніе*, представленное въ *Бюро домотъ*, встрѣтило крайне холодный приѣмъ и Сень - Симонъ послалъ шесть писемъ въ это учрежденіе и одно въ первый классъ института. Эти *Lettres au Bureau des longitudes* были напечатаны,—но до сихъ поръ не вошли ни въ одно собраніе сочиненій Сень-Симона.

Въ 1810 году выходитъ *Esquisse d'une nouvelle encyclopédie* и до такой степени основательно затеривается, что слѣдъ его едва отыскивають издатели *сочиненій Сень - Симона и Анфантона* — въ 1867 году,—когда сочиненіе впервые и перепечатывается.

Непосредственно слѣдуетъ *Nouvelle Encyclopédie*,—въ ней всего 28 страницъ: только въ 1868 году издатели *Oeuvres* находятъ нужнымъ перепечатать отрывокъ размѣромъ около страницы.

Фурнелю была извѣстна еще рукопись *Mémoire sur l'Encyclopédie*, ее онъ относитъ также къ 1810 году, — рукопись осталась не напечатанной и не найденной.

Фурнель не упоминаетъ вовсе о *Histoire de l'homme*,—57 страницъ, напечатанныхъ также въ 1810 году, изъ нихъ перепечатано только *Avertissement* въ 1868 году въ *Oeuvres*.

Дальше слѣдуетъ рукопись, относящаяся къ дѣлу Сень - Симона съ Редерномъ. Она возникла въ 1811 году, содержаніе ея — существенно въ философіи Сень-Симона,—и только въ 1867 году издатели *Oeuvres* покупаютъ случайно часть рукописи — и перепечатываютъ. Въ томъ же 1811 году возникаютъ *Lettres philosophiques et sentimentales*, содержащія многія основныя положенія доктрины, — и *Письма* остаются ненапечатанными. Въ распоряженіе позднѣйшихъ издателей попадаетъ только «*lambeau du manuscrit*».

Вообще вся переписка съ Редерномъ представляется въ хаотическомъ состояніи. Фурнелю, обладавшему многими рукописями Сень-Симона и по свѣжимъ слѣдамъ—въ 1833 году напечатавшему *Bibliographie* его произведеній,—извѣстенъ только *Mémoire introductif de M. de Saint-Simon sur la contestation avec M. de Redern*, напечатанный въ Алансонѣ въ 1822 году вмѣстѣ съ *нѣсколькими* пись-

мами. Но уже Лемоннье знаетъ, кромѣ этой *Записки*, еще три печатныхъ документа, также вышедшихъ въ 1812 году въ Алансонѣ: 1) *Cinq lettres de Saint-Simon, citées à la suite d'un mémoire de M. de Redern sur les anciennes relations avec M. de Saint-Simon*; 2) *Réponse de M. de Saint-Simon à M. de Redern, première lettre*; 3) *Réponse de M. de Saint-Simon à M. de Redern, seconde lettre*. Позднѣйшіе издатели изъ всѣхъ этихъ сочиненій перепечатали незначительную часть: изъ *Mémoire introductif* только общія разсужденія и притомъ съ пропусками; изъ *первому письму* и второго перепечатаны—краткіе *post-scriptum*'ы, въ нѣсколько строкъ. Оба эти письма были выпущены въ апрѣлѣ 1812-го года,—существовалъ еще *Отъѣтъ Сень-Симона*—отъ 25 іюля того же года не разрѣшенный къ печати, — изъ него издатели *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin* перепечатали только *Avant-propos* ²³³⁾.

Слѣдуетъ 1813-й годъ,—возникаютъ *Travail sur la gravitation universelle* и *Mémoire sur la science de l'homme*. *Travail* переписывается въ нѣсколькихъ копіяхъ для представленія императору, сенату, государственному совѣту и тремъ классамъ института,—точное количество копій неизвѣстно, *Mémoire*—появляется въ 60 копіяхъ. Оба сочиненія—первостепенной важности въ философіи Сень-Симона и въ исторіи позитивизма,—остаются ненапечатанными до 1858 года, когда ихъ издаетъ Анфантэнъ. Издатель позволяетъ себѣ, по его выраженію, «нѣсколько легкихъ пропусковъ» въ увѣренности, что Сень-Симонъ сдѣлалъ бы ихъ самъ. Въ Арсенальной библіотекѣ имѣется полная рукопись *Mémoire*'а, написанная рукой Анфантена и его же рукой сдѣланы «пропуски». Ихъ никоимъ образомъ нельзя назвать «*legères suppressions*», — и позднѣйшій историкъ напрасно повѣрилъ заявленію «верховнаго отца» и пользовался *его* текстомъ ²³⁴⁾. Тен-

²³³⁾ Издатель *Oeuvres choisies* и издатели *Oeuvres* различно указываютъ хронологию *отъѣттов*: Лемоннье относитъ ихъ къ 12 и 18 апрѣля, издатели *Oeuvres* къ 12 и 18 августа. Последнее указаніе слѣдуетъ считать достовернымъ, а первое — корректурнымъ недоразумѣніемъ. Въ *Oeuvres* напечатано письмо Сень-Симона къ Редерну отъ 20 іюня 1812 года: Сень-Симонъ заявляетъ, что онъ противъ воли дѣлаетъ зло Редерну,—онъ вынужденъ на это. Зло заключалось именно въ предположенномъ опубликованіи *Mémoire introductif*, на который Редернъ отвѣтилъ печатно — 8 іюля, — 25 іюля послѣдовалъ *отъѣтъ* Сень-Симона, запрещенный къ печати 23-го того мѣсяца, — и письма появились взаимно запрещеннаго отвѣта, — слѣдовательно въ августѣ.

²³⁴⁾ Weill. 54

стояло также имя Тьерри и, мы видѣли, молодому писателю принадлежало едва ли не большинство идей. Брошюрѣ посчастливилось и въ позднѣйшихъ изданіяхъ: ее перепечатали *Oeuvres* и *Oeuvres choisies*. Она даже самимъ Сень-Симономъ была издана второй разъ, — въ ноябрѣ 1814 года, — мѣсяцъ спустя послѣ перваго изданія ²³⁹⁾. Навсегда осталось утраченнымъ только письмо Сень-Симона къ Александру I, сопровождавшее брошюру. У Родрига была копія съ письма, сдѣланная самимъ Сень-Симономъ, Родригъ письмо не списалъ и не перепечаталъ, а подарилъ его двумъ дамамъ, матери и дочери, за внимательное попеченіе объ одномъ изъ сень-симонистовъ — передъ смертью ²⁴⁰⁾.

Въ томъ же 1814 году — въ концѣ ноября или въ началѣ декабря Сень-Симонъ послалъ письмо редакторамъ *Цензора* — Контю и Дюнуайе. — *Sur l'établissement du parti de l'opposition*. Оно появилось въ журналѣ въ январѣ слѣдующаго года ²⁴¹⁾. Письмо любопытно, какъ первая вполнѣ публицистическая статья философа; — оно не нашло мѣста ни въ одномъ изданіи его сочиненій. Въ *Oeuvres* напечатано только обращеніе къ редакторамъ. Сень-Симонъ, очевидно, придавалъ письму значеніе, — онъ выпустилъ его отдѣльной брошюрой.

Въ томъ же журналѣ и въ 1815 году появилась другая статья Сень-Симона, какъ продолженіе первой — *Projet d'une association des propriétaires de domaines nationaux* ²⁴²⁾. Фурнелю осталось неизвѣстной эта статья и не была перепечатана ни однимъ изданіемъ.

Въ февралѣ 1815 года появилась брошюра въ 4 страницы — *Prospectus d'un ouvrage ayant pour titre: Le Défenseur des propriétaires de domaines nationaux ou Recherches sur les causes du discrédit dans lequel sont tombées les propriétés nationales et sur les moyens d'élever ces propriétés à la même valeur que les propriétés patrimoniales*. Сень-Симонъ видимо замышлялъ обширное историко-экономическое и политическое изслѣдованіе, такъ какъ авторами его значились помимо самого Сень-Симона — еще «d'autres gens de lettres».

²³⁹⁾ Таковы свѣдѣнія библиогр. замѣтки въ *O. choisies*. III, 284.

²⁴⁰⁾ *Oeuvres*. XVIII, 5—6.

²⁴¹⁾ *Censeur*. 1815, III, 334—356.

²⁴²⁾ *Censeur*. 1815, IV, 10—31.

Prospectus остался неперепечатаннымъ и мы имѣемъ только изложене его съ довольно пространными выдержками въ *Цензуръ*. Можно думать, — журналъ, за самыми незначительными пропусками, перепечатать всю брошюру. Фурнель и *Oeuvres* даютъ планъ и условия подписки ²⁴³).

Въ мартѣ того же 1815 года Сень-Симонъ напечаталъ въ 200 экземплярахъ брошюру въ 8 страницъ—*Profession de foi des auteurs de l'ouvrage annoncé sous le titre de Défenseur de propriétaires de domaines nationaux, de la charte et des idées libérales, au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte*. Брошюра осталась не перепечатанной.

Въ томъ же мартѣ Сень-Симонъ выпустилъ брошюру въ 4 страницы—*Profession de foi des comte de Saint-Simon au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte*. Она перепечатана въ *Oeuvres choisies*.

Въ маѣ того же года Сень-Симонъ вмѣстѣ съ Тьерри напечаталъ брошюру въ 47 страницъ—*Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815*. Перепечатана въ *Oeuvres choisies*.

Въ августѣ 1816 года вышла брошюра въ 14 страницъ *Quelques idées soumises par M. de Saint-Simon à l'assemblée générale de la société d'instruction primaire*. Брошюра осталась не перепечатанной.

Въ томъ же году вышло объявление о *первомъ* томѣ сборника *L'Industrie scientifique liguée avec l'Industrie commerciale et manufacturière ou Opinions sur les finances, la politique, la morale et la philosophie, dans l'enterêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants*.

Первый томъ состоялъ изъ трехъ частей,—первая специальная—о финансахъ,—Сень - Обана, «ancien membre de Tribonat»,—вышла въ декабрѣ 1816 года, вторая — «политическая» — въ январѣ 1817 года, принадлежала Тьерри; третья—такъ же о финансахъ—безъ имени автора—въ февралѣ. Обѣ части о финансахъ остались не перепечатанными ²⁴⁴).

Въ апрѣлѣ того же года Сень - Симонъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ — въ 2 страницы: *Prospectus. L'Industrie, ou Discussions*

²⁴³) *Ib.* 352—364. *Oeuvres*. XVIII, 8.

²⁴⁴) Фурнель и 1-ю ч. 1-го тома относить къ 1817 году, когда вышло второе—общее—изданіе всѣхъ частей, составившихъ I томъ.

politiques, morales et philosophiques, dans l'interêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants, эпитафия: *Tout par l'industrie, tout pour elle*. Цензоръ перепечаталъ *Prospectus*, и *Oeuvres*—также. Послѣдовало полное изданіе *перваго тома* съ точной перепечаткой всѣхъ трехъ частей.

Второй томъ *Industrie* появился также въ 1817 году. Онъ состоялъ изъ 341 страницы, изъ нихъ издатели *Oeuvres* приписываютъ Сень-Симону — 105 страницъ, заключающія, помимо вступленія—*Déclaration de principes* и *Objet de l'entreprise*—*Письма къ американицу* ²⁴⁵⁾. Дальше слѣдовали разные извлечения — изъ чужихъ произведеній по финансовымъ вопросамъ, довольно обширный обзоръ Шапталя—*Des progrès de l'Industrie agricole et manufacturière en France depuis trente ans*. (157—284), потомъ, разсужденіе безъ имени автора *Lestros époques ou considérations sur l'état de la France depuis 1787* ²⁴⁶⁾. Разсужденію предшествуютъ *Considérations préliminaires*, а въ концѣ — *Conclusion*, — и то и другое издателями *Oeuvres* приписано Сень-Симону и перепечатано вмѣстѣ съ *Lettres à un Américain*.

Въ томъ же 1817 году Сень - Симонъ напечаталъ 4 циркуляра къ 4 тетрадямъ III-го тома *Industrie*. Первый циркуляръ — 3 страницы, перепечатано въ *Oeuvres* только *P. S.*, изъ 2-го перепечатанъ списокъ подписчиковъ; два послѣднихъ не указаны, — хотя они извѣстны Фурнелю и издателю *Oeuvres choisies*, но *Oeuvres* упоминаютъ о *письмѣ*, извѣстномъ только ихъ издателямъ и носившемъ тоже названіе 2-го циркуляра. Письмо было адресовано къ ученымъ перваго класса института и воспроизводило списокъ подписчиковъ.

Отъ того же 1817 года издателю *Oeuvres choisies* извѣстно письмо—*Saint-Simon à Chateau brillant*, т. е. Chateaubriand. О немъ не говорить Фурнель, хотя издатель знаетъ письмо по собранію Фурнеля, не упоминаютъ и издатели *Oeuvres*, хотя письмо находится въ руко-

²⁴⁵⁾ Дюнауэ заявлялъ, что эти письма — произведеніе молодого профессора философіи—Мэнъена,—утвержденіе, ни на чемъ не основанное и опровергаемое *автобиографическимъ* содержаніемъ некоторыхъ писемъ. Въ крайнемъ случаѣ Мэнъень могъ развѣ проредактировать форму писемъ, представляющихъ чужія впечатлѣнія и выводы на основаніи этихъ впечатлѣній. *Oeuvres de Charles Dunoyer*. P. 1870. II, 184.

²⁴⁶⁾ Въ *Oeuvres* говорится о подписи подъ *Les trois époques*—М^{***}, — въ нашемъ экземплярѣ въ текстѣ нѣтъ никакой подписи, и II т. *Industrie* не выходитъ вторымъ изданіемъ.

писи въ анфантѣновской залѣ Арсенальной бібліотеки, помѣченное, какъ и указываетъ Лемоннье, 17 іюня 1817 года.

Начиная съ сентября 1817 года по октябрь включительно вышли четыре тетради III-го тома *Industrie*. Мы указывали, — издателю *Oeuvres* приписываютъ редакціи Конта — три первыхъ тетради, — и перепечатываютъ четвертую, ошибочно называя ее на заглавномъ листѣ II-й томъ.

Въ октябрѣ того же года вышло 19 страницъ — *L'Industrie, première partie, premier cahier*. Фурнель приписываетъ редакцію этой тетради также Конту, издатели *Oeuvres* Сень-Симону, издатель *Oeuvres choisies* вовсе не знаетъ этой тетради, не упоминаетъ о ней ни въ своемъ *Notice bibliographique*, ни въ *Supplément* къ нему, хотя указаніе могъ бы заимствовать у Фурнеля. Въ *Oeuvres* эти 19 страницъ перепечатаны подъ заглавіемъ *Первая часть*, разумѣется — IV-го тома. Вторую часть составляетъ перепечатка — *L'Industrie, t. IV, premier cahier*, 160 страницъ, вышедшихъ въ концѣ мая 1818 года или въ началѣ іюня. Эта часть носить еще другое пространное заглавіе, резюмирующее содержаніе всей тетради¹⁴⁷⁾.

Этой тетради предшествовало письмо Сень-Симона къ редактору *Journal général de France*, перепечатанное Родригомъ и въ *Oeuvres*.

Непосредственно послѣ *L'Industrie* въ *Oeuvres* напечатаны отрывокъ — *Naissance du christianisme*. Издатели его относятъ къ 1818 или 1819 году, Губбаръ — напечатать его въ 1857 году какъ «дополненіе» къ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*, возникшимъ въ 1824 году или въ 1825 году, по указанію Фурнеля, Лемоннье и издателей *Oeuvres*. Издатели ничѣмъ не мотивируютъ свое приурочиванье отрывка къ болѣе раннему времени. Онъ не противорѣчитъ общему направленію идей Сень-Симона въ періодъ 1819—1821 годовъ и, мы видѣли, подтверждается сопоставленіемъ ихъ со взглядами Конта за это время. *Naissance du christianisme*

¹⁴⁷⁾ „Moyen constitutionnel d'augmenter les richesses de la France; d'accroître sa liberté au dedans; d'assurer son indépendance à l'égard de l'étranger, et de procurer aux industriels tous les avantages politiques qu'ils peuvent désirer. Moyen obtenir une loi qui mettra les industriels agricoles, à l'égard de leurs bailleurs de fonds, dans la même position que les industriels fabricants et commerçants, envers les personnes dont ils font valoir les capitaux“. Въ изданіи Родрига надъ всѣмъ заглавіемъ прибавленъ еще — *Vues sur la propriété et la législation*.

извѣстенъ только черезъ Гюббара. Лемоннье, перепечатывая *Opinions*, не далъ среди нихъ мѣста—*Naissance*.

Въ 1819 году Сень-Симонъ предпринялъ изданіе *Le Politique ou Essais sur la politique qui convient aux hommes du XIX siècle*, par une société de gens de lettres. Въ январѣ появился «первый выпускъ» въ XVII страницъ,—въ *Oeuvres* перепечатано только *Введение*. До апрѣля 1819 года Сень-Симонъ напечаталъ 12 выпусковъ. Сень-Симонъ не выполнилъ опубликованной программы, задуманной очень систематично. Онъ обѣщаль дать *шесть* опытовъ: объяснить мотивы изданія, изложить свой политическій принципъ, намѣтить путь издательскихъ работъ, высказать мнѣніе о пользѣ королевской власти въ социальной организаціи, о планѣ внѣшней политикѣ Франціи, и, наконецъ,—ислѣдованіе политическаго вопроса съ высшей точки зрѣнія, т.-е., что политика изъ гадательной должна стать позитивной наукой и отъ этого усовершенствованія политики зависить прекращеніе современнаго социального кризиса. Изъ этихъ предположенныхъ «опытовъ», имѣвшихъ составить *Введение*, явилось только два. Потому самый журналъ Сень-Симонъ предположилъ разбить на четыре части: чистую политику, литературную, научную и смѣсь. Съ пятаго выпуска это раздѣленіе прекратилось. Мы знаемъ, Контъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи и самому Сень-Симону принадлежали сравнительно немногія страницы. Онъ ихъ выпустилъ въ апрѣлѣ 1819 отдѣльными изданіями—*Le parti national ou industriel comparé au parti anti-national* и *Sur la querelle des abeilles et des frelons ou sur la situation respective des producteurs et des consommateurs non producteurs*. У Гюббара перепечатанъ еще отрывокъ подъ заглавіемъ—*Conditions nécessaires pour l'établissement solide de la liberté en France*,—но отнесенъ къ 1818 году, хотя у Фурнеля вполне точно указано время изданія *Политика*.

Въ маѣ, немедленно послѣ прекращенія *Политика*, Сень-Симонъ напечаталъ безъ подписи брошюру въ 10 страницъ — по поводу частнаго современнаго политическаго вопроса—*Considérations relatives à une pétition pour demander l'addition d'un article à la loi des finances*. Указаніе дано только издателями *Oeuvres* и брошюра осталась неперепечатанной. Въ августѣ Сень-Симонъ выпустилъ *Prospectus* другого полупериодическаго изданія *L'Organisateur*, напечаталъ его въ нѣсколькихъ периодическихкихъ изданіяхъ—не въ одной и той

же формѣ. *Oeuvres* перепечатаваютъ: *Prospectus* изъ *Минервы* и относительно самаго изданія оговариваются: «*Организаторъ*—изданіе, которое, можетъ быть, труднѣе всего среди другихъ изданій Сенъ-Симона собрать полностью, благодаря безпорядку, въ какомъ слѣдовали выпуски». Фурнелю неизвѣстенъ *Prospectus*.

Сенъ-Симонъ, дѣйствительно, оригинально выполнилъ свое новое предпріятіе,— началъ выпускать изданіе «извлеченіями» изъ незаконченныхъ статей. Первыя «извлеченія» вышли въ ноябрѣ 1819 года, вскорѣ вышло второе изданіе, дополненное «двумя важными письмами», въ декабрѣ третье, дополненное *Очеркомъ новой политической системы*.

Въ 1820 году вышелъ «второй выпускъ», гдѣ обѣщано въ теченіе *нѣсколькихъ дней* второе изданіе,—и оно вышло съ значительными дополненіями. На этомъ и закончилось изданіе—опять вопреки обѣщаніямъ издателя, объявившаго намѣреніе издавать *ежемесячно* по выпуску и къ концу года составить *три* тома. *Oeuvres* перепечатали всѣ изданія со всѣми дополненіями,—первое извлеченіе состояло изъ *Параболы*, перепечатывавшейся многократно и раньше и позже.

Парабола навлекла на автора процессъ, состоявшійся 20-го марта. Къ этому сроку Сенъ-Симонъ напечаталъ *Lettres a M. M. les jurés*: онѣ перепечатаны въ *Oeuvres choisies*.

Послѣ процесса Сенъ-Симонъ выпустилъ *Circulaire relative à l'Organisateur* въ три страницы. Объясняя недостаточность личныхъ средствъ, Сенъ-Симонъ приглашалъ всѣхъ, кто чувствуетъ себя призваннымъ основать философію XIX-го вѣка, *позитивную политику*,— подписаться на изданіе на условіяхъ общаго участія въ его направленіи и содержаніи. Циркуляръ не принесъ плодовъ,—и остался неизвѣстнымъ Фурнелю. Въ извлеченіи онъ перепечатанъ въ *Oeuvres*. Въ маѣ Сенъ-Симонъ издалъ брошюру въ 27 страницъ—*Sur la loi des elections*—по поводу проекта избирательнаго закона, внесеннаго въ палату послѣ убійства герцога Беррійскаго. Законъ имѣлъ въ виду дать рѣшительное политическое преобладаніе крупной собственности надъ мелкой. Обсужденіе закона началось 15-го мая, и это событіе Сенъ-Симонъ встрѣтилъ брошюрой. Она осталась неперепечатанной. Краткое содержаніе ея напоминаетъ Сенъ Симонъ въ сочиненіи *Du système industriel*,—мы имѣли подъ руками рукопись изъ Арсеналь-

ной библиотеки. Брошюра, мы увидимъ, въ высшей степени характерна для оцѣнки социальныхъ взглядовъ Сень-Симона въ раннюю эпоху ихъ развитія.

Затѣмъ слѣдоваль рядъ брошюръ. Всѣ онѣ возникли въ периодѣ съ іюня 1820 года по ноябрь 1821-го, — и въ февралѣ 1821 года вышла сначала первая часть, т.-е. первый сборникъ напечатанныхъ отдѣльно брошюръ подѣ заглавіемъ *Du système industriel* съ эпиграфомъ: «Dieu a dit: Aimez-vous et secourez - vous les uns les autres», съ предисловіемъ и со статьей *Adresse aux philanthropes*, которую одновременно авторъ издалъ отдѣльно.

Вторая часть — *Du système industriel* — составила также изъ брошюръ опубликованныхъ сначала каждая отдѣльно. Всѣ эти брошюры представляютъ обращенія Сень-Симона къ королю и къ представителямъ промышленности. У Фурнеля и въ *Oeuvres* подробно указано появленіе отдѣльныхъ брошюръ и сборниковъ. Въ *Oeuvres* перепечатаны *post-scriptum*'ы изъ брошюръ, не вошедшія въ общія изданія, одно очень важное сопроводительное письмо и разные примѣчанія. Издатели *Oeuvres* воспроизвели и обѣ первыя части *Du système industriel*, но опустили письмо à *Messieurs les ouvriers*, безусловно значительное въ развитіи социальной мысли Сень-Симона. Неизвѣстно также, по какимъ соображеніямъ издатели *Oeuvres* не перепечатали третьей части *Du système industriel*, — изъ трехъ брошюръ, всего 45 страницъ: онѣ вышли въ 1822 году — отъ января до іюня или іюля включительно. Въ томъ же 1822 году, въ январѣ, Сень-Симонъ напечаталъ брошюру *Des Bourbons et des Stuarts*, въ 16 страницъ. Она осталась не перепечатанной, содержитъ въ себѣ на одну треть выдержку изъ *Réorganisation de la société Européenne* (chap. V, l. 1), въ *Oeuvres choisies* дали о ней краткую замѣтку, перепечатывая ея продолженіе—*Suite à la brochure «des Bourbons et des Stuarts»*¹⁴⁸⁾.

Въ апрѣлѣ вышло изданіе *Du contrat social*. Здѣсь только предисловіе принадлежитъ Сень-Симону, остальное—сочиненіе Конта *Prospectus des travaux nécessaires pour réorganiser la société*, — въ послѣдствіи—*Système de politique positive*. Изданіе состояло всего изъ 50 отисковъ. Предисловіе Сень-Симона осталось не перепечатаннымъ, хотя

¹⁴⁸⁾ Родригъ неправильно относитъ эти брошюры къ 1823 году; *Producteur* IV, III.

и заслуживало этого по своему политическому и социальному содержанию. Мы пользовались рукописью Арсенальной библиотеки.

Съ декабря 1823 года начали выходить тетради новаго сочиненія—*Catéchisme des industriels*²⁴⁾. Вторая тетрадь появилась въ мартѣ слѣдующаго года, третья въ апрѣлѣ — контовская *Система позитивной политики*, четвертая въ июнѣ. Этотъ *Катихизисъ* былъ перепечатываемъ Родригомъ, Лемоннье и издателями *Oeuvres*. Значительныхъ вариантовъ между *Oeuvres* и *Oeuvres choisies* нѣтъ, но у Родрига не доставтъ цѣлой страницы изъ второй тетради, и всей четвертой. Лемоннье также опустил третью, какъ не сень-симонскую. Родригъ ко второй тетради прибавилъ *Appendices: Note sur les États-Unis; Sur Dunoyer et sur les autres publicistes modernes; Le libéralisme et industrialisme*. Первое *Appendice*—отрывокъ напечатанный Гиббаромъ въ 1857 году, какъ третье извлеченіе изъ *Индустрии*, гдѣ такого текста вовсе нѣтъ. Послѣдніе два *Appendices* перепечаны въ *Oeuvres* и опущены въ *Oeuvres choisies*. *Замѣтка о Соединенныхъ штатахъ* заслуживаетъ полнаго вниманія, она содержитъ одинъ изъ основныхъ параграфовъ социальной программы Сень-Симона и по духу дѣйствительно примыкаетъ къ идеямъ *Индустрии* о переимѣннѣ политическаго положенія земледѣльческой движимой собственности.

Катихизисъ остался незаконченнымъ. Въ началѣ 1825 года вышелъ сборникъ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*. Въ сборникѣ участвовали Леонъ Галеви, Родригъ, Дювержье, Бальи, Сень-Симону принадлежали двѣ статьи, обѣ перепечатаны въ *Oeuvres* и въ *Oeuvres choisies*²⁵⁾.

²⁴⁾ У Фурнеля—болѣе точное указаніе 23-го декабря выходъ первой тетради.

²⁶⁾ *Oeuvres*. XXXVII, 144. *Oeuvres* въ изд. Родрига, 1 вып. 164.

²⁵⁾ У Janet (O. c.) два мнѣнія на счетъ участія Сень-Симона въ *Opinions*: стр. 12: „*Les Opinions* où rien n'est de sa main“; стр. 171; „la moitié au moins est de Saint-Simon“. Здѣсь же авторъ смѣшиваетъ *Oeuvres* и *Oeuvres choisies*, ссылаясь на *Oeuvres choisies de Lemonnier*, tome XXXIX. Авторъ врядъ ли обратилъ сколько-нибудь пристальное вниманіе на *Oeuvres*, гдѣ издатели безпрестанно говорятъ о Лемоннье, какъ авторѣ посторонняго имъ изданія. Впрочемъ *Oeuvres* имѣли незавидную участь и у другихъ историковъ сень-симонизма,—напр. Henry Michel считая „le maniement des *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.*“—*fort incommode*, пользуется *Oeuvres choisies* и изданіемъ Родрига (L'Idée de l'Etat, P. 96. 172) Warschauer даетъ фантастическое распредѣленіе *Oeuvres*, относя 83 тома къ Авфантэну, 12 къ Сень-Симону

Наконецъ, въ мартѣ 1825 года Сень-Симонъ написалъ свое послѣднее произведеніе *Nouveau Christianisme*. Оно чаще всѣхъ другихъ перепечатывалось учениками Сень-Симона: въ январѣ 1832—Анфантаномъ, въ мартѣ того же года Родригомъ, позже Гюббаромъ, Лемоннье и въ *Oeuvres*.

Изъ нашего обзора выясняется доля труда каждаго изъ учениковъ Сень-Симона, желавшихъ познакомить общество съ идеями учителя. Несомнѣнно,—главная отвѣтственность должна падать на Родрига, съ особенной настойчивостью объявлявшаго себя единственнымъ непосредственнымъ ученикомъ Сень-Симона. И онъ, по видимому, сознавалъ значеніе своей миссии, какъ распространителя произведеній своего учителя. Но выполненіе осталось далеко позади сознанія.

Родригъ умеръ 17 декабря 1851 года, а началъ издавать сочиненія Сень-Симона въ началѣ 1832 года,—слѣдовательно у него было въ распоряженіи около *двадцати* лѣтъ. За это время онъ ни на минуту не забывалъ о своемъ званіи сень-симониста. Въ послѣдній разъ по поводу февральской революціи онъ обнаружилъ по истинѣ рацарственную энергію, обратился даже къ биржѣ съ проповѣдью союза между буржуазіей и народомъ. Проповѣдь, разумѣется, не имѣла успѣха,—но Родригъ отнюдь не палъ духомъ и продолжалъ работать надъ развитіемъ рабочихъ обществъ взаимопомощи. Смерть его застала вѣрующимъ и юношески-дѣятельнымъ.

И тѣмъ не менѣе энергія осталась непремѣнной къ самому цѣлесообразному доказательству сень-симонистскаго усердія,—къ изданію произведеній Сень-Симона. Родригъ ограничился двумя выпусками, располагая сочиненія совершенно случайно, несообразуясь ни съ ихъ значеніемъ, ни съ ихъ хронологіей, видоизмѣняя текстъ и перепечатывая только часть сочиненія. Такая участь постигла *Катихизисъ промышленниковъ* и *Организаторъ*, изъ котораго перепечатано только первое извлеченіе подъ именемъ *Параболы. Инду-*

2 въ Базару (Geschichte des socialismus und neueren Kommunismus. Saint-Simon und der saint-simonismus. Leipzig 92. 108.). Въ дѣйствительности—Сень-Симону посвящена только часть 1-го тома въ *Notices historiques*. Изъ 11 томовъ сочиненій Сень-Симона часть XXXIX-го занята произведеніемъ Оланда Родрига *L'Artiste, le Savant u l'Industriel* и весь XXXVIII-й отданъ контовской *Системѣ позитивной политикѣ*. А 2 тома *Exposition de la doctrine* вовсе не „betreffen Bazard“,—какъ автора.

стрія потерпѣла еще болѣе рѣзкое сокращеніе,—изъ нея перепечатана только первая тетрадь IV-го тома, т.-е по распределенію *Oeuvres*, вторая часть этого тома, появившаяся въ 1818 году. Полностью Родригъ далъ только два значительныхъ сочиненія Сень-Симона—*первое* и *последнее*—*Письма Женевскаго обывателя* и *Новое христіанство*. Но за то Родригъ перепечаталъ свои обращенія къ публикѣ и къ сень-симонистамъ и свою статью о бракѣ и разводѣ.

Сень-симонистское наследство Родригъ завѣщалъ Гюббару, одному изъ своихъ сотрудниковъ по обществамъ взаимопомощи. Въ 1857 году Гюббаръ издалъ книгу *Saint-Simon, sa vie et ses travaux*. Составленіе книги началось еще при жизни Родрига,—онъ снабжалъ Гюббара всевозможными указаніями и передалъ ему рукописи Сень-Симона. Біографія, написанная Гюббаромъ, дѣйствительно представляетъ большую цѣнность и можетъ считаться *первоисточникомъ* біографическихъ свѣдѣній о Сень-Симонѣ,—наравнѣ съ *Notices historiques*, Гюббаръ кромѣ того перепечаталъ цѣликомъ первое и последнее сочиненіе Сень-Симона и рядъ отрывковъ изъ другихъ произведеній. Два изъ нихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ другихъ изданій—упомянутый выше отрывокъ изъ *Политика* и еще болѣе любопытный—изъ *Réorganisation de la société européenne*. Гюббаръ помѣщаетъ его какъ «второе извлеченіе» изъ этого сочиненія, намъ извѣстно цѣликомъ *Réorganisation* и здѣсь мы не находимъ ничего похожаго на текстъ у Гюббара. Можно думать,—текстъ этотъ *сводный*—такъ же какъ и *Lettres aux Américains*, напечатанныя тѣмъ же Гюббаромъ какъ отрывокъ изъ *Индустрія* и также не имѣющіяся въ этомъ сочиненіи. *Lettres* составлены изъ отрывковъ *Писемъ къ американцу*—изъ перваго и втораго. Кто сдѣлалъ сводъ? Можетъ быть у самого Сень-Симона была готова подобная рукопись, можетъ быть Родригъ составлялъ текстъ *Писемъ*, по обыкновенію, не останавливаясь предъ сокращеніями, труднѣе всего предположить самостоятельную работу Гюббара. Такого же происхожденія и отрывокъ изъ *Réorganisation* подъ заглавіемъ *Profession de foi des fondateurs de la politique positive*: онъ представляетъ конспектъ политико-философскихъ взглядовъ Сень-Симона. Остальные отрывки у Гюббара не представляютъ интереса—послѣ позднѣйшихъ изданій сочиненій Сень-Симона. Во всякомъ случаѣ, нельзя при-

знать, чтобы книга Гюббара выполнила даже приблизительно «миссію» Родрига.

Годъ спустя появилось изданіе Анфантэна *Mémoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation*. На поприщѣ издателя выступалъ самый шумный «сень-симонистъ», — и первымъ же шагомъ обнаружилъ характеръ своего сень-симонизма, приспособляя сочиненіе Сень-Симона къ своимъ личнымъ идеямъ. Анфантэнъ оставался на первомъ мѣстѣ съ своимъ собственнымъ одновременно издаваемымъ произведеніемъ—*Science de l'homme, physiologie religieuse*.

Болѣе цѣнныхъ приобретеній слѣдовало ожидать отъ Лемоннье, предпринявшаго изданіе *Избранныхъ сочиненій* Сень-Симона. Они вышли въ трехъ томахъ въ 1859 году. Здѣсь дѣйствительно впервые появилось *Introduction aux travaux scientifiques*, выущенное Сень-Симономъ всего въ 100 экземплярахъ, перепечатанъ въ подлинномъ видѣ *Mémoire sur la science de l'homme* и политическія брошюры. Но Лемоннье крайне жестоко отнесся къ *соціальнымъ* произведеніямъ Сень-Симона, считая себя его послѣдователемъ въ философіи. Онъ перепечаталъ лишь нѣсколько отрывковъ изъ *Организатора*, *индустриальной системы* и изъ *Катихизиса промышленниковъ*. Въ результатѣ Сень-Симонъ—позитивистъ и политикъ былъ представленъ удовлетворительно, но Сень-Симонъ, социальный реформаторъ,—еще ждалъ издателей. Сообразно съ этимъ распредѣленіемъ составленъ и *Essai sur les oeuvres et la doctrine de Saint-Simon*, помѣщенный въ главѣ перваго тома. Соціальному вопросу изъ 105 страницъ отдано около шестидесяти. Въ заключеніе говорилось, что въ 1825 году, по смерти Сень-Симона большинство его послѣдователей «весьма совершеннымъ» знало его ученіе, никто, за исключеніемъ Родрига «не подобирывалъ ни ея объема, ни ея глубины». Но, во-первыхъ, врядъ ли похвала эта заслужена Родригомъ, а потомъ *объемъ* доктрины оставался въ неизвѣстности и послѣ упрека—по самой основательной причинѣ. Издатель говорилъ, что Сень-Симонъ первый «поставилъ на настоящую почву» *соціальный вопросъ*,—а какъ онъ это сдѣлалъ, читателю предоставлялось въ сильной степени догадываться—за недоступностью данныхъ для сужденія²⁵²).

²⁵² Essai. LVII, — LXIII; CI, LVIII.

Наконецъ, 31 августа 1864 года умеръ Анфантэнъ. Въ завѣщаніи онъ распорядился учредить сень-симонистскій архивъ— съ цѣлью «распространенія нашей вѣры, пользованія моими сочиненіями». Такъ говорилъ «верховный отецъ», оставшійся для нѣкоторыхъ «дорогимъ учителемъ» до самой своей смерти ²⁵³), онъ подчеркивалъ *свою* вѣру и *свои* сочиненія. Архивъ онъ завѣщалъ Арсенальной библіотекѣ, гдѣ нѣкоторое время служилъ Сень-Симонъ и запретилъ открывать его публикѣ до истеченія тридцатилѣтняго срока послѣ его смерти. А пока душеприказчики должны были издать его сочиненія, а также Сень-Симона вмѣстѣ съ историческимъ обзоромъ судебъ сень-симонизма, въ сущности—вмѣстѣ съ біографіей Анфантэна.

Душеприказчики выпустили первый томъ въ 1865 году и издавъ до 1867 года 13 томовъ *Notices historiques* приступили къ сочиненіямъ Сень-Симона и Анфантэна. Въ *Notices* Сень-Симонъ занялъ всего часть перваго тома,—а что касается его сочиненій, издатели заявляли: «Мы намѣрены не столько перепечатывать сочиненія Сень-Симона, сколько *приготовить* полное изданіе ихъ. Недостаточный порядокъ, въ которомъ были представлены публикѣ многочисленныя произведенія этого великаго мыслителя, несомнѣнно, весьма затруднилъ бы задачу будущихъ издателей. Мы желаемъ одновременно перепечатать его главныя сочиненія и облегчить, можетъ быть, непреодолимыя затрудненія для тѣхъ, кто подобно намъ не присутствовалъ при народженіи соціальной мысли; съ каждымъ днемъ развивавшейся въ сердцѣ Сень-Симона» ²⁵⁴).

Издатели, дѣйствительно, дали цѣнныя бібліографическія указанія,—но именно эти указанія и свидѣлствуютъ о неудовлетворительности всего изданія. Мы видѣли, сколько произведеній Сень-Симона осталось или вовсе неперепечатанными или перепечатанными только частью. А между тѣмъ,—отдѣльныя изданія можно считать—въ большинствѣ случаевъ—ненаходимыми или недоступными.

Каждому, занимающемуся вопросомъ о сень-симонизмѣ, естественно обратиться прежде всего къ анфантэновскому архиву въ Арсенальной библіотекѣ. Онъ, согласно завѣщанію Анфантэна, от-

²⁵³) *Not. hist.* XIII, 248—257.

²⁵⁴) *Oeuvres.* XV. *Avertissement.*

крыть съ 1894 года. Два изслѣдователя, упомянутые нами, уже воспользовались доступомъ, Charléty и Weill, оба остались разочарованными, — и вполне основательно. «Fonds Enfantin» до сихъ поръ ²⁵⁵⁾ пребываетъ въ хаотическомъ состояніи. Правда, существуетъ рукописный каталогъ, но онъ представляетъ простую перепись переплетенныхъ томовъ, — безъ всякаго отношенія къ ихъ содержанию, — за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на томъ стоитъ какое-либо заглавіе. Но заглавія эти чаще всего не даютъ опредѣленныхъ указаній: *Religion saint-simonienne, Pièces diverses, Dissidents*, — таковы обозначенія томовъ, нерѣдко заключающихъ *одни и тѣ же* документы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Очевидно, бумаги переплетались *горстями* — съ самой поверхностной классификаціей. Переплеталь Анфантэнъ, — это видно изъ его предсмертнаго распоряженія — послѣднюю переплетенную книгу доставить въ Арсенальную бібліотеку ²⁵⁶⁾). Почти всѣ сохраненные имъ документы относятся къ исторіи анфантэнизма, а не сенъ-симонизма. Среди рукописей, не разобранныхъ, но любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе администраціей бібліотеки, крайне мало — *сенъ-симоновскихъ* документовъ. Имѣются списки писемъ Сенъ-Симона изъ Америки, два собственноручныхъ письма — одно — неизданное — къ неизвѣстному лицу отъ 1814 года (F. E. 359), другое къ первому консулу (F. E. 603). Послѣднее намъ не удалось видѣть въ виду его безвѣстнаго отсутствія изъ бібліотеки ²⁵⁷⁾). Наконецъ, рукописи, упомянутыя нами выше. Но въ этомъ собраніи очень мало отдѣльныхъ изданій сочиненій Сенъ-Симона, и тѣ большею частью погребены въ томахъ среди совершенно посторонняго матеріала. Первымъ дѣломъ классификаціи должно быть уничтоженіе анфантэновскихъ переплетовъ и цѣлесообразная сортировка книгъ, брошюръ, отдѣльныхъ печатныхъ листовъ.

Насколько бѣдна бібліотека матеріалами относительно Сенъ-Симона, настолько богата документами, имѣющими какую-либо связь съ анфантэновскимъ сенъ-симонизмомъ. Собрана обширная періодическая и неперіодическая литература изъ религіознаго періода новой философіи. Цѣлые томы посвящены перепискѣ миссіонеровъ,

²⁵⁵⁾ До августа 1899 года.

²⁵⁶⁾ *Not. hist* XIII, 243.

²⁵⁷⁾ Оно приложено къ тому, содержащему *Lettres d'un habitant de Genève*.

«апостольству» женщинъ, т.-е. исторія ихъ проповѣднической, журнальной и просто литературной дѣятельности. Этотъ вопросъ можно считать обставленнымъ съ исключительной роскошью — всевозможными свидѣтельствами. *Анфантэнъ* и *женщина* занимаютъ центральныя положенія въ архивѣ такъ же какъ и въ самомъ сенъ-симонистскомъ движеніи, начиная съ тридцатыхъ годовъ. Удовлетворительно представлена и третья—практическая—сторона этого движенія,—финансовыя предпріятія сенъ-симонистовъ, часто не имѣющія никакого отношенія къ философскому раскрытію идей Сенъ-Симона. Многими данными изъ этого матеріала намъ предстоитъ воспользоваться — для изображенія общественнаго положенія сенъ-симонизма и для объясненія своеобразной судьбы имени и дѣла Сенъ-Симона въ общей и научной литературѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Мы видимъ, — это положеніе не могло быть выгоднымъ съ самаго начала. Ученики Сенъ-Симона сдѣлали все посильное, чтобы подорвать всякій *философскій* авторитетъ его идей и до послѣдней степени дискредитировать его личность. Напрасно Анфантэнъ, удаляясь со своими послѣдователями въ свое имѣніе Менильмонтанъ, провозглашалъ целибатъ своей церкви—въ ожиданіи «женщины-мессіи», напрасно эта церковь дѣйствительно не нарушала правилъ христіанской морали,—она теперь непоправимо стала предметомъ всеобщаго осмѣянія и часто искренняго гнѣвнаго презрѣнія. Карикатуры, памфлеты, гражданскія и христіанскія изобличенія сыпались со всѣхъ сторонъ—въ Парижѣ и въ провинціи. Анфантэнъ тщательно собиралъ эту литературу, не исключая и карикатуръ,—и завѣщалъ потомству удручающее свидѣтельство о жестокой казни, какую производило общественное мнѣніе надъ «верховнымъ отцомъ», надъ «*Bouffantín'омъ*», надъ «*Femme libre*». Журнальные листы и отдѣльныя афиши нерѣдко украшены одновременно и карикатурами на «*Capacités saint-simoniennes*» и—ради вящаго назиданія—такой же карикатурной біографіей и характеристикой Сенъ-Симона. Публика и печать не отдѣляла анфантэновскаго «фарса», съ особымъ вновь изобрѣтеннымъ костюмомъ отъ личности и философіи Сенъ-Симона и Анфантэнъ, изображаемый съ шутовской побрякушкой въ рукахъ,—являлся, въ глазахъ большинства, подлиннымъ представителемъ сенъ-

¹¹⁹) *Not. hist.* VII, 1.

симонистской школы. Судебный процесс возникшій противъ «церкви», предъявившій ей, между прочимъ, обвиненіе въ оскорбленіи общественной нравственности и окончившійся присужденіемъ Анфантэна къ году тюремнаго заключенія и къ ста франковъ штрафа,—окончательно закрѣпилъ репутацію сенъ-симонизма—и въ его первоисточникѣ и въ дальнѣйшихъ «дополненіяхъ»²⁵⁹).

Провѣрить справедливость этого приговора—значило приступить къ внимательному изученію сочиненій Сенъ-Симона. Но, мы знаемъ, ученики не позаботились облегчить этотъ трудъ для тѣхъ, кому были не по силамъ библиографическія поиски. Усиленно пользуясь именемъ учителя и созидая на этомъ имени зданіе, совершенно чуждое первоисточнику сенъ-симонизма,—они пресѣкли прямую дорогу къ этому первоисточнику. Ненависть Конта и мессіанство Анфантэна, поощренное Родригомъ,—могли надолго и невозбранно утверждать легенду о Сенъ-Симонѣ и его ученіи—на мѣсто исторіи. И не столько была страшна легенда сама по себѣ, сколько ея косвенное вліяніе на судьбу сенъ-симонизма въ исторіи философской и соціальной мысли. Въ лучшихъ случаяхъ она могла вызвать пренебреженіе, предвзятое отрицательное представленіе о дискредиторованномъ предметѣ. Мы увидимъ,—только къ концу XIX-го вѣка недоразумѣніе начало отступать предъ болѣе вдумчивымъ и безпристрастнымъ судомъ на каждомъ шагѣ стремясь отвоевать свое долготѣнее вліяніе.

²⁵⁹) *Procès*. F. E. 341. Собраніе афишъ, каррикатуръ и пр.—F. E. 2040 bis.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

На основаніи автобіографическихъ признаній Сень-Симона предъ нами достаточно выяснилась его личность. Это, несомнѣнно,—природа менѣ всего философская въ общеупотребительномъ смыслѣ. Контъ, мы знаемъ, отрицалъ именно это достоинство у своего учителя. Здѣсь Контъ нашель многочисленныхъ единомышленниковъ. Въ литературѣ о Сень-Симонѣ стало общимъ мѣстомъ—укорять его въ *смуть* мышленія, въ *китучемъ* состояніи его головы, въ крайней беспорядочности его сочиненій. Онъ никогда не былъ способенъ написать книгу, сочинялъ только планы и программы, предлагалъ публикѣ отрывки—туманныя и безсвязныя. Такъ думаютъ не только ученики Конта, въ родѣ Литтре, но и ихъ противники, съ ними согласенъ редакторъ *Европейскаго цензора*, въ томъ же смыслѣ выражаются и позднѣйшіе историки ¹⁾).

Сень - Симонъ и самъ отнюдь не заблуждался насчетъ достоинствъ — не своихъ идей, — а своихъ сочиненій, откровенно сознавался, что онъ «научился думать съ трудомъ» и не признаетъ тѣхъ, для кого мышленіе становилось легче сообразно съ лѣтами. Такіе люди, по мнѣнію Сень-Симона, занимаются только пустяками и ихъ работы способны скорѣе притупить челоуѣческой умъ, чѣмъ двинуть его впередъ ²⁾).

Ученики Сень-Симона также не могли отрицать трудности пониманія идей своего учителя. И это обстоятельство сослужило немалую службу обоимъ противоположнымъ лагерямъ сень-симонист-

¹⁾ Littré, 80, 87; Pellarin, 140 Janet—*Revue des deux Mondes*, I. c. 614—5; Dupoyet. *Notices de l'économie sociale (Oeuvres. II)*. 183. Levasseur *Histoire des classes ouvrières*. P. 67. I, 493.

²⁾ *Oeuvres*. XL, 10—11.

скаго толка. Конть могъ блестяще примѣнять свой систематизирующий умъ къ отрывочнымъ мыслямъ учителя, а Анфантэнъ — дополнять и объяснять ихъ по влеченю собственнаго вкуса.

На самомъ дѣлѣ,—философія Сень-Симона страдаетъ не столько отъ неясности и смуты его представлений, сколько отъ вгѣпательства основной не логической способности мыслителя—воображенія, каждую минуту наклоннаго къ экзальтаціи. Основныя положенія сень-симоновскаго сень-симонизма—точны и опредѣленны,—но путь ихъ развитія безпрестанно прерывается и уклоняется въ сторону подъ вліяніемъ паэоса, чувства, подчасъ просто прихотливаго настроя.

Сень-Симонъ—по рожденію *grand seigneur* и по натурѣ чловѣкъ XVIII-го вѣка,—изъ этихъ данныхъ и складываются всѣ отрицательныя черты его литературной дѣятельности. По поводу нѣкоторыхъ его посягательствъ на открытія въ области опытныхъ наукъ, неоднократно произносилось жестокое слово «шарлатанство»^{*)}. И, несомнѣнно, такіе эпизоды, какъ, напримѣръ, полемика съ Лапласомъ на почвѣ астрономіи—могли вызвать подобное впечатлѣніе. Но о томъ же Лапласѣ Сень-Симонъ, свободный отъ экзальтаціи, выразался съ величайшей почтительностью и тотъ же Сень-Симонъ современемъ вовсе оставилъ экскурсіи въ мало знатомыя ему сферы. Его дѣйствія въ сущности были не шарлатанство, а плодъ его аристократическихъ наклонностей и привычекъ. У Мольера среди многихъ смѣшныхъ чертъ большого барина указывается одна, особенно яркая. Карикатурный аристократъ говоритъ про себя: «*Les gens de qualité savent tout sans avoir jamais rien appris*». Такъ и Сень-Симонъ нерѣдко полагалъ возможнымъ овладѣть сущностью науки съ одного геройскаго натиска на ея «последнія слова», т.-е. на обобщенія и новѣйшія теоріи. Этому неумѣстному героизму въ сильной степени помогалъ и философскій духъ времени.

Мы знаемъ, какъ легко разрѣшались труднѣйшія научныя и нравственныя задачи для писателей XVIII-го вѣка. Часто достаточно было одного «страннаго факта» или мнимаго, но очень интригующаго открытія, чтобы создать самую смѣлую гипотезу и начертать обширную программу выводовъ. Нельзя ни на минуту забывать из-

^{*)} Dunoyer. 185. Janet. 607.

вѣстнаго намъ психологическаго и культурнаго состава—*esprit philosophique* — для вѣрнаго представленія о личности Сень-Симона,— все равно какъ его произведенія, особенно раннія, безпрестанно напоминаютъ намъ идейное развитіе этого «духа».

Сень-Симонъ родился 17 октября 1760 года ¹⁾, принадлежалъ къ той самой фамиліи, изъ которой происходилъ герцогъ и перъ, авторъ знаменитыхъ *Записокъ*. Въ одномъ изъ обращеній къ Наполеону онъ называетъ себя его «соусинъ» ²⁾, въ автобіографіи рассказываетъ, что къ нему должны была перейти по наслѣдству отъ герцога — пятьсотъ тысячъ ренты, перство, титулъ французскаго герцога и испанскаго гранда. Но отецъ его поссорился съ герцогомъ и «я, говоритъ Сень-Симонъ, потерялъ титулы и богатство герцога, но наслѣдовалъ его страсть къ славѣ» ³⁾. Герцогъ Сень-Симонъ велъ свое происхожденіе отъ Карла Великаго, — и философъ усвоилъ это преданіе со всей стремительностью своей экзальтаціи.

Отецъ его отличался характеромъ суровымъ и деспотическимъ ⁴⁾, былъ правовѣрный католикъ, но сыну своему вознамѣрился дать воспитаніе въ духѣ времени. Точнѣе, духъ этотъ явился независимо отъ воли стараго графа, имѣвшій съ Даламберомъ, которому было поручено общее направленіе воспитаніемъ будущаго философа. Программу выполняли множество учителей. «Меня заваливали учителями, говоритъ Сень-Симонъ, — не давая мнѣ времени подумать о томъ, что они мнѣ преподавали. Въ результатъ,—сѣмена науки, воспріятыя моимъ умомъ, могли взойти только много лѣтъ спустя послѣ посѣва» ⁵⁾. Роль Даламбера Сень-Симонъ, къ сожалѣнію, характеризуетъ кратко и не совсемъ ясно. Даламберъ сплелъ ему такую

¹⁾ Ошибочное указаніе—17 апрѣля въ *Exposition de la doctrine*, повторенное во всѣхъ трехъ изданіяхъ (3-е, стр. 63).

²⁾ *Oeuvres*. XV, 143.

³⁾ Сень-Симонъ ошибается: поссорился съ герцогомъ не отецъ его, а дѣдъ, женившись безъ позволенія герцога. Разсказъ объ этомъ въ *Mémoires de Saint-Simon*. Ср. Weill, I. L. Stein называетъ отца философа сыномъ „знаменитаго герцога“—по странному недосмотру: авторъ пользовался сочиненіями Сень-Симона въ изданіи Родрига и, слѣдовательно, автобіографическими отрывками. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*. Leipzig. 1850. I, 133.

⁴⁾ „Dur et violent“,—выражается Мишле, пользовавшійся устными свидѣніями о Сень-Симонѣ. *Hist. du XIX s.* I, 86.

⁵⁾ У Гюббара, 10—11.

метафизическую сѣть, что ни одинъ важный фактъ не могъ проскользнуть.

Это, повидимому, должно означать, что Даламберъ приучилъ молодой умъ къ систематическому и философскому осмысливанью явлений, прикрѣпилъ его идеи къ реальной опытной почвѣ. Является страннымъ выраженіе — *un filet métaphysique* — въ положительномъ смыслѣ,—страннымъ въ устахъ принципиальнаго врага метафизики. Но именно здѣсь и сказалось воспоминаніе объ урокахъ Даламбера. Математикъ, какъ и нѣкоторые другіе философы XVIII-го вѣка, на примѣръ Вольтеръ, подъ именемъ *метафизики* разумѣлъ — *психологию*, не отнимая у нея и общаго значенія. Даламберъ называетъ метафизику «основой нашихъ знаній»: только въ ней одной слѣдуетъ искать «строгихъ и точныхъ» обозначеній вещей. Такая метафизика ничто иное, какъ «опытная физика души»⁹⁾.

Слѣдовательно,—Даламберъ познакомилъ Сенъ-Симона съ основными законами мышленія, съ логическими требованіями истины, съ научными методами изслѣдованія. Все это ученикъ могъ слышать,—но ни возрастъ, ни темпераментъ не позволили ему остаться въ предѣлахъ вдумчивой, строго-осмотрительной мысли энциклопедиста. Сенъ-Симонъ естественно больше склонялся къ крайнему направленію современной философіи,—открыто воинственному и материалистическому. Это ярко обнаружится въ первыхъ его произведеніяхъ. Пока въ тринадцать лѣтъ онъ отказывается отъ причастія, заявляя отцу, что у него для этого обряда нѣтъ полной вѣры¹⁰⁾. Въ отвѣтъ отецъ запираетъ сына въ одну изъ самыхъ суровыхъ парижскихъ тюремъ—св. Лазаря. Сенъ-Симонъ сначала попытался убѣдить стража—выпустить его, а потомъ, получивъ отказъ, вступилъ съ нимъ въ единоборство, ранилъ его, завладѣлъ ключами и бѣжалъ къ теткѣ. Та постаралась возстановить семейный миръ¹¹⁾.

⁹⁾ *Disc. prélim.* B. Nat. 100—2.

¹⁰⁾ *N. hist.* II, 123.

¹¹⁾ У Гюббара рассказано еще два случая доказывающихъ силу воли молодого Сенъ-Симона: укушенный бѣшеной собакой—онъ рѣшилъ застрѣлиться при первыхъ признакахъ бѣшенства; заставилъ во время своей игры проѣзжаго свернуть съ пути, легши поперекъ дороги. Факты, несомнѣнно, идущіе отъ Родрига и представляють извѣстный интересъ въ виду крайне скудныхъ свѣдѣній о жизни Сенъ-Симона, особенно объ его молодости.

Шестнадцати лѣтъ Сень-Симонъ, какъ аристократъ, поступилъ въ военную службу ¹²⁾. Въ 1779 году онъ, наскучивъ гарнизонной службой и, несомнѣнно, увлеченный идеями свободы и равенства, отправляется въ Америку, участвуетъ здѣсь въ пяти походахъ, между прочимъ—подъ начальствомъ Вашингтона. Американцы награждаютъ его орденомъ Цинцинната, онъ дѣйствительно обнаруживаетъ блестящую храбрость, принимаетъ участіе при осадѣ Нью-Йорка, при капитуляціи генерала Корнваллиса, получаетъ двѣ раны, претерпѣваетъ даже кратковременный плѣнъ, вообще дѣйствуетъ съ такой энергіей, что дѣйствительно получаетъ право — называть себя впоследствии однимъ изъ основателей американской свободы ¹³⁾.

Изъ этого періода у насъ два письма Сень-Симона къ отцу ¹⁴⁾. Первое письмо — отъ 20 февраля 1782 года. Оно ярко отражаетъ нѣжныя семейныя чувства автора, онъ огорченъ продолжительнымъ молчаніемъ родныхъ, самъ не пропускаетъ ни одного случая—извѣщать ихъ о себѣ. Онъ озабоченъ также огорченіями, какія причинялъ отцу «въ молодости», теперь всѣми силами онъ старается вернуть его «дружбу» и общается также поступать и на будущее. Онъ раскаивается въ потерянномъ времени и непремѣнно возмѣститъ его. Зная бережливость отца и помня, что онъ—старшій изъ восьми его дѣтей, — Сень-Симонъ отдаетъ отчетъ въ своихъ расходахъ, увѣряетъ отца, что онъ не позволяетъ себѣ «никакой фантазіи», опять переходитъ къ «мольбамъ»—не поступать съ нимъ такъ сурово, почтаще писать ему. О томъ же онъ проситъ братьевъ и сестеръ. Письмо заканчивается такъ: «Умоляю васъ, верните вашему сыну, который такъ нѣжно любитъ васъ, ваше уваженіе и вашу дружбу и вы сдѣлаете его счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей».

¹²⁾ Въ 1776 году,—говоритъ онъ, въ послужномъ спискѣ съ 15 января 1777 г. онъ значится подпоручикомъ, въ Турэнскомъ пѣхотномъ полку. Ср. Weill. 6. Гюббаръ также принимаетъ въ 1777 году начало службы Сень-Симона. О. с. 11. Ср. *Oeuvres*, изд. Родрига, XV.

¹³⁾ *Oeuvres*. XVIII, 140.

¹⁴⁾ Напечатаны въ выдержкахъ въ *Not. hist.* I, 3—10. Мы дополняемъ ихъ по рукописямъ Арсенальной бібліотеки. Списки сдѣланы, повидному, съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ: до такой степени оно своеобразно и аристократически-небрежно,—напримѣръ, такіа фразы: *vous pouvez être sur que je ne négligereis rien dorrenevent pour la (l'amitié) conserver et l'augmenter.*

Одновременно съ чувствами Сень-Симонъ не забываетъ и практическихъ вопросовъ. Помимо серьезнаго отношенія къ отцовскимъ деньгамъ, его весьма занимаетъ мысль о карьерѣ. Во второмъ письмѣ отъ 16 ноября онъ горячо жалуется на фаворитизмъ, царствующій въ арміи, горько сѣтуетъ на несправедливость начальства, обходящаго его наградами при всѣхъ его заслугахъ. Онъ тонко намекаетъ отцу на необходимость походатайствовать за него. Не забываетъ онъ дать и цѣнный совѣтъ насчетъ своего брата, способнаго по возрасту вступить въ военную службу. Онъ убѣждаетъ отца—прислать его также въ Америку, гдѣ онъ получитъ и чины и будетъ избавленъ отъ обычныхъ безумствъ молодыхъ свѣтскихъ людей.

Изъ втораго письма мы, между прочимъ, узнаемъ, что вообще Сень-Симонъ—отецъ видѣлъ мало утѣшенія въ своихъ дѣтяхъ. Сестра Луиза написала въ Америку сожалѣніе о томъ, что и ея поведеніе огорчало отца. Письмо было настолько трогательно, что Сень-Симонъ, по его словамъ, плакалъ надъ нимъ, писалъ объ этомъ отцу и надѣялся, что сестра успѣла загладить свои вины ¹⁵⁾.

Изъ интереса Сень-Симона къ чинопроизводству отнюдь не слѣдуетъ, будто его занимала военная служба. Совершенно напротивъ. Впослѣдствіи Родригъ писалъ, что въ Америкѣ обнаружались философскія стремленія Сень-Симона и природа подсказала ему настоящую его дѣятельность ¹⁶⁾. Этотъ выводъ естественно сдѣлать изъ личныхъ заявленій Сень-Симона и его сочиненій. «Война, говоритъ онъ, не интересовала меня сама-по-себѣ, но цѣль войны интересовала меня очень,—и этотъ интересъ заставлялъ меня безропотно переносить лишенія. Я стремлюсь къ цѣли, говорилъ я часто самому себѣ,—слѣдуетъ, поэтому, знать средства. Отвращеніе къ военному ремеслу владѣло мною всецѣло, когда приблизился миръ. Я уже чувствовалъ, какой путь мнѣ должно избрать,—путь, къ которому

¹⁵⁾ „Ma soeur Louise m'a écrit une lettre charmante c'est avec une efusion de coeur qui m'a arraché des larmes qu'elle me parle du regret qu'elle a de n'avoir pas toujours eu une conduite qui vous ait plut je suis persuadé quelle a déjà réparé ses torts et quelle vous causera mil fois plus de plaisir quelle n'a pu vous causer de chagrin“.— По стилю и орфографіи можно судить, сколько труда стояло Сень-Симону научиться не только думать какъ философу, но и выражать свои мысли какъ писателю и грамотному французу.

¹⁶⁾ *Producteur*. 1826, avril. 89.

призывали меня мои вкусы, мои естественныя наклонности. Быть солдатомъ не было моимъ призваніемъ. Меня влекло къ совершенно другому роду дѣятельности,—можно сказать,—даже къ противоположному».

Сень-Симонъ понялъ мировое значеніе Американской революціи и предчувствовалъ великія перемѣны, какія она должна вызвать въ социальномъ строѣ Европы.

Не одному Сень-Симону были ясны эти идеи. Несомнѣнно, Лафайеттъ также понималъ неизбежное вліяніе американскихъ событій на общественное сознаніе Европы. И понимать было нетрудно: вліяніе началось съ того момента, когда представители французской аристократіи рѣшили отправиться за океанъ сражаться за новую республику и когда само французское правительство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, высказалось за повстанцевъ. Но весь вопросъ заключался,—какіе уроки получали участники и наблюдатели событій? Для Лафайетта смыслъ американскаго переворота сводился къ тому политическому вѣрученію, какое Сень-Симонъ обзоветъ впоследствии метафизикой. Догматъ естественнаго революціоннаго права Сень-Симонъ подвергнетъ жестокой критикѣ въ томъ самомъ сочиненіи, гдѣ свои собственныя идеи поставитъ въ неразрывную связь съ американскими наблюденіями и опытами. Разница результатовъ—въ высшей степени ярка. Въ то время какъ для большинства свободомыслящихъ французовъ американскія событія—иллюстрація къ идеямъ Руссо и отчасти Монтескье, для Сень-Симона—тѣ же событія—практическое осуществленіе—не столько новой *политической формы*, сколько новаго *соціального строя*. И Сень-Симонъ говоритъ не о республикѣ, а объ индустріи, какъ поучительнѣйшемъ завоеваніи Соединенныхъ Штатовъ.

«Въ Америкѣ», пишетъ онъ, «сражаясь за интересы промышленной свободы, я впервые проникъ желаніемъ видѣть и въ своемъ отечествѣ разцвѣтъ этого растенія другого міра; съ тѣхъ поръ это желаніе господствуетъ надъ всею моею мыслью». Сень-Симонъ усвоилъ убѣжденіе, что весь прогрессъ цивилизаціи сводится къ этой цѣли, въ ней заключается общественное благополучіе.

Къ этому заключенію Сень-Симонъ пришелъ путемъ наблюденій надъ условіями американской жизни. Онъ внимательно изучалъ на-

*) N. hist. I, 11—2. Oeuvres XVIII, 148—L'Industrie.

родъ и его дѣятельность, сравнивалъ съ Европой, находилъ разительную разницу,—и рѣшилъ, что цивилизація идетъ не однимъ и тѣмъ же путемъ на двухъ полушаріяхъ. Путь американцевъ—слѣдующій. Въ ихъ странѣ религіозная терпимость доведена до высшей степени, нѣтъ никакой государственной религіи, каждый можетъ изобрѣтать свою и вербовать прозелитовъ. Потомъ въ Америкѣ нѣтъ привилегированной корпораціи, всѣ американцы — представляютъ однородное политическое тѣло. Нѣтъ также наслѣдственныхъ должностей. Наконецъ,—вся нація—преимущественно мирная, промышленная и бережливая. У нея нѣтъ вовсе военнаго духа, всѣ ея законы направлены на покровительство земледѣлію, торговлѣ и всякаго рода промышленности.

Сообразно съ этой политикой у американцевъ совершенно другіе взгляды на государственныхъ людей, чѣмъ въ Европѣ. Въ старомъ свѣтѣ наиболѣе искуснымъ государственнымъ мужемъ считается тотъ, кто умѣетъ найти средство—увеличить налоги,—въ Америкѣ,—напротивъ—кто находитъ средство уменьшить ихъ елико возможно. Въ Европѣ большія жалованья чиновникамъ считаются необходимыми для общественнаго блага и для представительства, въ Америкѣ,—наоборотъ—простота нравовъ пріобрѣтаетъ общее уваженіе властямъ ⁴⁸⁾.

Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти выводы приняли у Сень-Симона вполнѣ опредѣленную форму съ самаго начала. Они развивались постепенно—сообразно съ другими наблюденіями философа и онъ принужденъ былъ исправлять нѣкоторыя свои заключенія. Такъ однажды онъ заявляетъ, что въ Америкѣ нѣтъ никакихъ остатковъ феодализма, потому что тамъ не было вообще феодализма. Сень-Симонъ разумѣетъ—*аристократическій* феодализмъ, сословный, кастовый. Въ отрывкѣ—*Замѣтки о Соединенныхъ Штатахъ*—Америкѣ, напротивъ, приписывается феодализмъ,—и на этотъ разъ имѣется въ виду *классовый* феодализмъ. Гражданскія законы въ Америкѣ такъ же какъ и въ Англіи покровительствуютъ—*производителямъ*,—празднымъ землевладѣльцамъ и легистамъ, между тѣмъ какъ они должны защищать интересы только производительнаго класса, движимыхъ собственниковъ въ ущербъ недвижимымъ, не увеличиваю-

⁴⁸⁾ *Oeuvres*. XVIII, 133, 149—153.

шимъ личными работами своего капитала. Въ результатъ — *работники* находятся подъ управленіемъ *туземцевъ* ¹⁹⁾.

Обѣ идеи нисколько не противорѣчатъ другъ другу, — одна только шире и глубже другой, и могла возникнуть послѣ другихъ не менѣе внушительныхъ наблюденій, — послѣ революціи. Но Америка не переставала привлекать самое пристальное, даже экзальтированное вниманіе Сень-Симона. По его словамъ, — было бы невозможно выразить впечатлѣніе, какое на него производили вѣсти изъ-за океана въ первые годы національнаго бытія американцевъ. Юная страна являлась примѣромъ для старой Европы, такъ сильно нуждавшейся въ омолодѣніи. Особенно Вашингтонъ вызывалъ восторгъ у Сень-Симона и спокойствіе, усвоенное націей съ самаго начала своей новой жизни ²⁰⁾.

Послѣ войны Сень-Симонъ не сейчасъ покинулъ Америку. Онъ побывалъ въ Мексикѣ и предложилъ здѣсь проектъ канала между океанами. Правительство холодно приняло проектъ, — и Сень-Симонъ вернулся во Францію. Его наградили крестомъ св. Людовика и чиномъ полковника ²¹⁾.

Но военные успѣхи не привязывали Сень-Симона къ службѣ. Онъ нестерпимо тяготился мирными обязанностями солдата. Онъ ждалъ только случая снова пуститься въ путешествіе. Въ Голландіи вспыхнула революція, штатгальтеръ былъ изгнанъ, готовился походъ франко-голландскаго флота противъ англійской Индіи. Сень-Симонъ съѣдиль за революціоннымъ движеніемъ, мечталъ принять участіе въ походѣ, — но Франція отказалась отъ союза, штатгальтеръ былъ возстановленъ прусскими войсками ²²⁾.

¹⁹⁾ *Oeuvres*. XVIII, 150. Ed. Родрига. 167—170.

²⁰⁾ *Oeuvres*. XVIII, 140—1.

²¹⁾ Послужной списокъ перечисляетъ, награды, которыя — слѣдовали въ іюль 1788 года и въ мартъ 1790. Сень-Симонъ по поводу чина полковника напоминаетъ, что ему было всего 23 года, — т. е. производство состоялось въ 1783 году, немедленно по возвращеніи изъ Америки. Въ списокъ указано состоявшееся *прикомандированіе* къ полку въ 1788 г.

²²⁾ Въ *Письмѣ къ присяжнымъ* Сень-Симонъ говоритъ, что онъ оставался въ Голландіи въ проложеніе всей революціи (*O. choisies*. II, 415). Но въ то же время онъ говоритъ, что вернулся во Францію въ 1786 году (изд. Родрига, XVII), а революція, какъ извѣстно, окончилась въ октябрѣ 1787 года. Сень-Симонъ, слѣдовательно, пробылъ въ Голландіи всего нѣсколько мѣсяцевъ — 1786 года.

Въ слѣдующемъ году Сень-Симонъ отправился въ Испанію и предложилъ правительству проектъ въ родѣ мексиканскаго. Проектъ, надо полагать, представлялъ безусловно практический смыслъ, такъ какъ Сень-Симонъ успѣлъ заручиться помощью графа Кабарруса, директора банка и впоследствии министра финансовъ. Графъ предложилъ правительству необходимыя средства для сооруженія канала отъ Мадрида до моря—съ условіемъ пользоваться пошлиной. Сень-Симонъ совѣтовалъ образовать легионъ въ шесть тысячъ человекъ изъ иностранцевъ,—двѣ тысячи для охраны порядка и четыре для работъ. Правительству приходилось тратиться только на военное платье и на больницы,—а на остальные издержки достаточно было рабочей платы. Въ результатѣ, за умѣренныя деньги—у испанскаго короля оказался бы прекрасный и полезный каналъ, его армія увеличилась бы на шесть тысячъ и къ населенію прибавился бы классъ людей трудолюбивыхъ. Французская революція помѣшала осуществленію плана.

Сень-Симонъ всѣ эти путешествія приписываетъ необходимости произвести возможно больше наблюденій, чтобы «уяснить вопросъ о социальной организаціи» ²³⁾. Такъ онъ писалъ въ 1820 году. Врядъ ли можно думать, что въ 1798 онъ сознавалъ задачу—переустроить общество. Правда,—уже съ шестнадцати лѣтъ онъ ежедневно приказывалъ будить себя словами: «Вставайте, графъ, — вамъ предстоитъ совершить великія дѣла» ²⁴⁾. Но какія собственно,—честолюбивый юноша не могъ представлять ясно. Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ военную службу, до отправления въ Америку, т. е. до девятнадцати лѣтъ—онъ успѣлъ глубоко огорчить отца настолько внушительными «*étourderies*», чтобы бояться навсегда угасить въ его сердцѣ «отцовскія чувства», въ Америкѣ онъ усердно сражался и много наблюдалъ,—но наблюдать не значить ставить социальную задачу. Пока мы видимъ только обширные хозяйственные проекты,—одного типа—устройство каналовъ. Отсюда еще очень далеко до «социальной организаціи».

Сень-Симонъ обнаруживалъ интересъ въ другой области,—въ научной. Онъ ничего не говоритъ о своемъ знакомствѣ съ совре-

²³⁾ *Lettres aux jurés. Ib. 415.*

²⁴⁾ Гюббаръ. 9.

менной философской литературой. Но даже и при самых заурядных условиях оно могло быть довольно обширно при громадной популярности новых идей в светских кругах. Насколько Сень-Симонъ выдавался въ этомъ отношеніи надъ общимъ уровнемъ—до революціи, — судить у насъ нѣтъ данныхъ. Существуетъ извѣстіе, что онъ во время своихъ странствій въ Метцѣ слушалъ лекціи извѣстнаго намъ математика Монжа, проявлялъ сильнѣйшую любознательность и въ частныхъ бесѣдахъ съ учеными, даже съ рабочими, не брезгая иногда переодѣваться въ блузу²⁵⁾. Все это вполне естественно при экзальтированной природѣ юноши, — но отнюдь не должно быть преувеличиваемо. Самъ Сень-Симонъ впоследствии нашелъ необходимымъ «начать сызнова свое воспитаніе». Это случилось въ 1797 году и въ это же время, по словамъ Сень-Симона, онъ «составилъ планъ проложить новый путь человѣческому разуму, путь физико-политическій». Къ этому сроку и слѣдуетъ приурочивать болѣе или менѣе определенное представленіе Сень-Симона о «задачѣ его жизни». А до тѣхъ поръ у него могли складываться только отрывочныя идеи, возникать частныя порывы. При общемъ энтузіастическомъ строѣ его личности—отдѣльныя впечатлѣнія могли мгновенно превращаться въ проекты, въ перспективы и подсказывать болѣе или менѣе широкія и смѣлыя мечты о будущемъ. Здѣсь вдохновляющими силами являлась философія XVIII-го вѣка и американская жизнь.

Философія рѣшительно оторвала Сень-Симона отъ старой вѣры, а порядки и герои Соединенныхъ штатовъ завоевали его *чувство и воображеніе* во имя будущаго болѣе совершеннаго порядка вещей, чѣмъ политическій строй Франціи. Въ зрѣнѣ, слѣдовательно, возникали уже философско-религіозныя и соціально-организаторскія стремленія, понятія научной истины вмѣсто откровенной, и—индустриальной общественной системы вмѣсто сословной — намѣчались въ умѣ Сень-Симона подъ непосредственнымъ вліяніемъ «метафизики» Даламбера и американскихъ опытовъ. Мы знаемъ, — именно философія Даламбера вела къ «истинной философіи» чрезъ «здравую физику» путемъ систематизаціи принциповъ опытныхъ наукъ, — и американ-

²⁵⁾ *Иб.* 18—9.

скія соціальныя явленія и экономическая свобода внушали идею о великомъ значеніи производительнаго труда, *индустрии*.

Неизвѣстно сколько времени Сень-Симонъ потратилъ бы на поиски своей задачи, въ какую еще страну явился бы съ новымъ проектомъ,—если бы не пришла на помощь революція. Онъ и послѣ нея будетъ путешествовать,—но уже съ совершенно другими цѣлями чѣмъ въ Мексику, Голландію и Испанію. Онъ примется искать указаній относительно задуманнаго имъ «физико-политическаго» поприща, будетъ добиваться новой «научной системы», новой «общей науки», т. е. философско-научнаго принципа новаго соціального строя. Изъ прожектера Сень-Симонъ становится реформаторомъ, изъ чувствительнаго мечтателя и любителя просвѣщенія—ислѣдователемъ, насколько позволяла прирожденная экзальтація.

И все это совершается послѣ революціи,—и не сразу, а позже ея многочисленныхъ философскихъ, политическихъ и соціальныхъ опытовъ.—Революція, примѣняя и провѣряя умственное наслѣдство своей эпохи, произвела разностороннюю работу и надъ умомъ ученика Даламбера и показала, какія задачи онъ способенъ поставить и разрѣшить.

II.

Революція съ самаго начала владѣла двумя вполне опредѣленными и зрѣлыми идеями—антикатолической и антифеодальной. Вопросъ о старой церкви и о старой монархіи былъ рѣшенъ безповоротно задолго до созыва генеральныхъ штатовъ и самые эффектные эпизоды, въ родѣ, на примѣръ, ночи четвертаго августа, по существу только формулировали неотразимые факты, существующій предметъ называли его именемъ. Объ *отмѣнѣ* политическихъ привилегій духовенства, дворянства и короля не могло быть плодотворнаго спора,—другой вопросъ въ *замѣнѣ* устранившихся силъ новыми. Восемнадцатый вѣкъ, мы знаемъ, не только не ограничился критикой и отрицаніемъ, но даже представилъ не мало образчиковъ новыхъ сооруженій—и въ политикѣ и въ философій. Революція воспользовалась и этимъ наслѣдствомъ, вдохновляясь и Монтескье и Руссо, и Вольтеромъ, испытывая и конституціонную монархію, и республику, и «гражданскую» церковь, и Верховное существо, и просто Природу. Мы видѣли результаты этихъ опытовъ. Они замѣ-

чательны именно какъ практическая провѣрка положительныхъ идей просвѣтительной философіи. На философскомъ или на философско-религіозномъ поприщѣ—вѣдь всякая философская система рассчитывала стать догматической и общеобязательной—революція пришла къ оффиціальному возстановленію католичества, въ сущности—къ преобразованію старой вѣры и церкви въ органъ правительственной власти. Совѣсть и вѣрующихъ и сомнѣвающихся осталась неудовлетворенной—и путь для поисковъ за міросозерцаніемъ—открытымъ.

Въ другой области—въ политической—движеніе приняло несравненно болѣе оригинальный оборотъ и направилось въ сторону, не предусмотрѣнную революціей.

Такъ называемые принципы 89-го года, выраженные въ *Декларации правъ*, предшествовали первой революціонной конституціи вошли въ нее, какъ составная часть. Первая статья *Декларации* гласила: «люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Соціальныя отличія могутъ быть основаны только на общей пользѣ». Послѣдняя статья провозглашала: «Собственность — право неприкосновенное и священное, никто не можетъ быть лишенъ его, развѣ только по очевидному требованію общественной необходимости, законнымъ путемъ установленной, и при условіи справедливаго и предварительнаго вознагражденія». Третья важнѣйшая статья *Декларации* опредѣляла основы законодательной власти: «Законъ— есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ своихъ представителей участвовать въ его составленіи. Законъ долженъ быть однимъ и тѣмъ же для всѣхъ, — и въ защитѣ и въ карѣ. Всѣ граждане равны въ его глазахъ, одинаково допустимы ко всѣмъ общественнымъ санамъ, мѣстамъ и должностямъ, — сообразно со способностью и только съ однимъ отличіемъ—въ добродѣтеляхъ и талантахъ».

Слѣдовательно,—право *вотума Декларацией* было признано *естественнымъ* правомъ. Оставалось этотъ голосъ природы перевести на языкъ закона, естественныя блага превратить въ конституціонныя права,—и этотъ переводъ *практически* обнаружилъ всю метафизичность, *нереальность Декларации* — гораздо раньше, чѣмъ это было признано позднѣйшей положительной политикой.

Еще раньше конституціи учредительное собраніе нарушило принципъ *Декларации* на счетъ собственности. Здѣсь ему предстояло раз-

рѣшить въ высшей степени сложный вопросъ, — въ феодальномъ порядкѣ разграничить права отъ злоупотребленій, примирить новые интересы свободы съ принципами законности. Понятіе справедливости, на сколько оно выяснилось въ сознаниі просвѣщеннаго общества подъ вліяніемъ литературы и всеобщихъ надеждъ на грядущее царство правды и разума, — на каждомъ шагу могло встрѣтиться съ преданіемъ, съ вѣковымъ закономъ, съ принципиальнымъ убѣжденіемъ. Экономическая и философская мысль до революціи безпрепятственно ставила вопросъ о судьбѣ феодальныхъ правъ и разрѣшала его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполне опредѣленно.

Тюрго не признавалъ законной собственности въ правѣ феодаловъ вѣнчать провозныя пошлыны съ предметовъ первой необходимости, а также налогъ съ мельницъ, съ пекаренъ. Эти права, по мнѣнію Тюрго, могли быть только «узурпаціями», такъ какъ нарушали «самую священную собственность, — единственную, служащую основой для всѣхъ другихъ собственности, — собственность земледѣльца на хлѣбъ, который онъ посѣялъ и взрастил, не только въ потѣ своего лица, — но и съ громадными издержками, — собственность купца на товаръ, который онъ оплатилъ своими деньгами»²⁶).

Эти *banalités* Тюрго полагалъ подлежащими уничтоженію безъ всякаго вознагражденія.

Не могло быть сомнѣнія для просвѣтительной литературы и относительно *личной* зависимости и личное феодальное рабство было осуждено всѣмъ движеніемъ вѣка и революція здѣсь осуществляла одну изъ аксіомъ современной политики.

Но не такъ обстояло дѣло — относительно отѣны различныхъ феодальныхъ повинностей — денежныхъ и натуральныхъ. Искренние противники феодальныхъ порядковъ не находили возможнымъ — отнять у сеньеровъ ихъ вѣковыя права безвозмездно, — даже мельничную и хлѣбопекарную монополію, *lods et ventes*, т. е. поборы съ актовъ передачи имущества, и, наконецъ, барщинныя работы. Всѣ эти повинности крайне стѣсняли личную свободу, вредили экономической жизни страны, губельно отражались на земледѣліи и даже на нравственномъ характерѣ крестьянъ, — и все это должно и можетъ быть выкуплено тѣми же крестьянами. *Admettez le peuple au rachat de la*

²⁶) *Lettre sur le commerce des grains. Oeuvres. I, 253.*

copropriété seigneuriale»,—взывают дореволюционные критики феодализма. Выкупъ, по мнѣнію, нѣкоторыхъ долженъ быть распространенъ одинаково на личную зависимость и имущественную,—подобно тому какъ происходило освобожденіе крестьянъ въ Савойѣ—во второй половинѣ XVIII вѣка ²⁷⁾).

Идея выкупа нашла мѣсто и въ *cahiers*. Составители ихъ также не пришли къ точному единодушному взгляду,—какія феодальныя права подлежатъ безвозмездной отчѣнѣ и какія слѣдуетъ выкупить населенію съ помощью государства? Можно заключить, что лишь феодальныя права на личность третье сословіе признавало подлежащими даровой отчѣнѣ—но различно рѣшало вопросъ о разграниченіи личныхъ и имущественныхъ правъ. Во всякомъ случаѣ,—и литература XVIII вѣка и *cahiers* принимали необходимость выкупа для сенъеріальныхъ *имущественныхъ* правъ. Литература настойчиво указывала, что возникновенія этихъ правъ не слѣдуетъ искать непременно въ произволѣ и насиліи, что многія изъ нихъ связаны съ дѣйствительными услугами собственниковъ населенію,—и писатели предлагали планы и способы выкупа.

Въ началѣ революціи король объявлялъ желаніе, чтобы крѣпостная зависимость была уничтожена во всемъ королевствѣ—при условіи выкупа ²⁸⁾). Это желаніе не могло встрѣтить сочувствія въ національномъ собраніи: рабство было осуждено уже давно безъ всякихъ условій. Но какъ было поступить съ другими правами?

Рѣшеніе являлось настоятельнымъ: уже послѣ взятія Бастиліи въ деревняхъ начались возстанія и насилія, пожары замковъ, автодафе сенъеріальныхъ хартій. Виконтъ Ноайль, когда-то сражавшійся въ Америкѣ и теперь, открывшій зрѣлище 4-го августа, началъ свою рѣчь—предложеніемъ «утвердить собственниковъ въ ихъ истинныхъ правахъ» и въ заключеніе совѣтовалъ уничтожить *барщинныя повинности и права, соединенныя съ личной зависимостью*,—всѣ же остальные феодальныя права объявить выкупными. Собраніе восторженно приняло самоотреченіе высшихъ сословій,—и поспѣшило возможно шире намѣтить сенъеріальныя права, подлежащія даровой

²⁷⁾ Ср. М. Ковалевскій. *Происхожденіе современной демократіи* М. 99. I части 3—4, гл. II, § 1.

²⁸⁾ Déclaration des intentions du roi, art 23 juin 1789. *Archives parlementaires*. VII, 144.

отмѣнѣ. Когда королю былъ представленъ декретъ,—онъ протестовалъ противъ уничтоженія ценса и налога на куплю-продажу,—т.-е. противъ безвозмездной отмѣны этихъ повинностей, считалъ ее ограбленіемъ землевладѣльцевъ. Учредительное собраніе оставляло эти права только тамъ, гдѣ они были установлены особымъ договоромъ ²⁹⁾).

Это тонкое юридическое разграниченіе не могло удовлетворить собственниковъ и еще менѣе вразумить народъ. Онъ не въ силахъ былъ уяснить себѣ разницу между «господствующимъ» и «договорнымъ» феодализмомъ и, вдохновляясь декретами собранія, рѣшили считать всѣ повинности, связывавшія его съ сеньорами,—отмѣненными безвозмездно,—т.-е. и договорную плату съ земли наравнѣ съ цензомъ. И масса на этотъ разъ обнаруживала несомнѣнную послѣдовательность мысли: она желала естественнаго уравниенія всей земли, отнынѣ населенной свободными людьми. Если законодатели признали цензъ злоупотребленіемъ,—не было никакихъ логическихъ и нравственныхъ основаній для земледѣльца — тотъ же цензъ платитъ подъ другимъ именемъ — только потому что онъ взимался по новому документу, а не по древней граматѣ. Для избѣжанія смуты слѣдовало всѣ земельныя права считать или подлежащими выкупу или всѣ одинаково безвозмездно отмѣненными. Во всякомъ случаѣ,—декреты учредительнаго собранія нанесли ударъ самому принципу собственности — тѣмъ, что уничтожили имущественныя феодальныя права *безъ всякаго вознагражденія*, признавъ ихъ плодомъ насилія и противорѣчіемъ свободѣ. Слѣдовательно,—могли быть случаи, когда собственность, признаваемая традиціями, обычаями и государственнымъ строемъ въ теченіе вѣковъ, могла быть отнята во имя *естественнаго* права, понимаемаго извѣстнымъ способомъ въ данную эпоху. Впослѣдствіи Сень - Симонъ укажетъ на революціонный и неправомѣрный характеръ этой мѣры. Національное собраніе обязано было слѣдовать политикѣ средне-вѣковыхъ общинъ — т.-е. *выкупить* феодализмъ ³⁰⁾).

Но революція, въ лицѣ восторжествовавшаго третьяго сословія,—энергически ставила вопросъ о собственности на социальную почву

²⁹⁾ Laferrière. *Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la Rév. fr.* P. 52. 151—2. Авторъ пользуется терминами *la féodalité dominante* и *la féodalité contractante*.

³⁰⁾ *Du système industriel. Oeuvres.* XXI, 84—5.

и съ этой точки зрѣнія истолковывало естественныя права личности. Такимъ путемъ—естественное право послѣдовательно превратилось въ право законодательствующаго класса, на революціонномъ языкѣ именуемаго націей. Рядомъ съ феодальными правами была націонализирована собственность духовенства и по поводу этой мѣры высказаны идеи, въ корняхъ подрывавшія права личной собственности. Государство выступало единственнымъ регуляторомъ собственности и, слѣдовательно, единственнымъ собственникомъ. Мирабо, ратуя противъ церковныхъ имуществъ, договорился до подлиннаго государственнаго социализма.

«Общественная польза, говорилъ онъ,—верховный законъ и не долженъ встрѣчать противовѣса ни въ суевѣрномъ почтеніи къ тому, что именуется волей завѣщателей, какъ будто невѣжественныя и ограниченныя частныя лица имѣютъ право приковывать къ своей прихотливой волѣ еще не существующія поколѣнія,—ни въ страхѣ нарушить мнимыя права извѣстныхъ корпорацій, какъ будто частныя корпораціи имѣютъ какія-либо права предъ государствомъ».

Мирабо съ неуклонной логикой развивалъ это разсужденіе до вывода, по существу уничтожавшаго *les droits de l'homme* и ставившаго на мѣсто ихъ неограниченную власть государства. «Я знаю, говорилъ Мирабо, только три способа существовать въ обществѣ: надо быть нищимъ, воромъ или наемникомъ *salarié*). Собственникъ ничто иное какъ первый среди наемниковъ. То, что мы называемъ обыкновенно собственностью, ничто иное, какъ награда уплачиваемая обществомъ собственнику за издержки и расходы, которыя онъ несетъ на пользу другихъ; собственники только приказчики, экономы общества»¹⁾.

Болѣе рѣшительнаго опредѣленія не требуютъ и будущіе социалисты. Но что важнѣе всего—революція не осталась при однихъ только опредѣленіяхъ. Уничтожая собственность корпорацій, національное собраніе положило руку и на свободу личной собственности, выдвинуло вопросъ, вполнѣствіи доставившій столько затрудненій сень-симонистской школѣ и вызвавший на нее энергичнѣйшія нападки,—вопросъ о наслѣдованіи и правѣ завѣщанія. Такъ какъ крупная собственность въ дореволюціонной Франціи возникла благодаря

¹⁾ Ср. Espinas. *La philosophie sociale de XVIII s. et la révolution*. I. 98. 124—6.

исключительному праву наследованія старшихъ сыновей,—революція рѣшила установить новый порядокъ, способный разрушить накопляемость имущества. Въ ноябрѣ 1790 года аббатъ Грегуаръ внесъ предложеніе—узаконить равныя доли наследниковъ, Мирабо горячо всталъ за эту мысль и въ апрѣлѣ 1791 года послѣдовалъ декретъ, узаконившій равенство правъ между наследниками — безъ различія половъ. Но собственникъ могъ по завѣщанію распорядиться собственностью—вопреки намѣреніямъ государства,—приходилось коснуться и этого права. Во время преній Тронше одинъ изъ умѣренныхъ членовъ собранія высказался такъ: «Природа даровала землю и свои дары вообще всѣмъ людямъ. Но она не дала то или другое владѣніе въ частности тому или другому человѣку. Собственность не столько право, сколько фактъ. Если человѣку въ состояніи чистой естественности невозможно приписать настоящее право собственности,—еще менѣе возможно сообщить этому праву характеръ непрерывности и переходности отъ одного лица къ другому послѣ смерти владѣльца», Робеспьеръ требовалъ полнаго уничтоженія права завѣщанія, Тронше предлагалъ ограничить его — предоставить отцу располагать четвертью имущества. Въ посмертной рѣчи Мирабо предлагалось еще болѣе энергичная мѣра—запрещеніе завѣщателю устанавливать преимущество въ пользу кого-либо изъ своихъ дѣтей; ему предоставлялась въ распоряженіе только десятая часть имѣнія и ею онъ могъ располагать въ пользу лица—внѣ прямой линіи наследниковъ ²²).

Учредительное собраніе не рѣшило вопроса, признавъ его тѣсную связь со всѣмъ строемъ гражданскихъ законовъ и не осмѣливаясь на столь радикальное законодательство. Но важенъ былъ не столько законъ, сколько открытія покушенія революціи на права личности во имя правъ государства. Тронше свою идею основывалъ на разграниченіи понятій *l'homme naturel* и *l'homme social* и пришелъ къ выводу, согласному съ мыслями Робеспьера—политическаго ученика Руссо. Мирабо, въ свою очередь, шелъ къ той же цѣли на основаніи уроковъ практики, близко ему извѣстныхъ, какъ члену феодальной семьи. Очевидно, — теченіе революціи начинало подмывать *Декларацию правъ* немедленно послѣ ея объявленія и полноправная

²²) Laferrière. *Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la Rév. fran.* P. 52, 230—5. Ср. Hélie. 218. L. Stein. O. c. I, 66—7.

личность устранялась съ своего естественнаго пьедестала волей и силой государства.

Естественно,—конституція будетъ организована на тѣхъ же государственныхъ основахъ, т.-е. въ интересахъ не естественной личности, а социальнаго тѣла, представляемаго въ данное время третьимъ сословіемъ. Понятіе общечеловѣческихъ правъ могло имѣть принципиальное значеніе въ борьбѣ съ привилегіями крови, влекшими за собой политическія и экономическія преимущества,—но оно становилось излишнимъ, разъ эти привилегіи были уничтожены, все общество признавалось потенциально однороднымъ. Организуясь въ государство, — оно неминуемо должно на мѣсто *человѣка*—существа философскаго, выдвинуть — силу реальную — *гражданина* данной почвы и даннаго времени. *Декларация правъ*, примененная въ дѣйствительности, превратилась въ декларацію привилегій—вслѣдствіе исключительно метафизическаго характера идеи естественнаго равенства и жизненнаго значенія факта неравенства.

Онъ заключался въ существованіи собственниковъ и несобственникововъ.

Декларация называла собственность «правомъ ненарушимымъ и священнымъ», а національное собраніе поставило это право подъ верховную власть государства, *наши*, — очевидно, — самоопредѣленіе личности, какъ собственника, будетъ зависѣть исключительно отъ той же власти, т.-е. въ данный моментъ отъ третьяго сословія, отъ представителей собственности, — и статья шестая *Декларации*, называющая законъ выраженіемъ «общей воли» и признающая за *всеми гражданами* право *лично* участвовать въ законодательствѣ, — будетъ замѣнена конституціоннымъ раздѣленіемъ французскаго населенія на активныхъ и пассивныхъ гражданъ. Признакъ активности — обладаніе собственностью — до извѣстнаго *минимума*, различнаго по населенности мѣстностей, — что подробно опредѣлялось конституціей³⁵⁾. Установленъ цензъ—оплата прямого налога—наименьшаго въ размѣрѣ трехдневной заработной платы: это *активный* гражданинъ, и онъ не долженъ быть въ «состояніи прислуги, т.-е. служить на жалованьи». Конституція, слѣдовательно, создавала два рода гражданъ—законодателей и подданныхъ. Во время обсу-

³⁵⁾ *Constitution du 3 septembre 1791*. Т. III. chap. I, section II, 7.

денія конституціи крайня лѣвая не преминула напасть на идею ценза, какъ на оскорбленіе естественному равенству, нарушеніе *Декларации правъ*, узаконеніе «аристократіи денегъ». Но цензъ былъ принятъ, хотя во главѣ конституціи стояло заявленіе: «люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ», а законъ назывался — *l'expression de la volonté générale*, но, очевидно, *l'homme* не совпадалъ съ *le citoyen*, — и вся конституція возникла на противорѣчьи, здѣсь же подчеркнута въ высшей степени рѣзко. Законъ создавалъ не только особую политическую націю среди народа, но и обезпечивалъ ей особую военную силу, — *національную гвардію*, состоявшую также только изъ *активныхъ* гражданъ.

Всѣ данныя для позднѣйшихъ обозначеній *буржуа* и *пролетарій*, *нація* и *народъ* были на лицо, — а событія не преминули обнаружить пропасть между ними — даже раньше, чѣмъ конституція узаконила идею.

Національному собранію уже съ осени 1789 года пришлось считаться съ нуждой и голодомъ парижскаго населенія и бороться съ возстаніями. Простѣйшихъ средствъ борьбы имѣлось два, завѣщанныхъ еще дореволюціоннымъ государствомъ — репрессія и благотворительность, — и собраніе направило противъ толпы національную гвардію и создало цѣлое законодательство — карательнаго и предупредительнаго характера. Сначала былъ изданъ военный законъ противъ уличныхъ скопищъ, потомъ противъ всякаго рода соглашеній и стачекъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, наконецъ, въ іюнѣ 1791 года послѣдовалъ «законъ о коалиціяхъ». Первая статья объявляла «уничтоженіе всякаго рода корпорацій между гражданами одного и того же состоянія и занятія» — основой французской конституціи, — и поэтому собранія гражданъ и рабочихъ, связанныхъ одинаковымъ родомъ дѣятельности, — имѣющія въ виду воздѣйствовать — путемъ взаимныхъ соглашеній — на уровень заработной платы, — признаются не — конституціонными, посягающими на свободу и на декларацию правъ человѣка. Всякое сборище въ цѣляхъ давленія на ходъ рабочей дѣятельности объявляется мятежнымъ ³⁴⁾.

Законъ рѣшительно запрещалъ не только стачки съ насильственными цѣлями, но вообще собранія лицъ однороднаго промысла, об-

³⁴⁾ Hélie. 254—6.

сужденіе сообща профессиональныхъ вопросовъ, составленіе петицій. А между тѣмъ въ то же время конституція «обеспечивала» «свободу гражданамъ собираться мирно и безъ оружія, удовлетворяя полицейскимъ законамъ»²⁵⁾. И здѣсь противорѣчіе не могло не смутить заинтересованныхъ.

Помимо угрожающихъ мѣръ,—учредительное собраніе позаботилось о матеріальномъ устраненіи нужды. Были созданы національныя мастерскія — въ первый же годъ революціи. Но собраніе не успѣло придумать ни цѣлесообразныхъ работъ, ни предохранить учрежденіе отъ наплыва простыхъ тунеядцевъ. Мастерскія поглотили миллионныя средства — въ Парижѣ и въ департаментахъ, потребовали суровыхъ мѣръ — вмѣшательства той же національной гвардіи подъ начальствомъ Лафайетта, — какъ разъ ко времени іюньскаго закона о стачкахъ и собраніяхъ²⁶⁾. Въ результатъ революція безпомощно билась въ противорѣчіяхъ, созданныхъ идеями и дѣйствительностью, съ одной стороны провозглашала свободу и права, съ другой прибѣгала къ военной силѣ и узаконяла самыя суровыя ограниченія. Соціальный вопросъ непреодолимо наступалъ на новое государство и грозилъ ниспровергнуть національную конституцію—все равно какъ *Декларация правъ* уничтожила феодальную монархію,

У подавляемаго и ограничиваемаго класса должны были найтись свои органы — противоконституціонныя, — требовавшія продолженія революціи—до удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ и политическихъ правъ массы. И этимъ органамъ даже не приходилось изобрѣтать доводовъ,—они могли почерпнуть необходимыя истины изъ рѣчей Мирабо и изъ разсужденія Тронше. Одинъ — въ естественномъ порядкѣ вещей единственной основой собственности признавалъ личный трудъ человѣка, а другой произносилъ грозную фразу: «естественный законъ признаетъ только общую собственность»²⁷⁾. Этой

²⁵⁾ Hélie. 270—1. Titre premier, 3.

²⁶⁾ Levasseur. I, 148—150. Espinas. 132—3.

²⁷⁾ „La loi naturelle ne reconnaît que des propriétés communes“. Cp. Thonissen. *Le socialisme depuis l'antiquité jusqu'à la constitution française du 14 janvier. 1852.* I, 297. „Die worte Mirabeau's, dass man in der Gesellschaft nur auf dreifache Art leben könne, als Dieb, als Bettlergund als Bezahler, waren tief in den Arbeiterstand eingedrungen, und da Mirabeau auch den Eigenthümer in die letzte Kategorie einreichte, so war dadurch der Begriff der Heiligkeit des Eigenthums in den Augen des Volcs erschüttert worden.“—Engländer. *Geschichte der französischen Arbeiter-Associationen.* Hamburg 64. I, 23.

мысли было достаточно, чтобы развить планъ аграрнаго закона. Въ клубахъ и въ печати дѣятельность національнаго собранія подвергается жестокой критикѣ: оно занимается «собственностью богачей», а необходимо заняться «собственностью бѣдняковъ», т.-е. дѣлежомъ имущества. Извѣстный аббатъ Фоше проповѣдуетъ тѣ же идеи, исходя изъ положенія, что личный трудъ устанавливаетъ обладаніе. Единственный собственникъ—государство,—и всѣ работающіе имѣютъ право на *что-либо* и никто на—*излишекъ* ²⁸⁾.

Съ теченіемъ времени демократическая литература усваиваетъ очень точныя формулы для своихъ принциповъ и цѣлей. Логика совершенствуется въ зависимости отъ бесплодной борьбы революціи съ народными бѣдствіями. Къ движенію пристаётъ даже умѣренный дѣятель революціи, бывший членъ учредительнаго собранія. Побѣды французской демократіи надъ Европой, несомнѣнно, придаютъ новую внушительность ея экономическимъ запросамъ,—и прежній ораторъ конституціонной партіи, попавъ въ конвентъ, разсуждаетъ о несовершенствѣ и неполности внутренней революціонной политики.

«Послѣ того, какъ политическое равенство установилось, пишетъ онъ, бѣдняки скоро почувствовали, что оно ограничено благодаря неравенству имущества. И такъ какъ равенство есть независимость,—они возмущаются и огорчаются противъ людей, отъ которыхъ зависятъ изъ-за своихъ нуждъ. Они требуютъ равенства имущества. Но богачи рѣдко добровольно уступаютъ этому желанію. Тогда слѣдуетъ завоевать равенство силой или законами» ²⁹⁾.

Авторъ противъ силы,—онъ рекомендуетъ достигнуть цѣли путемъ законодательства, — а для этого надо *нравственно* просвѣтить народъ, создать предварительно уравнивательные нравы, сблизить французовъ путемъ «нравственныхъ учрежденій».

Подобная программа затягивала вопросъ на [неопредѣленное время, на болѣе широкое сочувствіе въ массѣ разсчитывалъ Марать, въ самыхъ грубыхъ формахъ развивавшій идею равенства, прославлявшій бѣдняковъ и осыпавшій проклятіями аристократовъ и «любимцевъ счастья». Но Марать способенъ былъ только натрав-

²⁸⁾ Lichtenberger. *Le socialisme et la révolution française* P. 99. 70. Aulard. *Origines historiques du socialisme français. R. de Paris.* 15 août, 99. 804—6.

²⁹⁾ Rabaut Saint-Etienne, въ *Chronique de Paris*, 19 и 21 янв. 1793. Ср. Aulard. *Ib.* 311—2.

ливать толпу на кровавые расправы, — никакого плана социальной реформы — у него не было. Повидимому, — недостатокъ предстояло восполнить Робеспьеру и конституціи, составлявшейся въ конвентѣ при его усиленномъ участіи.

Третье революціонное собраніе въ вопросѣ о собственности не отступило отъ принциповъ перваго, — пошло даже дальше. Подъ вліяніемъ повторявшихся народныхъ волненій въ мартѣ 1793 года появился законъ, грозившій смертью нарушителямъ собственности ⁴⁰⁾. Аграрный законъ, слѣдовательно, становился тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ. Робеспьеръ объявилъ его «привидѣніемъ, созданнымъ плутами для устрашенія глушцовъ» и призналъ равенство имуществъ — «химерой». Въ конституцію онъ предложилъ внести такую статью: «собственность есть право, которымъ обладаетъ всякій гражданинъ — пользоваться и располагать частью имущества, гарантированной ему закономъ». Конвентъ принялъ статью съ поправкой: вѣсто *части* — поставилъ все имущество и прибавилъ — *à son gré*, подчеркивая неограниченность личнаго права собственника ⁴¹⁾.

Конвентъ искренне освящалъ индивидуальную собственность, — былъ ли настолько искрененъ Робеспьеръ? Можно одно сказать съ увѣренностью, — у него не было своей опредѣленной программы социального строя, какъ не было и точнаго символа философской вѣры. Онъ безпрестанно говорилъ о народномъ благоденствіи — такъ же, какъ позже о Верховномъ существѣ, — но наблюдательнымъ свидѣтелямъ съ самаго начала было ясно, что путемъ такихъ декламаций

⁴⁰⁾ Hélie. 365.

⁴¹⁾ *Déclarations des droits de l'homme et du citoyen*, 16. Hélie. 377. Ср. Anlard. 816. При такомъ представленіи о правѣ личной собственности конституція 93-го года не могла имѣть ничего общаго съ коммунизмомъ. А именно эту тенденцію приписываетъ ей одинъ изъ многочисленныхъ участниковъ новѣйшей марксистской литературы — Bernstein. Ему извѣстно, что Бабёфъ и уравниатели требовали восстановленія конституціи 93-го года, — авторъ заключилъ: „Babeuf und die Gleichen Sahon denn auch in ihr einen trefflichen Ansatzpunkt für die Verwicklichung ihrer communistischen Bestrebungen“. Неизвѣстно, какимъ путемъ идею, дѣлкомъ перешедшую даже въ наполеоновскій кодексъ, можно сдѣлать опорой для коммунистическихъ стремленій. Бабузисты всѣмъ революціоннымъ конституціямъ естественно предпочитали конституцію 93-го года, какъ наиболее либеральную въ политическомъ отношеніи, но они имѣли въ виду „исправить“ ее, т. е. вычеркнуть 16-ю статью, въ которой была узаконена анти-соціалистическая и анти-коммунистическая политика конвента. Bernstein. *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemocratie*. Stuttgart 99. 130.

легко придти просто къ личной власти ⁴²⁾. Комитетъ общественнаго спасенія, управляемый имъ, неуклонно примѣняетъ законы противъ рабочихъ союзовъ и стачекъ. Правительственныя мастерскія могутъ сообщаться одна съ другой только при посредствѣ администраціи. Рабочимъ безусловно запрещается подавать жалобы скопомъ. Во время террора имѣеть мѣсто арестъ за проповѣдь «презрѣнія къ собственности» ⁴³⁾.

Соціальныя вопросы предъявлять въ жизни самыя настоятельныя требованія, — и ни одна изъ революціонныхъ партій не имѣла на него отвѣта. У конвента, такъ же какъ и у національнаго собранія—только частныя и временныя мѣры, — и онѣ послѣдовательно противорѣчатъ конституціонному освященію собственности.

Конституція въ первой же статьѣ цѣлью правительства признаетъ — «гарантировать человѣку — пользованіе своими естественными и непредписываемыми правами», а вторая статья перечисляетъ эти права: «равенство, свобода, безопасность, собственность». Политическое равенство, насколько зависитъ отъ конституціи, дѣйствительно осуществляется. Цензъ уничтоженъ, «самодержавный народъ есть весь составъ французскихъ гражданъ», говоритъ конституція, — «населеніе—единственная основа національнаго представительства» и народъ *непосредственно* назначаетъ своихъ депутатовъ. Неограниченная демократія, слѣдовательно, смѣняла буржуазный строй, поставивъ во главѣ ствоей конституціи положеніе: «цѣль общества—общее счастье».

Конституція была объявлена въ іюнѣ 1793 года, а уже въ іюлѣ Дантонъ произносилъ въ конвентѣ рѣчь, превращавшую одно изъ «естественныхъ и непредписываемыхъ» правъ въ мертвую букву и въ жестокую насмѣшку надъ «аристократами». Сравнительно съ первой конституціей перемѣнилось только положеніе воюющихъ сторонъ. Раньше собственники подавляли силой оружія возстанія не-собственниковъ, — теперь — наоборотъ — пролетаріи совершали экзекуціи надъ «богачами» и на столь же законномъ основаніи, какъ и національная гвардія разсѣивала уличныя скопища.

⁴²⁾ Edgar Quinet. *La République es la convention. Revue des deux Mondes*. 15 oct. 65. 1011—5.

⁴³⁾ Anlard. 818.

Ассигнаціи, выпущенныя въ теченіе одного года въ количествѣ трехъ миллиардовъ слишкомъ, грозили совершенно уничтожить государственнй кредитъ. Конвентъ видѣлъ единственный путь спасенія—принудительный заемъ,—и Дантонъ явился горячимъ вдохновителемъ. «Слѣдуетъ, говоритъ онъ, чтобы обладатели необъятныхъ средствъ платили національный долгъ... Разите! Какое намъ дѣло до криковъ аристократовъ! Когда въ итогъ получится благо отъ тѣхъ мѣръ, какія вы примите, васъ благословитъ нація... Дѣйствуйте подобно природѣ: она заботится о сохраненіи рода, не обращайте вниманія на особей».

Дантонъ, слѣдовательно, практическое благо ставилъ выше всѣхъ соображеній и принциповъ, — т.-е. цѣлью оправдывалъ средства. Конституція должна была склониться предъ политикой,—и конвентъ объявляетъ систематическую войну собственности богатыхъ. Сначала конвентъ усиливался соблюсти законныя формы. За нѣсколько времени до изданія конституціи, почти за два мѣсяца до рѣчи Дантона собраніе диногласно одобрило идею подходящаго налога. Долго обсуждался вопросъ, какую цифру дохода считать предѣльной при обложеніи. Наконецъ,—въ сентябрѣ 1793 года было рѣшено—оставить необлагаемымъ доходъ въ тысячу ливровъ для холостыхъ и въ полторы тысячи для женатыхъ, съ прибавкой — по тысячѣ ливровъ на жену, на каждого ребенка или родственника на иждивеніи облагаемаго. Съ выспихъ нормъ взималась опредѣленная часть, при чемъ весь доходъ выше 9000 ливровъ отбирался въ казну. Очевидно, — вся мѣра носила классовый характеръ и была—официально направлена противъ тѣхъ самыхъ «richards», которыхъ преслѣдовали яростные демагогическіе листки—въ родѣ *Отца Дюшена*. Конвентъ явно стремится благодѣтельствовать бѣдняковъ на счетъ богатыхъ. Его комиссары въ провинціи неуклонно слѣдуютъ этой политикѣ, предлагаютъ просто конфисковать все имущество «богачей-эгоистовъ» въ пользу республики, «революціонно» облагаютъ «богачей и аристократовъ», задавая слѣдующій вопросъ: «развѣ подъ владычествомъ равенства причествуетъ богачамъ, купцамъ, священникамъ, владѣльцамъ замковъ и пергаментовъ плавать въ изобиліи въ то время, какъ патриоты нуждаются во всемъ, и не имѣютъ средствъ, потому что ими завладѣваютъ богачи? Нѣтъ, граждане, *Декларация правъ*—не пустой

звукъ». И комиссары переходятъ къ осуществленію этого «равенства».

Въ провинціи издаются декреты противъ «тунелдцевъ», имъ опредѣляется тюрьма, общиннымъ властямъ разрѣшается взимать съ богатыхъ «революціонный налогъ» пропорціонально ихъ состоянію и «индивизму» — *une taxe révolutionnaire proportionnée à leur fortune et à leur incivisme*. Парижская поммуна приходитъ въ восторгъ отъ этихъ декретовъ и рѣшаетъ обязать булочниковъ — производить только одинъ сортъ хлѣба — *le pain de l'égalité* ⁴⁾.

Въ борьбѣ съ дороговизной конвентъ издаетъ одинъ законъ за другимъ, направляя ихъ противъ свободы торговли и промышленности. Самый замѣчательный — законъ о *maximum*'ѣ, устанавливавшій предѣльные цѣны на товары первой необходимости и узаконившій уровень заработной платы. Мѣры не приводили къ желаннымъ результатамъ, выигрывала спекуляція, терпѣли мелкіе промышленники и народъ по прежнему оставался безъ хлѣба. Конвентъ изнемогалъ подъ самыми разнообразными и фантастическими проектами и экономическими идеями — вплоть до предложенія объявить въ республикѣ «гражданскій постъ» — и запрещенія иллюминировать Парижъ, — съ цѣлью предотвратить вздорозаніе мяса и свѣчей. Геберъ и Шометтѣ неистовствовали противъ богачей и требовали, чтобы «коса равенства прошла по всѣмъ головамъ». Терроръ становился на очередь дня.

Въ результатъ — конституція, созданная во имя равенства и неограниченнаго народо-властія, осталась непримѣнной — именно въ своихъ политическихъ задачахъ. Комитеты, коммуна, комиссары конвента управляли страной, — основываясь на принципахъ, противорѣчившихъ одному изъ основныхъ положеній конституціи. Соціальныи вопросъ практически устранялъ политическій и воочію доказалъ бесплодность какой угодно демократической формы на почвѣ хаотическихъ социальныхъ отношеній. Даже больше: подъ давленіемъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи стали возникать особыя формы обществитія, не предусмотрѣнныя конституціей, но весьма краснорѣчивыя — по своему вдохновляющему смыслу для современниковъ и для будущаго.

⁴⁾ Levasseur. 176. Aulard 823—5.

Въ Парижѣ является организація, превращающая государство въ попечителя и кормильца массы. Оно скупаетъ хлѣбъ по цѣнамъ высшимъ максимум'а и перепродаетъ его потребителямъ по узаконенной цѣнѣ и даже ниже. Рабочіе получаютъ ежедневно по 40 су въ вознагражденіе за участіе въ собраніяхъ секцій. Коммуна почти каждую декаду получаетъ отъ комитета общественнаго спасенія по миліону на прокормленіе населенія.

Въ провинціальныхъ городахъ является настоящая социализація имущества, своего рода коллективныя общества, официально распредѣляющія предметы потребленія между членами и отбирающія излишекъ у однихъ лицъ въ пользу другихъ: такъ происходитъ въ большихъ городахъ — въ родѣ Тулона и Бреста и въ сельскихъ общинахъ ⁴⁵⁾.

Мы видимъ, — жизнь систематически нарушала законъ, — и среди нарушителей на первомъ планѣ — представительное собраніе, правительство и само населеніе. Революціонныя конституціи неуклонно стремились избѣжать социальнаго вопроса, точнѣе не представляли его сущности и глубины, — и въ то же время революціонное законодательство и особенно практика — съ такимъ же постоянствомъ вопросъ о политическихъ формахъ отодвигали на задній планъ предъ экономическими отношеніями. Законодатели одной рукой устанавливали неприкосновенность личной собственности, а другой одновременно нарушали ее — путемъ націонализаціи, конфискацій, своеобразнаго подоходнаго обложенія и, наконецъ, деспотическимъ присвоеніемъ имущества «аристократовъ» и «тунеядцевъ» въ пользу «патріотовъ». Равенство, провозглашенное первой конституціей, — не было осуществлено даже въ самомъ ея текстѣ, равенство, полностью проведенное второй, — осталось въ области теоріи и въ дѣйствительности послужило только предлогомъ для установленія фактческаго *неравенства* не во имя правъ на политическія вольности, а во имя преобразованія социальнаго строя.

Мы видѣли, — программы для этой цѣли не было ни у одной партіи. Событія шли впередъ идей и первая социальная доктрина при революціи сложилась подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ фактовъ.

⁴⁵⁾ Aulard. 827—8.

III.

Паденіе Робеспьера было въ то же время и окончательнымъ устраненіемъ мертворожденной конституціи и приговоромъ всевозможнымъ якобинскимъ проектамъ — водворить всеобщее равенство и счастье. Наибольше послѣдовательнымъ было произведеніе Сень-Жюста *О республиканскихъ учрежденіяхъ*. Это—планъ равномернаго распределенія собственности между гражданами, упраздненіе богатства и нищенства, уничтоженіе права завѣщанія, узаконеніе обязательной для всѣхъ работы вмѣстѣ съ наказаніемъ за праздность и ежегодной публичной отчетностью каждаго гражданина въ пользованіи своей собственностью. Установленный порядокъ предполагалось охранять при помощи широкой организаціи шпіонства ⁴⁶⁾.

Еще болѣе жестокая борьба противъ класса богатыхъ грезилась Робеспьеру. Въ его посмертныхъ бумагахъ оказался своего рода катехизисъ, полагавшій символомъ гражданской вѣры истребленіе «богачей», «буржуа» и «писателей», какъ вѣчныхъ и прирожденныхъ враговъ народа ⁴⁷⁾. Политическое якобинство, очевидно, знало единственное средство соціальной реформы — уничтоженіе одного изъ враждующихъ классовъ,—и терроръ приводилъ въ исполненіе именно эту программу. По существу она являлась отрицаніемъ всякой общественной и государственной жизни, такъ какъ вела борьбу съ самой природой—во имя метафизическаго и даже теоретически—неопредѣлимаго принципа. Система террора была разрушена естественной реакціей общества въ пользу нравственной свободы и политическаго порядка. Конституція III-го года осуществляла эту реакцію.

Вся сущность ея построена на стремленіи устранить—соціально-демократическій вопросъ. Въ политическомъ отношеніи цѣль достигалась непосредственно: эгалитарная конституція оказалась непримѣнимой на практикѣ. А противъ соціальныхъ смуть воскресла съ новой силой никогда конституціонно не умиравшая идея—о неприкосновенности собственности. Конвентъ еще до конституціи посѣдшилъ объявить собственность—«священной» и произнести осужденіе

⁴⁶⁾ *Fragments sur les institutions républicaines*, — въ *Hist. parlem. de la Réc.* XXXV, 269—316.

⁴⁷⁾ Thonissen. I, 307—8.

системамъ, внушеннымъ безнравственностью и лѣнностью, возводящимъ воровство въ доктрину. Ораторы и печать требовали политическихъ преимуществъ собственникамъ, конвентъ распорядился напечатать рѣчь, утверждавшую, что «страна управляемая собственниками—пользуется социальнымъ порядкомъ»⁴⁸).

Господство людей порядка надъ новымъ законодательствомъ ярко обнаружилось въ оригинальномъ изложеніи *Декларация правъ чело-вѣка и гражданина*: къ правамъ присоединены «обязанности». Избирателемъ могъ быть всякій гражданинъ, платящій прямой налогъ, но выборы узаконялись двустепенные и выборщики депутатовъ должны были или собственниками или арендаторами съ точно опредѣленнымъ доходомъ — смотря по населенности мѣстностей. Законодательная власть дѣлилась между двумя палатами,—и въ лицѣ директоріи являлась исполнительная власть съ довольно широкими функциями начиная съ права—располагать вооруженной силой и принимать мѣры противъ заговоровъ⁴⁹).

Общій духъ новой конституціи свободно могъ примириться съ монархіей. За исключеніемъ veto многія ея статьи консервативнѣе и аристократичнѣе даже конституціи 91-го года. Исполнительной власти давалось право «издавать прокламаціи сообразно съ законами и для ихъ исполненія»,—постановленіе, аналогичное знаменитой 14-й статьѣ реставраціонной конституціи,—статьѣ, уполномочившей Карла X на юльскіе ордонансы. Директоріи также пришлось производить перевороты и она это могла дѣлать, не вызывая революціи—напротивъ уравнивая путь къ монархіи Наполеона. Въ самомъ началѣ новаго порядка директорія блистательно обнаружила преобладаніе въ обществѣ охранительныхъ тенденцій надъ представительными и еще болѣе надъ революціонными. Якобинство дало послѣднее сраженіе собственности и буржуазіи—въ заговорѣ Бабѣфа.

Заговоръ былъ разрушенъ необыкновенно быстро и легко,—но онъ долженъ занимать видное мѣсто въ исторіи общественнаго сознанія Франціи. Мѣсто—отрицательное, характеризуемое идейнымъ тщедушіемъ и практической беспочвенностью социальной доктрины.

⁴⁸) Lichtenberger. *O. c.* 130—1.

⁴⁹) Titre VI. Pouvoir exécutif, 144—5. Hélie. 448—9.

Бабёфъ основными чертами своего міросозерцанія связанъ съ XVIII вѣкомъ,—съ его типичнымъ теоретическимъ социализмомъ—съ мечтами о золотомъ вѣкѣ—въ духѣ Руссо или древней Спарты. И первые источники вдохновенія Бабёфа—Плутархъ и сочиненія жевневскаго философа. У него сынъ носить имя Эмиля, а самъ онъ впоследствии назовется Гаемъ Гракхомъ. Составить положительную программу изъ этихъ данныхъ въ высшей степени трудно, и Бабёфъ до революціи приводя въ порядокъ землевладѣльческіе документы у феодаловъ, пропитывается ненавистью прежде всего къ феодальной собственности, а потомъ и ко всякой вообще. Революціонныя событія, разрѣшавшія социальный вопросъ независимо отъ законодательства путемъ всякаго рода экзекуцій надъ собственностью, принципіальныхъ гоненій на «богачей»,—должны были совпасть съ давними мечтами Бабёфа,—и онъ въ своей газетѣ *Tribun du peuple* возводитъ въ теорію отдѣльныя мѣры революціонныхъ дѣятелей. Единственное спасеніе онъ видитъ—уничтожить частную собственность, создать общую администрацію, «приурочить (*attacher*) каждаго человѣка къ таланту, къ промышленности, какую онъ знаетъ, обязать его складывать продукты въ общій магазинъ». Дальше Бабёфъ проектировалъ администрацію для веденія списковъ лицъ и предметовъ, для распредѣленія продуктовъ «въ строжайшемъ равенствѣ» и доставленія ихъ на домъ каждому потребителю⁵⁰).

Мы видѣли,—такъ или приблизительно такъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ Франціи. Бабёфу оставалось изобрѣсти общее оправданіе практики и отрывочныя мѣропріятія систематизировать въ цѣльный планъ. Особенной изобрѣтательности не потребовалось,—нужно было выставить догматомъ не конституціонное равенство, какъ это узаконялось до сихъ поръ, а *фактическое* и притомъ *совершенное*, т. е. неограниченное никакими указаніями психологіи и опыта. *Egalité de fait, égalité parfaite, égalité réelle*—въ этихъ выраженіяхъ весь смыслъ бабувистскаго ученія,—и къ нему естественно пристали наиболѣе дѣятельные элементы бывшаго террора. Собственно террористская задача разрушенія и объединяла послѣдователей Бабёфа. Главнѣйшіе заговорщики имѣли различныя міросозерцанія.

⁵⁰) Aulard. O. c. 829. Espinas. 818—20.

Многіе стремились свое дѣло поставить на религіозную почву,— т. е. создать совершенную нравственную и социальную организацію. Буонаротти, главный вождь бабувизма послѣ самого Бабёфа и впоследствии историкъ заговора, исповѣдовалъ деизмъ въ духѣ Руссо и мечталъ распространеніе эгалитарныхъ идей приспособить къ празднованіямъ декадъ и вообще облечь новое движеніе въ «религіозныя формы». Буонаротти сообщаетъ, что въ обществѣ возникли горячіе споры, длились нѣсколько засѣданій,—и вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно. Была назначена коммиссія—«нанять храмъ и приготовить катихизисъ и уставъ новаго культа»⁵¹⁾. Другіе, напримѣръ, Сильвонъ Марешаль, авторъ *Манифеста равныхъ*, исповѣдовалъ материализмъ. Но конечная социальная цѣль у нихъ одна и та же.

Всѣ они одушевлены ненавистью противъ конституціи III-го года: это чувство одно изъ знаменъ ихъ борьбы. *Manifeste des Egaux* называетъ ее «аристократической» наравнѣ съ первой конституціей; обѣ онѣ не разбили, а выковали цѣпи; осуждается также и конституція 93-го года. Манифестъ требуетъ равенства—все равно путемъ какихъ жертвъ: «мы на все согласны ради него,—согласны на *tabula rasa* лишь бы остаться вѣрными ему. Пусть если надо погибнуть всѣ искусства, лишь бы намъ осталось дѣйствительное равенство». Отъ природы люди не равны только по возрасту и полу. У всѣхъ однѣ и тѣ же способности и потребности,—и для всѣхъ должно быть одно и то же воспитаніе и одна пища»⁵²⁾.

Такъ какъ на вопросѣ о пищѣ строится весь идеаль,—то желудокъ полагается въ основу социальныхъ выводовъ. «Нелѣпо и несправедливо, говорить другой документъ бабувизма, притязать на большее вознагражденіе для того, чья задача требуетъ болѣе высокой степени пониманія, больше прилежанія и большаго напряженія ума; это никоимъ образомъ не относится къ его желудку»⁵³⁾.

Буонаротти убѣжденъ, что способность чувствовать, думать, желать, сообщать другимъ свои идеи и понимать чужія—«существуютъ почти въ одинаковой степени—à peu près au même degré—у всѣхъ людей здоровыхъ и хорошо организованныхъ»⁵⁴⁾.

⁵¹⁾ Buonarotti. *Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf*. Bruxelles 1828. I, 140.

⁵²⁾ *Манифестъ въ Appendice* у Thonissen'a I, 355.

⁵³⁾ Espinas. 313.

⁵⁴⁾ Buonarotti. I, 261—5.

Но бабувистамъ въ то же время извѣстно, что—можетъ случиться—одинъ рабочій выработаетъ за четверыхъ и потребуетъ соотвѣтственной платы. Какъ тогда поступать? «Мудрость требуетъ» — «подавить такого человѣка, преслѣдовать его какъ социальный бичъ, по крайней мѣрѣ поставить его въ невозможность выполнять урокъ больше чѣмъ за одного и требовать за это вознагражденія»⁵⁵⁾.

Слѣдовательно,—для достиженія «общаго счастья» необходимо не только уничтожить личную собственность, но и самую личность, урегулировать не только работы, но и способности, не только долю потребляемыхъ продуктовъ, но и желанія. «Для счастья личностей, по мнѣнью бабувистовъ, — существенно, чтобы гражданинъ нигдѣ не встрѣчалъ ни малѣйшаго признака даже видимаго преимущества», — т. е. даже во внѣшней жизни. И по сообщенію Буонаротти, бабувисты рѣшили ограничиться только тѣми искусствами и ремеслами, какими легко могутъ выучиться всѣ. Даже «всякое уваженіе къ превосходству талантовъ—опасно», учить бабувизмъ⁵⁶⁾.

Практическія послѣдствія этого ученія очевидны. Они кратко и ясно выражены въ словахъ Буонаротти: «въ социальномъ строѣ, какой изобрѣтенъ комитетомъ, отечество завладѣваетъ личностью при рожденіи и не оставляетъ ея до самой смерти». Бабувистское государство величайшій деспотъ, какого только можетъ представить человѣческое воображеніе. Государство воспитываетъ и кормитъ гражданина, но взаменъ совершенно лишаетъ его личной воли и даже личныхъ чувствъ и мыслей. Надъ гражданами тяготѣетъ неусыпная цензура. Она пресѣкаетъ всякое сочиненіе, не согласное съ принципами равенства,—и, напротивъ,—«хранители національной воли» печатаютъ и распространяютъ полезныя по ихъ мнѣнью, произведенія⁵⁷⁾.

Тиранія тѣмъ неотразимѣе, что бабувизмъ не простая человѣческая доктрина, а *религія*. Бабефъ слѣдуетъ общему философскому теченію эпохи, создаетъ идеи—догматы, организуетъ систему, какъ вѣроученіе. Онъ, подобно ненавистной ему конституціи III-го года, также можетъ упомянуть о «присутствіи Верховнаго существа» при про-

⁵⁵⁾ Espinas. 315.

⁵⁶⁾ „Tout respect pour la supériorité des talents est dangereux“. „Ce qui n'est pas communicable à tous doit être retranché“. Buonarotti. I, 210.

⁵⁷⁾ Buonarotti. I, 291—2.

возглашеніи коммунистическаго ученія. Бабефъ даже сравниваетъ себя съ Христомъ, часто вмѣстѣ «мое ученіе» говорить «моя религія». И бабувизмъ обладаетъ своими религіозными истинами и своей катихизаціей. Общественныя празднества должны служить средствомъ распространенія вѣроученія и справляться въ честь разныхъ гражданскихъ добродѣтелей и событій въ жизни каждаго гражданина бабувистской республики. Намъ все это извѣстно изъ общей исторіи религіозныхъ тенденцій революціи. Бабувизмъ вступалъ въ соревнованіе съ теофильностраспией, возстановлялъ «четы догматовъ» на основаніи философіи Руссо и политики Робеспьефа и переносилъ въ свою церковь философскую инквизицію въ распространенной и усовершенствованной формѣ.

Въ идеяхъ Бабефа не было ни одной сколько нибудь оригинальной мысли—послѣ социальныхъ идеаловъ XVIII-го вѣка. Помимо Руссо, давашаго уму Бабефа общій толчокъ и многія частныя соображенія,—напримѣръ относительно желудка, какъ основы социального равенства ⁵⁹⁾ и религіи, какъ необходимой духовной силы общественнаго строя,—другіе второстепенные писатели могли снабдить бабувистовъ всѣми главными параграфами изъ программы. Самъ Бабефъ объявлялъ себя ученикомъ автора *Code de la Nature*, т. е. Морелли. Въ этой книгѣ, дѣйствительно, заключается вся коммунистическая концепція бабувизма ⁶⁰⁾.

Морелли, въ духѣ своего времени, горячо декламируетъ противъ нравственныхъ пороковъ богачей и восхваляетъ добродѣтели и счастье первобытныхъ народовъ, не знающихъ личной собственности, и, слѣдовательно, любостыжанія и эгоизма. Морелли предлагаетъ планъ законодательства, предвосхищающій бабувистскую программу: «всякій гражданинъ будетъ принадлежать обществу, будетъ пропитываемъ, содержимъ и приспособляемъ къ работѣ—на общественное изживеніе». Морелли узаконяетъ общественные магазины и административную раздачу предметовъ потребленія. Регламентация распространяется на всю жизнь гражданина, на его воспитаніе, бракъ,

⁵⁹⁾ Emile. III, (р. Espinas. 113.

⁶⁰⁾ Бабефъ, какъ и его современники, приписывалъ *Code de la Nature* Дидро,—наи́е, сохранившее свою силу даже и въ XIX вѣкѣ—Ср. Lichtenberger. *Le socialisme au XVIII Siècle*. Paris 1895. 104.

даже жилище и одежду,—и въ заключеніе—на религіозныя представленія ⁶⁰⁾.

Этотъ *Кодексъ природы* лежитъ въ основѣ бабувистскаго превращенія гражданскаго общества въ военную армию съ желѣзной и всепроникающей дисциплиной,—и въ обоихъ случаяхъ система построена на противорѣчьи. Морелли, подобно Руссо,—обожатель естественной природы человѣка, приписываетъ ей всѣ нравственныя совершенства,—и въ результатъ именно въ интересахъ этихъ совершенствъ человѣка приходится подвергнуть неусыпному давленію общественной власти, изобрѣсти порядокъ, деспотически пресѣкающій естественное развитіе личности и общества, воздвигнуть тираническую теорію надъ природой и противъ нея. Самая мелочная регламентація заключаетъ человѣка въ тюрьму, на сколько вопросъ касается его индивидуальности и достиженіе физической сытости ставить въ зависимость отъ непрерывнаго военнаго положенія всего общества.

Руссо и за нимъ Робеспьеръ заключали въ точно-опредѣленные рамки нравственную жизнь гражданина, Бабефъ, вдохновленный и просвѣщенный нѣкоторыми дѣйствіями революціи,—тому же опыту подвергаетъ и промышленную дѣятельность гражданъ. Не только умъ долженъ быть дисциплинированъ,—но и трудъ,—міросозерцаніе и «индустрія». Рядомъ съ официальными вѣрованіями—узаконяются принудительныя работы—*travaux forcés*, и тяжкое преступленіе—*incivisme*—тяготѣетъ одинаково—надъ нарушителями доктринъ и индустріальнаго распорядка: *oisif* является нарушителемъ государственнаго строя. По проектамъ бабувистовъ это понятіе индустріальной неблагонадежности получаетъ такое же широкое развитіе, какъ и законы о цензурѣ. Предлагается подробное распредѣленіе работъ между заранѣе составленными классами общества, устанавливается форма платья, упраздняются всякія торговыя сношенія помимо казенныхъ, регулируются даже удовольствія ⁶¹⁾.

Бабувизмъ, слѣдовательно, вполне опредѣленно выставилъ идеаль—*религіозно-государственной организаціи производства и потребленія*. Эта организація носитъ коммунистическій и уравнительный характеръ,

⁶⁰⁾ Lichtenberger. chap. IV.

⁶¹⁾ *Fragment d'un projet de Decret économique*, Buonarrotti. II, 305. Перепечатано у Stein'a I, 184.

основана на теоретически принятой аксіомѣ о безусловномъ равенствѣ человѣческихъ силъ и потребностей у отдѣльныхъ личностей. Аксіома не могла выдержать критики,—мы видѣли, и сами бабуvistas подозрѣвали ея несостоятельность, предполагая необходимость—прибѣгать иногда—къ рѣшительному пресѣченію индивидуальной талантливости и энергіи. Въ результатѣ,—падала и коммунистическая организація, но и то и другое являлось только извѣстной практической *формой* принятаго принципа. Государственная доктрина могла регулировать трудъ и распределять продукты, вовсе не основываясь на метафизическомъ равенствѣ и не принимая гражданъ до послѣдняго возможнаго уровня умственныхъ способностей и производительныхъ силъ. Доктрина могла ввести другія данныя въ свои практическія выводы, т. е. принять въ расчетъ естественное *неравенство* силъ и способностей и, слѣдовательно, неравномѣрность работы и на этихъ неопровержимыхъ основахъ попытаться примѣнить свой руководящій принципъ—философско-экономической опеки надъ обществомъ.

Это будетъ дальнѣйшимъ шагомъ соціального вопроса. Важна его постановка. Она, мы видимъ, совершилась самопроизвольно, въ силу органическаго общественнаго процесса,—вопреки расчетамъ политической революціонной идеологіи. Эта идеологія съ самаго начала оказалась несостоятельной, выходила глубокимъ недоразумѣніемъ, когда съ одной стороны утверждала неприкосновенность собственности, съ другой нарушала ее во имя правящаго въ данное время класса, освящала естественное и политическое равенство по указаніямъ новой философіи и оставляла на старыхъ основахъ непосредственную выразительницу неравенства и первоисточникъ неравоправія—идею личной собственности. Пренебреженный принципъ немедленно обнаруживалъ практическія послѣдствія—независимо и внѣ законодательства, вызвалъ борьбу классовъ на почвѣ только что по видимому, законченной борьбы сословій, показалъ разнородный составъ «націи», ея фактическое глубокое раздвоеніе, предъ которымъ всякое провозглашеніе правъ человѣка и гражданина превращалось въ чисто-метафизическую политику. Фактическаго, реального равенства не существовало и не могло существовать и эту истину во всей подавляющей силѣ обнаружила именно революціонная теорія естественнаго равенства, она создала законное основаніе для нерав-

ныхъ, фактически-подчиненныхъ — стремиться къ равноправному вліянію съ фактически-привилегированными и господствующими. Первая же конституція, узаконявшая основу буржуазнаго строя—цензъ, послужила могущественнымъ толчкомъ для гражданскаго самосознанія массы—своимъ торжественнымъ, соціально безсознательнымъ провозглашеніемъ всеобщаго равенства. На помощь самосознанію явились экономическія и финансовыя бѣдствія, заставившія революцію прибѣгать къ *предварительнымъ* и *революционнымъ* мѣрамъ. Онѣ сводились къ обложенію богатыхъ въ пользу бѣдныхъ—вплоть до опредѣленія излишка, цѣликомъ поступавашаго въ государственную казну. Это были правительственныя средства бороться съ общественной неурядицей,—они прямымъ путемъ вели сознаніе массы къ идеѣ объ ограниченіи индивидуальной собственности въ пользу неимущихъ, т. е. къ равномерному распредѣленію средствъ существованія—общественной властью. Отсюда оставался одинъ шагъ до коммунизма Бабефа со всѣми сопровождающими условіями,—т. е. съ неограниченной государственной тиранніей, съ кореннымъ уничтоженіемъ личной свободы.

Бабувизмъ въ исторіи соціальнаго вопроса выполнялъ роль *Декларации правъ* въ политикѣ, — онъ былъ такой же *декларацией*—со стороны массы, радикальнымъ классовымъ манифестомъ, какимъ «принципы 89-го года», были для «націи», т. е. для экономически — сильнаго, но политически обдѣленнаго третьяго сословія. Оба произведенія и *Déclaration des droits* и *Manifeste des Égaux* одинаково представляли метафизическое направленіе мысли, — но практическая роль *Декларации* выгодно отличалась отъ практическаго значенія *Манифеста* тѣмъ, что *Декларацию* вызвало неравенство дѣйствительно ставшее противоестественнымъ, между тѣмъ *Манифестъ* объявлялъ войну *естественному* неравенству и его метафизика превращалась въ абсурдъ.

Но этотъ фактъ не отнималъ у бабувизма извѣстнаго положительнаго значенія, — и оно также аналогично съ положительнымъ смысломъ *Декларации*. На *Декларации*, принятой во всей ея логической послѣдовательности, оказалось невозможнымъ построить политическую организацію: *неравенство* существовало на почвѣ собственности, — но *Декларация* пролагала свободный путь къ общественному авторитету — силѣ, потенциально всѣмъ доступной, вполнѣ реальной, характери-

зующей часто подлинное достоинство человѣческой личности, какъ *дѣтеля* и *производителя*. Въ области отвлеченія вопросъ былъ ясенъ; вся литература XVIII-го вѣка, ратуя за третье сословіе, опиралась именно на идею личной талантливости, самодѣтельности, противопоставляя ее основѣ благородныхъ привилегій, для пріобрѣтенія которыхъ достаточно единственнаго труда — «родиться», быть сыномъ своего отца. Именно потому что противосословная борьба принципиально была борьбой за индивидуальность и при старомъ порядкѣ на каждомъ шагѣ могла находить и жизненные иллюстраціи въ томъ же смыслѣ, — составители *Декларации правъ* могли искренне считать ее общенациональнымъ, всенароднымъ благодѣніемъ.

Но затрудненія начинались при ближайшемъ же примѣненіи принципа къ практикѣ. Оказывалось, — собственность *фактически* — также привилегія и не личная, а также родовая въ виду права наследованія, и поэтому, — обладаетъ всѣми данными создать новое болѣе или менѣе замкнутое сословіе, ничѣмъ, по исключительности, не уступающее старому: вѣдь и при феодальномъ строѣ можно было изъ *roturier* стать дворяниномъ, — прежнему буржуа врядъ ли представлялось больше препятствій на пути къ дворянству чѣмъ рабочему пролетарію для превращенія въ буржуа или въ «активного гражданина». Оставалось къ собственности отнести такъ же, какъ собственники отнеслись къ титуламъ и граматамъ, и еще разъ призвать *природу* — но не во свидѣтельство нравственнаго достоинства человѣческой личности, а ея животныхъ потребностей. Коммунизмъ — теорія до послѣдней степени матеріальная и по самой сущности непримиримо враждебная духовной сторонѣ чловѣка — во всѣхъ ея проявленіяхъ, носящихъ какой-либо признакъ оригинальности, выдающейся силы и красоты. Въ этой исходной точкѣ коммунистическаго ученія и заключается поучительный смыслъ всего явленія.

Нелѣпость идейной основы коммунизма свидѣтельствовала о грозномъ отчаянномъ положеніи, какое могъ создать социальный вопросъ, т. е. выяснившаяся фактическая привилегированность собственности, непреодолимое господство одного класса надъ другимъ — при данныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Уже первая конституція, выросшая подъ сѣнью человѣческихъ правъ и при энтузіазмѣ законодателей и народа, узаконила — повелителей и подданныхъ и оградила этотъ порядокъ гражданскимъ и военнымъ оплотомъ. Тогда событія по-

казали, къ чему можетъ привести массу этотъ порядокъ вещей и какихъ идеологовъ можетъ вдохновить и сдѣлать опасными. Терроръ былъ фактическимъ отвѣтомъ, бабувизмъ—не по своей винѣ—только теоретическимъ,—и оба, мы видѣли, въ своей ненависти противъ «аристократовъ» и «богачей», т. е. въ своей классовой истребительной программѣ—могли опираться на многіе официальные приемы революціи.

Внутренне было трудно было поставить новую задачу—послѣ рѣшенія чисто-политической и сословной. Бабувисты были правы: революція не могла считаться законченной,—они только выбрали средство—закончить ее—совершенно безнадежное. Говорятъ, у Бабефа было до семнадцати тысячъ сторонниковъ,—и тѣмъ не менѣе директоріи удалось однимъ ударомъ задушить заговоръ. Но успѣхъ правительства доказывалъ только идейную немощь бабувистской доктрины, обнаружившей неспособность воодушевить массу,—но отнюдь не устранялъ почвы для возникновенія новыхъ доктринъ — болѣе убѣдительныхъ и удачливыхъ. Процессъ ослабѣлъ только на время, подавленный новыми—не социальными—интересами. Быстро возникшая и, наконецъ, установившаяся новая монархія на много лѣтъ притупила остроту социальной задачи, направивъ тысячи неимущей демократіи на поля битвъ и подчинивъ страну казарменному режиму. Военный духъ неограниченно возобладалъ надъ мирнымъ, т. е. промышленнымъ, подчинилъ его своимъ цѣлямъ,—но не закончилъ революціи, не создалъ устойчивой нравственной почвы для общественнаго порядка, не *организовалъ* общества, а только на время *сковалъ* его, пользуясь всеобщей усталостью послѣ революціонныхъ смутъ и жаждой хотя бы внѣшняго порядка и полицейской безопасности.

Этотъ смыслъ—предварительнаго, переходнаго успокоенія Франціи послѣ революціи — вполне понялъ Сень-Симонъ и приступилъ къ нерѣшенной правительствомъ задачѣ — закончить революцію, а для этого создать непоколебимую доктрину—на основахъ историческаго и только что пережитаго опыта.

До революціи мы видѣли Сень-Симона въ состояніи непрерывной душевной тревоги и умственной жажды. Но предметъ стремленій еще не успѣлъ выясниться. Достоверно одно, — Сень-Симонъ чувствуетъ разложеніе существующаго политическаго и социальнаго строя. У него самого, повидному, уже исчезла всякая связь съ феодальной почвой. Онъ поступаетъ вопреки основнымъ принципамъ

родовитой знати, — вмѣсто военной службы — занимается финансовыми проектами, слушает лекціи, всюду ищетъ — поприща для экономической предпримчивости. Въ немъ будто переродился древній рыцарскій авантюризмъ, сохранивъ всю свою неугомонность, свою донкихотскую окраску, — только изъ воинственнаго сталъ индустриальнымъ. И во всемъ новомъ блескѣ обнаружилъ во время революціи.

IV.

Поведеніе Сень-Симона въ революціонную эпоху, по мнѣнію нѣкоторыхъ его судей, — едва ли не самая предосудительная полоса его жизни. Мы видѣли, — Робине — съ трудомъ находить слова — достойно заклеить Сень-Симона, спекулировавшаго на «несчастьи» Франціи и занимавшагося ажіотажемъ при самыхъ грозныхъ опасностяхъ отечества. Робине, не удовольствовавшись удостовѣренными фактами самымъ свободнымъ толкованіемъ ихъ, постарался приписать Сень-Симона еще нѣсколько преступленій, — совершенно произвольно ⁶²).

Сень-Симонъ не могъ предвидѣть такой мести за Конта, — иначе, можетъ быть, онъ полнѣе рассказалъ бы о своихъ дѣйствіяхъ при революціи. Въ автобіографіи онъ заявляетъ, что не вмѣшивался въ революцію — по двумъ причинамъ: съ одной стороны онъ былъ убѣжденъ въ гибели стараго порядка, съ другой — чувствовалъ отвращеніе къ разрушенію, а обѣ партіи — придворная и національная — стремились уничтожить другъ друга. «Моя дѣятельность, продол-

⁶²) Робине всѣ финансовыя операціи, совершавшіяся при революціи подъ именемъ Henri-Simon или просто Simon приписываетъ Сень-Симону. Доказательствъ у автора нѣтъ, — но и опроверженія также затруднительны. Одно только обвиненіе, повидимому, можно устранить съ нѣкоторой вѣроятностью. Нѣкій Симонъ фабриковалъ въ Парижѣ игральныя республиканскія карты, — Робине видитъ въ этомъ спекуляторѣ Сень-Симона. Недавно опубликованныя отрывки изъ тайныхъ донесеній агентоу графа Прованскаго въ Парижѣ при консульствѣ позволяютъ не всѣ спекуляціи съ именемъ Simon'a относить къ нашему философу. Въ донесеніи агентоу рассказывается одинъ изъ примѣровъ бонапартовскаго деспотизма. Женѣ брата перваго консула понравился домъ нѣкаго г-на Simon'a, приобретенный во время распродажи національныхъ имуществъ — за ничтожную цѣну. Бонапартъ заставилъ Simon'a продать этотъ домъ ему. Этотъ Симонъ былъ женатъ на актрисѣ французскаго театра m-lle Lange и никоимъ образомъ не можетъ быть отождествленъ съ Сень-Симономъ. Очевидно, — въ Парижѣ дѣйствительно спекуляторъ съ фамиліей Simon и Робине, если бы онъ писалъ свою книгу послѣ опубликованнаго „неизданнаго документа“, пришлось бы навести точныя справки насчетъ спекуляцій г. Симона и графа Сень-Симона. *Un document inédit. Revue des deux Mondes. 1899, t. CLIII, 143—4.*

жаеть Сень-Симонъ, направилась въ сторону финансовыхъ спекуляцій» т. е. покупки національныхъ имуществъ ⁶³⁾.

Въ *Письмахъ къ присяжнымъ* и въ *Катехизистъ промышленниковъ* Сень-Симонъ не упоминаеть больше о своихъ спекуляціяхъ, а просто заявляетъ, что онъ въ «теченіе всей революціи игралъ неизмѣнно и исключительно роль зрителя и наблюдателя», не занималъ никакой должности и не принадлежалъ ни къ какой партіи ⁶⁴⁾.

Всѣ эти заявленія не точны. Сень-Симонъ игралъ при революціи дѣятельную роль и принадлежалъ къ партіи третьяго сословія—болѣе крайняго, чѣмъ умѣреннаго отгѣнка.

Въ концѣ 89-го года онъ былъ выбранъ въ родовой коммуѣ Фальви предсѣдателемъ собранія, которому предстояло назначить новый муниципальный совѣтъ. Сень-Симонъ по этому случаю произнесъ рѣчь. Онъ благодарилъ земляковъ за честь и выражалъ опасеніе, не состоялось ли ихъ выборъ изъ уваженія къ нему, какъ своему сеньеру, а не ради его личныхъ достоинствъ. «Больше нѣтъ сеньеровъ, господа, продолжалъ Сень-Симонъ; всѣ мы здѣсь совершенно равны, и чтобы титулъ графа не вводилъ васъ въ заблужденіе и вы не думали, что я имѣю сравнительно съ вами высшія права,—я навсегда отказываюсь отъ графскаго титула и считаю его гораздо ниже имени гражданина». И Сень-Симонъ просилъ свой отказъ внести въ протоколь.

Помимо рѣчи на избирательномъ собраніи Сень-Симонъ произнесъ нѣсколько рѣчей въ общинной церкви, внушая своимъ соотечественникамъ «сильнѣйшую любовь къ свободѣ и равенству». Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ проповѣдей община послала въ національное собраніе адресъ, сочувственный его дѣятельности, обложила себя добровольно особымъ патриотическимъ налогомъ и отказалась отъ скидки съ подати, когда въ концѣ 1789 года были обложены привилегированные. Община предложила Сень-Симону должность мэра,—онъ отказался, предостерегая народъ—не назначать на какія-либо мѣста дворянъ и священниковъ до конца революціи ⁶⁵⁾. Наконецъ, въ маѣ 1790 года Сень-Симонъ на канто-

⁶³⁾ Ed. Rodrigues, I, XVIII—XIX.

⁶⁴⁾ O. choisies, II, 415. *Oeuvres*. XXXVII. 47.

⁶⁵⁾ Hubbard. 21—3.

нальномъ собраніи убѣдиль избирателей послать въ національное собраніе просьбу — уничтожить дворянскіе титулы. Сень-Симону была поручена редакція.

Въ началѣ адреса выражается восхищеніе предъ законодательной дѣятельностью собранія, заявляется, что избиратели кантона единогласно рѣшили «посвятить первые моменты политическаго существованія, дарованнаго имъ Собраніемъ,—на то, чтобы поздравить это собраніе съ прекраснѣйшимъ пользованіемъ верховной властью, всеобщей волей, органомъ которой оно является».

Это поздравленіе въ 1790 году звучало преждевременно по-республикански,—дальше чувствовался духъ, переходившій границы политическаго либерализма.

«Мы изъявляемъ вамъ глубочайшее презрѣніе къ этимъ свѣтскимъ ханжамъ, которые осмѣливаются призывать Бога въ защиту своихъ богатствъ, выказывая притворный страхъ предъ религіей,—въ тотъ самый моментъ, когда 25 милліоновъ людей подають великій примѣръ вселенной—вспомнить, что Предвѣчный сотворилъ всѣхъ людей безразлично по своему образу, и перестаютъ оскорблять величіе Всемогущаго *нечистивыми* отличіями рожденія, и, желая впредь повиноваться только тѣмъ, кто больше другихъ приближается къ Его божественнымъ совершенствамъ, они объявляютъ, что всѣ граждане равно допустимы по всѣмъ общественнымъ санамъ, должностямъ и мѣстамъ — сообразно своимъ способностямъ и безъ всякаго другаго отличія—помимо добродѣтели и талантовъ. Пусть національное собраніе не воображаетъ, что горячее чувство, вызываемое въ насъ религіознымъ принципомъ равенства и человѣческихъ правъ,—заставляетъ насъ съ огорченіемъ видѣть, что собраніе до сихъ поръ оставило нетронутыми титулы, напоминающіе намъ іерархическій строй тиранніи. Напротивъ, — мы восхищались его благоразуміемъ: собраніе уничтожая всѣ привилегіи, связанныя съ титулами, заботливо сохраняло намъ легкій способ — отличать въ нашей средѣ тѣхъ, кого личный интересъ отдѣлилъ отъ общаго дѣла». Но теперь, заканчиваетъ Сень-Симонъ, власть справедливости достаточно упрочена, враги больше не страшны,—не найдутъ ли «августѣйшіе законодатели» умѣстнымъ — уничтожить даже память о старомъ режимѣ? «6»).

«6) Гл. 23—4. *N. hist.* I, 15—6. Дворянство и титулы были уничтожены закономъ 23 іюня 90 года. *Hélie.* 120—1.

Сень - Симонъ, очевидно, былъ совершенно увлеченъ первой эпохой революціи и могъ быть причисленъ къ самымъ пламеннымъ разрушителямъ. Въ адресѣ онъ говоритъ о «счастливой эпохѣ» и рассчитываетъ, что революція окончательно восторжествуетъ со своими метафизическими идеями свободы и равенства, — и Сень-Симонъ въ адресѣ съ точностью воспроизводитъ выраженія *Декларации правъ*. Ясно, какъ далека онъ былъ въ 1790 году отъ сколько-нибудь оригинальной организаторской идеи. Замѣчательно, что онъ впоследствии ни разу не вспомнилъ ни о своихъ рѣчахъ, ни о своемъ адресѣ: несомнѣнно, — эти дѣйствія онъ считалъ недостойными своего позднѣйшаго политическаго міровозрѣнія и эти воспоминанія явились бы непримиримымъ противорѣчіемъ его критикѣ революціоннаго движенія. Остается удостовѣрить по крайней мѣрѣ два направленія идей Сень-Симона въ эпоху революціи: одно — безукоризненно революціонное, другое — критическое по отношенію къ революціи и организаторское сравнительно съ ея дѣятельностью. Сень-Симонъ въ извѣстный моментъ разочаровался въ революціи, оторывшейся *Декларацией правъ*, и остановился, внимательно всматриваясь въ людей и въ событія и задавая себѣ вопросъ — о смыслѣ и концѣ всего движенія.

Когда это произошло, — у насъ нѣтъ данныхъ. Имѣется лишь косвенное указаніе. Сень-Симонъ усвоилъ крайне жесткій взглядъ на политическую власть толпы, заявилъ его въ первомъ же сочиненіи и остался при немъ до конца. Можно думать, — въ тотъ моментъ, когда толпа получила значеніе въ революціонныхъ событіяхъ и обнаружила свое участіе насиліями, — Сень-Симонъ отвернулся отъ «религіозныхъ» идей — равенства и свободы и невольно началъ приводить въ связь революціонную метафизику съ фактами. Съ этихъ поръ онъ выпелъ изъ политическаго потока и принялся за финансовую дѣятельность.

Какія побужденія руководили имъ?

Прежде всего, несомнѣнно, большую роль играла исконная страсть къ предпринимательству, къ авантюристическому прожектерству — въ индустріальномъ направленіи. А что касается дѣли — она заключалась въ окружающей дѣйствительности.

Сень-Симонъ могъ начать скупать національныя имущества не раньше конца 1790 года. Въ ноябрѣ предыдущаго послѣдовалъ

законъ о націонализаціи имущества духовенства, въ сентябрѣ слѣдующаго — однородный законъ о коронной собственности, а въ августѣ Мирабо уже предлагалъ продажу національныхъ имущества — для покрытія государственнаго долга ⁶⁾). Эти имущества, оцененныя почти въ два съ половиною миллиарда, должны были послужить обезпеченіемъ ассигнацій. Выпускъ ихъ означалъ какъ бы предварительное отчужденіе національной собственности. Государственные кредиторы платили долги ассигнаціями и онѣ принимались, какъ привилегированная плата при покушкѣ національныхъ имущества. По возвращеніи въ казну, ассигнаціи должны были считаться. Выпускъ ихъ не могъ, по закону, превзойти цѣнности имущества. Правительство позаботилось обставить распродажу имущества всевозможными льготами и удобствами, и имѣя въ виду превратить ихъ въ возможно ходкій *товаръ*, по выраженію Мирабо. Ассигнаціи одновременно должны были замѣнить драгоценные металлы и представлять собой національное богатство.

Расчеты не осуществились. Металлическіе деньги исчезали предъ бумажными, пришлось прибѣгнуть къ принудительному курсу и все таки ассигнаціи разбѣгивались неохотно и быстро упали на 20% номинальной стоимости. Паденіе курса заставляло увеличивать выпуски, а выпускъ въ свою очередь понижалъ курсъ и уже учредительное собраніе довело сумму ассигнацій почти до двухъ миллиардовъ, законодательное собраніе прибавило 900 миллионновъ, и ассигнація котировалась 43 за 100, но не переставала представлять національное имущество, и оно соответственно такъ же падало въ цѣнѣ. Спекуляціи открывалось блестящее поприще. На него и вступилъ Сеель-Симонъ.

Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ одновременно съ упадкомъ государственнаго кредита — страна подверглась жестокому экономическому бѣдствіямъ. Мы знаемъ, къ какимъ результатамъ привели они органы правительства и само населеніе. Въ государствѣ исчезъ правомѣрный порядокъ. Одна конституція была отмѣнена, другая, только что созданная, не могла дѣйствовать. Всюду — въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ — царствовала безпощадная междоусобная война классовъ, доходившая до террористической и коммунистической

⁶⁾ Hélie. 55, 111. Laferrière. 153

проповѣди. Идеи свободы и справедливости казались навсегда погребенными въ ту эпоху, когда открыто на улицахъ и въ тюрьмахъ происходила рѣзня и въ Парижѣ водворялись настоящіе шайки разбойниковъ, вынуждавшія жителей отдѣльныхъ секцій организоваться въ общества самозащиты. Можно было повѣрить въ наступленіе временъ варварства ⁶⁸⁾.

Требовалась незаурядная смѣлость, чтобы при такихъ условіяхъ заниматься денежными операціями,—Сень-Симонъ и поплатился за нихъ: его, какъ подозрительнаго, посадили въ тюрьму,—можетъ быть за союзъ съ пруссакомъ Редерномъ. Въ 93 году это значило начать путь на гильотину—Сень-Симону было о чемъ раздумать,—при неутомимой экзальтациіи его чувства и воображенія. Несомнѣнно,—нравственно онъ много пережилъ сначала въ мрачномъ казематѣ Sainte-Pélagie, потомъ въ свѣтской Люксембургской тюрьмѣ. Впослѣдствіи онъ писалъ, будто ему ночью въ Люксембургѣ явился Карлъ Великій и предсказалъ ему великую славу философа ⁶⁹⁾. Мысль готовъ вѣрить въ подлинность экстагического состоянія Сень-Симона: переживались необычныя минуты, жизнь уподоблялась грезѣ, ежеминутно угрожавшая смерть превращала человѣка въ ясновидца ⁷⁰⁾.

Какъ бы то ни было,—мысль заключеннаго работала крайне нервно и не безъ примѣси мистической мечты. Именно въ эти будто предсмертные дни Сень-Симонъ долженъ былъ съ особенной глубиной чувства и жаромъ воображенія передумать совершившіяся предъ нимъ событія. Мы увидимъ,—его психологія какъ мыслителя вообще въ высшей степени родственна духовной организаціи вдохновеннаго изобрѣтателя идей и образовъ. Главная сила нашего философа—въ озаряющихъ геніальныхъ концепціяхъ, предупреждающихъ анализъ и предшествующихъ логическимъ комбинаціямъ отдѣльныхъ мыслей и фактовъ: Сень-Симонъ творческая философская натура, а не исследовательскій идеологическій умъ. Во время

⁶⁸⁾ Levasseur. I, 179. *.

⁶⁹⁾ Письмо къ влемеяннику—*Oeuvres*. XV, 101.

⁷⁰⁾ Мысль имѣетъ въ виду другое видѣніе Сень-Симона—въ *Lettres d'un habitant de Genève*; здѣсь Сень-Симонъ не упоминаетъ о тюрьмѣ и не говоритъ о времени видѣнія,—и „une apparition“ въ *Письмахъ* могло быть просто ораторскимъ приемомъ, подходящимъ для пророчества. Michlet. *Hist. du XIX s.* I, 44.

процесса писанія ему впадаетъ,—его освѣняетъ та или другая идея и онъ, безъ всякой пощады послѣдовательному развитію поставленной задачи,—стремится за этой идеей и возвращается къ исходной точкѣ, только исчерпавъ ее и иногда извиняясь предъ читателемъ за свое увлеченіе ⁷¹⁾). Въ этихъ наитіяхъ—высшіе моменты духовной жизни Сень-Симона,—и трудно оцѣнить всѣ выгоды, какія, напримѣръ, аналитическій умъ Конта могъ извлечь изъ интуицій такого собесѣдника. И пребываніе въ тюрьмѣ было однимъ изъ періодовъ, особенно богатыхъ этими наитіями, при общемъ повышенномъ состояніи духа и при только что пережитыхъ необыкновенно внушительныхъ впечатлѣніяхъ.

Сень-Симону долженъ былъ со всей ясностью представиться общій смыслъ революціоннаго движенія. Начавшись съ ниспроверженія уже полуразрушеннаго стараго порядка,—оно тщетно стремилось къ организаціи новаго. И это стремленіе выражалось въ поискахъ за новой доктриной—соціального и религіознаго содержанія. Первая грань, гдѣ разсчитывала остановиться революція,—провозглашеніе гражданской церкви и всеобщаго равенства—оказалась непрочной по самой своей основѣ: католическая доктрина наружила внутреннее несоотвѣтствіе новымъ запросамъ человѣческаго ума и вновь созидающемуся общественному строю, а *Декларация правъ* немедленно повела къ противорѣчіямъ и выказала бесплодность положительнаго творчества непосредственно за уничтоженіемъ дворянскихъ привилегій. Сама дѣйствительность, слѣдовательно, указывала на неизбѣжность новаго нравственно-философскаго ученія и введенія въ него вопроса о *классахъ*, т. е. о собственности о соціальной справедливости.

Что и новая доктрина должна была носить религіозный характеръ,—это выяснялось изъ тѣхъ же фактовъ революціи, изъ многочисленныхъ попытокъ новыхъ преобразователей создать государственную церковь и общій символъ вѣры. Они въ этомъ стремленіи продолжали традицію просвѣтительной эпохи и безпрестанныя ссылки ихъ на ея идеи не могли не убѣдить Сень-Симона въ постоянствѣ культурной струи, которую можно назвать общечеловѣческой жаждой положительнаго міровоззрѣнія. Религіозно-догматическій

⁷¹⁾ Особенно характерные примѣры—*Oeuvres* XL, 53, 61, 132; XX, 240, 185.

характеръ новаго движенія Сень-Симонъ готовъ видѣть еще въ началѣ. Онъ *Декларацию правъ* склоненъ приравнять къ символу вѣры, ея истины называетъ *религиозными*, а старыя основы общества—*нечестивыми*. Въ этихъ выраженіяхъ нельзя видѣть внушенія религіознаго чувства въ общепринятомъ смыслѣ,—но они плодъ—*догматическаго* настроенія, положительно—организующаго ума. Съ точки зрѣнія догматизма и организациі смотрѣль Сень-Симонъ на революціонные манифесты,—и разочаровался въ нихъ послѣ того какъ открылось ихъ безсиліе—упрочить общественный порядокъ и установить новую доктрину. Отсутствіе ея стояло въ естественной связи съ политической и особенно соціальной смутой. Народъ, отшатнувшійся отъ католичества, оставался безъ всякаго нравственнаго руководства и отдался внушеніямъ первобытныхъ инстинктовъ. Необходимость подчинить эти инстинкты доктринѣ сознавалась среди всѣхъ партій,—и это сознаніе лежало въ основѣ революціонныхъ культовъ.

Сень-Симонъ могъ близко видѣть новыя религіи Разума и Верховнаго существа, убѣдиться въ ихъ беспочвенности и причину ея усмотрѣть въ томъ же общемъ смыслѣ новыхъ религіозныхъ доктринъ, какой осудилъ на соціальное безплодіе политическое ученіе *Декларациі*,—т. е. въ метафизичности ихъ источника и ихъ положеній. Катихизисы Разума и Верховнаго существа опирались на ту же категорію философскихъ идей, какая внушила и революціонную разрушительную политику, т. е. на анти-теологию. Исключительно-критическій характеръ этой категоріи долженъ былъ стать очевиднымъ уму Сень-Симона послѣ одинаково безплодныхъ опытовъ творчества въ области соціального и нравственнаго порядка. Оставалось найти другую почву для созиданія, другой источникъ организаторскихъ идей. И онъ отыскивался просто,—по методу остатковъ. Метафизика Руссо и Вольтера являлась исчерпанной, роль ея сыграна въ тотъ моментъ, когда общество находилось въ состояніи крайней политической дезорганизациі. Какая же могла быть болѣе прочная основа порядка, чѣмъ отжившая католическая метафизика и положительно-беспомощная философская? Только почва точныхъ и опытныхъ наукъ.

Мы знаемъ,—мысль XVIII-го вѣка шла этими двумя путями,—и учитель Сень-Симонъ принадлежалъ къ научному. Ученіе те-

перь могъ съ особеннымъ чувствомъ припомнить уроки Даламбера. Одновременно не могъ не припомниться и докладъ, прочитанный Кондорсе въ законодательномъ собраніи 20 апрѣля 1792 года—о народномъ образованіи. При всемъ метафизическомъ энтузіазмѣ, Кондорсе—какъ настоящій ученый—настаивалъ на самомъ широкомъ распространеніи опытныхъ наукъ и требовалъ наравнѣ съ ними преподаванія морали, очевидно не сомнѣваясь въ ея научномъ составѣ. Кондорсе мечтали о непрерывномъ распространеніи въ народѣ знаній и нравственныхъ воззрѣній, даже взрослые должны были разъ въ недѣлю или въ мѣсяцъ слушать лекціи. И мы знаемъ, идея государственной доктрины, преподаваемой путемъ уроковъ и публичныхъ чтеній,—одна изъ популярнѣйшихъ задачъ революціоннаго движенія. Сень - Симонъ не могъ не присоединиться къ ней,—и не поставить себѣ первой практической цѣли дѣятельности: обширное ученое учрежденіе—для усовершенствованія и распространенія наукъ.

Другая цѣль—также была не только намѣчена революціей, но даже осуществлена—хотя и крайне неудачно. Помимо воспитанія—народу въ ближайшемъ будущемъ требовалось дать работу. Революція изобрѣла національныя мастерскія. Сень - Симонъ также составляетъ планъ «промышленнаго учрежденія» и даже начинаетъ постройки.

Такимъ образомъ,—философскій и социальный путь въ общихъ чертахъ Сень - Симонъ получаетъ отъ XVIII-го вѣка и отъ революціи. Новая научно-нравственная доктрина и улучшеніе социального положенія массы: одна идея сопровождается великимъ значеніемъ, какого опытные науки достигаютъ при революціи даже въ судьбѣ государства, а другая—чрезвычайно важной ролью, доставшейся не собственникамъ въ революціонной смутѣ. Сень - Симону оставалось только глубоко почувствовать общій смыслъ современныхъ событій. Обычная экзальтація немедленно заслонила предъ глазами философа всѣ чисто-матеріальныя соображенія,—и онъ рѣшилъ тратить свои доходы съ неограниченной щедростью на совершенствованіе науки и индустріи.

Мы знаемъ, — доходы принадлежали не одному Сень - Симону. Еще въ Мадридѣ онъ познакомился съ нѣмецкимъ дипломатомъ, по матери французскаго происхожденія — графомъ Редерномъ. Графъ

даль Сень-Симону 660,000 ливровъ. У самого Сень-Симона, надо полагать, не было большихъ средствъ. Отець его умеръ въ 1783 году и эта смерть не оказала никакого вліянія на финансовое положеніе сына. Богатство въ семью принесла мать, но ее разорила революція ⁷²⁾. Слѣдовательно, — въ компаніи съ Редерномъ Сень-Симонъ участвовалъ преимущественно, а можетъ быть, и исключительно личнымъ трудомъ: онъ и самъ позже утверждалъ, что всѣ средства свои заработалъ, а не наслѣдовалъ. Искусства особеннаго не требовалось, — а только смѣлость. Сень-Симонъ намѣревался за сравнительно небольшую сумму приобрести національныхъ имуществъ на десять милліоновъ и скупилъ, между прочимъ, всѣ имуществва въ цѣломъ департаментѣ ⁷³⁾. Въ январѣ 1791 года Редернъ покинулъ Парижъ, — и Сень-Симонъ остался единственнымъ распорядителемъ. Ассигнаціи не переставали падать, и къ послѣднимъ днямъ конвента фунтъ хлѣба стоилъ 50 ливровъ, фунтъ мяса 130, и со времени казни Робеспьера до закрытія конвента было выпущено ассигнацій почти на тринадцать милліардовъ. И въ теченіе всего этого времени Сень-Симонъ пользовался ассигнаціями для уплаты за свои покупки, а Редернъ, въ качествѣ иностранца, не могъ явиться въ Парижъ. Помимо труда, — Сень-Симонъ несъ и очень серьезный рискъ: одиннадцатимѣсячное пребываніе въ тюрьмѣ находилось въ непосредственной связи съ финансовыми операціями при участіи иностраннаго капиталиста. Только смерть Робеспьера спасла Сень-Симона. Редернъ могъ показаться въ Парижѣ лишь въ сентябрѣ 1797 года, — и тотчасъ же рѣшилъ порвать съ Сень-Симономъ.

Помимо скупки національныхъ имуществъ, — Сень-Симонъ пу- скался и въ другія предпріятія, весьма разнообразныя и не всѣ, вѣроятно, сообщенныя нашими источниками. Онъ открылъ торговлю ниткой и полотномъ, вошелъ въ компанію съ однимъ изъ своихъ друзей и основалъ промышленное дѣло — въ провинціи, въ Парижѣ завѣлъ делижансы усиленной скорости — подъ именемъ *мол- ния* ⁷⁴⁾. О Сень-Симонѣ этой эпохи Мишле со словъ очевидца рассказываетъ такъ: «Это былъ красивый мужчина, очень

⁷²⁾ Сообщеніе самого Сень-Симона, — Ed. Rodrigues. XXVI.

⁷³⁾ *Histoire Flers*. 147. N. hist. I, 17.

⁷⁴⁾ *Biographie des hommes vivants*. P. 1819. V. Hubbart. 26. Michlet. 145. *Hist. de Flers*. 148.

веселый, съ открытой беззаботной внѣшностью, съ удивительными глазами, съ красивымъ длиннымъ донъ-кихотскимъ носомъ. Онъ жилъ въ Пале-рояль и въ окрестностяхъ его, среди цинической свободы большого барина-санкюлата. Одѣвался онъ въ духѣ Анаксагора Шометта,—совсѣмъ безъ галстука, или съ очень низко и кое-какъ повязаннымъ, въ модномъ плащѣ. Всегда среди женщинъ и дѣлъ—онъ тѣмъ же менѣе преданъ былъ прежде всего идеѣ. И даже дѣла и женщины, очевидно, были для него предметомъ для наблюдений, для отважныхъ опытовъ. Онъ былъ изумительно, чудовищно любознателенъ, всегда искалъ, учился, расточалъ то, что узнавалъ и передавалъ другимъ. Отъ него нельзя было оторваться».

Тотъ же очевидецъ восхищается остроуміемъ и даромъ слова Сень-Симона. Его бесѣда часто направлялась на довольно откровенные предметы, но «онъ умѣлъ разсуждать серьезно о серьезныхъ вещахъ». Его разговоры обыкновенно вращались около недостатковъ современнаго соціального строя. Сень-Симонъ намѣревался преобразовать его. Разсказчикъ не помнитъ, чтобы Сень-Симонъ когда-либо говорилъ о положеніи женщинъ въ своей будущей организаціи. Разсказчикъ знаетъ только, что Сень-Симонъ не былъ равнодушенъ къ «этой половинѣ челоувѣческаго рода» и дѣнилъ особенно высоко достоинства сердца. «Самая красивая женщина, говорилъ онъ, не имѣетъ для меня никакой привлекательности, если ея внѣшность не выражаетъ доброты».

Къ деньгамъ Сень-Симонъ относился съ совершеннымъ равнодушіемъ и готовъ былъ раздавать ихъ направо—налѣво. Побуждая другихъ на полезную предприимчивость, онъ здѣсь же предлагалъ свои средства ⁷⁵⁾.

Оригинальный умъ и блестящая личность привлекали къ Сень-Симону немало друзей и восхищенныхъ наблюдателей. Къ числу ихъ принадлежали извѣстный намъ Клуэ и Коэсанъ, такой же неутомимый искатель истины и гармоніи, сначала скептикъ, потомъ мистикъ. Несомнѣнно, — въ такихъ рукахъ деньги подвергались сильнѣйшей опасности, исчезнуть безвозвратно,—и Редернъ устроилъ раздѣлъ. Сень-Симонъ предоставилъ вопросъ одному Редерну,—

⁷⁵⁾ Со словъ Fourcy, въ молодости увлеченнаго Сень-Симономъ до обожанія. Отрывокъ изъ его неизданныхъ *Записокъ* у Weill'я, 12—3. Ср. Michlet. 40—1.

и въ результатѣ получилъ всего 144,000 ливровъ, между тѣмъ какъ Редерну досталась рента въ 150,000. Разобраться въ счетахъ компаніоновъ нѣтъ возможности, — можно опредѣлить только нравственное право Сень-Симона на участіе въ богатствѣ, приобрѣтенномъ исключительно его трудомъ. Это право — несомнѣнно, — всѣ помѣстья Редерна оказались въ томъ самомъ департаментѣ Орнъ, гдѣ дѣйствовали Сень-Симонъ и среди нихъ замокъ Флерсъ. Редернъ натурализовался во Франціи и занялся усовершенствованнымъ сельскимъ хозяйствомъ, а потомъ фабрикаціей химическихъ продуктовъ, спекуляціями съ желѣзомъ, — вообще развилъ во Франціи обширную предпринимательскую дѣятельность. И все это на почвѣ земельного богатства, созданнаго Редерну Сень-Симономъ. Только политическая карьера не удалась Редерну, — онъ былъ забаллотированъ въ депутаты, — и эта неудача заставила его покинуть замокъ — въ 1815 году. До тѣхъ поръ, по словамъ мѣстнаго историка, онъ жилъ съ великимъ блескомъ. Всѣ эти данныя, несомнѣнно, не служатъ къ оправданію Редерна, отказывавшаго Сень-Симону въ помощи и даже прекратившаго ему ежемѣсячное пособіе въ 100 ливровъ, выдававшееся нѣкоторое время ⁷⁶⁾. Блескъ сеньеріальной жизни Редерна, столь противоположный лишеніямъ Сень-Симона, долженъ былъ вызывать крайне рѣзкія чувства у основателя этого блеска и всѣ угрозы Сень-Симона, въ результатѣ не принесшія Редерну ни малѣйшаго ущерба, находятъ достаточное объясненіе въ этомъ простомъ фактѣ.

Но пока Сень-Симонъ не помышляетъ о мести. Онъ довольствуется полученной долей и приступаетъ къ выполненію своего плана.

Необходимо кончить революцію, — такова программа, общая у него съ другими внимательными наблюдателями событій. Мы говорили о сочиненіи г-жи Сталь, написанномъ на эту тему. Рукопись возникла въ 1791 году и возставала противъ метафизической идеологіи, требуя прочной нравственной дисциплины для потрясеннаго общества. Та же самая задача была ясна не только первостепенной писательницѣ эпохи, но даже безыменнымъ агентамъ графа Прованскаго. Нѣсколько лѣтъ спустя они въ своихъ донесеніяхъ разви-

⁷⁶⁾ *Hist. de Flers.* 149.

вали ту же идею — необходимости систематизации мнѣній и цѣлей для успокоенія Франціи ¹⁾).

И Сень-Симонъ приступаетъ къ рѣшенію задачи, съ такой послѣдовательностью, какой только можно требовать отъ убѣжденнаго преобразователя.

Въ 1797 году онъ рѣшаетъ открыть человѣческому уму «физико-политическое» поприще. Въ этомъ выраженіи заключается во-первыхъ, опредѣленная общая программа—поставить политическіе вопросы на почву опытнаго изслѣдованія, примѣняемаго въ естественныхъ наукахъ, — а потомъ обнаруживается общее философское направленіе ума Сень-Симона въ началѣ его дѣятельности,—пристрастіе къ исключительно — физиологическому анализу, твердая увѣренность — всѣ нравственныя явленія свести къ матеріальнымъ процессамъ,—и выводамъ такого анализа придать форму новой религіозной доктрины. Рѣшительная оппозиція идеологической метафизикѣ направила Сень-Симона въ область непосредственно—осязательныхъ фактовъ. Идеализмъ революціонной мысли — политической и философско-религіозной—нашелъ противовѣсъ въ контрастѣ — въ *физицизмѣ*, — и Сень-Симонъ пользуется этимъ вновь изобрѣтеннымъ терминомъ для выраженія процесса изслѣдованій и умозаключеній, противоположнаго безпочвенной и субъективной игрѣ теологическаго и критическаго ума. До сихъ поръ общественнымъ строеніемъ занимались исключительно литераторы и политики — любители,—теперь дѣло должно перейти въ руки людей, единственно способныхъ обладать безспорными истинами и чѣмъ выше и доказательнѣе эта способность, тѣмъ преимущественнѣе и законнѣе политико-организаторская дѣятельность ея представителей. А такой способностью, несомнѣнно, одарены математики и за ними — всѣ таланты въ области опытнаго знанія.

И Сень-Симонъ намѣренъ порвать съ литературнымъ, публицистическимъ и отвлеченно-философскимъ духомъ просвѣтительнаго движенія, перейти на сторону естествоиспытателей. Выработка идей здраваго смысла и положеній естественнаго права привели только къ упраздненію стараго порядка, — создать новый можетъ

¹⁾ Въ 1802 году. *M-me Staël et la Rep. en 1798. Revue des de ux Mondes*, 1 nov. 99. 95.

только умъ, постигшій законы природы на ея явленіяхъ—начиная съ простѣйшихъ и кончая наиболѣе сложными. Послѣ работъ Галля, Биша, Кабаниса Сень-Симонъ не сомнѣвается, что *метафизика*—плодъ воображенія, *физика*—всеобъемлющая наука. Сень-Симонъ вступаетъ въ личныя сношенія съ названными учеными и отъ нихъ слышитъ еще болѣе тщательное разъясненіе отношеній между явленіями физическими и нравственными. Литературный талантъ Кабаниса, систематическій умъ Галля, великое научное подвижничество Биша—вызываютъ глубоко восторженныя чувства Сень-Симона и они должны получить особенную устойчивость послѣ многочисленныхъ бесѣдъ съ Блэнвиллемъ.

Этотъ ученый, по своему личному характеру, по догматическимъ наклонностямъ своей сильной и прямой натуры, по энциклопедическимъ свѣдѣніямъ въ области естествознанія, долженъ былъ часто *экзальтировать* искателя системы. Особенно одна черта въ воззрѣніяхъ Блэнвилля могла производить внушительное дѣйствіе на горячую голову Сень-Симона.

Блэнвилль былъ искренне—религіозенъ, не только понималъ, но и чувствовалъ культурное и нравственное значеніе религіозной вѣры, — и въ то же время считалъ величайшей задачей человечества — систематизировать научныя знанія, привести ихъ къ единству. Именно съ этой точки зрѣнія, мы знаемъ, Блэнвилль высоко цѣнилъ дѣятельность Галля, хотя и не могъ сочувствовать материалистическимъ выводамъ ея основного принципа. Эта систематизація не могла ограничиться однимъ теоретическимъ интересомъ. Блэнвилль на ней основывалъ высокое призваніе науки и ученыхъ. Рѣдко кто съ такимъ пренебреженіемъ выражался о вмѣшательствѣ ученыхъ въ современныя политическія смуты и рѣдко кто съ такой настойчивостью, какъ Блэнвилль,—подчеркивалъ несовмѣстимость преслѣдованія какой-либо научно-философской идеи съ участіемъ въ «политической смутѣ»⁷⁸⁾. Это противоположеніе политическихъ страстей и, слѣдовательно, ученій современности—философскому объединенію наукъ, несомнѣнно, произвело глубокое впечатлѣніе на Сень-Симона, — такъ же какъ и логически возникшее представленіе о неизмѣримо болѣе высокомъ назначеніи

⁷⁸⁾ Blainville. III, 68, 278.

ученыхъ сравнительно съ политиками современнаго типа. Въ одномъ только Сень-Симонъ не могъ послѣдовать за своимъ собесѣдникомъ — въ его католическихъ чувствахъ. Блэнвилль, какъ искренне-вѣрующій, долженъ былъ рассчитывать на гармонію будущей научной системы съ церковно-религіознымъ ученіемъ, — Сень-Симонъ не могъ до такой степени отрѣшиться отъ преданій просвѣтительной философіи, чтобы остаться въ лонѣ католичества. Онъ постепенно шелъ къ *историческому* взгляду на католическую доктрину, одинаково далекому отъ преклоненія Блэнвилля предъ традиціей и отъ философскаго метафизическаго отрицанія.

Приобрѣтеніе этого взгляда одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ философскомъ развитіи Сень-Симона, — какъ и вообще въ судьбѣ новой позитивной философіи. Историческаго отношенія къ культурнымъ явленіямъ не могло быть у автора извѣстнаго намъ адреса въ національное собраніе, вообще — у политика, смотрѣвшаго на *Декларацию правъ*, какъ на самодавляющую, первичный источникъ общественной организаціи. Восторгъ предъ отдѣльнымъ моментомъ, какъ кульминаціоннымъ пунктомъ умственнаго сознанія и политическаго строительства, — настроеніе чисто-метафизическое, достойное Кондорсе — автора того самаго сочиненія, какое впослѣдствіи встрѣтитъ въ лицѣ Сень-Симона суроваго критика. Очевидно, — историзмъ, если такъ можно выразиться, приобрѣтенъ Сень-Симонъ въ теченіе революціи, къ тому времени, когда въ его умѣ сложился терминъ *la carrière physico-politique*. Терминъ говорить объ *опытахъ* и научныхъ *выводахъ* т.-е. о самопроизвольныхъ результатахъ извѣстныхъ предшествующихъ фактическихъ данныхъ. И квалифікація *physico* — свидѣтельствовала о рѣшительномъ поворотѣ мысли отъ героической политики къ эволюціонной.

Поворотъ совершился около 1797 года. Около этого времени у Сень-Симона происходила замѣчательная бесѣда съ докторомъ Бюрдэномъ. О ней Сень-Симонъ сообщилъ только пятнадцать лѣтъ спустя, въ *Mémoire sur la science de l'homme*. Сообщение оказалось настолько значительнымъ, что уполномочило нѣкоторыхъ критиковъ окончательно принести Сень-Симона въ жертву Бюрдэна, всѣ его

¹⁾ Renouvier *L'Année philosophique*, P. 68. 12—13.

болѣе или менѣе цѣнныя философскія идеи приписать его собесѣднику, Бюрдэна объявить «первымъ основателемъ позитивизма». Наиболѣе авторитетный защитникъ этой мысли — извѣстный французскій новоконтіанецъ — Ренувье. Но откуда Ренувье извѣстно ученеіе Бюрдэна? Исключительно изъ сочиненія Сень-Симона¹⁹⁾. Кромѣ того философъ ссылается еще на статью въ одной газетѣ шестидесятихъ годовъ. Ссылаться было совершенно лишнимъ. Статьи просто на основаніи все того же сообщенія Сень-Симона называется «забытаго» Бюрдэна — «истиннымъ наслѣдникомъ Кондорсе», высказывшимъ все лучшее, что есть въ сочиненіяхъ Сень-Симона и Конта²⁰⁾. Такимъ образомъ являлась на сцену крупная философская величина, по странной случайности, не оставившая въ исторіи новой мысли другихъ прочныхъ слѣдовъ, кромѣ нѣсколькихъ страницъ у Сень-Симона.

Кто же былъ Бюрдэнъ?

У Ренувье и въ газетной статьѣ нѣтъ о немъ никакихъ свѣдѣній. У Литтре сказано, что Бюрдэнъ авторъ сочиненія *Comte d'études médicales*, вышедшаго въ 1803 году. Оппонентъ Литтре — фурьеристъ Пелларенъ — произвелъ архивныя изысканія и напелъ, что во французской арміи было два доктора Бюрдэна и одинъ изъ нихъ, несомнѣнно, собесѣдникъ Сень-Симона: его имя, какъ

¹⁹⁾ *L'Avenir National*, 1865, 10 août, № 213, авторъ статьи Fred. Morin — издатель *Oeuvres de S. S. et d'Enf.* протестовали противъ статьи, — авторъ отвѣчалъ, соглашаясь, что Сень-Симону принадлежитъ только редакція текста, а идеи вообще ученики при директоріи и при первой республикѣ, — слѣдовательно не одному Бюрдэну. (16 août, № 219). Въ первой статьѣ авторъ перечислялъ ученыхъ (Монжа, Лапласа, Кювье, Сталь), современнѣхъ Сень-Симону и не приписывалъ имъ никакого участія въ позитивизмѣ. Надо полагать, — и участіе Бюрдэна не было безусловно убѣдительно для автора, — но крайней мѣрѣ — всеобъемлющее участіе. Въ той же газетѣ нѣсколько раньше была напечатана статья, гдѣ, между прочимъ, всѣ историческія и социальныя сочиненія первой половины XIX-го вѣка приписывались двумъ источникамъ — идеямъ Константа и Сталь и философіи Сень-Симона и дальше слѣдовали продуманныя, повидямому, похвалы оригинальному философскому творчеству Сень-Симона: „il n'y a qu'une intelligence vraiment supérieure qui puisse imprimer une direction durable à des âmes vraiment libres... Doué d'une puissance rare de création intellectuelle, merveillessement habile à tirer de deux ou trois faits une théorie ingénieuse. Наконецъ, по мнѣнію автора, Сень-Симонъ первый въ началѣ XIX вѣка понялъ во всемъ значеніи идею Кондорсе о прогрессѣ, и одинъ онъ слѣлалъ эту идею основной связью знаній, въ ней искалъ живого объясненія явленій прошлаго и будущаго, — этимъ онъ приобрѣлъ бессмертіе. (25 juillet, № 197). — Во всей статьѣ о Бюрдэнѣ не упоминается ни слова.

военнаго врага, значится въ спискѣ лицъ, которымъ Сень-Симонъ разослалъ *Travail sur la gravitation universelle* и кромѣ того Сень-Симонъ говоритъ объ его занятіяхъ въ военныхъ госпиталяхъ ⁸¹⁾. Помимо архивныхъ указаній имѣются печатныя, современныя Бюрдэну: они сообщаютъ, что онъ занимался опытами надъ гальванизмомъ и усовершенствованіемъ лѣченія воздухомъ, наконецъ, на него ссылается Кабанисъ ⁸²⁾.

Таковы всѣ данныя, добытыя до сихъ поръ литературой о Бюрдэнѣ. Самый оригинальный фактъ, отмѣченный Пеллареномъ: Бюрдэнъ на тридцать лѣтъ пережилъ Сень-Симона и не попытался даже отдаленно воспользоваться идеями, вложенными въ его уста Сень-Симономъ. Но Пелларенъ, повидимому, ошибается вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, приписывая Бюрдэну только одно сочиненіе, названное выше. Предъ нами нѣмецкій переводъ французской книги *О челоѣкъ*, вышедшій въ Тюбингенѣ въ 1803 году. Авторъ сочиненія—*Бюрдэнъ* и, по нашему мнѣнію, сень-симоновскій,—на слѣдующемъ основаніи.

Сень-Симонъ свое сообщеніе о Бюрдэнѣ начинаетъ заявленіемъ, что Бюрдэнъ «уяснилъ ему значеніе физиологіи». Книга, о которой мы говоримъ, доказываетъ именно значеніе физиологическихъ знаній для развитія истинно-научнаго взгляда на челоѣка и его органическую жизнь ⁸³⁾. Сочиненіе — чисто-спеціальнаго содержанія, — никакихъ намековъ на философскую культурно-историческую идею въ немъ нѣтъ. Правда, авторъ настаиваетъ на историческомъ изученіи органовъ—у различныхъ животныхъ: только такимъ путемъ можетъ выясниться значеніе каждаго органа и получиться цѣльное представленіе о развитіи организма ⁸⁴⁾. Идея эта, несомнѣнно, можетъ быть связана вообще съ историческимъ воззрѣніемъ на явленія всѣхъ категорій,—но Бюрдэнъ здѣсь же ссылается на Кювье, какъ своего руководителя—въ поставленной задачѣ,

⁸¹⁾ Littré. 96. Pellarin. 139. *Oeuvres* XV, 139, XL, 45. Литтре насчитываетъ 3 тома въ сочиненія Бюрдэна,—на самомъ дѣлѣ ихъ—пять.

⁸²⁾ *Oeuvres de Vicq-d'Azyr* P. 1805, I. 9. Cp. Picavet. *Les Idéologues*, 454.

⁸³⁾ *Vom Menschen*. Beschreibung seines organischen Baues, verglichen mit dem Bau der Thiere; Geschichte seiner Krankheiten, Erklärung seiner organischen Lebens. Aus dem französischen des Herrn Burdin überzetzt. Tübingen 1803. *Vorbericht*. II—III.

⁸⁴⁾ *Vorbericht*. VII.

Въ результатѣ,—намъ остается совершенно невѣдомой философская сила Бюрдэна—независимо отъ передачи его словъ Сень-Симономъ. Но этотъ источникъ не только въ этомъ случаѣ, но вообще всегда, когда рѣчь идетъ о пересказѣ чужихъ мыслей, — является отнюдь не фактическимъ. У Сень-Симона свой особенный способъ не только излагать чужія мысли, но даже приводить цитаты изъ чужихъ произведеній. Онъ понимаетъ, что способъ этотъ можетъ «смутить» читателя, показаться ему «смѣшнымъ»,—но для Сень-Симона важна связь и полнота идеи, — *вся* цѣль логическаго разсужденія, а не принадлежность ея отдѣльныхъ звеньевъ отдѣльнымъ авторамъ.

Способъ его слѣдующій. Такъ какъ идейная работа принадлежитъ и ему и еще другому мыслителю,—то представляется возможными три редакціи: первая—всѣ идеи приписать другому, вторая—всѣ идеи изложить отъ собственнаго лица, третья—подѣлить идеи между авторами. Сень-Симонъ первую редакцію считаетъ наиболее удобной, признавая редакцію вообще «второстепеннымъ» вопросомъ,—главный,—«сущность» идей. Общее правило для Сень-Симона: впадать идеи въ уста тѣхъ, «къмъ онѣ должны быть лучше всего приняты», т.-е. въ уста мыслителя, установившаго принципъ или первыя звенья идейнаго ряда. Такъ Сень-Симонъ поступаетъ съ Викъ д'Азиромъ, заставляетъ его излагать весь путь естественной эволюціи человѣка и человѣчества, потому что Викъ д'Азиру, какъ сравнительному анатому, принадлежитъ выясненіе первыхъ стадій органическаго развитія. Даже больше. Приводя выписку изъ предисловія Викъ д'Азира къ *Сравнительной анатоміи* Сень-Симонъ не считаетъ нужнымъ держаться подлиннаго текста, вводитъ идеи, навѣянные ему разсужденіями ученаго, или устными бесѣдами съ нимъ. Единственное условіе,—лишь бы эти идеи не противорѣчили основному принципу, исходной точкѣ разсужденія. Послѣ этого Сократъ можетъ быть уполномоченъ—изложить всѣ стадіи умственнаго развитія человѣчества, — потому что европейская умственная культура примыкаетъ къ философской дѣятельности учителя Платона и Аристотеля ⁵⁾).

⁵⁾ *Oeuvres*. XL, 175, 70, 81, 23, 150.

Легко теперь представить, что значить на языкѣ Сень-Симона—идеи какого-либо мыслителя: это—цѣлое міровоззрѣніе, связанное съ этими идеями, вдохновленное ими, по мнѣнію филофа — основанное на нихъ. Естественно, можетъ представиться не одинъ случай, когда виновникъ «первыхъ терминовъ ряда», по выраженію Сень-Симона,—не признаетъ себя авторомъ послѣднихъ или самъ не додумается до нихъ. Относительно Викъ д'Азира это — несомнѣнно. Знаменитому врачу и анатому не могло придти на умъ изслѣдовать періоды умственного и соціального развитія человѣчества. Въ его натурѣ не было соціологическихъ задатковъ,—онъ не могъ не только наблюдать и осмысливать современнаго переворота,—но онъ даже утратилъ рассудокъ и умеръ подъ давленіемъ событій. А Сень-Симонъ на основаніи того, что Викъ д'Азиръ классифицировалъ царство животныхъ,сообразно съ усложненіемъ ихъ органическаго строенія, — подчинилъ вдохновенію его и классификацію человѣческихъ обществъ въ зависимости отъ совершенствованія ихъ структуры. Викъ д'Азиръ былъ продолжателемъ Галлера и предшественникомъ Галля—на пути къ выясненію зависимости нравственнаго міра отъ органическаго строенія,—и Сень-Симонъ былъ увлеченъ перспективой — систематизаціи неорганическихъ и органическихъ тѣлъ въ стройные ряды, подчиненные одному принципу прогрессивнаго развитія⁶⁶⁾.

Какъ послѣ этого разграничить мысли нашего философа и тѣхъ авторовъ, которые увлекали его своими идеями? Сень-Симонъ, очевидно, держался относительно другихъ писателей—политикѣ прямо противоположной, чѣмъ Контъ, считавшій за безусловную и неприкосновенную оригинальность даже непосредственное объясненіе и дополненіе чужой идеи. Можно задать вопросъ, зачѣмъ Сень-Симону непремѣнно требовалось идеи влагать въ чьи-либо уста? И на этотъ счетъ у философа — своеобразный взглядъ. По его мнѣнію,—объ органическихъ тѣлахъ слѣдуетъ разсуждать иначе, чѣмъ о неорганическихъ: надо «сообщать больше жизни своимъ мыслямъ», и избѣгать холоднаго безличнаго оборота,—*le froid on*, а елико возможно умножать количество своихъ собесѣдниковъ⁶⁷⁾. Какой критикъ можетъ почтительно считаться съ подобными соображеніями?

⁶⁶⁾ Ср. Blainville. III, 84 — 124. *Oeuvres de V. d'Azyr. Discours sur la vie et les oeuvres de V. d'Azyr.*

⁶⁷⁾ *Oeuvres.* XL, 47—8.

Но ихъ, разумеется, необходимо имѣть въ виду — при рѣшеніи вопроса о заимствованіяхъ Сень-Симона, — и прежде всего въ случаѣ съ Бюрдэномъ. Несомнѣнно въ томъ отрывкѣ, какой и въ *Mémoire sur la science de l'homme* озаглавленъ Burdin нашли мѣсто такія же дополненія и разъясненія принциповъ, о какихъ Сень-Симонъ говоритъ по поводу Викъ д'Азира. Въ результатъ разсужденіе получило форму, дѣйствительно обеспечивавшую дальнѣйшее развитіе позитивизма.

V.

Общій принципъ — исторія человѣчества во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности объясняется исторіей человѣческаго разума. Ступеней развитія — двѣ: гадательная и позитивная. Всѣ науки поочередно проходили эти ступени — въ зависимости отъ болѣе или менѣе сложнаго характера предметовъ, подлежащихъ изученію ихъ. До сихъ поръ достигли позитивной стадіи — астрономія и химія, фізіологін послѣ работъ Викъ д'Азира, Кабаниса, Биша и — прибавляетъ авторъ — Кондорсе — остается сдѣлать одинъ шагъ къ позитивизму; психологія, которую авторъ считаетъ отдѣльной наукой, — начинаетъ опираться на фізіологію. Величайшимъ моментомъ будетъ окончательное превращеніе философіи въ позитивную науку, — тогда постепенно обнаружатся слѣдующіе результаты: фізіологія станетъ предметомъ общественнаго преподаванія; нравственность сдѣлается положительной наукой: только фізіологъ можетъ доказать, что пути добродѣтели и счастья совпадаютъ; политика также явится положительной наукой, политическіе вопросы будутъ разрѣшаться подобно вопросамъ гігіены; философія приобрѣтетъ позитивный характеръ, такъ какъ составъ ея образуется изъ данныхъ отдѣльныхъ наукъ; религіозная система усовершенствуется: Дюкомъ доказать, что всѣ религіи основывались на научной системѣ и всякое преобразование научной системы влекло за собой реорганизацію религіозной. Такъ какъ религія состоитъ изъ двухъ частей — теоретической, т. е. принциповъ и практической, т. е. духовенства, — очевидно, за организаціей принциповъ должна послѣдовать реформа духовенства. Оно будетъ ученой корпораціей, такъ какъ вся сила духовенства заключается въ научномъ преимуществѣ надъ толпой.

Авторъ заранее предлагаетъ планы организаціи. Мы знаемъ, революціи, независимо отъ личныхъ философскихъ теорій, создавала учрежденія, долженствующія совершенствовать науки, систематизировать ихъ и подготовить воззрѣніе государственной доктрины. Сень-Симонъ не преминулъ опѣнить значеніе института, — но съ самаго начала видѣлъ въ его организаціи недостатки, состоявшій въ препятствіяхъ къ скорѣйшему образованію «общей науки»; общей теоріи. Въ работахъ института не было необходимаго единства и всѣ онѣ не были рѣшительно направлены къ одной и той же цѣли. Въ действительности институтъ долженъ быть раздѣленъ — на двѣ секціи — для изученія неорганическихъ и органическихъ тѣлъ. Надъ этими секціями должна стоять третья — высшая — философія. Она будетъ состояться по выборамъ въ общемъ собраніи первыхъ двухъ, т. е. физиковъ и физиологовъ и заниматься комбинаціей частныхъ теорій, предлагаемыхъ второстепенными классами института и имъ же будутъ представляться *genèses* и *evens* философскія.³⁷⁾

Бюрданъ или Сень-Симонъ отъ его лица не говоритъ, на какихъ основаніяхъ часть физиковъ и физиологовъ будетъ предназначена для выработки общихъ теорій, — но зато въ рѣчи Бюрдана, приводимой Сень-Симономъ, пятнадцать лѣтъ дожде событія, заключаются данныя, подтверждающія произвольность Сень-Симона, въ передачу чужихъ словъ. Бюрданъ говорилъ въ 1798 году, что дѣтъ смущенія Сень-Симонъ написалъ свое первое сочиненіе *Lettres d'un habitant de Genève*. Мы увидимъ, — вѣдь среди ученыхъ математики занимаютъ первое мѣсто, и вся предлагаемая авторомъ организація сгруппирована въ честь генія Ньютона и цоль его высшей властью. Съ тѣхъ поръ взглядъ на математиковъ у Сень-Симона измѣнился — и въ 1813 году онъ именнo математиковъ считаетъ главными препятствіемъ на пути къ организаціи философской доктрины. Какого же мнѣнія былъ Бюрданъ и какъ Сень-Симонъ отнесся къ этому мнѣнію? Въ *Письмахъ женеваго обывателя* мы встрѣчаемъ другую эволюцію наукъ и ту же классификацію ихъ, — надо подгадать и назначеніе математиковъ, какъ наиболее позитивныхъ ученыхъ, было определено съ точки зрѣнія этой эволюціи. И если правда, они лишены преимуществъ, — это взглядъ только Сень-Симона, а не философа,

³⁷⁾ П. 25—36.

сообщившаго ему еще до *Лисемъ* принципы позитивизма. И тѣмъ не менѣе—взглядъ находить мѣсто въ предполагаемой рѣчи Бюрдэна. А почему Сень-Симонъ перемѣнилъ свое отношеніе къ математикамъ,—мы знаемъ изъ его автобіографическихъ признаній: математики не обратили ни малѣйшаго вниманія на его призывы къ философской организаторской дѣятельности.

И въ 1813 году Сень-Симонъ, опять-таки отъ лица Бюрдэна, заявляетъ, что у него «кровь кипитъ» и «гнѣвъ овладѣваетъ» имъ противъ «мелкихъ счетчиковъ», равнодушныхъ къ изученію человѣка и къ реорганизации общества путемъ новыхъ принциповъ. Они должны быть извлечены изъ работъ «физиолога и историка, т.-е. философа. Первый долженъ изслѣдовать сравнительную структуру тѣлъ неорганизованныхъ и организованныхъ и доказать законъ, что всѣ явленія того и другого міра — *пропорціональны организациі*. Потому физиологъ тотъ же самый законъ долженъ оправдать на специальномъ изслѣдованіи организмовъ,—именно доказать, что размѣры умственной силы каждаго организованнаго тѣла пропорціональны степени совершенства его органическаго строенія.

Дальше, по программѣ автора, начинается роль философа. Ему предстоитъ прослѣдить развитіе человѣка и другихъ животныхъ въ разныя эпохи и показать, что только разумъ человѣка развится, а разумъ другихъ животныхъ понизился, хотя слѣдуетъ считать «философскимъ предрассудкомъ», будто одинъ лишь человѣкъ обладаетъ способностью совершенствоваться;—на самомъ дѣлѣ, если бы человѣкъ исчезъ съ лица земли, наилучше организованное животное начало бы совершенствоваться. Наконецъ, философу надлежитъ установить «рядъ прогрессовъ человѣческаго ума»,—начиная съ развитія его разума, обусловленнаго непосредственно преимуществами физической организациі человѣка, и кончая *будущимъ*, когда человѣкъ поднимется до пониманія единаго закона, управляющаго вселенной.

Такова программа, предложенная, по словамъ Сень-Симона, Бюрдэномъ,—и Бюрдэнъ закончилъ свою рѣчь такими словами: «будьте философомъ въ этой работѣ, я буду физиологомъ»⁸⁹⁾.

⁸⁹⁾ *ib.* 39—43, 45.

Съ тѣхъ поръ Сень-Симонъ и началъ свое философское поприще. Его пришлось проходить безъ помощи Бюрдэна, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Бюрдэнъ отвѣчалъ Сень-Симону на его призывку *Заниси на науки о челоствѣ*, и чтобы онъ самъ что-либо сдѣлалъ на указанномъ пути. Сень-Симонъ работалъ одинъ; не забывая все-таки своего «обязательства» предъ Бюрдэномъ. Но Бюрдэнъ былъ не одинъ въ положеніи учителя, — Сень-Симонъ называетъ еще двухъ ученыхъ — врача Бугона и историка Эльснера⁸⁷⁾. Знакомство съ обоими писателями относится къ позднѣйшему времени, — но неразрывно связано съ позитивистскими идеями Сень-Симона. Бугонъ и Эльснеръ, по словамъ Сень-Симона, разрѣшили его недоумѣнія въ ряду физиологическомъ и историко-философскомъ. Именно, — Сень-Симону было извѣстно, что организація бобра совершеннѣе организаціи обезьяны: у бобра имѣется мускуль, управляющій большимъ пальцемъ, у обезьяны его нѣтъ. Что это признакъ высшей организаціи, — Сень-Симонъ узналъ, вѣроятно, изъ сочиненій Виль д'Авира. Этотъ ученый указалъ, что обезьяны лишены способности комбинировать большой палецъ съ другими пальцами руки, а безъ этихъ комбинацій недостижимы никакія сколько-нибудь тонкія операціи и безъ нихъ не существовала бы вся промышленность челоства. Рука обезьяны приспособлена только къ схватыванію предметовъ, — и только рука челоства могла создать ремесла и искусства⁸⁸⁾.

Почему же тогда непосредственно за челоствомъ ставится обыкновенно, обезьяна? Бугонъ «послѣ продолжительныхъ размышленій и изысканій» объяснилъ, что физиологи дѣйствительно ошибаются и ошибка явилась результатомъ теологическаго возрѣнія: челоствъ созданъ по образу Божию, а обезьяна ближе всѣхъ животныхъ къ вышности челоства, — она поэтому и заняла высшее мѣсто.

Сень-Симонъ могъ услышать эти соображенія не раньше своего путешествія въ Адамсонъ, по поводу ссоры съ Редерномъ: здѣсь онъ въ концѣ 1811 года познакомился съ Бугономъ⁸⁹⁾. Но самое знакомство и видка его могутъ считаться вопросами второстепен-

⁸⁷⁾ Bougon — *Ib.* 48—66; Oelsner. 67—8.

⁸⁸⁾ Цитировано у Вэришлага, — III, 102.

⁸⁹⁾ *Histoire de Flers.* 150—1.

нами въ исторіи философскаго развитія Сень-Симона, — тѣмъ болѣе, что Бутожъ разрѣшилъ затрудненіе Сень-Симона способомъ, лишненнымъ научнаго значенія, — и самое затрудненіе не могло оказать существеннаго вліянія на историко-культурную мысль Сень-Симона.

Гораздо значительнѣе, повидимому, урокъ, полученный отъ Эльснера. Въ 1810 году онъ, бывший представитель Франкфурта при директоріи, издалъ книгу *Les effets de la religion de Mohammed* — увѣщательную институтомъ. Книга и была написана на тему, предложенную институтомъ: изслѣдовать вліяніе магометанства въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ гедэры на умъ, нравы и правительство магометанскихъ народовъ? Въ первый разъ Эльснеръ представилъ книгу въ 1807 году и получилъ только почетный отзывъ, — потомъ онъ пересмотрѣлъ сочиненіе и на второмъ конкурсѣ удостоился преміи. Сень-Симонъ узналъ нужную ему идею не изъ книги, а изъ разговора съ Эльснеромъ, т.е. до 1810 года. Идея спасала Сень-Симона отъ недоумѣнія, вызваннаго въ немъ философами XVIII-го вѣка. Даламберъ и Кондорсе представляли средніе вѣка — ретроградной эпохой. Сень-Симонъ, по его словамъ, тщетно старался опровергнуть это представленіе, установить рядъ непрерывно-прогрессивныхъ періодовъ. Эльснеръ просто рѣшилъ задачу, объяснивъ научныя заслуги арабовъ: арабы стояли во главѣ умственнаго развитія европейцевъ до XV-го вѣка. Сень-Симонъ съ «сердечнымъ удовольствіемъ» изъявляетъ благодарность Эльснеру.

Указаніе, дѣйствительно, очень важное, — слѣдуетъ только обратить вниманіе, что самый принципъ для Сень-Симона не подлежалъ сомнѣнію и до Эльснера: Сень-Симонъ былъ увѣренъ въ философскомъ заблужденіи XVIII-го вѣка и только не находилъ фактическаго опроверженія. Можно раздѣлить удивленіе издателей сочиненій Сень-Симона предъ его рѣдкой лояльностью, какъ автора и отвѣтить, что весьма многія идеи, приписываемыя философомъ разнымъ писателямъ, стали извѣстны только благодаря ему самому²⁾. Всеми указанными путями Сень-Симонъ пришелъ къ руководящему принципу новой доктрины, — ея научной основѣ. Наука должна соз-

²⁾ Oelsner. *Avis préliminaire adressé à mes juges*. O. c. V—X.

³⁾ *Oeuvres*. XL, 69.

дать новую религиозную систему, ученые должны стать духовными руководителями общества, прекратить революционное состояние умов и водворить международный миръ. Сень-Симонъ рѣшилъ лично собрать элементы для доктрины и попытаться систематизировать ихъ и явиться проповѣдникомъ новой «общей науки».

Сень-Симонъ начинаетъ учиться, слѣдуя въ своихъ занятіяхъ философской классификаціи наукъ, — т.-е. приступаетъ сначала къ физико-математическимъ, потомъ переходитъ къ физиологіи, посѣщая сначала политехническую школу, позже медицинскую и даже проѣзжая попеременно по сосѣдству этихъ учреждений. Лекцій Сень-Симону казалось недостаточно. Онъ лично перезнакомился съ профессорами. Онъ желалъ изучать не только науки но и самихъ ученыхъ, видѣть, какое влияние оказываютъ занятія науками на ихъ страсти, умъ, на всю ихъ нравственную природу. Наконецъ, — онъ отправился путешествовать съ цѣлью узнать, что сдѣлано у другихъ народовъ для его цѣли, т.-е. для физико-политическаго подвига невѣческаго ума. Изъ Англій и Германій онъ не вывезъ ничего учительнаго: англичане совершенно не направляли своихъ научныхъ работъ къ физико-политической цѣли, т.-е. не рассчитывали преобразовать существующаго порядка на основахъ положительной философіи, у нѣмцевъ Сень-Симонъ также нашелъ «общую науку» въ дѣтскомъ состояніи, хотя и съ несомнѣннымъ великимъ будущимъ. Въ Германіи Сень-Симонъ поразилъ исключительно мистикизмъ, — и этого для него оказалось достаточно, чтобы не заниматься больше нѣмецкой мыслью.

Заключение не отличалось основательностью и соответствовало быстротѣ изученія предмета. Сень-Симонъ отправился въ путешествіе, по его словамъ, послѣ заключенія Амьенскаго мира, т.-е. послѣ марта 1802 г., сначала онъ побывалъ въ Англій, потомъ отправился въ Женеву и по пути «проѣхалъ часть Германій». Въ Женевѣ онъ написалъ *Письма обывателя*, и съ выходомъ ихъ въ Парижъ журналъ сообщалъ уже въ октябрь 1803 г. Если сопоставить эти сроки, — на пребываніе въ Германіи останется очень мало времени, — немного развѣ больше, чѣмъ требовалось на проѣздъ по странѣ, при старыхъ средствахъ сообщенія⁹⁴). Помимо указанныхъ датъ, имѣется еще одна, правда —

⁹⁴) *Journal typographique et bibliographique*, 24 vendemiaire an XII, т. е. 17 окт. 1803. Ср. *Oeuvres*. XV, 7.

очень запутанная. Сень-Симонъ говоритъ, что *по возвращеніи изъ путешествія* онъ женился. Сдѣлалъ онъ это съ цѣлью устроить у себя учено-литературно-артистическій салонъ и на свободѣ изучать ученыхъ. Когда произошла эта женитьба? По словамъ Родрига—*въ 1801 году*: очевидное недоразумѣніе, такъ какъ Амьенскій миръ состоялся годомъ позже. Сень-Симонъ вскорѣ развелся съ женой—изъ-за несходства характеровъ. Гюббаръ относитъ разводъ къ июлю *1802 года*, — невѣроятное свѣдѣніе на томъ же основаніи какъ и сообщеніе Родрига. Издатели *Oeuvres* приурочиваютъ разводъ къ июлю *1803 года* и насчитываютъ *годъ* семейной жизни Сень-Симона,—слѣдовательно,—выходитъ—онъ женился въ 1802 году лѣтомъ. Но въ то же время достоверно извѣстно, что въ Женевѣ Сень-Симонъ предлагалъ руку г-жѣ Сталь,—по словамъ Гюббара—*послѣ* развода съ женой; хотя, по точному заявленію Сень-Симона, онъ въ Женевѣ былъ во время путешествія и до брака ⁹⁵). Остается предположить, что Сень-Симонъ былъ уже въ Парижѣ въ концѣ 1802 года—съ *рукописью Писемъ обывателя*, очень скоро женился и прожилъ съ женой всего нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда на все путешествіе не приходится года. Оно было совершено будто по общепринятому обычаю—образование закалчивать путешествіемъ. Поучительныхъ личныхъ наблюденій врядъ ли удалось Сень-Симону сдѣлать особенно много. Можетъ быть, пребываніе въ Конне, въ обществѣ г-жи Сталь,—было самымъ плодотворнымъ моментомъ всего путешествія, — и, несомнѣнно, поѣздка въ Женеву была вызвана желаніемъ видѣть только что овдовѣвшую, знаменитую писательницу.

Только такой стремительностью поѣздки можно объяснить крайне поверхностное представленіе Сень-Симона о германской философій. Онъ могъ получить о ней понятіе, даже не доклядая Парижа. При всей неосвѣдомленности французовъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го въ нѣмецкой литературѣ и особенно въ философій,—Кантъ былъ извѣстенъ изъ журнальныхъ статей съ 1796 года, а въ 1798 и въ 1801 г. Charles de Villers, офицеръ французской службы, долго жившій въ Германіи, написалъ два изслѣдованія о философій Канта и о нѣмецкой метафизикѣ. Эти труды анала г-жа Сталь, но они,

⁹⁵) Ed. Rodrigues. XXIII; *Not. hist.* I, 26; Hubbart, 37.

очевидно, остались неизвѣстными Сень-Симону⁹⁶). Еще болѣе значительнымъ лишеніемъ для философа было его незнакомство съ сочиненіемъ Канта *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. Написанное въ 1784 году, оно явилось во французскомъ переводѣ въ VIII году⁹⁷). По французскимъ источникамъ Сень-Симонъ не могъ узнать о трактатѣ Лессинга *Воспитаніе человѣческаго рода*, написанномъ въ 1780 году. О немъ французъ услышали впервые отъ г-жи Сталь въ 1814 году, а переводъ его явился еще много лѣтъ спустя. До какой степени трактатъ былъ важенъ именно для «общей науки», — показываетъ его популярность среди почитателей Сень-Симона. Г-жа Сталь опредѣляла смыслъ трактата точнымъ воспроизведеніемъ историко-религіозной идеи Сень-Симона: Лессингъ доказываетъ, что «религіозныя откровенія всегда соответствовали просвѣщенію современной эпохи»⁹⁸). Мы видѣли, — эту мысль Сень-Симонъ почерпнулъ у Дюпон, — Лессингъ могъ бы сообщить ее гораздо раньше.

Не меньше пользы Сень-Симону принесла бы и историческая философія Канта. Кенигсбергскій философъ пользовался во Франціи неслестной и крайне преувѣренной славой. Лагарпъ объявлялъ его мистикомъ и ставилъ рядомъ съ Сведенборгомъ, именуя обоихъ «позоромъ человѣческаго рода»⁹⁹). Кантъ рисовался французскому уму, воспитанному на сочиненіяхъ Кондильяка, — средневѣковымъ схоластикомъ, а между тѣмъ онъ принадлежалъ къ самымъ настойчивымъ защитникамъ философіи исторіи, какъ строгой науки, былъ острымъ критикомъ Сведенборга и, что особенно поучительно для

⁹⁶) Virgile Rossel. *Histoire des relations littéraires entre la France et l'Allemagne*. P. 97. 87.

⁹⁷) Этотъ переводъ неизвѣстенъ также и Росселю и Литтре, который почти цѣлкомъ приводитъ сочиненіе Канта, видя въ немъ зародки позитивной философіи (О. с. 54—70). Не зная равнаго перевода *Ideen* и Ковтъ, получившій французскій текстъ отъ Эйхтала въ 1824 году. Указаніе на *Conservateur* сдѣлано Евгеніемъ Родригомъ въ предисловіи къ его переводу трактата Лессинга *Die Erziehung des Menschengeschlechts* въ приложеніи къ *Lettres sur la Religion et la Politique*. P. 1831. 142—3. Въ томъ же *Conservateur* было переведено и другое сочиненіе Канта возмѣщавшее, по замѣчанію Родрига, «религіозное возрожденіе» нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Лессинга. (*Théorie de la pure religion morale. Lettres*. 142—3).

⁹⁸) *De l'Allemagne*. IV p. chap. I.

⁹⁹) Rossel. 89.

Сень-Симона, — преданнымъ ученикомъ Ньютона. Въ ньютоновской теоріи Кантъ нашелъ такой же вдохновляющій философскій принципъ, какъ и Сень-Симонъ. Представленіе о механизмѣ, какъ основномъ двигательномъ законѣ эволюціи, Кантъ готовъ былъ распространить не только на всю область физическаго мирозданія, но и на жизнь организованныхъ тѣлъ. «Къ постоянному вдохновенію ньютоновской идеей, — говоритъ современный изслѣдователь кантовской философіи, — слѣдуетъ отнести все, что Кантъ писалъ по исторіи природы и человѣчества». Программа лекцій Канта въ шестидесятихъ годахъ представляетъ тѣ самые ряды — физиологическій и историческій, какіе для Сень-Симона должны были воплотить всю «философію Бога», — и методъ Канта въ рѣшеніи метафизическихъ вопросовъ — ничто иное какъ ньютоновскій анализъ. На основаніи этого метода, примененнаго къ психологіи, Кантъ и опровергаетъ представленія Сведенборга о сверхчувственномъ мірѣ духовъ и ихъ сверхестественныхъ свойствахъ: ньютоновскій принципъ механическаго детерминизма, законъ причинности не совмѣщается съ идеей о способностяхъ, независимыхъ отъ физической природы. Это убѣжденіе проходитъ и по философско-историческому ученію Канта. Для него прогрессъ — стихійное развитіе первоначальныхъ свойствъ и способностей человѣческой природы по закономѣрному, природой начертанному плану. Слѣдовательно, исторія человѣческаго ума одинъ изъ отдѣловъ естественной исторіи. Судьба человѣчества въ ея цѣломъ — есть выполненіе скрытой цѣли природы — произвести государственную форму — совершенную внутренне и вѣнше, т. е. *Weltbürgerlicher Zustand* ¹⁰⁰⁾. Кантъ, очевидно, предвосхитилъ позд-

¹⁰⁰⁾ *Idee zu einer allgemeinen Gesch. in weltbürgerlicher Absicht.* „Eizelne Menschen und selbst ganze Völker denken wenig daran dass, indem sie, ein jedes nach seinem Sinne und Einer oft wider den Andern, ihre eigene Absicht verfolgen, sie untermerkt an der Naturansicht, die ihnen selbst unbekannt ist, als an einem Leitfaden fortgehen, und an derselben Beförderung arbeiten, an welcher, selbst wenn sie ihnen bekannt würde, ihnen doch wenig gelegen sein würde. Кантъ разсчитывалъ найти руководящую нить для закономѣрной естественно-последовательной исторіи, а создать такую исторію — предоставлялъ гению будущаго, своего рода Ньютону исторической науки. *Sämmtliche Werke.* Leipzig 1838, VII, 318. Ср. 329—330, 332: „Ein philosophischer Versuch die allgemeine Weltgeschichte nach einem Plane der Natur, der auf die vollkommene bürgerliche Vereinigung in der Menschengattung abziele, zu bearbeiten, muss als möglich und selbst für diese Naturabsicht beförderlich angesehen

вѣдущую сенъ-симонистскую программу—распространеніе гражданской ассоціаціи на все челоѣчество—путемъ постепеннаго просвѣтительнаго прогресса поволюній, путемъ *непрерывности* совершенствованія. Несомнѣнно, у Канта встрѣчаются очень сильныя оговорки насчетъ объема возможнаго прогресса: философъ не вѣритъ въ накопленіе моральной силы въ сознаніи челоѣчества, а только въ развитіе законности, суживающей кругъ навпль сильныхъ надъ слабыми ¹¹¹⁾. Немало также у вѣдущаго философа и «мистицизма»—съ точки зрѣнія французскаго здраваго смысла и критической философіи. Кантъ рѣшается истолковать библейскую исторію челоѣка съ философской точки зрѣнія и въ интересахъ традиціи,—напримѣръ,—грѣхопаденіе объясняетъ положительными культурно-историческими фактами, т. е. въ переходѣ челоѣка отъ инстинктивной жизни къ сознательной, видитъ для индивидуума проигрышъ, — нравственный упадокъ и появленіе новыхъ болѣзней ¹¹²⁾. Это—отчасти отголоски воззрѣній Руссо, по временамъ очень близкихъ Канту и на позитивный взглядъ однородныхъ съ теологическими представителями. Наконецъ, Кантъ отрицаетъ возможность путемъ историческихъ наблюденій и опытовъ разрѣшить вопросъ о смыслѣ исторіи и прогресса: судить о проявленіяхъ свободной воли значить притивать на роль провидѣнія ¹¹³⁾. Очевидно, Кантъ, какъ философъ

werden¹¹¹. Совпаденіе историческихъ задачъ стихійно разрѣшаемыхъ известными культурными силами,—съ дѣлесообразнымъ прогрессомъ—одна изъ основныхъ идей въ философіи исторіи Сенъ-Симона; названнаго ее, между прочимъ, эволюціей общинной свободы и индустрии. Могла бы найти полное сочувствіе у Сенъ-Симона и ученіе Канта о религіи, какъ о „нравственной теологіи“. Cp. Nolen. *Les maîtres de Kant. Revue philosophique*. Aout. 79, 121, 129 — 30. Dieterich. *Kant u. Rousseau*. Tabingen, 78. Vorwort. V.

¹¹¹⁾ *Streit der Facultäten*. (1798). *Werke* X, 342: von der eudämonistischen Vorstellungart der Menschengeschichte; 354: welchen Ertrag wird der Fortschritt zum Besseren dem Menschengeschlecht abwerfen?—nicht ein immer wachsendes Quantum der Moralität in der gesinnung, sondern Vermehrung der Producte ihrer Legalität in pflichtmässigen Handlungen.

¹¹²⁾ *Muthmasslicher Anfang der Menschengeschichte* (1786) VII. 373—4.

¹¹³⁾ *Streit der Facultäten*. *Werke* X, 345—4 „durch Erfahrung unmittelbar ist die Aufgabe des Fortschreitens nicht aufzulösen“. Cp. Dieterich. IV. Abschnit. Nolen не правъ, считая сочиненія Канта восьмидесятихъ годовъ — вообще оппозиціей противъ теорій Руссо: у Канта въ ученіи о прогрессѣ рѣзко отличается судьба „рода“ (Gattung) и „индивидуума“ и въ контрастѣ этихъ судьбъ философъ имѣетъ оправданія противокультурныхъ воззрѣній Руссо. Nolen. *R. phil.* mars 80. 290—1.

исторіи не рѣшался окончательно разграничить научное понятіе естественнаго закона и религіозно-телеологическое воззрѣніе. Мысль пытавшаяся привести въ гармонію идеи Руссо—автора *Разсужденій* и автора *Эмилія* и *Общественнаго договора* и, въ интересахъ политическаго равенства, какъ его понималъ тотъ же Руссо,—создававшая понятіе о двухъ культурахъ—*планомѣрно* и *непланомѣрно развивающейся*:—такая мысль не могла войти въ міръ позитивизма ¹⁰⁴). Но она не помѣшала Канту высказать не мало мыслей, существенныхъ для «общей науки».

Наконецъ, третій германскій философъ,—Гердеръ, могъ бы сообщить Сентъ-Симону идею физиологическаго и историческаго ряда задолго до его бесѣды съ Бюрдэномъ. Онъ чрезвычайно картинно изображаетъ единство организмовъ, доказанное сравнительной анатоміей. Гердеръ усвоилъ во всемъ объемѣ идею Бонне, извѣстнаго намъ автора термина *паллиативизма*,—о неразрывномъ единствѣ всего существующаго въ реальномъ и даже идеальномъ мірѣ. Отъ неорганическихъ безформенныхъ тѣлъ до человѣка и идеальныхъ посредниковъ между нимъ и Божествомъ—все сущее представляетъ лѣстницу ¹⁰⁵). Гердеръ выражается еще энергичнѣе: всё существа—*disjecti membra poëtae*,—и животныя именуются старшими братьями человѣка его учителями, «живыми искрами божественнаго разума», лучи котораго человѣкъ сосредоточилъ въ себѣ. Его духовное развитіе шло въ зависимости отъ его столкновений съ животными,—и чѣмъ разумнѣе были его враги или друзья, тѣмъ больше выпирывало его «образование». Исторія человѣческой культуры, заключаетъ Гердеръ,—въ сильной степени—*зоологическая* и *географическая*. Культурой человѣкъ обязанъ своей организаціи, и исторія его умственнаго совершенствованія представляетъ такой же рядъ звѣньевъ, какой охватываетъ органическую жизнь нашей планеты. Цѣль соціальнаго совершенствованія, говоритъ Гердеръ, идетъ непрерывно отъ перваго звена до послѣдняго и принципы своей культурной философіи онъ—по ихъ простотѣ и непровержимости—приравняетъ къ естественной исторіи человѣка ¹⁰⁶). Очевидно, идея

¹⁰⁴) *Muthmass. Anfang.* 374—6.

¹⁰⁵) Ср. Cuvier. IV, 262—3.

¹⁰⁶) Herder. *Ideen zur philosophie der Geschichte der Menschheit* (1784). *Sämmtliche Werke.* Stuttgart und Tübingen 1858. XXVIII, 65, 70, 72, 345—6.

непрерывности двух рядов—органическаго и культурнаго, столь дорогая для Сень-Симона,—была съ воодушевленіемъ усвоена философомъ — поэтому. У него Сень-Симонъ, такъ же какъ и у Бапта, нашелъ бы не мало «мистицизма» и «метафизики»,—тѣ же отраженія взглядовъ Руссо, религиозный лиризмъ въ традиціонномъ направленіи, въ полномъ смыслѣ мистическія надежды на разцвѣтъ совершеннаго человѣка внѣ земныхъ предѣловъ. Но всё эти мечты и восторги чередуются съ подлинными влияніями современной естественно-философской мысли, и Гердеръ свои эволюціонныя идеи черпаетъ изъ того же источника, откуда и Сень-Симонъ. Несомнѣнно, если бы французскій искалъ элементовъ для позитивной философіи познакомился съ книгой Гердера, — онъ поставилъ бы его выше Бюгона и Эльонера. Въ результатъ,—поприще для г-жи Сталь, живущей открытъ Франціи германскую мысль, — осталось едва затрогнутымъ, — и не тѣмъ, кому эта мысль могла бы оказать великія услуги.

Сень-Симону оставалось снова обратиться къ парижскимъ ученымъ. Онъ не только дѣлательно собиралъ ихъ у себя, но и оказывалъ щедрую поддержку ихъ работѣ, не жалѣлъ денегъ на издачія книгъ, на личныя вспоможенія. Несомнѣнно, при такихъ условіяхъ къ Сень-Симону перешло не мало идей и научныхъ фактовъ. Добывались они отнюдь не тщательнымъ, трудолюбивымъ изученіемъ предмета, а тѣмъ самымъ путемъ, какой раньше Гельвеція вдохновлялъ на обширное философское сочиненіе. Разница была только въ одномъ: Сень-Симонъ обладалъ способностью къ оригинальнымъ вдохновеніямъ, комбинаціямъ фактовъ и къ обобщеніямъ, недоступнымъ уму самихъ учителей.

Первое сочиненіе Сень-Симона показываетъ, наглядно, процессъ работы, — и именно въ этомъ отношеніи особенно важны *Письма женскаго общителя*. Мы знаемъ, — Сень-Симонъ постарался забыть объ этомъ произведеніи, — и его стараніе, несомнѣнно, стояло въ связи съ основной идеей *Писемъ*, разрешавшихъ вопросъ объ общественной организаціи. Въ экзальтированомъ разочарованіи революціонной метафизикой Сень-Симонъ набросился на источникъ точныхъ научныхъ истинъ, — и дошелъ до социальнаго апофеоза математики.

Все сочиненіе представляетъ рядъ чрезвычайно яркихъ отраженій лично пережитаго и только что наблюдаемаго. Во главѣ — письмо

къ первому консулу. Здѣсь говорится, что Бонапарта авторъ считаетъ единственнымъ изъ современниковъ способнымъ судить объ его работѣ. Впослѣдствіи экземпляръ, посланный Бонапарту, предавался вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ Сень-Симона: посылка, очевидно, не дошла до перваго консула, спустя нѣсколько мѣсяцевъ ставшаго императоромъ.

Что заставило писателя обратиться съ такимъ письмомъ къ Бонапарту? Онъ и позже неоднократно будетъ слѣдовать тѣмъ же путемъ и, мы видѣли, вызоветъ безпощадныя улики въ раболовствѣ и лести. Вопросъ о нравственныхъ отношеніяхъ литературы къ Наполеону гораздо сложнее, чѣмъ представлялось судьямъ Сень-Симона. Мы знаемъ, Шатобрианъ восторженно привѣтствовалъ Бонапарта по поводу конкордата. Г-жа Сталь, несомнѣнно, неповинная въ лести, не меньше восхищалась героемъ въ ту самую эпоху, когда онъ явно шелъ къ монархіи. Особенно глубоко трогало г-жу Сталь вступленіе Бонапарта въ число членовъ института⁽¹⁷⁾. А что касается Константа,—онъ нашелъ въ себѣ достаточно довѣрія къ Наполеону еще во время ста дней. Мы назвали первостепенныя умственныя силы эпохи, въ общемъ независимыя—и въ лицѣ Сталь и Константа—обладающія истинными политическими талантами и гражданскимъ достоинствомъ. Сень-Симонъ, слѣдовательно,—не составлялъ исключенія по своимъ положительнымъ чувствамъ къ Наполеону. Онъ въ періодъ своего начальнаго философскаго энтузіазма могъ искренно рассчитывать на участіе могущественнаго человека во всякомъ болѣе или менѣе основательномъ планѣ общественной организаціи, заканчивающемъ революціонный періодъ, тѣмъ болѣе что экальтивированный философъ, мы увидимъ, по своему истолковывалъ организаторскую дѣятельность Наполеона и приписывалъ ему свои собственныя задачи, а не его присваивалъ себѣ.

Самое сочиненіе, прежде всего, своей формой, своимъ настроеніемъ переноситъ насъ въ XVIII-й вѣкъ. Здѣсь говорится о «существѣ чувствительномъ и мыслящемъ», объ «идеяхъ филантропическихъ» изрекаются лирическія восклицанія въ стилѣ чувствительныхъ поэтовъ - просвѣтителей: «любовь къ человѣчеству способна заставить человека совершать чудеса», «какое прекрасное дѣло—

⁽¹⁷⁾ *M-me de Staël et la republ.* 1798. O. c. 96.

работать на благо человечества! Какая овященная цѣль! Развѣ у чловѣка имѣется еще другое средство — приблизиться къ Божеству?» Излюбленная идея прошлаго вѣка о торжествѣ «просвѣщенія», объ «общественномъ мнѣнн», управляемомъ представителями разума, — выражена слогомъ чувствительной драмы, въ приподнятой, метафорической формѣ. Наконецъ, безпрестанно встрѣчаются даже выражения, напоминающія намъ страницы какого-либо философа: горячее разсужденіе противъ консерватизма и нетерпимости «академическаго духа» идетъ въ параллель съ извѣстными писмѣшками Дидро надъ тѣмъ же предметомъ ¹⁰⁰⁾, серьезное отношеніе къ «времени скуки», удручающей людей богатыхъ — извѣстная намъ идея Гельвеція, вызвавшая суровую критику Дидро, къ тому же источнику приближаетъ насъ рѣзко-физиологическое выраженіе «мозговая энергія». Это — отголоски просвѣтительной эпохи, — и самый важный — представленіе о томъ, что «сципетръ общественнаго мнѣнн» находится въ рукахъ науки и литературы. Революція, по мнѣнію Сень-Симона, окончательно установила этотъ фактъ и она для философа является исходнымъ моментомъ.

Ходъ мысли — слѣдующій. Первое народное движеніе было глубоко возбуждено учеными и артистами. Когда возстаніе, благодаря успѣху, приняло законный характеръ, — ученые и артисты стали во главѣ революціи и съ цѣлью уничтожить учрежденія, оскорбительныя для ихъ самолюбія — все сильнѣе разжигали умы невинды, — и страсти несобственниковъ, очутившись на полной свободѣ, действительно низвергли ненавистныя учрежденія, погубили даже нѣсколькихъ своихъ вождей и выиграла битву противъ собственниковъ. Правда, побѣда обошлась дорого побѣдителямъ. Почти всѣ несобственники подверглись голоду, вызванному ихъ же дѣйствіями. Населеніе Франціи, одушевленное стремленіемъ къ порядку, могло быть социально организовано только темъ самымъ чловѣкомъ, — т. е. Бонапартомъ ¹⁰¹⁾.

¹⁰⁰⁾ Напримеръ, *Oeuvres complètes*. II, 327.

¹⁰¹⁾ *O. choisies* I, 18—9. Выраженія Сень-Симона *les savants et les artistes* имѣть въ виду обнять всю область духовной дѣятельности, — т. е. ученной и творческой. Въ понятіе искусства поэтому входятъ: педагогика, педагогика, живопись, музыка, вообще — понятіе всякой художественной даровитости, опирающейся не на разсудокъ и не на изслѣдованіе, а на вдохновеніе и воображеніе.

Такъ Сень-Симонъ представляетъ революціонныя событія: они всецѣло вызваны идеями, союзомъ ученыхъ и артистовъ съ несобственниками. Авторъ не различаетъ периодовъ движенія—не главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, на его картинѣ нѣтъ мѣста революціонной дѣятельности собственниковъ, какъ пероооъ и лычекимъ высшихъ сословій, какъ жертвъ. Вся революція исчерпывается для него периодомъ господства не демократіи, а толпы, периодомъ террора: до такой степени глубокое впечатлѣніе осталось у Сень-Симона отъ этого времени! Это впечатлѣніе подчиняетъ весь плачь философа, подсказываетъ ему оборонительный союзъ противъ несобственниковъ.

Налицо три силы—ученые и артисты, собственники и несобственники. Революція обнаружила гибельныя послѣдствія комбинаціи перваго и послѣдняго элемента и, кромѣ того, доказала полную политическую неспособность несобственниковъ. Бывшій обожатель «религіознаго принципа равенства» теперь пришелъ къ выводу, что «примѣненіе этого принципа» *естественнымъ путемъ* вызвало ужасныя жестокости и привело къ совершенно нежизнеспособной политической формѣ. Слѣдовательно,—власть никогда не должна доставаться въ руки невѣждъ, а «распредѣляться» *сообразно съ просвѣщеніемъ*. Къ этому убѣжденію должны придти и собственники и несобственники. Практическій выводъ жесть. «Въ силу вещей» и «по необходимости» между двумя классами происходитъ борьба,—собственники могутъ оставаться побѣдителями не потому, что они многочисленнѣе: ихъ гораздо меньше, чѣмъ несобственниковъ,—и не потому, что они владѣютъ собственностью, а потому, что они—просвѣщеннѣе, на ихъ сторонѣ умъ и талантъ. Если бы распредѣленіе было иное,—и исходъ классовой борьбы измѣнился бы.

А чтобы нравственная сила навсегда оставалась въ лагерѣ собственниковъ,—они должны вступить въ тѣсное единеніе съ учеными и артистами, выбрать ихъ изъ среды общества въ количествѣ двадцати одного человѣка: по три математика, физика, химика, физиолога, литератора, живописца и музыканта, вручить имъ духовную власть и обезпечить ихъ существованіе ежегодной подпиской, при чемъ выборы повторять также ежегодно.

Эти ученые и артисты будутъ не академиками, послушными той или другой официальной власти, а *избранниками человечества*, со-

вершено независимыми, преданными только энтузиазму—двигать человеческій родъ по пути прогресса. Сень-Симонъ съ большимъ воодушевленіемъ объясняетъ вредъ зависимаго положенія умственнаго дѣятеля для его работы: у автора пѣтется краснорѣчивый опытъ Ришелье съ французской академіей, помимо дружекъ—общечеловѣческихъ соображеній. Но насколько оригинальна и жизнедѣтельна его собственная идея? Несомнѣнно,—она непосредственное внушеніе культурныхъ условій XVIII-го вѣка, когда представители разума и таланта образовали свободную философскую церковь—влиятельную среди общества и, наконецъ, прозную для старыхъ учреждений. Отъ этой церкви исходили преобразовательныя и разрушительныя идеи и Сень-Симонъ видѣлъ, какъ онѣ воплощались въ революціонномъ движеніи. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела на него идеологія якобинцевъ, едва самого его не приведшая на гильотину. Очевидно, — событія безповоротно установили непреодолимую силу науки и художественнаго гения—выправительственную и политически и социальную-реальную. Естественно было усмотрѣть въ этой новой силѣ возможныя задатки не разрушительной — а созидательной работы и превратить ее изъ временнаго и неупорядоченнаго явленія—въ постоянное и организованное. Революція, безпрестанно, мы знаемъ, совѣщавшаяся съ учеными учрежденіями по поводу защиты отечества противъ внѣшнихъ враговъ и нашедшая великую помощь въ научномъ гениі Франціи,—еще рѣче отвѣтила въ глазахъ наблюдателя культурно-политическое значеніе знанія и таланта. Въ результатъ «проектъ» Сень-Симона ничто иное, какъ варьянтъ національнаго института,—но только облеченнаго непосредственнымъ, законодѣрнымъ нравственнымъ вліяніемъ на политику страны.

И, обращаясь съ рѣчью къ несобственникамъ, Сень-Симонъ въ защиту своего плава приводитъ всѣмъ известные факты. Они помогаютъ автору объяснить читателямъ, что такое истинный ученый и чего должно ждать отъ науки и отъ предлагаемаго общества?

Всякому французу изъ обыденной жизни извѣстны практическіе успѣхи химіи, т.-е. указанія химиковъ; изъ каждаго камня можно получить известь, какииъ количествомъ золы и отъ какаго дерева можно вычистить бѣлье; изъ соединенія какииъ элементовъ какаой полу-

чится продуктъ. Химики въ этихъ предсказаніяхъ не ошибаются. То же самое и астрономы; своими предсказаніями сдѣлавшіе возможнымъ самыя отдаленныя плаванія. Следовательно, — ученный вообще — *человѣкъ, который предвидитъ*. Но пока еще не все ученые обладаютъ этой способностью въ одинаковой степени, — и Сентъ-Симонъ объясняетъ, — почему? — приводитъ эту способность въ связь съ болѣе или менѣе сложностью изучаемаго матеріала и излагаетъ извѣстную намъ классификацію наукъ. Вершина ея — освобожденіе морали отъ метафизики.

До сихъ поръ философъ остается въ предѣлахъ, намѣченныхъ его предшественниками и современниками — вплоть до введенія морали въ область физиологій. Но для Сентъ-Симона всѣ эти идеи только предисловіе, послышки, а выводъ заключается въ новой организаторской системѣ. Мы видѣли общество, облеченное духовной властью, должно состоять изъ представителей физико-математическихъ наукъ, физиологій и художественнаго творчества. Общество получить наименование — *Номономомомое общество*. Оно раздѣлитъ человечество на четыре отдѣла: — англійскій, французскій, германскій, итальянскій, — и въ каждомъ будетъ учрежденъ совѣтъ по образцу главнаго. Во всѣхъ совѣтахъ председательство будетъ у математика, совѣты раздѣлены на два отдѣленія, — въ одномъ — представители наукъ, въ другомъ — искусства, — и здѣсь председательствовать будетъ литераторъ. При каждомъ совѣтѣ будетъ построенъ храмъ съ мавзолеемъ въ честь Ньютона, въ храмѣ два отдѣленія, одно разукрашенное со всею изобрѣтательностью артистовъ, — другое устроенное такимъ образомъ, чтобы зрители могли представить будущія наказанія для тѣхъ, кто вредитъ развитію наукъ и искусствъ. Первое отдѣленіе совѣта будетъ завѣдовать *окультуреніемъ* культомъ мавзолей; второе *оштрафованіемъ*, который долженъ представлять зрѣлище величественное и блестящее. Въ него будутъ входить вѣнцы за великія дѣла. «Всякому вѣрному», живущему не далѣе одного дня пути отъ мавзолей, вѣнчаются въ обязанность посѣтить его однажды въ годъ. Дѣти также должны быть приносимы родителями въ мавзолей — возможно скорѣй послѣ ихъ рожденія. «Всякій, кто не исполнитъ этого повелѣнія, будетъ считаться вѣрными за врага религіи». Въ окрестностяхъ храма будутъ выстроены лабораторіи, мастерскія и колледжъ. Въ библиотекѣ никогда не должно быть

больше пяти сотъ томовъ. Наконецъ, предписывается назначеніе «священнослужителя» — un ministre du culte.

Такова организація духовной власти, — свѣтская поручается собственникамъ, а право выбирать лицъ, предназначенныхъ выполнять обязанности «великихъ вождей человѣчества» — принадлежитъ всѣмъ.

Какая связь между этимъ «видѣніемъ», этими словами, услышанными Сень-Симономъ ночью, — и предшествующими историческими и философскими разсужденіями? Какъ философъ—Сень-Симонъ пришелъ къ убѣжденію, что науками могутъ считаться только астрономія и химія, — «физиологія находится еще въ дурномъ положеніи», — слѣдовательно, — физиологи не въ состояніи *предсказывать* и *удостоверять* свои предсказанія, — недостижимы — ни *prédications*, ни *vérifications*. Даже въ физикѣ нѣтъ еще одного всеобъемлющаго принципа, хотя, по мнѣнію Сень-Симона, и не слѣдуетъ терять надежды — приурочить со временемъ физическія теоріи къ закону всеобщаго тяготѣнія. Но какъ бы то ни было, — это только надежда для физики, а не для физиологическихъ и соціальныхъ явленій.

Лишь только философская истина установлена, — Сень-Симонъ немедленно прибѣгаетъ къ «откровенію», начиная съ заявленія, что соціальныя отношенія онъ разсматриваетъ, какъ физиологическія явленія. На самомъ дѣлѣ, — онъ ихъ вовсе не разсматриваетъ и отъ критическихъ разсужденій, отъ рѣшительнаго опроверженія принципа метафизической революціонной политики, — онъ непосредственно переходитъ къ принципу философіи изъ того же источника, т.-е. говоритъ объ «основателѣ религіи», облеченномъ «великой властью». Женевскій мечтатель становится на мѣсто ученика математиковъ и физиологовъ, принимаетъ за основу своей системы несуществующую науку, дѣлая лишней и для себя же необязательной научно-философскую классификацію.

На ньютоновскій совѣтъ возлагаются не только религіозныя управленія, но и соціальныя распоряженія. Во главѣ — принципъ; «всѣ люди будутъ работать», — и цѣль работы очень возвышенная: «приблизить человѣческій разумъ къ божественному предвидѣнію». Работами будетъ управлять ньютоновскій совѣтъ.

Возникаетъ вопросъ, — на чемъ основана подобная соціальная власть учрежденія, состоящаго изъ представителей спеціальнѣхъ

наукъ и артистическихъ дарованій? Несомнѣнно, — въ социальныхъ задачахъ культурнаго общества заключаются данныя, не подлежащія разрѣшенію химиковъ и фізіологовъ, — по очень простой причинѣ: социальный организмъ нѣчто совершенно не тождественное съ физическимъ, — и духовная власть надъ нимъ требуетъ и другихъ научныхъ основаній. Но они, по признанію самого автора, еще не существуютъ. Авторъ заявляетъ, что онъ социальныя отношенія трактуетъ какъ фізіологическія явленія и на этой почвѣ строитъ свой проектъ. Но мы не видимъ ни малѣйшаго намека на процессъ изслѣдованія отношеній. Мимоходомъ, въ примѣчаніи, высказывается только одна мысль, имѣющая связь съ такимъ изслѣдованіемъ, — именно о безцѣльности борьбы моралистовъ съ эгоизмомъ — естественнымъ свойствомъ организованной природы. Слѣдуетъ, напротивъ, — стараться всѣми силами — *комбинировать* — интересы. Это единственная идея социального характера. Все дальнѣйшее возможное изслѣдованіе замѣнено или даже устранено утвержденіемъ, что нравственныя явленія и физическія — однородны и подчинены одному и тому же закону тяготѣнія. Очевидно, мысль философа не успѣла систематизировать элементовъ науки, стоящей по своей сложности выше фізіологии, — и отсутствіе подготовительной работы отразилось на самомъ проектѣ организаціи.

Вся рѣчь о культѣ и о религіи, даже обставленной угрозами, — плодъ тѣхъ же старыхъ вліяній XVIII-го вѣка и революціи. Что касается важнѣйшаго вопроса — о социальной организаціи — въ рѣшеніи его даже послѣдователи Сень-Симона находили «существенныя заблужденія», — и самое главное, несомнѣнно, проповѣдь союза между капиталомъ и интеллигенціей въ цѣляхъ сдерживать въ порядкѣ невѣжественный и бѣдный плебсъ. Такъ понявъ мысль Сень-Симона издатель его избранныхъ сочиненій, — на этотъ разъ вполне единодушно съ Робине ¹¹⁰⁾.

Въ дѣйствительности — идея Сень-Симона вовсе не носитъ такого воинственнаго исключительнаго характера. Въ третьемъ *Лисьмѣ* онъ говоритъ: «на каждого возлагается обязательство направлять свои силы на пользу человѣчества; руки бѣдняка будутъ кормить богатаго, но богатому повелѣвается работать мозгомъ, а если его

¹¹⁰⁾ *O. choisies*. I, XXI.

могут не способенъ къ работѣ,—богатый будетъ обязанъ работать руками». Ни одинъ человекъ не долженъ оставаться бесполезнымъ въ общей мастерской ¹¹¹⁾.

Слѣдовательно, — Сенъ-Симонъ вовсе не намѣренъ узаконять власти богатыхъ надъ бѣдными во имя собственности. Не имѣется у него въ виду и замѣны аристократіи происхожденія аристократіей науки. Онъ обращается къ несобственникамъ съ такимъ совѣтомъ: «заставьте богатыхъ лично просвѣтиться и васъ образовать... заставьте работать ихъ головы для васъ». И въ будущемъ Сенъ-Симонъ предвидитъ ограниченіе власти богатыхъ надъ бѣдными. Сообразно съ развитіемъ наукъ изученіе ихъ становится легче, — и несобственники, ставши образованнѣе, уменьшатъ «долю господства надъ ними богатыхъ» ¹¹²⁾. Очевидно, — союзъ собственниковъ съ интеллигенціей не представлялся Сенъ-Симону навсегда неизмѣнной вооруженной грозой капитала надъ бѣдностью. У автора, несомнѣнно, преобладали филантропическія идеи, — но въ результатѣ все-таки получилась организація — совершенно неупорядоченная логически и богатая недоразумѣніями на практикѣ, если бы пришлось ее осуществлять.

Въ основѣ ея лежатъ собственность и просвѣщеніе, — при чемъ просвѣщеніе, повидимому, ставится выше собственности: на немъ создается духовная власть. На самомъ дѣлѣ, — необладаніе собственностью осуждаетъ гражданина на вѣчное подданство, если только онъ не выдающійся ученый или художникъ, т.-е. неспособенъ попасть въ одинъ изъ ньютоновскихъ совѣтовъ. Членомъ свѣтской власти, обусловливаемой собственностью, онъ стать не можетъ. Слѣдовательно, — и распространеніе просвѣщенія не обѣщаетъ сократить власти одного класса надъ другимъ, — тѣмъ болѣе что могутъ оказаться собственники съ первостепенными научными и художественными талантами и отнять у нихъ участіе въ духовной власти окажется несправедливымъ и врядъ ли выполнимымъ — при матеріальной зависимости совѣтовъ отъ подписки между собственниками и при правительственной власти исключительно у однихъ собственниковъ. Сенъ-

¹¹¹⁾ Л. 40.

¹¹²⁾ Л. 22.

¹¹³⁾ Л. 27—8.

Симонъ, признавая естественность личного эгоизма, не могъ отрицать и классового, — слѣдовательно, — его комбинація не только не прекращала борьбы классовъ, — а только усложняла ее и создавала для нея новый горючій матеріалъ и новые поводы.

Намъ ясно, изъ какихъ основныхъ историческихъ данныхъ образовалась система Сень - Симона: власть знанія и идеи — наслѣдство просвѣтительной эпохи, центральная роль собственности — результатъ революціонныхъ вліяній, преимущественно террора. Но автору не удалось создать стройной жизнеспособной комбинаціи изъ этихъ данныхъ, — и съ перваго взгляда его государство, дѣйствительно, можно принять за оборонительное общество противъ пролетаріата, несмотря на искреннее филантропическое настроеніе. Но неудача общей комбинаціи не лишаетъ первое произведеніе Сень-Симона — существеннаго положительнаго значенія. Соціальныи вопросъ рѣзко выдвинуть на первое мѣсто — въ ущербъ политической метафизикѣ, намѣченъ одинъ изъ основныхъ принциповъ сень-симоновской философіи: раздѣленіе духовной и правительственной власти, — идей — организующихъ общество и силы, осуществляющей идеи и оберегающей организацію, — и, наконецъ, — установлена идея производительнаго труда, какъ единственнаго источника гражданскаго авторитета. Всѣ эти мысли пока *membra disjecta* цѣльной системы, — сплотить и объединить ихъ — представить задачу всей дальнѣйшей философіи Сень-Симона, — коренящейся въ почвѣ современной исторической дѣйствительности.

VI.

Мы видѣли, — основной недостатокъ *Писемъ женеваго обывателя* заключается въ разрывѣ между исходными пунктами разсужденія и его положительнымъ содержаніемъ: послышки принадлежатъ области науки, а умозаключеніе — является «видѣніемъ», несомнѣнно, заключающимъ въ себѣ отзвуки наблюденной жизни, но по существу несвязаннымъ съ установленной классификаціей наукъ и съ понятіемъ объ ихъ положительномъ характерѣ. Пропастъ могла быть заполнена единственнымъ путемъ, — попыткой систематизировать научныя данныя и изъ этой систематизаціи извлечь указанія на цѣлесообразную и естественную соціальную организацію, — и Сень-

Симонъ предпринимаетъ пересмотръ фактовъ и выводовъ, добытыхъ наукой о мірѣ и человѣческомъ обществѣ. Въ его умѣ рисуется громадный планъ — объединить господствующимъ принципомъ міръ тѣлъ неорганизованныхъ, организованныхъ и, наконецъ, нравственныхъ и социальныхъ явленій. Принципъ этотъ ему подсказывается великой астрономической теоріей,—закономъ тяготѣнія. Доказать неограниченную власть этого закона надъ міромъ матеріи, разума и чувства—идеальная цѣль Сенъ-Симона. Онъ это называетъ—«систематизировать философію Бога», послѣдовательно перейти отъ вселенной къ солнечной системѣ, къ землѣ и, наконецъ, изучивъ человечество, какъ одно изъ «подлунныхъ явленій» — вывести законы социальной организаци. Такъ Сенъ-Симонъ самъ объяснялъ Родригу смыслъ своей ранней философской дѣятельности ¹⁾. Мы знаемъ,—эта задача плодъ объединительныхъ научныхъ идей конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Мы видѣли у Галля настойчивое стремленіе — политику и законодательство привести въ неразрывную связь съ физиологіей,—и именно это стремленіе встрѣтило безусловное одобреніе у Блэнвилля, одного изъ учителей Сенъ-Симона. Сенъ-Симонъ и на личномъ опытѣ убѣдился въ необходимости «общихъ идей» для организующей научной работы. Въ поискахъ за просвѣщеніемъ онъ истратилъ множество денегъ на поощреніе ученыхъ, на устройство научныхъ лекцій и засѣданій ²⁾. Но всѣ эти траты не привели Сенъ-Симона къ какому-либо цѣльному представленію о насущной социальной организаци. Каждый ученый работалъ въ своей области, получалось большое количество фактовъ и мыслей,—но общей систематизаци съ практическими нравственными цѣлями не предвидѣлось. Тогда Сенъ-Симонъ рѣшилъ взять задачу въ свои руки.

Введеніе къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка — является началомъ ея разрѣшенія. Планъ сочиненія былъ составленъ съ послѣдовательной систематичностью. Оно предполагалось изъ трехъ отдѣльныхъ произведеній: предметъ перваго—физика тѣлъ неорганизованныхъ и организованныхъ и ея философія; втораго — критика разсужденія Кондорсе о прогрессѣ и новая картина историческаго развитія, раздѣленная на девять періодовъ; наконецъ—третье сочи-

¹⁾ *Producteur*, авт. 1826, 105—6.

²⁾ До 100,000 экз., по свѣдѣніямъ Родрига. *Иб.* 89—90.

неніе—планъ новой энциклопедіи. Очевидно,—Сенъ-Симонъ намѣревался изъ предварительнаго анализа извлечь новый синтезъ, на основаніи тщательно систематизированныхъ фактовъ—создать энциклопедію, какъ основу новыхъ догматовъ. Планъ, несомнѣнно, отличается стройностью и выполнение его Сенъ-Симонъ рѣшилъ подвергнуть критикѣ ученыхъ, просилъ ихъ о помощи, дѣйствуя и на этотъ разъ согласно преданью просвѣтительной эпохи, т. е. по примѣру составителей философской энциклопедіи. Мы знаемъ,—и Дидро также предъявлялъ нравственныя и соціальныя требованія своему словарю,—и Сенъ-Симонъ своей цѣлью объявлялъ «присоединить своихъ современниковъ, въ частности своихъ патриотовъ къ своимъ работамъ»^{*)}).

Выполненіе осталось позади плана — по многимъ причинамъ. Прежде всего ученые не отозвались на призывъ автора—образовать съ нимъ «ассоціацію», потомъ—онъ взялъ на себя непосильный трудъ—философствовать въ области специальныхъ опытныхъ наукъ,—и это обстоятельство, надо полагать, оказало автору роковую услугу въ *Бюро дототъ*. Учрежденное 7 мессидора III-го года, Бюро предназначалось для распространенія практическихъ научныхъ свѣдѣній въ самыхъ обширныхъ слояхъ населенія,—напримѣръ—данныхъ по метеорологіи. Именно эта практическая задача учрежденія и побудила Сенъ-Симона обратиться въ Бюро. Несмотря на восторженные отзывы о Лагранжѣ и Лапласѣ—двухъ вліятельныхъ членовъ Бюро—Сенъ-Симонъ не удостоился вниманія. Уже вступленіе должно было вызвать крайне непріятное чувство у того же Лапласа. Сенъ-Симонъ нашелъ цѣлесообразнымъ неудовлетворительность своего изложенія оправдывать своимъ аристократическимъ происхожденіемъ: «я пишу какъ джентльменъ, какъ потомокъ графовъ Вермандуа, какъ наслѣдникъ пера и герцога Сенъ-Симона»,—и всѣ великія дѣла и идеи приписывалъ людямъ благороднаго происхожденія. Такъ переѣнилось настроеніе автора санкюлотскаго адреса въ Національное собраніе! Читать подобное поученіе Лапласу, сыну крестьянина, и узнавать объ аристократизмѣ Коперника, Ньютона и Лейбница, какъ основѣ ихъ геніальности,—было по меньшей мѣрѣ забавнымъ занятіемъ. Не могъ внушить ученымъ читателямъ особеннаго почтенія

^{*)} *O. choisis.* I, 55-6—„associer mes contemporains“...

критическій приемъ Сенъ-Симона—наполнять свои страницы обширнѣйшими выдержками ихъ сочиненій Лагранжа, Кондильяка, Кондорсе, Лавуазье, Линнея и даже перепечаткой всего вступленія къ энциклопедіи Дидро.

Это въ первомъ томѣ *Введенія*,—второй предлагалъ рядъ гипотезъ для объясненія закона тяготѣнія, развивалъ новую мировую систему—съ неограниченно смѣлыми положеніями,—въ родѣ, напри- мѣръ, относительнаго количества твердыхъ и жидкихъ элементовъ въ солнечной системѣ, узаконялъ удивительный принципъ—происхожденія организованныхъ тѣлъ, соответствующихъ своими размѣрами к умственнымъ способностямъ объемамъ матеріи въ состояніи броженія, при чемъ мысль рѣшительно объявлялась «матеріальнымъ притяженіемъ», «результатомъ движенія нервной жидкости»⁴⁾.

Подобная все разсѣкающая философія, достойная соревновательница научному таланту Ламеттри, отнюдь не могла остановить болѣе или менѣе серьезнаго вниманія ученыхъ,—и Сенъ-Симонъ, жалуясь на ихъ равнодушіе, своей жалобой притязалъ на исключительную благосклонность читателей. Имъ было необходимо миновать терпѣливо поразительную игру астрономической и фізіологической фантазіи автора и остановиться на его историко-философскихъ взглядахъ. Они собственно и составляютъ цѣнное содержаніе *Введенія*. Это пойметъ со временемъ самъ авторъ, тогда онъ перестанетъ изобрѣтать астрономическія гипотезы и сосредоточится на той области анализа и обобщенія, какая съ самаго начала обнаружила силу его мысли.

Сенъ-Симонъ первый томъ посвящаетъ историческому обзору научной мысли въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ. Поводомъ для него служитъ—частный фактъ,—противорѣчіе между астрономическимъ и оптическимъ воззрѣніемъ господствующей Ньютоно - локковской школы⁵⁾. Сенъ-Симону вовсе не требовалось привязываться къ этому

⁴⁾ Tome second. *Mon portefeuille*. № 1, 8, 4.

⁵⁾ Издатель *Oeuvres choisies*, осуждая чисто-научную часть *Introduction*, выставилъ противъ Сенъ-Симона обвиненіе, повидимому, неосновательное. Сенъ-Симонъ, критикуя ньютоновскую школу, находитъ противорѣчіе въ ея астрономическихъ и оптическихъ взглядахъ: астрономія учитъ, что тѣла движутся въ пустотѣ, а оптика принимаетъ небесныя пространства наполненными жидкостью, передающей свѣтъ. Лемонье не находилъ этого противорѣчія у послѣдователей Ньютона. На самомъ дѣлѣ, Фонтенель

второстепенному теоретическому недоразумѣнію, чтобы выполнить свою критическую задачу—показать, что наука до сихъ поръ шла исключительно путемъ анализа, накопляла факты и пренебрегала синтезомъ, не занималась *усовершенствованіемъ научной теоріи*,— т. е. не искала единого принципа, подчиняющаго всѣ явленія міра физическаго и нравственнаго. Французскій институтъ долженъ преобразовать это направленіе и вернуться къ апріорному методу Декарта, попеременно пользуясь анализомъ и синтезомъ ⁶⁾).

Такъ какъ только синтезъ ведетъ къ общимъ идеямъ, то Сень-Симонъ теперь Ньютона ставитъ ниже Декарта, хотя ему ясны увлеченія его послѣдователей метафизикой и понятны заслуги Ньютона и Локка, снова направившихъ ученую работу на изслѣдованіе фактовъ.

Сень-Симонъ запутывается въ своей оцѣнкѣ декартовской философіи. Съ одной стороны онъ видитъ въ ней рѣшительную побѣду надъ теологіей,—именно въ «возвышенной» теоріи вихрей,—*ни въ чемъ не нарушающей требованій разума*, съ другой эта же самая теорія оказывается *совершенно не оправдываемой опытомъ*: у Декарта не было достаточно фактическаго матеріала для возведенія новаго научнаго зданія. Оставалось—*разрушить* воздвигнутое имъ сооруженіе, «работать надъ открытіемъ новыхъ фактовъ и отложить постройку зданія до полнаго снабженія науки матеріалами» ⁷⁾).

Въ чемъ же тогда столь высоко превознесенная слава Декарта, затмѣвающая имена Ньютона и Локка? Только въ одномъ: оба англійскихъ философа избѣгали апріорнаго метода. Но они не могли ему слѣдовать—за отсутствіемъ научно-удостоверенныхъ фактовъ,—и тамъ, гдѣ этотъ методъ былъ возможенъ—онъ примѣнялся. Законъ тяготѣнія—настолько великая *общая идея*, что Сень-Симонъ не можетъ представить болѣе совершенной для объясненія всего подлежащаго изученію человѣческаго разума. Но, по мнѣнію Сень-

въ 1708 г. предлагалъ французскимъ ученымъ—,отбросить въ сторону безграничную матерію“ и признать „планеты плавающими въ пустомъ міровомъ пространствѣ“. Кювье считалъ нужнымъ съ своей стороны опровергать ученіе астрономовъ объ абсолютной пустотѣ. *O. choisies* XXVII, XXXVII—XXXVIII; Ср. Уэвелль. *Ист. индукт. наукъ*. II, 266—7; Cuvier. III, 173.

⁶⁾ *O. choisies*. I, 58—9.

⁷⁾ *Id.* 71—2.

Симона, Ньютонъ виноватъ именно въ томъ, что *не сознавалъ важности своего открытія*, «не видѣлъ, что явленія всѣхъ категорій—слѣдствія той же причины» и предпочелъ обратиться къ теологическимъ идеямъ, толковать апокалипсисъ. Въ результатъ его вліяніе оказалось даже вреднымъ для прогресса наукъ ⁹⁾).

Ничего не можетъ быть характернѣе для критической стремительности «писателя-аристократа», чѣмъ эти сужденія о Ньютонѣ. Сень-Симонъ въ *Письмахъ женеваго обывателя* заставилъ Бога объявить, что онъ подчинилъ вселенную единственному закону тяготѣнія. Съ тѣхъ поръ философъ усиливается *доказать* это проріцаніе. Въ началѣ второго тома *Введенія* выражается *надежда* доказать законъ тяготѣнія «для всѣхъ физическихъ и нравственныхъ явленій». Понимается здѣсь тяготѣніе въ самомъ матеріальномъ смыслѣ, такъ какъ всѣ явленія дѣлятся на явленія твердыхъ тѣлъ и жидкихъ,—нравственные приписываются нервной жидкости. Въ концѣ этого же второго тома идея тяготѣнія объявляется принципиальнымъ врагомъ деизма, т. е. новой религіозной идеей, основнымъ принципомъ *физтицизма*,—научно-философской доктрины ⁹⁾. Въ теченіе пяти лѣтъ философъ остается при этомъ убѣжденіи, но, очевидно, доказательства не даются,—и въ особомъ сочиненіи о всеобщемъ тяготѣніи Сень-Симонъ совѣтуетъ поручить одному классу институту спеціально философію. Она—*разумѣется*—будетъ основана на законѣ тяготѣнія и члены философскаго класса будутъ работать а priori и а posteriori, приурочивая всѣ свои идеи къ этому закону,—въ результатъ будетъ создана сплоченная научная организація и философская доктрина. Идея тяготѣнія должна замѣнить идею Бога, по плану Сень-Симона. Немного спустя Сень-Симонъ сѣвшитъ оговориться, что идея тяготѣнія не противорѣчитъ идеѣ Бога,—такъ какъ она—неизмѣнный законъ, по которому Богъ управляетъ вселенной,—и постепенно можетъ замѣнить болѣе ясными и точными идеями всѣ принципы теологической морали. Такъ какъ въ астрономіи законъ тяготѣнія установленъ, въ химіи сродство признано его видоизмѣненіемъ,—остается физиологамъ объявить его «первой причиною явленій жизни»—и Сень-Симонъ простодушно

⁹⁾ Лб. 160—4.

⁹⁾ Лб. 165, 228—9.

негодуетъ на медлительность этихъ ученыхъ, проистекающую будто бы изъ профессиональнаго соревнованія съ математиками ¹⁰⁾.

Такого взгляда держится Сень-Симонъ еще въ 1813 году, тѣсно ища все время возможности построить на ньютоновской теоріи міръ нравственныхъ явленій и, слѣдовательно, социальныхъ. Нельзя плану отказать въ широтѣ и смѣлости замысла: Сень-Симонъ стремился къ той именно единой аксіомѣ, единому факту, о которомъ говорилъ еще Кондильякъ, мечталъ Дидро и упоминалъ даже Даламберъ. Не исчезла эта надежда—видѣть весь безграничный міръ явленій подчиненнымъ одному принципу—до нашихъ дней. Современные ученые продолжаютъ устанавливать аналогіи между игрой органическихъ силъ и человѣческихъ страстей и—силами, слагающими астрономическій законъ. Идея Фурье принадлежала къ той же категоріи, несмотря на его жестокую вражду къ Сень-Симону: *l'Attraction passionelle* — ничто иное какъ желанный для Сень-Симона моральный вариантъ идеи *l'Attraction universelle* ¹¹⁾. Увлечение Сень-Симона, слѣдовательно, не было исключительнымъ заблужденіемъ,—ему принадлежить только чрезвычайно запальчивая критика, направленная противъ Ньютона — не во имя факта, а во имя лишь надежды на него, и—въ результатѣ—ради неосуществимой мечты для самого же критика. Впослѣдствіи Сень-Симонъ окончательно оставитъ свою надежду, перестанетъ говорить о всеобщемъ тяготѣнн и обратится къ изученію чловѣка и чловѣческихъ обществъ въ процессѣ ихъ естественнаго и историческаго развитія. Это и будетъ истиннымъ назначеніемъ Сень-Симона—*la science générale de l'homme*: такъ передаетъ его предсмертныя слова Родригъ ¹²⁾.

Это назначеніе начинаетъ осуществляться въ первыхъ же произведеніяхъ философа. Мы указали положительныя идеи въ *Письмахъ*,—во *Введеніи*—къ числу этихъ идей принадлежать всѣ замѣчанія, касающіяся установленія доктрины на почвѣ положительныхъ наукъ и общая оцѣнка историко-культурныхъ моментовъ въ эволюціи чловѣчества. Сень-Симонъ не переступалъ предѣловъ совре-

¹⁰⁾ *Oeuvres*. XL, 240—1, 276, 286, 206—210.

¹¹⁾ Ср. Fouillée. *Le tempérament physique et morale*. Revue des deux Mondes 15 juillet 93. 274—5. Amedée Paget et Cartier. *Examen et défense du Système de Fourier*. I. 44. 57—8. P. Leroux. *Lettres sur le fouriérisme*. Ср. Hubbard. 41.

¹²⁾ *Producteur*. avr. 26. 105.

ненныхъ социальныхъ и умственныхъ потребностей, когда требовалъ синтеза добытыхъ фактовъ и умозаключеній, когда настаивалъ на замѣнѣ упраздненной католической теологіи другой «общей идеей». Онъ — согласно съ духомъ времени — указывалъ и порядокъ идей, подлежащихъ систематизаціи, наглядно поясняя свое ученіе новымъ древомъ наукъ.

Оно не встрѣтило должнаго вниманія у изслѣдователей идей Сень-Симона и даже издатель *Избранныхъ сочиненій*, перепечатывая древо и придавая ему большое значеніе,—ограничился весьма смутными объясненіями, по нашему мнѣнію, не соответствующими истинѣ. Древо вовсе не представляетъ «индивидуальнаго» и «коллективнаго» человѣка одновременно,—такъ же какъ Сень-Симонъ не имѣлъ въ виду перечислять художественныхъ и промышленныхъ способностей человѣка ради нихъ самихъ,—онъ представилъ схематическую картину культурной эволюціи. Лемоннье ошибается, открывая въ сень-симоновскомъ дрѣвѣ—цѣльную систематизацію «малаго» и «большаго» міра: цѣльности именно и нѣтъ въ планѣ Сень-Симона. Правда, чрезъ всю эволюцію человѣчества проходитъ развитіе «общей науки», но мы не видимъ внутренней необходимой связи между характерными обозначеніями различныхъ стадій и соответственнымъ содержаніемъ «общей науки». Древо не логическая или психологическая классификація наукъ, а исторія цивилизаціи. Оно представляетъ два ствола. Эволюція на одномъ идетъ сверху внизъ, на другомъ снизу вверхъ, и на первомъ обозначены четыре культурныхъ момента—съ соответствующей *science générale*: эпоха ремесль—идолопоклонство; эпоха изящныхъ искусствъ—политеизмъ; эпоха политическихъ и нравственныхъ знаній—деизмъ; эпоха математическихъ и физическихъ наукъ—физицизмъ. И второй стволъ изображаетъ многочисленные развѣтвленія этихъ наукъ,—при чемъ рядъ вѣтвей принадлежитъ теоріи наукъ нравственныхъ и политическихъ, теоріи изящныхъ искусствъ, теоріи ремесль и общей теоріи языка.

Это древо остается надолго основой культурной философіи Сень-Симона. Въ разсужденіи *Mémoire sur la science de l'homme* онъ излагаетъ тѣ же возрѣнія — въ болѣе подробной формѣ, прибавляетъ еще болѣе раннюю эпоху—перваго дѣтства, когда у отдѣльнаго человѣка и у народовъ всѣ стремленія сосредоточены на питаніи. Эту параллель между индивидуальнымъ развитіемъ и общечеловѣческимъ Сень-Симонъ ведетъ до конца и оно, несомнѣнно, подсказало ему

самую идею древа. Въ болѣе зрѣлыя годы у ребенка является страсть къ разнаго рода инструментамъ и сооруженіямъ,—онъ пилить, стругаетъ, устраиваетъ кучи изъ камней, роетъ канавы, возводитъ насыпи: египетская культура съ ея озерами и пирамидами соответствуетъ этому дѣтскому періоду. Дальше—въ отрочествѣ у человѣка обнаруживается вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Какой юноша не увлекался поэзіей, музыкой, живописью? Греки воплощаютъ эту эпоху въ общечеловѣческой исторіи. Наступаетъ возрастъ силы и мужества, человѣкъ ищетъ примѣненія своимъ силамъ, онъ вступаетъ въ борьбу съ природой, съ самимъ собой, — военное призваніе владѣть имъ: это — римская эпоха и, наконецъ, мусульманская, когда началась послѣдняя стадія — опытныхъ наукъ, военная страсть остываетъ, воображеніе становится менѣе живымъ, способность рассуждать возрастаетъ ¹³⁾).

Несомнѣнно,—въ этихъ замѣчаніяхъ заключается реальное содержаніе, но они не исчерпываютъ культурной эволюціи, потому, что вниманіе философа направлено преимущественно на ея *отыскивающую* сторону. Мы не видимъ, почему эпохѣ ремесль должно соответствовать идолопоклонство, а эпохѣ изящныхъ искусствъ—политеизмъ. Религіозныя представленія, т.-е. *science générale* зависятъ не отъ совершенствованія механическихъ способностей человѣка, а отъ его представлений о мірѣ. Религіозная система—есть *материализація научной системы*: это утверждаетъ Сень-Симонъ со словъ Дюшюи. Слѣдовательно чередованіе различнаго состава «общей науки» должно сопровождаться соответственными измѣненіями въ философскихъ, точнѣе въ отвлеченныхъ идеяхъ. Между тѣмъ,—древо внушаетъ намъ мысль, что науки являются на сцену только въ періодъ физицизма,—даже математика съ астрономіей и геометрией. Обозначеніе третьей стадіи *époque des sciences morales et politiques* кажется неожиданнымъ: наиболѣе сложныя науки являются первыми и это появленіе не оправдывается извѣстной намъ характеристикой римской и средне-вѣковой цивилизаціи. Несомнѣнно, римляне въ эпоху «деизма» были несравненно болѣе искусными политиками и даровитыми моралистами, чѣмъ учеными,—но и то и другое явилось результатомъ не исключительно ихъ военной силы. Греческая цивилизація лежитъ въ основѣ идейно-политическаго и морально-философскаго развитія рим-

¹³⁾ *Oeuvres*. XI, 137—9.

лнѣ, — слѣдовательно эпоха политензма должна была обладать известной дѣятельностью философствующаго ума, — *la faculté de raisonner* — рядомъ съ творчествомъ воображенія.

Нельзя кромѣ того не принять во вниманіе, что жизненная выработка политическихъ формъ предшествовала тому, что Сень-Симонъ называетъ *sciences politiques* и процвѣтаніе изящныхъ искусствъ отнюдь не исчерпывало всей культурной жизни политенстической эпохи. Наконецъ, — эволюція, намѣченная Сень-Симономъ, совершенно обходитъ соціальный моментъ. Въ результатъ всё преимущества древа Сень-Симона предъ Бэконовскимъ и энциклопедическимъ ограничиваются его *исторической идеей*, въ то время какъ энциклопедисты въ основу классификаціи наукъ положили не эволюціонный принципъ, а психологическій.

Въ *историзмъ* заключается сущность философской оппозиціи Сень-Симона XVIII-му вѣку. Критическій догматизмъ и революціонное естественное право, — принципиальные враги новой органической мысли, — и Сень-Симонъ заявляетъ намѣреніе — подвергнуть разбору всю философскую дѣятельность дореволюціонной эпохи. Намѣреніе остается невыполненнымъ. Сень-Симонъ успѣваетъ составить древо на мѣсто энциклопедическаго и высказать нѣсколько замѣчаній объ историко-философскихъ взглядахъ Кондорсе. И та и другая работа, исполненная крайне отрывочно и представляющая рядъ намѣковъ и изреченій, — остается почвой для дальнѣйшихъ построеній Сень-Симона. Замѣчанія о Кондорсе стоятъ въ связи съ эволюціоннымъ принципомъ культурнаго древа, направлены противъ политическаго ватузізма «вождя партіи», противъ стремленія Кондорсе — своими философскими идеями служить интересамъ временной политики. Онъ долженъ бы замкнуться въ своемъ кабинетѣ, не унижать своего міровоззрѣнія, пользуясь имъ для произведенія, внушеннаго случайными обстоятельствами, — вмѣсто того чтобы построить на этомъ міровоззрѣніи «теорію физики организованныхъ тѣлъ». Кондорсе подчинился «филантропической страсти» и вмѣсто исторіи написалъ романъ. Онъ видѣлъ предметы не такими, каковы они въ дѣйствительности, а какими онъ желалъ ихъ видѣть. Недостатокъ исторической вдумчивости внушилъ Кондорсе идею непрерывнаго прогресса, безконечнаго совершенствованія человѣка. Сень-Симонъ не согласенъ именно съ идеей всесторонняго *совершенствованія*. Иначе человекъ пріобрѣталъ бы новыя способности — этого нѣтъ, напротивъ

нѣкоторыя даже понижаются, — на примѣръ художественныя: Иліада и Аполлонъ Бельведерскій теперь не могутъ быть созданы. Но это не мѣшаетъ нашему поколѣнію въ другихъ отношеніяхъ превосходить Эллиновъ ¹⁴⁾. Слѣдовательно, — понятіе прогресса не должно смѣшиваться съ понятіемъ развитія — человѣческой природы. Культурная эволюція совершенствуется однѣ ея стороны и приводитъ въ упадокъ другія. Поэтому ничто не можетъ быть менѣе умѣстнымъ въ «физикѣ организованныхъ тѣлъ», т.-е. въ философіи исторіи, чѣмъ энтузіазмъ во имя какой бы то ни было увлекательной и чувствительной идеи. Очевидно, чувство и воображеніе, устраняемыя при анализѣ фактовъ, — не должны вмѣшиваться и въ синтезъ, — и новая мысль должна искать новой системы путемъ безстрастной комбинаціи объективных явленій.

И Сень-Симонъ пишетъ на первый разъ краснорѣчивое опроверженіе взгляда XVIII-го вѣка на религію. Оно цѣликомъ основано на историческомъ міросозерцаніи. «Каждый вѣкъ имѣетъ свой характеръ, всякое учрежденіе — свою продолжительность». Религія — одно изъ учрежденій. То же самое Сень-Симонъ говорилъ еще въ *Письмахъ женеваго обывателя*, но, не умѣя отрѣшиться отъ стили и отчасти отъ хода мыслей философской эпохи, — называлъ религію не только учрежденіемъ, «стремящимся къ общей организаціи человечества», но и «человѣческимъ изобрѣтеніемъ» — *une invention humaine* ¹⁵⁾. Терминъ — не соответствующій задачѣ философа — построить доктрину на математическомъ законѣ: при такихъ условіяхъ доктрина не изобрѣтается, а констатируется, какъ, мы знаемъ, впоследствии Сень-Симонъ и выражался о позитивной системѣ. За пять лѣтъ мысль Сень-Симона больше приблизилась къ независимому самоопредѣленію, — и взглядъ на религію является болѣе позитивнымъ «Всякая религія — учрежденіе благодѣтельное въ началѣ. Священнослужители злоупотребляютъ ею, когда ихъ не сдерживаетъ узда оппозиціи, когда они не производятъ больше открытій въ научномъ направленіи, завѣщанномъ основателемъ ученія: религія тогда становится притѣснительной. А когда религія стала притѣснительной, ее постигаетъ презрѣніе и ея служители теряютъ и авторитетъ и матеріальное положеніе, прибрѣтенныя ими раньше».

¹⁴⁾ *И.* 108—9, 191, 184.

¹⁵⁾ *И.* 41.

Въ силу этого закона, — нѣтъ никакихъ основаній опасаться возвращенія общественной власти католическаго духовенства. Можно, напротивъ, бояться, какъ бы оно не утратило и той малой доли авторитета, какую ему даровало правительство, — раньше чѣмъ успѣетъ сложиться новая научная система, какъ основа для новой религiи.

Философъ живетъ въ переходное время отъ деизма къ физицизму, — напоминающее эпоху перехода отъ политеизма къ деизму, т. е. отъ Сократа до апостола Павла. Сень-Симонъ теперь не намѣренъ провозглашать доктрину, какъ это онъ дѣлалъ въ *Письмахъ*, — онъ только «работаетъ надъ усовершенствованiемъ физицизма». Вспомнимъ, — эта система Сень-Симона заключаетъ исключительно материалистическое содержанiе — въ самомъ непосредственномъ смыслѣ: нравственныя явленiя не больше какъ «явленiя жидкостей». И этотъ материалистическiй взглядъ и способъ выраженiя исчезнуть у Сень-Симона одновременно съ его охлажденiемъ къ идеѣ тяготѣнiя, какъ основы нравственности и политики. Тогда «физика организованныхъ тѣлъ», окончательно превратившись въ науку о «ходѣ человеческого ума», получить другой материалъ для анализа — политическiя и социальныя явленiя. Снова повторяемъ, — *физицизмъ* для Сень-Симона непосредственно послѣ революціонной метафизики — былъ логическимъ спасенiемъ, — такъ же какъ рѣзкiй атеизмъ XVIII-го вѣка, мы видѣли, выросъ на почвѣ католическихъ церковныхъ условiй. И такъ какъ энциклопедiя въ рукахъ Дидро должна была упразднить старую вѣру и замѣнить ее культомъ естественныхъ законовъ, истолкованныхъ материалистическимъ энтузиазмомъ, — Сень-Симонъ также находилъ, что единственный цѣлесообразный катихизисъ новаго времени — долженъ представлять извлеченiе изъ энциклопедiи физицизма, а священнослужители новой религiи будутъ математиками и физиками ⁴⁾.

Всѣ эти идеи — изложены крайне безпорядочно, въ формѣ отрывочныхъ замѣтокъ и цѣнное жизнеспособное зерно приходится выдѣлать изъ весьма толстой шелухи мертворожденныхъ размышленийъ объ астрономiи, физикѣ, физиологiи. Но ими не ограничиваются безусловно-отрицательныя черты *Введенiя*, — экзальтація философа

⁴⁾ Ъ. 218—215, 228—6

сказалась въ еще болѣе рискованномъ вопросѣ—и набросила густую тѣнь на всю его философію. Это—отношеніе къ Наполеону.

Какое мѣсто могли найти чувства къ императору въ сочиненіи, разрѣшавшемъ задачу о способѣ построить новую научно-философскую систему? По самому смыслу этого дѣла культъ какого бы то ни было героя являлся противорѣчіемъ,—тѣмъ болѣе, что философъ настойчиво заявлялъ: еще не настало время объявлять доктрину и еще менѣе примѣнять ее,—пока остается собирать матеріалы для основъ будущей доктрины, т.-е. для энциклопедіи физичизма. Въ эпоху *Писемъ женевского обывателя*, Сень-Симонъ могъ обращаться къ Бонапарту: тогда еще имѣлся въ виду всемогущій законодатель, основатель новой религіи. Теперь религія пока создавалась,—и тѣмъ не менѣе имя Наполеона царить надъ воображеніемъ философа.

Восторги Сень-Симона основываются на рѣчи Наполеона, обращенной къ математическому и физическому классу институтѣ и на трехъ его политическихъ дѣйствіяхъ. Наполеонъ желалъ знать мнѣніе ученыхъ объ успѣхахъ наукъ съ 1789 г. и о средствахъ создать путь для ихъ дальнѣйшаго совершенствованія. Этотъ запросъ поставилъ Наполеона, въ глазахъ Сень-Симона, на высоту «ученаго вождя человѣчества»: «одной рукой онъ держитъ непогрѣшимый компасъ, а другой истребительный мечъ противъ враговъ просвѣщенія». И знаменитѣйшіе ученые міра должны сосредоточиться у трона Наполеона, предпринять составленіе энциклопедіи,—и Сень-Симонъ свой трудъ считаетъ отвѣтомъ на вопросъ императора. Даже больше. Сень-Симонъ подъ вліяніемъ Наполеона будто бы измѣнилъ свой философскій путь: «намѣренія императора избавили его отъ катаракта, ослѣплявшаго его».

Кромѣ наполеоновскаго обращенія къ ученымъ Сень-Симона приводятъ въ восторгъ «больше чѣмъ кого-либо»—еще три факта: конституція итальянскаго королевства, учрежденіе почетнаго легіона, сочетаніе двухъ научныхъ учреждений. Въ итальянской конституціи Бонапартъ, по мнѣнію Сень-Симона, разрѣшилъ трудную задачу—предотвратить новую революцію. Для этой цѣли слѣдуетъ устроить такой порядокъ, чтобы правители обладали наивысшей степенью интеллигентности сравнительно съ управляемыми, т. е. чтобы всякій

1) *Иб.* 57, 61—2, 229, 216, 231—5.

управляемый, одаренный высшими духовными силами, могъ войти въ разрядъ правителей. Бонапартъ достигъ этой цѣли въ итальянской конституціи, раздѣливъ классъ правителей на три коллегіи. «Какал удивительная идея!» восклицаетъ Сень-Симонъ. Она доказала, что геній Наполеона «необъятно» выше генія всѣхъ его современниковъ и пройдутъ вѣка, раньше чѣмъ постигнуть всю глубину возрѣній императора.

Орденъ почетнаго легіона великое учрежденіе, потому что онъ доступенъ одинаково всѣмъ заслугамъ,—не одной военной,—и, по расчету Сень-Симона, долженъ сдерживать «военный духъ» и парализовать военную силу въ ея стремленіи къ деспотизму,—что является общимъ правиломъ послѣ революцій.

Наконецъ,—Наполеонъ ученую корпорацію раздѣлилъ на два класса: институтъ совершенствуетъ науку, университетъ преподаетъ ее. Эта идея, заявляетъ Сень-Симонъ, послужитъ основой всѣхъ научныхъ комбинацій, какія онъ представитъ.

Эти разсужденія—поразительное явленіе въ произведеніяхъ писателя, по самому существу своихъ возрѣній не имѣвшего ничего общаго съ наполеоновской политикой. Можно подумать,—философъ пользовался приѣмомъ жестокой ироніи, чтобы съ особенной рѣзкостью отгнать полнѣйшее несоотвѣтствіе словъ и именъ съ дѣйствіями и фактами. И между тѣмъ,—предъ нами вовсе не сарказмъ, а искренняя экзальтація, непосредственное ослѣпленіе энтузіаста, въ порывѣ восторга привѣтствующаго даже призрачное сродство чужихъ мѣропріятій съ своими задушевыми мечтами. Мы опять не должны приписывать Сень-Симону исключительной, только ему свойственной роли и въ этомъ случаѣ. Мы должны помнить,—г-жа Сталь видѣла чрезвычайно важное культурное событіе въ подписи Бонапарта—«членъ Института», а Констанъ даже послѣ имперіи нашелъ возможнымъ увѣрять въ конституціонную искренность Наполеона и, надежды много думавшаго философа и публициста совпали на этотъ разъ съ настроеніями юнаго Конта. И Сталь, и Констанъ видѣли въ Наполеонѣ воплощеніе *своихъ* идеаловъ,—и никто искуснѣе Наполеона не могъ вызывать и питать чужихъ иллюзій. Восторги Сень-Симона—того же порядка,—они весьма нелестно свидѣтельствуютъ о политической провицательности фило-

софа, но за то доказываютъ въ полной мѣрѣ его идеалистическую организаторскую экзальтацію.

Итальянская конституція даже на бумагѣ не ставила ученыхъ и артистовъ на высокое мѣсто, грезившееся Сень-Симону. Она узаконяла три пожизненныхъ избирательныхъ коллегіи: одна изъ 300 крупныхъ собственниковъ, другая изъ 200 именитыхъ коммерсантовъ, третья изъ 200 представителей литературы, науки и церкви. Всѣ комиссіи сами восполнялись въ случаѣ смерти своихъ членовъ. Слѣдовательно—вышіе таланты являлись менѣе чѣмъ *третью* въ общемъ представительствѣ, гдѣ, кромѣ того, люди церкви далеко не всегда могли выражать собой «la force d'intelligence»—въ смыслѣ Сень-Симона. Конституція выходила вполнѣ буржуазной,—гораздо болѣе, чѣмъ комбинація въ *Письмахъ женеваго обывателя*. А практически Наполеонъ немедленно свелъ ее къ своей личной диктатурѣ, совершивъ по собственному усмотрѣнію всѣ выборы и заставивъ выбрать себя «президентомъ итальянской республики». Все это совершилось къ началу 1802 года и могло быть оцѣнено Сень-Симономъ.

Что касается почетнаго леіона,—стоитъ прочесть исторію его учрежденія у восторженнаго повѣствователя наполеоновскихъ дѣяній—у Тьера, чтобы признать совершенно фантастическимъ значеніе ордена, какъ громовода противъ военнаго деспотизма. Бонапартъ совершенно откровенно мотивировалъ свое учрежденіе народной любовью къ «лентамъ всѣхъ цвѣтовъ» и къ тому, что философы-демократы называютъ «hochets». Можно было приписывать ордену и болѣе возвышенное назначеніе,—но отнюдь не уничтоженіе «военнаго духа»,—совершенно напротивъ ⁴⁸⁾.

Наконецъ,—не требовалось особенной вдумчивости, чтобы оцѣнить просвѣтительную политику Наполеона послѣ упраздненія второго класса института и превращенія университета въ католическо-полицейское учрежденіе, съ первымъ канцлеромъ епископомъ и со многими чертами монастырской дисциплины. Университетъ предназначался для укорененія церковно-религіозной доктрины въ смыслѣ извѣстнаго намъ имперскаго катихизиса,—а Сень-Симонъ усмотрѣлъ

⁴⁸⁾ Thiers *Histoire du consulat de l'empire*. Bruxelles. 45. III, L. XIV.

въ учрежденіяхъ Наполеона—поощреніе работать надъ развитіемъ физицизма ¹⁹⁾).

Именно съ этой точки зрѣнія для Сень-Симона и великъ Наполеонъ. Философъ увѣнчиваетъ императора небывалой славой: его статую слѣдовало бы высѣчь изъ горы Сень-Бернара и подножіемъ ей оставить землю. Если эту фразу вырвать одну,—получится дѣйствительно то впечатлѣніе, какое нужно было, напримѣръ, Робине. Но Сень-Симонъ строить «храмъ славы» не историческому Наполеону, а идеальному законодателю позитивизма. По «первымъ мѣрамъ» императора онъ «догадывается», что духовная и правительственная власть раздѣлится, что духовная достанется «папѣ и духовенству физицизма», а свѣтская будетъ подѣлена между государями различныхъ національностей и интересы каждой изъ нихъ будутъ охраняться представителями и изъ крупныхъ собственниковъ и наиболѣе замѣчательныхъ ученыхъ и писателей. Эта цѣль достигнется постепеннымъ и мирнымъ введеніемъ физицизма въ просвѣщеніе юношества. Роль самого Наполеона — ясна философу: императоръ создастъ всеобщую монархію, займется исключительно науками, «дастъ законы человѣчеству» согласно съ тѣми принципами, какіе установить вновь выработанная энциклопедія физицизма, — т. е. императоръ — провозгласитъ только результаты, добытые «ученой мастерской», — и «всемирная монархія» исчезнетъ, выполнивъ свое назначеніе. Дальше Наполеонъ не нуженъ,—мѣръ будетъ управляться по физико-политической программѣ ²⁰⁾).

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, Наполеонъ это разсужденіе призналъ бы самой дикой или смѣшной «идеологіей»,—но также достоверно, что и Сень-Симонъ не могъ питать ни малѣйшаго сочувствія къ Наполеону—подлинному и прославлять его только ради его внѣшней силы. Съ теченіемъ времени философъ пойметъ смыслъ дѣйствительности,—и заговоритъ съ тѣмъ же «верховнымъ законодателемъ» другимъ языкомъ.

¹⁹⁾ Законъ объ учрежденіи университета—Hélie, 773.

²⁰⁾ *O. ch.* I, 224, 229, 244. Представленіе Сень-Симона объ историческомъ назначеніи Наполеона, очевидно, вполне аналогично извѣстному намъ ученію Конта о диктатурѣ,—и ученикамъ Конта менѣе всего надлежало вести процессъ противъ Сень-Симона именно на этой почвѣ.

Сень-Симонъ—при всѣхъ условіяхъ—остається вѣренъ своей личной умственной эволюціи. Теперь имъ владѣетъ идея новой энциклопедіи, какъ основы новаго катихизиса. Со времени *Писемъ* эта идея сдѣлала успѣхи въ смыслѣ болѣе глубокой тенденціи къ историческому воззрѣнію. Сень-Симонъ создаетъ древо культурной эволюціи и набрасываетъ общій планъ исторіи человѣчества подчиняя его одной идеѣ прогресса. У него намѣчаются періоды въ жизни «общей идеи»: отъ Сократа до Магомета она—деизмъ; съ появленія арабовъ—начинается развитіе физизизма и разложеніе деизма,—и тотъ и другой періодъ обнимаетъ—каждый приблизительно одиннадцать вѣковъ. Сень-Симонъ старается намѣтить также стадіи, проходящія каждой общей идеей въ исторіи: сначала она—чисто-философская концепція, потомъ—научная, наконецъ,—религіозная.

Въ этомъ представленіи впервые обрисовывается *метафизическая* стадія идейнаго процесса. Каждая органическая идея является сначала въ формѣ логическаго постулата, или простаго требованія здраваго смысла,—и только съ теченіемъ времени обставляется фактами и реальными доказательствами. Этотъ процессъ въ сущности и есть *организующій*, а метафизическій преимущественно критикуетъ и разлагаетъ. Когда идея достигла научнаго обоснованія—сообразно съ уровнемъ современныхъ знаній,—она долго еще остається достояніемъ высшихъ умовъ и, лишь постепенно популяризуясь, усваиваетъ форму *религіи*—въ силу своей распространенности и самаго характера, какой истина принимаетъ среди большинства,—самостоятельно не изслѣдующаго и даже не всегда способнаго идти сознательно за чужими изслѣдованіями научно-философской концепціи. Элементъ вѣры, слѣдовательно, является неизбѣжнымъ на всякой стадіи міросозерцанія.

Полное развитіе эта идея получить у Сень-Симона только со временемъ, т. е. будетъ установлена *культурная* и *психологическая* эволюція «общей науки»,—но философъ до конца не систематизируетъ своихъ идей. Повторяя неоднократно мысль о преемственности научной и религіозной стадіи,—Сень-Симонъ, по поводу «деистической» доктрины, прибавитъ еще *политическую*. Это означаетъ преобразование христіанской религіи въ политическую силу папства. Нельзя думать, чтобы этотъ фактъ являлся, по представленію Сень-Симона, исключительнымъ достояніемъ доктрины, берущей свой

источникъ, въ философіи Сократа. Политиизмъ также господствовалъ политически и назначеніе позитивизма—изъ области философіи перейти въ религію и создать новую организацію общества. Слѣдовательно,—политическая стадія—заключительное культурное звено въ эволюціи всякой «общей идеи» ²¹⁾).

Данный случай еще разъ наглядно показываетъ, до какой степени въ небрежной и запутанной формѣ Сень-Симонъ представлялъ даже свои основныя идеи. Слѣдуя правилу, что «идеи выясняются во время работы»,—Сень-Симонъ обдумывалъ содержаніе своихъ произведеній во время ихъ писанія,—и скорѣе процессъ работы владѣлъ имъ, а не онъ процессомъ. Это вполне совпадало съ *вдохновенной* основой мыслительнаго таланта Сень-Симона,—но въ то же время заставляло его предъявлять къ «проницательности читателей» повышенныя требованія и приводить довольно странныя оправданія въ «страшно дурной редакціи» своихъ мыслей—лѣнность и обиліе занятій ²²⁾).

Что касается социальнаго вопроса, Сень-Симонъ, очевидно, разрѣшеніе его ставить въ органическую связь съ имѣющей возникнуть доктриной. Онъ прибавляетъ одну новую чрезвычайно богатую слѣдствіями идею къ принципу, извѣстному намъ изъ *Писемъ женевского обывателя*: «человѣкъ долженъ работать». Этимъ нравственнымъ правиломъ—вполнѣ положительномъ—Сень-Симонъ замѣняетъ евангельское—отрицательное—предписаніе не дѣлать другимъ, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали. Подъ идеей *работы* Сень-Симонъ понимаетъ одинаково и умственный и физическій трудъ, и художественное творчество. Это было ясно изъ его прежней организаціи духовной власти,—но теперь онъ вводитъ понятіе—производительнаго собственника и собственника-тунеядца. Рантѣе и собственникъ, личнымъ трудомъ не дѣлающій своей собственности производитель-

²¹⁾ *Travail sur la gravitation. Mémoire sur la sc. de l'homme. Oeuvres*, XL, 140, 274,—5.

²²⁾ „Les idées s'éclaircissent en travaillant“. *Oeuvres* XV, 146. Въ письмѣ къ Бугону Сень-Симонъ замѣчаетъ: „Je m'aperçois bien, mon cher docteur, que cette partie de ma lettre est horriblement mal rédigée. Si je ne la recommence point, c'est un peu par paresse, c'est aussi parce que je suis fort occupé; mais c'est surtout parce que j'ai confiance dans la sagacité de mes lecteurs, dans la vôtre surtout, qui est réellement admirable“. *O.* XL, 64.

ной, — «существа обременительныя для общества, даже когда они являются благотворителями, — *милоштынниками*», — выражается Сень-Симонъ. Законодатель долженъ обезпечить собственнику свободное пользование собственностью: принципъ, установленный революционными конституціями, — Сень-Симонъ ограничиваетъ его другимъ, знакомымъ намъ изъ социалистическихъ программъ. Мы знаемъ, онѣ требовали законодательныхъ мѣръ противъ тунеядства, — Сень-Симонъ становится на ту же почву, — только вмѣсто юридической кары вводитъ нравственную: «моралистъ долженъ побуждать общественное мнѣніе — наказывать празднаго собственника, лишая его всякаго уваженія».

Принципъ общеобязательнаго производительнаго труда, по мнѣнію Сень-Симона, въ области нравственности то же самое, что законъ тяготѣнія въ физикѣ. Слѣдовательно, рядомъ съ мировымъ принципомъ существуетъ социальный, нравственно-религіозный. Сень-Симонъ высказываетъ эту мысль, по обыкновению, въ отрывкѣ, оставляетъ ее безъ выясненія и развитія, — но она — первое яркое предзнаменованіе философско-соціального мышленія философа и будущей окончательной побѣды соціального изслѣдованія надъ физико-математическимъ. Побѣда осуществится медленно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и опять подъ прямымъ воздействиемъ современныхъ политическихъ явленій, — такъ же какъ и самый принципъ общеобязательнаго производительнаго труда — несомнѣнное отраженіе внѣшнихъ идейныхъ теченій. Но все вниманіе Сень-Симонъ сосредоточить на немъ, лишь убѣдившись въ невыполнимости задачи — на законѣ тяготѣнія построить физику, физиологію и политику и въ существованіи для соціальной области *своего* закона такъ же какъ и *своего* матеріала изслѣдованія. Наука, основная при анализѣ соціального вопроса, пока только *упоминается* Сень-Симонъ. Восхищаяся итальянской конституціей, онъ спрашиваетъ: «почему ученые, занимающіяся политической экономіей, не улучшили своей теоріи, преобразовывая ее по этой высоко-филантропической идеѣ?» — разумѣется извѣстное намъ учрежденіе трехъ коллегій ²³⁾.

Независимо отъ указаннаго нами сомнительнаго «филантропическаго» принципа конституціи, — вопросъ по существу звучитъ въ

²³⁾ О. *сн.* I, 220—1, 233.

высшей степени наивно. Неужели Сень-Симону не было извѣстно, что именно политическая экономія вызывала у Наполеона глубокое отвращеніе и второй классъ института, уничтоженный еще при консулатѣ, подвергся этой карѣ между прочимъ и за политико-экономическіе вопросы: они входили въ его программу ²⁴⁾. Какой же смыслъ могло имѣть сѣтованіе Сень-Симона на экономистовъ? Столь же практически—неосмысленный, какъ и его взглядъ на занятія исторіей. Сень-Симонъ вычеркивалъ изъ науки древнюю исторію, считая ее предметомъ занимательнымъ только развѣ для «посредственныхъ людей», т. е. исторію до Сократа. Мы увидимъ,—философъ забудетъ свой гнѣвъ и попытается установить ряды культурныхъ фактовъ даже отъ доисторическихъ эпохъ. Но любопытно, что одновременно съ восторгами Наполеономъ,—древняя исторія приносилась въ жертву, между тѣмъ, какъ указъ Наполеона, по поводу второго класса института, разрѣшалъ заниматься «политическими и нравственными науками» *только* «въ отношеніи къ исторіи и особенно къ исторіи очень древней». Эта политика приводилась слишкомъ настойчиво во всѣхъ отрасляхъ литературы, чтобы ее нельзя было оцѣнить ²⁵⁾. Экзальтація предъ объединяющими организаторскими идеями заслонила въ глазахъ Сень-Симона жизненную основу наполеоновской внутренней и внѣшней политики. Философу потребуются годы, чтобы прозрѣть и отличить свои мечты и надежды отъ бонапартизма. Столь тягостный процессъ политическаго сознанія мевѣ всего свидѣтельствуетъ о прирожденномъ государственномъ геніѣ нашего философа: Сень-Симонъ дѣйствительно «научился думать съ трудомъ» и въ послѣдствіи онъ не пропускалъ случая — подчеркнуть именно *домолтіе* своей философской работы. Одновременно съ трудностью вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, философу причинялъ сильнѣйшій ущербъ энтузіастическій строй его натуры, всегда готовый замутить свѣтлое теченіе разсудочнаго анализа и за свои озаряющія вдохновенія сторицею взыскать съ логики и практической продуманности мысли. Такимъ образомъ философъ одновременно велъ двѣ борьбы—внѣшнюю и внутреннюю, пролагая независимый путь среди

²⁴⁾ Welchinger. *La censure sous le premier empire*. P. 82, 45.

²⁵⁾ Welchinger *Ib.* Merlet. *Tableau de la littérature française 1800—1815*. P. 1878.

современной политической, социальной и философской смуты и устанавливая гармонию между интуициями своего пламенного гения и уроками действительности.

VII.

Планъ *Введенія къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка* остался не выполненнымъ,—Сень-Симонъ прервалъ свой трудъ: по его словамъ, онъ убѣдился въ неудовлетворительности своего изложенія и въ своей недостаточной «зрѣлости» для осуществленія такой задачи. Онъ рѣшилъ предварительно рѣшить частные вопросы и послать рядъ писемъ въ Бюро долготъ. Письма эти, по справедливому замѣчанію Лемоннѣ, ничто иное какъ «полемическое изложеніе» *Введенія*, часто даже простое перенесеніе отрывковъ изъ *Введенія* въ *Письма* ²⁷⁾. Они также не отличались стройностью идейнаго развитія, горячее чувство обиды, только что вызванное равнодушіемъ ученыхъ къ *Введенію*, не могло смягчить этого недостатка,—и Сень-Симонъ получилъ письмо отъ президента Бюро долготъ,—грамматически замѣчательно безграмотное, но окончательно пресѣкшавшее Сень-Симону общеніе съ ученымъ учрежденіемъ ²⁸⁾. Неудача нисколько не охладила рвенія философа,—такъ же какъ и послѣдовавшая вскорѣ смерть его покровителя—Діара и вынужденная девятичасовая работа въ *mont de piété*: Сень-Симонъ правъ, заявляя, что его энергія и смѣлость выше предѣла, какой они должны бы имѣть по его лѣтамъ ²⁹⁾. Онъ неуклонно преслѣдуетъ рѣшеніе вопроса, поставленнаго во *Введеніи*,—о новой энциклопедіи и объ организаціи новой доктрины, имѣющей замѣнить собой старую религиозную

²⁶⁾ *Oeuvres*. XV, 77. *O choix* I, XXXIX.

²⁷⁾ Напримѣръ, второе письмо соответствуетъ отрывку—*Система идеальнаго міра*. Въ другихъ письмахъ помѣщены нападки на Ньютона—за идею пустоты, горячія выходки противъ Лапласа,—первая редакція извѣстнаго намъ мѣста въ *Histoire de l'homme*. Единственная черта, сколько-нибудь отличающая *Письма* отъ *Введенія*—болѣе рѣзкая чѣмъ раньше настойчивость въ пользу „общей теоріи“. Идея—давняя, но теперь Сень-Симонъ сообщаетъ ей оригинальную форму: Декартъ *монархизировалъ* науку, Ньютонъ — *республиканизировалъ* и современные ученые, слѣдующіе за Ньютономъ „какъ барани“—анархисты.

²⁸⁾ Перепечатано—*Oeuvres* XV, 75—6.

²⁹⁾ *Ib.* 84.

систему. Основанія для философской работы остаются прежнія: философія можетъ быть построена на общихъ выводахъ наукъ, обнимающихъ міръ и человѣка,—на *астрономіи и физиологіи*. Единный законъ, управляющій всѣми явленіями—тяготѣніе и ближайшая задача философа—прослѣдить, точнѣе — доказать власть этого закона въ физиологіи,—въ наукѣ, совершенно пренебреженной Ньютономъ.

Почему Сень-Симонъ такъ твердо убѣжденъ въ неограниченномъ господствѣ принципа тяготѣнія? Пока на чисто-логическомъ основаніи,—на томъ самомъ, какое, мы видѣли, было извѣстно еще въ XVIII вѣкѣ послѣ вольтеровской популяризаціи теоріи Ньютона: если бы природа не подчинялась единому закону,—въ ней царствовалъ бы хаосъ и мнѣніе физиологовъ объ антагонизмѣ жизненныхъ силъ и тяготѣнія является—«очевидно нелѣпымъ»³⁰⁾.

Несмотря на рѣшительность тона,—возврѣніямъ Сень-Симона предстояла эволюція—въ направленіи, противоположномъ только что поставленной задачѣ. Умъ философа прежде всего долженъ былъ—освободиться отъ мечты—связать одной научной идеей космогонію и физиологію, а потомъ—порвать съ вѣрой въ физиологическое и нравственное значеніе закона тяготѣнія, и, наконецъ,—сосредоточиться исключительно на *человѣческихъ* явленіяхъ въ тѣсномъ смыслѣ. Эта трехстепенная эволюція совершается органически, отчасти будто даже безъ вѣдома самого философа. Сначала Сень-Симонъ убѣждается въ безцѣльности своихъ экскурсій въ область астрономіи, въ тщетѣ попытокъ построить солнечную систему—ради оппозиціи Лапласу и его школѣ. Отъ философіи Сень-Симона отпадаетъ самая бесплодная ея часть. Остается—провести законъ тяготѣнія въ физиологію. И въ этой области, дальше чисто-отвлеченнаго соображенія, Сень-Симонъ не могъ сдѣлать ни одного яснаго и прочнаго шага. Физиологическія обобщенія не выходили за предѣлы матеріалистическаго энтузіазма такихъ мыслителей, какъ Ламеттри и Гельвецій. Законъ тяготѣнія оказывался окончательно неувимымъ, какъ всеобъемлющій принципъ,—и послѣ всѣхъ усилій философа являлась только чужая и старая идея—эволюціонной лѣстницы, выражающей постепенное совершенствованіе неорганическихъ и органическихъ формъ. Въ заключеніе оставался *человѣкъ*, не какъ мировое и физиологиче-

³⁰⁾ *Oeuvres*. XL, 203—4.

ское явление, а какъ культурная и соціальная сила. На этой стадіи и сосредоточилась мысль Сень-Симона, вынесшая изъ раннихъ блужданій плодотворную идею закономѣрной психологической и исторической эволюціи и руководящее убѣжденіе — въ естественности и необходимости научно-философскаго принципа — организующаго и управляющаго — на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Первые признаки охлажденія всеобъемлющей научной экзальтаціи намѣчаются непосредственно послѣ *Писемъ въ Бюро долготъ*, — въ автобіографическомъ отрывкѣ, написанномъ въ 1809 году. Проводя аналогію между вселенной и человѣкомъ, — міромъ большимъ и малымъ, — Сень-Симонъ признаетъ возможность опытовъ только надъ малымъ міромъ. Слѣдовательно, фактически въ основу философіи могутъ быть положены только изслѣдованія человѣческой природы — путемъ наблюденій надъ человѣкомъ въ его различныхъ соціальныхъ условіяхъ. Во имя этой идеи развѣнчивается Ньютонъ ³¹⁾. Было бы послѣдовательно и остановиться на ней, оставивъ въ сторонѣ область, не общающую опытной философіи. Но *Исторія челоѵка* снова одушевлена астрономическими мечтаніями, хотя отъ чтенія необыкновенно запальчиваго вступленія къ «солнечной системѣ» получается впечатлѣніе, будто на этотъ разъ астрономія — простой предлогъ для полемики съ ненавистнымъ Лапласомъ. Гюббаръ даже заявляетъ, будто начиная съ *Очерка новой энциклопедіи*, возникшаго приблизительно одновременно съ *Исторіей челоѵка*, Сень-Симонъ перестаетъ заниматься физикой неорганизованныхъ тѣлъ. Это — невѣрно. Сень-Симонъ разсуждаетъ о предметѣ еще въ 1813 году и *Работу о тяготѣннн* заканчиваетъ даже общаніемъ вновь изложить свои идеи о системѣ міра. Общаніе не выполняется, — и въ 1814 году дѣйствительно уже нѣтъ разговоровъ о солнечной и мировой системѣ ³²⁾.

Единственный успѣхъ, какой Сень-Симонъ сдѣлалъ въ первые годы послѣ *Введенія* до *Mémoire sur la science de l'homme* — полное выясненіе идеи энциклопедіи, понятія позитивной философіи: сначала рядъ попытокъ написать нѣчто въ родѣ вступленія къ энциклопедіи, а потомъ переписка съ Редерномъ, — на необычную ясность

³¹⁾ *Иб.* 82—3.

³²⁾ *Hubbard*, 55—6. *Oeuvres*. XL, 272, 301—2.

ея содержанія мы уже указывали. Съ 1810 по 1812 годъ включительно — предъ нами особенная полоса въ мышленіи Сень-Симона, доказывающая полную доступность и для его экзальтированного ума строгой литературной формы и сжатаго логического мышленія. Исключеніе слѣдуетъ слѣлать только на счетъ критико-философскихъ сужденій автора, — именно о Кантѣ. Ему посвящено нѣсколько строкъ, обличающихъ самое отдаленное знакомство критика съ предметомъ. Кантъ — *безусловно* — противопоставленъ позитивной философіи и приравненъ по «неопредѣленности возрѣній» къ Платону и Декарту. Основателями «общей науки» признаются Аристотель и Бэконъ, т.-е. представители анализа. Это плохо мирится съ недавнимъ восторгомъ Сень-Симона предъ синтетическимъ методомъ въ лицѣ Декарта, — но, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о большей осторожности, по крайней мѣрѣ, въ «экзальтированномъ восхищеніи» предъ отдѣльными излюбленными героями²³⁾. Религіозное значеніе «общей науки», т.-е. позитивной философіи рѣзко подчеркивается, — и впервые выдвигается идея Бога. Послѣ «видѣнія» въ *Письмахъ женеваго обывателя* Сень-Симонъ заявилъ себя, повидимому, рѣшительнымъ противникомъ этой идеи, считая ее логическимъ противорѣчіемъ научному представленію о природѣ. Идея Бога можетъ имѣть только политическое значеніе, — именно въ преподаваніи дѣтямъ и невѣждамъ научныя истины, освященныя именемъ Бога, кажутся этимъ ученикамъ неоспоримыми²⁴⁾.

Теперь Сень-Симонъ восторженно говоритъ о Богѣ въ письмѣ къ племяннику; онъ вѣруеть, что Богъ создалъ міръ и подчинилъ его закону тяготѣнія, — и онъ — философъ — будетъ всю жизнь доказывать необходимость вѣры въ Бога. Разумѣется, — это не будетъ Богъ откровенія, — но тѣмъ не менѣе существо — внѣмірное. Раньше Сень-Симонъ идею Бога безъ откровенія признавалъ — «безплодной» — теперь «научный порывъ» — *élan scientifique* — устремляетъ Сень-Симона къ Богу, при всемъ неотразимомъ значеніи закона тяготѣнія²⁵⁾. Эта часть религіознаго ученія философа долго не пріобрѣтетъ устойчивой формы. Сень-Симонъ будетъ колебаться между

²³⁾ „Je suis exalté d'admiration“, — выраженіе Сень-Симона по поводу Наполеона. *O. ch. I, 281.*

²⁴⁾ *O. ch. I, 219.*

²⁵⁾ *Oeuvres. XV, 96—102.*

математической силой мирового принципа и участіемъ въ мировой жизни—нѣкоей внѣшней силы, т.-е. между матеріальнымъ механизмомъ и религіозной телеологіей.

Въ 1808 году—идея Бога излишня рядомъ съ закономъ тяготѣнія, въ 1810—законъ—только орудіе въ рукахъ Бога, въ 1813—идея тяготѣнія для физиковъ то же самое, что идея Бога для теологовъ, — слѣдовательно, — обѣ идеи несомвѣстимы и Сень-Симонъ общаетъ идею тяготѣнія представить въ «роли абсолютной общей идеи, замѣщающей Бога». Но въ этомъ же самомъ сочиненіи нѣсколько дальше объявляется: «идея тяготѣнія нисколько не противорѣчить идеѣ Бога, такъ какъ она не что иное какъ идея неизмѣннаго закона, по которому Богъ управляетъ вселенной». Въ другихъ случаяхъ можно встрѣтить рѣшительное опроверженіе этой мысли. Мы видѣли, Анфантанъ вынужденъ былъ—въ интересахъ своей религіозности—вычеркнуть нѣкоторые мѣста въ сочиненіи 1813-го года,— между прочимъ заявленіе, что вѣра въ Бога должна стать «безусловно бесполезной»—при совершенномъ познаніи естественныхъ законовъ. И Сень-Симонъ возвращается къ прежней практической оцѣнкѣ религіознаго чувства, какъ средства внѣдрять въ сердца толпы необходимыя истины, вообще какъ орудіе законодательства,—оцѣнка извѣстная намъ изъ характеристики «законодателя» въ *Общественномъ договорѣ* Руссо ⁴¹⁾. Окончательное рѣшеніе вопроса въ утвердительномъ смыслѣ будетъ дано въ *Новомъ христіанствѣ*,—окончательное, можетъ быть, потому что произведеніе это было предсмертнымъ.

Но вопросъ о Богѣ не исчерпываетъ всего религіознаго вопроса. Религія въ позитивномъ смыслѣ не есть вѣра въ надмірную силу—съ догматическими и неподвижными опредѣленіями ея свойствъ,—а изслѣдованіемъ добытая доктрина, рядъ обобщеній *современныхъ* результатовъ опытной науки. «Для человѣка нѣтъ ничего безусловнаго въ мірѣ, для него существуютъ только относительныя вещи» ⁴²⁾. Со-

⁴¹⁾ *Иб.* XL, 219—220, 276, 286, *О. сл.* II, 125.

⁴²⁾ Сень-Симонъ совершенно просто, мимоходомъ высказываетъ эту истину,—Контъ пришло повторить ее въ 1817 году и этотъ фактъ (cette sentence caracteristique) онъ считаетъ одной изъ эпохъ своей философской эволюціи,—вмѣстѣ съ идеей «свободы печати»: „deux indications décisives de ma tendance continue vers la religion positive“. Такъ различно отпосились къ идеямъ—ихъ вдохновенный творецъ стремительно и часто небрежно расточавшій свое достоинство для кого угодно,—и крепотливый собиратель своего и чуждаго философскаго капитала. *Syst. de pol. posit.* II. *Append.* II.

гласно этому правилу,—и религія—явленіе *модификальное*, и модификація религіозной идеи и есть то, что мы называемъ научнымъ, нравственнымъ и политическимъ кризисомъ. Человѣчество пережило не одинъ такой кризисъ, переживаетъ и въ настоящее время. Смысль его—совершенно ясенъ, такъ какъ современный кризисъ — продолженіе лютеровской реформы,—расширеніе власти разума и ограниченіе теологическихъ идей.

Сень-Симонъ только теперь попалъ на истинный смыслъ дѣятельности Лютера. Во *Введеніи* религіозный духъ реформации совершенно заслонялъ въ глазахъ Сень-Симона ея культурное, освободительное зерно. Лютеръ, по мнѣнію Сень-Симона, лишь обновилъ деизмъ, проложилъ путь иллюминатамъ и приготовилъ нѣмецкія головы къ воспріятію «сумазброднаго ученія трансцендентальной философіи». Съ теченіемъ времени философъ основательнѣе вдумался въ ходъ исторической эволюціи. Въ ней нашли подобающее мѣсто арабская культура и реформаціонное движеніе: оба — являются гранями, терминами⁴³⁾. Но всесторонняя оцѣнка реформации будетъ представлена только въ *Новомъ христіанствѣ*: признаны *критическія* заслуги Лютера и раскрыты ретроградныя черты его церковно-совидательскаго дѣла. Давній упрекъ въ стремленіи обновить деизмъ вернется въ сопровожденіи яснаго представленія о неизлѣчимыхъ ранахъ, нанесенныхъ Лютеру старой религіозной и политической системѣ. Но и теперь, въ эпоху энциклопедическихъ программъ, Сень-Симонъ убѣжденъ въ заслугахъ Лютера предъ позитивной доктриной. Логически онѣ должны привести къ преподаванію физиологіи въ общественныхъ школахъ и къ организаціи духовной власти сообразно съ уровнемъ научнаго просвѣщенія. А для этого предварительно необходимо создать энциклопедію. «Человѣчeskій умъ вѣчно будетъ стремиться—составлять энциклопедіи», потому что *совершенной* энциклопедіи никогда не будетъ и не можетъ быть, такъ какъ недостижима и совершенная наука. На такую же судьбу обречена и религія,—и энциклопедисты XVIII-го вѣка могли нападать на религіозную вѣру только потому, что эта вѣра въ ихъ время была неразрывно связана съ откровенными идеями⁴⁴⁾. Историческій взглядъ на религію ограж-

⁴³⁾ *O. ch.* I, 278. *N. hist.* I, 89.

⁴⁴⁾ *Оеuvres.* XV, 148—9, 102.

даетъ ее отъ нападокъ по существу, — но за то превращаетъ ее въ фактъ человѣческаго прогресса, въ моментъ цивилизаціи.

Эти мысли, изложенныя съ безукоризненной ясностью, Сень-Симонъ перенесъ въ письма къ Редерну и здѣсь впервые попытался набросать возможно полную картину умственного прогресса. Она — совершенно не удалась, представила рядъ отрывочныхъ замѣчаній о наиболѣе выдающихся чертахъ въ цивилизаціи различныхъ народовъ. Сень-Симонъ видимо желалъ общій планъ эволюціи — отъ теологіи до позитивизма — иллюстрировать фактическимъ матерьяломъ исторіи. Но онъ не успѣлъ уловить руководящей культурной нити, уложить эпохи въ стройные ряды ⁴⁵⁾. Это — труднѣйшая задача чисто-философскаго періода дѣятельности Сень-Симона. Къ ней онъ приступалъ еще во *Введеніи*, но стремленіе слить ее съ космологической системой и построить всеобъемлющіе ряды для вселенной и для человѣка, — помѣшало Сень-Симону сосредоточиться на культурной эволюціи. На сколько трудно давалась ему эта работа, — показываетъ все содержаніе *Travail sur la gravitation* и *Mémoire sur la science de l'homme*.

Этимъ сочиненіямъ предшествовалъ кризисъ въ личной жизни автора. Періодически — полуголодное существованіе, бесплодная междоусобица съ Редерномъ сломили физическія силы Сень-Симона. Въ началѣ 1813 года онъ заболѣлъ жестокой лихорадкой, длившейся цѣлый мѣсяць. Когда она прошла, философъ, по его словамъ, находился въ такомъ нравственномъ изнеможеніи, что «не могъ связать двухъ идей». Отъ окончательнаго умственного разстройства его спасъ только уходъ искуснаго врача. Врачъ, кромѣ того, умѣлъ утѣшать Сень-Симона въ страданіяхъ, доказывалъ, что «великая нравственная эволюція» не можетъ совершаться безъ глубокаго физическаго кризиса, — болѣзнь явится спасительницей Сень-Симона, новой точкой отправления ⁴⁶⁾.

Издатели *Oeuvres* согласны, что дѣйствительно болѣзнь имѣла для философа именно такое значеніе. На самомъ дѣлѣ — мы этого не видимъ. Непосредственно послѣ выздоровленія были написаны *Travail sur la gravitation universelle* и *Mémoire sur la science de l'homme*.

⁴⁵⁾ *Иб.* 94—5.

⁴⁶⁾ Письмо Сень-Симона къ сестрѣ, *Oeuvres*. XV, 135—7.

Въ обоихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ прежнимъ направле-
ніемъ философа: тѣ же усилія возвести законъ тяготѣнія во все-
объемлющій принципъ, тотъ же интересъ къ «физикѣ неорганизо-
ванныхъ тѣлъ», хотя и въ ослабленной формѣ. Переворота пока
нѣтъ, — а ярче обрисовывается путь, намѣтившійся раньше, — именно
болѣе вдумчиваго, фактически-разчлененнаго историзма, подробнаго
приложенія общей философской эволюціи къ національностямъ и
періодамъ. По существу это движеніе философской мысли Сень-Си-
мона въ высшей степени важный и много объясняющій фактъ. Фи-
лософъ будто спускается съ высшихъ областей солнечной системы
сначала въ среду вообще міра организмовъ, потомъ все ближе под-
ходить къ высшему организму и, наконецъ, всю свою эволюціонную
и организаторскую тенденцію осуществляетъ на *историческомъ чело-
вѣкѣ*. Это постепенное преобразование философскаго интереса по-
можетъ намъ понять превращеніе философа въ публициста и всей
его философіи въ культурно-соціальную программу.

Несомнѣнно, историческая современность играла большую роль
въ превращеніи. Это очевидно изъ переменъ въ чувствахъ Сень-Си-
мона по отношенію къ Наполеону. Въ началѣ умиротворенія Фран-
ціи при консулатѣ и имперіи Сень-Симонъ искренно ожидалъ отъ
Наполеона дальнѣйшаго систематическаго строительства—въ соот-
вѣтствіи съ современнымъ уровнемъ просвѣщенія. Факты не замед-
лили доказать даже экзальтированному наблюдателю всю неосно-
вательность философскихъ ожиданій отъ непримиримаго врага идеоло-
гич., — и въ посвященіи *Работы о тяготѣніи* предъ нами уже не пане-
гирикъ, а поученіе—цѣлая политическая программа для Наполеона: онъ
долженъ отказать отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, очи-
стить Италію, вернуть свободу Голландіи, перестать вмѣшиваться
въ дѣла Испаніи, однимъ словомъ, «замкнуться въ естественныя гра-
ницы». Философъ переходитъ даже къ угрозамъ: если Наполеонъ
откажется отъ своихъ завоевательныхъ плановъ, — онъ приведетъ къ
порядку морское могущество англичанъ, — если же онъ будетъ все
еще стремиться къ лаврамъ, онъ раздавитъ Францію и станетъ на-
конецъ, «въ прямую и безусловную оппозицію съ намѣреніями своихъ
подданныхъ». ⁴⁷⁾.

⁴⁷⁾ *Oeuvres*. XL, 214—6.

Это—выговоръ чисто—публицистическій,—но Сень-Симонъ жа-
даетъ представить Наполеону болѣе глубокія соображенія, основанныя
на *исторіи*. Этотъ фактъ—заслуживаетъ всего нашего вниманія. Сущ-
ность его намъ давно извѣстна: философскія вдохновенія Сень-
Симона неизмѣнно подчинялись внушеніямъ переживаемой дѣйстви-
тельности. Но, несомнѣнно, плодотворнѣйшее внушеніе именно то,
какое заставляло философа возможно пристальнѣе всмотрѣться въ
область реальныхъ историческихъ фактовъ и въ нихъ, а не въ
астрономическихъ и физиологическихъ данныхъ искать рѣшенія своей
задачи—поставить политику на позитивную почву. И въ *Travail
sur la gravitation* впервые опредѣленно ставится вопросъ объ исто-
ріи какъ *наука*. Учитель Сень-Симона—Даламберъ—не могъ на
этотъ счетъ оставить ученику поучительныхъ указаній. Въ его клас-
сификаціи наукъ—по способностямъ человѣка—исторія отнесена къ
памяти, т. е. взята внѣшняя сторона предмета. У Кондорсе, по са-
мой сущности его воззрѣній на прогрессъ, не могло быть научнаго
понятія объ исторіи,—и Сень-Симонъ въ этомъ послѣднемъ звѣннѣ
своихъ эволюціонныхъ представленій—является истиннымъ вырази-
тельнымъ *философско-организаторской* эпохи.

Онъ намѣренъ указать Наполеону, какъ тотъ долженъ воспользо-
ваться своей силой и властью и указаній этихъ ищетъ въ исто-
ріи, вдохновляемый притязаніями самого императора. Наполеонъ со-
ревнуетъ Карлу Великому,—и въ военномъ отношеніи онъ даже
превзошелъ Карла, но въ политическомъ остался ниже. «Карль
былъ истиннымъ организаторомъ европейскаго общества, онъ си-
стематически соединилъ народы Европы политической связью,—не-
прикосновенной и въ совершенствѣ выполнившей свое назначеніе
съ VIII-го до XV-го вѣка». Связь эта заключалась въ общепри-
знанной духовной власти, въ системѣ нравственно-религіозныхъ воз-
зрѣній. Теперь эта связь разрушена, ее надо создать на другихъ
принципахъ,—и Сень-Симонъ рѣшаетъ представить Наполеону исто-
рическую картину измѣненій, претерпѣнныхъ средневѣковой систе-
мой и изложить основы новой. Естественно—обратиться къ исторіи,—
и Сень-Симонъ излагаетъ характеристику историческаго изслѣдова-
нія — политически-поучительнаго и плодотворнаго.

Оно по существу то же самое, что анализъ въ опытныхъ нау-
кахъ,—т. е. даетъ возможность *предвидѣть*, на основаніи прошлаго

заключать о будущемъ. Для этого необходимо историческія факты связать съ порядкомъ *смысловъ* и объединить ихъ теоріей, охватывающей не какую либо одну національную исторію, а исторію рода. Въ результатъ изслѣдованія должна выясниться новая доктрина. По свойственной философу стремительности онъ предвозлащаетъ ее, останавливаясь предварительно на одной исторической эпохѣ, неправильно понимаемой историками,—на среднихъ вѣкахъ. Въ эту эпоху возникли всѣ учрежденія, поставившія европейское общество на исключительную высоту.

Мы знаемъ,—идея духовной и правительственной власти принята Сень-Симономъ еще въ *Письмахъ женевского обывателя*, и мы объяснили, что эта идея могла быть внушена философу не средними вѣками, а современными общественными явлениями,—великимъ влияніемъ философской мысли до революціи и во время ея. Непрерывныя поиски революціи за религіозно-политической доктриной могли только подкрѣпить внушеніе,—и Сень-Симонъ, мы видѣли, въ поясненіе своей программы ссылается на страшный союзъ представителей мысли и таланта съ несобственниками,—а не на средніе вѣка. Культурное значеніе этого періода выяснилось для него одновременно съ подробной разработкой принципа непрерывнаго прогрессивнаго движенія. Это, мы знаемъ, ясно указано самимъ Сень-Симономъ. Онъ шелъ дедуктивнымъ путемъ—въ опредѣленіи прогрессивнаго содержанія отдѣльныхъ историческихъ періодовъ и индуктивнымъ—въ окончательномъ построеніи философско-соціальной доктрины. Но предшествовавшая дедукція явилась въ свою очередь послѣдующимъ процессомъ, результатомъ философско-естественныхъ данныхъ. Фивіологическая классификація, съ которой Сень-Симонъ познакомился подробно у Вильяма д'Азира, и современное господствовавшее представленіе объ эволюціонной лѣстницѣ явленій міра не органическаго, органическаго и даже идеальнаго,—привели его мысль къ убѣжденію въ существованіи такого же историческаго ряда. И, мы знаемъ, онъ усердно искалъ фактическихъ подтвержденій усвоеннаго принципа. Въ этомъ фактѣ—рѣшающее значеніе естествознанія въ развитіи сень-симонизма и объясненіе столь настойчиваго желанія Сень-Симона—соединить трудъ фивіолога и философа въ организа-

*) П. 243.

торской программѣ. Для насъ этотъ выводъ имѣетъ существенный смыслъ. Онъ показываетъ, какимъ путемъ и въ какомъ направленіи Сень-Симонъ пришелъ къ реабилитаціи среднихъ вѣковъ, и до какой степени не совпадала его исходная точка и конечная цѣль съ воззрѣніями и задачами реакціонной школы. Сень-Симонъ реабилитировалъ средніе вѣка исторически, а не политически, — какъ *моментъ*, а не какъ *идеалъ*, — моментъ, завершившій извѣстной организаціей вѣковой ходъ религіозной деистической идеи. Организациа должна была разложиться и философія XVIII-го вѣка закончила этотъ процессъ: теперь необходимо возсоздать органическую эпоху на тѣхъ принципахъ, при помощи которыхъ разрушена средневѣковая доктрина.

И Сень-Симонъ множество разъ принимается устанавливать *ряды фактовъ* по философско-исторической программѣ. Эти попытки и составляютъ основное содержаніе двухъ произведеній 1813 года. Послѣдователи Сень-Симона восторженно отзывались о нихъ: для Лемоннье *Travail sur la gravitation* — «величайшій памятникъ воздвигнутый гениемъ Сень-Симона», для Анфантэна — *Mémoire* — явленіе «чудесное» — также по своему величію. Въ дѣйствительности — оба произведенія и особенно *Mémoire* — безпримѣрные въ философской литературѣ образчики хаотичности изложенія, своенравной отрывочности и, наконецъ, фантастичности обобщеній. Именно эти труды способны оттолкнуть читателя, — на что откровенно указываетъ самъ авторъ, признавая чтеніе своей работы «тягостнымъ» и «мало пріятнымъ». Но литературная слава не составляетъ предметъ его честолюбія, — и потому онъ свою книгу превращаетъ въ сборникъ крайне непринужденныхъ бесѣдъ, неожиданныхъ отступленій, длиннѣйшихъ вставокъ мгновенно блеснувшихъ мыслей въ логическое развитіе главной идеи⁴⁹⁾. Но сочиненіямъ вредитъ не

⁴⁹⁾ *Oeuvres*. XL, 10—11. Среди естественно-культурнаго обзора Сень-Симонъ, дойдя до египтянъ, вдругъ устраиваетъ „un moment de heroes“ съ цѣлью изложить *общее* содержаніе человеческого прогресса, — различныя стадіи „общей науки“ отъ идолопоклонства до научной системы (133). При изложеніи умственной эволюціи, послѣ объясненія позитивной системы, — неожиданно начинается изложеніе пнеагоровой философіи, совершенно лишнее для „суммированія общихъ шаговъ человечества“ (267—270); въ исторію прогресса вставляетъ сравненіе римлянъ съ англичанами, сознаваясь, что это не относится къ его разсужденію, — но читатель, вѣроятно, найдетъ отступленіе „очень интереснымъ“ (155). Кромѣ того не мало лирическихъ заявленій, точно характеризующихъ самимъ авторомъ, — „set avec franc et naïf“; приглашеніе

столько неупорядоченное изложение, сколько философский авантюризм, если такъ можно выразиться. Сень-Симона обуреваютъ страсти къ аналогіямъ, къ математически-простымъ схемамъ. Его увлекаетъ мысль свести всѣ философскіе принципы къ двухчленному ряду—не потому, чтобы между ними существовала дѣйствительная связь, а просто потому, что бросается въ глаза *двусторонность* нѣкоторыхъ фактовъ: напримѣръ, — неорганизованныя и организованныя тѣла, физика и физиологія, разсужденіе *a priori* и *a posteriori*, центръ и периферія. Въ порывѣ экзальтаціи у Сень-Симона получается: идеи *a priori* — это тѣ, какія направляются отъ «нашего центра къ нашей периферіи» и предметъ ихъ—организованныя тѣла, идеи *a posteriori*—идутъ отъ периферіи къ центру, предметъ ихъ—неорганизованныя тѣла, и «когда переходятъ отъ размысленій *a posteriori* къ идеямъ *a priori*, на самомъ дѣлѣ переходятъ отъ изученія физики тѣлъ неорганизованныхъ къ физикѣ организмовъ,—и наоборотъ»⁵⁰). Подобная философія можетъ оправдать самый суровый приговоръ надъ философомъ,—но эти приключенія — послѣдніе отголоски экзальтированнаго физицизма и сущность сень-симоновской мысли не въ нихъ.

Нельзя сказать, чтобы и эта сущность представлялась вполнѣ ясно. Сень-Симонъ не меньше семи разъ принимается излагать исторію прогресса—философскую и фактическую. Полную картину его можно извлечь только изъ сопоставленія всѣхъ плановъ, набросанныхъ Сень-Симономъ. Она рисовалась ему въ необъятныхъ размѣрахъ,—отъ состоянія планеты до обитаемости и до состоянія ея послѣ исчезновенія жизни, въ промежуткахъ исторія человѣческаго рода — физическая, физиологическая и умственная. Начало—сравненіе строенія тѣлъ неорганизованныхъ и организованныхъ, потомъ сравненіе организмовъ по отношенію къ *степени ихъ организаціи*, т.-е. доказательство истинъ: *человѣкъ наилучше и наиболее организованъ*

сочувствующаго читателя—прийти въ экзальтацію въ его—авторскую—пользу („que son âme s'exalte en ma faveur“), ссылка на „деспотизмъ сердца“ и „надежду—приобрѣсти славу“, какъ на побудительные мотивы работы, неоднократныя заявленія о своей неспособности удовлетворительно выполнить задачу и здѣсь же такіа фразы: „с'est en quinze jours qu'il m'a fallu graver le pic de l'intelligence et me placer à son sommet“; „Oui, Messieurs, nous sommes sûr qu'en lisant notre premier mémoire vous avez été frappés de la nouveauté, de la vigueur et de la justice des idées qu'il contient“ (57, 190, 307, 309).

⁵⁰) Ib. 222—5.

среди всѣхъ извѣстныхъ организмовъ; чѣмъ *больше* организовано животное—тѣмъ оно разумнѣе. Дальше—сравненіе ума животныхъ въ различныя эпохи ихъ существованія, — въ результатѣ выводъ: животныя способны къ совершенствованію пропорціонально степени ихъ первичной организаціи, — и человѣкъ одинъ усовершенствовался, потому что онъ воспрепятствовалъ умственному развитію другихъ животныхъ. Наконецъ,—сравненіе познаній человѣческаго рода въ различныя эпохи—отъ его возникновенія до Сократа. Появленіе Сократа — великая грань въ исторіи прогресса, — и Сень-Симонъ въ уста аѳинскаго философа влагаетъ повѣствованіе о прошлыхъ и будущихъ судьбахъ человѣчества. Это повѣствованіе и представляетъ оригинальное произведеніе Сень-Симона, — до Сократа онъ въ точности повторяетъ философовъ XVIII-го вѣка. Мы знаемъ,—они рѣшительно обуславливали умственное развитіе человѣка его физической организаціей: Дидро считаетъ ее единственнымъ отличіемъ человѣка отъ животныхъ. Ламеттри называлъ ее первымъ достоинствомъ человѣка, ставя на второе мѣсто—воспитаніе. А у Гельвеція остановка умственнаго развитія животныхъ объяснена такъ же, какъ у Сень-Симона. Тѣ же отголоски XVIII-го вѣка слышатся и въ разчлененіи доисторической стадіи на періоды. Подобно Руссо, Сень-Симонъ пользуется популярными въ XVIII-мъ вѣкѣ свѣдѣніями о разныхъ случайныхъ дикаряхъ, точнѣе—одичавшихъ членовъ культурныхъ обществъ. Руссо на основаніи этихъ свѣдѣній доказывалъ несвойственность первичной человѣческой природѣ членораздѣльнаго языка и даже прямого положенія ⁶¹⁾). Сень-Симонъ называетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дикарей и подробно останавливается на исторіи Авейронскаго дикаря, доказывающей необходимость языка для образованія и сочетанія болѣе или менѣе сложныхъ идей и лишь постепенное его развитіе. Ламеттри приписывалъ изобрѣтеніе языка наиболѣе организованнымъ людямъ и уже изобрѣтатели научили другихъ—совершенно такъ же, какъ мы дрессируемъ животныхъ. Въ такомъ именно положеніи находился Авейронскій дикарь до воспитанія въ цивилизованной средѣ. Это — первая грань. Дальнѣйшія удостовѣренія мореплавателями, преимущественно Кукомъ,—описав-

⁶¹⁾ *Ib.* 289—291.

⁶²⁾ *Notes* къ *Discours sur l'origine de l'inégalité*, 3.

шими различными дикія племена: одни дикари безъ жилищъ, безъ вождей, безъ огня; другіе — съ жилищами, вождями, съ начатками языка, со счетомъ до трехъ; третьи — съ довольно развитымъ языкомъ, сильной властью вождей, т.-е. съ нѣкоторой политической организаціей, и эти племена — людоеды, такъ какъ только послѣ изобрѣтенія болѣе совершеннаго оружія возможно убійство одного человѣка другимъ; дальше—почти полное исчезновеніе людоедства, возникновеніе классовъ, религіознаго культа и организованнаго духовенства; наконецъ, — должны быть названы перуанцы и мексиканцы—съ политическимъ устройствомъ, съ искусствами, ремеслами, обработкой металловъ. За этими доисторическими границами—слѣдуютъ египтяне, сдѣлавшіе одинъ изъ труднѣйшихъ шаговъ въ чело-вѣческомъ прогрессѣ: они изобрѣли письменность. Среди египтянъ совершился также другой великій актъ эволюціи, вторая—послѣ возникновенія языка—отправная точка прогресса: установилось раздѣленіе между взглядами ученыхъ и массы,—между людьми, изслѣдующими причины и законы явленій,—и народомъ, воплощающимъ отвлеченія, —короче—между *мыслящими* и *опрующими*. Этотъ фактъ установилъ навсегда культурную истину: жреческая власть и научная способность — тождественны по своей сущности. Духовенство какой бы то ни было религіи должно быть самой образованной корпораціей,—иначе оно утрачиваетъ постепенно авторитетъ, подвергается униженію и вытѣсняется группой наиболѣе ученыхъ людей. Общая идея, открытая египетскими жрецами, — политенамъ—въ то время, когда народъ жилъ въ идолослуженіи, по общему закону, — всякая общая идея осуществляется только въ слѣдующей стадіи,—политенстическимъ *народомъ* явились греки, т.-е. въ лицѣ ихъ сознаніе массы возвысилось до идеи о невидимыхъ причинахъ, — страстяхъ, вкусахъ, всякаго рода ощущеніяхъ, понимаемыхъ съ чело-вѣческой точки зрѣнія. Среди грековъ появился основатель слѣдующей «общей идеи» — теизма, —т.-е. *задательной* системы въ противоположность— послѣдней, —наиболѣе совершенной,—*позитивной*.

Несмотря на то, что Сократъ былъ основателемъ только теизма, а не позитивизма,—его методъ организація общей идеи Сень-Симонъ признаетъ безсмертнымъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы система представляла цѣльную лѣстницу вытекающихъ другъ изъ друга принциповъ и чтобы организаторъ пользовался попеременно дедук-

щей и индукцией. Школа Сократа раздѣлилась на двѣ вѣтви—платоновскую и аристотелевскую, т.-е. апіористическую и апостериористическую, и эти школы попеременно господствовали надъ европейской цивилизаціей, — одиннадцать вѣковъ—до арабской культуры—платоновская, одиннадцать вѣковъ—аристотелевская, введенная арабами послѣ перевода сочиненій Аристотеля,—и обѣ продолжали начатое Сократомъ.

Теизмъ Сократа, по толкованію Сень-Симона, — вѣра въ единую причину. Но эта вѣра подлежитъ развитію, совершенствованію. Единую причину можно понимать двумя способами: при помощи преимущественно воображенія или при помощи преимущественно наблюденія и разсудка. Человѣчество естественно начало съ перваго способа, такъ какъ воображеніе развивается раньше разума,—и платоновское направленіе организовало религіозный теизмъ и предшествовало научному и логическому пониманію единой причины. Теистическимъ *народомъ* явились римляне—послѣ распространенія христіанства, а политическую организацію на основахъ теизма создалъ Карлъ Великій, онъ же утвердилъ и духовную власть папства. Одновременно началось умственное движеніе, враждебное восторжествовавшей системѣ,—научное, аналитическое, устанавливающее понятіе закона на мѣсто одушевленной причины. Смыслъ арабской цивилизаціи именно и состоялъ въ открытіи *законовъ*, управляющихъ явленіями. Съ тѣхъ поръ это направленіе остается неизмѣннымъ, частные законы умножаются, теизмъ подвергается разложенію, научный и логическій анализъ ниспровергаетъ синтезъ воображенія,—но это переходная стадія, не—органическая. Она закончится, когда всѣ частные законы будутъ сведены къ одному общему, когда будетъ организована научная система на единомъ принципѣ и прикладная, — т.-е. религія, политика, мораль, гражданское законодательство будутъ приведены въ гармонію съ нашими знаніями⁵²⁾.

Въ такой формѣ представляется философія негоріи, точнѣе—естественной эволюціи человѣчества.—у Сень-Симона, освобожденная отъ всѣхъ отступленій и фантастическихъ полетовъ <научной экзальтаци>. Непосредственный результатъ ея—философская критика настоящаго и опредѣленіе идеала на будущее.

⁵²⁾ *Deuses* XI, 250—270; 288—298; 41—6; 112—162; 170—5; 186.

Мы знаем, — *настоящее* может быть понято и оценено только как промежуточное звено между прошлым и будущим, — и о настоящем можно сдѣлать безошибочное заключеніе только выяснив ход общей идеи отъ первыхъ звеньевъ до послѣднихъ. При такомъ методѣ на критику не окажутъ вліянія всегда могущественныя современныя страсти и увлеченія и не замутитъ логическаго вывода хаосъ переживаемыхъ впечатлѣній, затемняющихъ смыслъ явленій — какъ пережитковъ прошлаго и какъ органическихъ элементовъ будущаго. Въ философіи исторіи необходима не историческая, а философская хронологія. На основаніи предыдущаго изслѣдованія намъ стало ясно, что человѣческій умъ направляется отъ гадательной системы къ позитивной, — отъ вѣры въ живую творческую причину къ представленію — сначала о нѣсколькихъ законахъ, потомъ объ одномъ. Очевидно, — все что напоминаетъ гадательную систему подлежитъ неизбѣжному вымиранію, — напротивъ все, что приближаетъ человѣка къ закономерному объясненію міра и къ охвату законовъ все болѣе ограниченнымъ количествомъ общихъ принциповъ, — все это смена будущаго, — слѣдовательно подлежитъ тщательному изученію и уходу со стороны человѣческой воли. Разсматривая съ этой точки зрѣнія настоящее, — мы видимъ въ его культурномъ процессѣ совмѣщеніе элементовъ прошлаго, т. е. гипотетическихъ представленій съ элементами будущаго — съ позитивными идеями. Однѣ науки уже усвоили позитивный характеръ, другія или находятся на полпути, — такова физиологія, или еще въ болѣе сильной степени проникнуты метафизикой, — таковы — мораль и политика. слѣдовательно — *настоящее* — эпоха критическая, не обладающая цѣльнымъ систематическимъ міросозерцаніемъ. Ее можно сравнить съ эпохой перехода политеизма къ теизму, т. е. съ эпохой разложенія язычества и возникновенія христіанства. Отсутствіемъ «общей идеи» для Сень-Симона объясняются войны, терзающія европейское общество. Во главѣ его нѣтъ организованной духовной власти, аналогичной средневѣковому папству ⁴⁾).

Но развѣ въ средніе вѣка, благодаря папству, царствовалъ международный миръ? — Сень-Симонъ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ, вызывая рѣзкій отпоръ критики: въ средніе вѣка

⁴⁾ Лб. 287, 14, 35.

свирѣпствовали войны и анархія между народами и государями и духовная власть могла осуществить свой авторитетъ только огнемъ и мечемъ ⁵⁵⁾).

Сень-Симонъ не намѣренъ отрицать войнъ феодальной эпохи, — онъ только сопоставляетъ ихъ съ положеніемъ Европы въ 1813 году, — и для него разница вѣтъ сомнѣнія: въ новое время вся Европа охвачена духомъ истребленія, въ средніе вѣка не было *общей* войны за исключеніемъ борьбы европейскаго общества, — съ магометанами. Это — крестовые походы, — они были необходимы для прекращенія завоевательныхъ покушеній сараиновъ на Европу.

Несомнѣнно, представленіе о среднихъ вѣкахъ какъ объ эпохѣ мирной соціальной организаціи, — производитъ впечатлѣніе парадокса. Оно должно еще усилиться послѣ того, какъ Сень-Симонъ объяснитъ постепенное нарастаніе элементовъ новой позитивно-индустриальной системы. Если научная мысль вела преимущественно идейную борьбу съ теологіей, — то индустрія и феодализмъ пребывали въ неизмѣнно-воинственномъ положеніи: въ Англіи общины вмѣстѣ съ феодалами вели борьбу противъ королевской власти, во Франціи — король вмѣстѣ съ общинами уничтожалъ феодализмъ. И начало этого движенія Сень-Симонъ считаетъ съ XII-го вѣка, а позитивная мысль выступила на сцену еще съ VIII-го. Очевидно, — по самому существу культурнаго процесса средніе вѣка не могли отличаться гармоніей и мирно-организаторскую роль духовенства придется ограничить той ранней эпохой, когда по указанію Сень-Симона, католическое духовенство цивилизовало варварскіе народы, воздѣлывало дѣйственную почву, — расчищало дѣса, основывало школы. Но съ того момента, когда цивилизаторъ пожелаеъ стать и государемъ, — Римъ дѣйствительно явился во всеоружіи войны. И притязанія папства на свѣтскую власть внесли большую долю раздора въ средневѣковую политику.

Тѣмъ не менѣе у идеи Сень-Симона — нельзя отнять ни философскаго, ни историческаго значенія. По существу католичество дѣйствительно явилось организующей культурной силой, какъ един-

⁵⁵⁾ Renouvier. *La Crit. philosoph.* P. 81. I, 365. Возраженія Ренувье относятся къ разсужденіямъ Конта, — но контовскія идеи заимствованы у Сень-Симона, — и всѣ замѣчанія критика приложимы и къ сень-симоновскому тексту. *Oeuvres*. XL, 249—250.

ственным носителем и защитником преданий цивилизации. Только благодаря духовенству сохранилась преемственность между античной и новой культурой и только благодаря ему в мир новых варварских народов могло явиться представление об известных принципиальных обязательствах личных, семейных и политических⁵⁶⁾. Если христианство имело значение преобразующей и созидающей нравственной силы,—духовная власть средних веков не могла не проявиться в том же направлении,—и мысль Сень-Симона кажется превратной только потому, что он выразил её слишком неограниченно, в излюбленной форме всеподчиняющей одноцветной системы⁵⁷⁾.

Надо полагать, — Сень-Симон понимал основную причину позитивного разложения авторитета средневековой духовной власти, хотя и не указал на нее. Мы знаем его настойчивые требования — непременно разграничить духовную власть от правительственной, его уверенность, что представители духовной власти, облеченные в то же время и светской, неминуемо вырождаются в эгоистическую и нетерпимую корпорацию. Предъ философам в эти минуты должна была возставать участь кацства, вооруженного мечем. Ея должна избывать европейская ученая корпорация, предназначенная для урегулирования притязаний разных национальностей, сдерживания национальных честолюбий. Какими принципами будет руководиться эта корпорация? — Несомненно, позитивными, новой позитивной философией, физико-политической общей идеей.

Но что же представляет эта идея? Каково ее содержание? Это значит, — какая программа общественной организации имется у автора?

Отвѣтъ, какой былъ данъ въ *Писемлахъ женевскаго обывателя*, не могъ считаться удовлетворительнымъ — ни по существу; ни въ под-

⁵⁶⁾ Ср. Ozanam. *Etudes germaniques*. II. *La civilisation chrétienne chez les Français*. P. 72.

⁵⁷⁾ Сень-Симон неоднократно предупреждает читателей, что онъ не намѣренъ своего аргумента отягощать подробностями: „я долженъ совершать свой путь съ максимальной быстротой и ограничиться суммарнымъ сводомъ главныхъ наблюдений“. Онъ избѣгаетъ — „des idées tâtonnées“: съ ними невозможно достигнуть цѣли. XL, 95, 181. Всюду — Милль и Литтре укоряли Конта за подобный же методъ — составлять философскія истины, за пренебреженіе къ частнымъ фактамъ ради стройности общей идеи.

робностяхъ. Прежде всего онъ не намѣчалъ *программы*, а только указывалъ средство.—имѣть ее. А потомъ, мы видѣли, и самое средство приводило къ многочисленнымъ логическимъ и практическимъ затрудненіямъ. Теперь,—путь къ организациіи установленъ на исторической эволюціи, необходимость доктрины и именно позитивной выведена изъ критическаго анализа стадій, пройденныхъ человечествомъ, тѣмъ же способомъ установленъ принципъ и *религиозной практики*, т. е. руководящей дѣятельности научно-философской корпораціи.

Но все это — попрежнему—не представляетъ программы. Мы знаемъ,—позитивные ученые пока существуютъ только въ области физико-математическихъ наукъ,—теперь Сень-Симонъ готовъ признать позитивной—и физиологію. Но эти науки только первыя ступени къ той, какая необходима для новой политической системы. Наука о человѣкѣ не равна ни одной изъ нихъ — Сень-Симонъ называетъ ее «трансцендентальной физиологіей» и «мы», говоритъ онъ про французовъ, «дишь кое что *лепечемъ* въ этой наукѣ», — и эти *немыслима слова* преподаны Локкомъ. Слѣдовательно,—пока еще нѣтъ позитивнаго ученія о человѣкѣ,—его психологіи и его нравственности. Такъ какъ христіанство принадлежитъ отживающей стадіи, то — должна явиться мораль, превосходящая христіанскую,—все равно какъ на смѣну политеизма явилось само христіанство. По мнѣнію Сень-Симона, всѣ уже матеріалы собраны для новой научной теоріи⁵²⁾. Мы видѣли, — еще въ эпоху *Введенія къ научнымъ работамъ* философъ только еще собиралъ эти матеріалы,—но волюнція бѣдствія современной дезорганизаціи повысила температуру его философскихъ запросовъ,—и онъ готовъ приступить къ подведенію итоговъ. Но именно ихъ и не оказывается.

Онъ неоднократно повторяетъ, что физиологія должна войти въ программу общественнаго просвѣщенія и въ результатъ послѣдуетъ «научная революція». Ее Сень-Симонъ, изображаетъ такъ: «Наука о человѣкѣ, основанная на физиологическихъ свѣдѣніяхъ, будетъ введена въ общественное просвѣщеніе и тѣ, кто получить это научное воспитаніе, — достигши зрѣлаго возраста, будутъ разрѣшать политическіе вопросы по методамъ, употребительнымъ въ другихъ отря-

⁵²⁾ *Иб.* 55—6, 168, 298.

сляхъ физики. Между работами XVIII-го вѣка и XIX-го разница будетъ та, что вся литература XVIII-го стремилась дезорганизовать, вся литература XIX-го будетъ стремиться реорганизовать общество»⁵⁹⁾.

Но изъ литературы XVIII-го вѣка намъ извѣстна подобная же задача для политики: Кондорсе мечталъ видѣть политику въ ряду математическихъ наукъ. Сень-Симонъ, обсуждая пифагоровское учение о числахъ, нашелъ возможнымъ его систему назвать *точной* — *le système exact* и поставить ее — въ эволюционномъ порядкѣ — выше позитивной, признать для человѣка врядъ ли достижимой — не потому, что сама система противонаучна, а потому что человѣческій умъ ограниченъ⁶⁰⁾. Слѣдовательно, — и XVIII вѣкъ зналъ идеалы не исключительно — разрушительнаго направленія. Вся разница въ томъ, что этотъ вѣкъ создавалъ идеалы при помощи энтузіазма и современной просвѣтительной тенденціи, — а XIX-й — стремится опредѣлить ихъ исторически: такъ именно поступилъ Сень-Симонъ. Но въ результатъ, — предъ нами лишь методъ опредѣленія, а не само опредѣленіе. У насъ нѣтъ *позитивной* морали и, слѣдовательно, политики. Философъ только обѣщаетъ доказать, что позитивная мораль основана на принципѣ: всякій человѣкъ, не индуицій счастья въ общеплезномъ направленіи — несчастливъ; этотъ принципъ, въ свою очередь, зиждется на законѣ тяготѣнія. Но обѣщаніе остается невыполненнымъ, — и Сень-Симонъ предлагаетъ планъ рѣшить задачу путемъ конкурса между учеными обществами⁶¹⁾.

Таковъ *философскій* выводъ, — и Сень-Симонъ могъ бы остаться при немъ, если бы онъ былъ одаренъ только «научной экзальтаціей» и не зналъ надъ собой «деспотизма сердца», т.-е. не носилъ въ себѣ сильнѣйшихъ побужденій публициста и дѣятельнаго политика. Эти побужденія подсказали Сень-Симону страстные обращенія къ ученымъ, поученія по адресу Наполеона и они же привели его окончательно къ философіи человѣка и общества — на *историческихъ* основахъ. Сень-Симонъ пересталъ анализировать *физиологическій* рядъ и сосредоточился на рядѣ, представляющемъ культурную эволюцію человѣческаго рода, — другими словами — отъ космологическаго вопроса рѣшительно перешелъ къ социологическому.

⁵⁹⁾ *Иб.* 195.

⁶⁰⁾ *Иб.* 269, 272—3.

⁶¹⁾ *Иб.* 302—3.

При всемъ значеніи публицистическаго и гражданскаго инстинкта,—нельзя не видѣть и чисто-логическаго процесса въ этомъ переходѣ. Въ то время когда *физиологическій рядъ* составлялся съ большими затрудненіями, астрономическія теоріи выходили безцѣльными и мертворожденными, разсужденія о мірѣ организмовъ вращались въ предѣлахъ идей XVIII-го вѣка,—*историческій рядъ*, напротивъ,—обличалъ несомнѣнную твердость и плодотворность личной авторской мысли. Освѣдомленность въ естественно-научной литературѣ принесла великую пользу Сень-Симону въ его эволюціонной теоріи,—но практическое приложеніе теоріи должно было осуществиться въ новой—имѣ же намѣченной области—въ научной исторіи. Это сознавалъ самъ Сень-Симонъ, присвоивая себѣ—въ будущей организационной работѣ—роль философа и поручая роль физиолога—Бюрдону или другимъ ученымъ. Порученіе вышло безрезультатнымъ,—осталось дѣло историка,—и Сень-Симонъ сталъ выполнять его, *побуждаемый* въ сильной степени отзывчивостью на современность, но отнюдь не *подчиняемый* ею—какъ политикъ партіи и публицистъ классовыхъ интересовъ. Эта свобода обуславливалась *философскимъ* происхожденіемъ политики Сень-Симона. До открытаго выступленія на журнальное публицистическое поприще — его занимала идея о взаимномъ чередованіи научныхъ и политическихъ революцій, даже объ ихъ неразрывной связи, какъ причинъ и слѣдствій. Это первая попытка—координировать явленія умственной и социальной эволюціи. Она выражается въ вышнемъ хронологическомъ сопоставленіи фактовъ: реформація Лютера сопровождалась перемѣной въ политической системѣ Европы, дѣятельности Бэкона, Галилея и Коперника соответствовалъ политическій переворотъ въ Англіи; Ньютонъ и Локкъ родоначальники энциклопедіи XVIII-го вѣка, а она — первоисточникъ французской революціи ⁶²⁾. Если таковъ законъ историческій,—очевидно изученіе политическихъ условій всякаго времени имѣетъ такое же значеніе, какъ и оцѣнка умственнаго и научнаго уровня. Слѣдовательно, — историческій рядъ неминуемо будетъ заключать въ себѣ два взаимно-нераздѣлимыхъ элемента—научно-философскій и политическій. Труднѣйшая задача позитивнаго философа установить между ними органическую естественную зависимость.

⁶²⁾ *ib.* 190—5.

Раньше этого установленія — логически предстояло опредѣлить содержание каждаго элемента отдѣльно. Первый, мы знаемъ, тщательно разъяснялся во всѣхъ разобранныхъ произведеніяхъ Сень-Симона, — второй пока былъ отодвинутъ на второй планъ — поисками за всеобъемлющей философской систематизаціей явленій неорганическаго и органическаго міра. Но съ самаго начала было ясно, — въ какомъ смыслѣ политическій элементъ представетъ предъ философь.

VIII.

При всей фантастичности нѣкоторыхъ учено-философскихъ задачъ и при всемъ несовершенствѣ изложенія, — Сень-Симону удалось положить прочныя основы новой науки о человѣкѣ — въ первый же періодъ своей литературной дѣятельности, — опредѣлить ея *статистику* и *динамику*. Статика заключалась въ ученіи о *доктринѣ*, какъ нравственной и политической организующей силѣ, динамика выразилась въ эволюціонномъ представленіи объ историческомъ процессѣ. Этотъ процессъ разчлененъ на двѣ перемежающіяся стадіи — органическую и критическую и приуроченъ къ закономерно осуществляющейся цѣли: постепенная замѣна гипотетическаго міросозерцанія позитивнымъ. Такимъ образомъ установленъ *внутренній* смыслъ процесса и предусмотрѣна его наиболѣе совершенная грань.

Эти выводы сень-симоновской мысли — съ одной стороны настолько основательно обставлены фактами и логикой, что ихъ не могли поколебать никакія позднѣйшія публицистическія задачи философа, — но съ другой идея доктрины и принциповъ эволюціи сами по себѣ представляютъ только формулы съ большимъ количествомъ неопредѣленныхъ алгебраическихъ знаковъ, — и не только неопределенныхъ, но даже не указанныхъ. Философъ до сихъ поръ мечталъ весь міръ явленій охватить единымъ закономъ, открытымъ астрономіей. Естественно съ такой высоты онъ упускалъ изъ виду — и даже, — мы видѣли, преднамѣренно, — не мало подробностей, особенно въ историческомъ рядѣ. Устанавливая его прогрессивный ходъ дедуктивнымъ путемъ — на основаніи закона, полученнаго изъ физиологическаго ряда, философъ заботился объ опредѣленіи съ точки зрѣнія эволюціи только крупнѣйшихъ терминовъ, т. е. *граней*. Тамъ, мы знаемъ, было достигнуто требуемое представленіе о среднихъ

вѣкахъ и объ арабской цивилизаціи. И грань эта была охарактеризована лишь съ той стороны, какая историческій рядъ связывала съ физиологическимъ,—т. е. со стороны умственного развитія. Такъ какъ оно, по принятому Сень-Симономъ физиологическому закону XVIII-го вѣка, обуславливается исключительно болѣе сложной и болѣе совершенной организаціей, то, очевидно, рѣшенія одного философскаго вопроса вполне достаточно для иллюстраціи прогрессивнаго принципа. Тѣмъ болѣе, что въ силу заранее принятаго общаго космологическаго и социологическаго закона, предполагается—*ест* явленія историческаго процесса входятъ въ схему, разъ ряды фактовъ непрерывно установлены по плану эволюціи.

Только по этимъ соображеніямъ ранняя мысль Сень-Симона могла усвоить, повидимому, односторонній чисто-философскій характеръ: содержаніе доктрины исчерпывается общимъ представленіемъ челоуѣка о мірѣ, *общей идеи*, по терминологіи Сень-Симона, историческій процессъ проходитъ только стадіи этой самой идеи, т. е. сводится къ видоизмѣненіямъ *теоріи*.—Практическое проявленіе челоуѣческой умственной силы, т. е. ея воздѣйствіе на міръ на разныхъ ступеняхъ ея развитія, — почти совершенно заслоняется ея отвлеченными фазами,—*почти*,—потому что, мы видѣли, Сень-Симону извѣстенъ параллельный ходъ доктрины и политики. Изъ его обычнаго умолчанія о политическомъ рядѣ фактовъ мы отнюдь не должны заключать, будто этотъ рядъ ему предстояло открыть впоследствии и для этого требовался какой-либо внѣшній философъ не подозрѣваемый толпою. Нѣтъ основаній говорить о «новой эволюціи въ умѣ Сень-Симона» и о «новой системѣ» и ставить все это въ связь съ современными экономическими вліяніями—теоретическими и практическими *). Этотъ взглядъ — одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ сужденіяхъ о философіи Сень-Симона и онъ дѣйствительно имѣетъ за себя извѣстное оправданіе, но только внѣшнее.

Послѣ *Mémoire sur la science de l'homme*, т. е. съ 1814 года характеръ сочиненій Сень-Симона, повидимому, рѣзко мѣняется.

*) Вейль озаглавливаетъ главу своего сочиненія—*Экономическія теоріи въ 1815 году и сочиненія Сень Симона*, имѣя въ виду доказать поворотъ философа на новый путь. О. с. chap. V.

Начиная съ *Переустройства европейскаго общества* Сень-Симонъ является политическимъ публицистомъ и даже печатаетъ двѣ журнальных статьи о частныхъ злободневныхъ вопросахъ. Но это не все. Вскорѣ начинаетъ выходить сочиненіе подъ заглавіемъ *Индустрія* и съ этого момента философъ становится рыцаремъ «индустриализма». И это, мы видѣли, ученики Конта считаютъ однимъ изъ тягчайшихъ преступленій.—Намъ известна нравственная и фактическая цѣна контовскихъ уликъ, — для освѣщенія вопроса гораздо важнѣе сужденія, повидимому, внушенныя очевидными данными и представляющія поэтому историческое значеніе.

Послѣ того какъ подъ перомъ Сень-Симона появляется понятіе *индустрія*, — философъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе горячимъ защитникомъ «индустриаловъ», «индустриальнаго строя», «индустриальной партіи», наконецъ, вообще «индустриализма», какъ соціальнаго направленія, знаменующаго высшую стадію историческаго процесса. Слѣдуетъ думать, — вся природная экзальтація философа цѣликомъ сосредоточилась теперь на вопросахъ о прошломъ и будущемъ индустріи. «Я посвятилъ себя, говоритъ онъ, исключительно на службу индустриальнаго могущества», «я взялъ на себя задачу осуществить права индустриаловъ... я превратилъ себя въ ихъ адвоката и агента и обязался упрочить за ними уваженіе, на какое они имѣютъ право, и вліяніе, какое они [должны имѣть на ходъ общественныхъ дѣлъ]. Сень-Симонъ считаетъ своей миссіей вырвать власть изъ рукъ всѣхъ другихъ сословій и классовъ и сосредоточить ее въ рукахъ индустриаловъ. Эту миссію философъ обѣщаетъ выполнить «несмотря ни на какія препятствія». Онъ считаетъ «великою честью» служить власти индустриаловъ и свои обращенія къ нимъ подписываетъ такъ: «имѣю честь пребыть съ совершеннѣйшею преданностью политическимъ интересамъ индустриаловъ»⁶¹). И Сень-Симонъ всю свою способность «экзальтировать» другихъ направляетъ на представителей индустріи, вывести ихъ изъ апатіи, внушить имъ сознаніе собственной силы и великаго историческаго назначенія — онъ считаетъ первымъ настоятельнымъ дѣломъ на пути къ организациі новаго «физико-политическаго» строя.

⁶¹) *Oeuvres*. XXI, X; XXIII, 86; XXI, 167, 156, 41.

И сочиненія Сенъ-Симона перешолнены горячими воззваніями къ индустріаламъ.

Философъ не перестаетъ настаивать на первоисточникѣ всѣхъ общественныхъ золъ со времени революціи: это—отсутствие у индустріаловъ единства, ясныхъ политическихъ идей,—пониманія своей исторической силы, неумѣнье пользоваться даже благопріятными обстоятельствами и вѣчная склонность прибѣгать къ чужой помощи, къ чужому представительству своихъ интересовъ, — т. е. къ легитамъ и военнымъ ⁶⁵⁾. Сенъ-Симонъ до такой степени стремительно обвиняетъ индустріаловъ въ апатіи, въ политическомъ индифферентизмѣ, такъ энергично доказываетъ имъ могущество индустрии, ея всеобъемлющее нравственное и социальное значеніе, такъ тщательно рисуетъ имъ лишенія и обиды, претерпѣнныя отъ другихъ общественныхъ группъ и политическихъ партій и, наконецъ, такъ соблазнительно изображаетъ имъ практическую силу «смѣлости», что социальнo-философскія разсужденія безпрестанно превращаются въ статьи и памфлеты и авторъ даже находитъ цѣлесообразнымъ напомнить читателямъ о своемъ безкорыстіи, о чистотѣ намѣреній и заявить о своемъ равнодушіи къ доносамъ ⁶⁶⁾.

Несомнѣнно, такой характеръ философіи могъ вызвать еще у современниковъ Сенъ-Симона подозрѣніе въ сильномъ участіи внѣшнихъ вліяній на его мысль. Разумѣется, — никому изъ болѣе или менѣе серьезныхъ критиковъ не приходило въ голову — придать этимъ вліяніямъ корыстную окраску. Только впоследствии у контрстовъ явилось желаніе уличать Сенъ-Симона въ ученомъ карьеризмѣ, въ стремленіи добиться «денежныхъ награжденій, почестей и академическихъ синекуръ» ⁶⁷⁾. Но эти обвиненія представляли гораздо меньше опасностей философскому имени Сенъ-Симона, чѣмъ несравненно болѣе спокойныя соображенія о *зависимости* его социальнo-философской мысли не отъ корыстныхъ внушеній, а отъ современнаго научнаго и общественнаго движенія. Вопросъ стоитъ такъ: дѣйствительно ли «индустріализмъ» Сенъ-Симона отдѣленъ пропастью отъ предыдущаго развитія его мысли отъ его «позити-

⁶⁵⁾ *ib.* XIX, 213—5, XX, 173; XXI, 30; XXII, 28.

⁶⁶⁾ *ib.* XXII, 209, XVIII, 61; XXXVII, 133—4; XXI, 60.

⁶⁷⁾ Robinet. 116.

визма?» Вопросъ этотъ имѣетъ еще общее содержаніе, помимо личнаго, — именно: существуетъ ли неразрывная идейная связь между «позитивной» и «соціальной» наукой или та и другая — въ рукахъ Сень-Симона — явились лишь послѣдовательными во времени отраженіями различныхъ умственныхъ теченій: позитивизмъ — продолжалъ научно-энциклопедическую струю XVIII-го вѣка и революціонной эпохи, а «индустриализмъ» сполна подсказанъ современными блестящими успѣхами промышленности и новой науки — политической экономіи?

Что именно таково историческое положеніе позитивизма — не можетъ быть сомнѣнія и оно совершенно согласуется съ сень-симоновскимъ представленіемъ о «ходѣ человѣческаго ума». Но если бы съ самаго начала въ философско-историческое міросозерцаніе философа совершенно не входилъ «индустриальный» элементъ, — это свидѣтельствовало бы о случайномъ характерѣ состава философіи, объ отсутствіи въ ней принципиальной полноты и единого всеобъемлющаго идейнаго зерна.

Новая полоса дѣятельности Сень-Симона ознаменовалась, между прочимъ, статьями на страницахъ либеральнаго журнала *Цензора*. Возникшій одновременно съ реставраціей пережившій сто дней и, выпустивъ семь книгъ, журналъ временно приостановился во время реакціи 1815 года и возобновился въ 1817 году подъ именемъ *Европейскаго цензора*. Въ этотъ періодъ онъ далъ благосклонный отчетъ объ *Индустри* Сень-Симона ⁶⁹⁾. Одинъ изъ редакторовъ журнала въ обѣихъ его стадіяхъ — Дюнуайе два года спустя послѣ смерти Сень-Симона представилъ наиболѣе обстоятельное свидѣтельство объ его «индустриализмѣ». По мнѣнію Дюнуайе «индустриализмомъ» Сень-Симонъ обязанъ исключительно внѣшнимъ воздѣйствіямъ, — тѣмъ самымъ, какія испыталъ на себѣ *Европейскій цензоръ*. Будучи просто *Цензоромъ* журналъ велъ исключительно оппозиціонную политику и вовсе не касался экономическихъ вопросовъ. Въ промежутокъ между прекращеніемъ журнала и возобновленіемъ редакторы убѣдились въ своей односторонности, поняли рѣшающее соціальное значеніе индустри и усвоили принципъ: современное общество должно быть организовано для индустри. Естественно,

⁶⁹⁾ Tome troisième, 1817, 193—209.

экономическіе вопросы выступили на первый планъ. Бывшіе политическіе либералы превратились въ проповѣдниковъ экономической свободы, принялись распространять выводы современной политической экономіи со словъ Адама Смита и Сэя и возвеличивать представителей индустріи—земледѣлія, мануфактуры, торговли и банковыхъ операций. *Въ эту же эпоху* и Сенъ-Симонъ перешель въ лагерь индустриалистовъ ⁶⁹⁾.

Гдѣ же слѣдуетъ искать первоисточника?

Дюнуайе отвѣчаетъ вполнѣ точно: первый писатель, заговорившій о *цѣли общества*—Констанъ. Въ 1813 году онъ указалъ, что воинственная тенденція должна все болѣе слабѣть и единственной цѣлью новыхъ народовъ станетъ, наконецъ, миръ, вмѣстѣ съ миромъ довольство и какъ источникъ его— *индустрія* ⁷⁰⁾.

На тотъ же предметъ обратилъ вниманіе публики—Монлозье въ книгѣ *О французской монархіи*, вышедшей въ 1814 году, но оконченной семь лѣтъ раньше. Монлозье являлся защитникомъ феодальнаго строя и на успѣхи третьяго сословія смотрѣлъ какъ на узурпацію,—но излагалъ исторію этихъ успѣховъ исторически—вѣрно. Онъ говорилъ о возникновеніи «новаго народа», вооруженнаго промышленностью, движимой собственностью и наукой. Этотъ народъ завязалъ борьбу съ «древними формами» и овладѣлъ полемъ битвы,—городами подъ именемъ муниципалитетовъ, замками подъ именемъ бальяжей, умами подъ именемъ университетовъ:—въ результатѣ въ государствѣ воцарился новый духъ, новые законы и новыя учрежденія. Наконецъ,—къ этимъ «драгоцѣннымъ произведеніямъ», по выраженію Дюнуайе присоединилась экономическая литература,—вышла книга Сэя—*Трактатъ по политической экономіи*. Свѣй излагалъ въ исправленномъ видѣ идеи Смита, показывалъ, какъ матеріальныя блага создаются индустріей и устанавливалъ самый широкій взглядъ на нее, т. е. какъ на человѣческую дѣятельность во всѣхъ ея полезныхъ приложеніяхъ. Два года спустя послѣ сочиненій Констанъ, Монлозье и Сэя—Сенъ-Симонъ также началъ развивать ученіе объ индустріи.

⁶⁹⁾ *Revue encyclopédique*, fevrier 1827. Перепеч. въ *Notices d'économie sociale*. P. 1870. 172—200.

⁷⁰⁾ B. Constant. *De l'esprit de conquête et de l'usurpation dans leurs rapports avec la civilisation*, chap. II.

Эти соображенія Дюнуайе вызываютъ прежде всего фактическую критику—независимо отъ философіи Сень-Симона. Почему авторъ возникновеніе индустріальнаго принципа приурочилъ къ 1814 году? И почему, если это событіе зависѣло отъ Константа, Монлозье и Сая,—*Цензоръ*—усвоилъ новую руководящую идею только три года спустя? Кромѣ того,—въ 1814 году вышло *второе* изданіе сочиненія Сая,—первое явилось десятью годами раньше и содержало въ себѣ тѣ же данныя, какія отмѣчаетъ Дюнуайе. Но независимо отъ теорій—современная практика вызвала объ индустриализмѣ чрезвычайно краснорѣчиво. Лишь только водворилось относительное спокойствіе послѣ революціоннаго кризиса,—индустриальный вопросъ выступилъ въ замѣчательно-внутренней формѣ,—именно въ той, какая преимущественно должна была повліять на идеи Сень-Симона. Форма эта являлась какъ бы обобщеніемъ известныхъ намъ фактовъ въ области революціонной индустрии. Въ 1801 году ученые—среди нихъ Монжъ, Бертоле, Фуркруа, Шапталъ—учредили общество для поощренія индустрии, для популяризаціи открытій и изобрѣтеній, для распространенія промышленнаго образованія, для покровительства промышленникамъ, участіе приняли около трехсотъ подписчиковъ. Всѣ они были одушевлены идеей—работать во имя мирнаго развитія Франціи¹⁾. Въ этомъ учрежденіи заключались важнѣйшіе элементы индустриальной организаціи по плану Сень-Симона: союзъ науки и индустрии и ученое руководящее общество на принципѣ подписки. Одинъ изъ учредителей—Шапталъ—могъ олицетворять идеальнаго гражданина индустриальнаго строя,—одновременно—ученый, промышленникъ и администраторъ. Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ онъ устроилъ выставку 1801 года и повторилъ ее въ слѣдующемъ. Докладъ Шаптала напоминалъ, что уже въ 1798 году годовщина республики была отпразднована выставкой, была воздана и торжественная почеть полезнымъ работамъ: по этому докладу консулы рѣшили ежегодно устраивать выставки. По поводу первой современная печать высказывала такое пожеланіе: «пусть больше не будетъ праздныхъ рукъ и умовъ; пусть больше не остается ни одного безполезнаго человѣка; пусть

¹⁾ Levasseur. I, 299—300.

всѣ науки подають намъ совѣты; пусть всѣ искусства изощряются и совершенствуются»⁷²).

Слѣдовательно,—индустрія занимала центральное мѣсто въ задачахъ новаго общества и въ союзѣ съ наукой призывалась къ безраздѣльному господству надъ новымъ государствомъ. Имперія прервала осуществленіе идеи,—послѣ 1802 года—выставка состоялась лишь четыре года спустя и была послѣдней при Наполеонѣ,—при реставраціи первая была открыта въ 1819 году. Но, очевидно, только «завоевательный духъ» имперіи помѣшалъ разцвѣту индустриализма и ежегоднымъ «почестямъ» производительному труду и наукѣ, какъ спутницѣ индустріи.

Слѣдовательно,—Сенъ-Симону не зачѣмъ было ждать сочиненій Констана и Монлозье, чтобы вдохновиться въ пользу индустриализма, — тѣмъ болѣе, что онъ хорошо зналъ Шалтала, давшего впоследствии статью въ его сборникъ. Не требовалось ему и *новаго* изданія трактата Сэя: онъ лично былъ знакомъ съ авторомъ—такъ же какъ со многими видными публицистами эпохи⁷³),—и несомнѣнно, поспѣшилъ бы воспользоваться первымъ изданіемъ сочиненія Сэя,—тѣмъ болѣе, что оно встрѣтило необыкновенно радужный приѣмъ въ публикѣ и въ печати⁷⁴).

Но независимо отъ Сэя, ставшаго популярнѣйшимъ экономистомъ реставраціоннаго періода,—въ распоряженіи Сенъ-Симона рядомъ съ практическими уроками имѣлась обширная литература индустриальнаго направленія. Исправлять ученіе Смита во Франціи начали очень рано,—переводчикъ его сочиненія—Жермэнъ Гарнье—ввелъ понятіе не—матеріальныхъ цѣнностей, признанныхъ у Смита непроизводительными. Незадолго до появленія трактата Сэя другой экономистъ представилъ въ высшей степени замѣчательное опредѣленіе капитала, будто рассчитанное на индустриальную систему Сенъ-Симона: по этому опредѣленію къ капиталу причисляется и рабочая сила человѣка; личность ремесленника приравнивается къ земельной собственности, а прибыль предпринимателя—къ рабо-

⁷²) *Journal de Paris*, cit. въ ст. *L'Exposition de l'industrie en 1801*, par Gabriel Ferry. *Revue politique et littéraire*, 14 avril 1900.

⁷³) Hubbard. 88.

⁷⁴) Объ этомъ говорится въ *Avertissement au libraire* ко 2-му изд. *Traité d'économie politique*. I.

чей платѣ ⁷⁵⁾. Эти идеи являлись логическимъ развитіемъ основного понятія Смита о трудѣ, какъ существенномъ источникѣ богатства. Но аналогія между личными способностями и недвижимымъ капиталомъ должна припомниться намъ, когда мы встрѣтимъ одну изъ руководящихъ идей соціальной организаціи у Сень-Симона—политическое уравненіе недвижимыхъ и движимыхъ собственниковъ, арендаторовъ и землевладѣльцевъ. Также и отождествленіе прибыли предпринимателя съ заработной платой рабочаго можетъ считаться вступленіемъ къ сень-симоновскимъ нападкамъ на капиталистовъ-производителей, на рантье, вообще на собственниковъ, не умножающихъ своего капитала личнымъ трудомъ.

Также рано обнаружилась во Франціи и принципиальная оппозиція смитіанизму,—его ученію объ экономической свободѣ, о неприкосновенности конкуренціи. Оппозиція основывалась на очень простомъ фактѣ,—вводила въ область экономическихъ отношеній—альтруистическія представленія, подвергала выводы науки критикѣ морали и неограниченная свобода личности, какъ экономического фактора, превращалась изъ закона природы въ разлагающую соціальную силу—въ эгоизмъ. Понятіе эгоиста въ приложеніи къ богачу, къ собственнику съ великимъ усердіемъ эксплуатировалось революціей,—и еще раньше теоретической борьбы между чисто-экономическимъ и нравственно-соціальнымъ направленіемъ восемнадцатый вѣкъ оставилъ въ наслѣдство девятнадцатому два непримиримыхъ практическихъ ученія—мальтузіанство и бабувизмъ,—апофеозъ индивидуумовъ въ ущербъ массы и спасеніе массы цѣной индивидуумовъ. Развитіе индустріи могло только съ особенной настойчивостью напомнить вопросъ, пренебреженный безличнымъ ученіемъ о накопленіи богатствъ, и именно самая блестящая часть теоріи Смита—вопросъ о распредѣленіи труда—вызвала отрицательную критику съ точки зрѣнія человѣческой природы. Въ 1801 году явилось сочиненіе, рисовавшее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ участь рабочихъ при современномъ промышленномъ строѣ, полное порабощеніе личности рабочаго капиталистомъ при свободной конкуренціи, постепенное поглощеніе мелкаго и средняго капитала

⁷⁵⁾ Canard: *Principes d'écon. pol.* (1802). Ср. Kantz. *Die geschichtliche Entwicklung der National — Oekonomie*, Wien 60, II (2). 562—3.

крупнымъ. Въ результатѣ возникла необходимость—привести въ равновѣсіе интересы труда и капитала—подъ угрозой полной дезорганизации общества ⁷⁶⁾).

Практическіе уроки: индустриализма являлись до такой степени внушительными и непровержимыми, что даже Сэй, принципиальный защитникъ экономической свободы, написалъ своего рода памфлетъ на социальное положеніе, созданное свободной конкуренціей. Его сочиненіе *Объ Англии и объ англичанахъ* рисуетъ отчаянное положеніе рабочаго класса въ отечествѣ Адама Смита. Наблюдатель задаетъ себѣ такой вопросъ: «когда видишь столь дѣятельную, столь благородную, столь даровитую націю, вынужденную дурной экономической системой такъ много работать и все-таки испытывать столько лишеній; когда видишь, какъ страна богатая талантами и добродѣтелями позорить себя низкими преступленіями,—то съ горечью спрашиваешь у себя: какая польза отъ гражданской и релігіозной свободы, отъ свободы печати, отъ безопасности собственности и отъ господства надъ морями?» ⁷⁷⁾).

И отрицательный отвѣтъ получался на основаніи цифръ, наблюденій и логическихъ выводовъ автора. Путешествіе его по Англии относится къ 1814 году,—оно не повліяло на основы его экономического ученія,—но еще раньше путешествія Сэй попытался осуществить на практикѣ, разумѣется, въ ограниченныхъ размѣрахъ,—индустриальный порядокъ въ противовѣсъ современному «военному духу». Въ пятидесяти лѣтъ отъ Парижа въ захудалой деревушкѣ онъ основалъ мануфактуру съ четырьмя стами рабочихъ,—въ большинствѣ женщинъ и дѣтей и имѣлъ, по его словамъ, счастье—видѣть, какъ промышленность и довольство оживляютъ край, гдѣ въ теченіи вѣковъ феодальный и монашескій режимъ умѣлъ создавать только нищету и бѣдность» ⁷⁸⁾. Этотъ опытъ отразился на новомъ изданіи сочиненія Сэй—въ 1814 году,—такъ же какъ слѣдующее въ 1817 году восприняло, по крайней мѣрѣ въ частностяхъ вліянія англійскихъ впечатлѣній. Такимъ путемъ Сэй, начиная съ эпохи консульства, неустанно продѣлывалъ одновременно теоретическую и практическую работу.

⁷⁶⁾ Lamontey. *Raison et Folie. Petit cours de Morale*. Ср. Kautz *Ib.* 585

⁷⁷⁾ *Dé l'Angleterre et des Anglais*. P. 1816. 2 ed. 19—20.

⁷⁸⁾ *Avertissement* къ 3-му изд. *Traité de l'ec. pol.* (1817).

И вся эта работа проходила на глазах Сень-Симона. Онъ зналъ о ней еще въ то время когда сочинялъ *Введение къ научнымъ работамъ XIX-го вѣка*, разрабатывалъ планы энциклопедіи физика и усиливался социальную физику подчинить закону тяготѣнія. И все-таки чрезвычайно настойчивое вмѣшательство экономическихъ задачъ въ современную жизнь и мысль—не отвлекло Сень-Симона отъ его «организаторской» работы и только ожоло пятнадцати лѣтъ спустя онъ начинаетъ говорить о политической экономіи и индустріи.

Чѣмъ объяснить этотъ фактъ?—Внѣшними вліяніями—нѣтъ возможности: эти вліянія, мы видѣли, могли дѣйствовать гораздо раньше 1817 года и именно на Сень-Симона, начавшаго свою общественную дѣятельность индустриально-финансовыми операціями и смѣлыми промышленными предпріятіями. Но если бы у насъ не было біографическихъ свѣдѣній о дѣятельности Сень-Симона при революціи,—его сочиненія удостовѣрили бы его неизмѣнный интересъ къ индустриальному вопросу. Мы указывали,—Сень-Симонъ въ самый разгаръ своей космологической философіи успѣлъ намѣтить богатый послѣдствіями принципъ — общеобязательнаго производительнаго труда. Въ первомъ же его сочиненіи мы встрѣтили правило: «всѣ люди будутъ работать» и даже обязательство для собственниковъ, неспособныхъ къ умственной работѣ,—переходить къ физической. Во *Введеніи къ научнымъ работамъ* эта идея является основой новаго нравственнаго ученія,—до такой степени могущественной, что ею Сень-Симонъ рассчитываетъ замѣнить евангельское ученіе о любви. Здѣсь уже предъ нами рѣзкое разграниченіе—*праздныхъ и работниковъ*,—при чемъ праздность является преступленіемъ противъ нравственности и общественного порядка. Наконецъ, *Mémoire sur la science de l'homme* заключаетъ страстную выходку противъ рантие: они ставятся ниже явно «злонамѣренныхъ людей»,—именуются классомъ «глушымъ и презрѣннымъ» ⁷⁹⁾. Самый тонъ всѣхъ этихъ разсужденій доказывалъ, что индустриальный вопросъ ни на минуту не забывался философомъ,—только къ рѣшенію его философъ думать придти необычнымъ путемъ,—черезъ астрономію и физиологію. Но самый принципъ, которому предстояло управлять дальнѣйшей

⁷⁹⁾ *Mémoire*. 59.

«физико-политической» мыслью автора, — былъ совершенно ясенъ. Сень-Симонъ тщательно опредѣлилъ понятіе производительнаго труда, — и независимо отъ поправки, внесенной Сэемъ въ ученіе Смита, — въ этомъ трудѣ — духовномъ и физическомъ — призналъ сущность новаго общественнаго строя. Что вліяніе Сэя здѣсь не имѣло рѣшающаго значенія, — доказывается не только раннимъ возникновеніемъ идей Сень-Симона, но ихъ позднѣйшимъ независимымъ ходомъ — часто въ противорѣчіе современнымъ господствующимъ экономическимъ взглядамъ.

Сэй, вводя въ кругъ экономическихъ цѣнностей, — нематеріальные продукты, выдвинулъ тѣмъ не менѣе на первое мѣсто среди производительныхъ силъ — капиталъ. Понятіе о рентѣ, какъ производительномъ членѣ общества, — не имѣло ничего общаго съ экономикой Сэя. Въ *Катехизисъ политической экономіи* задается слѣдующій вопросъ: «не покупаетъ ли земельный собственникъ не производя и не получая помощи отъ другого?» Отвѣтъ: «земельный собственникъ производитъ посредствомъ своего орудія, своей земли. Плата, которую онъ получаетъ, — есть цѣна хлѣба или всякаго другаго продукта, получаемая имъ за свое участіе въ производствѣ, — а это участіе заключается въ обработкѣ его земли. То же самое и капиталистъ. Процентъ на его капиталъ есть оплата его части въ продуктахъ, производству которыхъ онъ способствовалъ своимъ капиталомъ»⁹⁾.

На взглядъ Сэя, слѣдовательно, земельный собственникъ и капиталистъ являются производителями просто въ силу обладанія капиталомъ, а не личнаго участія въ эксплуатаціи его, — положеніе, совершенно противоположное сень-симоновскому — въ первый и во второй періодъ его дѣятельности. Въ этомъ контрастѣ коренится два различныхъ социальныхъ воззрѣнія, — и его одного было достаточно, чтобы путь Сень-Симона остался его личнымъ и независимымъ. Его идеи вышли не изъ современной экономической науки и, естественно, пришли къ выводамъ, — ей непримиримо враждебнымъ.

Политическая экономія развивалась параллельно съ философіей Сень-Симона. Въ то время, когда она сосредоточивалась на ана-

⁹⁾ *Catéchisme d'écon. pol.* P. 26. 67. Ср. 128, 135.

лѣзъ матеріальной стороны общественнаго строя, — Сень-Симонъ старался вывести изъ одного научно-философскаго принципа всю социальную статику. Этотъ принципъ, по его представленію, — непременно самъ по себѣ долженъ былъ рѣшить экономическій вопросъ — въ силу своей всеобъемлемости, — и поэтому «индустриализмъ» не занимаетъ виднаго мѣста въ разсужденіяхъ Сень-Симона, — но онъ все время подразумѣвается, какъ одинъ изъ элементовъ искомой формулы. Когда философъ убѣждается въ недостижимости космо-антропологическаго синтеза и сосредоточивается на человѣкѣ исключительно, — бывшій подразумѣваемый элементъ выступаетъ на первый планъ, какъ одна изъ сторонъ естественной эволюціи человечества. И мысль философа неизбѣжно встрѣтилась съ политико-экономическимъ теченіемъ. Если бы онъ намѣренъ былъ черпать изъ него идеи и планы, онъ сдѣлалъ бы это гораздо раньше того срока, къ какому приурочиваютъ его индустриализмъ. Экономическіе вопросы, мы видѣли, не переставали владѣть практикой и теоріей съ самой революціи. Но Сень-Симонъ думалъ не о заимствованіяхъ, а о поясненіяхъ и доказательствахъ, нужныхъ для *его* идей.

Въ самомъ дѣлѣ, — къ чему сводятся совпаденія философіи Сень-Симона съ тѣми источниками, какіе признаются его внушителями и руководителями?

Мы только что указали на принципиальное разногласіе Сень-Симона и Сэя въ понятіи о *производитель*. Это разногласіе должно было привести къ такимъ же разнороднымъ выводамъ. Сэй, при всемъ своемъ краснорѣчій въ изображеніи социальныхъ золь Англій, — остался мальтузианцемъ, т. е. видѣлъ испѣвленіе этихъ золь въ преобразованія не социального строя, а политическихъ отношеній. Теорія рынковъ, т. е. ученіе о свободѣ международнаго обмѣна, — представляетъ вершину политики экономической мысли Сэя, — и именно эта теорія не играетъ никакой роли въ организаторскихъ планахъ Сень-Симона.

Можно было бы ожидать, что Сень-Симонъ найдетъ не мало поучительныхъ уроковъ въ сочиненіи другого экономиста — въ *Новыхъ принципахъ политической экономіи* — Сисмонди. Этотъ писатель продолжалъ нравственное социальное теченіе и съ большимъ участіемъ чувства и паэоса, — столь близкихъ Сень-Симону. Сисмонди въ

яркихъ чертахъ изобразилъ отрицательную сторону индустриализма. Заявилъ себя послѣдователемъ Смита въ ученіи о трудѣ, Сисмонди рѣшительно возсталъ противъ свободной конкуренціи, противъ смѣшенія классового богатства съ національнымъ, настаивалъ на равномерномъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ среди населенія и съ этой цѣлью призывалъ вмѣшательство государства въ экономическія отношенія. «Мы, говорили Сисмонди, считаемъ правительство обязаннымъ покровительствовать слабому противъ сильнаго, защищать того, кто не въ силахъ самъ защищаться, — и представлять постоянные и мирные интересы всѣхъ противъ временныхъ и воинственныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ». «Покровительственный авторитетъ» — *l'autorité protectrice* — по мнѣнію Сисмонди долженъ постоянно вмѣшиваться въ распредѣленіе національныхъ богатствъ, — и вообще взглядъ Смита на политическую экономію, какъ науку исключительно *расчета* — слѣдуетъ исправить и дать мѣсто «чувствительности» и «воображенію»⁸¹⁾.

И самъ авторъ патетически рисуешь судьбу рабочихъ, притѣняемыхъ хозяевами въ заработной платѣ, ихъ непоправимыя бѣдствія во время стачекъ и несоразмѣрную отвѣтственность за всякій беспорядокъ. Сисмонди анализировалъ движеніе заработной платы при свободной конкуренціи и пришелъ къ выводу, что уровень ея неизбѣжно стремится соответствовать только насущнымъ потребностямъ, между тѣмъ какъ заработная плата рабочаго — его *доходъ*, и, слѣдовательно, должна содержать его не только во время дѣятельности, но и въ случаѣ прекращенія работы, — въ старости, въ болѣзни, въ дни отдыха и праздниковъ. На основаніи опыта Сисмонди указалъ на скрытую и весьма обычную причину пониженія заработной платы, — на дѣтскій трудъ. На сумму дѣтскаго заработка конкуренція понижаетъ заработокъ взрослыхъ и въ результатѣ у отцовъ отнимается часть, получаемая ихъ дѣтьми. Сисмонди съ воодушевленіемъ изобразилъ пагубное дѣйствіе на рабочихъ изобрѣтеній и открытій, — т. е. усовершенствованной машинной индустріи. Фабричный воздухъ разрушаетъ здоровье рабочаго и фабрикантъ бросаетъ инвалида, погибшаго на работѣ въ его же пользу, — на попеченіе общества. А машины лишаютъ работы и здоровыхъ рабочихъ и создаютъ мз-

⁸¹⁾ *Nouveaux principes d'économie politique*. P. 19. Т., 53—56.

лишекъ въ населеніи. Въ результатѣ, — политико-экономъ готовъ оплакивать современный порядокъ вещей, современную «смуту» и въ виду того, что рабочій является совершенно беззащитнымъ предъ силой капитала, предъ натискомъ машины, — старинное цеховое устройство является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ современный индивидуализмъ. Разумѣется, вопросъ идетъ не о деспотической организаціи цеховъ, а о защитѣ, какую корпораціи оказывали отдѣльнымъ рабочимъ, о возможности, какую они отрывали простому рабочему достигнуть постепенно высшей индустриальной ступени, — между тѣмъ какъ при современномъ порядкѣ рабочіе рождаются и умираютъ рабочими и авторъ считаетъ едва осуществимой «утопіей» — превращеніе рабочихъ въ участниковъ — *associés* — предпріятія, которому они отдали свои силы. Эта утопія рисуется автору въ такой формѣ, чтобы половина прибылей плаассоціированнымъ рабочимъ и половина предпринимателю ⁸²⁾).

Идемъ Сисмонди обратили пристальное вниманіе современной журналистики. Особенно глубокое впечатлѣніе произвели жалобы автора противъ машинъ и усиленной производительности, а позднѣйшая литература высоко оцѣнила гуманныя чувства Сисмонди, хотя они и не подсказали автору никакого опредѣленнаго плана — исправить зло, причиненное свободой экономическихъ отношеній ⁸³⁾. Но въ сочиненіяхъ Сень-Симона мы не встрѣчаемъ даже упоминанія о Сисмонди, никакого отраженія и его основныхъ идей — объ отношеніяхъ классовъ, о вліяніи усовершенствованной индустріи на социальное положеніе рабочихъ, — только вопросъ объ ассоціированіи рабочихъ и предпринимателей затрогивается Сень-Симономъ, — но не въ смыслѣ Сисмонди, а въ формѣ двухъ взаимодействующихъ организацій — предпринимательской и рабочей, — и эта мысль явилась три года спустя послѣ выхода сочиненія Сисмонди ⁸⁴⁾.

Въ заключеніе предъ нами вопросъ, въ какихъ же отношеніяхъ стояла социальная философія Сень-Симона къ современному индустриальному движенію въ исторической и политико-экономической

⁸²⁾ *И.* I, 348—350; II, 359—361, 312—9, 342—4.

⁸³⁾ Ср. *Revue encyclopidique*, о 2 изд. *N. Principes*. 1827 XXXIV, 602. Blanqui *Histoire de l'econ. pol.* P. 45. I, chap. XXI. Kautz v. c. II, (2). 586.

⁸⁴⁾ *Suite à la brochure „Des Bourbons et des Stuarts“. O. choisies.* II, 436—37 1822-й годъ.

литературѣ? Признать непосредственную идейную зависимость того и другого явления мы не можемъ,—остается искать отвѣта у самого Сень-Симона. Отвѣтъ этотъ съ свойственной автору лояльностью дается совершенно опредѣленно.

IX.

Мы видѣли, — Сень-Симону не требовалось ждать сочиненія Монлозье, чтобы усмотрѣть политическое значеніе индустрии. Выше мы разбирали вопросъ, насколько могли повліять на Сень-Симона историческія занятія Тьерри и указали на основную разницу во взглядахъ на историческій смыслъ индустриальнаго прогресса — учителя и ученика. Такая же разница существуетъ и въ воззрѣніяхъ Монлозье и Сень-Симона. Напѣ философъ занялъ независимое мѣсто между двумя историко-политическими направленіями. Монлозье — успѣхи индустриальнаго сословія считалъ узурпаціей рядомъ съ историческими правами королевской власти и высшихъ сословій, Тьерри — въ качествѣ политическаго либерала эпохи реставраціи — въ общинной революціи видѣлъ залогъ позднѣйшаго разложенія не только феодально-сословнаго, но и монархическаго принципа, Сень-Симонъ въ освобожденіи общинъ призналъ актъ двоякаго содержанія — прогрессъ индустриіи и ея союзъ съ королевской властью. Въ признаніе это Сень-Симонъ внесъ свою обычную философскую экзальтацію. Подъ вліяніемъ идеи — основать новую общественную организацію на почвѣ единенія монархіи и индустриіи философъ измѣнилъ даже своему эволюціонному принципу и въ политикѣ Людовика XIV открылъ своевольное нарушеніе отдѣльной личностью историческаго процесса и участіе средневѣковой монархіи въ общинной революціи отбѣнилъ скорѣе съ чувствительной точки зрѣнія публициста-историка, чѣмъ философа-историка. Но какъ бы то ни было, — аналогичный взглядъ на вопросъ въ эпоху реставраціи можно было встрѣтить только въ официальномъ документѣ, въ хартіи Людовика XVIII, — и мы не можемъ отказаться отъ мысли — въ представленіи Сень-Симона объ индустриально-монархическомъ строѣ видѣть скорѣе одно изъ наслѣдій патетической идеологіи XVIII-го вѣка, чѣмъ внушеніе пореволюціонныхъ изслѣдованій. Своеобразная и неуклонно-упорная проповѣдь союза монархіи съ индустриалами, — проповѣдь, безпрестанно переходящая въ область чувства, — несомнѣнно ближе къ

известному политическому сентиментализму *Cahiers* третьего сословия, — чѣмъ въ партійнымъ программамъ реакціонеровъ и либераловъ реставраціоннаго періода. Въ *Лисьмакъ къ присяженнымъ Сенъ-Симонъ*, ссылаясь на исторію, признаетъ доброту «самой яркой чертой политическаго характера Бурбоновъ», позже въ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ индустріи и монархіи вводитъ понятія *благодарности, преданности, любви*, проектируетъ своего рода сердечныя взаимныя объясненія между королемъ и производительнымъ классомъ: король и индустріалы должны вспомнить взаимныя историческія услуги, — и король долженъ во что бы то ни стало вывести индустріаловъ изъ «политической косности», а индустріалы въ свою очередь обязаны торжественно заявить о своей нерушимой вѣрности монарху. Сенъ-Симонъ разрывъ между монархіей и представителями индустріи считаетъ семейнымъ недоразумѣніемъ, раздутымъ врагами обѣихъ органическихъ силъ Франціи — легистами и метафизиками. Пусть эти силы объясняются другъ съ другомъ, — и Сенъ-Симонъ «головой ручается» въ утвержденіи монархіи Бурбоновъ^{*)}. Все эти разсужденія, неизмѣнныя въ организаторскихъ планахъ Сенъ-Симона, по смыслу и даже по формѣ живо напоминаютъ дореволюціонныя оптимистическія и идиллическія изліянія на тему государя-отца и подданныхъ-дѣтей. Но эти изліянія не мѣшали быстрому практическому развитію убѣжденія, что «третье сословіе—все». Аналогичное совмѣщеніе такихъ же параллельныхъ чувствъ и идей мы находимъ и въ произведеніяхъ Сенъ-Симона, — только *третье сословіе* повсюду замѣнено новымъ понятіемъ *industriels*, измѣнилось отчасти и содержаніе понятія: дореволюціонное *tiers-état* заключало въ себѣ и «легистовъ» и «докторовъ на us», т.-е. «*beaux parlemens*» и «*faiseurs de phrases*»: вся эта *avocasserie* и *ecrivasserie* исключена теперь изъ «производительнаго класса», — но зерно его остается прежнее, т.-е. «промышленная нація». И Сенъ-Симону не требовалось большихъ усилій политическаго разумѣнія, чтобы новую идею «третьяго сословія» построить исключительно на принципѣ производительнаго труда. Этотъ принципъ, мы видѣли, съ неуклонной настойчивостью подсказывался социальными фактами и теоріями крайняго революціоннаго движенія, — бабунизмъ съ своимъ учени-

^{*)} O. ch. II, 407. *Oeuvres*. XXI, 52—4, O. ch. II, 411, XXI, 86.

емъ о преступности «праздности» могъ найти естественный доступъ въ политическія представленія Сень-Симона, еще до революціи воспитанныя американскими индустриальными порядками.

«Индустриализмъ» Сень-Симона, слѣдовательно, удовлетворительно можетъ быть объясненъ независимо отъ реставраціонной политической литературы. Философъ бралъ изъ нея только подтвержденія и иллюстраціи для своихъ идей. Онъ неоднократно ссылается на писателей реакціонеровъ, либераловъ и экономистовъ, — но всегда съ одной и той же цѣлью: — привести чужой авторитетъ въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній. Реакціонные политики являлись для Сень-Симона поучительными въ двухъ отношеніяхъ: они понимали значеніе исторической почвы, исторической традиціи, — слѣдовательно, — въ области социальной динамики — могли представить немало доводовъ противъ «революціоннаго духа», противъ чисто-теоретическаго, по терминологіи Сень-Симона, метафизическаго реформаторства. Въ области социальной статикѣ у реакціонной школы также имѣлась близкая Сень-Симону — идея: вѣра въ необходимость единообразной доктрины. Но способъ Сень-Симона пользоваться этими дорогими для него идеями показываетъ, какъ вообще онъ «занимался» чужое философское достояніе. Всѣ *выводы* реакціоннаго направленія оставались совершенно чужды философу-организатору. Историческая традиція и ученіе о доктринахъ уполномочивали Деместра, Бональда и Монлозье — бороться съ завоеваніями революціи во имя дореволюціоннаго прошлаго, ради неподвижнаго политическаго догмата. Принципъ эволюціи совершенно мѣнялъ программу, — и именно философія Сень-Симона оказывалась гораздо болѣе опаснымъ врагомъ реакціи, чѣмъ метафизическій либерализмъ, — потому что она принимала исходныя принципиальныя идеи реакціонной мысли, но развивала ихъ — послѣдовательнымъ философско-историческимъ, а не публицистическимъ методомъ.

И мы еще въ раннихъ разсужденіяхъ Сень-Симона встрѣчаемъ восторженное заявленіе о Бональдѣ за то, что этотъ публицистъ «понялъ полезность систематическаго единства». Но одновременно съ восторгомъ Сень-Симонъ не преминулъ заявить, что взглядъ Бональда на неизмѣнную культурную силу старой религіозной системы — ошибоченъ ⁸⁶⁾. Ссылается Сень-Симонъ и на Монлозье. «Среди

⁸⁶⁾ O. ch. I, 211. *Introd. aux tr. scient.*

хаоса нецѣпостей» Монлозье высказалъ нѣсколько цѣнныхъ—*пози-
тивных*—истинъ. Смыслъ ихъ—убѣжденіе въ необходимости проч-
ной социальной основы для всякаго политическаго порядка. Писанная
конституція имѣютъ смыслъ лишь потому, превращаютъ «гражданскія
власти» въ «политическія», т.-е., узаконяютъ фактическія обществен-
ныя отношенія. Напримѣръ, французская палата перовъ, по мнѣ-
нію Сень-Симона, не можетъ имѣть самостоятельнаго политическаго
значенія: у нея нѣтъ такой экономической и социальной почвы, на
какой построена англійская палата лордовъ и французскіе перы—
только «гипотетическіе лорды» — *lords par hypothèse*. Эту истину
прекрасно разъяснилъ Монлозье *)).

Въ общемъ, по мнѣнію Сень-Симона, реакціонные писатели
«много облегчили установленіе индустріальной системы» проповѣдью
о необходимости «систематической концепціи» для реорганизации
Европы. Но *другая часть* ихъ работъ—о теологін и феодализмѣ—
«оскорбляетъ здравый смыслъ» **).

Въ томъ же направленіи Сень-Симонъ беретъ свое всюду, гдѣ
его находятъ. Не согласный съ политическими мѣрами Священнаго со-
юза, онъ отдастъ справедливость его основной идеѣ—установить въ
Европѣ прочный миръ на почвѣ всеобъемлющаго нравственно-по-
литическаго принципа. И рѣчь официального документа объ еван-
гельской морали до такой степени восхищаетъ философа, что онъ
готовъ видѣть въ союзѣ начало благоденствія Европы,—при усло-
віи господства надъ союзомъ общественнаго мнѣнія, ясно пред-
ставляющаго современный уровень цивилизаціи и соответственныя
ему учрежденія **). Съ этой же точки зрѣнія Сень-Симонъ нашелъ
нужную для себя идею и въ рѣчахъ министровъ императора Але-
ксандра I на польскомъ сеймѣ. Министры говорили о необходимости
«великихъ перемѣнъ» при современномъ прогрессѣ просвѣщенія и
цивилизаціи,—но указывали на мирный путь этихъ перемѣнъ. «Планы
перемѣнъ, какія будутъ представлены, не должны вызывать новыхъ
возстаній; преобразователи не должны подрѣплять своихъ идей
силою штыковъ. Правительство разсмотритъ новыя идеи о социаль-

*) *Oeuvres*. XXII, 201—3; 260. *Du système industriel*.

**) *Oeuvres*. XXXII, 172—3. *Catéchisme des industriels*.

**) *Oeuvres*. XXXIX, 99—101. *Quelques opinions philosophiques*.

ной организаціи, какія будутъ представлены ему въ соответствен-ныхъ формахъ,—но оно строго будетъ карать и новыя возстанія».

Сенъ-Симонъ усмотрѣлъ въ этомъ заявленіи «призывъ къ философамъ» и рѣшилъ посвятить Александру I такъ же какъ и всѣмъ европейскимъ государямъ свой проектъ энциклопедіи ⁹⁰⁾.

Философъ внимательно слѣдилъ за всѣми фактами, по своему смыслу родственными его задачѣ — создать социальную доктрину на основахъ морали, какъ опытной науки. Онъ указываетъ на возникновеніе свободнаго общества христіанской морали во Франціи, библійскаго общества въ Англии и цѣлаго ряда вообще филантропическихъ обществъ: для Сенъ-Симона всѣ эти явленія — свидѣтельство потребности народовъ въ общепризнанной научно-установленной нравственности, — точнѣе и ближе — въ Академіи морали. Нѣчто подобное существовало въ формѣ «класса нравственныхъ и политическихъ наукъ» въ національномъ институтѣ, созданномъ революціей. Сенъ-Симонъ и это прошлое приводитъ въ связь съ настоящимъ, не разсматривая цѣли учрежденій въ подробностяхъ ⁹¹⁾. Для него существенно всюду открывать стремленія къ систематизаціи принциповъ, къ мирной нравственно-политической организаціи общественныхъ отношеній. И Сенъ-Симонъ исключительно съ этой точки зрѣнія вносилъ чужія идеи въ свои произведенія.

То же самое справедливо и относительно экономической литературы. Сенъ-Симонъ упоминаетъ о двухъ экономистахъ — Смитѣ и Сэѣ, горячо отзываясь объ ихъ трудахъ и вообще о политической экономіи какъ наукѣ. Что же Сенъ-Симона увлекаетъ въ экономическихъ изслѣдованіяхъ? Отнюдь не спеціально-экономическія открытія. Собственно экономическіе вопросы остаются за предѣлами сенъ-симоновской мысли. Сенъ-Симонъ ни словомъ не упоминаетъ о важнѣйшихъ заслугахъ Смита и Сэя, какъ экономистовъ, — не говоритъ ни о раздѣленіи труда, ни о рынкахъ. Онъ сосредоточивается на идеѣ нравственно-культурнаго характера — и не столько принадлежащей Смиуту и Сэю, сколько логически вытекающей изъ ихъ работъ въ спеціальной области.

⁹⁰⁾ *Oeuvres*. XXXIX. 105—6.

⁹¹⁾ *Id.* 27—8.

Оба они установили историческое значеніе производительнаго труда, *индустрии*. До нихъ оно было извѣстно только эмпирически, — на основаніи наблюденій надъ политическимъ развитіемъ индустриальнаго класса въ Европѣ, надъ основами американскаго соціальнаго строя. Смитъ обобщилъ эти наблюденія и явилась наука — политическая экономія. Исторія говорила о законмѣрной смѣнѣ феодальнаго, военнаго строя индустриальнымъ. Общины — *стихийно* — осуществляли законъ и приводили въ дѣйствіе индустриальныя силы, не зная *принципальной* основы своей дѣятельности. Общины были политико-экономами задолго до политической экономіи, — и заслуга Смита, по толкованію Сень-Симона, заключается въ обобщеніи наблюденій надъ ходомъ индустриальнаго развитія: онъ создалъ принципы, по которымъ дѣйствуютъ *индустриальныя предприятия*. Его дѣло напоминаетъ работу Аристотеля въ области поэтического искусства: Аристотель написалъ *поэтику* на основаніи произведеній поэтовъ, своихъ предшественниковъ ²¹⁾).

Сень-Симонъ не считаетъ нужнымъ оговориться, что онъ и Смитъ различно понимаютъ индустрію, т.-е. производительный трудъ. Сень-Симонъ ищетъ не подробностей экономическаго ученія, а его общаго философскаго смысла. Этотъ смыслъ исчерпывается ученіемъ о трудѣ, какъ основѣ богатства, и политическая экономія, слѣдовательно, наука специально освѣщающая историческое, государственное и нравственное значеніе труда. Поэтому Сень-Симонъ и считаетъ ее не только наукой о богатствѣ, но и наукой о морали. Въ специально-экономическомъ смыслѣ это представленіе или неумѣстно, или можетъ быть понято съ крайне матеріалистической точки зрѣнія. Такъ его и поняли контисты, обвинявшіе Сень-Симона въ систематизаціи «индустриальнаго матеріализма» ²²⁾. Такъ долженъ былъ представляться вопросъ и либеральнымъ критикамъ сень-симоновскихъ идей: Дюнауѣ видитъ чисто-экономическія заимствованія Сень-Симона изъ современной литературы. А между тѣмъ Сень-Симонъ настойчиво указываетъ, что значеніе идей Смита и особенно Сэя — въ критикѣ *феодальнаго строя*, въ превознесеніи *производительности* индустриі надъ истребительной дѣятельностью феодализма. Сэй выше

²¹⁾ *Ib.* XIX. 152—3. *L'Industrie*.

²²⁾ *Robinet. O. c.* 116.

Смита въ одномъ отношеніи: онъ еще яснѣе и точнѣе установилъ разницу между *военнымъ* и *индустриальнымъ* порядкомъ.

На основаніи такого представленія о значеніи политической экономіи какъ науки Сень-Симонъ логически привелъ ее въ неразрывную связь съ моралью. Мы знаемъ, еще во *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка* Сень-Симонъ евангельское предписаніе о любви предлагалъ замѣнить новымъ принципомъ: «человѣкъ долженъ работать». Этотъ принципъ и долженъ лечь въ основу новаго нравственнаго ученія. Теперь философъ распространяетъ ту же мысль и выражаетъ ее чрезвычайно энергично. Новая позитивная мораль—*земная*—въ противоположность *теологической*,—должна быть сведена къ вопросу объ общеобязательномъ производительномъ трудѣ—*физическомъ* и *нравственномъ*. Вопросъ о политическомъ строѣ общества ничто иное какъ вопросъ о *производительности*,—и все что способствуетъ ей—является правиломъ позитивной морали. Съ этой точки зрѣнія Сень-Симонъ опредѣляетъ нравственныя, политическія и международныя отношенія и очень подробно разъясняетъ назначеніе правительственной власти при индустриальномъ строѣ.

На первый взглядъ можетъ показаться—будто эти опредѣленія въ сущности развитіе извѣстнаго положенія *laissez faire — laissez passer*. Сень-Симонъ отнимаетъ у правительствъ право вмѣшиваться въ индустриальную эволюцію, оставляетъ имъ исключительно полицейскія обязанности, т. е. огражденіе работниковъ отъ посягательствъ туенядцевъ. Изъ сочиненій и лекцій Сэя Сень-Симонъ дѣлаетъ такой выводъ: «правительство всегда вредитъ индустріи, когда вмѣшивается въ ея дѣла; оно вредитъ ей даже въ томъ случаѣ, когда усиливается поощрять ее, — отсюда слѣдуетъ, что правительства должны ограничиться охраненіемъ индустріи отъ всякаго рода замѣшательства и препятствій». Такъ какъ развитіе индустріи обусловливается всеобщей свободой и терпимостью, отсутствіемъ войнъ и монополій, то, очевидно, «мораль выпрываетъ уже благодаря одному факту—совершенствованія индустріи,—одинаково въ международныхъ и личныхъ отношеніяхъ»,—и поэтому необходимо внѣдрять въ умы идеи, клонящіяся къ повышенію производительной дѣятельности и уваженія къ чужой производительности⁹⁴⁾.

⁹⁴⁾ *Oeuvres*. XIX, 129—130; 156—8. *L'Industrie*.

Послѣднее предписаніе Сень-Симона освящаетъ глубокое отличіе чисто-экономическаго ученія о свободѣ производства и неограниченной конкуренціи отъ воззрѣній самого философа. У него истина политическаго невмѣшательства въ производительность имѣеть совершенно другой объектъ, чѣмъ у современныхъ ему экономистовъ. Смитъ, Сэй и впоследствии противникъ ученія о свободной конкуренціи—Сисмонди—подъ наименованіемъ правительствъ разумѣли обычную законодательную и управляющую силу. Принципъ экономической свободы при такомъ представленіи являлся одной изъ производныхъ идей общаго политическаго либерализма,— и популярность Сэя среди либеральной партіи реставраціонной эпохи обуславливалась именно оппозиціоннымъ смысломъ его политической экономіи, ея обильнымъ критическимъ матеріаломъ противъ правительственной опеки, вообще правительственнаго авторитета. Наполеонъ долженъ былъ стоять на той же почвѣ, запрещая перепечатку *Трактата по политической экономіи*—что и объяснилъ Сэй въ посвященіи своей книги императору Александру I. Съ другой стороны Сисмонди, пораженный гибельными слѣдствіями экономической свободы, рѣшилъ призвать правительство на помощь рабочему классу. Сень-Симонъ одинаково былъ далекъ и отъ войны Сэя съ авторитетомъ власти и отъ надеждъ Сисмонди на этотъ же авторитетъ,— по очень простой причинѣ: въ системѣ Сень-Симона правительство ни что иное какъ *администрація*, а собственно правительственная власть, т. е. авторитетъ организующій и регулирующий социальныя и международныя отношенія,—есть *духовная власть*. Она создаетъ *доктрину*, т. е. устанавливаетъ общую цѣль общественной организаціи и правительственная власть только осуществляетъ программу. Она рядомъ съ духовной властью то же самое, что въ учебныхъ заведеніяхъ надзиратели рядомъ съ наставниками. Это — любимое сравненіе Сень-Симона, — и оно съ совершенной точностью передаетъ смыслъ его политики,—«профессорамъ ввѣряется управленіе работами воспитанниковъ,—также должно быть и въ государствѣ: ученые, артисты и ремесленники должны управлять работами націи; правители должны быть заняты исключительно заботой—охранять безпрепятственный ходъ работъ». Для поясненія Сень-Симонъ рассказываетъ исторію политехнической школы, гдѣ въ началѣ второстепенное лицо сравнительно съ профессорами смотрѣло

за порядкомъ и только при Бонапартѣ явилась сложная администрація ⁹⁵⁾. А вообще зрѣлость общества обратнó пропорціональна значенію правительственной власти,—опять такъ же какъ въ школахъ: чѣмъ выше развитіе учениковъ, чѣмъ больше мѣста занимаетъ преподаваніе, тѣмъ меньше простора административнымъ воздѣйствіямъ.—Въ воспитаніи общества—это означаетъ убыль военной или феодальной власти ⁹⁶⁾. Прогрессъ характеризуется замѣной правительства администраціей,—и одно изъ обвиненій Сень-Симона противъ политическихъ дѣятелей при революціи и послѣ нея заключается въ томъ, что они неизмѣнно старались «усовершенствовать правительственную часть» вмѣсто того, чтобы отвести ей второстепенное мѣсто и сосредоточить вниманіе на административной задачѣ. Накоонецъ, философъ, прямо указываетъ, что ученіе о невмѣшательствѣ правительства въ «соціальное благополучіе» справедливо только относительно *существующей политической системы*,—въ абсолютномъ смыслѣ оно—не вѣрно, можетъ быть признаваемо только до тѣхъ поръ пока люди не дорастутъ до идеи *другой политической системы*, когда правительственная власть будетъ признана «функцией второстепенной и полицейской» ⁹⁷⁾.

Очевидно,—у Сень-Симона самое понятіе правительства заключало въ себѣ совершенно другое содержаніе, чѣмъ у современныхъ ему экономистовъ,—и этимъ объясняется, почему Сень-Симонъ не обратилъ вниманія на идею Сисмонди о вмѣшательствѣ. На его взглядъ,—эволюціонный индустріальный процессъ неминуемо приводилъ общество къ упраздненію правительственнаго *руководящаго* авторитета и все правительство превращалъ въ *исполнительную власть*. Экономисты даже не подозрѣвали того элемента, на какомъ Сень-Симонъ основывалъ свой индустріализмъ,—и здѣсь не было мѣста заимствованіямъ и урокамъ. Оба значенія исходили изъ разныхъ принциповъ, развивались подъ руководствомъ разныхъ цѣлей и совпадали только въ одномъ: въ безусловномъ отрицаніи насильственнаго и хищническаго, т. е. военнаго и феодальнаго государства. Политическая экономія санкціонировала миръ и производи-

⁹⁵⁾ *Ib.* XX, 42—3, 204—5. *L' Organisateur.*

⁹⁶⁾ XXXVII, 43—4. *Catéchisme des industriels.*

⁹⁷⁾ XXI, 151. *Du système industriel.* XXXIX, 129—130. *De l'organisation sociale.*

тельный трудъ. А эти два понятія исчерпывали сущность совершеннаго общественнаго строя, какъ его представлялъ Сень-Симонъ еще въ эпоху революціи,—слѣдовательно—давали содержаніе и новой морали и новой политикѣ. Только въ этомъ смыслѣ мы должны понимать положенія Сень-Симона, что политика есть наука о производствѣ, что нравственное ученіе должно быть построено на интересахъ производительности, что государство—индустриальное предпріятіе. Это—не систематизація матеріализма, не преклоненіе предъ промышленнымъ капиталомъ, не обоготвореніе экономическаго прогресса, а стремленіе—«власти» замѣнить «способностями», т. е. на мѣсто внѣшней насильственной регламентаціи поставить точное сознаніе—во всемъ обществѣ и въ каждомъ его членѣ отдѣльно—извѣстной научно-философскимъ путемъ опредѣленной цѣли и средствъ ее достигнуть. Поэтому Сень-Симонъ могъ одновременно превозносить авторитетъ и—правительство признавать «зломъ»,—*необходимымъ* пока не водворится надъ людьми власть доктрины, духовный авторитетъ^{*)}). Въ результатѣ, въ то время когда для экономистовъ защита свободной индустріи была политикой и публицистикой,—Сень-Симонъ видѣлъ въ этой свободѣ *историческій законъ*, осуществляющійся стихійно а не во имя либеральной оппозиціи власти. Экономисты, подъ влияніемъ все тѣхъ же временныхъ условій, могли перейти къ противоположной проповѣди—о необходимости правительственнаго надзора за экономическими явленіями,—для Сень-Симона и эти идеи выходили все тѣмъ же стараніемъ «усовершенствовать правительственную часть» и не давали рѣшенія соціальной задачи. Оно заключалось не въ многообразныхъ комбинаціяхъ существующихъ «силъ» и «властей», а въ подчиненіи ихъ единому *доказанному* символу новой «позитивной морали». А содержаніе символа подсказывалось *рядомъ координированныхъ фактовъ*, т. е. исторической эволюціей, подвергнутой философскому анализу.

Мы видимъ, какъ самая сущность сень-симоновскаго воззрѣнія отдаляла его отъ спеціально-экономическаго мышленія и изъ этой области онъ могъ брать только тѣ идеи, какія по своему философскому смыслу, иллюстрировали его ученіе. Также онъ раньше поступалъ и съ естественными науками. Отъ нихъ онъ заимствовалъ

^{*)} XVIII, 200. *L' Industrie.*

широко—развитое представлѣніе объ эволюціонно-историческомъ процессѣ, а политики-экономы подтвердили его убѣжденіе въ значеніи производительнаго труда, какъ основного фактора соціальной эволюціи. Здѣсь и остановились политико-экономическія отраженія въ сочиненіяхъ Сень-Симона, пропустившаго не только спеціальныя открытія Сэя, но даже указанія Сисмонди на пороки современнаго индустриализма и на органическую борьбу классовъ.

Критики Сень-Симона, смѣшавъ его «индустриализмъ съ современнымъ экономическимъ научнымъ движеніемъ, придали ложное толкованіе извѣстному намъ сочиненію *О переустройствѣ европейскаго общества*. Для Дюнуайе эта книга доказываетъ, что Сень-Симонъ до сочиненій Константа, Монлозье и Сэя не помышлялъ заниматься вопросомъ объ «основахъ общества», а разсуждалъ лишь о «формахъ». Такого же смысла и его статьи въ *Цензоръ* и *Мнѣніе о мѣрахъ противъ коалиціи 1815 года*»⁹⁹⁾. Мы знаемъ, оба сочиненія написаны при участіи Тьерри и молодой сотрудницъ, несомнѣнно, въ сильной степени повліявъ на ихъ содержаніе. По нашему мнѣнію,—именно ему принадлежитъ идея распространить англійскую политическую форму на всю Европу,—а что касается вопроса, почему Сень-Симонъ принялся за разборъ чисто-политическихъ современныхъ интересовъ,—вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ данъ въ *Avant-propos* къ *Мнѣнію*: «мы думаемъ, что долгъ каждаго помогать отечеству своими совѣтами въ трудныя времена»¹⁰⁰⁾. И публистическія сочиненія Сень-Симона падаютъ на самый критическій періодъ реставраціонной эпохи. Мы видѣли,—ревность публициста обнаружилась въ очень сильной степени еще въ *Travail sur la gravitation* и въ *Mémoire sur la science de l'homme*. Уже тогда Сень-Симонъ обращалъ чрезвычайно настойчивыя призывы къ ученымъ — сосредоточить все вниманіе на современной смутѣ и тогда же предлагалъ Наполеону цѣлую программу дѣйствій. Возвращеніе имперіи и европейская коалиція уже не противъ Бонапарта, а противъ Франціи должны были произвести глубокое впечатлѣніе на преобразователя, неизмѣнно хлопотавшаго о водвореніи мира и порядка. Впечатлѣніе совпало съ разочарованіемъ въ

⁹⁹⁾ О. с. 188—4.

¹⁰⁰⁾ О. choisies. II, 337.

возможности возсоздать мировую и социальную систему на почвѣ всеобъемлющаго астрономическаго принципа. Сень-Симонъ рѣшительно переходилъ къ человѣку, какъ историческому фактору и, слѣдовательно, еще съ бѣльшимъ воодушевленіемъ чѣмъ раньше могъ отзываться на злобы дня. О долгѣ гражданина онъ будетъ не однократно говорить и позже, занимаясь индустриальной организаціей общества ¹⁰¹). Вся разниця только въ проявленіяхъ этого долга,—а они соотвѣтствовали потребностямъ даннаго времени. Статьи въ *Цензоръ*—яркое доказательство. Сень-Симонъ посвящаетъ ихъ специально-конституціоннымъ вопросамъ—о правильномъ функционированіи постановленій хартіи. Это не значитъ, будто для Сень-Симона хартія воплощаетъ совершенный общественный строй: онъ огораждаетъ ея существованіе въ *исходъ 1814 года*, т. е. когда только что обнаруженная конституція успѣла подвергнуться цѣлому ряду нарушеній и ультра-роялистскія козни грозили рѣшительной антиреволюціей. Сень-Симонъ видѣлъ ненавистнѣйшій для него призракъ новой смуты и оговзвалъ соображеніями, собственными, по его мнѣнію, упорядочить современный парламентаризмъ. Уроковъ оставалось искать въ той же Англии, гдѣ конституціонная жизнь текла мирно и не угрожала революціями. Сень-Симонъ находилъ необходимымъ прежде всего организовать «оппозиціонную партію», т. е. общественное мнѣніе. Правительственная партія достаточно выяснилась: она—защитница личной воли монарха. Противъ этого ученія протестуютъ,—но *отдѣльныя личности*, а не партія. Ея нѣтъ, потому что нѣтъ «прочныхъ и точныхъ принциповъ». Надо, слѣдовательно,—«создать общественный духъ»—*créer un esprit public*. Задача можетъ быть выполнена, естественно, только той частью націи, которая имѣетъ доступъ къ участию въ правленіи и въ то же время заинтересована въ либеральныхъ принципахъ. Это, несомнѣнно, владѣльцы національныхъ имуществъ: на нихъ преимущественно направлено реакціонное движеніе и они больше всѣхъ потерпятъ отъ разложенія хартіи. И Сень-Симонъ проектируетъ «ассоціацію владѣльцевъ національныхъ имуществъ» и даже обращается къ Людовику XVIII съ просьбой—выслушать его ¹⁰²).

¹⁰¹) *Oeuvres*. XVIII, 214. *L'Industrie*. XX, 16. *L'Organisateur*.

¹⁰²) *Le Censeur*. 1815, III, 389, 344, 346, 349, 354—6. Статья помѣчена 12 nov. --20 dec. 1814.

Немедленно послѣдоваль *планъ организаціи* новаго общества,— по существу—либеральнаго государства въ роялистской монархіи, предназначеннаго для защиты собственниковъ національныхъ имуществъ отъ покушеній антиреволюціонеровъ. Можетъ показаться страннымъ, почему Сень-Симонъ организуетъ сѣть агентствъ, съ *большимъ* и *малымъ соотомъ* во главѣ, какъ властями—исполнительной и распорядительской, и пріурочиваетъ всю организацію къ собственникамъ опредѣленной категоріи. Онъ объясняетъ свою руководящую идею. Во Франціи существуетъ *три* рода собственности и съ каждымъ неразрывно связанъ извѣстный *порядокъ идей*. Владѣльцы бывшихъ сеньеріальныхъ имуществъ легко поддаются влиянію традицій, представленіямъ о своихъ преимуществахъ надъ сосѣдями—въ частной и общественной жизни. Владѣльцы *ротюры* не свободны отъ преданій, связанныхъ исторически съ ихъ землей, т. е. отъ воспоминаній о своемъ подчиненномъ положеніи. Только владѣніе національными имуществами не внушаетъ ни гордости, ни униженій, ни стремленія къ незаконнымъ преимуществамъ, ни склонности къ рабству. Этотъ классъ собственниковъ, слѣдовательно, единственно конституціонный: практическій выводъ—только владѣльцы національныхъ имуществъ должны быть избираемы въ депутаты ¹⁰³⁾.

Сень-Симонъ ни словомъ не упоминаетъ объ индустріальной собственности, потому что разбираемый имъ строй былъ основанъ на землевладѣніи и дальнѣйшая конституціонная борьба, помимо ограниченія королевскихъ фактическихъ привилегій, была направлена на урегулированье правъ индустріи и землевладѣнія и Сень-Симонъ привѣтствовалъ законъ, призывавшій къ выборамъ *les patentés*, т. е. представителей индустріи ¹⁰⁴⁾. А пока Сень-Симону не было поводовъ говорить объ индустріализмѣ въ защитѣ конституціи. Поощренный попытками правительства возвысить политическое значеніе индустріи, Сень-Симонъ въ виду подвинувшейся реакціи послѣ убійства герцога Берри выпустилъ брошюру *Объ избирательномъ законѣ* въ защиту конституціонныхъ правъ индустріи предъ крупной земельной собственностью. Слѣдовательно,—Сень-Симонъ не переставалъ интересоваться «формой» и послѣ опредѣленія «основъ общества»—

¹⁰³⁾ *Le Censeur*. 1815, IV, 23—4; 27.

¹⁰⁴⁾ *Oeuvres*. XXI, 118. *Du système industriel*. XX, 172. *L' Organisateur*.

по очень простой причинѣ: онъ не могъ не отзываться время отъ времени на явленія современной политики, глубоко затрогивавшія его организаторскіе планы. Съ другой стороны «основы» не упускались изъ виду и въ разсужденіяхъ о «формѣ»: вопросъ *объ общественномъ духѣ*—тотъ же вопросъ о доктринѣ только въ предѣлахъ существующей конституціи и указаніе на связь этого духа, т.-е. принциповъ, съ формой собственности ничто иное, какъ варьянтъ сень-симоновскаго индустриализма, координація умственнаго прогресса съ матеріальнымъ. И Дюнуайе долженъ бы усмотрѣть опроверженіе своихъ толкованій именно тамъ, гдѣ онъ нашелъ основаніе для нихъ.

Но кромѣ всего этого, — Дюнуайе, повидимому, осталось неизвѣстнымъ небольшое, но очень характерное сочиненіе Сень-Симона, оставшееся не перепечатаннымъ, — докладъ въ обществѣ для элементарнаго обученія. Докладъ былъ прочитанъ въ началѣ 1816 года, — слѣдовательно, до сборника *Индустрія* и до 1817 года, когда Дюнуайе полагаетъ начало идеямъ Сень-Симона о *цѣли* общественной организаціи. Въ докладѣ точно объяснялось, что «цѣль (l'objet) французской націи—индустрія», — и съ этой цѣлью должно сообразоваться воспитаніе молодого поколѣнія ¹⁰⁵⁾. Въ этомъ же докладѣ Сень-Симонъ представляетъ свое дѣленіе общества на классы, — оно должно пройти чрезъ всѣ его позднѣйшія сочиненія: первый классъ — собственники, средній — индустрія, низшій — рабочіе. И такъ какъ здѣсь же заявляется, что «богатства производятся работой и индустріей», — намѣченное дѣленіе содержитъ въ себѣ и давнее ученіе Сень-Симона о производительномъ трудѣ и позднѣйшія опредѣленія—индустриаловъ-производителей, собственниковъ-тунеядцевъ и рѣзкое разграниченіе двухъ индустриальныхъ классовъ отъ собственниковъ-рантье. Эти идеи жили въ умѣ Сень-Симона одно-

¹⁰⁵⁾ *Quelques idées soumises par M. de S. Simon à l'assemblée générale de la Société d'instruction primaire*. Paris, imprimerie Cellot; 14 стр. 8°, безъ обозначенія года. Издатели *Oeuvres* имѣли или другое изданіе брошюры съ обозначеніемъ даты (en août 1816) или на однихъ экземплярахъ дата была напечатана, на другихъ нѣтъ, — что возможно при крайней небрежности изданій Сень-Симона (*Oeuvres*, XVIII, 10). Издатели *Oeuvres* указываютъ также точно день прочтенія доклада (7 февраля 1816), между тѣмъ какъ въ *Journal d'éducation populaire*, печатавшемъ всѣ сообщенія въ обществѣ, вовсе не упоминается о докладѣ Сень-Симона. *Dictionnaire de Pédagogie et d'instruction primaire* (Buisson Art. S. Simon) объясняетъ умолчаніе—рѣшительнымъ несогласіемъ общества съ идеями докладчика.

временно со статьями въ *Цензоръ* и съ брошюрой о коалиціи,— и жили потому что были развитіемъ первичнаго представленія философа о социальномъ значеніи труда.

Въ исторіи ученія Сень-Симона публицистика 1814 и 1815 годовъ не представляетъ существеннаго интереса. Она характеризуетъ больше его личность, чѣмъ философію,—личную и политическую терпимость: личную по отношенію къ Тьерри, имѣвшему возможность ввести въ общую съ учителемъ работу чрезвычайно сильную струю своего конституціоннаго либерализма, — политическую терпимость—по отношенію къ реставраціонному правительству.

Сень-Симонъ во время ста дней получилъ отъ Карно, министра внутреннихъ дѣлъ, мѣсто помощника бібліотекаря въ Арсенальной бібліотекѣ. При возвращеніи Бурбоновъ должность была отнята у Сень-Симона ¹⁰⁶⁾. Столь скромное мѣсто Сень-Симонъ принялъ, несомнѣнно, подъ давленіемъ крайней нужды: 1814-мъ годомъ помѣчено его письмо, находящееся въ Арсенальной бібліотекѣ: оно обращено къ неизвѣстному лицу съ усиленной просьбой о помощи ¹⁰⁷⁾. Потеря мѣста, очевидно, весьма чувствительная для Сень-Симона, не помѣшала ему неустанно защищать престоль Бурбоновъ и нападать на бонапартовскій режимъ. *Мнѣніе о тѣрахъ противъ коалиціи* явилось въ маѣ 1815 года, т.-е. подъ властью второй имперіи Наполеона,—и между тѣмъ авторы доказывали, что государства пока еще не существуетъ, нѣтъ и его главы,—и только одна нація обладаетъ и законодательной и правительственной властью,—и націи предлагалось заключить союзъ съ Англіей, а до тѣхъ поръ Добавочный актъ и вообще всѣ учрежденія имперіи объявлялись «предварительными»: нація въ будущемъ сама конституируется ¹⁰⁸⁾. Врядъ ли можно сомнѣваться, что этотъ революціонно-учредительскій планъ

¹⁰⁶⁾ Служба Сень-Симона продолжалась съ 15 апрѣля по 28 іюня, первая дата въ *Not. hist.* T, 74, вторая въ *Histoire de la Bibliothèque de l' Arsenal*, par M. Martin P. 1900. 554.

¹⁰⁷⁾ Письмо приложено къ тому съ *Nouveau christianisme* (I. T. 359). Его точный текстъ: j'arrive, Mr, de Monmorency j' y ai attrapé la dissenterie, je n'ai pas le sou, envoyez—moi je vous prie de l'argent quand bien même vous n'en auriez pas rien, je comte sur votre amitié la mienne vous est vouée pour la vie. Je vous salue avec tout le respect du pauvre celibateur à un chef de famille. S. Simon à vendredi 16. — Визу помѣтка: 1814. Ch. H. Comte de Saint Simon auteur de plusieurs ouvrages sur l'industrie. 16-ое число въ 1814 году на пятницу приходилось въ декабрь.

¹⁰⁸⁾ *O. ch.* II, 338, 360—1.

принадлежалъ Тьерри—и ученикъ, а не учитель, обѣцалъ продолжать разсужденія объ англо-французскомъ союзѣ,—и Сень-Симонъ все-таки поставилъ свое имя на брошюрѣ. Мы указывали на неотъемлемое достояніе Сень-Симона въ сочиненіяхъ, подписанныхъ имъ и Тьерри: общій смыслъ этого достоянія—идея единой творческой философско-политической концепціи и представленіе объ ея закономѣрной эволюціи. Мы безпрестанно встрѣчаемъ выраженіе *la force des choses*. При защитѣ какого-либо отдѣльнаго политическаго плана имъ могъ пользоваться и Тьерри, — но принципиально проведенное по всему историческому воззрѣнію и положенное въ основу критики настоящаго и идеаловъ будущаго — оно противорѣчило самой сущности полемическаго и публицистическаго метода Тьерри какъ историка. «Сила вещей» — ничто иное, какъ популярное выраженіе для позитивнаго направленія историческаго анализа, характеристика исторіи, какъ науки, — о чемъ Сень-Симонъ говоритъ въ *Travail sur la gravitation* и что остается его руководящей идеей и во время и послѣ сотрудничества съ Тьерри. *Философское* содержаніе этого выраженія не могло найти доступа въ работы историка съ задачами и психологіей автора *Исторіи завоеванія Англійи норманнами* и особенно его журнальныхъ статей. Наконецъ, — сень-симоновское міросозерцаніе отразилось и на общеевропейской парламентарной организаціи. Допуская планъ ученика, вдохновляемаго англійской конституціей, Сень-Симонъ внесъ въ него свой давній принципъ, — о нераздѣльности собственности и интеллигентности въ лицѣ активныхъ членовъ всякой соціальной системы. «Собственность создаетъ устойчивость правительства; но только въ томъ случаѣ, когда собственность нераздѣльна съ просвѣщеніемъ, — на ней можетъ прочно основываться правительство». И Сень-Симонъ настаиваетъ, чтобы въ собственниковъ были превращаемы не-собственники, одаренные талантами, чтобы такимъ путемъ наука была введена въ общественное политическое представительство¹⁰²⁾. Это—отраженіе старой мысли изъ *Писемъ женеваго обывателя*.

Мы видимъ, — Сень-Симонъ оставался вѣрнымъ своему исконному философскому вдохновенію, переживая многообразныя вліянія событій и личностей. Конституціонная публицистика и политическая

¹⁰²⁾ *Réorganisation. Oeuvres*. XV, 200—1.

экономія оставили неприкосновенными его «общую науку», его «физико-политическое поприще». Перемена произошла послѣ изданія сочиненій *Travail sur la gravitation* и *Mémoire sur la science de l'homme* не въ самомъ принципѣ сень-симоновской философіи, а въ почвѣ его приложения. Взоръ философа сосредоточился исключительно на *историческомъ* рядѣ явленій, элементы, раньше только упоминаемые или подразумеваемые, теперь подверглись всестороннему анализу и «ходъ человѣческаго ума» выразился въ гармонической двусторонней эволюціи личнаго производительнаго труда—моральнаго и индустриальнаго. Мы видѣли, въ какой неразрывной идейной связи находились экскурсиі Сень-Симона въ область современной политической экономіи съ его исконнымъ социальнo-философскимъ принципомъ, имъ обуславливались и ему подчинялись. Эта связь коренилась въ самой сущности *позитивной философіи*, создававшейся Сень-Симономъ: его «индустриализмъ»—ничто иное какъ позитивизмъ въ области экономическихъ явленій,—и въ этомъ фактѣ заключается научно-философское значеніе социальныхъ идей Сень-Симона.

Х.

Сочиненія второго періода философской дѣятельности Сень-Симона ярко отличаются отъ его раннихъ работъ: мысль его большею частью ясна, выражена правильнымъ нерѣдко сильнымъ языкомъ, въ разсужденіяхъ чувствуется увѣренность автора и твердая опредѣленность его цѣлей. Ему больше не приходится оговариваться на счетъ неупорядоченности своей рѣчи, онъ только въ исключительныхъ случаяхъ перебиваетъ самого себя: ихъ не больше двухъ,—и оба вызваны не фантастическими полетами мнимо-научнаго мышленія, а жгучимъ характеромъ современныхъ политическихъ положеній¹⁰⁹⁾. Если въ публицистическомъ порывѣ Сень-Симону придется высказать заразъ много новыхъ, по крайней мѣрѣ, не общепринятыхъ идей,—онъ спѣшитъ оговориться: ему самому ясно отсутствіе «убѣдительнаго метода» въ его разсужденіи, пока его цѣль только вызвать читателей изъ политической апатіи. Въ другой разъ онъ опасается «слишкомъ большого скопленія идей» и предлагаетъ

¹⁰⁹⁾ *Oeuvres*. XX, 185. *L'Organisateur*. XXIII, 57. *Du Système industriel*.

ихъ постепенно ¹¹⁰⁾). Авторъ видимо слѣдитъ за собой, небрежно-аристократическіе размахи пера исчезли окончательно, онъ неоднократно вспоминаетъ о своей сорокалѣтней или даже сорокапятилѣтней работѣ: она—порукѣю яснаго и доступнаго изложенія идей. Въ *Катихизисъ индустриаловъ* Сень-Симонъ пишетъ: «ясно выражаютъ то, что ясно понимаютъ. Первые страницы этого катихизиса могутъ доказать, что мы, наконецъ,—въ результатѣ сорокапятилѣтнихъ трудовъ въ состояніи изложить свои идеи ясно и удобопонятно» ¹¹¹⁾). Наконецъ, философъ сознаетъ трудность своей задачи—создать систему всеобъемлющей организаціи, т.-е. «привести въ гармонію научную систему, общественнаго воспитанія, религіозную, систему искусствъ и законовъ съ системой индустриаловъ, найти средство заставить ученыхъ, теологовъ, артистовъ, законниковъ, военныхъ и талантливѣйшихъ рантье—способствовать установленію социальной системы, наиболѣе выгодной для производства и наиболѣе удовлетворительной для производителей» ¹¹²⁾). Сень-Симонъ выполняетъ задачу — крайне несистематично — въ многочисленныхъ письмахъ, діалогахъ, обращеніяхъ къ королю и къ индустриаламъ,—идеи разбросаны на пространствѣ восьми томовъ съ прибавкой еще произведеній, не напечатанныхъ въ изданіи *Oeuvres*, — но каждый изъ нихъ въ отдѣльности дѣйствительно ясна и доступна. Ученики Сень-Симона не представили въ систематической формѣ ученія своего учителя,—предпочли рекомендовать его публикѣ съ своими дополненіями и поправками, — намъ приходится точно разграничить воззрѣнія Сень-Симона отъ «сень-симонизма» его послѣдователей,—не только анфактеновскаго направленія, но и тѣхъ, кто желалъ развивать подлинныя завѣты учителя.

Мы знаемъ, вся философія Сень-Симона выросла на протестѣ противъ критицизма просвѣтительной философіи и разрушительной дѣятельности революціи. Мы убѣдились также въ односторонности такого представленія, что подтвердила и философія самого Сень-Симона, явившись наслѣдницею одного изъ *организаторскихъ* теченій XVIII-го вѣка, а также принципиальной обобщительницею организа-

¹¹⁰⁾ XXIII, 63—4; 26.

¹¹¹⁾ XXXVII, 47, 50, 148. *O. choisies*. II, 413. *Lettres aux jurés*.

¹¹²⁾ XXXVII, 48—9.

торскихъ явленій революціонной эпохи. Сень-Симонъ былъ правъ только въ вопросѣ о *преобладаніи* въ ту или другую эпоху критизма надъ систематизаціей и наоборотъ. Съ такой оговоркой справедливо его положеніе, высказанное въ 1810 году: «философія XVIII-го вѣка была критической и революціонной, философія XIX-го будетъ изобрѣтательной и организаторской—*inventive et organisatrice*»¹¹³).

Почему непременно организаторской?

Отвѣтъ — исходное, первичное положеніе сень-симонизма, очевидное простому «здравому смыслу»,—способности, занимающей самое почетное мѣсто въ доказательствахъ Сень-Симона: «нѣтъ общества безъ общепризнанныхъ идей, безъ идей-обобщеній: — *les idées communes, les idées générales*,—каждый съ удовольствіемъ чувствуетъ связь, связывающую его съ другими и служащую залогомъ взаимнаго единенія. Эти общія идеи, истинныя или ложныя, управляютъ пока существуютъ; онѣ оказываютъ сплѣнѣйшее влияніе на дѣятельность націй»¹¹⁴).

А чтобы существовала подобная система идей,—ей необходимо существовать для чего-нибудь, т.-е. у общества должна быть цѣль. долженъ быть опредѣленъ *предметъ ассоціаціи*, такъ какъ *система социальной организаціи* нечто иное какъ *актъ ассоціаціи*¹¹⁵). Всѣ учрежденія должны исходить изъ одного принципа и направляться къ одной цѣли: тогда обществомъ управляютъ не люди, а принципы¹¹⁶). Между принципами и политикой существуетъ — *причинная связь* и установить извѣстный режимъ, значитъ реорганизовать систему идей¹¹⁷).

Такова общая социальная статика Сень-Симона,—динамика рѣшаетъ вопросъ, какимъ путемъ открываются принципы, опредѣляется цѣль и организуется система?

Тѣмъ самымъ путемъ, какимъ устанавливаются истины въ положительныхъ наукахъ,—т.-е. координаціей наблюденныхъ фактовъ и подчиненіемъ ихъ одной общей идеѣ. Въ основу координаціи есте-

¹¹³) XIII, 92.

¹¹⁴) XVIII, 208. *L'industrie*.

¹¹⁵) XXI, 14. *Du syst. ind. O choisies* II, 488. *Suite à la brochure „Des Bourbons et des Stuarts“*.

¹¹⁶) XXXVII, 91. *Catéch. des industriels*. XX, 86, 197. *L'organisateur*.

¹¹⁷) XIX, 31. *L'industrie. Notes sur les Etats-unis*. Hubbard. 210.

ственно ляжетъ принципъ—развитія цивилизаціи. Анализъ *движенія цивилизаціи* и долженъ дать въ результатъ *политическія воззрѣнія*, долженствующія управлять людьми. *Глубокое и философское наблюденіе надъ прошлымъ* создаетъ критеріумъ для настоящаго и будущаго и отдѣляетъ пережитки умирающей системы отъ элементовъ системы имѣющей утвердиться, и *нефилософскій приѣмъ* — подвергать осужденію то или другое явленіе—по его *современному положенію*: политическій судъ есть судъ исторіи, осмысливаніемъ прошлаго познающей сущность настоящаго ¹¹⁸⁾.

Слѣдовательно,—«принципъ не создаютъ, а подмѣчаютъ и указываютъ». Онъ не зависитъ отъ произвола отдѣльныхъ личностей. «Систему социальной организаціи не создаютъ, а подмѣчаютъ вновь образовавшееся сцѣпленіе идей и интересовъ и указываютъ на него. Вотъ и все. Социальная система фактъ или ничего больше». Новая система устанавливается «единымъ ходомъ вещей и по закону развитія человѣческаго ума». Въ обращеніи къ Людовику XVIII Сень-Симонъ говоритъ: «Дѣйствительная конституція никогда не можетъ быть изобрѣтена, она только можетъ быть наблюдаена. Истинной учредительной властью не можетъ быть ни король, ни собраніе, а только философъ, изучающій ходъ цивилизаціи и объединяющій всѣ свои наблюденія въ общій законъ,—и этотъ законъ становится конституирующимъ принципомъ, послѣ того какъ онъ удостовѣренъ множествомъ людей просвѣщенныхъ». И въ этомъ же смыслѣ Сень-Симонъ оцѣниваетъ и свою собственную социальную систему: «Это не я составилъ планъ конституціи, основы которой я изложилъ, — а масса европейскаго населенія, работавшая надъ этимъ планомъ въ теченіе послѣднихъ восьми вѣковъ. Если не всѣ его распознали, то лишь потому, что онъ скрытъ фасадомъ стараго социальнаго зданія, еще существующаго ¹¹⁹⁾».

Ни въ какую эпоху движеніе цивилизаціи не подчинялось плану, предварительно составленному героемъ и одобренному массой. «Высшій законъ прогресса человѣческаго разума все увлекаетъ и надъ всѣмъ господствуетъ, люди для него только орудія. Хотя эта сила исходитъ отъ насъ,—но не въ нашей власти уклониться

¹¹⁸⁾ XX, 218, 165—3. *L'org.* XXI, 8, 68—9. *Du syst. ind.* XIX, 140. *L'Ind.*

¹¹⁹⁾ XVIII, 190. *L'Ind.* XX, 179—180, 206. *L'Org.* XXII, 188. *Du syst. ind.*

отъ ея вліянія или овладѣть ея дѣйствиємъ, все равно какъ измѣнить по нашему желанію первичный толчокъ, заставляющій планеты двигаться вокругъ солнца».

Этотъ законъ и есть *наше настоящее Провидѣніе*. Мы можемъ только подчиняться ему, зная причину, отдавая себѣ отчетъ въ его предписаніяхъ, вмѣсто того, чтобы слѣпо воспринимать его толчки. Отъ насъ зависятъ только второстепенные результаты ¹²⁰⁾.

Такова социальная динамика Сень-Симона.

Она не фатализмъ, потому что въ ней существенную роль играетъ именно вопросъ о сознательномъ отношеніи человѣка къ историческому процессу. Если человѣческія *активные* силы не въ состояніи направить по теоретически-установленному пути ходъ цивилизаціи, — за то *пассивныя* могутъ въ сильнѣйшей степени замутить его и надолго нарушить. Это — не злая воля по существу, а *нездѣліе*. Сень-Симонъ приводитъ изреченіе Франклина: «политическія или другія ссоры всегда только недоразумѣнія; злыя дѣйствія только акты невѣжества». И Сень-Симонъ при всякомъ случаѣ подчеркиваетъ эту идею: «у каждаго заблужденія всегда есть мотивъ и онъ чаще всего лежитъ не въ дурныхъ намѣреніяхъ, ни даже не въ неспособности, а обыкновенно въ недостаткѣ знанія фактовъ, которые должны служить основой для вывода или въ дурномъ выборѣ этихъ фактовъ». Если классы общества враждуютъ, отдѣльныя личности воюютъ другъ съ другомъ, — то лишь потому, что они не могутъ понять другъ друга ¹²¹⁾. Слѣдовательно, — *нездѣліе* и *непониманіе* самыя реальныя силы, возмущающія и задерживающія прогрессъ — независимо отъ размѣровъ человѣческихъ творческихъ силъ. Необходимо по этому сначала разяснить смыслъ историческаго процесса, потомъ воспользоваться добытыми выводами, какъ критеріумомъ для оцѣнки настоящаго и для начертанія будущаго и, наконецъ, внушить эти идеи современнымъ общественнымъ силамъ, *экзальтировать* ихъ въ пользу — философскимъ путемъ — установленныхъ принциповъ. Выполненіе этой программы и составляетъ предметъ философіи Сень-Симона.

Мы знаемъ, — философъ неоднократно излагалъ движеніе цивилизаціи и въ своемъ изложеніи установилъ съ полной ясностью

¹²⁰⁾ XX, 118—9. *L'Org.*

¹²¹⁾ XXIII, 30. *Du syst. ind.* XXI, 93. *Id.* XX, 227 *L'Org.*

элементы тагъ называемаго соціального закона, какъ его понималъ Контъ, и представилъ классификацію наукъ. Оба «открытія» перешли въ позитивизмъ Конта,—а для ученика Сень-Симона все содержаніе историческаго процесса вошло въ три стадіи умственнаго развитія. Контъ убѣжденъ, что «вся сумма матеріальнаго развитія неизбѣжно должна совершать движеніе» — не только *аналогичное*, но *точно соответственное* умственному движенію по тремъ стадіямъ: — *une marche non seulement analogue mais même parfaitement correspondante*:—этому движенію *глубоко подчинена по самой природѣ вся система соціальной прогрессии*. Контъ заявляетъ, что это соотношение (*corrélation*) до сихъ поръ понималось *весьма плохо* и въ то же время доказать его настолько просто, что философъ считаетъ возможнымъ ограничиться сокращеннымъ приемомъ и объяснить только необходимую внутреннюю соприкосновенность (*l'intime connexité*) крайнихъ и промежуточнаго терминовъ матеріальнаго развитія съ соответствующими терминами умственнаго ¹²²⁾. Легкость выраженій философа будто рассчитана на то, чтобы замаскировать сложность предпринимаемой задачи и успокоить напряженное вниманіе читателя. На самомъ дѣлѣ эти послѣднія страницы четвертаго тома *Курса позитивной философіи*—самый критическій моментъ всей контовской позитивно-философской работы. Конту предстояло показать внутренне-необходимое закономѣрное спутничество или необходимую взаимную зависимость стадій матеріальной и умственной эволюціи,—т.-е. открыть органическое взаимодействіе теологіи и военнаго строя, метафизики и легистовъ въ разложеніи феодализма и, наконецъ, индустріи и положительной науки. Вопросъ идетъ не о хронологическихъ совпаденіяхъ, не объ одновременности историческаго существованія теологіи и воинственности, индустриализма и позитивизма,—а объ естественномъ сродствѣ явленій обѣихъ категорій и о *параллелизмѣ* прогрессивнаго содержанія въ обѣихъ областяхъ одной стадіи сравнительно съ другой, т.-е. о преимуществахъ соціальной статистики, положимъ, монотеистическаго общества надъ политеистическимъ.

Рѣшая эти вопросы, Контъ долженъ былъ сознать непосредственную связь всего своего философскаго зданія съ своими отвѣ-

¹²²⁾ *Cours de phil. posit.* IV, 503—4.

тами. И все-таки они гораздо больше *внушаются* читателю, чѣмъ *доказываются*. Контъ прежде всего находитъ *аналогію* между военной и теологической опекой надъ обществомъ первой стадіи: военная дисциплина необходима, потому что «первобытный человѣкъ» чувствуетъ «непобѣдимое отвращеніе ко всякому правильному труду», «врожденное отвращеніе къ работѣ», съ другой стороны военный строй можетъ существовать только на принципѣ «теологическаго освященія», — безъ этого требуемая покорность не будетъ «достаточно полной и достаточно продолжительной»¹²³).

Контъ эти доводы считаетъ достаточными и «всякій философскій умъ», по его мнѣнію, «не можетъ быть глубоко не пораженъ» *естественнымъ сродствомъ* теологическаго и военнаго духа. Мы видимъ, — все «сродство» основывается исключительно на хронологическомъ совпаденіи и на соображеніяхъ обоюдной пользы той и другой силы. Но Контъ не успѣваетъ заключить своего разсужденія, — ему уже представляется два возраженія: во-первыхъ, — существованіе чисто-теократическихъ и чисто-военныхъ обществъ, — во-вторыхъ, — неустанная борьба средневѣковой духовной власти съ военной. Съ обоими возраженіями философъ поканчиваетъ чрезвычайно просто: первое устраняется такой фразой: «но болѣе глубокое изслѣдованіе постоянно будетъ показывать необходимую дѣятельность военнаго режима для укрѣпленія и особенно для расширенія теологическаго авторитета». Другой доводъ: «религіозный духъ не меньше военнаго враждебенъ развитію индустріальнаго». Фактъ многовѣковой междоусобицы двухъ теченій побѣждается такимъ размысленіемъ: «Въ принципѣ, очевидно, настоящее соперничество можетъ существовать только между различными элементами одной и той же политической системы вслѣдствіе органическаго соревнованія», — и соревнованіе должно быть тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ важнѣе и косвеннѣе (т.-е. отдаленнѣе) цѣль и чѣмъ, слѣдовательно, разнороднѣе и независимѣе средства каждаго изъ элементовъ, — но все это не мѣшаетъ «неизбѣжному добровольному или инстинктивному участію ихъ въ общемъ назначеніи». То же самое Контъ находитъ и во взаимныхъ отношеніяхъ науки и индустріи: по его мнѣ-

¹²³) В. 506, 511—3.

нію, между ними *неизбѣжны конфликты, внутренняя антипатія, инстинктивное отвращеніе* ¹²⁴⁾.

Логическая и фактическая цѣнность этихъ соображеній — ясна. Мнѣніе Конта о средневѣковой борьбѣ властей оставляетъ явленіе необъяснимымъ. Трудно представить двѣ силы съ тождественнымъ культурнымъ назначеніемъ и въ то же время въ непрерывной *принципальной* взаимной борьбѣ, явно направленной не на достиженіе *общей* цѣли, а на обоюдное порабоженіе. Одновременно съ Контомъ тотъ же вопросъ подвергся обсужденію прямыхъ учениковъ Сень-Симона и они, по слѣдамъ учителя, представили противоположную и гораздо болѣе убѣдительную культурную схему. По этому представленію средневѣковое общество распадалось на двѣ части—*мирное* или *прогрессивное* и *военное* или *ретроградное*. Слѣдуетъ замѣтить,—и у Конта военный строй непосредственно примыкаетъ къ древнему, римскому, является его историческимъ продолженіемъ,—слѣдовательно,—и ему не трудно было понять идею сень-симонистовъ, приписывавшихъ папству, какъ представителю всемірной религіи,—прогрессивное начало рядомъ съ античными пережитками національной исключительности и физическаго порабоженія. Сень-симонисты тщательно прослѣдили не внѣшнее, политическое соперничество, а внутренній идейный контрастъ церкви и военнаго общества: съ одной стороны рабство, привилегіи къ происхожденію, чувство націонализма, междоусобныя войны,—съ другой—заботы церкви объ освобожденіи рабовъ, въ ея іерархіи принимается въ расчетъ не происхожденіе а талантливость, и большинство папъ до XV вѣка—выходитъ изъ низшихъ слоевъ общества, наконецъ, церковь возвышается до представленія о всемірной филантропіи среди неустанно воюющаго феодализма. Слѣдовательно, культурная основа борьбы не соперничество въ стремленіи къ одной цѣли,—а непримиримость стремленій, и цѣлей и если бы не существовало этой непримиримости,—европейское общество стало бы жертвой неограниченнаго военнаго самовластия. Для противодѣйствія ему церковь должна была, въ своемъ представительствѣ, подняться надъ предѣлами отдѣльныхъ національностей, создать единаго независимаго верховнаго главу,—и только

¹²⁴⁾ Гл. 515, 512—3.

такой глава могъ избѣжать участи національныхъ духовенствъ, нерѣдко подчинявшихся волѣ своихъ государей ¹²⁵⁾.

Контъ могъ принять и эти идеи: онъ чрезвычайно тщательно оцѣнилъ культурныя заслуги теологической стадіи во всѣхъ періодахъ ея развитія, очень подробно обрисоваль «философскій истинно прогрессивный характеръ» политеизма даже съ его, повидимому, самыми нелѣпыми суевѣрїями: анатомія не мало выиграла отъ гаданій по внутренностямъ животныхъ, астрономія и метеорологія отъ астрологическихъ и атмосферическихъ наблюденій жрецовъ. Политеизмъ вообще оказалъ первостепенныя услуги «духу наблюденія» ¹²⁶⁾. Еще тщательнѣе разобраны положительныя культурныя плоды католичества, одареннаго «геніемъ въ высокой степени соціальнымъ». Католичество установило чисто нравственную власть—отличную и независимую отъ собственно политической власти и старалось по возможности и постепенно вдохнуть мораль въ политику, до тѣхъ поръ всегда подчинявшую мораль. «Эта основная тенденція объясняетъ Контъ,—одновременно результатъ и дѣятель непрерывнаго прогресса человѣческой соціальности, въ силу необходимости пережила неизбѣжный упадокъ системы, которая должна была служить ея первымъ общимъ орудіемъ». И, по мнѣнію Конта, именно это свойство кореннымъ и наиболѣе яркимъ образомъ отличаетъ новую цивилизацію отъ древней. Контъ въ томъ же смыслѣ, какъ и сенсимонисты, понимаетъ культурное вліяніе средневѣковой церкви на правительства: оно состояло въ утвержденіи «правилъ всеобщей морали»,—и эта власть постепенно видоизмѣняла своимъ нравственнымъ вліяніемъ политическій порядокъ, завѣщанный древнимъ міромъ и впоследствии созданный «воинами сѣвера» ¹²⁷⁾. Эти разсужденія заставляютъ насъ въ теологіи, руководившей дѣятельностью католичества, видѣть стихію для даннаго времени цивилизующую и именно потому враждебную военному духу т. е. феодализму, и, разумѣется, отличную отъ него по своимъ цѣлямъ. Аналогія возможна только въ *средствахъ*, т. е. въ крайнемъ развитіи *авто-*

¹²⁵⁾ *Doctrine Saint-simonienne*. Deuxième année (1829—1830). I 1877. II, 243. 245—265.

¹²⁶⁾ *Cours*. V, 95—8.

¹²⁷⁾ *Ib.* V, 233 etc.

ритета,—а цѣли—феодализма должны по самому существу имѣть своимъ предѣломъ опредѣленную эпоху, у теологій—онѣ, также по существу,—не ограничены средними вѣками, такъ какъ это—цѣли вообще мира, нравственности и цивилизаціи. На этомъ принципѣ и основано удивленіе Конта предъ католичествомъ и его организаціей, въ противоположность «протестантской метафизикѣ», плодятся, по его мнѣнію, лишь «безплодныя и нескончаемыя контроверсы»¹²⁶). Ничего подобнаго философъ не помышляетъ высказать на счетъ феодальнаго духа,—очевидно одна и та же стадія заключала двѣ радикально отличныхъ другъ отъ друга стихіи. Это доказывается и логическимъ качествомъ контовскаго довода на счетъ будто бы аналогичной борьбы между индустріей и наукой въ новое время. Контъ говоритъ объ антипатіи индустріи, владѣющей богатствомъ но *естественно* стоящей ниже науки,—къ этой именно наукѣ, къ отвлеченному характеру ея изслѣдованій. Другими словами—богатые индустриалы презираютъ бѣдныхъ абстрактныхъ тружениковъ¹²⁷). Возможно ли подобное чисто-субъективное и условное явленіе сопоставлять съ великой культурной междуусобицей среднихъ вѣковъ? Доводъ лишенъ философской и исторической цѣнности: Сенъ-Симонъ и его послѣдователи доказывали именно исконный *естественный* союзъ индустріи и науки—не въ чувствахъ ихъ отдѣльныхъ представителей,—а въ основахъ и цѣляхъ индустриальной и опытно-научной дѣятельности. Мы знаемъ,—современность какъ нельзя ярче подтвердила этотъ взглядъ и противоположный могъ возникнуть только на почвѣ усиленныхъ поисковъ за иллюстраціями для преднамѣренно-выставленной идеи.

Очевидно,—знаменитый соціологическій законъ далеко не имѣетъ такого все исчерпывающаго философско-историческаго значенія, какое приписывалъ ему «изобрѣтатель». Стадіи могутъ съ достаточной точностью характеризовать процессъ отвлеченныхъ представленій человѣка о себѣ и о мірѣ,—но онѣ не обнимаютъ даже всей его духовной жизни,—напримѣръ—нравственной и эстетической эволюціи и отнюдь не подчиняютъ себѣ матерьяльнаго прогресса¹²⁸).

¹²⁶) *Cours*. V, 231—2.

¹²⁷) *Ib.* IV, 5—18.

¹²⁸) На ограниченность содержанія соціологическаго закона указавъ среди учениковъ—Конта, Литтре (*O. c.* 50). Pellarin, въ отвѣтъ на книгу Литтре, коснулся принципа

Сень-Симонъ, представившій элементы контовскаго соціологическаго закона, не впалъ въ увлеченіе своего ученика. Разрѣшая вопросъ о движеніи цивилизаціи, онъ, разумѣется, долженъ былъ уяснить связь умственной и матерьяльной эволюціи. Первую попытку мы встрѣчаемъ въ *Организаторъ*: здѣсь старая система называется комбинаціей «физической силы (преимущественно вооруженныхъ людей) съ приемами хитрости и лукавства, — изобрѣтеніями священниковъ». Всѣ эти средства подчинили дворянству и духовенству весь остальной народъ ¹²¹). Это относительно феодально-теологической стадіи. Относительно позитивно-индустриальной мы находимъ разсужденіе въ статьѣ, присвоенной впоследствии Контомъ: указывается общность цѣлей ученыхъ и индустриаловъ: одни изслѣдуютъ природу, чтобы познать ея законы, другіе — примѣняютъ эти познанія для производства необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ предметовъ. И въ этой дѣятельности ученые и «ремесленники» (*artisans*) слѣдуютъ только своему естественному стремленію — *улучшить свою участь*, а это для нихъ возможно единственнымъ путемъ — *воздѣйствіемъ на природу* ¹²²).

Умственный и матерьяльный параллелизмъ двухъ органическихъ стадій подтверждается Сень-Симономъ и въ *Индустриальной системѣ*. Онъ неоднократно повторяетъ, что у общества могутъ быть только двѣ цѣли — завоеваніе и трудъ — и этимъ цѣлямъ въ духовной области *соотвѣтствуютъ* или «слѣпыя вѣрованія» или «научныя доказательства». Параллелизмъ въ такой формѣ указываетъ, повидимому, на *органическую* связь элементовъ обѣихъ стадій. Такой же смыслъ имѣетъ и разсужденіе о «тѣсной комбинаціи» силъ во всѣхъ стадіяхъ, — впоследствии прошедшее чрезъ всю философію Конта. Эти комбинаціи слѣдующія: феодализмъ — теологія, легисты — метафизики, индустрія — науки ¹²³). Но этими замѣчаніями относительно первой и промежуточной стадіи и ограничивается вопросъ у Сень-Симона. Фило-

пiального смысла закона, привелъ, между прочимъ сравненіе между магометанами — *монотеистами*, стоящими на гораздо низшей ступени цивилизаціи, чѣмъ римляне и афиняне — *политеисты*: очевидно, по мнѣнію послѣдователя Фурье, религіозная концепція не имѣетъ такого безусловнаго вліянія на прогрессъ обществъ, какое ей приписывалъ Контъ *О. с.* 88.

¹²¹) *Oeuvres*. XX, 37.

¹²²) *Иб.* 122—3.

софъ, видимо, не заинтересованъ задачей—привести въ необходимую внутреннюю связь матерьяльную и духовную стихію на первыхъ двухъ ступеняхъ эволюціи. Собственно всѣ попытки въ этомъ направленіи не идутъ дальше констатированія единства *средствъ*, что мы видѣли и у Конта,—именно напряженное тяготѣніе авторитета надъ физическими и нравственными силами. Это не значитъ координировать органически обѣ эволюціи. Координація оказалась возможной только путемъ чисто-теоретическаго *подчиненія* одного элемента другому, т.-е. матерьяльнаго прогресса умственному. Контъ удовлетворился этимъ, несомнѣнно, въ высшей степени простымъ рѣшеніемъ, но по справедливости заслужилъ улику въ непониманіи значенія экономическихъ вопросовъ и, слѣдовательно, во второстепенномъ значеніи всей его философіи для соціальной науки¹³⁶). Въ то время когда Контъ сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на чисто-умственной эволюціи и занялся историческимъ оправданіемъ своего закона,—Сенъ-Симонъ оставилъ пока неразрѣшимую и, можетъ быть, даже несуществующую задачу и обратился къ изученію послѣдней стадіи, гдѣ оба элемента обнаруживали безусловно ясную идейную и практическую связь. Почему хищнической способъ обогащенія существовалъ одновременно съ царствомъ теологіи,—философъ не могъ рѣшить дедуктивнымъ путемъ,—но почему индустрія и наука оказались спутниками,—это было очевидно изъ самой сущности ихъ задачъ, изъ объекта ихъ дѣятельности. Индустрія есть воздѣйствіе на природу, а чтобы воздѣйствовать на природу, — необходимо предварительно ее знать. Съ другой стороны познаніе природы имѣетъ смыслъ только при условіи воздѣйствія на нее. Очевидно, — опытная наука и экономическая производительность двѣ фазы одного и того же явленія, — при чемъ научная дѣятельность является отпрыскомъ духовнаго элемента феодально-теологической стадіи. Духовенство первое стало заниматься физическими и математическими науками и этотъ фактъ—новое доказательство, насколько духовенство было полезно для цивилизаціи въ извѣстный періодъ. Въ то же время оно — представляло плебейскій классъ въ средне-

¹³⁵) XXI, 13—4, 3—5.

¹³⁶) Dühring. *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus*. Berlin 71. 250—1.

вѣковой организаціи, — слѣдовательно оно стоитъ во главѣ историческаго развитія индустріи, — именно ея научной «отрасли»¹²⁵⁾.

Очевидно, — такое представленіе совершенно разбиваетъ принципиальную координацію элементовъ первой стадіи, — и Сень-Симонъ не заботится о ней. Ему прогрессъ рисуется какъ развитіе *индустріи*, понимаемой въ *историческомъ* смыслѣ, т.-е. совмѣщающей въ себѣ органически нераздѣльныя теченія — матерьяльно и идейно-производительное. Соціологическій законъ у Сень-Симона, поэтому, принимаетъ другую форму, чѣмъ у Конта. Въ то время когда контовскія три стадіи сведены къ чисто-теоретическому принципу — постепеннаго *преобразованія мысли*, ведущей борьбу съ апріорными — опытомъ не удостовѣренными — представленіями, историческая эволюція Сень-Симона построена на освобожденіи *производительныхъ способностей* человѣка. Для Конта достоинство эволюціи измѣряется позитивно-философскимъ уровнемъ даннаго возрѣнія, для Сень-Симона весь смыслъ эволюціи — превращеніе возрѣнія въ производительный капиталъ, идеи въ творческій соціальныи фактъ. Поэтому для него и наука и философія — индустрія и въ то время когда для Конта существуетъ теологическое, метафизическое и позитивное отношеніе человѣка къ міру, — для Сень-Симона эти понятія получаютъ значеніе: — хищническое, деспотическое или эксплуататорское отношеніе и производительное или индустріальное. Теологія и метафизика — нежизнеспособны не потому, что ихъ возрѣнія не научны, а потому что онѣ не создаютъ новыхъ цѣнностей нравственнаго порядка, способныхъ совершенствовать эволюцію матерьяльнаго міра. Ненаучность для Конта — недоказанность, для Сень-Симона — бесплодность. Естественно, — во всѣхъ сень-симоновскихъ понятіяхъ органически заключаются контовскія. Только опытомъ добытый и провѣренный принципъ можетъ быть матерьяльно производителенъ, т.-е. плодотворно приложимъ къ той области, гдѣ онъ добытъ: это лишь превращеніе факта въ агента. Здѣсь нѣтъ логическаго скачка, потому что всякій научный фактъ есть агентъ при данныхъ условіяхъ и въ качествѣ такого онъ и констатируется. Контъ косвенно призналъ это, усиливаясь чисто-теоретическую эволюцію координировать съ практической и, совершенно непоследовательно, отступая предъ тѣмъ

¹²⁵⁾ *Oeuvres*. XXXIX, 77—8.

процессомъ мысли для настоящаго и будущаго, какой онъ продѣлывалъ для прошедшаго. Контъ, мы видѣли, отказывался строить социальную систему, отдѣляя этотъ актъ отъ предварительной организаціи доктрины. Но вѣдь доктрина *необходимо* сопровождается *системой*,—все равно какъ, по убѣжденію Конта, —теологія и феодализмъ были только различными проявленіями одного и того же принципа. Слѣдовательно,—система получалась сама собой въ процессѣ раскрытія доктрины и разъ устанавливался философскій составъ позитивной стадіи, — этимъ самымъ опредѣлялось содержаніе соотвѣтствующей социальной организаціи. Именно относительно третьей стадіи вопросъ стоялъ одинаково прочно на философской и исторической почвѣ и вполне наглядно подтверждалъ общій принципъ: доктрина,—слѣдовательно, социальная система не изобрѣтается, а констатируется.

Контъ, увлекаемый своей отрѣщенной философской психологіей и математическимъ отвлеченно - формулирующимъ складомъ ума, нарушилъ органическое единство доктрины и системы и когда ему пришлось создать систему,—его даровитѣйшіе послѣдователи усмотрѣли разрывъ между *философіей* и *политикой* и отвергли возможность заполнить пропасть средствами науки и логики. Философія Сень-Симона не могла потерпѣть такой участи: въ основѣ ея съ самаго начала лежало единство науки — философіи, какъ принципиально-указующей и социально-организующей силы. Это единство, мы видѣли, обуславливалось прежде всего *объектомъ* и той и другой дѣятельности, — изученіемъ и преобразованіемъ *природы*. Сень-Симонъ съ настойчивой энергіей указываетъ на коренное отличіе индустриально-научнаго строя отъ феодально-теологическаго,—оно выражается тремя словами: *дѣятельность людей на вещи* въ противоположность *дѣятельности людей на человека* — при старой системѣ. Эта идея тщательно будетъ развита послѣдователями Сень - Симона въ ученіи объ исторической эволюціи *эксплуатаціи*. Самъ учитель свою идею называетъ «первой и самой существенной, идеей — матерью» своей социальной системы¹³⁶). И на ней построена гармоническая культурная роль индустріи и положительной науки, выясняющаяся изъ философскаго анализа движенія цивилизаціи.

¹³⁶) XX, 181. *L'org.* XXXIX, 69. *Quelques opin. philosop.*

Сенъ-Симонъ остается вѣренъ своей ранней схемѣ прогресса, термины остаются тѣ же—Сократъ, арабская культура, XV-й вѣкъ и реформація. Схема эта излагается въ одномъ изъ предсмертныхъ и неоконченныхъ сочиненій Сенъ-Симона, — въ *Катихизисъ индустриаловъ* ¹³⁷⁾. Но къ давнему *научному* ряду—присоединяется—*индустриальный*: его исходная грань — *освобождение общинъ*. Оно рядомъ съ арабской культурой является величайшимъ моментомъ въ эволюціи новой позитивно-соціальной системы. Сенъ-Симонъ и здѣсь не пытается доказать внутреннего сродства обѣихъ эволюцій,—напротивъ—онѣ совершались въ началѣ *раздѣльно* другъ отъ друга, — и только постепенно образовалась *комбинація*. Въ началѣ каждый элементъ велъ борьбу противъ соответственнаго элемента старой системы,—съ теченіемъ времени совершилось два факта: побѣда надъ теологіей и феодализмомъ и координація элементовъ для совмѣстнаго управления обществомъ ¹³⁸⁾. Соціальная философія Сенъ-Симона пережила подобную эволюцію: сначала она сосредоточивалась на борьбѣ научнаго элемента съ теологическимъ и только мимоходомъ упоминала о культурной побѣдѣ принципа общеобязательнаго личнаго производительнаго труда. Впослѣдствіи она координировала оба элемента — и Сенъ-Симонъ, окончательно покинувшій космологію ради соціологіи, выдвигаетъ на первый планъ матеріальную эволюцію рядомъ съ умственной. Раньше онъ настаивалъ на значеніи арабскаго научнаго движенія,—теперь онъ съ такою же силой отмѣчаетъ грань матеріальнаго прогресса — освобождение общинъ. Этотъ великій актъ совершился въ теченіе вѣковъ — путемъ *выкупа* общинныхъ правъ и вольностей *при поддержкѣ королевской власти*. Таковъ смыслъ средне-вѣковой соціальной революціи по представленію Сенъ-Симона. Мы уже знаемъ,—его нарушилъ Людовикъ XIV, окружившій себя дворянствомъ и обратившій *общую побѣду* въ свою личную пользу, — *общую* съ общинами, — *побѣду* надъ знатью.

Сенъ-Симонъ до конца остался вѣренъ этому взгляду — вопреки своей исторической эволюціонной философіи. Онъ не разглядѣлъ вѣковыхъ ступеней, по какимъ Людовикъ XIV—наслѣдникъ своихъ предковъ—достигъ абсолютизма. Философъ, будто офиціозный тол-

¹³⁷⁾ XXIX, 88—17.

¹³⁸⁾ XX, 142—3. *L'org.*

кователь хартиі Людовика XVIII, создалъ полуисторическую, почувствительную легенду о ненарушимой гармоніи интересовъ французскихъ монарховъ и французскаго производительнаго класса. Людовикъ XIV, несомнѣнно, послѣдовательнѣе выполнялъ «движеніе» французской цивилизаціи, чѣмъ оно представлялось философу и Людовику XVIII врядь ли могъ признать свое историческое назначеніе въ полномъ подчиненіи «индустріаламъ», которыхъ философъ не переставалъ провозглашать всемогущей и всепоглощающей политической силой. Если они являлись дѣйствительно такой силой,—рядомъ съ ней не было мѣста активной монархіи и, слѣдовательно, двустійная культурная эволюція неизбѣжно переходила въ единичную. Здѣсь, въ произвольной комбинаціи королевской власти и развитія общинъ заключается существенный промахъ культурной исторіи Франціи—въ философіи Сень-Симона,—и, естественно, онъ долженъ былъ отразиться на его организаціи соціальной системы.

Съ момента освобожденія общинъ возникли новыя, не-феодалныя, экономическія и политическія права. «Съ выкупа общинъ, говоритъ Сень-Симонъ, создалась новая собственность»,—именно движимая, собственность *земледѣльца*, рядомъ съ собственностью *землевладельца*, инвентарь рядомъ съ землей, движимое имущество *промышленника* и *ремесленника*, вообще всякое владѣніе, связанное съ индустріей, какъ личнымъ трудомъ и личной производительной способностью. Оно всецѣло заинтересовано въ мирѣ въ общественномъ порядкѣ. Война не уноситъ за собой земли, но можетъ окончательно разорить земледѣльца и мануфактуриста. Очевидно,—благоденствіе страны неразрывно связано съ безопасностью индустриальной собственности и на этомъ фактѣ прежде всего основывается ея права ¹³⁹).

Съ возникновеніемъ новой собственности естественно произошелъ переворотъ вообще въ положеніи собственности, т.-е. совершилось перемѣщеніе богатствъ. Они стали добываться мирными средствами,—путемъ воздѣйствія на природу,—слѣдовательно война, какъ источникъ добычи, утратила свое значеніе. Постепенно и военный классъ лишился своего привилегированнаго значенія, такъ какъ инженерныя и огнестрѣльныя изобрѣтенія, также совершенныя индустри-

¹³⁹) *Le politique*, fragm. y Hubbard'a, 216—8.

лами, упразднили специальное военное воспитание в феодальном духе. Собственно во Франции эта борьба сил и способностей, индустрии и феодализма—национальная, так как феодалы — франки, а индустриалы—галлы. — Все победы производительного труда над войной и привилегированным землевладением—торжество галлов над потомками франкских завоевателей,—права земельных собственников основаны на завоевании, и земли их обрабатывались потомками побежденных. Следовательно, — историческая эволюция изменила не только положение собственности—*l'état de la propriété*, но должна была преобразовать и право собственности—*le droit de propriété*. Поэтому право собственности слѣдует считать правомъ модификальнымъ в зависимости отъ экономическихъ и культурныхъ измененийъ въ обществѣ ¹⁴⁰).

Это становится очевиднымъ особенно при болѣе пристальномъ анализѣ разложенія феодального строя. Оно совершилось при участіи *промежуточного* класса — между индустриалами и феодалами. Вначалѣ феодалы лично отправляли обязанности судей среди вассаловъ. Съ усложненіемъ социальныхъ отношеній, съ появленіемъ писаннаго закона—эти обязанности стали невыполнимыми для потомковъ франковъ, гордившихся неумѣніемъ подписать свои имена. Явилась корпорация легистовъ — въ качествѣ совѣтниковъ у феодаловъ по юридическимъ вопросамъ. Съ теченіемъ времени легисты стали единственными судьями отъ имени феодаловъ и стали въ свое время настоящей культурной силой. Они изъяли тяжбы между гражданами изъ—подъ власти феодального произвола, они установили процессуальную свободу и всѣмъ этимъ способствовали «разрушенію военного деспотизма». «Легисты своими трудами заслужили почетное мѣсто въ исторіи прогресса человеческого ума», — но не слѣдуетъ забывать, что они возникли благодаря феодаламъ, выросли на почвѣ феодализма, «родились», — выражается Сень - Симонъ, «у ногъ бароновъ», остались навсегда причастными къ природѣ феодализма и стремятся управлять націей въ своихъ интересахъ. *Духъ господства—esprit de domination*—Сень-Симонъ считаетъ отличительной чертой юридического сословія,—и духъ этотъ укоренился особенно со времени прекращенія генеральныхъ штатовъ и присвое-

¹⁴⁰) XXI, 74—5. *Du syst. ind.* XXXVII, 37—8. *Catich. ind.* XIX, 87 *L'ind.*

нія легистами политическаго значенія. Въ силу этого они остаются представителями стараго режима и являются политическими врагами индустриаловъ. Но исторически именно сословію легистовъ феодализмъ вынужденъ былъ отчудить въкоторыя свои права и часть предъ своимъ собственнымъ дѣтищемъ ⁽⁴¹⁾).

Излагая исторію матеріальнаго прогресса, Сень-Симонъ не забываетъ связать его моменты съ умственной и нравственной эволюціей человѣчества. Новую широту взгляда онъ распространяетъ на самыя раннія стадіи и анализируетъ античный міръ съ точки зрѣнія индустриализма. Раньше онъ говорилъ о Сократѣ, родоначальникѣ двухъ философскихъ школъ—синтетической и аналитической,—и о народномъ политеизмѣ, этимъ и ограничивалась характеристика древняго міра. Теперь Сень-Симонъ чувствуетъ необходимость восполнить ее—въ социальномъ отношеніи.—Онъ отдаетъ рѣшительное преимущество среднимъ вѣкамъ—ихъ феодально-теологическому строю предъ античнымъ: социальный уровень соотвѣтствуетъ болѣе высокому религіозному міровоззрѣнію. У грековъ и римлянъ рабъ принадлежалъ непосредственно господину, въ средніе вѣка онъ принадлежитъ землѣ. Въ античныя времена правительственная власть находилась въ рукахъ аристократіи,—и духовная власть была подчинена свѣтской, въ средніе вѣка—наоборотъ,—преобладала духовная власть и ею обыкновенно располагали плебеи. Они явились великими двигателями прогресса до XV-го вѣка — въ области умственной и матеріальной, цивилизуя дикія страны и народы, устраивая пути сообщенія и школы, разчищая лѣса и поля и сохраняя преемственность наукъ и искусствъ,—наконецъ, внушая людямъ идею о братскомъ единеніи человѣческаго рода подъ управленіемъ одной нравственно-религіозной идеи. Только духовенство, по мнѣнію Сень-Симона, «сдѣлало европейцевъ способными—умственно развиваться»,—и слѣдовательно, ему слѣдуетъ приписать честь ранняго научнаго движенія, готовившаго разложеніе теологической системы и окончательное торжество индустриализма. А между тѣмъ,—античный міръ не имѣлъ даже самаго отдаленнаго представленія о научномъ значеніи общаго нравственнаго принципа и о социальной силѣ индустрии. Онъ считалъ индустриальныя занятія унизительными и не вообра-

⁽⁴¹⁾ XXXVII, 36. *Cat. des ind.* XIX, 124-5, 184; *L'ind.* XXIII, 68—9. *Du syst. ind.*

жалъ, что «общая мораль» — наука, долженствующая управлять обществомъ. Средніе вѣка именно и сосредоточивали все свое вниманіе на нравственной и политической системѣ. Сень-Симонъ, продолжая выдвигать социальный вопросъ, — оцѣниваетъ дѣятельность теологіи, какъ силы общественно-организующей. Церковь должна была поставить моралистовъ выше военныхъ, людей мира выше людей войны и людямъ бѣднымъ обезпечить почетное существованіе соотвѣтственно ихъ способностямъ — приносить пользу обществу. Естественно, — всего этого достигнуть могла только въ высшей степени прочная и сильная организація, т.-е. папская монархія. Въ результатѣ — духовенство явилось *политическимъ учрежденіемъ*, папа — непогрѣшимымъ, возникли подложныя декреталіи и «множество другихъ удивительныхъ изобрѣтеній», говоритъ Сень-Симонъ, — сплотившихъ европейское общество — славу и надежду человѣческаго рода. Вся матеріальная сила, всѣ богатства были необходимы папамъ, чтобы воинствующее теченіе подчинить научному и буйныя страсти — умственнымъ способностямъ.

Дальнѣйшее индустріальное и умственное развитіе было продолженіемъ той же борьбы мирныхъ организаторскихъ силъ съ феодализмомъ. «Плебейскій классъ» принялся за работу одновременно по двумъ направленіямъ, — «привелъ въ дѣйствіе различныя отрасли индустріи». Свѣтскіе плебен отдались промышленности, духовные — физическимъ и математическимъ наукамъ: Рожеръ-Бэконъ — величайшій физикъ своего времени — былъ монахъ. До XV-го вѣка почти исключительно духовенство занималось науками и этотъ фактъ — новое доказательство, на сколько оно было полезно и насколько ложны представленія философовъ XVIII-го вѣка объ историческомъ значеніи духовенства. Въ результатѣ средневѣковая система подвинула цивилизацію гораздо дальше, чѣмъ система античныхъ народовъ и она подготовила работы XV-го вѣка, положившія начало новой еще болѣе совершенной социальной организаціи ¹⁴²).

Этотъ взглядъ на средніе вѣка изложенъ Сень-Симономъ въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій и представляетъ наиболѣе полную характеристику феодально-теологической стадіи. Мы видимъ, — пол-

¹⁴²) XXXIX, 58—83. *Quelques opin. philosophiques.*

ной характеристика обязана индустриальному анализу. Теологическая система, по существу враждебная опытно-научной, оказалась в высшей степени полезной для индустрии обѣихъ категорій. Въ социальномъ отношеніи она—великое движеніе впередъ сравнительно съ античнымъ міросозерцаніемъ и этотъ фактъ окончательно устанавливаетъ ея прогрессивную роль рядомъ съ феодализмомъ. Теология представляла миръ и способности въ то время когда феодализмъ жилъ войной и привилегіями. И Сень-Симонъ вполне послѣдовательно явленія теологической системы приводитъ въ преемственное соприкосновеніе съ начатками научнаго и промышленнаго индустриализма, хотя теологическому духу было чуждо одинаково и изученіе природы и воздѣйствіе на природу. Но только въ нѣдрахъ мирной умственной работы, а не среди военнаго строя и не въ рыцарскомъ замкѣ—могла развиваться высшая культурная стадія, — а эту именно почву создавала теологическая система. Ясно, — если бы Контъ не ограничился одностороннимъ философскимъ анализомъ исторіи, — онъ не сталъ бы тратить безплодныхъ усилій — координировать *цѣли* и *сущность* феодализма и теологіи. Мы видимъ, — полная схема исторической эволюціи могла получиться только при условіи параллельнаго и *взаимно-независимаго* изученія умственнаго и матеріальнаго прогресса—безъ предвзятой идеи—во что бы то ни стало оба течения слить въ одно путемъ подчиненія одного элемента другому. Это сліяніе — идейное и практическое — является въ позитивно-индустриальномъ періодѣ. Церковь только *косвенно* способствовала развитію индустріи, устанавливая миръ и развивая международныя культурныя соприкосновенія. Наука *непосредственно* работает на пользу индустріи и доктрина, основанная на принципахъ опытнаго знанія, будетъ *индустриальной*. Опредѣлить взаимныя отношенія науки и индустріи въ новой социальной системѣ и составляетъ центральную задачу организаторской философіи Сень-Симона. Раньше чѣмъ приступить къ ней Сень-Симонъ подвергъ критикѣ ближайшую историческую и современную почву, на которой приходилось воздвигать новое зданіе.

XI.

Все недавнее прошлое Франціи, могущественно тяготящее подъ ея настоящимъ, съ точки зрѣнія сень-симоновскаго эволюціоннаго

ученія, обильно заблужденіями, тяжкими нарушениями исторической логики и здраваго смысла. Намъ извѣстно отсутствіе истинно-философскаго разумѣнія въ культурныхъ воззрѣніяхъ XVIII-го вѣка. Сень-Симонъ приписываетъ этотъ недостатокъ преобладанію *литературы* надъ *наукой* въ просвѣтительномъ движеніи. *Энциклопедія* оказалась «очень поверхностной работой», потому что въ ней главную роль игралъ *артистъ* и *литераторъ* Дидро, а не положительный ученый Даламберъ,—и во всемъ изданіи истинно-энциклопедическій характеръ носить только вступленіе, написанное Даламберомъ. Въ результатѣ энциклопедисты не дали ничего *оригинальнаго*, не указали, какія учрежденія соотвѣтствуютъ современному уровню цивилизаціи и какъ слѣдуетъ перейти отъ старой системы къ индустриальной. Они разрушали не имѣя ни силъ ни матеріала для созиданія. Революціонныя собранія слѣдовали тому же направленію, воспроизводя критику XVIII-го вѣка и не обнаруживая «никакой законодательной способности». Они, подобно философамъ, нанесли старой системѣ «преждевременные удары» и *разложили* общество, не создавъ новой системы на прочной исторической почвѣ. Въмѣсто того чтобы искать указаній въ научно-философскомъ анализѣ французской цивилизаціи,—революція обратилась къ легчайшему средству — критиковать и упразднять—къ *метафизикѣ*, къ абсолютнымъ отвлеченнымъ положеніямъ,—къ *антитеологіи*. Въ старой системѣ существовало ученіе о власти монарха милостью Божіей,—революція создала метафизическій контрастъ — ученіе о самодержавіи народа и формулировала *естественныя* человѣческія права — въ прямую противоположность традиціи. Историческое воззрѣніе требуетъ *относительныхъ* представлений въ области политики,—метафизическое — *абсолютныхъ* и революція пыталась опредѣлить права *человѣка* вообще и безусловно, установить *непогрѣшимость* народа, какъ такого, разрѣшить вопросъ о свободѣ внѣ времени и пространства, наконецъ,—создать комбинацію трехъ властей будто математическую формулу. Отъ начала до конца ложный путь! ¹⁴³).

Въ результатѣ,—революція должна была совершить рядъ историческихъ преступленій. Она не осмыслила значенія культурныхъ и

¹⁴³) XXI, 180—1. *Du syst. ind.* XVIII. 206—7. *L'ind.* XXI, 208, 83. XXII, 39. *Du syst. ind.*

политическихъ силъ и принялась дѣйствовать наперекоръ вѣковой эволюціи. Въ то время когда эта эволюція указывала на индустріальный классъ, какъ на жизнедѣятельный, повелѣвала союзъ между имъ и королевской властью, — революція отдалась въ руки легистовъ, т. е. политическихъ метафизиковъ, осужденныхъ на упраздненіе позитивно-индустріальнымъ прогрессомъ. Метафизики встали за абстракціи, а не за реальные интересы, пустились въ декламации о «непредписываемомъ правѣ свободы», о всеобщемъ равенствѣ, основанномъ не на *способностяхъ*, а на чисто-теоретическихъ соображеніяхъ объ естественной личности. Результаты получились — вполне отрицательные: теоретически революція не рѣшила основного вопроса во всякой соціальной системѣ — о *собственности*, и декларация правъ только поставила а не разрѣшила задачу *соціальной свободы*. Метафизики, управлявшіе революціей, даже замедлили разрѣшеніе, придавъ неподобающее значеніе вопросамъ о раздѣленіи властей, — вообще конституціонному изобрѣтательству. Самый «эпитетъ» *конституціонный* Сень-Симонъ находитъ «страшно метафизичнымъ» — *horriblement métaphysique*: это — «незакорожденная соціальная организація, въ которой господствующимъ классомъ являются производители фразъ и писакъ». Въ атмосферѣ политической метафизики созрѣлъ *терроръ*: виновниками его Сень-Симонъ считаетъ тѣхъ же легистовъ ¹⁴⁴).

Естественно, конституціонный строй, выросшій на революціонномъ законодательствѣ, сохранилъ всѣ его пороки. Въ сущности революція продолжается. Бонапартъ былъ слишкомъ посредственнымъ государственнымъ умомъ, чтобы постигнуть индустріальную цѣль современнаго общества и стать во главѣ *цивилизованной* націи. Неспособный открыть новый путь, онъ остался на старомъ, т. е. военномъ. А потомъ опять слѣдовала конституція. Въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ, говоритъ Сень-Симонъ, было создано восемь конституцій и Франція послѣ всѣхъ этихъ работъ пребываетъ «въ разгарѣ революціи». Всѣ конституціонные законодатели стремятся упрочить свободу, между тѣмъ какъ свобода по существу не *цель*, а *результатъ* цивилизаціи, развивающейся вмѣстѣ съ свободой. «Люди не соединяются въ об-

¹⁴⁴) XVIII, 199. *L'ind.* XIX, 82—4. *L'ind.* XXI, 17. *Du syst ind.* XXXVII, 181. *Cat. des ind.* XIX, 163.

щество затѣмъ чтобы быть свободными. Дикари соединяются для охоты, для войны,—и ужъ, конечно, не для приобрѣтенія свободы,— иначе имъ лучше было бы остаться въ изолированномъ состояніи». Нѣтъ ничего ошибочнѣе идеи индивидуальной и политической свободы, какъ цѣли общественной организаціи. Съ развитіемъ раздѣленія труда зависимость личностей отъ массы увеличивается и метафизическая личная свобода, осуществляемая въ политикѣ, можетъ только препятствовать воздѣйствію массы на личностей, т. е. мѣшать развитію цивилизаціи. Еще несостоятельнѣе теорія политической свободы, т. е. теоретически—неограниченнаго права каждаго гражданина заниматься политическими дѣлами—независимо отъ его личныхъ политическихъ способностей. Достаточно родиться французомъ, чтобы оказаться государственнымъ человѣкомъ, — будто политическая наука—прирожденная! Цензъ нисколько не мѣняетъ вопроса. Будто французы съ тысячефранковымъ прямымъ налогомъ—способны управлять государствомъ,—утверждать это также нелѣпо, какъ тѣмъ же французамъ приписывать способность производить химическія открытія ¹⁴⁵). Очевидно,—*хартія*, основа современной политики,—менѣе всего мудрое уложеніе. Дѣйствительно ли вопросъ, разрѣшенный хартіей,—самый существенный? Французы восторженно привѣтствовали хартію,—но только потому, что видѣли въ ней пристань послѣ революціонныхъ бурь. И они ошиблись,—потому что придали слишкомъ много важности *формѣ правленія*. На самомъ дѣлѣ это одинъ изъ предразсудковъ революціонной метафизики.

Въ Европѣ два народа живутъ подъ абсолютной монархической властью,—датчане и турки,—и между тѣмъ нигдѣ нѣтъ болѣе широкой фактической свободы, чѣмъ въ Даніи и болѣе жестокихъ притѣсненій, чѣмъ въ Турціи. Причина не въ государственной формѣ, а въ экономическомъ положеніи государей: въ Турціи единственный собственникъ такъ же, какъ и единственный владыка,—султанъ. Слѣдательно, законъ о политической формѣ менѣе важенъ, чѣмъ законъ, регулирующий собственность. Революція занималась этимъ вопросомъ только по поводу *національныхъ имуществъ*,—но это частный случай,—вопросъ о собственности духовенства,—но *общему обсужденію* право собственности не было подвергнуто, т. е. не была постав-

¹⁴⁵) XXI, 16; XX, 237. *L'org.* XXII, 247. *Du syst. ind.*

лена задача, какъ урегулировать собственность для высшаго блага націи. Но и вопросъ о національныхъ имуществахъ рѣшался путемъ— не философскимъ, не позитивно-политическомъ, т. е. не тѣмъ, какой указанъ исторіей,—не *выкупомъ*. Общины постепенно приобрѣтали вольности сообразно съ тѣмъ, какъ чувствовалась потребность въ нихъ. Общины не разсуждали объ естественныхъ правахъ, а совершали сдѣлки, слѣдуя своему политическому опыту: это была— мирная революція. Новые законодатели должны бы дѣйствовать тѣмъ же средствомъ—т. е. *выкупить* свои *политическія права*—такъ же, какъ раньше общины выкупили *свободу*,—и Сень-Симонъ сожалѣетъ, что раздѣлъ привилегированныхъ имуществахъ не совершился «мирно, индустриальнымъ путемъ», вмѣсто *насильственнаго, феодалнаго*. Слѣдовательно,—революція не сумѣла закономѣрнымъ способомъ—*legalement*—рѣшить задачи и политической и экономической,—и не поняла самой сущности преобразования старой системы въ новую Парламентарное правленіе только *форма*, конституція собственности—*основа—le fond*,—п именно эта конституція истинное основаніе соціального зданія. До тѣхъ поръ пока *потребители* будутъ преобладать въ парламентскихъ преніяхъ надъ *производителями*,—нація все равно будетъ управляться *произвольно*—при какой угодно конституціи. ¹⁴⁶).

Это можно видѣть прежде всего на образцѣ всѣхъ конституцій,—на англійской. Она нивкомъ образомъ не можетъ быть признана окончательной соціальной системой, а только переходной, Сень-Симонъ даже вѣритъ въ ея быстрое разложеніе. Прочность ея зависѣла вообще отъ причины, обеспечивающей существованіе учреждений,—т. е. отъ узаконенія силъ, преобладающихъ въ обществѣ данной эпохи. Этому условію и удовлетворяла англійская конституція, но она больше не соотвѣтствуетъ уровню цивилизаціи. — Она полна противорѣчій, и преимущественно въ распредѣленіи собственности и политическихъ правъ. Индустрія не имѣетъ должнаго представительства въ парламентѣ, Манчестеръ заслоняется правами какого-нибудь владѣльца гнилыхъ мѣстечекъ. Въ индустріи—вся сила новаго общества,—и она именно не находитъ мѣста въ англійской конституціи,—очевидно она *режимъ переходный*, только вступленіе къ

¹⁴⁶) XIX, 80—2, 211—3; XXI, 84—5; XXII, 14.

индустриальному строю. Французамъ слѣдуетъ не подражать ей, а самостоятельно создать социальную организацію, дѣйствительно отвѣчающую современной культурной стадіи ¹⁴⁷⁾.

Показавъ метафизическій составъ хартія, Сенъ-Симонъ подвергаетъ суровой критикѣ политическую борьбу, развившуюся на почвѣ писаной конституціи. «Король и нація совершенно заблудились въ обширныхъ дебряхъ политики. Всѣ потеряли изъ виду философскую цѣль, къ которой долженъ направляться родъ человѣческой, и— путь цивилизаціи. Никто не знаетъ, какъ общество возникло, какъ оно могло достигнуть современнаго положенія и что съ нимъ станетъ въ будущемъ. Государственная колесница облѣплена грязью до самой оси» ¹⁴⁸⁾.

Во первыхъ, что такое современная политика? Она вся сосредоточивается на борьбѣ трехъ партій — неподвижной, ретроградной и либеральной. Неподвижная—*stationnaire*—стремится во имя умѣренности слить древнія учрежденія съ новыми. По самому духу это — партія пассивная и можетъ только тормозить дѣятельность другихъ, всегда цѣпляясь за совершившійся фактъ. Ретроградная партія опирается на силы, приговоренныя къ смерти исторической эволюціей,—на феодализмъ и духовенство. Феодализмъ уже съ XII вѣка долженъ былъ признавать права индустріи, а духовенство окончательно выродилось, забыло свое первичное христіанское назначеніе—подчинять свѣтскую политику принципамъ евангельской для всѣхъ равноправной морали. Со времянь утраты самостоятельной культурной общеевропейской силы духовенство поступило на службу къ національнымъ правительствамъ, стало проповѣдывать народамъ «самое страдательное повиновеніе предъ властителями земли» и оно уже не призываетъ государей и ихъ вельможъ къ обязанностямъ, возлагаемымъ религіей по отношенію къ народу ¹⁴⁹⁾.

Третья партія—либеральная: судъ Сенъ-Симона надъ ней—одно изъ оригинальнѣйшихъ достояній его исторической мысли. Либералы желаютъ быть прямыми наслѣдниками революціи, защиту «интересовъ революціи» считаютъ своимъ символомъ вѣры. Этотъ девизъ

¹⁴⁷⁾ XIX, 14—22; XX, 45; XXII, 196—7.

¹⁴⁸⁾ XXI, 179—80.

¹⁴⁹⁾ XVIII, 169; XXII, 87.

вполнѣ опредѣленно указываетъ на составъ и идейную сущность либерализма: онъ—преемникъ революціонной метафизики, либералы—это легисты, адвокаты и литераторы, *faiseurs de frases, beaux parleurs*—то же самое, чѣмъ были *docteurs en us* въ революціонныхъ собраніяхъ,—герои «остроумія» и риторики въ противоположность «здравому смыслу» и реальнымъ интересамъ націи. Имъ, какъ метафизикамъ, чуждо пониманіе исторіи,—и, естественно, они не могутъ защищать именно тѣхъ силъ, какія выдвинула культурная эволюція,—а коснѣютъ лишь въ партійныхъ междуособицахъ, въ *шахматныхъ* битвахъ. Для этихъ бойцовъ не существуютъ дѣйствительные социальные вопросы,—либералы слишкомъ поглощены взаимными счетами—пораженій и побѣдъ на полѣ парламентской борьбы, они—истинные представители партійнаго и классовога эгоизма, всю ихъ политическую суету можно свести къ одному, принципу: «уйди, а я займу твое мѣсто». Этимъ объясняется тѣснѣйшій союзъ либераловъ съ бонапартистами—*les sabreurs* и *les parleurs*—рубаки и говоруны отлично понимаютъ другъ друга. Ихъ соединяетъ общая вражда къ индустриаламъ и къ королевской власти, какъ естественнымъ союзникамъ. Они единодушно защищаютъ догматъ абсолютнаго равенства, т.-е. права всѣхъ на должности и мѣста,—не съ цѣлью уничтожить злоупотребленія, а именно ради этихъ мѣстъ, усиленно проводятъ параллель между англійской и французской революціей—не съ цѣлью разработать социальные вопросы, необходимые для благоденствія всей націи, а просто въ виду занять мѣсто существующаго режима—въ партійныхъ интересахъ и проповѣдь равенства со стороны бонапартистовъ ничто иное какъ игра на популяриность¹⁵⁰).

Эта характеристика реставраціоннаго либерализма, несомнѣнно, отличается яркостью красокъ. Она въ сильной степени была вызвана антидинастической оппозиціей партіи.

Бонапартисты, вчерашніе слуги военнаго деспотизма, возставали противъ Бурбоновъ, какъ деспотовъ. Бонапартистскія традиціи противорѣчили идеаламъ гражданской свободы и культурной общественной и международной гуманности,—вражда противъ Бурбоновъ могла руководиться, слѣдовательно, преимущественно эгоистическими по-

¹⁵⁰) XXI, 189, 38—9; XXII, 10. *Tire toi de là que je m'y mette*, XXIII, 62; *ôte-toi de là que je m'y mette*. XXXVII, 53, 183; XXI, 61; XXII, 160—1.

бужденіями, — не цѣлями' національнаго блага. И тѣмъ не менѣе бонапартисты шли во главѣ либеральной партіи и либералы узрѣли своего спасителя въ Наполеонѣ и послѣ его смерти въ римскомъ королѣ, — и не скрывали своихъ чувствъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ членовъ партіи Манюэль объяснилъ даже психологію либерально-бонапартовскаго культа — съ точки зрѣнія искренняго защитника свободы: «принципы и идеи, по его словамъ, обладаютъ могуществомъ, но перевести ихъ изъ области теоріи въ дѣйствительность можно только съ помощью силы». А чтобы низвергнуть королевскій тронъ,—силу эту, по мнѣнію Манюэля, можно найти только въ рядахъ бонапартистовъ. Пусть они дешево цѣнятъ свободу,—но «какая для меня важность, восклицаетъ вождь либерализма, — если только ихъ оружіе можетъ привести насъ къ побѣдѣ!»¹⁵¹⁾. И въ либеральной партіи нашла сочувственный отголосокъ наполеоновская легенда, преобразовавшая императора въ рыцаря свободы. Рассказы сожителей Наполеона на островѣ св. Елены о преобразованіи его идей встрѣтили довѣріе у идеально-настроеннаго свободомыслящаго поколѣнія,—и Наполеонъ II сталъ героемъ гражданской чувствительности современныхъ политиковъ¹⁵²⁾.

Сенъ-Симонъ, уразумѣвшій настоящій смыслъ бонапартовской организаторской дѣятельности и опредѣливъ Наполеону мѣсто представителя реакціоннаго военнаго строя въ своей философско-исторической схемѣ,—до глубины души былъ возмущенъ политическимъ неразуміемъ и легкомысліемъ либеральныхъ друзей бонапартизма. Онъ не ошибался въ ихъ чисто-отрицательныхъ задачахъ, — а что касается гражданскаго смысла либеральной оппозиціи,—его опредѣлилъ впоследствии Шарль Дюнуайе, редакторъ *Европейскаго цензора*,—совершенно въ сенъ-симоновскомъ смыслѣ. Много лѣтъ спустя послѣ образцово-либеральной публицистики въ журналѣ, Дюнуайе признавалъ, что либералы служили свободѣ только разрушительными средствами, пробивали брешь во власти съ цѣлью не исправить злоупотребленія, а низвергнуть тотъ или другой режимъ. Все сводилось къ *приобрѣтенію власти—la conquête du pouvoir*¹⁵³⁾. Знаме-

¹⁵¹⁾ Thureau-Dangin. *Le parti libéral sous la Restauration*. P. 88, 147—8.

¹⁵²⁾ Edgar Quinet. *Hist. de mes idées*. Cp. Thureau-Dangin. 156—8.

¹⁵³⁾ Thureau-Dangin. *Ib.* 103—6.

натальное признаніе въ устахъ политическаго противника Сень-Симона. Но оно не устраняетъ возраженія, ярко представленнаго послѣдователямъ Сень-Симона англичаниномъ, другомъ Милля. Сень-симонисты, по его мнѣнію, переходятъ границы пренебреженія къ либераламъ-политикамъ. Либерализмъ имѣетъ свое значеніе въ борьбѣ противъ контръ-революціи, въ защитѣ прогресса на той точкѣ, какой онъ достигъ ¹⁵⁴). Несомнѣнно, либералы реставраціи выполнили культурную задачу, сражаясь противъ «обширнаго строя рабскихъ администраторовъ и фанатическихъ священниковъ». Сень-Симону слѣдовало бы въ свою критику ввести оговорку. Она являлась тѣмъ логичнѣе, что онъ находилъ возможнымъ смотрѣть на хартію и вообще на конституцію, какъ на переходный строй, какъ на «наиболѣе счастливое видоизмѣненіе старой политической системы»: подъ сѣнью установленнаго хартіей порядка общество можетъ мирно перейти къ индустріальной и научной системѣ ¹⁵⁵). Если хартія имѣла смыслъ, хотя бы и не организаторскій, — такой же смыслъ должна была имѣть и защита ея, — каковая и являлась задачей либераловъ противъ реакціонеровъ. Заблужденіемъ ихъ было—считать хартію и вообще конституціонные принципы основой соціальной системы и за лѣсомъ теорій и смуты партійной практики не видѣть «реальныхъ интересовъ» всей націи. Можно думать, —антидинастическія тенденціи либераловъ, посягавшія на одинъ изъ принциповъ эволюціонно-историческаго ученія Сень-Симона, —вызвали у философа рѣшительный приговоръ—во всякомъ случаѣ—*историческому* явленію. Но философское основаніе приговора не могло измѣниться ни отъ какихъ отгѣнковъ. Либералы не понимали цѣли соціальной организаціи, теоретически вращались въ области метафизики, практически—тратили силы на партійное завоеваніе власти. Все это отдѣляетъ ихъ пропастью отъ индустріаловъ, создаетъ изъ нихъ особый классъ—*буржуа* ¹⁵⁶).

Политическая мысль Сень-Симона, въ созидательной дѣятельности, считается только съ двумя общественными группами — *индустриалами* и *буржуа*. Что такое буржуа, по терминологіи философа, —

¹⁵⁴) I. S. Mill. *Corresp. inéd. avec. Gust. d'Eichthal.* 93—5.

¹⁵⁵) XXII, 190.

¹⁵⁶) XXIII, 21—2.

намъ ясно,—гораздо сложнѣе вопросъ объ *industriels*. Мы подошли къ одному изъ важнѣйшихъ моментовъ соціальной мысли Сень-Симона.

Мы знаемъ,—подъ *индустріей* философъ разумѣлъ и промышленную и научную дѣятельность, *индустрія* для него означала вообще *производительность*—матеріальную или моральную, и сень-симоновскій индустриализмъ не совпадаетъ съ экономическимъ матеріализмомъ. Но объ *отрасли* индустрии, — представляютъ ли — каждая сама по-себѣ—только единственный культурный признакъ—*производительность*? Относительно умственной индустрии вопросъ не можетъ вызвать существенныхъ затрудненій,—онъ разрѣшается самымъ качествомъ труда,—совершенно иное положеніе матеріальной индустрии. Здѣсь стоятъ рядомъ два фактора — трудъ и капиталъ, рабочій и капиталистъ. Относительно производительности труда рабочего не можетъ быть двухъ рѣшеній,—но производительность капиталиста подлежитъ, по крайней мѣрѣ, двоякому толкованію. Мы видѣли примѣръ,—взгляды Сэя и Сень-Симона: для одного капиталистъ производителенъ независимо отъ личныхъ отношеній къ производству,—для другого только лично-эксплуатирующий капиталъ на производительный трудъ является капиталистомъ-производителемъ, а рантѣе и пассивный землевладѣлецъ — вреднѣйшіе члены общества,—*буржуа*. Слѣдовательно,—*industrial* непременно—*travailleur*, это — синонимы такъ же какъ — *bourgeois* и *fainéant*. Выраженіе *буржуа* Сень-Симонъ начинаетъ употреблять поздно, въ первый разъ примѣняетъ его къ Бонапарту, въ 1821 году ¹⁵⁷⁾, но полный составъ буржуазнаго, т.-е. непроизводительнаго класса опредѣленъ былъ раньше—въ знаменитомъ памфлетѣ *Парабола*.

Во всѣхъ историческихъ обзорахъ соціальныхъ ученій о *Параболѣ* говорится какъ объ извѣстнѣйшемъ и наиболѣе характерномъ произведеніи Сень-Симона,—только развѣ *Новое христіанство* можетъ быть поставлено рядомъ съ нимъ. Такъ ведется со временъ сень-симонистской школы, особенно съ публицистики Пьера Леру, перепечатавшаго въ 1842 году *Параболу* какъ наиболѣе точную характеристику политическаго и соціальнаго строя реставраціи. Раньше въ 1832 году она была издана Родригомъ и онъ первый даль

¹⁵⁷⁾ XXIII, 19. *Du syst. ind.*

этому «извлеченію» изъ *Организатора* наименованіе *Параболы*, въ 1848 году онъ выпустилъ новое изданіе подъ заглавіемъ *Paroles d'un mort* ¹⁵⁹). Эта популярность *Параболы* началась съ ея появленія. Оно навлекло на Сень-Симона процессъ. «Извлеченіе» изъ *Организатора* было опубликовано въ ноябрѣ 1819 года, въ февралѣ слѣдующаго былъ убитъ герцогъ Берри и прокуроръ въ мартѣ привлекъ Сень-Симона въ судъ по тяжкому обвиненію—въ нравственномъ соучастіи въ только что совершившемся преступленіи, а вообще—въ оскорбленіи принцевъ королевскаго дома. Сень-Симонъ отвѣтилъ *Письмами къ присяжнымъ* и изъявлялъ свою благодарность королевскому прокурору: онъ обратилъ вниманіе публики на его соціально-организаторскую работу,—и Сень-Симонъ пользуется случаемъ—объяснить присяжнымъ сущность своего философско-историческаго и соціальнаго ученія ¹⁶⁰).

Главная часть *Параболы*—перечисленіе «индустріаловъ»,—на это указывалъ присяжнымъ и самъ авторъ и не желалъ сократить своей номенклатуры, какъ бы «скучной» она не показалась читателю ¹⁶¹). Она начинается съ перечисленія «работниковъ» въ области физико-математическихъ наукъ, литературы, музыки и изящныхъ искусствъ, продолжается прикладными знаніями,—механики, инженеры, артиллеристы, архитекторы, медики, моряки, часовщики; за ними слѣдуютъ представители матеріальной индустріи,—при чемъ Сень-Симонъ подробно называетъ отрасли мануфактурной и заводской дѣятельности, наконецъ,—ремесленники и вся номенклатура заканчивается обобщеніемъ: «лица наиболѣе способные въ наукахъ, въ изящныхъ искусствахъ и въ ремеслахъ». Всѣ они *industriels*,—при чемъ Сень-Симонъ даетъ важное разъясненіе: подъ именемъ ремесленниковъ—*artisans*—онъ разумѣетъ вообще всѣхъ, кто занимается матеріальнымъ производствомъ,—т.-е. земледѣльцевъ, фабрикантовъ, коммерсантовъ, банкировъ и ихъ прикащиковъ и рабочихъ. Для автора *Параболы*, слѣдовательно,—предприниматели и рабочіе—*одна классъ*.

¹⁵⁹) P. Leroux, *Aux Politiques. Revue independ.* 1842, II, 30—34. Изданіе Родрига во 2 выпускѣ его *Oeuvres de S. Simon*, 71. Ср. *Oeuvres* XX, 17. *Premier extrait de l'Organisateur*.

¹⁶¹) Hubbard. 85.

¹⁶⁰) *O. choisies*. II, 413—4.

Противоположная — непроеводительная — номенклатура начинается съ ближайшихъ родственниковъ короля, продолжается высшими гражданскими и духовными чинами, ихъ подчиненными, судьями, и заканчивается собственниками «живущими по-барски». Другъ противъ друга стоять два обширныхъ класса людей,—и чтобы опредѣлить ихъ *полезность*, важность ихъ для національнаго благоденствія и національной славы, — Сень-Симонъ приглашаетъ читателя предположить попеременно исчезновеніе представителей того и другаго класса. Если нація лишится лучшихъ ученыхъ, писателей, художниковъ и «ремесленниковъ», она окажется «тѣломъ безъ души» и немедленно свзойдетъ до низшаго положенія среди другихъ націй, пока не возмѣстится утрата. Но произойдетъ совершенно другое въ случаѣ исчезновенія всѣхъ лицъ, начиная съ брата короля и кончая богатымъ собственникомъ-непроеводителемъ. Французы, по своей природной добротѣ, несомнѣнно, были бы опечалены потерей столь большого числа соотечественниковъ,—но для государства отъ этой потери не произошло бы никакого политическаго бѣдствія, — немедленно нашлось бы множество лицъ обоого пола, способныхъ занимать мѣста принцевъ и принцессъ—не хуже герцога Англемскаго, герцога Берри и вообще всѣхъ герцоговъ и ихъ супругъ. Въ дворцовыхъ переднихъ сколько угодно можно найти кандидатовъ на высшія придворныя мѣста, въ арміи — будущихъ маршаловъ, въ администраціи, въ адвокатурѣ, въ церкви—министровъ, кардиналовъ и епископовъ, — а что касается собственниковъ, ведущихъ благородный образъ жизни, ихъ салоны могутъ украсить ихъ же наследники, даже безъ предварительной подготовки.

Перечисленные непроеводители не только не работаютъ непосредственно на пользу прогресса, но даже вредятъ ему: они усиливаются продлить преобладаніе гадательныхъ теорій надъ позитивными знаніями, лишая перваго мѣста и должнаго уваженія ученыхъ, артистовъ и ремесленниковъ, расточая свои средства не ради наукъ, искусствъ и ремесль, получая изъ ежегодно уплачиваемыхъ націй налоговъ жалованья, пенсіи, награды—за свой для націи бесполезный трудъ.

“1) *ib.* 395—6, rem.

Въ результатѣ, — современное человѣчество далеко отъ социальнаго идеала, — оно «погружено въ безнравственность», — въ политическомъ смыслѣ. Люди, чьи труды приносятъ положительную пользу обществу, подчинены принципамъ и другимъ правителямъ, которые только болѣе или менѣе неспособные рутинеры и обязаны своимъ положеніемъ — рожденію, лести, интригѣ и прочимъ предосудительнымъ средствамъ. Они ежегодно дѣлятъ между собой половину налога — безъ всякой пользы для управляемыхъ. Очевидно, — современное общество есть поистинѣ — *миръ извращенный* — *le monde renversé*. Среди него бѣдняки — самые щедрые люди по отношенію къ богатымъ и наименѣе достаточные ежедневно лишаютъ себя части необходимаго, чтобы умножать излишекъ крупныхъ собственниковъ. Величайшіе преступники, главные воры, отнимающіе у гражданъ отъ трехъ до четырехъ сотъ милліоновъ ежегодно, — облечены властью наказывать мелкія проступки противъ общества. Невѣжество, суевѣріе, лѣнь и вкусъ къ разорительнымъ удовольствіямъ являются достояніемъ высшихъ руководителей общества, а люди способные, бережливые и трудолюбивые — исполняютъ роль орудій. Следовательно, люди наиболѣе безнравственные призваны воспитывать гражданъ для добродѣтели, — и въ области распределительной справедливости — на величайшихъ преступниковъ возложена обязанность наказывать проступки незначительныхъ нарушителей закона ¹⁶²).

Общее заключеніе автора: политическій организмъ — боленъ; болѣзнь тяжела и опасна, потому что поражены одновременно и цѣлое и всѣ его части.

Присяжные оправдали Сенъ-Симона, — и онъ впоследствии неоднократно воспроизводитъ смыслъ Параболы. Въ *Индустриальной системѣ*, въ письмѣ къ министру юстиціи — привелъ ея содержаніе въ сокращенной формѣ, позже сравнилъ современное общество съ пирамидой: основаніе ея «рабочіе, занятые годовыми работами», первыя звенья — руководители индустриальныхъ работъ — ученые и артисты; высшіе слои состоятъ изъ гипса, — это видно, несмотря на позолоту: это — придворные, вообще старая и новая знать, праздные богачи, наконецъ правители, начиная съ перваго министра до по-

¹⁶²) Здѣсь оканчивается перепечатка въ изд. Родрига и цитата самого Сенъ-Симона въ I письмѣ къ присяжнымъ. *O. ch.* II, 396—401.

слѣднаго чиновника; королевская власть—великолѣпный брилліантъ—увѣнчивающій пирамиду. Выводъ тотъ же: настоящее положеніе вещей представляетъ зрѣлище міра, перевернутаго вверхъ дномъ: тѣ, кто править общественными дѣлами, сильно нуждаются въ томъ, чтобы ими самими управляли; высшія способности находятся среди управляемыхъ, а управляющіе, въ силу своего состава, являются людьми весьма посредственными ¹⁶³).

Сень-Симонъ указывалъ присяжнымъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду нападать собственно на королевскую семью,—а на всю современную политическую систему,—и принцы оказались задѣтыми косвенно, такъ какъ они—во главѣ системы, не имѣющей историческаго смысла. Она опирается на *одряхлѣвшія силы* — *les forces caduques*,—какъ это видно изъ анализа культурной эволюціи,—и Сень-Симонъ представляетъ извѣстный намъ обзоръ позитивно-индустріальнаго развитія. Настоящее должно воспользоваться недавними опытами прошлаго: Людовикъ XVI погибъ потому, что принялъ сторону *старой* знати, Наполеонъ исчезъ, потому что создалъ *новую* знать, Людовикъ XVIII подвергаетъ опасности династію Бурбоновъ, опираясь на *обѣ* знати. Исторически-установившаяся стихійная сила индустріи—единственная основа прочнаго соціального строя и всякая система, опирающаяся не на «индустріаловъ» неминуемо должна разложиться.

Мы знаемъ,—что такое «индустріалы». Они распадаются на два класса—*ученыхъ, индустріаловъ теоретическихъ, и непосредственныхъ производителей, индустріаловъ прикладныхъ*. Ихъ можно отождествить съ *націей*, точнѣе съ *націей—работающей, нравственной—la nation travaillante et morale*. А это весь—*народъ—le peuple*, т.-е. 25 милліоновъ или $\frac{21}{25}$ всего населенія Франціи. Это—*пчелы*, а все внѣ ихъ—*трутни* и *паразиты* и Сень-Симонъ многократно перечисляетъ враговъ индустріи, иногда объединяя ихъ въ понятіи—*féodalité*, такъ какъ и *обѣ* знати, и легисты—феодалные пережитки, и здѣсь стоятъ рядомъ феодалы стараго порядка, бонапартистскій вельможа и якобинецъ. Индустріалы были *жертвами* и во всемя террора, и при имперіи, остаются таковыми и при реставраціи, ни

¹⁶³) XXII, 261—2; XXXIX, 181—2; 158—9. *De l'organism. sociale.*

когда еще они не играли *активной* роли и до сихъ поръ упорно продолжаютъ поручать легистамъ представлять свои политическіе интересы ¹⁶⁴).

Возможно ли точно опредѣлить эти интересы? Несомнѣнно: они— просто интересы производительности, такъ какъ индустріалы—*классъ производительный*— *la classe laboureuse et productrice*, прямо и всецѣло противоположный классу непроеизводителей. Только этихъ два контраста и существуетъ, — и Сень-Симонъ точно опредѣляетъ ихъ въ названіи своей статьи въ *Политикъ: О спорѣ пчелъ и трутней или о взаимномъ положеніи производителей и потребителей-непроизводителей* ¹⁶⁵). Никакой дифференціаціи въ предѣлахъкажд аго класса отдѣльно— не существуетъ. Непроизводители борются другъ съ другомъ за эксплуатацію, а среди производителей—отдѣльныя отрасли индустрія пребываютъ въ гармоніи и могутъ примирить свои интересы въ правительственной системѣ— мирно и дружно,—въ такой же гармоніи состоятъ и сами производители, т.-е. рабочіе и предприниматели, всѣ они одинаково—*работники*—*travailleurs*,— и Сень-Симонъ пользуется терминами: *народъ* и *руководители индустрии*—*les chefs industriels*, всѣ они — *сотрудники*—*collaborateurs*—отъ простѣйшаго работника (*шапоувиер*) до богатѣйшаго фабриканта. Перечисляя индустріаловъ, Сень-Симонъ рядомъ съ фабрикантами называетъ ихъ рабочихъ (*ouvriers*). Философъ не знаетъ классовой борьбы въ средѣ индустріаловъ. Между главами индустрии и простыми рабочими онъ видитъ только одну разницу — въ способностяхъ и въ размѣрахъ финансоваго участія въ дѣлѣ,—и то и другое неизбѣжно и было бы нецѣпно, смѣшно и гибельно—стремиться устранить это неравенство. Безъ всякихъ оговорокъ Сень-Симонъ видитъ естественность *комбинации* изъ народа и предпринимателей, хозяевъ: «главы промышленныхъ предприятий—естественные вожди народа, потому что они разпоражаются ежедневными работами» ¹⁶⁶). «Главы» богаты и работаютъ головой, рабочіе бѣдны и работаютъ руками,—и Сень-Симонъ совѣтуетъ рабочимъ обратиться съ просьбой къ предпринимателямъ—

¹⁶⁴) XIX, 60, 97; *L'ind. O. ch.* II, 411. *Lettres aux jurés.* XXI, pp. XIV—XVI, XVIII—XIX, 44. *Du syst. ind.*; XXXVII. 53. *Cat. des ind.* XXI, 156; XXXVII, 133, 142

¹⁶⁵) XXI, 26; XIX, 211.

¹⁶⁶) XX, 1507; XXI, 44; XXII, 83.

стать во главѣ соціального строя и они—рабочіе—должны имъ подчиняться на только что указанномъ основаніи. Такъ Сень-Симонъ заставляетъ говорить самихъ рабочихъ въ своемъ обращеніи къ нимъ ¹⁶⁷⁾. Совершенно законно это подчиненіе должно опираться на денежное и нравственное неравенство ¹⁶⁸⁾. Политическіе интересы «главъ» индустріи и «работниковъ изъ низшихъ классовъ»—одни и тѣ же, желанія тѣхъ и другихъ «по необходимости аналогичны» и соотвѣтствуютъ желаніямъ «громаднаго большинства націи».

Съ такой рѣчью Сень-Симонъ обращается къ руководителямъ земледѣлія, мануфактуры и торговли ¹⁶⁹⁾.

До сихъ поръ мы видимъ органическое совпаденіе политическихъ цѣлей у рабочихъ и предпринимателей. Сень-Симонъ даже не называетъ ихъ классами, оставаясь при одномъ классовомъ дѣленіи—*буржуа* и *индустриалы*. Фактъ—въ высшей степени знаменательный. Послѣ того, какъ революція съ полной очевидностью обнаружила рѣзкую дифференціацію въ новой промышленной «націи» и самому Сень-Симону внушила мысль о грозной соціальной разрушительной силѣ не-собственниковъ, — философъ все-таки въ главу своей критики старой системы и въ основу своего строительства полагаетъ сплоченность интересовъ двухъ классовъ, не только не пребывавшихъ въ экономической и политической гармоніи, но успѣвшихъ вызвать въ современной экономической литературѣ особое нравственно-соціальное направленіе. Все значеніе трудовъ Сисмонди зиждилось на краснорѣчивомъ выясненіи классоваго разлада въ нѣдрахъ процвѣтающей индустріи, — и Сень-Симонъ рѣшался руководство соціальнымъ порядкомъ отдавать въ руки предпринимателей, какъ «естественныхъ вождей націи». Въ исторической эволюціи индустріи онъ не замѣтилъ классовой дифференціаціи, увидѣлъ одноцвѣтное сплоченное прогрессивное теченіе, въ дѣйствительности заключавшіе разные струи еще въ ранній періодъ политическаго пробужденія третьяго

¹⁶⁷⁾ A. M. M. *les ouvriers*, nov. 1821, отрывокъ изъ *Du syst. des ind.*, не перепечатанный въ *Oeuvres*. Ср. *Oeuvres*, XXI, XXVIII.

¹⁶⁸⁾ XXIII, 92.

¹⁶⁹⁾ „Vos intérêts politiques étant les mêmes que ceux des travailleurs des classes inférieures, vos desirs et les leurs seront necessairement semblables à cet égard; ainsi les desirs que vous manifesterez seront certainement ceux qu' éprouve l'immense majorité de la nation“. *Du contrat social*. Рубкон. Арсен. библ.

сословія. Если бы даже философу не доставало исторических знаний, онъ могъ бы въ литературѣ XVIII вѣка почерпнуть весьма полное представление о глубокомъ классовомъ раздорѣ среди современнаго общества. На этотъ счетъ обнаружили достаточно проникательности даже метафизики - компиляторы въ родѣ Гельвеція и достаточно смѣлости - вполне умѣренные политическіе писатели въ родѣ Неккера. Гельвецій находилъ общество раздѣленнымъ на «угнетателей» и «угнетенныхъ», на «воровъ» и «обворованныхъ» и спокойное состояніе класса обворованныхъ объяснялъ отсутствіемъ у нихъ «лозунга» — *le mot* ¹⁷⁰⁾. Неккеръ прекрасно понималъ глухую органическую междоусобицу между трудомъ и капиталомъ, собственниками и несобственниками, указывалъ на одновременный ростъ личныхъ богатствъ и обостреніе конкуренціи среди рабочихъ, видѣлъ въ современномъ общественномъ строѣ — зданіе, выстроенное исключительно для удобства собственниковъ — строителей зданія, — и, естественно, — въ этомъ строѣ имѣются «вольности», скрывающія за собой «рабство множества» ¹⁷¹⁾. Гораздо энергичнѣе ту же тему разрабатывалъ Лэнге, одинъ изъ плодовитѣйшихъ журналистовъ XVIII вѣка. Онъ предвосхитилъ самыя мрачныя изображенія участи рабочаго у позднѣйшихъ социалистовъ, провелъ краснорѣчивую параллель между древнимъ рабомъ и современнымъ поданнымъ капитала, настаивалъ на неотразимомъ пониженіи заработной платы соответственно возрастанію капиталовъ и размноженію рабочихъ рукъ и предупредилъ Сисмонди въ раскрытіи эгоизма капиталиста, покупающаго силы здоровыхъ рабочихъ и оставляющаго на произволъ судьбы — больныхъ. Въ результатъ, — положеніе современнаго рабочаго оказывалось гораздо печальнѣе, чѣмъ раба, — и Лэнге требовалъ внимательства государства въ отношенія капитала и труда, съ точки зрѣнія общественного блага — собственника объявлялъ только «стражемъ» собственности и ожидалъ, что генеральные штаты займутся интересами «четвертато сословія», — «класса самаго многочисленнаго, наиболѣе притѣсняемаго и наиболѣе лишеннаго средствъ — заставить выслушать себя» ¹⁷²⁾.

¹⁷⁰⁾ *Oeuvres*. IV, 127 (*De l'Homme*).

¹⁷¹⁾ Necker. *Sur la législation et le commerce des grains*, 168—186.

¹⁷²⁾ Lichtenberger. *Le socialisme au XVIII S.* 288—302. Ср. *Linguet socialiste, La Rev. française*, 14 аѳут 93.

Революціонныя событія, мы знаемъ, освѣтили чрезвычайно ярко тотъ же вопросъ и революція даже пыталась выполнить одну изъ надеждъ Лэнге—законодательнымъ путемъ установить размѣръ заработной платы и предѣльную цѣну предметовъ первой необходимости. Повидимому, — идей и фактовъ было вполне достаточно, чтобы не смѣшивать въ одну «націю» *chefs* и *ouvriers*. И все-таки для Сень-Симона это — однородный классъ «индустріаловъ», «работниковъ». Если бы потребовалось «смягченіе» вины Сень-Симона,—его можно найти въ тождественномъ недоразумѣніи такихъ современныхъ ученыхъ публицистовъ, какъ Тьерри,—и всей либеральной партіи, занимавшейся чисто-парламентской политикой. Но Сень-Симонъ не годоваль на современныя и политическія партіи за ихъ «мелкую политику», открывающую поприще для блеска адвокатскимъ талантамъ и отвлекающую общественное вниманіе отъ улучшенія соціального положенія производителей ¹⁷³⁾. Но чье же соціальное положеніе нуждалось въ улучшеніи и въ какой степени? Неужели—знакомые Сень-Симону капиталисты Терно и Лафиттъ могли въ этомъ отношеніи быть поставлены рядомъ съ «*maouvriers*» и «*ouvriers*»?

Повидимому,—иногда философу приходило на умъ отрицательный отвѣтъ. Ему пришлось возражать на «политическій символъ вѣры» Терно, лично дружнаго съ философомъ и помогавшаго ему въ его литературныхъ предпріятіяхъ. Терно, несомнѣнно, представлялъ изъ себя «индустріала» и все-таки высказалъ идеи, существенно не согласныя съ воззрѣніями Сень-Симона. Терно объявлялъ себя либераломъ и защищалъ хартію. Сень-Симонъ также не желалъ нарушать конституціи, но не могъ считать ея способной «закончить революцію». Онъ также соглашался съ Терно и въ вопросѣ о христіанствѣ, какъ наилучшемъ современномъ уложеніи нравственности, — но признавалъ необходимымъ *дополнить* его: христіанство возникло въ эпоху рабства, — теперь условія перемѣнились и сообразно съ этимъ должны измѣниться принципы морали. Наконецъ, Сень-Симонъ договаривался до знаменательной идеи: «Г. Терно—мануфактуристъ,—и его символъ вѣры имѣетъ большой недостатокъ въ томъ отношеніи, что онъ вовсе не народенъ,—т.-е. онъ совсѣмъ не можетъ быть понятъ рабочими».

¹⁷³⁾ XXIII, 55,

Дальше слѣдовало соображеніе еще болѣе значительное по общему смыслу: «Общественное спокойствіе не будетъ прочно установлено до тѣхъ поръ, пока въ основу общества не положить позитивную мораль; руководители индустриальныхъ работъ — приращенные покровители рабочаго класса. Пока мануфактуристы будутъ составлять кучку отдѣльно отъ рабочихъ, пока они въ политикѣ не заговорятъ языкомъ, понятнымъ для нихъ, мнѣніе этого класса очень многочисленнаго и еще очень невѣжественнаго не будетъ находиться подъ руководствомъ своихъ естественныхъ вождей, оно постоянно будетъ добычей интригановъ, желающихъ производить революціи съ цѣлью захвата власти»¹⁷⁴⁾

Очевидно, дифференціація существуетъ въ нѣдрахъ самой индустриі,—но не раздоръ: Сенъ-Симонъ не признаетъ классовой борьбы, по крайней мѣрѣ—въ угрожающей стадіи развитія, не видитъ явно обострившихся классовыхъ интересовъ, считая ихъ *фактически* однородными. Одинъ разъ Сенъ - Симонъ будто приближается къ идеѣ классовой розни, говоритъ о *среднемъ* и *низшемъ* классѣ и заявляетъ: «споры о свободѣ, сильно волнующіе средній классъ, стали почти безразличными для низшаго класса,—онъ очень хорошо понимаетъ, что, при современномъ состояніи цивилизаціи, онъ—не достигаемъ для произвола». Дальше излагаются желанія «народа»: налогъ слѣдуетъ расходовать такъ, чтобы была обезпечена работа и образованіе ему—народу; издержки на администрацію должны быть возможно ограниченнѣе. Кто же этотъ «народъ»? Разъ дѣло идетъ о *работѣ* и *образованіи*,—надо предполагать именно рабочихъ, пролетарятъ. Но нѣсколькими строками выше о томъ же народѣ говорится слѣдующее: «установленіе правильнаго бюджета — единственный политическій вопросъ, дѣйствительно интересующій народъ. Способъ распредѣленія власти совершенно его не затрогиваетъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по опыту, убѣдился, что его участіе въ правленіи нисколько не улучшило его положенія»¹⁷⁵⁾.

Народъ, участвовавшій въ правленіи,—это не могъ быть народъ рабочаго класса, такъ какъ изъ всѣхъ конституцій только конституція 93-го года давала ему это участіе, — практически не осуще-

¹⁷⁴⁾ XXXVII, 191—2. *Cat. des ind.*

¹⁷⁵⁾ XXII, 179—180. *Du syst. ind.*

ствившееся. Слѣдовательно, — здѣсь подѣ народомъ надо разумѣть сенъ-симоновскую націю, т.-е. индустриаловъ въ противоположность «буржуа», какъ среднему классу, — и индустриалы составляютъ истинно «національную партію» въ противовѣсъ «либеральной» — бонапартистско-метафизической и по существу «антинаціональной», такъ какъ ея политика основана на поддержаніи злоупотребленій въ партійныхъ цѣляхъ¹⁷⁶⁾. Несомнѣнно, — Сенъ-Симонъ не считалъ нравственно и социальнаго тождественной массу всѣхъ «индустриаловъ», — это видно изъ его социальной системы, — но онъ рассчитывалъ эту систему создать на доброй волѣ и политической мудрости «вождей индустрии» съ помощью признательныхъ чувствъ массы къ своимъ благодѣтелямъ, постигающимъ нравственные и матеріальные интересы рабочаго и ихъ естественную гармонию съ своими собственными. Представленіе Сенъ-Симона о социальномъ составѣ современнаго общества было непосредственно приспособлено къ главной цѣли его философіи — указать составъ организаціи и путь къ ея осуществленію.

XII.

Задача социальной философіи Сенъ-Симона — вполне выяснилась изъ того философско-историческаго анализа, какимъ онъ пришелъ къ созиданію новой системы. Въ силу признаннаго закона эволюціи, — созиданіе должно совершаться *мирно, постепенно*, безъ вмѣшательства «буйной дѣятельности». Все предпріятіе носитъ характеръ «святости», единственное его орудіе — *убѣжденіе*, проповѣдь. Для Сенъ-Симона нѣтъ болѣе ненавистнаго явленія, чѣмъ *беспорядокъ* и *революція*¹⁷⁷⁾. Его цѣль, его гордость — «закончить революцію», развившуюся на почвѣ старой разложившейся системы и навсегда предотвратить революціонный способъ — критиковать старое и создавать новое. Это — вполне достижимо по самой сущности историческаго процесса: всякая социальная система соотвѣтствуетъ современному уровню цивилизаціи и этотъ уровень

¹⁷⁶⁾ XXXVII, 52—3, 178—183. *Le Politique* у Hubbard'a, 219; XXII, 180.

¹⁷⁷⁾ XXII, 105—6: „Le point essentiel pour le succès de notre sainte entreprise. L'objet que nous ne devons jamais perdre de vue, c'est que le moyen de la persuasion est le seul qu'il nous soit permis d'employer pour atteindre notre but. Dussions nous être persécutés de même que les premiers chrétiens, l'emploi de la force physique nous est entièrement interdit“. Cp. 128.

воплощается въ соціально-философской доктринѣ, которая получается чисто-научнымъ, аналитическимъ путемъ на основаніи наблюденій надъ историческими фактами, какъ матерьяломъ. Такая доктрина и такимъ же путемъ должна предшествовать и новому соціальному строю. Цѣль ея извѣстна: *въ философіи*—установленіе позитивныхъ принциповъ морали, т. е. нравственнаго кодекса на философски-анализированныхъ фактахъ, — *въ политикѣ*—созданіе порядка, наиболѣе благопріятнаго развитію производительнаго умственнаго и матерьяльнаго труда. Мы видѣли, — Сень-Симонъ подвергъ критикѣ революціонное теченіе съ точки зрѣнія исторической эволюціи, — созидая систему, — онъ пользуется въ ея интересахъ фактами современной политики, подчеркиваетъ тѣ, какіе являются предшественниками идеальнаго строя или даже камнями для будущаго зданія. И въ творческомъ процессѣ Сень-Симона двѣ струи, — сколько ихъ было и въ аналитическомъ. Тамъ философъ уяснялъ смыслъ цѣлыхъ эпохъ, — *граней* прогресса а также и отдѣльныхъ фактовъ при свѣтѣ своего міровоззрѣнія, — теперь у него двѣ созидательскихъ задачи, — частная и общая, стремленіе изъ готовыхъ элементовъ намѣтить *подготовительную* индустриально-позитивную политику и представить *окончательный* планъ индустриальнаго государства.

Мы знаемъ, — въ общемъ политика реставраціи вызывала рѣшительную критику Сень-Симона, — но ему случалось наблюдать правительственныя мѣры въ духѣ индустриализма и позитивизма. Мы говорили о намѣреніи нѣкоторыхъ министровъ — имѣть одинаково-сильное представительство въ палатѣ отъ земельной собственности и индустріи. Сень-Симонъ безпрестанно доказывалъ необходимость индустриальнаго представительства, — изъ «руководителей всѣхъ отраслей индустріи», предлагалъ даже вовсе исключить изъ палаты производителей, — всѣхъ, кто лично и состояніемъ своимъ не заинтересованъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Естественно, онъ горячо привѣтствовалъ всякое расширеніе политическихъ правъ индустріи; видѣлъ въ немъ возобновленіе историческаго союза монархической власти съ общинами, — и признавалъ важнымъ правительственнымъ рѣшеніемъ — патентные сборы считать наравнѣ съ прямымъ налогомъ для опредѣленія конституціонныхъ правъ¹¹⁵⁾. Вы-

¹¹⁵⁾ XX, 49—50. *Le Pal.* у Hubbard'a 219; XX, 282, XXXVII, 124.

водъ изъ этихъ фактовъ—логическій: въ основу современной политики должна быть положена всякая производительная собственность—движимая и недвижимая,—и первый предварительный социальный законъ Сень-Симона—уравненіе землевладѣльцевъ не только съ индустріалами, но и съ фермерами, инвентарь долженъ имѣть политическое значеніе наравнѣ съ патентомъ и землей. Сень-Симонъ усердно доказывалъ болѣе глубокую заинтересованность земледѣльцевъ въ развитіи мирнаго индустріальнаго строя, чѣмъ землевладѣльцевъ и такъ какъ освобожденіе общинъ положило въ основу гражданскаго порядка вообще производительный трудъ,—этимъ самымъ опредѣлились политическія права несобственниковъ, т. е. неземлевладѣльцевъ. Сущность исторической эволюціи—мобилизація собственности въ зависимости отъ производительныхъ способностей, Франція постепенно превращается въ обширную мастерскую,—слѣдовательно и политика должна идти въ этомъ направленіи, т. е. поощрять всякую собственность, вызывающую примѣненіе способностей. Кромѣ того, индустріальнымъ государствомъ съ полнымъ знаніемъ дѣла могутъ управлять только индустріалы,—и не только въ палату должны быть допущены *chefs de l'industrie*, но и избирательныя собранія должны состоять изъ всякаго рода индустріаловъ. Сень-Симонъ даже находить возможнымъ принять за единицу ценса *мулз* тамъ гдѣ земля обрабатывается плугомъ и движимость, равноцѣнную—пахотному инвентарю въ одинъ плугъ—на земляхъ другой культуры ¹⁸⁰⁾.

Такъ какъ историческій прогрессъ выразился въ побѣдѣ индустріальной собственности надъ земельной,—то поощреніе движимыхъ собственниковъ должно обозначать рѣшительный разрывъ съ феодальной системой. Сень-Симонъ видитъ отголоски англійскихъ феодальныхъ порядковъ даже въ американскомъ строѣ, такъ какъ американское законодательство еще не одушевлено одной идеей—благопріятствовать возможно сильнѣе производству,—не земельнымъ

¹⁷⁹⁾ XVIII, 91.

¹⁸⁰⁾ *Sur la loi des élections*: „les agriculteurs exploitant avec un mobilier à eux appartenant une charrue dans les pays à grains ou ayant des propriétés d'une valeur égale au mobilier nécessaire à l'exploitation d'une charrue de terres labourables dans tout autre genre de culture“. Ручоп. Арсен. библ.

собственникамъ, а «движимымъ»¹⁸¹⁾. Въ индустріальной системѣ гражданскій кодексъ долженъ преслѣдовать интересы движимой собственности,—и способствовать мобилизаціи недвижимой. Арендаторы не только должны быть допущены къ политическимъ правамъ наравнѣ съ землевладѣльцами, но и сама земельная собственность приравнена къ индустріальной т. е. фермеры должны получить тѣ же гражданскія права на арендуемую собственность, какими располагаетъ предприниматель относительно капитала. Во главѣ торговой или промышленной фирмы стоятъ не тотъ, кто далъ капиталъ, а тотъ кто эксплуатируетъ этотъ капиталъ, т. е. собственно не капиталистъ, а работникъ. Въ глазахъ закона онъ—представитель предпріятія,—между тѣмъ какъ въ земледѣльческой промышленности—фермеръ занимаетъ положеніе второстепенное, служебное сравнительно съ владѣльцемъ—не можетъ располагать ввѣреннымъ ему капиталомъ, долженъ всѣ свои планы и улучшенія сообразовать съ видами собственника. Это различіе, по мнѣнію Сень-Симона коренится, въ первоисточникѣ той и другой собственности: права индустріаловъ вытекаютъ изъ выкупа общинъ, права собственниковъ основаны на завоеваніи,—одни—результатъ свободнаго договора, другія—узаконены силой. Въ индустріальной системѣ этотъ порядокъ не можетъ быть терпимъ, такъ какъ вся система построена на политическихъ правахъ индустріи и, слѣдовательно, индустріалы и въ области земледѣлія должны быть сравнены съ индустріалами другихъ отраслей, т. е. фермеры относительно владѣльцевъ должны пользоваться тѣми же правами, какими пользуются заправилы коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій относительно своихъ капиталистовъ. Фермеры должны свободно располагать землей, не нарушая, разумѣется, интересовъ собственника,—т. е. пускать ее въ такой же свободный оборотъ, какъ это дѣлаютъ фабриканты и коммерсанты съ капиталомъ. Въ результатъ усилятся мобилизація собственности и разовьется земледѣльческая индустрія наравнѣ съ промышленной. Такой порядокъ, несомнѣнно, поколеблетъ существующія законы о собственности, но Сень-Симонъ являлся только наслѣдникомъ экономическихъ идей революціонной эпохи, утверждая

¹⁸¹⁾ *Notes sur les Etats-Unis*. Ed. Rodrigues, I, 167. Hubbard. 208.

модификацію этихъ законовъ во имя общественнаго блага. Высшій законъ прогресса, по его словамъ, уполномочиваетъ родъ человѣчскій видоизмѣнять и совершенствовать всё свои учреждения и «запрещаетъ связывать грядущія поколѣнія какимъ бы то ни было установленіемъ». Мы знаемъ,—эта идея ничто иное какъ варианты заявленій Мирабо и другихъ умѣренныхъ ораторовъ учредительнаго собранія ¹⁸²⁾. И весь планъ Сень-Симона, по существу, не представлялъ новости: конституція 91-го года признавала активными гражданами фермеровъ и арендаторовъ наравнѣ съ собственниками ¹⁸³⁾. Сень-Симонъ только возводилъ эту идею въ принципъ экономическаго развитія страны и всей соціальной политики государства, производительный трудъ окончательно дѣлалъ единственнымъ источникомъ правъ—въ ущербъ собственности.

Наравнѣ съ земельной собственностью, какъ правомъ сильнаго должна подвергнуться упраздненію и другая власть старой организаціи — профессиональная юриспруденція, т.-е. легисты. Если индустріалы должны наполнить законодательное собраніе, явиться единственными признанными политиками,—они, естественно, займутъ и второстепенныя—исполнительскія—мѣста въ государствахъ. Легисты въ настоящее время—«общественное бѣдствіе», они замедляютъ движеніе цивилизаціи, на мѣсто ихъ должны возникнуть *индустриальныя суды*, т.-е. *третейскіе*. Они создадутся логически, разъ не будетъ иной собственности, кромѣ индустриальной. Преимущество индустриальныхъ судовъ надъ чисто-юридическими видно изъ сравненія коммерческихъ судовъ съ гражданскими,—известными дороговизной процесса, волокитой, сложными формальностями. Въ уголовномъ судѣ институтъ присяжныхъ лишній разъ доказалъ преимущество *посредниковъ* съ простымъ здравымъ смысломъ надъ профессиональной юридической формалистикой ¹⁸⁴⁾. Весь вопросъ въ усиленной мобилизаціи собственности,—чему въ сильнѣйшей степени могутъ помочь земельныя банки: они должны среди земледѣльческаго класса играть ту же роль, какую они усвоили среди фабрикантовъ и кушцовъ ¹⁸⁴⁾.

¹⁸²⁾ XIX, 84—90.

¹⁸³⁾ Т. III, S. II, art. 7. Hélie. 274.

¹⁸⁴⁾ XIX, 123—5; 116—9; 112—3.

Все это частныя мѣры, имѣющія открыть путь новой системѣ. Сень-Симонъ до такой степени убѣжденъ въ *естественности* ихъ, что «осмѣливается отвѣчать головой» за ихъ успѣхъ и за прочность династїи Бурбоновъ, если король вступить на указываемую дорогу ¹⁸⁵⁾. А это—очень просто,—все дѣло въ королевскомъ ордонансѣ. Пусть король облечетъ себя диктатурой,—единственное средство—установить сразу истинную социальную доктрину,—иначе общество долго будетъ руководиться ложными ученїями. Объ этомъ должны просить короля всѣ индустриалы. Ордонансъ долженъ состоять въ порученїи важнѣйшимъ представителямъ индустрїи составить бюджетъ. Эта мѣра представляется Сень-Симону въ высшей степени важной, съ ней онъ связываетъ вообще торжество индустриализма надъ продолжающейся революціей. Современный бюджетъ — *безнравственна*, такъ какъ налоги тратятся не на развитіе производительныхъ силъ страны. Только индустриалы сумѣютъ направить финансы къ истинной цѣли. Законъ о бюджетѣ такъ же важенъ въ управленїи государствомъ, какъ законы о собственности — вообще въ социальной системѣ. Эту идею Сень-Симонъ не перестаетъ повторять на пространствѣ всѣхъ своихъ сочиненїй индустриальнаго періода: финансы должны быть въ рукахъ тѣхъ, кто доказалъ свою способность дѣлать капиталъ производительнымъ и управлять производительными работами ¹⁸⁶⁾.

Но раньше чѣмъ составлять бюджетъ, индустриалы должны условиться, какъ пользоваться этимъ правомъ и ясно доказать, что ихъ бюджетъ «выше», чѣмъ всякій другой. А для этого они должны обладать *доктриной* ¹⁸⁷⁾. Слѣдовательно,—отъ частныхъ подготовительныхъ проектовъ Сень-Симонъ неизбѣжно приходитъ къ принципиальному плану. Сень-Симонъ и здѣсь стѣснитъ воспользоваться фактами современной политики. Семнадцатаго мая 1819 года явился законъ о пресѣченіи преступленїй, совершаемыхъ путемъ печати. Одна изъ статей закона говорила объ оскорбленїи «нравственности». Сень-Симонъ увидѣлъ въ этомъ заявленїи разграниченіе морали и религїи,—т.-е. существенный принципиальный успѣхъ идеи свѣ-

¹⁸⁵⁾ *Lettres aux jurés* O. ch. II, 411: „j'ose répondre sur ma tête“.

¹⁸⁶⁾ XXII, 47, 254; XXIII, 71, XXXVII, 141—2; XXXIX, 28.

¹⁸⁷⁾ XXII, 72.

боды совѣсти. Ученые, слѣдовательно, могутъ безпрепятственно работать надъ установленіемъ нравственнаго ученія на мочѣ наблюдений, т.-е. земной, позитивной морали¹⁸⁸⁾. Философская выработка доктрины, очевидно, признавалась общественнымъ мнѣніемъ, даже «либералами» парламента,—и Сенъ-Симонъ частные проекты сопро-вождаетъ планами общей организаціи. Плановъ этихъ можно на-считать около десяти, — существенныя черты у нихъ — общія, но есть и крупныя разногласія. Самый ранній планъ предложенъ въ *Организаторъ*. Послѣ того какъ парламента будетъ составленъ изъ представителей индустріи, — должна быть осуществлена слѣдующая организація: учреждается *первая* палата подъ именемъ *палаты изобрѣтений*—*chambre d'invention*, ея зерно состоитъ изъ 86 инже-неровъ, изъ 40 членовъ Французской Академіи, изъ живописцевъ, скульпторовъ и музыкантовъ, принадлежащихъ къ инсти-туту; палата сама восполняется и сама создаетъ свой уставъ; она можетъ присоединить къ себѣ сто членовъ французовъ и пятьдесятъ иностранцевъ, — съ правомъ совѣщательнаго голоса. Палата дѣлится на три секціи: первая изъ инженеровъ, вторая изъ поетовъ, третья изъ представителей искусствъ. Въ концѣ перваго года существованія она должна представить проектъ обществен-ныхъ работъ, необходимыхъ для умноженія національныхъ бо-гатствъ и для улучшенія положенія населенія — относительно по-лезнаго и пріятнаго, ежегодно первичный планъ долженъ дополняться и исправляться. При общественныхъ работахъ, напримѣръ, при устройствѣ путей сообщенія, должна наблюдаться не только полез-ность, но и возможная пріятность ихъ для путешественниковъ. Въ разныхъ мѣстахъ страны должны быть устроены сады, въ нихъ музеи естественныхъ и промышленныхъ продуктовъ данной мѣстно-сти, дома для артистовъ и музыкантовъ, — для вдохновенія націи въ нужные моменты во имя общаго блага. Съ теченіемъ времени

¹⁸⁸⁾ Hélie. 946, 950. Ср. Hatin. *Histoire de la Presse*. P. 61. VIII, 315. Oeuvres. XX, 170—2. Толкованіе Сенъ-Симона основывалось не столько на текстѣ закона, сколько на дебатахъ, вызванныхъ проектомъ. Въ проектѣ говорилось только объ общественной нравственности, Лэне потребовалъ добавленія — *religiu*, по предложенію Hauteville'я было прибавлено только опредѣленіе *и религиозной*. Слѣдовательно, — въ палатѣ дѣлали то же разграниченіе, какимъ воспользовался Сенъ-Симонъ. Ср. Ch. de Mazade. *Le Comte de Serre* P. 79. 107—111.

вся Франція должна превратиться въ англійскій паркъ, украшенный всѣми красотами искусствъ и природы. Роскошь до сихъ поръ пребывала исключительно въ дворцахъ и замкахъ, общество дѣлилось на два класса различной цивилизаціи: у однихъ умъ развивался благодаря постоянному созерцанію произведеній искусствъ, у другихъ воображеніе коснѣло среди исключительно матеріальной работы, не возбуждающей умственной дѣятельности. Роскошь должна стать національной и тогда она будетъ нравственной.

Палата изобрѣтеній позаботится устройствомъ національныхъ празднествъ: *надежды*—для возбужденія ревности къ труду, *воспоминаній*— для разъясненія преимуществъ современнаго положенія предъ прошлымъ.

Вторая палата—*исслѣдованій*—*chambre d'examen*—должна состоять изъ трехсотъ членовъ, по сто физиковъ, изслѣдующихъ органическія тѣла, и неорганическія и сто математиковъ. Она разсматриваетъ предложенія первой палаты, составляетъ проектъ общественнаго воспитанія— для трехъ степеней образованія сообразно съ имущественнымъ положеніемъ гражданъ. Такъ какъ религіозное вѣроисповѣданіе предоставляется на усмотрѣніе каждаго,—въ планѣ воспитанія не будетъ вопроса о религіи. Эта палата также организуетъ общественныя празднества— для каждаго пола, возраста, для отцовъ и матерей, для начальниковъ мастерскихъ и для рабочихъ. На каждомъ праздникѣ избранные ораторы будутъ произносить рѣчи о социальныхъ обязанностяхъ празднующихъ. Зерно палаты составятъ члены физико-математическаго класса Института.

Третья палата возникнетъ изъ палаты—общинъ подъ именемъ исполнительной—*chambre d'exécution*. Члены первыхъ двухъ палатъ получаютъ жалованье, члены третьей—главные представители промышленныхъ фирмъ, палата выполняетъ всѣ проекты, устанавливаетъ и взимаетъ налоги. Всѣ три палаты вмѣстѣ составляютъ парламентъ съ верховной властью, каждая изъ палатъ имѣетъ право созывать его. Каждый проектъ предлагается первой, разсматривается второй и окончательно утверждается третьей. Парламентъ обратится ко всѣмъ французамъ съ предложеніемъ составить проекты новаго гражданскаго и уголовнаго уложенія, національной военной защиты. Въ заключеніе—заемъ въ 2 милліарда на вознагражденіе

тѣхъ, чьи денежныя интересы пострадаютъ отъ установленія новой системы¹⁸⁹⁾.

Менѣе года спустя явился новый планъ—разсчитанный на болѣе легкое примѣненіе. На первомъ мѣстѣ—министръ финансовъ, индустриаль по профессіи въ теченіе десяти лѣтъ, при немъ—*намата индустри* изъ крупнѣйшихъ представителей земледѣлія, торговли, мануфактуры и банковскаго дѣла. Палата ежегодно разсматриваетъ бюджетъ, министры имѣютъ въ ней совѣщательный голосъ. Первая статья бюджета должна обезпечивать существованіе пролетаріевъ, доставляя работу здоровымъ и помощь инвалидамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ—также индустриаль, занимавшійся своей отраслью промышленности въ теченіе шести лѣтъ. При немъ—совѣтъ изъ представителей индустри и, кромѣ того, физики, химіи и физиологіи и инженернаго искусства. Морской министръ—индустриаль, жившій въ портовомъ городѣ двадцать лѣтъ и стоявшій во главѣ арматорскаго предпріятія не менѣе десяти. При немъ совѣтъ изъ представителей крупнѣйшихъ портовъ Франціи. Эту систему можно осуществить путемъ простаго ордонанса,—и мѣсто «любителей административнаго — искусства» займутъ «способности», — что составляетъ отличительную черту индустриальнаго строя¹⁹⁰⁾.

Въ томъ же сочиненіи Сень-Симонъ предложилъ другой проектъ королевскихъ ордонансовъ. Всѣ классы института въ общемъ собраніи составятъ національный катихизисъ, онъ будетъ заключать элементарное преподаваніе принциповъ, являющихся основой соціальной организаціи, и общее разъясненіе главныхъ законовъ, управляющихъ матеріальнымъ міромъ. Катихизисъ будетъ изучаться всѣми дѣтьми современнаго поколѣнія и на просвѣщеніе народа будетъ опредѣлено 20 милліоновъ. Институтъ будетъ наблюдать за общественнымъ образованіемъ, и въ школахъ не должно преподаваться ничего, противнаго принципамъ національнаго катихизиса. Такой же надзоръ будетъ учрежденъ и за проповѣдниками разныхъ культтовъ, и ни одинъ гражданинъ не въ состояніи пользоваться гражданскими правами, не подвергнувшись экзамену по національному катихизису. Для составленія бюджета учреждается совѣтъ изъ

¹⁸⁹⁾ XX, 50—60.

¹⁹⁰⁾ XXI, 106—9. *Du Syst. ind. „des amateurs en administration“* XXXVII, 146.

индустриаловъ—изъ четырехъ палатъ по отраслямъ индустриі, —торговой, мануфактурной, банковской, земледѣльской. Основная цѣль бюджета—улучшеніе положенія народа путемъ развитія индустриі,—его образованіе и обезпеченіе работы всѣмъ, для кого она единственное средство существованія. Новая и старая знать и вообще титулы подлежатъ упраздненію; военный дворъ короля распускается, его мѣсто занимаетъ національная гвардія, гдѣ строго проводится избирательный принципъ; офицерами ея могутъ быть только граждане, уплачивающіе патентныя сборы. Сень-Симонъ заставляетъ короля опредѣлить предъ лицомъ націи задачи современной политики: увеличить возможно скорѣе цѣнность территоріи Франціи, ускорить развитіе опытныхъ наукъ, доставить дѣтямъ народа болѣе мирное и основательное образованіе, чѣмъ было до сихъ поръ, обезпечить рабочимъ наибольшее количество работы, поднять уваженіе къ людямъ, занимающимся полезными работами и подвергнуть презрѣнію туеядцевъ и тѣхъ, кто пробавляется вредными или бесполезными для общества работами ¹¹⁾).

Слѣдующій планъ возникъ приблизительно около года спустя и заключается въ развитіи идеи союза «практической способности» съ «теоретической», индустриаловъ съ публицистами. Они образуютъ два отдѣльныхъ комитета. Работы публицистическаго комитета до обнародованія должны быть подвергнуты разсмотрѣнію индустриаловъ, а сами публицисты будутъ первыми критиками научныхъ работъ, имѣющихъ въ виду установить индустриальную систему. Слѣдовательно,—ученые предлагаютъ, публицисты критикуютъ, индустриалы рѣшаютъ. Подъ словомъ «публицисты» Сень-Симонъ разумѣетъ просто журналистовъ, такъ какъ свой совѣтъ индустриаламъ — составить ассоціацію съ публицистами—онъ предлагаетъ послѣ оцѣнки политическаго значенія руководящихъ партійныхъ органовъ: реакціоннаго *Консерватора* и либеральной *Миссеры*. Публицисты—популяризаторы принциповъ и въ то же время «первая инстанція» для критики ихъ. По какому праву—публицистамъ присвоивается критика трудовъ ученыхъ,—философъ не говоритъ, хотя и создаетъ совершенно новую *chambre d'examen* сравнительно съ

¹¹⁾ ХХП, 236—250.

извѣстной намъ коллегіей «положительныхъ способностей» въ раннемъ планѣ ¹¹²⁾).

Въ томъ же сочиненіи развивается идея о союзѣ индустриаловъ уже не съ публицистами, а съ учеными — для «управленія общественнымъ образованіемъ и другими нравственными интересами общества». Философъ на этотъ разъ рѣшительно классъ индустриаловъ признаетъ «основнымъ», онъ «классъ, пропитывающій все общество и безъ котораго никакой другой не можетъ существовать». Онъ, слѣдовательно, можетъ ставить тѣ или другія условія ученымъ, — и ученые должны работать въ цѣляхъ индустриаловъ. Для этого ученые должны образовать двѣ академіи: одну для составленія лучшаго уложенія интересовъ, другую для усовершенствованія уложенія чувствъ: принципы его установлены Платономъ и примѣнены и развиты отцами церкви. Одна академія — наукъ физическихъ и математическихъ, другая наметилась было въ формѣ класса нравственныхъ и политическихъ наукъ. Эта академія должна состоять изъ моралистовъ и теологовъ, — легисты, какъ наиболѣе способные *регламентировать* вопросы нравственные и матеріальные, входятъ въ обѣ академіи. Во второй академіи должны участвовать и представители искусствъ, — какъ практическіе примѣнители нравственныхъ теорій. Надъ академіями учреждается высшая объединяющая научная коллегія, — она должна координировать работы обѣихъ академій, *сливать* принципы *въ одну доктрину* и прежде всего она должна создать общій планъ народнаго образованія для всѣхъ классовъ отъ пролетарія до богача. Члены высшей коллегіи должны обладать обоюродными способностями — и научными и нравственно-совершенствующими, — и поэтому они избираются обѣими академіями. Они создадутъ «общую доктрину», — легисты представятъ ее въ формѣ регламента, при чемъ коллегія воспользуется совѣтами и практическихъ политиковъ ¹¹³⁾).

Только что философъ успѣлъ изложить этотъ планъ, — онъ немедленно допустилъ существенное противорѣчіе своей идеѣ. Признавъ монархическую власть необходимой въ новой системѣ, Сень-Симонъ высшую ученую коллегію называетъ «иниціативнымъ со

¹¹²⁾ XXXVII, 176—150. *Cet. des ind.*

¹¹³⁾ XXXIX, 25—31.

вѣтомъ» короля и говорить: «проекты, принятые въ иниціативномъ совѣтѣ посылаются на разсмотрѣніе академіи чувствъ и академіи разсудка». Слѣдовательно, — коллегія уже не согласуетъ работу академій, а сама вчинаетъ ихъ и обѣ академіи состоятъ при ней въ качествѣ критическаго аппарата. Порядокъ напоминаетъ конституцію VIII года, по которой государственный совѣтъ предлагалъ законы, трибуналь обсуждалъ, законодательный корпусъ вотировалъ. У Сень-Симона назначеніе законодательнаго корпуса выполняетъ «высшій административный совѣтъ» — изъ важнѣйшихъ индустріаловъ. Рядомъ со всѣми этими учрежденіями сохраняются и конституціонныя власти, — министры и палаты, какъ исполнители выработаннаго окончательно индустріалами бюджета. Именно бюджетъ послѣдняя инстанція, такъ какъ въ немъ указываются проекты подлежащіе исполненію.

Въ отрывкахъ *О соціальной организаціи* Сень-Симонъ неоднократно возвращается къ выясненію соціальнаго назначенія установленныхъ раньше элементовъ системы. Высшее управленіе обществомъ обнимаетъ изобрѣтеніе, критику и выполненіе проектовъ, полезныхъ для массы, — слѣдовательно три способности — артистовъ, ученыхъ и индустріаловъ. Ихъ совмѣстная дѣятельность удовлетворяетъ всѣ нравственныя и физическія нужды общества. При установленіи соціальной системы — артисты идутъ впереди. Они провозглашаютъ будущее человѣческаго рода, они переносятъ золотой вѣкъ изъ прошлаго на грядущія поколѣнія, они воодушевляютъ общество, открывая имъ перспективу счастья для всѣхъ, бывшаго до сихъ поръ удѣломъ только очень немногихъ. Они будутъ прославлять благодѣянія цивилизаціи, призывать на помощь всѣ искусства и разовьютъ поэтическую сторону новой системы.

Ученые — ихъ главное занятіе въ наблюденіи и размысленіи — докажутъ возможность увеличить благосостояніе всѣхъ плановъ, — самого трудолюбиваго — пролетаріевъ — и самаго богатаго. Они укажутъ самыя надежныя и самыя быстрыя средства — обезпечить работу массъ производителей; они положатъ основы общественнаго просвѣщенія, установятъ «гигіеническіе законы соціальнаго тѣла» и тѣмъ завершатъ науки о человѣкѣ.

Важнѣйшіе индустріалы, приурочивая всѣ идеи къ производству, разсудятъ, что выполнимо немедленно въ проектахъ, выработанныхъ

сообща учеными и артистами. Они примут мѣры къ осуществленію проектовъ и поручатъ его банкирамъ, стоящимъ во главѣ финансоваго движенія ¹⁹⁴⁾).

Но этотъ планъ не окончательный, хотя именно его авторъ называетъ: «твердымъ, открытымъ и честнымъ». Въ другомъ отрывкѣ того же сочиненія снова обсуждается организація духовной или научной власти. Снова говорится о двухъ академіяхъ—интересовъ и чувствъ, при чемъ опять моралисты наравнѣ съ теологами являются рядомъ съ поэтами и художниками для составленія «уложенія чувствъ». Также согласно раннему плану возникаетъ философская «верховная академія» по выбору двухъ первыхъ—для изданія и совершенствованія общей доктрины. Для оцѣнки предложеній духовной власти—снова проектируется «совѣтъ индустриаловъ», дальше слѣдуетъ монархическая власть и весь извѣстный намъ процессъ составленія бюджета ¹⁹⁵⁾.

Этотъ планъ хронологически послѣдній. Къ нему можно прибавить только одно изъ примѣчаній Сень-Симона къ сочиненію доктора Балля: здѣсь физиологамъ отводится первое мѣсто среди ученыхъ и изъ новой системы совершенно исключаются «люди системы теологической и феодальной»,—т.-е., надо полагать, и легисты, которымъ Сень-Симонъ въ двухъ планахъ давалъ обязанности регламентаторовъ, т.-е. вполнѣ второстепенное право—заключать въ форму закона и предписанія чужія идеи ¹⁹⁶⁾).

Обозрѣвая всѣ изложенныя «конституціи» позитивной политики, мы видимъ своеобразныя блужданія мысли философа. Для него съ самаго начала ясны три факта: цѣль современнаго общества—производительный трудъ, цѣль эту могутъ опредѣлять—и въ сущности уже опредѣлили—ученые путемъ анализа исторической эволюціи, и, наконецъ,—это опредѣленіе должно стать достояніемъ массы, его, слѣдовательно, надо популяризировать и въ пользу его *воодушевить* массу: этого достигнуть «индустриалы», умѣющіе воздѣйствовать на чувство и воображеніе. Эти идеи лежали въ основѣ *Писемъ жене*—

¹⁹⁴⁾ XXXIX, 136—9.

¹⁹⁵⁾ Ib. 164—8.

¹⁹⁶⁾ Соч. Балля *De la Physiologie appliquée à l'amélioration des institutions Sociales* (ср. *Oeuvres* XX 61, 11). XXXIX, 197.

скино обывателя. Тогда ученые рѣшительно занимали первое мѣсто, какъ законодатели. Но съ тѣхъ поръ какъ космологическо-антропологическая задача оказалась неразрѣшимой, космологія исчезла изъ программы Сентъ-Симона и все мѣсто заняла «соціальная наука», — естественно ореоль физико-математическихъ наукъ началъ блѣднѣть, все ярче стала выступать матеріальная индустрія, т.-е. экономическій міръ,—и философу пришлось совмѣщать свой *философскій* культъ науки съ *политической* программой, неизбѣжно опирающейся на современныя силы. «Практическая индустрія» выставила все свое жизненное непосредственное значеніе рядомъ съ «теоретической», какъ источникомъ высшаго научно-соціального синтеза. Синтезъ не могъ утратить своего смысла: онъ вѣдь освѣтилъ непогрѣшимымъ философскимъ свѣтомъ соціальное значеніе индустріального прогресса и власть индустріи въ новой соціальной системѣ. Но синтезъ, на сколько онъ являлся не только обобщающей но и руководящей силой, т.-е. практически-приложимой, неизбѣжно долженъ считаться съ тѣмъ соціальнымъ элементомъ, который — во-первыхъ далъ одинъ изъ основныхъ принциповъ для синтеза, во-вторыхъ владѣлъ важнѣйшими средствами—для осуществленія всякой идеи на современной соціальной почвѣ. Отсюда—значеніе индустріаловъ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. власть экономической, матеріальной стихіи,—и отсюда колебанія систематизирующей мысли философа. Ихъ сознавалъ самъ философъ: когда онъ рѣшился, наконецъ, отдать преимущество индустріаламъ предъ учеными, — онъ призналъ за своимъ мнѣніемъ «больше твердости и большую ясность принципа,—основы своей политической системы»¹⁹⁷⁾. Но преимущество это чисто эмпирическое, не философское, — оно не уполномочиваетъ индустріаловъ на творческую и принципиально-руководящую дѣятельность,—а возлагаетъ на нихъ *обязанность* — предоставить матеріальныя средства организующей научно-философской корпораціи, упрочить ея существованіе и независимое развитіе путемъ общественной подписки и въ то же время тѣмъ же индустріаламъ даетъ *право выбирать* изъ—другими обдуманыхъ идей—тѣ, какія они—практическіе дѣятели—считаютъ въ данное время болѣе полезными и осуществимыми. А что касается самихъ идей, на ихъ развитіе не можетъ

¹⁹⁷⁾ XXXIX, 26.

повліять матеріальна сила индустріи, такъ какъ идеи устанавлюються путемъ научно-философскаго анализа историческихъ фактовъ. Сень-Симонъ, объявляя своимъ назначеніемъ отнять власть у духовенства, знати и судебного сословія и передать ее индустріаламъ, спѣшить оговориться: «философія создала важнѣйшія политическія учрежденія, она одна обладаетъ достаточной властью—прекратить дѣйствіе тѣхъ, которыя одряхлѣли и образовать новыя на основахъ усовершенствованной доктрины» ¹⁹⁸). Это ясно изъ эволюціи самаго индустріализма: она совершалась стихійно, безсознательно, пока философская мысль—въ лицѣ политико-экономовъ и историковъ—не формулировала ея въ принципахъ, не осмыслила историческаго процесса и тѣмъ не проложила пути для программной сознательной дѣятельности индустріаловъ. Помимо практическихъ талантовъ индустріаловъ, — существуетъ еще причина, облакающая ихъ правительственной властью. Сень-Симонъ считаетъ бѣдствіемъ свѣтскую власть въ рукахъ ученыхъ: они немедленно усвоили бы тогда всѣ пороки духовенства, превратились бы въ метафизиковъ—коварныхъ и деспотическихъ ¹⁹⁹). Рѣшительное разграниченіе духовной и правительственной власти, доктрины и ея осуществленія, принциповъ и политики должно быть проведено безусловно, безъ малѣйшихъ колебаній и «здравый смыслъ», т.-е. практическіе таланты индустріи должны регулировать политическое приложеніе теорій. Такова общая схема духовной и свѣтской власти позитивной организаціи. Но ея не достаточно именно въ интересахъ *приложенія* и философъ старается раскрыть подробности не только позитивной *доктрины*, но и позитивной *политики*.

Мы видѣли, —духовная власть, какъ активная сила, распадается на двѣ «академіи» — интересовъ и чувствъ, — и обѣ академіи совместно участвуютъ въ выработкѣ доктрины. Самое представленіе философа о назначеніи художественнаго творчества — популяризировать и воодушевлять — *appassionner, enflammer* — не измѣнилось. Но вопросъ объ участіи художественныхъ способностей въ выработкѣ доктрины — не представляется вполне яснымъ. Окончательнымъ планомъ приходится считать организацію двухъ академій

¹⁹⁸) XXI, 167.

¹⁹⁹) XXI, 161.

сь координирующей коллегіей во главѣ: она возникаетъ по выбору самихъ академій, т. е. въ составъ ея входятъ таланты, сливающие въ себѣ научную и артистическую способность. Это—коллегія энциклопедическихъ натуръ, всеобъемлющихъ дарований,—только при такихъ условіяхъ она можетъ извлекать цѣльные общіе результаты ихъ работъ частныхъ академій, т. е. специалистовъ — ученыхъ и специалистовъ — артистовъ. Несомнѣнно,— эта идея объединяющей способности несравненно шире болѣе ранняго представленія Сень-Симона о философѣ-энциклопедистѣ: новая идея характеризуетъ не только энциклопедичность знаній и общихъ научно-философскихъ выводовъ, — она обнимаетъ собой весь кругъ человѣческихъ дарований, развивающихся на почвѣ разума и чувства, — и, слѣдовательно, артистическая способность призывается не только къ популяризаціи доктрины, но и къ участію въ ея созиданіи,—чувство и воображеніе признаются не только *воодушевителями*, но и *организаторами*. Таковъ логическій смыслъ системы «духовной власти» у Сень-Симона. Но эта система вызываетъ и оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ—великаго психологическаго и культурнаго значенія,— объ участіи чувства и воображенія въ научной и философской работѣ ума, о размѣрахъ и творческой силѣ этого участія, вообще о роли вдохновенія рядомъ съ анализомъ, патетическаго элемента рядомъ съ разсудочнымъ. Сень-Симонъ остановился только на служебной дѣятельности интуиціи,—и оставилъ безъ выясненія—принципіальную: его ученикамъ пришлось развить философію и психологію интуитивной стихіи человѣческой природы, — и въ этомъ случаѣ они превзойдутъ учителя точностью и глубиной анализирующей мысли. Самъ учитель, повидимому, просто копируетъ организацию національнаго института, еще разъ доказывая великій научно-систематизирующий смыслъ этого учрежденія. Неожиданнымъ является введеніе «теологовъ»: на немъ дважды настаиваетъ Сень-Симонъ. Что могутъ означать «теологи», послѣ того какъ мы неоднократно слышали отождествленіе принциповъ позитивныхъ наукъ съ религіозными, ученой корпораціи со священнической и знаемъ, съ какой настойчивостью и послѣдовательностью философъ требовалъ отъ новаго духовенства основательныхъ свѣдѣній въ области опытнаго знанія? Чему могутъ учить теологи, разъ «національный катихизисъ» будетъ только обобщеніемъ принциповъ положительныхъ наукъ, т.-е.

общей наукой или позитивной философией? Гдѣ здѣсь мѣсто «теологии»?

Несомнѣнно, Сень-Симонъ въ выраженіе «теологи» вложилъ новое содержаніе — не церковное, не сверхестественно-откровенное, — но во всякомъ случаѣ это содержаніе — нѣчто другое — помимо опытной науки и позитивной морали. И оно въ высшей степени важно, такъ какъ оно дало толчокъ преобразованію сень-симоновской школы въ сень-симонистскую церковь.

«Теологическій» мотивъ воззрѣній Сень-Симона коренится прежде всего въ самой природѣ философа, въ его экзальтаціи, потому въ культурныхъ пережиткахъ просвѣтительнаго вѣка, по основному тону — чувствительно-резонёрскаго и, наконецъ, въ философской атмосферѣ реставраціонной эпохи. Со словъ учениковъ Сень-Симона можно заключить о влияніи на его религиозныя настроенія — его покушенія на самоубійство — 9 марта 1823 года. Покушеніе было вызвано отчасти безнадежнымъ матеріальнымъ положеніемъ, но особенно — отчаяніемъ въ возможно скорѣйшемъ распространѣніи новыхъ социальныхъ идей среди индустриаловъ. На эту причину указываетъ самъ философъ въ письмѣ къ Терно, оказывавшему поддержку его идеямъ и убѣдившему его, что надо слишкомъ много времени — для возбужденія общественнаго вниманія къ его ученію. У Сень-Симона, по его словамъ, это ученіе было «единственнымъ занятіемъ», — и если оно оказывалось безуспѣшнымъ — сама жизнь теряла цѣну. Сень-Симонъ зарядилъ пистолеть картечью, положилъ предъ собой часы и продолжалъ размышлять о своихъ излюбленныхъ вопросахъ, пока стрѣлка не показала заранѣе намѣченнаго часа. Выстрѣлъ уничтожилъ глазъ, мозгъ остался невредимымъ, — и Сень-Симонъ былъ спасенъ²⁰⁰). Отчаяніе такъ же быстро оставило философа, какъ и охватило его, онъ съ новой энергіей принялся за работу, — и ученики находятъ, что работа усвоила съ этихъ поръ «особый отпечатокъ»²⁰¹). Впослѣдствіи критикамъ сень-симонизма не трудно было на счетъ этого отпечатка отнести *Новое христіанство*, какъ произведеніе преимущественно «религиозное» и, слѣдовательно, «религиозность» философа приурочить къ болѣз-

²⁰⁰) Подробно фактъ рассказанъ у Губбара (93—5) и въ *Not. hist.* I, 102—9.

²⁰¹) *Oeuvres.* XXIII, 7—8.

ненному потрясенію его нравственной природы. Мы видѣли, Контъ въ этомъ направленіи пытался объяснить религіозныя тенденціи ненавистнаго учителя.

Въ дѣйствительности, — никакого существеннаго разрыва нѣтъ въ произведеніяхъ Сень-Симона какой бы то ни было эпохи, — потому что всѣ они зиждутся на одной и той же психологіи и надъ ними господствуетъ одна и та же идея. То, что можетъ произвести на читателя впечатлѣніе «отпечатка», — простой результатъ крайне своеобразной духовной жизни философа, соединявшаго беззавѣтно порывистую экзальтацію съ сильнѣйшей наклонностью къ позитивному анализу фактовъ и съ великой способностью къ логическимъ обобщеніямъ. Что касается религіозности, — она съ идеальной яркостью выразилась въ извѣстномъ обращеніи Сень-Симона къ племяннику. И Сень-Симону, жившему въ эпоху всевозможныхъ религіозно-преобразовательныхъ попытокъ, присутствовавшему при революціонныхъ культахъ, читавшему полупророческія произведенія мистиковъ, реакціонеровъ и даже либераловъ, и лично обладавшему неизсякаемымъ запасомъ энтузіазма, — было бы невѣроятно — хотя бы по временамъ — не переходить изъ тона философа въ тонъ проповѣдника и даже пророка. Вѣдь его ученіе должно было замѣстить религію и чисто-религіознымъ путемъ — убѣжденіемъ и экзальтированіемъ. И Сень-Симонъ усиленно доказываетъ первостепенное значеніе чувства въ организаціи позитивной системы. Это — ранній корень новой «теологіи».

Въ отрывкѣ *Возникновеніе христіанства* чувство называется «позитивнымъ элементомъ религіи», а вообще религіозное чувство — «основой всѣхъ позитивныхъ системъ» ²⁰²). Позже объясняется смыслъ этого принципа: «идеи и чувства необходимо связаны другъ съ другомъ и соотвѣтствуютъ другъ другу» и никакое великое философское движеніе не можетъ быть выполнено безъ участія «благородныхъ чувствъ», «сила нравственнаго чувства» рѣшаетъ всѣ социальныя перемѣны ²⁰³). Всѣ эти идеи были высказаны до марта 1823 года и не находятся, слѣдовательно, ни въ какой связи съ нравственнымъ потрясеніемъ философа. Даже больше. За долго до

²⁰²) XIX, 184.

²⁰³) XXI, 21; XXII, 118. *Du Syst. ind.*

Новаго христіанства философъ неоднократно восхвалялъ не только историческую силу христіанства, какъ организаціи, — но и давалъ самые восторженные отзывы о христіанскомъ нравственномъ ученіи. Иисусъ Христосъ — мученикъ истины и добродѣтели, принципы евангелія совпадаютъ съ требованіями здраваго смысла, въ эпоху эгоизма они выполнили великую соціальную задачу — «раздѣлили страсти на два класса» — полезныя для ближняго и вредныя. Но всѣ эти достоинства принадлежать первичному евангельскому просвѣщенію, — духовенство и особенно іезуитскій орденъ извратили его — проповѣдью пассивнаго повиновенія для подданныхъ и неограниченнаго произвола для властителей. Новая духовная власть должна внести «всемогущій голосъ христіанства» во дворцы и въ хижины. И Сень-Симонъ въ обращеніи къ королю христіанское правило взаимной братской любви между всѣми людьми называетъ «самымъ общимъ изъ всѣхъ соціальныхъ принциповъ: въ своихъ послѣдствіяхъ оно обнимаетъ не только всю мораль но и всю политику, — оно настоящій организующій принципъ». И Сень-Симонъ негодуетъ на современный эгоизмъ, забывшій о путяхъ «божественнаго основателя христіанства» ²²⁴). Наконецъ, философъ дѣлаетъ послѣдній шагъ по пути къ религіозному духу, — всѣ соціальныя перемѣны, разложение и возникновеніе доктринъ онъ признаетъ результатомъ божественной воли, и всѣ, кто осуществляетъ новую доктрину, — являются «прямыми агентами Предвѣчнаго» — *les agents dirers de l'Eternel*. Ихъ Сень-Симонъ называетъ филантропами, нравственными наслѣдниками первобытнаго христіанства и пишетъ пространный «адресъ къ филантропамъ». Это происходитъ въ началѣ 1821 года, — Сень-Симонъ ставитъ такой эпитафій на своемъ сочиненіи: «Богъ сказалъ: любите другъ друга и помогайте другъ другу». Повидимому — мы находимся всецѣло въ атмосферѣ религіознаго и даже христіанскаго проповѣдничества и контисты имѣли основаніе усмотрѣть здѣсь поворотъ къ теологіи. На самомъ дѣлѣ, — ничего подобнаго: предъ нами только своеобразный приѣмъ популяризаціи философскихъ идей.

Прежде всего мы должны съ самаго начала отказаться отъ рѣшенія вопроса — касательно основнаго теологическаго принципа, —

²²⁴) XIX, 180; XXII, 104—5; 229: „il est le véritable principe constituant“; 250.

вѣры въ Бога,—насколько этотъ вопросъ касается Сень-Симона. Мы знаемъ, онъ считалъ необходимымъ въ интересахъ экзальтированія публики и освященія научныхъ идей высшимъ популярнымъ авторитетомъ—говорить отъ имени Бога. Это—вопросъ политики и практики, а не анализа и философіи,—и на взглядъ Сень-Симона божественная воля ничто иное какъ тотъ или другой моментъ закономѣрной исторической эволюціи. Здѣсь нѣтъ *личной* божественной воли, потому что она была бы нарушеніемъ *общей* божественной воли, по существу ненарушимой. И всѣ вѣдѣнія какія Сень-Симонъ приписываетъ Божеству,—ничто иное, какъ извѣстные намъ выводы позитивной философіи. По толкованію философа, — божественная воля для современнаго порядка вещей—слѣдующая: союзъ государей, ученыхъ и индустриаловъ, всѣ они желаютъ перемены, но она должна осуществиться «какъ послѣдствіе великаго принципа божественной морали»,—это значитъ: «законно, по волѣ короля», потому что и первые христіане дѣйствовали проповѣдью на государей. Программа остается все также: «божественная мораль» и «воля современнаго состоянія цивилизаціи»—называются рядомъ и сливаются другъ съ другомъ. Только осуществлять мораль и волю слѣдуетъ по христіански,—т. е. терпимо, любвеобильно, путемъ убѣжденія и энтузіазма. Богъ повелѣваетъ побѣду позитивныхъ наукъ надъ войнами и теологическими отвлеченностями, воздѣйствіе на природу, вообще установленіе «индустриальной и научной системы», свободу отъ чудесъ и воображенія, торжество положительныхъ знаній и производительнаго труда надъ молитвами и религіозными обрядами—по пути къ улучшенію участи человѣчества³⁴⁵).

Естественно,—тамъ гдѣ эта «воля цивилизаціи» становится въ противорѣчіе съ религіознымъ преданіемъ,—она должна устранить его,—и Сень-Симонъ послѣ восторговъ предъ христіанской моралью и преклоненія предъ культурнымъ значеніемъ христіанской организаціи,—не можетъ отвергнуть *моментаго* смысла—и духовнаго и практическаго явленія. Относительно *морали* это не обходится безъ нѣкоторой неясности. Мы видѣли,—философъ евангельскую мораль призналъ всеисчерпывающимъ ученіемъ,—правда *въ ея послѣдствіяхъ*, т. е. выводахъ. Несомнѣнно, болѣе высокаго общаго принципа,

³⁴⁵) ХХІІ, 126—7, 141, 131, 132—3. *О. сн.* II, 435.

чѣмъ любовь къ ближнимъ,—не въ состояніи открыть человѣческой умъ,—но любовь—область *чувства*,—помимо ея существуютъ—*интересы*,—они именно оставлены христіанствомъ безъ вниманія, — и поэтому христіанство является *неполнымъ* ученіемъ для всесторонняго управленія человѣкомъ. Христіанство проповѣдывало любовь внѣ матеріальныхъ отношеній, т. е. независимо отъ эволюціи матеріальной стороны жизни. Оно дѣйствовало въ эпоху рабства и не имѣло въ виду индустріальной стадіи цивилизаціи, осложненной развитіемъ положительнаго знанія. Аскетическая тенденція первичнаго христіанства и не могла считаться съ подобнымъ будущимъ. Ясно—новой доктринѣ приходится великій принципъ любви къ ближнему координировать съ данными матеріальнаго прогресса, съ новой дифференціаціей классовъ—теоретически—одинаково свободныхъ, но социалью не равносильныхъ и неравноправныхъ. Эта разница выросла на позитивно-индустріальномъ отношеніи къ природѣ,—т. е. на фактѣ невѣдомомъ въ рабовладѣльческой періодъ цивилизаціи. Его необходимо принять въ расчетъ при организаціи новой доктрины, т. е. осуществить высшій нравственный законъ при условіи глубоко развитыхъ интересовъ. Ихъ приходится положить въ основу новой теологіи, иначе она не будетъ синтезомъ исторической эволюціи. Собственно новая мораль, по мнѣнію Сень-Симона, будетъ только новымъ приложеніемъ стараго предписанія: *не дѣлайте другимъ, чего не хотите, чтобы вамъ дѣлали*. Мы знаемъ, философъ раньше предлагалъ этотъ *отрицательный* принципъ замѣнить *позитивнымъ*, всеобщей обязанностью личнаго производительнаго труда. Теперь онъ понялъ, что трудъ не гарантируетъ общественной справедливости, такъ какъ не всѣми производится при одинаково благоприятныхъ условіяхъ, т. е. не всѣ обладаютъ одинаковыми способностями и равными капиталами. Это различіе не подлежитъ уничтоженію: для этой цѣли потребовались бы метафизическія и революціонныя средства. И Сень-Симонъ, проектируя свою социальную организацію, ни на минуту не упускаетъ изъ виду естественнаго и экономическаго неравенства, какъ закономѣрнаго факта нравственной и матеріальной эволюціи. Слѣдовательно, основы позитивной социальной системы—трудъ, талантъ и капиталъ. Эти моменты совершенно опредѣленно установлены Сень-Симономъ,—его послѣдователямъ оставалось только выяснить и формулировать

выводы. И самъ учитель уже пытался выполнить эту задачу, приспособляя христіанскую мораль къ индустріализму, дополняя уложеніе чувства кодификаціей интересовъ ²⁰⁶).

При рѣшеніи этого вопроса естественно представляется два индустріальныхъ класса, т. е. одинаково лично и производительно работающихъ, но не равныхъ по способностямъ и капиталамъ,— руководители индустріи и простые рабочіе. Сень-Симонъ, мы знаемъ, далеко отъ мысли считать интересы обоихъ классовъ на столько взаимно враждебными, чтобы комбинація ихъ могла совершиться только путемъ междоусобной борьбы. Философъ неизмѣнно остается при убѣжденіи въ естественномъ единствѣ индустріальныхъ интересовъ. Гармонія ихъ можетъ и должна быть осуществлена вождями индустріи. Для этого мало одного труда, необходимы *способности*,—и Сень-Симонъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на доказательствѣ, что рабочіе при современномъ уровнѣ цивилизаціи несомнѣнно обладаютъ *соціальной способностью*, т. е. понимаютъ что такое собственность и умѣютъ производительно пользоваться ею.

Только развитіе идей и интересовъ могло обезпечить освобожденіе индустріи, также и новая организація возможна лишь при такомъ условіи: «люди, составляющіе послѣдній классъ общества должны достигнуть такого уровня цивилизаціи, чтобы ихъ можно было сдѣлать общниками—*sociétaires*,—и для этого необходимо, чтобы они обнаружили способность управлять собственностью». Эта необходимость равносильна — потребности общества въ доктринѣ,—сильнѣе подчеркнуть своей идеи Сень-Симонъ не могъ. Говоря о *воспитаніи* народа, онъ главнѣйшей его частью считаетъ умѣнье не читать и писать, а «хорошо управлять собственностью». Въ примѣръ онъ приводитъ русскихъ; даже если они грамотны, у нихъ нѣтъ высшей соціальной способности. Собственность гибнетъ въ ихъ рукахъ, они постоянно готовы земледѣльческія орудія, инструменты, сѣмена и предметы первой необходимости продать за водку. Очевидно,—къ такому пролетариату неприложима совершенная соціальная система,—но она вполнѣ возможна при культурномъ уровнѣ французскихъ пролетаріевъ ²⁰⁷). Еще въ *Организаторъ*, въ статьѣ,

²⁰⁶) XXXVII, 201; XXXIX, 20.

²⁰⁷) XXXIX, 170—1; 124—5.

редактированной Контомъ, было высказано слѣдующее соображеніе: «народъ, сдѣлавшись собственникомъ, постепенно усвоилъ всѣ привычки, свойственныя любви къ порядку и къ работѣ, отличающія предусмотрительность и уваженіе къ собственности». Позже Сень-Симонъ подробно доказываетъ «способность французскихъ пролетаріевъ хорошо управлять собственностью» — одинаково и въ земледѣліи, и въ промышленности. Во время продажи національныхъ имуществъ тысячи пролетаріевъ стали собственниками и умѣніемъ пользоваться собственностью доказали высокой уровень своего ума и способность обходиться безъ опеки. Сень-Симонъ приводитъ примѣръ изъ личнаго опыта, какъ пролетаріи отлично устроились на церковныхъ земляхъ въ одной провинціи. Та же революція закономъ о *taxitit*'ѣ «раздавила» предпринимателей, спасшихся отъ грабежей, — и потомъ докончила разореніе континентальная система. И все таки индустрія не пала, — напротивъ развилась благодаря дѣятельности простыхъ рабочихъ, превратившихся въ предпринимателей — даже болѣе разумныхъ и дѣятельныхъ, чѣмъ ихъ предшественники. Современная Франція производителнѣе и богаче во всѣхъ отрасляхъ индустріи, чѣмъ до революціи, — хотя большинство новыхъ руководителей работъ вышло изъ народа. Слѣдовательно стала возможной свободная организація для общаго блага. Это значитъ, — рабочіе должны быть приняты крупными индустріалами въ члены промышленныхъ предпріятій — и «законъ долженъ классифицировать ихъ какъ общиниковъ». Время дикихъ разрушительныхъ страстей миновало. Меньшинству больше не приходится быть на — сторожѣ противъ возстанія и безпорядковъ. Французскій пролетаріатъ, по мнѣнію Сень-Симона, не способенъ воевать противъ собственности богачей, — и меньшинство должно выполнить три задачи: возможно тѣснѣе привязать интересы пролетаріевъ къ общественному спокойствію; установить возможно легкую мобилизацію недвижимой собственности, обезпечить за работниками высшую степень политическаго авторитета ²⁰³).

Помимо необходимости — слить рабочихъ и предпринимателей въ сплоченныя общества, у Сень-Симона имѣется еще одинъ планъ — предварительнаго характера, восполняющій или подготовляющій

²⁰³) XX, 146; XXXIX, 119—127.

осуществление всеобщей ассоціаціи. Для того, чтобы низшій классъ могъ слиться съ предпринимательскимъ, — необходимы двѣ мѣры: — материальная и нравственная, т. е. доставленіе средствъ всякому производительно-трудящемуся стать собственникомъ и организація позитивнаго образованія, единственно способнаго сообщить пролетариату социальныя таланты и силу для производительнаго труда. Отсюда непрестанныя требованія Сень-Симона — обезпечить рабочимъ — *работу и образованіе*. И то и другое должно совершиться не вслѣдствіе чувствительной тенденціи, а неизбежно, логическимъ путемъ. Разъ индустриалы станутъ во главѣ государства, — естественно — весь государственный интересъ сосредоточится на развитіи промышленности, — и, слѣдовательно, источникъ работы явится неисчерпаемымъ²⁰⁾. Слѣдовательно, для Сень-Симона развитіе капитализма и капиталистической индустріи не только не представляется зломъ, а напротивъ — служитъ основой для всеобщаго благоденствія. Оно оказывается достижимымъ при условіи легчайшаго превращенія рабочихъ въ собственниковъ и въ членовъ предпринимательскихъ ассоціацій. Только возможность достигнуть этихъ цѣлей — упрочить общественный порядокъ, такъ какъ въ сохраненіи его будутъ заинтересованы сами пролетаріи. Всѣ граждане новаго государства — *associés*, всѣ производительные работники — *sociétaires*: таковы — идеалы Сень-Симона²¹⁾. Въ новой системѣ нѣтъ прави-

²⁰⁾ XXI, 125. *Du Syst. ind. Sur la loi des élections*: „les ouvriers obtiendront toujours la plus grande quantité de travail que la société puisse leur procurer, car l'industrie serait poussée au plus haut degré d'activité“. Рукон. Арсен. библ. стр. 5—6.

²¹⁾ Сень-Симонъ, по поводу идеи ассоціаціи, рекомендуетъ читателямъ познакомиться съ сочиненіемъ De Laborde'a *De l'esprit d'association dans tous les intérêts de la communauté*. Оно вышло въ 1818 году и доказывало мысли, сходныя съ воззрѣніями Сень-Симона не только по вопросу объ ассоціаціи. Напримѣръ, — въ предисловіи авторъ о хартии отзывался согласно съ Сень-Симономъ: она не создала учреждений, а развѣ только нѣкоторое „объединеніе“ въ современномъ обществѣ. Авторъ, согласно съ экономистами, трудъ — „просвѣщенный, свободный, усидчивый“ призналъ *принципомъ и вѣчнымъ двигателемъ* общества, — ради него должны быть устроены всѣ учрежденія, — и *духъ ассоціаціи* является основной силой, создающей миръ и благоденствіе всѣхъ классовъ. Цѣль автора — разсмотрѣть этотъ принципъ въ различныхъ приложеніяхъ его къ труду и производству. Въ общемъ Делабордъ противникъ правительственнаго экономическаго вмѣшательства и защитникъ ассоціаціи. Общественная революція, у него имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и у Сень-Симона, — и является исходнымъ моментомъ новаго политическаго и экономическаго строя (*Préf.*

тельства, какъ господствующей власти, а только *администрація*, какъ власть охраняющая порядокъ, нѣтъ господъ и слугъ, а только *сотрудники*, и нѣтъ благодѣтелей и благодѣтельствуемыхъ, а участники однихъ и тѣхъ же *интересовъ*. И Сень-Симонъ предлагаетъ индустриаламъ отказаться отъ стараго наименованія—*либералы*. Либерализмъ выражаетъ «порядокъ чувствъ» и поэтому—опредѣленіе смутное,—къ либераламъ причисляются представители критическаго направленія—революціонеры XVIII-го вѣка, *патріоты*, *бонапартисты*. *Индустриализмъ*, напротивъ, вполне точно характеризуетъ реальную организаторскую политику—общаго, не партійнаго, направленія²¹¹⁾.

Положительный принципъ *интересовъ* проводится Сень-Симонъ съ неуклонной послѣдовательностью и въ несомнѣнный ущербъ *чувствамъ*. Стараясь доказать практическую необходимость предпринимательско-рабочихъ ассоціацій, философъ никоимъ образомъ не желаетъ нарушить правъ капитала. Они, несомнѣнно, будутъ полностью осуществлены *матерьяльно*—при устройствѣ всякой ассоціаціи отдѣльно, когда въ основу распредѣленія благъ будутъ приняты таланты и денежныя доли каждаго общника. Но Сень-Симонъ стремится сохранить и духовныя привилегіи за капиталомъ: до такой степени онъ страшится сколько нибудь революціонной мѣры, какой бы то ни было не закономѣрной экспроприаціи. Онъ допускаетъ преподаваніе доктрины, *различное* для богатыхъ и бѣдныхъ: у богатыхъ больше времени посвящать наукѣ и имъ, поэтому, «общая доктрина» будетъ раскрываться съ бѣльшими подробностями,—единственная цѣль образованія—бѣдные на столько будутъ просвѣщены, что богатые не смогутъ по отношенію къ нимъ злоупотреблять преимуществами своего образованія. Это значить,—евангельская мораль *на почетъ позитивныхъ знаній* будетъ преподаваться въ различныхъ степеняхъ—сообразно съ матерьяльнымъ положеніемъ учащихся²¹²⁾. Такое существенное видоизмѣненіе вопросъ

II—IX; 48—4, 57—8). Мы знаемъ, принципы ассоціаціи защищали и Симонди, — но ни онъ, ни Делабордъ не владѣли цѣльной соціальной доктриной и ихъ идеи являлись только опитомъ новой комбинаціи старыхъ элементовъ, — правительства и промышленнаго общества.

²¹¹⁾ XXXVII, 178—181.

²¹²⁾ XXXIX, 30; XXII, 115 - 6.

объ интересахъ вносить въ кодексъ чувствъ и такъ христіанское братство преобразовывается въ индустріальное сотрудничество²¹³⁾. Въмѣсто церкви является — промышленная ассоціація, государство организуется какъ частное производительное предпріятіе²¹⁴⁾. Несомнѣнно, вопросъ въ такой формѣ не могъ считаться рѣшеннымъ, — съ точки зрѣнія самого философа. Разграниченіе степеней образованія по чисто-экономическому принципу не удовлетворяло одному изъ основныхъ требованій новой доктрины — классификаціи работниковъ по способностямъ, столь краснорѣчиво выставленной еще въ первомъ сочиненіи Сень-Симона. Очевидно, сень-симоновскій планъ образованія нуждался въ не менѣе существенныхъ выясненіяхъ и дополненіяхъ, чѣмъ и организація духовной власти, — задача вполне понятая и выполненная ближайшими послѣдователями философа.

Всѣ идеи новой *земной* морали и политики Сень-Симонъ положилъ въ основу своего разсужденія *Новое Христіанство*. Въ самомъ началѣ бесѣды между «новаторомъ» и «консерваторомъ» — авторъ отъ лица новатора заявляетъ свою вѣру въ Бога и въ божественное происхожденіе христіанства. Но имѣется въ виду не теологія, а единственно лишь принципъ евангельской братской любви: по мнѣнію Сень-Симона, все божественное въ христіанствѣ ограничивается этимъ принципомъ. Осуществлять этотъ принципъ въ эпоху появленія христіанства, несомнѣнно, могло только духовенство и въ этомъ смыслѣ и для извѣстнаго времени философъ признаетъ отцовъ церкви непогрѣшимыми. И божественный характеръ дѣятельности остается на сторонѣ того, кто извлекаетъ прямыя слѣдствія изъ основного принципа божественной морали, совершаетъ ея наиболѣе общія приложенія: это и есть «наилучшій теологъ», т. е. «истинный папа, и намѣстникъ Бога на землѣ», — въ резуль-

²¹³⁾ Делабордъ имѣетъ въ виду аналогичную метаморфозу, высказывая слѣдующую мысль: „La religion chrétienne avait fait voir dans chaque homme un frère, l'industrie y fit trouver un ami, et, dès ce moment, il s'établit une association tacite, mais unanime, entre les hommes éclairés, industriels et libres, conte l'ignorance et la paresse“. О. с. 58.

²¹⁴⁾ „Il faut organiser la nation de la même manière et d'après les mêmes principes qu'on procède à la formation des associations particulières“. *Du contrat social*. Рухон. Арсен. библ.

татѣ организаторѣ наиболѣе совершеннаго нравственнаго и физическаго существованія самаго многочисленнаго класса ²¹⁵⁾.

Христіанство выставило безсмертную доктрину, но организацио—предложило лишь «частную и очень несовершенную», — для позднѣйшаго уровня цивилизаци. Оно отдѣлило права Цезаря отъ права церкви, — новое христіанство должно всѣ свѣтскія и духовныя учрежденія приурочить къ одному и тому же принципу, — и руководителями новой церкви должны быть тѣ, кто наиболѣе способенъ своими работами увеличивать благосостояніе бѣднѣйшаго класса. Съ этой точки зрѣнія культъ и догма—предметы второстепенные и всѣ современныя христіанскія вѣроисповѣданія — *ереси* именно потому, что они не преслѣдуютъ *единственной цѣли христіанства* — наиболѣе быстраго улучшенія благосостоянія бѣднѣйшаго класса.

Логическій выводъ: рѣшительное осужденіе католичества, не выполняющаго социальнаго назначенія христіанства, разрабатывающаго догматы и «мистическія представленія», и не воспитывающаго своихъ служителей для направленія вѣрующихъ согласно съ принципами современнаго уровня цивилизаци. Именно церковныя владѣнія въ настоящее время пользуются наихудшимъ управленіемъ, земли папской области, когда-то пвѣтушія, превратились въ заразные болота или въ пустыни, индустрія не развивается, у бѣдняковъ нѣтъ работы, ихъ пропитываютъ духовныя благотворительныя учрежденія, и еще хуже ихъ нравственное состояніе: праздность породила разбой—бичъ всей несчастной страны. Еретическое направленіе католичество приняло съ давнихъ поръ, когда оно допустило возникновеніе двухъ учреждений, совершенно противоположныхъ духу христіанства, — инквизиціи и ордена іезуитовъ. Инквизиція карала исключительно преступленія противъ догмы и культа, а духъ іезуитизма достаточно разоблаченъ Паскалемъ, — слѣдуетъ только прибавить, что современные миссіонеры—истинные антихристы: апостолы были защитниками бѣдныхъ, а миссіонеры являются адвокатами богачей и сильныхъ противъ бѣдняковъ ²¹⁶⁾.

Мы знаемъ,—поворотный моментъ въ умственной жизни Европы совершился въ XV вѣкѣ, когда свѣтскія науки переросли пре-

²¹⁵⁾ XXIII, 109—115.

²¹⁶⁾ Ъ. 118—132.

дѣлы, въ которые церковь заключила принципы евангельскаго ученія. Папа и кардиналы, вообще духовенство, оказались неспособными руководить массою вѣрующихъ,—и католическая церковь начала утрачивать поддержку плебеевъ противъ аристократіи, средняго сословія противъ феодализма. Сень-Симонъ и теперь вполне опредѣленно изображаетъ *прогрессивную* роль средневѣковой церкви въ противоположность *ретроградному* элементу—феодализму, окончательно разрушаетъ возможность координаціи идейной сущности и культурныхъ цѣлей обѣихъ стихій такъ называемой теологической стади. Католичество перестало быть прогрессивнымъ только потому, что не послѣдовало за общимъ движеніемъ цивилизаціи, измѣнило принципу духовной власти—быть на высотѣ современной умственной жизни и *способностями* превосходить массу. Католичество рѣшило удержать ее въ предѣлахъ выработаннаго ученія, остановить матерьяльный и нравственный прогрессъ,—и вмѣсто того, чтобы воспользоваться силами науки, искусствъ и индустріи для дальнѣйшаго осуществленія евангельской морали, — церковь вступила въ союзъ съ свѣтской властью противъ этихъ силъ и противъ массы, создала инквизицію и іезуитовъ и стала заботиться лишь объ огражденіи «богатствъ и мірскихъ наслажденій» духовенства. При такомъ положеніи духовной власти явился Лютеръ²¹⁷⁾.

Дѣятельность его дѣлится на два направленія—критическое и созидательное. Критикой Лютеръ оказалъ существенную услугу цивилизаціи,—безъ него папство совершенно поработило бы человечество своимъ суевѣрнымъ идеямъ и заставило бы его забыть о морали. Лютеръ разрушилъ духовную власть, не соответствовавшую больше состоянію общества. Но въ *органической* части ученіе Лютера осталось неудовлетворительнымъ: протестантство не что иное какъ ересь. Лютеръ рѣшилъ воскресить нравственное ученіе отцовъ церкви, возникшее при совершенно другомъ уровнѣ цивилизаціи, при раздѣленіи общества — на господъ и рабовъ, при владычествѣ одной—римской—націи, при неизвѣстности размѣровъ земли и, слѣдовательно, при невозможности — создать какой-либо общій планъ усовершенствованія земельной собственности. Христіанство упрочило основы новой соціальной организаціи, выдвинувъ на первый планъ

²¹⁷⁾ Ib. 132—140.

аристократію талантовъ противъ привилегій происхожденія, поколебавъ законность правъ силы и завоеванія, противопоставивъ *филиатрическое чувство*—древнему патриотизму. Лютеру слѣдовало принять во вниманіе всѣ эти перемѣны, — и послѣ христіанской *проповѣди* о братствѣ перейти къ ученію о *практическомъ* улучшеніи нравственнаго и матеріальнаго положенія наиболѣе многочисленнаго класса. Первобытное христіанство не имѣло силъ бороться съ властью цезаря и признало ее, — но съ тѣхъ поръ положеніе свѣтской власти измѣнилось: христіанство, въ теченіе многовѣковой борьбы, сломило право сильнаго и завоевателя, — и свѣтская власть должна безусловно подчиниться принципу евангельской морали, — т.-е. сосредоточиться на развитіи и охранѣ современныхъ силъ цивилизаціи для улучшенія участи бѣдныхъ — нравственной и матеріальной. Духовная власть въ лицѣ католичества не поняла своего назначенія. Она продолжала освящать войну, воспѣвая по случаю побѣдъ *Тебе Боги хвалитъ* — все равно ради какого государя. У католичества, слѣдовательно, не было *единства цѣли*, не могло быть и *плана соціальной организаціи* — для нравственнаго и экономическаго прогресса. Планъ этотъ, при современномъ уровнѣ цивилизаціи, могъ быть составленъ только общими усиліями — ученыхъ, артистовъ и индустріаловъ. вмѣсто того чтобы стать во главѣ этой работы, церковь желала заключить вѣрующихъ въ кругъ обрядовъ и аскетическихъ упражненій и это при тѣхъ условіяхъ, когда искусства процвѣтають, науки становятся во главѣ всѣхъ *нашихъ* знаній, великія индустріальныя предпріятія являются болѣе способными *улучшить* судьбу бѣднаго класса, чѣмъ свѣтская и духовная власть — до послѣдняго времени. Церкви для спасенія своего авторитета необходимо было вступить въ союзъ съ этими новыми мирными силами противъ свѣтской власти, — иначе свѣтская власть въ союзѣ съ теми же силами окончательно унижить духовную — католическую, сдѣлаетъ ее своимъ орудіемъ. Все это Лютеръ долженъ былъ объяснить папству и дѣйствовать сообразно съ этими идеями. Лютеръ не осуществилъ ихъ въ своей церковной организаціи. вмѣсто того чтобы поднять соціальное значеніе христіанской религіи, онъ заключилъ ее въ тѣсныя предѣлы ея перваго періода, поставилъ ее внѣ соціальной организаціи, призналъ власть Цезаря верховной, духовенству

предоставилъ только право ходатайствъ предъ ней и мирныя способности осудилъ на вѣчную зависимость отъ военной ¹¹¹⁾).

Религіозный культъ долженъ сосредоточивать вниманіе людей, правильно собирающихся въ дни отдыха, — на общихъ интересахъ всѣхъ членовъ общества и человѣчества. Для этой цѣли необходимо употребить всѣ средства—внушать людямъ ужасъ предъ послѣдствіями антисоціальныхъ дѣйствій, и предвкушеніе счастья—въ результатѣ истинно-нравственной дѣятельности. Всѣ искусства имѣютъ здѣсь мѣсто — краснорѣчіе, поэзія, музыка, живопись, скульптура, архитектура, — всѣ должны быть направлены на возбужденіе цѣлесообразныхъ чувствъ. Лютеръ и здѣсь не понялъ соціальной сути своей реформы, — онъ *отразничилъ* культъ, не позаботился путемъ кulta — «развить въ душахъ вѣрующихъ страсть къ общему благу». Наконецъ, протестантизмъ—усвоилъ «дурную догму».

Въ первомъ періодѣ христіанства догма могла преобладать надъ моралью. Общество рѣзко дѣлилось на два класса и между ними не существовало взаимныхъ обязанностей, религія могла дѣйствовать только на господъ, — единственно имѣвшихъ право свободной дѣятельности. Естественно, —моральная часть религіи являлась менѣе развитой, чѣмъ догматическая и матеріальная, т.-е. вѣрованія и культъ. Теперь—совершенно обратное. Культъ—только средство воздѣйствовать на филантропическія идеи и чувства людей, а догма — только руководство, какъ осуществлять эти идеи и чувства практически — въ политикѣ и повседневныхъ отношеніяхъ. Лютеръ признавалъ христіанство совершеннымъ въ самомъ источникѣ, сосредоточилъ все вниманіе на ошибкахъ средневѣковаго духовенства и не замѣтилъ громаднаго культурнаго прогресса, совершеннаго служителями алтаря, завоеваннаго ими великаго соціальнаго значенія мирнаго труда. Лютеръ предписалъ своимъ послѣдователямъ изучать христіанство въ книгахъ, написанныхъ въ періодъ его возникновенія, — а въ особенности въ Библии. По мнѣнію Сень-Симона, — это такъ же «нелѣпо», какъ если бы математиковъ, физиковъ, химиковъ и всѣхъ другихъ ученыхъ заставить изучить ихъ науки по самымъ раннимъ сочиненіямъ по этимъ наукамъ. Сень-Симонъ спѣшитъ оговориться: его мысль вовсе не противорѣчить вѣрѣ въ бо-

¹¹¹⁾ Л. 140—158.

жественное происхождение христіанства. Іисусъ могъ говорить съ людьми только тѣмъ языкомъ, какой они могли понимать. Онъ вручилъ апостоламъ сѣмя христіанства и поручилъ церкви развивать это драгоцѣнное сѣмя,—уничтожить всѣ политическія права, основывающіяся на законѣ сильного, и устранить всѣ учрежденія, мѣшающія улучшенію нравственнаго и физическаго состоянія бѣднѣйшаго класса ¹¹⁹⁾.

Предписанное Лютеромъ изученіе Библіи ведетъ къ отрицательнымъ результатамъ: развиваешь вкусъ къ безцѣльнымъ метафизическимъ изысканіямъ въ ущербъ позитивнымъ идеямъ, грязнить воображеніе разсказами о порокахъ, уничтоженныхъ цивилизаціей, сосредоточиваешь вниманіе читателей на политическихъ стремленіяхъ, противныхъ общему благу,—на идеяхъ соціального равенства, «совершенно неосуществимаго», вызываетъ къ жизни дѣятельность обширныхъ обществъ, полагающихъ въ распространеніи Библіи—высшую культурную задачу новаго времени.

Сень-Симонъ своей критикой протестантизма не намѣренъ при-
нижать значеніе лютеровской дѣятельности: Лютеръ совершилъ все возможное въ его время,—критикѣ подвергается вѣра въ протестантизмъ, какъ въ окончательную реформу христіанства. Лютеръ только открылъ путь реформѣ и она должна быть не усовершенствованіемъ протестантизма а *новымъ христіанствомъ*,—весь смыслъ его въ формулѣ: *всякое общество должно работать на улучшеніе нравственнаго и физическаго существованія бѣднѣйшаго класса; общество должно организоваться способомъ наиболѣе облетчающимъ достиженіе этой великой цѣли.*

Къ ней слѣдуетъ идти исключительно нравственными путями, воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе. Ни въ какомъ случаѣ послѣдователи новаго христіанства не будутъ употреблять физическую силу противъ своихъ противниковъ; ни въ какомъ случаѣ они не будутъ являться ни судьями, ни палачами. И цѣль Сень-Симона, по его словамъ,—именно въ томъ, чтобы новая доктрина не вызвала бѣдный классъ на насильственные дѣйствія противъ богатыхъ и противъ правительствъ. Поэтому онъ и началъ съ обращенія къ богатымъ и сильнымъ, къ индустріаламъ, ученымъ и артистамъ,

¹¹⁹⁾ П. 158—168.

чтобы расположить ихъ въ пользу новой доктрины, доказать имъ— ея соотвѣтствіе ихъ собственнымъ интересамъ: помочь бѣдному классу, помочь только тѣми самыми средствами, которыя увеличатъ благодѣнствіе богатаго класса. И философъ убѣждалъ артистовъ, ученыхъ и представителей индустриі, что ихъ интересы тождественны съ интересами народной массы,—для него въ высшей степени важенъ и союзъ съ католиками и протестантами ²²⁰).

Мы видимъ, — существенное содержаніе *Новаго христіанства* заключается въ критикѣ двухъ новѣйшихъ еретическихъ отступленій отъ евангельскаго принципа—католичества и протестантства. Самый принципъ остается непоколебимъ. И такъ какъ онъ созданъ въ области морали за пятнадцать вѣковъ до значительныхъ успѣховъ другихъ наукъ,—очевидно, умъ, его создавшій,—носитъ сверхчеловѣчскій характеръ и самый принципъ доказываетъ богооткровенное происхожденіе христіанства. И, по мнѣнію Сень-Симона, Богъ вообще особо покровительствуетъ тѣмъ, кто старается всѣ учрежденія подчинить основному принципу этой возвышенной доктрины. Съ этой точки зрѣнія Сень-Симонъ и себя считаетъ исполнителемъ божественной миссіи, такъ какъ призываетъ государей и народы къ истинному духу христіанства. Именно вѣра въ особое божественное покровительство даетъ философу смѣлость — обращаться къ государямъ Европы съ убѣдительными упреками: они называютъ себя христіанами и продолжаютъ основывать свою власть на физической силѣ. Они заключили между собой *священный союзъ* и всѣ мѣры направили на ухудшеніе участи бѣднаго класса—и въ настоящемъ и будущемъ, ежегодно увеличиваютъ налоги, тратятъ ихъ на солдатъ и придворныхъ, больше всего покровительствуютъ дворянству, чьи права также основаны исключительно на мечѣ. Только два обстоятельства смягчаютъ вину государей: они сокрушили власть новаго Цезаря, т.-е. Наполеона и потомъ духовенство не остановило ихъ на краю пропасти, а само устремилось за ними ²²¹).

Предъ нами достаточно выясняется смыслъ христіанства, «омоложеннаго» Сень-Симономъ. Это—прежде всего нравственное ученіе, организующее общество на почвѣ согласованныхъ классовыхъ

²²⁰) *Иб.* 168—181.

²²¹) *Иб.* 188—191.

интересовъ и въ духѣ высшаго уровня цивилизаціи. Это—моментъ эволюціонный, такъ же какъ эволюціонны интересы и вся цивилизація. Евангельскій принципъ взаимной братской любви остается непревзойдимымъ, но приложенія его, извлекаемыя изъ него организующія слѣдствія—столь же разнообразны, какъ различны историческіе моменты, требующіе органической доктрины. Цивилизація пережила два такихъ момента: возникновеніе христіанства и обновленіе его. Въ промежуткѣ—сначала вѣка приложенія евангельской морали къ тому культурному состоянію общества, какое характеризуется рабствомъ, правомъ сильнаго, привилегіями рожденія, — потомъ вѣка—разложенія духовной власти, выполнившей свое назначеніе и переставшей соответствовать социальному и умственному росту общества. Явилось протестанство, окончательно разложившее старую духовную организацію и открывшее путь новой. Она—также христіанство, но координированное съ *интересами* и *наукой*. Сень-Симонъ обѣщаль выяснить эту философскую, идейную живучесть христіанства, «превосходство христіанской теоріи надъ всѣми философскими направленіями—религіозными и научными». Это должно было составить содержаніе *второго* діалога, а въ *третьемъ* философъ намѣревался изложить мораль, культъ и догму *новаго* христіанства и предложить символъ вѣры новыхъ христіанъ.

Сень-Симонъ не успѣлъ выполнить своего обѣщанія. Но изъ его плановъ только первый представлялъ интересъ новизны: въ другихъ сочиненіяхъ Сень-Симонъ не разрѣшалъ поставленнаго вопроса, — что касается морали, культа и символа вѣры — все это намъ извѣстно, хотя и не въ цѣльной систематической формѣ. А земная или позитивная мораль, мы видѣли, разрабатывалась неулыбно съ самаго начала социологическаго періода сень-симоновской философіи и *общія* ея основы достаточно выяснились. Культъ также былъ намѣченъ и, мы знаемъ, въ одномъ планѣ—даже съ подробностями, напоминающими, какъ и слѣдовало ожидать, революціонные культы, — теофилантропію преимущественно. Вопросъ о догмѣ оставался открытымъ, — но по опредѣленію философа, догма должна была служить только «сборникомъ поясненій» — *une collection de commentaires* — пракческаго характера — къ общей доктринѣ, т.-е. жизненнымъ проложеніемъ позитивной морали ко всевозможнымъ случаямъ, своего рода практическое руководство. При такомъ

опредѣленіи догмы—въ ней нѣтъ мѣста мистическому элементу, т.-е. установленію иной связи между человѣческой и міровой жизнью, помимо всесторонней эксплуатаціи земного шара научно-индустриальными способностями. Сень-Симонъ закончилъ *Новое христіанство* обращеніемъ къ государямъ отъ имени Бога, — но духъ его философіи не вызывалъ его на *опредѣленія* Бога и логически не могъ привести къ нимъ. Мы видѣли, — воля Бога для философа означала смыслъ исторической эволюціи, *вѣтнія цивилизаціи* и врядъ ли онъ сталъ бы черпать свои представленія изъ другого, на его взглядъ, не позитивнаго, источника. Вопросъ о духовной природѣ человѣка, мы знаемъ, разрѣшался у Сень-Симона путемъ анализа *физиологическаго ряда*, эволюціей той лѣстницы, какая была передана философу естествознаніемъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Слѣдовательно, догма въ религіи Сень-Симона не могла имѣть ничего общаго съ теологіей,—могла развѣ только выражать въ «артистической» формѣ позитивное ученіе,—какъ это случилось дѣлать самому Сень-Симону, начиная съ таинственнаго голоса въ *Письмахъ женеваго обывателя* и кончая обращеніемъ къ государямъ въ *Новомъ христіанствѣ*. Но подобная форма обуславливалась не сущностью новой философіи, а вызывалась ея цѣлью—объективныя истины превращать въ субъективныя чувства ради энергическаго осуществленія, — *экзальтировать* людей, *наполнять* ихъ *страстью и энтузіазмомъ*.

Наконецъ, — вопросъ о символѣ позитивной религіи. Мы не встрѣчаемъ его ни въ одномъ изъ сочиненій Сень-Симона, но у Гюббара напечатанъ *Символь вѣры основателей позитивной политики*, какъ извлеченіе изъ *Переустройства европейскаго общества* ²²²).

²²²) Въ виду характерности и содержательности отрывка, отсутствующаго во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Сень-Симона, предлагаемъ полный текстъ — *Profession de foi des fondateurs de la politique positive.*

Je crois que la propriété industrielle est celle à laquelle on doit principalement attribuer le droit de voter l'impôt.

Je crois que les possesseurs des propriétés industrielles sont les plus intéressés de tous les sociétaires au maintien de l'ordre général, à la tranquillité politique, ainsi qu'à la bonne administration des deniers publics.

Je crois que les propriétaires industriels sont les seuls sociétaires dont la capacité en administration soit constatée par des preuves positives et publiques.

Je crois que les industriels riches commandant les ouvriers dans leurs travaux journaliers, sont par conséquent les chefs du peuple dont ils font nécessairement partie; d'où

Этотъ «символь» не вмѣщаетъ всѣхъ извѣстныхъ намъ идей философіи,—мы не находимъ здѣсь ученія объ ассоціаціи, о необходимости вводить рабочихъ наравнѣ съ предпринимателями въ промышленныя предприятия, — но сущность «индустриализма» представляется ясной. Во главѣ общества двѣ власти — духовная и правительственная, доставляющая средство духовной и осуществляющая вырабатываемыя ею идеи; основа политическихъ правъ — индустриальная собственность, какъ свидѣтельство и результатъ индустриальной способности и, слѣдовательно, доступная и низшему классу. «Символь» пользуется религіозной формулой: «я вѣрую» и съ нѣкоторыми дополнительными поясненіями можетъ замѣнить общанное Сень-Симономъ «исповѣданіе вѣры» въ третьемъ діалогѣ *Новаго христіанства*.

Смерть прервала дѣятельность философа. Она захватила его именно въ то время, когда вокругъ него стала, повидимому, складываться школа, когда оставалось только систематизировать докт-

il résulte qu'ils sont les chefs directs et naturels de la nation travaillante, qui est la seule à laquelle la morale, la justice et le bon sens permettent d'accorder des droits politiques.

Je crois que l'attribution principale du droit de voter l'impôt aux propriétaires industriels établira dans la société le plus haut degré d'égalité dont elle soit susceptible.

Car les propriétaires industriels jouiront nécessairement du plus haut degré de considération, quand ils seront, plus particulièrement que les autres citoyens, chargés de voter l'impôt. Or, l'expérience a prouvé, que parmi les chefs des premières maisons d'industrie, il se trouvait toujours des hommes qui avaient débuté dans la carrière comme de simples ouvriers. Les citoyens de la dernière classe pourront donc toujours parvenir au premier rang, ce qui ne peut exister dans un ordre social où la propriété territoriale, seule capacité constatée, donnent le principal droit de voter l'impôt.

Je crois que les pouvoirs politiques doivent être partagés en deux classes: lés uns ayant pour objet d'administrer les intérêts moraux; et les autres de régir les intérêts physiques de la société.

Les savants dans les sciences physiques et mathématiques, réunis aux artistes, doivent être chargés de l'instruction publique, ainsi que de tous les travaux qui ont pour objet le perfectionnement de l'intelligence collective et individuelle des membres de la société.

Les cultivateurs, les fabricants et les négociants doivent être principalement chargés de diriger l'administration des intérêts physiques de la société.

Le pouvoir temporel et le pouvoir spirituel doivent être indépendants l'un de l'autre, excepté sous le rapport pécuniaire, à l'égard duquel le pouvoir spirituel doit dépendre du pouvoir temporel.

Les fondateurs de la morale et de la politique positive, de même que les premiers chrétiens, auront la violence en horreur. Ils n'agiront sur les esprits que par voie de persuasion et de démonstration.

рину и провести ее въ общественное мнѣніе. «Сень-Симонъ былъ счастливъ въ эту эпоху», говоритъ лѣтописецъ сень-симонизма ²²³). Послѣ разлуки съ Контомъ онъ не остался въ одиночествѣ. Олэндъ Родригъ, докторъ Балли, Леонъ Галеви, Дювержье учились у него и работали съ нимъ. Его идеи начинали *экзальтировать* людей, жадно искавшихъ міросозерцанія и соціальной организаціи, способной прекратить современную партійную бесплодную борьбу и предотвратить опасность новой революціи. *Новое христіанство* было задумано сообща съ учениками, Родригъ принялъ участіе уже въ первомъ діалогѣ, несомнѣнно,—сотрудничество его и участниковъ въ сборникѣ *Литературныя, философскія и индустриальныя мнѣнія* распространилось бы и на другія двѣ части. Кромѣ того, у учителя и учениковъ созрѣлъ планъ журнала,—и Сень-Симонъ при философской редакціи бралъ на себя роль «совѣщательнаго философа». Смерть поразила его въ самый разгаръ подготовительной работы. Родригъ благоговѣнно оставилъ подробныя воспоминанія о послѣднихъ часахъ своего учителя ²²⁴).

Сень-Симонъ до конца* остался вѣренъ своей философской экзальтаціи. Въ послѣдніе часы жизни онъ рѣшительно отказался говорить о своихъ личныхъ дѣлахъ и посвятилъ ихъ своимъ излюбленнымъ мыслямъ. Смерть быстро приближалась, умирающій, собирая послѣднія силы, попросилъ учениковъ сѣсть подлѣ него пульсъ начиналъ слабѣть и философъ прерывающимся голосомъ говорилъ такъ: «уже двѣнадцать дней я стараюсь указать вамъ средства устроить возможно успѣшно ваше предпріятіе (изданіе журнала) и теперь въ теченіе трехъ часовъ я усиливаюсь изложить вамъ сущность моихъ идей на этотъ счетъ. Въ эту минуту я могу сказать вамъ только слѣдующее: вы приближаетесь къ эпохѣ, когда хорошо разсчитанныя усилія должны имѣть величайшій успѣхъ. Плодъ созрѣлъ и вы должны сорвать его. Послѣдняя часть нашихъ работъ будетъ, можетъ быть, дурно понята. Нападая на средневѣковую религіозную систему, доказали только одну истину: система эта не находилась въ гармоніи съ прогрессомъ положительныхъ наукъ,—но ошибочно заключать, что религіозная система вообще должна

²²³) N. hist. I, 118.

²²⁴) Hubbard. 106—111. Not. hist. I, 118—122.

исчезнуть, она должна только стать въ соотвѣтствіе съ прогрессомъ наукъ. Сорокъ восемь часовъ спустя послѣ нашего второго изданія,—мы образуемъ партію».

Обратившись къ Родригу, Сень-Симонъ произнесъ: «помните,—чтобы совершить что-либо великое, надо быть одушевленнымъ страстью. Смыслъ работъ всей моей жизни заключается въ томъ, чтобы опезпечить всѣмъ членамъ общества самое широкое развитіе ихъ способностей».

Его послѣднія слова были: «наше дѣло въ нашихъ рукахъ»,—началась агонія и философъ скончался, до послѣдней минуты сознанія не утрачивая вѣры въ свои открытія. Восторженные послѣдователи вскорѣ превратили ихъ въ «откровенія», — но восторгъ не помѣшалъ ученикамъ съ полной свободой развивать, толковать и дополнять философское и социальное завѣщаніе учителя, что во многихъ отношеніяхъ являлось логически-повелительнымъ и практически-необходимымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

На могилѣ Сенъ-Симона Леонъ Галеви произнесъ глубоко-чувствованную рѣчь. Онъ говорилъ: «въ то время когда другіе въ предсмертныя минуты думаютъ о своихъ друзьяхъ, о своихъ родныхъ, о себѣ самихъ, — Сенъ-Симонъ свои послѣднія думы отдалъ тѣмъ, кто работаетъ, тѣмъ, кто страдаетъ, той великой семьѣ, чьи интересы онъ защищалъ, которую усыновила его душа». Дальше слѣдовала похвала Сенъ - Симону, какъ философу. Ученикъ говорилъ о «всеобъемлемости и точности знаній» своего учителя, свидѣтельствовавъ, что эти знанія поставили Сенъ-Симона — неспециалиста рядомъ съ специалистами всѣхъ направленій. Рѣчь заканчивалась новыми указаніями на заслуги Сенъ - Симона какъ человѣка: «Можетъ быть не далекъ моментъ, говорилъ Галеви, когда отдадутъ полную справедливость этому знатному сеньёру Франціи, который не переставалъ защищать интересы слабаго и бѣднаго, этому гранду Испаніи, который сражался когда-то за американскую свободу и который всегда проповѣдывалъ только терпимость, этому потомку Карла Великаго, который боролся за миръ и счастье человѣчества съ единственнымъ оружіемъ—логики и убѣжденія»¹⁾).

Рѣчь Галеви превосходно отражала *чувства* немногочисленныхъ избранныхъ послѣдователей, окружавшихъ могилу философа,—но не точно опредѣляла ихъ положеніе относительно его, какъ основателя школы. Въ ту часть рѣчи, гдѣ говорилось о познаніяхъ и точномъ мышленіи Сенъ-Симона,—ученикамъ неминуемо, съ перваго же дня своей дѣятельности, предстояло вносить существенныя поправки и дополненія.

¹⁾ *Annuaire Necrologique* (Mahue), VI, 278.

Идейное наслѣдство Сень-Симона не представлялось ни всеобъемлющимъ, ни точнымъ. Касательно покушеній философа на «спеціальности», мы помнимъ печальный опытъ его полемики съ Лапласомъ. Но не въ спеціальныхъ промахахъ заключался главный недостатокъ первичнаго сень-симонизма, — а именно въ отсутствіи точности въ нѣкоторыхъ существенныхъ идеяхъ и, слѣдовательно, въ недостаткѣ полноты въ общемъ міросозерцаніи. И мы знаемъ, — этотъ недостатокъ обуславливался самой повелительной силой, — психологіей философа. Всю жизнь онъ мыслилъ подъ вліяніемъ двухъ основныхъ стихій своей природы — экзальтаци и глубокой аналитической мысли. Ближайшіе ученики важнѣйшей заслугой своего учителя признали открытіе *соціальной науки*, т. е. философскаго анализа и синтеза культурно - историческихъ явленій. Эти явленія, въ глазахъ Сень-Симона, возымѣли значеніе опытно-научнаго матерьяла, изучаемаго и комбинируемаго тѣмъ самымъ методомъ, какой примѣняется въ физикѣ и физиологіи. И соціальная наука въ результатѣ должна стать строгой наукой, во всеоружіи точнаго наведенія и непогрѣшимыхъ общихъ заключеній.

Это одинъ завѣтъ философа и онъ соотвѣтствуетъ одной сторонѣ его духовнаго склада. Другой прошелъ яркой чертой по всѣмъ произведеніямъ Сень - Симона, сказался въ «грезѣ» *Писемъ жемевскаго обывателя*, отразился на общаніяхъ, данныхъ въ *Новомъ христіанствѣ* и внушилъ умирающему учителю требованіе, чтобы его ученики всегда и во всемъ великомъ были проникнуты чувствомъ восторга, горячаго увлеченія.

Эти двѣ стихіи все время уживались рядомъ, попеременно уступая первенство другъ другу. Съ одной стороны — логическій умъ, наука, съ другой — чувство, вдохновеніе. И мы видѣли, это совмѣстительство оказало рѣзкое вліяніе на всю созидательскую часть сень-симоновской системы. Философъ до донца не могъ съ точностью опредѣлить роли артистической способности въ созданіи, доктрины: или артисты только популяризаторы, проповѣдники идей добытыхъ философами и учеными, или они — участвуютъ также въ организаціи самой доктрины.

Мы знаемъ, — Сень-Симонъ однажды рѣшительно призналъ *философію* силой упраздняющей отжившее и создающей новое. И это — понятно. Если доктрина создается на почвѣ философски анализирую-

ванныхъ и комбинируемыхъ фактовъ, если она не *изобрѣтается*, а просто *констатируется*,—тогда внимательство чувства и воображенія является не только излишнимъ, но даже вреднымъ. Но въ другой разъ Сень - Симонъ во главѣ духовной власти требуетъ людей, одаренныхъ одинаково философско - научными и художественными способностями, называетъ даже теологовъ. Какую роль будутъ играть не логическія и не аналитическія силы тамъ, гдѣ неограниченное царство позитивной философіи,—у Сень-Симона нѣтъ отвѣта.

И онъ его не могъ дать, — по очень простой причинѣ. Сень-Симону не была ясна *психологія* философско-научной работы. Лично поэтъ и мыслитель, — Сень-Симонъ ниразу не поставилъ задачи—опредѣлить соотношеніе творчества и анализа въ идейномъ строительствѣ. Очевидно,—вопросъ слѣдовало перенести на общую психологическую почву,—и тогда непосредственно опредѣлялось мѣсто художественной способности въ организаціи доктрины. Слѣдовательно, ученики Сень-Симона въ окончательномъ положительномъ моментѣ философіи своего учителя получили рядъ опредѣленныхъ, но не исполнѣ координированныхъ элементовъ.

Но этимъ не ограничилось несовершенство философскаго наследства Сень-Симона. Въ области анализа философъ также не довелъ своей задачи до конца. Выставивъ принципъ научно - философскаго изученія и группировки историческихъ фактовъ, Сень - Симонъ не исчерпалъ своимъ анализомъ всего историческаго процесса, а только установилъ *схему* культурнаго движенія. Мы указывали,—неполнота анализа отразилась на представленіяхъ философа о социальномъ содержаніи революціи и о смыслѣ предшествовавшей философско-экономической литературы. Сень-Симонъ обошелъ молчаніемъ дифференціацію въ составѣ индустріальнаго класса, являющуюся въ исторіи Франціи вѣковой традиціей и особенно ярко сказавшуюся въ идеяхъ и фактахъ просвѣтительной и революціонной эпохи. Обходя имѣлъ результатомъ программу социальной организаціи, не совпадающую по своему рѣшительному смыслу съ идеальной цѣлью Сень-Симона—создать порядокъ, обеспечивающій всестороннее развитіе бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса общества.

«Кодексъ интересовъ» въ первичномъ сень-симонизмѣ заключалъ въ себѣ противорѣчіе, обусловленное невыясненностью основного социального вопроса, — отношеній труда къ капиталу, рабочихъ къ

предпринимателямъ. Въмѣсто того, чтобы опредѣленно указать на свойства почвы, на которой приходилось созидать новую доктрину, Сень-Симонъ пытался привлечь сочувствіе къ своему идеалу обладателей капитала, какъ таковыхъ, воздѣйствовать на симпатическую сторону ихъ природы, вызвать во имя соціальной реформы благородный энтузіазмъ. Филантропія заступала мѣсто политики и въ соответствіи съ патетическимъ содержаніемъ идей программа Сень-Симона теряла долю философской убѣдительности и политической силы.

Мы указывали, — неполнота соціального анализа можетъ быть объяснена нежеланіемъ философа настаивать на распаденіи индустріальнаго класса, имѣющаго общаго сплоченнаго врага въ лицѣ средневѣковыхъ пережитковъ. Но, несомнѣнно, извѣстную роль играла здѣсь и гуманитарная экзальтація философа, та терпимость, о какой Галеви говорилъ надъ его могилой. Только одно объясненіе — недопустимо: ослѣпленіе, искреннее недоразумѣніе философа, т. е. естественно — буржуазный складъ его соціальной мысли. Мы видѣли, — отъ Сень-Симона не ускользнулъ разрывъ между индустріальными классами и онъ неоднократно указывалъ на ассоцірованіе рабочихъ, какъ на мѣру позезную и неизбѣжную для предпринимателей. Иногда тонъ его утрачивалъ чувствительный и терпимый характеръ и становился даже угрожающимъ. Наконецъ, — неизмѣнно настойчивое провозглашеніе судьбы «наиболѣе бѣднаго и многочисленнаго класса» рядомъ съ могущественными «филантропами» могло имѣть въ виду только классовый составъ индустріализма.

Но всего этого оказалось недостаточнымъ, чтобы ученіе Сень-Симона въ области соціального анализа не нуждалось въ существенномъ развитіи. Его ученіе пришло къ совершенно ясному выводу: основаніе общественнаго зданія — работники. Но этотъ выводъ, не обоснованный логикой исторіи, можно было признать внушеніемъ экзальтированнаго филантропическаго чувства, — тѣмъ болѣе, что философъ считалъ необходимымъ обращаться именно къ *филантропамъ* съ убѣдительнымъ словомъ въ интересахъ индустріальной ассоціаціи.

Несмотря на эти пробѣлы, — мысль учителя заранѣе намѣчала путь, какимъ должны были идти разъяснительныя и завершительныя идеи учениковъ, — и именно въ области соціального идеала конечный выводъ не представлялъ затрудненій. Онъ логически примыкалъ къ основному принципу сень-симоновской философіи, — къ требованію

личнаго производительнаго труда, какъ единственной исторически-закономерной и нравственной основы всякаго общественнаго положенія личности и прочнаго строя самого общества. Болѣе сложная и болѣе новая задача предстояла сень-симонитамъ въ процессъ всесторонняго философскаго и практическаго осуществленія доктрины, одушевленной извѣстнымъ конечнымъ идеаломъ. Эту задачу и должно было рѣшить періодическое изданіе *Производитель*, задуманное еще Сень-Симономъ.

Перваго іюня 1825 года составилось общество на акціяхъ. Учасіе приняли видные представители индустріи — съ Лафиттомъ во главѣ, въ журналѣ готовились писать не только прямые ученики Сень-Симона, но и либералы, въ родѣ Армана Карреля и Адольфа Бланкі, главная работа падала на Анфантэна, Родрига, Базара, — за ними слѣдовали Бюшезъ, Руанъ, до апрѣля 1826 года — редакторъ Серкле, съ начала этого же года Лоранъ. Одновременно съ уходомъ Серкле журналъ изъ еженедѣльнаго превратился въ ежемѣсячный, — но духъ его остался неизмѣннымъ: редакторство Серкле было внѣшнимъ фактомъ, какъ и вообще его принадлежность къ школѣ ¹⁾).

Основатели журнала имѣли въ виду представить сначала историко-философскій обзоръ индустріи и науки и на рядахъ историческихъ фактовъ построить политическую организацію ученыхъ и общественный строй, наиболѣе благопріятный развитію индустріи, т. е. въ общемъ рѣшить задачу о союзѣ науки и индустріи во имя социальныхъ чувствъ. Съ самаго начала патетическій элементъ у сень-симонистовъ стоить на первомъ планѣ. Наука и индустрія не цѣли, а средства: онѣ должны поставить человѣка въ условія, наиболѣе благопріятныя для развитія сердечнаго чувства къ слабымъ, покорности сильнымъ, любви къ *соціальному порядку*, обожанія *міровой гармоніи* ²⁾).

Сень-Симонисты, слѣдовательно, съ точностью выполняли послѣдній завѣтъ учителя, воспроизводившій извѣстное намъ прославленіе энтузіазма въ его письмѣ къ племяннику. Это — фактъ существенной важности въ развитіи сень-симонизма. Въ немъ коренится *религіозная* стадія школы, заслонившая и подорвавшая ея *философію*

¹⁾ O Cerclet—*Not.-Hist.* I, 70. Исторія журнала—*ib* 150 etc.

²⁾ *Doctrine de S.-Simon.* I, 23, 28.

и политику. Въ восторженной статьѣ Глобуса Сень-Симонъ именовался *потомъ*, т. е. *изобрѣтателемъ*, его личность признавалась *могучей, страстной и пылкой*: ученики желали воспроизвести ту же психологію и не ограничиваться однимъ изслѣдованіемъ,—напротивъ низвести его на степень *протѣрочнаго* средства, сдѣлать его комментариемъ къ патетическимъ вдохновеніямъ, какъ — тексту ⁴⁾. Въ этомъ представленіи кроется естественная мысль, что комментаріи необходимы только для новичковъ, или мало проникательныхъ читателей, т. е. это—матеріаль *экзотерическій*. Настоящее достояніе школы—текстъ, т. е. открытія или—ближе къ истинѣ — *откровенія*. Вскорѣ сень-симонисты обнарудуютъ признаніе именно въ такомъ смыслѣ, свой «научный языкъ» объявятъ подготовительнымъ путемъ къ *симпатическому* языку, т. е. *вдохновенному*, пророческому ⁵⁾. Мы знаемъ, — это стремленіе не находилось въ противорѣчій съ общимъ духомъ эпохи и увидимъ,—оно нашло громкій и сочувственный откликъ у даровитѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей времени. Откликъ перешелъ въ негодованіе, когда Анфантэнъ вложилъ извѣстное содержаніе въ пророчества,—а собственно противъ широкаго участія паюса и чувствъ въ философіи ничего не имѣли ни герои радикализма въ родѣ Базара, ни воспитанники положительной политехнической школы, во множествѣ приставшіе къ сень-симонизму. Философски этотъ фактъ и былъ объясненъ въ первыхъ же публичныхъ лекціяхъ сень-симонистовъ,—въ замѣчательно тонкомъ анализѣ научно творческой работы. Этотъ анализъ долженъ былъ оправдать появленіе пророковъ и священниковъ въ нѣдрахъ сень-симонизма и подготовить точку опоры для Анфантэна. Пока редакція *Производителя* была еще далека отъ папы и отличалась только *общимъ* энтузіастическимъ настроеніемъ, т. е. проявляла экзальтацію въ пользу идей, вытекавшихъ изъ историческаго анализа и, естественно, *симпатическая* способность пока крайне робко выходила за предѣлы *популяризаціи*, художественной пропаганды научныхъ идей.

Журналъ неоднократно главнымъ открытіемъ Сень-Симона называетъ «прямую и философскую классификацію общихъ фактовъ прошедшаго», на основаніи которой можно вывести законъ соціального

⁴⁾ *Иб.* 429.

⁵⁾ *Globe* 1830, 26 oct., № 246. „Cette individualité si puissante, si fougueuse, si singulière et si générale“... „C'e poëte car il fut inventeur“...

развитія. Сень-Симонъ установилъ необходимость «изучать прогрессивное и правильное движеніе цивилизаціи», собирать и классифицировать факты, изъ которыхъ должна быть выведена новая теорія» ⁶⁾. Сень-симонисты повторяютъ и всѣ производныя историко-философскія идеи учителя, — критику взглядовъ Кондорсе, внушенныхъ односторонней философіей XVIII-го вѣка, наименованіе исторіи — «соціальной физикой» и «соціологіей человѣческаго рода, разсматриваемаго въ своемъ коллективномъ бытіи съ первыхъ удостовѣренныхъ изслѣдованіемъ агрегацій». Историкъ, не увлекаясь ни порицаніемъ, ни сочувствіемъ, долженъ классифицировать факты въ порядкѣ послѣдовательности и взаимной зависимости съ той цѣлью, чтобы открыть *законъ* ихъ связывающій, распознать будущій путь человѣческаго рода — по всѣмъ направленіямъ, опредѣлить настоящій моментъ развитія общества, отмѣтить какія явленія въ настоящемъ подлежатъ дальнѣйшему движенію и какія осуждены на упадокъ и, наконецъ, указать, какъ общество должно организоваться, чтобы благоприятствовать развитію явленій прогрессивныхъ и устранить явленія, находящіяся въ состояніи разложенія и такимъ образомъ выполнить свое назначеніе ⁷⁾.

Сень-Симонъ не только далъ опредѣленіе научной исторіи, но и получилъ требуемый выводъ, т. е. изслѣдовалъ социальную тенденцію цивилизаціи. Прежде всего исторія показала, что человѣческое общество — нѣчто цѣльное, подчиняющееся особымъ органическимъ законамъ и мощно воздѣйствующее на отдѣльныхъ личностей. Это — сила, стоящая рядомъ съ личностью и для практическаго вмѣшательства въ ея развитіе слѣдуетъ исходить отъ нея самой, а не отъ личности, т. е. опираться на исторію и психологію *общества*, а не единицы. Отъ *человѣка* нельзя заключать объ *обществѣ*, и отъ личной нравственности о политикѣ: человѣкъ и личная мораль только части, социальныя отдѣлы въ цѣлой системѣ, именуемой обществомъ и «соціальной наукой». Политика есть мораль, установленная не на принципахъ какого бы то ни было мыслителя, а на смыслѣ философски координированныхъ явленій цивилизаціи ⁸⁾.

⁶⁾ *Producteur*. 1826, mai, p. 288; t. II, 388.

⁷⁾ IV, 400—418. *Considérations sur l'histoire*, авт. Базаръ.

⁸⁾ II, 158—167, авт. Rouen.

Въ виду этого — неосновательно брать человѣка, какъ гражда-нина общества, «въ узкомъ кругу его индивидуальности», будто «обособленнаго властителя», запрашивать объ его способностяхъ и нуждахъ и потомъ предписывать ему абсолютныя права и обязанности, будто человѣкъ представляетъ изъ себя неподвижную абстракцію и ему приходится жить въ полномъ уединеніи. «Мы, говорятъ сенъ-симонисты, ищемъ закона, который долженъ управлять чувствами соціальнаго человѣка,—въ изученіи самого общества, въ исторіи непрерывнаго развитія его нуждъ и могущества».

Для политика, слѣдовательно, существуетъ не индивидуальная совѣсть, а совѣсть человѣческаго рода въ различные періоды его развитія. Индивидуальная совѣсть, на которой многіе стремятся построить общественныя отношенія, — приводитъ только къ отвлеченной и неполной морали, такъ какъ она не признаетъ временныхъ и мѣстныхъ потребностей и оставляетъ въ сторонѣ важнѣйшую часть человѣческаго существованія,—отношенія человѣка къ обществу,—отношенія, неизбѣжно видоизмѣняемая поступательнымъ движеніемъ цивилизаціи *)).

Это движеніе учить двумъ истинамъ, обнимающимъ философію исторіи и соціальную программу. Обѣ—открыты Сенъ-Симономъ, но не одинаково тщательно имъ выяснены. Одна — ученіе объ «общей идеѣ», т. е. о власти извѣстнаго міросозерцанія надъ обществомъ въ органическія эпохи. «Ощая идея» всегда соотвѣтствуетъ уровню цивилизаціи и является одновременно наукой, философіей и религіей даннаго времени ¹⁰⁾. Эту идею *Производитель* цѣликомъ заимствовалъ у Сенъ-Симона—со всѣми частными выводами и съ основнымъ оригинальнымъ ученіемъ о свободѣ совѣсти. Этой свободы не существуетъ и не можетъ существовать въ позитивную органическую эпоху. Свобода совѣсти—переходное состояніе, необходимое для разложенія устарѣвшей «общей идеи» и безцѣльное, когда эта идея организована. Мы видѣли, Сенъ-Симонъ мимоходомъ коснулся этого вопроса, считая его вполне яснымъ, и теоретически онъ дѣйствительно рѣшается послѣдовательно. Въ позитивной стадіи общая идея опи-

*) III, 330—1.

¹⁰⁾ IV, 112. *Examen d'une dissertation sur le mot Encyclopédie*, par Guizot. *Ann. Базаръ*. Другая статья Базара о томъ же. *De quelques uns des obstacles qui s'opposent à la production d'une nouvelle doctrine*, IV.

рается на изслѣдованіе и доказательства,—слѣдовательно «возможность каждому создавать воззрѣнія, только на основаніи своихъ собственныхъ свѣдѣній и размышленій, по вопросамъ философіи, политики и морали» не мыслима *фактически—par le fait même*, если существуетъ средство—науки нравственныя и политическія поднять до уровня наукъ опытныхъ и положительныхъ. Тогда, благодаря доказательствамъ, придется *волей-неволей* вѣрить научнымъ истинамъ въ области морали и политики подобно тому, какъ въ настоящее время вѣрятъ научнымъ истинамъ въ астрономіи и физикѣ ⁴¹⁾).

Такова одна истина, вытекающая изъ философскаго анализа историческихъ фактовъ. Другая—соціальная — заключается въ ученіи о постепенномъ нарастаніи *ассоціаціи*, о расширеніи союзничества на обширнѣйшій кругъ людей, начиная съ семьи и кончая всѣмъ человечествомъ. Бланки цѣлью *Производителя* считаетъ разъясненіе идеи и факта ассоціаціи. И дѣйствительно, журналъ внесъ существенныя дополненія къ принципу, установленному Сень-Симономъ.

Прежде всего Анфантэнъ подробно выяснилъ историческую побѣду индустріальной организаціи надъ феодальной, замѣну *завоевателяго духа — духомъ ассоціаціи*. По мнѣнію Анфантэна, — надъ всѣми человѣческими знаніями господствуетъ одинъ фактъ—ассоціація, т. е. комбинація всѣхъ индивидуальныхъ работъ въ соціальныхъ интересахъ. Политическая экономія, въ качествѣ философіи индустріи, должна отыскать законъ, управляющій такой же комбинаціей индивидуальныхъ усилій во имя общей цѣли. Уже на основаніи первичной идеи ассоціаціи получается выводъ, стоящій во главѣ дальнѣйшаго анализа, — именно: къ намѣченному закону ведутъ явленія, характеризующія прогрессъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, т. е. въ распредѣленіи орудій эксплуатаціи между людьми наиболѣе индустріально-способными. Это значитъ: чѣмъ совершеннѣе ассоціація, тѣмъ послѣдовательнѣе осуществляется принципъ гармоніи между обладаніемъ и талантомъ, соответствіе *количества* предметовъ качеству производительной способности. Историческое развитіе ассоціаціи постепенно приводило къ торжеству «положительныхъ преимуществъ» надъ «условными», т. е. къ преобла-

⁴¹⁾ III, 110. *De l'esprit critique*, Базара; I; 536—8, редакціонная статья въ отвѣтъ на либеральную критику.

⁴²⁾ I, 348. *Esquisse historique sur l'origine et des progrès de l'économie politique*.

данію производительныхъ способностей надъ властью распоряжаться чужимъ трудомъ и потребленіемъ ¹³⁾:

Та же исторія, по словамъ Анфантена, приводитъ изслѣдователя къ другому экономическому распредѣленію состава общества, чѣмъ принято въ политической экономіи. Общество дѣлится не на производителей и потребителей, а на производителей и непродуцителей, на работниковъ и праздныхъ, — и съ этой точки зрѣнія сенсимонисты впервые представили полную исторію *эксплуатаціи*, — явленія параллельнаго *ассоціаціи* ¹⁴⁾.

Мы знаемъ, еще Сенъ-Симонъ предлагалъ комбинировать *ряды* историческихъ фактовъ по двумъ категоріямъ — наростанія, развитія и упадка, разложенія. Ассоціація и эксплуатація и представляютъ руководяція начала обѣихъ категорій въ области индустріальной эволюціи. Сенъ-Симонъ анализировалъ не съ одинаковой рѣшительностью тотъ и другой рядъ. Представивъ подробный обзоръ *наростанія*, философъ не выразилъ въ соотвѣтственной полнотѣ — *разложенія*, т. е. не далъ окончательной характеристики эксплуатаціи въ ея историческихъ преобразованіяхъ. *Производитель* выполнялъ эту задачу, обильную практическими выводами.

По воззрѣнію автора статьи *О рабочемъ классѣ* — рабочей классъ въ политическомъ отношеніи — наследникъ древняго рабства, перешедшаго въ крѣпостничество, которое въ свою очередь видоизмѣнилось въ наемничество: *esclavage, servage, état de salarié*, — таковъ рядъ разложенія эксплуатаціи. Послѣдняя стадія должна исчезнуть съ полнымъ торжествомъ ассоціаціи, когда «пользованіе благами будутъ распредѣляться въ прямой зависимости отъ работы каждаго члена ассоціаціи».

Въ этомъ разсужденіи рѣзко подчеркнута дифференціація индустріальнаго класса, на которой Сенъ-Симонъ не находилъ возможнымъ останавливаться.

Съ этихъ поръ индустріальная эволюція получить въ рукахъ сенсимонистовъ значеніе антибуржуазнаго критическаго орудія и при-

¹³⁾ III, 66—78. „Considerationss ur l'organisation fiodale et l'organisation industrielle. Comment l'esprit d'assosiation se substitue graduelement dans les rapports sociaux à l'erprit de conquête“.

¹⁴⁾ III, 365. *De la concurrence dans les entreprises industrielles.*

¹⁵⁾ III, 306—7.

ведетъ ихъ къ гораздо болѣе демократическимъ выводамъ, чѣмъ социальная политика учителя.

Въ *Производителѣ* сенъ-симонисты не успѣли развить своей идеи со всѣми ея практическими послѣдствіями, ограничились повтореніемъ мысли Сенъ-Симона объ ассоціированіи рабочихъ и предпринимателей, т. е. объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій соразмѣрно съ трудомъ каждаго рабочаго. Не имѣя окончательнаго плана, уравнивающаго работу и вознагражденіе капитала и труда, т. е. осуществляющаго идеально индустриальную ассоціацію — безъ распадѣнія класса на хозяевъ и наемниковъ, сенъ-симонисты предлагали пока осуществить «полуассоціацію» — съ проведеніемъ принципа неизмѣнной заработной платы и дивиденда ¹⁶⁾. Одновременно воспроизведена и другая идея Сенъ-Симона — о банкахъ, какъ средствахъ регулировать ходъ индустріи. Анфантанъ придавалъ идеѣ болѣе опредѣленную форму, считая банки — единственнымъ вѣрнымъ оружіемъ противъ конкуренціи, т. е. индустриальной анархіи. Другой авторъ намѣтилъ всѣ функціи, какія банки должны взять на себя въ качествѣ организующихъ учреждений. Они слѣдятъ за потребностями общества и за относительнымъ развитіемъ отраслей индустріи, сообразно съ наблюденіями распределяютъ капиталы между предпріятіями, вообще водворяютъ коммерческое и промышленное единство ¹⁷⁾.

Впослѣдствіи это ученіе объ индустриальномъ единствѣ займетъ равноправное мѣсто рядомъ съ идеей научно-философскаго и религіознаго единства.

Мы видимъ, — воззрѣнія *Производителя* по существу лишены воинственнаго духа, такъ какъ новый строй является результатомъ исторической эволюціи, — входитъ въ законномѣрный порядокъ вещей: задача новыхъ мыслителей — *разъяснить* путь эволюціи и представить умозаключенія, на столько убѣдительныя, на сколько вообще можетъ быть убѣдителенъ смыслъ доступныхъ изслѣдованію явленій. Такъ сенъ-симонисты и смотрѣли на свою философію и гордо предоставляли другимъ, не обладающимъ органической

¹⁶⁾ IV, 308. *La classe ouvrière*, авт. Rouen: „la demiassociation“.

¹⁷⁾ III, 886.

¹⁸⁾ II, 290. *Examen des faits qui prouvent la tendance de la société à s'organiser*, авт. Allier.

доктриной, полемическія схватки, вообще сильныя отрицательныя чувства. Для себя они рассчитывали на энтузіазмъ. «Философія *Производителя*, писалъ Бюшезъ, даетъ новый толчокъ патетическимъ чувствамъ, открываетъ новый источникъ энтузіазма и самоотверженія, показываетъ въ будущемъ торжество науки и труда, невозможно полное улучшение участи бѣдныхъ классовъ, царство всѣхъ мирныхъ и филантропическихъ страстей»¹⁸⁾).

На самомъ дѣлѣ, — именно *Производитель* вызвалъ чрезвычайно разнородную и часто весьма оскорбительную критику. Она, повидимому, совершенно не соотвѣтствовала философскимъ приемамъ сенъ-симонистовъ — объективнымъ и научно-логическимъ, но тѣмъ не менѣе критика являлась неизбѣжной — не только съ точки зрѣнія затронутыхъ либеральныхъ и буржуазныхъ интересовъ, — но и по самой сущности сенъ-симонистскаго ученія — въ двухъ основныхъ его направленіяхъ — философскомъ и социальномъ. И то и другое могло вызвать недоразумѣнія даже у безпристрастныхъ читателей, а «ветхий міръ» — весьма легко натолкнуть на вражду и злобу.

Прежде всего ученіе объ «общей идеѣ».

II.

Мы видѣли «общая идея» органической продуктъ духовной эволюціи, она носитъ общеобязательный, слѣдовательно, религіозный характеръ, при чемъ свобода совѣсти, т. е. критическое отношеніе къ доктринамъ является бесполезнымъ, какъ бы несуществующимъ. Этотъ выводъ немедленно вызвалъ протестъ и во главѣ протестующихъ оказался Бенжамѣнъ Констанъ. Представитель либерализма обозвалъ редакторовъ *Производителя* мемфисскими и египетскими жрецами. Въ періодъ напряженной борьбы противъ католической реакціи, — всякій намекъ на догматизмъ неминуемо вызывалъ рѣзкій отпоръ. Сенъ-симонистовъ быстро признали іезуитами, мистиками, теократами. Наболѣе благосклонная печать даже самого Сенъ-Симона находила слишкомъ «абсолютнымъ» и его ученикамъ совѣтовала поменьше стремительности и самоувѣренности. Люди, признававшіе важность и почтенность сенъ-симонистскихъ цѣлей, отступали предъ догматизмомъ, предъ математическимъ приемомъ рѣшать нравственныя и социальныя задачи. Именно такое настроеніе заявилъ отецъ Родрига¹⁹⁾.

¹⁸⁾ IV, 210—1.

¹⁹⁾ *Not.-hist.* II, 15. *Globe*, 1825, 4 nov.

Сенъ-симонисты въ отвѣтъ усиленно подчеркивали различіе своей философіи и того, что до сихъ поръ именовалось религіей. У нихъ догматы—не откровенные, а доказанные,—и слѣдовать имъ значить понимать ихъ, а не страшиться «жандармовъ и костровъ» ²⁰⁾.

Но это объясненіе не было убѣдительнымъ, потому что даже въ позитивной религіи требовалась вѣра и въ очень большомъ объемѣ. Доказанные догматы могутъ быть доступны *razumu* только немногимъ. У массъ имѣется единственное средство воспринимать «общую идею»—чувство и воображеніе. Народъ не въ силахъ осуществлять доктрины на основаніи научныхъ данныхъ,—онъ долженъ быть *увлеченъ* ею, *экзальтированъ* въ пользу ея. Массы могутъ руководиться не убѣжденіемъ, а *страхъ*. Даже больше: «желать дѣйствовать на то что называется массами—доказательнымъ разумомъ значить отвергать всѣ уроки прошлаго и заблуждаться на счетъ возможнаго будущаго» ²¹⁾.

Особенно настойчиво разобралъ этотъ вопросъ Контъ въ статьяхъ о духовной власти. Онъ восхвалялъ глубокое познаніе человѣческой природы, отличающее католическую церковь: она систематизировала современную «общую идею» и представила ее въ формѣ *страхъ*, какъ основной добродѣтели, неподвижной и необходимой основы личнаго и общественнаго благополучія. Но *страхъ*, по объясненію Конта,—это готовность непосредственно вѣрить безъ предварительнаго доказательства въ догматы, провозглашенные свѣдущей властью. Безъ этого условія не возможно установить и поддерживать настоящее умственное и нравственное общеніе людей ²²⁾.

Слѣдовательно,—и въ позитивную органическую эпоху масса относительно организаторовъ доктрины занимаетъ то самое положеніе, какое вѣрующіе занимали относительно католическаго духовенства. И это явленіе слѣдуетъ признать постояннымъ. Масса нигде не дорастетъ до воспріятія доктрины разумомъ, такъ какъ доктрина непрестанно совершенствуется высшими умами и масса роковымъ образомъ осуждена на ученическое послѣдованіе за посвященными наставниками.

²⁰⁾ *Prod.* I, 539, отвѣтъ на статью Констанана въ *Opinion*.

²¹⁾ I, 52. *Considérations philosophiques sur la littérature*, авт. Cerclet—III, 144 въ ст. о Dunoyer, авт. Rouen.

²²⁾ I, 358—368.

Отсюда учение о *догматизмъ*, какъ *естественномъ* состояніи человѣческаго разума. И это справедливо не только въ смыслѣ неизбежности положительныхъ убѣжденій у каждаго человѣка лично, но и въ смыслѣ неотразимаго воздѣйствія убѣжденной личности на окружающихъ. Сень-симонистскій прозелитизмъ по своей стремительности не уступаетъ религіозному. Всякій кто замышляетъ организовать политическую систему, потерпитъ неудачу, если сначала глубоко не проникнется чувствомъ своего могущества. Онъ долженъ питать непоколебимое убѣжденіе, что истина, имъ защищаемая, доступна его мысли, и всякій вопросъ, встрѣчающійся на его пути, онъ долженъ разрѣшать безъ колебаній и ни подъ какимъ видомъ не оставлять его,—даже если бы пришлось начать ради него рядъ новыхъ изслѣдованій ²³⁾).

Новыя изслѣдованія во время самой организаціи доктрины—дѣло въ высшей степени благородное, но практически врядъ ли выполнимое. Психологически догматизмъ общаго настроенія, общихъ принциповъ непременно распространится и на частности,—уже потому что отсрочка частныхъ рѣшеній грозитъ въ глазахъ вѣрующихъ подорвать авторитетъ руководителя—въ основахъ ученія. Эту психологию съ точностью осуществилъ Анфантэнъ, вступивъ на путь религіозной догматики.

Анфантэнизмъ имѣлъ свое зерно уже въ ученіи *Производителя*. Мы указывали,—статьи Конта явились первымъ уложеніемъ не только идеи, но и практики новаго католичества, и мы знаемъ, — статьи стояли въ неразрывной связи съ мечтами Сень-Симона о новомъ позитивномъ духовенствѣ. Критики, очевидно, имѣли основаніе прорѣвать въ сень-симонизмъ своеобразную церковность съ самаго начала. Пока только не было существенной черты въ этихъ притязаніяхъ—ученія о вдохновеніи, какъ источникъ истинъ, т.-е. о научно-философскомъ откровеніи.

Этому ученію предстояло возникнуть на почвѣ анализа симпатической или художественной способности. Артистъ долженъ былъ дать жизнь пророку и священнику. *Производитель* пока не переходитъ грани гражданской эстетики. По опредѣленію Галеви прекрасное въ литературѣ ничто иное какъ «поэтическое выраженіе идей

²³⁾ *Examen d'un nouvel ouvrage de M. Dunoyer*. II, 455—460.

господствующихъ въ извѣстную эпоху» ²⁴⁾. Въ другой статьѣ журналъ высказывалъ надежду на будущій позитивный характеръ творческихъ приѣмовъ. Художники будутъ съ такою же точностью знать искусство правиться и трогать, съ какой математикъ рѣшаетъ геометрическую задачу или химикъ производить анализъ ²⁵⁾. Практическое значеніе искусства—облекать въ чувственные и матеріальныя формы, въ живые и яркіе образы отвлеченныя идеи и предлагать ихъ публикѣ сообразно съ силой ея разумѣнія. «Работа воображенія»—средство сообщать выводамъ науки общедоступность и привлекательность. Артисты, слѣдовательно играютъ служебную, передаточную роль. Но въ ней заключается сѣмя ихъ будущаго величія. Вѣдь они, въ качествѣ популяризаторовъ, должны производить непосредственное дѣйствіе на общество, на массы, провозглашать и распространять *истину*. А такъ какъ, по мнѣнію журнала, «все общераспространенное, все прочное въ политикѣ осуществляется только силой социальныхъ чувствъ»,—а не разума,—владѣющіе властью—будить эти чувства должны занять возможно видное мѣсто ²⁶⁾. И *первое* мѣсто они займутъ, когда будетъ доказано, что одинъ научный анализъ, безъ симпатической способности, не можетъ создавать глубокихъ истинъ и дѣлать глубокихъ открытій.

Чтобы получить всѣ эти выводы,—требовалась только теоретическая послѣдовательность, — и её сень-симонисты считали своей высшей заслугой. Наконецъ,—та же идея могущественнаго авторитета вытекала изъ политико-соціального ученія *Производителя*. Предъ философами, установившими законъ индустріальной эволюціи, возникалъ неизбѣжный вопросъ объ отношеніи личности къ процессу. Понятіе о законмѣрности развитія въ сень-симонизмѣ безпрестанно принимало окраску фатализма и требовался весьма тонкій анализъ, чтобы спасти *человѣка* рядомъ съ *закономъ*. Мы видѣли, какъ выпелъ изъ затрудненія Сень-Симонъ: личность можетъ или способствовать быстрѣйшему осуществленію процесса или задержать его. Для редакторовъ *Производителя* тотъ же вопросъ получилъ еще болѣе любопытное значеніе. Сень-Симонъ не сосредоточивалъ своего вниманія на современной политической экономіи

²⁴⁾ I, 273.

²⁵⁾ I, 83, авт. Галеви.

²⁶⁾ I, 55 авт. Serclat, по свѣдѣніямъ Фурнеля,—О. с. 36; III, 144.

вообще, онъ бралъ изъ нея только нужный для себя матеріаль. Для сенъ-симонистовъ индустриальный *рядъ* сталъ предметомъ всесторонняго анализа и они, насчитывая въ своей средѣ такихъ экономистовъ какъ Мишель Шевалье и Анфантэнъ,—тщательно занялись критикой современныхъ экономическихъ теорій,—въ особенности принципомъ невмѣшательства. Ученіе о свободѣ совѣсти и этотъ принципъ — два краеугольные камня либерализма и сенъ-симонисты, выставивъ понятіе религіознаго авторитета, должны были перерѣшить вопросъ и объ индустриальной свободѣ.

Одно рѣшеніе представлялось въ общемъ урегулированіи индустрии при помощи кредитныхъ учреждений, — но планъ касался только отношеній производства и потребления. Оставались отношенія труда и капитала. Для Сенъ-Симона этотъ вопросъ рѣшался въ связи съ установленіемъ духовной власти: она должна предусматрѣть всѣ частности индустриальной жизни. Сенъ-симонисты остались на той же почвѣ,—но общее идеальное воззрѣніе приложили къ отдѣльному экономическому ученію и, въ результатѣ, получилось также частное *временное* предписаніе, ярко характеризующее все воззрѣніе.

Въ статьѣ Базара кратко и ярко выраженъ смыслъ сенъ-симонистской философской и социальной *политики*. «Не слѣдуетъ проповѣдовать духовной независимости тѣмъ, кто требуетъ наставленій, потому что человѣкъ выходитъ изъ состоянія невѣжества только путемъ вѣры; не слѣдуетъ бросать только слово—*свобода!*—тѣмъ, кто молитъ о покровительствѣ, потому что для слабаго безусловная свобода—значить оставленіе на жертву сильному»²⁷⁾.

Слѣдовательно одинаково цѣлесообразно идейное и индустриальное вмѣшательство. Контъ дополняетъ мысль Базара и даетъ въ высшей степени важное толкованіе закономѣрной эволюціи. Извѣстный порядокъ, опредѣленный на основаніи историческаго анализа, — не слѣдуетъ признавать неотразимымъ, *необходимымъ*, а только *возможнымъ* и для осуществленія его необходимы *положительныя учрежденія*²⁸⁾.

Толкованіе это нельзя признать правотѣрнымъ и оно внушено Контю временными полемическими цѣлями. Экономисты, защищая

²⁷⁾ IV, 390.

²⁸⁾ II, 370.

стихийное развѣтіе обществъ, считаютъ *безполезнымъ* регулировать его учрежденіями, т. е. вмѣшательствомъ политической власти въ экономическія отношенія. Контъ выставляетъ прямо—противоположный принципъ и отступаетъ отъ существенной сень-симонистской терминологіи. «Извѣстный порядокъ»,— *un certain ordre*—съ точки зрѣнія эволюціоннаго ученія именно неизбеженъ—*nécessaire*, а не находится въ области возможностей—*seulement la possibilité*,—и личность не въ силахъ сдѣлать его *невозможнымъ*. Контъ могъ увлечься и своимъ идеаломъ неограниченнаго господства соціальной духовной власти надъ личными тенденціями,—но его *экономическая* идея вполнѣ сень-симонистская: когда то существовала война между рабами и владѣльцами, теперь она—между рабочими и хозяевами, — и для осуществленія нравственнаго порядка власть должна вмѣшаться въ эту борьбу. Мы видѣли, Анфантэнъ—этотъ актъ называетъ комбинаціей индивидуальныхъ усилій въ общихъ интересахъ.

Такимъ образомъ идея авторитета видимо занимала центральное положеніе въ сень-симонизмѣ,—и опасенія либераловъ предъ слишкомъ властными тенденціями школы были вполнѣ основательны. Сень-симонисты, съ своей точки зрѣнія, могли своихъ противниковъ уличать въ идейномъ произволѣ: либерализмъ строилъ свои системы на метафическихъ данныхъ—внѣ времени и пространства, безъ конца изобрѣталъ и отмѣнялъ конституціи, являлъ полную *анархію* въ политикѣ и въ нравственности. У Сень-симонистовъ находился въ распоряженіи благодарный матерьялъ—укорять современныхъ слугъ и гонителей всевозможныхъ правительствъ въ безпринципности, указывать какъ одно и то же поколѣніе въ теченіе 30 лѣтъ привѣтствовало столько разнородныхъ свѣтилъ, въ 1796 году кричало о *свободѣ*, въ 1806—о *Франціи и славѣ*, а теперь въ 1826—толкуетъ о *религіи* и *монархіи* и все за пенсію. И такая смута возрѣнній царствуетъ всюду—и въ личной и въ общей политикѣ, и въ историческихъ сужденіяхъ ²⁹⁾). Сень-симонисты смѣются надъ либеральнымъ отношеніемъ ко христіанству. Либералы, повидимому, мирятся съ христіанами, умершими на крестахъ, но не желаютъ понять заслугъ папства предъ цивилизаціей, борьбы идей противъ грубой силы: здѣсь папы сплошь интриганы и лукавые по-

²⁹⁾ II, 481. *De la moralité politique dans l'état actuel de la société et d'un Discours de M. Royer-Collard*, авт. Senty. Cp. ст. *Le Journal des Débats*. II, 387—8.

литики. Если бы Микель Анжело был папа,—картина страшнаго суда стяжала бы ему наименование шарлатана ³⁰⁾).

Только у сенъ-симонистовъ—историческій взглядъ на прошлое, настоящее и будущее и, по ихъ глубокому убѣжденію, только наука, а не личные сочувствія, можетъ прекратить бесплодную смѣну метафизическихъ системъ въ политикѣ и народъ перестанетъ быть для политиковъ абстракціей, а свобода идеаломъ соціальныхъ стремленій. Сенъ-симонисты успѣли коснуться самыхъ жгучихъ историческихъ вопросовъ и рѣшить ихъ посвоему,—въ противоположность либеральной оцѣнкѣ. Одинъ изъ либеральныхъ публицистовъ—Дюнуае страстно напалъ на римское завоеваніе,—въ *Производитель* ему объяснили культурное значеніе не—либеральнаго факта для объединенія чело-вѣчества. Тьерри растрогался участіемъ англо-саксовъ и осудилъ норманновъ: Базаръ и здѣсь поставилъ вопросъ на историческую почву; республиканцы искони преклоняются предъ Брутомъ и Кассіемъ, какъ послѣдними римлянами,—*Производитель* приравнял ихъ къ писателямъ и политикамъ XIX-го вѣка, упорно защищающимъ учрежденія XI-го вѣка. Наконецъ,—*Производитель* чрезвычайно смѣло высказался о культурной участи негровъ. По мнѣнію Родрига, историческій законъ воспрещаетъ безусловное уравненіе негровъ съ бѣлыми,—рѣчь «можетъ идти только о положеніи пропорціональномъ ихъ соціальному значенію». Съ другой стороны *Производитель* также исторически объяснилъ равнодушіе освобожденныхъ негровъ къ труду ³¹⁾).

Все это свидѣтельствовало о неизмѣнной руководящей идеѣ сенъ-симонистовъ и въ философіи и въ политикѣ,—и выгодно отгѣняло ихъ послѣдовательность, историческую положительность ихъ мысли отъ современной партійной смуты. Но между *философіей* сенъ-симонизма и *идеаломъ* лежалъ вопросъ о практическомъ осуществленіи доктрины,—и ученіе объ авторитетѣ, перенесенное на почву явленій, неизбѣжно приняло одну изъ жизненныхъ формъ,—т. е. форму догматической власти, вскорѣ—личности, облеченной такою властью. Въ результатъ изъ нѣдръ *эволюціоннаго міровоззрѣнія* возникъ *самодавлющій преобразователь*. Дилемма неизбѣжна: или историческій фатализмъ и личная косность или вмѣшательство въ про-

³⁰⁾ III, 153—4, ст. о Dunoyer, авт. Rouen

³¹⁾ II, 455 (Rouen); IV, 316; *Des préjugés historiques* (Laurent), IV, 285; I, 281.

цессъ—силы направляющей и творческой, хотя бы ради фатально необходимой цѣли. Вина Анфантэна заключалась не въ усиленной проповѣди духовной власти, а въ скоропалительной кристаллизаціи ея принциповъ во имя своей личности, своихъ личныхъ наклонностей. Анфантэнъ сообщил роковое *содержаніе практикъ* авторитета и этимъ подорвалъ самую идею. Но сама идея не утратила ни философскаго смысла, ни жизненнаго значенія. Сень-симонисты постарались раскрыть все это до диктатуры Анфантэна, во второй—устный періодъ—своей пропаганды.

Производитель велъ полемику необыкновенно сдержанно. Базарь, обладавшій блестящимъ остроуміемъ и находчивостью, возражалъ Констану со всевозможной вѣжливостью и всему возраженію придавалъ общій характеръ,—говорилъ о преобладаніи личностей надъ идеями въ современной журналистикѣ, потому что современныя идеи измелчали и утратили авторитетъ,—свою личность Базарь устраивалъ съ полемической сцены, не считая себя въ правѣ занимать своей особой публику ²¹). Въ такомъ же тонѣ велась вообще полемика на страницахъ сень-симонистскаго журнала. Ни единого разу сень-симонисты не оживили ихъ личными нападками, стараясь разсчитаться съ противниками на почвѣ идей и принциповъ. Нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ удивительнымъ или преднамѣреннымъ непониманіемъ, съ пренебреженіемъ,—и исключенія не составляли даже такіе противники, какъ Констанъ и Бейль. «Никто изъ нихъ, писалъ Анфантэнъ въ частномъ письмѣ, не выступилъ съ философскимъ оружіемъ, никто изъ нихъ не желалъ обсуждать вопроса; всѣ желали судить о томъ, чего они не удостоили изучить» ²²). Писатели либеральные и реакціонные философы читали журналъ такъ же какъ сеньеры у Бомарше желаютъ играть на гитарѣ и судили о *Производителѣ* по оглавленію статей. Въ результатѣ, — либералы называли сень-симонистовъ индійцами и египтянами, католики укоряли въ матеріализмѣ и въ торгашествѣ наукой. Констанъ заявлялъ, будто на взглядъ сень-симонистовъ—поэзія должна воспѣвать только машины ²³). Все это были

²¹) *Considerations sur les mœurs littéraires de notre époque*. II, 565—6, по поводу статьи Констана въ *Revue Encyclopédique*, гдѣ Констанъ называлъ сень-симонистовъ жрецами Фивъ и Мемфиса.

²²) *Not. hist.* I, 194.

²³) *Prod.* III, 520. *Du catholique et M. d'Eckstein*; I, 536.

недоразумѣнія и сенъ-симонисты усиливались ихъ разсѣять,—но дѣлали это мало доступнымъ для публики способомъ. «Мы очень скучны», сознавался Анфантэнъ,—и рассчитывалъ исключительно на политехническую школу: она должна стать каналомъ, по которому сенъ-симонистскія идеи распространятся въ обществѣ. Анфантэнъ, самъ политехникъ, находилъ, что школа своимъ позитивнымъ преподаваніемъ и методами изслѣдованія и доказательства подготовила своихъ учениковъ къ воспріятію идей соціальной фізіологіи ²⁵⁾. Расчеты Анфантена оправдались.

Журналъ дѣйствительно внимательно читали въ политехнической школѣ, ея воспитанники посѣщали редакціонныя пятницы,—сначала товарищи Анфантена по выпуску, потомъ—младшее поколѣніе. ²⁶⁾ Всѣ они дѣятельно распространяли новыя идеи, приводили къ Анфантену новыхъ гостей. Желających среди молодежи нашлось не мало. Карно, впоследствии одна изъ первыхъ силъ въ сенъ-симонистской пропагандѣ, оставилъ яркую характеристику своихъ сверстниковъ. Мы знаемъ ея главныя черты: поиски за доктриной среди развѣнчаннаго католичества и безсиьной науки. «Мы, пишетъ Карно, устремлялись на всякое философское явленіе, казавшееся причастнымъ религіи». Читалась книга Балланша о соціальномъ палингенезисѣ, сочиненія Сенъ-Мартэна, Коэссэна, молодежь вступала даже въ орденъ тапpliersовъ, оказавшійся неподвижно консервативнымъ,—и въ другія общества, искавшія нравственныхъ истинъ. ²⁷⁾ Сенъ-симонизмъ шелъ на встрѣчу этимъ скитальцамъ. У *Производителя* образовалась молодая публика изъ воспитанниковъ политехнической школы: артиллерійскихъ офицеровъ, всякаго рода инженеровъ,—людей, выросшихъ на точныхъ наукахъ и ставшихъ энтузіастами новой «общей

²⁵⁾ *Oeuvres*. XXIV, 86—7.

²⁶⁾ *N. hist.* I, 166.

²⁷⁾ *Sur le saint-simonisme. Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*. P.: 87. 122. Особенно любопытны свѣдѣнія о *Société de la Morale chrétienne*, 132—3.—Отдѣльное изд. P. 67.—Сенъ-Бевъ также говоритъ о раннемъ вліяніи сенъ-симонизма, но даетъ оцѣнку этому вліянію двусмысленную: „le saint-simonisme rendit à l'esprit français d'alors cet éminent service d'implanter dans le camp de la Revolution et du progrès quelques—unes des pensées élevées de M. de Maistre et de les y naturaliser en bonne terre et d'une manière vivante“. Мы знаемъ, въ чемъ заключалось соприкосновеніе сенъ-симонизма съ реакціонной философіей,—откуда же въ оживленіи идей Деместра ради нихъ самихъ. *N. Lundis*. P. 1872, IV. *Gue-rollt*, 145.

идей. ³⁸⁾ И сень-симонисты съ гордостью указывали, что въ ихъ рядахъ нѣтъ фразеровъ, вообще *литераторовъ*, а только люди точныхъ знаній. ³⁹⁾ Дальше всѣхъ отъ центра стоялъ одинъ политехникъ—Контъ. Онъ никогда не бывалъ на редакціонныхъ собраніяхъ, о журналѣ, мы знаемъ, отзывался весьма неблагоклонно, а потому заболѣлъ и въ теченіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ не участвовалъ въ журналѣ. ⁴⁰⁾

Но пока политехники только слушали и читали. Вся работа по журналу лежала на пяти-шести лицахъ. По словамъ Анфантэна,—они только чудомъ могли вынести этотъ трудъ. Безъ исключительнаго энтузіазма подобная работа была бы невозможна. Послѣ прекращенія журнала почти всѣ редакторы переболѣли. Но подписчики, журнальная толпа — отсутствовали, редакторы обратились къ банкирамъ за 5000 франковъ, обѣщая даромъ редактировать журналъ, — банкиры отказали въ помощи, издатели откровенно объяснили публикѣ положеніе и прекратили изданіе. ⁴¹⁾ Но факты немедленно доказали, что дѣло сень-симонистовъ было живымъ дѣломъ. Пропаганда не могла прекратиться, — ея требовали читатели только-что закрытаго журнала.

III.

Всѣ, кого утомляла умственная и нравственная пустота политическихъ и философскихъ ученій, процовѣдовавшихся въ салонахъ, кто штатъ отвращеніе къ прошедшему, чувствовалъ усталость отъ настоящаго, призывалъ невѣдомое будущее—для разрѣшенія великихъ историческихъ задачъ человѣчества,—всѣ такіе люди, говорятъ сень-симонисты, обратились къ нимъ. У каждаго изъ редакторовъ оказалось по нѣсколько слушателей или корреспондентовъ. Особенно на югѣ Франціи нашлись горячіе почитатели сень-симонистскихъ философскихъ плановъ. Одинъ изъ нихъ написалъ редакторамъ письмо и называлъ его выраженіемъ чувствъ многихъ своихъ друзей. Ан-

³⁸⁾ О значеніи политехнической школы въ исторіи сень-симонизма—Pinet *Ecrivains et penseurs polytechniciens*. P. 98. 135—181.

³⁹⁾ *Doctrine*. I, 19.

⁴⁰⁾ *N. hist.* I, 166, 195. Ср. *Oeuvres*. XXIV, 117.

⁴¹⁾ *N. hist.* I, 217; II, 12. *Doctrine*. I, 15. *N. hist.* I, 182—3.

фантану пришлось отвѣчать. Начался эпистолярный прозелитизм. Одновременно Базарь задумалъ философскій словарь XIX вѣка, — но дѣло не пошло, — и въ теченіе двухъ лѣтъ отдыха сень-симонисты пока приобрѣтали сотрудниковъ будущихъ сень-симонистскихъ изданій и не переставали мечтать возобновить *Производитель*.⁴²⁾ Они предполагали издавать его въ теченіи двухъ лѣтъ и довольствоваться двумястами подписчиковъ, а пока началось устное изложеніе доктрины. Бесѣды возникли сами собой на собраніяхъ сень-симонистовъ. Базарь обыкновенно велъ ихъ съ самаго начала и прівлекалъ новыхъ послѣдователей. Одно время собранія происходили у Карно, — но обыкновенно — у Анфантана, еженедѣльно, собиралось отъ 25 до 30 слушателей. Естественно — Анфантанъ и Базарь являлись руководителями, центромъ кружка и къ концу 1828 года организовалась *вторая* степень послѣдователей Сень-Симона, седьмю декабря произошло первое собраніе, а два дня спустя было рѣшено по средамъ читать лекціи о новой философіи. Первая лекція состоялась 17 декабря.⁴³⁾ Такъ началось *Изложеніе доктрины*.

Чтеніе лекцій было возложено на Базара, — но онъ предварительно обсуждался въ собраніяхъ первой степени. По словамъ Фурнея, никто не можетъ быть единолично названъ авторомъ двухъ томовъ *Изложенія доктрины*. Съ первой же лекціи Карно началъ дѣлать замѣтки для себя, исправивъ ихъ, прочиталъ товарищамъ, Базарь просилъ его принести замѣтки къ нему, они еще разъ вмѣстѣ просмотрѣли ихъ, — и такъ продолжалось до конца. Оба тома предварительно записаны Карно, пересмотрѣны Базаромъ и Анфантаномъ и потомъ напечатаны. Тотъ же Карно составилъ *résumé* перваго тома для даровой раздачи. На первой лекціи было не болѣе 50 чловѣкъ — въ квартирѣ Анфантана, но уже для второй пришлось нанять залу въ улицѣ Таганне, гдѣ когда-то жилъ Дидро. Читенія Базара съ перваго же раза имѣли большой успѣхъ ясностью, твердостью и новизной идей.⁴⁴⁾ Политехники увлекались математической строгостью доказательствъ, опредѣленностью положеній, — но находились слушатели, увлеченные исключительно необъятными перспек-

⁴²⁾ *Doctrine*. I, 16. *N. hist.* I, 190—8, 203, 212, 217.

⁴³⁾ *N. hist.* II, 7—28. Carnot. 132.

⁴⁴⁾ Fournel, *O. c.* Carnot. 133—4. *Résumé* предварительно напечатано въ *Revue Encyclopédique*.

тивами новыхъ научно-философскихъ задачъ. Сень-симонистскія бесѣды спасали чувствительныхъ юношей отъ невыносимаго томленія духа, раскрывали имъ смыслъ жизни, сулили высокое нравственное удовлетвореніе въ восторгахъ новой вѣры. ⁴⁵⁾ Энтузіазмъ съ этихъ поръ становится фактомъ сень-симонистской семьи, *чувство* повелительно требовало перваго мѣста. Мы знаемъ, Анфантэнъ усердно работалъ въ этомъ направленіи въ промежутокъ между прекращеніемъ *Производителя* и началомъ *Изложенія. Новое христіанство* тщательно обсуждалось главами школы и *филантропическія* стремленія готовы были поглотить науку и логику. Это откровенно заявили сень-симонисты во *Введеніи* къ первому тому *Доктрины*. Въ августѣ 1829 года Анфантэнъ въ частномъ письмѣ энергично выступилъ противъ разсудочной философіи Конта, не признающей творческаго идейнаго значенія за чувствомъ,—одновременно Базаръ посвятилъ лекцію разбору *позитивной политики* Конта—въ томъ же духѣ. ⁴⁶⁾ Такимъ образомъ,—артистическая способность въ періодъ *Изложенія* видимо выступала на первый планъ со всѣми послѣдствіями.

Въ лекціяхъ Базара представлена первая полная систематизація философскаго завѣщанія Сень-Симона. Схема культурнаго прогресса развита безукоризненно ясно, съ тѣми же гранями, какъ у Сень-Симона, съ тѣмъ же общимъ смысломъ, съ той же характеристикой исторіи, какъ положительной науки. Эти общія черты въ сень-симонизмѣ второй стадіи съ первичнымъ—особенно важны: онѣ послужили основой для логическихъ выводовъ и привели къ заключеніямъ, придавшимъ философіи учениковъ оригинальную, независимую окраску.

Сень-симонисты удѣлили много вниманія опредѣленію исторіи, какъ основъ политики. Исторія, какъ *соціальная физиологія*, должна съ *достоверностью* открыть человѣчеству его будущее, оправдать это будущее прошедшимъ, указать, какое поступательное движеніе человѣчеству остается совершить. Будущее—*фатальный результатъ* прошедшаго. ⁴⁷⁾ Этотъ фатальный результатъ открыть Сень-Симономъ: развитіе ассоціаціи и міръ направляется къ стадіи *окончательной*,

⁴⁵⁾ Таковъ смыслъ—*Memoires d'un prédicateur saint-simonien*—Chartron'a, снач. въ *Révue Encyclop.*, отд. изд. 1832.

⁴⁶⁾ *N. hist.* II, 65. *Doctrine*, I, 373.

⁴⁷⁾ *Doctrine*. I, 31, 50, 120, 270.

къ единству доктрины и дѣятельности: «le monde entier s'avance vers l'unité de doctrine et d'activité». ⁴⁸⁾ И этотъ путь долженъ совершаться не путемъ переворотовъ, а среди постепеннаго духовнаго развитія человѣчества: не *революція*, а *эволюція*, — таковъ принципъ позитивной политики, построенной на *соціальной наукѣ*. Позитивный политикъ отличается отъ метафизическаго — *предвиднѣемъ*, — тѣмъ что вообще ученаго отличаетъ отъ невѣжды. ⁴⁹⁾ Одинъ *знаетъ* будущее, предписываемое логикой фактовъ и, разумѣется, считаетъ безцѣльнымъ переворотъ, могущій только нарушить жизненное неотвратимое развитіе идеи и порядка, другой, по непониманію смысла переживаемой дѣйствительности, вмѣшивается въ событія подъ вліяніемъ личныхъ или партійныхъ увлеченій и расчетовъ.

Сень-симонисты не отрицаютъ вмѣшательства вообще, — но оно должно совершаться въ гармоніи съ движеніемъ цивилизаціи: личность должна только *ускорять* заранѣе установленный путь, она *симпатически предвидитъ* будущее, *удостоверенное* наукой. Будущее нельзя опредѣлять въ подробностяхъ и назначить ему срокъ, но человѣкъ чувствуетъ, что своими усиліями можетъ ускорить свое счастье. «Раньше чѣмъ дѣйствовать, — онъ знаетъ общій результатъ своего дѣйствія и прилагаетъ къ нему всю мощь своихъ усилій.» Общій практическій выводъ: «ученіе Сень-Симона не стремится произвести переворота, революціи, оно предрекаетъ и выполняетъ *преобразование, эволюцію*; оно приносить въ міръ новое *воспитаніе, окончательное возрожденіе*», такъ какъ исторія рядъ физиологическихъ состояній человѣческаго рода ⁵⁰⁾.

Все это — прямые отголоски идей самого Сень-Симона. Но, мы уже знаемъ, — сень-симонисты существенно дополнили анализъ историческихъ фактовъ и сдѣлали болѣе рѣшительныя заключенія. Мы указывали, — наиболѣе важныя дополненія сдѣланы въ индустриальномъ рядѣ и въ *Изложеніи доктрины*, эти дополненія развиты всесторонне для прошедшаго и будущаго.

Историческіе термины въ преобразованіи эксплуатаціи установлены еще *Производителемъ*, теперь двѣ лекціи посвящены подроб-

⁴⁸⁾ *Ib.* 36—7, 142—4; 387; 160.

⁴⁹⁾ *Ib.* 124, 211.

⁵⁰⁾ *Ib.* 121, 212, 117: „l'histoire présente un tableau successif des états physiologiques de l'espèce humaine“.

ному анализу этихъ терминовъ, заранѣе поименованныхъ: *господина*—*раба*, *патрицій*—*плебей*, *сенъеръ*—*крѣпостной*, *праздный*—*работникъ*. Вновь очень подробно оцѣнены культурныя заслуги католической церкви, какъ носительницы идеи мирнаго труда и нравственныхъ способностей рядомъ съ обществомъ воинственнымъ и привилегированнымъ. Уже католичеству доступенъ великій прогрессивный принципъ: вознагражденіе каждому по его дѣламъ, т.-е. по его усиліямъ, улучшить нравственное, умственное и физическое положеніе массъ. Сенъ-симонисты подчеркиваютъ культурный фактъ и вводятъ его въ составъ *будущаго*. Столь энергично они пользуются и исторіей эксплуатаціи, представляя характеристику настоящаго момента. Они находятъ въ немъ далеко еще не исчезнушіе пережитки военнаго, владѣльческаго, вообще эксплуататорскаго строя. При существованіи неимущаго пролетаріата рабочій является—если не рабомъ собственника, — во всякомъ случаѣ не свободнымъ въ опредѣленіи своихъ отношеній къ нему. Онъ вынужденъ подъ страхомъ голодной смерти принимать условія своего хозяина ⁵¹⁾).

Сенъ-симонисты спрашиваютъ: почему могло видоизмѣниться рабство? Отвѣтъ находится еще въ христіанскомъ ученіи: ни одинъ человекъ не можетъ быть признанъ *неспособнымъ* въ силу своего рожденія,—и папъ выбирали изъ плебеевъ. Съ теченіемъ времени идея проникла и въ свѣтскую политику, конституціи отвергаютъ наследственные дворянскія привилегіи, какъ основу исключительной политической способности и силы. Но конституціи не послѣдовательны. Существуетъ еще одна также наследственная привилегія, ими узаконяемая,—привилегія обладать богатствомъ въ праздности, располагать *орудіями работы*, лично не занимаясь никакой работой. По мнѣнію сенъ-симонистовъ,—уничтоженіе этой привилегіи—логическій результатъ всего культурнаго движенія: оно направлено къ уничтоженію *наследственныхъ* правъ и къ возведенію *личныхъ* способностей. *Рабочій* въ настоящее время эксплуатируется *матеріально, умственно и нравственно*, какъ раньше эксплуатировался *раба*,—и вина въ организаціи собственности. Эта организація должна быть преобразована съ цѣлью удовлетворить историческому закону: уничтожить эксплуатацію человека человекомъ и установить неограниченную эксплуатацію земнаго шара ⁵¹⁾).

⁵¹⁾ Л. 157—8, 166—9, 175—80.

Возникаетъ вопросъ, — возможна ли и законна ли реорганизація собственности?

Въ отвѣтъ сенъ-симонисты, послѣ краткаго указанія Сенъ-Симона на историческія видоизмѣненія идеи и объекта собственности, — представляютъ обширную исторію вопроса. Цѣль ихъ доказать, что исторически одинаково мѣнялись и предметы собственности и самое понятіе собственности. Законодательство постоянно вмѣшивалось въ *право* собственника, запрещало ему распространять свою власть на предметы, раньше безусловно ему принадлежавшіе и регулировало способъ пользоваться предметами, ему еще принадлежащими. То же законодательство неоднократно видоизмѣняло порядокъ передачи имущества по наслѣдству: сначала собственникъ могъ располагать своимъ достояніемъ по личному усмотрѣнію, потомъ государство предписало ему завѣщывать въ пользу *старшаго* сына и, наконецъ, узаконило равный раздѣлъ между всѣми дѣтьми завѣщателя. Очевидно, — собственность не представляется въ глазахъ общества, дѣйствующаго чрезъ государство, — фактомъ неприкосновеннымъ, — и притомъ эволюція, несомнѣнно, идетъ въ ущербъ привилегированной праздности и въ пользу личнаго труда. Послѣдній терминъ эволюціи — полное соотвѣтствіе собственности труду. На этомъ, по мнѣнію сенъ-симонистовъ, заключительномъ ударѣ постепенно разлагающейся послѣдней наслѣдственной привилегіи они и настаиваютъ ⁵¹).

Въ подкрѣпленіе идеи сенъ-симонисты призываютъ не только законодательство, но и науку и философію. Обозрѣвая ученія экономистовъ, государственныхъ людей, они выводятъ то же заключеніе о видоизмѣняемости *природы предметовъ* собственности и способъ *пользованія* и *передачи* ихъ.

Напримѣръ, — Сисмонди. Въ области земледѣлія онъ указываетъ, какъ различно понимаютъ его процвѣтаніе *праздные* богачи и вообще нація. Для однихъ выгоды системы отождествляются съ ихъ чистымъ доходомъ, для націи и для экономиста важенъ также доходъ *рабочихъ*. Тотъ же Сисмонди возстаетъ противъ майоратовъ и субституцій. Вся эта критика, перенесенная на обширную сцену всей политики, вообще экономическихъ явленій, привела бы изслѣдователя къ выводу: раздоръ интересовъ работниковъ и тунеядцевъ въ земледѣльческой культурѣ — общій фактъ современной соціальной системы, майораты и субституціи — только частныя проявленія обща-

го принципа—права наслѣдованія. Очевидно,—весь вопросъ въ послѣдовательности извѣстной мысли.

Еще болѣе поучительныя взгляды сень-симонисты находятъ у мыслителей XVIII вѣка. Неккера занималъ вопросъ, какимъ образомъ люди могутъ брать у работниковъ произведенія ихъ труда и даже внушать работникамъ уваженіе и любовь къ этому факту? Тюрго не желалъ собственниковъ причислять къ производительному классу и не считалъ ренты неотъемлемой собственностью землевладѣльца. Сень-симонисты не пропустили, разумѣется, извѣстныхъ намъ заявленій Мирабо. Даже ярый сторонникъ стараго аристократическаго порядка—Казалесъ могъ укорять революціонныхъ законодателей, защитниковъ собственности—въ невѣдѣніи прописной истины: всякій крестьянинъ знаетъ,—«кто не воздѣлывалъ земли,—тотъ не имѣетъ права на плоды». По мнѣнію Казалеса справедливый мудрый принципъ гласить, что собственность основана на трудѣ. ⁵²⁾

Остается только сдѣлать выводы изъ этихъ положеній,—и получится сень-симонистское ученіе: «право собственности—видоизмѣняемый социальный фактъ или вѣрнѣе прогрессивный какъ всѣ социальные факты; напрасно расчитываютъ сдѣлать его неподвижнымъ, называя его *божественнымъ правомъ* или *естественнымъ*,—потому что и божественное и естественное право прогрессивны сами по себѣ. При каждомъ социальномъ преобразованіи, при каждой политической революціи право собственности подвергалось болѣе или менѣе глубокимъ видоизмѣненіямъ. При рабскомъ строѣ—люди сами составляли важнѣйшую часть собственности. Рабство разрушилось, и этотъ фактъ, несомнѣнно, едва ли могли представить себѣ Катоны, Бруты и даже Гракхи. Всякаго рода обязательства, подъ именемъ феодальныхъ повинностей, были возложены на крѣпостныхъ. Съ теченіемъ времени эти повинности исчезли, но и онѣ вначалѣ считались самою законною собственностью. Наконецъ, способъ передачи собственности испыталъ на меньше измѣненій. Въ настоящее время, въ результатъ этого прогресса,—остается сдѣлать новый шагъ,—перенести право наслѣдованія съ семьи на государство». ⁵³⁾

⁵²⁾ *Ib.* 221—237.

⁵³⁾ *Doctrine. Oeuvres de Saint-Simon.* XLII, 161—2.

Порядокъ этотъ отнюдь не коммунизмъ. Еще въ періодъ *Производителя* сень-симонисты горячо отклоняли отъ себя улику въ коммунистическихъ тенденціяхъ,—напротивъ они нападали на систему Овена—дѣлить продукты на равныя доли между членами общества. ⁵⁴⁾ Такая система можетъ быть плодомъ только метафизическаго представленія объ естественномъ равенствѣ и естественныхъ правахъ и въ результатѣ создать не меньше несправедливостей, чѣмъ современное слѣпое распредѣленіе благъ. Способности людей не равны и равномерное распредѣленіе богатствъ противорѣчило бы принципу, повелѣвающему соотвѣтствіе вознагражденія дѣламъ. «Каждому по его способности, и каждой способности по ея дѣламъ, да не будетъ больше права наслѣдованія!» — таковъ точный соціальный девизъ сень-симонизма. ⁵⁵⁾

Онъ выведенъ изъ идеи обязательнаго личнаго труда. Наслѣдство обуславливаетъ праздность, и оно должно быть устранено. Единственный собственникъ—государство, всѣ граждане—обладатели орудіями производства и предметами потребленія сообразно своимъ личнымъ талантамъ и трудолюбію, при чемъ къ орудіямъ производства причисляются земля и капиталъ. Государство распредѣляетъ эти орудія, сообразуясь со способностями каждаго члена общества и съ потребностями каждой мѣстности и каждой отрасли индустріи. Граждане будутъ *классифицированы* по способностямъ, *вознаграждаемы* по дѣламъ и государство станетъ *ассоціаціей работниковъ*, обширной *мастерской*, гдѣ будутъ согласованы всѣ роды производства и урегулировано распредѣленіе благъ: исчезнуть война и лишенія, т.-е. конкуренція и индустріальное рабство. ⁵⁶⁾

И здѣсь сень-симонисты желаютъ опираться на традицію. Государство и раньше уже стремилось организовать индустрію,—таковы средневѣковые цехи. Они выполняли двѣ функціи, признавая новаго мастера: удостовѣряли его способность при посредствѣ свѣдущихъ людей и потребность извѣстной отрасли промышленности въ новыхъ рукахъ и капиталахъ. Организация цеховъ, какъ бесполезная послѣ паденія феодальныхъ силъ, была упразднена,—но ничѣмъ положительнымъ не замѣнена,—и въ индустріи воцарилась негра-

⁵⁴⁾ *Producteur*. III, 525—6.

⁵⁵⁾ *Doctrine* II. *ib.* 163—4; I, 41.

⁵⁶⁾ I, 190—4, 187.

ниченна конкуренція, всевозможные кризисы неминуемы тамъ, гдѣ у отдѣльныхъ предпринимателей нѣтъ *цѣльнаго взгляда*, т.-е. нѣтъ точнаго представленія обо всей матерьяльной дѣятельности общества и объ его потребностяхъ.

Существуетъ и въ настоящее время учрежденіе, знаменующее прекращеніе индустріальной войны и возможность водворенія порядка,—*банки*. Они отчасти играютъ роль распредѣлителей орудій производства, служатъ посредниками между *работниками* и *собственниками*. Но современные банки построены на принципѣ старой собственности,—стремятся съ труда получить покрупнѣе барышъ, потому кредитъ ихъ требуетъ матерьяльныхъ гарантій, а не *способностей*, наконецъ, при отсутствіи централизаціи, — банки не въ состояніи схватывать *цѣлое* соціальной мастерской и не могутъ регулировать индустрію во всѣхъ ея отрасляхъ. Необходимо создать іерархію среди банковъ,—объединить общіе и подчинить имъ спеціальныя, учредить особые банки по провинціямъ для наблюденій за мѣстной индустріей и приурочить ихъ къ центральному. Такимъ образомъ банки для каждой индустріи и для каждой промышленной мѣстности и во главѣ центральный банкъ, представляющій *правительство* въ области матерьяльнаго порядка. ⁵⁸⁾

Все это—ясно и стройно, но является только вступленіемъ къ организаціи правительства. Мы знаемъ, для какой цѣли оно должно быть создано, какими практическими средствами оно можетъ водворить единство въ индустріальной дѣятельности общества, — но всѣ эти данныя не даютъ точнаго представленія о *характерѣ* власти,—только заставляютъ предугадывать ея необыкновенную мощь и небывалое нравственное политическое назначеніе. Вопросъ идетъ не только о гармонизаціи производства и потребления, — но и способностей. Принципъ—вознагражденія по способностямъ предполагаетъ *іерархію* талантовъ, слѣдовательно, личностей. Какъ и кѣмъ будетъ установлена эта іерархія?

Вопросъ — исключительнаго значенія: отвѣтъ долженъ примирить насъ съ кореннымъ преобразованиемъ собственности, т. е. съ полнымъ уничтоженіемъ собственности, какъ наследственнаго права, съ превращеніемъ ея въ жалованье за личныя заслуги.

⁵⁸⁾ I, 189.

⁵⁹⁾ I, 206—9.

IV.

Мы видѣли, — идея авторитета естественно вытекала изъ представленія о личности; какъ силѣ воздѣйствующей на темпъ историческаго процесса. Уже въ раннемъ сенъ-симонизмѣ было опредѣлено могущественнѣйшее средство воздѣйствія, — экзальтированіе массы въ пользу научно-установленной общей идеи, т. е. общей цѣли. Средство это свойственно особой, *артистической* способности. Пока сенъ-симонизмъ не задавалъ себѣ такихъ величественныхъ задачъ, какъ социализація собственности и превращеніе способностей въ государственныя функціи, — артистическая способность могла оставаться въ предѣлахъ популяризаціи идей. Теперь предъ сенъ-симонистами встала цѣль чрезвычайной трудности. На ихъ идею — уничтоженія права завѣщанія — немедленно посыпались рѣзкія возраженія, — тѣмъ болѣе опасныя, что они были доступны рѣшительно всѣмъ. Почти во всѣхъ современныхъ памфлетахъ и спокойныхъ критическихъ отзывахъ о сенъ-симонистахъ имъ посылается упрекъ въ противоестественности ихъ ученія о собственности. Отецъ Родрига одинъ изъ первыхъ написалъ Анфантану, что мечтать о замѣнѣ отеческой заботливости хлопотами банкировъ, вообще *ослабить* всѣ семейныя чувства и *поглотить* ихъ въ *соціальномъ чувствѣ* — значить не знать человѣческой природы и смотрѣть на человѣка съ отвлеченной точки. То же самое думалъ Родригъ — отецъ и о сенъ-симонистской классификаціи по способностямъ ⁵⁹⁾. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей школы, впоследствии перешедшій въ фурьеризмъ, — Лешевалье укорялъ своихъ бывшихъ товарищей въ насиліяхъ надъ текстомъ Сенъ-Симона, — и главнѣйшимъ называлъ — упраздненіе наслѣдства ⁶⁰⁾. Въ брошюрѣ, вышедшей въ Метцѣ, благосклонно и основательно оцѣнены заслуги сенъ-симонистовъ, ихъ критическая проницательность, ихъ талантливость, ихъ благородство, — но ученіе о наслѣдствѣ признано роковымъ подрывомъ для всей доктрины: оно оскорбляло родительскую любовь ⁶¹⁾. Вообще въ періодъ *Изложенія* вопросъ о наслѣдствѣ явился такимъ же благодарнымъ мотивомъ для критиковъ сенъ-симонизма, какимъ въ эпоху *Проповѣдей* стало ученіе о «новой женщинѣ».

⁵⁹⁾ *N. hist.* II, 15.

⁶⁰⁾ *Exposition du système social de Charles Fourier.* P. 38. 23.

⁶¹⁾ *Essai sur les saint-simonien.* Metz 1831. 14, 32—4.

Очевидно, сенъ-симонистамъ предстояла великая работа надъ старымъ міромъ, чтобы завоевать его въ пользу одной изъ основныхъ своихъ идей. И они создали власть, рассчитанную на этотъ подвигъ. Такъ какъ дѣйствительно приходилось личныя и семейныя чувства замѣнить *соціальнымъ чувствомъ*, — на артистическую способность возлагалась задача путемъ экзальтации передѣлать человѣческую природу. Сенъ-симонисты до самаго конца своей пропаганды не переставали утверждать, что *это* преобразование собственности можетъ совершиться только прогрессивно, мирно, добровольно, *безконечно лучше*, чѣмъ совершалось упраздненіе феодальныхъ правъ, т. е. — при помощи всевозможныхъ вознагражденій и медленнѣе, чѣмъ происходятъ теперь отчужденія собственности въ общественныхъ интересахъ⁶²). Но надо было сознаться, что всяческія облегченія мобилизаціи собственности вращались въ предѣлахъ принципа наследственности и сами по себѣ не разчищали пути къ социализаціи собственности. Государство регулировало собственность, не разрывая съ понятіемъ собственника — личности и сенъ-симонисты изъ историческаго обзрѣнія могли вывести только убѣжденіе въ измѣняемости взглядовъ государства на *кругъ личностей*, правоспособныхъ, какъ собственниковъ. Изъ того, что *преобразовывались* предметы личной собственности, отнюдь не слѣдовало логически, чтобы они совершенно исчезли и уничтоженіе рабства и крѣпостничества доказывало не мобилизацію собственности, а перемѣну въ нравственномъ чувствѣ и культурномъ міровоззрѣніи человѣчества. Человѣкъ пересталъ быть *одушевленнымъ орудіемъ*, какъ его называлъ Аристотель: это моментъ не въ эволюціи идеи собственности, — идея осталась неизмѣнной относительно *неодушевленныхъ орудій* и въ этой области подвергалась воздѣйствіямъ законодательства.

Очевидно, сенъ-симонисты предлагали не *видоизмѣненіе*, а коренную перемѣну, — на какую собственно исторія ихъ не уполномочивала, а развѣ только социальная современность, столь краснорѣчиво изображаемая сенъ-симонистами. Этотъ мотивъ Анфантѣнъ развилъ и во время процесса, — и онъ, несомнѣнно, былъ убѣдительнѣе, чѣмъ его ссылки на законы о мобилизаціи собственности. Если бы вопросъ шелъ только о новой *фатальной* стадіи эволюціи, — сенъ-

⁶²) Рѣчь Анфантѣна на судѣ. *Procès. Oeuvres*. XLVII, 377—8.

симонистамъ было бы излишне прибѣгать къ такой духовной власти, какую они поставили во главу новаго соціального строя.

Изображеніе этой власти выполнено блестяще. Сначала сенъсимонисты выяснили ея естественную психологическую почву, — для этого подвергли критикѣ *популярный позитивизмъ*. Онъ учитъ, что общія истины человѣкъ приобретаетъ путемъ анализа частныхъ фактовъ, послѣдовательно восходя отъ одного къ другому и такимъ непрерывнымъ путемъ доходя до общаго факта, до закона, связывающаго всѣ наблюденныя явленія, — такъ что самый законъ — логическій результатъ послѣдняго наблюденнаго факта. На самомъ дѣлѣ никогда такъ ни бываетъ. Несомнѣнно, наличность окружающихъ насъ фактовъ *вдохновляетъ* идею координаціи, но между этой идеей и случайнымъ фактомъ, ее внушающимъ, нѣтъ непосредственнаго соприкосновенія, существуетъ пробѣлъ, не заполнимый никакимъ *методомъ*, а только *гениемъ*. Обѣ эти силы необходимы въ научно-философской работѣ. Она заключаетъ въ себѣ два элемента — обобщеніе, *концепцію* и *проверку*, *изобрѣтеніе* и *методъ*: при помощи одного — человѣкъ открываетъ, угадываетъ, творитъ, при помощи другого онъ *оправдываетъ* свои предвидѣнія, свои вдохновенія, свои откровенія.

Это совершается путемъ классификаціи фактовъ. Но классификація есть приведеніе въ *порядокъ*. Почему же ученый классифицируетъ факты и именно въ известномъ порядкѣ? Откуда онъ знаетъ, что *порядокъ* непременно долженъ существовать среди данныхъ фактовъ? Онъ *вѣритъ* въ существованіе порядка, онъ *желаетъ* его, *стремится* къ нему. Методъ не даетъ этой вѣры такъ же какъ — и гипотезы, цѣлесообразной для объединенія фактовъ. Ученый выбираетъ гипотезу, наиболѣе соотвѣтствующую идеѣ порядка, — но *гипотеза предшествуетъ* классификаціи фактовъ, управляетъ ею. Человѣкъ *постигаетъ* и *удостоверяетъ*: это и значитъ онъ — ученый. Онъ *знаетъ* послѣ того какъ — вообразивъ — удостоверяетъ, оправдываетъ свое творчество, свою гипотезу, связываетъ свое *предвидѣніе* съ своими *воспоминаніями* непрерывной цѣпью причинъ и слѣдствій: въ прошломъ, которое онъ любитъ, онъ находитъ залогъ будущаго, котораго жаждетъ. Слѣдовательно, позитивизмъ, предъ которымъ преклоняется толпа, — заблуждается на счетъ значенія разсудочнаго наблюденія фактовъ. Помимо наблюденія и логики требуется еще одна

способность, именуемая *геніемъ*, способность *вдохновляться*, воспринимать *откровения*, видѣть своимъ особымъ зрѣніемъ ⁶³⁾).

Выводъ—ясень: *вдохновеніе* творить, *наука*—провѣряетъ и, очевидно, занимаетъ второстепенное мѣсто въ философской работѣ. Такъ именно Сень-Симонъ открылъ законъ ассоціаціи, и уже потомъ подтвердилъ его анализомъ. Сначала онъ былъ *поэтомъ*, потомъ *ученымъ*. Его мысль шла двумя путями—*традиціи* и *пророчества* ⁶⁴⁾).

Сень-симонисты немедленно примѣнили эту психологію къ Конту, какъ ересіарху. Критика ихъ ничто иное какъ разъясненіе и дополненіе извѣстнаго намъ предувѣдомленія Сень-Симона къ *Системъ позитивной политики*. Это сочиненіе сень-симонисты и взяли предметомъ своей критики. Контъ не понимаетъ смысла позитивной стадіи, потому что не уяснилъ тебѣ значенія *ипотезъ* въ опытныхъ наукъ. Новое обобщеніе въ наукѣ всегда появляется въ формѣ гипотезы и контовское описаніе позитивной стадіи, будто бы чуждой всего *ипотетическаго*, обличаетъ недоразумѣніе. Чѣмъ шире развивается наука за предѣлы непосредственнаго опыта, тѣмъ становится труднѣе удостоверить ея обобщенія, — въ позитивномъ смыслѣ. И никогда анализъ не можетъ обойтись безъ *предварительной* гипотезы, потому что каждая наука стремится привести всѣ факты къ одному принципу. Слѣдовательно, не *анализъ*, какъ думаетъ Контъ, передаетъ чувству свой разсудочный планъ, а наоборотъ — *чувство* творить идею, которую ученые должны оправдать анализомъ. *Чувство* всегда давало *наукъ* основу, руководило ею въ ея изысканіяхъ, опредѣляло порядокъ ея классификацій. Слѣдовательно,—элементъ *въры*, т. е. *религіозный*—всегда былъ и останется во всякой самой позитивной наукѣ ⁶⁵⁾).

Вообще, — сила, вдохновляющая геніевъ на обобщенія, очень сложнаго состава: это и чувство, и воображеніе, и вѣра, и энтузіазмъ, и любовь. Сень-симонистамъ необходимы всѣ эти понятія, чтобы изъ артистической способности создать всеобъемлющій міръ,—силу экзальтирующую, творческую, священнодѣйствующую,—въ результатѣ естественную духовную диктатуру. Изъ всѣхъ этихъ поня-

⁶³⁾ *Doctrine*. I, 125—132.

⁶⁴⁾ *Doctrine*. II, 158—4.

⁶⁵⁾ I, 373—388, 418—9.

тій сенъ-симонисты извлекали тѣ или другіе выводы, совершенно заслоняя блескомъ вдохновенія непоэтическую роль анализа. Возникаетъ вопросъ, — не извращаетъ ли такое яркое освѣщеніе одной лишь силы всей только что выясненной психологіи? Вѣдь вдохновеніе, если только оно научно-правоспособно, неразрывно съ анализомъ. *Vérification*—необходимая стадія, иначе—*inspiration* не будетъ имѣть позитивной цѣнности. Слѣдовательно,—не артистическая способность вообще прогрессивная социальная сила, а только оправданная *методомъ*, т. е. научнымъ изслѣдованіемъ. Гипотеза, встрѣтившая противорѣчивый фактъ, теряетъ значеніе и гипотезы играютъ роль *предварительнаго* умозаключенія, *пробнаго* предположенія, пока анализъ гипотезу не превратитъ въ законъ. Сенъ-Симонъ дѣйствительно раньше былъ поэтомъ, чѣмъ изслѣдователемъ, но если бы историческіе факты разошлись съ его вдохновеніемъ—и онъ остался бы только поэтомъ, —самихъ сенъ-симонистовъ навѣрное не существовало бы. Очевидно,—исключительная честь артистической способности и презрѣніе къ «холодной разсудительности» не оправдывается сенъ-симонистскимъ психологическимъ ученіемъ и грозитъ привести къ выводамъ—нелогическимъ, стоящимъ въ непримиримой враждѣ съ анализомъ. Сенъ-симонисты провозносятъ восторженную хвалу *чувству*. Кромѣ общенавѣстныхъ качествъ, они приписываютъ чувству силу открывать челоуѣку его назначеніе, — а наука призвана *удостоверить* это откровеніе ⁶⁶⁾. Но кто поручится, что чувство, окруженное священнымъ и пророческимъ ореоломъ, не вздумаетъ обойтись безъ науки или не постарается подчинить ее своему *гению*? Вѣдь классификація фактовъ управляется вдохновеннымъ обобщеніемъ, — и факты могутъ быть классифицированы въ желательномъ смыслѣ, — именно въ области нравственной и социальной философіи. Одинъ изъ благосклонныхъ критиковъ сенъ-симонизма укорялъ его послѣдователей въ излишнемъ довѣрїи къ *человѣку* и въ пренебреженїи къ сдерживающей силѣ *учрежденій* ⁶⁷⁾. Упрекъ вполне былъ заслуженъ восторгами философовъ предъ *артистами*.

Ихъ назначеніе творить и экзальтировать,—эти свойства могутъ быть выражены однимъ словомъ—*любить*. Вѣдь творчество, мы ви-

⁶⁶⁾ I, 268—9.

⁶⁷⁾ *Parallèle du saint-simonien et du républicain*. Lettre adressée par Jules Sambuc au Président de la réunion des amis de l'Égalité à Grenoble. 1831. 11.

дѣли, любовь къ порядку, а экзальтированье другихъ — любовь къ осуществленію известной идеи. *Любовь*, слѣдовательно, основная черта *мамы* общества. Это человекъ — больше другихъ любящій и знающій *соціальный порядокъ*. Впослѣдствіи — слово знающій исчезаетъ и остается правило: «люди больше всего любящіе назначеніе человечества, — наиболѣе способны руководить своими ближними, они естественно стянутся вождями общества; чтобы имъ занять это положеніе, — имъ достаточно говорить или дѣйствовать, — и немедленно всѣ голоса, всѣ усилія мало-по-малу начнутъ симпатически сливаться съ ихъ голосами и усиліями. Каждый займетъ тогда свое мѣсто послѣ вождей соотвѣтственно своей *любви къ общему назначенію* и своей *способности* достигнуть его».

Можно, предположить, что въ понятіи *способности* заключается сила науки и разума, — оказывается, — только развѣ въ ограниченной степени. Сень-симонисты говорятъ: «чувству, т. е. людямъ, у которыхъ эта способность господствующая, мы вручаемъ высшее управление обществами»⁶⁹⁾.

Сень-симонистамъ известно, что такой взглядъ на чувство противорѣчитъ современнымъ представленіямъ, возвышающимъ разумъ надъ чувствительной способностью. По мнѣнію сень-симонистовъ, — униженіе чувства ведетъ къ эгоизму, къ разложенію соціальныхъ связей, а эгоизмъ то же самое, что атеизмъ или язычество, въ нравственномъ смыслѣ безпринципность и непримиримая вражда интересовъ, вообще анархія. Только чувство соединяетъ людей и побуждаетъ ихъ дѣйствовать въ общихъ цѣляхъ⁷⁰⁾. Вообще сень-симонисты неистощимы въ прославленіи *чувства*, но нигдѣ они не доказываютъ, что чувство, при всей своей побудительной и гуманитарной силѣ, можетъ само по себѣ организовать доктрину и установить соціальный порядокъ. Здѣсь именно и является скачокъ, переносащій сень-симонистовъ изъ области общечеловѣческой психологіи, ими же самими разъясненной, въ область сектантскихъ внушеній. Они безпрестанно настаиваютъ, что *желаніе*, т. е. чувство, любовь должны предшествовать мысли и дѣйствию и въ текстахъ своихъ программъ и сочиненій слова *Amour, Sentiment, Aimer, Sentir*

⁶⁹⁾ *Doctrine*. I, 46—7, 55.

⁷⁰⁾ II, 327—8, 339.

⁷¹⁾ II, 340; I, 359—60, 394.

пишутъ нарочито крупнымъ шрифтомъ, оставляя для *science* и *industrie, savoir* и *agir*—мелкій ¹¹⁾). Но все это свидѣтельствуеъ только о *служебномъ* практическомъ значеніи чувства въ политикѣ и о *предварительномъ* теоретическомъ—въ наукѣ. Раньше установленный принципъ, что исторія, какъ опытная наука, опредѣляетъ цѣль человѣчества, — и эта цѣль — только звено въ ряду культурныхъ фактовъ, — этотъ принципъ остается непоколебимъ. Иначе упраздняется раньше признанное главнѣйшее открытіе Сень-Симона—превращеніе исторіи въ социальную физику. Оно становится второстепеннымъ и даже излишнимъ предъ всепоглощающей и всеподчиняющей экзальтаціей, не только ведущей людей къ цѣли, но и открывающей имъ эту цѣль.

Этотъ фактъ—патетической односторонности сень-симонистовъ, противорѣчащій ихъ собственному психологическому анализу научно-философскаго творчества, объясняется не личными настроеніями новыхъ пророковъ, а историческимъ положеніемъ ихъ мысли. Сень-симонизмъ явился созидателемъ міросозерцанія на смѣну критики XVIII-го вѣка. Эту задачу и именно въ такой формѣ усиленно подчеркивалъ Сень-Симонъ,—и она цѣлкомъ перешла къ его ученикамъ. Они даже усилили отрицательную характеристику XVIII-го вѣка, прибавили *нравственную* черту. Критическія эпохи вообще отличаются *эгоизмомъ*, органическія, наоборотъ, *самоотверженіемъ*, которое въ позитивную органическую эпоху превратится въ добровольную гармонію личныхъ и общихъ интересовъ. Эгоизмъ на сень-симонистскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ индивидуализму, и XVIII вѣкъ, проповѣдывавшій *личную совѣсть*, эгоистиченъ по существу,—материалисты въ родѣ Гельвеція эту совѣсть, этотъ *долгъ* замѣняли открыто идеей *личнаго интереса*. Сень-симонисты не считаются съ усиліями просвѣтителей въ личномъ долгѣ и даже въ личномъ интересѣ открыть источникъ общественнаго блага, — для сень-симонистовъ имѣетъ рѣшающее значеніе принципъ личной идейной независимости. Онъ привелъ людей XVIII-го вѣка къ *недоверію*, *независти*, *мести*, даже къ жаднѣ крови. Таковы, наприимѣръ, плоды дѣятельности Мирабо, — и все это во имя критической борьбы съ теологіей и феодализмомъ. Сень-симонисты не различаютъ партій

¹¹⁾ Ср. II, 327, 341, 344 etc.

и направлений въ просвѣтительной философіи. «Атеистъ» Гольбахъ и «деисты» Вольтеръ и Руссо проповѣдуютъ одно и тоже социальное ученіе, хотя у Руссо тѣ же сень-симонисты нашли порицаніе личной собственности, и во всякомъ случаѣ *Общественный договоръ* никогда не могъ быть внушенъ умомъ, создавшимъ *Генриаду* и не перестававшемъ развивать идею личной *suprême pouvoir*. Очевидно, существуетъ недоразумѣніе въ столь рѣшительной оцѣнкѣ всей философіи XVIII вѣка и революціи,—и сами сень-симонисты становятся его жертвой. Они, послѣ своего суда надъ критической эпохой, заявляютъ, что люди освободившіе человѣчество отъ вѣрованій, задерживавшихъ его движеніе, не могли быть лишены нравственности. Они дали послѣдній толчокъ дѣлу, начатому христіанствомъ и своими дѣлами засвидѣтельствовали свою вѣру въ божественное слово, возвѣстившее восемнадцать вѣковъ назадъ рабамъ день человѣческаго братства. И теперь, оказывается, философы проповѣдывали ненависть во имя любви, стремились разрушать съ цѣлью созидать, вызывали безпорядокъ, потому что стремились къ порядку, утверждали рабство на алтарѣ въ честь свободы. И сень-симонисты оговариваются: ихъ обвиненія въ безнравственности относятся не ко всей критической эпохѣ, а только къ одному, второму періоду, когда у людей исчезаетъ всякая вѣра, ихъ не связываетъ никакое общее стремленіе ⁷²⁾).

Мы знаемъ,—такого періода вообще не бываетъ и не было его въ строгомъ смыслѣ во всю «критическую» эпоху XVIII вѣка и революціи. Сень-симонисты, очевидно, увлеклись *органическимъ* пафосомъ и произнесли не точный историческій приговоръ. Но въ одномъ отношеніи они дѣйствительно могли найти въ философіи XVIII вѣка полный контрастъ своимъ намѣреніямъ. Мы знаемъ, съ какой ненавистью и презрѣніемъ Гольбахъ отзывался объ *энтузіазмѣ*. Для остальныхъ философовъ — это свойство человѣческой природы — также не представлялось почтеннымъ: разумъ, *raisonnement*, по выраженію сень-симонистовъ, царствовалъ въ просвѣтительной философіи,—и именно онъ совершалъ критическую, разрушительную работу. *Органическая* работа должна быть выполнена силой, ему противоположной, въ XVIII вѣкѣ теоретически гонимой, т.-е. энту-

⁷²⁾ I, 301—4, 405—6; 341—2.

зіазмомъ, вѣрой. О ней, мы знаемъ, тосковали всѣ искатели доктринъ въ началѣ новой культурной эпохи, и сень-симонисты воспроизводили ту самую психологію, которая г-жѣ Сталь внушила войну противъ французскаго матеріалистическаго резонерства и прославленіе германскаго мистицизма и чувства, а Сень-Мартѣну вдохновила образъ *человѣка стремленія*—*l'homme de désir*. Сень-симонисты шли общими теченіемъ и выполняли программу Деместра: сліяніе науки и религіи, изслѣдованія и вѣры, разума и чувства. Эта мечта лежитъ въ основѣ сень-симонистскаго *l'homme général*, намѣченнаго еще у Сень-Симона въ лицѣ научно-художественнаго энциклопедиста. Но *научность* неизбежно должна была потускнѣть рядомъ съ энтузіазмомъ. Почему.—ясно изъ признаній одного изъ наиболѣе разсудительныхъ послѣдователей сень-симонизма. Карно пишетъ: «наука, безпрестанно соприкасаясь съ невѣдомымъ, не можетъ ничего на его счетъ ни отрицать, ни утверждать. Она предоставляетъ человѣку право усвоивать вѣрованія, какія дають удовлетвореніе его повелительному чувству. Даже больше. Всякій разъ когда наука расширяетъ свои предѣлы, она возвышаетъ и вѣрованія, укрѣпляетъ ихъ и очищаетъ,—но замѣнить ихъ не можетъ⁷³⁾».

Очевидно, вѣра, по этой психологіи, никогда не станетъ *ниже* знанія и имъ не будетъ заслонена. Изъ разсужденія Карно ясно, напротивъ, стихійное преобладаніе жажды вѣры надъ анализомъ. Сень-симонисты шли навстрѣчу этой жадѣ и естественно энтузіазмъ поставили выше разума, вдохновеніе выше изслѣдованія. Отсюда—превращеніе «общаго человѣка» въ *священника*, *prêtre*,—послѣднее философское звено въ ученіи сень-симонистовъ. А гдѣ существуетъ *священникъ*,—тамъ неизбеженъ и *догматъ*,—и сень-симонизмъ вырастаетъ въ своеобразную *теократію* на почвѣ исторически разложившагося католическаго догматическаго ученія.

V.

До сень-симонизма истерія знала восточныя теократіи, гдѣ политическій законъ и религіозный—тождественны. Въ этомъ смыслѣ и сень-симонизмъ теократія: его политика то же что его религія,—только его символъ вѣры до сихъ поръ не осуществлялся ни въ

⁷³⁾ Carnot. О. с. 124

одной теократіи: ассоціація, обнимающая все человѣчество, при чемъ каждому мѣсто по его способности, полученной отъ Бога и награда по дѣламъ. Но *единство* работъ ассоціаціи осуществляется священникомъ, его личностью. Его *функция*—*привести въ гармонию, координировать, связать* усилія, прилагаемыя отдѣльно въ каждой изъ двухъ важнѣйшихъ отраслей человѣческой дѣятельности — т.-е. въ наукѣ и въ индустріи. Священникъ одинаково любитъ и *теорію* и *практику*, можетъ говорить и съ теоритиками и съ практиками ихъ языкомъ, указывать внутреннее соотношеніе ихъ работъ и во имя религіи, устанавливающей это соотношеніе, — связывать ихъ соціально, научая ихъ любить другъ друга ⁷⁴).

Это значитъ—*священникъ* обладаетъ въ одинаковой степени научными и индустріальными свѣдѣніями и талантами. Но этимъ не ограничивается его психологія, — иначе онъ былъ бы просто энциклопедистъ, обыкновенный свѣдущій руководитель. Въ немъ есть нѣчто, не заключающееся ни въ наукѣ, ни въ индустріи и это нѣчто дѣлаетъ изъ него *вождя*, главу новой соціальной теократіи. Это нѣчто — неограниченная *любовь къ назначенію* общества, открываемому гениемъ того же священника. Теперь это назначеніе уже открыто — всемірная ассоціація — и священнику надлежитъ, по внушенію той же любви, классифицировать *способности и работы* въ интересахъ этого назначенія. Здѣсь собственно и скрывается сущность сень-симонистской религіи: классификація вѣрующахъ по способностямъ: распредѣленіе работъ и орудій производства можетъ быть осуществлено властью, лишенной особой высшей религіозной способности. Зачатки индустріальныхъ кредитныхъ учреждений, регулирующихъ матеріальную дѣятельность общества, сень-симонисты усмотрѣли уже въ современной дѣйствительности, — по классификація самихъ людей по способностямъ, и — классификація *іерархическая* — въ зависимости отъ свойства и размѣровъ способностей, — эта идея — оригинальное достояніе сень-симонизма. И сами сень-симонисты распредѣленіе воспитанія между личностями по ихъ способностямъ считаютъ выраженіемъ *всего соціального порядка будущаго* въ отличіе отъ прошедшаго. Это «задача совершенно новая». Трудность ея ясна всякому и сень-симонисты утѣшаютъ себя такими соображе-

⁷⁴) Doctrine. II, 346, 348—351, 383.

ніями: «мы не думаемъ утверждать, чтобы ошибки, случайности, даже пристрастіе никогда не имѣли мѣста въ новомъ распредѣленіи воспитанія и соціальныхъ преимуществъ: мы широко считаемся съ человѣческими несовершенствами, — можетъ быть, человѣчеству не дано никогда достигнуть прогресса, къ какому оно сознательно стремится». Но уже достаточно, что оно стремится къ извѣстной цѣли всѣми силами,—въ этомъ залогъ успѣха ⁷⁵⁾).

Оговорка—основательная, но она утрачиваетъ свое значеніе при подробномъ разъясненіи духовной власти священника: онъ управляетъ человѣкомъ отъ рожденія до самой смерти, *открываетъ* его призваніе, помѣщаетъ его въ условія, наиболѣе благоприятныя для развитія открытой способности, потомъ опредѣляетъ его *функцию*, т. е. его права и обязанности, повышаетъ его сообразно съ заслугами, когда наступаетъ время прекратить трудъ, онъ оставляетъ его на покоѣ и удѣляетъ ему часть *любви, уваженія и богатствъ*, заслуженныхъ его трудами ⁷⁶⁾).

Такова власть священника,—притомъ единоличная безапелляціонная. Единственное условіе—любовь священника къ прогрессу, и, слѣдовательно, любовь къ низшимъ,—такъ какъ не возвышая, не двигая впередъ низшихъ,—онъ и самъ не можетъ идти путемъ прогресса: его любовь къ другимъ есть любовь къ самому себѣ ⁷⁷⁾). При всей новизнѣ идеи сенъ-симонисты воспользовались старымъ приемомъ доказательства, —тѣмъ самымъ, какимъ ненавидимые имъ идеологи личнаго интереса примиряли эгоизмъ съ общимъ благомъ. Въ обоихъ случаяхъ доказательство имѣетъ чисто-теоретическій смыслъ и наиболѣе рискованный именно у сенъ-симонистовъ: эгоистъ Гольбаха обставленъ извѣстными учрежденіями, личность сенъ-симонистскаго священника—правительство и *живой законъ. La loi vivante*—идея, логически вытекающая изъ самаго принципа теократіи. Это—*motus proprius* папы съ одной существенной разницей: исходя отъ сенъ-симонистскаго главы—онъ не сталкивается ни съ какой властью другого порядка, такъ какъ раздѣленіе властей теперь отвергается, какъ явленіе временное, умѣстное, когда само человѣчество дѣлится на два общества—мирное и военное. Въ завершительной

⁷⁵⁾ I, 231—2.

⁷⁶⁾ II, 415—421.

⁷⁷⁾ II, 430.

стадіи власть едина и такимъ образомъ рѣшительно упраздняется сень-симоновская идея о необходимости индустріальной критики или индустріальнаго, т. е. правительственнаго, *сѣтскаго* выбора, практической оцѣнки — проектовъ духовной власти. Сень-Симонъ не рѣшался дойти до самодовлѣющей теократической монархіи, если и говорилъ о «научномъ папѣ»,—это означало—выборнаго представителя міроваго конгресса для провозглашенія рѣшеній собранія. Сень-симонисты нашли опору своей идеѣ не въ произведеніяхъ учителя, а въ преданіяхъ исторіи—о Нумѣ, Моисеѣ, Христѣ,—и сень-симонистскій священникъ не представитель только *земной* церкви, намѣстникъ ея божественнаго основателя: онъ больше римскаго папы и іудейскаго первосвященника,—потому что въ сень-симонистской религіи нѣтъ *двухъ* міровъ—земли и неба,—какъ вообще нѣтъ *духа* и *плоти*, есть *человѣкъ* и *земной шаръ*,—и сень-симонистскій глава—*единный живой законъ* ⁷⁸⁾.

Единству социальнаго строя соотвѣтствуетъ единство религіознаго догмата. Мы знаемъ, — оно заключается въ *реабилитации матеріи*. Въ двойственности догмата — несовершенство католицизма. Она унижаетъ матеріальную дѣятельность человѣка, все равно какъ язычество и іудейство физической стороною заслоняло духовную сторону человѣка. Сень-симонизмъ возстановляетъ естественную гармонию, отрицаетъ исконный дуализмъ—добра и зла, рай и неба, ангеловъ и дьяволовъ, матеріи и духа, церкви и государства. Обѣ стихіи человѣческой природы одинаково призваны къ прогрессу. Человѣкъ, развиваясь физически, матеріально,—такъ же выполняетъ *религіозное дѣло*, какъ и человѣкъ, развивающійся духовно, приближается къ Богу. Догматъ о грѣхопадѣніи — устраняется,—такъ же какъ и ученіе о *внѣшнемъ* матеріальномъ мірѣ. Оно противорѣчитъ идеѣ Бога, какъ существа всеобъемлющаго и неограниченно могущественнаго. Оба эти понятія невозможны, будетъ ли признана матерія сотворенной или вѣчно существующей. «Богъ все что есть,»—таковъ сень-симонистскій догматъ. Впослѣдствіи онъ приметъ такую форму: «Богъ все что есть. Все—въ Немъ; все—чрезъ Него. Никто изъ насъ не существуетъ внѣ Его. Но никто изъ насъ не есть Онъ.—Каждый изъ насъ живетъ Его жизнью,—и

⁷⁸⁾ II, 428—429; 191—2. *Oeuvres*. XL, 314.

всѣ мы сообщаемся въ Немъ, потому что *все есть то что есть*»⁷⁹⁾.

Это — пантеизмъ, скажутъ невѣрующіе. Нѣтъ, — такъ же какъ сень-симонизмъ не теократія въ традиціонномъ смыслѣ. Несомнѣнно, высшая религіозная стадія — пантеизмъ, послѣ политеизма и монотеизма, — но въ старыи терминъ влагается теперь новое содержаніе. Философы — пантеисты разумѣли единство *субстанціи* всего сущаго, единство *свойствъ*, — имъ чуждо было представленіе объ единствѣ *воли, дѣятельности*, ихъ философія приводила къ фатализму, потому что ей невѣдома идея о *предназначеніи* жизни, постигаемомъ человѣкомъ, и человѣкъ въ пантеистической философіи не связанъ никакой *симпатической* связью съ остальнымъ міромъ, онъ оказывается *одинокимъ* среди міра, будто бы объясняемаго его философскимъ умомъ. Такой пантеизмъ ниже всѣхъ религіозныхъ представленій, даже *фетишизма*, потому что всякая религія имѣетъ представленіе о *воли и жизни*, о связи человѣка съ внѣшнимъ міромъ, о назначеніи человѣка и, слѣдовательно, о законѣ его движенія впередъ. Пантеисты ставятъ задачу о *тождествѣ субстанціи* а не о *единствѣ жизни*. Имъ недоступенъ *симпатическій порывъ*, открывающій человѣку гармонію проявленій мірового бытія и устремляющій его къ постиженію ихъ высшей цѣли⁸⁰⁾.

Этимъ ограничиваются объясненія сень-симонистовъ. Въ такой формѣ они не характеризуютъ новаго философскаго открытія, а только развѣ новую точку зрѣнія. Традиціонный пантеизмъ — такое же философское, разсудочное явленіе, какъ, на примѣръ, въ томъ же сень-симонизмѣ ученіе объ исторической эволюціи. Оно также выросло на представленіи о цѣльности міровой жизни, объ органической непрерывности всѣхъ явленій природы. Въ такомъ видѣ — эволюція, по существу, такой же фаталистическій принципъ, какой заключается въ пантеистическихъ воззрѣніяхъ, — и, мы видѣли, сень-симонистамъ пришлось заняться вопросомъ о положеніи личности въ стихійномъ процессѣ. Только при разрѣшеніи вопроса въ пользу *индивидуальной воли* можно было вести рѣчь вообще объ исторіи, какъ до извѣстной степени нравственномъ достояніи человѣчества.

⁷⁹⁾ II, 284, 314. Догматъ формулированъ Анфантаномъ на „communion générale“ 8-го іюля 1831 года. *Prédications*. III, 300.

⁸⁰⁾ *Doctrine*. II, 306—316.

Тоже самое и съ пантеизмомъ. Патетическое возрѣніе на міръ не устраняетъ существеннаго смысла философскаго пантеизма, — если не будетъ доказана *психологическая* основа этого взгляда, новое учене не возвысится надъ поэзіей, чисто-художественными настроеніями. А психологическая основа—это значитъ вопросъ о свободѣ воли. Когда онъ рѣшается примѣнительно къ *отдѣльнымъ* положеніямъ личной или общественной жизни, — рѣшеніе его подсказывается самосознаніемъ человѣка, — и сенъ-симонисты могли успокоиться на заключеніи, что личность можетъ, согласно съ своими временными побужденіями, замедлить или ускорить развитіе или распаденіе историческаго явленія. Иначе стоитъ вопросъ о свободѣ человѣка въ закономѣрной эволюціи міровой жизни. Сенъ-симонисты признали его вѣчной *тайной* и необходимость *вѣры*. Въ органическія эпохи вѣра побуждаетъ людей *любить* свое *предназначеніе*, и оно не является для нихъ *фатальнымъ* рабствомъ, какъ въ критическія эпохи ⁸¹⁾).

Въ результатѣ, — философскій пантеизмъ съ большей или меньшей убѣдительностью можетъ опираться на тотъ самый анализъ, какой, мы видѣли, привелъ Сенъ-Симона къ важнѣйшему открытію: пантеизмъ патетическій требуетъ вѣры, притомъ дѣйствительной только въ извѣстные періоды, т. е. не обладающей имманентной неумирающей силой. Сенъ-симонистская религія, слѣдовательно, только *стадія* какъ и сенъ-симонистскій пантеизмъ, и ея позитивный характеръ, т. е. гармонія откровенія и анализа, не простирается на ея основной догматъ, наконецъ, — полемическое положеніе новой религіи не позволило ей спасти теоретически — предложенное единство. Реабилитация матеріи и плоти — именно потому что это была *реабилитация* — придала сенъ-симонистской проповѣди матерьялистическій отбѣнокъ. То же случилось и съ ученіемъ объ «освобожденіи женщины». Сенъ-симонистовъ въ матеріализмъ укорялъ Контъ еще въ періодъ *Производителя*, — эти упреки перешли въ страстныя обвиненія, когда Анфантанъ провозгласилъ себя *живымъ закономъ* — для освященія плоти и «новой женщины».

Мы видимъ, сенъ-симонисты въ заключительныхъ выводахъ своего религіознаго ученія должны были рассчитывать исключительно на *вѣру* и *энтузіазмъ* и лишь только эти выводы осуществились, про-

⁸¹⁾ I, 279—280.

паганда сенъ-симонистовъ приняла соотвѣтственный характеръ. *Убѣждать* оказывалось невозможнымъ,—оставалось *увлекать*,—и *проповѣди* ознаменовали третью и послѣднюю стадію сенъ-симонистской пропаганды.

По пути къ ней и къ патетическому догматизму сенъ-симонисты успѣли затронуть рядъ практическихъ общедоступныхъ вопросовъ и тщательно разрѣшить ихъ. Понятіе *способности*, какъ указатель и основѣ Человѣческой дѣятельности, вызвало сенъ-симонистовъ на анализъ воспитанія и законодательства.

Мы знаемъ, общая сенъ-симоновская психологія основана на тройственности Человѣческой природы, какъ дѣятельной силы: способности—артистическая, научная, индустриальная. Это дѣленіе проводится и чрезъ всю соціальную организацію, въ религіи учреждается два жреца помимо одного *соціального*, объединяющаго жрецовъ науки и индустріи и назначающаго ихъ по своему выбору. То же и въ системѣ воспитанія.

Прежде всего сенъ-симонисты, руководствуясь принципомъ *способности*, укоряютъ философовъ XVIII вѣка и революцію въ томъ, что они не сумѣли устранить привилегій въ воспитаніи *2). Мы знаемъ, того же упрека заслуживалъ и Сенъ-Симонъ, не рѣшившійся создать систему образованія, свободную отъ вліянія классовыхъ неравенствъ. Принципъ учениковъ: «воспитаніе должно быть доступно всѣмъ безъ различія рожденія и состоянія», и оно «должно распределяться сообразно способностямъ и призваніямъ». Таковъ общій практической принципъ,—теоретической—идеть отъ Сенъ-Симона. Воспитаніе должно соотвѣтствовать той соціальной цѣли, какую преслѣдуетъ общество,—т. е. находится на уровнѣ современной цивилизаціи. А для этого ему необходимо стоять въ неразрывной связи съ научнымъ движеніемъ. Комбинація науки и преподаванія такая же естественная какъ —науки и индустріи. Сенъ-Симонъ установилъ что научная дѣятельность распадается на двѣ отрасли: *усовершенствованіе* науки и *преподаваніе* ея, и тотъ же Сенъ-Симонъ требовалъ новой объединенной организаціи учреждений, вырабатывающихъ научныя идеи и методы. Сенъ-симонисты подробно выясняютъ практическое приложеніе этихъ теорій.

*2) *Doctrine*. I, 280, 249. II, 166—7.

Воспитаніе должно всѣмъ членамъ общества внушить *любовь* къ его соціальной *идеи*, — это задача *нравственнаго* воспитанія: оно заставляетъ каждого *любить* и желать того, что онъ *долженъ* дѣлать. Оно сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы и тѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ его воздѣйствіе глубже, тѣмъ меньше представляется нужды въ карательномъ законодательствѣ, — и идеаль прогресса — свести законодательныя понужденія исключительно къ случаямъ порочныхъ аномалій, т. е. примѣнять ихъ только къ самымъ отсталымъ организаціямъ, на которыя не можетъ воздѣйствовать даже самое совершенное воспитаніе. Нравственное воспитаніе осуществляетъ идеаль свободы, которая состоитъ въ симпатическомъ стремленіи къ долгу ³³⁾.

Съ этой точки зрѣнія современное воспитаніе подлежитъ самой суровой критикѣ. Со времени среднихъ вѣковъ не создано никакой общей системы воспитанія. Сдѣланы улучшенія въ преподаваніи, усовершенствованы спеціальныя школы, — но всѣ эти перемѣны не внушены какимъ либо общимъ представленіемъ о нуждахъ общества. Доказательство — такая аномалія; какъ преподаваніе латинскаго языка. Оно соотвѣтствовало соціальной цѣли среднихъ вѣковъ. Латинскій языкъ былъ общимъ для моралистовъ и ученыхъ. т. е. для духовенства, — теперь ученые пользуются національными языками и изученіе латинскаго языка поддерживается только принудительными официальными мѣрами ³⁴⁾.

Нравственное воспитаніе должно быть общимъ для всѣхъ. Въ дѣтствѣ оно идетъ рядомъ съ элементарнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, какъ необходимымъ введеніемъ ко всѣмъ профессіямъ и соціальнымъ функціямъ. Это первоначальное образованіе можно по усмотрѣнію суживать или расширять. Послѣ него производится распредѣленіе воспитанниковъ по способностямъ и призваніямъ, ими обнаруженнымъ, — и для учениковъ открываются школы трехъ спеціальностей: *искусствъ, наукъ и индустри*. Въ этихъ школахъ преподаются *общія* основы каждой спеціальности, и только послѣ второй образовательной стадіи ученики распредѣляются по различнымъ прикладнымъ школамъ, которыя соотвѣтствуютъ всевозможнымъ подраздѣ-

³³⁾ I, 288—294; II, 108.

³⁴⁾ *Prédications*. I, 507. *Doctrine*. I, 273—274; II, 167—5.

леніямъ каждой изъ трехъ спеціальностей. Образование заканчивается когда общество признаетъ воспитанниковъ достаточно подготовленными для той или другой соціальной функціи. Наибольше важная задача—умѣть вызвать способности учащихся и точно опредѣлить ихъ. Отъ этого зависитъ будущее положеніе гражданина въ соціальной іерархіи, гдѣ каждый долженъ быть поставленъ на мѣсто ему подходящее и имъ заслуженное.

Еще подробнѣе выясняется сенъ-симонистское ученіе о *спеціальному воспитаніи* изъ критики современнаго положенія вопроса. Нынешнее спеціальное образование не пользуется науками въ той стадіи совершенства, какой онѣ достигли, а многія науки, какія еще преподаются, бесполезны или отстали,—напримѣръ, древніе языки, теологія, философія, исторія и метафизическая часть юриспруденціи, Преподавательская корпорація поставлена въ такое положеніе, что не можетъ усвоивать научнаго прогресса по мѣрѣ того какъ онъ совершается: между преподавателями и учеными, совершенствующими науку, нѣтъ прямой связи. Потому, для весьма многихъ спеціальностей не существуетъ школъ, — напримѣръ для индустріальныхъ профессій, ничего не сдѣлано для распространенія связи науки и индустріи, между тѣмъ какъ индустрія все больше и больше становится прямымъ приложениемъ научныхъ теорій. Далѣе нѣтъ никакой связи между различными степенями образованія. Современное первоначальное образование, съ преподаваніемъ древнихъ языковъ, — является *средневѣковымъ преподаваніемъ* и не prepares учащихся къ знаніямъ, соотвѣтствующимъ современному состоянію общества. Каждому, желающему пройти высшую степень спеціального образованія, приходится наскоро личными усиліями приобрѣсти подготовку, такъ какъ для спеціальныхъ цѣлей и образованіе второй степени бесполезно. Наконецъ, — и въ высшихъ школахъ между теоріей и практикой нѣтъ единенія. Кончившіе курсъ вынуждены опять собственными силами восполнять пробѣлы.

Всѣ эти идеи обличаютъ философскій и практическій смыслъ преобразователей, — но не могутъ считаться вдохновенными открытіями. Достоинство ихъ не столько въ поразительной оригинальности, сколько въ послѣдовательномъ здравомысліи. Иное значеніе — идеи нравственнаго сенъ-симонистскаго воспитанія — для взрослыхъ. Мы видѣли сенъ-симонисты стремятся принудительное и карательное законо-

дательство сузить до послѣдней степени. Для нихъ преступникъ такое же явленіе культурной эволюціи, какъ и вообще всякій социальный фактъ. Если великій и нравственный человѣкъ тотъ, кто *по-стиги* и *страстно полюбилъ* современную социальную *цѣль*, — ничтожный и злодѣй — наоборотъ — кто не понялъ и не могъ полюбить этой цѣли. «Злые — живыя преданія отдаленнаго состоянія цивилизаціи», — и общество должно воздѣйствовать на нихъ не карами, — а прежде всего нравственнымъ просвѣщеніемъ.

Примѣръ — католичество. Оно обладало удивительно искусными путями руководить вѣрующими, — *проповѣдью* и *исповѣдью*: проповѣдь давала общія поученія для всѣхъ, въ исповѣди каждый отдѣльно получалъ утѣшеніе и руководство. Какъ бы ни пришлось этимъ воспитательнымъ средствамъ измѣниться въ будущемъ, особенно исповѣди, — ихъ значеніе должно остаться не менѣе великимъ, чѣмъ въ прошедшемъ. Исповѣдь — это родъ *консультации*, когда менѣе нравственные и просвѣщенные люди являются за поддержкой и наставленіями къ людямъ, обладающимъ болѣе сильнымъ умомъ и болѣе глубокими социальными чувствами. Исповѣдь самое дѣйствительное средство *реабилитировать* человѣка *5).

Къ этой цѣли должно быть направлено и законодательство.

Оно должно находиться въ неразрывной связи съ воспитаніемъ, осуществлять то, что внушено воспитаніемъ. Сдерживающая сила законовъ — значить торжество надъ сопротивляющейся волей, — и поэтому цѣль воспитанія — провести чувства, расчеты, дѣйствія въ гармонію съ социальными требованіями и вмѣшательство закона необходимо только въ томъ случаѣ, когда существуетъ пробѣлъ, недостатокъ, извѣстное безсиліе въ воспитаніи. Очевидно, — и сами законы должны обладать воспитательной силой, — для этого новое законодательство будетъ не только карательнымъ, мстительнымъ, но также *исправительнымъ* и *вознаградительнымъ*, примѣръ — таже католическая церковь. Она и здѣсь обнаружила глубокое практическое познаніе человѣческой психологіи. Канонизація, отлученіе, даже индугенціи, пока онѣ не стали предметомъ торга, — все это, по нравственному смыслу, стояло выше и больше способствовало возрожденію человѣка, чѣмъ современныя тюрьмы и каторжныя работы. Надъ

*5) *Doctrine*. I, 259, 305 — 316, 393.

католическими мѣрами исправленъ смѣется современное общество,— но оно жалко съ своей беспомощностью бороться противъ сильныхъ преступниковъ, спасти слабыхъ,—своимъ единственнымъ оружіемъ мести и страха. Оно разрушило старыя «великія поддержки порядка» и не замѣнило ихъ другими: естественно, Деместръ тоскуетъ о прошедшемъ, Гёте и Байронъ окутываютъ въ смертный саванъ и окружаютъ отравленной атмосферой развалины, на которыхъ прозябаютъ наша презрѣнная жизнь. Сень-симонисты исключительно карательныя мѣры католичества, въ родѣ сожженій еретиковъ, относятъ ко времени упадка церкви и должны слѣдовательно, извѣстное прославленіе палача у Деместра считать также признакомъ вырожденія католической мысли. Требовало бы оговорки и постоянное сопоставленіе Гете и Байрона, какъ представителей «демона критицизма»: оба поэта далеко не могутъ быть причислены къ одному психологическому типу и у Гете, при болѣе тщательномъ знакомствѣ съ его произведеніями, сень-симонисты могли бы найти не меньше *органическихъ* идей, чѣмъ Сень-Симонъ—у Канта идей по «общей наукѣ». Но, при всѣхъ критическихъ увлеченіяхъ сень-симонистовъ, ихъ мысль не страдаетъ въ своемъ положительномъ содержаніи. Цѣль сень-симонистовъ—*организовать власть любимую, сердечно-цѣнную, почитаемую*, и такая власть должна ясно представлять себѣ обычай христіанства: даже на эшафотѣ между палачомъ и жертвой является священникъ, принося *надежду* и *любовь*: «а развѣ не въ этомъ вся жизнь?» Католичество умѣло двигать массами заранее расчитанными средствами. Оно обладало общей доктриной, общей цѣлью и владѣло энтузіазмомъ. А мы, «чудо цивилизаціи», не знаемъ, какъ облегчить ея развитіе и въ борьбѣ съ ретроградными явленіями—встать выше *варварскаго* вѣка. А между тѣмъ, преступленіе ничто иное какъ *ретроградная тенденція, привычка прошедшаго*,—значитъ воспитаніе не сумѣло изъ людей *прошедшаго* создать людей *будущаго*,—и въ обществѣ оказались преступники,—«люди прошедшаго»⁸⁶).

Само общество сознаётъ неудовлетворительность современнаго порядка, обнаруживаетъ недовѣріе къ своимъ законамъ—учрежденіемъ суда присяжныхъ. Очевидно, существуетъ разногласіе между закон-

⁸⁶) II, 427—8.

ностью и справедливостью. Присяжные должны «умѣрять слѣпое движеніе закона-машины», оцѣнивать фактъ преступленія такъ, какъ они его *понимаютъ* въ данномъ случаѣ. Это—намеръ, думаютъ сень-симонисты, на тотъ *живой законъ*, о какомъ они мечтаютъ. Но судъ присяжныхъ далекъ отъ совершенства уже потому что онъ подчиненъ *случайности*, жребію. Всѣ должны быть судимы своими *неравн*, говорятъ либералы, — сень-симонисты согласны, но въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ категоріи преступниковъ судились соответственными категоріями гражданъ, — т. е. индустріальное преступленіе у индустріаловъ, научное у ученыхъ. И эти *перы* должны быть *высшими* сравнительно съ преступниками. Для оцѣнки частнаго факта надо стать на высшую точку зрѣнія, чѣмъ стоялъ преступникъ и чтобы оцѣнить *ненормальное* явленіе надо понимать *общее* явленіе, ему соответствующее. Это совершенно не то, что современные присяжные по жребію ⁸⁷⁾.

Естественно, сень-симонисты воспроизводятъ идеи Сень-Симона о профессиональных судахъ, его похвалы современнымъ коммерческимъ судамъ, его критику современнаго гражданскаго законодательства и процесса, не соответствующихъ индустріальному прогрессу: не юристамъ - чиновникамъ судить объ интересахъ индустріи, а самими индустріалами, терпящимъ отъ всякаго несовершенства гражданскихъ законовъ ⁸⁸⁾.

Вся критика и всѣ частныя положительныя предложенія сень-симонистовъ клонились къ одному и тому же выводу. Важнѣйшую функцію въ образованіи — классификацію будущихъ гражданъ по способностямъ — выполняетъ представитель высшей прогрессивной соціальной *любви*, онъ же назначаетъ функцію юношамъ послѣ образованія, онъ же награждаетъ ихъ труды и онъ же, наконецъ, осуществляетъ единеніе между наукой и индустріей и гармонию между различными отраслями индустріи. Въ законодательствѣ и судѣ—священникъ—*живой законъ*. На чемъ основана эта организація?

Отвѣтъ: «слова—*порядокъ, религія, ассоціація, самоотверженіе*—рядъ гипотезъ, соответствующихъ другимъ — *безпорядокъ, атеизмъ, индивидуализмъ, эгоизмъ*». Такъ говорятъ сень-симонисты.

⁸⁷⁾ I, 317—320.

⁸⁸⁾ I, 398.

Чѣмъ же однѣ гипотезы отличаются отъ другихъ, *органическія* отъ *критическія*? Тѣмъ, что однѣ «человѣчество отталкиваетъ съ ужасомъ, а другія признаетъ съ любовью». Онѣ обѣщаютъ ему счастливое будущее⁸⁹).

Слѣдовательно, любовь, надежда и въ результатѣ вѣра: таковы силы новаго ученія. И сенъ-симонисты усваиваютъ своеобразный путь къ практическому осуществленію своего ученія. Они проникательно критикуютъ настоящее, изъ анализа прошедшаго выводятъ принципы будущаго: въ области идеальной дѣятельности создаютъ позитивизмъ, болѣе обдуманнѣй и положительнѣй, чѣмъ контовскій, въ области матерьяльной — устанавливаютъ эволюцію ассоціаціи и тамъ и здѣсь приходятъ къ вопросу о новомъ міросозерцаніи и о новомъ социальномъ строѣ. Лишь только эти вопросы поставлены, — сенъ-симонисты покидаютъ путь изслѣдованія и провѣряемаго обобщенія и однимъ порывомъ чувства и воображенія т. е. чистаго откровенія переносятся въ идеальнѣй міръ и отъ всѣхъ, кто намѣренъ за ними слѣдовать, требуютъ непремѣнно энтузіазма и вѣры. Только съ помощью этихъ крыльевъ оказывается возможнымъ перелетѣть отъ прошедшаго къ будущему, отъ исторіи къ идеалу. Эволюціонный принципъ подвергается нарушенію немедленно лишь только онъ открытъ и его уроки приложены къ дѣйствительности. Рядомъ являются два факта — *ассоціація* и *теократія* — совершенно различнаго историко-философскаго смысла. Въ то время когда ассоціація непрестанно и прогрессивно развивающаяся форма общежитія и именно поэтому она признается формой будущаго, — теократическій принципъ, т. е. воплощеніе въ одной личности пророка, первосвященника, законодателя и правителя — признается для будущаго столь же необходимымъ и естественнымъ, какимъ онъ былъ во времена древняго Египта и Израиля. Историческая эволюція, безусловная для всѣхъ сторонъ жизни человѣчества, не коснулась именно одного явленія и оставила неприкосновенной религіозно-вдохновенную власть даже для той эпохи цивилизаціи, когда будущее постигается какъ звено въ непрерывномъ ряду удостовѣренныхъ явленій и когда весь смыслъ идеала заключается въ его почвенности, въ органической связи съ реальнымъ прошлымъ. До какой степени разрывъ въ сенъ-симонистской философіи былъ глубокъ и былъ именно нарушеніемъ равнѣхъ основныхъ принциповъ, — доказываетъ поразительная стремительность

«проповѣдниковъ» по новому пути, будто паническое бѣгство отъ стараго, будто мучительно-страстное желаніе прозелита новаго наитія освободиться отъ старыхъ возрѣній. И въ теченіе четырехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертію Сень-Симона, ученики его все больше отдалялись не только отъ положительной философіи по направленію къ новой откровенной вѣрѣ, но — что было не менѣе важно — отъ жизненнаго цѣлесообразнаго творчества въ туманную даль экзальтированныхъ видѣній. И даже политическій переворотъ, вдунувшій въ сень-симонистскую церковь сильную струю живыхъ современныхъ интересовъ, не могъ окончательно отрезвить Анфантѣна и его послѣдователей.

VI.

Мы знаемъ, Сень-Симонъ отъ начала до конца не могъ ограничиться теоретической выработкой ученія. Философъ безпрестанно становился публицистомъ, одновременно съ программами болѣе или менѣе отдаленнаго идеальнаго будущаго рисовалъ планы ближайшей политики. Ученики на первое время не оставляли этого направленія. Въ *Производителѣ* много статей чисто политическаго содержанія, практическихъ проектовъ. Редакторовъ занимаетъ вопросъ о вліяніи официальныхъ празднествъ на нравственность народа и его гражданское развитіе, о «военномъ духѣ во Франціи», о греческомъ движеніи. Значеніе индустрии поясняется біографіями значительнѣйшихъ индустриаловъ, завѣтъ Сень-Симона о крупныхъ общественныхъ работахъ находитъ откликъ въ необыкновенно горячей статьѣ Бланки о пользѣ желѣзныхъ дорогъ, о необходимости предпринять востройку ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ⁸²⁾. Въ лекціяхъ о доктринахъ политика исчезаетъ, — и даже философско-научный характеръ является только вступленіемъ къ догматическому проповѣдничеству. Мы знаемъ, Анфантѣнъ неуклонно шелъ къ верховному священничеству, въ концѣ 1829 года, т.-е. незадолго до прекращенія *Изложенія* была объявлена іерархія, Анфантѣнъ уже исполняетъ священническія обязанности, пока на сторонѣ, вскорѣ пишетъ посланіе о *calme* и находитъ сочувствіе своей пророческой стремительности среди многихъ послѣдователей Сень-Симона, но не всѣхъ.

⁸²⁾ *Producteur*. I, 26, 282, 274; III, 205; 343 etc.

Въ сень-симонистской семьѣ не гложеть окончательно политическій духъ, этому мѣшаютъ событія. Мысль о періодическомъ изданіи продолжается жить и, наконецъ, осуществляется Лораномъ подъ давленіемъ только что наступившей крайней реакціи. Въ первой половинѣ августа 1829 года почти одновременно возникло министерство Полиньяка и появился *Организаторъ*⁹⁰⁾. Онъ поспѣшилъ выяснить сень-симонистскую идею прогресса и путемъ историческаго обзора доказать тщету ретроградныхъ усилій: «при каждой революціи, говорилъ журналъ, встаютъ призраки на пыли разрушенныхъ догматовъ, и послѣ безумныхъ угрозъ, осуществить которыя имъ не суждено и которыя только временно волнуютъ умы, они навсегда погружаются въ океанъ прошедшаго».

Анфантэнъ и Базаръ не принимали участія въ журналѣ, хотя съ ними и совѣтовался редакторъ. Вождей сень-симонизма занимали исключительно вопросы доктрины и ея, новая фаза. Приближалась революція, — сень-симонисты и не ждали ея, и не желали принимать къ ней никакого участія. Они — «самые рѣшительные и самые страшные противники феодальнаго и клерикальнаго прошедшаго» — не забывали, что ихъ призваніе не разрушать, а созидать и бывший карбонарій Базаръ вполнѣ соглашался съ Анфантэномъ на этотъ счетъ. Они рѣшили предложить сень-симонистамъ держаться вдали отъ «братоубійственной смуты» и въ этомъ смыслѣ издали циркуляръ, — одно изъ самыхъ неудачныхъ произведеній сень-симонистской церкви⁹¹⁾. Въ циркулярѣ одно лишь вполнѣ было ясно, — ссылка на спокойное поведеніе Сень Симона при революціи. Мы знаемъ, — это спокойствіе — понятіе относительное, и Сень-Симонъ въ революціонную эпоху вовсе не обнаружилъ «божественнаго спокойствія». Другой мотивъ, почему его ученики не должны вмѣшиваться въ событія: они только одни знаютъ будущее, которое Богъ предназначаетъ для на-

⁹⁰⁾ Первый № *Организатора*, (*Organisateur. Journal des progrès de la science générale avec un appendice sur les méthodes et les découvertes relatives à l'enseignement*), ежемед. изд. вышелъ 15 авг. 1829 г.; съ № 46 (18 апр. 1830 г.) къ названію прибавлено *Journal de la Doctrine de Saint-Simon*. Съ 1—2-го года (28 авг. 1830) журналъ выходилъ въ удвоенномъ объемѣ такими текстами подъ заглавіемъ: «Tous les privilèges de la naissance, sans exception seront abolis. A chacun selon sa capacité, à chacune capacité selon des oeuvres. Съ № 32 (28 марта 1831) изд. называется — *L'Organisateur. Gazette des Saint-Simoniens*, на № 52 изданіе прекратилось.

⁹¹⁾ Перепеч. въ *N. hist.* II, 57—60.

рода,—они обладатели высшей *любови* къ народу. На публику это заявленіе могло произвести то самое впечатлѣніе, какое Анфантэнъ вынесъ отъ свиданія съ либеральными редакторами *Глобуса*: «политическая беспомощность во всей своей красѣ». Анфантэнъ просто не зналъ, что сказать о революціи и не имѣлъ никакой собственной программы. Базаръ и Лоранъ, въ качествѣ бывшихъ заговорщиковъ, могли по крайней мѣрѣ привѣтствовать республиканское знамя. Анфантэнъ два дня спустя послѣ циркуляра сочинилъ «прокламацію главъ сенъ-симоновской доктрины» къ французамъ. Прокламація, несомнѣнно, явилась результатомъ возбужденія, охватившаго сенъ-симоновскую семью, несмотря на циркуляръ. Особенно, по словамъ Анфантэна, волновалась «третья степень», т.-е. оглашенные сенъ-симонистской церкви. Но и въ высшихъ степеняхъ не «оказалось спокойствія» и желанія только «наблюдать», какъ совѣтовалъ Анфантэнъ всѣмъ сенъ-симонистамъ въ письмѣ къ Эйхталю. Бывшіе политики одѣли свою форму и вышли къ народу, Карно принялъ участіе въ битвѣ, даже Родригъ возсталъ сначала противъ простаго наблюденія за движеніемъ. Нѣкоторые являли суровое и печальное молчаніе. Все это отразилось на прокламаціи и по тону и содержанію она совершенно непохожа на циркуляръ.

Она—горячее прославленіе французскаго народа т. е. рабочаго класса, въ ней клеймятся «праздные», живущіе чужимъ потомъ и «христіанскіе священники», не знавшіе трудовъ народа и презиравшіе ихъ: народъ—нравственнѣе и просвѣщеннѣе священниковъ. Народу предлагалось заявить, что больше нѣтъ ни почестей, ни богатства для праздности, а только—для труда. Отъ лица сенъ-симонистовъ іюльскимъ побѣдителямъ заявлялось полное сочувствіе: они — сенъ-симонисты научились жертвовать собой для человечества такимъ же путемъ, какой только что совершилъ народъ. Это было справедливо относительно Базара, подписавшаго прокламацію, — но Анфантэнъ не могъ выражать ни сочувствія революціи, ни своей солидарности съ революціонерами. Въ заключеніе народу предлагалось единеніе, порядокъ—для окончательной побѣды надъ феодализмомъ. Онъ погибнетъ навсегда, если *есть* привилегіи рожденія *безъ исключенія* будутъ уничтожены и каждый получить мѣсто по своей способности и награду по своимъ дѣламъ. Это и будетъ царствомъ Божиимъ на землѣ.

Анфантэнъ рѣшилъ сдѣлать еще болѣе энергичный шагъ. Либеральная партія находилась въ состояніи оцѣпенѣнія. Дѣйствовали сторонники Филиппа Орлеанскаго, Барно, Бюшезъ и Руанъ присоединились къ республиканцамъ. Анфантэнъ обратился къ Базару, знавшему лично Лафайэтта; съ просьбой отправиться къ нему и предложить ему диктатуру, какъ единственное средство водворить порядокъ. Лафайэттъ отказался и сенъ-симонисты еще разъ убѣдились, какъ далека была политика «неподвижнаго американца» и его друзей отъ интересовъ массы. Такъ рассказываетъ Анфантэнъ.

Послѣ прокламаціи въ *Организаторъ* 1-го августа явилось письмо Анфантэна къ провинціальнымъ сенъ-симонистамъ. Письмо обличаетъ тоже приподнятое демократическое настроеніе, съ какимъ написана прокламація. Въ краткихъ словахъ изложена исторія «*обездоленного класса, > пролетаріевъ*, пренебрегаемыхъ либеральными законами, указано на то, что побѣдившій народъ ни отъ кого, кромѣ сенъ-симонистовъ, не можетъ ожидать достойныхъ результатовъ побѣды—т.-е. вознагражденія по способностямъ и трудамъ. У народа не нашлось вождя, и напуганные буржуа вновь могутъ наладить представительскую машину. Анфантэнъ напоминаетъ, что всѣ конституціи — сдѣлки между классами, народъ не принимался въ расчетъ и не издавалъ для себя законовъ. Естественно, хартіи уничтожались, такъ какъ не имѣли въ виду нравственнаго, физическаго и умственнаго улучшенія положенія массы. Настанетъ время, когда народъ долженъ будетъ непосредственно принять сенъ-симонистскую организацію. И когда въ народѣ распространятся знаніе и энтузіазмъ, тогда только наступитъ свобода для благородной молодежи. А теперь—возстаніе въ сущности не заслуживаетъ наименованія революціи. Ничего не измѣнилось въ соціальной организаціи: нѣкоторыя имена, цвѣта, національный гербъ, титулы, нѣкоторыя законодательныя видоизмѣненія, которыя низведутъ власть на уровень полиціи, очень добродушной.—Вотъ и всѣ завоеванія дней траура и славы. Но есть и еще результатъ и самый важный—для сенъ-симонистовъ. Нѣтъ ни одного благороднаго человѣка, у кого бы не поколебалась конституціонная вѣра, не возросла любовь къ народу и не явилось истинное представленіе о невѣдомой раньше пропасти. Сенъ-симонистамъ остается воспользоваться этимъ результатомъ, завершить разочарованіе въ старыхъ идолахъ и привлечь всѣхъ къ вла-

сти—*любящей, разумной и сильной*; тогда повиновение, а не возстаніе станетъ священнѣйшимъ долгомъ. Сень-симонисты согласны, чтобы пока неуклонно проводились либеральныя программы: свобода культуръ, печати, преподаванія, торговли, индустріи, публичныхъ сходокъ, уничтоженіе остатковъ феодализма, въ родѣ наследственнаго перства. Но всѣ эти вольности—лишь путь къ новой іерархіи, новому *единому* культу, къ окончательной организаціи индустріи, когда будетъ осуществленъ завѣтъ Сень-Симона—христіанство учило о *человѣкъ-Богъ*, сень-симонизмъ учитъ о *человѣкъ-народъ*, не толпѣ, а единомъ *любящемъ, мудромъ и могущественномъ* существѣ.

Эти заявленія означали, что сень-симонизмъ вступилъ на политическій путь и правительственная власть его занимаетъ не меньше духовной. Съ цѣлью окончательно выяснитъ положеніе, созданное революціей, Базаръ написалъ *Сужденіе доктрины Сень-Симона о послѣднихъ событіяхъ*. Опубликованное въ *Организаторъ* за двойной подписью, оно поучительнѣйшій документъ послѣдней философской стадіи сень-симонизма. Базаръ не могъ окончательно изжить своихъ бывшихъ политическихъ задачъ и теперь говорилъ, не только какъ глава новой іерархіи, но и какъ политическій вождь. Французская революція, безъ всякихъ ограниченій, называется величайшимъ проявленіемъ божественнаго Провидѣнія въ новыя времена, іюльская революція—ея окончательная санкція,—но она не социальная революція по извѣстной намъ причинѣ. Базаръ излагаетъ сень-симонистское ученіе о власти, о собственности, объ освобожденіи женщины: отнынѣ всякая религіозная, научная, индустріальная функція будетъ выполняться не личностью, а *четой*. На либерализмъ снова приносится суровая критика, за его равнодушіе къ судьбѣ народа, несмотря на заявленіе о «непредписываемыхъ правахъ»—въ родѣ равенства и народнаго самодержавія. Теперь закончена роль либерализма, создана новая доктрина, не на принципахъ критики и войны, а любви и энтузіазма,—и Базаръ снова повторяетъ соображенія сень-симонистовъ насчетъ неотразимо увлекающей власти избранныхъ личностей въ органическія эпохи. Такимъ образомъ, — *Сужденіе* сливается двѣ струи—соціально-политическую и религіозную. Оно усиленно не только защищаетъ но даже прославляетъ народъ за счетъ «феодалной и празднои буржуазіи» и въ то же время про-

роческимъ тономъ зоветь его къ новой власти *любви* ²²⁾. Эти шотвы и составляютъ содержаніе *проповѣдей*, открывшихся вскорѣ послѣ прекращенія *изловоженія*, 11-го апрѣля 1830 года въ улицѣ *Mon-signy* и продолжавшихся до 22 января 1832 года, — до полицейскаго закрытія собраній сень-симонистовъ. Къ сожалѣнію, издатели нашли нужнымъ напечатать *проповѣди* не въ хронологическомъ порядкѣ, а по темамъ и мы лишены возможности видѣть на самихъ образцахъ перемѣну, вызванную въ сень-симонистской церкви іюльской революціей. Но слѣдуетъ помнить, — не многія лишь *проповѣди* — изъ общаго числа пятидесяти могли возникнуть до революціи, — и на всемъ послѣднемъ періодѣ сень-симонистской пропаганды лежитъ рѣзкій — можно бы сказать — демагогическій отпечатокъ, если бы сень-симонисты рѣшительно не протестовали вообще противъ демагогіи, какъ революціоннаго вмѣшательства въ историческій процессъ. Такое впечатлѣніе произвела взволнованная церковь и на современныхъ наблюдателей. Луи Бланъ заявляетъ: «іюльская революція сообщила сень-симонизму необычайно энергическій толчекъ» ²³⁾. Помимо *проповѣдей*, *Организатора* гдѣ печаталась *Exposition de la doctrine* скоро въ сень-симонизмъ перешла газета *Globe*, вдохновляемая раньше доктринерской партией. Двадцать шестого октября 1830 года въ ней появилась восторженная статья о Сень-Симонѣ, съ 11 ноября редакціей сталъ завѣдовать Мишель Шевалье. на № отъ 18 ноября 1831 года стояло *Globe, Journal de la doctrine de Saint — Simon*, наконецъ, 26 февраля напечатанъ эпитафъ *Religion science Industrie* 9 іюня прибавлено — *Association universelle*. 22 августа *Globe* названъ *Journal de la religion saint — simonienne*, наконецъ 1 января 1832 года газета отразила на своемъ заголовкѣ послѣднюю фазу сень-симонизма ²⁴⁾ и 22 апрѣля прекратилась. Одно-

²²⁾ О поведеніи сень-симонистовъ во время іюльской революціи — *N. hist.* II, 185 — 6. Проглашенія въ *Prédications*. II, 281 и въ *N. hist.*, здѣсь же и остальные документы.

²³⁾ *Hist. des dix ans*. P. 44 III, 112.

²⁴⁾

	<p>Le Globe journal de la religion saint-simonienne</p>	
<p>A chacun Selon sa vocation</p>	<p>Toutes les institutions sociales doivent avoir pour but l'amélioration du sort moral, phy- lique et intellectuelle de la classe la plus nom- breuse et la plus pauvres.</p>	<p>A chacun Selon ses oeuvres</p>
<p>— Appel aux Femmes.</p>	<p>Association universelle</p>	<p>— Organisation politique des travailleurs.</p>

временно съ *проповѣдями*—общаго философскаго и соціального содержания—*Globe* предназначался для текущей политики, освѣщаль съ точки зрѣнія сень-симонизма внутренніе и внѣшніе вопросы. Изъ прежнихъ сотрудниковъ къ сень-симонистамъ перешли Лерминье, авторъ статьи о Сень-Симонѣ, Пьеръ Леру, бывший республиканецъ, объяснявшій публикѣ тщетность своихъ поисковъ за истиной въ политическомъ радикализмѣ,—и, наконецъ Сентъ-Бевъ, не обнаружившій впрочемъ особенной стремительности. Вскорѣ охладѣлъ и Лерминье, впослѣдствіи блестящій лекторъ въ Collège de France по философіи и исторіи права. Сень-симонистовъ глубоко обидѣла эта измѣна въ пользу либерализма,—но они были утѣшены энтузіазмомъ политехниковъ. Жанъ Рейно, горный инженеръ на Корсикѣ, прервалъ завидную карьеру и явился въ Парижъ—въ распоряженіе сень-симонистской церкви. Приѣзду предшествовало восторженное письмо духовнаго сына, пренсполненное религіознаго чувства. Также поступилъ и Фурнель, директоръ заводовъ въ Крѣзо, отдавшій все свое состояніе церкви—около 90,000 франковъ и обѣщавшій ей впослѣдствіи свое наслѣдство около 150,000. По словамъ Анфантэна, это было «первымъ актомъ практической вѣры»⁹⁵). Рейно отправился въ провинцію,—въ Лионъ, Карно въ Мо, за ними послѣдовали другіе миссіонеры, — и вся Франція скоро услышала слово новой вѣры. Одновременно шла усердная пропаганда въ Парижѣ въ улицѣ Taibout: Фурнель, Трансонъ, Рейно, Барро вызывали бурю рукоплесканій и создавали сцены глубокаго нервнаго потрясенія,—восторговъ и слезъ⁹⁶). И здѣсь не одинъ экстазъ,—упорный, часто черный трудъ снова призывается противъ внѣшняго эгоистическаго міра. Мишель Шевалье, по свидѣтельству Сентъ-Бѣва, въ теченіе болѣе года одинъ редактируетъ *Глобусъ* и даетъ программу «грандіозныхъ работъ», осуществившихся въ слѣдующіе тридцать лѣтъ⁹⁷). *Безъ вѣры*, говоритъ сень-симонистскій проповѣдникъ, такой трудъ былъ бы слишкомъ

Сень-симонистами были сдѣланы сборники избранныхъ статей изъ *Организатора* и *Глобуса* (*Etraits de l'Organisateur*, 1829—31; *Etraits du Globe*, I,—1830—1; II—1831 III—1832). Кроме того были изданы отдѣльно политическія статьи за два года подъ заглавіемъ: *Religion Saint-simonienne. Politique Européenne*. P. 32. Большинство статей посвящено польскому вопросу и отражаетъ горячія сочувствія Польшѣ, господствовавшія въ *Проповѣдяхъ*.

⁹⁵) *N. hist.* III, 56, IV, 59—67. Ср. о провинц. пропагандѣ—*Pricés*, 259.

⁹⁶) *Prédications* II, 322, 359 etc.

⁹⁷) *O. c.* 145—6.

тягостенъ ⁹⁸⁾). Не остались безучастными къ сень-симонизму и артисты, въ родѣ Листа, Берліоза, Нурри ⁹⁹⁾). Сень-симонисты оказывались правы, указывая на свой экстазизмъ, какъ разительное явленіе среди царствующихъ кругомъ эгоистическихъ и меркантильныхъ интересовъ. На первой проповѣди въ улицѣ Taibout присутствовало около ста женщинъ и до пяти сотъ мужчинъ. Немедленно заговорили о проповѣдникахъ и всѣхъ, кто являлся въ сень-симонистскую залу, поражала не только новизна и смѣлость идей, но и невиданная *экстра-поэтическая* атмосфера. Случалось, къ сень-симонистамъ приходили какъ къ духовникамъ,—за надеждой и мужествомъ. Сами сень-симонисты, по словамъ Карно, видѣли себя накануне завоеванія міра, уничтожили платную подписку на свою газету и посылали ее всякому желающему ¹⁰⁰⁾). Пропаганда окончательно усвоила возможно общедоступный характеръ и, не довольствуясь и безъ того популярнымъ духомъ *проповѣдей*, сень-симонисты открыли спеціальныя *поученія* для пролетаріевъ: въ силу современныхъ соціальныхъ условій приходилось вести отдѣльно воспитаніе людей, родившихся въ разныхъ общественныхъ состояніяхъ, т. е. готовить разными путями пролетаріевъ и буржуа къ единенію. По разнымъ днямъ недѣли въ разныхъ мѣстностяхъ Парижа были организованы поученія общаго философскаго содержанія. Эта пропаганда получила особыхъ директоровъ—Карно и Джэе. Иногда поученія заканчивались общей бесѣдой на тему какой либо статьи изъ *Глобуса*. Возникли поученія спеціально для представителей художественной дѣятельности. Эта привилегія объяснялась высокой соціальной ролью, какую сень-симонисты предназначили *артистамъ* и бесѣды съ ними велись особымъ, *симпатическимъ* языкомъ. Соотвѣственно возникали миссіи въ провинціи,—сень-симонизмъ стремительно искалъ прозелитовъ и вытѣснялъ старую вѣру и политику изъ умовъ и сердець всѣхъ состояній ¹⁰¹⁾).

⁹⁸⁾ *Memoires d'un prédicateur Saint-simonienne* (Charton). P. 82. 16.

⁹⁹⁾ *N. hist.* III, 49.

¹⁰⁰⁾ *Ib.* 21. „La tradition extrapoétique de nos prédicateurs“, выраженіе Лемезане послѣ его разрыва съ афантаньстами. *Aux Saint-Simoniens. Lettre sur la division survenue dans l'association saint-simonienne* P. 31. 14. *Mémoires d'un prédicateur* 18. Carnot. 144. *N. hist.* IV. 88. Ср. Louis Blanc. III, 112. *Globe* раздавался даромъ въ теченіи послѣднихъ восьми мѣсяцевъ изданія—въ количествѣ 4000 экз. *Procès*, 200, по другимъ извѣстіямъ—4800 экз. F. E. 253, брошюра. *Aperçu des vues morales et industr. des s.-simoniens*.

¹⁰¹⁾ *N. hist.* IV, 64; 75—80.

Вся эта чрезвычайно оживленная дѣятельность осуществляла опредѣленную программу: сначала *апостольство*, т. е. «обращеніе вѣшняго міра» къ новому ученію, а потомъ организація высшихъ индустриальныхъ предпріятій, — для выработки продуктовъ и ихъ распредѣленія и одновременно основаніе учреждений, необходимыхъ для усовершенствованія науки и преподаванія. Тогда начнется политическая роль сенъ-симонистовъ, они выйдутъ изъ «тѣсной ограды» и станутъ вождями человѣчества, потому что всякій социальный фактъ будетъ ими предсказанъ и, слѣдовательно, ими вызванъ ¹⁰²⁾.

Мы видимъ, апостольство велось съ великой энергіей. Въ сенъ-симонистскомъ архивѣ хранятся многочисленныя образцы письменной пропаганды, сношеній парижской центральной церкви съ провинціальными миссіями и отдѣльными сенъ-симонистами. Существовали особыя бланки для циркуляровъ за нумерами для разсылки брошюръ изъ редакціи *Глобуса*, письма, статьи, рѣчи сенъ-симонистовъ печатались легучими листками, съ общимъ заглавіемъ—*Religion saint-simonienne* и распространялись въ неограниченномъ количествѣ. На помощь *Глобусу* являлась громадная литература въ самой разнообразной формѣ. Часто одновременно выпускался номеръ газеты и отдѣльное изданіе наиболѣе важной статьи въ этомъ номерѣ. Наконецъ,— сенъ-симонисты составляли обширныя проспекты — афиши своего ученія, искусно и наглядно формулируя его положенія ¹⁰³⁾. Если прибавить къ этому блестящіе ораторскіе таланты, какіе обнаружили проповѣдники,—придется признать условія пропаганды благоприятными и успѣхъ ея вѣроятнымъ. И онъ дѣйствительно оказался— только не во всѣхъ частяхъ намѣченной программы.

¹⁰²⁾ *Predications* II, 248. *N. hist.* IV, 1829 письмо Анфантэна въ авг. 1830 года.

¹⁰³⁾ Вся эта литература разсылана по множеству томовъ анфантэновской бібліотеки,—особенно характерны F. E. 679. 254. Циркуляры за подписью Шевалье, образчики листовъ: *Napoleon ou l'homme-peuple; La dévote et la grande dame. — L'autome et le travail; — L'armée guerrière et l'armée pacifique; — Du Saint-Simonisme*—статья изъ *Аугсбургской газеты*. Высчитано, что въ теченіи двухъ лѣтъ (1830—32) сенъ-симонисты выпустили около восемнадцати милліоновъ печатныхъ страницъ. Ср. Thonissen. *Le socialisme*. P. 52. II, 26.—Въ В. d'Arg. имѣются два проспекта — печатный и рукописный,—печатный относится къ послѣднему религіозному періоду сенъ-симонизма, онъ вполнѣ анфантэнистскій, — рукописный болѣе умѣренный, подъ нимъ могъ бы подписаться и Базаръ и его можно отнести къ періоду *Exposition*; — онъ данъ въ приложеніи, какъ весьма наглядное воспроизведеніе сенъ-симонистскаго ученія предъ кризисомъ.

VII.

Весь третій періодъ сень-симонизма не проявилъ творческаго философскаго духа. *Изложеніемъ* закончился идейный ростъ сень-симонизма, какъ позитивной философской и соціальной доктрины. *Проповѣди* или просто повторяли установленные принципы или придавали имъ патетическую форму. Основная мысль вторичнаго сень-симонизма—о противоположности соціальной судьбы и интересовъ буржуазіи и пролетаріата—проведена чрезвычайно ярко. Исторія первой революціи съ этой точки зрѣнія изложена проповѣдниками настойчиво, разобрана дѣятельность учредительнаго собранія, отдѣленъ законъ противъ скопищъ, приведенный въ исполненіе Лафайеттомъ. Проповѣдникъ Лоранъ, произнесшій съ этой цѣлью проповѣдь на тему *Свобода, Равенство, Общественный порядокъ*, не поскупился на патетическія картины и восклицанія и на уничтожающее изображеніе отрицательныхъ результатовъ буржуазной революціи—рядомъ съ положительными. Она закончила борьбу дворянства и буржуазіи и буржуазія, овладѣвъ добычей, принялась восхвалять и оберегать *порядокъ*, обезпечивающій ей плоды побѣды, и *свободу*, позволяющую ей жить въ праздности и увеличивать свое благосостояніе—чужимъ трудомъ и среди всевозможныхъ благъ. Аристократія денегъ замѣнила аристократію титуловъ и новая аристократія вооружилась принципомъ свободы, невмѣшательства въ отношенія труда и капитала. «Спросите, восклицаетъ проповѣдникъ, у безчисленныхъ парій, окружающихъ васъ спросите, что такое эта свобода, лишающая ихъ соціальной поддержки, предоставляющая ихъ собственнымъ силамъ, послѣ того какъ случайность рожденія отняла у нихъ всякую силу, свобода, *принуждающая* ихъ подъ страхомъ смерти къ работѣ, плоды которой достанутся господамъ,—къ работѣ, для которой ихъ чаще всего Богъ не создалъ, слѣдовательно,—къ работѣ ненавистной, вынуждаемой жестокой необходимостью». Эта свобода даетъ имъ *право на все* только затѣмъ, чтобы заставить ихъ глубже почувствовать, что они не имѣютъ *возможности* переступить границъ, положенныхъ наслѣдственной нищетою и выполнять назначеніе, соответствующее ихъ прирожденнымъ способностямъ. Они *свободны* все читать и писать, но они *не умѣютъ* или *не могутъ* ни того ни другого. *Конституціонализмъ* во имя свободы отказывается вмѣшиваться въ упорядо-

ченіе интересовъ рабочихъ, но таже свобода не мѣшаетъ ему—воня *общественнаго порядка*—поручать національной гвардіи п линейнымъ войскамъ внушать рабочимъ идею *законнаго режима*, лишь только рабочіе сами сообща вздумаютъ позаботиться о своихъ интересахъ. Въ результатѣ, конституціонализмъ силой борется противъ злоупотребленій и на силѣ основываетъ *общественный порядокъ*. Крайніе демократы видятъ зло въ избирательномъ законѣ. Не понимая, что бѣднѣйшій и многочисленнѣйшій классъ отупѣвшій, невѣжественный, голодный жаждетъ избавителя, усердные демократы распространяютъ право выбора до низшихъ слоевъ народа и въ то же время подавляютъ способности, погребенныя въ низшихъ слояхъ, привилегіями высшихъ. Они возмущаются случайностями рожденія въ наслѣдственномъ перствѣ, затрагивающемъ только ограниченный кругъ интересовъ, и охраняютъ наслѣдственность собственности, гнетущую громадное большинство. Они негодуютъ на тунеядство чиновниковъ и не хотятъ подумать объ удручающемъ и несравненно болѣе широкомъ тунеядствѣ праздныхъ бесполезныхъ людей, накапливающихъ богатство посредствомъ пота бѣдняковъ—рабочихъ¹⁰⁴).

На этихъ мотивахъ сень-симонистскіе проповѣдники строятъ безпощадную критику политическаго либерализма. Свобода для собственниковъ и рабство для голодающихъ,—такова формула, выражающая сущность свободнаго конституціоннаго строя. Всѣ наименованія стараго порядка переносятся на либеральную буржуазію: она, въ своихъ понятіяхъ объ экономическихъ отношеніяхъ,—католики и феодалы. Это ясно изъ единодушія всѣхъ партій въ социальномъ вопросѣ. Всѣ онѣ нищету массы признали вѣчнымъ закономъ социальнаго строя и объявили *возмутителями и мечтателями* тѣхъ, кто льститъ себя надеждой излѣчить зло, объявленное экономической наукой неизлѣчимымъ. Сень-симонисты ссылаются на заявленіе буржуазнаго министра Гизо и отважнаго представителя либеральной оппозиціи, редактора *Цензора*—Конта: оба они согласны въ законмѣрности существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ, восклицаетъ сень-симонистскій проповѣдникъ, либералы, отнявъ у несчастныхъ божеское провидѣніе — при помощи философіи, — отнимаютъ у нихъ и человѣческое провидѣніе при помощи свободы: это *политическій*

¹⁰⁴) *Prédications*. I, 76—89. II, 882; I, 476—8.

атеизмъ рядомъ съ религіознымъ. Политическая экономія—такая же софистика въ пользу привилегій. Экономисты очень внимательно изслѣдовали процессъ выработки иглы, но не оцѣнили по достоинству явленій за стѣнами мастерской и признали тотъ порядокъ законнымъ и вѣчнымъ, какой нашли. Они стали доказывать, что за праздныхъ собственниковъ работаютъ ихъ капиталы, это — вѣрно, но капиталы работаютъ только потому, что къ нимъ другіе люди прикладываютъ свои руки, даютъ капиталамъ жизнь, сообщаютъ имъ производительность, между тѣмъ какъ экономисты на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ вѣшаютъ и золото и человѣческое мясо ¹⁰⁵).

Но процессъ исторіи неотвратимъ. Онъ всей тяжестью падаетъ на либерализмъ. Вся исторія реставраціи ничто иное какъ безплодная смѣна министерствъ, *героевъ дня*—безъ всякой пользы для уврачеванія соціальныхъ золъ. Удивительно благодушная хартія позволяла все что угодно, — даже — королю назначать министровъ, враждебныхъ хартіи и все во имя торжества той же хартіи,—такъ же какъ и избраніе 221 протестантовъ противъ королевской политики. Тогда вынужденъ былъ вмѣшаться народъ еще разъ, — и никто оказался не въ силахъ предупредить этого вмѣшательства. Хартія погибла, реставрація исчезла, — и какіе же результаты! Просто во Франціи стало однимъ французомъ меньше послѣ изгнанія Карла X. Буржуазія не поняла значенія іюльскихъ дней, ознаменовавшихъ появленіе на политическую сцену пролетаріата, и снова замкнулась въ *законный порядокъ* вмѣсто того, чтобы подумать объ удовлетвореніи нуждъ массы ¹⁰⁶).

И проповѣдники неистощимы на изображенія бѣдствій пролетарята. Они съ неограниченнымъ правомъ пользуются свободой слова, созданной іюльскимъ переворотомъ. Они безпрестанно подвергаютъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ слушателей—неизмѣнность своего основного принципа—вести соціальныя преобразованія безъ всякихъ потрясеній, революціи считать только смѣнами господъ и не имѣть ничего общаго съ демагогіей. Порывы краснорѣчія и склонность къ художественнымъ приемамъ—изображать общественныя явленія—сообщаютъ *проповѣдямъ* зажигательный ха-

¹⁰⁵) I, 38; III, 145—150; I, 254—5.

¹⁰⁶) I, 55; II, 287—291, 306—311.

ракторъ и рѣчь безпрестанно переходитъ въ призывъ, — отнюдь не къ силѣ, — а къ самопомощи, но пафосъ далеко не всегда соответствовалъ мирной программѣ проповѣдниковъ. Ихъ цѣль — организовать партію рабочихъ, чуждую партійной политической борьбѣ, а побудить рабочихъ къ единенію, по расчетамъ сенъ-симонистовъ, могла только яркая картина ихъ несправедливаго соціального положенія. И эта задача выполняется проповѣдниками до самаго конца проповѣдничества.

Какой привлекательный поэтический видъ Ліона издали и сколько страданій внутри. — среди грязи, мiazмовъ, всевозможныхъ бѣдствій — тѣхъ самыхъ людей, которые городъ сдѣлали царемъ индустріи! И такъ вездѣ: среди пролетаріата нѣтъ мѣста ни семейному счастью, ни просвѣщенію, ни нравственности. Проповѣдники иначе не говорятъ объ этомъ вопросѣ, какъ въ духѣ дантовской поэмы, — и картины заканчиваются не менѣе страстными призывами. На вопросъ: *что такое пролетаріи?* — буржуазія, по словамъ сенъ-симонистовъ, отвѣчаетъ чаще всего съ пренебреженіемъ, относится къ нимъ, какъ къ презрѣннымъ вассаламъ, хотя пролетаріи наполняютъ поля и мастерскія, проливаютъ кровь въ битвахъ, развиваютъ науки и искусства, служатъ нуждамъ государства, всевозможными способами украшаютъ существованіе привилегированныхъ классовъ. И сенъ-симонисты зываютъ къ богатой молодежи, къ писателямъ и художникамъ — прекратить личную и партійную полемику и отдать свои таланты на службу соціальнымъ вопросамъ. «Каждый день промедленія — значитъ сознательное, завѣдомое принесеніе безчисленныхъ жертвъ, побѣда безнравственности, невѣжества, нищеты». Врагъ — наследственность праздности и бѣдности. Онъ предупредилъ о себѣ послѣдней революціей, а между тѣмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ продолжается все тотъ же діалогъ: съ одной стороны просьба о работѣ, съ другой — работа, какъ милостыня для спасенія столь удобныхъ преимуществъ, покоя и правды. И проповѣдникъ, разгоряченный своими чувствами, — превращаетъ проповѣдь въ запросъ къ публикѣ: считаетъ ли она буржуазный строй общества законнымъ, т. е. всевозможныя лишенія трудящагося класса справедливыми? Полагаютъ ли слушатели, что соціальныя учрежденія должны стремиться къ улучшенію участи массы? «Отвѣчайте», — восклицалъ повелительно

проповѣдникъ и зала, среди рукоплесканій, отвѣчала утвердительно ¹⁰⁷⁾. Въ другой разъ проповѣдникъ требовалъ у публики отчета въ ея дѣлахъ на пользу народа, изобличалъ ее въ «сухости и твердости сердца», влагалъ въ уста народа трагическую рѣчь съ подробнымъ перечисленіемъ лишеній, ставящихъ народъ въ худшее положеніе чѣмъ домашнихъ животныхъ, и самъ проповѣдникъ желалъ страдать за народъ слезами и кровью. Въ такой же формѣ излагалась исторія преобразованія раба въ рабочаго, развитіе міросозерція человѣка, при чемъ устами проповѣдника говорилъ художественный талантъ Руссо въ описаніи трогательныхъ картинъ природы, проповѣдь заканчивалась какимъ-нибудь эффектнымъ восклицаніемъ,—въ родѣ: «позоръ наслѣдственной праздности! честь заслугъ и труду!» Зала рукоплескала и въ теченіе рѣчи и въ концѣ. Сень-симонисты объявляли себя основателями новой партіи, даже считали ее уже установленной, знамя ея развернутымъ,—оставалось, повидимому, дѣйствовать и выполнять вторую часть программы ¹⁰⁸⁾.

На знамени были написаны извѣстныя намъ принципы: собственность не разрушается, а только видоизмѣняется способъ ея передачи, т.-е. наслѣдованіе узаконяется не отъ *отца*, а отъ *должностнаго лица*, которое наслѣдникъ можетъ замѣнить по своимъ *способностямямъ*. *Призваніе*, а не *родство*—основа новаго порядка наслѣдованія. Все общество — ассоціація, всѣ его члены — *fonctionnaires*. Понятія *fonction*, *vocation*—въ *проповѣдяхъ* распространены и на отдѣльныя національности: каждая изъ нихъ въ міровомъ порядкѣ выполняетъ свою *миссію*, свое *призваніе* и Франція, на примѣръ, работаетъ надъ прозелитизмомъ цивилизаціи, благодаря широтѣ своихъ человѣческихъ сочувствій: въ ней поэтому родился и человѣкъ, провозгласившій ученіе о міровой ассоціаціи ¹⁰⁹⁾.

Но *ассоціація* выражаетъ отношенія человѣка къ людямъ, существуетъ еще отношеніе человѣка къ міру, — и на него также распространяется законъ *сочувствія*, совмѣстной работы во имя

¹⁰⁷⁾ „Vienne un parti qui ne s'arrête pas à la métaphysique constitutionnelle, ni au vocabulaire des factions, dont la longue querelle n'a d'autre objet que le droit d'exploiter le peuple, sous des formes et des noms divers“. N. hist. IV, 90—3.

¹⁰⁸⁾ I, 262; III, 46—7, 109—110; II, 146, 107, 185—6, 254, 355—8. III, 128—130, 163, 103, 142.

¹⁰⁹⁾ I, 151—2; II, 247; III, 114; II, 424; 275; I, 359.

одной цѣли. И сень-симонисты въ эпоху *проповѣдей* даютъ вполне определенное, законченное толкованіе своему пантеизму. Ассоціація—*форма* мировой гармоніи: эта мысль установлена еще въ періодъ *Производителя* и примыкала къ старымъ поискамъ Сень-Симона за принципомъ, объединяющимъ всю эволюцію мировой жизни. Въ вопросѣ о таинственныхъ отношеніяхъ между міромъ и человѣкомъ и заключается религіозный мотивъ. Его можно было избѣжать, ограничившись установленіемъ *практическаго* отношенія чловѣка къ міру, т.-е. идеей неограниченной эксплуатаціи естественныхъ силъ въ интересахъ ассоціаціи. Но пантеистическое воззрѣніе на симпатической почвѣ требовало рѣшенія задачи о духовномъ взаимномъ воздѣйствіи всѣхъ элементовъ *цѣлаго*,—и сень-симонисты совершили открытіе, вошедшее впоследствии въ контовскую религію, намѣтили характеръ одного изъ лицъ позитивистской тройцы — «Великаго Фетиша». Міръ въ своемъ развитіи дѣйствуетъ цѣлесообразно на пользу чловѣка. Исторія земли, какъ планеты, стоитъ въ связи съ жизнью чловѣка: на земномъ шарѣ прекратились страшные перевороты, лишь только явился чловѣкъ,—и земля готовилась къ воспріятію чловѣка. *Космогоническія* революціи аналогичны *политическимъ*: однѣ создали возможность для совершенной породы трудиться непрерывно и стройно, другія разчищаютъ путь для высшей упорядоченной соціальной жизни всего чловѣчества. Сень-симонисты указываютъ, что ихъ учитель открылъ имъ разгадку *политическихъ* революцій, — объясненіе космогоническихъ принадлежатъ, слѣдовательно, имъ ¹¹⁰).

Весь смыслъ *проповѣдей* сводится къ краткому и рѣшительному положенію: народъ и религія, демократія и теократія, соціальная цѣль, достигаемая при вдохновенномъ неограниченномъ руководствѣ личности, одаренной высшею *способностью*. *Человѣко-народъ* такой же догматъ для сень-симонистовъ, какъ *Бого-чловѣкъ* для христіанъ и основатель сень-симонизма «самый чловѣчный изъ теократовъ и самый божественный изъ демократовъ» ¹¹¹).

¹¹⁰) *Predic.* III, 178—180; II, 24—5.

¹¹¹) II, 312. Наименованіе *чловѣко-народъ* въ философско-соціальномъ идеалѣ—должно обозначать цѣльное демократическое единство, олицетворяемое высшимъ священникомъ, какъ обладателемъ совершенной всесторонней любви къ соціальной цѣли общества, — практически у сень-симонистовъ готово было слиться съ понятіемъ ва-

Дальше этой формулы нѣтъ теоретическаго движенія и сень-симонистамъ оставалось приняться за вторую часть программы, — за практическое приложеніе своего ученія. «Верховный отецъ» остался единоличнымъ главой послѣ разрыва съ Базаромъ, 11 ноября 1831 года и 27-го онъ торжественно сообщилъ о «новомъ пути», на какой предстояло вступить церкви. «Мы поучали, теперь будемъ осуществлять... Мы будемъ *выполнять* всѣми нашими силами, путями исключительно мирными *нравственное умственное и физическое* освобожденіе индустріи, т.-е. индустріаловъ, —мы положимъ основаніе культу». *Догматы* уступили ему мѣсто и Родригъ, говорившій послѣ Анфантена, провозглашалъ доблести народа, грядущую *нравственную силу* капитала, т.-е. улучшение положенія массы. Это значило — Родригъ обращался къ капиталистамъ съ предложеніемъ принять участіе въ основаніи «банка работниковъ», т.-е. «сень-симонистскаго кредита». Воззваніе обращалось и ко всѣмъ вообще *способностямъ*, но существеннымъ актомъ явился проектъ финансовой ассоціаціи сень-симонистовъ. Помимо пропаганды идей, — ассоціація должна была учреждать начальные школы общія для дѣтей пролетаріевъ и буржуа; основывать индустріальныя ассоціаціи рабочихъ — съ цѣлью распространять блага соціальнаго прогресса на массу,

родной диктатуры. Обращеніе къ Лафайетту не случайный эпизодъ, — въ *Проповѣдяхъ* ему соответствуетъ характеристика Наполеона, какъ осуществителя высшаго соціальнаго принципа въ своей личности и дѣятельности. Онъ силой своего генія, т. е. *способности*, достигъ перваго трона въ свѣтѣ, онъ, — «живое воплощеніе надеждъ Франціи» въ то же время завершитель революціи, разрушитель одражѣвшей средне-вѣковой Европы, классифицировавшій въ своемъ государствѣ людей по способностямъ и наградившій ихъ по заслугамъ. За этими восторгами предъ демократическими результатами наполеоновскихъ побѣдъ, — у позднѣйшихъ сень-симонистовъ исчезаетъ Цезарь, какъ представитель военнаго антикультурнаго духа и какъ возстановитель стараго *режима, матеріальной силы*, о которомъ говорилось въ *Изложбѣнн доктрины*. Летучіе листы безпрестанно прославляютъ Наполеона, какъ упразднителя наследственныхъ привилегій и сень-симонизмъ являлся однимъ изъ орудій наполеоновской легенды въ народной массѣ. Одинъ изъ листовъ въ честь Наполеона подписанъ «часовщикомъ» и оговаривается, что теперь Наполеонъ долженъ быть «мирный». Но подобная оговорка, повидимому, должна бы изыять изъ обращенія въ сень-симонистской пропагандѣ *историческаго* Наполеона, не имѣвшаго ничего общаго съ мирнымъ представительствомъ соціально-демократическаго принципа. Именно въ послѣдній періодъ сень-симонизма этого не случилось: анфантеннестскій духъ стремился воспользоваться всѣми преданіями исторіи объ единоличномъ авторитетѣ, со- вмѣщая рядомъ Моисея, Христа, Нуму и Наполеона. *Predications*. I, 438—443; II, 48, 148, 320. *Exposition*. I, 814, 320; F. E. 254.

вмѣсто анархической конкуренціи создать прогрессивно, безъ потрясеній—религіозную ассоціацію работниковъ. Во главѣ всѣхъ предприятий становился Родригъ по назначенію «верховнаго отца». Въ планѣ ассоціаціи предусматривалось «содержаніе сенъ-симонистскаго духовенства» по принципу—вознагражденіе по трудамъ. Барро, смѣнившій Родрига, напомнилъ возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ, совпавшее съ сенъ-симонистскимъ планомъ, указалъ, что рабочіе не подыали трехцвѣтнаго знамени, а на черномъ начертали слова: «жить работая или умереть сражаясь». Очевидно, «метафизическая» политика утратила всякій авторитетъ и «истинная политика» съ этихъ поръ должна стать «искусствомъ» регулировать взаимныя отношенія работниковъ и питать общество всѣми произведеніями искусствъ, наукъ, индустрии». Собраніе закончилось восторженными объятіями послѣдователей Анфантэна съ своимъ «отцомъ». Даже Рейно, возставшій противъ «освобожденія женщины» въ анфантэновскомъ смыслѣ и напомнившій о существенномъ пробѣлѣ новой морали, — обнялъ Анфантэна; но вопросъ о женщинѣ тѣмъ не менѣе остался роковымъ. Съ перваго января 1832 года на *Глобусъ* появился новый девизъ: «Воззваніе къ женщинамъ. *Мирная организація* работниковъ», — и въ этомъ девизѣ первая часть должна была разрушить идею второй ¹¹²⁾.

Еще до заявленій Анфантэна и Родрига люди сочувствующіе убѣждали сенъ-симонистовъ не сосредоточиваться на догматахъ, а перейти къ обсужденію практическихъ вопросовъ,— къ учрежденію банковъ, къ изученію займовъ, налоговъ,— всего, что непосредственно касается положенія массы, — и взяться за это дѣло на тѣсно-національной почвѣ, не увлекаясь отдаленными перспективами. Осуществленіе даже второстепенной прогрессивной идеи принесетъ больше пользы, чѣмъ тоды проповѣдей ¹¹³⁾. Анфантэнъ былъ непоколебимъ, — хотя другіе дѣйствительно снисходили до практики. Въ августѣ 1831 года Фурнель представилъ отчетъ о «ступени рабочихъ», которой онъ завѣдывалъ вмѣстѣ съ г-жей Базаръ. Завѣдующіе немедленно поняли, что въ этой средѣ требуются «приложенія даже ограниченные» новыхъ идей. Они раздѣлили Парижъ на двѣнадцать

¹¹²⁾ *N. hist.* IV, 205—240. *Préd.* III, 221. *N. hist.* V, 81.

¹¹³⁾ *N. hist.* IV, 107—8; 67, 72, 80—6, 204. Списокъ жертвователей в. *N. hist.* V, 223. Объ осуществленіи займа *Procès*, 577—8.

округовъ, устроили въ каждомъ періодическія собранія, приобрѣли 220 послѣдователей, изъ нихъ 100 женщинъ, организовали даровую медицинскую помощь, привили дѣтямъ оспу и начали устраивать частныя ассоціаціи среди рабочихъ для удовлетворенія потребности въ квартирахъ, пиццѣ, топливѣ. Докладчикъ рассчитывалъ вскорѣ устроить союзъ парижскихъ рабочихъ съ провинціальными. Изъ другаго отчета видно, что сень-симонисты намѣревались осуществить и самую смѣлую свою идею—классификаціи по способностямъ, открыть «образовательный домъ» для дѣтей всѣхъ состояній. Въ распоряженіи сень-симонистовъ находились значительныя средства — до 800,000 франковъ — въ капиталахъ и недвижимыхъ имуществахъ. Съ іюля 1830 года до объявленія о сень-симонистскомъ кредитѣ было истрачено 400,000 франковъ на пропаганду въ Парижѣ, въ департаментахъ и въ Бельгіи, т.-е. церковь ежемѣсячно тратила по 25,000 франковъ почти исключительно на проповѣди и поученія. Эти результаты, надо полагать не оказались безъ вліянія на неудачу сень-симонистскаго займа. Наконецъ, душа предпріятія, Родригъ не выдержалъ анфантѣновскаго ученія, покинулъ церковь и нанесъ непоправимый ударъ всѣмъ ея практическимъ планамъ. Сень-симонизмъ имѣлъ теперь трехъ пророковъ — Базара, Родрига и Анфантѣна,—Трансонъ и Лешевалье обратились къ фурьеризму, а нѣкоторые къ новымъ самостоятельнымъ поискамъ за истиной и дошли до католичества ¹¹⁴).

Когда 22 января 1832 года власть закрыла сень-симонистскія собранія, — она объявила войну собственно не сень-симонизму, а анфантѣнизму. Возникъ процессъ и, не въ примѣръ другимъ политическимъ процессамъ эпохи реставраціи и іюльской монархіи,—не только не увѣнчалъ осужденныхъ лаврами, но окончательно подорвалъ въ глазахъ общественной нравственности авторитетъ новой религіи. При самой благодарной обстановкѣ Анфантѣнъ сумѣлъ процессъ превратить въ каррикатурное зрѣлище и уйти изъ суда въ тюрьму, не вызвавъ ни сочувствія, ни уваженія у публики, вовсе не заинтересованной успѣхомъ обвинительной власти.

¹¹⁴) Документы, относящіеся къ кризису — В. d'Ars. F. E. 338. Также F. E. 260—*Retour au christianisme de la part d'un saint-simonien*, par Alphonse Dory, avocat. Marseille. 34.

До процесса съ 23 апрѣля Анфантѣнъ вмѣстѣ съ сорока «дѣтьми» жилъ въ Менильмонтанѣ, въ своемъ подгородномъ парижскомъ домѣ и готовился съ ними къ «новой жизни» — путемъ самоуглубленія, упраздненія прислуги и исполненія пролетаріатскихъ работъ. Процессъ засталъ отшельниковъ въ особомъ апостольскомъ платьѣ и за приготовленіями къ сооруженію храма. Во время допроса Анфантѣнъ развивалъ преимущественно двѣ темы — о женщинѣ и о вліяніи красоты вообще и *взора* въ частности. Когда то въ *Производитель* онъ настойчиво анализировалъ исторію индустріи, доказывалъ аналогію между феодализмомъ и буржуазіей, и позже въ *Глобусъ* развивалъ ту же идею, указывалъ, что іюльское солнце особенно ярко освѣтило ее, безпощадно издѣвался надъ безплодными отвлеченностями экономистовъ, надъ либеральнымъ невмѣшательствомъ въ индустріальный прогрессъ и первый развилъ теорію банковъ, какъ регуляторовъ индустріи. Правда, одновременно обсуждался вопросъ и объ *Андроминѣ*, «святой четѣ», — но онъ не заслонялъ собой сѣнь-симоновскаго преданія ¹¹⁵⁾. Теперь Анфантѣнъ, предъ присяжными, цѣлью своей жизни признаетъ освобожденіе женщины, себя называетъ «предтечей женщины—мессіи», на первомъ планѣ онъ ставитъ «освященіе красоты, возстановленіе плоти, управленіе и упорядоченіе физическихъ вождельній» и уже потомъ «переустройство собственности». Онъ желаетъ доказать обвинителю «могущественное вліяніе *формы*, *плоти*, чувствъ и заставить его почувствовать силу *взора*». И онъ заставляеть: судъ, раздраженный безмолвнымъ пристальнымъ взоромъ «верховнаго отца», прерываетъ засѣданіе и Анфантѣнъ торжествуетъ: онъ однимъ взоромъ вывелъ нелюбящихъ его людей изъ терпѣнія! Но въ распоряженіи суда была не только офіціальная критика анфантѣновскаго ученія, — былъ прочитанъ отзывъ Базара, упомянуты негодующіе голоса другихъ «диссидентовъ»: сѣнь-симонизмъ свидѣтельствовалъ противъ анфантѣнизма и въ результатѣ процесса «верховный отецъ», Шевалье и Дюверье за противозаконныя собранія — свыше 20 человекъ—и за ученіе, оскорбляющее общественную нравственность, присуждены къ году тюремнаго заклю-

¹¹⁵⁾ Отд. над. статей — *Economie politique et politique*. P. juin 31. 87, 113—4 132—9, 176.

ченія и къ 100 франковъ штрафа каждый, Родригъ и Барро къ 50 франкамъ, сень-симонистское общество объявлено распущеннымъ ¹¹⁶).

И оно дѣйствительно оказалось распущеннымъ. Судебный приговоръ разрушилъ церковь и погубилъ іерархію. Вокругъ Анфантэна толпа учениковъ немедленно стала рѣдѣть, намѣреваясь со всѣмъ разсѣяться. «Женщина — мессія», «мать» не являлась, — анфантэновскій режимъ выходилъ безцѣльнымъ. Такъ рѣшили ученики и довели учителя до полного упадка духа, даже до слезъ. Предъ отправленіемъ въ тюрьму Анфантэну пришлось заявить, что «религія» вступаетъ въ новую стадію — свободы и личнаго вдохновенія каждаго ученика за свой счетъ. Больше нѣтъ іерархіи и диктатуры — вмѣсто нея демократія. «Помочи обрѣзаны, восклицаетъ *Исторія* сень-симонизма, и дѣти достаточно сильны, чтобы въ самихъ себѣ найти потребное вдохновеніе». Это — значитъ Анфантэнъ потерпѣлъ поражение на своемъ священническомъ пути и когда Шевалье обратился къ Родригу — съ просьбой утѣшить скорбящаго «верховнаго отца», Родригъ безъ всякаго злорадства могъ отвѣтить: «я это предвидѣлъ, это развязка». И напрасно Анфантэнъ утѣшалъ себя воспоминаніями изъ исторіи христіанства — о недоразумѣніяхъ учениковъ Христа и своихъ исчезавшихъ «дѣтей» именовалъ «дьяконами», носителями новой «болѣе политической и преимущественно индустриальной» фазы новой религіи: фаза осуществлялась противъ его воли и «дьяконы» не видѣли въ немъ своего пресвитера ¹¹⁷).

Анфантэновскія вдохновенія, слѣдовательно, такъ же быстро исчезли какъ и явились *по случаю* сень-симоновскаго ученія. Всевозможныя чувствительныя воспоминанія бывшихъ сень-симонистовъ о патетическихъ сценахъ въ «семьѣ», весьма благосклонно оцѣненные даже Ренаномъ, не мѣняютъ роли Анфантэна въ судьбѣ сень-симонизма, какъ школы, какъ общества. Все, что только было болѣзненно-экзальтированного, истерическаго среди французской моло-

¹¹⁶) *Procès*. 29, 385—8, 377, 367—374, 531; *N. hist.* VII, 252—5 (приговоръ) Laveyrier помѣстилъ въ *Globe* статью 12 января 1882 года — *La Femme*, изъ нея обаянитель привелъ слѣдующее мѣсто: „On verrait des hommes et des femmes unis par un amour sans exemple et sans nom, parcequ'il ne connaîtrait ni le *refroidissement* ni la *jalousie*; des hommes et des femmes qui se donneraient à plusieurs, sans cesser d'être l'un à l'autre, et dont l'amour ferait, au contraire, comme un divin banquet, augmentant de magnificence en raison du nombre et du choix des convives". *Procès* 108.

¹¹⁷) *N. hist* VIII, 174—5, 188, 203—11; 179. 195.

даже тридцатых годовъ, весь запасъ мелиодраматическихъ эффектовъ и театральныхъ позъ, какой только можно отыскать въ французской природѣ, — все это вызвалъ Анфантэнъ, самъ умѣвший непроизвольно и трогательно плакать и съ разсчитанной сценической величественностью говорить и дѣйствовать. «Верховный отецъ» умѣлъ на нѣкоторое время водворить кругомъ себя патологическую атмосферу, превращавшую людей XIX-го вѣка въ конвульсіонеровъ какой-нибудь средневѣковой секты. Легко представить, съ какой стремительностью воспользовались анфантэновскими представлениями многочисленные противники новой мысли и только здоровое жизненное зерно подлиннаго сенъ-симонизма спасло эту мысль отъ полного крушенія и забвенія.

VIII.

Оцѣнка сенъ-симонизма, ближайшая въ нему по времени, самая пристрастная и критика; становится спокойнѣе и вдумчивѣе соотвѣтственно разстоянію, съ какого она смотритъ на явленіе.

Мы знаемъ, — свидѣтельства о самомъ Сенъ - Симонѣ могли быть благоприятными только въ исключительныхъ случаяхъ, — и философъ даже просилъ публику не торопиться своимъ сужденіемъ о немъ. Среди немногочисленныхъ современныхъ отзывовъ о произведеніяхъ Сенъ-Симона намъ извѣстенъ только одинъ открыто похвальный — о *Параболѣ*: она приравнена къ философскимъ сказкамъ Вольтера и выражена надежда, что авторъ возвысится до Монтескьё¹²⁰⁾. Но одновременно біографическій словарь философскую дѣятельность Сенъ - Симона признавалъ неудачной «книгопродавческой спекуляціей» и указывалъ единственную замѣчательную черту — отказъ автора отъ графскаго титула¹²¹⁾. Немедленно по смерти философа благосклонная газета такъ изображала отношеніе современной публики къ нему: «въ немъ видѣли только нѣчто въ родѣ страннаго безумца, не знающаго, какъ размотать свои деньги и свою жизнь»¹²²⁾. Пять лѣтъ спустя та же газета говорила, что Сенъ-Симонъ встрѣтилъ лишь «насмѣшку и неблагодарность; его

¹²⁰⁾ *Les Apôtres*, 148.

¹²¹⁾ O „puissante faculté de sentir“ Анфантэна—*N. hist.* VIII, 181.

¹²²⁾ *Le Constitutionnel*, 1819, 22 nov.

¹²³⁾ *Biographie des hommes vivants*. I. 1819. V.

современники проходили мимо него съ шутливой улыбкой на устахъ или просто отворачивались отъ него: ни единого одобренія, ни одного дружескаго голоса» ¹²²).

Газета могла бы еще сгустить краски, припоминая результъ контовской дружбы. Появленіе на сцену учениковъ не могло вызвать желательныхъ перемѣнъ въ общественномъ мнѣніи. Молодежь горячо отозвалась на сенъ-симонистскую проповѣдь,—но эти люди не принадлежали къ господствующимъ современнымъ силамъ, большей частью были, по свидѣтельству самихъ сенъ-симонистовъ, — пасынками цивилизаціи, не находившими въ современномъ обществѣ нравственнаго утѣшенія или достойнаго гражданскаго положенія ¹²³). Въ сенъ-симонизмъ они искали новой семьи и новаго соціальнаго строя и самоотверженно отдавали ему себя и все свое, при чемъ нерѣдко блеску талантовъ соотвѣтствовали и матеріальныя жертвы.

Но вскорѣ настала очередь анфантанства, — и самые прочные, по видимому, задатки силы и славы потонули надолго въ издѣвательствѣ и гнѣвѣ литературы и общества. Сами сенъ-симонисты пошли другъ на друга и улки Базара оказались благопріятнымъ матеріаломъ для обвиненій противъ Анфантана и его учениковъ. Другой результатъ являлся еще пагубнѣе для сенъ-симонизма: его послѣдователи переходили въ фурьеризмъ, — на сторону того самаго философа, который осыпалъ жесточайшими укоризнами Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, называлъ ихъ шарлатанами, уличалъ ихъ въ возстановленіи «отвратительнѣйшаго феодальнаго права», приравнивалъ къ іезуитамъ, во всей ихъ дѣятельности видѣлъ хищничество, — стремленіе ко всеобщему закрѣпощенію, спекуляторское хамелеонство, научное казачество, наконецъ, — идейный грабежъ и плагиатъ — по отношенію къ сочиненіямъ его — Фурье ¹²⁴).

И бывшіе послѣдователи Сенъ-Симона теперь сравнивали сенъ-симонизмъ съ фурьеризмомъ и устами недавняго восторженнаго и блестящаго проповѣдника — Авеля Трансона находили: Сенъ-Симонъ не высказалъ ни одной новой идеи о природѣ и назначеніи лично-

¹²²) *Globe*. 1825, 4 juin, № 116.

¹²³) *Ib.* 1830, 26 oct. № 246.

¹²⁴) *Prédications*. II, 263—4.

¹²⁵) *Pièges de charlatanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen qui promettent l'association et le progrès*, par Ch. Fourier. I 31. 5—7, 17.

сти, такъ же какъ и объ отношеніяхъ мужчины и женщины,—и его ученіе потому не можетъ представить новаго плана ассоціаціи, новой оригинальной идеи относительно организаціи мирной работы. Это значило, — Сень-Симонъ не занимался психологіей личности, анализомъ ея наклонностей и страстей и не предполагалъ на этомъ анализѣ построить плана ассоціаціи, — что именно и совершилъ Фурье, задавшійся цѣлью создать социальный строй на свободномъ развитіи и гармоническомъ удовлетвореніи страстей каждого человѣка отдѣльно. «Вы мнѣ говорите о человѣчествѣ и не знаете личности», — заявлялъ новый фурьеристъ своимъ старымъ товарищамъ и укорялъ ихъ въ несправедливости по отношенію къ Фурье ¹²⁶). Трансона и другого перебѣзчика, Лешевалье, особенно восхищала идея Фурье сдѣлать трудъ «привлекательнымъ», — о чемъ и не помышлялъ Сень-Симонъ. Лешевалье, кромѣ того, давалъ существенные мотивы противникамъ сень-симонизма. Признавая великую заслугу сень-симонизма въ освобожденіи политики отъ абстракцій, въ провозглашеніи интересовъ массы, — Лешевалье анфантаннизмъ объявлялъ необходимымъ продолженіемъ ученія Сень-Симона и въ то же время признавалъ это продолженіе «католичествомъ», уничтоженіемъ личности *въ корнѣ*. Правда, Лешевалье обвинялъ анфантаннистовъ въ извращеніи сень-симоновскаго текста, — но обвиненіе касалось вопроса объ упраздненіи личной собственности: *les préoccupations catholiques* оставались на совѣсти самого Сень-Симона ¹²⁶).

Въ этихъ разоблаченіяхъ бывшихъ сень-симонистовъ заключается источникъ всей позднѣйшей существенной критики сень-симонизма. *Уничтоженіе личности въ самомъ корнѣ* — эти слова могутъ быть поставлены эпитафией на безчисленныхъ сочиненіяхъ либеральной партіи противъ Сень-Симона,—и они остались самыми прочными и самыми внушительными. Вопросы объ освобожденіи женщины—фурьеристы не трогаютъ, но на этомъ пути постарались сами женщины. Анфантановская бібліотека владѣетъ громадной феминистской литературой, необыкновенно послѣдовательно добивавшей послѣдніе остатки философскаго достоинства послѣдней стадіи сень-

¹²⁶) *Simple écrit d'Abel Transon aux Saint-Simoniens.* (F. E. 388). Эпитафия. стр. 5, 10—3.

¹²⁷) *Exposition du système social de Ch. Fourier à Bezanson.* I. 32. (F. E. 259). 5—6, 16—7, 23.

симонизма. Женщины издавали журналы, писали брошюры, без конца перефразируя анфантановское учение о «женщинах — мессии», о «матери» и развивали идею женской эмансипации с такой стремительностью, что мелкой печати и сатирическим журналам не требовалось даже придумывать темъ для увеселѣнія публики на счетъ Раа Волфгаутин'а ¹²⁸). Въ провинциальныхъ городахъ, гдѣ побывали миссиіи сень-симонистовъ, возникла своя литература, иногда принадлежавшая также бывшимъ сень-симонистамъ ¹²⁹). Имя Сень-Симона не могло остаться неприкосновеннымъ въ то время,

¹²⁸) Особенно F. E. 250. Рядъ брошюръ, подписанныхъ Claire Demar съ яростными нападениями на материнство: *plus de maternité, plus de loi du sang!*... и о *nourrice fonctionnaire*. Въ *Appel d'une femme au peuple* — о непримиримости христіанской морали съ „l'organisation inflammable tendre mais excessivement passionnée“. Брошюры авторовъ, специалистовъ по вопросу, за подписями „Compagnon de la femme“ съ воззваніями: „Amour à toutes et à tous!“ и съ пламенными восторгами предъ свободными женщинами. F. E. 2040—большое количество изображеній Анфантана съ шутливой побракушкой и фигуръ съ подписями *Femme libre. Capacité* „верховнаго отца“ неизбѣжно является въ формѣ иллюстраціи, гдѣ на первомъ планѣ *femme libre* и въ сопровожденіи соответствующаго текста. Карикатурная афиша — *Détails sur le double suicide*—сень-симониста и сень-симонистки — отраженіе дѣйствительнаго факта и дѣйствительной проповѣди нѣкоего анфантаниста Lambert'a, доказывающаго, что въ наше время все *свято* и самоубійство также. Ср. F. E. 250. Мотивъ о женской эмансипаціи въ такомъ же видѣ, какъ онъ изображается въ карикатурахъ, обсуждался и серьезными критиками сень-симонизма напр. *Notice sur le Saint-Simonisme* (Louis Julien—F. E. 253) сопоставляя лантеизмъ сень-симонистовъ со спиритуализмомъ и уличал сень-симонистовъ въ гипнотизаціи женщинъ ср. „Entretien sur les Saint-Simoniens et le saint-simonisme ou les oreilles d'âne de Saint-Simon“. Rouen 31. Въ F. E. 253 и 680—брошюры, вышедшія въ провинц. городахъ.

¹²⁹) *Offrande aux Saint-Simoniens. Le Nain mystérieux, proverbe dramatique*. Par le petit Balthazar, ex—travailleur du culte. Lyon. 32 Авторъ, желающій представить сень-симонизмъ въ смѣшной формѣ, — осѣдомленъ въ его литературѣ, знаетъ заявленія Родрига противъ Анфантана, въ *Pièces justificatives* приводитъ выдержки изъ *Проповѣдей* и *Глобуса* и заканчиваетъ: „les attaques contre le saint-simonisme sont devenues inutiles. Il s'est tué lui même par l'impudeur et l'impudence de ces maximes relatives à la *Promusmité*“.—*Examen critique de la doctrine dite religion saint-simonienne*, par Vagner, Bachelier ès-lettres. Nancy. 32. Феминистскія изданія F. E. 261, 262: *Tribune des femmes; La Femme libre, Apostolat des Femmes, La Femme de l'Avenir; Livre des Actes publié par les Femmes, Appel des Femmes*, — № 1 этого журнала открывался „призывомъ къ женщинамъ“: „comprenez nos droits, nomprenez nos puissances, nous avons la puissame attractive, pouvoir des charmes, arme irrésistible, sachons l'employer.... Plutôt célibat que l'esclavage!“ Подобные мотивы эмансипаціи немедленно вызвали сатирическіе отголоски и даже въ Тулонѣ вышелъ памфлетъ съ эпиграфомъ: „combien je regrette mon bras si dodu, ma jambe bien faite et le temps perdu!“ F. E. 257.

когда надъ сень-симонизмомъ проносили смертный приговоръ его же послѣдователи. И теперь воспроизводились анекдоты изъ біографіи «бога», рассказывались неслыханныя раньше подробности его семейной жизни ¹³⁰). Среди этой литературы рѣдко встрѣчается спокойный и вдумчивый отзывъ: тридцатые годы заняты преимущественно отголосками анфантанства, — тѣмъ болѣе, что даже у самой добросовѣстной публики нѣтъ въ распоряженіи подлинныхъ сочиненій Сень-Симона. Извѣстная намъ метцкая брошюра одна изъ наиболѣе безпристрастныхъ оцѣнокъ сень-симонизма послѣ анфантановскихъ «безумствъ». Она защищаетъ сень-симонистовъ отъ обвиненія въ корыстныхъ расчетахъ, восхваляетъ ихъ кротость, энтузіазмъ и талантливость, но всю ихъ организацію считаетъ въ интересахъ способныхъ и сильныхъ: сень-симонисты устанавливаютъ аристократію способностей и не оставляютъ ничего на долю слабыхъ. Въ заключеніе авторъ все хорошее въ сень-симонизмѣ признаетъ заимствованіемъ отъ христіанства ¹³¹). Въ другой — также провинціальной брошюрѣ — о республиканцахъ и сень-симонистахъ — также отдавалась справедливость благородству сень-симонистскихъ намереній, ихъ необыкновенно проникательной критикѣ прошедшаго и предсказывалось благотворное вліяніе ея на католичество и протестанство. Но сень-симонисты вручаютъ слишкомъ много власти личности, не достаточно уважаютъ личную свободу ¹³²). Важнѣе всего, несомнѣнно, указанія на отношенія анфантанства къ сень-симонизму. И уже въ тридцатыхъ годахъ мы, рядомъ съ отождествленіемъ двухъ направленій, встрѣчаемъ рѣзкое разграниченіе. Одинъ авторъ находитъ между сень-симонизмомъ и менильмонтанскимъ апостольствомъ такое же разстояніе, какъ между современной практикой христіанства и божественнымъ ученіемъ Христа. Возвышенная философія Сень-Симона — приговоръ надъ Анфантаномъ ¹³³). Другой критикъ называетъ Сень-Симона только «подстав-

¹³⁰) Особенно характерны *Le Dieu malgré lui ou le club sous le clocher* — (F. E. 680) — о каждомъ рассказъ: „fait historique attesté par les temoins oculaires“ и *Doctrines des Saint-Simoniens en langage intelligible*. Въ Bibl. Nat. — Id 190 — богатое собраніе брошюръ этого рода.

¹³¹) О. с 14, 22, 32.

¹³²) О. с. (Гренобль). 11—3.

¹³³) *Des Saint-Simoniens. Enfantin retribué suivant sa capacité et ses oeuvres*.

вымъ именемъ» для сенъ-симонистовъ—проповѣдниковъ власти мамоны ¹³⁴⁾. Позже во враждебной Сенъ-Симону брошюрѣ настойчиво доказывалось, что Сенъ-Симона строго слѣдуетъ отличать отъ его учениковъ, проповѣдующихъ о свободной женщинѣ ¹³⁵⁾. Въ сороковыхъ годахъ фурьеристы, распространяя свое ученіе, оказывались справедливе своего учителя и неоднократно отмѣчали пропасть, отдѣляющую сенъ-симоновскій сенъ-симонизмъ отъ анфантѣновскаго. Во главѣ шелъ Консидеранъ, отнесшій подавленіе личности на счетъ учениковъ, вообще іерархію и упраздненіе личной собственности ¹³⁶⁾. Другіе анфантѣновскій сенъ-симонизмъ называли «просвѣщеннымъ деспотизмомъ», сектой, усвоившей символъ вѣры за отсутствіемъ научныхъ идей ¹³⁷⁾. Слѣдовательно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ могъ быть установленъ существенный фактъ въ критикѣ сенъ-симонизма—его идейная двойственность,—и эту идею должны были положить въ основу сужденій всѣ позднѣйшіе историки,—такъ же какъ и очень ясно установленную положительную черту вообще виѣ сенъ-симонизма.

Прежде всего протестанты успѣли указать на плоды своей работы въ періодъ единенія. Сенъ-симонизмъ выяснилъ положеніе современнаго общества, опредѣлилъ, какіе вопросы необходимо рѣшить, доказалъ, что бѣдствія массы обусловливаются недостатками не представительной системы, а индустріальной, вообще сорвалъ покровъ съ участи пролетарьята и если не почвинулъ прогресса впередъ,—то установилъ, что ему враждебно и эта критика—драгоценна въ эпоху всеобщей смуты и недоумѣнія ¹³⁸⁾. Сенъ-симонисты выставили на видъ важность *соціальноаго вопроса*—сравнительно съ политическимъ, смыслъ современной борьбы не—между феодальнымъ легитимизмомъ и народнымъ самодержавіемъ, а между *праздностью и трудомъ*. На этой заслугѣ настаиваютъ самц сенъ-симонисты и

I. 32. Авторъ предлагаетъ читателямъ подписаться на цѣлый рядъ брошюръ, опровергающихъ анфантѣнизмъ.

¹³⁴⁾ *Lettre d'un disciple de la science nouvelle aux religionnaires prétendus Saint-Simoniens.* P. 31.

¹³⁵⁾ *Le Fou du Palais Royal.* P. 41. 125.

¹³⁶⁾ *Le Socialisme devant le vieux monde.* P. 48. 34—5.

¹³⁷⁾ Paget. *Introduction à l'étude de la science générale*, посвящ. Консидерану p. 450.

¹³⁸⁾ Reynaud. *De la Société Saint-Simonienne et des causes qui ont amené sa dissolution.* R. Fer. 1830 janv. отд. изд. P. 32. 21—2.

ее признають даже послѣдователи Фурье: Сень-Симонъ ясно видѣлъ начатки новаго буржуазнаго феодализма, не понялъ только всей силы новой эксплуатаціи поработенныхъ классовъ «финансовыми баронами»¹³⁹). Поэтъ Гейне помѣстилъ въ *Авсбургской газетѣ* корреспонденцію, восхвалявшую тотъ же принципъ сень-симонизма, — преобладаніе соціальной задачи надъ политической¹⁴⁰). Достаточно было бы этихъ двухъ заключеній, чтобы заставить изслѣдователей покончить съ впечатлѣніями послѣ анфантѣновской исторіи и поставить вопросъ на историко-философскую почву. Этого не случилось и именно во Франціи явилось сочиненіе, надолго упрочившее старья злободневныя недоразумѣнія.

Книга Рейбо первымъ изданіемъ вышла въ 1840 году, спустя три мѣсяца потребовалось второе и Академія наградила его монтіоновской преміей. Въ докладѣ секретаря восхвалялось «добросовѣстное безпристрастіе», «философское спокойствіе» и стиль автора. Въ книгѣ Рейбо шла рѣчь о трехъ реформаторахъ — Овенѣ, Сень-Симонѣ и Фурье и секретарь Академіи характеризовалъ ихъ однимъ взмахомъ: стремленіе къ немедленнымъ улучшеніямъ, равное распредѣленіе между всѣми членами общества матеріальныхъ благъ, здѣсь же упоминалось «возстановленіе плоти». Секретарь ссылаясь на автора, признававшего главной отрицательной чертой всѣхъ трехъ реформаторовъ: «презрѣніе къ традиціи и безразлично почтительное отношеніе ко всѣмъ страстямъ человѣческимъ». Они желаютъ зачеркнуть прошлое однимъ почеркомъ пера и разнудать всѣ инстинкты. Не менѣе ненавистенъ и коммунизмъ женшингъ. Все это авторъ говорилъ вообще о новаторахъ и читателю трудно было догадаться, чѣмъ отличается сень-симонистское государство отъ овенской общины, вообще ученіе Сень-Симона отъ фурьеризма и анфантѣнизма. Не получалъ читатель разъясненій и послѣ прочтенія самой книги. Рейбо занялся преимущественно послѣдней стадіей сень-симонизма, — отъ *Проповѣдей* до процесса включительно, и притомъ немногія страницы собственно о Сень-Симонѣ отдалъ его біографіи съ выпиской изъ *Параболы* и незначительными выдержками изъ

¹³⁹) *Correspondance* въ F. E. 225 (отчеты о сень-симонистской пропагандѣ въ департаментахъ). р. 10—11. — Ср. *Aux hommes politiques*, Michel chevalier arôtre, 20 ат. 32. F. E. 250.—Paget O. c. 126.

¹⁴⁰) Корресп. приведена въ *N. hist.* VI, 103—8, мартъ 1832.

другихъ произведеній. Ни историческихъ, ни философскихъ, ни социальныхъ идей Сень-Симона не представлено, — тѣмъ болѣе, что важнѣйшія социальныя сочиненія только перечислены — даже безъ общей характеристики ихъ. Въ результатъ — послѣ однодѣльной окраски Сень-Симона съ Овеномъ и Фурье — отождествленіе сень-симонизма съ анфантаннизмомъ: Сень-Симону приписываются «священники» помимо ученыхъ, такъ же какъ раньше революціонный нетерпимый духъ и разнуздываніе страстей и инстинктовъ. О критикѣ сень-симонизма при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи: въ книгѣ не было даже предмета, подлежащаго критикѣ, а только то, что автору казалось необходимымъ для подтвержденія его страха предъ «новымъ рабствомъ». И онъ въ предисловіи къ послѣднему изданію выставилъ на первый планъ опасности, грозящія свободѣ отъ реформаторовъ, гибель «личной инициативы» и «произволь государства»¹⁴¹⁾. За все это приходилось быть отвѣтственнымъ тому мыслителю, который такъ ярко доказывалъ смыслъ исторической традиціи, такъ тщательно выяснялъ значеніе личности въ закономѣрномъ процессѣ и такъ искренне, какъ человекъ и какъ философъ, ненавидѣлъ революціи.

Впервые сень-симонизмъ нашелъ достойнаго критика въ Германіи. Въ 1842 году вышла книга Лоренца Штейна — *Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи*. Фактическія данныя Штейнъ бралъ у Рейбо, но доктрину излагалъ самостоятельно, признавъ философскую часть въ книгѣ Рейбо неудовлетворительной. Къ личности Сень-Симона Штейнъ заявилъ глубокое чувство почтенія: Сень-Симонъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые приносятъ въ жертву внутреннему стремленію своей мысли свое внѣшнее счастье. По мнѣнію Штейна истинное значеніе Сень-Симона въ томъ, что онъ *проводилъ противоположность* двухъ классовъ — *буржуазіи и народа*, необходимость упразднить зависимость несобственника отъ собственника. На его языкѣ это означало — улучшить положеніе бѣднѣйшаго и многочислнѣйшаго класса. Сень-Симонъ, слѣдовательно, первый постигъ идею общества и первый сталъ из-

¹⁴¹⁾ Reybaud. *Etudes sur les Réformateurs ou socialistes modernes*. P. 56. I, О Сень-Симонѣ pp 76—97; о послѣднемъ періодѣ 114—161. Докладъ секретаря, 1—17. 82—8. Въ томъ же духѣ нѣсколько позже написанное сочиненіе Сюдра. Авторъ писалъ подъ впечатлѣніями февральской революціи, считая „долгомъ всѣхъ“ „всеми силами ума и души“ бороться съ разрушительными ученіями. У него Сень-Симонъ, Овенъ и Фурье — представители коммунизма и сень-симонизмъ отождествленъ съ анфантаннизмомъ. Сюдръ также удостоился Монтионовской преміи. *Histoire du communisme*. P. 56 (5 éd). V, VIII, 296—8.

«лѣдовать органической законъ его развитія,—онъ, поэтому, заключаетъ Штейнъ—долженъ быть названъ *первымъ социалистомъ* ¹⁴²⁾».

Выводъ Штейна идетъ дальше старой оцѣнки Сень-Симона. Ее Штейнъ повторяетъ: Сень-Симонъ порвалъ съ метафизическимъ понятіемъ о свободѣ и понялъ ея существенное содержаніе,—и вмѣстѣ съ тѣмъ задачу своего времени, — но у Штейна понятіе буржуазіи не сень-симоновское. Штейнъ буржуазію отождествляетъ съ *собственниками*, а народъ съ *рабочими*. Можно заключить, что сень-симоновская схема классової борьбы ничѣмъ не отличается отъ современной социалистической. Въ дѣйствительности, — мы знаемъ, — Сень-Симонъ, за исключеніемъ единственнаго случая, обходилъ «противоположность» рабочихъ и буржуазіи, какъ капиталистическаго, предпринимательскаго класса и ограничивался «противоположностью» производителей и непроизводителей,—*работниковъ*, а не *рабочихъ* и *праздныхъ*, а не *собственниковъ*. Штейнъ подъ словомъ *социализмъ* разумѣетъ всякую систему индустриальной организаціи, какъ общественнаго строя. Только съ этой точки зрѣнія Сень-Симонъ, признавшій трудъ основой и цѣлью общественной организаціи, отождествившій государство съ ассоціаціей работниковъ, — можетъ быть названъ социалистомъ ¹⁴³⁾.

Штейна, видимо, вводилъ въ заблужденіе имъ же объясненный терминъ. Въ позднѣйшемъ сочиненіи онъ во многомъ воспроизвелъ свои раннія мысли о Сень-Симонѣ, неоднократно повторилъ свой восторгъ предъ его самоотверженіемъ, впервые отиѣтилъ великую заслугу сень-симоновской философіи въ идеѣ эволюціи, снова указалъ, что Сень-Симонъ видѣлъ «грозную противоположность буржуазіи и народа, собственниковъ и рабочихъ», но здѣсь же заявилъ: философъ «ни разу не дошелъ до яснаго представленія, что индустриальный классъ заключаетъ два существенно противоположныхъ класса», онъ проложилъ только путь этому сознанію, не создалъ «стоящаго социализма», а только «посвялъ сѣмена социалистическихъ выводовъ». Это справедливо, но зато и не соответствуетъ опредѣленію социальной мысли Сень-Симона, какъ яснаго констатированія буржуазно-пролетарьятской классової *борьбы* ¹⁴³⁾. Передъ смертью,

¹⁴²⁾ *Socialismus u. Communismus des heutigen Frankreichs*. Leipzig 42. 175, 168—9, 176, 180—1.

¹⁴³⁾ *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*. Leipzig 50. II, 148, 177, 227, 156—7, 168, 178, 170—1.

Впервые, во внѣшней, не симонистской литературѣ указанное направленіе мысли Сень-Симона нашло критика въ лицѣ Ренувье. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ усердно выяснялъ отрицательныя стороны сень-симонизма, придавая ему громадное культурное значеніе. По мнѣнію Ренувье,—сень-симонизмъ «со всѣмъ соприкасается, со всѣмъ связанъ въ современномъ мірѣ». Нѣтъ, можетъ быть, ни одного великаго историческаго и нравственнаго вопроса, который бы не рѣшался девятью человѣками изъ десяти, «средняго образованія», въ духѣ *Организатора* и *Производителя*. Но это вліяніе—безусловно печальное. Сень-Симонъ, «геній неупорядоченный и безнравственный» изъ анализа исторіи вывелъ идею *организации*—во что бы то ни стало, *per fas et nefas* и неумолимую ненависть къ свободѣ, какъ «орудію безпорядка». *Страсть организовать* и *презрѣніе къ свободѣ*, по мнѣнію Ренувье, неизбѣжно уживаются рядомъ во всѣхъ сектахъ, зараженныхъ сень-симоновскимъ духомъ. Сень-Симонъ «послѣдовательно» искалъ основъ организациі въ наукѣ, индустріи и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. По его воззрѣнію, *эволюція* становится на мѣсто *совѣсти*. Истина открывается въ законѣ фактовъ, расположенныхъ рядами, а не въ добрѣ и злѣ, о которомъ судить свободный умъ человѣка. Сень-симонизмъ, слѣдовательно, одновременно упраздняетъ и нравственную и политическую свободу человѣка, стремится къ матеріалистической религіи и неограниченному господству авторитета. Ренувье не допускаетъ мысли, какъ можно къ чисто-физическимъ наукамъ, къ біологіи, приурочить нравственность и политику? ¹⁴⁹).

Одно обвиненіе—въ нравственномъ материализмѣ—Ренувье впоследствии самъ смягчилъ. Онъ нашель, у Сень-Симона ученіе о чувствѣ, какъ силѣ спеціально нравственной, о необходимости управлять господствующимъ эгонистическимъ элементомъ человѣческой природы, доказывать гармонію истинныхъ личныхъ интересовъ и добровольнаго подчиненія личности общему интересу,—и *Новое Христианство* дѣлаетъ только новый шагъ по пути къ основанію чисто-нравственной религіи исключительно во имя культа земныхъ интересовъ ¹⁵⁰). Слѣдовательно,—сень-симоновское историческое толко-

¹⁴⁹) *L'Année philosophique*. P. 63. II, 26—7, 30, 86.

¹⁵⁰) *La critique philosophique*. P. 82. II, 248.

ваніе морали надо понимать какъ законъ, *необходимо* саязввающій личное и соціальное благо, какъ философскую доктрину о всеобщемъ счастьѣ, замѣняющую личныя неустойчивыя представленія о добрѣ и злѣ. И мы знаемъ, какое значеніе Сень-Симонъ придавалъ *филантропическому* чувству,—и вполне послѣдовательно—съ точки зрѣнія своего представленія о значеніи личности въ эволюціонномъ историческомъ процессѣ. И Сень-Симонъ такъ настойчиво говорилъ о нравственномъ значеніи чувства, т.-е. личной совѣсти, что незадолго до Ренувье вызвалъ даже порицаніе за наклонность вообще нравственное ученіе приурочить къ чувству ¹⁵¹⁾. Что касается соображеній Ренувье о непремѣнной гибели свободы рядомъ съ организаціей,—они тождественны съ извѣстнымъ намъ отвращеніемъ философовъ XVIII-го вѣка къ системамъ. Ренувье не различаетъ организаціи; создаваемой на почвѣ историческаго анализа, отъ католичества и феодализма среднихъ вѣковъ. Онъ считаетъ безусловно *призрачнымъ* историческое выведеніе соціальной организаціи и Сень-Симонъ, слѣдовательно, ничѣмъ не отличается отъ католиковъ-реакціонеровъ, въ родѣ Деместра и Бональда ¹⁵²⁾. Эта идея будетъ находить защитниковъ до самаго конца XIX-го вѣка,—и всему виной реабилитація среднихъ вѣковъ у Сень-Симона и его уваженіе къ реакціоннымъ писателямъ. Ренувье убѣжденъ, что для Сень-Симона вообще организація — положительное прогрессивное явленіе — «независимо отъ истинности и нравственнаго достоинства организующихся идей». Только «авторитарныя страсти» могли внушить такую идею Сень-Симону и его ученикамъ ¹⁵³⁾. Можно подумать,—Ренувье не читалъ ни сочиненій Сень-Симона, ни сень-симонистской литературы. Естественно ли было, послѣ извѣстной намъ сень-симоновской характеристики среднихъ вѣковъ, какъ одного изъ звеньевъ эволюціи, открыть у философа *безусловное* преклоненіе предъ средними вѣками? Это противорѣчило бы самой сущности *эволюціи* и Сень-Симонъ тщательно достоинства средневѣковой организаціи вдвигалъ въ историческіе предѣлы, за которыми эта организація являлась *злоупотребленіемъ* и *эксплуатаціей*. Здѣсь лежала коренная разница между воззрѣ-

¹⁵¹⁾ Lemonnier. *Revue des cours littéraires*: 11 juin 64. 377..

¹⁵²⁾ *La crit. phil.* Ib. 300.

¹⁵³⁾ *La crit. phil.* 1882. I, 344.

ніями Сень-Симона—*эволюціониста* и Деместра—*реакціонера*, дѣйствительно считавшаго средневѣковую организацію самодовлѣющей. На сочиненія реакціонеровъ сень-симонисты ссылались такъ же какъ и на идеи Кондорсе: реакціонеры понимали значеніе среднихъ вѣковъ, — только ошибочно превращали его въ безусловное изъ временнаго, Кондорсе вѣрвали въ прогрессъ, — но также ошибочно считали его прерывающеюся цѣпью *прогрессивныхъ періодовъ*, снѣняемыхъ *реакціонными* или *неподвижными*. Повидимому, — такъ ясна идея философа и все-таки столько недоразумѣній вызвано ею у первостепенныхъ знатоковъ философіи и исторіи! Наконецъ, — Сень-Симонъ и за нимъ его ученики, безъ всякаго вмѣшательства «авторитарныхъ страстей», объяснили культурное превосходство среднихъ вѣковъ надъ классической древностью. Ренувье находитъ возможнымъ «царство умственной свободы», очевидное для него въ Греко-римскомъ мирѣ съ его рабствомъ и исторіями Сократа, Анаксагора, «гермакопидовъ», — противопоставить «католической теократіи и феодализму». Мы знаемъ, — вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ подобное классически-элементарное рѣшеніе.

Въ одножъ отношеніи критика Ренувье—цѣлесообразна, — именно противъ стадій. Но здѣсь дѣло идетъ больше о контизмѣ, чѣмъ сень-симонизмѣ и самое существенное возраженіе Ренувье—о томъ, что теологическій и метафизическій элементъ не исчезаетъ и въ позитивной стадіи, — мы знаемъ, предвосхищено сень-симонистами¹⁵⁴⁾ Ренувье, особенно усердно нападая на стремленіе сень-симоновской школы къ позитивной научности и даже несправедливо приписывая Сень-Симону матеріализацію морали, упустилъ изъ виду важный и давно указанный во французской литературѣ фактъ: сень-симонисты первые въ области науки стали искать средство противъ паунизма¹⁵⁵⁾.

¹⁵⁴⁾ *L'Année philos.* 34—5.

¹⁵⁵⁾ Thonissen. *Le socialisme depuis l'antiquité*. P. 52 II, 2. У автора встрѣчаются нѣкоторыя историческія неточности, — напримѣръ будто «революція разбила военную карьеру» (Сень-Симона, *оба верховныхъ отца* будто послѣ разсѣянія церкви «принялись за индустрію и коммерцію» между тѣмъ какъ Базаръ не былъ *верховнымъ отцомъ* и умеръ до разсѣянія семьи. Среди учениковъ Сень-Симона названъ Арманъ Каррель и не поименованъ Контъ. Pp. 4, 6, 34.

IX.

При всѣхъ недостаткахъ критика Ренувье надолго водворилась среди французскихъ писателей. Стало обычнымъ весь сенъ-симонизмъ обвинять въ презрѣннн къ человѣческой личности, въ крайнемъ сенсуалистическомъ направленіи — вплоть до общенія женщинъ ¹⁵⁶). Не всѣ идутъ столь рѣшительнымъ путемъ, встрѣчаются оговорки и разграниченія, — но мимоходныя и не обоснованныя анализомъ сенъ-симонизма и анфантѣнизма. Жанэ, авторъ одного изъ талантливейшихъ обзорѣннй сенъ-симонистскаго ученія, — чрезвычайно рѣзко отзываясь объ Анфантѣнѣ, называетъ его доктрину «религіозной проституціей», «чувственнымъ и сладострастнымъ мистицизмомъ», указываетъ, что самъ Сенъ-Симонъ никогда и не помышлялъ устанавливать догмата церкви и священства. Указаніе — справедливое, если имѣть въ виду догматы и священство въ анфантѣновскомъ смыслѣ, — но не точное, если подъ догматомъ разумѣть общеобязательную научнымъ путемъ добытую доктрину, а подъ священствомъ — коллегію лицъ, облеченныхъ высшимъ философскимъ и нравственнымъ авторитетомъ, на основахъ той же доктрины. Жанэ не вчитался внимательно въ сочиненія Сенъ-Симона и не прослѣдилъ догматической, религіозной струи его идей: иначе онъ не сталъ бы утверждать, будто Сенъ-Симонъ въ *Новомъ Христіанствѣ въ первый разъ* заговорилъ о Богѣ. Не точно и мнѣніе, будто Сенъ-Симонъ «никогда не подозрѣвалъ антагонизма класса владѣльцевъ и класса рабочихъ, — изъ чего позже создали одинъ изъ догматовъ социализма» ¹⁵⁷).

Выше этихъ оцѣнокъ сенъ-симонизма стоитъ болѣе ранній разборъ Дюринга. Дюрингъ первый, внѣ сенъ-симонистской школы, сопоставилъ философію Конта съ идеями Сенъ-Симона. У него былъ предшественникъ въ лицѣ англійскаго писателя Бутса: уже Бутсъ пришелъ къ убѣжденію, что Контъ многимъ обязанъ Сенъ-Симону ¹⁵⁸). Это являлось несомнѣннымъ на основаніи собственныхъ заявленій Конта, — но Дюрингъ показалъ, чего Контъ не усвоилъ и не могъ усвоить отъ Сенъ-Симона и что по существу сенъ-симонизмъ ста-

¹⁵⁶) Ferraz *Etude sur la philosophie en France au XIX siècle*. P. 77, 80—1,

¹⁵⁷) Janet. *Saint-Simon et le saint-simonisme*. P. 78, 142, 151, 69, 68, 68. На религиозность раннихъ сочиненій Сенъ-Симона гораздо позже обратилъ вниманіе Adam: *La Philosophie en France*. P. 94. 288—9.

¹⁵⁸) Booth. *Saint-Simon and saint-simonism*. London 1871. 78—9.

вило выше контизма. Главное завоеваніе Сень-Симона — соціально-политическая концепція исторіи на почвѣ физико-политической науки. Онъ центромъ тяжести политическихъ формъ призналъ хозяйственный элементъ общества, — въ этомъ рѣшительное значеніе его философіи. Контъ сузилъ наслѣдство учителя, и его работы, по мнѣнію Дюринга, въ соціальной наукѣ представляютъ второстепенный интересъ и совершенно безразличны для экономическихъ вопросовъ. Дюрингъ отдѣляетъ Сень-Симона и отъ Анфантэна и его именно считаетъ «наиболѣе рациональнымъ представителемъ соціальныхъ идей ранняго періода»: даже для современныхъ построений его основная идея сохраняетъ свое руководящее значеніе. Сень-Симонъ — не социалистъ въ современномъ смыслѣ, онъ не признаетъ «рѣзкой противоположности труда и капитала», — и Дюрингъ объясняетъ — почему: разрывъ между классами не подходилъ «мягкому міровоззрѣнію» Сень-Симона, жизнь философа была запечатлѣна преимущественно терпѣніемъ, въ его время не было мѣста дѣйствию ¹⁵⁹⁾.

Догадка на счетъ терпѣнія не оправдывается сочиненіями Сень-Симона, на сколько вопросъ касается идей и многочисленныхъ, чрезвычайно стремительныхъ плановъ соціальной реформы. Причина кроется не въ симпатической, а въ политической чертѣ характера Сень-Симона. Не понимаетъ Дюрингъ и другихъ фактовъ сень-симоновскаго воззрѣнія. Неизвѣстно, почему *всякій* долженъ считать патологическимъ явленіемъ голоданіе философа и въ то же время оплачиваніе переписки сочиненій. Ничего нѣтъ патологическаго и въ *Новомъ Христіанствѣ*, гдѣ Дюрингъ просмотрѣлъ позитивно-критическое и соціальное содержаніе и составилъ совершенно ошибочное представленіе о Сень-Симонѣ, какъ натурѣ построенной на аффектѣ самоотверженія и терпѣнія ¹⁶⁰⁾.

Позднѣйшія сочиненія нѣмецкихъ критиковъ не свидѣтельствовали о болѣе точномъ изученіи сень-симонизма. Въ девяностыхъ годахъ нѣмецкій писатель утверждалъ, что, по мнѣнію Сень-Симона, борьба свободнаго труда и науки противъ теократіи и феодализма *началась въ XVI вѣкѣ*, Конта причислялъ къ числу *отреченныхъ* Сень-

¹⁵⁹⁾ *Kritische Geschichte des Nationalökonomie und des Socialismus*. Berlin 71. 214, 237, 245, 250, 251, 257, 262,—3, 242—3.

¹⁶⁰⁾ *O. c.* 242—3.

Симону, самого Сень-Симона называли «добрым христіаниномъ, только врагомъ духовенства», *Параболу* опровергали тѣми соображеніями, что внезапная смерть *Мазарини, Ришеле, Кромвеля, Камбера, Фридриха Великаго* и *подобныхъ людей*—большая утрата, а идею Сень-Симона объ индустриальномъ представительствѣ критиковали ссылкой на неохоту купцовъ, фабрикантовъ, банкировъ и ремесленниковъ—тратить время на парламентскую дѣятельность. Рядомъ — совершенно фантастическое представленіе о Базарѣ, какъ о творцѣ сень-симонистскаго социализма, всѣхъ теорій въ *Изложеніи доктрины* и даже—религій. Все это можно было утверждать при полномъ незнакомствѣ съ подлинной исторіей сень-симонизма ¹⁶¹⁾.

Другой авторъ, оцѣнивая корни сень-симоновской философіи, считаетъ ее почти тождественной съ исторической философіей Кондорсе. Авторъ не подозреваетъ существеннаго отличія *эволюціи* Сень-Симона отъ *прогрессовъ* Кондорсе и признаетъ только «отдѣльные пункты», разные у того и другого философа, напримѣръ, сужденіе о среднихъ вѣкахъ. Для автора это сужденіе — «геніально», но не постижимо, какъ *логическій* результатъ цѣльнаго міровоззрѣнія, въ самой основѣ столь же далекаго отъ идей Кондорсе какъ и отъ ученія Деместра. Въ противоположность Дюрингу, авторъ придаетъ господствующее значеніе религиознымъ чувствамъ Сень-Симона и считаетъ его «первымъ представителемъ новаго христіанскаго социализма» ¹⁶²⁾. Въ доказательство авторъ приводитъ вкратцѣ воззрѣнія протестантскихъ и католическихъ социалистовъ въ Германіи и совершенно не касается христіанскаго социализма во Франціи, хотя здѣсь онъ возникъ раньше другихъ странъ, въ эпоху революціи, когда сопоставленіе революціонныхъ идей въ евангельскихъ было весьма обычнымъ пріемомъ — объяснять и оправдывать революцію и когда демуленовское наименованіе Христа «добрымъ санкилотомъ» находило отголосокъ и за предѣлами радикальной партіи. Если у Сень-Симона открывать христіанскаго социализма,—необходимо вспомнить о французскихъ начаткахъ этого ученія. Но и это сопоставленіе такъ же безцѣльно, какъ и параллели съ новымъ христіанскимъ социализ-

¹⁶¹⁾ Warschauer. *Geschichte des socialismus und neuren Communismus*. Leipzig 92. I, 19, 42, 48—9.

¹⁶²⁾ Weisengrün. *Die Wissenschaftlichen Ideen Saint-Simons*. Basel 95. 75 — 6, 88—93, 96.

момъ. Этотъ социализмъ ничто иное какъ чистая филантропія, согласованная съ капитализмомъ—для богатыхъ, съ ученіемъ о высшихъ благахъ внѣ-земли—для бѣдныхъ и, наконецъ, съ вѣроисповѣднымъ догматизмомъ. Крайнія мѣры этого социализма—максимумъ доходовъ съ капитала и максимумъ заработной платы при условіи нормированнаго рабочаго дня ¹⁶³⁾. У Сенъ-Симона все христіанство ограничивается усвоеніемъ принципа любви къ ближнимъ, вмѣняющагося въ своихъ практическихъ приложеніяхъ сообразно съ уровнемъ цивилизаціи. Этотъ принципъ совпадаетъ съ закономъ ассоціаціи, удостовереннымъ исторической философійю,—и потому онъ признается божественнымъ,—возрѣніе, не имѣющее ничего общаго съ исходной точкой церковнаго социализма и возможное только въ *Новомъ христіанствѣ* Сенъ-Симона. И самъ авторъ въ индустриализмѣ Сенъ-Симона признаетъ «тенденцію къ совершенному перевороту общества», за что Сенъ-Симона можно назвать *первымъ социалистомъ*, а не только филантропомъ: ничего подобнаго нельзя сказать о христіанскихъ социалистахъ. Правда авторъ этого «нерваго социалиста» не считаетъ социаль—демократомъ новаго времени и ссылается на Энгельса, называющаго Сенъ-Симона, Овена и Фурье утопистами, лишь косвенно подготовившими демократическій социализмъ ¹⁶⁴⁾. Но и при такомъ ограниченіи христіанскіе социалисты не согласятся быть въ одномъ строю съ авторомъ *Новаго Христіанства*.

Эти мысли высказывались годъ спустя послѣ выхода во Франціи лучшаго труда о Сенъ-Симонѣ,—книги Вейлля. Это—первый авторъ, пользовавшійся всѣми произведеніями философа и матеріаломъ анфантеновской бібліотеки. Впервые онъ разобралъ раннія произведенія Сенъ-Симона, остановился на его личныхъ отношеніяхъ съ Тьерри Контомъ, привелъ его идеи въ связь съ современнымъ социально-экономическимъ движеніемъ. Последній вопросъ требовалъ болѣе тщательнаго анализа,—такъ же какъ и зависимость философій Конта отъ идей Сенъ-Симона: послѣ разсужденій Вейлля основное различіе точекъ зрѣнія экономистовъ и Сенъ-Симона и побудительная причина вражды Конта остаются невыясненными. Но за то Вейллъ впервые указалъ на связь ученія Маркса съ сенъ-симоновскимъ, принципа

¹⁶³⁾ Cp. Stegmann und Hugo. *Handbuch des Socialismus*. Zürich 97, 114—9.

¹⁶⁴⁾ Weisengrün. 85.

сень-симонистовъ о вознагражденіи по способностямъ и трудамъ—съ наследствомъ учителя. Требовала оговорки идея Сень-Симона о власти богатыхъ индустриаловъ въ ассоціаціяхъ: Сень-Симонъ, мы знаемъ, настойчиво доказывалъ способность пролетаріевъ управлять собственностью и, надо полагать, не считалъ крупной индустріи рассадникомъ приращенныхъ руководителей ассоціаціи. Неумѣстно и выраженіе «аристократическій» объ идеалѣ Сень-Симона. Намъ извѣстно, — Сень-Симонъ характеризуетъ — поступательное движеніе эволюціи развитіемъ *плебейскаго* труда и преобладаніемъ *плебейскихъ* способностей, — и самая сущность ученія о замѣнѣ *властей способностями* и о соотвѣтствіи богатства и общественнаго положенія личному труду и таланту — нуждается въ другомъ наименованіи, чѣмъ старое понятіе аристократизма. Что касается указываемаго Вейллемъ отвращенія Сень-Симона къ *турецкому* равенству, — это чувство гораздо больше характеризуетъ демократа, чѣмъ аристократа. Наконецъ, обращеніе къ банкирамъ Сень-Симонъ вполнѣ объяснилъ удовлетворительно: крупные индустриалы — единственная независимая сила, способная при извѣстныхъ культурныхъ условіяхъ работать въ интересахъ индустриальнаго прогресса и, слѣдовательно, массы, такъ какъ, по неизмѣнному убѣжденію Сень-Симона, благополучіе индустріи и ея представителей неразрывно связано съ благосостояніемъ массы. Съ теченіемъ времени, когда рабочіе стануть *sociétaires* ассоціаціи, — Лафитты утратятъ свое исключительное значеніе ¹⁶⁵⁾.

Въ исторіи сень-симонизма того же Вейлля два существенныхъ возраженія направлены на идеи школы: исторія не такъ научна, какъ полагаютъ сень-симонисты, законъ прогресса не заслуживаетъ культа, и сень-симонистскій планъ грозитъ странѣ китайскимъ оцѣпенѣніемъ ¹⁶⁶⁾. Относительно научности исторіи, — мы знаемъ, сень-симонисты вообще во *всякой* наукѣ оставляли обширное поле гипотезъ, вѣрѣ и, слѣдовательно, исторію вовсе не считали кладеземъ математическихъ законовъ. Насчетъ прогресса Вейлля упустилъ изъ виду, что Сень-Симонъ, возражая Кондорсе, сдѣлалъ именно то самое замѣчаніе, какое дѣлаетъ авторъ: не все совершенствуется и улучшается, прогрессъ въ одномъ отношеніи сопровождается регрессомъ —

¹⁶⁵⁾ *Saint-Simon et son oeuvre*. P. 94, 229, 233—9.

¹⁶⁶⁾ *L'école saint-simonienne*. P. 96. II, 292—6.

въ другомъ,—напримѣръ пониженіе художественной талантливости со временъ Гомера и Фидія. Наконецъ,—говорить сень-симонистамъ о Китаѣ—значитъ вызвать у нихъ самое простое напоминаніе, что ихъ іерархія основана на *способностяхъ* и *трудахъ*,—силахъ, совершающихъ въ обществѣ вѣчное передвиженіе. Относительно ошибокъ своего «главы»,—они, мы видѣли, предупредили критика. Вообще въ теоріи сень-симонисты отнюдь не изображали Китая, — именно боролись противъ китаизма привилегій и предрасудковъ и слѣдуетъ отличать ихъ философію авторитета въ періодъ *Изложенія доктрины* отъ анфантанізма.

Другой авторъ — Шарлети — также широко пользовался сень-симонистскимъ матеріаломъ и также было вздумалъ объявить Сень-Симона родоначальникомъ новаго социалистическаго деспотизма,—но немедленно вспомнилъ о распредѣлительной справедливости сень-симонистовъ и призналъ, что «сень-симонизмъ не подавляетъ личности, а дисциплинируетъ ее». Шарлети, при удовлетворительномъ историческомъ обзорѣ сень-симонизма, не избѣгаетъ крупнаго недоразумѣнія касательно основнаго сень-симонистскаго ученія: сень-симонисты будто идею прогресса заимствовали у XVIII-го вѣка. Мы видимъ,—отношеніе Сень-Симона къ реакціонерамъ и къ Кондорсе выясняется для критиковъ съ большимъ трудомъ при всей ясности вопроса у самаго философа¹⁶⁷⁾.

Книги Вейлля и Шарлети явились лучшими и наиболѣе полными оцѣнками сень-симонизма, но онѣ не могли предупредить такихъ произведеній, какъ глава Мишеля въ его сочиненіи *Идея государства* и статья Фаге. Мишель прежде всего счелъ слишкомъ затруднительнымъ ознакомиться съ сочиненіями Сень-Симона по болѣе полному изданію и ограничился *Избранными сочиненіями* и отрывками въ изданіи Родрига. Но и этотъ матеріалъ оцѣненъ большей частью чужими словами,—преимущественно Ренувье. У него Мишель заимствовала буквально мысль о неразрывности стремленій къ организаціи съ гибелью свободы, о зависимости взглядовъ Сень-Симона на революцію отъ идей реакціонеровъ. Контисты дали вполне готовую характеристику неустойчивости политическихъ сочувствій Сень-Симона: онъ льстилъ императору, провозглашалъ парламентарный строй, носился

¹⁶⁷⁾ Charlety. *Histoire du Saint-Simonisme*. P. 96, 462, 466.

съ самыми восторженными легитимистскими чувствами. Автору неизвестна связь всѣхъ этихъ заявленій Сень-Симона съ его философией. Онъ не знаетъ, *когда и во имя чего* Сень-Симонъ льстилъ императору и почему тотъ же льстецъ могъ написать тому же императору письмо, признаваемое нѣмецкимъ авторомъ за «документъ безсмертнаго величія», достойный, «не только благороднаго человека, но и великаго борца»¹⁶⁸). Не понимаетъ Мишель и отношенія Сень-Симона къ парламентарному строю и къ Бурбонамъ, потому что не читалъ его публицистическихъ статей и *Индустрии* и знаетъ только незначительную часть *Индустриальной системы*. Ему кажется, будто у Сень-Симона не ясно, что онъ разумѣлъ подъ именемъ индустрии и индустриальнаго класса,— послѣ того, какъ Сень-Симонъ во второй періодъ дѣятельности только и занимался выясненіемъ этихъ вопросовъ. Но именно изъ этого періода *Избранныя сочиненія* перепечатали только отрывки и по нимъ Мишель восстанавливалъ социальное ученіе Сень-Симона. Осталось Мишелю неизвѣстнымъ и ученіе Сень-Симона о личности: будто бы она не имѣетъ никакой цѣны и даже никакого нравственнаго значенія. Авторъ могъ бы спросить у себя, зачѣмъ тогда Сень-Симонъ сочиняетъ «обращеніе къ филантропамъ», напечатанное въ *Избранныхъ сочиненіяхъ*? Совершенно непостижимымъ осталось для автора и ученіе Сень-Симона о нравственномъ смыслѣ исторической эволюціи. Мишель представляетъ, будто Сень-Симонъ требовалъ власти для индустриаловъ только потому что она обойдется дешевле. Авторъ не читалъ тѣхъ страницъ *Индустриальной системы*, гдѣ доказывается историческая законность индустриальнаго строя и исторически-выросшая правительственная правоспособность индустриаловъ. Власть принадлежитъ тому, кто съ наибольшей пользой для общества можетъ осуществлять её: «всякое политическое учрежденіе черпаетъ свои силы въ услугахъ, которыя оно оказываетъ большинству общества, слѣдовательно бѣднѣйшему классу». Это и есть «позитивная способность» и позитивная справедливость въ противоположность метафизической, основанной на принципѣ отвлеченнаго равенства. Но Мишелю это представляется полнымъ отрицаніемъ идей права и справедливости, т.-е. — прибавляетъ онъ — *Декларации правъ*. Мы знаемъ, что означала въ

¹⁶⁸) Weisengrün. 97.

глазахъ Сень-Симона такая политика справедливости, — но Мишелю остались невѣдомыми мысли философа о метафизической политикѣ, годной для критики и разрушенія, и о позитивной — единственно созидающей? Объ этомъ основномъ возрѣнїи всей школы Мишель даже не упоминаетъ, хотя о немъ говорятъ почти всѣ его предшественники. Мишель въ 1896 году сохраняетъ неприкосновенность возрѣнїи 1789 года. Естественно, авторъ вноситъ путаницу въ отношенія сень-симонистовъ къ реакціонерамъ. По его мнѣнїю, сень-симонисты не проповѣдовали просто католичества только потому, что оно унижало плоть: въ этомъ и вся равница ихъ ученія отъ католическаго. И здѣсь не только невѣдѣнїе, но и удивительное непониманіе, или завѣдомое извращеніе истины. Мишель ссылается на письма Евгенія Родрига и именно эти ссылки — противъ него. Въ одной прямо указывается на различіе психологїи Деместра и сень-симонистовъ, въ другой принимается извѣстная надежда Деместра на будущій союзъ религїи и науки, т.-е. отнюдь не реакціонно-католическая, въ третьей — рѣчь идетъ о культурныхъ заслугахъ христіанства. Мы знаемъ, — эти заслуги именно съ эволюціонной точки зрѣнїя были громадны, но *исторически-ограниченны* и здѣсь начиналась пропасть между реакціонерами и сень-симонистами. Намъ извѣстно, еще въ эпоху *Производителя* сень-симонисты выясняли этотъ вопросъ, — Мишель прошелъ мимо. Въ результатѣ вся глава одно изъ рѣдкостныхъ недоразумѣнїй, съ удивительной откровенностью построенное на невѣдѣнїи самого предмета критики ¹⁶⁹).

Достойный соревнователь Мишеля — Фаге. Въ качествѣ публициста онъ постарался нарисовать фигуру Сень-Симона возможно кричащими красками. Сень-Симонъ противникъ либерализма: таково основное положеніе, — изъ него вытекаютъ всѣ прочія: Сень-Симонъ врагъ свободы, слѣдовательно, — «глубоко аристократиченъ», не очень далекъ отъ «феодала-филантропа», идею прогресса онъ заимствовалъ у XVIII-го вѣка, но идея новой религїи и особенно духовной власти — его личное изобрѣтеніе: ни у одного мыслителя XVIII-го вѣка ея не было. Въ идеѣ духовной власти — истинная оригинальность

¹⁶⁹) *L'Idée de l'Etat*. P. 96. 178—9, 181—8, 191—4, 205—211. Мишель безъ всякой оговорки повторяетъ мнѣнїе Дюпюае о принадлежности Американскихъ писемъ Maignien'у. несмотря на фактическую невѣроятность мнѣнїя, указанную еще Вейллемъ О. с. 115.

Сень-Симона,—и онъ мечталъ въ сущности о реставраціи. Что касается социальныхъ идей Сень-Симона—это элементарный, дѣтскій социализмъ, хотя «всѣ социалистическія школы имѣютъ основаніе опираться на нѣкоторыя страницы Сень-Симона», хотя онъ «соціалистъ по своимъ отрицаніямъ и нѣкоторымъ тенденціямъ», и хотя онъ «очень мужественное сердце, очень оригинальный умъ, человекъ—мощной личности, носящій сѣмена будущаго въ своемъ духѣ». И все это при феодальной филантропіи и элементарныхъ идеяхъ! ¹⁷⁰⁾.

Одновременно съ произведеніями Мишеля и Фаге въ Германіи о Сень-Симонѣ писали Людвигъ Штейнъ и Бартъ. Превосходная по формѣ,—книга Штейна не отличается вдумчивостью сужденій. Штейнъ быстро смѣшиваетъ сень-симонистскихъ индустриаловъ съ рабочими, буржуа—вообще съ представителями капитала,—и индустриализмъ отождествляетъ съ социализмомъ. Вообще Сень-Симонъ «блистательно возвѣстилъ социалистическое движеніе» и сталъ поборникомъ государственнаго социализма. Это—самая высокая оцѣнка Сень-Симона, какъ социалиста и,—оставлена безъ доказательствъ ¹⁷¹⁾.

Бартъ говоритъ о Сень-Симонѣ только какъ о философѣ исторіи. Онъ точно передаетъ смыслъ ученія философа о доктринѣ, о союзѣ позитивной науки съ индустріей,—но его представленія объ идеяхъ XVIII вѣка въ ихъ связи съ сень-симонизмомъ обнаруживаютъ удивительный пробѣлъ. По поводу такого, напримѣръ, факта, какъ схема стадій у Тюрго, Бартъ ссылается на англійское сочиненіе, а не на подлинный текстъ Тюрго. А идеи Кондорсе, по его мнѣнію, Сень-Симонъ будто «отчасти развиваетъ въ подробностяхъ», между тѣмъ какъ слѣдовало указать на глубокое различіе философско-историческихъ точекъ зрѣнія обоихъ философовъ. Вообще знакомство автора съ сень-симонистскою литературой, даже съ произведеніями Сень-Симона неудовлетворительно. Бартъ поступилъ обратно Мишелю,—читалъ *Oeuvres* и не имѣлъ подъ руками *Oeuvres choisies*, т.-е. важнѣйшихъ чисто-философскихъ разсужденій Сень-Симона,—и ему осталось съ неизвѣстной сень-симоновскою критика идей Кондорсе, такъ

¹⁷⁰⁾ *Politiques et moralistes du XIX s.* 2 série. P. 98. 31 9, 41—2. Слѣдуетъ заметить, что авторъ вообще отличается неожиданностью мыслей. Напримѣръ въ статьѣ о революціонной Франціи онъ увѣрялъ, что на cahiers не оказали никакаго вліянія идеи Монтескье, Руссо и другихъ философовъ. *Revue politique et littéraire*. 6 oct. 97.

¹⁷¹⁾ Ludwig Stein *Die Soziale Frage*. Stuttgart. 97. 336—7, 426, 773.

какъ онъ не читалъ *Введенія къ научнымъ работамъ XIX вѣка*. Онъ полагаетъ, что выраженія «пролетаріатъ» и «буржуазія» какъ противоположности стали употреблять лишь Адольфъ Бланки около 1838 года: мы знаемъ, — *Propositi* сопоставляютъ «*prolétaires*» и «*l'oisive bourgeoisie*» — въ смыслѣ представителей труда и капитала. Наконецъ Бартъ укоряетъ Сень-Симона за то, что онъ не показалъ связи между теологіей и феодализмомъ. Мы видѣли причину: *ограниченной* связи, какую ищетъ Бартъ, здѣсь не существуетъ: напротивъ: изъ сень-симонистскаго воззрѣнія вытекаетъ другая — не контовская — группировка культурныхъ явленій, еще ярче намѣченная сень-симонистами. Барту слѣдовало почувствовать, что *единство* въ формѣ, усвоенной Кантомъ, — искусственное и обратить вниманіе, до какой степени насильственно оно проведено у Конта, — на что отчасти также указали сень-симонисты. Очень цѣнно у Барта сопоставленіе сень-симонизма съ ученіемъ Маркса. Источникъ такъ-называемаго историческаго матеріализма у Сень-Симона былъ отмѣченъ раньше, — Бартъ показалъ вообще отсутствіе оригинальности въ социальныхъ идеяхъ Маркса, — за исключеніемъ систематизаціи ихъ съ извѣстной тенденціей. Эта тенденція заключается въ упраздненіи самостоятельности идейнаго ряда, подчиненія его индустриальному и въ сведеніи индустриальнаго къ принципу технологическаго прогресса. Изъ двухъ великихъ открытій Маркса, выставляемыхъ на видъ Энгельсомъ, — матеріалистическое пониманіе исторіи и теорія прибавочной цѣнности — одного не существуетъ въ виду болѣе ранней исторической философіи Сень-Симона. Бартъ остается при убѣжденіи, что въ воззрѣніяхъ Сень-Симона на историческій процессъ осталась двойственность, т.-е. параллельное существованіе двухъ самостоятельныхъ рядовъ — идейнаго и индустриальнаго, — только для послѣдней стадіи установлена связь индустрии и науки. Почему же эта связь отсутствуетъ для предыдущей феодально-теологической стадіи? Преемникамъ Сень-Симона приходилось искать единства во что бы то ни стало и они разрѣшили задачу наиболѣе простымъ способомъ, подчиняя одинъ рядъ другому: Контъ — индустриальной идейному, а Луи Бланъ и Марксъ — наоборотъ. Не существуетъ ли другого пути къ единству, — Бартъ не спрашиваетъ и не отдаетъ себѣ точнаго отчета въ *индустриализмъ* Сень-Симона. Въ результатѣ критикъ, примирившійся съ своимъ невѣдѣніемъ основнаго сочине-

нія Сень-Симона по філософії історіи, — не могъ дать исчерпывающаго представленія даже объ одной избранной имъ сторонѣ сень-симоновскаго ученія. Бартъ ссылается на *Избранныя сочиненія* по книгѣ Мишеля. Такимъ образомъ два новѣйшихъ критика сень-симонизма не нашли нужнымъ выполнить элементарный долгъ предъ критикуемымъ писателемъ — прочесть его произведенія. Но у Барта находился въ распоряженіи все-таки болѣе обширный матеріаль и его параллель между сень-симонизмомъ и современной соціало-демократической теоріей слѣдуетъ считать приобрѣтеніемъ въ литературѣ о Сень-Симонѣ¹¹²⁾. Во всякомъ случаѣ — всестороннее изученіе сень-симонизма — вопросъ будущаго и на основаніи разобранной литературы можно заключить, до какой степени этотъ вопросъ долженъ быть поучительнымъ для самыхъ живыхъ современныхъ явленій — чисто-філософскихъ и соціальныхъ.

Намъ остается подвести выяснившіеся итоги и установить на основаніи ихъ общее заключеніе.

X.

Начало и развитіе сень-симонистскаго ученія сопровождалось условіями двойственнаго характера: въ личности основателя лежалъ отрицательный, неблагоприятный моментъ, въ исторической атмосферѣ, напротивъ, жилъ прочный залогъ успѣховъ доктрины. Въ то время, когда Сень-Симонъ своей жизнью и своеобразными чертами своей личности могъ въ сильной степени подрывать довѣріе и даже серьезное отношеніе къ своей мысли, — эта именно мысль по своей сущности соотвѣтствовала неуклонно развивавшемуся духу эпохи, — и экзальтированная натура философа успѣла глубоко воспринять этотъ духъ и воплотить его въ идеяхъ, нерѣдко отрывочныхъ, смутныхъ, неудовлетворительно выраженныхъ, но всегда вѣрныхъ эпохѣ и въ общемъ послѣдовательныхъ. Эпоха искала міросозерцанія, — и послѣ разложенія стараго церковно-религіознаго воззрѣнія, — видѣла единственный путь къ нему, — науку; анализу человѣческихъ знаній предстояло опредѣлять новыя отношенія чело-вѣка къ обществу и къ міру. Сень-Симонъ вступилъ именно на

¹¹²⁾ Бартъ. *Философія історіи какъ соціологія* Спб. 1900. (по вѣм. 1897). 21—25, 291, 326 (ср. *Prédic.* III, 110), 325, 327—330.

этотъ путь, особенно ярко намѣченный революціоннымъ умственнымъ движеніемъ. То же самое движеніе произвело не только смѣну міросозерцаній въ области философскаго развитія, но и закончило перестановку общественныхъ силъ въ области матеріальной эволюціи. *Личный свободный трудъ*—умственный и промышленный—какъ господствующая и управляющая сила—характеризовалъ переходъ отъ стараго догматическаго и привилегированнаго строя къ новому—научно-ислѣдовательскому и лично-производительному. И Сень-Симонъ полагаетъ въ основу своей философіи понятія *положительнаго философа* и *свободнаго производителя, науки* и *индустрии*. Въ этомъ рѣшеніи заключалось то, что можно назвать сень-симоновскимъ открытіемъ,—и современность, интуитивно понятая въ своемъ смыслѣ экзальтированнымъ наблюдателемъ, была непосредственной виновницей его философскаго *вдохновенія*. За нимъ послѣдовало *удостовереніе*, историческій анализъ, приведшій мысль къ необходимости—свести движеніе цивилизаціи къ двумъ рядамъ—философскому и индустіальному. Но та же мысль не могла остановиться на двойственности культурнаго прогресса, она требовала *единства* эволюціонныхъ силъ и Сень-Симонъ глубоко чувствовалъ потребность въ этомъ единствѣ,—и не могъ открыть его, но косвенно указалъ путь къ нему.

Та же самая интуиція, которая открыла Сень-Симону основы новой стадіи эволюціи,—освѣтила ему краснорѣчивымъ свѣтомъ—вообще характеръ всѣхъ стадій: мысли наблюдателя необходимо было сдѣлать только самое простое, ближайшее обобщеніе. Критическая философія XVIII-го вѣка не переставала заявлять о своей враждѣ противъ *системъ*,—революція различными путями—и чувствительно-догматическимъ и научно-обобщающимъ—стремилась возстановить не только философскую, но и нравственную и политическую *доктрину*, т. е. *систему*. Слѣдовательно, на глазахъ наблюдателя происходила смѣна разрушенія—созиданіемъ, критики организаціей. И для этого вывода послѣдовалъ анализъ такъ же какъ и для опредѣленія стихій исторической эволюціи.

Смыслъ переживаемой дѣйствительности привелъ Сень-Симона къ двумъ умозаключеніямъ: вся исторія цивилизаціи представляетъ періодическую смѣну критическихъ и органическихъ эпохъ, въ свою очередь каждая эпоха представляетъ ту или другую стадію идейной и индустріальной эволюціи, при чемъ только для позитивно-индустріаль-

ной стадіи органическая связь обеих рядовъ являлась очевидной,— для другихъ стадій единство оставалось тщетно искомымъ неизвѣстнымъ. Рѣшеніе задачи ученикомъ Сень-Симона—Контомъ—не могло считаться окончательнымъ: оно чисто-априорнымъ, теоретическимъ путемъ матеріальную эволюцію подчиняло философской и могло вызвать только соответственную оппозицію, состоявшую въ перестановкѣ элементовъ,—слѣдовательно столь же теоретическую и одно-стороннюю. Наконецъ, ученіе о стадіяхъ, возникшее на почвѣ одно-сторонняго философскаго анализа, правдоподобное и чрезвычайно стройное на первый взглядъ, не выдержало болѣе внимательной критики. Съ самаго начала метафизическая стадія являлась въ какомъ-то тускломъ свѣтѣ рядомъ съ теологической и позитивной и признавалась только видоизмѣненіемъ первой. Впослѣдствіи и третья стадія должна была обнаружить свой призрачно-цѣльный позитивный составъ. Сень-симонисты доказали, что позитивизма въ общепринятомъ прямолинейномъ смыслѣ не существуетъ, что элементъ гипотетическій не отдѣлимъ отъ научнаго, слѣдовательно, теологія и метафизика только мѣняютъ свой характеръ, но отнюдь не исчезаютъ: чувство, воображеніе, вѣра—неистребимыя силы въ научныхъ обобщеніяхъ и открытіяхъ.

Въ результатъ, отъ теоріи стадій оставалось ученіе о различныхъ комбинаціяхъ научнаго анализа съ гипотезами, точнѣе о неустраимости гипотезъ за извѣстными предѣлами опытнаго изслѣдованія. Этотъ выводъ долженъ былъ возымѣть отрезвляющее значеніе—не только для *популярныхъ* позитивистовъ, но и для его критиковъ. Если позитивизму отказывалось въ правѣ—на положительно-научное обоснованіе всѣхъ истинъ, исповѣдуемыхъ даже самими учеными,—съ другой стороны—истины, выходящія за предѣлы анализа, не могли быть возводимы въ общеобязательные догматы и гипотеза, т. е. плодъ вдохновенія, интуиціи, не могла стоять рядомъ съ удостовѣренными отношеніями явленій. Слѣдовательно,—и въ позитивной стадіи не могло быть нравственно-религіозной доктрины болѣе правоспособной на общее признаніе, чѣмъ доктрина въ теологическую стадію. Вновь являлся индивидуальный мотивъ и тщательный анализъ философскаго творчества приводилъ къ «либеральному» умозаключенію, рѣшительно высказанному Констаномъ: опредѣленіе отношеній человѣка къ міру и къ общему смыслу мі-

ровой жизни — область индивидуального чувства, зависимаго только отъ общаго уровня цивилизаціи и отъ совершенства личныхъ духовныхъ силъ.

Этотъ выводъ, всецѣло основанный на блестящемъ психологическомъ анализѣ сенъ-симонистовъ, — разрушилъ философскій авторитетъ неограниченно-самоувѣреннаго позитивизма и въ то же время нанесъ ударъ послѣдней дегенеративной стадіи сенъ-симонизма и Анфантанъ, мы видѣли, призналъ себя вынужденнымъ послѣ іерархіи объявить вновь эпоху индивидуализма. Но общее ученіе о стадіяхъ не могло быть восстановлено и переходило въ разрядъ чисто-историческихъ философскихъ фактовъ, выражающихъ временную психологію извѣстнаго поколѣнія. Самое большее, — идея постепенной смѣны теологіи, метафизики и позитивизма могла быть оставлена для выраженія не вѣчной исторической эволюціи, а индивидуального умственного развитія, гдѣ дѣйствительно можно найти признаки непосредственной вѣры и мнимо-научной всеисчерпывающей положительности.

Ученіе о стадіяхъ встрѣтилось съ неразрѣшимыми затрудненіями и въ другой области, — съ невозможностью координировать матеріальную эволюцію и философскую — до такой степени, что феодально-теологическая стадія потребовала другого философскаго освѣщенія, восстанавливающаго не единеніе, а противоположность между элементами стадіи: теологія является предшественницей позитивно-индустриальной стадіи *вопреки* феодализму.

Это возрѣніе, объясненное Сенъ-Симономъ и тщательно развитое сенъ-симонистами, приводитъ насъ къ другому опредѣленію критическихъ и органическихъ эпохъ и къ другому толкованію исторической эволюціи, чѣмъ законъ стадій и двойственность рядовъ.

По опредѣленію сенъ-симонистской школы органическая эпоха означаетъ господство доктрины надъ умами, единство міросозерцанія даннаго общества. При такомъ опредѣленіи матеріальная эволюція остается въ сторонѣ и философъ контовскаго направленія получаетъ основаніе — всю историческую эволюцію свести къ одному идейному процессу. Потому, — средніе вѣка, по убѣжденію сенъ-симонистовъ, типичная органическая эпоха, на самомъ дѣлѣ, по ихъ же описанію, представляютъ непрерывную борьбу хищнической тенденціи съ мирной, феодализма съ церковью, привилегій съ естественной справедливостью.

Слѣдовательно,—надъ обществомъ не господствовала единая доктрина. Единственную эпоху сень-симонисты могли признать органической—античный политеизмъ,—и признаки его не только власть доктрины, но и единство доктрины съ матеріальнымъ строемъ общества,—чего не было въ феодальныя, военные средніе вѣка рядомъ съ мирнымъ плебейскимъ христіанскимъ ученіемъ. Слѣдовательно,—подлинно органическими эпохами необходимо признать эпохи, осуществляющія взаимную органическую связь идейнаго и индустріальнаго ряда. Политеизмъ уживался съ рабствомъ и аристократизмомъ, какъ явленіями религіозными, естественными и справедливыми,—теологія, по наблюденіямъ сень-симонистовъ,—въ феодальномъ насильственномъ строѣ являлась носительницей мира и равноправія. Очевидно,—въ средніе вѣка совершался процессъ разложенія стараго военно-аристократическаго строя и именно подъ вліяніемъ церкви, и поэтому координація элементовъ феодально-теологической стадіи является невыполнимой, противоестественной и средніе вѣка по существу эпоха *критическая* относительно древней органической эпохи. Теологія—первый періодъ критики, наука—второй и оиъ, по мнѣнію сень-симонистовъ, подготовленъ первымъ и явился бы его естественнымъ продолженіемъ, если бы духовная корпорація продолжала слѣдовать движенію цивилизаціи, стояла на высотѣ чистаго христіанскаго принципа любви къ ближнимъ, подлежащаго—въ соотвѣстной формѣ—осуществленію и въ конечной позитивной стадіи,—въ періодъ совершенной гармоніи евангельскаго ученія съ обобщеніями науки. Возможность такой роли для христіанской доктрины—*философское* доказательство ея контраста феодализму—рядомъ съ ея *историческимъ* значеніемъ, какъ противника того же феодализма.

Выводъ очевиденъ: въ средніе вѣка доктрина—въ своемъ высшемъ нравственномъ смыслѣ—не совпадала съ матеріальнымъ строемъ эпохи и превращала ее въ царство борьбы двухъ враждебныхъ теченій. Истинно-органическая эпоха должна наступить при соотвѣствіи доктрины матеріальному моменту, т. е. въ позитивно-индустріальный періодъ,—другую органическую эпоху послѣ политеистическо-военной.

При такомъ толкованіи исторической эволюціи логически рѣшается вопросъ о координаціи философскаго и индустріальнаго ряда. Координація можетъ и существовать и не существовать. Когда она

существуеть—общество обладаетъ единствомъ міросозерцанія и дѣятельности. Съ теченіемъ времени координація разлагается и, если судить по историческому опыту, разлагается вслѣдствіе того, что рядомъ съ господствующимъ общественнымъ строемъ является неукладывающаяся въ его рамки группа матеріальныхъ силъ, требующая для обоснованія своего бытія новой доктрины. Христіанская церковь возникла какъ міръ *внѣшній* языческому, рядомъ съ нимъ существующій и доктрина этого міра—внѣ-національная и внѣ-сословная—объявила царство свое «не отъ міра сего», т. е. не отъ міра войны, привилегій, физической силы и хищническаго экономическаго уклада жизни. Доктрина освящала плебейскій трудъ и плебейскую природу, т. е. элементы для стараго міра—отверженные и безправные. Началось разложеніе координаціи, которое должно было закончиться одновременно съ организаціей, окончательно узаконяющей основу общественной и личной нравственности въ личномъ трудѣ и личной способности. Это и будетъ позитивно-индустріальный строй.

Очевидно,—вопросъ о непремѣнномъ преобладаніи идейной или матеріальной стихіи могъ быть поставленъ только чисто-теоретическимъ процессомъ мысли, а не историческимъ.—Историческая эволюція стремится къ гармонизаціи обѣихъ стихій, а не къ преобладанію той или другой и такого *преобладанія* не существуетъ въ реальномъ процессѣ,—а только дисгармонія, борьба, кризисъ,—при чемъ въ первоисточникѣ доктрина является въ качествѣ соціального фактора, вслѣдствіе накопленія новыхъ матеріальныхъ силъ, требующихъ *осмыслванія* и разъ это осмыслваніе силъ, выдѣлившись изъ старой организаціи, совершилось,—оно становится во главѣ новаго процесса, сообщаетъ борьбѣ опредѣленное направленіе, снабжаетъ матеріальную массу идеальнымъ знаменемъ и одушевляетъ ея движеніе культурной и нравственной цѣлью. Идейная стихія является носителницей болѣе совершенной эволюціи, пока матеріальный строй окончательно не уступитъ мѣста новой матеріальной организаціи. Тогда доктрина находитъ полное осуществленіе въ дѣятельности,—общество вступаетъ въ органическую эпоху.

Она пока не наступила. Долгъ философа указать на ея содержаніе, выяснитъ элементы новой координаціи,—и Сень-Симонъ ихъ выяснилъ: это—наука и индустрія,—онъ выяснилъ ихъ культурное

и практическое средство. Въ будущемъ основной социальный фактъ— взаимодействие обѣихъ отраслей «плебейскаго труда». Но это лишь общая сущность стадіи, она—неотвратима, такъ какъ она—результатъ эволюціи,—но все, внѣ этой сущности, подлежитъ вѣдѣнію и воздействию личности. Представитель «социальной науки» можетъ обострить или ослабить борьбу доктрины съ несоотвѣтствующимъ ей матеріальнымъ строемъ, можетъ приблизить исходъ этой борьбы съ помощью извѣстныхъ социальныхъ предварительныхъ организацій, болѣе или менѣе цѣлесообразныхъ, а въ особенности можетъ предотвратить революціонное столкновение силы развивающейся съ силами косными и разлагающимися. И именно въ виду этой частно-регулирующей дѣятельности Сень-Симонъ настаивалъ на критикѣ настоящаго при свѣтѣ будущаго. Этотъ свѣтъ долженъ устранить съ пути эволюціоннаго прогресса и сопротивление реакціи и стремительность революціи: одна усиливается возсоздать порядокъ, упраздненный движеніемъ цивилизаціи, а другая жаждетъ перегнуть это движеніе и на мѣсто почвеннаго закономѣрнаго строя утвердить мечтательный, метафизическій.

Съ этой точки зрѣнія—всѣ политическія формы, не осуществляющія современнаго соотношенія идейнаго и индустріальнаго ряда,—произведенія не политики, а метафизики,—и конституція, основанная на такъ-называемомъ естественномъ равенствѣ и непредписываемыхъ правахъ при реальномъ господствѣ социального неравенства,—продуктъ революціоннаго настроенія, а не организаторской мысли. Такова идея сень-симонистскаго принципа: «политика безъ индустріи—слово лишенное смысла»¹¹³⁾. Положительная политика непремѣнно охватываетъ оба ряда—идейный и индустріальный и она такъ же эволюціонна, какъ и эти самые ряды.

Мы пришли къ вопросу о квалификаціи личныхъ сень-симоновскихъ воззрѣній. Мы видѣли, какъ разнообразно и произвольно критики причисляли Сень-Симона къ социалистамъ или отнимали у него право называться социалистомъ, будто отмѣчая этимъ лишеніемъ неполноту, близорукость, молодущіе вообще несовершенство его мысли. На самомъ дѣлѣ вопросъ рѣшается фактически, безъ всякаго вмѣшательства отрицательныхъ или положительныхъ чувствъ.

¹¹³⁾ „La politique sans l'industrie est un mot vide de sens“. *Doctrines*. I, 204.

Сень-Симонисты не пользовались словом *соціализмъ* для своей доктрины, впервые употребилъ его Глобусъ, какъ противоположность *индивидуализму* ¹⁷⁴⁾ Впослѣдствіи *соціализмъ* получилъ другое толкованіе, хотя и на той же почвѣ, — ограниченія индивидуализма. При всѣхъ многочисленныхъ современныхъ опредѣленіяхъ *соціализма* одно — общее всѣмъ — ограниченіе или даже уничтоженіе личной собственности на орудія производства, включая сюда землю и капиталъ. Послѣдовательный соціализмъ есть соціализація орудій производства, т. е. упраздненіе личной собственности. Мы знаемъ, такова именно программа сень-симонистовъ. Могла ли она быть программой Сень-Симона, — вопросъ становится вполне яснымъ въ другой формѣ: упраздненіе личной собственности является ли фактомъ исторической эволюціи или онъ фактъ революціонный? Мы видѣли, — сень-симонисты не могли доказать эволюціоннаго характера своего принципа, — и новѣйшіе авторы правы въ своемъ утвержденіи: «всякій соціализмъ-революціонеръ и не имѣетъ ничего общаго съ реформой» ¹⁷⁵⁾. Исторія модификацій права и объектовъ собственности не имѣетъ ничего общаго съ отрицаніемъ личной собственности, какъ явленія по существу безнравственнаго и неспособнаго. Если это такъ, — Сень-Симонъ не могъ быть соціалистомъ въ новомъ смыслѣ слова: ему не приходило на умъ собственность замѣнить пользованіемъ. Но та же исторія привела не только Сень-Симона, но и основателя классической политической экономіи къ признанію труда главнымъ источникомъ собственности. Сень-Симонъ удостоверилъ эту идею историческимъ анализомъ и положилъ ее въ основу своего понятія — *индустриаль, производитель* — въ противоположность, *буржуа, потребитель - непроеводитель*. И мы видѣли какая существенная разница возникла въ понятіяхъ о *проеводитель* у Сень-Симона и у современныхъ ему экономистовъ. Въ этой разницѣ и заключается оригинальность соціальной мысли Сень-Симона и сущность его *индустриализма*, какъ организація основанной на личномъ производительномъ умственномъ или материальномъ трудѣ. И Сень-Симонъ не только не отрицалъ лич-

¹⁷⁴⁾ Въ 1832 году, 13 февр. Ср. Weill *L'ec. Saint-Simonienne*. 309. Въ томъ же смыслѣ пользовался словомъ и Леру, — не изобрѣтатель его, какъ полагають Stegmann и Hugo. *О. с.* 752.

¹⁷⁵⁾ *Иб.* 751.

наго капитала какъ соціального закономѣрнаго фактора, но ввелъ его въ ассоціацію наравнѣ съ *трудоу* и *таланту* въ качествѣ основъ распредѣлительной экономической справедливости.

Очевидно, къ Сень-Симону одинаково непримѣнимы оба новѣйшихъ термина—*буржуа* и *соціалистъ*: онъ *индустриалистъ*, представитель гармонизаціи личной производительности въ области идей и матеріальныхъ благъ, такъ какъ *индустрія* на языкѣ Сень-Симона обозначаетъ одинаково идейную и промышленную дѣятельность. Какъ должно быть организовано общество въ интересахъ индустриализма,—эту задачу, мы видѣли, Сень-Симонъ рѣшалъ многообразно въ подробностяхъ,—но одинаково по сущности: координація науки и промышленности, — при чемъ взаимныя ихъ отношенія опредѣляются долгу науки работать въ интересахъ наиболѣе современной эксплуатаціи силъ природы и назначеніемъ индустріи — обезпечивать развитіе всѣхъ личныхъ производительныхъ нравственныхъ и физическихъ способностей членовъ ассоціаціи. Мѣсто для артистической, популяризирующей и вдохновляющей — отнюдь не догматической — способности обезпечено возможностью и даже необходимостью вмѣшательства личности въ историческій процессъ.

Несомнѣнно,—ни Сень-Симонъ, ни его послѣдователи не рѣшили всѣхъ поставленныхъ вопросовъ,— и въ сильной степени потому, что послѣдователи уклонились на два пути, противорѣчившія завѣтамъ учителя,—догматическій въ области идей и революціонный въ области индустріи. Но отъ этихъ уклоненій не пострадало ни философское достоинство вопросовъ, ни ихъ практическая жизненность. Уже сень-симонисты увидѣли многочисленныя доказательства. Имъ безпрестанно приходилось заявлять, что ихъ идеи проникли во всѣ слои современнаго общества, сень-симонистское слово, будто сбѣгая большихъ деревьевъ, невѣдомыми путями заносится во всѣ углы, всюду слышатся сень-симонистскіе термины, формулы, сень-симонисты могли къ себѣ примѣнять слова Тертуліана къ язычникамъ о христіанской церкви: «Мы возникли только вчера и наша мысль уже проникла всюду; мы завладѣли вашими городами, замками, селеніями, лагерями, дворцомъ, сенатомъ, форумомъ,—мы оставили вамъ только ваши храмы»¹⁷⁶). И ближайшіе безпристрастные крики не пре-

¹⁷⁶) *N. hist.* VIII, 186; *Prédic.* II, 293—4; III, 88. *Oeuvres d'Enfantin* XVI, *Oeuvres* XXXVI, 190.

минули сень-симонистамъ приписать честь — возбужденія и выясненія соціального вопроса среди чисто-политическихъ увлеченій. Что касается частныхъ индустриальныхъ вопросовъ, — стоило указать только на статьи *Глюбуса*, даже только на статьи Шевалье, чтобы оцѣнить широту и разносторонность сень-симонистскихъ плановъ. Финансовые вопросы, желѣзнодорожные, вопросы объ ассоціаціяхъ, о павперизмѣ, объ общественныхъ работахъ, объ общественномъ образованіи, о воспитательныхъ домахъ, — все это приводилось въ публику путемъ дарового журнала и все это касалось самыхъ настоятельныхъ задачъ времени¹⁷⁷⁾. И эти планы не остались въ области теоріи. Анфантанизмъ погибъ, — но сень-симонистскія силы остались жить и дѣйствовать. Ассоціація не осуществилась въ той формѣ, какъ она рисовалась «проповѣдникамъ». пришлось скорѣе помириться съ самой реальной, отнюдь не позитивно-научной диктатурой — въ лицѣ Наполеона III, — и Шевалье. напимѣрь, явился даже въ санѣ сенатора второй имперіи, — но ни одна философская и политическая школа не развила такой дѣятельности, какъ сень-симонизмъ послѣ «разсѣянія апостоловъ». Сень-симонисты являются во главѣ желѣзнодорожныхъ предпріятій, кредитныхъ учрежденій, имъ первымъ принадлежитъ идея каналовъ Суэцкаго и Панамскаго и «верховный отецъ» становится не только усерднымъ защитникомъ Суэцкаго канала, бесѣдуетъ о немъ съ Лессепсомъ, — но и внимательно изучаетъ вопросъ о колонизаціи Алжира и уже Рейбо долженъ былъ указать, что сень-симонисты первые «популяризировали» желѣзныя дороги во Франціи. Ихъ идеи можно отыскать въ возникновеніи крупныхъ финансовыхъ учрежденій. въ родѣ Лионскаго кредита, понижающихъ процентъ и сближающихъ націи, въ учрежденіи народныхъ банковъ для мелкаго кредита, играющихъ такую важную роль въ современной Германіи и Италіи. а что касается идей сень-симонистовъ о профессиональномъ и общемъ образованіи, о нравственномъ воспитаніи — эти идеи принадлежатъ и настоящее и будущее. И тоже можно сказать вообще о философскихъ вопросахъ, затронутыхъ сень-симонистами: мы яв-

¹⁷⁷⁾ Въ некоторыхъ статьяхъ Шевалье — *N. hist.* VI, 55—92. Ихъ общая оцѣнка у А. Blanqui — *Hist. de Peon. pol.* II, перепеч. *N. hist.* VIII, 197.

¹⁷⁸⁾ Reybaud. *o. c.* I, 128.

дѣли,—неограниченную живучесть ихъ признаютъ даже рѣшительные противники сенъ-симонизма¹⁷⁹⁾. Самы сенъ-симонисты твердо рассчитывали не только на всеобщее вниманіе къ ихъ дѣятельности но и на благодарность, на благословеніе народа, ради котораго они работали, обнаружили столько энтузіазма и безкорыстія¹⁸⁰⁾.

Можно сомнѣваться въ цѣлесообразности всѣхъ путей, какими сенъ-симонисты стремились достигнуть этой цѣли,—но внѣ сомнѣнія сама цѣль, внѣ сомнѣнія принципъ, проходящій чрезъ все ученіе Сенъ-Симона и его учениковъ: *l'amélioration de l'existence morale, intellectuelle et physique de la classe la plus pauvre et la plus nombreuse*. И одинъ изъ самыхъ трезвыхъ сенъ-симонистовъ, много лѣтъ спустя послѣ юношескихъ увлеченій, удостовѣряя, какъ многимъ обязаны сенъ-симонизму, часто безсознательно, почти всѣ современныя политическія и философскія направленія, имѣлъ право закончить свои воспоминанія слѣдующими словами: «Серьезные умы забудутъ вздорную мечту о священнической четѣ, о диктатурѣ и исповѣдникѣ, устанавливающимъ гармонію между натурами *недвижными* и натурами *постоянными*, между увлеченіями *перемѣнчивыми* и увлеченіями *глубокими*, управляющемъ Донъ-Жуанами и Отелло,—но тѣ же серьезныя умы будутъ помнить, что мысль о личномъ и социальномъ совершенствованіи и чувство человѣческой солидарности нигдѣ не проповѣдывались и не осуществлялись съ болѣе искреннимъ жаромъ, чѣмъ въ сенъ-симонистской школѣ»¹⁸¹⁾.



¹⁷⁹⁾ Ср. Carnot. 144 Lemonnier. *О. с.* 395. Weill. *О. с.* 298—9. L. Blanc. *О. с.* III, 139. Booth. 228. Thonisseu I, 84. по мнѣнію этого автора, въ сочиненіяхъ сенъ-симонистовъ слѣдуетъ искать $\frac{1}{10}$ революціонныхъ идей, волнующихъ Францію и Европу. Ср. Renouvier. *L'Année philos.* 68, 26.

¹⁸⁰⁾ Fournel. *Bibliographie Saint-Simonienn*, заключеніе, подписанное 31 дек. 1832 года.

¹⁸¹⁾ Carnot. 122, 155.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
8	только	въ только.
32	можемъ судить	не можемъ судить,
44	finestes	funestes
45	принципами	принципамъ
60	преимущественное	преимущественно
64	extravagulez	extravaguez
73	создать	возможность создать
90	философскимъ	философскимъ
111	укратили	утратили
113	уничтоженіе	уничтоженнымъ
117	спектицизму	скѣптицизму.
123	революцій	революціи.
124	новые	многіе
145	прококами	пророками
165	я	ея
165	Лавуарье,	Лавуазье,
170	связанная	связанныхъ
205	de l'homme	de l'homme
205	universell	universelle
216	случайностью	стройностью
227	больше	болѣе
249	онъ	отъ
249	наклонна	наклонная
251	напечатано	напечатано
345	открытія	открытіи
353	сочиненіи	сочиненія
425	времени	времени
427	органы	органы
429	Sahon	saheh
441	принихая	привижая
510	ravitation	gravitation
548	оба значенія	оба теченія
583	по термилогіи	по терминологіи
590	классовой дифференціи	классовой дифференціи,
605	всѣхъ плановъ.	всѣхъ классовъ
612	dirers	directs
538	заявилъ	заявивъ
552	подвинувшейся	кадвинувшейся
592	современныя и политическія	современныя политическія
609	ихъ	изъ:
704	promusmité	promiscuité
706	Fer	Enc.
708	послѣднему	послѣдующему
717	христіанскаго социализма.	христіанскій социализмъ
733	современной	совершенной
735	проповѣдовались, осуществ-	проповѣдовалась, осуществ-
	лялись	лялась.

прим. 41

прим. 129

пр. 138

agir

La première d^{ci}
où tout est lié par l'unité^{as}
nécessairement un aspect^{ife}
de l'homme nous pouvons^l
les faits qui constituent^s
successif du tems et de l'

a

Point de vue du tems ou de la

qui entraîne toujours^s

le passé le present
ou ou

histoire de la science la science appi

a ce point de vue, qui se rapport prin

à l'aspect spirituel^{oi}

correspond.

l'algèbre

partie des sciences mathématiques qui traite des quantités^{de}
discrètes ou discontinues.^{de}

à l'
la
l'h
mé
lar
int
qu

ts:

vé

Phénomène uni de sa nature,
du quel on ne saurait remonter. C'^{le}
connaissance humaine, c'est dans le^{si}
que le mouvement est dans l'ordre²⁷⁰
vie est pour tout être aimant^r

sentir..... juger.

ité progressive, mais dans l'univers
et de l'homme se trouve
ée en l'homme et hors
matière, du temps et de l'espace, tous
us le point de vue

les.

Point de vue de l'espace ou de l'étendue

propriétés sont les trois dimensions

longueur largeur épaisseur

de vue, qui se rapporte principalement

à l'aspect matériel

la géométrie

sciences mathématiques qui traite de l'étendue c'est à dire de
r ou des quantités continues

itions

sanction de la pensée primitive, elle
aux créations du génie le cachet qui dis-
nettement l'oeuvre du *savant* de celle du
t le moyen employé par l'homme pour
es prévisions, ses découvertes.

КРАТКАЯ
ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ
БОЛГАРСКАГО ЯЗЫКА.

ЛЕКЦИИ

ОРИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Романа Брандта.

REVISED

CONSTITUTION OF THE UNITED STATES

OF AMERICA

1787

1791

Болгарская азбука.

Болгаре употребляют ту же кирилловскую азбуку, какъ и русскіе и въ той же гражданской разновидности; только у нихъ существуетъ устранимый изъ русскаго письма ж, а съ другой стороны изгнаны, въ недавнее время, буквы ѣ и і. Особенностью болгарской графики является также то, что буквы з и ѣ пишутся не только на концѣ, гдѣ подобно русскому ѣ, не выражаютъ никакого звука, но и внутри словъ, въ качествѣ гласныхъ, причемъ ѣ обозначаетъ глухой гласникъ, а ѣ — такой же гласникъ съ предшествующею мягкостью. Болѣе точныя указанія насчетъ выговора этихъ, равно какъ и другихъ болгарскихъ буквъ, будутъ даны въ соответственныхъ мѣстахъ фонетики. Конечные ѣ и ѣ, какъ лишніе и способные ввести въ заблужденіе, въ настоящей внижкѣ опущены — который гдѣ опущенъ, объ этомъ русскій легко догадается.

Ф о н е т и к а.

Гласные звуки.

Ъ и ѣ. Староцерковные и вмѣстѣ съ тѣмъ праславянскіе глухіе гласники, какъ и въ другихъ новославянскихъ языкахъ, во многихъ случаяхъ онѣмѣли. Когда же ѣ сохраняетъ свою гласность, то слышится неясственный звукъ, болѣе-менѣе, смотря по говорамъ, смахивающій на а. Итакъ, староцерк. *съмъ* по-болгарски звучитъ съ ѣ, *късно* — кѣсно (значить поздно). Въ областной, македонской, рѣчи существуетъ впрочемъ и иная замѣна ѣ, сходная съ русскою, такъ что произносятся *сон*, *кóсно*.

ѣ проясняется, какъ и по-русски, въ е. Напримѣръ, *дѣль* дало *лен*, *кѣръ* — вѣрен, *кѣща* — вѣнец. Есть однако случаи, гдѣ на мѣстѣ ѣ

стоятъ тотъ же глухой гласникъ, который обыкновенно служитъ замѣнителемъ х. Такъ основныя *мѣгга*, *пѣстра*, *пѣнѣ* превратились въ *мѣгла*, *пѣстра*, *пѣнѣ*. Мнѣ думается, что здѣсь глухой гласникъ развился вторично въ возникшей-было неудобной группѣ созвучниковъ: *мѣгла*, полагаю, вышло не прямо изъ *мѣгга*, а черезъ *мгла*; подобнымъ же образомъ фонема *пѣстра* сначала дала *пѣстра* и только впоследствии *пѣстра* (*), а отсюда уже явилось и *пѣстра* в м. самороднаго *пѣстра. (Акцентованіе глухого звука — *пѣстра*, -*ро*, -*ри* — несомнѣнно вторичное). Точно такъ же изъ какого-нибудь *пѣнѣ* в м. *пѣнѣ* получилось сперва *пѣнѣ*, и лишь по его образцу возникло и единное число *пѣнѣ*, в м. существовавшего нѣкогда *пѣнѣ*. Совершенно очевидною вставку, по моему мнѣнію, представляетъ глагольная форма *цѣвтѣ* в м. *цѣвтѣ*, хотя другіе видятъ здѣсь перестановку. Въ конечномъ слогѣ прикладка *пѣстра*, а также въ прикладкахъ *бѣстра* (ясный, прозрачный), *тѣпѣл* (*топѣл* = *тепѣл*), въ предметницѣ *мѣсла* и т. д. существованіе вставки, т. е. развитіе вторичнаго гласника, признается всеми. (То же явленіе замѣчается и въ русскихъ словахъ *пѣстра*, *быстра*, *мысль* и т. п., только что не выражается на письмѣ). Вслѣдствіе того, что глухіе въ однихъ случаяхъ проясняются, а въ другихъ нѣмѣютъ, развилась бѣглость ихъ замѣнителей: *мѣла* къ маленькій (основное **мѣла*), женскій родъ—*мѣла*, *вѣнѣц* (*вѣнѣц*), множное число—*вѣнѣцѣ*. Впрочемъ по-болгарски, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ *пѣнѣ*—*пѣнѣ* в м. *пѣнѣ*—*пѣнѣ*, а ниже увидимъ при обзорѣ именныхъ формъ, самородная бѣглость нѣрѣдко смѣнилась вторичною постоянностью.

Слоговой р (т. е., по моему пониманію, *р*, съ предшествующимъ или же послѣдующимъ минимальнымъ глухимъ), каковому *р* соответствуютъ староцерковныя написанія *рх* и *рѣ*, по-болгарски является въ видѣ сочетанія *рр*, съ *з* совсѣмъ глухимъ, не смаживающимъ на *а*. Напримѣръ, *тѣргѣвец*, *гѣрѣ* (спина), *вѣрѣ*, *сѣрѣ*. Различіе между слоговымъ *р* твердымъ и полумягкимъ, какъ видно на этихъ примѣрахъ, утрачено. Вмѣсто возобладавшаго теперь написанія *рр* употребляли также *рр*, *рѣ*, *рѣ*, и *рр*, *рѣ*. Въ областной болгарской рѣчи слышится и *слововой р*, т. е. по сербскому и по чешскому способу можно написать просто съ буквою *р*—*тѣргѣвец*, *гѣрѣ*, *вѣрѣ*, *сѣрѣ*. Подобно слоговому *р*, *слововой л* измѣнился въ *лл*, напр. *вѣллѣ*, *бѣллѣ* *гаринѣ*. Опять-таки встрѣчаются правописныя варианты *лл*, *лл*, *лл*, *лл*, *лл*. Постановка глухихъ позвонковъ плавныхъ существуетъ и въ живой рѣчи, напр. *сѣнѣ* (пишутъ *сѣнѣ*)

*) Сравнимъ, кромѣ русскихъ *пѣстра*, -*ро*, -*ри*, польское *prsty* и чешское *prstý* (рядомъ съ *pestrý*).

или слѣнце. Обыкновенно послѣдочная огласовка замѣчается передъ двумя созвучниками: мѣлчѣм, но млѣнем, гѣрнѣ горшокъ (*грѣм), но грѣнчѣрини (грѣмчѣрини). Послѣ шипящихъ ч и ж вмѣсто ер и љ мы находимъ ер, ел: урѣмъ, љмѣтъ звучать черн и желт. Областная рѣчь представляетъ также созвучіе ѣр со слоговымъ р: при (какъ по-сербски). Различіе между слоговыми р и ѣ и слогами рѣ, рь, љѣ и љѣ для болгарской рѣчи не имѣетъ значенія: граммѣтъ произносится грѣмѣ и грѣрѣмѣ, љѣмѣ—блѣхѣ и блѣхѣ.

Звукъ ѣ въ произношеніи болгаръ, какъ и всѣхъ славянъ, отчасти совпадаетъ со звукомъ е, но только отчасти. На письмѣ удерживаютъ букву ѣ, нерѣдко употребляя ее, подобно русскимъ, некстати. Въ выговорѣ сохранился слѣдъ ѣ въ томъ, что подъ удареніемъ, передъ слѣдующимъ твердымъ созвучникомъ, ѣ перешелъ въ я (а съ предшествующей мягкостью). Такимъ образомъ ѣ слѣдуетъ читать за я въ словахъ мѣсто, хлѣб, плѣва (мякина), желѣзо, чолѣк (улокѣк), бѣл, -ло, -ла. Съ другой стороны ѣ произносится какъ е во множномъ числѣ мѣста, въ меньшинствахъ мѣстеце, хлѣбец, плѣвичка, въ прикладѣ желѣзен, въ зѣвникѣ чолѣче и во множинѣ бѣли. Надо полагать, что основной болгарскій выговоръ ѣ былъ ѣ (е широкое), которое передъ мягкостью суживалось въ е, а передъ твердостью еще болѣе расширялось. Противъ этого объясненія можно бы возразить, что болгарскій языкъ не знаетъ рѣзкой противоположности между мягкостью и твердостью—однако все-таки и по-болгарски, напр., звукъ л въ слогахъ ле, ли мягче, чѣмъ въ ла, ло, лу; допускаемое же другими вліяніе слѣдующаго гласника сквозь созвучникъ—совершенно неестественно. Въ исходѣ ѣ звучитъ какъ е: напр. нозѣ ноза, но также какъ я: изгорѣ (д. б. подъ вліяніемъ другихъ лицъ, напр. изгорѣх). Въ областной, а именно западной, рѣчи, встрѣчается постоянная замѣна ѣ черезъ е.

Разнаясь отчасти отъ звука е, ѣ зато совпадаетъ съ іотованнымъ а, которое передъ мягкостью тоже сузилось въ е: јама, множное число—јѣми, меньшинства—јѣмичка, пијаи, множина—пијѣни (пишу здѣсь для ясности ја и је вм. буквъ я и е); такимъ же образомъ слово жаба лягушка (ж—мягкое) образуетъ жѣби, жѣбичка. Исключеніе составляютъ тѣ слова, гдѣ ј не постоянный, а появляется лишь иногда, какъ призвукъ: јагни рядомъ съ болѣе употребительнымъ агни (агни, агненокъ), јази, јазка вмѣсто обыкновеннаго аззи, азика (азъ въ сліяніи съ частицами зи и ка).

ѣ по-болгарски превратился въ глухое, неясное а, т. е. совпалъ съ ѣ. Миклошичъ въ Сравнительной грамматикѣ и замѣняетъ его бук-

вою з, а братья Цанковы въ своей грамматикѣ, напечатанной латинскимъ шрифтомъ, черезъ равное з—ù. Такимъ образомъ слова, которыя пишутся д ж б з, с ж д з, м ж а произносятся д з п, с з т, м з а. Начальный ж принимаетъ призвукъ *с*: в ж же веревка изъ жж, в ж з л изъ жжж. Сравнимъ польскія wąż змія, węzeł. Совпавши съ з, ж раздѣляетъ также его подвижность: глухой, нѣкогда стоявшій въ видѣ ж позади плавнаго, можетъ стать по другую сторону его—вм. основного прѣжъ является выговоръ пр з т и п з р т, вм. *гъжди — гр з д і и г з р д і. Перейдя въ з, ж въ ннихъ говорахъ проясняется въ *о*: мжжъ напр., превратясь сперва въ м з ж, даетъ м о ж. О ж въ мягкихъ слогахъ см. нѣсколько ниже.

А по-болгарски превратился въ *е*, т. е. утратилъ носовой пазвукъ. Примѣры: староцерковныя рѣдъ, мѣсо, пѣта, тѣжък. Съ ж въ среднеболгарскомъ языкѣ совпалъ отчасти, а именно въ мягкихъ слогахъ, ж — оттого мы встрѣчаемъ выговоръ г л а в н ѣ г о л о в н я, г о л о в е ш к а (=винильнику главишъ), п и ш е (пишка); однако по большей части мягкія окончанія заимствуютъ ж у твердыхъ.

Въ мѣстномъ употребленіи, въ западной Македоніи, около Охриды, Битоля и Костура (Касторія), встрѣчаются остатки носового пазвука, — въ видѣ чистыхъ созвучниковъ *н* и *м*, напр. м ѣ н д з р, з ѣ м б и, ј ѣ н з и к. Странно, что это бываетъ лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, и что даже одно и то же слово не во всѣхъ своихъ формахъ выдерживаетъ носовика: ряды будутъ р е н д ѳ в е, а ряд—р е д.

Звукъ *ч* у болгаръ перешелъ въ *и*, напр. с и н, р і б а, в л а д і к а (владыка, т. е. епископъ).

Начальное *е* нѣрѣдко обходится безъ *призвука*: произносятся ј е д и н и э д і н, ј ѣ з е р о и ѳ з е р о (пишутъ обыкновенное *е*).

Относительно п л а в н о - ч и с т ы хъ созвучій, гдѣ по-русски полногласные слоги *оро*, *оло*, *ере*, *еле*, болгарскій языкъ сходится съ церковнославянскимъ. Примѣры на *ра*, *ла*: г р а д, б р а д а, г л а в а, б л а т о; на *ръ*, *лъ*: б р ѣ г б е р е г, б р ѣ с т б е р е с т (вязь), п л ѣ в а — областное полѳва (мякина), м л ѣ к о (или м л ѣ б ѳ) молоко. Между *ч* и *р* развилось вторичное *е*: черѳсло пестъ, сошникъ (переходъ значенія странный, но едва ли это можетъ быть другимъ словомъ, какъ чрѳсло), ч е р е ш а ч е р е ш н я, в и ш н я. Нельзя не смущаться нѣсколько словами ч е р е н ч е р е н о к ѳ у н о ж а и ч е р е п, гдѣ на вставочное *е* приходится удареніе—ужъ не руссизмы ли это, пришедшія подъ стать болгарской фонетикѣ? *Чера* и *чере* вм. *чрѳ*, *чре* сравнимъ съ *чер* вм. *чѳр*, *чрѳ*.

Будучи безударными, болгарскіе гласники, подобно русскимъ, звучатъ неясвенно. Безударное *a* совпадаетъ съ *э*: такъ, въ словѣ заграда огороженное мѣсто только среднее, ударяемое, а звучитъ чѣсто, а другія два—глухо: *зъ градъ*. Также въ словѣ градина садъ оба *a* глухія. Особенно глухо первое, по соедѣству съ *p*, и оно даже приобрѣло подобно *э* подвижность, такъ что можно произнести *гърдѣнъ*; точно также *вм. страна* произносятся и *стърна*. Звукъ *e* при отсутствіи ударенія превращается въ *и*; это происходитъ и съ *e* изъ *в*. Сестра произносится *систра*, теле теленокъ—*тилѣ* или же *тѣли*. *Ѣ* обыкновенно не измѣняется въ *и*: *звѣзда* представляетъ звукъ *e*, но въ говорахъ встрѣчается и *звизда*. Безударное *o* даетъ *у*: произносятся, напр., *вуда*, *дубрута*. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что (отчасти въротно подѣ влияніемъ письма, отчасти подѣ влияніемъ областной рѣчи) это измѣненіе безударныхъ гласниковъ не вполнѣ выдерживается.

Что до акцентовки, то въ болгарскомъ языкѣ удареніе, и по качеству, и по мѣсту, довольно сходно съ русскимъ. Относительно мѣста однако все-таки не разъ замѣчаются отступленія, иногда притомъ весьма странныя. (Говорю здѣсь о восточно-болгарскомъ произношеніи: у Македонцевъ появляются совсѣмъ иныя акцентовки, смакивающія на сербскую). Въ болгарскомъ языкѣ удареніе нерѣдко колеблется: произносятся, напр., сходно съ русскимъ *мясо*—*мѣсо*, но чаще *месѡ*; рядомъ съ *мѣсто* есть и *мѣстѡ*. Въ этихъ примѣрахъ удареніе сравнительно съ русскимъ выдвинуто къ концу слова; другіе же представляютъ оттяжку къ началу, напр. *гнѣздо*, но и *гнѣздо*, *орѣх* и *орѣх*. Въ иныхъ случаяхъ отступленія болгарскаго языка отъ русскаго легко объяснить, при чемъ оказывается, что надо считать русскую акцентовку болѣе древней. Такъ однинное 1-воличье настоящего по-болгарски не разъ представляетъ накоренное удареніе вмѣсто русскаго насуффикснаго, напр. *пѣшкъ*, *мѡль*, при русскихъ *пѣшѣ*, *молѡ*, гдѣ болгарскій выговоръ естественно объясняется примѣненіемъ къ другимъ лицамъ—*пѣшеш*, *мѡлиш* и т. д. Акцентованіе *пѣш* (слышится и—*пѣш*) можетъ быть оправдано тѣмъ, что основной фонемой надо считать *амъ*, и что *и*, будучи вносимо въ настоящее изъ инфинитивныхъ формъ *пих*, *пил*, могло быть взято изъ нихъ прямо въ ударяемомъ видѣ. Вторично слѣдуетъ признать также акцентовку нѣкоторыхъ множествъ, напр. *копачи* при русскомъ *копачѣ*—это очевидное примѣненіе къ однинѣ *копач*.

СОГЛАСНЫЯ ЗВУКИ.

Смягченіе. Мгновенные *зубниі* *т* и *д* смягчаются въ *шт* (пишутъ *ш*) и въ *жд*, т. е. такъ же, какъ въ староцерковномъ. Напр. мѣща, кѣща (русское книжное купца)—домъ, комната, плащаи (многократный видъ къ просто несовершенному платиш); рѣжда (ржа, ржавчина), межда (межа, граница), рѣждаи (многократный видъ къ несовершенному родиш). Македонскіе говоры (однако не всё) представляють вм. *шт* болѣе-менѣе приближающіяся къ сербскому *ш* (мягкому *ч*) *мшкя* *к* и *т*: кѣрка или тѣрка вм. дѣщерка, щѣрка, кѣкя или кѣтя вм. кѣща. Это естественно объяснять оиѣженіемъ на западъ болгарскаго элемента съ сербскимъ. (Въ нашихъ примѣрахъ сербское вліяніе сказывается еще въ появленіи у вм. *ж*).

Смягченіе *зубныхъ*—беззольное: гѣбжъ, кѣпжъ, лѣвжъ, земѣ. Элевое смягченіе у сербовъ, словенцевъ и въ староцерковномъ заставляютъ думать, что *л* нѣкогда былъ и въ болгарскомъ, и исчезъ лишь впоследствии, въ большинствѣ случаевъ не звуковымъ путемъ, о чемъ рѣчь будетъ въ отдѣлѣ глагольныхъ формъ.

Шипящіе по-болгарски мягки: живъ, шійя, желтъ, шест (числовка), часъ, жѣба, шѣпка, шумъ, чѣдо. Букву *ш*, какъ равною *шт*, конечно не слѣдуетъ читать мягко. (Срв. сказанное о болгарскихъ созвучникахъ на стр. 3, по поводу звука *ш*).

Вмѣсто *з* и *ж* въ областной рѣчи попадаются *дз* и *дж*, что похоже на архаизмъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно, а вѣроятно и во всѣхъ, представляетъ вторичное измѣненіе: дѣвѣдѣ вм. зѣвѣдѣ, дзѣвѣнѣцъ вм. зѣвѣнѣцъ (колокольчикъ), джелѣзо вм. желѣзо.

Звукъ *х* въ областной рѣчи нѣмѣтъ. Особенно часто вм. хлѣб произносятся лѣб. Подобнымъ же образомъ хабѣи (портинъ) превращается въ абѣи. (Глаголь этотъ, бытующій въ словенскомъ языкѣ, въ видѣ *habiti*, одного корня съ русскими словами *у-хаб* и *по-хаб-ный*).

Звукъ *е* въ зачинѣ, передъ другимъ созвучникомъ, нѣрѣдко отпадаетъ: *одовица* звучить довѣица, *срабче* (**сръгъч*, воробченокъ) можетъ произноситься рапчѣ. Условія сохраненія *е*, напр. вратѣ двери, влакнѣ, не выяснены. Предлогъ *е*, напр. вѣдѣвѣ се вѣдѣтся, можно считать возстановленнымъ ради смысла. Несомнѣнно путемъ подражанія, по образцу какого-нибудь вѣтѣе (*вѣтѣе*), гдѣ *е* перешелъ въ *ѣ*, возникли нелитературныя фрѣче са обѣщѣлся и флѣй (**връгъ са*, *вълѣи*). Предлогъ *къ* прини-

маеть еще иной видъ: болгаре его охотно удваиваютъ и говорятъ, напр., въ *ф* или *фъф* и *жъж*; хотя на письмѣ удвоеніе обыкновенно не выражается. То же самое нужно сказать о предлогѣ *съ*, съ удвоеніемъ—*съсъ*: *съсъ* *колачи*.

Нерѣдко выпадаетъ *с* и позади другихъ созвучниковъ: изъ основного *стырориши* вышло *стѳриш*, изъ *гледди*—*гѳзди* и *й*. Теряется и зачинное *с* передъ гласникомъ *о*, и вмѣсто *вѳсък*, *водѳ* слышится *ѳсък*, *одѳ* (*вудѳ*, *удѳ*).

Тотъ же звукъ *с* въ соединеніи съ *х* сливается съ нимъ въ одинъ средний звукъ, т. е. въ *ф*, хотя на письмѣ сохраняется этимологическое начертаніе. Такъ *халиши* и предполагаемое *халитиши* хватаешь звучать *фѳлиш*, *фѳшташ*. Миклошичъ утверждаетъ, будто тутъ *ф* получился изъ одного *х*, а *с* выпало; однако гораздо естественнѣе говорить о сляніи, къ тому же привлекаемый Миклошичемъ переходъ *х* въ *ф* (*муфѳа* вм. *мофѳа*, *праф* вм. *пратѳ*), хотя и существуетъ, но лишь какъ мѣстное явленіе, а *ф* изъ *хс*—общеболгарское.

Упомяну еще объ отпаденіи звука *т*, равнаго основнѣмъ сочетаніямъ *тъ*, *дтъ*, *тъ* и *дтъ*, именно послѣ звуковъ *с* и *ш* (основнѣхъ или замѣнившихъ голосовые *з* и *ж*). Слова *хроздѳ*, *костѳ*, *пещѳ*, *дждѳ* произносятся *грос*, *кос*, *пеш*, *дъж*. Такимъ же образомъ велительное наклоненіе *виждѳ* звучитъ *виш*, и представляетъ какъ-будто русское смягченіе—простое *ж*, вм. *жд*.

Замѣтимъ наконецъ нѣсколько случаевъ выпаденія созвучниковъ. Выпускается, какъ и по-русски, *т* изъ созвучія *стн*, напр., *врѳс(т)ник* ровесникъ. Подобнымъ же образомъ упростилось сочетанье *зѳб* въ словѣ *гѳзба* блюдо, кушанье—сравнимъ сѣвернорус. *юзѳба*, и основную фонему *гостѳа*. Группа *тст* даетъ *ст*: *богѳ(т)ство*, *госпо(д)ствѳ*. Въ томъ же родѣ *юнаство* изъ основного **юнагѳство*—*юнагѳ* молодець, герой. Сочетанье *чск* перешло въ *шк*: *юнагѳши* изъ **юнагѳшкѳши*. И созвучіе *штн*, что пишется *шн*, превращается въ *шн*, напр. *нош(т)ни*. Сходно, но не вполне, русское *авашнѳй* вм. *овошнѳй*. Тѣмъ же путемъ изъ основной фонемы *рождѳа* получилось *рѳжѳа* вм. *рождѳа*, подобно вышепомянутому *вижѳ*, какъ-будто съ русскимъ смягченіемъ.

М о р ф о л о г і я.

Именныя формы.

Болгарскій языкъ разнится отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ, и сходится съ романскими, почти полною утратою *скло-*

не н і я. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тоже развилъ себѣ членъ. По происхожденію опредѣленный членъ есть указательное мѣстоименіе—въ болгарскомъ языкѣ членомъ служить мѣстоименіе *тъ, та, те*, поставляемое позади предметницы. *Та* и *то* употребляются именно въ такомъ видѣ: *книгата, реброто*. Мужское же *тъ* подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Ъ его при сліяньи съ предметницею имѣеть, зато сохраняется ъ у предметницы, такъ что, напр. *ржакъ тъ даеъ ржакътъ*. Здѣсь членомъ съ этимологической точки зрѣнія служить одинъ созвучникъ *т*; но народное сознаніе, по сравненію съ безчленнымъ именемъ *ржакъ*, признаеъ за таковой *тъ*. Членъ *тъ* имѣеть областныя разновидности *-а, -от, и -о*: *ржакъва, -вот, -во*. Нѣсколько странно отпаденіе *т*, а также появленіе члена *от* въ такихъ говорахъ, которые вообще не знаютъ прѣясненія ъ въ *о*. Замѣтимъ еще, что мужскія азѣвки принимаютъ женскій членъ: *владѣята, ловчѣята* (ловчѣя—охотникъ). Во множномъ числѣ членъ имѣеть общую форму для мужскаго и женскаго рода—*тъ*: *ржакътъ, книгтъ*. Можно бы думать, что *тъ* есть только дурное правописаніе вм. *ти*, = староцерк. *ти* и *ты*, но оно проводится слишкомъ послѣдовательно, и надо полагать, что *тъ* (какъ и русское *тъ*) дѣйствительная живая форма, перенявшая ъ у косвенныхъ падежей *тахъ, тамъ, тамъ*. Множинный членъ средняго рода звучитъ *та*: *ребрата*. Съ болгарскимъ членомъ тождественна русская частица *-то*: *дѣло-то, мужик-то, дѣти-то*, которая въ народной рѣчи (отчасти и у писателей) измѣняется по числамъ и родамъ, и въ меньшей мѣрѣ даже по падежамъ: *мужик-от, корова-та, дѣти-тъ, корову-ту*. Безъ надобности, по моему, предполагалъ Миклошичъ, что постпозитивность члена коренится въ особенностяхъ неизвѣстнаго намъ древнефракійскаго языка: Миклошичъ при этомъ имѣлъ въ виду повтореніе такого порядка у ближайшихъ сосѣдей болгаръ—румынъ и албанцевъ, у коихъ мы находимъ *lur* и *lurul* (*lurus ille*: и передъ членомъ подобно болгарскому ъ въ *ржакътъ*), *sarġa* и *sarġa* (ѣ читается, какъ глухой гласникъ, *sarġa* = *sarġa ea*); по-албански *kjġp*, = греч. *κόβυ* собака, съ членомъ *kjġpi*. Припомнимъ, что по-староцерковному мѣстоименіе свободно можетъ стоять позади предметницы, и отмѣтимъ, что, безо всякой связи съ фракійцами, въ той же постановкѣ члена пришли шведы и датчане: по-шведски, напр. крестьянинъ—*bonde*, служанка—*piga*, слово—*ord*, а съ членомъ—*bonden, pigan, ordet*.

Относительно болгарскаго члена слѣдуетъ замѣтить еще одну оригинальную черту, которая нигдѣ не повторяется, а именно ту, что онъ нерѣдко принимаетъ на себя удареніе, при чемъ предметница оказы-

вается безударною. Это составляет правило у односложных мужского рода, напр. студ холодь — студѣт, срам — срамѣт, мжж — мжжѣт. Однако есть исключенія: стóлѣт, нóжѣт, кóнѣт. Членъ акцентуется также у словъ женскаго рода съ созвучнымъ окончаніемъ, т. е. у словъ принадлежавшихъ къ ижевому склоненію: длань рука — длантá, болѣст болѣзнь — болѣстá, хубост красота — хубостá.

Македонскіе говоры въ качествѣ члена употребляютъ и другія мѣстоименія, именно *оъ* и *оъ*, при чемъ съ первымъ сопряжено понятіе близости, а со вторымъ — отдаленности, нѣсколько отличающія ихъ отъ безцвѣтнаго члена *от* (*от*, *ат*). Напр.: „сакам кúява да ми се стóритъ како царскине сараи, и на часот се стóриле како царските сараи“ — хочу, чтобы (этотъ вотъ) домъ мой сдѣлался какъ (тѣ тамъ) царскія палаты, и тотчасъ сдѣлались какъ бы царскія палаты. Въ иныхъ мѣстахъ вм. *оъ* является *съ*: вóлат, вóлан и вóлас; кóнет, кóнен, кóнес; пúшката (пúшка — ружье), пúшкана, пúшкаса; мóрето, мóрено, мóресо.

Остатки именного склоненія.

Множное число у древнихъ ёровокъ представляетъ окончаніе *и*, въ коемъ, надо думать, совпали назывничное *и* съ винильными и творничными *и*: зжб — зжби, овѣн — овнѣи, орач пахарь — орачи, юнак — юнаци, съпржг — съпржзи, сиромáх бѣднякъ — сиромáси. Сомнительно конечно, можно ли выводить *и* въ мягкомъ различіи также изъ винильнаго *и*, а смягченіе задненѣбныхъ ужь несомнѣнно идетъ изъ назывнаго падежа; но все-таки странно предполагать вслѣдъ за Миклошичемъ простую замѣну всѣхъ другихъ падежей — назывнымъ. И у азóвокъ мы видимъ *и*, разившееся при твердомъ окончаніи изъ древнихъ *и* назывно-винильнаго падежа и перенесенное также на слова мягкаго окончанія: крáва, кнѣига, мрѣжа сѣть, дѣня арбузь — крáви, кнѣиги, мрѣжи, дѣни. То же *и*, но равное древнему *и*, мы видимъ у ижевокъ: пещ — пещѣи, нощ — нощѣи, болѣст — болѣстѣи. Присвоенная этимъ множинамъ окончательная акцентовка должна быть объясняема примѣненіемъ къ утраченнымъ впоследствии косвенникамъ, сравнимъ рус. печѣй, печамъ, печами, печахъ. Исключенье составляютъ длан — длани и върв веревка — върви. Оновки принимаютъ, также назывно-винильное, *а*: ребрó — ребрá. Отметимъ еще насчетъ ударенія, что у азóвокъ лишь изрѣдка замѣчается, соответственно русскому и сербскому (очевидно уже праславянскому) употребленію, накоренное удареніе во

множномъ числѣ при насуффиксномъ—одинаго: обыкновенно говорятъ в о д ѣ, и г р ѣ; однако, съ л з ѧ почти всегда представляетъ множину съ л з и—сълзѣ чувствуется какъ форма глагольная, и произнесшаго съ л з ѣ въ шутку переспрашиваютъ „к а к в ѳ с ѣ л з ѣ?“—что слезится? (То же обстоятельство могло благопріятствовать накоренному акцентованію слова в ѣ р в и: в ѣ р в и значитъ бѣжить, идти). Также у оновокъ съ конечнымъ удареніемъ, и притомъ безъ исключеній, множное число не расходится по ударенію съ одинамъ: к р и л ѳ —к р и л ѧ, р е б р ѳ —р е б р ѧ. Зато обратное явленіе, конечная акцентовка множнаго числа при накоренной одинаго, замѣчается чуть ли не во всѣхъ случаяхъ: б л ѧ т ѳ —б л а т ѧ (срв. русское областное болотѧ), ж ѣ т ѳ —ж п т ѧ, о г л е д ѧ л ѳ з е р к а ѧ —о г л е д а л ѧ.

У словъ муж. р. в. и весьма нерѣдко бываетъ ѣковое окончаніе *овѣ*, напр. с ѣ н о в е. Т. к. слова ѣковаго склоненія въ староперковномъ всѣ двусложныя, а въ болгарскомъ становятся односложными, то легко могло развиваться правило, что односложки всегда принимаютъ *ове*: к о л —к о л ѳ в е, н о ж —н о ж ѳ в е. Вышепомянутыя з ж б и п ѣ н ѣ принадлежатъ къ единичнымъ исключеніямъ. Удареніе въ ѣковой множинѣ падаетъ то на *о*, какъ въ приведенныхъ приѣбрахъ, то на корень, то на конечное *е*, напр. д ж б —д ж б о в е, п о п —п ѳ п о в е (или п о п ѳ в е), г р ѣ х —г р ѣ х о в е, б о й —б о й о в е (или б ѳ й о в е). Еще мы встрѣчаемъ у ѣровокъ и у азѳвокъ окончаніе *е*, которое можно выводить изъ назывно-винильнаго *ѧ*; оно и является именно у словъ принадлежащихъ къ мягкимъ различіямъ. Напр. о в ц ѣ (рядомъ съ о в ц ѣ) староперк. *овѧцѧ*; с в ѣ ш т ѣ (р. со с в ѣ ш ѣ ѧ—одинаѧ усѣченнаѧ: с в ѣ ш) *сѧвѣшѧ*; м о л ц ѣ (р. съ м о л ц ѣ), къ м о л ц м о л ѣ, —староперк. винильникъ *молѧцѧ*; к о н ц ѣ (р. съ к о н ц ѣ: к о н ѣ ц значитъ нитка)—*конѧцѧ*. Затѣмъ бытуетъ также окончаніе *иѣ*, обыкновенно чередующееся съ простымъ *е*, могущимъ считаться сокращеннымъ изъ него: л а к т и ѣ и л а к т ѣ, п а р и ѣ и ц а р ѣ, м ж ж и ѣ и м ж ж ѣ: это, надо полагать, нижевое окончаніе (*пѧтъ—пѧтнѣ*), распространеннѣе за свои предѣлы: уже въ староперковномъ мы встрѣчаемъ *цѧспрѧнѣ ижжнѣ*. Далѣе, мы у нѣкоторыхъ мужескихъ односложекъ находимъ окончаніе *ища*: п ж т (съ членомъ п ж т ѣ т) образуетъ п ж т и щ а, т р а п ѧ м а (съ членомъ т р а п ѣ т)—т р а п и щ а. *Ища* рядомъ съ *ове* мы видимъ у словъ д о л и град—д о л и щ ѧ и д о л о в ѣ, г р а д и щ ѧ и г р а д о в ѣ. Т. к. *ища* есть среднеродное окончаніе, то нисколько не удивительно, что членъ при немъ является въ видѣ *та*: д о л о в ѣ т ѣ, н о д о л и щ ѧ т а. Обратимъ тепѣрь вниманіе на слова, множина которыхъ представляетъ распространеніе основы—и а р о щ е н ѣ. Прежде всего на тѣ, гдѣ наро-

ченье есть слѣдъ древней совзвучничной (согласной) основы. Мы находимъ нарощеніе *н*: *врѣме*—*врѣменá*, *рамо*—*раменá*; находимъ также *т*: *телé* (тэле)—*телéта*, *áгне*—*áгнетá*. Первое нарощеніе повнесло нѣкоторыя утраты въ пользу второго: вмѣсто *именá* говорятъ также *íмета*, а *брѣме* и *вѣме* (или *íме*, **гым*) постоянно образуютъ *брѣмета* и *вѣмета* (*íмета*). Окончаніе *ста*, передъ членомъ, вслѣдствіе встрѣчающагося и въ другихъ случаяхъ расподобленія, можетъ опускаться *т*, такъ что *áгнетáта* превращается въ *áгнетáта*. Нарощеніе *т* переходитъ и къ словамъ оноваго склоненія, мягкаго различія: *полé* и *морé* образуютъ не только *полá* и *морá*, но и *полéта*, *морéта*. То же нарощеніе является у отлагольныхъ именъ на *е* *вм.* *ив*, *ив*: *хóденé* *ходэивнэ*, *пранé* *пранивнэ* *стирка*—*хóденéта*, *пранéта*. Эсовое нарощеніе представляютъ слова *чúдо* и *небé*—*чудесá*, *небесá*, изъ коихъ второе, очевидно подъ влияньемъ древнихъ косвенниковъ *ивесэ*, *сн* и т. д., приобрѣло окончаніе *е* *вм.* *о* *). Вторичное нарощеніе, т. е. употребленіе во множествѣ распространительнаго суффикса, мы видимъ у личныхъ названій на *о*, напр. *плáчкó* *плакса*, *крáдльó* *ворь*—*плáчкóвци*, *крáдльóвци*. То же окончаніе *оци* присвоено именамъ собственнымъ, которымъ, конечно, лишь изрѣдка приходится имъ пользоваться: *Драгáн*, *Дóбри*, *Никóла*—*Драгáновци*, *Дóбрьовци*, *Никóловци*. На *овци* кончается также множествъ именъ фамильных, но прибавкою тутъ является только *ии*, т. е. уже одна предстставляетъ *ов*: *Цáнкóв*—*Цáнкóвци*, *Милáдínóв*—*Милáдínóвци*. Про собственные имена женскія и про нѣкоторыя названія родственницъ утверждаютъ, будто они во множествѣ замѣняютъ *а* посредствомъ *ии*. Дѣйствительно, при какомъ-нибудь *Рáткá* мы встрѣчаемъ множинную форму *Рáткáни*, при какомъ-нибудь *кáкá* (старшая сестра, тетка) *кáкáни*; но это не значитъ нѣсколько *Радохъ* или нѣсколько *тетокъ*, а значитъ *Радкина* или *теткина* семья, домъ.

*) Нарощальныхъ формъ у словъ муж. и жен. р. не сохранилось. Отмѣтимъ, что вѣдвки кончаются теперь на *а*: *свекърва*, *чёркова* (*скерты*, *цркты*). Что до *эровокъ*, то *дочь* по-болгарски *дъщеря*—явная новотворка во множествѣ *дъщеря* (всчётъ акцентовки послѣдней сравнимъ русскіе косвенники *дочерей*, *рэм*, *рэмá*, *рэх*); удѣлѣно впрочемъ, въ качествѣ звоника, «дъщя». *Мати* замѣнилось ласкальной производной *мáйка*. *Камы* и **криты* также замѣнены производными *камъитъ* и *критыитъ*: *кáмъи*, *крéми*, чаще, съ подстановкой другой производки, *кáмък* и *крéмък*, образующія множину *кáмъци*, *крéмъци* и *кáмъни*, *крéмъни*.

Для обозначенія множины служатъ и нѣкоторые остатки *двои́но числа*. Рог и крак (нога, crus) образуютъ рогá, кракá, съ членомъ—рогáта, кракáта. Подобный же остатокъ двоиннй, но съ другимъ окончаніемъ, есть ржцѣ къ ржкá (ржкá). Также слово ногá можетъ образовать двоинную форму ногѣ, рядомъ со множинною—ногí. Двоинную множину имѣютъ еще окó и ухó—очí, ушí. (Акцентовка, какъ мы видѣли уже не разъ, изъ косвенниковъ: сръ. новодерѣ. *оуѣсѣ, оуѣси* и русскія очей, -ам, -амн, -ах). Всѣ отмѣченныя здѣсь слова—названія парныхъ частей тѣла.

Немало, наконецъ, случаевъ, когда множина замѣняется именами *сборными*. Какъ во всѣхъ почти славянскихъ языкахъ, это происходитъ у слова брат—брáтия или брáтя. Кромѣ того сборническое окончаніе *мя* (чаще просто *я*), всегда ударяемое, нерѣдко употребляется рядомъ съ настоящимъ множиннымъ окончаніемъ: бѣлгарин—бѣлгарини и бѣлгаря, бѣвол—бѣволи и биволя, нѣва—нѣвини и нѣвѣ, кжща—кжщи и кжщя и т. д. Такова же форма дѣчнѣ (-чя) къ дѣтѣ, при обыкновенной, но также не настоящей, а сборнической, множинѣ дѣцѣ. (Дѣцѣ — сербскому дјѣца, основному дѣтца, меньшиницѣ къ старосербскому и праславянскому дати, которое въ большинствѣ славянскихъ языковъ приняло множинныя окончанія: дати, датини и т. д.). Отчасти къ сборницамъ принадлежатъ также множины на *е*, при коихъ въ областной рѣчи ставится членъ то: гѣлжбѣтле pigeon, die Taube, множина—гѣлжбето.

Замѣтимъ еще одну тўрчин турокъ при множинѣ тўрци (какъ по-сербски тўрчин и тўрци) и выраженіе множины слова чолѣкъ другимъ словомъ—хóра, равнымъ, очевидно, греческому хоръ земля, страна; обычная у остальныхъ славянъ замѣна люднѣ (людѣ) встрѣчается лишь въ македонскомъ нарѣчii.

Обратимся теперь къ сохранившемуся въ болгарскомъ языкѣ измѣненію по падежамъ.

Имѣется (понятно, только въ одной) особая форма для падежа *зовнаго*. Мы видимъ извѣстное окончанье азоваго склоненія *о*, перенесенное также на слова мягкаго различія: крава—краво, владѣка—владѣко, сестра—сестро, вода—водо, робѣня—робѣньо, Марѣя—Марѣйо. *Е* сохранилось только у словъ на -ица: царѣца—царѣце, телѣца телка—телѣце, и съ нихъ перешло къ словамъ на -ка: пѣрвоскѣнка первородная дочь—пѣрвоскѣнке, Ратка—Ратке. Мужескія имена на *а* зовника не образуютъ: форма Никóла, Козмá служатъ и зовникомъ. Замѣтимъ еще, что звуки *о* и *е* въ зовномъ падежѣ, несмотря на безударность,

звучать явственно, не превращаясь въ *у* и въ *и* *), а также, что этотъ падежъ чуждается окончаннаго ударенія, смѣняя его удареніемъ на корнѣ или же на производственной наставкѣ. *О* стало обыкновеннымъ окончаньемъ зовнаго падежа и у ёровокъ: бѣлгаринъ—бѣлгарино, безакѡникъ—безакѡнико, сѣленецъ крестьянинъ—сѣленецо (тѣмъ: безъ бѣглости), рѣтай батракъ—рѣтайо, змей—змейо. *О* нельзя считать дурнымъ написаніемъ вм. *у*, и выводить изъ мягкаго различія ёроваго склоненія: мы уже отмѣтили, что оно явственно слышится—видно, оно идетъ изъ склоненія азѡваго. Мужскія названія на *о* на письмѣ представляютъ совпаденіе зовнаго падежа съ обыкновеннымъ видомъ такихъ именъ, однако, появленіе въ одномъ случаѣ обыкновеннаго перехода звука *о* въ *у*, при сохраненіи его въ другомъ, ведетъ къ различію для слуха: плѣчку, Драганчу (Драганушка, Драгаша) и плѣчко, Драганчо. Древнее окончаніе твердыхъ ёровокъ, *е*, встрѣчается лишь изрѣдка: оно присвоено собственнымъ именамъ на совзвучники: Драганъ—Драгане, Стоянъ—Стояне, и нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ: Богъ—Бѡже, кумъ—куме, крѣсникъ (то же, что кумъ)—крѣснице, чолѣкъ—чолѣче, юнакъ—юначе, старецъ—старче. Также синъ имѣетъ сѣне рядомъ съ сѣно. Последнее слово, впрочемъ, въ обращеніи охотно принимаетъ ласкальную форму: сѣнко. Слово баща отецъ даже совсѣмъ не употребляется въ обращеніи, а замѣняется формами тѣте, тѣтко, тѣйко. Неодушевленные имена мужскаго рода, по словамъ братьевъ Цанковыхъ, вовсе не знаютъ зѡвника; однако другіе грамматисты указываютъ такія формы—у поэта Вѣзова мы и читаемъ „Корабе, спири!“ (Стой, корабль!) и „Шумиш ти, старій брѣсто“ (брѣст—берестъ, вязъ).

Кромѣ зовнаго падежа, мы встрѣчаемъ еще падежъ, который съ болгарской точки зрѣнія лучше всего назвать *косвенникомъ*, т. е. онъ противопоставляется прямымъ падежамъ назѣвному и зѡвному; по основному значенію—это падежъ винильный, по происхожденію—родный (а, восходя глубже въ древность,—отложительный). Это, значить,—инославянскій ёровый родникъ на *а*. Такой косвенникъ образуютъ всѣ мужскія собственные имена, а также и названія лицъ (тоже мужскаго пола) на *о*. У такихъ словъ оказываются 3 падежа: назѣвный, зѡвный и косвенный: Драганъ, Драгане, Драгана; дѣдо (произносится дѣду), дѣдо, дѣда; крѣдльо (т. е. -лю) воръ, крѣдльо, крѣдля.

*) Сохраненіе въ зѡвникѣ безударныхъ *о* и *е* можно оправдать тѣмъ продленьеиъ и усиленіемъ, коему подвергается конечный слогъ, когда мы кого-нибудь усиленно зовемъ.

Таковы же слова Бог, Бóже, Бóга и Гóспод, Гóсподи, Гóсподя. Замѣтимъ, что подъ вліяніемъ другихъ именъ также Дóбри (прикладочная, сложная, форма) образуетъ Дóбре и Дóбря, что окончаніе и въ Гóсподи вѣроятно книжнаго происхожденія, и что акцентовка слова Гóсподъ соотвѣтствуетъ русской акцентовкѣ косвенниковъ (Гóспода, -ду, -дом, -дѣ), а мягкость въ болгарскомъ косвенникѣ сравнимъ съ русскимъ склоненіемъ медвѣдь - медвѣдя. Косвенникъ на *a* встрѣчается и у всѣхъ личныхъ словъ мужскаго рода, но только въ нѣкоторыхъ соединеніяхъ. А именно: 1) въ сочетаніи съ сохранившимися подобный же слѣдъ склоненія мѣстоименными формами: едѣн чолѣкъ—едногó чолѣка, 2) въ сочетаніи съ притяжательными прикладками (тоже измѣняемыми): Драгáнов побрáтим Драгановъ другъ—Драгáнова побрáтима и 3) у названій родства, въ сочетаніи со слабымъ давальникомъ личныхъ мѣстоименій, употребляемымъ въ смыслѣ притяжательномъ: сѣи ми или сѣи мѣ—сѣи нá ми (сѣи нá мѣ), мжжѣти или мжжѣтѣ—мжжáти (мжжáтѣ). Въ послѣднемъ случаѣ къ словамъ мужскаго рода въ иныхъ говорахъ могутъ примыкать и слова женскаго рода—названія родствениницъ, представляющія тогда назывникъ на чистое *a*, косвенникъ же на глухое, равное ж: женáти—женѣти, дѣщерѣми—дѣщерѣми или же дѣщерѣми. Изъ формъ на *ъ* и на *e* вторая должна считаться самородною, а первая заимствовала глухой у словъ твердаго окончанія. Отмѣтимъ, что въ говорахъ различающихъ назывникъ женá и косвенникъ женѣ большинству азóвогъ присвоено глухое, винительное окончаніе: глѣвѣ, вудѣ, дубрутѣ. Косвенникъ на *a*—конечно, иного происхожденія, а именно идущій изъ двóйнаго числа—мы встрѣчаемъ еще при числовкахъ *два* и выше, а также при числовкахъ неопредѣленныхъ: двá столá (столъ значить стулъ), три градá, пѣткóня, нѣволокóва.

Особый косвенникъ въ соединеніи съ предлогами сохранило слово *кжща*: из *кжщи*, окол *кжщи*. Это по происхожденію очевидно падежъ давально-мѣстный.

Давальникъ падежъ ероваго склоненія, а также и азóваго (на *) нерѣдко слышится въ народныхъ пѣсняхъ, да встрѣчается и въ живой рѣчи: дружѣна дѣма (говорить) Ивáну; Стоѣн мáйци сѣ дѣмаше. Въ македонскихъ сказкахъ мы читаемъ: овáя женá, шчо... се мóлит Бóгу; та му рѣкла брáтое сѣ (оѣ = оѣ ви. ови); и рѣкле (и ей сказали) сѣстреси.

Сохранивъ только скудные остатки склоненія, болгарскій языкъ по большей части противопоставляетъ всѣмъ инославянскимъ падежамъ

одну форму, которой даютъ потому названіе *общаго* падежа (*casus generalis*). Названье это, придуманное для романскихъ языковъ, не заслуживаетъ, впрочемъ, одобренія: оно правильно съ точки зрѣнія сравнительной и исторической, но не выражаетъ живыхъ свойствъ безпадежнаго или одноформеннаго имени. Съ оскудѣньемъ падежей рука-объ-руку идетъ усиленное употребленіе предлоговъ. Такъ орудный творникъ выражается посредствомъ предлога *съ*: рѣ́жъ съ снѣ́жъ. (Прибавленье въ этомъ случаѣ предлога *съ*, при сохраненіи, однако, творнаго падежа, замѣчается также у словенцевъ и у сербовъ-лужичанъ: *z počem, z počom*). Одинъ предлогъ, хотя и не утратилъ вовсе основнаго значенія, превратился даже, подобно латинскимъ *de* и *ad* (*de* и *à*) у французовъ, въ падежный префиксъ, выражающій принадлежность: *дѣб*—на *дѣб*, *дѣбове*—на *дѣбове*. Напрасно въ этомъ случаѣ говорятъ о падежахъ родномъ и давальномъ, имѣющихъ общее выраженіе—это значить смотрѣть на языкъ не прямо, а со стороны. Для русскаго пониманія выраженіе „слѣвитѣ на момчѣто“ (сливы мальчика) дѣйствительно представляетъ родной падежъ, а „да́й слѣвитѣ на момчѣто“ (дай сливы мальчику)—давальный; но для болгарскаго сознанія такого различія не существуетъ: и тутъ, и тамъ выѣтся принадлежность (уже существующая, или предстоящая), такъ что надо говорить объ одномъ *принадлежащемъ* падежѣ. У словъ образующихъ косвенникъ въ соединеніи съ предлогами, конечно и со служебнымъ предлогомъ *на*, вступаетъ этотъ косвенникъ: напр. *Ива́н Ва́зов*—*стихо́вѣтъ* на *Ива́на Ва́зова*.

Сохраняе, чѣмъ у предметницъ, падежныя формы оказываются у мѣстоименій. У мѣстоименій *личныхъ* и *возвратнаго* мы находимъ слѣдующія формы. 1-воличное мѣстоименье звучитъ въ назывномъ падежѣ *аз*, или *рѣже*, съ призвукомъ, —*яз*. (Господствующее безъ малаго во всѣхъ славянскихъ языкахъ усѣченное *я* у болгаръ почти нигдѣ не встрѣчается). Къ этой формѣ, какъ мы уже видѣли, охотно прибавляютъ частицу *зи*, или двѣ частицы *зи* и *ка*: *ази*, *ази ка* (*язи*, *язи ка*). Мѣстоименье это образуетъ косвенникъ, равный древнему роднику,—*мѣне*. Въмѣсто мѣне слышится также (очевидно подъ вліяніемъ косвенниковъ на *а*, какъ Драгана, селенеца)—*мѣня*, да еще, подъ вліяніемъ косвенниковъ на глухой *ж*,—*мѣнж*. Является также третья, усѣченная форма—*мен*. Въ этихъ четырехъ видахъ косвенникъ входитъ и въ составъ описальнаго принадлежника: *на мѣне*, *на мѣня*, *на мѣнж*, *на мѣн*. При отмѣченныхъ уже полномѣсныхъ (сильныхъ) падежахъ стоятъ также слабые: принадлежникъ *ми* и винильникъ *мж*, въ западныхъ говорахъ—*ме*. *Ми* есть древній

давальникъ, м е—древній винильникъ *мд*; м ж, надо думать, получило тѣмъ же путемъ, какъ какое-нибудь дъ щер ѣм. дъ щер е—подъ вліяніемъ твердаго различія азоваго склоненія. Сходно съ 1-мъ лицомъ, и 2-ое при назывникѣ ти образуетъ косвенникъ тѣбе, тѣбя. тѣбж, теб, слабый принадлежникъ ти да слабый винильникъ тж или те. Такіе же слабые падежи представляетъ и мѣстоименіе возвратное: принадлежникъ си, винильникъ сж, се. Сильныя же формы принимаютъ плеонастичное *си*: себе си, себя си, себж си (себ си, кажется, не существуетъ).

Множное число мѣстоименій 1-го и 2-го лица является въ слѣдующемъ видѣ. Мы по-болгарски—ни. Н, разумѣется, зашелъ въ назывный падежъ изъ косвенниковъ *машъ, мамъ, мамн, мы*. Н и охотно соединяется съ частицею *я*, такъ что получается *н ѣя*, или при усѣченіи—*ни ѣ*; имѣется также *н ѣе*, содержащее другую частицу „е“. 2-роличное *ви*, прямо равное основному *вм*, соединяется съ тѣми же частицами: *ви, в ѣя, ви ѣ, в ѣе*. Косвенникъ есть *нас, вас, древній родно-мѣстный падежъ; съ частицею—на ѣзи, в ѣзи*. Отсюда и принадлежникъ *на нас, на вас, на на ѣзи, на в ѣзи*. Кромѣ того сохраняется давальный падежъ *нам, вам*. Затѣмъ есть слабый винильникъ *ни, ви или (очевидно примѣнительно къ однинѣ) нж, вж*. Ни, ви, подобно староправославнымъ *мы, вы*, служатъ и для давальника (принадлежника): *бащѣ ни, ма ѣйка ви* (отецъ нашъ, мать ваша).

Остатки мѣстоименнаго склоненія.

3-беличное мѣстоименіе, выражаемое въ назывномъ падежѣ черезъ *той, то, тѣя* или *тя* (а не черезъ *онъ, оно, она*, какъ у другихъ славянъ), въ сильныхъ падежахъ постоянно представляетъ прирощеній къ нему отъ нѣкоторыхъ предлоговъ (вродѣ *къ-къ*) приставочный *и*: косвенникъ *муж. и сред. р. нѣго*, давальникъ *нѣму*, принадлежникъ—*на нѣго*; въ жен. р.: *нѣж; нѣи, нѣй; на нѣж*. *Нѣж* очевидно есть древній винильникъ *ш*, распространенный по образцу другихъ формъ. Слабые падежи: винильникъ *муж. и сред. р. го* (сокращенный изъ *его*), вин. жен. р. *ѣ* (древняя форма *уцѣдѣла*, въ качествѣ слабой); мужеско-средній принадлежникъ *му* (изъ *мымъ*), женскій—*и*: *брѣт му, сестрѣа* и (братъ его, сестра ея). *И* слѣдуетъ выводить изъ двусложнаго *и*, путемъ отпаденія начальнаго *је*. Множинѣ почти во всѣхъ формахъ выражается указательнымъ *тъ*, лишь нѣсколько слабыхъ формъ восходятъ къ *я, ѣ, ш*. Родоваго различія во множинѣ не существуетъ. Назывникъ есть *тѣе, тѣи и тѣ* (ѣ=е). Ти естественно отождествить съ мужескимъ назывникомъ *ти*, при-

вѣвъ *e* частицею, а *й* ея усѣченіемъ; те или сократилось изъ *тиé*, или равно члену и вмѣстѣ съ тѣмъ русовому *тѣ*. Косвенникъ звучитъ *тѣх*, давальникъ *тѣм*, принадлежникъ на *тѣх*. Слабый винильникъ—*ги*, слабый принадлежникъ—*им*. *Ги*, *ви*. ожидаемаго въ соотвѣтствіи основному *и—e*, надо объяснять примѣняемъ къ обычному во множнѣ предметницъ *и* ($=и$ и *и*) и къ одному числу муж. и сред. р. го. Нѣкоторые падежи представляетъ также находящедся въ связи съ тѣмъ же *тъ, та, ти*, какъ и 3-личное мѣстоименіе, указательное мѣстоименіе близости *тѣзи* этотъ. Муж. р. *тѣзи*, усѣченно—*тоз*, или съ другою частицею—*тѣд*, при личныхъ названіяхъ образуетъ косвенникъ *тогѣ*, соединяемый съ тѣми же частицами: *тогѣзи*, *тогѣв*, *тогѣва*. По-македонски *того* встрѣчается какъ косвенникъ члена: *царатого го бѣло страх*. Аналогично съ *тѣзи* замѣняется *онзи* тотъ: *онзи—оногѣзи*, *оногѣз*, *оногѣва*. Отмѣтимъ формы женскаго рода *тази*, *таз*, *тад*; *онази*, *оназ*, *онад*, *онод* и средняго—*товд*, *тва*, *туд*; *оновд*, *онвд*, *онуд*, *оното*. *Туд* и *онуд*, развившіяся, очевидно, изъ *тод*, *онд* или *тоe*, *онe*, при безударности ихъ, теперь могутъ быть и полногласными, ударными. *Онод* и *оното*, а въ муж. р. *онѣд*, служатъ для отдѣльнаго употребленія. Множн. число раземагнриваемыхъ мѣстоименій есть *тѣзи*, *тѣв*, *тѣва*, *тѣд*; *онѣзи*, *онѣз*, *онѣва*, *онѣд*. (Ѣ передъ *зи*, волнымъ ли или усѣченнымъ, конечно, звучитъ какъ *e*, передъ *ва*—какъ *я*). Вопросное мѣстоименіе *кой* (кто, который) также образуетъ косвенникъ *когѣ*, а въ отдѣльномъ употребленіи также особый давальникъ *комѣ*. То же у сложныхъ *никой* (никто) и *нѣкой* (нѣкто, нѣкоторый). Замѣтимъ, что относительное который выражается при помощи частицы *то*: *който*. Та же частица образуетъ и другія относительныя слова, напр. *дѣто*, при вопросномъ *дѣ гдѣ*; *дѣто* часто ставится *ви*. *който*: „сестры его, которыя тамъ богаты“ будетъ „сестрѣи му, който (иначе коѣто) сѣ толковъ богати“ или же „дѣто сѣ т. б.“. Эту же службу несетъ предметно-вопросное мѣстоименіе *уѣто*: „сестрѣи му, що сѣ т. б.“; въ основномъ значеніи оно замѣняется другимъ словомъ: *какѣвѣ*. Нѣкоторыя мѣстоименія образуютъ косвенникъ по прикладочному (сложному) склоненію, соотвѣтственно тому, что и назывничная форма ихъ кончается на *и*,—староцерк. *им*: *сѣки* (васильки), *дружи*—*сѣкиго*, *дружиго*. Имѣются также давальники *сѣкиму*, *дружиму*. *Ию*, *иму* можно считать дурной орфографіей *ви*. *ею*, *ему* (см. нѣсколько ниже и срв. польскія и чешскія *его*, *ého*, *emu*, *ému*), но можно допустить также вліяніе обычнаго (назывно-винильничнаго) окончанія *и*. Отмѣтимъ еще

способность притяжательныхъ мѣстоименій къ усвѣченію, вслѣдствіе чего напр. *моѣ*, *моѣ*, *моѣ* могутъ совпасть съ мужескою одниною *моѣ*: такъ можно сказать „моѣто сѣрдце“, „ваѣштѣ кости“.

Приклады почти вовсе не сохранили надежныхъ формъ. Лишь изрѣдка, въ македонскихъ пѣсняхъ, встрѣчается окончаніе *оо*: бѣрзего, старого и т. п.; у болгарскихъ переселенцевъ въ Вингѣ (въ Венгріи)—свѣтугу, другугу, тамъ же есть давальникъ другуму: *уму*, *уму* изъ болѣе ранняго *ою*, *олу* (ураго, скатою читается въ грамотахъ XIII вѣка) представляютъ мѣстоименныя окончанія. То же *ою* является у приклада *святки*: святій Иванъ—свѣтого Ивана. Болгаре почти совершенно утратили также различіе между прикладами *членовыми* и *безчленными*. Только въ мужескомъ родѣ однинаго числа удѣляла членовая форма на *и*, что пишется *ми*: цѣл, си и, злочѣст (несчастнй)—цѣлій, сѣни и, злочѣсти и. Женскій и средній родъ представляютъ лишь по одной формѣ, на *а* и на *о*: цѣлѣ, сѣня, влочѣста; цѣлѣ, сѣньо, злочѣсто. Миклоичъ, изъ-за появленія въ жен. р. *а*, *а* не ж (второе, впрочемъ, въ говорахъ встрѣчается), выводилъ окончаніе *а* изъ *ам*, при чемъ видѣлъ въ чистотѣ звука слѣдъ получившейся при стяженіи долготы. (Вмѣстѣ съ тѣмъ *он* и *о* выводилъ изъ *ом*). Однако, по моему естественнѣе, особенно въ виду столь обычнаго у болгарскихъ прикладковъ наконечнаго акцентовавія (нелюбимаго членовыми прикладами), говорить о сляніи, при нѣкоторомъ взаимодействіи, двухъ формъ въ одну: очень вѣроятно, что цѣлѣ своимъ чистымъ *а* обязано стяженному окончанію, но наконечную акцентовку его естественно выводить не изъ цѣлѣ (рус. цѣлая, серб. цијела), а изъ цѣлѣ=рус. цѣлѣ, серб. цијела. Множное число, общее всѣмъ родамъ, кончается на *и*, совпадая такимъ образомъ съ членовою формою мужеской однины: добрій волѣве, добрійтѣ волѣве, добрійтѣ крѣви, добрійтѣ агнета. Удѣлявшая членовая форма употребляется въ такихъ соединеніяхъ, какъ святій Иванъ; также иногда въ обращеніяхъ: царѣо честити и! (счастливый царь, т. е. великій государь), проклѣти сѣне! Обыкновенное же мѣсто этой формы—при членѣ: цѣлѣят свѣт, добрійат кѣн, сѣният кѣи и к. Болѣе удачною была бы орфографія черезъ *и*: д-о-б-р-и-и-ъ-т. обычное же написаніе есть *миитѣ*, при чемъ гласный звукъ передъ *т* остается невыраженнымъ. Появленіе у прикладковъ совуціа *миитѣ*, въ коемъ *э* никакъ не можетъ считаться окончаніемъ имени, служить подтвержденіемъ моего мнѣнія, что мужескій родъ болгарскаго члена есть не одинъ звукъ *т*, а слогъ *итѣ*. Конечно и позади прикладковъ *тѣ* имѣеть свои обычные варианты: *а*, *ом*, *о*: сѣният, сѣниа, сѣ-

ний от, сѣи пѣю. Приведу, для полноты, также членовія сочетанія женской и средней однинъ: зелената гора зеленый лѣсъ, голѣмото село большая деревня.

Болгарскіе прикладки утратили также наставку *сравнительной степени*, и замѣнили ее предлогомъ *по*, который по-русски нерѣдко соединяется съ этой степенью, съ умѣрительнымъ значеніемъ: „побольше, поскорѣе“. *По* въ качествѣ сравнительнаго (лучше бы сказать—повышальнаго) префикса всегда принимаетъ на себя удареніе, рядомъ съ которымъ однако сохраняется и удареніе приладки, какъ второстепенное: *по-високъ, по-висока, по-високо, по-високи; по-добър, по-добра, по-добрѣ, по-добрѣ; по-бѣд, по-бѣла, по-бѣло, по-бѣли*. *Превосходная* степень выражается обычнымъ у всѣхъ славянъ *най*, но опять-таки безъ измѣненія окончанія: *най-високъ, най-добър, най-бѣд*. И здѣсь замѣчается двойное акцентованіе. Степени сравнительная и превосходная могутъ быть образованы также отъ предметницъ и даже отъ глаголовъ: *юнѣкъ—по-юнѣкъ, най-юнѣкъ*; есть поговорка: *бѣи магаре—по-магаре* (бѣи осла, онъ будетъ еще глупѣи)*). Глагольная форма *обѣчам* люблю можетъ образовать *по-обѣчам* и *най-обѣчам*. Обратимъ вниманіе еще на присодиненіе префикса къ цѣлому выраженію: „идѣ по къмъ стѣна-та“ держись ближе въ стѣнѣ. Уже въ XVII столѣтіи встрѣчаются примѣры „кърст отъ слънцепо посвѣти“ крестъ сиялъ ярче солнца, „его най почитаха“ его больше всѣхъ уважали (второй примѣръ беру изъ Миклошичева Старословенскаго словаря). *Подобрѣ, похраберѣ, поскоро* отиѣчены еще ранѣе: въ XIV вѣкѣ, въ „Троянской притчѣ“. Сравнительная степень управляетъ предлогомъ *отъ*: *Петър е по-ѣмен отъ Ивана; този дѣб е по-висок отъ ънзи*; срв. также только что приведенное *кѣтъ* и т. д. По примѣру предлога *отъ*, союзъ *като* какъ тоже управляетъ восклицаніемъ, гдѣ таковой имѣется: „Никола е ѣмен като Ивана“.

Нѣсколько слѣдуетъ остановиться еще на *числовикахъ*, представляющихъ своеобразные виды члена и нѣкоторыя другія особенности. Большею части числовіки количественныхъ присвоенъ членъ въ видѣ *тя* (или *те*) и *тях* (на письмѣ—*тѣ, тѣхъ*) **: *трѣтъ и трѣтъх, че-*

*). Сравнимъ *сметѣ* и *дѣтѣ* въ „Златой цѣпи“. Буслаевъ, Историческая хрестоматія, столбецъ 486, внизу.

**). Членъ *тыя* очевидно возникъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „шесть тѣхъ волювъ“, „сѣто тѣхъ кракъ“, бывши согласованъ съ нагнѣвающимся еще именемъ, а потомъ получилъ болѣе широкое употребленіе.

тиртѣ и четиртѣх (безъ члена: чѣтире и чѣтир); осемтѣ и осемтѣх, еденайсетѣ и еденайсетѣх (еденайстѣ, -стѣх), четирійсетѣ и четирійсетѣх (-ійстѣ, -ійстѣх), безъ члена: четирійсет, -ійсе, -ійс (устно: десѣт), также съ другой акцентовкой—четирисет и т. д., стотѣ и стотѣх; двайсет и седемтѣ или дв. и -тѣх, стб и деведесѣт и девѣтѣ или стб и дев. и девѣтѣх; четиртѣ или четиртѣх стотин—также съ другимъ акцентованьемъ: стотин; тѣ же разновидности члена и второго имени у чиселъ пѣтстотин, шѣстстотин, седемстотин, осемстотин и девѣтстотин. По Цанковимъ, употребительны и сочетанья чѣтирстотинтѣ, пѣстотинтѣ и т. д. Говорятъ также чѣтир, пѣт, шѣст, седем, осем, девѣт стотини. Стотини замѣчательно, какъ остатокъ множинаго рѣдника предметницы стотина сотня. Обыкновеннымъ членомъ пользуются только една—едната и хилѣда тысяча (=греч. χιλιάς)—хилѣдата. Та представляютъ еще трѣстата и двѣстѣта, а также двѣта (или двѣта); только у нихъ, по Цанковимъ, не глухое, а чистое а — Цанковы пишутъ (даю кириловскую транскрипцію): еднѣ-тѣ, хилѣдѣ-тѣ, но трѣстѣ-та, двѣстѣ-та. Два съ членомъ можетъ звучать и двѣта х, а въ женскомъ и среднемъ родѣ—двѣтѣ и двѣтѣх. Цанковы велѣтъ произносить двѣ, но съ членомъ—двѣтѣ, -тѣх, и, согласно тому, также двѣ хилѣди и двѣтѣ хилѣди. Выговоръ *двѣ*, рядомъ съ *двѣ*, д. б. развился въ соединеньяхъ вродѣ *двѣхъ крака* (при *двѣхъ сѣлѣ*). Число одинъ съ членомъ въ мужскомъ родѣ является въ видѣ еднѣ т или еднѣиѣт; въ среднемъ родѣ, конечно, еднѣо *). Отмѣтимъ далѣе замѣну при лично-мужескихъ предметницахъ числовокъ отъ 2—9 производными словами: двѣма, двамѣна, двойца; трѣма, трѣмѣна, трѣйца; четирма, четирмѣна, четвѣрица; пѣтѣма, пѣтмѣна; шѣстѣма, шѣстмѣна; седемтѣма, седмѣна; осемтѣма, осмѣна; девѣтѣма и девѣтмѣна—напр. двѣма (съ членомъ: двѣмата) юнѣци, трѣйца синовѣ, четирма брѣтя. Сравнимъ русскія

*) Числовка еднѣ также сама играетъ роль члена—*неопредѣленного*, напр. „на, от това прозѣрче ще ги изглеждаш всѣчкитѣ, като *еднѣ нар*“ (Вѣзов, Под ѣгото, Сѣфия 1896, част I, XXXI, стр. 209)—Hier durch dieses Fensterlein wirst du sie alle sehen, wie *ein* König; Voilà par cette petite fenêtre tu les verras toutes, comme *un* roi. Однако неопредѣленный членъ далеко не въ такомъ ходу, какъ у нѣмецкѣ и у французовъ: тамъ же, стр. 212, мы читаемъ „Това бѣше цѣла планина“—Das war *ein* ganzer Berg, C'était *une* montagne entière.

слова Тройца, осьмина (мѣра), десятина и сербокия выражены: двојца, трѳјца, четворца јумака. Что жъ до окончанія -ма, то въ немъ приходится видѣть измѣнившую свое значеніе и распространившуюся за первоначальные предѣлы наставку давальнотворнаго падежа двойнаго числа. (Сравнимъ сербскій давальнотворно-мѣстный падежъ трѳма, четирма). Наконецъ замѣтимъ еще лично-мужескія неопредѣленки: малѳина рибари немногіе рыбаки, мнозина орачи много пахарей и нѣколькоина овчари нѣсколько (овечьихъ) пастуховъ.

Глаголь.

Глаголь у болгаръ понесъ большія утраты въ области именно-глагольных формъ, но въ области личныхъ сохранилъ все праславянское богатство и даже нѣсколько умножилъ его.

Болгарскій языкъ почти вовсе устранилъ *инфинитивъ* и замѣняетъ его цѣлымъ предложеніемъ. Вм. „читать“ болгаре говорятъ „что (чтобы) я читалъ, что (чтобы) ты читалъ“ и т. д., употребляя при этомъ союзъ *да*: „учи си момчѳето да четѳе“ doce puerum tuum ut legat, „лѳсно е да речѳ нѳкой“ facile est ut aliquis dicat, „можете-ли да ми вѳрувате?“ potestisne ut mihi credatis? То же весьма обычно, однако не обязательно, у сербовъ: въ 1-мъ изданіи Караджичевыхъ народныхъ сказокъ выраженіе „теперь они стали уговариваться, какъ будутъ молотить“ звучитъ (въ сказкѣ Мѳѳад, свѳйна и лѳсица) „Сад се стапе договарати како ће да вршѳ“, а во 2-мъ—„како ће врѳѳѳи“. Подобнымъ же образомъ инфинитивъ описывается по-новогречески, посредствомъ *να* (=древнему ἵνα), такъ что „хочу писать, θέλω γράφειν“, будетъ θέλω να γράφω. Такая же замѣна, говорятъ, употребляется въ албанскомъ. Миклошичъ въ виду этого предположилъ, какъ и для привѳочнаго члена, что здѣсь отражаются свойства древняго фракійскаго языка. Въ иныхъ случаяхъ, впрочемъ, и по-болгарски употребляется инфинитивъ, въ сильно усѳченномъ видѣ, съ полнымъ опущеніемъ окончанія. Такой инфинитивъ ставится при глаголѣ *мошти*: „можеш-ли испѳ този цѳр?“ можеш ли ты выпить это лѳварство?. „не мога зѳ“ не могу ѳзѳати. Сведенный къ инфинитивной основѣ инфинитивъ д. б. восходить ближайшимъ образомъ къ формѣ на *m* вм. *ти*, подобной русскому инфинитиву на мягкое *m*. Аналогію болгарскимъ инфинитивамъ представляютъ румынскіе *cantá, face, auzi* изъ *cantare, facere, audire*, также областныя итальянскіе, въ родѣ римскаго *cantá*, непосредственно примыкающіе къ

допускаемымъ литературной итальянщиной усѣченнымъ cantar, fâcer, udir. Кромѣ единичныхъ выраженій, болгаре пользуются своимъ усѣченнымъ инфинитивомъ, притомъ весьма часто, въ нѣкоторыхъ описательныхъ формахъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Совершенно утраченъ супинъ. Впрочемъ, нѣкоторый слѣдъ его можно видѣть въ безнаставочномъ инфинитивѣ, т. е. основная для этого инфинитива форма на *m* вѣроятно возникла не безъ участія супина.

Нѣтъ, далѣе, *причастія настоящаго дѣйнаго*, которое даже въ видѣ папричаства встрѣчается лишь въ областной рѣчи. Македонскія пѣсни представляютъ формы метеши, шчи, ки метя, глѣдаещи, шчи, ки глядя, гляючи (указывая). Обыкновенная же болгарщина пользуется нарѣчiami на ѣшкѣ: игрѣшкѣ, плетѣшкѣ, орѣшкѣ, а также и формами на ѣщѣ, ащѣ: четѣщѣ и прѣвождѣщѣ читая и перевода. Въ томъ же родѣ и македонскія гризѣешчѣмъ грызя, седѣежюмъ сидя.

Исчезло также *дѣйное причастіе прошлостное склоняемое*, и притомъ безслѣдно.

Не сохранилось, наконецъ, и *настоящаго причастія терпнаго*— послѣдняго, впрочемъ, нигдѣ не существуетъ, въ видѣ живой обиходной формы: даже по-русски любимъ, принимаемъ и т. д. носятъ болѣе менѣе книжный характеръ.

Изъ причастій въ полномъ ходу только *прошлостное причастіе дѣйное спрягаемое (элевое)* и *прошлостное причастіе терпное*; первое развило себѣ даже новую разновидность—*элевое причастіе имперфектное*, въ противоположность которому обыкновенное элевое причастіе можно назвать элевымъ причастіемъ *перфектнымъ*. Примѣры на *элевое причастіе перфектное*: пил, ла, ло, играл, ла, ло, плел, ла, ло, бѣл (кости колоть), бѣла, ло, пекъ л, кла, кло, могъ л, гла, гла, не съ л, сла, сло; множное число (для всѣхъ родовъ) кончается на *ли* или на *ле*: пили, играли и т. д., что пишется также *пилеи* т. д., при чемъ подъ удареніемъ явственно слышится *е*: бѣл (бѣль), билъ, лѣ—билѣ, дошел (пришелъ), дошла, -шло—дошлѣ; впрочемъ, въ Софійскомъ округѣ наблюдается постоянное употребленіе *ли*, напр. дошли, могли, рекли, да и Цанковы выставляють *били* рядомъ съ билѣ. Окончаніе *е*, примѣры на которое восходятъ къ XII вѣку, приходится объяснять вліяніемъ назывниковъ на *е*, какъ *родителю, сыновою* и т. п. *Имперфектная элевка* производится отъ имперфекта: бодѣх (когдакъ) даетъ бодѣл, пишах (вм. пьсахъ)—пишад. Элевка можетъ употребляться и какъ настоящее причастіе: „като плаватели, прѣтърпѣли кораблекрушеніе“; „Овчарка проста, битка не видѣла“ про-

стая пастушка, не выдавшая битвы; „статуята на Зевеса имала вид на почтен мѣж, сѣдѣлъ на прѣстолъ съ свѣтъ въ рѣкѣ“—сѣдѣлаго.

Причастіе прошлостное терпное представляетъ извѣстныя наставки **тъ** и **тъ**: **убодѣн** (**убоден**) уволоть, испитъ выпить, женскій и средній родъ и множина: **убодѣна**, **-но**, **-ни** (**убодѣна**, **-но**, **-ни**), **испѣта**, **-то**, **-ти**. Отмѣтимъ отсутствіе смягченія у ижевыхъ глаголовъ: **позлатѣ**—**позлатѣн**, **погодѣ**—**погодѣн**. У македонцевъ, впрочемъ, слышится также **поздажен**, гдѣ естественно понимать какъ плодъ смягченія, хотя его пожалуй можно бы выводить также изъ вторичнаго **т**. *Т* в м. *шт* и *д* в м. *жд*, очевидно, возстановлены по примѣру другихъ, нѣкогда не смягчавшихъ своего созвучника формъ. То же толкованіе приложимо къ **ѣупен**, **похабѣн** испорченъ, **удовѣн**, **наѣбрмен**, хотя они могутъ объясняться и фонетически.

Настоящее. 1 лицо единнаго числа обыкновенно кончается на глухой гласникъ, равный древнему **ж**: **плетѣ**, **рекѣ**, **вѣрхѣ** молочу, **пѣшѣ**, **зобѣ** влюю, **ѣмѣ**, **свѣтѣ**, **видѣ**, **клеветѣ**. На послѣднихъ примѣрахъ (сравнимъ выше, строка 7) мы замѣчаемъ, что здѣсь, такъ же, какъ въ терпно-прошлостномъ причастіи, не бываетъ смягченія, которое у зубныхъ звуковъ несомнѣнно, а вѣроятно и у губныхъ, устранено подъ вліяніемъ другихъ лицъ и другихъ временъ. Областной выговоръ знаетъ еще, у глаголовъ мягкаго окончанія, *е* в м. **ж**: **пѣше**, **зобе**, **свѣте**, **виде**, **клеветѣ**, **бѣсе** *), каковое *е* развилось изъ замѣнишаго древнее **ѣ** среднеболгарскаго **ѣ**, тогда какъ теперешнее **ѣ** заимствовано у глаголовъ твердаго окончанья. Также, надо думать, не звуковымъ, а подражательнымъ путемъ нерѣдко *изчезаетъ мягкость созвучниковъ*, и произносятъ **зобѣ**, **свѣтѣ**, **видѣ**, **клеветѣ**, **бѣсѣ** **)—подъ вліяніемъ **гребѣ**, **плетѣ**, **ведѣ**, **несѣ**, **идѣ**. При корнѣ на гортанникъ замѣчается и обратное явленіе—усвоеніе отъ другихъ лицъ смягченія: **печѣ**, **можѣ**, **вѣршѣ** рядомъ съ **пекѣ**, **могѣ**, **вѣрхѣ**.—Нѣкоторое распространеніе противъ первоначальныхъ предѣловъ получила флексія **м**: она съ глаголовъ **ям**, **дам** и **имам** (*къ* едвали вліяло на это, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ образомъ) перешла къ глаголамъ азовымъ, такъ что появились: **дѣлам** обрубая, **бѣгам**, **чѣвам** слушаю, слышу, **бѣням** купаю. Къ азовымъ глаголамъ примыкають **ѣ**ковые, у коихъ настоящая основа уподобилась

*) Этотъ простой глаголъ очевидно былъ отвлеченъ отъ предложнаго **бѣсе** повѣстѣ, гдѣ какъ предлогъ стало чувствоваться одно о.

) **ѣ произносится за **е**.

инфинитивной, навязавъ ей со своей стороны звукъ у: вм. *коупоуки* (инф. *коупокати*) возникло *купѣва м-купѣва*. Однако азбѣные глаголы сохраняютъ окончаніе *аж*, когда удареніе падаетъ на примѣту: *игрѣаж*, *копѣаж*. Замѣтимъ, что какія-нибудь *вѣтълаж*, *снѣж*, по чисто народному выговору, звучатъ *вѣчѣж*, *снѣж*. Въ македонскихъ говорахъ всѣ глаголы вм. *а* (равнаго *ж*) могутъ кончатся на *ам*: *йда и йдам*, *носа* (ношу) и *носам*; есть также, основанныя на другихъ лицахъ, *идем*, *носим*. — 2-ое *лицо* представляетъ, какъ почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ, окончаніе *ш*: *плетѣш*, *летѣш*, *дѣлаш*. Азбѣные глаголы произвели здѣсь, а также и въ другихъ лицахъ, опять-таки сходно со всѣми почти славянскими языками, — стяженіе. Въ единномъ 1-воличьи на *ам* (*дѣлам*, *купѣвам*) конечно не происходило стяженія, а имѣется новотворка къ другимъ лицамъ. Въ мягкой разновидности азбѣныхъ глаголовъ 2-ое л. единнаго числа (также 1-е и 2-ое множнаго), въ силу извѣстнаго звукового закона, превращаютъ *а* въ *е*: *бѣнашъ*, *вѣлашъ* пропзносятся *бѣнешъ*, *вѣлешъ*. При единномъ 1-воличьи на *аж* и 2-ое л. представляетъ соотвѣтственное окончаніе *аш*: *игрѣаш*. *Аеш*, т. е. *а-ж-е-ш*, можетъ опускаться *е*, такъ что получается *игрѣйш*. Отсутствіе стяженія и опущеніе гласнаго послѣ *ж* замѣчается и въ остальныхъ лицахъ. Такое же соображеніе происходитъ и въ другихъ іотовыхъ настоящихъ: *бѣеш* или *бѣйш*, *желѣеш* или *желѣйш*. — 3 *лицо* единнаго числа, какъ въ большинствѣ славянскихъ языковъ, утратило флексію *тъ*, и признакомъ его служить безуффиксность: *плетѣ*, *летѣ*, *дѣла*, *игрѣе* (*игрѣй*). Впрочемъ македонская рѣчь знаетъ наставку *т*, напр. *вѣзитъ* *взѣтъ*, *именѣват* *именѣтъ*.

Множное 1-воличье, кромѣ безсложнаго окончанія *м* изъ *мх*: *плетѣм*, *летѣм*, представляетъ еще своеобразное окончаніе *ме*: *дѣламе*, *купѣваме*. *Ме* является у глаголовъ, гдѣ *м* присвоено единному числу; въ областной, македонской, рѣчи отмѣчены однако и такія образованья, какъ *носиме*, *идеме*. Флексію *ме* соблазнительно признавать лишь дурнымъ написаніемъ вм. *ми*, которое можно бы отождествить съ инославянскимъ (серболужицкимъ, польскимъ, отчасти чешскимъ и церковно-славянскимъ) *ми*, возникшимъ подъ очевиднымъ вліяніемъ соотвѣтственнаго мѣстоименія. Но областное произношеніе достаточно свидѣтельствуешь о дѣйствительномъ существованіи наставки *ме*. (Привлекаемое къ дѣлу Миклошичемъ односложное *сме* *смы* не имѣетъ большой доказательности, т. к. оно — безударка: братья Цанковы и пинуть *см*). 1-воличное *ме* бытуетъ еще въ чешскомъ языкѣ: *děláme*, при единнѣ *dělám*, и могло бы быть отождествлено съ литовскимъ *me*: *sūkame* *вертимъ* и сопоставлено (или также отождествлено) съ греческимъ, *дорій-*

скинь, *ме*: *фѣромас*; однако возведеніе наставки свойственной лишь двумъ славянскимъ языкамъ къ праславянской порѣ—рисковано, а кромѣ того чешское *е* допускаетъ звуковое объясненіе изъ конечнаго *ъ*, прояснѣвшаго въ связной рѣчи, передъ группою созвучниковъ, или можетъ быть заимствованіемъ у 2-го лица; послѣднее толкованіе приложимо и къ болгарскому языку, и я склоненъ его принять:—2-ое *лицо* множнаго числа, съ только что упомянутымъ *те*: *плетѣте*, *летѣте*, *дѣлате*, *купѣвате*, *играѣте* (*играйте*), не заслуживаетъ, чтобы на немъ останавливаться.—*Множное 3-елице* расходится съ единичнымъ относительно звука *т*: оно его сохраняетъ, напр. *плѣтъ*, *мѣтъ*, *игрътъ*, *зѣбѣтъ*, *свѣтътъ*, *кроѣтъ*. Глухой въ мягкія окончанія внесенъ изъ твердыхъ—при чисто звуковомъ развитіи получило бы (что и встрѣчается въ областной рѣчи) *игрѣет*, *зѣбѣет*, *свѣтет*, *крѣет*. У азбыхъ глаголовъ, расходясь съ остальными славянскими языками, которые въ этомъ лицѣ, при стяженіи въ другихъ лицахъ, употребляютъ открытое окончаніе, напр., по-сербски *вјѣнчам*, *-чаш*, *-ча*, *-чамо*, *-чате*, но *вјѣнчају*, болгарскій представляетъ односложное -ат: *дѣлат*, *купѣват*. Эти формы легко могутъ быть новотворками къ остальнымъ лицамъ, хотя отмѣченное у македонцевъ долготное *ѣт*, при единичномъ -ат съ краткостью, необходимо объяснять пavidѣйшимъ стяженіемъ изъ -аѣт, -аѣт. Въ 3 лицѣ множнаго числа повторяется отмѣченная въ 1-мъ лицѣ единнаго утрата мягкости и переходнаго смягченія, а съ другой стороны также вторичное смягченіе задненебныхъ: *свѣтътъ*, *хѣдѣтъ* рядомъ со *-тътъ*, *-дѣтъ*, *зѣбѣтъ* и *зѣбѣтъ*, *клевѣтътъ* и *клевѣтътъ*, *неѣтъ* и *неѣтъ*, *мѣтъ* и *мѣтъ*, вм. староперевныхъ *стѣтѣтъ*, *ходѣтъ*, *ходѣтъ*, *мавѣтътъ*, *мавѣтъ*, *могѣтъ*. Отмѣтимъ еще встрѣчаемое въ македонскихъ говорахъ окончаніе -еет, напр. *пѣеет*, *зѣеет*, *нѣеет*, *мѣеет*; такія формы какъ *пѣет*, *зѣет* (изъ *мавѣтъ*, *мавѣтъ*) могли приобрести второе *е*, подъ влияніемъ темоваго *е* другихъ лицъ, а затѣмъ усложненная наставка -еет перешла и къ ижевымъ глаголамъ. Аналогію представляетъ окончаніе -еѣо рядомъ съ -о у словенцевъ (*о* по-словенски=ж): *pletó* и *pletéjo*, а также -еѣа рядомъ съ -а въ верхнезулицкомъ: *pletu* и *plečeja*.

Велительное наклоненіе, какъ по-русски, имѣетъ только 2-ое лицо. Множное число его сохраняетъ примѣту *ъ*: *плѣтъ*, *плѣтъте*; *бѣдѣтъ*, *бѣдѣте*. Ъ вероятенъ и на ижевые глаголы: *свѣтътъ*, *свѣтъте*; *кроѣтъ*, *кроѣте*. У македонцевъ встрѣчается и *те*: *мавѣтъте* и т. п. Безударное *и* послѣ гласныхъ, какъ во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, стало неслогóвымъ: *пѣтъ*, *пѣте*; *дѣлатѣтъ*, *дѣлатѣте*; *живѣтъ* (*живѣтъ*), *живѣте*. Замѣтимъ еще, что болгарское велительное, подобно ла-

тинскому, не можетъ принимать отрицанія, за исключеніемъ сочетанія не дѣй, не дѣйте отъ утраченнаго глагола дати или дати, каковое и служить, вмѣстѣ съ усѣченнымъ инфинитивомъ, для выраженія запрета: не дѣй писа (писа) *noli scribere*, не дѣйте купѣва *nolite emere*.

Аористъ. У болгаръ доннѣ въ полномъ ходу простыя прошедшія. Изъ аористовъ они, правда, не сохранили ни безпримѣтнаго, типа *идъ* (собственно принадлежащія къ нему формы 2-го и 3-го лица *иде, плѣте, не се* — въ счетъ не идутъ), ни аориста ѓсоваго однопримѣтнаго — *уисъ*, ни хѣроваго-корневого — *рахъ*; но постоянно употребляютъ такія формы, какъ *хвалѣх, и грах, писах (писах), клѣх, плѣтох (плѣтох)*. Болгаре по всѣмъ лицамъ своего аориста, кромѣ 2-го и 3-го единны, провели примѣту *х*, и говорятъ *вм. вѣстости, -оша — плѣтохте, -охъ*. Множное 1-воличье: *плѣтохме; хме* *вм. дѣмъ* — явная уступка 2-му лицу, которое въ свою очередь усвоило себѣ отъ 1-го лица *х* въ замѣнѣ *с*. Хж стало на мѣсто *ше* въ подражаніе имперфекту, но конечно не безъ содѣйствія 1-воличныхъ формъ самого аориста. Аналогичныя измѣненія множнаго 1-воличья замѣчаются въ языкахъ сѣверо-западныхъ и въ сербскомъ. У чеховъ, встарину, мы встрѣчаемъ аористныя формы вродѣ *zdeřachme* и *-chmu* при *-chom*, у лужичанъ и теперь *zdzěřachmu*; также у поляковъ въ старинной и областной рѣчи является, какъ знакъ условнаго наклоненія, *bychmu*; по-сербски есть областная форма *плѣтомо*, гдѣ *-мо*, съ обычнымъ у сербовъ онѣмѣніемъ звука *х*, произошло изъ *-хмо* — сходство представляетъ и ходячее окончаніе *-смо*: *плѣтосмо*. Въ 3 лицѣ сходны съ болгарскимъ лишь сѣверо-западные языки: по-чешски говорилось *zdeřachu*, по-лужицки имѣется *zdzěřachu*, по-польски встрѣчалось *bychę* (другіе читаютъ *bychą*); въ сербскомъ языкѣ мы видимъ правильное отраженіе стародерковнаго окончанія *ша*: *плѣтоше*. *Е* слышится и у болгаръ, а именно въ македонскихъ *рѣкое, фалие, писае*, сохранившихъ отраженіе звука *д*, но усвоившихъ наравнѣ со своими дублетами *рѣкоа, фалиа, писаа*, онѣмѣвшій впоследствии звукъ *х*.

Имперфектъ. Имперфектная примѣта, какъ и во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, знающихъ имперфектъ, всегда является въ стяженномъ видѣ: *ъ* и *а* *вм. яд. мд.* Развившаяся при стяженіи долгота по-болгарски конечно утрачена. Итакъ, мы видимъ формы 2-го и 3-го лица единнаго числа *плѣтѣше, горѣше, и граше*. Полное спряженіе имперфекта *встахъ* будетъ: *плѣтѣх, плѣтѣше, плѣтѣше, плѣтѣхме, плѣтѣхте, плѣтѣхж*. Отмѣтимъ, что 1-ое и 2-ое лицо множны произносятся *плѣтѣхме, плѣтѣхте*. Это можно объяснять тѣмъ, что звукъ *х* не есть, и никогда не былъ мягкимъ; но едвали ли лучше

думать, что тутъ вліяли *плетѣх* и *плетѣхъ*, а также непримѣненное еще ко 2-му лицу *плетѣхом*, породившія выговоръ *плетѣсте* (или прямо *плетѣхте*) вм. самороднаго *плетѣсте*. Насчетъ окончаній -хте и -хте сравнимъ аористъ. Хте въ имперфектѣ также находятъ себѣ инославянскія аналогіи: старочешскія *pletiechme* и -chmu при *pletieschom*, верхнелужицкое *plešechmu*, нижнелужицкое *plešechmy*. Вслѣдствіе стяженія и утраты долготы, а также вслѣдствіе усвоенія аористомъ имперфектнаго окончанія -хъ, нѣкоторые имперфекты, кромѣ 2-го и 3-го лица одинны, совпали съ аористами. Такъ формы *мрѣх*, *горѣх*, *дѣлах*, *мрѣхме*, -хте, -хъ и т. д. употребляются и для аориста, и для имперфекта, и разница замѣчается только въ двухъ указанныхъ лицахъ: аористъ—*мрѣ*, *горѣ*, *дѣла*, имперфектъ—*мрѣше*, *горѣше*, *дѣлаше*. Припомнимъ, что прозносятся, какъ отмѣчено выше, въ фонетикѣ, *мрѣ*, *мрѣ*. Отъ совпаденія имперфекта съ аористомъ нерѣдко уклоняются посредствомъ вторичныхъ образованій, исходящихъ отъ настоящаго, напр. *желѣях*, *пѣсахъ* къ *желѣхъ*, *пѣсхъ* вм. стародерковныхъ *желѣхъ*, *пѣсхъ*—аористы *желѣх* и *пѣсхъ* (*пѣсхъ*). Иногда имперфектъ, совпадая въ остальномъ съ аористомъ, расходится съ нимъ по ударенію: *зѣхъ* *зѣваю*, *зію* представляетъ имперфектъ *зѣях* и аористъ—*зѣяхъ*. Встрѣчается однако и совпаденіе аориста съ имперфектомъ, каковаго мы бы не ожидали: *берѣхъ*, вм. *берѣхъ*,—стародерковному *берѣхъ*, образуетъ и *брѣхъ*. (Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что пользуются преимущественно, если не исключительно, достаточно характерною по окончанію формою *брѣше*).

Корневые глаголы. Настоящее глагола *вѣти* звучитъ слѣдующимъ образомъ: *съм* вм. *всмь*, *си* вм. *всь*, *е* или *й* (безсложно), вм. *всть*, *сме* вм. *всмь*, *сте* вм. *всть*, *сж* вм. *сжъ*. Утрата начальнаго слога можетъ объясняться прислобнымъ (энклитическимъ) употребленьемъ этихъ формъ—сравнимъ мѣстоименныя формы *ю* и *му* изъ *юго* и *юмоу*. Но можно думать также о вліяніи уже издавна безсложнаго корня множнаго 3-вѣличья. Срв. еще Краткую сербскую фонетику, стр. 36. Между *съм* и древнѣйшимъ *всмь* стоитъ переходная фонема *jesgm*, засвидѣтельствованная среднеболгарскими памятниками. Кстати отмѣтимъ новотворный аористъ *бѣдохъ*, рядомъ съ *бѣхъ*, и такой же имперфектъ *бѣдѣхъ*, рядомъ съ *бѣхъ*, возникшіе подъ вліяньемъ настоящей формы *бѣджъ*; отъ *бѣдѣхъ* образуется имперфектная злевка *бѣдѣл*. Глаголь *вѣсти* сохранилъ 1-ое лицо *вѣм*, стародерк. *вѣмъ* *); 2-ое лицо *вѣши* (*я* сузилось

*) Написаніе черезъ *ѣ* (въ виду стародерковнаго, т. е., надо думать, староболгарскаго, *ѣ*) слѣдуетъ считать неисторическимъ.

въ е), ви. исти, пригнѣнилось къ темовымъ глаголамъ; также и множное 3-беличье ѣдѣтъ ви. идати, что должно было дать једѣтъ, подражаетъ темовымъ формамъ бодѣтъ, плетѣтъ. Отъ этого 3-беличья исходятъ 3-ье лицо одинаго числа и 1-ое и 2-ое множнаго: ѣдѣ, ѣдѣм, ѣдѣте, прямыя новотворки по темовому спряженію. Такой же видъ можетъ принимать 2-ое лицо однинаго, звучащее тогда ѣдѣши. Велительное, сохранивъ староцерковное иждѣ въ видѣ ѣж, образовало также вторичное ѣжете ви. идати. Такимъ же архаизмомъ и полуархаизмомъ являются и ѣж (иждѣ) и иждѣте (идати). По ихъ, вѣроятно, примѣру возникли и бѣж, бѣжете и дѣрж, дѣржете. Есть еще лѣж, лѣжете рядомъ съ лежѣ, лежѣте, а также неполнѣ аналогичныя влѣж, влѣжете войди, -ите и излѣж, -жете, да направ, -жете, остав, -жете рядомъ съ направѣ, -жете, оставѣ, -жете. Глаголь дати сохранилъ 1-ое лицо одинаго числа дам (впрочемъ флексія м въ дам и ям, вслѣдствіе перенесенія ея на азбвныя глаголы, перестала быть характерною) и 3-ье множнаго, опять-таки съ иввторнымъ измѣненіемъ, — дадѣтъ, равное рус. дадутъ, ви. ддати. Остальныя лица, также какъ у исти, представляютъ новотворки ко множному 3-беличью: дадѣши, дадѣ, дадѣм, дадѣте. Велительное наклоненіе звучитъ дай, дайте ви. даждѣ, ддите—этъ, въ настоящее время общеславянская, форма есть или подражаніе такимъ велительнымъ, какъ и грай, дѣлаи, или перетолкованіе (тоже не безъ участія этихъ велительныхъ) староцерковнаго дам, дати отъ глагола дати-даждѣ давать. Глаголь дати, значить, сохранилъ меньше древнихъ формъ, чѣмъ исти. У него слѣдуетъ отмѣтить еще новотворное къ настоящему причастіе даден, рядомъ съ давнинимъ дан. Срав. русское народное „рано видадена“ въ ивонѣ „Спитоя итѣ, младешенькой, дремлется“. Глаголь идати утратился.

Описальныя формы спряженія.

Мы встрѣчаемъ у болгаръ тѣ же двѣ описальныя формы прошедшаго, которыя намъ извѣстны изъ староцерковнаго языка: прошедшее совершенное (перфектъ) и давнопрошедшее или преждепрошлое (плюсquamперфектъ).

Перфектъ имѣетъ двоякій составъ. Во-первыхъ — обыкновенный, согласный со староцерковнымъ: сплѣл съи, сълагл исти. Въ 3-мъ лицѣ помогающий глаголь нерѣдко опускается: пасьл или просто пасьл, на рждѣ съ го носѣли или на рждѣ го носѣли. По другому способу перфектъ слагается изъ того же злеваго

причастія спрягаемаго глагола и изъ перфекта помогальнаго, т. е. употребляется соединеніе, служащее въ другихъ славянскихъ языкахъ, иногда (но чуть-ли не по ошибкѣ) и въ старосербовномъ, для выраженія преждепрошлаго: *плѣл сѣм бѣл*.

Преждепрошлое образуется такъ въ старосербовномъ, такъ, что состоитъ изъ злеваго причастія спрягаемаго глагола и изъ имперфекта глагола: *плѣл бѣх*. Есть однако и другой способъ—сочетанье того же причастія съ лористомъ *бѣхъ*: *плѣл бѣх*. О послѣднемъ соединеніи, выражающемъ въ другихъ языкахъ только условное наклоненіе, рѣчь будетъ еще ниже.

Болгарскій языкъ обладаетъ также однимъ описальнымъ сочетаніемъ, свойственнымъ ему одному: это *описальный имперфектъ*, состоящій изъ новотворнаго имперфектнаго причастія и настоящаго — помогальнаго глагола: *плѣл сѣм, бѣял сѣм, пѣшал сѣм*.

Будущее время по-болгарски постоянно описывается, хотя бы глаголь и принадлежалъ къ совершенному виду (то же самое у сербовъ и у словенцевъ): даже форма *бѣдѣ* сама по себѣ не обозначаетъ будущаго. Помогальнымъ глаголомъ служитъ здѣсь *хѣти*, играющее такую роль и въ старосербовномъ: *лѣсати хѣтихъ*. *Хѣтихъ* является въ видѣ *щѣж*—обезсложненіе корня можно бы оправдать экиклитичностью помогальнаго глагола, но естественнѣе исходить отъ извѣстной въ старосербовномъ глухой огласовки: *хѣтихъ*. Болгарское будущее представляетъ нѣсколько разновидностей. Главныхъ разновидностей двѣ: 1) соединеніе помогальнаго глагола съ усѣченнымъ инфинитивомъ спрягаемаго и 2) соединеніе его съ настоящимъ. Итакъ, мы отъ глагола *кѣрѣти* имѣемъ будущее: *брѣ щѣж, брѣ щѣш, брѣ щѣ, брѣ щѣм, брѣ щѣте, брѣ щѣт*. Такимъ же образомъ *лѣсати, хвалѣти, плѣсати, шѣти, шѣти* образуютъ: *пѣсѣ щѣж (пѣсѣ щѣж), хвалѣ щѣж, плѣ щѣж, нѣ щѣж, пѣ щѣж*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что въ этихъ сочетаніяхъ и развился темовой инфинитивъ (ближайшимъ образомъ изъ усѣченнаго): какое-нибудь *хвалѣт штѣж* легко могло перейти въ *хвалѣ штѣж*. 2-ой способъ выраженія будущаго самъ является въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ: Основнымъ изъ нихъ слѣдуетъ считать подчиненіе посредствомъ союза *да*: *щѣж да берѣж (дѣло ѡ ѡна ѡмѣрѣво, = ѡлѣфорѣ)*, *щѣш да берѣш*, *щѣ да берѣ*, *щѣм да берѣм*, *щѣте да берѣте*, *щѣт да берѣт*. Сочетанья эти обыкновенно упрощаются посредствомъ опущенія союза, такъ что говорится *щѣж берѣж, щѣш берѣш, щѣ берѣ, щѣм берѣм, щѣте берѣте, щѣт берѣт*. Далѣе помогальный глаголь, чувствуемый уже какъ приставка, можетъ застыть въ одной

формъ—или 1-го, или 3-го лица единны (наиболѣе простыхъ): щж берѣ, щж береш, щж берё. щж берём, щж берёте, щж берѣт, иначе—ще берѣ, ще береш, ще берё, ще берём, ще берёте, ще берѣт.

Особо отмѣтимъ будущее глагола *быти*: щж бѣдѣ или щж сѣм. а также инфинитивныя (болгаре, кажется напрасно, говорятъ „неопредѣленныя“) будущія глаголовъ отѣдѣ *уйду* и дѣдѣ *приду*, входящіяся, также какъ и настоящія, въ нѣкоторомъ взаимномъ противорѣчии: отѣ щж и дѣ щж.

Въ областной рѣчи помогающій глаголъ является еще въ нинхъ видахъ: ждѣ и жде, жж и же, ше, ке, ста, са, зда, за, происхождение которыхъ отчасти неясно; ждѣ д. б. слито изъ щж да.

Преждебудущее (будущее совершенное) состоитъ изъ будущаго глагола *быти* въ соединеннѣ съ злымъ причастіемъ спрягаемаго: щж бѣдѣ сплѣл или щж сѣм сплѣл.

Условное наклоненіе у болгаръ можетъ описываться по общеславянскому способу, при помощи злеваго причастія и аориста *быхъ*: прѣдѣл бих, развеселѣл се бих, ако ме би зѣл царот (если царь взялъ бы меня). Можно думать, что эти выраженія отличаются отъ такихъ же сочетаній въ смыслѣ преждепрошлаго полною безударностью помогающаго глагола, который тамъ д. б. получаетъ второстепенное удареніе: рѣкѣл б и *dicat* и рѣкѣл б ѣ *dixerat*. Обыкновенно болгаре выражаютъ условность лишь посредствомъ союзовъ да, ако, ако да, соединяемыхъ чаще всего съ настоящимъ, а для прошедшаго времени съ имперфектомъ несовершеннаго вида. Т. к. рассказъ ведется предпочтительно въ настоящемъ совершеннаго вида, то настоящее несовершенное, въ добавокъ принимающее иногда своеобразную форму, можно даже назвать. вслѣдъ за Цанковыми, условнымъ наклоненіемъ. Примѣры: „да имамъ мастѣло, пишевамъ“ если бѣ у меня были (теперь) чернила, я бы писалъ; „азъ сѣ исежпувахъ, ако не бѣше водата толкоз студена“ я бы (тогда) купался, если бы вода не была такъ холодна; „испѣвалъ сѣмъ сѣчкото вино, ако да сѣ го билѣ дѣли“ я бы (тогда) выпилъ все вино, если бѣ его дали.

Терпный (страдательный) залогъ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, можетъ быть выраженъ: 1) посредствомъ соединеннѣ терпнаго причастія съ соответственной формою глагола *быти*: бѣт, бѣта, бѣто сѣм; бѣт, -та, -то, си; бѣте; бѣта е или бѣта ѣ; бѣто е или бѣто ѣ; бѣти сме; бѣти сте; бѣти сж и т. п. 2) посредствомъ залога возвратнаго: хвѣлъ сж—хваляюсь или меня хвалятъ. Опять-таки сходно съ другими славянами, болгаре обыкновенно предпочитаютъ дать рѣчи дѣйный оборотъ: хвѣлът мж.

Приложение.

Грамматическіе труды.

Цанковъ, Антонъ и Драганъ Киріаковичи: Grammatik der bulgarischen Sprache, Von A. und D. Kyriak Cankof. Wien 1852.

Болгарскіе отдѣлы въ Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ Франца Миклошича: Vergleichende grammatik der slavischen sprachen von Franz Miklosich:

1) I Band. Vergleichende lautlehre d. sl. spr. Wien 1852. 2-ое изд. 1879 г. Начинаящимъ удобнѣе пользоваться 1-мъ изданіемъ.

2) III Band. Vergleichende formenlehre d. sl. spr. Wien 1856. 2-ое изд. 1876 г.: Vergleichende wortbildungslehre d. sl. spr. Русскій переводъ, со 2-го изданія, съ примѣчаніями и дополненіями, Шлякова и лектора: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, сочиненіе Франца Миклошича, перевелъ Николай Шляковъ подъ редакціей Романа Брандта. Выпускъ II. Языки словенскій, болгарскій и сербскій. Москва 1885. (Оттискъ изъ IX тома Извѣстій Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ). 2-ое изданіе (почти безъ перемѣнъ)—Москва 1890.

Безсоновъ, Петръ. Главные вопросы языка новоболгарскаго, условливающіе собою правописаніе. Вводная статья къ изданію „Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ болгаръ, издалъ Петръ Безсоновъ“. Москва 1855 г.—оттискъ изъ журнала: „Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей российскихъ“. Книга XXI.

Chleborad, Fr(anz) Lad(islaus). Bulgarische Grammatik. Leipzig. 1887.

Kalina, Antoni. Studyja nad historyją języka bulgarskiego. Kraków. 1891. Оттискъ изъ Журнала: Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XIV—XV.

Лавровъ, П(етръ) А(лексѣевичъ). Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Москва 1893. Оттискъ изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ“. Книга CLXVII (4-ая 1893 года).

Тиховъ. Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болгарскихъ пѣсенъ В(лад.) В(ас.) Качановскаго. Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“ 1890 г.

Флоринскій, Тимофей. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. Кіевъ 1895. Стр. 47—189. Здѣсь, стр. 49—57, можно найти также болѣе полную библиографію по болгарской филологіи.

С л о в а р и.

Богоровъ, И. М. Френско-български и българско-френски рѣчникъ. Френско-български дѣлъ. Віена 1871.

Дювернуа, А(лександръ). Словарь болгарскаго языка. По памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. Москва 1885—1889. Изданіе по большей части посмертное и обработанное П. А. Лавровомъ, при сотрудничествѣ Вяч. Ник. Щепкина, Б. М. Ляпунова и болгарина Ѳ. Г. Влайкова.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Стран. 2, стрк. 2 св. Мъгла значить туманъ.

Стран. 2, стрк. 12 св. Вм. цвѣтѣ нужно —ти! глаголь этотъ перешелъ въ другой разрядъ.

Стран. 2, стрк. 9 св. Также сѣрце, и это произношеніе (рядомъ съ сѣрцѣ-то) считается литературнымъ. На письмѣ въ этомъ словѣ, какъ и по-русски, является нѣмое *д*.

Стран. 3, стрк. 4 св. Буква *и* въ словѣ черн обыкновенно (чуть ли даже не всегда) опускается въ произношеніи, а нерѣдко и на письмѣ. Бытуеть также другая фонема—чѣрен.

Стран. 3, стрк. 12 св. И въ литературномъ языкѣ замѣчается стремленіе всегда произносить *ѣ* за *е* (д. б. подъ влияніемъ своихъ экающихъ говоровъ и языка русскаго). Такъ для слова человекъ правильнымъ считается выговоръ ч о в е к (притомъ съ *ѣ*).

Стран. 3, стрк. 7 св. У образованныхъ болгаръ сказывается стремленіе вездѣ возстановить *а*—д. б. это плодъ школьнаго фокусничанья хотя и въ живой рѣчи допустимо влияніе родственныхъ формъ, и п и л и н напр. могло вновь навязать звукъ *а* какому-нибудь п и е н и ца - п и я н и ца.

Стран. 4, стрк. 12 св. Отмѣтимъ еще странное появленіе въ мягкихъ слогахъ *и* вм. *у* и наоборотъ: к л и ч рядомъ съ к л ю ч, л ѣ б е милый, милая вм. л ѣ б е (почти всегда); ш у р ѳ к и ж ѳ в рядомъ съ ш и р ѳ к, ж ѳ в. Оно лишь отчасти оправдывается тѣмъ, что *у* въ такихъ слогахъ очень близко къ звуку среднему между *у* и *и*—*й*.

Стран. 4, стрк. 4 св. Чѣреп—черепокъ. Чаше ч ѳ р е п, также и ч ѳ р е м—это впрочемъ не выясняетъ, а еще болѣе запутываетъ вопросъ.

Стран. 5, серед. Обозначая болгарское удареніе посредствомъ акута, иногда буду пользоваться и грависомъ, для выраженья второстепеннаго, менѣе сильнаго, ударенія.

Стран. 6, стрк. 12 св. У Македонцевъ встрѣчается также согласный трифтонгъ *и*, выражаемый записывателями посредствомъ пгч, напр. ш ч е р к ѳ , п л ѳ ш ч а ш.

Стран. 7, стрк. 4 св. Вм. колѳч лучше было бы взять его болѣе обычный синонимъ к р а в ѳ й: с ѳ с к р а в ѳ и. (Кравѳй—круглый сдобный хлѳбъ, съ круглымъ отверстіемъ посерединѣ).

Стран. 7, серед. По крайней мѣрѣ *ѳ* вм. *ѣ* свойственно „большинству говоровъ“ (Лавровъ, Обзоръ, стр. 94; см. здѣсь, стр. 31). Слышащееся у книжныхъ людей *ѣ* едва ли что иное, какъ уступка письму.

Стран. 7, стрк. 11 сн. Кромѣ юнѣство, слышатся также юнѣштво и юнѣчество—послѣднее, надо думать, книжное.

Стран. 9, стрк. 5—6. Болгарское правописание представляетъ здѣсь окончаніе -ѣ, а въ соединеніи съ членомъ -ѣта.

Стран. 9, стрк. 9 сн. Отмѣтимъ подражающую ёровеамъ множину слова владѣка владыка, епископъ—владѣчи.

Стран. 9, стрк. 8 сн. Болѣст надо бы было написать, какъ въ 6-ой строкѣ сверху, черезъ *е*: -есть—это разновидность наставки -ость, и принимаемый иногда во вниманіе ѣ въ болѣѣж (глагольная примѣта) тутъ ни при чемъ.

Стран. 10, стрк. 17 сн. И кол можетъ имѣть коли, напр. купихъ пѣтъ колѣ коли дѣбови я купилъ пять возовъ дубовыхъ кольевъ. [Указаніе студента-болгарина Федора (Теодора) Стоянова, коему я обязанъ и нѣкоторыми другими указаніями].

Стран. 10, стрк. 16—14 сн. Существуетъ и выговоръ ѡвци; нормальной считается множина свѣщи, свѣщитѣ. Отмѣтимъ еще акцентованіе мѡлци, кѡнци (при молчитѣ, кончитѣ). Срв. мою статью „Нѣсколько мелочей. 4) Акцентныя крохи“, въ Юбилейномъ сборникѣ въ честь Всев. Фед. Миллера, гдѣ я напрасно не отмѣтилъ еще сербскихъ лѣнци цѣпи, при лѣнац, нѡвци деньги, при нѡвац, рѡдникъ нѡвца, монета, и мѡмци (или мѡмци) парни, при мѡмак.

Стран. 10, стрк. 11 сн. И со звукомъ *х*—лахтѣ, а также (даже чаще) съ другимъ удареніемъ лѣхте (при лахтѣтѣ). Фактич. б. лишь дурная орфографія.

Стран. 11, стрк. 4 и 3 сн. Въ имени Рѣдка, ласкательномъ отъ Рѣда, по этимологическому письму, нужна буква *д*.

Стран. 11, прим. Не только чѣркова, но и чѣрква. Вм. дѣщ и обыкновенно является, очевидно переименованное изъ него (подъ влияніемъ зѡвниковъ на *е*, а м. б. и фонемъ дѣщерѣ, щѣрка)—дѣще. Кремѣк—акцентованіе Цанковыхъ; г. Стояновъ произноситъ кремѣк, какъ написано и въ словарѣ Дювернуа. Существуетъ также (правда, неинтересное) кремѣн, кремѣни.

Стран. 12, стрк. 6 сн. Произносятъ также нѡги.

Стран. 13, серед. Крѣсник образуетъ и по обыкновенному способу крѣсникѡ.

Стран. 14, стрк. 2 сн. Есть также (что считается литературно-правильнымъ) Гѡспода, т. е. какъ по-русски.

Стран. 14, стрк. 12 сн. Отмѣтимъ сочетанья съ опредѣленіемъ, слѣдующимъ за предметницей или же предшествующимъ ей: пѣт к б ѳ н я б ѳ л и и пѣт б ѳ л и кон е—во второмъ случаѣ склоненія нѣтъ.

Стран. 14, стрк. 9 сн. Однако съ членомъ: из к ѣ щ а т а, ѳ кол (ѳколо) к ѣ щ а т а.

Стран. 15, въ абзацѣ. Писнуть также „сѣчинѣнія на Ивана Вáзов“ и даже „слѣдующитѣ издáнія от Иван Вáзов“.

Стран. 16, 1-й абзацъ. Отмѣтимъ, что формы м е, т е, с е теперь возобладали въ литературномъ языкѣ. — Съ „себе си“ сходны плеонастичныя сочетанья „Мѣне м и с е чѣни“ (миѣ кажется), „Тѣбе т о не вѣкат“ (тебя не зовутъ), и въ 3-мъ лицѣ: „Нѣго г о не обѣчат“ (его не любятъ) и т. п.

Стран. 17, стрк. 18 сн. Царатого го бѣло страѳ—„царя, его пугало“, царь онасаея. Срв. мѣне м и и т. д. въ предыдущемъ дополненіи.

Стран. 18, стрк. 3 сн. Срв. дополненіе ко 2-ой стран., стрк. 9 сн.

Стран. 18, серед. Вм. ц ѳ л а лучше было бы ваять другой примѣръ (хоть бы д о б р а), т. к. обыкновенно акцентуютъ, какъ и я самъ на стр. 20, прим.—ц ѳ л а.

Стран. 18, стрк. 5 сн. Въ книжномъ языкѣ встрѣчается употребленье окончанія -ий отлично отъ -и, наравнѣ съ -ият, -ия; но живая рѣчь едвали соблюдаетъ такіе отгѣнки произношенія.

Стран. 19, стрк. 14 сн. Въ словѣ н а ѳ й-д о б ѳ р с ѳ з спало удареніе ('). Произносятся впрочемъ также д о б ѳ р, п о-д о б ѳ р, н а ѳ й-д о б ѳ р.

Стран. 20, стрк. 1 сн. Съ ѳ въ словѣ о с е м т ѳ спало удареніе (').

Стран. 20, серед. Обыкновенно х и л ѳ да, очевидно подъ вліяніемъ другого названія значительнаго числа с т о, принимаетъ окончаніе, а вслѣдствіе того и членъ средняго рода: х и л ѳ д о, х и л ѳ д о т о. (Хотя с т о само этимъ членомъ не пользуется).

Стран. 21, стрк. 8 сн. Ъ попалъ въ слово н ѳ к о л ѳ ц и н а по опечаткѣ.

Стран. 22, абзацъ 3. Г. Стояновъ, какъ на литературныя окончанія (вообще весьма рѣдкаго) настоящаго папричастка, указаль миѣ на -ащец, -ещец и -ки, напр.: глѣдащец в морѣто, видѣх голѣма костенурка (черепашу); минуващец прѣз лозето (черезъ виноградникъ), набрах си кошница грѣзде; пѣшайки на Ивана, доде ми на умѣт (я вспомнилъ) за тебе; видѣйки Драгана, напомих си нѣговата истѳрѣя.

Стран. 22, стрк. 1 сн. Въ словѣ „видѣла“ съ ѳ спало удареніе (').

Стран. 23, стрк. 7 св. Вм. погодѣ, погодѣн лучше было бы привести, какъ болѣе обычныя, сложенныя съ другимъ предложемъ сгодѣ, сгодѣн.

Стран. 23, стрк. 12 св. Т. е. какое-нибудь плетѣ, рядомъ съ плетѣш, могло вызвать рядомъ съ клеветѣш—клеветѣж.

Стран. 27, стрк. 9 св. Т. Стояновъ произносилъ дѣлѣж

Стран. 28, стрк. 5—6 св. Выраженіе „можетъ принимать“ неподходящее, т. к. ѣш есть рѣдкій архаизмъ, и ѣдѣш господствуетъ почти исключительно.

Стран. 29, стрк. 4 св. и слѣд. Цанковское плетѣ съ м билъ въ качествѣ перфекта чуть ли не провинциализмъ; но крайней мѣрѣ оно можетъ быть и преждепрошлымъ.

Стран. 30, стрк. 6—7 св. Я подозреваю, что различіе будущаго „опредѣленнаго“ и „неопредѣленнаго“ основано лишь на томъ, что въ составъ второго входитъ „неопредѣленное наклоненіе“, да первоначально м. б. и имѣлось въ виду не значеніе, а только форма. Однако г. Стояновъ утверждаетъ, что отбѣнки большей и меньшей увѣренности въ предстоящемъ событіи дѣйствительно свойственны живой рѣчи.

16

*Душ
Сы*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

31.



МОСКВА

Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

1901.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.



МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стран.

Алексѣй Мионовъ. Альбрехтъ Дюреръ, его жизнь и художественная дѣятельность. Къ характеристикѣ эпохи Возрожденія въ нѣмецкомъ искусствѣ.....	1—423.
Владимиръ Гиацинтовъ. Возрожденіе итальянской скульптуры въ произведеніяхъ Николо Пизано.....	1—136.

Ал. М. Мионовъ.

АЛЬБРЕХТЪ ДЮРЕРЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Къ характеристикѣ эпохи Возрожденія въ нѣмецкомъ искусствѣ.

„Имя Дюрера извѣстно съ давняго времени, какъ величайшая знаменитость въ искусствѣ живописи. Нѣкоторые называютъ его Апеллесомъ нашихъ дней. Но я думаю, что еслибы Апеллесъ былъ теперь живъ, онъ долженъ былъ бы, по чести, отдать пальму первенства Дюреру“.

Erasmus: de recta lat. graecique serm. pronuntiatione.

„Обзоръ такой многосторонней дѣятельности, какъ дѣятельность Дюрера, во всѣхъ ея проявленіяхъ, быть можетъ, превышаетъ силы и знанія одного человѣка“.

Л. Гейгеръ: исторія нѣмецкаго гуманизма.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ВВЕДЕНИЕ.

Случается иногда, что природа, обыкновенно столь скудно раздающая дары свои большинству, надбляетъ немногихъ избранныхъ съ необычайною щедростью,—одаряетъ ихъ такими богатствами естества, такими сокровищами духа и тѣла, какія распредѣляются ею въ обыкновенныхъ случаяхъ между многими по частямъ и въ теченіе долгаго времени. Тогда каждый изъ этихъ счастливыхъ избранныхъ, одаренный какъ бы особою мощью; сосредоточивая въ своей личности, какъ въ фокусѣ, всѣ лучшія стороны духовныхъ и физическихъ свойствъ, присущихъ извѣстной нации и возможныхъ въ данное время, становится высочайшимъ и полножизненнымъ представителемъ своей народности и эпохи, живымъ и блестящимъ носителемъ ихъ важнѣйшихъ своеобразныхъ особенностей... Въ области искусства, науки, общественной жизни и проч., каждый народъ и эпоха имѣютъ своихъ типичнѣйшихъ представителей, и чѣмъ важнѣе въ культурной исторіи нации переживаемый ею періодъ, тѣмъ значительнѣе, тѣмъ выше такіе ея представители, — тѣмъ пышнѣе расцвѣтъ гениальности въ этихъ немногихъ, исключительно одаренныхъ натурахъ.

Для историка, исследователя каждой данной эпохи, эти высшіе, избраннѣе ея представители являются матеріаломъ величайшей исторической цѣнности; дающимъ возможность—вѣрнѣе и проще всего отыскать, а затемъ съ надлежащею яркостью и определенностью от-

мѣтить и оцѣнить всѣ важнѣйшія пріобрѣтенія эпохи и націи въ такой или иной обширной области жизни народной, находящей въ нихъ для себя сосрелоточенное и потому интенсивное отраженіе.

Къ Альбрехту Дюреру, жизни и дѣятельности котораго посвящается предлагаемое изслѣдованіе, сказанное сейчасъ приложимо во всей полнотѣ. Вышедши изъ среды той націи, которая издавна занимала почетное мѣсто въ семьѣ европейскихъ народовъ; родившись и выросши въ ту знаменательную эпоху въ исторической жизни этой націи, когда проникнутая, новымъ духомъ, новыми стремленіями, эта послѣдняя переживала величайшій культурный кризисъ, приведшій ее къ возрожденію,—Дюреръ являлся, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей германской народности великой эпохи реформъ и безусловно высшимъ изъ нихъ въ широкой сферѣ искусства поры возрожденія,—его практики и теоріи. Въ этой, именно, области съ своими блестящими прирожденными дарованіями, какими художникъ надѣленъ былъ въ той мѣрѣ, при которой исчезаетъ граница между *талантомъ* и *гениемъ*; со своею поистинѣ изумительною по силѣ любовью къ природѣ, къ искусству и неустанному труду, съ помощью котораго онъ въ теченіе всей своей жизни стремился развитъ еще болѣе данныя ему отъ природы способности; со своимъ серьезнѣйшимъ философскимъ складомъ ума, глубокой идейностью и чистымъ, возвышеннымъ строемъ религиозныхъ и нравственныхъ убѣжденій,—Дюреръ не имѣлъ себѣ равныхъ среди своихъ современниковъ. Можно утверждать, не опасаясь преувеличить значеніе этого художника, что нѣмецкое искусство великой эпохи Возрожденія нашло въ лицѣ Дюрера свое наиболѣе полное, живое и яркое выраженіе; что въ творческой дѣятельности одного гениальнаго художника съ ясной опредѣленностью отразились успѣхи цѣлаго періода въ развитіи національнаго искусства Германіи со всею ихъ послѣдовательностью и во всемъ ихъ разнообразіи, какъ въ его художественныхъ теоретиче-

скихъ воззрѣнiяхъ въ то же время выразился весь прогрессъ эстетическихъ взглядовъ эпохи въ соотвѣтствiи съ самою практикой.

Шагъ за шагомъ внимательно изучить жизнь и плодობильную творческую дѣятельность такого художника, отмѣчая прогрессивныя измѣненiя въ создаваемыхъ имъ произведенiяхъ; раскрыть послѣдовательный, преемственный ходъ смѣнявшихъ другъ друга работъ его со всѣми оттѣнками внѣшнихъ и внутреннихъ перемѣнъ, какими характеризуется соотвѣтственный ростъ ихъ творца, — значитъ освѣтить цѣлую эпоху въ исторiи искусства народа, среди котораго жилъ и работалъ этотъ художникъ; освѣтить и дать для нея рельефный и ясный образъ съ опредѣленными характерными чертами, гдѣ индивидуальное, лично принадлежащее художнику, становится уже общимъ, и частное — представителемъ цѣлаго. Оттого обстоятельная *историческая монографiя*, посвященная одному такому художнику, оказывается способною, если не вполнѣ замѣнить собою характеристику цѣлой эпохи въ искусствѣ, то по меньшей мѣрѣ сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ краеугольныхъ камней ея, какiе могутъ и должны быть положены въ основу каждой такой многообъемлющей характеристики

Личности, подобныя Альбрехту Дюреру, естественно всегда возбуждаютъ къ себѣ самый глубокий и искреннiй интересъ многочисленныхъ изслѣдователей, рождающiй въ свою очередь горячее стремленiе къ возможно болѣе близкому и обстоятельному ознакомленiю съ жизнью, исполненной творческихъ замысловъ и осуществленiя ихъ; приводящiй къ созданiю ряда специальныхъ работъ по собиранiю матеріаловъ о жизни и дѣятельности такого художника и освѣщенiю ихъ. По отношенiю къ Альбрехту Дюреру, этимъ выдающимся къ нему интересомъ объясняется, дѣйствительно, появленiе за періодъ истекшихъ столѣтiй цѣлой обширной *литературы*, — тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ изслѣдованiй, въ которыхъ съ весьма различнымъ успѣхомъ, соотвѣтственно умѣнью и знанiямъ cadaго изъ изслѣдователей, все шире и глубже съ теченiемъ вре-

мени и накопленіемъ матеріаловъ, провѣрявшихся критикой, раскрывалась въ своемъ существѣ жизнь и изумительная по богатству творческая дѣятельность великаго германскаго художника; обсуждались и оцѣнивались тѣ многоразличные результаты, которые давала эта дѣятельность его въ области искусства, его исторіи и теоріи.

Въ наши задачи не входитъ разсмотрѣніе здѣсь длиннаго ряда тѣхъ, посвященныхъ жизни или произведеніямъ Дюрера, работъ изъ далекаго проплага, которыя въ настоящее время утратили всякую цѣнность, кромѣ библіографической, сыгравши при своемъ появленіи непзбѣжную роль первыхъ слабѣйшихъ попытокъ, обусловившихъ однако самымъ своимъ разрушеніемъ успѣхи дальнѣйшихъ работъ по тому же предмету. Перечень ихъ найдетъ себѣ мѣсто въ общемъ прилагаемомъ здѣсь указателѣ литературы о Дюрерѣ *).

Мы остановимся здѣсь на болѣе или менѣе общемъ пересмотрѣ только тѣхъ, наиболѣе важныхъ изъ появившихся въ текущемъ столѣтіи изслѣдованій о Дюрерѣ, съ которыми по настоящее время приходится считаться каждому изъ новыхъ изслѣдователей по тѣмъ же вопросамъ, хотя бы и съ отрицательнымъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ отношеніемъ.

Работами наиболѣе обширными, разносторонними по содержанию своему и разнохарактерными по способу изложенія и методическимъ приѣмамъ ихъ авторовъ, могутъ быть названы сочиненія А. фонъ-Эйе, Таузинга, Шпрингера, Бнаффусса. Нельзя не признать, однако, что при наличности несомнѣнныхъ и немалочисленныхъ достоинствъ каждое изъ этихъ изслѣдованій страдаетъ въ то же время такою или иною существенною односторонностью, неполнотою и рядомъ другихъ недостатковъ, естественно объясняющихся съ одной

*) См. приложение № 2. Попытку представить краткій критическій обзоръ этой древнѣйшей литературы о Дюрерѣ (съ 1604 по 1816 г.) находимъ у *Heller: das Leben und die Werke Alb. Dürers*, II. s. 1--9, Leipzig 1831.

стороны, чрезвычайною обширностью и своеобразнымъ характеромъ материала, подлежащаго изученію; съ другой, самыми приемами работы и способеъ изложенія ея результатовъ у названныхъ авторовъ.

Первымъ изъ изслѣдованій о жизни и дѣятельности Дюрера съ характеромъ болѣе или менѣе *научнымъ* справедливо считается обширная монографія *A. von Eye: Leben und Wirken Albrecht Dürers, Nördlingen, 1860*, въ которой достаточно подробныя біографическія свѣдѣнія авторъ соединяетъ съ весьма многочисленными свѣдѣніями о самыхъ произведеніяхъ художника. Должно указать, однако, при этомъ, что, отводя въ своемъ сочиненіи большую часть мѣста *описанію содержанія* разнообразнѣйшихъ произведеній Дюрера въ области гравюры и живописи, авторъ въ то же время слишкомъ мало вниманія удѣляетъ изслѣдованію самаго *стиля и техники* этихъ произведеній, вслѣдствіе чего постепенное развитіе художественнаго таланта великаго нѣмецкаго мастера, внутренній и внѣшній прогрессъ въ работахъ его, остается во многихъ отношеніяхъ невыясненнымъ для читателя. Нарушеніе точной *хронологической* послѣдовательности въ значительномъ числѣ случаевъ при распредѣленіи художественнаго материала въ описаніяхъ Эйе еще болѣе затрудняетъ по существу раскрытіе историческаго процесса въ развитіи Дюрера. Наконецъ, совершенное отсутствіе пояснительныхъ *иллюстрацій* къ тексту сочиненія Эйе дѣлаетъ самые результаты изслѣдованія его малодоступными для читателей, въ виду невозможности проверки такихъ или иныхъ мнѣній автора относительно произведеній художника путемъ непосредственнаго сличенія ихъ съ послѣдними.

Противоположнымъ характеромъ отличается изложеніе талантливо написаннаго изслѣдованія Шпрингера (*Anton Springer: Albrecht Dürer, Berlin, 1892*). Съ большимъ знаніемъ предмета отмѣчая важнѣйшіе моменты быстро прогрессивнаго развитія Дюрера, поскольку оно выражалось въ *общемъ ходѣ* работъ его по гравюрѣ и живописи, авторъ однако почти не оставляетъ въ своей книгѣ мѣста

описательной сторонѣ, во многихъ случаяхъ только нѣсколькими словами напоминая о содержаніи композицій, а въ еще болѣе многочисленныхъ случаяхъ и совсѣмъ опуская упоминаніе о произведеніяхъ художника, если они представлялись ему недостаточно характерными образцами творчества Дюрера. Въ цѣломъ это—произведеніе даровитаго ученаго, назначенное для большой публики, и оттого въ значительной мѣрѣ теряющее въ солидности и обстоятельности изслѣдованія за счетъ общедоступности его. Нѣсколько десятковъ хорошо выполненныхъ иллюстрацій къ тексту увеличиваютъ цѣнность самаго текста.

Въ обширномъ, состоящемъ изъ двухъ томовъ, сочиненіи Таузинга (*M. Thausing: Dürer. Geschichte seines Lebens und seiner Kunst. I—II Bd., Leipzig 1884, 2 Aufl.*), *биографическое* изслѣдованіе явно преобладаетъ надъ художественно-историческимъ, при чемъ нерѣдко авторъ удаляется отъ настоящаго предмета своего изслѣдованія вслѣдствіе того, что чисто внѣшнимъ образомъ, по поводу тѣхъ или иныхъ биографическихъ данныхъ, относящихся къ Дюеру, связываетъ эти послѣднія съ биографическими и иными свѣдѣніями о лицахъ и событіяхъ, лишь отчасти соприкасавшихся съ жизнью самого Дюера и остававшихся безъ всякаго существеннаго вліянія на художественную его дѣятельность. Въ то же время весьма значительное количество произведеній Дюера или вовсе не упоминается авторомъ, или описывается недостаточно подробно и ясно; а въ самомъ освѣщеніи фактовъ изъ сферы художественнаго творчества Дюера, на ряду съ весьма удачными объясненіями, весьма нерѣдки, какъ показано будетъ въ надлежащихъ мѣстахъ нашей книги, и явно ошибочныя истолкованія.

Монографія о Дюерѣ, составленная Кнакфуссомъ (*H. Knackfuss: Dürer. Leipzig und Bielefeld, 1895*) и помѣщенная авторомъ въ обширной серіи монографій художниковъ *), представляетъ изда-

*) Künstler.—Monographien von H. Knackfuss, Professor an d. K. Kunstakademie zu Kassel. № 5)

ніе, имѣвшее въ виду возможно болѣе широкое распространеніе среди любителей искусства, среди большой публики, и какъ таковое, лишено столь необходимаго въ каждомъ строго научномъ изслѣдованіи критическаго аппарата. Нельзя не поставить однако въ заслугу автору, что ограничиваясь въ своей монографіи почти исключительно строго фактическимъ изложеніемъ, онъ умѣетъ выбрать почти всегда художественный матеріалъ не только такой, котораго несомнѣнная принадлежность Дюреру установлена предшествующею критикой, но въ то же время и наиболѣе типичный для характеристики великаго художника въ различные періоды его послѣдовательнаго развитія. Весьма цѣннымъ прибавленіемъ къ тексту является въ изданіи Кнакфусса большое количество (127) иллюстрацій, исполненныхъ съ оригиналовъ Дюрера лучшими въ отношеніи точности и отчетливости передачи особенностей самыхъ оригиналовъ, механическими способами воспроизведенія.

Цѣлый рядъ другихъ монографій о Дюрерѣ общаго характера. Таковы: *W. Schmidt: Albrecht Dürer* (въ изданіи *Dohme: Kunst und Künstler Deutschlands und der Niederlande bis gegen die Mitte de 18 Jahrhunderts. Leipzig 1877*). *Charles Heaton: the history of the life of Albrecht Dürer of Nürnberg, London 1870*; *H. M. Горбова: Альбрехтъ Дюреръ* (см. Русскій Вѣстникъ 1894 г., мартъ), и н. др.,—не прибавляютъ своимъ содержаніемъ къ предшествующимъ изслѣдованіямъ ничего сколько-нибудь цѣннаго въ научномъ отношеніи, предлагая по преимуществу добытые уже другими изслѣдователями результаты, притомъ безъ надлежащей критической проверки ихъ и при недостаточномъ умѣньѣ разобраться среди богатствъ матеріала при выборѣ ихъ.

Кромѣ перечисленныхъ сочиненій, посвященныхъ по возможности разностороннему общему разсмотрѣнію жизни и дѣятельности Дюрера, имѣется весьма значительное количество изслѣдованій, авто-

рами которыхъ предлагается, то въ видѣ сырыхъ матеріаловъ, то въ болѣе или менѣе научной обработкѣ, такая или иная *опредѣленная часть сохранившагося художественнаго или литературнаго наслѣдія* великаго германскаго художника: его теоретическія сочиненія объ искусствѣ и другія литературныя произведенія; его гравюры; его рисунки и т. д.

Что касается *литературнаго наслѣдія* Дюрера, то кромѣ *печатныхъ изданій его теоретическихъ сочиненій*, о которыхъ подробныя свѣдѣнія сообщаются ниже, въ соотвѣтствующей главѣ предлагаемаго изслѣдованія, — различными авторами въ различное время опубликованы были тѣ, значительные по богатству *рукописные матеріалы*, сохранившіеся отъ Дюрера, которые дѣлались постепенно все въ большемъ количествѣ извѣстными изслѣдователямъ, занимавшимся ихъ разысканіемъ: письма художника къ разнымъ лицамъ, фамильная хроника, путевыя замѣтки его, стихи, рукописные матеріалы для теоретическихъ сочиненій и т. д. Въ свое время особенно цѣнными являлись, въ дѣлѣ ознакомленія съ разнообразными матеріалами этого рода, сочиненія *Campe: Reliquien von Albrecht Dürer, seinen Verehren geweiht, Nürnberg 1828; A. von Zahn: die Dürer-Handschriften des British Museums, Leipzig 1868 (Jahrb. f. Kunstwissensch.); Theusing M.: Dürers Briefe, Tagebücher und Reime, nebst einem Anhang von Zuschriften an und für Dürer, Wien 1872; Conway W. M.: literary remains of Albrecht Dürer. With transcript from the Brit. Mus. manuscripts and notes upon them by I. Eckenstein. Cambridge 1889.*—Въ настоящее время всѣ эти изданія оказываются лишенными большей части своего значенія, въ виду появленія въ 1893 году въ высшей степени цѣннаго изданія *K. Lange und F. Fuhse: Dürers schriftlicher Nachlass auf Grund der Originalhandschriften und theilweise neu entdeckter alter Abschriften, Halle 1893,* — въ которомъ не только всѣ ранѣе опубликованныя у перечисленныхъ, какъ и другихъ авторовъ, рукописные матеріалы Дю-

рера воспроизведены по оригиналамъ съ гораздо большею точностью, но и добавлено значительное количество неизвѣстныхъ ранѣе матеріаловъ, съ сообщеніемъ историческихъ свѣдѣній о тѣхъ и другихъ, и сверхъ того изъ старо-печатныхъ теоретическихъ сочиненій Дюрера, сдѣлавшихся давно уже драгоценною библиографическою рѣдкостью, перепечатаны наиболѣе интересныя и важныя части.

По отношенію къ изданіямъ, имѣвшимъ предметомъ своего изслѣдованія многочисленныя гравюры Дюрера на мѣди и деревѣ и носящимъ характеръ каталоговъ, можно отмѣтить аналогичное съ предыдущимъ явленіе. Такіе каталоги гравюръ, какъ Барча, Геллера и Пассавана ¹⁾, на которые авторамъ затрачены были огромныя усилія по собиранію матеріаловъ, ихъ описанію и хронологической группировкѣ, и которые являлись необходимѣйшими пособіями для каждаго изъ послѣдующихъ изслѣдователей по тому же предмету, оказываются теперь уже въ весьма значительной степени устарѣлыми, и въ настоящее время не только для любителей гравюры, но и въ качествѣ весьма цѣннаго научнаго пособия при изслѣдованіяхъ въ этой области, могутъ быть замѣнены превосходнымъ изданіемъ *R. von Rettberg: Dürers Kupferstiche und Holzschnitte, München, 1871.*—Строгое, научно обоснованное распредѣленіе всѣхъ гравюръ Дюрера въ хронологической ихъ послѣдовательности, указывающее въ составителѣ каталога не только тонкое художественное пониманіе, но и вѣрное въ основѣ критическое отношеніе къ предмету; полнота матеріала, при точности сжатыхъ описаній, даваемыхъ авторомъ; выдѣленіе гравюръ, ложно приписывавшихся Дюнеру, отъ подлинныхъ, — всѣ эти существенно важныя достоинства, столь часто нарушавшіяся въ каталогахъ поименованныхъ выше изслѣдователей,

¹⁾ *A. Bartsch: le peintre graveur. voll. 1—21. Vienne, 1803—1821; I. Heller: das Leben und die Werke Albrecht Dürers, (zweiter Band), Leipzig 1831; Passavant: le peintre-graveur, contenant l'hist. de la gravure s. bois, s. métal, etc. Leipzig, 1860—1864.*

дѣлають изданіе Реттберга въ настоящее время лучшимъ изъ существующихъ трудовъ по тому же предмету.

Наконецъ, изъ отдѣльныхъ изданій, посвященныхъ многочисленнымъ *рисункамъ* Дюрера, наиболѣе обширными являются два, весьма впрочемъ различные по внутренней цѣнности. По отношенію къ весьма значительной по размѣрамъ книгѣ *Ephrussi: Albert Dürer et ses dessins*, Paris 1882, должно замѣтить, что содержаніемъ своего текста она не внесла почти ничего, существенно новаго, и значеніе этого труда сводится главнымъ образомъ къ опубликованію большого количества рисунковъ Дюрера (вмѣстѣ съ нѣсколькими картинами его всего 115), изъ которыхъ цѣлый рядъ воспроизведенъ былъ въ этомъ изданіи впервые; при этомъ однако самыя воспроизведенія ихъ въ гравюрахъ изданія въ большинствѣ случаевъ должны быть признаны лишенными той неукоснительной точности въ передачѣ оригиналовъ, которая обязательна для подобнаго рода изданій и которая давала бы возможность съ увѣренностью говорить, на основаніи ихъ, о такихъ или иныхъ стилистическихъ и техническихъ особенностяхъ самыхъ рисунковъ.—Напротивъ того, исключительно высокими достоинствами отличается роскошное изданіе рисунковъ Дюрера, выполненное Липпманомъ (*Fr. Lippmann: Zeichnungen von Albrecht Dürer, Bd. I—IV, Berlin 1883—96. Grottesche Verlagsbuchhandlung*) и даже среди лучшихъ заграничныхъ изданій подобнаго рода выдающееся своимъ великолѣпіемъ. При строго-научныхъ описаніяхъ, даваемыхъ въ текстѣ,—рисунки, изданные здѣсь по большей части въ величину оригиналовъ, *съ помощью точнѣйшихъ механическихъ способовъ воспроизведенія*: фототипія, фотогравюры и т. п., (при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оригиналы Дюрера исполнены были въ краскахъ, рисунки эти раскрашены отъ руки опытными художниками), передають все особенности оригиналовъ съ такимъ совершенствомъ, которое почти не оставляетъ желать лучшаго. Если къ сказанному добавить, что выполненные такимъ

образомъ рисунки собраны здѣсь издателемъ изъ всѣхъ важнѣйшихъ (за рѣдкими исключеніями) общественныхъ и частныхъ коллекцій, заключающихъ въ себѣ произведенія Дюрера, то понятнымъ станетъ, что въ своей совокупности они представляютъ незамѣнимый и драгоценнѣйшій матеріалъ для *сравнительнаго изученія*, дающій возможность только теперь, — когда разбросанные по многимъ, нерѣдко недоступнымъ для большинства коллекціямъ, отдѣльные образцы творчества Дюрера въ этой области собраны здѣсь воедино, — определенно и ясно судить о *развитіи рисунка* у великаго германскаго художника въ различные періоды его творческой дѣятельности.

Присоединяя къ длинной серіи перечисленныхъ трудовъ, составляющихъ обширную литературу о Дюрерѣ, свое, предлагаемое ниже изслѣдованіе, авторъ старался воспользоваться опытомъ, даннымъ внимательнымъ изученіемъ работъ предшествующихъ изслѣдователей, стремясь по мѣрѣ возможности къ устраненію отмѣченныхъ у нихъ недостатковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ возможно болѣе разносторонней и въ то же время возможно болѣе вѣрной оцѣнки значенія творческой дѣятельности великаго нѣмецкаго художника авторъ старался, на ряду съ результатами, самостоятельно имъ добытыми, внести въ свое изслѣдованіе и наиболѣе цѣнные изъ тѣхъ положительныхъ приобрѣтеній, которыя сдѣланы были его предшественниками, равно какъ по мѣрѣ необходимости и важнѣйшіе изъ тѣхъ частныхъ или обобщающихъ выводовъ ихъ, къ которымъ авторъ относится отрицательно.

Въ видахъ достиженія возможной полноты и обстоятельности изслѣдованія вниманіе автора обращено было при этомъ на то, чтобы послѣдовательно на ряду съ сообщеніемъ всѣхъ необходимыхъ *біографическихъ свѣдѣній*, относящихся къ Дюреру, даны были сжатая, но ясная *описанія по возможности всѣхъ главнѣйшихъ работъ художника*, въ тѣхъ разнообразныхъ областяхъ изобразительнаго искусства, которыя обогатены были его творческой дѣятель-

ностью; чтобы представленъ быть сверхъ того надлежащій *стилистическій разборъ* важнѣйшихъ произведеній, которымъ опредѣленно характеризовалось бы постепенное прогрессивное развитіе художника, и каждый существенный моментъ въ такомъ прогрессивномъ движеніи таланта художника получалъ бы должное освѣщеніе.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда факты изъ жизни и творческой дѣятельности художника указывались или освѣщались его собственными, личными сообщеніями (въ письмахъ его къ друзьямъ или заказчикамъ, въ дневникѣ, въ фамиліной хроникѣ и т. д.), — авторъ озаботился ознакомленіемъ съ ними читателя изъ самыхъ *первоисточниковъ*, цитируемыхъ въ предлагаемой книгѣ или полностью, или въ важнѣйшихъ частяхъ. — Наконецъ, въ виду того, что творческая дѣятельность Альбрехта Дюрера, не ограничиваясь одною художественною практикою, нашла для себя выраженіе и въ драгоценныхъ теоретическихъ изысканіяхъ въ широкой сферѣ искусства, — особая самостоятельная глава посвящена авторомъ *теоретическимъ воззрѣніямъ и изслѣдованіямъ художника*, менѣе всего до послѣдняго времени раскрывавшимся въ работахъ предыдущихъ изслѣдователей, или вовсе игнорировавшихъ эти замѣчательные научно-художественные матеріалы, или ознакомлявшихъ съ ними читателей лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, не давая надлежащаго представленія ни о богатствѣ собранныхъ художникомъ данныхъ, ни о внутренней цѣнности ихъ.

Заканчивая вступительную главу, авторъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Московскаго Университета за разрѣшеніе напечатать предлагаемое изслѣдованіе на средства Университета въ «*Ученыхъ Запискахъ*» съ необходимымъ, весьма значительнымъ количествомъ иллюстрацій, сопровождающихъ текстъ; и свою искреннюю признательность глубокоуважаемому профессору

И. Вл. Цвѣтаеву какъ за содѣйствіе и указанія его при печатаніи авторомъ книги, такъ и за то любезное разрѣшеніе повседневныхъ занятій въ подвѣдомственномъ ему Отдѣленіи изящныхъ искусствъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, въ силу котораго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возможнымъ оказывалось для автора изученіе богатѣйшаго собранія гравюръ великаго нѣмецкаго мастера, хранящихся въ здѣшнемъ кабинетѣ гравюръ, — собранія, заключающаго въ себѣ, за немногими исключеніями, всѣ важнѣйшія произведенія Дюрера въ этой области.

Г Л А В А I.

Происхождение, дѣтство и юность Альбрехта Дюрера.—Годы учения его.— Дѣтскія и юношескія работы А. Дюрера; степень самостоятельности этихъ работъ и вопросъ о вліяніи на Дюрера другихъ мастеровъ.— Первое путешествіе Дюрера и его значеніе для развитія художника.— Отношеніе Дюрера къ итальянскому ренессансу.— Древнѣйшія гравюры Дюрера на мѣди.

Въ высокой степени интересныя и цѣнныя свѣдѣнія о происхожденіи Альбрехта Дюрера, о дѣтствѣ и юности его, равно какъ и о годахъ ученія будущаго великаго художника, мы узнаемъ изъ тѣхъ автобіографическихкихъ матеріаловъ, которые сохранились потомству въ составленныхъ самимъ Дюреромъ краткихъ замѣткахъ. Необыкновенная искренность и простота, которыми отличаются эти автобіографическія записи художника, въ высшей степени скромнаго, несмотря на все свое величіе и громкую извѣстность въ эпоху составленія замѣтокъ о дѣтствѣ своемъ и юности; важность немногихъ, правда, но цѣнныхъ для всякаго изслѣдователя о жизни и дѣятельности художника фактическихъ данныхъ, сообщаемыхъ здѣсь,—дѣлаютъ ихъ надежными, притомъ почти исключительнымъ источникомъ знаній нашихъ о раннемъ періодѣ жизни Альбрехта Дюрера, дополняемымъ объективными данными въ самыхъ работахъ его изъ этой эпохи^{*)}.

^{*)} Автобіографическія замѣтки эти составлены были А. Дюреромъ въ 1524 г. Передъ текстомъ изложенія авторомъ помѣщена слѣдующая подлинительная надпись „Anno 1524 nach Weihnachten in Nürnberg. Ich Albrecht Dürer der Jünger hab zusammentragen aus meines Vaters Schriften, von wannen er gewesen sei, wie er herkommen und blieben und geendet seliglich. Gott sei uns und ihm gnädig. Amen“.— Замѣтки были опубликованы нѣсколько разъ, а именно: у *J. F. Roth*: *Leben A. Dürers etc.* Leipzig 1790, s. 112 ff.; *Thausing*: *Dürers Briefe etc.*, s. 69 ff.; *Campe*: *Reliquien von A. Dürer*, s. 1 ff.; *Lange und Fuhs*: *Dürers schriftlicher Nachlass*, s. 2 ff. и др.

— «Альбрехтъ Дюреръ старшій», — рассказываетъ здѣсь художникъ, — «родился въ Венгерскомъ Королевствѣ, неподалеку отъ маленькаго городка, называемаго Юла (Jula), въ восьми миляхъ ниже Вардейна, въ небольшой деревушкѣ, лежавшей недалеко оттуда, по имени Эйтасъ, и его семья получала пропитаніе, благодаря разведенію рабочаго скота: муловъ и лошадей. Отецъ моего отца назывался Антоніемъ Дюрреромъ: будучи еще мальчикомъ, онъ прибылъ въ вышеназванный городъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру и изучилъ у него это ремесло. Затѣмъ онъ женился на одной дѣвушкѣ, (по имени Елизавета), отъ которой у него родилась одна дочь, Екатерина, и три сына. Первый сынъ, называвшійся Альбрехтомъ Дюрреромъ, былъ моимъ отцомъ: онъ также сдѣлался золотыхъ дѣлъ мастеромъ и былъ весьма искуснымъ и честнымъ человѣкомъ. Второй сынъ назывался Владиславомъ и занимался выдѣлкой сбруи. Отъ него родился мой двоюродный братъ Николай Дюрреръ, который живетъ въ Кельнѣ и котораго называютъ обыкновенно Николаемъ Венгерцемъ. Онъ также — золотыхъ дѣлъ мастеръ и научился этому ремеслу здѣсь, въ Нюрнбергѣ, у моего отца. Третій сынъ назывался Юанномъ и ему было предоставлено заниматься науками: онъ сдѣлался впоследствии священникомъ въ Вардейнѣ и оставался тамъ свяще 30 лѣтъ. Впоследствии мой дорогой отецъ, Альбрехтъ Дюрреръ, переѣхалъ въ Германію, проживши довольно долго въ Нидерландахъ въ общеніи съ извѣстными художниками, послѣ чего прибылъ, наконецъ, въ Нюрнбергъ въ день св. Ильи, 25 іюня 1455 года. Въ этотъ самый день Филиппъ Пиркамеръ (Пиркгеймеръ) праздновалъ свою свадьбу и подъ большими липами или оживленные танцы. Послѣ того, мой дорогой отецъ поступилъ на службу къ старому Герониму Гольберу и служилъ у него въ теченіе долгаго времени, именно, до 1467 года. Послѣ этого Геронимъ далъ ему въ жены свою дочь, Варвару, 15 лѣтъ отъ роду, красивую и стройную дѣвушку, и свадьба ихъ была сыграна 8 іюня 1467 года... И мой дорогой отецъ имѣлъ со своею супругою, моею милою матерью, слѣдующихъ дѣтей, которыхъ я перечисляю отъ слова до слова такъ, какъ о каждомъ изъ нихъ записано въ его собственной памятной книжкѣ... (Слѣдуетъ затѣмъ перечисленіе восемнадцати сыновей и дочерей, братьевъ и сестеръ нашего художника, родившихся отъ названной четы, съ подробнымъ указаніемъ для cadaго дня рожде-

ція и воспріемника при крещеніи ¹⁾... Всѣ эти братья и сестры мои, дѣти моего дорогаго отца, умерли—одни въ дѣтствѣ, другіе будучи уже взрослыми. Живы теперь только трое братьевъ, а именно: я, Альбрехтъ, (третій по старшинству родившихся), мой братъ Андрей и мой братъ Іоаннъ.—Отець мой, Альбрехтъ Дюрреръ старшій, проводилъ всю свою жизнь въ великомъ трудѣ и постоянной тяжелой работѣ и не получалъ доходовъ ни отъ чего другого кромѣ того, что зарабатывалъ своими собственными руками. Поэтому имѣлъ онъ всегда очень мало. Ему приходилось испытывать въ жизни много безпокойствъ, борьбы и нужды.

И каждый, кто зналъ его, отзывается о немъ съ великою похвалою; ибо онъ велъ честную христіанскую жизнь, былъ терпѣливымъ и добрымъ человѣкомъ, дружелюбно относившимся ко всякому; а по отношенію къ Богу онъ былъ очень благочестивъ. Онъ мало пользовался обществомъ и имѣлъ немногихъ свѣтскихъ друзей; говорилъ онъ также очень мало и былъ очень богобоязненнымъ человѣкомъ.

Мой дорогаго отецъ употреблялъ всѣ свои усилія для того, чтобы воспитать своихъ дѣтей въ страхѣ Божьемъ. Его высшимъ желаніемъ было — дать своимъ дѣтямъ такое воспитаніе, чтобы они были пріятны и Богу, и людямъ. Поэтому, его ежедневнымъ обращеніемъ къ намъ были слова, чтобы мы любили Бога и честно вели себя по отношенію къ ближнимъ. Ко мнѣ лично отецъ мой имѣлъ особенное расположеніе, такъ какъ онъ видѣлъ, что я былъ очень прилеженъ въ ученіи. Поэтому онъ сталъ посылать меня въ школу и, когда я научился тамъ писать и читать, онъ взялъ меня изъ школы и сталъ самъ обучать меня ювелирному мастерству. И когда я научился уже очень порядочно работать, мною овладѣла гораздо сильнѣйшая страсть къ живописи, чѣмъ къ ювелирному дѣлу. Я сообщилъ объ этомъ отцу. Но онъ былъ недоволенъ, потому что ему было жаль потеряннаго времени, употребленнаго мною на обученіе ювелирному мастерству. Тѣмъ не менѣе онъ, наконецъ, усту-

¹⁾ Занявъ, относящаяся къ Альбрехту Дюреру младшему, гласила: „Item nach Christi Geburt 1471 Jahr in der sechsten Stund an st. Prudentien Tag an einen Erich-tag in der Kreuzwochen, gebar mir mein Hausfrau Barbara mein ander Sohn, zu dem; war Gevatter Antoni Koburger und nannt ihme Albrecht nach mir“. Такимъ образомъ, днемъ рожденія Альбрехта Дюрера было 21 мая 1471 г.

пиль и въ 1486 году въ день св. Андрея (30 ноября), послѣ переговоровъ съ Михайломъ Вольгемутомъ, отдалъ меня къ нему въ ученіе съ тѣмъ, чтобы я служилъ ему въ теченіе трехъ лѣтъ. Во все это время Богъ даровалъ мнѣ прилежаніе, чтобы я хорошо учился, но я долженъ былъ много выстрадать отъ его, Вольгемута, подмастерьевъ. И когда я выслужилъ свой срокъ, отецъ послалъ меня въ путешествіе вдаль (hinweg), и я оставался тамъ четыре года, пока отецъ снова потребовалъ меня назадъ. Уѣхалъ я въ 1490 году послѣ Пасхи, а когда я возвратился назадъ, то былъ уже 1494 годъ, послѣ Троицы.

Когда же я возвратился домой, то Гансъ Фрей, переговоривши съ моимъ отцомъ, отдалъ за меня дочь свою, по имени Агнесу, а въ приданое за нею далъ мнѣ 200 флориновъ. Свадьбу сыграли въ томъ же 1494 году въ понедѣльникъ предъ днемъ св. Маргариты (т. е. 7 іюля). Послѣ этого случилось, что отецъ мой заболѣлъ такъ, что никто уже не могъ его вылѣчить. И хотя онъ уже видѣлъ смерть передъ собою, онъ все-таки переносилъ свою болѣзнь съ великимъ терпѣніемъ и поручилъ мнѣ мою мать и приказалъ мнѣ почитать ее. Онъ принялъ св. причастіе и отошелъ въ вѣчность по христіански,—какъ я подробно описалъ это въ другой своей хроникѣ*),— въ 1502 году послѣ полуночи передъ днемъ св. Маттея. Господь да будетъ къ нему милосердѣ!.. Послѣ этого я принялъ къ себѣ брата моего Ганса, а Андрея мы отослали изъ дому. Черезъ два года послѣ смерти отца я взялъ къ себѣ и мою мать, потому что она не имѣла уже никакихъ средствъ. И когда она прожила такимъ образомъ у меня до 1513 года, внезапно въ день св. Эриха она опасно заболѣла и въ теченіе цѣлаго года пролежала. И черезъ годъ отъ того дня, когда она заболѣла, 17 мая 1514 года, послѣ принятія св. таинъ, она по христіански скончалась... Всемогущій Господь да будетъ милостивъ къ ней!..»

Какъ видимъ, фамиліная хроника, составленная Альбрехтомъ Дюреромъ младшимъ, даетъ изслѣдователю возможность прослѣдить, по крайней мѣрѣ *внѣшнее теченіе жизни* самого художника, до женитьбы

*) Подробности эти Дюреръ приводитъ въ отрывкахъ, по видимому, изъ другой своей (незаконченной) фамиліной хроники, опубликованныхъ у *Roth, ibid. s. 121 ff.*, *Camp: Reliquien s. 146 ff.*; *Thausing: Dürers Briefe, s. 134 ff.*; *Lange und Fuchs: ibid. s. 11 ff.*

включительно, какъ и обонхъ родителей его, притомъ въ существенно важныхъ моментахъ, достаточно ясно. Наиболѣе цѣнными оказываются здѣсь тѣ хронологическія и именныя даты, которыми поставляются внѣ всякаго спора важные вопросы о времени, мѣстѣ и продолжительности обученія Дюрера, равно какъ и объ имени учителя его въ области искусства; весьма важны здѣсь и тѣ хронологическія указанія, которыя даются авторомъ относительно періода перваго путешествія его съ образовательными цѣлями, послѣдовавшаго непосредственно за окончаніемъ школьнаго обученія его въ мастерской Вольгемута. Тѣми и другими точными датами по отношенію къ Дюреру устраняется та слутанность и нерѣдко фальшивость извѣстій, съ которыми такъ часто приходится имѣть дѣло біографамъ и изслѣдователямъ столь многихъ другихъ художниковъ. Можно сказать, что цифры эти и имена, приводимыя въ хроникѣ, являются какъ бы тѣми путеводными вѣхами, по которымъ возможно установить для этой ранней эпохи жизни и дѣятельности Дюрера опредѣленные послѣдовательные періоды для того, чтобы въ хронологически установленныхъ предѣлахъ ихъ тѣмъ съ большею увѣренностью говорить о внутреннемъ развитіи самого художника.

Руководствуясь этими, именно, данными, мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію вопроса *о внутреннемъ развитіи юнаго Дюрера, какъ художника*, — вопроса, для рѣшенія котораго драгоценными матеріалами представляются тѣ немногія, но чрезвычайно характерныя произведенія его, какія по счастью сохранились для насъ отъ этого ранняго періода. Въ хронологическомъ порядкѣ всѣ эти произведенія могутъ быть удобно распредѣлены на три отдѣльныя группы въ предѣлахъ внѣшнихъ событій, указанныхъ въ хроникѣ. Одна включаетъ въ себѣ наиболѣе раннія работы Дюрера — отрока (13—14 лѣтъ) еще до поступленія его въ обученіе къ М. Вольгемуту, т. е. до декабря 1486 года; другая — послѣдующія работы его изъ періода обученія въ мастерской Вольгемута (съ конца 1486 по 1490 г.); третья, изъ всѣхъ наиболѣе многочисленная и разнообразная въ своемъ содержаніи, относится къ періоду четырехлѣтняго путешествія Дюрера по Европѣ и первымъ моментамъ творческой дѣятельности его по возвращеніи въ Нюренбергъ. И ближайшее внимательное изученіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ работъ, давая возможность подмѣтить характерныя особенности каждой изъ нихъ,

жено показывають намъ послѣдовательное за все это время развитіе художественныхъ дарованій юнаго Дюрера; размѣры вліянія на него со стороны старшихъ художниковъ; его отношеніе къ живой дѣятельности, — къ самой натурѣ, какъ и къ тѣмъ образцамъ работъ его предшественниковъ, какіе Дюреръ могъ изучать въ ту эпоху; его прогрессивныя успѣхи; быстро поднимающіе молодого художника отъ первыхъ, высоко талантливыхъ, но робкихъ попытокъ начинающаго мальчика-самоучки до тѣхъ блестящихъ произведеній гравюры и живописи, въ которыхъ ему удается возвыситься далеко надъ всѣми созданіями своихъ предшественниковъ и современниковъ.

Самымъ раннимъ, первымъ по времени изъ сохранившихся для насъ произведеній Дюрера является исполненный карандашомъ рисунокъ его, хранящійся въ богатомъ собраніи Вѣнскаго Альбертинума¹⁾. Тринадцатилѣтній художникъ самоучка воспроизводитъ здѣсь при помощи зеркала, — какъ поясняетъ надпись его на рисункѣ, — себя самого въ половину фигуры до пояса: на головѣ надѣта небольшая шапочка, изъ-подъ которой во всѣ стороны разсыпаются длинныя волосы; лицо повернуто въ три четверти вправо для зрителя; лѣвая рука придерживаетъ на груди широкую одежду, простой рабочей халатъ, тогда какъ правая протянута немного впередъ, какъ будто на что-то указывая. На листѣ подлѣ портрета рукою самого Дюрера въ болѣе поздніе годы прибавлена надпись, гласящая; «этотъ портретъ сдѣлалъ я при помощи зеркала съ себя самого въ 1484 году, когда я былъ еще мальчикомъ. Альбрехтъ Дюреръ». («Dz hab ich aws eim Spiegel nach mir selbs conterfeit im 1484 jor da ich noch ein Kind war. Albrecht Dürer».) — Несмотря на всю свою дѣтскую неопытность, на отсутствіе руководящихъ указаній со стороны старшихъ мастеровъ, которыми Дюреръ въ эту эпоху еще, повидимому, совсѣмъ не пользуется, будучи предоставленъ собственнымъ омамъ; несмотря на значительныя трудности подобнаго воспроизведенія своего облика при помощи зеркала, — трудности не всегда побѣждаемыя даже опытными мастерами, — юный художникъ-самоучка уже ярко обнаруживаетъ въ этомъ первомъ рисункѣ своемъ несомнѣнные признаки прирожденнаго ему генія. Портретное сходство

¹⁾ Рисунокъ этотъ воспроизведенъ у *Thausing: Dürer, Geschichte seines Lebens* etc. на табл. къ 57 стр.; кромѣ того у *Knackfuss: Dürer, S. 2. См. рис. въ нашемъ текствѣ № 1.*

свадено имъ съ замѣчательною живостью и передано здѣсь съ мастерствомъ, изумительнымъ даже и для зрѣлыхъ по возрасту художниковъ того времени. Если исключить нѣсколько принужденную постановку правой руки и постановку глазъ, естественно объясняемую самымъ способомъ наблюденія надъ собою при помощи зеркала,



Рис. № 1.

во всемъ остальномъ рисунокъ этотъ не только равняется, но во многихъ отношеніяхъ даже превосходитъ портретныя изображенія, создававшіяся извѣстнѣйшими изъ предшественниковъ и современниковъ Дюрера, въ томъ числѣ и будущимъ учителемъ его Вольгемутомъ. Особенно поражаетъ въ этой работѣ юнаго художника, его умѣнье—передать въ портретѣ всѣ наиболее характерныя черты

съ такою яркою отчетливостью и живостью, которая позволяет узнать оригиналь уже съ перваго взгляда. Поражаетъ его мастерство и тонкость работы въ отдѣлкѣ волосъ, въ которой онъ достигаетъ въ послѣдствіи высочайшаго искусства; доходящаго до виртуозности; его прямо изумительная въ тринадцатилѣтнемъ мальчикѣ наблюдательность, благодаря которой, рисуя непосредственно съ видимой имъ натуры, онъ оказывается даже въ такихъ труднѣйшихъ деталяхъ, какъ воспроизведеніе складокъ одежды, превосходящимъ большинство старшихъ современниковъ, дѣлающихъ, — какъ Михайль Вольгемуть, — въ скоромъ времени его учителями въ искусствѣ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ, какъ увидимъ, только стѣсняющихъ, ограничивающихъ свободу плодотворныхъ реалистическихъ стремлений начинающаго гениальнаго художника.

Къ тому же 1485 году, предшествующему поступленію Дюрера въ мастерскую Вольгемута, принадлежит и рисунокъ, исполненный чернымъ мѣломъ на красноватой бумагѣ, съ изображеніемъ *молодой дамы, держащей сокола* ¹⁾. — Композиція столь же проста, какъ и на предыдущемъ рисункѣ; молодая женщина въ высокомъ головномъ уборѣ, съ котораго на спину спускается покрывало, стоитъ во весь ростъ, придерживая правою рукою длинное платье; на протанутой лѣвой помѣщается соколъ. На фонѣ листа имѣется любопытная надпись неизвѣстнаго лица, (одного изъ юныхъ сверстниковъ Дюрера), слѣдующаго содержания: «Das ist och alt hat mir albrecht Dürer gemacht E er zum maler kam in des Wolgemuts hus uff dem obern boden in dem hindern hus in biwesen Cunrat lomaurs sâligen», т. е. «это сдѣлалъ для меня, когда я былъ въ такомъ же возрастѣ, Альбрехтъ Дюреръ раньше еще, чѣмъ онъ поступилъ въ качествѣ живописца въ мастерскую Вольгемута, — сдѣлалъ на заднемъ дворѣ въ присутствіи покойнаго Конрада Ломайра».

Внимательно всматриваясь въ особенности исполненія этого рисунка, должно сказать, что не взирая на извѣстную наивность въ постановкѣ фигуры, неопытность въ изображеніи обнаженныхъ частей тѣла и въ передачѣ пропорцій, — и въ этомъ, какъ въ предыдущемъ рисункѣ самоучки-мальчика, еще не вступавшаго (какъ съ

¹⁾ Рисунокъ этотъ, находящійся нынѣ въ Британскомъ музеѣ, куда онъ перешелъ изъ собранія Sloane, воспроизведенъ въ краскахъ у Fr. Lippmann: Zeichnungen von Albrecht Dürer, Berlin 1888 Taf. 208.

особеннымъ удареніемъ указываетъ на это надписъ, помѣщенная на рисункѣ), въ обученіе ни въ одному изъ художниковъ; руководившагося не какими-либо посторонними указаніями, а только собственнымъ глазомъ и природнымъ дарованіемъ, — ясно обнаруживается присущій ему художественный гений и своеобразныя черты его. Уже теперь, съ самыхъ первыхъ шаговъ своей творческой дѣятельности, онъ ищетъ *сближенія съ живою натурою*, которую воспроизводитъ непосредственно, усматривая въ ней пока еще инстинктивно, какъ въ послѣдствіи совершенно сознательно, богатѣйшій источникъ для творческой работы и лучшую свою *руководительницу*. И именно въ этомъ тѣсномъ сближеніи съ натурою находитъ онъ источникъ совершенствованія въ настоящемъ, какъ и залогъ дальнѣйшихъ и вѣрныхъ успѣховъ въ искусствѣ во всѣ послѣдующіе периоды своей жизни.

Почти одновременно съ описаннымъ сейчасъ исполненъ былъ Дюреромъ еще одинъ рисунокъ перомъ съ легкою раскраской краснымъ карандашомъ, изображающій *пресв. Богородицу съ младенцемъ Христомъ и двумя ангелами* ¹⁾. Богоматерь, одѣтая въ широкую мантию, съ короной на головѣ и распущенными волосами, сидитъ на высокомъ тронѣ подъ балдахиномъ. Обѣими руками она поддерживаетъ стоящаго у нея на колѣнахъ младенца Христа, къ которому она склонила голову. По обѣ стороны отъ трона стоятъ два ангела, играющіе—одинъ на лютнѣ, другой—на арфѣ. На самомъ подножій трона помѣщена раздѣленная еще на двѣ части монограмма Дюрера древнѣйшаго начертанія, а ниже—цифра (1485) года созданія рисунка. Въ этой дѣтской работѣ Дюрера впервые сказывается уже вліяніе на него будущаго учителя его въ области живописи, М. Вольгемута, съ работами котораго начинающій художникъ былъ несомнѣнно знакомъ въ это время. Такъ, въ трактовкѣ нагого тѣла мы видимъ въ рисунокѣ тѣ же характерныя черты, какія присущи были и нагимъ фигурамъ Вольгемута и другихъ нюренбергскихъ художниковъ: изображенный въ рисунокѣ млад. Христосъ имѣетъ тѣ же преувеличенно тонкія ноги и руки, то же непропорціонально раздутое туловище и большую голову, какими характеризуются нагія фи-

¹⁾ Рисунокъ этотъ, находящійся въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, воспроизведенъ у *Lippmann*, *ibid.* Taf. I; *Thausing*: Dürer, табл. къ 58 стр.; Knackfuss: A. Dürer, Abb. 4. См. рисунокъ № 2.

гуры и въ произведеніяхъ старшихъ нѣмецкихъ мастеровъ, которыя, должно думать, юный Дюреръ беретъ на этотъ разъ за образцы для подражанія, усматривая въ нихъ выдающіяся по своимъ достоинствамъ художественныя работы и желая, по всей вѣроятности, сказать, что и самъ умѣетъ приблизиться къ нимъ. Весьма близка



Рис № 2.

здѣсь по характеру и трактовка одеждъ къ той ихъ трактовкѣ въ произведеніяхъ Вольгемута, и въ особенно въ гравюрахъ извѣстной «Всемирной хроники» (Weltchronik), исполненныхъ по рисункамъ этого мастера,—которая представляетъ своеобразныя, типичныя изломанныя складки со множествомъ угловъ и ломанныхъ линій. Наконецъ, и въ трактовкѣ волосъ, сильно въьющихся и рассыпающихся

по плечам Богоматери и обояхъ ангеловъ, и въ строго симметрич-
ескомъ размѣщеніи фигуръ и въ значительной ихъ неподвижности,
во всемъ этомъ замѣтно явное стремленіе юнаго самоучки къ близ-
кому подражанію образцамъ работъ, данныхъ старшими художниками,
съ ихъ установившимся шаблонами, съ опредѣленными стилисти-
ческими условностями. И въ этомъ причина того, что даже болѣе
ранніе по времени, но исполненные съ натуры рисунки его, опи-
санные выше, оказываются стоящими значительно выше, чѣмъ раз-
сматриваемый, который можетъ быть названъ скорѣе свободною ко-
пией какого-либо изъ образцовъ, чѣмъ самостоятельнымъ произведе-
ніемъ Дюрера. Возможно, что этотъ рисунокъ являлся тѣмъ проб-
нымъ рисункомъ, который Дюреръ долженъ былъ представить буду-
щему учителю своему, съ цѣлью показать свои художественныя спо-
собности и умѣнье; и было вполне естественно, что эта пробная
работа его исполнена была, именно, въ манерѣ и стилѣ самого бу-
дущаго наставника въ расчетъ на его одобреніе.

Таковы три первыя по времени произведенія юнаго Дюрера,
предшествующія періоду обученія его въ мастерской Вольгемута и
наибъчающія уже съ достаточной ясностью, по крайней мѣрѣ, нѣко-
торы важнѣйшія стороны его дальнѣйшей творческой дѣятельности:
съ одной стороны, глубокое и внимательное изученіе самой натуры;
съ другой — изученіе, усвоеніе и переработку въ тѣхъ или иныхъ
отношеніяхъ произведеній старшихъ современниковъ и предшествен-
никовъ въ сферѣ искусства, поскольку это признавалось самимъ Дю-
реромъ полезнымъ для него или почему-либо желательнымъ.

Непосредственно слѣдующій за этимъ, періодъ обученія Дюрера
въ мастерской Михаила Вольгемута, куда вступаетъ онъ въ концѣ
1486 года съ согласія своего отца, представленъ столь же немно-
гими, но и столь же характерными произведеніями молодого ху-
дожника. Работы Дюрера и за это время ученичества его извѣстны
намъ только по тремъ рисункамъ, сохранившимся отъ него.

На первомъ мѣстѣ здѣсь, какъ и раньше, столько же по вре-
мени, какъ и по качествамъ исполненія, долженъ быть поставленъ
портретный рисунокъ (перомъ), находящійся нынѣ въ университет-
ской библиотекѣ въ Эрлангенѣ: юный художникъ вторично изобра-
зилъ здѣсь себя самого, на этотъ разъ только до плечъ, съ малень-
кой шапочкою на головѣ, изъ-подъ которой падаютъ внизъ длинныя

волосы; правой щекою художникъ задумчиво оперся на правую руку ⁴⁾). Внизу листа подъ рисункомъ сдѣлана позднѣйшая приписка неизвѣстнымъ лицомъ: «Martin Schön conterfeit», т. е. «Мартинъ Шонгауэръ исполнилъ этотъ портретъ» и проставлена цифра года (1485), являющаяся какъ и самая надпись, ошибочнымъ домысломъ позднѣйшаго владѣльца рисунка; ошибочнымъ потому, что—какъ это точно извѣстно изъ свидѣтельства самого Дюрера, о которомъ будетъ помянуто въ своемъ мѣстѣ, Мартинъ Шонгауэръ и Альбрехтъ Дюреръ никогда въ своей жизни не имѣли случая видѣть другъ друга, несмотря на сильнѣйшее желаніе послѣдняго познакомиться съ знаменитымъ тогда старѣйшимъ своимъ современникомъ; ясно, слѣдовательно, что первый не могъ и исполнить портрета второго. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и этотъ портретъ, въ высшей степени отчетливо и живо передающій характерныя черты юнаго Дюрера, исполненъ былъ, какъ и другіе, извѣстные намъ портреты его, не кѣмъ-либо изъ постороннихъ лицъ, а самимъ же художникомъ при помощи зеркала; въ этомъ убѣждаетъ насъ болѣе всего остальнаго, манера и стилистическія особенности разсматриваемаго портрета, которыя тождественны съ таковыми же въ первомъ портретѣ его и которыя столь же наглядно, какъ и тамъ, показываютъ намъ великую художественную силу этого будущаго гениальнаго портретиста, умѣвшаго всегда достигать въ портретныхъ своихъ работахъ поразительно близкаго сходства съ оригиналомъ во всемъ наиболѣе существенномъ, а вмѣстѣ съ этимъ и замѣчательной жизненности изображенія. Что касается вопроса о времени созданія этого рисунка, то основываясь на данныхъ самой внѣшности Дюрера сравнительно съ портретомъ 1484 года, можно утверждать вмѣстѣ съ Зейдлицемъ ⁵⁾, что разсматриваемый нами портретъ долженъ быть отнесенъ къ 1487 году или началу слѣдующаго, показывая намъ такииъ образомъ юношу Дюрера 16—17 лѣтъ.

Къ послѣднему году ученичества Дюрера въ мастерской Вольгемута относятся два рисунка его. Одинъ изъ нихъ, находящійся въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, изображаетъ *бесѣду трехъ ландскнехтовъ* ⁶⁾: стоя на небольшомъ пригоркѣ въ тѣсной группѣ, ли-

⁴⁾ Рисунокъ этотъ воспроизведенъ у Lippmann, *ibid.* Taf. 429.

⁵⁾ W. von Seidlitz: *Jahrbuch d. preuss. Kunstsammlungen* XV, S. 23.

⁶⁾ Рисунокъ этотъ, перешедшій въ Берлинскій кабинетъ гравюръ изъ собранія

домъ повернувшись другъ къ другу, они оживленно разговариваютъ, жестами поясняя содержаніе словъ. Въ рукахъ у всѣхъ — длинныя копы, на бедрахъ — мечи, на головахъ — невысокія шапки, украшенныя перьями. Вверху рисунокъ помѣченъ монограммою Дюрера и цифрою 1489, указывающей годъ его созданія. При сравненіи этого рисунка съ предыдущими ясно обнаруживается, насколько великъ былъ совершившійся за годы ученичества прогрессъ художника въ умѣннѣ изображать натуру, поскольку она дѣлается предметомъ его воспроизведенія. Пропорціи человѣческихъ тѣлъ, которыя ранѣе, какъ мы видѣли, не были удовлетворительны, представлены теперь съ надлежащею правдой и точностью; исполнѣ правдива и естественна здѣсь и постановка каждой изъ этихъ фигуръ ландскнехтовъ въ отдѣльности, и компоновка ихъ всѣхъ въ единую группу, объединенную общимъ интересомъ момента; правдиво и точно, наконецъ, воспроизведеніе здѣсь вооруженія и одежды у ландскнехтовъ. Рисунокъ въ смыслѣ отчетливости, плавности и вѣрности линий долженъ быть признанъ превосходнымъ для молодого художника. Все это, вмѣстѣ взятое, ясно показываетъ намъ, что и въ эти годы ученичества юный Дереръ болѣе всего остального продолжаетъ изучать живую натуру, дѣлая ее въ то же время предметомъ своего воспроизведенія, и что къ разсматриваемому моменту своей художественной дѣятельности онъ очень далеко подвинулся впередъ въ самомъ искусствѣ — передавать ее съ надлежащею точностью и въ наиболѣе характерныхъ ея чертахъ. Судя на основаніи этого, какъ и другого, одновременнаго съ нимъ, рисунка, можно утверждать, что роль ученичества Дюрера въ мастерской Вольгемута, повидимому, сводится за это время не столько къ усвоенію ученикомъ стилистическихъ особенностей учителя, сколько къ ознакомленію съ элементарными правилами композиціи и рисунка, которыя возможно было бы примѣнять къ сюжетамъ любого содержанія и знаніе которыхъ, бывшее у Дюрера весьма недостаточнымъ до поступленія къ Вольгемуту, теперь благодаря опытному наставнику, пополняются съ удивительной быстротой, давая молодому художнику устойчивыя основы для дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ.

Pozonyi-Hulot, воспроизведенъ у *Lippmann*, ibid. Taf. 2, n. *Ephrussi*: Albert Dürer et ses dessins, pag. 5.

Тѣмъ же высокими качествами исполненія отличается и другой, упомянутый сейчасъ рисунокъ (перомъ съ добавлениемъ туши и сѣпи) того же 1489 года, изображающій *прогулку всадниковъ* ¹⁾. Нѣсколько всадниковъ, среди которыхъ находятся и женщины, въ живописныхъ костюмахъ, ѣдутъ на богато украшенныхъ лошадяхъ по дорогѣ, повидимому, возвращаясь послѣ побѣды въ окрестности, по направленію къ видѣющемуся вдали городу. Рисунокъ помѣченъ 1489 годомъ и раннею, еще раздѣленною на двѣ части, монограммою Дюрера. Человѣческія фигуры рисованы съ большимъ мастерствомъ, равно и одежды, какъ и всѣ разнообразныя аксессуари. Только въ фигурахъ лошадей замѣтно несовершенство, которое отмѣчено даже болѣе позднія изображенія ихъ въ гравюрахъ Дюрера, несовершенство, которое самъ художникъ хорошо сознавалъ, стремясь къ его устраниенію и достигнувъ въ послѣдствіи высокихъ успѣховъ, при отсутствіи на этотъ счетъ указаній со стороны старѣйшихъ мастеровъ, путемъ долгаго и кропотливаго труда самостоятельнаго изученія лошади въ ея пропорціяхъ, внѣшнихъ формахъ и анатомическомъ строеніи. Достоиню вниманія, какъ указаніе на характеръ весьма многочисленныхъ произведеній Дюрера въ будущемъ, введеніе здѣсь *пейзажа*, зачатки котораго имѣются и на предыдущемъ рисункѣ и который здѣсь занимаетъ уже видное мѣсто: съ теченіемъ времени, какъ увидимъ въ послѣдствіи, пейзажъ въ однихъ случаяхъ, какъ добавленіе къ жанровымъ, историческимъ и инымъ композиціямъ; въ другихъ—самъ по себѣ, все чаще и чаще становится у Дюрера предметомъ художественнаго воспроизведенія, а съ этимъ вмѣстѣ естественно совершенствуется и самое умѣнье Дюрера въ этой широкой области творчества.

По окончаніи своего обученія въ мастерской Вольгемута, молодой художникъ отправляется, какъ мы знаемъ изъ его автобіографіи, въ продолжительное путешествіе съ образовательными цѣлями. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія относительно того, гдѣ именно и какимъ образомъ Дюреръ проводитъ слишкомъ четыре года своего путешествія за предѣлами родного города, отличаются крайнею неопредѣленностью. Самъ Дюреръ въ своей хроникѣ, какъ мы видѣли, не

¹⁾ Рисунокъ находится въ Бременскомъ музеѣ; воспроизведенъ у Lippmann ibid. Taf. 100, и Ephrussi, ibid., табл. къ 7 стр.

дасть въ этомъ отношеніи никакихъ сколько-нибудь положительныя указаній, ограничиваясь только точными хронологическими датами. «И когда я выслужилъ свой срокъ, говоритъ художникъ, отецъ послалъ меня въ путешествіе вдале и я оставался тамъ четыре года, пока отецъ снова потребовалъ меня назадъ. Уѣхалъ я въ 1490 году послѣ Пасхи, а когда я возвратился назадъ, то былъ уже 1494 годъ послѣ Троицы». Этою неопредѣленностью указаній самого художника въ связи съ отсутствіемъ безспорныхъ данныхъ въ самыхъ произведеніяхъ его, относящихся къ разсматриваемому періоду, данныхъ, которыя могли бы являться недопускающими сомнѣній доказательствами въ пользу того или иного предположенія, естественно объясняется какъ явное разногласіе по этимъ вопросамъ различными учеными, такъ и неполная убѣдительность доводовъ тѣхъ и другихъ въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ.

По отношенію къ этимъ послѣднимъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ группы мнѣній представителей враждебныхъ двухъ лагерей: съ одной стороны стоятъ такіе изслѣдователи, какъ Гримм ¹⁾, Реттбергъ ²⁾, Таузингъ ³⁾, Шпрингеръ ⁴⁾, фонъ-Терей ⁵⁾ и н. др.; съ другой стороны, Эфрусси ⁶⁾ Буркгардтъ ⁷⁾ и др. Изслѣдователи первой группы доказывали, что по выходѣ своемъ изъ мастерской Вольгемута послѣ окончанія обученія въ ней, Дюреръ отправился въ продолжительное путешествіе сначала по родной Германіи, при чемъ посѣтилъ различные города ея: Кольмаръ, Базель, Страсбургъ и т. д.; а затѣмъ на короткое время и въ Италію, между прочимъ въ ту самую Венецію, которую спустя одиннадцать илишкомъ лѣтъ онъ посѣщаетъ вторично уже какъ знаменитый художникъ и на болѣе продолжительный срокъ. Другіе изслѣдователи совершенно отрицали фактъ пребыванія Дюрера въ разсматриваемый періодъ въ Италиіи вообще и въ Венеціи въ частности, и утверждали, что молодой художникъ ограничился въ этомъ первомъ своемъ путешествіи предѣ-

¹⁾ *H. Grimm*: über Kunstler und Kunstwerke I, S. 133.

²⁾ *Retberg*: Archiv für zeichn. Künste VI, 1866, S. 178.

³⁾ *M. Thausing*: Dürer, Geschichte seines Lebens etc., 2 Aufl. I, S. 97 ff.

⁴⁾ *A. Springer*: Dürer, S. 17 ff.

⁵⁾ *G. von Terey*: A. Dürers venetianischer Aufenthalt 1494 — 95. Strassburg.

1892.

⁶⁾ *Ch. Ephrussi*: A. Dürer et ses dessins, pag. 8 sqq.

⁷⁾ *Burckhard*: Dürers Aufenthalt in Basel. 1892.

лами только Германіи. Что касается *аргументации* въ пользу высказанныхъ предположеній, то у представителей первой группы она сводится къ слѣдующему. Уже одинъ изъ современниковъ Дюрера, извѣстный Christoph Scheurl въ своей похвальной рѣчи 1508 года даетъ опредѣленные указанія относительно первой части путешествія Дюрера. Онъ сообщаетъ, что молодой нюрнбергскій художникъ, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ созданіямъ знаменитаго тогда кольмарскаго гравера и живописца, Мартина Шонгауэра, и страстно желавшій лично познакомиться съ этимъ послѣднимъ, прежде всего поспѣшилъ съ означенной цѣлью въ Кольмаръ. Къ сожалѣнію, самого Мартина онъ уже не засталъ въ живыхъ: старый художникъ скончался незадолго до пріѣзда Дюрера. Тѣмъ не менѣе братья умершаго, живописецъ Людвигъ и золотыхъ дѣлъ мастера Каспаръ и Павелъ, жившіе въ Кольмарѣ, равно какъ впоследствии и находившійся въ Базелѣ четвертый братъ Мартина, Георгъ, весьма радушно приняли молодого Дюрера, на котораго они произвели наилучшее впечатлѣніе ¹⁾). Такимъ образомъ, какъ ясно изъ этихъ указаній современника, первыми важнѣйшими пунктами въ путешествіи Дюрера были Кольмаръ и Базель. Какъ одинъ изъ городовъ, посѣщенныхъ Дюреромъ въ дальнѣйшемъ его путешествіи, указывали Страсбургъ; при этомъ, какъ на доказательство въ пользу такого мнѣнія ссылались на древній каталогъ собранія Имгоффъ, гдѣ составителемъ каталога, Вилибальдомъ Имгоффъ въ 1573—4 годахъ отмѣчены два портрета: старика и женщины, какъ исполненные Дюреромъ именно въ Страсбургѣ, при чемъ для послѣдняго портрета указанъ и самый годъ исполненія ²⁾). Наконецъ, что послѣднею цѣлью путешествія Дюрера, къ которой онъ долженъ былъ стре-

¹⁾ *Pirkheimeri opera*, ed. Goldast, p. 352.—„Qui tamen sub id tempus excesserit, unde ipse in Gymnasio, utriusque nostrum vicini et municipis Michaelis Wolgemuts triennio profecerit, tandem peregrata Germania, quum anno nonagesimo secundo Colmariam venisset, a Caspare et Paulo aurifabris et Ludovico pictore, item etiam Basileae a Georgio aurifabro, Martini fratribus, susceptus sit benigne atque humane tractatus. Ceterum Martini discipulum minime fuisse, imo ne vidisse quidem, attamen videre desiderasse vehementer.“

²⁾ *См. А. von Eye: Leben und Wirken A. Dürers. Übersicht—Tafel № 26 и № 27, nachdem Verzeichnisse W. Imhoffs 1573—4. Подъ № 26. написано: „ein Alter man in ein tafelein Ist zu Straspurg sein meister gewest. Auf pergamen“. Подъ № 27 значится: Ein welbspild auch in tefelein olifarbo so darzu gehörrt gemaltt zu Strasspurg 1494.*

ниться съ особенною настойчивостью, являлась Венеція, — это, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, должно было представляться вполне естественнымъ. Между Нюрнбергомъ и Венеціей издавна велись оживленные торговыя сношенія, при чемъ нюрнбергскіе купцы имѣли тамъ даже свою обширную факторію: «fondaco de' Tedeschi»; а нѣмецкіе ученые, знакомившіеся въ ту эпоху съ итальянской наукой въ различныхъ университетахъ Италіи, въ томъ числѣ и ближайшій другъ Дюрера, Пиркгеймеръ, считали особенно полезнымъ для себя непосредственно ознакомиться прежде всего, именно, съ Венеціей, какъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ средоточій наукъ, искусствъ и торгово-промышленной дѣятельности въ тогдашней Италіи.

Хотя въ автобіографическихъ замѣткахъ Дюрера и не находится никакихъ указаній на пребываніе его въ Венеціи, тѣмъ не менѣе имѣются косвенныя данныя, заставляющія думать, что художникъ дѣйствительно посѣтилъ этотъ «городъ лагунъ» еще въ періодъ перваго своего путешествія. Такія, именно, данныя, заключаются прежде всего въ словахъ одного изъ собственныхъ писемъ Дюрера къ другу его Пиркгеймеру, писанныхъ черезъ 11 лѣтъ, въ періодъ втораго пребыванія художника въ Венеціи (въ 1505 — 1506 г.) ¹⁾.

Упомяная здѣсь между прочимъ о пережвигѣ своихъ художественныхъ вкусовъ и возрѣній, значительно созрѣвшихъ за одиннадцать лѣтъ, протекшихъ между первымъ и вторымъ его путешествіемъ, Дюреръ замѣчаетъ: «и тѣ произведенія, которыя одиннадцать лѣтъ назадъ такъ сильно мнѣ нравились, теперь уже совсѣмъ не нравятся мнѣ, и это до такой степени, что если бы я не самъ видѣлъ все это, то не повѣрилъ бы никому другому». Какъ прямой и естественный выводъ изъ этого замѣчанія дѣлалось справедливое заключеніе, что художникъ указываетъ тутъ, именно, періодъ перваго своего пребыванія въ Венеціи и тогдашнее свое увлеченіе произведеніями итальянскихъ мастеровъ, которыя одиннадцать лѣтъ спустя, при вторичномъ ознакомленіи художника съ ними, уже перестали ему нравиться.

Указывали далѣе цѣлый рядъ работъ самого Дюрера, въ которыхъ видѣли доказательства пребыванія его въ рассматриваемый періодъ въ Италіи. Таковыми были прежде всего его рисунки

¹⁾ Письма эти цитированы нами ниже (подъ 1505—6 г.) во всѣхъ наиболее существенныхъ частяхъ ихъ.

перомъ, которые Дюреръ исполнилъ съ извѣстныхъ гравюръ итальянскаго художника Мантеньи, изображавшихъ: 1) *вакханалію* съ силеномъ въ числѣ участвующихъ въ ней лицъ, (Bartsch: Peintre-graveur, XIII, № 20), и 2) *битву тритоновъ*, везущихъ на себѣ переидъ (Bartsch, ibid. № 17). Рисунки эти являлись весьма близкими копіями съ обѣихъ гравюръ и помѣчены 1494 годомъ, и это, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, указываетъ на то, что рисунки были исполнены, именно, въ Италіи, гдѣ гравюры Мантеньи могли сдѣлаться извѣстными нѣмецкому художнику особенно легко и подъ вліяніемъ новой обстановки должны были произвести на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Къ числу произведеній, созданныхъ Дюреромъ въ теченіе того же періода перваго пребыванія его въ Венеціи, относили кромѣ того превосходное миниатюрное изображеніе *льва*, находящееся въ Гамбургскомъ музеѣ и помѣченное 1494 годомъ и монограммою Дюрера; относили потому, именно, къ пребыванію въ Венеціи, что самая постановка фигуры этого льва, энергично выступающаго впередъ, близко напоминаетъ многочисленныя изображенія льва св. Марка, особенно часто встрѣчающіяся въ Венеціи, находящейся подъ патронатствомъ этого святого. Указывали далѣе еще одинъ оригинальный листъ рисунковъ, на которомъ одновременно представлены такіе различные сюжеты, какъ сцена похищенія Европы, изображеніе Аполлона, фигура средневѣковаго ученаго и три львиныя головы въ разнообразныхъ положеніяхъ, каковой рисунокъ, по мнѣнію названныхъ изслѣдователей, также относится къ тому же періоду ¹⁾).

Наконецъ, къ этой же группѣ рисунковъ, созданныхъ Дюреромъ въ періодъ перваго пребыванія въ Италіи и на пути къ ней, причисляли и цѣлый рядъ *ландшафтовъ*, изображающихъ различныя

¹⁾ Рисунки эти помѣчены на большомъ листѣ такъ наз. „книги эскизовъ“ Дюрера, которая дошла до насъ лишь въ немногихъ своихъ частяхъ, разошедшихся по разнымъ музеямъ. На рассматриваемомъ листѣ, который хранится въ Виссентъ Альбертинумѣ, слѣва внизу изображенъ Аполлонъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, со стрѣлами и лукомъ въ рукахъ; подлѣ него своеобразная фигура средневѣковаго ученаго, въ турецкомъ костюмѣ, стоящаго съ черепомъ въ рукахъ передъ алхимическимъ сосудомъ съ надписью *Lutus*; сверху три этажа львиной головы съ трехъ различныхъ сторонъ; остальную часть листа занимаетъ сцена похищенія Европы, которая сидитъ на быкѣ, увозящемъ ее по волнамъ въ сопровожденіи переидъ и геніевъ, тогда какъ подружки ея, представленныя на заднемъ планѣ, издали смотрятъ на уходящую отъ нихъ оживленную группу.

виды Тироля, Триеста, Инсбрука и т. д., не помѣченныхъ годомъ и монограммою Дюрера, на томъ основаніи, что начиная съ 1503 г. Дюреръ помѣчаетъ уже свою монограммою и годомъ всѣ свои рисунки, гравюры и картины, и что, слѣдовательно, всѣ вообще непомѣченные рисунки должны быть отнесены къ періоду ранѣе 1503 года. Въ виду этого и всѣ пейзажи, необозначенные годомъ и монограммою, должны быть отнесены по мнѣнію перечисленныхъ ученыхъ, именно, ко времени перваго путешествія Дюрера, когда моло-



Рис. № 3.

дой нѣмецкій художникъ особенно усердно штудировалъ живую природу и запасался по возможности болѣе многочисленными матеріалами для будущихъ своихъ произведеній. Подтвержденіе такому различію пейзажей этого рода отъ позднѣйшихъ итальянскихъ и другихъ пейзажей у Дюрера находили кромѣ того и въ самомъ исполненіи тѣхъ и другихъ,—въ высшей степени старательномъ въ пейзажахъ первой эпохи, писанныхъ по большей части акварельными красками; и болѣе свободномъ, но въ то же время менѣе законченномъ въ пейзажахъ позднѣйшаго періода, набросанныхъ чаще всего однимъ перомъ безъ помощи красокъ. Таковы въ общемъ

важнѣйшіе доводы изслѣдователей первой группы, усердно отстаивавших мнѣніе о посѣщеніи Дюреромъ Италіи и въ частности Венеціи, уже въ пору ранней молодости его, во время перваго путешествія.

Изслѣдователи противоположнаго лагеря, соглашаясь съ первыми относительно маршрута путешествія Дюрера по Германіи, отрицали однако его дальнѣйшее посѣщеніе Италіи. Они подвергали прежде всего сомнѣнію указанное раздѣленіе пейзажей съ итальянскими и тирольскими видами на двѣ различныхъ эпохи, ибо во-первыхъ, какъ отмѣчали они, и позднѣе 1503 года, какъ и ранѣе, встрѣчается значительное количество пейзажей Дюрера, не помѣченныхъ ни годомъ, ни монограммою художника; а во-вторыхъ, и въ отношеніи самого исполненія ихъ не можетъ быть установлено твердо указанное различіе. Въ дѣйствительности, и среди рисунковъ, написанныхъ акварелью съ помѣткою 1505 и 1506 г., т. е. въ періодъ второго путешествія Дюрера, встрѣчаются, вопреки такому дѣленію, пейзажи, выполненные въ высшей степени тщательно и законченно¹⁾, и наоборотъ, среди рисунковъ перомъ, относящихся несомнѣнно ко времени ранѣе 1500 г., (какъ, напр., пейзажи, являвшіеся подготовительными работами для иллюстрацій къ Апокалипсису 1498 г.), имѣются какъ разъ именно такіе, которые по вышеприведенной характеристикѣ должны были бы быть отнесены ко второму, позднѣйшему періоду. Далѣе, самый фактъ существованія тирольскихъ и итальянскихъ пейзажей съ собственноручными помѣтками Дюрера 1505 и 1506 годами, говорилъ по ихъ мнѣнію, скорѣе въ пользу того, что и остальные пейзажи этихъ мѣстностей должны относиться къ тому же позднѣйшему періоду. Самое же время созданія ихъ приурочивалось къ тому четырехмѣсячному промежутку, въ теченіе котораго въ письмахъ Дюрера къ его другу Пиркгеймеру изъ Венеціи (см. ниже) имѣется перерывъ переписки, указывающій будто бы на продолжительное отсутствіе Дюрера изъ этого города для поѣздки въ Тироль²⁾.

¹⁾ Таковъ, напр., одинъ изъ тирольскихъ видовъ 1506 г., находившійся въ коллекціи Gigoux и воспроизведенный у *Ephrussi*: dessins, p. 111.

²⁾ Въ дальнѣйшей своей перепискѣ съ Пиркгеймеромъ Дюреръ однако ни словомъ не упоминаетъ объ этой своей поѣздкѣ, что онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы, если бы эта поѣздка имѣла мѣсто въ дѣйствительности, какъ это было съ поѣздкой въ Бо-

Что касается копій съ гравюръ Мантеньи, помѣченныхъ 1494 г. и цитированнаго выше отрывка изъ письма Дюрера о переменѣ эстетическаго вкуса у самого художника за одиннадцать лѣтъ, то по мнѣнію изслѣдователей второй группы, копія съ Мантеньи могли быть столь же легко исполнены художникомъ и въ Германіи; а слова самого Дюрера о переменѣ художественнаго вкуса его могли бы быть отнесены не ко всему вообще итальянскому искусству, поскольку оно представлено было въ Венеціи, а только къ произведеніямъ одного Ясоро de' Barbati, съ дѣятельностью котораго Дюреръ имѣлъ будто бы возможность познакомиться еще въ Германіи, ранѣе своего втораго путешествія въ Италію ¹⁾.

Такимъ образомъ, если маршрутъ путешествія Дюрера по Германіи не возбуждалъ никакихъ сомнѣній и споровъ, то напротивъ того разрѣшеніе вопроса о посѣщеніи имъ Венеціи въ періодъ этого перваго путешествія, несмотря на продолжительную полемику, именно, представителей различныхъ мнѣній о немъ, все-же оставалось до настоящаго времени не категорическимъ и безусловно достовѣрнымъ, а лишь въ большей или меньшей степени вѣроятнымъ ²⁾. Мы лично считаемъ возможнымъ съ большею рѣшительностью настаивать на принятіи, именно, перваго мнѣнія, утверждающаго фактъ пребыванія Дюрера въ Венеціи въ періодъ перваго путешествія; и въ пользу такого принятія мы видимъ, кромѣ вышеизложенныхъ, достаточныя основанія еще и въ нѣко-

люю. Ссылка на Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit 1864, s. 78, гдѣ приводится одинъ документъ 16 вѣка изъ архива гр. d'Attems, упоминающій о поѣздѣ Дюрера изъ Италіи въ Штейнъ близъ Лайбаха, гдѣ художникъ заболѣлъ и по выздоровленіи исполнилъ на память хозяйкѣ гостиницы какую-то картину, — не имѣетъ доказательной силы. Въ документѣ самый годъ этой поѣздки не обозначенъ и можетъ одинаково относиться какъ къ первому, такъ и ко второму путешествію Дюрера.

¹⁾ Въ опроверженіе этого утверженія можно указать на то, что пребываніе Барбари въ Германіи, въ частности въ Нюренбергѣ, относится къ періоду 1500—1504 г.; сѣдовательно, не выѣзжая изъ Германіи и не будучи въ Италіи, Дюреръ не могъ сказать въ своемъ письмѣ изъ Венеціи, что видѣлъ произведенія Барбари и другихъ итальянскихъ художниковъ тамъ же *одиннадцать лѣтъ назадъ*, т.-е. какъ разъ въ періодъ перваго своего путешествія.

²⁾ Отдѣльно стоящее мнѣніе *W. Schmidt*, высказанное имъ въ статьѣ: *A. Dürer in Basel und Venedig* (см. *Kunstchronik, Neue Folge* 1891 — 2, № 31), будто Дюреръ ѣздилъ въ Венецію уже въ концѣ 1494 года, *послѣ возвращенія изъ перваго путешествія и послѣ женитьбы на Агнесъ Фрей*, должно быть отвергнуто всецѣло, какъ предположеніе совершенно бездоказательное, не обоснованное ни фактами, ни какими-либо вѣскими соображеніями.

торыхъ другихъ обстоятельствахъ, повидимому, болѣе существенныхъ по отношенію къ внутреннему развитію художника. Мы разумѣемъ то неоспоримое *вліяніе работъ некоторыхъ итальянскихъ мастеровъ на Дюрера*, которое совпадаетъ какъ-разъ съ годами перваго путешествія нѣмецкаго художника и отражается на собственныхъ его произведеніяхъ, показывая тѣмъ самымъ и степень воздѣйствія въ ту пору итальянскаго ренессанса на современное нѣмецкое искусство въ лицѣ величайшаго его представителя. Этими итальянскими мастерами, оказавшими вліяніе на творчество молодого нѣмецкаго художника уже въ ранніе годы его дѣятельности, были главнымъ образомъ *Джакопо де Барбари* и *Андреа Мантенья*, съ произведеніями которыхъ онъ имѣлъ возможность познакомиться въ Италіи, въ періодъ перваго своего путешествія, при чемъ знакомство съ Барбаро, находившимся до 1500 года въ Венеціи, было и личнымъ знакомствомъ между нѣмецкимъ и итальянскимъ художникомъ.

Своеобразныя особенности вліянія перваго изъ этихъ итальянскихъ художниковъ на Дюрера, отчасти разъяснены уже Шпрингеромъ ¹⁾.— «Въ бытность свою въ Венеціи Дюреръ,—говоритъ этотъ авторъ,—тѣснѣйшимъ образомъ примкнулъ къ Джакопо де Барбаро. Какъ живописецъ, этотъ Джакопо имѣлъ настолько незначительную славу, что у своихъ соотечественниковъ пребывалъ почти въ полной неизвѣстности. Тѣмъ болѣе уваженіемъ, напротивъ того, онъ пользовался у любителей искусства по ту сторону Альпъ, и притомъ не только у нюренбергскаго купца Антона Кольба, который считалъ его, по словамъ Дюрера, наилучшимъ живописцемъ въ цѣломъ мірѣ, но и у императора Максимилиана, на службѣ у котораго онъ состоялъ впослѣдствіи, съ 1500 по 1504 годъ, въ качествѣ «портретиста и иллюминиста» (Contrafeter und Illuminist) ²⁾. Быть можетъ, достойно удивленія, что Дюреръ не примкнулъ ни къ кому изъ лучшихъ мастеровъ. Но именно Джакопо обладалъ многими свойствами, которыя облегчали болѣе тѣсное сближеніе его съ нѣмецкими живописцами. Если мы внимательно изслѣдуемъ сохранившіяся отъ Барбаро картины его въ Веймарѣ, Аугсбургѣ, Дрезденѣ и т. д., то отыроемъ въ этомъ «иллюминистѣ» искуснаго и тонкаго

¹⁾ Springer: A. Dürer, s. 18.

²⁾ Свои послѣдніе годы дѣятельности Барбаро провелъ въ Нидерландахъ, какъ придворный живописецъ эрцгерцогини Маргариты; онъ умеръ такъ же въ 1512 году.

художника, который въ трактовкѣ волосъ, въ раздѣленіи ихъ массы на отдѣльныя, тщательно обозначенныя волнистыя линіи; въ способѣ наложенія красокъ, въ штриховкѣ полутѣней, и т. п., близко напоминаетъ древнѣйшую манеру Дюрера. Равнымъ образомъ и въ любви къ чрезвычайно точному до мелочей воспроизведенію тѣлъ животныхъ, особенно тѣхъ, которыя покрыты тонкою шерстью или перьями, оба художника были сродны другъ съ другомъ»...

Думаемъ однако, что еще сильнѣе должно было привлекать Дюрера въ итальянскомъ художникѣ его стремленіе — *придать живописи, какъ искусству, нѣкоторыя устойчивыя основанія въ данныхъ точной науки*. Самъ Джакомо усматривалъ эти основанія въ разнобразныхъ математическихъ измѣреніяхъ фигуръ вообще, и человѣческихъ въ частности, дававшихъ художнику возможность примѣнять и къ изображаемымъ въ его произведеніяхъ человѣческимъ и инымъ фигурамъ совершенно правильныя пропорціи, составляющія, какъ извѣстно, одно изъ важнѣйшихъ условій красоты. Юный Дюреръ, подобно Барбарі, уже въ эти ранніе годы своей художественной дѣятельности, — какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, — обнаруживалъ такое же стремленіе и, именно, это средство стремленій болѣе всего другого должно было привлекать его къ названному художнику сильнѣе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ, и служило объясненіемъ преимущественнаго вліянія на него со стороны этого послѣдняго. Въ томъ введеніи, которое Дюреръ предполагалъ предпослать своему сочиненію о пропорціяхъ, но которое сохранилось только въ рукописи Британскаго музея, будучи замѣнено въ печатномъ изданіи этого сочиненія другою редакціей, самъ художникъ даетъ намъ драгоцѣнныя объясненія по разсматриваемому нами вопросу, остававшіяся неизвѣстными всѣмъ предыдущимъ изслѣдователямъ¹⁾. Извиняясь здѣсь передъ читателями за то, что, будучи человѣкомъ малоученымъ, онъ все-таки беретъ на себя смѣлость писать объ искусствѣ въ поученіе другимъ, Дюреръ замѣчаетъ, что охотно самъ поучился бы у кого-нибудь, если бы существовали какія-либо сочиненія художниковъ по вопросамъ объ искусствѣ; къ сожалѣнію, въ его время таковыхъ не оказывалось. «Я самъ, —

¹⁾ Рукописный набросокъ этотъ впервые опубликованъ въ 1893 году у *Lange und Fuchs: Durers schriftlicher Nachlass*, в. 340, и еще съ большимъ опредѣленностью, чѣмъ датированное выше письмо Дюрера изъ Венеціи, указываетъ на пребыванія въ этомъ городѣ нашего художника въ періодъ уже перваго путешествія его.

пишетъ онъ, — охотнѣе желалъ бы послушать или почитать каго-либо извѣстнаго, высокоученаго въ области искусства человѣка, чѣмъ, будучи малообразованнымъ, писать объ этомъ. Однако я не нашелъ никого, кто сообщилъ бы мнѣ что-либо цѣнное объ измѣреніи человѣческихъ пропорцій, кромѣ одного человѣка, по имени Джакомо, венеціанца, весьма хорошаго живописца. Онъ показалъ мнѣ фигуры мужчины и женщины, которыя онъ сдѣлалъ на основаніи измѣреній, и въ то время я гораздо больше желалъ ознакомиться съ его ученіемъ объ этомъ, чѣмъ съ новымъ для меня царствомъ¹⁾; и если бы возможно было, то я напечаталъ бы это (т. е. ученіе Барбары) въ честь его и на общую пользу. Но я былъ въ то время еще очень молодъ²⁾ и никогда не слышалъ отъ другихъ о подобныхъ предметахъ. И это искусство его мнѣ очень понравилось, и я понялъ, какъ нужно имъ пользоваться. Впрочемъ этотъ вышеупомянутый Джакомо не хотѣлъ разъяснить мнѣ все свое ученіе въ подробностяхъ, и я указывалъ ему на это; тѣмъ не менѣе я самостоятельно принялся за это дѣло и сталъ читать Витрувія, который писалъ немного объ измѣреніяхъ человѣка. Такимъ образомъ, у этихъ двухъ, названныхъ выше, людей получилъ я начатки моихъ познаній въ этой области, а затѣмъ продолжалъ работу своими силами изо дня въ день. И все, что въ этомъ отношеніи я приобрѣлъ, насколько это было для меня возможно, теперь я хочу ради молодыхъ художниковъ изложить здѣсь... Такое опредѣленіе самимъ художникомъ того значенія, какое имѣлъ для него въ молодости Джакомо Барбары, въ высшей степени драгоценно для насъ, поставляя внѣ споровъ вопросъ о томъ, что именно ему самому представлялось въ этомъ вліяніи Барбары наиболѣе важнымъ и существеннымъ. И если вѣрна въ частности мысль Шпрингера, указывающая средство между обоими художниками, поскольку дѣло касалось манеры письма, детальной отдѣлки частей, способа наложенія красокъ и т. п., — средство, заставившее младшаго художника примкнуть къ старшему; то отмѣченная нами причина этого сближенія (въ дополненіе къ той) указываетъ основанія, имѣ-

¹⁾ Т.-е. Венеціей, въ которой жилъ Барбары до 1500 г. и которая являлась тогда (въ 1494 году) для Дюрера совершенно новымъ царствомъ (ein neu Königreich).

²⁾ Въ періодъ перваго пребыванія Дюрера въ Венеціи ему было 23 года, тогда какъ вторичное путешествіе въ этотъ городъ онъ совершилъ уже на 34 году своей жизни.

впія въ глазахъ самого Дюрера наиболѣе существенный смѣсль и наибольшую внутреннюю цѣнность. Впослѣдствіи мы увидимъ, дѣйствительно, на цѣломъ рядѣ произведеній изъ различныхъ періодовъ дѣятельности Дюрера, начиная съ разсматриваемаго періода путешествія, что вліяніе Барбары оставило глубокіе слѣды въ работахъ Дюрера, и особенно въ тѣхъ, которыя такъ или иначе посвящены были имъ отысканію нормальныхъ пропорцій.

Другимъ итальянскимъ художникомъ, оказавшимъ на Дюрера значительное вліяніе, былъ Андреа Мантенья. Въ какихъ отношеніяхъ вліяніе это сказывалось наиболѣе сильно и что привлекало Дюрера къ этому художнику болѣе всего остального?..— Тотъ же Шпрингеръ ¹⁾ въ своемъ отвѣтѣ на эти вопросы раскрываетъ важнѣйшія стороны и значеніе этого вліянія. — «Личныхъ сношеній между обоими художниками не было; равнымъ образомъ и фрески, и другія картины Мантеньи въ Мантуѣ оставались для Дюрера неизвѣстными. Но зато въ гравюрахъ Мантеньи онъ открылъ богатый источникъ для художественнаго поученія. Мы получаемъ отъ гравюръ Мантеньи какое-то горько-сладостное впечатлѣніе. Лѣстить Мантенья не умѣлъ, несмотря на гармонію формъ въ его произведеніяхъ: неумолимо правдиво до жесткости изображалъ онъ всякія чувствованія, усиливая ихъ тамъ, гдѣ нужно было выраженіе страсти. Это стремленіе къ правдѣ въ изображеніи находило себѣ у него отраженіе и въ его стремленіи — представлять всегда согласно съ дѣйствительностью также и мѣста, въ которыхъ совершается дѣйствіе, столько же въ отношеніи перспективныхъ измѣреній, какъ и по отношенію къ участвующимъ лицамъ. Такимъ образомъ, перспективная правильность въ изображеніи шла у него рука объ руку съ психологической правдою. Кромѣ того самого Мантенью привлекали смѣлыя, необычайныя движенія, трудныя сокращенія, оригинальные ракурсы, какъ напримѣръ, сильно откинутыя назадъ головы; тѣла, согнутыя въ глубину до такой степени, что можно видѣть ноздри, пятки, и т. п. Эта же правда и смѣлость изображенія увлекала всецѣло и фантазію Дюрера, который въ ближайшіе годы и самъ охотно подражалъ ему въ воспроизведеніи головъ въ сильныхъ ракурсахъ, въ изображеніи сильныхъ тѣлъ, рѣзкихъ

¹⁾ *Springer, ibid.* S. 19—20.

движений, возбужденной мимики и т. п. Въ Мантеньѣ можно, такимъ образомъ, видѣть перваго учителя Дюрера съ весьма значительнымъ влияніемъ на него, при чемъ стремленіе итальянскаго художника къ натурализму нашло себѣ прочное мѣсто и въ представленіи Дюрера». — И такъ, *вліяніе Мантеньи на Дюрера* сказывалось *главнымъ образомъ въ отношеніи передачи движеній въ оригинальныхъ и смѣлыхъ ракурсахъ; въ строгомъ соблюденіи перспективныхъ законовъ; въ правдивомъ, естественномъ и въ то же время сильномъ до рѣзкости изображеніи разнообразныхъ психологическихъ настроеній.* И влияніе это, дѣйствительно, скоро становится очень замѣтнымъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ на примѣръ, въ иллюстраціяхъ Дюрера къ Апокалипсису, художнику представлялся самый широкій просторъ для примѣненія на практикѣ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній его и гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ такое широкое ихъ приложеніе. — Необходимо отмѣтить однако и еще одну сторону вліянія Мантеньи на Дюрера: мы разумѣемъ отношеніе *композицій* этого художника къ композиціямъ Дюрера въ цѣломъ рядѣ его иллюстрацій. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что простыя и ясныя композиціи Мантеньи, — простыя и ясныя даже при многофигурности многихъ изъ нихъ, привлекали къ себѣ молодого нѣмецкаго художника и оказывали на него значительное вліяніе. На это указываетъ, съ одной стороны, фактъ простого *копированія* послѣднимъ въ рисункахъ непосредственно нѣкоторыхъ композицій перваго, какъ это мы видѣли въ упомянутыхъ уже выше рисункахъ съ гравюръ Мантеньи: «вакханалія» и «битва тритоновъ»; съ другой стороны, близкое и несомнѣнное *сходство между композиціями* обоихъ художниковъ въ нѣсколькихъ изъ тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось трактовать одни и тѣ же сюжеты, — сходство, имѣвшее мѣсто, несмотря на значительный промежутокъ времени между появленіемъ работъ того и другого. Какъ примѣры, особенно поучительные въ этомъ послѣднемъ отношеніи, можно было бы указать: «сошествіе Христа во адъ», сюжетъ, исполненный Мантеньей въ гравюрѣ на мѣди, обозначенной у Bartsch XIII, № 5, и Дюреромъ въ его серіи «Большихъ страстей» (по Bartsch, № 14); далѣе, «бичеваніе Христа», у Мантеньи въ гравюрѣ на мѣди, по Bartsch XIII, № 1, и у Дюрера въ той же серіи «Большихъ страстей», № 8; «снятіе со креста» у Мантеньи въ гравюрѣ, *ibid.* № 4, у Дюрера въ рисунокѣ, такъ наз., *Grüne Passion*, находящемся въ Вѣнскомъ

Альбертинумъ; «положеніе Христа во гробъ» у Мантеньи въ гравюрѣ, *ibid* № 3; у Дюрера въ гравюрѣ на мѣди съ изображеніемъ «распятія Христа», (Bartsch № 13), гдѣ скопирована только фигура ап. Іоанна, ложающаго въ отчаяніи руки, и въ гравюрѣ съ тѣмъ же сюжетомъ «положенія въ гробъ» (Bartsch № 15). Сходство между композиціями Мантеньи и Дюрера въ этихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, настолько значительно, что не можетъ быть объяснено однимъ лишь тождествомъ сюжетовъ; и можно съ увѣренностью сказать, что по крайней мѣрѣ въ перечисленныхъ композиціяхъ Дюреръ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего предшественника въ области гравюры, у котораго онъ воспользовался здѣсь приемами компановки какъ цѣлаго, такъ и отдѣльныхъ фигуръ. Въ то же самое время, въ технику гравированія Дюреръ, напротивъ того, оставилъ его въ тѣхъ же своихъ произведеніяхъ далеко за собою, замѣнивши грубое условное обозначеніе мускуловъ черными полосами, имѣвшее мѣсто въ гравюрахъ Мантеньи, болѣе сложную и искусною штриховкой, придававшую мускулистымъ частямъ естественную округленность; представивши въ своихъ гравюрахъ на мѣсто сухихъ и костлявыхъ фигуръ Мантеньи полножизненные тѣла; смѣнивши рѣзкіе, грубо очерченные контуры всѣхъ фигурныхъ изображеній итальянскаго гравера легкими и плавными, благодаря умѣлому примѣненію эффектовъ свѣта и тѣни, которыми и въ самой дѣйствительности смягчается всякая рѣзкость контурныхъ очертаній.

Таково было въ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ это вліяніе Барбары и Мантеньи на нѣмецкаго художника—вліяніе, которое воспринято было Дюреромъ еще въ періодъ перваго его путешествія и которое обнаружилось столько же въ общемъ направленіи творческой его дѣятельности въ ближайшіе годы, сколько и въ отдѣльныхъ, отмѣченныхъ выше, сторонахъ этого творчества, отражаясь непосредственно и въ самыхъ произведеніяхъ Дюрера. Можно сказать, что именно въ этомъ вліяніи на Дюрера обоихъ названныхъ художниковъ, къ которому присоединяются впоследствии и нѣкоторые другія вліянія со стороны итальянскихъ мастеровъ, каковыя отмѣчены будутъ въ своемъ мѣстѣ, выразилось наиболѣе существенное и важное воздѣйствіе итальянскаго ренессанса на нѣмецкое искусство, поскольку представителемъ этого послѣдняго въ эпоху его возрожденія являлся Альбрехтъ Дюреръ. И то обстоятельство,

что представителями отношеній Дюрера, а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ нѣмецкихъ художниковъ возрожденія къ итальянскому ренессансу, оказывались по преимуществу передъ всѣми такіе второстепенные мастера, какъ Барбари и Мантенья, а не величайшіе художники тогдашней Италіи, послужило имъ къ выгодѣ. — «Они были для Дюрера и его современниковъ въ высшей степени поучительными художниками, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу Вольманнъ ¹⁾, — но оставили для этихъ нѣмецкихъ художниковъ свободнымъ путь къ дальнѣйшему собственному ихъ развитію на тѣхъ же основахъ. Напротивъ того нидерландцы, которые долѣе довольствовались собственнымъ отечественнымъ искусствомъ и которые познакомились съ итальянскими художниками, когда среди нихъ господствовали уже Микель-Анжело, Рафаэль, и другіе, совершенно отдались вліянію этихъ послѣднихъ; поворились имъ, будучи ослаблены этими колоссами, позабывши себя самихъ и все самобытное и отдавшись вслѣдствіе этого безусловной подражательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и манерности»...

Мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ произведеній, сохранившихся для насъ отъ этого періода творческой дѣятельности Дюрера до начала 1495 года включительно.

Крупнѣйшимъ изъ нихъ является помѣченный опредѣленно хронологической датой *собственный портретъ Дюрера*, исполненный имъ во время путешествія въ 1493 году масляными красками на пергаментѣ и представляющій собою наиболѣе ранній изъ образцовъ этого рода техники у нашего художника ²⁾. Дюреръ изобразилъ здѣсь себя почти въ той же позѣ, въ какой мы видѣли его раньше тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ на собственноручномъ рисункѣ его въ Альбертинумѣ. Лицо и корпусъ его повернуты въ три четверти къ зрителю; на головѣ надѣта небольшая шапочка; щегольская одежда состоитъ изъ шелковой сорочки, собранной во множество складокъ съ проходящими по нимъ поперечными шнурками, и наброшеннаго поверхъ сорочки цвѣтного (сѣраго съ желтымъ и краснымъ въ отдѣльныхъ частяхъ) кафтана.

¹⁾ А. Woltmann: Andrea Mantegna въ изданіи *Dohme: Kunst und Künstler III*, № LI, с. 28.

²⁾ Портретъ этотъ, хранящійся въ частномъ собраніи Е. Феликса въ Лейпцигѣ, воспроизведенъ у *Knackfuss: Dürer*, с. 7. См. нашъ рисунокъ № 4.

Длинные волосы локонами падают по плечам; шея и часть груди — открыты; в правой руке он держит цветок, называемый по-немецки: «мужскою вѣрностью» (Mannestreue). Вверху над самою головою помещается цифра года создания портрета (1493) и надпись готическими буквами, гласящая: «Mu sach die gat Als es oben»



Рис. 4.

schat», т.-е. «мои дѣла находятся въ такомъ положеніи, въ какомъ-нмѣ свыше суждено быть»...

Лицо двадцати-двулѣтняго художника въ общемъ сильно напоминаетъ черты его, знакомые уже по болѣе раннимъ рисункамъ его 1484 и 1487 годовъ; только пробивающіеся усы и бородка, да болѣе длинные локоны и отчасти болѣе серьезное выраженіе глазъ придаютъ этому лицу видъ большей возмужалости. Портретъ испол-

вить съ чрезвычайною тщательностью, до мелочей выписать старательно, и показывать весьма значительный прогрессъ въ умѣнѣхъ молодого художника—изобразить живое человеческое тѣло самыми разнообразными способами: не только карандашомъ и перомъ, но, что гораздо труднѣе, и масляными красками. И этотъ прогрессъ особенно ясно обнаруживается здѣсь въ частности въ передачѣ выраженія глазъ, гораздо болѣе свободной, чѣмъ раньше; въ формахъ рукъ, выписанныхъ тутъ красками съ болѣею пластичностью; наконецъ, въ самой трактовкѣ одеждъ—и болѣе живописной, и болѣе тонкой, чѣмъ прежде.

Портретъ этотъ, первоначально написанный на пергаментѣ, былъ впоследствии, (именно, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія), въ виду нѣкоторыхъ поврежденій его перенесенъ на полотно и реставрированъ; при чемъ однако реставрація эта по счастью коснулась лишь немногихъ частей портрета, оставляя тѣмъ самымъ возможность и нынѣ судить о первоначальныхъ достоинствахъ оригинала.

Кромѣ этого подлиннаго экземпляра работы самого Дюрера существуетъ еще *копія* того же портрета въ Лейпцигскомъ музеѣ. исполненная на деревѣ и находившаяся раѣе въ одномъ частномъ собраніи въ Гельмштадтѣ, гдѣ въ 1805 году имѣлъ случай видѣть ее между прочими Гёте. Великій германскій поэтъ, признавшій въ этомъ портретѣ работу самого Дюрера, оставилъ намъ восторженное его описаніе.—«Драгоценнѣйшимъ произведеніемъ искусства»,—говорилъ онъ,—«я считаю портретъ Альбрехта Дюрера, написанный имъ самимъ въ 1493 году, на двадцать второмъ году его жизни, въ половину натуральной величины: фигура до пояса, руки до локтей; красная шапочка на головѣ съ короткими шнурочками; глубоко открытая грудь; сорочка съ собранными рубцами, складки рукавовъ, перетянутыхъ красными ленточками; голубовато-сѣрый верхній кафтанъ съ желтыми шнурами, какъ принято было одѣваться изящнымъ и щегольскимъ молодымъ людямъ. Въ рукахъ его многозначительный голубой цвѣтокъ егунгіумъ, называемый по-нѣмецки: «мужскою вѣрностью»; благородное юношеское лицо съ показывающеюся на губахъ и подбородкѣ растительностью. Цѣлое написано превосходно, роскошно и вмѣстѣ наивно, гармонично во всѣхъ своихъ частяхъ; исполненіе по необычайной своей высотѣ вполне достойно кисти

Дюрера»¹⁾...—Если это простая копия съ оригинальной работы Дюрера могла возбудить въ воспримчивой душѣ великаго поэта столь глубокий восторгъ, то несомнѣнно мы имѣли бы еще болѣе высокую оцѣнку въ характеристикѣ Гёте, если бы ему удалось созерцать въ свое время подлинное произведеніе гениальнаго художника, которое, дѣйствительно, несмотря на нѣкоторую незрѣлость его, поражаетъ зрителя своими выдающимися достоинствами.

Съ большою достовѣрностью можно далѣе отнести къ разсматриваемому періоду, главнымъ образомъ на основаніи стилистическихъ особенностей, и нѣсколько интересныхъ пейзажей. Таковъ прежде всего обширный *ландшафтъ съ мельницами*, (такъ наз. *Drahtziehmühle*), хранящійся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ²⁾.

Ландшафтъ этотъ, написанный акварельными красками во всю ширину большого листа, представляетъ обширную зеленѣющую равнину, на первомъ планѣ которой протекаетъ рѣка съ стоящими по берегамъ ея домами и мельницами. Узкій маленькій мостъ перебрасывается съ одного берега на другой; по всей широкой равнинѣ, покрытой яркой травой, размѣщены живописныя группы домиковъ, окруженныхъ зеленѣющими деревьями; низкіе заборы отдѣляютъ одни владѣнія отъ другихъ; кое-гдѣ видны фигуры пѣшеходовъ и всадниковъ. На далекомъ горизонтѣ сивѣютъ невысокія горы, замыкающія долину. Вверху листа рукою Дюрера написано: «*trotsziehmüll*»; рядомъ—монограмма художника. Исполненіе этого пейзажа настолько тщательно, отличается такою законченностью, а краски—такою жизненностью, свѣжестью и гармоничностью сочетаній, что въ этомъ въ видѣ онъ долженъ быть признанъ отнюдь не эскизомъ для какой-либо будущей сложной композиціи, но вполне законченною картиною, имѣющею самостоятельное значеніе, какъ художественное произведеніе.

Въ pendant къ этому пейзажу и одновременно съ нимъ Дюреръ даетъ другой пейзажъ³⁾, воспроизводящій, какъ видно изъ пометки на листѣ рукою самого Дюрера: «*sant. Iohans Kirche*», *окрестности Нюрнберга* подлѣ церкви св. Іоанна. Живописныя группы

¹⁾ Ср. *Meusel*; Archiv für Künstler. 1805, I, 162; *Heller*, S. 176; *Thausing*. Dü-
ter I, 132; *Knackfuss*, S. 5.

²⁾ Въ Берлинскій музей этотъ акварельный пейзажъ перешелъ изъ собранія
Pozonyi-Hulot. Воспроизведенъ у *Lippmann* дважды: на табл. 4 (въ краскахъ) и на
табл. 5 (фотогипей); у *Knackfuss*, s. 6. См. рисунокъ № 3.

³⁾ Воспроизведенъ у *Lippmann*, табл. 104.

домиковъ, разбросанныя на широкой холмистой равнинѣ, писаны тѣми же красками, какъ и предыдущій пейзажъ, а самое исполненіе до такой степени близко напоминаетъ работу художника на этомъ послѣднемъ, что въ одновременности созданія обоихъ нельзя сомнѣваться.

Къ тому же періоду перваго путешествія можетъ быть отнесенъ и превосходный *акварельный пейзажъ* изъ собранія I. Малкольма въ Лондонѣ, изображающій живописный уголокъ Триеста съ цѣлымъ рядомъ красивыхъ замковъ и домовъ на морскомъ берегу¹⁾, Нѣкоторая неуувѣренность въ рисунокѣ при необыкновенной тщательности работы, свѣжести и вѣрности красокъ, и другихъ, обычныхъ у Дюрера въ аквареляхъ этого ранняго періода, достоинствахъ даетъ основаніе отнести разсматриваемый пейзажъ, именно, къ періоду перваго путешествія Дюрера въ отличіе отъ другихъ, болѣе сложныхъ видовъ Триеста, исполненныхъ художникомъ при вторичномъ посѣщеніи этого города на пути въ Венецію или обратно.

Изъ *рисунковъ перомъ*, исполненныхъ Дюреромъ въ теченіе изучаемаго нами періода, кромѣ упомянутыхъ уже выше, слѣдуетъ отмѣтить здѣсь особенно два, помѣченные хронологическими датами. Одинъ изъ нихъ²⁾, показываетъ намъ, повидимому, сцену *купанья*: молодая женщина, совершенно нагая, стоитъ съ приподнятой кверху лѣвой рукою, прикрывая грудь правой; ноги ея обуты въ туфли; голова повязана полотенцемъ, конецъ котораго спускается внизъ; въ верхнемъ углу помѣщается цифра года созданія рисунка (1493). Нагое тѣло, не отличающееся большой красотой, исполнено здоровья и силы; и эти полнोजизненные формы его переданы Дюреромъ, очевидно съ натуры, съ такою реальною правдивостью, которая заставляетъ зрителя забывать о недостаткѣ красоты и граціи самой модели.

Другой рисунокъ относится къ 1494 году (хранится нынѣ въ Гамбургскомъ музеѣ) и воспроизводитъ миеологическую сцену *избиенія Орфея вакханками*. Нѣкоторые изъ изслѣдователей усматривали въ этомъ рисунокѣ пробную работу молодого Дюрера, представленную имъ будто бы въ 1494 году, послѣ возвращенія изъ путешествія, въ нюрнбергскій цехъ живописцевъ для полученія правъ на званіе свободнаго художника и на открытіе собственной мастерской.

¹⁾ Воспроизведенъ у Lippmann, табл. 90.

²⁾ Рисунокъ этотъ воспроизведенъ у Lippmann, табл. 845.

Мнѣніе это, которое повторялось неоднократно (со словъ Зандарта¹⁾), бывшаго въ 17 вѣкѣ владѣльцемъ этого рисунка и желавшаго такимъ образомъ подтвердить придать еще большую стоимость этому превосходному произведенію, должно быть признано не болѣе, какъ анекдотическимъ вымысломъ, ибо оно не только не обосновано никакими доказательствами, но и стоитъ въ противорѣчій съ существовавшей въ дѣйствительности свободою для нюрнбергскихъ художниковъ работать самимъ и основывать свои мастерскія безъ всякаго особаго экзамена. Рисунокъ этотъ представляетъ собою, подобно упомянутымъ выше рисункамъ Дюрера съ гравюръ Мантеньи «вакханалія» и «битва тритоновъ», *копію съ гравюры* неизвѣстнаго художника второй половины 15 столѣтія, экземпляръ которой имѣется въ томъ же Гамбургскомъ музеѣ, гдѣ хранится и самый рисунокъ²⁾. Однако, какъ легко убѣдиться въ томъ изъ сравненія самаго рисунка съ гравюрой, воспроизведенной у Эфрусси³⁾, копія эта является гораздо болѣе свободною, чѣмъ обѣ предыдущія, отлѣченныя тѣсною близостью къ оригиналамъ. Здѣсь ближайшее сходство сохраняется только въ средней, важнѣйшей части композиціи, гдѣ въ обоихъ случаяхъ мы видимъ Орфея, упавшаго на колѣна на землю и старающагося защитить себя лѣвой рукою, прикрытою мантией, отъ нападенія двухъ вакханокъ. Правой рукою въ обоихъ случаяхъ Орфей упирается въ землю; лицо его и здѣсь, и тамъ обращено въ одной изъ нападающихъ вакханокъ, стоящей спиною къ зрителю, тогда какъ другая, повернувшись лицомъ къ зрителю, замахивается сзади огромной дубиною надъ головою Орфея. Подлѣ этой группы и на гравюрѣ, какъ на рисункѣ, помѣщена фигура ребенка, въ страхѣ убѣгающаго въ сторону отъ вакханокъ. Напротивъ, въ обстановочной частн, въ аксессуарахъ, замѣчается значительное различіе между обоими. На гравюрѣ сцена убіенія Орфея происходитъ среди обширнаго пейзажа, въ которомъ на заднемъ планѣ справа и слѣва видны скалистые горы съ нѣсколькими замками на нихъ; единственное

¹⁾ *Sandart: Teutsche Akademie* t. II, 79. Ср. *A. von Eye: Leben und Wirken A. Dürers*, S. 98, и др.

²⁾ См. *Archiv für zeichn. Künste*, t. XVI, S. 88 f.: die Harzen-Commetersche Kupferstich und Handzeichnung-Sammlung in d. Kunsthalle zu Hamburg.

³⁾ Гравюра эта воспроизведена у *Ehrussi: dessin*, p. 21; самый рисунокъ тамъ же, стр. 24.

высокое дерево стоит подлѣ фигурѣ одной изъ нападающихъ вѣханожъ. На рисункѣ горы отсутствуютъ, а подлѣ группы нападающихъ изображена цѣлая куща кустарника и деревьевъ, на одномъ изъ которыхъ повѣшена раскрытая книга, а на верхушкѣ дерева длинная лента съ надписью готическими буквами: «*Orpheus deg erat risegat*». Передъ Орфеемъ лежитъ на землѣ въ одномъ случаѣ лютня (на гравюрѣ), въ другомъ—большая лира (на рисункѣ); гравюра помѣчена условнымъ знакомъ въ видѣ сплетенія; рисунокъ—цифрой года созданія его (1493) и литерами А и D, которыми Дюреръ обыкновенно помѣчаетъ свои произведенія этого ранняго періода. Въ художественномъ отношеніи этотъ рисунокъ Дюрера, который является такимъ образомъ свободною копіей съ итальянской гравюры, оказывается стоящимъ много выше своего оригинала столько же по большей легкости и точности контуровъ, сколько и большей близости къ живой натурѣ въ трактовкѣ человѣческаго тѣла и болѣе естественности и силѣ движеній всѣхъ участниковъ сцены. И это весьма характерно для подобнаго рода работъ Дюрера, показывая ясно, что художникъ уже не удовлетворяется тѣмъ, что давали ему копируемыя произведенія и стремится представить въ своихъ, даже заимствованныхъ работахъ, нѣчто лучшее и болѣе совершенное, чѣмъ самыя оригиналы, служившіе, какъ въ данномъ случаѣ, не столько образцами, сколько матеріалами для собственныхъ его произведеній.

Дѣятельность Дюрера въ эту раннюю эпоху его жизни не ограничивается однако произведеніями перечисленныхъ видовъ, исполнявшихся красками, карандашомъ и перомъ и относящихся ближайшимъ образомъ къ области живописи. Одновременно и на ряду съ ними молодой художникъ уже вскорѣ послѣ окончанія обученія въ мастерской Вольгемута начинаетъ работать въ той обширной отрасли изобразительнаго искусства, которая, получивши свое историческое бытіе въ отечествѣ Дюрера лишь сравнительно незадолго до выступленія его самого въ качествѣ представителя творчества въ этой же области, въ скоромъ времени обогащается, благодаря гениальному художнику, громаднымъ количествомъ произведеній, съ необычайною быстротою поднимающихъ эту отрасль искусства на небывалую высоту. Мы разумѣемъ работы Дюрера въ области *гравюры на металлъ и дерево*, и прежде всего его гравюры на мѣди, значи-

тельное число которых было создано имъ уже въ этотъ ранній периодъ до 1495 года.

Древнѣйшими образцами работъ Дюрера въ области гравюры на мѣди должны быть признаны: такъ называемый «малый курьеръ», аллегорія «счастья» и «смерть, насильственно увлекающая молодую



Рис. № 5.

женщину». Весьма небольшая по своимъ размѣрамъ гравюра, извѣстная подъ именемъ «малого курьера» ¹⁾, въ высшей степени несложна въ своей композиціи. По дорогѣ, съ одной стороны которой

¹⁾ Гравюра эта обозначена у Bartsch подъ № 80, у Heller подъ № 986, у Retberg № 18. См. нашъ рисунокъ № 5.

находятся гдѣсь, съ другой—поросшія травою большіе камни, подгѣ срубленнаго ствола дерева, скачетъ курьеръ съ короткимъ бичомъ въ поднятой правой рукѣ, съ большимъ мечомъ на лѣвомъ боку, съ украшеннымъ перьями шлемомъ на головѣ, въ своеобразномъ костюмѣ конца 15 столѣтія. Взглян на заднемъ планѣ виденъ гористый ландшафтъ, а на одномъ изъ камней подгѣ дороги помѣщена монограмма художника. Что «малый курьеръ» относится, дѣйствительно, къ числу наиболѣе раннихъ опытовъ гравированія, представленныхъ Дюреромъ, ясно изъ особенностей самаго стиля и техники этой гравюры. Рисунокъ здѣсь въ значительной степени еще угловатъ; въ немъ недостаетъ еще той свободы, увѣренности и легкости, которыми отличаются позднѣйшія гравюры Дюрера; равнымъ образомъ здѣсь нѣтъ и той пластичности изображенія, какую мы видимъ на гравюрахъ болѣе поздняго времени; штриховка пока еще грубовата, плоска, напоминая работы ювелировъ на металлическихъ издѣліяхъ: каждый штрихъ, слишкомъ длинный и широкій сравнительно съ малыми размѣрами самой гравюры, проводится тутъ на значительномъ одинъ отъ другого разстояніи, отчего эффекты свѣтотѣни весьма ослабляются, рельефность фигуръ уменьшается. Сохранился эскизный рисунокъ перомъ для этой гравюры ¹⁾, любопытный, какъ указаніе на то, что молодой, еще неувѣренный въ своихъ силахъ, художникъ работалъ свои гравюры по исполненнымъ имъ же самимъ заранѣе эскизнымъ рисункамъ. Эскизъ этотъ, почти ни въ чемъ не различаясь отъ композиціи самой гравюры, превышаетъ его лишь болѣе значительными размѣрами; качества самаго исполненія въ обоихъ существенно близки другъ къ другу.

Весьма сходной по характеру работы съ описанною сейчасъ гравюрой является другая, одновременная съ нею, представляющая аллегорію «счастья» ²⁾. Счастье изображено здѣсь въ видѣ совершенно нагой женщины, стоящей на маленькомъ шарѣ; лѣвая рука ея, держащая какое-то колючее растеніе, опирается на длинный, тонкій посохъ; голова повязана длиннымъ покрываломъ, которое, прокодя затѣмъ черезъ правую руку, спускается ниже колѣнъ; подгѣ пара—монограмма художника. Формы обнаженнаго женскаго тѣла,

¹⁾ Эскизъ этотъ хранится нынѣ въ Британскомъ музеѣ, куда перешелъ изъ собранія Sloane. Воспроизведенъ у Lippmann, табл. 209.

²⁾ Гравюра обозначена у В. № 78, Н. 831, R. 6. См. нашъ рисунокъ № 6.

сидрава, не отличаются и здѣсь, какъ и на описанномъ выше рисункѣ 1493 года, ни красотою, ни изяществомъ, а постановка самой фигуры не обнаруживаетъ большой граціи; тѣмъ не менѣе въ цѣломъ она представляется весьма привлекательной, благодаря той



Рис. № 6.

жизненности и естественности, которыя художникъ сумѣлъ придать этой фигурѣ, несмотря на аллегорическій смыслъ ея.

Третья, одновременная съ предыдущими, гравюра на мѣди ¹⁾, показываетъ намъ аллегорію смерти въ видѣ нагого мужчины съ

¹⁾ Эта гравюра обозначена у В. № 92, Н. 892, К. 1. Реттбергъ считаетъ эту гравюру исполненною или кѣмъ-либо изъ болѣе раннихъ мастеровъ, предшественниковъ Дюрера, или нѣмъ самимъ по какому-либо изъ этихъ болѣе раннихъ образцовъ, что однако ни чѣмъ не доказывается и менѣе всего — отсутствіемъ монограммы художника.

всклокоченными волосами на головѣ, который съ силою тащить къ себѣ отбивающуюся отъ него женщину, одѣтую въ костюмъ конца 15 столѣтія. Вдали на заднемъ планѣ — пейзажъ съ виднѣющейся на горѣ церковью. Монограмма художника на этой гравюрѣ отсутствуетъ.

Немного болѣе поздною по времени, сравнительно съ предыдущими, должна быть признана серія столь же небольшихъ по размѣрамъ гравюръ на мѣди чисто *жанрового* содержанія, вообще весьма рѣдкихъ среди гравюрныхъ работъ Дюрера. Таковы его: «крестьянинъ съ женой» (В. 83. Н. 921. Р. 11); «поваръ и хозяйка» (В. 84. Н. 963. Р. 10); «семейство турка» (В. 85. Н. 971. Р. 12); «три бесѣдующихъ крестьянина» (В. 86. Н. 948. Р. 15); «группа изъ шести воиновъ» (В. 88. Н. 981. Р. 4), превышающая по размѣрамъ другія, и «знаменосецъ» (В. 87. Н. 977. Р. 43). Всѣ эти картинки, подобно предшествующимъ, въ высшей степени несложны въ своемъ содержаніи, просты и ясны въ своей композиціи, состоящей въ каждой изъ нихъ, за исключеніемъ группы воиновъ, всего изъ двухъ-трехъ фигуръ въ характерныхъ костюмахъ, въ самыхъ незамысловатыхъ соотношеніяхъ: бесѣдующихъ другъ съ другомъ, идущихъ мирными парами и т. п. Индивидуальный характеръ всѣхъ этихъ фигуръ и натуралистическія особенности въ каждой изъ нихъ показываютъ несомнѣнно, что оригиналами для Дюрера служили здѣсь живыя модели, которыя онъ и воспроизводитъ тутъ съ реалистической правдою и значительной жизненностью. Что касается внѣшняго исполненія, то въ этомъ отношеніи необходимо отмѣтить здѣсь, правда, незначительный, но все же неоспоримый прогрессъ сравнительно съ предшествующими, наиболѣе ранними образцами гравюры на мѣди у Дюрера. Штриховка становится болѣе изящною, каждый отдѣльный штрихъ—короче и тоньше въ соответствіи съ небольшими размѣрами каждой фигуры; рисунокъ дѣлается болѣе легкимъ и увѣреннѣе. Въ то же время однако моделировка фигуръ на всѣхъ этихъ гравюрахъ характеризуется обычными для этого ранняго періода дѣятельности Дюрера въ области гравированія чертами: здѣсь, какъ и на предыдущихъ гравюрахъ, она отличается отъ позднѣйшихъ работъ его значительною плоскостью изображеній на бѣломъ фонѣ листа, ихъ недостаточною еще пластичностью ¹⁾.

¹⁾ Къ этой же серіи мы считаемъ возможнымъ отнести и гравюру, известную по названію: „дамы на конѣ съ оруженосцемъ“ (В. 82. Н. 991. Р. 20), которую обыкновенно относятъ къ этой серіи.

Наибольше поздними по времени и еще болѣе совершенными по своему вѣдшему исполненію сравнительно съ описанными выше древнѣйшими работами Дюрера на мѣди являются въ разсматриваемый періодъ его творчества слѣдующія гравюры: «прогулка»; «блудный сынъ», «св. семейство съ стрекозою», «предложеніе любви за деньги», «кающійся св. Иеронимъ» и «св. Хризостомъ», — всѣ, помѣщенные на листахъ большого формата.

Въ гравюрѣ, обозначаемой обыкновенно названіемъ: «прогулка» ¹⁾, дѣйствующими лицами являются идущіе другъ подлѣ друга юноша съ молодою женщиною и со смертью въ видѣ скелета неподалеку отъ нихъ. Юноша въ востюмѣ рыцаря жестомъ приглашаетъ идущую рядомъ съ нимъ молодую женщину, въ нѣмецкомъ платьѣ конца 15 столѣтія и въ высокомъ головномъ уборѣ, — слѣдовать далѣе въ то время, какъ изъ-за дерева, мимо котораго проходятъ они, выглядываетъ смерть въ видѣ скелета, несущаго на головѣ солнечныя часы, какъ напоминаніе о кратковременности и суетности человѣческой жизни. На заднемъ планѣ — обширный пейзажъ; у ногъ идущей пары — монограмма художника.

«Блудный сынъ» въ гравюрѣ того же наименованія ²⁾, въ бѣдномъ одѣяніи пастуха, босой и съ непокрытою головою, стоитъ на колѣняхъ въ позѣ молящагося или кающагося посреди скотнаго двора, окруженнаго хозяйственными постройками. Подлѣ него большое корыто и лохань, вокругъ которыхъ собрались поросята и свиньи; по двору бродитъ домашняя птица. Гравюра помѣчена монограммою Дюрера.

На третьемъ листѣ, изображающемъ «святое семейство» ³⁾, пресв. Богородица представлена съ распущенными длинными волосами, безъ покрывала на головѣ, въ широкой и длинной мантии, надѣтой сверхъ платья, падающаго на землю широкими складками. Сидя на простой деревянной колодѣ вмѣсто скамьи, она высоко поднимаетъ руками младенца Христа, любясь на него въ то время, какъ онъ

новенно относить къ 1496 году, но которая и по размѣрамъ своимъ, и по характеру сюжета, и по качествамъ исполненія чрезвычайно близко напоминаетъ перечисленнымъ выше жанровныя картинки.

¹⁾ У Bartsch № 94, у Heller 884, у Rettberg 14. См. рис. № 7.

²⁾ У В. № 28, Н. 477, R. 5.

³⁾ У В. № 44, Н. 648, R. 8.

протягиваетъ къ ея лицу свои ручки. Возлѣ нея на землѣ лежитъ уснувшій св. Юсифъ, держа свою шляпу въ правой рукѣ. Вверху



Рис. № 7.

надъ головою Богоматери и младенца среди облаковъ видна полуфигура Бога-Отца съ державою въ лѣвой рукѣ, а ниже—Духъ Святый въ видѣ голубя, окруженнаго сіяніемъ. Позади св. семейства невидаль

деревянные ворота и домъ, а на заднемъ планѣ вдали — обширный ландшафтъ съ горами, лѣсомъ, большимъ озеромъ, по которому плаваютъ лодки, и оригинальными постройками на берегу озера. У ногъ Богородицы, съ одной стороны, монограмма художника, а съ другой — стрекова, отъ которой эта гравюра и получила свое названіе въ отличіе отъ другихъ съ такимъ же сюжетомъ.

Въ гравюрѣ «предложеніе любви за деньги»¹⁾ сцена происходитъ также въ обстановкѣ ландшафта. На толстомъ стволѣ срубленнаго дерева сидитъ старикъ и красивая молодая женщина. Старикъ въ короткомъ кафтанѣ, отороченномъ мехомъ, съ непокрытою головою (шляпа положена подлѣ него на землю), обнимаетъ свою соседку и нѣжно глядитъ на нее. Молодая женщина въ роскошномъ длинномъ платьѣ и съ головнымъ уборомъ въ видѣ козырька, держитъ въ одной рукѣ большой кошелекъ, а другую протягиваетъ къ старику, повидному, выпрашивая у него еще новой суммы, которую старикъ старается отыскать у себя въ карманѣ. Невдалекѣ отъ нихъ стоитъ привязанная къ дереву лошадь. Пейзажъ на заднемъ планѣ представляетъ обширное озеро съ плавающими на немъ лодками и съ оригинальными средневѣковыми замками на берегу. Гравюра помѣчена монограммою Дюрера.

«Блуждающій св. Иеронимъ» на пятомъ изъ перечисленныхъ листовъ²⁾ представленъ въ видѣ длиннобородаго старца, прикрытаго до пояса мантией и сползага на колѣнахъ передъ распятымъ, укрѣпленнымъ въ расщелинѣ древеснаго ствола. Въ правой рукѣ святого — большой камень, которымъ онъ ударяетъ себя въ грудь; у ногъ его — сповойно сидящій огромный левъ, постоянный спутникъ св. Иеронима. Среди громадныхъ скалъ, окружающихъ святого, виднѣется неподалеку крыша часовни, а вдали среди озера — небольшой островокъ съ строениями на немъ замкомъ. Подлѣ льва помѣчена монограмма художника.

«Св. Хризостомъ» на послѣдней изъ помѣщенныхъ гравюръ этого равняго періода³⁾, представленъ на заднемъ планѣ картины въ видѣ совершенно нагого старца, съ длинною бородою и съ лучистымъ сіяніемъ вокругъ головы, ползущаго на рукахъ и ногахъ

¹⁾ Гравюра обозначена у В. № 93., Н. 891, R. 2.

²⁾ У В. 61. Н. 776, R. 8.

³⁾ У В. 63. Н. 723. R. 7.

по землѣ. На переднемъ планѣ картины, какъ бы въ скалистомъ гротѣ сидитъ молодая женщина, совершенно нагая съ длиннымъ роскошнымъ волосами, рассыпавшимся по плечамъ; придерживая свою грудь правой рукою, она кормитъ младенца, прикрытаго звѣриной шкуркой. Вдали видѣется озеро съ стоящими на берегу его средне-вѣковыми замками; гравюра помѣчена монограммою Дюрера.

Во всѣхъ этихъ гравюрахъ мы видимъ образцы уже вполне развитой техники гравированія на мѣди, показывающіе, что въ сравнительно короткій періодъ времени художникъ успѣлъ достигнуть въ техническомъ отношеніи высокаго умѣнья обращаться съ гравировальной иглой. Въ короткое время онъ сумѣлъ настолько развить въ себѣ ловкость въ борьбѣ съ разнообразными техническими и стилистическими трудностями и сверхъ того ввести нѣкоторые своеобразные приемы гравированія въ такой степени возвысившіе качества самой гравюры на мѣди, что эта послѣдняя въ образцахъ, данныхъ здѣсь Дюреромъ, съ необыкновенною быстротою поднялась надъ всѣмъ, создававшимся въ этой области до того времени не только въ отечествѣ Дюрера, но и въ другихъ странахъ Европы.—«Дюреръ строго соблюдаетъ уже здѣсь,—замѣчаетъ по поводу этихъ гравюръ К. Лютцовъ въ своей исторіи нѣмецкой гравюры ¹⁾», — характеръ техники на металлѣ, которая ему, какъ ученику золотыхъ дѣлъ мастера, съ самыхъ раннихъ лѣтъ успѣла войти въ плоть и кровь. Его самыя раннія работы въ этомъ родѣ имѣютъ еще, правда, немного черствый, невыравнявшійся стиль, какой встрѣчается и у нѣкоторыхъ верхнегерманскихъ и рейнскихъ граверовъ 15 столѣтія. Но уже очень скоро въ гравюрахъ своихъ Дюреръ достигаетъ болѣе совершеннаго, болѣе глубокаго художественнаго воспроизведенія природы. Въ нихъ мы чувствуемъ постоянно всю прочную силу мѣди; но не менѣе сильно чувствуется въ нихъ и личность самого мастера. Онъ моделируетъ и выгравировываетъ изъ металла округленныя фигуры, какъ скульпторы, литейщики изъ бронзы, дѣлаютъ это съ своими статуями»...

«Замѣчательно,—съ своей стороны отмѣчаетъ по поводу этихъ гравюръ Р. Фишеръ ²⁾»,—съ какою явною любовью Дюреръ изобра-

¹⁾ *Lutzow*: Geschichte der deutsch. Kupferst. und Holzschn., s. 97.

²⁾ *R. Vischer*: Studien zur Kunstgeschichte, s. 284.

жалъ уже здѣсь прилежнія разнообразнымъ вещамъ иль особья качества, и это повсюду: въ оружіи, въ блестящемъ шелкѣ одеждѣ, въ твердыхъ сѣлажахъ, въ шелковистыхъ вьющихся волосахъ, въ поверхности водъ, излучистомъ сіяніи нѣмба; и проч.; какъ удивительно отдѣлывалъ онъ мягкую поверхность юношеской кожи до того, что она пріобрѣтала атласистый блескъ. Въ то же время нѣкоторыя фигуры въ его произведеніяхъ, гдѣ художникъ желалъ этого, представляются какі бы копіями съ отполированныхъ бронзовыхъ статуй»... Таковы достоинства исполненія этихъ гравюръ.

Говоря о древнѣйшихъ гравюрахъ на мѣди работы Дюрера, изслѣдователю приходится далѣе остановиться еще на двухъ вопросахъ, близко связанныхъ другъ съ другомъ и притомъ значительной важности. Вопросы эти: поскольку въ описанныхъ сейчасъ гравюрахъ отразилась самая личность художника съ ея внутреннею жизнью и внѣшнимъ обликомъ, съ одной стороны; и насколько самобытнымъ, оригинальнымъ, оказывался въ нихъ Дюреръ, съ другой?..

Въ теченіе долгаго времени существовало довольно распространенное мнѣніе, будто въ цѣломъ рядѣ древнѣйшихъ гравюръ своихъ Дюреръ не только выразилъ личные свои вкусы, интересы и склонности въ выборѣ сюжетовъ для этихъ картинъ, но и неоднократно изобразилъ въ нихъ себя самого, свою жену и своихъ друзей въ числѣ лицъ, участвующихъ въ различныхъ картинахъ ¹⁾. Утверждали такимъ образомъ, что главные персонажи по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ изъ этихъ гравюръ оказывались чисто *портретными* изображеніями. Такъ, напр., относительно гравюры «прогулка» замѣчали, что гуляющая молодая парочка, изображенная здѣсь, представляла самого Дюрера съ его молодою женою въ первые мѣсяцы брачной ихъ жизни, еще счастливой въ то время. Равнымъ образомъ, и въ «блудномъ сынѣ», стоящемъ на колѣняхъ на скотномъ дворѣ, видѣли портретъ самого художника съ напоминаніемъ о годахъ его странствованія; а въ женской фигурѣ, представляющей аллегорію «счастья», усматривали портретное воспроизведеніе его молодой жены Агнессы, въ которой онъ долженъ былъ видѣть въ первое время источникъ личнаго для себя счастья, и т. д.

¹⁾ Указанія по этому предмету см. у А. von Eye: *Leben und Wirken A. Dürers*, s. 94 f. и 117 f., и др.

Имѣла ли мѣсто на самомъ дѣлѣ такая портретность въ перечисленныхъ гравюрахъ Дюрера?—Вѣрнѣйшее средство для рѣшенія этого вопроса,—думается намъ,—дается самымъ предметомъ: необходимо съ этою цѣлью, сравнить изображенія на указанныхъ гравюрахъ съ подлинными и несомнительными портретами самого Дюрера и его жены, каковыми являются исполненные самимъ художникомъ и ближайшіе къ этимъ гравюрамъ по времени портреты его самого отъ 1493 и 1498 г. и жены его отъ 1494 и 1495 г. ¹⁾ Такое сличеніе тѣхъ и другихъ приводитъ исследователя къ отрицательному рѣшенію поставленнаго вопроса: портретнаго сходства съ самимъ художникомъ и женою его нѣтъ ни въ одномъ изъ перечисленныхъ изображеній гравюръ, которыя отличаются отъ подлинныхъ портретовъ обоихъ существенными чертами. Сверхъ этого различія, отсутствіе портретности по отношенію къ Дюреру наглядно подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что черты лица молодого человѣка въ «прогулкѣ» не имѣютъ почти ничего общаго съ чертами лица «блуднаго сына», тогда какъ самое близкое сходство между обоими необходимо должно было бы существовать, если бы въ обоихъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ портретами одного и того же лица, почти одновременно созданными. Наконецъ, за отсутствіе портретности въ предполагаемомъ изображеніи жены Дюрера въ аллегоріи «счастья» говорить кромѣ приведеннаго выше обстоятельства еще и то соображеніе, что чувства деликатности и скромности, присущія Дюреру, естественно не могли позволить ему держаться въ такой гравюрѣ портретнаго сходства съ своею супругою, выставляя напоказъ дн толпы ея обнаженное тѣло...

Если однако мы не можемъ признать здѣсь портретности лицъ въ указанномъ смыслѣ, то должны еще разъ съ особеннымъ удареніемъ отмѣтить несомнѣнный и явный *натурализмъ* изображенія, приближающій всѣ эти фигуры, при той живости и напряженности въ нихъ стремленія художника къ воссозданію природы, какую мы видимъ здѣсь, къ *индивидуализму*, недалеко отстоящему отъ портретности.

¹⁾ Первый изъ нихъ, находящійся въ частн. собраніи въ Лейпцигѣ, воспр. у *Knaackfuss*: Dürer, S. 7; см. нашъ рис. № 4, второй, наход. въ Уффицяхъ во Флоренціи, воспр. тамъ же, S. 13; третій—въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ, воспр. у *Springer*: Dürer, S. 23; четвертый—въ Бременскомъ музеѣ, воспр. у *Ephrussi*: dessins, на табл. къ 34 стр. Опис. ихъ и рис. см. ниже подъ соотв. годами.

Обозрѣвая всѣ раннія гравюры Дюрера въ ихъ совокупности, какъ и другія произведенія его изъ этой эпохи, можно сказать, что молодой художникъ, еще чуждый пока того глубокаго и серьезнаго *релиознаго* увлеченія, которымъ онъ проникается въ послѣдствіи и которое становится позднѣе важнѣйшимъ началомъ, опредѣляющимъ направленіе всей его послѣдующей дѣятельности; еще свободный отъ тревожныхъ запросовъ въ области религіи, нравственности и социологіи, особенно волновавшихъ нѣмецкое общество съ начала 16 столѣтія и вскорѣ увлекшихъ самого Дюрера; еще бодрый и живонеррадный, естественно останавливаетъ свое преимущественное вниманіе на изученіи и воспроизведеніи (хотя бы иногда и подъ аллегорическими или иными наименованіями) дѣйствительной жизни въ ея менѣе глубокихъ и важныхъ, но за то наиболѣе простыхъ, понятныхъ и интересныхъ для него явленіяхъ. Благодаря тому же отсутствію въ изображаемыхъ явленіяхъ особенной глубины и серьезности, которыя нерѣдко отвлекаютъ вниманіе художниковъ отъ внѣшняго исполненія въ сторону внутренняго содержанія, юному художнику представлялся широкій просторъ заняться здѣсь внѣшнею формою. И мы видимъ, дѣйствительно, что, съ одной стороны, поскольку рѣчь идетъ о позднѣйшихъ произведеніяхъ этого періода, подъ живыми впечатлѣніями только что совершеннаго путешествія и видѣнныхъ имъ образцовъ работы художниковъ — натуралистовъ того времени (каковы Барбари, Мантенья и др.), а съ другой, слѣдуя своимъ собственнымъ натуралистическимъ стремленіямъ, молодой Дюреръ особое вниманіе во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, каковы бы ни были ихъ наименованія, обращаетъ на *типичныя формы*, и притомъ не только въ отношеніи технической отдѣлки, но и самаго метода созданія, самаго способа творчества, который отмѣченъ у него въ эту раннюю эпоху его дѣятельности, — повторяемъ, — характеромъ явно натуралистическимъ. Въ этомъ — объясненіе той жизненной правдивости въ передачѣ отдѣльныхъ фигуръ, ландшафта, какъ и всей массы разнообразныхъ натуралистическихъ аксессуаровъ, которая если и не доходитъ въ цѣломъ рядѣ перечисленныхъ произведеній до полной портретности, то все-таки дѣлаетъ несомнѣнною, заставляетъ ясно чувствовать повсюду, въ каждомъ созданномъ имъ образѣ индивидуальную натуру, служившую объектомъ наблюденія и воспроизведенія художника, — натуру живую, дѣйствительно видѣнную художникомъ, а не сочиненную имъ.

Другой вопрос, который необходимо рассмотреть по отношению къ цѣлому ряду описанныхъ гравюръ этого ранняго періода, есть вопросъ о томъ, насколько *самобытными, оригинальными*, является Дюреръ въ этихъ гравюрахъ?—Извѣстенъ тотъ фактъ, долгое время возбуждавшій недоумѣнія и споры изслѣдователей по исторіи гравюры, что значительное количество подлинныхъ гравюръ Дюрера какъ изъ разсматриваемаго періода, а именно: «прогулка», «блудный сынъ», «св. Іеронимъ», «дама съ оруженосцемъ» и и. др., такъ равно и изъ позднѣйшаго времени, помѣченныхъ его монограммою ¹⁾, имѣеть существованіе параллельно съ такими же гравюрами, помѣченными монограммою W.—Каково можетъ быть отношеніе между тѣми и другими гравюрами? Гдѣ оригиналы и гдѣ копіи? Кто авторъ гравюръ, помѣченныхъ литерой W?.. — Въ теченіе долгаго времени господствовало мнѣніе, будто тѣ изъ этихъ гравюръ, которыя носятъ на себѣ помѣтку литерой W, являлись оригиналами, въ то время, какъ перечисленныя гравюры Дюрера съ его монограммою оказывались не болѣе, какъ копіями съ нихъ; будто авторомъ первыхъ, которому принадлежитъ, слѣдовательно, и идея каждой изъ этихъ гравюръ, и ихъ первоначальное выполненіе, былъ самъ учитель Дюрера, Михайль Вольгемутъ. Первымъ, кто высказалъ предположеніе объ оригинальности гравюръ съ монограммою W и о копированіи ихъ Дюреромъ, былъ невѣжественный въ вопросахъ искусства авторъ книги: «Teutscher Nation Herrlichkeit, Köln 1609», по имени Quad von Kinkelbach,—авторъ жившій цѣлымъ столѣтіемъ позднѣе Вольгемута и Дюрера, незнавшій даже имени Вольгемута и тѣмъ не менѣе утверждавшій, что указанные гравюры Дюрера, одинаковыя по содержанію съ гравюрами, помѣченными монограммою неизвѣстнаго художника W, суть копіи съ этихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи, другой, не менѣе невѣжественный въ вопросахъ искусства, анонимный авторъ сочиненія: «Von kunstlichen Handwerken in Nürnberg», повторяя слова Квада фонъ Кинкельбаха добавляетъ уже отъ себя: «буква W означаетъ Вольгемута», не объясняя однако, почему именно. Это же мнѣніе, ни на чемъ не обоснованное и невѣрное по своему существу, повторяютъ затѣмъ

¹⁾ Таковы, напр. гравюры: „четыре вѣдьмы“, „сводѣніе подагриста“, „похищеніе Амимоны тритономъ“, „ревность“ и „св. семейство съ обезьяной“, описываемая ниже подъ соответствующими годами.

опять безъ всякихъ доказательствъ и старыя, давно признанныя уже непригодными вслѣдствіе многочисленныхъ ошибокъ, Нюрнбергскіе каталоги гравюръ прошлаго и начала текущаго вѣка, безъ должной критической провѣрки принявшіе утвержденіе анонимнаго автора. Наконецъ, и нѣкоторые изъ отдѣльныхъ изслѣдователей болѣе поздняго времени, несмотря на детальныя и весьма убѣдительныя разъясненія этого вопроса другими учеными, представлявшими положеніе дѣла въ совершенно иномъ освѣщеніи, полагали возможнымъ держаться того же самаго утвержденія ¹⁾... Истинныя соотношенія между гравюрами съ обѣими помѣтками, равно какъ и автора гравюръ съ монограммою W, удалось тѣмъ не менѣе раскрыть и доказать со всею необходимою достовѣрностію.

Уже въ началѣ текущаго столѣтія извѣстный знатокъ гравюры Барчъ ²⁾, говоря о гравюрахъ, означенныхъ буквою W, справедливо отрицалъ принадлежность ихъ Вольгемуту и въ то же время указывалъ настоящаго автора ихъ, второстепеннаго гравера, копировальщика по преимуществу, который носилъ имя *Вячеслава изъ Олмюца* (*Wenceslaus de Olomucz*).—«Извѣстно, — писалъ онъ по этому поводу, — что Михаилъ Вольгемуть былъ *животисцемъ*; но ни одинъ изъ древнихъ историковъ искусства не сообщаетъ намъ, что онъ былъ также и граверомъ. А между тѣмъ почти всѣ авторы новаго времени дѣлаютъ его именно граверомъ и приписываютъ ему гравюры, помѣченные буквою W. Но развѣ возможно считать правдоподобнымъ, что Вольгемуть, одинъ изъ самыхъ способныхъ и извѣстныхъ живописцевъ своего времени, сталъ бы копировать гравюры Мартина Шонгауэра ³⁾, своего современника, которому онъ былъ равенъ по таланту, если даже не превосходилъ его? Или развѣ правдоподобно, чтобы онъ копировалъ эстампы Дюрера, который былъ его ученикомъ? Или развѣ не менѣе еще правдоподобно, чтобы самъ Дюреръ, какъ это многіе утверждаютъ, гравировалъ свои

¹⁾ Таковы особенно *W. Young Ottley: an Inquiry into the history of Engraving*, London 1816, II, 682; затѣмъ *Soltzmann* въ *Deutsches Kunstblatt* 1854, s. 307, *M. Thauzing*: A. Dürer, 1884, I, s. 204. ff. и др.

²⁾ *Bartsch: le peintre—graveur*, Vienne 1808, vol. VI, pag. 317 sqq.

³⁾ Авторъ разумѣетъ тѣ, довольно многочисленныя копія съ гравюръ М. Шонгауэра, которыя также были помѣчены тою же монограммою W и были исполнены тѣмъ же самымъ граверомъ, какъ и рассматриваемыя нами. Гравюры эти, въ числѣ болѣе 30, перечислены у Барча подробно.

означенныя произведенія по предполагаемымъ гравюрамъ своего учителя, которыя по исполнению оказывались гораздо худшими, чѣмъ работы Дюрера?.. Вотъ вопросы, на которые категорическій отвѣтъ былъ до сихъ поръ почти невозможенъ, и мы не были въ состояніи указать истиннаго значенія для литеры W, пока случай не доставилъ намъ превосходнаго указанія въ этомъ отношеніи, именно, въ гравюрѣ № 17 нашего каталога ¹⁾, которая находится въ коллекціи герцога Альберта и на краю которой рукою неизвѣстнаго современника сдѣлана слѣдующая надпись: «Dieser Stecher hat Wenzel geheisen ist ein golschmit gewesen», т. е. «этотъ граверъ назывался Вячеславомъ и былъ ювелиромъ». Если мы сравнимъ эту гравюру, равно какъ и всѣ остальные, помѣченныя буквою W и скопированныя съ гравюры Шонгауэра, съ другою гравюрой № 22, изображающей смерть пресв. Богородицы и имѣющей надпись: «1481. Wenceslaus de Olomucz, ibidem» ²⁾, то для насъ сдѣлается, очевиднымъ, что всѣ эти гравюры принадлежатъ одной и той же рукѣ. Отсюда легко объясняется и значительная неодинаковость въ достоинствахъ исполненныхъ этимъ Вячеславомъ гравюръ, помѣченныхъ литерой W, — объясняется именно тѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которыя являлись копіями съ произведеній Дюрера и Шонгауэра, имѣли хорошія композиціи и рисунки, тогда какъ тѣ, которыя или обязаны были иногда его собственной изобрѣтательности, или были копированы съ произведеній мастеровъ, почти не превышавшихъ по таланту его самого, должны были естественно оказываться плохими столько же въ отношеніи композиціи, какъ и рисунка. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ этимъ мы можемъ утверждать, что тѣ гравюры Дюрера, которыя до сихъ поръ считались обыкновенно копіями съ произведеній Вольгемута, въ дѣйствительности принадлежатъ творческому генію самого Дюрера, и что самъ Вольгемутъ никогда не гравировалъ никакихъ эстамповъ»...

Итакъ, то обстоятельство, что всѣ гравюры, помѣченныя монограммою W, по своему исполненію стоятъ очевидно ниже работъ Дюрера и Шонгауэра, одинаковыхъ съ ними по содержанию и композиціи, указываетъ на то, что несомнѣнно первыя были скопиро-

¹⁾ *Bartsch* № 17: *l'homme de douleurs, couronné d'épines etc.* Эта гравюра представляетъ собою копію съ оригинала Шонгауэра, обозначеннаго у *Bartsch* подъ № 63.

²⁾ Эта гравюра является копіей съ оригинала Шонгауэра, у *Bartsch* № 53.

ваги малоизвестнымъ, второстепеннымъ ювелиромъ—граверомъ, Вячеславомъ изъ Ольмюца, съ оригиналовъ обоихъ великихъ художниковъ, но отнюдь не обратно. Равнымъ образомъ, копии эти не могли быть изготовлены обоими художниками и съ гравюръ Вольгемута, ибо какъ подлинныя оригинальныя произведения этихъ художниковъ, стоявшихъ много выше послѣдняго по талантливости, такъ и указанныя минимы копии ихъ въ дѣйствительности далеко превосходятъ, по исполненію предполагаемые оригиналы самого Вольгемута, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма невысокаго качества. Къ этому соображенію присоединяется еще одно, особенно важное, а именно то, что ни одинъ изъ древнѣйшихъ, современныхъ перечисленнымъ художникамъ, литературныхъ и историческихъ источниковъ, не называетъ Вольгемута иначе, какъ *копистомъ* и *рисовальщикомъ*, но никогда—граверомъ; и этого одного было бы уже достаточно для того, чтобы отрицать принадлежность гравюръ съ монограммою W самому Вольгемуту. Указанныя у Барча помѣтки на двухъ гравюрахъ разсматриваемой группы лишь подтверждаютъ еще убѣдительнѣе такое положеніе, опредѣленно называя имя малоизвестнаго ранѣе кописта—гравера Вячеслава изъ Ольмюца. Принадлежность всѣхъ этихъ гравюръ Вячеславу, а не Вольгемуту подтверждается, наконецъ, и указаннымъ у Барча *различіемъ стилистическиса особенностей* на отдѣльныхъ листахъ съ монограммою W. Такое различіе здѣсь, отражающее въ себѣ характеръ работъ то Дюрера, то Шонгауэра, то другихъ мастеровъ, было бы невозможно и необъяснимо въ самостоятельныхъ произведеніяхъ такого художника, какъ Вольгемуть, съ его своеобразнымъ, самобытно выработаннымъ стилемъ. Но оно легко объяснимо и вполне естественно въ работахъ такого второстепеннаго кописта—гравера, какимъ былъ Вячеславъ изъ Ольмюца, который, стараясь возможно болѣе приблизиться всякій разъ къ копируемому оригиналу, естественно въ большей или меньшей степени отражалъ въ своихъ копияхъ и характерныя особенности каждаго изъ этихъ оригинальныхъ произведеній.

Казалось бы, что предлагаемое Барчемъ простое и ясное разрѣшеніе разсматриваемаго вопроса объ отношеніи гравюръ Дюрера и Шонгауэра къ гравюрамъ, помѣченнымъ монограммою W, должно было представляться совершенно удовлетворительнымъ, не оставляя

болѣ мѣста сомнѣнiямъ. Тѣмъ не менѣе и послѣ него цѣлый рядъ авторовъ, и особенно изслѣдователи, перечисленные выше въ при-мѣчанiи, съ Таузингомъ во главѣ, продолжали безъ нужды запуты-вать эту простую и ясную постановку и рѣшенiе вопроса, данныя Барчемъ, стараясь доказать совершенно инныя соотношенiя между разсматриваемыми гравюрами. Любопытны тѣ соображенiя, которыя приводились названными авторами въ подтвержденiе своихъ поло-женiй и сущность которыхъ сводилась къ нижеслѣдующему.

Общепринятый взглядъ, будто копія какого бы то ни было про-изведенiя по своему исполненiю всегда должна быть хуже копируе-маго оригинала,—этотъ взглядъ, по ихъ мнѣнiю, оказывается спра-ведливымъ далеко не повсюду, ибо существуетъ значительное число произведенiй копистовъ, превосходящихъ самыя оригиналы по ка-чествамъ исполненiя. Равнымъ образомъ, утверждали они, въ 15—16 столѣтiяхъ еще не придерживались того «болѣзненнаго понима-нiя оригинальности», согласно которому каждое новое произведенiе искусства должно во всѣхъ отношенiяхъ: и по сюжету, и по ком-позици, и по исполненiю, отличаться отъ всѣхъ предшествующихъ произведенiй. Въ ту эпоху большинство художниковъ очень часто трактовало одни и тѣ же сюжеты, при чемъ въ самомъ ихъ художе-ственномъ пониманiи многіе изъ нихъ сходились другъ съ другомъ до такой степени, что даже крупнѣйшіе художники не стыдились заимствовать у другихъ, хотя бы и слабѣйшихъ, все то, что каза-лось имъ подходящимъ и достойнымъ подражанiя, превосходя по-слѣднихъ при этомъ только качествами исполненiя. Такъ было и съ геніальнымъ ученикомъ Вольгемута, Дюреромъ; нисколько не стыдясь копировать произведенiя своего учителя цѣликомъ въ ихъ содержа-нiи, композици и рисункѣ, онъ старался превзойти ихъ въ то же время мастерствомъ исполненiя, и это удавалось ему за самыми рѣд-кими исключенiями. Замѣчая недостатки въ гравюрахъ Вольгемута и обладая уже въ этотъ періодъ ученiя у послѣдняго и копированiя гораздо болѣе высокимъ техническимъ умѣньемъ, Дюреръ почти во всѣхъ своихъ копіяхъ далеко превосходилъ оригиналы, что однако не служить, по ихъ мнѣнiю, опроверженiемъ самаго факта копиро-ванiя и доказательствомъ противоположнаго заимствованiя и копи-рованiя Вольгемутомъ произведенiй Дюрера.

Что касается утвержденiя Барча, что отъ Вольгемута не сохра-

нилось на одной гравюры, относительно которой можно было бы съ достовѣрностью сказать, что она создана была этимъ художникомъ, а также его утверждения, что самого Вольгемута ни одинъ изъ современныхъ ему литературныхъ источниковъ, равно какъ и ученыхъ позднѣйшихъ изслѣдователей не называетъ граверомъ, а только живописцемъ и рисовальщикомъ; то по мнѣнію названныхъ авторовъ, Барчъ ошибается, и въ литературныхъ источникахъ можно отыскать указанія на то, что гравюры съ монограммою W исполнены были именно Вольгемутомъ. И въ подтвержденіе своихъ словъ они ссылались при этомъ на указанія сочиненія Квада фонъ Кленкельбаха и анонимнаго автора книги «о художественныхъ ремеслахъ въ Нюрнбергѣ», на старые Нюрнбергскіе каталоги и иные подобныя этимъ источникамъ, доказывавшіе будто бы убѣдительно поддерживаемое ими мнѣніе.

Таковы важнѣйшія изъ соображеній этой группы ученыхъ, приводимыхъ въ пользу оригинальности гравюръ съ монограммою W; принадлежности ихъ Вольгемуту и копирования ихъ Дюреромъ. Ясно однако, что ни своеобразныя разсужденія этихъ авторовъ о взглядахъ художниковъ 15 и 16 столѣтій на копированіе чужихъ произведеній, ни ссылки ихъ на тѣ сочиненія, въ которыхъ монограмма W произвольно приписана учителю Дюрера, не могутъ быть признаны доказательствами сколько-нибудь убѣдительными. Съ одной стороны, авторы сочиненій, на которыхъ они ссылаются слишкомъ невѣжественны въ вопросахъ искусства вообще, и касающихся Дюрера въ частности, переполняя эти свои сочиненія множествомъ грубыхъ ошибокъ, а выставленныя ими въ данномъ случаѣ положенія слишкомъ бездоказательны, являясь результатомъ чистаго произвола, чтобы можно было серьезно съ ними считаться. Съ другой стороны, приведенныя выше разсужденія о копированіи одними художниками произведеній другихъ, не раскрывая никакихъ достовѣрно опредѣленныхъ соотношеній между Дюреромъ и Вольгемутомъ, въ то же время совершенно игнорируютъ фактъ существованія большого числа гравюръ Мартина Шонгауэра и нѣсколькихъ другихъ неизвѣстныхъ мастеровъ, одинаковыхъ по сюжетамъ и композиціи съ гравюрами, помѣченными также монограммою W,—фактъ, который долженъ былъ бы служить однимъ изъ яснѣйшихъ указаній на фальшивость мысли объ оригинальности гравюръ съ монограммою W, и именно

по соображеніямъ, высказаннымъ Барчемъ. Не болѣе значительную цѣну имѣетъ и тотъ стилистическій разборъ разсматриваемой группы гравюръ, который дѣлаетъ Таузингъ съ цѣлью доказать справедливость мысли о копированіи здѣсь Дюреромъ образцовъ Вольгемута, ибо разборъ этотъ лишенъ необходимой въ каждомъ научномъ изслѣдованіи объективности, давая читателю чувствовать явную искусственность подбора данныхъ для выводовъ. Только въ недавнее время и, повидимому, окончательно, благодаря изслѣдованіямъ Лерса, Шиндта, Лутцова и др. ¹⁾, установлено положеніе, что всѣ безъ исключенія гравюры, помѣченныя разсматриваемою здѣсь монограммою W, представляютъ собою отнюдь не произведенія Вольгемута, а копии упомянутаго уже второстепеннаго гравера, по имени Вячеслава изъ Ольмюца, при чемъ для всѣхъ этихъ гравюръ отысканы и самые оригиналы, съ которыхъ онѣ скопированы,—по большей части гравюры А. Дюрера, М. Шонгауэра и, такъ наз., «Meister des Hausbuches von 1480», неизвѣстнаго по имени.

Это, именнo, положеніе принимаемъ и мы въ полной мѣрѣ въ наше изслѣдованіе, признавая разсматриваемыя гравюры съ помѣткою Дюрера за оригинальныя работы самого художника, по отношенію въ которымъ однозначачія гравюры съ монограммою W являлись только посредственными копіями названнаго гравера изъ Ольмюца.

¹⁾ *M. Lehrs*: Katalog d. German. Museums, S. 84 ff.; *W. Schmidt* въ *Kunstchronik* 1877, S. 193 ff.; *C. von Lutzow*: Geschichte des deutsch. Kupferstiches u. Holzschnittes, 1839, S. 46 f.!

Г Л А В А II.

Женитьба Дюрера и ранніе портреты Агнессы Фрей.—Основаніе Дюреромъ собственной мастерской и проаведенія живописи, (алтарные образы и портреты), вышедшія изъ этой мастерской до 1498 года.—Рисунки Дюрера изъ того же періода.—Гравюры на деревѣ и на мѣди, исполненныя ранѣе Апокалипсиса.

Уже очень скоро послѣ возвращенія Дюрера изъ его продолжительнаго путешествія, а именно 14 июля 1494 года, состоялась, какъ повѣствуетъ самъ художникъ въ своей фамиліальной хроникѣ,—свадьба молодого Дюрера съ Агнессою Фрей, дочерью извѣстнаго нюрнбергскаго гражданина и любителя искусствъ, Ганса Фрей, по взаимному согласенію родителей жениха и невесты и, повидимому, не безъ личной взаимной склонности этихъ послѣднихъ. Несомнѣнно, что красивый, высоко талантливый и чрезвычайно симпатичный по характеру молодой художникъ долженъ былъ внушать своей невестѣ, и затѣмъ супругѣ чувство самаго искренняго расположенія.

Что касается отношеній самого Дюрера къ данной ему къ супруги молодой дѣвушки, которая отнюдь не блистала внѣшнюю красотой, (какъ легко убѣдиться изъ сохранившихся для насъ портретныхъ изображеній ея), то можно думать, что если отношенія эти и не отличались глубокою нѣжностью, ибо въ фамиліальной хроникѣ своей художникъ, съ такою любовью рассказывающій объ отцѣ и матерѣ, даже о тестѣ и тещѣ, ни однимъ словомъ любви не упоминаетъ своей супруги,—то все же они не были проникнуты чувствомъ полного равнодушія.

Весьма мало правдоподобными поэтому представляются, на нашъ взглядъ, тѣ обвиненія, направленные противъ жены Дюрера, согласно которымъ она изображалась какою-то новою Ксантиппою, отравляющею всю жизнь своего мужа постоянною сварливостью; безсердечно

заставлявшею его ради денегъ работать до полного переутомленія; преслѣдовавшею его за попытки къ общенію съ другими художниками; любившею деньги больше, чѣмъ своего гениальнаго мужа и ради нихъ чрезмѣрными требованіями труда сократившею на многіе годы самое существованіе великаго художника.

Всѣ эти обвиненія, совершенно голословныя и повторявшіяся неоднократно въ позднѣйшей литературѣ о Дюрерѣ, основывались не на какихъ-либо достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, а исключительно на словахъ извѣстнаго гуманиста и друга Дюрера, Виллбальда Пиркгеймера, заключавшихся въ томъ письмѣ (отъ 1530 г.), которое Пиркгеймеръ намѣревался послать находившемуся въ дружбѣ съ нимъ архитектору Черте (Joh. Tscherte). Письмо это не было однако послано по назначенію и сохранилось только въ черновикѣ среди бумагъ Пиркгеймера, видимо, потому именно, что будучи написано въ моментъ крайняго раздраженія этого ученаго противъ вдовы Дюрера за неисполненіе просьбы его о выдачѣ ему изъ наслѣдства художника нѣкоторыхъ рисунковъ, оно переполнено было явно преувеличенными и несправедливыми обвиненіями, чего не могъ не сознать, очевидно, и самый ихъ авторъ ¹⁾.

Противъ справедливости подобнаго рода обвиненій, предъявлявшихся къ женѣ Дюрера говоритъ, помимо указаннаго обстоятельства, также *отсутствие какихъ бы то ни было жалобъ* на нее со стороны самого художника, равно какъ и такіе факты, какъ *совмѣстное* путешествіе Дюрера съ женою въ Нидерланды, куда онъ беретъ ее исключительно ради ея удовольствія; наконецъ, существованіе цѣлаго ряда *портретныхъ изображеній* Агнессы изъ различныхъ періодовъ жизни ея, исполненныхъ самимъ Дюреромъ и показывающихъ, что личность супруги далеко не была безразличною для художника, если онъ считалъ желательнымъ и нужнымъ неоднократно воспроизводить черты ея, придавая имъ тѣмъ самымъ безсмертіе силою своего художественнаго гениа. Ясно, что во всякомъ случаѣ не совершенное равнодушіе и тѣмъ менѣе враждебность характеризовала отношенія супруговъ другъ къ другу за все время продолжительной совмѣстной ихъ жизни...

Самый внѣшній обликъ жены Дюрера заставляеть насъ еще

¹⁾ См. *Campre: Reliquien* 162—171, гдѣ опубликовано это письмо Пиркгеймера.

болѣе недоброжелательно относиться къ обвиненіямъ противъ нея, какъ противъ жестокой, алчной и сварливой по характеру женщины, загубившей преждевременно самую жизнь великаго художника, ибо признаки такого характера, если бы они существовали въ дѣйствительности, несомнѣнно, нашли бы себѣ яркое выраженіе и въ сохранившихся для насъ типичныхъ, правдивыхъ и жизненныхъ воспроизведеніяхъ Дюрера. А между тѣмъ портреты Агнессы Фрей-Дюреръ изъ самыхъ различныхъ эпохъ ея жизни показываютъ намъ совершенно иное.

Однимъ изъ такихъ портретныхъ изображеній жены Дюрера, самымъ раннимъ по времени, является легкій набросокъ перомъ съ помѣткою на немъ рукою самого Дюрера: «mein Agnes» («моя Агнесса»), находящійся въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ и относящійся къ самому первому году ихъ супружества ¹⁾. Агнесса представлена здѣсь въ полфигуры, сидящую передъ столомъ въ простомъ домашнемъ костюмѣ; задумчиво склонившаяся голова ея опирается на правую руку; большіе глаза опущены книзу; небольшая коса падаетъ внизъ съ головы, причесанной просто, съ гладкимъ проборомъ въ срединѣ. Несмотря на то, что портретъ лишь намѣченъ въ этомъ наброскѣ перомъ, — внутренній характеръ, какъ и внѣшній обликъ молодой жены Дюрера обрисовывается здѣсь достаточно живо, показывая намъ ее тутъ, какъ и на позднѣйшихъ портретахъ, совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ изображали ее недоброжелатели и обвинители ея. Этотъ уныло-задумчивый видъ, который, должно думать, не былъ какимъ-либо исключительнымъ ея настроеніемъ, (иначе художникъ не избралъ бы его для того, чтобы показать, какова была «его Агнесса»), равно какъ и простота, и скромность меланхолической позы ея, находятся въ явномъ противорѣчій съ отталкивающей характеристикой Пиркгеймера и его послѣдователей...

Другіе, болѣе поздніе по времени портреты Агнессы только подтверждаютъ впечатлѣніе, получаемое отъ этого наиболѣе ранняго портретнаго изображенія ея. Изъ нихъ особенною близостью по общему характеру къ этому первому портрету отличается ближайшій къ нему по времени портретъ, исполненный, въ совершенно законченномъ видѣ, карандашомъ и находящійся въ Бременскомъ му-

¹⁾ Рисунокъ воспроизведенъ у *Springer*: A. Dürer, S. 28.

зеѣ ¹⁾. И здѣсь, какъ тамъ, тотъ же уныло-задумчивый видъ; тѣ же скромные, даже печально опущенные книзу взоры; скромность и простота въ прическѣ, въ одеждѣ, въ самой позѣ молодой женщины,



Рис. № 8.

которая зарисована тутъ, повидимому, всего лишь нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, чѣмъ на первомъ рисункѣ. Въ цѣломъ во всей фигурѣ ея сказывается характеръ по преимуществу меланхолическій, ни одною чертою не дающій того представленія о ней, какъ о бу-

¹⁾ Портретъ этотъ воспроизведенъ у *Ephrussi*; dessins, на табл. къ 34 стр. См. нашъ рис. № 8.

дудей Бсантингъ, какое старались внушить по отношенію къ ней нѣкоторые изъ писателей...

Недолго спустя послѣ женитьбы своей на Агнесъ Фрей, Дюреръ, справедливо сознававшій себя достаточно уже созрѣвшимъ и опытнымъ художникомъ, открываетъ *собственную мастерскую* въ домѣ своего отца («unter der Vesten»). Здѣсь, именно, въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ лѣтъ исполняетъ онъ, въ ближайшемъ сотрудничествѣ съ своими учениками, значительное количество живописныхъ заказовъ разнообразнаго содержанія, равно какъ и самостоятельныхъ работъ въ области *живописи и гравюры*, ясно свидѣтельствующихъ о непрерывномъ прогрессивномъ развитіи художника за данный періодъ. Мы остановимся въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ прежде всего на тѣхъ *живописныхъ* работахъ его, которыя, выпедши въ теченіе указаннаго періода изъ мастерской Дюрера, отмѣчены большею или меньшею степенью его личнаго участія въ нихъ, отразившагося и на самомъ характерѣ созданныхъ общими усиліями произведеній.

Можно думать, что однимъ изъ самыхъ первыхъ по времени заказовъ, полученныхъ Дюреромъ послѣ основанія мастерской и исполненныхъ почти непосредственно вслѣдъ за этимъ, (повидимому, уже въ 1495 году или въ началѣ слѣдующаго), являлся большой алтарный образъ, предназначавшійся для одной изъ церквей Виттенберга и перешедшій оттуда въ концѣ XVII вѣка въ собраніе Дрезденской галлерей (подъ № 1869). Образъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *Дрезденскаго алтаря* Дюрера, представляетъ собою значительный по размѣрамъ триптихъ, писанный клеевыми красками на полотнѣ, въ которомъ средняя часть занята сценою *поклоненія Богоматери младенцу Христу*, тогда какъ на боковыхъ сторонахъ его помѣщены полуфигуры *св. Себастьяна* и *св. Антонія*¹⁾. Въ средней части триптиха композиція наиболѣе сложна, показывая намъ, насколько уже велико было въ это время умѣнье художника — справляться съ сюжетами религіозно-историческаго содержанія въ произведеніяхъ живописи. Въ центрѣ картины, передъ лежащимъ на подушкѣ младенцемъ Христомъ, изображена стоящая передъ нимъ и

¹⁾ Боковыя части этого триптиха воспроизведены у Knackfuss: Dürer, S. 9. См. также наши рис. № 9 и № 10.

молящаяся на своего предвѣчнаго сына пресв. Дѣва Марія, одѣта въ голубыя одежды и бѣлое покрывало. Подлѣ Христа одинъ изъ ангеловъ, съ опахаломъ въ рукахъ, вѣетъ надъ спящимъ младен-



Рис. № 9.

цемъ, тогда какъ два другіе ангела нѣсколько поодаль отъ перваго въ глубинѣ комнаты занимаются, повидимому, ея уборкою. Надъ головой Богоматери два летящіе ангела держатъ большую корону, а

даже еще два ангела курят сигары изъ кадилницы въ знакъ почитанія Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ. Черезъ большое окно комнаты, идѣ происходитъ вся сцена, открывается видъ на дворъ, прилегающій къ дому, и улицу; а въ глубинѣ картины черезъ открытую дверь видна мастерская св. Іосифа и самъ хозяинъ ея за прилежной работой... Въ цѣломъ картина проникнута тѣмъ мягкимъ идиллическимъ настроеніемъ, привлекающимъ къ себѣ и взоры, и сердца зрителей, которымъ такъ живо характеризуется и цѣлый рядъ другихъ, созданныхъ Дюреромъ впоследствии картинъ и гравюръ со сценами изъ жизни пресв. Богородицы.

Помѣщающіяся по обѣ стороны отъ главной сцены фигуры св. Себастіана и св. Антонія изображены каждая только до пояса. *Св. Себастіанъ* ¹⁾, совершенно нагой, представленъ въ позѣ молящагося, съ благоговѣнно сложенными руками и слегка наклоненною впередъ головою. Выраженіе лица и особенно глазъ гармонируетъ съ этимъ общимъ молитвеннымъ его настроеніемъ, показывая въ то же время съ достаточною ясностью, что передъ художникомъ, исполнившимъ эту фигуру, была живая модель, съ которой, какъ подтверждаетъ это и трактовка всего обнаженного тѣла, натуралистическая безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякой попытки идеализаціи,— была написана эта фигура. Надъ головою святого паритъ цѣлый сонмъ маленькихъ ангеловъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и самыхъ смѣлыхъ ракурсахъ въ духѣ Мантеньи...

Св. Антоній-пустыльникъ ²⁾ въ противоположность юному Себастіану изображенъ здѣсь престарѣлымъ мужемъ съ сѣдой бородою, одѣтымъ въ широкую голубую мантию, подобную монашеской. Скрещенныя руки его положены на раскрытую книгу; печально-задумчивый взглядъ устремленъ неопредѣленно въ пространство; въ верхней части картины, какъ и на предыдущей, надъ головою святого рѣетъ множество маленькихъ ангеловъ, повидимому, ведущихъ борьбу съ разнообразными чудовищами, которыя являются искусителями св. Антонія. Реалистическая правда изображенія и явно индивидуальныя черты въ лицѣ и всей фигурѣ святого заставляютъ думать, что и этотъ образъ, подобно предыдущему, не былъ результатомъ творческой работы художника въ соотвѣтствіи съ идеальными

¹⁾ См. рисунокъ № 9.

²⁾ См. рисунокъ № 10.

представлениями объ этомъ святомъ, а писанъ былъ имъ, повидно-
му, безъ значительныхъ измѣненій съ живою индивидуальной нату-
ры. И данью постороннему, притомъ условному, влиянію на Дюрера



Рис. № 10.

является здѣсь только добавленіе второстепенныхъ полуфантастиче-
скихъ аксессуаровъ къ реалистически трактованному сюжету.

Что касается *рисунка* и *композиціи* средней части этого алтара.

то здѣсь оригинальныя черты таланта Дюрера сказываются съ меньшею ясностью, и въ то же время напротивъ болѣе опредѣленными становятся слѣды постороннихъ вліяній со стороны какъ нѣмецкихъ, такъ и особенно итальянскихъ художниковъ, произведенія которыхъ Дюреръ усердно изучалъ въ предыдущіе годы и изучаетъ теперь ¹⁾). Въ способѣ передачи здѣсь внѣшнихъ формъ, болѣе свойственномъ простому рисунку перомъ или карандашомъ, чѣмъ живописи, и потому дѣлающимъ эти формы нѣсколько плоскими и суховатыми, этотъ образъ напоминаетъ еще въ значительной степени картины учителя его М. Вольгемута. Вліяніе того же художника сказывается отчасти и въ стремленіи художника—показывать, въ соединеніи съ религіознымъ сюжетомъ, также частицу живой природы гдѣ-либо на второмъ планѣ, какъ реальное добавленіе къ сценѣ, что впрочемъ имѣло мѣсто-верѣдью и въ произведеніяхъ итальянскихъ художниковъ этой эпохи. Отдѣлка всѣхъ деталей и добавочныхъ аксессуаровъ въ картинѣ своею чрезвычайною тщательностью напоминаетъ близко манеру Джакомо Барбари, который такъ увлекалъ нашего художника въ эти ранніе годы его дѣятельности. Вліяніе другого итальянскаго художника, привлекавшаго къ себѣ въ эту пору Дюрера, какъ было выше показано, не менѣе, чѣмъ Барбари, — вліяніе Мантеньи обнаруживается здѣсь въ смѣлыхъ и правдиво воспроизведенныхъ ракурсахъ большей части фигуръ, особенно ангеловъ. На ряду съ только что указанными должно быть отмѣчено здѣсь сверхъ того и еще новое вліяніе, о которомъ не было рѣчи въ предыдущіе годы. Въ центральной группѣ картины, и особенно въ фигуркѣ младенца Христа, лежащаго на подушкѣ, несомнѣнно близкое, почти непосредственное, неизмѣненное позаймствованіе у извѣстнаго итальянскаго художника *Лоренцо ди Креди*, съ произведеніями котораго Дюреръ знакомится, по видимому, впервые въ 1495 году. Что позаймствованіе это имѣло мѣсто въ дѣйствительности, тому нагляднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить превосходный рисунокъ перомъ, погиченный 1495 годомъ и монограммою Дюрера и хранящійся въ собраніи барона Шиклера въ Парижѣ ²⁾). Въ этомъ рисункѣ, исполненномъ подѣ свѣжими еще впечатлѣніями отъ путешествія въ Ита-

¹⁾ Ср. *Janitschek: Geschichte der deutschen Malerei*, S. 336. *Thausing: Dürer*, S. 150. *Springer: A. Dürer*, S. 46 и др.

²⁾ Рисунокъ этотъ воспроизведенъ у *Ephrussi: dessins*, на табл. къ 37 стр.

лю и съ живыми симпатіями къ итальянскому искусству, Дюреръ даетъ намъ точную копію съ младенца Христа, полулежащаго на землѣ, совершенно нагого, съ приподнятой ко рту лѣвою ручкой, — прелестной дѣтской фигурки, встрѣчающейся почти безъ измѣненій на нѣсколькихъ картинахъ Лоренцо ди Креди въ сценахъ поклоненія ему пресв. Богородицы ¹⁾). Можно утверждать, что именно этотъ рисунокъ своимъ художникъ воспользовался, какъ однимъ изъ этюдовъ для разсматриваемаго Дрезденскаго алтаря, гдѣ фигурка младенца Христа весьма близко напоминаетъ таковую же въ названномъ сейчасъ рисункѣ. Хронологическая дата этого рисунка служитъ на ряду съ отмѣченными стилистическими особенностями, указаніемъ на время созданія самаго алтаря, которое можетъ быть съ увѣренностью отнесено къ тому же 1495 году или къ началу слѣдующаго.

Этотъ, именно, алтарный образъ — триптихъ упоминаетъ еще въ началѣ XVI столѣтія извѣстный *Chr. Scheurl* въ своемъ сочиненіи ²⁾), говоря о трехъ створахъ его, какъ о трехъ превосходнѣйшихъ картинахъ, которыя по совершенству работы могли соперничать съ работами великаго художника древности, Апеллеса. Будучи исполненъ по заказу курфюрста саксонскаго, Фридриха Мудраго, неоднократно посѣщавшаго Нюренбергъ въ періодъ съ 1494 по 1501 г., алтарный образъ этотъ былъ поставленъ въ церкви «всѣхъ святыхъ» въ Виттенбергѣ, гдѣ и оставался на мѣстѣ до второй половины XVII столѣтія.

Приблизительно ко времени созданія Дрезденскаго алтаря относится и *портретъ самого Фридриха Мудраго*, исполненный Дюреромъ въ одно изъ посѣщеній курфюрстомъ Нюренберга ³⁾). Нанесенный на полотнѣ клеевыми красками, портретъ этотъ показываетъ намъ великаго курфюрста въ полфигуры, съ лицомъ, обращеннымъ

¹⁾ Одна изъ такихъ картинъ Лоренцо ди Креди воспроизведена у *Ehrhass* dessins, pag. 36.

²⁾ *Chr. Scheurl*: libellus de laud. German., 1506: „decorant etiam sacellum omnium sanctorum Vitembergae tres huius tabulae: cum illis tribus operibus, quae Apelles se fecisse putabat, certantes“... Неопредѣленность выраженія „tres tabulae“, употребленнаго здѣсь относительно триптиха, подало поводъ къ неправильному толкованію (см. *Thausing*: *Dürer* I, S. 171), будто кромѣ этого алтарнаго образа въ церкви „всѣхъ святыхъ“ находились еще два другихъ, также работы Дюрера.

³⁾ Портретъ этотъ, находившійся ранѣе въ собраніи лорда Гамальтона, а нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ, воспроизведенъ у *Knaackfuss*: *Dürer*, S. 8.

въ три четверти къ зрителю. На головѣ надѣта мягкая черная шляпа, изъ-подъ которой падаютъ на плечи длинныя волнистыя волосы; одежда состоитъ изъ богатаго камзола съ разрѣзомъ на груди, украшеннаго золотыми и серебряными полосами—нашивками; изъ нижней сорочки, виднѣющейся на груди черезъ разрѣзъ камзола и расшитой голубыми цвѣтами и зелеными листьями; наконецъ, изъ роскошной мантіи, отороченной позументами и переброшенной черезъ лѣвое плечо; въ лѣвой рукѣ его находится небольшой свитокъ пергамента. Черты лица курфюрста переданы въ портретѣ съ живою индивидуальностью: большіе, круглыя черныя глаза, надъ которыми ходятъ длинныя, тонкія брови, со складкой на лбу, полны меланхолической серьезности, столь отвѣчающей характеру Фридриха Мудраго; нѣсколько крупный носъ и мясистыя губы, сложившіяся въ своеобразную, отчасти презрительную, отчасти печальную складку, дополняютъ выраженіе глазъ; небольшіе усы и борода обрамляютъ лицо... Въ общемъ, портретъ этотъ и по манерѣ письма, и по своей технической отдѣлкѣ и стилистическимъ особенностямъ, близко напоминаетъ Дрезденскій алтарь, отъ котораго по времени созданія онъ отдѣлялся, повидимому, лишь самымъ незначительнымъ періодомъ, если не былъ созданъ одновременно съ нимъ.

Изъ произведеній разсматриваемаго нами періода болѣе позднихъ по происхожденію и притомъ датированныхъ, сохранилось одно, отъ 1497 г., истинное значеніе котораго толковалось различными изслѣдователями различно. Одни изъ этихъ изслѣдователей видѣли въ немъ портретъ юной дочери нюрнбергскаго гражданина Фюрлегера, Екатерину (Katharina Fürlegerin); другіе—портретное изображеніе неизвѣстной; нѣкоторые признавали его законченнымъ этюдомъ для образа Мадонны, молящейся младенцу Христу, къ несохранившейся для насъ картинѣ Дюрера, быть можетъ, сходной по композиціи съ Дрезденскимъ алтаремъ. Произведеніе это, находящееся нынѣ въ Аугсбургской картинной галлерей¹⁾, написано масляными красками на деревѣ и помѣчено 1497 годомъ и монограммою Дюрера. Изображенная здѣсь до пояса молодая женщина представлена въ положеніи молящейся, со сложенными на груди руками, со

¹⁾ Воспроизведеніе его см. у Knackfuss: Dürer, S. 11, и на нашемъ рисункѣ № 11.

склоненной нѣсколько влѣво головой, съ которой роскошныя золотистыя волосы волнистыми прядями рассыпаются по плечамъ и ниже до самого пояса; взглядъ полуопущенныхъ глазъ направляется, повидимому, къ чему-то, находящемуся передъ нею внизу, какъ въ сценахъ поклоненія Богоматери къ лежащему передъ нею младенцу. Тончайшее прозрачное покрывало надѣто на голову, опускаясь до глазъ; изъ-подъ верхняго платья, темнокраснаго цвѣта съ зеленой каймою, видна бѣлая сорочка, прикрывающая верхнюю часть груди, не закрываемой платьемъ. Тонкія и изящныя черты овальнаго лица



Рис. № 11.

носить на себѣ явную печать индивидуальности, свидѣтельствующей о *портретности* изображенія, воспроизводящаго, быть можетъ, именно, названную Екатерину Фюрлегеръ. Тѣмъ не менѣе не безосновательною можетъ быть признана и догадка тѣхъ изслѣдователей, которые считали эту картину подготовительнымъ этюдомъ для болѣе сложной композиціи религіознаго содержанія, ибо дѣйствительно ничто не мѣшало художнику воспользоваться этимъ портретомъ для такой сложной картины съ религіознымъ сюжетомъ, слѣдуя тому распространенному въ эпоху возрожденія обычаю, согласно которому живыя модели весьма нерѣдко появлялись въ композиціяхъ религіоз-

наго содержанія подъ библейскими, историческими и иными названіями, нисколько не шокируя ни зрителей, ни художниковъ... Самое исполненіе въ высшей степени тщательно во всѣхъ деталяхъ, особенно въ отдѣлѣ волосъ, въ которой Дюреръ является истиннымъ виртуозомъ. По своимъ стилистическимъ особенностямъ это произведеніе кисти Дюрера почти не отличается отъ двухъ предыдущихъ живописныхъ работъ его.

Кромѣ описаннаго сейчасъ оригинала, исполненнаго самимъ Дюреромъ, въ различныхъ собраніяхъ сохраняются еще нѣсколько портретныхъ изображеній той же молодой дѣвушки, извѣстныхъ подъ тѣмъ-же именемъ *Екатерины Фюрлсгеръ*. Одно изъ нихъ, находившееся ранѣе въ собраніи лорда Арундела, теперь хранится въ собраніи Штеделевскаго института во Франкфуртѣ; другое изъ той же коллекціи Арундела перешло въ собраніе Штернбурга въ Люченѣ близъ Лейпцига; третье изъ коллекціи Ваагена въ Мюнхенѣ поступило въ Франкфуртскую галерею; четвертое отсюда же—въ частное собраніе Эллиса въ Лондонѣ. Всѣ эти экземпляры въ дѣйствительности представляютъ собою старинныя копии съ описаннаго выше оригинала Дюрера, исполненныя уже въ XVI—XVII столѣтіяхъ опытными копіистами и искусными подражателями и фальсификаторами произведеній великаго художника, каковыми были Гансъ Гофманнъ, Гертнеръ, І. Фишеръ. П. Ювенель, І. Гаррихъ и н. др. ¹⁾.

Что касается *рисунковъ*, исполненныхъ Дюреромъ въ теченіе разсматриваемаго періода и сохранившихся для насъ въ различныхъ коллекціяхъ, то нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ здѣсь отдѣльнаго упоминанія. Таковъ прежде всего рисунокъ перомъ, расцвѣченный красками, исполненный въ 1496 году и находящійся нынѣ въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, со сценой, воспроизводящей *проулку рыцаря съ дамой* ²⁾. Юный рыцарь съ бичомъ въ поднятой правой рукѣ и въ шлемѣ, украшенномъ перьями, сидитъ на конѣ впереди; позади него на сѣдлѣ помѣщается молодая дама въ длинномъ, раз-

¹⁾ Ср. по этому вопросу *A. Sallet: Untersuchungen über A. Dürer, Berlin 1874; Litterarisch. Centralblatt 1875; s. 83 f. и 188 ff. (Woltmann); Jahrbuch für Kunstw. VI, s. 221 f; Thausing: A. Dürer, s. 187 ff.; A. von Eye: Leben und Wirken A. Dürers, s. 123 f., и др.*

²⁾ Рисунокъ этотъ перешелъ въ Берлинскій музей изъ собранія Posauni-Hulot; воспроизв. у *Lippmann, ibid. Taf. 3.*

вѣвающимся по вѣтру платьѣ; недалеко отъ коня бѣжитъ мохнатая собаченка. Сцена происходитъ среди красиваго ландшафта, на первомъ планѣ котораго видны холмы, покрытые деревьями, а вдали — широкое озеро съ высокими холмистыми берегами, по которымъ разбросаны строенія. Вверху на фонѣ неба помѣщается цифра года созданія рисунка (1496), а внизу монограмма Дюрера ¹⁾. Работа очень тщательна и детальна; нѣсколько удлинненныя пропорціи, придающія фигурамъ большее изящество; правдивая передача натуры въ траптовкѣ одеждѣ; жизненность и естественность движенія, — являются характерными чертами въ этомъ превосходномъ рисункѣ. Пейзажу удѣляется здѣсь настолько существенное значеніе, что онъ представляется въ этой картинкѣ уже не простымъ добавочнымъ аксессуаромъ къ жанровой сценѣ, а нераздѣльно съ послѣднею связанной, органической частью всей композиціи.

Весьма интересенъ далѣе большой рисунокъ перомъ съ добавленіемъ туши, изображающій группу *купающихся въ банѣ женщины* и находящійся въ Бременскомъ музеѣ ²⁾. На переднемъ планѣ слѣва стоитъ подлѣ чана съ водою, вытирая тѣло мочалой, среднихъ лѣтъ женщина, голова которой повязана платкомъ; у ногъ ея купаются двое дѣтей. Справа на томъ же переднемъ планѣ двѣ женщины моются сидя: у обѣихъ на головахъ своеобразные головные уборы; одна — старая, толстая, безобразная женщина, сидитъ на ступенькахъ неподалеку отъ крановъ съ водою; другая — молодая, съ упругими формами тѣла, сидитъ позади этой толстой старухи, обмывая ей спину. На второмъ планѣ, сидя и стоя въ разнообразныхъ положеніяхъ, моются три молодая женщины; одна изъ нихъ бьетъ себя вѣникомъ. Въ углу помѣщается печь; ниже — трубы съ водою и краны. Вся эта сцена въ изображеніи Дюрера проникнута живымъ реализмомъ, при чемъ художникъ, по своему обыкновенію, и здѣсь, какъ во многихъ другихъ подобныхъ же случаяхъ, не старался нисколько приукрасить натуру, служившую для него объектомъ воспро-

¹⁾ Въ уменьшенномъ видѣ рисунокъ этотъ позднѣе встрѣчается въ гравюрѣ на мѣди нюрнбергскаго мастера Р. Р. W. (см. Passavant: peintre-graveur II, p. 159), иллюстрирующей Швейцарскую войну Максимилиана I, имѣя здѣсь значеніе простого добавленія въ качествѣ жанроваго эпизода.

²⁾ Рисунокъ этотъ, извѣстный подъ назв. „женской бани“, воспроизведенъ в *Lippmann, ibid., Taf. 101.*

изведенія, заботясь только о жизненности образовъ и близости ихъ къ самымъ оригиналамъ, если эти послѣдніе хотя и чужды красоты, но характерны. Рисунокъ помѣченъ 1496 годомъ и монограммою Дюрера. Въ Национальной библиотекѣ въ Парижѣ имѣются два сохранившіеся оттиска гравюры на деревѣ, исполненной по этому рисунку Дюрера, но долгое время считавшейся работою Ганса Бальдунга Грюна, (ошибка, которая была возможна въслѣдствіе отсутствія на гравюрѣ монограммы художника), пока сравненіе съ описаннымъ сейчасъ рисункомъ не открыло истиннаго автора этой любопытной композиціи. Сравненіе оригинальнаго рисунка Дюрера съ гравюрой, исполненной на деревѣ по этому рисунку, ясно показало въ то же время, насколько вообще слабо и несовершенно передавались рѣзчиками высокія достоинства оригиналовъ великаго художника, при воспроизведеніи ихъ въ гравюрахъ на деревѣ, когда за недостаткомъ времени, или по инымъ какимъ-либо причинамъ, онъ не могъ исполнить этого самъ, а поручалъ работу граверамъ-ремесленникамъ.

Тонкая, мастерская штриховка; рельефная моделировка формъ нагого женскаго тѣла; искусно использованные эффекты освѣщенія, и т. п.,—всѣ эти, присущія рисунку Дюрера достоинства, почти уничтожены при воспроизведеніи его неизвѣстнымъ рѣзчикомъ въ гравюрѣ на деревѣ, какъ это случилось и съ большей частью рисунковъ Дюрера, рѣзанныхъ на деревѣ не имъ самимъ, а второстепенными граверами-ремесленниками, и случилось въ силу столько же трудностей самой техники гравирования на деревѣ, сколько и неумѣлости мастеровъ¹⁾.

Достойно вниманія изслѣдователя въ цѣляхъ характеристики творческой дѣятельности Дюрера за этотъ періодъ то обстоятельство, что на ряду съ тщательнымъ изученіемъ человѣческаго нагого тѣла, а равно и пейзажа, которому уже и ранѣе онъ посвящалъ такъ много усилій, художникъ съ неменьшею тщательностью и интересомъ штудируетъ также разнообразныя *костюмы* эпохи. Въ цѣломъ рядѣ рисунковъ, чаще всего исполненныхъ перомъ и слегка раскрашенныхъ акварельными красками²⁾, воспроизводитъ онъ тѣ разнохарактерныя

¹⁾ Ср. *Éphrussi: les bains de femmes d'Albert Dürer. Journal, 1881*, гдѣ имѣются факсимиле и самого рисунка и гравюры; и того же автора: *A. Dürer et ses dessins*, pag. 40.

²⁾ Серія такихъ этюдовъ одеждъ въ хромолитографическихъ таблицахъ *F. Va-*
5*

одежды, мужскія и женскія, видѣнныя имъ въ различное время, которыя въ томъ или иномъ отношеніи заинтересовываютъ его, именно, своею характерностью и оригинальностью. И результаты этихъ многочисленныхъ штудій костюмовъ свазались впоследствии въ томъ, что создавая свои большія и сложныя композиціи въ области гравюры и живописи, художникъ непосредственно пользуется этими рисунками, въ качествѣ цѣнныхъ этюдовъ, подобно тому какъ пользовался онъ для нихъ и своими этюдами нагого тѣла, пейзажа и проч. Не перечисляя здѣсь всѣхъ рисунковъ этого рода, мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые, почему либо интересные или характерные.

Къ 1495 году относится, хранящійся въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ, рисунокъ, послужившій этюдомъ для, такъ называемой, «вавилонской блудницы» въ гравюрѣ соответствующаго содержания изъ серіи иллюстрацій Дюрера къ Апокалипсису 1498 ¹⁾. Этюдъ представляетъ красивую молодую женщину въ сложной модной прическѣ и въ богатомъ костюмѣ, напоминающемъ отчасти позднѣйшіе костюмы времени директоріи, съ низкимъ корсажемъ и высокою талией, съ длинною юбкой со множествомъ складокъ, покрытой цвѣтными узорами и т. д. Общій видъ этого костюма со стороны спины помѣщенъ на томъ же рисункѣ въ меньшихъ размѣрахъ подлѣ первой фигуры. Почти такой же, но менѣе роскошный костюмъ встрѣчаемъ и на рисункѣ, хранящемся въ кабинетѣ гравюръ во Франкфуртѣ, на которомъ рядомъ съ первымъ воспроизведенъ и будничныи костюмъ нюренбергскихъ женщинъ конца XV столѣтія ²⁾.

Цѣлый рядъ другихъ штудій костюмовъ, исполненныхъ Дюеромъ и сохранившихся для насъ, относится къ нѣсколько болѣе позднему времени. Надписи, сдѣланныя самимъ художникомъ на этихъ этюдахъ, поясняютъ, что въ однихъ случаяхъ изображены здѣсь парадныя одежды, въ какихъ нюренбергскія женщины отправляются въ церковь; въ другихъ—обычныя домашніе костюмы тѣхъ же нюренбергскихъ гражданокъ; въ третьихъ—костюмы бальные, въ

der съ объяснительнымъ текстомъ *M. Thatsing* находится въ изданіи нескѣлаго: *Trachtenbilder von Albrecht Dürer aus der Albertina. Wien 1878.*

¹⁾ См. Bartsch № 73, Heller № 1687, Rettberg № 41.

²⁾ См. *Ephrussi: dessins, pag. 49.*

каких танцовали тогда въ родномъ городѣ Дюрера ¹⁾ и т. д. Нерѣдко въ однихъ и тѣхъ же рисункахъ встрѣнаемъ этюды и костюмовъ, и лицъ, или цѣлыя фигуры, привлечшихъ къ себѣ вниманіе художника такими или иными своеобразными особенностями, въ силу которыхъ они могли представляться ему подходящими матеріалами для будущихъ крупныхъ произведеній его въ области живописи или гравюры.

Кромѣ разнообразныхъ видовъ работъ художника, извѣстныхъ уже изъ предыдущихъ годовъ, періодъ, изучаемый нами, отмѣченъ появленіемъ еще новой, дополняющей эти разнообразныя работы, отрасли изобразительнаго искусства, въ которой уже въ скоромъ времени, послѣ первыхъ же опытовъ этого рода, какъ самимъ художникомъ, такъ и его помощниками создаются произведенія интересныя и значительныя по своимъ формамъ и содержанию, достойныя внимательнаго изученія по своимъ техническимъ и стилистическимъ особенностямъ... Мы разумѣемъ *гравюры на деревѣ*, появленіе которыхъ у Дюрера совпадаетъ съ первыми же годами существованія его мастерской (особенно 1496—97 г.) и которыя исполнялись, какъ ниже увидимъ, въ однихъ случаяхъ помощниками Дюрера — рѣзчиками по дереву, по рисункамъ его; въ другихъ — самостоятельно художникомъ, испытывавшимъ свое умѣнье и силы, на ряду съ другими видами техники, также и въ этой.

Къ числу древнѣйшихъ образцовъ работъ Дюрера въ этомъ новомъ родѣ техники, и именно уже къ началу 1496 г. должна быть отнесена гравюра на деревѣ, изображающая *мученичество 10 тысячъ Никомидійцевъ*, которую Реттбергъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи совершенно неправильно причисляютъ къ произведеніямъ 1507 года, вопреки стилистическимъ и инымъ доказательнымъ даннымъ, имѣющимся въ самой гравюрѣ ²⁾. Разнообразныя сцены мученій происходятъ въ присутствіи самого императора, его свиты и нѣсколькихъ постороннихъ зрителей. На переднемъ планѣ картины стоитъ императоръ, окруженный свитою, со скиптромъ въ рукѣ, глядя на мученье

¹⁾ Такіе этюды костюмовъ, кромѣ указаннаго изданія *Bader-Thausing*, см. у *Lippmann*, *ibid.* Taf. 187, 211 и др.

²⁾ Гравюра обозначена у *Bartsch* № 117, у *Heller* № 1881, у *Rettberg* № 117. Къ 1507 г. ее относили именно потому, что въ этомъ году создана была и большая картина съ тѣмъ же сюжетомъ, однако въ совершенно иной композиціи. Сравнительный анализъ этой картины и самой гравюры см. ниже подъ 1507—8 г.

епископа, лежащаго передъ нимъ на землѣ со связанными руками. Одинъ изъ палачей большимъ буравомъ сверлитъ епископу глазъ; трое зрителей позади палача наблюдаютъ сцену мученія. Въ средней части картины лежитъ обезглавленный трутъ; нѣсколько человѣкъ, привязанныхъ къ дереву, подвергаются бичеванію. Далѣе въ глубинѣ картины, по дорогѣ, ведущей на гору, подымается, подгоняемая палачами, толпа Никомидійцевъ, которые должны быть затѣмъ свергнуты внизъ со скалы. На вершинѣ горы съ отвѣсной скалы палачи, при помощи копій, мечей и иного оружія, уже сбрасываютъ внизъ, въ глубокую пропасть, множество мучениковъ; сброшенные падаютъ внизъ въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ, сваливаясь на камни и на стволы разбитыхъ деревьевъ. Одинъ изъ палачей мечомъ обезглавливаетъ тѣхъ изъ мучениковъ, которые остались еще въ живыхъ послѣ паденія. Вдали виденъ замокъ и горы.

По исполненію своему гравюра эта должна быть поставлена ниже, чѣмъ всѣ остальные гравюры на деревѣ изъ этой ранней эпохи, въ числѣ которыхъ она можетъ быть признана одной изъ древнѣйшихъ. Всѣ эти группы, на которыя разбивается композиція, не будучи связаны однѣ съ другими какой-либо внѣшнею связью, раздѣлены здѣсь пустыми бѣлыми пространствами, ничѣмъ не заполненными: ни свѣтомъ, ни воздухомъ, ни частями пейзажа, которыми устанавливалась бы воздушная и линейная перспектива. Эта послѣдняя въ гравюрѣ грубо нарушена, и вмѣсто глубокой и широкой дали, какая по смыслу происходящаго должна здѣсь быть обозначена ясно, всѣ сцены представлены такъ, какъ если бы происходили на одномъ планѣ, въ одной плоскости. Самый рисунокъ въ гравюрѣ даже для этого ранняго періода должно признать въ высшей степени небрежнымъ и грубымъ, нерѣдко даже неправильнымъ, причемъ такія ошибки слѣдуетъ, очевидно, отнести за счетъ не художника,—геніальнаго рисовальщика даже въ дѣтскихъ рисункахъ своихъ,—а того рѣзчика, которому принадлежало самое выполнение по рисунку его. Въ соотвѣтствіи съ указаніями стиля и техники принадлежность этой гравюры разсматриваемому періоду косвенно подтверждается и тѣмъ фактомъ, что первое изданіе ея не было помѣчено ни годомъ, ни монограммою Дюрера, и только второе отмѣчено этою послѣднею, тогда какъ начиная съ 1498 года не только всѣ гравюры Дюрера уже носятъ на себѣ монограмму его, но имѣютъ

почти всегда и цифру года, устанавливающую точно время созданія каждой ¹⁾).

Болѣе поздней работой является большой листъ съ изображеніемъ *купающихся мужчинъ*, созданіе котораго относится къ концу того же 1496 года ²⁾. Купальня, гдѣ происходитъ вся сцена, имѣетъ видъ небольшого бассейна, помѣщеннаго подъ навѣсомъ, опирающимся на тонкія деревянныя жерди; внутри бассейна деревянный срубъ съ краномъ для наполненія бассейна водою. Изъ купающихся мужчинъ двое, съ купальными колпаками на головахъ, сидятъ по поясъ въ водѣ; одинъ, сидя на краю бассейна, пьетъ пиво изъ кружки; еще одинъ стоитъ, опираясь на срубъ, и слушаетъ игру двухъ музыкантовъ, увеселяющихъ флейтой и скрипкой купающихся. За перегородкою, отдѣляющею бассейнъ отъ сосѣднихъ владѣній, видна еще фигура, глядящая на купающихся, а дальше—ряды сосѣднихъ зданій, площадь съ колодезъ по срединѣ и замокъ вдали. Исполненіе этой гравюры, которая подобно «женской банѣ», описанной выше, повидимому была рѣзана на деревѣ въ первый разъ не самимъ Дюреромъ, а кѣмъ-либо изъ второстепенныхъ граверовъ-рѣзчиковъ на деревѣ, какихъ было въ Нюренбергѣ значительное количество,—это исполненіе еще не имѣетъ въ своемъ первомъ изданіи достоинствъ послѣдующихъ работъ и сравнительною грубостью работы отчасти напоминаетъ болѣе раннія гравюры въ нюренбергскомъ изданіи *Koburger: Liber chronickum* (1492—3), гдѣ значительная часть ихъ исполнена была такими же рѣзчиками-ремесленниками по рисункамъ М. Вольгемута. Напротивъ, второе изданіе, повидимому, выполненное позднѣе самимъ Дюреромъ и потому помѣченное уже его монограммой, по качествамъ исполненія не отличается отъ гравюръ его изъ послѣдующихъ (1497—8) годовъ.

Гравюра съ изображеніемъ купающихся мужчинъ являлась, такимъ образомъ, pendant къ «женской банѣ», одинаковой съ ней въ упомянутомъ изданіи и по внѣшнему исполненію, и по самымъ размѣрамъ, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и по

¹⁾ Ср. Mittheilungen d. Instituts für oesterreich. Geschichtsforschung. 1882, III, S. 96 ff.: „Dürers frühe Holzschnitte ohne Monogramm“. (*M Thausing*).

²⁾ По Bartsch № 128, Heller № 1897, Rettberg № 18. См. нашъ рисунокъ № 12, воспроизводящій гравюру въ уменьшенныхъ размѣрахъ со второго улучшеннаго изданія съ монограммою Дюрера.

времени созданиа онѣ раздѣлялись одна отъ другой сколько-нибудь значительнымъ промежуткомъ.

Близко сходною по характеру работы съ «мужскою» и «женскою»



Рис. 12.

баней» оказывается и гравюра, изображающая, так назыв., «*св. семейство съ зайчиками*» ¹⁾). Святое семейство расположилось на отдыхъ внутри двора подъ открытымъ небомъ: Богоматерь въ длинной одеждѣ и съ покрываломъ на головѣ, изъ-подъ котораго видны рассыпавшіеся по плечамъ волосы, сидитъ на скамьѣ, придерживая обѣими руками младенца Христа, стоящаго у нея на колѣнахъ и раскрывающаго большую книгу. Святой Иосифъ со шляпой и длиннымъ посохомъ въ рукахъ стоитъ подлѣ нихъ, любуясь младенцемъ; надъ головой Богоматери два летящіе ангела держатъ корону; внизу на первомъ планѣ—три зайчика, по которымъ это «святое семейство» получило свое названіе въ отличіе отъ другихъ.

Еще дальнѣйшіе успѣхи этой новой техники мы видимъ на нѣсколькихъ гравюрахъ на деревѣ, исполненныхъ въ слѣдующемъ 1497 году, на этотъ разъ самимъ уже Дюреромъ, съ изображеніемъ на одной изъ нихъ «мученія св. Екатерины», на другой «Сампсона, раздирающаго пасть льву», на третьемъ — «сражающагося Геркулеса». Раздѣляясь отъ знаменитой серіи иллюстрацій къ Апокалипсису, начатой въ томъ же 1497 году и законченной въ слѣдующемъ,—всего лишь нѣсколькими мѣсяцами, гравюры эти настолько близко подходятъ по стилю и технике къ названной серіи, что эта послѣдняя можетъ быть признана въ обоихъ отношеніяхъ ихъ непосредственнымъ продолженіемъ.

«*Мученіе св. Екатерины*» на первой изъ нихъ ²⁾ представлено происходящимъ среди обширнаго ландшафта. На переднемъ планѣ стоитъ св. мученица, колѣнопреклоненная, передъ орудіемъ пытки, двойнымъ колесомъ съ торчащими зубьями изъ ножей, и передъ своими мучителями. Въ картинѣ избранъ моментъ, когда посыпавшіеся съ неба огненные дожди сожигаетъ и разрушаетъ орудіе пытки и разгоняетъ самихъ мучителей. Одинъ изъ послѣднихъ въ страхѣ ичится въ сторону на конѣ; другой убѣгаетъ въ противоположную сторону, стараясь защититься отъ огненнаго дождя своею мантией; нѣсколько человѣкъ лежатъ, поверженные на землю. Только одинъ изъ мучителей на первомъ планѣ стоитъ подлѣ св. Екатерины, вытаскивая изъ ноженъ свой мечъ, чтобы обезглавить святую.

¹⁾ У В. 108, Н. 1815, Р. 26.

²⁾ У В. 120, Н. 1883, Р. 22.

На второмъ изъ листовъ ¹⁾ композиція состоитъ всего изъ двухъ только фигуръ: самого Сампсона, одѣтаго въ опоясанную тунику, и огромнаго льва, которому онъ раздираетъ руками пасть. Всю остальную часть гравюры занимаетъ богатый ландшафтъ виднѣющимися вдали замками, съ горами, съ озеромъ, на которомъ плаваютъ лодки, и съ обильной растительностью.

Смыслъ сюжета на третьей гравюрѣ ²⁾ вслѣдствіе своеобразной трактовки здѣсь художникомъ античной фабулы установленъ не съ достаточно опредѣленно. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ показываетъ надпись, сдѣланная въ верхней части этой гравюры готическими буквами, (Ercules), является древній герой Греціи, Гераклъ. Одѣтый въ звѣриную шкуру, съ лукомъ и стрѣлами за спиной и съ палицей въ правой рукѣ, онъ набрасывается съ силою на двухъ вооруженныхъ воиновъ, которые уже повержены имъ на землю и которые лежатъ, какъ будто сросшись тѣлами: одинъ—лицомъ и грудью внизъ, другой—вверхъ; на обоихъ средневѣковое (вопреки смыслу сюжета) вооруженіе.

Можно догадываться, что Дюреръ имѣлъ въ виду изобразить здѣсь извѣстное мифологическое сказаніе о битвѣ Геракла съ Геріономъ, при чемъ вмѣсто трехъ тѣлъ, которыя, согласно мнѣю, имѣлъ Геріонъ, художникъ представилъ лишь два, надѣвши на нихъ, по наивному обыкновенію художниковъ своего времени, вмѣсто античнаго болѣе знакомое ему средневѣковое оружіе, употреблявшееся еще и въ XV столѣтіи. Кромѣ Геракла въ сценѣ участвуетъ еще двѣ фигуры: дѣвушка съ длинными, развѣвающимися отъ вѣтра волосами, одѣтая въ двойной опоясанный хитонъ и бѣгущая прямо на фигуры лежащихъ на землѣ воиновъ, (повидимому, Аѣнна, помогающая, согласно мнѣю, Гераклу въ его борьбѣ съ Геріономъ), и старуха, совершенно нагая, устремляющаяся вслѣдъ за Геракломъ и Аѣнною съ лошадиною челюстью въ поднятой правой рукѣ, (быть можетъ, олицетвореніе «зависти»—«Invidia»). На заднемъ планѣ обширный пейзажъ съ большимъ озеромъ, на которомъ плаваютъ лодки, и съ островками, на которыхъ виднѣются замки.

¹⁾ V Bartsch № 2, Heller 1102, Rettberg, 28

²⁾ V B. № 127, H. № 1893, R. № 24. См. нашъ рисунокъ № 13.

Всѣ эти гравюры, исполненныя въ 1497 году, какъ уже замѣчено, непосредственно передъ созданиемъ большой серіи иллюстрацій Дюрера къ Апокалипсису, обнаруживаютъ съ этими послѣдними



Рис. 13.

ближайшее и тѣсное средство: одинаковы не только внѣшніе размѣры тѣхъ и другихъ, но и техника исполненія, и стилистическія особенности ихъ, что относится также и ко второму изданію болѣе раннихъ гравюръ, помѣченныхъ монограммою Дюрера. Создавая эти свои гравюры, Дюреръ сравнительно съ тѣмъ, что было извѣстно въ области гравированія на деревѣ ранѣе него, является несомнѣнно художникомъ-реформаторомъ, удовлетворяя уже здѣсь тѣмъ новымъ потребностямъ въ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ этой области, которыя настоятельно чувствовались въ виду слишкомъ явныхъ несовершенствъ въ самой technikѣ гравюры на деревѣ у всѣхъ вообще предшественниковъ нашего художника. Поэтому уже по отношенію къ рассматриваемымъ гравюрамъ можно сказать о Дюрерѣ то, что справедливо отмѣчаетъ Таузингъ ¹⁾ относительно родственныхъ съ ними гравюръ къ Апокалипсису.—Дюреръ произвелъ цѣлый переворотъ въ technikѣ гравюры на деревѣ и сообщилъ ей быстрое движеніе впередъ, благодаря тѣмъ новымъ требованіямъ, которыя онъ предъявилъ къ ней и умѣлъ въ то же время удовлетворить, а также сознательной ясности и опредѣленности, съ какими были выставлены имъ эти требованія. Ранѣе Дюрера гравированіе на деревѣ имѣло въ своемъ основаніи *принципъ плоской обрисовки и полхроміи*. Возникнувши изъ миниатюры и представляя отчасти какъ бы замѣну ея, гравированная на деревѣ и отпечатанная картина являлась какъ бы простою рамкою для пестраго *расцѣпчиванія* ея свободною кистью. Даже при послѣдующемъ развитіи рисованія, въ гравюрахъ на деревѣ все-таки имѣлось въ виду всегда прибавленіе къ рисунку также и *красокъ*. Такъ, именно, было даже у Вольгемута, и гравюры его (т. е. исполненныя по его рисункамъ) въ «Schatzbehälter» и «Weltchronik» продавались преимущественно раскрашенными. Затѣмъ выступилъ Дюреръ съ своими гравюрами на деревѣ и съ своею первою книгой этихъ гравюръ, съ Апокалипсисомъ. *Эти гравюры уже не требовали болѣе раскрашиванія и никогда неподвергались ему*. Здѣсь на мѣсто древней полхроміи становится общій колоритъ, на мѣсто раскрашиванія многими красками—всего одна краска, одинъ цвѣтъ. Уже во время своего путешествія Дюреръ

¹⁾ *M. Thausing: A. Dürer, Geschichte seines Lebens etc. S 266.*

развилъ въ себѣ чувство красокъ: онъ научился соединять въ одно нераздѣльное цѣлое форму и цвѣтъ и различать предметы другъ отъ друга однимъ только воспроизведеніемъ тоновъ различной степени напряженности, безъ употребленія какихъ-либо матеріальныхъ средствъ для такого различенія (какими являются краски). И естественнымъ результатомъ такого упрощенія должно было сдѣлаться *уничтоженіе въ гравюрахъ на деревѣ полихроміи*, ибо Дюреръ простымъ употребленіемъ эффектовъ свѣта и тѣни достигалъ гораздо большей силы и живописнаго дѣйствія, чѣмъ его предшественники самымъ пестрымъ расцвѣчиваніемъ красками. Такою же самою *живописностью*, на которую названный авторъ указываетъ по отношенію къ серіи Дюрера Апокалипсиса, характеризуются уже и разсматриваемыя гравюры его, въ которыхъ новые приемы, выработанные Дюреромъ въ отличіе отъ практики своихъ предшественниковъ, успѣли найти для себя реальное осуществленіе.

Гравюры *на мѣди* изъ того же періода 1496—7 годовъ весьма немногочисленны, притомъ по характеру сюжетовъ своихъ таковы, что подобно большей части одновременныхъ съ ними гравюръ на деревѣ даютъ художнику возможность показать главнымъ образомъ его постоянно прогрессирующее умѣнье въ изображеніи нагого человѣческаго тѣла, мужского и женскаго, которое онъ штудируетъ непрерывно. Такими, именно, по характеру являются его гравюры на мѣди: «св. Себастьянъ, привязанный къ дереву»; «св. Себастьянъ, привязанный къ колоннѣ», и группа изъ четырехъ нагихъ женщинъ, известная подъ названіемъ «четыре вѣдьмы».

Въ обоихъ изображеніяхъ *св. Себастіана* ¹⁾ сказывается значительное и близкое знаніе анатоміи человѣческаго тѣла, которое художникъ выставляетъ на видъ съ особенною ясностью, благодаря тому, что ставитъ въ обоихъ случаяхъ фигуру мученика въ различные положенія, въ которыхъ мускулатура всего тѣла должна показываться изъ-подъ покрововъ кожи съ наибольшою напряженностью и отчетливостью. На первой изъ гравюръ художникъ представилъ

¹⁾ Гравюры эти обозначены у Bartsch № 55 и 56, у Heffer № 787 и 788, у Rettberg № 16 и 17.

мученика съ руками, привязанными высоко надъ головою къ вѣтви дерева, и съ изогнувшимися колѣнами; на второй—съ руками за спиной, прикрѣпленными веревкѣй къ колоннѣ, придавая такимъ образомъ яркую выпуклость то однимъ, то другимъ изъ мускуловъ тѣла, которыхъ преимущественное участіе въ актѣ обуславливалось самою постановкою корпуса и отдѣльныхъ частей.

На третьей гравюрѣ, обозначаемой обыкновенно названіемъ «*четырехъ вѣдьмъ*» ⁴⁾, изображены четыре нагія женщины, стоящія среди небольшой комнаты, въ одномъ углу которой ступени спускаются книзу направо. Съ невысокаго потолка опускается шаръ съ цифрою года (1497) и буквами O. G. H. Въ раскрытыя двери направо виднѣется пламя, изъ глубины котораго показывается фигура дьявола съ головою рогатаго чудовища, держащаго въ рукахъ какое-то своеобразное орудіе. Всѣ четыре женщины совершенно обнажены и только узкая полоса простыни прикрываетъ у двоихъ изъ нихъ кое-гдѣ тѣло. На головахъ у двухъ изъ нихъ надѣты повязки, у третьей—вѣнокъ, у четвертой—высокій головной уборъ, подобный кокошнику. Всѣ четверо, обративши лица другъ къ другу, какъ будто въ бесѣдѣ, составляютъ тѣсную единую группу; человѣческій черепъ, лежащій у ногъ одной изъ нихъ, и человѣческая кость подлѣ другой, равно какъ и появленіе изъ огня фигуры самого дьявола, не безъ основанія заставляли видѣть въ этой гравюрѣ воспроизведеніе шабаша вѣдьмъ, въ существованіе которыхъ такъ искренно вѣрили еще современники Дюрера. Гравюра помѣчена кромѣ года и монограммой художника. Что касается ея исполненія, то высокія достоинства его обнаруживаютъ еще новые и крупныя успѣхи Дюрера въ области гравированія на мѣди, совершившіеся за короткое время, отдѣляющее эту работу отъ произведеній предшествующаго періода. Пластическія формы женскаго тѣла переданы здѣсь съ рельефностью еще болѣе совершенной, чѣмъ на лучшихъ изъ работъ его болѣе ранняго происхожденія; въ то же самое время и эпидерма, облекающая эти красивыя формы, подлѣ искуснымъ тончайшимъ рѣзцомъ художника пріобрѣтаетъ какъ будто живую упругость и мягкій атласистый блескъ, отличающіе ее въ самой натурѣ. Самыя модели, избранныя

⁴⁾ У Bartsch № 75, Heller № 861, Rettberg № 21. См. нашъ рисунокъ № 14.

здѣсь художникомъ для воспроизведенія, на этотъ разъ не только характерны, но и въ значительной мѣрѣ прекрасны, отчего и художественное воплощеніе ихъ у Дюрера отличается въ этой гравюрѣ

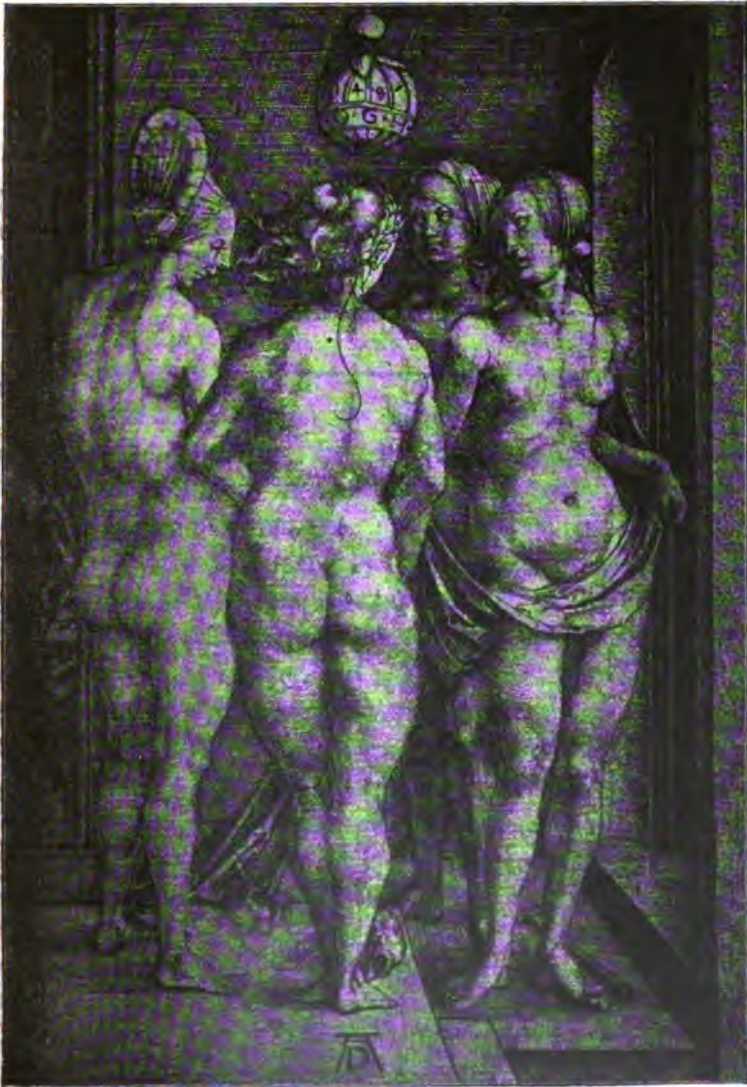


Рис. 14.

не только обычною у него жизненностью, но и рѣдкою въ произведеніяхъ его красотою. Строгое знаніе перспективы линейной, какъ и воздушной; умѣлая передача эффектовъ освѣщенія, показываютъ и въ этихъ направленіяхъ дальнѣйшіе успѣхи художника, который свободно побѣждаетъ здѣсь представляющіяся ему въ обоихъ отношеніяхъ трудности.

ГЛАВА III.

Иллюстраціи Дюрера къ Апокалипсису. — Причины выбора художникомъ содержанія Апокалипсиса для иллюстрированія. — Отношеніе композицій Дюрера къ тексту Откровенія. — Отношеніе ихъ къ болѣе раннимъ рукописнымъ и ксилографическимъ иллюстраціямъ Апокалипсиса. — Историческая и эстетическая оцѣнка серіи иллюстрацій къ Апокалипсису, созданной Дюреромъ.

Въ 1498 году появляется въ свѣтъ первый обширный трудъ Дюрера въ области гравюры на деревѣ, доставившій ему громкую и совершенно заслуженную славу не только среди соотечественниковъ художника, но и далеко за предѣлами тогдашней Германіи, вызывая повсюду справедливое удивленіе необычными тогда, исключительными достоинствами своего исполненія. Послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ и тщательно выполненныхъ эскизовъ и штудій съ натуры, въ которыхъ художникъ зарисовывалъ то части пейзажей, то мужскія и женскія одежды, то фигуры въ разнообразныхъ положеніяхъ и т. д., сообразно тому, что казалось ему необходимымъ и важнымъ для будущихъ композицій ¹⁾, Дюреръ еще въ 1497 году начинаетъ свою знаменитую серію большихъ гравюръ на деревѣ, иллюстрирующихъ важнѣйшіе моменты Апокалипсиса св. Іоанна Богослова, серію, которую, закончивши уже въ слѣдующемъ году, онъ выпускаетъ въ свѣтъ одновременно двумя изданіями ²⁾.

¹⁾ Нѣсколько такихъ эскизовъ и штудій сохранилось для насъ въ различныхъ коллекціяхъ; таковы рисунки, воспроизведенные у *Lippmann*: *Zeichnungen von Albrecht Dürer*, Taf. 78; *ibid.* Taf. 218—220; *Erhussi*: *dessins*, pag. 49, 59 и др.

²⁾ Оба эти изданія при тождественныхъ иллюстраціяхъ, расположенныхъ на 15 большихъ листахъ (выс. 0,89 м.; шир. 0,28 м.), помѣченныхъ монограммою Дюрера, различаются тѣмъ, что текстъ, отпечатанный на оборотной сторонѣ каждаго изъ этихъ листовъ, воспроизводитъ соответствующія мѣста Апокалипсиса въ одномъ изданіи на латинскомъ языкѣ, въ другомъ на нѣмецкомъ. На заглавномъ листѣ нѣмец-

Каковы могли быть *причины*, обусловившія выборъ художникомъ для первой большой работы своей столь своеобразнаго, столь обширнаго и въ высшей степени труднаго для воспроизведенія въ искусствѣ содержанія, какгмъ являлось содержаніе Откровенія? Заключались ли онѣ въ мотивахъ чисто личнаго свойства, или имѣли характеръ и болѣе общій, глубокой?..

Попытку отвѣтить на эти вопросы встрѣчаемъ у одного изъ изслѣдователей, писавшихъ о Дюрерѣ.—«Ничто другое,—замѣчаетъ этотъ авторъ ¹⁾ относительно избранія Дюреромъ Апокалипсиса для большой своей серіи иллюстрацій на деревѣ,—не представляется столь знаменательнымъ для характеристики самого Дюрера, да и вообще германскаго духа, какъ именно выборъ такого предмета. Наистинно художественное одолѣніе такого выпренняго содержанія

каго изданія напечатано: „Die heimlich offenbarung iohannis“, а на послѣднемъ листѣ послѣ текста Апокалипсиса (гл. XXII) помѣщается надпись съ обозначеніемъ автора всей этой серіи гравюръ, мѣста и времени созданія ея: „ein ende hat das Buch der heimlichen offenbarung sant iohansen des zwelfboten und ewangelisten. Gedruckt zu Nurnbergk Durch Albrecht Dürer maler nach Christi geburt MCCCC und darnach im XCVIII jar“. На заглавномъ листѣ латинскаго изданія напечатано: „Apocalypsis cum Figuris“, а на послѣднемъ: „Impressa Nurnberge p. Albertum Dürer pictorem Anno christiano Millesimo quadringentesimo nonagesimo octavo“. Кромѣ этихъ двухъ изданій самими Дюреромъ вынуждено было въ 1511 году третье изданіе, въ которомъ оставленъ латинскій текстъ, а къ прежнимъ пятнадцати иллюстраціямъ прибавлена еще одна на заглавномъ листѣ подъ означенною надписью. Въ концѣ текста обозначено мѣсто и годъ изданія этой серіи: „Impressa denuo Nurnberge p. Albertum Dürer pictorem Anno christiano millesimo quingentesimo undecimo“, а ниже отъ имени художника прибавлена угроза противъ тѣхъ граверовъ-полигистовъ, которые вопреки запрещенію Дюрера осмѣливались подъ своимъ собственнымъ именемъ воспроизводить его Апокалипсисъ, съ предупрежденіемъ, что императоромъ предоставлено Дюреру исключительное право воспроизводить его иллюстраціи въ послѣдующихъ изданіяхъ и преслѣдовать нарушителей этого права по закону. Такими, именно, изданіи, нарушавшими права собственности Дюрера, извѣстно нѣсколько, и одно изъ нихъ появилось еще въ 1502 году въ Страссбургѣ, гдѣ, будучи безъ всякихъ измѣненій скопировано съ Апокалипсиса Дюрера граверомъ Иеронимомъ Греффомъ изъ Франкфурта, оно было тѣмъ не менѣе выпущено подъ видомъ самостоятельной работы этого мастера, съ его монограммою, безъ всякаго упоминанія о Дюрерѣ и съ слѣдующею заключительною надписью: „eyn Ende hat das buch der heymlichen offenbarung sant Iohannesen des zweibotes und ewangelisten. Gedruckt zu Strassburg durch Iheronym Greff den maler genant von Frankfurt nach Christi geburt MCCCC und II jar“. Отдѣльные листы Апокалипсиса Дюрера неоднократно перепечатывались и послѣ смерти Дюрера различными людьми, въ томъ числѣ и наследниками художника, сохранившими за собою право воспроизведенія ихъ.

¹⁾ А. р. *Eye*: Leben und Wirken A. Dürers, S. 130.

едва ли возможно было рассчитывать. Однако нѣмецкій духъ и прежде весьма охотно и часто занимался предметами, которые лежать далеко за предѣлами постижимаго, и нѣмецкая фантазія признавала область безконечнаго какъ-разъ достаточно великою и подходящею для того, чтобы работать въ этой области... Для самого Дюрера Откровеніе кроетъ того было предметомъ глубокой и искренней вѣры: изображенныя тамъ картины имѣли для него цѣну дѣйствительности и казались тѣмъ болѣе важными, что относились всё къ будущему. Здѣсь онъ занимался, согласно своему убѣжденію и вѣрованіямъ своего времени, какъ бы исторіей самаго неба и земли. Такимъ образомъ, съ юношескою предпримчивостью и талантомъ художника связались здѣсь въ выборѣ предмета самыя сокровенныя интересы челоуѣка, его души, и въ этомъ отношеніи Дюреръ вполне отвѣчалъ вкусамъ своего народа. Ибо если прослѣдить все развитіе и образованіе этого послѣдняго, то окажется, что всегда глубочайшая потребность въ интересахъ къ чему-то высшему, лежащему по ту сторону земнаго бытія, являлась въ его исторіи руководящимъ началомъ, подобно свѣтлому облаку Господа во время шествія по пустынѣ.

Дѣйствительно, одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей нѣмецкаго искусства среднихъ вѣковъ, а затѣмъ въ значительной степени и смѣниваго его искусства эпохи Возрожденія, являлось, на ряду съ живымъ натурализмомъ, обнаруженіе почти *всеобщаго стремленія нѣмецкихъ художниковъ къ безконечному, къ таинственному и фантастическому*, — стремленія, развившагося въ теченіе столѣтій изъ сложнаго взаимодействія между окружающею природою и самымъ духомъ германской народности. И въ своеобразномъ характерѣ вліянія первой на эту послѣднюю лежитъ, главнымъ образомъ, объясненіе того обстоятельства, что чаще всего творческая фантазія нѣмецкихъ художниковъ, устремлявшаяся не столько къ прекрасному въ формахъ, сколько къ таинственному, разительному и страшному въ содержаніи, разыгрывалась на мотивы не веселые и жизнерадостные, а мрачные и устрашающіе, придавая тѣмъ самымъ соотвѣтствующій характеръ и произведеніямъ ихъ.

Но къ концу среднихъ вѣковъ, и по преимуществу въ XV столѣтіи, общее состояніе государственной и особенно религіозной жизни германскихъ народовъ сообщило этому характеру еще болѣе

определенную окраску и обусловило собою еще болѣе яркое выраженіе его въ искусствѣ данной эпохи.

Вопросы церковные, какъ мы знаемъ, начинаютъ особенно волновать Германію второй половины XV столѣтія, выдвигаются на первый планъ передъ всѣми другими, чтобы разразиться черезъ нѣсколько десятилѣтій великимъ реформаціоннымъ движеніемъ, сломившимъ, наконецъ, невыносимый гнетъ папской власти. Не только духовенство и люди, близки стоявшіе къ этому послѣднему, но и чисто свѣтскіе люди, въ томъ числѣ и многочисленныя художники, посвящаютъ свой трудъ и способности разработкѣ религиозныхъ вопросовъ, одни—въ богословскихъ трактатахъ, проповѣдяхъ, и т. п., другіе—въ прозведеніяхъ искусства, стараясь внести свою часть въ общую работу новаго реформаціоннаго теченія. И въ этомъ широкомъ теченіи одна любопытная струя его представляется наблюдателю особенно ясно и непосредственно связанною съ самымъ концомъ XV столѣтія, какъ рубежомъ для жизни среднихъ вѣковъ. Какъ извѣстно, приближеніе послѣднихъ годовъ этого столѣтія у христіанскихъ народовъ Европы ожидалось съ суевѣрной тревогой толпы, которая хотѣла видѣть въ полторѣ тысячи лѣтъ, протекшихъ отъ Рождества Христова, послѣдній предѣлъ своего историческаго бытія на землѣ, а всѣ неурядицы въ жизни общественной, и церковной въ особенности, принимала за вѣрный признакъ предстоящей гибели міра и скорого пришествія Антихриста. Послѣдствія такихъ ожиданій въ религиозной и общественной жизни этого времени были разнообразны, и однимъ изъ ихъ проявленій нельзя не признать между прочимъ въ области искусства появленіе той любопытной группы произведеній, въ которой свободнѣе и ярче всего фантазія художниковъ могла развиваться на почвѣ, подготовленной общественнымъ настроеніемъ.

Мы разумѣемъ художественныя воплощенія тѣхъ таинственныхъ и мрачныхъ картинъ, относящихся къ пришествію Антихриста и гибели міра, которыя съ такою силою и яркостью изображались въ Откровеніи св. Іоанна Богослова,—тѣ иллюстраціи къ его Апокалипсису, которыя уже съ восьмидесятихъ годовъ XV столѣтія въ особенно значительномъ количествѣ распространяются среди народовъ Европы (и болѣе всего Германіи) и среди которыхъ иллюстраціи Альбрехта Дюрера занимаютъ первое мѣсто столько же по сво-

ей полнотѣ и многочисленности, сколько и по высокимъ достоинствамъ исполненія. Создавая эти свои иллюстраціи, Дюреръ, такимъ образомъ, полнѣе и лучше другихъ отвѣтилъ на настоятельную потребность времени и народа, среди котораго должны были распространяться эти гравюры съ такъ сильно занимавшими тогда всѣхъ и cadaго сюжетами.

И въ этомъ, именно, соответствіи съ потребностями времени лежитъ важнѣйшая причина не только самаго появленія апокалиптическихъ иллюстрацій Дюрера, но и колоссальнаго, небывалаго пространства ихъ среди народа, которое не можетъ быть объяснено одними только высокими художественными достоинствами ихъ.

Въ виду особенной важности, выдающагося интереса и серьезности значенія, какое имѣло созданіе этой обширной серіи апокалиптическихъ иллюстрацій Дюрера, съ одной стороны, въ исторіи его личнаго развитія, какъ художника; съ другой—въ исторіи общаго развитія нѣмецкой гравюры на деревѣ; наконецъ, въ исторіи, такъ называемыхъ, «лицевыхъ Апокалипсисовъ», мы остановимся теперь со всѣми необходимыми подробностями на послѣдовательномъ разсмотрѣніи и описаніи всѣхъ, относящихся сюда, иллюстрацій Дюрера; на отношеніи композицій ихъ къ самому тексту Откровенія; на важнѣйшихъ апокалиптическихъ типахъ, выработанныхъ здѣсь художникомъ; на установленіи затѣмъ, путемъ сравненія серіи Дюрера съ болѣе ранними рукописными и ксилографическими иллюстраціями къ Апокалипсису, того своеобразнаго и новаго, что Дюреръ внесъ своею обширной работой въ развитіе лицевыхъ Апокалипсисовъ; наконецъ, на оцѣнѣ того художественнаго значенія, какое имѣла данная серія гравюръ сравнительно съ другими произведеніями великаго нѣмецкаго художника.

Картины, изображенныя на первыхъ двухъ листахъ серіи, являются какъ бы *введеніемъ* къ послѣдующему ряду гравюръ, иллюстрирующихъ уже самый текстъ Откровенія.

На заглавномъ листѣ ¹⁾, впервые получившемъ мѣсто лишь въ третьемъ изданіи серіи, представленъ св. Іоаннъ Богословъ между пресв. Богородицей, держащей младенца Христа, и огромнымъ орломъ.

¹⁾ См. у Bartsch № 60, Heller № 1652, Rettberg № 27.

Группа пресв. Богородицы съ младенцемъ Христомъ помещена на полумѣсяцѣ въ сіяніи славы: на головѣ Богоматери надѣта корона; вокругъ головы младенца—сіяющій нимбъ; прижимаясь къ груди своей матери, онъ смотритъ на сидящаго внизу ап. Іоанна. Этотъ послѣдній, изображенный здѣсь, вопреки обычному юношескому типу его, въ видѣ зрѣлаго бородатаго мужа, держитъ на колѣнахъ раскрытую книгу, на которую онъ положилъ правую руку съ перомъ, какъ будто готовясь писать; лицо его вдохновенно обращается вверхъ къ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ. Подлѣ Іоанна помѣстился его символическій орелъ.

Слѣдующая гравюра серіи, которою начинались оба первые изданія ея, воспроизводитъ сцену мученія св. апостола Іоанна Бослова ¹⁾. Слѣва на пышномъ тронѣ сидитъ императоръ Домиціанъ въ порфирѣ, со скипетромъ въ рукѣ и съ богатымъ восточнымъ уборомъ (вмѣсто короны) на головѣ; подлѣ него—два тѣлохранителя его, одинъ съ мечомъ, другой съ ключомъ въ рукахъ. Апостоль Іоаннъ, изображенный на этотъ разъ нагимъ безбородымъ юношей, представленъ сидящимъ, съ молитвенно сложенными руками и обращеннымъ кверху лицомъ, въ огромномъ котлѣ съ кипящимъ масломъ. Одинъ изъ мучителей льетъ ему кипящее масло на голову, тогда какъ другой, присѣвши подлѣ котла, раздуваетъ мѣхомъ костеръ, разложенный подъ котломъ. Обширная трибуна, передъ которой происходитъ сцена мученія, наполнена зрителями; на заднемъ планѣ видны городскія строенія.

Гравюра на третьемъ листѣ ²⁾ является иллюстраціей къ гл. I, 10—20. Апокалипсиса. — «Я былъ въ духѣ въ день воскресный и слышалъ позади себя громкій гласъ, какъ бы трубный, который говорилъ: Я есмь Альфа и Омега, первый и послѣдній; то что ты видишь, напиши въ книгу и пошли церквамъ, находящимся въ Азіи. Я обратился, чтобы увидѣть того, чей голосъ говорилъ со мною; и обратившись, увидѣлъ 7 золотыхъ свѣтильниковъ. И посреди 7 свѣ-

¹⁾ У Bartsch 61, Heller 1656, Rettberg 28.

²⁾ У В. № 62, Н. 1658, у Р. 29. См. нашъ рисунокъ № 15. Приводимъ здѣсь передъ каждымъ описаніемъ дальнѣйшихъ иллюстрацій извлеченія тѣхъ мѣстъ Апокалипсиса, иногда изъ различныхъ главъ его одновременно, которыя послужили матеріаломъ для воспроизведенія въ этихъ гравюрахъ, что представляется необходимымъ, въ интересахъ непосредственнаго сличенія текста съ художественнымъ воссозданіемъ его у Дюрера, нерѣдко весьма своеобразнымъ и любопытнымъ.

тильниковъ подобнаго Сыну человеческому, облеченнаго въ длинную одежду и опоясанаго золотымъ поясомъ. Глава его и власы—бѣлы, какъ бѣлая волна, какъ сѣбѣгъ; и очи его, какъ пламень огненный;

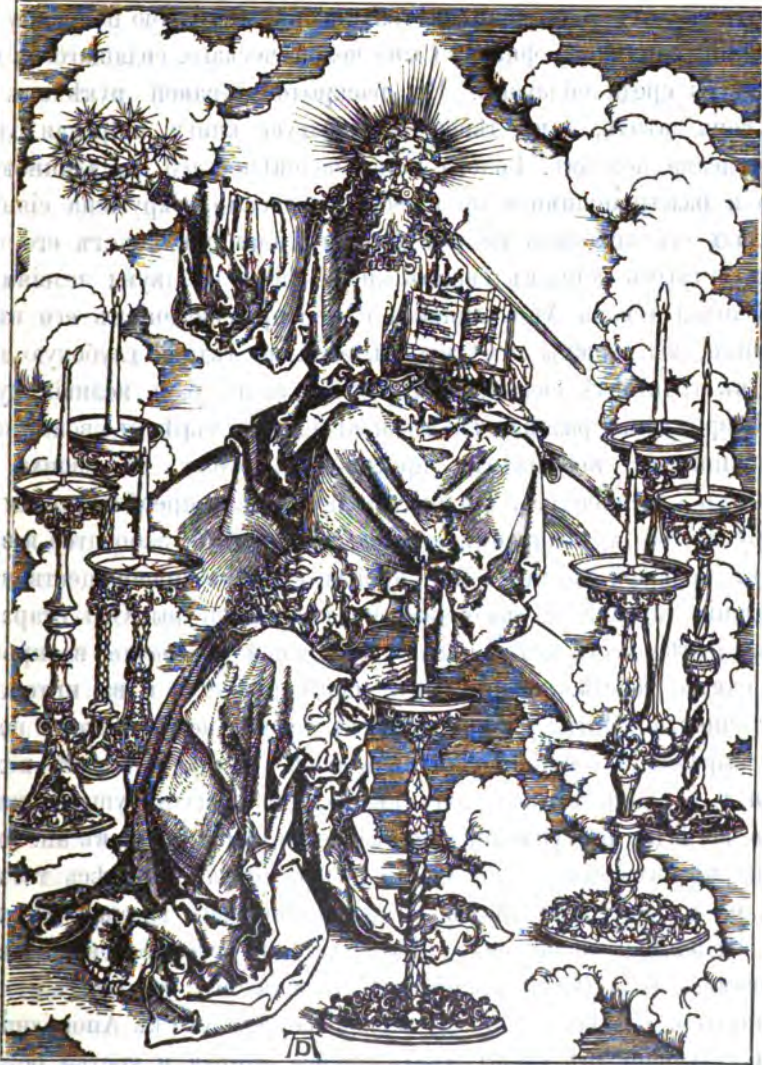


Рис. № 15.

и ноги его подобны халколивану, какъ раскаленные въ печи, и гласъ его, какъ шумъ водъ многихъ. Онъ держалъ въ правой рукѣ 7 звѣздъ, а изъ устъ его выходилъ острый о двухъ лезвiяхъ мечъ; и лицо его,

какъ солнце, сияющее въ силѣ своей. И когда я увидѣлъ его, то вѣлъ къ ногамъ его, какъ мертвый? ... Апостоль Юаннъ на гравюрь, въ длинной и широкой одеждѣ, стоитъ колѣнопреклоненный съ молитвенно сложенными руками и наклоненною головою среди размѣщенныхъ по обѣ стороны отъ него семи свѣтильниковъ. Верхнюю половину всей композиціи занимаетъ фигура Сына человѣческаго, сидящаго на двойной радугѣ среди облаковъ. Въ раскрытой правой рукѣ онъ держитъ семь звѣздъ, а въ лѣвой — открытую книгу; широкая одежда его оюясана поясомъ. Голова Сына человѣческаго, съ длинною бородою и разсыпавшимися по плечамъ волосами, окружена сѣніемъ; изъ глазъ его исходитъ по обѣ стороны пламя; изъ устъ его опускается, острымъ концомъ своимъ книзу, мечъ съ двумя лезвіями.

Сличая текстъ Апокалипсиса съ воспроизведеніемъ его въ иллюстраціи, мы должны отмѣтить въ этой послѣдней глубокую наивность въ трактовкѣ сюжета, которую на этотъ разъ великій художникъ Возрожденія раздѣляетъ въ значительной мѣрѣ съ своими предшественниками, не находя противовѣса этому въ своихъ собственныхъ стремленіяхъ. Не будучи по общему преобладающему характеру своему художникомъ *красоты*, Дюреръ не заботится и здѣсь, какъ въ большей части своихъ произведеній, о преимущественномъ соблюденіи таковой въ изображеніи главной фигуры. Онъ старается, видимо, болѣе всего остального о возможной *точности* воспроизведенія самаго текста, который онъ иллюстрируетъ, и въ интересахъ этой точности жертвуетъ красотой, въ буквальномъ смыслѣ воссоздавая выраженія текста, (пламя изъ очей, мечъ, изъ устъ исходящій, и т. д.), отъ котораго онъ не желаетъ дѣлать существенныхъ, на его взглядъ, отступленій. Что касается самыхъ типовъ ап. Юанна и Сына человѣческаго, то для перваго сохраненъ здѣсь тотъ же, что и на предыдущемъ листѣ, — типъ безбородаго юноши съ длинными вьющимися волосами; тогда какъ для втораго онъ подобенъ типу самого Бога-Отца, принятому художникомъ въ послѣдующихъ (см. листы 4, 9, 10, 12 и 14) иллюстраціяхъ его къ Апокалипсису.

Слѣдующія двѣ главы Апокалипсиса, вторая и третья, остались вовсе безъ иллюстрацій въ серіи, созданной Дюреромъ, видимо, потому что ихъ содержаніе онъ не считалъ достаточно подходящимъ матеріаломъ для художественнаго воспроизведенія.

Гравюра, помѣщенная на четвертомъ листѣ ¹⁾, представляетъ собою оборную иллюстрацію сценъ, описанныхъ въ гл. IV, 1—10 и гл. V, 1—7 Откровенія. — «Послѣ сего я взглянулъ: и се дверь отверста на небѣ, и прежній гласъ, который я слышалъ, сказалъ мнѣ: входи сюда и я покажу тебѣ, чему надлежитъ быть послѣ сего. И тотчасъ я былъ въ духѣ: и се престолъ стоялъ на небѣ и на престолѣ стоялъ Нѣкто. И сей сидѣвшій видомъ былъ подобенъ камню-яспису и сардису, и радуга вокругъ престола, подобная смарагду. И вокругъ престола 24 престола, а на нихъ 24 старца, которые облечены были въ бѣлыя одежды и имѣли на головахъ золотыя вѣнцы. И отъ престола исходили громы и молніи, и гласы, и 7 свѣтильниковъ огненныхъ горѣли передъ престоломъ. И передъ престоломъ море стеклянное, подобное кристаллу, и посреди престола и вокругъ 4 животныхъ, у которыхъ много очей спереди и сзади. И первое животное подобно льву, второе — подобно тельцу, и третье имѣло лицо, какъ человѣкъ, и четвертое подобно орлу летящему. И каждое имѣло по 6 крыльевъ вокругъ, а внутри они были полны очей... И когда животныя воздаютъ славу и честь, и благодареніе сидящему на престолѣ; тогда 24 старца падаютъ передъ сидящимъ на престолѣ и поклоняются живущему во вѣки и полагаютъ свои вѣнцы передъ престоломъ».... (гл. IV). «И видѣлъ я въ десницѣ сидящаго на престолѣ книгу, писанную внутри и извнѣ, и запечатанную 7 печатами. И видѣлъ ангела сильнаго, провозглашающаго громкимъ голосомъ: «кто достоинъ раскрыть сію книгу и снять печати съ нея?» И никто не могъ ни на небѣ, ни на землѣ, ни подъ землею раскрыть сію книгу, ни посмотрѣть въ нее. И много я плакалъ, что не нашлось никого, кто былъ бы достоинъ раскрыть и прочесть сію книгу. И одинъ изъ старцевъ сказалъ мнѣ: «не плачь; се Левъ отъ колѣна Іудина, корень Давидовъ, побѣдилъ и раскроетъ сію книгу и сниметъ 7 печатей съ нея». И я взглянулъ, и се посреди престола и четырехъ животныхъ и старцевъ стоялъ Агнецъ, какъ бы закланный, имѣющій 7 роговъ и 7 очей, кои суть 7 духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю. И онъ пришелъ, и взялъ книгу изъ десницы сидящаго на престолѣ».... (гл. V). Въ гравюрѣ, иллюстрирующей приведенныя части текста Откровенія, ясно разли-

¹⁾ У Bartsch 63, Heller 1660, Rettberg 30.

чаются двѣ половины. Всю нижнюю занимает разнохарактерный обширный пейзажъ съ деревьями, скалистыми холмами, широкими водными пространствами и разнообразными архитектурными сооружениями. Это—земля, надъ которою былъ, согласно тексту, вознесенъ Іоаннъ. Вся верхняя половина гравюры воспроизводитъ тѣ сцены, которыя описаны въ цитированныхъ отрывкахъ двухъ главъ Откровенія. Въ центрѣ всей этой многофигурной композиціи изображенъ Богъ-Отецъ на престолѣ, держащій на колѣнахъ книгу съ семью висящими печатами, на которую Агнецъ, имѣющій семь глазъ и семь роговъ, положилъ переднія ноги. Надъ престоломъ Бога-Отца горятъ семь свѣтильниковъ; подлѣ престола пошѣщаются левъ, орелъ, ангелъ и телецъ, каждый съ шестью крыльями и множествомъ глазъ, а ниже—летающій ангелъ, указывающій правой рукою на Агнца. Вокругъ двойной радуги, окружающей престолъ Бога-Отца, размѣстились 24 святыхъ старца, по 12 съ каждой стороны: одни изъ нихъ, съ вѣнцами на головахъ, сидятъ на малыхъ престолахъ; другіе протягиваютъ свои вѣнцы къ престолу Отца, преклоняясь передъ нимъ. Одинъ изъ старцевъ, имѣющій вѣнецъ на головѣ и одѣтый въ порфиру, обращается къ Іоанну, который стоитъ передъ нимъ въ облакахъ, колѣнопреклоненный и съ молитвенно сложенными руками. Отверстыя двери справа и слѣва, и облака, источающія свѣтъ, внизу — заключаютъ внѣшнимъ образомъ всю композицію.

Какъ видимъ, отношеніе композиціи къ тексту оказывается у Дюрера своеобразнымъ и достойнымъ вниманія. *Художникъ соединяетъ въ своей композиціи четыре отдѣльныхъ и притомъ, что особенно важно, одновременныхъ момента, описанныхъ въ текстѣ*: во-первыхъ, поклоненіе передъ сидящимъ на престолѣ Господомъ старцевъ, протягивающихъ ему свои вѣнцы, при славословіи четырехъ животныхъ; во-вторыхъ, призывъ летающаго ангела, приглашающаго раскрыть книгу съ семью печатами; въ третьихъ, обращеніе одного изъ старцевъ съ утѣшеніемъ къ Іоанну, плакавшему о томъ, что послѣ призыва ангела никто не могъ раскрыть книгу; и въ четвертыхъ, появленіе Агнца, раскрывающаго ее. Въ этомъ соединеніи въ одной композиціи разсматриваемаго листа, какъ и нѣсколькихъ другихъ въ данной серіи, цѣлаго ряда не только параллельно сосуществующихъ, но и послѣдовательно другъ за другомъ совершавшихся

сценъ, описанныхъ въ текстѣ, заключается, какъ увидимъ далѣе изъ сравнительнаго обзора лицевыхъ Апокалипсисовъ, одна изъ главнѣйшихъ особенностей иллюстрацій Дюрера, въ отличіе отъ простыхъ композицій въ большинствѣ иллюстрацій его предшественниковъ. И нельзя не замѣтить, что если композиція каждаго живописнаго произведенія должна быть, согласно основнымъ законамъ живописи, воспроизведеніемъ *единого* опредѣленнаго момента, придающаго внутреннее единство изображенію, то разсмотрѣнная сейчасъ композиція, подобно нѣсколькимъ другимъ въ этой серіи, должна быть признана *нарушающей такой основной принципъ изображенія живописнаго*, вторгаясь въ область описанія поэтическаго (и словеснаго вообще), важнѣйшею и притомъ совершенно выполнимой, при помощи слова, задачей котораго является, именно, воспроизведеніе послѣдовательныхъ моментовъ происходящаго.

На слѣдующемъ, пятомъ листѣ серіи ¹⁾ представлено *появленіе четырехъ апокалиптическихъ всадниковъ*, описанное въ гл. VI, 1—8 Апокалипсиса. «И видѣлъ я, что Агнець снялъ первую изъ семи печатей и услышалъ одно изъ четырехъ животныхъ, говорящее: поди и смотри. Я взглянулъ, и се конь бѣлый, и сидящій на немъ имѣлъ лукъ, и данъ былъ ему вѣнецъ. И когда онъ снялъ вторую печать, я слышалъ слова второго животнаго: поди и смотри. И выпелъ другой конь рыжій и сидящему на немъ дано взять миръ съ земли, чтобы избивали другъ друга, и данъ ему большой мечъ. И когда онъ снялъ третью печать, я слышалъ слова третьяго животнаго: поди и смотри. Я взглянулъ, и се конь вороной, и сидящій на немъ имѣлъ вѣсы въ рукѣ своей. И когда онъ снялъ четвертую печать, я слышалъ гласъ четвертаго животнаго: поди и смотри. И я взглянулъ, и се конь тощій, и сидящій на немъ, имя ему Смерть; и адъ слѣдовалъ за нимъ. И дана была ему власть надъ четвертою частью земли—умерщвлять мечомъ и голодомъ, и смертию, и звѣрями земными»... Четыре всадника, изображенныхъ въ гравюрѣ, скачутъ всѣ въ рядъ: одинъ съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ и въ шапкѣ, имѣющей сходство съ короной; другой — въ подобной же шапкѣ и съ большимъ мечомъ въ поднятой правой рукѣ; третій — съ непокрытою головою и съ вѣсами въ рукѣ; четвертый—полуобнаженный,

¹⁾ У Bartsch 64, Heller 1664, Rettberg 31. См. нашъ рисунокъ № 16.

подобный скелету, старикъ съ развѣвающимися волосами и бородой, съ трезубцемъ въ рукахъ; всѣ четверо съ силою мчатся впередъ и топчутъ своими конями падающихъ передъ ними мужчинъ и жен-



Рис. № 16.

щинъ. Въ лѣвомъ углу подлѣ четвертаго всадника страшное адское чудовище схватываетъ свою огромную пастью лежащаго подъ кономъ епископа. Вверху надъ всадниками среди облаковъ летитъ съ простертыми впередъ руками благословляющій ангель.

Въ общемъ, художникъ близко подходитъ здѣсь къ тексту въ изображеніи каждаго изъ четырехъ всадниковъ, различаясь отъ него самостоятельнымъ добавленіемъ фигуръ адскаго нудовища и благословляющаго ангела, въ которыхъ онъ желалъ, повидимому, представить символы погубляющей силы ада и спасающей евангельской благодати. По отношенію къ композиціи здѣсь должно быть отмѣчено такое же соединеніе разновременныхъ моментовъ, связанныхъ съ послѣдовательнымъ раскрытіемъ каждой изъ четырехъ печатей, какое указано было и относительно предыдущей гравюры. Фигура самого Іоанна въ картинѣ отсутствуетъ.

Далѣе слѣдуетъ листъ ⁴⁾ съ изображеніемъ сцены, описанныхъ въ гл. VI, 9—17 Апокалипсиса и связанныхъ съ *открытіемъ пятой и шестой печатей*.—И когда онъ снялъ пятую печать, я увидѣлъ подъ алтаремъ души убитыхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли. И возопили громкимъ голосомъ, говоря: доколь, Владыка, не судишь и не мстишь обитающимъ на землѣ за кровь нашу?.. И даны были имъ одежды бѣлыя и сказано имъ, чтобы они успокоились, пока и соудники ихъ, и братья, которые будутъ убиты, какъ и они, дополнять число ихъ. И когда онъ снялъ шестую печать, я взлеянулъ, и се сдѣлалось великое землетрясеніе, и солнце стало мрачно, какъ власяница, и луна сдѣлалась, какъ кровь. И звѣзды небесныя пали на землю, какъ смоковица, сильнымъ вѣтромъ потрясаемая, роняетъ незрѣлыя смоквы свои. И небо скрылось, свившись, какъ свитокъ, и всякая гора и островъ сдвинулись съ мѣстъ своихъ. И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысячевальники, и всякій рабъ и свободный скрылись въ пещеры и въ ущелія горъ. И сказали горамъ и камнямъ: падите на насъ и скройте насъ отъ лица сядящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца. Ибо пришелъ великій день гнѣва его, и кто можетъ устоять?..—Въ гравюрѣ, иллюстрирующей цитированныя мѣста текста, опять соединяются въ одну композицію разновременные моменты этого описанія. Вверху воспроизводятся сцены, послѣдующія за открытіемъ пятой печати: въ центрѣ помѣщается алтарь, подлѣ котораго стоятъ ангелы, раздающіе бѣлыя одежды пострадавшимъ за Слово Божіе; изъ этихъ послѣднихъ одни представлены лежащими ницъ передъ

⁴⁾ У Bartsch 65, Heller 1666, Rettberg 32.

алтаремъ; другіе стоятъ передъ алтаремъ, преклонивши колѣна, третьи получаютъ отъ ангеловъ мученическія одежды. Въ нижней части гравюры иллюстрируются сцены, слѣдовавшія за снятіемъ шестой печати. Изъ глубины неба, свившагося подобно свитку въ мягкой матеріи, сыплется масса пылающихъ звѣздъ; слѣва среди облаковъ видно солнце съ короткими лучами, имѣющее видъ человѣческой головы, окруженной развѣвающимися волосами и сіяніемъ; справа луна въ видѣ серпа съ человѣческимъ профилемъ и короткимъ сіяніемъ. Внизу на самой землѣ, среди сдвинувшихся съ своихъ мѣстъ и падающихъ скалъ, короли, епископы, вельможи, монахи, женщины, и т. д.—въ ужасѣ стараются укрыться отъ падающихъ на нихъ камней и звѣзднаго дождя.

Слѣдующая гравюра ¹⁾ является иллюстраціей къ гл. VII, 1—4 Откровенія.—«И послѣ сего я видѣлъ четырехъ ангеловъ, стоящихъ на четырехъ углахъ земли и держащихъ четыре вѣтра земли, чтобы не вѣялъ вѣтеръ ни на землю, ни на море, ни на дерево. И еще видѣлъ я иного ангела, выходящаго отъ востока, у котораго была печать Бога живого. Сей воскликнулъ громкимъ голосомъ къ четыремъ ангеламъ, которымъ дано было дѣлать вредъ землѣ и морю, говоря: не дѣлайте вреда ни морю, ни землѣ, ни деревьямъ, доколѣ не положимъ печати на челахъ рабовъ Бога нашего. И я слышалъ число запечатлѣнныхъ: 144,000 изъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ... Четыре вѣтра земли изображены въ гравюрѣ вверху среди облаковъ, въ видѣ четырехъ головъ, какъ бы испускающихъ струи вѣтра и обращенныхъ въ различныя стороны. Налѣво внизу помѣщаются четыре ангела съ мечами въ рукахъ и лицами, обращенными къверху по направленію къ вѣтрамъ. Направо внизу — большая группа запечатлѣнныхъ, изъ которыхъ одни уже имѣютъ печать на челѣ своемъ (прямой крестъ), тогда какъ другіе готовятся получить ее отъ стоящаго передъ ними съ сосудомъ въ рукѣ пятого ангела. Вверху среди облаковъ изображенъ еще одинъ летящій ангелъ съ большимъ крестомъ на плечахъ. Фигура самого Іоанна на этой гравюрѣ, какъ и на двухъ предыдущихъ, отсутствуетъ.

Содержаніемъ слѣдующаго, восьмого листа ²⁾ служатъ сцены,

¹⁾ У Bartsch 66, Heller 1668, R. 33.

²⁾ В. 67, Н. 1685, R. 34.

описанныя въ гл. VII, 9—17 Откровенія. — «Послѣ сего я взглянулъ, и се великое множество людей изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ, и народовъ, стояло передъ престоломъ и передъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ палмовыми вѣтвями въ рукахъ. И восклицали громкимъ голосомъ: спасеніе Богу, сидящему на престолѣ, и Агнцу. И всѣ ангелы стояли вокругъ престола и старцевъ, и четырехъ животныхъ, и пали передъ престоломъ на лица свои и поклонились Богу. И спросилъ одинъ изъ старцевъ, говоря мнѣ: сіи облеченные въ бѣлыя одежды, кто они и откуда пришли. И я сказалъ ему: ты это знаешь. И онъ сказалъ мнѣ: это тѣ, которые пришли, претерпѣвъ великія скорби; они измыли одежды свои и убѣлили ихъ кровію Агнца». — Въ картинѣ, иллюстрирующей текстъ, вверху представленъ Агнецъ, имѣющій 7 глазъ и 7 роговъ и окруженный сіяніемъ; подъ ногами его двойная радуга, а по обѣ стороны отъ него — четыре животныхъ со множествомъ глазъ и крыльевъ у каждого и большое число святыхъ старцевъ въ длинныхъ одеждахъ и съ вѣтвями на головахъ; одинъ изъ нихъ принимаетъ въ чашу кровь, которая льется струей изъ груди Агнца. Внизу всю среднюю часть композиціи занимаетъ группа претерпѣвшихъ за Слово Божіе, мучениковъ въ длинныхъ, опоясанныхъ накрестъ одеждахъ и съ палмовыми вѣтвями въ рукахъ. Ниже два ангела съ молитвенно сложенными, какъ и у старцевъ, руками и самъ Іоаннъ (въ видѣ безбородаго юноши съ вьющимися волосами и въ длинной одеждѣ) въ бесѣдѣ съ однимъ изъ старцевъ. Въ общемъ иллюстрація эта, какъ и на предыдущемъ листѣ, довольно близко слѣдуетъ за текстомъ самаго описанія.

Сцены, воспроизведенныя на слѣдующемъ (девятомъ) листѣ серіи¹⁾, описаны въ главахъ VIII, 2—13, и IX, 1—11, гдѣ изображаются разнообразныя бѣдствія, посланныя ангелами на землю. — «И видѣлъ я 7 ангеловъ, которые стояли передъ Богомъ, и дано имъ 7 трубъ. И пришелъ другой ангелъ и сталъ передъ жертвенникомъ, держа золотую кадильницу... И взялъ ангелъ кадильницу и наполнилъ ее огнемъ съ жертвенника, и повергъ на землю, и сдѣлались гласы и громы, и молніи, и землетрасенія. И 7 ангеловъ, имѣющихъ 7 трубъ, приготовились трубить. Первый вострубилъ, и сдѣлались градъ и огонь, смѣшанные съ

¹⁾ Bartsch 68, Heller 1671, Rattberg 85. См. рисунокъ № 17.

кровью, и пали на землю, и третья часть деревьев и вся трава сгорѣла. Второй ангелъ вострубилъ, и какъ бы большая гора, пи-



Рис. № 17.

лающая огнемъ, низверглась въ море, и третья часть моря сдѣлалась кровью. И умерла третья часть одушевленныхъ тварей, живу-

шихъ въ морѣ, и третья часть судовъ погибла. Третій ангелъ вострубилъ, и пала съ неба большая звѣзда, горящая подобно свѣтильнику, и пала на третью часть рѣкъ и источники водъ... Четвертый ангелъ вострубилъ, и поражена была третья часть солнца и луны, и звѣздъ, такъ что затмилась третья часть ихъ. И видѣлъ я и слышалъ, какъ одинъ ангелъ летѣлъ по небу и говорилъ: горе, горе живущимъ на землѣ отъ остальныхъ голосовъ трехъ трубныхъ ангеловъ, которые будутъ трубить. И пятый ангелъ вострубилъ, и я увидѣлъ звѣзду, падшую съ неба на землю, и данъ былъ ей ключъ отъ пропасти бездны. Она отворила пропасть и пошелъ дымъ, какъ изъ большой печи, и помрачилось солнце и воздухъ отъ дыма. Изъ дыма вышла саранча на землю и дана была ей власть, какую имѣютъ скорпионы. И саранча была подобна конямъ, приготовленнымъ на войну: на головахъ у нея были какъ бы вѣнцы золотые, лица же ея, какъ лица человѣческія, и волосы у ней, какъ у женщины, а зубы, какъ у львовъ. Царемъ же надъ собою имѣла она ангела бездны... Въ гравюрѣ на рассматриваемомъ листѣ художникъ, опять слѣдуя принятому имъ принципу, соединяетъ въ одну композицію всѣ одновременные моменты, описанные въ цитированныхъ сейчасъ отрывкахъ Откровенія. Въ срединѣ верхней половины композиціи за престоломъ представленъ сидящій Богъ-Отецъ съ лучистымъ сіяніемъ вокругъ головы; въ обѣихъ рукахъ его — длинныя трубы, которыя онъ вручаетъ двумъ ангеламъ, благоговѣнно принимающимъ ихъ. Остальные пять ангеловъ, уже получившіе трубы, изображены трубачами въ нихъ. Кромѣ этихъ семи ангеловъ трубныхъ за престоломъ передъ Богомъ-Отцомъ помѣщенъ еще одинъ ангелъ, держащій въ правой рукѣ кадильницу, а лѣвою бросающій внизъ огонь. Въ средней части композиціи представлены солнце и луна такъ же, какъ на шестомъ листѣ серіи; а вмѣсто ангела, возглашающаго: «горе живущимъ на землѣ» и т. д., изображенъ летящій орелъ, подлѣ клюва котораго начертаны слова: «we, ve, ve!»¹⁾). Нижняя часть композиціи изображаетъ землю и море, на которыя обрушиваются различныя бѣдствія, слѣдующія за трубными

¹⁾ Орелъ вмѣсто ангела, упоминаемаго въ текстѣ русскаго перевода Апокалипсиса, представленъ здѣсь согласно тексту Вулгаты: „et vidi, et audivi vocem unius aquilae volantis per medium coeli“...

возгласами ангеловъ. Налѣво вдаль виденъ городъ плающій; правѣе—«какъ бы гора большая, плающая огнемъ» и низвергаемая въ море какими-то чудовищными руками, а на морѣ подлѣ нея нѣсколько погибающихъ кораблей. Въ лѣвомъ углу какъ бы колодець, въ который падаетъ съ неба огромная звѣзда. На правой сторонѣ—ландшафтъ съ виднѣющимся среди холмовъ городомъ, на который сверху изъ облаковъ падаетъ множество саранчи, имѣющей однако не тотъ чудовищный видъ, который даетъ описаніе текста, а обычный видъ саранчи. Ангель бездны, упомянутой въ текстѣ, вовсе опущенъ.

Гравюра, помѣщенная на десятомъ листѣ ⁴⁾, показываетъ намъ сцену *освобожденія четырехъ ангеловъ*, описанную въ гл. IX, 13—21 Откровенія.—«Шестой ангель вострубилъ и я услышалъ гласъ отъ четырехъ роговъ златого жертвенника, который передъ Богомъ, говорившій шестому ангелу, имѣвшему трубу: освободи четырехъ ангеловъ, связанныхъ при великой рѣкѣ Евфратѣ. И освобождены были четыре ангела, приготовленные на часъ, и день, и мѣсяць, и годъ для того, чтобы умертвить третью часть всѣхъ людей. Число коннаго войска было двѣ тѣмы темъ, и я слышала число онаго. Такъ видѣлъ я въ видѣніи коней и всадниковъ ихъ: они имѣли на себѣ латы огненные, гіацинтовыя и сѣрнаго цвѣта; и головы у коней, какъ у львовъ, и изъ рта выходилъ огонь, дымъ и сѣра. Отъ сихъ трехъ язвъ: отъ огня, отъ дыма и сѣры, исходящихъ изъ рта ихъ, умерла треть людей. Поелику сила ихъ была во рту ихъ и въ хвостахъ, ибо хвосты ихъ были подобны змѣямъ и имѣли головы, и ими вредили».—Въ верхней части гравюры въ центрѣ представленъ престоль съ головами дующихъ вѣтровъ по четыремъ угламъ его; а за престоломъ въ сіяніи тройной радуги Богъ-Отець, держащій въ рукахъ четыре трубы. Слева отъ него въ облакахъ летитъ ангель съ молитвенно сложенными руками; справа подлѣ престола стоитъ на свившихся облакахъ трубачій ангель, а ниже престола среди облаковъ представлены всадники, скачущіе на животныхъ, имѣющихъ головы львовъ, изрыгающихъ пламя и дымъ, и хвосты скорпіоновъ. Внизу на землѣ четыре освобожденные ангела съ страшною силою рубятъ своими мечами толпу изъ пѣшихъ и конныхъ: королей, епис-

⁴⁾ У Bartsch 69, Heller 1673, Rettberg 36. См. рисунокъ № 18.

коповъ, воиновъ, мужчинъ и женщинъ, падающихъ передъ натискомъ ихъ.

Гравюра на слѣдующемъ, одиннадцатомъ листѣ ¹⁾ изображаетъ



Рис. № 18.

самого св. ап. Иоанна, поглощающаго книгу, данную ему ангеломъ, согласно описанію, имѣющемуся въ гл. X, 1—10, Откровенія.—И

¹⁾ У Bartsch 70, Heller 1675, Rettberg 37.

видѣлъ я другого ангела сильного, сходящаго съ неба, окруженнаго облакомъ; надъ головою его была радуга и лицо его, какъ солнце, и ноги его, какъ столпы огненные. Въ рукѣ у него была книжка раскрытая, и поставилъ онъ правую ногу свою на море, а лѣвую на землю, и воскликнулъ громкимъ голосомъ, какъ рыкаетъ левъ. И ангель, который стоялъ на морѣ и на землѣ, поднялъ руку свою къ небу и клялся живущимъ во вѣки вѣковъ, который сотворилъ небо, и землю, и море. И гласъ, который я слышалъ ранѣе съ неба, опять сталъ говорить со мною и сказалъ: поди, возьми раскрытую книгу изъ рукъ ангела, стоящаго на морѣ и на землѣ. И я пошелъ къ нему и сказалъ ему: дай мнѣ книгу. Онъ сказалъ мнѣ: возьми и съѣшь ее; она будетъ горька для чрева твоего, но въ устахъ твоихъ будетъ сладка, какъ медъ. И взялъ я книгу отъ ангела и съѣлъ ее; и въ устахъ моихъ она была сладка, какъ медъ; когда же я съѣлъ ее, то стало горько во чревѣ моемъ». Въ центрѣ гравюры изображенъ «ангелъ сильный, сходящій съ неба и окруженный облакомъ» такимъ образомъ, что это облако скрываетъ все его туловище. Видны только голова ангела, окруженная радугой, какъ нимбомъ, и лучистымъ сіяніемъ; далѣе правая рука, указывающая вверхъ на стоящій престолъ, вокругъ котораго помѣстились четыре малыхъ фигуры молящихся ангеловъ; лѣвая рука, протягивающая Іоанну раскрытую книгу; и наконецъ, огромныя ноги въ видѣ колоннъ съ пылающими верхними частями ихъ и съ базами, опирающимися у одной на море, у другой — на скалы острова (Патмоса). Самъ Іоаннъ, принимающій отъ ангела книгу, въ буквальный согласіи съ текстомъ, беретъ конецъ ея въ ротъ, чтобы ѣсть. Направоверху летящій ангелъ указываетъ рукою по направленію къ книгѣ. Почва острова Патмоса покрыта высокими деревьями и травою; на морѣ видны корабли; подлѣ Іоанна на землѣ лежитъ другая раскрытая книга, чернильница и принадлежности для письма. Какъ видимъ, наивный способъ трактовки сюжета, состоящій въ буквальномъ слѣдованіи художника за текстомъ самаго описанія, заставляетъ его и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, отчасти подъ влияніемъ образцовъ болѣе ранняго времени, жертвовать красотой ради соблюденія точности въ воспроизведеніи матеріала, даннаго текстомъ.

Глава одиннадцатая Откровенія, подобно главамъ второй и

третьей, содержаніе которыхъ въ другихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ воспроизводится въ цѣломъ рядѣ иллюстрацій, оставлена Дюреромъ безъ воспроизведенія въ рассматриваемой серіи.

Гравюра двѣнадцатаго листа ¹⁾ показываетъ намъ *жену, облеченную въ солнце, и семиглаваго дракона*, какъ они описаны въ гл. XII, 1—5 Откровенія. — «И явилось на небѣ великое знаменье. Жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна и на головѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Она была чревата, кричала отъ боли и мучилась родами. И другое знаменье явилось на небѣ. Се большой красный драконъ, съ 7 головами и 10 рогами, и на головахъ его 7 діадемъ. Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она сына, которому надлежало пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ; и взято было дитя ея къ Богу и престолу Его». — Въ гравюрѣ «жена, облеченная въ солнце», представлена въ видѣ крылатой женщины, стоящей съ молитвенно сложенными руками на полумѣсяцѣ, въ длинной одеждѣ и окруженной широкимъ лучистымъ сіяніемъ, подобнымъ солнечному; на головѣ ея надѣто поверхъ длинныхъ, рассыпавшихся по плечамъ волосъ покрывало, а сверхъ него корона изъ 12 звѣздъ. Направо отъ нея семиглавый драконъ, имѣющій на своихъ головахъ 10 роговъ и 7 королей; изъ пасти одной головы изрыгаетъ онъ пламя; длинный хвостъ его, простирающійся до самаго неба, увлекаетъ за собою множество звѣздъ. Младенца, родившагося отъ жены, два маленькихъ ангела уносятъ на покрывалѣ къ Богу-Отцу, сидящему въ облакахъ; слѣва вверху летитъ еще одинъ ангелъ, поклоняющійся младенцу. Иллюстрація такимъ образомъ близко подходитъ къ самому тексту. Что касается крыльевъ, которыя художникъ придалъ «женѣ, облеченной въ солнце», то о нихъ упоминается ниже въ той же главѣ XII, ст. 14, гдѣ сказано: «и были даны женѣ два крыла большого орла, чтобы она летѣла въ пустыню», что художникъ воспроизвелъ въ гравюрѣ съ буквальною точностью.

Слѣдующая гравюра, изображающая *сраженіе Михаила и ангеловъ его съ дракономъ* ²⁾, является иллюстраціей къ гл. XII, 7—9

¹⁾ У Bartsch 71, Heller 1678, Rettberg 38.

²⁾ У Bartsch 72, Heller 1681, Rettberg 39.

Откровения.—«И сдѣлалась на небѣ война: Михаилъ и ангелы его воевали противъ дракона, и драконъ и ангелы его воевали съ ними. Но не устояли и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ; и низверженъ большой драконъ, древній змій, который называется диаволъ и сатана; обольститель вселенной низверженъ на землю и ангелы его низвержены съ нимъ».—Верхнюю большую часть листа занимаетъ изображеніе борьбы архангела Михаила и его ангеловъ съ дракономъ и помощниками его. Самъ архангелъ вонзилъ свое длинное копье въ горло дракона и попираетъ его ногами; три другихъ ангела, изъ которыхъ два вооружены мечами и щитами, а третій лукомъ и стрѣлами, сражаются съ чудовищами, помогающими дракону. Всю нижнюю часть листа занимаетъ обширный пейзажъ, гдѣ можно различить заливъ съ кораблями, городъ, холмы, деревья, и т. д.

Сборная иллюстрація на *четырнадцатомъ* листѣ серіи ¹⁾, воспроизводитъ части текста Откровения, заключающіяся въ главахъ XIII и XIV, и притомъ такъ, что не только соединены въ одно цѣлое различные послѣдовательные моменты, описанные здѣсь, но опущены вовсе нѣкоторые изъ нихъ, существенно важные въ общемъ описаніи. Вотъ тѣ мѣста текста обѣихъ указанныхъ главъ Откровения, которыя, по тѣсной ихъ связи другъ съ другомъ, должны были найти себѣ воспроизведеніе въ иллюстраціи Дюрера.—(XIII, 1). «Я стоялъ на пескѣ морскомъ и видѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ 7 головами и 10 рогами, а на рогахъ его было 10 діадемъ и на головахъ имена богохульныя. (2) Звѣрь, котораго я видѣлъ, былъ подобенъ барсу; ноги у него, какъ у медвѣдя, а пасть, какъ у льва; и далъ ему драконъ силу свою и престолъ свой, и великую власть. (3) И видѣлъ я, что одна изъ головъ его была смертельно ранена; но сія рана исцѣлилась и вся земля дивилась и послѣдовала звѣрю, говоря: кто подобенъ звѣрю сему? кто можетъ сразиться съ нимъ?... (11) И видѣлъ я другого звѣря, выходящаго изъ земли: онъ имѣлъ два рога, подобныя рогамъ агнца, и говорилъ, какъ драконъ. (12) Онъ дѣйствуетъ передъ нимъ со всею властію перваго звѣря и заставляетъ всю землю и живущихъ на ней поклониться первому звѣрю»... (XIV, 1) «И взглянулъ я, и се Агнецъ стоитъ на горѣ Сионѣ и съ нимъ 144 тысячи, у коихъ имя Отца его начертано на челахъ.

¹⁾ У В. 74 Н. 1683, R. 40.

(2) И слышалъ я гласъ съ неба, какъ бы шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ грома; и слышалъ я гласъ играющихъ на гуслихъ своихъ. (3) Они поютъ какъ бы новую цѣснь передъ престоломъ и 4 животными и старцами; и никто не могъ научиться той пѣсни, кромѣ сихъ 144 тысячъ искушенныхъ съ земли. (6) И видѣлъ я другого ангела, летящаго по небу, который имѣлъ вѣчное евангеліе чтобы благовѣствовать живущимъ на землѣ. (8) И другой ангелъ слѣдовалъ за нимъ, говоря: палъ, палъ Вавилонъ, великій городъ, потому что яростнымъ виномъ блуда своего напоилъ всѣ народы. (9) И третій ангелъ слѣдовалъ за ними, говоря громкимъ голосомъ: если кто поклоняется звѣрю и образу его и приеѣмлетъ начертаніе его на чело свое или руку, (10) то тотъ будетъ пить вино ярости Божіей, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его... (14) И взглянулъ я, и се свѣтлое облако, и на облакѣ сидитъ подобный Сыну человѣческому. На головѣ его золотой вѣнецъ и въ рукѣ его золотой серпъ. (15) И иной ангелъ вышелъ изъ храма и воскликнулъ громкимъ голосомъ сидящему на облакѣ: пусти серпъ твой и жни, потому что пришло время жатвы. (16) И повергъ сидящій на облакѣ серпъ свой на землю, и земля была пожата.—Въ нижней части гравюры мы видимъ большого семиглаваго звѣря, выходящаго изъ моря: всѣ головы его, имѣющія по одному и по два рога, украшены коронами; пасти ихъ подобны львинымъ, а ноги подобны ногамъ медвѣдя; одна изъ головъ, смертельно раненая, упала назадъ, тогда какъ всѣ остальные поднимаются кверху. Слева подлѣ этого звѣря изображенъ другой звѣрь, похожій на льва, но съ рогами агнца. Толпа народа, расположенная внизу картины въ видѣ двухъ группъ, упавши на колѣна, поклоняется обоимъ звѣрямъ. Въ верхней части композиціи представленъ сидящій среди облаковъ «подобный Сыну человѣческому» въ роскошной съ узорами мантии, съ золотой короной на головѣ и съ серпомъ въ правой рукѣ. Направо отъ него два летящихъ ангела,—одинъ съ крестомъ и мечомъ, другой съ серпомъ; налево—два другіе ангела въ позахъ молящихся. Такимъ образомъ, въ рассматриваемой гравюрѣ соединенъ цѣлый рядъ разновременныхъ моментовъ, описанныхъ въ приведенныхъ отрывкахъ, а именно: поклоненіе народовъ земныхъ обоимъ звѣрямъ; явленіе ангеловъ, летящихъ по небу, и «явленіе подобнаго Сыну человѣческому» на облакѣ. Въ то же самое время однако въ ней вовсе опущенъ одинъ

изъ моментовъ посредствующихъ, описанныхъ въ текстѣ, какъ промежуточный между моментами, нашедшими для себя воспроизведеніе въ композиціи Дюрера, именно, сцена поклоненія Агнцу запечатлѣнныхъ избранниковъ. Можно думать, что причиною этого опущенія послужила не столько невозможность изобразить всю массу запечатлѣнныхъ, число которыхъ указано 144 тысячи, ибо на седьмомъ листѣ серіи художникъ, изображая тѣхъ же запечатлѣнныхъ, искусно умѣлъ обойти это препятствіе, сколько неизбежность запутать всю эту многофигурную, но ясную теперь композицію введеніемъ еще одной многофигурной группы съ аналогичнымъ сюжетомъ поклоненія. Отступленія отъ текста сдѣланы кромѣ того и въ характеристикѣ ангеловъ атрибутами, при чемъ вмѣсто упомянутого въ текстѣ евангелія у одного изъ ангеловъ, Дюреръ надѣляетъ одного изъ нихъ крестомъ и мечомъ, другого—серпомъ.

Дальнѣйшія двѣ главы Откровенія (XV и XVI) опять не имѣютъ для себя иллюстрацій въ серіи, созданной Дюреромъ, хотя содержаніе ихъ неоднократно находило себѣ воспроизведеніе въ другихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ.

Гравюра, помѣщенная на слѣдующемъ, пятнадцатомъ листѣ¹⁾, представляетъ собою опять большую сборную иллюстрацію къ тексту Апокалипсиса, именно, къ главамъ XVII, XVIII и XIX, при чемъ и здѣсь, какъ на предыдущемъ листѣ, не только соединены въ одно цѣлое разновременные моменты, описанные въ названныхъ главахъ, но и опущены нѣкоторые изъ промежуточныхъ сценъ, которые хотя по мѣсту и времени и представлены въ описаніи текста, какъ находящіяся между сценами, воспроизведенными въ гравюрѣ, тѣмъ не менѣе исключены художникомъ изъ композиціи, какъ неудобныя по тѣмъ или инымъ причинамъ.

Такимъ образомъ, нашли для себя воспроизведеніе въ гравюрѣ только слѣдующія части описанія, имѣющія мѣсто въ текстѣ Откровенія. Гл. XVII, 3—6. «И повелъ меня ангель въ духѣ въ пустыню; и я увидѣлъ жену, сидящую на звѣрѣ багряномъ, пренепомысленномъ именами богохульными, съ 7 головами и 10 рогамъ. И жена облечена была въ порфиру и багряницу, украшена золотомъ и драгоценными каменьями и жемчугомъ, и держала золотую чашу въ

¹⁾ У Bartsch 73, Heller 1687, Rettberg 41.

рукъ, наполненную мерзостями и нечистотами блудодѣянiя своего. И на челѣ ея написано имя: тайна! Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ. Я видѣлъ, что жена была упоена кровью святыхъ и свидѣтелей Иисусовыхъ и, видя ее, весьма дивился».—Гл. XVIII, 1. «Послѣ сего я увидѣлъ много ангела, сходящаго съ неба и имѣющаго власть великую. (2) Земля освѣтилась отъ славы его; и воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ: палъ, палъ Вавилонъ, великая блудница, и сдѣлался жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу. (8) И въ одинъ день постигнуть ее язвы, смерть и плачь, и голодъ, и огонь сожжена будетъ. (9) И восплачутъ, и возрыдають о ней цари земныя, блудодѣйствовавшiе съ нею, когда увидятъ дымъ отъ пожара ея. (11) И купцы земныя восплачутъ и возрыдають о ней, потому что товаровъ ихъ никто не покупаетъ. (17) И всѣ кормящiе, и всѣ плавающiе на корабляхъ, и всѣ служащiе на нихъ, и всѣ торгующiе на морѣ стали вдали. (18) И увидѣвъ дымъ отъ пожара ея, возопили, говоря: какой городъ подобенъ городу великому? (19) И посыпали пепломъ головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебѣ, городъ великій! (21) И взялъ одинъ сильный ангелъ камень, какъ жерновъ большой, и повергъ его въ море, говоря: съ такимъ стремленiемъ поверженъ будетъ Вавилонъ, великій городъ, и уже не будетъ его».—Гл. XIX, 11—15. «И увидѣлъ я отверстое небо, и се конь бѣлый и сидящiй на немъ называется Вѣрный и Истинный, который правдиво судитъ и воинствуетъ. Очи у него, какъ бы пламень огненный, и на головахъ его много диадемъ. И имя было написано, котораго никто не знаетъ, кромѣ Его Самого. Онъ былъ облеченъ въ одежду, обогрѣнную кровью. Имя Ему: Слово Божiе. И воинства небесныя послѣдовали за нимъ на воиныхъ бѣлыхъ, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый. Изъ устъ же Его исходитъ острый мечъ, дабы имъ поразить народы. Онъ пасетъ ихъ жезломъ желѣзнымъ; Онъ толчетъ точило вина ярости и гнѣва Вседержителя».—Всѣ сцены описанныя въ приведенныхъ сейчасъ отрывкахъ текста трехъ главъ, съ опущенiемъ промежуточныхъ, воспроизведены на рассматриваемомъ листѣ сери. Различая въ своемъ изображенiи «великую блудницу» отъ Вавилона, олицетворенiемъ котораго она является въ текстѣ Откровенiя, Дюреръ представилъ направо внизу «великую блудницу» въ видѣ молодой женщиной въ роскошномъ платьѣ, открывающемъ руки

и грудь, украшенной браслетами, ожерельем и диадемою и сидящей на семиглавомъ и десятирогомъ «звѣрѣ багряномъ»; въ правой, поднятой вверхъ рукѣ она держитъ большую чашу. Выше на второмъ планѣ виденъ пылающій городъ, самый Вавилонъ, и пламя отъ пожара его простирается до самаго неба. Слева внизу стоитъ толпа людей разнообразныхъ возрастовъ и состояній, среди которыхъ на первыхъ мѣстахъ видны монахъ и группа купцовъ, взирающихъ на пожаръ. Вверху среди облаковъ изображены два летящіе ангела, изъ которыхъ одинъ простертыми впередъ руками указываетъ на пылающій городъ, тогда какъ другой, держащій огромный камень въ видѣ жернова, намѣревается бросить его на море, виднѣющееся внизу. Въ той же верхней половинѣ картины среди «отверстаго неба» представленъ скачущій на конѣ всадникъ, сопровождаемый многочисленнымъ его воинствомъ. Достоинъ замѣчанія, что на этотъ разъ въ изображеніи всадника художникъ отступилъ отъ обычнаго у него въ этихъ иллюстраціяхъ буквальнаго слѣдованія за текстомъ и внесъ необходимыя въ интересахъ живописной красоты измѣненія. Глаза всадника въ его изображеніи на этомъ листѣ не источаютъ пламени; на головѣ его нѣтъ множества диадемъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, а надѣтъ простой рыцарскій шлемъ; острый мечъ не исходитъ изъ устъ его; но находится въ рукахъ его, и т. д. Художникъ ясно показалъ на этомъ примѣрѣ, какъ можно и должно обходить тѣ подробности словеснаго описанія, которыя въ буквальномъ воспроизведеніи дають антихудожественное впечатлѣніе, рѣзко нарушая принципы красоты живописной. И для зрителя, сличающаго два живописныхъ изображенія, возсоздающія однѣ и тѣ же подробности текста столь различными способами (на листахъ третьемъ и пятнадцатомъ), очевиднымъ становится, насколько выгодны и желательны въ художественномъ отношеніи такія отступленія отъ текста во всѣхъ, подобныхъ данному, случаяхъ.

На послѣднемъ, шестнадцатомъ листѣ серіи ¹⁾ мы видимъ опять сложную сборную иллюстрацію сценъ, описанныхъ въ трехъ главахъ Откровенія (XX, XXI и XXII), съ опущеніемъ и здѣсь, какъ въ указанныхъ ранѣе случаяхъ, нѣсколькихъ промежуточныхъ сценъ. Въ гравюрѣ, такимъ образомъ, иллюстрированы только слѣдующія

¹⁾ У Bartsch 75, Heller 1689, Rettberg 42. См. рисунокъ № 19.

части текста трехъ упомянутыхъ главъ.—Гл. XX, 1—3. «И увидѣль я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключъ отъ бездны и имѣлъ большую цѣпь въ рукѣ своей. Онъ взялъ дракона, змія древняго, который есть діаволь и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ. И низвергъ его въ бездну, и заперъ его, и приложилъ печать, дабы не прельщаль уже народы, доколѣ не окончится тысяча лѣтъ; послѣ же того ему должно быть освобождену на малое время».—Гл. XXI, 9—14 и 22—23. «И пришелъ ко мнѣ одинъ изъ семи ангеловъ, у которыхъ было семь чапъ, наполненныхъ семью послѣдними язвами, и сказалъ мнѣ: поди, я покажу тебѣ невѣсту, жену Агнца. И восхитилъ меня въ духѣ на высокую гору и показалъ мнѣ великій городъ, святой Іерусалимъ, который нисходитъ съ неба отъ Бога. Онъ имѣетъ славу Божию; свѣтъ его подобенъ драгоцѣнному камню, какъ бы яспису. Онъ имѣетъ большую и высокую стѣну, имѣетъ 12 воротъ и на нихъ 12 ангеловъ; а на воротахъ написаны имена 12 колѣнъ сыновъ Израилевыхъ. Съ востока трое воротъ, съ сѣвера трое воротъ, съ запада трое воротъ, съ юга трое воротъ. Стѣна города имѣетъ 12 основаній и на нихъ имена 12 апостоловъ Агнца. Храма же я не видѣлъ въ немъ, ибо Господь Богъ Вседержитель — храмъ его и Агнецъ. И городъ не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего, ибо слава Божія освѣщала его и свѣтильникъ его—Агнецъ».—Гл. XXII, 1—2. «И показалъ онъ мнѣ чистую рѣку воды жизни, свѣтлую, какъ кристаллъ, текущую отъ Бога и Агнца. Среди улицы его и по обѣимъ сторонамъ рѣки древо жизни, 12 разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой, и листья дерева для исцѣленія народовъ».—Направо внизу въ гравюрѣ представленъ стоящій на землѣ ангелъ, въ длинной одеждѣ и съ длинными вьющимися волосами, который держитъ въ правой рукѣ огромный ключъ съ цѣлою связкой висящихъ на немъ малыхъ ключей; въ лѣвой рукѣ его цѣпь, которою связанъ «драконъ, который есть діаволь и сатана»,—огромное чудовище, уже погружающееся въ бездну, куда его низвергаетъ ангелъ. Направо вверху является вновь фигура самого Іоанна, которому другой ангелъ показываетъ на расположенный вдали большой городъ, святой Іерусалимъ. Городъ имѣетъ съ каждой стороны по трое воротъ, и изъ каждыхъ воротъ выходитъ по ангелу; согласно тексту, въ городѣ этомъ, окруженномъ стѣнами, видны только

дома и башни, но храмы отсутствуют, а на небе над этим городом нет ни луны, ни солнца. Гора, на которой стоит Иоанн вместе с ангелом, отделяется от города широкой рёкою, на бе-



Рис. № 19.

реку которой растёт дерево жизни, «дающее на каждый месяц плод свой», а также кусты и иные деревья; вверху над городом летит стая птиц.

Такова эта длинная серия гравюр на деревѣ, иллюстрирующая текстъ Апокалипсиса въ его наиболее важныхъ моментахъ, и таково отношеніе разсмотрѣнныхъ иллюстрацій къ соответствующимъ мѣстамъ самаго текста, для которыхъ онѣ являлись художественнымъ воспроизведеніемъ.

Насколько же самостоятельнымъ, оригинальнымъ оказывался Дюреръ въ этихъ своихъ иллюстраціяхъ и какъ велика была зависимость его въ данныхъ работахъ отъ образцовъ болѣе ранняго времени, создававшихся въ различные эпохи предшественниками его въ этой области? Отвѣтить на эти вопросы возможно, повидимому, съ достаточною опредѣленностью, сравнивши Апокалипсисъ Дюрера съ тѣми *рукописными* и *ксилографическими* изданіями лицевыхъ Апокалипсисовъ раже 1498 года, которыя являлись наиболее распространенными въ Западной Европѣ редакціями апокалиптическихъ иллюстрацій и которыя показываютъ достаточно ясно преобладающій ихъ характеръ и основные принципы, руководившіе создателями такихъ иллюстрацій. Мы ограничимся здѣсь по необходимости для сравненія только нѣсколькими важнѣйшими изъ этихъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, рукописныхъ и ксилографическихъ, а именно изъ рукописныхъ: Бамбергскимъ X вѣка, Альтамировскимъ XII вѣка, Англосаксонскимъ XII вѣка (и сходной редакціи Инкунабулами XV вѣка) и Пражскимъ XIV вѣка; а изъ ксилографическихъ — Апокалипсисомъ, имѣющимся въ Библии, изданной извѣстнымъ Кобургеромъ въ 1483 году въ Нюренбергѣ¹⁾. Иллюстраціи къ Апокалипсису, находящіяся въ перечисленныхъ изданіяхъ, дадутъ опредѣленный матеріалъ для сужденій о томъ, какъ трактовались апокалиптическіе сюжеты въ Западной Европѣ на протяжении цѣлыхъ столѣтій до появленія Дюрерова Апокалипсиса и насколько велико было различіе и сходство между первыми и этимъ послѣднимъ.

Имѣя въ виду поставленныя нами задачи, мы представляемъ здѣсь лишь кратко результаты сравнительнаго анализа, полу-

¹⁾ Подробному изслѣдованію рукописныхъ лицевыхъ Апокалипсисовъ, какъ западныхъ, такъ особенно и восточныхъ (послѣднихъ отъ 16 вѣка до 19 включительно) посвященъ замѣчательный трудъ покойнаго *Ф. И. Буслаева*: „Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI по XIX вѣвъ“, напечат. въ Изданіяхъ Общества древней письменности, томъ 82. Разсмотрѣнію западныхъ редакцій посвящена въ этомъ огромномъ трудѣ четвертая глава обширнаго введенія, страницы 76—139.

чающіеся путемъ параллельнаго сопоставленія каждаго листа серии Дюрерова Апокалипсиса съ соотвѣтствующими по содержанию картинамъ прежде всего перечисленныхъ *рукописныхъ* лицевыхъ Апокалипсисовъ ¹⁾, каковое сопоставленіе раскрываетъ намъ по отношенію къ отдѣльнымъ иллюстраціямъ столько же въ ихъ композиціяхъ, какъ и важнѣйшихъ типахъ, нижеслѣдующія характерныя особенности.

Въ то время, какъ въ серии гравюръ, созданныхъ Дюреромъ, сценамъ, иллюстрирующимъ собственно текстъ Откровенія, предшествуютъ заглавный листъ вышеописаннаго содержанія и листъ съ изображеніемъ мученія св. Іоанна Богослова, въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ этой же сценѣ предшествуетъ миниатюра съ изображеніемъ Іоанна, принимающаго книгу отъ Іисуса Христа, сидящаго въ небесахъ; въ Альтамировскомъ—*три* миниатюры, изъ которыхъ въ одной изображенъ стоящій подъ аркою ангелъ съ листомъ пергамента въ рукахъ; на другой—Господь Саваоѣ, являющійся ап. Іоанну, имѣющему подлѣ себя ангела и ученика своего Прохора; на третьей—Іисусъ Христосъ, окруженный херувимами и являющійся Іоанну, который стоитъ здѣсь въ группѣ изъ семи человѣкъ. Въ Англосаксонскомъ Апокалипсисѣ иллюстраціямъ къ тексту предшествуютъ *четыре* миниатюры со сценами изъ житія св. ап. Іоанна. (другія пять миниатюръ, относящихся къ житію того же апостола, помѣщены послѣ апокалиптическихъ иллюстрацій).

На миниатюрахъ, иллюстрирующихъ *видѣніе Іоанномъ семи сътлмъниковъ*, въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ безбородый Христосъ (въ отличіе отъ типа въ гравюрѣ Дюрера) держитъ мечъ устами не за рукоятку его, а по срединѣ; въ Англосаксонскомъ подлѣ Христа

¹⁾ См. а) рукопись Бамбергской королевской бібліотеки, съ слѣдующимъ заглавіемъ на бібліотечномъ ярлыкѣ: „eine Apokalypse mit beigeundenem Evangelistarium aus dem X Jahrhundert, ganz entschieden deutschen Ursprungs“; б) рукопись XII вѣка прежде находившаяся въ бібліотекѣ графа Алтампра, потомъ у А. Ф. Дидо; во каталогу Альтамировской бібліотеки рукопись озаглавлена: „Commentaire sur l'Apocalypse en latin... suivi d'un commentaire sur les prophéties de Daniel. Manuscrit du XII siècle, grand et fort. veau“; в) лондонское воспроизведеніе манускрипта XII вѣка (Англосаксонскаго) въ 1876 г.: „The Apocalypsis of S. Iohn. From a ms in the Bodleian library, printed for the Roxburghe Club. London 1876“; д) рукопись Прагской жор. бібліотеки: „scriptum super Apocalypsim cum imaginibus (Wenceslai Doctoris). Codex Bibl. Capitali semper fidelis Metrop. Pragensis etc. фототип. изданіе рукописи выпущено Eckert'омъ въ Прагѣ въ 1878 году.

изображеннаго такъ же, и подлѣ Іоанна помѣщены семь церквей съ стоящимъ въ каждой изъ нихъ ангеломъ; въ Альтамировскомъ кромѣ 7 свѣтильниковъ и 7 звѣздъ изображены 7 церквей въ видѣ жертвенниковъ подъ арками; наконецъ, въ Пражскомъ Христосъ держитъ, кромѣ звѣздъ, огромный ключъ; а въ устахъ его не одинъ, а два меча, остриями обращенные ко рту; ноги его, а не глаза, окружены пламенемъ.

Главы вторая и третья Откровения, оставленные у Дюрера вовсе безъ иллюстрацій, напротивъ того въ рукописныхъ Апокалипсисахъ, Бамбергскомъ и Альтамировскомъ, находятъ себѣ воспроизведеніе въ первомъ на *четыре*хъ, во второмъ—на *семи* отдѣльныхъ миниатюрахъ.

Сложная композиція, помѣщенная на четвертомъ листѣ серіи Дюрера и воспроизводящая сцены, описанныя въ гл. IV, 1—10 и V, 1—7 Откровения, распадается въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ на *три* отдѣльныя миниатюры, изъ которыхъ каждая иллюстрируетъ по одному изъ послѣдовательныхъ моментовъ. На первой изображенъ юный Христосъ, держащій въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правою благословляющій; по сторонамъ отъ него 4 крылатыхъ животныхъ; подъ нимъ большое око, внутри котораго вмѣсто зрачка помѣщено безбородое лицо, а въ нижней части — 24 старца съ свѣтильниками въ рукахъ. На второй — Христосъ на престолѣ съ закрытою книгой, запечатанной 7 печатями, и 24 старца, полагающіе свои вѣнцы къ подножію престола. Въ третьей Агнецъ съ двумя очами и 7 рогами, стоящій на престолѣ и окруженный серафимами; а внизу ап. Іоаннъ, сопровождаемый ангеломъ. Въ Альтамировскомъ Апокалипсисѣ Агнецъ съ двумя рогами и двумя очами стоитъ на щитѣ и держитъ правою ножкой четырехконечный крестъ. Надъ нимъ на престолѣ сидитъ Господь съ закрытою книгой; по сторонамъ щита стоятъ символическія фигуры, имѣющія видъ людей, одѣтыхъ въ тоги, но крылатыхъ и съ головами у одного—орла, у другого—льва, у третьяго—тельца, у четвертаго—человѣка; въ рукахъ у каждаго изъ нихъ закрытая книга. Вмѣсто старцевъ здѣсь видимъ фигуры юношей, играющихъ на различныхъ инструментахъ; одинъ изъ юношей (а не старецъ, упоминаемый въ текстѣ) бесѣдуетъ внизу съ Іоанномъ. Въ Англосаксонскомъ Апокалипсисѣ одна часть содержанія текста Откровения (раскрытіе книги Агнцемъ) распределена на *девять* миниатюр-

ныя композиціи. Въ Пражскомъ воспроизведена также только эта часть содержанія текста въ одной миниатюрѣ, гдѣ семипрогій Агнецъ, поставившій ножку на раскрытую уже книгу, окруженъ ангелами и старцами; изъ бока его течетъ кровь въ стоящую чашу.

Четыре всадника, изображенные у Дюрера на пятомъ листѣ, въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ распределены въ *четыре* отдѣльныя миниатюры, по одному всаднику на каждой; при чемъ четвертый всадникъ (Смерть) изображенъ въ видѣ молодого человѣка въ кафтанѣ и безъ всякаго оружія. Въ Англосаксонскомъ всадники представлены также на *четырехъ* миниатюрахъ, гдѣ при каждомъ изъ всадниковъ находится еще по одному символическому животному; Смерть держитъ чашу, изъ которой исходитъ пламя. Въ Альтамировскомъ Смерть представлена, какъ и въ Бамбергскомъ; а ко всадникамъ присоединены фигуры *четырехъ* евангелистовъ, Агнца и символическихъ животныхъ. Въ Пражскомъ всадники распределяются въ три миниатюры, при чемъ у всадника съ вѣсами на шести чашкахъ ихъ помѣщены человѣческія фигуры, а Смерть представлена въ видѣ бородачаго мужа въ длинной одеждѣ и безъ оружія.

На *шестомъ листѣ* серіи Дюрера представлены были сцены, слѣдующія за открытіемъ пятой и шестой печатей. Во всѣхъ рукописныхъ Апокалипсисахъ имѣется воспроизведеніе только *первой* изъ нихъ. При этомъ въ Бамбергскомъ души убитыхъ изображены въ видѣ юношей въ туникахъ и тогахъ; въ Альтамировскомъ — въ видѣ голубей, въ Англосаксонскомъ — въ видѣ обнаженныхъ людей, изъ которыхъ двоихъ одѣваютъ уже ангелы; въ Пражскомъ — надъ жертвенникомъ лежитъ упавшій епископъ, на котораго замаяхнулся мечомъ король, а подлѣ — два воина и три другія фигуры.

Сцена, соотвѣтствующая *седьмому листу* серіи Дюрера, въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ изображена такимъ образомъ, что внизу помѣщается по два ангела, а надъ ними по два вѣтра въ видѣ дующихъ головъ; въ Англосаксонскомъ ангелы держатъ въ своихъ рукахъ дующія головы; въ Альтамировскомъ и Пражскомъ эта сцена вовсе опущена.

Сцена *славословія мучениковъ*, изображенная у Дюрера на восьмомъ листѣ, въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ представлена весьма сокращенно: покланяется вмѣсто всего множества мучениковъ только одинъ юноша съ вѣткой въ рукѣ; на возвышеніи стоитъ

Агнецъ, а внизу Іоаннъ съ ангеломъ. Въ остальныхъ рукописяхъ эта сцена такъ же, какъ и предыдущая, не имѣетъ для себя воспроизведенія.

Гравюръ, помѣщенной на *десятомъ* листѣ серіи Дюрера, съ изображеніемъ бѣдствій, посылаемыхъ ангелами на землю, соответствуютъ въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ *семь* отдѣльныхъ миниатюръ, въ которыхъ по частямъ иллюстрируются тѣ же части текста Откровенія, которыя въ гравюрѣ Дюрера соединены въ одно цѣлое. Въ Альтамировскомъ эти же сцены распределены въ *три* миниатюры; въ Пражскомъ—въ четыре миниатюры. Напротивъ, въ Англосаксонскомъ изображенъ только царь бездны, скачущій передъ саранчей, тогда какъ остальные сцены опущены.

Освобожденіе четырехъ ангеловъ, связанныхъ при Евфратѣ, которое воспроизведено у Дюрера на *десятомъ* листѣ, представлено въ Бамбергской рукописи такъ, что четырехъ связанныхъ ангеловъ освобождаетъ трубнымъ гласомъ пятый ангель; вверху виденъ жертвенникъ, а внизу всадники, скачущіе по упавшимъ на землю людямъ. Въ Пражскомъ Апокалипсисѣ изображены вверху четыре уже освобожденные ангела, а внизу пѣшее войско съ двумя всадниками во главѣ его. Въ двухъ другихъ Апокалипсисахъ эта сцена оставлена безъ иллюстраціи.

Облачный ангель, дающій Іоанну вкусить книгу, (на *одиннадцатомъ* листѣ въ серіи Дюрера), представленъ въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ не въ облакахъ, а въ обычной одеждѣ, и подаетъ Іоанну раскрытую книгу; въ Альтамировскомъ сцена эта вовсе опущена; въ остальныхъ двухъ ангель представленъ также не въ облачной, а обыкновенной длинной одеждѣ, причемъ только на миниатюрѣ Пражскаго Апокалипсиса Іоаннъ изображенъ вкушающимъ книгу, тогда какъ въ Англосаксонскомъ ангель подаетъ ему книгу и трость.

Далѣе, въ то время какъ въ Апокалипсисѣ Дюрера въ главѣ XI Откровенія нѣтъ ни одной иллюстраціи, во всѣхъ рукописныхъ Апокалипсисахъ она нашла себѣ воспроизведеніе: въ Бамбергскомъ на двухъ миниатюрахъ, въ Альтамировскомъ—на одной, въ Англосаксонскомъ на двухъ и въ Пражскомъ на трехъ.

Сюжетъ, являющійся содержаніемъ гравюры на *двенадцатомъ* листѣ серіи Дюрера: жена, облеченная въ солнце, и драконъ, на-

мѣревающійся пожрать младенца ея,—этотъ сюжетъ въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ размѣщенъ на двухъ миниатюрахъ. На первой изъ нихъ «жена, облеченная въ солнце», старается защитить отъ дракона своего сына, который представленъ здѣсь однако не въ видѣ младенца, несомата ангелами, а какъ юноша, стоящій подлѣ матери; на другой миниатюрѣ — тотъ же драконъ, но жена уже одна безъ сына летитъ въ облакахъ. По двѣ миниатюры удѣляютъ тому же сюжету и остальные рукописные Апокалипсисы.

По отношенію къ остальнымъ иллюстраціямъ замѣчается подобное же соотношеніе между гравюрами Дюрера и миниатюрами рукописныхъ Апокалипсисовъ. Такъ, содержаніе гравюры, иллюстрирующей главы XIII и XIV Откровенія, распределяется въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ на пять отдѣльныхъ миниатюръ, воспроизводящихъ по одному изъ послѣдовательныхъ моментовъ, описанныхъ въ текстѣ; въ Англосаксонскомъ—на три миниатюры; въ Пражскомъ — на пять. Далѣе главы XV и XVI въ серіи Дюрера оставлены вовсе безъ иллюстрацій, тогда какъ напротивъ въ рукописныхъ Апокалипсисахъ имъ посвященъ цѣлый рядъ миниатюръ: въ Бамбергскомъ и Англосаксонскомъ по четыре, въ Альтамировскомъ двѣ, въ Пражскомъ—три. Сложной композиціи пятнадцатаго листа, воспроизводящей по частямъ содержаніе главъ XVII, XVIII и XIX Откровенія, соответствуютъ въ первомъ изъ рукописныхъ Апокалипсисовъ три миниатюры, въ остальныхъ по двѣ. Наконецъ, сложной картинѣ, воспроизводящей на послѣдней гравюрѣ Дюрера части содержанія главъ XX, XXI и XXII Откровенія, соответствуютъ въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ три миниатюры, въ Пражскомъ—двѣ, къ которымъ присоединяются еще иллюстраціи къ нѣкоторымъ изъ пропущенныхъ Дюреромъ частей этихъ главъ.

Такимъ образомъ сравнительное изученіе Апокалипсиса Дюрера и цѣлаго ряда наиболѣе извѣстныхъ рукописныхъ лицевыхъ Апокалипсисовъ предшествующаго времени различныхъ редакцій, которыя являлись, повидимому, наиболѣе распространенными въ средневѣковой Европѣ, показываетъ ясно, что между первымъ и послѣднимъ не существовало въ дѣйствительности никакой преемственной зависимости. Великій художникъ эпохи Возрожденія оказывался въ этомъ огромномъ и трудномъ артистическомъ предпріятіи совершенно свободнымъ отъ вліянія своихъ средневѣковыхъ предшественниковъ,

и это относится столько же къ его композиціямъ, сколько и къ отдѣльнымъ типамъ, имъ созданнымъ.

Всѣ средневѣковые иллюстраторы Апокалипсиса, какъ видно изъ предыдущаго обзора работъ ихъ, явно стремились къ *множественности* своихъ иллюстрацій ¹⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ возможно большей *простотѣ композицій* въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, и это стремленіе было понятно и естественно у художниковъ, не увѣренныхъ въ собственныхъ силахъ, незначительныхъ по талантамъ и не обладающихъ умѣньемъ, достаточнымъ для того, чтобы справляться со сложными композиціями... У Дюрера, напротивъ того, очевидно стремленіе—дать зрителю *въ немногихъ картинахъ возможно болѣе обширное содержаніе*, не стѣсняясь при этомъ *сложностью* самыхъ картинъ, которую художникъ умышленно еще увеличиваетъ введеніемъ, напр., обширныхъ пейзажей и разнообразныхъ деталей, какъ не стѣсняется онъ и никакими *техническими трудностями* при воспроизведеніи въ гравюрѣ на деревѣ этихъ сложныхъ своихъ композицій.

Что касается отдѣльныхъ фигуръ, имѣющихъ въ апокалиптическихъ иллюстраціяхъ значеніе типовъ, (каковы фигуры: самого Іоанна, ангеловъ облачнаго и посылающихъ бѣдствія, Сына человеческого, апокалиптическихъ 4 всадниковъ и т. д.), то насколько средневѣковые иллюстраторы придерживались болѣе или менѣе близко установленныхъ *иконографическихъ* традицій, настолько Дюреръ и въ отношеніи ихъ оказывался *свободнымъ* и *самостоятельнымъ* (за рѣдкими исключеніями, указанными выше), создавая для нихъ самостоятельно тѣ вышнія формы, которыя казались ему въ соответствіи съ текстомъ Откровенія наиболѣе подходящими къ данному содержанію.

Болѣе значительно было вліяніе на Дюрера апокалиптическихъ иллюстрацій знаменитой Нюрнбергской Библии, изданія Кобургера, появившейся всего на 15 лѣтъ ранѣе Дюрерова Апокалипсиса и хорошо извѣстной художнику ²⁾. Однако и это вліяніе было далеко

¹⁾ Въ Бамбергскомъ Апокалипсисѣ имѣется всего 50 миниатюръ, въ Альтангерскомъ—74 миниатюры, въ Англосаксонскомъ—92 и въ Прагскомъ—84 миниатюры къ тексту Откровенія.

²⁾ Экземпляръ этой Библии съ раскрашенными отъ руки иллюстраціями имѣется въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея.

отъ того, чтобы выразиться въ непосредственномъ подражаніи Дюрера своему предшественнику, создавшему указанныя иллюстраціи, по отношенію какъ къ композиціи цѣлаго въ каждой изъ нихъ, такъ и къ важнѣйшимъ изъ апокалиптическихъ типовъ, воспроизведенныхъ въ Нюренбергской Библии. Вліяніе это было болѣе общимъ и, какъ увидимъ, сказалось по преимуществу въ усвоеніи Дюреромъ и въ дальнѣйшемъ у него художественномъ развитіи того принципа усложненія композицій, которымъ, въ противоположность миниатюрамъ рукописныхъ Апокалипсисовъ, отличены иллюстраціи Нюренбергской Библии. Въ то же время, напротивъ, ни по внѣшнему виду, ни по качествамъ работы между иллюстраціями обоихъ ксилографическихъ Апокалипсисовъ не существуетъ никакихъ ближайшихъ соотношеній, которыя указывали бы на заимствованія одного изъ художниковъ у другого. Въ противоположность большимъ (in folio), артистически исполненнымъ гравюрамъ Дюрера, печатаннымъ на отдѣльныхъ листахъ, мы видимъ здѣсь узкія и длинныя иллюстраціи, прерывающія поло сою текстъ самой Библии, причемъ изъ восьми иллюстрацій ея, относящихся къ Апокалипсису, первая раздѣлена условно вертикальными линіями на три отдѣльныя картинки; третья и четвертая волнистою линіей раздѣляются въ двѣ композиціи, и остальныя пять представляютъ собою грубое и насильственное внѣшнее соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ композицій безъ внѣшняго ихъ раздѣленія условными обозначеніями. Самое исполненіе иллюстрацій Библии является чисто ремесленнымъ, явно обнаруживающимъ примитивную неумѣлость какъ гравировъ, рѣзавшихъ на деревѣ эти композиціи, такъ въ значительной мѣрѣ и самого составлявшаго ихъ художника, какъ рисовальщика и компоzитора.

Что касается трактовки сюжетовъ въ каждой изъ иллюстрацій Нюренбергской Библии, то сравнительно съ трактовкою ихъ у Дюрера обнаруживаются слѣдующія характерныя особенности.

Въ средней изъ трехъ картинокъ, входящихъ въ составъ первой иллюстраціи и раздѣленныхъ одна отъ другой вертикальными линіями, представленъ ап. Іоаннъ, юношескаго типа, въ хитонѣ и мантии, сидящій съ раскрытою книгою на колѣнахъ; въ одной рукѣ онъ держитъ чернильницу, въ другой—перо; взоръ устремленъ на страницы книги. Вверху надъ Іоанномъ летящій ангелъ трубитъ въ длинную трубу; на заднемъ планѣ виденъ городъ подлѣ залива Та-

шимъ образомъ и въ типѣ самого Юанна, и въ композиціи цѣлаго, какъ и во всѣхъ деталяхъ, иллюстрація Библии существенно отличается отъ гравюры на заглавномъ листѣ серии Дюрера.

Въ крайней картинѣ слѣва отъ первой находимъ тотъ же сюжетъ, который имѣется на второмъ листѣ Дюрерова Апокалипсиса, но трактованный опять совершенно иначе. Подлѣ котла, въ которомъ сидитъ ап. Іоаннъ (юношескаго типа и съ нимбомъ вокругъ головы), находятся не два, а три мучителя: одинъ льетъ апостолу кипящее масло на голову, другой собираетъ дрова, чтобы положить подъ котель, третій размѣшиваетъ смолу въ особомъ котлѣ. Фигуры императора и придворнаго обозначены только до пояса; обстановочная часть очень бѣдна.

Композиція другой боковой иллюстраціи соответствуетъ помѣщенной на третьемъ листѣ серии Дюрера, но и здѣсь типъ сидящаго на радугѣ Сына Человѣческаго не похожъ на принятый Дюреромъ: глаза его не источаютъ пламени, мечъ идетъ не изъ усть его, а помѣщается ниже; лицо напоминаетъ обычный иконографическій типъ Христа, а не Салаоа, котораго мы видимъ на гравюрѣ Дюрера.

На *старой* иллюстраціи, имѣющейся въ Нюрнбергской Библии и изображающей четырехъ апокалиптическихъ всадниковъ, въ цѣломъ композиція болѣе во всѣхъ остальныхъ приближается къ композиціи *новой* гравюры въ Апокалипсисѣ Дюрера. Различіе между ними заключается въ томъ, что вмѣсто одного летящаго ангела въ гравюрѣ Дюрера здѣсь представлены полуфигуры двухъ ангеловъ, а Смерть въ видѣ скелета имѣетъ въ одной рукѣ восту, а въ другой мечъ, вмѣсто трезубца, который держитъ четвертый всадникъ у Дюрера.

Третья ксилографическая иллюстрація Библии, раздѣленная волнистою линіей на двѣ части, совмѣщаетъ въ себѣ, въ весьма сжатомъ видѣ, картины, изображенныя у Дюрера на листахъ *шестомъ* и *седьмомъ*, и по трактовкѣ сюжетовъ самымъ разнымъ образомъ различается отъ композицій этихъ послѣднихъ. Въ лѣвой половинѣ за престоломъ помѣщается ангелъ съ длинной одеждой въ рукахъ; передъ престоломъ «души убитыя» въ видѣ группы мученъ и мученицъ въ позахъ молящихся; сверху падаютъ звѣзды на группу людей, находящихся на землѣ; на небѣ рядомъ видны луна

и солнце. Въ правой половинѣ вверху—сидящій Христось, съ крестомъ въ правой рукѣ; подъ нимъ — группа запечатлѣнныхъ, а по четыремъ сторонамъ отъ нея—четыре ангела со щитами и мечами, которыми они угрожаютъ вѣтрамъ, представленнымъ здѣсь въ видѣ дующихъ головъ, показывающихся изъ облаковъ.

Въ *четвертой* иллюстраціи Библии соединяются въ двухъ ея половинахъ картины, размѣщенные у Дюрера на листахъ *восьмомъ* и *девятомъ*, опять сокращенно и въ совершенно иныхъ композиціяхъ. Въ кругѣ изъ облаковъ слѣва сидитъ на радугѣ Богъ-Отецъ, держащій лѣвой рукою Агнца и знамя съ крестомъ, а правую благословляющій молящихся внизу людей (юношескаго типа, безбородыхъ); по четыремъ угламъ размѣщены 4 символическія животныя. Въ правой половинѣ иллюстраціи за престоломъ видна до пояса фигура Господа, держащаго въ рукахъ трубы; подлѣ него 4 ангела, уже получившіе трубы, трубятъ въ нихъ; пятый держитъ кадильницу и сыплетъ на землю огонь. Изъ земли показывается пламя; на морѣ виденъ погибающій корабль; въ одномъ мѣстѣ на землѣ—упавшая звѣзда; вдали—гора съ расположенными на ней замками.

Въ *пятой* иллюстраціи Нюрнбергской Библии опять соединены картины, представленныя у Дюрера на двухъ листахъ его Апокалипсиса—*десятомъ* и *одиннадцатомъ*. Лѣвая, большая часть композиціи воспроизводитъ сцену избіенія людей четырьмя освобожденными ангелами и ихъ войнствомъ, происходящую здѣсь передъ престоломъ, за которымъ сидитъ Христось; вверху летитъ трубящій ангель. Четыремъ избивающимъ ангеламъ помогаютъ чудовищные всадники, скачущіе на животныхъ со львиными головами. Въ правомъ углу картины сидящій Іоаннъ принимаетъ книгу отъ ангела, у котораго вокругъ головы радуга, одежда изъ облаковъ, а ноги въ видѣ колоннъ поставлены одна на море, другая—на землю; правою рукою онъ указываетъ на небо, гдѣ въ облакахъ видна полуфигура другого ангела.

Въ слѣдующей иллюстраціи Библии мы находимъ соединеніе сценъ, воспроизведенныхъ у Дюрера на *двенадцатомъ* листѣ, и сценъ, описанныхъ въ гл. XI Откровенія, но оставленныхъ у Дюрера вовсе безъ иллюстрированія. Въ правой меньшей части картины представлена «жена, облеченная въ солнце», въ видѣ крылатой женщины въ коронѣ, которая стоитъ на полумѣсяцѣ, окруженная сія-

ніемъ; вверху надъ нею младенецъ ея съ двумя юношами по сторонамъ, а передъ нею семиглавый драконъ, увлекающій съ неба хвостомъ своимъ звѣзды. Слѣва—часть картины, иллюстрирующая XI главу Откровенія: измѣреніе Іоанномъ храма Божія и жертвенника вмѣстѣ съ ангеломъ; вверху полуфигура благословляющаго Христа; внизу двое старцевъ въ хитонахъ передъ чудовищнымъ звѣремъ; слѣва отъ нихъ—группа юношей; направо—группа избиваемыхъ воинами людей; вдали на горѣ—городъ, разрушающійся отъ землетрясенія, а въ облакахъ—двѣ полуфигуры пророковъ, взятыхъ на небо.

На *седьмой* гравюрѣ воспроизведены, опять безъ внѣшняго раздѣленія ихъ, тѣ сцены, которыя у Дюрера представлены на листахъ *тринадцатомъ и четырнадцатомъ*. Слѣва архангелъ Михайль копьемъ поражаетъ діавола, лежащаго подъ ногами его; другой діаволь бѣжитъ отъ Михаила по направленію къ морю. Рядомъ направо изъ моря выходитъ драконъ, имѣющій 7 головъ змѣя и одну діавола, всѣ въ діадемахъ; въ одной его лапѣ находится скипетръ. Группа людей поклоняется ему; вверху надъ его головами замахивается мечомъ ангелъ, видимый изъ облаковъ до пояса. Направо изъ-за горъ выходитъ другой звѣрь съ рогами агнца, которому также поклоняется группа народа; два воина подлѣ второго звѣря убиваютъ мечами людей, лежащихъ на землѣ передъ ними.

Наконецъ, содержаніе *восьмой* иллюстраціи Библии соответствуетъ содержанію двухъ послѣднихъ листовъ серіи Дюрера, къ которому присоединяется еще сцена, описанная въ гл. XIV, 15—16 Откровенія: «и иной ангелъ вышелъ изъ храма и воскликнулъ сидящему на облакѣ: пусти серпъ твой и жни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на землѣ созрѣла. И повергъ сидящій на облакѣ серпъ свой на землю и земля была пожата»...—Слѣва представлена здѣсь вавилонская блудница съ сосудомъ въ рукѣ, сидящая на семиглавомъ звѣрѣ; передъ нею группа колѣнопреклоненныхъ людей; вверху въ облакахъ полуфигура ангела. Въ средней части картины летящій ангелъ съ жерновомъ въ рукахъ; другой большой жерновъ падаетъ въ рѣку, протекающую внизъ. Направо на берегу рѣки стоитъ ангелъ, который въ одной рукѣ держитъ ключъ, а въ другой—веревку, связывающую шею діавола, который опускается въ бездну. Рядомъ еще одинъ ангелъ съ длинною косою

въ рукахъ, косящій пшеницу; сверху надъ нимъ, свѣсившись изъ облаковъ, самъ Господь длинною косою, достигающею до земли, также косятъ пшеницу. Въ правомъ углу внизу сидятъ съ книгой въ лѣвой рукѣ Иоаннъ, а подлѣ него еще одинъ ангелъ, протягивающій Господу виноградную лозу.

Такимъ образомъ, и сравненіе Апокалипсиса Дюрера съ иллюстраціями, имѣющимися въ Нюрнбергской Библии, почти одновременной съ нимъ, ясно показываетъ, что ни въ отношеніи каждой изъ композицій, въ которыхъ здѣсь и тамъ воплощались апокалиптическія сцены, ни въ отношеніи отдѣльныхъ апокалиптическихъ типовъ, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо существенныхъ заимствованияхъ Дюрера у своего предшественника, создаваемаго разсмотрѣніемъ сейчасъ всиллографическихъ иллюстрацій. Въ то же время однако вліяніе этихъ послѣднихъ на Дюрера несомнѣнно сказалось въ одномъ отношеніи, и именно въ томъ, что въ противоположность обычаю средневѣковыхъ художниковъ, украшавшихъ миниатюрами рукописные Апокалипсисы, — разбивать содержаніе даннаго сюжета на возможно большее число отдѣльныхъ картинокъ, — *отъ антиквара Дюреру стремленіе къ возможно большому усложненію композицій, нуткамъ соединенія съ такими композиціями исполненія сценъ въ одно мѣсто.* И воспользовавшись у своего предшественника этимъ общимъ принципомъ усложненія, великій художникъ проводитъ его въ своихъ апокалиптическихъ иллюстраціяхъ, (не смотря на противорѣчіе этого принципа съ общими требованіями живописнаго изображенія, указанными выше), съ высокимъ мастерствомъ, невольно возбуждающимъ удивленіе исследователя при сравненіи этихъ замѣчательныхъ композицій съ примитивно-наивными по композицѣ и грубыми, неумѣлыми по исполненію иллюстраціями предшественнаго десятилѣтія.

Каково въ виду сказаннаго можетъ быть мѣсто и общее значеніе апокалиптической серіи Дюрера въ ряду другихъ, рукописныхъ и всиллографическихъ Апокалипсисовъ съ точки зрѣнія художественно-исторической?..

Уже выше нами отмѣчены были, какъ особенно характерныя черты Дюрерова Апокалипсиса, съ одной стороны, явный разрывъ великаго художника съ иконографическими традиціями предшественнаго времени въ области апокалиптическихъ типовъ; съ другой,

зведение ихъ въ свои иллюстраціи массы такихъ натуралистическихъ подробностей, которыми таинственное и сверхъчужденное апокалиптическихъ видѣній Іоанна соединялось съ земнымъ, реально существующимъ, — фантастическое незамѣтно и неразрывно пережѣшивалось съ дѣйствительнымъ, порождая оригинальныя сочетанія. Покойный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ, указывая между прочимъ въ своемъ превосходномъ трудѣ, посвященномъ изслѣдованію лицевыхъ Апокалипсисовъ¹⁾, тѣ же особенности трактовки сюжетовъ у Дюрера, даетъ относительно этихъ нововведеній, характеризующихъ стиль Возрожденія, отзывъ, неблагоприятный для Дюрера и его послѣдователей въ этомъ направленіи. «*Стиль Возрожденія*, — замѣчаетъ онъ, — несмотря на гениальность Альбрехта Дюрера, нанесъ рѣшительный ударъ апокалиптической иконографіи, — можно сказать, подточилъ ее въ корни. Изъ таинственнаго видѣнія онъ сдѣлалъ сцену для историческихъ и бытовыхъ явленій; небесное низвелъ на улицу и на площадь, и необъятное втиснулъ въ рамку ландшафта. При этомъ все сверхъестественное, весь необычайный и нечеловѣчскій персоналъ въ этой ежедневной обстановкѣ дѣйствительности получилъ видъ замаскированныхъ фигуръ, какія въ фантастическихъ представленіяхъ мапинисты пускаютъ на театральныя подмостки, обставленныя декораціями»... — Если однако, думается намъ, оцѣнку этихъ нововведеній Дюрера сдѣлать не съ точки зрѣнія, принятой уважаемымъ авторомъ, а по отношенію ихъ къ общимъ интересамъ искусства и его развитія, то результаты оцѣнки должны получиться совершенно иные.

Правда, Дюреръ охотно слѣдовалъ въ своихъ апокалиптическихъ иллюстраціяхъ, весьма распространенному въ эпоху Возрожденія своеобразному обычаю — помѣщать фигуры библейскія, евангельскія, даже символическія и аллегорическія, въ обстановку реальную, бытовую, притомъ современную художнику, — обычаю, который совпадалъ съ его собственными стремленіями и вкусомъ. Но если тѣмъ самымъ, — какъ справедливо указываетъ Ѳ. И. Буслаевъ, дѣйствительно, былъ нанесенъ рѣшительный ударъ иконографіи, и въ особенности иконографіи апокалиптической, то для развитія искусства въ реалистическомъ направленіи было сдѣлано, благодаря именно этому, очень многое. Тѣ изъ художниковъ Возрожденія, ко-

¹⁾ Ѳ. И. Буслаевъ: Русскій лицевой Апокалипсисъ, стр. 203.

торые, освободившись от оковъ традицій иконографическихъ, обратились подобно Дюреру къ изученію реальной дѣйствительности, должны были усиленно разрабатывать именно эту послѣднюю; а такое изученіе и разработка всегда являлись и являются вѣрнымъ залогомъ успѣха для художниковъ всѣхъ странъ и народовъ, — залогомъ постояннаго прогресса въ искусствѣ. И если разсмотримъ апокалиптическія иллюстраціи Дюрера съ этой, именно, точки зрѣнія, то увидимъ, что дѣйствительно во всѣхъ гравюрахъ этой обширной серіи ясно обнаруживаются всѣ тѣ достоинства, которыя нераздѣльно связываются съ внимательнымъ изученіемъ живой природы. Всего черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія послѣдняго (ксилографическаго) лицевого Апокалипсиса съ его иллюстраціями, близко напоминающими, по грубости и неумѣлости рисунка и композиціи, игральные карты и нунья, подобныя же ксилографическія ремесленные работы, мы находимъ у Дюрера, благодаря именно внимательному изученію самой природы въ ея внѣшнихъ формахъ, *рисункъ* легкой, увѣренный, точный, чуждый ошибокъ, несмотря на всю смѣлость примѣнявшихся художникомъ ракурсовъ; детальный въ отдѣлкѣ, невзирая на всѣ трудности ксилографической техники. Всѣ *композиціи* апокалиптической серіи — здѣсь по той причинѣ является полножизненными и ясными, невзирая на всю многофигурность многихъ изъ нихъ; равнымъ образомъ и каждая отдѣльная фигура исполнена въ нихъ *жизни и движенія*, нерѣдко доходящаго до страстности, иногда рѣзкости, причемъ глубокая наблюдательность художника надъ явленіями реального міра во всѣхъ случаяхъ обнаруживается въ высокой правдивости изображенія. И ко всему этому присоединяется у Дюрера, въ отличіе отъ его предшественниковъ, какъ слѣдствіе того же усиленнаго изученія живой природы, самое широкое введеніе въ апокалиптическія иллюстраціи обширныхъ и богатѣйшихъ *пейзажей*, которые получаютъ у него здѣсь еще болѣе существенное и важное значеніе, чѣмъ въ работахъ всѣхъ предшествующихъ лѣтъ, указывая на дальнѣйшее развитіе его, какъ пейзажиста. Можно сказать, что здѣсь, въ этихъ сложныхъ композиціяхъ, воссоздающихъ столь своеобразнымъ способомъ таинственныя апокалиптическія видѣнія апостола, *реальные пейзажи* эти оказываются нерѣдко настолько обширными и самостоятельными, что могли бы даже сами по себѣ, помимо имѣющихся тутъ же фигурныхъ (собственно апокалиптическихъ)

сценъ, представить собою, (какъ, на примѣръ, особенно на листахъ четвертомъ, девятомъ, тринадцатомъ и шестнадцатомъ серіи),—отдѣльныя картины высокой художественной цѣнности. И въ этомъ смыслѣ такіе пейзажи, равно какъ и тѣ, которые разновременно исполнены были Дюреромъ въ качествѣ самостоятельныхъ пейзажныхъ произведеній, должны быть признаны существенно важными факторами, способствовавшими появленію и развитію въ нѣмецкой живописи той широкой и жизненной отрасли ея,—*живописи пейзажной*, которая получила въ послѣдствіи столь блестящее и самобытное существованіе на ряду съ живописью исторической, портретной и жанровой.

Таковъ этотъ первый, большой и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ Альбрехта Дюрера въ области гравюры на деревѣ, создавшій ему въ теченіе короткаго времени громкую извѣстность среди современниковъ.

ГЛАВА IV.

Произведенія живописи, созданныя Дюреромъ въ теченіе періода 1498—1503 годовъ: портреты, алтарные образы, мнелогическія композиціи.—Рисунки Дюрера за тотъ же періодъ.—Гравюры на мѣди и деревѣ, относящіяся къ тѣмъ же годамъ его художественной дѣятельности.

Произведенія живописи, вышедшія изъ мастерской Дюрера въ теченіе 1498—1503 годовъ и исполненныя самимъ художникомъ, отчасти при содѣйствіи учениковъ его, были многочисленны по количеству и разнообразны по своему содержанию, охватывая сюжеты изъ самыхъ различныхъ по характеру областей, доступныхъ искусству. И все, что создаетъ онъ за этотъ періодъ, носитъ на себѣ печать высокаго мастерства и оригинальности, которая теперь еще съ большею, чѣмъ прежде, силою и ясностью выступаютъ во всѣхъ работахъ великаго художника.

Уже въ 1498 году онъ пишетъ великолѣпный портретъ, находящійся нынѣ въ музеѣ Прадо въ Мадридѣ, въ которомъ своею талантливой кистью онъ снова воспроизводитъ себя самого ¹⁾. Въ этомъ портретѣ, повтореніе котораго имѣется въ галлерей Уффици въ Флоренціи, художникъ представилъ себя до пояса стоящимъ подлѣ окна, со сложенными руками, опирающимися на доску стола. На немъ щегольская одежда бѣлаго цвѣта съ темнокоричневыми полосами, живописно облегающая его стройный станъ. Голова, украшенная красивымъ беретомъ такихъ же цвѣтовъ, какъ и одежда, повернута въ три четверти къ зрителю. Лицо художника за нѣсколько лѣтъ сравнительно съ предыдущимъ портретомъ сильно возмужало: теперь оно обрамлено уже усами и бородой почти соврѣ-

¹⁾ Портретъ этотъ по фотографіи воспроизв. у *Knackfuss: Dürer, S. 13, в Springer: A. Dürer, S. 15. См. рисунокъ № 20.*

такого физически человека, хотя и цветущаго молодостью, здоровьем и красотой; длинные локоны его теперь еще болѣе удлиннились,



Рис. 20.

и блѣкнущія волнистыя пряди ихъ живописно падаютъ по плечамъ художника. Въ выраженіи глазъ серьезность и вдумчивость соеди-

няются съ сознаниемъ достоинства, придавая взору необыкновенную привлекательность и вмѣстѣ величіе. Черезъ окно, подлѣ котораго помѣстился художникъ, виденъ въ глубинѣ гористый пейзажъ; на стѣнѣ подъ окномъ собственноручная надпись художника указываетъ годъ созданія портрета и возрастъ самого Дюрера въ моментъ исполненія этого послѣдняго: «1498. Das malt ich nach meiner gestalt, Ich war sex vnd zwanzig Ior alt» («это написалъ я съ моей собственной фигуры, когда мнѣ было 26 лѣтъ отъ роду») и ниже подпись художника дважды,—полностью и въ видѣ обычной его монограммы.

Въ цѣломъ портретъ поражаетъ своимъ высокимъ изяществомъ и привлекаетъ къ себѣ столько же простотою и гармоніей красокъ, тонкостью и совершенствомъ рисунка и изумительной тщательностью исполненія, сколько и тою одухотворенностью и благородствомъ, которыми проникнуты черты этого прекраснаго лица въ полномъ соотвѣтствіи съ внутреннимъ, нравственнымъ обликомъ великаго художника.

Рядомъ съ этимъ шедевромъ кисти Дюрера другой, немного болѣе поздній портретъ *Освальда Крелля*, исполненный въ 1499 году и самъ по себѣ имѣющій высокія достоинства, уже не возбуждаетъ въ насъ особеннаго удивленія мастерствомъ исполненія своего и сравнительно съ собственнымъ портретомъ художника представляется даже нѣсколько суховатымъ въ передачѣ внутренней жизни во внѣшнихъ чертахъ. Портретъ этотъ, находящійся нынѣ въ Мюнхенской пинакотека¹⁾, даетъ поясное изображеніе молодого человѣка безъ бороды и усовъ, съ длинными локонами, падающими на плечи. Голова повернута въ три четверти къ зрителю; одежда его состоитъ изъ шубы, наброшенной на правое плечо поверхъ темнозеленаго бархатнаго камзола съ глубоко открытою грудью. На фонѣ стѣны надъ головою портрета имѣется надпись: OSWOLT. KREL. 1499. На второмъ планѣ слѣва группа высокыхъ, стройныхъ деревьевъ замѣняетъ обычный одноцвѣтный фонъ для портрета обстановкой пейзажа.

Послѣдующіе годы были особенно богаты произведеніями живописи. Одну за другою Дюреръ создаетъ рядъ картинъ разнообраз-

¹⁾ Портретъ Освальда Крелля воспроизведенъ по фотографіи у Knackfuss: *Derger*, S. 19.

наго содержанія, исполненныхъ масляными и акварельными красками, и вмѣстѣ съ ними еще большее количество рисунковъ карандашомъ, перомъ, углемъ, и проч., въ однихъ случаяхъ въ качествѣ подготовительныхъ работъ для картинъ, въ другихъ — какъ произведенія, имѣющія самостоятельное значеніе.

Большой алтарный образъ-триптихъ, извѣстный подъ именемъ *Паумгертнерова алтаря*, занимаетъ среди этихъ произведеній наиболѣе видное мѣсто ¹⁾). Знаменитый алтарь этотъ, заказанный Дюреру богатой фамиліей нюренбергскихъ патрицевъ Паумгертнеровъ въ 1500 году, назначался для церкви св. Екатерины въ Нюренбергѣ. Впослѣдствіи, уже въ началѣ XVII столѣтія, онъ былъ приобретенъ за большую сумму извѣстнымъ любителемъ искусства, герцогомъ Максимилианомъ Баварскимъ, и помѣщенъ въ его драгоценное собраніе, нынѣ составляющее лучшую часть обширной королевской картинной галлерей въ Мюнхенѣ.

Изъ пяти различныхъ композицій, помѣщавшихся первоначально на внутреннихъ и внѣшнихъ сторонахъ этого интереснаго и сложнаго алтаря, для насъ сохранились всего только три. Наибольшею сложностью отличается композиція, имѣющая мѣсто на средней части триптиха и воспроизводящая сцену *Рождества Христова* въ обстановкѣ, значительно расширенной аксесуарами и добавочными фигурами. На первомъ планѣ, въ центральной части картины младенецъ Христосъ лежитъ на пеленахъ, поддерживаемый группою маленькихъ ангеловъ; по обѣ стороны отъ него — направо Богородица въ длинной, лазурнаго цвѣта одеждѣ и съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, стоитъ передъ нимъ, преклонивши колѣна и скрестивши на груди руки; налѣво — св. Іосифъ въ одѣяніи темно-краснаго цвѣта, подобномъ монашескому, съ непокрытою головою, стоя на колѣнахъ и положивши свой посохъ подлѣ себя, держитъ въ рукѣ небольшой фонарь, которымъ онъ освѣщаетъ младенца. Позы обоихъ выражаютъ глубокое благоговѣніе къ новорожденному, который, глядя на мать, поднимаетъ къ ней вверхъ свои ручки. На второмъ планѣ, образуя архитектурное обрамленіе, представлены развалины зданія съ колоннами и арками: изъ-за колоннъ помѣщенія, находящагося

¹⁾ Алтарный образъ этотъ во всѣхъ сохранившихся частяхъ его воспроизведенъ по фотографіямъ у *Ephrussi*: A. Dürer et ses dessins, на табл. къ 92 стр., и у *Knackfuss*: Dürer, S. 20—22. См. рисунокъ № 21.

справа, позади Богоматери, видны головы вола и осла; изъ-подъ арки налѣво, подлѣ Иосифа, показывается голова одного изъ пасты-



Рис. 21.

рей. Двое другихъ пастырей всходятъ уже на крыльцо зданія, приближаясь къ родившемуся Спасителю міра, о которомъ возвѣщаетъ имъ ангелъ, летящій высоко въ небесахъ и видимый черезъ верх-

ною арку полуразрушеннаго строения. Въ глубинѣ картины на значительное разстояніе простирается вдаль гористый пейзажъ; на одной изъ архитектурныхъ частей помѣщена едва замѣтная монограмма художника.

Обѣ внутреннія стороны боковыхъ створовъ триптиха украшены изображеніями стоящихъ подлѣ своихъ коней *двухъ всадниковъ* въ полномъ рыцарскомъ одѣяніи: въ стальномъ племѣ, въ панцирѣ, стальныхъ нарукавникахъ и поножахъ, съ большимъ мечомъ на боку и съ длиннымъ копьемъ въ рукахъ у cadaго; одинъ изъ рыцарей имѣетъ кромѣ того и щитъ, который онъ, поставивши на землю, придерживаетъ лѣвой рукою. Кони, стоящіе подлѣ всадниковъ, только до половины видны на обѣихъ картинахъ; задній планъ въ обоихъ случаяхъ представляетъ вдаль гористый пейзажъ съ архитектурными строениями; вблизи подлѣ всадниковъ—группы кустовъ и деревьевъ. Кого, именно, изобразилъ художникъ въ обоихъ всадникахъ, трудно рѣшить съ полною достовѣрностью, потому что равно допустимо каждое изъ двухъ, доселѣ принятыхъ толкованій этихъ фигуръ. Возможно, что художникъ представилъ въ этихъ фигурахъ *портретныя изображенія* *обоихъ заказчиковъ алтаря*—Стефана и Луки Паумгертнеровъ, что подтверждается между прочимъ явною индивидуальностью чертъ въ лицахъ обоихъ всадниковъ и ихъ родственнымъ сходствомъ. Возможно въ одинаковой мѣрѣ и то толкованіе, согласно которому здѣсь представлены *св. Георгій-Побѣдоносцъ и св. Евстафій*, изображаемые обыкновенно въ видѣ всадниковъ, при чемъ самымъ лицамъ обоихъ святыхъ придано однако значительное портретное сходство съ чертами обоихъ Паумгертнеровъ.

Двѣ остальные композиціи, помѣщавшіяся на *внѣшнихъ сторонахъ* боковыхъ створовъ триптиха и представлявшія *св. Екатерину*, патронессу той церкви, для которой назначался самый триптихъ, и *св. Варвару*, до насъ не дошли, или, по крайней мѣрѣ, нельзя до стовѣрно выдѣлать ихъ изъ среды существующихъ копій съ этого триптиха ¹⁾.

Такихъ старинныхъ копій имѣется нѣсколько, и лучшими изъ нихъ являются: во-первыхъ, превосходная копія знаменитаго I. Гарриха, особенно удачно воспроизводившаго стилистическія особен-

¹⁾ См. Baader: Beiträge I, 12; von Murr: Journal XIV, 99; Heller, 194, и др.

ности работъ великаго художника, нынѣ въ городскомъ музеѣ во Франкфуртѣ; во-вторыхъ, копія неизвѣстнаго художника, украшающая церковь св. Екатерины въ Нюрнбергѣ на мѣстѣ прежняго триптиха, обѣ исполненныя масляными красками; и въ - третьихъ, большой акварельный рисунокъ, который хранится въ Британскомъ музеѣ и который долгое время считался эскизомъ для Паумгертнера алтаря, представляя собою однако въ дѣйствительности его позднѣйшую уменьшенную копію ¹⁾).

Этотъ фактъ копированія алтарнаго образа-триптиха цѣлымъ рядомъ художниковъ является знаменательнымъ свидѣтельствомъ того, насколько велика была извѣстность его среди современниковъ Дюрера, равно какъ и послѣдующихъ поколѣній, и насколько высоко оцѣнивались его художественныя достоинства. И ближайшее изученіе этого превосходнаго произведенія всецѣло подтверждаетъ всю основательность такой высокой оцѣнки, издавна установившейся для него, особенно въ отношеніи срединной, важнѣйшей композиціи триптиха. Глубокое религиозное чувство въ соединеніи съ трогательною наивностью въ трактовкѣ сюжета и безмятежнымъ идиллическимъ настроеніемъ сообщаютъ этой картинѣ необыкновенную привлекательность. Въ соотвѣтствіи съ высокими достоинствами содержанія находятся здѣсь и качества внѣшняго исполненія: композиція, при значительномъ числѣ участвующихъ лицъ, въ высшей степени ясна и проста, благодаря умѣлому и естественному размѣщенію всѣхъ фигуръ; краски, которыми воспользовался въ этой картинѣ художникъ, немногочисленны и въ своихъ сочетаніяхъ даютъ, при всей своей интенсивности, впечатлѣніе мягкой гармоніи; въ рисунокѣ главныхъ фигуръ, какъ и второстепенныхъ деталей, съ яркою силою сказывается все мастерство великаго художника, не имѣвшаго равныхъ себѣ въ этомъ отношеніи среди своихъ соотечественниковъ. Въ цѣломъ этотъ алтарный образъ можетъ быть названъ такимъ же шедевромъ среди произведеній религиозной живописи изъ первой половины жизни и дѣятельности Альбрехта Дюрера, какъ его собственные портреты изъ той же эпохи въ области живописи портретной.

Въ 1500 году изъ художественной мастерской Дюрера выхо-

¹⁾ Ср. *Ephrussi*: dessins, pag. 92 и примѣчаніе къ ней.

дять другой большой алтарный образъ, исполненный по заказу нюрнбергскаго ювелира, Ганса Глима, и перешедшій впоследствии въ



Рис. 22.

собраніе Мюнхенской пинаотеки, гдѣ находится и въ настоящее время ⁴⁾). Сцена снятія Спасителя со креста и оплакиванія тѣла

⁴⁾ Ср. *Neudorfer: Nachrichten*, *Sameres Ausg.* 80; *Thausing: Dürer I*, S. 178.

его, изображенная здѣсь, значительна по размѣрамъ своимъ и оригинальна въ трактовкѣ сюжета ¹⁾. Тѣло умершаго Христа лежитъ у подножія единственнаго креста, видимаго на Голгоѣ; съ обѣихъ сторонъ подлѣ тѣла и позади его, образуя пирамидальное построеніе, группируются святая жены, оплакивающія Спасителя, и ученики и послѣдователи его: направо—Иосифъ Аримаѣйскій, стоящій съ сосудомъ для благовоній въ рукахъ; налѣво—Никодимъ, поддерживающій сзади тѣло Христово; позади и выше всѣхъ остальныхъ—св. апостоль Іоаннъ, въ отчаяніи глядящій на умершаго Учителя. Святая жены, собравшіяся подлѣ самаго тѣла, лежащаго на пеленахъ, разнообразными жестами и соотвѣтствующимъ выраженіемъ лицъ показываютъ глубочайшую скорбь свою и любовь къ умершему; одна изъ нихъ, въ длинной черной одеждѣ, держитъ въ рукахъ сосудъ съ благовоннымъ масломъ, принесенный для умащенія тѣла. Вдали на заднемъ планѣ среди обширнаго гористаго пейзажа ясно виденъ Іерусалимъ, живописно расположенный по склонамъ горы. Цифра года (1500) и монограмма художника помѣщены на краю пелены, на которой положено тѣло.

Что касается самаго исполненія разсматриваемаго образа, то особенности его заставляютъ думать, что самому Дюреру принадлежитъ здѣсь только часть всей работы. Несомнѣнно ему принадлежитъ самая *композиція* картины, которая обнаруживаетъ искусства художника, весьма опытнаго въ группировкѣ отдѣльныхъ фигуръ, составляющихъ цѣлое, которое, несмотря на извѣстную условность пирамидальнаго построенія его, производитъ впечатлѣніе группировки естественной, обуславливающейся самими обстоятельствами. Большимъ мастерствомъ характеризуется этотъ образъ и въ отношеніи *передачи внутреннихъ настроеній* дѣйствующихъ здѣсь лицъ во внѣшнихъ движеніяхъ и мимикѣ,—мастерствомъ, которое должно отнести въ этой картинѣ также за счетъ Дюрера. Наконецъ, и *пейзажъ* второго плана весьма близко напоминаетъ подлинныя работы Дюрера столько же по своему общему характеру, сколько и по манерѣ письма въ голубовато-зеленыхъ тонахъ, обычныхъ въ дальнихъ планахъ пейзажей у нашего художника. Напротивъ, *исполненіе въ*

¹⁾ Алтарный образъ этотъ воспроизв. у Knackfuss, Dürer, Abb. 21. См. нашъ рис. № 22.

красках для большей части *фигуръ* (за исключеніемъ, повидимому, ап. Іоанна, Никодима и Іосифа, близкихъ по трактовкѣ волосъ, одежду и т. д., къ собственноручнымъ работамъ Дюрера) должно быть отнесено за счетъ ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ Дюрера, писавшихъ въ его мастерской по его собственнымъ рисункамъ и подъ непосредственнымъ его руководствомъ, каковыми въ эту пору были Гансъ Кульмбахъ, Гансъ Балдунгъ Гринъ, Гансъ Шейфелейпъ и др. Этимъ, именно, должно объяснить въ разсужденіи образъ ту, явно замѣтную сухость, даже жесткость, и въ то же время условность въ передачѣ красками формъ, которыми характеризуются не только работы его предшественниковъ, подобныхъ Вольгемуту, но и произведенія кисти даже способнѣйшихъ изъ учениковъ его, никогда не достигшихъ высокаго мастерства своего учителя въ отношеніи красокъ, какъ не достигли они его и въ отношеніи рисунка. Отсюда становится понятнымъ и отсутствіе здѣсь той мягкой гармоніи цвѣтовыхъ тоновъ, какая отмѣчена была нами по отношенію къ Паумгертнерову алтарю, исполненному собственно-ручно отъ начала до конца самимъ Дюреромъ.

Еще одинъ алтарный образъ приблизительно изъ того же времени, и притомъ также со сценою *олакиванія тѣла Христова*, исполненъ былъ въ мастерской Дюрера для фамиліи *Гольциуреровъ*. Алтарный образъ этотъ, назначавшійся въ свое время для церкви св. Себастьяна въ Нюренбергѣ, гдѣ впоследствии онъ былъ замѣненъ копіей неизвѣстнаго мастера, теперь находится въ «Германскомъ музеѣ» этого города ¹⁾. Самая композиція сцены *олакиванія* близко похожа на предыдущую не только по общему, проникающему ее настроенію, но и по общей группировкѣ фигуръ, съ тѣми важнѣйшими отличіями, что дѣйствіе происходитъ здѣсь не у подножія креста, а вблизи уже мѣста погребенія Христа, такъ что Голгова видна въ отдаленіи, и сверхъ того тѣло Христово поддерживаетъ тутъ вмѣсто Никодима апост. Іоаннъ, мѣсто котораго въ свою очередь занимаетъ одна изъ святыхъ женъ, стоящая съ сосудомъ благовоній въ рукахъ. Любопытнымъ добавленіемъ къ композиціи являются здѣсь малыхъ размѣровъ фигурки заказчиковъ изъ фамиліи

¹⁾ Въ 1828 году образъ этотъ воспроизведенъ былъ въ литографіи Strixner und Bergmann.

Гольцшугеровъ, изображенныя въ позахъ молящихся на нижнемъ краю образа, гдѣ помѣщается также и гербъ названной фамиліи.

По своему исполненію этотъ алтарный образъ стоитъ значительно ниже предыдущаго, по отношенію къ которому нѣкоторые изъ изслѣдователей ¹⁾ считаютъ его какъ бы свободною копіей, выполненной почти исключительно учениками Дюрера по его указаніямъ. Слѣды позднѣйшихъ реставрацій еще болѣе уменьшаютъ художественное значеніе этого произведенія, въ которомъ собственно Дюреру должно быть приписано, повидимому, только сочиненіе въ рисунокъ, являющееся вариантомъ предыдущей композиціи, тогда какъ самое исполненіе уже всецѣло принадлежитъ его ученикамъ и сотрудникамъ.

Два года спустя Дюреръ исполняетъ многофигурный, сложный эскизъ тушью и перомъ, повышенный въ освѣщенныхъ частяхъ мѣломъ, на сѣро-зеленомъ картонѣ, послужившій для большого алтаря-триптиха, который заказанъ былъ Дюреру саксонскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ Мудрымъ и въ настоящее время находится въ лѣтней резиденціи Вѣнскаго архіепископа Ober-St.-Veit близъ Вѣны ²⁾. Эскизъ средней главнѣйшей части триптиха представляетъ *Голову въ моментъ распятія на крестѣ самого Христа и двухъ разбойниковъ*, въ композиціи въ высшей степени сложной. Въ глубинѣ картины у подножія средняго креста, на которомъ распятъ Христосъ, стоитъ св. Марія Магдалина, охвативши крестъ обѣими руками и обративши лицо свое къ Распятому. Одинъ изъ воиновъ поднимаетъ длинное копье вверхъ, намѣреваясь пронзить тѣло уже умершаго Спасителя. Нѣсколько поодаль, почти у подножія креста, на которомъ виситъ добрый разбойникъ, св. апостолъ Іоаннъ и одна изъ святыхъ женъ поддерживаютъ упавшую безъ чувствъ Богоматерь; двѣ другія св. жены жестами выражаютъ свое отчаяніе. Надъ умершимъ злымъ разбойникомъ изображенъ

¹⁾ См., напр., *Janitschek: Geschichte d. deutsch. Malerei*, S. 337.

²⁾ Эскизъ состоитъ въ общемъ изъ пяти отдѣльныхъ рисунковъ in folio, представляющей композиціи средней части (рис. находится въ Базельскомъ музеѣ) и четырехъ картинъ, помѣщенныхъ на внутреннихъ и вѣшнихъ сторонахъ боковыхъ створовъ триптиха. Рисунки воспроизведены у *Knaackfuss*, S. 30 — средняя часть, и *Lippmann*, табл. 188—191 остальные части. См. нашъ рисунокъ № 23, представляющей центральную композицію.



Рис. 23.

діаволь въ видѣ чудовища, принимающаго душу умершаго; а нагѣломъ добраго разбойника—летающій ангель, принимающій его душу. Ъъ кресту, на которомъ распять добрый разбойникъ, приставлена высовая лѣстница съ поднимающимся по ней воиномъ. У подножія крестовъ размѣстились группы конныхъ и пѣшихъ воиновъ, среди которыхъ видны также фигуры враговъ Христа—книжниковъ и фарисеевъ. На первомъ планѣ помѣщается еще одна многофигурная группа всадниковъ и пѣшихъ воиновъ въ разнообразномъ вооруженіи и самыхъ различныхъ положеніяхъ; нѣсколько солдатъ, расположившихся тѣсною группой въ правомъ углу, заняты дѣломъ одежды Христовой. Вдали за Голговою, среди гористаго пейзажа виднѣется Іерусалимъ со множествомъ зданій. Собственноручная надпись художника: «Albertus Durer 1502», указываетъ точно время созданія самаго эскиза.

Изъ эскизовъ боковыхъ створовъ триптиха ¹⁾ на одномъ (у Lippmann, табл. 188) изображено *несеніе креста Спасителемъ*. Дѣйствіе происходитъ у самыхъ воротъ Іерусалима: на первомъ планѣ шествуетъ Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ съ огромнымъ крестомъ на плечахъ, который помогаетъ ему нести Симоуъ Киренейскій; передъ Христомъ колѣнопреклоненная Вероника протягиваетъ ему большой платъ. Главная группа эта окружена воинами, изъ которыхъ двое веревками ударяють Христа, а также зрителями шествія. На второмъ планѣ видны ворота Іерусалима и часть прилегающаго ландшафта. На другомъ эскизѣ (у Lippm. т. 189) представленъ *воскресшій Христосъ*, окруженныйсіяющимъ нимбомъ, въ широкой мантии, развѣвающейся отъ вѣтра: правою рукою онъ благословляетъ, въ лѣвой рукѣ держитъ знамя съ крестомъ на вершинѣ дръвка. Большую часть картины занимаетъ лѣсистый пейзажъ, среди котораго видна вдали пещера и гробъ Господень съ отвалившимся камнемъ: на гробницѣ — сидящій ангель, подлѣ нея спящіе воины. На двухъ остальныхъ эскизахъ помѣщены (у Lippm. т. 190) *св. Себастьянъ*, совершенно нагой, привязанный веревками за руки къ дереву и пронизанный стрѣлами; и *св. Рохъ* въ одеждѣ пилигрима и съ посохомъ въ правой рукѣ, показывающій на рану, находящуюся у него на лѣвой ногѣ (у Lippm. т. 191).

¹⁾ Всѣ четыре эскиза боковыхъ створовъ триптиха хранятся въ Штеделевскомъ институтѣ во Франкфуртѣ.

Въ самомъ алтарномъ образѣ, который исполненъ былъ по этимъ эскизамъ, композиціи всѣхъ частей триптиха были воспроизведены съ большою близостью къ описаннымъ эскизамъ проектамъ, при чемъ существенное отличіе можно указать только на правой внутренней сторонѣ триптиха, гдѣ Христосъ изображенъ не одинъ, а въ присутствіи св. Магдалины, которой онъ является послѣ своего воскресенія.

Въ художественномъ отношеніи центральная часть триптиха въ эскизѣ значительно уступаетъ четыремъ боковымъ. Избравши для этой центральной картины композицію чрезвычайной сложности, Дюреръ хотя и выполняетъ ее въ общемъ съ обычнымъ искусствомъ, не запутывая ея, невзирая на множественность участвующихъ въ картинѣ лицъ, тѣмъ не менѣе не свободенъ здѣсь отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Нельзя не отмѣтить, напримѣръ, слишкомъ рѣзкаго раздѣленія группы всадниковъ и пѣшихъ воиновъ перваго плана отъ многофигурныхъ группъ втораго плана, разиѣстившихся подлѣ крестовъ, безъ достаточно яснаго при этомъ перспективнаго различенія обоихъ плановъ; нельзя не указать и на нѣкоторую неумѣлость въ изображеніи лошадей, которыя всегда особенно трудно давались великому художнику, равно какъ и несовершенное соотвѣтствіе коней и всадниковъ въ отношеніи пропорцій тѣхъ и другихъ ¹⁾. Напротивъ, всѣ боковыя эскизы въ художественномъ отношеніи должны быть поставлены въ число наилучшихъ изъ сохранившихся отъ Дюрера работъ этого рода, представляя собою произведенія, исполненныя не только съ чрезвычайною тщательностью, какъ если бы они служили не эскизами, а самостоятельными законченными картинами, но и съ замѣчательнымъ изяществомъ.

Самое исполненіе триптиха въ краскахъ таково, что, по мнѣнію одного изъ ученыхъ, посвятившихъ этому алтарному образу цѣлое отдѣльное изслѣдованіе ²⁾, и здѣсь, какъ въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ, только часть его можетъ быть приписана самому Дюреру. Самимъ художникомъ не только были изготовлены описанные выше эскизы всѣхъ частей алтаря, но и набросанъ по этимъ

¹⁾ Ср. *Ephrussi*: dessins, pag. 88 sq.

²⁾ См. Mittheilungen d. K. K. Osterr. Centralcomission für Erforsch. u. Erh. d. Baudenkmale, Wien XVI (1871), S. 81 ff. *Thausing*: „das Dürersche Altarwerk zu Ober-St.-Veit bei Wien“.

эскизамъ уже на самомъ триптихѣ тонкою кистью контурный чер-
ный рисунокъ, который, дѣйствительно, замѣтенъ и теперь еще въ
нѣкоторыхъ, слабѣе закрашенныхъ частяхъ композицій. Большою
частью послѣдующей работы по выполнению образа въ краскахъ при-
надлежала однако и здѣсь, по мнѣнію этого изслѣдователя, учени-
камъ Дюрера, работавшимъ въ его мастерской, и по преимуществу
Гансу Шейфелейну, какъ можно думать на основаніи сходства между
этимъ алтаремъ и позднѣйшими самостоятельными работами самого
Шейфелейна, съ одной стороны, въ манерѣ наложенія красокъ и
блѣдномъ общемъ колоритѣ картинъ; съ другой, въ самыхъ типахъ
изображаемыхъ лицъ, выработавшихся у названнаго художника въ
опредѣленные извѣстными чертами шаблоны.

Въ 1500 году Дюреръ создаетъ одну любопытную картину съ
сюжетомъ *миологическимъ*, которые вообще художникъ трактовалъ,



Рис. 24.

сколько мы знаемъ, только въ своихъ гравюрахъ и рисункахъ и кото-
рые, въ каждомъ данномъ случаѣ, показываютъ намъ своеобразное по-
ниманіе имъ античнаго міросозерпанія и столь же оригинальную интер-
претацію этого послѣдняго въ художественныхъ произведеніяхъ. Мы

говоримъ о той, исполненной акварельными красками картинѣ 1500 г., которая изъ Шлезгеймской галлерей, гдѣ она находилась первоначально, перешла впоследствии въ «Германскій музей» Нюренберга, и несложная композиція которой представляетъ *Геракла, избивающаго стимфалійскихъ птицъ*¹⁾.

Почти совершенно нагой, съ повязкою вокругъ бедеръ, съ колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами, и другимъ, уже пустымъ, на боку, съ длинными, развѣвающимися отъ вѣтра волнистыми волосами, герой широкимъ шагомъ подвигается влѣво, по направленію къ летящимъ передъ нимъ въ воздухѣ своеобразнымъ существамъ съ женскими головами и бюстами и чудовищными хвостами, крыльями и лапами. Въ одну изъ этихъ полуженщинъ — получудовищъ, изображающихъ здѣсь стимфалійскихъ птицъ, которыхъ, согласно мнѣю, Гераклъ избиваетъ при нападеніи ихъ на него, онъ направляетъ ударъ стрѣлы изъ своего туго-натянутого большого лука. Весь второй планъ занимаетъ въ картинѣ обширный гористый пейзажъ съ виднѣющимся вдали большимъ озеромъ, на берегу котораго стоитъ красивый средне-вѣковой замокъ. Картина помѣчена 1500 годомъ и монограммою Дюрера.

Существуетъ эскизный рисунокъ къ этой картинѣ, исполненный перомъ и повышенный сепіей²⁾). Гераклъ, въ отличіе отъ фигуры его на картинѣ, одѣтъ здѣсь въ львиную шкуру, что болѣе соответствовало обычнымъ изображеніямъ его въ античномъ искусствѣ, но по какимъ то соображеніямъ измѣнено было затѣмъ въ самой картинѣ. Пейзажъ въ эскизѣ только слегка намѣченъ; по самой композиціи эскизный рисунокъ близко походитъ на окончательную, какую мы видимъ въ картинѣ. Въ отношеніи близости какъ цѣлаго, такъ и отдѣльныхъ фигуръ, къ античному міросозерцанію и искусству картина оставляетъ желать весьма многого. Ясно, что художникъ слишкомъ еще мало знакомъ съ подлинными произведеніями античнаго искусства и что композиція картины обязана своимъ происхожденіемъ не столько непосредственному ознакомленію художника съ какими-либо образцами классическаго искусства, сколько литера-

¹⁾ Воспроизв. у *Knackfuss*: Dürer, S. 27. См. рис. № 24.

²⁾ Рисунокъ этотъ находится въ коллекціи вел. герцога Дармштадскаго и воспроизведенъ у *Lippmann*, Taf. 207; *Ephrussi*, pag. 60.

турнымъ свѣдѣніямъ о нихъ, имѣвшимся какъ у самого художника, такъ особенно у друзей его, гуманистовъ: Вильбальда Пиркгеймера, Гартмана Шеделя, Конрада Цельтеса и др., указаніями которыхъ Дюреръ обыкновенно пользовался при созданіи своихъ произведеній, требовавшихъ знанія классической мифологіи, исторіи и искусства. Такъ, по отношенію къ архитектурному стаффажу, какъ и ландшафту; воспроизведенному въ картинѣ, несомнѣнно, что никакихъ воспоминаній ни о классической архитектурѣ, ни объ античномъ пейзажѣ, поскольку они могли быть извѣстны изъ самыхъ памятниковъ античнаго искусства, художникъ не имѣлъ и не стремился здѣсь дать, воспроизведя въ своей картинѣ реальный пейзажъ съ архитектурными сооружениями, подобными существовавшимъ въ дѣйствительности въ его время, невзирая на всю странность такого соединенія того и другого съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ классической мифологіи. Равнымъ образомъ и самые типы лицъ у Геракла, какъ и у женщинъ—птицъ, нападающихъ на него, не имѣютъ ничего общаго съ типами, извѣстными намъ въ античномъ искусствѣ, близко напоминающая въ то же время родные Дюреру нѣмецкіе типы. Въ этихъ своеобразныхъ особенностяхъ трактовки античныхъ сюжетовъ заключаются тѣ характерныя черты, которыя имѣли въ эпоху Возрожденія самое широкое распространеніе, особенно среди художниковъ Германіи, какъ и другихъ странъ, стоявшихъ далеко отъ первоисточниковъ возрожденной жизни въ искусствѣ, — отъ памятниковъ міра классическаго, вновь тогда дѣлавшихся близко извѣстными новому міру; и эти, именно, особенности приходится не разъ отмѣчать между прочимъ и въ произведеніяхъ Дюрера, когда предметомъ изученія являются работы его, захватывающія широкую область классической мифологіи и искусства.

При разсмотрѣніи произведеній живописи, созданныхъ Дюреромъ въ теченіе изучаемаго нами періода, считаемъ необходимымъ остановиться еще на двухъ превосходныхъ портретныхъ работахъ его, которыя хотя и помѣчены хронологическими датами и монограммами, (а одна даже подробно пояснительною надписью), тѣмъ не менѣе, на основаніи стилистическихъ и другихъ данныхъ, должны быть отнесены къ инымъ годамъ, чѣмъ тѣ, какіе указаны въ этихъ фальшивыхъ, позднѣе добавленныхъ надписяхъ.

Однимъ изъ этихъ любопытныхъ произведеній является пор-

портрет отца художника, Альбрехта Дюрера Старшаго, исполненный масляными красками и находящийся нынѣ въ галлерей Уффиций во Флоренціи ¹⁾. Въ виду того, что портретъ помѣченъ монограммою Дюрера и цифрою 1490 года, изслѣдователи, упоминаящіе о немъ безъ всякихъ колебаній относили его, именно, къ указанному въ надписи году, когда будто бы юный художникъ, только что окончившій обученіе въ мастерской Вольгемута, изобразилъ своей кистью престарѣлаго отца, чтобы показать ему передъ предстоящимъ путешествіемъ всю высоту художественнаго своего развитія въ данный моментъ ²⁾. Мнѣніе это однако мы признаемъ безусловно невѣрнымъ, а самую хронологическую дату, какъ и монограмму, — подѣлкой, и притомъ весьма неудачной, позднѣйшаго времени. Въ самомъ дѣлѣ прежде всего по отношенію къ самымъ помѣткамъ, имѣющимся на портретѣ, при сличеніи ихъ съ соотвѣтствующими помѣтками на другихъ подлинныхъ и несомнѣнныхъ произведеніяхъ Дюрера изъ того же ранняго періода около 1490 года обнаруживается немедленно фальшивость какъ цифры года, такъ и монограммы художника; ибо на всѣхъ этихъ произведеніяхъ ³⁾ самыя цифры имѣютъ совершенно инья начертанія, а монограмма художника еще раздѣлена на двѣ буквы (A и D), стоящія *отдѣльно* одна отъ другой, а не входящія одна въ другую, какъ видимъ ихъ только на позднѣйшихъ произведеніяхъ Дюрера, начиная съ 1496 года, и какъ по недосмотру изобразилъ ихъ здѣсь, на портретѣ, неумѣлый фальсификаторъ.

Еще съ большею убѣдительною опровергаются показанія этой фальшивой даты самыми стилистическими особенностями портрета. Несмотря на реставрацію, которой отчасти подвергался портретъ, можно съ увѣренностью утверждать, что временемъ созданія его никакъ не могъ быть указанный 1490 годъ, такъ какъ высокія достоинства работы показываютъ здѣсь несомнѣнно эпоху уже полной художественной зрѣлости мастера, создавшаго это произведеніе.

¹⁾ Воспроизведенъ у *Knackfuss*: Dürer, S. 4. На оборотной сторонѣ доски, на которой написанъ этотъ портретъ, помѣченъ фамильный гербъ Дюреровъ.

²⁾ См. *Thausing*: A. Dürer, I, S. 44—45; *Knackfuss*: Dürer, S. 4, и др.

³⁾ Напримѣръ, на рисункѣ Мадонны 1485 г.; на рис. 1489 г. съ изобр. ландшафтовъ; на портретѣ самого Дюрера отъ 1493 г.; на рис. съ изобр. Орфея 1494 г.; на рис. скопированномъ съ млад. Христа 1495 г., и др.

Мастерская, превосходная моделировка всѣхъ формъ; высокое умѣнье художника располагать эффектами свѣта и тѣни въ ихъ яркихъ контрастахъ, равно какъ и совершенная увѣренность, легкость и точность въ рисунокѣ, не допускають ни въ какомъ случаѣ мысли о созданіи этого великолѣпнаго портрета въ столь ранній періодъ дѣятельности Дюрера, когда онъ только что окончилъ періодъ своего ученичества въ мастерской Вольгемута. Напротивъ, даже собственный портретъ Дюрера, написанный имъ во время заграничнаго путешествія въ 1493 году, во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ тому, который по самой манерѣ письма явно приближается къ извѣстнымъ работамъ его, относящимся къ періоду 1498 и слѣдующихъ годовъ. Въ виду этого, принимая во вниманіе, съ одной стороны, особенную близость разсматриваемаго портрета въ стилистическомъ отношеніи къ произведеніямъ указаннаго сейчасъ періода, а съ другой, — имѣющееся въ фамиліной хроникѣ Дюрера сообщеніе о кончинѣ отца его въ 1502 году, думаемъ, что отнесеніе портрета Альбрехта Дюрера Старшаго къ 1499—1500 г. наиболѣе близко соотвѣтствовало бы самой дѣйствительности.

Къ тому же времени должно отнести и хранящійся въ Британскомъ музеѣ портретъ отца Дюрера, исполненный углемъ ¹⁾ гдѣ, какъ и на только-что разсмотрѣнномъ портретѣ масляными красками, старый отецъ художника изображенъ въ три четверти портрета, почти до пояса, въ своеобразной шапкѣ съ отвороченными краями, изъ-подъ которой падаютъ внизъ его длинные, свивающіеся локоны, волосы, и въ простомъ домашнемъ костюмѣ. Лицо спокойное, даже нѣсколько строгое, съ невысокимъ продолговатымъ, неправильной формы носомъ, тонкими губами, серьезно и прямо глядящими глазами, безъ бороды и усовъ. На рисунокѣ Британскаго музея руки вовсе не видны; на флорентинскомъ портретѣ въ обѣихъ рукахъ Дюрера — отца имѣются четки, какъ символъ его благочестія. Законченность, увѣренность и легкость рисунка свидѣтельствуютъ о той же зрѣлой порѣ въ развитіи художественнаго таланта Дюрера, къ какой мы относимъ, вопреки фальшивой хронологической датѣ, и флорентинскій портретъ ²⁾.

¹⁾ Рисунокъ этотъ воспроизведенъ у *Ephrussi*: dessins, pag. 81; *Klaczfuss*: Dürer, S. 12, в др.

²⁾ Ср. *Ephrussi*: dessins, pag. 82, примѣчаніе.

Другимъ произведеніемъ живописи, которое необходимо отнести къ иному году, чѣмъ указанный въ самой надписи на немъ, является



Рис. 25.

знаменитый *портрет самого художника*, находящийся в Мюнхенской пинакотекв¹⁾. Художникъ представилъ себя на этотъ разъ обращеннымъ лицомъ прямо къ зрителю, съ непокрытою головою: роскошныя волосы длинными въюющимися прядями падаютъ на плечи его, рассынаясь поверху мѣхового широкаго ворота богатой шубы, въ которую онъ одѣтъ; правая рука придерживаетъ на груди мѣховую оторочку ея; часть бѣлой сорочки видѣется въ глубинѣ разрѣза, образуемаго воротомъ шубы. Яркій свѣтъ падаетъ на лицо, на руку и длинныя волны волосъ, которыя какъ будто золотятся отъ этихъ лучей, сообщая въ то же время почти скульптурную рельефность портрету, которая еще усиливается рѣзкимъ контрастомъ освѣщенныхъ частей съ интенсивно чернымъ фономъ его. По обѣ стороны отъ головы помѣщаются надписи: слѣва — монограмма Дюрера и цифра 1500; справа — надпись въ четыре строки, гласящая отъ имени художника: «Albertus Durerus Noricus ipsum me propriis hic effingebam coloribus aetatis anno XXVIII».

Что касается исторической и эстетической оцѣнки этого портрета, едва ли не болѣе всѣхъ остальныхъ произведеній Дюрера извѣстнаго многочисленнымъ посѣтителемъ музеевъ и вообще любителямъ искусства, то въ отношеніи таковой должно отмѣтить различіе мнѣній, доходщее у нѣкоторыхъ изъ изслѣдователей до полной противоположности съ остальными. Въ то время какъ большинство, справедливо указываетъ на замѣчательную тонкость письма, на необычайную силу въ передачѣ эффектовъ освѣщенія; на жизненность и благородство этого прекраснаго лица, совмѣщающаго въ себѣ величіе эллинскаго Зевса съ возвышенными чертами христіанскаго идеала; другіе усматриваютъ здѣсь незаслуживающую одобренія попытку Дюрера — придать своему лицу черты идеальнаго образа Христа, что будто бы отразилось весьма неблагоприятно на самомъ портретѣ, сдѣлавши его неподвижнымъ, подобно иконографическимъ типамъ, лишеннымъ истинной жизни²⁾. И мнѣніе первыхъ представляется

¹⁾ Воспроизведенъ у Knackfuss: Dürer, S. 25; W. Schmidt: Dürer, S. 10 (изд. Dohme); Thausing: Dürer, II, S. 95; въ гравюрѣ на мѣди Forster; литографія Strixner. и др. См. нашъ рисунокъ № 25.

²⁾ Ср. А. в. Eye: Leben und Wirken A. Dürers, S. 84; Thausing: Dürer II, S. 96 f.; Springer: A. Dürer, S. 47; Janitschek: Geschichte d. deutsch. Malerei, S. 340 f.; W. Schmidt: Dürer, S. 10—11, въ изданіи Dohme: Kunst und Künstler B. I, № VII и др.

намъ безусловно болѣе близко и правдиво характеризующимъ истинныя качества этого замѣчательнаго произведенія, — превосходнаго, несмотря на всѣ реставраціи, которымъ оно подвергалось и которыми немало понижена его первоначальная художественная цѣнность... По отношенію ко времени созданія портрета и мѣсту его въ ряду другихъ портретныхъ произведеній художника разногласіе оказывается также весьма значительнымъ, и тогда какъ одни изъ изслѣдователей безъ всякихъ колебаній принимаютъ цифру года, которою помѣченъ портретъ ¹⁾, другіе вполнѣ основательно признаютъ всѣ надписи, имѣющіяся на немъ, позднѣйшимъ добавленіемъ, отмѣчая при этомъ явное несоотвѣтствіе общаго склада лица художника съ обозначеннымъ возрастомъ его и цифрою года и признавая временемъ созданія портрета періодъ отъ 1503 по 1509 годъ ²⁾. И дѣйствительно, сравненіе этого портрета съ предыдущимъ, созданнымъ въ 1498 году, заставляетъ рѣшительно утверждать, что въ жизни художника долженъ былъ пройти цѣлый рядъ лѣтъ, во всякомъ случаѣ не меньше пяти, чтобы во внѣшнемъ обликѣ его успѣли совершиться столь серьезныя измѣненія, указывающія на соотвѣтствующія глубокія перемѣны и въ самомъ духовномъ развитіи, въ нравственномъ существѣ его.

Уже ранѣе, при разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ къ произведеніямъ живописи (отчасти также гравюры), созданнымъ въ теченіе изучаемаго нами періода, мы указали важнѣйшіе изъ *рисунковъ*, исполненныхъ Дюреромъ за это же время. Необходимо упомянуть здѣсь еще о нѣсколькихъ рисункахъ изъ того же періода, имѣющихъ въ однихъ случаяхъ самостоятельное значеніе, въ другихъ — значеніе этюдовъ. Такова прежде всего любопытная, хотя и наивная по формѣ *аллегорія краснорѣчія*, исполненная перомъ на листѣ, хранящемся въ библіотекѣ художественно-историческихъ собраний королевскаго дома въ Вѣнѣ ³⁾. Меркурій, какъ богъ краснорѣчія и торговли, въ короткой сорочкѣ съ развѣвающимися кон-

¹⁾ *C. von Mander*: *Ilet Schilderboeck*, 1618, f. 182; *Heller*: *A. Dürer*, 209; *Kugler*: *Handbuch d. Geschichte d. Malerei*, II, 205, *A. v. Eye* въ указанномъ мѣстѣ и др.

²⁾ Таковы мнѣнія *Janitschek*, *Springer*, *Thausing* на указ. страницахъ ихъ изслѣдованій, и др.

³⁾ Рисунокъ воспроизведенъ у *Lippmann*, *Taf.* 420.

цами, въ шлемѣ, украшенномъ крыльями, и съ крыльями на ногахъ, летитъ въ облакахъ, протягивая впередъ свою лѣвую руку; въ правой рукѣ его — жезлъ съ двумя змѣйками; надъ головой его сияетъ большая звѣзда. Изъ раскрытаго рта Меркурія протягиваются внизъ длинныя цѣпи, нижніе концы которыхъ схватываютъ уши троихъ мужчинъ (въ костюмахъ воина, купца и монаха) и одной женщины, бѣгущихъ вслѣдъ за Меркуриемъ. Такъ цѣпи эти символизируютъ ту притягательную силу, какую оказываетъ краснорѣчіе на слушателей. На фонѣ рисунка подлѣ Меркурія начертаны греческими буквами разнообразныя эпитеты Меркурія, въ числѣ двадцати. Исполненіе рисунка далеко не законченное.

Напротивъ, полною законченностью и замѣчательнымъ изяществомъ композиціи, какъ и гармоничностью красокъ отличается другой рисунокъ того же собранія ¹⁾ съ изображеніемъ *Ариона, пльвущаго на дельфинѣ*, исполненный перомъ и раскрашенный акварельными красками. Правой рукою пѣвецъ, совершенно нагой, сидя на спинѣ дельфина, держится за голову послѣдняго; придерживая лѣвой рукою свою лиру и обративши кверху лицо, онъ вдохновенно поетъ; надпись надъ плывущими по волнамъ пѣвцомъ и дельфиномъ («*risce super curvo vectus cantabat Arion*») ближе поясняетъ самое содержаніе рисунка.

Среди другихъ рисунковъ разсматриваемаго періода слѣдуетъ отмѣтить далѣе интересныя *этюды нагого женскаго тѣла*: одинъ, хранящійся въ Альбертинумѣ, съ надписью: «*dz hab ich gefezirt*» («это нарисовалъ я»); другіе два отъ 1500 года, оба въ Британскомъ музеѣ, исполненные перомъ и тушью, съ женскими фигурами въ различныхъ положеніяхъ en face съ измѣреніями, какъ въ разнообразныхъ штудіяхъ Дюрера къ учению о пропорціяхъ (у Lippmann, 225 и 226); этюдъ нагой женщины съ яблокомъ въ правой рукѣ для будущихъ композицій Адама и Евы, исполненный перомъ и тушью въ 1501 году (у Lippmann, Taf. 235); этюды 1503 года: Мадонна, сидящая на скамьѣ съ младенцемъ Христомъ (у Lippm. 229); голова умершаго Христа въ терновомъ вѣнцѣ (у Lippm. 231); голова бородатаго мужчины въ шапкѣ съ выраженіемъ сильнаго страданія на лицѣ (у Lippm. 230); наконецъ, нѣсколько *портретовъ*,

¹⁾ Рис. воспр. у Lippmann, Taf. 411.

исполненных карандашомъ, углемъ и перомъ, среди которыхъ укажемъ портреты Пиркгеймера (Lippm. 376 и Eprhussi, pag. 85), неизвестной женщины (Lippm. 5), неизвестнаго юноши съ надписью: «also pin ich gschtalt in achtzehn Ior alt», (Lippm. 426) и др.,— всѣ помѣченные монограммою Дюрера и хронологическими датами.

Число *гравюр на мѣди* изъ разсматриваемаго періода—не велико. Къ 1500 году относится гравюра съ изображеніемъ *пр. Богородицы съ младенцомъ Христомъ на рукахъ и св. Анной подлѣ нея* ¹⁾. Обѣ святыя жены, стоя лицомъ другъ къ другу, забавляютъ младенца, держащаго въ рукахъ большую грушу. Въ облакахъ и въ сіяніи прямо надъ ихъ головами видна полуфигура Бога-Отца и исходящаго отъ него Духа Святого въ видѣ голубя. Внизу монограмма художника.

Въ 1502 году исполнена была небольшая гравюра, представляющая аллегорію *справедливости* ²⁾. Справедливость изображена здѣсь въ видѣ юноши, сидящаго со скрещенными ногами на львѣ; одежду его составляетъ короткая мантія, не закрывающая ногъ его; голова окружена лучистымъ сіяніемъ, глаза источаютъ пламя; въ правой рукѣ его—мечъ, въ лѣвой—вѣсы. Для этой гравюры художникомъ исполненъ былъ предварительно законченный эскизъ карандашомъ, по которому затѣмъ имъ же самимъ была воспроизведена и гравюра ³⁾.

Въ 1503 году появились еще двѣ гравюры на мѣди. На одной изъ изъ нихъ ⁴⁾ пр. Богородица, сидящая на скамьѣ, кормитъ младенца Христа грудью, придерживая ее правой рукою; подлѣ нея на деревѣ виситъ табличка съ цифрою года. На другой, носящей названія: «*смерть невѣсты*» или «*гербъ смерти*» ⁵⁾, изображена молодая женщина въ богатой одеждѣ нюрнбергской невѣсты, позади которой видна фигура безобразнаго бородатаго существа, обросшаго шерстью; склонившись надъ плечомъ молодой женщины, оно какъ будто старается заглянуть ей въ лицо или поцѣловать его. Лѣвой рукою оно держитъ большой деревянный колъ, къ которому при-

¹⁾ У Bartsch № 29, у Heller № 483, у Rettberg № 44.

²⁾ У Bartsch 79, у Heller 826, у Rettberg 51.

³⁾ Рисунокъ см. у Lippmann, Taf. 203.

⁴⁾ У Bartsch 34, Heller 564, Rettberg, 52.

⁵⁾ У Bartsch 101, Н. 1022, R. 53.

крѣпленъ своеобразный «гербъ смерти»—большой щитъ съ изображеніемъ черепа; надъ нимъ—шлемъ съ забраломъ и громадными крыльями на немъ вмѣсто гребня. Обѣ гравюры помѣчены цифрой года созданія.

Нѣсколько гравюр на деревѣ, исполненныхъ по рисункамъ Дюрера рѣзчиками—ремесленниками и относящихся къ періоду 1501—2 годовъ, нашли себѣ мѣсто не на отдѣльныхъ листахъ, какъ обычно, а въ печатныхъ изданіяхъ въ качествѣ иллюстрированныхъ къ нимъ приложений. Таковыми были: портретъ извѣстнаго гуманиста Conrad Celtes въ его изданіи: «quatuor libri amicum», Norimberg. 1502; аллегорическая фигура философіи, въ томъ же сочиненіи, и портретъ знаменитой въ свое время монахини-поэтессы, по имени Roswitha, въ изданіи: «opera Rhosvite», Norimberg. 1501. Двѣ первыя гравюры, помѣщенные въ названномъ изданіи нѣмецкаго гуманиста на ряду съ гравюрами нѣкоторыхъ другихъ художниковъ, исполнены по рисункамъ Дюрера, составленнымъ въ свою очередь по письменнымъ указаніямъ самого издателя, который давалъ ихъ каждому изъ художниковъ относительно какъ композиціи цѣлаго во всякой изъ этихъ гравюръ, такъ и каждой отдѣльной фигуры; самому же издателю принадлежатъ и латинскія надписи на нѣкоторыхъ изъ этихъ гравюръ. На первой изъ перечисленныхъ гравюръ самъ С. Celtes представленъ колѣнопреклоненнымъ передъ императоромъ Максимилианомъ, сидящимъ въ полномъ императорскомъ одѣяніи на тронѣ: ученый издатель преподноситъ ему посвященную его имени книгу и лавровый вѣнокъ. Вся сцена окружена орнаментомъ изъ виноградныхъ листьевъ и гербами—австрийскимъ, богемскимъ, и собственнымъ гербомъ издателя. На второй—*философія* изображена въ видѣ богато одѣтой женщины, сидящей на тронѣ и держащей въ правой рукѣ три книги, а въ лѣвой скипетръ; ниже—рядъ буквъ, которыми начинаются по-гречески названія семи свободныхъ искусствъ и наукъ; гравюра обрамлена вѣнкомъ изъ листьевъ, среди которыхъ размѣщены четыре медальона съ изображеніями Птолемея, Платона, Цицерона и Альбрехта (какъ означено въ надписяхъ подлѣ нихъ). Кромѣ того гравюра сопровождается длинною надписью, относящеюся къ фигурѣ Философіи: «Sophiam me Greci, Latini Sapientiam vocant. Egipcii me Invenere, Greci scripsere, Latini transtulere, Germani applicavere», etc. По

четыремъ угламъ изображены четыре вѣтра въ видѣ дующихъ головъ ¹⁾.—На третьей изъ этихъ гравюръ поэтесса-монахиня Roswitha стоитъ колѣнопреклоненная передъ сидящимъ на тронѣ императоромъ Оттономъ, которому она подноситъ свои сочиненія; позади нея помѣщается фигура аббатиссы монастыря ²⁾. Исполненіе всѣхъ этихъ, какъ и остальныхъ гравюръ въ названныхъ изданіяхъ, грубо ремесленное, указывающее на примитивную неумѣлость рѣзчиковъ и не дающее возможности составить даже приблизительное представленіе о достоинствахъ рисунковъ, служившихъ для нихъ оригиналами.

¹⁾ У Bartsch 130, Heller 2063, Rettb. 48.

²⁾ У Passavant 277 b, Heller 2092, Rettb. 47.

Г Л А В А V.

Двухлѣтній періодъ (1504—5 г.), предшествующій второму путешествію Дюрера въ Италію.—Его значеніе въ художественной дѣятельности Дюрера.—Произведенія, сохранившіяся отъ этого періода.

Послѣднее двухлѣтіе передъ вторичнымъ отъѣздомъ Дюрера въ Италію проходитъ у художника въ живой, усиленной дѣятельности, которою онъ желаетъ, повидимому, не только удовлетворить своей потребности творчества; не только развить еще далѣе свой могучій художественный талантъ, чтобы показаться чужеземнымъ артистамъ и любителямъ искусства во всеоружіи своихъ блестящихъ способностей и высокаго мастерства, но и приобрести хотя бы нѣкоторый матеріальный достатокъ, который далъ бы ему возможность совершить предстоящее далекое путешествіе.

Нѣкоторые изъ изслѣдователей, отмѣчая такую интенсивность работы и продуктивность ея, называютъ это двухлѣтіе періодомъ перваго расцвѣта въ художественной дѣятельности Дюрера, выделяя его не только хронологически, но и по внутреннему характеру отъ работъ предшествующаго времени.—Жизненный путь каждаго великаго художника,—замѣчаетъ А. Шпрингеръ ¹⁾,—движется подобно волнистой линіи. То его фантазія усиленно дѣйствуетъ, увлекающая его впередъ; мысли его текутъ съ быстротою молніи; глазъ видитъ какъ будто съ большею остротою; рука съ удивительною легкостью слѣдуетъ за его замыслами. Силы и плодотворная дѣятельность художника достигаютъ своего особенно высокаго развитія, расцвѣта; онъ дышетъ свободно и свободно же осуществляетъ свои обширные замыслы. То мысли его начинаютъ течь съ большею

¹⁾ А. Springer: Dürer, S. 49.

медленностью; кажется, будто на некоторое время работа дѣлается для него болѣе трудною, а зрѣніе—менѣе яснымъ. Для Дюрера моментомъ расцвѣта творческой дѣятельности былъ особенно 1504 годъ. Уже въ теченіе десяти лѣтъ пребывалъ онъ въ своемъ родномъ городѣ. Теперь, думалъ онъ, наступило время—дать отчетъ въ своей предыдущей творческой дѣятельности и стремленіяхъ, а равнымъ образомъ познакомить съ своимъ художественнымъ profession de foi и съ тѣмъ, какіе пути для достиженія дальнѣйшихъ задачъ уже намѣчены имъ въ предыдущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ и тѣ послѣдующіе шаги, какіе надлежало ему еще сдѣлать въ будущемъ на жизненномъ пути, представляются теперь передъ его глазами яснѣе, чѣмъ прежде... Таковъ этотъ моментъ высокаго развитія у Дюрера, связывающій различныя эпохи какъ бы въ одинъ сложный узелъ: прошедшее и будущее какъ будто подаютъ руки другъ другу; окончаніе стараго направленія и начало новаго близко соприкасаются въ немъ одно съ другимъ»...

Не раздѣляя мнѣнія Шпрингера объ измѣненіи Дюреромъ въ эти годы прежняго направленія въ его художественной дѣятельности и о началѣ новаго; не усматривая въ произведеніяхъ изучаемаго двухлѣтія сколько-нибудь значительныхъ отличій отъ предыдущихъ по внутреннимъ особенностямъ, по качествамъ стиля и техники, мы считаемъ тѣмъ не менѣе удобнымъ выдѣлить ихъ изслѣдованіе въ отдѣльную главу чисто хронологически въ виду значительнаго количества сохранившихся работъ изъ этого времени.—

Изъ произведеній масляной живописи, относящихся къ періоду 1504 — 5 годовъ, на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ замѣчательный по совершенству исполненія алтарный образъ, написанный по заказу курфюрста Саксонскаго Фридриха собственноручно отъ начала до конца самимъ Дюреромъ для одной изъ церквей Витгенберга и составляющій въ настоящее время одно изъ лучшихъ украшеній галлерей Уффиций во Флоренціи¹⁾. Сюжетомъ композиціи этого образа является многократно трактовавшаяся въ искусствѣ сцена *поклоненія волхвовъ младенцу Христу*. Пресвятая Богородица въ голубомъ одѣяніи и съ бѣлымъ яркимъ покрываломъ на головѣ,

¹⁾ Алтарный образъ этотъ воспроизведенъ по фотографіи у *Knakfuss: Dürer, S 34*. См. нашъ рисунокъ № 26.

сидящая здѣсь (въ профиль для зрителя) съ младенцемъ Христомъ на колѣнахъ, является олицетвореніемъ прямого, безмятежнаго материнскаго счастья. Младенецъ Христосъ подѣтски наивно и радостно схватывается обѣими руками за дары, подносимые ему съ благоговѣніемъ и любовью однимъ изъ волхвовъ,¹⁾ склонившимъ колѣна предъ Спасителемъ міра. Двое другихъ волхвовъ въ роскошныхъ восточныхъ одеждахъ, одинъ съ чертами лица, весьма напоминающими



Рис. № 26.

самого Дюрера, другой—съ лицомъ африканскаго типа, стоятъ позади, держа въ рукахъ драгоценные сосуды, которые они готовятся поднести святому младенцу. Задній планъ представляетъ развалины

¹⁾ Вся фигура этого волхва съ нѣкоторыми измѣненіями повторяетъ фигуру Іосифа въ сценѣ Рождества Христова на Паумгертнеровомъ алтарѣ, къ которому этотъ алтарный образъ особенно близокъ столько же по общему настроенію, сколько и по качествамъ исполненія.—

оригинальнаго каменнаго строенія съ арками, поросшія отъ времени травой и кустарникомъ. Изъ стойла подъ арками видѣются головы вола и осла, а въ глубинѣ картины—фигуры спутниковъ волхвовъ, конныхъ и пѣшихъ, и позади аркады высокая утесистая гора съ разбросанными по склонамъ ея разнообразными зданіями.

Среди всѣхъ произведеній живописи, трактовавшихъ тотъ же сюжетъ, трудно отыскать композицію которая была бы проникнута болѣею искренностью, болѣею теплотою и задушевностью, чѣмъ эта композиція Дюрера. Въмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко и среди произведній самого Дюрера можно найти болѣе живописности въ цѣломъ и совершенства и законченности работы во всѣхъ деталяхъ, чѣмъ именно здѣсь. Художникъ употребилъ, видимо, все свое искусство, чтобы на этомъ алтарномъ образѣ показать, что способенъ онъ создать теперь въ области искусства при тщательной и усердной работѣ,—какіе шедевры умѣетъ производить его кисть, если на исполняемое произведеніе самимъ художникомъ затрачено достаточно времени и старанія при высокомъ умѣньѣ его преодолевать техническія и стилистическія трудности. И такое стремленіе художника дѣйствительно нашло для себя въ этомъ образѣ одно изъ удачнѣйшихъ воплощеній, ибо даже въ позднѣйшія эпохи его дѣятельности лишь немногія произведенія превзошли этотъ образъ тонкостью отдѣлки и законченностью ея въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, равно какъ и гармоніей красокъ, которыя при всей своей яркости и прозрачности, не пестрятъ тутъ въ своемъ общемъ ансамблѣ, подобно нѣкоторымъ изъ картинъ предшествующаго времени. То же самое должно сказать и о глубокой привлекательности идиллическаго настроенія, какимъ проникнута композиція этого образа, и о живости выраженія такого настроенія въ этомъ поклоненіи волхвовъ, ради которыхъ оно можетъ быть поставлено въ ряду лучшихъ произведеній великаго художника.

Два другихъ образа, писанныхъ подобно предыдущему на деревѣ, принадлежали одному большому алтарю-триптиху, для котораго они должны были составлять боковыя стороны, но не были въ дѣйствительности закончены и нынѣ находятся въ Бременскомъ музеѣ. На одномъ изъ нихъ мы видимъ *Крестителя Иоанна*, стоящаго во весь ростъ подлѣ лежащаго на землѣ агнца, на котораго онъ указываетъ лѣвой рукою. Креститель почти обнаженъ и всю одежду его составляетъ только перекинутый черезъ правое плечо и бедра

плащъ изъ верблюжей шерсти; въ правой рукѣ онъ держитъ большую книгу; голова съ длинными волосами и бородою склонилась на бокъ; второй планъ занимаетъ группа деревьевъ¹⁾.

Святый Онуфрій, составляющій pendant къ Крестителю, изображенъ почти совершенно нагимъ, во весь ростъ, стоящимъ опираясь руками на посохъ. Работа закончена здѣсь еще меньше, чѣмъ на предыдущемъ отворѣ этого триптиха, который въ своемъ цѣломъ никогда не былъ исполненъ²⁾.

Что касается изображенія *Христа, какъ Спасителя міра* (Salvator Mundi) со сферою въ рукахъ и въ длинной мантии, то нѣтъ основанія считать его, какъ дѣлаетъ это Таузингъ³⁾, за произведение этого же 1504 года, въ которомъ будто бы обнаруживается вліяніе Джакомо Барбари, какъ нельзя и утверждать вмѣстѣ съ позднѣйшимъ владѣльцемъ его В. Имгофомъ старшимъ, что образъ этотъ являлся послѣднею изъ всѣхъ работъ Дюрера, которую въ 1528 г. смерть художника помѣшала ему закончить⁴⁾. Отсутствие не только хронологической даты на этомъ образѣ, но и опредѣленныхъ стилистическихъ или иныхъ какихъ-либо указаній, заставляетъ болѣе осторожнаго изслѣдователя отказаться отъ точнаго опредѣленія года созданія его.—

Если, въ виду значительныхъ техническихъ трудностей, съ которыми художникъ обязанъ считаться при сзданіи произведеній масляной живописи, число этихъ послѣднихъ является сравнительно невеликимъ среди другихъ произведеній Дюрера за двухлѣтній періодъ 1504—5 годовъ, то *рисунки* его и *гравюры* за этотъ короткий промежутокъ времени оказываются напротивъ многочисленными.

Среди *рисунковъ* замѣчательная серія такъ называемыхъ «*зеленыхъ страстей*» (die grüne Passion) занимаетъ важнѣйшее мѣсто. Серія эта, состоящая изъ двѣнадцати превосходныхъ рисунковъ, исполненныхъ перомъ на зеленой бумагѣ (откуда и самое названіе ея) съ повышенными мѣломъ освѣщенными частями, находилась ранѣе въ коллекціи Фердинанда II, а въ настоящее время представляетъ собою одну изъ драгоценностей обширнаго собранія рисунковъ въ

¹⁾ По фотографіи воспроизвед. у *Knauff*; Dürer, S. 95.

²⁾ По словамъ Геллера (Heller, S. 227), оба эти изображенія святыхъ были помѣчены 1504 годомъ.

³⁾ *Tausing*: Dürer, I, S. 304.

⁴⁾ Ср. А. в. *Eye*: Dürer. Übersichtstafel № 2, Anhang, S. 532.

Вѣнскомъ Альбертинумѣ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ рисунки этой серіи воспроизводятъ слѣдующіе моменты страстей Христовыхъ: 1) предательство Іуды, 2) Христосъ передъ Кіафой, 3) Христосъ передъ Пилатомъ, 4) бичеваніе Христа, 5) Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, 6) выставленіе Христа передъ народомъ, 7) несеніе креста, 8) пригвожденіе Христа ко кресту, 9) распятіе, 10) снятіе со креста, 11) погребеніе и 12) воскресеніе Христова¹⁾.

Въ художественномъ отношеніи серія «зеленыхъ страстей» пред-



Рис. 27.

ставляется явленіемъ выдающимся даже среди другихъ болѣ крупныхъ произведеній Дюрера. Композиціи во всѣхъ картинахъ этой

¹⁾ Изъ отдѣльныхъ рисунковъ этой серіи у *Springer* воспроизв. сцены бичеванія Христа (на табл. къ стр. 50—51) снятія со креста (на табл. къ стр. 52—53 и у

серіи отличаются замѣчательною простотою и ясностью, особенно наглядными при сравненіи ихъ съ однородными, но гораздо болѣе сложными сценами въ другой грандіозной серіи такъ называемыхъ «большихъ страстей», созданныхъ позднѣе и рѣзанныхъ на деревѣ по рисункамъ Дюрера неизвѣстными мастерами (опис. см. ниже). Штриховка въ высшей степени тонкая и тщательно законченная, показывающая какимъ высокимъ совершенствомъ отличались оригинальные рисунки художника, предназначавшіеся въ качествѣ оригиналовъ для гравюръ на деревѣ, по которымъ рѣзчики-граверы исполняли клише. Но едва-ли не самое выдающееся достоинство рисунковъ этой замѣчательной серіи заключается въ томъ удивительномъ умѣньѣ художника—притать всѣмъ фигурамъ и отдѣльнымъ предметамъ выпуклую рельефность, живое и правдивое освѣщеніе и необыкновенно мягкую гармонію тоновъ употребленіемъ всего лишь двухъ простѣйшихъ изъ нихъ (чернаго и бѣлаго) по третьему цвѣтному (зеленому) основанію.

Вся эта серія была предназначена, повидимому, для воспроизведенія ея въ гравюрахъ на деревѣ, хотя по неизвѣстнымъ причинамъ это и не осуществилось въ дѣйствительности. Можно сказать однако, что и самъ по себѣ каждый изъ этихъ листовъ «зеленыхъ страстей» могъ бы быть признанъ, благодаря указаннымъ высокимъ достоинствамъ ихъ, не обыкновеннымъ, подготовительнымъ для другихъ произведеній, рисункомъ, а какъ бы законченною и самостоятельною картиной, которая и вполнѣ независимо отъ того назначенія, какое предполагалось для всѣхъ нихъ создавшимъ ихъ художникомъ сохраняетъ свое опредѣленное самобытное значеніе, какъ талантливо исполненное художественное произведеніе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣнательнымъ является фактъ существованія еще другихъ подготовительныхъ эскизовъ къ этимъ законченнымъ рисункамъ, изъ которыхъ нѣсколько сохранилось для насъ и которые показываютъ, съ какою удивительною добросовѣстностью и стараніемъ относился художникъ къ такого рода работамъ, хотя бы онѣ и не имѣли для него никакой практической выгоды, ограничиваясь только достиженіемъ въ нихъ чисто художественныхъ цѣлей артистическаго совершенствованія¹⁾.

Knackfuss:—сцены *распятія* и *погребенія* Христа (стр. 37—39). См. нашъ рисунокъ № 27, со сценою погребенія Христа.

¹⁾ См. эти первоначальные эскизы къ рисункамъ „зеленыхъ страстей“ со сльд. сто-

Къ разсматриваемому періоду относится далѣе цѣлый рядъ *портретныхъ* изображеній перомъ, карандашомъ и углемъ, хранящихся нынѣ въ различныхъ музеяхъ. Таковъ портретъ *жены Дюрера* въ высокомъ головномъ уборѣ, чрезвычайно тонкой работы, вполне законченный, съ монограммою художника, цифрою года созданія (1504) и собственноручною надписью Дюрера «Albrecht Dürerin»¹⁾; далѣе портретъ въ профиль безбородаго *старика* въ шапкѣ, прикрывающей уши, съ монограммою, цифрою года (1505) и позднѣйшею надписью: «*groria mano de Alberto Durego*», (въ коллекціи Митчеля въ Лондонѣ, воспр. у Lippmann, Taf. 74), и н. др.

Изъ другихъ рисунковъ этого времени кромѣ тѣхъ, которые послужили *эскизами* и *этюдами* для гравюрь или иныхъ произведеній и которые упоминаются нами ниже въ соответствующихъ мѣстахъ, отмѣтимъ здѣсь интересный листъ, находящійся въ Мюнхенскомъ кабинетѣ гравюрь съ изображеніями на немъ: льва, нападающаго на серну; двухъ собакъ набросившихся на быка; четырехъ львовъ, напавшихъ на двухъ лошадей, отбивающихся отъ нихъ; волка, грызущаго собаку и т. д. (у Lippmann, Taf. 201); далѣе листъ съ изображеніемъ *смерти* въ видѣ скелета съ косою въ рукѣ, ѣдущаго на конѣ, и съ надписью подлѣ него MEENTO MEI 1505 и съ монограммою Дюрера (у Lippmann, Taf. 91); и листъ съ изображеніемъ на немъ *большой головы оленя*, пронзенной стрѣлою, съ цифрою года 1504 и монограммою Дюрера (нынѣ въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ, воспр. Lippmann, Taf. 330).

Къ 1504—5 года принадлежитъ цѣлый рядъ превосходныхъ по композиціи и чрезвычайно изящныхъ по исполненіи *гравюрь на мѣди* и *деревѣ*. Изъ первыхъ въ сценѣ съ изображеніемъ *рождества Христова*²⁾ дѣйствіе происходитъ въ нижнемъ ярусѣ высокаго двухъ-этажнаго деревяннаго дома, гдѣ подлѣ лѣстницы ведущей наверхъ, передъ лежащимъ на пеленахъ младенцемъ Христомъ стоитъ колѣно-преклоненная Богородица. Голова ея покрыта длиннымъ покрываломъ,

наим. „предательство Іуды“ (у Lippmann, Taf. 409); „Христосъ передъ Киафой“ (у Lippm. 377); „спящее со креста“ (у Knackfuss, S. 36); бичеваніе Христа; Христосъ передъ Платомъ и н. др.

¹⁾ Портретъ этотъ, находящійся въ собраніи Блазиусъ въ Брауншвейгѣ, воспроизведенъ у Lippmann, Taf. 133, и Springer, S. 25.—

²⁾ У Bartsch № 2, Heller № 127, Rettberg № 54.

спускающимся на спину; длинная одежда ея широкими складками падает на землю; руки молитвенно скрещены на груди. Св. Иосифъ находится неподалеку отъ нихъ во дворѣ, посреди котораго стоитъ колодезь, и наполняетъ водою, почерпнутою изъ этого послѣдняго, большой глиняный сосудъ. На заднемъ планѣ виденъ хлѣвъ, изъ котораго выглядываютъ головы вола и осли, а впереди ихъ фигура пастыря, пришедшаго поклониться Христу. Черезъ отверстіе воротъ вдаль обрисовывается ландшафтъ со строеніями и едва замѣтной въ небесахъ фигуркой летящаго ангела. Монограмма художника съ обозначеніемъ года (1504) помѣщена на табличкѣ, висящей на шпиглѣ надъ крышей. Цѣлое производитъ впечатлѣніе высоко привлекательной мирной идилліи, а самая обстановка, несмотря на всю необычность ея и несоотвѣтствіе съ текстомъ св. писанія, кажется тѣмъ не менѣе гармонирующей съ такимъ идиллическимъ содержаніемъ.—

Замѣчательна по силѣ всѣхъ нюансовъ, придающей фигурамъ почти скульптурную лѣпку, гравюра на мѣди съ изображеніемъ «*Адама и Евы*» въ моментъ искушенія діаволомъ¹⁾). Прародители человечества, слѣва—Адамъ въ видѣ безбородаго юноши, справа—Ева въ видѣ молодой женщины съ распущенными волосами, оба совершенно нагіе, стоятъ по обѣ стороны отъ древа познанія добра и зла. Ева держитъ въ лѣвой рукѣ одно, уже сорванное ею вмѣстѣ съ вѣткою яблоко, и правою въ то же время беретъ другое изъ пасти змѣя, обвившагося вокругъ дерева. Адамъ, глядящій въ сторону Евы, лѣвую руку протягиваетъ по направленію къ этой послѣдней, въ то время какъ правою придерживаетъ вѣтку стоящаго близъ него дерева, на которой сидитъ попугай и повѣшена табличка съ надписью: «*Albertus Durer Noricus faciebat. 1504*» и съ монограммою Дюрера. Подлѣ прародителей находятся разнообразныя животныя: мышь, сповойно сидящая передъ дремлющей кошкой; заяцъ, олень, корова и т. д. На заднемъ планѣ—густой райскій садъ.

Сохранилось нѣсколько рисунковъ къ этой превосходной гравюрѣ, исполненныхъ художникомъ предварительно въ качествѣ *этюдовъ* и *эскизовъ* для нея. Наибольшею законченностью отличается хранящійся нынѣ въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ рисунокъ тушью и перомъ, перешедшій сюда изъ собранія Лана въ Прагѣ: фигуры Адама и

¹⁾ У Bartsch № 1, у Heller № 116, у Rettb. № 55. См. нашъ рисунокъ № 28.

Евы, поставленные здѣсь въ обратномъ отношеніи сравнительно съ гравюрою, особенно близко походятъ на изображенія ихъ въ самой гравюрѣ, для которыхъ онѣ послужили несомнѣнно однимъ изъ послѣднихъ эскизовъ; однако, райскій садъ, дерево со змѣемъ и

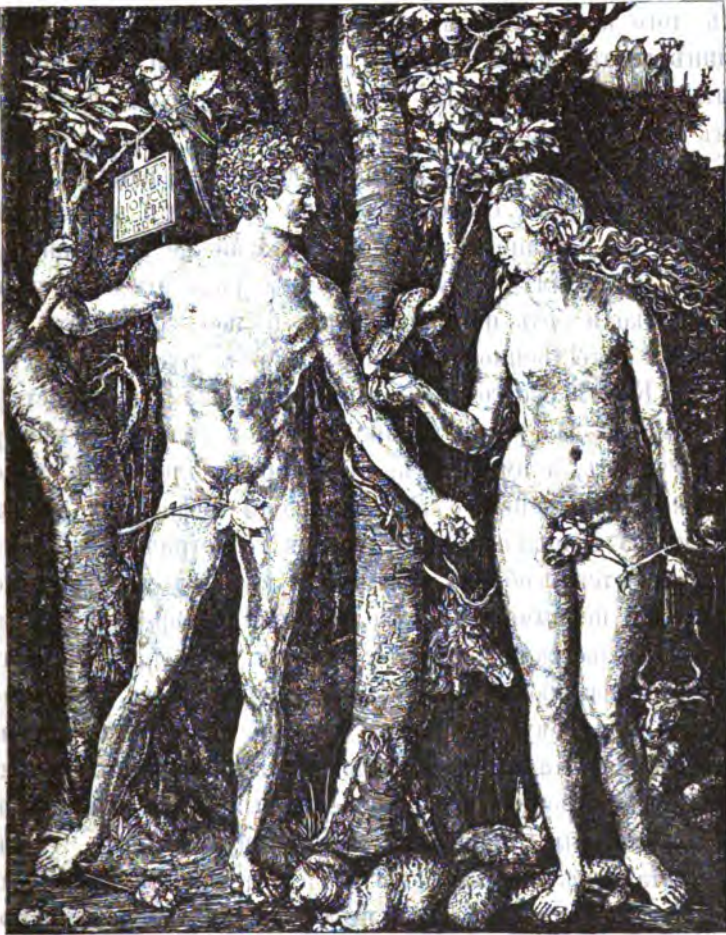


Рис. № 28.

фигуры животныхъ, которыя имѣются въ гравюрѣ, здѣсь замѣнены простымъ чернымъ фономъ. Рисунокъ помѣченъ 1504 годомъ и монограммою Дюрера ¹⁾.

¹⁾ Рисунокъ воспроизведенъ у *Knackfuss*: Dürer, s. 32.

На двухъ другихъ рисункахъ, изображающихъ Еву, изъ которыхъ одинъ находится въ томъ же Альбертинумѣ, а другой въ частной коллекціи въ Оксфордѣ ¹⁾,—фигура Евы менѣе закончена, а самая поза ея на послѣднемъ изъ рисунковъ такова же, какъ и на гравюрѣ, тогда какъ на первомъ значительно разнится отъ нея. Сверхъ того на послѣднемъ рисункѣ фигура Евы разрѣзывается по серединѣ вертикальной чертою, а на оборотной сторонѣ перваго начертаны пропорціональныя дѣленія всей фигуры. Далѣе на четвертомъ изъ сохранившихся рисунковъ (нынѣ также въ Альбертинумѣ) представлена фигура Адама, являющаяся pendant къ фигурѣ Евы второго рисунка, съ обозначеніями пропорцій важнѣйшихъ частей тѣла и въ постановкѣ близкой къ такой же въ самой гравюрѣ. Наконецъ, на пятомъ рисункѣ находимъ рядъ этюдовъ руки, держащей яблоко и безъ него, имѣвшихъ цѣлю—достигнуть наиболѣе правдивой и естественной передачи жестовъ рукъ у обоихъ прародителей ²⁾. Кромѣ своего спеціальнаго значенія въ качествѣ эскизовъ и этюдовъ для разсмотрѣнной сейчасъ гравюры, нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, а именно тѣ, въ которыхъ пропорціи человѣческаго, мужского и женскаго тѣла отмѣчены цифровыми данными, основанными на точныхъ вычисленіяхъ и геометрическихъ построеніяхъ, оказываются особенно важными и въ другомъ еще отношеніи: они являются первыми, наиболѣе ранними по времени документальными свидѣтельствами того, что уже въ періодъ, предшествующій второму путешествію въ Венецію, Дюреръ слѣдуя, повидимому, по пути, указанному ему еще ранѣе Джакомо Барбарі во время перваго посѣщенія Италіи, представляетъ въ нихъ первыя попытки изображенія тѣла человѣческаго, исполненныя на основахъ *точныхъ измѣреній*, которыя приносятъ, какъ увидимъ ниже, столь богатые результаты въ послѣдующей его дѣятельности и которымъ онъ посвящаетъ свое время и силы не только въ творческой практикѣ, но и въ научно-художественномъ изслѣдованіи, приводящемъ его къ общимъ закономѣрнымъ выводамъ изъ многочисленныхъ наблюденій надъ фактами ³⁾.

¹⁾ Рис. воспроизв. у *Ephrussi: dessins*, pag. 71.

²⁾ Рис. воспроизвед. у *Ephrussi*, *ibid* pag. 73.

³⁾ Подробное разсмотрѣніе теоріи пропорціональности и канонвъ человѣческаго тѣла см. въ главѣ о теоретическихъ сочиненіяхъ Дюрера.

Къ 1505 году относятся двѣ небольшія по размѣрамъ гравюры на мѣди съ сюжетами *миеологическими*. Одна съ изображеніемъ „*сѣмейства сатира*“ (или какъ его называютъ «сѣмейства лѣшаго» ¹⁾) представляетъ мириую семейную сцену въ лѣсу: на небольшой полянѣ полудежить на разостланной шкурѣ совершенно нагая женщина, одною рукою держащаяся за вѣтку дерева, а другою поддерживающая головку ребенка, который лежитъ у нея на колѣнахъ. Подлѣ нея—фигура сатира на козлиныхъ ногахъ и съ рогами, который игрою на инструментѣ забавляетъ ребенка. На вѣткѣ одного изъ деревьевъ виситъ табличка съ обозначеніемъ года (1505) и монограммою Дюрера.

На другой гравюрѣ композиція столь же проста и привлекательна ²⁾. На первомъ планѣ мы видимъ фигуру нагого юноши съ длинными, развѣвающимися отъ вѣтра волосами, и съ колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами, на боку; обернувшись налѣво онъ съ усиліемъ натягиваетъ тетиву лука, готовясь спустить стрѣлу. Подлѣ него на камнѣ сидитъ молодая женщина, также нагая, которая держитъ въ лѣвой рукѣ пучокъ травы, а правую положила на голову оленя, какъ будто намѣреваясь его кормить. Художникъ, повидимому желать изобразить здѣсь *Аполлона и Диану*, какъ можно думать по тѣмъ атрибутамъ, (лукъ у одного и олень подлѣ другой), которые приданы обѣимъ фигурамъ, несмотря на то, что какъ художественные типы, ни та, ни другая изъ нихъ не походятъ на античныя изображенія этихъ божествъ.

Въ Британскомъ музеѣ сохраняется любопытный *рисунокъ перомъ* незаконченный въ исполненіи, но самымъ характеромъ работы указывающій, на то, что этотъ рисунокъ художникъ первоначально намѣревался употребить въ качествѣ оригинала для гравюры на мѣди ³⁾. На рисункѣ представлены *Аполлонъ и Диана* въ композиціи, существенно отличающейся отъ композиціи описанной сейчасъ гравюры; Аполлонъ, который здѣсь по типу и постановкѣ фигуры весьма близко напоминаетъ Адама на гравюрѣ 1504 года, держитъ въ правой рукѣ длинный скипетръ, похожій на булаву, а въ лѣвой—

¹⁾ У Bartsch 69, Heller 819, Rettb 83.

²⁾ У В. 68, Н. 795, R. 87.

³⁾ Рисунокъ воспроизв. у *Ephrussi*: dessins, pag. 75.

сіяющее солнце съ надписью внутри диска его АРОЛО въ обратномъ порядкѣ всѣхъ буквъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ рисункахъ, назначаемыхъ для гравюръ. Сидящая на землѣ Діана, у которой голова лишь слегка нагнута, поднимаетъ вверхъ обѣ руки, какъ будто защищая себя отъ сіянія солнца. Размѣры рисунка гораздо болѣе велики, чѣмъ размѣры гравюры съ изображеніями Аполлона и Діаны; указанные отличія въ самой трактовкѣ сюжета и незаконченность рисунка заставляютъ думать, что самимъ художникомъ онъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ въ качествѣ модели для гравюры и эта послѣдняя была исполнена по другому, несохранившемуся для насъ рисунку.

Въ томъ же 1505 году созданы были и двѣ гравюры на мѣди съ сюжетами *религіознаго содержания*. На одной изъ нихъ представлена *мр. Богородица съ младенцемъ Христомъ*, держащимъ въ рукахъ птичку; подлѣ нихъ обезьяна; на заднемъ планѣ пейзажъ съ большимъ озеромъ, на которомъ плаваютъ лодки, и съ большимъ селеніемъ на берегу его ¹⁾. На другой—*Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ* съ описанными полотномъ чреслами и ранами на рукахъ, ногахъ и боку, стоящій съ распростертыми руками у подножія креста, подлѣ котораго лежатъ: черепъ, розги, копьѣ, одежда и игральные кости ²⁾.

Исполненіе всѣхъ перечисленныхъ здѣсь гравюръ разсматриваемаго періода въ высокой степени тонко, законченно и въ большинствѣ, особенно въ миеологическихъ композиціяхъ, очень изыщно.

Къ 1504—5 годамъ относятся и нѣсколько *гравюръ на деревѣ*, исполненныхъ, судя по выдающимся достоинствамъ работы, самимъ художникомъ и показывающихъ ясно, на какой высокой ступени развитія находилась эта отрасль гравернаго дѣла въ рукахъ Дюрера къ этому времени. Таковы листы съ изображеніями: св. Христофора, св. Франциска, св. Антонія и Павла, вознесенія на небо св. Марія Магдалины, св. семейства съ двумя ангелами, Голгофы и св. семейства съ 5 ангелами.

Св. Христофоръ ³⁾ въ видѣ бородатаго великана, съ огромнымъ стволемъ дерева въ лѣвой рукѣ и въ развѣввающейся по вѣтру одеждѣ переходитъ вбродъ черезъ рѣку, обративши лицо къ младен-

¹⁾ У Bartsch 42, Heller 628, Rettb. 88.

²⁾ У В. 20, Н. 450, R. 90.

³⁾ У В. 104, Н. 1823. R. 56.

цу Христу, стоящему у него на плечахъ. На берегу рѣки, куда направляется св. Христофоръ, его ожидаетъ отшельникъ въ монашескомъ одѣяніи, въ фонарѣ въ лѣвой рукѣ и посохомъ въ правой.

Св. Антоній и Павелъ на другомъ листѣ ¹⁾ изображены сидящими на лѣсной полянѣ съ протекающимъ по ней ручейкомъ подлѣ простаго стола, на которомъ поставленъ небольшой крестъ и кувшинъ. Оба въ монашескихъ одеждахъ; одинъ, поставивши посохъ у ногъ, провагиваетъ руки по направленію къ ворону, летающему къ нимъ съ большимъ хлѣбомъ въ клювъ; въ чащѣ лѣса виденъ олень.

Св. Францискъ ²⁾ въ одеждѣ ордена францисканцевъ представленъ среди густого лѣса съ видящимся въ глубинѣ его готическимъ зданіемъ. Опустившися на одно колено и протянувши руки впередъ, святой съ страдальческимъ выраженіемъ лица смотритъ вверхъ на распятіе, удерживаемое въ воздухѣ шестью небольшими крыльями. Отъ распятія къ св. Франциску опускаются какъ бы лучи свѣта такъ, что отъ каждой раны на рукахъ и ногахъ Спасителя и отъ прободеннаго ребра его они падаютъ на тѣ же мѣста на тѣлѣ святого, производя на немъ такія же раны. Вблизи св. Франциска похѣстился монахъ, уснувшій надъ книгой.

Въ сценѣ *вознесенія на небо св. Мадальины* ³⁾ святая, совершенно нагая, прикрываемая только своими длинными распустившимися волосами, съ молитвенно сложенными руками и съ нимбомъ вокругъ головы, возносится вверхъ поддерживаемая шестью маленькими ангелами. Внизу на землѣ видна фигура отшельника, глядящаго на удаляющуюся къ небесамъ святую. На заднемъ планѣ—широкое море съ плавающими на немъ судами; на переднемъ — скалы, поросшія лѣсомъ.

Св. семейство съ двумя ангелами на слѣдующемъ листѣ ⁴⁾ расположилось подъ сводами арки, украшенной по угламъ полулежащими фигурами. Пр. Богородица, сидя на скамьѣ, одною рукою поддерживаетъ младенца Іисуса, а другой держитъ грушу. Св. Іосифъ стоитъ подлѣ нея; два большихъ ангела въ длинныхъ одеждахъ пред-

¹⁾ У В. 107, Н. 1867. R. 59.

²⁾ У В. 110, Н. 1829. R. 57.

³⁾ У В. 121, Н. 1885. R. 60.

⁴⁾ У В. 100, Н. 1806, R. 61.

лагаютъ младенцу цвѣты и плоды, къ которымъ онъ протягиваетъ свои ручки. Черезъ отверстіе арки виденъ пейзажъ.

На послѣдней изъ перечисленныхъ гравюръ 1504 года воспроизведена сложная композиція *Голговы* со сценой распатія на крестахъ Христа и двухъ разбойниковъ ¹⁾. Всѣ трое висятъ еще пригвожденные ко крестамъ; у ногъ Иисуса стоитъ на колѣнахъ одна изъ святыхъ женъ, охвативши руками подножіе высокаго креста. Ко кресту, на которомъ виситъ одинъ изъ разбойниковъ, приставлена лѣстница съ взбирающимся по ней вверхъ воиномъ; остальное пространство Голговы наполнено толпою воиновъ, конныхъ и пѣшихъ. На переднемъ планѣ картины — лежащая безъ чувствъ Богоматерь, которую поддерживаютъ и окружаютъ другія святія жены и апостолы; направо подлѣ нихъ группа воиновъ, спорящихъ объ одеждѣ Христа, которую они разрываютъ на части. На заднемъ планѣ вдали среди гористаго ландшафта виденъ Іерусалимъ.

На гравюрѣ 1505 года съ изображеніемъ *«св. семейства»* ²⁾ пр. Богородица держитъ младенца Христа, прижимаго къ ее полуоткрытой груди; подлѣ нея—св. Іосифъ, а сзади съ одной стороны три ангела, съ другой — два, которые, держа ноты въ рукахъ, поютъ. Вверху въ облакахъ Богъ-Отецъ съ державою въ лѣвой рукѣ и благословляющій правой; ниже — Духъ Святой въ видѣ голубя. Второй планъ занимаетъ обширный пейзажъ.

Исполненіе всѣхъ этихъ гравюръ, рѣзанныхъ на деревѣ, какъ сказано, повидимому, самимъ художникомъ, отличается такими высокими достоинствами; тонкость и изящество рисунка настолько велики, а моделировка фигуръ настолько пластична, что по степени совершенства ихъ можно было бы поставить немногимъ ниже хорошихъ гравюръ на мѣди, къ которымъ онѣ въ значительной степени приближаются. Штриховка, въ высшей степени детальная, и рисунокъ легкій, изящный и точный указываютъ здѣсь ясно, какъ великъ былъ прогрессъ въ умѣннѣ художника обращаться съ рѣзцомъ, за который онъ брался, когда и въ гравюрѣ на деревѣ, какъ и въ произведеніяхъ живописи, въ рисункахъ и въ гравюрахъ на мѣди, хотѣлъ представить яркіе образцы своего великаго мастерства.

¹⁾ Bartsch 59, Heller 1640, Retth. 62.

²⁾ У В. 99, Н. 1991, R. 89.

Среди всѣхъ этихъ превосходныхъ гравюръ на мѣди и деревѣ должно выдѣлать три листа съ изображеніями лошадей, какъ наименѣе удачныя. На одномъ изъ нихъ, извѣстномъ подъ названіемъ «большой или взнузданной лошади» (В. 97, Н. 1009, К. 84), подлѣ большой взнузданной лошади стоитъ вооруженный воинъ, держащій ее за уздечку; на другомъ (объ гравюры на мѣди), называемомъ обыкновенно «малою лошадыю» (В. 96, Н. 1000, Р. 85) животное меньшихъ размѣровъ безъ сбрун; на третьемъ (грав. на деревѣ, В. 111, Н. 1832, Р. 86) изображеніе лошади, имѣетъ мѣсто въ сценѣ *сраженія св. Георгія съ дракономъ*, которому святой вонзаетъ въ пасть свое копье. Всѣ три изображенія, представленныя въ разнообразныхъ ракурсахъ, въ первой гравюрѣ особенно трудномъ (лошадь поставлена головою нанско въглубь картины), не отличаются тѣмъ глубокимъ знаніемъ натуры, какое прямо поражаетъ у Дюрера въ другихъ многочисленныхъ изображеніяхъ животныхъ разнообразныхъ породъ. Такимъ образомъ, даже въ эту эпоху высокаго развитія Дюреру сравнительно мало удавались фигуры лошадей. И этимъ обстоятельствомъ, повидимому, болѣе чѣмъ другими какими-либо причинами объясняется тотъ фактъ, что художникъ, сознавая всю трудность этого рода изображеній даже для такихъ выдающихся дарованій, какъ его собственныя, и желая облегчить ее для другихъ художниковъ въ будущемъ, производитъ впоследствии цѣлый рядъ самыхъ тщательныхъ штудій лошадиныхъ формъ и пропорцій, которыя онъ намѣревался опубликовать въ концѣ своей жизни въ извѣстномъ изслѣдованіи о пропорціяхъ на ряду съ результатами измѣреній человѣческихъ тѣлъ, (какъ это ясно изъ сохранившейся въ рукописи программы самаго изслѣдованія его)¹⁾, не успѣвши однако осуществить своихъ намѣреній во всей полнотѣ.

¹⁾ См. отрывокъ изъ рукописныхъ набросковъ Дюрера, опубликов. у *Lange und Fuhs*: *Durers schriftlicher Nachlass etc.* s. 280—281. Подробности ниже въ главѣ о теоретическихъ сочиненіяхъ Дюрера по искусству.

Г Л А В А VI.

Второе путешествіе Дюрера въ Италію и пребываніе въ ней съ конца 1505 по 1507 годъ.—Ближайшія причины и цѣли этого путешествія.—Письма Дюрера къ гуманисту Пиррагонору, какъ матеріалъ для ознакомленія съ внутреннею и внѣшнею жизнью художника въ Венеціи.—Поѣздка Дюрера въ Болонью.—Произведенія, созданныя Дюреромъ въ періодъ пребыванія въ Италіи.—Значеніе второго заграничнаго путешествія Дюрера въ исторіи личнаго художественнаго развитія его и въ исторіи нѣмецкаго искусства эпохи Возрожденія.

Въ концѣ 1505 года Дюреръ вторично на продолжительный срокъ уѣзжаетъ въ Италію. Каковы могли быть ближайшія причины и цѣли этого далекаго путешествія?.. Что побуждало художника предпринять его, именно, въ этотъ моментъ и къ чему онъ стремился, отправляясь послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва, снова въ этотъ прекрасный край, гдѣ возрожденное искусство подготовило уже къ тому времени пышный расцвѣтъ?.. — За отсутствіемъ точныхъ и ясныхъ указаній со стороны самого художника, возможны въ качествѣ отвѣта лишь болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, и этимъ объясняется разнообразіе мнѣній по данному вопросу въ существующей литературѣ о Дюрерѣ.

Уже старѣйшія изъ біографовъ художниковъ Возрожденія, Джорджіо Вазари ¹⁾, а съ нимъ вмѣстѣ и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ біографовъ, утверждали, будто предпринимая свое путешествіе въ Италію, Дюреръ имѣлъ въ виду лично отстаивать тамъ передъ судомъ свои права, какъ художника, противъ тѣхъ нарушителей ихъ, которые, какъ на примѣръ знаменитый Маркантоніо Раймонди, копировали его гравюры и другія произведенія не только

¹⁾ G. Vasari, IX, 267 ed. Lemonier.

безъ разрѣшенія самого Дюрера, но и поставляя свои собственныя имена на копіяхъ вмѣсто имени настоящаго ихъ автора. Большинство послѣдующихъ изсѣдователей ¹⁾ однако, справедливо указывая несостоятельность такого утвержденія, (въ виду того, что большая часть гравюръ, копія съ которыхъ, по словамъ Вазари, были сдѣланы Раймонди ранѣе 1505 года, въ дѣйствительности была исполнена самимъ Дюреромъ только *послѣ* возвращенія его на родину изъ втораго его путешествія въ Италію), выставляли инныя догадки о причинахъ и цѣляхъ этого путешествія.

Указывали, какъ на ближайшую причину отъѣзда Дюрера изъ Нюрнберга, свирѣпствовавшую въ этомъ городѣ въ 1505 году страшную болѣзнь, похожую на чуму, отъ которой художникъ старался спастись, удалившись изъ города. Утверждали, что Дюреръ уѣхалъ въ Италію и въ частности въ Венецію, гдѣ находилось тогда значительное число соотечественниковъ художника, въ надеждѣ на выгодные заказы тамъ новыхъ работъ и широкій сбытъ своихъ прежнихъ произведеній въ виду той извѣстности, которую Дюреръ успѣлъ уже получить на сѣверѣ Италіи, особенно благодаря распространенію своихъ превосходныхъ гравюръ. Ссылались на первое письмо Дюрера къ Пиркгейму, въ которомъ онъ сообщаетъ своему другу, что здоровье его уже поправилось, изъ чего заключали, что ближайшей причиной поѣдки художника въ Италію была личная болѣзнь его, а ближайшею цѣлью ея—желаніе оправиться отъ этой болѣзни среди благословенной природы этой прекрасной страны. Усматривали въ этомъ путешествіи также вліяніе друзей Дюрера гуманистовъ, которые находили весьма полезнымъ для художника еще разъ посѣтить и болѣе основательно познакомиться на почвѣ самой Италіи съ искусствомъ классическимъ и итальянскимъ новаго времени, а отчасти и литературою древняго міра... Несомнѣнно однако, что при наличности всѣхъ перечисленныхъ мотивовъ и обстоятельствъ наиболѣе важное, рѣшающее значеніе должно было имѣть собственное желаніе Дюрера—снова, и на этотъ разъ уже въ пору артистической своей зрѣлости, посѣтить ту страну, которая 11 лѣтъ назадъ произвела на него такое сильное впечатлѣніе и оказала столь благотворное вліяніе на художественное развитіе; — посѣтить

¹⁾ Ср. А. в. *Eye: Leben und Wirken A. Durers*, S. 219 f.; *Thausing: Durer I*, 341 f.; *Springer: A. Dürer*, S. 58 f.; *Ephrussi: A. Dürer et ses dessins*, p. 108 sq. и др.

для того, чтобы еще съ большею сознательностью и пониманіемъ искусства, чѣмъ прежде, въ періодъ перваго своего путешествія, поработать здѣсь подь непосредственнымъ воздѣйствіемъ высокихъ образцовъ и въ непосредственномъ общеніи съ выдающимися художниками тогдашней Италіи.

Чѣмъ наполнено было въ Италіи существованіе Дюрера? Какъ проводилъ онъ здѣсь свою жизнь и каковы были его общественные и частные интересы?—Обширнымъ и любопытнымъ матеріаломъ для рѣшенія всѣхъ этихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, относящихся къ пребыванію Дюрера въ Италіи, является переписка художника съ знаменитымъ другомъ его, гуманистомъ Пиркгеймеромъ, изъ которой для насъ сохранились почти всѣ письма самого Дюрера (въ числѣ десяти); разошедшіяся по различнымъ собраніямъ ¹⁾. Въ цѣляхъ, поставленныхъ нами, приводимъ здѣсь въ извлеченіи содержаніе всѣхъ этихъ писемъ, предоставляя въ наиболее интересныхъ мѣстахъ говорить самому автору ихъ.

Первое письмо, помѣченное 6 января 1506 г., носитъ чисто дѣловой характеръ и только въ концѣ его упоминается о началѣ большой работы художника по заказу его соотечественниковъ ²⁾. Извѣщая своего друга Пиркгеймера, послѣ новогоднихъ поздравленій, о томъ, что здоровье его успѣло значительно поправиться, Дюреръ сообщаетъ, что порученіе Пиркгеймера относительно покупки въ Венеціи хорошаго жемчуга и драгоценныхъ камней не могло быть исполнено имъ. Ничего хорошаго, — пишетъ Дюреръ, — изъ этихъ предметовъ я здѣсь не нашель; такъ какъ все лучшее уже разобрано нѣмцами-ювелирами; а тѣ итальянскіе продавцы, которые живутъ на Riva, стараются всегда взять вчетверо дороже дѣйствительной стоимости и отличаются всѣ недобросовѣстностью. Вообще, по сло-

¹⁾ Письма эти, доставшіяся по смерти Пиркгеймера паснику его Гансу Нигфу, впоследствии перешли къ различнымъ владѣльцамъ, причемъ письмо второе досталось Heberle въ Кельнѣ, письмо шестое порешло въ Royal society въ Лондонѣ; письмо девятое — въ Британскій музей въ Лондонѣ, а остальные семь находятся въ Нюрнбергской городской библиотекѣ. Опубликованы отдѣльныя письма въ различное время у *Murr.*, *Campe*, *Thausing*, и н. др., а всѣ вмѣстѣ полностью у *Lange und Fehle: Durers schriftlicher Nachlass*, S. 18—41.

²⁾ Рѣчь идетъ о большомъ алтарномъ образѣ, извѣстномъ подь названіемъ Rosenkranzfest и заказанномъ для церкви св. Вароламея въ Венеціи; нинѣ въ монастырской церкви Strahow близъ Праги, опис. ниже.

вамъ Дюрера, въ Франкфуртѣ можно приобрести и лучшія вещи, и за болѣе дешевыя цѣны, чѣмъ въ Венеціи. Тѣмъ не менѣе художникъ проситъ своего друга обращаться къ нему всегда, когда понадобится что-либо исполнить для него въ Венеціи, такъ какъ онъ хотѣлъ бы отплатить Пиркгеймеру какою-либо значительной услугой за то одолженіе, которое тотъ сдѣлалъ ему, ссудивши деньгами на путешествіе въ Италію. Денежный долгъ своему другу сильно беспокоитъ Дюрера и онъ умоляетъ Пиркгеймера повременить, обѣщая уплатить его при первой возможности. Большія надежды на полученіе значительной суммы денегъ Дюреръ возлагаетъ по поводу начатаго имъ заказа большого алтарнаго образа, даннаго художнику нѣмецкими купцами, проживавшими въ Венеціи. — «Недавно началъ я, — сообщаетъ онъ, — писать для здѣшнихъ нѣмецкихъ жителей одинъ образъ, за который они обѣщаютъ заплатить мнѣ 110 рейнскихъ гульденовъ; изъ нихъ расходовъ на матеріалы для него будетъ не болѣе 5 флориновъ. Въ теченіе восьми дней я успѣлъ уже приготовить доску для образа, выровнявши ея поверхность и покрывши ее бѣлой грунтовкой. Теперь немедленно же хочу начать писать его и черезъ мѣсяць послѣ Пасхи, если Богъ дастъ, образъ долженъ стоять уже на алтарѣ. Деньги я надѣюсь съ Божьею помощію всѣ сберечь и изъ нихъ постараюсь заплатить вамъ мой долгъ, ибо, какъ я думаю, въ ближайшемъ будущемъ я не долженъ буду посылать денегъ ни матери, ни женѣ»...

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 7 февраля 1506 г.), извиняясь передъ Пиркгеймеромъ за долгое молчаніе и увидя его въ своей неизмѣнной преданности, Дюреръ съ видимымъ увлеченіемъ описываетъ свою жизнь въ Венеціи. — «Желалъ бы я, — пишетъ онъ, — чтобы вы сами находились теперь въ Венеціи: здѣсь такъ много хорошихъ товарищей среди итальянцевъ, которые чѣмъ дальше, тѣмъ больше привязываются ко мнѣ, что конечно должно быть очень пріятно моему сердцу, а также много мудрыхъ ученыхъ, хорошихъ игроковъ на лютнѣ и флейтѣ, знатоковъ искусства и людей съ благородными убѣжденіями и истинной добродѣтелью, которые оказываютъ мнѣ большой почетъ и дружбу»... — Впрочемъ, прибавляетъ Дюреръ, находятся здѣсь также и такіе дурные, преступные люди, существованія которыхъ на землѣ онъ даже не могъ допустить; таковы были нѣкоторые изъ итальянскихъ художниковъ,

считающихъ его опаснымъ для себя конкурентомъ. — «Я имѣю здѣсь многихъ друзей-итальянцевъ, пишетъ Дюреръ, которые предупреждали меня, чтобы я никогда не ѣлъ и не пилъ съ нѣкоторыми итальянскими живописцами (чтобы не быть отравленнымъ ими). И въ самомъ дѣлѣ, отъ нихъ вообще я видѣлъ много вражды и зла, хотя они и копировали мои произведенія въ церквахъ и вообще вездѣ, гдѣ только могли ихъ видѣть¹⁾. Эти художники тѣмъ не менѣе порицали мои произведенія, говоря, что они исполнены не *въ античномъ стилѣ и потому хороши*. Однако Джіованни Беллини очень хвалилъ меня передъ многими благородными и знатыми людьми. Онъ очень желалъ получить отъ меня что-нибудь на память и самъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня сдѣлать ему что-либо, обѣщая даже заплатить за это. И всѣ говорили, что онъ очень добрый и честный человѣкъ, и я самъ получилъ къ нему большое расположеніе. Онъ очень старъ, но все-таки онъ лучше всѣхъ остальныхъ въ живописи... И тѣ произведенія, которыя одиннадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ очень нравились, теперь уже не нравятся, мнѣ болѣе; и если бы я самъ ихъ не видѣлъ, то никому другому не повѣрилъ бы. Знайте, что здѣсь есть много живописцевъ лучшихъ даже, чѣмъ мастеръ Якобъ (т.-е. Джакомо Барбарі), хотя Антоній Кольбъ и клялся, что нѣтъ на землѣ лучшаго живописца, чѣмъ этотъ Якобъ. Другіе свѣдѣли надъ этимъ, говоря, что если бы онъ былъ дѣйствительно хороше, то остался бы здѣсь. Сегодня я началъ уже набрасывать композицію заказаннаго образа. Къ сожалѣнію, недавно мои руки такъ разболѣлись, что я не могъ работать; теперь я, наконецъ, избавился отъ этого»...

Въ третьемъ письмѣ (отъ 28 февр. 1506 г.) послѣ первыхъ привѣтствій Пиркгеймеру Дюреръ сообщаетъ. — «Знайте, что здоровье мое теперь, слава Богу, недурно и я работаю быстро. Однако раньше Троицы я навѣрное не буду готовъ съ этою работой. Я успѣлъ распродать всѣ мои картины: двѣ изъ нихъ продалъ за 24 дуката, а за другія три взялъ три кольца, которыя при обмѣнѣ мнѣ оцѣнили также въ 24 дуката. Однако когда я показалъ ихъ своимъ хорошимъ пріятелямъ, они сказали, что кольца эти стоятъ всего

¹⁾ Рѣчь идетъ, повидимому, не только о гравюрахъ, но и другихъ произведеніяхъ Дюрера—рисункахъ и небольшихъ картинахъ, привезенныхъ имъ съ собою въ Италію для продажи и распродававшихся имъ въ различное время.

около 22 дукатовъ. А тамъ какъ вы поручили мнѣ купить здѣсь драгоцѣнныхъ камней, то я рѣшилъ послать вамъ эти кольца черезъ Франца Имгофа: покажите ихъ знающимъ людямъ и если они вамъ понравятся, то велите оцѣнить ихъ и за такую цѣну оставьте ихъ у себя... Хотѣлъ бы я, чтобы и вы были тутъ: это было бы для васъ очень полезно, и я увѣренъ, что пребываніе ваше здѣсь показалось бы вамъ кратковременнымъ, ибо тутъ есть много образованныхъ людей и истинныхъ цѣнителей искусства. Однако нѣкоторые изъ итальянцевъ иногда настолько притѣсняютъ меня, что по временамъ я принужденъ скрываться отъ нихъ. Впрочемъ всѣ благородные и знатные люди относятся ко мнѣ хорошо и одни только живописцы дурно»...

Слѣдующее письмо (отъ 8 марта 1506 года) наполнено сообщеніями Дюрера о тѣхъ хлопотахъ, которыя онъ имѣлъ по покупке для Пиркгеймера кольца съ сапфиромъ и аметиста, при чемъ художникъ былъ нагло обманутъ купцомъ, взявшимъ за аметистъ въ семь разъ ббольшую цѣну, чѣмъ сколько онъ стоилъ въ дѣйствительности, и художнику пришлось заплатить собственными деньгами за свою неопытность и довѣрчивость.

Несмотря на старанія Дюрера угодить богатому патрицію, Пиркгеймеръ не всегда былъ доволенъ его приобрѣтеніями и иногда даже прямо отсылалъ обратно художнику купленные имъ вещи. Такъ сдѣлалъ онъ съ присланнымъ ему Дюреромъ кольцомъ съ изумрудомъ, и художникъ съ сожалѣніемъ извѣщаетъ Пиркгеймера объ обратномъ его полученіи въ своемъ пятомъ письмѣ отъ 2-го апрѣля 1506 года, жалуюсь тутъ же и на нѣкоторыя неприятности въ своей жизни въ Венеціи, какія пришлось ему испытать за послѣднее время отъ тамошнихъ живописцевъ.— «Знайте, пишетъ онъ, что здѣшніе живописцы относятся ко мнѣ безобразно: уже три раза принуждали они меня явиться на судъ передъ палатой гесковъ (Signoria), и я долженъ былъ заплатить 4 флорина въ ихъ цеховую кассу. Знайте также, что я успѣлъ бы заработать за это время много денегъ, если бы не взялся сдѣлать для нѣмцевъ извѣстный вамъ алтарный образъ. Оказывается, что работать надъ нимъ приходится очень много и я никакъ не могу закончить его раньше Троицы, Однако теперь заказчики уже не дадутъ мнѣ за него болѣе 85 дукатовъ, а между тѣмъ вы сами знаете, сколько здѣсь прихо-

дится тратиться на жизнь. Я успѣлъ продать за послѣднее время еще нѣсколько моихъ произведеній и нѣкоторую сумму денегъ послать домой, такъ что у меня осталось очень немного. Но мои надежды таковы: я хочу не прежде уѣхать отсюда, чѣмъ буду въ состоянн съ благодарностью заплатить вамъ свой долгъ и сверхъ того еще сберечь себѣ около сотни флориновъ. Все это я легко могъ бы сдѣлать, если бы не взялся исполнить для нѣмцевъ упомянутый образъ, ибо, исключая нѣсколькихъ живописцевъ, весь миръ относится здѣсь ко мнѣ благосклонно...

Шестое письмо (отъ 25 апрѣля 1506 г.) посвящено заботливымъ разспросамъ Дюрера у Пиркгеймера относительно судьбы кольца съ сапфиромъ, посланнаго послѣднему художникомъ черезъ Ганса Имгофа, ибо молчаніе Пиркгеймера относительно того, получилъ ли онъ это кольцо, сильно беспокоило художника.

Слѣдующее письмо, написанное Дюреромъ послѣ продолжительнаго перерыва (отъ 18 августа 1506 г.), авторъ начинаетъ длиннымъ привѣтствіемъ на ломаномъ итальянскомъ языкѣ по адресу своего знаменитаго друга, выхваляя его умъ и разностороннія способности и видимо желая показать ему свои пріобрѣтенія въ области итальянскаго языка, сдѣланныя за время пребыванія въ Венеціи. Остальная часть письма снова наполнена сообщеніями Дюрера относительно порученій, данныхъ ему Пиркгеймеромъ: онъ купилъ и выслалъ послѣднему изъ Венеціи «vitrum instum» (стеклянныхъ, расписанныхъ эмалью предметовъ), два ковра, перьевъ для шляпы и т. д.; порученій же по покупкѣ греческихъ книгъ новѣйшихъ изданій, если таковыя имѣются въ Венеціи; тонкой бумаги для письма и нѣк. др. предметовъ, художникъ исполнить не могъ, не найдя ничего подходящаго и достойнаго вниманія своего ученаго друга.

Изъ первыхъ строкъ слѣдующаго письма (отъ 8 сентября 1506 года) мы видимъ, что Пиркгеймеръ продолжаетъ беззастѣнчиво эксплуатировать доброту художника, желавшаго чѣмъ-либо отблагодарить его за денежную ссуду на путешествіе, отнимая у Дюрера драгоценное время, необходимое ему для работъ, на удовлетвореніе разнообразныхъ прихотей, на исполненіе все новыхъ и новыхъ порученій. Тутъ же художникъ сообщаетъ, наконецъ, и свѣдѣнія о своей картинѣ, начатой имъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и теперь уже законченной. — *«Алтарный образъ этотъ оказался очень хоро-*

вамъ и особенно удачнымъ по своимъ краскамъ, — пишетъ онъ въ этомъ письмѣ.—*За нее я получилъ очень много похвалъ, но въ сожалѣнію очень мало выгоды.* Я могъ бы за это время легко заработать 200 дукатовъ, но я отказывался отъ большихъ работъ. Теперь однако, благодаря этой работѣ, я заставилъ замолчать *всплзъ тѣхъ живописцевъ, которые говорили, что въ искусство травированія я очень опытенъ, но въ живописныхъ работахъ не умѣю обходиться съ красками.* И теперь уже каждый изъ нихъ говоритъ, что больше красивыхъ красокъ никогда еще не видалъ... Картину мою осматривали также и дожъ, и патриархъ».

Въ своемъ девятомъ письмѣ, написанномъ двѣ недѣли спустя послѣ предыдущаго (отъ 23 сентября 1506 г.), Дюреръ сообщаетъ еще объ одномъ своемъ произведеніи, исполненномъ имъ за послѣднее время въ Венеціи. — «Вы уже знаете изъ предшествующаго письма, — говоритъ онъ, — что алтарный образъ готовъ; закончена также и другая моя картина, подобной которой я еще никогда не дѣлалъ. Какъ это вы сами могли бы благосклонно признать и какъ я самъ понимаю, *лучшаго изображенія Маріи нѣтъ въ цѣлой странѣ. И всѣ здѣшніе художники хвалятъ ее, говоря, что они никогда не видѣли болѣе возвышеннаго и жизненнаго образа* ¹⁾... Знайте также, — прибавляетъ онъ, — что недѣли черезъ четыре я буду совсѣмъ готовъ къ отъѣзду. И я надѣюсь, если Богъ поможетъ, скоро быть снова вмѣстѣ съ вами и опять поучаться у васъ мудрости»...

Однако проходятъ еще три недѣли и въ новомъ письмѣ (отъ 13 октября 1506 г.), послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ, художникъ, успѣвшій въ теченіе года свыкнуться съ жизнью въ Венеціи и привязаться къ тѣмъ ея благамъ, которыхъ не давала родная ему страна, сообщаетъ, что моментъ отъѣзда своего изъ Италіи онъ хочетъ и долженъ опять отдалить.—«Вы пишете мнѣ,—отвѣ-

¹⁾ Рѣчь идетъ, повидимому, о томъ образѣ Мадонны, который находился, по словамъ Таузинга (Thausing: Dürer I, S. 366) въ собраніи маркиза Lothian въ Шотландіи: сидящую Мадонну, почти въ натуральную величину, увѣнчанную короною два летящіе надъ ея головою ангела. Къ сожалѣнію, установить подлинность этого произведенія, повидимому, невозможно въ виду ея сильно испорченнаго состоянія и позднѣйшихъ реставрацій, равно какъ и по отсутствію какихъ-либо убѣдительныхъ доказательствъ несомнѣнной принадлежности ея кисти самого Дюрера.

чаетъ онъ Пиркгеймеру на его письмо,—что я долженъ уже скоро возвратиться домой; могу сообщить вамъ только, что постараюсь прійхать, когда это будетъ возможно для меня. Я обязанъ заработать еще себѣ здѣсь на дальнѣйшую жизнь; ибо около 100 дукатовъ я успѣлъ истратить на краски и другіе предметы; заказалъ также два ковра, за которые нужно завтра заплатить и которые я хочу отослать съ моимъ багажомъ»... Сообщая затѣмъ о новизнѣ своихъ хлопотахъ по исполненію нѣсколькихъ порученій Пиркгеймера и другого своего друга Стефана Паумгертнера, Дюреръ добавляетъ въ концѣ письма.—«Дней черезъ десять я, вѣроятно, буду наконецъ готовъ. Затѣмъ я долженъ буду поѣхать еще въ Боконию, чтобы поучиться тамъ законамъ перспективы (im Kunst-wissen im heimlicher Perspectiva), которыми обѣщаль научить меня одинъ изъ тамошнихъ художниковъ. Тамъ я долженъ пробыть дней около десяти и затѣмъ снова возвратиться въ Венецію; а потомъ съ ближайшею почтой хочу, наконецъ, отправиться на родину. О, какъ холодно и непривѣтливо будетъ тамъ для меня самое солнце: здѣсь я—господинъ, а тамъ мнѣ придется быть какъ бы рабомъ (Schmätztzer)»...

Однако предположеніямъ Дюрера, высказаннымъ и въ этомъ письмѣ его, не суждено было оправдаться, повидимому, болѣе всего вслѣдствіе нежеланія самого художника—покинуть благословенную страну, которую онъ успѣлъ полюбить больше родины, и онъ возвратился въ Нюрнбергъ только въ началѣ слѣдующаго 1507 год.

Обращаясь къ обзорѣннѣи самымъ работъ, исполненныхъ Дюреромъ за время второго пребыванія его въ Италіи, равно какъ и на пути изъ Италіи на родину, мы остановимся прежде всего на томъ большомъ алтарномъ образѣ, котораго созданіе, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше писемъ художника, заняло большую часть времени его, являясь за этотъ періодъ важнѣйшимъ въ артистическихъ трудовъ его.

Писанный по заказу соотечественниковъ Дюрера для церкви св. Варооломея въ Венеціи и законченный въ сентябрѣ 1506 г., образъ этотъ пріобрѣтенъ былъ впоследствии у духовенства названной церкви императоромъ Рудольфомъ II для королевскаго собранія въ Прагѣ, откуда позднѣе неизвѣстнымъ путемъ перешелъ въ монастырь премонстратовъ въ Страховѣ близъ Праги. Многофигурна

сложная композиція его ¹⁾ воспроизводитъ сцену *раздачи Пр. Богородицею и младенцемъ Христа розъ отъиковъ изъ розъ во время, такъ называемаго, праздника розъ (Rosenkranzfest)*. Въ центрѣ композиціи на тронѣ подѣ baldахиномъ темнозеленаго цвѣта съ пурпурной каймой сидитъ Пр. Богородица въ роскошномъ голубомъ одѣяннн, съ длинными бѣлокурными локонами, рассыпавшимися по плечамъ ея.



Рис. 29.

Лѣвой рукою она возлагаетъ вѣнокъ изъ розъ на голову императора (Максимиліана I), одѣтаго въ длинную пурпурную мантию и благоговѣнно преклонившаго колѣни передъ св. Дѣвой. Правая рука ея поддерживаетъ младенца Христа, который, поднявши обѣими ручками вверхъ вѣнокъ, намѣревается возложить его на голову колѣнопреклоненнаго папы (Юлія II), облеченнаго въ роскошное папское

¹⁾ Образъ этотъ по фотографіи съ оригинала воспр. у *Knackfuss: Düger, S. 45; Thausing: Düger (въ контурахъ), I, S. 352* и др. См. нашъ рис. 29.

одѣяніе пурпуроваго цѣвѣа съ драгоцѣннымъ шитьемъ. Съ обѣихъ сторонъ позади папы и императора стоятъ колѣнопреклоненные мужчины и женщины, члены нѣмецкой колоніи въ Венеціи, по видимому, главнѣйшіе изъ заказчиковъ алтарнаго образа, на которыхъ св. Доминикъ и нѣсколько маленькихъ летающихъ ангеловъ также возлагаютъ вѣнки. Надъ головой Богоматери два летающихъ ангеловъ держатъ корону; еще выше два такихъ же ангела придерживаютъ длинныя кисти балдахина; одинъ изъ ангеловъ, сидя у ногъ Богородицы, играетъ на мандолинѣ. На второмъ планѣ, позади группы колѣнопреклоненныхъ заказчиковъ, стоитъ самъ Дюреръ рядомъ съ другомъ своимъ Пиркгеймеромъ; на листѣ, который художникъ держитъ въ рукахъ, начертана надпись: «исполнено въ теченіе пяти мѣсяцевъ Альбертомъ Дюреромъ изъ Германіи въ 1506 году» (exegit quinquemestri spatio Albertus Dürer Germanus MDVI), и обычная монограмма художника. Въ глубинѣ картины виденъ обширный гористый пейзажъ.

Каковы были качества самаго исполненія этого большого алтарнаго образа, на созданіе котораго художникъ употребилъ, (какъ онъ съ удареніемъ отмѣчаетъ не только въ письмахъ, но и на самой картинѣ), цѣлыхъ пять мѣсяцевъ упорнаго и тщательнаго труда, очевидно съ намѣреніемъ показать итальянцамъ талантъ свой во всемъ его блескѣ, на возможной для него высотѣ?.. Мы знаемъ изъ цитированныхъ уже выше мѣстъ переписки Дюрера съ Пиркгеймеромъ, что создавая эту большую композицію, художникъ едва ли не болѣе всего остального стремился поразить будущихъ зрителей особою яркостью и свѣжестью красокъ; хотѣлъ доказать итальянскимъ художникамъ, порицавшимъ его болѣе всего за неумѣнье пользоваться красками, что теперь и въ этомъ отношеніи ему удалось настолько развиться, что новое произведеніе его могло быть поставлено въ отношеніи достоинствъ колорита не только на ряду съ лучшими произведеніями извѣстныхъ ему мѣстныхъ мастеровъ, но и выше многихъ изъ нихъ. И изъ дальнѣйшихъ показаній самого Дюрера въ тѣхъ же письмахъ его мы имѣемъ право заключить, что это важнѣйшее стремленіе его было достигнуто имъ съ большимъ и несомнѣннымъ успѣхомъ, который былъ признанъ даже итальянскими художниками, прежде столь порицавшими его и увидѣвшими въ этомъ произведеніи блестящее доказательство его геніальности, восторже-

ствовавшей надъ всѣми представлявшимися ему трудностями. Въ своемъ законченномъ видѣ алтарный образъ этотъ долженъ былъ отличаться особеннымъ блескомъ, свѣжестью и прозрачностью красокъ, и нужно думать въ виду сказаннаго, что таковымъ, именно, онъ былъ и въ самой дѣйствительности. Къ сожалѣнiю, въ настоящее время о красочныхъ достоинствахъ его судить невозможно въ виду того состоянiя картины, въ какомъ она находится нынѣ ¹⁾, послѣ того какъ, испорченная въ теченiе предыдущихъ столѣтiй во многихъ частяхъ, она была въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка подновлена неумѣлымъ реставраторомъ, лишившимъ тѣмъ самымъ позднѣйшихъ изслѣдователей возможности судить о подлинныхъ краскахъ картины, почти исчезнувшихъ подъ новыми подмалевками.

Что касается самой композицiи картины, то выдающiяся достоинства ея несомнѣнны. Всѣ отдѣльныя фигуры и цѣлыя группы расположены здѣсь по законамъ строгой симметрiи и гармонiи, образуя въ общемъ то ритмическое построенiе, которое такъ любили художники Возрожденiя, усматривая въ немъ какъ бы высшее проявленiе закона гармонiи въ компановкѣ отдѣльныхъ частей. Позы и движенiя всѣхъ участниковъ праздника естественно придаютъ цѣлому характеръ торжественности и спокойнаго величiя, соответствующихъ внутреннему содержанию совершающагося событiя и далекихъ здѣсь отъ той мертвенной неподвижности, въ какую такъ часто впадаютъ художники съ меньшимъ талантомъ при воспроизведенiи подобныхъ сюжетовъ.

Въ общемъ нельзя не отмѣтить здѣсь стремленiя великаго нѣмецкаго художника, прiѣхавшаго поучиться у своихъ итальянскихъ собратьевъ, несмотря на все величiе собственнаго таланта,—приблизиться къ работамъ выдающихся итальянскихъ мастеровъ въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отношенiяхъ. И это стремленiе сказывается тутъ столько же въ указанномъ уже красочномъ блескѣ картины, въ необычной у Дюрера красотѣ колорита, сколько и въ преобладанiи здѣсь элементовъ прекраснаго надъ обычнымъ у него въ большей части произведенiй элементомъ характернаго, особенно въ типахъ

¹⁾ Ср. *Waagen*: Deutsches Kunstblatt 1854, S. 200 f. и 1856, S. 378.—*Zeitschrift für christlich. Archäologie und Kunst*, Leipzig 1857, S. 88 f.—*E. Forster*: Denkmale deutscher Kunst VIII, 8, S. 19.—*M. Thausing*: Dürer, S. 354, и др.

лицъ, носящихъ на себѣ даже при портретности ихъ отпечатокъ идеализаціи, и въ постановкѣ отдѣльныхъ фигуръ и цѣлыхъ группъ, наминающей въ значительной степени композиціи итальянскихъ мастеровъ того времени, и преимущественно Джіованни Беллини ¹⁾).

Существуетъ нѣсколько *старинныхъ копій* съ этого образа, разновремененно исполненныхъ. Такъ, Геллеръ упоминаетъ объ одной копій на полотнѣ, исполненной неизвѣстнымъ итальянскимъ художникомъ и находившейся въ старинномъ собраніи кардинала Гримма, мѣстонахожденіе которой теперь неизвѣстно ²⁾.—Другая копія, превосходно сохранившаяся и съ замѣчательною отчетливостью и свѣжестью воспроизводящая оригиналъ въ его первоначальномъ, еще неспорченномъ видѣ, находится нынѣ въ королевской картинной галлерей въ Вѣнѣ ³⁾.—Нѣкоторыя изъ копій исполнены съ существенно важнымъ измѣненіемъ въ композиціи, а именно: фигуры св. Доминика и папы Юлія II вовсе отсутствуютъ, а вмѣсто нихъ въ картинѣ является св. *Екатерина*. Такой своеобразный вариантъ указываетъ, — по мнѣнію однихъ изслѣдователей ⁴⁾, — на исполненіе этой копій кѣмъ-либо изъ художниковъ *протестантовъ*, не желавшимъ по понятнымъ причинамъ включать св. Доминика, основателя ордена доминиканцевъ-католиковъ, и особенно самого папу въ копируемую композицію, и по собственному почину замѣнившимъ ихъ фигурою св. Екатерины. По мнѣнію другихъ, видоизмѣненіе это обязано своимъ происхожденіемъ самому Дюреру, и по крайней мѣрѣ одна изъ такихъ копій, среди которыхъ должно отмѣтить находящаяся въ Ліонскомъ музеѣ и въ частномъ собраніи Урбана въ Прагѣ ⁵⁾ должна принадлежать или самому Дюреру, или кому-либо изъ ближайшихъ учениковъ его, исполнившему въ краскахъ его композицію по рисунку художника или его указаніямъ ⁶⁾.

Изъ числа *подготовительныхъ рисунковъ* Дюрера для «праздника розъ» сохранилось нѣсколько. Важнѣйшими изъ нихъ являются ри-

¹⁾ Последнее относится особенно къ фигурѣ ангела, сидящаго у ногъ Богородицы съ мандолиной; къ группѣ Богородицы съ младенцемъ и увѣчивающими ее ангелами на тронѣ подъ baldachinomъ съ длинными кистями, и н. др.

²⁾ Heller: d. Leben und Werke A. Dürers, S. 248.

³⁾ По фотографіи воспроизв. у Knackfuss, S. 46.

⁴⁾ См. *Thausing*: Dürer, S. 356.

⁵⁾ См. *Chronique des Arts*, 1881, september p. 281.

⁶⁾ *Grimm*: über Künstre und Kunstwerke (A. Dürer, in Venedig) I, 148 f.

сунки съ фигурами строителя возобновленнаго въ 1505 г., Fondaco de'Tedeschi, извѣстнаго подъ именемъ мастера Иеронима (Meister Hieronymus), и главнѣйшаго изъ заказчиковъ алтарнаго образа, по имени Фуггеръ. Первый изъ рисунковъ, находящійся въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ и исполненный тушью на голубоватой бумагѣ ¹⁾, представляетъ нѣмецкаго архитектора въ полфигуры: его худое безбородое лицо строго и выразительно; голова, съ беспорядочно вьющимися прядями волосъ, непокрыта; одежда состоитъ изъ простой рабочей блузы; въ лѣвой рукѣ его—архитекторскій угольникъ; рисунокъ помѣченъ 1506 г. и монограммою Дюрера. Другой рисунокъ ²⁾, находящійся въ собраніи Гольфорда въ Лондонѣ, изображаетъ заказчика Фуггера въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ картинѣ, непосредственно позади императора. Интересны далѣе рисунки съ фигурами св. Доминика, изображеннаго до пояса; одного изъ заказчиковъ, стоящаго на колѣнахъ позади папы; этюды головы Богородицы и головы поющаго ангела (всѣ въ Вѣн. Альбертинумѣ); младенца Христа, держащаго вѣнокъ, и цѣлой серіи головокъ летящихъ ангеловъ ³⁾.

Кромѣ «праздника розъ», какъ важнѣйшей работы за время пребыванія своего въ Венеціи, Дюреръ успѣлъ создать за этотъ періодъ еще нѣсколько произведеній, интересныхъ и достойныхъ изученія въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ. Таковъ прежде всего небольшой, но превосходно написанный (масляными красками на деревѣ) образъ *Христа, распятаго на крестѣ*, находящійся въ Дрезденской галлерей. Композиція, исполненная, какъ видно изъ помѣтки художника на самой картинѣ, въ 1506 году, отличается высокою простотою сравнительно съ другими изображеніями того же сюжета у Дюрера ⁴⁾. Мѣстомъ дѣйствія является здѣсь не Голгова со множествомъ участниковъ событія, присутствующихъ при распятіи, какъ обычно, а таинственное пространство, высоко поднимающееся какъ будто въ небесныя сферы надъ группою деревьевъ, видимыхъ внизу въ правомъ углу картины. Единственный

¹⁾ Воспроизв. у *Ephrussi*: dessins, табл. къ 117 стр.; *Lippmann*, Taf. 10; *Gazette des beaux arts* 1879, I табл. къ 278 стр.

²⁾ У *Lippmann*, Taf. 428.

³⁾ У *Lippmann*, Taf. 332 и 307—313.

⁴⁾ Образъ этотъ воспроизведенъ по фотографіи у *Knackfuss*: *Dürer*, S. 47.

крестъ, на которомъ распять Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ и съ развѣвающимся по вѣтру платомъ вокругъ бедеръ, необыкновенно рельефно выступаетъ вмѣстѣ съ Распятымъ на немъ на мрачномъ фонѣ картины, благодаря особенно яркому свѣту, который падаетъ сверху на крестъ и тѣло Христа, еще живого и призывающаго своего предвѣчнаго Отца извѣстными словами Евангелія, начертанными здѣсь подъ картиной: «Pater, in manus tuas commendo spiritum meum» («Отче, въ руки твои предаю духъ мой»)!.—Въ цѣломъ этомъ небольшой образъ привлекаетъ къ себѣ взоры зрителя тою эффектною живописностью, которая вообще не часта въ произведеніяхъ Дюрера и которая въ данный періодъ пребыванія его въ Венеціи среди итальянскихъ мастеровъ съ ихъ преобладающимъ стремленіемъ къ живописной красотѣ, естественно объясняется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, непосредственнымъ и жизненнымъ вплиемъ на нѣмецкаго художника его итальянскихъ собратьевъ,—и въ данномъ случаѣ, повидимому, болѣе всего извѣстнаго колориста этой эпохи Джорджоне, которому поручено было въ 1506 году украсить живописью стѣны зданія Fondaco de' Tedeschi непосредственно передъ Тиціаномъ, (продолжавшимъ его работу въ 1508 и слѣд. годахъ), и съ которымъ Дюреръ, несомнѣнно, былъ лично знакомъ ¹⁾.

Весьма интересна третья картина, исполненная Дюреромъ масляными красками за тотъ же періодъ. Если «праздникъ розъ» потребовалъ отъ художника болѣе пяти мѣсяцевъ самаго упорнаго и напряженнаго труда, указывавшаго какъ будто на то, что сложныя композиціи давались великому художнику весьма не легко, выполнялись имъ съ большою затратою времени и усилій; то третья, довольно значительная по размѣрамъ и достаточно сложная по композиціи картина: «юноша Христосъ среди ученыхъ въ синагогѣ ²⁾» показываетъ напротивъ, какимъ виртуозомъ въ дѣлѣ умѣнья владѣть кистью живописца могъ быть при желаніи Дюреръ, съ какою быстротою, легкостью и достоинствомъ могъ создавать онъ, если хотѣлъ, глубоко продуманныя и интересныя композиціи не только въ рисункахъ, но и кистью въ законченномъ видѣ. Изъ надписи самого художника, помѣщенной имъ на листкѣ, вложенномъ въ кни-

¹⁾ Ср. *Crowe und Cavalcaselle: italienische Malerei*. Bd. V, S. 177.

²⁾ Воспроизвед. по фотографіи у *Knackfuss*, S. 49. См. нашъ рисунокъ № 30.

ту одного изъ ученыхъ, стоящаго слѣва ¹⁾, мы узнаемъ, что картина эта, находящаяся нынѣ въ галереѣ Барберини въ Римѣ, исполнена была Дюреромъ въ теченіе всего только *пяти дней*,—періодъ необычайно короткій для созданія такого произведенія и особенно у Дюрера, который обыкновенно въ своихъ работахъ отличался



Рис. 30.

щепетильностью, заставлявшею его подолгу присматриваться къ результатамъ своего творчества, исправлять и дополнять написанное и выпускать въ свѣтъ лишь тогда, когда уже ни въ какомъ отношеніи произведеніе не казалось ему незаконченнымъ.

Композиція картины состоитъ изъ семи фигуръ (до пояса), представленныхъ почти въ натуральную величину: въ центрѣ юноша Христосъ, склонивши свою прекрасную голову съ длинными бѣлокурыми локонами, обращается съ рѣчью къ внимательно слу-

¹⁾ Надпись эта, находящаяся рядомъ съ монограммою Дюрера и цифрою года (1506), гласитъ, что картина представляетъ собою работу пяти дней: „opus quinque dierum“.

шающему его старому ученому, положившему обѣ руки на закрытую толстую книгу. Другой ученый съ непокрытою головою, лысы съ длинною, совершенно сѣдой бородою, стоя передъ Христомъ на право для зрителя, держитъ передъ нимъ раскрытую книгу. Третій ученый съ безобразнымъ старческимъ лицомъ безъ бороды и усовъ, стоящій ближе другихъ ко Христу, повидимому, наиболѣе ожесточенно споритъ съ божественнымъ юношей, какъ можно думать, судя по жестамъ его и мимикѣ. Изъ остальныхъ присутствующихъ при спорѣ лицъ, размѣстившихся на второмъ планѣ картины, одинъ справляется съ текстомъ полукрытой книги, которую онъ держитъ въ рукахъ; другіе два внимательно прислушиваются къ спору ученыхъ съ Христомъ.

Несмотря на совершенное заполненіе всей картины фигурами, композиція отличается простотою и ясностью, которыя приближаютъ ее къ композиціямъ лучшихъ рельефовъ классическихъ скульпторовъ. О степени первоначальной колоритности, о достоинствахъ красокъ въ картинѣ, въ настоящее время трудно судить какъ вслѣдствіе позднѣйшихъ подмалевокъ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, такъ и потому, что поверхность ея покрыта была впоследствии густымъ слоемъ лака, мѣшающимъ различить съ достаточной точностью красочныя соотношенія. Тѣмъ не менѣе можно утверждать, что сохранившіеся, довольно блѣдные тона картины, къ тому же недостаточно разнообразны по самой красочной скалѣ, объясняются главнымъ образомъ указанною необычною скоростью исполненія этого произведенія, естественно помѣшавшей художнику, именно по недостатку времени, обратить на эту сторону работы достаточно вниманія и силъ. Гораздо болѣе разнообразія и жизненности находимъ въ жестахъ и типахъ дѣйствующихъ здѣсь лицъ. Какъ справедливо замѣчено большинствомъ предыдущихъ изслѣдователей, писавшихъ объ этой картинѣ, и въ томъ, и другомъ отношеніи здѣсь несомнѣнно влияніе на Дюрера со стороны Леонардо да Винчи. И дѣйствительно, этотъ языкъ жестовъ, при помощи котораго нагляднѣе, чѣмъ обыкновеннымъ языкомъ и въ то же время естественно дополняя его, объясняются другъ съ другомъ участвующія въ спорѣ лица, близко напоминаетъ оживленную мимику участниковъ сценъ въ цѣломъ рядѣ картинъ Леонардо и особенно въ его «тайной вечерѣ». Достойное вниманія сродство можно указать также и между типами Леонардо и типами лицъ въ раз-

сматриваемой картинѣ нѣмецкаго художника. Такъ, голова безобразнаго безбородата старика-ученаго, спорящаго съ Христомъ, поражаетъ своимъ сходствомъ съ головою таковаго же старика на рисункѣ Леонардо, находящемся въ Амброзианской библіотекѣ Милана ¹⁾ и его же двумя головами стариковъ ²⁾ въ той же библіотекѣ. Голова Христа, особенно на подготовительномъ рисункѣ Дюрера, находящемся въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ ³⁾, близко походитъ на женскую голову въ рисункѣ Леонардо, хранящемся въ галлерей Боргезе въ Римѣ ⁴⁾, и т. д. Въ общемъ, свою пятнадцатидневную артистическую работу Дюреръ еще разъ показалъ итальянскимъ художникамъ и цѣнителямъ искусства, насколько великъ былъ талантъ его, какъ живописца и особенно рисовальщика, ибо въ этомъ послѣднемъ отношеніи, несмотря на крайнюю поспѣшность работы, онъ умѣлъ здѣсь дать образецъ столь высокаго совершенства, какого даже изъ итальянскихъ мастеровъ возрожденія могли достигнуть лишь очень немногіе, какъ Микельанжело, Леонардо, Рафаэль и равные имъ по таланту.

Уже въ концѣ своего пребыванія въ Венеціи, почти передъ самымъ отъѣдомъ изъ Италіи, Дюреръ исполняетъ два превосходныхъ портрета. Первый изъ нихъ, *бюстъ молодой женщины*, не сохранился для насъ; по крайней мѣрѣ, мѣсто нахождения его намъ неизвѣстно. Но изъ словъ прежняго обладателя его, Имгофа, имѣющихся объ этомъ портретѣ въ каталогѣ произведеній Дюрера, находившихся въ 1628 году въ коллекціи Имгофа, должно заключить, что портретъ этотъ отличался большой красотой и что красота исполненія его болѣе всего остального обращала на себя вниманіе и привлекала къ себѣ взоры цѣнителей. «Небольшой портретъ, писанный масляными красками, — говоритъ здѣсь составитель каталога ⁵⁾, — бюстъ молодой женщины, собственноручно исполненный Альбрехтомъ Дюреромъ въ Венеціи въ 1507 году, отличается большой красотой; цѣна его 300 флориновъ».

¹⁾ Рис. воспроизв. у *A. Rosenberg*: Leonardo da Vinci, S. 65.

²⁾ Воспр. у *Rosenberg*, *ibid.* S. 66.

³⁾ Рис. воспроизв. у *Ephrussi*: dessins, pag. 119; *Knackfuss*: Dürer, S. 48.

⁴⁾ Воспр. у *Rosenberg*: Leonardo da Vinci, S. 94. Кромѣ этихъ этюдовъ имѣются еще въ коллекціи Blasius этюды рукъ ученыхъ, держащихъ книги, и рукъ самого Христа, рис. воспроизв. у *Lippmann*, Taf. 136—137.

⁵⁾ См. *A. von Eye*: Leben und Wirken A. Dürers, Übersichtstafel, подъ 1507 годомъ.

Другой портретъ, находящійся нынѣ въ королевской галлерей въ Вѣнѣ ¹⁾, писанъ также масляными красками на деревѣ: портретъ представляетъ (до пояса) бѣлокурого молодого человѣка съ неправильными чертами лица нѣмецкаго типа, съ небольшими усами, въ коричневомъ кафтанѣ, подбитомъ бѣличьимъ мѣхомъ; въ бѣлой сорочкѣ, виднѣющейся изъ-за открытаго на груди ворота кафтана и въ круглой нѣмецкой шапочкѣ. Портретъ этотъ помѣченъ 1507 годомъ и, несмотря на некрасивость лица, послужившаго для него моделью, производитъ тѣмъ не менѣе весьма пріятное впечатлѣніе, именно, достоинствами внѣшняго исполненія; привлекаетъ къ себѣ глазъ мягкостью красочныхъ тоновъ и общаго освѣщенія, придающихъ цѣлому, какъ художественному произведенію, значительную красоту ²⁾.

Если бы, основываясь на анализѣ *произведеній живописи*, исполненныхъ Дюреромъ въ періодъ вторичнаго пребыванія въ Италію, а равно и всей массы *рисунковъ*, подготовительныхъ къ картинамъ и иныхъ, относящихся къ тому же періоду, (изъ которыхъ многіе указаны уже выше, а остальные перечисляются далѣе въ соответствующихъ мѣстахъ этой главы) мы пожелали бы подвести итоги тѣмъ *приобрѣтеніямъ*, какія художникъ успѣлъ сдѣлать за это сравнительно короткое время, равно какъ и тому *вліянію* со стороны италіянскихъ мастеровъ, какое болѣе или менѣе ясно отразилось на его собственныхъ произведеніяхъ, то пришлось бы констатировать нѣсколько фактовъ любопытныхъ и знаменательныхъ въ исторіи развитія великаго нѣмецкаго живописца.

Находясь въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ центрѣ дѣятельности той самой венеціанской школы, представители которой уже въ эту пору, предшествовавшую непосредственно расцвѣту гения Тиціана, справедливо считались выдающимися *колористами*, Дюреръ естественно не могъ не поддаться обаянію *красоты*, къ которой стремились и которую такъ ярко умѣли воспроизводить въ своихъ

¹⁾ Воспроизъ. по фотографіи у *Knackfuss*: Dürer, S. 52.

²⁾ Помѣщенная на оборотной сторонѣ этого портрета аллегорія „скуности“ (см. *Thausing*: Dürer I, S. 573), исполненная въ стилѣ венеціанскихъ колористовъ едва ли можетъ быть признана работою самого Дюрера и представляетъ собой, по видимому, произведеніе кисти кого-либо изъ венеціанскихъ художниковъ болѣе поздняго происхожденія.

картинах итальянскіе художники. И мы видѣли, что дѣйствительно увлеченный этимъ общимъ стремленіемъ, къ которому присоединялось сверхъ того и собственное желаніе художника—возвыситься въ отношеніи колорита до лучшихъ образцовъ венеціанской жи вописи, Дюреръ даетъ намъ, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ, извѣстныхъ намъ достовѣрныхъ произведеніяхъ его кисти за этотъ періодъ, наглядное свидѣтельство того, что вліяніе видѣнныхъ имъ образцовъ не прошло для него безслѣдно. Ясно, что подъ этимъ, именно, вліяніемъ живописный талантъ его, сѣверянина, съ преобладающими въ другое время рационалистическими элементами, мало поддающагося воздѣйствию *красоты*, пріобрѣтаетъ теперь своеобразный характеръ, приближающій великаго нѣмецкаго художника къ его итальянскимъ братьямъ и дающій ему возможность создать рядъ произведеній, не уступающихъ работамъ этихъ послѣднихъ ни въ какомъ отношеніи, поскольку рѣчь идетъ о достоинствахъ внѣшняго исполненія.

Самъ Дюреръ не упоминаетъ, правда, въ своихъ письмахъ къ Ниркгеймеру ни о Тиціанѣ, который жилъ и работалъ въ это время въ Венеціи, хотя и не успѣлъ еще получить сколько-нибудь значительной извѣстности; ни о Джорджоне, который работалъ въ томъ же 1506 году надъ украшеніемъ живописью Fondaco de Tedeschi; ни о другихъ крупныхъ итальянскихъ художникахъ, жившихъ одновременно съ нимъ въ Венеціи, за исключеніемъ одного *Джованни Беллини*, котораго онъ особенно цѣнитъ, какъ крупнѣйшаго и наиболѣе опытнаго изъ современныхъ представителей искусства въ Венеціи. Тѣмъ не менѣе, самые факты яснѣе и убѣдительнѣе словъ показываютъ, что вліяніе не исключительно одного какого-либо, а цѣлой плеяды этихъ талантливыхъ художниковъ-колористовъ, произведенія которыхъ разсѣяны были въ различныхъ церквахъ и дворцахъ Венеціи, явственно отразилось на созданіяхъ творчества Дюрера изъ этого времени... Впослѣдствіи, по возвращеніи художника на родину, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, какъ увидимъ *стремленіе къ красотѣ* снова ослабѣваетъ у него, уступая мѣсто другимъ элементамъ. Но безслѣдно оно не исчезаетъ уже никогда, сказываясь иногда въ благопріятныхъ для того случаяхъ съ новою, значительною силою, получая тогда надъ другими стремленіями художника несомнѣнное и счастливое для искусства преобладаніе.

Одною указанною сейчасъ стороною однако не ограничивается вліяніе на Дюрера итальянскихъ мастеровъ. Значительное и несомнѣнное воздѣйствіе на него оказали въ эту эпоху и тѣ итальянскіе художники, которые особенно полно удовлетворяли присущему Дюреру стремленію къ *серьезному и точному обоснованію искусства на строго научныхъ началахъ*,—стремленію, знакомому отчасти уже изъ предыдущей дѣятельности нѣмецкаго художника. Теперь, находясь среди итальянскихъ мастеровъ, относительно которыхъ онъ зналъ, что нѣкоторые изъ нихъ, (кромѣ уже отмѣченнаго ранѣе Джакомо Барбари), усердно и съ большимъ усилѣхомъ занимались отысканіемъ и установленіемъ такихъ, именно, общихъ научныхъ основъ для искусства, Дюреръ рѣшаетъ воспользоваться для себя добытыми ими серьезными результатами. И съ этою важною въ его собственныхъ глазахъ цѣлью,—какъ мы знаемъ изъ писемъ его, направляется онъ въ концѣ 1506 года изъ Венеціи въ Болонью, имѣя въ виду поучиться тамъ «искусству тайной перспективы», какъ онъ выражается. Къ сожалѣнію, Дюреръ не называетъ по имени художника, который долженъ былъ въ Болоньѣ научить его такому искусству перспективы, и потому изслѣдователямъ, занимавшимся вопросомъ объ опредѣленіи этого имени, оставалось высказывать лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Наибольшимъ правдоподобіемъ, повидимому, отличается мнѣніе Гарцена ¹⁾, который называетъ такимъ наставникомъ Дюрера въ дѣлѣ ознакомленія его съ тайнами искусства перепективы извѣстнаго художника *Пьеро дельи Франчески*, составившаго по предмету перспективы въ живописи цѣлый трактатъ, подъ заглавіемъ: «*de perspectiva pingendi*» ²⁾.

Другимъ изъ проживавшихъ въ Болоньѣ теоретиковъ искусства, который имѣлъ возможность и достаточныя позванія для того, чтобы ознакомить Дюрера не только съ законами перспективы, но и вообще съ разнообразными научными основаніями искусства, могъ быть *Лука Пачиолл*, пользовавшійся въ свое время значительною извѣстностью, какъ ученикъ Леонардо да Винчи, какъ теоретиче-

¹⁾ *E. Harzen*: über den Maler Piero degli Franceschi. Archiv für zeichnende Kunst II, 231—244.

²⁾ *Vasari* IV, 22.

скій изслѣдователь и математикъ, посвятившій цѣлый рядъ лѣтъ строго научнымъ изысканіямъ по преимуществу въ области искусства. Эти изслѣдованія его, важнѣйшіе результаты которыхъ изложены были въ трактатѣ его: «*de divina proportione*», должны были также, подобно изысканіямъ Франчески, оказать на Дюрера болѣе или менѣе значительное вліяніе, отразившись вполнѣдствіи не только на художественной его дѣятельности, но и на собственныхъ его теоретическихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ изслѣдованіямъ о пропорціяхъ, какъ увидимъ, отводится наиболѣе важное мѣсто.

Что касается вліянія на Дюрера даровитаго болонскаго художника *Франческо Райболинчи*, (прозваннаго *il Francia*), который стоялъ въ разсматриваемое время во главѣ болонскихъ живописцевъ и на котораго указываетъ Таузингъ ¹⁾, какъ на руководителя Дюрера при посѣщеніи имъ Болоньи, то если вліяніе этого художника и существовало въ дѣйствительности, оно должно было, думается намъ, относиться не столько къ расширенію или упроченію Дюреромъ теоретическихъ основъ искусства, ибо знаніемъ таковыхъ, какъ извѣстно, не славился самъ названный художникъ, сколько къ усвоенію вышнихъ, чисто живописныхъ сторонъ исполненія, приемовъ компоновки цѣлаго по законамъ симметріи и гармоніи, и т. п.

Четвертымъ значительнымъ и несомнѣннымъ воздѣйствіемъ на Дюрера въ эпоху пребыванія его въ Италіи должно быть признано вліяніе великаго Леонардо, на которое отчасти указано было уже выше по поводу картины: «Христосъ среди ученыхъ». Воздѣйствіе это однако не ограничивалось одними отмѣченными выше отношеніями: оно простиралось и шире, и глубже, обнаруживаясь не столько въ отдѣльныхъ деталяхъ, сколько въ общемъ направленіи творчества, и притомъ не столько въ большихъ картинахъ Дюрера, сколько въ меньшихъ его работахъ: этюдахъ и эскизахъ, особенно характерныхъ для опредѣленія господствующаго его направленія. Путемъ-ли самостоятельнаго изученія нѣмецкимъ художникомъ распространенныхъ тогда по разнымъ городамъ Италіи произведеній Леонардо да Винчи; благодаря-ли ознакомленію его съ работами Леонардо при посредствѣ упомянутаго ученика его

¹⁾ *Thausing: Dürer I, S. 367.*

Луки Пачіоли ¹⁾; или наконецъ, благодаря личной встрѣчѣ Дюрера съ Леонардо и непосредственному знакомству его не только съ произведеніями, но и съ самыми процессами творческой работы великаго итальянскаго художника ²⁾, несомнѣнно, что воздѣйствіе Леонардо на Дюрера въ данный періодъ имѣло мѣсто въ дѣйствительности и было значительнымъ и существеннымъ въ своихъ проявленіяхъ.

Можно было бы сказать, что большая часть тѣхъ художественныхъ стремленій, которыя сказывались въ эскизныхъ и другихъ работахъ Леонардо, принималась близко къ сердцу и Дюреромъ, и попытки перваго изъ обоихъ художниковъ въ томъ или иномъ направленіи находили себѣ сочувственный откликъ и отраженіе въ попыткахъ втораго. Такъ, мы знаемъ, на примѣръ, что Леонардо между прочимъ усердно штудировалъ вопросъ о томъ, какъ путемъ уклоненій отъ среднихъ нормъ въ тѣхъ или другихъ частяхъ человѣческой головы рождается удивительное разнообразіе типовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характерныхъ экспрессій человѣческихъ лицъ; знаемъ, что результатомъ этихъ долговременныхъ штудій явилось у Леонардо большое количество рисунковъ, которые нынѣ разошлись по различнымъ собраніямъ и въ которыхъ нерѣдко усматривали ошибочно простыя каррикатурныя изображенія ³⁾.—Та же интересная задача занимаетъ и вниманіе Дюрера, который съ своей стороны создаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ *сравнительныхъ этюдовъ* *головъ*, гдѣ подлѣ обычнаго типа средней по пропорціямъ головы слѣдуютъ изображенія ряда головъ съ пропорціями, уклоняющимися отъ этой средней нормы въ тѣхъ или другихъ частяхъ своихъ и порождающими вслѣдствіе этого поразительное разнообразіе типовъ, а въ случаяхъ слишкомъ рѣзкихъ отступленій отъ нормальнаго типа, — такъ называемую, каррикатурность, при чемъ такія отступленія порождаютъ или смѣшное, или уродливое. Таковы его рисунки: во-первыхъ, находящійся въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, гдѣ такой рядъ сравнительныхъ типовъ десяти мужскихъ головъ помѣщенъ (случайно) подлѣ этюда одежды, зарисованнаго на томъ же

¹⁾ A. Springer: Dürer, S. 62.

²⁾ Ср. Ephrussi: dessins, pag. 131.

³⁾ Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ воспроизведены у Rosenberg: Leonardo da Vinci, Leipz. 1898, Abb. 58—70.

листвъ ¹⁾; во-вторыхъ, рисунокъ Пештскаго музея, прежде находившійся въ собраніи Эстергази, гдѣ находимъ рядъ женскихъ головъ подлѣ разнообразныхъ этюдовъ одеждъ и фигуръ: Мадонны съ младенцемъ Христомъ; ангела, играющаго на мандолинѣ и т. д. ²⁾; въ-третьихъ, рисунокъ, хранящійся въ коллекціи Dumesnil въ Парижѣ, гдѣ серія сравнительныхъ типовъ состоитъ изъ четырехъ мужскихъ головъ ³⁾, и н. др.

Мы знаемъ дагѣ, что Леонардо старался путемъ тщательнаго изученія соотношеній между различными частями человѣческихъ тѣлъ, мужскихъ и женскихъ, вывести, если возможно, законмѣрныя

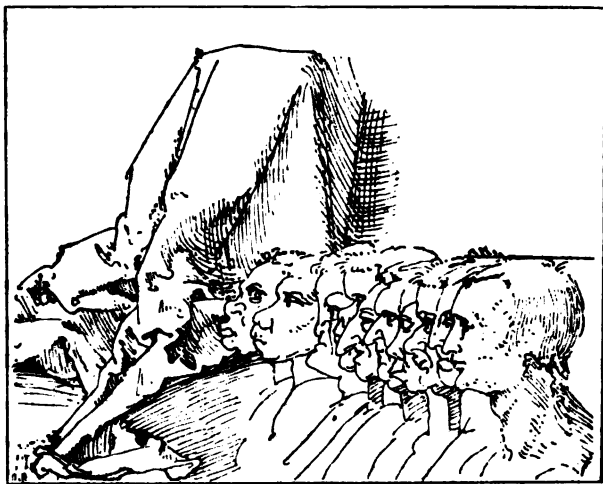


Рис. 31.

основанія самаго образованія человѣческихъ формъ, равно какъ и среднія нормы для этихъ послѣднихъ. Дюреръ, который и раньше уже занимался рѣшеніемъ той же задачи, теперь продолжаетъ работать въ прежнемъ направленіи, видя высокій примѣръ, достойный подражанія, со стороны великаго итальянскаго художника. И результатомъ этой работы являются тѣ новые этюды нагихъ чело-

¹⁾ Рис. воспроизв. у *Lippmann* Taf. 84, *Ephrussi*, pag. 126; онъ же помещенъ впоследствии и въ трактатѣ Дюрера о пропорціяхъ 1528 года и вновь воспроизведенъ въ Аригеймовскомъ изданіи этого трактата 1603 года. См. нашъ рисунокъ № 31.

²⁾ У *Lippmann* Taf. 185, *Ephrussi*, pag. 129.

³⁾ У *Knackfuss*: Dürer, S. 185; *Ephrussi*, pag. 127.

вѣческихъ тѣлъ, мужскихъ и женскихъ, которые дополняютъ уже ранѣе извѣстные намъ матеріалы для вывода общихъ закономѣрныхъ основаній построения человѣческихъ фигуръ ¹⁾. И именно эта работа уже въ слѣдующемъ 1507 году, какъ увидимъ, приводитъ Дюрера къ художественному воплощенію отысканныхъ канонъ, представлявшихся ему тогда на основаніи предыдущихъ изысканій наиболѣе совершенными, въ двухъ фигурахъ Адама и Евы въ картинахъ, написанныхъ имъ по возвращеніи въ Нюренбергъ.

Любопытна еще одна черта сродства въ творческой работѣ Леонардо и Дюрера. Какъ извѣстно, великій итальянскій художникъ интересовался не однимъ человѣческимъ міромъ: его живо занималъ также *міръ животныхъ*, который онъ старался научиться изображать съ такимъ же совершенствомъ, какое удавалось ему при воспроизведеніи человѣческихъ формъ. И вниманіе Леонардо направлялось при этомъ по преимуществу на изученіе и воспроизведеніе *лошадей*, формы которыхъ онъ, дѣйствительно, научился изображать (въ скульптурѣ, какъ и въ живописи) съ поразительной жизненной правдой... Дюреръ, который и ранѣе уже неоднократно, какъ мы отмѣчали въ соответствующихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія, былъ занятъ изображеніемъ лошадей, не могъ не сознавать, что эти изображенія недостаточно удавались ему; что необходимо болѣе точное и близкое знаніе формъ этого животнаго въ движеніи и покоѣ для того, чтобы усовершенствовать самыя изображенія ихъ, слѣлать ихъ соответствующими дѣйствительности. И справедливо полагая, что высоко художественные и поражавшіе своею вѣрностью натурѣ рисунки Леонардо должны помочь ему вѣрнѣе и быстрѣе научиться возможно болѣе совершенному воспроизведенію этихъ формъ, являясь превосходнымъ подспорьемъ при изученіи самой природы, — Дюреръ въ однихъ случаяхъ прямо копируетъ этюды лошадей, исполненные Леонардо ²⁾; въ другихъ варьируетъ и комбинируетъ, или воспроизводитъ по частямъ оригинальныя изображенія лошадей, находимыя имъ у Леонардо ³⁾.

¹⁾ Таковы рисунки Берлинскаго кабинета гравюръ, воспроизв. у Lippmann Taf. 87 и 88; рисунки Британскаго музея, упом. у Ephrussi, pag. 144; рис. изъ коллекціи Малькольма въ Лондонѣ, изобр. у Ephrussi, pag. 142, и н. др.

²⁾ Какъ, напр., на рисункѣ Дрезденской библіотеки, воспр. у Ephrussi: dessins pag. 132, представляющемъ копию съ рисунка Леонардо изъ коллекціи Galichon, воспр. у Ephrussi, ibid., p. 133, и н. др.

³⁾ Таковы, напр., тѣ этюды, хранящіяся въ Дрезденской библіотекѣ, которые

Вліяніе Леонардо выразилось, наконецъ, и въ созданіи тѣхъ своеобразныхъ и чрезвычайно запутанныхъ геометрическихъ сплетеній, или такъ называемыхъ «узловъ», которые рѣзаны были по рисункамъ Дюрера въ шести гравюрахъ на деревѣ ¹⁾. Сходство ихъ съ извѣстными сложными сплетеніями, сочиненными Леонардо и носящими названіе «знака Леонардовой Академіи» (съ надписью: «Academia Leonardi Vinci»), очевидно и указываетъ несомнѣнное воздѣйствіе на Дюрера со стороны этихъ послѣднихъ.

Чтобы покончить съ работами Дюрера, исполненными въ теченіе разсматриваемаго періода, остается упомянуть еще о *пейзажахъ* его, относящихся къ различнымъ моментамъ его путешествія по Италіи и на пути къ ней.

Нѣкоторые изъ этихъ пейзажей отличаются особенною силою и красотою. Таковъ, напр., видъ Триеста съ окрестностями, воспроизв. у Lippmann, таб. 109; итальянскій видъ, представляющій высокую гору съ большими скалистыми уступами, на которыхъ расположилось нѣсколько замковъ (воспр. у Ephrussi: dessins, табл. къ 111 стр.); таковы далѣе рисунки съ изображеніемъ скалъ, поросшихъ кустами и травою, съ помѣткою 1506 г. и монограммою Дюрера; гористый пейзажъ съ надписью *welch perg* (у Lippmann, табл. 392); пейзажъ съ надписью *fenedicr klawsen* (у Lippmann 303), и другіе.

Такъ обильна проявленіями творческой энергіи и плодотворна по своимъ результатамъ была художественная дѣятельность Дюрера подъ чуждымъ, но прекраснымъ для него небомъ Италіи, среди чужеземныхъ собратьевъ его по искусству и подъ ихъ благотворнымъ воздѣйствіемъ.

опубликованы въ изданіи: Albrecht Dürers Handzeichnungen in d. königl. Bibliothek zu Dresden, съ текстомъ А. von Eye, и помѣщены также въ рукописи трактата Дюрера о пропорціяхъ.

¹⁾ У Bartsch №№ 140—145.

ГЛАВА VII.

Возвращеніе Дюрера въ Нюрнбергъ и художественная дѣятельность его въ ближайшіе годы (1507—1509).—Преобладающій характеръ этой дѣятельности.—Большія работы художника въ области живописи и ихъ значеніе.—Незначительное количество произведеній гравюры за тотъ же періодъ.

По возвращеніи изъ Италіи на родину, повидимому уже въ началѣ весны 1507 года, Дюреръ съ новой энергіей и богатымъ запасомъ художественныхъ впечатлѣній и опыта принимается за творческую дѣятельность. Знаменательна и достойна вниманія при этомъ одна особенность въ этой дѣятельности художника въ первые годы послѣ возвращенія въ родную страну. Какъ будто всецѣло проникнувшись тѣми самыми стремленіями, которыя являлись господствующими среди итальянскихъ художниковъ, Дюреръ и самъ не только въ періодъ пребыванія своего въ Италіи, но и по приѣздѣ на родину, на извѣстное время становится по преимуществу *живописцемъ*, отодвигая на второй планъ свои, любимыя прежде и многочисленныя впослѣдствіи, работы въ области гравюры на мѣди и деревѣ. Большія произведенія живописи, надъ которыми художникъ усердно работаетъ и послѣ своего возвращенія въ Германію, какъ въ самой Италіи, занимаютъ почти исключительно все его время, которое онъ затрачиваетъ сверхъ того еще и на серьезную подготовку матеріаловъ для этихъ своихъ картинъ, оставляя сравнительно небольшую часть времени и труда для созданія произведеній гравюры.

Каковы были по содержанию и внѣшнимъ формамъ эти произведенія живописи, созданныя Дюреромъ въ первые годы по возвращеніи изъ Италіи?..—Уже тѣ подготовительныя работы, которыя велись Дюреромъ во время пребыванія въ этой послѣдней и о кото-

рыхъ было упомянуто выше, показывали, что именно, среди другихъ предметовъ особенно близко интересовало художника. Ясно было, что ближайшей задачей его должно было сдѣлаться по возможности совершенное художественное воплощеніе въ прекрасныхъ живописныхъ образахъ тѣхъ *идеаловъ красоты человеческой*, которые представлялись художнику, на основаніи многочисленныхъ сравнительныхъ изысканій его, какъ извѣстныхъ, *математически опредѣленныхъ нормъ*. Каковы, именно, были сравнительныя изысканія Дюрера по этому предмету, которые художникъ, начавши, какъ мы видѣли, уже ранѣе, продолжаетъ и въ послѣдующіе годы, показано будетъ подробно въ главѣ о теоретическихъ сочиненіяхъ Дюрера. Здѣсь достаточно указать, что такіе именно живописные идеалы въ смыслѣ нормъ человеческого, мужского и женскаго тѣла, какими представляли ихъ себѣ въ это время самъ художникъ, дѣйствительно, созданы были имъ въ томъ же 1507 году въ большихъ картинахъ, съ изображеніями *Адама и Евы* ¹⁾. Въ музеяхъ Флоренціи, Мадрида и Майнца имѣются три экземпляра этого интереснаго произведенія, изъ которыхъ одинъ отличается отъ двухъ остальныхъ деталями своей композиціи, причемъ экземпляръ, находящійся нынѣ въ галлерей Питти во Флоренціи, оказывается болѣе сложнымъ по своей композиціи, чѣмъ оба другіе. Фигуры Адама и Евы на всѣхъ трехъ экземплярахъ представлены совершенно одинаково.—Адамъ, почти юноша, съ длинными вьющимися волосами, совершенно нагой, стоитъ, обернувшись нѣсколько влѣво въ сторону Евы; въ лѣвой рукѣ его—вѣтка съ яблокомъ древа познанія. Юная Ева, также нагая, стоитъ, обратившись въ полъ оборота къ супругу и, придерживаясь правой рукою за вѣтку дерева, лѣвой рукою принимаетъ яблоко изъ пасти змѣя, обвившагося вокругъ дерева; длинные волосы, падая волнистыми прядями внизъ съ головы, развѣваются по вѣтру; тяжесть тѣла покоится на правой ногѣ, тогда какъ лѣвая отставлена немного назадъ, перекрещиваясь съ правою. На экземплярахъ мадридскомъ и майнцскомъ задній планъ представляетъ простой черный фонъ безъ фигуръ и пейзажа; на вѣткѣ единственнаго дерева, находящагося подлѣ Евы, привѣшена табличка съ над-

¹⁾ Воспроизвед. по фотографіи съ оригинала, находящагося въ Мадрид. музеѣ, у *Knackfuss*: Däger, S. 50—51. См. наши рисунки № 32 и № 33.

писью: «Albertus Durer almagnus faciebat post virginis partum. 1507»
и съ монограммою Дюрера. На флорентинскомъ экземплярѣ подлѣ



Рис. № 32.



Рис. № 33.

Адама видны фигуры оленя, кабана и фазана; подлѣ Евы—львица,
два попугая и т. д.; таблички съ надписью нѣтъ.

Вопросъ о томъ, какіе изъ этихъ трехъ экземпляровъ являются

оригиналами и какіе копіями, рѣшался изслѣдователями различно ¹⁾. Принимая во вниманіе стилистическія высокія достоинства и особенності композиціи экземпляра, находящагося въ галлерей Питти, можно, думается намъ, утверждать, что именно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первымъ изъ трехъ по времени, собственноручно исполненнымъ самимъ Дюреромъ оригиналомъ. Въ пользу такого заключенія говорить не только наибольшая сложность этой композиціи сравнительно съ двумя другими (въ аксессуаряхъ и пейзажѣ), но и совершенство рисунка, недоступное ни одному изъ копійстовъ Дюрера и обличающее руку самого великаго художника; поразительная тонкость въ отдѣлкѣ волосъ и другихъ деталей, столь характерная для нашего художника; скульптурная лѣпка человѣческихъ формъ и другія достоинства, въ отношеніи которыхъ подлинныя работы гениальнаго нѣмецкаго художника навсегда остались недосыгаемыми образцами даже для наиболѣе искусныхъ учениковъ его, копійстовъ и подражателей. Далѣе, экземпляръ, хранящійся въ Мадридскомъ музеѣ, долженъ быть признанъ, какъ и первый, оригиналомъ, въ упрощенномъ видѣ написанномъ также собственноручно художникомъ для кого-либо изъ заказчиковъ, какъ повтореніе флорентинскаго, немного позднѣе его, быть можетъ въ томъ же году, на что указываетъ величайшая близость этого экземпляра къ флорентинскому въ отношеніи стиля и техники, всѣ высокія достоинства которыхъ имѣются и здѣсь на лицо, какъ и въ первомъ. Напротивъ, экземпляръ, находящійся въ Майнцскомъ музеѣ,—по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ изслѣдователей, изучавшихъ его сравнительно съ предыдущими ²⁾,—является болѣе позднею копіей, которая исполнена была со втораго (мадридскаго) экземпляра извѣстнымъ копійстомъ и подражателемъ Дюрера, Ювенелемъ, и которая попала въ собраніе Майнцскаго музея изъ Нюрнберга, откуда она въ 1796 году была увезена французскими войсками.

Что касается общаго эстетическаго впечатлѣнія, производимаго на зрителя фигурами Адама и Евы, то оно весьма благопріятно, хотя и слабѣе того, какимъ можно было бы предполагать его, имѣя въ виду намѣреніе художника—дать въ нихъ образцы нормальнаго,

¹⁾ См. *Heller*, S. 188 f., *Thausing* II, S. 3 f., *Erphussi*, pag. 141 sq. *Knockfuss*, S. 50 f., *Mündler*: Beiträge zu Burkhardts Cicerone (Jahrbuch für Kunstw. II, 284), и др.

²⁾ Ср. *Will*: Gelehrten—Lexikon I, 298; *Heller*, S. 211 и 289; *Mündler*, S. 285.

иначе говоря, совершеннаго по своимъ формамъ и, слѣдовательно, прекраснѣйшаго человѣческаго тѣла. Нельзя не признать, что обѣ фигуры не вполне отвѣчаютъ нашему представленію о совершенныхъ по красотѣ человѣческихъ формахъ, а самая постановка обѣихъ фигуръ, особенно Евы, показывается недостаточно естественной. Тѣмъ не менѣе въ сравненіи съ фигурами Адама и Евы на гравюрѣ 1504 года здѣсь замѣчается несомнѣнный и притомъ значительный прогрессъ, выражающійся въ явномъ усиленіи элементовъ красоты подѣ итальянскимъ вліяніемъ: пропорціи представлены здѣсь болѣе удлинненными и потому сравнительно болѣе изящными, чѣмъ на гравюрѣ, а именно, въ то время какъ отношеніе головы къ высотѣ цѣлой фигуры въ гравюрѣ равно отношенію 1 къ 7,—здѣсь оно равно отношенію 1 къ 8. Въ то же время въ типахъ лицъ, (особенно Адама) отразился несомнѣнно характеръ итальянскихъ моделей, выгодно отличающихся по красотѣ отъ чисто нѣмецкихъ типовъ гравюры.

На современниковъ Дюрера, какъ и на ближайшія поколѣнія картины эти производили однако наилучшее впечатлѣніе, и это впечатлѣніе съ особенною яркостью выражено въ дошедшемъ до насъ любопытномъ двустипіи, составленномъ на латинскомъ языкѣ придворнымъ поэтомъ и историкомъ Каспаромъ Велусомъ.—«Замѣтивши ихъ (т. е. Адама и Еву), — говорится здѣсь, — удивленный ангелъ воскликнулъ: я не изгналъ бы васъ изъ рая, если бы увидѣлъ васъ тамъ столь прекрасными...¹⁾».

Слѣдующимъ по времени болѣшимъ произведеніемъ живописи, созданнымъ послѣ «Адама и Евы», была сложная многофигурная композиція, изображавшая «мученіе и избіеніе 10 тысячъ *никоидійцевъ*». Мы знаемъ, что уже болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ ранѣе этого, въ одной изъ древнѣйшихъ гравюръ Дюрера на деревѣ (у В. 111, Н. 1881, R. 117) трактовался тотъ же сюжетъ, при чемъ его сложность и многофигурность, требовавшія отъ художника большого умѣнья и опытности, явились причиной того, что композиція гравюры въ рукахъ начинающаго мастера оказалась недостаточно удовлетворительною въ отношеніи ясности, цѣльности и т. д., лишенною

¹⁾ „Angelus hos cernens miratus dixit: ab horto non ita formosos vos ego depuleram“.

жстинной жизненности, несмотря на рѣзкость движеній большинства участвующихъ въ событіи лицъ. Гравюра эта тѣмъ не менѣе расхо-дилась въ народѣ во множествѣ экземпляровъ и привлекала вниманіе, повидимому, не однимъ лишь сюжетомъ. Можно думать, что именно существованію и широкому распространенію этой гравюры худож-никъ обязанъ былъ тѣмъ, что въ 1507 году извѣстный покровитель и заказчикъ Дюрера, курфюрстъ Фридрихъ Мудрый поручилъ ему написать большую картину съ тѣмъ же самымъ сюжетомъ, которая и была исполнена художникомъ послѣ усердной работы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Изъ писемъ Дюрера, адресованныхъ къ одному изъ послѣдую-щихъ его заказчиковъ, Якобу Геллеру,—писемъ, цитируемыхъ нами ниже,—явствуетъ, что большая картина эта была закончена въ началѣ апрѣля 1508 года послѣ продолжительнаго усидчиваго тру-да, нѣсколько разъ прерывавшагося на короткое время болѣзнью художника. Въ сравненіи съ гравюрой, композиція этой картины, находящейся нынѣ въ королевской картинной галлерей въ Вѣнѣ¹⁾, отличается гораздо большею сложностью, но въ то же время, не-смотря на значительное увеличеніе числа фигуръ и сценъ, отли-чается и большимъ искусствомъ въ распредѣленіи отдѣльныхъ группъ, въ компановкѣ сложнаго цѣлага, равно какъ и большею жизненностью. Ясно, что художникъ прогрессировалъ со времени созданія вышеописанной гравюры во всѣхъ отношеніяхъ и притомъ весьма значительно.

Три главные момента, имѣвшіе мѣсто въ гравюрѣ, сохранены по существу и въ картинѣ. На заднемъ планѣ нѣсколько воиновъ сбрасываютъ со скалы внизъ христіанскихъ мучениковъ, которые, падая съ высоты, разбиваются о землю, гдѣ другіе воины ихъ доби-ваютъ. На переднемъ планѣ—самъ царь Сапоръ II, сидя на конѣ и окруженный своею свитою, смотритъ на пытки, которымъ палачи подвергаютъ передъ его глазами многочисленныхъ христіанъ. Нако-нецъ, въ центрѣ композиціи (подобно двумъ рыцарямъ въ центрѣ гравюры) самъ Дюреръ и другъ его Пиркгеймеръ стоятъ среди па-лачей и мучениковъ, какъ спокойные зрители всего происходящаго. При общности этихъ моментовъ однако различіе отъ гравюры во

¹⁾ Воспроизвед. по фотографіи у *Knachfuss*: Dürer, S. 53. См. нашъ рису-нокъ № 34.

всѣхъ деталяхъ, въ отдѣльныхъ группахъ и фигурахъ настолько велико, что сравнительно съ гравюрою композиція картины можетъ быть признана изображенной художникомъ заново.



Рис. № 34.

Въ художественномъ отношеніи картина должна быть поставлена на значительную высоту въ сравненіи съ гравюрою. Многолѣтнее тщательное изученіе Дюреромъ человѣческаго тѣла, а затѣмъ и перспективы съ ея сложными законами, благотворно отразилось на живописной работѣ художника: благодаря, именно, этимъ новымъ

приобрѣтеніямъ художника, изображенія въ картинѣхъ человѣческихъ фигуръ въ движеніи, какъ и въ покоѣ, далеко превосходятъ весьма неудачныя фигуры гравюры, а законы линейной, какъ и воздушной перспективы, такъ грубо нарушенные въ гравюрѣ, соблюдены въ картинѣхъ съ необходимою точностью. О красочныхъ достоинствахъ картинъ судить въ настоящее время почти невозможно въ виду того, что и этотъ оригиналъ работы Дюрера, подобно многимъ другимъ, сильно испорченъ позднѣйшими реставраціями.

Для композиціи картины Дюреромъ изготовленъ былъ эскизный рисунокъ перомъ, помѣченный 1507 годомъ и монограммою художника, нынѣ въ собраніи Альбертинума въ Вѣнѣ ¹⁾. Эскизъ представляетъ какъ бы среднюю, переходную ступень между композиціями гравюры и самой картины, сохраняя сходство съ обѣими въ главномъ и существенномъ, но въ то же время различаясь отъ той и другой деталями построенія.

Наиболѣе значительнымъ по количеству потраченного художникомъ труда и болѣе важнымъ въ глазахъ самого Дюрера произведеніемъ разсматриваемаго періода является знаменитый алтарный образъ—триптихъ, написанный по заказу франкфуртскаго гражданина Якова Геллера для доминиканскаго монастыря во Франкфуртѣ на Майнѣ и извѣстный подъ именемъ *Геллерова алтаря*. Имѣется цѣлый рядъ интересныхъ писемъ Дюрера къ своему заказчику, въ которыхъ художникъ сообщаетъ достаточно подробныя свѣдѣнія о ходѣ своихъ работъ по созданію какъ этого большого алтарнаго образа, такъ и нѣсколькихъ другихъ произведеній, относящихся къ тѣмъ же годамъ ²⁾. Мы приводимъ адѣсь важнѣйшія

¹⁾ Рисунокъ воспроизведенъ у *Ephrussi: dessins*, pag. 147.

²⁾ Самые оригиналы этихъ писемъ до насъ не дошли; сохранились однако точныя воспроизведенія этихъ оригиналовъ, сдѣланныя: 1) въ 1607 году франкфуртскимъ живописцемъ Фр. Фалькенбургомъ, которымъ была изготовлена также копія съ самаго алтарнаго образа для эрцгерцога австрійскаго Максимилиана; 2) Давидомъ Крессеромъ, который велъ переговоры между нюрнбергскимъ художникомъ Гаррихомъ и курфюрстомъ Максимилианомъ Баварскимъ, желавшимъ купить у монастыря оригиналъ Геллерова алтаря и заказавшимъ предварительно названному художнику точную копію съ него для замѣны на мѣстѣ самаго оригинала. Письма эти неоднократно были опубликованы въ цѣломъ и по частямъ у *Campe: Reliquien von A. Dürer*, S. 84 ff.; *Cornill: Jacob Heller und A. Dürer, Frankfurt 1871*, S. 21 ff.; *Guhl: Künstler-Briefe, übers. underläut von Rosenberg 2 Auf.*, Berlin 1880, II, S. 831 ff.; *Ephrussi étude sur le triptique d'Alb. Durer, dit le tableau d'autel de Heller, Nuremb. 1877; Lange und Fuhs: Dürers schriftl. Nachlass*, S. 46 ff.

мѣста изъ этой переписки Дюрера съ Геллеромъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи созданія франкфуртскаго алтаря— триптиха.

«—Съ удовольствіемъ получилъ я ваше посланіе, — писалъ Дюреръ своему богатому заказчику въ первомъ письмѣ отъ 28 августа 1507 года.—Знайте, что за послѣднее время я долго болѣлъ лихорадкою, вслѣдствіе которой на нѣсколько недѣль приостановилась моя работа для курфюрста Фридриха Саксонскаго (рѣчь идетъ о картинѣ, изображавшей *мученіе 10 тысячъ мучениковъ* и описанной выше), что причинило мнѣ большой убытокъ. Теперь однако дѣло подвинулось значительно впередъ и картина готова болѣе чѣмъ на половину. Поэтому имѣйте терпѣніе съ вашей картиной, которую я по окончаніи работы названному курфюрсту немедленно начну и старательно исполню, какъ обѣщаль вамъ. Пока хотя я еще не начиналъ писать ее, однако уже приобрѣлъ доску для нея у столяра и заплатилъ за нее деньги, которыя вы мнѣ прислали. Затѣмъ я отдалъ доску заготовщику, который загрунтовалъ ее, окрасилъ и черезъ недѣлю позолотилъ (раму). Я думаю ничего не предпринимать до тѣхъ поръ, пока начну писать эту картину, что съ Божьею помощію должно случиться въ ближайшемъ будущемъ, по окончаніи работы курфюрсту. Ибо вообще я неохотно начинаю одновременно нѣсколько произведеній, хотя я и не лѣнивъ. Могу сказать въ утѣшеніе, что если поможетъ Богъ, я *постараюсь создать для васъ нечто такое, что въ состояніи сдѣлать лишь немногіе*».

Прошло однако около семи мѣсяцевъ со времени написанія художникомъ этого перваго письма, а заказанный Геллеромъ алтарный образъ все еще не былъ имъ начатъ, потому что картина для Фридриха Саксонскаго не была окончена.—«Дорогой господинъ Геллеръ!—пишетъ Дюреръ въ своемъ слѣдующемъ письмѣ (отъ 19 марта 1508 г.) своему заказчику.—Знайте, что черезъ четырнадцать дней моя работа для курфюрста Фридриха будетъ, наконецъ, совершенно закончена. Вслѣдъ за тѣмъ я начну вашу картину и не буду братья ни за какую другую работу ранѣе, чѣмъ окончу эту. *Среднюю часть образа я хочу особенно старательно исполнить собственноручно*. Однако и для боковыхъ частей мною сдѣланъ уже тщательный эскизъ, который будетъ выполненъ впоследствии сѣрою краской на сѣромъ же

фонъ (von Steinfarb=grau in grau, какъ дѣйствительно и были исполнены фигуры на обояхъ створахъ этого триптиха); можно также и подмалевать картину, какъ вы хотѣли.... Желать бы я, чтобы вы видѣли картину, исполненную мною для моего государя (т. е. курфюрста Фридриха): я увѣренъ, что она очень понравилась бы вамъ. Я работалъ надъ нею почти цѣлый годъ, но получилъ отъ нея мало матеріальной выгоды... Вмѣстѣ съ письмомъ посылаю вамъ размѣры вашей будущей картины въ длину и ширину».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 августа 1508 года мы находимъ свѣдѣнія уже о самомъ ходѣ начатой Дюреромъ и его помощниками работы. — «Недавно получилъ я, — пишетъ Дюреръ, ваше письмо, въ которомъ вы высказываете желаніе, чтобы я, какъ можно, лучше исполнилъ вашу картину; таково же, именно, было и мое намѣреніе. Теперь могу сообщить вамъ, насколько подвинулась впередъ эта работа. Обѣ боковыя части образа весьма старательно покрыты сѣрою краской, но еще не покрыты лакомъ; внутри же онѣ вполнѣ уже подготовлены, такъ что на нихъ начали (т. е. учени и помощники Дюрера) писать краскою самыя композиціи. Для главной, средней части образа я приготовилъ эскизъ съ большимъ стараніемъ и въ теченіе долгаго времени. Онъ уже обозначенъ на самой картинѣ двумя хорошими красками, такъ что вскорѣ я начну его подмалевывать (untermalen). Я хочу сдѣлать такую подмалевку разъ пять или шесть ради чистоты и прочности картины, а писать ее хочу затѣмъ лучшимъ ультрамаринномъ. *Ни одинъ человекъ кромѣ меня не долженъ сдѣлать въ этой композиціи ни единого штриха*, вслѣдствіе чего мнѣ придется потратить на нее много времени. Поэтому, смѣю думать, что вы не будете огорчены, когда увидите ее впоследствии. При этомъ беру на себя смѣлость сообщить вамъ мое откровенное мнѣніе, что я не взялъ бы съ другого за исполненіе такого произведенія 130 рейнскихъ флориновъ, вслѣдствіе убыточности такой работы для меня; однако то, что я вамъ обѣщаль, я честно исполню. Если вы не пожелаете дать больше условленной суммы, то я сдѣлаю картину эту все-таки такъ, что она будетъ гораздо лучшею, чѣмъ слѣдовало бы сдѣлать ее за такое вознагражденіе. Но если бы мнѣ дали даже 400 флориновъ, чтобы я еще разъ написалъ бы такую картину, я не могъ бы этого сдѣлать. Ибо я не вижу ни одного пфеннига выгоды въ этой работѣ,—

такъ много времени идетъ на нее. Поэтому позвольте мнѣ узвать ваше мнѣніе на этотъ счетъ и затѣмъ я хотѣлъ бы получить отъ Ганса Имгофа (банкира Геллера и Дюрера) 50 флориновъ, такъ какъ до сихъ поръ я не получилъ еще ничего въ счетъ слѣдующей мнѣ суммы. Знайте, что *за всю мою жизнь я не писалъ еще ни одной картины, которая нравилась бы мнѣ больше, чѣмъ ваша картина*, надъ которою я теперь работаю. Я не стану начинать никакой другой работы раньше, чѣмъ закончу эту. Жаль только, что скоро наступитъ зима: дни сдѣлаются короткими, такъ что не много можно успѣть написать. Есть у меня къ вамъ еще одна просьба, именно, относительно образа *Мадонны*, который вы видѣли у меня ¹⁾. Прошу васъ, если вы знаете кого-либо, кто имѣетъ надобность въ такомъ, укажите ему на этотъ образъ. Я употребилъ не мало стараній на то, чтобы изъ него получилась красивая картина и вы сами знаете, какъ тщательно она исполнена. Я охотно переслалъ бы ее вамъ. Еслибы я дѣлалъ ее кому-нибудь по заказу, то не взялъ бы за нее менѣе 50 флориновъ; но такъ какъ она уже изготовлена, то мнѣ убыточно держать ее у себя дома и потому я согласенъ продать ее за 30 флориновъ, а если и по такой цѣнѣ нельзя будетъ продать ее, то даже за 25 флориновъ».

Въ томъ же духѣ высказывается Дюреръ о своемъ отношеніи къ алтарному образу, заказанному Геллеромъ, и въ четвертомъ письмѣ, отъ 4 ноября 1508 года.—«Мнѣ хочется создать для васъ,— пишетъ онъ Геллеру,—нѣчто такое, что способны сдѣлать только немногіе. И я увѣренъ, что *когда картина будетъ готова, она очень понравится всѣмъ художникамъ*. Она должна быть оцѣниваема не менѣе, чѣмъ въ 300 флориновъ; но я не взялъ бы и втрое дороже, чтобы сдѣлать еще одну такую же картину... Знайте, что я *употребляю для нея самыя лучшія краски, какія только могу достать*: одного только ультрамарина пойдетъ почти на 20 дукатовъ, не говоря уже о другихъ расходахъ. Я думаю, что когда картина будетъ готова, вы сами скажете, что никогда не видѣли болѣе красивой. Какъ кажется, *среднюю часть образа отъ начала до конца я буду въ состояніи исполнить не менѣе, чѣмъ въ 13 мѣсяцевъ*... Двухъ сотъ флориновъ было бы недостаточно, чтобы окупить мои расходы.

¹⁾ Рѣчь идетъ о *Мадоннѣ съ цветкомъ ириса* въ Пражскомъ музеѣ, описанномъ у насъ ниже въ этой же главѣ.

Я часто думалъ также о вашемъ письмѣ относительно матеріаловъ для картины. Если бы вамъ пришлось купить 1 фунтъ ультрамарина, то вы едва ли нашли бы его дешевле, чѣмъ за 100 флориновъ, ибо я не могъ приобрести унціи дешевле 10 и даже 12 дукатовъ... Вы повторяете, что я долженъ исполнить вашу картину съ величайшимъ тщаніемъ, на какое только я способенъ. Этого конечно я не сдѣлаю, такъ какъ въ такомъ случаѣ, я увѣренъ, я не окончилъ бы ея за всю мою жизнь. Съ такимъ величайшимъ тщаніемъ я могъ бы написать одно лицо чуть не въ полгода; а вѣдь картина ваша заключаетъ въ себѣ около сотни (?) лицъ, кромѣ одеждъ, ландшафта и иныхъ предметовъ, которые тамъ находятся. Никогда еще не слышно было, чтобы дѣлали для алтаря такую огромную композицію... Поэтому, имѣйте терпѣніе, ибо дни теперь коротки и съ работой справиться невозможно... Можете, — добавляетъ художникъ въ концѣ письма, — никому изъ покупателей болѣе не говорить о томъ образѣ Мадонны, о которомъ я просилъ раньше, потому что епископъ Бреславльскій далъ мнѣ за него 72 флорина и я охотно продалъ ему этотъ образъ».

Изъ слѣдующаго письма, отъ 21 марта 1509 года, дѣлается извѣстнымъ, что работа Дюрера снова затянулась далѣе предполагавшагося имъ срока и на этотъ разъ художникъ уже не рѣшается самъ указать опредѣленно, когда именно думаетъ онъ закончить свою картину. — «Получилъ я ваше письмо, — пишетъ здѣсь Дюреръ, своему заказчику, который, повидимому, выразилъ художнику свое неудовольствіе по поводу медленности его работы, — но вы должны знать, что до сихъ поръ я работалъ постоянно и усиленно надъ вашей картиной и все-таки увѣренъ, что не окончу ея къ Троицѣ. Я положилъ на это произведеніе много труда; не стану много писать вамъ объ этомъ, но вы сами увидите, каковъ былъ этотъ трудъ. Не беспокойтесь также относительно красокъ, потому что я истратилъ на нихъ для этой картины болѣе 24 флориновъ, и *мучить краски вы ничѣмъ не найдете*... И впредь я не думаю уменьшать своего усердія, чтобы довести дѣло до конца къ чести моей и вашей, потому что картину эту будутъ видѣть многіе художники, которые вѣроятно разъяснятъ вамъ, насколько артистически, или насколько плохо она исполнена. Поэтому имѣйте терпѣніе еще на нѣкоторое время, ибо картина внизу уже совсѣмъ отдѣлана, толь-

но не покрыта лакомъ, а сверху нужно дописать еще кое-что, особенно фигурки ангелов... Очень надѣюсь, что она вамъ понравится. Если же нѣтъ, то я оставлю картину эту у себя, ибо меня очень просили, чтобы я продалъ ее, а вамъ написать другую. Однако я далеко отъ этого и хочу добросовѣстно исполнить то, что обѣщаль вамъ».

Послѣ этого письма проходить снова нѣсколько мѣсяцевъ, и картина оказывается все еще незаконченной. Тогда потерявшій терпѣніе заказчикъ вторично и, повидимому, въ формѣ болѣе рѣзкой, чѣмъ въ первый разъ, высказываетъ художнику черезъ Ганса Имгофа свое крайнее неудовольствіе. Въ отвѣтъ на это Дюреръ пишетъ Геллеру (отъ 10 іюля 1509 года) короткое письмо, въ которомъ, оправдывая свою медленность желаніемъ исполнить картину насколько возможно лучше, въ то же время съ достоинствомъ заявляетъ своему заказчику, что если столь продолжительное исполненіе картины ему доставляетъ неудовольствіе и если онъ не желаетъ ожидать окончанія ея, то картину эту художникъ оставитъ у себя, а полученныя отъ Ганса Имгофа 100 флориновъ въ счетъ работы возвратитъ ему немедленно.

Въ отвѣтъ на заявленіе художника, Геллеръ слѣдующимъ сообщитъ ему, что, выражая свое нетерпѣніе, вовсе не думалъ отказываться отъ картины и разрѣшаетъ ему работать надъ нею, сколько художникъ найдетъ нужнымъ. — «Получилъ я ваше письмо, — отвѣчалъ Дюреръ заказчику (въ письмѣ отъ 24 іюля 1509 г.) — Вы сообщаете мнѣ, что у васъ вовсе не было намѣренія отказаться отъ картины. На это могу сказать, что я не могъ знать, каково именно было ваше намѣреніе. Однако изъ того, что вы не желаете теперь помѣстить картину тамъ, куда назначали ее при заказѣ и что я могу держать ее у себя, сколько хочу, я не иначе могу думать, чѣмъ такъ, что вы раскаиваетесь въ этомъ дѣлѣ. По уговору съ Гансомъ Имгофомъ и согласно обѣщанію вашему, что она будетъ находиться во Франкфуртѣ, (гдѣ ее будутъ видѣть многіе художники), а не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, я согласился взять за нее на 100 гульденовъ дешевле, чѣмъ я долженъ былъ оцѣнить ее. Однако хотя я уговорился съ вами исполнить ее за 130 гульденовъ, вы знаете уже, что я вамъ писалъ. Я думалъ закончить картину въ полгода; но несмотря на побужденія съ вашей стороны и на то, что я хотѣлъ услужить вамъ, я

проработалъ надъ нею болѣе года и одного ультрамарина истра- тилъ на нее свыше, чѣмъ на 25 флориновъ. По совѣсти говоря, къ тому, что вы даете мнѣ за картину, я долженъ буду приплатить изъ своихъ денегъ; а право, если что-либо приобрѣтать, а втрое болѣе тратить, то не долго продержисься. Но я увѣренъ, что вы не пожелаете причинить мнѣ столь значительные убытки; надѣюсь получить отъ васъ по меньшей мѣрѣ на 100 флориновъ больше, чѣмъ мы условились, и я готовъ послать вамъ картину. Если она вамъ понравится и вы примете ее, то можете быть увѣрены, что она стоитъ навѣрное дороже 200 флориновъ, которые я прошу за нее»...

Признавая справедливость и законность желанія художника— получить вознагражденіе за трудъ сверхъ произведенныхъ имъ лично затратъ на картину и собственное содержаніе, соотвѣтственно большому количеству работы его, Геллеръ уполномочилъ банкира Ганса Имгофа уплатить Дюреру сверхъ полученной уже имъ суммы еще сотню гульденовъ. Самая картина была, наконецъ, закончена и Дюреръ отослалъ ее своему заказчику при слѣдующемъ письмѣ отъ 26 августа 1509 года.—«По полученіи вашего послѣдняго письма посылаю вамъ картину хорошо упакованную. Пересылаю ее черезъ Ганса Имгофа, который вручилъ мнѣ еще 100 гульденовъ. Но повѣрьте моей совѣсти, что я затратилъ при этомъ много собственныхъ денегъ, почти не окупивши того времени, которое я употребилъ на картину. Здѣсь въ Нюренбергѣ мнѣ давали за нее 300 гульденовъ; эти лишніе 100 гульденовъ очень пригодились бы мнѣ, если бы я не рѣшилъ послать вамъ картину для удовлетворенія вашего и ради исполненія моего долга. Ибо вашу дружбу я считаю гораздо болѣе цѣнною, чѣмъ сотню флориновъ. Картину свою я желалъ бы видѣть во Франкфуртѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было во всей Германіи... Долженъ добавить вамъ, что здѣсь ее хотѣли взять у меня почти силою. Ибо я написалъ ее съ величайшимъ стараніемъ и притомъ самыми лучшими красками, какія только я могъ достать. Картина подмалевана и написана лучшимъ ультрамариномъ разъ пять или шесть; кромѣ того, когда она уже вся была написана, я еще два раза прошелъ по ней красками, чтобы она могла сохраниться на долгое время. Такимъ образомъ теперь я увѣренъ, что если ее будутъ бережно держать, то она будетъ оста-

ваться свяжею и чистою въ теченіе ильмъхъ 500 лѣтъ, ибо она сдѣлана не такъ, какъ обыкновенно исполняютъ картины. Поэтому храните ее бережно, чтобы никто не трогалъ ее и чтобы не окропляли ее святою водою. Я увѣренъ, что никто не будетъ порицать ее, и что вамъ лично она также очень понравится. Теперь уже никто не могъ бы заставить меня написать картину, надъ которой пришлось бы опять поработать такъ-же много, какъ надъ этой. Недавно господинъ Георгъ Таузи лично просилъ меня сдѣлать для него образъ Мадонны въ ландшафтѣ, по размѣрамъ и по старательности исполненія равный вашей картинѣ. За этотъ образъ онъ предлагалъ мнѣ 400 флориновъ, но я рѣшительно отказалъ ему, ибо такъ я могъ бы скоро сдѣлаться нищимъ. Вѣдь обыкновенныхъ картинъ (gemeine Gemäl) я могу создать въ теченіе года цѣлую массу, такъ что никто не повѣритъ, что одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать такъ много. А вѣдь на такихъ только работахъ и можно имѣть порядочную прибыль, тогда какъ прилежный и кропотливый трудъ не находитъ себѣ сбыта. Съ моими граверными работами я еще немного подожду, хотя долженъ сказать, что если бы до сихъ поръ я непрерывно занимался ими, то былъ бы навѣрно флориновъ на тысячу богаче, чѣмъ теперь... Знайте также, что я на свой собственный счетъ сдѣлалъ для средней части триптиха новую раму, которая стоила мнѣ 6 флориновъ; прежнюю же я сломалъ, потому что столяръ сдѣлалъ ее слишкомъ грубо. Черезъ годъ или два, когда я буду у васъ, картину нужно будетъ снять, такъ какъ она будетъ уже сухой, и я хочу снова покрыть ее особеннымъ лакомъ, котораго никто другой не умѣетъ дѣлать и благодаря которому картина можетъ просуществовать еще на 100 лѣтъ болѣе. Но не позволяйте никому другому покрывать ее лакомъ, потому что всякій иной лакъ имѣетъ желтый оттѣнокъ и испортитъ картину; а мнѣ было бы больно, если бы испортили произведеніе, надъ которымъ я трудился болѣе года. Впрочемъ, вы и сами, конечно, будете заботиться о томъ, чтобы ее не повредили. Обходитесь съ нею тщательно и осторожно, ибо вы услышите отъ вашихъ и иногороднихъ художниковъ, какъ хорошо она исполнена. Привѣтствуйте отъ меня художника Мартина Гессена. Моя жена проситъ у васъ подарка (Trinkgeld) по случаю окончанія моей работы; для себя лично я не прошу ничего болѣе».

Послѣднее письмо Дюрера отъ 12 октября 1509 года—очень кратко и написано, повидимому, въ отвѣтъ на письмо Геллера, въ которомъ тотъ выражалъ художнику свое полное удовольствіе по поводу присланной ему картины, какъ и невысокой платы за ея исполненіе. Письмо Дюрера проникнуто также чувствомъ полного удовлетворенія, вызываемаго сознаниемъ, что продолжительный трудъ его не пропасть понапрасну, что требовательный заказчикъ остался совершенно доволенъ этой работой его.—«Дорогой господинъ Якобъ Геллеръ!—пишетъ здѣсь Дюреръ.—Съ удовольствіемъ слышу отъ васъ, что картина моя вамъ понравилась, такъ что не напрасно положилъ я на нее столько труда. Очень радуюсь также, что вы остались довольны назначенной мною платой за эту мою работу: вы совершенно правы, потому что здѣсь я могъ бы взять за нее на 100 флориновъ больше, чѣмъ вы мнѣ дали. Однако я не захотѣлъ лишить васъ картины, ибо желаю болѣе всего сохранить вашу дружбу. Моя жена благодаритъ васъ за подарокъ, которымъ вы почтили ее: она будетъ носить его за ваше здоровье. Мой младшій братъ Гансъ также благодаритъ васъ за тѣ два гульдена, которые вы подарили ему. Самъ я благодарю васъ за все. Такъ какъ вы пишете мнѣ, что желаете еще украсить картину, (рѣчь идетъ, повидимому, объ архитектурномъ украшеніи всего алтаря), то я посылаю вамъ при письмѣ нарисованный мой проэктъ, какъ слѣдуетъ сдѣлать это. Впрочемъ можете поступать, какъ пожелаете. Выбѣстѣ съ тѣмъ желаю вамъ счастливо оставаться. Альбрехтъ Дюреръ».

Мы видимъ такимъ образомъ изъ признаній самого Дюрера, насколько близка была его сердцу эта работа, какъ много любовнаго труда положено было художникомъ на ея исполненіе. Въ этой большой картинѣ своей онъ хотѣлъ создать,—какъ онъ самъ говорилъ,—нѣчто такое, что способны сдѣлать только немногіе; хотѣлъ дать міру такое произведеніе, которое доставило бы бессмертную славу самому художнику и постоянное высокое наслажденіе каждому изъ созерцавшихъ его. Этимъ объясняется настойчивое желаніе его, чтобы алтарный образъ этотъ находился непременно во Франкфуртѣ, гдѣ въ то время жило большое количество какъ художниковъ, такъ и просвѣщенныхъ любителей искусства, которые должны были лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ городахъ Германіи, оцѣнить достоинства этого замѣчательнаго произведенія.

Заботы художника относительно своей картины и дальнейшей судьбы ее подобны здѣсь нѣжнымъ заботамъ отца о судьбѣ любимого дѣтища. Онъ желалъ бы дать ей, если возможно, бессмертное существованіе, неувыдающую красоту, и дѣлаетъ всевозможныя усилія для того, чтобы сообщить своей картинѣ прочность и блескъ на цѣлый рядъ столѣтій. Онъ нѣсколько разъ покрываетъ ее красками, наилучшими, какія только можно было отыскать въ то время, и сверхъ того еще особенно прочнымъ блестящимъ лакомъ, который изобрѣтенъ былъ имъ. Онъ даетъ заботливые совѣты заказчику, какъ осторожно и бережно должно обходиться съ его картиной въ послѣдствіи. За свой собственный счетъ, несмотря на бѣдность свою, устраниваетъ онъ новую красивую раму для нея, такъ какъ прежняя, сдѣланная столяромъ, кажется ему слишкомъ грубою, неизящною для такой превосходной картины. Даже по окончаніи работы и послѣ того, когда картина была отослана заказчику, узнавши о томъ, что Геллеръ намѣревается устроить для триптиха еще особое архитектурное украшеніе, онъ посылаетъ послѣднему, безъ всякой просьбы съ его стороны, побуждаемый только собственнымъ желаніемъ дать своей картинѣ наилучшій видъ,— собственноручный рисунокъ такого архитектурнаго обрамленія съ предложеніемъ Геллеру воспользоваться имъ. Работая надъ своею картиной, художникъ все сильнѣе и сильнѣе привязывается къ ней, полюбивши это свое созданіе больше, чѣмъ всѣ остальные. И увлекшись своею работою, съ которою ему не хочется разстаться, онъ продолжаетъ ее вмѣсто предполагавшихся шести—тринадцать слишкомъ мѣсяцевъ, все съ тѣмъ же неустаннымъ усердіемъ, съ какимъ трудился надъ нею въ первые мѣсяцы, отказываясь при этомъ, невзирая на заманчивость выгодныхъ заказовъ и трудность своего матеріальнаго положенія, отъ всякихъ постороннихъ крупныхъ работъ, которыя могли бы отвлечь его отъ этой важнѣйшей работы.

Несомнѣнно, въ виду сказаннаго, что картина эта, и въ частности средняя часть триптиха, отъ начала до конца исполненная собственноручно Дюреромъ, должна была отличаться высочайшими достоинствами, какія только могла проявить мастерская кисть этого гениальнаго художника. И судя по тому всеобщему восторгу, какой она возбуждала у всѣхъ, видѣвшихъ ее; судя по той громкой славѣ, которая быстро распространилась о ней далеко за предѣлами

Нюрнберга и Франкфурта, привлекая въ доминиканскій монастырь, гдѣ находился этотъ алтарь, постоянныя толпы посѣтителей,—картина дѣйствительно отличалась рѣдкими, выдающимися достоинствами, выдѣлявшими ее даже среди всѣхъ остальныхъ произведеній великаго нѣмецкаго мастера.

Къ сожалѣнію, оригиналь, собственноручно исполненный Дюреромъ, (средняя главная часть этого триптиха), до насъ не дошла. Причины извѣстны. Еще въ началѣ XVII столѣтія два выдающіеся любителя искусства, австрійскій эрцгерцогъ Максимилианъ и курфюрстъ Максимилианъ баварскій дѣлали попытки пріобрѣсти у монастыря за огромныя суммы денегъ это превосходное произведеніе Дюрера. Въ виду несогласія монаховъ продать австрійскому эрцгерцогу этотъ алтарный образъ, приносившій монастырю большіе доходы отъ посѣтителей, желавшихъ видѣть его, эрцгерцогомъ была заказана копія съ него франкфуртскому художнику по имени Фалькенбургу (Frederic Valckenborch), которая и была исполнена послѣднимъ въ 1607 году. Шесть лѣтъ спустя, курфюрсту Максимилиану Баварскому удалось, наконецъ, за громадную сумму купить у монастыря среднюю часть триптиха, написанную самимъ Дюреромъ, съ условіемъ—представить въ замѣнъ оригинала точную копію съ него. Въ томъ же 1613 году курфюрстъ заказалъ, при посредствѣ нѣкого Давида Крессера, точную копію нюрнбергскому художнику Гарриху (Iobst Harrich), выполнившему этотъ заказъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Согласно условію, копія эта повѣшена была на мѣстѣ оригинала, который былъ взятъ курфюрстомъ въ свой дворецъ въ Мюнхенѣ, гдѣ въ 1678 году онъ *сгорѣлъ* при пожарѣ дворца.

Интересныя свѣдѣнія о работахъ обоихъ названныхъ копійствовъ, равно какъ и о судьбѣ цитированныхъ выше писемъ Дюрера къ Геллеру, мы находимъ въ письмѣ упомянутаго Давида Крессера къ казначею курфюрста Баварскаго, Пюлеру, черезъ посредство котораго Крессеръ желалъ донести курфюрсту о результатахъ переговоровъ своихъ съ художникомъ Гаррихомъ.—«Благороднѣйшій, достойнѣйшій и высокочтимый г. Пюлеръ!—писалъ здѣсь Крессеръ.—Такъ какъ радн І. Гарриха я не могъ поспѣшить сюда, то я нѣсколько долѣе оставался въ Регенсбургѣ и только два дня назадъ прибылъ сюда, чтобы разспросить во Франкфуртѣ о картинѣ и сдѣлать измѣренія ея композиціи у Фридриха фонъ-Фалькенбурга,

который 6 лѣтъ тому назадъ исполнилъ копію съ этой картины для его свѣтлости, эрцгерцога Максимилиана. Когда я между прочимъ



Рис. № 35.

спросилъ его, сколько времени онъ работалъ надъ этою копіей, то онъ отвѣтилъ, что 6 мѣсяцевъ. Когда же я удивился этому, то онъ

сказалъ, что самъ Дюреръ работалъ надъ картиною непрерывно въ теченіе цѣлыхъ 13 мѣсяцевъ. И когда я по поводу этого еще болѣе изумился и спросилъ его, откуда онъ знаетъ, онъ отвѣтилъ, что читалъ относительно этого то, что писалъ самъ Дюреръ, и можетъ даже показать копію написаннаго. Я обратился къ нему съ убѣдительною просьбой и онъ позволилъ мнѣ видѣть копію; а потому я такъ настойчиво упрашивалъ его, что онъ позволилъ мнѣ и списать ихъ только съ условіемъ, чтобы я самъ переписывалъ. Такимъ образомъ, благоволи те вмѣстѣ съ симъ получить и копіи всѣхъ 9 писемъ Дюрера: вы конечно охотно прочтете ихъ ¹⁾. Все то, что покажется вамъ полезнымъ и интереснымъ, благоволи те отвѣтить и затѣмъ передать или устно изложить его свѣтлости. Нѣтъ необходимости писать объ этомъ болѣе, потому что все, что важно знать относительно картины, заключается въ самыхъ этихъ письмахъ Дюрера. Тотъ, кто получилъ во Франкфуртѣ самую картину, повидимому, не догадывался о важности этихъ 9 писемъ: онъ не хотѣлъ, чтобы монахи имѣли копіи. Дюреръ употребилъ на эту картину величайшее стараніе и его желаніемъ было выставить ее, именно, во Франкфуртѣ, ибо туда являются очень многіе художники, которые могутъ создать для него вѣчную славу. Но монахи не знаютъ объ этомъ ничего, самъ же Фалькенбургъ получилъ свѣдѣнія относительно этого отъ наслѣдниковъ Геллера. Его высочество заплатилъ Фалькенбургу за копію 200 талеровъ и сверхъ того милостиво подарилъ 50 талеровъ. Что касается Гарриха, то когда я спросилъ его, сколько онъ потребуе ть за работу, онъ отвѣчалъ, что не видѣлъ еще картины, но что Фалькенбургу была заплачена вышеуказанная сумма. Если картина эта будетъ ему заказана, то онъ хочетъ исполнить ее такъ, чтобы она была совершенно похожа на оригиналъ; а когда картина будетъ готова, то ему заплатить, конечно, сколько онъ заслуживаетъ. Благоволи те извѣстить меня, могу ли я заключить съ нимъ на этотъ счетъ рѣшительныя условія... Постараюсь, чтобы Гаррихъ, который очень трудолюбивъ, могъ въ теченіе полугода поработать надъ картиною. Впослѣдствіи

¹⁾ Эти, именно, копіи упомянуты нами выше въ примѣчаніи, какъ единственныя матеріалы для ознакомленія съ перепискою Дюрера и Геллера, сохранившіеся послѣ утраты оригиналовъ ихъ.

самый оригиналь, тщательно и надежно упакованный, можно будет переслать въ Мюнхенъ».

Согласіе курфюрста на предложенныя условія были даны; копія была исполнена Гаррихомъ въ установленный срокъ, а оригиналь былъ взятъ въ королевскій дворець въ Мюнхенѣ, гдѣ, какъ сказано, погибъ во время пожара.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ утратою этого драгоценнаго произведенія искусства въ самомъ оригиналѣ, мы лишены возможности судить о тѣхъ сторонахъ его исполненія, въ которыхъ мастерская кисть великаго художника должна была проявить себя съ наибольшимъ блескомъ и силою. По сохранившимся *копіямъ*, изготовленнымъ второстепенными нѣмецкими живописцами ¹⁾, мы не имѣемъ возможности судить о той тонкости, о томъ изяществѣ и смѣлой увѣренности рисунка, какими несомнѣнно отличалась эта оригинальная работа великаго артиста при томъ громадномъ трудѣ и усердіи, которые были положены имъ на это произведеніе. Еще менѣе возможно судить на основаніи тѣхъ же посредственныхъ копій о томъ блескѣ, о той неувядающей свѣжести и прочности красокъ, къ достиженію которыхъ такъ сильно стремился художникъ, покрывая картину нѣсколько разъ наилучшими красками, а затѣмъ еще и особеннымъ лакомъ, и которыхъ дѣйствительно съумѣлъ онъ достигнуть, судя по словамъ самого художника и отзывамаъ его современниковъ.

Въ распоряженіи изслѣдователя имѣются однако матеріалы, до нѣкоторой степени возмѣщающіе утрату самаго оригинала, поскольку дѣло касается сужденій о качествахъ *рисунка* въ разсматриваемомъ произведеніи Дюрера. Мы говоримъ о тѣхъ собственноручныхъ *этюдахъ* художника къ отдѣльнымъ фигурамъ, входящимъ въ составъ цѣлаго изучаемой нами композиціи, которые въ числѣ 19 сохранились для насъ въ собраніяхъ различныхъ музеевъ, главнымъ образомъ, въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ и въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ. Этюды эти исполненныя черною краской на зеленой бумагѣ, при чемъ освѣщенные мѣста повышены бѣлою краской, показываютъ

¹⁾ Изъ этихъ копій одна, исполненная Гаррихомъ, (а не Ювешелемъ, какъ утверждали *Sandart: Teutsche Akademie*, р. 276 и другіе) и находившаяся прежде въ мѣстѣ самаго оригинала въ монастырѣ доминиканцевъ, перешла впоследствии въ городской музей во Франкфуртѣ; другая же копія малыхъ размѣровъ хранится въ музеѣ индустріи въ Вѣнѣ. О композиціи картины даетъ представленіе нашъ рисунокъ № 55.

намъ главнѣйшія фигуры или части ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ
въ какомъ онѣ представлены и въ самой картинѣ, давая такимъ
образомъ возможность судить и о достоинствахъ рисунка въ самой
картинѣ. Изъ рисунковъ этой группы, находящихся въ Берлинскомъ
кабинетѣ гравюръ, одинъ изображаетъ фигуру стоящаго съ посо-

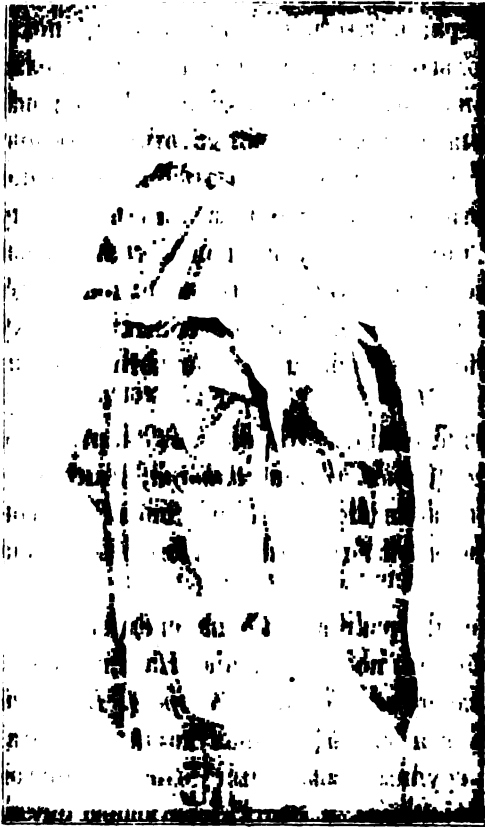


Рис. № 36.

хотъ въ рукѣ апостола, смотрящаго вверхъ; другой—голову того же
апостола; третій—полную фигуру самого Дюрера въ шляпѣ и ман-
тинѣ, стоящаго подлѣ доски съ надписью: 1508. ER. SELBER; чет-
вертый—голову другого апостола. Въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ имѣ-
ются этюды трехъ головъ апостоловъ въ различныхъ положеніяхъ;
рука апостола съ частью одежды; соединенныя кисти рукъ другого

апостола; части одежды одного из апостоловъ; часть одежды Бога-Отца. Въ Дрезденскомъ музеѣ находится этюдъ головы одного изъ апостоловъ; въ Британскомъ музеѣ—этюдъ головы апостола; въ коллекціи Gigoux—фигура колѣнопреклоненнаго апостола; въ коллекціи Франка—ступни ногъ одного изъ апостоловъ ¹⁾.

Уже одно количество этихъ этюдовъ, превышающее количество подготовительныхъ работъ ко всѣмъ изъ остальныхъ крупнѣйшихъ произведеній Дюрера, взятыхъ въ отдѣльности, показываетъ достаточно ясно, насколько тщательно и обдуманно велась художникомъ эта подготовительная работа по созданію Геллерова алтаря. Высокія художественныя достоинства всѣхъ этихъ этюдовъ всецѣло подтверждаютъ намъ то же: можно сказать, что въ отношеніи передачи натуры этюды эти не оставляютъ желать ничего лучшаго; что Дюреръ достигъ въ нихъ той изумительной силы, жизненной правды и вмѣстѣ совершенства технического исполненія, до какихъ умѣли подняться только немногіе изъ современныхъ ему художественныхъ гениевъ возрожденной Италіи и дальше которыхъ идти было почти невозможно.

Кромѣ перечисленныхъ этюдовъ къ картинѣ сохранился еще *эскизъ композиціи средней части алтаря*, нынѣ въ коллекціи Вонпат, исполненный карандашомъ и не вполне законченный, почти безъ измѣненій воспроизведенный затѣмъ въ окончательной композиціи алтаря ²⁾.

Самые сюжеты, трактованные на средней и боковыхъ частяхъ триптиха, разнообразны по содержанію. На главной, срединной части алтаря, представлено *взятіе на небо пресв. Богородицы и увѣчаніе ея*, при чемъ вся многофигурная композиція эта распредѣляется на двѣ большія группы, связанныя одна съ другою внутреннимъ единствомъ дѣйствія, какъ и соответствующею ему внѣшнею связью: земное и небесное связываются здѣсь неразрывно въ единое гармоничное цѣлое. Вверху, въ небесной высотѣ среди сонма поющихъ и играющихъ ангеловъ, сидятъ какъ бы на тронахъ изъ облаковъ пресв. Богородица въ длинномъ одѣяніи, съ молитвенно сложенными

¹⁾ Этюды эти воспроизведены у *Lippmann*, Taf. 19—28; у *Ephrussi*: dessins, табл. къ стр. 152 и 154; у *Springer*: A. Dürer, S. 68 и 71; у *Knackfuss*: A. Dürer, S. 54—58. См. фиг. стоящаго апостола на рис. № 36.

²⁾ Эскизъ воспроизведенъ у *Lippmann*, Taf. 354.

руками, и по сторонамъ отъ нея Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ, въ коронахъ и мантияхъ, держа надъ головой Богоматери царскій вѣнецъ; Духъ Святой рветъ надъ нею въ видѣ голубя. Въ нижней части картины размѣщены фигуры 12 апостоловъ, собравшихся вокругъ опустѣвшей гробницы пр. Богородицы. Одинъ изъ нихъ заглядываетъ въ эту гробницу и приподнимаетъ пелены, лежащія въ ней, какъ будто ожидая найти подъ ними лежащее тѣло; другіе въ недоумѣніи обращаются другъ къ другу по поводу исчезновенія тѣла, тогда какъ нѣкоторые, уже постигнувши значеніе совершившагося, обращаютъ свои взоры къ небу, созерцая происходящее тамъ торжество увѣнчанія Богоматери. Вдали, среди гористаго ландшафта, видна фигура самого Дюрера въ богатой мантии, шляпѣ и длинныхъ чулкахъ, стоящаго подлѣ большой таблицы съ надписью: «Albertus Durer Alemanus faciebat post Virginis partum 1509» и съ монограммой художника.

Относительно картинъ на боковыхъ частяхъ этого триптиха, находящихся нынѣ вмѣстѣ съ копіей срединной части, исполненной Гаррихомъ, въ городскомъ музеѣ во Франкфуртѣ, мы знаемъ уже изъ показаній самого Дюрера, что онѣ представляютъ собою работы его учениковъ, исполненныя по его рисункамъ и подъ его наблюденіемъ. Можно думать, что главными участниками въ этихъ работахъ были: братъ художника, Гансъ Дюреръ, (внѣшнствіи придворный живописецъ въ Краковѣ) получившій отъ Геллера по окончаніи алтаря два гульдена, несомнѣнно, за ближайшее участіе его по исполненію этой работы; и любимый ученикъ Дюрера и сотрудникъ его во многихъ работахъ, Гансъ Шейфелейнъ, стилистическія и техническія особенности котораго ясно сказываются въ этихъ картинахъ, преимущественно въ образѣ св. Екатерины ¹⁾,

Картины, размѣщенныя здѣсь на внутреннихъ, какъ и на внѣшнихъ крыльяхъ, представляютъ собою разнообразныя по содержанию композиціи. Изъ внутреннихъ крыльевъна одномъ изображено вверху *мученіе св. Иакова*, патрона заказчика, а внизу—фигура *самого заказчика*, Иакова Геллера; на другомъ — вверху *мученіе св. Екатерины*, патронессы жены Геллера Екатерины, а внизу—колѣнопреклоненная фигура этой послѣдней. Изъ внѣш-

¹⁾ Таковы, именно, результаты анализа *M. Thausing: Dürer, II, S. 20.*

нихъ крыльевъ на одномъ изображены были *св. Тома и св. Христофоръ*; на другомъ—*апостолы Петръ и Павелъ*. Изъ этихъ разнообразныхъ композицій, составлявшихъ попарно pendant другъ къ другу, въ сценѣ мученія св. Иакова палачъ готовится отсѣчь голову молящемуся передъ кончиною мученику въ присутствіи двухъ зрителей-язычниковъ, въ то время какъ на заднемъ планѣ картины стоитъ погребальная колесница, готовая увезти его тѣло; въ сценѣ мученія св. Екатерины на первомъ планѣ палачъ также намѣревается обезглавить святую, тогда какъ въ глубинѣ картины ангелы уносятъ тѣло ея для погребенія. Обѣ фигуры Геллеровъ, — мужа и жены, представлены въ позахъ молящихся, съ фамилными гербами обоихъ на фонѣ подлѣ каждой фигуры. Фигуры четырехъ поименованныхъ святыхъ и апостоловъ изображены стоящими во весь ростъ, и съ обычными ихъ атрибутами.

Что касается образа Мадонны, о которомъ Дюреръ упоминаетъ въ своихъ письмахъ отъ 24 августа и 4 ноября 1508 года, то можно думать, что рѣчь идетъ о находящемся въ Прагскомъ музеѣ образѣ, извѣстномъ подъ именемъ «*Мадонны съ цвѣткомъ ириса*»¹⁾. Образъ писанъ на деревѣ; фигуры немного менѣе натуральной величины: Мадонна съ волнистыми бѣлокурыми волосами, прикрытыми прозрачнымъ бѣлымъ покрываломъ, въ одеждѣ пурпурнаго цвѣта, кормитъ младенца Христа, сидя подлѣ развалинъ старой стѣны. На первомъ планѣ среди цвѣтовъ, растущихъ изъ почвы, выдѣляется ирисъ, отъ котораго самый образъ этотъ, въ отличіе отъ другихъ, получилъ указанное названіе. Цифра года (1508) и монограмма Дюрера свидѣтельствуютъ о времени созданія образа и авторствѣ художника.

Изъ *рисунковъ*, относящихся къ рассматриваемому нами періоду, большинство употреблено было художникомъ, какъ ясно изъ предыдущаго, въ качествѣ этюдовъ и эскизовъ къ большимъ произведениямъ живописи. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ имѣютъ однако и самостоятельное значеніе. Таковъ профильный портретъ императора Максимилиана I, исполненный чернымъ мѣломъ и находящійся въ Берлинскомъ музеѣ, съ цифрою года (1507) и монограммою Дюрера (воспр. у Lippmann, Taf. 17). Такова далѣе композиція, находящаяся

¹⁾ Ср. Heller, 260; Thausing, II, 9. Воспроизвед. въ литографіи Schrotzberg.

въ томъ же Берлинскомъ музеѣ (у Lirp. 16), изображающая пр. Богородицу, которая поддерживаетъ младенца Христа, стоящаго у нея на колѣнахъ, и принимаетъ цвѣты отъ ангела; два другіе ангела держатъ надъ ея головою корону; еще одинъ ангелъ, сидя у ногъ Богородицы, играетъ на мандолинѣ; рисунокъ помѣченъ 1507 г. и монограммою Дюрера.

Гравюры, созданные художникомъ за тотъ же періодъ, весьма немногочисленны, но превосходны по своему исполненію и оригинальны по замыслу. На одной изъ этихъ гравюръ ¹⁾ находимъ своеобразную фантастическую картину: на большомъ длиннорогомъ козлѣ, летящемъ по воздуху, сидитъ, обратившись спиною къ его головѣ, обнаженная старая женщина съ безобразнымъ лицомъ и длинными всклокоченными волосами, развѣвающимися по вѣтру (повидимому, вѣдьма). Лѣвой рукою она держится за рогъ козла; въ правой у нея—длинная прялка и веретено. Внизу на землѣ четыре крылатыхъ маленькихъ геніи играютъ другъ съ другомъ, расположившись симметрично подъ летящимъ козломъ.

На другой гравюрѣ ²⁾ представлена изящная группа изъ трехъ крылатыхъ геніевъ: двое изъ нихъ стоятъ на землѣ, тогда какъ третій паритъ надъ ними въ воздухѣ. Первые два трубятъ въ длинные тонкія трубы; одинъ изъ нихъ придерживаетъ рукою большой щитъ, тогда какъ третій, летящій вверху, несетъ большой щемъ.

Наиболѣе интересно по замыслу и художественною по исполненію является третья гравюра ³⁾. Дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ средневѣкового ученаго, который, полусидя на высококомъ креслѣ и склонясь на подушки, въ мягкомъ домашнемъ костюмѣ и колпакѣ, спитъ и грезитъ во снѣ. Его сновидѣнія олицетворены здѣсь въ трехъ, окружающихъ его фигурахъ: позади спящаго — дьяволъ въ образѣ крылатаго чудовища, дуетъ въ ухо заснуваго большимъ поддувалою и какъ будто нашептываетъ ему что-то; слѣва отъ него во весь ростъ фигура обнаженной красивой молодой женщины, которая какъ бы обращается съ рѣчью къ уснувшему, грезящему о

¹⁾ У Bartsch 67, Heller 867, R. 115.

²⁾ У В. 66, Н. 871, R. 114.

³⁾ У В. 76. Н. 854. R. 116. См. нашъ рисунокъ № 37.

пей; на переднемъ планѣ крылатый маленький амуръ старается стать на ходули, прислонивши одну изъ нихъ къ шару, лежащему на полу.

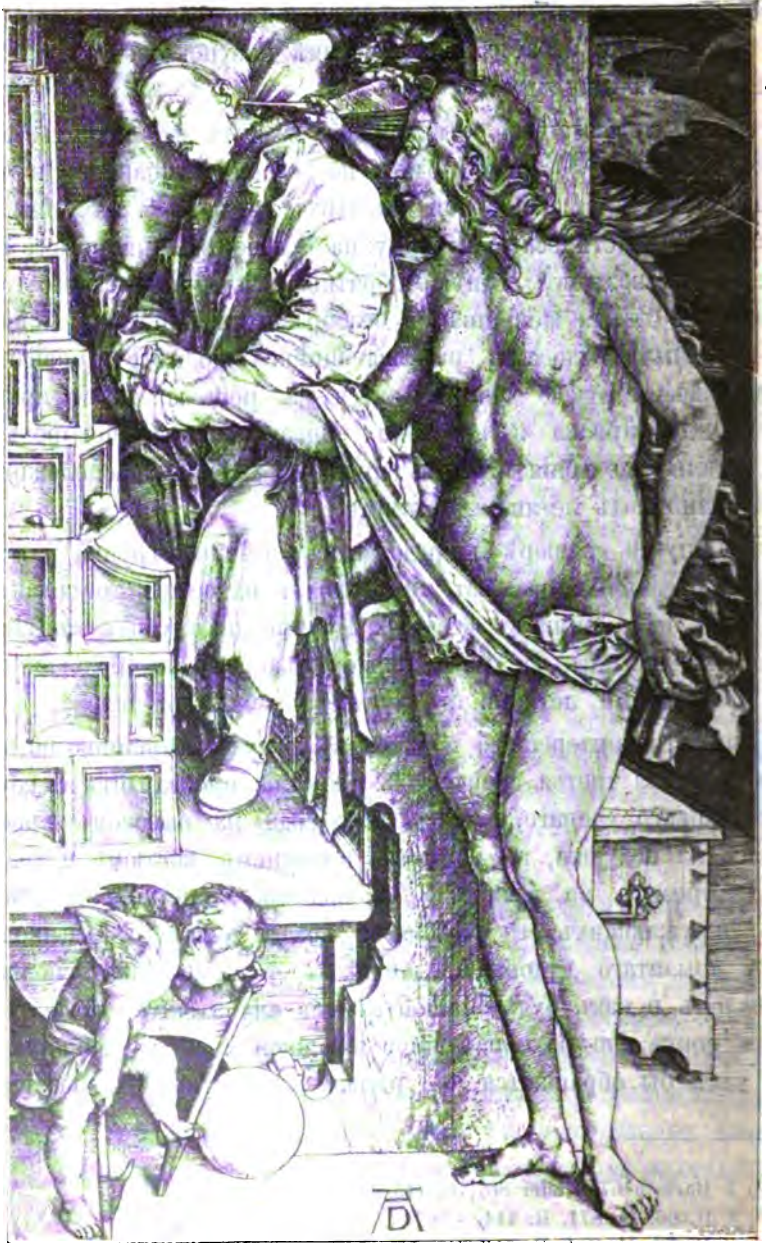


Рис. № 37.

На всѣхъ трехъ гравюрахъ, исполненныхъ на мѣди, очевидны слѣды итальянскаго вліянія, еще не успѣвшаго ослабѣть по возвращеніи художника на родину; и это вліяніе сказывается здѣсь столько же въ избранныхъ художникомъ типахъ (за исключеніемъ вѣдьмы), сколько и въ трактовкѣ обнаженнаго тѣла. Мягкія, пластически округленныя формы, особенно въ фигуркахъ геніевъ и являющейся ученому молодой женщины; живое и непринужденное движеніе всѣхъ этихъ фигуръ, изящество положеній, привлекательность образовъ — близко напоминаютъ родственные имъ образы въ произведеніяхъ итальянскихъ художниковъ той же эпохи. Самая работа во всѣхъ этихъ трехъ гравюрахъ поражаетъ изумительною тонкостью и мастерствомъ.

Въ непосредственной близости къ этимъ работамъ какъ по времени, такъ и по характеру исполненія, стоятъ такія гравюры, какъ *Мадонна съ Младенцемъ Христомъ*, въ коронѣ и двойномъ сіяніи, стоящая на полумѣсяцѣ¹⁾; далѣе, *распятіе* (или «крестъ» — «das Kreuz», какъ называлъ этотъ листъ самъ художникъ), гдѣ висящій на крестѣ Христосъ окруженъ святыми женами, среди которыхъ у самаго подножія креста лежитъ въ глубокомъ обморокѣ пр. Богородица, поддерживаемая одною изъ св. женъ; ап. Іоаннъ и св. Магдалина, стоящіе по обѣ стороны отъ креста, жестами выражаютъ свое отчаяніе; на заднемъ планѣ — пейзажъ²⁾. Менѣе близко стилистическое сходство съ вышеописанными гравюрами въ двухъ изображеніяхъ *св. Георгія*. На одной изъ нихъ (В. 53. Н. 737. R. 121) св. Георгій стоитъ на землѣ подлѣ убитаго имъ дракона, вооруженный длиннымъ копьемъ, которое онъ держитъ въ правой рукѣ, съ мечомъ на боку, въ панцырѣ и съ нимбомъ вокругъ головы; на заднемъ планѣ пейзажъ. На другой (В. 54. Н. 746. R. 120) святой сидитъ на конѣ, одѣтый въ панцырь и шлемъ; въ лѣвой рукѣ его — широкое знамя; убитый драконъ лежитъ подлѣ коня на землѣ. Уступая предыдущимъ по красотѣ избранныхъ типовъ, гравюры эти въ техническомъ отношеніи оказываются однако стоящими на той же высотѣ, какая отмѣчена была только что относительно остальныхъ граверныхъ работъ художника изъ разсматриваемаго періода, которыхъ онѣ не уступаютъ въ изяществѣ.

¹⁾ У В. 31. Н. 517. R. 118.

²⁾ У В. 24. Н. 426. R. 119.

Г Л А В А VIII.

Возобновленіе Дюреромъ обширныхъ работъ въ области гравюры на мѣди и деревѣ: незначительное количество произведеній масляной живописи за время съ 1509 по 1514 годъ. — Гравюры на мѣди и деревѣ, созданныя Дюреромъ за тотъ же періодъ: отдѣльныя гравюры (мнеологическія, аллегорическія, жанровыя и др.) и цѣлыя серіи. Три большія серіи „страстей Христовыхъ“. — Серія гравюръ изъ „жизни пресвятой Богородицы“. — Картины и рисунки Дюрера, относящіяся къ періоду 1509—1514 годовъ.

Со второй половины 1509 года преобладающій характеръ дѣятельности Дюрера явственно и значительно видоизмѣняется. Художникъ, какъ ясно уже изъ послѣднихъ писемъ его къ Геллеру, цитированныхъ выше, оказывается очевидно утомленнымъ усидчивою и продолжительною работою надъ большими произведеніями живописи предшествующихъ лѣтъ, требовавшими отъ него огромной затраты творческихъ силъ, энергіи и матеріальныхъ средствъ, — отнимавшими у него массу времени, которое онъ, въ виду своей бѣдности, хотѣлъ бы и могъ бы употребить съ гораздо большею матеріальною выгодой для себя и семьи... Работы въ области гравюры обѣщали ему, напротивъ того, одновременно и совершенное удовлетвореніе дѣятельности его творческихъ силъ, непрестанно искавшихъ себѣ примѣненія; и увеличеніе тѣхъ матеріальныхъ средствъ, въ которыхъ такъ сильно нуждался Дюреръ въ теченіе почти всей своей труженической жизни. Онѣ доставляли ему, наконецъ, и возможность самаго широкаго служенія духовнымъ интересамъ родного народа путемъ распространенія среди него художественныхъ созданий во множествѣ сравнительно дешевыхъ произведеній гравюры, доступныхъ для большинства, — того самоотверженнаго служенія, о которомъ великій художникъ постоянно заботился не менѣе, чѣмъ о собственной своей славѣ, о духовномъ своемъ безсмертіи.

Этими, именно, причинами должно, какъ кажется, объяснить то явное и рѣзкое различіе въ характерѣ дѣятельности Дюрера, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, слѣдующихъ за періодомъ увлеченія живописью, которое болѣе всего сказывается въ эту вторую половину его жизни самымъ значительнымъ и очевиднымъ *преобладаніемъ граверныхъ работъ на мѣди и деревѣ надъ произведеніями масляной живописи*. Этими, именно, причинами обусловливается то, обращающее на себя вниманіе изслѣдователя, обстоятельство, что написавши за всѣ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни лишь незначительное сравнительно число картинъ, какъ законченныхъ самостоятельныхъ произведеній, Дюреръ напротивъ того успѣваетъ за то же время создать поистинѣ огромное количество разнообразнѣйшихъ произведеній гравюры на мѣди и деревѣ какъ въ отдѣльныхъ листахъ, такъ и въ цѣлыхъ обширныхъ серіяхъ, связанныхъ единствомъ внутренняго содержанія.

Мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію *граверныхъ работъ* Дюрера за пятилѣтній періодъ съ 1509 по 1514 годъ включительно,—періодъ, объединенный дальнѣйшимъ развитіемъ той же граверной техники, которая примѣнялась художникомъ и въ предшествующихъ его произведеніяхъ вплоть до 1515 года, когда мы встрѣчаемся съ попытками Дюрера создать образцы новой техники гравюры на металлѣ въ интересахъ еще дальнѣйшаго усовершенствованія ея.

Среди гравюръ на мѣди, относящихся къ указанному времени, достойны вниманія прежде всего тѣ, въ которыхъ художникомъ трактованы были сюжеты, заимствованные изъ міра *классической мифологии*. Исполняя ихъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ пребыванія въ Италіи, гдѣ онъ имѣлъ возможность однако лишь въ незначительной, степени ознакомиться съ произведеніями античныхъ мастеровъ; а съ другой, находясь подъ вліяніемъ своихъ друзей—гуманистовъ, которые и теперь, какъ ранѣе и впоследствии, помогаютъ ему своими знаніями въ области классической мифологии, Дюреръ представилъ въ этихъ гравюрахъ дальнѣйшіе образцы той своеобразной трактовки античныхъ сюжетовъ, съ какою мы встрѣчались у него уже и прежде въ произведеніяхъ подобнаго рода. Истинно классическаго въ такихъ композиціяхъ сохраняется только немного. Самые мифологическіе сюжеты, которые въ теченіе среднихъ вѣковъ успѣли

подвергнуться по большей части разнообразнымъ искаженіямъ, черпались какъ художникомъ, такъ даже и друзьями его гуманистами, чаще всего не изъ первоисточниковъ; а въ трактовкѣ отдѣльныхъ фигуръ и деталей художнику приходилось, за отсутствіемъ античныхъ образцовъ соотвѣтствующаго содержанія, руководствоваться съ одной стороны, неопредѣленными литературными указаніями, а съ другой—тѣмъ, что давала ему современная дѣйствительность, хотя бы и въ явномъ разладѣ съ античнымъ міропониманіемъ и обстановкою. Ясно, что композиціи, создававшіяся такимъ путемъ, должны были и на самомъ дѣлѣ оказывались далекими по своему характеру отъ композицій античныхъ мастеровъ, и что при воссозданіи самыхъ разнообразныхъ мифологическихъ сюжетовъ важнѣйшею задачею Дюрера съ его реалистическими тенденціями должно было являться не столько проникновеніе въ самую сущность античнаго міросозерцанія ради точнаго его воспроизведенія, сколько живое и вѣрное воссозданіе самой природы въ ея реальныхъ, доступныхъ изученію формахъ. И мы видимъ, дѣйствительно, что такимъ именно характеромъ отмѣчены эти мифологическія композиціи Дюрера, относящіяся къ 1509 году и слѣдующимъ.

На одной изъ этихъ гравюръ, исполненныхъ на мѣди, представлена сцена *похищенія морскимъ богомъ нимфы* ¹⁾. Дѣйствіе происходитъ подлѣ высокаго берега моря, на которомъ расположены группы замковъ обычныхъ въ средневѣковой Германіи типовъ. Морской богъ въ видѣ бородатаго старца съ человѣческой головою и туловищемъ, но съ рыбьимъ хвостомъ и съ рогами на головѣ, плыветъ по волнамъ, унося на спинѣ обнаженную нимфу, которую онъ придерживаетъ правой рукою, тогда какъ въ лѣвой держитъ щитъ изъ большой черепахи. Нѣсколько купавшихся подлѣ берега женщины спѣшатъ выскочить изъ воды, какъ будто спасаясь отъ грозящей опасности; на берегу подлѣ самаго моря бѣжитъ по направлению къ похитителю мужская фигура въ восточномъ костюмѣ, жестами выражая отчаяніе. Вдали на морѣ виденъ плывущій корабль; гравюра помѣчена монограммою Дюрера.

¹⁾ Листъ этотъ, извѣстный подъ назв. „морского чуда“, опис. у Bartsch № 71. Heller № 801, Rettberg № 125. См. нашъ рисунокъ № 38. Бить можетъ, художникъ хотѣлъ здѣсь представить тритона, увозащаго невесту.

На другомъ листѣ, извѣстномъ подь названіемъ «*Немезида*» ¹⁾, находимъ оригинальное сочетаніе единственной мифологической (или



Рис. № 82.

вѣрнѣе, аллегорической) фигуры съ обширнымъ пейзажемъ, причемъ композиція цѣлаго состоитъ изъ двухъ различныхъ и даже

¹⁾ У Bartsch 77, Heller 889, Retberg 124.

внѣшнимъ образомъ почти несвязанныхъ другъ съ другомъ частей. Всю нижнюю половину гравюры занимаетъ ландшафтъ, который уже самъ по себѣ могъ бы составить по своему характеру и размѣрамъ самостоятельную картину: на берегу рѣки представлено цѣлое селеніе, отъ котораго на противоположный берегъ переброшенъ небольшой мостъ; дальше протягивается длинный рядъ замковъ, отдѣльно стоящихъ; по холмамъ и долинамъ разбросаны группы деревьевъ; вдали виднѣются горы. Общій характеръ ландшафта, какъ и всѣ детали его, несомнѣнно показываютъ, что композиція его не выдумана художникомъ, но воспроизводитъ живую натуру, видѣнную и зарисованную имъ непосредственно. Въ верхней половинѣ гравюры, надъ свившимися облаками, помѣщена большая фигура самой Немезиды, — совершенно обнаженной женщины съ крыльями на спинѣ и съ повязкой на головѣ, изъ-подъ которой выбивается длинная прядь волосъ; въ правой рукѣ ея — ваза, закрытая крышкой; въ лѣвой — конская сбруя; легкое покрывало, перекинутое черезъ плечо, развѣваясь отъ вѣтра, оставляетъ тѣло совсѣмъ неприкрытымъ. На листѣ монограмма художника.

Содержаніе сцены, помѣщенной на третьей гравюрѣ, которая обыкновенно называется по имени главнаго дѣйствующаго лица «Геркулесъ», не выяснено съ достаточною опредѣленностью ¹⁾. Дѣйствіе и здѣсь происходитъ среди обширнаго ландшафта: на заднемъ планѣ видна рѣка съ расположившимся на ея берегу городкомъ и длинную цѣпью холмовъ позади; на переднемъ планѣ подлѣ группы деревьевъ и стоящихъ неподалеку строеній расположилась на землѣ группа изъ нимфы и сатира. Послѣдній съ ногами козла, съ длинными ушами, бородой и рогами, сидя подлѣ нимфы — совершенно нагой молодой женщины съ заплетенными вокругъ головы длинными косами, положилъ ей на плечо лѣвую руку; въ правой рукѣ его — большая ослиная челюсть, которую онъ держитъ для защиты отъ нападающихъ. Нимфа приподнимаетъ лѣвой рукою надъ головой покрывало, какъ будто стараясь себя защитить отъ сильнаго удара молодой женщины, одѣтой въ двойной опоясанный хитонъ, которая, стремительно бросаясь на группу лежащихъ нимфы и сатира, гото-

¹⁾ У Bartsch 73, Heller 815, Rettberg 126. Гравюра воспроизведена у *Lutzow*: Geschichte d. deutsch. Kupferst. u. Holzschn. S. 98.

вится ударить нимфу большим обломком ствола. Стоящий подлѣ нимфы и сатира совершенно нагой мужчина могучаго тѣлосложенія (Геракль?) съ своеобразнымъ шлемомъ на головѣ (въ видѣ вѣнка, украшеннаго рогами и фигурою кричащаго пѣтуха); огромнымъ стволомъ вырваннаго съ корнями дерева задерживаетъ ударъ молодой женщины, замахнувшей на лежащую нимфу. Въ сторону отъ описанной группы бѣжитъ испуганно маленькій мальчикъ съ птичкою въ рукахъ (Эротъ?). Гравюра помѣчена монограммою Дюрера.

Въ техническомъ отношеніи всѣ эти гравюры стоятъ на той же степени высокаго совершенства, какая была отмѣчена нами ранѣе по отношенію къ гравюрамъ, непосредственно предшествующимъ имъ по времени.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ гравюръ съ сюжетами самаго разнообразнаго содержанія. На одной изъ нихъ ¹⁾ *св. Евстахій* въ одеждѣ охотника, стоитъ колѣнопреклоненный, среди группы деревьевъ, протягивая руки впередъ по направленію къ показавшемуся въ лѣсу чудесному оленю съ распятіемъ на лбу между рогами. Лошадь св. Евстахія привязана къ дереву; подлѣ него стоятъ и лежатъ пять охотничьихъ собакъ. На заднемъ планѣ обширный пейзажъ: внизу подъ горою, покрытою лѣсомъ, большой прудъ съ перекинутымъ черезъ него мостомъ; сверху на горѣ виденъ замокъ.

Позднѣ этой гравюры, а именно въ 1513 году, Дюреромъ исполненъ былъ листъ съ изображеніемъ «*плата св. Вероники*» и отпечатлѣннаго на немъ листа Христа. ²⁾ Изъ-подъ терноваго вѣнца, надѣтаго на главу Спасителя, падаютъ крупныя капли крови; летящія съ обѣихъ сторонъ ангелы, съ выраженіемъ глубокой скорби на лицахъ, поддерживаютъ платъ за края. Внизу цифра года (1513) и монограмма художника.

На третьемъ листѣ (большаго формата), созданномъ Дюреромъ въ томъ же году и пользовавшемся весьма широкою извѣстностью и распространеніемъ, въ своеобразной и интересной композиціи представленъ «*рыцарь со смертию и дьяволомъ*» ³⁾. Среди дикихъ скалъ, покрытыхъ засохшими деревьями и кустарникомъ, на конѣ ѣдетъ

¹⁾ У В. 57, Н. 727, R. 127.

²⁾ У В. 25, Н. 467, R. 202.

³⁾ У В. № 98, Н. 1018, у R. 203. См. нашъ рисунокъ № 39.

рыцарь въ полномъ вооруженіи: въ панцырѣ, шлемѣ, поножахъ, металлическихъ наручнѣкахъ, съ большимъ мечомъ на лѣвомъ боку



Рис. № 39.

и съ длиннымъ копьемъ въ правой рукѣ; лѣвая дѣржитъ за поводъ коня. Справа отъ него также на конѣ ѣдетъ Смерть въ видѣ обла-

нутаго кожей скелета съ рѣдкою бородой, въ коронѣ, вокругъ которой, какъ и вокругъ его шеи, обвиваются змѣи. На скелетѣ надѣта рубаха; въ правой рукѣ онъ держитъ песочные часы и, обращая лицо въ сторону рыцаря, какъ бы показываетъ ему этими часами на быстро текущее время и грядущій часъ смерти. Конь, на которомъ ѣдетъ Смерть, съ висящимъ на шеѣ его колокольчикомъ, склонилъ свою голову почти до земли къ лежащему на пути черепу, подлѣ котораго лежитъ табличка съ надписью: S. 1513. и съ монограммою Дюрера. Позади обонхъ всадниковъ шествуетъ дьяволь въ образѣ фантастическаго чудовища съ свиною мордой, огромными ушами, рогами, крыльями и хвостомъ, держа въ рукахъ оружіе, похожее на багоръ. Подлѣ коня рыцаря бѣжитъ собака и неподалеку отъ нея—ящерица. Вдали на горѣ видны обширныя постройки большого замка.

Ближайшій смыслъ этой группы объяснялся изслѣдователями различно. Въ однихъ случаяхъ указывалось на сходство, будто бы существующее между этимъ рыцаремъ и извѣстнымъ *Стефаномъ Паумгертнеромъ* на большомъ Паумгертнеровомъ алтарѣ описанномъ у насъ ранѣе, причѣмъ самое содержаніе гравюры, какъ и помѣщающуюся на ней букву S, относили именно къ этому другу и заказчику Дюрера, неустрашимость котораго здѣсь будто бы прославляется ¹⁾.— Другіе видѣли въ рыцарѣ этой гравюры портретное и нравственное сходство съ знаменитымъ рыцаремъ той эпохи *Францемъ фонъ-Зиккиномъ*, прославившимъ себя непоколебимою храбростью и твердостью духа ²⁾. Третьи, не пріурочивая фигуру рыцаря ни къ какому опредѣленному лицу, утверждали, что въ этомъ образѣ художникъ далъ вообще *воплощеніе идеала христіанскаго рыцаря*, который, уповая на Бога, и оставаясь неизмѣннымъ въ своихъ добродѣтеляхъ, не боится ни смерти, ни козней дьявола ³⁾. Нѣкоторые, наконецъ, объясняли фигуру рыцаря, какъ воплощеніе одного изъ четырехъ основныхъ человѣческихъ *темпераментовъ*, именно, *сангвиническаго* — энергичнаго, непреклоннаго, мужественнаго, а въ самой литерѣ S усматривали указаніе на начальную букву слова

¹⁾ *Retberg*: Dürers Kupferstiche und Holzschnitte, S. 78.

²⁾ *Ср. А. в. Егг*: Leben und Wirken A. Dürers, S. 854, и *Heller* № 1018.

³⁾ *Springer*: Dürer, S. 98 f.

Sanguinicus ¹⁾. Изъ всѣхъ перечисленныхъ истолкованій наиболѣе правдоподобнымъ представляется намъ послѣднее, и подтвержденіе этой догадки находимъ въ двухъ другихъ гравюрахъ на мѣди, созданныхъ Дюреромъ уже въ слѣдующемъ (1514) году, какъ продолженіе работы въ томъ же направленіи по отысканію соотвѣтственныхъ образовъ, воплощающихъ наиболѣе характерныя черты остальныхъ темпераментовъ.

На одной изъ этихъ гравюръ представлена «Меланхолія» ²⁾. Крылатая молодая женщина съ вѣнкомъ на головѣ и со связкою ключей на поясѣ, одѣтая въ длинное платье, сидитъ на камнѣ подлѣ стѣны, задумчиво опершись на лѣвую руку и печально глядя впередъ. Въ правой рукѣ она держитъ циркуль; на колѣнахъ лежитъ закрытая книга; рядомъ съ нею на мельничномъ жерновѣ сидитъ маленькій крылатый геній, пишущій на табличкѣ; выше надъ головами самой Меланхоліи и крылатою генія висятъ на стѣнѣ вѣсы съ двумя чашками, песочные часы, колоколь и табличка съ цифрами, которыя, будучи сложены во всякомъ направленіи, даютъ одну и ту же цифру 34, а средними цифрами нижняго ряда образуютъ цифру года созданія этой гравюры (1514) ³⁾. У самыхъ ногъ Меланхоліи лежитъ уснувшая собака, дальше—большой шаръ, клещи, пила, наковальня, молотокъ, большой многогранникъ неправильной формы и т. д.; подлѣ генія стоитъ приставленная къ стѣнѣ лѣстница. На заднемъ планѣ открывается глазу обширный морской пейзажъ съ селеніемъ на берегу и кораблями у пристани; надъ моремъ видна огромная комета, окруженная сіяніемъ; надъ нею широкая радуга, а подлѣ—надпись: MELENCOLIA. I., помѣщенная какъ будто на распростертыхъ крыльяхъ животного, похожаго на летучую мышь. Цифра года созданія этой гравюры (1514) и монограмма художника обозначены на камнѣ, на которомъ сидитъ Меланхолія.

Третья гравюра того же большого формата, какъ и двѣ предыдущія, и имѣющая къ нимъ непосредственно близкое внутреннее

¹⁾ *Thausing*: Dürer II, S. 233. Ср. *Lutzow*: Geschichte d. deutsch. Kupferstiches und Holzschnittes, S. 106.

²⁾ У Bartsch № 74, Heller 846, Rettberg 209. Гравюра воспроизведена у Springer, S. 100—101 и Knackfuss S. 82.

³⁾ Цифры расположены въ слѣд. порядкѣ: въ первомъ ряду — 16, 3, 2, 13; во второмъ — 5, 10, 11, 8; въ третьемъ — 9, 6, 7, 12; въ четвертомъ — 4, 15, 14, 1.

соотношеніе, показываетъ намъ *св. Иеронима, сидящаго въ кельѣ* ¹⁾. Келья святаго похожа на большой кабинетъ средневѣковаго ученаго: передъ нимъ—рабочій столъ съ небольшимъ попитромъ, на которомъ положена рукопись; святой въ одеждѣ монаха, наклонившись надъ нею, пишетъ; подлѣ него на столѣ стоитъ маленькое распятіе; по стѣнамъ кельи висятъ разнообразныя предметы: широкая шляпа, песочныя часы, четки, свитки пергамента, стеклянныя колбы и проч. На подоконникѣ большого окна съ расписными стеклами лежитъ человѣческой черепъ; на скамьѣ подлѣ окна и на самомъ окнѣ положены книги. На полу подлѣ стола лежитъ дремлющій левъ и собачка; позади льва—табличка съ цифрою года (1514) и монограммою Дюрера.

Истинный характеръ обѣихъ послѣднихъ гравюръ и ихъ отношеніе къ первой представляются ясными. Если *«рыцарь со смертью и дьяволомъ»* оказывался носителемъ характерныхъ чертъ темперамента *самовитическаго*, съ его преобладающими энергичностью, подвижностью, мужествомъ и т. д.; то фигура *Меланхолии* несомнѣнно является воплощеніемъ темперамента *меланхолическаго* съ его постояннымъ стремленіемъ къ проникновенію въ тайны природы и сердца и въ то же время съ глубокою неудовлетворенностью, мрачной тоскою вслѣдствіе невозможности постиженія міра; а *св. Иеронимъ*, весь поглощенный своею мирной работой, чуждый интересамъ вселенной, невозмутимо спокойный въ своемъ добровольномъ уединеніи, долженъ быть признанъ типичнымъ представителемъ темперамента *флегматическаго* съ его философскимъ спокойствіемъ, величавой серьезностью, стремленіемъ къ самоуглубленію, къ нравственному и умственному анализу.

На ряду съ такими, сложными по замыслу и этико-философскими по тенденціи, сюжетами Дюреръ создаетъ въ эти годы и простѣйшія, незамысловатыя *жанровыя* картинки. Таковы двѣ его небольшія гравюры на мѣди, относящіяся къ 1514 году, изъ которыхъ на одной изображенъ *играющій на волынкѣ крестьянинъ* ²⁾ въ одеждѣ бродячаго музыканта и съ короткимъ мечомъ на боку, прислонившійся спиною къ дереву; на другой—*танцующая крестьянская пара* ³⁾:

¹⁾ У Bartsch 60, Heller 756, Rettberg 208. Гравюра воспроизведена у Springer, Dürer, S. 98—99.

²⁾ Bartsch № 29, Heller 895, Rettberg. 211.

³⁾ У В. 90, Н. 912, R. 210.

она въ короткомъ платьѣ, въ лаптяхъ изъ кожи, съ повязкой на головѣ и со связкой ключей и кухоннымъ ножомъ на боку; онъ въ изорванной одеждѣ и съ непокрытою головою; взявши другъ друга за руки, оба оживленно танцуютъ, высоко поднимая въ пляскѣ ноги и руки.

Кромѣ гравюръ на мѣди, Дюреръ исполняетъ за тотъ же періодъ также значительное число отдѣльныхъ *гравюръ на деревѣ*, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ можно думать по чрезвычайной тщательности и тонкости работы, рѣзаны были имъ собственноручно.

Къ числу лучшихъ изъ этихъ гравюръ можно отнести листъ съ изображеніемъ сцены *устыновенія главы Иоанна Предтечи* ¹⁾. Дѣйствіе происходитъ передъ зданіемъ тюрьмы, на стѣнѣ которой цифра 1510 указываетъ годъ созданія гравюры: на первомъ планѣ трупъ обезглавленнаго Крестителя со связанными за спиною руками, колѣнопреклоннаго; позади него стоитъ палачъ съ мечомъ въ правой рукѣ и головою Крестителя въ лѣвой. Передъ нимъ Саломея съ блюдомъ въ рукахъ, на которое она принимаетъ отъ палача голову Иоанна. Нѣсколько придворныхъ дамъ, одѣтыхъ, какъ и Саломея, въ нѣмецкіе костюмы эпохи Дюрера, и судья въ длинной мантии и восточной чалмѣ — дополняютъ картину.

Въ слѣдующемъ году Дюреръ исполняетъ въ *pendant* къ этой другой гравюру изображающую *принесеніе Саломеею Ироду главы Иоанна Крестителя* ²⁾. Самъ Иродъ въ царской коронѣ и мантии сидитъ за столомъ, обративши лицо въ сторону Саломеи, которая въ сопровожденіи судьи и двухъ женщинъ приноситъ блюдо съ головою Крестителя. Иродіада, сидящая въ пышномъ одѣяніи за столомъ рядомъ съ царемъ, принимаетъ блюдо отъ дочери, чтобы передать его самому Ироду. Большой столъ, за которымъ сидятъ царь и царица, какъ и меньшій стоящій подлѣ него, уставлены явствами и напитками; гравюра помѣчена 1511 г. и монограммою Дюрера.

Исполненіе обѣихъ гравюръ высоко-художественное, приближающее ихъ по общему внѣшнему виду къ гравюрамъ на мѣди. Работа настолько детальна и совершенна, что передается даже разнообразная экспрессія лицъ, соотвѣтственно внутреннимъ настроеніямъ ка-

¹⁾ У В. 125, Н. 1851, R. 172.

²⁾ У В. 126, Н. 1860, R. 173.

даго, что особенно поражает при незначительности размѣровъ обѣихъ гравюръ.

Почти такими же высокими достоинствами работы отмѣчена и сцена *поклоненія волхвовъ*¹⁾, исполненная въ томъ же 1511 году на листѣ большого формата. Сцена происходитъ въ полуразвалившемся зданіи, черезъ разрушенную крышу котораго видна на небѣ большая звѣзда. Пресв. Богородица съ распущенными волосами, сдерживаемыми вверху вѣнкомъ, въ длинной мантии поверхъ платья, держитъ на колѣнахъ младенца Христа, протягивающаго свою ручку въ открытый ларецъ, который подносить ему одинъ изъ волхвовъ. Два другіе волхва съ дарами стоятъ подлѣ перваго, тогда какъ позади Богородицы помѣстился св. Іосифъ; свита волхвовъ размѣщена во дворѣ; на заднемъ планѣ видны другія строенія и группы деревьевъ.

Грубѣе работа на другомъ большомъ листѣ съ изображеніемъ *мессы св. Григорія*²⁾. Передъ престоломъ, на которомъ поставлена чаша съ св. дарами, стоитъ колѣнопреклоненный папа Григорій, окруженный кардиналами, священниками и діаконами. Передъ молящимся является дивное видѣніе: самъ Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, съ большими ранами на боку и рукахъ, опоясанный платомъ, стоитъ въ своей гробницѣ; позади него крестъ и всѣ орудія крестныхъ мученій. Вверху въ облакахъ видны два летящихъ ко Христу ангела и бюстъ Іуды Искаріотскаго съ висающимъ у него на шеѣ мѣшкомъ съ деньгами. Подлѣ гробницы, изъ которой показывается Христосъ, разставлены свѣчи, евангеліе и икона; возлѣ престола цифра года созданія (1511) и монограмма художника.

Столь же велика по размѣрамъ, но болѣе детальна и тщательна по исполненію гравюра того же 1511 года съ изображеніемъ *св. Троицы* въ сложной композиціи³⁾. Богъ-Отецъ въ большой папской тиарѣ и мантии, съ развѣвающимися длинными волосами и борою, съ лучистымъ сіяніемъ вокругъ головы, обѣими руками удерживаетъ спускающееся съ его колѣнъ тѣло умершаго Спасителя міра съ зияющими ранами на рукахъ, ногахъ и боку; Христосъ обнаженъ и только платъ опоясываетъ чресла его. Вверху—св. Духъ въ видѣ голубя. Сонмы ангеловъ окружаютъ св. Троицу: одни изъ нихъ под-

¹⁾ У В. 3, Н. 1103, R. 187.

²⁾ У В. 123, Н. 1833, R. 190 Гравюра воспроизв. у Knackfuss, S. 71.

³⁾ У В. 122, Н. 1643, R. 193. Гравюра воспроизвед. у Knackfuss, S. 70.

держивают края одежды Бога-Отца; другіе держатъ въ рукахъ разнообразныя орудія мученій Христовыхъ. Внизу олицетворенія 4 ду-ющихъ вѣтровъ, цифра года созданія и монограмма художника.

Въ 1511 году исполнена была и небольшая гравюра съ изображеніемъ *св. семейства*: Пр. Богородица, кормящая грудью младенца Христа, сидитъ въ центрѣ группы; подлѣ нея съ обѣихъ сторонъ: св. Іосифъ, св. Анна и три пастыря; у ногъ два поющихъ и играющихъ ангела; на второмъ планѣ пейзажъ ¹⁾).

Къ 1512 году относится гравюра на деревѣ, показывающая намъ *св. Геронима въ гротѣ* ²⁾, одѣтаго въ рубище и пишущаго на большомъ фоліантѣ; на уступѣ скалы передъ нимъ распятіе, шляпа, черпильница и верхняя одежда; позади него дремлющій левъ. Гравюра помѣчена цифрою года и монограммою Дюрера.

Но важнѣйшими художественными предпріятіями за весь разсматриваемый періодъ, огромными по своимъ размѣрамъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательными по исполненію, являются нѣсколько длинныхъ серій гравюръ на мѣди и деревѣ, извѣстныхъ подъ названіями: *«большихъ страстей Христовыхъ»*, *«малыхъ страстей»*; *«страстей Христовыхъ, исполненныхъ на мѣди»* и *«жизни Пресв. Богородицы»*, —серій, имѣющихъ для характеристики творчества Дюрера въ области гравюры въ данное время столь же существенное значеніе, какое отмѣчено было выше по отношенію къ Апокалипсису для другого, болѣе ранняго періода творческой дѣятельности художника. Определенный кругъ главнѣйшихъ духовныхъ интересовъ Дюрера; его отношеніе въ разсматриваемую эпоху къ самымъ глубокимъ религіознымъ вопросамъ; особенности религіознаго міропониманія его — сказываются здѣсь яснѣйшимъ образомъ какъ въ выборѣ сюжетовъ изъ св. писанія и св. преданія, такъ и въ самой трактовкѣ ихъ, всегда вообще дающей возможность изслѣдователю судить о такомъ или иномъ отношеніи художника къ изображаемому предмету.

Мы остановимся здѣсь со всѣми необходимыми подробностями на самомъ содержаніи каждаго изъ листовъ, входящихъ въ составъ перечисленныхъ серій, чтобы выяснитъ затѣмъ ихъ общій характеръ, ихъ мѣсто и значеніе въ исторіи художественнаго развитія и арти-

¹⁾ Гравюра воспроизвед. у Knackfuss, S. 72.

²⁾ У В. 113, Н. 1845, R. 197.

стической дѣятельности Дюрера, какъ и другіе вопросы, стоящіе съ этими въ непосредственной связи.

Первая серія, такъ называемыхъ, «*большихъ страстей Христо-выхъ*», рѣзанныхъ на деревѣ, состоитъ изъ 12 листовъ большого формата (выс. 0,198 м., шир. 0,195 м.), выпущенныхъ въ свѣтъ



Рис. 40.

самимъ Дюреромъ въ двухъ изданіяхъ: *безъ текста* въ 1510 году, которыми помѣчены всѣ листы этой серіи, и *съ текстомъ*, подобно Апокалипсису, въ 1511 году ¹⁾.

¹⁾ Текстъ второго изданія на заглавномъ листѣ серіи гласитъ слѣдующее: „Passio domini nostri Jesu. ex Hieronymo Paduano. Dominico. Mancino Sedulio. et Baptista Mantuano. Per fratrem Chelidonium collecta. cum figuris Alberti Dureri Norici Pictoris“. Внизу на томъ же листѣ подъ гравюрой: „Hae ego crudeles... etc.“,—надпись въ 8 строкъ, относящаяся къ Христу, изображенному здѣсь. Латинскій текстъ въ стихахъ къ гравюрамъ, расположеннымъ на слѣдующихъ листахъ, составляетъ упомянутымъ на заглавномъ листѣ монахомъ Хелидоніемъ и раскрываетъ послѣдовательно содержаніе этихъ гравюръ въ формѣ разговора между перечисленными въ заглавной надписи лицами. Каждый изъ этихъ разговоровъ, подобно драматическимъ отрывкамъ, носитъ отдѣльное заглавіе: *Cristus in monte Oliveto; Cristus ab Iudeis capitur; Cristus in domo Pilati flagellatur; Pilatus Cristum Iudeis producit, dicens ecce homo; Cristus ducitur; ut crucificatur; Cristus crucifitus; Cristus descendit ad inferos; Cristus resurgit a*

Композиція *заваного листа* серіи ¹⁾ состоитъ изъ двухъ лишь фигуръ: Христа и ландскнехта. Христось въ терновомъ вѣнкѣ и съ лучистымъ сіяніемъ вокругъ головы, въ зіяющихъ ранахъ на ногахъ и рукахъ, безъ одежды, съ однимъ лишь платомъ, покрывающимъ чресла его, сидитъ на камнѣ, сложивши руки какъ будто съ мольбой: вся изогнувшаяся, сгорбленная фигура его, какъ и лицо, выражаютъ переживаемыя тяжкія страданія. Передъ Христомъ, стоящій на колѣнахъ бородатый воинъ (въ костюмѣ нѣмецкаго ландскнехта) протягиваетъ ему съ надсмѣшкою трость вмѣсто царскаго скипетра; розги и плеть лежатъ подлѣ камня.

Сценамъ страстей Христовыхъ предшествуетъ изображеніе *тайной вечери* ²⁾, помѣщенной на слѣдующемъ листѣ. Христось, въ сіяніи славы, сидитъ за длиннымъ узкимъ столомъ съ 12 учениками своими, расположившимися по обѣ стороны отъ Учителя и взволнованно обращающимися другъ къ другу съ вопросомъ: «не я ли?», вызваннымъ словами Спасителя. Предатель Иуда помѣстился въ концѣ стола, скрывая отъ остальныхъ апостоловъ полученный кошелекъ съ серебрянниками. Подлѣ участниковъ вечера видна фигура хозяина дома, наливающего для нихъ изъ кувшина вино.

Гравюра на третьемъ листѣ показывааетъ намъ *Христа въ саду Геосиманскомъ* ³⁾. Въ длинной одеждѣ, колѣнопреклоненный и съ широко распростертыми въ молитвѣ руками, Христось стоитъ на скалистомъ холмѣ, покрытомъ деревьями и кустарникомъ; слетающій сверху ангель несетъ въ рукахъ чашу. Трое апостоловъ у подножія холма лежатъ, погруженные въ сонъ; вдали видна толпа воиновъ, входящихъ вмѣстѣ съ Иудой въ ограду Геосиманскаго сада.

Сцена *предательства Христа Иудой* представлена на слѣдующемъ листѣ ⁴⁾. Въ центрѣ всей этой многофигурной композиціи предатель Иуда еще цѣлуетъ своего божественнаго Учителя. Въ то же

mortuis. На послѣднемъ листѣ серіи указывается годъ и мѣсто изданія ея Дюреромъ: „Impressum Nurberge per Albertum Durer pictorem. Anno christian. milesimo quingentesimo undecimo“. Ниже этой другая надпись, обращенная противъ поддѣлывателей и копистовъ, съ запрещеніемъ всякаго рода воспроизведеній этого изданія въ цѣлахъ продаж.

¹⁾ У Bartsch 4, Heller 1110, Retberg 174. См. нашъ рисунокъ № 40.

²⁾ У В. 5, Н. 1113, R. 175.

³⁾ У В. 6, Н. 1118, R. 176.

⁴⁾ У В. 7, Н. 1120, R. 177. См. нашъ рисунокъ № 41.

самое время одинъ изъ воиновъ схватился уже за воротъ одежды Христа; другой, обвязавши веревкой руки и тѣло Спасителя, съ силою тащить его впередъ; третій ударами копыя подталкиваетъ его сзади; остальные воины въ разнообразныхъ костюмахъ и съ разно-



Рис. 41.

роднымъ оружіемъ толпою окружають Христа. Въ правомъ углу картины на первомъ планѣ апостолъ Петръ нападаетъ съ мечомъ въ рукѣ на служителя первосвященника, Малха, который, упавши

на землю, пытается защититься дубиной; подлѣ него на землѣ лежитъ фонарь, который онъ несъ. На заднемъ планѣ вдали видны ворота сада и двѣ, бѣгущія по направленію къ нимъ, фигуры.

Сцену *бичеванія Христа* ¹⁾ воспроизводитъ гравюра на пятомъ листѣ. Самъ Христось, безъ одеждъ, опоясанный платомъ, стоитъ привязанный за руки къ колоннѣ; одинъ изъ воиновъ сидя на землѣ и упираясь ногами въ колонну, старается возможно сильнѣе притянуть къ ней веревкой руки Христа. Бичеваніе и истязанія Спасителя уже начались: одинъ воинъ схватилъ его правой рукою за волосы, а лѣвой наноситъ ему удары; другой замахнулся на него розгами; третій ударяетъ его бичомъ; четвертый приготовляетъ розги для истязанія, связывая ихъ въ пучокъ. Сцена происходитъ въ присутствіи самого Пилата, фарисеевъ и книжниковъ, смотрящихъ на бичеваніе. Двое мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ стоитъ подлѣ Христа съ бичомъ въ рукахъ, а другой трубитъ въ большой рогъ, дополняютъ картину.

На слѣдующей гравюрѣ художникъ показываетъ намъ *Пилата, выводящаго Христа передъ народомъ* ²⁾. На крыльцѣ преторіи помещается группа изъ трехъ фигуръ: Христа въ терновомъ вѣнцѣ и мантии, согнувшася отъ страданій, съ наклоненною головою; воина, стоящаго позади Христа и приподнимающаго края его мантии, и Пилата, обращающагося съ рѣчью къ народу. Толпа, находящаяся внизу передъ крыльцомъ преторіи, вооружена мечами, копьями и другимъ оружіемъ; нѣсколько фарисеевъ, садукеевъ, и воиновъ изображены на первомъ планѣ, какъ руководители этой толпы.

Далѣе (на седьмомъ листѣ серіи) представлена сцена *несенія креста Спасителемъ* ³⁾. Христось вмѣстѣ съ сопровождающими его на распятіе только что вышелъ изъ воротъ города, стѣны и башни котораго видны на второмъ планѣ. Охвативши правой рукою одну изъ перекладинъ креста, который онъ несетъ на плечахъ, Спаситель подъ тяжестью его упалъ на колѣна и, стараясь подняться, опирается лѣвой рукою на камень. Одинъ изъ воиновъ, идущій впереди Христа, тянетъ веревку, которою обвязано тѣло Спасителя, тогда какъ другой ударяетъ его въ голову тупымъ концомъ своего молота.

¹⁾ У В. 8, Н. 1122, R. 178. Гравюра у Springer; Dürer, S. 55.

²⁾ У В. 9, Н. 1124, R. 179.

³⁾ У В. 10, Н. 1127, R. 180.

Нѣкоторые изъ сопровождающихъ Христа ѣдутъ на коняхъ; многие вооружены. Ближе другихъ ко Христу идутъ св. Вероника, держащая большой платъ, ап. Иоаннъ, пр. Богородица и нѣсколько святыхъ женъ; Симонъ Киренейскій старается облегчить Спасителю тяжесть креста, поддерживая его.

Гравюра восьмого листа изображаетъ *распятіе Христова* ¹⁾. Глава его, украшенная терновымъ вѣнцомъ, уже опустилась на грудь; глаза закрыты: изъ ранъ на рукахъ, ногахъ и боку струится кровь, которую собираютъ въ чаши три ангела. Внизу подлѣ креста двѣ отдѣльныя группы: направо—двое всадниковъ, лѣво—ап. Иоаннъ, поддерживающій пр. Богородицу, и трое другихъ св. женъ, скорбящихъ о кончинѣ Христа. На заднемъ планѣ пейзажъ съ виднѣющимся вдали городомъ.

Дальше слѣдуетъ сцена *оплакиванія Христа* ²⁾, происходящая неподалеку отъ лобнаго мѣста, гдѣ подлѣ крестовъ видны еще фигуры всадника и раба, а на одномъ изъ крестовъ висящій разбойникъ. Тѣло Христово лежитъ на землѣ, поддерживаемое ап. Иоанномъ и окруженное пятью св. женами съ пр. Богородицею, которыя жестаами выражаютъ глубокое горе. На второмъ планѣ пейзажъ, среди котораго выдѣляется гробница, куда должно быть положено тѣло.

Самое *положеніе во гробъ тѣла Христова* представлено на слѣдующемъ листѣ ³⁾. Трое учениковъ Христовыхъ уже подняли тѣло его, обернутое саваномъ и подносятъ къ гробницѣ; одна изъ св. женъ поддерживаетъ опустившуюся лѣвую руку Спасителя; ап. Иоаннъ утѣшаетъ скорбящую Богоматерь; нѣсколько зрителей, смотрящихъ на происходящее, размѣстились на второмъ планѣ, гдѣ въ глубинѣ виднѣется еще Голгова.

Слѣдующимъ моментомъ, нашедшемъ себѣ воспроизведеніе въ серіи, является *нисхождение Христа въ преисподнюю* ⁴⁾. Христосъ, съ лучистымъ нимбомъ вокругъ головы и въ длинной одеждѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ знамя (съ крестомъ на немъ), тогда какъ правую помогаетъ выйти изъ преисподней заключенному въ ней грѣшнику; нѣсколько другихъ грѣшниковъ протягиваютъ ко Христу руки,

¹⁾ У В. 11, Н. 1129, R. 181.

²⁾ В. 13, Н. 1134, R. 182.

³⁾ В. 12, Н. 1137, R. 183.

⁴⁾ У В. 14, Н. 1131, R. 184.

моля о спасеніи. Адамъ и Ева съ цѣлою группою другихъ уже освобожденныхъ изъ преисподней стоятъ позади Спасителя. Изъ отверстій преисподней и надъ фигурой Христа нѣсколько чудовищныхъ обитателей ада угрожаютъ ему, стараясь помѣшать освобожденію грѣшниковъ.

Послѣднею, заключительною картиною въ серіи «большихъ страстей» является *Воскресеніе Христова* ¹⁾ Воскресшій Спаситель въ длинной развѣвающейся отъ вѣтра одеждѣ, въ сіяніи славы, со знаменемъ въ лѣвой рукѣ, поднимается вверхъ надъ гробницею, окруженный множествомъ ангеловъ. Гробъ не раскрытъ, но запечатанъ большою печатью; подлѣ него расположились нѣсколько воиновъ, изъ которыхъ находящіеся ближе къ первому плану прилегли на самый камень гробницы ²⁾.

¹⁾ У В. 15, Н. 1140, R. 185. Гравюра воспроизв. у Kuackfuss, S. 67.

²⁾ Чтобы показать соотношеніе между всѣми этими иллюстраціями и текстомъ, помѣщеннымъ на листахъ серіи, а равно и евангельскимъ текстомъ, приводимъ здѣсь стихи Хелидонія, относящіеся къ первымъ двумъ картинамъ „большихъ страстей“, а именно: къ тайной вечерѣ и моленію въ саду Геесиманскомъ.

Manci: Exasta coena: dictas post ordine laudes
Post epulas dici solit: cum mensa remota est
Hinc iter ad montem carpunt: cui nomen olivae
Indiderant: illic nam pernoctare solebant.
Interea ad socios loquitur sic inter eundum.

Chelido: Hac vos nocte omnes sparget fuga foeda per umbras.

Manci: Nam scriptum est peccudes spargi: si vulnere pastor
Percussus jaceat. Quamvis defecerit omnis
Petrus ait: possum comittans occumbere tecum.
Tum Petro dominus: me ter hac nocte negabis.
Postque venerunt in villam nomine dictam
Getsemani: dixit sociis; vos hic remanete
Donec non longe vadam quo pronus adorem.
Et comites Petrum: tum natos e Zebedaeo
Assumpsit per gens tantum progressus ab illis
Quantum quis jactu lapidem torquere lacerto
Posset: et ad solitum graditur quem noverat hortum.

Hierony: Hic et de veteri poplite more
Orabat: magnoque dabat sacra verba parenti.

Manci: Summe pater: qui cuneta potes: rogo tantum amatum
Hunc calicis potum: si vis: haec transeat hora.
Tum jacuit multo mens consternata timore.
Factus ut exanimis: poenas dum corde volutat.
Frigida sudarunt nam lasso in corpore membra.
Tum quoque qui multo manavit flumine sudor

Другая, еще болѣе длинная серія гравюръ на деревѣ, извѣстная подь именемъ «*малыя страсти Христовыя*», состоитъ изъ 37 листовъ малаго формата (выс. грав.—0,086; шир.—0,078) и самимъ Дюреромъ выпущена была въ свѣтъ двумя изданіями. Первое—безъ текста и заглавнаго листа появилось въ 1510 году; второе съ заглавнымъ листомъ и съ латинскимъ текстомъ того же монаха Хелидонія, которому принадлежалъ и текстъ на «большихъ страстяхъ», относится къ 1511 году. Кромѣ этихъ двухъ существуетъ еще одно



Рис. 42.

позднѣйшее изданіе XVII столѣтія съ итальянскимъ текстомъ неизвѣстнаго автора, при чемъ издатель воспользовался тѣми клише, которыя перешли къ нему отъ наслѣдниковъ Дюрера.

Гравюра *заглавнаго листа* ¹⁾ состоитъ всего изъ одной фигуры: Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, съ лучистымъ нимбомъ вокругъ го-

Is ceu sanguis erat: terram defluxus ad imam,
Angelus e summo venit tunc lapsus Olympo
Solatus dominum: qui se jam fecerat agnum.
Hic postque orasset: Petrum sociosque retulit.

Такимъ образомъ, стихотворный текстъ къ названному гравюрамъ, составленный монахомъ Хелидоніемъ, является свободнымъ сокращеннымъ переложениемъ (въ драматической формѣ) текста евангелія отъ Луки гл. XII, 14—38 и 39—46. Таково же приблизительно соотношеніе и между остальными гравюрами и текстами Хелидонія и евангельскимъ.

¹⁾ У Bartsch 16, Heller 1142, Retberg 129. См. нашъ рисунокъ № 42.

ловы, безъ всякой одежды, опоясанный лишь платомъ, прикрывающимъ чресла, сидитъ на камнѣ, согнувшись какъ будто подъ давленіемъ нравственной тяжести и опершись головою на руку. Ниже этой фигуры помѣщено относящееся къ ней четверостишіе:

O mihi tantorum. justo mihi causa dolorum.

O crucis. O mortis causa cruenta mihi.

O homo sat fuerit. tibi me semel ista tulisse

O cessa culpis me cruciari novis.

Вверху заглавнаго листа пояснительная надпись указываетъ



Рис. 43.

имена художника, создавшаго гравюры этой серіи, и поэта, украсившаго ихъ стихотворнымъ текстомъ ¹⁾.

Сценамъ, относящимся къ періоду страстей Христовыхъ, принадлежитъ здѣсь цѣлый рядъ гравюръ, имѣющихъ къ этимъ послѣ-

¹⁾ Надпись эта гласитъ: „Passio Christi ab Alberto Durer Nurenbergensi effigiata cum varii generis carminibus fratris Benedicti Chelidonii Musophili“. Внизу добавлено заявленіе Дюрера, что авторъ пользуется исключительнымъ правомъ издаванія этой серіи.

нимъ лишь болѣе или менѣе отдаленное отношеніе, хотя и связан-
ныхъ въ этой длинной серіи другъ съ другомъ опредѣленнымъ
замысломъ художника. Одна за другою слѣдуютъ здѣсь сцены:
упажденія (В. 17, Н. 1156, Р. 130), *изманиа Адама и Евы изъ*
рая (В. 18, Н. 1167, Р. 131), *Благовѣщенія* (В. 19, Н. 1176, Р.
132), *Рождества Христова* (В. 20, Н. 1187, Р. 138), *прощанія*
Христа съ Пр. Богородицей (В. 21, Н. 1216, Р. 134; *торжественнаго*
възда Спасителя въ Иерусалимъ (В. 22, Н. 1198, Р. 135), *изманиа*
торговцевъ изъ храма (В. 23, Н. 1208, Р. 136); далѣе слѣдуетъ
Тайная вечеря (В. 24, Н. 1225, Р. 137) и *омовеніе ногъ* (В. 25,
Н. 1239, Р. 138; см. нашъ рисунокъ № 43).

Только съ одиннадцатаго листа серіи начинается рядъ сценъ,
непосредственно воспроизводящихъ самыя страсти Христовы, при
чемъ сцены эти иллюстрируютъ чрезвычайно детально разнообразныя
моменты, сюда относящіяся и, подобно предыдущимъ, отчасти не
нашедшіе себѣ воспроизведенія въ остальныхъ серіяхъ страстей.

Гравюра съ изображеніемъ *Христа, молящагося въ саду Геоси-
манскомъ* ¹⁾ является первою въ этомъ ряду. На невысокомъ холмѣ
стоитъ колѣнопреклоненный Христосъ, опустившій главу на молит-
венно сложенные руки; передъ нимъ наверху среди облаковъ по-
казывается ангелъ, несущій обѣими руками большой трехконечный
крестъ. Апостолы Петръ и Іоаннъ, находящіеся неподалеку отъ
Христа, погружены въ глубокой сонъ; третій апостолъ, повидимому,
еще бодрствуетъ.

Далѣе слѣдуетъ сцена *преданія Христа Иудею* ²⁾.—Предатель, ко-
торый въ лѣвой рукѣ еще держитъ полученный имъ кошелекъ съ
серебренниками, цѣлуетъ Христа, обнимая его. Въ это же время
одинъ изъ воиновъ, находящійся позади Иуды, схватываетъ Христа
за воротъ одежды; другой заноситъ петлю изъ веревки надъ его
головою, третій освѣщаетъ происходящее большимъ факеломъ; по-
зади видны еще вооруженные воины. На первомъ планѣ ап. Петръ
съ поднятымъ мечомъ нападаетъ на лежащаго на землѣ служителя
Малха.

Гравюра тринадцатаго листа изображаетъ *Христа передъ пер-*

¹⁾ У В. 26, Н. 1254, Р. 139. См. нашъ рисунокъ № 44.

²⁾ У В. 27, Н. 1272, Р. 140. См. нашъ рисунокъ № 45.

восвященником *Каиафой* ¹⁾), который, сидя на тронѣ подъ балдахиномъ, послѣ отвѣта Христа разрываетъ свои одежды. Толпа воиновъ окружаетъ Спасителя.

Слѣдующая гравюра показываетъ намъ *Христа передъ перво-*



Рис. 44.

священником Анною ²⁾). Первосвященникъ стоитъ на ступеняхъ крыльца, ведущаго во внутренніе покои, и обращаясь съ рѣчью къ воинамъ, приведшимъ Христа, дѣлаетъ правой рукою жестъ, какъ будто отпуская пришедшихъ. Справа на первомъ планѣ помѣщена фигура фарисея, повидимому, обвиняющаго Христа, и старика, сидящаго на ступеняхъ крыльца.

На гравюрѣ пятнадцатаго листа представлены разнообразныя моменты *издѣвательства надъ Христомъ* ³⁾: одинъ изъ мучителей повернувши въ сторону голову Спасителя, готовится ударить его въ лицо кулакомъ; двое другихъ, стоя и сидя подлѣ Христа, также

¹⁾ У В. 29, II. 1301, R. 142.

²⁾ У В. 28, II. 1288, R. 141. См. нашъ рисунокъ № 46.

³⁾ У В. 30, II. 1815, R. 148.

заносят удары надъ его головою; еще одинъ изготовляетъ жгутъ изъ веревокъ для бичеванія.

Самая сцена бичеванія Христа, привязаннаго къ колоннѣ, является уже содержаніемъ гравюры на другомъ отдѣльномъ листѣ этой серіи ¹⁾.

На двухъ послѣдующихъ листахъ художникъ показываетъ намъ Христа передъ Пилатомъ и передъ Иродомъ ²⁾, въ обоихъ случаяхъ въ присутствіи его обвинителей и сопровождающихъ его воиновъ.



Рис. 45.

Гравюра девятнадцатаго листа изображаетъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ, окруженнаго тремя мучителями, изъ которыхъ одинъ придерживаетъ клещами вѣнецъ на головѣ Христа, другой надавливаетъ на него вилами; третій, стоя передъ Спасителемъ на колѣнахъ, даетъ ему въ руки палку вмѣсто царскаго скипетра.

Въ сценѣ выставленія Христа передъ народомъ ³⁾ самъ Царь

¹⁾ У В. 33, Н. 1359, Р. 146.

²⁾ У В. 31—32, Н. 1329 и 1344, Р. 144—145.

³⁾ У В. 35, Н. 1390, Р. 148.

дать, стоя подлѣ Спасителя, котораго сопровождаютъ два воина, и свѣсившись черезъ перила балкона, указываетъ народу на обвиняемаго, одѣтаго въ длинную мантию, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ и съ жезломъ въ рукахъ. Въ толпѣ народа, собравшагося передъ домомъ Пилата, выдѣляются фигуры фарисеевъ и книжниковъ. Вдали видны орудія казни: кресты, лѣстницы и т. д., уже принесенныя воинами.



Рис. 46.

Моментъ *омовенія рукъ Пилатомъ* представленъ на отдѣльномъ листѣ ¹⁾: одинъ изъ прислужниковъ держитъ умывальный тазъ для Пилата, другой льетъ ему на руки воду; группа вооруженныхъ воиновъ уводитъ Христа изъ преторіи.

Гравюра двадцать вторая воспроизводитъ *несеніе Креста Спасителемъ* ²⁾: за воротами Иерусалима происходитъ остановка шестыи; Христосъ, несшій большой крестъ, упалъ на колѣна и, опираясь на камень, пытается встать; Симонъ Киренейскій помогаетъ ему. Подлѣ

¹⁾ R. 36, Н. 1408, R. 149.

²⁾ B. 37, Н. 1421, R. 150.

Христа св. Вероника держитъ въ рукахъ платъ для отирания крови и пота на лицѣ Спасителя; позади него шествуютъ пр. Богородица, ап. Іоаннъ и нѣсколько св. женъ; далѣе толпа ѣдущихъ и идущихъ фарисеевъ, воиновъ и простого народа.

На листѣ двадцать третьемъ мы видимъ еще одинъ разъ св. Веронику, но уже съ отпечатлѣвшимся на платѣ ликомъ Христа; по обѣ стороны отъ нея помѣщаются здѣсь апостолы Петръ и Павелъ ¹⁾),—первый съ ключомъ, второй съ большимъ мечомъ въ рукахъ.

На двухъ послѣдующихъ листахъ сцена *присоужденія ко кресту* выдѣляется въ самостоятельную картину, отдѣльно отъ послѣдующаго *распятія*. На первомъ ²⁾) Христосъ уже обнаженный, съ однимъ только поясомъ вокругъ чреслъ, лежитъ на крестѣ, распростертомъ на землѣ; одинъ изъ воиновъ прибавляетъ къ кресту его лѣвую руку; другой пробуравливаетъ отверстие въ крестѣ подлѣ правой руки, чтобы легче ее пригвоздить. Нѣсколько вооруженныхъ воиновъ, ап. Іоаннъ, пр. Богородица и другія св. жены присутствуютъ при этомъ, жестами и мимикой выражая свое отношеніе къ происходящему. На второмъ ³⁾) Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ уже виситъ на крестѣ; изъ ранъ его на рукахъ и ногахъ и изъ прободеннаго бока течетъ кровь; подлѣ креста съ одной стороны помѣщается группа воиновъ, съ другой—группа плачущихъ женъ и ап. Іоаннъ; св. Магдалина склонилась къ подножію креста, подлѣ котораго лежитъ человѣческой черепъ.

Моменты, слѣдующіе непосредственно за крестною смертію Спасителя, опять раздѣлены въ разсматриваемой серіи очень детально: съ двадцать шестого листа по тридцатый слѣдуютъ здѣсь гравюры съ изображеніемъ: *снятія со креста; оплакиванія тѣла Христова, положенія его во гробъ и сошествія Христа въ преисподнюю* ⁴⁾). Въ первой гравюрѣ ноги Христа еще прибиты ко кресту огромнымъ гвоздемъ, который одинъ изъ присутствующихъ вытаскиваетъ клещами въ то время, какъ два другихъ ученика Распятаго поддерживаютъ опускающееся тѣло его при помощи длиннаго полотна; у подножія креста помѣщается группа св. женъ и преп.

¹⁾ В. 38, Н. 1438, R. 151.

²⁾ В. 39, Н. 1446, R. 152.

³⁾ В. 40, Н. 1462, R. 153.

⁴⁾ У В. № 41—44, Н. 1475—1513, R. 154—157.

Иосифъ Аримаѳейскій. Слѣдующая сцена *оплакиванія Христа* происходитъ на той же Голгоѳѣ подлѣ креста: Иосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ, стоящіе подлѣ распростертаго на пеленахъ тѣла Христова; пр. Богородица, которую поддерживаетъ ап. Іоаннъ, и другая св. жена; наконецъ, св. Магдалина, готовящаяся покрыть тѣло умершаго благовоными мазями,—принимаютъ участіе въ этомъ оплакиваніи. Тѣ-же самыя лица являются участниками дѣйствія и въ слѣдующей гравюрѣ, гдѣ трое послѣдователей Христовыхъ полагаютъ тѣло его во гробъ въ сопровожденіи плачущихъ св. женъ. Въ сценѣ *сошествія въ преисподнюю* Христосъ представленъ, какъ побѣдитель, въ длинной мантии и со знаменемъ въ рукѣ; Адамъ, Ева, Креститель Іоаннъ и другіе, уже освобожденные изъ преисподней, стоятъ позади своего Спасителя, тогда какъ остальные протягиваютъ къ нему руки изъ пламени ада, ожидая въ свою очередь избавленія; на заднемъ планѣ видна фигура дьявола, въ образѣ крылатаго чудовища, вооруженнаго копьемъ.

Рядъ дальнѣйшихъ гравюръ воспроизводитъ различные моменты, относящіеся къ послѣдующему періоду отъ воскресенія Христова и до кончины вселенной.

Воскресеніе Христово представлено на тридцатомъ листѣ ¹⁾: гробница, къ которой съ каждой стороны приставлены по два воина съ оружіемъ въ рукахъ,—еще запечатана большою печатью, но воскресшій Христосъ изображенъ стоящимъ подлѣ нея на землѣ, со знаменемъ въ рукахъ и въ мантии; вдали видны уже вошедшія въ ворота ограды св. жены-мироносицы.

Интересна композиція слѣдующаго листа, съ чрезвычайно рѣдкимъ изображеніемъ *явленія Христа Богородицѣ* ²⁾, довольно близко напоминающимъ обычныя композиціи благовѣщенія. Богоматерь (юнаго типа) стоитъ на колѣнахъ передъ небольшимъ аналоемъ въ позѣ молящейся; передъ нею, на мѣстѣ обычнаго въ благовѣщеніи ангела, является благословляющій Христосъ съ лучистымъ сіяніемъ вокругъ головы, въ длинной мантии и со знаменемъ въ лѣвой рукѣ.

Явленіе Христа Магдалинѣ изображено на листѣ тридцать второмъ ³⁾: здѣсь воскресшій Спаситель появляется передъ св.

¹⁾ В. 45, II. 1528, R. 158.

²⁾ В. 46, II. 1546, R. 159.

³⁾ В. 47, II. 1555, R. 160. Гравюра воспроизведена у Knackfuss, S. 68.

Магдалиной, несущей сосудъ съ благовонными мазями, уже въ видѣ садовника, въ длинной мантии, широкополой шляпѣ и съ лопатой въ рукахъ; святая стоитъ на колѣнахъ передъ благословляющимъ ее Господомъ.

На двухъ послѣдующихъ листахъ (33 и 34) художникъ изобразилъ *Христа съ четырьмя учениками его въ Эмаусѣ*, преломляющаго хлѣбъ за общюю трапезою; и *Христа среди апостоловъ*, которымъ онъ показываетъ свои раны; ап. Тома вкладываетъ ему въ рану на правомъ боку свою руку ¹⁾.

Въ гравюрѣ тридцать пятаго листа, воспроизводящей *вознесение Христова* ²⁾, фигура возносящагося на облакахъ Спасителя видна только въ нижней своей половинѣ; внизу вокругъ небольшого холма собрались все апостолы съ Богородицей, глядящія кверху и жестами выражающіе свое восторженное удивленіе по поводу происходящаго.

Гравюра предпоследняго листа серіи изображаетъ *сошествіе св. Духа* ³⁾: въ обширной залѣ сидитъ пр. Богородица съ раскрытою книгою на колѣнахъ, окруженная апостолами; надъ ея головой и всѣми апостолами показываются огненные языки, какъ знаменіе сошествія св. Духа, который виденъ вверху въ видѣ голубя, окруженнаго сіяніемъ; въ глубинѣ залы помѣщается на скамьѣ группа зрителей, присутствующихъ при событіи.

Вся серія «малыхъ страстей» заканчивается сложной картиною *страшнаго суда* ⁴⁾. Христосъ, какъ судія всего міра, сидитъ въ облакахъ, опираясь ногами на сферу; на немъ надѣта широкая царская мантия; лѣвая рука его протягивается къ стоящему на колѣнахъ Крестителю, а правая, благословляющая, къ пр. Богородицѣ; отъ главы его, окруженной сіяніемъ, идетъ вѣтка лилій и мечъ. По обѣ стороны отъ Христа летятъ въ облакахъ трубящіе ангелы. Внизу на землѣ слѣва видна огромная чудовищная пасть, въ которую нѣсколько рогатыхъ съ крыльями дьяволовъ гонятъ грѣшниковъ, связанныхъ цѣпью. Справа, подъ фигуροю Богоматери, представлена группа праведниковъ, ведомыхъ ангелами въ райскую оби-

¹⁾ В. 48—49, Н. 1566—1576; Р. 161—162.

²⁾ В. 50, Н. 1587, Р. 163.

³⁾ В. 51, Н. 1598, К. 164.

⁴⁾ В. 52, Н. 1608, Р. 165.

арки видна Голгоѳа съ тремя крестами на ней, а выше цифра год созданія гравюры и монограмма художника.

Два слѣдующихъ листа исполнены были немного ранѣе главнаго, а именно уже въ концѣ 1508 года, обозначеннаго и обѣихъ гравюрѣхъ. На первомъ изъ нихъ видимъ *Христа* в



Рис. № 48.

саду Геѳсиманскомъ ¹⁾ съ высоко воздѣтыми кверху руками въ горячей молитвѣ; въ облакахъ, окруженный сіяніемъ, къ нему слѣтаетъ ангель, держащій въ рукахъ небольшой трехконечный крестъ. Подлѣ Христа на первомъ планѣ расположены фигуры трехъ апостоловъ, погруженныхъ въ глубокой сонъ; подлѣ Петра лежитъ

¹⁾ У В. 4, Н. 155, К. 93. См. нашъ рисунокъ № 48.

табличка съ монограммою Дюрера и цифрою года. Далѣ слѣдуетъ гравюра съ изображеніемъ *предательства Иуды* ¹⁾. Предатель цѣлуетъ Христа, на котораго въ тотъ же моментъ одинъ изъ воиновъ выбрасываетъ веревку; другой воинъ освѣщаетъ всю сцену большимъ факеломъ. На первомъ планѣ служитель Мадхъ, упавшій на землю, защищается отъ ап. Петра, нападающаго на него съ мечомъ въ рукахъ.

Цѣлый рядъ послѣдующихъ гравюръ этой серіи относится уже къ 1512 году, который обозначенъ на каждой изъ нихъ.

Таковы листы четвертый, гдѣ представленъ *Христосъ передъ Кайафой*, раздирающимъ на себѣ одежды, и пятый съ изображеніемъ *Христа передъ Пилатомъ*, который обращается съ рѣчью къ Спасителю и приведшимъ его обвинителямъ ²⁾.

На дальнѣйшихъ листахъ, появившихся въ томъ же 1512 году, находимъ сцену *бичеванія Христа* ³⁾, состоящую всего изъ трехъ фигуръ: Христа, привязаннаго веревкою за руки къ колоннѣ, и двухъ бичующихъ его мучителей; и слѣдующій моментъ *издевательства надъ Христомъ* ⁴⁾, которому трое истязующихъ его надавливаютъ надѣтый на голову его терновый вѣнецъ, а двое другихъ, давши въ руки Христу палку вмѣсто царскаго скиптра, насмѣхаются надъ нимъ, стоя подлѣ него на колѣнахъ.

На гравюрѣ восьмого листа ⁵⁾ Христосъ въ терновомъ вѣницѣ и мантии, со связанными руками, появляется на крыльцѣ Пилатова дворца въ сопровожденіи самого Пилата, обращающагося къ нему съ рѣчью. Передъ крыльцомъ толпа народа, въ которой нѣсколько чело-вѣкъ, стоящихъ на заднемъ планѣ, держатъ три большихъ креста, назначенныхъ для распятія.

Отдѣльно представленъ (на девятомъ листѣ) моментъ *умовенія рукъ Пилатомъ* ⁶⁾, которому одинъ изъ слугъ льетъ воду изъ большого кувшина, въ то время какъ воины уже уводятъ осужденнаго Христа на распятіе.

¹⁾ У В. 5, Н. 173, R. 94. Гравюра воспроизв. у Knackfuss, S. 59.

²⁾ У В. 6—7, Н. 189—208, R. 95—96. Грав. воспр. у Knackfuss, S. 75.

³⁾ У В. 8, Н. 229, R. 97.

⁴⁾ В. 9, Н. 245, R. 98.

⁵⁾ В. 10, Н. 265, R. 99.

⁶⁾ В. 11, Н. 282, R. 100.

Гравюра слѣдующаго листа воспроизводитъ *несеніе Спасителя креста на Голгоу* ¹⁾. Въ терновомъ вѣнцѣ и съ большимъ крестомъ на плечахъ идетъ Христосъ, окруженный св. женами и вооруженною стражей. Св. Вероника, остановившись передъ нимъ на колѣнахъ, протягиваетъ ему большой платъ, чтобы отереть текущіе по лицу потъ и кровь; одинъ изъ воиновъ съ силою тянетъ впередъ край одежды Христовой.

Проста и несложна сравнительно съ трактовкой того же сюжета въ другихъ гравюрахъ композиція одиннадцатаго листа, изображающая *распятіе Христа* ²⁾: крестовъ съ распятыми разбойниками невидно; на Голгоѣ изображенъ только одинъ съ пригвожденнымъ къ нему Спасителемъ; подлѣ него пр. Богородица и ап. Іоаннъ, ломающіе въ отчаяніи руки; на второмъ планѣ св. Магдалина и одинъ изъ воиновъ. Гравюра помѣчена 1511 годомъ и монограммою Дюрера.

Гораздо ранѣе (еще въ 1507 году) исполнена была гравюра съ изображеніемъ *оплакиванія тѣла Христова*, вошедшая въ составъ въ разсматриваемую нами серію «страстей» ³⁾. Ап. Іоаннъ и пр. Богородица, поддерживающіе тѣло лежащаго на землѣ Спасителя, и св. Магдалина, стоящая подлѣ него, оплакиваютъ Распятого; двое учениковъ Христовыхъ, одинъ изъ нихъ съ большимъ сосудомъ, наполненнымъ благовонными мазями, дополняютъ несложную композицію.

Три послѣдующіе листа опять отдѣлены отъ предыдущаго нѣсколькими годами и всѣ помѣчены 1512 годомъ.

Гравюра, помѣщенная на тринадцатомъ листѣ, является воспроизведеніемъ момента, непосредственно слѣдующаго за только что описанной композиціей: въ гравюрѣ представлена сцена *положенія во гробъ тѣла Спасителя*, которое поддерживаютъ трое учениковъ его; пресв. Богородица и другія св. жены съ ап. Іоанномъ окружаютъ главную группу, жестами и мимикой выражая глубокую скорбь ⁴⁾.

¹⁾ В. 12, Н. 302, R. 101.

²⁾ В. 13, Н. 320, R. 102.

³⁾ У В. 14, Н. 358, R. 103.

⁴⁾ В. 15, Н. 377, R. 104. Гравюра воспроизв. у Кнапкфуса, S. 77.

Въ гравюрѣ четырнадцатаго листа *) видимъ Христа, стис-
сведеннаго въ преисподнюю для освобожденія изъ нея находящихся
тамъ: входъ въ преисподнюю обозначенъ разломанной аркой, на
которой сидящій дьяволъ въ образѣ чудовища, подобнаго дракону,



Рис. 49.

угрожаетъ уже освобожденнымъ Адаму и Евѣ. Спаситель въ длин-
ной одеждѣ и со знаменемъ въ лѣвой рукѣ, правую освобождаетъ
изъ преисподней еще одного изъ находящихся въ ней; нѣсколько
другихъ человѣческихъ фигуръ показываются изъ пламени ада, гдѣ
видна также голова адскаго чудовища.

На слѣдующемъ листѣ **) Христосъ, уже воскресшій, въ сіяніи

*) В. 16, Н. 339, Р. 105. См. нашъ рисунокъ № 49.

**) У В. 17, Н. 394, В. 105.

славы и съ крестомъ въ лѣвой рукѣ, представленъ стоящимъ на запечатанномъ каменномъ гробѣ; двое изъ воиновъ, стерегущихъ его, погружены въ глубокой сонъ, тогда какъ другіе съ ужасомъ взираютъ на воскресшаго Спасителя.

Къ серіи гравюръ, относящихся собственно къ страстямъ Христовымъ и ближайшимъ послѣдующимъ событіемъ, здѣсь присоединенъ еще одинъ листъ, исполненный уже въ 1513 году и изображающій *исцѣленіе ап. Петромъ хромого* ¹⁾. Дѣйствіе происходитъ у воротъ храма, подлѣ которыхъ стоятъ апостолы Петръ и Іоаннъ передъ калѣкою: ап. Петръ протягиваетъ къ нему лѣвую руку, въ то же время благословляя его правою. Изъ внутренности храма показываются фигуры нѣсколькихъ іудеевъ, смотрящихъ на совершающееся чудо.

Какое мѣсто въ общемъ развитіи художественной личности и творческой дѣятельности Дюрера можетъ быть отведено этимъ, огромнымъ въ своей совокупности, работамъ его? Каково историко-художественное значеніе всѣхъ описанныхъ сейчасъ серій «страстей Христовыхъ»?—Каковъ, наконецъ, особенный характеръ каждой изъ нихъ сравнительно съ остальными?..

«Въ то то время какъ нѣкогда въ прежніе годы юношеское воображеніе увлекало художника къ фантастическимъ картинамъ Апокалипсиса,—замѣчаетъ в. Eye ²⁾»,—теперь у духовно созрѣваемаго художника чувства и мысль, сдѣлавшіяся болѣе глубокими, приводятъ его къ главнѣйшему содержанію христіанскаго ученія, ученія о грѣхопадѣніи человѣка и о спасеніи его Христомъ... Это былъ вообще предметъ наиболѣе важный изъ всѣхъ, какіе только могли быть трактованы художниками, и Дюреръ, занимаясь имъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и предлагая его въ разнообразный трактовокъ и притомъ во всей его сложной совокупности, ясно показалъ, что духъ его теперь, какъ и ранѣе, устремлялся всегда къ высочайшему.... Глубокое у художника знаніе человѣческой жизни и его собственное самосознаніе, закалившееся и опредѣлившееся въ борьбѣ и лишеніяхъ, смѣшивались здѣсь другъ съ другомъ и вносили въ его художественныя описанія устойчивыя психологическія осно-

¹⁾ У В. 18. Н. 412, R. 107.

²⁾ А. в. Eye: *Leben und Wirken A. Dürers*, S. 266.

ны и какъ бы чувство, самостоятельнаго бытія, благодаря которымъ они выходили далеко за предѣлы простыхъ иллюстрацій ученія. Этимъ произведеніямъ Дюрера слѣдуетъ удивляться поэтому не ради одного «только великаго мастерства исполненія ихъ; нѣтъ, они интересны и поучительны и для насъ, и для всѣхъ временъ вообще, потому что доставляютъ возможность созерцанія непреложныхъ, вѣчно живыхъ истинъ, которыя съ замѣчательною силою и полною облакаются здѣсь въ плоть и кровь, какъ бы въ особую индивидуальную жизнь, какъ это бываетъ и вообще въ истинно-художественныхъ созданіяхъ». Въ этой оцѣнкѣ коротко, но ясно и вѣрно указывается истинное значеніе описанныхъ выше работъ Дюрера, въ отношеніи его собственнаго развитія, какъ художника, — дается удовлетворительный, на нашъ взглядъ, отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ.

Дальнѣйшій, стоящій въ связи съ предыдущимъ, вопросъ о *художественно-исторической цѣнности* всѣхъ трехъ серій «страстей Христовыхъ» можетъ быть рѣшенъ, конечно, только путемъ сравненія ихъ съ тѣми произведеніями гравюры у предшественниковъ Дюрера, въ которыхъ трактовались тѣ же сюжеты. И это сопоставленіе тѣхъ и другихъ съ особенною яркостью показываетъ намъ всю силу и блескъ художественнаго генія Дюрера, неистощимыя богатства его творческой фантазіи, высокія совершенства его стили и техники. Пересматривая на протяженіе почти трехъ четвертей столѣтія цѣлый рядъ гравюръ, созданныхъ предшественниками Дюрера и воспроизводящихъ различные моменты «страстей Христовыхъ», — такихъ, какъ гравюра на мѣди неизвѣстнаго автора 1446 года съ изображеніемъ *бичеванія Христа* ¹⁾ (въ каб. грав. Берлин. музея); далѣе, *цѣлая серія «страстей изъ 12 листовъ анонимаго мастера Е. S.* (въ Дрезденскомъ и другихъ собраніяхъ грав.) ²⁾, изъ шестидесятихъ годовъ того же столѣтія; какъ *предательство Иуды и взятіе Христа подъ стражу* въ грав. на мѣди, такъ называемаго, мастера съ лентами (Meister mit Bandrollen) немногого болѣе поздняго происхожденія ³⁾; наконецъ, длинная *серія*

¹⁾ Воспроизвед. у Lutzow: Geschichte d. deutsch Kupferst. u. Holzschn., S. 16.

²⁾ Изъ нихъ *оплакиваніе Христа* воспроизвед. у Lutzow, ibid., S. 28, находится въ Британ. музеѣ.

³⁾ Въ Берлин. собраніи гравюръ; воспр. у Lutzow, ib. S. 25.

«страстей Христовыхъ», исполненная на мѣди непосредственнымъ предшественникомъ Дюрера, *Мартиномъ Шонгауэромъ*'),—мы убеждаемся съ полною очевидностью въ громадности прогресса, какъ характеризуются серіи гравюръ Дюрера сравнительно со всѣми предыдущими. Не говоря уже о болѣе отдаленныхъ по времени попыткахъ перечисленныхъ сейчасъ мастеровъ—представить въ гравюрахъ тѣ или иные моменты «страстей Господнихъ»,—попыткахъ, приводившихъ къ созданію произведеній грубо-наивныхъ по композиціи, неумѣлыхъ по рисунку, безжизненныхъ въ цѣломъ; даже ближайшая къ работамъ Дюрера серія «страстей» наиболѣе крупнаго и талантливаго изъ его предшественниковъ, Шонгауэра, съ его весьма значительно развитою техникой, далеко уступаетъ разсматриваемымъ работамъ Дюрера во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ тѣ успѣхи въ отношеніи стили и техники, которые сдѣланы были великимъ нѣмецкимъ художникомъ Возрожденія за многіе годы его артистической дѣятельности и отличительныя особенности которыхъ уже отмѣчены были нами выше въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія, имѣются налицо во всѣхъ этихъ трехъ серіяхъ «страстей», оставляя далеко за собою выдающимися качествами исполненія гравюры Шонгауэра. Самая творческая сила этого послѣдняго, выразившаяся въ созданіи названной серіи, кажется бѣдною и незначительною въ сравненіи съ изумительной мощностью ея у Дюрера, который, трижды трактуя въ этихъ цѣльныхъ по замыслу и выдержанныхъ по стилю и технике серіяхъ гравюръ, и въ четвертый разъ въ извѣстныхъ уже рисункахъ «зеленыхъ страстей» одну и ту же идею о спасеніи рода человѣческаго крестными страданіями и смертью Христа, умѣлъ представить ее всякій разъ въ формахъ новыхъ, всегда интересныхъ, всегда полножизненныхъ, называющихся колоссальныя богатства созидающей фантазіи у художника.

Что касается ближайшаго опредѣленія *своеобразнаго характера* каждой изъ трехъ описанныхъ серій въ самой трактовкѣ ихъ? Дюрера, то такое опредѣленіе было дано уже нѣкоторыми изъ предыдущихъ изслѣдователей; при чемъ за важнѣйшее основаніе для суз-

') У *Bartsch* №№ 9—20; изъ нихъ въ изданіи: *Héliogravure Amand Durand. Eaux-forts et gravures des maîtres anciens... publiées avec le concours de Lievre et Duplessis, Paris 1878, v. III—IV, воспр.: несеніе креста, взятіе Христа дохъ стражу, и др.*

дѣній быть приняты ими характеръ каждого изъ *заглавныхъ листовъ*, какъ бы вводящихъ зрителя въ циклъ послѣдующихъ гравюръ ¹⁾).

«Въ повѣи давно уже принято,—замѣчаетъ одинъ изъ этихъ изслѣдователей (Шпрингеръ),—естественное раздѣленіе на три вида: на поэзію эпическую, лирическую и драматическую. Точно такъ же и въ области изобразительныхъ искусствъ мы сталкиваемся съ драматургами, лириками и рассказчиками. Что, именно, у Дюрера является новымъ, что возбуждаетъ наше удивленіе и ставить его въ число великихъ, охватывающихъ вселенную, повтовъ,—такъ это его смѣлая и усвѣпная попытка трактовки одного и того же предмета всеми тремя разнообразными способами: *эпически, драматически* и *лирически*. Стоитъ только разсмотрѣть заглавные листы трехъ серій «страстей», чтобы ясно опредѣлить точку зрѣнія Дюрера въ каждой изъ нихъ. Одинокъ сидящимъ, погруженнымъ въ глубокую скорбь видимъ мы Христа на заглавномъ листѣ къ «малымъ страстямъ». Онъ показываетъ здѣсь героя, судьбу котораго художникъ желаетъ намъ далѣе *рассказать* ²⁾). Въ «большихъ страстяхъ» увѣчанному терновымъ вѣнцомъ Христу противопоставляется мучитель его, который насмѣхается и глумится надъ нимъ, и этимъ самымъ уже обозначается возникшая *борьба* и приближеніе ея къ *катастрофѣ* ³⁾). Наконецъ, на загл. листѣ «страстей», гравированныхъ на мѣди, мы видимъ Христа; который стоитъ на возвышеніи подлѣ колонны и на котораго пресв. Марія и ап. Іоаннъ взираютъ съ глубочайшимъ участіемъ и искреннимъ состраданіемъ. Внѣшнія событія отражаются здѣсь во *внутреннихъ ощущеніяхъ* и изображеніе этихъ послѣднихъ является тутъ главнымъ предметомъ ⁴⁾)... То, что общають заглавные листы, дѣйствительно, содержатъ въ себѣ и самыя гравюры. Въ этихъ гравюрахъ каждой серіи ясно обнаруживается общій основной тонъ, (выраженный въ заглавныхъ листахъ), при чемъ и композиція, и настроеніе, и выраженіе его вполне соответствуютъ однажды избранной художникомъ для каждой серіи особой точкѣ зрѣнія».

¹⁾ А. в. *Еур.*: *Leben u. Wirken A. u. D.*, S. 272 ff.; *Springm.*: A. Dürer, S. 82 f.

²⁾ Эпическій способъ изображенія.

³⁾ Драматическій способъ изображенія.

⁴⁾ Лирический способъ изображенія.

Соглашаясь съ правильностью данной Шпрингеромъ характеристики «большихъ страстей», мы не можемъ однако признать соотвѣтствующими дѣйствительности характеристики остальныхъ двухъ серій. Какъ отмѣчено было выше, уже самый *текстъ*, сопровождающій серіи «большихъ и малыхъ страстей» и составленный по этому по указаніямъ и въ полномъ согласіи съ художникомъ, ясно показываетъ, каковъ долженъ быть въ дѣйствительности,—согласно общему и у художника, и у поэта, воззрѣнію,—истинный характеръ каждой изъ этихъ серій. Будучи составленъ для «большихъ страстей» въ формѣ *диалогической*, обычной въ средневѣковой религиозной драмѣ, а для «малыхъ страстей» — въ формѣ *лирическихъ стихотвореній*, (въ нѣсколькихъ случаяхъ прямо названныхъ *элегіями*), этотъ текстъ вполне соотвѣтствуетъ настоящему содержанію обѣихъ серій гравюръ, передаетъ ихъ преобладающій внутренній характеръ, выразившійся и въ самой трактовкѣ сюжетовъ,—характеръ *драматическій* для «большихъ страстей, и *лирический* (не эпическій) для малыхъ. То же самое наблюдаемъ мы и на заглавныхъ листахъ каждой изъ двухъ названныхъ серій: если въ сопоставленіи Христа съ мучителемъ его въ вышеописанномъ соотношеніи на «большихъ страстяхъ» дѣйствительно нельзя не видѣть *драматическаго* способа воспроизведенія; то въ изображеніи глубоко сосредоточенной на личныхъ внутреннихъ своихъ ощущеніяхъ скорбной фигуры одиноко сидящаго Христа «малыхъ страстей» должно признать отнюдь *не объективный эпическій способъ представленія* съ его холоднымъ спокойствіемъ тона у рассказчика, но несомнѣнно тотъ, именно, грустный *элегическій* характеръ, въ силу котораго каждая изъ картинъ показываетъ зрителю или самого героя—страдальца съ его личнымъ, субъективнымъ міромъ ощущеній и настроеній, или если и внѣшнія событія, то лишь поскольку они соприкасаются съ этими личными настроеніями и ощущеніями главнаго дѣйствующаго лица, или отражаются въ нихъ. Если, наконецъ, прослѣдить послѣдовательно, какъ трактованы въ обѣихъ серіяхъ всѣ дальнѣйшія картины, то увидимъ, что основной характеръ изображенія, отмѣченный нами сейчасъ и для текста, и для заглавныхъ листовъ, повсюду въ нихъ выдержанъ художникомъ неукоснительно: композиція каждой картины «большихъ страстей» оказывается проникнутой сильнымъ, нерѣдко доходящимъ до рѣзкости, драматическимъ движеніемъ, показывая

въ цѣломъ рядѣ случаевъ трагическіе конфликты; тогда какъ въ каждой изъ композицій «малыхъ страстей» ясно обнаруживается та сосредоточенность, то сдерживаемое всегда въ своихъ проявленіяхъ выраженіе внутреннихъ движеній души, которымъ характеризуется вообще лирической способъ изображенія.

Что касается серіи «страстей», гравированныхъ на мѣди, и не имѣющихъ текста, то общій характеръ ея, на нашъ взглядъ, долженъ быть признанъ *смѣшаннымъ*. Подобно тому какъ уже на заглавномъ листѣ ея мы наблюдаемъ *смѣшеніе элемента драматическаго* (въ сопоставленіи страдающаго Христа, привязаннаго мучителями къ колоннѣ, съ Богородицей и ап. Іоанномъ) и *элемента лирическаго* (въ ясно обнаруживающейся внутренней, духовной связи между первымъ и послѣдними),—такъ и на отдѣльныхъ дальнѣйшихъ листахъ этой серіи оба элемента являются въ подобномъ же смѣшеніи, при чемъ однако въ однихъ случаяхъ преобладающимъ оказывается первый изъ нихъ, въ другихъ—послѣдній. Такимъ образомъ, это и не чисто лирической способъ изображенія, какъ утверждаетъ названный авторъ, но и не эпическій рассказъ о событіяхъ, вполне объективный по своему характеру, ибо элементъ субъективный играетъ здѣсь, даже въ случаяхъ драматическаго представленія событій, значительную и замѣтную роль.

Четвертая большая серія гравюръ, исполненныхъ на деревѣ и воспроизводящихъ различные моменты изъ *жизни пресвятой Богородицы* и событій, связанныхъ съ нею, состоитъ изъ 20 листовъ большого формата. Серія эта, начатая еще въ 1504 году и законченная въ 1511 году, извѣстна въ трехъ изданіяхъ, изъ которыхъ два были выпущены въ свѣтъ самимъ авторомъ въ 1511 году: одно безъ текста, другое—съ текстомъ упомянутаго уже Хеллдонія; третье, изданіе безъ текста и безъ заглавнаго листа, имѣющагося въ обонхъ первыхъ, вышло въ 1528 году, повидимому, уже благодаря стараніямъ наследниковъ Дюрера. Кромѣ того отдѣльные листы этой серіи были изданы въ копіяхъ знаменитаго Маркантонио Раймонди, отличающихся отъ оригиналовъ немного большими размѣрами и отсутствіемъ монограммы Дюрера, которою помѣчены всѣ оригинальные листы этой серіи.

Гравюра *заглавнаго листа* ¹⁾ серіи изображаетъ пр. Богородицу;

¹⁾ У Bartsch № 76, Heller № 1692 Retterg 68. Воспроизв. Knackfuss, Durer S. 62.

кормящую младенца Христа, котораго она, любовно глядя на него; придерживаетъ обѣими руками. Въ широкомъ одѣяніи, съ длиннымъ покрываломъ на головѣ, сидитъ она, окруженная лучистымъ сіяніемъ, поверхъ подушекъ, положенныхъ на большомъ полумѣсяцѣ; надъ головою ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Тутъ же помѣщенная надпись указываетъ послѣдующее содержаніе серіи; имя художника, создавшаго ее, и автора текста ¹⁾.

Рожденію Богородицы предшествуютъ нѣсколько гравюръ съ сюжетами изъ жизни ея святыхъ родителей, Іоакима и Анны, и прежде всего сцена *возвращенія первосвященникомъ св. Іоакиму жертвенныхъ животныхъ*, какъ негодныхъ Богу ради его безплодія ²⁾. Вокругъ большого стола передъ завѣсою храма толпится народъ, — мужчины и женщины, пришедшіе сюда съ жертвенными животными. Первосвященникъ, стоящій въ центрѣ всей группы, протягиваетъ Іоакиму черезъ столъ принесеннаго имъ ягненка, котораго тотъ принимаетъ обратно; въ то же время старый прислужникъ возвращаетъ ему и клѣтку съ принесенными Іоакимомъ голубями. Изъ среды зрителей, наблюдающихъ происходящее, одни показываютъ свое участіе св. Іоакиму, тогда какъ другіе заняты чтеніемъ писанія или разговорами.

На слѣдующемъ листѣ представлено *явленіе ангела св. Іоакиму* ³⁾, удалившемуся уже послѣ отверженія его жертвы въ пустыню къ бывшимъ тамъ пастырямъ, чтобы постомъ и молитвами умиловать Господа. Среди живописнаго пейзажа, гдѣ нѣсколько пастырей расположились со своими стадами, къ колѣнопреклоненному молящемуся Іоакиму слетаетъ въ широкомъ одѣяніи ангелъ, держащій въ рукахъ развернутый листокъ съ висящими на немъ печатями и надписью, въ которой Іоакиму возвѣщается радостная вѣсть о предстоящемъ зачатіи Анны. Трое пастырей, присутствующихъ при чудесномъ явленіи ангела, жестами выражаютъ свое удивленіе.

Гравюра четвертаго листа изображаетъ *встрѣчу возвратившагося изъ пустыни св. Іоакима съ св. Анною* ⁴⁾. Дѣйствіе происходитъ среди

¹⁾ Надпись эта гласитъ: „Epitome in Divae Parthenices Mariae Historiam ab Alberto Durero Norico per figuras digestam, cum versibus annexis (Chelidonii. 1511“.

²⁾ У. В. 77, Н. 1694, К. 64.

³⁾ В. 78, Н. 1698, К. 65.

⁴⁾ В. 79, Н. 1703, Р. 66.

двора, со всѣхъ сторонъ окруженнаго постройками и стѣнами. Встрѣтившіеся супруги обнимаютъ другъ друга, при чемъ св. Анна стоитъ, склонивъ свою голову на грудь Іоакима. Нѣсколько зрителей, присутствующихъ при встрѣчѣ, съ любопытствомъ глядятъ на происходящее; вдали за стѣнами виденъ пейзажъ съ средневѣковыми нѣмецкими замками среди горъ.

Съ пятого листа начинается уже серія картинъ собственно изъ жизни пр. Богородицы.

Первая изъ этихъ картинъ воспроизводитъ *рождество пресв. Богородицы*¹⁾. Подъ широкимъ пологомъ на постели лежитъ св. Анна которой, двѣ ухаживающія за нею женщины подаютъ питье и пищу. Подлѣ постели, склонившись на нее головою, спитъ третья, повидимому, сидѣлка, проведенная ночь безъ сна подлѣ родильницы. Нѣсколько дальше, на переднемъ планѣ, расположилась группа изъ пяти женщинъ: одна изъ нихъ держитъ на рукахъ новорожденную; чтобы выкупать ее въ стоящей подлѣ ванночкѣ; другія двѣ держатъ кувшинъ съ водою, кружку и проч.; остальные являются простыми зрительницами происходящаго. Слѣва отъ этой группы помѣщается другая, состоящая изъ трехъ женщинъ, изъ которыхъ одна играетъ съ ребенкомъ, другая пьетъ воду изъ большого кувшина. Вся обстановка, среди которой совершается дѣйствіе, съ большою точностью воспроизводитъ во всѣхъ деталяхъ обстановку нѣмецкаго дома эпохи, современной художнику; костюмы, лица, образъ дѣйствій всѣхъ участвующихъ въ сценѣ женщинъ съ такою же точностью воссоздаютъ ту же, современную Дюреру, дѣйствительность. Только фигура ангела, летящаго вверху съ кадильницею въ рукахъ, даетъ понять зрителю, что онъ имѣетъ здѣсь передъ собою не простую сцену изъ нѣмецкой жизни, взятую художникомъ прямо съ натуры.

На гравюрѣ шестого листа художникъ изобразилъ *введение во храм пресв. Богородицы*²⁾. Святая отроковица, въ длинной одеждѣ и съ распущенными по плечамъ волосами, подымается по ступенямъ храма, изъ вратъ котораго навстрѣчу ей выходитъ первосвященникъ съ двумя іереями. Внизу передъ лѣстницею стоятъ въ предверіи храма родители Богородицы и сопровождающіе ихъ; слѣва на перед-

¹⁾ У В. 80, Н. 1709, В. 67.

²⁾ У. В. 81, Н. 1715, К. 68.

немъ планѣ помѣщается группа продавцовъ, торгующихъ жертвенными животными; черезъ открытыя ворота виденъ пейзажъ.

На слѣдующемъ листѣ представлено *обрученіе св. Дѣвы Маріи съ Іосифомъ* ¹⁾. Подъ арками храма, подлѣ ковчега завѣта, помѣщеннаго на столѣ, стоятъ первосвященникъ, благословляющій обрученныхъ и соединяющій ихъ правыя руки. Позади первосвященника одинъ изъ служителей храма читаетъ библію; позади обрученныхъ стоятъ ихъ свидѣтели, — женщины на сторонѣ Богородицы, и мужчины на сторонѣ Іосифа.

Сцена *благословенія* ²⁾ воспроизведена на гравюрѣ восьмого листа. Пресв. Дѣва сидитъ у окна въ своеобразномъ строеніи со сводчатымъ потолкомъ и балкономъ снаружи. Подлѣ нея за откинутымъ пологомъ видна постель, а рядомъ столикъ съ лежащими на немъ книгами. Скрестивши руки на груди и наклонивъ голову, выслушиваетъ она слова ангела, который обращается къ ней съ *благословіемъ*; на головѣ ангела—вѣнокъ, въ лѣвой рукѣ его—*жезлъ*. Надъ головой Богородицы паритъ Святой Духъ въ видѣ голубя, а въ небесахъ видна черезъ двери балкона фигура самого Бога-Отца.

Далѣе слѣдуетъ *посѣщеніе Богородицею св. Елисаветы* ³⁾. Встрѣча святыхъ женъ происходитъ у дверей жилища Захаріи, который самъ стоитъ на порогѣ, привѣтствуя Богородицу. Св. Елисавета, вышедшая навстрѣчу Маріи, обнимаетъ ее; позади Богородицы стоятъ три спутницы ея. На второмъ планѣ красивый гористый пейзажъ.

Слѣдующимъ моментомъ, нашедшимъ себѣ воспроизведеніе на десятомъ листѣ серіи, является *рождество Христово* ⁴⁾. Младенецъ Христосъ лежитъ въ небольшой корзинѣ, наполненной травой; подлѣ него на колѣнахъ стоитъ Богоматерь и нѣсколько маленькихъ ангеловъ. Позади Богородицы на порогѣ дома видны фигуры трехъ пастырей, пришедшихъ поклониться Христу; къ другому входу приближается св. Іосифъ, держащій фонарь. Въ полуразрушенномъ зданіи, гдѣ происходитъ дѣйствіе, помѣщаются стойла съ находящимися въ нихъ воломъ и осломъ. Надъ крышею его видна большая звѣзда и группа маленькихъ летящихъ ангеловъ.

¹⁾ У. В. 82, Н. 1720, В. 69.

²⁾ В. 83, Н. 1725, В. 70.

³⁾ В. 84, Н. 1730, В. 71.

⁴⁾ У. В. 85, Н. 1738, В. 72.

Гравюра одиннадцатаго листа показываетъ намъ сцену *обръзанія Господня* ¹⁾. Обрядъ совершаютъ два священнослужителя; св. Іосифъ и Богоматерь присутствуютъ тутъ же вмѣстѣ съ нѣсколькими мужчинами и женщинами, наблюдающими происходящее. Кромѣ двухъ священнослужителей, совершающихъ самый обрядъ, еще одинъ читаетъ раскрытую библію, а другой держитъ большую свѣчу.

Поклоненіе волхвовъ Христу изображено на слѣдующемъ листѣ ²⁾. Въ томъ же полуразрушенномъ зданіи, въ которомъ родился Христосъ, (съ тою же звѣздою на небѣ и группою летящихъ надъ крышею маленькихъ ангеловъ какъ на 10 листѣ), сидитъ Богоматерь съ младенцемъ, подлѣ Іосифа. Изъ трехъ волхвовъ, пришедшихъ съ дарами ко Христу одинъ стоитъ передъ нимъ колѣнопреклоненный и съ непокрытою головою въ позѣ молящагося; другой, снявши шляпу подходитъ къ Христу, предлагая дары; третій, съ короной на головѣ и дарами въ рукахъ стоитъ подлѣ нихъ. Позади нихъ на второмъ планѣ видны нѣсколько всадниковъ, составляющихъ свиту волхвовъ, а въ глубинѣ зданія—фигуры пастырей и головы вола и осла.

Далѣе слѣдуетъ сцена *принесенія младенца Христа во храмъ* ³⁾. Передъ большимъ столомъ стоитъ св. Симеонъ, держа обѣими руками младенца на пеленахъ. По другую сторону отъ стола колѣнопреклоненная Богородица приноситъ, какъ жертву Богу, двухъ голубей въ небольшой клѣткѣ; св. Іосифъ съ посохомъ въ рукахъ находится подлѣ нея. Кромѣ этихъ участниковъ дѣйствія въ храмѣ присутствуетъ цѣлая толпа зрителей, среди которыхъ выдѣляется фигура св. Анны, обращающейся къ находящимся въ храмѣ съ словами пророчества.

Сцена *блгства въ Египтъ*, помѣщенная на слѣдующемъ листѣ ⁴⁾ представлена въ обстановкѣ богатаго южнаго пейзажа. Среди тропическаго лѣса Богоматерь съ младенцемъ на рукахъ ѣдетъ на осѣдланномъ ослѣ, котораго ведетъ на поводу св. Іосифъ, одѣтый въ дорожный костюмъ и съ посохомъ въ рукѣ. Путники готовятся переправиться черезъ узкій каменный мостъ, положенный здѣсь черезъ протекающій среди лѣса потокъ. Вверху надъ деревьями виднѣется группа летящихъ ангеловъ; въ чащѣ лѣса—олень.

¹⁾ У. В. 86, Н. 1745, В. 78.

²⁾ В. 87, Н. 1754, В. 74.

³⁾ В. 88, Н. 1759, В. 75.

⁴⁾ У В. 89, Н. 1764. К. 76.

На листѣ пятнадцатомъ серіи слѣдуетъ изображение *жизни св. семейства въ Египтѣ* ¹⁾. Передъ полуразвалившимся зданіемъ (обычнаго типа нѣмецкихъ построекъ эпохи Дюрера) среди обширнаго

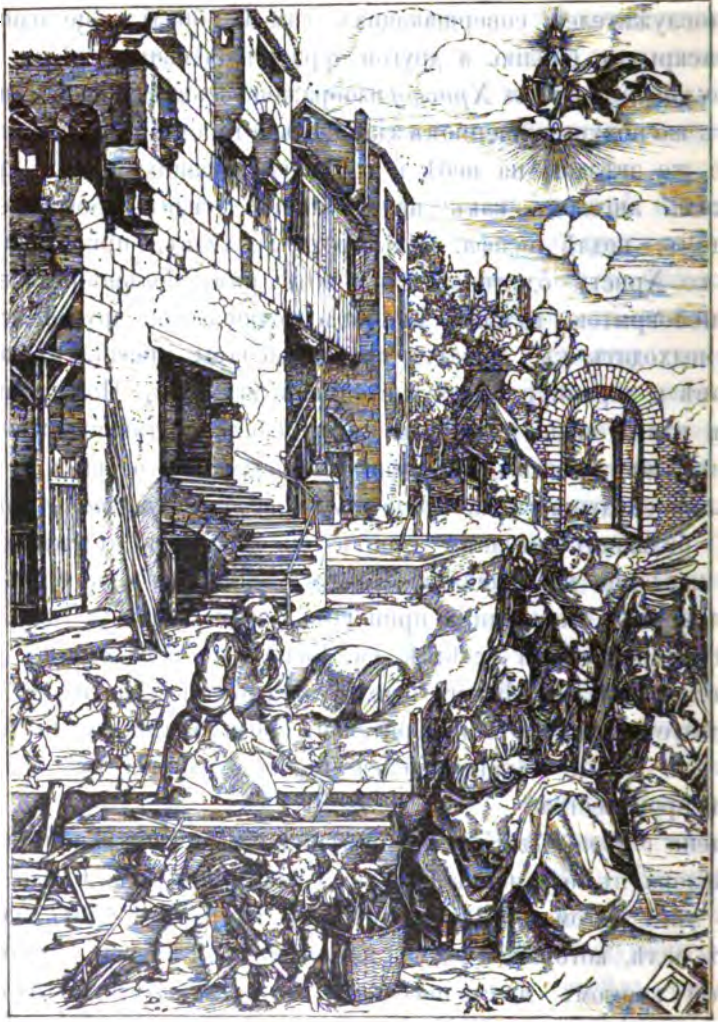


Рис. № 50.

двора, на которомъ помѣщается бассейнъ и разбросаны разнообразныя хозяйственныя принадлежности, представлены св. Иосифъ и пр. Богородица за усердной работой. Св. Иосифъ; съ большимъ топоромъ

¹⁾ В. 90 Н. 1770, В. 77. См. нашъ рисунокъ № 50.

въ рукахъ и въ рабочей одеждѣ, рубить колоду для яслей или водомоя; группа маленькихъ ангеловъ, находящихся подлѣ него, подбираетъ щепки, летящія отъ колоды, и складываетъ въ корзину. Неподалеку отъ св. Иосифа на деревянномъ стулѣ сидитъ Богородица за прялкой, наматывая на веретено пряжу и въ то же время качая ногой колыбель, въ которой лежитъ младенецъ Христосъ. Пр. Богородицу и младенца окружаетъ группа ангеловъ, смотрящихъ на работу ея. Въ небесахъ надъ св. семействомъ—самъ Господь Саваоѣ и исходящій отъ него св. Духъ. За оградой двора вдалекѣ виденъ гористый пейзажъ съ средневѣковыми замками.

Слѣдующая гравюра переноситъ насъ уже нѣсколькими годами позднѣе во внутренность Иерусалимскаго храма, гдѣ *отрокъ Иисусъ поучаетъ книжниковъ и фарисеевъ* ¹⁾. Христосъ сидитъ на высокой каедрѣ, тогда какъ слушатели его расположились вокругъ него въ нѣсколькихъ группахъ,—большинство держа книги въ рукахъ. Въ то время какъ отрокъ Христосъ обращается съ рѣчью къ группѣ, сидящей направо отъ каедры, между колоннами храма появляется пр. Богородица въ сопровожденіи Иосифа и нѣсколькихъ другихъ лицъ, искавшихъ вмѣстѣ съ ними Христа.

Моментъ, изображенный въ гравюрѣ семнадцатаго листа ²⁾, отдѣляется отъ предыдущаго опять нѣсколькими годами, показывая намъ *прощаніе Христа съ Богородицею* передъ выступленіемъ его на проповѣдь и дѣятельность среди народа іудейскаго. У воротъ жилища, своеобразной архитектуры, удаляющійся Христосъ, обращается съ послѣднимъ словомъ утѣшенія съ своей Матери, упавшей передъ нимъ на колѣна и съ мольбою простирающей къ нему руки. Одна изъ женщинъ, присутствующихъ при прощаніи, поддерживаетъ Богоматерь; другая съ печалью смотритъ на удаляющагося Христа.

На слѣдующемъ листѣ представлено событіе, опять многими годами отдѣляющееся отъ предшествующаго именно, *смерть пр. Богородицы* ³⁾. На высокомъ ложѣ подъ балдахиномъ лежитъ умирающая Богородица, которой апостоль Іоаннъ подаетъ большую свѣчу въ правую руку. Изъ остальныхъ апостоловъ одинъ, колѣнопреклонен-

¹⁾ У. В. 91, Н. 1775, К. 78.

²⁾ В. 92, Н. 1781, К. 79. Гравюра воспроизвед. у Knackfuss, S. 44.

³⁾ В. 93, Н. 1787, К. 80. См. нашъ рисунокъ № 51.

ный, держитъ въ рукахъ длинный крестъ, другой—кадильницу; двое читаютъ раскрытыя книги, нѣсколько остальныхъ молятся надъ умирающей.

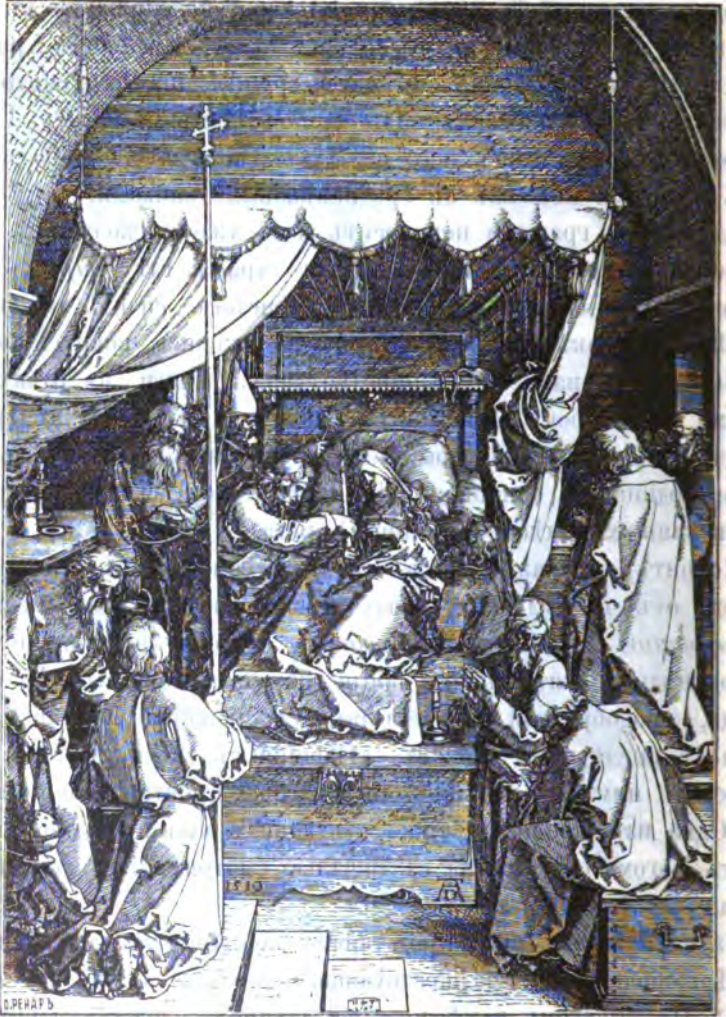


Рис. 51.

Предпослѣдняя гравюра разсматриваемой серіи изображаетъ *взятіе Богоматери на небо и утѣчченіе ея*. Въ нижней части композиціи представлены всѣ 12 апостоловъ, собравшіеся вокругъ опу-

гѣвшеі гробницы Богородицы: одинъ изъ нихъ съ кадиланицею, другой—съ крестомъ, третій—съ книгою и т. д. Обративши вверхъ къ небесамъ свои лица, они въ молитвенномъ восторгѣ созерцаютъ совершающееся тамъ прославленіе пр. Богородицы, которую Богъ-Отецъ и Богъ-Сынъ увѣнчиваютъ короною, въ то время какъ Св. Духъ въ видѣ голубя рѣшетъ надъ ея головою, а сонмы ангеловъ окружаютъ ихъ съ обѣихъ сторонъ ¹⁾.

Къ серіи картинъ изъ земной жизни пр. Богородицы, кромѣ описанной сейчасъ, прибавлена на послѣднемъ листѣ еще одна: сцена *на почитанія Богоматери святыми и ангелами* ²⁾. Пресв. Богородица, сидя посреди окружающихъ ее святыхъ и ангеловъ, держитъ стоящаго у нея на колѣняхъ младенца Христа, который смотритъ въ раскрытую книгу. Передъ ними колѣнопреклоненная св. Екатерина, ап. Павелъ съ мечомъ, Креститель Іоаннъ со знаменемъ и агнцемъ на рукахъ; далѣе св. Геровимъ, Антоній и Іосифъ. Изъ находящихся подлѣ Богородицы ангеловъ одинъ поддерживаетъ для Христа книгу, другой играетъ на арфѣ, тогда какъ нѣсколько маленькихъ ангеловъ, помѣщенныхъ на первомъ планѣ картины забавляются съ зайчикомъ; вверху подъ аркою свода изображенъ Мопсей со скрижалами.

Таково содержаніе этой четвертой большой серіи гравюръ Дюрера на деревѣ, выпущенной въ свѣтъ одновременно съ описанными серіями «страстей Христовыхъ».

Обозрѣвая все это сложное содержаніе въ его цѣломъ, считаемъ необходимымъ остановиться на разсмотрѣніи представленныхъ художникомъ композицій въ нѣсколькихъ важнѣйшихъ отношеніяхъ. Каковы тѣ *источники*, изъ которыхъ черпались художникомъ самые сюжеты, нашедшіе для себя воспроизведеніе въ изучаемыхъ нами гравюрахъ? Каково отношеніе *ослѣдъ этихъ художественныхъ композицій къ такимъ литературнымъ источникамъ*? Насколько велико соотвѣтствіе между *текстомъ*, сопровождающимъ гравюры, и его первоисточниками, съ одной стороны, и самими картинами серіи, съ другой? Каковъ преобладающій *общій характеръ трактовки сюжетовъ* художникомъ? Насколько значительна *художественно-историческая цѣнность* описанной серіи?..

¹⁾ У В. 94, Н. 1798, К. 81. Гравюра воспроизв. у Knackfuss, S. 64.

²⁾ В. 95, Н. 1798, К. 82.

Если бы даже на оборотной сторонѣ каждаго изъ листовъ этой серіи не существовало пояснительнаго къ гравюрамъ текста, составленнаго Хелидоніемъ и дающаго теперь возможность непосредственно судить о литературныхъ источникахъ, изъ которыхъ черпали и поэтъ и художникъ, — самый характеръ этихъ источниковъ и отношеніе къ нимъ Дюрера представлялись бы достаточно ясными на основаніи имѣющагося художественнаго матеріала. Уже тотъ фактъ, что дѣльный рядъ сценъ, нашедшихъ себѣ воспроизведеніе въ изучаемой серіи, совершенно не упоминается въ текстѣ четвероевангелія, (таковы: отверженіе жертвы Іоакима первосвященникомъ, удаленіе св. Іоакима въ пустыню, явленіе ему ангела, встрѣча его съ св. Анною у Золотыхъ воротъ; успеніе Богородицы; ея воскресеніе и увѣщаніе на небесахъ, и н. др.), указываетъ на то, что отнюдь не *евангельскій текстъ* служилъ въ данныхъ случаяхъ матеріаломъ и источникомъ творчества для художника. Въ то же время, напротивъ, обильные описательные матеріалы для всѣхъ сценъ, вошедшихъ въ рассматриваемую серію, сообщаются тѣми *апокрифическими сказаніями о жизни пресв. Богородицы*, которыя имѣли въ эпоху Дюрера, какъ и ранѣе, весьма широкое распространеніе среди европейскихъ народовъ ¹⁾. Эти, именно, апокрифическія сказанія и являлись дѣйствительными литературными источниками, изъ которыхъ черпалъ свои матеріалы и поэтъ, и художникъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и самый *текстъ Хелидонія*, представляющій собою болѣе или менѣе

¹⁾ См. Codex apocryphus Novi Testamenti... opera et studio Iohannis Caroli Thilo Lipsiae 1832, гдѣ особенно близкое отношеніе къ разсм. серіи имѣютъ: 1) Evangelium de nativitate S. Mariae (pag. 317—336); 2) Historia de nativitate Mariae et de infantia Salvatoris (pag. 337—400). Сравни также восточную редакцію житія пр. Богородицы у *Порфиріева*: апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, СПб. 1890, стр. 295—311: „Епифанія іеромонаха обители Каллистратови о житіи и воспитаніи и дѣтвѣ показанія пречистыя и преблагословенныя Владичицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріа“. Отдѣльно: „Сказанія о земной жизни Пресв. Богородицы“, Афонское изданіе 1880 г. Такъ, въ первомъ изъ названныхъ апокрифовъ въ главѣ II опис. отверженіе жертвы Іоакима и удаленіе его въ пустыню къ наставнику: въ III гл.—явленіе ему ангела; въ V гл.—встрѣча Іоакима и Анны у золотыхъ воротъ Іерусалима и рождество пр. Богородицы; въ VI гл.—введеніе во храмъ пр. Богородицы; въ VIII гл.—обрученіе ея съ Іосифомъ; въ IX гл.—благовѣщеніе; въ X гл.—рождество Христово. Во второмъ апокрифѣ тѣ же событія опис. въ главахъ II, III, IV, VIII, IX, XIII—XIV, далѣе въ гл. XV—привнесеніе младенца Христа въ храмъ; въ гл. XVI—поклоненіе волхвовъ; гл. XVIII—XX—путешествіе въ Египетъ и отплытіе на пути, и т. д.

свободное *переложение* въ стихотворную форму тѣхъ свѣдѣній, которыя уже ранѣе нашли себѣ мѣсто въ этихъ популярныхъ апокрифическихъ изданіяхъ ¹⁾, и самая *трактовка* сюжетовъ въ созданныхъ Дюреромъ гравюрахъ серіи. Подобно своимъ литературнымъ источникамъ, въ согласіи съ которыми представлено здѣсь содержаніе *всѣхъ* композицій, эти послѣднія проникнуты *наивно-задушевнымъ жанровымъ характеромъ*, благодаря которому историческія картины съ ихъ серьезною важною преобразуются здѣсь въ большинство въ произведенія жанровыя съ преобладающимъ идиллическимъ настроеніемъ. Самый образъ пресв. Богородицы, поскольку типъ его устанавливается во *всѣхъ* картинахъ данной серіи, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ, именно, общимъ характеромъ трактовки композицій серіи, а отнюдь не съ тѣмъ пониманіемъ его, господствовавшимъ въ тогдашней католической церкви, о полномъ согла-

¹⁾ Въ качествѣ образца приводимъ отрывокъ текста Хеллопія относящійся къ моментамъ, послѣдующимъ за введеніемъ во храмъ пресв. Дѣвы-Маріи (ея жизнь въ храмѣ, благовѣщеніе, обрученіе съ Іосифомъ).

„His Maria studiis duo Iustra peregerat aede
Pervigil in sacra. virginitatis amans.
Stat: purae decus immortale capessere vitae.
Iuraque stat vestae. non hymenaea sequi.
Tum coelo veniens stellatis nuntius alis
Parthenicen adiit talibus eloquiis.
Virgo nova virtute deo gratissima salve.
Cujus jam pridem venit ad astra decus.
Vota pater mundi tua confirmavit et unam
Te sibi primitias virginitatis habet
Es tradenda tamen sed non violanda marito
Cui tecum placeat vivere forte pari.
Audiit interea flamen quoque coelitus. illi
Sponsum quo dignum quaereret indicio.
Praecepte ferre procos in stemmate virginis ortos
Virgam quemque suam. mox et adesse sacris.
Cuius ibi infixum templo florescere ramum
Videris. huic esto iuncta puella viro.
Mox igitur sacris edicit adesse tribules
Virginis. et ramum figere quemque sacrum.
Connubii talis invenum. spe ducta. caterna
Convenit. et virgas. praesule jussa: locat.
Mane. aridis reliquis. Visa est frondescere Ioseph
Virga. cui conjunx innuba. jure datur*.

си съ которымъ говорить намъ в. Еуе ¹⁾). Ибо въ то время, какъ согласно этому послѣднему пониманію преев. Богородица является (что ясно изъ цитируемой въ примѣчаніи молитвы) *всемогущей Владычицей міра и Царицей Небесной, стоящей преевыше всего земнью*. въ разсматриваемой серіи гравюръ Дюрера, напротивъ того, она поставляется всюду въ обычную житейскую обстановку, оказывается чуждой этого царственнаго величія Владычицы вселенной и Царицы всѣхъ небесныхъ силъ, тѣсно сближается по плоти къ смертнымъ, являясь въ этихъ гравюрахъ болѣе всего и прежде всего безвѣчно любящей и страдающей матерью. И это сближеніе съ обиденною житейской средой настолько велико, что въ цѣломъ рѣдъ сценъ, напередникъ здѣсь для себя воспроизведеніе, только участіе ангеловъ даетъ зрителю понять, что онъ имѣетъ передъ собою не простыя жанровыя картинки изъ жизни реальной, а нѣчто иное: тогда какъ въ нѣсколькихъ другихъ гравюрахъ даже такіе чисто внѣшніе и условные признаки религіознаго характера содержанія изъ совершенно отсутствуютъ, уподобляя ихъ обычному жанру. Только

¹⁾ А. в. Еуе: *Leben und Wirken A. Durers*, S. 281 ff. Особенности этого церковно-католическаго пониманія съ наибольшою яркостью отражаются въ приводимой названнаго авторомъ весьма распространенной молитвѣ въ Богородицѣ, составленной картезіанскимъ пріоромъ Георгомъ Ширгеймеромъ и начертанной, незадолго до реформации, золотыми буквами въ ц. св. Зебазда въ Нюрнбергѣ.—„Всемогущая пресвятая Дѣва, превѣчная защитница рода человеческого, говорится здѣсь,—Ты, которая оказываешь свои щедроты всѣмъ нуждающимся и въ несчастіи обнаруживаешь въ нихъ нѣжную любовь. Ни день, ни ночь, ни мгновеніе не проходятъ безъ Твоихъ благодѣяній,—безъ того, чтобы на сушѣ, или на морѣ Ты не охраняла людей и не протянула руку помощи сокрушаемымъ въ буряхъ житейскихъ, Ты смягчаешь наказанія за наши грѣхи, исцѣляешь даже неисцѣлимое зло и облегчаешь удары судьбы; Ты обуздываешь даже могучее теченіе звѣздъ и препятствуешь ихъ вредоносному вліянію на людей. Тебя почитаютъ небесные и боятся земные; Ты обращаешь шаръ земной, давая свѣтъ солнцу, правишь вселенною, заставляешь трепетать преисподнюю. Съ Тобой бесѣдуютъ звѣзды, Тебѣ подчиняются времена, о Тебѣ радуются всѣ живущіе, Тебѣ служатъ самые элементы. По Твоему знаку дмшетъ царство земное, питаются воды, произрастаютъ посѣвы. Твое величіе прославляютъ итдыи, летающія поды облаками; ідыа, которые тянутся по горамъ; здыи, пресмыкающіяся во врахѣ; чудовища, скрывающіяся въ морѣ,—Твое величіе, о Владычица вселенной!..“ „Весьма недалеко по характеру,—прибавляетъ в. Еуе (S. 282),—отъ этой столько же поэтической, сколько и благочестивой молитвы отстоятъ и гравюры изъ жизни преев. Богородицы, исполненныя Дюреромъ, и художникъ обнаруживаетъ въ этомъ своемъ произведеніи не меньшее почитаніе и благоговѣніе передъ нею, какъ *Царицею Небесною*, чѣмъ картезіанскій пріоръ въ приведенной молитвѣ“..

на послѣднихъ двухъ листахъ серіи пр. Богородица представлена, какъ Царица небесная во славу своей, при чемъ однако и здѣсь (на 20 листѣ) обращаютъ на себя вниманіе, на этотъ разъ стоящіе даже въ противорѣчій съ самымъ сюжетомъ, опять тѣ же элементы жанра въ той обстановкѣ, воспроизводящей обычную бюргерскую эпохи Дюрера, въ которую, вмѣсто небесныхъ сферъ, художникъ помѣстилъ тутъ сцену почитанія пр. Богородицы. Что касается заглавнаго листа этой серіи, то и здѣсь художникъ представилъ пр. Богородицу не столько Царицей небесной въ величій ея всемогущества, сколько непорочною Дѣвой и въ то же время любящей матерью, всѣ мысли и чувства которой устремлены къ возлюбленному ея сыну, — именно, такую, какою онъ показываетъ ее и въ послѣдующихъ гравюрахъ.

Вопросъ объ *историко художественномъ значеніи* серіи гравюръ изъ «жизни пресв. Богородицы» можетъ быть рѣшенъ и здѣсь, конечно, только помощью сравненія ея съ однородными произведеніями предшественниковъ Дюрера, и главнымъ образомъ ближайшаго изъ нихъ, Мартина Шонгауэра. Результаты такого сравненія однако въ значительной степени отличаются здѣсь отъ тѣхъ, какіе указаны были выше относительно всѣхъ четырехъ серій «страстей Христовыхъ». Если въ отношеніи усилѣховъ стили и техники гравюры эти стоятъ столь же далеко, какъ и «страсти», впереди подобныхъ работъ всѣхъ этихъ предшественниковъ Дюрера¹⁾, не исключая и высоко талантливаго Шонгауэра; то за произведеніями этого послѣдняго на этотъ разъ должно быть признано существенное и явное вліяніе на Дюрера, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи, именно, поскольку рѣчь идетъ о *компановкѣ* однихъ и тѣхъ же сюжетовъ у обоихъ художниковъ. Показатели этого вліянія имѣются тутъ налицо. Несмотря на промежутокъ времени въ нѣсколько десятилѣтій, раздѣлявшій работы того и другого, — въ цѣломъ рядѣ гравюръ изъ «жизни пресв. Богородицы», созданныхъ Дюреромъ, сходство композицій въ ихъ существенныхъ частяхъ съ композиціями соотвѣтствующихъ гравюръ Шонгауэра оказывается настолько великимъ, что первыя представляются какъ будто свободными вариантами этихъ послѣднихъ. Таковы, въ особенности, гравюры съ изображеніями: «рождества

¹⁾ См., напр., гравюры изъ второй половины XV вѣка, воспроизвед. у *Lutzow's* Gesch. d. deutsch. Kupf. u. Holzschw., S. 16, 20 и н. др.

Христова», «поклоненія волхвовъ», «бѣгства въ Египеть», «смерти пресв. Богородицы» и н. др ¹⁾. И это явное съ перваго же взгляда сходство, конечно, отнюдь не можетъ быть объяснено простою одновѣковостью сюжетовъ тѣхъ и другихъ, а является несомнѣннымъ результатомъ изученія, или вѣрнѣе увлеченія Дюрера работами его предшественника, на этотъ разъ въ частности изяществомъ ихъ композировки, какъ въ болѣе ранній періодъ его художественной дѣятельности произведенія Шонгауэра привлекали его выдающимися для того времени достоинствами стиля и техники, ради которыхъ онъ такъ горячо, (хотя, какъ знаемъ, напрасно) жаждалъ сдѣлаться непосредственнымъ ученикомъ престарѣлаго мастера.

Среди произведеній живописи, созданныхъ Дюреромъ въ течение рассматриваемаго нами періода, и весьма немногочисленныхъ по количеству, важнѣйшее мѣсто занимаетъ большой алтарный образъ, извѣстный подъ названіями «алтаря всѣхъ святыхъ» (Allerheiligenbild) и алтаря «Св. Троицы» (Dreifaltigkeitsbild). Алтарный образъ этотъ, находящійся нынѣ въ королевской картинной галлерей въ Вѣнѣ, исполненъ былъ Дюреромъ въ 1511 году для церкви, такъ называемаго, Ландауэрова монастыря, или вѣрнѣе богадѣльни, по заказу основателей этой послѣдней Эразма Шильдерота и Матвѣя Ландауэра.

Композиція картины ²⁾ отличается большою сложностью и состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей. Главная сцена *поклоненія святыхъ животворящей Троицы* происходитъ въ небесахъ, при чемъ внутреннимъ, какъ и внѣшнимъ ея средоточіемъ является изображеніе пресв. Троицы: вверху, надъ головою Бога-Отца Духъ Святый въ видѣ голубя; ниже Богъ Отецъ въ коронѣ и широкой, темно-голубой цѣлты мантіи, держащій на распростертыхъ рукахъ большой крестъ съ распятымъ на немъ Спасителемъ; свѣтлыя, розожелтыя облака, наполненные солнечнымъ сіяніемъ, окружаютъ Св. Троицу. Немного далѣе съ обѣихъ сторонъ—цѣлыя сонмы летящихъ ангеловъ, поющихъ пѣснь Св. Троицѣ; а ниже ихъ размѣщаются, съ одной стороны, святые, пророки и мученики, среди которыхъ выдѣляются: св. Креститель Іоаннъ, Моисей со скрижалями, царь Давидъ съ арфою и

¹⁾ Соответствующія гравюры Шонгауэра опис. у *Bartsch* VI, 5, 6, 7, 33, с воспроизвед. въ изд. Amand-Durand: *eaux fortes et gravures etc.*, III, 27 и 36; IV, 17 VI, 38 и др.

²⁾ С. нашъ рисунокъ № 52.

н. др., а съ другой—святыя мученицы и преподобныя жены, имѣя впереди пресв. Богородицу, св. Екатерину и Марію Магдалину. Отъ этихъ обширныхъ группъ святыхъ небожителей отдѣляется многофигурная группа, помѣщенная въ нижней части картины, однако не



Рис. 52.

на самой землѣ, а надъ ней въ облакахъ. Эта большая многофигурная группа въ свою очередь раздѣляется, по составу участвующихъ въ ней лицъ, на двѣ различныя части, симметрично расположенныя другъ противъ друга. Слѣва (для зрителя) находятся представители высшаго духовенства: папы, кардиналы, епископы; позади нихъ — самъ

заказчикъ алтарнаго образа, М. Ландауэръ съ семействомъ, къ которому, какъ бы ободряя его, обращается одинъ изъ кардиналовъ. Справа—представители свѣтскихъ властей и различныхъ сословій, вѣня на первомъ планѣ королей и князей, а позади группы женщинъ. И всѣ эти многочисленныя, небесныя и земныя участники сцены поклоненія Пресвятой Троицѣ, по большей части колѣнопреклонныя, своими позами, жестами, выраженіемъ лицъ, исполненными благоговѣйнаго обожанія, обнаруживаютъ одно и то же глубокое религиозное чувство, одно настроеніе, придающее и всей этой многофигурной композиціи необходимое внутреннее единство.

По нижнему краю картины, подъ всею описанною сейчасъ композиціей узкою полоскою протягивается красивый ландшафтъ съ холмами и озеромъ, глубоко уходящими вдаль. На переднемъ планѣ въ правомъ углу его видна фигура самого художника въ беретѣ и длинной мантии, стоящаго подлѣ алтаря съ надписью «Альбрехтъ Дюреръ изъ Нюренберга исполнилъ (этотъ образъ) въ 1511 году отъ Рождества Хр». (Albertus Durer Noricus faciebat anno a Virginis partu 1511), и съ монограммою Дюрера.

Сохранность картины можетъ быть названа превосходною: краски отличаются замѣчательною свѣжестью и яркостью, дающими возможность судить вообще о той силѣ и блескѣ ихъ, какія присущи были нѣкогда и другимъ крупнѣйшимъ произведеніямъ кисти Дюрера. въ послѣдствіи вовсе утеряннымъ или испорченнымъ неумѣльными реставраціями. Самая гамма красочныхъ тоновъ оказывается здѣсь весьма обширною и притомъ пріятно ласкающею глазъ искусными, гармоничными сочетаніями, благодаря которымъ всѣ эти зеленныя, красныя, бѣлыя, голубыя и иныя одежды не дѣлаютъ впечатлѣнія пестроты и, отвѣчая по силѣ и тонамъ другъ другу, въ то же самое время соотвѣтствуютъ и общему настроенію цѣлаго,—свѣтлому и торжественному.

Въ тѣсной связи съ самымъ алтарнымъ образомъ должна была стоять, по замыслу художника, и изящная *скульптурная рама*, въ которую была помѣщена этотъ образъ, нынѣ хранящаяся въ Германскомъ музеѣ Нюренберга и исполненная лучшими нюренбергскими рѣзчиками по рисунку самого Дюрера¹⁾. Двѣ стройныя покрытныя

¹⁾ Общій видъ этого скульптурнаго обрамленія см. у *Thieme*: Durer, II, s. 37.

рѣзьбою колонны поддерживаютъ здѣсь узкій и длинный архитравъ съ полусферой надъ нимъ, завершенной небольшимъ крестомъ, поддерживаемымъ ангеломъ. Въ верхнемъ полукружьи по архитраву рѣзныя рельефныя фигуры изображаютъ сцены *страшнаго суда*: вверху самъ Христосъ, представленный въ картинѣ распятымъ, здѣсь изображенъ сидящимъ на сферѣ и радугѣ уже какъ судія міра, съ колѣнопреклоненными пр. Богородицею и Крестителемъ Іоанномъ по сторонамъ его; внизу направо отъ Христа—святые и праведники, сопровождаемые ангелами въ обитель вѣчнаго блаженства, по направленію къ сіяющему вдали солнцу; налѣво—грѣшники, окованные цѣпями и ведомые діаволомъ въ геенну огненную, символизирруемую здѣсь огромною пастью чудовища. Надпись готическимъ шрифтомъ на нижней доскѣ этой рамы указываетъ имя главнаго заказчика алтарнаго образа, мѣсто его назначенія и время его созданія ¹⁾).

Изъ предварительныхъ работъ, относящихся къ Ландауэрову алтарному образу, извѣстны и сохранились для насъ только двѣ: эскизъ всей композиціи, исполненный перомъ и раскрашенный акварельными красками (отъ 1508 г.), нынѣ въ Парижской Націон. библіотекѣ ²⁾, и портретный эскизъ самого Ландауэра съ надписью на немъ: «landawer styfter 1511» и монограммою Дюрера ³⁾.

Кромѣ алтара «всѣхъ святыхъ» три другія произведенія масляной живописи, относящіяся къ этому же періоду, исполнены были въ 1512 году. Два изъ нихъ, написанныя по заказу нюрнбергскаго городского управленія, избравшаго Дюрера своимъ членомъ («*Gezamtter des grossen Rathes*»), назначены были для украшенія особаго помѣщенія, въ которомъ хранились государственныя драгоценности вмѣстѣ съ королевскими орнатами. На первомъ представленъ основатель германской имперіи, *Карлъ Великій*, въ императорской мантии, съ короной на головѣ, съ мечомъ и державой въ рукахъ; два фамильных герба и надпись на фонѣ картины поясняютъ ближе, чѣе именно изображеніе имѣлъ художникъ въ виду дать въ

¹⁾ „Matthes Landauer hat entlich vollbracht dasgotteshaus der tzwelf bruder samt der stiftung und dieser thafell nach Chri. gepurd 1511 jor.“

²⁾ Эскизъ воспроизведенъ (вмѣстѣ съ эскизомъ опис. скульптурнаго обрамленія) у *Lippmann*, Taf. 334.

³⁾ Рисунокъ воспроизвед. у *Lippmann*, Taf. 75.

этомъ идеальномъ портретѣ, написанномъ имъ согласно составившимся у него представленіямъ объ этомъ императорѣ, какъ о храбромъ и могучемъ повелителѣ народа германскаго, и можно сказать, что, дѣйствительно, художнику удалось передать этотъ свой идеалъ въ выраженіи его мужественнаго и вмѣстѣ исполненнаго еуроваго величія лица ¹⁾. На второмъ изображенъ, въ pendant къ первому, императоръ Сигизмундъ, также въ богатомъ императорскомъ одѣяніи, но съ чертами лица не идеальными, а вполне индивидуальными, соответствующими исторической дѣйствительности и указывающими на то, что Дюреръ воспользовался для этого произведенія какимъ-либо изъ портретныхъ изображеній Сигизмунда, исполненныхъ уже предшествующими художниками.

Необыкновенной привлекательности исполнено третье произведеніе, созданное Дюреромъ въ томъ же году,—его *Мадонна*, хранящаяся нынѣ въ Вѣнской королевской галлерей ²⁾. Съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, изъ-подъ котораго падаютъ на плечи волнистыя пряди бѣлокурыхъ волосъ, въ темноглубой одеждѣ, оставляющей шею открытой, Мадонна (почти въ натуральную величину представленная до пояса) держитъ на рукахъ младенца Христа, на котораго она взираетъ съ материнской любовью. Зажавши въ лѣвой ручкѣ остатокъ съѣденной груши, младенецъ обращаетъ къ матери свое личико, подѣтски наивно и радостно глядя на нее, какъ будто играя съ ней этою грушею. Написанный съ высокимъ мастерствомъ въ техническомъ отношеніи, поражая пластичностью формъ и смѣлостью ракурса, напоминающими работы Корреджіо, этотъ образъ еще въ большей степени останавливаетъ на себѣ вниманіе зрителя тою внутреннею, интимною жизненностью, какою преисполнена его простѣйшая композиція. И если должно признать, что нѣкоторыя изображенія Мадоннъ, исполненные гениальными итальянскими мастерами, современными Дюреру (какъ Рафаэль, Леонардо, Корреджіо), превосходятъ въ извѣстной мѣрѣ этотъ образъ красотой чувственныхъ формъ, то едва ли какой-либо изъ нихъ можетъ быть признанъ стоящимъ выше его въ смыслѣ живого и яркаго воплощенія идеала материнской любви и вмѣстѣ дѣвической непорочности.

¹⁾ Оба портрета находятся нынѣ въ Германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ. Портретъ Карла Великаго воспроизведенъ по фотографіи у *Knackfuss*; Durer, S. 74.

²⁾ См. нашъ рисунокъ № 53.

Кромѣ перечисленныхъ произведеній масляной живописи, Дюреромъ исполнено было въ теченіе разсматриваемаго періода еще нѣсколько интересныхъ и достойныхъ изученія работъ акварельными красками, тушью, перомъ, карандашомъ и т. д., отчасти въ качествѣ



Рис. 53.

подготовительныхъ эскизовъ и этюдовъ къ другимъ произведеніямъ, отчасти имѣющихъ самостоятельное значеніе.

Таковъ прежде всего замѣчательный по тонкости и совершенству работы эскизъ для такъ называемаго *Тухерова триптиха*, исполненный перомъ и раскрашенный акварелью, нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ ¹⁾. Въ средней части триптиха, (написаннаго впослед-

¹⁾ Эскизъ въ краскахъ воспроизвед. у *Lippmann*, Taf. 31.

ствіи масляными красками по этому эскизу Дюрера ученикомъ его Гансомъ Кульмбахомъ для церкви св. Зебальда въ Нюренбергѣ), представлена *Мадонна съ младенцемъ Христомъ* на рукахъ, сидящая на тронѣ, поставленномъ въ нишѣ; у ногъ ея—играющей на мандолинѣ ангель; два другихъ ангела держатъ корону надъ ея головой; по обѣ стороны отъ нея стоятъ св. Екатерина и св. Варвара. Въ боковыхъ частяхъ триптиха съ одной стороны помѣщены св. Креститель Іоаннъ съ св. Іеронимомъ; съ другой—ап. Петръ и св. Лаврентій; подлѣ нихъ самъ заказчикъ алтаря Л. Тухеръ и табличка съ надписью: anno Domini 1511.

Эскизъ для другого алтарнаго образа, исполненный Дюгеромъ по заказу нѣкоего Шиллинга, изображаетъ *низверженіе сатаны и слугъ его Саваоомъ*¹⁾: вверху на облакахъ Богъ-Отецъ, окруженный херувимами и жестомъ правой руки низвергающей сатану со слугами его; внизу архангелы съ копьями, нападающіе на низвергнутыхъ; въ правомъ углу композиціи гербъ фамиліи Шиллинговъ и самъ заказчикъ подлѣ охраняющаго его ангела; эскизъ помѣченъ 1509 г. и монограммою Дюрера.

Большою сложностью отличается композиція (перомъ) *страшнаго суда*, исполненная въ 1513 году. Въ центрѣ представляетъ Христосъ въ сіяніи славы, опирающийся на сферу; изъ устъ его выходятъ мечъ и лилія; правой рукою онъ благословляетъ святыхъ, многофигурная группа которыхъ занимаетъ всю правую половину картины; лѣвой рукою онъ отсылаетъ въ преисподнюю грѣшниковъ, которыхъ схватываютъ уже чудовищные слуги діавола. Летящіе ангелы съ орудіями мученій Христовыхъ и съ трубами, возвѣщающими о страшномъ судѣ Божіемъ, дополняютъ эту сложную композицію.

Высокимъ мастерствомъ и жизненностью, невзирая на кажущуюся эскизность рисунка, отмѣченъ небольшой портретъ любимой *матери художника*, исполненный имъ, какъ ясно изъ собственно-ручныхъ надписей Дюрера на портретѣ, незадолго до ея смерти²⁾.

¹⁾ Эскизъ воспроизв. у Lippmann, Taf. 245.

²⁾ Рисунокъ воспроизв. у Lippmann, Taf. 248.

³⁾ См. нашъ рисунокъ № 54. Первая изъ надписей указываетъ время исполненія портрета: „1514 an oculy Dz ist albrecht dürers muter dy was alt 63 jor.“ Вторая, сдѣланная Дюгеромъ уже послѣ смерти матери, гласитъ: „Und ist verschiden im 1514 jor erchtig vor der crewzwochn“.

Характерныя черты ея изможденнаго болѣзнями старческаго лица съ тѣмъ печальнымъ выраженіемъ, въ которомъ какъ будто сказывается предчувствіе близкой кончины, переданы здѣсь художникомъ превосходно.



Рис. 54.

Совершенно законченными и высокохудожественными по исполненію должны быть признаны двѣ композиціи, писанныя тушью на сѣрозеленомъ картонѣ и имѣвшія, повидимому, значеніе не подготовительныхъ эскизовъ, а самостоятельныхъ картинъ. На одной изъ нихъ представлено *воскресеніе Христова* (нынѣ въ собраніи Вѣнскаго Альбертинума); на другой—*избиеніе филистимлянъ Самсономъ* и другіе подвиги этого героя, изображенные одновременно съ главнымъ на другихъ планахъ сложной композиціи цѣлаго ¹⁾.

¹⁾ Рисунокъ находится въ Берлинскомъ музеѣ и воспроизведенъ у *Lippmann*, Taf. 24. Внизу среди фигуръ сатировъ и гениевъ помѣщается надпись: „Albertus Durer Xorenbergensis faciebat post Virginis partum 1510“.

Г Л А В А IX.

Новая техника гравированія на металлѣ и образцу ея, данные Дюреромъ.—Разнообразныя работы Дюрера для императора Максимилиана: портреты императора, триумфальная колесница и шествіе; рисунки на молитвенникъ Максимилиана.—Другія произведенія живописи и гравюры, относящіяся къ періоду, непосредственно предшествующему путешествію Дюрера въ Нидерланды.

Достигнувъ въ теченіе предшествующихъ лѣтъ необычайныхъ для своего времени успѣховъ въ области гравюры, какъ и живописи; поднявшись въ своихъ работахъ, посвященныхъ той и другой, на высоту, оказывавшуюся недостигаемою не только для его предшественниковъ и современниковъ, но и для ближайшихъ насѣдниковъ по искусству,—Дюреръ тѣмъ не менѣе не останавливается на этихъ успѣхахъ, признанныхъ всѣми. Онъ ищетъ теперь еще иныхъ, новыхъ путей, по которымъ въ своихъ граверныхъ работахъ онъ могъ бы достигнуть еще большаго совершенства,—создать, быть можетъ, еще болѣе цѣнныя произведенія, и притомъ неизвѣстной, невиданной ранѣе техники.

И результатомъ этихъ исканій являются попытки художника—представить образцы, дѣйствительно, новой, еще никѣмъ не испробованной въ области гравюры техники *гравированія при помощи крѣпкой водки на стали*. Для насъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ образцовъ его работъ въ этомъ новомъ направленіи, показывающихъ, насколько велика или незначительна была въ представленныхъ опытахъ удача художника—реформатора.

Въ 1515 году исполнена была гравюра большого формата на стали съ изображеніемъ *Христа, молящагося въ саду Геосиманскомъ*⁴⁾. Колѣнопреклоненный Христосъ, съ лучистымъ сіяніемъ вокругъ го-

⁴⁾ У Bartsch 19, Heller 425, Rettberg 212.

ловы, въ горячей молитвѣ обращаетъ лицо свое къ небу, откуда слетающій ангелъ несетъ крестъ и чашу. Подлѣ Христа на пригоркѣ видны трое спящихъ апостоловъ. Гравюра помѣчена цифрою года и монограммою Дюрера. Другой листъ ¹⁾, относящійся къ тому же 1515 году, какъ ясно изъ помѣтки на немъ, даетъ простѣйшую композицію, состоящую изъ одной лишь фигуры: *Христа*, сидящаго на камнѣ, въ терновомъ вѣнцѣ, съ пучкомъ розогъ и бичомъ на колѣнахъ.

Двѣ другія гравюры на стали были исполнены уже въ слѣдующемъ 1516 году. Изъ нихъ на первой представленъ среди облаковъ большихъ размѣровъ *летающій ангелъ* съ широко распростертыми крыльями, обѣими руками держащій платъ съ запечатлѣннымъ на немъ *лицомъ Христа*. Ниже среди облаковъ размѣщены четыре малыя фигурки ангеловъ, летящихъ съ разнообразными орудіями мученій Христовыхъ: съ крестомъ, копьемъ, розгами и бичомъ, терновымъ вѣнцомъ, и т. д. ²⁾).

Содержаніемъ послѣдней гравюры является сюжетъ мнѳологическій, повидимому, *похищеніе Персефоны Плутономъ* ³⁾. Совершенно нагой всадникъ съ длинными всклокоченными волосами и бородою скачетъ на фантастическомъ единорогѣ, охвативши правой рукою похищенную имъ молодую женщину, которая въ испугѣ простираетъ вверхъ обѣ руки, какъ будто взывая о помощи. На заднемъ планѣ оригинальный дикій пейзажъ; вверхъ въ облакахъ, свившихся большими клубами, помѣщена цифра года и монограмма художника.

Разсматривая всѣ эти немногочисленные опыты съ точки зрѣнія достигнутыхъ новою техникой результатовъ, нельзя, къ сожалѣнію, признать эти послѣдніе достаточно удачными, какъ не признавалъ ихъ таковыми, повидимому, и самъ Дюреръ вскорѣ оставившій дальнѣйшія попытки этого рода, хотя и пользовавшійся въ своихъ послѣдующихъ работахъ приобрѣтеннымъ знаніемъ. Еще неопытный въ новой Technikѣ, художникъ не въ состояніи справиться со всѣми, представляющимися ему здѣсь трудностями. Онъ даетъ, какъ ясно изъ полученныхъ имъ результатовъ, слишкомъ много простора дѣйствію кислоты на рисунокъ, предварительно исполняемый холодной

¹⁾ В. 22, Н. 459, R. 213.

²⁾ В. 26, Н. 466, R. 223.

³⁾ У В. 72, Н. 813, К. 224. См. нашъ рисунокъ № 55.

иглой на металлѣ, и вслѣдствіе этого легкіе и изящныя въ своемъ первоначальномъ видѣ штрихи рисунка, какъ бы расплываясь отъ



Рис. № 55.

дѣйствія кислоты вширь и вглубь больше, чѣмъ было желательно. Сообщаютъ здѣсь цѣлому значительную и явную грубость. Въ срав-

ненія съ гравюрами Дюрера изъ предшествующаго времени, обычной техники на металлѣ, отличавшихся изумительною нерѣдко мягкостью моделировки, сочетавшеюся съ силой ея, эти четыре гравюры на стали поражаютъ особою *чернотой отпечатка*, съ трудомъ позволяющею различать здѣсь контуры отдѣльныхъ фигуръ, во многихъ частяхъ почти сливающихся съ сосѣдними Общій, интенсивно темный фонъ каждой изъ этихъ гравюръ еще болѣе увеличиваетъ указанную трудность, хотя и содѣйствуетъ болѣе яркому выдѣленію освѣщенныхъ частей, къ которому, повидимому, особенно усиленно стремился здѣсь художникъ, желая достигнуть въ гравюрѣ чисто живописныхъ эффектовъ.

Таковы положительныя и отрицательныя стороны этой новой техники, испробованной Дюреромъ. Но если, сознавая эти послѣднія и не будучи въ состояніи ихъ исправить, Дюреръ, какъ уже упомянуто, отказывается отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же направленіи ¹⁾, и снова возвращается къ работамъ на мѣди грабштихелемъ, то все же добытая имъ опытность никогда уже не утрачивается безслѣдно, и въ своихъ послѣдующихъ гравюрахъ на мѣди, исполняемыхъ привычнымъ грабштихелемъ, художникъ нерѣдко прибѣгаетъ сверхъ того еще къ помощи острой водки для того, чтобы сильнѣе углубить общій фонъ и главные контуры, придавая тѣмъ самымъ больше эффектности цѣлому.

Что касается вопроса о томъ, дѣйствительно-ли Дюреръ былъ настоящимъ *изобрѣтателемъ* этой новой техники гравирования на стали острою водкой, или же ему принадлежала только инициатива введенія ея среди нюренбергскихъ художниковъ, тогда какъ честь изобрѣтенія принадлежала другому,—то мнѣнія изслѣдователей по этому вопросу расходятся. Одни изъ нихъ, съ Гарцевомъ ²⁾ во главѣ, полагаютъ, будто искусство гравирования на стали крѣпкою водкой перешло въ Германію путемъ заимствованія у итальянскихъ мастеровъ и указывали въ частности на извѣстнаго, хотя и второстепеннаго аугсбургскаго гравера Данила Голфера, который будто

¹⁾ Исключеніе составляетъ два гравюра на стали 1518 г., извѣстная подъ назв.: „die Nurnberger Feldschlange (Kapone)“, изобр. огромныхъ размѣровъ пушку съ гербомъ Нюренберга, окруженную солдатами, на фонѣ обширнаго ландшафта. (У В. 99, Н. 1017, К. 228).

²⁾ См. *E. Harzen: über die Erfindung der Aetzkunst*, (въ Archiv für zeichn. Kunst 1859, V, S. 133 f.

бы познакомился съ этою техникой у ломбардскихъ оружейныхъ мастеровъ. Впослѣдствіи, именно въ 1515 году, къ которому относятся у Дюрера первые опыты этого рода, или немного ранѣе въ время путешествія (?), которое Дюреръ будто бы совершилъ въ Аугсбургъ, Гопферъ ознакомиль съ этою новою техникой и великаго нѣмецкаго художника, примѣнившаго ее немедленно же въ своихъ работахъ 1515—16 годовъ. Противники этого мнѣнія справедливо настаивали на видѣ, что первое посѣщеніе Дюреромъ Аугсбурга относится къ времени значительно болѣе позднему, ибо достоверною датой его является 1518 годъ, когда художникъ встрѣчается въ этомъ городѣ съ императоромъ Максимилианомъ въ періодъ сессіи рейхстага. Возможность заимствованія у Гопфера со стороны Дюрера, такимъ образомъ, уничтожается. Мало того: даже произведенія оружейныхъ мастеровъ съ изображеніями, выравленными крѣпкою водкой, ни въ одномъ достоверномъ случаѣ не извѣстны ранѣе изобрѣтенія Дюрера и, напротивъ, появляются въ значительномъ количествѣ послѣ того, какъ это послѣднее дѣлается извѣстнымъ многочисленнымъ лицамъ, заинтересовавшимся имъ въ цѣляхъ практическаго примѣненія къ оружейному дѣлу ¹⁾). Можно утверждать поэтому, въ виду отсутствія какихъ-либо положительныхъ доказательствъ существованія разсматриваемой техники ранѣе опытовъ Дюрера и при наличности точно датированныхъ Дюреромъ образцовъ, что именно этотъ художникъ долженъ быть признанъ настоящимъ изобрѣтателемъ и пионеромъ новой техники гравированія, и въ этомъ, не взирая на сравнительно скромные результаты, достигнутые имъ на первое время, его великимъ (на ряду съ другими) заслугой въ исторіи развитія гравернаго искусства въ Германіи.

Весьма обширными и интересными, особенно по самымъ процессамъ творческой работы, являются тѣ разнородные художественные труды Дюрера за разсматриваемый періодъ, которые предприняты были и исполнены имъ при содѣйствіи цѣлаго ряда сотрудниковъ, ученыхъ и художниковъ, — по порученію императора Максимилиана и ради него. Еще съ 1512 года, когда императоръ при посѣщеніи Нюрнберга непосредственно знакомится съ величайшимъ изъ представителей искусства въ тогдашней Германіи, онъ задумываетъ

¹⁾ Ср. *Thausing: Durer*, II, S, 69 f.

грандіозные планы созданія, при помощи Дюрера и другихъ нѣмецкихъ художниковъ и ученыхъ, такого памятника искусства, которымъ вѣковѣчивалась бы его, императора, слава,—давалось бы безсмертіе его личности и имени... И въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ годовъ, путемъ установленныхъ имъ ближайшихъ сношеній съ выдающимися нѣмецкими художниками (съ Дюреромъ во главѣ) и учеными, ему дѣйствительно удается достигнуть осуществленія задуманныхъ плановъ. Самая работа по исполненію этихъ послѣднихъ отличалась большою сложностью и своеобразностью. Избравши предварительно тѣхъ или другихъ ученыхъ, которые, по его мнѣнію, могли быть особенно пригодными въ данномъ случаѣ, императоръ объяснялъ имъ въ общихъ чертахъ тѣ идеи, какія ему хотѣлось бы видѣть воплощенными въ отдѣльныхъ частяхъ создавашагося въ честь его колоссальнаго памятника. Согласно указаніямъ императора, вслѣдъ затѣмъ учеными составлялся для будущаго руководства художникамъ подробнѣйшій *текстъ*, въ послѣдствіи снова исправлявшійся самимъ императоромъ. Только затѣмъ начиналась работа художниковъ, имѣвшая также нѣсколько фазисовъ. Сначала художниками исполнялись *эскизные композиціи* въ строгомъ соответствіи съ вышеупомянутыми текстуальными указаніями ученыхъ; затѣмъ по этимъ эскизамъ написаны были (другими, уже второстепенными мастерами) пиллюминированными красками на пергаментѣ *миниатюры*, а въ иныхъ случаяхъ и вторичные *исправленные эскизы*, и только тогда по тѣмъ или другимъ изъ этихъ моделей рѣзчиками—специалистами изготовлялись *гравюры на деревѣ*.

По замыслу императора разнообразнѣйшія художественныя композиціи, въ которыхъ прославлялась его личность и дѣянія, въ своемъ цѣломъ должны были составлять великое и единое произведеніе, подъ общимъ названіемъ: *«триумфа императора Максимилиана»*, при чемъ одна изъ частей этого грандіознаго цѣлаго должна была изображать *триумфальную арку*, а другая — *триумфальное шествіе императора*. И выполненіе этого обширнѣйшаго замысла оказывалось до такой степени сложнымъ и труднымъ, въ виду указаннаго процесса работы, что занимаетъ значительную группу художниковъ и ученыхъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, съ 1512 по 1522 г., когда это грандіозное предпріятіе, уже послѣ смерти самого инициатора его, было закончено въ послѣдней своей стадіи—въ гравюрахъ на деревѣ.

Какъ своеобразны были процессы созданія этого памятника славы германскаго императора, такъ своеобразными являлись и самыя произведенія, вошедшія въ составъ его сложнаго цѣлаго ¹⁾).

Триумфальная арка въ честь императора представляла собою небывалое по размѣрамъ произведеніе гравюры на деревѣ, занимавшее въ общемъ пространство приблизительно въ 90 кв. футовъ и



Рис. 56.

состоявшее изъ 92 отдѣльныхъ композицій, соединенныхъ воедино такимъ образомъ, что цѣлое похоже было на римскую триумфальную арку. Текстъ, въ согласіи съ которымъ Дюреръ исполнилъ эти свои композиціи, составленъ былъ (по указаніямъ императора) извѣстнымъ историкомъ и математикомъ Іоанномъ Стабіусомъ; самыя гравюры рѣзаны были на деревѣ талантливымъ нюренбергскимъ граверомъ

¹⁾ Полностью *триумфальная арка Максимилиана* издана была впоследствии (въ 1888 и слѣд. годахъ) въ *Jahrbuch der kunsthistorisch. Sammlungen d. Allerh. Kaiserhauses*, Bd. IV; а *триумфальное шествіе императора* *ibid.* Bd. I. Отдѣльныя композиціи воспроизведены у *Lutzow: Gesch. d. deutsch. Kupf. u. Holzschn.*, S. 116, 119, 121 и табл. къ 122 стр.; у *Knackfuss: Dürer, Abb.* 76—79 и др.

еронимомъ Андреѣ (Hieronymus Andreä) съ нѣсколькими помощниками. Сцены изъ жизни самого императора Максимилиана, въ которыхъ такъ или иначе, въ мирной или воинственной обстановкѣ, прославлялась личность его, воспроизводились случаи большихъ или малыхъ триумфовъ императора за многіе годы его управленія, показывались полезныя стороны дѣятельности его на пользу народа и т. п., — эти сцены перемѣшивались тутъ съ отдѣльными историческими и символическими фигурами, съ арматурою, съ прославительными надписями, сочиненными Стабіусомъ, и т. д. ¹⁾ Будучи насильственно связанъ въ отношеніи сюжетовъ, нашедшихъ здѣсь себѣ мѣсто, указаніями императора и названнаго ученаго, являвшимися по своему безвкусію главнѣйшимъ препятствіемъ къ созданію въ этомъ памятникѣ истинно художественнаго произведенія, Дюреръ старался хотя бы до нѣкоторой степени улучшить получавшееся отъ цѣлаго неудовлетворительное впечатлѣніе изяществомъ деталей и добавленіемъ уже отъ себя разнообразной растительной, фигурной и геометрической орнаментаціи. И въ извѣстной степени это стремленіе художника можно считать удавшимся, такъ какъ такую богатою и разнообразною орнаментаціей было достигнуто по крайней мѣрѣ внѣшнее объединеніе всего этого множества композицій, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ имени императора и общей цѣли — его прославленія.

Сравнительно яснѣе и проще, выше въ художественномъ отношеніи представлено *триумфальное шествіе императора*, хотя и здѣсь творческіе замыслы самого художника не только были стѣснены, но и искажались лишенными эстетическаго вкуса требованіями ученыхъ совѣтниковъ императора. Составленный этими послѣдними подробный объяснительный текстъ, исправленный затѣмъ самимъ Максимилианомъ, (нынѣ въ королевской библіотекѣ въ Вѣнѣ), послужилъ и здѣсь основнымъ матеріаломъ, въ соответствии съ которымъ Дюреромъ и сотрудниками его были исполнены ихъ композиціи въ длинномъ рядѣ эскизовъ, въ количествѣ 109; при чемъ вслѣдъ затѣмъ по этимъ эскизамъ, изъ которыхъ самому Дюреру принадлежали 24, его ученику Гансу Вуремайру—67, а остальные брату Дюрера, Гансу, и нѣсколькимъ другимъ ученикамъ его, сверхъ того испол-

¹⁾ См. одну изъ такихъ композицій на нашемъ рисункѣ № 56, гдѣ представленъ императоръ Максимилианъ съ своею невѣстой, впоследствии женой Маріей Бургундской.

нены были красками на пергаментѣ въ томъ же количествѣ миниатюры, въ двухъ экземплярахъ хранящихся въ Вѣнской королевской библіотекѣ¹⁾. Не останавливаясь здѣсь на разсмотрѣніи «тріумфальнаго шествія» во всей его полнотѣ, мы разсмотримъ только важнѣйшую, центральную часть его, принадлежащую самому Дюреру и показывающую намъ *тріумфальную колесницу* великаго императора какъ средоточіе всего этого многофигурнаго торжественнаго шествія бароновъ, рыцарей, войска, слугъ, музыкантовъ и проч. Имѣющіе въ распоряженіи изслѣдователя данныя показываютъ по отношенію къ этой композиціи съ особенной яркостью, насколько первоначальные творческіе замыслы художника измѣнялись и ухудшались подъ вліяніемъ, или вѣрнѣе въ силу настойчивыхъ указаній ученыхъ сотрудниковъ предпріятія. Для насъ сохранился *первоначальный эскизъ перомъ* для тріумфальной колесницы императора, исполненный Дюреромъ въ концѣ 1514 года и извѣстный подъ названіемъ *малой тріумфальной колесницы*, изъ котораго видно, какова, по мнѣнію художника, должна была быть композиція этой важнѣйшей части всего шествія въ соотвѣтствіи съ текстомъ, одобреннымъ императоромъ и въ данномъ пунктѣ гласившимъ²⁾. — «Далѣе должна быть представлена тріумфальная колесница самого императора, которая должна быть особенно роскошною. На этой колесницѣ долженъ сидѣть самъ императоръ въ своемъ императорскомъ одѣяніи и во всей величіи, а вмѣстѣ съ нимъ въ той же колесницѣ, но впереди въ порядку должны помѣщаться: его первая супруга, далѣе король Филиппъ и его первая супруга; а также Маргарита и дѣти короля Филиппа, при чемъ герцогъ Карлъ долженъ имѣть корону. Самую колесницу должны везти пышно украшенные лошади, какъ это принадлежитъ императорской колесницѣ...» — Соотвѣтственно такимъ указаніямъ Дюреръ изобразилъ въ своемъ первоначальномъ эскизѣ

¹⁾ Одинъ изъ этихъ экземпляровъ, дефектный, заключаетъ въ себѣ 60 миниатюръ; другой, представляющій нѣсколько болѣе позднюю копию съ перваго, сохранился полностью; тотъ и другой въ королев. библіотекѣ въ Вѣнѣ. Подр. см. у Scheideg: Jahrbuch d. Kunsthist. Samml., Bd. IV. Lutzow: Gesch. d. deutsch. Kupf. u. Holzschn. S. 122; Bartsch: peintre-graveur, VII, 230.

²⁾ Эскизъ хранится въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ. См. нашъ рисунокъ № 57, воспроизводящій композицію „малой колесницы“. Текстъ къ тріумф. шествію составленъ историкомъ и придворнымъ писателемъ М. Трейцауервейномъ съ нѣсколькими другими учеными.

огромную, пышно изукрашенную колесницу съ навѣсомъ, съ большимъ треномъ для императора и супруги его и съ послѣдовательнымъ рядомъ меньшихъ сидѣній впереди императора для перечисленныхъ его родствениковъ. Самъ императоръ Максимилианъ въ коронѣ и мантии, со скинетромъ въ одной рукѣ и пальмовой вѣткой въ другой. сидитъ на своемъ тронѣ, далеко превосходя размѣрами своей фигуры всѣхъ остальныхъ. Рядомъ съ нимъ помѣщена небольшая фигурка его первой жены, Маріи Бургундской, также въ коронѣ и императорскомъ одѣяніи; далѣе впереди подлѣ сидящихъ отдѣльно отъ другихъ жены и сестры короля Филиппа Красиваго стоитъ самъ король; на слѣдующемъ сидѣніи помѣщаются его сыновья, — эрцгерцоги Карлъ и Фердинандъ, украшенные коронами; наконецъ, впереди остальныхъ на отдѣльномъ сидѣніи — четыре юныя дочери короля съ небольшими коронами на головахъ. Нѣсколько паръ богато изукрашенныхъ лошадей съ сидящими на нихъ увѣнчанными всадниками вскачь везутъ колесницу.



Г'ис. 57.

Въ миниатюрѣ на пергаментѣ, исполненной на основаніи этого эскизнаго рисунка Дюрера, сдѣланы уже нѣкоторыя отступленія отъ первоначальной композиціи, а именно: императоръ представленъ одинъ сидящимъ на большомъ тронѣ, тогда какъ жена его Марія и намѣстница Маргарита помѣщены на отдѣльномъ сидѣніи впереди; въ одеждахъ и украшенияхъ сдѣланы также частичныя измѣненія. — Что касается окончательной композиціи триумфальной колесницы, какъ она представлена была въ самой гравюрѣ на деревѣ, то характеръ ея сравнительно съ обѣими предыдущими былъ рѣзко измѣ-

ненъ художникомъ въ силу настояній извѣстнаго уже Виллибада Пиркгеймера, утверждавшаго, что ни въ эскизѣ, ни въ миниатурѣ не прославлена въ достаточной мѣрѣ личность императора со всѣми многочисленными его добродѣтелями. Въ виду этого самимъ Пиркгеймеромъ представленъ былъ особый проектъ колесницы, въ строгомъ согласіи съ которымъ Дюреромъ исполненъ былъ новый эскизъ, воспроизведенный затѣмъ въ гравюрѣ на деревѣ, носящей, въ отличіе отъ вышеописаннаго рисунка, названіе «*большой триумфальной колесницы*»¹⁾.

Огромная колесница, на которой сидитъ императоръ Максимилианъ—одинъ, безъ всѣхъ своихъ царственныхъ родственниковъ, оригинальна по формамъ и орнаментикѣ: изукрашена гербами, фигурами животныхъ, птицъ, драконовъ и т. д.; надъ головою Максимилиана на изящной изогнутой подставкѣ устроенъ навѣсъ съ изображеніемъ солнца вверху. Колесницу везутъ шесть паръ покрытыхъ пышными попонами лошадей, подлѣ которыхъ съ обѣихъ сторонъ шествуютъ съ вѣнками въ рукахъ символическія фигуры, обозначенныя надписями подлѣ нихъ, какъ Moderatio, Providentia, Avaritas, Opportunitas, Velocitas, Firmitudo, Virilitas, Audacia, Magnanimitas, etc. Колесницею правитъ женская фигура, обозначающаяся надписью, какъ Ratio; надписи надъ вожжами, при помощи которыхъ возница управляетъ лошадьми, везущими колесницу, указываютъ въ символическое значеніе: Nobilitas и Potentia. Императоръ Максимилианъ, въ царской мантіи и съ короной на головѣ, въ правой рукѣ держитъ скипетръ, а въ лѣвой—пальмовую вѣтвь; подлѣ него на подушкѣ лежатъ государственный мечъ и держава. Стоящая непосредственно позади императора Викторія увѣнчиваетъ его большимъ лавровымъ вѣнкомъ, въ то время какъ вокругъ него на колесничныхъ подставкахъ размѣстился хороводъ изъ женскихъ фигуръ съ переплетающимися вѣнками въ рукахъ и съ пояснительными надписями подлѣ каждой изъ нихъ (Clementia, Veritas, Bonitas, Constantia, etc.), а ниже—нѣсколько другихъ женскихъ фигуръ, протягивающихъ императору лавровые вѣнки (также съ надписями подлѣ нихъ: Securitas, Fidentia etc.). Самыя колеса этой своеобразной колесницы, украшенныя гербами, носятъ надписи: Magnificentia, Dignitas

¹⁾ Центральную часть композиціи см. на рисункѣ № 58.

Согласно постановленію Нюренбергской городской думы, композиція *триумфальной колесницы* была еще разъ воспроизведена въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она имѣла мѣсто въ гравюрѣ, на одной изъ стѣнъ городской ратуши. Кому, именно, принадлежала самая работа по воспроизведенію этой композиціи, — остается спорнымъ вопросомъ; во всякомъ случаѣ не самому Дюреру, какъ утверждалъ это Барчъ (VII, 154), въ соответствии съ народной легендой, не имѣющей основаній. Судя по содержанію другого постановленія Нюренбергской думы (отъ двадцатыхъ годовъ, 16 ст.), въ которомъ говорится о порученіи Дюреру—пригласить для исполненія этой, какъ и другихъ картинъ на стѣнахъ ратуши, опытныхъ мастеровъ, и объ уплатѣ ему за общее руководство работами скромной суммы въ сто гульденовъ, можно утверждать, что Дюреру принадлежало въ данномъ случаѣ исключительно лишь общее наблюденіе, тогда какъ самое исполненіе должно быть отнесено къ одному или нѣсколькимъ изъ учениковъ его и обычныхъ сотрудниковъ ¹⁾.

Особое мѣсто среди работъ, исполненныхъ Дюреромъ для императора Максимилиана, занимаютъ тѣ многочисленные *рисунки*, которыми онъ, на ряду съ нѣсколькими другими художниками, украсилъ принадлежавшій императору *молитвенникъ*, нынѣ хранящійся въ Мюнхенской королевской библіотекѣ ²⁾. Въ этомъ молитвенникѣ, отпечатанномъ,—какъ явствуетъ изъ надписи на немъ,—въ 1514 году Іоанномъ Шёнспергеромъ, самому Дюреру принадлежитъ 45 рисунковъ, сдѣланныхъ на поляхъ молитвенника подлѣ текста его

составляющихъ шестіе гласитъ: „Dieser nach verzeichenter Ehren oder Triumphwagen ist dem allerdurchlächtigsten grossmächtigsten Herrn Wailand Kaiser Maximilian hochlöblicher Gedächtniss unserm allergnädigsten Herrn zu sonderen Ehren erfunden und verordent und zu unterthanigen Gefallen dem grossmächtigsten jetzt regierenden Kaiser Karolo... durch Albrecht Durer daselbst in das Werk gebracht“. Рядомъ надпись того же содержанія на латинск. яз. Въ надписяхъ на послѣднихъ листахъ *шестіа* (на нѣм. и лат. яз.) содержатся указанія на то, что важнѣйшая роль въ дѣлѣ созданія этого произведенія принадлежала В. Пиркгеймеру, какъ изобрѣтателю всѣхъ символическихъ деталей колесницы, и Дюреру, какъ художнику, искусно воплотившему замысла Пиркгеймера въ превосходной композиціи.

¹⁾ Ср. *Baader*: Beiträge I, 8. Также *Thausing*: Dürer, II, S. 168 f; *A. r. Eyr*: Dürers Leben etc., S. 383 f.

²⁾ Рисунки изданы были въ литограф. N. Strixner въ 1808 г., а впоследствии (въ 1850 г.) F. Stöger у G. Franz въ Мюнхенѣ съ текстомъ. Отдѣльные рисунки воспроизведены у *Springer*: Dürer, S. 146; *Ephrussi*: dessins, pag. 219, 221 и 223.

красными, зелеными, фиолетовыми и черными чернилами; почти столько же рисунковъ на другихъ листахъ этого молитвенника было исполнено въ общей сложности всѣми остальными участниками этого своеобразнаго художественнаго предпріятія: Лукою Кранахомъ, Гансомъ Дюреромъ, Гансомъ Бальдунгомъ Гриномъ, Буркмайромъ и н. др.

Содержаніе всѣхъ этихъ рисунковъ по отношенію къ самому тексту молитвенника, подлѣ котораго они были здѣсь расположены, поражаетъ своей необычностью, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже странностью. Казалось бы естественнымъ ожидать, что сюжеты иллюстрацій, помѣщенныхъ подлѣ текста отдѣльныхъ молитвъ, псалмовъ и т. п., проникнутыхъ глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ¹⁾, должны быть исполнены въ соотвѣтствіи съ этимъ торжественной важности, серьезности и благочестиваго настроенія. По отношенію къ рисункамъ, которыми въ дѣйствительности былъ украшенъ молитвенникъ императора, ожиданія эти нарушаются самымъ неожиданнымъ образомъ. Рисунки молитвенника представляютъ на самомъ дѣлѣ въ высшей степени нестрое смѣшеніе самыхъ разнохарактерныхъ сюжетовъ, не только чередующихся другъ съ другомъ безъ всякой системы и принципа, но и съ самымъ содержаніемъ текста въ однихъ случаяхъ имѣющихъ лишь какое-либо частное внутреннее соотношеніе, а въ другихъ и вовсе не имѣющихъ такового. Различныя изображенія святыхъ, разнообразныя юмористическія сцены, изображенія животныхъ, жанровыя картинки, и т. д.,—слѣдуютъ здѣсь на отдѣльныхъ листахъ безъ всякаго порядка въ чередованіи, обуславливаясь не столько содержаніемъ текста, стоящаго подлѣ, сколько свободной фантазіей самого автора - художника²⁾ Мало того: неоднократно на одномъ и томъ же листѣ мы встрѣчаемся съ самымъ страннымъ сочетаніемъ элементовъ религіозныхъ и юмористическихъ, которое могло бы казаться профанаціей, если бы мы

¹⁾ См. подробное перечисленіе всего содержанія молитвенника у *Heller: L. u. W. Dürers, S. 56—61.*

²⁾ Такъ, на листѣ 8 здѣсь изображенъ св. Себастьянъ; на листѣ 9—докторъ, разсматривающій сосудъ съ жидкостью; на л. 12—рыцарь со смертью; на л. 17—св. ап. Іоаннъ, пишущій евангеліе; на л. 21—пресв. Троица; на л. 25—св. Максимилианъ, патронъ императора; на л. 26—изгнаніе діавола изъ небеснаго рая архангеломъ Михаиломъ; на л. 34—лисица, играющая на флейтѣ, и пляшущія куры и пѣтухи; подлѣ—рыцарь съ копьемъ; на 39—Геракль, избивающій стимфалійскихъ птицъ, и т. д.

не знали глубокой и искренней религіозности Дюрера, заставляющей рѣшительно отвергать мысль о возможности таковой со стороны великаго художника. И всѣ эти картинки, отдѣльныя фигурки и сцены размѣщены здѣсь среди изумительной по своему разнообразію *орнаментики въ строго выдержанномъ древнегерманскомъ стилѣ*,—изъ самыхъ причудливыхъ сочетаній растительнаго и животнаго царства, объединенныхъ линейнымъ орнаментомъ и возбуждающихъ невольное удивленіе столько же богатствомъ творческой фантазій у артиста, создавшаго ихъ, сколько и поразительнымъ мастерствомъ, съ какимъ сочетаются здѣсь какъ бы органически столь разнородные элементы ¹⁾).

Нѣсколько *портретовъ* самого императора Максимилиана, исполненныхъ различными способами: въ рисунокѣ углемъ, въ двухъ гравюрахъ на деревѣ и въ двухъ портретахъ на полотнѣ, акварелью и масляными красками,—дополняютъ списокъ разнообразныхъ работъ Дюрера, назначавшихся для увѣковѣченія памяти этого вѣнценоснаго любителя и покровителя наукъ и искусства въ великую эпоху реформъ въ возрождавшейся Германіи.

Надпись художника на первомъ изъ этихъ портретовъ, находящемся въ настоящее время въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ, точно указываетъ время и мѣсто его созданія: «это—императоръ Максимилианъ,—говорится въ надписи,—котораго я, Альбрехтъ Дюреръ, нарисовалъ въ Аугсбургѣ, во дворцѣ, въ его маленькой комнатѣ, въ 1518 году въ понедѣльникъ послѣ праздника Іоанна Крестителя ²⁾». Такимъ образомъ, какъ изъ этой надписи, такъ еще болѣе и изъ самаго характера исполненія портрета, явствуетъ, что онъ является лишь простымъ подготовительнымъ эскизомъ для двухъ остальныхъ, хотя, правда, эскизомъ въ высшей степени жизненнымъ и изящнымъ, несмотря на свою незаконченность.

Остальные портреты исполнены несомнѣнно по этому первому, набросанному съ живой натуры, отъ котораго всѣ они въ своемъ

¹⁾ Ср. отзывы *Goethe* въ *Jenaischen Litter. Zeitung* 1808; *Heller*, S. 50 ff.; *Lubcke* въ *Deutsches Kunstblatt*, 1850 (S. 268 f.); *A. v. Eye*: *Leben u. W. A. D.*, 375 ff.; *Thausing*: *Durer*, II, 127 ff.; *Springer*: *Durer*, 105 ff.; *Ephrussi*: *dessins*, pag. 219 sq.

²⁾ „Das ist Kaiser Maximilian den hab ich Albrecht Durer zu Augspurg hoch oben auff der pfalz in seinem kleinen stüble Kunterfett do man zalt 1518 am montag nach Iohannes tauffer“. Рисунокъ воспроизв. у *Knackfuss*: *Durer*, S. 97.

законченномъ видѣ отличаются только деталями и разнородною орнаментацией. Изъ портретовъ, рѣзанныхъ на деревѣ, одинъ представляетъ императора (въ обратную сторону сравнительно съ рисункомъ), въ три четверти оборота, до пояса; круглая шляпа его съ отвороченными краями украшена медальономъ съ чеканнымъ изображеніемъ на немъ, повидимому, Пр. Богородицы; поверхъ императорскаго одѣянія надѣта орденская цѣпь золотого руна. Портретъ заключенъ въ изящное обрамленіе изъ орнаментированныхъ колоннъ, увѣнчивающихся двумя грифами, которые поддерживаютъ императорскую корону и гербъ ¹⁾). Что портретъ этотъ исполненъ былъ уже послѣ смерти императора, явствуетъ изъ помѣщающейся подъ нимъ надписи ²⁾).

Другой портретъ, гравированный на деревѣ, отличается отъ перваго только отсутствіемъ орнаментированнаго обрамленія и надписью, болѣе простою, чѣмъ на первомъ изъ нихъ ³⁾).

Изъ портретовъ Максимилиана, писанныхъ красками, одинъ, находящійся нынѣ въ Германскомъ музеѣ Нюрнберга, исполненъ акварелью и показываетъ намъ императора въ роскошной мантии, отороченной мѣхомъ, съ орденской цѣпью на шеѣ, въ круглой шляпѣ, какъ на рисункѣ и гравюрахъ, и съ гранатовымъ плодомъ въ рукѣ. На другомъ, написанномъ масляными красками и хранящимся въ королевской галереѣ въ Вѣнѣ, императоръ изображенъ въ той же постанѣвкѣ (одинаковой съ первоначальной въ эскизѣ) и съ тѣмъ же символомъ плодоноснаго мира послѣ побѣды, съ гранатовымъ плодомъ въ рукахъ; на немъ бархатная темнокраснаго цвѣта мантия съ мѣховою оторочкой; на фонѣ портрета помѣщены императорскій гербъ и надпись на латинскомъ языкѣ въ 7 строкъ, прославляющая умершаго императора ⁴⁾).

¹⁾ Портретъ воспроизвед. у *Knackfuss*: Durer, S. 98. У Bartsch № 153.

²⁾ „Der Teitr Fürst Kayser Maximilianus ist auff den 12 tag des Ienners seins alters im 59 jar seliglich von dyser Zeit geschaiden, Anno domini 1519“.

³⁾ У. В. 154, Н. 1950, R. 231, съ надписью: Imperator Caesar Divus Maximilianus Aetatis Pius Felix Augustus Sue LVIII.

⁴⁾ См. нашъ рисунокъ № 59. — Надпись на портретѣ гласитъ: „Potentissimus maximus et invictissimus Caesar Maximilianus qui cunctos sui temporis reges et principes iusticia prudentia magnanimitate liberalitate praecipue vero bellica laude et animi fortitudine superavit natus est anno salutis humanae MCCCCLIV die Marcii IX, vixit annos 59 menses 9 dies 25, decessit vero anno MDXIX mensis Ianuarii die XII, quem deus opt. max. in numerum vivencium referre velit.“

Кромѣ всѣхъ этихъ работъ, созданныхъ Дюреромъ по заказу императора Максимилиана или ради увѣковѣченія его памяти художникомъ исполнено было за тотъ же періодъ значительное количество произведеній гравюры, картинъ и рисунковъ по собственному свободному почину и выбору. — Такъ, изъ числа гравюръ на деревѣ должно отмѣтить относящееся къ 1515 году большое изображение *носорога*, весьма детальной работы, хотя и съ замѣтной стилизаціей, воспроизводящее это рѣдкое животное несомнѣнно съ бытуры¹⁾. Другая гравюра на деревѣ того же 1515 года, исполнен-



Рис. 59.

ная на длинномъ и узкомъ листѣ, изображаетъ *святыхъ покровителей Австріи*, стоящихъ въ рядъ другъ подлѣ друга²⁾. Всѣхъ святыхъ патроновъ Австріи представлено восемь; подъ каждой фигурой надпись обозначаетъ имя святого; въ рукахъ *каждаго* изъ святыхъ разнообразны атрибуты и символы: у св. Флоріана — щитъ и копьё; у Северина — книга и жезль; у Максимилиана — мечъ и жезль; у Коломана — посохъ и вѣнокъ; у Леопольда — скипетръ и щитъ и т. д. Работа очень тщательная, но цѣлое производитъ ве-

¹⁾ У. В. 136, Н. 1904, К. 214.

²⁾ У. В. 116, Н. 1880, К. 219.

нагоприятное впечатлѣніе общю монотонностью, однообразіемъ познаний и отсутствіемъ движенія.

Въ томъ же 1515 году созданы были и два любопытные листа изображеніемъ на одномъ изъ нихъ *южную небесную полушарію* обозначеніемъ имѣющихся на немъ созвѣздій, а на другомъ—*сѣверную полушарію* съ его созвѣздіями, 12 знаками зодиака, и съ портретами именитыхъ астрономовъ по сторонамъ¹⁾. Къ 1516 году относится *испятіе Христова*: въ облакахъ надъ распятымъ Христомъ, еще живымъ и взирающимъ на стоящую внизу Богородицу, видны Богъ-тецъ и Духъ Святой въ видѣ голубя; нѣсколько летящихъ ангеловъ держатъ въ рукахъ орудія мученій Христовыхъ; подлѣ креста стоятъ пр. Богородица и ап. Іоаннъ, протягивающій къ Спасителю чашу; на заднемъ планѣ—пейзажъ²⁾.

Въ 1518 году исполнена была большая гравюра на деревѣ, изображающая *Богоматеръ съ младенцемъ Христомъ и ангелами*. пр. Богородица представлена здѣсь, какъ царица небесная, сидящая на престолѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, окруженной сіяніемъ, одѣтая въ длинную мантию поверхъ платья. Лѣвой рукою она поддерживаетъ стоящаго на подушкѣ младенца Христа; въ правой рукѣ держитъ плодъ; надъ головою ея два летящихъ ангела въ длинныхъ одеждахъ, увѣнчивающіе ее большою короной; выше нихъ въ облакахъ виднѣются группы маленькихъ херувимовъ. Внизу по обѣимъ сторонамъ отъ Богоматери размѣщены въ разнообразныхъ положеніяхъ фигуры большихъ ангеловъ, поющихъ, играющихъ и т. д., у самыхъ ногъ ея на землѣ—нѣсколько живописныхъ группъ маленькихъ ангеловъ, забавляющихся другъ съ другомъ. Гравюра поѣчена 1518 г. и монограммою Дюрера³⁾.

Какъ особенно рѣдкое, исключительное произведеніе Дюрера типичнымъ здѣсь небольшое пиелло, величиною и формою въ серебряный рубль, изготовленное изъ золотой пластинки въ 1518 году, съ

¹⁾ Первый листъ обозначенъ, какъ *Imagines coeli meridionalis* (у В. 150, Н. 1923, К. 215); второй, какъ *Imagines coeli septentrionalis cum duodecim imaginibus Zodiaci* у В. 151, Н. 1925, К. 216).

²⁾ Гравюра эта, у В. 56, Н. 1633, К. 220, впоследствии появилась также въ Лютеровой Библии 1524 года; въ своемъ первомъ изданіи помѣчена 1516 г. и монограммою Дюрера.

³⁾ У В. 101, Н. 1811, К. 229. Гравюра воспроизведена у *Knackfuss*: Durer, S. 95.

на мѣди съ этимъ сюжетомъ извѣстно изъ позднѣйшихъ лѣтъ—пять. Изъ нихъ къ 1514 году относятся двѣ: на одной Пр. Дѣва Марія представлена стоящей на полумѣсяцѣ въ лучистомъ сіяніи и съ нимбомъ вокругъ головы; на рукахъ ея—младенецъ Христосъ, держащій большое яблоко ¹⁾. На другой Богоматерь сидитъ у стѣны на камнѣ, въ широкой мантии поверхъ платья, съ покрываломъ на головѣ и связкой ключей на боку; обѣими руками она придерживаетъ, прижимая къ груди, младенца Христа, держащаго яблоко ²⁾. Въ 1518 году появляется листъ съ изображеніемъ Мадонны, увѣнчиваемой двумя летящими ангелами, которые держатъ надъ ея головою большую корону; рассыпающіеся по плечамъ роскошные волосы украшены изящнымъ вѣнкомъ; лѣвой рукою она поддерживаетъ сидящаго у нея на колѣнахъ младенца Христа; въ правой рукѣ у нея—яблоко; на заднемъ планѣ—обширный пейзажъ ³⁾. Въ слѣдующемъ 1519 году, какъ показываетъ помѣтка самого художника, исполнена была большая гравюра съ изображеніемъ *Мадонны, кормящей грудью младенца Христа*; Пресв. Богородица съ покрываломъ на головѣ и въ длинной одеждѣ сидитъ на большомъ камнѣ; вокругъ головы ея и младенца сіяютъ лучистые нимбы ⁴⁾. Последнее по времени изъ извѣстныхъ намъ изображеній Мадонны въ гравюрахъ Дюрера относится къ 1520 году: Богоматерь представлена здѣсь сидящею на подушкѣ, положенной поверхъ камня, и печально глядящею на спеленатаго младенца Христа, который лежитъ у нея на колѣнахъ; вокругъ головы ея и младенца—лучистые нимбы; на заднемъ планѣ детально отдѣланный обширный пейзажъ ⁵⁾.

Кромѣ этой серіи Мадоннъ въ гравюрахъ на мѣди, Дюреръ создаетъ за тотъ же періодъ цѣлый рядъ изображеній ея въ *рисункахъ* карандашомъ, перомъ, сепіей и т. д., имѣющихъ въ большинствѣ значеніе подготовительныхъ эскизовъ, воспроизводящихъ тотъ же предметъ то въ простѣйшихъ (всего изъ двухъ фигуръ) композиціяхъ, то усложняющихъ эти послѣднія фигурами ангеловъ и святыхъ, внося въ трактовку сюжета большое разнообразіе и жизненность.

¹⁾ У В. 38, Н. 506, К. 204.

²⁾ Гравюра воспроизвед. у *Springer*: Dürer, S. 89.—У В. 40, Н. 610, К. 206.

³⁾ У В. 39, Н. 547, К. 226.

⁴⁾ У В. 36, Н. 576, К. 232.

⁵⁾ У В. 38, Н. 585, К. 237.

Среди весьма значительнаго количества рисунковъ этого рода, разошедшихся по различнымъ музеямъ, отмѣтимъ здѣсь нѣсколько, наиболѣе интересныхъ и характерныхъ вариантовъ. На рисункѣ перомъ, хранящемся нынѣ въ Оксфордскомъ университетѣ (воспроизв. у Lirshapp, Taf. 391), Мадонна, сидящая на скамьѣ, прижимаетъ къ груди спеленатаго младенца Христа, нѣжно цѣлуя его; на головѣ — покрывало и изящный вѣнокъ; по типу и одѣянію эта Мадонна 1514 года близко напоминаетъ итальянскихъ Мадоннъ Возрожденія. На другомъ рисункѣ перомъ отъ того же 1514 года, нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ ¹⁾, сидящая Мадонна забавляетъ младенца Христа, подавая ему грушу, которую онъ беретъ лѣвою ручкой. На третьемъ листѣ того же времени Мадонна помѣщена рядомъ съ нѣсколькими другими этюдами: въ длинной одеждѣ и съ покрываломъ на головѣ, сидитъ она на возвышеніи, придерживая младенца Христа лѣвой рукою и глядя въ раскрытую книгу, лежащую у нея на колѣнахъ ²⁾. Четвертое изображеніе Мадонны того же самаго года показываетъ ее сидящею на престолѣ подъ балдахиномъ, съ покрываломъ на головѣ и въ длинной одеждѣ: положивши нагого младенца Христа къ себѣ на колѣна, она любитъся имъ, склонивъ къ нему голову ³⁾. Пятый рисунокъ 1514 года, находящійся въ Академіи въ Венеціи, представляетъ сидящую на скамьѣ Богородицу, которая даетъ младенцу Христу яблоко; тотъ же мотивъ мы встрѣчаемъ еще на одномъ рисункѣ, (въ той же Академіи), на которомъ младенецъ Христосъ, принимающій яблоко, держитъ на лѣвой рукѣ маленькую птичку ⁴⁾.

Одно изъ прекраснѣйшихъ изображеній *святого семейства*, созданныхъ Дюреромъ, относится къ тому же 1514 году и исполнено акварельными красками и перомъ: пирамидально построенная композиція представляетъ тѣсную группу изъ пр. Богородицы, держащей обѣими руками младенца Христа, котораго она забавляетъ и котормъ любитъся, и св. Анны, сидящей непосредственно позади Бого-

¹⁾ Рисунокъ этотъ, слегка лишь намѣченный, воспроизвед. у Springer: Durer, S. 88. Какъ и предыдущій, рис. носятъ помѣтки монограммою Дюрера и цифрою года.

²⁾ Рисунокъ хранится въ Берлин. музеѣ; воспроизвед. у Ephrussi: dessins, pag. 187.

³⁾ Рисунокъ находится въ коллекціи Vale въ Лондонѣ; воспроизвед. у Ephrussi, ibid. pag. 189.

⁴⁾ Ephrussi, ibid. pag. 188, 190.

родицы съ раскрытою книгою на колѣнахъ. Типы лицъ пр. Богородицы и св. Анны въ высшей степени привлекательны, приближаясь по красотѣ и изяществу къ лучшимъ изображеніямъ ихъ у итальянскихъ современниковъ Дюрера, къ которымъ великій нѣмецкій художникъ умѣлъ приблизиться здѣсь и по самому исполненію, особенно тою нѣжной гармоніей красокъ, въ какую облеченъ тутъ изящный рисунокъ ¹⁾.

Въ 1515 году появляется рисунокъ перомъ (нынѣ въ королев. собр. въ Виндзорѣ) съ изображеніемъ *Мадонны*, сидящей на скамьѣ съ младенцемъ Христомъ, который держитъ цвѣтокъ; надъ головою ея одинъ летящій ангелъ несетъ большую корону; на заднемъ планѣ—пейзажъ ²⁾.

Изъ рисунковъ 1516 года, кромѣ двухъ *Мадоннъ*, являющихся эскизами къ гравюрамъ того же времени, (у В. 32—33), отмѣтимъ въ особенности превосходно исполненное перомъ и тушью *Свят. семейство*, еще болѣе, чѣмъ вышеописанное, приближающееся къ изображеніямъ св. семейства у лучшихъ итальянскихъ художниковъ Возрожденія, особенно у Рафаэля. Мадонна въ платьѣ, оставляющемъ шею открытой; съ наброшенной поверхъ платья длинной мантией; съ распущенными по плечамъ волосами, сидитъ подлѣ дерева, держа на колѣнахъ младенца Христа, протягивающаго ручки къ двумъ ангеламъ, которые подносятъ ему плоды. Св. Иосифъ въ позѣ молящагося, съ благоговѣйно сложенными руками, стоитъ позади Богородицы³⁾. Сохранился далѣе превосходный законченный эскизъ перомъ къ гравюру 1518 года съ изображеніемъ Мадонны съ младенцемъ на рукахъ, увѣнчиваемой двумя ангелами (у В. 39), который находится въ коллекціи Малькольма въ Лондонѣ ⁴⁾. Къ 1519 году относится рисунокъ перомъ, нынѣ въ королев. собр. въ Виндзорѣ, являющійся по видимому эскизомъ композиціи для предполагавшагося большого алтарнаго образа: Мадонна сидитъ на пышномъ престолѣ подлѣ багд-

¹⁾ Аquareльный рисунокъ этотъ, хранящійся въ Германскомъ музеѣ Нюрнберга, воспроизведенъ въ краскахъ у *Lippmann*, Taf. 78, и у *Springer*: Dürer, табл. въ стр. 92—93; кромѣ того у *Ephrussi*: dessins, табл. въ 174—175 стр. (фотогравюра). Раньше рисунокъ находился въ частной коллекціи Mitchell.

²⁾ Рисунокъ воспроизв. у *Lippmann*, Taf. 890.

³⁾ Рисунокъ находится въ Берлин. каб. гравюръ и воспроизведенъ у *Lippmann*, Taf. 47.

⁴⁾ Рисунокъ воспроизв. у *Ephrussi*: dessins, pag. 195.

хиномъ; ногой младенецъ Христосъ держитъ въ лѣвой рукѣ плодъ; у ногъ Богородицы помѣщается ангель, поющій и играющій на виолينو; на заднемъ планѣ—пейзажъ ¹⁾).

Въ началѣ слѣдующаго года появляется рисунокъ (перомъ и сепіей) Гамбургскаго музея съ изображеніемъ сидящей Мадонны, которая держитъ младенца Христа на колѣнахъ, тогда какъ маленькій ангель у ногъ ея играетъ на мандолинѣ ²⁾).

Повидимому, разсматриваемому періоду принадлежитъ также и рисунокъ перомъ изъ коллекціи герцога Девонширскаго, изображающій пр. Богородицу съ распущенными волосами, сидящую на скамьѣ; ногой младенецъ Христосъ; котораго она придерживаетъ обѣими руками, подноситъ къ ея лицу цвѣтокъ; подлѣ Богородицы стоитъ отрокъ св. Іоаннъ Предтеча, опершись правой рукой о скамью, а въ лѣвой держа длинный крестъ ³⁾).

Чересматривая послѣдовательно все разнообразіе представленныхъ Дюреромъ вариантовъ въ компановкѣ сюжета, нельзя не замѣтить, что по существу одинъ и тотъ же характеръ проникаетъ въ эти религиозно-художественные образы. Подобно извѣстной уже Мадоннѣ Вѣнской галлерей 1512 года, исполненной масляными красками, они являются не только исканіемъ, но и удачнѣйшимъ воплощеніемъ въ живыя, одухотворенныя творчествомъ, формы того высочайшаго, имѣющаго божественный первоисточникъ, чувства *материнской любви*, которое въ существѣ Мадонны нераздѣльно сливается съ *чистотою дѣвической непорочности* и *совершенною святостію*, объединяющими въ единое *идеальное цѣлое* — небесное и земное, облеченное своеобразною красотой.

Оттого явно несоотвѣтствующею самой дѣйствительности должно признать обобщающую характеристику Мадоннъ Дюрера, сдѣланную Таузингомъ ⁴⁾. «Мадонны Дюрера,—утверждаетъ названный исследователь,—не имѣютъ ни той самобытности, ни той прелести и внѣшней привлекательности, какими обладаютъ Мадонны итальянскихъ художниковъ, и скоро онъ лишаетъ ее даже внѣшняго сіянія

¹⁾ Рисунокъ воспроизв. у *Lippmann*, Taf. 391.

²⁾ Этотъ рисунокъ, какъ и всѣ предыдущіе, помѣченъ цифрою года созданія и монограммою Дюрера; воспроизв. у *Lippmann*, Taf. 160.

³⁾ Рис. воспроизв. у *Ephrussi*, *ibid.* pag. 193.

⁴⁾ *Thausing*: *Dürer*, II, S. 79 f.

святости ⁴⁾. У него она является какъ бы простою нюренбергскою женщиной—матерью, какъ она жила и вела себя въ самой дѣйствительности. Въ простой нюренбергской комнаткѣ, наполненной услужливыми кумушками, увидѣла она впервые свѣтъ Божій и впослѣдствіи ведетъ себя, какъ почтенная нѣмецкая хозяйка, которой она уподобляется во всемъ, до связки ключей включительно... У Дюрера Марія знаетъ только одно чувство, это—чувство любви къ своему сыну: она питаетъ его въ тихой радости; она забавляется съ нимъ, когда онъ сидитъ у нея на колѣнахъ; она прижимаетъ его къ своему сердцу, не заботясь о томъ, красиво ли это выходитъ. И эта любовь матери растетъ у нея вмѣстѣ съ сыномъ ея и питается почитаніемъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и печалью, и страданіемъ за него. Вотъ почему не цвѣтетъ она вѣчною юностью, какъ цвѣли некогда въ Италиі древніе боги, и она становится постепенно старою и дряхлою, потому что ея судьба исполняется>...

Если такую характеристику автору возможно было бы въ значительной степени примѣнить къ изображеніямъ Богоматери въ описанныхъ ранѣ серияхъ «*страстей Христовыхъ*» и «*жизни пресв. Богородицы*», (гдѣ однако Таузингъ, какъ было показано, даетъ совсѣмъ иную характеристику), то напротивъ все содержаніе этого обобщенія въ цѣломъ его оказывается непримѣнимымъ къ длинному ряду описанныхъ, а равно и другихъ изображеній ея, какъ *Мадонны*. *Высоко идеальнымъ, а не жанровымъ натуралистическимъ характеромъ* выдѣляются въ дѣйствительности всѣ эти образы Мадонны, каковы бы ни были мотивы композицій, воспроизведенныхъ художникомъ,—каковы бы ни были тѣ случайныя, по своей маловажности для сущности изображаемаго, внѣшнія детали самаго образа (въ обстановкѣ, въ одеждахъ и т. п.), ради которыхъ Таузингъ считалъ возможнымъ отнести ихъ всѣ въ разрядъ жанра. И въ ясномъ соотвѣтствіи съ такимъ содержаніемъ находится *красота вышнихъ формъ, высокая привлекательность* этихъ образовъ, въ которой нѣ-

⁴⁾ Указаніе Таузинга и фактически невѣрно, ибо среди описанныхъ выше изображеній Мадонны, какъ въ гравюрахъ, такъ и въ рисункахъ, имѣется цѣлый рядъ такихъ, гдѣ въ однихъ случаяхъ вокругъ всей фигуры ея, въ другихъ вокругъ головы ея и младенца лучистые нимбы являются тѣмъ, именно, сіяніемъ святости, объ участіи котораго Дюреромъ въ этихъ образахъ Мадонны говоритъ здѣсь названный авторъ.

мецкій изслѣдователь такъ несправедливо отказываетъ имъ и которая въ дѣйствительности, какъ мы не разъ уже отмѣчали, (вопреки приведенному мнѣнію Таузинга), въ разнообразныхъ отношеніяхъ явственно сближала ихъ съ Мадоннами итальянскихъ художниковъ Возрожденія.

Говоря о *рисункахъ* періода 1514—1519 годовъ, необходимо указать здѣсь, кромѣ перечисленныхъ, еще нѣсколько, различныхъ родовъ содержанія. Такъ, для *триумфальнаго шествія императора* имѣется цѣлый рядъ эскизовъ съ изображеніемъ *всадниковъ*, участвующихъ въ этомъ шествіи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они вошли и въ окончательную композицію шествія ¹⁾. Далѣе слѣдуютъ *портреты* неизвѣстнаго юноши и дѣвушки, оба исполненные углемъ въ 1515 году; ²⁾ нѣсколько *пейзажей*, исполненныхъ карандашомъ и акварелью, съ помѣтками 1514—1515 г. и съ надписями: Ramstein, Ortenburg и др. ³⁾; рисунокъ перомъ, извѣстный подъ названіемъ *женской бани* 1516 года, съ изображеніемъ пяти нагихъ женщинъ, стоящихъ и сидящихъ подлѣ бассейна съ водою, которымъ двое слугъ подносятъ кушанья и напитки ⁴⁾; эскизный *проектъ гробничнаго памятника*, исполненный перомъ для П. Фишера въ 1517 году ⁵⁾; рисунокъ перомъ 1519 года, изображающій *архіепископа* въ полномъ облаченіи, вѣдомаго скелетомъ въ плащѣ, и сопровождаемаго двумя діаконами ⁶⁾, и н. др. Во всѣхъ этихъ рисункахъ, даже въ наименѣ законченныхъ изъ нихъ, чувствуется сила и мастерство искусной руки великаго художника, умѣющаго даже немногими штрихами, набросанными на бумагу простѣйшими матеріалами, (какъ карандашъ и чернила), въ надлежащей степени передать не только самыя формы предметовъ, но и тѣ впечатлѣнія, какія онъ желалъ бы заставить испытывать зрителя отъ этихъ предметовъ.

Что касается *произведеній живописи*, сохранившихся отъ этого періода, то они оказывались весьма немногочисленными. Въ 1516 году Дюреромъ исполненъ былъ масляными красками портретъ его

¹⁾ Воспроизвед. у *Lippmann*, Taf. 416—419.

²⁾ Воспроизвед. у *Lippmann*, Taf. 45 и 46; также у *Ephrussi*, pag. 181.

³⁾ Въ краскахъ воспроизв. у *Lippmann*, Taf. 43—44.

⁴⁾ У *Lippmann*, Taf. 398.

⁵⁾ У *Lippmann*, Taf. 48; также у *Knackfuss*: Dürer, S. 92.

⁶⁾ У *Lippmann*, Taf. 359.

бывшаго наставника въ искусствѣ живописи, въ то время 82-лѣтняго старца, *Михаила Вольгемута*, нынѣ хранящійся въ Мюнхенской пинакотека¹⁾).

Своеобразныя черты его характернаго старческаго лица съ длиннымъ, рѣзко изогнутымъ носомъ, большими ушами, большимъ ртомъ, выдающимся подбородкомъ, впалыми морщинистыми щеками и



Рис. 60.

живыми, пронзательными глазами, переданы въ этомъ портретѣ со всею натуралистической правдой, со всѣми мельчайшими деталями, надъ воспроизведеніемъ которыхъ благодарный ученикъ видимо работалъ здѣсь съ особенною тщательностью, желая возсоздать и закрѣпить черты лица любимаго учителя со всею возможною живостью. Собственноручная надпись Дюрера на фонѣ портрета указываетъ точно

¹⁾ См. нашъ рисунокъ № 60.

годъ созданія самаго портрета, возрастъ М. Вольгемута въ моментъ исполненія портрета и годъ его смерти ¹⁾).

Въ томъ же 1516 году Дюреромъ написаны были акварельными красками поясныя изображенія двухъ апостоловъ, *Филиппа* и *Иакова старшаго*, находящіяся нынѣ въ галлерей Уффиций во Флоренціи ²⁾. Оба апостола одѣты въ монашескія одѣянія различныхъ орденовъ; апостоль Иаковъ съ длинною сѣдой бородой, высокимъ взъывлымъ лбомъ, полуоткрытымъ ртомъ и сосредоточенно-сдвинутыми бровями, обращенъ головою направо въ три четверти къ зрителю; голова ап. Филиппа съ густыми волосами, вьющимися въ локоны, съ длинною бородой и усами, также свивающимися въ длинные локоны, съ морщинами на лбу и лицѣ, повернута en face къ зрителю. Черты лица того и другого апостола и ихъ выраженіе живо передаютъ характеръ каждаго изъ апостоловъ, какими представлялъ ихъ себѣ художникъ, — съ преобладающимъ отгѣнкомъ меланхоличности у Филиппа и энергіи и серьезности у Иакова. Надписи на фонѣ обѣихъ картинъ содержатъ имена апостоловъ, цифру года созданія и монограмму художника.

Двумя годами позднѣе появилась большая картина масляными красками, изображающая извѣстную *Лукрецію* въ тотъ моментъ, когда она, послѣ позорнаго оскорбленія ея сыномъ Тарквинці Гордаго, Секстомъ, рѣшается на самоубійство и закалываетъ себя кинжаломъ ³⁾. Лукреція, совершенно нагая, при чемъ только узкая полоса простыни прикрываетъ часть тѣла ея, представлена здѣсь (въ натуральную величину человѣческаго роста) стоящею подлѣ своей постели съ краснаго цвѣта покрываломъ, помѣщенной за зелеными занавѣсками; распущенные волосы рассыпаются по плечамъ; глаза устремлены кверху; лѣвая рука, опущенная внизъ, заложена за

¹⁾ Надпись гласитъ: „Этотъ портретъ исполнилъ Альбрехтъ Дюреръ съ своего учителя, Миханла Вольгемута, въ 1516 году, когда ему было 82 года, и онъ еще жилъ до 1519 года, когда онъ умеръ въ день св. Андрея на разсвѣтѣ“. (Das hat albrecht durer abcontarfeyt nach seinem lehrmeister michel wolgemut jm Jar 1516 und er vas 82 jor und hat gelebt pis das man zelet 1519 jor do ist er fenschieden an sant andres dag fru er dy sun auffgung).

²⁾ Оба изображенія апостоловъ воспроизведены по фотографіи у *Knackfuss*: Durer, S. 91, Abb. 62—63.

³⁾ Картина находится въ королев. пинакотеѣ въ Мюнхенѣ. См. нашъ рисунокъ № 61.

спину; правая держитъ кинжалъ, котораго острый конецъ уже во-
зился въ тѣло самоубійцы. По своему исполненію картина предста-
вляется мало удачною. Глубоко-драматическій по содержанію моментъ



Рис. 61.

переданъ здѣсь очень слабо: вмѣсто живой, полной движенія и тра-
гической силы, фигуры Лукре-
ціи, какою слѣдовало изобразить
ее соотвѣтственно исторической
правдѣ, мы видимъ здѣсь какъ
будто модель, механически пози-
рующую передъ художникомъ и
застывшую въ назначенной позѣ
безъ всякаго чувства и мысли.
Трудно допустить однако, чтобы
великій художникъ, умѣвшій съ
такою изумительною силою пере-
давать самые потрясающіе дра-
матическіе моменты во множе-
ствѣ другихъ случаевъ (каковы,
напр., въ особенности многія
сцены изъ его *Апокалипсиса* и
страстей Христовыхъ), не былъ
въ состояніи сдѣлать того же и
въ этой картинѣ, еслибы это ему
казалось нужнымъ и важнымъ.
Можно думать поэтому, что от-
нюдь не историческій сюжетъ
съ его драматизмомъ самаго
факта самоубійства занималъ
тутъ художника и что названіе,
придуманное для женской фи-
гуры, представленной въ этой
картинѣ, являлось чисто второ-
степеннымъ привнесеніемъ извнѣ

къ существу изображаемаго и притомъ, для объясненія мотивировки
композиціи, привнесеніемъ малозначительнымъ ¹⁾). Есть основаніе
вмѣстѣ съ этимъ утверждать, что главнымъ предметомъ изображенія

¹⁾ Понятнымъ тогда становится и отступленіе здѣсь художника отъ разсказа
историка, по которому Лукреція заколола себя на глазахъ у мужа и отца своего,

было для Дюрера здѣсь, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, *воспроизведеніе формъ нагого женскаго тѣла*, занимавшее художника въ картинѣ почти исключительно и заставившее его почти позабыть о внутреннемъ содержаніи композиціи. Оттого, при неподвижности и дѣланности въ постановкѣ фигуры, при безжизненности лица этой Лукреціи, формы тѣла ея оказываются переданными здѣсь съ большимъ мастерствомъ, отличаются почти скульптурною лѣпкою и въ то же время кажутся какъ будто проникнутыми настоящею жизнью.

Что, именно, воспроизведеніе женскаго тѣла, а не историческое событіе съ опредѣленнымъ характеромъ его, являлось важнѣйшею задачею Дюрера при созданіи его *Лукреціи*, подтверждается, кромѣ сказаннаго, еще однимъ обстоятельствомъ. Для насъ сохранился превосходный рисунокъ Дюрера (нынѣ въ Альбертинумѣ въ Вѣнѣ), исполненный художникомъ на зеленомъ картонѣ карандашомъ и иѣломъ десятью годами раньше самой картины, т. е. почти одновременно съ двумя живописными канонами человѣческаго, мужского и женскаго тѣла, въ изображеніяхъ Адама и Евы, представленными Дюреромъ на основаніи продолжительнаго изученія человѣческихъ формъ въ самой натурѣ. Въ рисунокѣ этомъ женская фигура, совершенно нагая, держитъ въ правой рукѣ кинжалъ, который она направляетъ себѣ въ грудь; постели, занавѣсокъ и другихъ обстановочныхъ аксессуаровъ въ рисунокѣ еще не обозначено, такъ что фигура съ яркой рельефностью выступаетъ изъ одноцвѣтнаго фона. Этотъ фактъ появленія такого рисунка въ то самое время, когда художникъ особенно усиленно занятъ былъ изученіемъ тѣла человѣческаго и отысканіемъ его канонровъ, достаточно близко опредѣляетъ характеръ и самаго рисунка, и созданной десятью годами поздиѣе на основаніи этого рисунка картины, въ смыслѣ указанномъ выше. Самое измѣненіе пропорцій въ фигурѣ Лукреціи сравнительно съ каноническими фигурами Адама и Евы въ картинѣ 1507 года,— (тамъ отношеніе головы къ цѣлому равно приблизительно отношенію 1 къ 8, здѣсь 1 къ 9),—заставляетъ насъ съ еще большимъ основаніемъ предположить въ разсматриваемомъ рисунокѣ и самой картинѣ одну изъ дальнѣйшихъ попытокъ къ разрѣшенію все той же задачи, которая продолжала занимать, какъ увидимъ, великаго художника до конца его жизни.

заставивши ихъ поклониться—отомстить за смерть ея оскорбителю, тогда какъ въ картинѣ художникъ изобразилъ самоубійцу—одну въ ея комнатѣ.

Г Л А В А X.

Путешествіе Дюрера въ Нидерланды; цѣли его.—Дневникъ художника, относящійся къ періоду путешествія.—Значеніе путешествія для самого Дюрера.—Произведенія, сохранившіяся отъ этого времени.

Предпринимая свое путешествіе въ Нидерланды, Дюреръ имѣлъ въ виду, должно думать, опредѣленные цѣли. Каковы онѣ были?... Большинство изслѣдователей, какъ на ближайшую и важнѣйшую изъ нихъ, указываетъ на желаніе художника получить отъ новаго императора Карла V подтвержденіе назначенія той пенсіи, которую уже въ предыдущемъ году императоръ Максимилианъ постановилъ наградить Дюрера за продолжительные и разнообразныя труды его по увѣковѣченію въ произведеніяхъ искусства и прославленію личности царственнаго его покровителя. Самая эта пенсія, въ суммѣ 200 гульденовъ ежегодно, должна была быть уплачиваема Дюреру изъ городскихъ налоговъ Нюрнберга, слѣдовавшихъ къ уплатѣ императору городомъ. Подтвержденіе такого предположенія, дѣйствительно, находимъ въ словахъ самого Дюрера въ его дневникѣ, гдѣ подъ 4 ноября 1520 года художникъ кратко замѣчаетъ: «послѣ долгихъ стараній и съ большими усиліями, въ понедѣльникъ послѣ праздника св. Мартина, мною получена конfirmaція отъ императора, данная къ моимъ господамъ въ Нюрнбергѣ». Но уже самая краткость этого указанія и упоминаніе о конfirmации, между прочимъ, среди указаній Дюрера на свои художественныя работы и среди хозяйственныхъ счетовъ заставляеть думать, что эта цѣль была не единственною, даже не важнѣйшею. По аналогіи съ двумя предшествующими продолжительными путешествіями Дюрера можно утверждать, что и въ этой поѣздкѣ въ Нидерланды задачи чисто художественныя стояли на первомъ планѣ у Дюрера и занимали его не менѣе, чѣмъ забо-

ты о подтвержденіи пенсіи.— «Ко времени путешествія въ Нидерланды,—справедливо замѣчаетъ Шпрингеръ ¹⁾),—художественное направление Дюрера начинаетъ мѣняться. Его теоретическія штудіи привели его къ глубокому наблюденію природы и давали новую пищу его старинной любви къ характерному и выразительному. Склонность къ фантастическому отступаетъ теперь въ его душѣ на второй планъ, и чистое, простое стремленіе къ естественности и правдѣ пріобрѣтаетъ теперь преобладающее право... Послѣ продолжительнаго покоя пробуждается теперь въ немъ снова стремленіе къ художественному творчеству, но не въ прежнемъ направленіи, а на новыхъ, указанныхъ только что, основаніяхъ. Въ своемъ отечествѣ однако онъ не нашелъ для этого достаточныхъ побужденій: тому, кто желалъ бы побольше удѣлять мѣста живой правдѣ и естественности, слѣдовало ознакомиться съ болѣе богатымъ и разнообразнымъ міромъ. Для этого Нидерланды доставляли наиболѣе подходящій матеріалъ. Съ начала столѣтія Антверпенъ стоялъ во главѣ нидерландской торговли и нидерландскаго искусства; туда стекались сокровища міра, тамъ былъ центръ европейскаго общенія и на улицахъ его встрѣчались представители самыхъ разнообразныхъ народовъ. Туда же переселилось и искусство, процвѣтавшее ранѣе въ Гентѣ, Брюгге и Лѣвенѣ. Въ антверпенской художественной школѣ возникло и новое теченіе въ искусствѣ. Съ особенною любовью антверпенскіе художники создавали портретныя и характерныя фигуры, которыя они воспроизводили съ поразительной жизненной правдой. Разрѣшеніе задачи облегчалось для нихъ еще весьма развитымъ чувствомъ красоты, къ воспитанію котораго Дюреръ приходитъ только теперь, когда онъ ставитъ себѣ подобныя же задачи. Теперь уже не Италия манитъ его къ себѣ, какъ было то въ юности Дюрера, но неотразимо влекутъ Нидерланды. И ничто другое не показываетъ съ такою ясностью перемѣну въ художественныхъ стремленіяхъ Дюрера, какъ именно это измѣненіе въ оцѣнкѣ итальянскаго и сѣвернаго искусства и въ симпатіяхъ его теперь къ этому послѣднему. Что Дюреръ, избирая цѣлью новаго путешествія Нидерланды, сохранялъ неприкосновеннымъ и свой національный характеръ въ то время, какъ въ Италиі онъ долженъ былъ претер-

¹⁾ A. Springer: Durer, S. 123.

прѣвять различныя измѣненія,—это понятно само собою. Такимъ образомъ, и на интересахъ личнаго развитія Дюрера, и на національномъ направленіи его, путешествіе это должно было отразиться одинаково благопріятно...—Нельзя, наконецъ, не указать на ряду съ отмѣченными сейчасъ художественными задачами и еще одной цѣль практическаго характера, которую Дюреръ имѣлъ въ виду для своей будущей поѣздки. Онъ рассчитывалъ на усиленную *продажу* въ Нидерландахъ своихъ прежнихъ произведеній, особенно гравюръ, которыхъ онъ взялъ съ собою большое количество съ надеждою распродать большинство ихъ, а остальными обмѣниваться какъ съ художниками, такъ и съ другими лицами, въ отвѣтъ на подарки ихъ за время путешествія и разнообразныя услуги по отношенію къ Дюреру. Съ другой стороны, онъ былъ, какъ увидимъ вполнѣ справедливо, увѣренъ въ предстоявшихъ ему во время путешествія многочисленныхъ *заказахъ*, особенно портретныхъ, такъ какъ слава его, какъ художника, простиравшаяся тогда уже далеко за предѣлы отечества его, проникла и въ глубину Нидерландовъ.

Для насъ сохранился весьма значительный по размѣрамъ дневникъ Дюрера, составлявшійся имъ въ теченіе всего періода путешествія почти изо дня въ день и передающій намъ многочисленныя цифры и факты, относящіеся къ этому путешествію. Дневникъ этотъ ¹⁾, очевидно, писанный Дюреромъ только для себя и не назначавшійся для постороннихъ чпателей, будучи переполненъ цифровыми и фактическими данными, которыя записывались художникомъ для памяти и изъ чисто хозяйственныхъ расчетовъ, заключаетъ въ себѣ немного живыхъ и занимательныхъ описаній, какими могъ бы наполнить свой дневникъ любой путешественникъ - беллетристъ, совершая подобное путешествіе. Большая часть дневника

¹⁾ Самый оригиналъ дневника, писанный Дюреромъ, послѣ смерти его перешелъ во владѣніе Пиркгеймера, а отъ послѣдняго къ фамиліи Ингофъ. Въ 17 ст. этотъ оригиналъ перешелъ къ неизвѣстному лицу и впоследствии исчезъ безслѣдно: сохранились однако два старинныхъ, точныхъ и полныхъ списка съ оригинала, изъ которыхъ одинъ находится въ королевской библіотекѣ въ Бамбергѣ, а другой въ Ниренбергскомъ архивѣ. Опубликованъ дневникъ, въ цѣломъ или частяхъ у *Murr: Journal zur Kunstgeschichte VII, (1779), 55—98; Thausing: Dürers Briefe etc., 76—133; Campe: Reliquien von A. Dürer, 71—145; Leitschuh: A. Dürers Tagebuch der Reise in die Niederlande (Leipzig 1884); v. Eye-Seitz: A. Dürers Leben und künstlerische Thätigkeit, 106—227; Lange und Fuhse: Dürers schriftl. Nachlass, 99—179.*

занята перечисленіемъ путевыхъ расходовъ художника, которые онъ высчитываетъ здѣсь до мельчайшихъ подробностей, заноса на память каждый истраченный пфеннигъ, записывая на ряду съ этимъ и каждый случайный доходъ, получавшійся имъ иногда на пути, — отчего самый дневникъ становится похожимъ въ этихъ частяхъ на приходо-расходную книжку, мало интересную для посторонняго читателя. На ряду съ этимъ однако встрѣчается въ дневникѣ значительное количество и иныхъ указаній, имѣющихъ для насъ историческій интересъ и несомнѣнную цѣнность, какъ документальныя свидѣтельства самого художника о фактахъ собственной его творческой дѣятельности за разсматриваемый періодъ; объ отношеніи къ нему со стороны чужеземныхъ художниковъ и любителей искусства; о денежной и художественной стоимости разнообразныхъ произведеній, соданныхъ имъ, и т. д. Приводя ниже въ краткомъ извлеченіи содержаніе дневника въ его хронологической послѣдовательности, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ эти, именно, указанія художника, поставляющія дневникъ его въ тѣсную связь съ предметомъ нашего изслѣдованія.

Вмѣстѣ съ своею женою и служанкой Дюреръ выѣхалъ изъ Нюрнберга 12 іюля 1520 года. Черезъ Эрлангенъ и Форшгеймъ они достигли Бамберга, гдѣ Дюреръ подарилъ тамошнему епископу, извѣстному меценату Георгу III, полный серіи своихъ гравюръ къ «Апокалипсису» и «Жизни пресв. Богородицы», и сверхъ того значительное число другихъ гравюръ, а также писанный красками образъ Мадонны. Въ благодарность за всѣ подарки епископъ пригласилъ художника къ себѣ въ гости, далъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ различнымъ лицамъ и открытый листъ, освобождавшій Дюрера отъ уплаты пошлинъ при проѣздѣ черезъ нѣмецкіе города, благодаря чему художникъ былъ избавленъ при дальнѣйшемъ проѣздѣ по Германіи отъ неприятныхъ заботъ и довольно многочисленныхъ таможенныхъ расходовъ. Черезъ цѣлый рядъ малыхъ и большихъ нѣмецкихъ городовъ (Франкфуртъ, Майнцъ, Кельнъ и др.), Дюреръ достигаетъ, наконецъ, Нидерландовъ, гдѣ и останавливается на продолжительное время въ Антверпенѣ. По пути въ Нидерланды въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ Дюреру приходилось проѣзжать или останавливаться, онъ неоднократно получалъ отъ своихъ почитателей, въ знакъ особаго уваженія и вни-

манія, то вино и съѣстные припасы, то бесплатный ночлегъ, то угощеніе обѣдомъ, ужиномъ, и т. д.; художникъ съ своей стороны отдаривалъ нѣкоторыхъ изъ такихъ почитателей гравюрами, которыхъ онъ взялъ съ собою большое количество, а иногда и рисунками.

Свое пребываніе въ Антверпенѣ Дюреръ описываетъ съ большими подробностями. Онъ остановился въ гостиницѣ I. Планкфелта, портретъ котораго впоследствии онъ исполнилъ перомъ, приславивши къ нему пояснительную надпись: «das ist mein wirt zu Antorff Iobst Planckfelt 1520» ¹⁾—Въ первый же день по пріѣздѣ, какъ неоднократно и впоследствии, знаменитаго художника мѣстные художники и другіе почитатели таланта его угощаютъ торжественными обѣдами, о которыхъ Дюреръ сообщаетъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. «Въ воскресенье, въ день св. Освальда,—пишетъ онъ объ одномъ изъ такихъ торжественныхъ угощеній,—здѣшніе художники пригласили меня вмѣстѣ съ женою моею и служанкой въ свое собраніе. Вся посуда была серебряная; угощеніе—самое дорогое; были тамъ также и ихъ жены. И когда меня подвели къ столу, то по обѣимъ сторонамъ отъ меня стояла толпа, какъ будто бы вели какого-либо великаго человѣка. Между присутствующими находились нѣкоторые, весьма извѣстные здѣсь люди, которые разговаривали со мною самымъ дружественнымъ образомъ, показывая мнѣ свое полное расположеніе. Они говорили, что желали бы сдѣлать все возможное для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. И когда я, почтенный такимъ образомъ, сидѣлъ между ними, явился самъ синдикъ города Антверпена съ двумя слугами и поднесъ мнѣ въ даръ отъ имени антверпенскихъ гражданъ 4 кувшина вина, добавивши при этомъ, что такимъ подношеніемъ они желали почтить меня. Я выразилъ имъ мою отвѣтную благодарность и готовность служить. Затѣмъ подошелъ ко мнѣ представитель городскихъ плотниковъ, мастеръ Петръ, и поднесъ мнѣ въ даръ два кувшина вина съ выраженіемъ своего глубокаго почтенія. После того какъ мы просидѣли такимъ образомъ въ дружеской бесѣдѣ до поздней ночи, всѣ присутствующіе проводили меня съ факалами до мой и просили меня и всегда относиться къ нимъ съ такимъ же

¹⁾ Превосходный портретъ этотъ, находящійся нынѣ въ Штеделевскомъ институтѣ во Франкфуртѣ,—воспроизведенъ у *Lippmann Taf. 196; Ephrussi: dessins, 271* и др.

расположеніемъ, не забывая о нихъ. Я очень благодарилъ ихъ за все и потомъ отправидся спать»...

Въ послѣдующіе дни своего пребыванія въ Антверпенѣ Дюреръ осматриваетъ различныя достопримѣчательности города и работы мѣстныхъ художниковъ, причѣмъ особенное вниманіе его останавливаютъ на себѣ обширныя декоративныя работы, подготовлявшіяся тогда для украшенія антверпенскихъ улицъ по случаю предстоявшаго торжественнаго вѣзда императора Карла V въ городъ. Въ то же время онъ усердно работаетъ и самъ, отчасти выполняя заказы разнообразныхъ лицъ, желавшихъ имѣть произведенія знаменитаго художника и пользовавшихся удобнымъ для этого случаемъ, отчасти—слѣдуя собственному влеченію, зарисовывая для будущихъ своихъ работъ эскизы и этюды интересовавшихъ его мѣстъ, архитектурныхъ сооружений, отдѣльныхъ предметовъ и лицъ, и т. п.

Отъ этого перваго періода пребыванія Дюрера сохранилось для насъ нѣсколько рисунковъ его. Таковы *три различные вида Антверпена*, изъ которыхъ одинъ, находящійся въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ, изображаетъ городскую часть подлѣ, такъ наз., Scheldethor (съ надписью самого художника: «1520 Antorff»); другой, въ собраніи Граля въ Дрезденѣ, показываетъ намъ часть Антверпена съ церквами св. Михаила и св. Андрея; третій, въ собраніи герцога Омальскаго, даетъ изображеніе церкви св. Михаила ¹⁾.

Изъ значительнаго количества *портретовъ*, исполненныхъ за это первое время углемъ, перомъ, карандашомъ и даже красками, и упоминаемыхъ самимъ художникомъ въ дневникѣ, для насъ сохранились, кромѣ упомянутаго уже портрета хозяина гостиницы, I. Планкфельта, только два съ опредѣленными именами, тогда какъ цѣлый рядъ портретныхъ мужскихъ и женскихъ изображеній, воспроизведенныхъ у Lippmann на табл. 277—280, представляетъ собою рядъ безымянныхъ этюдовъ оставшихся неизвѣстными лицъ ²⁾.

¹⁾ Рисунки воспроизведены у *Ephrussi: dessins, pag. 270; Thausing: Dürer. II, 175* и *Lippmann Taf. 55.*

²⁾ Изъ портретныхъ изображеній, поименованныхъ художникомъ въ надписяхъ, одно воспроизводитъ черты знаменитаго антверпенскаго игрока на лютнѣ, Феликса Гунгерсберга (надпись: „daz ist hauptman Felix der köstlich Lautenschlaher 1520“); другое—Ганса Цфафрота (надпись: Hans Pfaffroth van Danzgen ein stark Mann 1520). Первый рисунокъ, наход. въ Альбертинумѣ, воспроизв. въ *Gazette d. beaux Arts* 1879, I, 61; *Ephrussi* 287; второй изъ коллекціи Бендемана въ Дюссельдорфѣ, воспроизв. у *Lippmann, Taf. 178; Ephrussi, 272.*

Съ живымъ интересомъ наблюдаетъ Дюреръ въ Антверпенѣ и бытовую жизнь горожанъ, при чемъ особенное вниманіе его оставявляютъ на себѣ религіозныя торжества и церемоніи антверпенскихъ обитателей. Одно изъ такихъ торжествъ Дюреръ довольно подробно описываетъ на страницахъ своего дневника: грандіозное шествіе представителей всѣхъ городскихъ ремесленныхъ цеховъ и огромной толпы антверпенскихъ гражданъ изъ церкви Пресв. Богородицы по большимъ городскимъ улицамъ, во время котораго различныя евангельскія событія изображались въ лицахъ участниками процессіи.

Изъ Антверпена Дюреръ отправляется въ концѣ августа на короткое время въ *Брюссель*, и здѣсь повторяется въ меньшемъ масштабѣ то же, что раньше происходило въ Антверпенѣ: угощенія обѣдами и ужинами со стороны мѣстныхъ художниковъ и другихъ почитателей Дюрера; поднесеніе въ даръ знаменитому гостю разнообразнѣйшихъ предметовъ въ знакъ особаго уваженія и отвѣтныя подарки со стороны Дюрера, который отдаривалъ своихъ почитателей обыкновенно своими гравюрами и рисунками; писаніе портретовъ по заказамъ разныхъ лицъ, какъ и по собственному желанію художника, если находились лица, заинтересовывавшія его своею характерностью или иными особенностями. Изъ цѣлаго ряда этихъ портретовъ, созданныхъ въ Брюсселѣ и упоминаемыхъ въ дневникѣ, сохранилось для насъ только два: одинъ, набросанный углемъ, нынѣ въ собраніи Gigoux въ Парижѣ, изображаетъ знаменитаго гуманиста *Эразма Роттердамскаго*, впоследствии (въ 1526 году) исполненнаго Дюреромъ по этому эскизу съ измѣненіями въ извѣстной гравюрѣ ¹⁾; другой, исполненный масляными красками и нынѣ находящійся въ Дрезденской галлерей ²⁾ воспроизводитъ характерныя черты не менѣе знаменитаго художника *Бернарда ванъ-Орлея*, почитившаго Дюрера роскошнымъ обѣдомъ, за который тотъ отблагодарилъ его превосходнымъ художественнымъ произведеніемъ.

¹⁾ Рисунокъ воспроизвед. у Lippmann Taf. 361 и Ephrussi, pag. 277; надъ головой Эразма собственноручная надпись художника: „1520. Erasmus von rotterdam“.

²⁾ Портретъ означенъ № 1871 (1725); ср. Ephrussi: dessins, pag. 276. Эскизный рисунокъ, по которому былъ написанъ портретъ, не сохранился для насъ. Кромѣ того отъ періода пребыванія Дюрера въ Брюсселѣ нынѣ въ Корол. Академіи въ Вѣнѣ рисунокъ перомъ, изображающій мѣстный зоологическій садъ (у Lippmann Taf. 427), съ надписью: dz. ist zw prüssel der dirhartn und die Lust hindn avs dem schlos hinab zw. sehn. 1520.

Въ началѣ сентября Дюреръ снова возвращается въ *Антверпенъ*, гдѣ жизнь его протекаетъ попрежнему въ дружественномъ общеніи съ художниками и уважаемыми гражданами и въ творческой дѣятельности. За этотъ періодъ вторичнаго пребыванія въ городѣ Дюреръ создаетъ опять цѣлый рядъ портретовъ ¹⁾, отчасти за плату, но еще чаще, какъ съ видимымъ неудовольствіемъ отмѣчаетъ художникъ, за такіе или иные подарки со стороны тѣхъ лицъ, портреты которыхъ онъ исполнялъ,—подарки, состоявшіе въ подношеніяхъ ему вина, мѣстныхъ или чужеземныхъ продуктовъ, матерій на костюмы ему и женѣ, различныхъ вещицъ и т. п.

Въ первыхъ числахъ октября Дюреръ снова покидаетъ на время Антверпенъ и отправляется въ *Аахенъ*, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ интересовавшими его художественными и иными достопримѣчательностями города и зарисовать ихъ для себя. Изъ многочисленныхъ рисунковъ, исполненныхъ Дюреромъ за время пребыванія въ Аахенѣ, нѣсколько сохранилось до нашего времени въ различныхъ собраніяхъ. Такъ, на листѣ, находящемся въ собр. Малькольма въ Лондонѣ ²⁾ изъ большого окна коронаціонной залы дворца художникомъ былъ зарисованъ карандашомъ знаменитый соборъ; подлѣ рисунка собственноручная помѣтка художника: «zw ach das münstr.»—На другомъ рисункѣ, находящемся въ коллекціи герцога Омальскаго, представленъ перспективный видъ Аахенской ратуши, съ надписью Дюрера на фонѣ подлѣ рисунка: «dz rathus zw ach» ³⁾.—На третьемъ листѣ съ одной стороны находимъ изображеніе церкви Пресв. Богородицы съ ближайшею къ ней мѣстностью, а съ другой—портретъ нѣкоего Каспара Штурма, какъ поясняетъ надпись подлѣ него: «1520. Casper Sturm alt 45 jor. zw ach gemacht.» ⁴⁾ Къ этому же времени относятся портреты двухъ гражданъ, Топлера и Пфінтцинга, зарисованныхъ Дюреромъ на одномъ листѣ рядомъ, съ надписями подлѣ длиннородаго старика въ клѣтчатомъ баретѣ: «rawll dopler 1520. LXI jor Alt»; и подлѣ молодого человѣка въ шубѣ и шляпѣ:

¹⁾ Два изъ такихъ портретовъ (неизв. лицъ) воспроизв. у Lippmann Taf. 360 и 372.

²⁾ Рисунокъ воспроизвед. у Lippmann, Taf. 404.

³⁾ Рисунокъ воспроизвед. у Lippmann Taf. 388, Ephrussi, pag. 282—3, табл.

⁴⁾ Рисунокъ воспр. у Lippmann Taf. 340; Gazette d. beaux. arts I pér. XIX, 350.

⁵⁾ Рисунокъ воспр. у Lippmann Taf. 439 и Ephrussi, pag. 284—5, табл.; наход. въ коллекціи Holford въ Лондонѣ.

«mertn pfintzing XX jor akt. zw ach gemacht.» — Подъ 4 ноябрь Дюреръ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, въ цитированныхъ уже выше выраженіяхъ, о полученіи отъ императора Карла V конфирмаціи на продолженіе ему пожизненной пенсіи со стороны города Нюренберга. Конфирмація подписана была императоромъ въ Бельгѣ и требовала отъ городского совѣта Нюренберга, къ которому обращается императоръ, ежегодной неукоснительной выдачи великому художнику по сотнѣ рейнскихъ гульденовъ, изъ суммы, какую долженъ былъ городъ вносить ежегодно въ императорскую казну ¹⁾).

Конецъ 1520 года и большую часть остального времени своего пребыванія въ Нидерландахъ Дюреръ проводитъ по преимуществу въ Антверпенѣ, откуда онъ совершаетъ обыкновенно только на короткое время поѣздки въ различные города, возвращаясь затѣмъ снова въ Антверпенъ.

Художественная дѣятельность Дюрера не прекращается за все время на сколько-нибудь значительный срокъ, и каждая изъ этихъ поѣздокъ приноситъ ему все новые матеріалы для творчества. Не смотря на то, что изъ числа упоминаемыхъ въ дневникѣ самимъ художникомъ произведеній отъ этого періода, какъ и предыдущихъ, большая часть до насъ не дошла, — количество сохранившихся работъ его, относящихся къ разсматриваемому времени, оказывается все-таки довольно значительнымъ.

Преобладающимъ видомъ среди всѣхъ этихъ дальнѣйшихъ работъ художника въ Нидерландахъ попрежнему являются *портреты* различныхъ лицъ, обыкновенно обозначаемыхъ по имени въ собственноручныхъ надписяхъ Дюрера подлѣ рисунка. Таковы, между прочимъ, портреты: жены Дюрера, Агнессы, изображенной въ одеждѣ нидерландскихъ женщинъ и съ дорогимъ платкомъ на головѣ, послѣ 27 лѣтъ брачной жизни ея съ художникомъ, какъ гласитъ пояснительная надпись подлѣ портрета ²⁾); уже упомянутого выше, Феликса Гунгерсберга, съ надписью прославляющей его на ряду съ двумя

¹⁾ Конфирмація полностью опубликована у *Campe: Reliquien*, 56; *Tracing Durers, Briefe etc.*, 175—6.

²⁾ Надпись эта слѣдующаго содержания: „dz hat Albrecht Durer nach seiner hawsfrauen conterfet zw Antorff in der niederlandischen kleidung im Ior 1521 do sy aeneinander zu der Eh gehabt hetten. XXVII Iohr.“ Рисунокъ наход. въ Берлин. гравюръ; воспроизведенъ у Lippmann Taf. 64; Ephrussi 310; Knackfuss, S. 106.

другими знаменитыми музыкантами того времени ¹⁾); портретъ Равенсбургера въ широкополой шляпѣ и въ кафтанѣ, отороченномъ мѣхомъ, съ надписью: «jorg rafenspurger gemacht zw Antorff», и съ изображеніемъ высокой башни на томъ же листѣ подлѣ портрета ²⁾. Далѣе, на одномъ листѣ, находящемся въ коллекціи герцога Омальскаго, Дюреръ зарисовалъ, проѣздомъ черезъ Бергенъ, характерныя лица пожилой женщины и дѣвушки, служившихъ въ семействѣ нѣкоего Яна Гаса,—съ своеобразными праздничными уборами на головахъ; подлѣ нихъ пояснительная надпись: «zw Pergen Feuertag». На оборотной сторонѣ того же листа позднѣе, уже въ городѣ Goes, (какъ видно изъ помѣтки художника: «zw der Gus in Selant») зарисована была Дюреромъ фигура молодой дѣвушки въ оригинальномъ мѣстномъ костюмѣ, о чемъ упомянуто кратко и въ дневникѣ ³⁾.

Въ Антверпенѣ, уже въ 1521 году, Дюреръ дважды воспроизвелъ особенно заинтересовавшее его своею оригинальною выразительностью лицо старика—натурщика, имѣвшаго тогда 93 года отъ роду, но очень еще бодрого и здороваго, какъ замѣчаетъ художникъ въ своемъ дневникѣ, добавляя при этомъ, что онъ самъ пожелалъ заплатить нѣкоторую сумму за позированіе этому старику въ качествѣ столь интересной модели. Одинъ изъ рисунковъ съ надписью: «der man was alt 93 jor und noch gesund und vermüglich zw antorf», (ниже цифра 1521 и монограмма Дюрера), сохраняется въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ; другой, близко похожій на предыдущій находится въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ ⁴⁾. Въ обоихъ случаяхъ старикъ—натурщикъ съ длинною волнистою бородою, съ крупными чертами лица, покрытаго множествомъ глубокихъ морщинъ, съ мягкой шапчочкой на головѣ, сидя передъ столомъ, задумчиво опирается щекою на правую руку.

Къ немного болѣе позднему времени пребыванія въ Антвер-

¹⁾ Рис. воспр. въ Gazette d. beaux arts XIX (1879), 2 pér. 65 и 70; надпись подлѣ портрета: „Felix Hungersperg der kostlich und übergrad Lautenschlaher. Ds sind die besten: Felix, Adolff, Samario“.

²⁾ Воспр. у Lippmann, Taf. 55. Рис. наход. въ Берлин. каб. гравюръ.

³⁾ Рисунокъ воспроизведенъ у Ephrussi: dessins, pag. 288—9, табл.; другіе этюды головъ въ оригинальныхъ уборахъ, зарисованные тамъ же, см. у Lippmann, таблицы 341—342.

⁴⁾ Вѣнскій экземпляръ см. на нашемъ рис. № 62; Берлинскій у Lippmann Taf. 61.

пенѣ относится рисунокъ, исполненный Дюреромъ по заказу одного мѣстнаго цеха: для церковной одежды, посвященной св. Николаю, гдѣ художникъ изобразилъ святителя въ полномъ архіепископскомъ облаченіи ¹⁾.



Рис. 62.

Къ 1521 году относится далѣе упоминаемый въ дневникѣ портретъ служившей у португальскаго консула молодой мавританки, по

¹⁾ Рисунокъ находится въ Берлин. каб. грав.; на эскизѣ находится рядомъ съ этою фигурою еще портретъ неизвѣстнаго съ мѣховою шапкой на голови. У Lippman Taf. 57.

имени Екатерины, какъ явствуетъ и изъ надписи подлѣ портрета: <1521. Katharina alt 20 johr> ¹⁾).

Въ бытность свою въ *Брюге*, гдѣ Дюреръ былъ принятъ очень радушно, онъ съ живымъ интересомъ осматриваетъ и изучаетъ художественныя достопримѣчательности города, между прочими въ особенности знаменитую Мадонну Микельанжело, картины Яна ванъ-Эйка, Ганса Мемлинга и другихъ извѣстныхъ мастеровъ. При этомъ великій нѣмецкій художникъ не считаетъ для себя безполезнымъ даже въ эту эпоху своей вполнѣ установившейся славы извлечь изъ изученія произведеній такихъ мастеровъ поучительныя указанія въ такомъ или иномъ отношеніи и тщательно зарисовываетъ для себя здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, детали картинъ, особенно заинтересовавшія его какими-либо достоинствами. Изъ рисунковъ этого рода сохранился одинъ въ Бременскомъ музеѣ, на которомъ скопированы были съ одной изъ картинъ Мемлинга женская голова и одежды ²⁾).

Въ *Гентѣ* Дюреръ, встрѣтившій столь же симпатичный приемъ, какъ и въ Брюге, также внимательно изучаетъ произведенія знаменитыхъ мастеровъ, особенно нидерландскихъ, изъ которыхъ наибольшія похвалы онъ расточаетъ въ своемъ дневникѣ мастерству исполненія извѣстнаго Гентскаго алтаря братьевъ Губерта и Яна ванъ-Эйковъ въ церкви св. Іоанна. Въ томъ же Гентѣ Дюреръ (какъ упоминаетъ онъ въ дневникѣ) видѣлъ великолѣпныхъ львовъ, которыхъ онъ съ величайшею жизненной правдой мастерски воспроизвелъ въ двухъ превосходныхъ рисункахъ карандашомъ, находящихся одинъ въ Вѣнской королев. библіотекѣ, а другой въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ ³⁾).

Во время пребыванія своего въ *Мехельнѣ*, Дюреръ посѣтилъ тогдашнюю нидерландскую намѣстницу, эрцгерцогиню Маргариту, которая показала ему свое драгоценное собраніе изъ 40 картинъ различныхъ художниковъ, писанныхъ масляными красками, — картинъ,

¹⁾ Рисунокъ нынѣ находится въ Уффицихъ во Флоренціи; воспроизведенъ у Knackfuss; Durer, S. 102.

²⁾ Рисунокъ воспроизвед. у Lippmann Taf. 122.

³⁾ Надписи на одномъ изъ нихъ, воспроизвед. у Lippmann Taf. 60, какъ и на другомъ, воспр. тамъ же табл. 425, указываютъ мѣсто исполненія рисунковъ: zw gent. На оборотной сторонѣ вѣнскаго экземпляра помѣщены портреты молодой дѣвушки въ своеобразной прическѣ (надпись: kölnisch gerend), и жены Дюрера въ одѣяннѣ, подобномъ монашескому; — послѣдній рис. воспр. у Ephrussi pag. 302.

подобныхъ которымъ по совершенству работы, какъ замѣчаетъ Дюреръ въ своемъ дневникѣ, онъ никогда еще не видѣлъ. Кроме этихъ 40 картинъ, Маргарита показала ему еще нѣсколько произведеній Яна ванъ Эйка, принадлежавшихъ ей, и замѣчательный альбомъ рисунковъ Джакомо Барбари. Этотъ послѣдній альбомъ настолько заинтересовалъ и увлекъ Дюрера, что онъ усиленно просилъ Маргариту подарить рисунки ему; къ великому огорченію художника владѣтельница альбома, которой онъ самъ передъ тѣмъ подарилъ богатую коллекцію лучшихъ своихъ гравюръ и рисунковъ, отказала ему, ссылаясь на то, что будто бы уже обѣщала эти рисунки въ даръ другому художнику.

Возвратившись послѣ поѣздки въ Мехельнъ снова въ Антверпенъ, Дюреръ опять исполняетъ цѣлый рядъ портретовъ, изъ которыхъ одинъ, именно, портретъ извѣстнаго художника *Луки Лейденскаго* сохранился до настоящаго времени ¹⁾. Повидимому, къ этому же послѣднему періоду пребыванія въ Антверпенѣ относится и замѣчательный портретъ неизвѣстнаго, писанный маслянными красками въ 1521 году и обозначаемый обыкновенно именемъ *Ганса Имофа* ²⁾, хотя впрочемъ безъ всякихъ, сколько нибудь убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу такого наименованія. Неизвѣстный одѣтъ въ роскошную, чернаго бархата шубу съ большимъ мѣховымъ воротникомъ; на головѣ надѣта черная шляпа съ широкими полями, изъ-подъ которой густыми прядями падаютъ внизъ длинные вьющиеся волосы; лѣвая рука держитъ свитокъ бумаги, правая видна только въ небольшой своей части и, повидимому, опирается на какой-то предметъ. Плотны сжатые губы, тупой подбородокъ, рѣзкія складки около рта, короткій прямой носъ и глаза, въ которыхъ свѣтится умъ, энергія и проницательность, даютъ въ высшей степени живой и характерный обликъ, заставляющій думать о величайшемъ сходствѣ съ оригиналомъ, позировавшимъ передъ художникомъ для портрета: что касается достоинствъ самаго исполненія его, то они таковы, что даже среди лучшихъ портретовъ, разновремененно созданныхъ Дюреромъ, ему должно быть отведено одно изъ первыхъ и почетнѣйшихъ мѣстъ.

¹⁾ Портретъ этотъ исполненный карандашомъ находится въ Англѣскомъ музеѣ воспроизвед. въ Gazette d. beaux arts, 2 pèr. XV, 81.

²⁾ См. нашъ рисунокъ № 68. Портретъ хранится въ Мадридскомъ музеѣ.

Въ началѣ іюля Дюреръ выѣхалъ изъ Антверпена въ послѣдній разъ и, по приглашенію датскаго короля Христіана II, обѣжавшаго въ Нидерланды послѣ «Стокгольмской кровавой бани», прибылъ въ Брюссель, чтобы написать портретъ короля. Здѣсь художникъ былъ приглашенъ на обѣдъ, устроенный королемъ датскимъ для императора Карла V, эрцгерцогини Маргариты и гостившей тутъ королевы испанской; а въ послѣдующіе дни исполнилъ портретъ короля масляными красками на деревѣ, къ сожалѣнію, не со-



Рис. 63.

хранившійся для насъ и извѣстный только по одной старинной гравюрѣ Якова Бинка ¹⁾.

Изъ Брюсселя, который является послѣднимъ мѣстомъ продолжительной остановки Дюрера во время путешествія, 12 іюля 1521

¹⁾ См. *Bartsch*: peintre-graveur IV, 280; *Passavant*: peintre — graveur II, 95 № 137.

года художникъ съ женой и служанкой отправляется черезъ рядъ небольшихъ городовъ по направленію къ Кельну, а оттуда въ свой родной Нюренбергъ.

Каковы были въ дѣйствительности результаты поѣздки Дюрера въ Нидерланды? Оправдались ли тѣ надежды, которыя возлагалъ художникъ на это путешествіе? Достигнуты ли были тѣ задачи, которыя преслѣдовалъ онъ, уѣзжая въ эту страну?..

Въ матеріальномъ отношеніи путешествіе это не было выгодно для Дюрера, и самъ художникъ неоднократно жалуется въ своемъ дневникѣ, что въ большинствѣ случаевъ тѣ предметы, которыми одаривали его за различныя работы его, предлагавшіяся художникомъ въ видѣ подарковъ, далеко не соотвѣтствовали по цѣнѣ дѣйствительной ихъ стоимости; что въ другихъ случаяхъ плата за портреты, исполненные Дюреромъ, оказывалась также ничтожною, а въ цѣломъ рядѣ случаевъ художникъ за свои работы и за подарки и вовсе ничего не получалъ, какъ это было, напр., даже съ эрцгерцогиней Маргаритой, которая ничего не подарила Дюреру, но и ничего не заплатила за всѣ поднесенныя имъ работы его.

Оправдались ли, по крайней мѣрѣ, расчеты Дюрера на благотворное художественное вліяніе на него со стороны нидерландскихъ мастеровъ? Достигнуты ли были имъ тѣ художественныя задачи, которыя поставлены были для этого путешествія?..—Въ самомъ дневникѣ мы не находимъ подробныхъ и опредѣленныхъ указаній въ этомъ отношеніи. Но и изъ краткихъ свѣдѣній, имѣющихся въ дневникѣ, можно все же несомнѣнно заключить о значительномъ вліяніи на Дюрера со стороны нидерландскихъ художниковъ; а самыя произведенія его, относящіяся къ періоду путешествія, даютъ возможность судить и относительно общаго характера этого вліянія. Посѣщая различные города въ Нидерландахъ, Дюреръ по указаніямъ и нерѣдко въ сопровожденіи мѣстныхъ художниковъ, какъ неоднократно отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ, внимательно осматриваетъ и изучаетъ важнѣйшія художественныя достопримѣчательности ихъ, особенно въ области живописи, которыя, къ сожалѣнію, онъ только кратко перечисляетъ въ своемъ дневникѣ, не разъясняя ближе своего отношенія къ нимъ. Тѣмъ не менѣе даже такого простого перечисленія интересовавшихъ Дюрера произведеній, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что таковыми оказывались, именно, работы

художниковъ по преимуществу *реалистическаго направленія*, господствовавшаго тогда въ Нидерландахъ и увлекавшаго великаго нѣмецкаго художника своею поразительной *жизненной правдой, съжестью красокъ, простотой композицій, естественностью положеній*,—всѣми тѣми достоинствами, которыя въ этотъ періодъ развитія Дюрера получили въ его глазахъ особенно важное значеніе.

Съ другой стороны, и созданныя за время путешествія произведенія самого Дюрера, сохранившіяся для насъ, показываютъ, что характерныя черты того же самаго реалистическаго направленія, котораго и ранѣе художникъ держался, съ каждымъ годомъ усиливаясь въ своихъ проявленіяхъ, теперь получаютъ въ его работахъ еще болѣшую интенсивность и еще болѣшую послѣдовательность, достигая къ этому моменту уже окончательной зрѣлости.

У нидерландскихъ художниковъ реалистическія стремленія сказывались вышнимъ образомъ, между прочимъ, въ преобладаніи *портретной живописи, ландшафта и изображеній животныхъ* надъ всѣми другими видами содержанія въ живописи. У Дюрера среди произведеній разсматриваемаго періода, упоминаемыхъ въ дневникѣ и сохранившихся для насъ, эти три вида содержанія являются также господствующими: громадное количество портретовъ, цѣлый рядъ пейзажей и изображеній различныхъ животныхъ,—все это, исполненное художникомъ непосредственно съ натуры въ его путешествіи, составляетъ почти исключительное содержаніе какъ его знаменитаго «*альбома эскизовъ*» (Skizzenbuch), листы котораго въ значительномъ количествѣ сохранились для насъ ¹⁾, такъ и отдѣльныхъ произведеній его изъ этого періода, выполненныхъ карандашомъ, перомъ, углемъ, масляными красками, и т. д.

Что касается *характера исполненія* этихъ рисунковъ, и въ частности портретныхъ изображеній, то въ нихъ поражаетъ, не только величайшее *сходство* съ живою натурой, но и по истинѣ замѣчательное *умѣнье* художника—схватить и соотвѣтствующими чертами воплотить самыя разнообразныя *психологическіе моменты*.—«Дюреръ

¹⁾ Этотъ „альбомъ эскизовъ“, изъ которыхъ большая часть была уже упомянута выше, по смерти художника поступилъ во владѣніе его наследниковъ, отъ которыхъ затѣмъ перешелъ въ фамилію Пфизтинговъ. Въ началѣ 17 вѣка всѣ листы альбома, края которыхъ сильно попортились, были обрѣзаны почти до рисунковъ и наклеены на плотную бумагу; впоследствии отдѣльные листы этого альбома разошлись по различнымъ музеямъ и частнымъ коллекціямъ.

показалъ здѣсь себя столь тонкимъ изслѣдователемъ самыхъ интимныхъ особенностей, самыхъ тайныхъ изгибовъ души человѣческой, а рука его оказывалась настолько способною къ передачѣ въ видимыхъ формахъ всего того, что отыскивалъ онъ въ человѣческомъ духѣ, что въ этихъ своихъ рисункахъ онъ является столько же великимъ психологомъ, какъ и художникомъ. При томъ же все, что онъ воспроизводитъ здѣсь, достигнуто съ такими незначительными средствами и такъ далеко отъ всякой принужденности и намѣренности, что трудно повѣрить, будто все это сдѣлано при помощи искусства, а не создано самою природою. Такъ ни одна точка, и ни одна линія въ своихъ главныхъ частяхъ не оказывается тутъ лишнею, но каждая точка и линія естественно приобрѣтаютъ подъ его рукою свое особое значеніе, становятся какъ бы языкомъ для передачи сущности предметовъ, чего большинство другихъ художниковъ не умѣетъ достигнуть даже при величайшемъ напряженіи силъ...» ¹⁾—Значительный интересъ представляетъ, въ виду сказаннаго, одна группа рисунковъ Дюрера, дошедшая до насъ изъ періода 1520—24 годовъ и показывающая ясно въ связи съ предыдущимъ, насколько художникъ увлеченъ былъ въ ту пору сюжетами реалистическаго содержанія, какъ въ то же самое время ослабѣлъ его интересъ къ религиознымъ сюжетамъ, не находящимъ уже для себя, по признанію самого художника, надлежащаго воплощенія въ его работахъ изъ означеннаго періода. Мы разумѣемъ ту группу эскизовъ, которая была изготовлена Дюреромъ для новой, пятой по счету, серіи «страстей Христовыхъ», предполагавшихся къ исполненію въ гравюрахъ, но оставшихся невыполненными въ виду явной неудовлетворенности самого художника созданными имъ пробными композиціями. Въ теченіе дѣлныхъ четырехъ лѣтъ художникъ успѣваетъ создать эскизы всего лишь для пяти отдѣльныхъ сценъ изъ той самой серіи «страстей», для которой въ прежніе годы онъ умѣлъ съ такимъ изумительнымъ разнообразіемъ воспроизводить дѣльные ряды послѣдовательныхъ моментовъ, раскрывавшихъ для зрителя всю, разнообразную перипетіями, трагедію страданій Христовыхъ. Одушевленіе, такъ долго не покидавшее художника по отношенію къ этому, нѣкогда столь дорогому для него предмету, видимо

¹⁾ A. von Eye: Leben und Wirken A. Dürers, S. 435.

оставляет его теперь, обратившись всецѣло на другіе предметы, на реальный, видимый и осязаемый міръ современной ему дѣйствительности. Этого мало. Даже немногими, созданными имъ эскизами, художникъ очевидно былъ недоволенъ, измѣняя композицію по два, даже по три раза, въ надеждѣ отыскать для содержанія сцены, какъ онъ теперь его понималъ, соответствующія формы, но и послѣ всего этого все таки не удовлетворяясь созданными композиціями изъ которыхъ за единственнымъ исключеніемъ, всѣ остальные, какъ сказано, не нашли себѣ воспроизведенія въ гравюрѣ ¹⁾.

Эти эскизы къ серіи «страстей Христовыхъ» являлись, такимъ образомъ, послѣднею попыткою Дюрера—трактовать предметъ, занимавшій его въ теченіе многихъ годовъ, въ еще новыхъ формахъ, которыя соответствовали бы его измѣнившимся за послѣднее время воззрѣніямъ. И самая неудовлетворенность художника этой попыткой его представляется особенно знаменательнымъ показателемъ характера этихъ новыхъ воззрѣній и стремленій его,—показателемъ измѣнившихся отношеній художника къ прежнимъ предметамъ.

¹⁾ Изъ этихъ эскизовъ два изображаютъ сцену „несенія креста“, и находятся оба въ галереѣ Уффиций во Флоренціи; три эскиза воспроизводятъ сцену „положенія Христа во гробъ“, изъ нихъ одинъ—во Франкфуртѣ, другой—въ германскомъ музеѣ Ниренберга, третій въ Уффицияхъ; два эскиза представляютъ „Христа молящагося на горѣ Елеонской“, оба во Франкфуртѣ; два эскиза изображаютъ „тайную вечерю“ въ Вѣн. Альбертинумѣ, изъ нихъ одинъ воспроизведенъ въ 1523 году въ гравюрѣ на деревѣ (по Bartsch № 53, Heller 1622, Rettberg 250: въ вечерѣ участвуютъ только 11 апостоловъ, безъ Іуды, образу по обѣ стороны отъ Христа группа по пяти человекъ, тогда какъ св. Іоаннъ, сидящій къ ближе всѣхъ ко Христу, составляетъ съ ними тѣснѣйшую группу); поздые всѣхъ исполненъ былъ (въ 1524 году) эскизъ для сцены „поклоненія царей“, находящійся въ Альбертинумѣ. Воспроизведенія рисунковъ см. у Lippmann Taf. 198, 199, 200; у Springer: A. Durer, S. 133; Knackfuss: A. Durer, S. 106, Abb. 96—97, S. 115, Abb. 107, и др. Гравюра съ изобр. „тайной вечера“ воспроизведена у Springer, *ibid.* S. 131.

ГЛАВА XI.

Возвращение Дюрера в Нюрнберг.—Успехи реформации в Германии и отношение Дюрера к событиям и главнейшим представителям реформационного движения.—Последний период творческой деятельности художника: характер ее и сохранившиеся произведения. Скульптурная работа, приписываемая Дюреру.—Болезнь и смерть Альбрехта Дюрера.

Возвратившись в июль 1521 года в родной Нюрнберг Дюрер нашел в духовной жизни своих сограждан значительные перемены. За время отсутствия художника из Германии, в ней совершился целый ряд событий первостепенной важности, имевших для всей последующей судьбы германского народа огромное жизненное значение ¹⁾. Съ тех пор как дело реформации, начатое еще в конце 1517 года Лютером, выставившим на дверях одной из церквей Виттенберга знаменитые 95 тезисов, стало к средине 1519 года затихать, и сам Лютер возобновил обычную свою преподавательскую деятельность в Виттенбергском университете, — после известного богословского диспута доктора Иоганна Эка фон-Ингольштада (в июнь 1519 г.) с Боденштейном фон-Карльштадом и с самим Лютером реформационное движение в Германии возобновляется снова и притом с еще большею силою, определенностью и решительностью. В декабре 1520 года Лютер торжественно и всенародно сжигает на костре папскую буллу, осуждавшую его, как еретика, и с нею папские декретали. В начале 1521 года в Вормсе новый император Карль V созывает госу-

¹⁾ Подробное изложение хода событий реформации в Германии см. у *Остеро Легера*: всеобщая история, т. III: новая история кн 1, гл. 1—6, *Безольда* история немецкой реформации, т. I; *Ranke*: deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformatoren, в др.

царственный сеймъ, на которомъ религіозные вопросы заняли одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ и тѣсно связались съ вопросами политическими: призванный дважды въ торжественныя засѣданія сейма, въ присутствіи самого императора и множества владѣтельныхъ нѣмецкихъ князей, Лютеръ, заявившій здѣсь о невозможности для себя — утѣчься отъ всего, что изложено было имъ въ упомянутыхъ тезисахъ, а затѣмъ и въ различныхъ отдѣльныхъ брошюрахъ догматическаго и полемическаго характера, особымъ «Вормскимъ эдиктомъ» осуждается, какъ еретикъ, на изгнаніе, поставляется *вне закона*, а самыя сочиненія его присуждаются къ сожженію. Вслѣдъ за тѣмъ въ концѣ апрѣля 1521 года Лютера, уже отправившагося изъ Вормса въ изгнаніе на пути въ окрестностяхъ Готы останавливаютъ люди, подсланные курфюрстомъ Саксонскимъ Фридрихомъ Мудрымъ, покровителемъ великаго реформатора, и отвозятъ въ Вартбургскій замокъ курфюрста, близъ Эйзенаха, гдѣ тайно отъ всѣхъ, кромѣ ближайшихъ друзей, Лютеръ скрывается до марта 1522 года, когда онъ снова возвращается въ Виттенбергъ, чтобы возобновить свою реформаторскую дѣятельность съ величайшей энергіей. Таковъ былъ, общій вышній ходъ важнѣйшихъ событій этихъ первыхъ годовъ періода реформации, и невзирая на кажущееся пораженіе смѣлаго реформатора, успѣхъ его дѣла во всѣхъ слояхъ тогдашней Германіи, у всѣхъ классовъ народа германскаго, оказывался огромнымъ, находя съ каждымъ днемъ все большее и большее число горячубвѣжденныхъ сторонниковъ.

Дюреръ, уже и ранѣе принадлежавшій къ числу самыхъ искреннихъ почитателей Лютера, пріобрѣтавшій и съ величайшимъ интересомъ прочитывавшій не только въ Германіи, но и во время пребыванія въ Нидерландахъ, всѣ сочиненія реформатора, какъ только узнавалъ о ихъ появленіи, получалъ извѣстіе объ осужденіи и послѣдовавшемъ исчезновеніи Лютера 17 мая 1521 года въ Антверпенѣ. Насколько сильно потрясенъ былъ художникъ этимъ извѣстіемъ, показываетъ намъ то мѣсто его «дневника путешествія», въ которомъ онъ подробно и ярко изображаетъ свои чувства и мысли по поводу происшедшаго, выясняя здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ свое отношеніе одновременно и къ самому дѣлу реформации, и къ Лютеру и къ другимъ ея представителямъ.

— Въ пятницу передъ Троицей (17 мая 1521 года) пришло

извѣстіе въ Антверпенъ, — пишетъ Дюреръ ⁴⁾, — что Мартинъ Лютеръ измѣннически схваченъ неизвѣстными лицами. Пока его сопровождалъ герольдъ императора Карла съ императорской стражей, онъ былъ еще въ безопасности. Но когда герольдъ доѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ до одного небезопаснаго мѣста близъ Эйзенаха, то онъ сказалъ Лютеру, что тотъ болѣе будто бы уже не нуждается въ немъ и усакалъ отъ него прочь. Вскорѣ появились десять всадниковъ, которые измѣннически схватили и увезли этого *благочестиваго, просвѣщеннаго Духомъ Святымъ человека, — того, кто былъ знаменемъ истиннаго христіанскаго вѣроученія и вѣрнымъ послѣдователемъ Христа...* Живъ-ли онъ еще?.. Или, быть можетъ, они убили его, — не знаю, — во всякомъ случаѣ онъ претерпѣлъ за истину Христову, ибо онъ преслѣдовалъ нехристіанское панство (*das unchristliche Pabstthum*), которое налагаемо имъ огромною тяжестью *человѣческихъ законовъ препятствуетъ свободѣ Христовой*; и кромѣ того пострадалъ онъ за то, что и теперь еще все, что достается кровью и потомъ нашимъ, расхищается и позорнымъ образомъ расточается праздными людьми въ то самое время, какъ нуждающіеся и больные должны умирать отъ голода. Болѣе всего для меня тяжело то, что быть можетъ еще на долго Господь оставитъ насъ подъ властью *того фальшиваго и слѣплаго ученія, которое выдумали люди, называющіе себя «отцами», и вслѣдствіе котораго драгоценное слово Божіе во множествѣ мѣсть или излагается ложно, или вовсе не сообщается...*

О Боже, сжапись надъ нами! О Господи Иисусе Христе, молю тебя за народъ твой: спаси насъ во благовременіи, сохрани въ насъ истинную вѣру христіанскую, соедини твоихъ разрозненныхъ овецъ твоимъ голосомъ, во имя божественнаго слова писанія! Помогни намъ, чтобы мы познали этотъ твой голосъ и не слѣдовали ни какому обманчивому призыванью, которые являются *человѣческими заблужденіями*, и чтобы мы никогда не отступали отъ твоихъ велѣній, Господи Иисусе! *Собери воедино всѣхъ овецъ пастбищъ твоихъ, которыя только одна часть составляетъ римскую церковь; объедини ихъ съ индѣйцами, москвитами, русскими и греками, которые отделились отъ насъ вслѣдствіе тягостей, налагаемыхъ папами, и вслѣдствіе папской жадности и ханженства!..* О Боже, никогда еще на-

⁴⁾ См. Tagebuch der Reise in die Niederlande въ изд. Lange und Fuhse, S. 161—163 и у Thausing: Durers Briefe etc., S. 119—123 и др.

юдъ не былъ такъ ужасно о́тягощенъ человѣческими законами, какъ теперь мы, бѣдные, о́тягощены римскимъ престоломъ... О небесный, всевышній Отецъ! Продѣй въ сердца наши такой свѣтъ, чтобы мы знали, за какимъ вѣтникомъ твоимъ должно намъ слѣдовать, и чтобы мы могли съ благочестивымъ и радостнымъ сердцемъ служить тебѣ!..

«И если мы должны теперь потерять этого чловека, который проповѣдывалъ съ большею даже ясностью, чѣмъ нѣкто, жившій (40 лѣтъ назадъ ¹⁾), и котораго ты одарилъ столь чистымъ евангельскимъ духомъ, то молимъ тебя, небесный Отецъ, ниспосли Духа своего святого кому-либо, который сумѣлъ бы объединить святую христіанскую церковь, такъ чтобы и нынѣ невѣрующіе, какъ турки, язычники и другіе, сами присоединились бы къ нашему доброму начинанію и приняли христіанскую вѣру. Но ты хочешь, о Боже, подобно тому какъ нѣкогда ты рѣшилъ, чтобы Сынъ твой, Іисусъ Христосъ, воспринялъ смерть отъ священниковъ и затѣмъ воскресъ и на небеса вознесся, такъ чтобы пострадать и вѣрный послѣдователь его, Мартинъ Лютеръ, котораго жизнь римскій папа предалъ столь измѣннически и противъ всякихъ божескихъ законовъ... *И подобно тому, какъ тогда вслѣдъ за этимъ ты сдѣлалъ такъ, что Іерусалимъ былъ разрушенъ, такъ и теперь ты разрушилъ эту самовластную и своевольную силу римскаго престола.* О Боже, пошли намъ послѣ этого новый, украшенный Іерусалимъ, который нисходить съ небесъ, какъ написано о томъ въ Апокалипсисѣ, пошли намъ святое, чистое евангеліе, которое не затемнялось бы никакимъ чловеческимъ ученіемъ!

Пусть каждый, кто читалъ сочиненія Мартина Лютера, посмотритъ, насколько ясно и понятно его ученіе, въ которомъ онъ проповѣдуетъ святое евангеліе. Вотъ почему изъ нужно глубоко уважать, а не сожигать; слѣдовало бы лучше его враговъ, которые всегда противодействуютъ истинѣ, бросить въ огонь со всеми ихъ ученіями, которыя изъ людей стараются дѣлать боговъ.. (О Боже, если Лютеръ умретъ, то кто же будетъ намъ съ такою ясностью проповѣдовать святое евангеліе? О Боже, сколько онъ могъ бы еще написать за десять или двадцать послѣдующихъ лѣтъ!..

¹⁾ Дюреръ разумѣетъ здѣсь извѣстнаго Іоганна Виклефа.

О вы всѣ, благочестивые христіане, помогите мнѣ достойно оплакать этого человѣка, озареннаго Духомъ святымъ, и упроститъ Бога, чтобы онъ послалъ намъ другого подобнаго человѣка! О *Эразмъ Роттердамскій*, гдѣ ты находишься теперь? Посмотри, до чего дошла несправедливая тираннія мировой силы папъ, силы невѣжества и мрака. *Услышь меня, о рыцарь Христовъ, оставайся подлѣ Господа Иисуса, защити истину, стремись получить вѣнецъ мученическій!* Вѣдь ты уже старъ, и я слышалъ отъ тебя, что ты надѣешься поработать еще всего только года два въ жизни своей. Употреби же эти годы на то, чтобы послужить евангелію и истинной христіанскому вѣроученію на пользу, и заставь себя слушать. *И тогда врата адавы,—римскій престолъ,—не одолѣютъ тебя.* И если ты уподобишься Наставнику своему, Христу, и вынесешь позоръ и притѣсненія отъ обманщиковъ нашего времени и немного раньше умрешь, то тѣмъ скорѣе перейдешь ты отъ смерти къ жизни и будешь прославленъ Христомъ. Ибо тогда ты будешь пить изъ той же чаши, изъ которой онъ пилъ, и потому ты будешь управлять и судить вмѣстѣ съ нимъ по справедливости всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствовали безчестно. *О Эразмъ, отдайся намъ весь, чтобы Господъ прославился въ тебѣ, какъ написано у Давида, потому что ты можешь это исполнить и во-истину способенъ побѣдить Голиава.* Ибо Господъ поможетъ святой христіанской церкви, хотя она и подчинена, по его Божеской волѣ, римской церкви. Да будетъ же намъ помощь Всевышняго, во имя Отца, Сына и святого Духа во вѣки, аминь!..

О вы всѣ христіане, молитесь Бога объ этой помощи, ибо судъ его приближается и справедливость его обнаружится! И увидимъ мы невинную кровь, которую проливаютъ папы и священники, и монахи, и будутъ они судимы и осуждены, какъ сказано въ *Апокалипсисѣ*. И тогда будутъ убитые, лежащіе у алтаря Господа, и будутъ они вопіять о мести, и гласъ Божій отвѣтитъ на это: подождите, пока исполнится число безъ вины убитыхъ, и тогда я буду судить тѣхъ!..»

Въ этомъ горячемъ и искреннемъ порывѣ, отъ выраженія котораго не могъ удержаться художникъ, узнавшій о гибели (какъ казалось тогда) великаго представителя новаго реформаціоннаго движенія,—сказались съ полной опредѣленностью всѣ отношенія Дю-

ера къ папству, къ реформамъ, къ Лютеру и Эразму, къ задачамъ удущей церкви, обновленной реформами, и т. д. Для художника, близко знакомаго со всѣми сочиненіями реформатора, ясными становятся дѣйствительныя стремленія того *«нехристіанскаго папства»*, которое извращало въ своихъ личныхъ выгодахъ истинное слово божіе; которое налагало на католическій міръ непосильныя тягости матеріальныя и нравственныя; которое всячески стѣсняло свободу мысли и совѣсти, запрещая въ то же время непосредственное ознакомленіе съ евангеліемъ Христовымъ, преслѣдуя и избивая безвинно сѣхъ, кто рѣшался возставать противъ абсолютизма и насилій папства и представителей церкви... Глубоко убѣжденный въ фальшности *«того ученія, которое выдумали люди, называющіе себя «отцами»*, и вслѣдствіе котораго драгоцѣнное слово Божіе излагается ложно,» — Дюреръ въ согласіи съ основными положеніями ученія Лютера единымъ источникомъ истинной вѣры Христовой признавалъ святое евангеліе, чистое отъ всяческихъ добавленій и искаженій, привнесенныхъ папствомъ. Отсюда это высочайшее уваженіе его, переходящее до благоговѣнія, по отношенію къ Лютеру, который яснѣе, проще и правдивѣе, чѣмъ всѣ остальные, когда-либо бывшіе проповѣдники, излагалъ и объяснялъ Христово евангеліе въ его истинномъ содержаніи; который въ то же время не побоялся выступить со смѣлою проповѣдью противъ многочисленныхъ злоупотребленій римскаго престола и всей католической церкви.

Какъ понималъ художникъ задачи будущей церкви, обновленной реформами, достаточно ясно: на основахъ истиннаго христіанскаго вѣроученія, заключающагося въ святомъ евангеліи, должны быть не только объединены всѣ христіанскіе народы, отпавшіе отъ католической церкви «вслѣдствіе тягостей, налагаемыхъ папами, и вслѣдствіе папской жадности и ханженства», но и присоединены къ христіанству язычники, магометане и другіе иновѣрцы, составивши *всѣ единую церковь*, воздвигнутую на развалинахъ римской церкви, которая должна быть разрушена подобно древнему Іерусалиму...

Рядомъ съ этимъ глубокимъ пониманіемъ истиннаго положенія папства и тогдашней католической церкви, пониманіемъ дѣятельности Лютера и значенія самаго реформаціоннаго движенія—совѣмъ несбыточнымъ увлеченіемъ со стороны художника представляется горячая вѣра его въ возможность продолженія активной роли великаго ре-

форматора церкви знаменитымъ гуманистомъ изъ Роттердама. Стыливая, повидимому, конечныя дѣли представителей *реформации и гуманизма*, (правда, тѣсно соприкасавшихся другъ съ другомъ въ сферѣ практической дѣятельности), художникъ со своимъ горячимъ призывомъ — продолжать дѣло Лютера, дѣло реформации, — обращается къ гуманисту, изъ всѣхъ, какъ кажется, наименѣ склонному къ самопожертвованію ради торжества истинной вѣры Христовой и церкви, наименѣ стремившемуся къ полученію мученическаго вѣнца и фактами изъ послѣдующей своей жизни и дѣятельности показавшему, насколько узко эгонистическіе расчеты были для него мотивами болѣе важными и рѣшающими, чѣмъ интересы церковной реформы *).

То обстоятельство, что естественный ходъ историческихъ событий сдѣлалъ на время Нюренбергъ какъ бы средоточіемъ общественной, политической и религіозной жизни Германіи, еще тѣснѣе пріобщило художника, по возвращеніи его на родину, къ реформаціонному движенію. Одинъ за другимъ въ Нюренбергѣ собираются сеймы, на которыхъ обсуждаются всѣ важнѣйшіе вопросы государственной жизни, въ томъ числѣ и церковныя. Въ 1522 году сеймъ Нюренбергскій, разсмотрѣвъ дѣло Лютера, по существу одобряетъ проповѣдь реформатора о главенствѣ святого евангелія, какъ первоисточника истиннаго христіанскаго вѣроученія, надъ папскимъ, исажающимъ его во многихъ отношеніяхъ, ложнымъ ученіемъ. Слѣдующій сеймъ, собравшійся тамъ же въ 1524 году, оставляетъ безъ исполненія настойчивыя требованія папы Климента VII относительно строгаго примѣненія постановленій извѣстнаго уже Вормскаго эдикта, осуждавшаго самого Лютера и все, чему училъ реформаторъ: присудившаго всѣ его сочиненія къ всенародному сожженію, а послѣдователей Лютера къ беспощадному преслѣдованію. И это игнорированіе папскихъ требованій являлось новымъ поощреніемъ какъ

*) Впрочемъ, не одинъ Дюреръ считалъ возможнымъ возлагать подобныя надежды на Эразма Роттердамскаго: и многіе другіе изъ современниковъ его, принавали Эразма истиннымъ родоначальникомъ протестантской теологіи, утверждая, что именно изъ его произведеній почерпнуть былъ Лютеромъ и весь тотъ обличительный ядъ, которымъ переполнены были проповѣди и всѣ сочиненія реформатора. И только факты дѣятельной дѣятельности Эразма въ послѣдующіе годы показали, насколько различны были мировоззрѣнія обоихъ великихъ дѣателей гуманизма и реформации: съ теченіемъ времени сильно разошедшихся другъ съ другомъ по многимъ вопросамъ, хотя и вышедшихъ изъ общихъ началъ отрицательнаго отношенія къ настоящему.

для самого реформатора, такъ и для многочисленныхъ послѣдователей его, получившихъ теперь возможность съ большею свободою исповѣдовать новое ученіе.

Ко всему этому должно присоединить еще то широкое *иконографическое движеніе*, которое, начавшись съ 1521 года въ Виттенбергѣ, главнымъ образомъ, послѣ горячихъ проповѣдей Боденштейна и Фронъ-Карлштадта, усиленно развивалось въ послѣдующіе годы въ различныхъ городахъ Германіи среди послѣдователей Лютера. Почитаніе иконъ стало считаться не болѣе, какъ идолопоклонствомъ, и отрицалось самимъ Боденштейномъ и его единомышленниками; всякія иконографическія изображенія въ скульптурѣ и живописи признавались «языческими кумирами» и, согласно убѣжденію представителей этого взгляда, какъ таковыя должны были быть уничтожаемы. И такія воззрѣнія, проводимыя въ практику жизни, неоднократно приводили единомышленниковъ Карлштадта, какъ нѣкогда византійскихъ иконоборцевъ, отъ теоріи къ разрушительнымъ дѣйствіямъ, къ истребленію иконъ, храмовыхъ статуй и прочихъ священныхъ изображеній...

Всѣ перечисленные обстоятельства должны были естественно отразиться на самой дѣятельности художника по возвращеніи его на родину, должны были оказать на нее весьма значительное вліяніе. И нельзя не признать, что если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи вліяніе это являлось неблагоприятнымъ для творчества Дюрера. Художникъ, увлеченный вмѣстѣ съ другими общимъ потокомъ реформаціоннаго движенія, отдается теперь вопросамъ церковнымъ и политическимъ, связаннымъ съ ними, со всею энергіей своей экспансивной натуры и величайшимъ интересомъ глубоко религіознаго человѣка, и этотъ интересъ на долгое время въ извѣстной степени поглощаетъ всѣ остальные. *Количество* художественныхъ произведеній, созданныхъ Дюреромъ за весь этотъ послѣдній періодъ его жизни и дѣятельности, представляется весьма незначительнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли раньше, въ другія эпохи творческой работы художника; и въ такомъ сокращеніи практической дѣятельности его слѣдуетъ видѣть одно изъ наиболѣе замѣтныхъ послѣдствій указанныхъ сейчасъ обстоятельствъ.

Не могли не отразиться текущія событія и господствующія настроенія и на самомъ *выборѣ сюжетовъ*, находившихъ себѣ вопло-

ценіе въ произведеніяхъ послѣдняго періода дѣятельности Дюрера. Ограниченіе должно было сильнѣе всего коснуться *религіозныхъ сюжетовъ*, воспроизведеніе которыхъ въ искусствѣ такъ рѣшительно и сурово осуждалось многочисленными представителями иконоборческаго движенія среди современниковъ художника.

Нужно было быть такимъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ иконопочитанія и въ то же время столь глубоко преданнымъ искусству служителемъ его, и высочайшимъ его представителемъ, какимъ являлся Альбрехтъ Дюреръ, чтобы рѣшиться, вопреки господствующимъ тенденціямъ большинства, не только продолжать пользоваться религіозными сюжетами для воспроизведенія въ искусствѣ, но и открыто выступить на защиту иконографическихъ изображеній, какъ это сдѣлалъ художникъ въ предисловіи къ своему сочиненію (1525 г.): *Underweisung der Messung etc.*, гдѣ онъ писалъ. «Несмотря на то, что въ настоящее время у насъ искусство живописи многими презирается и о немъ говорятъ, будто оно служитъ идолопоклонству,—все-таки всякій истинный христіанинъ столь же мало въ дѣйствительности приводится къ какому-либо лжевѣрію при помощи живописнаго образа или статуи, какъ мало благочестивый человѣкъ приводится къ убійству потому только, что онъ носитъ на боку мечъ. Ибо нужно быть поистинѣ бессмысленнымъ человѣкомъ, чтобы обожать самую картину, или камень. Вообще можно сказать, что образъ служатъ скорѣе улучшенію, чѣмъ соблазну, если только они исполнены хорошо, художественно»... Тѣмъ не менѣе вліяніе иконоборческихъ воззрѣній, помимо воли художника, несомнѣнно сказалось въ дальнѣйшемъ сокращеніи количества произведеній религіознаго содержанія, которое началось уже ранѣе по причинамъ, указаннымъ въ предыдущей главѣ, и значительно усилилось теперь этимъ вліяніемъ.

Въ теченіе продолжительнаго періода съ момента возвращенія художника на родину и до кончины его, послѣдовавшей въ апрѣлѣ 1528 года, Дюреръ успѣлъ создать только нижеслѣдующія произведенія съ сюжетами религіознаго содержанія.

Изъ *гравюръ на мѣди* въ 1521 году — два изображенія *св. Христофора*: на одной гравюрѣ (у В. 51, Н. 708, Р. 245) великанъ святой въ длинной мантии переходитъ черезъ теченіе рѣки,

пираясь на огромный стволъ дерева и обернувши голову къ младенцу Христу, сидящему у него на плечахъ; на заднемъ планѣ—ейзажъ, среди котораго виднѣется часовня и фигура монаха съ факеломъ въ рукахъ. На другой (у В. 52, Н. 715, R. 246) святой, переходящій черезъ рѣку, смотритъ передъ собою впередъ, приближаясь къ стоящему на берегу монаху; Христосъ, сидящій у него на плечахъ, благословляетъ святого. Обѣ гравюры, помѣченныя 521 годомъ, высоко художественны по исполненію: яркій контрастъ между темнымъ фономъ и освѣщенными частями фигуръ, дающій превосходные эффекты свѣтотѣни, указываетъ на то, что художникъ и здѣсь, какъ на отмѣченныхъ ранѣ гравюрахъ предыдущихъ лѣтъ, искусно умѣлъ соединить обычную технику гравированія на гдѣи съ техникой вытравленія крѣпкою водкой.

Такая же техника и съ тѣмъ же искусствомъ была примѣнена художникомъ и въ трехъ небольшихъ по размѣрамъ гравюрахъ съ изображеніями: *ап. Варолюмея* (В. 47, Н. 659, R. 251), стоящаго подъ деревомъ въ длинной мантии съ книгой въ правой рукѣ и посохомъ въ лѣвой; *ап. Симона* (В. 49, Н. 678, R. 252) въ длинной одеждѣ и съ пилою въ рукахъ, и *ап. Филиппа*, (В. 46, Н. 652, R. 264) съ большимъ крестомъ въ лѣвой рукѣ и книгою въ правой. Первые двѣ относятся къ 1523 году, третья—къ 1526 г., являясь продолженіемъ серіи изображеній апостоловъ, начатой еще въ 1514 году.

Изъ *гравюръ на деревѣ*, принадлежащихъ къ рассматриваемому періоду, извѣстна кромѣ указанной ранѣ «тайной вечера» только одна съ религіознымъ сюжетомъ, именно: *святое семейство* (В. 98, Н. 1804, R. 267), относящееся къ 1526 году, гдѣ передъ пр. Богородицей, держащей младенца Христа, и св. Іосифомъ играютъ, сидя на землѣ, двое нагихъ дѣтей; на заднемъ планѣ видны фигуры женщины, принесшей корзину съ плодами, и ангела.

Изъ *рисунковъ* Дюрера съ сюжетами религіознаго содержанія, сохранившихся отъ того же времени, извѣстны: *снятіе со креста* (1522 г.), нынѣ въ Бременскомъ музеѣ,—одинъ изъ разнообразныхъ вариантовъ уже извѣстныхъ ранѣ композицій художника съ тѣмъ же сюжетомъ; *полуфигура Христа*, сидящаго съ розгами, бичемъ и другими орудіями мученія въ рукахъ, съ лицомъ, выражающимъ

страданіе (того же 1522 года, въ томъ же музеѣ ¹⁾); дагѣ *распятіе Христа* въ простѣйшей композиціи, гдѣ подлѣ Распятаго находятся только пр. Богородица и ап. Іоаннъ, стоящіе по обѣ стороны отъ креста, (1521 года, въ Вѣн. Альбертинумѣ); затѣмъ ить фигуръ нагихъ мужчинъ въ позахъ молящихся, повидимому этыхъ къ композиціи «страшнаго суда» (рис. 1526 г., наход. въ колл. Jugié въ Вѣнѣ, воспроизв. у Thausing II, S. 288); наконецъ *благовѣщеніе* въ композиціи, весьма оригинально трактующей этотъ сюжетъ: пр. Дѣва Марія сидитъ въ богато-украшенномъ покоѣ подъ балдахиномъ, передъ столомъ, на которомъ поставленъ сосудъ съ цвѣтущими лиліями и попитръ съ раскрытою книгою; нѣсколько ступеней ведутъ къ этому своеобразному трону, передъ которымъ остановился архангелъ, протягивающій къ Богородицѣ лѣвой рукою развернутый листъ съ надписью, возвѣщающей предстоящее радостное событіе, а правою указывающій Богородицѣ вверхъ, откуда падаетъ на нее широкій снопъ яркихъ лучей; рисунокъ помѣченъ 1526 годомъ и монограммою Дюрера ²⁾.

Что касается *картинъ* религіознаго содержанія, исполненныхъ красками, то за весь этотъ продолжительный періодъ Дюреромъ написана была, повидимому, только одна, а именно: образъ *Мадонны* (1526 г.), хранящійся нынѣ въ галереѣ Уффицій ³⁾. Пресв. Богородица представлена до пояса, съ распущенными волнистыми волосами, падающими на плечи, въ верхней одеждѣ темно краснаго цвѣта, изъ-подъ которой видны края бѣлой сорочки съ глубокимъ вырѣзомъ; голова, обращенная лицомъ прямо къ зрителю, слегка наклонена къ младенцу Христу, котораго она поддерживаетъ правой рукою; въ лѣвой рукѣ у нея большое яблоко. Младенецъ Христосъ, одѣтый въ рубашечку и обращенный также лицомъ къ зрителю, держитъ въ лѣвой рукѣ голубой цвѣтокъ василька. Черты лица Мадонны весьма привлекательны и въ цѣломъ образъ ея производилъ бы впечатлѣніе высоко художественнаго, если бы пропорциональное отношеніе шеи (слишкомъ здѣсь удлинненной) къ осталь-

¹⁾ Рисунокъ воспроизведенъ у *Ephrussi: dessins*, табл. къ 316 стр.

²⁾ Рисунокъ воспроизв. у *Ephrussi*, табл. къ 318 стр.; наход. въ собраніи герцога Омальскаго. Кромѣ того имѣется еще этюдъ Христа къ сценѣ распята (въ Луврѣ), воспр. у *Ephrussi* на табл. къ 320 стр.

³⁾ Образъ этотъ воспр. у *Knackfuss: Dürer*, S. 121.

нымъ частямъ цѣлаго не нарушало гармоніи. Напротивъ, фигура младенца, и особенно голова его, должна быть признана неудачной: постановка всего тѣла представляется въ общемъ мало естественной, а голова съ необычайно увеличеннымъ лбомъ—чрезмѣрно великой сравнительно съ остальною фигурой¹⁾.

Всѣ остальные произведенія Дюрера изъ этой послѣдней эпохи его дѣятельности, за самыми рѣдкими исключеніями, представляютъ собою *портреты*, исполненные различными способами: въ гравюрахъ, рисункахъ и красками. Обширная портретная галлерей, созданная великимъ художникомъ уже въ предыдущіе годы, пополняется теперь новыми многочисленными и превосходными работами,—правдивыми и полножизненными изображеніями длиннаго ряда выдающихся современниковъ Дюрера, съ которыми по такимъ или инымъ причинамъ художнику приходилось вступать въ болѣе или менѣе близкое общеніе.

Въ 1523 году художникъ создаетъ въ гравюрѣ на мѣди портретъ одного изъ высокихъ своихъ покровителей, извѣстнаго *архіепископа Майнцскаго и Магдебургскаго Альбрехта*²⁾; архіепископъ представленъ по поясъ въ кардинальской шапкѣ и мантии, въ профиль, съ лицомъ, обращеннымъ вправо для зрителя; на фонѣ гравюры съ одной стороны помѣщается гербъ архіепископа съ другой—монограмма Дюрера. Вверху надъ портретомъ и въ узкой рамкѣ подъ нимъ выгравированы латинскія надписи, указывающія время созданія гравюры, полное перечисленіе титула архіепископа и кар-

¹⁾ Среди произведеній разсматриваемаго періода не помѣщаемъ такъ называемаго *Ябачова алтаря* (der Jabachsche Altar), сохранявшагося только отчасти въ боковыхъ своихъ крыльяхъ, съ картинами на внутреннихъ и внѣшнихъ ихъ сторонахъ (св. Іоаннъ и св. Іосифъ; св. Симонъ и Лазарь; Іовъ съ женою и двумя друзьями его), въ исполненіи котораго, какъ это доказано предыдущими изслѣдователями, Дюреръ не принималъ никакого участія, такъ что помѣтки монограммою Дюрера и цифрою 1523 года на этомъ произведеніи неизвѣстнаго художника должны быть признаны фальшивыми. Ср. *Neudörfer: Nachrichten*, 1875 (въ *Quellenschriften für Kunstgeschichte*, Bd. X); *Thausing: Dürer*. S. 184; *Knackfuss: Dürer*, S. 124 и др.). Перечисленныя выше картины, составляющія названный алтарь въ его крыльяхъ, хранятся въ настоящее время раздѣльно въ Городскомъ Кельнскомъ музеѣ, въ Мюнхенской пинакотецкѣ и въ Штеделевскомъ институтѣ во Франкфуртѣ.

²⁾ Этотъ портретъ (у В. 108, Н. 1085, R. 254) въ отличіе отъ упомянутаго рѣдкѣ портрета 1519 года, извѣстнаго подъ именемъ „der kleine Kardinal“, носитъ названіе „der grosse Kardinal“. См. нашъ рисунокъ № 64.

динала Альбрехта и т. д. Къ гравюрѣ исполненъ былъ художникомъ эскизный рисунокъ карандашомъ, находящійся въ Луврскомъ собраніи.

Въ слѣдующемъ году появляется гравированный на мѣди портретъ другого знаменитаго современника и покровителя Дюрера, *курфюрста Саксонскаго Фридриха Мудраго* ¹⁾. Великій курфюрстъ



Рис. 64.

изображенъ также до пояса, въ богатой мантии, отороченной мѣхомъ, и въ мягкомъ баретѣ, въ три четверти поворота; въ обонхъ верхнихъ углахъ изображены два различныхъ герба курфюрста; въ четырехугольной рамкѣ подъ самымъ портретомъ помѣщена латинская надпись, заключающая въ себѣ прославленіе Фридриха, его полный титулъ, указаніе авторства Дюрера и времени созданія гравюры. Къ тому же 1524 году относится и поясной портретъ знаменитаго друга художника, неоднократно уже упомянутаго *Вимбальда Пирк-*

¹⁾ У В. 104, Н. 1039, Р. 255. Гравюра воспроизв. у *Knackfuss: Durer*, S. 118 и др.

зеймера, изображеннаго здѣсь почти въ профиль съ обнаженною головой, въ шубѣ съ большимъ мѣховымъ воротомъ, широко раскрытымъ на груди. Въ четырехугольной рамкѣ помѣщена подъ портретомъ латинская надпись, гласящая, что портретъ Вилибальда Пиркгеймера исполненъ на 53 году его жизни ¹⁾).

Наконецъ, въ 1526 году Дюреромъ созданы были два послѣднихъ по времени портрета выдающихся своихъ современниковъ, представляющіе собою вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе образцы работъ великаго мастера въ области гравюры на мѣди. Одинъ изъ нихъ даетъ поясное изображеніе ближайшаго сподвижника и друга Лютера, *Филиппа Меланхтона*, съ которымъ художникъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, завязанныхъ во время неоднократныхъ посѣщеній Меланктономъ Нюренберга. Этотъ великій «учитель Германіи», какъ его называли, представленъ здѣсь въ профиль, съ непокрытою головой, въ верхней одеждѣ съ широко открытымъ стоячимъ воротомъ. Латинская надпись подъ портретомъ гласитъ: «1526. Внѣшній обликъ живого Филиппа могъ изобразить Дюреръ, но внутренней жизни не могла воспроизвести даже опытная рука его» ²⁾).

Другой портретъ изображаетъ почти во весь ростъ знаменитаго гуманиста *Эразма Роттердамскаго* въ его кабинетѣ, стоящаго передъ рабочимъ столомъ въ рабочемъ халатѣ и въ шапочкѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ чернильницу, а въ правой перо, которымъ онъ только что написалъ нѣсколько строкъ на пергаментѣ рукописи, положенной на попитрѣ; подлѣ стола на скамьѣ лежатъ нѣсколько большихъ фоліантовъ. На бѣломъ фонѣ портрета помѣщаются надписи на латинскомъ и греческомъ языкахъ, указывающія имена Эразма и Дюрера и прославляющія великаго гуманиста ³⁾).

Вся эта серія портретовъ на мѣди можетъ быть названа рядомъ *шедевровъ* какъ въ отношеніи технического исполненія, показывающаго намъ работы рѣзца Дюрера на высшей ступени его развитія (особенно въ портретѣ Эразма), такъ и по тому замѣчательному умѣнью

¹⁾ Гравюра эта (у В. 106, Н. 1076, R. 256) воспроизведена у *Knackfuss*, *ibid.* S. 114 и др.

²⁾ У В. 106, Н. 1058, R. 265. Гравюра воспроизв. у *Knackfuss*, *ibid.* S. 117.

³⁾ У В. 107, Н. 1047, R. 266.

художника — передать во внѣшнихъ чертахъ каждаго даннаго лица его истинный внутренній характеръ и жизненное преобладающее настроеніе, какимъ, вопреки скромному заявленію самого художника въ приведенной надписи на портретѣ, Дюреръ обладалъ въ высочайшей степени, примѣнивши это умѣнье въ полной мѣрѣ въ каждомъ изъ перечисленныхъ портретныхъ произведеній.

Къ серіи портретовъ въ гравюрахъ на мѣди присоединяются далѣе превосходные портреты, изданные въ *гравюрахъ на деревѣ*: 1) *Ульриха Ванбулера* ¹⁾, ученаго гуманиста и имперскаго секретаря, изображеннаго въ профиль по поясъ, съ широкополою шляпой на головѣ; и 2) извѣстнаго въ свое время поэта *Эобана Гессе* ²⁾, представленнаго со свиткомъ рукописи въ лѣвой рукѣ и съ баретомъ на головѣ; латинскія надписи подѣ портретомъ указываютъ имя изображеннаго лица, имя художника, создавшаго портретъ, и цифру года созданія этой гравюры. Наконецъ, къ тому же періоду дѣятельности Дюрера относится и нѣсколько въ высшей степени замѣчательныхъ по совершенству исполненія портретовъ, писанныхъ *масляными красками*, къ которымъ должно присоединить сверхъ того еще нѣсколько превосходныхъ *рисунковъ*.

Изъ портретовъ, писанныхъ красками, одинъ поясной, исполненный въ 1526 году и находящійся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ, изображаетъ нюренбергскаго гражданина и члена нюренбергскаго магистрата, *Якоба Муффеля*, съ гладко выбритымъ старческимъ лицомъ, хранящимъ печально-задумчивое выраженіе, въ своеобразной шапочкѣ, изъ-подъ которой выбиваются пряди волосъ, въ черной шубѣ съ большимъ мѣховымъ воротомъ и виднѣющимся изъ-за него бѣлымъ воротникомъ сорочки; голова повернута влѣво, въ три четверти къ зрителю ³⁾.

Другой портретъ, оригинально задуманный на подобіе античныхъ медалей или рельефовъ, — въ видѣ медальона съ выступающимъ изъ фона его бюстомъ, — воспроизводитъ черты зятя Пиркгеймера, нюренбергскаго гражданина *Ганса Клебергера*, въ возрастѣ 40 лѣтъ,

¹⁾ У В. 155, Н. 1952. Гравюра относится къ 1522 году.

²⁾ У Passav. 218, Н. 2172, Н. 267. Гравюра появилась въ 1526 году.

³⁾ Портретъ воспроизведенъ по фотографіи у *Knackfuss*: Durer, S. 118. Въ коллекціи Dumesnil въ Парижѣ находится эскизный рисунокъ къ описанному портрету, воспроизв. въ литографіи Леруа.

какъ гласить латинская надпись, помѣщенная вокругъ бюста. Непокрытая голова съ короткими, вьющимися волосами, съ живыми черными глазами и правильными энергичными чертами лица, обращена влево, въ три четверти къ зрителю; по нижнимъ угламъ обрамленія, въ которое помѣщенъ медальонъ, изображены фамилінные гербы Клеебергеровъ.

Третій портретъ, созданный въ томъ же 1526 году и составляющій нынѣ одно изъ драгоценнѣйшихъ украшеній Берлинскаго



Рис. 65.

музея, даетъ изумительное по своей жизненности и высокому мастерству работы поясное изображеніе близкаго друга художника, члена нюрнбергскаго магистрата *Иеронима Голциусера* ¹⁾. Если оба предыдущіе портреты могутъ быть по всей справедливости названы шедеврами портретнаго искусства, исполненными при помощи красокъ, то этотъ ²⁾ долженъ быть признанъ по истинѣ вѣнцомъ, за-

¹⁾ Портретъ этотъ, исполненный въ томъ же 1526 году и находящійся въ королевской галлерей въ Вѣнѣ, воспроизведенъ по фотографіи у *Knackfuss*, *ibid.* S. 116.

²⁾ См. нашъ рисунокъ № 65.

вершающимъ всѣ портретныя работы великаго художника не только по времени исполненія, но еще болѣе и по совершенству его. Трудно представить себѣ въ области портретной живописи произведеніе болѣе жизненное и исполненное съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ этотъ портретъ 57-лѣтняго нюренбергскаго патриція съ его головою Юпитера, съ волнистыми мягкими бѣлоснѣжными волосами, ниспадающими на лобъ и на плечи; съ его свѣтлыми, но полными почти юношеской силы выразительными глазами, глядящими на зрителя; съ его бѣлоснѣжною бородой и усами, оставляющими видѣть уста, сложившіяся какъ бы въ постоянную, едва уловимую улыбку, которою смягчается нѣсколько суровое, величественное лицо этого старца, еще полного жизненной энергій. Едва ли возможно указать другое произведеніе живописи, въ которомъ съ большею тонкостью и изяществомъ, чѣмъ здѣсь, были бы выписаны всѣ детали въ изображеніи всѣхъ частей цѣлаго: тѣла, волосъ, мѣха шубы, и проч. Наконецъ, и самыя краски, которыми писанъ портретъ, таковы, что и по истеченіи цѣлаго ряда столѣтій до сихъ поръ поражаютъ и привлекаютъ къ себѣ необычайною свѣжестью и прозрачностью, передавая въ совершенствѣ розовато-бѣлые тона самаго лица, серебристый отблескъ волосъ, его обрамляющихъ, и т. д.

Изъ портретныхъ рисунковъ отмѣтимъ въ особенности; поясное изображеніе уже упомянутаго выше *Ульриха Ванбулера* въ Вѣнскомъ Альбертинумѣ (воспроизв. у *Ephrussi dessins pag. 325*); портретъ карандашомъ англійскаго лорда *Морлея*, въ частной коллекціи Митчеля въ Лондонѣ, съ надписью: «Heinrich Morley aus Engellant» (воспроизв. у *Ephrussi, ibid. p. 325*); оба портрета 1522 года. Далѣе, портреты 1525 года: жены знаменитаго гравера Иеронима Андреа, *Вероники*, съ надписью: «Fronica. 1525, Formschneiderin.» (въ Британскомъ музеѣ), и неизвѣстной молодой женщины съ собачкой на колѣняхъ (въ коллекціи Heseltine въ Лондонѣ). Наконецъ, эскизный портретъ Эобана Гессе 1526 года для упомянутой гравюры этого поэта, исполненной въ томъ же году (нынѣ въ Британскомъ музеѣ).

Особое мѣсто среди произведеній послѣдняго періода занимаютъ двѣ большія, писанныя масляными красками картины 1526 года, композиціи которыхъ, хотя выѣяннѣмъ образомъ (по наименованію) относятся къ разряду религиозныхъ сюжетовъ,

тѣмъ не менѣе по существу должны быть выдѣлены отъ остальныхъ, давая своеобразное и сложное содержаніе, Мы разумѣемъ тѣ двѣ картины, — послѣднія по времени созданія изъ всѣхъ живописныхъ работъ Дюрера, — съ изображеніями поочередно *апостоловъ Иоанна и Петра, Павла и Марка*, которыя осенью 1526 года принесены были художникомъ въ даръ родному городу въ сопровожденіи нижеслѣдующаго письма его къ членамъ нюренбергскаго магистрата ¹⁾.

«Глубокоуважаемые, мудрые и дорогіе господа! Хотя я уже давно желалъ принести въ даръ вамъ на память какую-либо хорошую картину, однако до послѣдняго времени я долженъ былъ отказать отъ исполненія этой моей мысли въ виду маловажности моихъ незначительныхъ произведеній, такъ я былъ увѣренъ, что ни однимъ изъ нихъ не удовлетворю васъ. Теперь, послѣ того, какъ въ только что истекшее время я написалъ картину ²⁾, на которую употребилъ больше прилежнаго труда, чѣмъ на какую-либо другую, я никого не считаю болѣе достойнымъ — получить ее на память отъ меня, чѣмъ именно васъ. Поэтому я приношу ее вамъ, всепокорнѣйше прося васъ—милостиво принять этотъ маленькій мой подарокъ, оставаясь по отношенію ко мнѣ такими же благосклонными, какими вы были всегда до сихъ поръ. Готовый всегда служить вамъ и преданный вамъ Альбрехтъ Дюреръ». Магистратъ, съ глубокою благодарностью принявшій драгоценный даръ великаго художника, въ своемъ засѣданіи отъ 6 октября 1526 года постановилъ: «Послѣ того, какъ Альбрехтъ Дюреръ исполнилъ картину съ четырьмя фигурами апостоловъ и на память о себѣ предоставилъ и посвятилъ ее почтенному магистрату, этимъ послѣднимъ постановлено: сообщить означенному Дюреру, что магистратъ ничѣмъ не заслужилъ того, чтобы получить картину такимъ способомъ (т. е. бесплатно въ подарокъ), но что онъ, выражая благодарность художнику за его произведеніе и охотно соглашаясь сохранить его на память, тѣмъ не менѣе намѣренъ заплатить ему за работу столько, сколько она заслуживаетъ. И сколько бы художникъ ни потребовалъ, или если бы онъ и вовсе ничего не требовалъ,—во всякомъ случаѣ сумма должна быть ука-

¹⁾ Письмо это опубликовано было у Campe, S. 56 f.; Thausing: Briefe, S. 57; A. von Eye, S. 454, Comwy, 135; Lange und Fuhse, S. 64 f.

²⁾ Художникъ разумѣетъ оба произведенія, какъ составляющія по внутреннему своему содержанію единое цѣлое.

зана членами магистрата и ему должно быть выдано справедливое награждение». Подписано Мартиномъ Тухеромъ и Сигмундомъ Фререромъ, 6 окт. 1526 г. Къ постановленію прибавленъ позднѣе слѣдующій счетъ вознагражденія, о которомъ говорилось въ постановленіи магистрата: «Альбрехту Дюреру выдано 112 рейнскихъ гульденовъ за двѣ большія картины, изъ которыхъ на одной *художественно написаны* (kunstvoll gemalt) св. Петръ и св. Іоаннъ, а на другой—св. Павелъ и св. Маркъ, и которыя были подарены имъ магистрату, при чемъ самому Дюреру 100 гульденовъ, а его женѣ въ подарокъ 12 гульденовъ. Кромѣ того, два рейнскихъ гульдена даны въ подарокъ слугѣ Дюрера»¹⁾.



Рис. 66.

По внѣшнему построению обѣ картины въ высшей степени просты и ясны²⁾. На одной *ап. Іоаннъ*, стоящій на первомъ планѣ въ профиль (лицомъ вправо для зрителя), сосредоточенно смотритъ въ раскрытую книгу; голова съ высокимъ лбомъ, изогнутымъ носомъ, выдающимся подбородкомъ, свѣтло-каштановыми вьющимися волосами,—какъ справедливо подмѣчено Реттбергомъ³⁾,—въ значительной степени сходна съ головой знаменитаго представителя реформациі, Меланхтона, какимъ онъ представленъ въ упомянутой выше гравюрѣ Дюрера; апостолъ одѣтъ въ

красную, съ желтаго цвѣта подкладкой, широкую мантию, наброшенную поверхъ зеленой, съ длинными рукавами, нижней одеждѣ

¹⁾ Постановленіе нюренбергскаго магистрата съ добавленіемъ счета опубликовано въ изд. Таузинга: *Dürers Briefe etc.*, S. 181.

²⁾ См. наши рисунки № 66 и 67.

³⁾ *Retberg: Nürnbergs Kunstleben*, S. 117.

ноги обуты въ сандалин. Позади ап. Іоанна, нѣсколько вправо отъ него (для зрителя), помѣстился почти прикрытый передней фігурой, *апостолъ Петръ*,—сѣдой старецъ съ бѣлоснѣжной бородой, большимъ взъмылымъ лбомъ и спокойно-серьезнымъ лицомъ, глядящій въ ту же раскрытую книгу, евангеліе, въ которую смотритъ и стоящій рядомъ ипостоль; въ лѣвой рукѣ, ап. Петръ держитъ ключъ. На другой картинѣ обѣ фигуры апостоловъ расположены въ pendant первыми. На первомъ платѣ *апостолъ Павелъ*, съ взъмылымъ лбомъ и длиною бородою стоящій въ профиль (лицомъ влѣво для зрителя), въ широкой, округленной внизу бѣлой мантии, держитъ закрытую книгу лѣвой рукою и большой мечъ правой; ноги обуты въ сандалин. Подлѣ ап. Павла, почти до плечъ прикрытый его фігурой, стоитъ *апостолъ Маркъ*, обратившись лицомъ въ три четверти къ зрителю и держа въ приподнятой правой рукѣ свитокъ рукописи.

Подъ той и другой картиной художникъ помѣстилъ длинныя надписи, въ которыхъ, призывая будущихъ зрителей и, главнымъ образомъ, предержація власти—послушать и принять въ руководство поученія четырехъ изображенныхъ здѣсь апостоловъ, приводитъ цитаты изъ посланій: Петра (II, гл. 2), Іоанна (I, гл. 4), Павла II п. къ Тим., гл. 3) и евангелія отъ Марка (гл. 12), какъ имѣнія, по его мнѣнію, особенно важное значеніе по отношенію къ революционному, исполненному борьбы, періоду реформаціи. Что касается *сложнаго внутренняго содержанія* всѣхъ этихъ четырехъ образовъ, воплощающихъ единый замыселъ художника, какъ и *внѣшнихъ чертъ ихъ исполненія*, то наиболѣе полная и удачная характеристика ихъ въ указанныхъ отношеніяхъ сдѣлана Куглеромъ.—Картины эти, — замѣчаетъ авторъ *руководства къ исторіи живописи*, тр. 584,—являлись плодомъ глубокихъ мыслей, занимавшихъ долгое время художника; онѣ исполнены самой неотразимой силы и вполне закончены, и въ этомъ отношеніи представляютъ собою *первое истинно художественное произведеніе, возникшее на почвѣ протестантизма*. Въ соотвѣтствіе надписямъ, подобраннымъ изъ посланій апостольскихъ и евангелія и содержащимъ вразумительныя увѣщанія—не отступать отъ слова Божія и не давать вѣры ученіямъ лжепророковъ, представлены здѣсь фигуры апостоловъ въ качествѣ *твердыхъ и вѣрныхъ благовѣстителей св. Писанія*... Въ то же самое время какъ передаетъ преданіе, относящееся еще къ эпохѣ самого худож-

ника) ¹⁾ художникъ желалъ изобразить въ этихъ фигурахъ *четыре человеческихъ темперамента*. Это обстоятельство, подтверждаемъ самою картиной, хотя на первый взглядъ и можетъ показаться слу-



Рис. 67.

чайностью, въ дѣйствительности одна является дополненіемъ мысли, художника, показывая, что *природа человека при всплхъ, самыхъ различныхъ состояннхъ качествахъ души призвана слжизть слову Божіему*. И въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ образѣ мы видимъ всю дѣятельность духа, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, т. е. начало блнстительствя слова Божія, основанное в изученіи св. Писанія: *Іоаннъ*, стоящій на первомъ планѣ, держитъ въ рукахъ раскрытую книгу; высокій лобъ и всѣ вообще черты его лица запечатлѣны выраженіемъ пытливаго и строгаго ислѣдованія; это—*меланхолическій темпераментъ*, погруженный въ глубокое мышленіе. Позади него *Петръ* нагнувшись надъ книгой и серьезно вникаетъ въ ея содержаніе; это — *флегматическій темпераментъ*, спокойно соображающій свои мысли. На другой картинѣ мы видимъ внѣшнее приложеніе приобретенныхъ убѣжденій къ жизни. *Маркъ* на второмъ планѣ олицетворяетъ *сангвиническій темпераментъ*: онъ открыто смотритъ впередъ и, повидимому, съ оживленіемъ и настоятельно говоритъ къ слушателямъ, призывая ихъ раздѣ-

¹⁾ См. *Neudörfer: Nachrichten von d. vornehmsten Künstlern Nürnberg, S. 37.*

ощипать слово Божіе и сокрушить богохульниковъ мечомъ духовнымъ; въ немъ олицетворенъ *холерическій темпераментъ*. И какая,—привлечаетъ авторъ,—истинно мастерская законченность самаго исполненія! Какъ она идетъ къ высокому содержанию предмета! Сколько достоинства и благородства въ этихъ разнообразныхъ и характерныхъ головахъ! Какая простота и какое величіе въ линияхъ драпировки и высокое статуарное спокойствіе въ движеніяхъ. Здѣсь уже нѣтъ ничего оскорбляющаго глазъ; никакихъ мелочныхъ и угловатыхъ изгибовъ на складкахъ; ничего произвольнаго и фантастическаго ни въ чертахъ лицъ, ни въ отдѣлкѣ волосъ и т. д. Колоритъ также въ высшей степени законченъ и исполненъ поразительной правды и теплоты. Отъ прежней пестрой и лессированной манеры и рѣзкаго обозначенія формъ почти не осталось слѣдовъ: вездѣ краски положены свободно, обдуманно и густо. Понстинъ, *художнику, кончившему такое произведение, можно было разстаться съ міромъ, ибо цель его въ искусствѣ была достигнута*: произведение это безспорно ставитъ его на одну линію съ величайшими мастерами, которыми справедливо гордится исторія искусства».

Объ картины, которыми великій художникъ такъ достойно потѣлъ родной городъ и которыми, дѣйствительно, завершилась многолѣтняя творческая дѣятельность его въ области живописи, въ теченіе вѣка висѣли въ одной изъ залъ нюренбергской ратуши, послѣ чего, пріобрѣтенныя великимъ курфюрстомъ баварскимъ Максимилианомъ, были перенесены въ Мюнхенъ, гдѣ въ настоящее время являются одною изъ величайшихъ драгоценностей знаменитой пинакотеки. Въ самомъ Нюренбергѣ на мѣстѣ прежнихъ оригиналовъ повѣшены были копии, исполненныя Георгомъ Гертнеромъ (въ 1627 г.), при чемъ подъ копіями оставлены были прежнія надписи, которыя не были взяты курфюрстомъ, по религиознымъ и политическимъ соображеніямъ, вмѣстѣ съ оригиналами.

Къ обѣимъ картинамъ художникомъ изготовлено было нѣсколько *этюдозъ*, изъ которыхъ три сохранились для насъ: на одномъ изъ нихъ, находящемся въ коллекціи Руселя въ Лондонѣ, карандашомъ на зеленой бумагѣ представлена *фигура ап. Иоанна*, какою мы видимъ ее въ самой картинѣ; на другомъ, находящемся въ Берлинскомъ кабинетѣ гравюръ, на желтой бумагѣ мѣломъ исполнена го-

лова ап. Марта; на третьемъ, подобномъ предыдущему и хранящемся тамъ же,—*голова ап. Павла* ¹⁾).

Таковы важнѣйшія изъ произведеній гравюры и живописи, дошедшихъ до нашего времени отъ послѣдняго періода творческой дѣятельности великаго мастера, и таковы ихъ общій характеръ въ связи съ тѣми новыми религіозно-политическими движеніями въ Германіи, которыя, какъ было отмѣчено выше, не могли остаться безъ серьезнаго вліянія на художника.

Говоря о художественныхъ работахъ Дюрера, нельзя не коснуться вопроса о тѣхъ *скульптурныхъ произведеніяхъ*, хранящихся въ различныхъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, которыя, по крайней мѣрѣ нѣсколькими изъ авторовъ; писавшихъ о Дюрерѣ, приписывались этому художнику. Въ числѣ такихъ скульптурныхъ произведеній указывали, напримѣръ, рядъ рельефовъ изъ кельгейскаго камня: въ Британскомъ музеѣ съ изображеніемъ *рожденія Іоанна Крестителя*; въ Брауншвейгскомъ музеѣ съ изображеніемъ *проповѣди Іоанна Крестителя*; въ собраніи семинаріи въ Брюгге съ изображеніемъ *посѣщенія св. Елисаветы Богородицею*; всѣ три въ величину большихъ гравюръ Дюрера, съ помѣтками монограммою художника и цифрою года (1510 на первомъ и 1509 на второмъ и третьемъ). Далѣе, въ собраніи Ротшильда въ Вѣнѣ медальонъ изъ камня съ портретнымъ изображеніемъ *Зебалда Шрейера* и съ монограммою Дюрера; въ собраніи фамилии Имгоффъ въ Нюрнбергѣ серебряный рельефъ, прикрѣпленный къ крышкѣ небольшого туалетнаго ящичка, съ изображеніемъ *нагой женщины*, которая стоитъ спиною къ зрителю, съ простынею въ лѣвой рукѣ, а правою облокотившись на колонну (съ моногр. Дюрера и цифрою 1509 г.); въ собраніи Феликса въ Лейпцигѣ рельефъ изъ камня съ *тѣмъ же сюжетомъ*; въ Мюнхенскомъ собраніи рельефъ изъ дерева съ *тѣмъ же сюжетомъ*; въ фамильномъ собраніи нюрнбергскихъ гражданъ *Бегаймъ* портретъ изъ камня одного изъ членовъ этой фамиліи, современника Дюрера, съ помѣткою 1526 годомъ и монограммою Дюрера; два рельефа въ королевскомъ собраніи въ Берлинѣ съ *портретами Меланхтона и Пиркгеймера*, съ монограммами Дюрера и

¹⁾ Первый изъ этихъ этюдовъ исполненъ въ 1525 году, два другіе—въ 1526 г.; послѣдніе два воспроизведены у *Lippmann*, Taf. 72 и 87.

цифрой 1526 года; рельефъ изъ дерева въ коллекціи Брентано въ Амстердамѣ съ *портретами Якова Гербарда и Маріи Кротерзъ*, съ помѣткою 1527 годомъ и монограммою Дюрера; рельефъ изъ дерева, изображающій *Адама и Еву подъ деревомъ* (въ герцогскомъ собраніи въ Готѣ); *Христосъ на крестѣ* — рельефъ изъ слоновой кости въ Мюнхенскомъ королевскомъ собраніи; *пр. Богородица съ младенцами Христомъ и Иоанномъ* — рельефъ изъ дерева въ собр. Леммена въ Инсбрукѣ, безъ помѣтокъ цифрами и монограммою Дюрера, и нѣк. др. ¹⁾.

Какое могло быть истинное отношеніе Дюрера ко всѣмъ этимъ скульптурнымъ работамъ? Былъ ли создателемъ ихъ самъ великій художникъ, или кто-либо изъ другихъ, второстепенныхъ мастеровъ, исполнявшихъ ихъ по рисункамъ его, или наконецъ кто-либо изъ тѣхъ, довольно многочисленныхъ поддѣльвателей, которые столь часто поставляли монограмму Дюрера съ подходящими цифрами года на произведеніяхъ завѣдомо фальшивыхъ, достовѣрно принадлежавшихъ другимъ мастерамъ, или самимъ этимъ фальсификаторамъ, при чемъ ни явное несходство стили этихъ произведеній съ подлинными произведеніями Дюрера изъ тѣхъ же годовъ, ни грубое несовершенство работы, ни рѣзкое различіе въ способахъ трактовки самыхъ сюжетовъ и т. д., не казались фальсификаторамъ достаточнымъ препятствіемъ для постановки на такихъ произведеніяхъ монограммы великаго художника ради увеличенія денежной стоимости ихъ.

Отношеніе различныхъ изслѣдователей къ рѣшенію этихъ вопросовъ оказывалось весьма различнымъ по существу. Съ одной стороны, такіе авторы, какъ J. Heller ²⁾, Ch. Heaton ³⁾ и нѣк. др., приводятъ довольно длинные списки скульптурныхъ работъ, признаваемыхъ ими за *подлинные работы самого Дюрера*, помимо какого бы то ни было критическаго изслѣдованія, на томъ единственномъ осно-

¹⁾ Изъ этихъ скульптурныхъ произведеній одно—*рожденіе Крестителя Иоанна*—воспроизведено въ фотографіи у Charles Heaton: the history of the life of A. Durer of Nurnberg, на табл. нѣ 238 стр.; а другое — серебряный рельефъ съ изобр. *нагой женщины*—воспр. у Thausing II, S. 49.

²⁾ J. Heller: das Leben und d. Werke A. Durer II, S. 268 ff.

³⁾ Charles Heaton: the history of the life of Albrecht Durer of Nurnberg, p. 238 sqq.

ваніи, что произведенія эти помѣчены монограммою Дюрера. Съ другой стороны, изслѣдователями болѣе компетентными и серьезными принадлежность этихъ скульптурныхъ работъ самому Дюреру рѣшительно отвергается. Такъ, по мнѣнію А. Шпрингера ¹⁾ всѣ эти скульптурныя работы, приписываемыя самому Дюреру, въ дѣйствительности не принадлежали ему, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и могли быть исполнены другими мастерами *по рисункамъ* его. Равнымъ образомъ, и по мнѣнію Таузинга ²⁾, всѣ эти скульптурныя произведенія таковы, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано *собственно-ручною работою Дюрера*, за исключеніемъ, повидимому, серебрянаго рельефа изъ собранія Имгофъ, который возможно приписать самому художнику съ большою вѣроятностью. Истиннаго автора большей части этихъ скульптурныхъ работъ Таузингъ предполагаетъ въ лицѣ нюрнбергскаго скульптура *Георга Швейгера*, родившагося въ 1613 году и умершаго въ 1690 году на родинѣ Дюрера. Здѣсь этотъ скульпторъ неоднократно *копировалъ* гравюры и рисунки Дюрера, воспроизводя ихъ въ рельефахъ, (таковы, напр., портреты Мелантона и Пиркгеймера), тогда какъ въ другихъ случаяхъ на рельефахъ, исполненныхъ имъ самимъ, по его мнѣнію, въ стилѣ Дюрера, дѣлалъ помѣтки монограммой великаго художника, ради увеличенія ихъ денежной цѣнности... И дѣйствительно, среди перечисленныхъ рельефовъ изъ камня и дерева большая часть ихъ настолько близко подходит не только по внѣшнимъ размѣрамъ своимъ, но и по технике исполненія, къ размѣрамъ и технике большихъ гравюръ Дюрера (на деревѣ), что вліяніе на нихъ этихъ послѣднихъ становится несомнѣннымъ. Контуры всѣхъ фигуръ очерчены въ этихъ рельефахъ съ тою же рѣзкостью, какъ и въ большинствѣ гравюръ на деревѣ; напротивъ, округленность всѣхъ формъ слишкомъ незначительна, указывая на то, что чувство пластической формы недостаточно развито у создавшихъ ихъ мастеровъ, работавшихъ въ этихъ случаяхъ болѣе подъ вліяніемъ изученія гравюръ великаго художника, чѣмъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ изученія живой природы или даже скульптурныхъ произведеній, создаваемыхъ съ соблюденіемъ истинныхъ требованій пластическаго изображенія.

¹⁾ *A. Springer: Dürer, S. 118.*

²⁾ *Thausing: Durer, Gesch. seines Lebens etc. II, S. 46 ff.*

Что касается серебрянаго рельефа въ собраніи Имгофъ, то вопреки мнѣнію Таузинга, едва ли и онъ можетъ быть признанъ произведеніемъ самого Дюрера, хотя, какъ извѣстно, художникъ и обучался въ дѣтскіе годы ювелирному дѣлу въ мастерской своего отца. Правда, въ рельефѣ обнаруживается то же глубокое знаніе пластическихъ формъ, какое мы видимъ въ несомнѣнныхъ произведеніяхъ Дюрера изъ того же періода,—въ картинахъ, рисункахъ и гравюрахъ, въ которыхъ воспроизводится нагое человѣческое тѣло; а въ постановкѣ фигуры, какъ и въ простой, естественной композиціи рельефа сказываются тѣ же простота и естественность, какія столь свойственны большей части работъ самого Дюрера въ эту эпоху. Тѣмъ не менѣе, бросающееся въ глаза близкое сходство этой нагой женской фигуры, стоящей спиною къ зрителю и держащей въ одной рукѣ простыню, съ подобною же женской фигурой въ группѣ такъ называемыхъ «четырёхъ вѣдьмъ» (см. нашъ рис. № 14), въ гравюрѣ на мѣди, заставляеть насъ предположить и въ разсматриваемомъ рельефѣ скорѣе видоизмѣненную копію неизвѣстнаго мастера съ указанной фигуры въ гравюрѣ Дюрера, чѣмъ собственноручную работу художника.

Такое же происхожденіе должно быть признано и для двухъ другихъ рельефовъ съ тѣмъ же самымъ сюжетомъ (изъ камня и дерева), находящихся въ Мюнхенѣ и Лейпцигѣ.

Принимая кромѣ того въ соображеніе, въ добавленіе къ сказанному, 1) что въ многочисленныхъ собственноручныхъ записяхъ Дюрера среди существующихъ въ нихъ точныхъ и ясныхъ указаній разнообразныхъ произведеній, исполненныхъ художникомъ, не встрѣчается ни одного указанія на какія бы то ни было скульптурныя работы его; 2) что ни у одного изъ современниковъ Дюрера не находимъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о какихъ-либо скульптурныхъ произведеніяхъ художника, какъ не находимъ ихъ и въ каталогахъ 16 и 17 вѣковъ съ перечисленіемъ всѣхъ работъ Дюрера, вошедшихъ въ фамильное собраніе Имгофъ; наконецъ, 3) что исторія происхожденія всѣхъ скульптурныхъ произведеній, приписываемыхъ Дюреру остается настолько невыясненною, что невозможнымъ оказывается прослѣдить послѣдовательный переходъ каждаго изъ нихъ отъ момента созданія до времени приобрѣтенія послѣднимъ владѣльцемъ; можно утверждать,

что по вопросу о принадлежности всѣхъ этихъ скульптурныхъ произведеній самому Дюреру, какъ ихъ исполнителю, единственно возможнымъ отвѣтомъ долженъ быть отвѣтъ отрицательный.

Съ конца 1526 года прекращается художественная дѣятельность Дюрера, и отъ послѣднихъ мѣсяцевъ жизни его мы не знаемъ, за исключеніемъ работъ по окончанію теоретическихъ сочиненій, какихъ бы то ни было произведеній великаго мастера. Могучія некогда силы этого колосса въ искусствѣ были теперь въ конецъ подорваны,—и это было естественно. Въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ художественной своей дѣятельности этотъ изумительный по богатству прирожденныхъ способностей организмъ, одаренный божественнымъ огнемъ вдохновенія, творилъ изъ себя съ тою щедростью генія, которая, обогащая окружающій міръ множествомъ драгоценнѣйшихъ произведеній искусства, становящихся орудіями чело­вѣческаго прогресса и украшающихъ жизнь,—въ то же время для самого творца ихъ оказывается подобною пламени, безжалостно его сожигающему, въ которомъ сгораетъ физическій организмъ въ вѣчныхъ порывахъ творящаго духа, неизмѣнно стремящагося къ достиженію совершенства. И если мы вспомнимъ, какъ жилъ и работалъ великій художникъ во всѣ предыдущіе годы съ момента выступленія своего на арену дѣятельности въ сферѣ искусства; если вспомнимъ, какимъ неустаннымъ, упорнымъ трудомъ наполнена была вся эта жизнь его; какъ всецѣло сливался художникъ съ разнообразнѣйшими творческими замыслами, возникавшими въ душѣ его; какъ глубоко и искренно онъ волновался, страдалъ или восторгался въ соотвѣтствіи съ тѣми художественными образами, какіе населяли его творческую фантазію; какъ, наконецъ, близко и непосредственно захватывали его интересы окружающей жизни съ ея серьезнѣйшими запросами въ области религіи, политики и т. д.,—то станетъ понятнымъ, что силы художника, какъ бы велики онѣ ни были, должны были, наконецъ, истощиться.

Ко всему этому рядъ физическихъ немощей за послѣдніе годы окончательно сломилъ организмъ. Самъ Дюреръ въ своемъ дневникѣ нидерландскаго путешествія упоминаетъ о какой то тяжелой, неизлѣчимой болѣзни, которую онъ получилъ въ Нидерландахъ, простудившись во время далекой поѣздки къ берегу моря (въ декабрѣ

1520 г.) съ цѣлью посмотрѣть на выброшенный моремъ трупъ колоссальнаго по размѣрамъ нита. — И во время пребыванія моего въ примерской сторонѣ, — уже весною писалъ онъ — достигла меня какая-то удивительная болѣзнь, о которой я нѣкогда еще не слышалъ ни отъ одного человѣка, и эта болѣзнь не оставляетъ меня до сихъ поръ... — Послѣдующія событія показали, что болѣзнь эта не только не оставила его, но съ каждымъ годомъ развивалась все больше и больше, истощая физическій организмъ. По одному изъ рисунковъ, исполненному Дюреромъ, повидимому, для кого-либо изъ врачей, съ которымъ художникъ желалъ посовѣтоваться заочно ¹⁾, Дюреръ изобразилъ себя стоящимъ, безъ одежды до бедеръ, и показывающимъ правой рукою на желтоватое пятно въ лѣвой нижней части брюшной полости, въ мѣстѣ нахождения почки. Надпись, сдѣланная на рисункѣ самимъ художникомъ, поясняетъ содержаніе рисунка слѣдующими словами: «тамъ, гдѣ находится желтое пятно, на которое указываетъ палецъ, тамъ у меня болитъ» ²⁾. На этомъ рисункѣ, исполненномъ (какъ и въ предыдущихъ портретныхъ изображеніяхъ Дюрера при помощи зеркала) съ обычною у художника жизненной правдой, мы видимъ, вмѣсто прежняго, цвѣтущаго здоровья и красотой образа его, внушающій глубокое къ художнику состраданіе обликъ серьезно больного, изнемогающаго отъ страданій человѣка, со впалыми щеками, удлинившейся бородой, порѣдѣвшими теперь, нѣкогда столь пышными волосами, съ значительно исхудавшимъ тѣломъ, — со всѣми признаками продолжительной и изнурительной болѣзни его ³⁾.

Въ началѣ весны 1528 года болѣзнь эта, повидимому, подъ вліяніемъ новой простуды, получила новыя тяжкія осложненія, приведшія великаго художника въ теченіе нѣсколькихъ дней къ роковой преждевременной развязкѣ: 6 апрѣля 1528 года Дюреръ скончался

¹⁾ Рисунокъ этотъ, находящійся въ Бременскомъ музеѣ, воспроизведенъ у Lir-mann, Taf. 130.

²⁾ „Do der gelb fleck ist vnd dem finger drawff dewt, do ist mir we“.

³⁾ Еще болѣе рѣзкія органическія измѣненія во всемъ внѣшнемъ обликѣ художника находимъ въ гравюрѣ (на деревѣ) неизвѣстнаго мастера, изданной уже послѣ смерти Дюрера, но исполненной съ него, повидимому, въ послѣдніе мѣсяцы жизни художника. См. у Bartsch № 156, у Heller № 1953.

на 57 году своей жизни. На бронзовой доскѣ скромнаго памятника, поставленнаго надъ могилой его на нюрнбергскомъ кладбищѣ св. Иоанна, надгробная надпись, составленная ближайшимъ другомъ почившаго, Вилибальдомъ Пирегеймеромъ, гласила:

ME. AL. DU.

QUICQID ALBERTI DURERI MORTALE FUT. SUB HOC CON-
DITUR TUMULO. EMIGRAVIT VIII IDUS APRILIS MDXXVIII ²⁾.

²⁾ Т.-е. „Памяти Альбрехта Дюрера. То, что было у Альбрехта Дюрера смертнаго, лежитъ подъ этой могильною надписью. Переселился (почилъ) 6 апреля 1528 года“.

Г Л А В А XII.

Литературное наслѣдіе Дюрера.—Сохранившіяся стихотворенія художника.—Теоретическія сочиненія его по вопросамъ искусства.—Исторія ихъ составленія Дюреромъ.—Ихъ содержаніе и значеніе.

Сохранившееся для насъ, въ цѣломъ довольно значительное, *литературное наслѣдіе* великаго художника, подарившаго міру за сорокъ лѣтъ своей творческой дѣятельности поистинѣ колоссальныя богатства въ произведеніяхъ гравюры и живописи, является тѣмъ драгоценнымъ дополненіемъ къ этимъ послѣднимъ, которымъ изслѣдователь можетъ и долженъ воспользоваться въ качествѣ матеріала какъ для полнаго освѣщенія личности Дюрера, такъ и для выясненія всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ не только въ области практики искусства, но и его *теоріи*.

Быть можетъ, ни въ чемъ другомъ, кромѣ первыхъ дѣтскихъ попытокъ мальчика-самоучки показать свое умѣнье въ качествѣ рисовальщика, — попытокъ, обнаружившихъ блестящія природенныя способности будущаго художника, богатая художественная натура Дюрера, искавшая самыхъ разнообразныхъ путей для своего выраженія, не сказала съ такою непосредственностью, какъ въ тѣхъ характерныхъ *стихотвореніяхъ*, написанныхъ Дюреромъ въ 1509—1510 годахъ, которыя дошли до насъ почти полностью ¹⁾.

¹⁾ Всѣхъ стиховъ, написанныхъ Дюреромъ, для насъ сохранилось около 640. Изъ нихъ около 420 стиховъ опубликованы были, на основаніи старинныхъ списковъ съ рукописи художника, у *von Murr: Journal zur Kunstgeschichte*, (1779), куда были присоединены и тѣ стихи Дюрера, которыми сопровождался нѣкоторые изъ его гравюръ на деревѣ. Тѣ же стихи перепечатывались неоднократно въ изданіяхъ *Camppe: Reliquien*, S. 68 ff.; *Thausing: Dürers Briefe etc.* S. 148 ff., *Conway: literary remains*, p. 280 sq., *Hedlon: the history of the life of A. D.*, p. 248 sq. Въ изданіи *Lange und*

Художнику, успѣвшему создать къ этому времени цѣлый рядъ превосходнѣйшихъ произведеній гравюры и живописи; умѣвшему съ поразительнымъ для эпохи совершенствомъ воплотить въ нихъ разнообразнѣйшія концепціи творческаго своего духа, представляется желательнымъ и возможнымъ—попробовать свои силы въ неизвѣданномъ имъ еще ранѣе родѣ художественнаго творчества, *въ дѣятельности поэтической*. И не имѣвшій до того времени никакого знакомства съ самыми элементарными правилами стихосложенія, искренно убѣжденный въ томъ, что достаточно только имѣть въ душѣ своей чувства и мысли, достойныя поэтическаго воспроизведенія, чтобы съ успѣхомъ писать стихотворенія, какія пишутъ признанные поэты, художникъ дѣйствительно создаетъ одно за другимъ цѣлый рядъ стихотворныхъ произведеній разнообразнаго содержания.

Съ необыкновеннымъ простодушіемъ и искренностью самъ Дюреръ рассказываетъ въ своемъ рукописномъ сборникѣ стихотвореній ¹⁾ о первыхъ своихъ неудачныхъ попыткахъ на этомъ новомъ поприщѣ творческой дѣятельности, какъ и о своемъ непреклонномъ желаніи—продолжать, несмотря на первыя неудачи, начатую имъ дѣятельность, приводя вмѣстѣ съ тѣмъ и позднѣйшіе образцы своихъ поэтическихъ работъ, на основаніи которыхъ каждый изъ читателей могъ бы судить о дальнѣйшихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ авторомъ.

«Самые первые стихи,—передаетъ здѣсь художникъ,—которые я написалъ (въ 1509 году) были слѣдующіе два, изъ которыхъ одинъ имѣлъ столько же слоговъ, сколько и другой, и относительно которыхъ я думалъ, что они хороши, когда я написалъ ихъ такимъ образомъ:

Du aller Engel Spiegel und Erlöser der Welt,
Dein grosse Märter sei für mein Sünd ein Wädergelt ²⁾.

Эти стихи я показалъ Вилибальду Пиркгеймеру, во онъ сталъ насмѣхаться надо мною и сказалъ, что каждый стихъ не долженъ

Fuhse; Dürgers schriftl. Nachlass, S. 74—98, количество ранѣе извѣстныхъ стиховъ увеличено на 226, благодаря отысканію новаго списка съ рукописи Дюрера, находящагося въ частной коллекціи Фромана, въ Нюрнбергѣ и превосходящаго всѣ остальные полнотой матеріала.

¹⁾ См. *Lange und Fuhse*, S. 74 ff.

²⁾ «О ты, образъ всѣмъ ангеламъ и Спаситель міра.

Твое великое мученичество пусть послужитъ спасеніемъ за грѣхи мои».

имѣть болѣе 8 слоговъ. Тогда я принялся снова за работу и написал слѣдующіе 18 стиховъ, изъ которыхъ каждый имѣть по 8 слоговъ.

Mit grosser Begier, Ehr und Lob
Bitte ich Gott um die acht Gob...

Oder also:

Mit allem Fleisse darnach strab,
Dass dir Gott die acht Weisheit geb:
Billig wird der ein weis Mann gnennt,
Den Reichtum und Armüt nit blendt...
Der Mann pflegt auch grosser Weisheit,
Der Wollust und Trauren gleich treidt...
Auch ist der ein fost weiser Mann,
Der Ehr und Schand gleich tragen kann.
Wer sich' erkennt und Ubel lat,
Der Mann ist auf Weisheit Pfad.
Wer für Rach Erbarnd sein Feund thut
Des Weisheit verjagt die Hellnglut.
Wer Teufels Anfechtung erkennt,
Der bsteht sie, dem Gott Weisheit sendt.
Wer in Allem sein Herz rein bhält,
Der hat der Weisheit Kron erwöhlt.
Und wer Gott ganz recht liebend ist,
Der ist ein frommer weiser Christ *).

Однако и эти стихи не понравились Виллибальду Пиркгеймеру. Тогда я попросилъ Лазаря Шпенглера, чтобы онъ разъяснилъ мнѣ истинный смыслъ стихосложенія. Онъ сдѣлалъ это, написавши затѣмъ слѣдующее.

*) „Съ великимъ желаніемъ, честью и хвалою прошу я Господа о слѣдующихъ восьми дарахъ“... Или такимъ образомъ: „Съ величайшимъ стараніемъ стремись къ тому, чтобы Господь далъ тебѣ восемь даровъ премудрости. По справедливости тотъ человекъ можетъ быть названъ мудрымъ, котораго не осдѣлываетъ ни богатство, ни бѣдность. Тотъ человекъ также обладаетъ большою мудростью, который одинаково умѣетъ переносить и радости, и горе. Равнымъ образомъ и тотъ оказывается весьма мудрымъ человекомъ, кто въ состояніи одинаково переносить и почетъ, и позоръ. Кто себя самого познаетъ и допускаетъ порицаніе себя самого, тотъ стоитъ на пути къ мудрости. Кто за ненависть платитъ врагу состраданіемъ, мудрость того разгоняетъ адское пламя. Кто ясно понимаетъ дьявольскія искушенія, тотъ устоитъ противъ нихъ, ибо тому Господь посылаетъ мудрость. Кто во всемъ соблюдаетъ чистымъ свое сердце, тотъ получаетъ вѣнецъ премудрости. И кто истинно любитъ Господа Бога, тотъ есть благочестивый и мудрый христіанинъ“.

Wer um Gott diese Gnad erwürbt,
Fährt wol ohn zweifel, so er stirbt:
Der wird ein weiser Mann gespürt,
Den Gold und Armut nicht verführt.
Dem ist ich auch gross Weisheit zu,
Dem Fried und Trauren bringt gleich Ruh.
Dem ist gross Weisheit zugethan,
Der Ehr und Schand gleich tragen kann..¹⁾ etc.

«Послѣ того какъ онъ прислалъ мнѣ вышеприведенное стихотвореніе, онъ передалъ мнѣ черезъ посредство Вилибальда Пиркетгеймера еще и другое»... Это другое стихотвореніе, цитируемое Дюреромъ далѣе полностью и по размѣрамъ значительно превышающее первое, наполнено было самыми ѣдкими насмѣшками Шпенглера надъ начинающимъ свои поэтическіе опыты художникомъ. «Вы, конечно, хорошо знаете,—обращается онъ здѣсь къ Дюреру,—одного человѣка, съ длинными вьющимися волосами и волнистою бородой, который имѣлъ отъ рожденія превосходныя способности живописца. Къ сожалѣнію однако, такъ какъ онъ научился читать и писать, онъ рѣшилъ, что этого достаточно для того, чтобы заняться и искусствомъ писательства, и началъ писать стихи. Какъ бы однако при этомъ не произошло съ нимъ то, (продолжаетъ авторъ стихотворенія), что случилось нѣкогда съ однимъ сапожникомъ, который, увидѣвши однажды картину, выставленную художникомъ, сказалъ: «картина въ общемъ мнѣ нравится, но сапоги написаны неудачно!» Послѣ этого художникъ, услышавши сужденіе сапожника, снялъ картину и, исправивши замѣченный недостатокъ, опять повѣсилъ ее на прежнее мѣсто. Сапожникъ возгордился по этому поводу и, когда проходилъ снова передъ исправленной картиной, сталъ опять критиковать ее, говоря, что и одежда сдѣлана плохо, и складки лежать невѣрно и т. п. Тогда художникъ, слышавшій это, замѣтилъ ему: «помни, что твое дѣло—шить сапоги, а не одежды, и ты напрасно считаешь себя знатокомъ того, что знаетъ хорошо только портной; поэтому совѣтую тебѣ заниматься лучше однимъ своимъ

¹⁾ Такимъ образомъ, это стихотвореніе Шпенглера является переложеніемъ тѣхъ 18 стиховъ самого Дюрера „о восьми премудростяхъ“, которые представлены были художникомъ Шпенглеру и которые этотъ послѣдній думалъ изложить здѣсь въ новой и лучшей внѣшней формѣ, чтобы показать Дюреру, какъ должно писать стихи надлежащимъ образомъ.

«Вломъ». Подобный же совѣтъ, — заканчиваетъ авторъ стихотворенія, — я могу дать и этому живописцу, который сталъ заниматься писаньемъ стиховъ»...

Чрезвычайно интересенъ и знаменателенъ отвѣтъ Дюрера на эти незаслуженныя издѣвательства Шпенглера, — отвѣтъ, въ которомъ художникъ показываетъ, насколько серьезны были задачи его, когда онъ принимался за этотъ новый для него родъ творческой дѣятельности.

«Существуетъ въ Нюренбергѣ, — писалъ Дюреръ въ своемъ отвѣтномъ большомъ стихотвореніи Шпенглеру, — одинъ человекъ, который магистратомъ города признается очень полезнымъ за то, что умѣетъ писать дѣловыя бумаги ¹⁾. Почитая себя однако въ виду этого настоящимъ писателемъ, который въ состояніи — исправлять самыя недостатки людей своими насмѣшками, онъ сталъ издѣваться, между прочимъ, и надо мною за написанное недавно мною стихотвореніе о восьми премудростяхъ. Такъ какъ оно ему не понравилось, то онъ сравнилъ меня съ сапожникомъ, который осуждалъ картину Апеллеса до тѣхъ поръ, пока тотъ не назвалъ его глупцомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ человекъ этотъ предписываетъ мнѣ оставаться только живописцемъ и не браться ни за какое другое занятіе. Я же рѣшительно протестую противъ этого и увѣренъ, что *ни одинъ умный человекъ не станетъ меня порицать за то, что я желаю научиться тому, чего не зналъ еще ранне*. Ибо съ тѣмъ человекомъ, который не хочетъ знать въ своей жизни ничего кромѣ одного, легко можетъ случиться то же, что съ нѣкимъ нотариусомъ, который зналъ одинъ единственный образецъ формуляра для всѣхъ; а когда къ нему пришли однажды двое вмѣстѣ и попросили написать для нихъ каждому особую бумагу, то у бѣднаго нотариуса не нашлось для этого никакихъ знаній, и онъ одѣлался предметомъ всеобщаго посмѣянія. Для того, чтобы и со мною не случилось ничего подобнаго, я *считаю необходимымъ — не скупиться на изученіе самыхъ различныхъ предметовъ и думаю, что если употреблю на изученіе достаточно старанія и силъ, то со временемъ сумѣю прійти къ хорошимъ результатамъ*... Вотъ почему, — заканчиваетъ Дюреръ, какъ бы ни издѣвался упомянутый писатель города Нюренберга надъ моими стихотвореніями, я все-таки и впредь буду учиться писать ихъ...».

¹⁾ Дюреръ намекаетъ на дѣятельность Шпенглера въ городскомъ магистратѣ

Такимъ образомъ, не пустою забавою, не развлеченіемъ оказывалось для Дюрера писаніе стиховъ, но однимъ изъ серьезныхъ средствъ того умственнаго и нравственнаго совершенствованія, къ которому великій художникъ стремился въ теченіе всей своей жизни и всеми, доступными для него способами. И слѣдуя такому стремленію своему, онъ дѣйствительно въ продолженіе ближайшихъ двухъ лѣтъ успѣваетъ создать довольно значительное количество стихотвореній на различныя темы, большею частью религіозно-нравственнаго содержанія, какъ, напр., стихотворенія: «о зломъ мѣрѣ», «о семи часахъ дня, въ которые страдалъ Христосъ», «о добрыхъ и злыхъ друзьяхъ», «христіанскія размышленія о смерти», стихотворенія, посвященныя Пресв. Богородицѣ, св. Екатеринѣ, св. Барбарѣ, св. Мартину; къ нимъ присоединяются такія стихотворенія, какъ «школьный учитель», «ответъ живописцу Конраду Меркелю» и др., нерѣдко оставлявшіяся художникомъ-авторомъ безъ опредѣленныхъ главій⁴⁾.

Большая часть этихъ стихотвореній во всѣхъ отношеніяхъ: и по глубинѣ и ясности мысли, и по искренности изображаемыхъ въ нихъ чувствъ; и по самой даже внѣшней формѣ производятъ на читателя весьма благоприятное впечатлѣніе, представляя собою образцы стихосложенія, мало отличающіяся по общимъ своимъ достоинствамъ и недостаткамъ отъ стихотворныхъ произведеній большинства признанныхъ поэтовъ того времени. И только громадность чисто художественныхъ работъ Дюрера въ послѣдующіе годы, по видимому, заставила художника прекратить столь удачно выполненныя поэтическіе опыты его, прибавившіе еще новый интересный матеріалъ для характеристики его личности съ тѣми высокими и чистыми ея стремленіями, съ тою честностью отношенія ко всякой работѣ, за которую когда-либо принимался художникъ, съ тою серьезностью и тщаніемъ, — какими отмѣчены были всегда и всѣ

⁴⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, составляющихъ въ общемъ, какъ уже сказано, свыше 600 стиховъ, были отпечатаны на летучихъ листкахъ съ гравюрами художника, какъ, напр.: стихотвореніе второе, гдѣ гравюра представляла Христа на крестѣ между Пр. Богородицей и Иоанномъ (у В. 55. Н. 1632); четвертое, гдѣ на гравюрѣ изображенъ лавскникъ со смертью (В. 132, Н. 1901), и девятое съ изображеніемъ школьнаго учителя и нѣсколькихъ занимающихся передъ нимъ учениковъ (у В. 133, Н. 1900). Всѣ три гравюры, на которыхъ нанечатаны эти стихотворенія, относятся къ 1510 году.

вообще многообразныя работы великаго мастера, внушая къ нему вообще глубокое и искреннее уваженіе.

Если таково было значеніе поэтическихъ созданій художника, омогающихъ въ связи съ другими данными болѣе полному освѣщенію высоко-идеальной личности Дюрера, — то гораздо болѣе обширнымъ, много болѣе важнымъ оказывается значеніе *теоретическихъ научно-художественныхъ* трудовъ его, которыми захватываются предметы, имѣющіе общій интересъ, и притомъ не только историческій, но въ звѣстныхъ частяхъ и постоянный, вѣчно живой, — время отъ времени нова привлекающій къ себѣ силы выдающихся дѣятелей искусства философско-научнаго мышленія. — Важность и интересъ этихъ теоретическихъ изслѣдованій художника таковы, что дѣлаютъ эти изслѣднія въ полной мѣрѣ заслуживающими подробнаго разсмотрѣнія ихъ, съ одной стороны, въ самомъ процессѣ постепеннаго ихъ осиданія; съ другой, во внутреннемъ содержаніи тѣхъ результатовъ, якіе получены были художникомъ изъ всѣхъ его изысканій. Тому другому посвящаемъ мы, въ виду этого, всю остающуюся часть послѣдней главы предлагаемаго изслѣдованія.

Теоретическія сочиненія Дюрера, составлявшіяся художникомъ въ различное время на протяженіи цѣлаго длиннаго ряда лѣтъ, сократились для насъ какъ въ *печатныхъ изданіяхъ*, давно уже сдѣлавшихся чрезвычайно цѣнною библиографическою рѣдкостью, такъ и въ нѣсколькихъ драгоценнѣйшихъ *рукописяхъ*, находящихся въ немногихъ западно-европейскихъ хранилищахъ. И послѣднія въ дополненіе къ первымъ имѣютъ въ высшей степени важное и существенное значеніе.

Тому, кто вздумалъ бы судить о количествѣ затраченной художникомъ на эти изслѣдованія работы только на основаніи однихъ печатныхъ изданій его, — періодъ составленія Дюреромъ его теоретическихъ сочиненій не представился бы слишкомъ значительнымъ: его первое по времени изданія сочиненіе—*«Underweysung der Messung»* было выпущено въ свѣтъ въ 1525 году; второе сочиненіе *«etliche underricht zu befestigung der Stett etc.»* вышло въ 1527 году; наконецъ третье—*«von menschlicher Proportion»* издано было въ 1528 году. Совсѣмъ иначе представляется дѣло созданія Дюреромъ этихъ сочиненій, когда мы знакомимся съ содержаніемъ *самыхъ* рукописей его, въ которыхъ передъ нами ясно раскрывается

самый процесс постепенного, многолѣтняго собиранія авторомъ отвѣтствующихъ матеріаловъ для своихъ сочиненій,—процессъ постепеннаго созиданія теоретическихъ взглядовъ его по различнымъ вопросамъ искусства, наглядно обнаруживающій здѣсь настойчивую и неутомимую работу художника въ продолженіе длиннаго ряда годовъ. Въ этомъ отношеніи изъ рукописей, хранящихся нынѣ въ библіотекахъ: Дрезденской королевской ¹⁾, Нюрнбергской городской ²⁾ и въ библіотекѣ Британскаго музея ³⁾, особенно цѣнными являются послѣднія. Благодаря собственноручнымъ хронологическимъ помѣткамъ самого Дюрера на отдѣльныхъ листахъ этихъ рукописей, гдѣ авторомъ то въ видѣ небольшихъ отрывковъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ, то въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ и размѣрамъ и обработанныхъ экскурсовъ, излагаются мысли и взгляды, вошедшіе впоследствии въ печатныя изданія его сочиненій, — мы узнаемъ, что отдѣльныя части этихъ рукописей были написаны въ теченіе продолжительнаго періода времени, начиная съ 1508 года и кончая годомъ смерти великаго художника. Изучающему эти рукописи трудно прослѣдить, какъ путемъ многолѣтней работы у художника постепенно вырабатывались его теоретическіе взгляды, изъ года въ годъ пополняясь въ своемъ внутреннемъ содержаніи; видоизмѣняясь и улучшаясь въ то же время по формѣ и становясь постепенно все болѣе и болѣе опредѣленными, ясными и устойчивыми, пока, наконецъ, получаютъ ту послѣднюю форму, въ какой мы ихъ видимъ въ печатныхъ изданіяхъ.

Весьма цѣнными для изслѣдователя являются эти рукописи Дюрера и въ другомъ отношеніи. Кромѣ того, что вошло въ печатныя изданія сочиненій художника, мы находимъ въ нихъ еще весьма интересный и важный для раскрытія обширныхъ плановъ его *проектовъ*

¹⁾ Описание и извлеченія нѣкоторыхъ частей Дрезденской рукописи даны *Holler: d. Leben und Werke A. Dürers*, II, S. 998—1006; также въ *Naumanns Archiv für d. zeichn. Künste*, Jahrg. IV (1858), S. 20 ff.

²⁾ Описание и извлеченіе частей Нюрнбергской рукописи сдѣланы Беккеромъ въ *Naumanns Archiv*, *ibid.* S. 24 ff.

³⁾ Нѣкоторыя части Лондонскихъ рукописей Дюрера были изданы у *von Zahn* въ *Jahrb. für Kunstwissenschaft* I (1868), S. 1—22; у *Comsary: Literary remains of A. Durer*, p. 187 sq. Кромѣ того съ наибольшою полнотою всѣ перечисленныя рукописи опубликованы были въ изданіи *Lange und Fuhsse: Dürers schriftlicher Nachlass*, S. 238—378.

ищаго сочиненія о живописи, въ которомъ Дюреръ намѣревался со-
считать въ одно цѣлое всѣ тѣ матеріалы, какіе давала ему много-
лѣтняя художественная практика его и тщательныя наблюденія надъ
работами другихъ мастеровъ. Знакомствомъ съ обширными замыслами
художника по составленію такого общаго сочиненія, которое авторъ
подготавливалъ къ печати въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ своей
жизни, но которое никогда не было издано въ своемъ полномъ
объемѣ,—этимъ знакомствомъ обязаны мы всецѣло рукописнымъ за-
мѣткамъ художника, хранящимся въ бібліотекахъ Нюрнбергской и
британскаго музея. Такимъ образомъ, говоря о теоретическихъ взгля-
дахъ Дюрера, мы будемъ пользоваться въ послѣдующемъ изложеніи
ихъ какъ сочиненіями, изданными въ печати, такъ и рукописными
замѣтками его, — послѣдними по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ,
когда онѣ оказываются или важнѣйшими, или исключительными ис-
точниками свѣдѣній по соотвѣтствующимъ вопросамъ.

Сличая рукописные очерки Дюрера между собою, съ одной
стороны, и съ печатными сочиненіями его, съ другой, мы ясно ви-
димъ, насколько, вслѣдствіе болѣзни и преждевременной смерти
автора, сгузились рамки программы этихъ послѣднихъ сравнительно
съ первоначальными планами, подготовлявшимися къ осуществленію
въ рукописныхъ замѣткахъ. Планы эти, какъ сказано, были въ на-
чаль очень обширны: Дюреръ предполагалъ составить и издать упо-
мянутое большое общее сочиненіе о живописи на пользу юношеству
и всѣмъ тѣмъ любителямъ искусства, которые пожелали бы посвя-
тить свои силы занятіямъ живописью. Сочиненіе это, которое авторъ
хотѣлъ назвать: «*обученіемъ искусству живописи*» (ein Unterricht
der Malerei) или «*тщей для юношей, обучающихся живописи*» (ein
Sprei der Malerknaben), должно было состоять изъ нѣсколькихъ
книгъ. Въ первой изъ нихъ должны были разсматриваться *пропор-
ціи человеческого тѣла*: сначала тѣла ребенка, затѣмъ взрослого
человѣка, мужчины и женщины; во второй—*пропорціи лошади*; въ
третьей *мѣры и пропорціи зданій*; въ четвертой книгѣ авторъ желалъ
разяснить подробно законы *перспективы*; въ пятой намѣревался
говорить о *свѣтѣ и тѣняхъ*; въ шестой о томъ, какъ *дѣлать краски*
въ картинахъ подобными краскамъ самой природы (т. е. о колоритѣ
въ произведеніяхъ живописи); въ седьмой—о *композиціяхъ картинъ*,

и въ послѣдней о томъ, какъ свободно *сочиняются* самые свѣтъ для картинъ безъ всякой посторонней помощи ¹⁾).

Таковы были первоначальные замыслы Дюрера, при чемъ и тогда, какъ ясно изъ приведенной программы, первымъ и важнымъ отдѣломъ всего сочиненія являлся отдѣлъ, посвященный *порціямъ человѣческаго тѣла*. Въ 1523 году Дюреръ намѣревался выпустить въ свѣтъ по крайней мѣрѣ эту первую часть всего обширнаго сочиненія, которая, какъ показываетъ Дрезденская рукопись этого года, была уже готова для печати, тогда какъ для остальныхъ частей были собраны къ этому времени лишь сравнительно немногіе подготавливаемые матеріалы. Однако въ 1523 году означенная рукопись не была напечатана. Причиною этого послужило, какъ указываетъ впоследствии самъ Дюреръ во введеніи къ печатному изданію сочиненія *о пропорціяхъ* (1528 г.), сознание автора, что это ученіе его о пропорціяхъ не будетъ достаточно понятно для изучающихъ, если имъ не будетъ прежде того сообщено знаніе *искусства измѣренія*. Въ виду этого, ранѣе изданія сочиненія о пропорціяхъ Дюреромъ выпущено было въ свѣтъ черезъ два года (въ 1525 году) именно такое сочиненіе, посвященное искусству измѣренія линій, поверхностей и тѣлъ (*Underweysung der Messung etc.*), которое и должно было дать желающимъ изучать живопись необходимыя предварительныя свѣдѣнія, при помощи которыхъ становилось возможнымъ ясное пониманіе ученія художника о пропорціяхъ.

Въ промежуткѣ между годами изданія этихъ двухъ сочиненій — объ измѣреніяхъ и пропорціяхъ, — Дюреромъ было составлено и въ 1527 году выпущено въ свѣтъ сочиненіе *объ укрѣпленіи городовъ и замковъ* (*Etliche underricht zu befestigung der Stett Schoss und flecken*), которое, какъ не относящееся по содержанию къ интересующимъ насъ предметамъ, мы здѣсь однако не будемъ разсматривать. Самое сочиненіе *о пропорціяхъ* было издано, наконецъ, въ 1528 году, при чемъ изъ послѣсловія издателя этого сочиненія мы узнаемъ, что самъ Дюреръ успѣлъ при жизни просмотрѣть и скорректировать въ печати только первую книгу изъ четырехъ составляющихъ все сочиненіе, тогда какъ остальные три книги

¹⁾ Указатели предполагавшейся программы изъ обѣихъ назг. рукописей см. *Lange und Fuhse*, S. 280 f.

открыты были написаны имъ до конца собственноручно, однако въ печати изданы были его друзьями только послѣ его смерти, охитившей художника: среди трудовъ его надъ этимъ обширнымъ вѣданиемъ ¹⁾).

Такова въ немногихъ словахъ исторія созданія сохранившихся до насъ теоретическихъ сочиненій Альбрехта Дюрера. Обращаемся къ ихъ содержанію.

Въ 1525 году появилось, какъ сказано, первое печатное сочиненіе художника, подъ слѣдующимъ подробнымъ заглавіемъ: *«Наставленіе въ способѣхъ измѣренія, съ помощію циркуля и линейки, шпатель, поверхностей и цѣлыхъ тѣлъ, составленное Альбрехтомъ Дюреромъ и напечатанное съ принадлежащими сюда рисунками на пользу икъ любителей искусства въ 1525 году»* ²⁾. Сочиненіе посвящено было знаменитому другу художника, Вилибальду Пиркгеймеру, и сопровождалось обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ разъясняетъ причины, заставившія его приняться прежде всего за составленіе, именно; этого теоретическаго труда, равно какъ и тѣ задачи, къ достиженію которыхъ онъ стремился въ своей трудной работѣ. «До послѣдняго времени,—писалъ здѣсь Дюреръ,—въ нашихъ нѣмецкихъ странахъ искусству живописи посвящали себя многіе способные юноши, которые, не имѣя никакихъ прочныхъ основъ, научались этому искусству только при помощи ежедневной практики. Такимъ образомъ, они выросли въ своемъ невѣжествѣ подобно дикимъ деревьямъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, благодаря постояннымъ упражненіямъ, пріобрѣтали постепенно свободный навыкъ въ живописи; однако всѣ они вообще исполняли свои произведенія сильно, но необдуманно, доставляя имъ удовольствіе не столько другимъ, сколько себѣ самимъ. И потому истинные художники, опытные живописцы имѣли право, видя такія необдуманныя произведенія, смѣяться надъ слѣпотою этихъ людей, ибо для истинно художе-

¹⁾ Заключительная надпись указываетъ здѣсь точно и мѣсто, и годъ изданія, равно какъ и имя издателя: „gedruckt zu Nurnberg durch Ieronimum Formschneider auf Verlegung Albrecht Dürers verlassen Wittib im Jahr von Christi Geburt 1528 am letzten Tag Octobris“.

²⁾ „Underweysung der Messung mit dem Zirkel un richtsheyt in Linien ebnen und gantzen corporen durch Albrecht Durer zusammen getzoge und zu nutz allē kunstliebhabenden mit zugehörigen figuren in truck gebracht im jar. MDXXV. Gedruckt zu Nuremberg im 1525 jar.“

ственнаго пониманія нѣтъ ничего болѣе непріятнаго, чѣмъ ошибки въ картинѣ, хотя бы она была исполнена съ величайшимъ усердіемъ. А что такіе неопытные мастера находили удовольствіе въ своихъ произведеніяхъ несмотря на ошибки въ нихъ, объясняется тѣмъ, что они никогда не обучались *искусству измѣренія*, безъ котораго никто не можетъ сдѣлаться истиннымъ художникомъ. Впрочемъ въ этомъ виноваты также и учившіе ихъ мастера, которые сами не были знакомы съ такимъ искусствомъ... Въ виду того, что это послѣднее является такимъ образомъ *истиннымъ основаніемъ живописи*, я рѣшилъ сдѣлать начинъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы дать возможность молодымъ людямъ, склоннымъ къ искусству, научиться измѣреніямъ съ помощью циркуля и линейки и почерпнуть изъ нихъ истину и умѣнье смотрѣть, а благодаря этому, не только сдѣлать ихъ еще болѣе склонными къ искусству, но и сообщить имъ болѣе правильное и глубокое его пониманіе. Рѣшаюсь на это, несмотря на то, что въ настоящее время у насъ искусство живописи многими презирается и о немъ говорятъ, будто оно служитъ идолопоклонству; думаю, несмотря на это, что всякій истинный христіанинъ столь же мало въ дѣйствительности приводится къ какому-либо лже-вѣрью при помощи живописнаго образа или статуи, какъ мало благочестивый человѣкъ приводится къ убійству потому только, что онъ носитъ на боку мечъ. Ибо нужно быть по-истинѣ бессмысленнымъ человѣкомъ, чтобы обожать самую картину или камень. Вообще же можно сказать, что образа служатъ скорѣе улучшенію, чѣмъ соблазну, если только они исполнены хорошо, художественно... Въ какомъ почетѣ находилось искусство у грековъ и римлянъ, это ясно показываютъ сочиненія древнихъ авторовъ. Затѣмъ оно было потеряно и въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ было забыто, пока наконецъ за послѣднія двѣсти лѣтъ постепенно не оживилось снова въ произведеніяхъ итальянцевъ. Ибо утрачивается искусство легко, но снова пріобрѣтается оно съ трудомъ и въ теченіе долгаго времени. Въ виду всего сказаннаго я надѣюсь, что это мое предпріятіе и наставленія не вызовутъ порицанія со стороны людей благоразумныхъ, такъ какъ работа моя возникла изъ хорошихъ памѣреній и предназначается на пользу всѣмъ любящимъ искусство,—не только живописцамъ, но и скульпторамъ, рѣзчикамъ камней, ювелирамъ, и вообще всѣмъ тѣмъ, кому можетъ пригодиться знаніе искусства измѣренія...»

Написанное, такимъ образомъ, какъ ясно изъ предисловія, въ силу отсутствія у громаднаго большинства лицъ, занимавшихся искусствомъ во всѣхъ его видахъ, какихъ бы то ни было научныхъ точныхъ основаній, самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ искусствѣ измѣренія линий, поверхностей и тѣлъ, безъ которыхъ ни одно художественное произведеніе не можетъ быть свободно отъ различныхъ ошибокъ,—это сочиненіе Дюрера въ своемъ дальнѣйшемъ содержаніи оказывается приспособленнымъ, именно, къ уровню знаній такихъ представителей искусства, о которыхъ авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи. Согласно Эвклиду и другимъ выдающимся математикамъ, здѣсь излагаются въ порядкѣ постепеннаго развитія *основныя начала геометріи*, на которыхъ должны покоиться всевозможныя намѣренія, теоретическія и практическія, въ приложеніи къ произведеніямъ искусства и ремесла. И нельзя не признать, что въ эпоху своего появленія, какъ и надолго еще въ теченіе послѣдующаго времени, этотъ трактатъ Дюрера, несмотря на элементарность сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, имѣлъ огромную цѣнность для всѣхъ тѣхъ художниковъ, составлявшихъ тогда преобладающее большинство, для которыхъ онъ оказывался единственнымъ руководствомъ по предметамъ первостепенной для всѣхъ нихъ важности.

Самый планъ, котораго держался художникъ въ своемъ изложеніи, отличается здѣсь строгою выдержанностью и послѣдовательностью.—«Прежде всего,—заявляетъ Дюреръ въ началѣ первой книги,—для тѣхъ, кто желалъ бы обучаться искусству измѣренія, необходимо знать самыя основы, на которыхъ покоится всякое измѣреніе. А именно, необходимо знать, что всѣ предметы, которые можно измѣрять, бываютъ трехъ родовъ: или они имѣютъ длину, но не имѣютъ ни ширины, ни толщины; или имѣютъ кромѣ длины еще и ширину; или наконецъ, они имѣютъ и длину, и ширину, и толщину. Началомъ же и концомъ всѣхъ предметовъ служить точка, которая сама по себѣ не имѣетъ ни величины, ни длины, ни ширины, ни толщины»... Вслѣдъ затѣмъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ Дюреръ обстоятельно знакомитъ своихъ читателей съ разнообразными элементами Эвклидовой геометріи: съ *линіями* прямыми, кривыми, параллельными и т. д.; съ *поверхностями* (площадями) прямоугольниковъ, круговъ и проч.; съ разнообразными формами *тѣлъ* геометрическихъ (куба, шара, параллелограма и т. д.)... Опредѣливши точно

каждый видъ *линій*, художникъ тутъ же на множествѣ прилагаемыхъ къ тексту рисунковъ показываетъ самыя разнообразныя *комбинаціи*, какія могутъ получаться при помощи циркуля и линейки, благодаря различнымъ соединеніямъ однихъ линейныхъ элементовъ съ другими, указывая при этомъ иногда и возможность практическаго примѣненія ихъ къ построению машинъ, физическихъ приборовъ и т. п.

Покончивши въ первой книгѣ съ подробнымъ разсмотрѣніемъ линій, Дюреръ даетъ въ слѣдующей книгѣ столь же подробное разсмотрѣніе разнообразныхъ *площадей*, замыкаемыхъ прямыми, кривыми и иными линиями, въ возможныхъ ихъ комбинаціяхъ, сопровождая и здѣсь самый текстъ множествомъ иллюстрацій къ нему.

Третья книга посвящена изученію способовъ построения разнообразныхъ *геометрическихъ тѣлъ*, а вмѣстѣ съ этимъ и указанію способовъ примѣненія ихъ къ практическимъ цѣлямъ, какъ, напримеръ, къ построению монументовъ, въ которыя геометрическія тѣла входятъ, какъ составныя части сложнаго цѣлаго. Тутъ же разсматривается въ геометрическихъ соотношеніяхъ и начертаніе *буквъ* латинскаго и нѣмецкаго алфавита, опять съ нагляднымъ поясненіемъ текста рисунками.

Наконецъ, въ четвертой книгѣ Дюреръ переходитъ уже къ *художественной практикѣ*, для которой онъ указываетъ здѣсь опредѣленные приемы, обоснованные на знакомствѣ со всѣмъ, что было изложено въ предыдущихъ трехъ книгахъ, и весьма полезныя для людей, учащихъ рисованію и живописи. Каждый изъ обучающихся живописи получалъ возможность приобрести здѣсь цѣнныя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ теоретическимъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ самой практикѣ живописцевъ и художниковъ вообще. Такъ какъ важнѣйшею частью этой книги является та, въ которой художникомъ разъясняются какъ общія понятія о перспективѣ, такъ и техническіе приемы *перспективнаго изображенія* предметовъ, считаемъ удобнымъ привести здѣсь содержаніе страницъ, сюда относящихся, которыя дадутъ вмѣстѣ съ тѣмъ ясное представленіе и о самомъ характерѣ изложенія въ разсматриваемомъ трактатѣ Дюрера.

«Для того, чтобы показать, — говоритъ авторъ, — какими образомъ различныя предметы, видимыя глазу, возможно перенести на картину, я выбираю какое-нибудь простѣйшее по формѣ тѣло,

напримѣръ, кубъ; ибо подобнымъ же образомъ можно затѣмъ поступать и вообще со всѣми тѣлами; при этомъ я хочу дать понять кое-что и относительно свѣта и тѣни для совмѣстнаго употребленія ихъ въ картинахъ. Прежде всего нужно помнить, что тѣ предметы, которые подлежатъ изображенію, должны находиться передъ глазами и быть видимыми для нихъ. Поэтому первымъ условіемъ для всякаго изображенія долженъ быть свѣтъ, ибо тьма не позволяетъ ничего видѣть. Должно существовать также нѣчто посредствующее между глазомъ и тѣмъ, что онъ видитъ. *Свѣтъ* всегда идетъ по прямымъ линіямъ повсюду, куда только достигаютъ его лучи. Если же свѣту встрѣчается на пути непроницаемое для него вещество, то лучи отталкиваются отъ него и получается *тьма* во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лучи задерживаются... Такимъ образомъ, если ты хочешь перенести вышеупомянутый кубъ со всѣми его свѣтотѣнями въ картину, то необходимо, чтобы ты зналъ, что надлежитъ для этого сдѣлать и какими именно средствами. Дѣлается же это такъ. Прежде всего для этого должна быть избрана одна *опредѣленная точка зрѣнія*. Во-вторыхъ, предметъ, который рассматривается, необходимо помѣстить или прямо передъ собою, или по какую-либо сторону отъ себя. Въ-третьихъ, долженъ быть свѣтъ, безъ котораго ни одинъ предметъ не можетъ быть видимъ. А такъ какъ глазъ видитъ только по прямымъ направленіямъ всѣ вещи, которыя находятся передъ нимъ, и не можетъ видѣть по кривымъ или ломаннымъ линіямъ, то если поставить непосредственно другъ за другомъ два одинаковыхъ по величинѣ и непрозрачныхъ тѣла, а глазъ помѣститъ прямо передъ ними, то видимо можетъ быть только первое изъ нихъ, второе же будетъ невидимо, и не должно быть изображаемо. Поэтому, если хотятъ представить видимыми многія вещи, то онѣ должны быть раздѣлены другъ отъ друга настолько, чтобы лучи зрѣнія могли ихъ охватывать. Кромѣ того должно существовать достаточное разстояніе между глазомъ и тѣмъ, что должно быть рассматриваемо и изображено. Въ виду этого рассматриваемый предметъ слѣдуетъ ставить не слишкомъ близко отъ глаза, чтобы онъ не закрывалъ собою послѣдняго и не мѣшалъ бы зрѣнію. На значительномъ же отдаленіи отъ глаза можетъ быть видимо даже на небольшомъ полѣ зрѣнія множество предметовъ. Однако не слѣдуетъ помѣщать предмета и слишкомъ далеко отъ глаза для того, чтобы онъ не былъ вовсе

потерянъ для зрѣнія; ибо если вещь находится слишкомъ далеко, то исходящiе отъ нея лучи сходятся въ глазу настолько близко другъ къ другу, что глаза уже не въ состоянiи различать очертанiй ея. Такимъ образомъ, напримѣръ, если видишь человѣка на слишкомъ большомъ отдаленiи отъ себя, то не узнаешь его лица въ виду слабости впечатлѣнiя и неясности очертанiй. Вслѣдствiе этого такіе предметы, которые должны быть ясно видимы, должны и помѣщаться на соответствующемъ для этого разстоянiи. Видѣть же и изображать цѣлыя ландшафты, въ которыхъ поле зрѣнія простирается на 6—7 миль, является искусствомъ особаго рода».

«Необходимо замѣтить далѣе, — продолжаетъ Дюреръ, — что между глазомъ и тѣмъ, что онъ видитъ, должна быть принята, такъ называемая *плоскость картины* (ein ebne durchsichtige Abschneidung) для всѣхъ лучей зрѣнія, падающихъ отъ глаза на рассматриваемые предметы. Эта плоскость можетъ въ своемъ отрѣзѣ (im Abschneiden) находиться или близко отъ глаза, или далеко отъ него, но ближе къ рассматриваемому предмету. Отсюда происходитъ, что если эта плоскость помѣщается близко къ глазу, но далеко отъ изображаемыхъ предметовъ, то получаемое въ картинѣ изображеніе каждой вещи будетъ небольшимъ; если же отодвигать эту плоскость все далѣе и далѣе отъ глаза и приближать ее къ рассматриваемому предмету, то изображеніе каждаго даннаго предмета становится постепенно все большимъ и большимъ...»

Таковы эти свѣдѣнiя о законахъ перспективы, какія даются въ рассматриваемомъ сочиненiи Дюрера.

Не надѣясь однако, повидимому, на твердое и ясное усвоеніе читателями этихъ основныхъ теоретическихъ положенiй, художникъ даетъ далѣе сверхъ того еще и практическія указанiя относительно тѣхъ приемовъ, съ помощью которыхъ чисто *механическимъ путемъ* каждый можетъ достигнуть перспективной правильности въ изображенiи вещей. Въ концѣ той же книги онъ показываетъ, «какимъ образомъ каждую вещь, которую видишь и которая находится не далеко, можно измѣрять при помощи трехъ нитей и переносить затѣмъ на картину; а сверхъ того также, какимъ образомъ то, что видишь, возможно прорисовывать (*durchzeichnen*)».

Сначала Дюреръ даетъ наставленіе относительно послѣдняго способа воспроизведенія, поясняя свое описаніе собственноручнымъ рисункомъ, представляющимъ самый процессъ воспроизведенія ¹⁾.

Сущность *прибора*, при помощи котораго возможно точно воспроизвести всякій предметъ даже самому неопытному рисовальщику, заключается въ слѣдующемъ. Къ концу стола, имѣющаго видъ удлиненнаго четырехугольника, прикрѣпляется на одной изъ узкихъ сторонъ его перпендикулярно къ плоскости стола, при помощи двухъ крючковыхъ, четырехугольное стекло въ рамкѣ. На противоположномъ концѣ стола прикрѣпляется поверхъ стола, параллельно рамѣ со стекломъ, деревянный брусокъ, имѣющій форму параллелепипеда, а въ выдолбленной срединѣ его помѣщается винтъ во всю ширину стола. Винтъ этотъ передвигаетъ параллельно къ стеклу другой деревянный брусокъ, прикрѣпленный въ вертикальномъ положеніи



Рис. 68.

по отношенію къ первому; сердцевина этого второго бруска, равняющагося по высотѣ половинѣ высоты стекла, также выдолблена и въ нее вставленъ деревянный стержень, который поддерживается при помощи зубцовъ на любой желательной высотѣ. Къ верхней части этого стержня прикрѣпляется дощечка съ малымъ отверстіемъ въ ней, черезъ которое глазъ художника можетъ разсматривать какъ стекло въ рамѣ, такъ и тѣ предметы, которые видны ему черезъ это стекло. Описаннымъ приборомъ всякій желающій можетъ пользоваться чрезвычайно просто: черезъ отверстіе въ дощечкѣ и черезъ стекло онъ останавливаетъ свое зрѣніе послѣдовательно на всѣхъ необходимыхъ пунктахъ разсматриваемаго предмета, передвигая дощечку, вмѣстѣ съ брусками, до соответствующаго каждому пункту мѣста; затѣмъ тѣ пункты на стеклѣ, черезъ которые проходятъ лучи

¹⁾ См. нашъ рисунокъ № 68.

зрѣнія отъ глаза къ самому предмету, зарисовываетъ карандашомъ, углемъ или краскою, и получаетъ такимъ образомъ на стеклѣ всѣ важнѣйшія очертанія предмета, который однако долженъ находиться отъ прибора на разстояніи не очень далеко. Полученный такимъ способомъ рисунокъ художникъ можетъ потомъ уже легко перенести со стекла на любой другой матеріалъ, что не представляетъ никакихъ трудностей, такъ какъ важнѣйшее воспроизведено на стеклѣ съ самой природы со всею необходимою *точностью* въ отношеніи перспективы. Такимъ способомъ,—замѣчаетъ авторъ,— даже неопытный художникъ легко можетъ изображать не только такіе предметы, какъ архитектурныя *строенія*, отдѣльныя *вещи* въ природѣ, но и болѣе трудныя, какъ, на примѣръ, *портреты* живыхъ людей, при чемъ необходимо тогда укрѣплять неподвижно голову того, съ кого рисуютъ портретъ, чтобы не спутывались его очертанія, пока ихъ прорисовываютъ на стеклѣ. Когда же рисунокъ будетъ готовъ, тогда можно пользоваться и *красками*, а при этой послѣдней работѣ главное вниманіе пишущаго портретъ должно быть обращено на постоянное *освѣщеніе* оригинала... Таковъ этотъ первый механический способъ воспроизведенія предметовъ въ живописи.

Другой способъ заключается въ слѣдующемъ ¹⁾. Къ стѣнѣ комнаты, въ которой дѣлается снимокъ съ какого-либо предмета, прибавляется большая игла съ широкимъ ушкомъ: здѣсь, именно, нужно представлять себѣ помѣщеннымъ глазъ зрителя. Черезъ ушко продѣвается длинная крѣпкая нить и тамъ же у стѣны привѣшивается тяжесть (отвѣсъ). Противъ стѣны помѣщается столъ съ перпендикулярно стоящей на немъ четырехъугольной рамой; къ одной изъ боковыхъ сторонъ этой рамы придѣляется какъ бы дверца, которая можетъ открываться и закрываться; а на срединѣ боковой и верхней сторонъ рамы прикрѣпляются двѣ нитки,—одна по длинѣ своей равная высотѣ отверстія рамы, а другая—его ширинѣ. Предметъ, воспроизводимый въ картинѣ, помѣщается на столѣ передъ вышеописанной рамой. На концѣ длинной нити, идущей отъ стѣны, привѣзывается гвоздь, а самая нить пропускается черезъ отверстіе рамы. Измѣреніе предмета и перенесеніе его на картину происходитъ слѣдующимъ образомъ. Отдавши своему помощнику гвоздь съ длиною

¹⁾ См. нашъ рисунокъ № 69.

нитью, пропущенною через отверстие рамы къ предмету, нужно поручить ему — прикасаться головкой гвоздя съ этою нитью ко всѣмъ важнѣйшимъ и необходимымъ для рисунка пунктамъ даннаго предмета (например, люти, изображенной на рисункѣ). Всякій разъ, когда помощникъ, прикасаясь гвоздемъ къ такимъ пунктамъ, будетъ натягивать длинную нить, самъ художникъ долженъ въ свою очередь крѣпко натягивать по направленію къ этой послѣдней двѣ другія нити, прикрученные къ рамѣ, и пудетъ соединенія ихъ отмѣчать воскомъ. Послѣ этого помощникъ долженъ пускать длинную нить послабѣе, а художникъ, притворивши дверцу рамы, долженъ

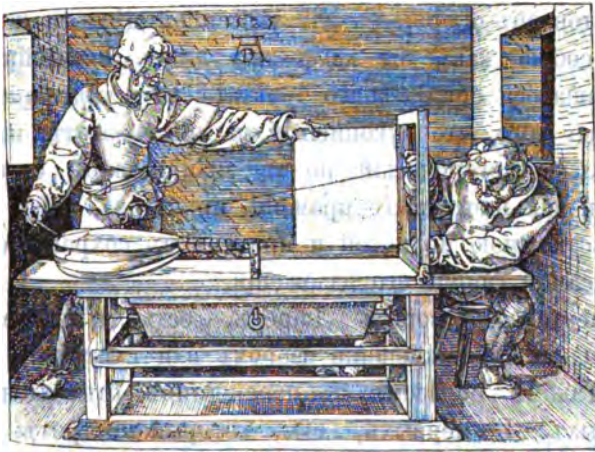


Рис. 69.

обозначать на этой дверцѣ тотъ пунктъ, гдѣ линіи пересѣклись другъ съ другомъ. Въ результатѣ повторенія этого процесса получаютъ на дверцѣ точныя очертанія изображаемой вещи въ уменьшенномъ размѣрѣ, при чемъ степень уменьшенія будетъ зависѣть отъ того, на какомъ разстояніи отъ рамы находится измѣряемый и изображаемый посредствомъ прибора предметъ.

То, что изложено было относительно перспективы въ послѣдней книгѣ *«объ измѣреніяхъ»* и въ существенныхъ частяхъ передано нами на предыдущихъ страницахъ, Дюреръ признавалъ однако недостаточнымъ для полнаго ознакомленія обучающихся живописи съ основными, необходимыми для каждаго изъ нихъ, данными той самой науки, — *«тайной науки о перспективѣ»*, какъ онъ самъ нѣкогда

называлъ ее,—ради изученія которой въ бытность свою въ Италіи въ 1507 году онъ специально ѣздилъ въ Болонью ¹⁾), придавая этому изученію особенно важное значеніе. Какъ можно было усмотрѣть уже изъ приведеннаго выше плана общаго большого сочиненія о живописи, которое художникъ предполагалъ издать съ теченіемъ времени, онъ намѣревался посвятить разработкѣ вопросовъ, касающихся перспективы, цѣлый отдѣльный трактатъ, въ которомъ всѣ такіе вопросы должны были быть рассмотрѣны очень детально. Къ сожалѣнію, эта большая работа не была имъ закончена. Тѣмъ не менѣе въ упомянутой уже ранѣе рукописи Британскаго музея мы находимъ довольно обширный и весьма цѣнный матеріалъ, который былъ подготовленъ Дюреромъ для указанной цѣли и который представляетъ собою какъ бы *конспектъ* всѣхъ важнѣйшихъ частей предполагавшагося спеціальнаго трактата «*о перспективѣ*».

Въ виду того, что рукописный матеріалъ этотъ имѣетъ интересъ не только историческій, но въ значительной степени сохраняетъ его и для настоящаго времени, приводимъ здѣсь его содержаніе съ возможною полнотою и притомъ съ сохраненіемъ, по возможности, самой формы его изложенія.

Перспектива,—говоритъ Дюреръ,—есть латинское слово, которое означаетъ проникновеніе взоромъ или смотрѣніе вдаль черезъ что-либо. Такимъ образомъ, къ перспективѣ относятся слѣдующія пять данныхъ. Во-первыхъ, *глазъ*, который смотритъ; во-вторыхъ, *предметы*, которые разсматриваются; въ-третьихъ, *пространство* между глазомъ и этими послѣдними; въ-четвертыхъ, свойство, по которому каждый предметъ можно видѣть только *по прямымъ линіямъ*, которыя суть кратчайшія разстоянія; въ-пятыхъ, *раздѣленіе* другъ отъ друга предметовъ, которые видятъ нашъ глазъ.

Отсюда возникаетъ первое положеніе относительно линій, о которыхъ въ четвертомъ пунктѣ сказано было, что всякій предметъ можетъ быть видимъ только по прямымъ направленіямъ. Лучи зрѣнія вдали расходятся другъ отъ друга къ различнымъ точкамъ предмета прямыми линіями, такъ что образуютъ собою конусъ, вершина котораго находится въ глазу. Далѣе отсюда же вытекаетъ второе положеніе, а именно, что только тѣ вещи могутъ быть видны, до

¹⁾ Сж. подроб. на стр. 186 и слѣд. вашей книги.

которых достигаютъ лучи зрѣнія. Третье положеніе: куда же лучи зрѣнія не могутъ доходить по прямымъ линіямъ, тѣ части предметовъ и не могутъ быть видимы, ибо зрѣніе не воспринимаетъ по кривымъ линіямъ. Четвертое положеніе: такимъ образомъ, всякій предметъ, который представляется зрѣнію подъ широко расходящимися радіусами, должно считать большимъ по его размѣрамъ. Пятое положеніе: тотъ же предметъ, который заключенъ въ узкомъ пространствѣ между радіусами, нужно представлять себѣ, какъ малый по размѣрамъ. Шестое положеніе: всѣ предметы, которые представляются зрѣнію подъ одинаковыми радіусами, будутъ ли они велики или малы, близки или отдаленны, кажутся имѣющими одинаковыя размѣры. Седьмое положеніе: всѣ предметы, которые представляются подъ высокими радіусами, должно и признавать за высокіе; (8 п.) а подъ низкими радіусами—за невысокіе. Девятое положеніе: всякій предметъ, который охватывается радіусами на правой сторонѣ, намъ кажется находящимся справа; (10 п.), а все то, что лучи зрѣнія охватываютъ на лѣвой сторонѣ, и представляется находящимся слѣва отъ смотрящаго.

Въ тѣсной связи съ этими основными положеніями стоитъ цѣлый рядъ *теоремъ*, ближе раскрывающихъ законы перспективы. Содержаніе важнѣйшихъ изъ этихъ теоремъ таково.

I. Всякій предметъ, который находится подъ лучами зрѣнія, не можетъ быть видимъ заразъ цѣликомъ во всѣхъ его частяхъ.— II. Если предметы одинаковой величины помѣстить на различныхъ разстояніяхъ отъ зрителя, то тѣ изъ нихъ, которые находятся ближе, будутъ казаться большими.— III. Каждая вещь, которую видишь, имѣетъ нѣкоторый промежутокъ (интервалъ) между нею и другими вещами, и когда одна вещь приближается къ другой, то интервалъ уменьшается и, наконецъ, исчезаетъ.— IV. Если одинаковыя интервалы находятся на одной линіи, то тѣ изъ нихъ, которые видны дальше всѣхъ, представляются наименьшими.— V. Одинаковыя величины, расположенныя на неравномъ разстояніи отъ зрителя, кажутся неодинаковыми, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя находятся ближе всѣхъ къ глазу, показываются наибольшими.— VI. Параллельныя линіи, на которыя смотришь издали, кажутся отстоящими одна отъ другой не вездѣ на одинаковомъ разстояніи и притомъ неравными.— VII. Если нѣсколько одинаковыхъ по размѣрамъ предметовъ помѣстить

на одной прямой линіи, то тотъ изъ нихъ, который находится дальше всѣхъ, будетъ казаться наименьшимъ. — VIII. Изъ одинаковыхъ по размѣрамъ предметовъ, помѣщенныхъ непосредственно другъ за другомъ на различныхъ разстояніяхъ по одной прямой линіи, передній закрываетъ собою всѣ остальные. — IX. Предметы, имѣющіе въ дѣйствительности прямые углы, кажутся издали закругленными. — X. Тѣ плоскости съ размѣщенными на нихъ предметами, которыя находятся ниже глаза, кажутся сзади болѣе высокими, чѣмъ впереди. — XI. Тѣ же, которыя находятся выше глаза, наоборотъ, представляются сзади болѣе низкими, чѣмъ въ переднихъ своихъ частяхъ. — XII. Изъ двухъ предметовъ, которые приближаются къ тебѣ навстрѣчу, — тотъ, который находится вдали направо отъ тебя, будетъ казаться въ отдаленіи направляющимся налѣво; съ предметомъ, находящимся слѣва отъ тебя, происходитъ обратное. — XIII. Одинаковые и стоящіе на одной плоскости предметы, помѣщенные ниже глаза, представляются на заднемъ планѣ стоящими какъ будто выше, чѣмъ на переднемъ. — XIV. Напротивъ, изъ нѣсколькихъ равныхъ величинъ, помѣщенныхъ въ отдаленіи отъ глаза, но выше него, на одной плоскости, наиболѣе отдаленныя кажутся болѣе низкими, чѣмъ переднія. — XV. Изъ неравныхъ предметовъ, помѣщенныхъ на плоскости ниже глаза, тѣ большіе, которые находятся вдали, могутъ показаться даже меньшими, чѣмъ малые, находящіеся вблизи. — XVI. Въ предметѣ очень большихъ размѣровъ верхняя часть его показывается, сравнительно съ нижнею, меньшею, чѣмъ она есть въ дѣйствительности (напримѣръ, въ высокой башнѣ). Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ теоремахъ и т. п. (XVII—XXI) авторомъ только намѣчены вопросы, на которые однако онъ не сумѣлъ еще отыскать надлежащихъ отвѣтовъ, какъ, напримѣръ, относительно измѣренія и изображенія размѣровъ предметовъ, недоступныхъ для непосредственныхъ измѣреній ихъ высоты, длины и глубины, относительно вспомогательныхъ средствъ для этого, и т. д.

Далѣе слѣдуетъ рядъ теоремъ, касающихся перспективнаго изображенія окружности, шара, цилиндра, конуса и другихъ простѣйшихъ тѣлъ. — XXII. Если окружность помѣстить на высотѣ глаза совершенно горизонтально, то она будетъ казаться уже не окружностью, а прямою линіей, и такъ именно ее и слѣдуетъ изображать. — XXIII. Если смотрѣть на шаръ однимъ глазомъ, откуда угодно, то будетъ видно

менѣе полусферы; но то, что видно, будетъ казаться соответствующимъ полной окружности шара.—XXIV. Чѣмъ ближе будешь подходить къ шару, тѣмъ большимъ онъ будетъ тебѣ представляться, но тѣмъ меньшую часть его ты будешь видѣть.—XXV. Если смотрѣть на шаръ обоими глазами, при чемъ разстояніе глазъ другъ отъ друга будетъ равно діаметру шара, то видна будетъ какъ разъ половина его.—XXVI. Если же глаза твои дальше отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ діаметръ шара, то ты увидишь болѣе половины его.—XXVII. Наоборотъ, если разстояніе между ними менѣе діаметра шара, то ты увидишь менѣе его половины.—XXVIII. Если будешь смотрѣть на цилиндръ однимъ глазомъ, то одной половины его не будетъ видно.—XXIX. Если будешь приближать глазъ къ цилиндру, то онъ будетъ казаться тебѣ постепенно все большимъ, но въ то же время ты будешь охватывать зрѣніемъ меньше частей его, чѣмъ глядя на него издали.—XXX. Если будешь разсматривать однимъ глазомъ конусъ, то не видна будетъ цѣлая его половина.—XXXI. Если глазъ приближается къ округленному предмету, то пространство, охватываемое зрѣніемъ, дѣлается все меньшимъ, однако кажется все увеличивающимся.—XXXII. Такъ какъ конусъ имѣетъ въ основаніи кругъ, то если тамъ, гдѣ лучи зрѣнія, которые падаютъ отъ глаза къ основанію конуса и примыкаютъ другъ къ другу, провести прямыя линіи по поверхности конуса къ вершинѣ, а зачѣмъ черезъ проведенныя линіи и тѣ, которыя отъ глаза падаютъ къ основанію конуса, провести плоскости, тогда все то, что будетъ видѣть глазъ, помѣщенный вверху въ мѣстѣ раздѣленія всѣхъ плоскостей, будетъ видимо для него вездѣ одинаково. — XXXIII. Если глазъ помѣщенъ будетъ передъ конусомъ на срединѣ его высоты, то тѣ части конуса, которыя находятся выше глаза, будутъ видимы менѣе всего; а тѣ, которыя ниже, больше всего. — XXXIV. Если изъ центра круга возставить къ нему перпендикуляръ и помѣстить на немъ (на любой высотѣ) глазъ, то разстояніе отъ него всѣхъ точекъ окружности будетъ совершенно одинаково ¹⁾).

Изъ приведеннаго сейчасъ содержанія всего того, что написано было Дюреромъ объ измѣреніяхъ вообще и о перспективѣ въ

¹⁾ Дальнѣйшія теоремы (XXXV — XXXIX), въ которыхъ авторъ говоритъ о тупыхъ и острыхъ углахъ, представляются малопонятными безъ рисунковъ и потому мы опускаемъ ихъ здѣсь въ своемъ изложеніи.

частности, ясно, что свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь художникомъ, дѣйствительно, отвѣчаютъ той цѣли, для которой они назначались. Они даютъ начинающимъ художественную дѣятельность и обучающимся живописи тѣ необходимыя знанія основныхъ правилъ измѣренія, какъ и законовъ перспективы и перспективнаго изображенія. которыхъ, — какъ справедливо отмѣчаетъ Дюреръ въ своемъ введеніи, — недоставало имъ всѣмъ вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было руководствъ подобнаго 'рода въ тогдашней Германіи, равно какъ и отсутствія надлежащихъ теоретическихъ свѣдѣній по тѣмъ же вопросамъ у самихъ наставниковъ ихъ. Да и не однимъ только начинающимъ и обучающимся необходимы и драгоценны были тѣ данныя, которыя сообщались въ этомъ трактатѣ, но и большинству художниковъ болѣе зрѣлыхъ, съ широкой извѣстностью, къ которымъ во многихъ случаяхъ возможно было въ то время съ полнымъ основаніемъ примѣнить выраженія Дюрера о художникахъ младшихъ. что выросши подобно дикимъ деревьямъ, они писали свои картины сильно, но необдуманно, благодаря только многолѣтнему практическому навыку, безъ всякихъ устойчивыхъ теоретическихъ знаній. которыя предохраняли бы ихъ отъ ошибокъ, безъ надлежащей сознательности.

Каковы были *источники*, изъ которыхъ самъ Дюреръ черпалъ данныя для своего трактата «объ измѣреніяхъ», — объ этомъ можно говорить съ большою вѣроятностью. Это былъ прежде всего упоминаемый въ трактатѣ самимъ авторомъ Эвклидъ съ его элементарною геометріей¹⁾; далѣе Витрувій, у котораго Дюреръ воспользовался свѣдѣніями объ архитектурныхъ строеніяхъ древнихъ, съ разнообразными данными объ ихъ измѣреніяхъ, стиляхъ, и т. д.²⁾; сюда же несомнѣнно были присоединены и тѣ свѣдѣнія, которыя усвоены были Дюреромъ во время поѣздки въ Болонью. Къ этимъ свѣдѣніямъ,

¹⁾ На близкое знакомство художника съ извѣстнымъ сочиненіемъ Эвклида: „элементы геометріи“, въ 13 книгахъ, указываютъ вступительныя слова Дюрера въ первой книгѣ трактата его объ измѣреніяхъ: „глубокомысленнѣйшій Эвклидъ положилъ основанія геометріи, и тому, кто хорошо уже знакомъ съ ними, написанное здѣсь будетъ излишнимъ“...

²⁾ Первые изданія сочиненія *Витрувія: de architectura* (въ 7 книгахъ) появились незадолго передъ тѣмъ въ Венеціи, а именно: одно въ 1497 году, другое въ 1511 году съ рисунками, составленными на основаніи текста и съ нѣкоторыми комментаріями (изданіе Джіокондо).

почерпнутымъ у названныхъ предшественниковъ, Дюреръ добавилъ сверхъ того и цѣнные результаты собственныхъ многолѣтнихъ изслѣдованій по тѣмъ же вопросамъ, давши въ цѣломъ полезнѣйшее руководство для художниковъ, работавшихъ во всѣхъ областяхъ искусства, и по преимуществу въ области живописи.

Насколько велика была потребность въ такомъ, именно руководствѣ, явствуетъ изъ того факта, что въ сравнительно короткое время этотъ трактатъ «объ измѣреніяхъ» не только выдержалъ *несколько изданій* на нѣмецкомъ языкѣ, но и былъ переведенъ на латинскій языкъ и неоднократно изданъ въ такомъ переводѣ, изъ чего должно заключить, что въ руководствѣ этомъ сильно нуждались не только германскіе, но и иностранные художники различныхъ національностей, для потребностей которыхъ и сдѣланъ былъ переводъ трактата объ измѣреніяхъ ¹⁾. Кромѣ того нѣкоторыя отдѣльныя части этого трактата, особенно интересовавшія тогдашнихъ художниковъ и читателей иныхъ специальностей, были издаваемы и отдѣльно, какъ это извѣстно, между прочимъ, относительно главы, посвященной построенію буквъ латинскаго и нѣмецкаго алфавита на геометрическихъ основаніяхъ, и нѣк. др. ²⁾.

Еще болѣе обширнымъ по своимъ размѣрамъ и имѣющимъ по своему содержанію гораздо болѣе общій интересъ оказывается трактатъ Дюрера «о *человѣческихъ пропорціяхъ*», изданный въ 1528 году, вскорѣ послѣ смерти художника, подъ слѣдующемъ заглавіемъ: «*здесь заключаются четыре книги о челоѣческихъ пропорціяхъ, сочиненныя и написанныя Альбрехтомъ Дюреромъ на пользу всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ любовь къ искусству*» ³⁾. И этому сочиненію, по-

¹⁾ Кромѣ перваго изданія трактата 1525 года извѣстны еще слѣдующія изданія на *нѣмецкомъ* языкѣ: 1) Нюрнбергское 1538, съ надписью въ концѣ: „Gedruckt zu Nurenberg durch Hieronymum Formschneider. Anno 1538“.—2) Аренгеймовское 1603 г. съ надписью: „Gedruckt zu Arnheim im Furstenthumb Geldrean, bey Johan Jansen. Anno 1603 nach dem Exemplar, gedruckt zu Nurenberg Im Jar 1525.“; и на *латинскомъ* языкѣ: 3) Парижское 1532 года, съ надписью въ концѣ: „Lutetiae apud Christianum Wechelum Anno MDXXXII. Nonis Augusti“.—4) Парижское изданіе 1585 года, съ надписью: „Parisiis ex Officina Christiani Weheli, sub scuto Basiliensi MDXXXV“.—5) Аренгеймовское 1605 года, съ надписью: „Arnhemiae, Iansonius 1605“.

²⁾ Извлеченіе это появилось въ Саргоссѣ уже въ 1529 году (въ переводѣ) со всѣми относящимися сюда рисунками, подъ заглавіемъ: „Arte subtilissima por la qual se ensenna a escrevir perfectamente, por Juan de Yciar, Vizeayno, 1529“.

³⁾ „Hjerin sind begriffen vier bücher von menschlicher Proportion durch Alb-

добно трактату объ измѣреніяхъ, предшествуетъ посвященіе авторомъ книги своему другу и покровителю, Вилибальду Пиркгеймеру. И обширное предисловіе Дюрера, разъясняющее ближайшія задачи, которыя онъ преслѣдовалъ при составленіи своего трактата о пропорціяхъ, а также его взгляды на современное состояніе нѣмецкаго искусства, на средства къ дальнѣйшему его преуспѣванію и т. д.

«Хотя я не сомнѣваюсь, мой милый другъ и покровитель, — писалъ Дюреръ въ этомъ своемъ предисловіи послѣ посвященія Пиркгеймеру, — что нѣкоторые будутъ признавать предлагаемый трудъ мой достойнымъ порицанія за то, что я, человѣкъ неученый, съ малымъ пониманіемъ и небольшимъ талантомъ, осмѣливаюсь писать и учить здѣсь тому, чему меня самого никогда не учили и чего мнѣ самому никогда не показывали, тѣмъ не менѣе, такъ какъ вы неоднократно настаивали и даже принуждали меня выпустить въ свѣтъ это мое сочиненіе, я рѣшилъ скорѣе подвергнуться опасности всякихъ упрековъ, чѣмъ отказать вамъ въ вашей просьбѣ. Впрочемъ надѣюсь, что изъ людей, одаренныхъ добродѣтелями и разумомъ, никто не станетъ слишкомъ порицать меня за то, что я рѣшился съ немалою затратою времени и труда издать на общую пользу всѣмъ художникамъ тѣ матеріалы, на собраніе которыхъ я употребилъ столько высокаго прилежанія и постоянной усердной работы; но полагаю, что нѣкоторые изъ нихъ даже похвалятъ мое доброе желаніе и мое усердіе, и поймутъ его должнымъ образомъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я не сомнѣваюсь, что сдѣлать своимъ изданіемъ пріятное всѣмъ любителямъ искусства и тѣмъ, которые имѣютъ желаніе учиться ему, то я думаю предоставить зависти, ничего не оставляющей незатронутымъ, идти своимъ путемъ, замѣтивши только, что гораздо легче порицать что-либо, нежели самому придумать это.

Конечно, если бы еще существовали до нашего времени книги древнихъ писателей, посвященныя искусству живописи, то мое предпріятіе, въ которомъ я хотѣлъ бы представить какъ будто нѣчто лучшее ихъ, могло бы возбуждать гнѣвъ. Но такъ какъ всѣ эти книги

rechten Dürer von Nuremberg erfunden und beschriben zu nutz allen denen, so in diser kunst lieb tragen“. Предисловіе Дюрера къ этому соч. опубликовано было у *Campe*: Reliquien, S. 154 ff.; *M. Thausing*: Durers Briefe etc. S. 63 ff. и у *Langbe und Fahse*: Durers schriftl. Nachlass, S. 206 ff.; въ послѣднемъ изданіи перепечатаны сверхъ того и нѣкоторыя, впрочемъ сравнительно немногія части печатнаго изданія 1528 г. съ указаніями на встрѣчающіяся по мѣстамъ отличія его отъ первоначальнаго изложенія въ рукописи.

въ теченіе вѣковъ были совершенно утрачены, то, думаю, мнѣ нельзя будетъ поставить въ упрекъ, если я, подобно древнимъ, позволю себѣ письменно изложить мои мысли и наблюденія для того, чтобы и другимъ понимающимъ дѣло людямъ дать поводъ—сдѣлать то же самое, а равно оставить имъ наслѣдіе, которое они могли бы дополнять и улучшать, дабы искусство живописи съ теченіемъ времени снова достигло своего совершенства. Впрочемъ никто не обязанъ слѣдовать тому, чему я здѣсь учу, какъ если бы оно было совершенно во всѣхъ своихъ частяхъ; ибо человѣческая натура не такъ устроена, чтобы другой кто-нибудь не могъ бы изобрѣсти что-либо еще лучшее. Поэтому пусть каждый пользуется этимъ моимъ сочиненіемъ, по сколько это ему будетъ нравиться; поскольку же нѣтъ, пусть думаетъ, что это ученіе написано не для него, а для кого-нибудь другого, который пожелалъ бы воспользоваться имъ. Только совершенно тупой умъ не довѣряетъ себѣ настолько, чтобы изобрѣсти что-либо новое, но постоянно идетъ по старымъ путямъ, всегда слѣдуетъ за другими и не умѣетъ придумать ничего новаго. Поэтому каждый разумный человѣкъ долженъ настолько слѣдовать за кѣмъ-либо другимъ, чтобы не было сомнѣнія, что со временемъ онъ и самъ придумаетъ что-либо еще лучшее. И если дѣло будетъ идти именно такъ, то несомнѣнно, что искусство со временемъ снова достигнетъ своего совершенства, какъ это было въ древности. Уже и въ настоящее время очевидно, что нѣмецкіе живописцы имѣютъ не мало ловкости въ обращеніи съ кистью и красками, хотя до сихъ поръ имъ не достаетъ знанія искусства измѣренія, а также знанія перспективы и тому подобныхъ предметовъ. Можно поэтому надѣяться, что когда они достигнутъ и этихъ познаній и такимъ образомъ соединятъ свой практическій навыкъ съ теоретическимъ знаніемъ искусства, то они не уступятъ первенства въ этой области никакой другой націи. Однако все же безъ правильныхъ пропорцій ни одна картина не можетъ быть совершенной, хотя бы она была исполнена со всѣмъ тщаніемъ, какое только возможно. Правда, нѣтъ необходимости всѣ безъ исключенія картины, и особенно очень малыя по размѣрамъ, дѣлать по точнымъ измѣреніямъ, ибо это требовало бы слишкомъ большой затраты труда. Однако если, какъ слѣдуетъ, обучиться искусству измѣренія и если оно войдетъ въ привычку, то тѣмъ легче будетъ возможно впоследствии и безъ измѣреній правильно написать каждую картину. *Для того же, чтобы это*

мое учение было тѣмъ лучше понятно, я издалъ уже нѣсколько ранѣе свое сочиненіе объ измѣреніяхъ, трактующее о линіяхъ, поверхностяхъ, тѣлахъ и т. д., безъ котораго это мое учение будетъ не вполне понятно. Поэтому необходимо, чтобы каждый, кто желалъ бы понять это мое учение, напередъ хорошо ознакомился съ измѣреніями и приобрѣлъ знаніе того, какъ каждая вещь можетъ быть положена на основаніе и измѣрена, подобно тому какъ это дѣлаютъ опытные каменщики въ своей ежедневной практикѣ. Ибо безъ этого онъ не въ состояніи будетъ въ должной мѣрѣ усвоить себѣ это мое учение. Равнымъ образомъ никто не долженъ отказываться отъ дальнѣйшаго изученія моей книги, если не вдругъ пойметъ въ ней написанное. Ибо что ужъ очень легко дается, то не можетъ быть очень художественнымъ (Künstlich), а что дѣйствительно художественно, то требуетъ много усердія, прилежанія и работы для того, чтобы можно было познать его и научиться ему. Что касается значенія правильныхъ измѣреній и пропорцій, то можно сказать, что если только изображеніе имѣетъ правильныя мѣры (sein rechte Mass), его никто уже не можетъ порицать, будто оно совсѣмъ плохо сдѣлано. Въ настоящемъ моемъ сочиненіи я имѣю въ виду писать только о внѣшнихъ линіяхъ формъ и образовъ и о томъ, какъ должно вести ихъ отъ точки до точки, но ничего не буду писать о внутреннемъ строеніи предметовъ. Нѣтъ для меня необходимости писать также и о томъ, какъ давно существуетъ искусство, кто первый изобрѣлъ его, въ какомъ уваженіи находилось оно нѣкогда у грековъ и римлянъ, какъ талантливъ долженъ быть хорошій живописецъ или даже ремесленникъ и т. п. Кто хочетъ имѣть свѣдѣнія объ этомъ, пусть прочтетъ Плинія и Витрувія, у которыхъ онъ можетъ достаточно ознакомиться со всѣмъ этимъ. Для того же—закачиваю Дюреръ свое предисловіе, снова обращаясь къ Пиркгеймеру, чтобы эти мои книги могли имѣть защитника отъ всякихъ упрековъ и пересудовъ, я посвящаю ихъ вамъ съ величайшимъ расположеніемъ къ вамъ ради той любви, дружбы и доброты, какія вы оказывали мнѣ въ теченіе долгаго времени въ различныхъ случаяхъ, и прошу васъ, чтобы вы благоволили принять это мое начинаніе наилучшимъ образомъ и остались въ будущемъ моимъ покровителемъ и защитникомъ, каковымъ были всегда до настоящаго времени. Этимъ я утѣшаю себя и, насколько возможно, остаюсь спокойнымъ.

Обращаясь послѣ такого вступленія къ изложенію самаго ученія

О пропорціяхъ, Дюреръ обстоятельно разъясняетъ прежде всего, каковы должны быть самыя *техническіе приемы измѣренія разнообразныхъ человѣческихъ фигуръ*, имѣющіе задачей установленіе пропорцій частей ихъ по отношенію къ цѣлому.

Каждую человѣческую фигуру должно, — показываетъ художникъ, — измѣрять такимъ образомъ, что проводится сначала сагиттальная линія разрѣза отъ темени черепа до пятъ. Это линія дѣлится вслѣдъ за тѣмъ на двѣ, на четыре, на восемь частей, и т. д., до

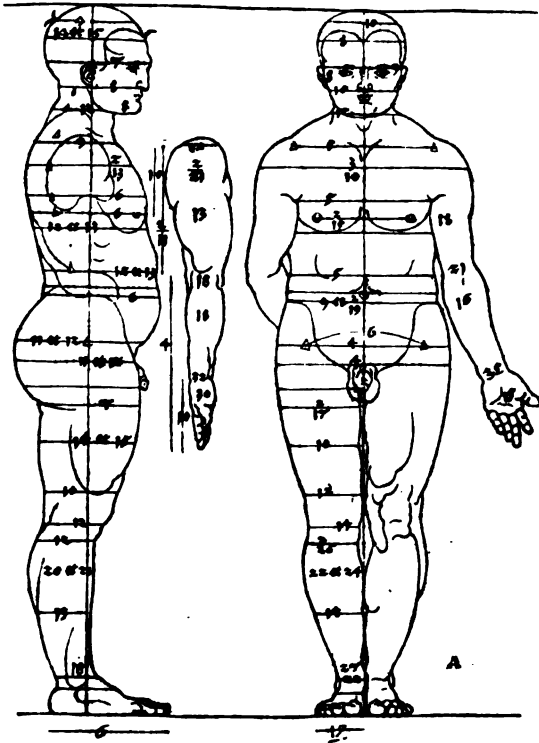


Рис. 71.

ста, или если кто пожелаетъ достигнуть результатовъ еще болѣе точныхъ, то и на большее число равныхъ частей. Такъ устанавливается длина линіи, принимаемой за основную единицу для всѣхъ послѣдующихъ измѣреній, — единицу, равную $\frac{1}{100}$ части (или еще меньшей) указанной сагиттальной линіи высоты всей фигуры.

Каждая фигура должна быть измѣряема съ трехъ различныхъ сторонъ: съ лицевой, съ боковой и со стороны спины, повсюду по

однимъ и тѣмъ же основаніямъ исчисленія. Принимая за единицу найденную ранѣе малую линію, должно измѣрять всякій отдѣльный членъ тѣла какъ по горизонтальному, такъ и по вертикальному направленіямъ, и величину каждаго члена по измѣреніи отмѣчать на мѣстахъ соответствующими цифрами. Фигуры мужскія, какъ и мѣщія свои особыя пропорціи, непохожія на пропорціи женскихъ фигуръ, необходимо должны измѣряться отдѣльно отъ женскихъ фигуръ; равнымъ образомъ отдѣльно должны быть измѣряемы и фигуры дѣтей, которыя также имѣютъ совершенно особыя пропорціи, непохожія на тѣ, какія получаетъ тѣло у взрослыхъ людей

Въ отношеніи пропорцій въ связи съ общею комплекціей человѣческаго тѣла можно выдѣлить, — согласно Дюреру, — *три главныя типа* съ ихъ разнообразными подраздѣленіями: во-первыхъ, типъ *человѣка приземистаго и тучнаго, высота фигуры котораго равна семи головамъ* (einen dickenpewrischen man, der syben seiner hewpter lang soll werden); во-вторыхъ, типъ *человѣка сухощаваго, худого и длиннаго, котораго общій ростъ равняется девяти или даже десяти головамъ* (ein langen dünnen man, der soll seiner hewpter neun (und zehner) lang werden); наконецъ, въ-третьихъ, типъ *человѣка средняго тѣлосложенія, ни тучнаго, ни худого, голова котораго приблизительно составляетъ $\frac{1}{8}$ часть всей фигуры по высоту*. Каждое человѣческое тѣло, мужское и женское, приближается въ большей или меньшей степени къ тому или иному изъ перечисленныхъ типовъ, образуя въ живой дѣйствительности великое разнообразіе комбинацій, при чемъ впрочемъ достаточно яснымъ бываетъ, къ какому изъ означенныхъ типовъ подходитъ каждая изъ фигуръ ближе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ. Необходимо однако, — замѣчаетъ Дюреръ, — помнить при опредѣленіи на глазомѣрѣ, что фигуры толстыя, хотя бы и одинаковыхъ пропорцій съ худыми, кажутся имѣющими иныя пропорціи, чѣмъ эти послѣднія, а именно, кажутся болѣе приземистыми, подходящими къ первому типу, даже если отношеніе головы къ росту всей фигуры будетъ другимъ, чѣмъ отношеніе 1 къ 7, и потому только точныя измѣренія могутъ показать дѣйствительныя пропорціи ¹⁾.

¹⁾ См. наши рисунки: № 70 — мужская фигура перваго типа; № 72 — женская фигура перваго типа (высота фигуры равна 7 головамъ); № 73 — мужская фигура среднихъ пропорцій (выс. фиг. равна 8 головамъ); № 74 — женская фигура такихъ же

Указывая затѣмъ по отношенію къ фигурамъ каждаго типа, мужскимъ и женскимъ, *результаты* произведенныхъ самимъ авторомъ точныхъ и подробнѣйшихъ измѣреній, Дюреръ отмѣчаетъ ихъ, въ цѣляхъ пользованія ими со стороны другихъ художниковъ, соотвѣтствующими *цифрами*, проставленными на всѣхъ тѣхъ рисункахъ, которыми поясняется текстъ и по которымъ каждый, кто усвоилъ себѣ основные принципы измѣренія, получалъ возможность создавать въ своихъ произведеніяхъ фигуры такого или иного изъ существующихъ типовъ.

Такъ какъ при измѣненіяхъ въ постановкѣ человѣческихъ фигуръ и при движеніяхъ получаютъ нѣкоторыя своеобразныя соотношенія между отдѣльными членами тѣла, то въ слѣдующей (II) книгѣ трактата авторъ даетъ точныя указанія на таковыя соотношенія, поясняя и здѣсь объясненія иллюстраціями.

Третья книга трактата представляетъ по содержанію наибольшій интересъ, затрогивая вопросы не только техническаго, но и общаго эстетическаго характера.

Существуетъ,—замѣчаетъ авторъ,—удивительное разнообразіе человѣческихъ *лицъ* и *головъ* въ зависимости отъ тѣхъ различныхъ соотношеній, какія имѣютъ другъ къ другу отдѣльныя части головы и лица: ротъ, носъ, лобъ, уши, глаза и т. д. Съ измѣненіемъ каждой изъ этихъ частей мѣняется и общій видъ лица или всей головы. Такъ, именно, создается разнообразіе человѣческихъ типовъ физиономій въ самой натурѣ; такимъ же образомъ и художники могутъ достигать величайшаго разнообразія лицъ въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ

Такъ, напр., можно измѣнять форму *глазъ* и *бровей*, а съ ними и всего лица, въ однихъ случаяхъ изображая ихъ съ приподнятыми внутренними углами и опущенными внѣшними; въ другихъ—наоборотъ; въ третьихъ — поставляя и внѣшніе и внутренніе углы на одной прямой. *Носъ* можно разнообразить по формѣ тѣмъ, что концы ноздрей помѣщаются то выше, то ниже конца носа, а ноздри дѣлаются то шире, то уже въ однихъ случаяхъ, чѣмъ въ другихъ. Форма *ушей* разнообразится тѣмъ, что ихъ раковина дѣлается то

пропорцій; № 75—женская фигура, высота которой равна 9 головамъ; № 76—мужская фигура, высота которой равна 10 головамъ.

большую, то меньшую; а самые уши образуют по отношению къ головѣ то болѣе, то менѣе острый уголъ,— то плотно прилегаютъ къ головѣ, то сильно выдаются въ стороны. *Ротъ* можетъ имѣть въ однихъ случаяхъ приподнятые углы губъ, въ другихъ — опущенные, въ третьихъ — находящіеся на одной прямой линіи. То же и со всѣми другими частями лица въ отдѣльности. Кромѣ того лицо человѣческое измѣняется въ своемъ типѣ и оттого, что мѣняется отношеніе каждой отдѣльной части лица къ остальнымъ: къ носу, подбородку, щекамъ и проч. При этомъ въ общемъ преобладающими оказываются три наиболѣе характерные типа: 1) типъ



Рис. 71.

лица плоскаго, 2) типъ лица вогнутаго и 3) типъ лица выгнутаго, подобно головѣ зайца. Видоизмѣняя въ большей или меньшей степени эти соотношенія отдѣльных частей головы, можно до безконечности разнообразить человѣческія лица.

Какая же изъ всѣхъ разновидностей человѣческаго лица и головы можетъ быть признана красивѣйшею?.. Дюреръ рѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Хотя нѣкоторыя крайности и преувеличенія и возбуждаютъ удивленіе, однако онѣ не могутъ быть названы прекрасными и нравятся всѣмъ. Такъ, напр., никогда не можетъ быть признана красивой острая голова или плоская, тогда какъ округленная голова представляется прекрасной. Тоже самое и

относительно отдѣльных частей лица: слишкомъ длинный или слишкомъ короткий, чрезмерно вогнутый или выгнутый носъ; слишкомъ выпуклые или впалые глаза, узкіе, какъ щели, или чрезмерно широко раскрытые; слишкомъ толстыя или чрезмерно тонкія губы; слишкомъ большія или малыя уши и т. д.,— всѣ такія крайности отнюдь не могутъ быть признаны заслуживающими названія красивыхъ. Отсюда, естественно вывести заключеніе, что истинно красивое должно представлять собою нечто среднее между двумя крайностями, должно быть равно удалено по своимъ пропорціямъ отъ каждой изъ нихъ. Однако легче указать, что некрасиво, чѣмъ опредѣлить сущность красиваго. Въ виду этого нужно помнить, что чѣмъ меньше будетъ въ изображеніи безобразнаго, — которое легко чувствуется всякимъ, — тѣмъ красивѣе будетъ самое изображеніе. Прямымъ слѣдствіемъ этого должно быть для художника стремленіе—возможно болѣе тщательно избѣгать всякихъ преувеличеній и крайностей, безобразящихъ всякую фигуру.

Другимъ условіемъ, которое Дюреръ поставляетъ далѣе художникамъ, является строгая выдержка всѣхъ частей тѣла въ опредѣленномъ родѣ, а именно: если изображается мужчина или женщина, то во всѣхъ подробностяхъ фигуры должны быть строго выдержаны черты того или другого рода не только въ формахъ отдѣльных членовъ, но и въ ихъ характерѣ — черты болѣе грубыя, плотныя, сильныя въ мужскихъ фигурахъ и болѣе нѣжныя, мягкія и изящныя въ женскихъ. Такъ же строго должны быть выдержаны въ своемъ характерѣ и черты, присущія различнымъ возрастамъ, которые желаетъ изобразить художникъ въ тѣхъ или иныхъ фигурахъ; нельзя, на примѣръ, крѣпкому мужу придавать нѣжныя очертанія мальчика, или слабому старику—мощные мускулы и стройность зрѣлаго, физически развитого мужчины и т. д. Каждый полъ и каждый возрастъ долженъ быть выраженъ въ изображаемой фигурѣ такъ ясно, чтобы при первомъ же взглядѣ можно было легко и безошибочно опредѣлить его. Иногда сверхъ того требуется выдержка характера фигуры и еще въ одномъ направленіи. О нѣкоторыхъ изъ людей говорятъ, напр., что такой-то имѣетъ львинообразную осанку и видъ; другой обладаетъ лисьей, или свиноподобной, или собачьей и т. п. фізіономіей, конечно, болѣе по сходству выраженія лица съ выраженіемъ того или другого животнаго, чѣмъ по очертаніямъ

его. Если художник желает придать человеческому лицу какой-либо из таких своеобразных характеровъ, онъ долженъ и здѣсь позаботиться о выдержкѣ его и соответствіи частей съ цѣлымъ, чтобы, напр., лисье или свиноподобное выраженіе не было придано какой-либо мощной фигурѣ человѣка, имѣющаго горделивую и могучую львинообразную осанку и т. п. Наконецъ, та же строгая выдержка должна имѣть мѣсто и въ изображеніяхъ животныхъ, такъ какъ не только каждая порода ихъ, но и отдѣльныя разновидности каждой

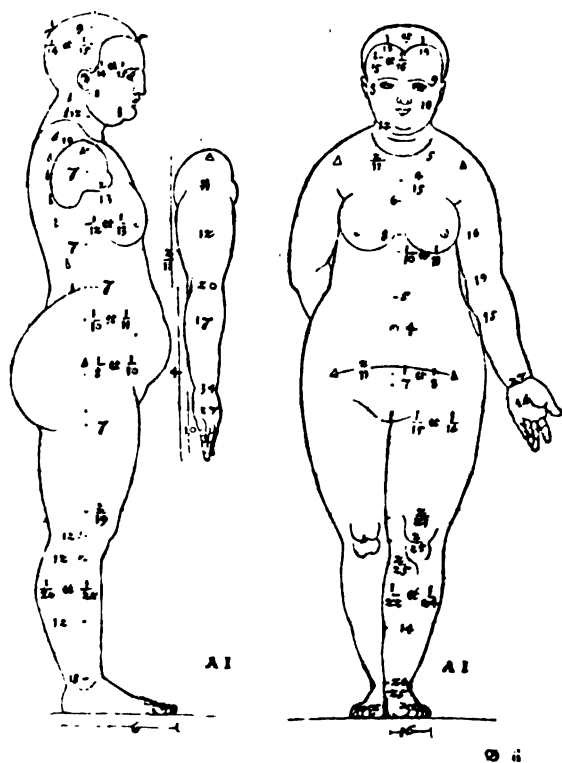


Рис. 72.

породы обладаютъ характерными, ей одной свойственными особенностями, которыя художникъ долженъ подмѣтить и воспроизвести въ изображеніи животного.

Особенно важнымъ и цѣннымъ въ дѣлѣ раскрытія эстетическихъ принциповъ Дюрера является *большой эстетическій экскурсъ*, помѣщенный художникомъ во второй половинѣ этой третьей книги «о человеческихъ пропорціяхъ». *Теоретическія основы того самаго*

реализма, котораго Дюреръ всегда такъ послѣдовательно и строго держался въ своей творческой практикѣ, (особенно во второй половинѣ своей художественной дѣятельности), раскрываются здѣсь у него съ полною ясностью, которая убѣдительно показываетъ намъ, съ какою *сознательностью* проводилъ художникъ выработанные имъ принципы въ самую дѣйствительность.

«Замѣть себѣ, — говорить онъ, — твердо слѣдующее: *если кто-либо въ своемъ воспроизведеніи точно слѣдуетъ за дѣйствительностью, такъ что это воспроизведеніе кажется подобнымъ ей и дѣлается похожимъ на самую натуру; въ особенности же если то, что сдѣлано, будетъ красиво; тогда такое воспроизведеніе должно быть признано художественнымъ и достойно похвалы, какъ особенно цѣнное*. Поэтому, — прибавляетъ авторъ далѣе, — *кто хочетъ создать что либо хорошее и правдивое, тотъ долженъ ничего не убавлять у природы, но и не прибавлять ничего лишняго*.

Въ соотвѣтствіи съ этими основными положеніями рѣшаются у Дюрера всѣ важнѣйшіе вопросы эстетики, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ вопросы о томъ, *что такое красота, каковы ея нормы и какъ возможно въ искусствѣ создавать прекрасные образы?*.. На вопросъ о томъ, *какъ могутъ художники создавать прекрасные образы*, — говорить Дюреръ, — большинство обыкновенно отвѣчаетъ: *согласно человѣческому сужденію*. Однако я не согласенъ съ этимъ, ибо *человѣческое сужденіе о красотѣ есть нѣчто весьма измѣнчивое и относительное*. То, что цѣнилось въ одну эпоху даже весьма многими, какъ прекрасное, въ другую эпоху уже не кажется такимъ, и прекраснымъ кажется уже иное. Но даже и въ одно и то же время однимъ изъ людей прекраснымъ представляется одно, а другимъ, современникамъ ихъ, совсѣмъ другое. Наконецъ, если даже согласиться, что два или нѣсколько предметовъ красивы, и постараться опредѣлить на основаніи ихъ, что такое красота; то и тогда опредѣленіе ея будетъ неяснымъ и неточнымъ, колеблющимся, если на помощь простому сужденію не прійдетъ *точное знаніе*. Итакъ, одного простого сужденія, хотя бы и многихъ людей, недостаточно для того, чтобы рѣшить, каковы признаки и нормы красоты и какъ возможно создавать въ искусствѣ прекрасные образы: для этого необходимо *точное изслѣдованіе и связанное съ нимъ точное знаніе*.

Руководительницей при этомъ изслѣдованіи и отысканіи нормъ красоты оказывается сама натура: истинное искусство должно покоиться на знаніи природы, и кто умѣетъ извлечь прекрасное изъ природы, тотъ обладаетъ истиннымъ искусствомъ.

Какимъ же путемъ возможно прийти къ отысканію нормъ красоты, изучая природу?.. Дюреръ даетъ на это отвѣтъ, по своему

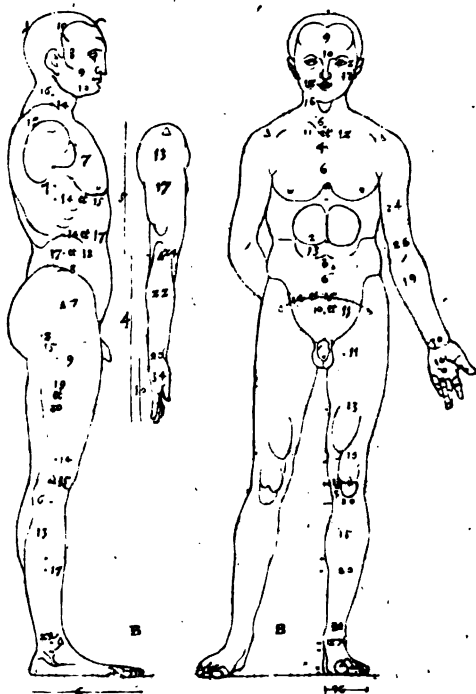


Рис. 73.

существу близко напоминающій тѣ указанія въ дѣлѣ отысканія таковыхъ нормъ красоты, какія давались нѣкоторыми проповѣдниками реализма еще въ классической древности. Такъ какъ каждый изъ людей, какъ бы онъ ни былъ красивъ,—говоритъ Дюреръ,—всегда имѣетъ какіе-либо недостатки, то ни одинъ живой человѣкъ и не можетъ быть признанъ совершеннымъ образцомъ красоты. Для того, чтобы создать въ искусствѣ такой образецъ, должно отъ многихъ отдѣльныхъ людей, признаваемыхъ общимъ мнѣніемъ красивыми, избрать для изображаемаго образца наилучшія, красивѣйшія ихъ части и изъ этихъ лучшихъ частей составить новое цѣлое, которое

Будетъ прекраснѣе, чѣмъ каждый изъ отдѣльныхъ живыхъ людей, какъ бы красивъ онъ ни былъ. Конечно, и здѣсь нужно придержи- ваться одного опредѣленнаго рода при выборѣ моделей: если ху- дожникъ желаетъ дать образецъ прекраснаго юноши, онъ долженъ сопоставить рядъ только красивыхъ юношей, а не мужей, стари- ковъ, женщинъ или дѣтей, изъ которыхъ всякій полъ и возрастъ имѣетъ своеобразную красоту. Такъ же долженъ онъ поступать,

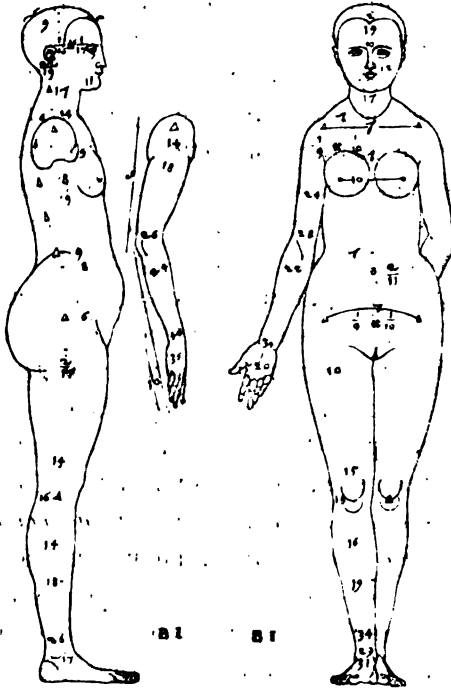


Рис. 74.

если ему приходится давать образцы прекраснаго старца, мужа, женщины, ребенка и т. д.

Существуетъ однако множество произведеній искусства, въ ко- торыхъ художникъ возсоздаетъ не нормы красоты, а лишь *отдѣль- ные предметы*, и которыя тѣмъ не менѣе могутъ быть названы пре- красными; таковы, напр., *портреты* отдѣльныхъ людей, *ландшафты* и т. п. Въ такихъ произведеніяхъ мѣриломъ красоты будетъ *слу- жить близость къ натурѣ*, — къ тому оригиналу, который является объектомъ воспронзведенія. Правило здѣсь таково: *чѣмъ ближе под-*

ходить художественное произведение къ изображаемой действительности, тѣмъ оно лучше, прекраснѣе. При этомъ все-таки произведение самой природы, конечно, всегда будетъ стоять выше, чѣмъ самое лучшее произведение искусства, потому что человѣческое творчество вообще ничтожно въ сравненіи съ творческой силой Божественнаго Разума, создавашаго всю природу.

Существуютъ, наконецъ, и такія произведенія искусства, которыя художникъ создаетъ не прямо съ природы, но беретъ какъ бы изъ нѣдръ собственнаго своего духа,—собственной творческой фантазіи. Въ дѣйствительности и для такихъ произведеній матеріалъ берется художникомъ все изъ той же природы и притомъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени: отдѣльныя впечатлѣнія изъ окружающей художника природы незамѣтно входятъ въ его душу, въ которой составляются изъ этихъ впечатлѣній новыя образы лишь отчасти похожіе на отдѣльные предметы, находящіеся въ самой природѣ. Черезъ посредство произведеній искусства художникъ получаетъ возможность обнаруживать эти сокровища своего духа, собранныя имъ въ теченіе долгаго времени, и давать начало существованію новыхъ созданий своей творческой фантазіи на ряду съ созданіями самой природы. Эти созданія его собственнаго духа также могутъ быть прекрасными, если художникъ обладаетъ достаточно развитымъ вкусомъ и пониманіемъ, чтобы *искусно соединить отдѣльныя части создаваемаго образа*; но и для такихъ произведеній близость къ натурѣ все-таки будетъ наилучшимъ залогомъ ихъ художественныхъ достоинствъ. Произведенія творческой фантазіи художника, близкія къ натурѣ, будутъ представляться, благодаря этому, весьма *жизненными* и такимъ образомъ, даже при отсутствіи живой модели, будутъ оказываться имѣющими значительную художественную цѣнность. Вообще, души художниковъ полны художественныхъ образовъ, и если бы кому-либо изъ нихъ (художниковъ) предоставлено было жить и работать множество столѣтій, то благодаря творческой силѣ, дарованной ему Богомъ, онъ хогъ бы создать великое множество новыхъ фигуръ и предметовъ, какихъ до того времени никто не видѣлъ въ самой натурѣ. Въ этомъ отношеніи Господь одарилъ художниковъ великою силой.

Итакъ, *ездъ и всегда сама натура является,—по мнѣнію Дюрера,—лучшей руководительницей для художника, будетъ ли онъ*

занять воспроизведеніемъ отдѣльныхъ предметовъ ея, существующихъ въ дѣйствительности, или отысканіемъ высшихъ нормъ красоты, или воссозданіемъ тѣхъ образовъ, которые родились въ его душѣ изъ впечатлѣній дѣйствительности и выросли въ новыя жизненные сочетанія. Необходимо, слѣдовательно, какъ можно болѣе тщательно *изучать эту натуру* со всѣми богатствами ея предметовъ и явленій, и однимъ изъ важнѣйшихъ процессовъ такого изу-

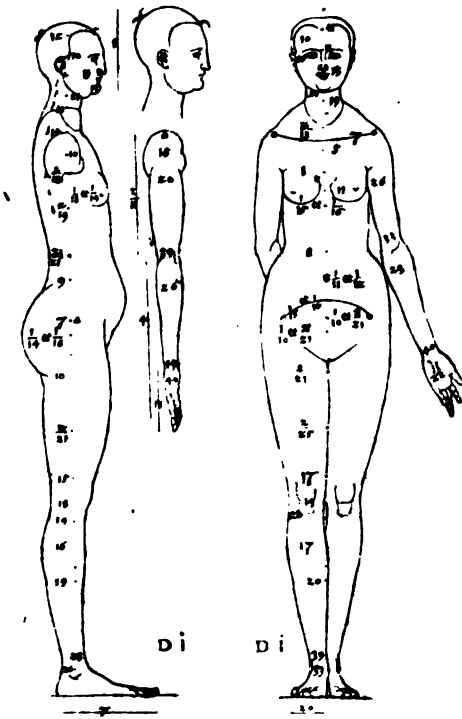


Рис. 75.

ченія являются *измѣренія* предметовъ въ ихъ цѣломъ и отдѣльныхъ частяхъ и ихъ соотношеній, выражающихся въ пропорціяхъ. Такія измѣренія даютъ художнику громадныя преимущества передъ тѣми художниками, которые измѣреній не производили, потому что давая возможность сообщать фигурамъ правильныя пропорціи, они избавляютъ изображенія отъ тѣхъ, грубыхъ и рѣзущихъ глазъ ошибокъ, въ какія такъ часто впадаютъ художники, незнакомые съ искусствомъ измѣренія.

Конечно, создавая свои произведенія художникъ, не всегда обязанъ производить при этомъ точныя и детальныя измѣренія: они могутъ оказываться ненужными въ тѣхъ случаяхъ, когда произведенія художника весьма незначительны по своему содержанію, или эскизы, когда они вообще не имѣютъ въ глазахъ самого художника сколько-нибудь значительной важности. Кромѣ того художникъ, который привыкъ въ теченіе долгаго времени производить тщательныя измѣренія и по нимъ писать свои картины, приобретаетъ, наконецъ, такой навыкъ въ чувствованіи и примѣненіи правильныхъ пропорцій, что можетъ многое изображать совершенно вѣрно и безъ всякихъ измѣреній, просто на глазомѣръ, — что возможно при достаточной опытности руки у художника. Но безъ предварительныхъ упражненій въ измѣреніи не можетъ получиться и этой опытности глаза и руки; не можетъ быть и правильности въ рисункѣ, безъ которой ни одно произведеніе не можетъ быть признано истинно художественнымъ.

Для развитія художественнаго вкуса и умѣнія изображать предметы Дюреръ совѣтуетъ также въ другомъ мѣстѣ — *какъ можно чаще созерцать и изучать произведенія, уже ранне созданныя знаменитыми художниками, а, если возможно, то и копировать ил.* Впрочемъ и къ нимъ должно относиться, замѣчаетъ Дюреръ, съ полнымъ сознаниемъ, а не слѣпо подражать имъ во всемъ, и если кто въ состояніи подмѣтить въ нихъ какія-либо ошибки, то не долженъ имъ слѣдовать, а долженъ позаботиться объ улучшеніи ихъ. Напротивъ, нужно остерегаться тѣхъ художниковъ, которые много говорятъ объ искусствѣ, а сами создаютъ весьма плохія произведенія: близко знакомиться съ ними и изучать ихъ произведенія, значитъ — испортить себя и усвоить себѣ ихъ неумѣлость, ибо нужно помнить, что весьма большая разница — говорить о какомъ-либо предметѣ, или самому исполнить его.

Что касается примѣненія самыхъ измѣреній къ художественной практикѣ, то Дюреръ даетъ еще разъ въ концѣ третьей книги подробныя отношенія относительно этого указанія. Прежде всего, — говоритъ онъ, — мы должны цѣлый образъ согласовать со всѣми его частями. Для этого нужно каждый отдѣльный членъ тѣла рассмотреть и самъ по себѣ, въ его частяхъ, и по отношенію къ цѣлому. Должно начать съ головы и рассмотреть ее, во-первыхъ, относительно общаго

типа ея (округленнаго, вогнутаго или выгнутаго); во-вторыхъ, по отношенію ея ко всему тѣлу (размѣры головы пропорціонально размѣрамъ всего тѣла), и въ-третьихъ, рассмотреть отдѣльныя части ея, каковы: лобъ, глаза, носъ, ротъ и т. д., которыя должны находиться въ гармоніи другъ съ другомъ и съ цѣлою головою. Далѣе столь же тщательно должны быть рассмотрѣны: шея, которая по отношенію къ головѣ должна быть ни слишкомъ длинна, ни слишкомъ коротка, ни слишкомъ толста, ни чрезмѣрно тонка, но пропорціональна головѣ по своимъ размѣрамъ; далѣе—грудь, животъ, руки, ноги и т. д. и въ цѣломъ, и въ своихъ частяхъ. Послѣ тщательнаго рассмотрѣнія и измѣренія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ частей тѣла, человѣческаго или животнаго, художникъ можетъ создать образъ, который, благодаря уже одной пропорціональности всѣхъ своихъ частей, является цѣннымъ и въ большей или меньшей степени прекраснымъ.

Въ послѣдней книгѣ трактата Дюреръ показываетъ, какъ разнообразнымъ фигурамъ, составленнымъ на основаніи измѣреній по опредѣленнымъ пропорціямъ, можно придавать такія или инныя позы и жесты. Если бы,—говоритъ авторъ,—всѣ фигуры, составленныя

совершенно правильно по опредѣленнымъ пропорціямъ, изображать только въ прямомъ положеніи, вытянутыми, то такія фигуры производили бы непріятное впечатлѣніе безжизненности. Для того, чтобы избѣжать этого недостатка, нужно каждой фигурѣ придавать такую или иную позу, измѣняющую ея положеніе изъ прямого въ какое-либо другое, производящее впечатлѣніе естественнаго движенія. Авторъ перечисляетъ далѣе подробно, въ какихъ пунктахъ и

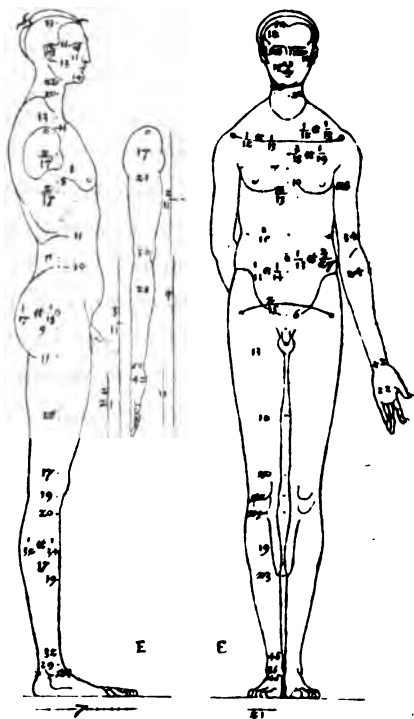


Рис. 76.

какъ именно можетъ изгибаться каждый членъ человѣческаго тѣла: рука, напр., въ плечѣ, локтѣ, кисти—отдѣльно или во всѣхъ частяхъ одновременно, а пальцы кромѣ того во всѣхъ своихъ суставахъ; нога—въ бедрѣ, колѣнѣ, ступнѣ, пальцахъ и т. д. Отъ различныхъ измѣненій въ положеніи каждаго члена тѣла и всѣхъ ихъ вмѣстѣ могутъ получаться самыя разнообразныя постановки фигуръ. Должно помнить однако, что всѣ разнообразныя положенія, придаваемые фигурѣ, не должны быть, — особенно что касается жестовъ,—ни слишкомъ рѣзкими, ни слишкомъ безжизненными, но должны соответствовать тому, что мы видимъ обыкновенно въ самой натурѣ, должны быть *естественными*. Столь же естественными они должны быть и въ другомъ отношеніи, а именно—въ отношеніи соответствія между позами и жестами человѣческой фигуры и тѣмъ *внутреннимъ настроеніемъ*, для котораго эти позы и жесты служатъ внѣшнимъ выраженіемъ; такъ, напр., у человѣка, выражающаго другому любовь, они должны быть совершенно иными, чѣмъ у того, кто показываетъ свой гнѣвъ, ненависть и т. д.

Свой трактатъ «о человѣческихъ пропорціяхъ» Дюреръ заканчиваетъ слѣдующими словами. «Кто пойметъ и будетъ слѣдовать этому ученію моему о томъ, какъ придавать фигурамъ при помощи измѣненій правильныя пропорціи; какъ ихъ затѣмъ правильно и естественно ставить, придавая имъ разнообразныя положенія; какъ сокращать ихъ въ ракурсахъ, и т. д., и такимъ образомъ художественно исполнять всевозможныя фигуры въ своихъ произведеніяхъ,—тотъ скоро убѣдится, насколько полезны для него мои указанія, а кромѣ того несомнѣнно и самъ отыщетъ что-либо сверхъ указаннаго здѣсь мною. Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ это ученіе мое представляетъ значительныя трудности для пониманія; однако и то вѣрно, что предметы трудныя для пониманія вообще не могутъ быть изучаемы безъ извѣстныхъ усилій и прилежанія... Этимъ замѣчаніемъ заканчиваю я мое сочиненіе и, если Богъ поможетъ, то въ свое время впоследствии напишу еще дальнѣйшее, что относится къ искусству живописи для того, чтобы это искусство въ будущемъ не покоилось, какъ донинѣ, на одной только ежедневной практикѣ и навыкѣ, но могло бы быть поставлено съ теченіемъ времени на прочныя и вѣрныя теоретическія основы, во славу Богу и на пользу и удовольствіе всѣмъ истиннымъ любителямъ искусства».

Обозрѣвая все содержаніе трактата «о пропорціяхъ» въ его цѣломъ, мы видимъ, что принципы, положенные въ основу его являютя,—какъ замѣчено уже выше,—тѣми самыми *принципами реализма*, какими въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ великій художникъ руководствовался и въ самой своей творческой дѣятельности; убѣждаемся, что насколько проведеніе этихъ руководящихъ началъ въ *художественную практику* отличалось у Дюрера постоянно глубокой сознательностью и строгой послѣдовательностью, настолько же послѣдовательными, ясными и отчетливо продуманными оказываются они и въ его *теоретическомъ изложеніи*, какъ конечномъ результатѣ долговременныхъ его изысканій.

Важнѣйшею и существенною *задачей* всѣхъ представленныхъ въ разсматриваемомъ трактѣ изслѣдованій было, какъ ясно изъ предъидущаго, отысканіе, если возможно, тѣхъ *нормъ человеческой красоты*, покоящихся на опредѣленныхъ математически соотношеніяхъ между частями и цѣлымъ, согласно которымъ въ произведеніяхъ искусства возможно было бы создавать образцы нормальнаго и наиболѣе совершеннаго по своимъ формамъ человѣческаго тѣла.

Насколько же автору удалось рѣшеніе этой въ высшей степени трудной задачи? Насколько вообще достижимо въ искусствѣ выполненіе этой задачи? Въ какой степени, наконецъ, новы приемы изслѣдованія по отысканію нормальныхъ пропорцій, примененныя Дюреромъ, какъ и самая идея такого рода изслѣдованій?

Обозрѣвая исторію искусства на протяженіи ряда вѣковъ, внимательный изслѣдователь замѣтитъ, что обширное и цѣнное изслѣдованіе Дюрера является одною изъ нѣсколькихъ великихъ попытокъ художниковъ различныхъ эпохъ—разрѣшить все ту же вѣчно интересную и вѣчно загадочную проблему созданія нормъ человеческой красоты,—попыткою, для которой въ исторіи искусства античнаго отыскиваются въ высшей степени любопытныя и поучительныя аналогіи. Мы разумѣемъ работы цѣлаго ряда знаменитыхъ скульпторовъ классической Греціи: Поликлета, Силаніона, Эвфранора, Лизиппа и н. др., по созданію, такъ наз., *каноническихъ статуй*, въ которыхъ названные художники пытались создать образцы нормальнаго и вмѣстѣ прекраснѣйшаго человѣческаго тѣла съ его наиболѣе совершенными пропорціями всѣхъ частей.

Каковъ былъ самый характеръ всѣхъ этихъ изысканій въ классической древности и какова была послѣдовательная смѣна всѣхъ создававшихся перечисленными скульпторами художественныхъ каноновъ, постепенно видоизмѣнявшихся въ цѣляхъ красоты, — представляется яснымъ изъ слѣдующей краткой, по очень удачной характеристики, сдѣланной Ф. Овербекомъ ¹⁾.

«Фигуры Поликлета были соразмѣренными во всѣхъ частях, однако въ то же время замѣтно тяжеловѣсными, хотя въ своихъ каноническихъ статуяхъ (дорифоръ и др.), онъ представлялъ *юношеское тѣло, равно удаленное отъ всякихъ крайностей*, — ни слишкомъ удлиненное, но и не слишкомъ приземистое; ни слишкомъ мясистое, ни худое, какими бывають часто различные индивидуумы; но именно такое, которое должно было показывать *совершенную среднюю норму* человѣческихъ тѣлъ и въ цѣломъ, и въ отношеніяхъ другъ къ другу всѣхъ отдѣльных частей. Однако эти *среднія нормальныя пропорціи* Поликлетовыхъ статуй были измѣнены уже вскорѣ послѣдующими художниками (еще ранѣе Лизиппа), именно Силаніономъ и въ особенности Эвфраноромъ, которые пытались ввести въ искусство новыя пропорціи человѣческаго тѣла (въ интересахъ увеличенія ихъ красоты). Но эти попытки не достигли своей цѣли: ученіе о пропорціяхъ Силаніона сообщается у Витрувія къ сожалѣнію слишкомъ кратко; относительно же Эвфранора мы знаемъ, что онъ изображалъ человѣческія тѣла болѣе удлиненными, при чемъ однако головы и конечности представлялъ въ прежнихъ пропорціяхъ, такъ что эти части въ сравненіи съ туловищемъ казались еще болѣе тяжеловѣсными. Только Лизиппъ впервые исполнилъ совершенно *новый канонъ*, въ которомъ онъ одновременно дѣлалъ головы меньшими, конечности болѣе тонкими и длинными, а туловище болѣе удлиненными, чѣмъ у Поликлета, и такимъ образомъ представлялъ новое, болѣе стройное цѣлое, которое для послѣдующаго времени казалось уже болѣе изящнымъ и положило конецъ изображеніямъ по канону Поликлета. Несмотря на это однако Лизиппъ называлъ канонъ Поликлета своимъ учителемъ, и онъ былъ правъ. Ибо Поликлеть достигъ созданія своего канона, благодаря научнымъ изслѣдованіямъ человѣческихъ фигуръ, какія давала ему самая дѣ-

¹⁾ Overbeck: Geschichte der griechisch. Plastik, 4 Aufl., (1894), II Bd., S. 156 f.

ствительность, и через абстракцію изъ данныхъ этой дѣйствительности пришелъ къ созданію *нормальныхъ фигуръ*, которыя онъ думалъ найти, именно, въ мѣрахъ, *среднихъ* между разнообразными крайностями самой натуры. Подобнымъ же образомъ изучалъ чело-вѣка и Лизиппъ, но результаты изысканій обоихъ художниковъ были различны. У Лизиппа, въ отличіе отъ Поликлета, выработалось твердое убѣжденіе, что *норма* чело-вѣческаго тѣла, а слѣдовательно и *высшая красота*, не столько лежитъ въ срединѣ между всѣми крайностями, сколько дается въ отдѣльныхъ, относительно совершенныхъ фигурахъ, которыя обыкновенно возвышаются надъ средними мѣрами индивидуумовъ (*Gestalten, die sich über das Mittelmass aller Individuen erhaben*). И согласно этому взгляду, который, какъ и у Поликлета, являлся результатомъ абстракціи отъ дѣйствительности, создалъ онъ новый канонъ чело-вѣческаго тѣла, о которомъ онъ говорилъ: прежніе художники (Поликлетъ и другіе) изображали чело-вѣка, каковъ онъ есть въ своихъ среднихъ пропорціяхъ; я же изображаю его такъ, какъ онъ долженъ казаться (красивымъ¹⁾).

Такимъ образомъ канонъ Поликлета покоился на совершенно *объективномъ* представленіи того, что отвлечено было имъ отъ данныхъ живой натуры и потому было *объективно правильно*, хотя и не могло казаться для всѣхъ образцомъ чело-вѣческаго тѣла, которое должно быть признано не только *нормальнымъ*, но и *прекраснѣйшимъ*.

Лизипповскій канонъ былъ измѣненъ на основаніи *субъективныхъ* впечатлѣній художника, избравшаго не среднія, но красивѣйшія, по его субъективному ощущенію, пропорціи живыхъ индивидуумовъ, и потому, несмотря на отступленія отъ строго среднихъ пропорцій, его канонъ въ статуѣ апоксіомена не только для него самого, но и для большинства эстетически развитыхъ зрителей казался болѣе изящнымъ, стройнымъ и красивымъ, чѣмъ Поликлетовы статуи, представляющіяся и нынѣ сравнительно съ Лизипповой статуей апоксіомена замѣтно массивными и приземистыми.

Какъ видимъ, судьба художественныхъ каноновъ въ античной скульптурѣ являлась весьма своеобразною: самые каноны эти не оказались въ дѣйствительности *художественными неизблжимыми зако-*

¹⁾ „Ab illis factos, quales essent homines; a se quales viderentur esse“.

нами, воплощенными въ совершеннѣйшія и потому неизмѣнныя формы, какъ того добивался каждый изъ перечисленныхъ скульпторовъ. Не взирая на строго математическое нормированіе всѣхъ частей фигуры, какъ и ея цѣлаго, каноническія статуи Поликлета не могли удовлетворить съ эстетической точки зрѣнія, какъ объекты непосредственнаго созерцанія, ни художниковъ, ни многочисленныхъ зрителей, находившихъ, что статуи эти показываются тяжеловѣсными, коренастыми, и что часто живыя индивидуальныя тѣла, встрѣчающіяся въ самой дѣйствительности, показываются болѣе прекрасными, чѣмъ эти каноническія статуи, хотя и отступаютъ въ своихъ пропорціяхъ отъ среднихъ нормъ этихъ послѣднихъ. Отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе неудовлетворенности, является у послѣдующихъ художниковъ *исправление* самыхъ этихъ каноновъ по индивидуальной натурѣ, *согласно субъективному эстетическому чувству самихъ художниковъ*, а вмѣстѣ съ этимъ и признаніе *невозможности созданія абсолютно прекраснаго, совершеннаго въ художественномъ отношеніи человеческого тѣла на основаніи однихъ только математическихъ вычисленій и измѣреній*, признаніе *относительности* красоты въ представляемыхъ образцахъ и важности значенія *субъективнаго чувства прекраснаго* самого художника.

Аналогичный процессъ отысканія нормъ человеческого тѣла и аналогичный результатъ его мы видимъ у Дюрера въ различные періоды его дѣятельности ¹⁾. Представляя въ своемъ сочиненіи „о пропорціяхъ“ цѣлый рядъ фигуръ, построенныхъ на самыхъ разнообразныхъ пропорціональныхъ соотношеніяхъ, варьирующихся сверхъ того еще вслѣдствіе различія общей комплекціи тѣлъ (тучныя, среднія, худыя фигуры) и отчасти различія въ положеніяхъ ихъ при движеніяхъ (фигуры вытянутыя, согнутыя, оборачивающіяся назадъ или въ стороны, и т. д.),—самъ художникъ, повидимому, какъ будто *не признаетъ ни одну изъ этихъ многочисленныхъ фигуръ за образецъ идеально-прекраснаго, совершеннаго тѣла, указывая лишь вообще, что наиболее близкими къ совершенству, въ смыслъ нормы, могутъ быть признаны тѣла, равно отстающія отъ всѣхъ*

¹⁾ Съ тѣмъ отличіемъ, что тѣ перемѣны и исправленія, которыя отмѣчены были выше въ скульптурныхъ канонахъ, вносились разными художниками, въ послѣовательной смѣнѣ; здѣсь же измѣненія произведены были однимъ и тѣмъ же художникомъ въ видѣ разновременныхъ попытокъ осуществленія поставленной цѣли.

кривизны как въ отношеніи пропорцій, такъ и комбинаціи орн-
тама, и движеній фигуры, и проч.—Этимъ обстоятельствомъ, по-
видимому, объясняется и то, на первый взглядъ странное, явленіе,
что и въ своихъ каноническихъ изображеніяхъ человѣческаго тѣла, ко-
торыя даны были Дюреромъ подъ видомъ Адама и Евы (въ гра-
вюрѣ 1504 года и въ картинѣ 1507 года), онъ показываетъ намъ
фигуры, построенныя оба раза не по одному и тому же канону,
а по различнымъ, съ очевидною цѣлью достигнуть въ позднѣйшихъ
фигурахъ (1507 г.) *увеличенія красоты* сравнительно съ болѣе ран-
ними. И измѣренія тѣхъ и другихъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что
цѣль эта была въ значительной мѣрѣ достигнута, какъ и въ ан-
тичной скульптурѣ, уменьшеніемъ головы, удлинненіемъ ногъ, ук-
роченіемъ туловища, какъ и другими измѣненіями пропорціональ-
ныхъ соотношеній между всѣми частями фигуры, и что, немотри-
на *отступленія* въ пропорціяхъ Адама и Евы въ гравюрѣ, какъ
и въ картинѣ отъ строго вычисленныхъ *среднихъ нормъ* человѣче-
скихъ тѣлъ, указанныхъ въ трактатѣ для нормальныхъ фигуръ, рав-
ныхъ по высотѣ 8 головамъ¹⁾, все-таки объ эти фигуры прароди-
телей въ *пропорциональныхъ соотношеніяхъ* (независимо даже отъ
большей красоты живописнаго изображенія ихъ) *представляются для*
субъективнаго чувства зрителя, какъ таковыми казались они и для
самого художника, болѣе совершенными, чѣмъ схематическія фигуры
трактата.

Фактъ этотъ весьма знаменателенъ, указывая на неудовлетво-
ренность выработанными нормами со стороны самого же художника,
который своимъ эстетическимъ чутьемъ вѣрно угадывалъ, что если
точные математическія измѣренія и даютъ столь же точныя матема-
тически среднія пропорціи всѣхъ членовъ сложнаго организма, то
тѣхъ не менѣе *человѣческія фигуры, построенныя по такимъ сред-*
нимъ даннымъ вычисления, все же не могутъ быть отождествляемы
съ фигурами идеально-прекрасными въ эстетическомъ смыслѣ, и что
для того; чтобы онѣ казались таковыми, необходимы извѣстныя
(хоть и не очень рѣзкія) отступленія отъ строго среднихъ нормъ
въ согласіи съ указаніями собственнаго, развитого на прекрасной
натурѣ, эстетическаго вкуса самого творящаго художника.

¹⁾ См. наши рисунки № 73 и 74.

Въ какой мѣрѣ Дюреръ обязанъ былъ своимъ предшественникамъ самою *идеей* такого рода изслѣдованій по отысканію нормальныхъ пропорцій, какъ и знакомствомъ съ самыми *приемами* его, — трудно опредѣлить съ достовѣрностью. Во всякомъ случаѣ ему хорошо были извѣстны тѣ сообщенія *Плинія* и *Витрувія*, въ которыхъ давались краткія, новсе же довольно опредѣленные свѣдѣнія какъ о каноническихъ произведеніяхъ древнихъ мастеровъ, такъ и о теоретическихъ изысканіяхъ ихъ въ томъ же направленіи. Кромѣ отмѣченныхъ уже ранѣе ссылокъ у Дюрера на обихъ названныхъ авторовъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ еще и другія указанія художника. Таково, напр., слѣдующее мѣсто въ его первоначальномъ рукописномъ проектѣ предисловія къ сочиненію о пропорціяхъ ¹⁾. «Плиній сообщаетъ, что древніе живописцы, какъ Апеллесъ, Протогенъ и нѣкоторые другіе, а также нѣкоторые скульпторы искусно описали, какимъ образомъ должно создавать нормально устроенное въ своихъ членахъ человѣческое тѣло. Можно думать, что эти цѣнныя сочиненія были уничтожены уже въ первое время по возникновеніи христіанской церкви, вслѣдствіе ихъ языческаго происхожденія: ибо въ нихъ говорилось, что Юпитеръ долженъ имѣть такіа-то пропорціи, Аполлонъ — другія, Венера еще иныя, Геракулесъ долженъ быть представленъ съ такими-то пропорціями, а другіе съ иными», и т. д. Въ другомъ рукописномъ отрывкѣ (1513 года), перечисляя имена знаменитѣйшихъ художниковъ классической древности, Дюреръ также упоминаетъ о томъ, что нѣкоторыми изъ нихъ были написаны и теоретическія сочиненія объ искусствѣ ²⁾. «Нѣсколько столѣтій назадъ, — пишетъ онъ здѣсь, — существовали уже знаменитые художники, которые носили имена: Фидія, Праксителя, Апеллеса, Поликлета, Паррасія, Ливиппа, Протогена, и другія, и нѣкоторые изъ нихъ описали свое искусство и ясно показали его основы въ теоріи. Къ сожалѣнію, эти сочиненія ихъ были впоследствии утеряны»...

Самъ Дюреръ, говоря въ приведенномъ нами уже ранѣе (из стр. 23—25 нашей книги) отрывкѣ лондонской рукописи объ источникахъ своихъ *первоначальныхъ свѣдѣній* по данному предмету,

¹⁾ Опубли. у Conway, p. 203; у Lange und Fuhse, S. 315, и др.

²⁾ Опубли. въ Jahrbuch für Kunstwissensch., I, 6.

особенно важное значеніе придавалъ, съ одной стороны, своему изученію *Витрувія*, сообщенія котораго онъ считалъ для себя чрезвычайно полезными, а съ другой, тѣмъ немногимъ даннымъ объ измѣреніяхъ человѣческихъ (мужскихъ и женскихъ) фигуръ, какія огласился ему сообщить извѣстный *Джакото Барбари*, въ періодъ перваго пребыванія художника въ Венеціи. И если въ сужденіи о размѣрахъ постороннихъ вліяній на Дюрера въ данномъ предметѣ основываться на собственныхъ его показаніяхъ въ этомъ рукописномъ отрывкѣ,—показаніяхъ, заслуживающихъ здѣсь, какъ и повсюду, самаго полного къ нимъ довѣрія,—то должно будетъ признать, что знакомству съ указанными сейчасъ источниками Дюреръ обязанъ былъ только *нечеткими познаніями* въ области изысканій подобнаго рода, тогда какъ все дальнѣйшее и притомъ важнѣйшее добыто было *его собственными усиліями, собственными многолѣтними и тщательными работами* по тому же предмету, исторія которыхъ была изложена нами съ достаточными подробностями ⁴⁾.

Чтобы покончить съ теоретическими изслѣдованіями Дюрера объ искусствѣ, необходимо упомянуть здѣсь еще о тѣхъ подготовительныхъ работахъ художника къ особому сочиненію его *о съотношеніи и краскахъ въ картинахъ*, которыя сохранились для насъ въ одной изъ рукописей Британскаго музея, представляющихъ черновые наброски художника для предполагавшихся въ будущемъ печатныхъ произведеній его ⁵⁾.

«Если ты хочешь,—замѣчаетъ здѣсь Дюреръ,—писать картины настолько рельефно, чтобы самое зрѣніе могло быть обмануто, ты долженъ быть достаточно опытнымъ въ употребленіи красокъ и

⁴⁾ Трактатъ Дюрера *о пропорціяхъ* былъ изданъ нѣсколько разъ и притомъ на различныхъ языкахъ въ виду громаднаго спроса на это сочиненіе не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ культурной Европы, а именно: кромѣ перваго нѣмецкаго изданія 1528 г., извѣстнаго *латинское* изданіе 1532 г., появившееся въ Нюрнбергѣ; другое Нюрнбергское изданіе 1534 г.; изъ нихъ первое—вдови Дюрера, второе—извѣстнаго Иеронима, гравера и печатника; третье *латинское* изданіе Хр. Веккеля, въ Парижѣ, поав. въ 1537 г.; четвертое также *латинское* изд., поав. въ Парижѣ въ 1557 г. (Перье); изданіе того же 1557 г. и того же издателя (Перье) на *французскомъ* яз.; изданіе на *итальянскомъ* яз., вышедшее въ 1591 г. въ Венеціи у Николіни; изданіе на *португальскомъ* яз. 1599 г.; изданіе на *нѣмецкомъ* языкѣ 1603 г. у Янсона въ Аргеймѣ, *французское* изданіе 1614 г. въ Аргеймѣ и п. др.

⁵⁾ Оубликов. у v. Zahn, S. 18 f., Conway, S. 191 f.; Lange und Fuhse, S. 326 f.

умѣть строго различать ихъ другъ отъ друга. Такъ, напр., если ты пишешь два платья или мантии, — бѣлаго цвѣта и краснаго, то ты долженъ шаттировать ихъ (наводить тѣни), такъ какъ во всякомъ предметѣ существуютъ свѣтлыя и болѣе темныя мѣста тамъ, гдѣ предметъ имѣетъ передъ глазами зрителя изгибы или неровности. Если бы этого не было, то все казалось бы совершенно плоскимъ, а въ изображеніи такихъ предметовъ можно было бы различать только простыя краски, лежащія другъ подлѣ друга, но не формы. Должно знать однако, что бѣлую мантию нужно шаттировать не такою черною краской, какъ мантию красную; ибо невозможно, чтобы бѣлая вещь давала столь же черную тѣнь, какъ красная; онѣ не могутъ быть одинаковы, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нѣтъ никакого свѣта и когда каждая вещь кажется черной, ибо въ темнотѣ вовсе нельзя различать красокъ. Тамъ, гдѣ дѣло касается бѣлой вещи, не было бы достойно порицанія, если бы кто-нибудь употребилъ для наложенія тѣни чисто черную краску; однако это случается рѣдко. Съ другой стороны, должно остерегаться, если пишешь что-либо одною краской, — все равно: красной, голубой, коричневой или иною какой, — чтобы въ освѣщенныхъ мѣстахъ не пустить слишкомъ много свѣту, не сдѣлать предмета черезчуръ свѣтлымъ, такъ что краска выйдетъ, такъ сказать, изъ своего основного тона или вида. Въ противномъ случаѣ, напр., неученный человѣкъ, разсматривая твою картину, на которой написано красное платье, скажетъ: «смотри, мой другъ, какъ въ однѣхъ частяхъ это платье имѣетъ такой красивый цвѣтъ, а въ другихъ — какъ будто бѣлую краску или блѣдныя пятна». Это, дѣйствительно, достойно порицанія и ты здѣсь въ самомъ дѣлѣ поступилъ не такъ какъ слѣдуетъ. Если пишешь красный предметъ, пиши его такъ, чтобы онъ вездѣ былъ краснымъ; то же и съ другими красками, и притомъ однако всегда такъ, чтобы предметъ казался рельефнымъ. Такъ же нужно поступать и съ тѣнями, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что красная краска покрыта въ этихъ мѣстахъ черною. Поэтому слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что *каждая краска шаттируется такою краской, которая родственна, подобна ей*. Такъ, напр., если кто пишетъ желтою краской, то въ виду того, что она вездѣ должна оставаться въ томъ же основномъ тонѣ, — нужно и тѣни накладывать также желтою краской, только болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ принятая въ картинѣ

главная краска. Если же покрыть ее зеленою или голубою краской, то она уже выходит из своего основного тона и уже не будет болѣе желтою, но сдѣлается отливающею краской, какъ это бываетъ въ шелковыхъ матеріяхъ, которыя покрыты двумя, дающими отливъ красками... Ибо здѣсь на всякомъ изгибѣ краски раздѣляются, такъ что можно различать ихъ одну отъ другой, вслѣдствіе чего и необходимо употреблять тутъ обѣ эти краски; когда же матерія лежитъ гладко, то видна только одна краска... Такимъ образомъ, относительно употребленія красокъ основное правило заключается въ томъ, что *ни одна краска при шаттированіи картины не должна выходить изъ своего основного тона*.

Таковы важнѣйшія части сохранившихся до нашего времени печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, представляющихъ собою высоко цѣнные результаты многолѣтнихъ теоретическихъ изысканій Альбрехта Дюрера по вопросамъ искусства.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Степень за степенью послѣдовательно старались мы прослѣдить на предыдущихъ страницахъ теченіе жизни и творческой дѣятельности Альбрехта Дюрера. И передъ нами постепенно все съ большей и большею яркостью вырисовывался гигантскій образъ художника и человѣка, заставляющій преклониться предъ нимъ въ невольномъ удивленіи и съ искреннимъ уваженіемъ.

Какова была *личность* его, какъ человѣка, — ясно изъ всѣхъ его мыслей, рѣчей и поступковъ, изъ всей его жизни: это былъ человѣкъ, который всѣми богатыми силами духа неизмѣнно стремился къ идеалу нравственнаго, умственнаго и эстетическаго существованія и который умѣлъ и въ самой дѣйствительности приблизиться къ этому идеалу, насколько то позволяли ему обстоятельства... Глубокая и искренняя религіозность, одушевлявшая его во всѣ періоды жизни и послужившая источникомъ созданія многочисленныхъ и превосходныхъ произведеній искусства; величіе духа, присущее генію, въ соединеніи съ истинно христіанскимъ смиреніемъ; горячая любовь къ природѣ, его окружавшей; любовь къ людямъ, съ которыми жизнь поставляла его въ общеніе; къ наукѣ, въ которой искалъ онъ устойчивыхъ и достовѣрнѣйшихъ знаній, какъ основъ для искусства; и болѣе всего любовь къ искусству, которому самой судьбой онъ былъ призванъ служить и служилъ въ теченіе всей своей жизни беззавѣтно и преданно; наконецъ, то поистинѣ изумительное трудолюбіе, какимъ отличался художникъ отъ дѣтства до самой кончины и которое объясняется этой всецѣльной любовью къ искусству;—таковы тѣ драгоцѣнныя свойства, изъ которыхъ сложился нравственный обликъ этого человѣка, тотъ высоко-привлекательный идеальный образъ, который невольно приковываетъ къ

ебѣ симпатіи всякаго, кому удалось ознакомиться съ нимъ достаточно близко.

Каковъ онъ былъ, какъ *художникъ*?..—Характеризуя въ цѣломъ талантъ его на основаніи вѣхъ, сообщенныхъ на предыдущихъ страницахъ, фактовъ его творческой дѣятельности, можно сказать, что въ общемъ *онъ не былъ художникомъ красоты*, какими являлись Рафаэль, Леонардо, Корреджо, Тиціанъ, и большинство итальянскихъ собратьевъ его по искусству поры Возрожденія, хотя подъ итальянскимъ вліяніемъ элементы прекраснаго въ формахъ на время получали замѣтное усиленіе въ произведеніяхъ его. И это было естественно и понятно. Въ странѣ, какъ Германія, гдѣ красота и въ самой дѣйствительности встрѣчалась, какъ цѣнное и рѣдкое явленіе, *художникъ-реалистъ, изображавшій эту самую дѣйствительность, какъ она есть*, и не могъ быть художникомъ, пѣвцомъ красоты, похожимъ на тѣхъ, которые выросли подъ счастливымъ небомъ Италіи съ ея неисчислимыми сокровищами прекраснаго въ самой натурѣ, какъ и въ томъ богатѣйшемъ художественномъ наслѣдіи, которое досталось возрожденной странѣ отъ античнаго міра... *На мѣсто красоты становятся у Дюрера реальная правда и жизненность изображенія, а вмѣстѣ съ этимъ стремленіе къ яркой выразительности и характерности, какова бы она ни была*, — то стремленіе, которое всегда у художниковъ бываетъ неизмѣннымъ опутникомъ жажды жизненной правды въ ея наиболѣе интересныхъ и типичныхъ явленіяхъ.

На ряду и въ тѣсной связи съ этимъ — *глубокая идейность* произведеній Дюрера въ большей ихъ части оказывалась тою важнѣйшею стороною, которою сообщается имъ, помимо даже высокихъ чисто художественныхъ достоинствъ этихъ работъ, вѣчная цѣнность. Можно сказать, что *великій художникъ облизилъ искусство и жизнь, какъ никто другой изъ многочисленныхъ служителей этого самаго искусства въ его отечествѣ*; что самыя разнообразныя и притомъ важнѣйшіе вопросы религіозно-нравственнаго, политическаго, философскаго, поэтическаго и научнаго содержанія, интересовавшіе и волновавшіе тогдашнюю Германію, были не только затронуты многочисленными художественными и литературно-научными его произведеніями, но и рѣшались чаще всего въ такомъ или иномъ смислѣ съ достаточною опредѣленностью, показывающей ясно отношеніе къ

этимъ вопросамъ въ лицѣ Дюрера лучшей, интеллигентнѣйшей части нѣмецкаго общества великой эпохи реформъ...—Оттого, являясь отраженіемъ важнѣйшихъ сторонъ жизни народа, современной художнику, работы его сохраняютъ свое глубокое значеніе и для послѣдующихъ вѣковъ.

Если однако, какъ сказано, Дюреръ не былъ по преимуществу художникомъ красоты; если, оставаясь по существу послѣдовательнымъ художникомъ-реалистомъ, стремился онъ всего болѣе къ жизненной правдѣ, воссоздавая въ большей части своихъ произведеній натуру и жизнь, какими были онѣ въ самой дѣйствительности; то должно въ то же время признать и отмѣтить, какъ фактъ, что въ эстетически чуткой душѣ художника тѣмъ не менѣе всегда было живо также стремленіе къ идеалу, и что осуществленію этого стремленія, которое яснѣе всего обнаружилось *въ исканіи нормъ человеческой красоты на научныхъ основахъ*, художникомъ отданы были долгіе годы усерднѣйшаго труда, самыхъ тщательныхъ и разностороннихъ изслѣдованій.

Глубоко постигнувъ важнѣйшіе духовные интересы родного народа, живо отзываясь въ теченіе своей дѣятельности на всѣ серьезнѣйшіе запросы его, Дюреръ старался давать отвѣты на нихъ въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ съ возможною полнотой, а самыя произведенія эти сдѣлать извѣстными возможно болѣе широкимъ кругамъ населенія. И съ этимъ въ связи долженъ быть указанъ тотъ фактъ, останавливающій на себѣ вниманіе изслѣдователя, что среди громаднаго количества произведеній, созданныхъ Дюреромъ, *заключенныя произведенія живописи составляютъ лишь малую часть, тогда какъ все остальное было исполнено въ гравюрахъ на металлѣ и деревѣ и въ рисункахъ.*

Для художника *идейнаго* по преимуществу, какимъ являлся Дюреръ, процессы масляной живописи должны были казаться слишкомъ сложными и медлительными для того, чтобы возможно было передавать въ нихъ своевременно всѣ тѣ разнообразныя творческіе замыслы, которыми переполнялась душа его и которые требовали немедленнаго и быстро воплощенія въ формы... Этого мало. Произведенія масляной живописи,—алтарные образы и картины разнороднаго содержанія, выполнявшіяся художникомъ, въ виду извѣстнаго отношенія его къ дѣлу, чаще всего съ чрезвычайною медленностью,

принимавшею у него и время, и силы,—эти произведения по самымъ словіямъ своего назначенія естественно оказывались доступными озерцанію лишь *немногихъ*, а съ этимъ вмѣстѣ ограничивалась и самая широта ихъ воздѣйствія на народную массу. Необходимо было воспользоваться иными матерьяломъ, иными средствами передачи творческихъ замысловъ, если художникъ желалъ придать имъ широкое распространеніе въ народной средѣ, если онъ хотѣлъ сдѣлать свои произведения доступными большинству. И Дюреръ нашелъ эти средства отчасти въ *рисункахъ*,—этихъ первыхъ и полножизненныхъ наброскахъ, передававшихъ впечатлѣнія, мысли и чувства художника въ моменты самаго зарожденія ихъ,—и еще болѣе въ *гравюрахъ* на металлѣ и деревѣ, которыя исполнялись имъ съ поразительной быстротой, совершенствомъ и легкостью, и которыя въ гнескахъ эземплиаровъ распространялись повсюду.

Отсюда и дальнѣйшія слѣдствія. Сдѣлавъ гравюру важнѣйшимъ и послушнымъ орудіемъ мысли и чувства въ цѣляхъ передачи своихъ творческихъ замысловъ массѣ народной, Дюреръ естественно сблизилъ не только искусство и жизнь, какъ выше было указано, но и оба тѣ вида искусства, въ которыхъ по преимуществу работала онъ, какъ художникъ,—*сблизилъ гравюру и живопись, поставилъ ихъ въ тѣсное единеніе и взаимодействіе*, которому и та, и другая оказались обязаны громадными и необычными для эпохи успѣхами!

Съ одной стороны, именно, *въ одноцѣпный рисунокъ гравюры Дюреръ умѣлъ ввести самыя смѣлыя световыя и иные эффекты, приущіе настоящей живописи*. И въ этомъ заключался, какъ было не разъ отмѣчено выше, величайшій *прогрессъ*, достигнутый художникомъ въ области гравюры на металлѣ и деревѣ, которую умѣлъ онъ поднять отъ плоскихъ и грубыхъ клише, нуждавшихся въ раскраскѣ отъ руки кистью по напечатанію ихъ, какими были эти гравюры у большинства изъ предшественниковъ Дюрера,—поднять до произведеній истинно художественныхъ по качествамъ исполненія, въ высокой степени *живописныхъ*, не смотря на свою одноцѣпность.

Съ другой стороны, всѣ эти многочисленныя работы Дюрера въ области гравюры, занимавшія художника во всѣ періоды творческой его дѣятельности, при указанныхъ ранѣе условіяхъ, естественно не могли остаться безъ существеннаго вліянія на характеръ его

живописныхъ работъ. Онѣ не могли не содѣйствовать постепенной выработкѣ въ этихъ послѣднихъ, съ теченіемъ дѣтъ, той красочной простоты, при сохраненіи интенсивной силы самыхъ красочныхъ тоновъ, которой недоставало раннимъ произведеніямъ живописи у Дюрера, какъ справедливо указывалъ на это самъ художникъ въ послѣдніе годы своей жизни между прочимъ въ бесѣдахъ своихъ съ Меланхтономъ.—«Я помню,—передаетъ относительно этого Меланхтонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ¹⁾,—какъ знаменитый своимъ гениемъ и славный добродѣтелями Альбрехтъ Дюреръ говорилъ мнѣ, что въ молодости онъ очень любилъ пестроту и разнообразіе въ своихъ картинахъ и самъ въ этихъ картинахъ болѣе всего былъ доволенъ именно такими ихъ качествами. Съ теченіемъ времени, изучая природу и стараясь приблизиться къ ея истинному виду, онъ понималъ въ зрѣлыя годы, что *высшею цѣлью въ искусство является простота*... Такимъ образомъ, изученіе живой природы въ ея простыхъ дѣйствительныхъ формахъ привело Дюрера постепенно къ сознанию необходимости простоты и во всякомъ художественномъ ея возсозданіи; а практика гравированія указала ему и самыя тѣ пути, какими возможно достигнуть такой простоты также въ произведеніяхъ живописи. И въ реальномъ осуществленіи Дюреромъ этой ясно сознанной цѣли является еще одно великое приобретеніе, сдѣланное имъ для родного искусства,—то приобретеніе, которое поставило на правильный путь дальнѣйшее теченіе нѣмецкой живописи, указавши послѣдующимъ художникамъ истинную задачу живописнаго изображенія въ отношеніи *колорита*,—требуя той простоты въ сочетаніяхъ красочныхъ тоновъ, которая нарушалась ранѣе слишкомъ часто, въ преобладающемъ большинствѣ произведеній предшественниковъ Дюрера съ ихъ антихудожественнымъ стремленіемъ къ красочной пестротѣ, какое раздѣлялъ съ ними и самъ Дюреръ въ ранніе годы своей творческой дѣятельности.

Успѣхи, достигнутые Дюреромъ въ самой *техникѣ* гравированія, были также весьма велики, тѣсно связавшись у него съ его мастерствомъ живописца и рисовальщика; и изъ эпохи въ эпоху успѣхи эти были отмѣчены нами въ соответствующихъ мѣстахъ предлагаемаго изслѣдованія и въ цѣломъ, и въ частностяхъ.

¹⁾ Melanchton: Epistolarum L. I, Viteb. 1570, pag. 100.

Обобщая далѣе все, что нами указывалось для различныхъ періодовъ творчества Дюрера относительно *последовательныхъ ступеней развитія* его, какъ художника, можно сказать, что въ нихъ отразился прогрессъ цѣлой эпохи въ нѣмецкомъ искусствѣ; что изслѣдователю позднѣйшаго времени въ нихъ даются опредѣленные показатели того, въ какой мѣрѣ возникновеніе и развитіе искусства возрожденной Германіи обязано было, съ одной стороны, предыдущей эпохѣ и состоянію нѣмецкаго искусства въ произведеніяхъ предшественниковъ Дюрера; съ другой, искусству возрожденной Италіи; наконецъ, личному гению Дюрера и основнымъ принципамъ и приѣмамъ его творческой дѣятельности, какъ художника—реалиста.

Въ произведеніяхъ его изъ различныхъ періодовъ жизни последовательно отразились, въ такой или иной степени, вліянія цѣлаго ряда нѣмецкихъ и чужеземныхъ художниковъ: сначала М. Вольгемута и М. Шонгауэра; затѣмъ Мантеньи, Джакомо Барбари, Леонардо да Винчи; еще позднѣе нидерландскихъ художниковъ; и размѣры каждаго изъ этихъ вліяній были показаны въ подлежащихъ мѣстахъ нашей книги, равно какъ и значеніе ихъ для художественнаго развитія самого Дюрера, а съ нимъ и искусства возрожденной Германіи, котораго онъ былъ представителемъ.

Но никогда и ни подъ какимъ постороннимъ вліяніемъ не терялъ онъ своей самобытности, своей самостоятельности, какъ художникъ съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленными эстетическими стремленіями и наклонностями, съ характерными особенностями стиля и техники въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ воплощалъ онъ свои богатые и разнообразные замыслы, потому что *воспринималъ и заимствовалъ онъ у другихъ мастеровъ только то, что наиболее соответствовало у нихъ характеру его собственнаго искусства.* Оттого Дюреръ долженъ быть признанъ художникомъ самобытнымъ въ гораздо большей степени, нежели всякій другой изъ нѣмецкихъ художниковъ, предшествующихъ или современныхъ ему, потому что изъ всѣхъ перечисленныхъ мастеровъ ни одинъ не былъ его учителемъ въ настоящемъ значеніи слова, потому что по всей справедливости только *живую натуру*, которую онъ изучалъ съ величайшею тщательностью и неутомимымъ усердіемъ въ теченіе всей своей творческой дѣятельности, можно и должно признать его неизмѣнной, постоянной и лучшей руководительницей и

наставницей на высхъ ступеняхъ его художественнаго развитія каковою является она и вообще для всѣхъ гениальныхъ дѣятелей въ разнообразныхъ областяхъ искусства, науки и жизни.

Если отъ этой общей оцѣнки значенія Дюрера въ исторіи нѣмѣцкаго искусства мы обратимся затѣмъ къ *отдѣльнымъ по ихъ содержанию видамъ* гравюры и живописи, съ цѣлью отмѣтить и здѣсь заслуги его для роднаго искусства, то увидимъ и тутъ, что заслуги эти были весьма велики.

И это раскрывается прежде всего въ произведеніяхъ его съ сюжетами *религіознаго содержанія*. Если высшая задача художника, трактующаго въ искусствѣ сюжеты этого рода, заключается въ томъ, чтобы *сочетать искреннее религіозное одушевленіе съ возможнымъ совершенствомъ тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ какія воплощается данное содержаніе*, — то по отношенію къ Дюреру можно сказать, что въ его произведеніяхъ религіознаго содержанія эта задача была достигнута болѣе, чѣмъ у кого бы то ни было изъ его предшественниковъ и послѣдователей. Ибо въ то время, какъ у предшественниковъ Дюрера, при всей искренности религіознаго чувства, одушевлявшаго ихъ въ процессѣ созданія религіозныхъ сюжетовъ, самыя внѣшнія формы произведеній (ихъ композиціи, рисунки, краски, техника, и т. д.) оказывались въ преобладающемъ большинствѣ мало удовлетворительными; въ то время, какъ у большинства преемниковъ Дюрера при высокихъ качествахъ внѣшняго исполненія замѣтно, напротивъ того, явное ослабленіе искренняго религіознаго чувства; — въ произведеніяхъ самого Дюрера и то, и другое сочеталось въ полной гармоніи. И это было совершенно естественно, потому что *только въ периоды глубокаго религіознаго одушевленія создавалъ онъ эти свои произведенія*, стараясь передать въ своихъ композиціяхъ всю силу той искренней вѣры, которая наполнено было сердцемъ его; потому что, *признавая творческую дѣятельность художника какъ бы служеніемъ Божеству*, (какъ неоднократно онъ самъ утверждалъ), *онъ прилагалъ всѣ усилія могучаго своего таланта къ тому, чтобы въ создаваемыхъ имъ образахъ высокое религіозное содержаніе воплощалось по мѣрѣ возможности въ наиболее совершенныя формы*, которыя чаще всего, послѣ долгихъ исканій и подготовительныхъ работъ, дѣйствительно, отыскивались художникомъ, давая

ясное соответствіе между внѣшнею формою и содержаніемъ, привлекая къ себѣ глубиною и искренностью.

Весьма существенны и значительны были далѣе заслуги Дюрера въ области *пейзажа*. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей творческой дѣятельности художникъ, какъ было показано, съ величайшей любовью и тщаніемъ штудировалъ живую природу родной стороны, какъ и тѣхъ чужихъ странъ, куда приходилось ему совершать путешествія. Его путевые альбомы рисунковъ; многочисленные отдѣльные листы съ эскизами и этюдами, исполненными красками, карандашомъ, перомъ и т. д.; его столь же многочисленные гравюры на металлѣ и деревѣ; наконецъ, большая часть произведеній живописи, созданныхъ имъ; — все это включаетъ въ себѣ въ большей или меньшей степени *разнообразнѣйшіе и превосходные образцы такихъ штурдъ ландшафтной природы, передающихъ и общій характеръ, и мельчайшія детали ея съ удивительнымъ мастерствомъ и тою жизненной правдой, которая является важнѣйшею изъ задачъ художника—пейзажиста.*

Послѣ тѣхъ малоудачныхъ и рѣдкихъ попытокъ *оживленія историческихъ и иныхъ композицій пейзажною обстановкою задняго плана*, которыя встрѣчались по временамъ у нѣкоторыхъ предшественниковъ Дюрера и въ которыхъ *сама эта пейзажная обстановка являлась не столько воспроизведеніемъ настоящей природы, сколько результатомъ произвольнаго сочиненія фантазій самого художника*, — эта яркая *жизненная правда пейзажа* у Дюрера представлялась для своего времени какъ бы высшимъ откровеніемъ, указывавшимъ для послѣдующихъ поколѣній художниковъ *новые и истинные пути творчества въ этой области*. Оттого въ указанномъ смыслѣ Дюреръ по всей справедливости можетъ быть названъ *родоначальникомъ живописи пейзажной въ Германіи*, давшей съ теченіемъ времени въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, особенно по выдѣленіи ея въ самостоятельную отрасль съ особыми представителями-специалистами по ландшафту, столь богатые и цѣнные результаты.

Не менѣе велики были тѣ пріобрѣтенія, которыя сдѣланы были Дюреромъ для родного искусства и въ области *портрета*. Въ своихъ многочисленныхъ портретныхъ изображеніяхъ, исполненныхъ имъ въ гравюрахъ на мѣди и деревѣ, въ рисункахъ и въ совершенно законченныхъ произведеніяхъ живописи, *Дюреръ умѣлъ уже*

въ ранніе годы подняться отъ безсознательнаго натурализма своихъ предшественниковъ, стремившихся почти исключительно къ внешнему, формальному сходству, до глубокаго въ своемъ существѣ, послѣдовательнаго и сознательнаго реализма. Создавая эти многочисленныя портреты, для которыхъ моделями служили лица самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, національностей, положеній и характеровъ, онъ стремился и въ совершенствѣ умѣлъ достигнуть воспроизведенія въ нихъ не только внешнихъ чертъ сходства, но и самой психики изображаемыхъ лицъ,—ихъ нравственныхъ и умственныхъ особенностей. Духовнаго облика ихъ, поскольку онъ выражается во внешнихъ чертахъ, и вмѣстѣ съ этимъ того преобладающаго жизненнаго настроенія каждой изображаемой личности, какое является для нея наиболее характернымъ.

Наконецъ, въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ по вопросамъ искусства Дюреръ далъ художникамъ послѣдующаго времени (и притомъ не только нѣмецкимъ) тѣ широкія и устойчивыя основы точнаго знанія, въ которыхъ такъ сильно нуждались они въ ту эпоху и которымъ въ столь значительной степени обуславливался дальнѣйшій прогрессъ искусства въ послѣдующіе періоды историческаго его развитія въ работахъ даже второстепенныхъ живописцевъ, граверовъ и скульпторовъ. Въ интересахъ собратьевъ своихъ по искусству и на пользу имъ всѣмъ въ этихъ теоретическихъ сочиненіяхъ собралъ онъ въ систему богатѣйшіе результаты своей многолѣтней творческой практики и живыхъ наблюденій, дополнивши тѣ и другіе спеціальными изысканіями; и созданіемъ этой системы, какъ и самими произведеніями своими, многочисленными и разнообразными, положилъ самый прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ работъ нѣмецкихъ художниковъ въ здоровомъ и правильномъ, строго реалистическомъ направленіи.

№ I.

Указатель рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ.

- Рис. 1. Портретъ А. Дюрера, исполненный имъ самимъ въ 1484 г. Карандашный рисунокъ въ Вѣн. Альбертинумѣ.
- „ 2. *Мадонна съ ангелами*. Рис. перомъ и карандаш., 1485 г., въ Берлин. каб. гравюръ.
- „ 3. Ландшафтъ съ мельницами. Акварель Берлин. каб. гравюръ.
- „ 4. Собственный портретъ Дюрера, исполн. масломъ на пергаментѣ въ 1493 г. Собрание Феликса въ Лейпцигѣ.
- „ 5. Такъ наз., „*малый курьеръ*“, гравюра на мѣди ранѣе 1495 г.
- „ 6. Аллегорія „*счастья*“, гравюра на мѣди того же времени.
- „ 7. „*Промѣна*“, гравюра на мѣди изъ того же періода.
- „ 8. Портретъ жены Дюрера, Агнессы, исполн. карандашомъ. Бремен. музей.
- „ 9. *Св. Себастьянъ*, боковой образъ Дрезденскаго алтаря-триптиха, писан. клеевыми красками на полотнѣ. Дрезд. карт. галлерей.
- „ 10. *Св. Антоній*,—образъ, помѣщенный на другомъ створѣ того же триптиха.
- „ 11. Портретъ Екатерины Фюрлегеръ, напис. въ 1497 г. маслян. красками на деревѣ. Аугсбург. картин. галлерей.
- „ 12. Такъ наз., „*мужская баня*“, гравюра на деревѣ 1496 г.
- „ 13. *Битва Геракла съ Геріономъ*, гравюра на деревѣ 1497 г.
- „ 14. Такъ наз., „*четыре вѣдьмы*“, гравюра на мѣди 1497 г.
- „ 15—19. Иллюстраціи къ *Апокалипсису*, гравюры на деревѣ 1498 г.
- „ 20. Собственный портретъ Дюрера, исполн. маслян. красками въ 1498 г. Галлерей Уффиций во Флоренціи.

- Рис. 21. *Рождество Христово*, средняя часть Паумгертнерова алтаря (1500 г.), наход. въ Мюнхенской пинакотекаѣ.
- „ 22. *Снятіе со Креста*, картина маслян. краск. 1500 г., въ Мюнх. пинакотекаѣ.
- „ 23. *Голова*, рис. перомъ и тушью 1502 г., въ Базельск. музей.
- „ 24. *Геракль, убивающій стимфалійскихъ птицъ*, акварель 1500 г., въ Германскомъ музей Нюрнберга.
- „ 25. Собственный портретъ Дюрера, пис. масл. кр. въ 1503—9 г., въ Мюнхенской пинакотекаѣ.
- „ 26. *Поклоненіе волхвовъ*, карт. масл. красками 1504 г., въ Уффицихъ во Флоренціи.
- „ 27. *Положеніе Спасителя во гробъ*, рис. 1504 г. изъ такъ назыв. „земныхъ страстей“, наход. въ Вѣн. Альбертинумъ.
- „ 28. *Адамъ и Ева*, гравюра на мѣди 1504 г.
- „ 29. *Праздникъ розъ*, карт. масл. красками 1506 г., наход. въ монастырѣ Страховскихъ премонстратовъ близъ Праги.
- „ 30. *Юноша Христосъ среди ученыхъ*, карт. маслян. краск. 1506 г., въ галл. Барберини въ Римѣ.
- „ 31. Рисунокъ перомъ съ изображеніемъ различныхъ типовъ члвческихъ головъ. Берлин. каб. гравюръ.
- „ 32—33. *Адамъ и Ева*, карт. Мадрид. музей, исполн. маслян. красками въ 1507 г.
- „ 34. *Избиеніе 10 тысячъ мучениковъ*, карт. маслян. краск. 1508 г., въ корол. галереѣ въ Вѣнѣ.
- „ 35. *Взятіе на небо и увѣнчаніе Пресв. Богородицы*, средняя часть Геллерова алтаря, въ город. музей во Франкфуртѣ.
- „ 36. Этюдъ стоящаго апостола къ пред. картинѣ. Берлинск. каб. гравюръ.
- „ 37. *Сновидѣніе доктора*, гравюра на мѣди около 1507 г.
- „ 38. *Похищеніе нимфы морскимъ богомъ*, гравюра на мѣди 1509 г.
- „ 39. *Рыцарь, смерть и дьяволъ*, гравюра на мѣди 1513 г.
- „ 40. Заглавный листъ къ серіи *большихъ страстей Христовыхъ*. грав. на деревѣ 1510 г.
- „ 41. Сцена *предательства Иуды*, изъ той же серіи.
- „ 42. Заглавный листъ къ *малымъ страстямъ*, грав. на дер. 1511 г.
- „ 43. *Омовеніе ногъ у апостоловъ*, изъ той же серіи.

- Рис. 44. *Моление о чаше*, оттуда же.
- „ 45. *Предательство Иуды*, оттуда же.
- „ 46. *Христосъ передъ первосвященникомъ*, изъ той же серіи.
- „ 47. Заглавный листъ въ серіи *страстей Христовыхъ*, гравированныхъ на мѣди, 1509 г.
- „ 48. *Христосъ въ саду Геосиманскомъ*, 1508 г., изъ той же серіи.
- „ 49. *Сошествіе Христа во адъ*, 1512 г., оттуда же.
- „ 50. *Жизнь св. семейства въ Египтъ*, грав. на деревѣ изъ большой серіи сценъ такъ наз. „жизни Пресв. Богородицы“.
- „ 51. *Кончина Пресв. Богородицы*, оттуда же.
- „ 52. *Поклоненіе всѣхъ святыхъ Животворящей Троицѣ*, карт. масл. краск. 1511 г., въ королев. галереѣ въ Вѣнѣ.
- „ 53. *Мадонна съ грушей*, карт. маслян. краск. 1512 г., въ королев. галереѣ въ Вѣнѣ.
- „ 54. Портретъ матери Дюрера; рис. углемъ въ 1514 г. Каб. грав., въ Берлин. музей.
- „ 55. *Похищеніе Персефоны Плутономъ*, гравюра на стали 1516 г.
- „ 56. Императоръ Максимиліанъ и невѣста его Марія Бургундская, изъ такъ наз. *триумфальной арки императора Максимиліана*; гравюра на деревѣ.
- „ 57. *Малая триумфальная колесница* имп. Максимиліана; эскизный рисунокъ перомъ 1514 г., въ Вѣн. Альбертинумъ.
- „ 58. *Большая триумф. колесница* того же императора; гравюра на деревѣ 1522 г.
- „ 59. Портретъ имп. Максимиліана, исп. масл. красками въ 1519 г.; наход. въ королев. галереѣ въ Вѣнѣ.
- „ 60. Портретъ *М. Волгемута*, писан. маслян. краск. въ 1516 г.; въ Мюнхен. пинакотекаѣ.
- „ 61. *Дукреція*, закалывающая себя кинжаломъ; карт. маслян. краск. 1518 г., тамъ же.
- „ 62. Портретъ 93-лѣтняго старика; рис. перомъ и кистью 1521 г.; въ Вѣн. Альбертинумъ.
- „ 63. Портретъ *Ганса Итгофа* (?), исполн. масл. краск. въ 1521 г.; въ Музей Прадо въ Мадридѣ.
- „ 64. Портретъ кардинала *Альбрехта Бранденбургскаго*; гравюра на мѣди 1523 г.

- Рис. 65. Портретъ *Иеронима Гольцимера*, исп. масл. краск. въ 1526 г.:
наход. въ корол. Берлин. музей.
- „ 66—67. *Апостолы Петра и Иоаннъ, Павелъ и Маркъ*; карт. масл.
краск., исп. въ 1526 г. для г. Нюрнберга; нынѣ въ Мюнх.
пинакотека.
- „ 68—69. Пояснительныя иллюстраціи къ трактату Дюрера „*объ из-
мѣреніяхъ*“; гравюры на деревѣ 1525 г.
- „ 71. Сравнительныя этюды челоуѣч. головъ; повтореніе рис. № 31
въ трактатѣ Дюрера „*о пропорціяхъ*“ 1528 г.
- „ 70 и 72—76. Иллюстраціи къ тексту трактата „*о пропорціяхъ*“
съ изображеніемъ мужскихъ и женскихъ фигуръ, имѣющихъ
различныя пропорціональныя соотношенія частей тѣла.

№ II.

Указатель литературы.

J. Camerarius: предисловіе къ трактату: A. Dureri clar. pictoris et geom. de symmetriae partium humanorum corporum, l. IV. Parisiis. Ex offic. Chr. Wecheli. 1537.

C. van Mander: Het Schilder—Boeck, 1604.

Illustris *B. Pirkheimeri* opera politica, historica, philolog. et epistolica cum A. Dureri figuris æneis etc., ed. ac. dig. A. M. Goldasto. Francforti 1610.

J. Sandrart: Teutsche Akademie. Von der alt und neuberühmten Egyptischen, Griechischen, Römisch., Italien., Hoch—und Niederteutschen Bau—Bild—und Mahlerey Künstler Lob und Leben. Nurnberg, 1675.

Doppelmayr: historische Nachrichte von d. Nurnbergischen Mathematicis und Künstlern etc. Nurnberg, 1730.

D'Argenville: Abregé de la vie des plus fameux Peintres avec leurs portraits gravés en taille douce. Paris 1745.

Beitrag zur Geschichte der Kunst, oder Verzeichniss der Bildnisse der Nurnbergischen Künstler. Nurnberg 1784.

Leben und Bildnisse der grossen Deutschen, von verschied. Künstlern und Verfassern. Mannheim 1785.

Ch. G. von Murr: Journal zur Kunstgeschichte und zur allegam. Litteratur. Nurnberg, 1789 ff.

Künstler—Lexicon, oder Lebensbeschreibungen 223 berühmter Künstler, Maler, Kupferstecher etc. Augsburg, 1797.

Lepel: Catalogue de l'œuvre d'Albert Durer. Dessau 1805.

ВОЗРОЖДЕНІЕ
ИТАЛЬЯНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ
ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ
НИКОЛО ПИЗАННО.

В. Гіацинтова.



Издавая свой трудъ, предметъ котораго составляетъ давно уже занимающій историковъ итальянскаго искусства, но и до сихъ поръ остающійся однимъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ о возникновеніи стила Николо Пизано, не могу не вспомнить съ чувствомъ глубочайшей признательности о покойномъ Теодорѣ Ивановичѣ Буслаевѣ, бесѣды съ которымъ, къ сожалѣнію моему продолжавшіяся слишкомъ короткое время, были ничѣмъ не замѣнимымъ для меня руководствомъ въ предпринятой мною работѣ. Считаю также долгомъ принести мою благодарность Императорскому Московскому Университету, предоставившему мнѣ средство напечатать мое изслѣдованіе.

I.

Николо Пизано, съ появленіемъ котораго итальянское искусство впервые послѣ паденія античнаго міра пріобрѣтаетъ общеевропейское значеніе, одно изъ наиболѣе громкихъ именъ въ исторіи этого искусства. Между тѣмъ мы почти ничего не знаемъ о личности носившаго его художника. Доспешія до насъ надписи на его произведеніяхъ, нѣсколько заключенныхъ имъ контрактовъ и относящихся къ нему лѣтописныхъ замѣтокъ представляютъ такой скудный матеріалъ, что не даютъ даже возможности, какъ увидимъ, точно опредѣлить мѣсто его рожденія и время жизни. Съ другой стороны, Вазари, который въ первомъ изданіи своихъ жизнеописаній начинаеть исторію итальянской скульптуры прямо съ Андреа Пизано ¹⁾, во второмъ, правда, помѣщаетъ біографію Николо, но, какъ и во всѣхъ своихъ біографіяхъ, сообщаетъ крайне недостоверныя свѣдѣнія. Уже одно то обстоятельство, что онъ не разъ приписываетъ Николо такія произведенія, которыхъ тотъ навѣрно не могъ исполнить ²⁾, заставляетъ относиться съ большою осторожностью и ко

¹⁾ Говоря о немъ почти дословно то же самое, что во второмъ изданіи говорятъ о Николо. См. *Doberbert. Ueber den Styl Niccolò Pisanos und dessen Ursprung.* 1873. Стр. 67, пр. 6.

²⁾ Напр., скульптуры орвьетскаго собора, начатаго въ 1290 г., тогда какъ по словамъ самого же Вазари (въ жизнеописаніи Джованни Пизано) Николо умеръ скорѣ послѣ окончанія фонтана въ Перуджии, т. е., около 1280-го года, или скульптуры на фасадѣ церкви della Misericordia во Флоренціи, исполненныя въ 1413 г. художникомъ Филиппо ди Кристофоро. Объ этомъ и другихъ, подобныхъ имъ, касающихся архитектурныхъ работъ Николо, показаніяхъ Вазари, см. *Le opere di Giorgio Vasari con nuove annotazioni e commenti di Gaetano Milanesi.* I. Firenze. 1878. Стр. 302—305.

всѣмъ остальнымъ его показаніямъ и принимать ихъ только въ томъ случаѣ, когда они находятъ себѣ иное еще подтвержденіе. Такимъ образомъ единственнымъ, собственно говоря, средствомъ выяснитъ занимающій насъ вопросъ о возникновеніи стиля Николо является сравнительное изученіе самого этого стиля. Но и на такомъ пути изслѣдователь не мало стѣсненъ тѣмъ, что большая часть произведеній, связанныхъ съ именемъ Николо, каковы: надгробный памятникъ св. Доминика въ Болоньѣ, каеэдра сіенскаго собора и фонтанъ въ Перуджии, исполнена имъ, согласно сохранившимся документамъ. о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, совмѣстно съ его учениками и потому даетъ иногда поводъ сомнѣваться относительно фактическаго участія его въ этихъ работахъ. Что касается принадлежности Николо другихъ памятниковъ, то рельефы на лѣвомъ порталѣ лукскаго собора имѣютъ за собой только свидѣтельство Вазари, и лишь одно произведеніе—каеэдра пизанскаго баптистерія—благодаря находящейся на ней надписи ¹⁾, представляетъ непреложный продуктъ творчества Николо. Эта каеэдра и принимается обыкновенно за основной фактъ въ сужденіяхъ о его стилѣ.

Помѣщая на рисунокѣ 1 общій видъ этой каеэдры, мы ограничимся пока чисто внѣшнимъ обзорѣніемъ украшающихъ ее скульптуръ, ибо характеристика тѣхъ художественныхъ особенностей, которыя составляютъ ея историческій интересъ, и происхождение которыхъ мы стремимся выяснитъ, возможна лишь послѣ знакомства съ предшествовавшими ей памятниками. И такъ, что касается пластическаго матеріала, съ которымъ имѣлъ дѣло художникъ, то онъ сводится къ слѣдующему.

Изъ шести колоннъ по угламъ каеэдры половина стоитъ на обыкновенныхъ аттическихъ базахъ, такъ же какъ и колонны подъ лѣстницей, другая же половина возвышается на спинахъ львовъ. держащихъ передними лапами различныхъ животныхъ и олицетворяющихъ темныя силы, которыя попраются оглашаемымъ съ каеэдры евангеліемъ; на базѣ средней, седьмой колонны изваяны, очевидно, съ тѣмъ же символическимъ значеніемъ, три сидяція различнаго возраста мужскія фигуры еретиковъ или грѣшниковъ и между ними

¹⁾ Anno milleno bis centum bisque triceno—Hoc opus insigne sculpsit Nicola Pisanus—Laudetur digna tam bene docta manus.

грифъ съ бараномъ въ лапахъ, собака съ филиномъ и левъ съ быкомъ. Въ углахъ надъ соединяющими колонны и поддерживающими фризь каедры арками помѣщаются рельефныя изображенія 6 пророковъ и 4 евангелистовъ, какъ предвѣстниковъ и распростани-

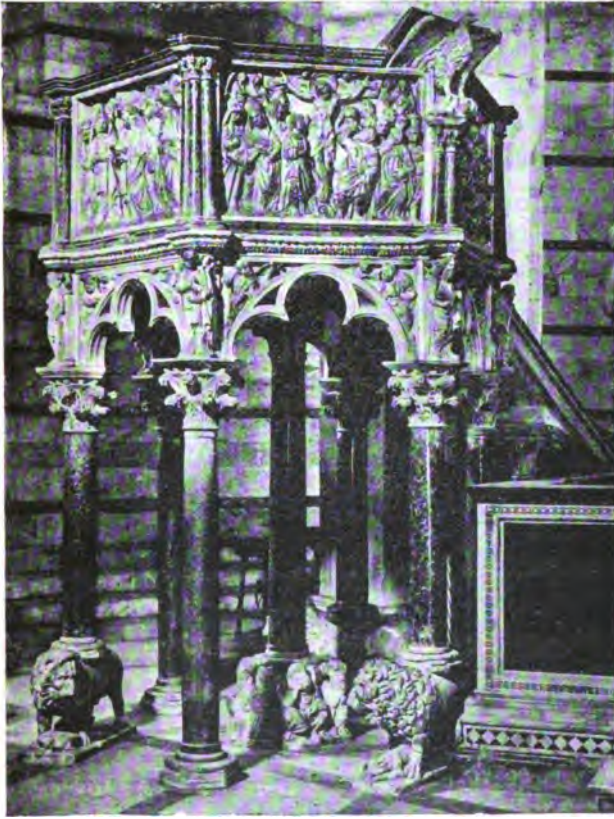


Рис. 1.

телей евангельскаго ученія; надъ капителями колоннъ—статуэки предписываемыхъ этимъ ученіемъ или необходимыхъ для его осуществленія добродѣтелей, именно: женщина, ведущая за руку ребенка (любовь), обнаженный юноша съ двумя львами, изъ которыхъ одного онъ ласкаетъ, а другого посадилъ себѣ на плечо (сила), окутанная плащомъ женщина со скромно наклоненной головой (смирненіе), женщина съ собакой на рукахъ (вѣрность), старецъ, держащій ягненка (невинность) и ангелъ, возсѣдающій на львѣ съ жезломъ или (по

объясненію Геттнера) стеблемъ отъ пальмовой вѣтви въ одной рукѣ и барельефомъ, изображающимъ распятіе въ другой (вѣра). Главные моменты изъ жизни самого Основателя христіанства, Его рожденіе, соединенное съ изображеніемъ благовѣщенія, поклоненіе Ему волхвовъ, принесеніе во храмъ, распятіе и конечный судъ Его надъ міромъ составляютъ содержаніе рельефовъ, покрывающихъ пять стѣнокъ каѳедры. Надъ однимъ изъ образуемыхъ ими угловъ (между распятіемъ и страшнымъ судомъ) придѣланъ наложъ, который поддерживаетъ своими распростертыми крыльями орелъ, символъ возвышенности, силы и побѣды; дремлющій заяцъ въ когтяхъ его знаменуетъ угбленіе и запиту, получаемые малыми и невинными подъ покровомъ евангелія. Подобный же наложъ у подножія лѣстницы, украшенный рельефнымъ изображеніемъ двухъ ангеловъ, которые держатъ щитъ съ начертаннымъ на немъ крестомъ, помѣщенъ на колоннѣ, опирающейся на спину льва съ оленемъ въ когтяхъ ¹⁾.

Таково общее содержаніе и расположеніе скульптуръ, покрывающихъ каѳедру. Теперь же, согласно сказанному выше, обратимся къ предшествовавшимъ ей памятникамъ и прежде всего къ памятникамъ той области Италіи, гдѣ она возникла, именно Тосканы.

II.

Въ настоящее время, особенно послѣ выхода въ свѣтъ издѣванія Шмарсова ²⁾, едва ли можно оставаться на точкѣ зрѣнія тѣхъ ученыхъ ³⁾, которые не видѣли въ тосканской скульптурѣ до-шван-

¹⁾ О символическомъ значеніи описанныхъ скульптуръ см. статью Геттнера „Zur Streitfrage über Niccolo Pisano“ (въ Zeitschrift f. bildende Kunst. 1873. стр. 305—317 и, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ Italienische Studien, 1879). Едва ли изображенію льва въ послѣднемъ случаѣ нужно придавать, какъ думаетъ Геттнеръ, иное значеніе, нежели въ указанныхъ выше, и видѣть въ немъ символъ самого Христа.

²⁾ August Schmarsow. Italienische Forschungen zur Kunstgeschichte. Erster Band. S. Martin von Lucca und die Anfänge der toscanischen Sculptur im Mittelalter. Breslau. 1890.

³⁾ Crowe und Cavalcaselle. Geschichte der italienischen Malerei. Deutsche Original—Ausgabe besorgt von Dr. Max Jordan Erster Band Leipzig. 1869. Стр. 104. Кромѣ указанныхъ главнѣйшихъ сочиненій о ранней скульптурѣ Тосканы: Rumohr. Italienische Forschungen. 1827. I Theil, стр. 251. Förster. Beiträge zur neueren Kunstgeschichte. Ueber das Leben und Werke des alten toscanische

скаго періода ни одного обѣщавшаго ей передъ появленіемъ Николо сколько-нибудь значительный успѣхъ произведенія.

Правда, еще во второй половинѣ XII в. она стоитъ на очень низкой ступени. Относящаяся къ этому времени работы на порталахъ церкви Пистойи, Лукки, Пизы, или внутри этихъ церквей на кафедрахъ и купеляхъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ довольно плоскіе рельефы, отличающіеся самой первобытной композиціей и очень грубымъ исполненіемъ: фигуры на нихъ тянутся однообразнымъ рядомъ, касаясь головой верхняго, а ногами нижняго края отведеннаго имъ пространства, имѣютъ короткія, тщедушныя туловища и большія безобразныя головы съ низкими лбами и длинными, выдающимися впередъ, тяжелыми челюстями; движенія этихъ фигуръ крайне связаны и повторяютъ постоянно одни и тѣже мотивы: драпировка, хотя и носитъ иногда отдаленные отголоски античныхъ приемовъ, обнаруживаетъ по большей части совершенное непониманіе естествен-



Рис. 2.

наго расположенія складокъ. Какъ образецъ этого стиля, мы приводимъ скульптуры, находящіяся на главномъ порталѣ церкви S. Andrea

Bildhauers Niccolo Pisano. Leipzig. 1835; Ero же: Geschichte der italienischen Kunst. Leipzig. I. 1869. Стр. 300; Rohault de Fleury. Les monuments de Pise au moyen age. Paris. 1866. Стр. 120. Hans Semper. Uebersicht der toscanischen Sculptur bis gegen das Ende des XIV Jahrhunderts. Zürich 1869. Ero же. Ueber die Herkunft von Niccolo Pisanos Stil въ Zeitschrift für bildende Kunst 1871. Стр. 357; Hettner. Указанныя сочиненія. Schnaase. Geschichte der bildenden Künste. Düsseldorf. B. IV, 1871, стр. 709 и B. VIII. 1876, стр. 258.

въ Пистойѣ *) (рис. 2). Но уже и въ этой школѣ, образовавшейся



Рис. 3.

изъ простыхъ каменотесовъ, нельзя выдѣлить нѣкоторыхъ произведеній, свидѣтельствующихъ о ея тенденціи къ дальнѣйшему развитію. Такова, напр., фигура архангела Михаѣла на фронтонѣ церкви S. Michele въ Грополи ок. Пистойи, которая, несмотря на все свое безобразіе, останавливаетъ наше вниманіе, какъ попытка создать круглую статую (рис. 3). Находящаяся въ той же церкви каѳедра (рис. 4) замѣчательна тѣмъ, что, въ отличіе отъ указанныхъ выше рельефовъ, фигуры на ней расположены съ явной заботой возможно полнѣе замѣстить ими фонъ, который въ другихъ случаяхъ просто покрывался узоромъ. Круглая купель въ церкви S. Frediano въ Луккѣ (рис. 5) ²⁾ отличается уже не только искусною группировкой фигуръ, но и самыя фигуры на ней гораздо удовлетворительнѣе воспро-

¹⁾ Согласно надписи скульптуры эти исполнены двумя художниками—Гуамономъ и Адеодатомъ, первому изъ которыхъ принадлежитъ еще рельефъ на архитравѣ сѣвернаго портала S. Giovanni Fuorcivitas въ Пистойѣ. Совершенно того же стиля: капители пилястровъ подъ архитравомъ S. Andrea (см. тотъ же рисунокъ)—произведеніе скульптора Генриха, рельефъ Родольфина на архитравѣ S. Bartolommeo in Pantano въ Пистойѣ, купель въ Pieve di Calci около Пизы и въ самой Пизѣ скульптуры на хранящемся въ Campo Santo архитравѣ, авторъ которыхъ называетъ себя Bonusanicus.

²⁾ Содержаніе покрывающихъ ее рельефовъ не ясно. (См. Förster, G. d. it. K., I, 298—99, прим. Schnaase, G. d. b. K., IV, 709; Mothes, Die Baukunst des Mittelalters in Italien, 734, пр. 1350; Schmarzow, стр. 33—34).

производятъ человѣческой образъ: ихъ одежда ложится правильными понятными складками, подъ которыми ясно обозначаются формы тѣла, а на обнаженныхъ частяхъ передана даже мускулатура. Столь же удачны сравнительно фигуры, стоящія по сторонамъ купели въ средней группѣ на рельефѣ бокового портала S. Salvatore въ Луккѣ (рис. 6) ¹⁾. Наконецъ, скульптуры на порталѣ Луккаго баптистерія (рис. 7), относящіяся, вѣроятно, уже къ XIII ст., но, судя по типу головъ, несомнѣнно принадле-



Рис. 4.

жащія разсматриваемой нами школы, обнаруживаютъ настолько опытную руку, что въ нихъ даже такія частности, какъ поворотъ ногъ и отдѣлка волосъ, съ которыми, обыкновенно, долѣе всего

¹⁾ Изображенныя по сторонамъ этой группы сцены, судя по движениямъ сидящихъ въ башенкахъ лицъ и мѣсту дѣйствія, на которое указываетъ присутствие хищныхъ животныхъ, и которое, повидному, происходитъ въ цркѣ, находятся въ противорѣчїи съ объясненїемъ Шарсова (стр. 47), который видитъ въ этой группѣ крещеніе св. Николая, и отвергаетъ голкованіе Румора (It. F., I, 261) и Чѣрстера (G. d. i. K. I, 297), понимавшихъ ее, какъ мученичество святого. Надпись „presbyteri“, прочтенная Шарсовымъ около одной изъ стоящихъ у купели безбородыхъ съ длинными волосами фигуръ, похожихъ, по его же замѣчанію, гораздо болѣе на женщинъ, нежели на священниковъ, едва ли можетъ относиться къ этимъ фигурамъ.—Замѣчательно, что другія работы исполнителя эту группу скульптора Бидуина (на главномъ порталѣ той же церкви и на порталѣ S. Casciano ок. Пизы), и даже только что приведенныя сцены по сторонамъ ея нисколько не лучше по исполненію, нежели другіе, указанныя выше, рельефы тосканскихъ церквей, что заставляетъ Шарсова предполагать, что Бидуинъ въ этой группѣ обязанъ своимъ успѣхомъ качеству образца (вѣроятно византийскаго), когорымъ ему удалось воспользоваться.

не может справиться начинающая скульптура, исполнены въ достаточной мѣрѣ естественно.



Рис. 5.

Другая школа создана была такъ наз. мрамораріями, произведенія которыхъ первоначально состояли почти исключительно въ инкру-



Рис. 6.

стированныхъ изъ чернаго и бѣлаго камня узорахъ. Такова, напр., каѳедра въ S. Miniato во Флоренціи, представляющая только съ



Рис. 7.

передней стороны, полъ наложень, фигуру ангела. Но съ теченіемъ времени стремленіе къ фигурной пластинѣ все болѣе вытѣсняло въ этой школѣ чисто декоративные элементы. Примѣромъ такого болѣе пластическаго стилиа можетъ служить каѳедра S. Leonardo in Arcetri во Флоренціи, гдѣ на выложенномъ на подобіе мозаики фонѣ вытѣляются рельефы, изображающіе сцены изъ жизни Христа и древо

Иессей (рис. 8). Но самымъ виднымъ представителемъ и наиболее плодовитымъ художникомъ этой школы является Гвидо да Комо. Согласно указанію Шмарсова впервые встрѣчаемъ мы его работу на фасадѣ S. Martino въ Луккѣ (1204 г.), гдѣ ему принадлежатъ верхніи украшенныя узорами колоннады ¹⁾. Ему же слѣдуетъ приписать декорацию фасада S. Michele въ томъ же городѣ. Затѣмъ, по всей вѣроятности, были исполнены имъ: статуя св. Михаила на фронтонѣ S. Giuseppe въ Пистойѣ и рельефы на среднемъ порталѣ S. Martino въ Луккѣ. Къ 1246 г. относится купель въ пизанскомъ баптистеріи, а къ 1250 самое крупное изъ дошедшихъ до насъ его произведеній—кафедра въ S. Bartolommeo in Pantano въ Пистойѣ. Наконецъ, быть можетъ, имъ же были исполнены колонки, поддерживающія лѣстницу пизанской кафедры Николо. Разматривая названныя произведенія, мы замѣчаемъ на нихъ явный отпечатокъ происхожденія той школы, къ которой принадлежалъ Гвидо: онъ скорѣе декораторъ, нежели скульпторъ, и потому или совсѣмъ не прибѣгаетъ

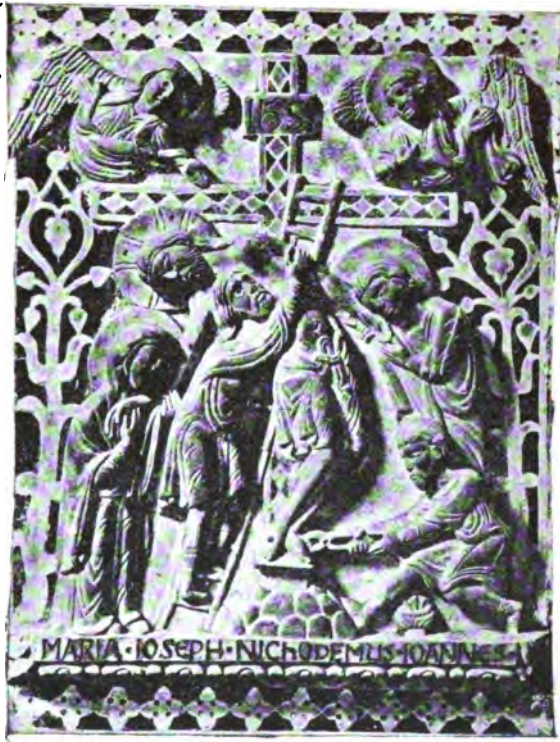


Рис. 8.

¹⁾ Чуди въ рецензін на сочиненіе Шмарсова (*Repertorium für Kunstwissenschaft*, XIV, стр. 510) отрицаетъ тождество съ Гвидо автора этой колоннады, который называетъ себя въ надписи уменьшительнымъ именемъ Guidetto. Но если Guidetto и былъ другимъ лицомъ, нежели Guido,—произведеніе его во всякомъ случаѣ исполнено въ стилѣ послѣдняго.

къ фигурной пластикѣ, ограничиваясь одними узорами, какъ, напр., въ верхнихъ колоннадахъ S. Martino и въ купели пизанскаго



Рис. 9.

баптистерія, стороны которой, по замѣчанію Шмарсова, какъ бы сами напрашиваются на украшеніе сценами изъ жизни Іоанна Крестителя, или, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится создавать фигурныя композиціи, вносить и въ нихъ такой схематизмъ и чисто геометрическую правильность, которые убиваютъ въ нихъ всякую жизненность¹⁾. Мелочной, декоративный стиль Гвидо имѣлъ однакоже въ извѣстномъ смыслѣ благотворное вліяніе на развивавшуюся въ Тосканѣ скульптуру, заставивъ ее съ большей заботой относиться къ внешней, архитектурной сторонѣ композиціи и смягчивъ грубость ея работы. Это и сказалось въ исполненныхъ рядомъ съ рельефами Гвидо, на внутренней стѣнѣ портика, скульптурахъ лувкскаго собора, которыя, съ одной стороны, въ тишахъ, лицахъ, отдѣлкѣ волосъ, драпировкѣ пользуются общими съ Гвидо приемами, но въ то же время выгодно отличаются отъ его произведеній несравненно болѣе свѣжимъ художественнымъ чувствомъ²⁾. По обѣ стороны средняго пор-

¹⁾ См. рис. 9, изображающій одну изъ сторонъ каѳедры въ Пистойѣ.

²⁾ Отличіе это настолько велико, что никакъ не допускаетъ предположенія Чуди (тамъ же), который приписываетъ разсматриваемыя скульптуры самому Гвидо.

гала, на которомъ находятся рельефы Гвидо ¹⁾, расположены отдѣленныя другъ отъ друга колонками и заключенныя въ аркады изображенія 12 мѣсяцевъ (рис. 10 и 11). Здѣсь прежде всего бросается въ глаза



Рис. 10.

умѣлое заполненіе отведеннаго для каждой сцены пространства, въ которомъ задуманный мотивъ помѣщается сравнительно очень свободно. Второе достоинство разсматриваемыхъ рельефовъ—опредѣленность движеній и характерность позъ, свидѣтельствующія о тонкой наблю-



Рис. 11.

дательности художника и его способности нѣсколькими чертами передавать сущность изображаемаго. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны грѣющійся у огня дрожащій январь, вливающій вино въ бочку октябрь и разрѣзывающій свищую тушу декабрь. Что касается деталей исполненія, то, насколько позволяетъ судить о нихъ дѣйствие времени, во всѣхъ фигурахъ, отличающихся вышукостью рельефа, обнаженное тѣло было старательно моделировано; въ складкахъ оде-

¹⁾ Богородица съ апостолами на архитравѣ, благословляющій Христосъ въ медальонѣ, который поддерживаютъ два ангела, въ люнетѣ и символы двухъ евангелистовъ—ангелъ съ книгой и орелъ—въ углахъ, образуемыхъ арками среднюю и боковыхъ поргаловъ.

жды иногда, правда, встрѣчаются деревянность и условность (напр. у рыбака (февраль), садовника (мартъ), двухъ знатныхъ юношей, характеризующихъ апрѣль и май); но въ другихъ случаяхъ онѣ обращаютъ наше вниманіе именно естественностью расположенія (особенно у винодѣла). Надъ этими изображеніями мѣсяцевъ тянется другая полоса рельефовъ, также раздѣленныхъ порталомъ на двѣ равныя части и содержащихъ 4 сцены изъ жизни св. Мартина: воскресеніе имъ мертвѣго и посвященіе его въ епископы, появленіе патъ ер-



Рис. 12.

головой огненнаго языка во время богослуженія и исцѣленіе имъ бѣсноватаго (рис. 12 и 13). Особенное значеніе этихъ рельефовъ Шмарсовъ видитъ въ томъ обстоятельстве, что сюжеты, имъ из-



Рис. 13.

ображаемые, не могли еще сдѣлаться достояніемъ долговременной традиціи, подобно циклу мѣсяцевъ, ведущему свое происхожденіе отъ глубокой древности, и слѣдовательно требовали отъ художника го-

аздо большей самостоятельности ¹⁾. Нельзя поэтому не цѣнить искусства, съ которымъ онъ выполнилъ свою задачу. Подобно разсмотрѣннымъ уже нами другимъ произведеніямъ до-пизанскаго періода у него скульптурная работа находится въ полномъ еще подчиненіи архитектуры. Рельефъ, который заключенъ въ раму, вырѣзанную въ наружномъ слоѣ мраморной облицовки стѣны, не выступаетъ еще на ея поверхность, соблюдая при этомъ строгую изокефалію и симметрическое расположеніе фигуръ. Но фигуры еще чаще, нежели въ изображеніи мѣсяцевъ, получаютъ полную округлость, указывающую на истинно пластическое направленіе фантазіи у художника, а въ композиціи при всей ея архитектурнои правильной замѣчается уже значительное разнообразіе и движеніе. Особенно удачны: группа монаховъ, приближающихся со св. Мартиномъ впереди къ постели, на которой лежитъ умершій, и сцена сошествія на голову св. Мартина огненнаго языка: не только позы и драпировки одеждъ отличаются здѣсь свободой передачи, но и лицамъ художникъ умѣлъ сообщить извѣстную выразительность. Еще выше по исполненію стоитъ рельефъ, изваянный на архитравѣ праваго портала, особенно группа, которая изображаетъ аріанъ, вступившихъ въ споръ съ ученикомъ св. Мартина, св. Регуломъ, и которая по умѣлому, ясному и въ то же время свободному сочетанію фигуръ и утратившей арха-



Рис. 14.

¹⁾ Хотя онъ и придерживался, гдѣ было возможно, сложившихся ранѣе типовъ: такъ, сцена изгнанія бѣса въ лѣвой отъ зрителя сторонѣ композиціи почти буквально повторяетъ подобное же изображеніе на дверяхъ гвезенскаго собора (рисунокъ этихъ дверей см. у Бодэ: *Geschichte der deutschen Plastik*, Berlin. 1887, стр. 30).

ровки (напр. плаща на лѣвомъ плечѣ святого), обнаруживаетъ вполне свободную технику.

Въ противоположность пренебрежительному отзыву объ этой группѣ въ сочиненіи Кроу и Кавальказелле ¹⁾ нѣкоторые ученые находятъ работу ея настолько совершенной, что относятъ ея возникновеніе къ XIV столѣтію ²⁾ Но обстоятельное изслѣдованіе Шмарсова ³⁾ едва ли можетъ оставить сомнѣніе въ томъ, что она была произведеніемъ только что рассмотрѣнной нами школы. Основанія, на которыхъ онъ приходитъ къ такому заключенію, сводятся къ слѣдующему. 1) Въ документахъ, касающихся исторіи луккского собора, не только нѣтъ указанія на такія работы въ продолженіе XIV ст. къ которымъ можно было бы приурочить исполненіе этой группы, но всѣ дошедшія до насъ извѣстія, напротивъ, заставляютъ думать, что съ конца XIII ст. лица, завѣдывавшія постройкой собора, обратились отъ фасада къ другимъ частямъ зданія. 2) Тѣ немногія скульптуры, которыя сохранились на порталѣ поперечнаго корабля, на стѣнахъ продольнаго и внутри собора, и которыя, дѣйствительно, относятся къ XIV столѣтію, не имѣютъ по стилю ничего общаго съ группой св. Мартина, точно такъ же, какъ и другія скульптуры XIV ст., находящіяся въ Луккѣ. 3) Вообще эта группа по своему сдержанному, безпритязательному, чистому эпическому стилю противорѣчитъ всѣмъ господствовавшимъ въ XIV ст. въ итальянской скульптурѣ теченіямъ: въ ней нѣтъ ни «страстной энергіи и аскетической жесткости Джованни Пизано», ни «миловидной граціи и завлекающей искренности» Андреа да Понтедера, ни слѣдовъ живописной манеры Андреа Орканья. Насколько отличается отъ нея типъ, господствовавшій въ XIV ст. въ Тосканѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ рельефъ на тимпанѣ главнаго портала S. Martino въ Пизѣ, который изображаетъ ту же самую сцену, и который Шмарсовъ приписываетъ одному изъ художниковъ сіенской школы: характерная черта этого

¹⁾ Geschichte der italienischen Malerei. Стр. 102.

²⁾ Кроме Ридольфи, мнѣніе котораго приводитъ Шмарсовъ, то же самое утверждаетъ Чуди въ своей рецензіи на сочиненіе Шмарсова (см. выше), не дѣлая однакоже никакихъ возраженій противъ изложенныхъ въ этомъ сочиненіи доводовъ и основываясь исключительно на техническомъ превосходствѣ группы сравнительно съ другими скульптурами XIII ст.

³⁾ Стр. 138—193.

рельефа—именно подчеркиваніе тѣхъ одушевляющихъ дѣйствующихъ лица чувствъ, о которыхъ лувкское произведеніе предоставляет зрителю догадываться. Болѣе общихъ чертъ у этого произведенія съ нѣкоторыми скульптурами сѣверной Италіи, каковы конныя статуи на гробницахъ властителей Вероны и Милана, Канъ Гранде, Мастино и Канъ Синьоріо дела Скала и Бернабо Висконти: главное сходство ихъ съ группой лувкскаго собора заключается въ типѣ коней, которые въ отличіе отъ приземистыхъ, собранныхъ коней тосканскихъ художниковъ, очевидно, обязанныхъ этимъ типомъ античной традиціи, являются, какъ и въ группѣ св. Мартина, непосредственнымъ подражаніемъ натурѣ, обращая на себя вниманіе зрителя длиною своихъ формъ и значительной сравнительно со всадникомъ величиной. Но и эти памятники, особенно позднѣйшіе изъ нихъ, относящіеся ко второй половинѣ XIV ст., далеко не обладаютъ скромностью замысла, отличающею группу лувкскаго собора. 4) Наконецъ, эта группа обнаруживаетъ несомнѣнное родство съ рельефами на стѣнѣ портика. Такъ, въ изображеніяхъ мѣсяцевъ, въ медальонѣ надъ первой аркой мы видимъ фигуру водолея, удивительно напоминающую по своей позѣ стоящаго передъ св. Мартиномъ нищаго. Если мы обратимъ вниманіе на костюмъ этого нищаго, на пропорціи его тѣла, слишкомъ длинныя ноги и, напротивъ того, очень короткія съ маленькими кистями руки, на форму головы, на складки одежды, обозначенныя немногими врѣзанными линіями, то придемъ къ заключенію, что онъ принадлежитъ къ тому же кругу изображеній, что и фигуры простолюдиновъ въ рельефахъ подъ арками. Съ другой стороны, св. Мартинъ всей верхней частью своего туловища, движеньемъ руки, мотивами драпировки плаща представляетъ разительное сходство съ однимъ изъ лицъ въ сценѣ воскрешенія Мартиномъ умершаго. Правда, работа въ группѣ гораздо лучше, гораздо обдуманнѣе и опредѣленнѣе, нежели въ рельефахъ, но такое различіе въ значительной степени находитъ себѣ объясненіе въ различіи самихъ родовъ техники: къ небольшому рельефу мы и не можемъ предъявлять тѣхъ же требованій, какимъ должна удовлетворять круглая статуя въ натуральную величину.

Но если, такимъ образомъ, Шарсовъ правъ, оспаривая мнѣніе Кроу и Кавальказелле о первобытной грубости предшествовавшей Николо тосканской скульптуры, то едва ли можно согласиться съ

тѣмъ, что Николо, какъ это думаетъ Шмарсовъ, быть всецѣло продуктомъ этой скульптуры и даже послѣднимъ ея отпрыскомъ¹⁾ Мы рассмотримъ, впрочемъ, его точку зрѣнія въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же замѣтимъ, что и Шмарсовъ не находитъ у тосканскихъ предшественниковъ Николо той черты, которая во всякомъ случаѣ составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ сторонъ его стilia.

III.

Именно, уже Вазари²⁾ указалъ на то, что Николо изучалъ скульптуры на античныхъ саркофагахъ и даже назвалъ одинъ изъ нихъ—находящійся въ настоящее время въ пизанскомъ *Campo Santo*. изображающій исторію Ипполита и Федры саркофагъ³⁾ съ тѣломъ



Рис. 17.

Беатрисы, матери маркграфини Матильды (рис. 17), на которомъ, дѣйствительно, фигура Федры послужила очевиднымъ образцомъ для Бе-

¹⁾ Стр. 131—135 и 247.

²⁾ *Le opere di Giorgio Vasari*, изд. Milanese, стр. 294.

³⁾ Подробное описаніе этого саркофага см. у *Dütschke*, *Die antiken Bildwerke des Campo Santo zu Pisa*. № 24.

Городицы Николо въ сценѣ поклоненія волхвовъ ¹⁾: діадема съ ниспадающимъ покрываломъ, поворотъ головы и общее выраженіе этой Богородицы, а также львиныя лапы, которыми заканчиваются ножки ея трона, не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ этого же саркофага заимствованы, вѣроятно, и лошади царей съ ихъ толстыми, дугою согнутыми шеями. Онъ же далъ Николо модель для головы старухи, которая выглядываетъ изъ толпы въ лѣвомъ углу рельефа, изображающаго принесеніе во храмъ, и которая чертами лица разительнѣе напоминаетъ кормилицу Федры. Фигура той же кормилицы на какомъ нибудь другомъ памятникѣ, подобномъ саркофагу Эрмитажа (№ 191), гдѣ она стоитъ съ запрокинутой назадъ головой и полуоткрытымъ ртомъ, является весьма вѣроятнымъ прототипомъ пророчицы Анны въ только что приведенной сценѣ. Въ этой сценѣ наше вниманіе привлекаетъ еще одно, быть можетъ, наиболѣе бросающееся въ глаза заимствованіе Николо, именно группа на правой (отъ зрителя) сторонѣ, состоящая изъ длиннородаго мужа и поддерживающаго его подъ локоть отрока, которую Николо несомнѣнно скопировалъ съ изображающей такъ наз. индійскаго Вакха и тоже помѣщенной въ Campo Santo античной вазѣ (рис. 18). Античными образцами пользовался Николо и въ другихъ случаяхъ: въ сценѣ Рождества Христова при изображеніи Маріи, поза которой такъ часто повторяется на античныхъ саркофагахъ, въ сценѣ страшнаго суда, гдѣ одинъ изъ дьяволовъ представляетъ явное подражаніе



Рис. 18.

¹⁾ Изображеніе рельефовъ Николо см. ниже.

встрѣчающимся въ античномъ искусствѣ изображеніямъ дѣтей съ масками на головахъ, въ фигурахъ Іосифа и апостоловъ, головы которыхъ напоминаютъ древніе портретные бюсты, въ фигурѣ Симона съ его головой Зевса, наконецъ, въ статуэткахъ добродѣтелей надъ поддерживающими каѳедру колоннами, изъ которыхъ особенно замѣтный отпечатокъ античнаго духа носить олицетвореніе силы въ образѣ обнаженнаго юноши, играющаго съ двумя львами ¹⁾.

Такое систематическое и близкое изученіе античныхъ памятниковъ, не оставляющее ни малѣйшаго сомнѣнія не только относительно ихъ общаго вліянія на художника, но и относительно отдѣльных фигуръ, которыя послужили ему образцами, вопреки мнѣнію Реймона. что именно подражаніе античнымъ памятникамъ и составляетъ элементъ, унаслѣдованный Николо отъ его тосканскихъ предшественниковъ ²⁾—такое изученіе представляетъ сравнительно съ ихъ искусствомъ нѣчто совершенно новое. Въ самомъ дѣлѣ, что касается разсмотрѣнныхъ уже нами работъ, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, правда. звучать еще античные отголоски, иногда въ стилѣ какого нибудь узора, напр. на бордюрѣ, обрамляющемъ рельефъ Груамона на порталѣ S.-Giovanni Fuorcivitas въ Пистойѣ, иногда въ мотивахъ драпировки или украшеніяхъ на мебели, какъ въ рельефѣ на порталѣ S.-Andrea (рис. 2), гдѣ волхвы ѣдутъ согласно установившимся въ античномъ искусствѣ приемамъ съ развѣвающимися по вѣтру плащами, а сѣдалища, на которыхъ сидятъ Иродъ и Богородица, украшены—одно аллегорическимъ изображеніемъ нагого ребенка, обвиненаго змѣей (очевидный намекъ на готовящееся избиеніе младенцевъ), другое—изображеніемъ лежащей на локтѣ женщины, иногда въ такой чертѣ, какъ круглые медальоны съ поясными изображеніями на подѣлкахъ украшающихъ античные саркофаги портретовъ усопшихъ, встрѣчающейся на купели S.-Fridiano въ Луккѣ (рис. 5). Но всѣ эти античные мотивы настолько утратили свой первоначальный образъ, такъ стилизовались, что едва ли допускаютъ предположеніе о непосредственномъ знакомствѣ ихъ авторовъ съ античными памятниками. Впрочемъ, и самъ Реймонъ не только не доказываетъ прямого влі-

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ заимствованіяхъ см. Dobbert Ueber den Styl Niccolo Pisano's und dessen Ursprung, стр. 46—51 и его же: Die Pisani (въ изданіи Dohme. Kunst und Künstler. I Bd. 1878, стр. 7—11).

²⁾ Marcel Reymond. La sculpture florentine. 1897, стр. 52.

нїя на эти произведенїя античнаго искусства, но и называетъ самый путь, чрезъ который могли проникнуть въ нихъ античные элементы: «Груамонъ и Родольфино, говоритъ онъ, еще въ XII вѣкѣ являются запоздалыми учениками римскаго искусства. Они знакомы только съ однимъ родомъ произведеній, именно съ остатками (*древне*) *христіанскихъ* памятниковъ, сохранившимися на почвѣ Италїи, съ *христіанскими* скульптурами IV столѣтія. Характерныя черты этого то искусства, но не усовершенствованнаго и возвеличеннаго, а выродившагося и обезображеннаго, низопедшаго до послѣднихъ предѣловъ варварства, находимъ мы въ ихъ творенїяхъ»¹⁾.

Другимъ посредствомъ между античнымъ искусствомъ и тосканской скульптурой могли служить различныя мелкія произведенія, шедшія изъ Византіи, каковы миниатюры рукописей, издѣлія изъ слоновой кости и т. п., которыя встрѣчаются въ такомъ количествѣ во всѣхъ странахъ западной Европы, и которыя, какъ извѣстно, до позднѣйшаго времени оставались вѣрны античной традиціи. Весьма вѣроятно, что вліянію этихъ произведеній обязаны своимъ происхожденіемъ, напр., античные приемы въ драпировкѣ у Гвидо да Комо, отличавшагося, по замѣчанію Реймона, такой тщательностью и мелочностью работы, какъ будто бы матеріаломъ ему служилъ не камень, а слоновая кость. Еще болѣе замѣтно византійское вліяніе въ нѣкоторыхъ другихъ скульптурахъ Тосканы, о которыхъ намъ еще не приходилось упоминать. Такова, напр., найденная въ Borgo S. Sepolто и хранящаяся въ берлинскомъ музеѣ деревянная статуя Богородицы съ Христомъ на колѣняхъ—произведеніе какаго то священника Мартина²⁾, византійскій характеръ котораго выдаютъ необыкновенно длинныя овалы лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ чисто романскими типами, торжественно неподвижныя позы и схематически правильное расположеніе складокъ. Тѣмъ же характеромъ, несмотря на большую свѣжесть стіля, отмѣчены бронзовыя двери на южной сторонѣ пизанскаго собора³⁾. Византійское вліяніе въ этомъ произведеніи тѣмъ понятнѣе, что исполнившій его художникъ Бонаннъ,

¹⁾ Тамъ же. Стр. 49.

²⁾ Изображеніе этой статуи кромѣ приводимаго Шмарсовымъ въ Jahrbuch. d. kgl. preuss. Kunstsammlungen. 1888. стр. 98, находится еще въ соч. Бодэ „Die italienische Plastik“, Berlin 1893. стр. 12.

³⁾ Smarsow. стр. 212.

какъ о томъ свидѣтельствуютъ изображенныя имъ въ нѣсколькихъ случаяхъ пальмовыя деревья и купольныя зданія, въ которыхъ къ византійскимъ примѣшиваются мавританскія формы, уже тогда найдены въ сношеніяхъ съ Сициліей, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ отплыли главныя двери собора въ Монреале, и гдѣ византійское искусство оставило такой блестящій памятникъ, какъ знаменитая Палатинская капелла. Но особенное значеніе имѣютъ для насъ скульптуры пизанскаго баптистерія, представляющія на ряду со скульптурами луккскаго собора одно изъ лучшихъ произведеній Тосканы передъ появленіемъ Николо ¹⁾. На сѣверномъ его порталѣ, въ аркадахъ раздѣленныхъ другъ отъ друга витыми колонками, изображенъ въ серединѣ первосвященникъ Захарія, съ одной стороны отъ него ангель, возвѣщающій ему о рожденіи сына, съ другой молящаяся Елизавета, далѣе къ угламъ зданія ап. Петръ и Моисей и два архангела. На восточномъ порталѣ каждый изъ дверныхъ косяковъ представляетъ съ внутренней стороны 11 кессонообразныхъ углубленій, въ которыхъ помѣщаются: направо—вверху Христосъ, ниже два ангела, Богородица, апостолы, сошествіе во адъ и царь Давидъ; лѣво — изображенія 11-ти мѣсяцевъ. Архитравъ этого портала



Рис. 19.

(рис. 19) украшенъ сценами изъ жизни Іоанна Крестителя, изображающими его проповѣдь, указаніе на Христа, Крещеніе Христа, осужденіе Іоанна Продомъ, пляску Соломіи, усѣкновение головы Іоанна и его погребеніе. На карнизѣ портала—поясныя изображенія Христа, по сторонамъ отъ него—Іоанна Крестителя и Богородицы и, далѣе, 4-хъ евангелистовъ, между которыми 4 ангела. Болѣе, нежели въ какомъ либо другомъ изъ разсмотрѣнныхъ нами произведеній, замѣтенъ здѣсь, особенно въ одеждахъ, отпечатокъ античнаго стиля. Но въ тѣхъ же плотно прилегающихъ къ тѣлу, какъ бы намочен-

¹⁾ Тамъ же, стр. 217.

ныхъ одеждахъ съ ихъ старательно выведенными, мелкими складками, а также въ длинныхъ пропорціяхъ фигуръ, въ ихъ слишкомъ прямыхъ, мало подвижныхъ позахъ, наконецъ, въ сохранившейся на одномъ рельефѣ греческой надписи (именно около Богородицы на правомъ косякѣ) и въ изображеніи пальмъ (по обѣимъ сторонамъ верхняго ряда на восточномъ порталѣ и между двумя первыми сценами изъ жизни Іоанна Крестителя)—заключается указаніе на то, что, если художникъ, исполнившій эти скульптуры и не былъ, согласно Вазари, византіецемъ по происхожденію ¹⁾, то совершенно такъ же, какъ и Бонашгъ, находился подъ византійскимъ, шедшимъ, вѣроятно, изъ южной Італіи вліяніемъ.

Сохранившаяся въ тосканской скульптурѣ античная традиція могла, конечно, способствовать тому, что Николо, покинувъ прежніе образцы, замѣнилъ ихъ античными; наличность этой традиціи однако же не заключаетъ въ себѣ отвѣта на вопросъ, почему онъ пересталъ довольствоваться такими образцами, гдѣ античный элементъ является, по выраженію Шмарсова, уже переработаннымъ согласно съ требованіями христіанскихъ сюжетовъ, и что побудило его къ самостоятельному изученію античныхъ памятниковъ.

Говоря объ отношеніи предшественниковъ Николо къ античному искусству, мы должны, впрочемъ, остановиться еще на одномъ произведеніи, на которое обратилъ вниманіе Земперъ ²⁾. Это произве-

¹⁾ Вазари, какъ извѣстно, сообщаетъ, что во времена Николо „греческіе мастера“, работали въ пизанскомъ соборѣ и баптистеріи. —Замѣчаніе Шмарсова (221 стр., пр.), что мотивы въ изображеніи мѣсяцевъ (на лѣвомъ косякѣ) западнаго, а не византійскаго происхожденія, находитъ полное подтвержденіе въ изслѣдованіи Стриговскаго (*Jahrbuch des kaiserlich deutschen archäologischen Instituts. Ergänzungsheft. Die Calendarbilder des Chronographen vom Jahre 354 herausgegeben von Josef Strzygowski. Berlin. 1888, стр. 58—88*). Въ мартѣ по словамъ Шмарсова изображенъ „ein sitzender Mann, der etwas zu schneiden scheint“. Поза этого человѣка, который или срѣзаетъ себѣ мозоль (какъ на фонтанѣ въ Перуджии) или вытаскиваетъ занозу, удивительно напоминаетъ извѣстное античное изображеніе послѣдняго мотива. Отсюда однако же неправильно было бы заключать о непосредственномъ изученіи пизанскимъ скульпторомъ античныхъ памятниковъ, ибо этотъ античный мотивъ встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ среднихъ вѣковъ. (Ср. Springer. *Bilder aus der neueren Kunstgeschichte. I. Bonn 1886. Das Nachleben der Antike im Mittelalter, стр. 14*).

²⁾ *Zeitschrift für bildende Kunst, 1871. Стр. 356. Ueber die Herkunft von Niccolò Pisanos Stil von Dr. Hans Semper.*

деніе—найденная около Сіены въ Ponte allo Spino и вѣланная въ настоящее время въ стѣну капеллы S. Ansano въ сіенскомъ соборѣ плита съ 4 рельефами, изображающими благовѣщеніе, рождество Христово, шествіе волхвовъ и ихъ поклоненіе (рис. 20).



Рис. 20.

Реймонъ упоминаетъ эти рельефы на ряду съ произведеніями Груамона. Но они отличаются отъ всѣхъ рассмотрѣнныхъ нами работъ тосканской скульптуры тѣмъ, что не носятъ никакихъ признаковъ свойственной имъ стилизаціи и при всей неумѣлости художника обнаруживаютъ замѣчательную свободу въ группированіи фигуръ, въ передачѣ движенія и мотивахъ драпировки. Въ то же время въ нихъ сразу чувствуется родство со скульптурами Николо: въ обоихъ случаяхъ мы видимъ часто одни и тѣ же позы и жесты (особенно обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отношеніи: фигуры Богородицы въ сценѣ благовѣщенія и сценѣ рождества, перваго волхва и Христа въ сценѣ поклоненія); въ обоихъ случаяхъ фигуры отличаются приземистыми, полными формами, облечены въ длинныя съ обильными складками одежды и дышатъ иногда (напр. приподнявшаяся на ложѣ Богородица) чисто языческимъ выраженіемъ. Указанное сходство настолько велико, что связь сіенскаго рельефа со скульптурами Николо не подлежитъ для насъ никакому сомнѣнію. Но такова ли эта связь, какой ее представляетъ Земперъ, полагающій, что сіенскій рельефъ есть остатокъ особой, сохранившейся въ горахъ Тосканы древне-христіанской школы, къ которой и примыкаетъ Николо?

Во-первыхъ, согласно замѣчанію Добберта ¹⁾, существованіе пред-

¹⁾ Ueber d. St. N. P., стр. 57.

III.



1.



2.

полагаемой Земперомъ школы за исключеніемъ того произведенія, которое онъ пытается ей объяснить, никакими другими не подтверждается. Во-вторыхъ, въ объясняемомъ этой школой произведеніи тотъ же Доббертъ указалъ признакъ, совершенно ей не свойственный: именно, изображенный въ сценѣ рождества мотивъ купающихъ младенца женщинъ—не древне-христіанскаго, а византійскаго происхожденія ¹⁾); прибавимъ, что того же происхожденія и храмъ съ барабаномъ и плоскимъ куполомъ въ сценѣ шествія волхвовъ. Другими словами, объяснять возникновеніе сіенскаго рельефа сохранившейся въ Тосканѣ древне-христіанской школой нѣтъ достаточнаго основанія. А если такъ, то и стиль Николо нѣтъ основанія объяснять стилемъ сіенскаго рельефа. Ибо при отсутствіи такой школы, гдѣ съ особенной свѣжестью держалась бы античная традиція, тѣмъ болѣе такой, гдѣ практиковалось бы непосредственное обращеніе къ античнымъ памятникамъ—а лишь возможность послѣдняго предположенія относительно сіенскаго художника давала бы ему право называться истиннымъ предшественникомъ Николо—при отсутствіи подобной школы и, слѣдовательно, при условіи личной инициативы въ дѣлѣ усвоенія античнаго стиля существуетъ полная вѣроятность, что первенство въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Николо, а не сіенскому художнику, т. е. что сіенскій рельефъ возникъ не ранѣе, а позднѣе скульптуръ Николо.

Такая точка зрѣнія на сіенскій рельефъ, возможность которой не отрицалъ еще Доббертъ, нашла себѣ рѣшительнаго сторонника въ лицѣ Шмарсова ²⁾). Присоединяясь къ его мнѣнію, мы находимъ однако же доводы его не вполне достаточными. Въ самомъ дѣлѣ, основаніе, почему Шмарсовъ приписываетъ мысль обратиться къ античному искусству Николо, заключается въ томъ, что онъ не можетъ допустить возникновеніе этой гениальной мысли у жалкаго ремесленника. Но, во-первыхъ, жалкимъ ремесленникомъ сіенскій художникъ является у Шмарсова только по сравненію съ Николо, которое къ тому же дѣлается Шмарсовымъ не всегда съ достаточнымъ безпри-

¹⁾ О византійскомъ происхожденія этого мотива, именно въ VI в., см. также Ferdinand Noack. Die Geburst Christi in der bildenden Kunst bis zur Renaissance im Anschluss an Elfenbeinwerke des grossherzoglichen Museum's zu Darmstadt. 1894. Стр. 15—17. До VI в. и Марія изображалась всегда сидящей.

²⁾ Стр. 225 и слѣд.

страстіемъ, напр., когда онъ утверждаетъ, что въ сценѣ поклоненія волхвовъ сіенскій художникъ, не зная, чѣмъ заполнить пространство между головой второго царя и Богородицы, заставилъ ее поднять вверхъ руку и держать въ ней тотъ самый даръ, который находится еще въ рукахъ старшаго изъ царей: если неясно обозначенный предметъ, который держитъ Богородица, и не граната, какъ его опредѣляетъ Земперъ, считая отголоскомъ языческой старины, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія видѣть въ немъ даръ, подносимый царемъ, ибо во многихъ памятникахъ христіанскаго искусства Богородица въ сценѣ поклоненія волхвовъ совершенно такимъ же образомъ, какъ на сіенскомъ рельефѣ, держитъ въ рукахъ то цвѣтокъ, то шаръ, то яблоко ¹⁾—предметы, имѣющіе, какъ и граната, чисто символическое значеніе, и сіенскій художникъ, очевидно, руководствовался подобными композиціями, а не просто исказилъ изображеніе Николо. Во-вторыхъ, гениальность Николо обнаружилась не столько въ самой мысли обратиться къ изученію античнаго искусства, сколько въ тѣхъ результатахъ, которые онъ изъ нея извлекъ, и нельзя понять, почему болѣе совершенному выполненію этой мысли со стороны Николо не могла предшествовать менѣе удачная попытка. Такимъ образомъ, присоединяясь, какъ уже сказано, къ мнѣнію Шмарсова, мы опираемся на нѣсколько иныхъ, нежели онъ, соображенія. Именно, мы признаемъ въ сіенскомъ художникѣ, столь близкомъ по стилю къ Николо, не предшественника, а послѣдователя его въ дѣлѣ подражанія античнымъ памятникамъ не потому, что онъ былъ менѣе гениаленъ нежели Николо, а потому, что онъ не только по неумѣнію, но и по самому характеру своихъ представленій, по самому замыслу стоялъ не ближе, а дальше Николо отъ античнаго искусства, что у него въ гораздо меньшей степени, нежели у Николо, замѣтно то увлеченіе сво-

¹⁾ Примѣрами могутъ служить изображенія у Du Sommerard (*Les arts au moyen âge, 2-e série, pl. XXXVIII*, гдѣ Богородица въ сценѣ поклоненія волхвовъ держитъ цвѣтокъ), у Noack (указ. соч. табл. II, 4, гдѣ она держитъ шаръ). Яблоко встрѣчается, напр., въ мишьякахъ, описанныхъ А. И. Кирпичниковымъ. (Сказанія о житіи дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ—въ журналѣ Мин. Нар. Пр. 1883, стр. 62). См. также Ernst a. u. W. Weerth (*Kunstdenkmäler des christlichen Mittelalters in den Rheinlanden. Leipzig. 1857. Табл. XXXVI*) или *Trésor des églises et objets d'art français appartenant aux musées exposés en 1889 au palais du Trocadéro. I. № 38.*

ими образцами, которое свойственно новатору, и которымъ онъ слѣдовательно, на основаніи сказаннаго выше, долженъ былъ бы, напротивъ, обладать въ большей мѣрѣ. Въ этомъ случаѣ мы опять находимся въ полномъ противорѣчій со взглядомъ Земпера, утверждавшаго, что сіенскій рельефъ отличается такимъ непосредственнымъ и наивнымъ отношеніемъ къ античному искусству, которое не могло уже имѣть мѣста послѣ Николо. Но разборъ созданныхъ сіенскимъ художникомъ образовъ показываетъ иное.

Сцена благовѣщенія въ его произведеніи привлекаетъ вниманіе Земпера тѣмъ, что ангелъ носитъ въ ней античный костюмъ и поднимаетъ руку съ жестомъ античнаго герольда. Но когда же ангелы въ христіанскомъ искусствѣ носили другіе костюмы, и мало ли памятниковъ, гдѣ не только жестъ ан-



Рис. 21.

гела, но и другія черты въ его изображеніи всецѣло совпадаютъ съ сіенскимъ рельефомъ? (Ср. напр. фигуру ангела на одномъ изъ оконъ ц. S. Denis у Лабарта, ¹⁾

рис. 21, или въ миниатюрѣ приводимаго ниже евангелія). Богородица, говоритъ Земперъ далѣе, стоитъ въ «античной» позѣ съ покрытой «на подобіе греческой невѣсты» головой и придерживаетъ одежду «съ чисто этрусской граціей». Но такое, напр., изображеніе благовѣщенія, какъ миниатюра изъ евангелія Аѳонопантелеймонова монастыря ²⁾ (рис. 22) показываетъ, что и поза и положеніе рукъ Богородицы представляютъ у сіенскаго художника почти буквальное повтореніе византійскаго образца. Особенно же странно дѣлаемое Земперомъ сравненіе Богородицы сіенскаго художника съ греческой невѣстой по поводу



Рис. 22.

¹⁾ Labarte. Histoire des arts industriels au moyen âge et à l'époque de la renaissance, Paris. 1864. T. II, pl. XCIV.

²⁾ Которую мы заимствуемъ у Покровскаго (Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. С.-Петербургъ. 1892. стр. 13).

спускающагося съ ея головы покрывала, которое является во всѣхъ византійскихъ памятникахъ.

Не большее значеніе можно придавать и такимъ, приводимымъ Земперомъ въ доказательство близости сіенскаго художника къ античнымъ памятникамъ, чертамъ, какъ жестъ пастуховъ, поднимающихъ руки къ ангелу, или жесты царей, которыми они сопровождаютъ свой разговоръ, и ихъ развѣвающіеся по вѣтру плащи. Жесты пастуховъ совершенно естественно вытекаютъ изъ самаго сюжета и кромѣ того находятъ себѣ аналогію въ другихъ христіанскихъ памятникахъ, ¹⁾ точно такъ же, какъ и жесты царей, ²⁾ которые при томъ же буквально совпадаютъ съ жестами царей на сіенской каѳедрѣ Николо и слѣдовательно не могутъ имѣть вѣса при рѣшеніи вопроса о томъ, какое изъ двухъ произведеній возникло раньше. А развѣвающіеся по вѣтру одежды издавна сдѣлались однимъ изъ весьма обычныхъ мотивовъ не только античнаго, но и христіанскаго искусства.

Еще менѣе могутъ свидѣтельствовать о прямомъ вліяніи на сіенскаго художника античныхъ памятниковъ декоративные мотивы встрѣчающіеся въ его рельефахъ, особенно такое сочетаніе античныхъ элементовъ, выдернутыхъ изъ ихъ живой, органической связи, такая игра имп, какую представляетъ гирлянда изъ акантовыхъ листьевъ надъ люлькой младенца. Насколько мало говоритъ заимствованіе подобнаго орнамента въ пользу увлеченія съ стороны сіенскаго художника формами античнаго искусства, ясно изъ того, что въ слѣдующей же сценѣ, желая чѣмъ-нибудь заполнить задній планъ, онъ помѣстилъ упомянутое выше изображеніе византійскаго храма.

Единственный изъ созданныхъ имъ образовъ, который по своему античному духу могъ бы соперничать съ заимствованиями Николо—фигура Богородицы въ сценѣ рождества. Но и въ этомъ случаѣ характернымъ для сіенскаго художника является, во-первыхъ, совершенно своеобразное, указывающее скорѣе на живописный, нежели на пластическій образецъ, расположеніе складокъ одежды и, во-

¹⁾ См. напр. въ приведенномъ уже сочиненіи Покровскаго рисунокъ на стр. 56 и 58.

²⁾ Напр. на посохѣ св. Готье, изображеннаго у Rohault de Fleury. (La messe. V. VIII. 1889. Pl. DCXLIX).

вторыхъ, то обстоятельство, что античная діадема, украшающая всѣ изображенія Богородицы на каедрѣ Николо, замѣнена такъ же, какъ и въ сценѣ благовѣщенія, чисто византийскимъ покрываломъ. Подобныя же, быть можетъ, и не бросающіяся въ глаза, но тѣмъ не менѣе знаменательныя отличія сравнительно съ изображеніями Николо представляютъ скульптуры сіенскаго художника и въ другихъ случаяхъ. Особенное вниманіе должны мы обратить на головы царей въ послѣдней сценѣ. Лица ихъ, какъ и у Николо, несомнѣнно приближаются къ античному типу, но въ то время, какъ у Николо эти лица обрамлены свободно ниспадающими кудрями, сіенскій художникъ изобразилъ совершенно иное убранство волосъ, которые съ ихъ боковыми прядями, закрывающими уши и образующими внизу пышные завитки, придаютъ имъ не античный, а типически средне-вѣковой характеръ. Еще большую метаморфозу претерпѣли короны на головахъ царей и Богородицы, которая и здѣсь утратила свою менѣе подходящую къ христіанскимъ представленіямъ античную діадему: короны эти, которыя Шмарсову вслѣдствіе полной утраты античнаго стиля представляются готическими, а Земпера соблазняютъ своими акантовыми листьями, дѣйствительно, ведутъ свое происхожденіе отъ античнаго искусства, но происхожденіе ихъ становится для насъ очевиднымъ только тогда, когда мы между коронами сіенскаго художника и античными діадемами вставимъ, какъ посредствующее звено, короны, украшающія головы царей на пизанскомъ рельефѣ Николо.

Такимъ образомъ и сіенскій рельефъ, подобно разсмотрѣннымъ нами выше памятникамъ тосканской скульптуры, долженъ быть исключенъ изъ числа произведеній, которыя могли бы объяснить, какъ обычный приѣмъ, обращеніе Николо къ античному искусству, и если въ этомъ рельефѣ античное влияніе отличается большей свѣжестью, нежели въ другихъ произведеніяхъ,—фактъ этотъ зависитъ отъ того, что ихъ авторы пользовались такими образцами, гдѣ античная традиція успѣла уже состарѣться, сіенскій же художникъ получилъ ее, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, именно изъ рукъ самого Николо. Такая точка зрѣнія, согласно замѣчанію Шмарсова, пріобрѣтаетъ особенную вѣроятность въ виду пребыванія въ Сіенѣ учениковъ Николо Горо и Лапо, которымъ было даже предоставлено право сіенскаго гражданства.

IV.

Отсутствіе въ предшествовавшей Николо тосканской скульптурѣ непосредственнаго изученія античныхъ памятниковъ, котораго не замѣчаетъ Реймонъ, и которому Шмарсовъ, какъ увидимъ, не придаетъ существеннаго значенія, для другихъ изслѣдователей было причиною того, что они стали искать, воспитавшую Николо школу помимо Тосканы.

Еще въ 1826 г. Кёлеръ ¹⁾ указывалъ, какъ на источникъ давшій новую жизнь итальянской скульптурѣ, на рельефы Бенедетто Антелами, украшающіе порталы пармскаго баптистерія. Содержаніе этихъ рельефовъ слѣдующее. На сѣверномъ порталѣ въ люнетѣ изображено поклоненіе волхвовъ и явленіе ангела Іосифу: (рис. 23) на архивольтѣ—12 пророковъ, которые держатъ медальоны



Рис. 23.

съ бюстами апостоловъ; на архитравѣ двери: крещеніе Христа, пиръ Ирода и усѣкновение главы Іоанна Крестителя; на косякахъ: родословное древо Іессея—на правомъ, Іаковъ съ сыновьями и Моисей—на лѣвомъ. Западный порталъ содержитъ: въ люнетѣ—страшный судъ (Христосъ, окруженный ангелами съ орудіями страстей и сидящій въ лѣвомъ углу святой,—по объясненію Шназе—Авраамъ, какъ

¹⁾ Въ статьѣ *Anfänge der italienischen Kunst* (*Kunst-Blat*, 1826, № 77, стр. 304, № 79, стр. 313 и № 80, стр. 319).

представитель рая); на архивольтѣ—12 апостоловъ и два трубящихъ ангела; на архитравѣ—снова два трубящихъ ангела въ срединѣ и возстающіе изъ гробовъ праведники и грѣшники; на косякахъ—притча о виноградаряхъ и открывающія царство небесное шесть дѣлъ милосердія. На южномъ порталѣ въ полѣ люнета изображена извѣстная, заимствованная изъ легенды о св. Варлаамѣ притча о легкомыслии человѣка, способнаго лакомиться на вѣтвяхъ дерева медомъ въ то время, какъ корни этого дерева подтачиваютъ два звѣря (по легендѣ черная и бѣлая мыши), а у подножія его ожидаетъ добычи изрыгающій пламя драконъ; по сторонамъ главной сцены помѣщены вверху олицетворенія солнца и луны, внизу—дня и ночи, имѣющія, очевидно, тотъ же смыслъ, что и обозначаемый въ самой легендѣ и живописныхъ произведеніяхъ цвѣтъ подтачивающихъ дерево животныхъ (рис. 24); изъ остальныхъ частей этого портала скульптурой



Рис. 24.

украшенъ только архитравъ, на которомъ находятся три медальона съ рельефными изображеніями агнца Божія, Христа и Іоанна Крестителя ¹⁾).

¹⁾ Кроме порталовъ скульптурой украшены и другія части баптистерія: именно, надъ сѣвернымъ порталомъ, въ углахъ, образуемыхъ его аркой, мы видимъ въ четырехъугольныхъ нишахъ стѣны фигуры двухъ ангеловъ; на стѣнахъ, примыкающихъ къ той, гдѣ находится этотъ порталъ, въ такихъ же нишахъ, вырѣзанныхъ на мѣстѣ люнетовъ, изображенія сидящихъ и стоящихъ по парно царей. Въ нижней части стѣны вдѣланы плиты съ изображеніями различныхъ животныхъ, среди которыхъ встрѣчаются, между прочимъ, кентавры.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Бенедетто Антелами одинъ изъ лучшихъ художниковъ Италіи до-пизанскаго періода: сравнительно съ другими произведеніями этого времени стиль его отличается несравненно большею широтой, онъ не только усвоилъ себѣ болѣе правильныя формы, но и умѣлъ вложить въ свои образы извѣстную индивидуальность. Но, что касается его отношенія къ античному искусству, то оно совершенно иное, нежели у Николо. Въ самомъ дѣлѣ, въ общей концепціи своихъ образовъ Бенедетто строго держится христіанской традиціи. Такъ же, какъ и въ скульптурахъ пизанскаго баптистерія, которыя Кёлеръ не даромъ считаетъ переходной ступеню отъ Бенедетто къ Николо, античный элементъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ проглядываетъ лишь въ частностяхъ (въ складкахъ одежды, иногда въ типахъ лицъ, особенно нѣкоторыхъ ангеловъ), и мы думаемъ, что Тоски совершенно правы, когда, сравнивая скульптуры Бенедетто съ возникшими почти одновременно фресками внутри того же баптистерія, считаемъ главнымъ источникомъ вдохновенія Бенедетто византийскіе, преимущественно живопис-

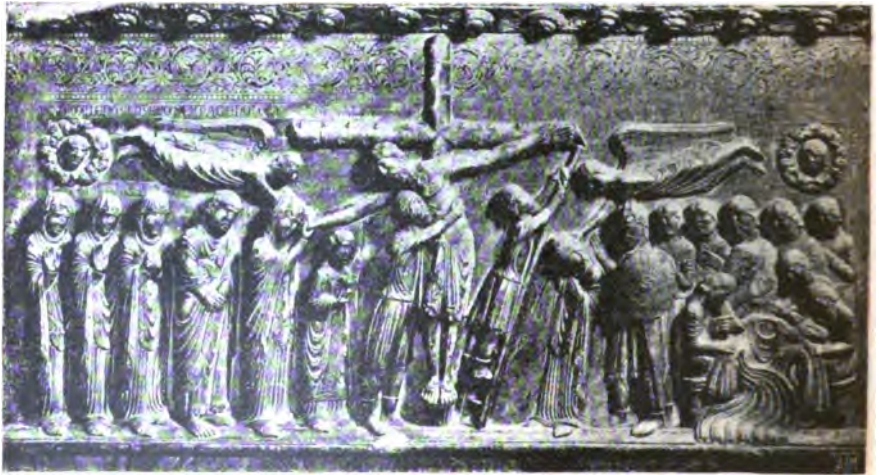


Рис. 25

ныя, образцы, которые онъ оживилъ своимъ личнымъ гениемъ ¹⁾. Такой процессъ творчества, какъ намъ кажется, находитъ себѣ пол-

¹⁾ T o s c h i Le sculture di Benedetto Antelami a Borgo San Donnino въ Archivio storico dell'arte. 1888, стр. 14 - 25.

ное подтвержденіе въ болѣе ранней работѣ Антелами, относящейся, согласно надписи, къ 1178 г., т. е. на 18 лѣтъ предшествовавшей исполненію скульптуръ баптистеріи, именно—въ рельефѣ пармскаго собора, который нѣкогда принадлежалъ, вѣроятно, къ утраченной теперь каедрѣ, и византійскій характеръ котораго выступаетъ съ особенной ясностью (рис. 25). Правда и Тоски предполагаетъ, что кромѣ византійскихъ образцовъ Бенедетто въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ античному искусству, ссылаясь, подобно Кёлеру и другимъ изслѣдователямъ, на скульптуры южнаго портала, гдѣ несущіяся на колесницахъ олицетворенія солнца и луны изображены совершенно въ античномъ духѣ. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что существуетъ большая разница между очевидными и, если можно такъ выразиться, оригинальными заимствованиями Николо и указанными олицетвореніями, которыя подобно нѣкоторымъ другимъ образамъ языческаго искусства, между прочимъ, попадающимся среди скульптуръ баптистеріи кентаврамъ, издавна получили право гражданства въ христіанскомъ искусствѣ и не разъ встрѣчаются намъ въ сценахъ распятія ¹⁾. Это обстоятельство въ связи съ такой не античной чертой, какъ узкіе длинные рукава на рукахъ Селены, наводитъ даже на мысль, что, быть-можетъ, и въ данномъ случаѣ Бенедетто пользовался не античными, а христіанскими образцами, тѣмъ болѣе, что именно различныя олицетворенія въ христіанскомъ искусствѣ особенно прочно хранили свой античный характеръ. Какъ не обычно было для Бенедетто непосредственное изученіе античныхъ произведеній, свидѣтельствуетъ самъ Тоски ²⁾, указывая на фасадъ собора *Vergo S. Donnino*, скульптуры котораго онъ приписываетъ пармскому художнику, изображеніе Геркулеса, не имѣющее однако же, несмотря на античный сюжетъ, ничего общаго съ античными памятниками. Во всякомъ случаѣ, если Бенедетто и обращался къ античному искусству, то заимствования его у этого искусства настолько рѣдки, а главное, въ отличіе отъ заимствованій Николо, они—на-

¹⁾ Напр. на таблѣткѣ изъ слоновой кости, хранящейся въ мюнхенской библиотекѣ и описанной Фёрстеромъ (*Denkmale deutscher Baukunst, Bildnerei und Malerei*, I, стр. 9), или въ миниатюрахъ рукописей, упоминаемыхъ Покровскимъ (Ук. соч., стр. 368).

²⁾ Ук. соч., стр. 20.

столько въ духѣ традиціи, что едва ли въ нихъ можно видѣть ту школу, которой обязанъ своимъ возникновеніемъ стиль Николо.

V.

Впрочемъ, мнѣніе Кёлера о зависимости пизанской отъ пармской школы, насколько намъ извѣстно, и не нашло себѣ приверженцевъ среди историковъ искусства. Несравненно большій успѣхъ имѣло изслѣдованіе о Николо въ упомянутомъ уже не разъ, появившемся въ 1864 г. трудѣ Кроу и Кавальказелле ¹⁾, которые, исходя изъ убѣжденія, что скульптура въ средней Италіи до появленія пизанской каедры Николо находилась на очень низкой степени развитія. доказывали, что Тоскана должна уступить славу порожденія Николо южной Италіи.

Къ мнѣнію Кроу применили Гриммъ ²⁾, Шпрингеръ ³⁾, Салазаро ⁴⁾, и, несмотря на возраженія Шназе ⁵⁾, Добберта, ⁶⁾ Геттнера ⁷⁾ и Миланези ⁸⁾, Кроу и до сихъ поръ продолжаетъ отстаивать свою точку зрѣнія ⁹⁾, которой держится отчасти и Вентури ¹⁰⁾.

Выше мы старались показать, насколько неоснователенъ пре-
небрежительный отзывъ Кроу о предшествовавшей Николо то-

¹⁾ A new history of painting in Italy by I. A. Crowe and G. B. Cavalraselle, Vol. I, стр. 114.

²⁾ H. Grimm. Ueber Künstler und Kunstwerke, I, 1865, стр. 49—64; Preussische Jahrbücher, 1873, стр. 371.

³⁾ A. Springer Ein neuer Vasari (Grenzboten, 1869, s. 81).

⁴⁾ D. Salazar. Studi sui monumenti della Italia meridionale dal IV al XIII secolo. Napoli. 1871. I, стр. 25—55, II, стр. 22; Appendice agli studi sui monumenti della Italia meridionale, 1881, стр. 6.

⁵⁾ Zeitschrift f. b. Kunst, 1870, стр. 97; Geschichte d. b. Künste, VII, 1876, стр. 292.

⁶⁾ Ueber d. Styl. N. P., стр. 6.

⁷⁾ Italienische Studien, стр. 7.

⁸⁾ Le opere di Giorgio Vasari, стр. 323, (Commentario alla vita di Niccola e Giovanni Pisani).

⁹⁾ Въ статьѣ Niccola Pisano and the renascence of sculpture (The nineteenth century, 1896, стр. 679—688).

¹⁰⁾ A. Venturi. Il genio di Nicola Pisano (Rivista d'Italia, I, 1898, стр. 5—18).

сканской пластикѣ. Посмотримъ теперь, насколько вѣроятна утверждаемая имъ связь Николо съ южно-итальянскимъ искусствомъ.

Въ одномъ изъ документовъ, относящихся къ сооруженію каведры въ сѣнскомъ соборѣ ¹⁾, къ имени Николо прибавлены слова «*Pietri de Apulia*», (сынъ Петра изъ Апуліи). Слѣдуетъ ли отсюда, какъ думаетъ Кроу, что наименованіе *de Pisis*, которымъ Николо обозначается во всѣхъ остальныхъ документахъ ²⁾, указываетъ не на происхожденіе его изъ Пизы, а лишь на полученное тамъ право гражданства? Согласно указанію Вентури, подобный способъ наименованія художника, т. е. по тому городу, гдѣ онъ получилъ право гражданства, а не по тому мѣсту, гдѣ онъ родился, не былъ бы исключительнымъ въ исторіи итальянскаго искусства. Странно однако же, почему управленіе сѣнскаго собора, постоянно примѣнявшее, съ точки зрѣнія Кроу, этотъ способъ по отношенію къ Николо во всѣхъ заключенныхъ съ нимъ контрактахъ, вдругъ сочло нужнымъ въ одномъ только мѣстѣ измѣнить свою терминологію и обозначить родину Николо. Еще большее недоумѣніе возбуждаетъ выраженіе *de Apulia*, если только мы будемъ относить его къ Николо, въ виду того факта, что оно противорѣчитъ не только неопредѣленному *de Pisis*, но и совершенно точному указанію на родину Николо въ надписи, сохранившейся на фонтанѣ въ Перуджии, гдѣ за именами его самого и его сына Джованни мы читаемъ: *natus pisani*. При-

¹⁾ См: G. Milanesi. Documenti per la storia dell'arte Senese. 1854, стр. 149. Впервые на этотъ документъ обратилъ вниманіе Rumohr (*Italianische Forschungen*, 1827, II, стр. 155), относящій слова *de Apulia* къ отцу Николо.

²⁾ Таковы другіе контракты Николо съ управленіемъ сѣнскаго собора, именно, отъ 5 октября 1265 г., гдѣ Николо названъ *magister Niccolus lapidum de parroccia ecclesie Sancti Blasii de ponte de Pisis quondam Petri*, и отъ 7-го ноября 1268 г., гдѣ повторяется то же наименованіе: *magister Nicholus olim Petri lapidum, de Pisis, populi sancti Blasii* (Milanesi, Documenti, стр. 145 и 151), а также документы, приведенные Ciampi (*Notizie inedite della sagrestia Pistoiese de belli arredi del Campo Santo Pisano e di altre opere di disegno dal secolo XII al XV. Firenze. 1810, стр. 122 и 123*), Чампи, правда, въ одномъ изъ нихъ, гласящемъ: *Magister Nichola pisanus filius q. Petri de...*, прибавляетъ слово *Senis*, по прибавка эта сдѣлана на основаніи неправильно прочтеннаго второго документа, въ которомъ значится не *Magistro Nichole quondam Petri de Senis ser Blasii pisani*, а согласно Milanesi (*Le opere di Giorgio Vasari, I, стр. 293, прим.*) — *magistro Nichole quondam Petri de cappella Sancti Blasii pisa...*

мирить это противорѣчіе возможно только при двухъ предположеніяхъ. Во-первыхъ, слова *de Arulia* могутъ относиться лишь къ предшествующему имъ *Petri*, т. е. обозначать родину не Николо, а его отца, что, впрочемъ, допускаетъ и Кроу. Но, не говоря уже о томъ, что кромѣ страны въ южной Италіи названіе Апуліи, по свидѣтельству Миланези ¹⁾, носили мѣстности около Лукки и Ареццо. и признавая происхожденіе отца Николо изъ южной Италіи установленнымъ фактомъ, такъ же какъ и его занятіе скульптурой, на которое мы не имѣемъ никакихъ указаній, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее. Николо не могъ родиться позднеѣ 1230 года ²⁾.

¹⁾ *Le opere di G. V.*, I, стр. 323.

²⁾ Мы заключаемъ это на основаніи того, что въ 1265 г., во время составленія Николо перваго контракта съ управленіемъ сѣнскаго собора, сынъ его Джованни былъ уже настолько взрослымъ, что могъ принимать участіе въ работѣ, хотя ему и была назначена половинная плата сравнительно съ другими помогавшими его отцу скульпторами. Другихъ указаній на время рожденія Николо, за исключеніемъ біографіи Вазари, по словамъ котораго Николо уже въ 1225 году исполнилъ на гробницѣ св. Доминика въ Боловѣ скульптуры, оконченныя на самомъ дѣлѣ лишь къ 1267 году, мы не имѣемъ. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, напр., у Мотеса (*Motthes. Die Baukunst des Mittelalters in Italien*, 1884, стр. 742) и у Вентури (*Rivista d'Italia*, 1898, стр. 6), рожденіе Николо все еще опредѣляется 1205—1207 годами. Между тѣмъ единственнымъ основаніемъ для сдѣланнаго это опредѣленіе Вермильоли (*Vermiglioli e Massari. Le sculture di Niccolo e Giovanni da Pisa e di Arnolfo Fiorentino che ornano la fontana maggiore di Perugia*, 1834, стр. 53), послужило неправильное, сохранившееся и до сихъ поръ расположеніе надписи на фонтанѣ въ Перуджии, части когорой были перепутаны во время одной изъ реставрацій фонтана, при чемъ числа, относившіяся къ датѣ окончанія фонтана, очутились въ такомъ содѣствіи, что могли быть приняты за указаніе на возрастъ Николо; именно:

На фонтанѣ читаемъ:

Nomina sculptorum fontits sunt ista bonorum
...bath... Nicolaus ad officia gratus

Для полученія смысла надо переставить отдѣльныя плиты надписи слѣдующимъ образомъ, что и сдѣлано на бронзовой копіи фонтана, находящейся въ университетѣ Перуджии и исполненной Джузеппе Миноттини (см. *Periodico dell'exposizione provinciale umbra*, 1879):

Nomina sculptorum fontis sunt ista bonorum
(Arte pro) bat (us) Nicolaus ad officia gratus

ихъ не къ *Nicholam* или *Pietri*, а къ *requisivit* *и будемъ считать указаніемъ не на мѣсто происхожденія Николо или его отца, а на мѣсто нахождения Николо во время одной изъ его отлучекъ изъ Сіены, вызывавшихъ со стороны его заказчиковъ жалобы на него и угрозы взыскать съ него условленную неустойку ¹⁾).

Въ своей послѣдней статьѣ Кроу приводитъ, между прочимъ, слѣдующее еще соображеніе ²⁾). Вазари, какъ уже было упомянуто, называетъ однимъ изъ образцовъ Николо находящійся въ *Campro Santo* саркофагъ маркграфини Беатрисы, на которомъ, по его словамъ, изображена охота Мелеагра. Но мы знаемъ, говоритъ Кроу, что саркофагъ этотъ украшенъ сценами изъ сказанія объ Ипполитѣ и Федрѣ: охота же Мелеагра изображена на другомъ саркофагѣ, тоже стоящемъ въ *Campro Santo*, но отличающемся очень плохой поздне-римской работой. Между тѣмъ въ южной Италіи, въ епископскомъ дворцѣ города Салерно находится прекрасный саркофагъ съ изображеніемъ именно охоты Мелеагра. Отсюда Кроу, повидимому, заключаетъ, что послѣдній саркофагъ и послужилъ образцомъ для Николо. Насколько однако же такое заключеніе основательно? Въ словахъ Вазари несомнѣнно есть ошибка: или онъ ошибается въ томъ, что саркофагъ, послужившій образцомъ для Николо, заключаетъ въ себѣ тѣло Беатрисы, или въ томъ, что на немъ была изображена охота Мелеагра. До сихъ поръ считали ошибкой обозначеніе сюжета. Кроу признаетъ таковой обозначеніе саркофага. Но что вѣроятнѣе? Едва ли можно колебаться при рѣшеніи этого вопроса, когда мы вспо-

¹⁾ За словами „*requisivit Nicholam Pietri de Apulia*“ слѣдуетъ: *quod ipse faceret et curaret ita, quod Arnolfus discipulus suus statim veniret Senas ad laborandum in dicto opere cum ipso magistro Nichola, sicut idem magister Nichola convenit et promisit eidem fratri Melano operario, sub pena C. libr. denarior. ut constat per instrumentum factum manu Palmerii not. Alioquin procedetur contra dictum magistrum Nicholom ad predictam penam*“. Кроу и Кавальказелле (*G. d. i. M.*, стр. 111) видятъ нарушеніе даннаго Николо обязательства въ томъ лишь, что онъ не поставилъ къ работѣ своего ученика Арнольфо. Но выраженіе „*quod ipse faceret*“ скорѣе заставляетъ думать, что и Николо самъ не работалъ, и что онъ нарушилъ предшествующій контрактъ, на который ссылается *fra Melano*, не только въ пунктѣ, указанномъ Кроу, но и въ томъ, который гласитъ, что съ марта слѣдующаго года Николо обѣщается „*et stare et morari in civitate Senarum quousque dictum pervium completum fuerit*“ (*Milanesi, Documenti*, стр. 146).

²⁾ Ср. стр. 685 и 686.

нимъ, во-первыхъ, что на саркофагѣ Федры рядомъ со сценой, изображающей передачу письма Ипполиту, помѣщается сцена его охоты на кабана, которую Вазари легко могъ принять за охоту Мелеагра, во-вторыхъ, что именно фигурѣ Федры Николо подражалъ въ своей Богородицѣ. Подтверженіемъ того, что свои античные образцы Николо нашель въ Пизѣ, служить и другой памятникъ, которымъ несомнѣнно онъ пользовался — находящаяся въ томъ же *Campo Santo* урна съ изображеніемъ индійскаго Вакха, котораго Николо, какъ указано выше, скопировалъ въ сценѣ принесенія Христа во храмъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что если рожденіе Николо и его воспитаніе въ южной Италіи не только не доказано, но и представляется мало вѣроятнымъ, то далеко не въ той же мѣрѣ невѣроятно въ связи съ этимъ вліяніе на него южно-итальянскаго искусства, съ которымъ онъ могъ познакомиться, и не выѣзжая изъ Тосканы, ибо сношенія между средней и южной Италіей никогда не прекращались, и мы знаемъ, напр., что одинъ изъ мастеровъ Фридриха II, *Raganus Balduinus*, завѣдывавшій чеканкой знаменитыхъ золотыхъ монетъ (т. наз. августаловъ), о которыхъ мы будемъ говорить ниже, получилъ отъ императора въ подарокъ помѣстье около Лукки¹⁾. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, какъ въ другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами, вопросъ объ источникахъ стиля Николо всецѣло сводится къ свидѣтельству самихъ памятниковъ, на этотъ разъ — возникшихъ въ южной Италіи.

Особую группу въ ряду этихъ намятниковъ составляютъ приведенныя Кроу и Кавальказелле церковныя двери художника Баризана въ Трани, Равелло и Монреале, затѣмъ указаные Шпрингеромъ: престолъ съ рельефами изъ слоновой кости въ салернскомъ соборѣ, а также мозаики въ соборахъ Чофалу, Монреале и Палатинской капеллы въ Палермо. Въ то время какъ защитники южно-итальянской гипотезы настаивали на томъ, что перечисленныя произведенія стоятъ несравненно выше въ художественномъ отношеніи современныхъ имъ работъ въ сѣверной и средней Италіи, другіе изслѣдователи (особенно Доббертъ²⁾), вполне раздѣляя высокую оцѣнку этихъ произведеній, утверждали однако же, что они существенно отличаются

¹⁾ См. Schnaase, G. d. b. K., VII, стр. 574, пр. 1.

²⁾ Ueber d. Styl N. P., стр. 20—32.

по стилю отъ скульптуръ Николо и образцы свои заимствовали не у античнаго, а у византийскаго искусства. Последнее мнѣніе можетъ



Рис. 26.

считаться теперь общепризнаннымъ. По крайвей мѣрѣ на эти произведенія не ссылаются болѣе, говоря о возрождавшемся въ южно-итальянскомъ искусствѣ влияніи античныхъ памятниковъ, ни Шпрингеръ, переставшій вообще видѣть въ Николо выходца изъ южной Италиі¹⁾, ни Вентури, раздѣляющій, какъ уже сказано, отчасти взглядъ Кроу, ни самъ Кроу, продолжающій отстаивать свою прежнюю точку зрѣнія²⁾.

Съ исключеніемъ указанныхъ работъ памятники южной Италиі, на которыхъ основывали свое предположеніе Кроу и Кавальказелле могутъ быть раз-

¹⁾ См. его Handbuch der Kunstgeschichte, Leipzig. 1896 (Die Renaissance in Italien, стр. 7 и 8).

²⁾ Въ статьѣ, озаглавленной „Barisano da Trani e le sue porte di bronzo“ (Archivio storico dell'arte, 1898, стр. 24) М. Пальмарини говоритъ, что авторъ названныхъ выше дверей кромѣ византийскихъ пользовался въ отдѣльныхъ случаяхъ и античными образцами, но самъ же приводитъ такіа несомнѣнно извѣстныя Баризану работы византийскаго искусства,—именно ларцы изъ слоновой кости съ изображеніемъ дѣтей, всадниковъ, кентавровъ, убивающаго льва Геркулеса,—которыя дѣлаютъ совершенно лишнимъ предположеніе о непосредственномъ заимствѣ Баризана съ античными памятниками. Во всякомъ случаѣ и Пальмарини основой Баризана признаетъ византийское искусство—О византийскомъ происхожденіи сицилійскихъ мозаикъ см. Ch. Diehl. L'art bysantin dans l'Italie méridionale. Paris. 1894, стр. 205; также А. А. Павловскаго. Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. С.-Петербургъ. 1890, стр. 40.

дѣлены на двѣ другія группы. Къ одной изъ нихъ относится, во-первыхъ, бюстъ на верху арки, служившей входомъ на кафедру въ соборѣ города Равелло.

Бюстъ этотъ, обозначаемый обыкновенно, какъ портретъ нѣкоей Сигильганти Руфоло, ¹⁾ (рис. 26) и отличающийся полнымъ оваломъ лица съ рѣзкими, широко моделированными чертами, немного улыбающимся ртомъ, толстыми прядями украшенныхъ діадемой волосъ, массивной шеей и общимъ выраженіемъ античнаго достоинства, несомнѣнно имѣетъ большое сходство со скульптурами Николо. Гораздо грубѣе этого бюста, но близки ему по стилю двѣ рельефныя головы, изображенныя на той же аркѣ у пяты ея (рис. 27). Къ этой же



Рис. 27.

группѣ принадлежитъ указанный Доббертомъ и находящийся въ настоящее время въ берлинскомъ музеѣ женскій бюстъ изъ Скалы ок. Амальфи (рис. 28), хотя онъ и отличается отъ бюста Сигильганти нѣкоторыми техническими особенностями (болѣе частымъ употребленіемъ сверла и углубленіемъ зрачковъ). Въ отличіе отъ византійскихъ работъ южной Италіи произведенія разсмотрѣнной группы и теперь еще приводятся въ доказательство существовавшей тамъ до Николо родственной ему школы²⁾. Между тѣмъ со-

¹⁾ Имя это упоминается въ находящейся на кафедрѣ надписи, но безъ явнаго отношенія къ бюсту. Неизвѣстно также, кого изображаетъ бюстъ, приводимый ниже (см. Dobbert. Ueber d. St. N. P., стр. 12 и 13).

²⁾ См. Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epoche. Bearbeitet von W. Bode und Hugo von Tschudi, Berlin 1888. Стр. 11.

³⁾ Имено, въ послѣдней статьѣ Кроу и статьѣ Вентури.

ображенія, давно уже высказанныя Доббертомъ, ¹⁾ и Шназе ²⁾ противъ которыхъ защитники южно-итальянской гипотезы не дѣлаютъ никакихъ



Рис. 28.

возраженій, заставляють думать, что связь этихъ произведеній со скульптурами Николо обратна той, которую предполагаетъ Кроу. Въ самомъ дѣлѣ, если бюстъ берлинскаго музея не даетъ указаний на время своего возникновенія, то кафедра въ Равелло, согласно находящейся на ней надписи, была исполнена художникомъ Николо изъ Фоджи въ 1272 г., т. е. она на 12 лѣтъ моложе кафедры пизанскаго баптистерія. Весьма возможно притомъ же, что скульптуры на входной аркѣ принадлежать еще болѣе позднему времени ³⁾, и вліяніе на нихъ стилия Николо Пизано представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что уже въ концѣ XII в. тосканскіе мастера, какъ показываетъ примѣръ Боннана, призывались на югъ Италіи, а при дворѣ Карла Анжуйскаго жили даже непосредственный ученикъ Николо-Арнольфо.

¹⁾ Указ. соч., стр. 14.

²⁾ G. d. B. K., VII, стр. 562, пр. 4.

³⁾ По свидѣтельству Добберта (стр. 72, прим. 24) бюстъ изваявъ отдѣльно отъ арки, а верхняя часть облицовки входа, на которой находятся рельефы, сдѣлана изъ другого куска, нежели нижняя.

Но сторонники Кроу приводят разсмотрѣнные нами скульптуры въ связь съ другой школой, произведенія которой и составляютъ третью изъ упомянутыхъ выше группъ южно-итальянскихъ памятниковъ, именно со школой, основанной благодаря содѣйствію извѣстнаго своимъ покровительствомъ искусству Фридриха II.

Въ числѣ возведенныхъ этимъ императоромъ великолѣпныхъ построекъ, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, остались только развалины, одною изъ самыхъ замѣчательныхъ была сооруженная между 1234 и 1240 г. защищавшая Капую цитадель передъ мостомъ черезъ рѣку Вольтурно ¹⁾. Согласно дошедшимъ до насъ описаніямъ она состояла изъ двухъ башенъ, между которыми находилась богато украшенная скульптурами арка. Въ 1557 году, въ правленіе Филиппа II, цитадель эта подверглась разрушенію, и на мѣстѣ ея воздвигнута новая, болѣе сильная крѣпость. При этомъ не было принято никакихъ мѣръ для сохраненія украшавшихъ ее скульптуръ, и долгое время изъ нихъ была извѣстна только обломанная статуя императора, послѣ многихъ невгодъ попавшая, наконецъ, въ капуанскій музей. Но въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія директоромъ музея Янелли открыты были задѣланные въ стѣнѣ надъ мѣстомъ находенія прежней арки еще три бюста, два мужскихъ и одинъ женскій, по предположенію Янелли, также принадлежавшіе къ числу ея скульптуръ. Эти то бюсты, въ которыхъ Кроу видитъ, согласно одному изъ древнихъ описаній арки ²⁾,

¹⁾ Объ этомъ памятникѣ см. статью Фабрици въ *Zeitschrift f. b. Kunst*, 1879, (*Zur Kunstgeschichte der Hohenstaufenzeit. von C. von Fabriczy*, стр. 180, 214, 236), изъ которой мы заимствуемъ и помѣщенные въ настоящей главѣ рисунки.

²⁾ Описаніе это, переведенное Фабрици (стр. 185) съ хранящейся въ Капуѣ рукописи, сообщаетъ, что въ верхней части арки, „удивительно искусно“ сгруппированы были различныя статуи, найденныя въ развалинахъ древней Капуи; нѣсколько ниже помѣщалась статуя императора въ коронѣ (я, по словамъ другого описанія, приведеннаго Фабрици на стр. 183, съ угрожающе поднятыми вверхъ руками); надъ нею была надпись: *Quam miseros facio quos variare scio*; съ правой стороны императора стояла статуя Пьетро делье Винье изъ Капуи съ надписью: *Intrent securi qui quaerunt vivere puri*; слѣва—статуя ученаго юриста Рокфредо Беневентскаго съ надписью: *Invidus excludi timeat vel carcere trudi*; еще ниже, надъ входомъ, находилось изображеніе женщины, олицетворявшей „вѣрную Капую“, которая, раздирая себѣ грудь, открывала внутри ея орла; надпись надъ нею гласила: *Caesaris imperio regni custodia fio*; „затѣмъ слѣдовала самая арка, гдѣ (?) скульптуры изъ бѣлаго блестящаго мрамора изображали многіе трофеи и побѣды императора“.

позображенія совѣтниковъ императора, Пьетро делле Винье (рис. 29) и Роффредо Беневентскаго (вѣрнѣе Тадео да Сесса) ¹⁾ (рис. 30) и



Рис. 29.

олицетвореніе города Капуи (рис. 31.), мы и должны выдѣлнить прежде всего, говоря о школѣ Фридриха II.

Вопреки голословному утверженію Кроу о сходствѣ ихъ по стилю съ разсмотрѣнными выше бюстами въ Равелло и берлинскомъ музеѣ ²⁾.

¹⁾ Тадео названъ вмѣсто Роффредо въ описаніяхъ, составленныхъ послѣ уничтоженія постройки Фридриха, но, согласно указанію Фабрици (стр. 186. прим. 1), свидѣтельство этихъ позднѣйшихъ описаній заслуживаетъ предпочтенія потому, что Тадео, остававшійся вѣрнымъ императору всю жизнь, занималъ съ 1237 по 1248 г. должность великаго имперскаго судьи (*magnae curiae imperialis iudex*), между тѣмъ какъ Роффредо во время сооруженія арки порвалъ уже связи съ Фридрихомъ.

²⁾ The nineteenth century. стр. 688.

подробное ихъ изслѣдованіе, произведенное Фабрици, показываетъ, что между капуанскими скульптурами и позднѣйшими, носящими признаки пизанской школы произведеніями южно-итальянскаго искусства существуетъ большое различіе. Именно, въ первыхъ мы ви-



Рис. 30.

димъ несравненно болѣе полное усвоеніе приемовъ и формъ античнаго искусства, нежели во вторыхъ. Ни у Сигильганты, ни у бюста изъ Скалы не находимъ мы той чистоты профиля, той формы широко раскрытыхъ глазъ съ опредѣленно обозначенными, изящно изгибающимися вѣками, того волнообразнаго очертанія губъ и тонкой обработки волосъ, которые придаютъ столь явно античный отпечатокъ образу Капуи. Тоже самое можно сказать и о мужскихъ бюстахъ. Въ отличіе отъ головы Капуи оба они—несомнѣнные портреты и при-

томъ (особенно бюстъ Тадео) гораздо болѣе характерныя, нежели бюстъ Сигильганти, которая, по справедливому замѣчанію Фабрици, въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, каковы круглая форма глазъ, большое разстояніе рта отъ носа, косой разрѣзъ грубо обрисованнаго, какъ



Рис. 31.

бы однимъ ударомъ изваяннаго рта съ равномѣрно выступающими верхней и нижней губами, носить «обще-пизанскій типъ.» Въ обоихъ бюстахъ «глаза отличаются малыми размѣрами, длинной и узкой формой и натуралистически тщательнымъ обозначеніемъ зрачковъ, они имѣютъ (у Тадео въ большей степени, нежели у Пьетро) не одинаковую форму и расположены не вполне симметрично. Брови находятся очень близко къ глазамъ, у Пьетро онѣ образуютъ рѣзкій, тонкій, но неправильный изгибъ, у Тадео—мясisty и проходятъ надъ глазами почти по прямой линіи. Форма и положеніе глаза (въ профиль), а также очертаніе носа у Пьетро имѣютъ сходство съ профилемъ Капун, у Тадео глазъ расположенъ не такъ низко, и носъ сильно изогнутъ. Его тонко очерченный, но почти прямо разрѣзанный и сжатый ротъ съ очень тонкой верхней и болѣе полной нижней губой придаетъ его бюсту серьезное, энергическое, строгое, даже недовольное выраженіе, составляющее столь характерное отличіе его отъ бюста Пьетро, у котораго главнымъ образомъ полныя, полуоткрытыя губы съ опустившимися слегка углами рта производятъ скорѣе впечатлѣніе избытка силы и благодушія, нежели суровости и строгости»¹⁾. Но чѣмъ индивидуальнѣе указаныя черты, тѣмъ замѣчательнѣе тотъ фактъ, что по общей концепціи и по техническимъ приемамъ эти щитообразныя бюсты, представляющіе съ задней стороны полное пространство и подставку въ серединѣ, съ ихъ лавровыми вѣнками, изъ подъ которыхъ на лобъ, виски и затылокъ спускаются короткія, отдѣленные другъ отъ друга пряди волосъ, едва обозначенныхъ рѣзцомъ на темени, съ ихъ

¹⁾ Указанная статья, стр. 236.

накинутыми на плечи плащами, образующими разошедшіяся от середины груди мелкія и мягкія складки (въ противоположность широкимъ, ломанымъ складкамъ пизанской школы) всецѣло примыкають къ бюстамъ римской работы. Сравнивая эти бюсты съ головой Сигильгаиты, Фабрици замѣчаетъ, что ихъ авторъ «усвоилъ техническіе приемы своего искусства въ такой мѣрѣ, которая позволяла ему изображать индивидуальное и характерное, не принуждая въ то же время отказываться отъ основныхъ принциповъ стиля, отъ способовъ пластическаго выраженія, свойственныхъ античному искусству.» Напротивъ того, художникъ, исполнившій бюстъ Сигильгаиты, а еще болѣе—бюстъ изъ Скалы и рельефныя головы на кафедрѣ въ Равелло «не былъ въ стояніи равномѣрно слить въ своемъ произведеніи оба эти элемента (т. е. индивидуальность изображаемаго съ античными приемами изображенія); эти элементы существуютъ у него раздѣльно, рядомъ другъ съ другомъ и придаютъ его произведенію характеръ чего то страннаго, загадочнаго: если приставить Сигильгаитѣ носъ и ротъ олицетворенія Капуи, то передъ нами будетъ бюстъ Юноны; если отнять у нея большіе круглыя глаза и тонкій, мягкій контуръ овальнаго лица и замѣнить соответствующими формами двухъ рельефовъ (на кафедрѣ въ Равелло)—на насъ будетъ смотрѣть въ полномъ смыслѣ индивидуальный образъ, несмотря на украшающую его голову, идеализирующую его діадему»¹⁾.

Указанное Фабрици различіе между капуанскими скульптурами и произведеніями «пизанскаго» стиля, которое не мѣшаетъ ему однако же держаться относительно значенія этихъ скульптуръ для пизанской школы точки зрѣнія Кроу, признавая въ нихъ остатки основанной Фридрихомъ II школы, приводитъ насъ къ совершенно иному заключенію. Съ одной стороны, мы думаемъ, что именно сравнительная неопытность въ техническомъ отношеніи скульпторовъ, создавшихъ бюсты въ Равелло и Скалѣ, является однимъ изъ основаній для того, чтобы не причислять ихъ къ одной школѣ съ авторомъ капуанскихъ скульптуръ. Съ другой стороны, техническое мастерство самого этого автора, не встрѣчающееся, по словамъ Фабрици, въ той же мѣрѣ ни въ одномъ изъ произведеній средневѣковаго искусства, лучше всего объясняется тѣмъ, что капуанскія

¹⁾ Тамъ же, стр. 237.

скульптуры, какъ это думаютъ нѣкоторые ученые ¹⁾, были не подражаніемъ античнымъ памятникамъ, а подлинными произведеніями римскаго искусства. Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что арка построенная Фридрихомъ, по свидѣтельству ея описаній, дѣйствительно, была украшена между прочимъ и нѣкоторыми античными, заимствованными, вѣроятно, изъ древняго амфитеатра скульптурами. Говоря о головѣ Капуи, Фабрици указываетъ на нѣкоторыя отличія ея отъ идеальныхъ типовъ античнаго искусства, на то напр., что ротъ ея и вся нижняя часть лица слишкомъ широки сравнительно съ родственными ей изображеніями Юноны, что черты лица ея не представляютъ полной симметріи, нарушеніе которой хотя и встрѣчается въ античныхъ произведеніяхъ, но не въ идеальныхъ типахъ. Но если не рѣшать заранѣе, что разсматриваемая голова принадлежала олицетворенію Капуи ²⁾, то откуда можетъ явиться увѣренность, что она представляла идеальный типъ, и не естественнѣе ли видѣть въ томъ намѣренномъ, столь тонко разсчитанномъ, чтобы придать индивидуальность образу, уклоненіи ея отъ симметріи, на которое указываетъ Фабрици, не отрицаніе, а только лишнее подтвержденіе ея античной подлинности? Что касается мужскихъ бюстовъ, то есть еще причина сомнѣваться въ томъ, что они были изображеніями свѣтниковъ императора. Именно, въ описаніяхъ построенной Фридрихомъ арки, принадлежащихъ очевидцамъ, изображенія эти или носятъ неопредѣленное названіе *imagines*, или совершенно точно обозначаются, какъ статуи; въ одномъ случаѣ авторъ, не перечисляя украшавшихъ арку произведеній, выражается кратко, что на ней находились «мраморныя статуи и древнія скульптуры»; о бюстахъ же двухъ судей упоминается только въ позднѣйшихъ памятникахъ, написанныхъ уже въ то время, когда самая арка не существовала ³⁾.

Такимъ образомъ и послѣ находки Инелли единственнымъ образчикомъ того стиля, въ которомъ исполнены были на сооруженной Фридрихомъ аркѣ современныя ему скульптуры, остается для насъ

¹⁾ Напр. Геттнеръ (*Italienische Studien*, стр. 7), Боде (*Die italienische Plastik*, стр. 7), Венгури (*Rivista d'Italia*, стр. 13).

²⁾ По мнѣнію Геттнера лицо Капуи, которая изображена была раздирающею себя грудь, не могло быть стмѣнено тѣмъ безстрастіемъ, какимъ отличается ея предполагаемое олицетвореніе.

³⁾ См. статью Фабрици, стр. 184, 185, 186 и 1-е въ ней примѣчаніе.

статуя, изображавшая самого императора, которая въ то же время является и единственнымъ дошедшимъ до насъ отъ эпохи Фридриха памятникомъ крупной пластики. Но статуя эта, лежавшая долгое время послѣ разрушенія цитадели среди другихъ ея обломковъ, въ 1584 г. реставрированная по приказанію капуанскаго сената двумя неаполитанскими художниками и поставленная въ нишу при входѣ въ новое зданіе, затѣмъ во время войны французской республики съ Неаполемъ снова сброшенная съ своего мѣста, валявшаяся въ одномъ изъ запасныхъ магазиновъ, при чемъ окончательно утрачены были ея голова, ноги и руки, едва не проданная съ аукціона въ числѣ другихъ стронтельныхъ матеріаловъ, наконецъ, приобретенная городомъ и помѣщенная въ основанный въ 1874 г. капуанскій музей,—находится въ такомъ печальномъ состояніи, что, по свидѣтельству Фабрици, невозможно съ точностью опредѣлить характеръ ея стilia ¹⁾. Правда, тотъ же Фабрици утверждаетъ, что въ ней несомнѣнно замѣтно стремленіе подражать статуямъ римскихъ императоровъ, и это стремленіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что античное вліяніе отражается и въ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ, произведеніяхъ южно-итальянскаго искусства. Такъ еще къ концу XII в. относятся украшенныя фигурами кентавровъ, сиренъ и обнаженныхъ людей капители колоннокъ, поддерживающихъ двѣ каедры въ салернскомъ соборѣ ²⁾, въ томъ же стилѣ исполненъ въ этомъ соборѣ пасхальный подсвѣчникъ, а также пасхальные подсвѣчники во дворѣ капуанскаго собора и въ Палатинской капеллѣ въ Палермо ³⁾. Античное вліяніе обнаруживается далѣе въ нѣкоторыхъ декоративныхъ скульптурахъ, сохранившихся отъ возведенныхъ во времена Фридриха построекъ, которыя и въ архитектурныхъ формахъ часто подражаютъ античному стилю. Такова, напр., изображенная на выступѣ лѣстницы въ одной изъ башенъ Castel del Monte маска сатира ⁴⁾ или фигурки обнаженныхъ людей на порталѣ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 214 и 215. Изображеніе статуи въ томъ видѣ, какой она имѣла до вторженія французовъ, хотя и не совсѣмъ удачное, какъ замѣчаетъ Фабрици, см. у Seroux d'Agincourt (Storia dell'arte, v. III, t. 27, 4).

²⁾ Schulz Denkmäler der Kunst des Mittelalters in Unteritalien, B. II, s. 289 и Schaase (G. d. b. K., VII, 548).

³⁾ Schulz, II, LXIX.

⁴⁾ Perkins. Les sculpteurs italiens, 1869, II, p. 42 и pl. XLVI n. 4.

украшавшемъ соборъ въ Катаніи ¹⁾. Наконецъ, къ числу подобныхъ же, возникшихъ подъ вліяніемъ античнаго искусства произведеній относятся вычеканенныя при Фридрихѣ монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ орла и надписью: *Fridericus*, а на другой—повернутой въ профиль и увѣнчанной лавромъ головы императора и надписью: *Caesar. Aug. Imp. Rom.* ²⁾. Но если перечисленныя работы подтверждаютъ фактъ обращенія южно-итальянскаго искусства къ античнымъ образцамъ, то эти же работы скорѣе заставляютъ сомнѣваться, нежели убѣждаютъ въ томъ, что на почвѣ упомянутаго искусства могла, безъ вліянія какихъ-либо новыхъ условій, образоваться родственная Николо школа, и что статуя Фридриха II, если только она, дѣйствительно, имѣла что нибудь общее по стилю со скульптурами Николо, была органическимъ продуктомъ этого искусства. Въ самомъ дѣлѣ, отличительная черта всѣхъ этихъ работъ заключается въ томъ, что онѣ подражаютъ лишь общимъ приемамъ и внѣшнимъ формамъ своихъ образцовъ. Мало того, стремленіе усвоить эти приемы и формы, какъ справедливо утверждаетъ Шназе ³⁾, препятствовало имъ впадать въ свои образы вообще какое-либо значительное содержаніе. Это относится не только къ возникшимъ до Фридриха чисто декоративнымъ произведеніямъ ⁴⁾, въ которыхъ чело-вѣческая фигура имѣетъ не болѣе внутренняго содержанія, нежели окружающіе ее, по большей части, акантовые листья, но и къ монетамъ Фридриха, которыя, по указанію Фабрици, поражаютъ

¹⁾ Schulz, T. LXXIV.

²⁾ Дошедшее до насъ повѣстіе о чеканкѣ этихъ монетъ, какъ указываетъ Германъ Гриммъ (*Preussische Jahrbücher*, B. 31, s. 473), относитъ ихъ къ 1231 году. Изображенія ихъ помѣщены у Аженкура (III, tav. 27, 5) и у Салазаро (II, tav. IV).

³⁾ *Zeitschrift für bildende Kunst*, 1874, s. 190.

⁴⁾ Вентурі (Rivista d'Italia p. 11) упоминаетъ въ числѣ произведеній, предшествовавшихъ эпохѣ Фридриха и послужившихъ, по его мнѣнію, основой для той южно-итальянской школы, съ которой онъ приводитъ въ связь Николо, четырехугольную колонну во дворѣ собора въ Гаэтѣ (см. Schulz, II, стр. 139, табл. LXIV), рельефы которой, изображающіе сцены изъ евангелія и жизни св. Еразма, отличаются нѣсколько инымъ, болѣе выразительнымъ характеромъ. Но время возникновенія этой колонны документально не засвидѣтельствовано, и указаніе Шульца, что на одной изъ ея сторонъ изображено стрѣльчатое окно, оправдываетъ его предположеніе, что она относится къ началу XIV в.

полнымъ отсутствіемъ индивидуализаціи, «понимать ли ее въ субъективномъ смыслѣ, какъ особенность въ стилѣ художника, или въ объективномъ, какъ подражаніе особенностямъ въ чертахъ императора», до такой степени, что «въ различныхъ экземплярахъ не сохраняется даже одинъ и тотъ же профиль, и лишь въ длинной, немного плоской сзади формѣ головы какъ будто есть намекъ на индивидуальную черту» ¹⁾. Этотъ внѣшній характеръ подражанія сохраняется въ южно-итальянскомъ искусствѣ и послѣ Фридриха, о чемъ свидѣлствуютъ, напр., возникшіе въ концѣ XIII в. каедра и пасхальный подсвѣчникъ въ соборѣ города Сессы,—произведенія нѣкоего Peregrino, античное вліяніе на которыхъ отражается главнымъ образомъ въ мягкихъ, округленныхъ, нѣсколько стилизованныхъ складкахъ одежды ²⁾. Между тѣмъ для Николо античное искусство имѣло совершенно иное значеніе. Но для того, чтобы выяснитъ въ этомъ случаѣ нашу точку зрѣнія, мы должны указать на ея отличіе не только отъ мнѣнія Гримма, утверждавшаго, что единственнымъ предметомъ подражанія Николо въ античномъ искусствѣ была техническая его сторона, «полировка, сверленіе, расположеніе драпировокъ», ³⁾ но и отъ мнѣнія цѣлаго ряда другихъ ученыхъ, которые, не придерживаясь такого узкаго пониманія задачъ Николо, но все же исходя изъ положенія, что онъ прежде всего увлекался формальной красотой античныхъ памятниковъ, видятъ въ подражаніи имъ принципъ, противный обнаружившемуся послѣ него, особенно въ произведеніяхъ его сына Джованни, психологически-реалистическому направленію скульптуры.

Такъ, Перкинсъ находитъ между стилемъ Николо и Джованни, въ произведеніяхъ котораго характерной чертой считаетъ склонность къ чрезмѣрному движенію и преувеличенной выразительности, такое полное различіе, что предполагаетъ постороннее на Джованни воздѣйствіе ⁴⁾. По мнѣнію Земпера Николо былъ не реформаторомъ

¹⁾ Указанная выше статья, стр. 217.

²⁾ Изображеніе обонхъ произведеній у Шульца, табл. LXV—LXVIII.

³⁾ Ueber Künstler und Kunstwerke, 1865, стр. 53. Впослѣдствіи Гриммъ измѣнилъ, очевидно свое мнѣніе: именно, въ „Preussische Jahrbücher“ 1872, стр. 471, онъ говоритъ, что подражаніемъ античнымъ памятникамъ Николо замѣнялъ изученіе натуры.

⁴⁾ Ch. Perkins. Les sculpteurs italiens. Edition française. 1869, I, p. 72.

итальянскаго, а только реставраторомъ древне-христіанскаго искусства въ его борьбѣ съ вторгшимся въ Италію византійскимъ вліяніемъ, и, хотя въ его скульптурахъ и содержатся уже въ зародышѣ черты, получившія развитіе у истиннаго, идейнаго реформатора итальянской пластики Джованни, дѣло его, поскольку онъ подражалъ античнымъ памятникамъ, заключалось лишь въ очищеніи по ихъ образцу вѣшняго стиля ¹⁾. Почти такъ же думаетъ и Доббертъ, который, съ одной стороны, именно потому и не считаетъ возможнымъ привести скульптуры Николо въ связь съ южно-итальянскимъ искусствомъ, что, согласно Земперу, въ общемъ видитъ въ нихъ несвойственныя этому искусству «жизненность и попытки къ характерному изображенію», съ другой стороны, находитъ, что собственно подражаніе античнымъ памятникамъ, возвышая формальную красоту его образовъ, вредно отзывалось на ихъ выразительности ²⁾ Фёрстеръ говоритъ, что внесеніе со стороны Николо въ христіанское искусство языческихъ типовъ не было понято его временемъ и имъ самимъ не было удержано до конца; такимъ образомъ, «вся та красота, величіе, мѣра и благородство, которыя явились было результатомъ его мысли» вмѣстѣ съ его смертью надолго исчезли изъ итальянскаго искусства, и оно стало стремиться подъ рѣзцомъ Джованни къ новымъ цѣлямъ ³⁾. Любке, отмѣчая въ слѣдовавшей за Николо скульптурѣ пробужденіе того, что онъ называетъ *Empfindungsleben*, считаетъ эту черту реакціей по отношенію къ воспроизводившему античную красоту стилю Николо ⁴⁾. Мюнцъ, указывая у Джованни случаи подражанія антич-

¹⁾ Uebersicht der Geschichte toscanischer Sculptur bis gegen das Ende des XIV Jahrhunderts, 1869, стр. 15 и 16.

²⁾ Ueber d. St. N. P. стр. 59 и 51. См. также его статьи въ изданіи Dohme: Kunst und Künstler, I, 1878, стр. 14, и въ Repertorium für Kunstwissenschaft. 1880, стр. 14.

³⁾ Geschichte der italienischen Kunst, 1870, стр. 132 и 136. Та же мысль была выражена Фёрстеромъ еще раньше въ „Beiträge zur neueren Kunstgeschichte“, 1835, стр. 62.

⁴⁾ Такъ формулируетъ онъ свое мнѣніе въ „Grundriss der Kunstgeschichte“, 9—te Auflage, 1881, В. II, с. 70. Въ своей „Исторіи пластики“ (изд. 1880 г., стр. 565) онъ выражается болѣе сдержанно, именно,—что съ конца XIII в. произведенія итальянской скульптуры отличаются „болѣе оживленнымъ, болѣе страстнымъ стилемъ“, хотя и здѣсь называетъ появленіе этого стиля переворотомъ (Umschwung).

нымъ памятникамъ, отрицаетъ всякую внутреннюю связь этого подражанія съ значеніемъ Джованни, какъ «бойца натурализма» ¹⁾. Особенно опредѣленно высказывается Куражо ²⁾: «Изучая внимательно, говоритъ онъ, скульптурныя произведенія итальянскаго средневѣковья и особенно работы Николо и Джованни Пизано, прежде всего поражаешься кореннымъ различіемъ стили, отдѣляющимъ отца отъ сына. Можно утверждать, что между средневѣковыми художниками нѣтъ двухъ другихъ, которыхъ склонности и характеръ были бы столь не схожи. Въ то время, какъ Николо сдѣлался страстнымъ подражателемъ античнаго искусства, въ то время, какъ этотъ невѣроятный геній, проникшись духомъ римскаго искусства, воскрешалъ его стиль съ ловкостью поддѣлывателя, въ то время, какъ онъ, увлеченный своими образцами, высѣкалъ широкія и слишкомъ короткія статуи, злоупотреблялъ условными драпировками и позами и прежде всего имѣлъ въ виду витиную форму и красоту пластическую,—Джованни, натура страстная и въ высшей степени индивидуальная, сдѣлался такимъ же талантливымъ и убѣжденнымъ приверженцемъ діаметрально противоположныхъ принциповъ... Длинные фигуры, прочувствованное, доведенное иногда до преувеличенія и безобразія выраженіе, неустанная погоня за характерностью безъ робкой заботы о красотѣ и граціи — вотъ, что составляетъ отличительную черту всѣхъ достовѣрно принадлежащихъ ему произведеній». Въ рецензій на это сочиненіе ³⁾ Н. Бальдорія старается доказать, что послѣдователи Николо далеко не такъ отступили отъ его идеаловъ, какъ это утверждаетъ Куражо, нисколько не оспариваетъ однако же того, что самый идеаль Николо противоположенъ стремленіямъ, усматриваемымъ со стороны Куражо у Джованни. Шмарсовъ, возстающій противъ приведеннаго выше мнѣнія Гримма, самъ руководящимъ принципомъ Николо считаетъ идею чисто органической красоты человѣческаго образа, находя сущность дарованія Николо въ томъ, что онъ называетъ «*Gefühl für den Wert des menschlichen Leibes und für natürliche Majestät der körperlichen*

¹⁾ E. Müntz. Les précurseurs de la renaissance, 1882, стр. 16 п 17.

²⁾ L. Courajod. Les origines de la renaissance en France au XIV et au XV siècle. 1888, стр. 31 п 32.

³⁾ Въ Archivio storico dell'arte, 1889, стр. 255 п слѣд.

Erscheinung», и полагая между Николо и Джованни, этимъ, по его мнѣнію, изобразителемъ психической жизни, такое различіе, что готовъ представить себѣ ихъ отдѣленными другъ отъ друга цѣлымъ столѣтіемъ ¹⁾. Такую же рѣзкую грань между названными художниками усматриваютъ: Боде, выражающійся подобно Любке, что «направление Джованни является непосредственной, энергической реакціей по отношенію къ стилю Николо» ²⁾; Супино ³⁾, противопоставляющій «классичность формы» у Николо «интенсивности чувства» у его сына; Филиппи ⁴⁾, признающій единственный успѣхъ со стороны Николо сравнительно съ предшествовавшей ему скульптурой въ томъ, что онъ усовершенствовалъ внѣшнюю форму (*die Form an sich*), и Циммерманъ ⁵⁾, указывающій, правда, на то, что Николо постигъ въ античномъ искусствѣ «выраженіе возвышеннаго, къ передачѣ котораго не былъ способенъ ни одинъ изъ его предшественниковъ», и что онъ соединилъ съ благородствомъ формы «значительное содержаніе», тѣмъ не менѣе утверждающій также, что для Николо въ пизанской каедрѣ прежде всего имѣло значеніе формальное совершенство образа.

VI.

Приступая къ провѣркѣ изложеннаго мнѣнія, мы прежде всего должны отмѣтить въ стилѣ Николо такую черту, которая, быть можетъ, и заимствована имъ у античныхъ, собственно у позднеримскихъ, памятниковъ, но которая находится въ прямомъ противорѣчій съ одной изъ существенныхъ сторонъ внѣшней, пластической красоты образа. Мы говоримъ объ излишней переполненности его рельефовъ, особенно замѣтной въ послѣднихъ трехъ сценахъ каедры,

¹⁾ Указанное выше сочиненіе, особенно стр. 135 и 247.

²⁾ *Die italienische Plastik*, 1893, s. 15. Въ болѣе раннемъ своемъ сочиненіи „*Italienische Bildhauer der Renaissance*“ (1887) Боде, повидимому, держался иного мнѣнія, считая (стр. 19), что стиль Джованни былъ подготовленъ представляющей естественный шагъ въ развитіи таланта Николо сѣнской каедрой послѣдняго.

³⁾ *Supino. Giovanni Pisano* (*Archivio storico dell'arte*, 1895, стр. 45).

⁴⁾ *A. Philippi. Kunstgeschichtliche Einzeldarstellungen. № I. Die Kunst der Renaissance in Italien. Erstes Buch. Die Vorrenaissance*, 1897, стр. 19.

⁵⁾ *M. G. Zimmermann. Kunstgeschichte des Altertums und des Mittelalters*. 1897, стр. 505.

вслѣдствіе которой фигуры его, размѣщенныя на разныхъ планахъ, закрываютъ другъ друга и рѣдко достигаютъ должной законченности. Указывая на эту черту и признавая, что она «задерживаетъ развитіе истинной пластики», Шмарсовъ¹⁾ объясняетъ ее независимыми отъ художественныхъ побужденій Николо условіями, именно обиліемъ содержанія, которое представляло ему воплощаемое имъ христіанское ученіе. Но уже самый фактъ, что Николо въ угоду этому содержанію отказался отъ «истинно-пластическаго» способа композиціи, заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что многія изъ его фигуръ, напр. зрители въ сценѣ принесенія во храмъ или толпа евреевъ въ сценѣ распятія обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно фантази художника.

Въ то же время Николо далеко не въ такой мѣрѣ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые ученые, усвоилъ себѣ другія вѣшнія стороны античнаго стиля. Особенно явно отступаетъ онъ отъ этого стиля въ способѣ драпировки: вмѣсто тонкой, мягко лежащейся матеріи, выставлющей съ полной ясностью формы тѣла, мы всюду встрѣчаемъ у него обильныя, угловатыя, переломанныя складки, совершенно скрывающія фигуры и, очевидно, стремящіяся къ самостоятельнымъ эффектамъ. Указываютъ на то, что Николо былъ знакомъ только съ произведеніями поздне-римской эпохи, въ которую античный стиль утратилъ уже свою чистоту. Но достаточно сравнить его Богородицу въ сценѣ поклоненія волхвовъ или его первосвященника (какъ обыкновенно обозначаютъ эту фигуру) въ сценѣ принесенія во храмъ съ соответствующими имъ фигурами на приведенныхъ выше саркофагѣ и вазѣ въ пизанскомъ Campo Santo, чтобы убѣдиться въ томъ, что не образцы, которыми онъ пользовался, а его собственный вкусъ или недостатокъ вкуса были причиною его уклоненія отъ принциповъ античной драпировки. Еще въ меньшей зависимости отъ качества античныхъ образцовъ Николо находится другая особенность его стиля, именно та, что онъ, который съ небывалымъ дотошъ мастерствомъ изображалъ обнаженное тѣло, его мускулатуру и движенія, не останавливаясь передъ самыми трудными позами и какъ бы выписывая даже случай щегольнуть своимъ искусствомъ (напр. въ фигурѣ воскресающаго на лѣвой сторонѣ въ сценѣ страшнаго суда)—не чувствовалъ безоб-

¹⁾ Указ. соч. стр. 244 и 245.

разія пропорцій, которыми отличаются обыкновенно его фигуры, и, подобно большинству своих тосканских предшественниковъ, пыталъ пристрастіе къ короткимъ туловищамъ съ непомярно большими головами, кистями рукъ и ступнями ногъ. Наконецъ, вопреки мнѣнію Ферстера,¹⁾ который, признавая, что Николо пренебрегаль красотой тѣла, обращаетъ вниманіе на античную красоту его головъ, мы находимъ, что и лица его фигуръ за немногими исключеніями гораздо болѣе напоминаютъ низколобыя, скуластыя и мясистыя фізіономіи романскихъ скульптуръ, нежели изящныя черты античныхъ изображеній.

Вообще, если мы узнаемъ у Николо его античные оригиналы, то главная причина этого заключается въ его умѣнни уловить въ нихъ характерный жестъ, позу, поворотъ головы, однимъ словомъ, самую идею копируемаго образа. На это заимствованіе античныхъ идей, правда, смотреть обыкновенно со стороны ихъ неумѣстности въ кругѣ христіанскихъ представленій, находя здѣсь новое свидѣтельство того, что у Николо интересъ къ формѣ преобладалъ надъ интересомъ къ содержанію. Насколько однако же такая точка зрѣнія правильна?

«Прекрасная женщина, говоритъ Шмарсовъ²⁾ о Богородицѣ Николо въ сценѣ рождества (табл. I, 1), увидѣнная имъ на этрусскихъ урнахъ, возбуждаетъ въ немъ желаніе еще разъ воплотить столь достойный бытія образъ, и эта женщина становится у него выразительницею высшаго идеала церкви, становится у него Богородицею». Эти слова представляютъ дѣло такъ, будто Николо при выборѣ античнаго оригинала несколько не соображался съ прежними композиціями изображаемаго имъ сюжета и находятъ себѣ, повидимому, полное подтвержденіе въ указаніи Добберта, дѣлающаго наиболѣе подробный разборъ отдѣльныхъ фигуръ на пизанской каедрѣ³⁾, что Николо, избравъ Богородицу въ сценѣ рождества «гордо лежащей, царственной женой, которая совершенно случайно приняла лежащее положеніе и тотчасъ же могла бы подняться», нарушилъ державшіяся въ Италіи традиціи византійскаго искусства, которое всегда представляло Богородицу въ этой сценѣ въ образѣ измученной роже-

¹⁾ Geschichte der. it. Kunst, s. 177.

²⁾ Стр. 133.

³⁾ Ueber den St. N. P. стр. 46—51.

I.



2.



ницы. Не станемъ останавливаться на мнѣніи г. Н. Покровскаго ¹⁾, который на основаніи многочисленныхъ примѣровъ утверждаетъ, что византійское искусство, перенося въ сцену рождества обстановку повседневной жизни, было однако далеко отъ мысли приписывать Богородицѣ страданія и утомленіе обыкновенной роженицы. Замѣтимъ только, что, во первыхъ, и по свидѣтельству Добберта указанный имъ въ византійскомъ искусствѣ типъ ко времени Николо утратилъ свои характерныя особенности, а во вторыхъ, что въ томъ же византійскомъ искусствѣ существовалъ и другой, гораздо болѣе близкій Николо типъ, который встрѣчается намъ на диптихѣ, хранящемся въ ватиканскомъ музеѣ (рис. 32) ²⁾, а также на другихъ произведеніяхъ предшествовавшей Николо скульптуры, напр. на каедрѣхъ въ церкви S. Leonardo in Arcetri во Флоренціи, въ соборѣ города Барги ок. Лукки, на каедрѣ Гвидо да Комо, и который, очевидно, и на-



Рис. 32.

толкнулъ Николо на его античный оригиналь. Правда, Богородица Николо и отъ только что приведеннаго типа отличается своимъ надменнымъ, языческимъ выраженіемъ, но если справедливо, что это выраженіе было необычно и даже неумѣстно въ сюжетѣ Николо, если справедливо, что, заимствуя его, Николо обнаружилъ недостатокъ критическаго отношенія къ копируемому оригиналу, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что именно это выраженіе и придаетъ образу Николо ту жизненную индивидуальность, которой совершенно лишены аналогичные образы его предшественниковъ.

Къ подобному же заключенію приходимъ мы, разсматривая и два другія изображенія Богородицы у Николо: въ сценѣ благовѣщенія

¹⁾ Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 77.

²⁾ Воспроизведено изъ сочиненія, Noack Die Geburt Christi in der bildenden Kunst bis zur Renaissance, s. 18.

(табл. I, 1), гдѣ она, по словамъ Добберта, скорѣе напоминаетъ Юнону нежели смиренную жену плотника, и въ сценѣ поклоненія волхвовъ (рис. 33), гдѣ Доббертъ и другіе изслѣдователи снова отмѣчаютъ ея



Рис. 33.

несогласную съ христіанской традиціей гордую позу: въ обоихъ случаяхъ предшествовавшее Николо христіанское искусство, державшееся въ общемъ весьма близко концепцій Николо ¹⁾, являлось въ то же время по своему внутреннему содержанию столь безцвѣтнымъ, что знаменательная черта отступленій отъ него Николо состоятъ не въ качествѣ заимствованнаго имъ для своихъ образовъ у античныхъ памятниковъ выраженія, а въ самомъ фактѣ этого заимствования.

Болѣе странною, нежели другія заимствования Николо, кажется на первый взглядъ фигура индійскаго Вакха на той сторонѣ каѳедры, гдѣ изображена сцена принесенія Христа во храмъ (рис. 34). Но и эта фигура не представляется намъ такимъ лишнимъ, не выте-

¹⁾ Ср. напр. рис. 2 и 22.

кающимъ изъ цѣлей христіанскаго сюжета добавленіемъ Николо, какимъ обыкновенно принято ее считать, и какой признаетъ ее, напр., Доббертъ, спрашивающій про нее, «какое дѣло индійскому Вакху до принесенія Христа во храмъ?»¹⁾ или Шмарсовъ, выра-



Рис. 34.

жающійся про нее такъ: «видъ мужа съ окладистой бородой, который и въ опьяненномъ состояніи сохраняетъ величественную мощь, побуждаетъ его (т. е. Николо) посвятить индійскаго Вакха въ первосвященники самого Іеговы.»²⁾ При толкованіи этой фигуры не слѣдуетъ упускать изъ вида, что рельефъ, на которомъ она изображена, раздѣленъ на три особы, какъ бы происходяція въ разныхъ мѣстахъ, отмѣченныя на заднемъ планѣ тремя различными зданіями сцены, и что единственнымъ основаніемъ для необычнаго въ христіанскомъ искусствѣ и несогласнаго съ текстомъ евангелія раздѣленія двухъ первыхъ сценъ—встрѣчи Христа Симеономъ и про-

¹⁾ Repertorium f. Kunstwissenschaft, 1880, s. 15.

²⁾ Указ. соч. стр. 133.

рочества Анны—могло служить только намѣрѣніе художника обозначить безъ нарушенія симметріи послѣднюю въ рельефѣ группу, какъ самостоятельное цѣлое. Такое обособленье разсматриваемой группы въ связи съ мрачно-сосредоточеннымъ выраженіемъ, приданнымъ въ ней главной фигурѣ, заставляетъ насъ видѣть въ этой фигурѣ не первосвященника, котораго, дѣйствительно, никогда не изображало до Николо въ сценѣ принесенія во храмъ христіанское искусство, а замышляющаго свой злодѣйскій планъ Ирода, однимъ изъ атрибутовъ котораго на многихъ христіанскихъ памятникахъ (см. напр., рис. 2) является характеризующая и индѣйскаго Вакха необыкновенно длинная борода, и котораго Николо и на сѣнскои каедрѣ представилъ подерживаемымъ подъ локти рядомъ со сценою принесенія во храмъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни толковали фигуру индѣйскаго Вакха у Николо, отмѣченное выше выраженіе его лица, какъ нельзя болѣе гармонирующее съ его позой, совершенно опровергаетъ слова: «ausdruckslos vor sich hin blickt», сказанныя объ этой фигурѣ Доббертомъ.

Что касается остальныхъ заимствованій Николо у античнаго искусства, которыя признаются въ общемъ согласными съ христіанской традиціей, то, говоря о нихъ, мы не можемъ не указать на то, что рядомъ съ идеальными типами, каковы напр., скопированныя съ саркофага Федры лошади поклоняющихся Христу волхвовъ или напоминающая своими вдохновенно приподнятыми волосами Зевса Отриколи голова Симеона, мы не только встрѣчаемъ у Николо (см. стр. 19) изступленную фигуру пророчицы Анны, прототипъ которой, какъ свидѣтельствуетъ



Рис. 35.

миниатюра одного грузинскаго евангелія XI в. (рис. 35) ¹⁾, существовала въ предшествовавшемъ

¹⁾ Заимствовано изъ соч. Rohault de Fleury. La messe, II v., pl. С II.

ему христіанскомъ искусствѣ, но и такой, на этотъ разъ дѣйствительно безъ всякой необходимости перенесенный съ античнаго памятника образъ, какъ выглядывающее въ лѣвомъ углу въ той же сценѣ принесенія во храмъ морщинистое, обрюзглое лицо старухи, которое, очевидно, ничѣмъ инымъ не могло привлечь къ себѣ вниманіе Николы, какъ только своею характерностью.

Обобщая сказанное, мы всецѣло присоединяемся къ мнѣнію Шназе ¹⁾, что заслуга «Николо состоитъ не столько въ томъ, что онъ обратился къ античному искусству, сколько въ томъ, что у него раскрылись глаза на этическое значеніе его образовъ», и потому, вопреки мнѣнію другихъ изслѣдователей, думаемъ, что, если античныя заимствованія Николо и отлпчаются внутренней сдержанностью отъ созданій Джованни Пизано, который ради правды и силы общаго впечатлѣнія не рѣдко совершенно пренебрегалъ самостоятельной красотой отдѣльнаго образа, то все же цѣлью этихъ заимствованій было направить искусство не въ противоположную отъ Джованни, а въ одну съ нимъ сторону, именно отъ разсудочно-символическаго къ непосредственно-дѣйствующему на чувство, реальному изображенію. Эта цѣль тѣмъ болѣе представляется намъ истинною цѣлью Николо, что ею объясняются и другія, независимыя отъ подражанія античному искусству, особенности Николо сравнительно съ его предшественниками. Впрочемъ, дѣлая такое утвержденіе, мы опять сталкиваемся съ противоположнымъ взглядомъ, по которому не только заимствованныя у античнаго искусства, но и нѣкоторыя изъ самостоятельно созданныхъ Николо фигуръ подъ влияніемъ античныхъ представленій утратили свойственную имъ въ христіанскихъ памятникахъ выразительность. Въ числѣ такихъ фигуръ Доббертъ, признающій, какъ мы имѣли случай замѣтить, въ общемъ, что Николо въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не былъ стѣсненъ античными образцами, умѣлъ придавать своимъ фигурамъ жизненную окраску, называетъ Іосифа въ сценѣ рождества, который, по его словамъ, «довольно безучастно смотритъ вверхъ», между тѣмъ какъ во всѣхъ болѣе раннихъ произведеніяхъ христіанскаго искусства онъ погруженъ въ глубокую задумчивость.—Фигура Іосифа у Николо, дѣйствительно, отличается отъ прежнихъ изображеній тѣмъ, что онъ под-

¹⁾ Geschichte d. b. Künste, VII, s. 297.

нялъ голову вверхъ, но въ лицѣ его отражается такая напряженность мысли, что оно ни коимъ образомъ не можетъ быть названо безучастнымъ и несравненно краснорѣчивѣе передаетъ настроеніе, о которомъ предшествовавшіе Николо памятники даютъ возможность лишь догадываться на основаніи общей позы. Въ столь же невѣрномъ или, по меньшей мѣрѣ, одностороннемъ освѣщеніи представляется стиль Николо, когда Шмарсовъ, ¹⁾ противопоставляя въ сценѣ распятія (рис. 36) измученному страданіями Христу Джованни Пизано гораздо болѣе спокойнаго, дѣйствительно прекраснаго Христа Николо, объ отношеніи послѣдней фигуры къ болѣе раннимъ произведе-



Рис. 36.

деніямъ замѣчаетъ только, что у Николо Христосъ «изъ сына дѣвы обратился въ сына Юпитера», или когда Доббертъ считаетъ нужнымъ указать на то, что Николо умѣрилъ въ фигурѣ Христа изгибъ тѣла, «который встрѣчается въ большинствѣ распятій того времени». Дѣло въ томъ, что вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, утвержда-

¹⁾ Стр. 134, 146 и 147.

впихъ, что уже въ XI в. византійское искусство обнаруживало въ изображеніи распятія стремленіе къ натурализму, и опиравшихся при этомъ на словахъ извѣстнаго кардинала Гумберта,—г. Покровскій ¹⁾ на основаніи цѣлаго ряда византійскихъ памятниковъ приходитъ къ заслуживающему полнаго довѣрія выводу, что господствовавшимъ въ византійскихъ изображеніяхъ распятія былъ типъ Христа идеальный, и что натурализмъ въ него внесенъ былъ не византійскимъ, а западнымъ искусствомъ. Но и относительно западнаго искусства надо замѣтить, что, если въ его сѣверныхъ памятникахъ уже въ XIII в. встрѣчаются такіа, получившія общее распространеніе лишь въ слѣдующемъ столѣтіи, изображенія изстрадавшагося, съ искривленнымъ тѣломъ Христа, какъ рисунокъ въ альбомѣ Виллара-де-Гоннекура ²⁾, то въ Италіи вплоть до Николо держался старый византійскій типъ съ незначительными отъ него отступленіями, и первый примѣръ существенной въ немъ переменѣны являетъ намъ именно изваяніе Николо, въ которомъ ноги Христа прибиты не двумя, какъ въ болѣе раннихъ итальянскихъ памятникахъ, а, по образцу сѣвернаго искусства, однимъ гвоздемъ ³⁾, нарушая тѣмъ самымъ прямолинейность его позы и ясно намѣчая характеръ ея дальнѣйшей эволюціи. Въ полномъ согласіи съ такимъ приближеніемъ къ сѣверному типу (а не удаленіемъ отъ него, какъ выходитъ изъ словъ Шмарсова и Добберта) представляются намъ страдальчески поднятыя брови Спасителя и несомнѣнно скорбное выраженіе его лица. Еще опредѣленнѣе обнаруживается реалистическая тенденція Николо въ изображеніи другихъ лицъ той же сцены: таковы женщины, поддерживающія упавшую въ обморокъ Богородицу,—группа, которая столь часто будетъ повторяться въ произведеніяхъ итальянской скульптуры, но которую мы ни разу не встрѣчаемъ въ ней до Николо; такова женщина, устремившая взоръ, полный участія, къ распятому Христу, таковъ въ особенности Іоаннъ съ его искаженнымъ отъ горя лицомъ. Выраженіе этого горя, согласно замѣчанію Добберта, правда, передано довольно неу-

¹⁾ Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 358.

²⁾ Album de Villard de Honnecourt, architecte du XIII siècle, manuscrit publié... par I. B. A. Lassus.. mis au jour après la mort de M. Lassus... par Alfred Darcel. Paris, 1858, pl. IV.

³⁾ См. въ Archivio storico dell'arte, 1888, статью N. Baldoria: Un avorio del museo Vaticano, стр. 311 и слѣд., особенно стр. 318.

дачно и сводится къ простой гримасѣ. Но, съ одной стороны, неумѣлость Николо заключаетъ въ себѣ лучшее объясненіе, почему онъ прибѣгалъ къ посредству античныхъ памятниковъ, несмотря на то, что содержаніе ихъ образовъ не всегда совпадало съ идеями христіанскаго искусства; съ другой стороны, признаніе этой неумѣлости не можетъ ни въ чемъ измѣнить нашего представленія о цѣляхъ, которыя онъ преслѣдовалъ. Предположеніе Ферстера ¹⁾, что рассмат-



Рис. 37.

риваемая фигура, такъ же какъ и нѣкоторыя другія въ этой сценѣ, была исполнена не самимъ Николо, не имѣетъ достаточнаго основанія, ибо отличительныя черты стиля Николо, особенно типъ его головъ съ ихъ низкими лбами и очень развитыми челюстями, сохраняются и въ этой сценѣ во всей своей опредѣленности.

Едва ли также правильно сомнѣніе Фротингэма ²⁾ въ принадлежности Николо послѣдняго рельефа кафедры (рис. 37), хотя фигуры на немъ и представляютъ нѣсколько болѣе длинныя, чѣмъ обыкно-

¹⁾ Geschichte d. it. Kunst, II, стр. 120.

²⁾ The revival of sculpture in Europe in the thirteenth century (перепечатано изъ American Journal of Archaeology, Vol. I, № 4), II, стр. 4, пр. 2.

венно у Николо, пропорціи. Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что мотивы композиціи принадлежать самому Николо. Между тѣмъ, уже одно внесеніе этихъ мотивовъ указываетъ на весьма характерную для Николо черту. Въ самомъ дѣлѣ, въ византійскомъ искусствѣ, именно византійской живописи ¹⁾, сцена страшнаго суда преслѣдуетъ главнымъ образомъ поучительно-богословскую цѣль: раздѣляясь на нѣсколько полостей, каждая изъ которыхъ имѣетъ содержаніемъ особый моментъ суда, она лишена художественной цѣльности и гораздо болѣе обращается къ разсудку, нежели къ непосредственному чувству зрителя. Тотъ же характеръ сохраняетъ она и въ единственномъ изображеніи страшнаго суда, которое дошло до насъ отъ предшествовавшей Николо итальянской скульптуры, и которое мы видимъ на порталѣ пармскаго баптистерія. По недостатку мѣста художникъ принужденъ былъ сократить многія подробности, вводимыя въ византійскіе памятники желаніемъ возможно обстоятельнѣе передать христіанское ученіе. Но тѣмъ знаменательнѣе выборъ мотивовъ, которые онъ счелъ нужнымъ сохранить въ своей композиціи. Какъ уже было указано выше (стр. 30), весь тимпанъ, т. е. большая часть отвѣденнаго скульптурѣ пространства, занятъ фігурой возсѣдающаго на престолѣ съ воздѣтыми вверхъ руками, показывающаго свои раны Христа и двумя симметрически расположенными по его сторонамъ группами: въ одной изъ нихъ, направо, изображенъ крестъ, который поддерживаютъ два ангела, а третій вѣнчаетъ терновымъ вѣнцомъ, въ другой—несомыя тремя ангелами остальные орудія страданій Христа, копье и губка, и въ самомъ углу — олицетворяющій рай Авраамъ. Эти символическіе образы поглощаютъ главное вниманіе зрителя и отодвигаютъ для него на задній планъ, какъ изваянныя на архивольтѣ фігуры 12 апостоловъ, неподвижно сидящихъ съ книгами и свитками въ рукахъ и раздѣленныхъ вверху изображеніемъ двухъ трубящихъ ангеловъ, такъ и двѣ болѣе оживленныя группы праведниковъ и грѣшниковъ, встающихъ по трубному звуку ангеловъ, на узкой сравнительно полосѣ архитрава.—Совершенно иначе отнесся къ своему сюжету Николо: избравъ для изображенія не предшеству-

¹⁾ См. въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, (т. III-й, стр. 301 и слѣд.) статью Покровскаго: Странный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства.

ющій приговору Христа, а слѣдующій за нимъ моментъ и помѣстивъ Христа съ окружающими его символами въ самую середину между группами святыхъ и праведниковъ, налѣво отъ зрителя, и грѣшниковъ, направо, онъ весь смыслъ своей композиціи сосредоточилъ на драматическомъ сопоставленіи этихъ двухъ группъ, при чемъ не только мученія грѣшниковъ послужили ему матеріаломъ для патетическихъ образовъ, но и въ столь безучастной обыкновенно группѣ святыхъ онъ имѣлъ очевидное намѣреніе передать охватившее ихъ волненіе, на что особенно ясно указываютъ фигуры двухъ женщинъ, съ ужасомъ взирающихъ на то, что происходитъ по лѣвую сторону Спасителя.

VII.

Отстаиваемый нами взглядъ на значеніе античныхъ заимствованій Николо, признающій, что онъ увлекался въ своихъ античныхъ оригиналахъ не специфически античнымъ ихъ духомъ, а ихъ охотворенностью вообще, не мѣрою въ передачѣ индивидуальныхъ чертъ характера и выраженія, а самымъ присутствіемъ въ нихъ выразительности и характерности, находитъ себѣ дальнѣйшее подтвержденіе въ томъ направленіи, которое приняла итальянская скульптура не только въ произведеніяхъ послѣдователей Николо, но и въ имѣющихъ, какъ увидимъ сейчасъ, гораздо болѣе близкое къ нему отношеніе, но возникшихъ послѣ пизанской каѳедры работахъ.

Въ числѣ этихъ работъ назовемъ прежде всего гробницу св. Доминика въ Болоньѣ. Въ своемъ настоящемъ видѣ, съ украшенными скульптурами крышкой и цоколемъ, она была закончена лишь въ XVII столѣтіи. Ко времени Николо относится собственно одинъ саркофагъ, въ которомъ положено тѣло святого, и на четырехъ сторонахъ котораго изображены нѣкоторыя сцены изъ сказанія о его жизни. На лѣвой боковой сторонѣ мы видимъ (рис. 38) апостоловъ Петра и Павла, вручающихъ колѣнопреклоненному Доминику евангеліе и посохъ, какъ символы его будущаго служенія церкви. Справа отъ этой группы святой передаетъ евангеліе братіи, отправляя ее на проповѣдь. Передняя сторона, раздѣленная статуэткой Божіей Матери на два поля, рассказываетъ о двухъ чудесахъ, совершенныхъ святымъ. Налѣво (рис. 39) онъ воскрешаетъ убитшагося при паденіи съ лошади племянника кардинала Стефано ди Торре Нуова, Наполеона, причемъ на первомъ планѣ изображено самое паденіе юности, котораго

Двое других поднимают съ земли, и надъ которымъ въ молитвенной позѣ наклонился св. Доминикъ; а на второмъ планѣ юноша, поддерживаемый Доминникомъ, стоитъ уже воскресшій на удивленіе собра-



Гис. 38.

вшейся толпы. Сцена на правомъ полѣ той же стороны (рис. 40) заимствована изъ разсказа о томъ, какъ во время одного изъ состязаній Доминника противъ альбигойцевъ въ южной Франціи, выбранные для рѣшенія спора судьи, не приходя между собой къ соглашенію, рѣшили, чтобы книги, содержащія вѣроученіе той и другой стороны, были подвергнуты испытанію огнемъ, и какъ книга Доминника, въ противоположность сгорѣвшимъ кпигамъ еретиковъ, трижды брошенная въ костеръ, трижды изъ него вылетала невредимой. Изображая это состязаніе, художникъ помѣстилъ въ серединѣ сцены костеръ, раздуваемый прислужникомъ, выходящую изъ него книгу Доминника и, на заднемъ планѣ, трехъ различнаго возраста судей, слѣва находятся смущенные еретики, а справа—исполненный спокойствія Доминикъ, умиленные происшедшимъ монахи и другіе

зрители, среди которыхъ мы видимъ, между прочимъ, присутствовавшихъ при состязаніи, согласно словамъ преданія, женщинъ и, какъ



Рис. 39.



Рис. 40.

кажется, упоминаемого въ одномъ изъ вариантовъ объ этомъ событіи ¹⁾ еретика, втайнѣ сочувствовавшаго католическому вѣроученію и послѣ чуда съ книгой Доминика распространившаго о немъ рассказъ, несмотря на запрещеніе бывшихъ его единомышленниковъ.

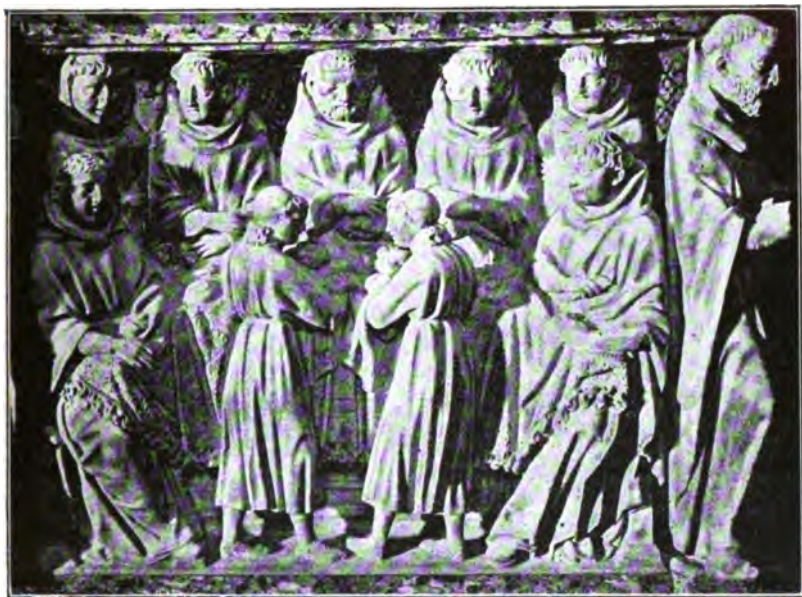


Рис. 41.

Рельефъ слѣдующей боковой стороны (рис. 41) имѣетъ содержаніемъ чудесное насыщеніе основанной Доминикомъ общины во время пребыванія ея въ Римѣ, гдѣ она часто терпѣла нужду въ състныхъ припасахъ: когда однажды хлѣба оставалось такъ мало, что на долю каждаго монаха приходилось лишь по глотку, Доминикъ, исполнившись духомъ провидѣнія, приказалъ братіи сѣсть за трапезу; и вотъ, въ столовую вошли два юноши одинаковаго вида и въ одинаковой одеждѣ съ наполненными хлѣбомъ плащами и, положивъ свою ношу передъ Доминикомъ, исчезли такъ же таинственно, какъ и появились. Задняя сторона снова раздѣлена статуэткой Христа на два поля съ тремя сценами въ каждомъ. Налѣво отъ зрителя

¹⁾ Acta sanctorum. Augusti t. I, p. 400, § XIII, 222 и 223.

(рис. 42) Доминикъ, взявши руки пришедшаго къ нему Регинальда Орлеанскаго, избавляетъ его отъ тяжкаго искушенія, которому тотъ подвергался; рядомъ представлены: Регинальдъ, внезапно пораженный тяжкимъ недугомъ и молящійся за него Доминикъ, и, въ третьей сценѣ, являющаяся по заступничеству Доминика къ умирающему уже Регинальду въ сопровожденіи двухъ дѣвицъ Божія Матери, ко-



Рис. 42.

торая помазаніемъ исцѣляетъ Регинальда и, показывая ему одежду доминиканцевъ, побуждаетъ его поступить въ ихъ орденъ. Направо (рис. 43) разсказана исторія основанія этого ордена, именно, какъ Доминикъ подаетъ уставъ его папѣ (Иннокентію III), какъ сомѣвавшійся дать свое утвержденіе папа пораженъ видѣніемъ, въ которомъ Доминикъ представляется ему поддерживающимъ готовый обрушиться Латеранскій соборъ, и какъ, наконецъ, основанная Доминикомъ община получаетъ отъ папы (Гонорія III) утвержденіе своего устава. По угламъ саркофага находятся статуэтки четырехъ отцовъ западной церкви.

Сравнивая эти скульптуры съ тѣми, которыя украшаютъ стѣнки пизанской каѳедры, мы видимъ, что и въ нихъ сказалось вліяніе античнаго искусства. Такъ, упавшая лошадь въ сценѣ воскресенія Наполеона разительнo напоминаетъ подобную же фигуру на фризѣ

храма Аполлона въ Фигаліи ¹⁾, повторяющуюся, по указанію Чиконьяри ²⁾, въ цѣломъ рядѣ римскихъ памятниковъ. По его же указанію ³⁾ одинъ изъ еретиковъ (крайній съ правой отъ зрителя стороны) воспроизводитъ позу изображающей раба статуи въ капитолійскомъ музеѣ. Нельзя также не замѣтить античнаго вліянія въ украшенной діа-



Рис. 43.

демой знатной женщины, присутствующей при состязаніи Доминика съ еретиками, или въ одномъ изъ зрителей въ сценѣ паденія Наполсона. Но большинство выведенныхъ художникомъ типовъ, особенно монахи съ ихъ бритыми фізіономіями и тонзурами, не имѣютъ ничего общаго съ античными образами, да и самыя заимствованія у античнаго искусства такъ тѣсно слились съ цѣлями художника (напр. упавшая лошадь) или такъ имъ преобразованы (напр. рабъ капитолійскаго музея, котораго онъ притомъ же одѣлъ въ современный ему костюмъ), что нисколько не личатъ въ общей композиціи, которая, по справедливому замѣчанію Реймона, проникнута уже вполне христіанскимъ духомъ, не представляя и слѣда холоднаго, академическаго направленія, усматриваемаго нѣкоторыми въ пизанской каюедрѣ. Данная ху-

¹⁾ Overbeck. Geschichte der griechischen Plastik. 4-e Auflage, 1893, s. 548, Fig. 132 (Jud. 22).

²⁾ Cicognara. Storia della scultura, 1823, v. III, p. 182, 183.

³⁾ Тамъ же, стр. 202, t. XIII.

дожнику тема не заключала въ себѣ драматическихъ элементовъ, и по самому существу своему побуждала его къ спокойному, чисто эпическому изображенію. Но для того, чтобы убѣдиться, насколько онъ и при такихъ условіяхъ умѣлъ вложить въ это изображеніе теплоту реальной жизни, стоитъ припомнить рассмотрѣнные выше, весьма сходныя по содержанію и, по всей вѣроятности, весьма незадолго возникшія сцены изъ исторіи св. Мартина на порталѣ лукксксго собора.

Но каково было участіе Николо и дѣйствительно ли онъ принималъ участіе въ скульптурахъ на гробницѣ св. Доминика? Свидѣтельство Вазари, называющаго авторомъ ея одного Николо, такъ же ошибочно, какъ и его указаніе, что она исполнена въ 1225 году. Изъ словъ одного изъ свидѣтелей перенесенія тѣла св. Доминика «изъ каменной, не украшенной скульптурой въ мраморную, украшенную скульптурой гробницу»¹⁾ мы узнаемъ, что событіе это произошло 5 іюня 1267 года. Тоже самое подтверждаетъ и лѣтопись монастыря св. Екатерины въ Пизѣ²⁾. Слѣдовательно гробница эта не могла быть окончена такъ задолго до обозначеннаго времени, какъ утверждаетъ Вазари. Что же касается вопроса о томъ, кѣмъ она сдѣлана, то второй изъ названныхъ документовъ, а также дошедшая до насъ хроника того же монастыря³⁾ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Николо помогалъ въ работѣ монахъ фра Гульельмо. Къ этому же заключенію приводитъ насъ и анализъ самаго памятника, въ которомъ мы, дѣйствительно, замѣчаемъ черты, сближающія его съ приписываемой фра Гульельмо каедрой въ церкви S. Giovanni въ Пистойѣ. Особенно наталкиваетъ на такое сближеніе типъ изображенныхъ на гробницѣ св. Доминика головъ, которыя, отличаясь въ большинствѣ случаевъ круглыми, широкими въ вискахъ лицами съ короткими подбородками и очень высокимъ теменемъ, имѣютъ большое сходство съ головами на только что названной каедрѣ (см. рис. 44, изображающій нижнюю часть сцены воз-

¹⁾ G a u s. Das Grabmal des heiligen Dominicus in Bologna, въ Kunstblatt, 1839, № 22. См. также M a r c h e s e. Memorie dei piu insigni pittori, scultori e architetti domenicani. V. I. 1854, p. 70.

²⁾ M a r c h e s e, стр. 73.

³⁾ Тамъ же, стр. 72.

несенія Христа, особенно фигуру Богородицы). Такія головы встрѣчаются на всѣх рельефахъ гробницы, и потому едва ли можно согласиться съ Гаёе, который ограничиваетъ работу ф́ра Гульельмо одною



Рис. 44.

задней ея стороной. Но столь же ошибочнымъ представляется намъ и мнѣнiе тѣхъ, которые, какъ, напр., Фёрстеръ ¹⁾, или Реймонъ ²⁾, совершенно отрицаютъ участiе Николо въ разсматриваемомъ памятникѣ. Помимо того, что такому заключенiю противорѣчить упомянутое мѣсто въ лѣтописи монастыря св. Екатерины ³⁾, въ самомъ

¹⁾ G. d. it. Kunst, II, 107.

²⁾ La sculpture florentine, I, 86.

³⁾ Мѣсто это гласитъ: *Frater Guillelmas, conversus, sculptor egregius, cum Nicholau Pisanus patris nostri Domi nici sacras reliquias in marmoreo, vel potius alabastrino sepulcro, a se facto collocaret, praesens erat, et ipse adjuvabat anno 1267.* Мѣсто ясно выражаетъ испорченное, очевидно, мѣсто монастырской хроникѣ, гдѣ разсказывается о совершенномъ ф́ра Гильельмо похищенiи ребра святого, которое онъ впоследствии доставилъ въ свой мнастырь: *Hic (т. е. frater Guillelmus) cum*

памятникъ можно указать слѣды рѣзца Николо, ибо на ряду съ охарактеризованнымъ нами типомъ головъ мы видимъ здѣсь и совершенно иной, вполне согласный съ типомъ головъ на пизанской каедрѣ, о которомъ уже было говорено выше (съ низкими лбами и удлиненной, тяжелой нижней частью лица). Такія фигуры, какъ юша на лѣвой сторонѣ рельефа, изображающаго воскресеніе Наво-

beati Dominici corpus sanctissimum in solempniori tumulo levaretur, quem sculpscrant Magistri Nichole de Pisis, Policretior manu sociatus dicto architectori, clam unam de costis sanctissimis de latere ejus extorsit. Но къ кому бы мы ни относили въ приведенныхъ словахъ *policretior manu* (по Шпазе—сравнительная степень отъ обратившагося въ нарицательное имя Polyclet или Polycet, т. е. болѣе искусный) и *sociatus*,—къ Николо, какъ думаетъ Шпазе (G. d. b. k., VII, 280 прим.), который подъ *dicto architectori* подразумеваетъ фра Гульельмо или къ фра Гульельмо, какъ думаетъ Гриммъ (*Ueber Künstler und Kunstwerke*, 55, прим.), который подъ *dicto architectori* подразумеваетъ Николо—во всякомъ случаѣ единственное число словъ: *policretior, sociatus* и *dicto architectori* совершенно исключаетъ возможность толкованія, предлагаемаго Ферстеромъ, переводящимъ „*sculpscrant magistri Nichole de Pisis*“, „изваяли художники изъ мастерской Николо“, и заставляющъ видѣть здѣсь или (согласно Гримму) опіску (*sculpscrant magistri* вмѣсто *sculpscrat magister*) или (согласно Шпазе)—пропускъ послѣ *sculpscrant* какого-нибудь слова, указывающаго на Гульельмо, и вслѣдствіе этого замѣну единственнаго числа *magister* множественнымъ *magistri* (*quem sculpscrant ipse et magister Nichola de Pisis*).—Указаніе Ферстера (тамъ же), а также Крю и Кавальказелле (G. d. it. M., I, 118), что Николо не могъ принимать личнаго участія въ исполненіи скульптуръ на гробницѣ Доминика потому, что съ 1266 г. былъ занятъ сіенской каедрой, едва ли имѣетъ значеніе, ибо, какъ замѣчаетъ Шпазе (тамъ же), во-первыхъ, эта гробница могла быть окончена и до 1266 года; во-вторыхъ, документы, касающіеся сооруженія сіенской каедры (см. *Milanesi*, стр. 144 и слѣд.), заставляютъ думать, что хотя Николо и обязался съ марта 1266 года пребывать неотлучно, за исключеніемъ 4-хъ ежегодныхъ поѣздокъ въ Пизу, въ Сіенѣ, по дѣлательно приступилъ къ работѣ лишь съ 26 іюля 1267 г. (до этого времени, съ котораго сохранился дѣльный рядъ расписокъ Николо, къ его работѣ въ сіенскомъ соборѣ относится только одинъ, приведенный нами на стр. 37 документъ отъ 11 мая 1266 г., свидѣтельствующій лишь о томъ, что Николо къ обозначенному сроку не выполнилъ своего обязательства передъ управленіемъ сіенскаго собора, будучи, вѣроятно, отвлеченъ другими работами, въ числѣ которыхъ могла быть и гробница св. Доминика); наконецъ, упоминая по разъ дѣтопись монастыря св. Екатерины не только приписываетъ Николо исполненіе гробницы въ Болоньѣ, но и говорить опредѣленно о его присутствіи тамъ въ 1267 г. при положеніи въ нее тѣла святаго, что устраняетъ всякое сомнѣніе въ дѣйствительности его отлучекъ изъ Сіены во время работы надъ каедрой.

она, или выглядывающая въ верхнемъ углу того же рельефа старуха,—повтореніе старухи въ сценѣ принесенія во храмъ на пизанской каедрѣ, — находящійся рядомъ съ ней мужчина и женщина, всплеснувшая руками около воскресшаго Наполеона—имѣютъ гораздо болѣе общаго со стилемъ Николо, нежели фра Гульельмо. То же самое должно сказать и о статуѣ Мадонны, раздѣляющей рельефы передней стороны. Трудно себѣ представить, чтобы эта Мадонна съ ея удлинненнымъ лицомъ, полными щеками и подбородкомъ, закутанная въ обильныя складки своего плаща, могла быть исполнена кѣмъ-либо кромѣ Николо. Между тѣмъ именно въ этой нѣжно улыбающейся своему сыну Мадоннѣ особенно ясно обнаруживается перемѣна, которая произошла въ общемъ тонѣ разсматриваемыхъ скульптуръ сравнительно со скульптурами пизанской каедрой, и которую мы съ тѣмъ большимъ основаніемъ можемъ приписать самому Николо, а не его помощнику и ученику фра Гульельмо.

VIII.

Еще болѣе, нежели гробница св. Доминика, отступаетъ отъ усматриваемаго въ ней Кроу и Кавальказелле ¹⁾ холодноклассическаго стиля сиенская каедра Николо.

Съ перваго же взгляда она поражаетъ зрителя необыкновеннымъ обиліемъ скульптуръ, почти совершенно скрывающихъ ея архитектурныя линіи. Изъ девяти колоннъ, поддерживающихъ эту восьмиугольную каедру, четыре опираются на спинну львовъ, а средняя на группу аллегорическихъ женскихъ фигуръ, изображающихъ семь схоластическихъ наукъ, (тривіумъ и квадривіумъ). Въ листовъ капителей изваяны птицы и головы херувимовъ. Надъ колоннами, по примѣру пизанской каедрой, находятся статуэтки христіанскихъ добродѣтелей въ образѣ 4-хъ стоящихъ и 4-хъ сидящихъ женщинъ съ сопровождающими ихъ ангелами; а углы арокъ заполнены рельефными изображеніями евангелистовъ, пророковъ и сивиллъ. Наконецъ, рельефы парапета, между которыми на пизанской каедрѣ стоятъ простыя колонны, въ свою очередь отдѣлены другъ отъ друга статуями и даже цѣлыми группами, которыя отчасти находятся

¹⁾ Geschichte d. it. Malerei, I, 113.

по своему содержанію въ связи съ рельефами, какова группа между двумя сценами страшнаго суда, гдѣ изображенъ произносящій приговоръ Христосъ, а у ногъ его—крестъ съ держащими орудія страданій Христовыхъ ангелами, или заключающія эти двѣ сцены группы трубящихъ ангеловъ и четырехъ евангелистовъ (ангелъ съ евангелиемъ въ рукахъ, сзади него левъ и быкъ, вверху орелъ, распростертыми крыльями поддерживающій наложу); отчасти же имѣютъ, повидимому, совершенно самостоятельное значеніе, каковы статуэтка женщины съ покрытой головой, приложившей къ груди правую руку, и группа трехъ, вѣроятно, апостоловъ по сторонамъ сцены рождества; Богородица съ Младенцемъ на рукахъ между поклоненіемъ волхвовъ и принесеніемъ Христа во храмъ; снова трубящіе ангелы между бѣгствомъ въ Египетъ и избіеніемъ младенцевъ, и, наконецъ, изображеніе Троицы (стоящій съ наклоненной головой Христосъ, надъ нимъ голубь и вверху десница Бога Отца) между избіеніемъ младенцевъ и распятіемъ.

Тотъ же самый избытокъ идей, который побуждалъ художника не оставлять по возможности ни одного уголка каедръ, не наполнивъ его скульптурными изображеніями, обнаруживается и въ композиціи рельефовъ. Такъ, сцена рождества (рис. 45), какъ и на пизанской каедрѣ, соединена съ поклоненіемъ пастырей, но вмѣсто двухъ возвѣщающихъ имъ объ этомъ событіи ангеловъ число ихъ увеличено до пяти; вмѣсто благовѣщенія пизанской каедръ, происходящаго въ томъ же полѣ и состоящаго изъ Богородицы и ангела, въ Сиенѣ изображена встрѣча Маріи и Елизаветы въ присутствіи еще двухъ женщинъ. Въ сценѣ поклоненія волхвовъ (табл. I, 2) прибавлено ихъ шествіе, такъ что, по справедливому замѣчанію Ферстера, главный моментъ композиціи, къ невыгодѣ общаго впечатлѣнія отодвинутъ въ уголокъ рельефа. Принесеніе во храмъ (рис. 46) соединено съ тремя сценами: совѣтомъ Ирода, сномъ Іосифа и бѣгствомъ въ Египетъ. Затѣмъ слѣдуетъ новая сравнительно съ пизанской каедрой сцена избіенія младенцевъ (рис. 47), переполненная фигурами въ такой же степени, какъ и три остальные сцены — распятія (рис. 48) и страшнаго суда (рис. 49), который занимаетъ двѣ послѣднія стороны каедръ.

Такое обиліе образовъ еще рѣже, нежели на пизанской каедрѣ, позволяетъ художнику дать каждому изъ нихъ внѣшнюю закончен-

ность, и стиль его изъ пластическаго еще рѣшительнѣе превращается въ живописный. Въ то же время изображеніе индивидуальных чертъ и душевныхъ движеній въ дѣйствующихъ лицахъ становится несравненно ярче. Наиболѣе шаблонный характеръ носятъ аллегорическія изображенія христіанскихъ добродѣтелей, но даже и въ этихъ, имѣющихъ декоративное значеніе, фигурахъ совершенно ясно обнаруживается стремленіе художника къ правдивости и силѣ выраженія (особенно въ статуѣ надежды съ вдохновенно поднятыми вверхъ глазами). Еще болѣе обнаруживается оно въ евангелистахъ и пророкахъ, заполняющихъ углы арки, которые по вложенной въ



Рис. 45.

нихъ страстности являются истинными прототипами образовъ Микельанджело въ Сикстинской капеллѣ. Но вполне очевиднымъ это стремленіе становится для насъ, когда мы обращаемся къ главнымъ сюжетамъ.

Въ сценѣ рождества фигуры передняго плана (Иосифъ, молющій младенца женщины и стадо овецъ и козъ) представляютъ почти буквальное повтореніе соотвѣтствующихъ имъ фигуръ на пизанской каедрѣ. Но въ изображеніи лежащей Богородицы художникъ уже не довольствуется тѣмъ, если можно такъ выразиться, общимъ проявленіемъ ея индивидуальности, которое онъ нашелъ въ античномъ памятникѣ: онъ вноситъ въ представленіе о Богородицѣ черту, замѣченную уже нами въ статуэткѣ на гробницѣ св. Доминика, именно ея материнскаго отношенія къ своему младенцу, и эта новая черта сообщаетъ движеніе всему ея образу: верхней частью своего корпуса она обернулась назадъ, оперлась руками на край своего ложа и, погрузившись въ тихую задумчивость, слѣдитъ за дѣйствіями купающихъ Христа женщинъ. Столь же близкимъ реальному міру настроеніемъ дышитъ сердечная встрѣча Богородицы съ Елизаветою въ присутствіи двухъ другихъ женщинъ, изъ которыхъ одна, со сложенными у пояса руками, невольно останавливаетъ вниманіе искренностью своей позы. Наконецъ, на заднемъ планѣ рельефа Николо не только увеличилъ число славословящихъ ангеловъ, но и успилъ въ нихъ выраженіе умвленной радости.

Мы отмѣтили уже дополненія, сдѣланныя Николо въ слѣдующей сценѣ — поклоненія волхвовъ, гдѣ занимавшая на пизанской каедрѣ скромное мѣсто въ углу рельефа группа трехъ коней, изъ которыхъ, правда, одянь, вытянувшій шею и щиплющій траву, представляетъ уже характерную для художника черту, обратилась въ чисто жанровую сцену съ верблюдами, лающими собаками и служителями неграми. Переходя къ главному моменту, мы видимъ, что старшій изъ царей, поднося свой даръ, не ограничивается уже почтительнымъ колѣнопреклоненіемъ и восторженно устремленнымъ на Христа взоромъ, а страстно припадаетъ къ ногѣ Младенца, и сама Богородица, какъ бы удивленная совершающимся, вышла изъ своего горделиваго спокойствія.

Принесеніе во храмъ, изображенное вмѣстѣ съ совѣтомъ Иродасномъ Иосифа и бѣгствомъ въ Египетъ, не представляетъ существенныхъ отличій отъ той же сцены на пизанской каедрѣ, по въ сѣнскомъ памятникѣ отголоски античнаго искусства становятся гораздо глуше, хотя бы уже потому, что, какъ указываетъ Вентури¹⁾,

¹⁾ Rivista d'Italia, стр. 16.

мы не встрѣчаемъ здѣсь такихъ круто завитыхъ волосъ, и головы нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, именно, еврея, съ книгою въ рукахъ, присутствующаго въ храмѣ въ моментъ встрѣчи Христа Симеономъ, Ирода, одного изъ его совѣтниковъ, покрыты не имѣющими

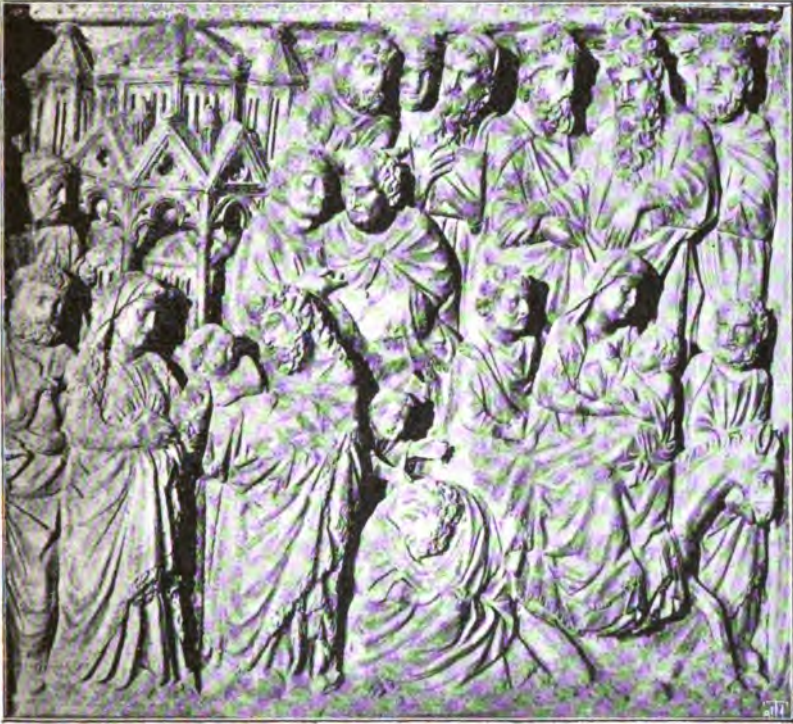


Рис. 46.

въ себѣ ничего античнаго уборами. Вообще всѣ эти лица перенесены въ болѣе обычную для зрителя обстановку. Особенно относится это опять же къ Богородицѣ, которая и въ сценѣ принесенія, и въ сценѣ бѣгства въ Египетъ окончательно утратила свое сходство съ античной богиней.

Не менѣе характерны для стиля сѣнскаго каѳедры четыре послѣдніе ея рельефа, гдѣ требовалось изобразить сильныя душевныя движенія.

Такова сцена избіенія младенцевъ, переданная съ явнымъ желаніемъ потрясти зрителя своимъ трагизмомъ. Виолсемскія матери, изъ которыхъ однѣ пытаются спастись бѣгствомъ, другія съ неистовствомъ

защищаютъ своихъ младенцевъ отъ воиновъ Ирода, третьи, какъ бы обезумѣвъ, всматриваются въ оставшіеся у нихъ на рукахъ трупы, воины, грубо вырываютъ у нихъ свои жертвы и попирающіе ногами

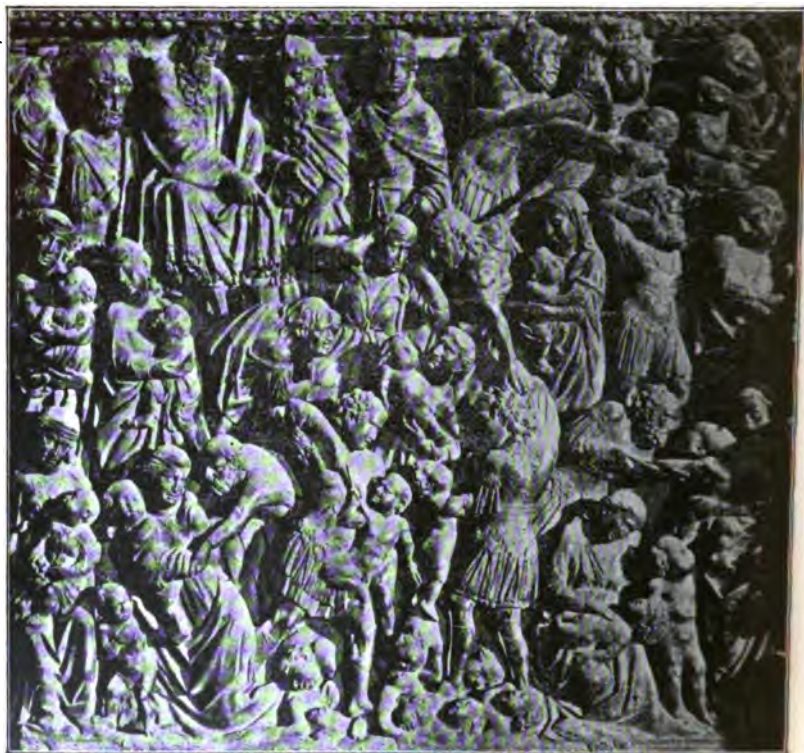


Рис. 47.

сваленныя въ кучу маленькія тѣла, младенцы, со страхомъ прижимающіеся къ матерямъ или въ полномъ невѣдѣніи встрѣчающіе свою участь, какъ напр., младенецъ на первомъ планѣ, съ довѣрчивой улыбкой поднявшій взоръ на своего палача,—всѣ эти мотивы, и по характеру замысла и по энергіи исполненія не находятъ себѣ ничего подобнаго въ предшествовавшей Николо итальянской скульптурѣ.

Въ сценѣ распятія прежде всего бросается въ глаза самъ распятый: по сравненію съ Христомъ пизанской каедрой тѣло его исхудало, осунулось, голова окончательно свѣсилась на грудь и перенесенныя имъ страданія выступаютъ въ его фигурѣ съ такою же силой, какъ горе, охватившее группу близкихъ Спасителю людей,

въ которой особенно интересна столь часто повторяющаяся въ-
слѣдствіи въ произведеніяхъ итальянской скульптуры (напр. на
рельефахъ Донателло, Вероккіо, Полайоло) фигура женщины, въ



Рис. 48.

порывѣ отчаянія раздирающей себѣ ногтями лицо. Вообще, сравнивая
эту сцену съ изображеніемъ пизанской каѳедры, мы видимъ въ ней
то же стремленіе къ выразительности, но несравненно болѣе под-
черкнутое. Съ какою поспѣшностью, напр., ангелъ прогоняетъ отъ
Христа старуху, — олицетвореніе синагоги, которая на пизанской
каѳедрѣ удаляется довольно спокойно! Какъ отшатнулись отъ испу-
стившаго духъ Спасителя и пригнулись къ землѣ испуганные евреи,
волненіе которыхъ, впрочемъ, и на пизанской каѳедрѣ передано
весьма живо.

Въ такомъ же отношеніи къ рельефамъ пизанской каѳедры, пред-
ставляя дальнѣйшее развитіе ея пѣей, находятся и двѣ послѣднія
сцены разсматриваемаго памятника, гдѣ образы возставшихъ пизъ

гробовъ съ надеждою и благоговѣніемъ взирающихъ на Христа праведниковъ и умоляющихъ о пощадѣ, пораженныхъ ужасомъ и отчаяніемъ, корчащихся въ мукахъ грѣшниковъ, настолько овладѣли фантазіей художника, что онъ наполнилъ ими не одну, какъ въ



Рис. 49.

пизанской каедрѣ, а цѣлыхъ двѣ стороны, отнеся Христа съ держащими орудія его страданій ангелами, символы четырехъ евангелистовъ и группу другихъ, усердно трубящихъ съ надутыми щеками ангеловъ на мѣсто второстепенныхъ, декоративныхъ скульптуръ, занятое въ пизанской каедрѣ простыми колоннами. Характеренъ также для сіенской каедрѣ современный колоритъ, приданный ея фигурамъ болѣе частымъ, нежели въ Пизѣ, употребленіемъ заимствованныхъ художникомъ изъ окружавшей его дѣйствительности костюмовъ и головныхъ уборовъ (особенно въ группѣ праведниковъ).

Разстояніе въ стилѣ, отдѣляющее сіенскую каедру отъ каедръ въ пизанскомъ баптистеріи, составляетъ явное приближеніе ея къ на-

ходящимся въ церкви S. Andrea въ Пистойѣ и (въ настоящее время ¹⁾ въ пизанскомъ музеѣ каедромъ Джованни Пизано. Послѣ знакомства съ ея скульптурами еще менѣе, нежели при сопоставленіи съ пизанской каедрой Николо, являются для насъ неожиданными отличающія Джованни особенности: та обремененность рельефа фигурами, вслѣдствіе которой ему почти никогда не хватаетъ отведеннаго для нихъ пространства, и онѣ или выпираютъ наружу, обращаясь нѣкоторыми своими частями въ круглыя статуи и образуя портящія архитектурическое строеніе рельефа тѣни ²⁾, или представляются какъ бы въ сокращенномъ, урѣзанномъ видѣ ³⁾; та склонность, Джованни къ жанровымъ мотивамъ, которая заставляетъ его нерѣдко забывать о главномъ предметѣ изображенія ⁴⁾; наконецъ, та погоня за характерностью и выразительностью, которая на ряду съ образами, находящими себѣ непосредственный откликъ въ душѣ зрителя, доводитъ Джованни не разъ до полной карикатурности ⁵⁾.

Между тѣмъ это приближеніе сіенской каедры къ работамъ Джованни едва ли можетъ быть объяснено участіемъ сына Николо въ ея исполненіи, какъ это думаетъ, напр., Циммерманнъ ⁶⁾, который говоритъ, что послѣ окончанія пизанской каедры Николо «не рѣшался взять на себя ни одной работы безъ мощнаго содѣйствія своего сына и безъ участія другихъ сотрудниковъ» ибо, если въ одномъ изъ документовъ, касающихся сіенской каедры ⁷⁾, Джованни

¹⁾ Прежде въ пизанскомъ соборѣ.

²⁾ Напр. въ сценѣ избіенія младенцевъ въ Пистойѣ.

³⁾ Напр. окончательно неумѣстившіяся верхомъ на своей лошади сотникъ въ сценѣ распятія на пизанской каедрѣ.

⁴⁾ Напр. въ сценѣ омовенія Христа на пизанской каедрѣ, гдѣ Джованни въ отличіе отъ прежнихъ художниковъ, помѣщавшихъ Христа въ центрѣ группы, изображаетъ его едва замѣтнымъ, сидящимъ въ самомъ углу сцены на колѣняхъ одной изъ женщинъ, заботливо опустившей въ купель руку, и все вниманіе зрителя отвлекаетъ отъ Христа къ процессу приготовленія для него воды.

⁵⁾ Напр. въ фигурахъ распятаго Христа, особенно на пизанской каедрѣ, въ которомъ онъ изобразилъ буквально обтянутый кожей скелетъ, или въ фигурѣ одной изъ вполеемскихъ матерей, рвущей на себѣ волосы, съ лицомъ, искаженнымъ до такой степени, что оно гораздо болѣе похоже на уродливую маску, нежели на лицо человѣка.

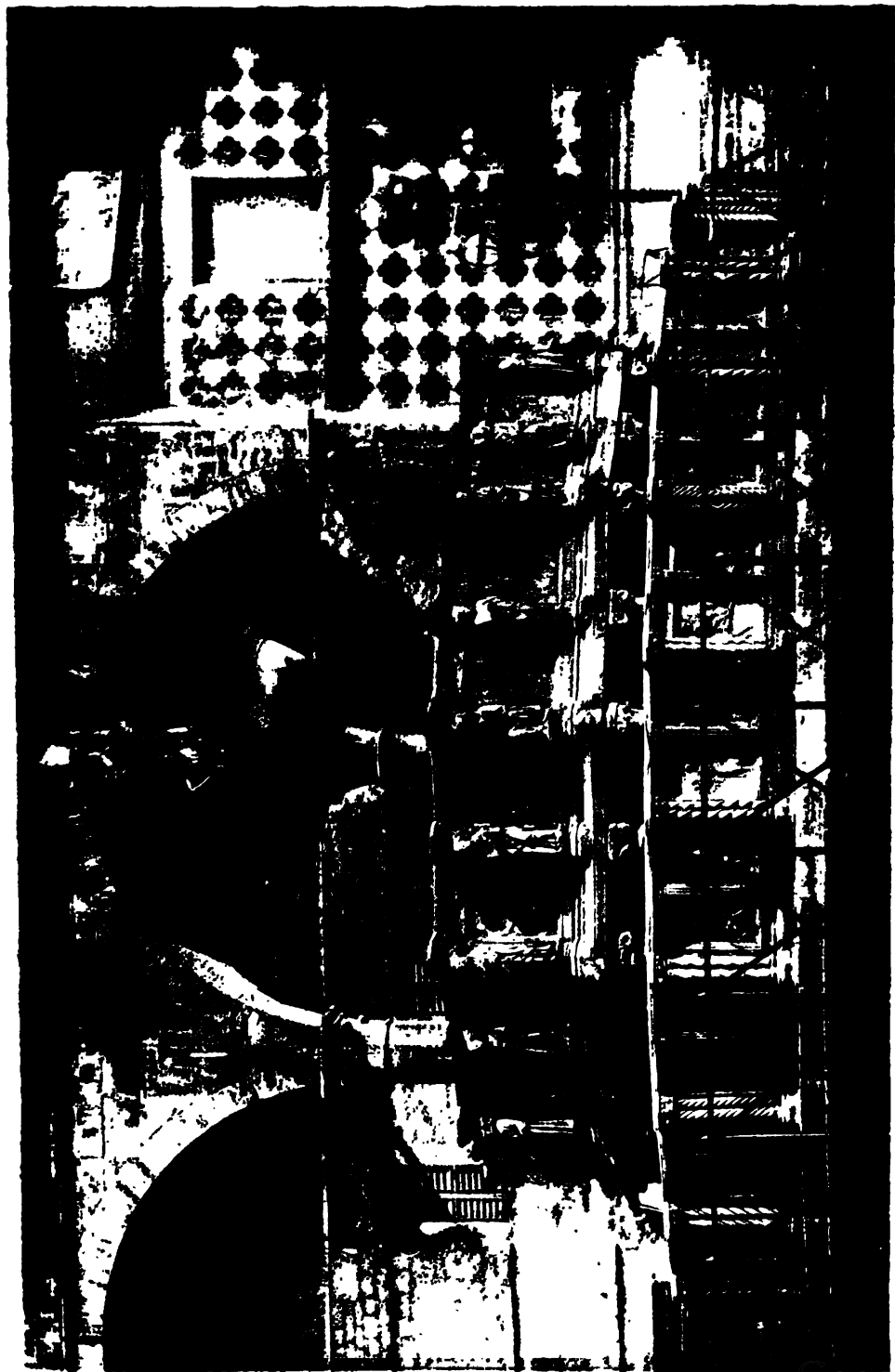
⁶⁾ Kunstgeschichte des Altertums und des Mittelalters, s. 506.

⁷⁾ См. Milanese. Documenti per la storia dell'arte Senese, v. I, p. 145.

и упоминается въ числѣ трудившихся надъ нею скульпторовъ, то изъ того же документа мы узнаемъ, что участіе его, очевидно, въ слѣдствіе его молодости, было только допущено, и онъ получалъ лишь половинную плату своихъ товарищей. При такихъ условіяхъ гораздо естественнѣе предположить, что не отецъ измѣнилъ свой стиль подъ вліяніемъ сына, а что, напротивъ, Джованни, помогая отцу въ сіенской каѳедрѣ, почерпнулъ въ ней тѣ руководящія идеи, которыми слѣдовалъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ и которыхъ держался иногда слишкомъ односторонне. Большаго вниманія заслуживаетъ участіе въ работѣ Арнольфо, присутствія котораго, какъ мы видѣли выше, добивались лица, завѣдывавшія сооруженіемъ каѳедры. Но хотя нѣкоторые образы сіенской каѳедры, напр., словословящіе ангелы или статуэтка Богородицы съ младенцемъ, и носятъ на себѣ печать присущихъ Арнольфо миловидности и граціи, въ общемъ эта каѳедра дышитъ такой энергіей и страстностью, какихъ мы тщетно стали бы искать въ дошедшихъ до насъ самостоятельныхъ произведеніяхъ Арнольфо ¹⁾. Да и по самому существу дѣла, по важности принятой работы, совершенно невѣроятно, чтобы Николо рѣшился предоставить ея веденіе кому-либо изъ учениковъ своихъ.

Документъ этотъ, представляющій первое условіе, заключенное съ управленіемъ сіенскаго собора, помѣченъ 5 октября 1266 г., по Доббертъ (Ueber d. St. N. P., стр. 69, пр. 10) указалъ на то, что прибавка *secundum cursum pisanorum* заставляетъ отнести его къ 5 октября 1265 г. нашего лѣтосчисленія, чѣмъ устраняется видимое противорѣчіе этого документа со слѣдующимъ, помѣченнымъ 11 мая 1266 г., по безъ вышеуказанной прибавки, въ которомъ Николо обвиняется въ томъ, что не выполнилъ изложенныхъ въ первомъ условіи обязательствъ.

¹⁾ Произведеній этихъ два. Одно изъ нихъ, — надгробный памятникъ умершаго въ 1290 г. кардинала di Vrayo въ соборѣ г. Орвьетто; второе, исполненное, согласно надписи, въ 1285 г. въ сообществѣ съ какимъ-то Pietro, — балдахинъ надъ престоломъ въ ц. s. Paolo fuori le mura. Съ перваго изъ этихъ произведеній существуетъ фотографія Аллиарі, воспроизведенная у Реймона (La sculpture florentine, I, 87).



IX

Слѣдующее изъ дошедшихъ до насъ датированныхъ и отмѣченныхъ именемъ Николо произведеній — фонтанъ въ Перуджин (табл. II)¹⁾, находящійся на площади города передъ соборомъ и состоящій изъ трехъ концентрически возвышающихся, украшенныхъ скульптурами бассейновъ.

Верхняя часть его представляетъ бронзовую круглую чашу, внутри которой стоитъ группа изъ трехъ женскихъ, кариатидообразныхъ фигуръ, поддерживающихъ другую, окружающую отверстіе фонтана группу двухъ грифовъ и двухъ львовъ. Эти бронзовыя фигуры, отличающіяся весьма благороднымъ стилемъ и носящія, быть можетъ, болѣе всѣхъ остальныхъ скульптуръ разсматриваемаго памятника античный характеръ, если и возникли подъ вліяніемъ Николо, имѣютъ къ нему далекое отношеніе, ибо исполнены нѣкимъ Россо, имя котораго въ латинскомъ переводѣ Rubeus начертано на помѣщающейся на краю чаши надписи.

На второмъ бассейнѣ изваяны 24 статуэтки, между которыми внизу тянется длинная, касающаяся сооруженія фонтана надпись, наиболѣе важная часть которой приведена нами выше (стр. 37), а вверху помѣщены перепутанныя еще болѣе, нежели нижняя, надписи, обозначающія сюжеты статуэтокъ. Придерживаясь порядка, въ которомъ эти надписи приведены, въ реставрированномъ уже видѣ, у Реймона²⁾, мы находимъ подъ ними слѣдующія изображенія: 1) *Victoria magna* (последнее слово на фонтанѣ соединено съ словомъ *gex* при одной изъ нижеупоминаемыхъ статуэтокъ). Олицетвореніе это въ образѣ стоящей съ пальмовой вѣтвью женщины, помѣщенное, по предположенію Вермильоли³⁾, въ честь незадолго передъ тѣмъ одержанной въ Тосканѣ побѣды гвельфовъ надъ гиббеллинами, останавливаетъ вниманіе тѣмъ, что вопреки обычнымъ для такого рода изображеній приемамъ, представлено въ современномъ художнику

¹⁾ Всѣ скульптуры этого фонтана воспроизведены въ сочиненіи *Massari e Vermiglioli. Le sculture di Niccolo e Giovanni da Pisa e di Arnolfo fiorentino che ornano la fontana maggiore di Perugia. 1834.*

²⁾ *La sculpture florentine*, стр. 88.

³⁾ Ук. соч., стр. 31.

костюмѣ, состоящемъ изъ верхняго съ рукавами платья, изъ подъ котораго спускается длинная юбка, шапки на подобіе митры и надѣтаго подъ ней покрывала. 2) *Sanctus Petrus apostolus* — съ ключемъ въ рукѣ, обычнаго типа. 3) *Ecclesia romana*—женская фигура, держащая въ рукахъ модель храма, въ коронѣ на головѣ, съ перекинутымъ черезъ плечо концомъ плаща, очень эффектно задрапированная и столь же эффектно повернутая къ зрителю профилемъ своей запрокинутой назадъ головы. 4) *Roma caput mundi* (на фонтанѣ: *Roma gentium*)—сидящая въ роскошной одеждѣ съ короною на головѣ и пальмовой вѣтвью въ рукѣ женская фигура, напоминающая своей позой консульскіе диптихи. 5) *Divinitas excelsa*. По всей вѣроятности, подъ этой надписью находилась первоначально статуэтка, слѣдующая теперь за изображеніемъ апостола Павла и сопровождаемая надписью *divinitas beati Laurentii*, которая по своей позѣ, съ устремленнымъ къ небу взоромъ и поднятой вверхъ правой рукой, находится въ соотвѣтствіи съ стоящей по другую сторону отъ олицетворенія Рима статуэткой римской церкви. 6) *Sanctus Paulus doctor gentium* (на фонтанѣ: *doctor caput mundi*) — съ мечомъ въ правой и свиткомъ въ лѣвой рукѣ, какъ и ап. Петръ, обычнаго типа. 7) *Clericus beati Laurentii* (на фонтанѣ съ надписью *clericus excelsa* помѣщается передъ статуэткой Павла)—безбородый молодой монахъ въ простой рясѣ, скромно стоящій со скрещенными на груди руками. 8) *Sanctus Laurentius bonum opus operatus est*—юноша въ диаконскомъ, украшенномъ узоромъ и отороченномъ мѣхомъ облаченіи съ евангеліемъ въ рукахъ. 9) *Domina Clusii ferens granum Perusie*—олицетворяющая мѣстечко Кіузи прекрасно задрапированная молодая женщина, несущая колосья. 10) *Augusta Perusia est fertilis de omnibus bonis*—олицетвореніе Перуджии въ образѣ сидящей женской фигуры съ рогомъ изобилія на колѣняхъ. 11) *Domina lacu ferens pisces Perusie*—олицетвореніе Тразименскаго озера съ рыбами въ рукахъ. 12) *Sanctus Ercolanus pastor perusinorum*—замученный Тотилою послѣ взятія имъ Перуджии епископъ¹⁾; изображенъ въ полномъ облаченіи, держа въ лѣвой рукѣ посохъ и благословляя правой (при чемъ пальцы этой руки, которые, по свидѣтельству Вермильоли, были сложены по обряду греческой церкви, въ настоящее время

¹⁾ Massari e Vermiglioli, стр. 41.

отломаны). 13) *Clericus poditor sancti Erculani*—согласно Вермильоли, предатель, сообщившій Тотилѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ св. Геркуланъ для защиты города: худощавая фигура въ рясѣ. 14) *Sanctus Benedictus habens spiritum profetie*: святой въ сопровожденіи двухъ ангеловъ позади держитъ въ рукахъ книгу орденскаго устава передъ колѣнопреклоненнымъ, благоговѣнно принимающимъ ее ученикомъ своимъ Мавромъ. 15) *Puella ferens...* Дѣвица въ длинной туникѣ, несущая въ рукахъ мужскую голову. Вслѣдствіе помѣщеннаго на фонтанѣ за *ferens* слова *Salomo* Вермильоли приводитъ изображеніе это въ связь съ текстомъ св. Писанія о томъ, что вся земля желала созерцать изображеніе Соломона и познавать дарованную ему отъ Бога мудрость. Но гораздо вѣроятнѣе предположить, что *Salomo* должно быть соединено съ находящейся при одной изъ дальнѣйшихъ статуэтокъ надписью *gex*, при которой стоитъ теперь относящееся, какъ сказано выше, къ обозначенію побѣды слово *magna*. Реймонъ добавляетъ къ *ferens* *Holofernest*, но, имѣя въ виду, что рядомъ помѣщена статуя Іоанна Крестителя, и что у дѣвицы, какъ вѣрно замѣтилъ Вермильоли, нѣсколько улыбающееся лицо, намъ кажется, что въ ней надо видѣть скорѣе Саломію, нежели Юдиѣ. 16) *Nobilis miles Domini esse agnus Dei* — Іоаннъ Креститель съ длинными волосами и бородой, босой, но въ отороченномъ мѣхомъ плащѣ, съ ягненкомъ въ лѣвой рукѣ, на котораго онъ указываетъ правой. Вѣроятно, эта статуэтка должна предшествовать № 15. 17) *Neulixtes perusine conditor urbis*—мѣнчешскій основатель Перуджип, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, какъ законодатель, и поднятой правой, въ богатой одеждѣ и коронѣ. 18) *David rex*—съ длинными волосами и бородой, держащій въ рукахъ лиру. 19) *Moyses cum virga et lege* — спокойная, исполненная достоинства, но нѣсколько тяжелая фигура съ жезломъ и книгой. 20) *Matheus de corrigia* (на фонтанѣ передъ именемъ стоитъ *nobilis miles*, относящееся скорѣе къ послѣдней статуэткѣ, изображающей военачальника)—подеста, занимавшій свою должность въ 1278 г., съ бритымъ лицомъ, одѣтый въ длинное платье, въ круглой расширяющейся кверху шапкѣ, съ перчаткой въ лѣвой и жезломъ въ правой рукѣ. 21) *Melchisedec, sacerdos Domini*. Находившаяся на этомъ мѣстѣ статуэтка замѣнена въ настоящее время новѣйшей, исполненной профессоромъ Массари. 22) *Angelus minister nobilis*. Также замѣнена новѣйшей статуэткой, исполненной профессоромъ Чани. 23) *Rex Salomon*—

съ короткой, густой бородой, въ коронѣ и очень странной одеждѣ съ необыкновенно длинными, спускающимися почти до полу рукавамъ, въ широкихъ, завязанныхъ у щиколотки шароварахъ. На фонтанѣ вмѣсто гех Salomon, какъ упомянуто, стоитъ гех magna: Вермильоли (тамъ же, стр. 29) добавляетъ «fecit o somigliante» и видитъ въ этой статуэткѣ Рудольфа Габсбургскаго, но одинъ костюмъ ея противорѣчитъ такому предположенію. 24) Nobilis miles Hermapus de Sassoferato—военачальникъ Перуджіи (capitano del popolo), занимавшій свою должность въ 1278 г. въ костюмѣ, подобномъ изображенному на подеста, и съ тѣми же атрибутами.

Относительно этой части фонтана также слѣдуетъ признать, что участіе въ ней Николо можетъ быть оспариваемо съ гораздо большимъ основаніемъ, нежели въ рассмотрѣнныхъ нами раньше памятникахъ, ибо изъ числа украшающихъ ее статуэтокъ только одна, именно Моисей, своими, какъ уже замѣчено, тяжелыми, короткими пропорціями напоминаетъ манеру Николо, всѣ же остальные отличаются несравненно болѣе элегантными, нежели въ другихъ его произведеніяхъ, формами. Въ виду этой особенности получаетъ важное значеніе то обстоятельство, что въ надписи фонтана наряду съ Николо упоминается и его сынъ Джованни, который въ это время достигъ уже такого возраста, что не нуждался въ постороннемъ руководствѣ. Въ связи съ этими соображеніями можетъ быть поставлено извѣстіе Вазари, рассказывающаго въ биографіи Джованни, которому онъ приписываетъ скульптуры фонтана всецѣло, что при окончаніи работы названный художникъ былъ вызванъ къ своему умирающему отцу, пребывавшему тогда въ Пизѣ. Наконецъ, кромѣ Джованни возможнымъ участникомъ въ скульптурахъ фонтана является и другой ученикъ Николо — Арнольфо, манера котораго довольно близко подходитъ къ виѣшнему стилю статуэтокъ второго бассейна, и который въ 1277 г., находясь на службѣ у Карла Анжуйскаго, получилъ отъ него разрѣшеніе отправиться, согласно просьбѣ гражданъ Перуджіи, въ ихъ городъ съ необходимыми для фонтана мраморомъ и другими камнями ¹⁾, хотя странно, что имя Арнольфо, если онъ,

¹⁾ Документъ, въ которомъ Карль даетъ свое согласіе на поѣздку Арнольфо, напечатанъ у Шульца (Denkmäl r der Kunst des Mittelalters in Unteritalien. IV, 50).

дѣйствительно, былъ авторомъ этихъ статуэтокъ, и участіе его въ сооруженіи фонтана не ограничивалось, какъ предполагаетъ Вермильоли (стр. V) одной архитектурной частью работы, не упоминается въ находящейся на фонтанѣ надписи. Такимъ образомъ, замѣчая въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ статуэтокъ, даже наиболѣе спокойныхъ и близкихъ къ античной традиціи, не говоря уже о такихъ, какъ *ecclesia romana* или *divinitas excelsa*, признаки извѣстной, совершенно несвойственной античному искусству, составляющей типическую черту позднѣйшей скульптуры напряженности и стремительности въ позахъ и какого то отражающагося въ лицахъ повышеннаго настроенія духа, мы на основаніи сказаннаго должны допустить, что эти особенности могутъ быть отнесены на счетъ сотрудниковъ Николо.

Въ иномъ отношеніи къ Николо стоятъ, по нашему мнѣнію, скульптуры нижняго бассейна.

Разсматривая эти скульптуры, покрывающія многоугольникъ о 25 отдѣленныхъ другъ отъ друга группами витыхъ колоннокъ сторонахъ, изъ которыхъ каждая въ свою очередь разграничена канелированной полуколонной на два заполненные рельефами поля, мы прежде всего встрѣчаемъ изображенія 12 мѣсяцевъ или, точнѣе, тѣхъ занятій, которыя свойственны различнымъ временамъ года, при чемъ на каждый мѣсяць отведено по два изображенія, сопровождаемыхъ, первое—знакомъ зодіака и его названіемъ (или замѣняющимъ его словомъ *socius*), второе — названіемъ мѣсяца. Вотъ содержаніе этихъ изображеній:

Январь: 1) Человѣкъ съ густыми волосами и бородой, въ плоской, расширяющейся кверху шапкѣ и длинной, наподобіе халата, одеждѣ сидитъ у очага и держитъ въ правой рукѣ блюдо съ какой-то ощипанной птицей, а въ лѣвой чашу. 2) Закутанная въ плащъ, съ длиннымъ покрываломъ на головѣ старуха также грѣется у огня, имѣя въ рукахъ сосуды для вина и масла. *Февраль*: 1) Бородатый человѣкъ въ круглой шляпѣ съ полями, одѣтый въ короткую блузу съ капишономъ назади и обутый въ низкіе сапоги, сидитъ на берегу и, вытянувъ впередъ правую руку, а лѣвую положивъ къ себѣ на колѣни, удитъ рыбу. У ногъ его корзина. Около берега высунулась изъ воды голова рыбы. 2) Молодой безбородый рыбакъ въ высокой шапкѣ, короткой туникѣ и плащѣ, застегнутомъ на правомъ плечѣ въ

такихъ же, какъ и предыдущая фигура, низкихъ, мягкихъ сапогахъ, съ небольшимъ повѣшеннымъ черезъ плечо боченкомъ, поспѣшно шагалъ, несеть въ правой рукѣ нанизанныхъ рыбъ, а въ лѣвой рыбами же наполненную корзину. *Мартъ*: 1) Человѣкъ въ длинной туникѣ съ длинными, косматыми волосами, въ позѣ, напоминающей античныя изображенія вытаскивающаго запозу юноши, но по тѣлу не имѣющей въ себѣ ничего античнаго, срѣзаетъ себѣ ножомъ съ лѣвой ноги мозоль, (образовавшуюся, очевидно, отъ зимней обуви). 2) Юноша въ туникѣ и маленькой шапочкѣ наподобіе ермола обрѣзаетъ сучья у дерева. *Апрѣль*: 1) Юноша съ длинными, волнистыми волосами, съ вѣнкомъ на головѣ, въ длинной туникѣ, плащѣ и башмакахъ въ правой рукѣ держитъ цвѣтокъ, а въ лѣвой—древесную вѣтвь. 2) Молодая женщина съ распущенными по плечамъ волосами и также увѣнчанная, въ туникѣ и плащѣ, прекрасно задрапированная, несеть въ правой рукѣ корзину, полную цвѣтовъ, въ лѣвой—рогъ изобилія. Обѣ эти фигуры въ отличіе отъ вышеприведенныхъ чисто бытовыхъ образовъ носятъ явный отпечатокъ изученія античныхъ памятниковъ, особенно послѣдняя, напоминающая позой Аенну Партеносъ; но и въ ней нельзя не обратить вниманія на убранство волосъ, которые, какъ и у изображеннаго рядомъ съ ней юноши, согласно средневѣковому обычаю, образуютъ пышныя спускающіяся на уши пряди. *Май*: 1) Увѣнчанной розами, съ розами въ правой рукѣ всадникъ. Лошадь его съ очень толстой и крутой шеей—античнаго типа, но самъ юный всадникъ съ упомянутыми только-что прядями волосъ, въ длинной одеждѣ, со шпорами на башмакахъ—вполнѣ средневѣковой образъ, такъ же какъ и рядомъ съ нимъ представленная 2) всадница въ окутывающемъ всю голову, спускающемся за плечи, длинномъ покрывалѣ, съ соколомъ въ лѣвой рукѣ и плеткой въ правой, сопровождаемая собакой, которая вертится между ногъ лошади. *Юнь*: 1) Молодой крестьянинъ въ туникѣ съ рукавами и низкихъ сапогахъ, въ шляпѣ съ круглымъ дномъ и спущенными полями, такой формы, какую и въ настоящее время часто можно встрѣтить въ Италіи, держа лѣвой рукой пучъ колосьевъ, срѣзаетъ ихъ серпомъ. 2) Онъ же связываетъ снопъ веревкой, конѣцъ которой, стоя, къ себѣ притягиваетъ. *Юль*: 1) Крестьянинъ въ шапкѣ съ загнутыми вверхъ краями (какъ на головахъ альбигойцевъ на гробницѣ св. Доминика) замахнулся цѣпомъ на лежащія

у его ногъ колосья. 2) Крестьянинъ, одѣтый въ костюмъ фигуръ предыдущаго мѣсяца, стоитъ съ лопатой въ рукахъ, провѣвая сыплющіяся съ нея зерна. *Августъ*: 1) Пожилой крестьянинъ безъ шапки и босой въ подоткнутой къ поясу туникѣ, держа въ лѣвой рукѣ корзину, рветъ съ дерева финики. 2) Молодая женщина въ длинной туникѣ сидитъ съ корзинной подѣй фивовымъ деревомъ. *Сентябрь*: 1) Пожилой крестьянинъ съ виноградной кистью въ лѣвой рукѣ и палкой въ правой стоитъ въ наполненномъ виноградомъ чану, опираясь на правую ногу и давя виноградъ лѣвой. 2) Молодой крестьянинъ съ покрытой кашпономъ головой несетъ на плечѣ корзину съ виноградомъ. *Октябрь*: 1) Простоволосый молодой крестьянинъ изъ боченка вливаетъ вино въ бочку. 2) Другой въ длинной туникѣ, замахнувшись молотомъ, накалываетъ на бочку обручи. *Ноябрь*: 1) Бородатый пахарь идетъ за плугомъ, въ который запряжена пара быковъ, какъ и на лувкскомъ рельефѣ (рис. 11), отличающихся, согласно съ античной традиціей, необыкновенно малыми размѣрами. 2) Молодой крестьянинъ въ маленькой плоской шапочкѣ, поддерживая лѣвой рукой подолъ туники, наполненный зернами, разбрасываетъ ихъ по полю. *Декабрь*: 1) Стоя передъ подвѣшенной за заднія ноги свиньей и взявъ ее лѣвой рукой за переднія, молодой крестьянинъ распарываетъ ей ножомъ брюхо, причемъ въ подставленный внизу тазъ стекаетъ кровь животнаго. 2) Крестьянинъ съ длинными, растрепанными волосами и бородой тащитъ на спинѣ свиную тушу, схвативъ ее правой рукой за шею, а лѣвой подпирая ей задъ; передъ нимъ прыгаетъ на заднихъ лапахъ смотрящая ему въ глаза собака.

Значительная часть описанныхъ рельефовъ, именно, первый рельефъ каждаго мѣсяца (въ мартѣ—второй) представляетъ повтореніе тѣхъ же самыхъ мотивовъ, которые мы видѣли на порталѣ лувкскаго собора, но сравненіе обоихъ памятниковъ показываетъ, какой огромный шагъ въ смыслѣ свободы и выразительности изображенія сдѣлало итальянское искусство въ позднѣйшемъ изъ нихъ. Въ то же время, хотя и въ этомъ памятникѣ, подобно другимъ произведеніямъ пизанской школы, встрѣчаются отголоски античнаго искусства, скульптуры его отличаются такой удивительной искренностью и свѣжестью художественнаго чувства, такой оригинальностью въ выборѣ подробностей и въ передачѣ движенія, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что источникомъ вдохнове-

нія для художника служили не готовые образцы, а сама окружающая его жизнь.

За описанными рельефами слѣдуютъ фигуры сидящихъ на заднихъ лапахъ льва, какъ эмблемы партіи гвельфовъ, которой держалась Перуджія, и грифа, какъ присвоеннаго ей герба. Къ нимъ примыкаютъ олицетворенія семи главныхъ наукъ, такъ-называемаго тривіума и квадривіума, заканчивающіяся олицетвореніемъ философіи. Здѣсь снова надо отмѣтить античный характеръ особенно 4-хъ послѣднихъ фигуръ — *геометріи*, наклонившейся надъ доской, на которой она измѣряетъ что-то циркулемъ, *музыки*, съ инструментомъ въ родѣ цитры на колѣняхъ, которая, поднявъ голову и мечтательно устремивъ взоръ, ударяетъ молоткомъ въ подвѣшенные вверху колокола, *астрономіи*, сидящей въ богатой, отороченной мѣломъ одеждѣ и съ короной на головѣ, обратившейся всѣмъ корпусомъ назадъ, въ очень трудной, но прекрасно переданной позѣ, и смотрящей на шаръ, который она держитъ передъ глазами, и *философіи*, торжественно возсѣдающей въ столь же богатомъ костюмѣ со скипетромъ и сферою на тронѣ лицомъ къ зрителю. Но этотъ античный характеръ аллегорическихъ фигуръ далеко не представляетъ такую оригинальную для средневѣкового искусства черту, какъ стремленіе оживить даже аллегорическій образъ реально-бытовымъ содержаніемъ, что мы видимъ въ изображеніяхъ *грамматики*, *реторики* и *арифметики*: первая изъ нихъ, женщина съ покрытой головой, вся закутанная въ складки своей одежды, наклонившись, положила лѣвую руку на плечо стоящаго передъ ней, одѣтаго въ длинную тунику и маленькую шапочку ученика, а правой указываетъ ему на свитокъ, на которомъ онъ старательно что-то пишетъ; реторика, такая же закутанная фигура, какъ и грамматика, сидя, поддерживаетъ лѣвой рукой книгу, лежащую передъ ней на пуштрѣ, и водитъ по ней указкой; передъ ней стоитъ со скрещенными руками внимательно слушающій ее ученикъ; арифметика изображена также со стоящимъ передъ ней ученикомъ: оба считаютъ по пальцамъ, при чемъ движеніе этихъ пальцевъ, а также сосредоточенность учительницы и ученика, какъ и въ предшествующихъ рельефахъ, переданы замѣчательно живо. Не менѣе интересна фигура *діалектики*, суровой старухи въ плащѣ и чѣмъ то въ родѣ чалмы на головѣ, которая сидитъ одна, держа въ рукахъ двухъ змѣй, обозначающихъ ея пронзительность въ спорѣ.

Два сидящихъ съ распущенными крыльями и энергически вытянутыми въ сторону шеями орла, помѣщенные въ качествѣ эмблемы города Пизы, родины создавшихъ ихъ скульпторовъ, отдѣляютъ разсмотрѣнную группу отъ исполненныхъ съ такой же искренностью, какъ и бытовья сцены, сюжетовъ, имѣющихъ дидактическое или историческое значеніе. Этотъ рядъ начинается изображеніемъ грѣхонаденія: Ева, стоя около обвитаго змѣемъ дерева и положивъ руку на плечо Адама, передаетъ ему яблоко; въ слѣдующей сценѣ Адамъ, прикрываясь листомъ и повернувъ голову къ спускающейся сверху десницѣ Бога, указываетъ на стоящую рядомъ съ нимъ и также прикрывающуюся Еву: позой и выраженіемъ лига онъ необыкновенно удачно иллюстрируетъ сопровождающую этотъ рельефъ надпись: *Eva me fecit peccatorem*. Далѣе мы видимъ Самсона съ длинными, ниже плечъ спускающимися волосами, который раздираетъ пасть повергнутаго имъ льва, упершись колѣномъ въ его спину и запрокинувъ ему назадъ голову. Рядомъ тотъ же Самсонъ представленъ заснувшимъ у ногъ Далилы, на колѣняхъ которой покоятся его голова и руки; поза его передана довольно неумѣло, особенно положеніе ногъ, но весьма мѣтко схвачена, такъ же какъ и фигура Далилы, которая, отдѣливъ прядь его волосъ, собирается ее обрѣзать. Содержаніе двухъ слѣдующихъ рельефовъ заимствовано изъ басенъ Эзопа о состарившихся львѣ и собакѣ. На рисункѣ, помѣщенномъ у Вермильоли, голова лежащаго между двумя деревьями льва имѣетъ совершенно человѣческое выраженіе упрека и презрѣнія: на самомъ оригиналѣ, который сильно стерся, выраженіе это въ настоящее время трудно провѣрить. Зато собака, которой ея хозяинъ, молодой человѣкъ съ роскошными волосами, въ короткой туникѣ, наноситъ удары, схвативъ ее за заднія лапы, дѣйствительно, въ высшей степени жалостно обращаетъ къ нему морду. Вѣроятно плиты съ двумя послѣдними рельефами попали не на свое мѣсто во время одной изъ реставрацій фонтана, ибо за ними опять идутъ два изображенія изъ священной исторіи, именно, — юный Давидъ, одѣтый въ короткую тунику, плащъ и пизкіе сапоги, который, широко шагнувъ, держитъ въ правой рукѣ пращу, а лѣвой кладетъ въ нее камень, и побѣжденный имъ Голиаѳъ, который въ полномъ вооруженіи римскаго вонна, вытянувъ ноги и опираясь на руку, сидитъ со сложенной на плечо головой. Четыре слѣдующихъ рельефа рассказы-

вають исторію Ромула и Рема и, согласно указанію Вермпульолл, несомнѣнно должны быть размѣщены въ порядкѣ обратномъ тому, въ которомъ находятся теперь на фонтанѣ, изображая: Ромула и Рема въ длинныхъ туникахъ, съ папочками на головахъ, кормящихъ спустившихся къ нимъ на колѣни коршуновъ; волчицу, которая сидитъ, повернувъ назадъ голову, какъ бы оберегая отъ опасности двухъ сосущихъ ее курчавыхъ младенцевъ, и мать ихъ, Рею Сильвію, которая, сидя у пылающаго алтаря, держитъ на колѣняхъ покрытое вѣтвями рѣшето (по Вермпульолл—символь произнесеннаго ею въ качествѣ весталки обѣта цѣломудрія). Заканчиваются рельефы нижняго бассейна снова сюжетами, заимствованными изъ басень, именно, изображеніемъ сидящаго на заднихъ лапахъ съ раскрытой пастью волка и запустившей въ нее клювъ цапли и—волка, съ вытянутой шеей спускающагося со скалы къ доврѣчиво взирающему на него ягпенку.

Выразительный, свободный стиль этихъ рельефовъ несомнѣнно родитъ ихъ со скульптурами Джованни Пизано; едва ли однако и по отношенію къ нимъ авторство Николо должно быть признано только номинальнымъ ¹⁾. Правда, объ участіи въ этихъ рельефахъ Джованни свидѣтельствуетъ надпись *bonus Johannes est sculptor hujus operis* около одного изъ упомянутыхъ выше орловъ, указывающаго на пизанское происхожденіе его автора. Но именно эта надпись говоритъ въ пользу того, что второй имѣющій то же значеніе орелъ быть сдѣланъ другимъ пизанцемъ, т. е. Николо, который, какъ главный руководитель работы, не считъ нужнымъ отмѣчать его своимъ именемъ. Въ пользу непосредственнаго вліянія Николо въ разсматриваемой части фонтана говорятъ и пропорціи полныхъ, скорѣе приземистыхъ, нежели вытянутыхъ фигуръ, какихъ мы не встрѣчаемъ въ самостоятельныхъ произведеніяхъ Джованни.

Х.

Въ отличіе отъ разсмотрѣннаго памятника авторство Николо не подлежитъ для насъ ни малѣйшему сомнѣнію въ другой работѣ, хотя оно и засвидѣтельствовано относительно нея однимъ Вазари.

¹⁾ Какъ думаютъ, напр., Ферстеръ (G. d. it. K., II, 129), Фрей (Dr. Carl Frey. Die Loggia dei Lanzi, 1885, стр. 83, прим.), Реймоль (указ. соч., стр. 80—81).

Мы имѣемъ въ виду рельефы на лѣвомъ порталѣ луккского собора (табл. III). Обратимся сперва къ рельефу, находящемуся въ люнетѣ и изображающему снятіе со креста.

Изъ тѣхъ изслѣдователей, которые отрицаютъ показаніе Вазари, только одинъ Земперъ ¹⁾ опредѣленно приписываетъ это произведеніе ученику Николо — фра-Гульельмо: другіе (Кроу и Кавальказеле и лишь допускающій ихъ толкованіе Доббертъ) или относятъ его вообще къ школѣ Николо или считаютъ совмѣстнымъ произведеніемъ Николо и его сына Джованни.

Что касается перваго мнѣнія, то оно основано на мнимомъ сходствѣ между луккскимъ рельефомъ и каедрой фра-Гульельмо въ Пистойѣ. Сходство это, по словамъ Земпера, состоитъ, во-первыхъ, — въ симметричной и гармонической композиціи и мастерскомъ заполненіи пространства безъ излишняго обремененія его фигурами, во-вторыхъ, въ степени выпуклости рельефа, представляющаго средину между плоскимъ рельефомъ и горельефомъ, въ-третьихъ, — въ отличающемся простотой стилѣ драпировокъ, въ-четвертыхъ, — въ счастливомъ сочетаніи античной традиціи съ самостоятельнымъ творчествомъ. — Нельзя отрицать того, что такой удачной группировки, какъ въ рельефѣ снятія со креста, мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ другихъ произведеній Николо. Но приписывать на этомъ основаніи разсматриваемый рельефъ фра-Гульельмо, мы едва ли имѣемъ право, ибо едва ли онъ превосходилъ въ отношеніи группировки Николо. Можно, пожалуй, согласиться, что композиціи его симметричнѣе; но ихъ симметрія гораздо чаще, нежели у Николо, приближается къ однообразію, отъ котораго совершенно свободна композиціи луккского рельефа. Особенно страннымъ является приведенное соображеніе въ устахъ Земпера, который имѣетъ въ виду не только рельефъ люнета, но и рельефъ архитрава, повторяющій почти буквально композиціи пизанской каедры. Степень выпуклости этого рельефа также не можетъ служить признакомъ работы фра-Гульельмо уже потому, что она, по наблюденію Ферстера ²⁾, далеко не одинакова во всѣхъ его частяхъ: напр., лѣвая рука Христа совсѣмъ отдѣлена отъ фона, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, напр. въ щекахъ, художникъ

¹⁾ Zeitschrift f. b. Kunst, 1871, стр. 366.

²⁾ G. d. it. K. II, 110.

замѣняетъ моделлровку вѣзанными контурами. Относительно прототы драпировки замѣчаніе Земпера вѣрно въ томъ смыслѣ, что одежда у фра-Гульельмо не играетъ такой самостоятельной роли, какъ у Николо; при этомъ складки ея у фра-Гульельмо несравненно мягче, и въ этомъ отношеніи можно согласиться съ Доббертомъ ¹⁾, что стиль его болѣе, нежели стиль Николо, приближается къ античному. Но луккскій рельефъ, такъ же какъ и пизанская каедрa, отличается именно любовью художника къ очень обильнымъ, весьма замысловато сложеннымъ, угловатымъ драпировкамъ, напр., у Богородицы, у Иоанна, у чело-вѣка, держащаго въ рукахъ терновый вѣнецъ (крайній справа), у находящейся въ противоположномъ углу женщины. Именно стиль драпировокъ носитъ особенно явные слѣды рѣзца Николо. Замѣтимъ кромѣ того, что пропорціи фигуръ у фра-Гульельмо обыкновенно длиннѣе, нежели въ луккскомъ рельефѣ, и что головы у него, какъ уже было указано, всегда представляютъ большое развитіе верхней части, въ луккскомъ же рельефѣ, какъ и въ пизанской каедрѣ, напротивъ, отличаются длиною нижней части лица и низкими лбами. Такимъ образомъ, справедливо лишь одно указаніе Земпера относительно луккскаго рельефа—указаніе на счастливое сочетаніе въ немъ античной традиціи съ самостоятельнымъ творчествомъ. Нельзя, дѣйствительно, не признать, что въ этомъ рельефѣ, по словамъ Добберта, античный элементъ какъ бы претворился подъ влияніемъ христіанскихъ идей, что здѣсь нѣтъ ни одной фигуры, нарушающей цѣльность композиціи: благоговѣйная заботливость, съ которой Иосифъ и Никодимъ снимаютъ безпомощно свѣсившееся тѣло Христа, искренняя печаль Богородицы и Иоанна, съ любовью прикипшихъ къ его рукамъ, пробуждающаяся вѣра въ молодомъ сотникѣ и глубокое участіе къ происходящему всѣхъ остальныхъ присутствующихъ сливаются въ одинъ гармоническій аккордъ и производятъ такое сильное впечатлѣніе, что намъ становится вполне понятна та высокая оцѣнка, которую дѣлаютъ этому произведенію Кроу и Кавальказелле ²⁾, ставящіе его по художественному достоинству въ непосредственное со-сѣдство съ созданіями Микельанджело.

Но эта столь справедливо отмѣченная Земперомъ, ничѣмъ не нарушаемая цѣльность композиціи и сила выраженія въ луккскомъ

¹⁾ Ueber d. St. N. P., стр. 65.

²⁾ Geschichte d. it. Malerei, I. 114.

рельефъ, составляющія также для Крону и Кавальказеле единственное основание, почему они, подобно Земперу, отрицаютъ принадлежность этого рельефа самому Николо, предполагая участіе въ немъ Джованни или приписывая его вообще школъ Николо, для насъ, въ виду несомнѣнныхъ чертъ сходства этого рельефа съ пизанскою каедрой, служитъ лишь указаніемъ на характеръ творчества Николо въ болѣе зрѣломъ, нежели названная каедра, произведеніи ¹⁾).

¹⁾ Вазари относитъ этотъ рельефъ къ раннему періоду дѣятельности Николо, именно къ 1233 г. Но, какъ справедливо предполагаетъ Шназе (G. d. b. K., VII, 285, пр. 2), основаніемъ для приведеннаго Вазари года послужила надпись на стѣнѣхъ портика, не имѣющая однако же, по одному мѣсту, гдѣ она находится (между среднимъ порталомъ и правымъ), очевидно, никакого отношенія къ скульптурамъ на лѣвомъ порталѣ и обозначающая, согласно указанію Шмарсова (S. Martin von Lucca, 89), лишь время, съ котораго наблюденіе за работами фасада было поручено упоминаемымъ въ надписи и называемымъ въ ней *operarii*, а не *magistri*, Belenato и Aldibrando (hoc opus fieri cepit a Belenato et Aldibrando operariis).—Хронологіи Вазари относительно лукскаго рельефа держится Фёрстеръ (G. d. it. K., II, 108), и, несмотря на замѣчаніе Шназе, Любке въ 3-мъ изданіи своей исторіи пластики (стр. 554). Самъ Шназе, отказываясь отъ окончательнаго рѣшенія вопроса относительно времени лукскаго рельефа, считаетъ однако возможнымъ его болѣе раннее сравнительно съ пизанскою каедрой возникновеніе на томъ основаніи, что одно изъ преимуществъ этого рельефа, мастерское заполненіе пространства было „особенностью, которой и старая, предшествовавшая Николо школа нерѣдко обладала въ высокой степени, напр. Антелами въ пармскомъ балтистеріи, и которая у Николо въ другихъ его произведеніяхъ обнаруживается нисколько не въ возрастающей степени“ и даже въ сіенской каедрѣ—слабѣ, нежели въ пизанской; другое жѣ преимущество лукскаго рельефа—искренность выраженія — могло быть свойственно именно юношескому произведенію и быть утрачено вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ технической ловкости и свободы изображенія (*Meisselfertigkeit und Gestaltenreichtum*). По поводу этихъ соображеній Шназе надо замѣтить, что, если нѣкогда произведеніямъ предшествовавшей Николо пластики и присуще искусство композиціи въ томъ смыслѣ, что чертанія фигуръ согласуются въ нихъ съ формой отвѣденнаго имъ пространства, то группировка этихъ произведеній, въ томъ числѣ и у Бенедетто Антелами, отличается крайней несложностью, и потому въ лукскомъ рельефѣ, который, какъ и остальные произведенія Николо, слѣдуетъ совершенно новому въ итальянской скульптурѣ, живописному расположенію фигуръ на разныхъ планахъ, мастерство композиціи едва ли можно приписывать выработаннымъ раньше Николо приемамъ и не считать указаніемъ на болѣе зрѣлый періодъ въ дѣятельности художника, когда онъ на ряду съ менѣе удачными, правда, вслѣдствіе излишней обремененности композиціями сіенской каедры создалъ, почти одновременно, рельефы на гробницѣ св. Доминика, отличающіеся, по словамъ

Къ тому же заключенію приводитъ насъ и второй рельефъ лужскаго портала, изображающій въ одномъ полѣ благовѣщеніе, рождество Христова, поклоненіе пастырей и поклоненіе волхвовъ. Хотя рельефъ этотъ и дошелъ до насъ въ гораздо худшемъ состояніи, нежели снятіе со креста, но настолько еще сохранилъ характерныя для Николо черты въ стилѣ драпировокъ, въ пропорціяхъ фигуръ и типѣ головъ, что мы не считаемъ возможнымъ сомнѣваться въ принадлежности его Николо ¹⁾. Въ то же время, благодаря тому, что сюжеты этого рельефа тождественны съ сюжетами пизанской каеэды, измѣненія въ его стилѣ еще очевиднѣе, нежели въ рельефѣ, изображающемъ снятіе со креста. Подробно останавливающимся на этомъ измѣненіи Шмарсовъ ²⁾ особенное вниманіе обращаетъ на успѣхъ Николо въ спеціально пластическомъ отношеніи, указывая на то, что фигуры отличаются здѣсь большей законченностью, что ихъ движенія опредѣленнѣе, драпировка мотивированнѣе, нежели въ пизанской каеэдрѣ: такъ, у ангела уничтоженъ непонятно развѣвающійся сзади конецъ одежды (конецъ этотъ, по нашему наблюденію, едва ли не отломанъ), изъ-подъ одежды яснѣе выдѣляется форма ноги, а складки плаща не скрываютъ верхней части фигуры; Марія въ благовѣщеніи не заслоняется фигурой ангела, ея правый локоть не выдается

самого Шназе (стр. 284), отъ пизанскихъ именно своею „ясностью“; съ другой стороны, Николо, конечно, могъ въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ утратить искренность выраженія, но, какъ свидѣтельствуетъ опять же самъ Шназе (такъ же), сравнивая пизанскую каеэдру съ сѣпской, именно въ „искренности выраженія“ и сдѣлавъ успѣхъ во второмъ изъ названныхъ произведеній. — Едва ли также можетъ убѣдить въ раннемъ возникновеніи лужскаго рельефа замѣчаніе Боде (*Geschichte der it. Plastik*, 17), что онъ во всѣхъ отношеніяхъ, „по группировкѣ, пропорціямъ, широкой, отчасти даже тонко прочувствованной концепціи — самое значительное изъ твореній Николо“.

¹⁾ Другихъ доказательствъ того, что онъ сдѣланъ Николо мы не имѣемъ. Есть, правда, основаніе думать, что Вазари, говоря о скульптурахъ Николо на порталѣ лужскаго собора, имѣетъ въ виду не одно снятіе со креста (см. *Schmarzow*, с. 115). Но свидѣтельство Вазари не можетъ имѣть рѣшающаго значенія точно такъ же, какъ и сходство въ композиціи между этимъ рельефомъ и соответствующими сценами пизанской каеэды, на которое указываетъ Сиселле (стр. 319), ибо ученикъ или подражатель Николо могъ такъ же легко взять для себя за образецъ пизанскую каеэдру, какъ и самъ Николо.

²⁾ Стр. 117—119.

такимъ угломъ, пальцы правой руки плотнѣе прижаты къ груди, а лѣвая, безучастно держащая на пизанской каедрѣ прялку, получила назначеніе поддерживать сползающій книзу плащъ; у лежащей Богородицы обозначены формы членовъ подъ накинутымъ на нихъ покрываломъ, на рукахъ тщательнѣе выдѣланы суставы; стоящіе на колѣняхъ цари не столь тѣсно придвинуты другъ къ другу, и ихъ мантии ниспадаютъ болѣе плавными и разнообразными складками. Но, говоря объ этихъ формальныхъ преимуществахъ луккского рельефа, тотъ же Шмарсовъ указываетъ и на болѣе существенныя, по нашему мнѣнію, касающіяся самаго замысла, измѣненія его сравнительно съ пизанской каедрой. Такъ, Богородица въ сценѣ рождества не лежитъ уже въ олимпійскомъ спокойствіи, а приподнимаетъ лѣвой рукой покрывало съ люльки младенца, показывая его опустившимся передъ ея ложемъ на колѣни волхвамъ — мотивъ, нашедшій себѣ дальнѣйшее развитіе въ каедрахъ Джованни Пизано и въ одномъ изъ рельефовъ орвьетскаго собора. Прибавимъ, что волхвы въ свою очередь, хотя и представляютъ почти буквальное повтореніе волхвовъ на пизанской каедрѣ, но въ позахъ своихъ обнаруживаютъ гораздо болѣе стремительности: въ ихъ наклонившихся впередъ фигурахъ уже предчувствуется припадающій къ ногѣ Спасителя волхвъ сиенской каедры, точно такъ же, какъ два прислужника, находящіеся при царскихъ лошадяхъ и съ любопытствомъ взирающіе на событіе, по справедливому замѣчанію Шмарсова, являются прототипомъ той блестящей свиты, которая на сиенской каедрѣ занимаетъ большую часть сцены. Лошади, которыхъ держатъ эти прислужники, «не такъ классически прекрасны, какъ на пизанской каедрѣ», но зато «проникнуты большимъ движеніемъ». Вообще, главное отличіе разбираемаго рельефа отъ пизанской каедры заключается въ томъ, что художникъ, оставляя подражаніе античнымъ памятникамъ, стремится къ созданію иныхъ, болѣе подходящихъ къ положенію и болѣе выразительныхъ типовъ, и мы не можемъ понять, какъ Шмарсовъ, подтверждая такой выводъ, указывая на то, что «въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ концепція (въ луккскомъ рельефѣ) занимаетъ середину между болѣе ранней въ Пизѣ и позднѣйшей въ Сиенѣ», и на основаніи такого соображенія опредѣляя, какъ намъ кажется, совершенно вѣрно время возникновенія скульп-

туръ на лѣвомъ порталѣ лувкскаго собора ¹⁾, не придаетъ никакого значенія этому, имъ самимъ замѣченному движенію въ стилѣ Николо и настаиваетъ на безусловной противоположности между характеромъ творчества Николо и художественными цѣлями, которыя преслѣдовалъ сынъ его Джованни.

Въ числѣ имѣющихъ отношеніе къ Николо памятниковъ мы должны, кромѣ разсмотрѣнныхъ, упомянуть еще объ одномъ произведеніи, хранящемся въ берлинскомъ музеѣ и, въ виду его происхожденія изъ Пистойи, согласно указанію Бодэ ²⁾, находящемся, быть можетъ, въ связи съ работами, которыя въ 1272 и 1273 г. были предприняты Николо въ названномъ городѣ, и о которыхъ сохранилось извѣстіе въ документахъ соборнаго архива ³⁾. Это произведеніе—мраморный рельефъ, украшавшій, вѣроятно, нѣкогда нижнюю сторону пюпитра, изображающій двухъ ангеловъ, которые, стоя, держатъ на протянутой между ними пеленѣ бюстъ представленнаго въ епископской шапкѣ, со сложенными у груди руками епископа Беато Буонакорсо. Какъ совершенно справедливо указываетъ Бодэ, скульптуры этого рельефа, особенно ангелы, по внѣшнему ихъ стилю,—пропорціямъ тѣла, формѣ головы, характеру переломанныхъ складокъ, рисунку рукъ и ихъ моделировокъ,—даже въ мелочахъ, каковы форма крыльевъ, очертанія ихъ перьевъ, развѣвующіеся сзади фигуры концы одежды, настолько близки къ скульптурамъ на пизанской каедрѣ, что едва ли вѣроятно предполагать въ нихъ рѣзецъ какого-нибудь иного, нежели Николо, художника. Съ однимъ только опредѣленіемъ

¹⁾ Другое основаніе, приводимое Шмарсовымъ, въ пользу возникновенія лувксинхъ рельефовъ раньше сіенской каедры, заключается въ томъ, что въ 1261 г. состоялось поставленіе лицъ, завѣдывавшихъ работами въ соборѣ, о перестройкѣ и поправкѣ колокольни, и что съ этихъ поръ ни въ одномъ изъ документовъ, касающихся работъ въ соборѣ, не упоминается о его порталѣ, изъ чего Шмарсовъ заключаетъ, что именно въ это время и были поручены Николо послѣднія скульптуры портика—на лѣвомъ порталѣ, которыя могли быть окончены около 1263 года.

²⁾ *Italianische Bildhauer der Renaissance* стр. 19, и *Königliche Museen zu Berlin*, s. 9, Taf. I.

³⁾ *Ciampi. Notizie inedite.*, p. 122.

Боде мы не можемъ согласиться, именно съ его указаніемъ на классическое спокойствіе, отличающее, по его мнѣнію, эту работу отъ скульптуръ Джованни Пизано: вниманіе наше этотъ рельефъ, напротивъ, останавливаетъ той особенностью, что въ сюжетѣ, не имѣющемъ, повидному, ничего въ себѣ патетическаго, художникъ внесъ однако же явное возбужденіе, сказавшееся и въ волненіи драпировокъ, и въ движеніи ангеловъ, особенно одного изъ нихъ, направо отъ зрителя, съ его поднятой головой и изгибомъ всего тѣла. Впрочемъ, и самъ Боде, приведя указанное выше отличіе берлинскаго рельефа отъ скульптуръ Джованни, сближаетъ однако его съ сѣн-ской каедрой, гдѣ кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ особенностей сравнительно съ пизанской, болѣе мягкаго рисунка, большаго разнообразія и меньшей угловатости складокъ, менѣе частаго употребленія сверла, замѣчаемыхъ имъ и въ берлинскомъ рельефѣ, считаетъ нужнымъ указать и на большую подвижность и выразительность фигуръ, а также и на то, что въ этой каедрѣ подготавлился стиль Джованни.

XI.

Предпринятый нами обзоръ слѣдовавшихъ за пизанской каедрой произведеній Николо, въ которыхъ мы замѣчаемъ съ одной стороны, постепенное удаленіе отъ буквальнаго копированія античныхъ образцовъ, съ другой—стремленіе углубить или сдѣлать интенсивнѣе выраженіе фигуръ, имѣль, какъ уже упомянуто, цѣлью показать, насколько произошедшая въ стилѣ Николо эволюція подтверждаетъ отстаиваемое нами положеніе, что и самое подражаніе античнымъ памятникамъ, особенно замѣтное въ ранней работѣ Николо, не только не было результатомъ его равнодушнаго отношенія къ этическому содержанію образа, но имѣло это содержаніе главной своей цѣлью. Это пониманіе задачи Николо по отношенію къ античному искусству заставило уже насъ признать въ его стилѣ нѣчто совершенно новое не только сравнительно съ такими произведеніями предшествовавшей ему скульптуры, гдѣ античный элементъ сохранялся лишь по традиціи, но и съ такими, гдѣ непосредственное подражаніе античнымъ памятникамъ ограничивалось лишь усвоеніемъ ихъ внѣшнихъ приемовъ. Та же точка зрѣнія наша на смыслъ ан-

тичныхъ заимствованій Николо противорѣчить и еще одному толкованію его стиля, именно толкованію Шмарсова, поскольку онъ, считая обращеніе Николо къ античному искусству не наслѣдіемъ школы, а его личнымъ, гениальнымъ изобрѣтеніемъ, признаетъ, однако, Николо послѣднимъ отпрыскомъ предшествовавшей ему въ тосканѣ романской скульптуры именно потому, что и въ ней усматриваетъ стремленіе къ специально пластической красотѣ, которое по его мнѣнію одушевляло Николо. Замѣтимъ при этомъ, что признакъ предполагаемаго имъ въ тосканской скульптурѣ стремленія Шмарсовъ видятъ въ ея постепенномъ движеніи отъ многофигурнаго и связаннаго съ фономъ рельефа къ отдѣльной, круглой статуѣ, между тѣмъ какъ самъ же обращаетъ вниманіе на то, что скульптуры Николо, съ одной стороны, отличаются сложной, живописной группировкой, съ другой стороны, по самому замыслу своему неразрывно связаны съ сооруженіемъ, которое украшаютъ ¹⁾.

Правда, мы представляемъ себѣ до-пизанскую скульптуру въ Тосканѣ нѣсколько иначе, нежели Шмарсовъ. Такъ, нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что эта скульптура, увеличивая выпуклость фигуръ и выдѣляя ихъ изъ фона преслѣдовала независимыя отъ архитектурныхъ цѣли, а также и съ тѣмъ, что въ пизанской школѣ архитектурно-архитектоническій принципъ получалъ иногда излишнее преобладаніе, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя статуи Джованни Пизано, у которыхъ, по вѣрному замѣчанію Шмарсова ²⁾, вся нижняя часть является какъ бы продолженіемъ пилястра и только верхняя приобрѣтаетъ значеніе одушевленнаго образа. Едва ли однако этотъ подготавливавшійся переходъ предшествовавшей Николо тосканской скульптуры отъ рельефа къ круглой статуѣ,—который, замѣтимъ, въ пизанской школѣ осуществился окончательно, тогда какъ самое совершенное въ смыслѣ внѣшней законченности изъ болѣе раннихъ произведеній Тосканы, группа св. Мартина на фасадѣ луккесскаго собора, по указанію самого Шмарсова ³⁾, все еще на подобіе рельефа прислоняется всей задней стороной къ стѣнѣ,—едва ли этотъ переходъ даетъ основаніе въ стремленіи пизанской школы слить въ одно цѣ

¹⁾ S. Martin von Lucca, стр. 244 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 150—151.

³⁾ Тамъ же, стр. 234—235.

лое впечатлѣніе отъ архитектурныхъ и пластическихъ элементовъ, которое такъ поражаетъ уже въ кафедрѣ Николо, видѣть реакцію по отношенію къ «истинно-пластическому», по выраженію Шмарсова, принципу лучшихъ произведеній болѣе ранней романской эпохи, и мы думаемъ, что уже одинъ фактъ, отмѣченный и Шмарсовымъ, необыкновенно быстрого распространенія пизанскаго стиля въ Тосканѣ указываетъ на то, что предшествовавшая здѣсь Николо скульптура, преслѣдуя, какъ сказано, независимыя отъ архитектуры цѣли, не имѣла однако тенденціи сдѣлаться независимымъ отъ архитектуры искусствомъ, и что пизанская школа въ лицѣ своего перваго представителя, Николо, не уклонилась отъ задачъ предшествовавшей ей романской скульптуры, а лишь примирила два принципа, сочетать которые эта скульптура чувствовала себя безсильной.

Еще менѣе вѣрнымъ кажется намъ освѣщеніе, даваемое Шмарсовымъ ранней тосканской скульптурѣ, когда ея стремленіе перейти отъ рельефа къ круглой статуѣ онъ противопоставляетъ не архитектурному, а живописному элементу рельефа. Во-первыхъ, самъ же онъ на ряду съ группой св. Мартина или рельефомъ въ люнетѣ праваго портала, представляющимъ съ его лишь двумя дѣйствующими лицами такой разительный контрастъ многопланнымъ, переполненнымъ рельефамъ Николо, отмѣчаетъ въ другихъ рельефахъ того же собора несомнѣныя попытки увеличить число плановъ помѣщеніемъ между фигурами перваго плана полуфигуръ слѣдующаго ¹⁾). Во-вторыхъ, говоря о несложности тосканскихъ рельефовъ, не надо упускать изъ вида состояніе предшествовавшей Николо пластики въ другихъ областяхъ Италіи. Такъ, не надо забывать, что въ южной Италіи до эпохи Николо не только пластическія композиціи не отличались большою сложностью, но тамъ вообще фигурная пластика имѣла весьма ограниченное примѣненіе. Мало замѣтная на порталахъ церквей, на которыхъ фигуры людей и животныхъ перепутываются съ простыми орнаментами ²⁾), она обыкновенно не выхо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 233.

²⁾ См. изображенія у Шульца (*Denkmäler der Kunst des Mittelalters in Unteritalien*, табл. II, XI, XVI, XVII, XXVI, XXXII, XXXIII. Самый замѣчательный изъ исполненныхъ въ такомъ стилѣ порталовъ представляетъ соборъ въ Трави (Т. IXX) съ изображеніями изъ исторіи Авраама и Іакова. Большой интересъ къ фигурной пластикѣ обнаруживаетъ порталъ относящагося къ XIII ст.

дила здѣсь за предѣлы мелкихъ работъ, стоящихъ на рубежѣ съ издѣліями ювелирными и рѣзными. Самыми крупными изъ подобныхъ работъ являются украшенія на каеэдрахъ и створахъ церковныхъ дверей. Но, что касается первыхъ, то уже Геттнеръ ¹⁾ обратилъ вниманіе на знаменательное отличіе ихъ отъ каеэдръ, возникшихъ въ Тосканѣ: именно, въ то время какъ тосканскія каеэдры пользовались отведенными скульптурѣ пространствами для воплощенія въ живыхъ образахъ идеи искупленія ²⁾, южно-итальянскія, преслѣдовавшія сначала ту же цѣль, съ XII в., быть можетъ, подъ влияніемъ римскихъ мармораріевъ Косматовъ, замѣняютъ фигурную пластику орнаментами и узорами ³⁾. Къ этому роду произведеній относится въ числѣ прочихъ и разсмотрѣнная нами выше каеэдра въ Равелло ⁴⁾, стороны которой сплошь покрыты узорными инкрустаціями, и которая тѣмъ самымъ подтверждаетъ пред-

собора въ Битонто (т. XIII и I, 76), гдѣ на архитравѣ изображены три волхва, Богородица съ Младенцемъ и Симеонъ, Богородица и ангелъ, Богородица и Елисавета, а въ люветѣ такія же стоящія въ рядъ фигуры Христа и выводимыхъ имъ, изъ ада; въ особенности же—порталъ монастыря S. Clemente на рѣкѣ Пескарѣ, скульптуры котораго имѣютъ сюжетомъ исторію основанія и освященія церкви, начатой въ 1176 г. и въ 1182 еще не оконченной (т. LIV, LV, LVII и II, 24 и 25). Замѣчательно однако, что въ послѣднемъ случаѣ, какъ указываетъ Шназе (G. d. b. K. VII, 228) архитектура портала носитъ отпечатокъ сѣвернаго переходнаго стиля. Не останавливаясь здѣсь на многочисленныхъ скульптурахъ портала S. Giovanni in Venere (т. LIX и II, 45, 47, 48) на томъ основаніи, что хотя церковь, которой онъ принадлежитъ, была начата согласно надписи надъ дверью лѣваго корабля въ 1165 г., но согласно другой тамъ же находящейся надписи въ 1204 г. не была еще окончена, причѣмъ строителями въ обѣихъ надписяхъ названы нѣя лица, нежели помѣстившій свое имя на порталѣ аббатъ Райпальдъ), эти указанія заставляютъ думать, что помѣщенные рядомъ съ изображеніемъ стрѣльчатыхъ фронтоновъ скульптуры портала, которыхъ, по словамъ Шульца, „рисункъ утратилъ всякія слѣды византійскаго и даже романскаго стиля“, принадлежатъ сравнительно позднему времени.

¹⁾ Zeitschrift f. b. Kunst, 1873, стр. 305—317.

²⁾ Кромѣ упомянутыхъ нами выше сюда относятся еще каеэдра въ Вольтеррѣ съ изображеніемъ благовѣщенія, встрѣчи Маріи и Елисаветы, жертвоприношенія Авраама и тайной вечери и каеэдра въ Баргѣ ок. Лукки съ изображеніемъ благовѣщенія, рождества, шестивія и поклоненія волхвовъ.

³⁾ Изображеніе и описаніе этихъ каеэдръ см. у Шульца: Т. IX, LVI LXX—LVIII и Bd. II, s. 22, 83, 132, 154, 186.

⁴⁾ Изображена у Салазаро (I, t. XX), у Шназе (VII, 549).

положеніе, что возбуждшія такъ много споровъ, изваянные при входѣ на нее голова Сигилганты и два рельефныхъ бюста, исполнены уже послѣ ея сооруженія и возникли подъ вліяніемъ иного, нежели южно-итальянскаго, искусства ¹⁾). Такое же различіе существуетъ и между церковными дверями южной и средней Италіи, образчиками которыхъ являются, съ одной стороны, двери въ Равелло, Трани и на боковомъ входѣ собора въ Монреале, гдѣ за рѣдкими исключеніями мы видимъ лишь по одной фигурѣ на каждомъ полѣ, съ другой—покрытыя сценами изъ священной исторіи двери пизанскаго художника Бонайно ²⁾). Не болѣе, повидимому,

¹⁾ Къ числу южно-итальянскихъ произведеній до пизанской поры относятъ обыкновенно каеэдру въ соборѣ Альтамуры въ Апуліи, украшенную рельефными сценами благовѣщевія, рождества Христова, поклоненія волхвовъ, избіенія младенцевъ и бѣгства въ Египеть, и приводимую, между прочимъ, Салазаро (II, стр. 21, табл. VII и VIII), какъ образецъ тѣхъ возникшихъ подъ вліяніемъ античнаго искусства памятниковъ южной Италіи, на которыхъ могъ воспитаться Николо. Эта каеэдра, по замѣчанію Циммермана (*Kunstgeschichte d. Altertums u. des Mittelalters*, стр. 515 и 516), представляетъ единственный примѣръ зачительнаго примѣненія фигурной пластики въ Апуліи, гдѣ „пристрастіе къ орнаментальному“ доходило до того, что даже „тѣла животныхъ часто покрывались узорами“. Въ виду этого характера пластики въ Апуліи, прибавляетъ онъ, еще разъ становится совершенно ясно, что Николо Пизано не могъ происходить изъ этихъ странъ, какъ прежде думали, ибо онъ первой своей задачей ставитъ изображеніе человѣка и рассказъ и стоитъ поэтому въ полномъ противорѣчій къ упомянутой мѣстности“. Намъ кажется, что каеэдра въ Альтамурѣ тѣмъ менѣе можетъ измѣнить наше представленіе о ранней южно-итальянской пластикѣ, что ея возникновеніе въ XIII вѣкѣ, документально не засвидѣтельствованное, болѣе тѣмъ сомнительно. Такіе мотивы, какъ совершенно обнаженный младенецъ Христосъ, лежащій между колѣнопреклоненными Иосифомъ и Маріей, играющіе на рогахъ и гитарахъ ангелы, почти обнаженные воины въ сценѣ избіенія, прикрытыя лишь узкими плащами, заставляютъ думать, что въ разсматриваемой каеэдрѣ мы должны видѣть не доказывающее, какъ полагаетъ Салазаро, превосходство Апуліи въ художественномъ отношеніи произведеніе XIII в., а лишь плохую работу гораздо болѣе поздняго времени. Во всякомъ случаѣ полное отсутствіе искренности въ композиціи, надуманность и манерность позъ, заученный характеръ мелкихъ складокъ не имѣютъ ничего общаго со стилемъ Николо.

²⁾ Изображеніе южно-итальянскихъ дверей—у Пальмарипи (*Barisano da Trani e le sue porte di bronzo* въ *Archivio storico dell'arte*, 1898, 15), у Шульца (XX—XXV), у Салазаро (I, XVI); дверей пизанскаго собора у Реймона (*La sc. fiorentine*, 29).—Совершенно особо стоятъ въ южной Италіи двери беневентскаго

процвѣтала фигурная пластика въ римской области, родинѣ упомянутыхъ Косматовъ. Въ послѣднее время правда, римскому искусству XIII вѣка приписываютъ нѣкоторыя крупныя скульптуры. Такъ, Бодѣ ¹⁾ указываетъ на найденную въ Римѣ и хранящуюся въ берлинскомъ музеѣ мужскую голову, напоминающую по отдѣлкѣ волосъ на бородѣ извѣстную волчицу капитолийскаго музея, которую онъ склоненъ считать работою того же столѣтія, сопоставляя оба произведенія съ только что названными скульптурами въ Равелло и рассмотрѣнной вмѣстѣ съ ними выше головой изъ Скалы. Къ первой половинѣ XIII же вѣка относитъ Циммерманъ ²⁾ знаменитую статую св. Петра въ соборѣ того же имени. Но если эти произведенія и въ самомъ дѣлѣ возникли не въ античную эпоху, а въ средніе вѣка, то у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ относить ихъ ко времени, предшествовавшему Николо, и самое подражаніе въ нихъ античнымъ памятникамъ, подобно подражанію имъ въ южно-итальянскихъ бюстахъ, быть можетъ, обязано своимъ происхожденіемъ именно пизанской школѣ ³⁾. Единственная страна въ Италіи, которая въ до-пизанскій періодъ по количеству и значенію созданныхъ ею скульпторами работъ не только стоитъ наравнѣ съ Тосканой, но даже ее заслоняетъ — есть сѣверная Италія. Но всѣ обширныя циклы сѣверно-итальянскихъ скульптуръ, украшающіе церкви Модены, Феррары, Вероны, Пармы, Борго-Санъ-Доннино и возникшіе во время политическаго и соціальнаго роста ломбардскихъ городовъ въ ихъ борьбѣ за независимость съ германскими императорами, от-

собора, родственныя по количеству образовъ съ дверями Боваяна (см. Реймонъ, табл. къ 28 стр., Шульцъ, табл. LXXX). Но, какъ указываетъ (*Kunstgeschichte des Altertums und des Mittelalters*, стр. 507). Циммерманъ, не даромъ Беневентъ былъ въ продолженіе вѣсколькихъ вѣковъ лонгобардскимъ герцогствомъ. Достойно замѣчанія также, что беневентскій соборъ принадлежитъ къ числу такихъ зданій въ южной Италіи, орнаментация которыхъ, согласно Шназе (VII, 527) и Шульцу (I, 186), состоящая изъ аркадъ и заключенныхъ въ нихъ разноцвѣтныхъ квадратовъ и розетокъ, носить признаки тосканскаго вліянія.

¹⁾ Die italienische Plastik, стр. 9.

²⁾ Указ. выше сочиненіе, стр. 514.

³⁾ Относительно статуи св. Петра см. въ *Zeitschrift für bildende Kunst*, 1891, 109, статью Ф. Вилгофа „Die bronzene Apostelstatue in der Peterskirche“ гдѣ эта статуя рассматривается, какъ произведеніе, возникшее подъ вліяніемъ ученика Николо-Арнольфо.

носятся къ періоду отъ конца XI-го до первыхъ годовъ XIII-го столѣтія: вскорѣ послѣ признанія политической свободы этихъ городовъ по констанцкому миру (1183 г.) въ нихъ возникаютъ внутреннія смуты, борьба патриціанскихъ родовъ съ городскимъ сословіемъ и другъ съ другомъ, борьба между отдѣльными городами, и, быть можетъ, вслѣдствіе этихъ смуть падаетъ въ нихъ и художественная дѣятельность ¹⁾, при чемъ предшествовавшими ея плодами воспользовалась именно достигшая лишь позднѣе политической свободы Тоскана, куда, какъ показываетъ примѣръ Гвидо да Комо, переселяются ломбардскіе скульпторы, и гдѣ подъ влияніемъ этихъ «комасковъ» возникаетъ такой памятникъ, какъ фасадъ луккескаго собора, не имѣющій равнаго себѣ по значительности украшающихъ его скульптуръ ни въ одномъ изъ современныхъ ему произведеній сѣверной Италіи. Такимъ образомъ, не пластическая простота композицій, которая находитъ себѣ объясненіе въ недостаточной технической опытности, а сравнительная плодовитость, свидѣтельствующая о богатствѣ художественныхъ идей, которое несомнѣнно и породило живописный стиль пизанской школы,—вотъ, что привлекаетъ наше вниманіе къ предшествовавшей Николо тосканской скульптурѣ, когда мы ищемъ въ Италіи подготовившую его искусство почву.

Наконецъ, и относительно третьяго свойства до-пизанской скульптуры въ Тосканѣ, на которое указываетъ Шмарсовъ ²⁾, — отсутствія въ ней подчеркнутато изображенія душевныхъ аффектовъ, мы должны замѣтить, что и оно бросается въ глаза только при сравненіи этой скульптуры съ произведеніями пизанской школы. По отношенію къ южной Италіи такое утвержденіе противорѣчитъ, повидимому, взгляду Крауса ³⁾, который, говоря объ уклоненіи южно-итальянской пластики отъ византизма и ея «быстромъ, энергическомъ движеніи на встрѣчу тому, что обнаружилось у Николо Пизано», обращаетъ вниманіе на «необыкновенный драматизмъ» рельефовъ на колоннѣ въ Газтѣ и на реалистическій характеръ находящейся въ его владѣніи головы Христа изъ Капуи. Но второе изъ этихъ произведеній, лишенное помимо стилия всякихъ указаній на время своего возникнове-

¹⁾ Max. Gg. Zimmermann. Oberitalische Plastik. 1897.

²⁾ См. особенно стр. 188.

³⁾ F. X. Kraus. Geschichte der christlichen Kunst, 2-er Band, 1897, s. 233.

ня, самъ Краусъ считаетъ возможнымъ отнести къ половинѣ XIII столѣтія; на второмъ же, гдѣ насъ поражаетъ липающая чувствъ Богородица и совершенно обвисшее тѣло распятаго Христа, какъ уже было замѣчено (стр. 50, прим. 4), находится, согласно узанію Шульца, изображеніе стрѣльчатого овна, заставляющее думать, что оно возникло въ еще болѣе позднюю эпоху. Большую цѣну придаетъ Бальдория ¹⁾, очень жизненнымъ, дѣйствительно, скульптурамъ на капителяхъ колоннъ въ монастырѣ Монреале. Но колонны эти, какъ замѣтилъ Шмарсовъ ²⁾, съ ихъ богато украшенными стволами представляютъ весьма близкое подражаніе колоннамъ на фасадахъ церквей въ Луккѣ и Пизѣ, изъ чего Шмарсовъ, имѣя въ виду работу въ Монреале пизанскаго художника Бонанна, совершенно основательно заключаетъ, что мы въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ южно-итальянскимъ, а сѣверно-итальянскимъ искусствомъ. Согласно сдѣланному выше примѣчанію относительно дверей беневентскаго собора и этотъ памятникъ, отличающійся не только обиліемъ образовъ, но и ихъ выразительностью, нельзя считать типичнымъ для южно-итальянскаго искусства произведеніемъ. Если же мы сравнимъ не разъ упомянутыя двери Баризана изъ Трани съ дверями пизанца Бонанна, сопоставленіе которыхъ особенно интересно потому, что здѣсь и южно-итальянской и тосканской художникъ исходили отъ однихъ и тѣхъ же византийскихъ образцовъ, то различіе между ними опредѣлится для насъ именно тѣмъ, что, хотя фигуры перваго правильностью своихъ пропорцій, изяществомъ драпировки и свободой техники на много превосходятъ изображенныя въ неловкихъ позахъ, съ непонятными иногда складками, связанными движеніями фигуры втораго; но что, съ другой стороны, первый не только въ общемъ, но и въ мелочахъ держится вѣками сохранявшихся концепцій, въ то время какъ въ образахъ втораго несомнѣнно замѣтны уже слѣды лично прочувствованныхъ мотивовъ, каковы, напр., на пизанскихъ дверяхъ радость встрѣчающихся Маріи и Елизаветы, утомленіе Іосифа во время бѣгства въ Египетъ, непреодолимый сонъ одного изъ апостоловъ въ сценѣ преображенія, или отмѣченные Циммерманомъ ³⁾ черты и

¹⁾ Archivio storico dell'arte, 1889, стр. 255.

²⁾ St. Martin von Lucca, стр. 216.

³⁾ Kunstgeschichte des Altertums und des Mittelalters, стр. 503.

дверяхъ Монреале—удовольствіе, съ какимъ Ной пьетъ вино, нѣжность, съ какою Адамъ смотритъ на свою супругу и т. п. Циммерманъ, признающій и въ тосканской пластикѣ свойственное характеру южнаго народа формальное направленіе, которое, по его мнѣнію, называется въ томъ, что въ раннихъ своихъ произведеніяхъ она обращается не прямо къ натурѣ, а къ «выродившемуся византійскому искусству» (напр. въ упомянутыхъ нами выше работахъ Груамона, Адеодата, Генриха, Родольфина, каедрѣ въ S. Leonardo во Флоренціи) или древне-христіанскимъ образцамъ (напр. въ купели S. Frediano въ Луккѣ ¹⁾), склоненъ видѣть въ Бопаннѣ ²⁾), а также въ другомъ работавшемъ въ Тосканѣ художникѣ, Бидуннѣ ³⁾), который, какъ и Бопаннъ, отличается сравнительной индивидуальностью своихъ образовъ (см., напр., рис. 6, особенно менѣ совершенныя въ формальномъ отношеніи боковыя сцены) уроженцевъ сѣверной Италиі. Дѣйствительно, произведенія ломбардскихъ художниковъ, какъ по богатству фантазій, такъ и по силѣ выраженія вначалѣ стоятъ выше тосканскихъ. Такъ, въ концѣ XI-го или первыхъ годахъ XII-го ст. на фасадѣ моденскаго собора исполненъ мастеромъ Вильгельмомъ рядъ сценъ изъ ветхаго завѣта, фигуры которыхъ, напр. Адамъ и Ева, выслушивающіе свой приговоръ послѣ грѣхопаденія, или Каинъ, оправдывающійся предъ Богомъ, при всей грубости работы, останавливаютъ зрителя удивительной свѣжестью чувства и мѣткостью характеристики. Тѣмъ же направленіемъ, но въ болѣе культурной формѣ отличаются изображенія на правой створѣ бронзовыхъ дверей S. Zeno въ Веронѣ и принадлежащія рѣзцу художника Николая сцены изъ новаго завѣта на порталѣ феррарскаго собора. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ скульптуры Бенедетто Антелами. Уже въ одной изъ раннихъ его работъ, снятіи со креста, составлявшемъ часть разрушенной теперь каедры и носящемъ еще всѣ признаки архаизма, ему удается передать и спокойствіе смерти на лицѣ Христа, и благоговѣніе снимающаго его Никодима, и глубокую грусть Іоанна, и контрастъ между скорбящими женщинами направо и равнодушно присутствующими при событіи воинами палѣво отъ

¹⁾ Oberitalische Plastik, 48, 49.

²⁾ Kunstgeschichte, 503.

³⁾ Oberitalische Plastik, 49 прим.

Спасителя. Еще большей выразительности достигают его фигуры на капителях колоннъ, поддерживавшихъ упомянутую кафедру. Напр., стыдъ и горе прародителей при изгнаніи ихъ изъ рая изображены съ такой силой, что заставляютъ совершенно забывать о ихъ несовершенствѣ въ техническомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ фигурами болѣе значительныхъ размѣровъ, каковы фигуры въ люнетахъ пармскаго баптистерія или Давидъ и Езекиль на фасадѣ Borgo S. Donnino, Бенедетто впадаетъ въ большую условность и неподвижность, но въ мелкихъ работахъ тѣхъ же церквей, напр., въ рельефахъ на пилястрахъ дверей пармскаго баптистерія (особенно въ напвномъ, искреннемъ изображеніи дѣлѣ милосердія) или на его архитравахъ (особенно въ фигурахъ предвкушающихъ блаженство праведниковъ и повергнутыхъ въ уныніе грѣшниковъ) онъ выказываетъ замѣчательную способность нѣсколькими чертами раскрывать передъ зрителемъ внутренній міръ изображаемыхъ лицъ. Сильное впечатлѣніе производитъ также его разъяренный, по выраженію Циммермана, какъ бы пррготовляющійся къ скачку левъ, поддерживающій купель въ пармскомъ баптистеріи ¹⁾. Но въ XIII вѣкѣ стиль ломбардскихъ скульпторовъ вырождается не только количественно, но и качественно. Послѣднимъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній, гдѣ сохраняется еще въ полной мѣрѣ свѣжее, непосредственное чувство ломбардской пластики, можетъ считаться сдѣланный изъ серебра и золота алтарь въ церкви св. Амвросія въ Миланѣ ²⁾, который на передней сторонѣ изображаетъ возсѣда-

¹⁾ Тамъ же, 33, 34, 65, 81, 84, 107, 111, 123, 127, 139, 143.

²⁾ Несмотря на дѣльный рядъ свидѣтельствъ, между прочимъ, помѣщенію на самомъ алтарѣ надпись, отпосыающихъ это произведение ко времени епископа Ангильберта II, т. е., къ IX ст., Циммерманъ (*Oberitalische Plastik*, стр. 178—196) на основаніи стилистическихъ соображеній, именно, на основаніи того, что рельефы имѣютъ не византійскій, а западный характеръ, что въ то же время они не могутъ принадлежать итальянцу IX вѣка, когда сѣверно-итальянская пластика находилась подъ влияніемъ лангобардскаго орнаментального стиля, а также и нѣмецкому художнику, ибо раньше X в. мы не знаемъ ни одной значительной работы германской скульптуры, приходитъ къ заключенію, что рельефы передней стороны разсматриваемаго алтаря возникли одновременно съ реставраціей церкви въ 1196 г., а рельефы трехъ остальныхъ сторонъ возникли нѣсколько позднѣе, и объясняютъ это предположеніемъ, что она была воспроизведена съ разрушеннаго при паденіи купола древняго алтаря, который, дѣйствительно, изъ

ющаго во славу Христа, символы 4-хъ евангелистовъ, 12 апостоловъ и сцены изъ жизни Спасителя, на задней—двухъ ангеловъ, увѣнчаніе св. Амвросіемъ епископа Ангильберта и золотыхъ дѣлъ мастера Вульвинія и сцены изъ жизни св. Амвросія, на боковыхъ сторонахъ—святыхъ и ангеловъ. Движеніе, съ которымъ Богородица приподнимается съ своего сидѣнія навстрѣчу ангелу, жестъ одного изъ пастуховъ, поднявшаго вверхъ руки при видѣ младенца Христа, поза осушающаго кубокъ гостя на бракѣ въ Каннѣ Галлилейской, или апостола Петра въ сценѣ преображенія, заслоняющаго себя отъ сильнаго сіянія глаза, поспѣшность убѣгающихъ изъ храма торговцевъ, испугъ Амвросія и его коня, вызванный раздавшимся къ Амвросію съ неба голосомъ, радость святого во время принятія имъ крещенія и участіе, съ какимъ совершаетъ это таинство епископъ, сонливое состояніе святого, во время котораго онъ былъ похищенъ въ Туръ, вниманіе, съ какимъ въ этой же сценѣ одинъ изъ церковно-служителей углубился въ чтеніе, бережное, любовное отношеніе Амвросія и другого лица къ тѣлу св. Мартина, которое они кладутъ въ гробъ, воодушевленіе ангела, нашептывающаго слова проповѣди св. Амвросію—все эти мотивы проникнуты несомнѣнной оригинальностью замысла и исполненія. Что же касается остальныхъ приводимыхъ Циммерманомъ произведеній ломбардской скульптуры, которыя могутъ быть отнесены къ первой половинѣ XIII в., то, какъ и указываетъ этотъ ученый, нѣкоторыя изъ нихъ, правда, проявляютъ натуралистическія тенденціи въ передачѣ головъ, но натурализмъ ихъ лишенъ всякой жизненности, и большинство изъ нихъ носятъ совершенно шаблонный характеръ ¹⁾. Поэтому, если справедливо, что наиболѣе жизненные соки тосканской скульптуры проникли въ нее изъ сѣверной Италіи, то не менѣе справедливо, что возникшія, хотя и подъ вліяніемъ сѣверной Италіи, но именно въ то время, когда она утратила эти соки, скульптуры лувкскаго собора по бокамъ главнаго портала и статуя св. Мартина на фасадѣ должны

быть исполнены при Ангильбертѣ, и съ котораго въ новомъ произведеніи заимствована была также и большая часть раздѣляющихъ на поля его стороны эмалей.

¹⁾ Отличительной чертой этихъ произведеній Циммерманнъ (указ. сочин., стр. 165) считаетъ ихъ „антиклизированіе“, при чемъ имѣетъ въ виду подражаніе, какъ древне-христіанскимъ и византійскимъ, такъ и собственно античнымъ памятникамъ. По этому поводу мы должны замѣтить, что, если въ нѣкоторыхъ

въ качествѣ отличительнаго отъ современныхъ имъ произведеній итальянской пластики признака пріобрѣсти въ нашихъ глазахъ не сдержанность въ изображеніи душевныхъ аффектовъ, а именно тѣ проблески выразительности, на которые было указано нами выше.

Но представляя себѣ, такимъ образомъ, предшествовавшую Николо въ Тосканѣ скульптуру въ иномъ свѣтѣ, нежели Шмарсовъ, мы не можемъ согласиться и съ точкой зрѣнія на нее Вентури ¹⁾, который не только видитъ въ ней зачатки присущихъ, по его мнѣнію, лишь позднѣйшимъ произведеніямъ Николо «теплоты и жизни», но признаетъ эти свойства въ ней осуществленными уже въ такой мѣрѣ, что знакомству Николо съ тосканской скульптурой приписываетъ переворотъ, совершившійся, какъ онъ думаетъ, въ его стилѣ уже послѣ того, какъ онъ, воспитанный на классически правильныхъ, но болѣе холодныхъ образцахъ южной Италіи, создалъ, пере-

работахъ сѣверно-итальянскаго искусства, напр., въ геніяхъ съ опрокинутыми факелами на фасадѣ моденскаго собора (см. тамъ же, стр. 38) или упомянутыхъ уже изображеніяхъ пармскаго баптистерія, и возможно предполагать непосредственное изученіе античныхъ образцовъ, то Циммерманъ, какъ намъ кажется, отводитъ этому изученію слишкомъ большую долю. Напримѣръ, находя, что одежда Христа и двухъ апостоловъ, изображенныхъ на балдахинѣ надъ только что упомянутымъ алтаремъ въ церкви св. Амвросія въ Миланѣ, „плотно облегаютъ члены, даже тамъ, гдѣ по естественному ея расположенію это не могло бы имѣть мѣста“, онъ объясняетъ эту особенность тѣмъ, что „художникъ видѣлъ поздне-античныя статуи и рельефы и заимствовалъ у нихъ манеру обозначать формы тѣла какъ бы сквозь намоченное передъ одѣваніемъ платье“. Между тѣмъ эта особенность одна изъ характерныхъ для византійскаго искусства, и то обстоятельство, что оба апостола принимаютъ отъ Христа книги *покрытыми* руками, скорѣе указываетъ на подражаніе именно византійскимъ, а не античнымъ образцамъ, тѣмъ болѣе, что изученіе тѣхъ же образцовъ слѣдуетъ предположить и въ рельефахъ одновременно, вѣроятно, съ балдахинномъ возникшаго алтара, гдѣ въ одной изъ сценъ Христосъ, по указанію Циммермана, благословляетъ по-греческому обряду. Но мы не станемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько „чисто внѣшній“ характеръ замѣчаемыхъ въ сѣверно-итальянской пластикѣ оголосковъ античнаго искусства зависитъ отъ пользованія ею не прямо античными, а лишь сохранявшими античную традицію образцами. Для насъ важно то, что и Циммерманъ считаетъ подражаніе античнымъ памятникамъ въ этой пластикѣ чисто внѣшнимъ, результатомъ чего, въ позднѣйшихъ ея произведеніяхъ, въ противоположность произведеніямъ Николо Пизано, явился „вялый, безсодержательный, совершенно бездушный, неподвижный, оковѣтый классицизмъ“.

¹⁾ Rivista d'Italia 1898, стр. 5—17.

селившись въ Тоскану, свою пизанскую каеэдру, какъ будто эта каеэдра съ ея несомнѣнно уже патетическими образами (каковы, напр., лицо старшаго изъ царей, женщины и Иоаннъ въ сценѣ распятія и т. д.) дальше отъ позднѣйшихъ работъ Николо, въ томъ числѣ и сіенской каеэдры, о которой специально говоритъ Вентури, нежели все еще робкія, архаическія, едва дерзающія уклоняться отъ вертикальной линіи фигуры лукскаго собора. Въ отличіе отъ этой точки зрѣнія мы думаемъ, что Николо и въ смыслѣ оживленія отдѣльныхъ фигуръ, которымъ онъ сообщилъ небывалыя до него выразительность лицъ, движеніе тѣлъ и драпировокъ, и въ смыслѣ ихъ болѣе сложной группировки, которая давала возможность увеличивать ихъ число, не увеличивая занимаемаго ими поля, и въ смыслѣ, наконецъ, ихъ болѣе тѣсной связи съ архитектурными частями, изъ которыхъ онѣ вырастаютъ совершенно органически, тогда какъ въ болѣе раннихъ произведеніяхъ представляются, по выраженію Цаммермана, какъ бы приклепными къ фону, настолько уже въ первой извѣстной намъ работѣ своей удалился отъ своихъ предшественниковъ, что, если, какъ сказано, мы и признаемъ тосканскую скульптуру наиболѣе подходящей въ Италіи почвой для возникновенія его стила, то невольно приходимъ къ мысли объ особомъ на эту почву при появленіи Николо воздѣйствіи, — тѣмъ болѣе, что съ источникомъ предполагаемаго нами воздѣйствія итальянская скульптура, повидимому, была знакома и раньше Николо.

ХІІ.

Именно, уже до Николо мы встрѣчаемъ въ итальянской скульптурѣ слѣды, оставленные вліаніемъ на нее сѣверной пластики. Въ одномъ изъ произведеній Вероны, напр., которая по своимъ политическимъ отношеніямъ особенно тѣсно была связана съ Германіей, на лѣвой сторонѣ бронзовыхъ дверей церкви S. Zeno, имѣющихъ весьма близкое сходство съ дверями гильдестеймскаго собора, возможно даже прямо предполагать нѣмецкую работу ¹⁾. Но мы имѣемъ въ виду не германское, а другое, не менѣе очевидное въ итальянской скульптурѣ — французское вліаніе. Такъ, на архивольтѣ одного изъ порталовъ моденскаго собора изображена осада какого-то города,

¹⁾ Zimmermann. Oberitalische Plastik, стр. 59.

причемъ имена дѣйствующихъ лицъ, обозначенныя надписями, какъ напр., Artus de Bretania, несомнѣнно заимствованы изъ возникшихъ во Франціи сказаній ¹⁾. На порталѣ веронскаго собора помѣщены изображенія Роланда и Оливье ²⁾. Эти заимствованія, правда, скорѣе носятъ литературный характеръ и подтверждаютъ извѣстный фактъ распространенія въ Италіи французской поэзіи ³⁾, но въ итальянской скульптурѣ существуютъ и такія черты, которыя свидѣтельствуютъ о вліяніи на нее самаго стиля французскаго искусства, и которыя мы находимъ въ произведеніяхъ наиболѣе значительнаго изъ предшественниковъ Николо - Бенедетто Антелампи. Общее сходство фигуръ Бенедетто на порталахъ пармскаго баптистерія съ фигурами южно-французской скульптуры было уже замѣчено Фротингэмомъ ⁴⁾. Согласно указанію Циммермана ⁵⁾ это сходство, именно съ фигурами на фасадѣ св. Трофима въ Арлѣ, доходитъ до такихъ частности, какъ способъ передачи волосъ, которые въ обѣихъ случаяхъ или раздѣляются на широкія пряди и обозначены штриховкой или изображены въ видѣ мелкихъ колецъ. Прибавимъ, что и въ композиціяхъ своихъ Бенедетто очень близко держится южно-французскихъ образцовъ: напр., въ люнетѣ пармскаго баптистерія (рис. 23), въ сценѣ поклоненія волхвовъ, онъ почти буквально повторяетъ фигуры и расположеніе ихъ на лѣвомъ порталѣ церкви S. Gilles ⁶⁾, гдѣ совершенно такъ же, какъ и у Бенедетто на правой сторонѣ рельефа помѣщаются сидящій въ профиль Іосифъ и спускающійся къ нему со свиткомъ ангель, въ серединѣ Богородица съ Христомъ, а на лѣвой сторонѣ—три волхва, хотя и безъ летящаго надъ ними ангела. Этому вліянію на Бенедетто южно-французской скульптуры, возникшей въ странѣ, гдѣ постоянными образцами служили сохранявшіяся въ большомъ числѣ пре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 44.

²⁾ Тамъ же, стр. 86.

³⁾ См. E. Gebhart. *Les origines de la renaissance en Italie*. Paris, 1879, стр. 201 и слѣд.

⁴⁾ *The revival of sculpture in Europe in the thirteenth century*, I, стр. 5.

⁵⁾ Указ. соч., стр. 155.

⁶⁾ H. Revoil. *Architecture romane du midi de la France*. Paris. 1879, II, pl. LIX, LX, LXI, LXI bis.

красныя античныя произведенія¹⁾, быть можетъ, въ еще большей степени, нежели изученію византійскихъ или непосредственно античныхъ образцовъ обязаны своимъ происхожденіемъ и тѣ античныя отголоски въ его фигурахъ, о которыхъ говорено было выше. На сходство между романскими скульптурами Франціи и Италіи, и при томъ не одной сѣверной, но и Тосканы, обращаетъ вниманіе также Шмарсовъ²⁾, указывая особенно на остатки рельефовъ одного церковнаго портала около Neufchâteau, изображающими входъ въ Іерусалимъ, Богородицу съ Христомъ, поклоненіе царей, благовѣщеніе пастухамъ, бѣгство въ Египетъ, совѣтъ Ирода и избіеніе младенцевъ «въ такомъ стилѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ находитъ себѣ аналогію со скульптурами на порталахъ S. Andrea въ Пистойѣ, S. Salvatore въ Луккѣ, S. Casciano въ Пизѣ и т. д.». Еще важнѣе для насъ отмѣченный Циммерманомъ у того же Бенедетто фактъ вліянія на итальянскую ранне-готическую французскую пластику. Такъ, если узкая, не расширяющаяся кверху форма изображаемыхъ Бенедетто коронъ, употребительная въ шартрскихъ скульптурахъ, находитъ свое подобіе и въ произведеніяхъ Прованса, то другой видъ головныхъ уборовъ у Бенедетто—плотно прилегающія къ головѣ, граненныя шапки, совершенно необычныя въ итальянской скульптурѣ, встрѣчаются намъ впервые именно на порталѣ шартрскаго собора. На томъ же порталѣ усматриваетъ Циммерманъ обыкновеніе украшать верхнюю часть капителей тѣми маленькими зданіями, состоящими изъ возвышающихся надъ арками фронтоновъ и башенками между ними, которые мы видимъ на капителяхъ, поддерживавшихъ кафедру Бенедетто (теперь въ пармскомъ музеѣ) и на фасадѣ Borgo S. Donnino. Присоединимъ сюда съ нашей стороны указаніе на волнообразную почву, которая у Бенедетто, такъ же какъ и въ люнетахъ шартрскаго собора³⁾, составляетъ подножіе фигуръ.

Этотъ-то проникшій уже въ скульптуры Бенедетто готическій стиль, но въ его позднѣйшемъ, высшемъ фазисѣ развитія отразился, по нашему убѣжденію, и въ искусствѣ Николо, при чемъ къ пизан-

¹⁾ Объ античномъ вліяніи въ провансальскихъ скульптурахъ см. Vöge. Die Anfänge des monumentalen Stiles im Mittelalter. Strassburg. 1894, стр. 101 и слѣд.

²⁾ Repertorium für Kunstwissenschaft, B. XV, s. 179—180.

³⁾ Изображеніе у Vöge на таблицѣ въ концѣ книги.

скому художнику нѣтъ никакого повода примѣнять ту догадку о путешествіи во Францію, которую Циммерманъ дѣлаетъ относительно Бенедетто, ибо, если во время возникновенія первой изъ датированныхъ работъ Бенедетто, исполненной имъ въ 1178 г. каедрн, нельзя указать никакихъ иныхъ признаковъ готическаго вліянія въ Италіи, то дѣятельность Николо принадлежитъ уже такой эпохѣ, когда не только въ Италіи вообще, но и въ частности въ Тосканѣ, стала распространяться готическая архитектура ¹⁾, и связь Николо съ готическимъ искусствомъ обнаруживается прежде всего именно его знакомствомъ съ этой архитектурой, о которомъ мы заключаемъ не на основаніи приписываемыхъ ему преданіемъ, но, быть можетъ, совсѣмъ не имъ построенныхъ готическихъ зданій, каковы, напр., церкви св. Екатерины и св. Михаила въ Пизѣ, а на основаніи самой его пизанской каедрн, и которое было отмѣчено уже Доббертомъ ²⁾. «Колонны, поддерживающія полъ, говоритъ Доббертъ, хотя и соединены между собой круглыми арками, но въ каждую изъ этихъ арокъ вдѣлано по три меньшихъ, которыя своими острыми выступами (Nase) гораздо болѣе напоминаютъ просвѣты готическихъ оконъ, нежели трехлопастныя арки переходнаго стиля». Дѣйствительно, совершенно ту же форму встрѣчаемъ мы, какъ въ нѣкоторыхъ французскихъ церквахъ, напр., на порталѣ St. André en Terre Plaine, такъ и въ наслѣдовавшихъ ихъ стиль церквахъ Италіи, напр., въ монастыряхъ Fossanova, или S. Martino въ провинціи Витербо ³⁾. Самая форма круглой арки, которую Доббертъ объясняетъ тѣмъ, что готика въ Италіи не имѣла такого строгаго и послѣдовательнаго

¹⁾ Первый извѣстный намъ въ настоящее время памятникъ готической архитектуры въ Италіи представляетъ находящаяся къ югу отъ повтійскихъ болотъ въ церковной области церковь Fossanova, начатая въ 1187 году. Почти одновременно съ окончаніемъ этого зданія заложена была (освященная въ 1217 г.) церковь въ аббатствѣ Casamari въ римской же области. Въ 1218 г. монахи Casamari начата постройка церкви въ S. Galgano въ окрестностяхъ Сиены, которая въ свою очередь послужила прототипомъ самаго знаменитаго памятника готической архитектуры въ Тосканѣ—сиенскаго собора (начатаго въ 1259 г.). En l'art. Origines françaises de l'architecture gothique en Italie, Paris. 1894, p. 10—17.

²⁾ Ueber d. St. N. P., стр. 3.

³⁾ En l'art., стр. 258, рис. 92; стр. 95, рис. 29; стр. 84, рис. 25.

Развѣтїя, какъ на сѣверѣ, получаетъ благодаря изслѣдованію Анляра, установившаго происхожденіе итальянской готики изъ Бургундіи, иное освѣщеніе. «Если въ извѣстныхъ случаяхъ, говоритъ онъ, употребленіе стрѣльчатой арки представлялось, какъ наилучшее разрѣшеніе (строительныхъ задачъ), то по большей части не было никакого основанія примѣнять ее въ дверяхъ, окнахъ и аркадахъ. Вотъ почему въ Бургундіи, какъ и во многихъ другихъ областяхъ, встрѣчаемъ мы въ подобныхъ случаяхъ сохраненіе полуциркульной формы арокъ даже въ позднихъ памятникахъ готическаго стиля»¹⁾. — «Точно такъ же и въ капителяхъ, продолжаетъ Доббертъ, по моему мнѣнію, выражается характеръ итальянско-готическаго стиля; хотя художникъ и сохранилъ листья аканта, онъ не придалъ ему стилизаціи, какъ это мы видимъ въ коринтской капители, но отнесся къ нему болѣе натуралистически; чрезмѣрная пышность, которой онъ здѣсь отличается, находится въ рѣшительной противоположности, какъ съ античнымъ искусствомъ, такъ и съ условно и скудно стилизованными капителями романо-византійскаго періода. Итальянскій мастеръ обращается здѣсь съ роднымъ своимъ листомъ аналогично тому, какъ сѣверная готика пользовалась для декоративныхъ цѣлей дубовымъ или винограднымъ листомъ». И это замѣчаніе Добберта находитъ себѣ полное подтвержденіе въ колоннахъ готическихъ герквей Италиі, особенно колоннахъ въ Fossanova съ ихъ загнутыми, пушистыми концами, причѣмъ слѣдуетъ только добавить, что и французскіе образцы этихъ церквей пользовались не одними дубовыми или виноградными, но нерѣдко именно тѣми же акантовыми листьями²⁾.

Но близость пизанскаго художника къ готическому искусству сказывается не въ одной только архитектурной сторонѣ его произведеній: и въ фигурныхъ его композиціяхъ многіе мотивы являются типическими особенностями того же готическаго искусства. Очень важныя указанія въ этомъ отношеніи даетъ изслѣдованіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 255. Стрѣльчатая арка встрѣчается у Николо на лувекскомъ рельефѣ.

²⁾ См. тамъ же, стр. 100, табл. XVIII и рис. на стр. 286 и 287, также указываемое Анляромъ изображеніе капители санскаго собора у Віоле ле Дюка (*Dictionnaire raisonné de l'architecture française*, VIII, рис. 49), которое онъ составляетъ съ капителями каедръ въ сѣнскомъ соборѣ, Пизѣ и Пистойѣ.

Слѣдуетъ даже прибавить, что именно второй по возрасту волхвъ особенно наглядно свидѣтельствуетъ о вліяніи этого искусства, ибо поза его, особенно положеніе рукъ, одну изъ которыхъ онъ протягиваетъ для поднесенія дара, а другую положилъ на колѣно лѣвой ноги, настолько своеобразна, что едва ли случайнымъ совпадениемъ можно объяснить повтореніе этой позы въ изображеніи старшаго изъ царей на нѣкоторыхъ готическихъ памятникахъ, какъ напр., на пластинкѣ изъ слоновой кости изъ собранія В. Метцлера во Франкфуртѣ на М. (рис. 50)¹⁾. Въ готическомъ же искусствѣ, по указанію Бальдіоріа, встрѣчается мотивъ слугителя, который держитъ въ поводу трехъ лошадей. Этимъ готическимъ заимствованіямъ Бальдіоріа противопоставляетъ на пизанской каедрѣ античный образъ Маріи съ ея діадемой. Не стоитъ ли однако Николо и въ этомъ случаѣ гораздо ближе къ готическому искусству, нежели думаетъ Бальдіоріа, и не придаетъ ли этотъ ученый слишкомъ большого значенія различію между діадемой, украшающей Богородицу Николо, и короной, изображеніе которой на головѣ Богородицы онъ считаетъ характернымъ признакомъ французскаго, развивавшагося одновременно съ усиленіемъ во Франціи королевской власти искусства? Какъ бы то ни было, предполагая готическое вліяніе въ позднѣйшихъ произведеніяхъ пизанской школы, изображавшихъ Бого-



Рис. 50.

¹⁾ Заимствовано изъ сочиненія Ноаск. Die Geburt Christi, стр. 8. Еще болѣе сходства съ изображеніемъ у Николо представляетъ помѣщенный у Du Sommerard (4-e série, pl. I) набросокъ съ развалинъ колоннады поздне-романскаго стиля въ Анжерѣ (по словамъ автора XII ст.), гдѣ на одной изъ соединяющихъ колонны аркъ старшій изъ царей имѣетъ не только позу второго царя у Николо, но и сохранилъ на головѣ корону. Ср. также триптихъ у Maskell. (A description of the ivories ancient and mediaeval in the South Kensington museum. London, 1872, стр. 69), таблицу изъ слоновой кости въ ватиканскомъ музеѣ у Gori. (Thesaurus veterum diptychorum, t. III, 1759, tab. XXVI), мивьятору изъ псалтыря Людовика Св. у Du Sommerard, 8 s., pl. XIX.

лицу въ сценѣ поклоненія и въ отдѣльныхъ статуяхъ, гдѣ она держитъ на рукахъ Младенца, именно съ короной на головѣ, Бальдория называетъ въ числѣ этихъ произведеній и возникшую при непосредственномъ участіи Николо сиенскую каеэдру; къ нимъ же должна быть отнесена и статуэтка Богородицы на гробницѣ св. Доминика. Въ сценѣ распятія сѣверное искусство, какъ и Николо, вноситъ, согласно Бальдория, мотивъ лишающейся чувствъ Богородицы. Этому же искусству принадлежатъ отмѣченный у Николо выше способъ пригвожденія ногъ Христа. Бальдория, правда, останавливаетъ вниманіе на томъ, что фигура Христа сохраняетъ еще свойственный предшествовавшему Николо итальянскому искусству незначительный изгибъ тѣла, но, съ одной стороны, слѣдуетъ замѣтить, что и въ сѣверномъ искусствѣ искривленная поза Христа до XIV ст. еще не становится общимъ явленіемъ ¹⁾, а съ другой, мы на основаніи сказаннаго выше о сиенской каеэдрѣ никакъ не можемъ согласиться съ Бальдория, что типично готическая поза Христа на ней должна быть отнесена на счетъ Джованни Пизано. Въ связи со сценой распятія останавливаетъ вниманіе у Николо родственная ей сцена снятія со креста на лукскомъ рельефѣ. Ферстеръ ²⁾, сравнивая композицію Николо съ болѣе ранними изображеніями того же сюжета, именно съ приведеннымъ нами выше (стр. 9) на каеэдрѣ въ S. Leonardo in Arcetri, и выдвигая болѣе тонкое художественное чутье Николо, особенно цѣнить перемѣну, которой подверглась поза Христа: у Николо, говоритъ онъ «тѣло Христа (въ древнѣйшемъ рельефѣ сильно выгнутое) осунулось, колѣни обращены въ ту сторону, съ которой его поддерживаютъ; голова (которая въ первомъ случаѣ держится безъ всякой опоры) свѣсилась здѣсь, слѣдуя закону тяготѣнія, на плечо и, приблизившись вслѣдствіе того къ матери, невольно производитъ болѣе трогательное впечатлѣніе». Впослѣдствіе признавая художественное преимущество такой позы Христа, мы не можемъ однако не отмѣтить ея сходства съ прилагаемымъ рисункомъ (рис. 51) изъ альбома Вилляра де Гоннекура, гдѣ сохраняется и общій тонъ композиціи Николо, а также ея пирамидальное, какъ бы предназначенное для тимпана расположеніе.

¹⁾ См., напр., изображеніе, помѣщенное въ Trésor des églises etc. au palais du Trocadéro, t. I, № 50.

²⁾ Geschichte d. it. K., II, s. 111.

На ряду съ перечисленными чертами, относящимися къ иконографіи отдѣльныхъ фигуръ или группъ, о близости Николо къ готическому искусству свидѣтельствуеъ выборъ съ его стороны самыхъ сюжетовъ изображенія. Такъ, Реймонъ ¹⁾ совершенно справедливо видятъ вліяніе готическаго искусства въ пристрастіи Николо и всей пизанской школы къ воспроизведенію сцены страшнаго суда, которая, будучи съ XII в. излюбленнымъ украшеніемъ порталовъ французскихъ церквей, — гдѣ она постепенно переходила отъ «идеи божественнаго велчія» къ стремленію «передать весь ужасъ адскихъ мученій», отъ безпритязательнаго ея изображенія въ Шартрѣ и на



Рис. 51.

соборѣ Богоматери въ Парижѣ, къ болѣе обширной композиціи въ Амьенѣ и, наконецъ, достигающимъ «верха выразительности» скульптурамъ собора въ Буржѣ» (рис. 52), — была по своей сложности мало пригодна для ограниченнаго пространства, представляемаго пизанскимъ художникамъ сторонами ихъ каедръ. Готическимъ же вліяніемъ, быть можетъ, объясняется любовь Николо къ аллегорическимъ изображеніямъ, каковы олицетворенія христіанскихъ добродѣтелей на пизанской каедрѣ, олицетворенія схоластическихъ наукъ и снова христіанскихъ добродѣтелей — на сіенской, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ эти добродѣтели совершенно такъ же, какъ и въ готическомъ искусствѣ, имѣютъ на головахъ царскія короны. Согласно указанію Дидрона, и за нимъ Фротингэма, аллегорическіе сюжеты, (напр., изображеніе годовыхъ работъ) встрѣчаются и въ романскую эпоху, носятъ однако же въ это время болѣе или менѣе случайный характеръ, между тѣмъ какъ въ готиче-

¹⁾ La sculpture florentine, стр. 75.

скомъ искусствѣ они приводятся въ соотношенія другъ съ другомъ и получаютъ ту же систематизацію, которою отличаются современныя имъ энциклопедіи. Цѣль, преслѣдуемая при этомъ готическими

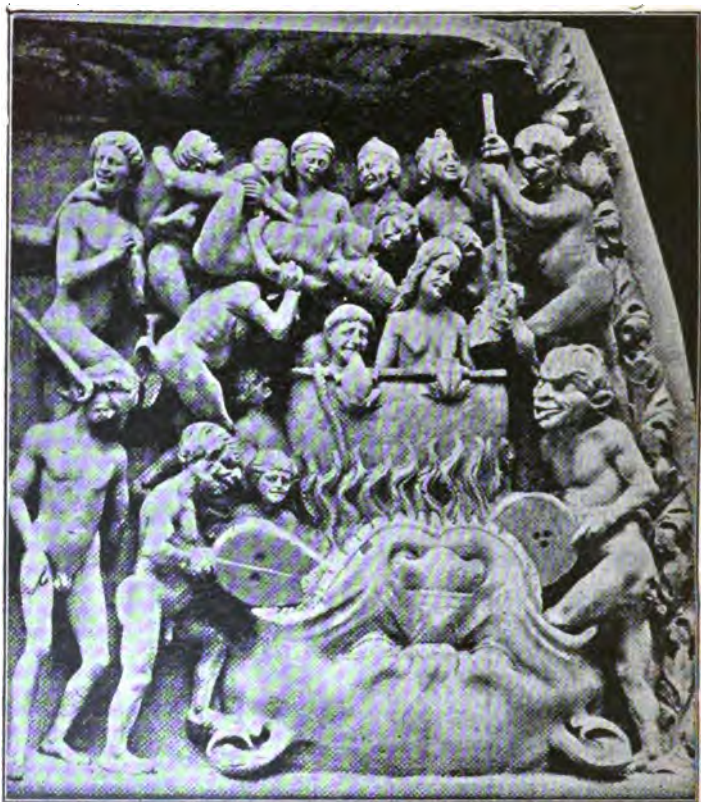


Рис. 52.

художниками, какъ и средневѣковыми схоластиками, заключается, по словамъ Дидропа ⁴⁾, въ изображеніи вселенной: «это полная поэма, гдѣ отражается образъ природы небесной, неорганической и органической въ первой пѣснѣ, образъ науки—во второй, морали—въ третьей, человѣка или исторіи—въ четвертой, и въ цѣломъ—образъ всего міра». Какъ примѣръ подобной «энциклопедіи въ камнѣ» Дидронъ приводитъ 1800 статуй шартрскаго собора, изображающихъ вселенную совершенно по тѣмъ же рубрикамъ, въ какихъ

⁴⁾ Annales archéologiques, t. VI, стр. 47 и 48.

на разсматривается въ *Speculum Universale* Винцента де Бове. Италія, какъ замѣчаетъ Фротингэмъ ¹⁾, никогда не доходила до созданія такихъ обширныхъ цикловъ. Несомнѣнно однако, что при-сущій имъ духъ отражается уже въ каедряхъ Николо, а еще бо-гѣе—въ подробно описанныхъ нами скульптурахъ на фонтанѣ въ Перуджии.

Тотъ же духъ готическаго искусства паложилъ свою печать, какъ мы думаемъ, и на стлпъ Николо. Въ самомъ дѣлѣ, не составляетъ ли одну изъ наиболѣе типичныхъ и общепризнанныхъ особенностей этого искусства отмѣченная нами у Николо тѣсная связь скульптуры съ украшаемыми ею частями архитектурнаго сооруженія,—на-сколько, что, по выраженію Віоле ле Дюка ²⁾ «было бы весьма трудно опредѣлить, гдѣ кончается работа архитектора и начинается работа скульптора или орнаментиста»? Едва ли также надо упоми-нать, особенно послѣ только что приведеннаго примѣра шартрскихъ статуй, о поразительномъ изобиліи фигуръ, покрывающихъ готиче-скіе памятники, преимущественно порталы церквей, и производящихъ здѣсь то же самое впечатлѣніе полноты, какое оставляютъ онѣ на каедряхъ Николо. Въ этомъ отношеніи мы обратимъ вниманіе лишь на то, что именно въ готической скульптурѣ, въ рельефахъ, запо-мающихъ поля тимпановъ (ср. рис. 52), а еще болѣе въ мелкихъ работахъ изъ кости (ср. рис. 50), мы встрѣчаемъ примѣненіе той многопланной, живописной группировки, которая поражаетъ насъ такой неожиданностью, когда мы переводимъ взоръ съ праваго, исполненнаго предшественниками Николо портала лукскаго собора на лѣвый, украшенный его собственными рельефами. Наконецъ, что касается отличающаго Николо стремленія къ выразительности и ха-рактерности отдѣльныхъ фигуръ, то о томъ же стремленіи готиче-скаго искусства свидѣтельствуютъ уже нѣкоторыя особенности ико-нографіи, которыя, какъ напр., образъ измученнаго страданіями Хри-ста, лишающейся отъ горя чувствъ или любующейся своимъ сыномъ Богородицы, получили черезъ это искусство свое распространеніе, и если указанное стремленіе находило въ немъ противовѣсь въ архи-тектоническомъ принципѣ, то мнѣніе Шпрингера ³⁾, что этотъ прин-

¹⁾ Указ. выше сочин., II, стр. 7 и 8.

²⁾ *Dictionnaire raisonné de l'architecture française*, VIII, стр. 172.

³⁾ *Handbuch der Kunstgeschichte*, 5-e Auflage, 1898, II, стр. 228 и слѣд.

ципъ пагубно отразился на жизненности готическихъ изображеній, справедливо только по отношенію къ начальному періоду готика, когда художники не овладѣли еще вполне своими средствами, и въ позднѣйшему, когда у нихъ, повидимому, все сильнѣе сказывается желаніе производить эффе́кты при помощи контрастовъ между прямыми линиями архитектуры и причудливыми очертаніями пластическихъ образовъ. Въ XIII же вѣкѣ, и при томъ во Франціи, въ соборахъ Парижа, Шартра (поперечный корабль), Амьена, Реймса, Буржа, го-



Рис. 53.

тическая скульптура, быть можетъ, именно вслѣдствіе необходимости примѣняться къ узкимъ пространствамъ пилястровъ, заставившей художниковъ тщательнѣе изучать законы движенія человѣческаго тѣла, достигаетъ, какъ показываетъ, напр., относящаяся къ первымъ годамъ построенія амьенскаго собора (съ 1220 г.) статуя Богородицы съ южнаго портала на его главномъ фасадѣ (рис. 53), даже въ украшающихъ эти пилястры фигурахъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда она, какъ въ рельефахъ, была не стѣснена формами архитектуры, невиданной въ романскомъ искусствѣ свободы и естественности исполненія. Въ изображеніи головъ, согласно указанію Шпрингера, скульптура эта обыкновенно не выходитъ еще за предѣлы общихъ типовъ; для того, чтобы оживить ихъ она прибѣгаетъ

иногда къ условностямъ, напр., къ такъ часто повторяющейся и потому невольно напоминающей архаическую улыбку (рис. 55) или къ особой, выражающей страданіе гримасѣ (рис. 52), которая, замѣтимъ кстати, по вѣрному наблюденію Реймона ¹⁾, имѣетъ больше

¹⁾ La sculpture florentine, I, стр. 71.

сходство съ подобнымъ же приѣмомъ у Николо ¹⁾. Но и Шпрингеръ принужденъ согласиться съ тѣмъ, что «жизненной силой дышатъ лица почти каждой фигуры на порталахъ и пилястрахъ» (ср. рис. 54) и еще въ большей степени въ рельефахъ, гдѣ «типическое переходитъ уже въ портретное». То же самое признаетъ и другой выдвигающій важное значеніе въ готической скульптурѣ ея архитектурнаго принципа изслѣдователь—Фѣге, который, говоря, что архитектура «оказала рѣшительное вліяніе» на нее «даже во время свободнаго, натуралистическаго стиля», считаетъ однако безспорнымъ, что «къ концу XII в.» въ готической скульптурѣ «совершился могучій подъемъ; рѣзецъ сталъ смѣлѣе, техника свободнѣй, изученіе природы сдѣлало непредвидѣнные успѣхи, органическая жизнь охватила фигуры, проникла въ орнаменты» ²⁾

Въ противоположность взгляду Шпрингера и отчасти Фѣге въ мнѣніи другихъ ученыхъ готическая скульптура, начавшая уже въ XII в., по словамъ Гонза ³⁾, замѣнять «безличное и, если можно такъ выразиться, безразличное обобщеніе романскихъ типовъ, примѣненіе въ нихъ іератическихъ канонѣвъ—проявленіемъ индивидуальнаго творчества, которое обращалось непосредственно къ натурѣ, въ ней искало образцовъ и пыталось передать ихъ смыслъ» приобрѣла, пользуясь выраженіемъ Бальдория, такую «прерогативу веризма», что для тѣхъ изъ нихъ, которые согласно столь распространенной точкѣ зрѣнія видятъ въ античныхъ заимствованіяхъ Николо средство къ достиженію главнымъ образомъ формальной красоты, именно выразительность и характерность этой скульптуры являются основаніемъ отрицать всякую связь ея со скульптурами Николо. Такъ, Реберъ ⁴⁾, опредѣляющій основныя черты готической скульптуры, какъ «выраженіе чувства и живость дѣйствія», и допускающій ея вліяніе на Джованни Пизано, утверждаетъ, что «обращеніе къ античнымъ памятникамъ Николо представляетъ существенно отличный и даже противоположный элементъ сравнительно съ идеаломъ готической пластики». Того же мнѣнія, очевидно, держится Куражо, который, считая рѣшительнымъ послѣдователемъ готики Джованни ⁵⁾, усматриваетъ, какъ мы уже

¹⁾ Ср. сказанное на стр. 63—64.

²⁾ Указ. соч., стр. 321.

³⁾ Louis Goussier. La sculpture française depuis le XIV siècle, стр. 9.

⁴⁾ Fr. v. Reber. Kunstgeschichte des Mittelalters, Leipzig, 1886, стр. 569 и 567.

⁵⁾ См. указанное на стр. 53 мѣсто.

знаемъ, коренное различіе между его стилемъ и стилемъ Николо. Только что упомянутый Бальдоріа ¹⁾ отступаетъ отъ мнѣнія Куражо лишь въ томъ, что и въ слѣдовавшей за Николо итальянской скульптурѣ признаетъ готическое вліяніе съ большими ограниченіями, ибо находитъ, что и въ этой скульптурѣ свойственные искусству Николо «величіе замысла и выполненія»; «иногда также идеальные, заимствованные у античныхъ образовъ типы фигуръ, равно какъ и благородство нѣкоторыхъ композицій сохранялись такъ же, какъ сохранялась въ нихъ всегда живая любовь къ античному искусству». Но если раньше мы старались показать, что подражаніе античнымъ памятникамъ у Николо не только не исключало съ его стороны стремленія къ выразительности и характерности, но имѣло это стремленіе главнымъ своимъ основаніемъ, то, говоря о готической скульптурѣ, мы прежде всего должны замѣтить, что, хотя присущее ей стремленіе къ выразительности и характерности повело ее далеко за предѣлы античныхъ типовъ, къ «впадающимъ въ грубый реализмъ, отличающимся недостаткомъ простоты въ выборѣ формъ и мѣры въ изображеніи чувствъ» скульптурамъ XIV ст., что, впрочемъ, случилось отчасти и съ пизанской школой, то въ эпоху, когда могъ познакомиться съ готической скульптурой Николо, и вообще, до конца XIII ст., въ фигурахъ названныхъ выше соборовъ, она, по свидѣтельству тѣхъ же Ребера ²⁾ и Куражо ³⁾ далека была отъ подобныхъ крайностей, сохраняя вполне идеальный типъ, и Реймонъ ⁴⁾ совершенно правъ, когда онъ утверждаетъ, что для характеристики этой скульптуры приходится употреблять тѣ же выраженія «величіе, достоинство, царственная сила», которыя мы примѣняемъ къ созданіямъ Николо. Мало того, эта скульптура не только не была по духу своему враждебна античному искусству, но и не разъ ему подражала. Достаточно посмотрѣть на способъ изображенія волосъ, на покрой и складки плаща приводимой на рис. 54 статуи съ главнаго портала реймскаго собора, чтобы убѣдиться въ томъ, что источникомъ вдохновенія художника послужили античные образы. Не менѣе разитель-

¹⁾ Archivio storico dell'arte, 1889, стр. 255 и слѣд.

²⁾ Указ. соч., стр. 535.

³⁾ Указ. соч., стр. 7. См. также Emile Molinier. Histoire générale des arts appliqués à l'industrie du V à la fin du XVIII siècle. 1896. I, Ivoires, стр. 181.

⁴⁾ La sculpture florentine, I, стр. 63.

ный примѣръ такого вліянія античнаго искусства указываетъ на томъ же порталѣ Деіо ¹⁾ въ статуяхъ Маріи, которая «своей позой, движеніемъ рукъ, расположеніемъ одежды напоминаетъ Ливію изъ Museo Borbonico, убранствомъ волосъ и способомъ, какимъ ея палла покрываетъ голову—геркуланку въ Дрезденѣ», и Елизаветы, которая «имѣетъ видъ совершенной матроны съ плотно прилегающей на груди и шеѣ паллой, съ осѣняющей лобъ повязкой». Едва ли также возможно какое-либо сомнѣніе относительно образцовъ, послужившихъ для статуй апостоловъ на хорѣ Sainte Chapelle, одну изъ которыхъ, съ ея головой Зевса, воспроизводитъ нашъ рисунокъ 55-й. И свидѣтельствомъ того, что это подражаніе античнымъ памятникамъ не было случайностью, что это подражаніе и стремленіе къ жизненности изображенія не были разнородными, противорѣчивыми началами, является тотъ фактъ, что, какъ въ итальянскомъ, такъ и въ готическомъ искусствѣ, оба эти начала способны были руководить дѣятельностью одного и того же художника.



Рис. 54.

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду не разъ уже упомянутого нами Виллара де Гоннекура, альбомъ или записная книжка котораго, дошед-

¹⁾ *Jahrbuch der königlich preussischen Kunstsammlungen*. 11-er. Band. Berlin, 1890, стр. 196.

шая до насъ, представляетъ единственный документъ, дающій намъ возможность познакомиться съ личностью одного изъ смотрѣвшихъ на себя, какъ на простыхъ ремесленниковъ, и потому не обозначавшихъ своими



Рис. 44.

именами исполненныхъ ими произведеній французскихъ мастеровъ XIII вѣка. Помимо специально интересующаго насъ теперь предмета, мы узнаемъ изъ этого альбома ¹⁾, что Вилляръ, происшедшій изъ селенія Гоннекуръ около Камбрэ и получившій извѣстность, какъ строитель хора и поперечныхъ кораблей собора въ этомъ городѣ (между 1227 и 1251 г.), посвятилъ затѣмъ другія области Франціи, Швей-

царію, Венгрію, воспоминаніе о чемъ сохранилъ намъ въ своихъ рисункахъ, и такимъ образомъ получаемъ неоспоримый примѣръ того широкаго распространенія, которое дѣятельность готическихъ мастеровъ имѣла въ Европѣ. Другая достойная замѣчанія черта Виллара заключается въ разносторонности его художественныхъ интересовъ. «По всей вѣроятности, говоритъ Мериме ²⁾, ни одинъ современникъ ему архитектору не обратился бы къ скульптору, чтобы скомпановать барельефъ, къ живописцу, чтобы сочинить образецъ стѣнной живописи. Если бы онъ и не былъ въ состояніи самъ исполнить эти работы такъ же хорошо, какъ мастера, которыхъ онъ составляли спеціальность, онъ во всякомъ случаѣ могъ бы направить и согласовать ихъ дѣйствія, имѣя въ виду общее впечатлѣніе отъ своей работы. Отсюда это прекрасное, поразительное единство мысли и почти исполненія въ памятникахъ готическаго иску-

¹⁾ См. изданіе Lassus'a, стр. 44—52.

²⁾ Prosper Mérimée. Etudes sur les arts du moyen âge. Paris. 1875. Стр. 362.

ства. Все кажется задуманным сразу, одним и тем же духом и воплощенным одной и той же рукой». Действительно, рядом с планами церквей, рисунками отдельных частей зданий и орнаментов, мебели и разных механических приспособлений мы встречаем в записной книжке Виллара в еще большем количестве наброски, свидетельствующие об его занятиях скульптурой и живописью, причем содержание этих набросков крайне разнообразно: то мы находим в них изображение какого-нибудь животного, то фигуру или целую сцену религиозного характера, то схватившихся друг с другом борцов или игроков в кости, то фокусника со скрипкой и пляшущую перед ним собаку и т. п. «Это был наблюдатель в роду Леонардо да Винчи, постоянно занятый своим искусством и без усталы изучавший его с пером или карандашом в руках». Что касается наиболее важного для нас вопроса о стиле Виллара, то основным его принципом является стремление не только к жизненности, но и оригинальности образа: он не только старательно изучает натуру, не забывая присоединять к своим рисункам, как напр., изображенному на XLVIII листе льву, что он передал их «al vivo», не только усиленно обозначает мускулы (XVI, XXVII и XLII л.) и пытается усвоить себе законы движения человеческого тела,

рисуя его в самых разнообразных позах (л. XXXIV, XXXVI, XXXVII), но и выбирает для изучения такие мотивы, где жизнь принимает, так сказать, особенно индивидуальную окраску, как напр., в свернувшейся в клубок собаке (XIII), в человеке, упавшем лицом на скрещенные руки (XXXII), или стоящем на коленях и спрятавшем лицо в складки своего плаща (XLV, рис. 56), причем обнаруживает иногда явную склонность к чисто живописным ракурсам, изображая, напр., льва (XLII) или лошадь (рис. 56) повернутыми лицом к зрителю.



Рис. 56.

Но, увлекаясь изученіемъ натуры, Вилляръ въ то же время, какъ намъ кажется, именно потому, что онъ цѣнитъ все, на чемъ есть отпечатокъ ярко выраженной индивидуальности, не пропускаетъ случая заносить въ свою записную книжку такіе сюжеты, которые несомнѣнно скопированы имъ съ античныхъ памятниковъ. На листахъ IX и XIII онъ воспроизводитъ, по указанію Lassus'a, античныя маски, «родъ головъ Медузы, щеки которыхъ покрыты листьями», на II и III—группы людей, сражающихся со львами, повидимому, заимствованныя съ консульскихъ диптиховъ, на LVII — человекъ, одѣтаго въ одну хламиду, напоминающаго Меркурія или изображенія рабовъ въ старинныхъ рукописяхъ комедій Теренція, на XXI—быть можетъ, цѣлую неизвѣстную намъ сцену, въ которой представлено какое-то сидящее въ нишѣ со скипетромъ въ рукахъ и короной на головѣ божество (по предположенію Lassus'a, Юпитеръ), передъ нимъ алтарь съ положеннымъ на него плащомъ и около ал-



Рис. 57.

съ надгробіемъ «сарацина»

таря обнаженный человекъ съ узкимъ покрываломъ на плечахъ, указывающій лѣвой рукой вверхъ, а правой держащій вазу съ выходящимъ изъ нея растеніемъ, на X—надгробный памятникъ, который Вилляръ сопровождаетъ надписью: «de telle manière fut la sépulture d'un sarrasin, que je vis une fois» (рис. 57); Лассюсъ предполагаетъ въ немъ «изображеніе фасада одной изъ тѣхъ двухъэтажныхъ гробницъ, которыя среди національностей, составлявшихъ римскую имперію, были особенно распространены у галло-римлянъ». Не столько, впрочемъ, эти непосредственно скопированныя съ античныхъ памятниковъ, сколько нѣкоторыя изъ самостоятельно созданныхъ Вилляромъ фигуръ, каковы, напр., столь близкая по мотиву фигура Христа (рис. 58) и другія,

изображенные на рисунках 59 и 60, свидетельствуют о томъ, что, если Вилляръ мало еще чувствуетъ тѣлесную красоту античныхъ фигуръ, гармонію ихъ пропорцій, если драпировка его отличается иногда излишнимъ обиліемъ складокъ, то свойственное античнымъ фигурамъ благородство движенія, т. е. именно ихъ этический элементъ, схваченъ имъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ это умѣстнымъ по сюжету, воспроизведенъ въ такой мѣрѣ, какъ ни въ одномъ изъ романскихъ произведеній, въ томъ числѣ и тѣхъ провансальскихъ скульптуръ, которыя, какъ показалъ Феге¹⁾, несомнѣнно пользовались сохранявшимися въ южной Франціи римскими памятниками и, въ отличіе отъ Вилляра, обращавшагося съ своими образцами довольно свободно, съ необыкновенной тщательностью воспроизводили всѣ ихъ подробности до расположенія прядей волосъ включительно.



Рис. 58.

Такимъ образомъ, сопоставляя обращеніе Николо къ античному искусству со стремленіемъ готической скульптуры къ выразительности и характерности, мы приходимъ къ убѣжденію, что это стремленіе въ тотъ періодъ, когда могъ познакомиться съ готической скульптурой Николо, не только не было враждебно подражанію античнымъ памятникамъ, не только не препятствовало готическимъ художникамъ, дѣйствительно, къ нему прибѣгать, но и впервые могло привести его къ значительнымъ результатамъ, обративъ его отъ внѣшняго и частнаго къ внутреннему и существенному. И потому наше мнѣніе отличается, какъ отъ взгляда тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ фактѣ обращенія Николо къ античному искусству основаніе отрицать всякое влияніе на него готической скульптуры,

¹⁾ Указ. соч., стр. 108—116.

Такъ и отъ взгляда тѣхъ, которые, признавая въ общемъ это вліяніе, считаютъ его лишь совмѣстимымъ съ подражаніемъ античнымъ памятникамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, во-



Рис. 59.

первыхъ, F. de Verneilh, который еще въ 1861 году въ статьѣ, озаглавленной: *Le style ogival en Italie* ¹⁾, писалъ: «существенное отличіе Николо Пизано отъ всѣхъ этихъ скульпторовъ, которые въ Моденѣ, Феррарѣ, Веронѣ и самой Пизѣ охотно ставили свои имена на произведеніяхъ посредственнаго достоинства, заключается въ почти полномъ усвоеніи (имъ) искусства французскихъ скульпторовъ XIII столѣтія». Но такое почти полное усвоеніе французскаго стиля Вернейль видитъ въ произведеніяхъ Ни-

коло лишь въ томъ убѣжденіи, что подражаніе античному искусству, побудившему, по его словамъ, Николо, «изображать безъ всякой нужды и вопреки приличію обнаженное тѣло (?), придавать своимъ фигурамъ чисто римскія, но короткія и плотныя пропорціи», было несущественнымъ элементомъ въ его творествѣ. Нѣсколько иначе относится къ искусству Николо Сисегоне ²⁾: признавая въ этомъ искусствѣ, именно «въ его декоративныхъ формахъ, въ мистицизмѣ манеры» готическую окраску, но придавая гораздо большее, нежели Вернейль, значеніе его близости къ античнымъ памятникамъ, «доходящей до того, что онъ ихъ копируетъ» — Сисегоне именно поэтому находитъ, что, «если выраженіе готика лишь съ большими ограниченіями примѣнимо къ итальянской архитектурѣ, то оно еще съ большей осторожностью должно быть примѣняемо къ искусству преобразователя итальянской скульптуры». Наиболѣе тѣсную связь между Николо и готическимъ искусствомъ усматриваетъ Реймонъ, многими указаніями котораго мы воспользовались выше. Однако же и Реймонъ ³⁾, хотя и не ви-

¹⁾ *Annales archéologiques*, 1861, 76—77.

²⁾ Французское изданіе, стр. 317.

³⁾ *La sculpture florentine*, 68—71.

дить въ томъ фактѣ, что Николо «вдохновлялся римскимъ искусствомъ, что онъ изучалъ его и подражалъ ему съ большей любовью, нежели всякій другой художникъ» основанія «считать его явленіемъ исключительнымъ въ мірѣ готическомъ», ибо «несомнѣнно, что въ самой Франціи въ XIII ст... античное искусство составляло предметъ подражанія не только на югѣ, въ этомъ Провансѣ, постоянно остававшемся столь романизованнымъ, но и въ странахъ сѣвера», хотя и замѣчаетъ, что «подражаніе римскому искусству у Николо Пизано не имѣетъ въ себѣ ничего нелогичнаго», тѣмъ не менѣе тутъ же прибавляетъ, что «римское вліяніе безъ всякаго сомнѣнія было остаткомъ средневѣкового искусства, а не зарей новой эры», какою признаетъ появленіе готической скульптуры; а въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ даже утверждаетъ, что это подражаніе «настоящей причиной имѣетъ изолированность Тосканы, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна, сумѣла сохранить старыя латинскія традиціи, не принимая участія въ новшествахъ своихъ сосѣдей».

Въ отличіе отъ изложенныхъ мнѣній мы на основаніи сказаннаго выше думаемъ, что, если подражаніе Николо античнымъ памятникамъ и было болѣе систематическимъ, нежели въ готической скульптурѣ, что, впрочемъ, легко объясняется сравнительнымъ обиліемъ въ Италіи античныхъ образцовъ, и если, съ другой стороны, въ его произведеніяхъ идеаль «самодовлѣющей мощи», какъ выражается Фротингэмъ ²⁾, и былъ воспринятъ въ болѣе чистомъ, менѣе претворенномъ согласно христіанскому духу видѣ, нежели въ произведеніяхъ готики, то самый фактъ обращенія его къ античнымъ памятникамъ, а главное, отношеніе къ этимъ памятникамъ, проникновеніе въ ихъ внутреннее содержаніе, которое въ сущности и составляетъ ихъ красоту, и которое оставалось незамѣченнымъ



Рис. 60.

¹⁾ Тамъ же, стр. 52.

²⁾ The revival of sculpture, II, 3.

предшественниками Николо, могло быть вызвано именно знакомством его съ цѣвившими всякое значительное проявленіе духа художниками и нерѣдко родственными по духу съ античнымъ искусствомъ произведеніями готической школы.

Косвенное подтвержденіе нашей мысли находимъ мы и въ послѣдней, давно уже, впрочемъ, высказанной, изъ извѣстныхъ намъ попытокъ объяснить стиль Николо, о которой мы еще не упоминали, и которая принадлежитъ Куглеру ¹⁾, сдѣлавшему предположеніе, что этотъ стиль стоитъ въ связи со скульптурами золотыхъ дверей фрейбергскаго собора. Несмотря на справедливое замѣчаніе Шназе ²⁾, проводящаго различіе между «нѣжной, почти излишне мягкой прелестью» скульптуръ саксонскаго мастера и «энергическими, тяжело-



Рис. 61.

ватыми формами» Николо, первая имѣють со вторыми несомнѣнно то общее, что представляютъ то же благородство типовъ, которое заставляетъ и въ нихъ предполагать античное вліаніе. Но, имѣя въ виду, что указанные Куглеромъ скульптуры составляютъ продуктъ весьма ограниченной по кругу своего вліанія даже въ

¹⁾ Handbuch der Kunstgeschichte. 3-e Auflage, 1859, II, 273 и 274.

²⁾ G. d. b. k., VII, 290, прим. 1.

Германіи южно-саксонской школы, не говоря уже о незначительности этого влияния по сравнению съ французской скульптурой, мы останавливаемъ на нихъ вниманіе не столько потому, что онѣ являются возможнымъ источникомъ стиля Николо, сколько потому, что, согласно указанію Бодэ ¹⁾, «мы находимъ во фрейбергскомъ порталѣ введенное французской готикой и (по словамъ Бодэ) пагубное для развитія пластики помѣщеніе фигуръ на архивольтѣхъ входной арки, откуда возникло предположеніе, быть можетъ, не безосновательное о знакомствѣ мастера золотыхъ дверей со скульптурами французскихъ порталовъ». Болѣе мелкій, но тѣмъ не менѣе достойный замѣчанія признакъ французскаго влияния заключается въ томъ, что въ иконографіи фрейбергскихъ скульптуръ особенное сходство съ пизанской каедрой Николо представляетъ не ангельскіе жезлы въ сценахъ поклоненія волхвовъ, на котораго указываетъ Куглеръ, и который, какъ вѣрно замѣтилъ Шназе, издавна являлся въ христіанскомъ искусствѣ ²⁾, а поза старшаго изъ царей (рис. 61), отличающаяся тѣмъ же положеніемъ рукъ, которое, какъ было нами указано выше, такъ часто повторяется на готическихъ диптихахъ.

Интересно сопоставить съ мнѣніемъ Куглера о влияніи на итальянскую нѣмецкой пластики предположеніе Гримма ³⁾, который, признавая источникомъ стиля Николо школу, основанную въ южной Италіи Фридрихомъ II, задается вопросомъ, не могла ли эта школа черезъ посредство императора оказать воздѣйствіе и на нѣкоторыя нѣмецкія скульптуры XIII ст. Выше мы уже говорили о томъ, насколько значеніе и характеръ основанной Фридрихомъ школы мало достовѣрны. Теперь мы можемъ прибавить, что, если бы, дѣйствительно, подтвердилось существованіе при Фридрихѣ въ южной Италіи школы, родственной по стилю съ пизанской, то объясненія для нея мы стали бы искать не въ предшествовавшей ей декоративной пластикѣ южной Италіи, а въ томъ фактѣ, что Фридрихъ, окружавшій себя провансальскими поэтами и самъ сочинявшій сти-

¹⁾ Geschichte der deutschen Plastik. стр. 49.

²⁾ Примѣромъ можетъ служить миньютюра въ менологій Васпія II въ ватиканской бібліотекѣ (№ 1613), копія съ которой въ Византійскомъ альбомѣ гр. А. С. Уваровой была выставлена въ числѣ другихъ изображеній Богоматери Московскимъ Обществомъ Любителей Художествъ въ 1897 г.

³⁾ Preussische Jahrbücher, 1872, 474.

хотворенія по ихъ образцу, покровительствовать не только провансальскому, но и сѣверно-французскому искусству, и что нѣкоторыя изъ его построекъ, и въ числѣ ихъ одна изъ капитальнѣйшихъ,—Castel del Monte—носятъ несомнѣнныя черты готическаго стиля ¹⁾). Но мы не станемъ останавливаться на этой школѣ Фридриха, о которой мы почти ничего не знаемъ. Для насъ важно то, что вліяніе готической скульптуры, которая, воспользовавшись, какъ доказалъ Фёге ²⁾, наслѣдіемъ провансальскаго искусства, была порожденіемъ двухъ предшествовавшихъ итальянскому ренесансу моментовъ особенно сильнаго духовнаго подъема въ Европѣ—культуры Прованса въ XII и культуры сѣверной Франціи въ XII и XIII вѣкахъ, и проникновеніе которой въ Италію становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что одновременно съ нимъ распространяется здѣсь французская поэзія и особенно французская архитектура,—что это вліяніе объясняетъ намъ рѣшительное вступленіе на новый путь итальянской пластики въ произведеніяхъ Николо Пизано.



¹⁾ См. Schulz, I, 156 и слѣд. и табл. XXIX, XXX. Недавно было высказано мнѣніе, что Castel del Monte—произведеніе французскаго архитектора (Reperitorium f. Kunswissenschaft, 1898, стр. 242).

²⁾ Die Anfänge des monumentalen Stiles im Mittelalter, глава 2-я, особенно съ стр. 20, и глава 7-я.

ЗАМѢЧЕННЫЯ О ПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
18	1 снизу	Риза	Риза
25	4 "	Geburst	Geburt.
32	6 "	считаемъ	считаетъ
63	7 "	неу-дачно	не-удачно
64	1 сверху	неу-мѣлость	не-умѣлость
81	5 снизу	Орвьетто	Орвьето
87	1 сверху	proditor	proditor
104	11 снизу	которыхъ	въ которыхъ
—	10 "	дыже	даже
—	4 "	поклоннiя	поклоненiя

Handwritten scribbles and marks in the top left corner.

